

**Лев Николаевич
Толстой**

**Война и мир. Черновые редакции и
варианты**

Государственное издательство
художественной литературы
Москва, 1949—1955

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:
[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронных копий томов 13–16
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленных
[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

[Предисловие](#) и [редакционные пояснения](#) к томам 13–16
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем
издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Содержание

ВОЙНА И МИР ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

- ** № 1 (рук. № 47).
- ** № 2 (рук. № 1).
- * № 3 (рук. № 2).
- * № 4 (рук. № 3).
- * № 5 (рук. № 4).
- * № 6 (рук. № 5).
- * № 7 (рук. № 6).
- * № 8 (рук. № 7).
- * № 9 (рук. № 8).
- * № 10 (рук. № 9).
- * № 11 (рук. № 10).
- * № 12 (рук. № 11).
- * № 13 (рук. № 12).
- * № 14 (рук. № 13).
- * № 15 (рук. № 14).
- * № 16 (рук. № 15).
- * № 17 (рук. № 16).
- * № 18 (т. II, ч. 5).
- * № 19 (рук. № 89).
- * № 20 (рук. № 17).
- * № 21 (рук. № 18).
- * № 22 (рук. № 19).
- * № 23 (рук. № 20).
- * № 24 (рук. № 21).
- * № 25 (рук. № 22).
- * № 26 (рук. № 23).
- * № 27 (рук. № 24),
- * № 28 (рук. № 25).
- * № 29 (рук. № 26).
- * № 30 (рук. № 27).
- * № 31 (рук. № 28).
- * № 32 (рук. № 29).
- * № 33 (т. IV, ч. 1, гл. XII).
- * № 34 (рук. № 30).

* № 35 (рук. № 31).

* № 36 (рук. № 32).

* № 37 (рук. № 33).

* № 38 (рук. № 34).

* № 39 (рук. № 35).

* № 40 (рук. № 36).

* № 41 (рук. № 37).

* № 42 (рук. № 38)

* № 43 (т. IV, ч. 4).

№ 44 (рук. № 38а).

ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛ «ВОЙНЫ И МИРА»

** № 1 (рук. № 47).

** № 2 (рук. № 39).

** № 3 (рук. № 40).

** № 4 (рук. № 41).

** № 5 (рук. № 89).

* № 6 (рук. № 42).

1.

2.

* № 7 (рук. № 49).

№ 8 (рук. № 51).

* № 9 (рук. № 52).

** № 10 (рук. № 43).

** № 11 (рук. № 44).

** № 11а (рук. № 44).

* № 12 (рук. № 45).

** № 13 (рук. № 46).

** № 14 (рук. № 46).

* № 15 (рук. № 46).

№ 16 (рук. № 46).

* № 17 (рук. № 46).

* № 18 (рук. № 49).

* № 19 (рук. № 47).

1.

2.

3.

5.

6.

7.

8

9.

** № 20 (рук. № 48).

** № 21 (рук. № 48).

* № 22 (рук. № 48).

* № 23 (рук. № 48).

** № 24 (рук. № 48).

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ПЕРВОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. I—VI).

* № 2 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

26.

27.

28.

29.

30.

31.

32.

33.

34.

35.

36.

* № 3 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XVII, XIX—XXI).

* № 4 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

* № 5 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

* № 6 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

* № 7 (рук. № 49. Т. I, ч. 3, гл. III).

* № 8 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV).

* № 9 (рук. № 50. Т. I, ч. I, гл. XXII—XXV).

* № 10 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

28.

29.

* № 11 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

30.

- * № 12 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. VII).
- * № 13 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).
- * № 14 (рук. № 52. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).
- 30.
- 31.
- 32.
- * № 15 (вставка в корректуру. Т. I, ч. I, гл. III).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- * № 16 (рук. № 54. Т. I, ч. 2).
- * № 17 (рук. № 55. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 18 (рук. № 56. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 19 (рук. № 57. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 20 (рук. № 60. Т. I, ч. 2, гл. III).
- * № 21 (рук. № 61. Т. I, ч. 2, гл. IV).
- * № 22 (рук. № 62. Т. I, ч. 2, гл. III).
- * № 23 (рук. № 64. Т. I, ч. 2, гл. VI, VII).
- * № 24 (рук. № 65. Т. I, ч. 2, гл. XVIII—XXI).
- * № 25 (рук. № 66. Т. I, ч. 2, гл. III).
- * № 26 (рук. № 67. Т. I, ч. 2, гл. гл. IX, X).
- * № 27 (рук. № 68. Т. I, ч. II, гл. XI—XII).
- * № 28 (рук. № 68. Т. I, ч. 2, гл. XI, XII).
- * № 29 (рук. № 69. Т. I, ч. 2, гл. XI, XII).
- * № 30 (рук. № 69. Т. I, ч. 2, гл. XII).
- * № 31 (рук. № 70. Т. I, ч. 2, гл. XIV).
- * № 32 (рук. № 71. Т. I, ч. 2, гл. XIV—XVI).
- * № 33 (рук. № 71. Т. I, ч. 2, гл. XV?).
- ** № 34 (рук. № 72. Т. I, ч. 2, гл. XIV, XV.)
- ** № 35 (рук. № 73. Т. I, ч. 2, гл. XVI).
- * № 36 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. IX).
- * № 37 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XI).
- * № 38 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XII—XIV, XV, XVI).
- * № 39 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XIII—XIV).
- * № 40 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).
- * № 41 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).
- * № 42 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).
- * № 43 (рук. № 76. Т. I, ч. 2, гл. XVI).
- * № 44 (рук. № 78. Т. I, ч. 2, гл. XX).

- * №45 (рук. №80. Т. I, ч. 2, гл. XVI).
- * № 46 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVI).
- * № 47 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).
- * № 48 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).
- * № 49 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).
- * № 50 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 51 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 52 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 53 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).
- * № 54 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. III).
- * № 55 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. VI).
- * № 56 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. VIII?).
- * № 57 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. IX, XII).
- * № 58 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. X—XII).
- * № 59 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. гл. XV, XVI и XVII).

20.

21.

- * № 60 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XX).
- * № 61 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XX).
- * № 62 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XXI).
- * № 63 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XXI).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- * № 64 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. I—V).
- * № 65 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. I).
- * № 66 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. VII).
- * № 67 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. VII).
- * № 68 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. III).
- * № 69 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. III, IV).
- * № 70 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. IX).
- * № 71 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XI).
- * № 72 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XI).
- * № 73 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. X—XIII).
- ** № 74 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XIV).
- * № 75 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XII).
- * № 76 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XII).
- * № 77 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XVI—XVII).
- * № 78 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XVIII).

* № 79 (рук. № 86. Т. I, ч. 3, гл. VII).

* № 80 (рук. № 86. Т. I, ч. 3, гл. XIV).

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ВТОРОМУ «ВОЙНЫ И МИРА».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

* № 81 (рук. № 85. Т. II, ч. I, гл. I — II).

* № 82 (рук. № 85. Т. II, ч. 1, гл. V, X).

* № 83 (рук. № 86. Т. II, ч. 1, гл. I—IX).

* № 84 (рук. № 85. Т. II, ч. 1, гл. X—XIII).

* № 85 (рук. № 86. Т. II, ч. 1, гл. X).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

** № 86 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. I, II, VI—VII).

* № 87 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. VI-VII).

* № 88 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. VIII, IX, XV—XXI).

* № 89 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. III—IV).

* № 90 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. XVII—XX).

* № 91 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. XVIII).

* № 92 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. I).

* № 93 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. I).

* № 94 (рук. № 88 и наборная рук. т. II, ч. 2, гл. II).

* № 95 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. IX).

* № 96 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. X).

* № 97 (вставка в корректуру. Т. II, ч. 2, гл. III).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

* № 98 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. I).

* № 99 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XI, XXII, XXIII).

* № 100 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. VIII).

* № 101 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. IV).

* № 102 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XI—XIII).

* № 103 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. X, XI—XIII).

* № 104 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. X),

* № 105 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. IV—VI, VIII-X, XVIII).

№* 106 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVI).

* № 107 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVI, XVII).

* № 108 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVIII — XXII).

* № 109 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXII).

* № 110 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXII—XXIV).

* № 111 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXIII—XXVI).

- * № 112 (рук. № 85. Т. II, ч. 3, гл. XXV).
- * № 113 (рук. № 85. Т. II, ч. 3, гл. XXVI).
- * № 114 (рук. № 86. Т. II, ч. 3, гл. I, III, XXV, XXVI).
- № 115 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. I—III).
- * № 116 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XIX?).
- * № 117 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XVIII, XXII).
- * № 118 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XXII).
- * № 119 (Наборная рукопись. Т. II, ч. 3, гл. VIII.)
- * № 120 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XXII—XXIII).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- № 121 (Рук. № 89. Т. II, 4, гл. I).
- № 122 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. I).
- № 123 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. I—III).
- * № 124 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. III).
- № 125 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. III—VII).
- * № 126 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII, IX, XIII).
- * № 127 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII, IX, XIII).
- * № 128 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII—XIII).
- * № 129 (рук. № 88. Т. II, ч. 4, гл. XI).
- * № 130 (рук. № 88. Т. II, ч. 4, гл. IX—X).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

- * № 131 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I).
- * № 132 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I—II).
- * № 133 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. II).
- № 134 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I—V).
- * № 135 (рук. № 89. Т. II).
- * № 136 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VI—VII).
- * № 137 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).
- * № 138 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).
- * № 139 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII).
- ** № 140 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII—X).
- * № 141 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII-X).
- * № 142 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).
- * № 143 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).
- * № 144 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI, XV).
- * № 145 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XII—XV).
- * № 146 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).

- * № 147 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XIX).
- * № 148 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).
- * № 149 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).
- * № 150 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).
- * № 151 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).
- № 152 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX—XXII).
- * № 153 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. III).
- * № 154 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. V).
- * № 155 (рук. № 90. Т. II, ч. 5, гл. XII).
- * № 156 (рук. № 91. Т. II, ч. 5, гл. VI—VII).
- * № 157 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XV—XVI).
- * № 158 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XVI, XVIII).
- * № 159 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XVI).

ВОЙНА И МИР ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВАРИАНТЫ К ТОМУ ТРЕТЬЕМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

- * № 160 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. I, II, III).
- № 161 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. II).
- * № 162 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III).
- * № 163 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III—VII).
- № 164 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. VIII—IX).
- № 165 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII—XV).¹
- * № 166 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII и XVI).¹
- * № 167 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XVIII).
- * № 168 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XXIII).
- * № 169 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVII—XX).²
- * № 170 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XXI).
- * № 171 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. I—VIII).
- № 172 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. IV).¹
- № 173 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VIII, X—XI).³
- * № 174 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VI—VII).
- * № 175 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XV—XVI).⁴
- * № 176 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVI, XXVII, XIX).³
- * № 177 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XIX).
- * № 178 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XVII—XXI).
- № 179 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXI—XXIII).
- * № 180 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXIV—XXV).

- * № 181 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII).
- * № 182 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII?).
- № 183 (рук. № 89. Тт. III—IV).²
- * № 184 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. VIII-XIV).¹
- * № 185 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XIX).
- * № 186 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XX—XXI).³
- * № 187 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII—XXIX, XXXIII—XXXIV).
- * № 188 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXX—XXXIV, XXXVIII).
- * № 189 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXX—XXXI).¹
- * № 190 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXXV—XXXIX).
- * № 191 (рук. № 92. Т. III, ч. 1, гл. I).
- * № 192 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. VIII).¹
- * № 193 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. VIII—XIV).⁵
- * № 194 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XIX).¹
- * № 195 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XX).¹
- * № 196 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XX).⁹
- * № 197 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXI—XXII).
- * № 198 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXIII).
- * № 199 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXVI—XXIX).
- * № 200 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXI).
- № 201 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXI).
- № 202 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXVI).
- * № 203 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXIX).⁶
- * № 204 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXIX).³
- № 205 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. II—IV).¹
- № 206 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. VIII—IX).⁵
- * № 207 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).¹
- * № 208 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).³
- № 209 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).⁴
- № 210 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XVIII?).³
- * № 211 (рук. 95. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).⁴
- * № 212 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXIII).²
- * № 213 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXIII).⁸
- № 214 (рук. 94. Т. III, ч. 3, гл. XXV?).⁵
- * № 215 (рук. 95. Т. III, ч. 3, гл. XXV).
- * № 216 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XXV).
- * № 217 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XXV).⁶

- * № 218 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXV).²
- № 219 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXVI).²
- * № 220 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXVII).⁹
- * № 221 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXXIII—XXXIV).⁴

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

- * № 222 (Т. III, ч. 1, гл. XX).
- * № 223 (Т. III, ч. 1, гл. XX).
- * № 224 (Т. III, ч. 2, гл. IV).
- * № 225 (Т. III, ч. 2, гл. V).
- * № 226 (Т. III, ч. 2, гл. IX—XIV).
- * № 227 (Т. III, ч. 2, гл. XXIV—XXV).³
- * № 228 (Т. III, ч. 2, гл. XXXI).
- * № 229 (Т. III, ч. 2, гл. XXXIV).
- * № 230 (Т. III, ч. 3, гл. II—IV).⁵
- * № 231 (Т. III, ч. 3, гл. IX—XI, VI—VII).
- № 232 (Т. III, ч. 3, гл. VIII?).¹
- * № 233 (Т. III, ч. 3, гл. VIII).³
- * № 234 (Т. III, ч. 3, гл. X, XII—XIX).
- * № 235 (Т. III, ч. 3, гл. XII—XIII).
- * № 236 (Т. III, ч. 3, гл. XVI).⁸
- * № 237 (Т. III, ч. 3, гл. XVI, XVII).
- * № 238 (Т. III, ч. 3, гл. XII, XVIII).
- * № 239 (Т. III, ч. 3, гл. XVII, XXVII).
- * № 240 (Т. III, ч. 3, гл. XXIII—XXV).
- № 241 (Т. III, ч. 3, гл. XXVI—XXIX).
- * № 242 (Т. III, ч. 3, гл. XXXVI).

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

- * № 243 [Т. III, ч. 1, гл. XIX—XX].¹
- * № 244 (Т. III, ч. 2, гл. XIX).
- * № 245 (Т. III, ч. 2, гл. XXXV).
- * № 246 (Т. III, ч. 2, гл. XXXVII).
- * № 247 (Т. III, ч. 3, гл. I).¹
- № 248 (Т. III, ч. 3, гл. II).²
- * № 249 (Т. III, ч. 3, гл. VIII).
- * № 250 (Т. III, ч. 3, гл. XXVII—XXIX).¹
- * № 251 (Т. III, ч. 3, гл. XXVII—XXIX).

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ЧЕТВЕРТОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

- * № 252 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V).¹
- * № 253 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).⁴
- * № 254 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. VI — VIII).
- * № 255 (рук. № 96, Т. IV, ч. 1, гл. IX—XII, и ч. 2, гл. XII).¹
- * № 256 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII, и ч. 2, гл. XI— XII).²
- * № 257 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).⁸
- * № 258 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).²
- * № 259 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII).
- * № 260 (рук. № 96. Т. IV, ч. I, гл. XII, XIII, ч. 2, гл. XII).²
- * № 261 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XII).⁴
- * № 262 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. I — III, VII, X).
- * № 263 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. IV—X).²
- * № 264 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).²
- * № 265 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).⁹
- * № 266 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XII—XIV).¹
- * № 267 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).³
- * № 268 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).⁵
- * № 269 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).¹
- * № 270 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XIII, XIV).¹³
- * № 271 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XV—XIX).²
- * № 272 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, ч. 3, гл. III).
- * № 273 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I).⁴
- * № 274 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I, II).³
- * № 275 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, и п. 3, гл. XVI, XVII, XVIII).
- * № 276 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. III—VII, XII—XIV).⁷
- № 277 (рук. № 97, Т. IV, ч. 3, гл. III—XI, XV).
- * № 278 (рук. № 98. Т. IV, ч. 3, гл. III—VII).⁵
- * № 278a (рук. № 98. Т. IV, ч. 3, гл. VI, VIII—XI).
- * № 279 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XII—XV).¹
- * № 280 (рук. № 97. Т. IV, ч. 3, гл. XVI, XVII, XIX, и ч. 4, гл. IV).
- * № 281 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).¹
- * № 282 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).⁴
- * № 283 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. I—III).¹
- * № 284 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. II—III).⁸
- * № 285 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. I—III?)¹.

- * № 286 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. VI).¹
- * № 287 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. VII—IX).⁸
- * № 288 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XIII).
- * № 289 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XVI—XIX).
- * № 290 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XIX).

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

- * № 291 (рук. наборная. Т. IV, ч. 2, гл. I, II).
- * № 292 (рук. наборная. Т. IV, ч. 2, конец гл. II—X).
- * № 293 (рук. наборная. Т. IV, ч. 4, гл. II).
- * № 294 (рук. наборная Т. IV, ч. 4, начало гл. III).
- * № 295 (рук. наборная. Т. IV, ч. 4, конец гл. XIX).

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

- * № 296 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).
- * № 297 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. VI).
- * № 298 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. XII).
- * № 299 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. VII).
- * № 300 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XI).
- * № 301 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XVII).
- * № 302 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XVIII).
- * № 303 (корректурa. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).
- * № 304 (корректурa. Т. IV, ч. 4, гл. VI).²

ВАРИАНТЫ К ЭПИЛОГУ

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

- * № 305 (рук. № 99. Начало эпилога).
- * № 306 (рук. № 99. Начало эпилога).
- * № 307 (рук. № 100. Эпилог, ч. 1, гл. I—XVI).²
- * № 308 (рук. № 101. Эпилог, ч. 1, гл. III, IV).²
- * № 309 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. I).⁵
- * № 310 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. II—VI).⁶
- * № 311 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IV).
- * № 312 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII).
- * № 313 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII?).
- * № 314 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).
- * № 315 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. XII).
- * № 316 (рук. № 101. Эпилог. Конспект к 1 и 2 частям).
- * № 317 (рук. № 101. Эпилог. Конспект к 1 и 2 частям).³
- * № 318 (рук. № 101. Один из первых вариантов заключительной части

эпилога).¹

- * № 318а (рук. № 101. Эпилог. Конспективные записи).
- * № 318б (рук. № 101. набросок заключительной части эпилога).
- * № 319 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).
- * № 320 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).
- * № 321 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).
- * № 322 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).
- * № 323 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX).
- * № 324 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).
- * № 325 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).
- * № 326 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X, XI).
- * № 327 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX).
- * № 328 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).
- * № 329 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).³
- * № 330 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).¹
- * № 331 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).
- * № 332 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. III).³
- * № 333 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. IV).¹⁰
- * № 334 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I).
- * № 335 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I—III).¹
- * № 336 (рук. № 103. Эпилог, ч. 2, гл. I, II).³
- * № 337 (рук. № 103. Эпилог, ч. 2, гл. III).
- * № 338 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I—III).⁴
- * № 339 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. II—IV).
- * № 340 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV).¹
- * № 341 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV—VI?).³
- * № 342 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV).
- * № 343 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV, VI?).⁵
- * № 344 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. V, VIII—XI).
- * № 345 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. X).¹
- * № 346 (рук. № 104. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).
- * № 347 (рук. № 104. Эпилог, ч. 2, гл. VI).

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

- * № 348 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 1, гл. V, VI).

I

II

III

- * № 349 (наборная рукопись).¹
- * № 350 (наборная рук. Эпилог, ч. 2, гл. I).
- * № 351 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. II).¹
<VI>
- * № 352 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. IV?).
<VII
- * № 353 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. IV).
- * № 354 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. V).⁹
- * № 355 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. VI, VII).²
XI
XII
XIII
- * № 356 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. XI, XII).¹

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

- * № 357 (корректурa. Эпилог, ч. 1, гл. II).¹
- * № 358 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. IV).
- * № 359 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).³
- * № 360 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).⁴
- * № 361 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).
- * № 362 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).¹

ДОБАВЛЕНИЯ

- * № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. 1, гл. I).
- * № 2 (рук. № 70а. Т. I, ч. 2, гл. XIV).

КОММЕНТАРИИ

Э. Е. Зайденшнур ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI

XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII

Э. Е. Зайденшнур СПИСОК КНИГ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ Л. Н. ТОЛСТОЙ ВО ВРЕМЯ ПИСАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

Н. С. Родионов ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И КОРРЕКТУР, ОТНОСЯЩИХСЯ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ (Т. 13, стр. 13—52)

ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛА (Т. 13, стр. 53—197)

*ЧЕРНОВЫЕ РУКОПИСИ (АВТОГРАФЫ И КОПИИ) I—IV ТОМОВ
НАБОРНЫЕ РУКОПИСИ*

НАБОРНЫЕ РУКОПИСИ ЭПИЛОГА (Т. 15, стр. 304—321)

КОРРЕКТУРЫ

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ЧЕТЫРНАДЦАТОМУ ТОМУ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТНАДЦАТОМУ ТОМУ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ШЕСТНАДЦАТОМУ ТОМУ

Иллюстрации

ВОЙНА И МИР
ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕДАКТОР

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

** № 1 (рук. № 47).

¹ Были два брата и две сестры Мосальских. Старший брат Аркадий умер, оставив вдову умную, чопорную и одного сына Бориса, чистого, глуповатого рыцаря, красавца.²

Другой брат в 11 году был министром и имел двух сыновей: Ивана гордеца (mordant), дипломата, и Петра кутилу, сильного, дерзкого, решительного, непостоянного, нетвердого, но честного. Дочь Марья была за Волконским и умерла. Волконской — гордый, дельный, разумный и богач, его дочь старая дева, спасающаяся самоотвержением, даровита, музыкантша, поэтическая, умная и аристократка, недоступная пошлости житейской.³ Вдова Аркадия — кузина и друг детства глупого доброго графа Толстого. Гр[аф] Т[олстой] женат на плебейке воспитаннице; у него сын Николай даровитый, ограниченный и три дочери: старшая блондинка Лиза, умная, хороша, дисграциозна, заботлива⁴ [?], вторая Александра, веселая, беззаботная, любящая и третья⁵ Наталья, грациозный поэтический бесенок. Анатолий сын сестры гр[афи]ни Т[олстой], молодой пройдоха.

Единственный сын богач, Илья, кроткой умница, женат на красавице б...., её брат дурак светской делает карьеру нечаянно.

Берг — ловкий немец, делает карьеру больше всех.

Борис, Петр и Илья — друзья с молодости. Берг женится на Александре, Борис на Нат[алье], Ив[ан] на Лизе, Петр на кузине.

** № 2 (рук. № 1).

Борис — Наталья.

Имущество[енное]. Богат, щедр, воздержан. Не понимает бедности.

Общество[енное]. Большие связи, честолюбив, такт[ичен], тверд в исполнении долга. Кроток с подчиненными.

¹ *Зачеркнуто:* В 11 году у старого князя Волхонского гостит молодой Зубцов

² *Зач.:* и дочь красавицу за Мещерским

³ *Зач.:* Третья сестра

⁴ *Переделано из:* копотлива

⁵ *Зач.:* Анна

Любовное. Постоянен, любит одну всегда, чист, невинен, любит общество женщин.

Поэтическое. В музыке не смыслит, но верной голос. Пишет стишки в альбом, понимает и высоко ценит дружбу и семейную жизнь.

Умственное. Много читает, огромная память, последователен, логичен. Математик хороший. Отлично говорит на языках. Хорошо в шахматы. Наполеона обожает.

Семейство. Мать чопорна, нежна, аристократка, двоюродная кузина кн[яжна] Болкон[ская], дальняя родня Толстые.

Жизнь с 11-го по 13 год. 20 лет. Едет по своему желанию в Турцию, прощается с Нат[альей] смотря на нее, как на будущую невесту. Слабо спорит с Петр[ом] и с Аркадием за правительство, они все трое либералы, и советует ему работать над собой. Переписывается с кузиной. В Турции наивно думает, что он герой; получает отличие, возвращается к матери. Успех ему кружит голову. Он верный слуга. Встречается с Петром накануне дуэли, идет в секунданты. На бале с Аркад[ием] и женой его. Она делает ему авансы. Он бежит в Москву, еще больше влюбляется в Нат[алью] и кладет себе ждать еще год. В походе 12-го года получает важное назначение, прощается, как с чужою, и едет. Прежде отдает все деньги Петру, успевшему задолжать в Москве, у Аркадия нет — жена промотала. Встречается с Анатодем, кормит и веселится смотреть на него.

В Вильне бал; полька соблазняет его, он опять победитель. Пишет ей письма и её письма. Отступление, он всё забывает под влиянием¹ чувства долга, командует полком. Французская храбрость. Перед Бородиным он² скачет узнать. Она бежит от него, ничего не говорит. Аркадий тут ополченцем, она бросалась на него. И всё рассказала. Кузина письмо [?].

Ночь накануне. Петр весь раскрылся и говорит, что он простил бы, и плачет. Он влюблен в На[талья] и чернил себя. Под Бородиным без фраз уже он хочет умереть.³ Он всё забывает — блеск, слава сражения и вдруг пуля, и несут в мир гноя, пыли, грабежа. Он умиляется один раз с фельдшером и всем и всё прощает. Его везут в Москву и на их подводах в Нижний. Она его бежит. Он притащился и насильно прощает. Всё расскажите, я хочу страдать, не воротишь. Он плачет. И всё, всё прощает. Он другой человек. В Нижнем свадьба, и он едет к армии.

Петр.

Имуц[ественное]. Отец богат. Сын промотал всё, что дали, два раза платил долги, отказался. Щедр, игрок, знает бедность и не потеряется.

¹ *Зачеркнуто:* оскорбленного чувства

² *Зач.:* ранен

³ *Зач.:* его ранят. Из блеска

Обществен[ное]. Знает людей, умеет обманывать легко и смеется. Может играть всякую роль — вельможи, бедняка. Связи презирает, всё сам. Честолюбив выше обыкновенного. Не знает долга и всегда идет напротив. Не признает порядка вещей. Жесток и добр до бесконечности.

Любовное. Любит быстро, страстно и тотчас же ненавидит, кого любил. Презирает женщин. Терпеть не может обществ[а] женщин — все дуры. Не презирает никакого¹

Поэтическое. Страстно любит музыку, голос фальшив. Поет.² Влюблен, ничего не помнит до успеха, страстно любит Россию, в дружбе тверд.

Умствен[ное]. Всё быстро понимает. Красноречив во всех родах. Видит далеко. Философ такой, что себя пугается. О бессмертии говорит часто и мучим вопросом. Наполеона ревнует.

Семейство. Отец министр француз. Брат дипломат, которого ненавидит,³ кузина Волконская по матери. Мать рожд. [?] Офросимова.

С 11-го до 13-го 20 лет. Приезжает из-за границы с славой милого повесы. Записан в⁴ коллегия, но нигде не служит. Бросается на кузину. Она отталкивает его и влюбляется, шалости, горит. Александра родила. В Петербурге связь с M-me⁵ St[?] (на бале встретил). Она умирает в родах.⁶ Министрам нет покоя.⁷ Получает пощечину за Балакирева, убивает и еще другого. Играет. Всё проигрывает. Анатолий при нем собачка.⁸ Отец отказывается платить долги. Борису он всё рассказывает. Бросается в воду.⁹ Аркадий по совету Бориса берет его к себе.¹⁰ Живет один с медведем,¹¹ история с квартальным. Высылают в Москву. Собачка с ним. Сестра в Москве (брат уехал). Связь с belle-soeur. У Аркадия нельзя брать денег. Опять игра, близкие сношения с Волконской, делает ей предложенье. Вы одна не поддались мне. Она думает. Он сходится с танцовщицей, бьет ее. Потехи с старушками. Шулерничает. Убивает за то полковника. Анатолий даже отшатывается от него. Что мне делать, из за ленты не могу. Дай мне дело?¹² Ненавидит лично Наполеона. Его судят, старик Толстой принимает его. И веселый вечер с нарядами трогает его, он плачет и едет домой, пишет письмо в ополченье. В партизаны.¹ *Не дописано в рукописи.*

² *Зачеркнуто*: пляшет по русски

³ *Зач.*: сестра красавица жена Аркадия

⁴ *Зач.*: полк

⁵ *Зач.*: Берг

⁶ *Зач.*: Он убит горем. Убивает мужа. Аркадий по совету Бориса зовет его к себе. Отец.

⁷ *Зач.*: связь с belle-soeur, едет к мужу

⁸ *Зач.*: шулерничает

⁹ *Зач.*: за собачкой

¹⁰ *Зач.*: связь с сестрой, женой Аркадия. Подкидывает анонимное письмо Аркадию.

¹¹ *Сверх текста написано*: Связь с Аркад[иевой] женой. Убивает человека

¹² *Зач.*: Начинает читать Contrat social [Общественный договор]

Делает чудеса. Французский пленный офицер. Доказывает ему, что он великодушнее. Канун Бородин. Письмо от кн[язны] Волк[онской], отказывает ей, отдает всё и имеет цель революцию¹ и работает, как вол, за солдат. Устраивает Бориса. Выручает Аркадия. Дает денег Толстому и помогает Волх[онскому]. Строгость к себе. Он и она самоотверженно вместе.

Аркадий 28 [лет].

Имущество. Огромное состояние, не знает счета деньгам, думает, что без 1000 р. в месяц нельзя жить, боится бедности.

Общественное. Такт[ичный], добродушный, дружба со всеми, честолюбия и тщеславия никакого, всегда со всеми кроток. Не признает² наших [?] законов. Крайний либерал в мысли и в жизни.

Любовное. Не знает любви к женщин[е].

Поэтическое. Литературу любит и понимает. Любит забыться, выпить, поздно сидеть и болтать. Дружба выше всего [?] и крепок.

Умственное. Очень тонко умен. Начитан. Всё читал и никогда³ говорит мало, Наполеона презирает.

Семействен[ное]. Сирота. Жена случайная, двоюродной брат Борису.

С 11 до 13.⁴ Делал предложение Волконской, она отказалась, его женили. Жена кокетничает, он видит, что скверно, махнул рукой и пьет. Друзья уходят. Он хлопочет за Петра, но не может помочь, читает, говорит, пьет. Жена распутная бросает. В 12 году идет в ополчение и не знает зачем. Жену бросает и ребенка тоже. Храбр, но бестолков и никому никакой пользы.

Берг.

Имуществен[ное]. 200 душ у трех братьев. Скул, расчетлив.

Общественно[е]. Не понимает другого порядка, как настоящий, достойно пролазлив, долг выше всего. Всё помнит.

Любовное. Не любит, но⁵ жена и в физическом и в общественном смысле нужна.

Поэтическое. Никакого, кроме поэзии правильности и порядка.

Умственное. Логично очень умен, образован в том, что нужно для успеха. Математика, фортификация.

*Семей[ственное].*⁶ Мать и сестра, которых он содержит, и брат, от которого он отрекся.

С 11 до 13. Вышел 21⁷ года из корпуса, обратил внимание начальства, женился на дочери полкового командира. Работает¹ *Зачеркнуто*: Много читает. Она отдается ему

² *Зач.*: никаких

³ *Зач.*: не

⁴ *Зач.*: Только что женился

⁵ *Зач.*: женщины

⁶ *Зач.*: брат такой же

⁷ Цифры «21» переправлены из «22».

в академии, и¹ частные работы. Послан в командировку в Турцию, узнает, что жена беременна без него, бросает ее и просит развода. Жена умирает. Он рад и содействует этому.² Едет жениться, делает предложение Волконской, отказ. Получает новые командировки.³ Женится на его⁴ Лизе, думает приданое — ошибается. Дети, хороший отец и не пропускает ни одного случая, проекты кампании. На бале в Вильно блестящий офицер. Презирает П[етра] и Борису удивляется, под Бородиным хватается шпагу в левую руку и награжден генералом и начальником⁵ Петра. П[етр] оскорбляет его, но он выше этого. Убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями. Тестю не помогает,⁶ но жена в руках, мучается.

Толстые.

Отец.

Имущество расстроенное, большое состояние, небрежность, затей, непоследовательность, роскошь глупая.

Обществен[ное]. Тщеславие, добродушие, уважение к знатым.

Любов[ное]. Жену, детей ровно, богобоязненно и никогда неверности.

Поэтическ[ое]. Поэзия грандиозно[сти] и добродушно[го] гостеприимства. Не прочь выпить. Дарован[ие] к музыке.

Умствен[ное]. Глуп, необразован совсем.

Семейс[твенное]. Жена, сын,⁷ три дочери.

От 11 до 13. Жуирует в деревне и городе, поручил всё Свечину, чувствует, что запутался, и не считается. *Idée fixe* — становится отдать замуж дочерей (совещаются с женой — оба глупы). Страсть — сын. Ищет места, но тщетно, в 12-м году в Москве. Всех к себе тащит. Анатоля очень любит за почтительность. Гордится чистотой дочерей. В⁸ намерения Бориса не верит. Раз расстается с женой и пишет утешенья. Торопится увезти всю библиотеку из Москвы (О Наполеоне не знает хвалить или ругать) и на подводах возит раненных. Не в отчаянии и радуется женитьбе Нали (прежде). Искательство Берга нравится. Не любит дочь, но плачет и невольно обманывает приданым.

Мать.

Полное доверие, роскошь.

Grande dame, влюбленная, глупая и капризная, и добрая.

Вышла безнадежной старой девой и обожает мужа.

¹ *Зачеркнуто:* на знакомство

² *Зач.:* Женится на Софье и счастлив по связям с Ив[аном] К[уракиным]

³ *Зач.:* через Ив[ана] К[уракина]

⁴ *Зач.:* belle-soeur

⁵ *Зач.:* Ивана

⁶ *Зач.:* и жена убегает от него

⁷ *Зач.:* две

⁸ *Зач.:* желания

Любит страшные романы и привидения.
Суеверная.
Братья беспутные. Одна с мужем.
Обожает сына.¹

Николай.

Имуществен[ное]. Роскошно живет по отцу, но расчетлив.
Общ[ественное]. Такт, веселость, всегдашняя любезность, все таланты понемножку.
Поэти[ческое]. Всё понимает и чувствует понемногу.
Умствен[ное]. Ограничен, отлично говорит пошло. Страстен по моде.
*Любовн[ое].*² Никого не любит крепко, маленькая интрига, маленькая дружба.

С 11 по 13 ему 17 лет. Ему дают любовницу.³ Танцор без значенья на балах. Дружится с Бергом, содействует его браку, потому что Берг того хочет, потом с П[етром] К[уракиным]. Имеет успех в свете. Просится на войну. Делает всё, что другие. Имеет успех у Арк[адиевой] жены. Ведет себя не слишком хорошо, тщеславно, говорит фразы пленному и отдает ему хлеб, нужный его деньщику, мирит сестер. Весел с ними, поет, играет — пренебрегает Соней, и его хотят женить на княжне, и он очень рад.

Лиза.

Корыстолюбива.
Чопорна, горда, в душе робка, не любима, тщеславна.
Никакой, кроме нарядов и желания возбуждения зависти в сестре.
Умна логично, много знает и читала, любит судить и удивляется, что ее умное не выходит умным.
Никого не любит, но расчувствоваться умеет при всяком случае.

⁴ 18 лет. Начинает изнывать в девичестве, кидает сети напрасно, завидует сестре. Ловит Берга почти обманом. Рожает скучно, в отчаянии от потери и покоряется взгляду мужа.

Наталья. 15 лет.

Щедра безумно.
Верит в себя. Капризна, и всё удается, и всех тормозит, и всеми любима.⁵
Честолюбива.
Музыкой обладает, понимает и до безумия чувствует. Вдруг грустна, вдруг безумно радостна. Куклы.

¹ *Зачеркнуто:* думает о бедности

² *Зач.:* Любит сестер

³ *Зач.:* Он влюблен в княжну. В Петербурге

⁴ *Зач.:* Выходит за Б.

⁵ *Зач.:* Немн[ого]

Любов[ное]. Просит мужа, а то двух, ей нужно детей и любовь и постель.
Глупа, но мила, необразована, ничего не знает и всегда умеет скрыть.

Влюблена в учителя, в Бориса, кукла Биби, дружба с Соней. Первый бал, влюблена в царя. Деревня,¹ Михаил, влюбление, падение. Ужас и веселость. Концерт. Отношения полудружбы с Аркадием. С Петром. Она хочет погубить себя. Он ранен. Она бежит от него. Объяснение. Свадьба — платя.

14 лет Соня. Кузина воспитанница.

Щедра и скупа.

Застенчива, жива, всегда весела, любима.

Всё понимает, ничего не может отлично.

Как сестра, но тверда в одном.

² Ясна, кротка, но недалеко и не судит, молчалива.

Ее брат женат [?] она стыдится, русопят и в 12 году показывает себя плохо.

Куклы, заодно с меньшей против старшей, любовь с Николаем, поцелуи. Восторженность то музыки, то театра, то писатель. Горе от его любовницы. Следит за ним и радуется его успехам на бале. Страстная любовь за то к Нат[алье]. Поддерживает П[етра] К[уракина], никаких отношений с Арк[адием], но они любят друг друга. Негодует на Мих[аила], хочет его убить, ходит с кинжалом. Объяснение с Арк[адием], она всё любит Николая.

Саша.

Меньшой брат, ребенок 13 лет, добрый пузан.

Ив[ан] Кур[акин]

Иму[щественное]. Осторожен, воздержан, пышен.

Горд, mordant,³ почтителен глубоко.

Чувственен, но владеет собой и не любящ.

Пышность и презрение с высоты знати.

Умен, не далеко gerartie.⁴

Презирает брата и мать и отца. Жена молодая, наивная, свежая, аристократка Г. Щербат[ова].

Женится — уезжает — узнает о связи с братом. Как будто не знает этого — уважает Наполеона. В 12-м году ничего не видит, кроме спасения своего достоинства и карьеры. Жена делается по нем.

¹ *Зачеркнуто:* Анатолий

² *Зач.*: умна

³ [язвителен]

⁴ [находчив]

Анатоль.

Беден, в долгу, но умеет тянуться за аристократией кости.
Низкопоклонен, умея скрыть низкопоклонство в виде развязности.
Чувствен грубо, немножко любит, но не имеет светского соображения воли.
Поэзия *comme il faut*¹ или грубого разврата. Бездарен.
Ничтожен, как по уму, так [?] и по жизни.
Мать не нарадуется, старая директриса, сестра классная дама, он стыдится их.
Тянется за² Петром и Борисом, унижение съедает. Соблазняет нечаянно, сам не знает хорошо или дурно. Живет в Москве, бежит, не спасает ни мать, ни т[анцовщицу].
Она его любит, всё немного. П[етр] хочет его убить. Он плачет.

Волк[онский].

Богат и сам увеличивает и организует богатство.
Екатерин[инский] в немилости, переносит гордо и достойно.
Любит одну дочь.
Поэзия порядка, гармонии только.
Умен, генерального штаба.
Дочь и кутила русопят сын.

Строится. Не выдавал дочери. Принимает у себя. Любит Бориса. П[етр]³ портит Александру. Увлекает — бес в ребро — *Enitienne*. Не верит 12-му году. Посылает сыну. Французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять, и вдруг делает больше всех — умиляется, прощает сына и выдает дочь.

М. Вол[конская].

Презирает всё вещественное.
Всеми любима и *veuee*,⁴ нежна и ласкова.
Всё и всех любит христиански.
Отлично играет и любит музыку мистически.
Умна, тонкий поэтический ум.
В переписке тайной с братом. Лелеет отца, играет, поэтизирует. Любит П[етра], хотя и отталкивает, любит Бор[иса]. Делает копию, за ранеными. Называется Петру.

Аркадиева жена.

Скупа.
Всем равно такт, улыбка.
Ничего не любит, одна чувственность.
Ничего, кроме бала. Не кормит детей грудью, бриллианты.
Глупа совершенно.
Дочь, сын, муж, мать, братья — все живут на счет мужа.

¹ [порядочности]

² *Зачеркнуто*: Бергом

³ *Зач.*: соблазняет

⁴ [уважаема]

Вышла замуж, ищет любовника.¹

Понимает свое положение отлично. Всегда побеждает мужа цинизмом глупости. Заман[ивает] Бориса и Петра. Петр ее ругает и чуть не бьет. В связи с царем. Берг в связи с ней после и счастлив. Муж ее² оставляет, и она считает себя чистой. У французов в Москве в связи с генералом.

17 лет М^{ме} Берг.

Беспечна, неряшлива.

Робеет, конфузится, желает *comme il faut*.

Любит тихо родных и мужа, но чувственна судорожно.

Музыку, бал, любовь.

Глуповата, но в наивности не глупа.

Мать, отец, сестра, пропасть маленьких братьев.

Не нарадуется счастьем носить чепчик. Еще радость — за ней волочатся. И вдруг это всё страшно, страшно, роды ее — и смерть.

Мать Бориса.

Аккуратна, расчетлива, небогата.

Сдержанна, но большие связи. Дам воспитанье сыну.

Сына любит и память мужа.

Поэзия чистоты, нравственности и образования.

Умна, усталые глаза.

Вывела и выводит сына, имеет одно желанье лелеять вну[чат], живет в Петербурге. Свои друзья.

Танцовщица.

Курчавая, здоровая и милая добрая русская девка, несмотря на всю школу. *Se laisse aimer.*³ Требовательна и не боится его.

1) Борис × 1		<10) М ^{ме} Берг 14>
2) Аркадий × 2		11) Арк[адиева] жена 15
3) Петр × 3		12) Лиза × 10
4) Берг × 4		13) Соф[ья] × 11
5) Иван × 7		14) Натал[ья] × 12
— его жена		
6) Илья —	} Т. ×	5) 15) Марья Волк[онская] ⁵
7) Николай		6) 16) Мать Бориса 18
8) Анатолий × 8		17) Танцовщица 19
9) Волконской ⁴ × 9		18) Толстая 17

*№ 3 (рук. № 2).

1) Наполеон откупщик. Презрение к людям, успех. Врозь презирают, вместе поклоняются.

2) Юродивый в обществе, унижение, — унижен и рад унижению — для бога.

¹ *Зачеркнуто*: Анатолий и Берг сначала, потом она презирает их.

² *Зач.*: прогоняет

³ [Позволяет любить себя.]

⁴ *Зач.*: 13

⁵ *Зач.*: 16

21

3) Засоренная глубина совести у старика — Воейков, Исленьев никогда не смотрят вглубь.

4) Rattraper le temps perdu¹ старик волочится за всеми.

5) Поэзия молодости с презрением к заботам старости, и права — как и права старость.

6) Главное подраздел[ение] людей — сильные и слабые; мужики говорят — легкий и твердый.

7) Женщина сильная, красивая, широкая, грацией своей неприятна, почти страшна.

8) Лучшее в людях — минуты умиления.

9) Пропал, пощечина и нет.

10) Девушка молодая чисто, страстно любит и ревнует к девке.

11) Alexandrine обращает в веру и мило любит тихого, добродушного безбожника.

12) Чувствительность напущенная — Стерновская — того века, Карамзинская всегда — а потому не действует.

Главное faire de l'argent.²

13) Наглый, дерзкой — успех.

14) Отношения к девственнику и к распутному.

15) Мужчину проходят, женщина всё одна с своим выработанным характером.

16) Страница верит, что она святая, и в распутстве своем видит чудеса.

17) Anatole за ляжки.

Едет министр с³

Из дому убежала.

Куклу венчали.

I-я глава. Бал. Только от государя, оделся и едет. Полковник. Обед у государя, дома сборы, братья дома, Сережа дома — скука — его сателит Шостак.⁴ Входы. Государь, мимо него толкается С., жолчный Волх[онский] о политике. Старая гофдама, ее сын Н. С. А. И. С. je danse avec la plus jolie femme,⁵ не отвечает откуда уверенность, толкает. Рост[ов] сын с женой, только что женился.⁶ Ревнует, заговаривает, ждет у подъезда... Антипатичен. Он уговаривает ее в церковь, дуэль. А. И. секундант — убит. Подле вместе. Я был виноват. Il faut faire une position à sa femme.⁷

* № 4 (рук. № 3).

Свет Московской и Петерб[ургский] заняты своими исключительными интересами, не признают людьми не *Апраксин[ых]*, а горе, несчастья их сближают с *русским* и с помещиками и с народом.

¹ [Нагнать упущенное время]

² [наживать деньги.]

³ *Так в рукописи.*

⁴ *Зачеркнуто:* А. И. обе

⁵ [я танцую с самой красивой женщиной,]

⁶ *Зач.:* Провожает

⁷ [Нужно создать своей жене положение.]

Разумовской весел и любезен, потеряв два миллиона.

Слипух [?] хлеба

Белого [?]... Нет аржаного и одношерстной собаке отдать... И выходит, не оттого, что знает одношерстную, но оттого, что верит. Религия [?] тоже.

Является к Сперанскому и думает, что в нем всё премудрость.

Тетинька, как ваше здоровье? Нарочно спокойно.

4 декабря 1863. Три друга честолюбив[ы] по Нап[олеону], Борису 19, Федору 16, Арк[адию] 23.

Сам себе напортил и разозлился на всех и никогда так не убежден, что прав.

Федор соблазнил Александру и поссорился с стариком, и дома поссорились.

* № 5 (рук. № 4).

Борис и Nicolas два типа — поэтич[еский] и нет.

В самые поэтические минуты как многого недостает.

Судьба всего человеческого неполнота. Дело — предприятие[?], препятствие, время. Орудие трется и стареет.

Поэзия — увлечение мешает исполнению.

Слово речь — нельзя сказать — всё ложь.

Люди — чем лучше, мудрее, тем слабее.

Психологические максимы — хозяйство.

Высшая мудрость людей — словами оправдать себя.

Речи парламента.

У детей и даже [и] у больших есть то, что не могут слушать, что им говорят, потому что наблюдают, как им говорят.

* № 6 (рук. № 5).

Борис влюблен, но Наташа делает ему предложение, он отказывается. Они остаются так. К[нязь] Андрей у Бергов узнает их любовь и делает предложение.

К[нязь] А[ндрей] с P[ierre] о Карамзине. Презрение к русским писателям.

К[нязь] А[ндрей] в ложе, речь.

N[icolas] зарыдал после Фридланда.

Сперанский¹ покоряется мысли и логике, как все parvenus.²

К[нязь] А[ндрей] ни разу не ездил на балы. Он библейскому обществу принадлежит.

* № 7 (рук. № 6).

Pierre приходит к Паздееву. Паздеев строго учит его — грязная квартира.

Польза и значение иероглифического языка. Такой ответ¹ *Зачеркнуто*: логически верит

² [высочки.]

23

сделает масон, что и деист, и еврей, и магометанин — согласятся.
Вверены тайны камня. Масонам. А Иоанну тайны небесные.

Неясности мистического масонского учения скрыты тем, что другие их, будто, знают.

Свет воссиевает (éclat). Когда тьма доходит до последней степени своего сгущения.
4 темперамента: хол., огонь, сангв., воздух. Лимф. вода. Меланх. земля.

Сверхнатуральное состояние любви и лицезрение бога. Внутренний человек.

Pierre увлечен идеей совершенствования.

Тем и кажись, что ты есть.

Ничто не будь в твоих глазах ни малым, ни великим.

Будь верен в самых малостях.

Обращай всё внимание на то, чем ты на сей час занимаешься, так, как бы оно было единственным предметом всех помышлений и дел.

Взирай просто на дела посторонних.

Около себя гляди.

Отдавай каждому должное.

Предай сердцеведцу свое сердце.

Будь исправен и справедлив в мелочах.

Уповай, расширай твое существование в будущем, умей надеяться, научись наслаждаться всем и обходиться без всего.

Каждый порок имеет свою свойст[венную] ему силу, так что, побеждая последний, побеждаешь все.

7 grade le mot des chevaliers de [1 *неразобр.*] Cabaliesta. Le mot de [3 *неразобр.*] tace ou Tace¹

* № 8 (рук. № 7).

К[нязь] А[ндрей] в Петербурге — свидание с Pierr'ом.

Обед французской у Hélène.

² Легитимисты. Старики (очерк).

Кочубей и ³ аудиенция у Сперанского.

Работы — Розенкамф, Ильинский, ссора.

⁴ Дневник P[ierr'a]

Вечер у него.

Ложа, где к[нязь] А[ндрей] ищет иллюминатства.

Ростовы.

Бал.

К[нязь] А[ндрей] не поехал, а P[ierre] прочел свою речь и произ[вел] скандал.

¹ [В седьмой степени пароль рыцарей [1 *неразобр.*] Кабалиеста. Пароль [3 *неразобр.*] безмолвствуй или Безмолвствуй]

² *Зачеркнуто*: Вечер с

³ *Зач.*: вечер

⁴ *Зач.*: Вечер у Pierr'a

24

* № 9 (рук. № 8).

В 1810. Все в Петербурге. Свадьба Берга. А[нна] П[авловна] любит Наполеона. К[нязь] В[асилий] сам себя заглушает звука[ми] своего голоса. Бал. К[нязь] А[ндрей] едет в Турцию, прощается с Н[аташей]. Она дрожит от страсти, а он холоден. Дайте мне мужа.

В 12-м году старый к[нязь] умирает от злобы и волнения. Бредит ругательствами. М-ше В[ouirienne] уговаривает к[няжну] М[арью] принять подданство. К[няжна] М[арья] в азарте удивляет всех.

После Бородина съезжаются раненные. Андр[ей], N[icolas], к[няжна] М[арья] и Наташа.¹ К[няжна] М[арья] не хочет жертвовать.

Конец. К[нязь] А[ндрей] команд[ует] полком под Красным, обожаем солдатами. Плачет с Pierr'ом. P[ierre] женат на Наташе. N[icolas] лежит больной у к[няжны] М[арьи].

Тушин с оторв[анной] рукой городничим.

Борис и Берг больш[ое] повышен[ие] за Бородино.

Соня упрямо решила быть его женой или ничьей.

В 1810 Наташа: дайте мне мужа. Всех сводит с ума: Пьера, Андрея, Анатоля. Борис не смеет не любить. Ее удивление. Даже Берга надо сбить с толка.

У М[арьи] Д[митриевны] убиты все 4 сына. Жюли богата. Борис сватает. Она убита, лучше бы за Nicolas.

Переписка к[няжны] М[арьи] с Ж[юли] и P[ierre'a] с Андр[еем].

К[нязь] Андрей приезжает в Москву, узнает о франц[узах] в Минске, и письмо от Наташи.

1812. Зимой. Наташа умирает со скуки. Ст[арый] гр[аф] едет продавать дом и устроить службу: P[ierre'a] и Анатоля везет с собой. Ан[атоль] вырывается по[д] предлогом службы. N[icolas] уже на службе.

1812. N[icolas] приехал из полка² устроить дела. Обругал, прибил и выгнал Митиньку. Разорвал вексель А[нны] М[ихайловны], охотится. Едет с отцом в Москву.

После открытия истории А[натоля] Соня об одном только боится, это гнев N[icolas] и дуэль. Она пишет Дол[охову] и умоляет его спасти. Дол[охов] убивает А[натоля]. А[натолю] трепещет и глупо просит жизни под его пистолетом.

1812. Наташа одна перебирает свои вещицы, всё воспоминания. И горюет о том, что она стареется. Купается, хорошеет и никого.

Во время истории с Анатодем она скорее, скорей губит себя, именно затем, что чувствует, как это дурно.

Старик Ростов говорит с Pierr'ОМ о делах, о Сперанском, о иллюминатах, а А[натолю] с Наташей.

Одни легитимисты, другие иллюминаты, третьи служаки иллюминаты.

¹ *Зачеркнуто:* Pierre

² *Зач.*: охота

К[нязь] А[ндрей] раненный, злится, стыдится, не хочет перевязок, везется, слышит разговор Репнина с Бонапартом.

Через четыре недели он был здоров и с одной мыслью не служить, жить с отцом, женой и ребенком, зарыться, ехал в деревню. Как всегда после раны, ждал новой жизни.

В Л[ысых] Г[орах] ждали акушера, вместо его приехал к[нязь] Андрей, за ним акушер. Она умерла, старик притворился спящим, сын тихо вошел и всё таки сел. Старик дрогнул лицом. Сын заплакал,¹ и они обнялись.

Поедем в Москву и кн[яжна] Марья.

Разговор с Рieг'ом. Всё пустяки, всё вздор, кроме дружбы. Любви мне не дал бог. Я был горд. Поедем к Рост[овым]. К[нязь] Андрей без умиления и улыбки не может видеть и слышать голоса Наташи. Борис обижен, но успокаивается. N[icolas] с Соней только дружны, но N[icolas] помогает разорять именье. Долохов влюблен.

<Прошло два года. Тильзит. Эрфурт. Ан[на] Павл[овна] любит Буонапарте. <К[нязь] Андрей ожил,> едет в Турцию почти женихом Наташи. Берг женится. Старик умирает, дела расстроены. Они живут в бедности. <N[icolas] привозит Анатоля> в деревню, роман с Анатодем. Nicolas женится на княжне М[арье]. Роман. К[нязь] А[ндрей] убит. Едет в Турц[ию] перед 9² годом.>

N[icolas] в связи с Элен. Рieгге пьет.

Старый князь одержим болезнью злобы.

В комочек собранное выражение Наташи.

Только в Москве и Петербурге о Аустерлицком деле. Суд над Пржиб[ышевским] (М[ихайловский] Д[анилевский] 1805), измена австрийцев. А[нна] П[авловна] помалчивает о победе.

<Тильзит.

1) Обед Багратиона. Ростов, Долох[ов], Рieгге.

2) К[нязь] Андрей жена[т] в 1806.>

3) К[нязь] Андрей и Рieгге филос[офствуют].

Гердер. Р[ieгге] франмасон.

Ополчение в Лысых Горах.

4) Тильзит. Борис. Петербург. А[нна] П[авловна] и Н[é]lene].

5) Наташа в деревне. Первый бал. К[нязь] А[ндрей], Рieгге.

Борис равнодушен, любит к[нязя] А[ндрея].

К[нязь] Андрей краснеет при Наташе, и это решает ее судьбу, она не боится его и любит.³

1810.

Ростовы в Петербурге. Анатолий любовь. К[нязь] А[ндрей] приезжает из Турции, бал. А[нна] П[авловна] после Эрф[урта].

К[нязь] Андрей с М[арьей] улыбаются над кроватью.

¹ *Зачеркнуто*: и убеж[ал]

² *Цифра «9» написана поверх цифры «12»*

³ *Зач.*: Р[ieгге] гросмейстер

26

* № 10 (рук. № 9).

Глава 1-я.

- 1) Смотр. Полковник, Долохов. Кут[узовская] свита.
- 2) В глав[ной] кв[артире].¹ Немцы адъютанты. Болк[онский] пишет письмо. Мак.
- 3) Р[остов]. Телянин. Выговор.
- 4) Мост. Несвитской. Nicolas. Его спрыскивают.
- 5) Брюнн.
- 6) Общ[ий] обзор. Отряд Баграт[иона]. Обоз.
- 7) Кут[узов] прощается с Баграт[ионом].
- 8) Тушин на батарее.²
- 9) Правый фланг.
- 10) Левый фланг, атака Долох[ова]. Баграт[ион] едет туда и не может доехать.
- 11) Т. Офицер убитый. Ахраси[мов].
- 12) Привал.

* № 11 (рук. № 10).

- 1) <К[нязь] А[ндрей] объезжает полки. Его дневник. Разговор немцов о войсках.> Смотр полка Долохова.
- 2) Браунау. Шут. Мак.
- <3) Мост. Т[ушин] и Б[елкин], бессмертие души. Т[олстой] Телянин. (Общий вид, монашенки, Несвицкий, Тел[янин].)>
- 3) Мост.
- 4) Общий обзор А[ндрея] в Брюнне.
- 5) Письмо из Вены.
- 6) Войска Б[агратиона]. Всё стратегическое дело письмо Мюрата. <Т[ушин] и Б[елкин] о бессмертии души.> Измученный Бел[кин].
- <7) Ан[аньев], Долохов. Пишет письмо, и дерзость во фрунте.> <бессмертие души начало дела.>
- 8) <Б[агратион] с Австр[ийцем] (дети).>
- 9) <К[нязь] А[ндрей] переговоры. Д[олохов].>
- <10) Обоз.> 10 Б[елкин] и Т[ушин], бессмертие души. Разговоры штаб[ных], панический страх в обозе.
- 11) К[утузов] с Б[агратионом]. К[нязь] А[ндрей] просится, выстрел.
- 12) Б[агратион] подъезжает, шутки Ж[еркова], перестанет.
- 13) Свой мирок у Туш[ина] (выпил — фантазирует).
- 14) Вид с бат[ареи] Туш[ина]. (Его распекают, он плачет).
- 15) Павлоградцы. Н[иколай] выпил и ничего не помнит, — представляется.
- 16) Долохов. Засада.
- 17) Ночь. В избе Ж[ерков].
- 18) Отдых. Победа или нет. Скромнос[ть]. Один ухарь. Все на него.

¹ Зачеркнуто: Кутузов

² Зач.: Б[олконский]

19) Н[аташа] влюблена в Р[ierre], Р[ierre] в Н[élène], в театре. А[натоля] едет в деревню.

20) К[нязь] гонит А[натоля], он едет в армию. Через два месяца он встретил войска при соединении. Кн[яжна] М[арья] наряжена, жалка. (Раскаянье. Страница).

21) Свидан[ье] Б[ориса] с N[icolas], столкн[овение] с к[нязем] А[ндреем].

22) Смотр.

23) Б[орис] по штабам. N[icolas] проиграл, занимает и женщину.

24) Дело под Вишау. Государь, раненный.

25) Долгор[укий] после переговоров.

26) Ночь, месяц, туман; к[нязь] Андрей. Что я такое?

27) Движение наших, путаница. Н[аполеон] на аванпостах.

28) Утро, выезд Наполеона. Скучно и вяло бьются у Ланжерона. Ошибки. Судят.

29) На Працене. Несвицкой бежит, злобно трусит. Андр[ей] и Туш[ин] погибают. Всё бежит.¹

30) N[icolas] послан. В гвардии. Государь.² Долохов у Пржебышевского. Обозы на мостах. Борис. (Гвардия в ногу).

31) Сон и бред к[нязя] Андрея.

32) В Петерб[урге] ужин. Р[ierre] делает предложение.

33) N[icolas] кутит, с музыкантами обед Багр[атиону]. Н[аташа] влюблена в себя. Долохов в связи с Н[élène], влюблен в Соню.³

34) К[нязь] А[ндрей] выздорав[ливает]...⁴ Р[ierre] с к[нязем] А[ндреем].

35) Смерть княгини ...⁵ перед смертью.

7) Движение наших колонн, путаница, ночь, месяц, туман. Нап[олеон] на аванпостах. Огни.

Утро. Наполеон выезжает.

8) <Борис адъютантом у Дохтурова.> Скучно и вяло бьются внизу у Ланжерона и видят, что ошибки везде. Ахрасимов.

9) Общий вид с Праце[нских] высот, выезд императоров. Кут[узов]. Милор[адович]. Бегство. К[нязь] А[ндрей] на батарее Т[ушина] погибает.

10) <Кутерьма у прудов. Обозы. Ермолов <моя> атака. Б[орис] и N[icolas] рассказывают друг другу, скачет к> N[icolas], заезжает в гвардию. Интриги Б[ерга] и Борис. Берг рассказывает свое⁶ N[icolas]. N[icolas] скачет искать полк — и видит государя. Едет в обозы на мостах и всё бросил, не дают вина.

¹ Зачеркнуто: Долохов у

² Зач.: Обозы на мостах

³ Зач.: Смерть княгини

⁴ Вырвана середина строки.

⁵ Вырвана середина строки.

⁶ Зач.: генералу

11) Сон и бред кн[язя] А[ндрея] на поле. Ликуют франц[узы] — ces lâches.¹ Долохов раненный режет фран[цуза] и уходит. Нет правды и неправды. Хорошо ли храбрость и слава? Ничего не знаю. Надо умереть.

П[ьер] с красавицей в театре.

Театр, P[ierre] в ложе, на плечи смотрит и что то во всем свадебное. P[ierre] дома, приезжает Анат[оль], хохочет, <занимает деньги и едет к актрисе. Charmante petite!>²

Анатоль с отцом. Попугая выучил матерно и целует сестру.

Его гонят.....³ Говорят о свадьбе Pierr'a.

⁴Старик. Известие смерти сына. Утешение религией. Убирайся к чорту, роды и смерть. Беда одна не ходит.

<К[нязь] Б[олконский] в⁵ деревне, вечер у J[ulie], там⁶ Анатоль. К[няжна] наряжена, жалка и весела. <Утро Ан[атоль] с князем>. Пошел вон, дурак. Нат[аша] с Pierr'ом. Pierre с красавицей.⁷

P[ierre] женат, в Петербурге у A[nnette] Ш[ерер]>.

⁸Н[аташа] влюблена в П[ьера], театр, плечи, и в⁹ к[нязя] Кур[агина]. <Б[олконский] обижен. N[icolas] кутит в клубе. Обед Баграт[иону] в клубе.> А[натоль] едет в деревню.¹⁰

Кн[язь] А[ндрей] гонит Анатоля. Он едет в армию. Аустерлиц.

P[ierre] в Петербурге, ужин, он делает предложение. Известие о смерти Андр[ея] и об Аустерлице.

¹¹Б[олконский] обижен. N[icolas] кутит. Обед Багратиону. Наташа влюблена в Пьера, в себя, в голос. Тушин.

Смерть княгини.

К[нязь] А[ндрей] выздоравливающий. Свидание с Пьером за границей.

* № 12 (рук. № 11).

К[нязь] Багратион в картузе с смушками, суворовская шпага, — поминают о Суворове. Крепкое, карее лицо с мутными, мертвыми глазами. К[нязь] Андрей думает и не знает, есть ли что за этими глазами. Убило казака. К[нязь] Баграт[ион] оглянулся, что они глупости делают. Он едет к правому крылу. Минута нерешительности. Молча слезает,¹² расправляет ноги, как гулять. Все смотрят на него, и пошел и пошла вся колонна (неудержимое движение). Ура! Обогнали их. Всё бежало, но нарастало, как ком у вала.¹ [эти трусы.]

² [Очаровательная девочка!]

³ *Многоточие в рукописи.*

⁴ *Зачеркнуто: А. Смерть княгини.*

⁵ *Зач.: Москве вечер с*

⁶ *Зач.: б[ыл]*

⁷ *Зач.: Вечер у Pierr'a. Анат[оль] и*

⁸ *Зач.: N[icolas] в Москве*

⁹ *Зач.: его жену*

¹⁰ *Зач.: К[няжна] М[арья]*

¹¹ *Зач.: Смерть княгини в деревне.*

¹² *Зач.: и идет*

29

Д[олохов]. Он бежал в атаку. Долохов в крови бьется за валом. Не дам французам (в азарте). Багратион.¹ Вечером мимо пушек остановился, отдыхая, и опять поехал, где была стрельба.

N[icolas] трусит при атаке так же, как и первый раз.

На л[евом] ф[ланге] начальства нет.

Т[ушин] в лощине бьет, не видя, как его действие отзывается на франц[узах]; подход[ят] близко.

Вечером в Гунтерсдорфе едят все и знамя.

* № 13 (рук. № 12).

N[icolas] и Наташа в деревне — охота — лучшее время, воспоминания. Едут в Москву, Н[аташа] и от[ец]. N[icolas] уезжает, после праздник[ов] скромн[?]. Привозят с собой Ан[атоля] и Pierr'a.

Упадок Pierr'a. Андрей ничего не пишет.

Pierre весь разменялся на гостинный ум.

Hélène приглашает к себе Наташу, забавляется любовью ее к брату.

N[icolas] и N[аташа], охота, лучшее время, воспоминанья.²

N[icolas] мучают требованием жениться.

Кн[язна] Мар[ья] поздравительное письмо.

Жюли с выход[ом] за Бориса. Жизнь с Коко. Сватовство Nicolas, Тушин и к[нязь] А[ндрей]. N[icolas] в Отрадном с Соней. Святки. В саду ночью. Мороз — там тени. Борис и Жюли mariage de convenance.³ Pierre свихнувшийся с Адонирам[ом]. Приезд графа с Нат[ашей].

История Долохова.

Соблазнение. Письмо.

12-й год, общий ход дел. Смоленск Долохов зажигает.⁴

Н[аташа] с К[няжной] М[арьей] говеет.

Старик умирает.⁵

Собрание в Москве, Рост[овы] и Pierre.

К[нязь] Андрей Мефистофель <из> Петербурга в армию.

Бородино.

N[icolas] в Москве, узнает об Анат[оле], к[оторо]го он видел накануне. Долох[ов] убивает.

⁶ Бегство из Москвы, ранен[ые].

К[нязь] А[ндрей] и Нат[аша].

Hélène и французы.

N[icolas], Денисов и к[няжн]а и Берг.

Pierre, Нат[аша] и к[нязь] Андрей в Тамбове. К[нязь] А[ндрей] получил письмо и едет в армию.

Тарутинский лагерь.

¹ *Зачеркнуто:* раскидать

² *Зач.:* Старик и Н[аташа] едут в Москву

³ [брак по расчету.]

⁴ *Зач.:* К[нязь] Б[олконский] умирает

⁵ *Зач.:* N[icolas] приезжает в Москву

⁶ *Зач.:* Наташа

* № 14 (рук, № 13).

В Смол[енске] пыль, жара.

К[нязь] А[ндрей] узнает себя в Смоленске и опять начинает муравейную жизнь.

Путаница хуже после отъезда государя. В[еликий] к[нязь] К[онстантин] П[авлович] теперь за атаку и ненавидит Барклая.

1) Положение армии; русские вдвое слабее — и раскинуты. Барк[лай] может и не мо[жет] приказыв[ать].

1) Соединение армий нечаянно произвело отступление.

2) Багратион, чтоб не соединиться, придумывал планы, чтоб итти в Украину. И казалось, что нельзя.

3) Барклай в шарфе. Баграт[ион] старше чином.

Графы Браницкий, Любомирский, Влодск[ий] — отосланы с бумагами к государю.

4) Посылают офицера сделать рекогносцировку — он не хочет сраженья — едет вместо на позицию в гости и говорит, что позиция не годится.

К[нязь] А[ндрей] на Аустерл[ицком] поле — видит, что Б[онапарт] с своим подбородком не человек, нет жизни, а машина с своим подбородком. Привычка — левую ладонь к левому глазу. Не думает никогда о других, о том, что др[угие] о нем думают.

К[нязь] А[ндрей] ненавидит отечество, но заплакал, когда он увидел Смоленск.

Н[icolas] не смеет разочароваться в Тильзите, но спутан. А[лександр] лицо — человек. Н[аполеон] — холодность итальянца-певца.

* № 15 (рук, № 14).

Зажжение Смоленска Долоховым есть начало Москвы 12-го года.

Для успеха в жизни — быть послом, минис[тром], главнок[омандующим], даже царем — надо быть орудием, а это не может самобытный человек.

Кутузов принимает армию. Восторг к нему, потому что так нужен восторг к кому-нибудь.

Дневник к[нязя] А[ндрея] во время отступления.

Он спасается от горя службой запоем.

Сцена в деревне бессмысленности толпы.

То принять Бонап[арта], то бить франц[узов].

Перед Бородиным портрет du roi de Rome.¹

Дядя Н[icolas] охотник говорит: Бон[апарт] свое дело знает, а я свое.

Увидав поло Бородина, Р[ierre] говорит: и это сделал один человек, я его убью.

Puisqu'ils en veulent encore, donnez leurs en.²

¹ [римского короля.]

² [Желают еще, так задайте же им.]

К[нязь] А[ндрей] лежит на Аус[терлицком] поле, страдает, видит страдания других и тут вдруг видит спокойное, торжествующее лицо Напол[еона], удерживает боль, чтоб презирать.

Кутузов в Филях на совете — велик, но он только полководец, а не русский.

Кутузов и Растропчин вместе.

Наслаждение разрушения. Солдаты жгут Смоленск. М[ария] Ф[едоровна] согласна на мир перед Бород[иным].

Всё лганье о Бородине.

К[онстантин] П[авлович] за мир. Charmant! L'emp[ereur] renvoie les drapeaux autri[chiens] amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route.¹

Бор[одино]. Государь в ужасном положении, получив известие о нем. Бородино.

Юрковский: рубай их в песи! и [1 неразобр.]

Le duc (d'Oldenbourg). En voyant le duc on est dans le cas d'admirer le triomphe de la vertu, car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur.²

В 11 году сочинение о освобождении крестьян.

После 12 года. Франц[узская] барыня торжествует и пишет: мы не колебнулись.

В разговорах о либерализме. Различные оттенки: 1) Католики. 2) Мистики. 3) Государств[енный] либер[ализм] Чич[ерин].

4) Иллюминаты. 5)...³

В разговоре у ст[арого] кн[язя]. Каждый берет то направление, которое ему нужно.

К[нязь] А[ндрей] говорит об отце — он военный и либерал и потому либерал, что недоволен правительством.

Разговор в петербургской гостиной о страшном либерализме государя. *Монета. Университеты. Библейское общество.*

Мнение к[нязя] А[ндрея].

Наука. Свобода, война. Конституционализм, всё прекрасно в руках людей: Петра, Потемкиных. Мнение Местра, что католич[еские] государи царствуют дольше.

* № 16 (рук. № 15).

Солнце есть действующая сила, луна сила страдательная, блистающая звезда есть душа, оживляющая всю природу.

Вулкан или Тубалкаин означал стихии огонь.

Pierre увлекается нравственной стороной, идет дальше и расходится. Наш Адонирам. *Убит тремя товарищами для похищения слова. Шотландское братство. Цель жизни — смерть — истление всех вещей и переход к высшему существованию.*

¹ [Прелестно!] Император отсылает австрийские дружеские и заблудшие знамена, которые он нашел вне настоящей дороги.

² [Герцог (Ольденбургский). Видя герцога, нельзя не склониться перед высокой добродетелью, ибо твердость его и полное спокойствие достойны восхищения.)

³ *Пропуск в рукописи.*

1) Богопочитание, 2) добродетель и 3) премудрость. Таинство совершенствования, открытое издревле, которое мы воспитываем до тех пор, пока угодно будет иегове распространить на всех и сделать всех совершенными.

Pierre увлечен идеей совершенствования себя,¹ но идя дальше, нигде не находит содействия и поддержки. Один, как благодетель, мистик, другой, как Л. — серьезный, хлопотливый идиот.

Главная цель — убить плоть. Заблуждение думать, что человек живет для наслаждения — цель — гроб — истление и возрождение.

Маленький Петя 16² лет идет на войну.

Слово X ложи Седекия. Новое слово есть Мак — бенок пополам в каждое ухо, но мы... сказываем его в левое ухо сразу адонаи, ударяя друг друга средним пальцем по локтю, а в левое адонаи в правое.

163. Капитул рыцарей Востока и Иерусалима. Храм Соломонов разрушен, но бог в милости своей восстановил его и строителями храма повелел быть всем. 1-м был Иоанн Креститель, потом Андрей, потом Христос.

Рыцари — колено, крестообразно под пазух[ой] и croisé³ на левое ухо и Сион все на правое ухо.

Знак — слово — прикосновение и проходное слово.

P[ierre] говорит: творец непостижим, то нечего и стараться.

Ежели бы человек больной получал всё от неизвестного благодетеля и не пожелал бы узнать его.

Тройственность — всё состоит из соли, серы и ртути.

Соль сжимает так, что духовное делается видимым.

Сера есть елейного и огненного свойства, она в соединении с солью огненностью своей возбуждает в ней алкание, посредств[вом] к[оторого] притягивает ртути, схватывает его, удерживая и совокупно производя отдельные тела.

Ртуть есть жидкая, летучая духовная сущность.

1) Побеждать часть гнева — тихостью, медлен[ностью].

2) Похоти — воздерж[анием] и отвращ[ением].

3) Удаляться от суеты, но не отвлекать себя от: е) государств[венных], о) семейств[венных], дружеск[их], экономическ[их]

Наука ☉⁴ возвращение потерян[ного] Ада[мом] через Христа.

P[ierre] пишет дневник воздержания, не насмешки. Написал историю, к[отор]ой все рассмеялись. Заглядывал в Кат.[?] похотливые мысли.

У P[ierre] знакомый масон, понимающий ☉ в таинствах природы, другой в блеске обрядности, 4-й интриган, для знакомства — Борис, 5-й шутник.

Надежда масонства — будущее вечное благо и убийство смерти. Убит адонаирам и воскреснет.

¹ Зачеркнуто: и единством

² Цифра «16» переправлена из «14».

³ [крестообразно]

⁴ [ордена]

Меркурий — дух — дым.
Сера — душа — пламя.
Соль — тело — пепел.
В × степени. Адоной сотворил мир.
Елогим свойство правяще.
Неизрекаемое имя — всё знает.
Где искать масонства — в костях.
Сверхъестественное у Pierre и Андрея.

7 наук: стихи, музыка, рисование, ариф[метика], геом[етрия], астр[ономия] и архит[ектура].

7 пороков: горд[ость], скупость, неумер[енность], похоть, корысть, праз[дность] и гнев.

7 даров духа: премудр[ость], разум, совесть, крепость, наука, стр[ах] б[ожий] и любовь.

* № 17 (рук. № 16).

Старый граф вызывает А[натоля] на дуэль. «Как это у вас теперь». Pierre бьет Анатоля по зубам и гонит, и едет утешать Наташу. Я бы женился.

(Старый к[нязь] уезжает, п[отому] ч[то] мне покою не дадут и пусть делают, как хотят без меня).

Андрей приезжает и отсылает портрет и письма. P[ierre] его усовещивает. К[нязь] А[ндрей] отдает портрет и губа дрожит. C'est très beau ce que vous dites, mais aller sur les brisées de <M[onsieur] A[natole]> votre beau-frère — merci.¹

Но P[ierre] было весело. В Москве у него были все круги. Общество, клуб, кутилы и старички.

* № 18 (т. II, ч. 5).

Детская психология.

1) Медицина — убил место — погладить.

2) Суд — обо что убился, то прибить, мстить.

3) Игрушки — бабки дороги. Служба — цари, чины.

4) Потребность запрещенного, революция, либерализм.

К[нязь] Андрей едет в Петербург, холоден и мрачен.

Наташа видит, что лица расцветают при виде Анатоля, добра я или²

Комета и состояние к[нязя] А[ндрея].

Старый князь знаком с И[льей] А[ндреичем] по ополчению. Барт[енеу] написать о импер[аторе].

Голые плечи в театре.

Нат[аша] приняла яда, квасц[ы].

К[нязь] Андрей раскрыл рану.

¹ [То, что вы говорите, — очень благородно, но соперничать с <господином Анатодем> вашим шурином — спасибо.]

² Так в рукописи.

* № 19 (рук. № 89).

Наполеон подходил к Неману, война неизбежна. Кто будет начальствовать. Но теперь не шутка. Не возьмут же Москву. Я не могу представить себе, что будет. Вы счастливы, что служите. А я *ничего*. Рост[овых] не видел, они в деревне.¹

Письмо это взволновало к[нязя] А[ндрея] так, что он задохнулся. Неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества, и с кем, с этим маленьким поручиком, когда и он — уж чтонибудь. Нет, он станет выше этого. У него есть обязанности в отношении себя. Он поехал в Букарешт и на бале застал Кут[узова], завязывающего башмачок молдаванке. Холодно распростился и поехал — в отпуск, в отставку не выпускали.

Ст[арый] к[нязь] сидит с В[ourienne], и забота мучает его больше и больше. Вооружает, укрепляет. Из соседней деревни приходят извести[я], что Смоленск взят и занята деревня французами. Он собирается умереть. Но в ночь горячка и в ругательствах умирает.

К[няжна] М[арья] сидит в своей комнате, вдруг вбегает В[ourienne] и уверяет, что Б[онапарт] идет в Л[ысье] Г[оры] и что одно средство принять. К[няжна] М[арья] сзывает людей и вооружается, но тут² приезжает³ к[нязь] Андрей и увозит ее дальше.⁴

В Москве в приезд государя. Он получил письмо Наташи и Р[иетг'а] отказ.⁵

Он прочел это письмо и написал просьбу о своем определении в действующие войска.

Р[иетге] приехал к нему с восторгом приема государя на Покл[онной] горе. К[нязь] А[ндрей] авось убьют? Дуром, делать нечего. Все грабить готовы. Он озлобленно кричит на Р[иетг'а], начавшего говорить про Наташу.

Московское собрание. Р[иетге] кричит ура. Ст[арый] Р[остов] сзади продирается, не слышит о чем, но плачет и кричит.

Положение заботы становилось всё хуже и хуже. Он умирает. М-lle В[ourienne] предлагает. К[няжна] Марья вооружает всех и пишет к Андрею. Тушин без руки на помощь. Андрей отвечает, что не может, и едет в Смоленск.

Шерер. Румянцев. К[нязь] Василий за мир. Борис огорчен за государя. Смольный монастырь укладывается. Растерянность, ненависть к Кут[узову]. Il y voit assez⁶ и сейчас любовь.⁷

¹ *Зачеркнуто:* «Я надеюсь еще».

² *Зач.:* В[аська] Д[енисов]

³ *Зач.:* с отрядом

⁴ *На полях:* К[няжна] М[арья]. Тихон скажи, как это стреляет?

⁵ *На полях:* Р[иетге] *говорит* о самопожертвовании, а Андрей <видит> делает не говоря.

⁶ [Он достаточно видит]

⁷ *Зач.:* Hélène ост[ается]

Nicolas приезжает в Москву в отпуск, ему говорят историю с Анатолом. Он, озлобленный, скачет. Долохов приезжает сказать, что он готов всё сделать и всё любит. Соня пишет к нему.

Князь Андрей постарался честолюбие и бросил.

Бородино. Pierre ездит под огнем носки врозь. Ростовы слышат гул и привозят им раненных. К[нязь] А[ндрей]. Он презирал, но теперь задрожал и узнает, что любит. Она не сказала «фразы», а губы задрожали, и, бледная, молча стала целовать его руки. Князь Андрей прощает и Анат[оля], но он уже убит.

Долохов после Бородина. Получив записку, едет отыскивать Анат[оля]. Анат[оль] пьет, гордый <своей> победой и своим мужеством. Ведет его на поле и убивает и пишет; я убил.

Hélène захвачена французами, изнасилована и убита. Она¹ в Москве ждала важное лицо, но изменила. Тот узнал. Ее письма.

Ростовы уехали в Тамбов и получают письмо от сына из Л[ысых] Г[ор]. Он любит к[няжну] М[арью]. P[ierre] приезжает в Тамбов и вдруг узнает, что может любить. К[нязь] Андрей замечает. Андрей уступает ему Н[аташу] и плачет и уезжает.

В. Денисов партизан. Под командой Берга из себя выходит. N[icolas] ругает его за сестру, которую он бросил, горячится. N[icolas] Ростов и К[няжна] Марья обручены, получили согласие брата.

Шерер.² Борис на Жюли женится, брат убит под Б[ородиным]. Берг сходится и держит в рабстве жену. Государь завидует Кутузову. Сам не верит себе, и смеются над москвичами.

Эпилог. К[нязь] Василий в немилости. Под Красным. N[icolas] P[остов] и Андрей сходится. Старик Ростов тут же благодарит Андрея. Соня с К[няжной] М[арьей] живут. И все они счастливы. Андрей говорит N[icolas], что он имеет пошлость, чтобы быть предводителем, ты чтоб возбуждать людей. Я — доживать свой век и крепнуть. Зачем — не знаю. Ты сделаешь карьеру. Нет, теперь я вижу, что нет. Три женщины вместе. Соня плачет от горя и счастлива.

К[нязь] А[ндрей] разгораясь. Нет, я учен Ауст[ерлицем], Турцией, Молдавией, Бородиным. Успех наш — успех солдат, успех мужика — народа, а не Б[аркляя] и умирающего Кут[узова]. Я вспомнил о Долохове. Его успех есть успех Бонап[арта]. Это интрига, не может измениться, как не может измениться характер, что будет от войны.

¹ *Зачеркнуто*: ехала к любовнику гусару

² *Зач.*: Ипполит

* № 20 (рук. № 17).

Вопросы

Вольные хлебопашцы?

104 Псалом.

1— ч. что напечатано.

2— ч. до Аустерлица включ[ительно].

3— ч. до Тильзита включ[ительно].

4— ч. Петербург до объясн[ения] А[ндрея] с Н[аташей] вкл[ючительно].

5— ч. до эпизода Н[аташи] с А[натодем] и объясн[ения] А[ндрея] с Р[ьерге]ом] вклю[чительно].

6— ч. до Смоленска.

7— ч. до Москвы.

8— Москва.

9— Тамбов.

10—

* № 21 (рук. № 18).

Голос героя звучит столь[ко], сколько голос труса. А пушка громче ста героев. Это понял к[нязь] А[ндрей] в Аустер[лице].

У Шенграб[ена] в лганье[?] со стороны не вредно, но и не полезно.

Р[остов] понимал, что у Салт[ановской] Раевск[ий] с сыновьями — фарс, но молчал. Лганье Муция Сцевола до сих пор не обличено.

* № 22 (рук. № 19).

У к[нязя] Андрея дядька — Артем.

Французов шпионов пороли, и русские радовались.

Перевязочный пункт в лесу. Фуры.

В дождь все забрались в дом.

Веселье офицеров после боя — пляска — кадрили.

Берг¹ покупает вещи в Москве после Бородин.

Все пьяные через Москву.

Р[ьерге] в Москве смотрит, как ф[ранцуз] смотрит на часовню Спаса, как только на место.

Н[icolas] делается храбрецом, берет в плен и после того делается задумчив.

Р[ьерге] в Москве находит и спасает 3-х летнюю девочку.

К[нязь] А[ндрей] холодный, односторонний — логический.

Нélène сначала в хорошем, потом в дурном.

Р[ьерге] постоянно втайне думает, что ему предназначено совершить великое, решает убить Бонапарта, п[отому] ч[то] Р[ьерге] В[esouchoff] 666. И попадает под [1 неразобр.] и потом спасается масонством.²

¹ Зачеркнуто: и Б[орис]

² Зач.: К[нязь] А[ндрей].

P[ierre] в Москве с старушкой с шутихами.

Письма двух государей.

Бал у Бенигсена. Балашов у Мюрата, у Даву и Бонапарта. Речь Бонапарта. Бонапарт после Дрездена, где он подарками всё-таки усмирил имп[ератора] австр[ийского].

После перехода Немана в уланском платье. Я велик и всё-таки это сделал! Я ничего не забыл. Его речь Балашеву:¹ послушаем, что же теперь вы просите — уж только за Неман будете согласны. Он в нерешительности — не простить ли их. Нет, нельзя, совестно. Он утешается, что он всё делает по произволу, а нет.²

А какое бы б[ыло] его царствование, я бы дал ему еще игрушк[и] Молд[авию] и Вал[ахию], а теперь не будет. Не будет. Кем он окружен? Дрянь, как не стыдно. Вот в Ти[льзите] и в Эрфурте помнят, как я вас ласкал за то, что вы были паиньки.

Но после обеда он простил его и потрепал за ухо.

А он подписал вечером распоряжение о фальш[ивых] бумажках и расстреляние за кражу лошади.

На бале Бенигсена бледность замечает Hélène, помещ[ал] танцевать и ужас всех. Вид[но] он, Б[онапарт], страшен.

Вильна. N[icolas] в Островне.

Как государь сказал — не помирюсь, пока хоть один воин ост[анется] — на бале и потом всё повторял.

Кутузов сидит на дрожках у Москвы, мимо него проходят войска, он как будто не смотрит.

Под Тарут[иным] Кут[узов] читает романы Жанлис и пишет жене.

«La fortune qui est une femme est fatiguée de favoriser N[apoléon]. Elle le repousse et me tend la main quoique vieux. mais admirateur avoué du beau sexe.»³

* № 23 (рук. № 20).

P[ierre] видит, что чудотв[орная] см[оленская] сама по себе, а война сама по себе, и солдаты ничего не могут между этим найти общего.

Когда уезжают, места нет, а везут на 135 подводах шар.

У А[нны] П[авловны] читают. Сухотин читает: C'est beau,⁴ речь Платона. Богд[анович] 260 стр., II Т[ом].

Мюрат фамильярен и добрейший малый — руку на шею лошади.

¹ *Зачеркнуто:* Вот к

² На полях: Он горячится и сам не знает, что скажет, и сам себя убеждает, хотя лжет.

³ [Фортуна — женщина, которой наскучило благоприятствовать Наполеону. Она отвернулась от него и протягивает руку мне, хотя и старому, но признанному поклоннику прекрасного пола.]

⁴ [Это прекрасно]

Н[аташа] уговаривает Pierr'a не оставаться.
В реке (жар) мясо солдат, купающихся.
La voilà donc enfin cette fameuse ville. Il était temps. Qu'on m'amène les boyards.
Une fille qui a perdu son honneur.¹ По плану поверяет Москву.
В Петерб[урге] разговор Мишо. Мои русские и каламбур, в страхе.
289 Богд[анович].
За мир и Аракчеева. Конец.
P[ierre] убегает с 1-го перехода, как шальной.

А[лександр] дитя — разговор Мишо, письмо P[астопчину] о шаре.
Эпilog. N[icolas] догонял армию, чтобы благодарить главнок[омандующего] за
соединение его с Петей. По дороге костер, кормят и лелеют французов беглых.
Vive Henri IV...²

В штабе письмо из дома. Соня умоляет жениться на к[няжне] M[арье]. Он
кре[стится].

Петя — милый, живой, счастливый, восторженный юноша, еще с переменами
детского и мужского голоса. Решается и пишет предложение. Смотр. Ты сер, а я, брат,
сед и захлипал, а Петя еще больше. Ура. 100 т[ысяч] голосов.

Перед этим P[ierre] приезжает в Тамбов и обнимается с Наташей. К[нязь]
А[ндрей] решает, что вот еще что то, это самопожертвование.

N[icolas] в 1807 только попадает в патриотизм. И патриотизм оказ[ывается] не
годится.

* № 24 (рук. № 21).

- 1) С приездом Кутузова свет увидели.
- 2) Кутузов приехал и делал смотр в Царево Зай[мище], ехал на Старицу и Зубцов.
- 3) Наполеон с 20-го по 23-его стоял у Гжатска, и была дурная погода.
- 4) 23-его началась прекрасная погода.
- 5) Кутузов велел косить овес на корню.
- 6) 24-го в 6 часов утра французы пошли от Гр[идневой] к Колотскому монастырю.
- 7) Горки самый высокий пункт.
- 8) В Татариновой один господский дом.³

Горки и Семеновская.

¹ [Наконец-то, вот он — этот знаменитый город. Пора уж. Привести ко мне бояр.
Девушка, потерявшая честь.]

² [Да здравствует Генрих IV...]

³ *Со слов:* 1) С приездом Кутузова *написано рукою Степана Андреевича Берса.*

Старая Можайская дорога. Утица. Ельня. Коновницын подпоясан в шинели шарфом и колпаке.

Подбородок Кутузова.

В деревне Романцове Степан Васильев.¹

Андрян Филипов.

Остерман в очках, плотный — голубоглазый.

В Бородине — Пьер впереди на редутах, бежит наступает, бежит наступает, б[ежит] н[а]ступает, измучен, бежит и вдруг — сзади ура. Багратион ведет своих и кн[язь] Андрей.

Деревня. Малой переход через Колочу.

12,000 телег.

Светинка.

Даль видна на 25 верст.

Дымы густые от мороза.

Черные тени от лесов и строений на восходе и от курганов. Солнце встает влево, назад.

Франц[узам] в глаза солнце.

Травля казаков за гусара[ми]. Андрян Филипов.

У Хлебникова.

Петр Прис [?]

В Дурном переулке у Пок[ровских] каз[арм].

Кн[язь] Андрей приказывает Алпатычу уехать.

* № 25 (рук. № 22).

Вольцоген говорит Кут[узову], что мы отбиты везде. Кут[узов] говорит: я всё знаю, неприятель везде отбит, и завтра мы его погоним.

Р[егте] ездит по линии. «Как может драться и думать об отечестве этот в сырости солдат».

Р[егте] у к[нязя] Андрея. К[нязь] А[ндрей] говорит о благородстве линейной службы.

К[нязя] А[ндрея] навещают его знакомые.

Едут мимо немцы — их слышать ужасно — Raumkrieg.² Да, Л[ытые] Г[оры]. Им легко.

Диспозиция Нап[олеона], отказ его обойти левое крыло. Отказ Кут[узова] усилить левую флешь. Стрельба по диспозиции не может быть.

Туман по болотам против Бородина.

Семеновское срыто.

Мюрат пешком ушел в левую флешь.

Р[егте] всё рассматривает, просит кавалериста разрубить.

Война японцев пугания.

Нап[oleon] только путает, послав Жюно между³ Нее[м] и Понят[овским], а флеша опять взяты.

¹ Эта фраза написана рукою С. А. Берса.

² [Война в пространстве.]

³ Зачеркнуто: Даву

Кут[узов] то посылал Е[вгения] В[иртембергского], то Дохтур[ова], то Толя.
Ратники, вооруженные пиками, на левом фланге.

К[нязь] А[ндрей] на биваке сидит и думает: да о чем бишь я думал? — да, жена,
N[аташа] расчесывает волосы, оглянулась и спорит.

Русский [бивак], как остров в море.

Степенство тона Бориса с генералами о том, что внутреннее устройство дает силу.

* № 26 (рук. № 23).

Пьер оживленный болтун.

Все суетились — хлопотали, и Пьером овладело еще большее беспокойство — он обхаживал, расспрашивал фамильярно, где горит, где грабят, как будто — вот он сейчас с ними управится.

Драка, насилие связали.

Иди мерзкая — вдруг [1 *неразобр.*]

Кн[язь] Андрей испытывает не страх смерти — он его испытал раз на поле — потом были *geschutes*¹ этого страха, но теперь холодное сознание отчужденности и нестолько конца, сколько грозного вступления в неведомое, но существующее, ощущаемое.

Пожар Москвы — он понимает, но не понимает горя. M-Ile Bourienne насплетничала графине. Соня говорит кн[язю] Андрею — он понимает, но не понимает зачем.

Сына привели. Сын и к[няжна] М[арья] плачут (сын дает яблоко к[няжне] М[арье]), он понимает, что сын останется без отца, но не понимает, что тут жалкого. *Птицы небесные*. Как они не понимают, что наши чувства, наши мысли *ненужны?*

Наташа плачет. К[няжна] М[арья] выходит оттуда и понимает о чем. Дают причастие, и кн[язь] Андрей жалостно смотрит — не надо ли еще что — я всё сделаю.

Вы²

* № 27 (рук. № 24),

Ключ[арев]

Расто[пчин]

в Грин[?]

Пьеру вспоминаются солдаты на батарее, — люди — сон, говорит: брось, скверно, на жит[елей] гнев божий. Спрягай, живи с людьми.

Он подумал ббб. Хочется и страшно.

<Пьера переход в деревне к сознанию жизни простой, страданий и человечества. Он с Долоховым встречается и остается.>

Дол[охов] к нему приходит и говорит, что опасно барину.

«Всё она сделала».

¹ [повторения]

² Слово не дописано.

Встречает Ростовых на отъезде. Целует руку Наташи, прощается и плачет. И в первый раз к ней чувство мужа — «моя».

В своем доме (одни с нею).

Сцена отступления.

1) Драгомиловский <мост, войска> и заставы, гульба, толпы пленных. Мужики зовут. — Ничего, поди выпей.

2) Каменный мост. Гостиный двор. Солдаты остановили, спрашивают купца, не жалко ли?

3) Двор, из дома люди ходят, садятся на диваны. Гонит дворн[ика], дай доиграть на фортапьянах, их стыд[ят]. [К] дворнику бедный офицер.

4) <Кутеж пленных у кабачка.> Безобразия толпы, и они боятся. Церковь. Заглянули в нее.

5) Тишина на Пресне. Грузинская царевна. Бежит прочь, махая рук[ами], спаси его бог; свечку, как звать.

Граф Раstopчин, Верещагин. Поезды за заставой. Ростовы впереди, за заставой понимают значение и ужас, крестятся.

Наполеон вступает.

Мытищи.

Порядок.

1) Пьер переворот 1) сон,¹ Раstopчин 2) Письмо. Сцена в Петербурге, другой сон! Ростовы в доме.

2) Сцены отступления.

3) Вступление Наполеона.

4) Мытищи.

5) <Петербург.>

2-я часть.

1) Петербург.

N[icolas] и к[няжна] M[арья]. Жертва кн[язя] A[ндрея]. Кн[язя] A[ндрея] смерть.

2) Пьер, Пончини на Девичьем поле, пожары, грабеж, попался.

3) Общий обзор. Пахра, Москва, Наполеон.

4) Ярославль. Кн[язь] Андрей, ожидания кн[яжны] Марьи. Кн[яжна] Марья, Nicolas в Туле.

5) <Ярославль. Кн[язь] Андрей, ожидания кн[яжны] Марьи.

6) Жертва кн[язя] Андрея <и смерть>.

7) Пьер на Девичьем поле.>

3-я часть.

1) Общий обзор, партизаны, отступление.

2) <Пончини в Ярославле.

Смерть кн[язя] Андрея.>

3) Денисов, Петя.

4) Выручка Пьера.

¹ *Зачеркнуто*: решение остаться. Встреча с Ростовыми.

- 5) Его приезд в Ярославль.
6) Кутузов в Вильно. Смотр.

Эпилог.

Остается.

Фаталистическое сближение N[icolas] и княжны. Письмо Сони, вызванное Андреем.

Возвращение Пьера в Нижний. Пончины там. Все сидят, боятся жить, а всем хочется жить. Нат[аша] запела, все смешались. Н[аташа] встречает Пьера, робея. Они подают друг другу руку через тень к[нязя] А[ндрея].

Эпилог: 15 году история конгрессов.

Улеглось движение народов, и они пишут и сердятся. Семеновцы.

Пьер не смеет ехать на охоту. Рассказывает о деспотизме Арак[чеева]. У Нат[аши] в брюхе ребенок и она грязна.

N[icolas] говорит, что не может жить без кн[яжны] Марьи, хотя никогда не любил ее.

* № 28 (рук. № 25).

К партиз[анам]

Тихон шестипалый. Долох[ов] рассказывает, что он его же хотел расстрелять за убийство помещика, и теперь он 1-й молодец.

Долох[ов].

Бурая, большая каз[акская] лошадь.

Filez, filez.¹

Петя в Гродне, влюблен в Ден[исова] и видит в нем Нап[олеона].

Петя восхищается Кут[узовым]. К[нязь] А[ндрей] улыбается. Наташа перед отъездом к[нязя] А[ндрея] последний раз поет и ждет.

P[ierre] боится идти к Ростовым.

К[няжна] М[арья] ужасается, что Н[аташа] с Андр[еем]. P[ierre] идет пленни[ком]. Vive l'emp[er]eur,² и N боится, что разбегутся.

Кут[узов] захлипал.

Лорист[он] приезжает.

Волк[онский], шпионы в армии.

Фр[анцузы] не знают, куда деть[ся].

Тимохин, Тушин, Пончины.

Ссорятся перед принц[ем] Мекленб[ургским], чтоб он их мирил шампанским.

¹ [Проходите, проходите.]

² [Да здоровствует император,]

* № 29 (рук. № 26).

Как в тумане вечером суета.

П[етя] робел, приглядывается, прислушивается. Ссадина.

Петя достает и пробует оружие.

Застает¹ следят за движением к[олонны] французского транспорта]. Тихона² ждут, не привел. В середине разговора Дол[охов]. Позвать Vincent. Пробует шашку. <Едут, хлещет дождик>.

Шашлык. Наслаждение. Таинственные, волшебные во мраке люди, лошади. Встают, едут — дождь хлещет. Тихон идет передом мимо колодца. Так странно услышали, говорят, хоть соломки стели.

Ребята, держись и вяжи, и скачет. На рассвете. Музыка, что хочешь, то и играй. Ден[исов] приходит, спущены штаны. Казаки и Тихон, как не спали. Выстрел, ура. На мосту замешались с казаками. В гору. Сбились у избы, стреляют. Ни за что убьют, и тут то кидают оружие и бегут³ из избы, кидая ружья. П[етя] скачет дальше и слышит, что крошат казаки. Впереди русские, вяжите. И со двора бегут.

* № 30 (рук. № 27).

Совет.

Пилница [?]

Айо.

Андреев.

R[evue] d[es] d[eux] M[ondes].

a Так правило.

У Урусова. 1) Никогда не было зимой.

2) Пропорц. не опрокид.

3) Русские и фр[анцузы], когда сдав[ались].

У Перф[ильева] отступление, полуш[убок], сапоги.

Не поняли, п[отому] ч[то] совестно.

Кут[узов], как все люди, не понят, тогда как делает самое простое. Кут[узов] ждет, и он сказал это прежде.

У Барт[енева]: *когда* Тропау м[ир] Диплом, верхи.

Весенний — казаки.

Весеня — мужики устанавли[вали] — мальчонок то ихний?

Тихон сопли подбирает и, чтоб загладить вину, готов итти. Улыбаясь, смотрит на Висен[ю]. Их таких два было.

Скучно. Пьер понимает. Не triste,⁴ а душа тоскует.

П[ьер] думает, что движение всегда, и потом, когда его спрашивали, он вспоминал про выход франц[узов].

Кабы знать, я б вам другого привел, их два было. Да казаки что-то повздорили, за сапоги чт[о] ли.

Калужская застава.

Шар показывает учитель collèге.⁵ Так просто понимать глобус.

¹ *Зачеркнуто*: Тих[он]

² *Зач.*: взяли

³ *Зач.*: навстречу

⁴ [скучно]

⁵ [колледжа]

* № 31 (рук. № 28).

Из пушки выстрелили. В Калужскую, Драгомиловскую и Тверскую.

Никого нет войск.

У Камер Колежского вала.

Мортые по Арбату.

* № 32 (рук. № 29).

Как в тумане всё. Все обступили.

П[етр] К[ирилыч], прощавай.

Платон, стань тут, под образа.

П[ьер] уже не обращает на себя внимание.

Солдаты с рубаш[кой] собираются выходить.

Выйти уж нельзя без сапог.

С Рамб[алем] можно б[ыло].

× Солдат в отпуску — рубаха из порток.

○ Прости мое красно солнышко.

× Наше счастье — вода в бредне.

Серенькое утро — красный денек.

Не срывай яблоко — пока зелено, созреет — само упадет.

Оттерпимся и мы люди будем.

Счастье, как вода в бредне, надуется, как полное, а вытащ[ишь] — ничаво *нету*.

Надежда.

После цвету — налив.

Дождь вымочит — кр[асно] сол[нышко] высушит.

○ Овечку стригут, другие того же жди.

Довед[ется] и нам песенку свою спеть.

× Час терпеть, а век жить.

Не отпыхавшись, дерева не срубишь.

○ Рубаха к телу близка, а смерть ближе.

○ Бог души не вынет — сама не выйдет.

⊕ Без корня и полынь не растет.

России да лету — союзу нету.

⊕ Бей русского, часы сделает.

Москва всем городам мать.

Москва бьет с носка, а Питер бока повытер.

Питер жен[ится], Москва замуж идет.

Хлеб-соль покушать, красный звон послушать.

Географ. ⊕ Города[в] от М[осквы] два девян[осто]. Влад[имир], Тверь, Калуга,

Тула.

Москва, что доска: спать широко, да кругом метет.

В мор намрутся, а в войну налгутся.

Мир жнет, а рать кормится.

Война кровь любит.

Воин врагов побивает, лядаший корысть подбирает.

⊕ Мужики дерутся в расходку, а бабы в кучку.

Все человеческие черты так же ощутит[ельны] в балагане, как в собрании: и веселость, и тщеславие, и корысть и всё.

Дошли до нищеты и ужаса, но как не заметили.
Гос[ударь] выехал. Ч[арторижский], А[ракчеев], Т[олстой], В[олконский],
Винц[ингероде].
Кут[узов] шарфом под пузо.
23 д[екабря] госуд[арь] приехал в Вильно.
Штаб отняли у Кут[узова].
И свою добр[ую] Вильну, б[ыл] два раза губ[ернатором].
C'est pour me dire que je n'ai pas sur <de> quoi manger. Je...¹ (Б[огданович] 323
Б[огданович] 347), встреч[а] К[утузовым] госуд[аря].
Весьма ослабел здоровь[ем]. 350.
Армия шла расстроена, но долго не знали, парт[изаны] скрывали.

Порядок.

Военное до Вязьмы <Корт. Н. ве>
Партизаны (разные сорта их: Фигнер, Долохов. чувств[ительный] Денисов, Петя.
Пьер, картина отступления. Болен в Орле.
Рамбаль в Красном.
К[утузов].
Нар[одное] м. и. в г. У костра.
Два члена прежде.
Вильно.
<Ростов.>
Бал [?]
15 л[етний] бараб[аницик].

* № 33 (т. IV, ч. 1, гл. XII).

Язык — телу якорь.
С голодухи Маши и Алашки в чести.
Не тот отец, кто родил, а тот, кто добру научил.
Ноготь увяз, всей птичке пропасть.
Носи платье — не складывай, терпи горе — не сказывай.
Солью сыт не будешь, думой горе не размыкаешь.
Положи, господи, камушком, подними перушком.
Своего спасибо не жалея, а чужого не жди.
Господин гневу своему — господин всему.
Час терпеть, а век жить.
Не носить плаченого, не видать злаченого.
¹ [Чтоб намекнуть мне, что мне не на чем есть. Я...]

Потная рука — таровата, сухая — неподатлива.
Сладкого не досыта, милого не довеку.
И трава в застенъи жолкнет.
В драке богатый лицо бережет, убогий — кафтан.
Дай бог подать, не дай бог брать.
Не тужи, у кого мочальные гужи, а у кого — ременные.
Не хитро жить — издеваючи, хитро жить — измогаючи.
Голод парь [?] сытостью.
Лег — свернулся, встал — встряхнулся.
Сума да тюрьма дадут ума.
Благодаря Христа, борода не пуста, хоть три волосика [?] да [и] те взъерошившись.
Убогого докука, богатого скука.
Ловит волк, да ловят и волка.
Прежде смерти умереть [?].
Не рок головы ищет, голова на рок идет.
Дума за горами, беда за плечами.
Покорись беде и беда покорится.
Ловит волк роковую овцу.
Не встанет свеча, а встанет душа.
Напади б[ог], нападут и добрые люди.
Бог долго ждет, да больно бьет.
Мужик на мужика осел надевает, а бог свое содевает.
Москва — в[сем] г[ородам] мать.

* № 34 (рук. № 30).

Кар[атаев] здоров. Борет[ся], улыбаясь, с фр[анцузом].
Шьет толстыми пальцами.

Соколов притворялся.

Оскален[ные] зубы не переводились на углу.

Полный месяц не мутит, а радует. Опять тоже мечта.
(Platoche)

* № 35 (рук. № 31).

узнал, что ничего не нужно человеку, что горе от лишений.

Его занятия.

Выступление — русская б..., его карета. Пьяные офицеры на тройке.

Идут весело. Фр[анцузы].¹

Хаос на первом привале, бьет лошадь по морде. Дышлом заехал в карету. Vougre fottre.² Строги с пленными. Лошадиное мясо — не дурно.

Жюно

¹ *Зачеркнуто:* Лихор[адка]

² *Бранное слово.*

* № 36 (рук. № 32).

<Александр и Наполеон. Осуждение истории.

1) Обзор деятельности Н[аполеона] и А[лександра] и результат, что не в них власть.
2) Результат этот дала история. Но что она говорит? Она говорит от Тьера, L[anfrey] до Герв[инуса], Шлоссера обратное, она говорит, что сделали это А[лександр], Н[аполон], Т[ильзит] и т. д. и рассматривает их деятельность по отношению своего идеала.¹ Она рассматривает их произвол, п[отому] ч[то] осуждает, (Бокль противуречит более др[угих]) и попытки признания необходимости невозможны, п[отому] ч[то] есть идеал и п[отому] осуждение, и п[отому] признание свободы. Идеал одних — государ[ство], народ, человечество. Пчела.

Но все ист[орики] гов[орят], что деят[ельность] ист[орических] деятелей — интерес истории.

Посмотрим на самую сущность вопроса — отношения масс. Нет связи.

² Но может быть свойст[ва] героев такие, посмотрим — чья свобода больше.

Но может быть в одном выражается история народов? Нет, неисполнимы. Мас[с]а матерьялов. Но может быть нет другой истории? <Есть> или ничего. Масса есть, гибель, статистика.

Но признав всё это, остается другой, страшный вопрос, вопрос воли.

³ В нем всё дело. Обходить его нельзя.

Вопрос воли.

Заключение⁴, доводы в пользу, против, мираж, объяснение его.

Сравнение с астрологией.⁵

Новейшие историки беспрестанно приходят к таинству совпадения ист[орических] событий к одной цели. <Но таинство остается таинством, и значение деят[ельности] ист[орических] лиц исчезает, как скоро допускается таинство.>

Всё таинство приводится к⁶ одному вопросу о свободе воли, к[оторое], не имея на то прав, стремятся разрешить естест[венные] науки и к[оторые] умышленно обходит история.

Ист[орические] деят[ели] связаны с массами, как и ничтожнейший крестьянин связан с ними.

Противуполагая массы лицам, мы не можем притти ни к чему, кроме как к отрицанию произвола ист[орических] лиц или произвола масс. Если 25 человек на одной цепи, никто из них не свободнее другого.

Но у них должна быть одна, общая свобода, и между ними могут быть степени свободы.

Посмотрим на вопрос свободы в истории.

¹ *Зачеркнуто:* Бокль сам

² *Зач.:* Посмотрим

³ *Зач.:* Вопрос

⁴ *Зач.:* мираж и

⁵ *Зач.:* Ни так, ни иначе

⁶ *Зач.:* страшному почему то

* № 37 (рук. № 33).

Сердце царево в руке божьей. Вольтер говорит, что не было бы Варф[оломеевской] ночи, ежели бы у короля не было запора.

Мы всё таки верим в чудеса и предполагаем в Б[онапарте] эту власть. Но не нужно падения Ерих[онских] стен, нужно, чтоб ядро пролет[ело] мимо Нап[олеона].

* № 38 (рук. № 34).

Ежели многие, одновременно и разнообразно направленные силы действуют на какое нибудь тело, то¹ направление движения этого тела² никогда не будет совпадать ни с одной из³ сил, а будет⁴ среднее, кратчайшее⁵ направление, то, что в механике выражается диагональю параллелограмма сил.

* № 39 (рук. № 35).

[боль]шего или меньшего желания драться. Рассматривая отдельно каждое условие, нет никакой возможности притти к⁶ научным результатам, ибо условий этих тысячи, и все они по отношению к силе войска не могут быть рассм[атриваемы] отдельно и дол[жны] быть взяты вместе с [друг]ими неизмеримыми н[ужными] условиями; толь[ко] [рассматривая дух войска, к[ак] условие силы, большей или м[еньшей], во време[ни] драться, рассматривая его, как неизвестное во вр[емени], есть надежда найти науч[ное] построение дисциплины, вооружен[ные люди] не могут иметь влияния на си[лу]...⁷ имеет влияние на...⁷

* № 40 (рук. № 36).

Важное к 5-му тому.

Пьер ехал до Москвы, помогал раненым, узнавал новости и ни разу не возвращался к⁸ мыслям сна, хотя чувствовал, что в нем открылось что-то и так остановилось — открытое.

Дорогой ему сказали за верное, что кн[язь] Андрей умер.

Все веселы. Наташа весела,⁹ мать и Соня ей не отвечают, грустны. Остановились за м[осковской] з[аставой]. Все вдруг грустны. Идут казаки. Нат[аше] сказали. Она сидит, едет. Темнота, заревы¹ *Зачеркнуто*: очевидно что

² В рукописи описка: дела

³ Зач.: разнообразно действующих

⁴ Зач.: новый средний

⁵ Зач.: путь

⁶ Зач.: разумным

⁷ Оторваны кусочки рукописи.

⁸ Зач.: прежним

⁹ Зач.: Никто

пожаров. Останавливаются в Мытищах. Пожары. Один раненный кричит. Нат[аша] спрашивает, где он. За ней смотрят, как за больной. Мать потрогала ее голову. Она озябла, дрожит — настояла, чтоб разделась и легла. Лежит прислушивается, стон... зарево, крики в кабаке. — Соня? спит, — встает на ципочках и вышла в сени.

Кн[язя] Андрея¹ внесли, долго укладывали, уложили, Тимохин. Он б[ыл] без памяти всё время, теперь очнулся. Красная горит одна свеча, мухи сонные, тараканы. Пититити. Муха. Что откры[лось], да: любовь христианство вспыхнула фактом и по чувству строит учение. Кто учил? Бог, не может не быть. Приложение. Обратн[ый] учению факт — непощение, что бы я дал — мухи, красная свечка пититипити... и скрип и шаги. Она² увидела ясный, чистый взгляд любви, подбежала к руке, простите. Слезы. Тимохин, доктор. Узнали? — Простили?³ нет, простили ли за то, что я сделала? — чуть слышным шопотом. Дурна, но глаза. В нем детское от шеи голой.

Пьер надоел Наташе своей робостью. (Да ну же? Ну?). Письмо. Андрей завещал, чтобы не стеснялись.

* № 41 (рук. № 37).

Приехал. Одна свеча: к[няжна] М[арья] и что-то славное сидит — не узнал. Когда узнал, вдруг покраснел и присутствие судьи. Разговор о кн[язе] А[ндрее].

Да, да, так, так. Прерван приходом Ник[оленьки]. Пьер расплакался. Н[аташа] вставляла слова. Пойдемте за чай. Тихо, робко друг перед другом. А жизнь из всех их прет.

— Об себе расскажите. Вы⁴ потеряли 2 м[иллиона]. Савельич me ruine. Vous êtes libre.⁵ Взгляд на Н[аташу], она покраснела и злобно, гордо нахмурилась.

Разговорился про себя, никогда так не говорил.

Она всё понимает, ее вопросы. Поздно. Никто не заметил. Они одни втроем на свете. Пьер кончает: жизнь никогда не погибла, впереди много, много. Это я вам Свободы нет.

Пошел домой и написал письмо. На другой день с к[няжной] М[арьей] dites lui.⁶

Весною идет домой, и всё надо устроить, и он центр вселенной, и все для него, и все должны знать, и он покупает конфеты, и всё это радостно.

¹ Зачеркнуто: Андрей был

² Зач.: припала к

³ Зач.: все

⁴ Зач.: богаты

⁵ [меня разоряет. Вы свободны]

⁶ [скажите ей.]

* № 42 (рук. № 38)

Наташа требует, чтоб Пьер ее любил за то, что он постр[адал] за нее.

Кар[атаев] любил ничего и всё.

Всё отраж[ается] в нем разумно и благообразно.

В П[ьере] он видел благообра[зие] душевн[ое].

* № 43 (т. IV, ч. 4).

Как это утихло горе — неизвестно, но оно утихло. Наташа и княжна Марья напротив никогда не говорят про князя Андрея. Рамбаль хочет сделать трогательную историю с Наташей по случаю Пьера, но Наташа уходит.

Николай просил через Наташу, что когда она хочет.

Николай в Вильне просится у Кутузова жениться.

(Сцена у костра: «тоже — люди», ну-ка еще...)

К эпилогу: Франция еще раз, старая, должна была содрогнуться, и явился Наполеон самым необычайным образом.

К эпилогу рассказывают и поминают о том, как Пьер женился.

Даниловича. <Нея подвиг потеря ⁹/₁₀.>

<Кавалеристы в ботфортах, без кирас, с шинелями.>

Кажется под Красным всё сделано судьбой, чтобы сделать невозможное. Стран[но]; объ[авилось] нов[ое] объясн[ение].

Фланговая защита при Малом Ярославце.

Кутузов не спешит [?] из Вильно.

<Миродеры. Вязьма; конверт. Tirer son épingle du jeu.¹ Рамбаль в Костроме. Grande armée. Elles ne m'échapperont pas cette foi-ci.² Припомадимся.>

<Пьер после спасения заболел.>

<Под Вязьмой из 73 тысяч оста[валось] 37 тысяч. К[утузов] говорит — золотой мост под Вязьмой. Смоленск — цель. Цель нужна, все так думают и Н[аполеон] с ними.>

<От В[язьмы] не в трех к[олоннах], а в одной. Жюно. Заставляет караулить вестфальцев и застрел[ил] солдата за фляжку.

22 октября 13 С и снег. В См[оленске] грабеж. Мале.

Нап[олеон], выступая из Смоленска, понятия не имел о положении К[утузова], врозь идут, и предп[олагал] К[утузова] в Витебске.>

Упреки Кут[узову] за Красное. Без сапог хол[одные], голодные. Убивать людей затем, чтобы добить.

(Друг друга потеряли, как в жмурки). И писател[ям] трудно объяснить, а выходит смысл.

Рвать разлагающееся тело. Не физическое, а химическое разложение.

Вильно — конец народной войны. Бал. У костра. Петя.

¹ [Выйти из игры.]

² [Великая армия. На этот раз они от меня не уйдут.]

№ 44 (рук. № 38а).

Наташа смотрит туда. Смерть ей понятнее, чем жизнь. Жизнь оскорбительна. Зачем не сказала ему того и того. Она живо воображала его. Ему — кому? И всё застылало опять. Так она сидела. Княжна Марья собиралась ехать. Пожалуйте к папине. Свое — противно. Слишком живое, привычное. Усилие над собой и к матери. Деятельность. На другой день увели ее к себе падающую. Она¹ легла и молчала. Потом села, оглядываясь. Обняла княжну Марью,² глядит на нее. Похожа, нет, не похожа, она — чужая, особенная, неизвестная.

— Маша, полюби меня, я не такая дурная. Маша, я... с тех пор — дружба, страсть и два чувства: не говорить про него и слабеть, и оба чувства вызывают реакцию. Рана заживает изнутри. Под илом трава и она сама не знает. Позвала Дуняшу — голос пробует, зеркало. <Разговор> с княжной Марьей. Я хочу умереть и не хочу.

Пьеру всё весело. Старик Савельич добрый. Надо строить. Ну, строить. Кн[яжна]. Всё таки любит. Жена — и ту жалко. Денег просит³ офицер — не дает.⁴

¹ *Зачеркнуто:* села на постель и <рыдала> стонала.

² *Зач.:* Мари полюби

³ *В рукописи:* просить

⁴ *Поперек страницы карандашом:* Коперник. Мысль не влияет.

ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛ «ВОЙНЫ И МИРА»

** № 1 (рук. № 47).

Я бесчисленное количество раз начинал и бросал писать ту историю из 12-го года, которая всё яснее, яснее становилась для меня и которая всё настоятельнее и настоятельнее просилась в ясных и определенных образах на бумагу. То мне казался ничтожным прием, которым я начинал,¹ то хотелось захватить все, что я знаю и чувствую из того времени, и я сознавал невозможность этого, то² простой, пошлый, литературный язык и литературные приемы романа казались мне столь несообразными с величественным, глубоким и всесторонним содержанием, то необходимость выдумкою связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились во мне, так мне становились противны, что я бросал начатое и отчаивался в возможности высказать всё то, что мне хотелось и нужно высказать. Но время и силы мои уходили с каждым часом, и я знал, что никто никогда не скажет того, что я имел сказать, не потому, что то, что я имел сказать, было очень важно для человечества, но потому, что известные стороны жизни, ничтожные для других, только я один, по особенности своего развития и характера (особенности, свойственной каждой личности), считал важным.³ Больше всего меня стесняют предания, как по форме, так и по содержанию. Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писанье не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило, и дело мое не подвигалось, и я начинал остывать к нему. Теперь, помучавшись долгое время, я решился откинуть все эти боязни и писать только то, что мне необходимо высказать, не заботясь о том, что выйдет из всего этого, и не давая моему труду никакого наименования.

¹ *Зачеркнуто:* и я бросаю начатое

² *Зач.:* и чаще всего

³ *Зач.:* Я решился писать.

** № 2 (рук. № 39).

¹ Печатаю начало предлагаемого сочинения, я не обещаю ни продолжения, ни окончания² его. Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе, и предлагаемое сочинение не есть повесть, в нем не проводится никакой одной мысли, ничто не доказывается, не описывается какое нибудь одно событие; еще менее оно может быть названо романом, с завязкой, постоянно усложняющимся интересом и счастливой или несчастливой развязкой, с которой уничтожается интерес повествования.³ Для того, чтобы объяснить читателю, что такое есть предлагаемое сочинение, я нахожу удобнейшим описать то, каким образом я начал писать его.

В 1856 году, я начал писать⁴ повесть с известным направлением, героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию.⁵ Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым, семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с славной для России эпохой 1812 года. Я другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года, которого еще запах и звук слышны и милы нам, но которое теперь уже настолько отдалено от нас, что мы можем думать о нем спокойно. Но и в третий раз я оставил начатое, но уже не потому, чтобы мне нужно было описывать первую молодость моего героя, напротив: между теми полуисторическими, полуобщественными, полувывмышленными великими характерными лицами великой эпохи, личность моего героя отступила на задний план, а на первый план стали, с равным интересом для меня, и молодые и старые люди, и мужчины и женщины того времени. В третий раз я вернулся назад по чувству, которое может быть покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут именно те, мнением которых я дорожу: я сделал это по чувству, похожему на застенчивость и которое я не могу определить одним словом. Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартвской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе. Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений.

¹ *Зачеркнуто*: Представляя на суд публики начало неоконченного сочинения, я полагаю не лишним сказать несколько объяснительных слов о том, почему я

² *Зач.*: и почему я сочинение это не называю ни романом, ни повестью.

³ *Зач.*: Цель этого сочинения. Я задумал

⁴ *Зач.*: роман, героем которого был

⁵ *Зач.*: <Стараясь> Молодость моего героя совпадала с славной для России эпохой 1812 года.

Итак, от 1856 года возвратившись к 1805 году, я с этого времени намерен провести уже не одного, а многих моих героинь и героев через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825¹ и 1856 года. Развязки отношений этих лиц я не предвижу ни в одной из этих эпох. Сколько я ни пытался сначала придумать романическую завязку и развязку, я убедился, что это не в моих средствах, и решился в описании этих лиц отдаться своим привычкам и силам... Я старался только, чтобы каждая часть сочинения имела независимый интерес.²

Еще несколько слов оправдания на замечание, которое наверное сделают многие. В сочинении моем действуют только князья, говорящие и пишущие по-французски, графы и т. п., как будто вся русская жизнь того времени сосредоточивалась в этих люд[ях]. Я согласен, что это неверно и нелиберально, и могу сказать один, но неопровержимый ответ. Жизнь чиновников, купцов, семинаристов и мужиков мне неинтересна и наполовину непонятна, жизнь аристократ[ов] того времени, благодаря памятникам того времени и другим причинам, мне понятна, интересна и мила.

** № 3 (рук. № 40).

Печатаю одну часть сочинения без заглавия и без определения рода, к которому оно принадлежит, т. е. не называя его ни поэмой, ни романом, ни повестью, ни рассказом, я считаю нужным сказать несколько объяснительных слов, почему это так, и почему я не могу определить, какую часть целого составляет печатаемое теперь.

Предлагаемое теперь сочинение ближе всего подходит к роману или повести, но оно не роман, потому что я никак не могу и не умею положить вымышленным мною лицам известные границы — как то женитьба или смерть, после которых интерес повествования бы уничтожился. Мне невольно представлялось, что смерть одного лица только возбуждала интерес к другим лицам, и брак представлялся большей частью завязкой, а не развязкой интереса. Повестью же я не могу назвать моего сочинения потому, что я не умею и не могу заставлять действовать мои лица только с целью доказательства или уяснения какойнибудь одной мысли или ряда мыслей.

¹ В рукописи: 1805

² Зачеркнуто: <закрывающийся не в развитии событий, а в развитии. В этом>

Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимается этот род сочинений в <Англии> Европе. Я не знаю ни одного художественного русского романа, ежели не называть такими подражания иностранным. Русская <литература> художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой. Предлагаемое сочинение, ежели имеет какие-нибудь достоинства, то так же, как и другие подобные русские сочинения, не подходит по своему содержанию ни под понятие повести, ни еще под понятие романа. Может

На полях: Вспомнить Тургенева, Гоголя, Аксакова.

Причина же, почему я не могу определить, какую часть моего сочинения составит печатаемое теперь, состоит в том, что я не знаю и сам для себя не могу предвидеть, какие размеры примет всё сочинение.¹

Задача моя состоит в описании жизни и столкновений² некоторых лиц в период времени от 1805 до 1856 года.

Я знаю, что, ежели бы я исключительно был занят одной этой работой и ежели бы работа моя производилась при самых выгодных условиях, то и то едва ли я был бы в состоянии³ исполнить мою задачу!⁴ Но и исполнив ее так, как я бы желал, я убежден и стремлюсь к тому, чтобы интерес моего повествования не прекратился бы с достижением⁵ предположенной эпохи. Мне кажется, что, ежели есть интерес в моем сочинении, то он не прерывается, а удовлетворяется на каждой части этого сочинения и что вследствие этой то особенности оно и⁶ не может быть названо романом.

Вследствие этого то свойства я и полагаю, что сочинение это может быть печатаемо отдельными частями, нисколько не⁷ теряя вследствие того интереса и не вызывая читателя на чтение следующих частей.

Вторую часть⁸ нельзя будет читать, не прочтя первую, но прочтя первую часть, очень можно будет⁹ не читать второй.

** № 4 (рук. № 41).

Изучая историю 12-го [года], столь близкого от нас, столь живого разнообразием несогласующихся преданий и столь разнообразно описанного, я пришел к очевидности, что мы не можем понимать истории иначе, как ложью. Сказать, что А[лександр] предло[живший] войн[у] Наполеон[у], жела[вшему] завоевать Россию, как причину войны, так же бессмысленно, как сказать, что причина завала работн[ика] последний удар лопатой. Он напр[осто] раб. Фатализм для человека такой же вздор, как произвол в исторических событиях.

Печатаю произведение, на которое положены¹⁰ мною четыре года непрерывного труда при наилучших условиях жизни и¹¹ в лучший период жизни, я желал бы, чтобы читатели получили хоть малую долю того наслаждения, которое я испытывал при этой работе. Предвидя некоторые¹² недоумения, которые возникнут¹ *Зачеркнуто*: Цель

² *Зач.*: известных

³ *Зач.*: окончить большую часть

⁴ *Зач.*: Зная это вперед, я старался

⁵ *Зач.*: назначенной

⁶ *Зач.*: отличается от романа

⁷ *Зач.*: лишаясь

⁸ *Зач.*: очень можно будет

⁹ *Зач.*: прочесть

¹⁰ *Зач.*: лучшие ми[нуты]

¹¹ *Зач.*: смело

¹² *Зач.*: упреки и

в читателях при чтении этого романа, я считаю нужным здесь в предисловии ответить на них.

Первое. Это характер времени, который, как мне и выражали некоторые при печатании 1-й части, не достаточно определен в моем сочинении. Этот упрек мне делали и будут делать. И на него то я имею возразить следующее. Я знаю, в чем состоит характер того времени, которого не находят в моем романе: это ужасы крепостного права, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п. Этот характер того времени, к[оторый] живет в нашем представлении, не верен. Изучая письма, дневники, предания того времени, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда либо. В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями, та же была сложная и часто более утонченная умственно и нравственно жизнь, чем теперь в высшем сословии. Ежели в понятии нашем составилось понятие о характере своевольтва и грубой силы того времени, то только оттого, что в преданиях, записках и¹ повестях и романах из того времени до нас доходили только выступающие случаи насилия и буйства. Заключение о том, что преобладающий характер того времени было буйство, так же несправедливо, как несправедливо заключил бы человек, из-за горы видящий одни макушки дерев, что в местности этой ничего нет кроме деревьев. Есть характер того времени, как и характер каждой эпохи, вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствующей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. И этот характер я старался сколько умел выразить.

Второе. Это разногласие мое в описании исторических событий с рассказом историков. Разногласие это тоже не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет не прав, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни и тем невольно упуская и заслоня главную свою задачу — указать на участие лица в историческом событии, так художник не исполнит своего дела, понимая лицо так, как историк, представляя его всегда в его значении историческом. Кутузов не всегда с зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади, Растопчин не всегда с факелом зажигал Ворон[цовский] дом, императрица Мария Федоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опершись на свод законов, а такими их представляет себе наше воображение. Для историка, в смысле содействия лицом какой нибудь одной цели, есть герои, для художника, в смысле ответственности всеми сторонами жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди.

¹ Зачеркнуто: худож[ественных]

** № 5 (рук. № 89).

<Это было между Тильзитом и пожаром Москвы в то время, когда всё в Европе думало, говорило и чувствовало только про Наполеона,¹ когда у нас в России во всех семействах хвастались друг перед другом своими французами гувернерами, дамы в Петербурге бегали за секретарями французского посольства, когда все говорили по французски лучше самих французов, все завидовали, боялись и спорили за французов и Наполеона. Это было в то время, когда карта Европы перерисовывалась разными красками каждые две недели, и итальянцы, испанцы, бельгийцы, голландцы, вестфальцы, поляки и особенно немцы никак не могли понять, к какому, наконец, они принадлежат государству, чей мундир им надо носить, кому преимущественно подражать, льстить и кланяться. Это было в то время, когда Наполеон уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха, что нужно только твердо верить в глупость людскую, что в сравнении с людской глупостью и ничтожеством всё будет величием, когда верят в него. Он не обдумывал, а делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называя сам каждый свой поступок великим. Нынче ему хотелось поспать с императоровой сестрой, завтра брату своему сделать приятное, послезавтра наказать и пошутить над немецким принцем, и он себе не прекословил, называя только себя: le grand homme,² свои распоряжения la grande politique,³ свою армию la grande armée,⁴ и все бились проникать глубочайший, сокрытый смысл его поступков, и никто не думал о том, что⁵ кроме проявления прихотливых желаний человека смысла никакого не было. Но он верил в себя, и весь мир верил в него. Он сказал и вздумал раз сделать Средиземное море французским озером, и все удивились и теперь удивляются величию этой мысли; потом, именно в то время, о котором я пишу, ему, должно быть, пришла мысль сделать северный океан французским озером, он начал приводить в исполнение эту великую мысль, проведя карандашом на карте Германии черту, по которой весь берег Северного и Немецкого моря был французской, и все сказали: «Очень хорошо». Однако император Александр вступился за владения родственника, принца Ольденбургского, попавшие в черту на карте. Начались протесты, споры, переписка. Наполеон вызвал своего посланника Коленкура и прислал Лористона и письмо, содержание которого лучше всего представит читателю тогдашнее положение дел.>

(Выписать.)

Ответ.

¹ *Зачеркнуто*: когда лестно и славно казалось быть французом

² [великим человеком,]

³ [великой политикой,]

⁴ [великой армией,]

⁵ *Зач.*: он никакого и никакой власти не имеет каждый человек, хотя бы он называл себя le petit или le grand caporal, делать всё, что ему захочется.

В то самое время, как в Петербурге писался ответ на это письмо, на маслянице 1811 года, в городе был бал у Льва Кириловича Вереева, екатерининского вельможи. На бале должен был быть дипломатической корпус, сам Лористон и государь.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями один из лучших домов. У освещенного подъезда с красным сукном стояла полиция и сотни экипажей, одни красивее других, карет, колясок. Толпа загромождала улицу. И всё подъезжали новые с лакеями в перьях и шляпах. Почти всякой раз, как подъезжал новый экипаж с блестящим лакеем, в толпе пробегал ропот и снимались шапки. «Государь? Нет, министр, князь, посланник, разве не видишь — перья», говорилось из толпы. Один из толпы в шляпе, казалось, знал всех и называл по имени знатнейших вельмож того времени. Наконец, что то очень зашевелилось. Полицеймейстер приложил руку к шляпе, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на освещенное красное сукно государь. Шапки снялись и, знакомая народу, молодая, красивая фигура государя, с зачесанным затылком и взлизами, с высокими эполетами из под шинели, быстро прошла в подъезде и скрылась. Государь держал в руке шляпу с плюмажем и что то мельком сказал полицмейстеру, вытянутому и наклоненному. Из-за окон пронеслись стройные звуки большого и прекрасного оркестра, и по освещенным окнам зашевелились перед глазами толпы тени мужчин и женщин. Государь был озабочен, что могли заметить только самые приближенные к нему люди. Причину же озабоченности его знали только те некоторые, которые были призваны к составлению ответа императору Наполеону. Один из этих, князь Куракин, только что вернувшийся от государя и имевший работу, которую должно было окончить к завтрашнему утру, на что он намерен был посвятить остальную часть ночи, был тут же и в то время, как вошел государь, в толпе женщин, утопая в газе и кружевах между белейшими, обнаженными плечами и цветами, держа в руках открытую эмалевую табакерку, с веселым беззаботным лицом сыпал любезностями и, посмеиваясь беззубым, но приятным ртом, отряхивал табак с кружев манжет и ленты, которая была надета у него под шитым камзолом. Человек этот был весь, как на пружинах. Все черты лица его мгновенно переменялись, и глаза ежеминутно изменяли блеск. Редкие седые волоса на его голове и баках были почти растрепаны, и лицо было темно бурого цвета, тем как бы приятнее еще была вся его маленькая, сухая фигурка в изысканно изящном придворном платье.¹ Кроме государственных забот, важность которых знал только он с немногими, у него в этот день были еще свои семейные заботы. В то время, как начались недружелюбные переговоры между петербургским и тюльерийским дворами, два сына князя Куракина были за границей, классически оканчивая *par le grand tour*² свое тогдашнее ¹ *Поперек текста написано: частный человек*

² [путешествием]

французское воспитание, и он счел своей обязанностью выписать их тотчас обратно в Россию из Парижа, где молодым людям житье особенно понравилось. Месяц тому назад они вернулись с monsieur l'abbé,¹ ездившим с ними. Старшему было двадцать лет. Он был записан в иностранную коллегию, и отец был спокоен насчет его. Он был уже на бале и в той же зале в виду отца, во фраке и обуви самой последней парижской, еще не дошедшей до Петербурга и отличавшейся странностью моды, стоял над сидевшей дамой и так скромно и дипломатически спокойно говорил, что отцу нечего было беспокоиться. Его правильное, горбоносое лицо, тонкие губы, сухость всего лица и сложения и в особенности спокойствие улыбки — всё показывало, что это человек, нашедший себе место на свете и умеющий занимать его. Меньшому было восемнадцать лет, отец узнавал в нем себя, любил его, сколько умел и успевал, но боялся за него.

Этот меньшой, Петр, был никуда не записан, потому что он имел отвращение к званию дипломата такое же, какое отец имел к званию кавалергардского офицера, которое больше всего на свете желал носить Петр Куракин. Петр Куракин со времени приезда своего в Петербург, несмотря на желание отца, не был нигде в свете, а вел жизнь парижского *viveur*² в Петербурге, с тем особенным оттенком, который дает в России положение богача, красавца и сына вельможи. Он не ездил в свет, а все уже знали его в свете. Он заставил говорить про себя шалостями, которые все находили милыми. Нынче он должен был сделать первое свое явление в свете. Из за брильянтов, жемчугов и плеч князь не переставал смотреть на дверь входа и после того, как государь прошел мимо него и, в ответ на почтительный поклон, дружески кивнул ему.

Хозяин и хозяйка с одиннадцати часов стояли у входа с лестницы, уставленной цветами и зеркалами, и принимали до самого того времени, как вошел государь. Тогда они отошли от входа и последовали за его величеством. Всё, что только было знатного, блестящего и близкого ко двору в этот год в Петербурге, всё прошло в этот вечер мимо двух хозяев и получило от них одинаковое приветствие: «Очень рад вас видеть у себя» — хозяин. «Я восхищена, что вижу вас нынешний вечер» — хозяйка. Нечего упоминать, что всё говорилось только по французски.

Лица, особенно обратившие внимание³ всех, были ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель адъютанты и обедавший у государя,⁴ урожденная Княжнина,⁵ фрейлина, известная своей красотой, только что¹ [господином аббатом]

² [кутилы]

³ *На полях:* Это был Борис, приехавший из Турции. Молодой флигель и Берг стоят вместе. Берг счастлив. Они судят. Входит урод богатая невеста.

⁴ *Зачеркнуто:* Княгиня Раstopчина

⁵ *Зач.*: бедная дворя[нка]

вышедшая за молодого князя Кушнева,¹ одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего, потом известный повеса меньшей князь Куракин, вошедший после государя, и, наконец, мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга, неизвестно как удостоившаяся чести приглашения. Дама эта была воспитана у Куракина бедной девушкой и была только кое-кому известна своими талантами к музыке и живописи, но никто не мог отнять у нее, что она была необыкновенно хороша, умна, мила, грациозна и *distinguée*.²

Она вошла ни поздно, ни рано, ни скоро, ни тихо, под руку с своим мужем, очень высоким свитским офицером, с белокурым, правильным, но чрезвычайно³ степенным и антипатичным лицом. Каждое движение ее было легко и грациозно и свободно, когда она входила на лестницу, поддерживая шлейф своего голубого платья, когда она оправилась, повернув на бок белокурую головку, слегка дотронув маленькой лайковой ручкой, свою из голубых же цветов прическу, и когда она передавала мужу и взяла от него букет, который несла. На ней ничего не было, кроме нитки жемчугов, низко висевших на слишком открытой груди, как находили дамы. Спина тоже была открыта по моде того времени, но грация этого тонкого, крепкого тела и чистых молодых форм⁴ была так невинна, что никто не решился заметить этого излишка.⁵ Когда хозяйка сказала ей свое приветствие, лицо m-me Берг, которое и так было прекрасно, вдруг осветилось такой благодарной, ласковой улыбкой, что всякой, видевший ее из другого конца залы, непременно убедился бы, что хозяйка сказала что-нибудь особенно любезное. Хозяйка же сказала только, что восхищена, и даже тотчас же, по привычке ли классифицировать людей по их значению в свете или для того, чтобы дать почувствовать гостю, что она — хозяйка, особенно сухо тотчас же отвернулась от нее. Всякая другая, менее грациозная и красивая женщина, мгновенно была бы в недоумении и сделала бы неловкий жест — искания глазами опоры, или искания знакомых лиц. M-me Берг предупредила в тот же момент хозяйку и движеньем головы и улыбкой показала, что она кончила говорить и не будет больше утруждать занятую хозяйку. Она пошла вперед, не опустив глаза и не растерянно отыскивая в толпе, а спокойно, твердо и легко, с уверенностью, что тысячи глаз смотрят на нее со всех сторон, отыскивают ее, и действительно глаза невольно обращались на эту легкую, грациозную и спокойносамоуверенную, красивую фигуру. Муж отделился в первой комнате, угрюмо вмешался в толпу муштин и с напыщенным выученным¹ *Зачеркнуто*: Пригородка

² [изящна.]

На полях: фрейлина эта Hélène

³ *Зач.*: строгим, скучающим

⁴ *Зач.*: заставляла муштин смотреть иначе

⁵ *Поперек текста написано*: Дурная, богатая невеста, за ней Берг. Она сообразила, зачем не надела кос, их носят, и как эта одета и как бант держится

степенством стал, отставив ногу и видимо нарочно употребляя одну руку на придержание сабли, другую — на держание шляпы. М-те Берг могла бы потеряться, так как во всей зале только одна дама, княгиня Куракина, ее сын и один кавалергард были ей знакомы (она не искала глазами, но она видела всё это).¹ Никто не подходил к ней на ее проходе, как к другим дамам, хотя она и слышала ропот в толпе: «кто это? кто дама в голубом? как хороша», но надо было не пойти и сесть, а надо было быть окруженной и улыбаться. Ей предстояло или идти направо к княгине Куракиной или налево к кавалергарду, который мог заговорить, или прямо, мимо молодого князя Куракина-старшего. Мгновенно она сообразила, что кавалергард сам нетверд в этом обществе и не подойдет, что Куракин-старший вял и может только поклониться, но что княгиня Куракина проста и сидит, следовательно отступление ей будет невозможно.² Она пошла мимо молодого князя Куракина к его матери, но она шла так, как будто нечаянно. Лепет «кто это?» добежал и до Ивана Куракина; он оглянулся и поклонился, но нерешительно подвинулся, м-те Берг сделала легкое движение опахалом, и улыбка и свет зеленоватых глаз получили вдруг такой неожиданный блеск и привлекательность, что Иван Куракин тронулся и подошел к ней, но она, не дожидаясь его, подошла к старухе и опять по улыбке ее все видела, *que la princesse la comble*.³ Скоро однако княгиня устала и представила ей близь стоящего французского секретаря. Иван Куракин подошел, и положение м-те Берг было обеспечено. Ее невольно заметили. Молодой флигель-адъютант просил представить себя ей так, что она слышала.⁴ Себекин [?] дипломат дал ей, как и всем дамам, прозвище: «голубой ангел», и «голубой ангел» стал повторяться.

— Как вы похорошели, *ma bonne*,⁵ — сказал ей во время бала старый князь Куракин, — вы у нас прятали свою красоту, не считая нас достойными ее.

— Я бы для вас одних отдала всё, что у меня есть, — сказала она, опуская глазки.

— Государь вас заметил, — прибавил князь, — он сказал: «кто эта молодая женщина?»⁶

М-те Берг нельзя было потупить глаз, потому что они были потуплены, она покраснела, и жемчуг на белой груди медленно приподнялся и опять опустился. Вскоре после м-те Берг вошла княгиня Кушнева. Вход ее был совсем другого рода. С самой лестницы и до конца бала — это было постоянное торжество.⁷ Она была¹ *Зачеркнуто*: Она не задумывалась, не мешкала, но сообразила, что ежели она подойдет к тому кругу, где дипломат молодой князь Куракин

² *На полях*: После описания. Сколько забот, сколько трудов, потраченных напрасно дома, как няни восхищались и как оказалось плохо.

³ [княгиня засыпает ее любезностями.]

⁴ *Зач.*: Старый князь Куракин сказал ей, что государь ее заметил

⁵ [милая моя,]

⁶ *Зач.*: У него вкус хорош.

⁷ *Поперек текста написано*: что за шея, что за волоса.

в ярко желтом цвете, который справедливо могла позволить себе только она одна — признанная первая красавица того времени. Яркой блеск черных глаз из под длинных загнутых ресниц, яркая белизна сильных плеч, рук и груди, яркой отлив черных огромных кос, высота роста, яркость величавой поступи и легкой оттенок презрительности ярких зуб и губ, и свет двигавшихся с ней брильянтов — поражали невольно. «Боже, как она хороша нынче», — говорили все. Дипломат называл ее «Венерой победительницей». Она была окружена с первого шага, не тяготясь, как простая смертная, коротко и просто отвечала каждому, слегка улыбаясь, как будто говоря: «вы видите, как меня преследуют. Мне это и тяжело, но ежели вам приятно, то и другим также». Государь подошел и говорил с ней. Выражение лица ее было неизменно одно и то же, прекрасное, улыбающееся и слегка презрительное.

Молодой Кушнев был высокой, толстый, близорукий, большеголовый мужчина лет двадцати пяти, без усов и бак, в очках и коротко обстриженной. Он шел, переваливаясь и¹ с повислыми руками, неловко и небрежно, валясь вперед всем телом, точно он усталый шел в далекой и скучной путь. Он кланялся отрывисто, по несколько раз кивая головой, и пожимал руки все, какие ни попадались ему; он был знаком со всеми и, ежели ошибался, попадая на незнакомого, то точно так же кивал головой. Шел он, не обходя никого, и с полной уверенностью, что его пропустят. Когда он сталкивался с кемнибудь, он также жал руку, называя всех «mon cher»,² и улыбаясь притворной, напущенной улыбкой, притворность которой он и не пытался скрывать.

Он наткнулся вплоть на Зубцова, около которого, заискивая, увивались многие, схватил его внизу крепко за руку (он, казалось, не имел способности поднимать рук выше локтя), потащил его к окну и сел.

— Pardon, pardon, mesdames!³ — говорил он немного косноязычно, как будто рот у него был полон кашей. — Ты, mon cher, давно ли? — сказал он, усаживаясь, как будто отдыхая от тридцативерстного пути, и лицо его вдруг просияло неожиданно совсем другой, доброй, детской улыбкой, он еще близко посмотрел на Зубцова через очки, и зеленые глаза были еще добрее и лучше улыбки. Зубцов, видимо, был также рад встрече с товарищем. Они росли и учились танцевать вместе. На лице Зубцова было выражение радости и вместе добродушной и ласковой насмешливости при виде чудака, который в большинстве людей возбуждал это самое чувство.

— Ты как здесь? — говорил Кушнев, — из Турции? Я слышал, ты там лавры пожинал. Всё равно, я тебе очень, очень рад. А это что? Уж ты не адъютант ли чей? — прибавил он, указывая¹ *Зачеркнуто*: поправляя очки

² [милый мой,]

³ [Виноват, виноват, сударыни!]

на аксельбанты. Кушнев¹ не знал и всему городу известной новости о производстве в флигель-адъютанты и не знал отличить флигель-адъютанта от адъютанта. Или знал всё это, но забыл.

— Как это на тебя похоже, — сказал смеясь Зубцов и слегка краснея. — Я пожалован в флигель-адъютанты.

— Да, да, жена что то говорила, да я думал другой Зубцов.

— Другого нет.

— Ну, да всё равно, я тебя очень люблю, — говорил он, весь погруженный в созерцание своего приятеля, никого не видя, и как будто он один с ним был в пустыне. Зубцов, напротив того, говоря с ним, следил за движением бала и взглядывал на входящих и проходящих, он заметил вход государя и встал, дернув Кушнева. Но не успел еще пройти государь, как Кушнев опять начал разговор.

— Ну, а что ты скажешь про Бонапарте? А? Его здесь называют императором Наполеоном, но я его не признаю, и для меня это всё еще un mauvais drôle,² от которого долго не будет людям покоя.

— Шш, — сказал Зубцов шутя, как будто испугавшись и указывая на Лористона, проходившего недалеко.

— Э, вот! Я говорил всем им свое мнение и Коленкуру.

— Ну, да об этом после, — всё улыбаясь, заметил Зубцов, порываясь глазами в другую сторону бала. — Ты лучше скажи, как ты женился?

— Спроси, зачем я женился. Бог знает. Родным так хотелось, и ей, и всем это доставило такое удовольствие. Право — стоит так мало труда, а доставляет так много удовольствия. Поди же, волочись за моей женой. Это тебя сразу хорошо поставит. Тебе нужно, приезжому блестящему турецкому воину. Это — une position.³ Ты знаком?

— Да.

— Пойдем, пойдем, — и опять, опустив руки и ваясь вперед, он потащил Зубцова, протолкался через дам, генералов и посланников к жене, окруженной и занятой разговором с каким то генералом.

— Натали! — сказал он.

Она не слышала.

— Натали! — закричал он, почти дотрогиваясь до нее внизу рукой. — Борис Зубцов, знаешь, влюблен в тебя с детства, — и оставив Зубцова, опять пошел к окну, где с старичком Волхонским вступил в⁴ спор о Наполеоне.

Княгиня обратилась к Зубцову с тою же неизменной и величавой улыбкой. Она знала князя два года тому назад. Не скучно ему было в Турции? Не отдаст ли она ему первую кадрили? — ¹ В рукописи описка: Зубцов

² [злой шутник,]

³ [положение.]

⁴ Зачеркнуто: ожесточенный

Первую? Ах, нет, третью, если хотите. Ах, я забыла.... да, третью. — И тур вальса.

И молодой флигель-адъютант в сѣгопочки новеньких аксельбантах отошел опять в сторону, где стояли мужчины. Белокурый, с русыми молодыми усиками, высокой, стройный и сильной, с военной, скромной осанкой и прической точно такую же, какую употреблял император Александр, он¹ невольно обращал внимание не столько красотой, не столько характером особенного, свойственного ему достоинства молодого *grand seigneur'a*,² сколько скромностью, чистотой и девственностью очертаний, которые можно было только сохранить в походах и которыми он резко отличался от молодых людей Петербурга. В лице, в стане, в движеньях его и в особенности в детской способности краснеть до ушей видна была свежесть еще неистраченной молодости. Кроме того, видно было, что ему, как приезжему из армии, бал и женщины были в диковинку, и он серьезно веселился и своим успехом, и видом красивых женщин, и светом, и музыкой, и предстоящими танцами, к которым он готовился, заготовив в кармане две пары свежих перчаток.

Прошло несколько минут после входа государя. По всем залам чувствовалось стремление в ту сторону, в которой был государь. Все следили за каждым словом, которое он, останавливаясь, говорил дамам и мужчинам. Около него было просторно, но составлялся круг дальше, где теснились, и из которого смотрели с завистью туда, где был государь, и где казалось светлее и всё красивее. Капельмейстер по данному знаку повернулся к музыкантам, шикнул. Что то пошептало на хорах, замолкло, и стройно зазвучал громкой польской. Государь, разговаривавший с Лористоном, оглянулся, съискал глазами хозяйку, которая ближе других стояла, как будто случайно, разговаривая с князем Куракиным, подал ей руку. Разобрались пары и пошли по залам. Кушнева шла с Иваном Куракиным, m-me Берг с представленным ей секретарем. Берг стоял в толпе, тянулся из за тугого воротника шеей через эполеты генерала и сердито оглядывался на толкавших его. Зубцов вел дочь хозяйки. После польского всё затихло опять на мгновенье, и старый князь Куракин с досадой увидал теперь входящего своего сына повесу, опоздавшего и входящего с своим наперсником, бароном Шульцем. Он подошел к нему.

— Разве приезжают в два часа на бал, где государь? — сказал он сердито и отвернулся.

— А государственные дела? Вы сами велели мне работать, я не мог оторваться, — отвечал сын, смеясь глазами и нисколько не смущаясь.

— Ты вечно останешься повесой.

— Папа, — вдруг почти крикнул он. — Неучтиво, что я приехал после государя?

¹ *Зачеркнуто*: Пыл очень красив

² [большого барина.]

— Ну? — сказал отец.

— Так я хотел избавить государя от неучтивости приехать после меня.

Петр Куракин был курчавый, белокурый с черными глазами, невысокой юноша. Он был одет оригинально, походка широкая на согнутых коленях и с очень вывернутыми ступнями. Но ноги в *culotte* курт,¹ чулках и башмаках были сильны и стройны, как точеные. Глаза его постоянно смеялись и, ежели бы не так были всегда веселы, то казались бы дерзки, рот немного не закрывался, на бороде и губе только пробивал пушок, но по чертам и синеве под глазами, по развязности движений он составлял противоположность с Зубцовым, и, несмотря на большую молодость и красоту, в лице и движениях его не было и следа девственности. Хозяин и хозяйка, несмотря на неприличие его позднего приезда, хорошо приняли его. И репутация его повесы была так хорошо упрочена, что ему стоило только сказать с серьезнейшим лицом, что его удержали государственные дела, чтобы хозяйка улыбнулась, пожав плечами, с видом, говорящим: «неисправимый!» Барон Шульц, высокой, красивой брюнет, с рано развившейся бородой и одетый точь в точь так же, как и К[уракин], с улыбкой поклонился хозяевам, но к удивлению его ему дали почувствовать, что то, что прощается Куракину, не простится ему. Ему почти не поклонились. Он смутился, и лицо его вдруг сделалось очень дурно. Нос опустился, и он, неловко перебирая шляпу, пошел к пожилой,² молодо одетой, старой даме, которая с самого времени входа его пожирала его глазами. Скандальная хроника говорила, что и фрак, и помада, и духи, и запонки, которые были на нем, были дарены молодому Шульцу старой m-me Гоницыной, имевшей уже сына. Хозяйка однако подозвала его к себе немного погодя и поручила вести бал. Он стал [1 *неразобр.*]. После польского опять всё затихло, ожидая чего-то.³ Кавалеры и дамы переходили друг от друга, переговариваясь; большой круг оставался незанятым в середине залы и готовый для танцев. Опять капельмейстер оправил свой белый галстук, закатил книзу глаза и обернулся к музыкантам; потом он шикнул и взмахнул обеими руками, замер и потом махнул палочкой. Музыканты заиграли грациозный вальс старательно, чисто, так хорошо, как только они могли играть. Несколько мгновений никто не начинал, только круг в середине становился больше. Зубцов первый снял саблю, положил каску, перешел через весь круг к Кушневой, поклонился перед ней, обнял ее талию, минуту простоял и пошел с нею среди тишины в зале, из под стройных, свежее канифольных и искусных звуков скрипок, игравших, как один инструмент. Всё невольно смотрело на эту красивую пару и всё молчало. Слышно было изредка металлическое постукивание шпоры об шпору. Государь смотрел тоже.¹ [коротких штанах,]

² *Зачеркнуто*: разодетой

³ *Поперек текста написано*: три пары

Он заметил, что Зубцов не разочарованный, как петербургская молодежь, и танцует от души. Второй пошел барон Шульц, красавец сын Гоницыной, и не успел еще Зубцов отвести даму на место, как весь круг был занят танцующими, и начался бал. Петр Куракин между тем подошел к Кушневу и, разговаривая с ним, смотрел на танцующих. Берг, протеснившись, стоял сзади их и¹ прислушивался к тому, что они говорили.

— А я нашел здесь Зубцова Бориса, вот он, — говорил Кушнев, — смотри, как он счастлив. Я его очень люблю. Помнишь, мы все вместе делали pas de basques у тетушки.

— Всё также глуп? — спросил Петр Куракин. — Я его любил за его добрую глупость. Вот настоящая, дорогая chair à canon.² Я бы на твоём месте ревновал его к жене, ты лучше его собой, но женщины капризны, — сказал он с самым серьезным лицом.

— Ах, знаешь, — спокойно и весело подхватил Кушнев, — у жены есть горничная из деревни, которая говорит, что я красавец. Я хочу ей сделать положение, — и он захохотал.

— Я одного вкуса с твоей горничной.³

Петр Куракин не танцевал, но дерзко и весело, стоя впереди всех и не сторонясь от танцующих, а ожидая, чтобы они сторонились от него, смотрел своими быстрыми глазами на всех так, как будто выбирал свою жертву.

— Кто эта бедная кошка, за которой братец увивается? — спросил он у Кушнева, указывая на Сашок.

— Это Раевская — два миллиона.

— А-а-а! Понимаю. Что за верста, глупая и холодная, мой братец. Он будет иметь успех.⁴ Пойду взбешу его, отобью два миллиона. Но, боже мой, что за урод. А это кто?

— Офицер? Это Берг, молодой человек, обещающий много.

— Что за⁵ пошлая вывеска. Ах, как глуп Зубцов, Ты бы лучше с Шульцем был друг. Друг он и собачка. Куда ты?

— От тебя. Зачем ты притворяешься злым, ты добрый малый в душе? Я уйду к комунибудь, кто не ругается. — И Кушнев ушел в угол к какой-то старой даме.⁶ Петр Куракин составил себе в уме план забавы на нынешний вечер. Он вздумал посмеяться над братом, которого он, как это часто бывает в семействах, ненавидел. Он позвал к себе Шульца.

— Представь меня Раевской, — сказал он повелительно, — и vis-à-vis.

¹ Зачеркнуто: завистливо

² [пушечное мясо.]

³ Зач.: — Постой, это наша Катишь глупая, — прибавил он, указывая на m-me Берг. Муж невольно хотел не слушать, но не мог. — Эта в голубом, хороша?

⁴ Зач.: — А мой то, мой то, — прибавил он, указывая на Шульца, — пошел денежек попросить у своей хозяйки. Зачем. Куда ты?

⁵ Зач.: антипатичная фигура

⁶ На полях: Зубцов с Кушневой уезжает. Шульц с Берг, ему делают сцену. Петр Куракин с Бергом дуэль. Он — fantasque [сумасбродный].

— Да я взял.

— Ну, уж сделай, как знаешь.

И вывернутыми ногами он пошел к Раевской и пригласил ее. Она танцевала первую с его братом, вторую с Бергом. Он взял третью.

— Как я рад, что наконец имел счастье познакомиться с вами, — сказал он насмешливо. — Ежели вы не можете танцевать со мной, то я могу сидеть подле вас. Он наклонился к ней и начал говорить самые пошлые любезности. Брат танцевал, но не говорил почти с ней и отошел. Берг, танцуя, всё заговаривал, но не мог вступить в разговор.

Петр Куракин сделал себе такую репутацию повесы и насмешника, что его боялись, как огня, женщины еще больше, чем мужчины. Он успел уже компрометировать двух женщин и вызвать на дуэль одного, а другого от стыда заставить уехать из Петербурга.

* № 6 (рук. № 42).

1.

В 1811-м году, в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I-му и Коленкур был заменен Лористоном, в городе был бал у екатерининского вельможи князя N.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями иллюминации известный всему городу дом вельможи. У освещенного подъезда, устланного красным сукном, стояло несколько сотен экипажей, полицмейстер, пристава и квартальные. Жандармы расставлены были далеко от дома по обеим сторонам улицы. По загроможденной щегольскими экипажами и народом улице беспрестанно подъезжали кареты с ливрейными лакеями на запятках. Лакеи были в шляпах с галунами и перьями. Из карет выходили по откидываемым подножкам то мужчины в мундирах, звездах и лентах, то дамы в атласе, горностаях, цветах и бриллиантах. Толпа, с жадностью теснясь, ловила мгновенья, в которые блестящие фигуры эти виднелись на освещенном пространстве подъезда. Полицейские кричали на кучеров, и дорогие кареты, гремя крепкими колесами, на фыркающих лошадях, откатывались по порядку к своим местам. Беспрестанно хлопали дверцы, соскакивали лакеи и слышались повелительные крики. На дворе была темнота, оттепель и туман. Кучера кутались от сырости, толпа, смотревшая на подъезд, шлепала в темноте по грязи. На бале должен был быть государь. Почти всякой раз, как подъезжала блестящая карета с красным придворным лакеем, в толпе снимались шапки и слышался ропот: «государь, нет великой князь. Разве не видите перья, значит посланник», и т. п., слышалось из толпы. Кто стоял на тротуарном столбике, кто, несмотря на окрики полицейских, 68

перешмыгивал через улицу. Были и женщины, и дети, и чисто одетые, и люди в кафтанах и шубах. Один из чисто одетых, чиновник или лакей с гербовыми пуговицами, казалось знал всех подъезжавших и называл по имени знатнейших вельмож и посланников. Около него толпились и его слушали. Другой, не только чисто, но и по последней моде одетый господин в шляпе и бекешке с бобровым воротником, стоял тут же в толпе и, хотя, казалось, мог бы скорее чиновника разъяснить недоумения толпы касательно подъезжавших лиц, не говорил ничего и только презрительно улыбался на слова чиновника. Презрительной улыбки его никто не мог видеть, но он не мог не улыбаться — он не только знал,¹ но был знаком с многими из подъезжавших. Его тяготила мысль, что его могут смешать с толпою, к которой он чувствовал глубочайшее презрение, ему очень хотелось встретить

[В рукописи нехватает одного листа]

действительно теперь нельзя было ошибиться.

В толпе, между полицейскими всё зашевелилось и затихло; полицмейстер в ленте и звезде приложил руку к шляпе, карета одна, гремя по очищенной дороге,² подкатилась к крыльцу, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на красное сукно высокой мушина в мундире с поднятыми плечами. Шапки снялись, по всем пробежал трепет, в особенности Анатолю, сам не зная отчего, почувствовал в сердце вдруг чувство радости, ожидания чего то и зависти, и знакомая народу фигура государя с зачесанным затылком и взлизами, с высокими эполетами и андреевской лентой из под шинели, быстро показалась и скрылась в освещенном подъезде. Государь в руке держал шляпу с плюмажем и что то мельком сказал проходя вытянутому и наклоненному полицмейстеру. Каждое движение, каждая принадлежность были замечены сотнями глаз. Государь прошел.³ Шимко радостно оглянулся на всех, потом тяжело вздохнул и почему то почти вслух⁴ сказал про себя следующую фразу: *Je le souhaite, sire! Oui, je le souhaite de tout mon coeur.*⁵ Из за окон пронеслись стройные звуки прекрасного оркестра, и из за освещенных окон и опущенных гардин зашевелились двигающиеся тени. Анатолю стало очень грустно. Он всё смотрел.

— Ну чего смотреть, пойдем, — раздался подле него хриплый голос мастерового к своему товарищу. Анатолю опомнился.⁶ Он повернулся,⁷ взмахнул тросточкой и, молодцовато раскачиваясь, пошел по направлению к Невскому. — *Je le souhaite, sire, de tout mon coeur,* — всё твердил он про себя.

¹ *Зачеркнуто:* почти всех

² *Зач.:* на двух караковых рысаках

³ *Зач.:* и Анатолю

⁴ *Зач.:* стал твердить

⁵ [Желаю этого, государь! Да, я желаю этого от всего сердца.]

⁶ *Зач.:* «Куда итти?» подумал он, «пойду к <Куракину>, <к Моро>, к Красновицкому, <к Криницыну>, он тоже не поехал. Но он не хотел сам... он не хотел ехать сам... играть на бильярде».

⁷ *Зач.:* вздохнул еще и, опустив голову

2.

<Как! на бал?! ты не хотел ехать,— сказал Анатолий, на крыльце дома встречая князя Криницына, садившегося в карету, и нарочно ударяя на ты, чтобы кучер и лакей [слышали], что он говорит «ты» их барину.¹

— Надо ехать по многим причинам, — отвечал по французски красивый юноша в бальном костюме, останавливаясь перед дверцей кареты. — Поедем, довезу до дому.

— Как поздно! Я проходил мимо, государь проехал.

— Поедем что ли? — нетерпеливо крикнул Криницын. — Или нет, слушай, ко мне хотела приехать Мими, я от нее бегу. Утешь ее. Сиди у меня. Ернест, напоите его чаем, — крикнул он провожавшему лакею французу и, вскочив в карету, молодой князь нагнулся головой над перчаткой, которую он застегивал, придвигая ее к фонарю. — Смотри, Шимка, утешь и дожись меня, все Расскажи, — крикнул он еще из дверцы, веселым успокоившимся тоном, после того, как застегнул перчатку и уселся вглубь кареты.

Петр Криницын был второй и меньшей сын известного сановника того времени, только нынешней зимой вернувшийся из за границы с братом, куда они под руководством l'abbé Musard были посланы отцом для окончания блестящего воспитания. Оба молодые человека по своему положению и воспитанию обращали на себя внимание тогдашнего света.>

* № 7 (рук. № 49).

Пишу о том времени, которое еще² цепью живых воспоминаний связано с нашим, которого запах и звук еще слышны нам. Это время первых годов царствования Александра в России и первых годов могущества Наполеона во Франции.

Время³ между французской большой революцией и пожаром¹ *Зачеркнуто*: — Лежал, лежал скука. Поеду — отвечал

² *Зач.*: живо в памяти живых людей, время, которое

³ *В начале страницы*:

В то время, когда после неслыханного

Во Франции. Читая историю, для нас стирается жизнь того времени настоящая и остаются уродства. Главное исчезает бесследно. Лучшие люди не те, которые

Зач.: В 1805 году в одном из покоев еще старого дворца в Петербурге, у фрейлины императрицы Марии Феодоровны собралось небольшое общество <и разговор зашел о предстоящей войне> родных и близких знакомых. Сидела старушка, екатерининская штатс-дама, хозяйка покоев, ее дочь, фрейлина императрицы Марьи Феодоровны княжна Анна Зологуб <известная своей любезностью и умом всему Петербургу>, известная своей красотой приезжая из Москвы дебютантка <в свете зимы 1805-го года москвитянка Марья>, молоденькая барышня Мари Корсагова <приехавшая из Москвы с своей теткой>, княгиня Анна Алексеевна, тоже москвичка, и князь Василий Безбородков, любимец государя, отец <Annette Sologoub> фрейлины и муж штатс-дамы. Это было в 1805 году.

70

Москвы, то самое время, когда революция¹ эта перестала быть идеей и стала силой, уже не спорившей, не доказывавшей, но материально дававшей себя чувствовать каждому, как² подземный огонь, переставший светить, но начавший разрушать беспричинно и бессмысленно, как это казалось людям того времени,³ то время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, в то время, когда маленькой человек, в сереньком сертучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами, вообразил себе, что он делает историю, тогда как он был только самый покорный и забитый раб ее, когда этот человек старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения и, несмотря на умную и твердую натуру,⁴ при первом прикосновении земного величия, человеческой лестии и поклонения, потерял свою умную голову и погиб,⁵ надолго еще оставаясь для толпы чем то страшным и великим.

Видали вы ребенка, которого посадил старый кучер рядом с собой на козлы и позволил ему держаться за вожжи, воображая, что он правит лихой и могучей тройкой. Кони бегут быстрее и быстрее, дорога скользит под ногами, топот сливается в один одуряющий гул, брызги летят из под копыт, ветер режет лицо, развеивает волосы и срывает шапку, дух захватывает; милому мальчику весело, он боится, но перенимая у ямщиков, представляет вид лихого, покрикивает, махает рученками.⁶ Бедняжке кажется, что он всё делает, что он единственная причина быстроты, с которой несется тройка, он смутно верит этому, но с презрением и гордостью поглядывает на воза и пешеходов, и⁷ несется всё шибче и шибче, прохожий любителю на бедного мальчика и похвалами разжигает его, но лошади несутся⁸ еще шибче, мальчику жутко, он закрывает глаза, и старый кучер берет вожжи, «Довольно, будет с вас, барин», и кучер остановил лошадей, «а вы подите к нянюшке».

«А правда, что я так правлю, как самый лучший ямщик! Лучше всех на свете?»

«Правда, правда. Ступайте, будет».

⁹ То самое время, когда у нас в России человекка с маленькими ¹ *Зачеркнуто*: повидимому задавленная и отцветившая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту

² *Зач.*: разрушение землетрясения, которого огонь уже потух, но обломки скал и стен еще давят людей, как будто

³ *Зач.*: Это было в

⁴ *Зач.*: начинал теряться и гибнуть, как человек, оставаясь для толпы великим владыкой и полководцем

⁵ *Зач.*: как человек.

⁶ *Зач.*: Бедняжке страшно, но он храбрится, притворяется спокойным и привычным лихачем ямщиком.

⁷ *Зач.*: гонит

⁸ *Зач.*: только так скоро, как хочет того

⁹ *Зач.*: <Но> То, что я хочу описывать. Это было в

ручками и орлиным носом звали Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, когда в дипломатических актах называли его «cet homme»,¹ когда отвращение к святотатцу, осквернившему престол святого Лудовика и мученика Лудовика, соединялось с презрением к нему, в то время, когда после убеждения, что он не посмеет... он вдруг посмел схватить в чужом городе, невинного и влюбленного, счастливого юношу и велел во рву убить его, как собаку, за то, что юноша этот был родня королю мученику. То время, когда le duc d'Enghien и la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim² был на устах каждой чувствительной особы высшего круга, в то время, когда молодой, любезной, красивой монарх Александр I³ решил устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme,⁴ заключил союз с Австрией и решил, что, победив Буонапарте,⁵ в победе нельзя было сомневаться, французам будет предоставлена свобода избрания того образа правления, который они найдут для себя лучшим, и купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев. Всё было тонко предвидено. Опять ехала другая тройка навстречу и правил ей опять не тот кучер, которого все видели на козлах, а всё тот же старый, старый старик, везущий по своему и правящий миром со времен Алкивиадов и кесарей.⁶

Но не Наполеон и не Александр, не Кутузов и не Талейран будут моими героями, я буду писать историю⁷ людей, более⁸ свободных, чем государственные люди,⁹ историю людей, живших в самых выгодных условиях жизни,¹⁰ людей, свободных от¹¹ бедности, от¹² невежества и независимых, людей, не имевших тех недостатков, которые нужны для¹³ того, чтобы оставить следы на страницах летописей, ¹ [этот человек,]

² [герцог Энгийенский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме]

³ *Зачеркнуто*: после Павла сосредоточивший на себе все надежды России

⁴ [завоевания этого человека,]

⁵ *Зач.*: (победа была несомненно, так как коалиция имела более 600 тысяч войска)

⁶ *Зач.*: <Всё только и гов[орило]>. Как и всегда бывает, государство готовилось к войне, но очень, очень мало людей заботилось узнать и обсудить причины и случайности войны. Собирали рекрут, играли в бостон, женились, ссорились, богатели и разорялись.

⁷ *Зач.*: героев не менее

⁸ *Зач.*: человеческих

⁹ *Зач.*: таких же, как все мы, людей общества

¹⁰ *Зач.*: для борьбы и выбора между добром и зло[м], <для> людей, изведавших все стороны человеческих мыслей, чувств и желаний, людей таких же, как мы, могших выбирать между рабством и свободой, между образованием и невежеством, между славой и неизвестностью, между властью и ничтожеством, между любовью и ненавистью.

¹¹ *Зач.*: боязни

¹² *Зач.*: предрассудков и имевших право считать себя [?] равными всякому. В таком положении находилось в начале нашего века русское дворянство.

¹³ *Зач.*: славы, живших, страдавших не как герои, а как люди, но имевших те свойства, которые нужны

но глупой человек не видит этих следов, не выразившихся в мишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике, он видит их только в дипломатическом акте, в сражении, в написанном законе.¹ Он видит их только в том насильственном зле, которому суждено нарушать спокойное течение человеческой жизни, и он записывает эти события в свою летопись, воображая себе, что он пишет историю человеков. Люциан Бонапарт был не менее хороший человек, чем его брат Наполеон, а он почти не имеет места в истории. Сотни жирондистов, имена которых забыты, были еще более хорошие люди. Сотни и тысячи не жирондистов, а простых людей Франции того времени были еще лучшими людьми. И никто их не знает. Разве не было тысяч офицеров, убитых во времена войн Александра, без сравнения более храбрых, честных и добрых, чем сластолюбивый, хитрый и неверный Кутузов?

Разве присоединение или неприсоединение папской области к французской империи на сколько-нибудь могло изменить, увеличить или уменьшить любовь к прекрасному работающего в Риме художника? Или изменить любовь его к отцу и к жене? Или изменить его любовь к труду и к славе?

Когда с простреленной грудью² офицер упал под Бородиным и понял, что он умирает, не думайте, чтоб он радовался спасению отечества и славе русского оружия и унижению Наполеона. Нет, он думал о своей матери, о женщине, которую он любил, о всех радостях и ничтожестве жизни, он поверял свои верования и убеждения: он думал о том, что будет там и что было здесь. А Кутузов, Наполеон, великая армия и мужество россиян, — всё это ему казалось жалко и ничтожно в сравнении с теми человеческими интересами жизни, которыми мы живем прежде и больше всего и которые в последнюю минуту живо предстали ему.

Историки — *les chroniqueurs des fastes de l'histoire*³ — видят только выступающие уродства человеческой жизни и думают, что это сама жизнь.⁴

Они видят⁵ сор, который выбрасывает река на берега и отмели, а вечно изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны.

¹ *На полях рукописи:* Сцена с женой. Один — жесток. К[нязь] В[асилий] в Москве и при смерти подл. Переписка о войне, война во всем. У К. по старому.

² *Зачеркнуто:* <Раевской> Гучков.

³ [летописцы выдающихся событий истории]

⁴ *Зач.:* [а сама жизнь] ускользает от них и суждения их о всей жизни, основанные на ее уродствах, всегда ложны. Они хотят исследовать течение реки по берегам ее.

⁵ *Зач.:* яры, заливы, мысы и выбоины берегов, но <вода течет> не понимают и не знают реки. И ежели берег отступил или выступил, подмыт или занесен песком, то вода оттого ни прозрачнее, ни мутнее, ни холоднее, ни теплее, ни быстрее, ни тише и дно ее также для них неизвестно. Надобно отдаться течению, надо плыть с нею вместе, чтобы сколько-нибудь узнать ее.

Какие мы не строили берега и как бы не изменяли их, вода течет <вечно и вечно и вечно> все также изменяется, и мы — капли этой воды, вечно исчезающие и вечно возникающие.

В придворном кругу только чувствовалась война и принималась к сердцу. В старом зимнем дворце все фрейлины судили о войне.

¹ Одна фрейлина отпросилась у императрицы на <нынешний> вечер для того, чтобы сразу принять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне. Она была свободна, что редко случалось с нею. Ее ум и любезность слишком нужны были при дворе и слишком к ним уже привыкли, чтобы обходиться без нее... Она не была из тех фрейлин, которые только надетым в торжественные дни шифром отличаются от других смертных, она не была одною из сотни, она была одна из двух-трех любимых приближенных. Говорили, что она имеет большое влияние, хотя она собственно была ничем, но все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира. Она давно уже забыла о том, фрейлина она или нет. Шифр она получила² пять лет тому назад, и быть не на выходе и не на балах, а en petit comité³ коронованных лиц стало ее привычкой. Она была умна, насмешлива и чувствительна и, ежели не была положительно правдива, то отличалась от толпы ей подобных своей правдивостью. Она гордилась своим franc parler,⁴ но что она была по душе, никто не знал. Этот лак высшего тона, скрывающий качества дерева, которое он покрывает, так густо закрывал в ней все ее особенности, что трудно было понять, что за человек эта женщина. Говорила она разумеется не на своем языке, а на французском, и на французском одного известного мира, наследовавшего этот род языка от дворов Людовиков. На выражение каждой мысли, даже каждого чувства, были свои готовые, грациозные и красивые, формы, и естественно, что она употребляла их, придавая им, как умная женщина, свой личный характер. Отношения с Анет Б. были самые приятные для того, кто умел держаться в формах того искусственного мира, но под этими формами таилось неизвестное, и тот, кто бы захотел узнать это неизвестное, выйдя из условных форм, непременно показался бы сам себе грубияном.⁵

Она и всё общество говорило по французски.

— Я достаточно стара, — говорила она, — чтобы принимать мужчин к себе, не правда ли,⁶ княгиня? И потом лучше я не могла воспользоваться своим отпуском, как собрав вас всех к себе. Я одним камнем делаю не два, а четыре удара,⁷ дядя,⁸ и вы, мой милый⁹ Basile, — обратилась она к сухому камергеру с звездой,¹ *Зачеркнуто*: Хозяйка дворцовой комнаты

² *Зач.*: 15

³ [в тесном кружке]

⁴ [прямотой,]

⁵ *Зач.*: <В этот вечер> Нынче был именно такой грубиян. Это был дядя ее князь В. екатерининской генерал-аншеф. Попавши в немилость императора Павла за дерзкой ответ

⁶ *Зач.*: тетушка

⁷ *Зач.*: <разговор ведет> <Оба дяди> потому что и вы мне

⁸ *Зач.*: по дружбе

⁹ *Зач.*: князь

—¹ и милая кузина (это обращалось <к дочери князя В.> молодой² девушке). Il faut que je la produise cet hiver.³ С этим лицом это было бы грех жить в вашей деревне, называемой Москвой. Вот один случай, когда я жалею, что не замужем. Я удобнее могу produire.⁴ Сыщите мне мужа — (это к камергеру), — который бы мне не мешал и служил бы удобством вывозить и принимать. А то право, ежели бы не вы, княгиня, — (это обращалось к княгине Анне Алексеевне Горчаковой) — я бы не решилась звать к себе. Ах, у меня будет интересный человек, le comte de Mortemart. Он был auprès de monseigneur le duc d'Enghien,⁵ этот святой мученик. И потом говорят, что он très bien le jeune homme. Il est allié par sa mère à la princesse⁶ de Rohan au Montmorency.⁷

— У нас весь Петербург с ума сходит от него, кроме меня разумеется, и бегают за ним. Я не видала его еще. Я просила Александра Д. нынче привести его ко мне. По крайней мере вам не скучно будет. — (К княжне). — Ну что вы скажете о последнем⁸ поступке этого человека (Буонапарте). — (К князю В.). — Я знаю, вы⁹ поклялись выводить меня из себя. Неужели вы и теперь после l'envahissement de Gênes¹⁰ не видите причин к войне?¹¹

№ 8 (рук. № 51).

Пишу о том времени, которое еще цепью воспоминаний связано с нашим,¹² о времени, когда матери наши в робах с короткими талиями при свете восковых и спермацетовых свеч танцовали¹³ матрадуры и менуэты, восхищались романами m-me Redcliff и m-me Suza и знали наизусть тирады Racine, Voileau и Corneille, когда отцы наши восхищались мыслями Rousseau и Voltair'ом и еще помнили Екатерину, Фридрихов, Суворовых и Потемкиных так, как мы помним Александров, Наполеонов, Мюратов и Кутузовых.

Я говорю о времени первых годов царствования Александра I-го в России и первых годов могущества Наполеона во Франции. ¹ *Зачеркнуто*: а вы мне <дядя> друг, потому что дядя. Ежели бы вы не были дядя, уже верно я бы никогда не имела храбрости узнать вас. (Это обращалось к князю В.)

² *Зач.*: даме

³ [Мне надо ее вывозить нынешней зимой,]

⁴ [вывозить]

⁵ [граф Мортемар. Он был при герцоге Энгиенском,]

⁶ *Зач.*: Duchesse de Berry [герцогине Беррийской]

⁷ [очень порядочный молодой человек. Он родня по матери княгине Роган-Монморанси.]

⁸ *Зач.*: декрете

⁹ *Зач.*: дядюшка

¹⁰ [захвата Генуи]

¹¹ Грубиян князь Волхонский редко улыбался, но тут он улыбнулся.

— Я, моя милая, деревенский дворянин и тех тайных пружин, по которым всё движется здесь, не знаю.

¹² *Зач.*: которого неуловимый характер, запах и звук, соединяясь с особенной прелестью прошедшего и детства, так мило знакомы нам.

¹³ *Зач.*: котильоны

Время между французской большой революцией и пожаром Москвы,¹ время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, когда голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, то время, когда маленький человечек в сереньком сертучке и треугольной шляпе, с орлиным носом и умными глазами воображал себе, что он управляет историю, и старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения, представлялся чем то непонятным, то страшным, как антихрист, то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности.

То время, когда у нас в России этого человека <звали> Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, и когда в дипломатических актах называли его «cet homme».² То время, когда le duc d'Enghien et la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim³ был на устах каждой чувствительной особы нашего высшего круга, в то время, когда молодой любезный и красивый монарх Александр I, взоидя на престол после Павла, соединил на себя все те надежды, любовь и преданность, которые подданные так счастливы законно отдавать своим владыкам. То время, когда этот⁴ рыцарской⁵ <юноша царь> искренно желал только устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme⁶ и после победы (в которой никто не сомневался) предоставить самим французам свободу избрания того образа правления, которой они найдут для себя лучшим, так ничего не могло быть лучше и справедливее этого.⁷

¹ *Зачеркнуто*: то самое время, когда великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей. Было еще много людей, которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться.

Роялисты и монархисты доказывали очень хорошо и победительно, что революция и военная диктатура хуже королевской власти. Все это было очень справедливо, а Наполеон, представитель превращенной идеи революции, в ответ на это взял всех годных французов в солдаты и публично расстреливал принца королевской крови и <говорил всей Европе, обратив сто тысяч штыков из за своих штыков и пушек: ну-ка попробуйте! То время, когда матери наши при освещении восковых свеч> надел на себя императорскую корону и, выставив сотни тысяч штыков, сказал: ну-ка попробуйте!

² [этот человек.]

³ [герцог Энгийенский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме]

⁴ Зач.: бескорыстный

⁵ Зач.: горел одним желанием славы для себя и своего народа и презирал еще все дипломатические увертки, руководящие большей частью правительства

⁶ [завоевания этого человека]

⁷ Зач.: То время, когда Потемкин, Екатерина, Фридрих были еще свежими воспоминаниями, <как теперь Наполеон и Александр, время когда паров не было, прогресс был еще в государственном устройстве, в идеях, когда исторической школы не было, наивно думали, что классики языка и математики

Следующий дипломатический акт был уже сообщен несколько месяцев тому назад, сообщен французскому правительству нашим посланником Д'Убриль перед оставлением им Тюлерийского дворца.

Около года шли переговоры между Россией, Австрией, Пруссией и Англией о составлении коалиции против Франции.¹ Наконец Наполеон предложил сам переговоры о мире и вызвал Россию быть посредницею. В Париж послан был Новосильцев.

* № 9 (рук. № 52).

<В то время был в Петербурге знаменитый дом Натальи Львовны Нарискиной. Дом этот был знаменит не красотою здания, не роскошью убранства, не обедами и ужинами и балами, хотя домик был недурной, между двором и садом, и хотя бывали в нем и обеды, и ужины, и балы, удостоенные часто посещениями высочайших особ, но скромные балы, — дом этот был знаменит своей хозяйкой, высокой, красивой старухой, с умными, пронизательными глазами, тонкой улыбкой и строгой осанкой. Старуха эта ничего не делала для того, чтобы быть знаменитой, кроме того, что говорила. Она говорила уже более пятидесяти лет, говорила с Екатериной, с Павлом, с Потемкиным, с Ломоносовым и Державиным, говорила и по русски, но охотнее по французски. Нельзя сказать, что именно говорила эта старуха, в ее речах не было ничего необыкновенного, но она знала, что и когда и как надо сказать, знала, что важнее всего, чего не надо сказать, и перед старухой благоговело всё, что ее знало, а еще более те, которые не знали, но только слышали про нее. <И всё это заслужила она одним разговором.> «Всяк пляшет, да не так, как скоморох, говорит пословица». Всякой говорит, да не так, как говорила эта старуха.>

** № 10 (рук. № 43).

ТРИ ПОРЫ

Часть 1-я 1812-й год.

Глава 1-я. Генерал-аншеф.

Екатерининской генерал-аншеф, теперешний генерал лейтенант, князь Волхонской, отец князя² Андрея, в³ 1805 году был еще свежий мужчина <ему было 56 лет>, готовый на всякую деятельность, но лишенный возможности деятельности в привычной были лучшей наукой>, когда поэтами были Расин, Корнель, Гете, в книгах Руссо, Вольтер, Дидерот, романы Staël, Suza. Когда носили робы с короткими талиями, когда мечты о свободе крестьян то же, что коммунизм, когда восковые свечи

¹ *Зачеркнуто*: Австрия обещала, медлила и требовала от нас большого количества войск. Пруссия прямо объявила, что нет надежды Европе в войне с Наполеоном остаться победительницею. Англия обещала денег и в число 600 т. свои 7 т. войска. <Англия искала и не могла понять задней мысли русского правительства>.

² *Зач.*: Вол[хонского]

³ 1805 *переправлено из* 1811.

ему и единственно понятной для него служебной сфере. Он был в немилости, в которую впал еще при Павле за дерзкой и гордый ответ на предложение государя, не понравившееся князю. Рассказывали, что государь посоветовал ему жениться на г-же Д. и что князь ответил: «за кого же вы меня принимаете, чтобы я женился на вашей б...» При Александре, о котором князь, лично знавший Екатерину и при ней начавший свою службу, имел весьма низкое мнение, князь был хуже, чем в немилости — его забыли. Он был хороший, храбрый офицер — успел отличиться под Очаковым — и генерал был,¹ свято исполняющий приказания и того же строго требующий от подчиненных, внушая им своею гордостью и строгостью либо сильнейший страх, либо скрытую насмешку, но особенных дарований² за ним не полагали, и потому после его воеводства в дальней губернии, куда он был послан, как в изгнание, и из которого он вышел в отставку по болезни, ему поверили, что он болен, и оставили его в покое. Родовое состояние князя было не большое, но, выйдя из службы, он женился на княжне Д.,³ у которой были большие деньги, уехал в свое родовое имение и начал строиться вроде феодальных баронов с башнями и замками, с садами, парками, прудами и фонтанами. В⁴ 1805 году княгини уже не было на свете. От нее остались⁵ сын и дочь. Но сын этот женился бог знает на ком, как говорил князь,⁶ и <отец его знать не хотел, хотя> теперь перед кампанией он позволил привезти к себе жену, чтоб не бросить ее на улице, и самому приехать проститься.⁷ Князь жил один с дочерью и с французенкой m-lle⁸ Silienne, взятой князем из милости для компании дочери, <летом в деревне, зимой в Москве в собственном доме.>⁹ Лысые Горы были уж обстроены и обсажены, так что проезжавший по дороге к Москве, от которой¹⁰ в шестидесяти верстах были Лысые Горы,¹ *Зачеркнуто*: тоже не бестолковый, точно

² *Зач.*: он не имел

³ *Зач.*: Он приобрел огромное

⁴ *Первоначально было*: 1811.

⁵ *Зач.*: одна дочь [21 года] 17 лет

⁶ *Зач.*: и молодая княгиня, оставленная им без средств в Москве, по проискам княжны была привезена в Лысые Горы и жила во флигеле. Она была на сносях.

⁷ *Зач.*: Сын князя, еще бывши девятнадцати лет от рода, ослушался отца, выйдя из университета и поступив в гусары. И с тех пор князь сказал, что у него нет сына. Никто не смел упоминать про него. Князь сам раз в год посылал ему <1200 р.> 500 р., и сына действительно не было.

⁸ *Зач.*: Enitienne

⁹ *Зач.*: M-lle Silienne было 18 лет

¹⁰ *На полях зачеркнуто*:

Брат в своих местах чужой.

Занят делами — она порхает.

Все равны становятся при ней.

Переходил через границу завоевателем, всё покорялось, теперь едет покоряться кондуктору.

Кого любит с тем холодна, равнодушный думает, что его взяла.

Кокетка шутит, а у него двое детей от доброй любовницы.

невольно запоминал место и спрашивал чье. Государь проезжал первый раз: — чье это такое славное именье? — Князя В. — Петра? — Так точно ваше величество. — Аа! — отвечал государь. Князь сам, выезжая кататься на своей парочке, любил выезжать на то место большой дороги, с которой видна была усадьба, и любовался. Он сломал даже конюшню в восемьдесят две сажени длины только для того, чтобы виден был фасад дома с дороги. «Городок!» говорил он сам себе, глядя на свое строенье. Все дела князь делал обдуманно, неторопливо и в высочайшей степени аккуратно, хотя сам никогда не доходил до подробностей и непосредственно не наблюдал ни за чем. Всё делалось из кабинета через управляющего, архитектора и т. п. Одна из деревень его в двести душ была отряжена на подвоз камня и битые кирпичи, и работы эти продолжались восемнадцать лет. Мужики, как этой деревни, так и всех других деревень князя, без чувства особенного рабского уважения, благоговения почти, не вспоминали и теперь еще — старики — не вспоминают о князе. «Строг, но милостив был», как и всегда, говорят они. Главное, что чувствуется в их похвалах (тоже, как и всегда бывает), это — благодарность князю за то, что тот, кому они поклонялись и работали, был князь, генерал-аншеф, человек совершенно не похожий на них,¹ никогда не доходивший ни до каких подробностей, никогда не приравнивавшийся к ним, гордый и чуждый для них. Как бы мне ни не хотелось расстроить читателя необыкновенным для него описанием, как бы ни не хотелось описать противоположное всем описаниям того времени, я должен предупредить, что князь Волхонский вовсе не был злодей, никого не засекал,² не закладывал жен в стены, не ел за четверых, не имел сералей, не был озабочен одним пороньем людей, охотой и распутством, а напротив всего этого терпеть не мог и был умный, образованный и столь порядочный человек, что, введя его в гостиную теперь, никто бы не постыдился за него. Жена его правда умерла рано, он был несчастлив с ней, и он был, хотя и бессознательно, недоволен ее смертью, потому что она надоела ему и он никогда не любил ее, но жена его умерла совершенно своей смертью, и князь пришел [бы] в совершенный ужас и недоумение при одной мысли, что можно желать смерти своей жены. Он был, одним словом, точно такой же человек, как и мы люди, с теми же пороками, страстями, добродетелями и с тою же и столь сложною, как и наша, умственной деятельностью.

Со стороны она мила, а нам всё то же.

Он знаком с посланником и потому для него несомненно, что все ему будут рады. Но он пакостит, и в палатах люди не рады.

Губернской предводитель дворян, столкновение.

Дибичь противн. взял в левую руку шпагу

Мальчик в Москве рад свободе, происходив[шей] от французов.

Злодей француз колет и тот же самый на квартире кроткой.

Любезничает с пленными и дает им хлеб, а Топчеевке есть нечего.

¹ *Зачеркнуто*: гордый и сухо[й]

² *Зач.*: даже ненавидел телесное наказание

Князь,¹ во всем точный и аккуратный, лето и зиму вставал в одно и то же время,² в одно и то же время кушал чай, завтракал и обедал и ужинал.³ 12 Октября 1805 года⁴ утро было ясное, безветренное, с⁵ морозом и безоблачное. В полях кругом сада и за дорогой кое-где клетками зеленели полосы взошедших ржей, кое-где стояли отпряженные телеги с семенами, и мужик с севалкой мерно шагал по бороздам и, пощелкивая зерном об севалку, ровно раскидывал рожь по лехам, означенным пучками ярко желтой новой соломы, кое-где скрипели крутые воза, доваживающие бурую гречиху, и краснело свежее гречанище. Скот ходил по сероватому ржаному и желтому овсяному жневью. Выгон и лужки в овражках были застелены рядами льна, и пеньки уж на задах стояли неровно, на половину повыдерганные. Между кладушками на чистых точках шла с утра и до утра молотьба. Мельница, не переставая, молола новину. Крестьяне Лысых Гор, не в обиду будь сказано 19 февраля, работали весело на хороших лошадях и имели вид благосостояния больший, чем какой теперь встретить можно. По большой дороге, проходившей через имение, в густой пыли⁶ изредка проезжали экипажи. Экипажи ехали уже в Москву. На станциях был сильный разгон. Помещик шел в Москву и купец из коренной — говорили станционные. Роса уже начинала обсыхать в поле, народ уже начинал подумывать о завтраке, и возившие гречиху забегали напиться в колодцы. А в саду с высокими липовыми аллеями, сквозь которые чуть просвечивало солнце, было свежо и утро.

В семь часов утра на одной из липовых аллей, составлявших квадрат и звезду подле дома, стояло человек восемь людей в камзолах, чулках и башмаках и тупеях с скрипками, флейтами и нотами, и слышался осторожный говор и настройвание инструментов. В стороне от аллеи, закрытый липами во внутренности квадрата, стоял, по крайней мере, столетний ясен, аршина два с половиной в диаметре. Вокруг ясеня были сделаны кругом скамейки для восьми человек музыкантов и пюпитры. Кругом было обсажено шиповником и сиренью, круглая площадка была высыпана песком.

— Проснулся, — прокричал мальчик казачек, пробегая через аллею с посудой горячей воды. Музыканты зашевелились, скрылись за аллею и разложили ноты и, слегка построивши, глядя на капельмейстера, ставшего перед ними, начали играть⁷ одну из симфоний Гейдена. Музыканты были скорее дурны, чем хороши. Князь не был большой любитель и сам в жизни никогда не певал,¹ *Зачеркнуто*: был аккуратен, как часы.

² *Зач.*: в 7.

³ *Зач.*: 28 августа 1811 года

⁴ *Зач.*: день

⁵ *Зач.*: сильной росой

⁶ *В рукописи*: пылью

Зач.: чуть осаженной утренней росой, прое[зжали]

⁷ *Зач.*: один из секстетов

даже в молодости, но он считал, что ему¹ надо иметь музыкантов, и музыканты у него были. Ровно в семь часов, еще не добились часы, князь вышел с крыльца в чулках и башмаках, в простом сереньком камзоле с звездой и в² круглой шляпе и с костью в руке. Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена, частая борода синелась, гладко выбрита. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, высоко нес голову, и³ черные глаза из под густых, широких, черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо.⁴ Один из официантов сбежал вслед за ним на крыльцо и подал ему батистовый платок. Он строго взглянул на человека.

— Послать ко мне⁵ Михаила Иваныча. — Михаил Иваныч был архитектор. Князь прошел в аллею и, заложив руки назад, стал ходить. Музыка играла. Князь любил Фридриха Великого; его история, семилетняя война, анекдоты врезались ему в память. Князь одно время страстно желал быть похожим на него. Серый сюртучек, устройство сада и дома, походка и поза — руки назад, — всё это было давно когда то усвоено им из подражания и теперь сделалось привычкой. Пришел архитектор, молодой почтительный человек, благодетельствованный князем, надел шляпу только тогда, когда князь сказал ему об этом, и всё ходил, докладывая о сделанных работах и выслушивая приказания князя. Когда музыканты кончили пьесу, князь подошел к ним, остановился, достал подаренную ему Екатериной табакерку и сказал спасибо капельмейстеру. Капельмейстер, тоже дворовый человек, объяснил необходимость покупки новых кларнетов. Князь сказал, чтобы он обратился к прикащику. Капельмейстер похвалил за успехи вновь взятого Тишка. Князь велел ему дать гривенник. Капельмейстер отошел, просиявший и видимо счастливый, что удостоился поговорить с князем.

— Принеси мне планы домой, — сказал князь архитектору и, сделав спокойно величественный жест рукой, пошел к оранжереям. Музыканты сыграли еще одну пьесу, потом выслали мальчика посмотреть, где князь, и, узнав, что он в оранжереях, весело болтая, разошлись, кто свиней кормить, кто чулки вязать в официантской, кто работать в саду, так как у всех, кроме музыкантской, были свои должности.

Князь обошел оранжереи, парк, взглянул на работу каменщиков на новой людской — огромном каменном здании. Но⁶ остановился посмотреть работу⁷ и, не отвечая и не замечая почтительных поклонов всех встречных, вернулся к дому.

¹ *Зачеркнуто*: в его положении

² *Зач.*: треугольной

³ *Зач.*: светлые

⁴ *Зач.*: Петруша

⁵ *Зач.*: Гри[гория]

⁶ *Зач.*: он даже не

⁷ *Зач.*: он кинул только общий взгляд

— Ну что у тебя там¹ пашут, кажется? — сказал он толстому управляющему.²

— Под озимый, ваше сиятельство.

— Гм! — и князь прошел дальше. Управляющий без шапки шел сзади, ожидая еще слова.

— Яков, — сказал князь, — что Александра? Совсем здорова? — и князь особенно строго взглянул мельком на Якова. Князь никогда долго не удостоивал никого своим взглядом.

— Нельзя доложить вашему сиятельству, что совсем здорова, — отвечал Яков, — а вставать могут.

— Доктор был?

— Изволили быть, ваше сиятельство. По приказанию вашего сиятельства я спрашивал: могут ли Александра Д. ехать с младенцем до Москвы. Они сказали, что ежели князю будет угодно, то очень можно, хоть завтрашний день. — Князь покосился на управляющего при слове младенец.

— Отправь ее завтра с Павлом в Москву. Приди за деньгами и письмом. Чтобы было хорошо всё! Слышишь?

— Слушаю-с.

— Что набор, назначил?

— Назначены, ваше сиятельство.

— Принеси список.

Князь вошел вверх. Из официантской вскочило несколько человек молодых официантов. Двое из них были музыканты, успевшие уже позавтракать и переодеться. Он прошел в кабинет и написал письмо в Воспитательный дом благодетельствованному им чиновнику о приеме в Воспитательный дом младенца девицы Александры, на письмо, написанное твердым, деловым, крупным почерком, наложил деньги 100 р., которые сам достал из сундука, и, хлопнув в ладони, кликнул Петрушку, а Петрушка Якова.

Александра была горничная княжны, младенец был сын князя. Это был уже³ пятый, и все они, как [этот], были отправляемы в Воспитательный дом, а мать возвращалась назад. Все знали это, но князь делал вид, как будто этого не было, и все делали такой же вид, и когда возвращалась Александра, все сомневались, в самом деле ли это всё было. Дети у Александры начали рождаться полтора года после вдовства князя. Князь не упрекал себя в этом. Всё у него было рассчитано наиудобнейшим образом. В религиозном отношении князь тоже не упрекал себя, потому что для него еще раньше французской революции существовала одна религия разума. Выбрана же была Александра потому, что она была ближе всех и нраву тихого и смирного.

Отправив Якова, князь почитал еще открытую у него на столе одну из частей библиотеки путешествий, взглянув на часы, нахмурился и позвал.

¹ Зачеркнуто: сено возят

² Зач.: Сеют

³ Зач.: 4-й

— Завтрак! И княжне доложить. Она должна быть в саду.

Действительно княжна была в саду. Это был час ее прогулки, и она исполняла это, как обязанность.

2.

Княжна действительно была в саду, и музыка играла. Это было ее время гулять при музыке. Все занятия княжны были расписаны по часам, и княжна должна была строго им подчиняться. М-ле Enitienne была восьмая гувернантка, успевшая удержаться у князя больше двух лет. Впрочем, Enitienne была не гувернантка, а *demoiselle de compagnie*.¹ Встав утром в восемь часов, княжна по расписанию должна была заниматься геометрией с Михаилом Ивановичем архитектором, потом она два часа играла на фортепиано, потом она написала письмо приятельнице и в назначенный час пошла гулять под музыку.²

Тогда носили платья короткие, княжна по желанию князя, находившего неприличным показывать ногу, носила длинное платье *à la taille*³ темного цвета и ничего, кроме платья, ни косынки, ни пелеринки, это было тоже желание князя.⁴ Сухая и высокоплечая,⁵ с длинной талией, ее фигура мерно двигалась по аллеям. М-ле Enitienne,⁶ тоненькая, беленькая и грациозная, в изящном летнем платье, оживленно шла подле и, не умолкая, разговаривала своим *грассирующим*⁷ звучным голосом.⁸ День был веселый для княжны, и музыка, и сад, и Enitienne — всё ее радовало. Она мечтала о трио, которое она сыграет нынче вечером. Она говорила о *belle-soeur*⁹ и пошла к ней. Княгиня переваливалась и тошнила. Доброе было и жалкое существо. Когда княжну пришли звать к князю, она видимо заробела и, входя домой, как всегда перед свиданием с отцом, перекрестилась,¹⁰ прося бога о милости.¹¹ Проходя через двор, княжна заметила экипаж и двух чужих мужчин, отъезжавших к флигелю. Князь принял ласково, но за *belle-soeur* начался спор.

— Ты меня уговорила, а теперь хуже. Говорят, он приедет, а я не хочу его видеть.

— Вы не хотите же, папа, чтобы муж не видал своей дочери? — Он подумал.

¹ компаньонка

² *На полях:* письмо

³ [в талию]

⁴ *Зачеркнуто:* Она была нехороша, полнокровная, румяная и не грациозна.

<Длинная> полная

⁵ *Зач. во второй редакции:* и немного кривобокая

⁶ *Зач.:* свеженькая, хорошенькая

⁷ *Зач.:* приятным

⁸ *На полях:* О романе, об Александре, о музыке, <о романе>

⁹ [невестке]

¹⁰ *Зач.:* от страха

¹¹ *Зач. во второй редакции:* Она вошла в кабинет. В это время к дому подъезжал <экипаж> коляска и в коляске сидел высокий, толстый молодой мужчина. Это был ожидаемый Анатолий князь <В.> Ш.

— Как хочешь делай, чтоб я не видал его. Иначе в каком бы положении она ни была, ни ее, ни его не будет, как скоро я его увижу.

Колокольчик. Князь нахмурился, позвонил.

— Давайте завтракать и узнай, приди сказать, кто этот невежа.

— Молодые князя Т. с гувернером из за границы, — сказал лакей.

Князь Николай Сергеевич был охотник строиться и, начиная от птички и конюшен с полами, до спальной дочери, всё было отделано прочно, богато, красиво и, главное, отчетливо. Князь не мог перенести вида отбитой штукатурки и, еще хуже, неровного пола, кривой стены. Один раз он приказал перештукатурить целый флигель за то, что, прикинув угольником, он убедился, что угол был не математически прямой угол. Столовая была обширная, светлая комната с итальянскими окнами, с расписанным потолком и дубовыми столами и шкапами. Всё, от стен дома толщиной в два аршина, до ножек стульев и замков шкапов было чисто, тяжело и отчетливо. Было три прибора, и три официанта в кафтанах, чулках и башмаках стояли за стульями, каждый держась за спинку стульев, готовясь посадить барина или барыню и с глазами, устремленными на дверь и лицо князя в то время, как он входил в комнату.¹

Дворецкой стоял у буфета. Князь оглянул официантов.

— Митька! поди вниз, проводи господ во флигель, чтобы всё было и скажи, что я прошу к себе. Коли угодно завтракать, отнести туда, пошли Гашу.

— Слушаюсь-с — и Митька полетел, и на его место из официантской, по миганию дворецкого, выскочил музыкант Тишка и стал за стуло княжны. Княжна с m-lle Enitienne вошли вслед за князем. Черные брови князя были нахмурены больше обыкновенного и потому девицы робко остановились.

— Садитесь, — сказал князь. M-lle Enitienne хорошенькими ручками сняла салфетку, разгладила ее и улыбнулась.

— У нас гости, — сказала она.

Князь посмотрел мрачно, но не выдержал и тоже улыбнулся <и стал весело разговаривать.

После завтрака пришли гости с аббатом, оба были дураки. Старший, вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими наклонностями. Он начал волочиться за княжной и опротивел ей. Enitienne хорошо приняла его. Князь разговаривал о Наполеоне. Он видел его силу, но презирал его. Ив[ан] удивлялся на пошлости. Аббат презирал революцию, но уважал la capitale du monde.² Речь о делах с австрийцами. Должны проходить войска. Княжна бежит от гостей к невестке. Невестка, беременная, убежала босиком ¹ *Зачеркнуто*: Глаза были устремлены в то время, как входил князь, только в то время потому, что за секунду перед этим флейтист

² столицу мира.

по росе от тоски и плачет, что тесть ее не хочет знать. Она рожает. Княжна тут. Князь узнает, бежит к ней — сцена. Покамест Ив[ан] соблазняет Александру, Петр Enitienne. Князь переносит твердо и всё приводит в порядок.>

** № 11 (рук. № 44).

Княжна ничего не сказала, вздохнула и сошла вниз.

В то время, как княжна писала письмо, музыканты, помещавшиеся в саду за аллею, доигрывали одну из симфоний Гейдена. Князь дохаживал по аллеям свою рассчитанную по шагам четвертую версту, взглянул на огромные золотые часы и направился к дому. Он был как всегда одет по старинному, в чулках и башмаках, в сереньком камзоле, с звездой и в круглой шляпе, с костью в руке. Князь был мал ростом, весьма свеж для своих лет, и то же выражение неприступной гордости, которая заметна была в сыне, смягченная молодостью, в старом князе выказывалась сильнее, резче и грубее во всем, начиная от походки и до складки между черными густыми бровями и до тонких неподвижно сложенных губ.

На середине верхней синей от бороды губы его была особенно резко обозначена та черта или овал, который начинающие рисовать всегда так грубо рисуют, рисуя губы. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, как столб, шел медленно, и лоб его был так сильно нахмуренный, что глаза его виднелись только снизу, из-под черных густых бровей. Как только он вышел из сада, музыка замолкла. Один из официантов сбежал вперед на крыльцо отворить дверь. Князь взглянул на официанта, как будто осмотрев его с головы до ног и с таким видом, чтобы официант чувствовал, что во власти князя сейчас же уничтожить его. Но князь не уничтожил его, а только процедил сквозь зубы твердым, мужественным и строгим голосом:

— Послать ко мне Михаила Иванова. — Михаил Иванов был отставленный управляющий. Князь прошел в кабинет и сел в кресло. Кабинет такого же тяжелого, но более простого убранства, чем комнаты, который был уставлен дорогими прочными вещами, блиставшими чистотой и новизной надетых на [н]их чехлов [?]. Князь заложил ногу на ногу и, вынув из жилетного кармана подарок Екатерины — золотую табакерку, взяв ее легко между указательным и большим пальцами левой руки, стал вертеть ее, очевидно недовольный, но убежденный в том, что причина его неудовольствия столь ничтожна, что он не может быть расстроен ею. Он ждал, не глядя на дверь.

Высокая в три с половиной аршина дверь отворилась и вошел¹ Михаил Иванов. Михаил Иванов был отставленный накануне управляющий, отставный поручик из дворян. Михаил Иванов был из того сословия дворян, называемых коноплянниками, которые ¹ *Зачеркнуто*: официант. — Михаил Иванов пришли. — Михаил Иванов? Пусти. — Михаил Иванов был сменен с должности управляющего по жалобе мужика.

по своим вкусам и привычкам ближе стоят к мужикам и дворовым, чем к настоящим дворянам. Он за сто шагов перед князем снимал шапку, не надевши ее иначе, как по приказанию князя, и не иначе называл князя, как «ваше сиятельство». Князь же говорил ему «ты» и называл его Михаил Иванов. Князь в продолжение восьми лет был вполне доволен своим управляющим за его учтивость, ловкость, понятливость, порядок и строгость к народу. Действительно, надо было только видеть, как Михаил Иванов в былое время своего управления, как он почтительно, но твердо нагибаясь, стоял перед князем, впиваясь в него глазами, и, выслушивая каждое слово, приговаривал всегда одинаковым тоном: — Слушаю, ваше сиятельство, — и как потом, возвращаясь домой к народу, потирал лысину или поправлял усы, или, засунув руки в карманы, выставив грудь и преобразившись совсем в другого человека в своем прикащицком флигеле, выходил к народу и толково, неторопливо и споро распоряжался. Надо было только видеть его в этих двух положениях, чтобы понять, какой ловкий,¹ сметливый молодчина был этот Михаил Иванов. Жена его была² крикливая баба, пекшая отличные пироги и варившая вкусную прикащицкую кашу, и мывшая и одевавшая троих детей. Князь прогнал его за то, что в прошлое воскресенье Михаил Иванов позволил себе приехать из города в нетрезвом виде и с колокольчиком, что особенно ненавидел князь. Князь прогневался и велел ему убраться.³

Михаил Иванов явился с тем особенным, жалким видом преступника, идущего на казнь, который обыкновенно имеют люди, прогнанные с места, до тех пор, пока они еще имеют отношения с прежними принципалами. Этот вид выражался и в его приглаженных низко висках, и в ненафабранных но обыкновению усах, и в особенной круглости спины, и в тупом положении ног.

— Ваше сиятельство изволило приказать явиться? — сказал он мягким, искательным и столь почтительным тоном, что он, казалось, этими простыми словами выражал свою вечную готовность всегда и везде раболепно служить и покорствоваться князю и ни в чем никогда не сметь упрекнуть его. Он видимо не робел, хотя и умышленно унижался, и был убежден, что он сумеет обезоружить князя.

— Да, — сказал князь, тотчас же смягчаясь. — Ты еще не уехал?

Несмотря на складку между бровей, Михаил Иванов знал, что князь уже теперь⁴ не опасен, потому он смело, как будто в душу влезая своим голосом, продолжал.

— Ваше сиятельство, нынче отправляюсь. Я кажется всю жизнь готов положить за интересы вашего сиятельства, но коли¹ *Зачеркнуто*: молодой и вполне русской

² *Зач.*: тихая баба

³ *Зач.*: Хотя князь и раскаивался в своем решении, взятом в минуту горячности, он уж не мог отменить его.

⁴ *Зач.*: скорее в хорошем, чем в дурном духе

я не угоден... — Он замолчал в то мгновение, как увидел, что князь захотел только раскрыть рот. Князь повернул табакерку между пальцами.

— Вот что, братец мой.¹ Я слышал, ты поступаешь на службу?

— Так точно, ваше сиятельство. Мне больше ничего не остается после гнева вашего сиятельства, как положить свою голову.

— Это хорошо, братец. За это я тебя хвалю. Царю нашему нужны² теперь солдаты. А ты молодец. Это хорошо. — Князь положил табакерку, открыл стол, подле которого он сидел, достал из него горстью пять червонцев,³ сосчитав их своими⁴ маленькими, сморщившимися, белыми руками и, отвернувшись, подал их Михаилу Иванову. — Вот тебе.

Михаил Иванов взял деньги и придвинулся поцеловать князя в плечо.

— Хорошо, хорошо. Ты знаешь, я не люблю, — сказал князь, отстраняясь.

— Я знаю, что я подлец перед вашим сиятельством, — сказал Михаил Иванов,⁵ — но ежели ваше сиятельство помиловали бы меня для первого и последнего раза, всю бы жизнь положил.

Князь нахмурился.

— Пустое не говори. Мое слово не переменяется. Ступай. Коли будет нужда, пиши, я помогу. Ступай.

Михаил Иванов, вздохнув, вышел с тем же виновным, убитым видом, с которым он стоял в кабинете, но зато, как только он пришел к себе, где уже вещи его стояли на возах, по тому, как он крикнул мальчику подать трубку и крикнул на жену за неубранный узел, как он простился с старостой и с⁶ земским, сказав им не поминать лихом, и как, несмотря на его отставленность, бывшие подчиненные почтительно и робко обращались с ним, видно было, что человек этот с своей ловкостью и решимостью нигде не пропадет.

Вслед за выходом Михаила Ивановича вошла княжна своей тяжелой, ступая на всю ногу, походкой. Она, как и каждый день это делала, прежде чем взяться за замок двери кабинета, перекрестилась и прочла молитву о том, чтобы свиданье этого дня было благополучно.

Князь сидел всё в том же положении, вертя табакерку, и настолько в хорошем духе, в котором он мог быть по своему характеру.

Он по привычке оглянул княжну так же, как он оглянул и официантов, перекрестил и дал поцеловать руку и ласково потрепал по щеке.⁷

¹ *Зачеркнуто*: Ты плут, я знаю, а мне тебя жалко

² *Зач.*: люди

³ *Зач.*: ловко

⁴ *Зач.*: видимо нежными

⁵ *Зач.*: становясь на колени перед князем

⁶ *Зач.*: народом, как распорядился

⁷ *Зач.*: — Андрей нынче будет, — сказал он, <Через полчаса> Ровно в 12 все вышли к завтраку.

— Я нынче жду князя¹ Андрея, — сказал князь, чуть улыбаясь. Как у всех людей строгих, улыбка его была особенно ценна и ласкова.²

Княжна молчала и хотела быть весела, повинувшись отцу, но не могла, так, видимо, она привыкла бояться и грустить.³

— Ты как будто не рада?

— Ах, я очень рада, топ рёге.

— Ну то то. — Князь встал и медленно понес себя из кабинета в столовую.

Столовая была обширная, светлая комната с итальянскими окнами, с расписным потолком и дубовыми столами, с шкафами. На двух концах ее висели: портрет во весь рост владетельного князя, от которого вели свой род Волконские, в резной золотой раме, и родословное дерево в такой же массивной и с иголки новой золотой раме.

Всё, от стен дома, толщиной в два аршина, до ножек стульев и замков шкафов было чисто,⁴ отчетливо и прихотливо. Было накрыто на три прибора и⁵ три официанта⁶ стояли за стульями, каждый держась за спинку трех стульев. Дворецкой стоял у буфета и поглядывал на дверь, ведущую из кабинета.

** № 11а (рук. № 44).

<Только на флигель управляющего, согнанного день тому назад, он посмотрел долго и пристально и заметив, что флигель еще был обитаем, он нахмурился и махнул к себе нового управляющего, в почтительном отдалении ходившего за ним.

— Ну что у тебя? Пашут кажется? — сказал он,⁷ не приступая прямо к интересовавшему его предмету.

— Под озимый, ваше сиятельство!

— Гм... — и князь прошел дальше. Управляющий без шапки шел сзади, ожидая еще слова.

— Як Хыр,— сказал князь, не договаривая. Як Хыр значило Яков Харламов.

— Чего изволите ваше сиятельство? — отвечал управляющий, изгибаясь и подсакивая.

— Рекрут назначил?

— Назначены ваше сиятельство¹. Не угодно ли вашему сиятельству списочек? — сказал управляющий.

— А где «тот»? — вдруг спросил князь. — Надеюсь, что исчез?..

¹ *Зачеркнуто*: Василья

² *Зач.*: Он — сватом.

³ *Зач.*: Как сватом, топ рёге [батюшка]?

— Сватом! Он знает, что ты богата. Ему на руку. Ежели сын такая же дрянь, как отец был, то этому не бывать. Отчегож, посмотрим. — Он встал. — Ну, иди, я выйду.

⁴ *Зач.*: тяжело и

⁵ *Сверху строки рукою Толстого написано*: два

⁶ *Зач.*: в <чулках и башмаках> кафтанах

⁷ *Зач.*: толстому управляющему

Михаил Иванов был сосед, мелкопоместный дворянин, пехотный поручик¹ Пухлов, управлявший до третьего дня именем князя и прогнанный им за оказавшийся обман в покупке печных заслонок и вьюшек.

Яков Харлампич, видимо, смутился при этом вопросе. Ему вчера вечером было сказано, чтоб духу его не было, а прогнанный управляющий еще теперь был на дворе и укладывался.

Яков Харлампич, бывший земской, был главной причиной смены управляющего. Как всегда бывает в подобных случаях, как только управляющий был прогнан, бесчисленное количество совершенных им злоупотреблений были открыты князю. Но князь, любивший знать все подробности, выслушав все пересказы Якова Харлампича о том, как он господское добро таскал и передавал своим любовницам, и о том, сколько и кто его любовницы, и о том, как он скакал в отсутствии князя в его возке и на его лошадях, князь, выслушав всё это, сказал вчера Якову Харлампичу молчать.

— Ты знаешь, я сплетен не люблю. Чтоб его не было духа завтра. Слышишь?

— Хотели уехать ваше сиятельство, да что то еще, — отвечал робко Яков Харлампич, — хотели вашего сиятельства милости просить о чем то.

Князь нахмурился и оглянулся в раздумьи. В это время по дорожке показалась изгибающаяся, с снятой шапкой, фигура прогнанного управляющего, который хотя и, видимо, старался в угождение князю принять испуганный, робкий и униженный вид, невольно шел смело и решительно по направлению к князю.

Пухлов был человек невысокой и не красивый, но видимо твердый. Он изгибался и неестественно, несвойственно своей природе, покорно улыбался, вследствие чего эта улыбка казалась особенно неприятной.

Лицо князя сделалось страшно, когда Пухлов близко подошел к нему.

— Чего тебе? — крикнул князь.

— Ваше сиятельство. Ежели вы меня не изволите жалеть, как я подлым человеком оказался против вашего сиятельства, — начал Пухлов, — то пожалейте жену, детей. Мне ничего не остается, как вновь поступить на царскую службу, как есть военное время. Что может я сложу голову. Я больше того и не стою, но, ваше сиятельство, жена, дети.

— Чего тебе? Я говорю! Як, спроси у него, он мне гадок. — И вдруг князь вышел из себя и близко подойдя к нему и забыв, что он ему гадок.

— Чего тебе еще надо, негодяй? Я бы сделал тебя и детей твоих людьми, да ты украл, пошел вон. Чего тебе?

— Ваше сиятельство, я всем доволен, я не смею быть¹ Зачеркнуто: Иван Васильев

недоволен. Но, как перед богом, свинья эта была куплена мной на мои деньги и поросята кормлены не господским. Я сам покупал. А сказать все можно.

Князь, не расправляя нахмуренного лба, улыбнулся губами.

— Ты хуже холопа, — сказал он тихо. — Як Хыр! Отдать ему свинью с поросятами и корову мою отдать. Но ежели ты теперь попадешься мне на глаза, или моей дочери, то смотри. — Князь вытянул последнее слово, повернулся и пошел в дверь.

Пухлов всё кланялся, пока князь был в виду, когда же князь скрылся, он надел фуражку и своим решительным, твердым шагом пошел назад, задумчиво обдергивая оставшиеся стручки на акациях.>

* № 12 (рук. № 45).

¹ <с утра. Анатолий напомнил его князя Василья, своего отца, в молодости. Князь помнил его дерзость с женщинами.² И мысль о том, как Анатолий поведет себя с m-lle Bourienne, почему то тревожила его. M-lle Bourienne не была для него ничего, кроме хорошая компаньонка дочери и приятная lectrice,³ живая, веселая, с хорошеньким личиком, уживчивым нравом и приятным голоском. Князь любил задремывать под звук ее парижского акцента. Но⁴ m-lle Bourienne, взятая еще ребенком, в последние два месяца особенно роскошно развилась, вдруг расцвела во всю красоту, как это бывает с девицами около восемнадцатилетнего возраста (особенно в последнюю неделю m-lle Bourienne похорошела, поживела и преисполнилась каким то девичьим, любовным соком).⁵ Князь заметил обращение с ней Анатолия и вспоминал ее как бы отчаянную, великодушную попытку итти читать ему, его тревожило что то и не давало заснуть. Он встал и пошел в английский сад посмотреть, что они делают.

— Отчего вы одни? — спросил князь.

— Я, я не знаю...

— Опять слезы. Да, я тиран. Я понимаю. То вы бросаетесь на шею мужчинам...

— Ah, mon père...⁶

— А то вы бегаете их.⁷ Я не говорю: выходи замуж за этого человека. Я не похож на других отцов, дураков. Но я говорю: смотрите, годится он вам, тогда мы подумаем, а вы вперед уж делаете вид жертвы.

— Да я ничего и не думала. Мне просто скучно.

— Вам всегда скучно тогда, когда другим весело. И потом ¹ *Начало рукописи не сохранилось.*

² *На полях:* К вечеру приехал князь Василий, разговор за

³ [чтица,]

⁴ *Зачеркнуто:* от того ли, что Александра становилась стара и всё рожала, что было очень досадно, или оттого, что

⁵ *Зач.:* только князь стал иногда поглядывать на грациозную шейку, пухлые плечики и нынче, когда

⁶ [Ах, батюшка...]

⁷ *Зач.:* Все люди, как люди, только мы

чтож это, — продолжал, разгораясь всё более и более, чем меньше он встречал отпора, как это бывает с людьми раздражительными и привыкшими к власти. — Я не *béguéule*,¹ но чтож это оставить девчонку одну с повесой, — говорил он, пользуясь всеми возможными оружиями против бессловесной, испуганной дочери, которая чувствовала, что теперь нашло на отца то расположение духа, в котором он бывает так несправедлив и страшен.

— Что это, распутный дом? И вы меня уверяете, что это ваш друг. Это б.[...], а вы дура, несмотря на всю вашу философию и математику. Я вас выучу. Идите к ним и чтоб я не видал слез. Ну! — Он дернул ее за руку, перевернул и толкнул по направлению к саду, а сам, заложив руки назад, стал ходить по аллее. Княжна не пошла к ним, а, отойдя из вида, села на диванчик из берез с корою и залилась слезами. Анатоль с цветком в бутоньерке, цветущий, сияющий и довольный, возвращался из английского сада, ведя под руку *m-lle Bourienne*, у которой тоже в косе был воткнут поздний левкой. Им было очень весело. Князь не разжимал рта до обеда. Княжна ушла в свою комнату и было послано за доктором. *M-lle Bourienne* ушла к ней. Анатоль пошел в оранжерею и ел десятками персики. Но Лысым Горам² нынешнее лето и день было счастье на посещение. Перед самым обедом из окон слышались звуки экипажей и высланный Тишка узнать, кто едет, объявил с расстрепанно-радостным видом, что едут молодой князь с княгиней. Княжна не выбежала теперь, а из окна своей комнаты смотрела на приближающиеся два экипажа>.

Старый князь и теперь при предстоящем свидании с сыном продолжал гордиться. Одна его походка показывала, что теперешняя встреча его есть выражение великого снисхождения. Тишка и другие лакеи, окружившие экипаж, почтительно расступились, хотя и никак не могли бы помешать пройти барину. Молодой князь высаживал жену. Он оглянулся на отца, не улыбнулся, ни одним движением не выразил волнения и только, когда маленькая княгиня была на земле, неторопливо подошел к отцу и поцеловал его руку. Отец обнял его и подставил ему еще бритую щеку.

— Вот моя жена и с будущим внуком,³ батюшка, — сказал князь Андрей. — А, *Marie*. — Княгиня, быстро расклевываясь, подошла к свекру, поцеловала его руку и, как всегда улыбаясь, начала тараторить. Она говорила, что князь гораздо моложе, чем его описывали, что он *André* в братья годится, что *Marie* она по письмам любит давно. Князь Андрей в это время был окружен дворней, от целования ручек которой он с трудом мог отбиться. Скоро показалась и *Marie*, тяжело, неловко, бегом ступая на всю ногу, но так светло глядя на брата и невестку своими добрыми¹ [ханжа,]

² *Зачеркнуто*: большую часть года

³ *Зач.*: *mon père*

глазами, что ежели маленькая княгиня только к слову сказала, что она ее любит, то она теперь должна была истинно полюбить ее. André при отце бывший тем же¹ холодно надменным человеком, каким он всегда был, просиял при виде сестры. Глаза его зажглись тем ласковым блеском, который тем приятнее поражал, что он редко показывался.

— Ну, однако, мы сейчас обедаем, — сказал старый князь. — Подите обчиститесь, обмойтесь и приходите, или ты хочешь здесь, Louise, — обратился он к невестке, которая ему видимо понравилась.

— Нет, я приду.

— Помни, что ты здесь дома.

Они еще все стояли на крыльце, когда Анатоль в своем пестром жилете на мощной, выпяченной груди, досмаковывая сочной персик, подошел к ним, поклонился маленькой княгине и, нисколько не замечая того, что он лишний в эту минуту и стесняет,² вступил в разговоры.

André, не любивший все семейство К[урагиных], сухо обошелся с ним и повел всех в комнаты. Комнаты были убраны³ от полу до потолков зеркалами и персидскими коврами, привезенными князем еще из Турецкой кампании.

Обед прошел стесненно вследствие болезни княжны, присутствия постороннего Анатоля и его приставаний к m-lle Bourienne, которых все старались не замечать, но которые Анатоль, казалось, старался выказывать. С маленькой княгиней он не успел поговорить, так как князь постоянно был занят ею. Андрей уходил в комнату к Marie и они там подолгу о чем то счастливо беседовали и замолкали, когда приходил кто иибудь посторонний.

С вечера приехал губернатор⁴ и еще два родственника князя. На другой день, предшествованный исправником по починенной для него дороге, приехал в дормезе и князь Василий и имянины князя П. К. были встречены так парадно, как⁵ уже давно не было. Рано утром сделаны были князем распоряжения о столе на десять кувертов, о стерлядях, и при осмотре оранжереи, за оказавшиеся выданные без приказа князя министерскому сыну восемнадцать персиков лучших, был на конюшне наказан садовник и приказано впредь сказать министерскому сыну, что князь дают персики, а никому брать не позволяют. Кроме того сделано распоряжение в девичьей, что ежели, как вчера, будет ночью ходить около дома министерский сын, то вылить⁶ ему из окна на голову то, что выливают.

¹ *Зачеркнуто*: гордым, надменным

² *Зач.*: принялся рассказывать

³ *Зач.*: цельными

⁴ *Зач.*: архиерей

⁵ *Зач.*: никогда еще

⁶ *Зач.*: с верхнего

¹ <Утром в день имянин² холодный³ князь Андрей, с вечера уговорившись с сестрой, встали рано с тем, чтобы пойти сентиментально сделать странствие по всем любимым местам детства. Сестра была единственное существо, с которым князь Андрей не стыдился показывать всё то, что было у него в сердце. Они пошли в сад под дуб, где у них был воображаемый дворец, за кухню, где потихоньку от отца у них был погреб и они, оставив потихоньку молоко, ставили его на ночь на луг, где они оба (все потихоньку) любили лежать кверху лицами и говорить, что они будут делать, когда будут большие.

— Неужели *c'est pour tout de bon*,⁴ что тебе предлагают этого князя К[урагина] в женихи? — спросил он. — Мне жена говорила, я не верил.

Княжна покраснела.

— Да, говорят. — Они были дружны, расположены любить друг-друга, но, долго не выдавшись, между ними было что то лишнее, неясное. Они больше были расположены любить друг друга, чем любили.

Княжна не была откровенна.

— Он не стоит твоего башмака. Я ничего не говорю. Но я бы хотел тебе больше счастья.

— Ах, André, не всем такое счастье, как тебе, моя судьба странная. Я знаю, что *mon père* любит меня. Но право мне тяжело иногда становится.

— Знаю, знаю.

— Ежели бы я могла уйти куда нибудь и посвятить себя богу.

— Зачем мрачные мысли.

— Я вчера говорила с Лизой. Ежели б я меньше других любила, я бы готова была погубить себя и выйти за первого встречного.⁵

— Ваше сиятельство, — перебил их в этом месте разговор Пухлов, — имею просьбу.

— Кто это? — спросил брат у сестры по французски.

— *Papa l'a renvoyé, il a été intendant; on dit qu'il est très méchant.*⁶

Пухлов, унижаясь, стал объяснять, что он не виноват, что на него наговоры и просил заступничества.

Князь Андрей вдруг похолодел.

— Что отец делает, то хорошо и, ежели вы хотите итти в военную службу, России нужны люди, чем унижаться, как теперь дворянину. Извольте итти.

¹ *Зачеркнуто*: На другой день у[тром]

² *Зач.*: гордый

³ *Зач.*: на вид

⁴ [серьезно]

⁵ *На полях*: Больше не ув[идит] *m-lle Bourienne*. Вечно спокоен, а у нее — беспричинная тревога.

M-lle Bourienne, si vous voulez rester chez moi, il faut se conduire convenablement [Г-жа Бурьен, ежели вы хотите оставаться у меня, надо вести себя прилично.] Александру соблазнил.

⁶ [Папа его уволил, он был управляющим, говорят, что он очень злой].

— Слушаю-с, — сказал Пухлов, — а я думал милости, — и ушел.

— Как ты строг, однако, — сказала сестра.

— С этим народом нельзя иначе.

Они вернулись, все встали. После поздравлений и завтрака никто не знал, куда деваться, как это бывает в торжественные дни. Анатолий до неприличия лип к m-lle Bourienne, так что André прямо должен был сказать ему, что это нехорошо>

M-lle Bourienne была в нерешительности: бежать, как уговаривал ее Анатолий, или остаться.

Старые два князя в кабинете имели конфиденциальный разговор о судьбе своих детей (несмотря на то, что министр князь Василий уважал невольно отставленного князя).

— Eh bien, mon Prince,¹ — своим скучающим тоном, — у вас товар, у меня купец, comme je vous l'écrivais dernièrement, qu'en pensez vous? Vous avez vu le jeune homme.²

Князь В[олконский] говорил князю Василию ты по старой привычке.

— Ну, что ты хочешь этим сказать?

— Я говорю, князь, согласны ли вы бы были une liaison plus intime entre nos familles, c'est à dire un mariage entre nos enfants.³

— Согласен ли я? Это я после скажу. А первое, я предоставлю решить это дочери. Но в этом случае я и спрашивать не стану, твой сын дрянь. Его надо сечь еще, — сказал он решительно.

— Ну, однако.

— И даже я тебе очень рад, но сыну ты своему скажи, чтоб он убирался, а то я его выгоню вон. Вот что.⁴

— Я знаю, вы вспыльчивы, ну что ж, не будем говорить.

— И не будем, пойдем обедать.

За обедом говорили о войне, то есть все слушали, что наверху стола говорили два князя. Они перебирали корпуса, начальников. Князь Николай Андреевич говорил, что набор тяжел, что полководцев нет. Князь Василий заступался за Кутузова. Князь Андрей заступался тоже. Отец его презрительно усмехнулся и стал рассказывать силы, средства и искусство Наполеона, которые он, сидя в деревне, лучше знал, чем он, полковник.

Анатолий напился совсем пьян и, когда отец его позвал к себе и распек его и велел уехать, то он нагрубил отцу и объявил, что он на этом уроде ни за что не женится, и на другой день уехал.

Через неделю князь Андрей собирался ехать, коляска стояла у крыльца. Отец проводил его до коляски и долго целовал и сам¹ [Итак, князь,]

² [как я вам недавно писал, что вы об этом думаете? Вы видели молодого человека.]

³ [на более тесную связь между нашими семьями, то есть на брак наших детей.]

⁴ *Зачеркнуто*: Мне жалко

заплакал. Он не благословлял и сказал даже, что находит это пустяками, что человек всё делает сам, а бог ничего.

— Ну, прощайся с женой.

Маленькая княгиня повисла и огромным животом прижалась к мужу, но и тут она была ему противна. Он чуть не заплакал, прощаясь с Marie. Кирил камердинер вскочил и коляска уехала.

Старый князь не выходил на другой день и был болен.

Не один князь Андрей прощался перед войной. Война чувствовалась тогда во всем, полки шли, подводы наряжались, ехали генерал-адъютанты, великие князья и сам государь проехал. Ему чинили дороги. Исправник в имении князя, где была знаменитая грязь, стал [бить]¹ на отчаянность, навозил и раз[возил]¹ грязь. Государь прокатил, как по шоссе.

В народе ходили толки о [Наполеоне], говорили, что он уже побил австрийцев. (Как всегда молва предсказывала [это]).

Между помещиками шли отставн[ые]. Пухлов пристроил свою жену к двоюродным и пошел в Азов [и как] провиантский чиновник нажил уже состояние. Письма просительные [за] сыновей надоедали всем генералам. Вся Россия хотела быть адъютантом. Слышно было, что Кутузов с войском уже перешел границу. Гвардия, говорили, выступит. Все подписывались на газеты. Все ждали успеха. Правительство было молодо и все надеялись.

Но хотя дошли слухи о побитии австр[ийцев], слуху этому порадовались. Тем лестнее будет русским побить Наполеона, победителя австрийцев. Вот гвардия великолепная, богатая, прошла с обедами и угощениями, вот государь уж там, курьеры и эстафеты летят чаще, полки ближе и ближе приближаются к границе и все ждут, все ждут, кто новых наборов, кто <победы и славы>.

** № 13 (рук. № 46).

<12 Ноября 1805 года русские войска под командой Кутузова,² сделавшие отступление к Брюнну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров. Гвардия³ ночевала за⁴ пятнадцать верст, вступала в Ольмюцкой лагерь прямо на смотр в десять часов утра.

С вечера в армии, стоявшей лагерем, был отдан приказ чистить амуницию.⁵ Кутузовская армия стояла уже под Ольмюцом, соединясь с Буксевденом, и ожидала гвардию. Лагерь занимал огромное поле, кавалерия занимала деревню. Ночь⁶ 12 ноября была ясная и с первым морозом не выше трех градусов. В одном¹ *Оторван кусочек рукописи.*

² *Зачеркнуто:* и Багратиона

³ *Зач.:* остановилась

⁴ *Зач.:* два перехода и должна была

⁵ *Зач.:* и готовиться на смотр

⁶ *Зач.:* накануне

из домов предместья города¹ собралось человек пятнадцать пехотных и кавалерийских офицеров в трактире.

— Господа, завтра царской смотр, гвардия пришла,² в часу отсюда, — сказал батальонный адъютант, входя в комнату.

— Врешь! Кто тебе сказал? Приказ вышел? — послышалось с разных сторон.

Офицеры сидели группами. У одного стола метался банк. Банк метал казначей Киевского полка, раненный в руку, понтировал сильнее всех гусарской офицер или юнкер, нельзя было разобрать, потому что шинель была на нем солдатская, с солдатским крестом, а сабля офицерская.

Гусар этот³ был⁴ запачкан и очень молод. Ему было лет шестнадцать на вид.⁵ Игроки, кто лежал, облокотившись лежа на стол, пристально и тупо следя за банкометом записывающим и, придерживая левой рукой над столом колоду, правой загребающим деньги. Кто переминался на месте, кто, оправляя волоса и глядя лицо, отходил от стола и, шевеля губами, прохаживался по комнате, стараясь опомниться, кто рвал понтерки и бил кулаком по столу, кто считал на коленках деньги, кто шутил (как один высокой, старый уланской офицер) старой,⁶ десять лет повторяющейся шуткой, никого не смешившей. Кто требовал вина и в одно время, не глядя, выпивал и, загибая карту, ставил. Банкомет, с раздраженным вниманием собрав все силы, старался спокойно следить за всем. Молодой гусар, стоя у стола и поставив⁷ ногу на скамью, играл весело.⁸ Он играл счастливо, около него на столе лежала хорошая кучка золотых.

— Эй динер! — крикнул он, нарочно по-русски выговаривая ди с тем выражением покорителя, с которым военные любят обращаться к жителям. Банкомет ждал гусара.

— Что будете ставить граф? — спросил он. Гусар не отвечал и заметив, что⁹ хозяин подошел не сейчас к нему, а к двум австрийским офицерам,¹⁰ которым он нес глинтвейн, он, не отвечая банкомету и не снимая ноги, повернулся к¹¹ хозяину и в смелых¹² глазах его и в особенности в выражении сжатых губ¹³ блеснула¹ *Зачеркнуто*: накануне сидели офицеры за столами и играли в карты

² *Зач.*: в Линц

Поперек текста: Молодой гусар поехал один в лунной ночи. Первая женщина.

³ *Зач.*: с голубыми глазами и курчавой головой

⁴ *Зач.*: невысок

⁵ *Зач.*: Он был даже не богат. Это все знали. Но во всей этой толпе офицеров, пехотных и кавалерийских, окружавших банкомета, этот гусар был замечен, как муха в молоке. Он стоял. Большинство офицеров

⁶ *Зач.*: сто

⁷ *Зач.*: стройную, маленькую

⁸ *Зач.*: и казался свободен. Эй ты

⁹ *Зач.*: слуга

¹⁰ *Зач.*: сидевшим за другим столом

¹¹ *Зач.*: слуге

¹² *Зач.*: глазах в слишком смелых, почти наглых

¹³ *Зач.*: которые в углах всегда оставляли складку, черту насмешливости

та черта вспыльчивости и решительности,¹ которая страшна очень у молодых людей.

— Динер, — закричал он. — Ну!.....² Хозяин всем телом повернулся, расплескал глинтвейн и подошел к нему.

— Вот так то! — сказал он. И начал по немецки³ вполне хорошим выговором. — Hören Sie mal... bringen Sie mir... Nu, was soll ich nehmen... — Он видимо нарочно медлил — ну, ich will nichts. Gehen Sie.⁴ — Хозяин ушел. В это время вошел офицер с известием о приходе гвардии. Опять банкOMET ждал, потому что граф гусар прислушался и стал спрашивать, где ночует гвардия и какие полки, пришел ли Измайловский. БанкOMET раздосадовался.

— Я мечу. Готово.

— Измайловский пришел? Вы говорите, в стороне за городом? — спрашивал он. — Атанде, — проговорил он, видимо на что то новое решившись. Гусар счел свои золотые. — У вас сколько в банке?

— Вот видите, — отвечал с досадой раненный банкOMET.

— Считите, — повторил гусар.

— 2300 гульденов, да вот запись 1800... — сказал банкOMET недовольный, но однако исполняя требование противника.

— Ну, запись... ваше дело, — сказал гусар, видимо практичный в игре, несмотря на свою молодость.⁵ Он отсчитал из своих золотых столько, сколько было на столе, поднял с полу валявшуюся понтерку, это была семерка, и двинул всё на середину стола.

— Два с боку, — сказал он, оставшиеся от его денег два золотых положил в карман и надел фуражку.

— Бита, — сказал кто то. Граф повернулся и пошел в лагерь.

— Соколов, поедem к гвардии, — крикнул он одному Павлоградского полка офицеру.

— Поедем! — Они вместе стояли в палатке. Соколов согласился. Только что они вернулись в грязный лагерь в свою палатку, загроможденную двумя кроватями, одной на колушках, другой на вьюках, и Простой велел седлать лошадь, казачьего подъездка, как вошел вахмистр и доложил, что эскадронный командир велел готовиться к⁶ завтрашнему смотру.

— Нельзя ехать, Простой.

— Вздор, коли бы драться так так, а то смотр, чорт его дери, я поеду, ты оставайся.

— А спросят?

¹ *Зачеркнуто*: ни перед чем не отступающая и перед которой всегда покоряются люди.

² *Зач.*: и он испустил солдатское ругательство и гнев заблестел в его лицо и всей его фигуре. Слуга

³ *Зач.*: отличным

⁴ [Послушайте-ка... подайте мне... ну, что мне взять... мне ничего не нужно. Ступайте.]

⁵ *Зач.*: Ва банк

⁶ *Зач.*: на ученье

— Ну говори, что хочешь.

— Ну чтож, ты выиграл или проиграл?

— Вот, — сказал Простой, показывая, — два червонца только осталось. А много был в выигрыше, чорт с ним. Марков, — обратился он к вахмистру, — на, выпей водки.¹ Коли я не поспею, скажи что болен. — Он сел на² старую казачью лошаденку и нагайкой погнал рысью по каменистой, освещенной месяцем дороге к Ольмюцу.

В темноте приехал он к деревне, в которой стояла гвардия. Два раза его не хотели пропускать³ часовые, но он объявлял, что он послан к великому князю, раз он наткнулся было на самого великого князя и наконец попал по показаниям солдат на кашеваров Измайловского полка, узнал, где 4-я рота, и добрался наконец до⁴ квартиры прапорщика князя Горчакова.⁵

** № 14 (рук. № 46).

Не один князь Андрей тогда простился с семьей, оставил беременную бесчувственную жену и весело и бодро скакал куда то туда, где ему казалось, что его ждет слава, а где его ждала может быть смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев. Nicolas Простой, еще прежде князя Андрея, с свойственным ему несколько напыщенным энтузиазмом, в гусарском юнкерском мундире, как будто с болью отрываясь, перецеловал мать, сестру, Соню, Лизу и, гремя шпорами и содрогаясь мускулами сильных молодых ног под натянутыми панталонами, сбежал вниз и, говоря всем⁶ встречным кстати и некстати: «прощай, прощай!», вскочил в телегу и трагически махнул рукой и закричал: пошел!

В день его отъезда J[ulie] O[хросимова] как бы нечаянно случилась у⁷ Ростовых. Когда Nicolas простился со всеми, она подошла к нему и с восторженной улыбкой подала ему руку:

— Желаю вам славы,⁸ — сказала она ему. — Я понимала вас и надеюсь, что вы.

Nicolas был в восторженном состоянии, в котором ему хотелось всем говорить значительные речи. Сам не зная почему, он, целуя руку J[ulie], сказал ей таинственным тоном.

— Да, всё узнается, когда придет время. — Nicolas сам не знал, что означала его фраза, а J[ulie] поняла ее по своему и на¹ *Зачеркнуто*: Да смотри, приготовь мне к завтрашнему <мундир> смотру лошадь, как хочешь.

² *Зач.*: плохую полковую лошадь и пустился

³ *Зач.*: сквозь цепь

⁴ *Зач.*: палатки

⁵ *На полях*: — Где князь Горчаков? — спрашивал он.

— Нет такого, в 3-м батальоне спросите, там князей много.

— Э, Валенчук, — отозвался молодой солдат, — в 4-ой роте с капитаном стоит, князь никак?

— И то кажись он, спросите [?].

⁶ *Зач.*: дворовым

⁷ *Зач.*: Простовых

⁸ *Зач.*: и поэзии

основании этой фразы писала княжне, что при прощании с Nicolas Ростовым были сказаны важные слова.

Nicolas Ростов догнал полк в Радзивилове и уже с полком выступил за границу.¹ Он, хотя и не участвовал, но от товарищей слышал о Кремском поражении Мортье и слышал канонаду, он под Шенграбенем с полком ходил в атаку и упал с убитой под собой лошади. Он испытал весь ужас ночного отступления и всю гордость сознания, что он в числе четырех тысяч удержал сорокатысячную армию Наполеона.

Борис Горчаков стоял с Бергом. Гвардия, как известно, шла, как на гуляньи. Ранцы везли на лошадях, офицерам были готовы обеды везде. Полки шли в ногу и офицеры шли пешком. Так шел Борис с своим товарищем.² В то время, как³ Ростов, привязав лошадь, как буря ворвался к ним, они чистенькие, Берг в шелковом халате, а Борис в венгерской курточке, которую он купил дорогой, сидели в чистой квартирке, отведенной им, перед круглым столом. Борис на диване с ногами, Берг на кресле, пили чай и играли в шахматы.

— Нет, Юлий Карлыч, теперь я не поддамся, — говорил Борис, — ретируйтесь отсюда с царицей. — Юлий Карлыч держался за царицу и курил из длинной трубки, стоявшей на полу.

— Это что за гром! — сказал он, оборачиваясь, как влетел Федор Простой.

— Ты откуда?⁴

— Гвардия? пети зенфан але куше дормир (это говорила дома барышня приживалка, обоим одинаково знакомая), — закричали они друг на друга, говоря глупые слова и помирая со смеху без смешной причины, но только от радости. Берг даже улыбался, хотя чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

— Ах вы, полотеры проклятые! чистенькие, свеженькие точно⁵ *Зачеркнуто*: Много очарований перестали быть очарованиями, много столкновений и грязных и тяжелых испытал Nicolas, как и все молодые люди, из родительского дома поступающие в военную службу; зато он и много переменялся за эти три месяца. Он убедился, что не все гусары рыцари, что есть между ними подлые люди. Он уже успел проигратся в карты и вызвать на дуэль одного корнета и нагрубить ротному командиру. Но натуры, подобные Nicolas Ростову, мало что милы, они понятны большей части людей, и его полюбили товарищи и нашлись покровители. Про дом он в это короткое время совсем забыл и писал только раз, прося поскорее прислать ему проигранные им пять тысяч и обещая не играть больше, но в тот же вечер он проиграл еще три тысячи и писал еще. Nicolas Ростову посчастливилось зато сделать весь знаменитый поход Кутузова, два раза побывать в деле с французами и быть произведенным в офицеры. При нем пришел слух о разбитии и полонении Макка и австрийской армии. Он даже сам видел Макка в Браунау; при нем пронесся слух о том, что Наполеон со всей армией наступает на русскую кутузовскую армию. Он был из первых, видевших в глаза врага при сожжении моста через Дунай.

² *Зач.*: Бергом, ротным командиром Бергом. Они и стояли вместе.

³ *Зач.*: Простой

⁴ *Зач.*: Ах, чорт тебя возьми!

⁵ *Зач.*: на Невском

с гулянья, — кричал¹ Ростов так громко, что хозяйка высунулась из двери посмотреть на крикуна. — Ну рассказывай, когда видел моих. <Проходили> через Спасское? Что Наташка моя милая?

— Какже мы дневали в² Спасском в вашем, — вмешался Берг, — какой прием был войскам от вашей маменьки.

— А, Берг, здравствуйте,³ — сказал Простой, протягивая покровительственно руку штабс капитану гвардии и ротному командиру.

— Видели всех, — отвечал Борис, удивляясь на свободу обращения и на мужественность лица своего старого товарища,⁴ — но давно, но вот письма и здесь получи, я привез тебе шесть тысяч рублей. А Наташа, Наталья Ивановна, — поправился он, — без тебя совсем другое стала...

Простой подвинул стул, сел верхом на него и рукавом сшвырнул на диван все шахматы.

— Ну их к чорту. Садись, рассказывай. — Борис удивлялся на это армейское молодечество, которое так усвоил себе Простой и которое он теперь перед гвардейцами, как ему казалось, нарочно утрировал. В сущности же теперь только в первый раз сам Ростов, примеряя себя к старым отношениям, чувствовал, насколько он вырос. Всё ему казалось ясно, легко. Он, заставляя удивляться своей развязности, сам в первый раз удивлялся на нее.

— Знают они об наших делах? Знают, что я произведен? — спрашивал он.

— Где же знать, мы только теперь узнали, — отвечал Борис, не переставая любясь [и] улыбаясь на своего⁵ друга. — Ты был в деле? — спросил он.⁶

Простой небрежным движением⁷ тряхнул по своему солдатскому Георгию, выдвинул свою подвязанную руку и улыбнулся.

— Энс, Шенграбен, корнет и представлен в поручики, — прибавил он. Но он тотчас же переменил разговор.⁸

— Ну, а твой старый пес⁹ Алексей тут?

— Тут.

— Эй! чорт¹⁰ Алешка!

Вошел добродушный и видимо хорошего дома слуга.

— Поди сюда, целуй меня, старый кобель! — И он обнял его.

— Имею честь поздравить ваше сиятельство.

¹ *Зачеркнуто:* Простой

² *Зач.:* в Лысых Горах у князя Волконского

³ *Зач.:* батюшка

⁴ *Зач.:* они не сердятся на тебя нисколько

⁵ *Зач.:* героя и

⁶ *Зач.:* — А это что? Кремс, и отступление. Нет, брат.

⁷ *Зач.:* старого воина

⁸ *Зач.:* которым он любил всегда капризно руководить по своему. Он всегда начинал говорить об одном, и как только все следовали за ним, он вдруг бросался совсем на другой предмет, переводил всех за собой и опять тотчас же бросался в другое. Теперь он не ответил на поздравление Берга и спросил о старом слуге Бориса.

⁹ *Зач.:* Никита

¹⁰ *Зач.:* Никитка

— Ну, давай полтинник за извозчика заплатить, — сказал он, напоминая те времена в Москве, как он занимал у старика по гривенникам. Старик, приятный¹ и приличный всегда, засмеялся.

— Извольте, ваше сиятельство, офицеру и кавалеру поверить можно, — и стал доставать из кармана.

— О, гвардия на политике [?]. Как я ему рад, этому старине. — Он опять переменял разговор, отвернулся. — Пошли у маркитанта взять шампанского.

Борис не пил, но с радостью достал из-под чистых подушек тощий кошелек и велел принести вина.

— Кстати и тебе отдать твои деньги и письма.

— Давай, свинья этакая, — закричал Ростов, хлопая его по заднице в то время, как он, нагнувшись над шкатулкой, хлопал в ней звенящим английским замком и доставал деньги.

— Ты потолстел, — прибавил Простой.

У Бориса всё, от постели, сапог, до кошелька, чистоты ногтей и звенящего, несломанного замка с секретом шкатулки — отзывалось умеренностью и порядочностью. Он дал пакет, письмо. Простой облокотился на стол, почти повалившись на него, засунул руку в курчавые волосы, комкая их, и стал читать. Он прочел несколько строк, блестящие глаза его потускнели, прочел еще, еще страннее стал его взгляд,² и вдруг две слезы потекли по его щеке и носу, и он только успел закрыть лицо.

— Я свинья, не писал им, — сказал он вдруг. — Берг, милый мой! Послушайте! Когда вы сойдетесь с задушевным другом, как это животное, и я буду тут, я сейчас уйду и сделаю для вас, что хотите. Послушайте, уйдите пожалуйста куданибудь к чорту. Вы знаете, я от души говорю, — прибавил он, хватая его ласково за плечо и тем стараясь смягчить грубость своих слов. «И как это всё просто и легко», сам себе удивляясь, говорил Ростов, «гораздо лучше так быть со всеми».

— Ах, помилуйте, граф, я очень понимаю, — сказал Берг, говоря как то в себя и раскачивая, вдавливая шею в грудь в знак успокоения.

— Вы к хозяевам пойдите. Они вас звали, — прибавил Борис с своим всегдашним мягким и полным такта обращением. — Вы скажите, что я ужинать не приду.

Берг надел сертук, такой чистой и франтовской, какого не было во всей армии, с эполетами и, сделавшись вдруг красивым офицером, вышел из комнаты.

— Я свинья! Смотри, что они пишут.³

¹ *Зачеркнуто:* чистый

² *Зач.*: и выражение кротости в губах, несмотря на эту, вечно остающуюся презрительной, складку в углах губ или особенно вследствие

³ *Зач.*: «Милый наш друг Федя. Всё забыто. Посылаю тебе наше благосло[вение]». Он показал середину письма: «о том, что было между нами, не будем говорить. Виноват ты, виноват и я, да простит нас бог. А жить с мыслью, что единственный любимый мой сын боится меня, оставил меня с упреком в сердце и оставил меня, чтобы»

«Думать, что ты, мой бесценный Коко, находишься¹ среди ужаснейших опасностей, свыше моих сил. Ты,² милый мой сын, дороже мне всех моих детей, да простит меня бог.³ Да простит тебе бог те слезы, которые я по тебе выплакала и да не даст тебе испытать тех мучений...» Далее шли подробности о домашних, советы и приложено было рекомендательное письмо к князю Багратиону. — Ну его к чорту, я⁴ не пойду.

<Вдруг углы губ поднялись выше и выше и Федор Простой улыбнулся, не> сводя глаз с темного угла комнаты, в который он задумчиво смотрел.

— Ну, а m-me Genlis всё та же? А Наташка милая моя? Все тоже? — Он улыбнулся. Борис улыбнулся тоже не насмешливо, не от чегонибудь, а только от радости.

— Расскажи про ваши дела.⁵ Нам рассказывали, да правда ли всё...

— Ну, после, а Соня что?

— Ты ее не узнаешь, как она похудела, как она убита, это не тот человек... Напиши ей.

Опять Федор Простой задумался и опять потускнели его глаза.

— Да, — сказал он, — меня все любят, я это знаю, но вот сердце мое знает, что она одна всегда будет любить меня, никогда не изменит. От этого я и мало ценю ее. Все мы эгоисты. Ну рассказывай ты... как вы шли.⁶

Как только Берг ушел, Простой стал другим, более кротким, простым человеком и сбросил с себя всё это прежде выказываемое гусарство, которое, как ни шло к нему, затемняло в нем того доброго, пылкого, честного юношу, которого справедливо любили столь многие.⁷

Борис⁸ рассказал про проводы и поход в России и за границей.⁹

¹ *В рукописи:* находится

² *Зачеркнуто:* блудный

³ *Зач.:* Всё забыто и ты опять мой милый, дорогой неоцененный Федя.

⁴ *Зач.:* в пехоту. Б[орис] бы отдал жизнь

После этого позднейшая вставка в текст:

Борис с недоумением посмотрел на друга.

— Напрасно, мой друг, а у меня так было письмо от маман к адъютанту Кутузова, князю Болконскому, я переслал, и он тут встречает великого князя и хотел зайти. Что ты не знаешь его?

— Нет, я этой дряни штабной не знаю, — сказал Ростов.

⁵ *Зач.:* К нам приезжал ваш адъютант, да я не видал его

⁶ *Зач.:* как вы у моих были?

⁷ *На полях:* Не умеет рассказать без лжи, слишком трудно

⁸ *Зач.:* не рассказал всего похода, он только рассказал, как он был у князя Волконского, как княжна ухаживала за ними, спрашивала о нем, Простом, и боялась спрашивать, как потом приехали из Спасского все Простые и он успел пробыть у них восемь часов.

⁹ *Зач.:* У <нас> меня история была с батальонным командиром Вревским. Он переведен к нам на шею из Преображенского.

<Офицеры> Солдаты, надо тебе сказать, вели себя удивительно. Ведь переходы были по сорок пять верст и, несмотря на то, нигде ничего, вдруг этот барин под Краковым послал фуражировать из нашей роты. Я ему сказал, что не пойду, он хотел меня под арест и отправил к полковому командиру,

— У нас, надо тебе сказать, две партии: аристократов и плебеев.

— Погоди, вот проберут вас.¹

Принесли шампанское.

— А мне не хочется, — сказал Простой. — Ну, налей, всё равно. <Это, брат, пустяки.² В первый раз нас пустили под> <Кремсом> Энсом, ну жутко, а потом гадко на других и зло берет. Нет, брат, как мы отступали от... вот это было, я бы вас пустил туда. Мы, брат, бежали, как зайцы, сбились, наш полк попал не в ту сторону>.

— Да как же диспозиция разве вам была неизвестна?

— Э, брат, диспозиция, дислокация.³ Бросилось всё, сбилось в кучу, адъютанты скачут, отступать по какой [то Клап]ау, а чорт ее знает, что за Клапау?⁴ Тут атака эта в Шенграбен, тут атака. Лошадь убили и ранили. Ай, ай, — покачав головой. — Ну, хорошо, что привез денег, а то нет. Я просадил на одну немочку. Что за прелесть в Раузнице, когда мы стояли авангардом, она приезжала из Аустерлица, это городишка скверный, она дочь сапожника. Что за пуховики — умора.⁵

Приятели почти до утра сидели, разговаривая и не обращая вниманья на Берга, который вернулся и лег спать.⁶

На полях: он хвалит русские войска.

Позднейшая вставка в текст:

Важнее и серьезнее всего в его гвардейской жизни, видимо, казалась им стройность, чистота, красота их корпуса гвардейского. Борис улыбался радостно, когда говорил о входах и выходах полка и т. п. Но еще важнее представлялось ему отношение с самим великим князем. <Его боялись, как огня, но радовались на него. Оборвет.> Он с радостью и хвалой рассказывал, как его боялись, как он горяч, но зато если впереди, всё, всех знает, дорожит честью гвардии и уж что хочешь проси. <Он говорил со мной раз. И можешь себе представить. Арнауты, ругал. Ты кто?> Как взбесится, пена у рта. — Арнауты! но зато в добрую минуту что хочешь сделает и уж не даст в обиду.

¹ *Зачеркнуто:* Да Расскажи же, где ты был в первый раз в огне

² *После этого позднейшая вставка в текст:*

Выпив вина, Ростов стал рассказывать по просьбе Бориса свои военные похождения.

— Сначала Э[нский] мост, — говорил Ростов, — всё переврали, и мост оставили. — И Ростов рассказал выдуманный рассказ атаки, которой не было и не бывало и который он слышал от В[аськи] Д[енисова].

³ *Зач.:* всё это вздор, ну какая диспозиция? Мы стоим лагерем, у нас перемирие, ждем, скачет дурак какой то, говорит, слышали выстре[л] и пошла писать... Из чего мы деремся? Арк[адий] рассказывал про Энгийенского. Наполеон. Признание в честолюбии. В это время вошел красивый адъютант, князь Волконской.

⁴ *Зач.:* Лошадь у меня захромала. Всё это офицерство трусит, один майор у нас молодец.

— Ну, что ты играл?

— Немного, до сих пор выигрывал. Только денег нет.

⁵ *Зач.:* Нет, Расскажи, как же вы отступали.

⁶ *Зач.:* Толстой совсем забыл войну, службу, товарищество, игру и пьянство. В его воображении с живостью, ему свойственной, ясно стояли лица его детства и юности: семья, соседка Волкова и весь строй мысли того времени. Он на себя и на свою жизнь, рассказывая Борису всё испытанное, смотрел с той точки зрения.

— Совсем, брат, нет того, что мы думали. Во-первых, страшно, во-вторых, безалаберно, беспорядочно и, в-третьих, жалко.

— Я изрубил одного¹ линейца и как он схватился руками за острую саблю, так² и ссадил.³ Что скверно, брат, это: интрига, интрига и интрига.⁴ Немцы, — он оглянулся на Берга, — тебе я только скажу, я бы с нашими солдатами разбил бы Бонапарта.⁵

— Ну что Багратион?

— Молодец! Он подъезжал к нам два раза и <спокоен> все равно, как на параде....⁶

— Вот он уже пойдет, — сказал Борис, — стоит только забрать репутацию, а чины тогда можно.

— Ты уверен, что ты будешь главнокомандующим? — вдруг помолчав спросил Толстой.

Борис подумал немного,

— Да уверен, — сказал он, слегка улыбнувшись. — Нет, постой. Я боюсь первого дела. Ежели я не струшу, тогда я уверен, что я всё могу.

— И я думаю часто теперь, — сказал Толстой, — государь ведь может прямо произвести в полковники, ну вдруг убьют полкового командира, всех эскадронных, я один останусь и оставят меня полковым командиром.⁷ — В это время вошел Волконский, двоюродный брат Бориса.⁸ Толстой не знал его, хотя и слышал про него, как про гордого, чопорного, французского юношу рыцаря.⁹ Он не понравился Толстому, красивый, тонкой, сухой,¹⁰ с маленькими, белыми, как у женщины, ручками, раздушенный и элегантный до малейших подробностей своего военного платья. Он не поклонился никому, искоса презрительно поглядел на Толстова и, когда его познакомили, лениво протянул руку и не *На полях*: равны Топчеевко [?] и князь Волх[онский]. Ср[авнение] с точки зр[ения] вое[нной] истории, с т[очки зрения] эпич[еской] поэзии и с н[ародной] т[очки] зрения.

¹ Зачеркнуто: chasseur [стрелка]

² Зач.: гадко стало

³ Зач.: А главное славы нет и не будет.

⁴ Зач.: У всех одна мысль ragvenir [возвыситься], общее дело идет, как хочет. Да и видеть нельзя, отчего так или иначе. А мне досадно.

⁵ Зач.: Чем страшнее, чем хуже, тем мне ясней дело и тем я храбрее.

На полях: Борис оставил его мальчиком и находил служакой. Он привирал.

Nicolas рассказывает историю Телянина и историю любви при лунном свете. Знаешь, с Sophie это ребячество.

⁶ Зач.: Но и у него эта толпа безобразная тунеядцев, адъютантов состоящих, начальников кавалерии, артиллерии и миллион еще, и у каждого обоз, коляски. А как награды, то все им.

⁷ Позднейшая вставка в текст: Во время этого рассказа вошел князь Андрей и с покровительственностью, которая очень не понравилась Ростову, взглянул на молодого гусара. Ростов продолжал, краснея и оттого раздра

жаясь.

⁸ Зач.: и сосед Толстова

⁹ Зач.: как его звали, и человека с характером, посмевшего против воли отца жениться на бедной, ничтожной дочери помещицы. Он был адъютантом главнокомандующего и теперь ездил в главную квартиру и получил оттуда письмо, извещавшее о рождении сына

¹⁰ Зач.: и женоподобный, элега[нтный]

пожал руки, а только предоставил свою пожатую. Адъютант¹ очень не понравился Толстому, считавшему себя уже обоженным боевым офицером, перенесшим уже много трудов и опасностей. Углы губ его поднялись выше, губы сжались, и Борис с свойственным ему тактом всё время следил за Толстым и незаметно смягчал недоброжелательство Толстого и вызывал В[олконского] на такие разговоры, которые бы не могли зацепить самолюбие Толстого. Толстой был однако поражен и даже почувствовал некоторое уважение этим презрением штабного паркетного молодчика к боевому офицеру, тогда как до сих пор все эти господа, как будто чувствуя свою вину блестящего и выгодного бездействия, всегда заискивали в нем и в ему подобных боевых офицерах, теперь сделавших славное отступление. Толстой начал продолжать рассказ о отступлении и несколько раз задевал адъютантов и штабных, говоря, что эти господа, как всегда ничего не делая, получали награды. В[олконский], видимо, нисколько не интересовался всем этим, как будто такие рассказы он слышал бесчисленное число раз и они уж успели ему надоеть.

— Ну что,² вы получили письмо? — спросил Борис.

— Получил, — отвечал В[олконский] по французски (он говорил на этом языке с особенным изяществом).³ — Все здоровы. В[олконский] развалился на диване с ногами, как будто был один и дома. — Как я устал.

— Ты в чем ездил?

— В карете, гадость страшная, разлом[ило]. Вели мне дать пить.

— Шампанского? Хочешь?

— Нет, избавь пожалуйста, воды дай.

Дав поговорить ему о домашних делах и не обращаясь к Толстому, которого видимо бесило молчание, Борис перевел его вопросом о том, что он слышал в главной квартире, на общий разговор.

— Кутузов говорил, что⁴ решен[о]⁵ наступать. Буксевден очень смешон. — В[олконский] говорил о всех этих главных лицах, как о хороших ему знакомых, приводя их слова ему и свои ответы.⁶

Толстой сказал о мнении Багратиона, о котором (о мнении) он слышал и которое было противоположно, и тем желая опровергнуть новости В[олконского].

¹ *Зачеркнуто*: не бывший в деле и чем то гордившийся

² *Зач.*: ты получил

³ *Зач.*: Жена родила сына и благополучно. <Отец> Сестра пишет, что надеется скоро свести отца с женою. Как он хочет, впрочем.

⁴ *Зач.*: почти

⁵ *Зач.*: Я был у Орлова. Багратион говорил что

⁶ *На полях позднейшие заметки*: Задирает Ростов
Готовятся к великому сражению, разговор.

Борис, желая узнать, намекает о своем письме Кутузову. Князь Андрей ничего не говорит, как будто не понимает. — Приходи после смотра, поговорим.

— Ну что Багратион, он хороший рубака, — отозвался В[олконский] с презрением о том, кто высшим лицом казался Толстому — а совет его очень не важен. Да, хотя наступать, не дожидаясь Эссена и пойдут, и наверно Бонапарт нас расколотит.

— Отчего же? — в один голос спросили Борис и Толстой.

— Наверно расколотит, потому что француз первый солдат в мире, а у нас половина армии изменников немцев, а половина диких казаков русских. Там лучший полководец мира, а у нас... — и он в первый раз улыбнулся, улыбка его была очень приятна. «Он должен был очень нравиться женщинам», подумал Толстой.

— Ежели бы мы так все думали, то нам бы надо бежать, как увидим французов, — закричал Толстой, — а мы пока не бежали.

— Еще как бежали то! — опять презрительно улыбнулся В[олконский].

— Мы не бежали, милостивый государь, мы дрались, а побегут те, кого растрясло в карете, и тот, кто боится имени французов.

В[олконский] не ответил и остался совершенно спокоен. Ни одна черта его лица не показала, чтобы он почел себя оскорбленным и удерживался бы. Он презирал мальчишку гусара так искренно, что не мог быть им оскорблен.¹ И он верно чувствовал себя столь далеким от трусости, что не мог сердиться.²

— Наступать надо, — сказал Борис, — потому что иначе он соберет армию из Италии.

— Ох, как расколотят, — как бы про себя и с улыбкой как бы удовольствия проговорил Волконский. — Не нам воевать с Бонапартом.

— Послушайте, вы дразнить меня хотите, — закричал Толстой, весь красный и уже придумывая, кого взять секундантом, — ежели вы не перестанете срамить свой и мой мундир, я вас заставлю замолчать.

— На дуэли я с вами драться не стану, потому, что это теперь не хорошо. Хоть и разобьют нас, всё надо, чтобы было нас побольше, и потому вы ошибаетесь, что можете меня заставить замолчать. А так я вижу, что вам, герою Браунаского бегства, неприятно это, так я не стану говорить, жалея вас. — И он вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое лицо³ тонкой и милой улыбкой, что Толстой молча смотрел на него. В[олконский] подал ему руку.

— Не сердитесь, сосед.⁴

Толстой только пожал плечами.

— Eh bien, mon cher.⁵ Ну что твои все? — совершенно свободно перешел В[олконский] к другому разговору. Он все говорил ¹ *Зачеркнуто*: Толстой понял

² *На полях*: Не хотел вас бить, у него уже была Вена

³ *Зач.*: честной

⁴ *На полях*: Приезжай ко мне праздник.

Женщина. Первая женщина.

Говорит о протекции. Пойдем.

⁵ [Итак, милый мой.]

по французски. — Здоровы? тетушка всё у Николая Явленного? Eh comment vont les amours?¹

Он поговорил еще, лениво встал и вышел, почти не кланяясь.

— Устал, спать хочется.

Борис стал извинять своего родственника, уверяя, что он отличный человек, удивительного сердца и характера, рассказал, как он в долг принес себя женщине ничтожной, только потому что считал себя к этому обязанным, но что он горд и странен.²

— Вот кто будет главнокомандующим, а не мы с тобой, — сказал Толстой. — Да что ты мне про него говоришь. Он мне очень, очень нравится.

— Ну, прощай и я. — Толстой сел на свою лошадку и поехал при заходящем месяце опять по каменистой дороге. Совсем другой строй мыслей установился в его голове. Все общественные, семейные отношения, забытые им, возникли в его голове. Уже рассвело, когда он приехал, и солдаты чистились к царскому смотру. Пехотные заиграли утреннюю зорю.

Тот, кто не знает того чувства, которое охватывает человека, когда он в строю идет или стоит на своем месте, чувствуя себя частью величественного, гармонического, огромного целого и ожидая одного слова или знака для того, чтобы со всей массой, всеми силами действовать в указанном смысле, и чувствует, что он тут такой же, как десять тысяч и все тоже, что он — ничтожество и высшее могущество — человек, тот не знает одного из сильнейших чувств, вложенных природой в человека. Это чувство гордости, радости ожидания и вместе ничтожества, сознания грубой силы — и высшей власти.

«Грам тарадам там там», и мерно движутся, блестя на полуденном солнце, тысячи ног и штыков, и движение это кажется неостановимо и безуильно, как движение солнца. Другая громада штыков, ног и грудей с перевязями стоит неподвижно и ждет знака, чтобы вздрогнуть и ударить в темп по тысячам ремней ружей. Еще громада лошадей, синих ног в стремянах и значков пик движется или замирает. Подрагивая, звонят орудия, дымят пальники и змеей ползет с своим тяжелым и упругим звуком артиллерия. Висят красивыми складками орлы знамен. Перед рядами проносятся панаша адъютантов. Нет людей, а только артиллерия, пехота, конница. Огромные массы и орудия их управления. Каждый член этих громад помнит всё и вполне забывает себя. В этом должно быть и лежит наслаждение. Всё двигается, передвигается, видоизменяется и приходит в большую и большую стройность.³ Как Топчеченко зацепил эфесом в поводья, как захромала Мушка и отослана, как разбил зубы молодому солдату фелдвებელ за то, что амуниция не чиста, как ящик заехал не в ту¹ [А как ваши сердечные дела?]

² *На полях:* Борис говорит: ступай домой, тебе пора.

³ *Зачеркнуто:* Все ряды стали и замерли

сторону и сворочен криком и скачкой, этого всего нет, и не было, и не может быть. Ряды стали — конница, артиллерия, пехота, артиллерия. Гвардия свежая, чистая, и кутузовская армия, щеголяющая ободранностью, неформенностью, и австрийская армия, но всё стройно, все замерло. Вдруг пронеслись звуки генерал-марша. Это не полковые музыканты из жидов играют, а сама армия издает звуки, и не ветер, а сама армия колеблет слегка знаменами, и вот слышался скок сотни лошадей свиты государей, и развеванье их панашей. Тишина мертвая. Но никто никого не видит, кроме государей. Один звук, и не каждый солдат, а армия загудела «здравия желаем», и звук этот не звук [З неразобр.] и так¹

Толстой в кутузовской армии, Борис в пришедшей гвардии — оба стояли на своих местах и испытывали то чувство счастья, которое испытывает всякой живой человек в эти минуты, и смотрели с замираньем на приближающуюся группу императорской свиты. В этой группе скакал на отличной лошади Волконский в блестящем мундире, сидя так же раскисло, но элегантно, как он всегда ходил и сидел. Одно слово, и вся эта громада пойдет и поскачет в воду, в огонь. И нельзя, невозможно не пойти. Громада связана, один влечет другого. Как же не замирать при виде этого приближающегося слова. И как слову этому не чувствовать себя в такие минуты выше всего земного.²

— Урра, урра, ура! — гремело со всех сторон (австрийские войска стояли сзади) и при этом потрясающем звуке, который каждый издавал из себя и слышал его подхваченным тысячами голосов, радовалось сердце. Вопрос о том, кто победит при предстоящей войне, казался Толстому несомненным в то время, как он слышал этот стон восьмидесяти тысяч человек на всем огромном пространстве Ольмюцкого лагеря. Так в эту минуту были уверены и все, начиная от государя, молодого, красивого, с своей величественной и приятной миной, благодарившего эти тысячи воинов, одних за поход, других за службу, и кончая последним солдатом. Толстой в первый раз рассмотрел государя, великого князя Константина и австрийского императора. Остановившись против его полка, государь сказал что то по французски австрийскому императору и улыбнулся. Толстой любил государя в эту минуту больше всего на свете и готов был отдать за него жизнь. За что? Не знаю, но это так было. Государь вызвал полкового командира, немца усача, и сказал ему несколько слов. Толстой завидовал ему всей душой. Государь обратился и к офицерам.

— Всех, господа, — (каждое слово слышалось, как звук с неба) — благодарю от всей души. Вы заслужили георгиевские знамены и будете их достойны. — Еще несколько слов солдатам и опять,¹ *Последняя строка, вследствие ветхости рукописи, прочтению не поддается.*

² *На полях позднейшая заметка:* Раузниц и Аустерлиц были заняты, там девочка.

Государь ехал на рыжей кобыле. Ростов завидовал кобыле.

надсаживая свои гусарские груди, заревело ура. Толстой уж после вспомнил и смеялся, как фланговый гусар, хохол с глупейшей рожей, всегда подававший ему трубку на походе, пригнулся к седлу, покраснел и раздулся от напряженного крика. Толстой всё заметил: государь постоял несколько секунд, как будто в нерешимости. «Как мог быть в нерешимости государь?» но и эта нерешимость показала Толстому величественною. Генералы, адъютанты переговаривались сзади шопотом, но только тонкая нога государя дотронулась до паха англизированной гнедой красавицы лошади и рука государя в белой перчатке перебрала поводья — государи тронулись и за ними беспорядочно, но грациозно заколыхалось море адъютантов. Смотр кончился, заиграли песенники, офицеры съехались группами, пошли разговоры о наградах, о австрийцах и их мундирах, посыпались насмешки, встречи приятелей гвардейцев с кутузовскими войсками, разговоры о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно, когда подойдет еще корпус Эссена и Пруссия пришлет резервы. Австрийцов ненавидели так же, как и теперь. Говорили, что нечего бы мараться, эти несчастные четырнадцать тысяч рекрутов таскать за собой, говорили, что они изменят, как Ностиц и др., и говорили, особенно гвардейцы, что скорее бы, скорее в дело. Все после смотра были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений.¹ Когда вернулись в лагерь и солдаты разделись и, выпив порцию, уселись группами у костров, а офицеры, расстегнувшись, уселись у палаток и занялись, кто картами, кто венгерским, Борис зашел к Толстому и рассказывал ему, что его граф Остерман-Толстой звал к² себе в адъютанты. Лагерь 1-й армии имел совсем другой вид, как гвардейской. Солдаты были оборваны, многие босиком, офицеры в самых разнокалиберных одеяниях, из которых главной была венгерка. Товарищество и простота обращения офицеров поразила Бориса. Его приняли, как своего, не обращали вниманье на него, как на незнакомого. Он их видел всех, потому что большинство сошло к Толстому и видно было, что этот юноша успел приобрести к себе немало уважение. Шесть тысяч, привезенные Борисом от отца, тотчас же пошли в дело. Толстой велел принести³ венгерского и повару полкового командира заказал обед. Почти все офицеры собрались к палатке Толстого. Тут был и толстый эскадронный командир, майор, с пухлыми руками, красным носом и щеками, и подбородком, висящими на воротнике мундира. Толстой, с странной для Бориса опытностью и уверенностью, обходился с этим новым для Бориса растерзанным армейским офицерством. Он умел каждому что сказать и умел из шести тысяч заложить банк в тысячу рублей и считать и записывать за двумя понтерами.¹ *На полях: Nicolas* влюблен в государя.

Общее торжество и описание стратегически блестящее.

² *В рукописи: сему*

³ *Зачеркнуто: полдюжины*

Толстый майор понтировал, запивая из стакана венгерское, и всё обращался к Борису, которого он видимо любил.

— Э! князь, бросьте вашу гвардию, переходите к нам. Вон он, спросите у него, плохо чтоль жить.

— Отлично! — отвечал Толстой, тасуя карты. — За тобой тридцать, Маслов?

— Ну да, пиши.

Толстому везло ужасно. Денег на столе было много, он был весел и всё угашивал.

— Да что вы, С. И., всё по маленькой? Поставьте, — обращался он к эскадронному командиру.

— Нет, батюшка, это вам хорошо, а нашему брату нынче плохо. Справки по гульдену на овес сбавили, и дачу уменьшить велели. А и так у лошадей животы присохши.

— Ну еще у вас, С. И. — вмешался полковой адъютант, — из всего полка нет исправнее эскадрона.

— Что же делать, ведь на палочке верхом не пойдешь против Мюрата (Мюрат тогда был известен каждому кавалеристу).

— Да, кабы не фуражировочки, — заметил Толстой, улыбаясь и всё играя. Фуражировки, т. е. насильственное взятие сена и овса у жителей, были строго запрещены, но все таки производились.

— Ну, уж ты болтай при начальстве, — сказал С. И., тоже смеясь и моргая на адъютанта. Борис с интересом, не смея еще ни обвинять, ни оправдывать, с своей воздержной рассудительностью и серьезным вниманием, вникал в эти открывшиеся для него настоящие подробности военного дела.

— Ох, молодец ваш вахмистр Назарченко на эти штуки, — сказал кто то из офицеров. — Из под носу увезет стог сена, и коли застанут, так как сердится.

— Как он при мне одного немца в чувства приводил — умора. «Ты, говорит, должен чувствовать, подлец, что мы за тебя кровь разливаем, а тебе клока сена жаль». Я подъехал. Он меня увидал. «Господа и те живота жизни не жалеют, а ты над сеном тресешься». А сам вьюки увязывает.

— Молодчина! — сказал С. И.

— Послушай, пошли песенников! — Игра кончилась. Толстой бросил под подушку мешок с деньгами, он знал, что выиграл около четырех тысяч, и начался кутеж, который тоже в первый раз видел Борис. Он не пил и ему странно всё это было, но хорошо. Песенники играли плясовую. Толстой плясал с другим офицером. Многие были очень пьяны. Во время разгула пришел сам Назаренко и, с свойственной кавалеристам неловкой пехотной выправкой, доложил майору, что по эскадрону всё обстоит благополучно. Ни офицеров, ни вахмистра не поразили их отношения в эту минуту. Одни плясали в одних рубашках, другой стоял на вытяжке. Майор, очень красный, расспрашивал и отдавал приказания обстоятельно. Борис прислушался. Шла речь о захромавшей Желебухе (кобыле), о покупке овса, о наказании 110

рекрута за пьянство. Только что ушел вахмистр, как пришел адъютант, уходивший с начала кутежа, с конвертом.

— Ну, угадайте, господа, что я тут несусь?

— Две трети жалованья? — закричал кто то.

— Нет.

— А не жалованье, так всё равно.

— Вот что, С. И., генерал приказал вашему и Альфонса Карлыча эскадронам выступить к Вишау. Багратион вас просил в свой авангард.

— Я напишу сейчас приказ.

— Генералу угодно, чтоб Бенцель командовал дивизионом. Он хоть и моложе по старшинству, да так угодно генералу, а коли вы не хотите, так он назначит 4-й.

С. И. задумался.

— Оох немцы! — сказал он с комическим, пьяным и искренно грустным вздохом.

— Эй! послать Назаренко!

— Что же, пойдете?

— Известно, пойду. Ну, господа, завтра выступать, доплясывайте скорее, я пойду к себе.

С. И. обстоятельно отдал приказания Назаренко о выступлении, Назаренко обошел коновязи, палатки, приказал¹ переменить колеса в двух фурах, вспомнил о больных, отдал починить свою шинель портному, выкурил трубку, прикурнул на один час и встал опять до света. Всё это не стоило ему ни малейшего труда, ни усилия. Все умственные силы его были поглощены этим делом, ничего не оставалось лишнего. Когда он курил, он вспоминал, что нужно.

Пляска у офицеров кончилась, поговорили о предстоящем, должно быть авангардном деле, но кутеж возгорелся с новой силой. Пристали к адъютанту прислать музыку. Он отказывался, офицеры собирались депутацию послать просить музыку у полкового командира. Потом опять сели играть. Толстой стал проигрывать. Борис, не прощаясь, уехал к себе.

<Толстой до самого² дела при Вишау три дня играл безостановочно. Он засыпал по утрам, обедал в три и опять садился за карты. Против него образовалась партия из трех человек, после разных перемен счастья к концу третьего дня до последнего гульдена обьигравших его. Уже в новом лагере С. И., у которого Толстой занял денег, объяснил ему, что они были шулера,³ и что это ему был урок.

— Так они украли у меня? Я так этого не оставлю.

— Чтож ты сделаешь?

— Изобью его. — И в самом деле Толстой пошел с <кабурным пистолетом к одному из своих игроков и бог знает, что у них было, только на другой же день офицер этот отказался от дуэли, подал¹ *Зачеркнуто*: собрать имущест[во] приготовить

² *Зач.*: Аустерлицк[ого дела]

³ *Зач.*: Толстой пришел

рапорт о болезни и уехал в вагенбург в гошпиталь.¹ Но Толстой всё остался без денег и находился в ночь перед 15-м в том особенно мрачном настроении, с особенной решимостью и ясностью мысли, в которой бывают проигравшиеся люди. Женщин не было, и он мучался и искал. Он ездил за двадцать верст в городок и пробыл там три дня. Приехав оттуда, он одиноко и смирно сидел в палатке, написал письмо домой, доброе, нежное, которое много радости доставило семье, написал записку Борису, которого он не видал с тех пор, чтобы он прислал ему хоть пятьсот рублей, и сидел у С. Ив.² молча, когда принесли приказ и диспозицию при Вишау.

— Ей богу, стану служить, С. И., это всё свиньи люди, — произнес он эту решимость и это суждение, имевшие в его понятии самую определенную связь.

Борис, выехав от Толстого, поехал в Ольмюц к Волхонскому, до которого он имел дело.³ Дело состояло в том, что богатая связями и светским умением княгиня писала сыну, что Кутузов получил о нем рекомендательное письмо и что ему стоило только явиться к Кутузову, чтобы напомнить о себе. Он не знал, прилично ли бы было это сделать. Князь Василий писал к Кутузову: «C'est un jeune homme de beaucoup de distinction qui a bien fait ses études et qui promet sous tous les rapports. Malgré la conviction que j'ai de la grande quantité de prières de ce genre qui vous accablent, je vous prie de faire quelque chose pour ce jeune homme qui est le fils de la princesse Anne K. que vous avez dû connaître. Tout ce que vous ferez pour lui, vous le ferez pour moi».⁴ Князь В[асилий] был⁵ почти первым лицом в Петербурге и потому такая рекомендация имела значение. Но ловко ли было итти напоминать о себе Кутузову? Это было противно Борису. Он знал, что это нехорошо, но он надеялся, что Волхонский докажет ему, что его сомнения — пустяки и что надо итти, и что он пойдет, и что вследствие этого ¹ *На полях*: Дело с шулером, лезущим на драку.

² *Зачеркнуто*: ругая

³ *На полях*: Не застав дома 15 ч[исла], приехал второй раз. Дожидаются генерал и Ермолов. Борис, как будто старше их, и желает штабной службы. Князь Андрей ведет его в залу, там Н[есвицкий] и адъютанты.

— Ну, что ж адъютант?

— Да.

— Я подумал, пойдем к Долгорукому.

По городу Невский или Английская набережная. Совет.

Долгоруков впопыхах рассказывает о Вейротере, о фланговом движении, о акуратности австрийцев. Получено письмо от Савари. Билибин. Советует *usurpateur* [узурпатор]. Впечатление царской квартиры. Тут вся сила, а мы ничего.

Выход от [царя] Долгорукова. Волнение Бориса. Встреча с Чарторижским, который презрительно кивает Борису.

⁴ [Это — очень достойный молодой человек, который хорошо учился и во всех отношениях подает надежды. Хотя я уверен, что вы завалены множеством подобных просьб, прошу вас, сделайте что-нибудь для этого молодого человека, сына княгини Анны К., которую вы наверное знавали. Все, что вы сделаете для него, вы делаете для меня.]

⁵ *Зач.*: министром

он будет иметь скоро случай быть в деле и отличиться, тогда как гвардия, бог знает, попадет ли еще в дело. По дороге к Ольмюцу Борис рассматривал эти сады, виноградники, каменные заборы, вдали деревни с крутыми черепишными кровлями, линию Альп вдалеке, встретил несколько жителей, одну женщину на осле и <особенность> ее говора (он спросил у ней дорогу), ее одежды и убор так странно поразили его, только что выехавшего из вполне русского мира гусарского эскадрона, что он не понимал, как это этот иностранный, особый мир не отзовется на русском, а русской на иностранном, тогда как они так близко друг от друга. Он тоже заметил, что жители недоброжелательно смотрели на него, на русского офицера.

Он не застал дома Волхонского и вернулся к Бергу. Через два дня он поехал опять. Генерал, у которого Волхонской был адъютантом, стоял почти в лучшем доме Ольмюца, принадлежавшем коменданту, и занимал с пятью товарищами, ординарцами и адъютантами, огромную залу, в которой прежде танцевали, а теперь стояли пять кроватей, разнородная мебель, столы, стулья и клавикорды, вынесенные откуда то. Два адъютанта были посланы, один у окна в персидском халате писал письма, другой был нездоров и разговаривал по немецки с доктором, присевшим к нему на постель.

— Что вам? — спросил писавший. — Князя? Сейчас придет дежурный.

— Нет, мне князя Волхонского.

— А! Он дежурный. Посидите. Хотите курить? — Он учтиво пошевелил стулом и продолжал писать.

У генерала в гостиной происходил случайный почти военный совет, т. е. сошлись самые значительные люди армии и говорили о том, что занимало всех. Тут были два русские генерала, один француз, другой немец, один русский флигель-адъютант и австрийской знаменитый генерал генерального штаба, и хозяин, который любил Волхонского и позволил ему остаться. Пили чай.

Волхонской был в приемной, генералы были в кабинете. В приемной, кроме дежурного адъютанта Волхонского, из входящих, проходящих и выходящих постоянно было человек пять или шесть. То генерал квартирмейстер, то начальник артиллерии, то старший адъютант, то начальник отряда, то обер провиантмейстер, то начальник собственной канцелярии, то адъютант, ординарец, флигель адъютант и т. п. и т. п. Всё это почти без исключения говорило по французски. Австрийской полковник, облокотясь у окна, разговаривал с Волхонским, который таким же, как всегда, распушенным, хотя и застегнутый на все пуговицы, сидел на окне. Волхонской, не вставая, закивал головой Борису, подзывая его к себе, и подал ему руку.

— C'est un cousin et un ami discret,¹ — сказал он австрийцу, который было замолчал, но, видимо успокоившись молодостью¹ [Это — двоюродный брат и молчаливый друг,]

и благовидностью Бориса, продолжал на своем, с немецким произношением, но правильном французском языке.¹

— У меня до тебя дело, — сказал Борис.

— Сейчас. — Полковник желал видетсья с Кутузовым и объяснить о весьма важных сведениях, полученных им из французской армии, только он желал видеть главнокомандующего одного.

— Очень хорошо, — сказал Волхонской так небрежно и уверенно, что честолюбивого юношу Бориса поразила уверенность и важность своего cousin. — Я доложу нынче же вечером, подождите здесь. — Он отошел с Борисом, и лицо его из официального приняло то дружеское и детски кроткое [выражение], которое обвораживало всякого.

Борис рассказал свое сомнение и спросил совета, итти ли к главнокомандующему или нет?

Волхонской подумал. Он, видимо, был усталый. Он не спал эту ночь, ездивши с приказаниями на аванпосты. Он был так же бел, нежен,² и как всегда, маленькие усики его и волоса были так же прибраны волосок к волоску, но он в день, который не видал его Борис, как будто похудел от сильной болезни, и глаза его блестели лихорадочным блеском, хотя движенья были так же вялы и женственны. Это с ним часто бывало. Он говорил нынче так живо и одушевленно, как не видал еще его Борис. Он подумал и начал:

— Ежели теперь ты явишься к Кутузову и я скажу ему, я ему напомню непременно, он наговорит тебе кучу любезностей или промолчит — какой час найдет. Но ничего не сделает, ты видишь, что это здесь — ярманка.

— Потруди[те]сь подождать, я доложу, — сказал он в это время, почти на ципочках и на вытяжк[у] вошедшему старому генералу, в орденах и с солдатским подобострастным выражением затянутого воротником багрового лица. Генерал улыбнулся и уселся, играя темляком. Борис начинал понимать, что, кроме субординации и дисциплины, есть другая дисциплина и субординация, более важная для успеха. — Он ничего не сделает, потому что во-первых теперь все заняты и растеряны, как никогда. Немецкая партия требует наступления. Им всё равно, разбиты ли мы будем или нет. Им даже приятно, очень приятно бы это было. Они подводят всё и работают всеми силами. Ты знаешь,³ нынче приехал в главную квартиру⁴ Вейротер, — прибавил он, но Борис, хотя и сделал вид, что оценивает всю важность этого известия, решительно не знал, что⁵ Вейротер был⁶ австрийской генерал, от которого ждали всего в главной квартире. — Ну так видишь ли. У нас ¹*На полях*: Совет.

Борис всем нравится.

² *Зачеркнуто*: и румян

³ *Зач.*: Гаугвиц

⁴ *Зач.*: Бонапарта

⁵ *Зач.*: Гаугвиц.

⁶ *Зач.*: прусский министр, от которого зависело решение вопроса о участии или неучастии Пруссии в коалиции

с утра до вечера то шпионы, то лазутчики. И верить им надо и поверить — может быть беда, каждый верит тому, чему ему хочется верить, (два теперь в кабинете), то спор о том, кому чем командовать. Все хотят побольше славы в будущей победе над Наполеоном. Австрийцы хотят захватить дела, нарочно путают наши диспозиции, бог знает что выдумывают на наши отряды. Каждую минуту нам запросы из главной квартиры государя. Мы не успеваем отписываться. Потом награды войску. Споры, обиды, рапорты, все недовольны, все обижены. Потом проэскты, писанья, нет конца. Что ни немец, то план, как разбить Бонапарта. Вот этот полковник, с которым я говорил, глупее моего Ивана, тоже с проэсктом. И нельзя гонять их, надо приличия соблюдать. Главное наше горе — это фланговое движение. Выдумали немцы, что Бонапарт выигрывает сражения только фланговым движением. *Stratégie*¹... и не дают минуты покоя. Ежели бы они были одни, Михаил Иларионович мог их прогнать, а теперь нам их присылают из главной квартиры. Там они надоедят, *pour s'en défaire on les envoie chez nous. Le général est d'une humeur de chien et pour ça, mon cher, ce n'est pas le moment.*² Я тебе говорю, как есть. Я знаю, что ты честолюбив. Не отказывайся, это так надо. Ежели бы ты не был честолюбив, я бы никакого участия в тебе не принял.

— Ну, так лучше оставить, — сказал Борис. — Только скажи, есть надежда, оставшись в гвардии, быть в деле? — У Бориса голова шла кругом от нового мира, который он узнавал. Чтоб еще больше поразить и спутать Бориса, Волхонской, находившийся в особенно оживленно говорливом состоянии духа, сказал ему поразительные для Бориса слова.

— Да, ты думаешь, что мы (он разумел главную квартиру) можем тут чтонибудь сделать. Главное, что мы ничтожнейшие теперь люди, мы не только для общего дела, мы прапорщика произвести не можем. Мы — ничто. Да, вся сила там, около государей. Адам, Долгорукий — вот это всё. Ах да, ты должен знать Петра Долгорукова. Твоя мать его очень знала. Пойдем к нему. Это сильнее Кутузова. Там делается и начинается всё, а мы чернорабочие.

— Да мне ничего не нужно, — сказал Борис, краснея. — Ты меня ставишь в положение какого то искателя, мне нужно было узнать, требовало ли приличие явиться к главнокомандующему после письма татап. Я только боялся быть неучтивым. А ты...

— Нет, пойдем к Долгорукому, я и так хотел и обещал зайти к нему вечером. — И таким тоном, которой не позволял возражения, он повел с собой Бориса. — Я найду, скажу князю, что ухажу.³ — Он оставил Бориса и вошел в затворенную дверь,¹
[Стратегия]

² [чтобы от них отделаться, их присылают к нам. Генерал чертовски не в духе и поэтому, мой милый, сейчас не время.]

³ *На полях:* там [Ермолов] Волков светлый блон[дин].

Получено письмо от Савари, как отвечать: рассказ — *usurpateur* [узурпатор].

прежде для Бориса казавшуюся входом в святилище власти, и теперь, после разговора с Волхонским, значительно упавшую в его глазах. Через пять минут он вышел оттуда. Генерал все еще должен был дожидаться.

— Пойдем, — сказал он Борису и после молчания, улыбаясь, покачал головой.

— Что? — спросил Борис.

Они вошли в адъютантскую комнату.

— Ну что? — спросил адъютант, писавший письма.

— Четыре немца на плане рассказывают: Бозевиц, Раузниц und endlich¹ Клаузевиц sammt Austerlitz,² — сказал, улыбаясь и доставая шляпу, Волхонской, передразнивая немцев (слово Аустерлиц тогда еще не имело другого значения, как всякое слово, кончающееся на иц), — а князь закрыл глаза и спит. Его позовут, обратятся к нему, он откроет глаза и знаешь: — да, да, да. Ohne Zweifel!³ — Адъютант засмеялся. — Не слышал, курьер скоро едет?

— Должно быть в ночь. — Другой адъютант был граф Б., такой же аристократ, как и Волхонской.

Здесь в первый раз Борис видел знаменитого впоследствии Ермолова. Они только выходили, как вошел огромного роста, полный, с короткой шеей и огромными волосами артиллерийский офицер, с замечательно резким и красивым лицом.

— А князь! — сказал он Волхонскому голосом, который показался неестественным Борису, и с улыбкой, которая показалась еще притворнее Борису. — Мне вам два слова нужно.

— Что прикажете? Вы ко мне или к генералу?

— И к вам, и к генералу, — отвечал Ермолов с иронической и злой, как показалось Борису, улыбкой. — У вас, я знаю, решаются дела Европы, это хорошо. Но ежели моя рота (он командовал конной батареей, называвшейся тогда конной ротой) в предстоящем походе участвовать должна, то ей необходимо укомплектование лошадьми и корм для тех, кои остались. (Разговор происходил по русски). Я писал шесть рапортов о том же предмете ко всем своим ближним начальникам. Доложите, что я получить разрешение желаю.

— Я докладывал генералу, — отвечал сухо Волхонской, — и нынче он вечером приказал сделать распоряжение.

— Сделать распоряжение, — повторил Ермолов с той злою ирониею, которую Борису потом не раз случалось встречать между фронтowymi и штабными офицерами. — А могу ли я узнать, сделана ли диспозиция.

— Я ничего не могу сказать, — отвечал Волхонской сухо и с тем почти французским выговором или французской неловкостью говорить по русски, с которой он говорил невольно и многие говорили притворно.

¹ [и наконец]

² [с Аустерлицем]

³ [Без сомнения!]

— Затем имею честь кланяться, милостивой государь, — сказал Ермолов. — Я пройду к генералу.

— Там есть ординарец, — сказал Волхонской. — Вот человек, — прибавил он, — который сделает карьеру, но неприятный.

— Нет, славное лицо, — сказал Борис.

Они перешли только через два дома и вошли в дом, где жила в комнатах с дверьми на коридор свита государя. В коридоре этом они встретили, покуда прошли до крайней двери Долгорукова, человек пять, всё спешивших¹ людей. В том числе встретился светлый блондин и красавчик в адъютантском мундире, которого знал Борис. Это был брат В[олков]ых.

— Bonjour,² — радостно сказал Борис. Всегда, особенно в чужом месте и где робеешь всего, как робел Борис, [приятно] встретить старого знакомого. — Как вы здесь, давно-ли?

— Bonjour, bonjour, — отвечал, торопливо пожимая руку, Волков. Он пожал очень крепко руку. Это была его привычка. Он всем, хоть бы и самым ничтожным людям, жал крепко руку, чтобы не могли упрекнуть его в³ пренебрежении; но он был очень важен нынче и так сказал Борису «а, и вы тут», что Борису показалось, он не узнал его. Борис в простоте души напомнил о себе, но это не изменило тон В[олк]ова.

— Очень рад. Вы куда? — и, не дожидаясь ответа, он прошел, гремя саблей.

— Ты знаешь, что с ним, отчего он так тебя третирует en dessous jambe,⁴ — сказал Волхонской. — Государь ему сказал нынче несколько слов. Я это люблю наблюдать. Человек, как человек. Вдруг смотришь, совсем испортился. Я всегда уж и добираюсь — кто из царской фамилии с ним говорил.

— А сестра его какая милая! — сказал Борис.

— Sophie de Volkoff, — иронически сказал Волхонской, — m-me de Staël Moscovite,⁵ как же знаю.

— Мой приятель Толстой был влюблен в нее.

— О! у него дурной вкус.⁶

Они вошли к Долгорукову. Он стоял у стола с немцем жидом над картой.

— А Волхонской! — закричал он, скорый, живой, здоровый, румяный, молодой, ни секунду не задумывавшийся и, очевидно, очень занятой чем то. Он не дослушал еще, кого с ним знакомили, или скорее представляли (потому что Борис не мог не заметить, что и Волхонской с Долгоруковым был иначе, чем с другими) и тотчас же пожал руку, и обильной речью обратился к¹ *Зачеркнуто*: молодых

² [Здравствуйте,]

³ *Зач.*: равнодушии

⁴ [уничтожающе]

⁵ [Московская госпожа де Сталь]

⁶ *На полях*: Долгорукий рассказывает о совете, восторгается планом Вейротера.

Волхонскому и изредка к Борису. Борис своей милой, тихой наружностью сразу внушил доверчивость и симпатию.¹

— Вот что, *mon cher*.² Наш авангард Багратион стоит у Вишау, Бонапарт бежит — *c'est clair*.³ Его отряд у Вишау прикрывает отступление, этот отряд не больше двух эскадронов. Его надо снять. Понимаешь? Вы понимаете, что это должно быть тайной, — обратился он к Борису. — Вот этот немец привез донесенье. Он был уже у Кутузова, ему не поверили, или не знаю что. Багратион доносит то же самое. Я не понимаю, об чем они думают: оставить убежать Бонапарту. Это я беру на себя. Я доложу нынче государю, не знаю, как решат и, ежели мне только поручат отряд, я отвечаю за всё. Хотите взять сотню лейб казаков?

Волхонской молчал, посмотрел на карту.

— Нет, я верю, мой старый дядя говорил: никуда на войне не напрашивайся, ни от чего не отказывайся.

— Я не понимаю, не понимаю, что с нами делают, — продолжал Долгоруков, садясь. — Можете идти, — прибавил он немцу. — У нас 190 тысяч войска (он прибавил тысяч 20). Мы ждем подкреплений из Венгрии, эрцгерцог в четырех переходах от нас, а мы ждем бог знает чего? Того, чтоб он ушел.

— Государь вас просят, — сказал вошедший камер лакей. Долгоруков закончил еще свою речь, пожал руки обоим, застегнулся и пошел. Придворная память напомнила ему, что он ничего не сказал Борису. Он повернулся к нему и просил заходить и передать поклон матери.

— Пойдите, пойдите, два слова. Ведь я зашел узнать о курьере. Пожалуйста, дайте знать, когда поедет, мне нужно писать домой, необходимо. — Долгоруков остановился на минуту в двери.

— Хорошо, непременно! — И они вместе вышли. Долгоруков однако вспомнил план и забежал взять его с собой. Во всем существе этого человека видно было много добродушия, непосредственности и легкомыслия.

Бориса волновала мысль о той близости к высшей власти, в которой он чувствовал себя. Он сознавал, что тут около него были те пружины, которые руководили все те громадные массы, в которых он участвовал и которые изменяли, так называемые, судьбы народов.

В коридоре они встретили красивого молодого человека, который выходил с лестницы от государя. Это был князь Адам Чарторижский. Он не знал Волхонского и Бориса. Он оглядел их равнодушно оскорбительным взглядом.

— *Eh bien votre expédition, mon prince, est elle à flot?* — спросил он у Долг[орукова]. — *Je vous souhaite beaucoup de* ¹*На полях*: А я зашел поговорить с вами об этом молодом человеке: хочется быть скорее в деле.

— Хорошо, хо[рошо]

²[милый мой.]

³[это ясно.]

succès¹..... — И он прошел спокойно и величественно. Дальше Борис не расслышал, что они говорили. Один вышел, другой взошел к государю. Борис чувствовал себя в самом низу той лестницы, из которой Волхонской занимал 1-ое звено, Долгоруков 2-е, князь Адам 3-е, [4-е] должно быть сам государь, к которому шел теперь Долгорукой. Все эти люди, видимо, были чем то заняты, озабочены. Борис чувствовал в себе червяка честолюбия, еще больше расшевелившегося при близости места власти, но ему казалось, что у этих людей на верху почестей были, кроме честолюбия, другие интересы.

— Вот эти люди, — сказал Волхонской, как будто угадав его мысли, — уже не одними крестиками занимаются. Тут² интересы другие, важнее. Не люблю я этого князя Адама.

— А славное лицо! — сказал Борис.

— Да, это едва ли не самый замечательный человек из всей этой компании.

В покоех, занимаемых дипломатами, шел между тем жаркой спор о том, как адресовать ответное письмо Бонапарту. «Au général Bonaparte»³ было отвергнуто. «Au premier consul»⁴ было тоже невозможно. «L'empereur des français»⁵ было противно желанию государя. «A l'ennemi du genre humain»⁶... шутил один из дипломатов. «Messieurs, il faut quelque chose qui, sans blesser Bonaparte et sans nous compromettre, ne lui accorda point le titre d'empereur».⁷

— Bonaparte — tyran et usurpateur,⁸ — опять сказал шутник.

— Messieurs, ce n'est pas le moment...⁹ И долго спорили об этом вопросе.

Свидание Бориса с Волхонским кончилось ничем. Он вернулся домой только с неприятным и неловким чувством, как будто он что то сделал нехорошее, и с новым для него недовольством и презрением к тому полковому миру, с которым он сжился уже шесть месяцев. Гвардейский полковой мир был совсем особенный от того гусарского, в котором жил Толстой. В Семеновском полку почти не бывало кутежей, играло только несколько офицеров и то всегда на чистые деньги. Обеды давались парадные. Пьянства совсем не было. Товарищества было гораздо менее, чем у гусар. Не говорили друг другу «ты», иногда по месяцам не видались с офицерами других рот. Дисциплина была строже, много занимались¹ [А как, князь, дела с вашим походом? Очень желаю вам успеха...]

² *Зачеркнуто:* вопросы

³ [Генералу Бонапарту]

⁴ [Первому консулу]

⁵ [Императору французов]

⁶ [Врагу человеческого рода]

⁷ [Господа, нужно что-то, не оскорбительное для Бонапарта и не ставящее нас в неловкое положение, но что не давало бы ему императорского титула.]

⁸ [Бонапарту — тирану и узурпатору,]

⁹ [Господа, сейчас не время...]

фронтальной службой, опрятность и даже шегольство в одежде были в моде. Многие офицеры занимались военными науками и математикой, в том числе и Борис, и вообще образование было значительно более распространено и значительно выше, чем теперь. Борис занимался математикой и писал свой дневник. 14-го ноября было записано у него: «Никакого ответа на письмо. Я останусь во фронте. Мне очень жалко, что я был у Волхонского. Я люблю славу, но я ничего не сделаю для того, чтобы искать власти, а буду ждать ее. Встречался с австрийцами. Они все мне невыносимо противны. Толстой прислал просить у меня пятьсот рублей, я отдал ему последние. Боюсь, что он кончит дурно. Берг невыносим своей глупостью и эгоизмом. Я никогда не слыхал от него слова и мысли, которая бы не касалась его. Вчера получил письмо от татап и отвечал. Она пишет, что Наташа очень скучна. Для нее только я хочу славы и власти. Сейчас узнал, что великий князь и даже все полковые командиры поехали на военный совет в главную квартиру. Говорят, что завтра будет сражение. Мне страшно, но я только для этого служу, и потому я готов сделать всё, что могу, и от всей души».¹

<Так наступило 15 число ноября, день выступления армии из Ольмюца. Накануне в военном совете, в котором присутствовали оба императора, было решено идти вперед и атаковать Бонапарта там, где его застанут. Боялись одного, чтобы он не ушел от нас. Как происходил этот военный совет, что говорилось в нем, есть дело военной истории. Как действовал и говорил приснопамятный русским еще со времен Суворова обер гоф кригс рат в лице гениального полковника Вейротера и других ученых, гордых и неприступных австрийцев, как подумали немцы, отчего бьет всех Бонапарт, подумали, анализировали, вникнули и нашли и решили, что всё дело в фланговом движении и в стратегии (тогда это было новое, только что выдуманное немцами слово), и как все поверили этому, как и что думал Кутузов, соглашаясь на всё и притворяясь спящим, как и кто обдумывали вопрос о том, уничтожив Бонапартя, оставить ли ему трон Франции или отдать его Бурбонам, — всё это останется навсегда неизвестным. Дело исполнено было: идти догонять и бить Бонапартя, но решено дело вовсе не было. Те, которые говорили, что надо ждать соединения с эрцгерцогом и решения вопроса о союзе Пруссии, так и остались при своем мнении. Разъехались из совета поздно, кто веселый, достигнув цели и надеясь на победу, кто грустный, не достигнув цели и боясь победы, кто веселый, ожидая поражения, кто убежденный в измене.² Мы не пишем военной истории, но наше странное убеждение то, что вопрос о том, наступать или нет, решил в положительном смысле не Вейротер, не Долгоруков, не император, но Ольмюц, великолепный смотр при ясном солнце.

¹ *На полях:* <Общий, веселый, самоуверенный поход.> Выступление 15 числа, толки, интересы армии.

² *Зачеркнуто:* кто убежденный в поражении

Только все разъехались и молва о выступлении разнеслась в тот же вечер по войскам и подействовала различно. Волхонской в адъютантской, услышав новость, швырнул на пол красивой разрезной ножик и сказал, что мы будем расколочены, и потом никому не хотел объяснить своих слов и принялся за книжку романа. Корчаков никакого не составил себе мнения о предстоящем и сходил вечером к полковому командиру послушать, что говорят, вернулся, стал укладываться, осмотрел свои вьюки, расчелся с хозяевами и стал сам оттачивать свою шпагу. Берг пошел к батальонному командиру чего то требовать для своей роты, уравнивавшему его с другим ротным командиром. Толстой обрадовался, очнулся и пошел к товарищу и, после проигрыша, в первый раз пропил до утра. Ермолов¹ читал Тацита, лежа в палатке. Пехотный армейский капитан ругался с деньщиком. У фелдвеелей и вахмистров на всю ночь пошла забота о том, что взять и что оставить, солдатики не жалели уже дров и жгли всю ночь заборы и двери, натасканные прежде. Кое какие шалаши они оставляли в наследство немцам, смеялись, слушали сказки и, голые, выпаривали вшей из рубах.² Редкой кто знал из вновь пришедших, с кем дерутся. Молодые солдаты сбивались, называя французов туркой, только старые кутузовские знали и по своему объясняли стратегические планы начальников. Один говорил, что как до Моравского берега (какой?) дойдем, так ему (кому) шабаш. Тогда на австрияка пойдем. Другой говорил, что француз в горах жил, что его Суворов растревожил из гор, с тех пор и пошло.

— Ну, брат, с нами не то, что с Макой справляться, — говорил четвертый. Толковали и об Вишау, который знали пришедшие с Кутузовым и знали, что там француз, сам Бонапартый стоит.

— Что у него там крепость разбита на всю гору, страсть. Боялись, что турка к нему подойдет, тогда беда, — и тем объясняли поспешность похода. Говорили и что пруссак с поляком бунтуют и австрияк бы туда же, да не смеет, его окружили, значит.

Они в полной уверенности были, что Австрия завоевана, и потому грабили и истребляли везде, сколько могли, и только постоянным присутствием офицеров можно было остановить их. Когда мы отступали, мы истребляли все, чтобы не оставлять провиант неприятелю, теперь мы наступали, но им казалось все таки лучше сжечь, как бы не досталось, хоть не французу, но австрияку, который тоже был виноват, и чем лучше была штука, тем больше он был виноват. Политика и дипломатия тут была своя и мотивы этой политики и дипломатии были те же, которые и обсуживались в военном совете при двух императорах. Все даже было справедливо. Сущность была: австрияк изменник. Поляк и пруссак мешают. Одно было особенно, что никто из этих шестидесяти тысяч человек не то что не сомневался в победе, но не задавал себе вопроса: будет ли победа или поражение.¹ *Зачеркнуто:* в роте

² *На полях:* толки армии

Никто не спрашивал себя, что лучше: так или этак? И никто не боялся за себя. А каждый был рад перемене. Надоел уж этот Гольмуцкой лагерь и это бездействие, и этот недостаток провианта. В ночь скакали адъютанты, квартирмейстеры. Писари писали бумаги уже не красивыми, но скорыми разгонистыми почерками. Ординарцы и казаки, которых разобрано по штабам огромное количество, разъезжались по частям войск. Коляски, брички и дрожки, кухни главной квартиры занимали огромные пространства и невольно обращали внимание. Как в главной квартире была своего рода непризнанная законом, но сильнейшая субординация, так и между этими господами: флигельадъютантской обоз отнимал место у генеральского.

— Я генералу скажу.

— Испугал меня генерал, — отвечал другой. — Разве может из императорской квартиры отстать от царских колясок, дурак! Откормленные лакеи важных господ сидели в колясках, покуривая сигары, приказывали состоящим при них казакам и перешучивались или бранились, были дерзки даже с офицерами и снимали шапки только, когда подъезжали их господа.

На другой день рано утром рассвет застал все русское войско в пяти колоннах во строю, ожидавших приказа к выступлению. Русские пять колонн вели: 1) немец Вимпфен, 2) француз Ланжерон, 3) поляк Пржебышевский, 4) немец Лихтен[штейн], 5) немец Гогенлое. Высшие чиновники, приближенные к власти, были, как я сказал, разнородных, но определенных мнений о походе. Одни шли с надеждой на поражение, другие с страхом и уверенностью в нем, и редкие с надеждой на успех. Средние офицеры были в сомнении и заняты другими, более честолюбивыми интересами, низшие — солдаты особенно, были твердо уверены, что идут и больше ничего. Куда, зачем? они и не интересовались этим и никто не позаботился сказать им этого. Для тех, которые были бы [в] сомнении о предстоящих успехах, сомнение бы это исчезло, как скоро все увидели друг друга. Громадные массы, стройно стоявшие под ружьем и при встрече выехавшего государя прокричавшие «ура». Колонны двинулись¹ по команде в ногу, с развевающимися знаменами и с музыкой. Государь проехал мимо гвардии и присоединился к передней колонне Пржебышевского, шедшей впереди. Скоро загремела музыка, песни. Войско весело шло на свою погибель. Борис, узнав, что они идут в резерве, испытал первое чувство радости за то, что они не скоро еще будут в деле, второе чувство было досада и раскаянье в том, что он не пошел к Кутузову и не выпросил себе адъютантского назначения. Первый переход был верст пятнадцать. Авангард с Багратионом стоял против Вишау. Толстой находился в эскадроне, посланном туда.

У него было дело с полковым командиром за отлучку. Ему был сделан выговор и хотели посадить под арест. Он принадлежал¹ *Зачеркнуто*: вольно

к русской партии и хотел доказать, что он не послушается, и угрожал прибить полкового командира. Казначей полка донес это полковому командиру и требовал объяснений. Толстой говорил, что он даст это объяснение только самому полковому командиру и кулаком по роже.¹

15 ноября вечером <Толстой> имел триумф, которого он не ожидал. Полковой командир, проходя мимо его палатки, сам подошел к нему и сказал:

— Господа, теперь не время спорить. Граф Толстой, вы будьте осторожны в словах, а я ничего не слышал и ничего не знаю. — Полковой командир был немец.

— И я, ваше превосходительство, ничего не слышал и не знаю, — отвечал Толстой, — я только полагаю, что объяснений никаких не нужно для вашего спокойствия. Что?

— Ну, ничего, ничего, — сказал полковой командир. — Господа, надо быть готовым, мы завтра будем в деле. — Полковой командир, хотя было только два эскадрона, приехал сюда, чтобы получить награду. — Нынче приедет князь Долгоруков, ночует здесь и завтра поведет наш отряд на Вишау, я надеюсь, господа. Да, — и он пошел дальше. 2-й эскадрон стоял на скате горы в винограднике. Подле него направо была палатка Багратиона, налево коновязи конной роты, спереди были офицерские палатки, сзади коновязи. Палатка Толстого была прямо обращена лицом к неприятелю. Гусары, любившие его, сделали ему лавочки, он сидел на них с офицерами, пили [1 *неразобр.*] и в трубу, принесенную артиллеристом, рассматривали конные разъезды неприятеля.

Был ясный вечер, собиралось замораживать. Налево расстилались горы Моравии, сливаясь с Альпами, не доходя видны были две деревни с церквами, немного правее было местечко Вишау, в версте расстояния направо вид загоразивался рядом палаток.

— Это кто, государь? — сказал кто то, указывая на группу генералов и офицеров с конвоем казаков, подвигавшуюся по линии. Офицеры вскочили.² Это был Долгоруков с Багратионом и австрийским полковни[ком], возвращавшиеся с рекогносцировки. Они оживленно говорили и казались очень веселы. Багратион казался почтителен перед Долгоруковым, величественный немец полковой командир вовсе стирался перед ними обоими и вслед за ними почти последний, оправляя ордена, вошел, нагибаясь, в палатку. Ужинали, в двенадцатом часу, еще Толстой не засыпал, велено седлать. Когда они стали, ожидая, пехота прошла с правого бока. Они прошли с версту, останавливаясь, показалась¹ *Поперек текста*: <Дело с шулером.> Он хочет и может служить

На полях: Немножко бы постоять. Победа легка. Наша главная квартира и Наполеонова. Его приказ.

Зачеркнуто: 15 ноября вечером Толстой выезжал вновь приведенную ему дикую, туземную лошадь с вахмистром

² *На полях*: (Зубная боль)

16 числа Nicolas Ростов стоит в авангарде, проезжает Долгорукий, слух о победе, проводят раненных и государь.

заря влеве, показались и слышались выстрелы. Проскакал адъютант, спрашивая, где князь, и рассказывая, что столкнулись с французской цепью. Совсем уж рассвело. Выскакало 4-е орудие, отлетели передки и коноводы, как то весело остались [?] орудия, замелькали первые номера с отходом и пальниками. Слышались: 1-е, 2-е и звенящий гром. Справа колонна зашумела: «урра»... Мелькнули мундиры чужие, слышалась команда к атаке, подвезли передки. Топчеечко запутался саблей, понеслось куда то.¹ Вот француз уже в городе, торопится скинуть карабин. Толстой кричит «rendez-vous»...² Генерал, красный, скачет:

— Что вы делаете, вперед! Преследуют. Пули. Останавливают.

— Что ж это было? — спрашивают все. Проезжает Долгоруков радостный, что то хорошо. Уж не победа [ли]? Приезжает государь, поздравляет с победой; так вот что, мы победили, как легко побеждать. Послал Т[олстого] за ранеными. Ему надо было объехать пехоту. Пехота ревела «урра», он подъехал ближе и увидел государя. Государь стоял верхом на англзированной лошади и смотрел в лорнет. Лицо его было особенно добро. Он подъезжал к каждому раненному и пожимал плечами. Т[олстой] нарочно подошел ближе к гусару и велел брать его.

— Где у тебя, нога? — спрашивал государь.

— Ниже колена, ваше высокоблагородие, — отвечал солдат. Свита улыбалась, но с грустью под тон государю. В цепи была еще перестрелка.

— Мы победили, неприятель бежал, — говорило всё, но государь скорбел о жертвах победы и славы. Какой то генерал просил государя продолжать наступление, государь велел послать Багратиона. Т[олстой] унес своего раненного, он был один. Вечеру придвинулись другие колонны и лагерь стал. Толстому объявлена была тотчас же награда следующего чина поручика.

— Что, С. И., лучше воевать при царе, — сказал он.

— Да, батюшка, уже коли за это дерьмо по следующему чину, так за Голабрун в фельдмаршалы нас с вами. Так то, вам в диковинку, а мы привыкли: не службой, а счастьем.

Борис слышал о деле и пришел в штаб квартиру в Вишау. Волхонской стоял в³ доме с тем же князем Б.

— Каково, мы победили а? — сказал он первое слово.

— Да, как было дело? — спрашивал Б.

— Так, победили, да и всё. Шесть тысяч человек напали на тысячу и выгнали, когда они хотели отступить. За то как мы все поздравляли Долгорукого, пили за его здоровье за царским столом. Теперь кончено, мы чуть не захватили Бонапарта. Одного боимся, как бы не ушел. Надо догонять. Без шуток, — обратился он к товарищу, — князь Петр говорил вчера, что он себе не¹ *На полях*: огромные награды за Вишау, а ничего Голабрун. Провели пленных

<Блестящая перестрелка в присутствии государя под Вишау.>

² [сдавайтесь]

³ *Зачеркнуто*: палатке

приписывает заслуги, но что это un tas de ganaches,¹ которые бегут и не держутся. Что это за толпа. А ты слышал, Savari приехал просить мира, — продолжал он иронически.² Б. с толпой офицеров пошел смотреть Savari. — Живой француз, — смеялся кто то. Savari вышел и с ним вместе поехал Долгоруков. — Кто это едет? Вот официальное описание историков Тьера и Михайло[вского] этого свидания.³>

* № 15 (рук. № 46).

⁴Борис еще был в главной квартире, когда вернулся Долгорукой. Пока он ездил, Борис ходил к генералу, своему дяде. (У дяди он слышал брань и ругательство на иностранцев начальников в русской службе.

— Ну, что может сказать русскому солдату изменник Ланжерон или колбасник Вимпфен? Дядя был закоренелый и хвастливый русак. — Я не знаю, кто командует?) И что интереснее всего ему было — к пленным французам, взятым 16-го. Офицеров много толпилось около них. Все лезли, только чтоб сказать несколько слов. Борис только прислушивался. Один красивый плечистый драгун с знаком отличия больше других обратил его внимание. Он был боек и самоуверен гораздо более,¹ [толпа глупцов,]

² *На полях:* Толстой убил на дуэли, под арестом; Б[орис] просит за него Д[олгорукова]

³ *Зачеркнуто:* Борис дождался возвращения и ходили к пленным.

— Messieurs, vous serez battus par le grand empereur, c'est positif [— Господа, вы будете разбиты великим императором, наверняка]. Когда Долгорукий вернулся, он не стал говорить с Волхонским. Вечером узнали, что Бонапарт сконфужен и отступает. Во всем лагере песни и веселости.

⁴ *Зач.:* Этот князь Долгорукий, хотя и <был [один из] самых ревностных говорунов> один из самых пылких витий генерального штаба, был не мало польщен данным ему поручением к императору французов.

Он поехал с генералом Савари и был представлен Наполеону в минуту, когда французский император, доканчивая осмотр своих аванпостов, не имел ни в своем костюме, ни в своей обстановке ничего величественного для вульгарного ума. Наполеон слушал этого молодого человека, лишенного такта и меры, который, набравшись там и сям кое каких мыслей, питавших[ся] русским кабинетом <и которые мы объяснили, излагая новый проэкт> о проэктике нового европейского равновесия, выражал их без приличия и некстати.

— Надо, — уверял он, — чтобы Франция отказалась от Италии, если она хочет сейчас же заключить мир, а если она будет продолжать войну и будет в ней несчастлива, надо, чтоб она отдала Бельгию, Савою, Пьемонт, чтоб устроить вокруг себя оборонительную преграду. Эти мысли, высказанные очень неловко, показались Наполеону формальным требованием возвратить немедленно Бельгию, уступленную Франции после стольких договоров, и возбудили в нем сильное волнение, которое он впрочем скрыл, полагая, что показать это волнение перед таким переговорщиком было недостойно его. Он сухо отпустил его, сказав, что разногласие, которое разделяло политику двух империй, будет решено не в дипломатических конференциях, а в другом месте. Наполеон был выведен из себя и у него была только одна мысль, дать отчаяннейшее сражение.

Поперек текста: 17 число. Князь Андрей зашел к Долгорукому. Получено письмо и он едет на аванпосты. Смотрит и у него поднимается от гордости, злобы, восторга.

чем вся толпа, окружавшая его. Происходило ли это от того, что русские офицеры говорили на чужом языке, а он на своем, но только драгун был, как дома: нетерпелив, дерзок даже и, казалось, оглядывая толпу, спрашивал, чего хотят от него. На вопрос одного молодого полковника, много ли их, он отвечал, что много ли, мало, всё это узнается, когда русские будут разбиты.

— Почему же вы думаете, что русские будут разбиты? — спросил кто то. Француз усмехнулся высокомерно.

— Как верно, что я унтер офицер 8-й кавалерийской дивизии, 3-го драгунского полка, *aussi sûr que je m'appelle Caspar* [?] *vous serez battus à plate couture*.¹ Офицеры некоторые обиделись, некоторые удивились, некоторые засмеялись. Борис отошел и вспомнил, как прав Волхонской, не одобрявший и не любивший этих разговоров с пленными.

Письмо, писанное Александром Наполеону, было адресовано *au chef du gouvernement français*.² Долгорукой во время своих переговоров с ним не называл [его] императорским величеством. Предложения мира были отвергнуты. Мы одержали победу и быстро наступали.

Михайловский-Данилевский говорит так: «Возвратись в Кучерау, князь Долгорукий рассказывал о замеченном им в французской армии унынии. — Наш успех несомненный, — говорил он, — стоит только идти вперед и неприятели отступят, как отступили они от Вишау. Словам его поверили. Единогласно утверждают очевидцы, что привезенные князем Долгоруким известия о французской армии и даже, по уверению его, [о] нетвердом духе самого Наполеона были для союзников одною из причин, побудивших атаковать без отлагательства».

Русские войска шли вперед, сколько могли. Провианту было мало. Лазутчиков не было.

(17, 18, 19 войска двигались, общий обзор. Толки недовольства австрийцами).

17-го Ноября Долгорукой вернулся вечером уже не на старый лагерь Вишау, а в Кучерау. Во время его отсутствия войска продвинулись еще вперед и 18 ночью стали биваками в Кучерау не более, как в версте от аванпостов неприятеля. Аванпосты постреляли и отступили. Выстрелы отозвались в душе каждого человека русской армии. Всё ближе и ближе подходила та торжественная, страшная и желанная минута, для которой перенесено было столько трудов, лишений, для которой по пятнадцати лет вымуштровывались солдаты, оставлена была семья и дом и из мужика сделан воин, для которой 80 тысяч человек жили в поле без жен, матерей, детей, без участия во всех интересах гражданской жизни, жили и двигались в чужом, неизвестном краю, в поле, на дорогах, в лесах, пренебрегая для себя и для всех всеми условиями¹ [и что зовусь я Каспар, так же верно, что вы будете на голову разбиты.]

² [главе французского правительства.]

привычной, человеческой жизни. Для всех этих людей дорога сделалась не путем к семье, к удовольстви[ям] или к труду, а путем обхода, атаки; забор, закрывавший виноградник от грабежа, защитой от пуль, лошадь не другом и слугой, а орудием передвиженья пушек и ядер, дома не очагами семей, а местом засады. Леса, сады — не тенью и матерьялом, и весельем, а выгодной позицией для застрельщиков, горы и лощины — не красотами, а позициями, реки и пруды не для мельниц и рыбы, а прикрытиями флангов, пища — поддержкой силы для борьбы, люди — не братьями, а орудиями и необходимыми жертвами смерти. Все эти 80 тысяч русских и столько же французов так переделали себя для той минуты, которая наступала и которой приближение чувствовалось с каждым шагом вперед по новым местам, носящим на себе отпечаток пребывания французской армии, и особенно с каждым выстрелом, звук которого в душе каждого отзывался знаком отрешения от всего¹ любовного и знаком призыва к борьбе не с врагом, а с собой и страхом смерти. Душа² армии раздражалась больше и больше, становилась сосредоточеннее, звучнее, стекляннее.

Надо драться! Больно будет. Надо забывать! Надо спастись от чувства вечности в чувствах³ товарищества, молодечества и славы. Не надо оглядываться на себя, на жизнь, на любовь.

Мелкие интересы обыденной жизни: досады на деньщика, потеря перчатки, проигрыш, зубная боль, безденежье, досада на неполучение крестика, зависть, — всё так же копошились, связывая их, между этими десятками, тысячами людей, но строгая и величественная одна, всё одна нота неизменно, как шум моря, с каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела, всё слышнее и слышнее становилась каждому сердцу.

В колонне Ланжерона, в мушкетерском Курском полку, с красными воротниками, командуя 8-й ротой 3-го батальона, находился штабс капитан Голопузов. (Хоть и не благозвучна и неприлична эта фамилия, но так она печаталась в «Инвалиде» до дня выключения его из списков и так он действительно назывался). 19-го ноября накануне сражения, которого все ждали и никто в армии определенно не предвидел, потому что Бон[апарт] всё отступал и отступал, и ничто не доказывало, чтобы он принял сражение, (слухи же из главной квартиры подтверждали желание слабости каждого, что он бежал), 19-го ноября Аким Захарыч Голопузов шел перед своей ротой пешком, в середине своего полка и в середине огромной армии сзади, спереди и с обеих сторон его растягивавшихся почти до тех пор, до которых достигало его зрение. Аким Захарыч был человек лет 35, высокой, сутоловатый, с⁴ лицом старым, но закаленным против всяких неудач и невзгод, видима не мало перенесенных в жизни. Усы были вниз, закрывая рот. Подбородок был вперед. Полк шел частью по дороге, частью по¹

Зачеркнуто: человеческого

² *Зач.*: каждого

³ *Зач.*: единства

⁴ *Зач.*: истощенным

пшеничному жневью, задними ротами спускаясь с горы и передними поднимаясь на порядочное возвышение. Солдаты шли в ногу, но в задних рядах, спускаясь с горы, расстроились и кое-кто побежал и спутал порядок в роте. Аким Захарыч, слегка нахмурив брови, отошел на фланг и, пропустив передние шеренги, и остановил унтер офицера, который засуетился и закричал на солдат, ровняя их, увидав ротного командира. Он остановился, расставив ноги, опустив шпагу в ножны, взялся за нагайку.

— Лазарев! Это что? — проговорил он с промежутками. — Это что? Порядок? Такой порядок? Ноги! — Только эти слова проговорил он с расстановкой, отвешивая удары за ударами по спине унтер офицера и, видимо, сдерживая себя в злобе, всё больше овладевавшей им, чем больше он бил. Унтер офицер сносил удары, только мигая и не теряя стойки. В рядах солдат, знавших, что каждый удар ротного отзовется вдесятеро на комнибудь, может быть на каждом из них, солдаты, как стадо овец, наткнувшись на собаку, смешались и с страхом и смирением искали ноги, по два вдруг подпрыгивали, переменяя ноги. Они помялись и справились. На всех лицах был испуг.

— Я вас, доберусь! — проговорил штабс капитан не громко, но так, что вся рота слышала. Фланговый юнкер, молодой, безусый, худощавый мелкопоместный дворянин, с грудью, ввалившейся еще больше под оттягивавшим его ранцом, и с желтым лицом, прошел мимо штабс капитана ни жив, ни мертв, усталый и испуганный. Ружье его с штыком казалось ужасно длинно на его костлявом плече и в худой ослабевшей руке, ноги были точно ходули.

— Дворянин! так показывайте пример, — прокричал штабс капитан и отошел, большими шагами обгоняя роту, опять вперед, куда подъехал какой то начальник. «Слава богу», подумал юнкер и хотел перекреститься, но побоялся насмешить солдат. Впереди роты съехались начальник колонны Ланжерон с адъютантом, полковой и батальонные командиры. Полк остановился, поперек его дороги проходила батарея. Полковой командир просил провести полк тотчас же за батареей, но австрийский офицер генерального штаба сердился и требовал, чтобы прошла вся колонна кавалерии. Это могло продолжаться два часа. Был 1-й час, выступили в 8 и люди еще не обедали.

— Устали люди? — спросил Ланжерон, адъютант перевел, полковой командир спросил у батальонного, батальонный у штабс капитана, только что распорядившегося с унтер офицером.

— Устать не устали, а доложите, что не ели с утра. Простоим тут два часа, каши варить некогда, а сухарей нет, обоз не приезжал.

— Где обоз? — Позвали фелдвелея. Он сказал, что обоз не придет. Приехал фурштат. Опять доложили по инстанциям до Ланжерона. Что то поговорили и отъехали. Батальонный командир начал ругать немцев. Немецкой офицер генерального штаба, колоновожатый, что то кричал, его не понимали. Он хотел доказать, что в задержке виноват не он, а кто то высший начальник 128

русской. Проходили гусары. Толстой узнал Шишкина А. В. А[ким] З[ахарович] был холоден, даром, что он в штабе. [?] Батальонный командир говорил, что немцы виноваты во всем, что колонны растянулись, путаются, одна проходит через другую и провиант нет. Штабс капитан, уважаемый офицер, молчал, пока батальонный командир прямо не обратился к нему, вызывая его мнение о немцах.

— Что же, М. И. должно наши русские то генералы хуже дело смыслят, оттого им не поручают. Нельзя без того, чтоб не ошибиться, и я не ел с утра.

— Ничего, подождем. Хотите водки?

— Некогда, М. И. — Поставили ружья в козлы, принесли в манерках воды, погрызли сухариков и закурили трубочки. Ждали два часа. Фурштат приехал с известием, что стали пехоте отпускать сухари и что обоз придет к завтраму. К вечеру только заварили кашу. Днем, впереди где то, слышались опять выстрелы, и та строгая нота, несмотря на все эти мелочные заботы, слышалась в душе и австрийского офицера генерального штаба, оттого он так горячился и спорил, и в душе батальонного командира, оттого он так ругал немцев и французов, и в душе А[кима] З[ахаровича], оттого он, хоть и смягчен был душой, с свойственным ему упрямством, не спускал никому. Слышалась эта нота и в душе солдат, и битого унтер офицера, и юнкера (оттого они не смели обвинять и жаловаться на усталость и голод. Они чуяли, что всё спасенье в покорности и исполнении, строгом исполнении долга).

Так подвигалось 17, 18, 19 число. Все эти дни слышны были выстрелы, слышно было, что подвигались армии и отступал Наполеон, и верилось, и страшно было верить, что он бежит, что одно моральное влияние решит дело. Об этом избегали говорить. Войска, бывшие прежде с Кутузовым, узнавали места, в которых они были, и у редких оставшихся, напуганных жителей узнавали о французах. Мир для них разграничивался одной чертой аванпостов французов — там всё было тайной и страхом; черта эта похожа была на черту, отделяющую людей от загробной жизни. Страшно, неизвестно и привлекательно, для аванпоста только это было яснее. Они смотрели иногда на движение французской армии, как на что то действительное. Им было и легче переносить звук этой строгой ноты, и понятие их о том, что предстоит, было яснее.¹

№ 16 (рук. № 46).

<Каждый день в продолжении 16, 17, 18 и 19 числа ноября ждали генерального сражения. Войско было настроено на битву и наконец это настроение начинало ослабевать. Строгая нота всё так же была слышна, но становилась уже привычна. Нравственная сила человека² поднимается страданием, в особенности ¹ *Край рукописи, порван а последняя фраза прочтению не поддается.*

² *Зачеркнуто:* и армии

нравственным. Дойдя до высшей степени страдания, они находятся на высшей степени силы. Пружина, натянутая чтоб подняться на большую высоту, должна тотчас же быть спущена, чтобы нанести удар всей той силы, на которую она способна. Оставьте курок поднятым слишком долго, и он не будет высекать искры из кремня. В военном деле анализированы давно все роды орудий смертности, все условия продовольствия, выгод местности и сочетания масс, но вопрос о значении того, что называют духом войска, предоставляется болтунам поэтам и не занимает серьезных людей.

Несмотря на все мое уважение к военным наукам, я всегда по рассуждению и по опыту был и останусь того убеждения, что вопросы военных успехов решаются не величием военных гениев (военный гений, сравниваемый с гением шахматной игры, есть для меня пошлая бабья сказка — военных гениев нет и не может быть) и не столько предусмотрительностью и силою всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна. Я сомневаюсь, чтоб сознательно можно было обращаться с этим оружием, но существуют условия, в которых орудие это употребляется самым выгодным образом и наоборот. Кто не замечал, что есть общества, балы даже, которые всегда скучны для всех от начала до конца, есть такие, которые веселы для всех всегда — от начала до конца, есть заведения, в которых ученики легкомысленны, другие, в которых они серьезны. А связь слабее, чем длиннее связанное. Есть походы трудные, веселые, есть легкие и скучные, есть сражения, в которых готовятся к употреблению всей вложенной в человека силы, есть сражения, в которых только боятся, как бы не опозорить себя. И все одинаково. Что имеет влияние на такое или другое настроение? Все: и климат, и толки в армии, и провиант, и больше всего отношения начальников к подчиненным. Чем больше связи между тем и другим, чем ближе, непосредственнее эта связь, как связь императора, солдата и француза, с своим войском, тем больше силы и высоты приобретает дух войска. Русскими войсками¹ распоряжались: император Франц, полковник Вейротер,² Гогенлое, Лихтенштейн, Вимпфен и Буксгевден, изменник своей стране француз Ланжерон и т.д. Потеря сраженья и бесчестье армии не были страшны для этих людей, они не боялись поражения и только желали победы. И верили в победу. Русские подчиненные одни так боялись поражения, что переставали верить в победу. Все шли вперед весело, стараясь рассеиваться и забыть всю важность того, что предстояло. Еще переход, еще отступил Наполеон, бывший всегда своих превосходных силами врагов. Уж не боится ли он нас или не уверен ли уж в нашем поражении. — Эй! деньщик, подай водки! — Что ж надо будет сходить к бригадному, напомнить о своем существовании. Ну, чтож, составим вистики и выпьем бутылочку венгерского.>

¹ *Зачеркнуто*: командовали: император Александр.

² *Зач.*: Кутузов

19 ноября большая часть русской армии стояла у Маргофа, готовились к выступлению, готовились к сражению и ничего не знали, аванпосты перестреливались. Может быть это было ничего, может быть это было начало сражения. Прошло 10-й, 11-й, 12-й час. «Должно быть ничего не будет опять и нынче» думали офицеры и солдаты. «А впрочем бывают дела и вечером, чтоб попала пуля в грудь или голову, немного нужно времени», думалось некоторым, но вот который день и ничего нет. Не то, что ничего не будет, но ждать уж надоело. Что будет, то будет. Адьютанты привезли приказы обедать и выступать в 12-ть. — Ну и выступим, всё равно. <Военные писатели, желающие сгруппировать действия двух армий в один рассказ, всегда приводят в заблуждение читателей, говоря о том, что войска такие то были одушевлены такими то или такими то чувствами. Этого никогда не бывает. Каждый член войска думает всегда только и прежде всего о себе, желая себе целости и награды, и боясь, что будет больно, когда ранят, и тяжело умирать, когда так здоров и силен. Каждый член не видит всего действия, и маленькой успех в его отряде кажется ему победой, ежели он неопытен и, ежели он опытен, не возбуждает других чувств, как удовольствия, что он вышел цел, и сожаления, что он не цел. Восторг после победы или уныние после поражения бывает только после окончания, и положительные чувства, большей частью, на другой день, и чувства эти бывают очень слабы и второстепенны в войсках. Они гораздо сильнее в жителях Москвы и Парижа. Поэтому войска не могут быть восторженны и одушевлены чем бы то ни было. Один дух состоит в ненависти¹ к врагу и, главное и почти единственно, в доверии к начальникам и товарищам. Этих условий не было в то время в русской армии. Австрийцов и их начальников презирали. Французов не ненавидели и уважали.

В полдень войска выступили. <Опять австрийские колонновожатые скакали из конца в конец и войска путались. Немцов неохотно понимали и, когда понимали, то исполняли лениво и неохотно. Громко кричали начальники частей о недостатке провианта, начальники колонн о недостатке сведений о неприятеле. Колонны сталкивались, заграждали дорогу одна другой, особенно на правом фланге у Багратиона, куда в середине движенья были посланы кавалерийские полки. Аванпосты видели целый день неприятельскую кавалерию, но она отступила и наши войска прошли Аустерлиц и все места, занятые французами за день до этого. Видны были длинные места коновязей французской кавалерии, клочки сена, куски французского сукна и следы лагеря.

Колонны пришли в назначенные места только далеко после сумерек. Было совсем темно. У Багратиона боялись ночного нападения, и высланы были разъезды. Гвардия стояла впереди Аустерлица. В 10 часов вечера узнали офицеры, что колонные начальники поехали в главную квартиру на военный совет в Крженовиц. Ком[андир], в[еликий] к[нязь], поехал вперед, Дохтуров,¹ *Зачеркнуто:* или презрении

Ланжерон и другие поехали назад, они были впереди Крженовица.

Волхонской, хотя и не был дежурным, сидел в приемной Кутузова, читая французский роман и из-за него взглядывая на всех проходивших господ генералов и их адъютантов. Он знал уж диспозицию, и в его душе происходила та же внутренняя работа, которая происходит в душе каждого¹ человека накануне сражения. Он занимался страданиями любви Amélie и наблюдениями над глупыми рожами офицеров, проходивших, и каждую минуту ему приходило в голову, что завтра его не будет. Гусарский офицер смело вошел в комнату.> Это был Толстой, бывший ординарцем на этот день у Багратиона. Он подошел к другому адъютанту и просил передать, что Багратион не мог приехать, но просил немедля прислать ему диспозицию. Волхонской подошел к ним.

— Что вид[ен] неприятель? здравствуйте. — Толстой холодно отвечал другому адъютанту и не подал руки Волконскому.

— Теперь отступил.

— В силах?

— Нам не видно было. — Волхонской отошел и пошел к себе. Он лег и читал до² двух часов. Все разъехались уже, когда он заснул.

В знаменитом совете происходило следующее, как описывают очевидцы. Кутузов спал. Вейротер говорил. Кутузов имел большое качество для полководца: он глубоко презирал людей и скоро, коротко составлял о них мнение. Он знал, что обстоятельства сильнее людей.³ Большинство ждало сражения так же мало, как и в прежние дни. Еще меньше Наполеон,⁴ а в высших слоях армии с десятого часу началось и продолжалось до конца вечера следующего дня усиленное и страшное движение. Как в больших башенных часах стоит повернуться одному среднему колесу, как быстрее задвигаются другие, ближние колеса, блоки, шестерни и, всё дальше и дальше распространяясь, движение сообщится большим колесам, маятникам, блокам, барабанам, колоколам и колокольчикам и пойдут бить, играть куранты и выскакивать фигуры, движение уже кажется неудержимо, результат всего движения только движение стрелки, медленно показывающей время, прыгая с одной секунды на другую. Как и битва трех императоров, уничтожившая тридцать тысяч людей, только показала один скачок времени на огромных часах большой всемирной истории. Колесо тронулось, блоки, регуляторы расшевелились и свистят от быстроты движенья, а большие дудки и колокола еще так же неподвижны и спокойны, как будто они не пошевелились и через сто лет. Первыми колесами, пришедшими в движенье, был весьма ограниченный числом мир приближенных. В кругу¹ *Зачеркнуто*: энергическ[ого]

² *Зач.*: утра

³ *Зач.*: В 7 часов войска выступили. Еще было темно

⁴ *Зач.*: Наполеон между тем отдал следующий приказ по армии

приближенных императоров стало известно, что решено дать завтра сражение, как бы не уклонялся от него Бонапарт. Решено преследовать его и заставить его принять сражение, от которого он, видимо, желал избавиться. Решение это расшевелило в приближенных много страстей — честолюбия, зависти, ненависти и страха. Как только решение было окончательно принято, явились вопросы и соображения о том, что хотя и желательно бы было, чтобы NN командовал кавалерией, но австриец NM мог оскорбиться, а его надо было менажировать, потому что MN был в милости у императора Франца, и потому предполагалось, оставив NM начальником кавалерии, дать NN звание начальника всей резервной колонны кавалерии крайнего левого фланга. Потом приходил ВВ и давал чувствовать, что он прослужил двадцать лет и ничего не желает, но что¹ ему обидно быть лишенным возможности показать свое усердие государю императору, для которого, он со слезами в голосе уверял, что готов пожертвовать жизнью. Старика нельзя было обидеть, и для него придумывалось еще новое звание и назначение. Так решались дела эти и их было много. Австрийцы собирались и говорили о своих интересах, русские о своих. Сходились и хитрили друг перед другом. Долгорукий отправил камердинера с коляской к Багратиону. Он ждал, что там будет решение сражения, что колонна Багратиона сомнет с фронта французскую армию, разбитую и обойденную на правом фланге, и там он выхлопотал себе начальство над² пехотою. Он ждал только окончания военного совета. Вейротер озабоченный, усталый (он только что приехал с рекогносцировки) был у Кутузова, к которому собрались уже колонные начальники, кроме Багратиона по отдаленности. Движение распространялось уже между штабами колонных начальников.

Ланжерон так описывает военный совет:

«В час по полуночи, когда мы все были собраны, приехал генерал Вейротер, разложил на большом столе огромную и очень подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и прочел нам свои распоряжения очень напыщенным тоном и с видом хвастовства, которое обнаруживало в нем задушевное убеждение в своем достоинстве и в нашем невежестве. Он был похож на учителя школы, который читает урок молодым ученикам. Мы может быть были действительно ученики, но он далеко не был хорошим профессором. Кутузов, который сидел и почти спал, когда мы пришли к нему, кончил тем, что заснул совсем до нашего отхода. Буксгевден слушал стоя и вероятно ничего не понимал, Милорадович молчал, Прибишевский стоял сзади, и только Дохтуров рассматривал карту со вниманием. Когда Вейротер окончил свою речь, я был единственный, который стал говорить. Я сказал ¹ *Зачеркнуто написанное раньше на листе рукописи:* и поехал на аванпосты. Солдаты светили ему пуками соломы и кричали: *Vive l'empereur.*

Толстой только вернулся из главной квартиры, как за ним же приехал Долгорукой с диспозицией

² *Зач.*: кавалерию

ему: — Всё это хорошо, генерал, ну а если неприятель нас предупредит и атакует у Працы, что станем мы делать? — Случай не предвиден, — отвечал он мне, — вы знаете смелость Бонапарта. Если бы он мог нас атаковать, он сделал бы это сегодня. — Вы стало быть думаете, что он бессилён? — сказал я ему. — Много, если у него сорок тысяч войска. — В таком случае, он идет на свою погибель, дожидаясь нашей атаки; но я считаю его слишком ловким, чтобы быть неблагоприятным, потому что если, как вы думаете и желаете, мы его поразим при Вене, у него нет другого отступления, как Богемские горы; но я в нем предполагаю другие намерения. Он потушил огни и слышно много шуму в его лагере. Это значит, что он удаляется или перемещает позицию; и даже если предполагать, что он примет позицию в Тюрасе, он избавляет нас от многих хлопот, а распоряжения остаются те же. — Затем Кутузов, проснувшись, отправил нас, приказав оставить адъютанта, чтоб списать распоряжения, которые подполковник генерального штаба Толль должен был перевести с немецкого на русский, тогда было около трех часов по полуночи, и мы получили копии этих знаменитых распоряжений только тогда, когда мы уже были в походе».¹

Войска начинали чувствовать по скачке адъютантов, что что то готовится. Предчувствие это подтвердилось, когда вернулись поздно ночью колонные начальники: Дохтуров, Ланжерон, Пржебышевский и Колловрат и великий князь. Молва разнеслась, и ночь войска не спали, и опять всё готовилось и, страдая, поднималось духом. Все сидели у огней в пасмурную ноябрьскую ночь и говорили тише и душевнее, от генерала и солдата, когда хлопоты окончились. Деньщики, штабные и полковые обозы укладывались. Писаря штаба строчили приказы. Колонные начальники собирали офицеров и читали диспозицию. Офицеры старались вникать и успокаивали себя тем, что дело решат, кто поумнее и учнее их, другие расходились, ничего не поняв. Другие думали то же самое. Ермолова позвали к Уварову, он слушал и плюнул. Багратион, прочтя диспозицию, сказал: — Мы будем разбиты. Долгоруков спорил с ним и послал разъезд подсмотреть, по какой дороге идет, отступает Бонапарт. Когда загорелись огни в французском лагере, он послал сказать государю, что Бонапарт должно быть отступил и что надо выступать, как можно раньше, чтоб догнать хоть хвост его. Когда он послал вперед разъезд, французские фланкеры приветствовали их выстрелами. Что делалось за этой чертой, было непостижимо и непроницаемо. Горели огни, долетал гул, двигавшийся по линии. Наши солдаты тоже пели песни.

В десять часов измена уже дала в руки Бонапарту диспозицию русских, в той машине зашевелилось одно колесо, и всё пришло в движенье. Наполеон диктовал приказы, приказы скакали по войскам, войска передвигались. На аванпостах, в той стороне ¹ *Поперек текста*: 19 ночь. Отправление государем Кутузову и страх, чтобы не ушли французы. Совет у Кутузова. Ростов от Багратиона проезжает всю путаницу и видит свет.

именно, в которую безнадежно вперялись взоры Долгорукого и Т[олстого], стояли кавалеристы, призванные к палатке полкового командира, и адъютант, молодой роялист, пришедший недавно к знаменам Наполеона, оставив ногу, красивый юноша читал при свете головешки приказ Наполеона.

— Eh bien, mon cher, ça chauffera à ce qu'il parait,¹ — говорил полковой командир.

— Je ne reconnais plus l'empereur, il recule.

— Pour mieux sauter,² — сказал адъютант.

— Voyons, j'ai à faire l'appel!³

— Il[est] d'une humeur [1 *неразобр.*]⁴ — сказал адъютант. — Les voilà pourtant, — сказал адъютант, указывая на русские огни, — et pas moyen de savoir ce qui s'y prépare.

— L'empereur le trouvera bien tout de même.⁵

Они вышли, адъютант прочел, почти как на театре.

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтоб отмстить за австрийскую ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабруне, и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем — могущественны, и пока они будут итти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг. Солдаты, я сам буду руководить ваши батальоны. Я буду держаться далеко от огня, если вы с вашей обычной храбростью внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение. Но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидели бы вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля; потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести всей нации.

Чтобы под предлогом увести раненых, не расстроивать ряды, и чтобы каждый был хорошенько проникнут мыслью, что надо победить этих наемников из Англии, которые воодушевлены такою ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы можем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции, и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня. Наполеон».⁶

— Vive l'empereur!⁷ — кричал эскадрон. Только что стал расходиться эскадрон, по линии послышались крики и в свет огня въехал французский император, тот самый в шляпе и сертуке, которого видел Долгорукий. Он был силен, свеж, умен и весел особенно, как это бывает с людьми. Он остановил старого¹ [Ну, дорогой мой, похоже, что дело будет горячее,]

² [Я не узнаю императора: он отступает. — Чтобы вернее ударить,]

³ [Однако, я должен скомандовать сбор!]

⁴ [Он в настроении]

⁵ [Ведь вот они, а нет возможности узнать, что там происходит.

— Император разберет во всяком случае.]

⁶ *Поперек текста:* Наполеон на аванпостах. Восторг, который был на смотре.
<Император Александр. Его ночь и пробуждение>

⁷ [Да здравствует император!]

солдата, узнав его из Африки, потом заговорил с полковым командиром. Солдат поднял зажженный пук соломы, чтоб осветить его, другие сделали то же; лошадь шарахнулась, но Наполеон остановил и поскакал по аванпостам. Пуки соломы и крики, которые поражали наших, провожали его. Измена давала ему победу. Презренный! Нет, он был силен и величествен, и измена была таким же листом его лаврового венка, как и храбрость его солдат. Он знал, что завтра день славы и успеха.

В французской армии также зашевелились все струны дви[жения]¹ и пружины еще быстрее, потому что механизм их был проще. Сколько страданий, сожалений и борьбы перенесено было в эту туманную ночь, около ярких огней. Ежели бы это было видно, это было бы страшнее сражения.

Серьезные люди весьма серьезно говорят и пишут о военных науках, тактике и стратегии, а я не понимаю, для чего и что может наука при решении вопроса, кто из двух побьет один другого. Кто сильнее, кто больше рассердится, кому удобнее случится. Так дело решается, ежели два человека дерутся. А ежели два против двух, а четыре против четырех, а 30 против 30, а 50 против 50, а 120 против 120, а 300 против 300, а 500, а 800, а 1100 и так до 80 тысяч. Казалось бы, дело в том, чтобы люди все слушались одного и побьет тот, у кого больше солдат и чьи сердитее. Так говорит здравый смысл, а серьезные люди говорят, что на это есть наука. Но наука эта странная. Она похожа на другую такую же науку, на политическую экономию. Читаешь выводы этой науки, и кажется всё ясно. Читаешь другие выводы той же науки и оказывается, что все прежние выводы совершенно ложны. Кому не случалось читать: «Такой то полководец выиграл сражение, потому что зашел в тыл. Но, зайдя в тыл, он разобшил свою армию. Такой то выиграл сражение, зайдя во фланг, но, зайдя во фланг, он растянул свою линию. Этот погиб от того, что в тылу оставил реку, другой выиграл от того же самого. Тот стал в дефилеях и оттого погиб, тот стал в дефилеях и оттого восторжествовал. Тот разрезал неприятеля надвое и оттого разбил, тот хотел разрезать, попал между двух огней и погиб. Тот растянулся, как Маак, и погиб, тот не умел развлечь неприятеля движеньями и погиб. Тот маневрировал и оттого потерял и наоборот». Не я один в моей молодости, но, я полагаю, без исключения все молодые люди, читая военные истории серьезных людей с внушающими уважение выражениями: «маневрировал, во фланг, в тыл, отрезал, опрокинул» и т. п., спрашивали себя робко: «что это — книга неясна или я еще молод и глуп, что не понимаю», и вновь читали и вновь не понимали, в чем же собственно состоит наука. Говорят, это как игра в шахматы.

В шахматах математически правильная доска, математически ровное число шашек и не существует маленького условия — времени. То же самое или очень похоже говорят серьезные люди. ¹ *Зачеркнуто*: Толстой был в числе этих счастливых

Такие же неизменные законы операционной линии и т. п. Что же тут похожего? Я уже не молод, имел случай видеть войну и потому убедился, что наука военная всегда и была и будет источником бесконечных ошибок. Дело только в том, чтобы иметь наибольшее единство, наибольшее число людей и отвечать наибыстрее на все представляющиеся случаи.

Кулачные бойцы могут выдумать теорию бокса и саваты, но в минуту драки, когда¹ два бойца схватывают, что попало под руку, вопрос решает быстрота, сила и обстоятельства. Но плохо бы было человеку, который бы нападал на меня, боксируя или саватируя, когда у меня в руке нож или пистолет, или еще орудие, которого он не знает, когда он твердо уверен, что я пришел не боксировать, а уничтожить его. Правила войны не могут быть соблюдены, как правила бокса; каждый бьет всеми средствами, чтобы убить скорее. В Аустерлицком деле мы были уверены победить фланговым движением, и оно было прекрасно и очень умно, но Бонапарт победил потому, что французы дрались, и в середине, и на флангах, и везде, с большей энергией и с большим единством, чем мы, и по той еще весьма простой причине, что Бонапарт не велел отводить пленных, что в горячем деле удваивает войска: ибо всякому военному известно, как охотно два здоровых солдата ведут из под огня легко раненного в руку.

Наука может быть полезна для умственной гимнастики, но для успеха войны нужны только сытые, озлобленные и послушные солдаты и как можно побольше.

И это знал Наполеон лучше всех и выигрывал свои сражения не оттого, что он был гений (я убежден, что он был очень от этого далек), а напротив оттого, что он был глупее своих неприятелей, не мог увлекаться умозаключениями и заботился только о том, чтоб солдаты были сыты, озлоблены, послушны и чтоб их было очень много. Но я увлекся не своим делом — рассуждениями. Аустерлицкое сражение было нами проиграно постыднейшим образом, несмотря на наше превосходство сил и ума. Мы хотели обойти во фланг, но почему то (из наших военных историков не видно почему) везде были отбиты, а наполеоновские солдаты дрались везде, где были враги, и отбили нашу атаку на левый фланг и нас сбили везде с позиций, хотя ничто не мешало нам сбить их с позиции, кроме того, что наши войска были менее сыты, менее озлоблены и менее послушны одной воле, и солдат наших было гораздо меньше, потому что солдаты наши очень скоро, никем и ничем не удержанные, бежали² из фронта.³

Чтобы ясно понять, в чем было дело, надо сначала живо представить себе, что такое 90 тысяч войска. 200 человек вместе это огромная толпа, занимающая пространство более, чем может поместиться, не теснясь, в самой большой комнате, 1000¹

Зачеркнуто: враги

² *Зач.:* от неприятеля

³ *Поперек текста:* Мы были разбиты от чиклопа [?]

План и диспозиция

человек — это в пять раз больше, то есть пять таких толп, 90 тысяч человек, не теснясь, займут пространство двадцати верст. От одного фланга армии проскакать до другого, посадив лошадь, надо было более часу — это расстояние почтовой станции. Когда столпились войска в утро 19 числа и кавалерия проходила мимо пехоты, заграждая ей дорогу, то пройти всем 84 эскадронам нужно было три часа. Тут шли и немцы, и венгерцы, и белокурые, и брюнеты, и толстые, и худые, и малые, и большие, с большими и малыми усами. Пересчитать всю армию по человеку заняло бы три дня, ежели бы считать, не переставая.

Переписать всех людей заняло бы¹ два месяца. Армия съедала в день около 200 волов мяса и съедала в день около 1000 четвертей, 3000 возов, хлеба² и овса. Ни один человек из всей армии не видал и не знал $\frac{1}{100}$ всей армии. Каждый человек имел по два или по три орудия смерти. Это всё количество людей было растянуто на двадцать верст и двигалось в утро и ночь 19-го ноября. Такое же количество, столь же растянутое, двигалось за чертой наших аванпостов в армии Бонапарта, столько же лошадей и волов в той и другой армии.

Сражение происходило на границах Моравии и Богемии, т. е. в славянской земле, принадлежащей Австрии. Люди ходят там в куртках, бреют бороды, носят кушаки и шапки. Они красивы, высоки и сильны. Поля большие и тогда хорошо обработанные, много садов и виноградников. Деревни большей частью в низах и лощинах для воды, закрыты летом зеленью садов, а зимой бесснежны, в том краю виднеются из за каменных заборов и оголенных фруктовых деревьев и кустов крыши, крутые и черепичные. Народ говорит по моравски, любит пестрое в одежде и груб и дик. Тут к северу горы, покрытые сосновым лесом, где водится много дичи, южнее³ большая дорога, ведущая из главного города Моравии, Брюнна, в Ольмюц и из Брюнна в Вену, которая уже была занята французами.

По дороге кое-где деревни и станции, еще южнее больше деревень в горах, которые становятся площе и приближаю[тся] к низу, к руслу речки Гольдбаха и к прудам, в которые она втекает. Это место плодороднее и по нему⁴ больше садов и деревень.

Когда начались военные действия, которые я описываю, т. е. по пришествии войск и гвардии из России, Наполеон занимал Брюнн, мы Ольмюц; от Наполеона к нам вела большая Ольмюцкая дорога, разоренная уже прежде.

Но, чтоб понять наше положение, я прошу читателя представить себе челнок, которым ткут. На нижней оконечности острия челнока Вена, на верхней Ольмюц. На правой стороне большого расширения замок Аустерлиц, на левой Брюнн, один из лучших¹

¹ *Зачеркнуто*: две недели

² *Зач.*: и столько же

³ *Зач.*: деревни все

⁴ *Зач.*: течет

городов Австрии. В расширении челнока 25 верст. От расширения челнока до высшей конечности — 60 верст.

Наполеон отступал от Ольмюца до Аустерлица прямо к югу, от Аустерлица он поворотил влево так, что перед сражением мы стояли на одной стороне расширения челнока, он на другой. Цель наша состояла в том, чтобы отрезать ему сообщение с Венной; для этого предположено было атаковать его правый фланг. Сзади нас был Аустерлиц, сзади его был Брюнн. Сзади нас была Венгрия, сзади его Богемия. Мы шли вперед, он отступал. Отступая, он выбрал позицию. Мы решились отрезать его правый фланг, в какой бы он ни был позиции.

19-го в ночь, когда он получил известие о нашей диспозиции, он занял следующую позицию против Брюнна. Левый фланг его упирался в Богемские, поросшие лесом, горы. Обойти и побить его там было трудно. От этих гор начинались лощина с речкой и деревнями по речке, и озерами, и опять речкой. Сзади его были горы и ущелья. По речке и прудам, начиная с левого фланга, были деревни Гиршковиц, Пунтовиц, Кобельниц с большим прудом, это был его центр, и Сокольниц и Тельниц, около которого были пруды, которые составляли его левый фланг и тот самый, на который мы хотели напасть, чтобы отрезать его от венской дороги. У нас не было позиции — мы шли вперед, уверенные, что линия ручьев не занята, что Наполеон находится далеко сзади их и может быть отступил в ночь еще много дальше. Вместо того, чтобы отступить в эту ночь, Наполеон выдвинул находившиеся сзади корпуса Сульта и Бернадота к центру, к Кобельницу, и Ланну, переходя по 50 верст в сутки, велел идти сзади из Богемии к полю сражения. Мы шли во мраке, рано утром 19-го числа, с убеждением, что Наполеон более десяти верст отдален от нас, а Наполеон в ночь стал ближе к нам на пять верст, чем был с вечера. Впереди центра Наполеона была в овраге деревня Працена и за ней высоты. К этим высотам шел наш центр, фланги тянулись справа и слева. Левый — Б[агратиона] против Брюнна, правый — Буксгевдена против прудов Тельница.

Мы искали Наполеона и полагали застать его в отступлении, мы боялись даже, что не успеем догнать его и потому не имели никакой позиции, кроме той, в которой нас застал рассвет. Он же получил в ночь сведения о нашем намерении атаковать его 20 ноября, выбрал перед Брюнном лучшую позицию и подвинулся вперед. Выгода неожиданности вдвойне была на его стороне. Мы ждали выгоды своего неожиданного нападения, и встретили неожиданное его нападение, но всё это не мешало тому, чтобы план атаки генерала Вейротера не был очень хорош и чтобы [мы] не могли, разбив правое крыло Наполеона и удержав центр, отрезать его от венской дороги.¹

Ночь была темная, облачная, изредка проглядывал месяц, костры пылали всю ночь, в обоих лагерях на расстоянии пяти ¹ *Поперек текста:* Тупое, скучное, спорное наступление колонн. Долохов.

верст друг от друга. У нас ждали сраженья, но четырехдневное наступление без боя и ожиданье сраженья делали приготовления менее заметными.

В 5 часов утра — еще было совсем темно, зашевелились на всем пространстве колонны пехоты, артиллерия и кавалерия. Дым от костров, в которые бросали всё лишнее перед выступлением, ел глаза, было холодно и темно. Офицеры выпивали торопливо чай, солдаты отбивали ногами трепака, согреваясь, и стекались против огня греться и закуривать.

Австрийцы колонновожатые служили предвестником выступления. Как только показывался австриец, значило итти, и солдаты сбегались в ряды от костров, прятали в голенищи трубочки и строились. Офицеры обходили ряды. Деньщики снимали палатки и увязывали. По команде трогались, во всех рядах крестились, и шелестил топот тысяч ног и двигались колонны, не зная, не подозревая куда и ожидая со всех сторон неприятеля. Но, сталкиваясь с другими колоннами, приятное чувство распространялось по рядам, чувствовалось, что наших очень много. Опять впереди скомандовали «стой» и прошло три часа — проходила кавалерия. Но наконец шли дальше, еще дальше, прошли под гору, поднялись, какой то лесок, или сад, или деревня попали вправо, наших уж не попадалось. Не попадалось и неприятеля и, по времени и направлению судя, прошли уже версты четыре по направлению к неприятелю. Жутко становилось. Солдаты шутили и курили. Стало рассветать. Впереди шла кавалерия, не русская по мундирам — это были австрийские эскадроны Кинмеера. Приятно было думать, что прежде начнет дело кавалерия и что неприятель не застанет нас врасплох, но вот кавалерия взяла вправо и пехота осталась одна. Впереди ее была деревня. Рассвело уже хорошо и перед деревней виднелись стрелки. — Не наши ли? — Но вот проскакал генерал Дохтуров¹ с адъютантом, офицеры забегали по рядам. Лица всех переменялись, на всех один отпечаток важности минуты.

— Ребята, не стрелять без команды, — прокричал капитан. Ребята — солдаты — ощупывают сумки с зарядами и оглядывают ружья.

Вдруг дымок, гул и ядро, пролетев² справа по кавалерии, зарекошетировало.³ <Один, другой, третий выстрел и загорелось дело на крайнем левом фланге в колонне⁴ Кинмеера, которая атаковала Тельниц. Пехота спешит на выстрелы и только входит под огонь. Дело завязалось на левом фланге, к [?] Тельницу Кинмеера ждал [и] более часа. Буксгевден с колонной Дохтурова, вместо того, чтобы сейчас притти, приходит часом позже[?]. Буксгевден был пьян. Дохтуров ждал более двух часов колонны Ланжерона.>

¹ *Зачеркнуто:* <Кинмеер> Ланжерон

² *Зач.:* над головами

³ *Зач.:* в обозе

⁴ *Зач.:* Дохтурова, которая должна была взять Тельниц

Было 8 часов. Капитан Шишкин был в следующей слева колонне Ланжерона, которая должна была тотчас поддерживать Дохтурова. Он встал также в 5 часов утра, обдумав всё хозяйство роты с фелдвелем. Он, как опытный человек, отослал часть обоза в вагенбург и велел разобрать сухарей на четыре дни. Хотя это было и запрещено, он считал это лучшим. Войска Ланжерона шли в следующей последовательности [?]: 8-й Егерский, Выборгский, Пермской и полк Ш[ишкина], Курский. За ними шла бригада Каменского, Фанагор[ийский] и Рязской. Шишкин перекрестился, осмотрел сам все ряды роты¹ и пошел рядом. Хотелось итти поскорее, поскорее. Справа слышалось движенье колонны Дохтурова. В темноте заметно было только, что они расходились под острым углом. Отстав несколько, скомандовали спереди «стой», поставили ружья в козлы и началось то же, что было вчера. Офицеры собрались около артиллерии, пошли разговоры. «Вам хорошо: на лафете посидим,» — юнкер сидел на лафете, — «да и закурить есть обо что — фу, черти, немцы, своих дорог не знают, холодно». Генерал проехал с видом, что ни он, никто не виноват, впереди шелестило. Офицер ходил посмотреть.

Офицеры Курского полка, составлявшие арьергард, сошлись около забора каменного и закусывали, солдаты тоже лежали.

— Я под стенку, дело то лучше будет, — говорил прапорщик Акимов.

— Однако, у меня в роте одного вырвало, — сказал Шишкин. Страшно было офицерам и тем более солдатам говорить о их положении, но все чувствовали, что они заброшены сюда бог знает зачем, и что начальство забыло про них. Ланжерона они не видали ни разу после задержки на дороге. Туман поднялся клубами. Иные становились на забор и, храбрясь, разглядывали неприятелей, перестреливавшихся спереди и в Сокольнице, которого высокой замок ясно стал виднеться.

— Вон наши каменские показались. — Акимов, молодой человек, храбрый (излишне возившийся), влез тоже на забор.

— А нас перебьют, господа, уж я вижу, — выразил он по неопытности общую мысль, которую никто, однако, не высказывал. — Чем бы нам вместе ударить, мы все опоздали и видно, что нас обойдут. Перебьют всех. — Шишкин рассердился.

— Не знаю, как перебьют, а побить побьют таких молодчиков, — сказал он грубо, — что без году неделю служат и тоже рассуждают, ничего не понимая. Начальство знает, что делает. Эй!² горнист, огня!

Ядры изредка перелетали через кружок офицеров.

— Вот вы лучше не кланяйтесь! — прибавил майор, подтверждая слова Шишкина, — а генералы свое дело пусть делают, а мы свое.

¹ Зачеркнуто: выпил

² Зач.: Петров,

— Смотрите, смотрите, и то, что то там затевается, — сказал кто то и, как будто в опровержение Шишкина, справа закипела перестрелка и через лощину, которая одна видна была справа, показались быстро проходящие одна за другой колонны. Присмотревшись, рассмотрели, что это были французы. Было девять часов. Наполеон, увидав, что большая часть наших войск спустилась в лощину Голдбаха, в которой находилась группа офицеров, про которую мы говорили, и отделялась от Праценских высот, которые он хотел атаковать, более чем верст на пять закрытые еще холмами, выехал вперед и веселый, счастливый, сияющий отдал приказания маршалам и приказал атаковать. Панаши свиты заколыхались, поскакали адъютанты. Наполеон был в том особенно веселом, счастливом расположении, в котором бывает каждый человек изредка в ясный, солнечный день после хорошего, как детского, сна, когда лицо кажется прекрасным, все морщины сглажены, глаза блестят ровным, спокойным блеском и губы складываются, без усилия и просто, в улыбку или в бесстрастное выражение, когда всё запутанное кажется ясным, и всё представляется только в круге возможной и увенчанной успехом деятельности, когда человек верит в себя, в свое будущее и счастье, и когда, вследствие этой веры, всё для него легко и возможно. Наполеон в день Ауст[ерлицкого сражения] был в этом редком, ясном настроении духа. Красота и счастливое спокойствие (не гордое) его лица поразило в это утро всех окружающих и по тому таинственному, непризнаваемому людьми психологическому телеграфу, как молния, разнеслась и сообщилась каждому m-r Mussart и Jobard великой армии.¹

В это время Волхонской, сопровождая Кутузова, а Кутузов, сопровождая императора, выехали к 4-ой колонне на Праценские высоты. В главной квартире встали гораздо позже, чем вчера[?] [1 *неразобр.*]

Итак, четыре колонны левого фланга уже спустились с высот, чтобы атаковать французов, когда императоры² вышли на серое, туманное утро, чтобы садиться верхами и ехать в поле — на Праценские высоты, с которых должно было быть видно поле сражения. Лица главного штаба выехали весело на рассвете, сожалея только о том, что им не удастся принять участие в самом бое. Кутузов был уж давно на лошади и, в сопровождении своих адъютантов и женоподобного Волхонского, сам вел колонну на Праценские высоты. Колонна эта должна была занять место Ланжерона и Пржшебышевского, сошедших с нее. Кутузов был в этот день совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном. Не было в нем этой тихой, прикрытой беспечностью и спокойствием, старческой силы презрения к людям и веры в себя, светившейся всегда из его узких глаз и твердо сложенных тонких губ. Он был скучен и ¹ *Поперек текста*: Выезд Бонапарта.

² *Зачеркнуто*: выехали

раздражителен.¹ Он отдавал приказания только о движении, но ничего не приказывал.

— Allez voir, mon cher, si les tirailleurs sont postés,² — сказал он Волхонскому.

— Ce qu'ils font, ce qu'ils font,³ — сказал он.

Волхонской поскакал и приехал с известием, что впереди их стрелков не было. Распорядились. Стало светать. Разные были люди в главной квартире: 1) кто старался всё делать медленно и обдумать всё, до чулок, 2) кто торопился, искал шевеленья [?], 3) кто был глупее и тупее обыкновенного, 4) кто готовился на подвиг всеми силами души, 5) кто ничего не видал, не слышал, всё было в тумане, 6) кто был, как всегда, болтал по французски и ничего не понимал, 7) кто уж перестрадал и был спокоен, как Волхонской.

Наконец слышались выстрелы. Поднялись уши у людей и лошадей, показались панаша государей. Веселы, чистые, молоды, солнце — ярко, лошади чудесны. Кутузов скучен. Началось, (улыбка) — да.

— Жалко, что мы не будем.

— Чтож вы не начинаете, Михаил Илларионович, — и лицо, вечно насмешливое, оскорбило государя.

— Мы не на Царицыном лугу. Оттого то и не начинаю. — Сзади зашевелилось, недовольство, упрек. «Такого счастливого царя, можно ли смеяться». Нехорошо!!!

— Коли прикажете...

— Ну да, с богом. Фигуры grotesque,⁴ милая и красивая — шляпа с поля, вертится тут.

— Кто это? — Милорадович. Начинать. Адьютанты зашевелились, знамена, музыка и двинули полки еще лучше смотря Ольмюца.

— Здорово, ребята.

— Здравья желаем, ваше императорское величество.

Милорадович: — Вам, ребята, не первую деревню брать. В свите голоса: «как он умеет, как никто, оживить, слово сказать русскому солдату». Государь улыбается, молодцы карабинеры прошли лихо, вольно, впереди новгородцы. Им — памятным новгородцам — не успели слово сказать. Не воодушевл[енье], солнце, светло. Два царя, всё умные, милые, красивые лица. Волхонской всё смотрел.⁵

Драгуны, кирасиры, конца нет. Говорят: ошиблись, заве[ли] их⁶ на гору, действовать нельзя.

¹ Поперек текста: Выезд императоров.

² Ступайте, мой милый, посмотрите, поставлены ли застрельщики

³ Что делают, что делают,

⁴ [забавные,]

⁵ Поперек текста: Лошади под государем и Кутузовым бьют землю и не понимают, о чем говорят седоки.

Паника и паден[ие].

В[олхонской] с Т[олстым] опять.

⁶ Зачеркнуто: в овраг

— Вот, черти, своей земли не знают. Теперь идут направо.

— Да они вчера оттуда шли? То то переврали. Скоро пройдут часа два. Так мы успеем схватить вистик. Ей, давай барабаны.

— А я успею послать за¹ шубой. Свежо, чорт возьми. Стало светать. Все стояли.

— А нынче быть драке...

— Э, вчера тож говорили, так простояли.

Наконец тронулись. Адъютант прискакал, сердито погоняя и требуя быстроты. Все только того желали. Только что тронулись. Офицер, пославший за шубой, всё оглядывался и боялся, что его распекут за отправку солдата, как слышались выстрелы левее.

— Это ярославцы должно быть, что подле нас стояли, — говорили солдаты. Полки всё погоняли. Выслали стрелков. Дохтуров уже давно дрался и не шел вперед, теряя время, когда, задержанный кавалерией, подходил Ланжерон, но место, которое он должен был пройти, было уже занято неприятелем. Вся дивизия Фриана успела притти на место. Не успели опомниться солдаты и офицеры, как они почувствовали себя под огнем артиллерии и увидели в первый раз, как понесли раненных, и отходили от убитых. На речке стоял неприятель и не уступал нам. Немного погодя сошлись в низы к речке и третья колонна Пржебышевского, тоже задержанная кавалерией, из тех, которые назначены были атаковать левый фланг. На этом пространстве двух верст квадратных, где была речка, пруды и три деревни, внизу стоял густой туман. Все стреляли друг в друга, но не подвигались ни вперед, ни назад. Буксгевден был пьян. Три начальника действовали отдельно, без связи, и все опоздали. Однако, сорок тысяч человек² стреляли тут друг в друга и тысячи уже были убиты. Французы удерживались на местах, а мы должны были итти вперед, туман мешал нам.

Атака наша во фланг была слаба, потому что колонны наши, задержанные непредвиденными обстоятельствами, приходили часа по полтора одна после³ другой. (Я прошу вспомнить, была ли когда война в России после Екатерины и до Александра II, чтобы колонны наши не были задержаны непредвиденными обстоятельствами? Давно бы пора предвидеть и расстреливать эти непредвиденные обстоятельства, ибо такие непредвиденные обстоятельства стоят из за лени, необдуманности, легкомыслия двух-трех жизни десяти тысяч и позора миллионам.) Итак авангард Кинмеера расчистил первый себе дорогу, но не мог удержаться, не был поддержан 1-й колонной Дохтурова, ведомой Бенигсенем, опоздавшей на час. Дохтуров занял Тельниц, но не мог удержаться, не был поддержан колонной Ланжерона, опоздавшей еще на час, вследствие загороженной дороги кавалерией, спутанной еще с вечера, опоздавшей тоже на час. Наконец, овладев¹ *Зачеркнуто*: лошадью

² *Зач.*: дрались

³ *В рукописи*: подле

Тельником и потеряв много времени и людей, Дохтуров и Ланжерон остановились, ожидая 3-ю колонну Пржебышевского, опоздавшую в свою очередь, и которая должна была выравняться с ними. Все эти задержки сделали то, что дух войск этих упал, что потеряно пять тысяч человек там, где много было две, и что одна дивизия Фриана в шесть и до восьми тысяч человек занимала и противустояла до десятого часа двадцати пяти тысячам русских и дала время Наполеону обратить все свои силы на центр. Те, которые были причиной этого, австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы, и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена. В центре стояли, несмотря на направление трех сильных колонн на левый фланг, еще тысяч двадцать человек австрийцев и русских, там командовали оба императора, Кутузов и все молодые люди, окружавшие императоров. Наполеон, свободный нашими ошибками на его правом фланге, всеми силами напал на центр, на Праценские высоты. Русские и австрийцы не ожидали нападения, а думали сами нападать, но вместо того, чтобы защищать эти высоты, они отступили (на языке военных историков), по русски же трусили и бежали, хотя очень могли бы защищать. Правый фланг остался отрезан от левого и центр прорван. Ланн занимал правый фланг, хотел смять и полонить его, но не мог, по той же самой причине, необъяснимой военной историей, по которой Буксгевден не мог смять с тремя колоннами одной дивизии Фриана. Багратион с правым флангом отступил в порядке. А центр бежал. Тогда Наполеон всеми силами ударил на Буксгевдена и перебил все три колонны, его прогнал, побил и забрал в плен и все бежали, кто куда мог. Военные историки говорят, что это произошло от того, что колонны Буксгевдена зашли в пруды и болота, но я никак не могу понять, отчего в болотах одни биты, а другие бьют, ибо для того, чтобы бить в болотах, надо самому быть в болотах, и почему французы били, а мы были биты в болотах, остается непонятным из военной истории, точно так же, как и то, почему русские центра стояли на высотах, а французы шли низом и всё таки русские бежали и были биты? Так неудовлетворительно рассуждает и объясняет военная история. Эпические поэты, военные историки рассуждают и описывают еще иначе. Они говорят: едва яркое солнце, знаменитое солнце Аустерлица, поднялось над Моравскими горами, как великая битва трех императоров закипела на долинах Моравии. Гул сотен орудий загремел над окрестностями и храбрая стена русского, неподражаемого воинства грудью (неприменно грудью, хотя я решительно не понимаю, какое дело груди на войне. Голова, руки и ноги я понимаю, но грудь, как и другие части тела, остаются совершенно излишними на войне), итак, грудью двинулось воинство против врага. Едва туман рассеялся, как тысячи храбрых полетели на неприятеля. Вот ближе, ближе уже враг и настает минута 145

торжества, но ряды редуют и трупы храбрых устилают (непрерывно устилают) достопамятное Аустерлицкое поле. Храбрый Дохтуров, как лев, летает от одного полка к другому и наконец усилия его увенчаны. Русские знамена развеваются над Тельницом. (О том, что русских двадцать тысяч против восьми, о том не говорится, так же, как и о том, что ни Тельница, ни Сокольница совсем не нужно для славы и счастья русских). Но вот бой загорается в центре, доселе непобедимые когорты Бонапарта, как неуправляемые волны, несутся навстречу русским, тщетны усилия и жертвы храбрых, венчаные полководцы с горестью видят близкое торжество врага, но вот питомцы великого Петра — гвардия — под командой самого великого князя движется на помощь. Величественное зрелище предстало. Земля стонет под топотом коней и, как порывы бурного ветра, мчатся эскадроны и уничтожают все преграды на своем пути. Но вот преграда садов, и храбрые гибнут полки, Багратион, питомец Суворова, удерживает отчаянные натиски врага и т. д. и т. д. и вот другое описание сражения, из которого всё таки вопрос, шемящий тогда, теперь и вопрос, который всегда шемит сердце, пока будут русские, вопрос, почему так постыдно разбито русское войско, вопрос этот не получает ответа. Должно быть нельзя иначе, и это не наше дело.

Мы пишем выдумки, роман, а не военную историю. Мы только хотим рассказать, что случилось 20 ноября 1805 года с нашими вымышленными лицами.

Шишкин вышел из палатки, только что заслышал адъютанта, нахмурился и кликнул фелдвеебеля. Солдаты у костра недалеко от него, которые спали, стали потягиваться, другие с трубочками. Всё засуетилось. Кто натягивал шинель, подпрыгивая и стараясь впрыгнуть в рукава шинели, кто увязывал мешочек.

— Ну, брат, не жалея, немцам оставь в наследство, — смеялся один солдат другому про калоши, которые он было брал с собою.

— Я нездоров, Иван Захарыч, — пришел к Шишкину поручик, всегда бывший на дурном счету в полку, батальоне и роте. — Я очень нездоров, — говорил он робко. Шишкин ничего не говорил, пристально смотрел на него.

— Всего ломает, и вот тут боль такая, и не ем ничего, и вдруг сделалось. Я поеду в вагенбург. — Он не умел притворяться.

— Идите к доктору и сами доложите полковому командиру, мне некогда, — сказал Шишкин.

— В ружье! — скомандовал он роте. Он был уж совсем готов.

* № 17 (рук. № 46).

Волхонской видел, как спустились карабинеры и новгородцы, отсталые, рысью догоняли. Они скрылись. В свите говорили о том, что ночевать придется может быть далеко, что мы завлечемся, преследуя Наполеона. Многие были веселы — из неопытных, не бывалых в делах, думали уж, что только и будет сраженья, что 146

это стоянье здесь, наверху, и созерцанье побоища Наполеона. Двое спорили о том, справедливо или несправедливо, что нам, штабным, дают первые награды. Волхонской сказал:

— Чтож, надо признаться — они работают больше нашего, но что же делать — они *chair à canon*,¹ а мы соль земли (он говорил по французски).

В свите большинство ничего не понимало: что идет? куда? зачем? где правый, где левой фланг? Ждали, что пошлют и, стиснув нравственно зубы, брэнча саблей и принимая воинственный вид, неслись. Только государи и ближайšie к ним, видимо, понимали и интересовались чем то, и были различных мнений с Кутузовым. Но о чем — этого не мог понять Волхонской и завидовал им. Вдруг между ближайшими свиты зашевелилось, заговорили, стали страстно вырывать друг у друга зрительную трубку и что то указывать. Лица переменились. Стали озабочены и испуганы.

На войне всё делается скоро — зашевелилось — куда то поскакали. И вдруг выстрелы ближе, ближе, куда ни посмотрите, везде испуг и страх. Волхонской к Кутузову. Кутузов говорит:

— Посмотрите, они бегут. — Волхонской всё понял. Он поглядел, лихие мушкатера бежали. Он помнил лицо одного мушкатера, рыжего, пригинавшегося.² Волхонской испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат. Раненный офицер. Здоровый бежит.

— Подлец! Куда?

— Да подите ка, суньтесь.

— Стой, стой. Он увидел французов, стройно двигавшихся впереди артиллерии.

Наша сыпала картечь, но без меры. К[утузов]:

— Вели стрелять на батареях картечью. — Он подскакал к орудиям. Старый офицер бледный.

— Главнокомандующий приказал стрелять картечью.

— Уже давно стреляем.

Тут же скомандовал: «бери на отвозы». 2-й номер торопливо не попадал в дуло. Он подъехал назад — французы были ближе. На горе была толпа панашей бегущих, г[осудари] впереди. Австрийцы бежали. Офицеры притворялись, что отступали. *Wo ist der General en chef, wir retrogradieren*.³ Французы шли бодро и еще ближе. Кутузов собирал бригаду. Он любил Волхонского.

— Ваше высокопревосходительство, что это? — Кутузов оглянулся.

— Что ты бледен? Скажи, чтоб шел 8-й Егерской. Ребята, вперед! — Французы осыпали пулями, дрогнули, бежали.¹ [пушечное мясо,]

² *Поперек текста*: Русские дерутся с австрийцами.

³ [Где генерал-аншеф, мы отступаем.]

Вот юнкер и два молодых бросились вперед. В это время подскакал гусар.

— Багратион требует конницы. — Это был Толстой. Он видел, как Волхонской исчез на лошади и упал с знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь, и значение. Солдаты побежали назад. Толстой уехал. Он едва ускакал от французской конницы, делавшей атаку.

Борис вышел вперед: «Это наши. Ядро. Стройся». Великий князь: с богом, в атаку. Они не стреляли. Борис¹ бежал впереди всех, только боялся отстать. Французы застреляли и побежали. Очнулись, уж французы шли. В это время скакал кавалергардский.

— Смотри, наши — прелесть. Наши застреляли.

— Отступить!

— Зачем?

— Не извольте рассуждать. — Это говорил тот, с кем он играл в вист. Берг схватил шпагу в левую руку. Это не нужно было.

Толстой не застал нас уже на своей позиции, мы отступали. Он пристроился к Багратиону.

— Толстой, ступай к павлоградцам, вели атаковать. — Все грустны, его окружают, рассказы.

— Отрезали. — Шишкина вернули с 1600 человек и на них обрушилась вся артиллерия. Его били, смяли. Бегут. Он, как зверь. Не видит, не понимает, только слушает команду и не велит стрелять. Начальство скачет мимо. Но вот генерал шагом едет, тихо спокоен.

— Кто это?

— Дохтуров.

— Извольте отступить. Пошли, успокоились. Пруды. Некуда итти. Какие то пошли по льду, «пошел, ребята». Орудие, одно, другое ядро, всё провалилось. Ш[ишкин] держит и одному своротил скуло ружьем. Тащут корову на лафет, рухается лед. Устроились, вдруг толпа пеших кавалеристов, деньщиков сбили с ног. Ермолов останавливает. Все бегут и Шишкин. Ермолова повезли. Кавалерия сбоку, поскакала (она отняла Ермолова). По льду Дохтуров велел, кавалерию бьют по обозам. Запуталась лошадь во льду, бьется и визжит. Ни одного человека полка. Он бежит. Толстой ездит, ищет <государя>. Кутузова находит, Кутузов посылает искать государя. Ищет, никто не знает. Находит, он плачет и болен. Французы торжествуют. У нас отовсюду ждут, обошли все говорят. Отрезали. Ночь, всё бежит. Волхонской исходит кровью.

Толстой на биваке с Ермоловым, разговор о том, что будет. Рассказы. Борис² идет к [омандиру] п[олка]; Берг уже интригует.

¹ Зачеркнуто: вел себя блестяще

² Зач.: убит

Гос[ударь] написал записку Мортье, уверяя, что перемирие. Всех обвиняют в штабе, кроме себя. Поляк. Не дрались солдаты. Войска возвратились par journées d'étapes.¹

Роды княгини. Инвалид. Смерть.

Письмо княжны и Волковой, разъезжающиеся, о Аустерлицкой битве.

1) Свидание Бориса и Nicolas. Столкновение с к[нязем] А[ндреем].

2) Смотр.

3) Б[орис] с к[нязем] А[ндреем] ходит по штабам.

4) Дело под Вишау. Государь, раненные.² Nicolas в первый раз имел [?] женщину [?], проиграл Д[олохову], наглость, подним[ал] ранен[ого].

5) Долгорукий³ возвращается после свидания с Наполеоном: все смотрят, как на бога. К[нязь] А[ндрей] говорит с восторгом, расспрашивает.

6) Военный совет. Ночь, месяц, туман. Князь Андрей. Что я такое?⁴

* № 18 (рук. № 49).

<⁵ В Москве жило семейство В-ых с 1801 по 1825-й год, когда умерла мать и пережившие сыновья и повышедшие замуж дочери, кроме одной, оставшейся девицей, поразъехались и дом В-ых уничтожился. Отец их, умерший в 1796 году, был министром и имел двадцать пять тысяч душ. Тот, кто не знал В-ых в Москве, тот не знал хорошего московского общества. С 1805-го года старшая дочь Катишь В. сдружилась с княжной Мари Волконской. Мари жила в деревне с отцом <и в Петербурге, изредка в Москве>. Катишь жила в Москве и на даче. Между ними завязалась та женская высшего общества переписка, которая в то время считалась нравственной необходимостью для каждой хорошо воспитанной девушки и женщины. Переписка эта была — обычай, для них же она казалась душевной потребностью и влечением. Переписка была на французском языке <и для того, чтобы дать понятие читателю> я привожу одно письмо в подлиннике, остальные я буду переводить.

Беру письмо 1805 года, когда обеим барышням было по 18 лет и когда дружба уже продолжалась 8-й месяц.

Письмо княжны Мари к Катишь В.>

¹ [переходами.]

² *Зачеркнуто*: Берг подделыва[ется]

³ *Зач.*: на аванпостах

⁴ *Поперек текста позднейшие заметки*: <Nicolas Ростов> Гвардия, гнев великого князя. Б[орис] и Б[ерг].

N[icolas] P[остов] видит бегство и государя с Толлем.

К[нязь] А[ндрей] истекает кровью, добр и примирился, и всех жал[еет]. Я — ничтожество. Бог.

⁵ *Зач.*: Прошел год.

* № 19 (рук. № 47).

ДЕНЬ В МОСКВЕ.¹
<Имянины в Москве 1808 года>.

1.

— Очень, очень вам благодарен за себя и за имениниц, — говорил граф² Плохов, провожая до передней всех гостей, приехавших поздравлять его, жену и дочь, — пожалуйста, приезжайте обедать. Вы меня обидите. Пожалуйста, пожалуйста, душевно прошу вас от всего семейства. — Эти слова, с одинаковой доброй, открытой улыбкой на бритом, полном и круглом лице, крепко пожимая руки и несколько раз кланяясь, граф говорил всем приехавшим, а приезжала вся Москва. В гостиной сидела графиня, старшая дочь,³ домашние и гости, всё утро сменявшие одна другую. Граф, проводив гостя, возвращался в гостиную, придвигал кресло к гостю или гостье, садился и, расставив ноги и положив на колени руку, счастливо улыбаясь, на дурном французском языке (он плохо говорил) советовался о погоде, опять звал обедать и опять шел провожать. А в длинной мраморной зале десятки официантов носили светлое, новое серебро, саксонской росписной фарфор, вазы, плато, двигали столы и расстилали белейшие камчатные скатерти, в кухне в белых колпаках работали повара и поваренки на 60 персон. Дмитрий Васильевич — дворянин, заведывавший делами графа, руководя приготовлениями обеда, соображал и покрикивал.⁴

К подъезду подъезжали и отъезжали один цуг за другим. В гостиной сидели две гостьи дамы и шел тот обыкновенный разговор на французском языке, который затевают ровно настолько, чтобы иметь право, при первом молчании, встать, зашумев платьями, и пройти назад до передней и кареты.

1.

¹ *На полях:* За обедом умный и тонкий разговор о политике между графом и холостяком, циником, остряком.

Борис вступается. И [ван] К[уракин]. Берг за правительство.

У детей хохот: П[етр] К[уракин] повесничает — приходите к нам.

2.

<Разговор графинь о детях. Берг к княжне>. Большие и малые о Бонапарте. Дети свое.

Дружба навеки 4-х.

Борис и княжна.

Борис жил у Т[олстых] его любит, он любит. Мать приехала за ним и он едет в артиллерийское училище.

Чувство довольства собой.

² *Зачеркнуто:* Простой

³ *Зач.:* и не в новых платьях и лентах

⁴ *Зач.:* Экономка с ног сбилась.

— Княгиня Настасья Львовна Корчагина, — доложил лакей в гостиной и вслед за докладом вошла сама княгиня — высокая, сухая бывшая красивая женщина

Разговор шел о новости, занимавшей весь город, (богач, владелец поместий и сорока тысяч душ, был в Москве при смерти и ждали его сына из за границы)¹ казался оживленным, слышалось² вдруг несколько голосов женских, перебиваемых мягким мужским тенором графа. Слышались слова: *il est au lit... <ça a été charmant> et la comtesse Apraksine... <Que voulez vous? Le plaisir...> Princesse et Rasoumovsky et*³ талала талала-та Apraksine... потом, как это часто бывает, все замолчали. Граф уж хотел спросить, чтоб занять чемнибудь, у гостыи,⁴ слышала ли она, что Кутузов проехал, как увидал, что графиня глядела, приятно улыбаясь, на гостью, но не скрывала, что ее не огорчит, ежели гостыя теперь встанет. Граф оставил. Дочь девица уже оправляла платье, ожидая подъема матери, вдруг в соседней комнате грохот кресел, которые зацепил кто то на быстром беге, детской и юношеской хохот и топот сапог и башмаков обратил вниманье всех к двери. Вбежали почти все вместе: две девочки, одна тринадцати, другая пятнадцати лет и два⁵ молодых человека, студент и офицер, лет по шестнадцати. Все остановились у дверей, удерживая хохот,⁶ одна тринадцатилетняя именинница в белом кисейном платье и длинных черных локонах, падающих на голые⁷ полу-детские плечи, вбежала в гостиную и⁸ встряхнула кудрями, взглянув на гостей, с испуганным и разгоряченным лицом⁹ остановилась в середине¹⁰ комнаты. Отец, мать и гости, все заговорили в одно время.

— А вот она, идите сюда, я вам ее подержу, — сказал граф, обнимая ее широко руками, еще добродушнее и веселее глядя на любимейшую дочь своими ясными голубыми глазами.

— *Ma chère, il y a un temps pour tout,*¹¹ — сказала графиня. — Ты ее всё балуешь, — прибавила, тоже улыбаясь мужу.

— *Quelle délicieuse enfant!*¹² — сказала старая гостыя и тоже самое жестом и улыбкой выразила молодая девица, дочь гостыи. *Délicieuse enfant* эта вовсе не была хороша. Все черты лица ее были неправильны, глаза узки, лоб мал, нос хорош, но нижняя часть лица, подбородок и рот, так велики и губы так несоразмерны толсты, что, рассмотрев ее, нельзя было понять, почему она так¹ *Зачеркнуто*: война, объявленная французам

² *На полях*: О к[нязе] В[асилии], о Без[ухом], о Кн[яжнах]

³ [Он в постели... <Это было прелестно...> и графиня Апраксина... <Что поделаешь? Удовольствие...> княгиня и Разумовский... и]

⁴ *Зач.*: что она думает про [то], как в Эрфурте император Александр в театре пожал руку Наполеона и при словах Тальма сошлись, как

⁵ *Зач.*: мальчика или молодых человека, только что выходившие из отрочества

⁶ *Зач.*: спрятались в другой комнате.

⁷ *Зач.*: покрасневшие

⁸ *Зач.*: как испуганная, шарахнувшаяся <кобыл[ка]> лошадка

⁹ *Зач.*: замерла

¹⁰ *Зач.*: двери

¹¹ Милая, на все — есть время

¹² Какое прелестное дитя!

нравится. Она еще носила открытые лифы и коротенькие юбки. Детские ножки ее в кружевных панталончиках и открытых башмачках содрогнулись, она, как козочка, легкая, тоненькая, грациозная подскочила к матери, обняла ее, спрятала лицо в ее кружевах и разразилась таким смехом, что все захохотали.¹

— Что у вас там? — спросила мать.²

— Мама... мы Бориса... женим... на кукле Мими, — проговорила она сквозь смех.

— Ну,³ поди с своей Мими, — сказала мать, нежно отталкивая ее от себя. — Это — моя меньшая, как видите, избалованная девчонка, — прибавила она к гостье.⁴

— Мама,⁵ мне стыдно, — сказала Наташа, почти сквозь слезы и снизу взглянула на мать.⁶ Голос девочки был поразительно гибок и изменчив, как и вся ее наружность. Всё, что она делала,⁷ казалось так и должно было быть и было кстати. Гостья любовалась ей, но как это часто бывает с людьми, принужденными присутствовать при семейных сценах, особенно с детьми, она почувствовала необходимость принять участие и участием своим испортила настроение Наташи.⁸

— Скажите, моя милая, — сказала она — кто вам приходится Мими? дочь верно?⁹

Но Наташе сразу не понравился тон гостьи, не захотелось ей с этой дамой играть в куклы, не понравилось ей, что под нее, видимо не скрывая того, подделяются.

— Non, madame, ce n'est pas ma fille, c'est une poupée!¹⁰ — сказала она резко, смело и таким тоном, который не позволял возражений, присела и своей грациозной походочкой, вздрагивая коротенькой юбочкой, направилась к двери.¹¹ Было ли это учтиво или дерзко никто не разобрал, все¹² засмеялись, удержали ее и вызвали жениха Мими, Бориса, молодого графа, Nicolas, и Соню, которая еще держала в руках куклу.

¹ *Зачеркнуто*: и из другой комнаты послышалось тоже. — Мама <Борис>

Николинька привел Бориса в нашу комнату и он увидел, что я в куклы играю, хотел жениться на Мими и не хочет целовать мою Мимишку.

Ну так

² *Зач.*: — Мы бежали за ним. Николинька... И Мими совестно, она должна была бежать за ним... просить его, чтобы он поцеловал ее... Неправда ли это не делается?

³ *Зач.*: убирайся

⁴ *Зач.*: Нет

⁵ *Зач.*: я не хочу с ним играть, он оскорбил Мими.

⁶ *Зач.*: Голос этой девочки поражал своей прелестью, гибкостью, богатством, разнообразием выражения и в особенности силою, столько же, сколько и вся ее наружность

⁷ *Зач.*: плакала, смеялась, капризничала, — всё было мило

⁸ *Зач.*: Она не попала в тон. Она притворялась и нежничала.

⁹ *Зач.*: что вы <принимаете> так заступаетесь за ее честь? — сказала она

¹⁰ [Нет, это не моя дочь, это кукла!]

¹¹ *Зач.*: Это было неучтиво

¹² *Зач.*: покатались со смеху

2.

¹Видно было, что у этой молодежи там, откуда они все прибежали, были совсем другие² разговоры и радости, чем comtesse Apraksine и талала талала. Все³ точно в холодную воду попали в эту гостиную.⁴

— Борис, — (а не Барис, как выговаривают по русски) сказала графиня,⁵ — как тебе не стыдно в куклы играть, а уже офицер?

Борис высокой,⁶ шестнадцатилетний юноша, улыбнулся и не отвечал.

— Что, мама не приезжала? — сказал он, видимо желая перестать быть ребенком и вступить в разговор с большими.

— Нет еще.

— Борис Щетинин, сын княгини Анны Васильевны, — сказала графиня, указывая на него гостье.

— Ах, я очень знала Анну Алексеевну у княгини Мещерской в 18..м году. Она здесь?⁷

— Ma mère est en ville, madame, mais elle vient de sortir,⁸ — сказал Борис.

— Мама, зачем он говорит, как большой, я не хочу — закричала Наташа. Борис улыбнулся на Наташу и продолжал⁹ разговор с гостьей.

Между тем граф, чтобы занять гостью барышню, счел нужным знакомить ее с своими. Он по порядку, с гордым и довольным лицом, начал представлять своих детей. Довольство собою, своею семьею, было общею чертой всех членов этого¹⁰ дома.

— Лизу вы знаете, вот она, — сказал граф, указывая на красивую блондинку старшую, <чопорно> сидевшую в гостиной и разговаривавшую с барышней, — вот это моя вторая — Соня. Племянница, но всё равно что дочь. Как видите, пятнадцать лет,¹ *Зачеркнуто*: — Познакомьте меня с вашей молодежью — сказала гостья, отвечая на поклоны всех. Всё это молодое поколение было очень мило, несмотря на то, что всё это были князья, графы и графини.

² *Зач.*: интересы, более человеческие

³ *Зач.*: кроме Наташи

⁴ *Зач.*: но, как хорошо воспитанные дети и юноши, они нашлись здесь и умели себя держать, поклониться и сесть в этой гостиной. Все были нарядны по именинному, все были красивы и здоровы.

⁵ *Зач.*: что вы это наделали с Наташей

⁶ *Зач.*: полный белоку[рый]

⁷ *Зач.*: Талала талала. И Борис <с видимой гордостью>, видимо робея, но на очень хорошем <изысканном> французском языке <пустился в разговоры с гостьей>, отвечал даме

<Она вчера приехала из Петербурга и немного устала с дороги>. Она здесь <Non, madame, mais j'attends l'arrivée de ma mère d'un moment à l'autre [Нет. Но я ожидаю приезда моей матери с минуты на минуту]> — сказал Борис степенно>

⁸ [Моя мать в городе, но она только что выехала,]

⁹ *Зач.*: талала талала

¹⁰ *Зач.*: семейства

а еще играет в куклы.¹ Говорят, это хорошо. — Соня, толстенькая, черная брюнетка, с блестящими глазами, чудной косой, два раза обвивавшей голову, с открытыми красными и, как *beau de chagrin*,² шаршавыми руками и шеей, присела по детски и подошла к барышне. Она сконфузилась и не знала, что говорить.³

— Ну, а это мой сын, танцор и певец, и поэт, и всё что хотите, студент, как видите, но теперь идет в гусары. <Nicolas>⁴ поклонился.

— Мы знакомы с *m-lle N.* — сказал он.⁵

— А это мой меньшой, по прозванию клоп, а в крещении Петрушка, — сказал граф, лоя за пухлую красную щеку <толстого неуклюжего с вихрами мальчугана, которому, видимо, здесь совсем не нравилось>.⁶

— Мама, — вдруг сказала Наташа, — можно нянюшке пойти чай пить, она просила. Можно? Я пойду скажу ей.

Наташе стало скучно в этом обществе и, с свойственной женщине быстротой и бессознательной способностью к обману, она придумала предлог уйти из комнаты и выбежала, взглянув на Бориса так, чтобы он понял зачем она выбежала. Борис понял, как только ее не было в комнате, французский поток его красноречия видимо стал ослабевать, он не выбирал своих слов, поглядывал на дверь и замолчал.⁷

Борис сказал что то о последнем бале, и задумался. — Ах, вот кажется *maman*, — сказал он, глядя в окно и, покраснев от своей лжи, тотчас вышел за Наташей.

Соня, в нерешительности постояв несколько секунд,⁸ сдержанно¹ *На полях:*
Довольство собой

² [как шагреневая кожа,]

³ *Зачеркнуто:* и всё взглядывала на Nicolas

⁴ *Зач.:* подошел к барышне еще раз

⁵ *Зач.:* и, не отставая от товарища Бориса, особенно дерзко, несмотря на свои пятнадцать лет, русые курчавые волосы и блестящие голубые глаза, пустился с девицей в разговоры о том бале, где они танцевали последний раз. Соня, стоя подле них, наивно раскрыв рот, ловила каждое слово Nicolas. В этих годах все секреты любви так и написаны на лбу каждого. Даже минутная гостя могла заметить, что происходило у молодежи. Наташа детски кокетничала с Борисом, Соня с Николаем уже верно давно поклялись любить Друг друга.

— Я слышала, что у вас прекрасный голос, — сказала ему девица.

— *Il y a quelques personnes qui ont la bonté de me le dire* [Некоторые по доброте мне это говорят], — сказал он, очень довольный своей фразой. <Борис хорошо держал себя, скромно, прилично и достойно> но Nicolas, несмотря на свои пятнадцать лет, поражал своим <тактом, развязностью и грациозной свободой обращения> умением говорить и смелостью и приятными твердыми звуками и интонациями голоса.

⁶ *Зач.:* — Соня, что ты делаешь? — вдруг закричала, как капризный ребенок, Наташа, — ты перевернула, задушила Мими. — Она подскочила к Соне, вырвала у нее <куклу>, которую Соня, забывшись, держала не довольно внимательно <и убежала>.

⁷ *Зач.:* — *Maman m'a chargé de lui envoyer le...* [Мамаша поручила мне послать...] — сказал он, видимо тоже привычную ложь с тем, чтобы найти предлог уйти, и, поклонившись, вышел.

⁸ *Зач.:* <тоже побежала за нею> вдруг стремительно

пошла за ними до двери и от двери, оглянувшись на Nicolas так же, как Наташа оглянулась на Бориса, стремительно бросилась, топя ножками, по длинной диванной. Для Nicolas тоже видимо пропала вся прелесть французского разговора и как только разговор на минуту замолк и вошла <толстая высокая гувернантка> спрашивать девиц, он¹ ушел из гостиной. Маленький пузан сердито пошел за ним.

[*Далее со слов:* — Да, — сказала графиня, после того как луч солнца... *кончая:* — Что за манера! Уж сидели, сидели, — сказала графиня. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. IX.]

3.

² — Боль,³ — сказала Наташа, как только она вышла с Борисом из гостиной (она картавым ребенком называла его Боля⁴ и теперь называла его так иногда) — подите сюда. Она стояла за цветами в таком месте, где ее нельзя было видеть.

— Хотите поцеловать Мими, Боля?

— Отчего ж не поцеловать? — сказал он, насмешливо улыбаясь,⁵ и не прямо отвечая на вопрос.

— Нет, скажите: не хочу, пожалуйста скажите: не хочу.

— Ну можно сказать и не хочу. Что веселого целовать куклу? — он замолчал.

— Не хотите, ну так подите сюда, — она глубже ушла в цветы и бросила куклу на кадку цветов, — ближе, ближе. — Она поймала <его> ручками за обшлага⁶ и в покрасневшем лице ее видна была торжественность и страх.

— А меня хотите поцеловать? — прошептала она, исподлобья глядя на него.

Борис покраснел <так, что слезы выступили у него на глаза.>

— Какая вы смешная... — проговорил он, нагибаясь к ней и⁷ еще более краснея, но ничего не предпринимая, а выжидая. Чуть заметная насмешливость порхала на его губах, готовая исчезнуть.

Она вдруг вскочила на кадку так, что стала выше его, обняла его обеими руками так, что тонкие голые ручки согнулись выше его шеи и, откинув движеньем головы волосы назад, поцеловала его.

— Поди прочь, я тебя не люблю,⁸ — прокричала⁹ она, смеясь,¹ *Зачеркнуто:* под предлогом указать девиц вышел за девушками из гостиной. Не найдя предлога

² *Зач.:* Напрасно графиня думала, что она может быть доверенной своей дочери. То, что она сделала в диванной тотчас же после того, как выбежала из комнаты с куклой, в то время, как мать говорила о ней, она в этот вечер не рассказала своей матери.

³ *Первоначально было:* Борис, *затем:* Борик

⁴ *Первоначально было:* Борик

⁵ *Зач.:* и как всегда

⁶ *Зач.:* его курточки

⁷ *Зач.:* сам не зная, что ему делать

⁸ *Зач.:* Отчего ты меня не поцеловал.

⁹ *Зач.:* Она как змейка вырвалась от него.

155

проскользнула между горшками на другую сторону горки цветов и убежала в детскую. Борис побежал за ней, остановил ее.

— Наташа, — сказал он, — можно говорить ты? Ты не ребенок, разумеется, я тебя люблю. Но пожалуйста не будем делать того, что сейчас, еще четыре года.

Наташа остановилась, подумала: тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, — сказала она, считая по пальцам.

— Хорошо! Так кончено?

— Кончено, — сказал Борис.¹

— Навсегда, — проговорила девочка, — до самой смерти. — И она убежала в детскую.

Красивое,² тонкое лицо его³ покраснело и в губах исчезло совершенно выражение насмешливости; он повел плечами, как будто после усиленной работы, и глубоко счастливо вздохнул.

Николай с Соней тоже пришли в детскую, где больше всего любила сидеть молодежь, и поднялась возня, хохот и крики такие, что гувернантка только махнула рукой. Казалось бы непонятым, что они могли находить веселого в венчании куклы с Борисом, но стоило посмотреть на торжество и радость, изображенную на всех лицах, в то время, как кукла, убранная померанцевыми цветами и платьем, была поставлена на колышек лайковым задом и Борис подведен к ней, чтобы, и не понимая эту радость, разделить ее.

<Когда они оба пришли в детскую (молодежь лучше всего любила сидеть в детской) они помешали Николаю с Соней, занимавшимся тем же. Они все давно уже жили друг с другом — Николай с Соней с первого детства, Борис с Наташей — вот уже два года, с тех пор, как⁴ они переехали в Москву, где он каждый день бывал у⁵ Ростовых, но должно быть день такой был для них нынче. Нынче не было занятий, все они были нарядны и <девочки обе были особенно хороши.> Николай⁶ держал Соню за руку и целовал ее в глаза, в лоб, в рот и в плечи. Соня⁷ говорила, что она никогда ни за кого, как за него, не выйдет замуж, а что ежели архиерей не позволит, она уйдет в монастырь и будет каждый день⁸ писать ему письма. Всё равно я тебя так же¹

Зачеркнуто: — Пойдем к Соне, — и по лицу и по выражению лица этого юноши видно было, что он твердо верил, что это было кончено и что то, что может быть было минутным порывом, шуткой с ее стороны, для него было <делом> решением на всю жизнь.

² *Зач.:* сухое, белокурое

³ *Зач.:* с тонкими губами и прямым носом вдруг побледнело после усиленной краски.

⁴ *Зач.:* мать его привезла из заграницы и поселила в Москве.

⁵ *Зач.:* Простых

⁶ *Зач.:* припав <к обнаженной> к руке Сони выше локтя, целовал ее

⁷ *Зач.:* молчала, грустно смотрела на него. — Ежели архиерей не позволит, — сказала она, — то мне говорили, что можно тайно обвенчаться

⁸ *На полях:* Николай, выйдя из гостиной, пропустив Соню, остался один с Оставшись в этот вечер один с Борисом, Николай, блестя глазами и весь в волненьи, подошел к нему и взял его за руку.

буду любить, и ты тоже. Николай обещал писать два раза в день и всё целовал ее руку и другой рукой обнимал её.¹

В этой толстой, преисполненной свежей кровью, черной брюнетке с огромной косой не было ни малейшего² страха³ перед чувством пылкого,⁴ живого, подвижного юноши. Она не могла понять, зачем он ее целует и обнимает.

Ей бы никогда это не пришло в голову. Она знала только, что Николай был самый лучший, самый добрый, самый храбрый молодой человек во всем мире, что никто лучше не пел, не рисовал, не танцевал и что все поступки его прекрасны. Николай⁵ тоже не боялся этого чувства, как Борис.⁶ Его впечатления всегда быстро сменялись одно другим, и он не умел⁷ думать о последствиях того, что может быть из его поступков.

— Соня, — сказал он, — навсегда?

Он мог воздерживаться и бояться только тогда, когда бы ему угрожала опасность поступить нечестно. Честь была для него выше всего на свете, а в этом случае до нее еще не было дела.

— Я не такой человек, как другие, — говорил Николай, — я никогда не изменял чести (как будто ему было на это время) и никогда не изменю. Я полюбил тебя и...

В это время вошли Борис и Наташа.

— Честь выше всего. Да? — сказал Николай,⁸ вздыхая. И вдруг, очнувшись, быстро: — давайте же, давайте же. Ну, будет. Давай, Наташа, Мими. — Он поставил куклу на деревянный колышек. — Одевайте ее, надо венчать.

— Уйдите, надо одевать, — говорили девочки. Николай и Борис ушли в девичью и с хохотом достали Николаю одежду, похожую на ризу. Хорошо, что Соня не видала, как они доставали у горничной Аннушки юбку для ризы. Николай в то время, как Аннушка влезала в шкаф доставать юбку, обнял ее точно так, как видел, что делал это его молодой гувернер.

— Полноте, сударь, страмник этакий! — проговорила горничная. Борис в это время надевал чулки и башмаки и камзол, которые он достал у камердинера старого графа, готовясь к брачной церемонии.

Куклу одели, убрали померанцовыми цветами и обе девочки всё забыли, исключая того, как бы убрать красивее и приличнее Мими, она для них была живая дочь, потом сами они оделись и отперли запертую дверь. Вера вошла в комнату.

— M-me de Janlis, m-me de Janlis, — прокричали они на нее с недоброжелательством.

¹ *Зачеркнуто*: Соня еще не боялась ни этих поцелуев, ни объятий, в ней была

² *Зач.*: чувства

³ *Зач.*: чего-то

⁴ *Зач.*: сильного

⁵ *Зач.*: напротив знал, отчего ему так хочется целовать, но

⁶ *Зач.*: Хочется, ну и все

⁷ *На полях*: с излишним азартом

⁸ *Зач.*: быстро вставая.

— Я вам не мешаю, — сказала Вера¹ кротко, — я пришла за косынками, — но всем кротость эта показалась оскорблением. Она подошла к зеркалу и долго надевала ее и оправляла прическу.

— Сколько раз я вам говорила, чтобы вы не брали с моего стола моих вещей, я сама скажу. Где изумрудная брошка? На куклу надели, — и она подошла, чтобы взять брошку, надетую на куклу.

— Вера, душенька, оставь, сейчас отдам, голубчик, душенька, — завопила Наташа. Но Лиза подошла и вынула брошку.

— Чорт! — сказала Наташа шопотом. Она подслушала это ругательство у горничн[ых] и, потому что гувернантки приходили в ужас от этого слова, она любила повторять его.

²Вера столкнула куклу и ушла.

— Что вам за охота с нами ссориться? — сказал просто Борис. — Нам тут, а вам там весело, — сказал он хитро. Борис был в чулках и кафтане с лентой через плечо.

— Берг будет обедать, так для него мы так охорашиваемся, — сказал Николай, который уже стоял в ризе и с подвешенной из фальшивой косы бородой.

— Nicolas не может без колкостей, — вся покраснев, сказала Вера.

— Ну, всё готово, — говорил один. — Ты посаженная мать? — другой.

— Жениху нельзя быть, уйди, уйди, — кричала Наташа. — Наколка соскочила.

— Ты, Петя, будь дьячок. — И хохот поднялся такой, что Вера слышала его до самой гостиной и гувернантка заглянула в комнату в то время, как Борис, держа за руку куклу, ходил вокруг судна, а Николай с Петей в ризах кричали «Исая ликуе». Гувернантка махнула рукой.

Им было слишком весело, тут уже нечего было мешаться.

— M-r Boris, votre mère est arrivée,³ — сказала она только. Борис⁴ вышел.⁵ Николай <вздумал> вслед за ним в ризе повернуться колесом⁶ в дверь и побежал в гостиную, сбрасывая с себя на дороге облаченье.

Княгиня Анна Алексеевна Щетинина, мать Бориса, только приехала из Петербурга.⁷ Княгиня для поездки этой заложила ¹*Зачеркнуто*: добродушно

² *Зач.*: Лиза

³ [Борис, ваша матушка приехала,]

⁴ *Зач.*: только <кивнул> мигнул ей глазом

⁵ *Зач.*: Не успели еще кончить венчанья, как

⁶ *Зач.*: Все последовали его примеру. Но ему мало было этого, он колесом вкатил в гостиную.

⁷ *Зач.*: куда она почти безуспешно ездила по делам своего 22 [года] тянувшегося процесса с братом министра и по делам определения в службу своего единственного обожаемого Бориньки

последнюю свою бриллиантовую брошку в Московском опекуновом совете и теперь, вернувшись в Москву, у ней оставалось только 25 рублей ассигнациями, а надо было везти, обмундировать и поместить Бориньку в¹ службу. Княгиня по своим связям была родня и знакомая всей знати Петербурга, но бедность, в которую привели ее покойный взбалмошный муж и процесс, мешала ей пользоваться вполне этими связями. Все сенаторы Петербурга и Московского сената, все обер-прокуроры, все переменявшиеся министры знали ее строгую, грустную и полную достоинства высокую фигуру, большей частью в черном, не стесняясь являющуюся к холостым и женатым. Все знали ее почерк и карточку, на которой она почти мужским почерком писала: «La princesse Shetinin présentant ses respects,² «Княгиня А. А. Щетинина желает знать, в какое время она может иметь удовольствие видеться с г-ном м[инистром] или с[енатором] NN по ее личному делу». Княгиня, как и многие вдовы, оставленные собственным средствам без помощи мужчины, несколько увлекалась своим³ умением вести дела с сильными мира и⁴ гордилась и злоупотребляла этим умением. — Я одна, женщина, — говаривала она, — надо какнибудь устраивать дела. И что мне до них? Пусть думают обо мне, как хотят.⁵ Ее знакомые и родные удивлялись ее умению обращаться с министрами и, в особенности, искусству писать бумаги, очень редкому в то время. Другие знакомые и родные, любившие ее, больше удивлялись ее силе характера, деятельности и любви к сыну, для которого она работала день и ночь, переносила всё, и для воспитания которого (она дала ему самое лучшее воспитание тогдашнего времени за границей) она закладывала и продавала бриллианты и кружева.

В то время, как сын ее в⁶ новеньком мундире, свежий, блестящий, здоровый, веселый, умный, хорошо образованный, со всеми надеждами впереди, венчался в детской с Наташиной куклой Мими, она в скромном черном шелковом платье, худая и бледная, с слабыми остатками прежней красоты, сидела в гостиной графини, своей подруги детства, и плакала, рассказывая историю своих походов в Петербурге.⁷

Графиня, <но она знала князя лучше А[нны] А-ы, сомневалась в успехе> и твердо решила сама помочь своей приятельнице.

Старый граф вышел в переднюю.

— Коли у них лучше, зовите молодого Безухова обедать. Непременно зовите.

¹ *Зачеркнуто:* артил[лерийскую]

² [Княгиня Щетинина, принося уверения в своем уважении,]

³ *Зач.:* мастерством

⁴ *Зач.:* несмотря на неуспех

⁵ *На полях:* Мы остались только для ваших именин, завтра едем.

⁶ *Зач.:* щегольском фраке, платье и белье

⁷ *Далее в рукописи пропуск. Нехватает одного или двух листов.*

— Хорошо.

А[нна] А. с сыном села в дрянную извозничью карету, стоявшую у подъезда, и потихоньку перекрестилась под старым лисьим салопом.¹

5.

Князь М. В. был очень плох.

Консультация всех московских докторов и одного петербургского была в доме. Дом был огромный, на дворе, с статуями в нишах и карьятидами под крыльцами и окнами. У подъезда стояли три кареты и сани, но швейцар сказал, что князь болен и не принимают. Княгиня сказала, чтобы доложил, <спросила, кто здесь.> Ей сказали, доктора и князь Позоровской здесь.

Это был тот самый князь Василий, который <брал на воспитанье к себе Борю.> Князь Василий был по жене ближайший родственник Безухого и по случаю его болезни приехал в Москву.

— А молодой князь приехал?

Швейцар неохотно отвечал. Он видел по карете и салопу, что особа должно быть не важная. Борис заметил это и его кольнуло.

— Утром пожаловали, — отвечал швейцар.

— Мне его нужно видеть.

— Пожалуйте, налево по лестнице, через галлерею, — сказал швейцар.

Княгине не нужно было видеть молодого Безухова, она сказала это только для того, чтоб найти предлог проникнуть к умирающему.

Молодой Безухов лежал на диване, положив ноги на мозаиковый стол, в дорожном расстегнутом платье и с сигарой во рту. Увидав гостью, он сконфузился и рассердился в одно и то же время.

— Извините, что вам угодно? Здесь я, а не мой отец. Василий, швейцар! — заговорил он, неловко вставая и запахиваясь. Борису было неловко и неприятно за свою мать.

— Вы не узнаете меня, Аркадий? — сказала княгиня, спокойно и самоуверенно, улыбаясь своей всегда грустной улыбкой, — я бы вас везде узнала, хотя вы очень потолстели. *Vous avez pris de l'âge.*²

Аркадий торопливо нагнулся к своему столу, отыскивая очки, надел их и тотчас же размахнул руками, закричал:

¹ *На полях:* У графа чудак ругатель спорит с Бергом. Граф любит.

6.

Она ищет.

Завистливый кост. и А. С.

Диспозиция.

Страсть к службе.

Пока они дожидались, Борис слышал разговор.

Несносны эти попрошайки.

² [Вы возмужали.]

160

— А, милая княгиня, — и не переставая начал шевелить своими толстыми губами, как будто рот у него был полон каши, усаживая княгиню и узнавая Бориса, которого он не видал шесть лет.

Он поцеловал руку княгини, обнял Бориса с добродушием молодости и веселости, заменявшим такт в его медвежьей натуре, но ему всё еще видимо было совестно за княгиню и ее сына, посещение которых он не мог объяснить себе.

Между людьми всегда чувствуется неловкость, когда у одного из них есть замысел, в котором неудобно признаться. И неловкость эта чувствуется преимущественно теми, которые не имеют замысла и которым совестно за другого.

Молодому Безухому было досадно тем более, что он не мог равнодушно сносить неловкое положение. Он слишком тонко чувствовал и слишком был для того добр и мягок. Он только два часа, как приехал из Швейцарии, где он жил уже второй год без всякой цели и занятия, а так — ничего дурного не было в этой жизни и никто не мешал ему лежать, задравши ноги, гулять, ходить на охоту, играть в шахматы с женевским пастором, спорить с ним и читать всякую книгу, какая ни попадалась ему под руку, — всё равно с конца или с середины. Он приехал и с досадой (опять с досадой, но не больше) думал о той скучной комедии, для которой выписали его и которую предстояло ему играть при смерти отца, не любимого и не любившего. Теперь начиналась эта комедия с *condoléance*'ами¹ московских барынь. Он знал княгиню за хорошую женщину, она ему была симпатична, особенно ее мальчик, но зачем она мешала ему — мешала ничего не делать.

Княгиня между тем чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность. Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы, вместе с пальцем, получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась.

— В каких грустных условиях мы свиделись с вами, — сказала она грустно. — Как здоровье вашего отца нынче? Есть ли улучшение? Я бы давно уже была у вас, но я вчера только сама из Петербурга.

— Вы желаете видеть его? Я пошлю спросить.

— Да, мне бы хотелось. Что он исполнил обязанности христианина?

— Да, кажется, впрочем не знаю... я только приехал...

Княгиня пошла к больному. Аркадий задрал опять ноги на стол.

— Ах, как² скучно, как скучно, как скучно здесь, скучно...

— Я думаю, — отвечал Борис холодно, ему оскорбительно казалось положение матери, видимо бывшей в тягость. Тем более, что женщина, приходившая к молодому князю, о чем то шопотом говорила с ним, прежде чем допустили княгиню.

¹ [сочувствиями]

² *Зачеркнуто*: я рад вас видеть так

— Не болезнь и смерть скучно. Через нее все пройдем, — продолжал Аркадий, потирая всей рукой глаза под очками, — а вся эта комедия. Я так отвык. Ну умирает человек, оставить бы его в покое. Нет, скачут из Петербурга, из Москвы, чтобы его мучить. И всё за то, что¹ он богат.

— Не все же едут для денег, богатства, — вдруг вспыхнув, почти закричал, для самого себя неожиданно, Борис. — Уж верно не моя мать... Это нечестно говорить...²

Аркадий вскочил с дивана, покраснел больше Бориса и ухватил его за руку снизу с свойственной ему грубой, решительной, но добродушной манерой.

— Что вы, Борис? Вы с ума сошли. Мог ли я думать о вас?.. Тут столько народа я видел в эти два часа. Вы другое дело, вы родня.

— Родня или нет, мне всё равно, и я пользуюсь случаем сказать вам, что мы бедны, но никогда ни одного рубля я не возьму от вас и от вашего отца. Прощайте. Ежели папан зайдет, скажите, что я уехал. — Надобно было видеть жалость, нежность и любовь, выступившие мгновенно в глазах и на всех чертах испуганного, растерянного Аркадия, чтобы понять, как не мог не успокоиться Борис, не устыдиться своей выходки и не пожалеть в свою очередь.

— Ах, милый мой, бедный... ради бога... простите, не думайте. Ах, как мне жалко... послушайте... — говорил толстый человек с слезами на глазах.

Вспышка молодости прошла так же неожиданно, как и пришла. Ему стало совестно и он полюбил Аркадия.

— Послушайте, — продолжал Аркадий. — Я вас знал мальчиком и любил вас, я старше много, мне двадцать три, вам, должно быть, шестнадцать, но я не знаю отчего — оттого ли, что вот это случилось, я знаю, что мы будем друзьями. Для меня слишком тяжелое время, на меня нельзя сердиться. Хотите, и тогда вы увидите, что я не мог хотеть оскорбить кого-нибудь, тем более вас, хотите? Хотите? — повторил он, — вы меня узнаете.

Борис улыбался красный еще, но с гордостью чувствуя, как утихала в нем благородная буря.

— Может быть я ошибся, наверное я ошибся, но я горд, вы простите меня. Я знаю, что и вам тяжело.

— Нет, хотите дружбу мою. Не на шутку. А?

Борис подал ему руку. Аркадий притянул его к себе и поцеловал.

— Вот так. Что мне за дело до других, старые люди — другие люди, у вас всё впереди и у меня, может быть, — и он начал говорить совсем иначе, чем прежде, с добродушным оживлением, доходящим до красноречия. — Видите ли, в жизни есть хорошего только спокойствие, книга и дружба. Дружба — не любовь с чувственностью, а чистое, честное сближение без другой¹ *Зачеркнуто*: у него деньги

² *Поперек текста*: Б[орис] хитрит, что оскорбляется.

цели, как счастье того и другого. И дружба может быть только тогда, когда оба молоды, всё впереди и оба чисты. Ты, верно, чист, я — почти.

— Какой вы странной! — только сказал Борис. — Вы мне были милы с первой минуты, я может быть от этого вспылел так. С другим я бы не сделал этого. Я тоже верю в дружбу; но я моложе вас, и я не знаю, будем ли мы друзьями. Я прошу времени сойтись, узнать друг друга.

— Хорошо, хорошо, «ты» всё таки можно говорить, я так люблю. Ну, ты слушай. Узнавай меня как хочешь, будем видеться часто. Оставайся обедать.

— Нельзя. Я у Простых.

— У каких? А, милый, ты верно влюблен? Да? — Ну это всё расскажи. Расскажи, какие твои планы, какие твои убеждения. Верить ли ты? — Планы Бориса были служба, война. Убеждения были убеждения матери. Аркадий улыбнулся и стал рассказывать свои убеждения. Он был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года, и поклонник Бонапарта. Борис, впервой слышавший всё это, восхищался и входил в новый мир.

В то время, как такая молодость, и надежда, и бессмыслица, и счастье жило в этой комнате между двумя юношами, княгиня в комнате умирающего делала то самое, что так горячо и гордо отвергал ее сын.

6.

Княгиня вошла в картинную галерею. Тут сидели доктора и говорили между собой по французски, не находя нужным ломать язык по латыни, которую они все позабыли. Петербургский говорил о новостях Петербурга, о известиях из Эрфурта, о последнем бале. Metivier слушал. Другие слушали. Один московской даже и слушать не мог. Он был погружен в соображения, сколько ему дадут за консультацию у такого богача. Они всё решили и знали, что у больного водяная в груди, и что он жить не может более нескольких часов. Однако, они прописали многое и при Позоровском много говорили по латыни и спорили. Позоровской вышел к княгине.

— Вот мы с вами опять встретились. Ну, что наш больной?

Позоровской сделал только знак головой и губами, знак, означавший самую плохую надежду.

— Я очень любила его и он любил моего Борю — он ему крестник, я бы желала его видеть.

Позоровской, светский человек, дипломат, занимавший одну из высших должностей в Петербурге и сам приехавший за тем же, за чем и княгиня, тотчас понял.

— Не были бы тяжелы ему такие разговоры теперь, — сказал он. — Подождем до вечера, доктора обещают кризис.¹

¹ Зачеркнуто: Я не могу

— Нельзя ждать, любезный князь, женщина нужнее бывает в эти минуты, чем кто бы то ни было. Исполнил ли он последний долг?¹ Я приготовлю его.

Безухой² лежал в кабинете в волтеровском кресле. Около него стояли табакерки с портретами и лекарства, он тяжело дышал и испуганно оглядывался. Он боялся не смерти, но того, что найдет приговор смерти в глазах других. В комнате была бывшая гувернантка его дочери, француженка, исполнявшая уже давно в доме неопределенную роль лектрисы.

— Не хочу я пить этих гадостей. Лорен (петербургский доктор) точно так же ничего не знает, как и они, — говорил он ей. Ее ловкие, белые руки так же тихо и ловко заткнули склянку, как и открыли, и она отошла.

— Как угодно, князь. Не хотите ли чего?

— Одного хочу, — прохрипел он, — чтобы никого ко мне не пускали — особенно этого пролаза кнезь Василья. И зачем он приехал?

В это время дверь тихо отворилась и показался чёрный кружевной чепец и грустное лицо княгини.

— Можно? — Больной подернулся.

— Кто еще?

Княгиня вошла. Ей было далеко идти до кресла, комната была очень велика. Она шла медленно, не на цыпочках и не на всей ноге, но не слышно. Покуда она шла, больной успел и пристально зло посмотреть на нее, и отвернуться, и снова встретить ее приличным, ежели не ласковым, то равнодушным взглядом, спрашивавшим «что вам нужно?». Он умирал, но все условия света были для него так же неизбежно обязательны, как прежде.

— Извините меня, княгиня, что я не встаю. Мне плохо очень, видите, — он показал распухшие, белые, глянцевиные кисти рук.

— Ах, что вы? Ну что же? — Она оглянулась и неприятно встретилась глазами с француженкой.

— Моя *garde malade*.³ — Княгиня села.

— А мне сказали, что вы очень плохи, вы свежи, полны, — говорила она.

Больной взял и поднял быстро широкой рукав кафтана. Голая рука была⁴ опухла около локтя.

— А это что? — Он не мог опустить рукава, запыхался, как будто пробежал десять верст, и беспомощно оглянулся на француженку. Княгиня не допустила ее и сама быстро, ловко опустила рукав и еще поправила подушку. Он извинялся.

— Вы мне столько услуг оказывали в жизни, что и я могу оказать вам, — сказала она, оглядывая комнату. Страшна была противоположность роскоши огромного высокого кабинета, полного драгоценностями искусства, бюстов, гравюр, до которых¹ *Зачеркнуто*: Мне надо поговорить

² *Зач.*: был екатерининской вельможа

³ [сиделка.]

⁴ *Зач.*: страшно худа выше

был охотник больной, с жалким существом, которое он представлял в настоящую минуту, и с жалким, зараженным дурным воздухом углом, в котором сидел больной. Он был старый, сморщенный, с широким лицом,¹ показывавшим остатки замечательной красоты. Седые волосы были курчавы. Он отпустил усы во время болезни, которые вылезли, седые были, нечесты и страшно изменяли его. Он ввалился в кресло, казался страшно грузен. Всё было блестяще вокруг него, а на нем был грязный кашемировой дорогой халат, он очень любил его, и грязное белье. Княгиня недаром пользовалась репутацией замечательно любезной женщины. Она заговорила про старину, не упоминая о крестнике, и о болезни, так естественно и оживленно, что старик ожил, улыбнулся и сам, хрипя, стал сообщать ей свои ennuis.² Он даже выслал француженку. И стал ей жаловаться на князя Василья.

— Зачем он приехал? Он говорит, что государь изволил прислать его спросить у меня бумаги. Какие у меня бумаги? У меня и не было, я всё отдал. И зачем хоронить меня, я сам знаю, как умереть, завещанье мое вот, — (он стукнул по столу). — И я его не изменю. — Княгиня и тут не напомнила про крестника. — Ежели князь Василий пользуется доверием его величества, то ему не нужно надоедать мне. Как вспомнишь, Васинька, — важный человек. — Он хотел засмеяться. И он стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского, охуждая всё, но с смирением человека, который этого не переделает. — Аркадий приехал, он мне говорил про Бонапарте и его распоряжения, про дух французов. Не то было 92³ году. Вы видели Аркадия? — заключил он, устав говорить.

— Я была у него, я оставила вашего крестника у него.

— Гм! — и глаза больного недоверчиво взглянули на княгиню.

— Какой он славный, как похорошел.

— Ну... — сказал отец, — я желал бы его другим, ни малейшей любви к славе, — («к чему тебя привела любовь к славе, жалкий старик», подумала княгиня). — Ну, да какой есть. Ему бы надо родиться мещанином, а не князем Безуховым. А что ваш?

— Я благодарю бога. Одно что наши средства, — она помолчала — у нас нет никаких, а необходимо хоть что нибудь для обмундировки. Вы этого не понимаете. Ну, да это всё устроится, — прибавила она скорее, увидав беспокойный взгляд. Но уж он испугался.

— Ах, мне хуже. Прощайте, — она встала. Он позвонил. Француженка вошла.

— Никого не пускать, чорт возьми! — крикнул он, еще княгиня не вышла. Княгиня зашла к Аркадию и передала поручение графа. Он подумал. «Я зайду к папа».

— Мы поедем, — сказал он, — с Борисом. — Княгиня уехала, грустная и неизвестная.

¹ Зачеркнуто: старик

² [досады.]

³ Цифра 2 написана поверх цифры 3, — 93 году

7.

После княгини был еще с визитом тот самый князь Василий, которого так возненавидел больной, и тоже был позван обедать. Ему нельзя было не поехать.¹ О нем говорила вся Москва и говорили у графа. Князь Василий был в милости у покойного императора Павла, потом в немилости сенатором в Москве, где он жил шесть лет. Но жил не так, как другие забытые сенаторы. По всему видно было, что он не кончил этим сенаторством. Он не так держал себя. Он не ездил в клубы. У него не собирались ни праздные, ни недовольные. Балов он не давал. Дочь его, девочка — красавица подросток, под руководством настоящей эмигрантки гувернантки и² два сына, окончив воспитание в пажемском корпусе, были посланы с фр[анцузом] аббатом за границу. Он виделся с умными и учеными, Карамзин был его друг, Сперанской всегда останавливался у него. Он читал все газеты и новые книги, переписывался с министрами, и о государе и высших властях всегда отзывался с холодным и непроницаемым благоговением. Он был жив, боек, умен по французски и в высшей степени обладал искусством такта: догадаться подать государю пулю, которой был убит верный слуга, рекомендовать государыне новую книгу, заметить новую красоту было искусство времени, успех при прежнем государе. С графом он был знаком для детей, которые танцевали на балах и играли на театрах графа. Но о графе само собой он был самого низкого мнения. После того, как он был вызван в Петербург к весьма важной должности, он особенно ласково обращался именно с графом и особенно сухо со всеми москвичами, имевшими претензию на значение и *gens [?] qui se mêlaient de raisonner et de déraisonner*.³ Граф был добрый дурак. И на нем то удобно было показать и другим, что новое значение нисколько нас не возгордило и не изменило. Он особенно был ласков ко всем во время визита и к детям (хотя в душе он был твердо уверен, что его Иван и Петр, делающие теперь *le grand tour*⁴ с аббатом, не будут знакомы с этими выкормками и олухами) и особенно радушно согласился приехать есть прекрасный обед графа.

Граф сидел в кабинете с приехавшими уже к обеду: кузенком его жены, желчным, известным умником, холостяком Бергом, гвардейским офицером, для которого Вера надевала косыночку, и Аркадием, приехавшим с Борисом; <Аркадий> сидел скромно в гостиной, удивляясь и наивно до неучтивости вглядываясь в лица и наблюдая их⁵ и нехотя, к отчаянию графини, односложно¹ *Зачеркнуто*: <Княгиня> графиня была родня, и он в службу был записан ее

² *Зач.*: дети

³ [люди, которые пускались обсуждать и говорили вздор.]

⁴ [большое путешествие]

⁵ *Зач.*: разговор шел о князе Василии

отвечал на вопросы, которыми она хотела занять его и втянуть в разговор.

— Vous êtes arrivé il n'y a pas longtemps?

— Oui, madame,¹ — и опять глядит в сторону на Веру, изучая, хорошая она или дурная.

— Вы не видали моего мужа?

— Нет, графиня, — и смотрит на гувернантку, соображая, как она учит такую большую.

— Вы были в Париже?

— Нет.

Графиня извинилась, что ей надо идти к мужу, и вышла.

— Измучил меня совсем, вот бирюк-то. — Княгиня с Верой предприняли его, но также неудачно.

В кабинете шел разговор о князе В[асилии]. Граф говорил. Анна Алексеевна рассказывала, что он приехал по поручению государя спросить бумаги у Безухового. Верно и свои дела были.

Шеншин, кузен, с ногами сидя на кушетке, но во фраке, с видом домашнего человека:

— Не верьте, граф, всё врет пролаза, терпеть не могу, приехал вытянуть чтонибудь. Сорок тысяч душ кушик порядочный. А ежели не вытянет ничего, помяните мои слова, женишка поймает дочери. Знаю я этих умных министров.

— Ну, ты всё бранишься. — Граф говорил только, чтоб гости его не молчали и ему хотелось стравить с кузеном Берга и тогда самому слушать, как говорят умные люди. (Он это очень любил).

— Что вы, Альфонс Александрыч, скоро едете в армию? жалко. Бонапарте теперь нас авось оставит в покое. Альфонс Александр[ыч] был прямой, чистый, стройный блондин. Он говорил медленно, обдуманно и правильно, как по французски, так и по русски.

— Я думаю ехать скоро в академию, потому что академия по новому уставу дает нам два чина, так что, ежели я поступаю, — и он с приятной, радостной, эгоистической, сдержанной улыбкой начал длинно рассказывать свои планы и как всё хорошо он устроил и как ему будет хорошо, как будто для всех его счастье и успех были дороже всего на свете. Он так думал. Берг был один из тех добродушных, ограниченных эгоистов, которые всеми силами души заняты своим успехом и так поглощены этой мыслью, что совершенно неизвестны о том, что для других дороги тоже только свои интересы. Берг никогда не думал, что у других есть свои интересы. Граф добродушно слушал, но Шеншин сейчас подметил смешную сторону и насмешливо презрительно улыбался. Берг рассказал всё, как денежные дела он устроил, как он экономен, как он отцу помогает, как его все любят, как товарищи его по кадетскому корпусу остались сзади, а как он всё хорошо делал. То, в чем он полагал успех, было всё хорошо и честно,¹ [— Вы недавно приехали?

— Да, сударыня,]

но он не знал, что не надо этого рассказывать. Такие люди, как Берг, всегда имеют успех этим наивным эгоизмом.

Шеншин перебил его: — а вы думаете, что Наполеон (Шеншин называл Наполеон, а не Бонапарт) вам даст исполнить все эти планы? Нет, батюшка, через год война и опять война.

— Отчего же вы думаете, кажется Эрфурт доказывает нам?

— Доказывает нам, что мы дети и любим в игрушки играть, больше ничего.

В это время вошел Аркадий, который замучил и княгиню Анну Алексеевну и которого она для своего спасенья привела в кабинет.

Граф усадил его с своей радушной лаской и тотчас же начал стравливать на ту же тему, обещая себе много удовольствия от беседы умника Шеншина, офицера, умного, ученого и только что приехавшего из заграницы.

— Вы как думаете: успокоит нас Эрфурт? — Берг был против Наполеона, Без[ухов] за, Шеншин против всего на свете.

Графиня вошла в комнату, молча посидела, послушала, наконец подошла к графу и шепнула ему, он вышел.

— Мне нужно денег, граф.

— Ах, сейчас, — заторопился он, доставая бумажник. Но денег было мало.

— Мне надо пятьсот рублей.

— Сейчас. Дмитрий Васильевич! — закричал граф. Пришел Дмитрий Васильевич, дворянин, занимавшийся делами графа. Граф передал ему требование и потом уже спросил за чем.

— После я тебе скажу.

Дмитрий Васильевич пожал плечами.

— Вы знаете, граф, что нет ничего еще вчера.

— Ну, достаньте, что такое, малость.

— Как вы говорите?

Дмитрий Васильевич сказал, что достанет и через час принес деньги. Он занял их у купца, которому ставили хлеб. Дела графа уже давно шли плохо, особенно благодаря Дмитрию Васильевичу, у которого дела шли хорошо, но граф это не хотел знать и не знал, и деньги были, и всегда были. Графиня, получив деньги, отозвала княгиню в детскую, где стояла брошенная невеста Мими на колышке с лайковым задом, откуда выгнала старуху няню, и отдала княгине.

— Это ничего так мало, но ради бога не откажите мне, — сказала она и сама заплакала. Княгиня тоже. Они стояли, обнявшись в слезах. Слезы были и о том, что графиня чувствовала, что она хорошо поступила, и о том, что они дошли до того, что им нужно заниматься деньгами, и о том, что молодость их прошла, но слезы были приятные, сладкие. Граф застал графиню в слезах.

— О чем вы, графиня? — спросил он. Она улыбнулась сквозь слезы. У него было такое доброе лицо. Княгиня сказала:

— Бог наградит тебя. — Граф был глуп, но в одну минуту понял, что спрашивать не нужно. Он сделался хитрецом, 168

притворился, что не понял, но и в его лице просияло еще больше доброты.

— Что же вы, графиня П. Н., гостей оставили? — сказал он, хитрец, тонко улыбаясь и поцеловал ее руку. (Простые всегда говорили друг другу граф и графиня.) Только ночью, когда они, как всегда не переставая двадцать семь лет, помолившись богу, легли на двухспальную постель, граф тронул графиню за локоть и сказал:

— Я знаю, куда вы дели пятьсот рублей. Вы — ангел.

— Ну, от тебя ничего нельзя скрыть, — ответила графиня, взяла его руку и поцеловала.

8

¹Именины у графа Простого в Москве 1808 года.²

— Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великой человек, — говорил запыхавшись и почти с пеной у рта, но с добродушнейшим озлобленным лицом высокой толстый юноша, сердито отмахиваясь от лакея, из за плеча его с бутылкой в салфетке, сердито и упорно спрашивавшего: — дри-мадеры прикажете? — Это был молодой Безухой в споре о Наполеоне с к[нязем] В[асилием].

За именинным столом сидело тридцать два человека своих, родных, гостей, детей и взрослых, гувернеров и гувернанток. Стол, убранный вазами и цветами, был накрыт во всю длину большой залы, приборы были праздничные, саксонские, серебро новое, на одном конце сидел граф Илья Андреич, на другом графиня. Около графини сидели почетнейшие родные и гости, около графа мужчины и с одного края молодежь и дети с гувернерами.

<Споривший юноша Безух[ов] сидел близко к графине. Он был единственный сын князя Безухова, наследник сорока тысяч душ и огромных капиталов бабки>. Он спорил со всеми. Все были против него, но <больше> сердитее всех он обращался к сидевшему подле графини старичку в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьянской нижней челюстью, который видимо без малейшего усилия отражал редкими и резкими шутками на отличном французском языке нападения молодого Безухового. Это был к[нязь] В[асилий]. Графиня, казалось, чего то боялась, находила что то неприличным и беспокойно взглядывала то на соседа, который, отвечая всегда учтиво, взглядывал на нее, приглашая ее принять участие или испрашивая ее ¹Зачеркнуто: В Москве 1 января 1808 года у графа Василия Андреевича Простого обедали за именинным обедом родные и гости. Всех сидело за обедом с детьми, гувернерами и гувернантками тридцать два человека. Обед приходил к концу.

²На полях: Предисловие

1) Почему кажется, что все закладывали в стену.

2) Почему кажутся герои.

3) Я изучал памятники.

169

одобрения, то на Безухового, несмотря на свою молодость, говорившего слишком громко и положившего оба локтя на стол и один даже в соус, то на дворецкого, всё предлагавшего дрей-мADERу. По ее мнению, надобно же было чемнибудь кончить с этой мадерой. Кроме того она беспокойно поглядывала и на графа, сидевшего рядом с известным ей полковником, любившим выпить лишнее (ей казалось, что он что то часто берет в руки бутылки и становится красен), и на детей, у которых что то такое начиналось неприличное, угрожавшее разразиться громчайшим хохотом. Они шептались, перегибались друг к другу, закусывали губы и даже изредка всфыркивали. Особенно меньшая дочь Наташа, некрасивая,¹ но красная, с пупурщиками, здоровая девочка лет двенадцати, с голыми руками и шеей, как и все что то затевала под столом и фыркала чаще всех. Гувернеры и гувернантки находились в приличном, сдержанном волнении и, продолжая сидеть прямо, отрывисто делали замечания своим воспитанницам и воспитанникам, но бунт видимо разгорался и угрожал общим взрывом неприличного хохота.

— Mon cher! — сказал старичек с звездой, оглядываясь с улыбкой на озабоченную графиню. — *Rappelez vous une chose*, — и он, как жемчужины, выпустил каждое слово: — *la meilleure des causes est perdue du moment que l'on se fâche.*² — И он засмеялся и засмеялись все, графиня выказала тонкую улыбочку и мигнула Гавриле, чтобы он переходил с бутылкой к следующему. Разговор шел по французски.

—³ Князь говорит, что Бонапарт великой человек, а пленные в Египте? — сказала графиня. — Нет, я не соглашусь никогда, — и она покачала головой на Наташу, которая совсем нагнулась под стол.

— Что вы думаете об этом, княгиня? — обратился к[нязь] В[асилий] к⁴ А. А., сидевшей недалеко от него. Задумчивые, полузакрытые глаза княгини⁵ вдруг вспыхнули приятным блеском.⁶

— Я, как женщина, могу ошибаться и смотреть не так, как надо, на политику, — отвечала она, вздыхая, — но я не могу простить ему смерть Енгиенского. Это ужасно. — И она содрогнулась непритворно при одном воспоминании.

Léon неучтиво не обратил никакого внимания на замечания дам.

— Я не сержусь,⁷ но говорю, что это самый великий полководец мира и что нас били всегда и будут бить, и придет в Петербург так же, как в Вену и Берлин, — продолжал он, отдавая¹ *Зачеркнуто*: брюнетка

² [Милый мой, помните, что самое лучшее доказательство теряет силу, как только рассердишься.]

³ *Зач.*: Léon

⁴ *Зач.*: девушке

⁵ *Слово*: княгини *переделано из*: княжны.

⁶ *Зач.*: яркой румянец выступил на полное красивое лицо.

⁷ *Зач.*: за то Тильзитский мир

тарелку и обтирая запачканный рукав фрака. Дети не могли удерживаться больше и громко захохотали. Léon обратился к ним и тоже засмеялся самым добродушным, здоровым смехом.¹

На другом конце стола граф подливал соседу, рассказывая, что вино это получил он в боченках, а что кипрское трудно достать.

— Об чем они? — спросил полковник, указывая на старичка с звездой.

— Всё об Бонапарте, — отвечал граф. — Он умный, такой славной, этот Безухой молодой. Правда, теперь министром назначен² Каракин?

— Какже. Уж его поздравляли. Ловкой человек.

— Шш! — сказал граф, — это его сын. — Он указал на красивого юношу, сидевшего недалеко от них.

— А тот высокий, как аршин проглотил, тоже сын его?

— Какже, тот на службе, славный молодой человек. Этот — шалун большой. Он их за границу посылает. Воспитаны славно, — так говорил граф. Графу, видимо, всё казалось славно. Лицо его бритое, доброе, круглое, с редкими седыми волосами <светлыми> и ясными голубыми глазами и всегда готовой однообразной, но радушной улыбкой, подтверждало его похвалы всему свету.

— Как вы думаете,³ граф, — обратился к нему⁴ к[нязь] В[асилий] по русски (граф плохо говорил по французски). — Придет Наполеон в Москву или нет?

— Oui, pas de doute,⁵ — прокричал граф, — très bien, très bien.⁶ — Все засмеялись.

— Что говорить про это? — отвечал граф, расслышав, — теперь славно, мир бог даст и на долго. Что думать, пускай он там воюет.

— Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles,⁷ — произнес Каракин, улыбаясь.

В другой стороне стола гувернер считал на блюдах кушанья и досадовал, что у него нет нынче аппетита. Родственник из деревни, случайно попавший рядом с вдовой в бриллиантовом фермуаре, томился мыслью, о чем бы разговориться с москвитянкою и расспрашивал про улицы. Другой всё прислушивался с подбострастием к тому, что говорили люди в звездах. Молодой князь Каракин, сидя рядом с княжной, видимо, lui faisait la cour.⁸ Старшая дочь дома Лиза кокетничала с вторым братом, пятнадцатилетним мальчиком. Молодой паж Борис Мещерин прислушивался к Léon и смотрел ему в глаза, одержимый к нему первой¹ *Зачеркнуто*: — Pardon, мы поговорим об этом после, — сказал он,

² *Зач.*: вы знаете кто?

³ *На полях*: За имянинами П[етр] говорит стихи

⁴ *Зач.*: Каракин

⁵ [Да, несомненно,]

⁶ [очень хорошо, очень хорошо.]

⁷ [Все к лучшему в лучшем из миров,]

⁸ [за ней ухаживал.]

страстной дружбой. У детей дело шло в том, что Наташа принесла с собой куклу, но без носа, называемую Мими, и тайно от всех под столом кормила ее.

Entreés, entremets,¹ соусы, холодные вины, пирожные шли в таком изобилии и порядке, что только одному немцу гувернеру не наскучило. Он соображал и запоминал, чтобы написать родным в Саксонию о том, на каком обеде он участвовал.

Однако спор, в который под конец вступил и Ш., разгорался всё более и более.

9.

Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о² достоинствах Бонапарта продолжался весь обед между Бергом и Шеншиным. Князь Василий отстал от спора, не находя его для себя приличным; тем более, что в последнее время в Петербурге все возгорелись энтузиазмом к Франции и Наполеону, и князь Василий, чуткой всегда на политические mot d'ordre,³ теперь получив назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессиононвал к нему высокое уважение.

Берг не спорил, но только служил пластроном и Шеншин, выпив другой стакан лафита и озлобленный тем, что князь Василий оставил его, был блестящ злостью и остроумием.

— Поручик артиллерии, — говорил он, — выбирает невест во всех европейских дворах и невесты прихорашиваются. — Князь Василий, не говоривший, счел долгом вступить, полагая видеть намек.

— Нам трудно, не зная, судить о политических делах.

— Еще мало его любят у нас. И странно, как кого побьют, так делается его другом. От Фридланда мы так его полюбили, что уже не знали, как угостить. — Берг вступился за храбрость солдат под Фридландом. Шеншин продолжал: — особенно Пруссаки и Фридр[их] полюбили его нежно, чуть в воду не бросился, чтоб приехать на плот, спасибо казаки удержали. — Графиня делала знаки, замечая, что князю Василью не нравится. — Терпеть не могу, — отвечал⁴ Шеншин соседу Борису, — этих франтов: покуда мы дрались, ругали Бонапартия, а теперь первый друг. Вот настоящие изменники. Я его потравлю. Нет, надо нас побить хорошенько, чтобы мы очень подружились, а то всё еще мало, и побьют.

— Послушайте, молодой человек, — сказал князь Василий, выведенный почти из себя, — надо знать прежде.

В это время вдруг через весь стол послышался голос Наташи, приподнявшейся и громко кричащей: тапан! Головка ее вся¹ [Различные блюда]

² Зачеркнуто: значения

³ [лозунги]

⁴ В рукописи описка: К[нязь] В[асилий]

красная, с горящими глазами, с сдержанной улыбкой и с энергической решительностью была обращена к графине.

— Что тебе? — Графиня испуганно, потом, увидав, что это шалость, сердито обратилась к дочери. — Что тебе?

— Мама, что пирожное будет?

Графиня рассердилась и улыбнулась. Гости засмеялись.

— Вот я тебе!

— Мама, что пирожное будет? — прокричала она капризно и весело. Дети и молодежь померли со смеха.

— Я говорил, что она скажет, — сказал кто-то. — Вот и сказала! Проиграли. — Эпизод этот расстроил спор и развеселил всех.

— Мороженое.

— Какое мороженое? Мама! Мама! Какое мороженое, я не люблю сливочное!

— Морковное, — сказал Шеншин. Всем стало веселее.

— Нет, какое?

— Тебе сказали. — Но она до тех пор не отстала, пока не сказали, что ананасное.

После обеда все разбрелись более естественными группами, чем кто как сидел. Борис рассказывал про свой визит и про чудака Безухового. Наташа слушала его и врала. Вера ходила с барышней, и обе из всех сил завидовали друг другу. Берг подошел к ним и завел разговор о театре. Николай с Соней стали передразнивать их в зале и Nicolas, две капли воды, представлял Берга. Княгиня отошла с князем Васильем в угол к окну. Князь Василий держал чашку с кофеем. Борис смотрел на человека, от которого он будет зависеть, и человек этот ему не нравился. Княгиня решила, что Борис поедет с князем в середу через два дня.

Немного погодя заставили молодежь петь. Nicolas сел за фортепьяно, они спели из Josonde хор и русскую песню. Берг басил очень верно, но Nicolas и Наташа были артисты.

Вечером еще приехали гости и Наташа вскочила на спину отцу, игравшему в бостон, и потребовала музыки. За музыкой послали и танцы шли до ужина, после ужина старички из за бостона потребовали Данилу Купора и граф с товарищем, с особенно вывернутыми ногами и раскрасневшимся лицом от шампанского, пошел и учил молодежь этому старинному танцу. На другой день Борис должен был ехать.

— Подите проститься с женой, — сказала Наташа. Он пошел, она обняла его и ревела до тех пор, пока княгиня вошла, расцеловала эту chère petite,¹ но не могла утешить и увела сына. Борис молчал и знал, что другой женщины уже он не будет любить во всей своей жизни. Nicolas тоже расцеловался с Борей. Соня поплакала и все разъехались. Наташу насилу раздели и уложили, она в слезах заснула и спала до ночи. Только что княгиня вернулась домой в маленькую² [милую малютку,]

² На этом рукопись обрывается.

** № 20 (рук. № 48).

<Летом 1805 года в то самое время, когда только объявлялась Россией первая война¹ еще непризнанному тогда императором Наполеону, в Петербурге во всех гостиных только и было речи, что про Буонапарте, его поступки и намеренья.

За обеденным столом молодых князя, княгини Волконских собралось небольшое и разнообразное общество.

В 1805 году князь Андрей Волконской был молодым человеком и еще более молодым супругом. Возвратившись из турецкой кампании, в которой он,² несмотря на свою молодость и всем³ неприятную, аристократическую, наследственную от отца гордость, доходящую до смешного высокомерия, умел заслужить репутацию, хотя и неприятного, но отличного офицера, он имел в петербургском высшем свете блестящий успех, женился на первой в то время по красоте и богатству невесте, Lise Мейнен, и⁴, желая пожить для молодой жены несколько времени в Петербурге, поступил адъютантом к тогдашнему генерал губернатору.

Втихомолку смеялись над высокомерием князя Андрея и не любили его, но в глаза его уважали и боялись даже люди без сравнения старше, чиновнее и образованнее и умнее его.

Как холостым, так еще более женатым человеком, молодой князь вел жизнь безупречной нравственной чистоты в противность обычаям тогдашней молодежи. Он держал себя всегда далеко от⁵ товарищей, особенно удалялся кутил, и за всю его жизнь никто не мог сказать, чтобы знал за ним хоть ничтожный долг или вечер, проведенный за вином или картами или волокитство за замужней женщиной или девушкой, на которой бы он не имел намеренья жениться.>

** № 21 (рук. № 48).

Летом 1805 года в Петербурге перед одним из новых домов на Владимирской собралось несколько экипажей. Съезжались на маленькой званый обед, по обычаю высшего светского общества, в 6 часов вечера.⁶ Во втором этаже, в лучшей, заново отделанной и с иголки мебелированной квартире, принимали гостей: молодой красивый мужчина в адъютантском мундире и хорошенькая¹ *На полях*: 1) А[ндрей] французская шюшка.

2) Сократить рассказ vicomte.

3) Анатолий красавец вполне и кавалергард. Живет особо.

4) Смерть к[нязя] Без[ухого] не нужно.

² *Зачеркнуто*: бывши адъютантом при Кутузове, умел заслужить себе

³ *Зач.*: известную

⁴ *Зач.*: желая отдохнуть

⁵ *Зач.*: всех

⁶ *На полях*: Р[иетте] смутно говорит итал[ьянцу] о том, что вечный мир вытекает из общего образования, а не политического равновесия.

На вечере Ан[ны] П[авловны] он ждет перехода разговора в свою плоскость. Философи[я]. И принимает au sérieux. Тоны уверенных дураков. На кутеже у него страшная сила и кротостью берет Анат[оль]

брюнетка, очевидно беременная, но оживленная и веселенькая, маленькая женщина. Молодой человек был невелик ростом, худощав, но он был очень красив и имел крошечные ноги и руки, необыкновенной нежности и белизны, которые казалось ничего не умели и не хотели делать, как только поправлять обручальное кольцо на безымянном пальце, и приглаживать волосок к волоску причесанные волосы и потирать одна другую. Молодой человек и в том обществе, в котором он жил, поражал необыкновенной отчетливостью и педантической чистотой своей особы. По тому, как он был выбрит, напوماжен, причесан, какой белизной блестели его мелкие зубы, как вычищены были его сапоги и платье, и какой приятный, легкий запах, душистого¹ распространялся вокруг него, видно было, что заботы о своей особе не мало занимали его времени. Молодой человек, казалось, и думал всегда по французски, так естественна была его изящная французская речь. Он говорил немного сквозь зубы и, как будто, лениво и лицо его оставалось постоянно спокойно. Красивые глаза его глядели устало и равнодушно. Во всех приемах его выказывалась неестественная, но видимо умышленно напущенная на себя женская изнеженность. Ходил и двигался он вообще медленно, волоча ноги, садился всегда разваливаясь и даже закатывая глаза, как будто и они уставали смотреть. Он улыбался редко, но когда улыбался, то красивое лицо его делалось неожиданно милым и невольно приходило в голову, что этот молодой человек был бы гораздо приятнее, ежели бы он не говорил так отлично и вяло, всегда по французски, не был бы так хорошо надушен и приглажен, и не напускал бы на себя такого неприятного вида равнодушия, и лени, и² женственности, за которые враги его прозывали его Шюшкой.

Жена молодого человека была одна из тех, всегда улыбающихся свежих брюнеток, у которых блеск зубов и глаз затмевает все остальные подробности лица и производит одно общее впечатление веселья и привлекательности.

По свежему убранству комнат и в особенности по новизне роскошного столового белья и серебра видно было, что они были молодые супруги. Но в отношениях молодого раздушенного мужчины и хорошенькой брюнетки заметна была не только холодность, но и недоброжелательность, которая только при посторонних отвлекалась заботами хозяина дома.

Молодой человек был известный в то время в петербургском высшем обществе князь Андрей Волконской,³ имевший большой успех⁴ прошлую зиму молодым человеком и недавно женившийся на Lise Мейнен, первой по красоте и богатству невесте Петербурга. Он был адъютантом генерал губернатора и на днях, по своему желанию, переведен адъютантом к Кутузову. Война¹ *Зачеркнуто*: мыла и одеколону

² *Зач.*: и разочарованности, гордой презрительности

³ *Зач.*: сын

⁴ *Зач.*: в свете

с французами еще не была объявлена, но слышно уже было, что война неминуема и что Кутузов назначался главнокомандующим.

Как и все молодые супруги, князь Андрей любил играть новую для себя роль хозяина дома, любил принимать и¹ к нему ездило всё то, что считалось замечательнейшим в тогдашнем петербургском обществе.²

Как и всегда в молодых домах, у Волконских общество собиралось весьма разнообразное: военные, дипломаты, вновь возникавшее тогда сословие светских чиновников бюрократов, иностранцы, ученые и даже артисты. Молодой князь³ совершенно одинаково принимал важного сановника⁴ и бесчиновного господина, которого он почему нибудь считал достойным своего внимания. Со всеми он обращался с видом усталости и пренебрежения, но с приемами утонченной учтивости, сделавшейся⁵ его привычкой. Глядя на этот всегдашний вид покорной и скучающей усталости, с которой красивой молодой адъютант под руку с хорошенькой⁶ женой, лениво волоча ноги, входил на вечера и рауты (на балы он не ездил) или с которой он принимал у себя знакомых гостей и поддерживал разговор, невольно приходил вопрос, для чего он⁷ хлопчет, когда всё это ему так скучно, но вопрос этот не приходил⁸ в голову, в особенности же тем,⁹ кому нравился молодой князь. И таких людей было не мало. Вообще все, знавшие этого молодого человека, разделялись на два совершенно противоположные лагеря. Или его очень любили и восхищались им, или его ненавидели и смеялись над его ничем не оправданной гордостью и ломанием; но как те, так и другие уважали¹⁰ его и любили быть с ним в хороших отношениях.¹¹

В Петербурге жил в то время известный изгнанник abbé Piatoli. Князь Андрей, встретив его как бы нечаянно, пригласил к себе обедать. Кроме аббата обедали в этот день у Волконских: старушка, тетка кн[ягини], светской молодой чиновник, приверженец Сперанского, считавший молодого князя великим¹ *Зачеркнуто*: что бы ни говорили про него, благодаря его удвоенному жениным богатством большому состоянию и необыкновенной, как находили светские люди, distinction [изысканности] его приемов, он — поручик гвардии и адъютант губернатора, хотя и не давал балов, которые он не любил, принимал у себя за обедами и маленькими вечерами

² *Зач.*: Красота, оживленность и французская любезность молодой княгини много способствовали этому.

³ *Зач.*: ставил себе в заслугу

⁴ *Зач.*: что случалось нередко

⁵ *Зач.*: очевидно почти природой

⁶ *Зач.*: оживленной

⁷ *Зач.*: так насилует себя

⁸ *Зач.*: никому

⁹ *Зач.*: кто любил

¹⁰ *Зач.*: и даже боялись

¹¹ *Зач.*: В июле месяце 1805 года он по обязанностям службы жил в Петербурге точно так же, как жил зимой, принимая к себе и изредка выезжая с женой в редкие дома, которые он признавал достойными этой чести.

человеком только потому, что сам князь видимо считал себя таким.¹

Пятый прибор оставался пустым, когда по английскому обычаю, по которому всё было учреждено в доме князя, сели за стол в половине седьмого. Прибор этот назначался другому страстному приверженцу князя Петру Ивановичу Медынскому. Князь Андрей, несмотря на свою чопорность, два раза повторил лакею впустить Петра Ивановича, ежели он приедет во время обеда.

<Петруша Медынской, известный в то время в обществе под именем m-r Pierr'a, был незаконный единственный сын известного богача князя Кирила Владимировича Безухого, воспитывался вместе с князем Андреем в Москве и, несмотря на то, что не имел тогда еще никакого общественного положения и был несколькими годами моложе князя Андрея, и был всем известен за беспутнейшего малого, был лучшим другом молодого князя. Происходило ли это оттого, что князь Андрей любил всегда иметь около себя поклонников, а Петруша Медынской считал князя Андрея образцом всяких совершенств и добродетелей и наивно от всей души обожал его, как это часто бывает с молодыми людьми, или оттого, что эти две натуры были столь противоположны, что дополняли одна другую, но никогда, никто, даже жена, не выводили так молодого князя из его притворного, привычного или естественного состояния усталости и апатии, никто не мог вызывать на его лице той милой, доброй и обаятельной улыбки, открывавшей прекрасные зубы, как добродушный и вы²

* № 22 (рук. № 48).

Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году, вскоре после убийства герцога Енгиенского, смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем.³

В ноте выставлялись все причины неудовольствий нашего двора против французского и требовалось удовлетворение.

Париж, 28 августа 1804 года.

Нижеподписавшийся поверенный в делах его величества императора всероссийского, желая дать удовлетворительный ответ на ноту, полученную им от французского министра иностранных дел, почитает себя обязанным сокращенно упомянуть о расположении и поступках всемилостивейшего государя относительно к Франции. Сие начертание ясно покажет взаимное поведение французского правительства против России.

¹ *Зачеркнуто:* как и многие это делали только потому, что князь считал. <всегда без всякой цели льстивший и унижавшийся и подделывавшийся к молодому князю без всяких видимых причин на это. Князь его не любил и смеялся.>

² *На этом рукопись обрывается.*

³ *Зач.*: Нота эта была следующего содержания

Его императорское величество по вступлении своем на престол всероссийский употребил всё старание утвердить доброе согласие, издавна господствовавшее между Россиею и Францией. Не пропустив ничего, что могло споспешествовать к восстановлению постоянного и твердого мира, он радовался приятно уверенностью, что, действуя таким образом, приблизит эпоху общего спокойствия в Европе, которое долго было нарушаемо военными потрясениями, прекращенными на некоторое время Люневильским трактатом. Наклонность к миролюбию его императорского величества, обнаруженная им при заключении мира с Францией, в такое время, когда она еще продолжала войну со многими государствами, возобновление прежнего торгового трактата, столь выгодного для Республики, бескорыстное посредство России и содействие к примирению Франции с Портою Оттоманскою — суть неоспоримые доказательства доброго расположения его императорского величества и ревностного его желания употребить все средства к восстановлению дружественных связей, весьма нужных для блага обоих государств.

После бедствий, нанесенных войною Германии, многие члены Немецкой империи принуждены были согласиться на разные пожертвования; чтобы приличным образом вознаградить их потери, необходимо надлежало прежде узнать цену и пространство того, чего они лишались; император соизволил вместе с Французским правительством взять на себя посредство в сем деле, ласкаясь искреннею и приятною надеждою, что сие посредство утвердит спокойствие Европы на основании прочном, незыблемом. Приведение к концу сего спасительного предприятия подало повод его императорскому величеству ожидать от Франции исполнения тех обязанностей, которые она добровольно возложила на себя при заключении мира с Россиею. Его императорское величество, исполнив свои в строгой точности, имел право надеяться, что Французское правительство будет столько же справедливым. Но сие заключение, как оно впрочем ни основательно, не было оправдано событием; Французское правительство, вместо того, чтоб приступить к исполнению своих обязанностей, по-видимому, старалось удалить сию эпоху.

Король Сардинский, лишившийся всех владений своих чрез соединение Пиемонта с Франциею, еще до сих пор не получил вознаграждения, хотя Кабинет Тюльерийский торжественно обещался России удовлетворить его сардинское величество, и хотя Россия многократно требовала сего удовлетворения.

Французское войско на некоторое время выведено было из Королевства Неаполитанского; но скоро потом оно опять заняло области его сицилийского величества под предлогом, неизвестным всероссийскому императору. Таким образом упомянутое Королевство лишено своей независимости. Представления, сделанные со стороны России, основывающиеся на торжественном обязательстве Французского правительства, почитать Королевство Неаполитанское Государством неутральным 178

и предоставить ему все выгоды нейтралитета, не имели желаемого следствия.

После заключения мирного трактата между Россией и Францией, правительство Республиканское ввело важные перемены во всех Итальянских государствах, не сделав предварительных сношений с его императорским величеством; несмотря на то, что в трактате постановлено между обеими державами не приступать ни к каким распоряжениям относительно до Италии, без взаимного согласия.

По возобновлении военных действий между Францией и Англией целостность и права Немецкой империи нарушены, хотя Франция обязалась, обще с его императорским величеством, покровительствовать оные. Кабинет Сен-Клудский за благо рассудил утверждать, что достоинства короля Английского и курфюрста Брауншвейг-Люнебургского, соединенные в одной особе, — суть нераздельны; хотя впрочем Республиканское правительство во всё продолжение прежней войны никогда не оспаривало сего разделения. Следственно, было противно правам народным и справедливости наступать войною на такую область, которая по силе Имперской конституции и публичных актов, составляя часть империи, должна была быть свободною от неприятельского нашествия.

Куксгаген, который ни под каким предлогом не мог быть почитаем английским владением, занят французским войском, а города Анзатические, чтоб избавиться от подобного угнетения, должны были подпасть принужденным займам. Частые и настоятельные требования, сделанные от императора Французскому правительству об исполнении обязанностей его, в рассуждении России, и о том, чтобы оно наконец успокоило нейтральные государства, которые боялись быть замешанными в войну — не имели никаких следствий.

К сим многим причинам неудовольствия, имеющим теснейшую связь с выгодами всей Европы, французское правительство за благо рассудило прибавить еще и такие, которые непосредственно относятся ко двору Всероссийскому. Сюда принадлежат: оскорбительные слова, произнесенные на счет министров, удостоенных доверием его императорского величества; сюда принадлежит случившееся в Тюльери обстоятельство, которого был свидетелем министр Российский; сюда принадлежит утеснение Сен-Клудским кабинетом людей, по препоручению от двора всероссийского исправляющих разные должности в чужестранных государствах; наконец сюда принадлежит поступок беспримерный, который французское правительство позволило себе сделать, принудив папу выдать ему российского подданного, и не уважив ни требований, ни представлений, сделанных со стороны России.

Новый насильственный поступок Французского войска, во владении курфюрста Баденского, не без причины заставил его императорское величество опасаться в рассуждении спокойствия 179

и независимости государств Европейских, сопредельных Франции. Его величество соизволил объявить свое мнение, сколь нужно успокоить оные по сему предмету, удовлетворить справедливые требования империи и принять меры к отвращению бедствий, угрожающих Европе. Из ответа, доставленного империи, совсем не видно, чтобы сие посредство имело какой либо успех; напротив того, в нем искреннее и бескорыстное поведение его императорского величества, относительно к делам Европы и в особенности к Франции, перетолковано несправедливым образом, чем явно обнаружилось решительное намерение раздражить двор всероссийский и препятствовать его действиям.

Такая непреклонность со стороны французского правительства против справедливых требований его императорского величества, такое поведение, несовместное с желанием хранить доброе согласие, существовавшее между обоими государствами, достаточно убеждают Россию в том, что Французское правительство с одной стороны мало уважает сношения свои с упомянутою державою, и, следственно, подает ей причины прекратить оные; с другой, оно поведением положило твердое намерение поступать в противность народных прав и законов справедливости, а такое намерение не согласно ни с чувствами, ни с правилами его императорского величества.

Не смотря на столь побудительные причины к негодованию, император всероссийский заблагорассудил сделать последнее представление французскому правительству, и соглашался предать забвению все неудовольствия, если оно исполнит упомянутые здесь обязанности свои, давно уже долженствовавшие быть совершенными. На сие последовал ответ неудовлетворительный, наполненный хитрыми увертками и несправедливыми обвинениями, ответ, особенно достойный примечания по странному объявлению, «что российские войска завладели республикою семи островов без ведома Франции»; между тем всем известно и министр иностранных дел имеет перед глазами ясное доказательство, что сия республика занята выведенными из королевства Неаполитанского российскими войсками по согласию Порты, по просьбе жителей, и по следствию предварительного сношения с французским правительством. После всего этого, нижеподписавшемуся остается объявить, что всякое сношение между Россиею и Франциею совершенно бесполезно и следственно долженствует прекратиться с сей же минуты, и что его императорское величество ожидает только известия об отъезде из Парижа своего поверенного в делах, по получении которого немедленно предложить французскому посольству оставить российскую столицу.

Его императорское величество не имеет причины упрекать себя; ибо если бы от него зависело, то союз между обеими нациями не только не прервался бы, но еще более укрепился. Он, против воли своей, ныне долженствует прекратить все сообщения с таким правительством, которое отрекается 180

выполнить свои обязанности, которое выступает из пределов должного к нему уважения, и которое, с самого того времени, как возобновились сношения между обоими государствами, старалось только наносить оскорбления России. Его императорское величество, будучи тверд в своих намерениях и желая отворотить пролитие человеческой крови, ограничится такими мерами, которые относительно положение обеих держав принять ему позволяет. Россия и Франция могут обойтись без взаимных сношений, которые необходимо должны основываться на пользе и приличностях; в противном случае гораздо выгоднее прекратить оные.

Французское правительство подало причину к настоящему расположению обстоятельств; следственно от него зависит решить, должна ли быть начата война или нет. Если новыми оскорблениями, дерзкими поступками против России и ее союзников или, наконец, угрозами против безопасности и независимости Европы, оно заставит двор всероссийский отменить свое предприятие, в таком случае его императорское величество приступит к крайним мерам справедливого защищения и будет действовать с усилием, равным терпению, которое прежде обнаруживал при изыскании способов к примирению, способов, приличных чести и достоинству своего престола.

Нижеподписавшийся, сим исполнив повеление своего монарха, просит министра иностранных дел немедленно снабдить его пропуском для отъезда из Франции; пользуясь сим случаем, он возобновляет уверение в высоком почтении, которое он имеет к гражданину министру иностранных дел.

Подписано: П. Д'Убриль.

* № 23 (рук. № 48).

¹ Не обращая никакого внимания на строгие замечания, которые делал господин Дубриль Наполеону, Наполеон вскоре по получении этой ноты принял на себя звание императора, насильно, как говорили, привез папу из Рима и заставил себя короновать в Париже и, не только не думал удовлетворять его Сардинское величество и успокоивать Неаполитанское величество, но не удовлетворившись императорским коронованием в Париже, вместе с папою, поехал в Милан и заставил себя короновать королем Италии.²

¹ *Зачеркнуто*: Летом 1805 года <политические известия о дипломатических переговорах между Россией и Пр[уссией]> дипломатические сношения России с Европейскими державами становились с каждым днем сложнее и значительнее. Сношения России с Францией были разорваны еще в прошлом 1804 году смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем вскоре после убийства герцога Енгиенского <не возобновлялись, но> Нота эта была следующего содержания.

² *Зач.*: В ответ на эту ноту Наполеон <надел на себя императорскую> принял звание императора, заставил признать за собой это звание половину

Летом 1805 года дипломатические сношения России со всеми европейскими державами, за исключением Франции, особенно оживились. Любители политических новостей с особенным нетерпением ждали газет, делали предположения войны против Франции и различные комбинации союзов. Курьеры и уполномоченные из Пруссии, Англии и Австрии особенно часто скакали по русским и прусским нежелезным дорогам и останавливались у подъезда еще старого зимнего дворца. Двор Марьи Федоровны, императрицы-матери, находился в Павловске и приближенные этого двора, известного за свою ненависть к Наполеону, имели вид значительный, довольный и скромный, как будто они все знали что то особенное и важное, что публике еще рано было знать.

Молодой император казался озабоченным и сильно занятым. Смотры и совещания с министрами занимали всё его время. Молодые наперсники и советники императора, Кочубей, Новосильцов, Долгорукой, Чарторыжский смело смотрели в глаза недоверчивым старикам и, видимо, затевали что то решительное и важное. Указ о учреждении министерств, вместо коллегий, уже выдержал бурю гонений со стороны стариков. Над дополнениями его работал уже приобретший известность Сперанской. Преобразования, с свойственной молодости жаром, готовились и приводились в исполнение по всем частям государственного управления. И тогда, как и теперь, как и всегда было и будет, молодое правительство видело одни ошибки во всем старом и боялось отстать от века, старики видели одни ошибки во всяком изменении старого порядка вещей и удивлялись, чтоб возможно было иметь смелость тем, кого они знали ребятами, изменять то, что жило в знаменитой век Екатерины.

Пускай не исполняется и одна сотая из надежд молодости, надежды эти всё так же¹ необходимы. Пускай из тысячи цветов один только оплодотворяется, природа каждый год воспроизводит их новые тысячи. И зачем нам знать назначение этих красивых, хотя и бесплодных цветов, когда мы любим их.

Как и теперь, как и всегда, так и тогда было, что около молодых людей, боровшихся за новое, и екатерининских стариков, боровшихся за старое, были толпы людей, в этой борьбе видевших только удобство найти лишние рубли, кресты и чины, и были Европы, вытребовал папу из Рима и заставил себя короновать в Париже, составил Рейнский союз, назвав себя протектором его <и одно продолжал: перерисовывать карту Европы по своим соображениям и готовил высадкой на берег в Булоньском лагере погибель Англии, не обращая никакого внимания на признание и непризнание законности его прав> и объявив войну Англии, готовил ей погибель и поехал в Италию, чтобы в Милане принять звание короля Италийского. Наполеон был та же революция, как говорят историки, но с той только разницей, что когда революция была идеей, она спорила и доказывала, теперь же, ставши силой, она вместо ответа на убеждения и рассуждения, победоносно доказывавшие ей ее неправоту, выставляла 100 000 штыков и говорила: «Ну-ка попробуйте».

¹ Зачеркнуто: красивы и милы

толпы людей, только совершенно отвлеченно разделявших эту борьбу, но работавших не для борьбы, а для своих страстей и потребностей.

Но, несмотря на общий всем временам характер борьбы старого и нового, время это имело для России, как государства, еще особенный характер счастливой и исполненной надежд красивой молодости.

После¹ короткого царствования Павла и тяжелого чувства революции, воцарился рыцарской, красивой, любезной и всеми любимой, молодой внук Екатерины, и ужаснувшая всех революция уже улеглась в свое русло. Всё страшное неограниченного образа правления в России похоронено было с Павлом, всё ужасное революции похоронено было с Директорией. Оставались славные воспоминания величия Екатерининского царствования и великие идеи революции, проникшие невольно во все благородные души.

Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мысли-дети революции, исполнение которых казалось легко и просто молодому и восприимчивому императору. Сделать Черное море русским озером и восстановить величие греческого храма Софии, остановить завоевания Бонапарта и восстановить законное правительство у французов казалось для внука Екатерины только исполнением завещания славной бабки. Было счастливое молодое царствование.

Эти то люди и будут героями этой истории.

Несмотря на летнее время, в Петербурге, на дачах в июне 1805 жило всё придворное, служащее, торговое, военное и бездельное население этого города.

Один из таких бездельных людей был незаконный сын знаменитого князя Кирилла Владимировича Безухого, богача, чудака и масона, жившего безвыездно в Москве со времени воцарения Павла. Сын Кирилла Владимировича назывался не Петр Кирилыч, а Петр Иваныч и не Безухой, а Медынской. Отец² давал ему много денег и интересовался им, но не хотел усыновить, желая, чтоб сын сам сделал себе карьеру. Несмотря на неусыновление, m-r Pierre, как его звали в свете, был принят в лучшем свете и, приехав из за границы, остановился у знаменитого вельможи и родственника отца, князя Василья Борисыча Курагина,³ известного всем под именем кнезь Василья.⁴ М-r Pierr'у весной надо было ехать в Москву, где отец его хотел определить в архив. Но <он> жил тут всё лето, сам не зная для чего и каждый день говоря, что он завтра поедет.>

¹ Зачеркнуто: тяжелого

² Зач.: любил по

³ Слово: Курагина переправлено из Курыкина

⁴ Зач.: Отец уж давно ждал к себе сына из за границы

С 1805 ПО 1814 ГОД.
РОМАН ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО
1805-й год. Часть 1-я
Глава 1.

Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым, как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание.

Князь Петр Кирилович, как известно, был незаконный сын князя Кирила Владимировича Б. В то время первой молодости, о котором я пишу, он еще не был усыновлен отцом и в том высшем кругу общества, в котором вырос, был известен под именем только *monsieur Pierr'a*.¹ По бумагам он назывался не Петр Кирилыч, а Петр Иваныч, и не Б., а Медынской — по имени деревни, в которой он родился. Говорили, что старый князь по беспечности не позаботился об усыновлении молодого человека при Екатерине, когда ему стоило бы только слово сказать, чтобы его желание было исполнено, а что при Павле старый князь имел свои причины ни о чем не просить государя.² У старого князя Б. было сорок тысяч душ и никого прямых наследников; поэтому вопрос о том, будет ли или не будет в нынешнее царствование усыновлен *Pierre* (как его звали), казался для многих весьма интересным и производил в обращении знакомых молодого человека смесь фамильярности, ласки, заискиванья и пренебрежения. Более всех интересовал этот вопрос петербургского вельможу кнезь Василья Курагина, бывшего ближайшим родственником старого князя Б. и потому имевшего права рассчитывать на наследство, и меньше всех интересовал этот вопрос самого *Pierr'a*, постоянно увлеченного либо каким-нибудь пристрастием, либо какою-нибудь отвлеченною мыслью. Приехав из-за заграницы еще в начале мая и остановившись по родственному у князя Василья, *Pierre* тогда же должен был отправиться в Москву, где безвыездно жил его отец, но уже была половина июня, а он всё жил в Петербурге. То у него не было денег, то было слишком много денег, то был *rendez vous*,³ то вечер, на который его звали, и он два месяца собирался ехать непременно завтра.

¹ *Зачеркнуто*: сына старого Б. и чувствовал себя в неловком и фальшивом положении.

² *Зач.*: Теперь же предполагали, что при новом царствовании князь уже сделал это или сделает это и потому все, знавшие молодого человека, кроме его самого, считали его лицом очень важным.

³ [свидание]

В Петербурге, несмотря на летнее время, жило всё служащее и придворное население города.

Блиzkих знакомых у м-г Pierre'а было два дома: князь Василья, у которого вверху он не любил бывать, но с сыном которого он за вином, картами и женщинами проводил петербургские бессумрачные ночи, сам не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин, и другой знакомый дом был, недавно женившийся адъютант петербургского генерал-губернатора, князь Андрей Волконской, по строгости своей жизни и английской чопорности дома совершенный контраст князя Анатоля Курагина.

М-г Pierre проводил большей частью день у князя Андрея, с которым он был не только дружен, но к которому, несмотря на совершенное различие характеров и вкусов, он имел то страстное обожание, которое так часто бывает в первой молодости. С ним он говорил о¹ войне, о политике, философии, любовался его домашним счастьем, красивой женой, обдумывал свое положение, решался ехать на другой день в Москву, но приходила светлая беспокойная ночь, чего то еще ему хотелось поскорее, что то хотелось забыть, он не мог идти домой, заходил к Анатолю и, пьяный, усталый, и с раскаянием в душе, засыпал уже тогда, когда солнце поднималось из за высоких домов, город оживлялся и по Невскому становилось шумно, пыльно и жарко.² И тем радостнее было ему подъезжать в 6-м часу к³ большому дому в Литейной, где в высокой, чистой и роскошной квартире жила молодая чета Волконских, всегда весело встречавшая каждый день заблуждающегося и возвращающегося блудного сына.

20 июля он, точно так же, как и все дни, начиная с 1-го апреля, должен был ехать на другой день в Москву, но его задержало предложение встреченного накануне молодого князя Андрея Волконского приехать к нему обедать и вместе ехать к старой⁴ фрейлине Анне Павловне Шерер, которая очень желала видеть молодого Медынского.

— Ну, что ж, вы и поедете завтра в Москву? — сказал ему накануне князь Андрей,⁵ посмеиваясь. — Вы уж привыкли и мы привыкли, что завтра. Так не изменяйте.

М-г Pierre приехал к обеду, но как всегда опоздал. Лакей, не в камзоле по старинной французской, а по новой, вводившейся тогда английской моде, во фраке, доложил, что кушают, но в то же время послышался из столовой металлической, ленивой и неприятно резкой голос князя Андрея.⁶

— Петр Иваныч? Проси.

М-г Pierre вошел в светлую, высокую, росписанную столовую, с дубовыми, резными буфетами и уставленным хрусталем и серебром¹ *Зачеркнуто*: литературе

² *Зач.*: Так день проходил за днем

³ *Зач.*: чистому домику

⁴ *Зач.*: штатс-даме

⁵ *Зач.*: <трепля его> улыбаясь, как всегда лениво и добродушно

⁶ *Зач.*: который всегда был таким, когда относился к прислуге.

столом. За столом сидели князь Андрей,¹ свежий, красивый, молодой человек с сухими чертами лица и глазами, в которых свет казался потушенным. Эти глаза, смотревшие и ничего не хотевшие видеть, поражали невольно. На другом конце стола сидела его жена, хорошенькая, оживленная и заметно брюхатая брюнетка. В середине гости: какая то барышня, старичок, видимо иностранец, которого m-г Pierre сначала не заметил, и молодой чиновник, которого m-г Pierre видал и знал comme un jeune homme de mérite et qui promet.² Он знал еще, что молодой чиновник этот принадлежал к клике Сперанского. Тогда это был первый чиновник не дипломат, которого m-г Pierre видел в свете. Прибор для m-г Pierre'a стоял накрыт и новенький, как и всё, что было в доме, стул был придвинут высокой, резной спинкой к краю белейшей и тоже новой скатерти.³

На стенах, на серебре, на белье, на мебели, на слугах и их жилетах, на рамах и задвижках окон, на коврах, на сертуке и эполетах хозяина, на серьгах и воротничк[e] хозяйки, на всем в этом доме был тот особенный, светлый отпечаток, который бывает у *молодых*. Всё, от отношений мужа к жене и их положению, до последнего ковра и лампы на лестнице — всё было свежо и ново и всё говорило: мы тоже молодые князь и княгиня. От этого в доме было особенно весело. M-г Pierre, кроме симпатии к хозяевам, от этого, может быть, еще больше любил бывать у Волконских.

M-г Pierre, как домашний человек, был знаком со всеми собеседниками,⁴ исключая старичка иностранца, и не обратил на него внимания.

— Извините, что я опоздал, — заговорил, бубуркая ртом,⁵ толстый юноша, как будто рот у него был набит чем то, доброй улыбкой открывая испорченные зубы и таким тоном, что видно было, он знал, что его извинят.⁶

¹ *Зачеркнуто*: чистенькой, маленькой, аристократической человек.

² [как молодого человека с достоинствами и подающего надежды]

³ *На полях*: <Хотя князь Андрей никого никогда не поражал особенным блеском ума, он любил ум и образование, и в его гостиной встречалось всё, что бывало замечательного в Петербурге. Чиновник действительно считался замечательным <дельцом> молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенькой старичок иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, которого тогда все знали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Европы, которое, как сказывали, он уже имел счастье через кн. Адама Чарторьжского представлять молодому императору.>

⁴ *Зач.*: и мало интересовался ими. Молодой чиновник только, казалось, был для него <новость> интересен и он тотчас же, не доев супа, вступил с ним в горячий разговор, начавший принимать характер спора.

⁵ *Зач.*: подходя к руке княгини, доброд[ушный]

⁶ *Зач.*: — Когда ты уедешь из Петербурга, чего я очень желаю для тебя и очень жалею для себя, — сказал князь Андрей по французски и, как и всегда, тихим, приятным и ровным голосом, спокойно округляя периоды своей речи, — тогда вы сразу извинитесь за всё, это будет для вас удобнее.

— Суп подать, — опять сказал металлической неприятный голос, обращаясь к слугам.

— Когда же вы не опаздывали, mon cher m-r Pierre, — сказал голос князя Андрея,¹ мелодический и нежный, совсем другой, чем тот, которым он сказал: «проси». На лбу его распустилась какая то складка и просияло лицо.

— Когда вы будете уезжать, тогда извинитесь. Суп подать, — как будто с трудом, по-русски, прибавил он лакею грубым, неприятным голосом, один звук которого составлял оскорбление.

— Тогда вы вместе и извинитесь в том, что вы мне забываете привезть «Corinne», которую обещали, — сказала княгиня звонким голосом и улыбаясь яркой улыбкой брюнетки, с белыми, прекрасными зубами.

Pierre, севший было на стул, вскочил и всплеснул руками.

— Ах, забыл, pardon, princesse, опять забыл. Нет, я поеду, сейчас привезу,² — прибавил он вопросительно.

Княгиня засмеялась так, что все засмеялись с ней вместе.

— Нет, сидите, обедайте.

Барышня, старичок иностранец и чиновник прилично и приятно улыбались, глядя на эту домашнюю сцену, которая видимо была очень знакома всем.

Видно было, что m-r Pierre уже давно освоился с своей ролью беспутного, беспорядочного, рассеянного, но милого и любимого друга дома, молодой князь с ролью покровительствующего, снисходительного друга, а княгиня с ролью невинно, кокетливо задирающего и ласкающего друга женщины.

— Вы знаете, — прибавила она, — что этот молодой человек вот уж третий месяц едет завтра в Москву. Так?

— Так, — улыбаясь и печально махнув рукой, подтвердил Pierre.³

Разговор зашел о том, о чем все тогда говорили, о чем говорят всегда, думая говорить о важных предметах: о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции.

— Как же вы хотите,⁴ — говорил чиновник, — чтоб такое преобразование могло совершиться быстро.⁵ Теперь положим учрежден Совет и Министерства⁶ и они имеют свои недостатки, кто в этом спорит. Не так ли, князь?

— Je vous avoue, mon cher, — пропустил сквозь зубы князь,⁷ отламывая красивой рукой корочку хлеба, — que je suis parfaitement indifférent au nom Collège ou ministère. Il nous faut¹ *Зачеркнуто*: ленивый по-франц[узски]

² *Зач.*: Лицо его выражало отчаяние.

³ *На полях зачеркнуто*: Еще Pierre не успел доесть супа, как вступил в спор с молодым чиновником.

⁴ *Зач.*: Петр... <Кирилыч> Иваныч... кажется

⁵ *Зач.*: и с одного раза войти в свою колею

⁶ *Зач.*: впоследствии могут быть образованы и Chambres [Палаты] и все те права, которых благоразумный гражданин может требовать в наше время

и могут быть даны просвещенным и следящим за развитием политической науки правительством

⁷ *Зач.*: предлагая вместе с тем вино даме

des gens capables et nous n'en avons pas.¹ Он говорил ленивым тоном старого вельможи, который смешон был в нем, в молодом человеке, но говорил с такой уверенностью, что его слушали.

— Извините, князь, ежели теперь, — продолжал чиновник, видимо отвечая преимущественно на те возражения, которые он привык слышать от большинства старых служащих, а не на те, которые делали ему, — ежели теперь не замечается единства и представляется разрозненность в новых учреждениях, то это происходит оттого, что только часть их могла быть введена в действие. — Он оглянулся на княгиню, — положим, вы бы портного упрекали за то, что рукава фрака безобразны и не в пору, когда они не пришиты еще к фраку. Не так ли?

Князь, в ответ на пристально и долго устремленный на него взгляд, не моргнув, не изменил своего красивого,² спокойного лица и³ продолжал прямо смотреть на чиновника,⁴ княгиня учтиво улыбнулась.

— Согласитесь, — продолжал чиновник, все и совершенно забыв возражения Pierre'a и отвечая на мнимые привычные возражения, — что нельзя требовать, чтобы работы по такому громадному делу окончены были вдруг. Где у нас люди,⁵ я с вами согласен, — говорил чиновник за 50 лет тому назад точно так же, и совершенно в том же смысле, как говорят это теперь, т. е. стараясь показать, что из людей есть один только я, да еще несколько, — где у нас люди. Ведь Михаил Михайловичу (Сперанскому) верно никто не откажет в⁶ желании добра и любви к отечеству, однако он работает почти один и что же, мы можем помогать ему.⁷

М-г Pierre любил спорить и, несмотря на свою распушенность и слабость в жизни, в деле мысли и спора он⁸ обладал логически последовательностью, которая, казалось, против его воли влекла его в самые поразительные соображения.

Pierre⁹ по наружности составлял резкую противоположность князю Андрею. В сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея, черты Пьера казались особенно пухлы, крупны и неопределенны. Особенно оживленные и умные глаза, отчасти скрытые очками, составляли главную черту его физиогномии.

¹ [Признаюсь, милый мой, мне нет никакого дела до названия: коллегия или министерство. Нам нужны способные люди, а их у нас нет.]

² *Зачеркнуто*: нежного

³ *Зач.*: потухшим взглядом

⁴ *Зач.*: очевидно не желая принимать никакого участия в этом разговоре и думая о совершенно другом <и считая всё это ничтожным>.

⁵ *Зач.*: я вас прошу

⁶ *Зач.*: трудолюбии и деятельности

⁷ *Зач.*: — Я не про то говорю, — сказал м-г Pierre и начал возражать

⁸ *Зач.*: был необыкновенно силен и обладал непоколебимой логикой

⁹ *Зач.*: М-г Pierre был толст, пухл, курчав, с крупными и вялыми чертами лица и имел замечательно оживленные глаза, отчасти скрытые очками. Князь Андрей в насмешку называл его Мирабо.

Взглянув на его лицо, всякой невольно говорил: какая умная рожа. А увидав его улыбку, всякой говорил: и славный малый, должен быть.¹ Лицо его, вследствие серьезности выражения его умных глаз, казалось² скорее угрюмо, чем ласково, особенно когда он говорил, но стоило ему улыбнуться и открыть порченные зубы, чтоб вдруг лицо это приняло неожиданно такое наивно, даже глупо доброе выражение, что, глядя на эту улыбку, его даже жалко становилось. И улыбался он не так, как другие улыбаются, так что улыбка сливается с неулыбкой почти незаметно. У М-г Pierr'a улыбка вдруг, как будто по мановению волшебника, уносила обыкновенное, умное, несколько угрюмое лицо и приносила другое, детски, наивно доброе, просящее прощения как будто, и всё отдающееся³ лицо и выражение.

М-г Pierre считался либералом не только того времени, в своем путешествии нахватавшимся идеей революции, но неспособным ни на какое дело.

Чиновник имел репутацию человека дела, благоразумного либерала, умеющего прилагать мысли к жизни.

Pierre во время этого разговора ел суп и прислушивался.

— А я вот как думаю, — торопливо и быстро заговорил он и, с свойственной молодости поспешностью и хвастовством мысли, обобщив предмет, начал доказывать чиновнику, что Совет и ответственность министров не хороши, потому что большая степень свободы народа не может быть дана ему, но должна быть завоевана им.

Когда м-г Pierre начал возражать, чиновник⁴ спокойно замолк, в уме, как будто, приготавливаясь разбирать по номерам и статьям возражения.

Подвести по пунктам возражения м-г Pierr'a было затруднительно. Он⁵ имел свойство обобщать предмет и выводить спор из мелочей, подробностей и потому часто впадал в неясность. Он и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше — коллегии или министерства, даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен, он говорил, что конституция и вообще права, большая степень свободы не может быть дана народу, но должна быть взята, завоевана им.⁶ Конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти.⁷ Аббат стал смотреть внимательно на Pierr'a. L'homme de beaucoup de mérite спросил [?].⁸

¹ *Зачеркнуто*: право этот м-г Pierre.

² *Зач.*: в спокойные минуты

³ *Зач.*: вам

⁴ *Зач.*: учтиво

⁵ *Зач.*: всегда

⁶ *Зач.*: как она была завоевана в Англии и Франции. Он говорил, что

⁷ *Зач.*: и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы

⁸ *На полях*: Чиновник испуг[анно] посмотрел

— Что же отменено? Напротив, эти пять лет всё с учреждением минист[ерств], отменой Совета всё идет вперед.

— Я не упрекаю новые учреждения в отсутствии единства, — говорил он, глядя через очки,¹ — но я говорю, что все эти изменения дают ложные понятия всем нам, когда еще мы не знаем своих прав. И не знаем сами, чего требовать. В государстве, где миллионы рабов, не может быть мысли об ответственных министрах и представительной каморе депутатов. Чиновник возражал.²

— Но всё не может сделаться вдруг.

Старичок чистенькой аббат держал себя всё время учтиво, уверенно и скромно, как будто чувствуя, что он знаменитость, которой не нужно себя выказывать.³ Несмотря на эту неловкую роль знаменитости, старичок иностранец поражал однако своим¹

Зачеркнуто: что всегда было признаком большого оживленья

² *Зач.:* Во время обеда и после его <оба молодые человека> чиновник и Pierre, под видом спора, высказывали друг другу и присутствующим свои мысли. Княгиня, занимая других гостей, изредка делала вид, что слушает споривших, но занималась преимущественно рассматриванием различных выражений, которые принимало лицо Pierr'a, и, улыбаясь, украдкой указывала на него мужу, особенно в те минуты, когда Pierre был более всего оживлен и потому смешон для веселой маленькой княгини. Старичок иностранец иногда делал головой знаки спокойного одобрения, но видимо не хотел вступать в спор. Молодой князь <слушал спор, но не говорил своего мнения> изредка вставлял в разговор презрительную французскую шуточку и, видимо, не скрывал, что скучал. Молодой князь был один из тех людей, которые никогда не тяготеют молчанием и, глядя на молчание которых, вам никогда не придет в голову упрекнуть их в этом молчании, а вы всегда упрекнете себя. Он вообще говорил очень немного. Иногда о городских слухах, о родных, о придворных делах и больше всего о войне, военном деле, которое он знал очень хорошо, и Наполеоне, которого он, как то странно соединяя эти два понятия, ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира, при всех же остальных разговорах он больше спокойно слушал, как будто отдыхая <от вечной усталости> и только наводил других на разговоры, которые ему казались занимательны. И в середине разговора князь встал, взглянув на часы, вышел в кабинет. Через <полчаса> 10 минут вернулся, ленивым, спокойным, в еще более новом адъютантском мундире, на котором были три военные ордена <доказывавшие, что он был не новичок в военном деле>, полученные им в Турецкой кампании.

— Eh bien, mon cher, vous n'avez pas oublié que nous passons la soirée chez m-me Cherer. Elle veut vous confesser [Ну, мой милый, вы не забыли, что вечером мы у г-жи Шерер. Она хочет вас исповедывать] — сказал он, подходя к Pierr'у.

Аббат и чиновник встали и простились. Князь проводил их до двери.

— Ах, André, как они мне надоели с своим спором, — сказала жена. — Он скучен, этот m-г.

— Вы знаете, что я не люблю говорить дурно ни про кого, особенно про людей, которые у меня бывают, — сказал кн. Андрей строго и холодно и в тоне, с которым он обратился к жене, было заметно больше чем сухость, а что то недружелюбное. — Да не забудьте 8 часов, вам надо одеваться, чтоб мне вас не ждать и чтоб нам не опаздывать, как Pierr'у, — прибавил он, оправляя эполет. Действительно князь никогда ни про кого не говорил дурно и никогда не опаздывал.

Княгиня улыбаясь <выпорхнула> раскачиваясь вышла из гостиной.

³ *Зач.:* но созерцанием которой он предоставляет пользоваться тому обществу, в которое он приехал.

односторонне умным, сосредоточенным выражением горбоносого, сухого лица. Видно было, что этот человек знал или думал по крайней мере, что уж так насквозь знает людей, что с первого взгляда он составлял о них мнение и ими не интересовался, и что уже давно давно у этого человека была одна мысль, для которой одной он жил, считая всё остальное ничтожным.

С этим вместе у него было спокойное уменье обхожденья, очевидно приобретенное не рождением и воспитаньем, как у светских людей, но долгим навыком обращаться с людьми всякого рода. Он с учтливой, но оскорбительной по своей давнишней притворности улыбкой всегда обращался к дамам и с¹ проницательным спокойным взглядом, не останавливавшимся ни на чем, обращался к мужчинам. Княгиня, желая ввести его в разговор, спрашивала его за столом, как нравятся ему русские кушанья, как переносит он климат Петербурга и т. п. вопросы, которые всегда делают иностранцам, он на всё с своей для дам приготовленной улыбкой отвечал коротко и вновь молчал, прислушиваясь к разговору м-г Ріегг'а, которого личность по-видимому заинтересовала его настолько, насколько еще могло что-нибудь заинтересовывать этого, видимо, прошедшего столько превратностей, странного итальянца. Когда вышли из [за] стола и князь спросил, не курят ли, все отказались, а аббат попросил позволения из крайней учтливости понюхать. Он достал золотую табакерку с изображением какой то коронованной особы, понюхал, уложил табакерку в жилетный карман и подсел ближе к м-г Ріегг'у, перевертывая на сухом, старом, белом пальце дорогой изумрудный перстень, очевидно, тоже подарок важной особы.

Экс-аббат пользовался, видимо, прекрасным здоровьем свежей старости и испытывал приятное чувство пищеварения после хорошего обеда, выпив чашку кофе, пожелал видимо посондировать этого курчавого умного юношу, столь легкомысленно опровергающего всё на основании идей революции.

Он остановил его в то время, как м-г Ріегге доказывал, что основанием всего государственного благоустройства может быть только признание за каждым гражданином прав человека, — *les droits de l'homme*, — сказал он.

— Позвольте мне сказать, — сказал экс-аббат своим итальянским выговором с учтливим движением головы и тихим голосом, но таким, который невольно заставил² Ріегг'а остановиться и выслушать речь старичка, — позвольте мне заметить, что права человека были вполне признаны во Франции, но мы не можем сказать, чтобы это государство пользовалось³ образцовой свободой ни¹ *Зачеркнуто*: спокойно рассеянным

² *Зач.*: споривших

³ *Зач.*: образцовым благоустройством. Чиновник, уже давно обобщениями М-г Ріегг'а выбитый из своей колеи обсуждения канцелярских работ, с трудом поддерживавший спор, с благодарностью обратился молча на Ріегг'а и иностранца.

во времена¹ Конвента, — он остановился, — ни во времена директории, — он остановился, — ни теперь. — Он улыбнулся.

L'homme de beaucoup de mérite с благодарностью посмотрел на итальянца, как будто говоря: «я это самое и говорю».

— Кто же виноват? — отвечал m-г Pierre, с тою же горячностью,² шамкая³ ртом и почти не замечая перемены собеседника, — разве по теперешнему положению дел во Франции можно судить о том, что бы она была, ежели бы идеи революции могли свободно развиваться.

Экс-аббат имел искусство внимательно и чрезвычайно спокойно слушать и прерывать именно в тот момент, когда это было выгодно.⁴

— Позвольте узнать ваше мнение, кто же помешал развитию этих идей? — перебил он так же тихо, как и прежде, — и кто же установил настоящий порядок вещей, который, я полагаю, вы согласитесь назвать военным деспотизмом, противным всякой свободе.

— Порядок этот установился сам собою.

— Sans doute,⁵ — говорил экс-аббат, видимо только ожидая времени опять вставить свое победительное возражение.

— Деспотизм возник от того, что Франция была поставлена в необходимость защищать свои установления против всей Европы.

— Sans doute, — закрывая глаза, говорил аббат.

— Даже жестокости Конвента и Директории всё это произвело европейское вмешательство.

— Sans doute, но отчего же европейские державы вмешались в дела внутреннего устройства Франции? — сказал аббат с улыбкой спорщика, приведшего противника именно к тому пункту, у которого он ждал его.

Pierre на минуту не знал, что ответить.⁶ Он улыбнулся.

— Allez le leur demander,⁷ — сказал он, но тут же оправившись продолжал: — Впрочем, вы говорите, отчего? Оттого, что свобода невыгодна деспотам, оттого что учение революции не проникло еще во все умы.

— Sans doute, — повторил аббат. — Но позвольте у вас спросить, ежели бы нам с вами предоставлено было устроить судьбу⁸ мира, чего бы мы желали и к чему бы стремились: к благоустройству Франции или к благу всего человечества? Я думаю, что к последнему.

Pierre замолчал, не понимая, к чему ведет его противник.

— Я тоже думаю, — только сказал он.

— Sans doute. Вы говорите, что признание прав человека есть ¹ *Зачеркнуто*: директории

² *Зач.*: с которой он спорил против чиновника

³ *Зач.*: слюнявым

⁴ *Зач.*: для того, что он хотел доказывать

⁵ [Несомненно]

⁶ *Зач.*: и вдруг из мрачного, с пеной у рта проповедующего Мирабо, сделался жалкий и добрый, добрый русский юноша.

⁷ [Подите, спросите их об этом]

⁸ *Зач.*: людей

начало и основание всякой свободы и государственного благоустройства, я с вами совершенно согласен. Теперь я говорю, что признание прав человека во Франции, в одной Франции, не только не повело человечество к большому счастью и благоустройству, а повело и Францию, и человечество к величайшему из зол, к войнам, к убийству ближнего и к попранию всех тех прав человека, которые были так торжественно признаны. Это я говорю и вы со мной согласны. Не так ли?

— Теперь, стало быть, нам остается решить вопрос: каким образом устроить судьбу человечества так, чтобы права человека были признаваемы одинаково всем образованным миром и чтобы уничтожалась возможность войны между народами.

— Это будет тогда, когда идеи справедливости и свободы проникнут во все углы, — возражал m-г Pierre, — для этого нужны общества распространения этих идей, нужна пропаганда...¹

Иностранец посмотрел на² руки Pierr'a, как бы отыскивая что то.

— Как масонские ложи, вы думаете, — сказал он улыбаясь. — Sans doute. Но мне кажется, что до тех пор пока в руках королей и императоров будет власть посылать на войну своих подданных, до тех пор у них будет и власть подавлять всех этих подданных, те идеи, которые невыгодны для власти.

— Так вы думаете, что человечество вечно останется таким же?³

— Избави меня бог это думать, — спокойно, самоуверенно отвечал итальянец и лицо его приняло то выражений важности и поглощения всего в мысли, которое бывает у сумасшедших, когда их наводят на пункт их помешательства. — Меня бы не было здесь, ежели бы я это думал, — продолжал он, как то таинственно оглядываясь. — Я думаю, напротив, что именно здесь, в Петербурге, и теперь именно, в нынешнем 1805 году, есть возможность навсегда избавить человечество от всех зол деспотизма и злейшего из зол, родоначальника всех других — от войны.

— Какие же это средства? — пробурлил m-г Pierre, оживленно заинтересованный. Аббат долго помолчал, как бы раздумывая, стоит ли высказывать свои задушевные мысли перед такой ничтожной аудиторией и потом, как бы махнув рукой и подумав: «отчего же и не сказать», начал говорить:

— Средства очень простые: европейское равновесие и droit des gens.⁴ Стоит одному могущественному государству, как Россия — прославленному за варварство — стать бескорыстно во главе союза, имеющего цель равновесия Европы, и она спасет мир.

— Но что такое равновесие и какая цель его? — спросил Pierre, еще не зная, верить ли или не верить.

¹ *Зачеркнуто*: как общества масонов

² *Зач.*: масонское кольцо с мертвой головой, которое было надето на пальце M-г Pierr'a.

³ *На полях*: <В это время на помощь подросла А[нна] П[авловна], она спросила итальянца о климате, он отве>

⁴ [право народов]

— Когда я жил дома, — сказал аббат, доставая табакерку со вздохом, — когда я был свободен, я был охотник до домашней птицы, особенно до индеек, я прошу извинить меня за эти тривиальные детали, — обратился он к княгине. — Я долго учился их выкармливать и не мог этого достигнуть оттого, что брал старых и молодых индеек вместе и сажал их в одно отделение. Чтож происходило? Сильные нападали на слабых, отбивали их от корма, даже нападали на них, воевали, и слабые чахли, умирали, а сильные в борьбе ослабели. Я разделил индеек по категориям. В каждой категории были индейки одинакового роста и силы. И с тех пор индейки стали велики, сыты и счастливы. В природе, *mon cher monsieur*, — продолжал он, — всё живет и множится только вследствие закона экилибра сил. Когда будет этот экилибр сил и в системе государств, тогда только человечество будет счастливо.¹

И экс-аббат, как и все маниаки, видимо оживленный страстным вниманием Pierre'a, в тысячный раз, без малейшей скуки, рассказал весь свой план переустройства Европы, тот самый, который через Чарторыжского был подаваем государю. План состоял вкратце в следующем: чтоб удержать Францию от завоеваний, ей должны были быть поставлены на севере и на юге два новые государства, как преграды. На севере Голландия и Бельгия, соединенные в одно, на юге независимая Италия. Германский союз должен был быть отделен от Австрии и Пруссии. Польша в прежних пределах должна была быть сделана независимым государством. До малейших подробностей было обдуманно переустройство всех государств Европы, таким образом, чтобы могущество одного не могло быть опасно для соседей. Кроме того, все ученые мира должны были на общем конгрессе> составить новое право народов, в котором постановлено бы было, что война не может никем быть начата без согласия и посредничества соседних держав. Всё было так хорошо обдуманно и так ясно излагалось в устах этого тихого, сосредоточенного человека, что перед воображением слушателей невольно возникал новый век счастья для человечества. Pierre казался поглощенным вновь представленным ему рядом мыслей. Княгиня даже была заинтересована, один князь слушал так же, как он всё слушал, с своим потухшим взглядом, как будто или всё это он знает и презирает, или ничего не понимает, но не заботится о том, чтобы казаться понимающим.

— *Et la guerre est impossible*,² — окончил аббат.

— Что ж мы, военные люди, будем делать, любезный аббат, — спросил князь Андрей, лениво улыбаясь.

Аббат, как и все маниаки, был так уверен в возможности того, что он предполагал, что насмешка над его планами не оскорбляла его, напротив, он с другими готов был тонко посмеяться, зная, что от насмешки толпы его великие идеи не умалются.³

¹ *Зачеркнуто*: Но разве возможе[н], в это время подошла А. П.

² [Война — немыслима,]

³ *На полях*: в это время <вошло новое лицо> подошла А. П. и спросила о климате России. <На помощь подошла>

— Vous irez planter des choux à la campagne avec votre charmante épouse,¹ — сказал итальянец с своей притворной улыбкой, как будто отгоняя от себя серьезность настроения, которого он считал недостойной свою аудиторию.

— Oui, c'est comme ça, mon cher monsieur,² — только прибавил он к Pierr'y, чувствуя, что здесь только семя упало на плодородную землю.

— Однако и исполнение этой великой мысли невозможно без войны, — сказал Pierre. — Vous comptez sans votre hôte.³ Наполеон не разделит этих мыслей.

— Этого я не знаю. Я полагаю, что Россия, Австрия и Пруссия довольно сильны, чтобы заставить его принять эти основания.

— Австрия показала уже, как она мало сильна в войне,⁴ — сказал князь Андрей,⁵ — что было в прошлую войну?

У каждого из этих 4-х собеседников, исключая князя, был свой дада в разговоре и, как следует в каждом хорошем обществе, каждый⁶ умел коснуться своего предмета. Чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения, Pierre — свою либеральную философию, аббат свои новые идеи народного права и политического устройства, теперь завладел князь Андрей разговором, когда он перешел на его любимое военное дело.

— Я не говорю про одну Австрию, а про соединенные силы всей Европы.

— Разве силы, соединенные в первую войну, не были втрое сильнее армии Буонапарте, — сказал князь Андрей⁷ и усмехнулся, (князь, несмотря на свой восторг к гению Наполеона, называл его, как и все в Петербурге, Буонапарте) — и что ж вышло. Кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пешек и кто их лучше расставит, поверьте, что есть еще бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек. Вы говорите о союзе в Европе, а завтра может быть мы получим известие, что французская армия в Ирландии и идет на Лондон.

Аббат ничего не отвечал и, насколько позволяла учтивость, презрительно улыбнулся.

Чиновник, давно тяготившийся молчанием, обратился к князю Андрею.

¹ [Вы будете сажать капусту в деревне вместе с вашей очаровательной супругой,]

² [Да, это так, мой дорогой,]

³ [Вы рассчитываете, не спросясь хозяина.]

⁴ *Зачеркнуто*: Contre le génie il n'ya pas de force qui tienne [Нет силы, которая бы устояла против гения]

⁵ *Зач.*: теперь входивший в свою колею, как только вопрос коснулся войны. — Разве в 1800 году Россия, Пруссия и Австрия и Англия не были соединены?

⁶ *Зач.*: проездил на своем дада.

⁷ *Зач.*: вдруг оживляясь

— Неужели вы думаете, князь, что эта булоньская экспедиция может удался?

— Я ничего не думаю, — резко отвечал князь¹ с вдруг вспыхнувшим огнем во взгляде, как только разговор коснулся его любимого предмета — войны, обращаясь к аббату и Pierr'у, — я знаю только, что у него теперь 25 кораблей, не считая испанских, что у него сосредоточена двухсоттысячная армия, обученная, обстреленная и сформированная и снабженная провиантом, как ни одна армия в мире.² Что у этого человека генералы дивизионные такие, каких нет³ у Австрии ни одного главнокомандующего, не говоря уже⁴ про Пруссию и про нас. Нужен счастливый ветер и туман, который бы перенес Буонапарте через па-де-Кале, и всё ваше равновесие европейское погибло, любезный аббат, прежде чем родилось, — сказал князь насмешливо. Все замолчали. Князь подробно, видимо по основательному изучению, описал все преимущества всего состава французской армии и все шансы за успех булоньского предприятия. Аббат сказал, что в случае войны есть человек, который по гению военному не уступит Бонапарту. Это Моро. Заговорили о слухе, что в Америку послан⁵ генерал для приглашения Моро в русскую службу. Князь Андрей доказывал, что Моро капун и не имеет того огромного полета, который составляет силу Наполеона, и привел доказательства из подробного разбора некоторых кампаний этих полководцев. Разговор перешел на последние политические события.

— Читали вы, князь, последние известия о коронавании Буонапарте в Милане?⁶ — сказал чиновник. — Какая смелость: надеть самому на себя корону.

— Да,⁷ — задумчиво сказал князь, как будто воображая себе перед глазами⁸ Наполеона. — Dieu me la donne, gare à qui la louche,⁹ — сказал он, повторяя сказанные Наполеоном слова при надевании короны и¹⁰ поднимая голову, как будто подражая движению Наполеона в то время, как он произносил эти слова. — Gare à qui la touche, m-r l'abbé. Le nouveau royaume Cisalpine ne sera si facile à former, quand le petit caporal dira non! Vous avez beau dire, c'est le plus grand homme de l'histoire ancienne et moderne¹¹

¹ *Зачеркнуто*: видимо недовольный, считая чиновника недостойным слушателем в военном деле, — я знаю

² *Зач.*: артиллерии 11 (?), 80 полков пехоты, 20 кавалерии

³ *Зач.*: ни у Пруссии

⁴ *Зач.*: про Англию

⁵ *Зач.*: Вина

⁶ *Зач.*: вмешался опять

⁷ *Зач.*: оживленно

⁸ *Зач.*: любимого героя

⁹ [Бог мне дал корону, горе тому, кто ее тронет,]

¹⁰ *Зач.*: величественно

¹¹ [Горе тому, кто ее тронет, г-н аббат. Нелегко будет образовать новое цизальпинское королевство, если маленький капрал скажет: «Нет!». Что вы ни говорите, он самый великий человек древней и новой истории.]

— Le plus grand homme, — повторил m-г Pierre.

— Le prince est partisan de Buonaparte?¹ — вопросительно и презрительно поднимая брови, сказал аббат.

— Vous avez [vu] le buste de Buonaparte qu'il a dans son cabinet?² — сказала княгиня.³

Князь⁴ презрительно посмотрел на жену, как будто досадуя на то, что она толкует о том, чего не понимает.

— Il n'y a pas d'homme au monde que je hâisse et que j'admire autant que cet homme, voilà ma profession de foi à son égard,⁵ — сказал⁶ он.

Зачеркнуто: m-г Pierre любовался одушевлением своего друга, однако не мог удержаться, чтоб не возразить ему.

— Это ваш герой. Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего, — сказал он. — Ну да уж это <ваша> наша слабость, le petit sarogal [маленький капрал], — сказал Pierre.

¹ [Князь, вы сторонник Буонапарте?]

² [Вы видели бюст Буонапарте в его кабинете?]

³ *Зач.:* — Нет портрета, нет бюста Наполеона, которого бы не было у André, — сказала княгиня, — посмотрите у него в кабинете.

⁴ *Зач.:* злобно и

⁵ [Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им. Вот мой откровенный взгляд на него,]

⁶ *Зач.:* князь и в потухших глазах его, взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом.

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ПЕРВОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. I—VI).

В начале 1805-го года первая европейская коалиция против Буонапарте была уже составлена.¹

— Eh bien, mon prince, que dites vous de la nouvelle atrocité de cet homme. Italie n'existe plus. Non, mais comment expliquez vous l'indifférence de l'Europe à la vue de toutes les horreurs qui se commettent impunément au temps que nous vivons. Direz vous encore que la guerre n'est pas un devoir d'honneur pour tous ceux qui ont conservé un reste de dignité. Bientôt ce sera le tour de la Hollande, de Rome, que sais-je. Il n'y a plus de foi, plus de rois, plus de justice <il n'y a plus de dieu>. Je vous prévienс que si vous ne me dites pas que nous avons de bonnes nouvelles de Haugwitz et que [nous] aurons la guerre et la guerre à outrance avec ce monstre, cet antichrist — ma parole d'honneur j'y crois — si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies de cet homme, ce n'est pas un homme, que dieu me pardonne, c'est pire — je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, мой верный раб, comme vous dites.

Ah, si j'étais homme!!²

¹ *На полях*: Взгляд высш[его] общ[ества] на Бон[апарта], на причину и необход[имость] войны.

dans ses vastes pensées (se rapportant à des territoires vastes) [в его обширных мыслях (относящихся к обширным областям)]

² [Ну, князь, что вы скажете об этом новом ужасном поступке этого человека? Италия больше не существует. Нет, как вы объясняете себе равнодушие Европы при виде тех безобразий, которые в наше время творятся безнаказанно? И будете ли вы попрежнему утверждать, что война не долг чести для всех тех, у кого сохранилась еще хоть капля достоинства? Скоро наступит очередь Голландии, Рима, почем знать. Нет больше ни веры, ни королей, ни справедливости <ни бога>. Предупреждаю вас, что ежели я не услышу от вас хороших вестей о Гаугвице и что война будет, и война беспощадная против этого чудовища, антихриста — даю вам слово, что я так думаю — ежели вы не скажете мне, что будет война и решитеcь по прежнему извинять все гнусности, совершаемые этим человеком, да это не человек, прости меня, господи! а хуже, то я больше вас знать не хочу, вы больше мне не друг, не верный раб, как вы себя зовете.

Ах, если бы я была мужчиной!!]

— Ну здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur.¹ Хотите чаю?

Так говорила фрейлина и приближенная императрицы Марьи Федоровны, отпросившаяся от службы на один вечер для того, чтобы сделать у себя в этот вечер un thé,² на который, разосланными накануне записочками с³ красным лакеем, приглашены были, по мнению фрейлины, самые замечательные люди Петербурга, цвет общества, la crème de la société.⁴ В записочках было написано: Si vous n'avez rien de meilleur à faire, Monsieur le comte или mon Prince, je serais bien charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures.

Annette D.⁵

⁶ Кроме желания воспользоваться свободным вечером, Annette Д., может быть и не без основания, считала себя⁷ государственным лицом, на котором лежали политические обязанности. Она желала сообщить впечатления, произведенные в ней последними известиями о пребывании Бонапарта в Италии, вчера только полученные при дворе императрицы Марьи Федоровны.⁸ Некоторые из гостей, долженствовавших приехать на этот вечер,⁹ принадлежали¹⁰ к самым влиятельным придворным и государственным людям и все к одному и тому же лагерю, знаменем которого было убеждение в призвании России восстановить законность и святость самодержавия в Европе и презрение к Наполеону, называемому не иначе, как Буонапарте.

Разговор в этом обществе, конечно, происходил на французском и даже на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен.

— Dieu! Quelle virulente sortie!¹¹ — отвечал, тихо улыбаясь, тот, к которому была направлена речь фрейлины. Нисколько не смутясь такой встречей, вошедший, известный в то время сановник, в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах, подошел к Annette Д., поцеловал ее пухлую ручку, подставив ей свою надушенную и сияющую¹² белизной, даже между седыми волосами, лысину и сел подле нее.

— Avant tout, прежде всего, дайте мне чашку чаю, — сказал он, — потом, ежели вы обещаете взять назад вашу страшную¹ Я вижу, что я вас пугаю.

² [чай]

³ Зачеркнуто: камер-фурьером

⁴ [сливки общества]

⁵ Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего, то буду очень рада видеть вас нынче у себя, между семью и десятью часами. Аннета Д.

⁶ Зач.: Записочки были посланы к

⁷ Зач.: политическим и

⁸ Зач.: Особы, которые должны были собраться

⁹ Зач.: все, исключая двух родных, которых нельзя было исключить

¹⁰ Зач.: посредственно и непосредственно

¹¹ Господи! Какое горячее нападение

¹² Зач.: чис[готой]

угрозу — прогнать меня, я вам расскажу новость. Из за угрозы — ничего. Без угрозы — все.

— Хорошая новость для меня?

— Да.

— Пойдите, успокойте меня, — Annette наливала чай из серебряного самовара — отчего вы в таком gala?¹ Надеюсь, что je ne vous en impose jusqu'à ce point,² — сказала она, указывая на его звезды и башмаки. — Вы верно хотите убежать от меня?

— А вечер английского посланника — нынче среда. Мне надо показаться там. Я поеду так поздно, как только можно.

— Я думала, что нынешний вечер отменен.

— Ежели бы знали, что вы этого хотите... — Князь был один с Annette Д. Он улыбался приятно и говорил приятные вещи,³ но из за этой улыбки и слов совершенно ясно было видно его полное презрение к своей собеседнице, которое он не только не старался скрывать, но старался как будто выказать, говоря такие вещи, как то, что вечер посланника был бы отложен, ежели бы знали, что Annette Д. этого не хочет.⁴ «Я государственный человек. Я дело делаю, а ты болтушка», казалось говорили все его приемы и, несмотря на то, он с почтительностью обращался к фрейлине и, перемешивая шуточками и глотками чаю, рассказал Annette Д. всё, что он знал о содержании депеши из Берлина, привезенной в тот день утром.

— Buonaparté a brûlé ses vaisseaux depuis l'affligeante événement d'Ettenheim,⁵ — сказал князь. — Больше ждуть нечего, кроме насилия во всех отношениях. Нынче утром на выходе я сказал это⁶ Н., а он видит еще возможность мира.

— Совершенно справедливо. Il a brûlé ses vaisseaux, il faut que nous brûlions les nôtres. A propos.⁷ Нынче у меня будет очень интересный человек, le comte de Mortemart, il est allié aux Montmorency par les Rohans,⁸ одна из лучших фамилий Франции. Он был при Monseigneur le Duc d'Enghien⁹ во время его¹⁰ плена.

— On dit qu'il est très bien, ce jeune homme. J'ai prié S. de me l'amener. Toutes nos dames en raffolent.¹¹

— Кроме вас, разумеется. Я его видал в свете. Скажите, правда это, — продолжал князь, уже с видимым интересом, не так как прежде, когда он, видимо, исполнял только тяжелую¹ [парадном наряде]

² [я не в такой мере внушаю вам почтение к себе]

³ *Зачеркнуто*: как придворный

⁴ *Зач.*: И несмотря на то, он был почтителен.

⁵ [Буонапарте сжег свои корабли после прискорбного события в Эттен гейме]

⁶ *Зач.*: гр[афу]

⁷ [Он сжег свои корабли, мы должны сжечь наши. Кстати]

⁸ [граф Мортемар, он в свойстве с Монморанси через Роганов]

⁹ [его высочестве герцоге Энгиенском]

¹⁰ *Зач.*: убийства

¹¹ [Говорят, что этот молодой человек очень мил. Я просила С. мне его привести. Все наши дамы без ума от него.]

для него обязанность взаимности рассказывая, — правда, что l'impératrice mère¹ говорила его величеству о бароне З. и о его назначении? — вопрос этот был, видимо, личной и живой для князя. — C'est un pauvre sire,² всё что я могу сказать. Как вы думаете?

Annette Д. строго ответила, что барон этот был рекомендован ее величеству³ à l'impératrice mère. Лицо Annette выразило глубокое, искреннее выражение преданности и уважения, соединенные с грустью, когда она назвала императрицу. Она сказала, что ее величество оказала барону beaucoup d'estime.⁴

Вопросы внутренних интриг видимо мало интересовали Annette. Она потухала и делалась⁵ достойно печальна. Она искренно вся была предана только одной страсти — ненависти к Наполеону и желанию войны во что бы то ни стало.⁶

Она делалась совсем другая, как только разговор касался войны. Она делалась оживлена, красноречива и увлекательна.

[Далее в рукописи нехватает одного листа]

— Сердце то это⁷ занято... и вы знаете, кто в этом виноват...

— Перестаньте шутить. Я серьезно недовольна вашим меньшим сыном. Я его совсем не знаю, но он кажется il a pris à tâche de se faire une réputation scandaleuse.⁸ Между нами будь сказано, — лицо ее приняло грустное выражение, — об нем говорили у ее величества и жалели вас.

Князь Василий⁹ поморщился и с живостью и волнением стал рассказывать.

— Что вы хотите, чтоб я делал? Я обоих мальчиков отправил три года тому назад за границу, вы знаете, я себя лишил многого; я сделал для их воспитания всё, что может отец по обязанности, а не по чувству. Старший был и приехал молодым человеком хорошего дома, теперь он в иностранной коллегии, ну страсть его смешная к гербам... но всё он хорош. Правда, что между нами будь сказано — он глуп и очень даже глуп, что я, в скобках, считаю счастьем для отца et il fera son chemin,¹⁰ вы увидите; но Anatole — воспитывался так же, за границу поехал так же, с тем же abbé Brignole, те же примеры, те же влияния и вышло совсем другое. Son malheur ou plutôt le mien c'est qu'il a de l'esprit ce garçon,¹¹ — сказал он, улыбаясь.

¹ [вдовствующая императрица]

² [Ничтожный человек]

³ *Зачеркнуто:* и что она

⁴ много уважения

⁵ *Зач.:* спокой[ной]

⁶ *Зач.:* Никто, никогда так всей душой не скорбит о ужасах войны, когда война начата, как женщины. Никто так сильно не желает войны, как женщины, до тех пор, пока война еще не начиналась.

⁷ *Зач.:* всегда

⁸ [он старательно устанавливает о себе скандальную репутацию].

⁹ *Зач.:* оживился

¹⁰ [и он пойдет своей дорогой]

¹¹ [Несчастье его, или скорей мое, в том, что он умен, этот малый]

— И зачем родятся дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла вас упрекнуть.

— Сколько раз я это себе говорил, — подхватил князь. — Je suis votre верный раб et à vous seule je puis l'avouer.¹ Элен, моя дочь, для меня хорошенькая jeune personne que je trouve du plaisir à voir,² и больше ничего; но мои мальчики se sont les entraves de mon existence,³ которая без этого слишком бы была счастлива. Это мой крест. Я так себе объясняю. Que voulez vous?... —⁴ Он помолчал, выражая жестом свою покорность судьбе.

— Pour en revenir à mes moutons,⁵ — продолжал он, — ou plutôt à ce mouton,⁶ Анатолий еще до поездки за границу вел себя⁷ бог знает как. Вы знаете, что он пятнадцати лет соблазнил гувернантку своей сестры, une charmante petite et de bonne maison,⁸ которая жила у нас, и⁹ на все свои карманные деньги покупал вино и сигарки. Voilà.¹⁰ Потом il a fait la cour, tout bonnement la cour à sa soeur.¹¹ Так что я должен был их разлучить.

— Ah Dieu,¹² quel horreur!¹³

— Я его отправил за границу. Они мне писали письма с описаниями достопримечательностей городов, нравов, искусства et tout ce qui s'en suit,¹⁴ помните ces lettres si bien tournées que nous colportions ici, il se trouve que c'est l'abbé qui leurs faisait ces lettres à la Sévigné que nous admirions et lui ne sait pas écrire deux mots en français.¹⁵ И что ж? сам l'abbé был совершенно развращен Анатодем. Оказывается, что там они с l'abbé пили, ездили по балам, играли и le cher Anatole¹⁶ — завел интригу с какой то une de ces princesses italiennes et s'est trouvé être en concurrence avec un cardinal.¹⁷ И был посажен au château de St. Ange. Voilà. Tout cela est très triste, mais que voulez vous, c'est un très beau garçon et qui malheureusement ne manque pas d'esprit. Très beau garçon!¹⁸ прибавил он.¹⁹

¹ [Я ваш верный раб и одной вам могу в этом признаться]

² [молодая особа, которую мне приятно видеть]

³ [они обуза моего существования]

⁴ [Что делать?]

⁵ [Чтобы продолжать о чем была речь]

⁶ [или именно к нему]

⁷ *Зачеркнуто:* comme un paup [как язычник]

⁸ [прелестную девочку и из приличной семьи]

⁹ *Зач.:* уносил вино

¹⁰ [Вот]

¹¹ [стал ухаживать, настоящим образом ухаживать, за сестрой.]

¹² *Зач.:* quel tempérament [какой темперамент]

¹³ [Боже, какой ужас!]

¹⁴ [и так далее.]

¹⁵ [прекрасно написанные письма, которые мы распространяли здесь, а оказалось, что это аббат писал в стиле Севинье те письма, которыми мы так восхищались, а сам он не может написать двух слов по французски.]

¹⁶ [этот милый Анатолий]

¹⁷ [с одной из итальянских княгинь и оказался в соперничестве с кардиналом]

¹⁸ [в тюрьму Св. ангела. Вот. Всё это весьма грустно, но что поделаешь, он очень красив и, к сожалению, не лишен ума. Весьма красивый малый!]

¹⁹ *Зач.:* невольно радостно

— Вы никогда не думали о том, чтобы женить его? Говорят, что старые девицы ont la manie des mariages.¹ Я еще не чувствую этой слабости за собой, но у меня есть одна petite personne,² которая очень несчастлива с отцом, une parente à nous, une princesse В.³

Князь Василий не отвечал, хотя, с свойственной светским людям быстротой соображенья и памятью, движеньем головы показал, что он принял к соображенью это сведенье. Он продолжал о меньшом сыне:

— Нет послушайте, теперь он живет у меня в доме, я им даю каждому по десять тысяч, наследство их матери; у Иполита всё это выходит на гербы и разные странности, у Анатолия на танцовщицу, на скакунов, на пиры, и он играет... — Он помолчал. — Что будет через пять лет, ежели это пойдет так? Voilà l'avantage d'être père.⁴ Она богата, ваша княжна?

— Отец очень богат и скуп, он живет в деревне. Знаете, этот знаменитый князь В., отставленный еще при покойном императоре и прозванный прусским королем. Он очень умный человек, но с странностями и тяжелый. La pauvre petite est malheureuse comme les pierres.⁵ У нее⁶ брат, вот что недавно женился на Ляпиной, бывший адъютант Кутузова — он будет нынче у меня — и она одна дочь.

— Oui, ma chère, les affaires avant tout. Une fois que les choses en sont à ce point et qu'on en parle même à la cour, il faut que j'y mette ordre. Je sais bien que vous avez été, vous êtes et que vous serez toujours mon bon ange. La seule chose que je ne puis vous pardonner c'est de n'avoir jamais voulu de moi.⁷

Эту фразу князь сказал в ту самую минуту, как придворный лакей доложил: — князь и княгиня В[олконск]ие (Это был тот самый князь В[олконский], брат пред[по]лагаемой невестки князю Василью). Князь Василий чувствовал, что ничем он не мог так душевно польстить Annette Д., как намеком на супружество, но он выбрал, чтоб сказать это, такую минуту, когда входили гости, и потому дальнейшие объяснения, могущие быть неприятными для него, были невозможны.

Князь Василий был государственный человек, человек сильный в совете и при дворе, человек, одаренный великим даром для успеха в том мире, где он искал успеха, даром фамильярности. Он был короткой приятель всех. Так, по крайней мере,¹ [имеют манию женить]

² [девушка]

³ наша родственница, княжна Б.

⁴ Вот выгода быть отцом

⁵ [Бедняжка несчастлива, как камни.]

⁶ *Зачеркнуто*: один сын

⁷ [Конечно, милая моя, дела прежде всего. Раз положение таково, что о нем говорят даже при дворе, я должен навести порядок. Знаю хорошо, что вы были, есть и всегда будете моим добрым ангелом. Единственное, чего простить я вам не могу, это, что вы никогда не хотели принять моего поклонения.]

казалось всем сильным мира того времени. Каждый из министров, придворных, вельмож, влиятельных женщин, даже великих князей был уверен, что князь Василий со всеми остальными, исключая самого его, в самых коротких отношениях и что права на эту короткость даны князю на основании его серьезных и прекрасных качеств и достоинств. Ежели я и не нахожу в нем особенных достоинств, думал тот, который рассуждал таким образом, то это происходит, должно быть, от того, что я мало знаю его; но, судя по близости его ко всем и по простоте и фамильярности его обращения и со мной, он должен быть очень нужный и важный человек и им нельзя пренебрегать. Точно так, хотя и не отдавая себе в том отчета, думал каждый из людей, короткость с которыми нужна была князю. Дар фамильярности князя состоял в том, что он имел¹ искусство быть с каждым настолько и в такие минуты² фамильярным, что показать ему удивление в этой, ничем не оправдываемой короткости, которую он позволял себе, было невозможно, и что, вместе с тем, вид этой короткости действовал на других. На выходе он подходил к высшему сановнику государства, к удивлению его, брал его под руку и увлекал его ходить по зале, близко наклоня к нему голову и конфиденциально что то сообщая ему. Старичок сановник только сбирался выразить неудовольствие за такие приемы непривычной короткости, как князь умел в ту же минуту сказать старичку такие вещи, которые заставляли его слушать с интересом и прощать неловкость короткости. От старичка он подходил к великому князю и, без вызова со стороны его высочества, начинал, опять низко наклоня лицо, говорить смешное и заставлял смеяться его высочество. Сановник³ говорил себе: *il doit être très bien en cour*,⁴ глядя на его отношения с его высочеством, а его высочество, заметив его прогулку под руку с старичком, думал себе: он, видимо, в больших связях с этим сановником. Потом князь подходил к новому лицу, молодому человеку, только что начинающему выплывать при дворе, и князь⁵ совсем незнакомый с ним, на всякий случай трепал по плечу и ласкал удивленного, но благодарного новичка.

Князь Василий совершенно справедливо говорил, что, ежели бы не дети, он бы был совершенно счастлив. Счастлив он был оттого, что дело его жизни совпадало с его вкусами, с его страстью к свету, к новым знакомствам, к изящной и разнообразной болтовне, к ненасытному любопытству, равнявшемуся только его памяти. Annette Д.,⁶ с которой он пятнадцать лет в разговорах и ¹ *Зачеркнуто*: чутье

² *Зач.*: за панибрата

³ *Зач.*: глядя на него

⁴ [его положение при дворе должно быть хорошо,]

⁵ *Зач.*: почти

⁶ *Зач.*: кроме того, что была его другом женщиной, таким полу-другом, полу-любовницей в хорошем смысле, которые бывали у всех образованных людей того времени

переписках играл умной чувствительностью и надеждой на супружество, была одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Феодоровны. Он знал, что Annette Д. была одна из тех придворных, которые от долгого пребывания при дворе и долгой, одинокой, т. е. холостой или девической жизни, делаются нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают всё дурное придворной жизни — зависть, интригу, страсть к повышениям, и приобретают полное доверие своих господ.

Annette Д. была верным другом, как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже.¹

Притворяться и выказывать то, что она не думала или не чувствовала, она не могла. Она была слишком честная и хорошая натура; и потому с свойственной женщинам гибкостью, она раз навсегда отреклась от себя, от всей своей жизни и полюбила всеми силами души одну свою госпожу и, потому уже, искренно думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница. Искренность ее, отсутствие всякого искательства так редки везде и особенно в том мире, в котором она жила, что эти качества были оценяемы и чем меньше она желала делать для себя и для других, тем больше она могла сделать, и чем реже она высказывала свое особенное мнение,² тем оно более уважалось. Князь Василий, не упускавший молодого флигель-адъютанта, не приобрета на всякой случай его поддержку, не мог не ценить своих отношений с нею.

Но и в этом случае, как и в других, он действовал не вследствие обдуманного макъавелического плана, но по какому то ему самому необъяснимому влечению, которое инстинктивно тянуло его в короткость к тем, которые более всего ему были нужны. Как образуется механик, музыкант, воин, так точно образуется человек придворный и государственный.³ Успех в этом свете есть следствие характера, а не искусства.

Вслед за князем и княгиней Волконскими провозглашены были имена графа Б., графа Mortemart, княгини Л., князя Д., сына князя Василья, и гостиная наполнилась мужчинами и женщинами, большей частью в шифрах, брильянтах и бальных платьях и мундирах. Многие с чаю Annette ехали к посланнику.

— Вы не знакомы с ma tante, — говорила Annette Д. некоторым из гостей и весьма серьезно подводила их к маленькой старушке в высоких бантах, выплывшей из другой комнаты, как скоро стали¹ *Зачеркнуто*: Вследствие этого ей легко было жить, во-первых потому, что не нужно было ни думать, ни чувствовать от себя, а делать только то, что внушала ей ее глубокая не только преданность, но страсть к своей высокой покровительнице, во вторых, потому что искренняя любовь и преданность ее была оценена и все знали, что Annette Д. всегда искренна.

² *Зач.*: ее было противоположно мнению царствовавшему

³ *Зач.*: Это характер более, чем искусство

приезжать гости, называла их по имени и, медленно переводя глаза с гостя на *ma tante*, стояла около и потом отходила.

Как правоверный однообразно, серьезно и значительно совершает обряд преклонения и целования перед камнем Мекки, так все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому не интересной и не нужной тетушки. Как строго мог требовать от правоверных тот мулла, который стоит при камне, приличия поклонения, так требовала того же Annette Д. от своих гостей, с грустным участием следя за их приветствиями и молчаливо одобряя их. Как мало камень Мекки мог чувствовать, оценивать целования и отвечать на них, так же мало *ma tante* понимала что-нибудь из того, что говорилось вокруг нее. Неизменно каждому говорила она о его здоровье, о своем здоровье и о здоровье ее величества, которое нынче слава богу лучше. И все подходившие, из приличия не высказывая поспешности, с чувством облегчения исполненной тяжелой обязанности отходили от нее, чтобы уж во весь вечер ни разу не подойти к ней.¹

Тот, кто бывал в гостиных на маленьких вечерах избранного общества без карт и танцев и находил, что все человек пятнадцать присутствующих мужчин и дам, разместившись, кто у чайного стола, кто в уголку за трельяжем, кто у окна — все разговаривают и свободно переходят от одной группы к другой, тот, ежели он сам не принимал у себя, верно думает, что это размещение гостей и их разговоры происходят сами собой. Но тот, кто принимал сам или сама, тот знает, что это размещение и этот кажущийся свободным и неумолкаемым разговор, слышащийся с разных концов гостиной, есть дело искусства и предусмотрительности и быстроты соображения хозяйки. «N надо свести с М., а М. надо познакомить с Б. Тем более, что М. всегда рад с ним видаться и они близки. Г-на З. надо завести на его любимую тему о новых романах, он займет этих девиц, которые остаются у меня на руках», думает хозяйка. «Они и пускай сидят в этом уголке, ежели у них станет замирать разговор, я подпущу к ним болтуна Ф. Он оживит, и притом А. и Д. останутся *en tête à tête*, чего им и нужно. Ну, эти, кажется, сами нашлись», думает она, глядя на разговаривающих у окна. «Да, Лиза хотела познакомиться с Д., ну да это можно сделать после, а пока она мне нужна, чтоб занять старую княгиню. Пристроить еще этого юношу, который не знает, что делать из своей особы, и тогда я ее выручу, приведу ей на смену З. и тогда буду хоть на минутку свободна, чтоб поговорить с М». Так думает хорошая хозяйка вечера и, пустив в ход всех своих гостей, она ходит, приглядываясь и прислушиваясь, готовая подать помощь на тот пункт, в котором главное дело такого вечера — разговор — ослабеет. Ежели вы человек, который умеет ¹ *На полях*: Как держать дом? Княгиня Волконская брюхатая с работой. Ее муж недов[ольно] смотрит на нее. Княгиня хлопочет о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгиенском. Дурак дипломат. Некоторые молчат и [1 *неразобр.*]

жить, то, сказав два три слова, отходите от хозяйки и не делайте неловкости, наивно вступать с ней в какой-нибудь разговор, выражая какую-нибудь мысль или вызывая ее на спор. Ей некогда, она во всем согласится с вами или шуточкой выбьет вас из колеи рассуждений. Она все прислушивается, приглядывается, как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению и примечает, все ли вертят веретена, так хозяйка вечера прислушивается, все ли языки болтают. Как хозяин прядильной, замечая неподвижность или непривычный скрипящий, слишком громкой звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, так хозяйка вечера подходит к замолкнувшему или слишком громко говорящему кружку и одним словом или перемещением опять заводит равномерную, приятную для нее разговорную машину.¹

Вечер Annette Д. был пущен, веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели. Кроме *ma tante*, около которой сидела одна только пожилая дама, бедно одетая и, видимо, несколько чужая в этом блестящем обществе, кроме двух мужчин, отдельно стоявших, общество разбилось на три кружка. В одном центром была красавица княжна Ж., дочь князя В., в другом сама Annette, в третьем — маленькая, хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости дамочка с² брюхом, которого уж нельзя было скрыть и которое хорошенькая будущая мать видимо и не заботилась скрывать, судя по покрою ее платья.

Дама эта была та самая княгиня Волконская с мужем, которую провозгласил лакей во время разговора Annette с князем Васильем. Князь Волконский, брат той барышни, которую Annette из жалости сватала за беспутного Анатоля, вошел с женой под руку с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского³ адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших. Фамильярный князь Василий даже не мог никогда быть фамильярным с Андреем Волконским. Он и не очень желал этого, так как Андрей Волконский был сын Екатерининского генерала, находящегося в немилости, и бывший адъютант Кутузова, поручик гвардии. Сказав несколько слов Annette, Андрей Волконский холодно и презрительно (это была его привычка) обратился к князю Василию и слегка поклонился, держа себя далеко от него.

— Здравствуйте, *mon cher*,⁴ как вы? — сказал князь Василий, подавая ему руку, и, не дожидаясь ответа, обратился к княгине.

¹ *Зачеркнуто*: и самодовольно поглядывает, прислушивается к звуку говора и еще лучше смея

² *Зач.*: животиком

³ *Зач.*: обер-офицера

⁴ *Зач.*: — *Comment allez vous?* [как вы поживаете?] — *Très bien, mon prince, et vous?* [очень хорошо, князь, а вы?]

Волконский подал свою маленькую почти женскую ручку, но не пожал, а предоставил ее пожатую, и лениво, как будто устало, сел в кресла. Между тем жена его, которая, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками вошла в гостиную с рабочей сумочкой на руке, усевшись на диване, куда ее, соображаясь с ее положением, усадила Annette, тотчас же начала, не переставая, говорить со всеми вдруг приятным грудным и веселым голоском.

«Она очень мила, даже в этом положении», подумал князь Василий,¹ придвигая кресло к столу, «даже милее, чем прежде», и он сказал ей это, что заставило ее покраснеть и засмеяться.

— Я приехала с работой, — сказала она, — смотрите, Annette, ne me jouez pas un mauvais tour. Vous m'avez écrit que c'était une toute petite soirée. Voyez comme je suis attifée,² — и она развела руками, чтобы показать свое в кружевах прекрасное шелковое платье.

— Soyez tranquille, Lise, vous serez toujours la plus jolie.³

Княгиня Волконская, которую Annette называла просто Lise, была урожденная Мейнен. Никто не знал, кто был ее отец (говорили, что музыкант) и никто не хотел знать, кто он был. Знали только, что la petite Meinen покровительствуема императрицей, и этого было бы довольно, но кроме того она прекрасно говорила по французски, была жива и необыкновенно миловидна. Князь Волконский, узнав ее в Петербурге у своего генерала, где она бывала, влюбился в нее, просил согласия отца и, не получив его, женился на Мейнен к общей радости всех придворных друзей Лизы, а их было много. Все, кто не завидовали ей, все любили ее.

Молодая княгиня не умолкала с той минуты, как приехала, и не переставая работала что то маленькое своими крошечными беленькими ручками и беспрестанно смеялась и тому, что сама говорила, и тому, что говорили другие.

«Какой я должно быть любезный и веселый», думал про себя каждый, кто говорил с ней и видел на каждом чуть чуть забавном слове ее светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые и так виднелись беспрестанно. Ее хорошенькая с чуть видными усиками верхняя губка, как будто была коротка, но тем милее она открывалась и тем еще милее стягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это бывает у счастливых женщин, вся ее наружность была так мила, что недостаток ее казался ее особенной, собственной ее, красотой.

Всем казалось весело смотреть на эту брюхатую, полную здоровья и живости, хорошенькую женщину. Старикам и скучающим мрачным и некрасивым людям, смотревшим на нее, казалось, что они сами делаются похожие на нее, побыв и поговорив несколько времени с нею. Один старичок, поговорив с ней, веселый и счастливый, сходил с лестницы и голосок ее звучал у него в ушах и ¹ *Зачеркнуто*: любивший хорошеньких женщин

² Не сыграйте со мной злой шутки: вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер. Видите, как я укутана.

³ Будьте спокойны, Лиза, вы всё таки будете лучше всех.

молодая улыбка ее была в его глазах, когда он по привычке посмотрелся в зеркало, забывшись и смутно воображая, что он увидит перед собой ее лицо. Ах, как ему гадко сделалось, увидав свое скучное, с подлыми неизгладимыми морщинами, худое и отталкивающее лицо!

Такое впечатление она произвела на всех и у Annette Д. Когда собралось больше гостей, она положила работу и, усевшись за самовар, любезно объявила, что она разливает чай. Все захотели чаю, кружок около нее составилась самой большой. У всех разглаживались морщины, всем хотелось улыбаться, глядя на нее, исключая ее мужа, молодого князя Андрея Волконского. На него, казалось, вид жены производил совершенно противоположное действие.¹ Ежели он начинал улыбаться или оживляться, взглянув на жену, губы его вдруг принимали строгий склад и брови чуть изменяли положение и появлялась презрительная морщинка на чистом высоком лбе. Когда он слышал похвалы своей жене, лицо его принимало еще более презрительное выражение. Не ревность заставляла его так меняться в лице, заметно было, что он совершенно равнодушно смотрел на увивающихся около княгини и еще равнодушнее смотрел на нее. В карих глазах его как будто потушен был кем то давно свет и нужно было много его, чтобы зажечь его. Он только смотрел и слушал с глубоким презрением тех, кто восхищался его женой. Как будто он думал: «как вы глупы и непроницательны, что льнете к ней и думаете найти что-нибудь за этим внешним блеском и оживлением. Ничего, ничего там нету. Это я, который к несчастью слишком хорошо это знаю, говорю вам».

— *Quelle délicieuse personne, que cette petite princesse!*² — сказал князь Василий, проходя мимо Annette.

— Вы знаете, *il a rompu avec son père pour l'épouser. Le père n'a jamais voulu consentir à ce mariage,* — отвечала Annette, — *André en est fou amoureux.*³

— Она стоит того, — отвечал князь Василий.

В том кружке, где президировала Annette, сидел *le vicomte de Mortemart* и видимо держал *le fil de la conversation*,⁴ который искусно передала ему хозяйка. Она очевидно — и это было не неприятно *vicomte*'у, угащивала им своих гостей и угащивала в самом изящном и приятном виде.

Только такие дамы высшего общества, как Annette Д., умеют в лучшем виде сервировать замечательных гостей. Они умеют так подать обществу писателя, артиста, путешественника, эмигранта или вообще такое лицо, которое не есть член общества,¹ *На полях:* брови вскакивают

² — Что за милая особа эта маленькая княгиня!

³ [он порвал с отцом, чтобы жениться на ней. Отец не давал согласия на этот брак. Андрей влюблен в нее до безумия.]

⁴ [нить разговора]

но которое украшает общество, что это лицо, как бы незначительно оно ни было, кажется чем то особенным обществу. Как хороший метр-д'отель подаст вам тот же кусок говядины, который вам есть не захочется, увидав его в грязной кухне, так, что вам этот кусок кажется чем [то] даже сверхъестественно прекрасным, так в нынешний вечер Annette подала своим гостям vicomt'a — как что то сверхъестественно утонченное, тогда как князь Андрей Волконский, игравший с ним каждый день на бильярде, видел в нем только мастера карамболировать и плохого плательщика в случае проигрыша.

— Mais c'est connu — l'entrevue du duc d'Enghien avec Buonaparte chez m-lle Georges,¹ — говорил vicomte.

— Ah, racontez nous cela, vicomte,² — сказала Annette. Так приятно отзывались слова: racontez nous cela, vicomte, Лудовиком XVI и Rambouillet'ом, vicomte отговаривался тем, что l'histoire est un peu scabreuse,³ но Annette настояла, сделала большой круг вокруг vicomt'a и пригласила всех слушать рассказ vicomt'a о том, почему погиб герцог Энгиенский.

— Le vicomte a été personnellement connu de monseigneur,⁴ — шепнула Annette одному.

— Le vicomte est un parfait conteur,⁵ — проговорила она другому.

— Il est très bien, n'est ce pas?⁶ — сказала третьему.

Кружок собрался красивый и vicomte был подан на блюде в самом изящном виде.

— Известно, что гениальные актрисы, как и m-lle Georges — я большой ценитель ее — подвержены так же, как и другие женщины, еще более других, стрелам бога любви. Иногда стрелы эти⁷ вылетают из золотого колчана, но... и актриса — женщина и может иметь любящее сердце, — так начал виконт свой изящный рассказ, с тонкой улыбкой оглядывая слушателей.⁸

¹ [Свидание герцога Энгиенского с Бонапартом у мадемуазель Жорж — это широко известно]

² Расскажите нам это, виконт.

³ [рассказ будет немного неприличен]

⁴ Виконт был лично знаком с герцогом,

⁵ Виконт удивительный мастер рассказывать

⁶ [Он очень хорош, неправда ли?]

⁷ Зачеркнуто: не совсем чисты

⁸ *Зач.*: и видимо собираясь рассказывать длинно и так, как рассказывают в романах. Кружок сдвинулся ближе. Еще подошло несколько человек.

— У m-lle Georges была толпа поклонников, — продолжал он. Все слушали с вниманием и уважением даже, улыбкой и жестом показывая, что они понимают и рассказ и ценят прелесть рассказа. Один только очень молодой человек с большой, вытянутой в зад головой, застенчивый и рассеянный, видимо не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле.

Прежде, чем передать историю виконта, весьма распространившуюся впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжении этой истории.

[Далее со слов: — Переходите сюда, chère Sophie, — сказала Annette Д. — Le vicomte va vous raconter,¹ — красавице княжне, дочери князя Василья... кончая: и опять успокаивалась в улыбке. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. III.]

Когда маленькие часы пробили на камине, она медленно приподняла брови, посчитала и, видимо, озабочилась чем-то, хотя это было в самую патетическую минуту рассказа. Боялась ли она опоздать на бал и делала свои соображения о времени первой anglaise,² но vicomte заметил ее совершенное равнодушие к рассказу. Она на пальчиках, обтянутых перчаткой, делала как будто вычисления, чуть шевеля ими.³ Когда в середине рассказа к ней обратился кто-то с вопросом, как она находит это, она, хотя и не изменила своей улыбки,⁴ видимо испугалась чего-то.

После нее подошел ее старший брат⁵ Иполит и задержал начатый рассказ. Несмотря на необыкновенное сходство с сестрою красавицею, этот брат был положительно дурен собою. Черты его лица были те же, как и у сестры, но у той всё освещалось жизнерадостной, самодовольной, молодой неизменной улыбкой и необычайной античной красотой тела, у брата напротив то же лицо неизменно выражало досаду и самоуверенную брюзгливость. Глаза, нос, рот — всё сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу. Кроме того, некрасивость его лица увеличивалась еще его странной манерой ходить, сидеть, говорить, брать и подавать руку и вещи и еще более странной одеждой. Этот молодой князь дипломат как будто дал себе обещание делать всё не так, как другие люди. Странности его еще тем поразительнее были, что они вытекали видимо не из особенности характера, а из заданного себе правила, так как странности эти постоянно переменялись. Он только приехал из-за границы и потому⁶ некоторые люди полагали, что всё, что он делает, так должно делаться по новому, и даже⁷ подражали ему.⁸

Молодой дипломат, приехав из-за границы, ходил не иначе, как чрезвычайно вывертывая и припадая на левую ногу, как будто она у него болела, садился не иначе, как в самую глубину кресла, вытягивая прямо перед собой ноги, подавал руку не иначе, как два пальца,⁹ говорил он не иначе, как отрывисто и очень скоро, смотрел всегда и на всё, даже на чай, который брал, в лорнет,¹ [Виконт нам будет рассказывать].

² Зачеркнуто: но никак не могла счесть, что сколько минут останется до <бала> первой anglaise, ежели она выедет в без четверти 11, а начнут в половине 12-го.

³ Зач.: и всё сбивалась.

⁴ Зач.: но в душе очень испугалась: ей вспомнились недавние уроки истории гувернантки и требования повторить урок. Она, как и тогда так и теперь, ничего не понимала и не слушала.

⁵ Зач.: дипломат, которого отец считал глупым и эксцентричным.

⁶ Зач.: недальновидные

⁷ Зач.: находились такие, которые

⁸ Зач.: но другие, так же как и отец его, считали его дураком, а самые недоброжелательные — идиотом.

⁹ Зач.: вальсировал не иначе

одевался всегда в синий фрак, застегнутый на все бронзовые пуговицы, палевые панталоны и в жабо такой вышины, что оно видимо мешало ему свободно дышать. Кроме того главное занятие его по приезде из-за границы состояло в том, чтобы списывать родословные, собирать все возможные гербы и печати и переписывать эти книги самому. Многие из слабых людей, выдавших его, соблазненных той самоуверенностью, с которой он производил это, уже переняли многие его привычки, полагая, что в этом состоят приемы (*bon ton*¹ тогда не существовало) *de la bonne compagnie*,² когда вдруг князь Иполит стал ходить не хромя и чрезвычайно большими шагами и стал носить совсем другой жабо, с одним концом накрахмаленным и направленным кверху, а другим опущенным перпендикулярно книзу, стал сидеть иначе и стал заниматься не гербами, а гравюрами, которые он покупал и собирал везде и сам гравировал.

[*Далее со слов: Ce n'est pas une histoire de revenants?*³ кончая:... потом весь оборачивался быстро, как он всё делал, и смотрел долго на угол кресла. — *близко к печатному тексту*. Т. I, ч. I, гл. III.]

— *Moi je vais prendre mon ouvrage*,⁴ — прокричала беременная Лиза от чайного стола и переваливаясь перешла в кружок *visomt'a*, который в третий раз собирался начинать, и, несмотря на недовольное презрительное лицо мужа, которого она скорее не умела, чем не хотела замечать, произвела перестановку и, усевшись, весело поправила, приговаривая: «теперь мне хорошо» и попросила начинать.

— Когда я имел счастье видеть последний раз блаженной и печальной памяти герцога Энгийенского, — начал виконт, — в Етенгейме, я знал и он был так милостив ко мне, что намекнул на свое восхищение к таланту и к особе *m-lle Georges*. Я выразил свое удивление, когда он мог узнать ее, не бывши в Париже эти последние года. Герцог улыбнулся, как он один умел улыбаться, и сказал мне, что Париж не так далеко от⁵ Мангейма, как это кажется, и я заметил *un regard d'intelligence*,⁶ который он бросил на Тюмери, который жил с ним. Я не смел настаивать, полагая, что не имел права вызывать на доверенность.⁷

— Ваше высочество, — сказал я ему, — хотя я и не имею никакого права говорить вам свое мнение, но я считаю, что имя мое и верность королю *et la sainte cause*⁸ позволяют мне сказать вам: ¹ [хорошего тона]

² [хорошего общества]

³ Это не история о привидениях?

⁴ Я возьму мою работу,

⁵ *Зачеркнуто*: Страсбурга

⁶ [значительный взгляд]

⁷ *Зач.*: Но он заметил это и с своей ангельской добротой сказал Тюмери, что он может рассказать мне всё. Тюмери в этот вечер рассказал мне, что его высочество ездил уже раз в Париж под чужим именем и на другой день намерен был опять ехать.

⁸ [святому делу]

Monseigneur, vous, votre vie appartient au roi et la France et¹ вы не имеете права рисковать ничем.

— Неужели вы думаете, что Буонапарте решился бы на чтонибудь против меня. Мое имя и мой характер слишком обеспечивают меня.

— Я всего жду от друга цареубийц et un parvenu ambitieux. Il ne reculera devant rien.² Я сказал его высочеству, что я имел известие о открытии несчастного героя и мученика Кадудаля и о том, что полицейские агенты рыскали в Етенгейме и один из служителей его высочества мне казался подкупленным. Я высказал свое сомнение, но его высочество с этим рыцарством и отважностью, составляющей отличительную черту его фамилии...

— La maison Condé, branche de laurier greffé sur l'arbre des Bourbons, comme disait dernièrement m-r Pitt,³ — перебил князь Василий.

— Monsieur Pitt a très bien dit,⁴ — лаконически прибавил его сын Иполит, решительно поворачиваясь к окну и в лорнетку глядя на стору.

— Bref,⁵ — продолжал vicomte, обращаясь преимущественно к княжне и княгине, которые обе не спускали с него глаз, — как открылось потом, он ездил в Париж до этого несчастного дня и сделал честь m-lle Georges посещать ее.

— Но у него было un attachement⁶ к princesse Charlotte de Rohan Rochefort? — сказала Annette вопросительно. — Говорили, что он тайно был женат на ней.

— Одна привязанность не мешает другой, — отвечал vicomte, тонко улыбаясь. Княжна улыбнулась так же.

— В третьем году мне друзья писали из Парижа, что m-lle Georges не имела недостатка в поклонниках и что между толпами всех новых людей parvenu de la finance,⁷ администраторов и всей этой дурной новой породы людей, которые теперь царствуют в Париже, она никого еще не выбрала, чтобы кинуть свой платок, когда в один вечер ее поклонники увидели Roustan, cette âme damnée, ce valet de cet autre valet qui s'appelle Буонапарте⁸ у дверей новой богини.

— Charmant! — прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку.

— Почему же вы называете⁹ Наполеона лакеем? — спросил вдруг толстый молодой человек весьма скромной и застенчивой¹ [Ваше высочество, вы, ваша жизнь — принадлежите королю и Франции и]

² [и честолюбивого выскочки. Он ни перед чем не остановится.]

³ [Дом Конде — ветка лавра, привитая к дереву Бурбонов, как говорил недавно Питт].

⁴ [Господин Питт очень хорошо выразился]

⁵ [Словом]

⁶ [сердечная привязанность]

⁷ [богатых выскочек]

⁸ [Руста́на, эту окаянную душу, лакея другого лакея по имени Буонапарте]

⁹ *Зачеркнуто*: первого консула и главу государства, великого человека.

наружности, который молча сидел до сих пор за спиной дам.¹

Все глаза обратились на молодого человека. Князь Иполит ловил лорнетку, которую он упустил из руки, и, как только поймал, торопливо устался на молодого человека.

Он покраснел, как краснеют только очень полнокровные и молодые люди, и с видимой борьбой и усилием, но как будто исполняя обязанность, проговорил:

— Я считаю его великим человеком, — и крупные капли пота выступили на носу и лбу юноши. Он оглядывался на всех, чувствуя, что сделал неловкость, но видимо готовый перенести всю тяжесть своей выходки.

— У каждого свое мнение, m-r Pierre, — подхватила Annette. — Я знаю, что вы защитник этого человека, но вы одни своего мнения. Продолжайте же, vicomte, не томите нас.

М-г Pierre испуганно, как пойманный школьник, оглядывался на всех и ничего не нашелся сказать. Он был смешон. Заметив его смущение, все, исключая князя Иполита, понемногу отвернулись от него, удивляясь, для чего было высказывать мнение противное всем, не умея поддержать его и, главное, зачем не уметь жить до такой степени, чтобы перебивать изящный рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений.

— Когда все эти² gens de dessous terre,³ добивавшиеся bonnes graces⁴ великой актрисы, узнали, что соперником их делается их господин, все эти plats pieds⁵ с подострастием оставили поле свободным и исчезли, — продолжал vicomte с презрением, доказывавшим, что он никогда и никому бы не уступил места, — как я верно знаю, *этот человек* после всех своих ужасных поступков, которые он называет управлением государством, нашел не неприятным посвятить свои досуги и отдыхать от своих iniquités⁶ в обществе самой прекрасной и даровитой женщины Франции. Несчастная m-lle Georges a dû faire de nécessité vertu.⁷

Посещения Бонапарте бывали большей частью вечером, через два или три дня. Он приезжал, отсылал кабриолет с Roustan и ужинал. В это самое время его высочество тайно ездил в Париж, видел m-lle Georges в театре и захотел быть у нее.

В слушателях произошло волнение. Все предчувствовали страшное столкновение.

— Ah! j'ai la chair de poule,⁸ — пожимая плечиками, как будто от озноба, сказала маленькая княгиня. Муж ее, как будто удивившись, взглянул на нее.

¹ *Зачеркнуто*: Я считаю его великим человеком...

² *Зач.*: эта сволочь, вчерашние мещане в дворянстве,

³ [люди неизвестно откуда]

⁴ [благосклонности]

⁵ [подлецы]

⁶ [беззаконий]

⁷ [М-ль Жорж должна была сделать из необходимости — добродетель]

⁸ [Ах, мне становится жутко.]

— Очень интересно, — сказал он и, чуть заметно приподняв брови и эполеты, опять замолк в своей грациозной и ленивой позе.

— Ах, как он отвратителен мне, *этот человек*, — с искренним и страшным озлоблением сказала Annette.

Княжна красавица, оглянувшись на хозяйку, сочла нужным перестать улыбаться и выразить тоже отвращение. Пожилая дама, сидевшая весь вечер подле *ma tante* и перешедшая к кружку рассказчика, покачала головой, значительно и грустно улыбаясь.

— Это ужасно, не правда ли? — сказала она.¹

Князь Иполит с своей привычной находчивостью объявил быстро и громко.

— Я был в театре, когда она играла Клитемнестру. Я лучше люблю *Corneille*.

— В один вечер, — продолжал, оглядывая слушателей и оживляясь более и более, *vicomte*, — Клитемнестра эта, прельстив весь театр своей удивительной передачей Расина, возвратилась домой и думала одна отдохнуть от усталости, когда ей доложили, что незнакомец желает ее видеть.²

Служанка актрисы была дочь старого дворника из дома *Condé*. У отца ее был портрет, привезенный им из изгнания, и сходство молодого человека с портретом, хранившимся как святыня у ее отца, было до такой степени поразительно, что служанка стояла перед незнакомцем, как заколдованная, не имея сил говорить и не спуская глаз с прекрасного молодого человека.

— Скажи своей прекрасной госпоже, что *l'ex vicomte de Rocroi* желает передать ей очень важное поручение.

— Он был принят... — сказал *vicomte* и помолчав несколько³ секунд, чтобы дать понять, что он не всё рассказывает, что знает, он продолжал. — На третий день вечером ему был дан другой *rendez-vous*⁴ и, верный своему слову, как и все члены этого благородного дома, незнакомец, которого актриса узнала через свою служанку, явился ровно в полночь. Его ждал ужин, был накрыт на два прибора, но едва только он взошел, как послышался другой звонок и испуганная горничная, вся дрожа, бежит объявить, что это — страшный мамелюк, раб Буонапарте и что⁵ страшный господин уже подъехал к подъезду.

Здесь француз, одушевленный видимым участием аудитории и вспомнив должно быть те счастливые минувшие времена, когда он декламировал Расина в гостиных *Faubourg St. Germain* и играл там на домашних спектаклях (драматическое искусство было специальностью виконта), вздумал окончательно прельстить своих¹ *На полях*: (Волк[онский] свое мнение).

Смерть герцога причина войны. Напол[еон] не поздоров[ался] в Париже, не смел [?]

² *Зачеркнуто*: — Я не принимаю, ты знаешь, — отв[ечала]

³ *Зач.*: минут

⁴ [свидание]

⁵ *Зач.*: маленький человек стоит

слушателей и, сосредоточившись на минутку, сам импровизировал и продекламировал разными голосами следующую сцену:

« — Во имя бога, бегите! — сказала m-lle Georges, — бегите от того, кто приехал.

— Бежать! я? что вы говорите? я — бежать!

— Моя жизнь... что я? ваша жизнь в опасности!

— Но бежать... Я!»

— Хорошо сказано! — пробормотал князь Иполит.

Visomte продолжал:

— Да, ваше высочество, вы должны бежать. Vous devez votre épée à votre roi et à la France,¹ — сказал visomte, забыв, что он уже от себя сказал эту фразу.

— Вы знаете, кто я?

— Знаю: герцог Енгиенской, а знаете ли вы, кто ждет у крыльца теперь?

Буонапарте.

— Что я слышу? Он — мой соперник!

Гениальная актриса повторила перед ним одну из великих патетических сцен, которые она создавала; она бросилась на колени и умоляла его спрятаться.

— Герцог сдается (продолжал visomte уже в настоящем времени), его отводят в маленькую комнатку и накрывают корзиной для белья, на корзину кидают платья. И еще не кончена эта операция, как дверь откидывается сердитой рукой. Его злейший и беспощаднейший враг вошел.

Неожиданно в этом месте князь Иполит два раза произвел звук, который одни приняли за хохот, другие за кашель, и замолк. Остальные слушатели следили за каждым движением лица visomte. Брови visomt'a нахмурились и зрачки опустились вниз. Все поняли, что он в эту минуту изображал Буонапарте и собирался говорить за него.

— Tu m'attendais?² — сказал Буонапарте. Лицо visomt'a растянулось и притворная улыбка показалась на углах губ. Это говорила m-lle Georges.

— Je suis comme les anciennes châtelaines qui ne se mettaient jamais à table sans y faire placer les couverts pour le nombre connu des personnes. Je ne sais quand il vous plait de m'honorer de vos visites et je tâche de pouvoir toujours vous offrir à souper.³

— Теперь всем известно, — продолжал уже в эпическом роде рассказчик, — что Буонапарте подвержен припадкам падучей, которые находят на него после минут бешенства. День, в который он приехал к m-lle Georges, был одним из тех дней. Едва он сказал два слова и выпил стакан вина, как с ним сделался припадок и он, не успев крикнуть Rustan, который был в передней, без чувств¹ Ваша шпага принадлежит вашему королю и Франции.

² [Ты ждала меня?]

³ [Я — как владелицы замка в старину, которые никогда не садились за стол, не поставив на стол приборы для определенного количества лиц. Мне неизвестно, когда вам будет угодно удостоить меня своим посещением, и я стараюсь, чтобы ужин для вас был всегда наготове].

падает на землю. Можете себе вообразить ужас двух женщин: позвать Roustan — он может убить их, ежели он умрет, они подпадут подозрению отравления. И потом присутствие в комнате герцога. Что делать? Герцог, из своего убежища услышав голос Буонапарте, потом рыдания двух женщин и наконец молчание, осторожно вошел в комнату.

[Далее со слов: L'ennemi de sa maison¹... кончая:... Бонапарте велел изобрести предлог заговора, схватил в Баденском герцогстве мученика героя и убил его. — близко к тексту Русск. Вестн. Т. I, ч. 1, гл. VI].

— Un bâton de gueules, engrêlé de gueules,² — пробурлил князь Иполит.

— Насколько справедливы все подробности этой встречи — я не знаю, так они мне переданы людьми верными, но положительно то, что я сам слышал из уст герцога. Он раз сказал нам: да, от меня зависело подставить к носу Буонапарте пистолет вместо флакона. Но еще положительнее то, — заключил vicomte, — что в этой истории характеры лиц мученика героя и злодея узурпатора совершенно верны. L'ange et le démon.³

Действие, произведенное рассказом vicomte'a, было полное. Разговор, которым владел он один во время рассказа, рассыпался на мелкий говор изящных проклятий и ругательств на⁴ бедного Наполеона. Плохо было бедному Наполеону. И хорошо, что он не слышал этих разговоров. Он впрочем не любил таких разговоров. И часто за такие, переданные ему, разговоры во Франции, так наказывал маркизов и виконтов, дюшес и графинь, что они вперед уж этого не делали, молчали. Тех же маркизов и виконтов, которые вели себя хорошо и не рассказывали таких историй, он награждал званиями камергеров, камер-фрейлин и т. д. при своем дворе. И таких, ведущих себя очень хорошо, было очень много, гораздо больше, чем таких, как vicomte. И Choiseul и Baroche Jaquelin и Chevreuse и с gueules d'azur и с bâton de gueules et de lys,⁵ которые все знал князь Иполит, все так охотно пошли в придворную службу и прекратили рассказывать истории, что Буонапарте откровенно выразился, вспоминая свой призыв к дворянству Франции во время Египетской кампании и их отказ, что quand je leur ai montré le chemin de la gloire, ils n'en ont pas voulu. J'ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule.⁶ Так что в то время, как у Annette Д. его так бранили, он жил¹ Враг его дома...

² Палка из пастей, оплетенная пастями,

³ Ангел и демон

⁴ *Зачеркнуто*: на того человека, который, спокойно живя в Луврском дворце в Париже и считая себя наследником Карла Великого и величайшим владыкой мира, считал такие разговоры вредными для Франции, строго запрещал их и часто за такие разговоры

⁵ [с лазоревым львиным зевом и палками львиного зева и лилий]

⁶ я показал им путь славы, они не хотели. Я открыл им мои передние — они бросились толпой.

спокойно в Лувре, считая себя самым лучшим человеком Франции и законнейшим наследником Карла Великого.

Никто из присутствующих не только не признавал его императором, никто не признавал его даже¹ человеком. В глазах vicomte'a и его слушателей это был какой то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор еще ускользавший от заслуженной петли, которая одна была для него достойным наказанием.

— Это ужасно! — говорила маленькая княгиня, что то скребя в своей работе иголкой. — *Quel monstre que cet homme!*² Неправда ли? Подвиньте мне эту свечу.

— *L'assassinat du Duc a été plus qu'un crime, ça été une faute,*³ — сказал вдруг⁴ князь Иполит, слышавший эту фразу в Париже.

— Да, но отчего ошибка? — спросил вдруг князь Андрей, с своей гордой манерой откидывая голову. Князь Иполит стал смеяться, глядя на свою правую руку.

— Надеюсь, что это было его последнее преступление, — сказала Annette Д.⁵ — *Les souverains ne peuvent pas laisser impuni un pareil crime et laisser un Néron souiller le trône de la France.*⁶

— Государи пришлют посланников присутствовать при коронации⁷ узурпатора, — сказал виконт иронически.

— Кроме России, — почти вскрикнула ожесточенная Annette Д.

— Что они сделали для Лудовика XVI, для Лудовика XVII, для королевы, для Madame Elisabeth? — ничего. Поверьте, ничего.⁸

— *La tyrannie a toujours eut d'heureuses prémices,*⁹ — опять прочел он стихи из Британикюса.

— Да, счастливые начинания, — подхватила Annette, — но теперь дело дошло до той степени, что монархи не оставят этого. Война будет решительная и не может же, à moins que se ne soit une punition du ciel,¹⁰ не может же он победить всю Европу.

— Я бы пошла на войну, — сказала маленькая княгиня, — ежели бы меня приняли. Я бы завоевала этого злодея. Я рада, что André идет.

Князь Иполит, долго смотревший на маленькую княгиню в лорнет, вдруг вскочил, пересел к ней и стал показывать ей, рисуя на столе, как нарисован герб Конде. Княгиня улыбалась, как ни странен ей показался переход разговора.

¹ *Зачеркнуто:* великим человеком или полководцем

² [Какое чудовище этот человек!]

³ Убийство герцога было более, чем преступление, это была ошибка

⁴ *Зач.:* кто то, повторяя слова Талейрана.

⁵ *Зач.:* грустно

⁶ [Государи не могут оставить безнаказанным такое преступление и позволить Нерону осквернять престол Франции.]

⁷ *Зач.:* Бонапарта, — сказал князь Волконский, презрительно и лениво поворачиваясь в кресле.

⁸ *Зач.:* Государи понесут наказание, которое им посылает небо за то, что они покинули Лудовика XVI и его семейство. И Нерон будет царствовать.

⁹ [Начала тирании всегда были счастливы,]

¹⁰ [если только это не наказание свыше,]

Маленькая княгиня с князем Иполитом отделились от общего разговора, остальные продолжали казнить бедного Наполеона. Его частная жизнь, его семья, его привычки — всё было разобрано и всё было дурно. Только один толстый юноша, обративший на себя внимание своим неудачным вмешательством во время рассказа, не принимал участия в хулах на Буонапарте, хотя и подсел ближе к vicomte'у с видимым намерением вступить в разговор, но только краснел и, как кот, оглядываясь то на того, то на другого, всякой раз на того, кто говорил.¹

— Всё таки он — величайший полководец, — сказал князь Андрей.

— Полноте, всё дело в счастье и в слабых противниках, — отвечал виконт.

— Слава богу, император австрийцев назначил Макка главнокомандующим, — сказала Annette. — Говорят, что он великий полководец. Ежели бы был жив Суворов.

— О, Макк — великий человек.

— Надежда не на Макка, как бы он искусен ни был, — сказал Андрей Волхонский, — война, как шашки, где больше, те выиграют. У нас будет 600 тысяч против 250.

— Неужели оставят его на престоле Франции? — сказал виконт.

— Император будет тверд в своем намерении, — с грустью. свойственной ее речам о императоре, [сказала Annette]. — Он исполнит то, что объявил, он предоставит Франции избрать род правления. Он оставит именья эмигрантов за теми, кто их купил.

— Не продаем ли мы шкуру на живом медведе, — сказал князь Андрей. — А как вы думаете, какое правление пожелают французы, вы это знаете, виконт. Бурбонов?

Несмотря на свое одушевление в разговоре, Annette Д., как любезная хозяйка,² заметила молчавшего юношу и захотела le mettre à son aise.³

— Как вы думаете, захотят ли опять республики, вы еще недавно были в Париже, — спросила она.

Юношу вдруг прорвало.

— Я думаю, что вся нация умрет за величайшего человека ¹ *Зачеркнуто*: Он видимо ждал и не находил случая вцепиться, чего ему очень хотелось. Князь Волхонский, муж маленькой княгини, заметив разговор своей жены с князем Иполитом, подсел тоже ближе к Annette и, поймав налету одно из проклятий против Буонапарте, вставил защиту его, как полководца. Он выразил сомнение, чтобы у нас и у австрийцев нашлись генералы, способные противустоять ему.

— А вы кажется намерены итти на войну? — сказала Annette иронически, — и вы пойдете с той мыслью, что будете биты?

— Пойду делать свой долг.

— Отчего же вы, адъютант Кутузова, не считаете его способным...

— Кутузов не имеет тех случаев.

— А ргорос [кстати] вы слышали, что он назначен?

— Да.

² *Зач.*: пожалела этого

³ [чтоб он не чувствовал себя стесненным.]

мира, — начал он так быстро, как будто боялся, что опять ему придется молчать и что он не выскажет всего, что знает.

— Отчего? Почему вы так думаете? вы шутите? — посыпались восклицания. Но молодой человек, казалось, еще более одушевился этими воспоминаниями.

— Да, я был в Париже год тому назад, — продолжал он, — и не в Faubourg St. Germain, который весь теперь перешел на сторону императора и которому нужны только придворные титулы, а в народе, в армии.

— Ну, не все, m-г, позвольте вам заметить, — сказал vicomte.

Annette не знала, куда смотреть от неловкости и не могла себе простить, что пригласила этого юношу, не узнав его. Она пригласила его из уважения к его отцу. Юноша был незаконный сын знаменитого богача и вельможи и не носил еще его фамилии. «Коли бы я знала, что он такой *mal élevé*¹ бонапартист». Но молодой человек был хуже, чем *mal élevé* и бонапартист. Он был якобинец.

— Всё равно, — продолжал он, — почти все. Он сам сказал: *quand j'ai ou[vert] mes a[ntichambres]*.....²

Ежели он казнил герцога Енгиенского, то это не ошибка и не преступление, *они* казнили многих и никто не знал. А человек, который подавил величайшую революцию — революция была великое дело. — Тут юноша показал свою молодость этим отчаянным и вызывающим отступлением. Ему всё хотелось сказать. — Он преступен не в том, что казнил герцога, а в том, что уничтожил республику, не он отдаст власть, которой злоупотребляла Директория. Его вызывали, он должен собрать все силы. И всех побил и еще побьет, потому что он представитель великих идей.

— Идей цареубийства? — воскликнула [Annette].

— Ну, это было дурно, но нельзя без крайностей. Величайшее дело мира. Убивая герцога, он выбирал между своей погибелью и погибелью ничтожного человека. — Он много и долго говорил, но никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любуясь на него.³ Сначала ужаснулись, но когда Annette увидала, что vicomte удерживается и что замять невозможно, она напала на него.

— А 18 brumaire, разве это не обман?⁴

Vicomte: — Разве герцог был виноват, как сказал кто то, ежели бы он и был герой. *Un héros de moins, un martyr de plus.*⁵

Маленькая княгиня: — А пленные в Египте?

Иполит: — Отец его был *roturier*.⁶

Один князь Андрей не нападал. Молодой человек огрызался на всех и не успевал.

Молодой человек: — Он желает мира и равенства.

¹ [невоспитанный]

² когда я открыл мои передние

Многоточие в рукописи.

³ *На полях:* (Андрей как будто всё знает, что будет, оттого горд.)

⁴ *На полях:* Он не застенчив, но Мирабо.

⁵ Одним героем меньше, одним мучеником больше.

⁶ [не дворянин.]

Князь Андрей: — Разумеется хорошего, иначе равенство ниже себя, с ловкостью человека, знающего, с кем [имеет] дело, а *point d'Arcole* [2 *неразобр.*] *au pays de sa personne*.¹ И великая мысль *grandioso*.

Он ступил на нападки Андрея. Разошлись недовольные. Князь Андрей выходил с ним.

— Ну как ты выстрелил, Петруша, ты никогда так ужасен, красен не был.

— Не могу.

М[аленькой] к[нягине] надевали сапоги. К[нязь Андрей] подавал, Иполит оглаживал воротник.

— И вчера вы совсем не то говорили. Вы всё меняетесь.

— Пускай, я говорю, что думаю.

Андрей презрительно на жену. Иполит уверяет ее, что он не поехал к посланнику для нее. Она: — Напрасно.

— Поедем, Lise, — строго.

Lise проходит. Иполит подсаживает. Андрей Пьеру (сзади): поедem чай пить ко мне.

Лиза из кареты: — Прекрасно, поедemте все.

Андрей: — Нет, спать пора. Пошел же, дурак! — на кучера.

Иполит поехал к посланнику, никак понять не может, как открыться в любви, (чувствует, что не то, а слышал). Нет холостяка, который бы скверно не смотрел на жену.

Пьер жалеет еще, что многого не сказал. В карете она заигрывает:

— Что ты, милый, я что-нибудь сделала, я всё готова.

— Ничего, ничего. Всё хорошо. «Боже мой, на что я женился».

И со всей, не найденной в жене любовью, переходит к другу. Разговор о князе Василии. Он — идиот. *Confidences*² отношений к жене.

— Ты слаб, но я завидую. О поэзии. Андрей не понимает. Об *intérieur'e*³ князя Василья.

— Брось кутежи с ним.

— Брошу.

Пьер едет домой, оргия Анатоля. Он принимает участие. Девка умнее его. Анатолю: гадость для гадости. Он, как красивая кукла, ничего нет в глазах.

* № 2 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

26.

М-г Pierre был неуклюж. Когда он встал, еще заметнее стала его неловкость. Толстый, сутуловатый, с жирными руками, висевшими как плети и которые он не знал, куда девать, он, как говорится, «не умел войти в салон» и еще менее из него выйти. Когда Annette Д. прощалась с Лизой и он, дожидая времени¹ [а Аркольский мост [2 *неразобр.*] в стране его личности]

² Признания]

³ [доме]

откланяться,¹ переминался с толстой ноги на ногу, оглядываясь на всех и цепляя стулья, он был жалок. И еще удивительнее казалось, глядя на него, что такой человек, не умеющий совершенно держать себя в гостиной, тоже позволял себе иметь свое мнение и говорить неприличные речи.

Когда наконец Annette Д. повернулась к нему и с христианской кротостью, выражая прощение ему за его выходку, кивнула ему и сказала:

— Надеюсь вас увидеть еще, но надеюсь тоже, что вы перемените свое мнение, — когда она сказала ему это, он ничего не нашелся сказать, только наклоняясь замигал под очками и показал всем еще раз, как не пристала ему его выходка. Он сам, казалось, чувствовал это — краснел и смеялся.

Князь Андрей Болконский взял его за руку, проходя через столовую (Он, видимо находившийся с м-г Pierr'ом в близких отношениях).

— Ну, mon cher, я совсем не ожидал, как ты вдруг пустил в ход все каскады... — сказал он ему.

Князь Андрей подле м-г Pierr'a поражал еще больше своей изящной,² изнеженной и неприступно-гордой³ осанкой. Он не был так развязан, как князь Иполит, который везде разваливался, хватал всё руками, и везде близко совал свой нос, но видно было, что ничто в мире не могло заставить этого невысокого, с маленькими ручками и ножками человека заставить смутиться, заторопиться или иначе, как высоко, нести голову и иначе, как сверху, смотреть на всех в мире.

Он отстал от жены, которая шла впереди, и взяв за руку м-г Pierr'a шел с ним, волоча по светлому паркету свою саблю, которую этот изнеженный человек, казалось, не мог и поднять, и чуть позванивая маленькими серебряными шпорами на маленьких женских ножках.

— Vous n'avez jamais été si terrible. Ты никогда не был так ужасен, — сказал он, утешая его.

— Не могу, — заговорил м-г Pierre, опустив голову, глядя через очки и останавливаясь.

— Вы совсем не то говорили месяц тому назад, м-г Pierre, — сказала маленькая княгиня, оглядываясь, — вы всё меняетесь, всё меняетесь.

— Говорю, что думаю, пускай меняюсь, — продолжал м-г Pierre. — Какже не видать ничего ни в революции, ни в Наполеоне, ничего, кроме личных интересов Бурбонов, потому что...

Князь Андрей не стал слушать продолжение этой речи, которую м-г Pierre начал с такой же живостью как в гостиной, и готов был в зале продолжать. Князь Андрей, вышел в переднюю и, подставив плечи лакею, накидывавшему ему бобровую шубу, хмурясь смотрел на пустой угол, прислушиваясь к болтовне своей жены ¹ *Зачеркнуто*: ей вертелся

² *Зач.*: грациозной

³ *Зач.*: и величавой

с князем Иполитом, своей новой,¹ растянутой походкой выбежавшим тоже в переднюю.

Он близко стоял подле беременной хорошенькой княгини, бормотал не шопотом, но и не так громко, как говорят обыкновенно, близко к ее лицу нагибая свое лицо.

Два лакея, один княгинин, другой его, дожидаясь, когда они кончат говорить, стояли с шубами и слушали с непроницаемыми лицами их непонятной для них французской говор. Княгиня, как всегда, говорила улыбаясь и смеясь слушала.

— Я очень рад, что не поехал к посланнику, — говорил князь Иполит, — что? скука...

— Прекрасный вечер. Неправда ли?

— Говорят, что бал будет очень хорош, — отвечала княгиня, предоставляя лакею обувать ноги теплыми сапогами. — Все красивые женщины общества будут там.

— Не все, потому что вас там не будет, — достало соображения сказать у князя Иполита и эта репарти так понравилась ему, что лицо его всё просияло от радости и он схватил салоп ее у лакея, толкнул даже его, и стал надевать княгине от неловкости или умышленно, никто бы не мог разобрать этого, долго не отпуская рук, когда салоп уже был надет, как будто обнимая ее.

Она, грациозно улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа.²

— Ты готова, Lise? — спросил он, не глядя на нее.

Князь Иполит торопливо надел соболью шубу, которая у него тоже не по людски, а по новому, на два вершка была длиннее пяток, и путаясь в ней, побежал на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживал в карету.

— Princesse, au revoir,³ — кричал он, путаясь языком так же, как ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась в темноте кареты, муж ее оправлял саблю. Иполит,⁴ под предлогом подсаживанья, мешал всем.

— Так приедешь ко мне ужинать, Pierre? — сказал князь Андрей⁵ молодому человеку, вместе вышедшему на крыльцо.

— Позвольте, — обратился он по русски к Иполиту и резко металлически произнося это слово.

— Приеду, — сказал голос Pierre'a.

Дверца захлопнулась.

— И прекрасно, приезжайте. Я спать не хочу, — сказал голос княгини. —

Приезжайте же, m-r Pierre.

— Ainsi vous permettez, madame,⁶ — пробурлил князь Иполит.

¹ Зачеркнуто: безобразно

² Зач.: Князь Андрей отвернулся от нее и при

³ [Княгиня, до свиданья,]

⁴ Зач.: подсаживал спотыкаясь

⁵ Зач.: отталкивая почти Иполита

⁶ [Так вы разрешаете, сударыня,]

— Дурак! — опять так же резко послышался голос князя Андрея. Никто не знал, к кому относилось это слово.

«Разумеется, не ко мне», убедился князь Иполит.

— Пошел, — опять прозвучал металлический голос и фореитор тронул и карета заскрипела по снегу.

Князь Иполит смеялся отрывисто, стоя на крыльце, дожидаясь своей кареты. Когда он сел, он еще смеялся чему то.

27.

Князь Иполит, как настоящий светский человек и человек очень элегантный,¹ не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь в свете.

Пример успехов его брата всегда возбуждал в нем зависть, которой он не мог удовлетворить. До сих пор он был несчастлив в светской любви. Он не мог похвастаться хоть сам перед собой (он был не хвастун, а в душе правдивой молодой человек), не мог похвастаться ни одной победой в том обществе, к которому сам принадлежал. И это мучало его.

Приехав из за границы, он решил, что в Петербурге по крайней мере, где он — сын вельможи и только что возвратившийся из чужих краев — *merveilleux*² (как называли львов того времени), ему не трудно будет успеть. Выбор его пал на маленькую княгиню Б.

Подавала ли эта маленькая веселая женщина или не подавала ему повод сделать этот выбор, этого он не мог сообразить, да и не находил нужным. Точно так же, как в толпе пьяной черни при виде красивой молодой женщины оскаливаются рожи и слышится цинический смех, соединяя какую то нечистую мысль с видом женщины,³ точно так же *в свете*, только иначе выражаясь, в толпе молодежи, танцоров, говорунов, дипломатов, явление женщины производит тоже нечистое впечатление. И нет того юноши, который бы, глядя на нее, не сказал себе:⁴

— Elle est très bien! Elle est gentille. Charmante! Quel pied, quelle bouche! Quelle gorge....⁵ И улыбочки, и знаки. Les jeunes gens font la cour aux jeunes femmes.⁶ Что ж тут дурного? И князь Иполит делал честь маленькой княгине de lui faire une cour très assidue.⁷ Эта cour продолжалась уже всю зиму. Некоторые дамы и товарищи его, радуя его, посмеивались ему о его страсти к княгине Болконской, но он признавался себе, что дело его нисколько не подвигается и что должно быть у других это делается иначе.⁸¹ В рукописи: еленгантный

² [шеголь]

³ *Зачеркнуто*: прямо не оскорбляя ее

⁴ *Зач.*: а что, ежели бы взять ее любовницей?

⁵ [Она очень хороша! Она мила. Очаровательна! Что за ножка, что за рот! что за шея...]

⁶ [Молодые люди ухаживают за молодыми женщинами]

⁷ [настойчиво ухаживая за ней.]

⁸ *На полях*: <Князь В. говорит: идиот. А И. [?] влюблен в нее.>

Ему смутно казалось, что необходимо предпринять что-нибудь решительное, но при мысли о том, что он предпримет, его обхватывал страх чего-то и он начинал мычать что то и вертеться.

Отправляясь все таки к посланнику, он обдумывал свои поступки в этот вечер и <остался> ими не доволен. «Надо предпринять...» Но тут какой то страшный, непреодолимый внутренний голос говорил ему: «Чтоо? Смотри!» и он пугался и, ужимаясь в шубе в угол кареты, он жался и смеялся робко и отрывисто.

28.

Князь Андрей, между тем, сидел нахмуренный и мрачный в своем углу кареты далеко от жены, уверенный, что никто не видит его в темноте. Он не отвечал ни слова на веселое щебетанье своей жены, которое не изменялось ни в гостиной при толпе, ни в карете с глазу на глаз.

— Как хороша была княжна! Какие у нее два брильянта в волосах! Я люблю брильянты, что ни говори. А vicomte очень мил.¹ Что Annette не выйдет замуж? Как глупы все мужчины, что никто на ней не женится.

Так болтала она. Молчанье мужа однако и при ее совершенном отсутствии наблюдательности поразило ее.

— André! Милый! Отчего ты молчишь? Уж я не сделала ли что-нибудь? Не сердись ли ты на меня? — вдруг обратилась она, придвигаясь к нему.

— Нет, за что же мне сердиться. Нет, ты ошибаешься... Все хорошо, — отвечал тот же голос мужа, сухо, холодно, после непродолжительного молчания, своим звуком уничтожая смысл слов и давая им противоположное значение.

И что ему было сказать? Он ни в чем не мог упрекнуть свою верную, милую, добрую жену, которая под сердцем уже носила залог своей любви и верности. Она дала ему всё, что обещала: красоту, веселость, любовь, верность и обещала потомство. В чем же было упрекать ее? Никто не может помешать человеку из толпы скалить зубы и хихикать, глядя на хорошенькую женщину, ни князю Иполиту faire la cour à une jolie femme.² Она не будет ни виновата в том, ни менее чиста. Это знал князь Андрей и он слышал и видел это зубоскаленье уже год. Он знал, что это естественно и иначе быть не может.³ В нынешний вечер он в первый раз почувствовал, что ему тяжело, что ему стыдно. И стыдно от человека, которого он считал ничтожнейшим идиотом.

И гордость, безграничная гордость его возмутилась, расстроила⁴ *Зачеркнуто*:
Только знаешь, во время самого рассказа у меня опять зашевелился

² [ухаживать за хорошенькой женщиной.]

³ *Зач.*: но до сих пор еще нигде и ничем не <сломленная> оправданная природная гордость этого молодого человека мучительно страдала, страдала все больше и больше и в нынешний вечер не то страдал, с каждым днем больше и больше

⁴ *Зач.*: его невозмутимое душевное

привычное спокойствие и спутала все его мысли и чувства. Он стал несправедлив и зол, убеждаясь, что он только справедлив.

«Боже мой, зачем я связал себя навеки с этим бездушным, пошлым существом?», думал он, отстраняясь от жены и без причины чувствуя ненависть к ней. «Я думал спастись от ничтожества и¹ низостей жизни в счастье семьи. Я думал, она будет достойна, как я, и что вместе с ней легче будет презирать всё; и, вместо этого, вся пошлость мужа или дурака, слепого и равнодушного к своей чести, или придирчивого ревнивца, унижающего самого себя сомнением в себе. И нет выхода! Ужасно», думал он. «И ничего, ничего, кроме порханья, болтанья и этой вечной веселости, прикрывающей тупость и бесчувственность. Она не в состоянии ни почувствовать, ни понять моих страданий. А я не в состоянии унизиться, чтоб сказать ей. Боже мой, зачем я женился».

Как будто в подтверждение его мыслей, маленькая княгиня с своей ясностью понимания, в словах его не слышала ничего, кроме успокоительного значения слов и не поняла тона, которым они были сказаны.

— А я боялась, что тебе чтонибудь не понравилось во мне, — сказала она, придвигаясь к нему. Она взяла его руку и, заворотив перчатку, поцеловала ее. — Ты знаешь, милый, я всё тебя боюсь и всё готова для тебя сделать.

— Ах, да, — продолжала она, — ты видел я смеялась за чаем. Можешь себе представить, наш маленький князек всё время ворочался, пока я разливала чай. Он будет чай любить, André! — И она засмеялась своим звучным смехом и, взяв за голову, поцеловала² мужа³.

— «А я ее не люблю», подумал князь Андрей Б[олконский] с тоской в сердце. «Да я не люблю ее!»⁴

29.

Карета остановилась у подъезда большого дома на Фонтанке. Вслед за княжеской каретой подъехали сани m-г Рieгг'a и он вошел за ними.

Княгиня прошла в свои комнаты, князь читал письма, без него привезенные с почты.

— Извини, Петруша, — сказал он, отрываясь от письма. — Накрывайте ужинать, — обратился он к лакею.

Они прошли в кабинет.

Петруша взял между тем первую попавшуюся ему книгу с полки, это были записки Кесаря, и сдвинув два стула, на один поставил ноги и открыв книгу из середины,⁵ читал, облокотившись или¹ *Зачеркнуто*: мелочей

² *Зач.*: еще раз

³ *Зач.*: — Да, как тебе будет рожать без меня, — сказал князь Андрей, — Я т[ебя]

⁴ *Зач.*: Она мучает меня

⁵ *На полях*: <забыл шляпу и взял военную>

скорее повалившись на руку, с таким спокойным вниманием, как будто он часа два читал не отрываясь и собирался читать еще столько же. М-г Pierre имел это странное свойство читать всегда и всё с одинаковым интересом.¹

— Хорошие вести, Pierre, — сказал князь Андрей, подавая ему одно письмо, — прочти. А другое от отца. — Одно письмо было от Кутузова, который соглашался принять князя Андрея опять в адъютанты, другое от отца, который в первый раз после свадьбы сына писал, посылал благословение молодым и даже приглашал их приехать.

— А! — сказал Pierre и, разложив письмо на страницы Кесаря, так же внимательно стал читать его. — Так ты идешь на войну, это решено?—сказал он, поднимая голову и глядя через очки.

— Да. А вот от отца.²

Pierre прочел также лежа.

— Хорошо, — сказал он и хотел продолжать читать Кесаря, когда в соседней комнате зашумело платье княгини и он, скинув ноги, оправил очки и волоса.

Я сказал, что нет того молодого холостого человека, который, встречая в свете или часто ездя в дом к молодой красивой женщине, не подумал бы хоть раз: «А что как я вдруг влюблюсь в эту даму и она [в] меня влюбится?» Но м-г Pierre, почти живший у князя Андрея во время своего пребывания в Петербурге, никогда не думал об этом.

Он в простоте своей души радовался <на> этих двух людей, на их семейное счастье, которое ему казалось совершенным, и даже никогда не спрашивал себя: могло ли бы ему достаться такое счастье, и потому никогда не завидовал. Мысли м-г Pierr'a постоянно были заняты самыми важными <философскими> и государственными и военными вопросами. М-г Pierre мечтал быть оратором, государственным человеком в роде Мирабо или полководцем в роде Кесаря и Наполеона. Он, менее всех в мире рожденной к такой деятельности, считал себя рожденным для нее. На все житейские события жизни он смотрел кротко и равнодушно, как будто из неизмеримой дали. Ему было всё равно, только бы не трогали его умственных интересов.

Андрея Б[олконского] и его жену он любил, но никогда не спрашивал себя, что они за люди, как и зачем живут. Они его любили. У них было хорошо, весело, молодо, всё ново с иголочки, начиная от квартиры и посуды, до их лиц, с тем лоском свежести, который всегда бывает у молодых, jeunes mariés.³ И он любил бывать [у них] больше, чем у когонибудь в городе. Он так сжился с ними, что у одних у них ему не бывало неловко.⁴

¹ Зачеркнуто: Оба письма, полученные князем Андреем, были приятны для него

² Зач.: Читай вслух.

< Любезный Князь> любезный мой сын, Князь Андрей!

³ [новобрачных.]

⁴ Зач.: и он не делал неловкостей.

Несмотря на хорошие вести писем, лицо князя Андрея отразило опять ту же гордую, холодную¹ презрительность, которая выражалась в нем во весь вечер, и огонь, загоревшийся было в глазах при чтении писем, потух опять при входе жены.

Узнав о содержании писем, она выразила радость, но радость ее была незаметна. Она всегда была радостна. Тот же смех. Тот же блеск глаз и белых зубов из под короткой губки. Она села в кресло у камина на привычное свое место в кабинете мужа и, сложив маленькие ручки над возвышением талии (уже поздно было работать) устремила глаза на огонь. И глаза эти смотрели, как будто вглубь в себя — глаза смотрели кротко, радостно и серьезно, что так странно было с ее всегдашним оживлением, глаза смотрели *матерински*. Чувала ли она опять движения ребенка, или думала о предстоящей разлуке с мужем, но она молчала.

— Да собственно он что, Кутузов? — сказал Pierre.

— Главнокомандующий!² Он назначен. Я говорил, — сказал князь Андрей с своим видом всезнания. — Он оглянулся на жену. Ему неприятно было, что она пришла, неприятно было, что она ничего не говорит о предстоящей разлуке.

— И вы выступите против Наполеона?! — сказал Pierre. — Я не понимаю.

— André!³ — сказала Лиза, улыбаясь. Она всегда улыбалась, такая у нее была привычка, а улыбка эта раздражала мужа, — разве ты поедешь в армию?

Он пожал плечами.

— Нет не поеду, я буду в Петербурге ездить по балам, — сказал он сухо.⁴

— Нескоро еще? — сказала она. — Князь Иполит мне говорил, что война никогда не бывает зимой.

— Ты не будешь ужинать, Lise? — не отвечая спросил муж. — Ты бы шла спать.

— Нет, не буду,⁵ я пойду. Прощайте, m-r Pierre. Какой вы спорщик. — И она всё улыбалась. — Bonsoir, André.⁶ — Она поцеловала его в лоб. Он поцеловал ее руку. Она, шумя платьем, молча вышла из комнаты.

Князя Андрея что то кольнуло в сердце при звуке последней двери, которую она за собой затворила. Как будто он виноват был перед ней. «Милое существо», думал он, «но я не могу любить его», и опять унижение мысли князя Иполита о его жене и о нем мучало его. Они помолчали.

Андрей снял мундир, надел кафтанчик и, как будто стряхнув¹ *Зачеркнуто:* мрачно[сть]

² *Зач.*: Постой, в бумаге сказано, куда

³ *Зач.*: Когда ты поедешь

⁴ *Зач.*: Когда же

⁵ *Зач.*: сказала она кротко, как бы покоряясь его желанию

⁶ [Прощай, Андрей.]

с себя тяжелые мысли, совсем другой, веселый и спокойный, вышел в столовую.

Когда он сидел за ужином, глядя на добродушное толстое лицо Pierr'a, сидевшего против него,¹ глаза его горели непривычным блеском оживления — всё таки гордого оживления, и дружбы, и все гордой, покровительственной дружбы. Казалось, чем больше в нынешний вечер он потерял надежды на счастье с женой, тем сильнее в нем становилась² потребность дружбы. Он не спускал глаз с доброго круглого лица Pierr'a и постоянно заигрывал с ним и ласкал его, как заигрывают и ласкают любимую женщину.

Pierre³ иногда отрывался от еды, чтобы⁴ высказать всё, что он хотел, иногда отрывался от разговора, чтобы есть очень много и быстро, почти не жуя, всего, что подавали.

31.

— Ты был очень хорош, — говорил князь Андрей. — Тебя, как плотину, прорвало⁵ и m-lle Annette надо было видеть.⁶ То хорошо, что ты один из всех говорил. Коли бы не ты, то во весь вечер мы бы живого слова не услышали.⁷

— Да, нет, — поднимая голову и пережевывая сказал Pierre.— Нет, ты заметил анекдот Иполита. Очень хорош. Очень хорош...

Князь Андрей не отвечал. Он был слишком горд, чтобы смеяться над кемнибудь за глаза, особенно над таким жалким человеком, как князь Иполит.

Замечательно было, что князь Андрей, который часто бывал mordant⁸ в глаза, никогда за глаза ни про кого не говорил того, чего бы он не мог сказать ему в глаза.⁹ И это было не правило, но инстинкт, вытекавший из того же убеждения, что равных ему никого не было.

— Знаешь, что я открыл? — продолжал Pierre. — Я у них живу теперь и видаю его часто. — (Pierre, приехав в Петербург, остановился у князя Василья по желанию отца, который был дядя князю Василью.) — Я прежде думал, что Иполит только странен, но все таки человек, как человек, теперь я открыл,¹⁰ что он просто идиот, да, просто идиот. Ты знаешь, он не может счесть 25 и 36. Ни за что, я попробовал. Вот странно-то.

Князь Андрей поморщился.

— Ну, что говорить про *это*. Скучно.

¹ *Зачеркнуто*: лицо

² *Зач.*: очарованье

³ *Зач.*: много ел и много говорил

⁴ *Зач.*: много говорить все длинно

⁵ *Зач.*: И что рожу сделал этот французик

⁶ *Зач.*: она тебя съест хотела

⁷ *Зач.*: Бессмысленные истории vicomt'a и анекдот...

⁸ [язвитель]

⁹ *Зач.*: За то в глаза о[н]

¹⁰ *На полях*: ласков к Pierr'у, все ласковы

— Но он добрый и честный малый. Право, но совсем, совсем идиот. Это он с детства.

— Одного я не понимаю, для чего ты остановился у них и отчего ты ко мне не переедешь.

— Граф хотел, чтоб я у них остановился. (Pierre называл графом своего отца). Ну, а потом неловко. Да и чтож, они славные люди.

— Гм, — сказал князь Андрей.

— Я знаю, — подхватил Пьер, — строго смотреть на них, вся эта семья такая *comme il faut* и *grand seigneur*,¹ вся эта семья грязнее грязи. Анатолий это какой то кусок мяса, с одними физическими похотями. Иполит идиот. Отец ни то ни се, а сестра... Это удивительно... я никогда не видал, чтоб она чемунибудь была рада или чемнибудь огорчена. Я никогда не видал, чтоб она взяла книгу. Я ей дал раз потихоньку от отца *la Nouvelle Héloïse*. Она говорит скучно, Radcliffe скучно, Adèle de Sénange скучно. Вот не знаю, на ком бы я не мог жениться, только не на ней. Это тот же Анатолий, красивый кусок мяса в юпке.

— Ты не знаешь женщин, — сказал князь Андрей. — Одно, моя душа, — прибавил он ласково и покровительственно. — Зачем ты водишься с князем Анатолием К[урагиным]. Зачем? Я знаю, что тебя все любят, но тебе не надо любить всех. Ну, что у тебя с ним общего? Зачем эти кутежи?

— Да это правда, твоя правда. Сколько раз я говорил сам себе, что не буду с ним кутить. И голова болит, и гадко вспомнить, и денег стоит это пропасть. У меня опять нет, — сказал он, как будто удивленно.

— Я тебе дам еще, — сказал князь Андрей. Он достал красивый, новенькой портфель, разложил его, открыл пергаментную тетрадку. — Вот твой счет. Сколько тебе, 100 р. довольно? — Он достал кошелек с золотом из кармана и отсчитал деньги, потом неторопливо, чисто записал в пергаментную тетрадку и уложил в карман.

— Да сколько же я тебе должен? — тяжело вздыхая и преступно улыбаясь сказал Pierre. — Я забуду и забыл.

— Не бойся, я за тебя помню. За тобой нянька хорошая, — и ласковый, особенно поразительный нежностью, взгляд князя Андрея остановился на Пьере.

— Нет, я даю честное слово, что я больше не буду кутить с ним, — отвечал он на этот взгляд. — Этот Анатолий...

— Ну, они славные люди и оставь их в покое, — улыбаясь сказал князь Андрей, видимо умышленно переменяя разговор, — ты ведь мне тоже дал Гете² баллады и велел прочесть. Я прочел.

— Ну чтож? неправда ли удивительно.³

¹ [аристократическая и барская,]

² Во второй редакции вместо зачеркнутого: Гете — Rauber'ов [«Разбойников»]

Шиллера.

³ Зачеркнуто: Набор слов, фразы, скука.

— Это не моя книга, не для меня. Я нахожу, что все это неправдиво, утрировано. И потом, *comme dit Voltaire, tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux*,¹ а это скучно.

— Как, это скучно! — И Pierre начал декламировать *Gott und die Baiadere*. — Нет, я не понимаю, как ты умен, чувствителен и ты не понимаешь. Прежде, когда ты мне говорил, что *Paesillo* для тебя хуже генерал-марша, я думал, ты шутишь, или в ушах у тебя чегонибудь недостает, но выходит, ты просто лишен поэзии.

— Не думаю. Расина я люблю. Это поэзия. Вольтера... но эти ручейки для меня всё равно, что сонаты. *Que me veut cette sonate? и que me veulent ces vers?*² Voltaire другое дело и Rousseau я люблю, но только не *Nouvelle Héloïse*, а *Contrat social*. Эту поэзию я понимаю. *C'est grand*.³ Я понимаю и твое одушевление к революции. Я аристократ, да, но я люблю великое во всем. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека, как *le petit caporal*, хотя и не обожаю его, и с удовольствием пойду драться против него. Эту поэзию я очень понимаю. А остальное⁴ эти Илиады и Шекспиры и *m-me Suza* все это для дамских альбомов. Ну эта твоя *Gott und die Baiadere*. *Was soll das eigentlich bedeuten?*⁵ И когда это было, и зачем это все. И отчего это неясно. Признак величия — ясность.

Pierre с ужасом слушал святотатственные для него речи своего приятеля, но улыбался через очки, глядя на него.

— Нет, ты лишен этого. В тебе нет этого чувства. Подумай пожалуйста. Я понимаю и Гете, и Вольтера, и *Nouvelle Héloïse*, и *Contrat social*. Отчего же ты только одно? Ты лишен большого счастья. Вот я прочел эту пьесу и мне слезы выступили и не оттого, что я выпил. (Я выпью сколько хочешь <и мне не будет так хорошо, как от этого>).

32.

Князь Андрей спокойно улыбнулся, давая этой улыбкой чувствовать своему собеседнику, что он угадывал и ждал это возражение.

— Я тебе и⁶ завидую. Ты все любишь, и тебя всё и все любят. Ты слаб характером, ты каждый день изменяешь мнения, ты бестолков, но я бы желал быть таким, как ты, да видно каждому свое. Ты⁷ счастливее меня.

¹ [как говорит Вольтер, все жанры хороши, кроме скучного.]

² [На что мне эта соната? и на что мне эти стихи?]

³ [Это великое.]

⁴ *Во второй редакции вместо зачеркнутого: Эти Илиады и Шекспиры и m-me Suza всё это... — твои Шиллеры и Матисоны и наши Мерзляковы и всё это... это хорошо.*

⁵ [Бог и баядерка. Что это должно означать?]

⁶ *Зачеркнуто:* завидовал бы, ежели бы я тебя не любил

⁷ *Зач.:* лучше

— Этак князь Иполит еще счастливее нас, — шутя сказал Пьер. Князь Андрей нахмурился. Он встал и велел подать вино в кабинет. Риеге хотел ехать, но князь Андрей задержал его.

— Погоди, посидим, допьем это вино.¹ — И он задумчиво глядел на налитой стакан. Пьер никогда еще не видал его таким. Спросить, что с ним, разговорить его, Пьер не смел и на него, на ближайшего человека, так действовало это взятое о себе убеждение всеобщего превосходства, что и Пьеру оно казалось несомненным.

Они молчали.

— Скверно жить, душа моя, — сказал князь Андрей, прямо взглянув на Пьера, вызывая его.²

— Отчего?³ Je suis un bâtard,⁴ я незаконный сын без замены, без положенья, в долгах,⁵ а всё я ни с кем не променяюсь. А ты, всё то, что люди называют счастьем, то у тебя есть. Чего тебе⁶ еще?⁷

— Никогда не женись, вот что, — вдруг начал князь Андрей,⁸ приходя мгновенно в сильнейшее нервное раздражение, глаза его блестели, голос дрожал. — Не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что я сделал всё, что мог, и до тех пор, пока ты не⁹ перестанешь любить женщину и не увидишь ее ясно. Женись стариком и женись без любви. Да. Ежели ты ценишь себя,¹⁰ то тебя на каждом шагу мелкими булавками будут пронизывать твое сердце. Ежели ты ждешь от себя чегонибудь впереди, то на каждом шагу ты будешь чувствовать, что для тебя всё кончено, всё закрыто, кроме гостиной, где ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом. И где идиот нечаянно тебя будет мучать так, что ты не будешь в состоянии избавиться от него. — Пьер снял очки, отчего лицо его изменилось, еще более выказывая доброты, и удивленно глядя на друга. — Моя жена, — продолжал князь Андрей, глядя на его удивленное лицо, — моя жена прекрасная женщина, я ни в чем не могу упрекнуть ее, но что бы я дал, чтобы разжениться. Ежели я тебе говорю, то я и ей говорил. Карьера моя — а, бог знает, какая она могла быть, я на малом не помирюсь — карьера погублена. Отец — видел его письмо — он мой лучший друг, и нет лучше его человека.¹¹ Нет другого. Отца я потерял ¹ *Зачеркнуто*: Мне очень скучно, грустно нынче.

² *Зач.*: Он начал [1 неразобр.]

³ *Зач.*: Ты говоришь, мне завидуешь, за что

⁴ [Я внебрачный сын.]

⁵ *Зач.*: бестолковый человек, никому не нужный, а ты богат, хорош, умен, знатен, милая жена, будешь отец, любишь военное дело — дороги тебе открыты

⁶ *Зач.*: Отчего тебе может быть дурно

⁷ *Зач.*: Стало быть есть что то другое, счастье выше того. И тебя опутывает пошлое людское счастье, связывает тебя и тебе нужна свобода... Да?

⁸ *Зач.*: превращаясь весь в один комок напряженных нервов

⁹ *Зач.*: узнаешь

¹⁰ *Зач.*: свою честь

¹¹ *Зач.*: которого бы я уважал больше его. Это сила

почти; карьеры не может быть и не будет, и за всё это что? Видеть, как какойнибудь идиот хохочет из за угла, глядя на мою — на мою жену и ждет чего... чтоб я ему уши выдрал? Нельзя, я осрамлю себя.¹ Нет, это ужасно.

— Я тебя не понимаю, решительно не понимаю, — отвечал Пьер, растирая себе переносицу.

— Не будем говорить об этом... не будем.

Разговор не шел дальше.²

— Когда Кутузов едет?

— Через месяц. Поеду к отцу, коли он полюбит Лизу, оставлю ее у него и поеду.

Иначе я должен отказаться от всего. Она должна родить.

Вошел лакей: княгиня³ приказали просить к себе.

— Сейчас.

Князь Андрей не шел и молчал.

— Ты странный нынче, — сказал Pierre, — прощай до завтраго.⁴

— А ты долго не будешь спать, я вижу по твоим глазам, — прибавил Pierre, оглядываясь.

— Да,⁵ долго. Прощай.

— André, я не могу заснуть, ты на меня сердишься? — сказала княгиня, розовенькая, в белом чепце и кофточке, лежа высоко на подушках. — André, за что ты меня не любишь? Да? не любишь? — И она заплакала.

Но князь Андрей не сказал, как он обещал своему другу, не сказал, что он ее не любит, хотя он больше чем когданибудь чувствовал это в эту минуту. «Она беременна, слезы могут повредить ей», и он насильно целовал хорошенькую плачущую женщину.

33.

Князь Василий, у которого гостил m-г Pierre, жил у Обуховского моста в огромном казенном здании, занимаемом тем управлением, в котором он был начальником. Внизу, с улицы, была его огромная квартира. Во дворе были подъезды квартир его сыновей. Пьер жил в комнатке, занимаемой прежде секретарем князя, на том же подъезде, где была и квартира Анатоля.

Когда он подъехал, он заметил свет в окнах Анатоля и у кры[льца] карету и несколько саней.

«Опять кутеж и игра верно. Не зайти ли?», подумал он и совершенно забыв обещание, данное князю Андрею, разорвать сношения с Анатодем. <<Спать не хочется, книжки нет, все¹ *Зачеркнуто*: Нет, душа моя, не женись.

² *Зач.*: Что же ты скоро поедешь?

³ *Зач.*: нездоровы

⁴ *Зач.*: Прощай, смотри же, ты мне обещал разорвать все связи с князем Анатодем К[урагиным], — сказал князь Андрей, всегда называя из презрения Анатоля всем именем. — Слово закон.

⁵ *Зач.*: Ты угадал

прочел», подумал он и> так ему скучна показалась своя квартира, которую он себе живо представил с сводами на потолке, с одной свечкой, заспанным лакеем, он вошел к Анатолю. Дверь была незаперта. В передней никого не было; валялись пустые бутылки, в углу гора изогнутых карт, плащи и шубы, догоревшие две свечи, которые, верно, начал переменять лакей и бросил, оторванный за другим делом. Он скинул шубу на ларь. Из покоев слышалась возня, хохот, крики, удары по чем то, как молотком, и опять говор и¹ крики, не менее шести или восьми человек вместе.

Он вошел. Всякому, не выдавшему того прежде, человеку показалось бы то, что он увидал, домом сумашедших. А это были все молодые, красивые и, многие из них, умные, образованные и даровитые люди. Человек шесть мушин,² только по штатским или кавалерийским с кантиками панталонам можно было различать³ их звание, толпилось около окна, все что то кричали, принимая участие в работе лакея, выставившего раму.⁴

— Я держу за⁵ сер Чаплица 100 рублей, — кричал один.

— И, смотри, не поддерживать!⁶

— А я за Долохова. Разними, Анатоль. Одним духом, иначе проиграно.

— Выбей. Скучно. Петров,⁷ давай бутылки... так кричали все эти люди, перебивая один другого.

— Стойте, господа, вот он, Pierre, — кричал Анатоль. — Он будет судья. Согласны?

— А Петр! Петруша! Pierre le grand. Pierre le gros!⁸ — кричали со всех сторон, обступая его. Видно, князь Андрей был прав. Все любили этого Pierr'a и на всех⁹ красных, бледных и с красными пятнами лицах выразилась¹⁰ радость при виде толстого лица Pierr'a, который, сняв очки и протирая их, улыбаясь смотрел на всю эту толпу.

— Ничего не понимаю; в чем дело? — сказал он.

Как это часто бывает с пьяными, как с детьми или с баранами, чувство, выраженное одним,¹¹ мгновенно сообщается всем. Шумная радость Анатоля сообщилась всем его гостям.

— Качать его! — послышался голос.

— Качать! Качать! Федька, простыню. Нет, ковер.

— Стойте. Он не пьян. Дай бутылку целую.

¹ Зачеркнуто: дикие

² Зач.: все молодых, без сертуков

³ Зач.: военных и штатских

⁴ Зач.: Лица были красны, волоса всклокочены, глаза мутные, голоса неровные, рубашки растерзаны

⁵ Зач.: англичанина

⁶ Зач.: кричал другой.

⁷ Зач.: брось играть

⁸ [Петр великий. Петр толстый!]

⁹ Зач.: пьяных

¹⁰ Зач.: веселая

¹¹ Зач.: быстро

Анатолий взял бутылку шампанского, отбил горлушко и с стаканом подошел к Pierre'у.

— Прежде всего, пей!

Pierre стал пить стакан за стаканом и покорно выпил почти всю бутылку. Анатолий стоял подле, серьезно глядя своими оловянными большими глазами попеременно на стакан, на бутылку и на рот Pierre'а.

Анатолий был красавец. Большой ростом, полный, белый, румяный; грудь у него была так высока, что шар — голова¹ у него всегда откидывалась назад и что он, как будто, не мог сгибаться. Небольшие усы,² густые, русые волосы и навывкате черные глаза, которые похожи были на стеклянные глаза кукол. Глаза эти, казалось, были сделаны не столько для того, чтобы смотреть, сколько для того, чтобы на них смотрели. Они и губы никогда не изменяли выражения. Что он был пьян, видно было только по красному лицу, по еще более неестественно выпученной груди и по большей, чем обыкновенно, разинутости глаз.

— Ну пей же всю, а? — сказал он серьезно, как он все и всегда делал, подавая последний стакан Pierre'у. — А? — прибавил он, по своей привычке к каждому слову прибавлять вопросительное «А?».

— Нет, не хочу. Ну, в чем дело?

— Пей же всю. А? — продолжал Анатолий, разевая больше глаза и поднося своей мохнатой, белой, голой до локтя рукой недопитой стакан.³ Он имел вид человека, делающего важное дело, и вид происходил в особенности от того, что он всю энергию свою в эту минуту употреблял на то, чтобы держать стакан прямо и сказать именно то, что он хотел сказать.

— Говорю, не хочу, — отвечал Pierre, надевая очки и отходя прочь. — Об чем вы кричите?

Анатолий постоял, подумал и, сообразив, что Pierre так и не выпьет стакану бросил его на пол.

— Эй! подбери!⁴

34.

Вот в чем было дело. Они из театра приехали к Анатолию. Игнали в фараон. Анатолий проиграл немного и бросил. Он не имел страсти к игре, а играл по привычке. Один конногвардеец проиграл много, а Долохов выиграл у всех. После игры стали ужинать.⁵ Англичанин, который был в этом обществе, хвастал, что он перепьет всех.⁶ Англичанин предложил пари, что сразу выпьет бутылку¹ *Зачеркнуто*: стояла

² *Зач.*: курчавые

³ *Зач.*: Он делал это так серьезно и степенно, как будто совершал важное дело.

⁴ *Зач.*: Остальные обступили Pierre'а и рассказывали, как могли, в чем дело.

⁵ *На полях*: P[ierre] терпим иначе замер [?] история [?]

⁶ *Зач.*: Составился пари на 500 рублей.

рома.¹ Долохов, который больше всех выиграл, сказал, что это выпьет всякой и что он предлагает выпить бутылку рому, не отпуская от рта и сидя на окне пятого этажа и спустив ноги наружу. Англичанин предложил пари. Анатолий держал за Долохова, т. е. что он выпьет, другие — против, т. е. что не выпьет; и в ту минуту, когда вошел Pierre, лакеи выставляли раму в окне, которое, хотя было только в третьем этаже, было достаточно высоко от тротуара, чтобы упавший с него убился до смерти. С разных сторон пьяные, но дружелюбные лица рассказывали Пьеру в чем дело, как будто видя в том, что Пьер будет знать дело — какую то важность.

Когда Пьер с трудом понял, он² улыбнулся своей доброй и гнилозубой улыбкой,³ ничего не сказал и только посмотрел на Долохова. Граф Долохов, тот, который выиграл в нынешний вечер и готовился делать опыт, был⁴ гвардейского пехотного полка офицер, среднего роста, мускулистый, весь сбитый, с широкой и полной грудью, чрезвычайно курчавый, с светлыми голубыми глазами. Ему было лет двадцать пять. Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, составлявший поразительную черту его лица, был весь виден. Рот этот был чрезвычайно приятен, несмотря на то, что почти никогда не улыбался,⁵ линии его, это[го] рта, были чрезвычайно тонко изогнуты. В середине верхняя губа энергически опускалась на толстую нижнюю острым клином; в углах образовывались постоянно что-то вроде двух презрительных улыбок, по одной с каждой стороны, а все вместе, и особенно в соединении с прямым, несколько наглым, но огненным и умным взглядом, составляло впечатление такое, что никто не проходил мимо этого лица, чтоб не заметить его и не⁶ сказать себе: — вот так рожа! Красивое и странное лицо. Женщинам, без исключений, Долохов нравился так, что он искренно смеялся, когда ему говорили о безупречной женщине. Он еще не встречал таких, которые бы для него не готовы были⁷ забыть всё. Долохов был молодой человек хорошей фамилии, но не богатый, однако он жил роскошно и постоянно играл. Он почти всегда выигрывал, но никто, и в отсутствии его, не смел бы приписать его постоянный успех чемунибудь другому, кроме [как] счастьем и, главное, постоянно среди попок, светлой голове и⁸ непоколебимой силе воли. Ежели он говорил раз, что сделает чтонибудь, то все знали, что он исполнит свое слово. Теперь, когда он затеял свою опасную штуку, пьяное общество приняло особенное, живое участие в его намереньи именно потому, что знало, что сказанное им будет сделано. «Так¹

Зачеркнуто: Анатолий поддержал пари

² *Зач.:* приятно

³ *Зач.:* и обратился к Долохову по русски

⁴ *Зач.:* Семеновского

⁵ *Зач.:* и тонко энергически был сжат и изогнут

⁶ *Зач.:* спросить себя, что за человек этот курчавый

⁷ *Зач.:* броси[ть]

⁸ *Зач.:* страшной

я и знал — лихо!» сказала молчаливая улыбка Пьера. Остальное общество состояло из трех офицеров, англичанина моряка, известного своей способностью много выпить, одного москвича, старого кутилы и игрока, и одного известного в то время музыканта и повесы. Бутылка рому была принесена, раму выставлял лакей,¹ привыкший ко всему, не робея и грубо отмахиваясь от советов господ.

Из всех этих людей, за исключением старого кутилы москвича и англичанина, человека² иссушенного и уже не первой молодости, из всех этих людей, казалось, выпирал избыток молодости³ и энергии. Несмотря на пьяное их состояние, все они были разнообразны, но все в своем роде хороши собой и преисполнены силы, которую не знали куда девать, и какойнибудь государственный человек, полководец или молодая одинокая женщина, ежели бы подсмотрели их в эти минуты, одинаково бы пожалели, что не нашли этим силам более сообразного с выгодами каждого употребления.

35.

Бросив стакан, Анатолий, не переменив выражения, с выпученной грудью, не обходя и не прося сторониться, продавил своим тучным телом толпу у окна, подошел к раме и, так же бесстрастно как он все делал, обернув обе белые руки сертуком, валявшимся на диване, ударил в стекла и пробил в двух местах обе рамы.

— Ну, вот, ваше сиятельство, — сердито сказал лакей, — только мешаете и ручки порежете.

— Пошел, дурак! А? — Анатолий видел, что то, что он сделал, было напрасно, и рассердился. Кто то догадался взяться за перекладины рам и тянуть наружу. Несколько рук взялись, потянули и выломали рамы так, что можно было сесть.

— Сломай верхнюю перекладину, а то скажет, что я держусь, — сказал Долохов. Анатолий отвел Пьера в сторону.

— Понимаешь... Англичанин хвастался... А? вот национальность... А? Хорошо?

— Хорошо, — сказал Пьер, с замиранием сердца подходя к окну, из которого вдруг понесло холодом и на которое с бутылкой рому в руке влезал Долохов. Кое кто надел сертуки. Анатолию все еще было жарко. Долохов вскочил на подоконник и стоял выше всех.

— Слушать! — крикнул он. Все замолчали.

— Я держу пари с мистером Чеплицом — (он говорил по французски, чтоб его понял англичанин, и не слишком хорошо) — на 50⁴ имперьялов — так?

¹ *Зачеркнуто*: торопясь и робея

² *Зач.*: уже истасканно [го]

³ *Зач.*: удали

⁴ *Зач.*: золотых

— Оо! — сказал англичанин.

— что я выпью бутылку рому всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за окном, вот на этом месте. — (Он нагнулся и показал покатым выступом каменной стены за окном) — и не держась ни за что. Так?

— Оо! — сказал англичанин.

[Далее со слов: Анатолий повернулся к англичанину, кончая: Лицо его было бледно и весело. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. VI.]

— Пуста. — Он кинул бутылку англичанину и спрыгнул с окна.

Долохов¹ велел себе облить голову водой.²

— А? Каково? А? — спрашивал у всех Анатолий, как будто он это сделал.

— Чорт вас возьми совсем, — говорил старый кутила.

Англичанин расспрашивал Долохова о впечатлении, испытанном им. Один офицер обещался сделать то же в первый раз, как он будет не пьян.

Пьер поцеловал Долохова и в совершенно растерянном виде ходил по комнате, улыбаясь.

— Господа! Кто хочет со мной пари. Я то же сделаю, — вдруг заговорил он. — И пари не нужно. Вели дать бутылку.³

Все расхохотались.

— Что ты, с ума сошел? У тебя на лестнице голова кружится.

— Это подло, что мы оставили одного Долохова рисковать жизнью. Нет, я пойду. — Его с хохотом схватили за руки.

— Ты пьян.

— Господа, вы знаете новость? — сказал Pierre. — Война!

— Ну, чорт с ней.⁴ Кто то хотел ехать домой. Кто то предложил ехать не домой, а всем вместе куда то еще. Все согласились, надели шубы и поехали. Pierre поехал с ними. Англичанин уехал домой, а Долохов, пьяный, бесчувственным сном заснул на диване у Анатолия.

36.

⁵Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории.

Может быть это не хорошо и не нравится публике; может быть, для нее интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов, но со всем моим желанием иметь как можно больше читателей, я не могу угодить такому⁶ вкусу, по многим причинам. Во первых потому, что памятники истории того времени,¹ *Зачеркнуто*: выпил еще ви[на]

² *Зач.*: и взял деньги

³ *Зач.*: Пьер был пьян

⁴ *Зач.*: Перешли в другую комнату

⁵ *Зач.*: Прошло два месяца. В Москве у графа Простого <были> праздновались именины жены.

⁶ *Зач.*: желанию

о котором я пишу, остались только в переписках и записках людей высшего круга — грамотных; интересные и умные рассказы даже, которые мне удалось слышать, слышал я только от людей того же круга. Во вторых потому, что жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною, скучною, и все действия этих людей, как мне представляется, вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и матерьяльных страстей. Ежели и не все действия этих людей вытекают из этих пружин, то действия их так застилаются этими побуждениями, что трудно их понимать и потому описывать.

В третьих потому, что жизнь этих людей (низших сословий) менее носит на себе отпечатка времени.

В четвертых потому, что жизнь этих людей некрасива.

В пятых потому, что я никак не могу понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи, галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т. п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку.

В шестых потому, наконец,¹ (и это, я знаю, самая лучшая причина), что я сам принадлежу к высшему сословию, обществу и люблю его.

Я не мещанин, как смело говорил² Пушкин, и смело говорю, что я аристократ,³ и по рождению, и по привычкам, и по положению. Я аристократ потому, что вспоминать предков — отцов, дедов, прадедов моих, мне не только не совестно, но особенно радостно. Я аристократ потому, что воспитан с детства в⁴ любви и уважении к⁵ высшим сословиям и в любви к изящному, выражающемуся не только в Гомере, Бахе и Рафаэле, но⁶ и во всех мелочах жизни. Я аристократ потому, что был так счастлив, что ни я, ни отец, ни дед мой не знали нужды и⁷ борьбы между совестью и нуждою, не имели необходимости никому никогда ни завидовать, ни кланяться, не знали потребности образовываться для денег и для положения в свете и т. п. испытаний, которым подвергаются люди в нужде. Я вижу, что это большое счастье и благодарю за него бога, но ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причины отрезаться от него и не пользоваться им.

Я аристократ потому, что не могу верить в высокой ум, тонкой вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с богом беседует.

¹ *Зачеркнуто*: что мне это кажется вовсе не занимательным, что

² *Зач.*: с горд[остью]

³ *Зач.*: и говорю это теперь с меньшей смелостью, чем

⁴ *Зач.*: знании

⁵ *Зач.*: образованию

⁶ *Зач.*: в любви к чистым рукам, к красивому платью, изящному столу и экипажу

⁷ *Зач.*: не должны были бороться между

Все это очень глупо, может быть, преступно, дерзко, но это так. И я вперед объявляю читателю, какой я человек и чего он может ждать от меня. Еще время закрыть книгу и обличить меня, как идиота, ретрограда и Аскоченского, которому я, пользуясь этим случаем, спешу заявить давно чувствуемое мною искреннее и глубокое нешуточное уважение.

*№ 3 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XVII, XIX—XXI).

Раздвинули бостонные столы, разобрались партиями и гости графа разместились в двух гостиных, диванной и¹ библиотеке. Марья Дмитриевна ругала Шиншина, который играл с нею.

— Вот ругать всех умеешь, а догадаться не мог, что тебе с дамы суровой итти надо. Граф, распустив карты, с трудом удерживался от привычного послеобеденного сна. Кое кто сидел еще в кабинете. Молодежь, надзираемая графиней, собралась около клавикорд и арфы.² Старшая дочь Марьи Дмитриевны сыграла на арфе; старшие девицы попросили Наташу и Nicolas спеть чтонибудь. Наташа, к которой обратились прежде других, не соглашаясь и не отказываясь, отошла к сторонке и, пробуя свой голос, взяла несколько нот из арии *Joconde*, которую она любила.

— Можно, можно, у меня нынче голос прекрасный, — сказала она, весело встряхивая кудрями, которые валились ей на глаза. Pièrre, отяжелевший от обеда, плюхнувшись на первый попавшийся ему стул, не спускал глаз с некрасивой, но милой девушки ребенка, прелесть которого, ему казалось, он один открыл.

— Что за голос славный, — сказал он Борису, который ему почти так же нравился в этот вечер, как и Наташа. Пьер находился, после скуки уединения в большом доме отца, в том счастливом послеобеденном состоянии сильного молодого человека, когда всех любишь и видишь во всех людях одно хорошее. Кроме того он, с свойственной ему способностью увлекаться, в этот вечер был сразу влюблен в двух: в Наташу, которая ему тем более нравилась, что он был убежден, что он один открыл ее прелесть, и в Бориса, который еще утром пленил его своей решительностью и честностью и который, чем больше он смотрел на его милое, всегда спокойное лицо и слушал его умные речи, всё более и более нравился ему. Еще за обедом он с петербургской высоты презирал, на сколько способно было его доброе простое сердце, всю эту московскую публику. Теперь же ему уже казалось, что здесь только в Москве и умеют жить люди, здесь только и найдешь настоящую поэзию жизни, думал он.

Борис, как и все очень молодые люди, дорожил внезапной дружбой Пьера, который был старше его, и старался выказывать перед другими, и особенно перед Наташей, близость своих отношений с Пьером.

¹ Зачеркнуто: бильярдной

² Зач.: Семейство Ростовых было известно своей музыкальностью.

— Nicolas! — сказала Наташа, подходя к роялю, — что бы спеть?

— Хоть «Ключ», — отвечал Nicolas скучливо, который, видимо, был грустен.

— Ну, давайте, давайте. Борис, идите сюда. А где же Соня? — она оглянулась и, увидав, что ее друга нет в комнате, побежала за ней.

«Ключ», как называли его у Ростовых, был старинный кватюр, которому научил их Димлер, они пели его вчетвером, Наташа, Соня, Nicolas и Борис, который хотя и не имел собственно таланту и голоса, но имел верный слух и, с свойственной ему во всем точностью и спокойствием, мог выучить партию и твердо держал ее.

Пока Наташа ушла, стали просить Nicolas, чтоб он спел чтонибудь один. Он отказывался¹ почти неучтиво и мрачно. Старшая дочь Марьи Дмитриевны Ахросимовой, хорошенькая² брюнетка, сидевшая с ним рядом за обедом и видимо кокетничавшая с ним, подошла к нему:

— Pourquoi faites vous le beau ténébreux?³ — сказала она. Nicolas морщился, его, видимо, тревожило отсутствие Сони.

— Nicolas, ne vous faites pas prier, c'est ridicule,⁴ — сказала графиня.

Nicolas порывистым движением, как он и всё делал, вскочил, подошел к клавикордам, стукнул крышкой, открывая их.

— Что у него хороший голос? — спросил Pierre у Бориса.

— Не особенно, но у них в семействе музыкальное дарование; он с уха всё, что услышит, играет и поет. Втору, бас, что хотите.

Nicolas задумался на минутку и начал⁵ песенку Кавелина.

«На что с» (в записках студента 260 стр., 1-й куплет).

Голос у него был ни хорош, ни дурен и пел он лениво, как бы исполняя скучную обязанность; но несмотря на то в комнате всё замолкло, барышни покачивали головами и вздыхали и Пьер, открыв свои порченные зубы нежной и слабой улыбкой, которая особенно смешна казалась на его толстом лице, так и остался до конца песни.

Всяк пляшет, да не так, как скоморох, говорит пословица. Всяк поет, да не так, как поет тот, у кого талант. После до можно взять фа, но для того, чтобы настроить до и настроить фа на скрипке, надо поворотить колышек чуть чуть, еще чуть чуть, еще чуточку, чтобы это было совершенно *фа* и *до*, которые суть математические точки в пространстве звуков; но, и не поворачивая колышка, будет фа и до, только не совсем верные. Для голоса не нужно ворочать колушка, можно сразу попасть на¹ *Зачеркнуто*: видимо, чувствуя всю неловкость отказа, но

² *Зач.*: кокетка

³ [Зачем вы напускаете на себя интересную мрачность?]

⁴ [Николай, не заставляй себя просить, это смешно,]

⁵ *Зач.*: известную

настоящий, совсем верный фа и до, тогда как не совсем верных фа и до, таких, при которых вертят колышки, есть тысячи, миллионы, бесконечность. Фа надо тянуть одну четверть секунды, но можно тянуть и одну четверть секунды без одной сотой или с одной сотой и никто не скажет, что темп не верен. Талант тем отличается от неталанта, что он сразу берет одно единственно верно из¹ бесчисленности не совсем верных фа и тянет его *ровно* одну четверть секунды, ни на одну тысячную не больше и не меньше, и усиливает или уменьшает звук ровно, в каждую одну сотую секунды, по одной десятитысячной силы звука. Достигнуть этой точности человеку невозможно. Ее достигает только бог и талант. И тем то отличается талант от неталанта. И затем выдуманное такое, кажущееся странным и неточным, название *таланта*. Nicolas пел с талантом, но пел лениво, и, несмотря на то, его слушали покорно, не судя его, а только радуясь на его звуки.

[*Далее со слов:* Между тем Наташа, вбежав в Сонину комнату *кончая:* Пойдем. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XVII.]

Они засмеялись, оправились, отряхнули пух. Соня спрятала в пазуху стихи, и легкими веселыми шагами с покрасневшими лицами пришли в гостиную, где Nicolas допевал еще последний куплет песни. Он увидел Соню, глаза его оживились, на открытом для звуков рте готова была улыбка, голос стал сильнее и выразительнее. Он пел последний куплет (Дневник студента 260 и 261). Песенка эта, еще мало известная в Москве, понравилась необыкновенно. Марья Дмитриевна встала из за бостона и остановилась в дверях, чтоб слушать.

— Ай да Никола, — сказала она, — славно! поди сюда, поцелуй меня.

[*Далее со слов:* После песенки спели квартет «Ключ» *кончая:* Ай да Данила Купор, — сказала Марья Дмитриевна. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XVII.]

Перед ужином лакей пришел доложить Пьеру, который всё более и более пленялся московской жизнью, что князь Василий прислал за ним, что велено сказать — графу хуже.

— Partons, partons, mon cher,² — говорила Анна Михайловна, быстро и энергически собираясь, — faites avancer.³ — Pierre в рассеянности прощался с Марьей Дмитриевной, принимая ее за графиню, и просил позволения бывать и, наконец, найдя настоящую хозяйку, полный веселых и молодых впечатлений, со вздохом сел с Анной Михайловной в карету и приехал домой.

Швейцар протянул руку к звонку.

— Зачем? не надо, голубчик, — сказала княгиня Анна Михайловна.

— Князь Василий Сергеевич приказали доложить, когда вы изволите приехать, — сказал швейцар.

¹ *Зачеркнуто:* тысячи

² [Едемте, едемте, милый мой,]

³ [велите подавать.]

— Ах нет, не надо, не надо. — Княгиня остановила руку швейцара.

— *Au revoir, mon cher,* — сказала она, — *je lui parlerai de vous, c'est mon devoir,*¹ — сказала она печально Пьеру, когда они расходились на лестнице. Pierre промычал что то, не понимая и желая не понимать, зачем говорить о нем, какая это обязанность и всё, что делалось в этом большом роскошном доме. Молодое чутье его говорило ему, что все действующие здесь люди неестественны и чем то таинственно заняты. Ему приятно было, что его не звали и позволяли ни в чем не участвовать. Он прошел к себе, ему еще не хотелось спать, и открыв в середине только что вышедшую тогда Corinne Mme de Staël, начал читать лежа. Княгиня на ципочках пошла в комнату больного.

Pierre лежал на диване в любимом своем положении, задрал ноги на стол, читал, прислушивался ко всем звукам дома и думал. То он живо воображал себе полногрудую и чернокудрую Коринну, везомую в триумфе в Колизей, и отрывался от книги, чтоб подумать о ней, то он думал о неправильном милом лице Наташи, которую он один умел оценить, то думал о том, что делалось теперь в большой комнате отца, и всё читал. В те промежутки чтения, когда он думал об отце, он чувствовал, что ждет чего то с страхом, с тоской, но ждет и с нетерпением, с досадой нетерпения. «Чего ж это я жду так давно, со времени приезда в Москву и так сильно?» вдруг спросил он себя. «Неужели я жду смерти отца? Это было бы слишком дурно. Но чего еще и ждать мне?» Он не ответил себе и опять принялся читать. Римляне бежали за Коринной, она выражала на своем лице скромность, робость и сознание своего достоинства. Pierre подумал об этом выражении, сам попытался воспроизвести это выражение на своем лице. «Ах да, о чем бишь это я думал и не додумал?», спросил он себя. «Я чего то ждал. Да. Поскорее, как можно бы поскорее это всё кончилось». «Что кончилось?», спрашивал другой голос. «Да, я желаю, чтобы как можно скорее умер мой отец и кончилось бы всё это неестественное положение. Я желаю как можно скорее смерти своего отца», повторил он нарочно вслух, как бы наказывая себя и сам себе ужасаясь. И опять он читал, и Коринна начинала импровизировать, и Наташа начинала петь; но неотвязный вопрос опять приходил в голову: «Неужели ты, который считаешь себя добрым и новым, образованным человеком, ты желаешь смерти отца? — Да, желаю и не могу не желать, — отвечал он себе с ужасом. — Я буду богат, я буду свободен. — Но это было слишком страшно, он встал, перевалился на другой бок и опять стал читать и опять встал и стал ходить по комнате, стараясь отогнать свои мысли. Он прислушался, ему показалось, что он слышит стон. Невозможно было слышать того, что делалось в комнате больного, но ему подумалось, что это стон умирающего отца, и

¹ [До свиданья, дорогой мой, я буду говорить с ним о вас, это мой долг].

звук этот ему был страшен и радостен. Звук этот был не стон, но женские приближавшиеся шаги. Значенье их было для него то же, что и стон. Большая, высокая дверь беззвучно отворилась и вошла Анна Михайловна с платком в руке и слезами на глазах.

— Что вы? Что? — испуганно спросил Pierre, почти подбегая ей навстречу.

— Venez,¹ — сказала Анна Михайловна, закрывая лицо платком и садясь на стул у двери. — Ah, Pierre, la bonté divine est inépuisable, — сказала княгиня Анна Михайловна. — C'est un saint, votre père. Venez. Ayez du courage. Soyez homme.²

Pierre не отвечал, не понимал ничего, но, чувствуя себя преступным, готов был итти за ней. Анна Михайловна встала и они пошли вниз, наверх и через анфилады комнат. Много людей всякого сорта было в гостиной и в маленькой комнате, предшествовавшей спальней. Pierre узнал докторов, одного молодого петербургского, и заметил священника с длинной бородой, сидевшего в углу на плетеном стуле и державшего что то завернутое в епитрахили. Все люди эти смотрели на проходившего Pierr'a больше чем с любопытством и участием,³ они смотрели на него, как казалось Pierr'у, с страхом и ужасом. Ему казалось, что все они знали его тайну, но, несмотря на то, он был здесь первое лицо, обязанное совершить какой то обряд, которого все ждали. Ему оказывали уважение, которого никогда прежде не оказывали. Одна дама вскочила, чтоб отворить перед ним дверь в спальную,⁴ другая подняла платок и подала ему. Он хотел предупредить даму и самому отворить дверь, но ему чувствовалось, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Князь Василий встретил его в двери. Лицо его было серьезно, как будто он делал большие усилия над собой. Князь Василий пожал в первый раз в жизни руку Пьеру и проговорил: courage, mon ami.⁵ Pierre чувствовал, что отвечать не надо и надо предоставиться вполне на волю тех, которые руководили его. В комнате было почти темно. Одна свеча горела по сю сторону ширм и за ширмами, где стояла большая кровать, на которой лежал больной, светилося еще что [то] с абажуром. Пахло нехорошо и странно. Было очень жарко. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах. За ширмами слышались звуки каких то тяжелых старческих усилий, звук, источник которого не понял Pierre.

Анна Михайловна неслышными шагами обогнала Pierr'a, пошептала с князем Василием, зашла за ширмы. И из за ширм, из-за вдруг прервавшихся звуков усилий, послышался хриплый,¹ [Идемте,]

² [Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо. Ваш отец — святой. Идемте. Ободритесь. Будьте мужчиной.]

³ *Зачеркнуто:* и уважением

⁴ *Зач.*: другие вздыхали, глядя на него

⁵ [не унывай, мой друг.]

умоляющий, разбитый голос — *de grace*¹ — сказал голос. Но это не мог быть граф, говоривший всегда резко и строго. Pierre в эту же минуту вступил за ширмы. На высокой постели, на горе подушек, он увидел что то белое, огромное и страшное,² и в середине подушек, прижатую к пуховому изголовью, увидел седую голову отца, всегда такую гордую и насмешливую, теперь жалкую и беспомощную. Это был он — отец.³ Сколько нужно было сказать друг другу этому умирающему отцу и испуганному сыну! Давно уже между ними накопилось многое невысказанное и всё откладывалось и откладывалось. Отец никого в жизни так не любил, как мать этого Pierr'a, с которой он был в связи до ее смерти. Он любил и сына, но держал себя далеко от него, полагая лучшим не стеснять его молодой свободы и не считая сына способным понять его чувства. Кроме того, он боялся упреков сына за незаконность его происхождения. Сын понимал эти *scrupules*,⁴ хотел сколько раз высказать свою любовь отцу, просить его помощи и совета, но боялся, и еще многое, многое накопилось недосказанное между двумя людьми. Теперь пришла минута всё высказать. Князь Василий и княгиня Анна Михайловна отошли за ширмы и что то пошептали. Умирающий с трудом поднял глаза и в глазах, всегда гордых, умных и презрительных, была одна робость, мольба о чем то и стыд перед чем то. Молодому человеку вспомнилось то, что он думал за пять минут в своей комнате, он поглядел на этот взгляд, слезы подступили ему к горлу и он нагнул голову к опухлой, огромной руке отца. Очки его упали на подушку. Он торопливо их снял и сунул в карман. Теперь они всё бы сказали друг другу; но отец только поднял с трудом руку, положил ее на волосы сына, в лице выразилась улыбка мольбы и стыда перед собой и он хрипло сказал:

— Pierre, pourquoi ne pas être venu chez votre père? Il y a si longtemps que je souffre.⁵ Никто его не звал, на вопросы об отце ему всегда отвечали уклончиво. Отец никогда не выражал нежности и не позволял ее выражения сыну. Всё это подумал сын, но ничего не сказал. Pierre положил голову к его лицу и рыдал.

— Je ne sais pas,⁶ — сказал он только. И на лице умирающего показалась улыбка, выражавшая сознание того, что говорить некогда, что всё теперь видится и чувствуется иначе, что тяжело, больно, страшно и всё уже кончено. Больше они не говорили.

Подошли княгиня Анна Михайловна и князь Василий и сказали, что довольно. Анна Михайловна взяла за руку Pierr'a, отводя его от постели. Как будто отец с сыном что то делали важное¹ [ради бога]

² *Зачеркнуто*: и понял, что это был его отец. Последнее впечатление, произведенное отцом на сына

³ *Зач.*: — Pierre, — сказал отец.

⁴ [шепетильность,]

⁵ [Пьер, почему было не прийти к отцу? Я так давно страдаю.]

⁶ [Я не знаю,]

и как будто отцу еще оставалось что то делать еще важнее. Pierre вышел из спальни. Все чего то ждали еще с большим нетерпением, чем он ждал. Он смотрел сквозь¹ очки на докторов и священника, Анну Михайловну и князя Василия, входивших и выходявших из двери. Все ждали недолго. Анна Михайловна, рыдая, вышла из спальни. «О чем она рыдает?», подумал Pierre. Две женщины прошли в спальню. Он прошел за ними. Отец его тянулся и содрогался, но еще дышал. Он хотел подойти к нему, сам не зная, что он будет делать, как его взяли и вывели.² В эту минуту он заметил, что князь Василий и Анна Михайловна о чем то спорили, держа в руках бумаги [?]

Не раздеваясь, он лег на диван и заснул до другого утра. Когда он проснулся, граф в гробе уж лежал на столе и князь Василий в трауре пил кофе в своем кабинете. У подъезда стояли цуги. Княгиня Анна Михайловна первая зашла к нему.

— Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous, je ne parle pas de vous. Mais dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs et il faut être homme.³

Pierre молчал. Ему было неприятно.

— Peut-être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là dieu sait ce qui serait arrivé.

Vous savez que si nous n'avions pas trouvé le testament, qui vous fait héritier, et la supplique à l'empereur, vous savez bien que le prince Basile aurait hérité de tout.

Je ne dis pas qu'il aurait pu soustraire le testament et la supplique, il est trop chevalier pour pouvoir être soupçonné, mais on aurait pu le faire pour obtenir ses bonnes grâces. Et vous savez...⁴

Pierre ничего не понимал и молча, недружелюбно смотрел на княгиню Анну Михайловну. Только гораздо позже он узнал, что до смерти отца никаких распоряжений о наследстве не было сделано, и князь Василий считал себя наследником, но что в то время, как мертвого стали одевать, князь Василий под изголовьем нашел бумагу: завещание и письмо государю, в котором умирающий просил усыновить сына Петра⁵ и передать всё имение. Княгиня¹ *Зачеркнуто*: слезы

² *Зач.*: Он рад был этому.

³ [Да, мой друг, это великая потеря для всех нас, не говоря о вас. Но бог вас поддержит, вы молоды, и вот вы теперь обладатель огромного богатства. Я довольно вас знаю и уверена, что это не вскружит вам голову; но это налагает на вас обязанности и надо быть мужчиной.]

⁴ [После я, может быть, расскажу вам, что, еслиб я не была там, то бог знает, что бы случилось.]

Вы знаете, что если бы мы не нашли завещания и прошения на имя государя, которое делает вас наследником, то все наследство получил бы князь Василий. Я не говорю, что он бы мог похитить завещание и прошение, он слишком благороден, чтоб его можно было подозревать, но это могли сделать другие для того, чтобы снискать его благосклонность. А вы знаете...]

⁵ *Зач.*: Вла[димировича]

Анна Михайловна потребовала у князя Василья бумагу. Князь Василий отказал было, но княгиня Анна Михайловна, как бы ненарочно, повторила свою просьбу при докторе и священнике и бумага была положена на бюро и дверь запечатана. Весь этот день княгиня проспала от усталости, а на другое утро рассказывала всем, как удивителен был отец и какой был необыкновенно трогательный его конец и какие необыкновенные слова он¹ сказал сыну, который был необыкновенно трогателен и чувствителен. Князь же Василий писал своей жене:

«Enfin le V. Б[езухов] n'est plus. Il est mort comme je voudrai mourir. J'ai mis les scellés sur tout et compte quitter Moscou le sept. Le jeune homme a été très bien, je compte l'emmener avec moi pour le distraire».²

* № 4 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Екатерининский генерал аншеф князь Николай Андреич Волхонской, по прозванию в обществе le roi de Prusse,³ отец князя Андрея, в осень 1805 года не поднимался из деревни в Москву по обыкновению, а ожидая к себе сына, который должен был заехать примириться и проститься перед отъездом в армию, и невестку,⁴ намерен был прожить всю зиму в деревне. Князь был вдовец и в отставке со времени Павла, немилость которого он заслужил, как рассказывали, дерзким ответом. Павел предложил князю жениться на г-же Д. «Сыщите кого другого, чтоб жениться на вашей б...», будто бы отвечал князь. И за этот ответ, достоверность которого никто не знал, но который был совершенно сообразен с чрезмерной гордостью и раздражительностью князя, он был сослан. При воцарении Александра князю разрешен был въезд в столицы, но молодые люди не любившие [?] князя за его надменность и он был забыт. Князь жил зиму в Москве в своем доме, видая только ближайших родных, и лето в Лысых горах, которые он, с свойственной его возрасту (свежей старости) страстью обстроивал, обсаживал и украшал. С ним жила его единственная, некрасивая дочь (княжна Марья), та самая, которую сватала m-lle Annette Анатолю, и⁵ молоденькая, хорошенькая француженка m-lle⁶ Bourienne, компаньонка княжны, одна из бывших у княжны восемнадцати гувернанток, которая умела удержаться в доме более двух лет.

Roi de Prusse князь был прозван за то что, говорили, он не только подражал, но и воображал себя столь же великим человеком,¹ *В рукописи:* она

² [Наконец граф В. Б[езухов] скончался. Он умер, как и я хотел бы умереть. Я всё опечтал и собираюсь выехать из Москвы седьмого. Молодой человек держался очень хорошо. Намереваюсь увезти его с собой, чтобы развлечь его.]

³ [пруссский король,]

⁴ *Зачеркнуто:* которую он не знал

⁵ *Зач.:* бывшая гувернантка

⁶ *Зач.:* Enitienne

как великой Фридрих. Жизнь князя проходила в городе, как и в деревне, так же правильно и аккуратно для себя, как и для окружающих, от которых, начиная с дочери, он строго требовал той же методичности во всем. В 5 он вставал, до 7 гулял, в 7 кушал чай, в 12-ть завтракал, отдыхал, в 3 обедал, час сидел с дочерью, кушал чай, занимался делами и в 10 ложился. В 1805 осень была теплая. В сентябре в конце еще ходили без шуб. Был заморозок.

* № 5 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Между семейством Марьи Дмитриевны Ахрасимовой и семейством князя Николая Андр[еевича] Волхонского, отца князя Андрея, существовала старинная связь. Говорили в обществе: *qui se ressemble s'assemble, le roi de Prusse et le terrible dragon*,¹ так прозывали князя Волхонского и Марью Дмитриевну. Говорили про того и другую, что, хотя они и люди, достойные уважения, никто не желал бы быть на месте их сыновей или дочерей. Близость сношений родителей и, может быть, одинаковая участь неволи и строгости сблизила дочерей князя Волхонского и Марьи Дмитриевны. Между старшей дочерью Марьи Дмитриевны, Julie, и единственной дочерью князя завелась дружба и переписка, продолжавшаяся без перерыва² 25 лет. В осень 1805 года она только что начиналась, так как князь не ездил в Москву.

Вскоре после обеда у графа Ростова и смерти графа Безухова вот что писала Julie Ахрасимова.

«La grande nouvelle du jour et qui occupe tout Moscou est la mort du vieux comte Б[езухов] et son héritage. On prétend que le prince Basile a été dégoûtant et que malgré tous les efforts tant permis qu'impermis pour accaparer l'immense fortune du défunt ont été infructueux; mais que néanmoins il s'est complètement compromis vis-à-vis des gens de cour. Je vous avoue que je comprends très peu toutes ces affaires de legs et de testament; ce que je sais c'est que depuis que le jeune homme, que nous connaissions tous sous le nom de m-r Pierre tout court est devenu comte Б[езухов] et possesseur de l'une des plus grandes fortunes de la Russie, je m'amuse fort à observer le changement de ton des mamans, accablées de filles à marier et des demoiselles elles même à l'égard de ce jeune homme qui, par parenthèse, m'a toujours paru être un pauvre sire. Il n'y a que maman, qui continue à le traiter avec sa rudesse habituelle, qui ne décourage pas le jeune homme à venir chez nous, ce qui parle fort en sa faveur.»³

¹ [С кем схож, с тем и дружен — прусский король и страшный дракон,]

² *Зачеркнуто*: 20

³ Главная новость, занимающая всю Москву — смерть старого графа Безухова и его наследство. [Говорят, князь Василий держал себя отвратительно; несмотря на то, что он пустил в ход все средства, чтобы присвоить себе громадные богатства покойного, все усилия его оказались тщетными, он себя совершенно уронил в глазах двора.]

Признаюсь вам, я очень плохо понимаю все эти дела по духовным завещаниям, знаю только, что с тех пор» как молодой человек, которого мы все знали под именем просто Пьера, сделался графом Безуховым и владельцем одного из лучших состояний России,

Comme on s'amuse depuis deux ans à me donner des promesses que je ne connais pas le plus souvent, la chronique matrimoniale de Moscou me fait comtesse B[ésouhoff]. Mais vous sentez bien que je ne me soucie nullement de le devenir.

Vous plaisantez sur mes relations avec le petit comte Nicolas Rostoff. Eh bien je vous avouerai que malgré l'extrême jeunesse de ce prétendant, c'est celui que j'aurais choisi le plus volontiers. (Je n'ai pas besoin de vous recommander la discrétion.)¹

[Далее со слов: Il a tant de noblesse... кончая словами: mais j'ai cru de mon devoir de vous en avertir. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXII.]

Le jeune homme a soupé chez nous avant hier. Il vient d'arriver de Pétersbourg et compte accompagner son père dans sa tournée et pousser jusqu'à chez vous comme si c'était en passant. Il est très beau, c'est tout ce que je puis dire, car j'ai été si occupée ce soir que je n'ai pas eu le temps de lui adresser la parole après sa présentation.

Karamsine a soupé chez nous le même soir. Quel homme! Chère amie, je n'ai jamais cru pouvoir rencontrer tant de perfection dans un être masculin. Maman me fait chercher pour aller dîner chez les Apraksines, je vous quitte. N'oubliez pas de lire le livre de... que je vous ai envoyé. Voilà la religion que je comprends.

La mort de votre bonne, comme je m'en aperçois d'après votre dernière [lettre], a dû vous donner des idées bien noires. Lisez ce livre et vous sentirez que la mort n'est que le passage au bonheur de l'éternité.²

я забавляюсь наблюдениями над переменой тона маменек, у которых есть дочери невесты, и самих барышень в отношении к этому господину, который (в скобках будь сказано) всегда казался мне очень ничтожным.

[Одна моя маменька продолжает с ним обращаться с своей привычной суровостью, это не мешает молодому человеку бывать у нас, что хорошо его характеризует.]

¹ Так как уже два года все забавляются тем, чтобы приискывать мне женихов, которых я большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы делает меня графиней Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю.

[Вы шутите по поводу моих отношений с молодым графом Ростовым. Так и быть, признаюсь: несмотря на чрезвычайную молодость этого искателя, я бы его охотно выбрала среди других. Надеюсь, это останется между нами.]

² [Молодой человек ужинал у нас позавчера. Он приехал из Петербурга, собирается сопровождать своего отца в его поездке и посетит вас, как будто проездом. Он очень красив — вот все, что могу сказать, так как я была занята в тот вечер и не успела с ним поговорить после того, как его мне представили.]

В тот же вечер у нас ужинал Карамзин. Что за человек! Милый друг, я никогда не думала, что столько совершенства может быть в мужчине. Маменька прислала за мной, чтоб ехать обедать к Апраксиным. Прочтите непременно книгу, которую я вам посылаю. Вот — понятная для меня религия.

Смерть няни, как я вижу по вашему последнему письму, навеяла вам черные мысли. Почитайте эту книгу и вы почувствуете, что смерть — только переход к вечному блаженству.]

Княжна отвечала:

1805 год 12 Août. Lissi Gori.

Nous voilà parvenus à la fête de mon père, jour de réjouissance chez nous, comme vous le savez, chère bonne amie. Nous l'avons passé assez tristement, car la veille même du 11, une heure après la messe, j'ai vu finir ma pauvre bonne. Elle a terminé sa longue et pénible agonie d'une manière digne d'envie pour tout bon chrétien, pas moins; comme je lui ai été fort attachée, sa mort quelque préparée que j'y aie été, n'a pas laissé que de me déranger sensiblement. Accoutumé à elle depuis ma naissance je la pleure amèrement. Vous avez tort, chère amie, d'attribuer à des idées noires produites par la maladie le sens où j'avais conçu la lettre qui vous l'avait apprise. Je vous assure qu'elle n'y était pour rien; mais depuis que je suis à la campagne, une réunion de plusieurs circonstances, telle, par exemple, que le spectacle continuel d'une femme mourante. (Quoique logée dans l'aile pendant sa maladie et malgré la défense de mon père, je ne pouvais m'abstenir de ne pas aller la voir deux fois par jour et elle [est] morte sur mes bras.) Ce spectacle, dis-je, a dû donner à mon esprit une teinte moins frivole, moins éloignée de ce que l'on regarde communément dans le monde comme un sujet effrayant dont il faut détourner sans cesse sa pensée, tandis que c'est le seul peut être qui mériterait toute notre attention. Je desirerais conserver cette disposition autant que je vivrai et dans quelque position que je me trouve. Malheureusement je ne puis pas répondre de moi-même. Un genre de vie plus dissipée, des distractions souvent répétées, que sais-je moi, mille choses différentes pourront m'enlever à moi-même et me rendre à cet étourdissement dans lequel nous vivons tous du plus au moins.¹

¹ Вот мы и достигли именин моего отца, дня увеселений у нас, как вы знаете, мой милый добрый друг. Мы провели этот день довольно грустно, потому что накануне, 11-го, час после обедни, я видела, как кончилась моя бедная няня. Она окончила свою длинную и тяжелую агонию достойно зависти для каждого хорошего христианина. Несмотря на то, как [ни] была я приготовлена, смерть ее меня очень расстроила, так [как] я была к ней очень привязана. Я привыкла к ней с детства и потому горько оплакиваю ее. Напрасно вы, милый друг, приписываете черным мыслям, произведенным болезнью, смысл письма, в котором я извещала вас о ней (о болезни).

Уверяю вас, что она (болезнь) тут не при чем, но с тех пор, как мы в деревне, соединение обстоятельств, как например, постоянное зрелище умирающей (хотя она жила со времени болезни во флигеле и отец мой запрещал мне видеть ее, я не могла удержаться, чтобы не видеть ее, [дважды в день] и она умерла на моих руках). Это зрелище, говорю я, не могло не дать моему уму оттенок менее легкомысленный и менее отдаленный от того, на что в свете обыкновенно смотрят, как на предмет страха, от которого нужно отдалять взоры, между тем как он один (предмет) заслуживал бы всего нашего внимания. Я бы желала удержать это настроение на всю мою жизнь и в каком бы положении я ни была. К несчастью, я не могу отвечать за себя.

Образ жизни, более рассеянной, и часто повторенные удовольствия, и другие причины могут отнять меня у меня самой и возвратить меня к тому отуманению, в котором мы все живем более или менее.

Mille grâces, chère amie, pour la proposition de me procurer l'ouvrage qui fait si grande fureur chez vous.¹

[*Далее со слов:* Cependant puisque vous me dites... *кончая словами:*...et plutôt il nous en accordera la découverte par son divin esprit. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XXII.]

Il y a cependant des livres excellents, dont la lecture nous est profitable; mais ceux-là sont clairs, ne traitant que de ce que nous devons chercher à connaître parce [que] Jésus-Christ lui-même nous a dit qu'il jugerait tout le monde d'après ce qu'on a fait, sans demander ce qu'[on] aura su.

Du nombre de ces livres est un ouvrage parfait du Reverendissime Père Innocent le Masson, général des²... Il y a pour livre «Introduction à la vie intérieure et parfaite, tirée de l'Écriture Sainte, de l'Introduction à la vie dévote de St. François de Sales et de l'Imitation de Jésus Christ». Je vous prierais même, chère amie, ainsi que M. Louskoy, de le chercher dans les librairies de Pétersbourg et si vous l'y trouvez, d'en faire aussitôt l'emplette. Vous le garderez chez vous.

Mon père ne m'a pas parlé du prétendant, mais il m'a dit seulement qu'il attendait une visite du prince Basile.³

J'ai reçu une lettre de mon frère qui m'annonce son arrivée chez nous pour le 15 avec sa femme. Ce sera une joie de courte durée puisque il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre. Je [meurs] d'envie de faire connaissance avec ma belle soeur, on la dit charmante.

Si elle pouvait plaire à mon père, c'est le seul voeu que j'adresse au bon dieu.

M-lle Bourienne se rappelle à votre souvenir.⁴

¹ *Зачеркнуто:* J'en aurai peut-être profité, si je devrais rester sur place et m'en occuper tranquillement pour vous le renvoyer tout de suite après. Mais n'ayant plus que trois semaines à passer ici, il n'arriverait <à Tamboff> chez nous que lorsque je n'y serai plus et serait obligée de courir bien du pays avant que de me parvenir. [Я может быть ею и воспользовалась бы, ежели бы осталась на месте и могла спокойно ею заняться и вернуть ее вам тотчас же по прочтении. Но я проживу здесь всего еще три недели и книга придет к нам <в Тамбов>, когда меня уже не будет здесь. Ей пришлось бы не мало попутешествовать прежде, чем я получу ее.]

² *Пропуск в рукописи.*

³ *Зач.:* Adieu, chère bonne amie, je vous embrasse ainsi que maman et vos charmantes soeurs. [Прощайте, милый, добрый друг. Целую вас, матушку и ваших прелестных сестер.]

⁴ [Тысячу раз благодарю вас, милый друг, за предложение прислать мне книгу, которая наделала у вас столько шума.]

А между тем есть превосходные книги, чтение которых нам полезно. Книги эти — ясны, в них пишется только о том, что нам должно знать, ибо сам Иисус Христос сказал, что он будет судить по делам, а не по знаниям их.

Из числа таких книг — прекрасное сочинение преподобного отца Иннокентия-Каменьщика, главы... Эта книга: «Введение в духовную совершенную жизнь. Извлечено из: св. писания, «Вступления к благочестивой жизни св. Франциска Сальского» и «Подражания Христу». Я вас попрошу даже, милый друг, так же как и г-на Лузского, поискать ее в книжных лавках в Петербурге. Если вы ее найдете, купите ее тотчас же. Оставьте ее у себя.

* № 6 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Княжна ничего не сказала, вздохнула, как будто этим вздохом выражая свою преданность воле божьей и привычку незаслуженного страдания, и сошла вниз своей тяжелой ступней. Пройдя через официантскую, в которой вскочило два сидевших в кафтанах, чулках и башмаках слуги, княжна остановилась перед массивной, в два роста княжны, затворенной, коричневой дверью кабинета и, пригнув руку к груди, как будто она оправляла платье, она незаметно перекрестилась два раза и, остановив глаза, прошептала молитву. Ручка двери слегка визгнула под рукой княжны и тотчас кто то изнутри отворил ее. Дверь эта не вела еще прямо в кабинет, а в маленькую прихожую, в которой сидел всегда камердинер князя. Тихон, камердинер, с проседью, тоненькой человек с тихими движениями и всегда испуганным лицом, отворил дверь.

— Ваше сиятельство, их сиятельство изволят быть заняты, приказали пожаловать к завтраку, — сказал шопотом Тихон.

Когда князь не принимал дочь поутру, это значило, что он был очень не в духе. Княжна Марья знала это. Она вышла в столовую и сложив, странным для женщины, но свойственным ей движением, руки за спиной, стала ходить от двери к буфету и опять к двери.¹ Скоро вышла m-lle Bourienne и три официанта.²

— Ну, каков князь? — спросила m-lle Bourienne.

— Я не видала отца, кажется, он здоров, — отвечала княжна, видимо желая показать, что она не желала бы слышать рассуждения о расположении духа отца. M-lle Bourienne, видимо не желая, или не умея понимать, продолжала рассказывать, как Михаил Иванович говорил с князем в саду и как она боялась. Княжна не слушала свою компаньонку.

Вдруг дворецкой всполохнулся, мотнул головой официантам, которые взяли за спинки стульев, и³ m-lle Bourienne, говорившая что то княжне, замолкла на середине речи и вызвала на своем лице приятную улыбку, обращенную к двери. Княжна подошла к своему стулу.

В столовую⁴ нервическими,⁵ быстрыми шагами вошел коротконогой, Отец мне ничего не говорил о женихе, но сказал только, что ждет посещения князя Василия.

Я получила письмо от брата, который мне объявляет о своем приезде к нам 15-го числа вместе с женой. Радость эта будет непродолжительна, так как он оставляет нас для того, чтобы принять участие в этой несчастной войне. Я умираю от нетерпения познакомиться с моей невесткой. Говорят, она прелестна. Если бы только она понравилась батюшке, это — единственная просьба, с которой я обращаюсь к богу.

Мадемуазель Бурьенн просит меня напомнить вам о себе.]

¹ *Зачеркнуто*: Видно было, что много передумала уж эта девушка и что мысль никогда не оставляла отдыхать ее голову.

² *Зач.*: — Вы не видали князя?

³ *Зач.*: торопливо, быстро подошли к буфету

⁴ *Зач.*: быстрыми, твердыми

⁵ *Зач.*: медленными

сухой и прямой старичок¹ с звездой на кафтане, в манжетах и пудре. Платье и вся особа его были необыкновенной чистоты. Он оглянул двух девиц и официантов. Княжна криво подошла к нему. Он дал поцеловать свою небольшую белую руку дочери и сел,² нервически подергивая рукав и переставляя стоявшие перед ним солонку, стакан и приборы. Девушки сели на торопливо пододвинутые стулья.

— Что ты делала утро? — спросил он у дочери.³

— Читала, mon père, потом...

— Я знаю. — Он поморщился. — Что ты делала перед завтраком? Отчего ты опоздала ко мне?

— Я писала письма, — отвечала княжна тихо, робко и чуть взглядывая на отца.

— Кому?

— Julie A[hrossimoff], mon père.⁴

— Этой дуре, — сказал он, взглянув на m-lle Bourienne. Француженка приятно улыбалась.⁵

Все молчали и на лицах всех, даже лакеев,⁶ выражалось чувство затаенного страха.

Одна компаньонка, казалось, ничего не видела и видеть не хотела. Она⁷ глядела на князя такими глазами, которыми можно было глядеть только на молодого, красивого и веселого шутника. Как будто он только что подарил ее самыми забавными ласковыми словами. Она развернула белейшую салфетку еще более свежими и белыми ручками и, грасируя, обратилась к князю:

— Il nous vient du monde, mon prince, — сказала она. — Le prince K[ouraguine] vient vous présenter ses respects. Il est ministre, n'est ce pas?⁸ Она даже прямо с вопросами обращалась к нему.

Как на диких зверей действуют их укротители преимущественно своей смелостью и убеждением, что тигр или лев не посмеет съесть их, так и на князя действовала компаньонка. Он с укоризной посмотрел на княжну и потом на m-lle Bourienne, как будто этим взглядом он хотел сказать: «Вот дура дочь, ничего не умеет сказать. Хоть бы у этой француженки поучилась».

— Значительное лицо!⁹ — насмешливо повторил князь. — Теперь все значительные люди. Он мной выведен в люди. — M-lle Bourienne с удивлением и подобострастием посмотрела на князя.

¹ *Зачеркнуто*: старик

² *Зач.*: <ни на кого> нахмуренно, из под густых бровей, глядя перед собой

³ *Зач.*: — Занималась музыкой, геометрией

⁴ [Жюли Ахрасимовой, батюшка.]

⁵ *Зач.*: Все молча кушали первое блюдо

⁶ *Зач.*: кроме компаньонки

⁷ *Зач.*: весело и прямо

⁸ К нам гости едут, князь. Князь Курагин едет свидетельствовать вам свое почтение. Он министр, очень значительное лицо, не правда ли?

⁹ *Зач.*: мною было <всунут> выведено в люди, — сказал князь. — Пустой мальчишка.

— Впрочем князь[?] этот порядочный человек, всегда ко мне с глубоким уважением, по старой памяти боится.¹

М-lle Bourienne выразила в лице убеждение, что это не могло быть иначе.

— Смешно, — продолжал князь, — что здешний дурак губернатор присылал ко мне узнать, когда будет Курагин? Я ему велел сказать, что он дурак, — и князь замолчал, видимо сообразив, что не перед кем было говорить всего, что он знал, и энергически оттолкнул от себя тарелку, которую на лету подхватил Тихон, вышедший за ним и служивший за его стулом. М-lle Bourienne была одна из тех женщин, которые, как бы легко и просто нельзя было сделать и сказать вещь, всегда любят сказать или сделать ее тонко и хитро. Она знала про планы сватовства князя Анатоля и теперь, с целью навести на этот предмет разговор, начала о приезде Курагина. Она взглянула на княжну Марью, на князя и опять на княжну Марью, как глядят на французском театре актрисы, играющие хитрых субреток.

— И он не один едет, я слышала, а с молодым князем. Куда едет молодой человек? я бы желала знать. — Князь посмотрел тоже на дочь. Несмотря на тот строгий и спокойный взгляд на супружество, который княжна Марья выразила в письме к приятельнице, она под взглядом отца и компаньонки опустила глаза и голову к тарелке и лицо ее внезапно покрылось красными пятнами.

— Шестьдесят лет я прожил на свете, — начал князь сердито, насмешливо, — и никогда не видал барышни, которая бы не думала, что всякий молодой человек, который ей встречается, сейчас влюбится, станет на коленки и предложит ей руку и сердце. Вот княжна Марья тех же мыслей... Не правда ли?² — Княжна Марья не отвечала и продолжала краснеть, только робко взглянула, как бы прося помилованья.

— У меня была кузина, у которой нос был больше этой бутылки, — сказал князь, — и синий. — М-lle Bourienne звонко засме[ялась].>

* № 7 (рук. № 49. Т. I, ч. 3, гл. III).

— Il nous vient du monde, mon prince,³ — сказала⁴ она, светло улыбаясь, развертывая салфетку такими же свеженькими ручками, как и сама салфетка.⁵

— Должно быть Курагин молодой, — отвечал князь. — Сын князя Василья — он министром теперь⁶ — добрый мальчик, но¹ *Зачеркнуто*: Князь замолчал, видимо сообразив, что некому было говорить того, что он знает.

² *Зач.*: Этот молодой человек сейчас влюбится.

³ [К нам едут гости, князь,]

⁴ *Зач.*: М-lle Bourienne, не замечая дурного расположения духа князя и

⁵ *Зач.*: Oui, c'est le fils d'un ami à moi [Да, это — сын моего друга.]

⁶ *Зач.*: сказал князь презрительно

пустой, я¹ про отца говорю. Он тут в городе, делают ревизию.² Он писал, что завтра будет сюда, — прибавил <князь не без удовольствия.>³

— А сын куда же едет, mon père?⁴ — спросила княжна, вдруг вся вспыхнув.⁵

— С отцом едет, — совсем другим тоном, сердито и грубо отвечал князь. — Эй,⁶ — обратился он к дворецкому. — Это что? А? и он нахмурился, указывая на пятнушко на тарелке. — А? — Дворецкий, изогнувшись, хотел взять тарелку, но князь⁷ остановил его. — Смотри! — Складка опять обозначилась между бровями. Княжна опустила глаза и побледнела.

M-lle Bourienne быстро⁸ обернулась к князю.⁹

— Il vient vous présenter ses devoirs.¹⁰

<— Убрать,¹¹ — сказал князь и продолжал начатый разговор. — Сын едет в имение, отец отделил ему, — отвечал он дочери. — Говорят, нашалил в Петербурге.

— А я думала, что это едут наши молодые, — сказала m-lle Bourienne. — Княжна так было обрадовалась.>

— Тишка, посмотри, кто едет, — сказал князь.

— C'est le prince A[ndré] peut être.¹²

Княжна побледнела, хотела высочить, но оглянулась на князя, у которого лицо стало еще серьезнее, чем прежде.¹³

Тишка вернулся, сказав, что коляска четвериком.¹⁴

Княжна побледнела.¹⁵

— Mon père, permettez que j'aie voir.¹⁶

Она встала и, тяжелой ступней, сбегала вниз навстречу брату, как она воображала. Князь начал кушать¹⁷ и на высоком лбу его вдруг сделалось содрогание кожи, как будто защелкнутой за что то и вдруг расправившейся. Это движение на лбу князя¹ *Зачеркнуто*: его мальчишкой знал

² *Зач.*: какую то, и заедет ко мне.

³ *Зач.*: Капитан исправник скакал уж тут.

⁴ [батюшка]

⁵ *Зач.*: Князь не отвечал.

⁶ *Зач.*: крикнул он

⁷ *Зач.*: бросил ее об землю и подперся руками, чтоб встать

⁸ *Зач.*: вскочила, нагнулась

⁹ *Зач.*: — Mon prince, vous vous ferez du mal. Est ce que ces gens peuvent mériter votre colère, voyez? [Князь, вам это вредно. Неужели эти люди достойны вашего гнева, взгляните?] — Она показала на княжну. Князь сел спокойно. — Подобрать! — крикнул

¹⁰ [Он просит прощения.]

¹¹ *Зач.*: сто палок!

¹² [Может быть это князь А[ндрей,]]

¹³ *Зач.*: Он, казалось, делал себе point d'honneur [делом чести] быть всегда холодным.

¹⁴ *Зач.*: Это был не князь Андрей, но Анатолий, который, растарачив глаза, весело, прямо, выпучив грудь, сидя в коляске, победительно подъезжал к дому, где он должен был по желанию отца смотреть себе невесту

¹⁵ *Зач.*: Elle se trouve mal [Она плохо себя чувствует]

¹⁶ [Батюшка, позвольте мне пойти посмотреть]

¹⁷ *Зач.*: — Узнай, кто?

знали все его домашние и знали, что это был хороший признак. В коляске подъезжал, однако, не молодой князь Волконской, а князь Анатолий Курагин, которого отец после того, как его выслали за историю с квартальным из Петербурга, отец не зная, что с ним делать, вез с собой¹ в деревню и намерен был посватать на княжне Марье. Анатолий ехал один, а отец должен был съехаться с ним на другой день у князя Волконского. Анатолий был один из тех счастливых людей, которые с рождения и до смерти смотрят на жизнь, как на² празднество, на которое они так же необходимо приглашены, как они бывают необходимо приглашены на всякие балы в городе. Ежели в жизни³ случается то, что называют несчастьем, то люди, как Анатолий, смотрят на это не больше, как на неудачу, расстраивающую на время празднества. Они не более как досадуют <ежели даже смерть бывает та особа, которая расстроивает пикник. Самые важные и сложные исторические элементы жизни, как то> правительство, религия, война, брак представляются для этих людей только удобствами, придуманными для празднества. Умерла, например, недавно тетка, оставив ему наследство. Он был призван на похороны. Не будь религии, он не знал бы, какую *contenance*⁴ держать, а тут панихида и можно креститься и до земли дотрогиваться костяшкой руки, и он всё это сделал с спокойной уверенностью и приличием и очень было удобно.⁵ Правительство в глазах Анатолия было учреждение, назначенное для того, чтобы его отцу, а посредством его отца и ему самому, давать почет и деньги. Война для того бывала, чтобы ему иметь случай получить золотую саблю и Георгий, когда он этого пожелает. Брак — было учреждение, предназначенное для того, чтобы дать ему возможность иметь опять много денег после того, как он промотает все свои деньги.

Теперь однако, хотя у него и было очень уж много долгов, он не полагал еще, чтобы брак был нужен для поправки его дел, и считал, что отец слишком рано начинает для него эту часть празднества. Однако, так как ему деваться было некуда, он повиновался отцу, и в этой поездке находя удовольствие. Он ехал⁶ *à la campagne voir les promises*⁷ и, выпучив грудь и разинув глаза, он⁸ здоровый, красивый [?] и всегда веселый ехал из самого Петербурга и теперь подъезжал к дому князя. От самого Петербурга празднество было очень удачно для Анатолия. В⁹ Новгороде ¹ *Зачеркнуто:* по ревизии

² *Зач.*: что то в роде пикника

³ *Зач.*: что-нибудь не удаётся

⁴ [вид]

⁵ *Зач.*: Однажды Pierre, вообразив себе, судя по образу жизни Анатолия, что он держится религии разума, позволил себе пошутить над святыней; Анатолий, выпучив глаза, рассердился и, выпучив глаза, сказал, что смеяться можно, но надо знать что, а это — нехорошо.

⁶ *Зач.*: теперь так себе пошутить, посмеяться

⁷ [в деревню смотреть невест]

⁸ *Зач.*: чистый, опрятный, модный

⁹ *Зач.*: Твери

нарочно для него стоял гусарской полк и знакомые Анатоля, с которыми он выпил так много вина, что при отъезде был положен на дно коляски и¹ не помнил, каким образом он доехал до Твери.² В Москве еще смешней было то, что ему удалось увезть³ француженку актрису, которую он продал приятелю за ящик шампанского. Даже под самым именем князя Волконского произошло увеселение.⁴ Удалось очень весело прибить смотрителя. Теперь он подъезжал к дому князя по усыпанному песком проспекту.⁵

— Tout cela est très bien, très bien,⁶ — говорил он, оглядывая кругом сад и новые строения. — Mais très bien, ma parole d honneur.⁷ Он был доволен князем, устроившим так всё для его приезда. Ежели и княжна мила, можно пошутить. Nous verrons.⁸ Лакей соскочил с козел, а Анатолю, разинув глаза, сидел, оглядываясь.

По лестнице послышались тяжелые шаги княжны, она всегда ступала на всю ногу, потом⁹ вся ее некрасивая фигура. Княжна была близорука и увидела свою ошибку только тогда, когда¹⁰ подбежала близко к коляске.¹¹

* № 8 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV).

— Точно своих генералов нет. Удивленье, что творится. И на какого героя собираются? Подумаешь. Мальчишка, который понятия не имеет о военном деле.

Как ни уважал А[ндрей] своего отца, он не мог воздержаться от высказанного своего мнения.

— В этом не могу согласиться с вами, батюшка.

— Да где ж он показал себя? Что безмозглых австрийцев побил, так это не удивительно. Кабы Суворов был жив, давно бы уж и перестали говорить про вашего Буонапарте. — Так шел разговор во время обеда и после все, как будто отпущены на воздух из душного погреба,¹² свободнодохнули, когда князь вышел на свою вечернюю прогулку.¹³ А[ндрей] пошел к себе делать¹ *Зачеркнуто*: он проснулся только в

² *Зач.*: что было очень смешно по мнению Анатоля

³ *Зач.*: купчиху и в Подольске передал ее другому

⁴ *Зач.*: Гнали партию рекрут в Минск. Несколько рекрутов плясали на привале.

Анатолю, который был выпивши с предшествовавшей станции, это очень понравилось. Он остановился, поднес вина офицеру, выпил с ним, рекрутам дал водки и заставил всех рекрутов плясать, сам проплясал с ними, сел в коляску и уехал.

⁵ *Зач.*: Он был очень весел.

⁶ [Всё это очень хорошо, очень хорошо,]

⁷ [Да, ведь очень хорошо, честное слово.]

⁸ [Посмотрим.]

⁹ *Зач.*: показались ее глаза, которые невольно

¹⁰ *Зач.*: Анатолю откинулся от нее прочь.

¹¹ *Зач.*: — Pardon, monsieur, — сказала она [?]

¹² *Зач.*: вышли в гостиную

¹³ *Поперек текста написано:*

Об Апраксиных. Страх опять. Перед отъездом только о себе.

приготовления к отъезду. Княжна Марья повела своего друга сестру к себе, и там в глубокие сумерки А[ндрей] застал их без свечей, с ногами на диванах, без умолку, весело, счастливо лепечущих что то все по французски. Он постоял, послушал, но ничего не мог разобрать. Тут и общие знакомые, и планы будущего, и confidences,¹ но по звуку голосов, по позам видно было, что им обоим было необыкновенно хорошо. Оттого ли, что, присутствуя сейчас только при укладывании, А[ндрей] живо вообразил себе, что завтра он оставит свою жену, может быть на долго, или оттого, что, сам испытав тяжесть дурного расположения духа отца, он понял, как тяжело бывало и его жене, или оттого, что он видел, как сестра его нежно полюбила его жену, или так просто в эти сумерки проснулось в нем чувство справедливости к своей бедной жене, только она ему показалась в полусвете, маленькая, толстенькая, с ногами сидящая на диване и неумолчно болтающая, как будто после слишком долгого воздержания, она ему показалась такою жалкою, что он в темноте, никем невиденный, кротко улыбнулся, глядя на них.

— Как у вас славно! — сказал он. Они замолчали, потом засмеялись. Княжна Марья встала.

— Ах, André, — сказала она, взяв его за руку. — Quel petit trésor de femme vous avez.² — Он вздохнул.

— André, ты не уходи, а то я завтра не успею, — прибавила она. — Ты там, что хочешь думай, а для меня это сделай. Сделай пожалуйста. Я тебя благословлю образом и ты не снимай его, André, пожалуйста, во всё время.

— Ежели икона целая, я не ручаюсь, — отвечал А[ндрей]³ шутливо. Но голос его звучал нежно.

— Отчего ты думаешь, Marie, qu'il n'a pas de religion,⁴ — заступилась маленькая княгиня, — он только не любит показывать. — А[ндрей] в темноте улыбался.

— Куда ты, Marie? — Княжна Марья неловко, тяжело влезла на диван, отворила киоту и при свете одной лампадки разъискивала образок.

— Я знаю, — говорила она на ходу, — его правила, но для меня он это сделает. — В это время княгиня поднялась на коленки, придвигаясь к мужу, и тихо, чтоб княжна не слыхала:

— André, какая прелесть твоя Marie. Ах, какая прелесть.

А[ндрей] улыбался, улыбался и вдруг ему⁵ так грустно и сладко стало на душе. Он в первый раз после многих месяцев взял за плечо жену, пригнул ее к себе и не поцеловал, а головой прижал ее к себе.

— Вы обе славные, славные, — сказал он.

¹ [откровенности]

² [Какое сокровище твоя жена.]

³ *Зачеркнуто*: кротко

⁴ [что он не религиозен,]

⁵ *Зач.*: плакать

— А... А... А... ndré — сквозь слезы проговорила Lise и радостно рыдая, стала обнимать мужа. В это время княжна Марья зажгла бумажку о лампадку и, тяжело спрыгнув, зажгла свечу.

— Что с вами? — удивленно спросила она. Lise так и сидела на коленках, маленькая, толстенькая, разруганная, она отирала слезы и смеялась.

— Мы знаем что, Marie, — сказала она. André выпустил ее руку и прошелся по комнате.

— Как у тебя славно, уютно в комнатке, — сказал он. — Ну, который же образок? — и чуть заметная, насмешливая складка показалась на его губах. Княжна Марья перекрестила его и велела перекреститься, исцеловать и надеть небольшой, в ризе, образок Спасителя. André всё это исполнил и потом посидел с ними, болтая весело, как давно уж ему не случалось.

На другой день старый князь подставил опять свои, еще раз выбритые, щеки сыну и простился с ним.

— Уж она тебя верно и благословила, и всё, — сказал старый вольтерьянец, — я этих штук не люблю, ну, а вот тебе мой подарок. Он¹ указал на мешок с золотом, который держал сзади дворецкой на подносе. — Вели уложить. А еще помни одно, что ты сын князя Николая Волконского и что, ежели я узнаю, что ты убит или ранен, мне тяжело будет, но ежели я узнаю, что ты в чемнибудь отстал от кого бы то ни было, то мне будет стыдно за тебя. А я никогда ни перед кем не стыдился. Прощай, пиши каждую почту. Жена твоя будет успокоена. Я не пойду тебя провожать.

В другой комнате А[ндрей]² поцеловался с женой и сестрой.³ Все были холодны. Уже когда экипаж отъехал, князь вышел в гостиную и, увидав, что Лизе было дурно и княжна Марья терла ей виски, нахмурился, сердито повернулся и ушел в кабинет, хлопнув дверью.

Разговор сестры с братом о ней. Княжна Марья защищает ее.

Старый князь позвал к себе Андрея.

— Жена твоя дура. Ну, нечего делать. Они все такие. Помни одно. — Он прослезился.

* № 9 (рук. № 50. Т. I, ч. I, гл. XXII—XXV).

— Ah, chère amie, — отвечала княжна Марья. — Je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l'humeur dans laquelle se trouve mon pore. Je ne me permet pas de le juger et je ne voudrais pas que les autres le fassent.⁴

¹ Зачеркнуто: дал

² Зач.: холодно

³ Зач.: и едва они успели выйти на крыльцо, как он сел и поехал.

⁴ Ах, милый друг мой. Я просила вас никогда не говорить мне о том, в каком расположении духа батюшка. Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие это делали.

М-лле Bourienne закусила розовенькую губку.

— Не забудьте, ваше время играть на фортепьяно.

Княжна взглянула на часы и заметив, что она пять минут уже пропустила, с испуганным видом пошла в диванную.

В этот же день князь отдыхал до обеда, а княжна по расписанию играла на клавикордах.¹ Княжна играла хорошо, но музыка была для нее, как и хотел того отец, только механическая работа. Он не любил музыки, но требовал, чтобы его дочь, которая всё должна была делать не так, как другие, играла самые трудные вещи и без пропусков и неправильностей. Она должна была упрямым трудом преодолевать трудности, и княжна покорялась ему.

Седой камердинер сидел, дремля и прислушиваясь к храпению князя, в приемной кабинета, в дальней стороне дома в диванной из-за затворенных дверей слышались по двадцать раз повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты. В это время подъехали к крыльцу карета и бричка и из кареты вышли князь Андрей и маленькая княгиня, его жена. Узнав, что отец спит, князь Андрей, зная порядок дома, и не подумал о том, чтобы возможно было разбудить отца. Притом и седой Тихон, высунувшись из двери, таким тоном сказал, что князь почивают, что видно было, что, только перешагнув через труп Тихона, можно было нарушить покой князя и никто, не знавший даже порядка дома, не попытался бы будить.

— Allons chez Marie, — говорила княгиня, улыбаясь и Тихону, и мужу, и официантам, провожавшим их. — C'est elle qui s'exerce, allons doucement, il faut la surprendre.²

Андрей шел за ней с тем видом, который ясно показывал, что ему было всё равно *surprendre*³ или не *surprendre*. Он с видимым отвращением давал целовать свои руки дворовым, всякой раз обтирая ее батистовым платком,⁴ и, морщась и брюзгливо выставляя нижнюю губу, что то мурлыкал себе под нос. Маленькая княгиня была весела и оживленна, какою она бывала при входе в гостиную. Возвышение талии княгини сделалось больше, она больше перегибалась назад и растолстела, но глаза и короткая губка с усиками улыбались так же весело и мило.

— Mais c'est un palais,⁵ — говорила она, оглядываясь кругом,⁶ как будто она входила в бальную залу, для нее так хорошо убранную. Проходя одну из комнат, к ним выскочила хорошенькая белокурая француженка m-лле Bourienne, очевидно уже успевшая надеть лишнюю ленточку в косу и другие воротнички.

¹ *Зачеркнуто*: В доме было совершенно тихо.

² [Пойдем к Мари. Это она упражняется, тише, застанем ее врасплох.]

³ [застать врасплох]

⁴ *Зач.*: и его отношения к жене, судя по его обращению, казалось, оставались те же.

⁵ [Да это — дворец,]

⁶ *Зач.*: когда проходили анфиладу высочайших, оригинально расположенных комнат, с зимним садом и комнатой чучел птиц и зверей.

— У него страсть строить, — сказал лаконически князь Андрей.

— Ah quel bonheur pour la princesse, — заговорила она, грасируя, — il faut que je la prévienne...¹

— Non, non, de grâce. Vous êtes m-lle Bourienne, je vous connais déjà par l'amitié que vous porte ma belle soeur...² — проговорила княгиня. — Elle ne nous attend pas,³ — и пошла на ципочках. Они подошли к двери диванной, из которой слышался опять и опять повторяемый пассаж. Андрей остановился, видимо не охотник до чувствительных сцен, которую он ожидал.

— Passez, mon prince,⁴ — сказала француженка, давая ему дорогу. Он насмешливо оглянул m-lle Bourienne, которая казалась в восторге и улыбалась ему, как другу.⁵

[Далее со слов: M-lle Bourienne прошла вперед, ... кончая: ... чувство страха и почтения, которое возбуждал этот старик во всех своих приближенных. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXIII—XXIV.]

Он обласкал княгиню, погладил ее по голове, потрепал рукой по затылку, приговаривая: «я рад, я рад» и видимо не зная, что говорить дальше, быстро отошел и сел на свое место. В его отношениях к невестке заметно было нескрываемое совершенное презрение к ней, как к женщине, то есть, как к вещице, вероятно на чтонибудь годной для его сына и которую потому он готов был соблюсти как можно лучше, для которой он построил дом, которую он готов был кормить и одевать, но с которой говорить очевидно было нечего. Один только вопрос относительно ее занимал его, это были ее предстоящие роды.⁶ Он терпеть не мог вида чужого страдания, которое возбуждало в нем раздражение, похожее на злобу.

— Го, го, — сказал он, оглядывая ее округленную талию. — Поторопились, нехорошо. Ходить, ходить надо, как можно больше, как можно больше, — сказал он. Княгиня не слыхала или не хотела слышать его слов, она молчала. Он спросил ее об отце и княгиня заговорила о общих знакомых Петербурга, передавая князю поклоны и городские сплетни.⁷

¹ — Ах, какая радость для княжны. Надо ее предупредить...

² — Нет, нет, пожалуйста... Вы — мадемуазель Бурьен; я уже знакома с вами по той дружбе, какую имеет к вам моя невестка...

³ — Она не ожидает нас,

⁴ [Проходите, князь,]

⁵ *Зачеркнуто:* что француженка обратилась исключительно к его жене.

⁶ *Зач.:* — Вот что я должен сказать тебе, — сказал он ей. — Была одна злая женщина и обманщица, она выдумала, что рожать очень больно, и стала кричать, все ей поверили и с тех пор женщины стали себя и других уверять, что это больно, ты пожалуйста не верь им, а поверь мне, старику: сморкаться не больно и глотать не больно, как и все, что натурально.

— А как же, mon rège, сказано в Библии, что в муках рождают чада свои, — сказала маленькая княгиня, блестя своими белыми зубами.

— А, в Библии, ну так это правда, — сказал князь, значительно поднимая и опуская брови. — Княжна Марья тверда по части Библии, с ней поговори, тверже, чем в подобии треугольников, то то разговоров будет. Я об одном думаю, как вы будете с княжной Марьей разговаривать в то время, как вы рот полоскать будете, — и он засмеялся сухо, холодно, неприятно, как он всегда смеялся, одним ртом, а не глазами.

⁷ *Зач.:* Она оживилась, вспоминая

— La comtesse Apraksine, la pauvre, a perdu son mari, et la pauvre a pleuré les larmes des yeux.¹

Видно было, что кроме как в рассказах о том, что было, княгине неловко. В этих же рассказах она была дома.²

[*Далее со слов:* По мере того, как она оживлялась, князь всё строже и строже смотрел на нее..., *кончая:* Вечером старый князь, не отступая от своего порядка жизни, ушел к себе. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV.] Андрей, одевшись опять в дорожный сюртук, распорядившись с своим камердинером,³ сам осмотрев коляску и уложив погребец, шкатулку и саблю, которая, он полагал, ему нужна будет, велел закладывать. В комнате оставались только те вещи, которые князь Андрей всегда брал с собой: шкатулка, большой серебряный погребец, два турецких пистолета и шашка, подарок отца, привезенный из под Очакова. Всё это было ново, чисто, в суконных чехлах, старательно завязано тесемочками. Все эти дорожные и вообще жизненные принадлежности были всегда в большом порядке у князя Андрея.

В минуту отъезда и перемены жизни на людей, способных обдумывать свои поступки, обыкновенно находит серьезное настроение мыслей. В эти минуты обыкновенно поверяется прошедшее и делаются планы будущего.⁴ Видно не в радостном свете представлялось Андрею ни то, ни другое. Лицо его было очень задумчиво и грустно. Он, заложив руки назад, с несвойственным ему искренним и детским жестом, быстро ходил по комнате из угла в угол.

¹ [Княгиня Апраксина, бедняжка, потеряла мужа и выплакала все глаза.]

² *На полях:* Князь входил быстро, беспорядочно, весело, как будто торжественность и порядок не им, а кем то другим были заведены.

³ *Зачеркнуто:* укладкой вещей на завтра, сидел, облокотившись на обе руки, перед столом в большой комнате, которая была отведена ему. Лицо его было больше, чем грустно, на нем выражалась безнадежная печаль.

⁴ *Зач.:* И то, и другое казалось князю Андрею безнадежно грустно. Он чувствовал, что ничего не любил, ничего ему не хотелось. В прошедшем представлялась ему однообразная петербургская жизнь в гостиных, среди людей, которых он давно выучился презирать всех без исключения, успехи в свете, которых так легко было достигнуть, и успехи у женщин, которые не доставляли ни удовлетворения, ни наслаждения, а только чувство, похожее на раскаяние. Он вспомнил свою женитьбу, которая сделалась бог знает зачем и как будто против его воли, «Точно такой же, как и все люди», сказал он сам себе, «un fils de famille qui a fait un très bon mariage et qui est en train de faire une très jolie carrière militaire» [молодой человек из хорошей семьи, который удачно женился и теперь на пути к блестящей военной карьере].

И он вспомнил Бонапарте, начало его карьеры и его брак с Жозефиной. «Нет, он был не в тех условиях, как я», сказал он сам себе, «у него не было этих пяти лет праздной, убийственной жизни, и Жозефина не была похожа на эту ничтожную Лизавету Ивановну», сказал он с озлоблением, мысленно называя по имени и отчеству свою жену, «Лизавету Ивановну, которая жива только в гостиной, у которой понятия об величии не распространяются дальше папеньки-сенатора и которая не умеет желать для меня другой славы, как славы первого петербургского болтуна и танцора. Нет, она не Joséphine Beauharnais и мне при таких условиях трудно быть тем, чем стал Бонапарте. Да, мне должно перейти во фронт», продолжал он размышлять, «взять отряд

[Далее со слов: Страшно ли было ему идти на войну... кончая: Андрей строго посмотрел на нее. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 1, гл. XXV.]

— Moi, j'aime cette galerie. C'est si mystérieux. Je m'y promène le soir ordinairement.¹

— Боюсь, что ваши прогулки отвлекали вас от обязанности при моей сестре.

— Я вас не понимаю, — сказала m-lle Bourienne.

— Извините, мне некогда объяснять вам подробности, — проговорил он, своим потухшим взглядом оглядывая ее лоб и волосы, но не глядя ей в лицо.

Когда он подошел к комнате сестры, княгиня уже проснулась. И ее веселый голосок, торопивший одно слово за другим, слышался из отворенной двери. Она говорила, как будто после долгого воздержания ей хотелось вознаградить потерянное время.

— Non, mais figurez vous la vieille comtesse Zouboff avec de fausses boucles et fausses dents comme si elle voulait défier les années et même les souvenirs de son terrible mari.² Хе, хе, хе.

Точно ту же фразу о графине Зубовой и тот же смех уже раз восемь слышал при посторонних князь Андрей от своей жены. Он тихо вошел в комнату. Княгиня говорила одна, перебирая петербургские знакомства, воспоминания и даже фразы. Она сидела толстенькая, румяная, с ногами на диване и неумолкаемо болтала. Она жалка показалась мужу. Он погладил ее по голове и спросил, отдохнула ли она от дороги. Когда Андрей присоединился к ним, ее разговор не переменился, она перебирала знакомых, только теперь вспомнила о княгине Д., которая жила в деревне с мужем и рожать приехала в Петербург.

— C'est l'opposé de ce qui m'arrive,³ — сказала она.

— Неужели ты в самом деле в ночь едешь? — сказала она.

— Что делать... — он помолчал и прибавил, — мой друг, — видимо стараясь быть как можно мягче.

— Андрей, поезжай в воскресенье, для меня.

— Нельзя, ma chère amie⁴... я и так просрочил отпуск. Ежели я не догоню Кутузова на границе в Радзивилове, мне будет очень трудно.

и тогда... Бонапарте начал с Тулонской осады» и ему представлялся уже отряд, с которым он решает участь сражения, назначение его в главнокомандующие, блестящий прием его при возвращении в Россию, замешательство отца, обязанного признать большим полководцем, нежели Суворов... экспедиция в Индию ...Александр Македонский, императорская корона, я и Бонапарте. Он встал и, отдав последние приказания о чемоданах Петрушке-камердинеру, пошел посмотреть, что делают дамы.

¹ [Я люблю эту галерею. Здесь так таинственно. Я гуляю здесь обыкновенно по вечерам.]

² Нет, представьте себе, старая графиня Зубова с фальшивыми локонами, с фальшивыми зубами, как будто издеваясь над годами [и даже над памятью своего ужасного мужа.]

³ [Как раз наоборот, чем со мной,]

⁴ [мой милый друг...]

— А мне так страшно, так страшно. Одной.

— А Marie — ты ее и не считаешь, а она тебя так любит.

Княгиня подвинулась к Marie и засмеялась своим милым смехом и пожала ей руку и поцеловала ее.

— А я как полюбила *cette chère Marie*,¹ — сказала она мило и с тактом, поправляя сделанную неловкость. Но почему то казалось, что эта любовь к Мари, о которой она говорила, не имела никакой цены.

[*Далее со слов:* На дворе была темная осенняя ночь, *кончая:* Мне и так совестно, что я вам на руки оставляю беременную... — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 1, гл. XXV.]

— Петербургскую манеру оставь. Скажи: сделайте то то и то то.

— Ну так вот что сделайте: когда жене будет время родить, в последних числах ноября, пошлите в Москву за акушером — он предупрежден. Чтоб он тут был.

Старый князь остановился и, как бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

— Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет, я согласен, и что из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия. Ей наговорили, она во сне видела и она боится.

— Она и есть, — про себя проговорил старый князь и продолжал дописывать. — Я сделаю. Она и есть, она и есть, — повторял он.

— Кто она?

— Твоя жена.

— Что она?

— Дура, — коротко, как один слог отрезал князь и, расчеркнув свою подпись, начал свертывать письмо.

— Вы бы могли мне этого не говорить, батюшка, — печально и строго сказал Андрей.

— Я за обедом вникал. Да нечего делать, дружок, — сказал князь, — они все такие. Ты не бойся,² никому не скажу, а ты сам знаешь.

Он схватил его за руку выше локтя костлявой маленькой кистью и потряс ее и засмеялся своим неприятным смехом. Потом он начал складывать и печатать письмо, с своей привычной быстротой хватая и бросая сургуч, печать и бумагу.

— Что делать. Она — добрая бабочка. Красива. Я все ей сделаю. Ты будь покоен, — говорил он отрывисто во время печатания. Андрей сидел, недовольно морщась и потирая себе лоб и глаза рукою. Старик встал и подал письмо сыну.

— Слушай, — сказал он. — Об дуре жене не заботься, что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай. Отдай письмо Михаилу Илларионовичу. Я пишу, чтоб он тебя употреблял в хорошие места и долго не держал адъютантом.³ Скверная должность.¹ [эту милую Мари,]

² *Зачеркнуто:* я ей рад, я ее успокою

³ *Зач.:* Лакейство.

Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет, весь разговор напиши. Коли хорош будет, служи у него. А коли жаться будет ни то, ни се, напиши. Николая Андрейча князя Волконского сын из милости ни у кого служить не будет. Понял? Теперь поди сюда. — Он говорил еще больше скороговоркой, чем обыкновенно. Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным длинным почерком тетрадь.

— Должно быть мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их передать государю после моей смерти. Баста. Теперь здесь вот ломбардный билет и письмо. Это — премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай, для себя найдешь пользу.

— Что вы это, батюшка, умирать собрались?

— Ну, теперь прощай, — он дал поцеловать свою руку, щеку и обнял сына. — Помни одно: коли тебя убьют, где следует, хоть и с Буонапарте теперь деретесь, а и его пушки бьют — коли убьют, скучно мне будет старику, скучно. Очень скучно. — Он неожиданно замолчал. И вдруг крикливым голосом продолжал: — а коли узнаю, что князь Андрей Волконский¹ хуже других, мне будет стыдно. А мне до 72-го года стыдно не бывало. Это помни.

Сын презрительно улыбнулся.

— Вам не будет стыдно. Это верно. — сказал он. — А ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя. Пускай она с вами останется. Но сына не отпускайте.

— Да, скучно одинокому старику, очень скучно, очень скучно, очень скучно. — И вдруг старый князь начал сопеть громко и часто, как запаленная лошадь, как будто что-то засело у него в носу. — Ступай, ступай, ступай. Простились, ступай. Ступай, я тебе говорю, — закричал он сердитым, громким голосом и вытолкал сына в дверь кабинета.

[*Далее со слов: Что такое? Что? кончая: сердитые звуки стариковского сморканья. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXV.*]

«Все это я вижу может быть в последний раз», пришло в голову князю Андрею. «Но кто ж будет мною, кто сделает все то, что я могу сделать?» вслед за этим пришло ему в голову. «Меня не убьют? Наполеона не убили на Аркольском мосту».

* № 10 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

28.

Князь Андрей молча сидел в углу коляски, закрыв глаза.

— Отчего Annette не вышла замуж, я все думаю, — говорила маленькая княгиня. — Как вы глупы все мужчины, что на ней не женились. — Муж посмотрел на нее, как будто удивляясь, что тут кто то сидит подле него, и опять отвернулся.

¹ *Зачеркнуто*: не храбрый

— Где ты был, André, ты не слышал, как хорошо рассказывал vicomte? — сказала княгиня. Андрей пожал удивленно плечами.

— Ты знаешь ли, André, — сказала она вдруг грустно, — мне скоро никуда нельзя будет ездить. Мне так тяжело становится от ребенка.

— Не езд, — как будто сквозь сон после непродолжительного молчания отвечал муж. — Поедешь к отцу, там ездить некуда будет.

Княгиня насупилась и лицо ее совершенно переменилось.

— Я думаю иногда, не затем ли ты меня везешь в деревню, не ревнив ли ты?

— К кому? Уж не к этому идиоту ли? — сказал князь Андрей, отворачиваясь. — К кому? — повторил он насмешливо, как будто не было и не могло быть человека, которому он сделал бы эту честь.

— А он опять шевелился нынче вечером.

— Гм! — сказал муж.

— André, je crains les couches, seule à la campagne. André, je crains, je crains.¹ Она почти закричала.

Опять муж пожал плечами с видом, говорившим: «мне тут делать нечего».

— André, ты только об себе думаешь, — сказала она, недоброжелательно посмотрев на мужа.

<Муж ничего не отвечал и лицо его все больше хмурилось и, ежели бы в карете было светло, княгиня бы увидала, как он морщился, как будто гадил[?] чем то в то время, как она ему это говорила. Но хотя она и не видела, она почувствовала, что говорить больше нечего и, тяжело вздохнув, замолчала.

29.

Карета остановилась у подъезда на Владимирской. Вслед за ними вошел m-г Pierre.

— Мне спать не хочется, я у вас долго посижу, — сказал он весело.

Андрей, не отвечая, ласково и покровительственно потрепал по животу Pierr'a. И лицо его прояснилось. Он провел его в кабинет, а сам прошел в другую комнату переодеваться. Pierre взял [книгу].

Княгиня прошла в свою комнату. Князь Андрей нахмуренный прошел за нею.

Молодая женщина раздевалась, взглядывая на мужа, который нахмуренный стоял посередине комнаты.

— Что, André?

— Надо, чтоб это кончилось, — сказал он своим дурным голосом, злобно глядя на нее.

— Да что, André?

¹ [Андрей, я боюсь рожать, одна в деревне. Андрей, я боюсь, я боюсь.]

— Что André? — повторил муж, не сдерживая голоса.¹ — Не думал я, чтоб *мне* пришлось говорить это моей жене. А должно.

— Да что я сделала, André?

— Я не хочу, чтоб вы ездили в это глупое общество, где вы можете встречать всякую дрянь.

— Какое же дурное общество у Annette?

— Самое гадкое. И я не хочу, чтоб вы ездили. Слышите? Я могу принимать к себе тех, кого я считаю достойными. А ездить я не хочу, чтоб встречать всякой народ с улицы.² Вам это может быть обыкновенно...

Княгиня заплакала и ничего не говорила.

Князь Андрей вышел от жены еще бледный, но на вид спокойный. Он сел за письменный стол и стал писать.

Князь запечатал написанные два письма, он хлопнул в ладони.

— Послать Фадея. — Князь встал, отдал письмо Фадею. — Слышишь ли, завтра утром поезжай с малого подъезда второе крыльцо, спроси швейцара, покажи адрес, отдай по адресу и доложи, что князь приказали просить ответа. Другое письмо, вот это, отведи к князю И[политу] и подожди ответа. Понял? Повтори. — Фадей повторил, но не так. Князь заставил его повторить еще раз и тогда только отпустил его.

Князь скинул мундир, надел сертук и крепко стал растирать себе лоб и глаза ладонью.

— Pierre, — сказал он, отрывая от чтения своего друга, — знаешь, что я прежде тебя уеду из Петербурга.

— Куда? — спросил Pierre, отрываясь от книги и глядя через очки.

— В армию. Я перехожу адъютантом к Кутузову.

— Не может быть? Когда же вы это решили?

— Сию минуту.

— Удивительно! А княгиня куда же поедет?

— Она поедет к отцу.

— Да зачем же это вдруг?

— Так надо.

Pierre по странному чувству никогда не мог решиться говорить своему другу ты, несмотря на то, что уже давно они сошлись и Андрей говорил ему ты.

— Это удивительно! — повторял он.

В спальне княгини произошла страшная сцена.

Князь Андрей видел, как Иполит положил записочку в ридикюль княгини. Он достал ее оттуда и в спальне княгини произошла страшная сцена между мужем и женой. М-г Pierre спокойно лежал в кабинете, не подозревая того, что делалось в спальне.>

¹ *Зачеркнуто*: — Это порханье, это кокетничанье, это гадкое обращение с мужчинами.

² *Зач.*: который бы смел ухаживать за моей женой

Переодевшись, князь Андрей медленно и <аккуратно>, как он и всё делал <отложил письмо в сторону, сложил письменные матерьялы по местам>, [сел] в кресла перед столом и, обернувшись к Pierre'у, расправил морщины. Pierre тотчас же оставил книгу и поверх очков смотрел на своего друга с видом покорной готовности¹ слушать то, что скажет князь Андрей.

— Да, довольно этой жизни, — сказал князь Андрей² оживленно и желчно. — Эта жизнь была не для меня. Я чувствовал, что падаю все ниже и ниже. Я становился такой же, как все.

Pierre недоверчиво улыбнулся, показывая этим, что друг его не мог сделаться таким, как *все*.

— Нет, право. Я чувствовал, что эта жизнь не по мне... Ну, теперь довольно. Война. И я знаю, где мое место.³ Через две недели я буду в армии.

— Когда же вы это решили?

— Сейчас.

— А жена? — робко спросил Pierre.

— Она будет в деревне у отца.

В это время зашумело в соседней комнате женское платье. Лицо князя Андрея отразило опять ту же гордую, холодную злобу, которая выражалась в нем во весь вечер, и огонь, загоревшийся было в глазах при начале разговора, потух опять при входе жены.

Княгиня, все так же улыбаясь белыми зубами из под короткой губки, сложила свои маленькие ручки над возвышением талии⁴ и села на кресло в кабинете мужа.

Pierre, спустив ноги, посмотрел на князя и его жену и, видимо, желая спросить еще что то, воздержался от вопроса, полагая, что решение князя еще должно оставаться тайной для жены. Князь Андрей понял его и видимо нарочно продолжал тот же разговор.

— Да, — сказал он, — странно будет, что *я, я* буду драться с Наполеоном.

Княгиня рассеянно смотрела вперед и, казалось, не слушала и не понимала того, что говорилось.

— Неужели вы думаете, что мы победим? — наивно спросил Pierre.

— Гм! — отвечал князь Андрей. — Мой долг сделать всё, что я могу, а там что будет. Но война теперь решительно объявлена и до зимы понюхаем пороху, — прибавил он, оглядываясь¹ *Зачеркнуто*: восхититься всем тем

² *Зач.*: возбужденный страстным вниманием своего друга.

³ *Зач.*: — Ты знаешь, что в этом письме? — прибавил он, грациозным и небрежным движением перекинув написанное и запечатанное письмо на раскрытую книгу. — Прочти.

Pierre прочел адрес Кутузову и вопросительно посмотрел на князя Андрея.

⁴ *Зач.*: с рабочими ридикюлями на руке

на жену и с досадой отворачиваясь от ее равнодушно спокойного и радостного лица. Она, видимо, не понимала того, что говорилось, глаза ее смотрели, как будто вглубь себя, кротко, радостно и серьезно, *матерински*... Она чувала движение ребенка¹ и все казалось ей так ничтожно в сравнении с тем первым чувством матери, которое она испытывала.

— Что ж вы будете адъютантом Кутузова? — спросил Pierre.

— Да, он предлагал мне прежде. Во фронте я не могу служить, слишком мерзко наше воинство.

— Да собственно он что, Кутузов? — спросил Pierre.²

— Это ты только можешь не знать, — сказал князь Андрей. —

Главнокомандующий!

Он оглянулся на жену. Ему неприятно было, что она пришла, неприятно было, что она ничего не говорит.³

— Чем замечателен этот Кутузов, где он был?

— Он? Везде от Измаила до Праги. Правая рука Суворова. Он был губернатором здесь, потом уехал в деревню, известная история. Много говорят, но я⁴ лучшего не желаю главнокомандующего. Служить с ним в военное время можно.

— André! — сказала Лиза, улыбаясь и блестя зубами из под короткой губки. Она всегда улыбалась, такая у нее была привычка, а улыбка эта теперь еще более раздражала мужа, — я нынче говорила о Marie.

Он пожал плечами и не отвечал.⁵

Они помолчали.

— Знаешь что, André — сказала опять жена. — Для твоей сестры Маши есть жених очень хорошей фамилии.

— Оставим ее самую о себе заботиться, — сказал муж. — Ты бы шла спать.⁶ — Княгиня продолжала сидеть.

— Первое время я соглашаюсь быть его адъютантом, но потом я должно быть возьму отдельный отряд, — продолжал князь Андрей, обращаясь к Pierr'у.

— André, разве ты едешь в армию? — вдруг испуганно спросила княгиня.

— Нет. Русские будут драться, а я буду ездить в Петербурге на обеды к вашим родственникам, — сказал он резким раздраженным голосом.

— М-г Pierre, он точно едет? — спросила княгиня, готовая плакать. Pierre удивленно через очки смотрел на эту сцену, не зная, что отвечать.

¹ *Зачеркнуто*: и гнев мужа и его жестокие слова, сказанные ей в спальне, все было не то что забыто, но было

² *Зач.*: Князь Андрей засмеялся.

³ *Зач.*: И вы с Кутузовым выступите против Наполеона?! — сказал Pierre. — Я не понимаю!

⁴ *Зач.*: ты знаешь, не стал бы служить у человека, которого бы можно было упрекнуть.

⁵ *Зач.*: Она замолчала и взялась за работу. Рука ее наткнулась на розовую записку

⁶ *Зач.*: Lise, ты не будешь ужинать

— Я три часа при вас об этом говорю, — продолжал князь, все более и более раздражаясь, — да вы видно заняты так мыслями о разговорах князя Иполита Курагина, что вам это не интересно.

— André, за что ты ко мне так переменялся?¹

— Ежели вы хотите делать сцены, то увольте от этого Pierr'a. Идите спать.

— Ты е-дешь в ар-ар-мию... а я?...

— Когда вам нужно будет знать, вы всё узнаете, идите спать

— Пойду. Прощайте m-r Pierre. Какой вы спорщик, — сказала она, покорно вставая и улыбаясь.

Она поцеловала его в лоб и, шумя платьем, вышла из комнаты. Она сопела и, как ребенок, едва могла держать слезы.

«Что же делать, что я не могу ее любить», сказал он сам себе.

* № 12 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. VII).

— André, не говори этого, не говори больше, — рыдая проговорила княгиня, — я не буду больше говорить, я уйду, я сделаю всё, что ты хочешь, я не буду говорить, чтобы ты не ездил в армию, — и она встала и собиралась выйти.

Pierre дышал тяжело и готов был плакать. Он не мог переносить вида чужого страдания и встал тоже в нерешительности.

— Прощайте, прощайте, — заговорил он, протягивая руки. — Извините меня пожалуйста. Мне надо поскорее.

— Куда надо? — спросил князь Андрей.

— Я обещал к Анатолю. Прощайте.

— Да ты мне дал честное слово не ездить к нему больше.

— Я не поеду, я домой. Прощайте, — и он торопливо вышел.

Оставшись одни, князь с княгиней замолчали, как будто, как это часто бывает, они только для постороннего говорили то, что они говорили.

— Пора спать, — сказала княгиня. — Я ухожу. Ты не сердись на меня, André. Я никогда не сержусь.

— Я только замечу тебе, — сказал князь Андрей уже мягче, чем при Pierr'e (и он говорил уже *ты*, а не *вы*. Хорошо ли, дурно было его положение,² он видно понял, что надо сносить его). — Я замечу тебе только то, что ежели бы я разлюбил тебя, как ты говоришь, такие сцены, как сейчас, не способны заставить меня полюбить тебя. Напротив...

— André, ты верно опять полюбишь меня? Верно всё вернется. Я это чувствую. Рано или поздно, а всё вернется. Я чувствую это, потому что я не переменялась к тебе.³

— Идите, идите и выпейте этих капель, что Lorrain вам прописал...

Она вышла.

¹ *На полях:* Л[иза] говорит о браке belle soeur [золовки].

² *Зачеркнуто:* оставшись с глазу на глаз

³ *Зач.:* Идите раздеваться.

— André, только когда ты вернешься, не было бы поздно, — сказала она, остановившись у двери.

— Выпейте капель.

Княгиня была в слезах и держала в руке розовую записку Иполита.

— André, c'est un billet doux!¹ — говорила она сквозь рыдания, подавая ему записку. — Я не знаю за что, чем я виновата. Я ничем не дала повода. Ей богу. Не будем ездить.

Князь взял записку, прочел.

— А я этого ждал, — сказал он, сжег записку, она была без подписи, и опять пошел в кабинет за письменный стол. Он был еще бледнее и написал Иполиту. «Ежели вы когданибудь посмеете показаться на глаза мне или моей жене, то я вам выдеру при всех уши. Ежели вам не нравится это приказанье, то соглашаюсь один раз еще видиться в тот день и в тот час, который вы назначите». Написав письмо и отослав его с Фадеем, князь² долго, облокотившись на руки, сидел в кабинете.

* № 13 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).

Перед ужином лакей пришел доложить Пьеру, который находился в самом веселом и приятном расположении духа, что князь Василий Сергеевич прислал за ним и велено сказать, что графу хуже.

— Partons, partons, mon cher,³ — заговорила Анна Михайловна, по петербургски энергически собираясь. — Faites avancer.⁴ Pierre простился с графиней, прося позволения бывать. Графиня сказала, что она очень рада. Граф почему то обнял Пьера и несмотря на то, что во весь день не говорил с ним, просил, чтобы он с ним был, как с родным, и говорил, что он очень полюбил его. Полный⁵ веселых, молодых и чистых впечатлений, Пьер сел с Анной Михайловной в карету и приехал к дому графа Б., перед которым было настлано соломы.

Швейцар протянул руку к звонку.

— Не надо, голубчик, — сказала княгиня Анна Михайловна.

— Князь Василий Сергеевич приказали доложить, когда вы изволите приехать, — сказал швейцар.

— Ах нет, не надо, не надо, — сказала княгиня, торопясь и конфузясь. Она остановила руку швейцара.

— Allez vous coucher, mon cher ami. Je vous ferai chercher quand il sera temps,⁶ — сказала она Пьеру. — Croyez que je ferai¹ [— Андрей, это — любовная записка!]

² *Зач.*: вернулся в спальню. Жена его еще не спала и плакала. Он лег подле нее.

³ [Едем, едем, мой милый,]

⁴ [Велите подавать.]

⁵ *Зач.*: в первый раз в жизни

⁶ [Ступайте и прилягте, мой милый друг. Я пришлю за вами, когда будет нужно.]

tout dans votre intérêt,¹ — сказала она расстроенно и печально Пьеру, и на ципочках, чуть не бегом направилась к половине больного. Pierre остановился от удивления на слова Анны Михайловны. Он не понимал ничего, что делалось в этом большом доме. Чутье его говорило ему, что что то тут нехорошо, и он не старался вникать дальше, даже старался не думать. Княгиня сказала ему, что она будет хлопотать в его интересах. Он понял из этого только то, что она была занята в этом доме тем же, чем заняты были три княжны. На этом он успокоился.

С ним случилось в этот вечер то, [что] часто случается, особенно с детьми. Чем печальнее была обстановка его окружающая, тем ему было веселее и всё казалось смешно.² В ушах его все звучали скрипки и фаготы, отхватывавшие Данилу Купора, и изредка квартет голосов, из которых выдавался голосок Наташи, в глазах представлялась³ то Марья Дмитриевна, подрагивающая плечами, то граф с мягкими движениями, то Борис с своей красивой улыбочкой, то Наташа с своими кудрями и быстрыми ножками. Старик слуга пришел раздевать Pierr'a.

— Ты был музыкантом, знаешь ты играть Данилу Купора? — сказал он в то время, как старик снимал с него сапоги.

— Уж я забыл, сударь, всё, что знал, — отвечал старик и. ободренный вопросом барина, он сам вступил в разговор.

— Папинуку не изволили видеть? — спросил он. (Слуги в доме и сам Pierre иногда называли графа отцом, иногда графом.) «Опять об этом», подумал Pierre: «Когда это всё кончится? Хоть бы поскорее он умер». — Нет не видал.

— Очень плохи, — сказал слуга. — Духовник приехали из Симонова монастыря.

Пьер лег в постель, слуга пожелал ему покойной ночи и спросил, не нужно ли ему чегонибудь.

— Нет ничего. А что, Василий, Ростовы ездят к графу?

— Кажется езжали прежде, не запомню.

Василий вышел со свечей, и в темной комнате тотчас же заиграли невидимые музыканты Данилу Купора, засеменяли ножки в башмачках с бантиками и зазвучал смех и выплывала и опять исчезала головка и глаза Наташи. «Всего не переслушаешь и не пересмотришь», подумал Пьер, улыбаясь, перевернулся на спину и⁴ под одеялом невольно ногами выделявал еще подобие тех па, которые делал граф Ростов в Даниле Купоре. Всё было светло, ясно, весело. Всё улыбалось ему. Он скоро заснул.

«Да, я желаю, чтобы как можно скорее умер мой отец и кончилось всё это», сказал ему кто то во сне. «Я желаю, как можно скорее смерти моего отца», повторил он и ему стало страшно, он проснулся. В комнате стоял Василий, раздетый, со свечей¹
[Поверьте, что я буду блюсти ваши интересы,]

² *Зачеркнуто*: Старик слуга, пришедший раздевать его, показался ему забавен. Он

³ *На полях*: открылся новый мир, самый русской.

⁴ *Зач.*: захрапел

и с спутанными волосами. На простом лице был отпечаток чего то страшного. Василий говорил что то, и еще слышался странный звук, в котором, протирая глаза, не мог дать себе отчета Пьер.¹

Звук этот был не стон, как ему показалось сначала, а женские, приближавшиеся шаги. Значенье их для него было то же, что и стон. Большая, высокая дверь беззвучно отворилась и вошла Анна Михайловна с платком в руке и слезами на глазах.

Pierre был в постели и в рубашке. Анна Михайловна ни минуты не стеснилась этим и шла прямо на него. Он понял, что это значило что то страшное.

— Venez, habillez vous vite,² — сказала Анна Михайловна, закрывая лицо платком и садясь на стул у двери за ширмами.

Pierre путался, молча надевая навыворот платье. Анна Михайловна говорила из за ширм:

— Ah, Pierre! la bonté divine est inépuisable. C'est un saint, votre père. Venez. Ayez du courage. Soyez homme.³

Pierre оделся. Он не отвечал, не понимал ничего, но, чувствуя себя преступным, готов был итти за ней. Анна Михайловна встала и они пошли вниз, наверх и через анфилады комнат.

Несколько мужчин и много дам было в комнате, предшествовавшей спальне. Pierre узнал докторов, одного молодого петербургского, и заметил шапку и костыль священника в углу. Все, и доктора и дамы, смотрели на проходившего Pierr'a больше, чем с любопытством и участием, они смотрели на него, как казалось Pierr'у, со страхом, ужасом. Ему казалось, что все они смотрят на него, как на первое лицо, обязанное совершить какой-то страшный, ожидаемый всеми обряд. Ему оказывали уважение, которое никогда прежде не оказывали. Одна неизвестная⁴ ему пожилая дама вскочила, чтоб отворить перед ним дверь в спальную, другая, молоденькая девушка, подняла платок и подала ему. Он хотел предупредить⁵ даму и самому отворить дверь и поднять платок, но ему чувствовалось, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Князь Василий встретил его в двери. Лицо его было серьезно, как будто он делал большие усилия над собой. Князь Василий пожал в первый раз в жизни руку Пьеру и пожал с давлением сверху вниз, как он это всегда делал, и проговорил:— Courage, mon ami.⁶

Что то гадкое, подлое и испуганное показалось Pierr'у в лице князя Василия. Pierre чувствовал, что отвечать не надо и надо предоставитья вполне на волю тех, которые руководили им. В комнате было много людей, много свечей, много блестящего и белого. Pierre искал глазами отца, каким он помнил его еще ¹ *На полях рукой С. А Толстой*: впустили и выгнали, только видел спор и беготню

² [Идемте, одевайтесь скорее,]

³ [Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо. Ваш отец — святой. Идемте. Ободритесь. Будьте мужчиной.]

⁴ *Зачеркнуто*: из княжен

⁵ *Зач.*: княжну

⁶ [Не унывать, мой друг]

три месяца тому назад, высоким, мужественным стариком, с седой гривой волос, напоминавших льва, и с тем побеждающим взглядом чудных глаз, против которого не могла устоять ни одна женщина, и с тем изящным и величавым спокойствием чистого лба, которое внушало такое невольное, смешанное с страхом, уважение. Он искал глазами отца и не находил. Был священник монах с серебряным крестом на черной ризе, дьякон в облачении, княжны в слезах и на кресле, обложенном подушками,¹ лежало что то. Анна Михайловна остановила его у двери.

— C'est la cérémonie de la suprême onction qui va finir. Attendez,² — сказала она значительно. Он повиновался.

Что то зашевелилось, Анна Михайловна велела ему итти. Он подошел ближе.³ Пахло нехорошо и странно. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах. Слышались звуки усилий, но каких, Pierre не понимал и подходил ближе.⁴ Анна Михайловна неслышными шагами обогнала Pierr'a и стала у кресла. Звуки прервались и послышался хриплый, разбитый голос.

— De grâce...⁵ — сказал голос. Pierre в эту же минуту узнал отца в больном теле, лежавшем на кресле. Он увидел в середине подушек свалившуюся на бок голову⁶ и робкую, детскую и беспомощную улыбку, просившую, казалось, у всех прощенья. Это был его отец.

Как только Pierre подошел, князь Василий и княгиня Анна Михайловна отошли и что то пошептали. Умиравший с трудом поднял глаза.⁷ Лоб был сморщен страданием. В глазах была одна робость, мольба о чем-то и стыд перед чем-то.⁸

Pierre нагнул голову к опухлой, огромной руке отца. Очки его упали на подушку, он торопливо их снял и ломая сунул в карман.

Отец поднял с трудом руку, положил ее на волосы сына. — Pierre, pourquoi ne pas être venu chez votre père? — сказал он с⁹ страшным усилием. — Il y a si longtemps que je souffre.¹⁰

Pierr'у вспомнилось, как он, ложась спать, желал скорой смерти отца. Он чувствовал, что его преступное желание сбывается.

— Je ne sais pas,¹¹ — сказал он и зарыдал. На лице умирающего хотела показаться улыбка, но не могла,¹² он только пошевелил пальцами по волосам Пьера.¹³

¹ Зачеркнуто: сидело

² [Сейчас кончается соборование. Подождите,]

³ Зач.: и действительно на подушках в кресле был граф

⁴ Зач.: Он и не думал, что эти звуки производит его отец

⁵ [Ради бога...]

⁶ Зач.: глаза своего отца, но ввалившиеся и окруженные чем то, жалкие и умоляющие

⁷ Зач.: Глаза были другие. В них

⁸ Зач.: И глаза эти ввалились ужасно и блестели.

⁹ Зач.: трудом

¹⁰ [Пьер, почему не прийти к отцу? Я так давно страдаю.]

¹¹ [Не знаю,]

¹² Зач.: настолько не было уж жизни в этом теле

¹³ Зач.: и что сказать того, что думается и чувствуется, здесь нельзя, и там едва ли можно будет, ежели есть там.

Подошли княгиня Анна Михайловна, старшая княжна и князь Василий. Граф сморщился, махая с отвращением на князя Василия. Анна Михайловна¹ подошла одна и сказала: *assez, mon oncle. Ça vous dérange trop.*² Анна Михайловна взяла за руку Pierr'a, отводя его от постели, как будто отец с сыном что то делали и что теперь, по ее соображениям и соображениям докторов, этого дела было уже сделано достаточно.³ Граф хотел сказать что то и указал на бюро головой, но⁴ старшая княжна нежно погрозила ему.

— Вам нельзя говорить, *mon oncle.*⁵ Все будет сделано, а вы отдохните.

— *Le testament,*⁶ — проговорил граф.

— Все, всё, — отвечала княжна. Pierre вышел из спальни.

Pierre вышел в другую комнату и сел на стул, но все бывшие в комнате, так⁷ не отводя глаз почтительно смотрели на него, что он вскочил и побежал на крыльцо и на двор. Он слышал, что кто то выбежал за ним и тут смотрели на него.

Он вошел опять в комнату, прошел приемную, сквозь устремленные на него взгляды, и отворил дверь в комнату отца. Было полутемно. Без очков он не мог рассмотреть, в каком положении был его отец; у двери подле бюро стояли князь Василий, Анна Михайловна и старшая княжна. Опять ему показалось лицо князя Василия гадко и зло. Он держал в руках бумагу и скороговоркой шопотом говорил:

— Пока есть время, я вам говорю, надо переписать. Оно незаконно.⁸

— Мы не должны,⁹ — говорила Анна Михайловна, решительно и отчаянно хватаясь за бумагу и вырывая ее.

— Я бы желала знать, какое вы право имеете вмешиваться в семейные дела? — громко взвизгнула старшая княжна.

— *Dieu! Il s'en va,*¹⁰ — с испугом закричала младшая княжна, сидевшая вдали у кресла больного, подбегая к спорящим¹¹ и выбегая из комнаты.¹²

— Батюшка, отец Николай, — закричала Анна Михайловна, не выпуская из рук бумаги.¹³ Монах <уже> входил в комнату.

— Вот завещание,¹⁴ — сказала она, подавая бумагу и с ним. вместе подходя к креслу.

¹ *Зачеркнуто:* с старшей княжной

² [довольно, дядя. Это вас слишком расстраивает.]

³ *Зач.:* Отец и сын повиновались.

⁴ *Зач.:* Анна Михайловна

⁵ [дядя.]

⁶ [Завещание,]

⁷ *Зач.:* страстно

⁸ *Зач.:* — Князь, завещание положено им в бюро и

⁹ *Зач.:* его трогать

¹⁰ [Боже мой! Он кончается,]

¹¹ *Зач.:* Князь Василий и старшая княжна выбежали из комнаты.

¹² *Зач.:* Анна Михайловна увидела П[ьера]. — Зовите

¹³ *Зач.:* но едва Pierre отворил дверь, как

¹⁴ *Зач.:* покойного

— Идите, идите к себе, Pierre, — обратилась она к молодому человеку, который в нерешительности стоял в двери.

У князя Василия дрожала нижняя губа и он плакал, старшая княжна упала без чувств.

Pierre вышел в темную гостиную и, не раздеваясь, он лег на диван и не успел еще заснуть, как заиграли опять скрипки Данилу Купора и начала танцевать Наташа. Он проснулся, как и всегда он просыпался, потягиваясь и улыбаясь. Слуга доложил, что его ищут к панафиде. Он умылся и вышел в залу, где стоял гроб и было много народа. У подъезда стояли цуги. Княгиня Анна Михайловна в середине [дня] зашла к Pierr'u.

— Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous, je ne parle pas de vous. Mais dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune. Je l'espère. Le testament n'a pas encore été ouvert. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs, et il faut être homme.¹

Pierre молчал.

— Peut être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là, dieu sait ce qui serait arrivé! Vous savez que si nous n'avions pas trouvé le testament et la supplique à l'empereur <elle est expédiée>, vous savez bien que le prince Basile aurait hérité de tout. Je ne dis pas qu'il aurait pu soustraire le testament et la supplique, il est trop chevalier pour pouvoir être soupçonné, mais on aurait pu le faire pour obtenir ses bonnes grâces, et vous savez... Mon oncle avant-hier encore me promettait de ne pas oublier Boris. Mais il n'a pas eu le temps. J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père.²

Она заплакала и обняла Пьера. Pierre ничего не понимал и молча, недружелюбно смотрел на княгиню Анну Михайловну. Только гораздо позже он узнал, что до смерти отца никаких распоряжений о наследстве не было известно, и князь Василий считал себя наследником, но что в то время, когда граф отходил, князь Василий по указанию княжны в бюро достал бумагу, завещание и письмо к государю, в котором умирающий просил узаконить его сына Петра, и говорил, что в завещании не соблюдены формы и надо переписать его. Княгиня Анна Михайловна потребовала у князя Василия бумагу. Князь Василий отказал¹ [— Да, мой друг, это великая потеря для всех нас, не говоря о вас. Но бог вас поддержит, вы молоды и вот вы теперь, надеюсь, обладатель огромного состояния. Завещание еще не вскрыто. Знаю вас достаточно, чтобы быть уверенной, что это не вскружит вам голову, но это накладывает на вас обязанности, будьте мужественны.]

² [— Позже я может быть вам скажу, мой милый, что, не будь меня там, бог знает что бы произошло. Вы хорошо знаете, что, не найди мы завещания и прошения к государю <оно отослано>, вы хорошо знаете, что князь Василий получил бы всё. Не могу сказать, что он мог бы похитить завещание и прошение, он слишком благороден, чтобы можно было его подозревать, но могли это сделать, чтобы снискать его расположение, и вы знаете... Третьего дня еще дядя обещал мне не забыть Бориса. Но он не успел. Я надеюсь, мой друг, что вы исполните желание вашего отца.]

было, но княгиня Анна Михайловна, как бы ненарочно, повторила свою просьбу при докторе и духовнике, и бумага была положена в бюро, и дверь запечатана. Переговорив с Риетро'м, княгиня Анна Михайловна уехала к Ростовым, проспала до другого утра. Она по всей Москве рассказывала, как удивителен был отец и какой был необыкновенно трогательный его конец и какие необыкновенные слова он сказал сыну, который был необыкновенно трогателен и чувствителен. <Князь же Василий писал своей жене:

Enfin le comte V. n'est plus. Il est mort comme je voudrais mourir. La princesse Annette m'a été d'un grand secours. J'ai mis les scellés sur tout et compte quitter Moscou le 7.¹

Le jeune homme a été très bien. C'est lui qui a été nommé héritier d'après le testament.² Le petit Pierre est devenu le plus riche homme de la Russie>.³

* № 14 (рук. № 52. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).

⁴Князь Василий отворил дверь в комнату княжны; в комнате было тепло, полутемно, только две лампадки горели перед образами, и пахло хорошо куреньем и цветами. Вся комната была уставлена мелкой мебелью шифоньерок, шкапчиков, столиков, из-за ширм виднелись белые покрывала высокой пуховой кровати. Было очень тепло в комнатке. Собачка залаяла⁵ на вольтеровском кресле, на котором князь Василий разглядел и княжну, дремавшую и зашевелившуюся при его входе.

— Кто еще?⁶ проговорила она. — Ах это вы, mon cousin, — она встала и оправила волоса, которые у нее всегда, даже и теперь,¹ [Наконец граф Б. скончался. Он умер, как хотел бы я сам умереть. Княгиня Аннет была мне большой поддержкой. Я всё опечатал и собираюсь выехать из Москвы 7-го.]

Зачеркнуто: pour faire ma tournée dans nos biens de Saratoff et passer chez [чтобы объехать наши саратовские имения и заехать к]

² [Молодой человек держался очень хорошо. Он унаследовал всё состояние по завещанию.]

Зач.: trouvé sous l'oreiller du défunt quia <Je compte l'emmener avec moi pour le distraire> [найденному под подушкой покойного. Намереваюсь увезти его с собой, чтобы развлечь его]

³ [Маленький Пьер стал первым богачем в России.]

Зач.: Pendant ma tournée dans vos biens de P. je me propose de passer chez le roi de Prusse avec Anatole qui doit venir m'y rejoindre pour l'affaire que vous savez [При объезде имений намереваюсь заехать к прусскому королю, где со мной должен съехаться Анатолий для того дела, которое вам известно.]

⁴ *Зач.:* Увидав князя Василия, проходившего через коридор и девичью, горничные княжны всполошились и хотели бежать вперед, но он удержал их, спросив только, где была дверь в комнаты княжны Катерины.

⁵ *Зач.:* из-за ширм, и послышался шелест платья и ворчливый сонный голос княжны. — <Кто> Что там еще? Ни минуты покоя. Кто тут? — Князь не отвечал. Княжна высунулась с открытой шеей из-за ширм. Голос ее переменялся, она медленно и изнуренно протянула: — Ах, mon cousin. Вот не думала. Как вы не прислали мне сказать? Да чтож это, Наташка! <А> я так устала, легла минутку отдохнуть, но вам, как я рада, mon cousin.

Князь сел на кресло молча.

⁶ *Зач.:* Ни одной секунды отдыха

были так необыкновенно гладки, как будто они были сделаны из одного куска с головой и покрыты лаком. — Случилось чтонибудь? — спросила она медленно.

— Ничего, я только пришел поговорить с тобой, Катишь, о деле, — монотонно проговорил князь, садясь на кресло, с которого она встала. — Как ты нагрела однако, — сказал он. — Ну садись сюда.

— Ах, как вы меня испугали, mon cousin, Аннушка, дай свечку, — сказала княжна не улыбаясь, а с своим неизменным спокойным и строгим, каменным приличием села против князя, готовясь слушать. — Я хотела уснуть часик.

<Граф Безухов не оставлял законных детей. Наследниками его с равными правами были три княжны по своей матери, жена князя Василия и какие то неизвестные всем Мамонтовы. В случае смерти без завещания, все сорок тысяч душ и миллионы денег делились на эти три ровные части. Дела князя Василия были так расстроены, что наследство это делало его не только богатым человеком, но спасало его от долговых затруднений, из которых он не знал, как выпутаться. Граф Безухов не любил говорить и думать о том, что будет после его смерти. Из своих наследников он переносил только трех княжон, к которым он привык и которых он любил, как говорили злые языки, за хорошенькие лица двух младших. Завещания он никогда не писал, но летом 1805 года, в то время, как возвратился Pierre из за границы и как в Москве все говорили о любовной истории одной из меньших княжон с молодым человеком, за которого она хотела выйти замуж, граф прогневался на всех княжон вместе, две недели не пускал их себе на глаза и написал завещание в пользу Pierr'a и письмо к государю, в котором он просил усыновить его и которое уже после смерти должно было быть передано. Это завещание лишало законных, наследников всего. Князь Василий слышал про него еще в Петербурге, и со времени своего приезда в Москву окольными разговорами старался наводить княжон, бывших при графе, на вопрос об этом завещании, но не мог ничего узнать от непроницаемой старшей княжны, и теперь, особенно после приезда главнокомандующего к графу и его тайного разговора с ним, князь пришел к княжне с целью прямо узнать от нее, существует ли это завещание и где оно.

30.

¹Pierre в это время находился еще в самом веселом расположении духа, стоя в кружке молодежи против Наташи и показывая ей, как его учитель танцев показывал ему le grand pas de Zéphyr, и всякой раз, как он делал это па, добродушно стараясь сделать его посмешнее и мешковатее. Наташа² смеялась, ¹ *Зачеркнуто*: У Ростовых накрывали ужинать для той большой половины гостей, которые остались с обеда

² *Зач.*: и все окружающие покатывались со смеху и

не спуская с него глаз. Pierre, выказывая свои порченые зубы, смеялся еще радостнее ее.

— Какой вы смешной! Ах, какой! — говорила Наташа, снизу глядя на него так беззастенчиво удивленно и радостно, как¹ смотрят на за деньги показываемых великанов или карликов.² Pierre сбирался еще раз, еще смешнее козелкнуть, чтоб послушать и посмотреть еще, как она смеется, как³ он и Наташа, и Борис, Соня, и Nicolas обратились к лакею Ростовых и Анне Михайловне, которые оба с значительными лицами через залу шли прямо⁴ к ним.

— Partons, mon ami,⁵ — сказала Анна Михайловна, вздыхая и закрывая глаза должно быть для того, чтобы не видеть всё еще неприлично веселящееся лицо Пьера, — on me fait quérir (она любила вставить неупотребительное словцо) — le comte va très mal!⁶ Лакей подал Pierr'у записочку от княжон — «Grand papa a demandé après vous! vous auriez pu ne pas vous absenter»,⁷ писала старшая княжна.⁸

Наташа до передней провожала Пьера, не спуская с него любопытных и ласковых глаз,⁹ как будто она еще¹⁰ чего то ждала от него. Она не видывала еще таких людей, как этот толстый, простодушный и веселый Пьер.¹¹

Pierre, с детским, глупым весельем в глазах, молча раскланялся с графиней, всё чувствуя¹² глаза маленькой черненькой, полные ожидания смешного, устремленными на себя. Граф Ростов, прощаясь с Pierr'ом, пригнул его к себе и поцеловал в голову.

— Покорно благодарю, — сказал Pierre. Наташа засмеялась. Граф тоже засмеялся.

— Славный малый! я его полюбил, — сказал он прямо в лицо Пьеру.

В карете Анна Михайловна вздыхала¹³ и французскими речами старалась приговаривать Пьера. Ему же хотелось смеяться, вспоминая смех Наташи, и он молчал.¹⁴

¹ Зачеркнуто: за редкость показываемое чудо.

² Зач.: Но Pierr'у было весело слушать, как она смеется

³ Зач.: в середине прыжка

⁴ Зач.: на <Pierr'a> их молодой кружок. Все оглянулись на Pierr'a и всем стало его жалко.

⁵ [Поедем, мой друг,]

⁶ [за мной прислали — графу очень плохо]

⁷ [Дедушка вас звал! вы могли бы на отлучаться,]

⁸ На полях: <Когда Pierre получил известие, что граф Безухов звал его к себе> <как только Pierre был вызван в переднюю.>

Зач.: всем стало скучно, как он стал прощаться.

⁹ Зач.: как с великана или карлика, которого показывают за деньги

¹⁰ Зач.: ждала от него какуюнибудь штучку

¹¹ Зач.: казался ей каким то забавным чудом

¹² Зач.: на себе, едва удерживаясь от желанья выкинуть какуюнибудь смешную штучку, чтобы посмешить маленькую черненькую, которой

¹³ Зач.: плакала

¹⁴ Зач.: Потом ему захотелось спать и так как переезд был порядочный, то Анна Михайловна должна была разбудить его, когда

В это время карета графа Безухова с Pierr'ом и Анной Михайловной подъезжала к дому графа Безухова.

[Далее со слов: Когда колеса кареты... кончая: это было необходимо нужно. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXII.]

На половине лестницы чуть не сбили их с ног мужик, кучер и лакей, которые, стуча сапогами, сбегали им навстречу с ведрами в руках. Мужик и лакей прижались к стене, чтоб их пропустить, и не показали никакого удивленья при виде их.

— Здесь на половину княжон? — сказала Анна Михайловна мужику.

— Здесь, — отвечал лакей, — дверь налево, — и они побежали вниз. Анна Михайловна шла всё вверх и наконец отворила дверь налево. Она ошиблась этажем и дверь, которую она отворила, вела в комнату живописца¹ графа.

— Кого надо? — спросил сердито хриплым голосом толстый мущина без сертука, в вязаных помочах.

— Ах! nous nous sommes trompés, Pierre,² — сказала она поскорее по французски, чтобы показать мущине в помочах, кто она была. — Скажите, любезнейший, где ход к графу?

— С парадного подъезда.

— Нет я знаю, почтеннейший, — говорила кротко Анна Михайловна, не смущаясь растерзанным видом мущины (Pierre понял, что и это так надо было). — К княжнам где ход?

— Так бы и сказали, ниже, налево первая дверь.

— Ах, мы прошли. Благодарствуйте, мой милый, — и княгиня обратилась к Pierr'у с взглядом, говорившим «il faut toujours être poli»³ и пошла вниз.⁴

[Далее со слов: Может быть граф не звал меня, кончая: дверь налево вела в жилые комнаты княжон. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XIX.]

Горничная с графином второпях (как и всё делалось второпях в эту минуту в этом доме) не затворила дверь, и Pierre с Анной Михайловной, проходя мимо ее, невольно увидели⁵ внутренность комнаты с зажженной лампадой перед большой кийотой, комнату старшей княжны и в комнате старшую княжну и князя Василья.⁶

<— Ах боже мой! — вскричала Анна Михайловна.

Казалось, ничего не было странного и предосудительного в том, что князь Василий сидел у княжны, и что Анна Михайловна в это время с Pierr'ом проходили мимо комнаты, но князь Василий¹ *Зачеркнуто*: князя

² [Мы ошиблись, Пьер,]

³ [надо всегда быть вежливым]

⁴ *Зач.*: Pierr'у становилось неловко и страшно за свидание, которое пр[едстояло]

⁵ *Зач.*: устланную ковриками и уставленную разнообразною мебелью шкапчиков, шифоньерок, кресел, столиков, с клетками канареек и цветочками, уютную старо-девическую

⁶ *Зач.*: На вольтеровском кресле подле софы, при свете одной восковой свечи с абажуром на маленьком столике, почти против самой двери, сидели князь Василий и старшая княжна.

и старшая княжна испугались и рассердились, что их увидели, а Анна Михайловна и Pierre испугались, что увидели их, как будто застали двух преступников на деле преступления. Pierre чувствовал это, но не мог понять, отчего это происходило. Ему показалось только, что лицо, всегда столь английски чистое, приличное, старшей княжны, в ту минуту, как он увидел ее, выражало несдержанную и неприличную злость и досаду. В лице князя Василия, бледном и встревоженном, больше чем когданибудь обозначались¹ нехорошие морщины.> Увидав проходящих,² князь Василий сделал нетерпеливое движение и откинулся назад. Княжна взвизгнула, лицо ее вдруг обезобразилось и, вскочив, она неграциозным, отчаянным жестом, изо всей силы хлопнула дверью, затворяя ее.³ Жест этот был так непохож на всегдашнее спокойствие княжны, страх, выразившийся на лице князя Василья, был так несвойствен его важности, что Pierre вопросительно посмотрел на свою руководительницу. Анна Михайловна слегка улыбнулась и вздохнула, но не выразила удивления.

— *Soyez homme, courage, mon ami. C'est moi qui veillerai à vos intérêts,*⁴ — сказала она только и пошла еще скорее по коридору.⁵ Коридором они вышли в полуосвещенную залу, предшествующую кабинету графа. Это была одна из тех холодных и роскошных комнат, которые знал Pierre. Но и в этой комнате по беспорядочности расставленной мебели, по пролитой воде и внесенной ванне виден был особенный и значительный характер нынешней ночи. Впереди их на цыпочках и не обращая на них внимания, прошли официант и дьячек с кадилом. Они вошли в знакомый Пьеру кабинет с итальянским окном, бюстом и портретом Екатерины. В кабинете было много народу.⁶ Все бывшие в комнате посмотрели на дверь, в то время как она слабо визгнула на своих петлях.⁷ Анна Михайловна, ни минуты не медля и не теряя решительности, вошла в комнату с Pierre'ом. Напротив видно было, что, ведя за собой того, кого требовал умирающий граф, она была обеспечена. Она мелкой иноходью подбежала¹ *Зачеркнуто*: чувственные и подлые

² *Зач.*: они видимо испуганно прекратили разговор. Княжна взвизгнула от нескрываемой злобы, исказившей ее лицо.

³ *Зач.*: Что то неожиданно растерзанное <было в эту минуту во всем> показалось Pierre'у в ее выраженьи. Эпизод этот видимо сильно подействовал на Анну Михайловну. Анна Михайловна всхлипнула от волнения и, как человек, собирающийся с последними силами перед борьбою, дотронулась с своим обычным жестом до руки Pierre'a и проговорила

⁴ [Будьте мужественны, ободритесь, мой друг. Я буду заботиться о ваших интересах]

⁵ *Зач.*: Pierre продолжал чувствовать, что это все так должно быть, но еще меньше, чем прежде, понимал, что все это значило.

⁶ *Зач.*: Но не успел еще Pierre оглядеть всех, как из противоположной двери, которая вела в спальню графа и на которую все бывшие

⁷ *Зач.*: из этой двери, закрывая лицо платком, вышла и тотчас же побежала к креслу меньшая княжна с родинкой <и упала на него> и почти упала подле старшей сестры, сидевшей тут. Она плакала и слабо кричала, платком душа свои крики, как жалкий, наказанный ребенок.

к одному священнику, приняла его благословенье, к другому, потом к доктору. Доктор сделал ей жест.¹

— Подождите меня тут, — сказала Анна Михайловна Pierr'у, и² Анна Михайловна смело подошла к большой, издающей чуть слышный звук двери, на которую все смотрели, и скрылась в ней. <Pierre огляделся, узнал адъютанта главнокомандующего,³ шопотом говорившего у окна,⁴ узнал двух докторов, разговаривающих недалеко от него, двух священников, сидевших, и дьякона и причетников, стоявших в углу и изредка басами перешептывавшихся между собою, и еще двух, трех лиц неизвестных ему. Беспрестанно то в ту, то в другую дверь на цыпочках входили и выходили люди и всякий раз, как отворялась дверь, все бывшие в комнате, прерывая свой шопот, совершенно замолкали и полными ожидания и вопросов взглядами осматривали входивших.> Когда вошел Pierre, он заметил, что все взгляды устремились на него больше, чем с любопытством и с участием. Перешептывались, указывая на него глазами, как будто с страхом и подобострастием. Ему казалось, что все смотрят на него, как на лицо, обязанное совершить какой то страшный, ожидаемый всеми обряд. Ему оказывали уважение, которое прежде никогда не оказывали. Неизвестная ему дама встала с своего места и предложила ему сесть. Священник подал ему перчатку, которую он уронил. Доктора замолкли и посторонились, чтобы дать ему место. Pierre хотел сначала сесть на другое место, чтобы не стеснять неизвестную даму, и сам поднять перчатку, и обойти докторов, которые и не стояли на его дороге, но он почувствовал, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Он сел на место дамы, принял перчатку из рук священника и решил сам с собою, что все это так должно было быть и что он потеряется, ежели захочет поступать по своим соображениям, а что ему надо предоставиться вполне на волю тех, которые руководили его.

31.

<Князь Василий, со дня своего приезда в Москву, старался случайными вопросами в общих разговорах наводить старшую княжну, неотлучно бывшую при графе Безухом во время всей его — Нет, <Катиш> Nadine, нет, ни за что. Я не могу больше, я не могу, он так страшен, иди ты. — Она беспомощно опустила руки. Анна Михайловна мелкой иноходью, захлебываясь от волнения, подбежала к сестрам с вопросом, не забывая Pierr'a и ведя его за собой. Анна Михайловна шла смело с Pierr'ом, видимо чувствуя

¹ *Зачеркнуто*: — Eh bien? [Ну как?] — спросила она. — Князь — отвечала средняя княжна, (под именем «князя» она разумела тогда бывшего московского главнокомандующего) — был здесь сам и простился, вот его адъютант, которому велено ждать здесь. Должно быть нынче ночью...

Вторая княжна показала на священника и вздохнула.

² *Зач.*: с другой, средней сестрой, которая пошла на смену меньшей

³ *Зач.*: дремавшего

⁴ *Зач.*: на стуле, вертлявого секретаря князя Василья, ходившего взад и вперед с опущенной головой от угла к двери,

болезни, на вопрос о том, сделано было или нет, и где оно хранилось, завещание в пользу Pierr'а, о котором он слышал. Но княжна¹ отвечала ему только о боге и будущей жизни. С каждым днем князь Василий становился беспокойнее, раздражительнее и натуральнее. Весь французский придворный лоск соскочил с него и он являлся сердитым и брюзгливым русским, московским барином. Вопрос о завещании был для него очень важен. Дела его были крайне расстроены. В случае, ежели не было завещания, то жена его была одною из трех отдаленных родственников, имеющих право на наследство, и на его долю доставалось более десяти тысяч душ и более миллиона денег. В случае же, если завещание было сделано и Pierre усыновлен, он не получал ничего. Нынешний вечер, в то время, как так беззаботно веселились у Ростовых, доктора объявили положение больного совершенно безнадежным, граф не мог уже говорить и приезжавший вечером главнокомандующий, чтобы проститься с умирающим, полчаса один на один оставался с ним. Беспокойство князя Василия дошло до крайних пределов. Заметив, что старшая княжна ушла к себе отдохнуть после многих бессонных ночей, он непривычно поспешными шагами, с беспрестанным нервическим и беспокойным подергиванием щек, пошел за нею и, несмотря на то, что княжна, скинув мантилью, была не в совсем приличном положении, он взял ее за руку, пригнул ее.

— Je crois que c'est fini, —² сказал князь Василий, взяв руку княжны и пригибая ее по привычке сильно книзу.³ Княжна бесстрастно, непроницаемо смотрела своими выпуклыми большими глазами прямо на князя. Она покачала головой и вздохнула. Жест ее можно было объяснить, как выражение печали и как выражение усталости и надежды на скорый отдых. Князь Василии объяснил этот вздох, как выражение усталости.

— Eh moi <ma chère, — сказал он, — je suis éreinté comme un cheval de poste et malgré tout il faut que je vous parle <à coeur ouvert> d'affaires et d'affaires très sérieuses.⁴

⁵ Они помолчали.⁶ Щеки князя Василия нервически подергивались то на одну, то на другую сторону, резче обозначая неприятные⁷ морщины около рта. Он говорил⁸ медленно и глаза его ¹ *Зачеркнуто*: видимо понимала, чего ему хотелось, и делала la sourde oreille [прикидывалась глухой], как она сама с удовольствием объясняла себе свое поведение.

² [Думаю, что это конец]

³ *Зач.*: сел на вольтеровское кресло и посадил ее возле себя на софе.

⁴ [Э, милая моя, я заморен, как почтовая лошадь, и, несмотря на это, мне нужно откровенно говорить с вами о делах и делах весьма серьезных].

⁵ *Зач.*: Это были единственные слова, сказанные им по французски, и последний прием, напоминающий петербургского, придворного князя Василия.

⁶ *Зач.*: и сидели неподвижно

⁷ *Зач.*: чувственные и неприятные

⁸ *Зач.*: по русски

смотрели то нагло, то испуганно. Княжна¹ переложила одну руку на другую с тем видом, который говорил, что «ежели вы не начнете, я ничего не скажу».

— Вот видите ли, моя милая княжна Катерина Семеновна, — сказал он, — в такие минуты, как теперь, обо всем надо подумать. Надо подумать о вас; я вас всех люблю, как своих детей, вы это знаете. — Он говорил это монотонно, видимо и не желая, чтоб ему верили, но по привычке и не мог говорить иначе. Княжна² тускло смотрела прямо на него и нельзя было догадаться: понимает ли она или нет то, что ей говорили.

— Надобно подумать и об моем семействе.³ Ты знаешь, Катишь, — продолжал он, — что вы три и мое семейство, да еще Мамонтовы, одни прямые наследники графа. Я знаю, я знаю, как⁴ тебе неприятно думать об этом, поверь, мне еще неприятнее, но, мой друг, надо быть ко всему готовым.⁵

Я слышал,⁶ что прошлую зиму несчастный⁷ дядя почему то был расстроен и написал странное завещание, по которому он⁸ всё именье, помимо прямых наследников, отдавал этому⁹ пухлому sans culott'y¹⁰ (князь Василий так называл иногда Pierr'a).¹¹ Княжна недоверчиво и презрительно улыбнулась.

— Это было бы очень хорошо, — сказала она, иронически и спокойно. — Но этого нельзя сделать.

— Этого нельзя сделать так, но я знаю, что граф писал письмо государю и просил усыновить Пьера. Понимаешь? — Княжна ничего не отвечала, но губы ее сжались и брови нахмурились.

— Я тебе скажу больше.¹² Письмо написано, и государь о нем знает, — продолжал князь, — но существует ли завещание,¹³ или нет? Это ты должна знать и должна мне сказать, не для себя, я знаю, как ты далека от всего этого, но для твоих сестер, для моих детей, которые вместе с вами¹⁴ будут лишены всего.¹⁵

¹ *Зачеркнуто*: <испуганно> накинула мантилью и, спросив стакан воды, приготовилась слушать.

На полях: Женщина не поним[ает].

² *Зач.*: прямо и тупо

³ *Зач.*: Вы

⁴ *Зач.*: вам

⁵ *Зач.*: мы одни наследники

⁶ *Зач.*: и вы сами говаривали

⁷ *Зач.*: страдалец

⁸ *Зач.*: лишал всех нас и все

⁹ *Зач.*: несчастному молодому человеку

¹⁰ [голоштаннику]

¹¹ *Зач.*: — Не может быть, — вскрикнула княжна. — Чтонибудь, но не всё же.

— Я слышал, что всё, и это похоже на него, — отвечал князь. Княжна всплеснула руками.

¹² *Зач.*: Потом он мне сам говорил, что его последние распоряжения не изменятся, — продолжал князь, — стало быть он уничтожил, или хотел уничтожить это завещание. Сделано это или нет?

¹³ *Зач.*: и где оно?

¹⁴ *Зачеркнуто*: этой минутной фантазией, давно забытой им самим, по ошибке, по недоразумению

¹⁵ *Зач.*: Напрасно князь Василий так опасался отвращения старшей

— Как всего? — вскрикнула княжна, всё не спуская глаз с князя Василия. — Нас выгонят из этого дома?

— Да, разумеется, — отвечал князь Василий, стараясь проникнуть смысл выражения лица княжны; «не хочет или не может она понять меня?», спрашивал он сам себя.

— Этого только недоставало! — проговорила княжна, смеясь внутренним, злым смехом и не изменяя выражения глаз, — я женщина, но насколько я знаю, что незаконный сын не может быть наследником, *mon cousin*, — сказала она, заканчивая слова таким ядовитым жестом, каким заканчивают свои речи женщины, предполагающие, что они сказали пику.

— Как ты не понимаешь! Граф пишет письмо государю и просит его усыновить Пьера и ему передает именье, — сказал князь Василий нетерпеливо, — и ежели это завещание и письмо не уничтожено, а будет найдено в бумагах графа, то мы с тобой, моя милая, ничего не будем иметь, кроме утешенья, что мы исполнили наш долг перед умирающим *et tout ce qui s'ensuit*.¹

— Вы меня считаете за совершенную дуру, *mon cousin*?²

«Или она то, что она говорит, т. е. — дура, или есть другое завещанье исключительно в их пользу», подумал князь Василий.

— Милая моя, — сказал он, ударяя себя в грудь, — я пришел сюда не для того, чтобы пикироваться с тобой, но для того, чтобы, как с хорошей родной, с истинной родной,³ поговорить о твоих же интересах. Я тебе говорю, что письмо к государю есть и что, ежели завещание написано и не уничтожено, то⁴ ты, моя голубушка, не получишь ничего и все пойдет Пьеру.

— Это было бы хорошо! Это было бы прекрасно, я ничего и не хочу, — крикнула княжна.⁵ — Как не презирать людей после этого. Какая подлость, какая низость! — почти прокричала она. — Прекрасно! Очень хорошо. Я всем пожертвовала для него и в награду за всё <нас лишат> законного, меня прогнать и сестер! княжны к занятию корыстными целями. Как только он сказал ей, что они могут быть лишены всего этого забытым завещанием, всегда строгое, методическое лицо ее <вдруг изменилось и сделалось тем торопливо раздраженным, неблагородным лицом,> сначала выразило удивление, потом приняло озлобленно раздраженное выражение, которое, проходя мимо двери, видели Pierre с Анной Михайловной.

¹ и всего, что отсюда вытекает

² *Зачеркнуто*: Князь Василий никак не ожидал, входя в комнату для родственного, дружеского разговора, что ему надо будет выдерживать пики.

³ *Зач.*: посоветоваться об общем деле

⁴ *Зач.*: мы с тобой

⁵ *Зач.*: — Ах, *mon cousin*, — сказала она, подвигаясь ближе к нему, — всё это так ужасно, такие интриги со всех сторон окружают нас, такая зависть. Пускай бы ктонибудь из них перенес то, что мы все трое перенесли.

Мне и не нужно ничего, но я знаю, чьи это интриги.¹ Но это не может быть. Я спрашивала...

«Да она дура и злая еще дура», подумал князь Василий.

— Послушай, Катишь, — сказал князь Василий, — я знаю, что тебе ничего не нужно и все, но дело в том, что твои сестры, может быть, не того мнения. Я тебе говорю, что письмо к государю есть и что дядя сейчас спрашивал про Pierr'a и² надо послать за ним. Дело в том — продолжал он, перепрыгивая щеками, — знаешь ли ты верно, что в мозаиковом портфеле, который у него под подушкой, ничего нет, кроме писем? Ежели так, то хорошо, а ежели завещание там, то надо его вынуть и показать графу пока есть время. Может он сам пожелает его уничтожить.

Княжна не могла еще отвечать. Она была взволнована так, как нельзя было ожидать, судя по ее лицу.

— Подлость, низости, обман, — говорила она, — и от кого? Кроме неблагодарности, самой черной неблагодарности, интриг, зависти, подозрений — я ничего не видала в этом доме, за всю мою любовь и самоотвержение и теперь³ бог знает для какогонибудь... Она замолчала от негодованья.

— Но было ли завещание? Знаете ли вы про него?

— Ах, не говорите! — Княжна остановилась, прислушиваясь.

— Но какие гадости тут были, надо знать, — продолжала она, — ему наговорили бог знает что об нас, об Sophie,⁴ он призывал духовника и написал эту гадкую бумагу,⁵ но он сам потом говорил, что уничтожил ее.

— Но так ли это? — спросил князь. — Этого никто не знает, и ежели бумага эта забыта, то вы лишитесь всего. — Княжна слушала молча, устремив злые глаза на князя.

— Еще есть время.⁶ Ты пойми, Катишь, что одно мое желание... иначе бы я не уважал себя, и не говорил бы этого вам, зная тебя, милая Катишь, и твое сердце.

¹ *Зачеркнуто:* я знаю — шипела она с угрожающим жестом <Это всё интриги дяди... Но главное...

— Но, главное, ты не отвечаешь, кузина, есть или нет это завещание? — нетерпеливо спрашивал князь Василий, не переставая шевелить щеками. Но княжна, видимо, не могла отвечать на вопрос прежде, чем не изольет всех чувств, накипевших в ней. — Вы первый, как истинный родной обращаетесь ко мне, — сказала она, утишаясь, — это — первые минуты отрады за все это тяжелое время.>

² *Зач.:* он послал за ним

³ *Зач.:* еще быть лишенной всего в пользу бог знает кого, гадкого и грязного молодого человека, которого дядя никогда не любил. Правда, была одна минута, когда дядя стал делать планы за этого молодого человека, и тут были неприятности, ему наговорили

⁴ *Зач.:* и он точно призывал архимандрита

⁵ *Зач.:* но забыл ли он или уничтожил ее, этого я не знаю. Ежелиб он любил этого несчастного молодого человека, — живо подхватила княжна, — желал бы обеспечить чемнибудь его в будущем, но отдать все... — Это было затмение больного, — сказал князь.

⁶ *Зач.:* Ежели бумага эта у него, то можно показать ее, спросить

— Что мое сердце, — нетерпеливо сказала Катишь. — Аннушка, дай мне воды.

— Одно мое желание, — продолжал князь, — исполнить последнюю волю¹ его, облегчить его последние минуты, не дать ему умереть с мыслью, что он сделал несправедливости и сделал несчастными тех людей...

— Тех людей, которые всем пожертвовали для него, чего он никогда не умел ценить, — подхватила княжна.²

— Вот он. И знаете ли вы, mon cousin, кто всему виной, — прокричала она с нескрываемой злобой. — Это та *ваша* Анна Михайловна, которая нынче такой кошечкой прикидывалась и обещалась приехать. Эта гадкая шлюха, мерзавка, воровка.³ Ах, я так ненавижу эту подлую тварь, что своими руками вытолкала бы ее отсюда. Чего ей нужно?... Это она насплетничала тогда графу на Sophie, когда он написал эту несправедливую, гадкую бумагу.

— Как же вы прежде не сказали мне? — с упреком сказал князь.⁴

— Всё равно. Я не позволю играть с собой.

— Ecoutez, Catiche,⁵ — сказал князь Василий, слегка улыбаясь.⁶ — Au nom du ciel n'oubliez pas dans votre juste courroux, n'oubliez pas le decorum que nous devons conserver vis-à-vis de cet individu. Le comte a demandé à le voir, dans un moment de délire peut être; il a fait un testament en sa faveur, nous devons être affables envers lui, n'oubliez pas l'envie à mille yeux qui nous regarde toujours. Nous devons agir...⁷

— Так я говорил, — продолжал уже непридворный князь Василий, с перепрыгивающими щеками, — время терять нельзя, может сутки, а может только час остается нам, можно и должно найти это завещание, ежели оно есть, ежели оно не отдано князю Салтыкову, чего я тоже боюсь, нужно отыскать эту бумагу и спросить графа, не желает ли он ее уничтожить, не желает ли он перед смертью ее уничтожить, — повторил князь Василий, хватая руку княжны и крепко, до боли притягивая ее книзу, и значительно глядя ей в глаза. Княжна что то хотела ответить, но он перебил ее.

¹ *Зачеркнуто:* моего благодетеля

² *Зач.:* <Ах это ужасно! В эту минуту она увидела в двери проходивших Pierre'a и Анну Михайловну и сердито захлопнула дверь.> Дверь отворилась и вошла девушка. Кто то перед дверью прошел по корридору — мужчина и женщина. Это были Pierre с Анной Михайловной. Княжна вскочила и захлопнула дверь.

³ *Зач.:* Господи, прости мне мой грех

⁴ *Зач.:* Я не знала, что она <есть> может иметь такое значенье.

⁵ [Послушай, Катишь,]

⁶ *Зач.:* видимо довольный настроением духа своей собеседницы, и на мгновение превращаясь опять в придворного князя Василия.

⁷ [Ради неба не забывайте в вашем справедливом гневе, не забывайте внешнее обхождение, которое мы должны сохранить с этой особой. Граф пожелал его видеть, может быть в бреду. Он сделал завещание в его пользу, мы должны с ним быть ласковы. Помните, что тысячеглазая зависть следит за нами всегда. Мы должны действовать...]

— Это ничего не значит, — сказал он, — ежели он не может говорить, он знаками может показать, что желает уничтожить это завещание.¹

Княжна подумала. — Я знаю теперь. Теперь я всё поняла.² Ну как не презирать людей после этого, mon cousin. Как не сказать, что только там за гранью[?] будет добродетель и справедливость.

— Я бы только желал, чтобы ты ценила меня так же, как я ценю твою дружбу и твое доброе, прекрасное сердце, — сказал князь. <Через несколько минут он, а за ним и княжна, вошли в комнату, где Pierre, ожидая зова, прислушивался к тихим разговорам, происходившим вокруг его, и всё смотрел на страшную дверь, изредка отворявшуюся.>

32.

<³ Pierre сидел в скромной позе, которую он считал приличною важности обстоятельств, и большое, толстое тело его было похоже наивностью своей на позы египетских статуй, с симметрично вытянутыми на коленках руками. Невольно однако он прислушивался к шепотливому говору кругом него.⁴

— Как вы скажете, батюшка, — шептала неизвестная дама священнику, — ежели была глухая исповедь, то больного всетаки можно особоровать? Великое дело это таинство, батюшка, неправда ли?

— Конечно, — ударяя на «о», сказал старичек монах. Молодой расчесанный священник словоохотливо придвинулся к даме.

— Соборование, матушка, может принять всякий, кто чувствует себя достойным. Конечно, необходимо принять наперед причастие.

— А, говорят, великое облегчение чувствуют больные, — продолжала дама, с любопытством глядя на обоих священников, как будто не имея определенного мнения об этом предмете и желая только слышать мнение людей, на опыте узнавших это дело.>

¹ *На полях:* К[няжна] говорит о мозаиковом портфеле

Зачеркнуто: <и наша обязанность исполнить его желание.>

— Видит бог, одна моя цель успокоить его последние минуты и свято исполнять все его желания, — отвечала княжна,

² *Зач.:* — Один только и есть мозаиковый портфель, с золотым ключиком, — продолжала княжна, — он всегда держал его при себе. Он последний день был у него под подушкой. Больше нигде не может быть это завещание. Но неужели конец его уже так близок? — прибавила она, собравшись с духом и с выступившими на глаза слезами, — о, это ужасно, князь. Это ужасно, ужасно. — Она заплакала.

— Вы меня поняли, кузина, и

³ *На полях:* В то время, как такие разговоры происходили в приемной у княжны, [в] комнате г[рафа] Б[езухов]а Pierre с Анной Михайловной

⁴ *Зач.:* Неизвестная ему дама приблизилась к <расчесанному и напомуженному> старичку священнику, который сидел в углу, и вступила с ним в разговор.

— Конечно, — говорил старичек.¹ Старичек имел вид человека обиженного и недовольного. Он сухой, с короткими пальцами, чистой, старческой рукой проводил по своей лысине, через которую пролегали только две или три пряди полу-седых волос.

— Всякий человек, — отвечал словоохотливый напомаженный священник, легкой улыбкой из под усов показывая, что он не нечувствителен к удовольствию поговорить с умной дамой. — Всякий человек чувствует, ежели с верой приступает, великую легкость после того, потому как царь Давид... Он не успел договорить речи, как дверь к больному слабо скрипнула, вышла Анна Михайловна бледная, но еще более решительная, чем всегда, и, приняв благословение сначала одного, потом другого священника, попросила старшего пройти к графу.

— Ah, Pierre, la bonté divine est inépuisable,² — сказала она молодому человеку, который, при входе ее, встал от своей египетской позы и почел нужным подойти к ней. Pierre слышал, как толстые сапоги старика священника, торопливо собравшегося следовать за Анной Михайловной, проскрипели до двери кабинета и замерли на ковре той комнаты. Pierre очутился ближе к докторам и сел около них. Красивый молодой доктор француз, почти сидя на мраморном столе в грациозной и молодой позе, говорил с седым, видимо заслуженным, старичком-немцем с большим орденом на шее. Третий, крошечного роста доктор сидел под большим, во весь рост портретом Екатерины, висевшим в комнате, прислушивался, что говорил молодой доктор, с тем затаенным вниманием, с которым прислушиваются к речам знаменитости.

Молодой француз доктор говорил с теми приемами, с которыми говорят на скучном вечере, стараясь занять и себя и других.³

В середине этого разговора адъютант подошел к нему и, видимо радуясь случаю говорить с столь знаменитой особой, попросил извинения за то, что прерывает доктора, и спросил, что он думает о больном. Lograin посмотрел на адъютанта, помолчал.

— Отчего же и не сказать? Положение больного опасно, между нами сказать, безнадежно, — отвечал Lograin небрежно, но учтиво, в то время, как он говорил, оправляя жабо и продолжением этого же жеста потирая себе подбородок; по тону, с которым он говорил, видно было, что Lograin недавно еще очень говорил с весьма важными особами. — Ежели бы я был призван раньше,¹ *Зачеркнуто*: отворачиваясь и с недовольным видом, как будто не желая открывать всего, что он знал и досадуя на то, что его так долго держат здесь без дела

² Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо

³ *Зач.*: Он говорил про кого то, кого он знал еще в Париже.

— Больной просит пить! — сказала подходя средняя княжна.

я не говорю, — говорил Lograin с тем небрежным видом, с которым говорят с простыми смертными люди, недавно говорившие с коронованными особами. — Умеренные частые кровопускания, ванны, — продолжал он. — Я делал чудеса прогрессивно рассчитанными кровопусканиями и ваннами, но теперь, когда кровь уже успела обратиться в твердую массу в мозговой субстанции, теперь кровь не в состоянии ассимилировать себе опять эти части, теперь дело кончено, — сказал он, улыбаясь ясности своего объяснения. — Теперь дело кончено.

— То есть, ежели болезнь примет тот исход, — сказал было немец. Lograin строго посмотрел на него, как будто напоминая ему его молодость, и помахал отрицательно пальцем перед своим носом. — В том состоянии, в котором теперь находится больной, вопрос в том только, чтобы уменьшить давление на мозг этих кровяных частей.

— Дать им путь, — хотел подсказать немец доктор, но Lograin не одобрил и это объяснение.

— Пути исходного мы не можем дать им, мы можем только облегчить их давление на мозговую субстанцию, но устранить его невозможно.

— <Как долго может он жить? — смелее спросил адъютант.>

Lograin посмотрел на него: ¹— ему жить шестнадцать часов, — с приятной улыбкой заключил он.

В это время княжна средняя вышла от графа и подошла к Lograin.

— Он просит пить. Что можно дать ему оржид или варенья с водой?

Lograin задумался.

— Когда он принял лекарства? — Он посмотрел на брегет и еще задумался. — Возьмите стакан воды, три ложки чайные сахару и... — Он не мог говорить скоро, потому что всё еще соображал, — и щепотку, *une pincée*, — он указал, как взять щепотку, своими красивыми белыми и тонкими пальцами, — *une pincée de cremortartari*, и теплое дайте пить, но понемногу.

— Хорошо, — кивая, говорила она. — Ванна, кажется, сделала пользу, — прибавила она, чтоб сказать ему приятное.

— Я сейчас после церемонии сам приду, — сказал Lograin, кланяясь и слегка улыбкой давая чувствовать, что он помнит, что говорит с женщиной, и следуя за ней несколько шагов.

— Не слыхано, — тихим, но азартным шопотом проговорил немец-доктор, обращаясь к другому, маленькому, как только Lograin отошел от них. — Не слыханно: два кровопусканья и ванны, когда страданье местное и одни пиявки.

— Пиявки, пиявки и пиявки! — проговорил маленькой.

— Настоящая французская знаменитость! Он уморил его. Такая геркулесовская комплекция.

¹ *Зачеркнуто*: до <вечера> завтра еще

— Пиявки, пиявки и пиявки, — желчно изгибаясь, опять сказал маленькой, сам собой напоминая пиявок, про которых он говорил.

[*Далее со слов:* Не прошло двух минут, *кончая:* когда граф отпускал его в Петербург. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XIX — XX.]

Голова эта беспомощно покачивалась от движений шагов несущих; увидав ближе эту голову, Pierre еще более убедился, что она почти не переменилась. Тот же правильный горбатый нос, та же ширина кости лба и скул, та же величественность и приятность рта и даже тот же взгляд, твердый и гордый до бесстрастности. Как прежде Pierre помнил этот взгляд, всегда говоривший, что всё, всё ничтожно в сравнении с чем то другим, так и теперь этот взгляд говорил то же.

[*Далее со слов:* Прошло несколько минут, *кончая:* все бывшие в эту ночь в доме графа Безухова. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I гл. XX — XXI.]

Pierre был введен в эту комнату, чтобы тоже поддержать свои силы <и на него произвел странное впечатление вид этой парадной, круглой гостиной, с мраморными столиками, которую он помнил блестящую огнями сотен свечей и бальных туалетов во время балов у графа, а теперь едва освещенной одною восковою свечкой, с беспорядочно расставленными блюдами, приборами и стульями. Он не стал есть и прошел через комнату к выходной двери в залу из странного любопытства, всё там ли же и такая ли эта зала? В зале было темно, но он услышал голос старшей княжны и Анны Михайловны.

[*Далее со слов:* Pierre хорошо помнил эту парадную... *кончая:* ...обе они в одно время говорили взволнованным шопотом. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. XXI.]

— <Я вам говорю, милая княгиня, — шептала княжна, — что его последняя воля написана и у него в бюро, а что это забытая духовная бумага, которую он хотел уничтожить. Я и не знаю, что в ней, но...

— Как вы хотите, милая княжна, теперь тревожить умирающего, можно сказать, и кто знает, с какой целью он оставил ее при себе? Я знаю всю вашу любовь и преданность.

— Мое мнение — пойти и спросить, пока есть время, — сказал князь Василий, беря что то из рук княжны. Но Анна Михайловна схватилась за вещь обеими руками.

— Ах, князь, вы хотите убить его. Спросите Lograin. — Князь казался удивленным.

— Но позвольте вам заметить, Анна Михайловна, — говорила княжна, — что князь верно знает, что должно и не должно.

— Pierre, подите сюда, — сказала Анна Михайловна, не отпуская рук от мозаикового портфеля. — Как вы думаете, mon cher? — Князь Василии не пускал руку.

— Княгиня Анна Михайловна, я вас прошу не вмешиваться не в свои дела, — сказал он, злобно подпрыгивая щеками. — 291

Пустите. Я, я вам говорю, я пойду и спрошу его. — Pierre подошел вплоть и ужаснулся, увидав лицо князя Василия. Первая мысль его была, что он сделал чтонибудь не так и что он виноват в этом расстройстве. Он молча смотрел на борьбу за портфель и не узнавал ни князя Василья, ни Анны Михайловны, которая, как наследка, окрысившись, тянула портфель.

— Помните, что вы будете отвечать за все последствия, — сказал князь Василий, пуская портфель.

* № 15 (вставка в корректуру. Т. I, ч. I, гл. III).

Когда Pierre, подойдя к аббату и молодому человеку, служившему в гражданской службе и носившему в гостиной Анны Павловны прозвание un homme de beaucoup de mérite, этот homme de beaucoup de mérite¹ говорил аббату, как иностранцу, поучая его, что Россия находится в самом исключительном состоянии, противоположном всем европейским государствам. Здесь государь либерал, желающий дать права и не находящий ни достаточного развития, ни сочувствия. Он рассказал про монеты, которые государь хотел отчеканить не с своим изображением, а с изображением России. Аббат учтиво улыбался.

— Да, это очень интересно, — говорил он.

— Но можно думать, — вдруг сказал Pierre, — что конституция, данная по одной воле государя, может быть по воле же его отнята.

Un homme de beaucoup de mérite с удивлением посмотрел на этого бестактного молодого человека, так говорившего при иностранце, и, грустно отвернувшись, замолчал. Чистенький, свежий старичок аббат, с крепким, горбоносым лицом, напротив, казалось, был заинтересован вмешательством этого молодого человека. Он посмотрел на Pierr'a умными и проницательно спокойными глазами, и, поворачивая между пальцами табакерку с изображением какой то коронованной особы, [посмотрел] опять на homme de beaucoup de mérite, ожидая его ответа.

— Разве учреждение министерств, свободных хлебопашцев, уничтожение тайного совета отменены? Напротив, мы с каждым днем видим новые и новые льготы, — сказал l'homme de beaucoup de mérite.

— Какие же могут быть льготы в государстве, где миллионы рабов, — наивно сказал Pierre, желая завести интересный разговор.

L'homme de beaucoup de mérite пожал плечами и взглянул на итальянца, как будто он говорил: «что ж после этого говорить с таким человеком?» Но Pierre не заметил отчаяния своего собеседника.

¹ [человек больших достоинств]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

* № 16 (рук. № 54. Т. I, ч. 2).

Часть 2.

Глава I. Поход.

¹ <Nicolas Ростов шел с своим полком в первой из пяти колонн пятидесятитысячной русской армии, шедшей через Германию к Баварии, под начальством Кутузова на помощь австрийцам. Передовая колонна, состоящая из двух полков пехоты, двух рот артиллерии, полка казаков и Павлоградского гусарского полка, находилась под командой генерал-майора князя Багратиона, тогда еще мало известного генерала.²

Двенадцатого сентября 1805 года рано утром павлоградской гусарской полк выступал со своего ночлега немецкой деревни недалеко от Тешена. Первый эскадрон, в котором юнкером служил Николай, стоял, выстроившись на дороге за деревней, видимо чего то ожидая. Гусары, спешившись, держали в поводьях лошадей. Эскадронный командир с четырьмя офицерами, разговаривая, сидели на краю дороги. Из ворот деревни вышли и приближались к ним чиновник немец и гусарский юнкер. Долохов подошел к Ивану Захаровичу>.

— Молоденькой какой этот граф Ростов. — сказал пехотный офицер смеясь Ивану Захаровичу. — Молодец. И очень обходительной. Что он, богат?

У Ивана Захаровича в углах губ образовалась складка. Глаза немного сузились и всё лицо приняло то степенное, спокойно задумчивое выражение, которое всегда сопутствовало про — явлению его странной склонности беспричинно и безвыгодно лгать.

— У его отца душ немного, — отвечал он, — но земли и леса такие, что на три сажени чернозем и пшеница сам тридцать каждый год родится, а леса на 30,000 десятин, всё мачтовые деревья.

160,000 доходу каждый год...

<Долохов подошел к ним.

— У гусарика у этого? — спросил он. Иван Захарович продолжал.

— 160,000 доходу> с одной пшеницы....

— Вот бы в банчик с ним поиграть,³ — заметил смешливый офицер. — Вы его пригласите, Иван Захарович. Мы с вами банчик ему заложим.

— Я его отцом обласкан, и сам в карты не играю и вам с ним не дам играть, — сказал Иван Захарович и опять продолжал ¹ *Зачеркнуто*: Около 10 сентября

² *На полях*: Как стоят на квартирах.

³ *Зач.*: перебил опять Долохов.

описание, в его голове только существовавших, богатств Ростовых. — Леса они сплавливают по Оке в Волгу...

— <Что ж. Надо поиграть будет. Что ж, что кому повезет. Может и он меня вздует. Фортуна — куда колесо повернется.

— Знаем мы ваше колесо, — строго, но тихо, как всегда, сказал Иван Захарович, видимо нисколько не боясь оскорбить Долохова. — У меня с ним не поиграете... И в самом деле Долохов не оскорбился.

— Ну, полноте вздор, — сказал он. — Тысячки три нам на голодные зубы не худо бы.

— Извольте итти к месту, — сказал Иван Захарович. — Рота трогается, неравно начальник, батальонный командир или сам полковник проедет. — Долохов пошел.

— Смирно! — скомандовал он. Рота тронулась и к вечеру догнала свой полк>. Иван Захарович на ходу досказал офицеру все подробности выдуманного им богатства Ростовых.¹>

Войска в начале октября пришли в Брюнн. <На следующий день была дневка. Третий эскадрон Павлоградцев стоял² в самом городе. Эскадронному командиру была отведена квартира в купеческом доме. Хозяева³ вышли⁴ вниз. У Гардона был весь верх.

— Пойдем ко мне. — Они вошли. В большой комнате были установлены две кровати и постели, с которых только что встали. Были раскиданы офицерские вещи и платья. На одной постели спал ротмистр, который теперь в десять часов только встал и в красном шелковом архалуке пил чай из стакана, на другой постели спал Топоров, который уж рано поднялся и ушел шляться⁵ в город и к полковому командиру.

<— Bonjour, mon cher Rostoff.⁶ Здравствуй, милый, хочешь чаю? — обратился, как всегда красивый, расчесанный Гардон к входившему юнкеру. — Ну что, где ты ночевал? Эй, чаю Ростову.

— Ничего, нам отвели славную квартиру, а у тебя дворец, — отвечал Ростов.

— Можешь себе представить, — рассказывал Гардон между разговором. — Вчера рано еще было, мы и пошли с Топоровым по городу. Тут нам сказали лучший трактир «Zum goldenen¹ На полях: Р[остов] ничего не замечал. Брюнн столица Моравии. Музеи

² Зачеркнуто: в небольшой деревне

³ Зач.: галичане

⁴ Зач.: вон в клеть

⁵ Зач.: по деревне и к помещицъему замку, отъискивая, как он говорил, приключенья.

Позднейшая вставка в текст: В город пришел другой гусарский полк и Васька Денисов решил, что Павлоградцы должны дать праздник другим гусарам, собирал деньги по подписке, заказывал обед, выпрашивал музыкантов и от хлопот вчера еще не спал до трех [?] часов и нынче уехал чем свет.

⁶ [Здравствуй, милый Ростов]

Adler»,¹ подсел к нам какой то шустер. Ваське (Топорова звали Васькой друзья и товарищи), Ваське ведь всё нужно пронюхать. Узнал, что тут игорный дом. Пойдем, да пойдем, посмотрим. Он там какую то Амалию зацепил, немца чуть не прибил какого то. По своему веселился, — говорил Гардон с красивой и слабой улыбкой, — а я сдуру стал играть, выиграл сначала, да и спустил всё до чиста. Два золотых осталось. Да и того, кажется, нет. Эй, Никитин, — прибавил Гардон, обращаясь к деньщику, который только подал чай Ростову. — Дай ка сюда кошелек из под подушки. — Гардону лень было перейти два шага до своей постели.

— Чтож, возьми у меня, — сказал Ростов.

— Вот это² эскадронные фуражные, — говорил Гардон, высыпая на стол полсотни империалов. У него все деньги всегда бывали вместе и он ничего не записывал. — Должно быть привезут жалованье к³ воскресенью. А у тебя сколько?

— Золотых десять есть, возьми, — отвечал Ростов, краснея, как всегда краснеют молодые люди, говоря об деньгах, и, чтоб делать что нибудь, укладывая стопочками золотые и считая их. Он счел⁴ четыре стопочки ровных, два новых осталось на пятую стопочку и четыре старых белесых золотых он наложил на ту же кучку.

— Да, я возьму. Кто там? — обратился Гардон к дверям другой комнаты, из которой слышались по паркету шаги толстых сапог с бренчаньем шпор.

— Вахмистр, — сказал Никитин.

— Ростов, сочти, голубчик, и брось пожалуйста кошелек под подушку, — сказал Гардон, вставая, — да не уходи. Я сейчас отпущу его да и⁵ пойдем лошадь посмотрим.

Ростов слышал еще дома, как опасны бывают люди в полку, берущие взаймы и большей частью без отдачи, и как у всех, очень молодых людей, не имеющих опыта для того, чтобы знать, где надо и где не надо иметь недоверия, ему мелькнула дурная мысль о своем эскадронном командире, которого он, однако, очень любил и уважал. Вслед за дурной мыслью пришел стыд, он покраснел⁶ и стал стыдить себя. В три месяца, которые он пробыл в полку, он⁷ встречал только честных, благородных людей, вполне рыцарей. Его все любили, положение его — юнкера, которое могло бы быть так неловко, было так приятно. Ему отводили квартиры офицерские, обедал он в офицерском обществе, от тяжелых¹ [«Золотой орел»]

² Зачеркнуто: казенные

³ Зач.: вечеру

⁴ Зач.: 487, 2 оста[лось]

⁵ Зач.: позавтракаем. Тут <фортепиано> клавикорды есть в той комнате, — прибавил он, обращаясь из двери.

⁶ Зач.: положил кошелек

⁷ Зач.: не встречал других людей

назначений, несмотря на то, что он отчаянно требовал, чтоб его равняли с унтер-офицерами, его отменяли. Полковой командир, старый, атлетического сложения служака-немец, известный своей храбростью и грубостью, с ним был всегда учтив. Гардон, свой эскадронный командир, при первом же знакомстве выпил с ним на *ты* и держал себя товарищем. Топоров был искренним другом, так казалось Ростову, один только милостивый и коммандантский офицер их эскадрона, переведенный из гвардии, был неприятен Ростову. Другие офицеры полка и полковой адъютант все обращались с ним ласково, учтиво и доброжелательно. И ему могла войти в голову такая мысль. Ему было стыдно на себя и досадно. Похаживая по комнате, чувствуя краску в лице и делая невольные жесты сам с собою, Ростов прислушивался невольно к разговору вахмистра с Гардоном. Видно было, что вахмистр всё делал и придумывал и Гардон только соглашался <и поддакивал и выдавал деньги.

— Здравствуйте, Телянов, пройдите туда, там Ростов, — сказал голос Гардона и тот самый милостивый, переведенный из гвардии за что-то поручик, которого не любил Ростов, вошел, раскачиваясь, в комнату. Ростов его видел всякой день и всякой день не мог не удивляться этому тонкому, коммандантскому щегольству, которое было во всей одежде этого офицера. Какие были шпоры тоненькие, серебряные, как спущены по модному рейтузу, как висели наперед эполеты, как зачесаны волосы! Ростов не раз думал, глядя на него, что как его произведут в офицеры, ему надо будет многое заимствовать из манеры одеваться Телянова. Но всякой раз тоже, как Ростов наблюдал щегольство Телянова, он испытывал то же неприятное чувство, когда пожимал мягкую и влажную, нежную руку поручика и замечал, как сероватые, очень близко один от другого поставленные, глаза Телянова¹ уклонялись от взгляда и беспрестанно бегали с предмета на предмет, как будто всё отыскивая и вот вот готовые успокоиться и снова принимавшиеся бегать и метаться. Ростов не умел скрывать своих антипатий или имел достаточно силы, чтобы выказывать их. Сказав несколько слов с Теляновым, он всыпал золотые в кошелек, бросил его под подушку и, не желая тяготиться разговором с поручиком, вышел в ту комнату, где был вахмистр. Вахмистр, усатый красавец, оглянулся на юнкера с выраженьем насмешки, как показалось Ростову. «На² дежурство, мол,³ не любите, а с господами пировать... Не прикажете ли Макаренко послать», — что то под видом доклада внушал он Гардону.

— Да, да. Что ушел от нашего милого друга? — сказал он Ростову, под именем *нашего милого друга* разумея Телянова, которого и он не любил.

¹ *Зачеркнуто*: избегали

² *Зач.*: ученье

³ *Зач.*: послед[ние]

— Не могу, — отвечал Ростов и, чтоб не стеснять больше вахмистра, который здесь был подчиненным эскадронного командира, с которым Ростов был приятель, а в эскадроне был почти начальник Ростова, чтоб не стеснять его, он вышел дальше, прошелся по всем комнатам и снова вернулся к Телянову.

Телянов сидел в грациозной позе, облокотившись на стол, с трубкой между пальцев.¹

— Мне говорили, граф, — и глаза его с лица Ростова перебежали на дверь, с двери на свои ноги, — что мы будем стоять в Вене, — с ног они опять перебежали на лицо Ростова и, как будто испугавшись, спрятались на своих руках. — Это очень хорошо. Женщины. *Des femmes charmantes...*² Пратер... Я слышал, что венские женщины лучше полек. Польки кокетливы и заманчивы, но *les viennoises*³ беззаботнее, веселее. — И глаза всё не могли найти места успокоенья.

«Вот как вдруг разговорился», подумал про себя Ростов. «Это с ним редко случается».

Когда, отпустив вахмистра, вернулся Гардон, разговор стал общим, но ни Гардон, ни Ростов не скрывали Телянову, что он лишний.⁴ Телянов застегнул пуговицы перчаток и вышел. Гардон с Ростовым пошли к клавибордам, которые особенну получают прелесть для походных людей, не видящих их иногда по году.⁵ Гардон имел слабость петь очень дурно и очень кривляясь, полагая, что пенье его неотразимо действует на женщин. Он спел Ростову свои романсы⁶ и немецкую песню и мигнул Ростову на дверь в хозяйскую половину. Ростов начал вторить, потом сам сел за клавиборды и начал вспоминать из опер и песни, стал играть и петь один, и из дверей соседней комнаты послышались женские шаги и шопот любопытных хозяев.

— А я то при тебе пел, — сказал Гардон, — ты совсем артист. Из *Joconde* помнишь?⁷ — Так они засиделись до завтрака. Перед завтраком Гардон вспомнил, что вахмистру нужно послать деньги.>

Он подошел к своей постели и поднял подушку, чтоб взять кошелек.

— Ростов! Ты положил деньги?

— Положил под нижнюю подушку.

— Я под нижней и смотрю. — Он всю подушку скинул на пол, кошелек не было.

¹ *Зачеркнуто:* и глаза всё так же бегали

² [Женщины прелестные]

³ [венки]

⁴ *Зач.:* — Я Тебе спою мои романсы, — сказал Гардон, глядя на Телянова, — но когда мы будем одни. Но Телянов и сам уже вставал, застегивая перчатку. Он

⁵ *Поперек текста написано:* На гитаре. — Неужели не знаешь? Ну, вздор.

Пойдем же.

⁶ *Зач.:* и Ростову было неловко

⁷ *Зач.:* Никитин пришел доложить, что опять пришел вахмистр

— Постой, ты не уронил ли? — Они осмотрели под нижней, под верхней, под одеялом, под постелью. Нигде не было. — Никитин. Я тут положил кошелек. Где он?

— Где положили, там и должен быть.

— Да нету.

— Я и не входил в комнату.

— Правда, — отвечал Ростов, — только я один был здесь.

— Ростов, ты взял? Ты не школьничаешь ли? — сказал Гардон, обращаясь к Nicolas, который¹ бледный, как полотно, перекидывал подушки и не дышал.² Он остановился, взглянул на Гардона и тотчас опустил глаза. — Я один был в этой комнате, — прошептал он.

Гардон с недоумением и молча еще раз посмотрел на него и тоже отвернулся.

Nicolas молчал, оттого что видимо не мог говорить, лицо его выражало³ страдание и он отворотился от взгляда Гардона.

— Кому же взять? — говорил Никитин, в десятый раз перекидывая подушки, — только и были, что они, — сказал он, указывая на Ростова, который, опустив глаза, стоял посередине комнаты, — да поручик были.... У Ростова, как будто вся кровь, бывшая заперта где то внизу ниже горла, вдруг прорвалась и брызнула в лицо. Глаза его налились кровью, он ударил об землю подушку и схватил Никитина за руку.

— Ты помнишь, никого не было, кроме меня и поручика? Верно?

— Никого — с.

— Гардон, ты не брал их, это верно? — обратился он смело к эскадронному командиру, который старался улыбнуться и не мог и начинал видимо бояться.

— Да нет, — сказал он. — Хорош я буду, у меня ни копейки нет.

— Ну, я через час приду, — сказал Ростов, собираясь уходить. — Я знаю, где эти деньги.

— Ради бога, — испуганно сказал Гардон, хватая его за руку. — Что ты хочешь? Это не может быть.

— Я тебе говорю... — Они понимали уж друг друга.

— Я тебе говорю, не делай этого, ты с ума сошел, я тебе говорю, это не может быть, — говорил Гардон, бледнея. — Пускай пропадут, я тебя прошу. Я тебе не велю этого делать, — говорил он, но, несмотря на смысл его слов, выражение его слабого, красивого, женственного лица ясно показывало, что он не может помешать Ростову сделать то, что он задумал. Ростов вырвал¹ *Зачеркнуто*: багровый

² *Зач.*: Он остановился и, как будто в середине его откупорили бутылку с красным шипучим вином, все лицо его побагровело

³ *Зач.*: страшное

у него руку, помолчал и злобно, как будто Гардон был величайший враг его.
— Ты не понимаешь, что ты говоришь. Так я вор? Больше никто не был.

— Ах, боже мой! Боже мой! Уж лучше бы они пропали. Это не может быть.

Он, Ростов, не слушая его, уже сбегал с лестницы и расспрашивал у гусаров, не видал ли кто поручика. Через четверть часа Ростов по указаниям людей нашел поручика у¹ маркитанта за маленьким столиком.² Перед ним стояла бутылка с венгерским. Ростов сел недалеко за такой же маленькой столик и, когда³ маркитант спросил у него,⁴ что нужно, то Ростов сказал «ничего» таким тихим, внутренним, бешеным голосом и так поглядел на⁵ маркитанта, что⁶ маркитант боком, на ципочках,⁷ кланяясь, отбежал от молодого человека.⁸

Ростов⁹ сел у окна читать, пальцы ног и рук нервически перебирались и красные глаза устремились на лицо Телянова.¹⁰ Видно было, что юнкеру теперь легче бы было взлезть по веревке на мачту, чем удержать себя в спокойном положении. Однако он усидел смирно до того самого времени, когда Телянов, окончив¹¹ бутылку, с небрежным видом, приподняв высоко брови, достал кошелек. Кошелек был двойной с кольцами, которого не видал никогда Ростов. Что было в кошельке, тоже ему не видно было, потому что, еще выше приподнимая брови, Телянов грациозным движеньем спрягал край [?] кошелька в ладони и изогнутыми белыми пальцами раздвигал кольца и доставал деньги. Он отдал *золотой новой* и, всё держа высоко брови, облокотился над кошельком, дожидаясь сдачи. Ростов встал и решил сам с собой, что он самым учтивым, политичным образом вступит в разговор с Теляновым, прося его показать¹² вязанье красивого кошелька.

— Позвольте посмотреть ваш кошелек? — сказал он ему, вдруг вырастая перед ним, бешеными глазами глядя на него и таким голосом, каким можно было сказать только:¹³ «Ты выпил кровь своего отца: я тебя знаю, злодей!!!» или чтонибудь подобное. С бегающими глазами, но всё с поднятыми бровями Телянов¹⁴ подал кошелек.

¹ *Зачеркнуто*: в трактире «Золотого орла».

² *Зач.*: кушающего котлету с фасолью и запивающего

³ *Зач.*: кельнер

⁴ *Зач.*: Was der Herr befiehlt? [Что сударю угодно?]

⁵ *Зач.*: кельнера

⁶ *Зач.*: кельнер

⁷ *Зач.*: прикрываясь салфеткой

⁸ *Зач.*: решив в своем уме, что это то и есть один из тех казаков, которые живьем едят маленьких немецких детей.

⁹ *Зач.*: спросил газету и стал

¹⁰ *Зач.*: на газету и

¹¹ *Зач.*: котлетку и

¹² *Зач.*: рисунок

¹³ *Зач.*: ты отцеубийца, иди на казнь

¹⁴ *Зач.*: покорно

— Сувенир¹ панночки, — сказал он с улыбкой. Ростов высыпал² деньги в отверстие. Четыре бледных золотых были точно такие же, какие он докладывал в кучку у Г[ардона], остальных золотых ему показалось больше чем 46. Ростов хотел бы счесть их, но он не спускал глаз с Телянова. Поручик оглядывался кругом по своей привычке, но страх, показавшийся на его лице в первую минуту приближения Ростова, теперь исчез и заменился веселостью.

— Коли будем в Вене, все там оставлю, а теперь и девать некуда в этих городишках дрянных, — сказал он и прямо, с отчаяньем взглянул в лицо Ростову, который всё молчал. — Ну давайте,³ Ростов, я пойду. — Ростов молчал. — Что вы⁴ покупаете лошадь, я слышал, давайте же. — Он протягивал руку.

— Что с вами? Вы⁵ нездоровы? — Он улыбнулся, взялся рукой за кошелек и дернул его. Ростов выпустил его из рук. «Четыре бледные золотые, всех штук пятьдесят. Могут быть и свои. Бледные, старинные у всех бывают. Эти бегающие глаза... но офицер! гусар!⁶... эти⁷ поднятые брови... что ежели неправда? Дуэль дуэлью, но⁸ подлость⁹ подозрения... а ежели он?» — думал Ростов, молча глядя на него.¹⁰ Телянов взял кошелек и стал опускать его в карман рейтуз и опять брови его небрежно поднялись, как будто он говорил: «да, кладу в карман свой кошелек, и это очень просто, и никому до этого нет дела». Он вздохнул еще и из под небрежно, усиленно приподнятых бровей один раз взглянул в глаза Ростову. Какой то свет глаз с быстротой электрической искры перебежал из глаз Телянова в глаза Ростова и обратно и обратно.

В мгновенье все сомненья Ростова исчезли. Пальцы, судорожно сжимавшиеся всё время, вдруг схватили Телянова за руку.

— Подите сюда. — Он почти вытащил Телянова в сени. — Вы вор, вы украли это золото у Г[ардона].¹¹

— Вы с ума сошли! Вы забываетесь.¹² Я вас велю вывести. — Но грозные слова эти звучали, как будто он умолял о прощеньи. Как только Ростов услышал этот звук голоса, с души его свалился огромный камень сомненья. Теперь он знал, что это был он. И в то же мгновенье он почувствовал жалость, ту самую жалость,¹ *Зачеркнуто*: кухни

² *Зач.*: в ладонь

³ *Зач.*: кошелек

⁴ *Зач.*: долго сидели у Гардона

⁵ *Зач.*: точно Лотова жена остолбенели.

⁶ *Зач.*: благородный человек!

⁷ *Зач.*: ненатурально

⁸ *Зач.*: с моей стороны

⁹ *Зач.*: неизгладимая

¹⁰ *Зач.*: Но кто же? Ежели не он, так это я! Гардон отвернулся от меня

¹¹ *Зач.*: и пальцы Ростова, всё ненаходившие себе занятия, судорожно вцепились в руку Телянова.

¹² *Зач.*: Вы юнкер

которую он в детстве чувствовал к в первый раз виденному им убитому зайцу.

— Здесь люди, бог знает что могут подумать, — сказал Телянов, захватывая фуражку и направляясь в небольшую пустую комнату. — Объясните, что с вами?¹

Телянов был серобледен, мал ростом и, как будто после тяжелой болезни, похудел. Как зайца убили, несмотря на то, что это было жалко, так и его надо было добить, как ни до слез жалко было Ростову этого слабого человека.

— Вы нынче утром украли сорок восемь золотых из под подушки Гардона, — сказал Ростов, отрубая каждое слово. — Я это знаю и я это докажу. Я.

Серое лицо, потерявшее свою миловидность, начало дрожать всеми мускулами, глаза бегали всё по старому, но уже где то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, слышались всхлипывания.

— Граф... Не губите... молодого человека... вот эти несчастные... деньги... возьмите их. — Он бросил их на стол. — У меня отец... старик... мать...²

Ростов, испытывая и жалость, и отвращение, и радость, и торжество, взял деньги и, не сказав ни слова,³ выбежал из комнаты.⁴

Весь полк пришел в неописанный ужас, узнав о поступке Телянова, и решено было доложить об этом Г[енералу] и к[омандиру]. Но Гардон по слабости отложил три дня. Телянов сказался больным и не показывался. 11 октября обедали у п[олкового командира].⁵

— А, граф Ростов, — сказал за обедом⁶ строго полковой командир, старый, атлетического сложения, известный храбрец и ¹ *Зачеркнуто*: Когда они пришли в отдельную комнату

² *Зач.*: «И тут лжет, и тут фальшивит», подумал Ростов и морщась так, как будто какойнибудь несчастный фагот среди *andante* симфонии тянул фальшивую, дерущую ухо, не разрешающуюся, полутонную ноту

³ *На полях*: Булгаков <затея бала> денег нет. <Застает прогуливавшегося полкового командира, объявляет поход. Ростов всё рассказывает. П[олковник] схватывает его за руку и влечет>

⁴ *Зач.*: и, едва удерживаясь на шагу, полушагом полуиноходью побежал к квартире Гардона.

<Васька Топоров выскочил>

Позднейшая вставка:

<Васька Денисов, узнав о поступке Телянова, разгорячился страшно. Казалось, с ним сейчас сделается удар, так он покраснел, начал кричать и ругаться. Он ругал и Ростова за то, что тот там же не размозжил ему эфесом башки, и гвардию, и всё начальство за то, что переводят таких офицеров, которые марают мундир, и тотчас написал письмо Телянову, в котором говорил, что ежели Телянов завтра же не подаст в отставку, то он будет иметь дело с Васькой Денисовым. Телянов между тем сказался больным и поступил в Брюнне в гошпиталь.>

⁵ *На полях*: Васька Денисов боится сказать п[олковому командиру]

⁶ *Зач.*: к которому приглашался и юнкер

служака немец, имевший привычку начинать каждую речь с а, а, как будто он искал слов, обращаясь к юнкеру, который тоже был приглашен к обеду на другой день, — а что такое у вас было с Теляновым? Он,¹ а, заболел от вас,² — шутил полковой командир, — вы бы, а, пожалели его, а.³

Ростов не отвечал.

— А, я вас спрашиваю, г-н граф юнкер. Неприятность, а?

— Не было неприятности, а ему надо было заболеть.

— А, отчего? А, я вас серьезно спрашиваю.⁴

— Он подлец и я его уличил, — вдруг⁵ разгораясь и, вероятно, обиженный тоном начальнического подшучивания при всем столе, отвечал Ростов, краснея.

— А чтооо? — вдруг, хмуря свои седоватые брови и ударяя атлетическим кулаком по столу, закричал полковой командир.

— Вы думаете а, что, а, говорите, г-н юнкер?

— Я знаю, что говорю, полковник.

— Ну, отчего⁶ такое слово про гусарского офицера? Это дурно, молодой человек, будьте осторожны. Отчего?

— Оттого, что он украл деньги и я его уличил, — отвечал Ростов.

Несмотря на то, что Гардон <и другие офицеры> мигали и шептали ему, Ростов⁷ уже приходил в свое восторженное оживленье.

— Это неправда. Этого не может сделать Павлоградский гусарский офицер.

— Я никому не позволю говорить, что я лгун, ни немцу, ни генералу, никому, — на весь стол закричал Ростов и встал. — Я потребую удовлетворенья. — Он встал и вышел. Офицеры кое-как успокоили Ростова, внушив ему нелепость мысли юнкеру требовать удовлетворения у полкового командира, и передали всё дело полковому командиру, который однако не мог удержаться, чтобы не сделать выговора Ростову за то, что, не жалея мундира, сказал такую вещь при всех, а не ему одному. Ростов во время выговора молчал и решил требовать удовлетворения, когда он будет произведен в офицеры. Ростову начало казаться, что полковой командир придирается к нему с тех пор и его положение стало так неприятно, что он намеревался просить главнокомандующего переводе его в другую дивизию.

¹ *Зачеркнуто*: мне говорил

² *Зач.*: А, неприятность была?

³ *Зач.*: <— Я вам после с[кажу]> Нет, не было неприятности. <Не знаю, полковник. Ему>

⁴ *Зач.*: Я вам после скажу.

— А секрет а? Что за, а, секреты. У нас своя семья гусарская, а? Скажите.

— Он украл деньги.

⁵ *Зач.*: наивно бух[нул]

⁶ *Зач.*: он подлец

⁷ *Зач.*: озлобился

* № 17 (рук. № 55. Т. I, ч. 2, гл. I).

Войска шли сначала в большом порядке: в форменной одежде, весь поход в ногу и в установленных интервалах. Но с 12-го сентября велено было усилить марши, ранцы и половину людей пехоты повезли на подводах. Проходили больше сорока верст в сутки, было много отсталых и порядок уже не был таков, каков он был, когда они только выступили за границу и проходили Галицию. В войске ходили разные слухи. Одни говорили, что Бонапарт уж на границах Австрии, что началась война, что австрийцы разбиты, что русские войска, одни говорили, идут в Вену, другие — в Париж, но слухи ходили, никто им не верил. Одно понимал каждый до последнего солдата, что коли везут на подводах и по сорока верст в сутки, то не для парадов, а что скоро каждому придется понюхать порошу и выставить свой лоб под ядро или пулю. Такая мысль всегда придает веселое настроение армии, и армия была весела, несмотря на осеннее, ненастное время и скверные, грязные дороги и беспрестанные болезни, которые заставляли оставлять людей в австрийских госпиталях. Проходили с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками сначала польские деревни, города, стояли у жителей, как будто по дружески обращаясь с ними, но в сущности глядя на них, как на немножко завоеванный уже народ; ломали с ним русский и польский язык на средний, который бы должен был быть непонятен никому, но который, как будто, понимали и те и другие; принимали фураж и провиант от немцев чиновников, подтрунивая над колбасниками; офицеры гостили у помещиков, заводя знакомства и иногда любовные связи с вечера с тем, чтобы на другое утро уйти и никогда больше не увидеться.¹ Случались мародерства и драки с жителями и, несмотря на то, что строго были наказываемы, между солдатами продолжало царствовать убеждение, что ничего забавнее < быть > не могло, как стащить у мужика воз сена или мешок овса и не продать (солдату ничего не нужно), а всыпать ротным лошадям. Проходили потом, так же с собой пронося везде русской дух, Богемию, в которой иначе надо было ломать язык, за что солдаты постоянно упрекали богемцев («наладились было, опять ломай язык», говорили они), и, чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот, точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям и, чем дальше, тем беззаботнее, и веселее, и русее казался этот оторванный кусок России. Всё, что было слабого, ленивого, трусливого, всё оставалось по госпиталям сзади.

1-й эскадрон гусарского Павлоградского полка с песенниками впереди надвигался на колонну пехоты, которая, загораживая путь, стояла на дороге. Впереди гусарских песенников ехали три офицера.

¹ *Поперек текста написано:* На подводах муштуки и вьюки.

В пехотной роте, загоразивавшей дорогу гусарам, происходила путаница. С Тешена войска везли на подводках. Но 6-й егерской полк, к которому принадлежала 12-я рота, загоразивавшая дорогу, забрал все подводки и лишние под полковой штаб, так что подвод не достало для последней роты. Ротный командир посылал к австрийскому чиновнику офицера для вытребования подвод, и подводки только что приехали, и велено было снимать, укладывая ранцы и сажать слабых.¹

Пехотные солдаты шевелились на одном месте, как рой пчел, приготавливающийся к отлету; они окружали подводки, около которых стояли испуганные и мрачные подводчики богемцы и, пригибая головы и подкидывая плечом, снимали ранцы и кидали их один за другим на подводки, перебегали от одной подводки к другой, путались, смеялись.

— На моего немца не клади! — кричал один солдат, — он у меня откупленный.

— Ты на подводчика то ранец надень, — смеялся другой, указывая на огромного атлета богемца, который, опустив голову, с кнутом, молча стоял у своей телеги и исподлобья с страхом и видимым отвращением смотрел на веселых солдат, окружавших его.

Между людьми роты и подводками с своей тоненькой пехотной шпажкой,² которая так нейдет [?] в руках здорового и взрослого человека и еще более воина, похаживал неторопливым шагом ротный командир, не молодой и не старый, не красивый и не дурной, не высокой и не низкой, не худой и не толстый человек. Ротный командир не суетился, не кричал, но голос его был слышен; люди, видимо, не оглядываясь, чувствовали его присутствие и везде, где он проходил, водворялся порядок. Когда эскадронный вахмистр спросил у него по приказанию начальника: скоро ли они пройдут, то ротный командир, и всегда медлительный, сделался еще медлительнее. Несмотря на то, что он не возвышал голоса, видно было, что ротный командир не из тех служаков, которые били фелдвებელу роты и на каждом шагу бьют и пугают солдат, и тоже не из тех, которые всё предоставляют делать фелдвებელу, а сами с шпажкой ходят только около роты.

— Ты зачем сюда? Эй, Панов, — говорил он одному солдату, рукой медленно и не сильно поворачивая его прочь от подводки. — Ты 4-го отделения, ступай в свое место. Эй, Митин, — говорил он другому, — ты садись сюда, да смотри, чтоб завтра здоровым быть, а то брошу.³ Ефрейтора Силкина послать.

— Силкина к ротному! — кричали, передавая один другому, солдаты. Прибегал, придерживая тесак, запыхавшийся ефрейтор. Но ротный командир, казалось, старался тем более быть медлителен,¹ *Зачеркнуто*: Солдаты роты при приближении подвод вдруг зашевелились, как поднимающийся рой пчел. Со всех сторон слышались говор, крик даже, и <только и виднелись в роте> со всех сторон начали пехотинцы

² *Зач.*: которая, казалось, была сделана больше для практики фехтования, или для

³ *Зач.*: да цирюльника сюда

чем более¹ суетились те люди, с которыми он имел дело. Он подумал, молча подправляя [?] усы [?] и, слово за словом, отдал приказание ефрейтору, каких посадить людей, и два раза повторил то же самое прежде, чем отпустить. То же самое он сделал в другом, в 3-м, в 4-м отделении и то же самое с фелдвелем и наконец рота пришла в порядок, т. е., что ранцы лежали в телегах по отделениям и посажены были только те люди, которых он сам знал за слабых.² Всё уладилось в роте, но ротный командир не трогался, видимо ожидая чего то и всё поглядывая по направлению видневшейся деревни. Вахмистр эскадрона пришел еще раз от гусарского командира и грубо объяснил, что³ эскадрон обойдет, коли не тронется рота.

Ротный командир приятным, тихим голосом объяснил вахмистру, видимо не желая ни с кем ссориться, что подвод не было и он послал в деревню офицера с солдатом, и что подводы приехали, а офицера с солдатом нет. Как и всегда, ротный командир раза три повторил всё это, видимо, как во всех своих речах, предполагая в слушателе очень глупого человека или ребенка, подробно стараясь объяснить запутанность этого обстоятельства.⁴

Дождаясь посланных, ротный командир, тихо прохаживаясь по задним рядам недалеко от гусаров и для препровождения времени то сгибая, то разгибая свою шпажку, увидел Р[остова] и уставился на него⁵ но и в разговоре не забывая дела, он в это время увидел подвигавшихся к нему ожидаемых офицера, немца чиновника и солдата.

Офицер был молодой, улыбающийся человек с ленивой походкой. Он шел впереди, насили волоча ноги, видимо из последних сил, и готовясь тотчас же повалиться на землю, как скоро дойдет до роты.

Немец в штатском мундире, волосатый брюнет с вылупленными глазами и в очках, шел походкой разъяренного человека, которой, стиснув зубы, с трудом удерживая злобу, несет ее до какого-нибудь известного пункта. Солдат, который шел с ними и который и был переводчиком, больше всех обратил на себя внимание Ростова. Солдат этот, хотя в солдатском кивере и шинели, и с ружьем на плече, сразу отличался еще издали от всех, до сих пор виденных Ростовым, солдат. Он шел бодро и быстро, но не по солдатски, прямыми ногами и размахивая руками, а ноги его были вывернуты, как у танцовщиков, он грациозно раскачивался и необыкновенно высоко нес голову. Когда он стал подходить ближе, Ростов заметил, что у него белокурые волосы были длиннее, чем обыкновенно у солдат, и курчавились. Больше всего поразило его в этом лице — сильный⁶ блеск голубых глаз и выражение¹ *Зачеркнуто*: торопились

² *Зач.*: Молодой офицер роты сидел на телеге с трубкой, видимо не имея никакого дела.

³ *Зач.*: ждать

⁴ *Зач.*: Р[остов] был послан для переговоров.

⁵ *Далее в рукописи нехватает одного листа.*

⁶ *Зач.*: приятный

твердо и решительно сложенного рта, образовавшего в углах губ не одну, а с каждой стороны по одной насмешливой улыбке.

— Кто это? — спросил он.

В это время трое шедших подошли к роте.

— Прибыли подводы? — спросил офицер, смеясь. Этот офицер смеялся всегда, при всяком вопросе и ответе.

— Прибыли, да вы то где пропадали?

— Потеха, ха ха, изморился совсем, — отвечал офицер, присаживаясь на колесе телеги. — Николай Дмитр[иевич] (так звали Долохова в роте) с немцами такую карамболь сделал... ха ха, чуть не убил одного. Вот он сам расскажет...¹

Иван Захарович однако видимо не нашел это известие столь смешным, как офицер, который не мог говорить от смеха.

— Эх, Николай Дмитрич, просил я вас, — обратился он укоризненно к Долохову тихим и приятным голосом, не обращая никакого внимания на озлобленного немца, который, дойдя до него, вдруг начал говорить так громко и так часто, что и даже и знающий по немецки с трудом мог понять его.

— Herr Kapitän,² — говорил немец, выкатывая всё больше и больше глаза, — <ich muss ihnen meine Klage um Beleidigung einreichen, wenn sie es nicht annehmen wollen, so werde [ich]> bis zum General... S'ist was Unerhörtes... so ein Skandal: in meinem Quartier meine Magd erdrosseln... und mich selbst geschimpft. Ich bin Beamter, aber kein Kriegsgefangener. Das Kosaken Händel...³

Видно было, что немца задели за живое, и что он живой не расстанется с своим оскорбителем.

— Моя твоя не понимай, — слегка с сожалением пожимая плечами, сказал тихо Иван Захарович с пеной у рта кричавшему немцу и обратился опять к Долохову.

— Мне от полкового командира предписанье доносить каждую неделю о вас.⁴ Коли немец от себя прямо пожалуется, мне достанется.

— Доносите, мне все равно. Мне терять нечего,⁵ — отвечал Долохов, и вдруг красивое лицо его приняло то бешено-озлобленное и решительное выражение, с которым он полгода тому назад обернулся из окна на мешавших ему. Он⁶ блеснул глазами на немца, на ротного командира и на Ростова, тут же попавшего под его взгляд, и, вскинув сильным, порывистым движением ружье на плечо, отошел от них. Ростову неловко и, хотя бы он не признался в этом, жутко стало от этого взгляда.

¹ *На полях:* Ростов поломался перед Иваном Захаровичем

² [Господин капитан]

³ [я должен заявить вам жалобу на оскорбление, ежели вы не пожелаете принять мое заявление, я дойду до генерала... Это что то неслыханное... Какой скандал: в моем доме задушил было мою девушку... меня самого ругал. Я чиновник, а не военнопленный. Казачья сволочь...]

⁴ *Зачеркнуто:* Я не могу умолчать

⁵ *Зач.:* нахму[рившись]

⁶ *Зач.:* страшно

— Как терять нечего, Николай Дмитрич, — продолжал кротко Иван Захарович, — лишить прав могут-с...

Долохов остановился, нахмуренное лицо его сделалось страшно, и схватил ружье таким движением, что Ростову показалось, что он сейчас штыком пырнет кого-нибудь. Но он только скинул ружье к ноге, чтобы ловчее говорить.

— Я вам сказал, что коли меня по вашей жалобе лишат прав, я вам этим штыком распорю брюхо. А там делайте, как хотите.¹

— Хоть и долг службы, Николай Дмитрич, — приятно улыбаясь круглым лицом, сказал Иван Захарович. — Ну, я, положим, не донесу, да ведь прямо полковому командиру пожалуется. Всё горячность ваша. В чем дело? — обратился Иван Захарович к офицеру, отдувавшемуся, сидя на колесе телеги.

Ростов между тем, по свойственному молодости тщеславию знания языков, сделал несколько вопросов по немецки австрийскому чиновнику и слушал его рассказ и его угрозы. Смешливый офицер с своей стороны, прыская со смеху, рассказывал дело ротному командиру.

Дело было в том, что, прийдя в городок на квартиру фогта, они долго ждали его, потом, объяснив свое требование, долго спорили, так как немец не признавал нужным дать еще пятнадцать подвод сверх положенного числа, но когда наконец добились толка и немец ушел куда то, оставя их дожидаться, Долохов вышел тоже и тут офицер только, услышав шум на дворе, увидал, что Долохов в закуте душил какую то бабу или девку, а немец отбивает, и что они лопотали, он не понял.

Иван Захарович ничего не сказал немцу и занялся устройством роты. Немец, продолжая угрожать, пошел за Ростовым, который направился к своим офицерам.

Васька Денисов, всегда находившийся в какомнибудь азарте, спорил с эскадронным командиром об полковом учении, доказывая, что не так делалось у них в полку, как следовало. Узнав, что Долохов в этой роте и то, что с ним случилось, он тотчас страшно разгорячился. Он знал Долохова и был дружен с ним. Он вскочил на своих кривых, кавалерийских, маленьких ножках, озабоченно побежал в роту.

С тех пор, как Ростов был в полку, он не помнил дня, чтобы у Васьки не было какогонибудь спешного, отчаянного, начатого дела. Он всегда торопился, спешил, весь красный, потный и как всегда полупьяный, он казался всегда заваленным хлопотами. Его любили и, даже странно, уважали в полку, хотя он менее кого бы то ни было на свете желал пользоваться уважением. Глупостей он делал много, денег у него никогда не было и всегда он кутил, врал он не переставая и никто ему не верил, но его любили и уважали должно быть за то, что он никому из того мира, который он признавал своим, никогда не сделал ничего дурного, а, напротив, из кожи лез, чтобы услужить каждому и главное ¹ *Зачеркнуто*: — Мне нельзя не донести, Николай Дмитрич, служба

напоить, в чем он, видимо, полагал главное счастье жизни. Ежели он обижал, и бивал, и позорил мирных жителей, то ему в голову не могло придти, что это дурно. Со всем, что не было гусаром или по крайней мере кавалеристом, он обращался, как с неодушевленным миром. В карты он играл, но не любил, главное его занятие были лошади, штуки и шутки. Иногда он бывал очень забавен, и шуточки и штуки с начальниками не только рассказывались по полку и даже по армии, но ему уж приписывали всякую забавную гусарскую штуку. Полковой командир всегда вперед смеялся, когда он раскрывал рот, смеялся и робел. Себя он звал Васька и любил, чтобы его так звали.

Давать водки людям (гусарам) было его первое удовольствие, и всё жалованье его уходило на водку. Люди понимали и потому любили его. Офицеры смотрели на него, как на дуэлиста, и рассказывали про него страшные истории, но Ростов не застал этих дуэлей, а видел в нем только вечное, ничем ненарушимое веселье, азарт, добродушие, уживчивость со всеми и большей частью между своими, наивность и детское незнание¹ и равнодушие ко всему тому, что не было гусаром.

Он схватил за руку Ростова и потащил его с собой.

— Здорово, брат! вот так угораздило тебя. Дай тебя обнять,— обратился он к Долохову, который гордо и холодно принял объятия гусара, видимо еще неуспокоенный от злобы, которую он испытал при объяснении с ротным, и желая показать, что он хоть и солдат, но ни в ком не нуждается. Но маленький гусар не обратил на это ни малейшего внимания.

— Вот он, — сказал он, указывая на Ростова, — (он юнкер у нас, славный малый, ты его полюбишь), он и говорит: там Долохов и вся эта история.² Узнаю, брат, Долохов est ce noble [?] ³ Ну, что ты как, небось до первого дела. Произведут. Переходи, брат, к нам.

Долохов⁴ улыбнулся.

— А ты всё пьян по старому.

— А то как же? А что же немца то побил больно?

— Чорт их дери, зачем наряжают переводчиком? Пожалуй донесут, испортят всё дело. А я, брат, себе зарок дал, до производства не пить и не драться, да сердце не каменное. Досадно, чорт возьми, ведь я как сказал, что через месяц буду офицером, так и будет, а тут подвернулась эта девка проклятая!

— Вздор! Вот еще из-за немца пропадать. Я их на своем веку больше, чем блох, перебил. Бывало, что не маскарад, я двух или трех побью.⁵ Пойдем к немцу.

Долохов не пошел и Васька Денисов один с Ростовым направился в немцу, который уже уходил.

¹ Зачеркнуто: жизни и тем более науки

² Зач.: Это вздор, надо поправить.

³ [этот благородный]

⁴ Зач.: посмотрел на Ростова так, что тому опять неловко стало

⁵ Зач.: Пойдем выпьем.

Васька Денисов был не мастер говорить по немецки, но он¹ тотчас сошелся с чиновником, привел его к себе на попону, дал ему выпить два стакана вина, выпил за здоровье австрийского императора, называл немца камрадом, приглашал его в гусары, уверяя, что он молодец, и, когда немец совсем растаял, взял с него слово не подавать жалобы.

* № 18 (рук. № 56. Т. I, ч. 2, гл. I).

[оза]бочены исключительно вопросами о рационах, следующей трети, покупке немецкого сукна, прельщения польской девицы или дамы и о проигранном на рутерке: всей трети, или перстне, или погребце. Еще менее значительные лица армии — солдаты, хотя иногда и беседовали о том, что предстоящее им усмирение турецкого паши и вообще прусака с Бонапартом будет не в пример труднее усмирения Польши, — преимущественно же были озабочены выдачей порции и соображением сравнительной доброты русской и австрийской водки, порядком назначения караулов, сапогами (составляющими всегда один из главных интересов солдата),² насмешками над нравами, одеждой и языком народов, через владения которых они проходили, и прибиранием к месту того, что в деревнях или в полях плохо лежало. Все эти предметы находили место в ротных артелях. Однако, хотя никто и не понимал действительной причины усиления маршей, состоящей в том, что Бонапарте с неожиданной быстротой стягивал все свои войска от Булони к Ульму на границах Баварии, где стояла большая австрийская армия, усиление маршей в одном смысле было понято одинаково верно каждым человеком этой сорокатысячной армии.

— Коли гонят по сорок верст в сутки, нас не жалея, и подводы выставляют, то верно не для парада, а для того дела войны, в котором калечат и убивают до смерти нашего брата и о котором поэтому лучше не думать, а итти веселей... а там что будет, то будет.

И с того времени, как людям стало тяжело, и все не бодрые и слабые отстали по гошпиталиям, в армии стало меньше порядка, но стало гораздо больше прежнего оживления, веселости и бодрости.

С русскими лицами, русским говором, русскими³ приемами и русскими песнями проходили⁴ войска, сначала польские города и деревни.⁵ Там говорили с жителями на⁶ ломаном, ни русском, ни польском языке, который не должны бы⁷

¹ *Зачеркнуто*: умел объяснить чиновнику, что

² *Зач.*: и наблюдением

³ *Зач.*: ругательствами

⁴ *Зач.*: <эти стройные толпы> полки

⁵ *Зач.*: где с робевшими жителями

⁶ *Зач.*: вновь изобретенном

⁷ *На этом рукопись обрывается.*

11-го Октября 1805 года¹ один из полков последней колонны подошел к Браунау и, прежде чем расходиться поротно по назначенным квартирам, остановился [на] ровном поле в стороне от большой дороги, в двух верстах от² города.³

Главкомандующий желал видеть войска, и смотр был назначен в походной форме.⁴

Немцы из соседней деревни и проезжающие собирались смотреть войско, хотя смотр в окрестностях Браунау уже стало обыкновенное зрелище. На дороге около дерева стояли, сложив свои ноши на край дороги, три немки с мальчиком и старик в синем сюртуке, который, как опытный человек, на своем грубо горловом, народном немецком языке, объяснял зрителям то, что они видели.

— Dies da ist das erste Regiment, zweite Regiment,⁵ — говорил он, указывая на правильные, неподвижные четверугольники.⁶

— Ist das der Oberst?⁷ — спрашивала одна, указывая на⁸ адъютанта.⁹

— I bewahre! Aber der da mit der goldnen Schnur.¹⁰ — Он указывал на другого офицера.

— Sind es alles Russen?¹¹ — спрашивал мальчик.

— Nicht alles Russen, aber es sind welche dadrunten. S'sind verschiedene, sind Kroaten, sind Schweizer dadrunten und Kosaken da aus Siberien,¹² — отвечал старик. — Gieb Acht. S'wird geschossen,¹³ — сказал он, обращая внимание на крики, раздавшиеся¹

Зачеркнуто: мушкатерский полк, построившись в ротных колоннах, ожидая смотра главнокомандующего, стоял на

² *Зач.:* Браунау. Полк <только что пришел с похода> был в походной форме, как

³ *Зач.:* Немецкой городок с старою стеною крепости и средневековым собором, голые жневья полей, изрезанных мелкими полосками, направо внизу на реке деревенька с черепишными крышами, обсаженная облетающими фруктовыми деревьями, и большая дорога, обсаженная деревьями — виднелись ясно в теплом свете южного осеннего дня.

⁴ *Зач.:* так как полк только что пришел к месту своего назначения.

⁵ [Этот там первый полк, второй полк]

⁶ *Зач.:* батальонов с их светлыми штыками, белыми штанами в крагах, ранцами и шинелями за спинами, крестами перевязей, киверами с помпонами и ранцами с скатанными шинелями, подымавшимися за спинами и дававшими каждому солдату издали вид какого то тяжелого, горбатого, неестественного, допотопного зверя

⁷ [А это полковник?]

⁸ *Зач.:* барабанщика верхового

⁹ *Зач.:* Не совсем, тот больше

¹⁰ [Боже сохрани! Но вон тот с золотым шнуром]

¹¹ [Все они русские?]

¹² [Не все русские, среди них есть разные, есть кроаты, есть швейцарцы, есть казаки из Сибири]

¹³ [Внимание. Теперь стрельба начнется]

по рядам полка. Женщины заткнули уши, но стрельбы не было. Кричали по рядам:¹ смирно!

Махальные подбежали к фронту, а за махальными подъехали к впереди стоявшим начальникам два верховые.

Махальные ошиблись. Это ехал не главнокомандующий, а адъютант его.²

Полковник, стоявший перед фронтом полка, окруженный несколькими офицерами, был скорее широкий, не столько от одного плеча к другому, сколько от груди к спине, мужчина лет 40 с красно круглым, озабоченным и довольным лицом, снизу так складно вставлявшимся чисто выбритым подбородком в очень высокий, по тогдашней форме, воротник мундира, что понятно было, как стыдно и неловко должно было быть полковнику, коли бы ктонибудь мог увидеть его без этого высокого подгалстника и красного воротника. Мундир с блестящими,³ высоко поднятыми на круглых плечах эполетами,⁴ как будто они не книзу, а кверху тянули его плечи, новый глянцевоый мундир был узок, так же как и панталоны, и полковник, видимо, не мог уничтожить в самом себе сознание красоты округлостей своего полного, здорового тела. Это сознание препятствовало совершенной свободе движений полковника. Переходя с одного конца дороги, на которой он стоял, на другой, полковник подрагивал на каждом шагу, грациозно слегка склоняясь в сторону. И эта подрагивающая походка, видимо умышленно усвоенная, показывала, что, кроме воинской дисциплины, в полковнике живы были струны участия к общественной жизни и прекрасному полу.⁵ По почтительным и внимательным, но нетревожным лицам господ офицеров, батальонных командиров, адъютанта и других видно было, что подчиненные хорошо знали своего начальника, как приятного знакомого за партией виста, или за обедом,⁶ но с которым надо было быть осторожным, когда он был в шарфе и знаке. На всех лицах выражалась важность занимавшего всех дела.

Полковник остановился, молодецки загнув наружу руку, взялся за темляк, тряхнул эполетами, устремил свой взгляд на ряды 3-й роты.⁷

¹ *Зачеркнуто:* — Командира 3-й роты к полковому! Полковника 3-й роты к командиру! — И голоса кричавших раздавались точно так же русско, как будто дело было на Ходынском или Царицыном лугу.

² *Зач.:* которому велено было сказать, что главнокомандующий не будет <выходить из коляски> садиться верхом, а только пройдет пешком по рядам, ежели время позволит. Войска состояли из двух полков и одной роты артиллерии. Начальники стояли впереди с их свитой.

³ *Зач.:* очевидно умышленно

⁴ *Зач.:* (эполеты особенно густые, как известно, делают исключение из общего закона тяготения и вместо того, чтобы давить плечи вниз, поднимают их кверху)

⁵ *Зач.:* На груди полковника висели два мирные ордена — Станислава и Анны, доказывавшие, что звание полкового командира заслужено было полковником не на полях битвы.

⁶ *Зач.:* когда полковник назывался Петр Егорычем и, как все смертные, кушал суп и говорил о политике и прекрасном поле.

⁷ *Зач.:* в которой что то зашевелилось и опять затихло, и нахмурился.

— Послать командира! — и в рядах послышались голоса, вызывающие командира 3-й роты, и адъютант побежал отыскивать замешкавшегося офицера. Когда звуки усердных голосов, которые, перевирая, кричали уже: — Полковника в 3-ю роту, — дошли по назначению, требуемый офицер, дожевывая что-то, показался из-за роты и, хотя и человек уже пожилой и не имевший привычки бегать, быстро и легко побежал к полковнику.¹

Лицо капитана Брыкова с красными пятнами около носа, всегда и до требования полкового командира, выражавшее как будто постоянный страх в том, что наконец узнается что то такое дурное, что он сделал, теперь выразило беспокойство школьника, которому велят сказать невыученный урок.

Ротный командир на бегу оглядывал свои тоненькие ножки и шпажку и ощупывал рукой, удостоверясь, всё ли на месте.²

Полковник с ног до головы осматривал капитана в то время, как он, запыхавшись, подходил быстрым, плывущим шагом, цепляясь носками за³ неровности поля и выставляя больше и больше несколько на сторону нижнюю губу.

Полковой адъютант погнулся вперед и, следя за взглядом начальника, выражал на всей своей наружности желание устранить неприятность, беспокоившую полковника, и сожаление в невозможности угадать этой неприятности.

¹ *Зачеркнуто:* Прежде, чем он отбежал от роты, он повернул свое старое, худое, загорелое и сморщенное лицо с багровыми пятнами около носа к солдату, только что вошедшему на свое место в рядах.

— Уж я говорю, что за вас. Посмотрите за <вашего копченого гуся какая трепка будет> ваш тулупчик, что будет. Ой, ой! Говорил — после. Нет... — проговорил он на бегу, обдавая всю шеренгу изо рта запахом копченого гуся и водки.

² *Зач.:* <знак> шарф и кивер.

<Солдат, к которому обратился командир и который был причиной гнева полкового командира, хотя войдя в свое место, стоял наравне с другими точно так же одетый и в том же положении> Солдат, к которому обратился ротный командир, был не в шинели, а в тулупчике. Но, кроме тулупчика, обшитого белыми мерлушками, солдат этот отличался от своих товарищей не столько сытостью и белизною своего лица и шеи, тогда как у других щеки были большей частью втянуты до зуб и шеи цвета невыделанной кожи, новизною сапог, видимо собственных, тогда как у многих солдат обувь была стоптана и подвертки начернены для того, чтобы не заметны были дыры, и длиною, вьющихся у корня, белокурых волос, видневшихся на затылке из под кивера, и, главное, выражением лица, совершенно противоположным тому, которое было на всех лицах и означало сознание важности настоящей минуты. Солдат этот с красивым, изогнутым, тонким ртом посмеивался, глядя на к[апитана] и глядя на всё, что делалось вокруг него.

— <Э, трусишка>. Прoberут! — сказал он соседу, фланговому ефрейтору, с чернозакаленным цветом лица и подтянутым животом и плоской, точно железной доской, выгнутой грудью, казавшимся вылитым из одного куска с ружьем и ранцом.

— А вот попробуйте барин, как за роту отвечать. Начальство, нельзя, — отвечал ефрейтор.

³ *Зач.:* калмыжки и всё больше и больше хмурился. Капитан чувствовал, что всякая зацепка поставится ему в вину. — Где у вас люди <бегают> шлятся. А? — начал он. — Из фронта людей <посылаете> угощаете. Из фронта выходят? А? — Он оглянулся на адъютанта.

— Сами вы где находитесь, господин офицер? Когда ожидается главнокомандующий, вы завтракаете,¹ — сказал начальник, заслышав запах² съедобного из рта капитана. — Я сам завтракать не меньше вашего хочу, может быть. Да на хотенье есть терпенье, милостивый государь.³ Вы скоро людей в сарафаны нарядите. Это что? — сказал он, указывая в рядах 3-й роты на солдата в шинели цвета фабричного сукна, отличающегося от других шинелей.

Ротный командир, не спуская⁴ глаз с начальника,⁵ больше и больше прижимал свои два пальца к козырьку, как будто в одном этом прижимании он видел теперь свое спасенье. Батальонные командиры и адъютант стояли несколько сзади и на своих лицах выражали с одной стороны, для начальника, сознание необходимости и законность гнева и его выражения, с другой стороны, для товарища подчиненного, заявление в том, что они не принимают на себя никакой ответственности в поступках начальника, и надежду, что их присутствие при этом⁶ случае не испортит их товарищеских отношений с уважаемым капитаном.⁷

— Ну что ж вы молчите? — крикнул полковник⁸. — Кто у вас там в венгерца наряжен?

— Полковник... — голос оборвался у капитана.

— Ну что полковник? Полковник, полковник, а что полковник, никому не известно.⁹

— Полковник, это разжалованный... — выговорил капитан с таким видом, как будто для разжалованного могло быть допущено исключение.

— Что он в фельдмаршалы разжалован что ли? Или в солдаты? А солдат, так должен быть одет как все, по форме.

— Полковник,¹⁰ вы сами разрешили ему походом.

¹ *Зачеркнуто*: импровизировал

² *Зач.*: гуся и водки

³ *Зач.*: строго шутил он, прибавляя слова: а? что? которыми он как будто стегал капитана Брыкова. — Я вам завтракать покажу. Да как людей <распускать> в маскарады наряжать. Я вас... — Полковник на мгновение задумался, как будто раздумывая, с какой стороны побольнее стегнуть капитана <но не спуская строгих, воспаленных служебным гневом глаз с> ротного командира, который, слабо дыша

⁴ *Зач.*: испуганных, виноватых

⁵ *Зач.*: все больше и больше подтягивал свой и так плоской, как доска, живот и

⁶ *Зач.*: несчастном

⁷ *Зач.*: Князь Андрей с Ахросимовым не оглянулись даже на крик полковника, так они были заняты разговором.

⁸ *Зач.*: почему у вас люди выходят из фронта? Когда каждую минуту может приехать? А? Что у вас язык отнялся?

Ротный командир и рад бы был улыбнуться на эту шутку начальника, но другое чувство так сильно овладело им, что он не мог этого сделать.

⁹ *Зач.*: зачем солдат из фронта выходил? Зачем в шубе

¹⁰ *Зач.*: ведь на два шага только вышел. Я думал махальный... — начал говорить капитан, заметив понижение тона начальника и желая дать почувствовать, что солдаты, называемые махальными, расставленные по дороге приезда главнокомандующего <которые должны дать знать о приближении Кутузова и которые называются махальными,> успеют дать знать за столько времени вперед, чтобы стать на места.

— Как разрешил? Вот вы всегда так, молодые люди, — сказал полковник,¹ остывая несколько,² — разрешили... вам чтонибудь скажешь, а вы и... Вот всегда так, молодые люди, чтонибудь скажешь, а вы и, что? — сказал полковник, снова раздражаясь.³ — Извольте одеть людей прилично. — И полковник, оглянувшись на адъютанта, своей вздрагивающей походкой, выразившей всё таки не безъучастие к прекрасному полу, направился к рядам 3-й роты.⁴

— Как⁵ стоите? Где нога? Нога где? — закричал полковой командир с выражением страдания в голосе, еще человек на пять не доходя до⁶ солдата, одетого в⁷ синеватую шинель. Солдат этот, отличавшийся от других свежестью лица и шеи и длиною выющихся белокурых волос, медленно выпрямил согнутую ногу и прямо светлым и наглым взглядом весело смотрел на лицо полковника. Отвесно прямая черта его верхней губы в середине клином опускалась на нижнюю, в углах губ оставались две улыбки.⁸

— Зачем синяя шинель? Долой! Фелдвебель...

— Полковник разрешил.

— Опять! Я вам дам...

Но в это мгновение полковник поравнялся с Долоховым и глаза их встретились. Полковник замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф.

— Извольте переодеться, прошу вас.⁹

— Едет! — закричал махальный.

Полковник выбежал вперед, выпрямился, вынул шпагу с счастливым решительным лицом, на бок раскрыв¹⁰ рот, и из затянутой мундиром выпуклой груди зазвучал такой страшно сильный голос, что ясно было: что бы ни предлагали полковнику в награду, чем бы ни угрожали полковнику, он не мог закричать громче этого.

— Смирно! — закричал полковник.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, бесшоссейной дороге, слегка погромыхивая рессорами, шибко рысью ехала¹ *Зачеркнуто*: старичку к[омандиру] б[атальона]

² *Зач.*: но всё еще с неулегшимся полнокровным раздражением. — Махальный, ну что махальный, а вдруг его высокопревосходительство подъедет с другой стороны. Тогда что?

Хотя все, и капитан и сам полковник, знали, что это предположение было совершенно невозможно, все молчали.

³ *Зач.*: вследствие этого предположения, — тогда что? Да как он смеет выходить из фронта!

⁴ *Зач.*: чтобы внушить разжалованному Семеновского полка офицеру Долохову должную субординацию. Полковой адъютант пошел за начальником. <Вид> близость стройных рядов людей, видимо, особенно действовала на п[олковника]. Чем ближе он подходил к ротам, тем больше хмурилось его лицо и выпячивалась несколько на сторону нижняя челюсть.

⁵ *Зач.*: стоишь?

⁶ *Зач.*: Долохова

⁷ *Зач.*: синем тулупчике с мерлушками

⁸ *Зач.*: — <Из фронта выходить.> Я тебя... Солдатскую серую. Зачем шуба?

⁹ *Зач.*: и, повернувшись, пошел назад.

¹⁰ *В рукописи*: раскрывал

высокая, голубая, венская коляска цугом. За коляской скакала свита и конвой кроатов. Подле Кутузова сидел австрийский генерал в белом мундире. Они о чем то тихо говорили, и Кутузов слегка улыбнулся в то время, как он, тяжело ступая, спускал ногу с подножки.

По тому, как полковник салютовал главнокомандующему, впиваясь в него глазами, вытягиваясь и подбираясь и прижимая руку к козырьку, как он, наклоненный вперед, ходил за генералами по рядам, едва удерживая подрагивающее движение, как вздрагивал при каждом слове и движении главнокомандующего, видно было, что он исполнял свои обязанности подчиненного еще с большим наслаждением, чем обязанности начальника.

Полк, благодаря строгости и старательности полкового командира, был в прекрасном состоянии сравнительно]

* № 20 (рук. № 60. Т. I, ч. 2, гл. III).

<и аристократическом обществе, как понял князь Андрей из разговора высшего венского общества, зависел преимущественно от его внешней ничтожности, не самим им признаваемой плебейской незначительности, соединенной с трудолюбием и немецкой честностью; его считали только хорошим исполнителем и добросовестным теоретиком, почти маниаком своих военных теорий. Князь Андрей знал, что Кутузов заседал несколько раз в том знаменитом Гоф Кригсрате, над которым так ядовито подтрунивал его старик отец и, хотя не знал подробностей прений в этом военном совете, он замечал, что все были довольны Кутузовым за его непривычную после Суворова уступчивость, и казалось ему, что Кутузов смотрел на все эти совещания только, как на необходимую формальность, и был вполне уверен в своей будущей свободе действий. На придворных балах, на которых должен был присутствовать князь Андрей, он встретился с своими соотечественниками и знакомыми дипломатического корпуса. Его поражало их спокойное, роскошное житье, с светскими венскими интересами, не имеющее ничего общего с предстоящею войной, бывшею для князя Андрея главным делом жизни. Возвратившись к войскам, он испытал чувство удовлетворения и успокоения при виде серых шинелей, штыков, зеленых лафетов и кавалерийских, замундштученных лошадей. Но несмотря на братское, почти нежное чувство, которое возбуждал в нем вид каждого, даже темного, пехотного офицера, он и к своим штабным товарищам оставался так же надменен и чужд, как и прежде.

Они обходили, делали смотр по дороге, обгоняли войска и наконец пришли к Браунау. Князю Андрею было странно видеть в этом маленьком городке установившуюся светскую жизнь с дамами и праздниками, средоточием которых был Кутузов. Он старался избегать этих празднеств, через каждые четыре дня дежурил в приемной и проводил свое время за комментариями Кесаря и за соображениями для предстоящей кампании, которые он делал, 315

как будто бы составить план войны и исполнить его было его назначение.

Несмотря на близость его к главнокомандующему, он имел мало сведений, как и все приближенные к Кутузову, об общем ходе дела. В первых числах октября только Кутузов дал ему письмо от герцога Фердинанда для того, чтобы перевести его по русски. Письмо было следующего содержания>

«Die Kaiserliche Königlich-Armee hatte sich bisher den wichtigen Vortheil verschafft Meister von der Iller, von Ulm und Memmingen zu sein um zusammengehaltene Kräfte zu behalten und sich nicht durch die Deckung Tyrol's schwächen zu müssen. Der Feind findet nicht für gut diese Stellung mit offener Stirne anzugreifen. Er will sie tournieren und hiedurch unsere Vereinigung mit der Russisch-Kaiserlichen Armee verhindern, wozu Bonaparte durch den Durchbruch der einen seiner Armeen durch das Preussisch-Anspachsche sich die Möglichkeit verschafft hat, weil er die Vereinigung seiner beiden Armeen früher bewirkte.¹

Wirklich dürfte also unsere Vereinigung mit der Russischen Kaiserlichen Armee für den Augenblick verhindert oder da die beiden feindlichen Armeen bereits vereinigt und Meister von Donauwörth sind, gefährlich werden, solche alsogleich aufzusuchen — oder die Kaiserlich-Russischen Colonnen in der Verfassung wie sie ankommen gleich augenblicklich vom Inn vorrücken zu lassen. Indessen haben wir in dem Lande vom Lech bis tief in Schwaben auf längere Zeit zu leben als es uns nöthig sein kann, bis die Kaiserlich-Russische Armee am Inn mit Allem versehen und thätig zu werden vermögend sein wird.²

Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an

70,000 Mann um den Feind wenn er an dem Lech passierte, angreifen und schlagen zu können. Wir können, da wir Meister von Ulm sind, den Vortheil auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben, nicht verlieren. Mithin auch jeden Augenblick, wenn der Feind den Lech nicht passierte, die Donau übersetzen uns auf seine ¹ [Императорская королевская армия имела до сих пор важное преимущество: она заняла командное положение на Иллере, Ульме и Меммингене, чтобы сохранить объединенные силы и не быть вынужденной ослаблять себя защитой Тироля. Неприятель не находит для себя выгодным открыто атаковать эти позиции. Он хочет их обойти и таким образом помешать нашему соединению с русской императорской армией, для чего Бонапарт создал себе возможность, заранее обеспечив соединение обеих своих армий прорывом одной из них в Прейсиш-Анспах].

² [Действительно, если бы нам помешали соединиться сейчас с императорской русской армией, или, так как обе неприятельские армии уже соединились и занимают командное положение при Донауверте, они стали бы для нас опасны — надо сейчас же разыскать их или же императорские русские колонны в том состоянии, в каком они придут — сейчас же, мгновенно продвинуть с Инна. В то же время нам придется надолго, дольше, чем это нам может быть нужно, задержаться в местности около Леха, далеко углубившись в Швабию, пока расположенная на Инне императорская русская армия не будет снабжена всем необходимым, чтобы быть вполне боеспособной].

Kommunikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassieren um dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Alliirte mit ganzer Macht wenden wollte, seine Absicht alsobald vereiteln. Wir werden auf solche Weise dem Zeitpunkt, wo die Kaiserliche-Russische Armee ausgerüstet sein wird, muthig entgegenharren und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient.¹

Diesemnach wäre es nothwendig dass die Kaiserlich-Russische Colonne die Vorsicht brauchte jedoch wo möglich nicht bei Braunau, sondern Mühldorf hinter dem Inn sich zu sammeln mit der Oesterreichischen Kavallerie und Artillerie, die zu ihnen stossen kann, und mit den noch rückwärts befindlichen Pontons sich ausrüsteten — wo sie dann versehen mit Kaiserlich-Königlichen Kavallerie und Artillerie sehr bald thätig werden können. Übrigens ist die Kaiserlich-Königliche Armee in der möglichst besten Fassung und Stimmung und mit voller Zuversicht können wir eben dasselbe von der Kaiserlich-Russischen hoffen, so wie uns um die erwünschte Vereinigung bald zu erlangen nichts schwer und unmöglich sein wird.

Güntzburg den $\frac{8 \text{ october}}{8 \text{ october}}$ 1805

E. H. Ferdinand.²

* № 21 (рук. № 61. Т. I, ч. 2, гл. IV).

³Он взволнованной походкой, в своих солдатских рейтузах и растегнутой гусарской куртке, побрякивая шпорами, ходил ¹ Мы имеем вполне сосредоточенные силы, около 70.000 человек, так что мы можем атаковать и разбить неприятеля в случае переправы его через Лех. Так как мы уже владеем Ульмом, то мы можем удерживать за собою выгоду командования обоими берегами Дуная, стало быть ежеминутно, в случае если неприятель не перейдет через Лех, переправиться через Дунай, броситься на его коммуникационную линию, ниже перейти обратно Дунай и неприятелю, если он вздумает обратить всю свою силу на наших верных союзников, не дать исполнить его намерение. Таким образом, мы будем бодро ожидать времени, когда императорская российская армия изготовится, и затем вместе легко найдем возможность уготовить неприятелю участь, коей он заслуживает.

² [Для этого русской императорской колонне нужно принять все необходимые меры, чтобы не при Браунау, но в Мюльдорфе, позади Инна, соединиться с австрийской кавалерией и артиллерией, которые ей встретятся, чтобы вместе с имеющимися сзади понтонами в скором времени стать вполне боеспособной.

Впрочем, императорская королевская армия находится в наилучшем расположении духа и настроении, и мы с полной уверенностью можем этого же ожидать со стороны русской императорской армии, как и того, что желательное скорое соединение не представится ни трудным, ни невозможным.

Гюнцбург $\frac{8 \text{ октября}}{28 \text{ сентября}}$

Эрцгерцог Фердинанд.]

³ *Зачеркнуто*: Гусарской Павлоградской полк, в котором служил Н. Ростов, стоял на квартирах в небольшой деревне недалеко от Браунау.

по маленькой комнатке от двери к углу у высокой немецкой хозяйской кровати, на которой, увернув голову с одеялом, спал Денисов, изредка останавливался перед походным зеркальцем, стоявшим у окна, нагибался, вглядывался в себя, проводил рукой, захватывая кончики, по отрастающим, рыжеватым усам и проводя рукой по голове, на которой прежде были длинные волосы, а теперь коротко обстриженная щетинка, испуганно оглядывался, не видал ли его Денисов, и снова начинал ходить, улыбаясь сам себе.¹ Nicolas был взволнован особенно ясно пришедшим ему нынешнее утро после поездки за фуражем² и при ярком осеннем солнце сознанием того, что он гусар молодец, какие редко бывают, что все солдаты гусары — молодцы, как и все русские вообще, что офицеры его полка, а особенно эскадрона — Шен,³ Денисов — милые, добрые, благороднейшие рыцари люди,⁴ все, исключая Телянина, ну, да что — один. А всё отлично жить в полку... Отлично. И что бы мне сделать?

Проходивший мимо окон Никита с кофеем застал его глядевшимся опять в зеркало, но хотя видимо и не обратил на это обстоятельство никакого внимания, Nicolas покраснел и, продолжая ходить по комнате, начал насвистывать свой любимый air⁵ из Josond'ы, который он певал с Наташей и, когда пришел Никита, он долго не брался за кофе, всё насвистывая так хорошо, верно, как могут свистать только люди с большим музыкальным талантом.⁶ То он свистал один, то другой голос, то губами подделывал весьма похоже партию оркестра и особенно контрбаса.

— Да уж хорошо, — сказал Никита на одну из таких контрбасовых партий, которые Nicolas выделал, взяв Никиту за шею и принимая его за контрбас, пригибаясь, невидимым смычком, отрывая на его животе басовые ноты, — да уж ладно, кофей кушайте, простынет, — сказал Никита, улыбаясь и покачивая головой. — Вон⁷ и В[асилий] Дмитрич проснулись⁸

Nicolas стоял на одной квартире с своим эскадронным командиром, красавцем Гардиным. В то утро рано утром 11 октября Nicolas со взводом, пока Гардин еще спал, ходил за фуражем. Навитые десять лошадей гусарским унтер офицером из стога, которому не было хозяина, Nicolas велел снять и оставить и привез, хотя и мало сена, но сено всё взятое за деньги и квитанции. В 10 часов утра он уже был дома. Никита, его слуга, варил ему кофе. Хозяева немцы были на работе. Гардина не было дома, он пошел на коновязи.

Солнце ясно светило через небольшие окна дома.

¹ *На полях:* <11 октября почти все офицеры эскадрона перебивали у Nicolas, своего любимца, чтобы показать ему, что они становятся на его сторону в истории, бывшей у него с полковым командиром, которого Nicolas нынче утром вызывал на дуэль за то, что полковой командир сказал Nicolas, что он говорит неправду. Вот как это было>.

² *Зачеркнуто:* где он успел показать свое благородство и деятельность

³ *Зач.:* Телянин

⁴ *Зач.:* и что ему отлично жить в полку и хочется что то сделать, чтоб показать, какой он рыцарь и молодец.

⁵ [арию]

⁶ *На полях:* Не Гардин, а В. Денисов

⁷ *Зач.:* командир идет

⁸ *На полях:* Ну, батюшка, какие кони. Славно справились

<За границей.

Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова на польской границе и с ним вместе проехал Галицию, Богемию, Моравию и Эрцгерцогство. Главнокомандующий догонял, обгонял войска по дороге, делал им смотры и ездил в Вену. Князь Андрей в это время был послан в аррьергард воротить одну из задних колонн. Когда князь Андрей вернулся к штабу, главная квартира уже несколько недель помещалась в маленьком, с крепостью, городке Браунау. Князю Андрею странно было видеть в этом маленьком городке установившуюся светскую, праздную и роскошную жизнь с дамами, экипажами, музыкой и праздниками, как будто война уже кончилась или никогда не должна была начаться. В главной квартире князь Андрей чувствовал себя всё в том же, столь надоевшем ему, петербургском мире интриг, женщин, французских фраз и пустоты и старался жить отдельно, занимаясь темп науками, которые он считал необходимыми, но занятия его шли не успешно. Князь Кутузов ласково принял его, и, как он делал со всеми людьми из одного с ним круга, раз навсегда пригласил князя Андрея всегда обедать у него. Но князь Андрей редко пользовался этим приглашением, но всё таки редко успевал заниматься; то он должен был жить вместе с товарищами и его развлекали, то он обязан был дежурить и проводил целый день в приемной, то беспокойство и любопытство военного во время войны об общем ходе кампании заставляло его искать в обществе новостей о делах австрийцев в Баварии и о ходе переговоров и распоряжений в Вене, то он просто чувствовал себя не в духе и слишком старым для занятий. Когда его посылали в командировки или когда он был при Кутузове во время смотров, он испытывал сильно одушевлявшее его, поднимавшее на высокую степень энергии, чувство при виде этих огромных, симметричных, двигающихся масс и при звуках военной музыки, мерного топота тысячи конских ног или солдатских сапог и криках здоровающихся голосов; но всякий раз, как ему приходилось иметь личное дело с офицерами полков, эти господа возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов. Он невольно обращался с ними так оскорбительно надменно, что те, которые его знали, не любили его.

Несмотря на близость свою к главнокомандующему и на постоянное желание составлять себе понятие об общем ходе дел, он почти ничего не знал о том, что делается в армии эрцгерцога и Мака и о том, что намерены предпринять. Он знал придворные Да, ну, что вы поете.

Зачеркнуто: — Хорош фуражир! — сказал эскадронный командир, — очень хорош. Ведь это нельзя так, мой милый граф. Нельзя, — говорил эскадронный командир, высокий, чернобровый, румяный красавец, входя в комнату.

Nicolas покраснел, как сукно. Он знал

и штабные интриги и отчасти враждебную, но учтывую дипломатию австрийских и русских властей, знал, при чем не раз вспоминал кригс шнапс вурст рат своего отца, что всегда спокойный, уступчивый и придворный Кутузов не раз выходил из себя, входя в сношения и получая сообщения от Гоф Кригсрата, знал, что положение Кутузова при австрийском дворе особенно невыгодно потому, что перед ним был Суворов¹ (— Они всё боятся, что я им петухом запою, — раз при князе Андрее сказал Кутузов), знал, что назначение эрцгерцога Фердинанда командиром австрийской армии было только средство подчинить старшего чином Кутузова младшему чином Маку. И что австрийской армией командовал в действительности Мак, числящийся начальником штаба, а что номинально назначен эрцгерцог Фердинанд только для того, чтобы русское правительство не могло обидеться. Он знал даже *un mot*,² сказанное в Вене и показавшееся почему то всем очень смешным по этому случаю. Когда говорили, какого эрцгерцога назначить, какой то дипломат сказал: *un archiduc vaut l'autre*³ и все повторяли это *mot*.>

Осенью начались военные действия. Австрийские войска, желая предупредить Бонапарта, выступили в Баварию, Бонапарте стянул свои войска из Булони к Германии, русские войска прошли всю Австрию и стягивались к Браунау, крепости, в которой находилась главная квартира, в пяти переходах сзади австрийских войск, находившихся в Ульме.

В начале октября 1805 года, фельдмаршалское, пышное и веселое житье Кутузова в Браунау не изменялось; русские войска подходили уже последние,⁴ а между тем разными путями доносились слухи о том, что австрийская армия Мака уже дралась с французами. Одни говорили, что была одержана победа, другие говорили, что армия⁵ разбита и отступает в Тироль, третьи, что армия перешла на левый берег Дуная.

8 октября⁶ пришел от Ульма генерал Канмеер; он знал, что сражение действительно было и что он и Ностиц с 18 000 человек отрезаны, но чем кончилось это сражение, никто не знал в штабе.⁸ <Князь Андрей> находился в тревоге любопытства.

9 октября приехал из Вены австрийский генерал, приближенное лицо императора Франца и член Гоф Кригсрата, с предписанием Кутузову итти на помощь Маку.⁹

¹ Скобки поставлены редактором.

² [словцо,]

³ один эрцгерцог стоит другого

⁴ *Зачеркнуто*: но ничего не говорили о войне, о выступлении

⁵ *Зач.*: уничтожена

⁶ *Зач.*: князь Андрей был послан навстречу

⁷ *Зач.*: Канмеер

⁸ *Зач.*: Князь Андрей не брал в руки своих книг, а каждый день обедал за большим столом Кутузова и проводил дни в приемной, расспрашивая и прислушиваясь

⁹ *Зач.*: За обедом князь Андрей, который всегда и невольно в обществе занимал место выше своего положения, сидел недалеко от высокого старого австрийского генерала в белом мундире и слышал весь разговор его с Кутузовым.

* № 23 (рук. № 64. Т. I, ч. 2, гл. VI, VII).

идвигающиеся русские и вдалеке французские войска. Тушин с адъютантом стояли поодаль.

— Вишь¹ пехотные солдатики то в городе как хлопочут, — говорил² Багратион, указывая на³ черные точки солдат, которые, видимо с ношами, двигались из города к переправе, — всякий чтонибудь да тащит.

— Вот волочет дверь, кажется, — говорил⁴ адъютант. — И на что ему, ска[жите], а так, чтоб французу не доставалось. Смотрите, смотрите направо от моста на острову...

— Вижу там дворец какой-то. Мы проезжали. Что за решетка, олени.

— Императорской кажется.

— Да, они проберут его,⁵ — сказал Багратион, видимо утешаясь этим видом. — Плохо не клади, — и выражаясь по молодецки военному, что так не шло к нему.

— А какое место прелестное. — сказал адъютант. — Посмотрите туда вон, около Дуная, вот где вода то, так повыше в соснах.

— Вижу, это монастырь августинской.

— Что то монахи теперь думают.

Генерал с свитским офицером разговаривал у другой пушки.

— Ежели здесь не держаться, — говорил Багратион, — я уж не знаю. Я здесь с корпусом две недели устою.

— Нельзя, князь, предполагать ничего, — отвечал свитский офицер, — когда наши фланги не обеспечены. Ежели они собьют Мерфельда из Штеера, нам нет отступления, нас в тылу будет река.

— В Вене перейти можно, — отвечал Багратион. — До Вены то какой путь отступления, — сказал он, указывая назад на гористые ущелья, по которым синел Дунай. — Тут он зубы поломает... Сколько до Вены то будет? — спросил он. Свитский офицер достал портфель и справился.

— Верст сто прямым путем, но в Вене перейти Дунай, мы очутимся в долине, а здесь или у Кремса, — он показал рукой на противоположный гористый лесной берег, — каждый уступ крепость...

— Я говорил. Я говорил, — сказал Багратион, впиваясь в трубку и глядя на мост. — Этот толстый чорт ничего не делает. Пехота не прошла, а гусары отступают. Они мне наделают. Так и есть! Видите. Он подвинул («он» Багратион разумел неприятеля). Он выстроит батарею. А дурак! Колокольцов, — крикнул он адъютанта, — скачи на переправу к полковнику Ор[?], чтоб гусары стояли на той стороне, пока пройдет вся пехота. Так и есть! — Эти слова сказал Багратион, отпуская трубку от глаза и сердито пожимая плечами. На той стороне показался один, другой дымок, третий из батарей неприятельских, которые видны были уж¹ *Зачеркнуто*: наши

² *Зач.*: Тушин

³ *Зач.*: толпы

⁴ *Зач.*: Тушин

⁵ *Зач.*: говорил Тушин

простым глазом. Они били по переправе. На переправе люди, толпившиеся на ней как муравьи, видимо оживленнее засуетились. Колонна неприятельской пехоты подвинулась вперед.¹

— Артиллерийский офицер, — сказал он, — пусти гранату.

— Прислуга к орудиям.² Ваше сиятельство, — сказал Тушин, — прикажите подвинуться, а то не донесет. Но Багратион уже теперь³ был совсем другим человеком.

— Извольте делать, что приказывают.

Прислуга подбежала, слышались командные слова. Тушин, шурясь у прицела, долго наводил орудие, вывинч[ив]ая винт, наконец отбежал и скомандовал: — 1-е; металлически зазвенело орудие, откатываясь. Через головы всех наших далеко перелетела и далеко, не долетев, граната дымком показала, что лопнула за рекою в поле. Багратион нахмурился, молча сел на лошадь и поехал вниз к переправе. Еще он не съехал вниз, как несколько выстрелов ненужных и безвредных пролетели над его головою, показывая, что, пользуясь его приказанием, артиллеристы от скуки забавлялись.

[Далее со слов: На мосту была невыносимая давка, кончая: хуже, как он мост зажжет. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. VII.]

— Эк торопятся, — говорил третий, — что он за мостом то два холодные пустил, так уж и думают, что всех перебьет. Все эти разговоры, хотя и не расстроивали веселого расположения духа Несвицкого, однако и не побуждали его очень торопиться туда, где долетали холодные. Гусарскому полковнику он передал приказание итти опять на ту сторону моста и уж видно было, как на нашей стороне моста стоял эскадрон павлоградцев, ожидая остановки пехоты, чтобы пройти.

Два офицера, выехав до половины моста, в толпе надрывались, прося и грозя пехотным, чтоб на минуту их пропустили. Несвицкому нужно было еще передать приказание артиллерийскому полковнику, к[оторый] б[ыл] на той стороне, о зажигательных снарядах и он думал, не встретится ли полковник на мосту, чем искать там, где скорее разъедешься и где долетают холодные. Оттого он не торопился.

[Далее со слов: Но рассеянно оглянувшись под мост на течение вод Энса... кончая: Несвицкий нашел тут артиллерийского полковника и передал приказание, которое, как оказалось, уже было исполнено, поехал назад. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. VII.] Васька Денисов, расчистив дорогу, стоя у въезда и небрежно сдерживая лошадь, которая, отделенная от своих, рвалась под ним, ожидал эскадрона, который, выждав пехоту, уж шумя копытами по мосту, как будто скакало несколько десятков лошадей, шагом на рыжих лошадях подвигался к нему.⁴ Васька Денисов был старшим офицером в эскадроне, а эскадроном командовал француз¹ *Зачеркнуто*: Ну-ка Тушин

² *Поперек текста написано*: Что за прелесть! разговор с горы. Генерала. Несвицкой. Монашенки.

³ *Зач.*: не хотел разговаривать

⁴ *На полях*: Командир старик нервный трус.

по фамилии, но русской по рождению и воспитанию, перешедший перед кампанией из гвардии — ротмистр Гардон.

Ротмистр с третьим офицером¹, корнетом Теляниным, тоже из гвардии, но не перешедшим, а по слухам переведенным за что то в армию, ехали впереди.

Ротмистр был² белый, чернобровый, румяный гусар с маленькими черными усиками, мягкими волосами и полными щеками. Он³ красиво⁴ сидел на своей замечательно породистой с шерстью гладкой, как атлас, лошади, из под женственно длинных ресниц не смотрел никуда особенно, был несколько женственен, но очень красив и, казалось, знал это. Под Теляниным лошадь была не хороша, вальтрап не нов и сам офицер по старательности, с которой он держал поводья и ноги, видимо был не ездок. Сам он был человек⁵ небольшой, худощавый, с молодым лицом и припомаженными волосами и усиками и одет с тем военным оттенком изящества, который для всякого опытного взгляда обличал в нем военного щеголя. Сабля у него была маленькая, галстук очень высок и из-за галстука виднелись отвороченные воротнички. Лицо его было миловидно и свежо, но как скоро он начинал говорить, по своему обыкновению весьма тихо и отрывочно, в лице этом выражалось что то преступно-слабое, неприятно действовавшее на того, с кем он говорил.⁶

Проехав мост, он, очень бледный, подъехал ближе к эскадронному командиру.

— А я должно быть серьезно простудился, — сказал он тихо, тихо и бросая свои глаза в разные стороны.

— Всё болит голова? — сказал Гардон, не выражая ни участия, ни сомнения.

— Страшно. Насилу сижу на лошади. Я думаю, я слягу.

— Что ж, офицер есть, скажитесь полковому командиру. Что? — прибавил он, услышав, что Телянин что то хотел сказать, но Телянин сказал, что ничего, и глаза его быстро перескакивали со всех предметов, окружавших ротмистра, не останавливаясь только на его лице.

— Нет, я так, я ничего. Да, нет, ах как болит.

За офицерами справа по три ехали гусары с своими бренчащими саблями, натянутыми задами, закрываемыми шинелями, и с шпорами и кожей обтянутыми, в посадку вывернутыми ногами.⁷ Эскадрон, проходя мост, обходил ожидавшуюся пехоту. Пехотные солдаты, толпясь в растоптанной у моста грязи, с досадой, завистью и насмешкой пропускали мимо себя чистых гусар. Гусары с высоты своих лошадей отшучивались.

¹ *Зачеркнуто*: поручиком

² *Зач.*: высокий

³ *Зач.*: небрежно, ловко и

⁴ *Зач.*: и распущенно

⁵ *Зач.*: маленькой

⁶ *На полях*: Атака на мародеров, дает водку. Всех любит

⁷ *Зач.*: С левого фланга ехал унтер офицер, которого сейчас можно было узнать за юнкера.

— Ишь нарядные ребята какие, только б на Подновинск, — говорил один пехотинец.

— Только на показ и водят, — говорил другой.

— Пехота, не пыли, — отвечал гусар.

— Прогонял бы их по грязи, как нас, шурки то б обтерлись. То был человек, а то как птица.

— То то б тебя, Митин, на коня б посадить, ловок бы был, — шутил ефрейтор над жалким, худым, скрючившимся от тяжести ранца солдатиком.

— Дубинку промеж ног возьми, вот тоби и конь буде, — отвечал хохол гусар. Пехотный офицер тоже не спуская глаз¹

* № 24 (рук. № 65. Т. I, ч. 2, гл. XVIII—XXI).

Когда Багратион вернулся к авангарду, канонада гремела со всех сторон, перебиваемая трескотней ружей. Дым пороховой стлался низом, справа и слева виднелись колонны неприятеля. И спереди в том самом Шенграбене, где еще утром он завтракал и где подле него играли песком дети — перед Шенграбеном там; где варили кашу, чернела огромная масса неприятеля. Черта смерти лежала теперь между тем мирным селением, где играли дети, и случайным местом, ничем прежде не означенном, на котором стояли наши четыре орудия. К ним то и подъехал Багратион. От Кутузова Багратион ехал рысью, всё на той же любимой им сухоголовой кавказской лошади. Он не поскакал, как ждали этого его адъютанты. Он берег лошадь, предполагая, несмотря на поздний час, ей еще много работы. На лице его было написано серьезное спокойствие. Либо он всё понял и всё решил, либо он ничего не понимал, но всё таки решил.² Решил, что двух смертей не бывать и что умирать надо прилично. Спокойствие, и приличие, и ясность (происходящая должно быть от этого решения) были главными чертами его выражения. За ним ехали: свитский офицер адъютант, ординарец Жемчужин и аудитор, штатский чиновник в штатской шинели, с веселым, невоенным лицом, натирая себе колени на жестком казачьем седле и составляя главный предмет внимания Жемчужина. Как только ядро пролетело над ними и взрыло землю где то сзади их, Багратион остановил лошадь и поехал тем красивым, покойным кавказским аллюром, которым ходят черкесские лошади. Лица свиты изменились, на всех показалась около рта и подбородка та черта волнения, которую каждый старается скрыть под преобладающим настроением. Жемчужин продолжал трунить над ездоком аудитором, аудитор жаловаться на свои стертые ляжки, свитский офицер, щурясь, приглядываться и иметь вид, несмотря на ядра, соображающего. Багратион продолжал иметь вид человека, давно всё предвидевшего и ничем неудивимого и давно, давно всё решившего.

¹ На этом рукопись обрывается.

² На полях: Несут раненного

День был пасмурный, сырой, был уже пятый час и вдали дым, сливаясь с серым горизонтом, скрывал движенья войск.¹ Подъехав на звук выстрелов к ящикам по кукурузному жневью, где орудия, проезжая, проложили, вминая солому, первые вязкие следы, Багратион² остановился и поглядел на прислугу и ездовых, которые³ липли около ящиков и передков, как будто ужимаясь от ядер, которые здесь часто перелетали.

— Чья рота? — сказал он вглядываясь в солдат. Он сказал: чья рота? а всем понятно было, глядя на его свободно спокойное лицо, что он говорил:

«Уж вы не робеете ли? А коли робеете, смотрите на меня». Все поняли. Однако из приличия ф[ейерверкер], весело по[д]бегая, сказал:

— Штабс капитана Тушина, — и 2-й номер, достававший заряд, подпрыгивая подбежал к ящику.

— Давай горячих, горячих и при генерале, — проговорил он смеясь.

— Так! — теперь как будто сказал Багратион и, приемом старого хорошего ездока, чуть шевельнув ногой и поводьями, тронул лошадь, которая насторожила уши и бойчее обыкновенного шла под седоком, подъехал к батарее. Аудитор трясся рысцей на каретной лошади.

— Поспело масло? — всё спрашивал Жемчужин.

Впереди передков и ящиков над скатом стояли по своим вязким следам четыре орудия, снятые с передков. Крайнее только что зазвенело, оглушая все[х] выстрел[ом], и в дыму, который сырой ветер нес на нас, видны были артиллеристы, в то же мгновение подхватившие и, напрягая силы, накатывавшие его опять на прежнее место. Небольшой, сутуловатый человек, слабенькой человек Тушин, с фуражкой на затылке стоял у орудия и видимо старался дать себе вид равнодушного человека. Он не мог вывернуть клина.

— А, чорт возьми, — досад[ливо] проговорил он. Солдаты были вялы, к[огда] подъехал Багратион. Дело казалось Тушину безнадежным и он все силы употреблял, чтобы равнодушным казаться при приближающейся смерти [?]. Посмотрев на Багратиона, он повеселел. Посмотрев на него, повеселели солдаты. Тушин лег на орудие, прицеливаясь.

— Еще, еще, — говорил он. — Эка чорт! перепустил, — говорил он своим, нешедшим к нему, молодцоватым говором в то время, как генерал подъехал к нему. С левого фланга зазвенело, задышало и оглушило другое орудие. Тушин вздрогнул.

— Ты по ком стреляешь? — спросил Багратион у Тушина.⁴

¹ *Зачеркнуто:* к четырем орудиям, которые снятые с передков стояли на

² *На полях:* Б. кликнул полк. Уже всё шевелилось, всё работало. Все бледные, во рту что то. Б[елкин] проходя мимо Т[ушина]: что будет? Долохов кровожадно горит, на ме[сте] не стоит от нетерпения.

³ *Зач.:* кучками

⁴ *Зач.:* Но Тушин, занятый своим делом, не отвечал ему и всё глядел, когда он кончил

— А я так, в[аше] п[ревосходительство]. Он отошел и, своей невоинственной неловкой манерой поднимая руку к козырьку, подошел к Багратиону.

— Хочется эту пехоту осадить мало мальски, ваше сиятельство, — сказал он,¹ молодецки выставляя ногу. В это мгновение пролетело близко ядро. Тушин² пригнулся, но, улыбнувшись, тотчас же выставил ногу.

— Эшь шкура. Дай доберусь до тебя, — сказал он и ухарски скомандовал: — второе, — но, несмотря на свое ухорство, вздрогнув, как женщина, при выстреле.

— Ага, осаживать стали! — сказал он, вглядываясь в войска, которые стали опять стягиваться в деревню с выгона, на котором они стояли, и всякую минуту пригибаясь.

— Перцов, — крикнул он, — круши, брат. — Переложив свой язык налево, он, жуя его и перекашивая свой слабый рот, пошел к левому флангу орудий и, спотыкнувшись, упал и, поднявшись, слабо улыбнулся. Багратион приказал стрелять гранатами по пехоте. Ф[ейерверкер] шопотом предложил brandсугелями по деревне.

— То то бы важно. Ваше сиятельство, не прика[жете] ли?

— Что ж, попробуй. — Свитский офицер между тем обратился к Багратиону.

— Ваше сиятельство, атака на правый фланг, гренадеры, должно быть, выводят батареи. Прикажете отступать. Ваше сиятельство, прикажете, — проговорил он испуганным голосом.

— Всё отступать. Погоди, братец. Дай, братец, оглядеться, братец, — сказал Багратион, глядя налево на стену гренадер, которые, раздвинувшись, били выстрел за выстрелом артиллерией нашу пехоту. Багратион выпустил дух, как это делают просыпающиеся люди, стал оглядываться.³ С горы, на которой стоял Багратион, всё было видно.⁴ Впереди, прямо внизу, лежал Шенграбен, из которого пыталась и не могла выдти французская пехота, перед ним на дороге перестреливались стрелки. Справа туда, куда показывал свитский офицер, жневье, на котором стояла артилл[лерия], отлогим скатом спускаясь вниз, упиралось в раздетый, высокий, дубовый и буковый лес, через который шла деревенская дорожка в деревню Грунт. На этой дороге стояли спиной к лесу, на который смотрел Т[ушин], [2 неразобр.] 6 егерской и Киевской гренадерской, спиной к лесу. Ближе от артиллерии на жневье, виднеясь на тем[ном] лесу, позади пехоты стояли наши драгуны. Видно было, как они садились. Французы, обойдя Шенграбен, подходили к пехоте, стоявшей перед лесом, и били по ней. Это был отряд Сульта, который должен был *écraser*.⁵ Видно было, как пехота волновалась и как высылала роту¹ *Зачеркнуто*: Зарядов мало будет?

² *Зач.*: подмигнул и засмеялся

³ *Зач.*: Батарея стояла на бугре вправо от дороги. Внизу ската прямо пр

⁴ *Зач.*: Шенграбен лежит в ложине, образуемой оврагом

⁵ [раздавить.]

за ротой, чтобы усиливать цепь впереди. Слева под горой, где около речки шла дорога большая, были луга и в этих лугах, засохнувших около речки, видны были наши пехотные полки, частью скрытые горой и частью видные на крайнем левом фланге. Около деревеньки краснелись Павлоградские гусары. Там еще не начиналась атака. Но не успел Багратион оглядеть правый фланг, как далеко за речкой, слева у постоянного двора, в который утром ездили офицеры пить пиво, показалась кавалерия, переправляясь через мост у постоянного двора.

— Ваше сиятельство, — шопотом <сказал> аудитор свитскому офицеру, указывая налево, — обходят и там, — и он указал налево. Свитский офицер ничего не ответил, посмотрел и также шопотом, должно быть это было очень важно, сказал Багратиону. Багратион посмотрел так, как будто это было так им самим приказано и, послав адъютанта с приказанием налево, шагом поехал направо. Прежде чем уезжать, он приказал генералу, командовавшему в центре там, где была батарея, отступить к Грунту, он указал на деревню сзади. Свитский офицер внушил Тушину, чтобы артиллерия шла вперед, потому что переправа плоха. Тушин только сказал: — знаю — и следил за первым выстрелом брандскугеля, посланным в деревню.

— Не любят, — говорил он пехотным, которые лежали по сторонам и жались и относили раненных.

Багратион шагом подъехал направо. Под огнем артиллерии, который страшно усилился, пехотные перед лесом толпами носили раненных и, бледные, стояли под выстрелами.

Багратион подозвал старичка полкового командира. Странны были его седины под ядрами. П[олковник] отъехал.

— Не носить раненных, — сказал он ротным.

— Куда! Стой! — закричал Багратион, подскакивая к роте К. толстого, которая бежала. К. несли.

— Стой, назад! — солдаты остановились, удивленные, что И. стоит.

— Изготовься, — закричал Багратион, оживляясь и отскакивая от фрунта.

Остановленная рота побежала врассыпную. Солдаты прикладывались. Б[елкин] грациозным отбегал и отталкивал рукой ружья у солдат, которые прикладывались. Гренадеры в шапках приближались во весь дух под изволок. Так хотелось бы увидеть их.

— Ваше благородие, прикажите, — сказал фейерверкер.

— Врешь, не стрелять, — кричал звонко Б[елкин]. Впереди уже виден был офицер, который зажмурившись скакал. Он взглянул, оглянулся и полк наскочил на него. Кто то выстрелил прежде команды и огонь затрещал по всей шеренге. Гренадеры скакали в сторону назад, один только лежал с лошадьёю на жневье. Сбоку из за леса послышался топот и мимо пехоты проскакали драгуны вслед за французскими гренадерами. Но в то же мгновение показались и слышались стрелки правее. И не спрашивая приказания, рота Б[елкина] с ним впереди пошла на них. Французы 327

шли, р[усские] шли ближе, ближе, Б[елкин] молодцом, вдруг выстрел и Б[елкин] упал.

Когда Ж[емчужин] прискакал к левому флангу, французы уже перешли мост и из за фланкеров двигались гренадеры Ланна. Ж[емчужин] скакал, что бы[ло] мочи.

— Где¹ полковник? — Его оказались роты. Тот полковник, который представлял полк под Браунау, стоял верхом на каретной лошади, опираясь рукой в коленку, и хмурился сердито.

— Приказано отступать. — Подольской полк отступал.

— Не могу, — сердясь на все[х] за то, что не слушали офицеры, отвечал полковой командир. — Люди за дровами. Всё равно придут. Вы передали и всё. Я знаю, что делать.

— Ой-ой, вишь ты.

Из за кустов в лугу послышались выстрелы. Полковой командир приказал строиться.

— Отступайте, вас возьмут. — Показались сзади. Долохов обратился к Гарк.

— Пожалуйста, я вам говорю. Сюда в кусты. А то перебьют. — Гарк. побежал.

— Куда, — кричит полковой командир. Наткнулись, убили пятерых, одного Долохов поймал за шиворот, офицера. Другие показались. Долохов бледен.

— Барин, наши отошли. — Долохов говорит с франц[узом].

— *Grâce, ma pauvre mère.*² Француз выстрелил, ранил Долохова. Бросьте его. — *Grâce, vous avez une mère.*³ Штыком в брюхо и бежит. Эх как бегут назад.

— Ко мне. — Отбежал слушать. Своего хочет застрелить.

— За мной по реке, — выходят из берега, по глине лезут, цепь. Ура, и через них в овраг.⁴ Р[остов] не мог проехать назад и присоединился к своим.

Сражение.

1) разговоры штабных, панический страх в обозе. Собираются капитулировать, спорят. Безнадежно.

2) К. с Б[агратионом] говорят вдалеке; выстрелы, Б[агратион] едет, друг перед другом, к[нязь] А[ндрей] просится.

3) Б[агратион] подъезжает, шутки Ж[емчужина] перестают. Просят генерала вернуться; раненный откатывается, орудия, дым, звон. Б[агратион] огляделся, двинул бегерской мимо орудий.

4) Свой мирок у Т[ушина] уютный от 1-го до 4-го орудия; удача, зажег. Идут роты с песнями. Толстый поспекает рысью. Б[елкин] бледный. Т[ушину] завидно. Эх, как бы я пошел. Б[елкин]: Что будет? улыбается.

5) Т[ушин] с своей батареей всё видит. К[иевские] г[ренадеры] атакуют. Б[елкин] <впереди>, трескотня, дым. Феерверкер Тушину:

¹ *Зачеркнуто:* Ахрасимов?

² [Пощадите: Моя бедная мать.]

³ [Пощадите. У вас есть мать]

⁴ *Зач.*: Ж[емчужин]

— Ваше благородие, наши пошли, наши. 6 егерской. Бегут с слабым криком на цепь французов. Французы бегут. Б[елкин] падает.

— Ээ, — говорит Тушин.

— Убили барина. Молодец был. Такого не было другого.

— Много перебили и генерала побили, — говорят солдаты, прибавляя «и» с чувством потери и растерянности. А там запыхавшись бежал, удар палкой в грудь страшной, грубой, невидимый удар. Мысль [?] добежать, заколоть, не изменить. И вдруг одна мысль: что будет? И смерть. Т[ушин].

— Ну, раскудахтались, — желая по молодецки закричать, запищал Т[ушин] и озлобленно стал стрелять, ему всё хотелось картечью, он скатил и пустил жестянку. Но влево было что то не хорошо в лесу, где стояли Павлоградцы, и Багратион проехал туда.

6) Павлоградцы ядры провожают. Они прикрывают пехоту. В[аська] Д[енисов] едет к полковнику Ахра[симову]. Спор о солдатах, распущенных, и о том, что бьют гусар. Упрямя и начальник. Батальонный командир Экономов (Биб[иков] тож), Ростова посылают с ним. Собака на заборе. Атака налево. Между ними и пехотой французы отступают. Ростов встретился с Ахрасимовым.

— Будьте при мне. Скачите к 3-й роте за кустами. Только подъезжает, Долохов уговаривает засесть. Весь дрожит, не стоит на месте. Засада. Долохов колет офицера. И ничего не понимает. Ростов скачет к Ахрасимову, там Б.

— Вы — дурак, отступайте. Ростова посылают на переправу. Всё столпилось, никто не знает, победа или потеря. Б. говорит: Победа величайшая в мире.

7) Через час ночь. В деревне Б[агратион] подъехал, посылает Ж[емчужина] узнать. Ж[емчужин] едет по[д] страхом, дрожит и плачет. Экономов в избе. Заряжай. Пробрался, думает отдохнуть. У них свой уютный и не страшный мирок. Долохов ничего не понимает — убить побольше. Отступать в улицу, француз.

Ne tirez pas sur les vôtres.¹

Через час все затихло, французы остановились. Б[агратион] отступил и не развели огней. Славная ретирада была совершена [1 неразобр.]. Награды. Д[олохов] офицер.

* № 25 (рук. № 66. Т. I, ч. 2, гл. III).

приятным и интересным. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими. Улыбка и взгляд его были веселее и привлекательнее. Кутузов, которого он догнал еще в Польше, принял его очень ласково, обещал ему не забыть его, отличал от других адъютантов и давал более серьезные поручения. В штабе Кутузова князь Андрей нашел всё то же петербургское общество богатых и веселых гвардейцев, в том числе старинного знакомого, добродушного, толстого князя Несвитского, но своей особенной гордой¹ [Не стреляйте в своих].

и учтивой манерой князь Андрей умел себя поставить так к этой молодежи, что на него смотрели, как на человека особенного, только временно занимающего должность адъютанта, и неприятного товарища; но зато, несмотря на то, что многие с ним были на ты,¹ его невольно уважали. Из всех этих людей, он ближе всех был с двумя людьми. Один из них, толстый князь Несвитский, который кормил и поил весь штаб, постоянно смеялся всему, что похоже было на смешное, и знать не хотел никаких оттенков обращения и ташил, по старому, за руку Андрюшу к своему столу и заставлял его выпивать вновь приобретенное венгерское. Другой был человек без имени, из пехотного полка капитан Козловский,² не имеющий никакого светского образования, даже не говорящий по французски, но который трудом, усердием и умом прокладывал себе дорогу и в эту кампанию был рекомендован и взят по особым поручениям к главнокомандующему. С ним охотно, хотя и покровительственно, сближался Болконский.

Выйдя в приемную из кабинета Кутузова, князь Андрей с бумагами подошел к Козловскому, который был дежурным и с книгой фортификации сидел у окна. Несколько человек военных в полной форме и с робкими лицами терпеливо ожидали в другой стороне.

— Ну что, князь? — спросил Козловский.

— Приказано составить записку, почему нейдём вперед.

— А почему?

Князь Андрей пожал плечами.

— Пожалуй, ваша правда, — сказал он.

— Нет известий от Мака? — спросил Козловский.

— Нет.

— Ежели бы правда, что он разбит, так пришли бы известия.

— Непонятно, — сказал князь Андрей.

— Я вам говорю, князь, завладели нами австрийцы, добра не будет.

Князь Андрей улыбнулся и направился к выходной двери. Навстречу ему, хлопнув дверью, быстро вошел в приемную высокой австрийской генерал в сертуке с повязанной черным платком седой головой и орденом Марии Терезии на шее. Высокая, сутуловатая фигура австрийского генерала, строгое, решительное лицо его и быстрые движения были так поразительны своею важностью и тревожностью, что все, бывшие в комнате, невольно встали.

— Генерал аншеф Кутузов,³ — пробормотал генерал, оглядываясь на обе стороны и, не останавливаясь, подходя к двери кабинета.

— Генерал аншеф занят, — сказал Козловский неторопливо и мрачно, как он всегда исполнял свои обязанности, подходя к неизвестному генералу. — Как прикажете доложить?

¹ *Зачеркнуто*: с ним не были фами[льярны]

² *Зач.*: который, как все говорили, был на пути к хорошей карьере

³ *Зач.*: сказал

Старый, неизвестный генерал презрительно оглянулся сверху вниз на невысокого ростом Козловского и тотчас беспокойно и сердито оглянулся на всех, бывших в комнате.

— Генерал аншеф занят, — спокойно повторил Козловский.

Лицо генерала страшно нахмурилось, губы его дернулись и задрожали, так что это движение можно было принять за начало презрительной улыбки или рыдания.

Он вынул записную книжку, быстро начертил что-то карандашом, вырвал листок, отдал, быстрыми шагами подошел к окну, бросил свое тело на стул и опять оглянул всех в комнате, как будто спрашивая: зачем они на него смотрят? Все опустили глаза, исключая князя Андрея, который с спокойным любопытством смотрел на этого странного человека.¹ Генерал² видимо хотел что-то сказать, но отвернулся и, как будто небрежно, начиная напевать про себя, произвел странный звук, который однако тотчас же остановился.

Дверь кабинета отворилась и в то же мгновение генерал с повязанной головой, как будто убегая от³ опасности, нагнувшись, большими быстрыми шагами худых ног⁴ подвинулся к двери.

— Вы видите несчастного Мака, — сказал он, поднимая голову и отчаянно взглядывая в⁵ большое, широкое, мягкое,⁶ неподвижно спокойное и тихо печальное лицо Кутузова, который стоял в дверях кабинета.

Почтительно наклонив голову и закрыв глаза, Кутузов пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь.

Слух, уже распространенный прежде о разбитии австрийцев и о сдаче всей армии под Ульмом, оказывался справедливым. В доме, занимаемом главной квартирой, всё зашевелилось и зашептало, как в доме, в котором кто-нибудь скоропостижно умер. Штабные сновали по дому, сообщая друг другу подробности разговора Мака с главнокомандующим, которого никто не мог слышать. Были уже сделаны распоряжения о выступлении некоторых частей войск. Очевидно было, что общее дело кампании имело уже много менее случайностей в пользу союзников.⁷ Но из штабных, т. е. адъютантов и ординарцев, очень немногие делали эти соображения. Большая часть были просто рады тому, что, во-первых, побили нелюбимых австрийцев, во-вторых, что дело дойдет наконец и до русской армии — будет что-нибудь новое, будет поход, будут награды.⁸ Для князя Андрея в этом известии было больше радостного,¹

Зачеркнуто: в лице которого выражались вместе фанатизм,

² *Зач.*: с злобой и отчаяньем отвернулся

³ *Зач.*: взглядов

⁴ *Зач.*: подошел <побежал>

⁵ *Зач.*: полное

⁶ *Зач.*: изуродованное но

⁷ *Зач.*: и что скоро дело должно дойти и до русской армии.

⁸ *Зач.*: Князь Андрей с бумагами, которые были теперь уже очевидно не нужны, сошел вниз в комнату, занимаемую им вместе с Несвитским, бросил бумаги на стол и сердито оглянулся на Жеребцова, который, сидя на кровати с Несвитским, о чем-то замолчал при его входе.

чем печального. Несмотря на то, что он был один из тех редких молодых и мало чиновных людей, которые следили за общим ходом дела и принимали в нем участие, он, невольно с досадой против самого себя, чувствовал радость за торжество своего египетского героя.¹ «Сумашедший, старый фанатик Мак, которого я сейчас видел, хотел бороться с этим гением», подумал он. «Что я говорил Козловскому? Что я писал отцу?» думал он. «Так и случилось». И невольно он испытывал радостное чувство² торжества победы и досаду против самого себя за это чувство. Он пошел вниз, чтобы сесть писать отцу с курьером, который должен был отправляться вечером.

Подходя к комнате, которую он занимал вместе с Несвитским, он еще из коридора услышал громкий хохот Несвитского и голос Жеребцова. Ему стало досадно и больно слышать этот веселый смех, досадно и больно то, что, хотя совсем по разным путям, они — он и Жеребцов с Несвитским, пришли к одному, к веселому состоянию духа. Он вдруг почувствовал себя раздраженным.

«Опять этот шут тут», подумал он.³ «Кажется нечему смеяться и радоваться. Я не радуюсь, я чувствую всё значение этого для нас; но я — другое дело. Я не могу одинаково смотреть на вещи с этим шутком».

Он вошел в комнату и сердито бросил свои бумаги на стол.

— Ты знаешь? — спросил он у Несвитского.

— Вздудли... — сказал Несвитской, прибавляя еще неприличное слово, — вот он хочет итти поздравлять Шторха с приездом Мака, — сказал Несвитской и захохотал.

Князь Андрей не ответил, сбросил лежавшую на его кровати фуражку Жеребцова и сел за стол.

¹ *Зачеркнуто в третьей редакции:* радость за посрамление самонадеянных педантов австрийцев, которое он предсказывал и — главное — он чувствовал радость от того, что теперь скоро придется и русским войскам вступить в дело с столь страшными для всех французами.

² *На полях в третьей редакции:* при мысли о посрамлении самонадеянных австр[ийцев], о том, что через неделю, может быть, придется ему увидеть и принять участие в этом столкновении русских с французами, которого не было после Суворова, и <положить на одну сторону весов и свою долю любви к славе и равнодушия к жизни.

Воспитанный в воспоминаниях века Екатерины и сам участвовавший в легких победах русских в Турции, князь Андрей никогда, ни на мгновение не сомневался в том, что русские войска лучшие войска в мире. И представляя себе — это была любимая его мечта — как он с знаменем впереди ведет полк на обсыпaeмый картечью мост или вал укрепления, он чувствовал, что этим войскам ничто противустoять не может, и потому был счастлив теперь надеждой на скорое осуществление своих мечтаний.>

Вернувшись сверху в свою комнату, занимаемую им вместе с Несвитским, князь Андрей положил ненужные уже теперь бумаги на стол и, заложив [руки] назад жестом, напоминающим старого князя, стал ходить взад и вперед по комнате, улыбаясь своим мыслям. В комнате никого не было. Одна мысль, смущавшая его, состояла в том, что он боялся за гений Бонапарта, который окажется сильнее всей храбрости русских войск. Он боялся за русские войска и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя.

³ *Зач.*: он не любил Жеребцова. И неужели

— Ей богу поздравлю, — продолжал Жеребцов, — пари на бутылку. Вот он сейчас пройдет.

В это время послышались шаги по коридору.

— Они,¹ — шепнул Жеребцов, высунувшись в дверь. По коридору шли два австрийские генерала — член Гофкригсрата, бывший утром на смотре, и Шторх, бывший предметом шуток Жеребцова.

— Пойдем, пойдем! Бутылка!

Несвитской, застегивая мундир, выбежал за Жеребцовым.

* № 26 (рук. № 67. Т. I, ч. 2, гл. гл. IX, X).

²Армия Кутузова быстро отступила и от Энса, где думали стоять и где солдаты начали уже строить себе бараки.³ Кутузовскому сорокатысячному войску, необутому, плохо кормленному, предстояло не только отступать перед вдвое сильнеешим победителем, хорошо продовольствованным неприятелем, среди чужой, дурно расположенной страны, готовой к предательству, как в своих низших, так и высших представителях, но и удерживать этого неприятеля по дороге в Вену уничтожением мостов и арьергардными сражениями, о чем каждый день писал к Кутузову австрийский император. Трудность положения Кутузова увеличивалась уходом Мерфельда с австрийскими войсками, который выше по Энсу в Штеере должен был прикрывать левый фланг позиции, и угрожающим движением французских войск в обход левого фланга. Кутузов всякую минуту мог быть обойден и принужден принять сражение, имея в тылу Дунай, параллельно с которым он отступал, на котором не везде были возможны переправы.

У Амштетена по дороге в Вену русские обозы не успели еще вытянуться вперед авангарда по дороге к Кремсу, где Кутузов намерен был переправиться на ту сторону Дуная, как французские войска под начальством Мюрата и Ланна настигли арьергард и произошло Амштетенское сражение, вследствие которого русские отступили сообразно с своими намерениями и в котором по словам неприятеля: «Les russes déployèrent une rare bravoure et montrèrent un courage féroce: blessés, mutilés ils combattaient avec fureur jusqu'à ce qu'on les eu désarmés»⁴ и т. д.⁵ Вслед за этим было такое же вынужденное¹ *Зачеркнуто*: закричал.

² *Зач.*: «Les russes fuient encore plus vite que nous ne les poursuivons» [Русские удирают еще быстрее, чем мы их преследуем], писал Ланн от 28 октября, командовавший французскими войсками, назначенными для следования за Кутузовым, «ces misérables ne s'agréteront pas une fois pour combattre» [эти несчастные не задержались ни разу, чтобы принять сражение]

³ *Зач.*: Причина отступления была та, что граф Мерфельд с австрийскими войсками, прикрывавший левый фланг позиции, стоявший выше по Энсу у Штеера, не дав знать Кутузову, отступил и открыл неприятелю наш левый фланг.

⁴ [Русские обнаружили редкую доблесть и свирепую храбрость: раненые, изувеченные, они бились с ожесточением до тех пор, пока их не разоружили].

⁵ *Зач.*: Как и обыкновенно в подобных случаях, французы приписали победу себе, русские же достигли своей цели, отступив

со стороны русских дело при Мольке, и армия Кутузова исполнив свое назначение, отступила, задерживая неприятеля, до¹ большого Маутернского моста на Дунае, перешла на ту сторону.² «Les russes fuient encore plus vite que nous ne les poursuivons,»³ писал Ланн Бонапарту, «ces misérables ne s'arrêteront pas une fois pour combattre».⁴ Недалеко от Кремса однако «ces misérables»⁵ остановились. Мортье перешел с семью тысячами на нашу сторону реки. Кутузов атаковал и произошло знаменитое сражение под Кремсом или Дарнстейном, где была уничтожена русскими дивизия Газона [?] и Дюпона, взято знамя, три орудия и сам генерал Мортье. За это сражение великие похвалы были воздаваемы и воздаются со стороны русских и австрийцев русским войскам и еще большие со стороны французов французским войскам. В главной квартире, в которой были веселы, князь Андрей Болконский, находившийся при генерале Д[охтурове] во всё время этого сражения, с великой похвалой был представлен Кутузову Дохтуровым и от Кутузова с известием о этой победе послан к австрийскому двору, находившемуся в это время в Брюнне, так как Вена была уже в опасности от неприятеля. Назначение это уже была награда и обещало еще больших наград и почестей со стороны австрийского императора.⁶

Левый берег Дуная был очищен французами, остатки их разбитых колонн перебирались ущельями на мост в Л[еобен] или на флотилию, которая перевозила их.

Пленных французов вели в Брюнн и везли трофеи. Они обгоняли обозы раненных, которых по десяти в одном форшпане везли моравы по каменистой гористой дороге из Кремса, где уже не доставало места. В полках, находившихся в деле, хоронили убитых и переформировывали роты. Команда, нарочно для того назначенная, хоронила французов и неизвестных в поле сражения. Солдаты многих полков оправились обувью, снятую с убитых, и многие щеголяли в французских башмаках. Тело Feldmarchal'a Smidt при к[оролевской] ген[еральной] кварт[ире], убитого под Дюренстейном, с почестями на почтовых отправлено в Брюнн. Жители, разбежавшиеся из селений верхнего и нижнего Леобена, Дюренстейна, разбежавшиеся в горы, возвращались, находя разрушенные пепелища там, где оставили богатые дома.

¹ Зачеркнуто: Кремса и в Кремсе

² Зач.: Дуная и расположились около Кремса.

³ [Русские удирают еще быстрее, чем мы их преследуем

⁴ Эти несчастные не задержались ни разу, чтобы принять сражение

⁵ [эти несчастные]

⁶ Зач.: В ночь 31 октября на берегу Дуная, в разрушенной и сожженной деревне Дюренстейне, около крайнего дома, стены и крыша которого уцелели, толпилось много народа и стояло много лошадей, которых держали казаки. В первой комнате сидел генерал Дохтуров, с адъютантами и свитой. Князь Андрей Болконский записывал что то в угле при свете свернутой веревкой восковой свечи.

Брюнн, и в обыкновенное время большой, старинной, оживленный, более половины моравами населенный город, в ноябре 1805 года был особенно оживлен присутствием в нем австрийского двора, выехавшего из Вены, и военных, приезжавших из армии и живших в нем в постоянной службе при императоре.

2 ноября утром пришло известие о Кремской победе. У императора был торжественный прием. Военные и дипломаты цугами в парадных формах встречались по узким с высокими домами улицам. Накануне был первый снег. 2 ноября был ясный осенний день с утренним заморозком.¹ После полдня снег оставался только кое где на крышах и в тени, всё стаяло и мокрые мостовые и нарядный народ блестел и шумел по улицам на ярком солнце.

— Tiens, mon cher Bilibine! Je n'aurais jamais cru que dans ce vilain trou morave on puisse s'installer aussi gentillement. Charmant!² — говорил³ тонкой,⁴ небольшой ростом и совершенно лысой черноватый человек лет сорока в придворном австрийском дипломатическом мундире, входя в кабинет русского дипломата Билибина и оглядывая вокруг себя изящное, роскошное и, видимо, до малейшей тонкости обдуманное, с коврами, мраморами, цветами и наклоненными картинами убранство комнаты. — Tiens, vous n'avez pas même oublié votre clavecin,⁵ — говорил он с тем выражением гладко выбритого, умного и твердого,⁶ сухого⁶ лица и тем тоном, который ясно показывал, что ничто не ускользало от наблюдения его небольших узких глаз и ничто вместе с тем не могло заставить его переменить то выражение этих глаз и постоянно слегка тонко улыбающегося изогнутого рта, которое было на нем в то время, как он вошел в комнату. Австрийской дипломат сел подле Билибина, сложив свои красивые, обтянутые, белые, с выступающими икрами, в чулках ноги и достал из жилета золотую табакерку.

— Que voulez vous, mon cher?⁷ — отвечал Билибин худой,⁸ с отвиснувшей везде кожей, жилистой человек с опустившимися мускулами болезненно желтого лица, переменяя свое лежачее, усталое положение на сидячее, но не менее изнуренное. — Que voulez vous, mon cher, je tâche de me rendre la vie douce autant que possible.⁹ И без этого наше положение так противно, так гадко, что ежели бы я был здоров, как вы, мне бы досадно и совестно на себя было, — сказал он по французски, как и происходил весь разговор. И слова, и голос, и лицо, и поза, и смысл речей Билибина¹ *На полях:* Девушник, умный, обтянутый блондин.

² [А, милейший Билибин! Никогда бы не поверил, что в этой скверной моравской трущобе можно так уютно устроиться. Прелестно!]

³ *Зачеркнуто:* крошечный

⁴ *Зач.:* сухой

⁵ [Каково, вы даже и клавесина своего не забыли]

⁶ *Зач.:* горбоносого

⁷ [Что вы хотите, милый мой?]

⁸ *Зач.:* развинченный

⁹ [Что вы хотите, милый мой, я стараюсь усладить свою жизнь, елико возможно].

выражали безвыходную тоску, безнадежность и апатию, но¹ серые² глаза, сморщенные из под сморщенного лба, выражали³ заботливость и внимание и напряжение ума. Линия лба и редких кривых бровей над глазами Билибина никогда не бывала спокойна и не имела никогда одной определенной прямой или полукруглой линии. То мешок кожи опускался над носом и брови поднимались кверху, то поднималась одна бровь в то время, как другая опускалась, то то же происходило с левой бровью, то вдруг опускались обе и вытягивался кверху мешок кожи над переносицей. То вся кожа над лбом, с коротко обстриженными с проседью волосами за ушами, двигалась на черепе. Видно было, что Билибин знал, что к нему заедут и что поэтому так спущена до половины была драпри и так изящно сверх батистовых манжет и манишки был накинут на него халат из турецкой шали.

Оба молча посмотрели друг на друга. И в глазах их перебежала та отражающаяся искра сознания того, что собеседник понимает меня и понимает, что я понимаю, что он понимает. У графа Штудена, австрийского дипломата, только больше подалась к углам губ постоянная улыбка на изогнутом рте, у Билибина вместо улыбки, как парик, поднялась вся кожа с стриженными волосами на лбу и черепе и дрогнула за ушами.⁴

— *Voions*,⁵ — сказал взгляд Билибина.

— *Tenez ferme!*⁶ — сказал взгляд графа Студена. Граф Студен был человеком, начинавшим делать себе известность в дипломатическом мире. Билибин был уже известен, как замечательно тонкий дипломат, под видом усталости и болезненности умевший скрывать и выпытывать то, что ему нужно было скрыть или выпытать. Он понял теперь, что дело Студена заключалось в том, чтобы сондировать русский дипломатический terrain⁷ в отношении того, как посмотрит русское правительство на заключение мира, так как в случае войны столица Вена была в опасности. Перед ней уже стояла вся непобедимая армия Бонапарта. А защита заключалась только в тринадцати тысячах плохого войска. Кутузов же, поворотив за Дунай на соединение с Буксгевденом, не мог защитить столицу.

— *Que pensez vous de cette échauffourée de Durenstein que nous sommes sensés — accepter comme une grande victoire?*⁸ — спросил граф Студен.

— *Tout cela ne nous rend pas votre Vienne chérie. Ah. Cependant [ce]la nous <délie> un peu les mains. Voilà tout,* — отвечал¹ *Зачеркнуто*: карие

² *Зач.*: весьма энер[гичные] небольшие

³ *Зач.*: совсем противное. В них выражались

⁴ *Зач.*: Приступайте к делу

⁵ [Посмотрим]

⁶ [Держитесь!]

⁷ [почву]

⁸ [Каково ваше мнение о стычке при Дюрентштейне, которую нам предлагают принять, как большую победу?]

Билибин. — Et je suis de l'opinion, que cette échauffourée aura quelque influence à Berlin.¹

— L'affaire ne se décide pas par la poudre à canon, mais par ceux qui l'ont inventé, — отвечал Студен, улыбаясь и нюхая. — Mais Vienne ne tiendra pas.²

— Avez vous reçu le courrier de Berlin?³ — спросил Билибин, не отвечая на замечание о том, что Вена не может держаться.

— Non, mais voyez, la mort du pauvre Schmidt a été péniblement ressenti. Nous n'avons personne pour le remplacer. L'archiduc Ferdinand...⁴

— Un archiduc vaut l'autre n'est ce pas?⁵ — сказал Билибин, смеясь и намекая на слова, сказанные кем то в Вене в то время, как для того только, чтобы помирить желания русского правительства о назначении Кутузова, как старшего чином, главнокомандующим и желания австрийского правительства назначения Мака, младшего чином, — фельдмаршалом был сделан эрцгерцог Фердинанд, молодой и ничего не обещавший человек. Тогда то было сказано в дипломатическом кругу «archiduc vaut l'autre» и было всеми повторяемо.

Оба сдержанно посмеялись.

— Mais voyez vous, on m'a parlé de l'impossibilité où se trouve Auersberg (начальник военной крепости Вены) de tenir contre les français. Et puis qui sait si cette affaire de Кремс n'est pas le moment avantageux pour en profiter et traiter avec avantage.⁶

— Je suppose que le P. R. n'est pas de cette opinion, — отвечал Билибин, под именем Р. разумея нашего посланника. — Et je suppose qu'il n'accepterait pas les ouvertures qu'on lui ferait à ce sujet avant d'avoir reçu des nouveaux ordres de son maître.⁷

— Oh, non, vous vous méprenez sur mes intentions, — отвечал поспешно улыбаясь Студен, но взглядом своим давая чувствовать, что Билибин понял его. — Il ne peut être question de paix pour le moment, mais c'est tout de même fâcheux que l'absence de l'empereur Alexandre nous empêche de profiter de la position avantageuse dans laquelle nous pose cette affaire et de prévenir peut être de plus grands désastres. Qui sait ce qui pourrait arriver à notre armée ¹ [Однако, всё это не возвращает нам вашей милой Вены. Но, впрочем, это несколько развязывает нам руки. Больше — ничего, и я убежден, что эта стычка будет иметь некоторое значение для Берлина.]

² Не порох решит дело, а те, кто его выдумали. [Но Вена не удержится.]

³ [Получили ли вы берлинскую почту?]

⁴ [Нет. Но смерть бедного Шмита весьма чувствительна. Нам нечем его заменить. Эрцгерцог Фердинанд...]

⁵ Один эрцгерцог стоит другого [не правда ли]

⁶ [Но видите ли, мне говорили: Ауерсберг не в состоянии удержаться против французов. И потом кто знает, может быть Кремское дело является благоприятным моментом для выгодных переговоров. Не следует ли им воспользоваться?]

⁷ [Полагаю, что П. Р. иного мнения. Полагаю, что он не принял бы предложений касательно этого дела, не получив нового приказания от своего повелителя.]

si le pont de Vienne était forcé et si Bonaparte tournant Koutouzoff lui eût couper la retraite.¹

— C'est peu probable, — отвечал Билибин, переводя разговор на частный предмет. — Si cela arrivait, je ne regrette que nos charmantes soirées de Vienne et mon petit pavillon. Ma parole, on dirait que je suis viennois tant j'aime cette chère Vienne. La soldatesque à Vienne! J'ai la chair de poule rien que d'y penser.²

— А, милый друг, — сказал он по русски, но тонко складывая губы, обращаясь к князю Андрею Болконскому, который в полной форме с подвязанной рукой и светлым веселым лицом входил по мягкому ковру комнаты. Князь Андрей и Билибин были одного высшего петербургского общества и потому приятели.

— Обедаете у меня? В Вене я бы вас принял лучше, но что же делать? A la guerre, comme à la guerre.³ — Граф Студен — князь Болконский, — поспешил он познакомиться. — Граф, пообедайте тоже.

— Нет, не могу.

— Ну, mon cher, — обратился он к князю Андрею, — je vous félicite avec un succès écrasant. On ne parle que de vous. Toutes nos dames...⁴

— Mon cher, le seul succès que j'apprécie c'est d'avoir été le porteur de bonnes nouvelles,⁵ — сказал князь Андрей, считая себя обязанным говорить так перед австрийским дипломатом.

— Le prince a eu de la chance, — вставил Студен. — Avoir été à une carnage comme celui d'avant hier et en être échappé qu'avec cette jolie blessure. Souffrez vous?⁶

— Non, c'est peu de chose,⁷ — отвечал князь Андрей.

— Он всегда счастлив в женщинах и на войне, — продолжал Билибин. — Помните Кити? — намекая на какой то женский успех его в Петербурге. — Я часто думаю, отчего это какогонибудь Брюхова ранят в нос или в брюхо, а такого блестящего адъютанта, как наш милый князь, непременно в руку и лошадь убьют. Убили под тобой лошадь?

¹[— О нет, вы неправильно меня поняли. В настоящую минуту о мире не может быть и речи, но тем не менее досадно, что отсутствие императора Александра лишает нас возможности воспользоваться благоприятным положением, которое мы приобрели, благодаря этому делу, и тем, может быть, предотвратить большие бедствия. Кто знает, что предстоит армии, ежели венский мост будет взят и Бонапарт, повернув на Кутузова, отрежет ему отступление?]

²[Это мало вероятно. Случись это, я буду сожалеть только о прелестных наших вечерах в Вене и о моей беседке. Честное слово, точно я уроженец этой прелестной Вены, так она мне мила. Солдатчина в Вене! При одной мысли об этом у меня мороз по коже.]

³[На войне, как на войне.]

⁴[милый мой, поздравляю вас с ошеломляющим успехом. Только и толков, что о вас, все наши дамы...]

⁵[Милый мой, единственный успех, который я ценю, тот, что я привез хорошие вести,]

⁶[Князю посчастливилось. Быть в побоище, подобном тому, которое произошло третьего дня, и отделаться эффектной раной. Вы страдаете?]

⁷[Нет, пустяки.]

— Ранили. Ну скажите, господа, какие ваши дипломатические новости, разумеется то, что нам, непосвященным, можно сказать, — сказал он, улыбаясь.

— Мы ваши новости военные хотим знать, мы сидим два *rékins*¹ и рассуждаем о войне, — сказал Студен, наводя разговор опять на свою тему. — Мы сейчас рассуждали о том, возможен ли переход Бонапартом Дуная при Вене и какие от того могут быть последствия. Вы, как военный человек, можете просветить нас.

— Я прежде, как правдивый человек, — улыбаясь сказал Андрей,² — признаюсь, что я не знаю хорошенько местности Дуная при Вене и не знаю австрийских войск.

— Ну вот я вам скажу, мне кажется, между нами, что австрийские войска очень плохи, особенно те, которые у Ауерсберга, а сам Ауерсберг — вы его знаете, Билибин?

— Положение вот какое. — Студен нарисовал черту Дуная и двумя точками означил одно место, где стоял Кутузов при Кремсе, против Бернадота, другое ниже по течению при Вене, где стоял Наполеон против Ауерсберга. От каждой из этих точек он провел две линии, соединяющие треугольник. Одну линию, ту,³ которая шла от Кремса, он продолжил неопределенно дальше. — Вот это путь отступления Кутузова и путь соединения его с Буксгевденом, по этой линии сверху, с северу, придут русские войска, но не прежде, как через месяц. Другая линия короче первой, заметьте — это путь, ведущий от моста в Вене наперерез Цнаймской дороги, ведущей Кутузова на соединение. Я спрашиваю, что бы было, ежели Бонапарт прорвал мост или построил другой и отрезал Кутузову отступление?

Князь Андрей подумал.

— Был бы⁴

* № 27 (рук. № 68. Т. I, ч. II, гл. XI—XII).

У многих людей бывает, что, при известной степени улыбки и смеха, в смехе появляется на устах выражение добродушного стыда. Как будто им стыдно, что им смешно. У Иполита это выражение стыда выражалось только в высшей степени хохота. Теперь оно показалось на нем потому, что он хохотал так, как никогда не видал его Андрей. Он понравился этим смехом над самим собой князю Андрею,⁵ [который] глядя на него, сам засмеялся таким счастливо-веселым смехом, как он давно не смеялся.⁶

¹ [штатских]

² *Зачеркнуто*: ничего не могу сказать, как только то, что, ежели Кутузов при Кремсе может стоять против Наполеона

³ *В рукописи*: Одна линия, та

⁴ *На этом рукопись обрывается.*

⁵ *Зач.*: (как и все свысока нравились ему в этот день)

⁶ *Зач.*: Очевидно на Иполита подействовало, так же как и на других придворных, успех князя Андрея и, представляя собою явное доказательство того, что для того, чтобы льстить, не нужно ума, он особенно был ласков к князю Андрею.

Он умолял князя Андрея ехать с ним вечером к самой обворожительной женщине в мире, которую он уступит ему, так он полюбил его.

— Il est charmant!¹ — сказал он, указывая на Иполита, и вышел.

Через четверть часа ехал на обед к Эстергази, где так же встречали и льстили ему, как и во дворце, как и у Билибина, потом в театр, где он забыл счет новых знакомств, всё самых важных людей Австрии, потом на вечер к княгине Шварценберг, где известная за самую обворожительную женщину Европы льстила ему и, ежели не оказывала предпочтения перед высшими лицами империи, то наравне с ними обращалась с ним. Поздно ночью Андрей лежал в постели и не мог заснуть от приятного волнения успеха нынешнего дня.² Билибина не было дома.

То ему представлялся император Франц со всеми подробностями его лица и слышались лестные слова, сказанные ему, то княгиня Эстергази, у которой он провел вечер, то освещенные ложи театра и трубки женщин, обращенные на него. Тот сырой и холодный вечер, когда он верхом, рядом с убитым Шмитом, объезжал серые шинели солдат и в первый раз услышал свист пуль, был далек от него, как будто это было десять лет назад. Яснее всего ему представлялись император и та женщина, у которой он провел вечер. Он вспомнил о своей жене и прощанье с нею, и это показалось ему так давно, что не верилось, чтобы это было. Однако он нахмурился при этой мысли.

«Одна, две счастливые минуты, — думал он, — и уже не я буду зависеть от счастья, а счастье от меня. Моя командировка сюда. Да.³ Меня узнали, оценили. Только быть достойным своего счастья. А это я всегда буду». И в его воображении восстал знакомый образ: маленькой человечек с орлиным носом и твердым ртом. Он вспомнил свое лицо и сравнил одно с другим. Потом он вспомнил всё, что знал из истории Наполеона: Тулонская осада, успех в салоне Богарне, назначение главнокомандующим.⁴

— Она просто <актриса> танцовщица. Но поедемте, пожалуйста поедем. Я вам отвечаю. Я всё устрою.

— Я бы вам советовал ехать, — сказал Билибин, — я знаю, что военные, кроме лавров, любят отдохнуть и на других постелях, на постелях лилий и розанов. А ежели Курагин vous fait les honneurs — acceptez [вас подчует — соглашайтесь]. Андрей отказался, сказав, что ему нет времени, и уехал.

— Предложите мне, Курагин, — si vous êtes en peine de trouver un accpiéreur [если вы затрудняетесь найти покупателя].

— Еще бы вам, когда не может быть хорошенькой женщины без того, чтобы вы у нее не были.

— Oh, flatteur [льстец]! А Б[олконский] не принимает потому, что il est dans les grandeurs [он вращается в высшем кругу].

Болконский обедал у Эстергази, вечер провел в театре и ужинал у одной из самых блестящих женщин Австрии.

¹ [Он прелестен!]

² *Зачеркнуто*: Австрийцы решительно не были так дурны, как он о них думал, и в особенности женщины. «Как легка и как приятна слава», думал он. «Вот Бонапарте», думал он, «одна, две счастливые случайности и он — владыка Франции. Только быть достойным своего счастья».

³ *Зач.*: он перебирал все свои поступки.

⁴ *Зач.*: И он искал в своей жизни соответствующие этим обстоятельства.

«Ежели я испытал внутреннюю борьбу в ту минуту, как мы вышли из ущелья и пули засвистели около нас, то и Бонапарт должен был бы то же чувствовать в Тулоне»
— Une bagatelle,¹ — повторил он с улыбкой свое слово, когда Лихтенфельс спросил его, был ли он ранен. Он повторял слова, сказанные ему и им императором. Император сказал, что он удивлен слышать от молодого офицера суждение об общем ходе [дел.]

— Плохой солдат, который не хочет быть генералом. — Император улыбнулся.

«Отец всё это видит с мрачной, стариковской точки зрения», — думал он, «а император такой человек, которым можно руководить, можно, очень можно.² Княгиня прямо говорила это. Мне дадут полк, положим, и я многое могу сделать. Ежели Бонапарте не командовал полком, а начал прямо с армии, то не может же повториться одно и то же в прошедшем двух людей,³ у него была своя, а у меня будет своя дорога. Кутузов стар, да Кутузов осторожен, но у него нет смелости соображений Бонапарта. Угадать Бонапарта и опрокинуть его замысел — вот приз, который поставлен мне», подумал он.⁴

Еще он думал, думал и с улыбкой прошептал про себя: — Да, я бы запретил стрелять своим, когда бы под огнем увидал фигуру du petit caporal.⁵

И ему вспомнились слова княгини Эстергази, говорившей, что патриотизм est petit,⁶ и что счастлив тот, кто понимает величие в враге, и ему вспомнилось ее милое, умное и нежно-слабое лицо. Он не мог заснуть. Восковая свеча горела у его изголовья на столике, на котором лежала раскрытая его тетрадь фортификации, которую он хотел читать, и читал каждый вечер. Глаза его смотрели задумчиво на огонь свечи, тонкие кости обнаженных кистей лежали на одеяле, красивые, сухие пальцы переминали воск, отломленный от поплавленной свечи.

По ковру соседней комнаты послышались шаги.

— У вас еще огонь, можно войти? — послышался голос Билибина за дверью, и вслед за тем вошла вся сморщенная, крупная, костлявая фигура русского дипломата в халате и с вздернувшимися надо лбом крупными шишками.

— Я от нашего посланника, — сказал он, — он посылал за мной.

<— Вы не хотите еще спать? — спросил он. Билибин велел себе принести халат и, зябко закутавшись и усевшись в покойное кресло у изголовья, сказал: — cautions.⁷ Знаете ли вы, что новость,¹ [Пустяк]

² *Зачеркнуто*: сделать его своим полезным орудием. Теперь, ежели бы хоть дали полк мне», думал он. «Кутузов стар».

³ *Зач.*: хотя бы и достигли они оба до одной цели.

⁴ *Зач.*: но это ему самому показалось слишком смелым.

⁵ [маленького капрала]

⁶ [мелок]

⁷ [поговорим]

341

- которую привез нам этот imbécile¹ Курагин — справедлива. Мост перейден.
— Вы это верно знаете?
— Tenez!² — Он подал письмо князю Андрею.
— Вот что пишут из Вены.>

Как только он услышал, что мост перейден и армия Кутузова находится в затруднительном положении, первая мысль, пришедшая ему, была та, что это была его осада Тулона, т. е. что он, как Бон[апарте] под Тулоном, здесь в первый раз будет иметь случай показать себя и сделает первый шаг на той дороге, на которой ждала его слава.

- Так зачем вы едете? Оставайтесь. По крайней мере вы не будете отдавать своей шпаги французам или en grande compagnie.³
— Еду затем, что⁴ [бы] этого не было.
— Вас или убьют или вы отдадите шпагу, обе альтернативы неприятные.⁵
— Понимаете ли вы, — отвечал Болконский, — Кутузов — придворный старик, неспособный на геройскую защиту и на смелый шаг. Войско, которому раздаются такие награды, войско — офицеры c'est la lie de la société,⁶ генералы — бесполезные старики, солдаты — дикие и глупые звери, да, la chair à canon, bonne à employer dans les mains d'un grand capitaine,⁷ но не в руках <царедворца Кутузова.⁸> Союзники — des traîtres.⁹ И против величайшего полководца, против нового Цезаря. Он всё предвидел, всё знал. Понимаете ли вы, что теперь минута всё покажет? До сих пор было дурно. Очень дурно.

— Ну, а как же эта победа Кремская? — спросил улыбаясь Билибин.

— Всё пустяки, нас было два против одного и то они бежали там у Милорадовича, и разве тех бы результатов могли мы достигнуть в этот день? Всё должно было быть взято, всё уничтожено.¹⁰

— Ну, а Амштетенское дело?

— Да, — как бы неохотно признался князь Андрей, — но всё таки, что же мы, удержались разве? Нет, с старым человеком, который привык воевать с турками... А австрийцы везде бежали. Это еще хуже.

¹ [дурак]

² [Возьмите]

³ [в большой компании]

⁴ *Зачеркнуто*: это мой долг.

— Eh, mon cher, vous êtes trop homme d'esprit pour croire à ces grands mots. [Милый мой, вы слишком умны, чтобы верить в эти громкие слова].

⁵ *Зач.*: <Болконский не отвечал ему, а продолжал вслух свой ход мыслей. — Я ничего не жду> Но как вы думаете, окруженные войска наши [?] будут

⁶ [подонки общества]

⁷ [пушечное мясо, на что-нибудь пригодное в руках великого полководца]

⁸ *Зач.*: Я ничего не жду.

⁹ [изменники].

¹⁰ *Зач.*: и ничего. Нет, с этими генералами, с этими офицерами ничего... Des lâches. [Труссы.]

— Нет, или что-нибудь должно случиться необыкновенное, переворот. А так итти не может.¹ Наше устройство никуда не годится.

— C'est ça, mon cher. Nous serons machés.²

— И это нельзя знать, — закричал пронзительно Болконский так, как кричал его отец. — В минуту опасности может выкажется дарованье, ежели только дадут ему дорогу.

Через час Болконский ехал к армии.

* № 28 (рук. № 68. Т I, ч. 2, гл. XI, XII).

← Что-то делается невероятное. Tenez,³ — он подал письмо Андрею. Лицо Билибина было такое же, как всегда, но только как бы досада выражалась в нем.

— Что такое? — спросил Андрей.

— Grande nouvelle. Le pont de Vienne est enlevé, les français ont passé le Danube et vont occuper Znaim avant Koutousoff.⁴

Андрей только больше открыл глаза и не то ужас, не то гнев выразился на его лице.

— Mon cher, nous sommes machés, comme à Ulm,⁵ — заключил Билибин, вставляя свое mot,⁶ состоящее в том, что поступок Ауерсперга так же нелеп и необъясним, как и Мака, и что иначе нельзя определить этого поступка, как сделав глагол из слова Мак. Лицо его просияло, за ухом шевельнулась вся шапка волос и все складки и морщины мгновенно книзу сбежали с его лица.

Князь Андрей стал читать и лицо его невольно улыбнулось.

— Mais c'est une trahison incroyable,⁷ — сказал⁸ он.

— Eh, mon cher, il y a trahison et demi trahison et quart de trahison. Quand le jeu est mauvais, on tire son épingle, voilà tout.⁹

— Но были ли тайные переговоры австрийцев с французами?

— Затем они тайные, чтоб мы их не знали, а впрочем il ne faut jurer de rien.¹⁰

Андрей встал и стал одеваться.

— Что вы?¹¹

¹ *Зачеркнуто*: — Офицеры обкрадывают солдат. Генералы глупы и безмозглы. — Болконский кричал пронзительно так же, как кричал его отец. — Лучшее, что может быть, это то, чтоб нас побили и чтоб мы поняли, что

² [Именно так, мой милый. Мы будем обмакованы.]

³ [Возьмите]

⁴ [Большая новость. Венский мост взят, французы перешли Дунай и займут Цнайм прежде Кутузова.]

⁵ [Милый мой, мы обмакованы, как при Ульме.]

⁶ [словцо]

⁷ [Но это — невероятная измена]

⁸ *Зач.*: вскрикнул

⁹ [Э, милый мой, есть измена, и полуизмена, и четверть измены. Когда игра проигрывается, выходят из игры, вот и всё.]

¹⁰ [ни за что нельзя ручаться.]

¹¹ *Зач.*: полноте, вас убьют. — Может быть, — сказал князь Андрей.

— <Я одного этого желаю, — мрачно сказал Андрей>.

— Я сейчас еду. — Князь Андрей вышел и распорядился отъездом.¹
Билибин, завернувшись в халат, уютно сидел в большом кресле.
— Садитесь, cautions,² — сказал он, — dieu sait,³ когда увидимся. Savez vous, je vous admire et vous êtes une énigme pour moi.⁴ Зачем вы едете?
— Затем, чтобы сделать мой долг.
— Зачем со мной эти большие слова, nous savons de quoi il retourne.⁵ Ну что же вы думаете об этом деле?
— В военном отношении — Ульм.
— Ведь это при Лихтенфельсе прекрасно, но между нами... Выпугается из этого Кутузов?
— Я ничего не знаю. Я знаю, что наше положение⁶ дурно, — холодно⁷ сказал Болконский.>

* № 29 (рук. № 69. Т. I, ч. 2. гл. XI, XII).

чтоб воспользоваться всем и когда всё делается легко. Князь Андрей был в таком дне и чувствовал это.
— Ну, а чтож вы думаете про Маака?
— Il est coffré le pauvre homme, vous savez,⁸ — прокричал ему Л[ихтенфельс]. Князь Андрей пожал плечами и сделал французский жест губами, останавливаясь в двери.
— Покойный Schmitt был прекрасный офицер и это большая потеря, хотя ему слишком много приписывают в последнем деле.
— Да, эта потеря тем более тяжелая, что мы не имеем никого предложить, кроме Вейротера. Я надеюсь, что Кутузов не примет его.
Болконский опять воротился.
— К[outousoff] fera tout ce que voudra l'empereur; ses lumières seront toujours à la disposition de ceux qui voudront en profiter.⁹
— Остаются les archiducs... Un archiduc vaut l'autre,¹⁰ — сказал Б[илибин]. Б[олконский] и все засмеялись. Это б[ыл] allusion¹¹ чего то очень смешного.
— Ну, однако, я заговорюсь с вами. — Князь Андрей только ¹ *На полях*: — Avouez que c'est charmant.
— C'est un grand homme! Et quels soldats! Quels officiers!
— Je ne vous comprends pas. Vous aimez Napoléon et vous êtes ambitieux [?] en lui faisant la guerre.
— Je n'y comprends rien moi-même.
[— Признайтесь, что это прелестно.
— Это великий человек! И какие солдаты! Какие офицеры!
— Я вас не понимаю. Вы любите Наполеона, а гордитесь[?], воюя с ним.
— Я сам не понимаю этого.]

² [поговорим]

³ [бог знает,]

⁴ [Знаете, я вами восхищаюсь и вы для меня загадка]

⁵ [мы знаем источник этого]

⁶ *Зачеркнуто*: ужасно

⁷ *Зач.*: и зло

⁸ [Он в тюрьме, бедный человек, вы слышали,]

⁹ [Кутузов сделает то, чего желает император, и свое знание он всегда предоставит тем, кто захочет им воспользоваться.]

¹⁰ [эрцгерцоги.] Один эрцгерцог стоит другого.

¹¹ [намек]

хотел выйти, как в комнату вбежал в своем длинном фраке, громадном жабо и панталонах цвета *suise de nymphe effrayée*¹ сын князя Василия, Иполит, как всегда озабоченный и спешащий. Он по отцу был фамилльярен со всеми и с Л[ихтенфельсом] и с Андреем.

— А, великий *lovelace*,² — закричал Билибин.³

— Полноте, вы всё шутки.

— Ну, что *la petite cruelle*?⁴

— Нет, я важное, не говорите пустяков.

— *De la part de la cruelle*?⁵ — спросил он. — Каков?

— *La princesse* велела мне привести вас нынче вечером или она не пустит меня. Я скакал, как безумный.

— Вы знаете, — сказал Билибин Л[ихтенфельс]у. — Его прислали нам помогать по дипломатической концессии, а он соблазнил всех модисток в Вене, теперь в Брюнне, *il fera le tour du royaume*.⁶ Иполит засмеялся, захлебываясь.

— Вы приедете? Нет, я вам скажу, Б[илибин], серьезное. *<La petite du pont est terrible*.⁷ Ну не для вас. Вы, селадон этакий скверный. Лихт[енфельс] не нашел удовольствия, раскланяв[шись], и хотел...

— Ах, постойте. Слухи. *J'ai une grande nouvelle*.⁸ Бонапарте в Вене уж и мост взял.

— Невозможно.

— И я говорю. Мне говорил п[русский посланник]... Знаете, Болконский, мы поедем вечером к моей и Нимфа будет. Поедьте с нами, пожалуйста, Болконский. — Л[ихтенфельс] уехал. — Так поедем, Болконский.

— Непременно, а вы поезжайте за меня на войну.

— А, гадость какая, я боюсь, когда вижу пистолет. Ну, полно, Билибин, я убегу, — закричал он Билибину, который взялся за пистолетный ящик.

Это почему то очень было весело. Князь Андрей⁹ смеялся, как ребенок.

— Не могу видеть, у всех слабос[ть], мышей не любят... ай, ай полно, Билибин. Он отворачивался.

— Ну, однако мне надо одеваться. Болконский ушел в другую комнату и вышел оттуда одетый в другой мундир и надушенный. Иполит предложил довести его и дорогой почел себя обязанным говорить о¹⁰ философии.

¹ [бедрa испуганной нимфы]

² [волокита]

³ *Зачеркнуто*: Иполит смеялся

⁴ [жестокосердая девочка?]

⁵ [От жестокосердой?]

⁶ [Он объедет всё королевство.]

⁷ [Девочка у моста страшна.]

⁸ [У меня большая новость.]

⁹ *Зач.*: остановил его. Ну полно

¹⁰ *Зач.*: о политике, о Маквевич[евском?] рае[?], чего ничего нельзя было понять

— Ведь жизнь — временный asile¹ и бог нас любит, отчего же нам не веселиться, другие веселятся и я вас всегда уважал.

— Да, да, вот как вы судите.

— Да я только шучу, а я всё думаю.

Вечеру Андрей поздно воротился домой.² Билибин лежал в постели, но не спал.

— Зайди ко мне. — Андрей вошел, расстегнул мундир и долго задумчиво глядел себе под ноги.

— Удивительна!

— Ну, что? неправда ли хороша.³ Это один упрек.

— Завтра я еду.⁴

— Отчего?

— Ежели бы я не был женат...

Билибин захохотал.

— Вот мы с Иполитом des enfants perdus de l'amour.⁵ Ну, за эту прекрасную супружескую черту я тебя награжу новостью, но новостью скверной, но вследствие которой ты поедешь и без жертв. Дай письмо, читай. — Андрей взял письмо. Он вдруг побледнел и глаза его заблестели злостью.

— Да это ужасно, — закричал он. — Это не может быть, — заговорил он.

— C'est positif.⁶

— Как же ты так спокоен и говоришь о пустяках. Ты не знаешь, что это такое? Это погибель нашей армии, стыд. Это измена. Это не может быть.

— Я не говорю, что нет.> Я знаю одно, что австрийское правительство вело переговоры и этот сам[ый] А., которого ты видел, пытался, не примем ли мы участие в переговорах.

— Это ужасно.

— Ты знаешь, что повозка государя взята здесь, что здесь все бегут и я велел укладываться.

— Да, и я видел.

— Да, читай и послушай. La lettre est jolie, très jolie.⁷

Князь Андрей стал читать. «Я вам сообщаю странную новость. Венский мост, тот самый мост, который был так страшно минирован, взят. Французы не только в городе, в Вене, но на той стороне за мостом, который они перешли sans coup férir,⁸ и поспешным маршем идут на пересечение отступления русской армии». Князь Андрей остановился.

— Я должен сейчас ехать. Он встал.

¹ [убежище]

² *Зачеркнуто:* Возвращаясь после счастливого вечера с милой женщиной, он видел повозки и движенье ночью.

³ *Зач.*: Ежели бы только это не была графиня Эст[ергази].

⁴ *Зач.*: Боишься?

— Боюсь. Что за простота, что за прелесть.

⁵ [падшие дети любви.]

⁶ [Это возможно.]

⁷ [Письмо мило, очень мило.]

⁸ [без сопротивления]

- Полно, завтра, и что тебе за охота итти на гибель или на срам и как ты поедешь?
— Я еду.
— Как хочешь.

Послав за лошадьми, Андрей воротился и продолжал читать. Это было письмо женщины, оставшейся в Вене.

* № 30 (рук. № 69. Т. I, ч. 2, гл. XII).

В письме описывались¹ подробности вступления французских войск в Вену, воздавались большие похвалы французам за тот порядок, которым ознаменовалось их вступление, при котором частная собственность была защищена. Описывался величественный «un spectacle dont il est impossible de s'imaginer la beauté»² парада французской кавалерии по улицам Вены с принцем Мюратом во главе ее. Описывалась красота, величественность и воинственность вида Мюрата в мантии, шитой серебром по красному бархату, и в шляпе с страусовыми перьями. Описывалась поездка графа Бубны, губернатора Вены, к императору Наполеону в Шенбрун с целью просить победителя помиловать город и, наконец, описывалось то, что теперь интересовало всех, каким образом был занят и перейден французскими войсками без выстрела Венский мост, минированный, обложенный порохом и защищаемый тринадцатью тысяч[ами] австрийцев под начальством Ауерсперга.³

«Hier, vers 4 heures de l'après midi, les maréchaux Murat et Lannes mirent en mouvement leur troupes vers le pont de Thabor. On cria aux troupes de s'arrêter. Elles le firent, mais répondirent qu'il y avait un armistice et que cet armistice donnait aux français le passage du fleuve.

Les deux maréchaux se détachant des troupes, rien qu'avec leur état major, vinrent seuls sur la rive gauche pour parler au prince Auersperg en donnant l'ordre à la colonne d'avancer insensiblement. La conversation s'entama, mille sonnettes furent débitées à ce stupide prince Auersperg et pendant ce temps les troupes gagnaient le terrain et jetaient sans affectation dans le Danube la foudre et les matières combustibles dont le pont était couvert. Les plus minces officiers, les derniers soldats autrichiens jugeaient l'évènement. Ils voyaient la fraude et le mensonge et les esprits commençaient à s'échauffer.⁴

¹ *Зачеркнуто*: очевидно французом, жившим в Вене

² [неописуемое по красоте зрелище]

³ *Зач.*: Les maréchaux Murat et Lannes qui se trouvaient à Vienne imaginèrent de s'emparer du pont par surprise. [Маршалы Мюрат и Ланн, которые были в Вене, задумали захватить мост хитростью].

⁴ [Вчера, около четырех часов по полудни маршалы Мюрат и Ланн двинули войска к Таборскому мосту. Войскам крикнули остановиться. Они послушались, но заявили, что объявлено перемирие, по которому французам разрешается переход реки. Оба маршала, отделившись от войска, сопровождаемые лишь своим генеральным штабом, одни переехали на левый берег, чтобы переговорить с князем Ауерспергом, приказав колоннам незаметно

Un vieux sergent d'artillerie s'approche brusquement du prince et lui dit avec impatience et colère: mon général, on se moque de vous, on vous trompe et je vais mettre le feu aux pièces [?]. Le moment était critique, tout allait être perdu, lorsque le maréchal Lannes (gascon de naissance comme Murat et Beliard) appelle à son secours la pédanterie autrichienne et s'écrie: comment, général, vous vous laissez traiter ainsi! Qu'est donc devenue la discipline autrichienne si vantée en Europe?¹

L'argument produit son effet. L'imbécile prince piqué d'honneur se fâche contre le sergent et le fait arrêter. Les troupes arrivent, prennent les canons et le Danube est passé.²

L'entrée de l'empereur Napoléon à Vienne est fixée à demain mercredi».³

— Сознайтесь, что это очень мило, эта история Венского моста. Я не могу объяснить этого иначе, как изменой, — сказал Болконской, и улыбка удовольствия, произведенная целым днем успеха и мыслью о своем Тулоне, не сходила с его лица. — Скажите, может быть измена?⁴

двигаться вперед. Завязывается беседа, в которой глупого князя Ауерсперга засыпают разным вздором, а тем временем войска подвигаются и, не стеснясь, сбрасывают в Дунай порох и горючие вещества, которыми был покрыт мост. Австрийцам — младшим офицерам, солдатам, всем было ясно, что происходит. Они увидели ложь и обман и начали горячиться].

¹ *На полях:* по русски

² *Зачеркнуто:* Jamais chose semblable n'est arrivée et dans des circonstances aussi importantes et difficiles. [Ничего подобного никогда не случилось в столь важных и трудных обстоятельствах]

³ [Старый артиллерийский сержант быстро подходит к князю и говорит ему нетерпеливо и гневно: — генерал, над вами издеваются. Я немедленно взорву мост. — Положение было критическое, казалось, что дело проиграно. Но маршал Ланн (сам гасконец, так же как Мюрат и Бельяр) призывает на помощь австрийскую педантичность и восклицает: — Как, генерал, вы сносите такое обращение! Что же стало с австрийской дисциплиной, которую превозносит вся Европа? Это возымело свое действие. Честь тупоумного князя была задета; он воспылил гневом на сержанта и приказал его арестовать. Подходят войска, забирают пушки и Дунай перейден.

Въезд императора Наполеона в Вену назначен на завтра в среду.]

⁴ *Зач.:* — Avouez que c'est charmant, l'histoire du pont [Сознайтесь, что история моста очаровательна], — сказал Билибин, когда Болконский дрожащей от нервного волнения рукой подал ему письмо. — Еще какой триумф Буонапарте, — сказал Болконский, приподнимаясь на кровати с выражением досады и, как будто, зависти в том, что триумф победителя, вступающего в столицу Австрии, будет больше его триумфа прошедшего дня.

— Le triomphe est facile quand on a affaire à des imbéciles et des lâches, comme les autrichiens, — сказал Билибин.

— Je ne suis pas patriote comme vous, — прибавил он, — mais pour ce qui est de ces gredins, je les haïs tout aussi cordialement que vous le faites. [Триумф легкодостижимый, когда имеешь дело с болванами и трусами, каковы эти австрийцы. Я не патриот, подобно вам, но что касается этих мерзавцев, я их ненавижу так же горячо, как вы].

— Triomphe de Sganarelle, mais triomphe tout de même [Триумф Сганареля, но всё же триумф].

— Нет, что не говорите, есть особенная печать рока на этом человеке. Мало того, что это гений войны, всё ему удастся.

— Il y a trahison et demi-trahison. Quand le jeu est mauvais on en tire son épingle. Et ils le font,¹ — сказал он, под словом ils разумея австрийцев.²

— Положение наше не хорошо, мне надо ехать, — сказал Болконской.

— Посмотрим, как наш старый герой и новый кавалер Марии Терезии se tirera de cette impasse. Je ne crois pas que la grande croix Marie-Térèse l'y aide beaucoup.³

— Выпутаться из этого положения слишком трудно, — сказал Болконской. — C'est un homme intelligent, brave, mais...⁴ — он презрительно пожал плечами. — Надо помнить, с кем он имеет дело, с величайшим гением войны. Koutousoff s'entortillera lui-même dans ses filets avec ses finasseries, quand il a affaire à cet homme, habitué aux grandes idées, aux grandes combinaisons et exécutions.⁵

— Et le победоносное православное воинство, — сказал Билибин, перепуская свои мешки с одного глаза на другой, — j'espère — Больше всего то, что он имеет дело с старыми колпаками.

— И это! Но сам он, как он предвидел всё, как он ясно, отчетливо ведет дело. Он знает, что его ожидает успех, и успех ему не изменяет.

— Et la victoire dont vous venez de nous apporter la nouvelle? [А победа, о которой вы привезли нам известие] — подшучивая спросил Билибин.

— Не говорите мне про эту победу. Нас было два против одного и что же мы сделали? Ничего. Ежели бы у нас был полководец, как Буонапарте, весь корпус должен был положить оружие. Мало того, что он гений, что он счастлив, он счастлив тем, что командует лучшим войском в мире. Надо было видеть их солдат и наших. C'est de la chair à canon sauvage [дикари, пушечное мясо] и больше ничего. А наши офицеры c'est la lie du genre humain: voleurs, grossiers, ignares [это подонки человеческого рода: воры, грубые, невежественные]. — Так вы не так в розовом свете видите дела, как я думаю...

— Я? я вижу всё к несчастью. Кутузов est un brave homme [порядочный человек]. Но это человек с старыми понятиями и об войне, и об администрации военной, человек не способный ни на быстрое соображение, ни на геройство. И потом, царедворец...

— Так вот вы как судите. Стало быть Ульм и русское войско не так странно, как мы думали утром.

— Я не говорю. Есть элементы, из которых может образоваться чтонибудь, есть молодые силы, ежели их не будут давить. Но <теперь минута слишком решительная> я жду несчастья. Я вижу, что, ежели не случится чтонибудь необыкновенное, при теперешнем нашем устройстве нас ждет гибель и срам. Наполеон слишком велик. Я не люблю высказываться, но иногда мне надо всё вылить.

¹ [Есть измены и полуизмены. Когда игра проигрывается, выходят из игры. Так они и поступают].

² *Зачеркнуто*: — Nous allons voir comment ils y [Посмотрим, как они из этого]

³ [Выпутается из этого тупика. Не думаю, чтобы большой крест Марии Терезии очень помог ему в этом]

⁴ [Он человек умный, храбрый, но...]

⁵ [Кутузов сам запутается в своих сетях со своими хитростями, Имея дело с человеком, привыкшим к великим мыслям и великим соображениям и делам.]

que le воинство se fera dans cette occasion une page dans l'histoire et se fera mitrailler¹ за веру, царя и отечество.²

— Savez vous, le воинство au fond n'est pas trop mauvais?³ Я узнал его в это последнее сражение. Солдат очень хорош. Офицеры дряннь. Но, всё вместе, это еще хорошее орудие в руках искусного человека. — И невольно он всё улыбался. — Как подумаешь, какая перемена: после вечера у кн[ягини] Э[стергази] завтра я буду в палатке, в избе, с солдатами. — Он помолчал. — Я это люблю, право люблю. Не бойтесь, может быть вы и хорошее услышите от нас. Мне завтра надо ехать. Когда мне дадут депеши?

— Я думаю, завтра, — сказал Билибин. — Бонапарт не пропустит этого случая, что[бы] не воспользоваться им. Надо быстро и решительно действовать со всей энергией, [1 *неразобр.*] он и закутываясь теплее в халат.

— Savez vous, — сказал Билибин, усаживаясь, — que nous ne sommes plus en sûreté ici. En fuyant de ce train nous irons jusqu'en Chine.⁴

Оба помолчали. Билибин зажмурился и стал тереть себе лицо. Когда он кончил тереть лицо, на нем не было ни одной складки, оно сияло приятной, умной улыбкой. Он посмотрел на князя Андрея, который, задумавшись, переминал воск своими тонкими пальцами.⁵ Видно было, что он [2 *неразобр.*] — Вы мне очень интересны, сделайте мне удовольствие, скажите мне, что вы такое? — Он помолчал и всё улыбался. — Что вы такое?⁶ Вы умны, вы недовольны и всё чего то хотите. Vous êtes à genoux devant Buonaparte, c'est votre dieu, vous méprisez vos compagnons d'armes et c'est avec eux que vous faites la guerre contre votre dieu.⁷ Растолкуйте мне, что вы такое?

¹ [я надеюсь, что оно заслужит в этом деле признание истории и даст себя расстрелять]

² *Зачеркнуто:* — Ah, ne me parlez pas du воинство. [Не говорите мне про воинство] Я имею несчастную привычку видеть ясно вещи и себя не обманывать. C'est de la canaille, la lie du genre humain. Non, il faut que je parte. [Это сволочь, подонки человеческого рода. Нет, мне нужно ехать]. Что ж le воинство хорошо.

³ [А знаете, что в сущности воинство не совсем плохо].

⁴ [А знаете, что мы здесь не в безопасности. Удирая таким образом, мы дойдем до Китая].

⁵ *Зач.* — Voyons, [Послушайте], — начал Билибин, всё улыбаясь. — Я человек без убеждений, я человек удовольствия и поэтому vous autres [вам подобные] люди с убеждениями, вы для меня всегда интересны. Кроме того, я вас именно знаю давно, очень давно и, ежели можно любить мужчину, то должно быть я вас люблю.

⁶ *Зач.:* — Вы честолюбивы, это ясно, вы недовольны всем не от того, что дурно там, офицеры и всё, а вы с собой носите это неудовольствие. Я вас ведь помню в Петербурге. Вы, как человек, который гадит кушаньем и ест его за обе щеки. Теперь, что у вас делается там, — он показал на свою впалую, широкую грудь.

⁷ [Вы на коленях перед Буонапарте, он ваше божество, вы презираете своих товарищей по оружию, а с ними воюете против вашего божества].

Зач.: Но это бы ничего, ежели бы вы так думали и оставались в Вене или в Петербурге, но вы сражаетесь. Завтра вас убьют, зачем? Растолкуйте мне это, как можете. Чего вы хотите?

— Я честолюбив, очень честолюбив. А зачем, я не знаю. Et bien [?] bonne nuit. Il n'y a rien de tel que de dormir pour décider dans une question difficile.¹

Видно было, что теперь Билибин сбирался говорить не одними mots,² но что у него была мысль, которую он хотел выразить.

— Все это очень хорошо (bel et bon), — сказал он. — Армия в опасности, вы поедете, вас убьют или возьмут в плен. Зачем? — Болконской посмотрел на него удивленно, как будто спрашивая его, шутит ли он, или бредит; но по ясному, умному взгляду заметив, что он не шутит и не бредит, он ответил:

— Оттого, что это мой долг.

Билибин улыбнулся, как будто говоря: «вот оно так и есть». Но улыбка его была очень приятна.

— Нет, оставим это, — сказал он. — Дайте руку. Он сделал ему знак пальцами.³

— Нет, я не масон, — сказал Болконской.

— Это тем лучше.⁴ Но возвратимся опять к тому вопросу. Вы меня очень интересуете. Я вас давно знаю и у вас есть будущность. Зачем вы служите в военной службе?

— Затем, что раз я избрал эту карьеру, чувствую себя к ней способным, — отвечал князь Андрей без малейшего замешательства и не отклоняясь от такого анализа своих побуждений, которые для него все были логически ясны и последовательны. — Затем, что я честолюбив, затем, что я люблю славу...

— Хорошо, довольно. Вы — люди с⁵ принципами для меня очень интересны. Вы — военный потому, что это карьера?

— Да. И карьера, которую я люблю.

— Но ведь служить, это значит воевать, убивать людей. Зачем? Разве ваше спокойствие нарушено, разве вы не можете в Петербурге любить женщин и наслаждаться жизнью оттого, что Буонапарте⁶ завладел Генуей? Вы богаты, вы независимы, вы образованы.

Болконский смотрел на него, не понимая.

Князь Андрей имел один из тех умов⁷

— Я это еще менее понимаю, чем вы, — отвечал Болконской. <Для меня ясно, чего хочу, — отвечал Болконской.> Когда мне представляется выбор, я не сомневаюсь, но сказать этого я не могу, не умею. Я думаю, что это всегда так.

¹ [Однако, покойной ночи. Чтобы разрешить затруднительный вопрос, нужнее всего выспаться].

² [остротами]

³ *Зачеркнуто*: на который Болконской не ответил.

⁴ *Зач.*: Всё это вздор.

⁵ *Зач.*: убеж[дениями]

⁶ *Зач.*: объявил войну Австрии.

⁷ *На полях*: Князь Андрей односторонний ум, узкой и оттого ясный и твердый. Разговор с Билибиным о Бонапарте.

— О чем ты думаешь?

месяц, отражение замка, вдруг палка на месяце, это башня.

* №31 (рук. № 70. Т. I, ч. 2, гл. XIV).

В то время, как давя друг друга, бежали обозы, и главнокомандующий прощался с князем Багратионом, отсылая его на верную погибель, войска, составлявшие отряд Багратиона, стояли в виду французских войск, не зная всей опасности своего положения и не думая о нем. Войска эти были так измучены своим ночным переходом 2-го и беспрестанными передвижениями 3-го и 4-го числа, что одною мыслью и заботою их был отдых. После ночного перехода их поставили на Венско-цнаймской дороге лицом к ожидаемым французам, частью в городке Голабруне и деревне Шенграбене, частью совсем сзади в деревне Грунте и около нее в поле, лагерем. Едва они пришли, как все пехотные полки потребовали на работы укрепления. Не успели поесть каши, как австрийские гусары, стоявшие впереди, отошли назад, и весь отряд, оставшийся неожиданно без аванпостов, стал вновь перемещаться. По лагерю пронесся слух, что австрийцы изменили, и начальство должно было вмешаться для того, чтобы удержать солдат от побития камнями проходивших Гесен-кобургских гусаров.¹ Войска видели, что Багратион проехал в Шенграбен, и стало известно, что все начальники были собраны на военный совет. Скоро после этого на месте ушедших австрийских гусар у Голабруна показались синие капоты французов. Багратион опять появился верхом между войск, адъютанты поскакали по разным направлениям и, не доев каши, солдаты строились, рассыпали цепь и отступали. Шенграбен очистили и за оврагом остановились. Дело не начиналось. Начальство ездило взад и вперед, и солдаты, и офицеры не имели ни времени отдохнуть, ни сварить каши. Целый день и целую ночь ожидали каждую минуту начала сражения. Мелкий дождик не переставал. На другой день к вечеру пронесся слух не только о перемирии, но и о мире, и 4-го числа, в тот самый день, как Lemarrois скакал с письмом к Мюрату, солдаты в первый раз сварили кашу. Люди отряда были так измучены, что для них было совершенно всё равно — мир ли или война, придется ли им драться одному против десяти или вовсе итти назад в Россию. Все желания их большинства были теперь направлены на одно... отдохнуть, обсушиться, согреться и поесть горячего.

В таком положении застало их то самое утро 4-го октября <в которое Мюрат получил грозное письмо Наполеона и атаковал тридцатью тысячами наш пятитысячный отряд.>

Местность на расстоянии шести верст в окружности, еще за два дня представлявшая вид спокойного благосостояния жителей, местность, оживленная заросшими садами деревнями, дорожками между полей, пасущимися стадами и жителями, — теперь была только военный лагерь с отовсюду дымящимися кострами, коновязями, глиной краснеющими земляными работами, зелеными ящиками, штыками, орудиями и рассыпанными по всему пространству серыми шинелями и нечистотами.

¹ *Зачеркнуто*: Вслед за отступлением Гесен-кобурцев действительно

* № 32 (рук. № 71. Т. I, ч. 2, гл. XIV—XVI).

В то время, как по Цнаймской дороге, давя друг друга, бежали обозы армии, войска, составлявшие отряд Багратиона, обреченные, по словам Кутузова, на верную гибель, стояли в боевом порядке перед Шенграбеном.

Шенграбен, большая деревня, которую накануне еще занимали русские, виднелся перед ними на горе на самом горизонте, в нем и вокруг него виднелись сплошные массы французов. Правее его, по дороге стояли французские, направленные на нас, орудия. От Шенграбена шел отлогий спуск и крутая гора, которую справа обходила столбовая дорога из Шенграбена в Грунт. Центр нашей позиции находился на этом, противоположном Шенграбену, возвышении. На нем стояла русская полевая батарея с снятыми с передков орудиями, направленными на Шенграбен. Вокруг батареи справа, слева и сзади располагались пехотные полки. Спереди под горой была только цепь стрелков. Далеко вправо, через большую дорогу, на другом возвышении виднелись еще пехотные полки и, на самом конце правого крыла у леса, стояли драгуны; влево, также на протяжении больше трех верст, тянулись войска — пехота, казаки и Павлоградские гусары. Сзади войск была мелкая речка и еще большее возвышение, на половине которого была занятая резервами деревня Грунт. Перед Грунтом сделаны были и теперь еще работались полевые укрепления. В долине между Шенграбеном и первым возвышением были цепи. По долину мы были дома, всё было наше, дальше начиналась та неведомая, неопределенная и страшная область — *неприятеля*.

Несмотря на то, что с вчерашнего дня было перемирие и б[арон] Винценгероде <с белым значком проехал *туда*, за цепь, там всё казалось странно и¹ непонятно. И тем страннее, непроницаемое и страшнее казалась эта черта, чем дальше от нее. Тем, которые смотрели из Грунта на Шенграбен и видели смутно только точки и полосы французов, тем казалось страшно и невозможно проникнуть туда, за эту черту; те, которые смотрели с возвышения, составлявшего середину позиции, те представляли себе возможность поспорить еще за эту черту; те же, которые лежали внизу в цепи на ружейный выстрел от французов, нисколько не сомневались в том, что коли велит начальство, так сейчас и пойдём вперед вон туда, за этот лужок к жневью, что на горе, вон туда, где эти французы сидят теперь.

Военные люди² чувствуют, как тяжело должно быть, раз поверив в конец войны, снова приниматься за дело и потому бессознательно никто не верил в мир, несмотря на перемирие и ходившие слухи. Прикажет начальство, назад пойдём, а прикажет, здесь постоим или вперед пойдём — оно знает.>

Хотя и говорят про пять, шесть тысяч войск — горсть храбрых и т. п., шесть тысяч войск не горсть, а очень, очень много ¹ *Зачеркнуто*: страшно и туда проникнуть нельзя было

² *Зач.*: знаю[т]

народа, так много народа, что несмотря на то, что они сколь возможно более были сжато поставлены, шесть тысяч человек, бывшие у Багратиона, были растянуты на пространстве больше десяти верст в окружности. Передовая цепь, отделявшая их от французов, тянулась больше, чем на версту. Справа и слева цепи, неприятельская и наша, стояли друг от друга дальше пушечного выстрела, но по дороге в долине, там, где проезжали парламентарии, они сошлись ближе ружейного выстрела, так что ясно могли видеть лица друг друга и переговариваться и, кроме солдат, занимавших цепь, с обеих сторон к этому месту сходилось много любопытных, которые, посмеиваясь, разглядывали странных и чуждых для них неприятелей.¹

[Далее со слов: С раннего утра, несмотря на запрещение... кончая: ...обращенные, снятые с передков пушки. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XV.]

<Зрителей разогнали.

— Пропорол бы ему брюхо, — сказал Долохов, вскидывая ружье на плечо, и пошел прочь.

Офицер, заведывавший в цепи, крикнул на Долохова: прочь из цепи.

— Чего? — хмурясь, ответил Долохов.

— Полноте, идите, — сказал Брыков. — Что вы какой нынче сердитой, Ваську своего избили.

— Такой день, видно. Всё думали драться, а вот третий день стоим, ничего не делаем. — Долохов находился в том состоянии озлобления, которое находило на него по временам. Произошло ли это от волнения, он напрасно готовился к сражению второй день, или от голода, но он с утра был зол и в своей роте, где, с одной стороны щедростью, с другой — решительностью, он заставил уважать себя, его боялись нынче. Долохов был нынче в том сердитом, бешеном д[ухе], в к[отором] его бо[ялись]. Он избил до полусмерти² солдата, который за деньги служил ему, и изругал юнкера за то, что тот тронул его собаку. Долохов еще ни разу не был в деле. Особенный несчастный случай отводил его от сражения во время всего похода — раз он был в командировке, другой раз он³ уезжал в город. Для него сражение, кроме того, что он желал его, как удовольствия, вперед зная и говоря, что он будет первым и что из ста человек девяносто — трусы, и, как необходимость для того, чтобы быть произведенным. Он был все эти дни озлоблен, но в это утро дошел до бешенства, начавшегося над солдатом.

— Коли не пойдем в дело, кому-нибудь кровь пу[щу].⁴

— Вы хоть и разжалованный, а будьте учтивы, — сказал цепной офицер.

¹ Зачеркнуто: Позади цепи по бугру и в обе стороны видно

² Зач.: своего кр[епоного]

³ Зач.: был послан в обоз.

⁴ Зач.: — Ну, батюшка, однако потише, — сказал Брыков.

— Мне что? Ниже солдата не разжалуют. Распорю брюхо, кто меня тронет.

— Полно, полно, Долохов, — сказал Брыков. Долохов замолчал: несмотря на бешенство, он, с свойственным ему тактом, знал, он зависит от Брыкова и, презирая его, покорялся ему.

В цепи все говорили о близости сражения, в арьергарде было другое.

Долохов, отходя от цепи, слышал этот хохот, но и в нем оно не утишило того желания подраться с французами, которое мучало его всё время отступления.>

— Ведь надо же мне это проклятое несчастье, — сказал Долохов своему ротному,¹ шедшему подле него. — Три месяца в походе и ни разу не попасть в² рукопашную.

— Э, батюшка! у нас говорят: ни от чего не отказывайся, никуда не напрашивайся.

— Да, вам хорошо, а мне ведь сермяга то надоела. Да и так хочется подраться, хочется. Так и пропорол бы брюхо³ кривоносому этому в синем то, что раскачивался так...⁴

— И рад бы пропороть, да кусаются, — со вздохом отвечал ротный.

— Не укусят! Вы как хотите там судите. А я знаю, что все трусы. Из ста человек девяносто девять — трусы. Ведь я видел под Амштетеном.

— Посмотрим, посмотрим вас, гвардейцов, — спокойно-шутливо отвечал ротный.

— Ну, однако, идите к своему месту, неравно генерал подъедет, — тихо прибавил он таким тоном, что видно, несмотря на всё любопытство, возбуждаемое в нем гвардейцем и его знанием французского языка,⁵ он не забывал своего дела.

Долохов оглянулся с удивлением,⁶ как будто не понимая. Потом, вероятно вспомнив, что надо и Брыкову повиноваться, повернул к своей роте.⁷ Рота Долохова стояла в лесу и занималась рубкой дров. В береженом молодом дубняке слышался треск топоров и валимых деревьев. Костры дымились в нем и около костров с говором копошились солдаты.

Позади леса, в котором дымились костры, на возвышении стоял полковой командир полка, в котором служил Долохов, тот самый, который представляя полк Кутузову, за ним и вокруг него стояла свита офицеров полка и в том числе Жеребцов с своей вертлявой фигурой и высоко поднятыми плечами.¹ *Зачеркнуто:* <весело> отходя

² *Зач.:* дело

³ *Зач.:* этому гренадеру то там.

⁴ *Зач.:* В голосе и походке Долохова выражались избыток силы, которую он не знал куда <деть> употребить лучше, как на то, чтобы пропороть брюхо французскому гренадеру

⁵ *Зач.:* и его странност[ью] характера

⁶ *Зач.:* заду[мавшись]

⁷ *Зач.:* которая толпилась около <котла> каши. — А мне надо еще с фелдвებелем счесться, — сказал Брыков, этими словами как будто смягчая приказание. — Приходите же обедать.

Жеребцов был особенно учтив, внимателен и подобострастен перед генералом. Он беспрестанно наклонялся, поднимая руку к козырьку, и всеми силами видимо желая угодить генералу. Жеребцов был прислан от князя Багратиона с тем, чтобы¹ получить рапорт. Опоздав уже для того, чтобы успеть к обеду в Грунт, и заметив подле балагана полкового командира запах бульона и засученные, голые руки солдата повара, выставившего пирожки на доску, он решился обворожить полкового командира с тем, чтобы у него пообедать. Что тем заманчивее было для Жеребцова, что найти слабую сторону человека и поиграть, хотя бы и в отсутствии зрителей, составляло наслаждение для корнета.

Накануне генерал был призван в Грунт к князю Багратиону и участвовал на военном совете вместе [с] другими начальниками. Теперь он желал произвести такой же военный совет с своею свитою. Присутствие ординарца князя Багратиона еще более поощряло его к этому. Он был старший чином на левом фланге и пригласил на совет полкового командира Азовского полка и Павлоградского. Павлоградский не поехал, не признавая власть начальника левого фланга, но другие начальники явились, и человек двенадцать полковников, майоров и адъютантов сопутствовали генералу, когда он, хмурясь и вдавливая щеки на воротник мундира, подрагивающей походкой ходил осматривать «пазицию», как он говорил.

— Я полагаю, господа, — говорил он, щуря глаза, вглядываясь вперед, — что надо будет отступать на большую дорогу к лесу.

— Хоть и не мое дело, ваше превосходительство, — изгибаясь, с рукой к козырьку вмешался Жеребцов, — а я слышал, князь именно говорил к лесу.

— Что? Да, к лесу. — Все молчали, ожидая речи полкового командира, но видно было, ему нечего было сказать и он придумывал.

— И... я... думаю эшалонами... да, эшалонами, — повторил он с удовольствием.

— Странно, — сказал Жеребцов. — Как ваше превосходительство сходитесь с князем.

— Что? — строго спросил генерал.

— Он именно говорил эшалонами. Выразив еще несколько таких мыслей и вызвав одного разговорчивого майора на изложение своих мнений, полковой командир остановился. Майоры, полковники и адъютанты, с печальными лицами молча ходившие около него, стали откланиваться, желая поскорее пойти к себе отдохнуть и пообедать.

— Трудно управлять, — сказал Жеребцов с улыбкой сожаления. — Вы, я думаю, еще и не обедали, ваше превосходительство?

— Так пожалуйста, господа, — обратился полковой командир к батальон[ным] командир[ам], не отвечая Жеребцову.

¹ *Зачеркнуто*: узнать, сколько людей в полку

— И я еще не обедал, ваше превосходительство. — Генерал строго посмотрел на него и приятно улыбнулся.

— Милости просим ко мне солдатской каши разделить.

После обеда у генерала Жеребцову нужно было заехать еще на крайний левый фланг к Павлоградскому полку с тем же приказанием. Павлоградские гусары стояли [?] далеко от французов. Впереди были линии коновязей, за коновязями костры, люди, поправее большой балаган полковника и кухня. Сзади виднелся уединенный дом, единственная крыша на всем пространстве, занимаемом гусарами. Перед домом стояли с раскрасневшимися лицами песенники эскадрона. Накануне привезены были кресты в эскадрон и навешены за Эмский мост Н. Ростову, юнкеру Миронову и двум солдатам. У маркиганта были куплены вина и Н. Ростов угощал эскадрон, офицеров и солдат. В доме, пустом, разоренном¹ и брошенном хозяевами, слышались крик и хохот. Н. Ростов в расстегнутой куртке и без фуражки вышел из дома, старательно ступая по ступеням крыльца, завернул за угол. Жеребцов окликнул его, но Nicolas не услышал его голоса. «Нет, лучше не заезжать теперь», и Жеребцов проехал мимо.

Ростов был пьян в первый раз в жизни. Он прильнул открытой головой к сырой холодной стене и ему казалось, что он умирает. Снизу поднималось, поднималось что то, выворачивалось, переворачивалось в голове и вот, вот казалось всё скроется. — Боже мой, я упаду. Не видит ли кто? — бормотал он. — Другие ничего. Отчего же я так болен? Да, болен. А, вот он, — говорил он, — оглядывая внизу крест на шнурках куртки, и тупая улыбка изменяла его бледное лицо. Но крест поднимался, опускался, убегал, выворачивался вместе с головой и со всем телом. Всё происходило, как во сне. «Зачем я выпил еще этот стакан?»² и он тяжело вздыхал и грустно закатывал глаза.³ — Георгий, — говорил он. — Крест на груди, на храброй груди.⁴ — И он ласкал крест, потряхивая его. — Нет, не могу, умираю.

— Иди, Ростов, — послышался голос. — Где ты? Иди лодку петь. Ростов не отвечал.

— Господи, помилуй, господи, помилуй, — шептал он, изнывая.

А между тем, всё приближался адъютант Бонапарта, скакавший к Мюрату с приказанием атаковать и убить всех этих русских.

В то же время в арьергарде подле Грунта в одних рубахах работали солдаты, выкидывая красную глину на вал будущего укрепления и тащ[а] фашины. В самой же разоренной деревне Грунте все дома были наполнены начальством и штабными, по всем улицам толпились обозы, со всех сторон солдаты тащили, кто сени [?], кто двери, кто заборы и на площади была раскинута¹ *Зачеркнуто*: из которого громче всех слышался картавый голос В. Денисова

² *Зач.*: Господи помилуй, господи помилуй

³ *Зач.*: Мельница, мельница

⁴ *Зач.*: Он ударял себя в грудь.

палатка маркитанта. У маркитанта сидели офицеры с красными и истомленными лицами и пили. Один¹ из офицеров, закутавшись в шинель по уши, дрожал всем телом. Его била лихорадка и он не мог согреться глинтвейном.² «Бог с ними со всеми, с походами», — думал он, «вот с утра не могу согреться, а скажись больным, подумают — трушу».

— Что получили? — спрашивал другой офицер у казначея, шедшего с узлом золотых. — Мне за треть вперед, полковник обещал.

— Там увидим, приходите в полк.

— Стыдно вам, стыдно, господа, — говорил дежурный штаб-офицер, входя под палатку маркитанта, — извольте итти к своим местам, князь приказал. — Некоторые находили удовлетворительные ответы и оставались, другие шли. Офицер в лихорадке пошел к своему месту.> На горе впереди Грунта³ в одной пехотной роте собралась толпа около песенников. Солдаты стояли кружком и с присвистом пели плясовую песню и в середине их⁴ плясал молодой рекрут, выдывая ногами и ртом уродливо быстро невозможное. Через плечи друг друга солдаты с одобрением смотрели на пляшущего.

— Пройдись, ну, Макатюк, ну же, — говорили старому с медалью и крестом эфрейтору, пихая его в круг.

— Да я так не могу, как он.

— Да ну.

Макатюк вышел в круг в шинели, с мотавшимися на ней орденами, внакидку и с руками в карманах, и прошелся по кругу шагом, чуть встряхивая плечами и прищуря глаз, поглядывая кругом всё равно на кого, хотя обращение [?], казалось, имело в виду какого [то] одного приятеля, с которым он этим взглядом вспоминал штуку. Он остановился посередине и то он плясал. Плясал больше быстрого рекрута, одной противоположностью своей неподвижности с удалью песни. Вдруг он повернулся, вспрыгнул, сел на корточки, сделал два раза ногами, поднялся, перевернулся и, не останавливаясь и отталкивая останавливающихся, пошел вон из круга.

— Ну, вас совсем, пуцай молодые ребята пляшут, пойти ружье почистить.

<А Lemarçois подъезжал уже и передавал письмо Мюрату.>

На самом крайнем правом фланге в то же время в одном из эскадронов драгун между коновязями слышался крик, но крик не песни, не смеха, не многих людей, а крик одного человека, болезненный, страждущий, испуганный и всё-таки еще притворный¹ *Зачеркнуто*: был бледен, синь.

² *Зач.*: Чорт их дери

³ *Зач.*: <некоторые> <слышались песни> стояла толпа солдат, один играл на балалайке, и пела плясовую песню

— Па-а-люби, полюби слово приветливое, — слышалось с одной стороны с присвистом.

⁴ *Зач.*: похаживал в шинели внакидку известный плясун Макатюк

крик. Два драгуна, раздевшись для ловкости, взмахивали над головой и в такт били длинными розгами по до половины обнаженному телу солдата, наказываемого за воровство. Солдаты с остановившимися выражениями лиц стояли кругом (им велено было). Один офицер, толстый майор, нахмурился¹ одутловое лицо, переваливаясь назад в грязной шинели, ходил взад и вперед и, не обращая внимания на крик и не переставая, говорил:

— Солдату позорно украсть, солдат должен быть честен, благороден и храбр, а коли у своего брата украл, так в нем чести нет, это мерзавец. Еще, еще. И всё слышались удары и притворный и отчаянный крик. Лошади на коновязи косились на лежащего солдата. Одна взбрыкнула и все всполошились. Унтер офицер крикнул.

— Еще, еще, — говорил майор. Молодой офицер отошел от коновязи (ему велено было тоже тут быть) и оглядывался на наказываемого. На лице его выразилось больше страдания, чем на лице наказываемого. «Нет, не могу». Он зажал уши и убежал к своему месту. Через две минуты наказанный с товарищами сидел у костра и не давал своей трубки покурить просившему у него товарищу.

<В то же время на возвышении, составляв[шем] артиллерийский парк, у орудий, снятых с передков и направленных против французов, стоял невысокий артиллерийский офицер лет тридцати, с впалыми щеками, нависшим лбом и умными, добрыми глазами. Он ушел от своих товарищей и подчиненных (он был старший офицер в батарее), чтоб быть одному и, рассеянно лаская ровный круг гладкой меди дула орудия, стоял задумавшись. Он вздрагивал и оглядывался. Офицера мучал страх, непреодолимый страх смерти и страданий, страх сражения. «Я подлец, — говорил он сам себе, — подлец. А подлец, так пускай убьют. Больше ничего не стою. Да, не могу. Не могу. Нет, еще хуже быть одному. Пойти к Белкину. Ох, Белкин, и за что я его люблю, а никого не люблю, как Белкина. Когда с ним, мне легче.»²

* № 33 (рук. № 71. Т. I, ч. 2, гл. XV?).

<Долохов не ходил на работы, но ротный требовал, чтобы он был на своем месте. Он вошел в лес и подошел к костру, у которого сидела аристократия роты — фелдвебель, каптенармус и два солдата.

— Что, судырь, видали французов, — сказал фелдвебель, выставляя обе руки перед огонь и оттягивая жарившееся лицо.

— Нутка табачку на трубочку, — попросил каптенармус.³¹ *В рукописи:*
нахмурившись

² *Зачеркнуто:* К чему война? Любовь проповедуется. И то не знаем будущего. Как же. Братья. Мыслитель.

Офицер штабс-капитан Т[ушин] мучался непреодолимой мучительной работой мысли, страхом и сомнением. Т[ушин] фанатик. Вопрос о военной службе

³ *Зач.*: нажимавший хворост. Долохов дал табаку.

Пришел ротный, спросил фелдвбебеля, встал и пошел. Долохов не отвечал и лицо его приняло такое злое выражение, что солдаты,¹ посмотрев на него, переглянулись и стали разговаривать между собой. Они знали² уж характер судыря, который иногда такие истории рассказывал, что вся рота собиралась слушать и ни за что давал по три рубля на водку, а иногда не говорил ни слова, делался зверем³ и ни за что готов был избить человека. Ротная шавка Мухтарка, виляя хвостом, подошла к костру.

— Вишь и Мухтарка сушиться пришла, — сказал солдат, сидевший подле, взял Мухтарку за спину и хотел, играя, перебросить ее через огонь. Собака визгнула.

— Что ты ее трогаешь? Что она тебе сделала? — крикнул Долохов и грубо толкнул солдата. — Мухтарка, суды.

— Эй легче, судырь, — проговорил солдат. — Вишь, в лицо лизать ему дается.....

А между тем французские орудия, направленные на нас, виднелись на горе, и у наших орудий, стоявших перед Грунтом, стояли офицеры и генерал и рассчитывали, куда по французам донесет их выстрел.

Подле орудий стоял полковой командир, генерал, представлявший полк Кутузову, подле него стояли артиллеристы и с высокоподнятыми плечами Жеребцов. Генерал выспался в построенном полковом балагане, закусил и, подрагивая, вышел погулять, так как делать нечего было. Но увидав подчиненных, он почувствовал, что ему, командиру, генералу, необходимо бросить общий взгляд на позицию. Что такое позиция и что такое общий взгляд, он не знал и не мог бы сказать, но что то сделать он чувствовал необходимость, и что то показать главное. Еще более побудил его к этому приезд Жеребцова от Багратиона с приказанием опре[делить], много ли людей в полку. Надо показать адъютанту. Он вышел, подрагивая, к орудиям, прищурившись поглядел и сказал:

— Гм! Да! Ежели бы фланг, — он строго оглянулся, — что?

— Так точно, ваше превосходительство, — сказал Жеребцов, — г-н офицер, — обратился он поспешно к артиллеристу, — пожалуйста к генералу. Жеребцов, присланный сюда, не мог успеть вернуться к обеду в Грунт, а проходя мимо балагана полкового командира, он слышал запах бульона и видел пирожки, выложенные засученными солдатскими руками на доску. Ему надо было пообедать у генерала и потому он особенно внимателен и искателен был с ним. Артиллерийский офицер, молодой человек, подошел. Он тоже был рад поговорить о позиции и подать мнение и поиграть в война, и они поговорили.

¹ *Зачеркнуто*: замолчали

² *Зач.*: барина

³ *Зач.*: и по зубам колотил солдат, <не говорил ни слова и грозился убить>

— Ежели обойдут, то буду обстреливать на картечный [?] выстрел на отвозы. [?]

— Так, так, — сказал генерал.

— Вы уже обедали, генерал? — спросил Жеребцов.

— Не угодно ли, милости прошу, — и они прошли к балагану. В это же время еще правее, где стояли гусары позади коновязей, в мельнице, единственном доме, бывшем в поле, слышались крики пьяных голосов, из которых громче всех раздавался картавый голос Денисова.>

** № 34 (рук. № 72. Т. I, ч. 2, гл. XIV, XV.)

¹ Водка была не во всех ротах и те роты, у которых ее не было, с завистью смотрели на 5-ю роту, которой командовал всеми любимым, молодой штабс капитан Белкин.

— Вишь ты, подбрыкивать как стали 5-й роты, ровно жеребята, от водки-то, — говорил солдат другой роты, глядя на бежавших к котлу солдат. — Молодец² ихний ротный!

— Толкуй, Иван Масаич, фелдвებель всем орудует.

— Как же! гляди, наш спит небось, а этот, гляди, пришел, — говорил солдат другой роты, показывая на красивую фигуру штабс капитана Белкина, скорыми легкими шагами подходившего к роте, пившей водку. Белкин с своими толстыми, приятно улыбающимися губами и узенькими смеющимися глазами, свежий и веселый, подошел к боченку.

— Здорово, ребята.

— Здравия желаю, ваше благородие, — прокричали человек двадцать.

— Много ли рядов? — спросил он у фелдвებеля тоном человека, не любившего говорить с подчиненными много, но ожидающего положительного ясного ответа.

— Тринадцать.

— Кого нет?

Солдаты всё толпились и сзади засмеялись. Белкин оглянулся строго. Всё затихло, и подходивший солдат имел набожное выражение, когда подходил к чарке.

— Соврелова, Петрова, Миронченка, — докладывал фелдвებель.

— Миронченка точно заболел, в самую бурю, как деревню проходили. Он придет, я ему сам вчера приказал остаться. А тот бестия, Захарчук, так балуется, я велел ему на повозку сесть, так нет, упал. Дрянь солдатишка.

В это время подходил к водке узенькой, тоненькой, с ввалившейся грудью и желтым лицом и желтым острым носиком молодой солдатик, казавшийся олицетворением голода и слабости. Но, несмотря на жалость возбуждающую наружность этого солдата,³ в собранном, как кисете, ротике и бегающих покорных глазах ¹ *Зачеркнуто*: В 5-й роте пили водку, которая была не у всех

² *Зач.*: Белкин

³ *Зач.*: в сборках, как куриная жопа

было что то такое смешное, что фелдвебель, как бы прося позволения пошутить, посмотрел на ротного и, заметив на его лице улыбку, сказал:

— Вот Митин наш не отстал, его всего Бондарчук за штык волок.

— Без Митина 5-й роте¹ нельзя быть, — сказал Белкин, глядя на жалкого солдата, который, закрыв в это время глаза, полоскал обе стороны рта водкой и пропускал ее сквозь свою вытянутую, с выступающим, как у индюшки кадыком, шею.

— Сладко? — спросил Белкин, по солдатски подмигивая Митину и приосаниваясь. В рядах захохотали. Отдав приказание, подойдя к кашеварам, где ему подали пробу, Белкин сел на бревно и, перекрестившись, стал есть солдатскую кашу. Солдаты своей и чужих рот особенно далеко и старательно снимали шапки, проходя мимо его, несмотря на его махание рукой, чтоб они этого не делали.

Погода была серая, холодная, с ветром, но без дождя. Скоро к Белкину подошел <другой офицер зевая.>² — У меня половина людей без ног.

— Поправятся, — смеясь отвечал Белкин. — Хромая собака до поля. Пойдем назад, надо еще к адъютанту, — отвечал он, тоже зевая.

— Что это, никак кавалерия. Вон за лесом, — зевота мешала другому ротному договорить. Он указывал рукой на дорогу в Голабрун на ту сторону, с которой ждали французов.

Белкин встал и стал рассматривать. Действительно, это была кавалерия, поэскадронно шедшая им навстречу. И много ее, полка два. Кавалерия стала спускаться под гору и опять подниматься. Офицеры сочли ровно четыре эскадрона и узнали, что это были австрийцы гусары.

— Что же это, ведь это наш авангард. Сменили их чтоль.

— Кто же сменил, мимо нас бы прошли.

— А может французы на них понаесли, они отступают.

— Тогда хоть постреляли бы. Это чтонибудь не так. И есть австрийцы. — Гусары проходили ближе, как всегда с презрением глядя на пехотинцов. Солдат, набивая рот кашей, оглядывался на них. Гусары с начальником впереди прошли дорогой в город. Офицеры, еще другие подошедшие (все собирались к Белкину), разговаривали об том, какой гусарской мундир лучше, русской или австрийской, и хвалили лошадей.

— Вон еще³ кавалерия идет, — сказал к[апитан], — что это они назад идут.

— Должно быть неприятель показался.

— Ну, коли теперь в дело итти — мат. Люди голодные, без ног, половины в роте нет. А еще⁴ шеф требует..... Голос капитана вдруг оборвался.

¹ Зачеркнуто: осирот[еть]

² Зач.: — Ну, батюшка, досталось нам

³ Зач.: казаки

⁴ Зач.: полковник

— Что это! — вскрикнул он, побледнев. В это же мгновение из города на рысях показались казаки. В то же мгновение подбежал фелдвებель к офицерам и, указывая на кавалерию, спускавшуюся из за леса, [из] под горы.

— Ваше благородие, это он. Верно. Я смотрю.

Фелдвებель был так взволнован, что махая руками, говорил и взял за руку к[апитана], пригибая к себе и указывая по руке.

— Вот так извольте смотреть. Вон сила его валит.

В то же мгновение испуганный голос полкового адъютанта, спотыкавшегося, пешком бежавшего за ворота, закричал: — В ружье. Неприятель! В то же мгновение забегали кашевары, загремели котлы, и солдаты, дожевывая, побежали к козлам. В то же мгновение, и несколько прежде, Белкин бежал через выгон к своей роте и кричал: в ружье. Он бежал легким, веселым бегом, как будто играя тяжестью своего тела и перепрыгивая через лужи. Еще люди других рот не успели выстроиться и полковой командир еще не выехал, как 5-я рота уже, не дожидаясь приказаний, шла впереди всех по дороге навстречу к неприятелю.¹ Роту догоняли сзади рысью почти рядом субалтерн офицер налегке и Митин, путаясь в грязи тонкими ногами и под острым углом наклоняясь вперед, с большим ружьем наперевес и с тяжестью ранца, давившей его. Он не бежал, а всё падал и ноги только едва успевали спасать его от падения. Под гору они не удержали его и он скорее, скорее перебирая ими, упал. Офицер, молодой, скуластый блондин, даже не улыбнулся, перегоняя его. Когда он догнал роту, Белкин уже рассчитывал людей и с унтер офицерами по отделениям рассыпал в цепь.²

— Разве было приказано от полкового командира, — с бледным и обиженным лицом, едва переводя дух, спрашивал офицер. — Я только вышел.

— А всё равно то же прикажут, — даже не глядя на офицера отвечал Белкин. — Мешкать нечего.

— Почему же вы думаете, что я нарочно замешкался? Вы думаете, что я...

— Писарев, влево на гору, — говорил Белкин унтер офицеру, который с серьезным лицом смотрел, не спуская глаз с ротного ¹ *На полях*: Слышал п[олковника] разбудил, поехал к генералу. (Генерала звали Боб.) Что ж это провианту не отпускают? что заберут, то и есть.

— А вы берите получше.

— Уж я знаю, вы в батальонные командиры метите.

— Нет, невесело что-то с людьми расставаться.

— Людей сочту.

— Братишку бы перетянул.

— Чтож М[итина] [1 *неразобр.*] и паж [?] Мюрата.

Вывозили батареи. Отступили за деревню. Повозки нагружают, бегут. Французы прид[ут].

² *На полях*: Не успели выстроиться, как всё затихло, неприятель, завидев наши выстроившиеся цепи, не наступал более и выслал в цепь парламентаря.

— Пойду к Т[ушину], к няне.

командира, как и вся рота смотрела в эту минуту. Глаза Белкина еще более улыбались, чем всегда, и делал он свои распоряжения, как будто это всё было так легко.

— Куда же наконец мне прикажете? Ежели уж вы так распоряжаетесь, — [сказал], отдуваясь и оскорбляясь, субалтерн офицер.

— Побудьте здесь, М. Д., с резервом.

Рота разошлась в цепь. Казаки ездил впереди, показался дымок и послышался выстрел с нашей стороны и два выстрела ответили из за леса. Неприятель остановился и не наступал более. Стрелки его и наши баловались изредка. Белкин сидел на краю дороги и курил трубку, рассматривая неприятельских стрелков и изредка оглядываясь на деревню, в которой всё двигалось и бегало. Через пять минут к нему подъехал полковой адъютант.

— Шеф приказал¹ благодарить тебя за распорядительность и приказал отступить, ежели б[удут] наступать. Ну что, достают сюда, — спросил адъютант.

— Нет, так, ворон пугаем.

— Дай ка затынуться. Там у нас что, беда. — И адъютант, затаившись, уехал.

В деревне Шенграбене происходила суматоха, естественная вследствие неожиданного появления неприятеля перед войсками, спокойно отдохавшими и варившими кашу, полагая, что они находятся во второй линии. Князь Багратион, приехав [в] Шенграбен и распорядившись² отступлением, [в] квартире шефа полка беседовал с графом Ностицом.

— Gott im Himmel,³ — говорил красивый, воинственной наружности, с цветом лица темнее усов генерал граф Ностиц, в гусарском мундире, опираясь молодцовато одной рукой на колено, другой придерживая саблю с золотым эфесом и таким нетерпеливым тоном убеждения, которым говорят полнокровные люди, раз составивши убеждение и своими словами только стремясь поддержать его.

— Как вы хотите, князь, чтоб я дрался с французами, когда мир заключен моим государем и повелителем.

Багратион имел вид человека, постоянно устремляющего всё свое внимание на те слова, которые он говорил. Большие, до половины закрытые веками, черные глаза его без блеска, но упорно смотрели по обеим сторонам огромного носа; как изваянный, крепкий рот и выступающий, прямой и длинный подбородок казалось так же пилили [?] как и мутный, неизменяемый взгляд и тихий голос, повторяющий одни и те же слова.

— Кто вам сказал, граф, что мир заключен? — повторил [он] в четвертый раз.

¹ *Зачеркнуто:* <вам> тебе держать цепь и

² *Зач.*: рассыпкою цепи против неприятеля, беседовал с графом

³ [Всевышний бог],

— Ach, Gott.¹ Честное слово принца Мюрата!²

— Хорошо. Но как же вы бросаете свой пост, генерал, и открываете наш фронт, генерал... — продолжал Багратион, видимо с трудом соображая и выражаясь. — Кто же будет отвечать за последствия, генерал? — И голос Багратиона не возвышался, не изменял интонации и те же бесстрастные, полужакрытые глаза смотрели прямо с обеих сторон коричневого носа на разгоровшегося австрийского генерала.

— Ежели бы мир не был заключен, я бы должен был умирать на своем посту, — сказал граф Ностиц, ударяя себя широкой кистью в высокую грудь. — А теперь я буду преступник, ежели я буду сражаться с французами после заключения мира. Я говорю. Мне сам принц Мюрат сказал и в доказательство привел, что французы перешли мост в Вене без боя. Разве это могло бы быть, ежели бы не было мира? — и граф Ностиц, торжествуя, молча посмотрел на Багратиона. Багратион соображал.

— Пошлите, тут адъютант главнокомандующего, — обратился он к ординарцу, — Болконский, кажется, что ездил в Брюнн. Он вчера из Брюнна и попал на наш аванпост, — обратился он к Ностицу.

Через несколько минут вошел князь Андрей. Багратион как будто забыл, зачем он его звал и, сделав усилие, сказал:

— Да вот ты из³ Брюнна едешь. Слышал ты, заключен мир с Австрией или нет?

— Я не слышал, чтобы был заключен, но слышал, что австрийское правительство желает.

— Как же французы перешли Венский мост, — спросил граф Ностиц.

Князь Андрей не отвечая, прищурившись, посмотрел на Ностица.

— Генерал говорит, что мир заключен и что австрийцы по уговору пропустили французов через мост.

— Я слышал, что мост взят обманом и что Ауерсперг за то отдан под суд. — Князь Андрей рассказал.

Ностиц повернулся на стуле, гремя саблей.

— Und was noch! Das wäre was famoses!⁴ Этого не может быть, — сказал он.

Князь Андрей поджал губы и открыл глаза.

— Я не имею честь служить с вами и под вашим начальством и докладываю не вам. И потому не считаю за вами права обсуждать вслух мои слова, как начальнику, и как gentilhomme¹ [Ах, боже мой!]

² *На полях:* Дети плюют в песок.

Войскам, 6 егерскому полку, велено было отступить.

Встретив на дороге Н[остица], Б[агратион] говорил с ним на горе у батареи

³ *Зачеркнуто:* главной квартиры

⁴ [Еще что! Это было бы знаменито!]

я вам говорю, что вы, а не я, говорите неправду. Я говорю, как слух, и слух этот правда, а вы говорите, как факт, и это ложь (— Ну, ну, не у места, князь, — сказал Б[агратион]) и, не дав сказать слова, он обратился к Багратиону.

— Угодно чтонибудь еще приказать вашему сиятельству? — обратился он только к Багратиону. Багратион не ответил ему не от пренебрежения, но видимо от того, что всё внимание его было слишком занято тем ходом мыслей, которые он преследовал и которые касались графа Ностица.

— Что же вам сказал Мюрат, — спросил он у Ностица. — Ежели мир заключен с Австрией, что же будут делать русские войска, будут драться или нет?

— Русские войска заключат капитуляцию.

Неподвижное лицо Багратиона вдруг дрогнуло, нос поднялся, в глазах блеснул свет и рот слегка раскрылся в презрительную улыбку. Он встал.

— Генерал, я вам не приказываю отступить, а приказываю вернуться к своему посту.

— По соображениям, которые вам очевидно чужды, — отвечал Ностиц, вставая и официальным тоном, — я не могу этого сделать.

Багратион, не дожидаясь выхода Ностица, первый пошел к двери.

— Лошадь! Да ты, князь, поезжай со мной в цепь, мы все посмотрим, — обратился он к князю Андрею, — тогда поедешь, всё, живая грамота, расскажи Михаилу Иларионовичу.

Еще не успел Багратион сесть на лошадь, как ординарец пришел.

**** № 35 (рук. № 73. Т. I, ч. 2, гл. XVI).**

¹ Через пять минут Белкин вернулся в шалаш и был встречен молчаливым, радостным и полупьяным взглядом голубых глаз Тушина, который лежал и читал, попивая. С. О. заснул.

— Ну что разделил?

— Разделил.

Они помолчали.

—² Хотите вина? Эй, Митька, подай вина.

¹ *Зачеркнуто:* В шалаше сидел хозяин, артиллерийский офицер, называемой в отряде няня, и ротный командир.

² *Зач.:* Делать было нечего, насмотрелся. Белкину было не по себе. Он пошел к няне.

— Что это у вас никого нет?

— Да уж перебивали. А все на французов смотрят, а я чорт с ними совсем.

Подрались так так.

— Что скучно что то.

— Я боюсь, как бы мира не заключили. Подрались хотелось бы, — сказал Тушин.

— Скажите, Н. И., вы ученый человек, что вы читаете? Вот, что значит ученье. Я вам так часто завидую. Что у нас, ротное хозяйство, посмеемся. Куришь, куришь, и всё. Что вы читаете?

— Да уж всего одна бутылка осталась, — услышался за палаткой голос деньщика.

— Да что ты, дурак, ведь П. И-чу.

— Ну, П. И. можно. А то кого не перебивало нынче, — опять сказал голос, и под угол палатки подлезла рука, доставая что то.

— Что это вы читаете?

— Старый Европейский вестник.

— А я хотел спросить у вас: я читал то там писана статья о бессмертии души. Так страшно даже сделалось.

— Гердера, да?

Они замолчали, стали играть, запивая вином. Тушин проиграл и сердился. Во время игры приходили офицеры, рассказывая, что австрийцы ушли, никого не оставив, но это никого не заняло сообщение.

— Да, да, да. Ну расскажите мне. Вы поняли, что пишет этот Гердер? — говорил Белкин, расставляя шахматы.

— Отлично, — отвечал Тушин про себя, — отлично — и опрокинул в большой рот стакан вина. — Ну, ходите.

— Да, что же, там он говорит, что из травы зверь делается, из зверя опять зверь; ну, а из человека что же делается?

— Так, так. Нет, нынче не поддамся, — отвечал Тушин.

— Так как же, растолкуйте, — опять спрашивал Белкин, ходя шашкой.

— Да ведь он говорит, что это лестница существ, по которой всё выше и выше существа, и что коли те не пропадают, так и, человек не пропадет, а душа его перейдет в другое.

— Да во что же она перейдет? Ведь то то и нужно знать, что будет там, буду ли я в раю или в аду. Ведь то и страшно. Белкин совсем остановился играть, видимо задумавшись. Тушин тоже отодвинулся.

— Как у нас в турецкой кампании юнкера убило подле меня. «П. Н. пропал я!» и умер. Я вот забыть не могу.¹ Так ведь значит страшно. — Он замолчал и выпил.

— Нет, хорошо пишет Гердер, — говорил Тушин. — Я еще так думаю, что моя душа прежде была в черве, в лягушке, в птице, во всем была, теперь в человеке, а потом в ангеле будет, там в каком-нибудь.

— Да, да в каком ангеле? Этого то не знаешь, вот что скверно. Вы мне растолкуйте.

— Ну, вот он говорит, что организм...

— Это что такое?

— Ну всё живое, целое там, лошадь, червяк, француз, фелдвებель Марченко, всё организм один целый, сам за себя живет. Ну, организм всякой превращается в другой, высший организм — Да так, перечитываю вот прошлогодние журналы. Европейский вестник взял с собой и читаю.

— Да, я взял у вас тогда один, стал читать, так ничего не понял. А я знаете, люблю, чтобы понять. Эх, кабы были средства, всё бы учился.

¹ *Зачеркнуто*: Да меня нынче что то лихорадка, так не по себе

и никогда не исчезает, так значит и человек не исчезнет и превратится в высший организм.

— Это так, ну да этот органист (он улыбнулся умно, приятно), органист этот превращается, да отчего же в высший? Это мне растолкуйте. Вон у нас быка выбросили, так в нем вот какие черви — жоолтые завелись. Так ведь эти то, органисты то, не какие нибудь высшие ангелы, а поганые самые органисты. И из нас то вот такие же поделаются. Вот меня убьют, да, а через недельку эти жолтые то и поедят.

Тушин задумался.

— Да, это так.

Белкин выпил еще и еще. Он никогда не напивался, сколько бы ни пил.

— А, вот что, — сказал Тушин. — Это отлично. Что ж вы думаете? Вы правы, зачем высшие? Чем мы лучше собак и этих органистов? Мы только называем их погаными. А может быть нам лучше будет, светлее, умнее, когда сделается из меня миллион червей, трава сделается? И я всё буду жить и радоваться, и травой, и червем, а воздух сделается, и я воздухом буду радоваться и летать. Почему мы знаем, может лучше? Право лучше. — Глаза его блестели слезами. Белкин радовался, слушая его.

— Ведь вот что еще возьмите, — продолжал Тушин. — Отчего мы все любим всё: и траву, и козявку, и людей, другой раз даже и полк[овника] вашего? Бывало с вами, что лежишь в траве, и хочется травой сделаться, смотришь на облака или на воду, и так бы вот и сделался водой или облаком, и червяком даже хочется быть. Знаете, славный такой, тугой, вертится. Ведь это всё оттого, что мы были уже всем. Я всё думаю, что мы миллион миллионов лет уж жили и всем этим были.

— Да я вот вчера, как пришли мы, — сказал Белкин,¹ — выпил водки согреться, да и лег там у роты, на спине заснул. И вдруг мне чудится, что стою я за дверью, и из-за двери прет что-то, а я держу, и что лезет это моя смерть. И нет у меня сил держать. Наперла, я упал и вижу, что умер, и так испугался, что проснулся. Проснулся. «Вишь ты, я не умер». Так обрадовался.

— Ну да, ну да, — радостно перебил Тушин, жадно вслушивавшийся. — Вот как хватит ядром в башку, глядь и проснешься, и нет ни Марченки, ни роты, ничего, а проснешься молодыми, здоровыми червями.

— Ну, а как заснешь да и не проснешься?

Он помолчал.

— Что будет, что будет, никто не знает.²

Тушин молчал, глаза его сияли. Он не думал ни о себе, ни о Белкине.

— Вы знаете, я в ад не верю. Я и попу говорил. Это уж как ¹ *Зачеркнуто*: видимо понимаю.

² *Зач.*: Ах, скучно мне что-то и знобит что-то.

хотите, — сказал Белкин. — Никто, видно, не знает, что там будет. Никто не знает.

— Ваше благородие,¹ — сказал фелдвებель, вбегая. — Видимо — невидимо показалось, начальство понаехало.

— Вона, — сказал Белкин, заслышав выстрел, и выбежал из палатки.

Действительно, австрийские аванпосты отступили, и французы атаковали отряд Багратиона.

* № 36 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. IX).

Князь Андрей Болконский до такой степени сильно чувствовал стыд на наше положение постоянного бегства во время этого отступления, так мучался им, что наш успех при Кремсе, в котором он участвовал, привел его в неудержимый восторг и в состояние счастья, которого [он] не хотел и не мог скрывать.

В его душе странно и нелогично, не мешая одно другому, соединились два совершенно противоположные чувства — сильной гордости патриотической и сочувствия к общему делу войны и с другой стороны затаенного, но не менее сильного энтузиазма к герою того времени, к *retit sarogal*,² который на пирамидах начертал свое имя.

Князь Андрей находился во время сражения при убитом в этом деле австрийском генерале Шмите и, в знак особой милости главнокомандующего, был послан с известием об этой победе к австрийскому двору, находившемуся уже не в Вене, которой угрожали французские войска, а в Брюнне.

В ночь сражения взволнованный, счастливый, но не усталый, верхом приехав с донесением от Дохтурова в Кремс к Кутузову, князь Андрей был в ту же ночь отправлен курьером в Брюнн. Отправление курьером означало, кроме наград, важный шаг на пути к повышению.³

¹ *Зачеркнуто*: что то сумятыся

² [маленькому капралу]

³ *Зач.*: С усталыми красными глазами от бессонной ночи и с возбуждающими впечатлениями сражения, которое он видел (звуки ружейной пальбы, перебываемой орудийными выстрелами, и крики солдат звучали у него в ушах), он при фонарях сажился в почтовую бричку и, получив депеши, как и всегда аккуратно приготавливался к отъезду, увязывая тесемочки чехлов на погребце и на сабле. Он был оживлен и весел, прощаясь и принимая письма и поручения от товарищей.

— Пожалуйста, князь, эти два письма отдайте, — говорил один.

— Не забудь же настоящего Cordial две бутылочки — привези непременно, — говорил Несвитской.

— От меня кланяйтесь императору, — говорил другой.

— Хорошо, хорошо. Ну готово чтоль, Петрушка?

Всё было готово. Князь Андрей с фонарем вышел под дождем на крыльцо и, укутавшись, уселся в почтовой бричке.

— Счастливец! — закричал Несвитской, — ничего не завидую, а завидую, что вздохнешь между живыми людьми. Прощай, Христос с тобой!

<— Прощайте, до свиданья.

Бричка поскакала по грязи и камням, и в ушах князя Андрея опять затрещала пальба ружей и пушек.>

Получив депеши, письма и поручения товарищей, князь Андрей ночью при свете фонарей вышел на крыльцо и сел в бричку.

— Ну, брат, — говорил Несвитский, провожая его и обнимая, — вперед поздравляю с Марией Терезией.

— Как честный человек говорю тебе, — отвечал князь Андрей, — ежели бы мне и ничего не дали,¹ мне всё равно. Я так счастлив, так счастлив, что могу везти такое известие и что сам видел...

— Ну, Христос с тобой.

— Прощай, душа моя.

— Поцелуй же от меня хорошенько ручку баронессы З. и Cordial бутылочку хоть привези, коли место будет.

— Прощай. — Бич хлопнул и почтовая бричка поскакала по темно-грязной дороге мимо² огней войск.

Ночь была темная, звездная [?], дорога чернелась между белевшим снегом, выпавшим накануне, в день сраженья.

То перебирая впечатления прошедшего сражения, то радостно воображая впечатление, которое он произведет известием победы,³ то вспоминая проводы главнокомандующего и товарищей, князь Андрей испытывал чувство человека, долго ждавшего и наконец достигнувшего начала желаемого счастья. Как скоро он закрывал глаза, в ушах его раздавалась пальба ружей и орудий, которая сливалась с стуком колес и впечатлением победы, и ему начинало представляться, что русские бегут, что он сам убит и он поспешно просыпался, с счастьем, как будто вновь узнавал все подробности победы и своего поручения и, успокоившись, опять задремывал... Так прошла ночь, только переменялись лошади и ямщики. День был яркой. Снег таял на солнце и ему было еще веселее [?]; безразлично проходили впечатления новых мест. Сначала виднелись по дороге русские солдаты и войска, потом край стал оживленнее. Крутые горы заменялись более отлогими, моравы заменялись богемцами,⁴ на всех казались веселые лица. На одной из станций он обогнал обоз русских раненных солдат.

В длинных немецких форшпанах тряслось по каменистой дороге по шести и более человек, бледных, перевязанных и грязных. Некоторые из них говорили (он слышал русской говор), другие ели хлеб, самые тяжелые, молча, с кротким и болезненным детским участием смотрели на скачущего мимо их курьера. Вид этих раненных еще более возбудил в князе Андрее радостное и гордое чувство. «Нынче они раненные, завтра я раненный или убитый и точно так же, как последний из этих несчастных», подумал он. «Точно так же меня могла ударить в голову та пуля, которая пробила ему¹

Зачеркнуто: и со срамом прогнали из Вены

² *Зач.:* лагерей и коновязей и гошпиталей, лагерей, коновязей русских.

³ *Зач.:* он то покрикивал на ямщика, то, качаясь в бричке, засыпая и опять просыпаясь

⁴ *Зач.:* но радостное <впечатление> чувство было всё то же и всё те же звуки пальбы, которые сливались с стуком колес и с чувством победы, как скоро он закрывал глаза.

бок». ¹На одной станции он встретил двух пехотных оборванных офицеров, возвращавшихся к полкам из гошпиталя. Офицеры эти, из которых один показался ему пьяным, знаками объяснялись с торговкой, у которой они покупали хлеб и ветчину, и громко кричали русские ругательства. «Несчастные», подумал князь Андрей, «а и они нужны...» ²Вчерашняя победа стоила нам Шмита, он[?] был человек, которого хотя и можно заменить, но каких мало. А этих, сколько бы ни побили, можно найти еще и еще столько же. Дело только в том, чтобы они всегда были под руками. Несчастные. Они не понимали ни моего чувства отчаяния после Амштетена, ни теперешнего моего счастья». ³

* № 37 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XI).

Когда он проснулся на другой день ⁴поздно за полдень, он проснулся уже вполне в Брюнне с воспоминаниями только военного министра, Билибина и всего разговора вчерашнего вечера. Возобновив всё это в своем воспоминании, он стал прислушиваться к звукам в соседней комнате. Соседняя комната была столовая и звуки были звуки ножей, стаканов и оживленных голосов обедавших. Это был обед примирения шведского секретаря с нашим. Кроме голоса Билибина, еще один голос, слышный громче и чаще всех, был знаком Болконскому. Он не мог вспомнить, чей это был голос, но помнил, что с звуком этого голоса соединялось неприятное петербургское впечатление. ⁵

— Je vous dis, moi, que c'est un homme terrible, — говорил голос Билибина, — les ravages de l'armée française (j'allais dire russe) ne sont rien comparés aux ravages qu'a produits cet homme parmi le beau sexe de Vienne. ⁶

¹ *Зачеркнуто:* и также ударила меня в левую руку. (Князь Андрей во время дела получил легкую царапину в руку).

² *Зач.:* Несмотря на свое философское воспитание конца 18-го века и несмотря на свою любовь к военному делу, князь Андрей никогда не думал, что в военном деле что-нибудь значат люди, как солдаты и мелкие офицеры, никогда не думал, что от них зависит что-нибудь в военном деле и не мог себе вообразить того, что он сам бы делал, ежели бы был на их месте. Они ему представлялись либо как орудия, либо как жалкие и презренные люди, занятые только низкими, личными интересами еды, одеванья и т. п. и не имеющими понятия об общих высоких интересах.

³ *Зач.:* Ему казалось, что война есть дело мысли, гения, исполняемое малыми избранными, к числу которых он причислял и себя. Находиться при командующем войсками, передать во время, точно и ясно, под огнем его приказанья, показать пример хладнокровия массам — это дело военного человека. <Это он понимал.> Но совершив все эти дела, быть оцененным, награжденным похвалою, хоть молчаливою, и быть обеспеченным зато от всех мелких забот житейских — это он понимал. Но по неделям жить в грязи, ругаться, спорить за еду, по команде с ружьями бежать, сам не зная куда и зачем, или стрелять, сам не зная в кого, эти люди были... были совсем другие люди. Они нужны, как всё презренное, но необходимое.

⁴ *Зач.:* вечером

⁵ *Зач.:* унижительное и оскорбительное

⁶ [Я вам говорю, он человек ужасный, опустошение, произведенное французской армией (я чуть было не сказал русской), ничто в сравнении с ужасами, которые произвел этот человек среди прекрасного пола Вены]

— А вам завидно, — отвечал голос, вызывавший неприятное воспоминание в князе Андрее, также по французски, как и весь разговор, который мы переводим. — Вам завидно, — сказал голос с недостатком произношения, и послышался глупый смех. — Передайте мне ту бутылку.

— Но чем согрешил, тем и наказан, — сказал другой голос. — Пускай он думает теперь и страдает о положении его нежной Луизы в Вене в руках отчаянных солдат Бонапарте.

— Что ж, я ей предлагал ехать, — отвечал мямливший голос. — Я ей давал 300 талеров, она не хотела. Нет, господа, я вам расскажу анекдот... И он засмеялся.

— Господа, один из тех аттически соленых анекдотов князя Иполита, молчание, — сказал Билибин.

Князь Андрей узнал голос.¹ Это был князь Иполит. Он видел <что князь Иполит> был здесь шутом общества.²

— Когда я уезжал из Вены... — Иполит засмеялся, — из Вены, я сказал: поедем со мной. А она сказала... Я сказал... я оставляю вас в наследству французской гвардии — и Иполит, не в силах более удерживаться, долго, долго смеялся заливающимся смехом.³

Князь Андрей встал, позвонил, поспешно оделся и вошел в кабинет пока ему вновь накрывали обедать.⁴

* № 38 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XII—XIV, XV, XVI).

— А Ольмюц очень милый город. И мы бы с вами вместе спокойно поехали в моей коляске.

— Вы шутите, Билибин, — сказал Болконский.

— Я говорю вам искренно и дружески. Куда вы поедете теперь, когда вы можете оставаться здесь. Вас ожидает одно из двух: или что вы не доедете до армии и мир будет заключен, или поражение и срам со всей Кутузовской армией. Вы может быть хотите погнать героя? Ежели вы думаете видеть в этом геройство.

¹ *Зачеркнуто*: тотчас же по глупому смеху.

² *Зач.*: и подождал встать и прислушался

³ *Зач.*: — Нет, он прелестен, наш князь Иполит... — сказал голос Билибина сквозь смех. — Прелестен в своих шутках, но надо посмотреть его глубину в дипломатических вопросах. Курагин, расскажите пожалуйста. — И с этими словами Болконский слышал, что все встали и, весело переговариваясь, пошли в кабинет Билибина.

⁴ *Зач.*: Когда он одетый вошел в <гостиную> кабинет, где он нашел всё общество, Билибин познакомил его с своими товарищами. Это всё были «наши», как сказал Билибин. Общество видимо не очень было весело и князь Иполит всё был предметом общего внимания и смеха. Теперь Билибин навел его на серьезные разговоры, видимо приглашая всех позабавиться.

— Для вас, военного человека, это должно быть поучительно, — сказал он князю Андрею. — Посмотрите, как этот человек анализирует всё положение.

<Когда он вошел в кабинет, все молчали, исключая одного нового, очевидно только что приехавшего лица, которое что-то рассказывало. Все молчали, с любопытством и страхом слушая этот голос. Билибин сидел на диване с палочкой в руках.

— Я ничего не хочу и не думаю, — холодно сказал Болконский. — Очень благодарю вас за гостеприимство, я еду в армию.¹

В ту же ночь, откланявшись военному министру, Болконский ехал к армии, сам не зная, где он найдет ее, и опасаясь по дороге к Кремсу быть перехвачену французами. В Брюнне всё придворное население укладывалось и уже отправляло тяжести в Ольмюц. Несмотря на печальное положение общего хода дел, князь Андрей чувствовал себя на возвратном пути с предчувствием поражения еще более возбужденным, чем когда он ехал в Брюнн с известием о победе. Несмотря на то, что он утверждал Билибину, что он нисколько не видит заслуги в своем поспешном отъезде в армию, князь Андрей был одна из тех натур, которые берут свои решения не вследствие рассуждения, а вследствие инстинкта и уж потому никогда не колеблются в своих решениях. Он сказал себе, что его обязанность состоит в том, чтобы ехать к армии и погибнуть вместе с нею, и это решение, хотя и наводило его на мрачные мысли, доставляло ему внутреннее гордое наслаждение.

В ночь 1-го ноября, в ночь того дня, в который французы перешли Венский мост, к[омандующий] Кутузов чрез своего лазутчика получил в своем Кремском лагере это страшное известие, ставившее командуемую им армию в почти безвыходное положение.

Опасность положения заключалась в следующем: пока французские войска, вдвое сильнейшие, преследовали Кутузова только с тылу — по той дороге, по которой он шел на соединение с колоннами, двигавшимися из России, он мог надеяться, пропуская вперед обозы и тяжести, арьбергскими делами, как при Ламбахе, Амштетене и Кремсе, удерживать неприятеля и, не потеряв ни войска, ни артиллерии, соединиться с войсками, шедшими из России. Путь его соединения лежал из Кремса на Цнайм, Брюнн, Ольмюц и т. д. Но как скоро французы перешли Дунай в Вене, то эти перешедшие французские колонны могли прежде его достигнуть какого нибудь из пунктов этой дороги и таким образом отрезать ему отступление и окружить и атаковать его с двух сторон, что при отступлении с огромными тяжестями по дурным дорогам, при изнуренном состоянии его войск и при непропорциональности — Позвольте вас познакомить, это всё наши. Секретарь шведского [посольства] барон Ш. и вот наш приятель, который привез нам очень, очень занимательное известие — мост взят.

— Не может быть.>

¹ *Зачеркнуто:* из того безнадежного положения, в которое она поставлена переходом французов через Дунай в Вене. С той минуты, как ему пришла мысль, что переход Дуная есть его Тулон, он только думал об этом одном, и мечты, соображения, переплетаясь между собою, поглощали все его душевные силы. Он не только не мог спать, но не мог и оставаться в постели. Он встал и до утра то ходил по комнате, воображая свои будущие успехи, то останавливался у стола, на котором он разложил карту, и чертил линии и точки. Когда пришло утро и ему принесли депеши, у него уже были готовы три различные плана движений и атак войск.

его сил с неприятельскими (у Кутузова было едва 40.000, у Наполеона более 100.000) делало его погибель <почти> неизбежною. Французы, как доносил лазутчик, перейдя мост в Вене, усиленными маршами шли на Цнайм, лежавший на пути отступления Кутузова впереди его более, чем на сто верст. Как скоро стало известно, что французы направились на Цнайм, для Кутузова ясно было, что достигнуть Цнайма прежде французов — значило получить большую надежду на спасение армии, дать французам предупредить себя в Цнайме — значило наверное подвергнуть всю армию позору, подобному Ульмскому, или общей погибели.

Но предупредить французов со всею армиею в Цнайме было невозможно. Дорога французов от Вены до Цнайма была короче и лучше, чем дорога русских от Кремса до Цнайма.¹

Кутузов не мог притти раньше Мюрата и Ланна. Он пошел, однако, в ту же ночь со всеми тяжестями по дороге в Цнайм, но отделив шеститысячный авангард Багратиона с половины дороги послал его направо горами с Кремско-цнаймской дороги на Венско-цнаймскую дорогу.² Багратион должен был, пройдя без отдыха этот переход, остановиться лицом к Вене и задом к Цнайму и, ежели он предупредит французов, задерживать их, сколько он может. Багратион вышел на правую сторону А в деревню Голабрун. Едва только он пришел к утру, пройдя с голодными, разутыми солдатами, без дорог по горам, в бурную ночь сорок пять верст, растеряв 3-ю часть отсталыми, как по дороге из Вены уже показались французские войска. Кутузову надо было идти еще целые сутки с своими обозами, чтобы достигнуть Цнайма и потому, чтобы спасти армию, Багратион должен был с голодными, измученными четырьмя тысячами удерживать в продолжение суток сорок тысяч свежих и неусталых неприятельских войск. Это было очевидно невозможно.³

¹ *Зачеркнуто:* Большая буква А представляет грубый план поля движений войск неприятелей. В нижнем конце левой черты А находится Кутузов в Кремсе на Дунае, имея за собой одну часть французских войск. В нижнем конце правой черты А находится другая часть французских войск в Вене. Вершина А есть Цнайм. Кутузов движется по левой стороне от Кремса до Цнайма, Мюрат с французскими войсками по правой стороне от Вены до Цнайма. Правая сторона короче левой. Средняя линия А

² *Зач.:* то есть по той линии, которая составляет среднюю черточку А

³ *Зач.:* Князю Багратиону не понравилась позиция при городке Голабруне, он отступил назад.

<Впереди всех по дороге, по которой ждали французов, стояли австрийские Гесен Кобургские гусары, сзади>

Отряд Багратиона стоял утром по Венско-цнаймской дороге лицом к французам, частью впереди в городе Голлабруне, частью сзади, в деревне Шенграбене, частью совсем сзади в деревне Грунте, частью в поле лагерем. Некоторые работали, делая укрепления, некоторые разбивали коновязи, шли и ехали за фуражем и дровами. Местность на расстоянии шести верст в окружности, еще с вечера представлявшая вид спокойного благосостояния жителей, с заросшими садами деревнями, дорожками между полей, пасущимися стадами,

Жителей уже почти никого не оставалось: все с стадами и пожитками разбегались в незанятые деревни. Оставались старики <женщины и дети>. В деревне Грунте, где стоял 6-ой егерский полк, перед лучшим домом деревни стоял часовой и зеленый ящик. В кухне пустого дома деньщик с засученными рукавами шипал пойманную курицу, другой повар разводил огонь для изготовления обеда полковому командиру. Сам полковой командир 6-го егерского, утомленный двумя бессонными ночами, спал мертвым сном на оставленной немцами кровати. Батальонные командиры, поместившиеся тоже по домам, кто отдыхал, кто составлял списки с адъютантом. Один, заболевший дорогой, ходил по ротам искать повозки для отъезда к обозам армии. Маркитант, не оставший от полка, несмотря на тяжесть дороги, расположился на площади деревни в¹ большом доме, и у него сидело много офицеров с истомленными и раскрасневшимися лицами за глинтвейном, горячим вином с пряностями, введенным в большое употребление за границей. Другие офицеры сушились по квартирам и везде около печей и костров морщились и светлели, как лубок, сушащиеся, промокшие, стоптанные сапоги чернели и коробились² чулки и дымились мокрые насквозь шинели. Некоторые офицеры, особенно ротные, ходили по ротам³ с фелдвелями. Фелдвеля, эта особенная могучая порода людей, как будто не зная, что такое усталость, голод и холод, как будто дома, ставили людей во фронт, равняли, рассчитывали по отделениям, тыкая в грудь пальцем и приказывая поднимать руку, или распоряжались приобретением сена, мяса и т. п. предметов, нужных для рот, или докладывали командирам, поворачивались налево кругом и только по большей суровости и отрывчивости их речей заметно было, что и они измучались не меньше других. Солдаты, где рассыпанные, как муравьи, копошились в деревне, таща сено, двери, заборы, где кучками толпились около костров, раздеваясь до нага и разуваясь и просушивая мокрые рубахи и подвертки, с наслаждением в 6 часов утра 2-го ноября 1805 года имела решительный вид военного лагеря с отовсюду дымящимися кострами, коновязями лошадей, зелеными ящиками, штыками и рассыпанными по всему пространству серыми шинелями. Никто из лиц отряда, не только солдаты, но даже и генералы, не подозревали того положения, в котором они находились, и того самопожертвования, которое требовалось от них для спасения всей армии. Всем после усиленных маршей так нужно было высушиться, обогреться, поесть и заснуть, что некогда было бы думать об этом.

На полях: <Но судьба покровительствовала. Мюрат хотел обмануть и сам попался. К[утузов] принял и войска бе[жали]. Но обман открылся. Б[онапарт] писал и Мюрат велел атаковать.

В то время, как Мюрат получил это письмо <К[утузов] был в голове колонны и, вызвав к себе Багратиона, говорил с ним>, колонны войск Кутузова шли в величайшем беспорядке.

Князь Андрей, только вернувшись, искал свою повозку и нашел ее у Грунта. Главнокомандующий прощ[ался] с Багратионом.>

¹ *Зачеркнуто:* сарае

² *Зач.:* подвертки

³ *Зач.:* считая людей

у огня пожимали голыми мускулистыми плечами и жарили в костре ноги, от которых дымилось, как и от подверток. В других ротах, где кашевары были расторопнее и уже сбегали с звенящими котлами за водой и дровами, солдаты с жадными глазами сидели около дымящей каши, которой не ели уж два дня и, как стая голодных гончих, переглядываясь друг с другом, ожидали, когда понесут пробу к ротному. Ротные собаки и животные, из которых некоторые были из России, дожидались тут же. В третьей роте, стоявшей подле леса, рябой, широкогрудый фелдвებель с мрачным и сосредоточенным¹

[Далее в рукописи недостает двух листов]

² В рту его совсем на боку была закушена курящаяся коротенькая трубочка с солдатским табаком. И это было молодечество. Очевидно Тушин был твердо уверен, что в этом костюме и с «носогрелкой», как он называл свою трубку, он имел вид молодчины, закаленного, боевого солдата, тогда как в его фигуре было больше сметного, чем воинственного. Тушин и по состоянию своему (у него было тысяча с лишком душ вместе с двумя братьями), и по образованию (он был воспитан французом гувернером и был очень начитан), и по связям, которыми он пренебрегал пользоваться, находился в несравненно высшем общественном положении, чем большинство офицеров и пехотных и артиллерийских, среди которых он жил, но он незаметно для себя так скрывал это превосходство, что не только не возбуждал зависти, но находился со всеми в самых товарищеских отношениях. Когда в том офицерском обществе, в котором он жил, заходили споры об ученых предметах, за решением их всегда обращались к Тушину и его слова считались непреложной истиной. Когда кому-нибудь из офицеров не только артиллерийской роты, но и полка, хотелось поесть и выпить, а своего не было, приходили к Тушину, зная, что по его средствам у него всегда были запасы; по удобствам, которые представляют зарядные ящики и запасные лафеты в артиллерии, у него было на чем возить запасы, а главное, что по его правилам солдатского товарищества он готов был с каждым поделиться последним. Но не за одно это любили Тушина все знавшие его (его знали все офицеры полка), его любили за то, что он был хороший человек, так говорили про него все, за то, что он со всеми был одинаков, с полковниками и с юнкерами. Враги между собой были одинаковыми приятелями Тушина. Никогда, никто не видал его сердитым, недовольным, скучающим. Ему, казалось, никогда не нужно было ничего, кроме того, что у него было: трубка, водка, книга, шахматная игра и игра в молодца военного. Трубку он не выпускал изо рта и один вестовой только и знал, что накладывал и раскуривал и, обтирая под мышкой, подавал капитану. Водку он пил¹ *На полях зачеркнуто*: Едва успокоились, как показались гусары и перевели назад. И распространился слух о перемирии. Успокоились и ходили поглазеть на французов.

² *Во второй редакции на полях*: Тушин трус.

постоянно так, что выпивал до тридцати рюмок в день, но никогда не делался пьян, а только большие, голубые глаза его больше блестели и он охотнее и лучше говорил. В шахматы он играл плохо, но страстно, с большим самолюбием и только за одно это дело мог сердиться. Книги он возил с собой и читал все, какие ему попадались, с одинаковым интересом, но любимые его книги были философские и исторические. В военного он играл постоянно: и сидя в палатке на полу, и пристроясь к костру солдатскому, и в разговорах с своими солдатами, которые жалели и уважали его. Кроме этих пристрастий, Тушин одинаково принимал живое участие во всех представляющихся удовольствиях: и в песне, и в пляске, и в охоте, и в игре в свайку. Двух вещей он не любил: игры в карты и толков о производствах.

С Белкиным Тушин особенно сдружился в этот поход. Белкин был человек почти без всякого положения и образования и очень честолюбивый, прокладывавший себе дорогу в полку так честно и умно, и так всеми признанный необыкновенной храбростью и энергией, что его быстрое повышение в четыре года из юнкеров в ротные командиры никого не заставляло завидовать. Кроме того, такой был природный такт во всех приемах Белкина и такая прелесть в его свежей и веселой наружности, что и старые офицеры признавались, что Белкин должен был быть отличен от них, и невольно любили его. «Этот пойдет далеко», говорили про него. Белкин любил в Тушине образование, высший взгляд на вещи, которые он чувствовал, не понимая вполне, и равнодушие к успеху. Тушин любовался на молодую энергию своего приятеля и старался подражать его спокойной и красивой молодцоватости.

— Ну, что, батюшка, досталось нам на орехи? — проговорил Тушин, по стариковски военному побряхтывая и присаживаясь на бревно.

— А вы не устали? — спросил Белкин, как всегда улыбаясь.

— Э, не такие видал, — отвечал Тушин, хотя по бледному лицу и ввалившимся глазам видно было, как он измучен.

— Коли нынче, да завтра постоим — оправимся, отсталые пособирут, — сказал Белкин.

— А как нынче в дело? А? — спросил Тушин, — не ладно?

— Плохо будет.

— Да что я вас хотел спросить, Дмитрий Николаич, — сказал Белкин, улыбаясь, — у меня солдатики (он подмигнул) коровку подобрали где то гулящую. Ежели поход, так нам свезти не на чем. Мы освежаем и всё... вы дайте лафет, а мясо пополам...¹

[Далее в рукописи недостает двух листов.]

<— Это вот хорошо, это так, — сказал Белкин. — Это бывает. Со мной было. Точно, что может быть, как умрешь, так точно¹ Во второй редакции зачеркнуто: — Смотрите ка, — прибавил Тушин, взглядываясь вперед по дороге и приставляя руку к козырьку, хотя солнца не было, но ему казалось, что так нужно в военное время, — никак кавалерия.

проснешься. Я вам скажу. — Он задумчиво откинулся назад. — Лег я раз спать, я вам скажу. — Он шире расставил свои сильные, стройные ноги, облокотив на них руки, и задумчиво поглядел на Тушина. — Лег я спать и нашел на меня такой сон страшный: чудится мне, что лежу я где то на кровати один в горнице и одна дверь. И слышу я, что в дверь кто то идет. Идет в дверь, и страх на меня нашел, что идет это моя смерть. Что вот как она войдет, так меня и задушит. И страшно мне, надо дверь припереть, чтобы она не вошла, смерть то, и сил нет, ноги не двигаются, волоку ноги, а они нейдут; только хотел [?] я броситься, а дверь отворилась и чувствую я, что я умер. Она вошла... и кончено. Он вздрогнул и потрясся [?] от ужаса. — И так я этого испугался, что со страху проснулся. Проснулся, да и обрадовался, так обрадовался, что я не умер. Значит, я думал — умер, а я проснулся. Так то вот и это.

— Митька, нутка трубочку, да еще вина, — отвечал на эти слова Тушин, который, не переставая улыбаться глазами, следил за ходом мысли своего собеседника и удивлялся¹ на странное, непривычное волнение своего приятеля.

— Это хорошо, — сказал он.

— Это я соглашусь, — говорил Белкин, — что смерть всё равно, как пробуждение, как тут сказано, ну, а это как лестница существ, я не пойму. Ну лестница, так значит до человека дошла и конец.

— Отчего ж конец, мы только ее не видим дальше.

— А вы в это верите? — спросил Белкин.

Тушин пожал плечами. — Так иногда так подумаешь, а иногда этак. Давай же трубку.

— Нет, вот я в явленные² иконы так>

[Далее в рукописи нехватает одного листа.]

³ Но странная⁴ судьба сделала невозможное возможным. Тот самый обман, который без боя отдал Венский мост в руки французов, Узкие, далеко видящие глаза Белкина тотчас рассмотрели то, что двигалось по дороге. — Это австрийские гусары из того городка назад идут, — сказал он. — Странно, говорили, они одни на аванпостах.

— Наши казаки. — Они долго помолчали. — А что я вас хотел спросить, — сказал Белкин с тем выражением, с которым говорят люди, не желающие упустить случая об умном поговорить с умным человеком.

— Видно сменили их, — заметил Тушин. — А знаете, батюшка, как сон перегуляешь, уж не заснешь.

¹ В рукописи: удивленное

² Зачеркнуто: образа

³ Зач.: лиц только поровнялась с серединою А — (с черточкой), остальные тяжести тянулись сзади. Отряд Багратиона должен был держаться до следующей ночи, чтобы армия Кутузова успела пройти. Это было невозможно. И потому, когда узнали в главном штабе, что <Багратион атакован> Мюрат уже сошелся с Багратионом, все поняли, что армия отрезана и вероятно погибла. Так думали в главном штабе, те же, которые у Багратиона рассыпались в цепь и <начали перестрелку, не понимали> вступали на назначенные позиции, вовсе не думали так, и так же спокойно, как и всегда, исполняли приказанное, предполагая, что начальство знает, что приказывает.

⁴ Зач.: счастье

или, скорее, успех этого обмана побудил Мюрата, встретившего слабый отряд Багратиона, попытаться обмануть также и Кутузова.

Мюрат, встретив отряд Багратиона на Цнаймской дороге, предположил, что это была вся армия Кутузова и, поджидая свои непришедшие еще дивизии, послал парламентаря предложить русским войскам перемирие на три дня с тем чтобы,¹ собрав все силы и подождя Сульта, преследовавшего с тыла, задавить на верное русскую армию. Поощренный успехом Венского моста, Мюрат уверял, что идут уже переговоры о мире² и что потому перемирие, условием которого будет неподвижность впродолжение трех дней обеих армий, будет выгодно для обеих сторон. Австрийский генерал граф Ностиц, стоявший на аванпостах, поверил словам парламентаря Мюрата и отступил, открыв отряд Багратиона. Другой парламентарь поехал в русскую цепь объявить то же известие о переговорах мира и предложил перемирие на три дня русским войскам. Багратион³ отвечал, что он не может принимать или не принимать перемирия и послал к Кутузову своего адъютанта.

Кутузов, получив на походе письмо Багратиона, тотчас же принял перемирие и послал состоящего при нем генерала адъютанта барона Винцингероде в отряд Багратиона для переговоров с Мюратом о перемирии и капитуляции русских войск. Очевидно было, что Мюрат ошибался, принимая отряд Багратиона за всю русскую армию и потому, поджидая подкреплений, тотчас же не атаковал ее. Но в чем бы она ни состояла, ошибка Мюрата была выгодна.⁴ Условия капитуляции ни к чему не обязывали без согласия императора, они должны быть посланы для ратификации Бонапарту и обратно Кутузову, а перемирие было единственное средство выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багратиона и пройти обозам и тяжестям армии хотя один лишний переход до Цнайма. Предвидя, что ошибка Мюрата, полагавшего обмануть и попавшего самого в обман Кутузова, скоро откроется тем или другим образом, Кутузов, отослав Винцингероде к Мюрату, послал адъютантов назад торопить сколько возможно движение тяжестей обозов и всей армии по Кремско-цнаймской дороге, сам же поскакал к Багратиону, чтобы лично сделать распоряжение в том отчаянном деле, которое предстояло выдержать⁵ отряду Багратиона,⁶ как только откроется ошибка Мюрата. Отряд этот, во всяком случае, должен был оставаться на месте лицом к лицу неприятеля,¹ *Зачеркнуто*: войска его и наши не двигались с занимаемых ими мест.

² *Зач.*: Граф Бельяр вернулся к принцу Мюрату, потирая руки. — L'autrichien est dedans, — сказал он, — il déguerpit. [Австриец вдался в ловушку, он убегает]. — L'empereur sera content, [Император будет доволен], — сказал Мюрат.

³ *Зач.*: ничего не понял из того, что ему говорил отступивший граф Ностиц и французский парламентарь. Он

⁴ *Зач.*: <давая возможность хоть несколько>. Сколько бы ни продолжалось это перемирие

⁵ *Зач.*: горсти передовому

⁶ *Зач.*: для спасения всей армии

тогда как вся армия проходила сзади его, и, не ожидая помощи, удерживать втрое превосходившего силами неприятеля.

[*Далее со слов: Ожидания Кутузова сбылись..., кончая: par un aide-de-camp de l'empereur. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XIV*].

Но пока адъютант Бонапарта Lemarrois во всю прыть лошади скакал с этим грозным письмом к Мюрату, пока и сам Бонапарте, не доверяя своим генералам,¹ со всюю гвардиею двигался к полю сражения, голова кутузовской армии уж подходила к Цнайму.²

[*Далее со слов: Рано утром в достопамятный день 4-го ноября князь Андрей, возвращаясь из Брюнна, догнал с величайшей поспешностью и в величайшем беспорядке двигавшуюся кутузовскую армию... кончая: Офицеры, заведывавшие движением, то вперед, то назад проезжали между обозами. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XIII*].

Голоса их слабо были слышны среди общего гула и по лицам их видно было, что они отчаялись в возможности остановить этот беспорядок и³ изменить сам собой установившийся ход дела.

От одного из этих офицеров узнав, что главнокомандующий⁴ в коляске приехал из Эцельсдорфа к Голабрунну, вероятно к отряду князя Багратиона, князь Андрей, во всю прыть плохой казацкой лошади, погнав мимо обозов⁵ и скоро, по расспросам, нашел коляску главнокомандующего и свиту, стоящих у крыльца небольшого дома в деревне Грунте.

Главнокомандующий с генералом Вейротером, заменившим убитого Шмита, и с князем Багратионом были заняты, и князь Андрей должен был дожидаться. Входя на крыльцо, он увидел через окно двух писарей с завороченными обшлагами мундиров, нагнувшихся над столом и что то быстро писавших. В сенях его встретили Несвитской и другой адъютант, евские груши и о чем то смеявшиеся.

— Я сам ничего не понимаю, — отвечал Несвитской на вопросы князя Андрея, — говорят перемирие, и даже мир говорят, а войска наши катают во всю ивановскую к Цнайму и велят всё скорее. Багратион тут стоит один и не отступает. Ничего не понимаю. Ну что, купил Cordial?

— Когда же было? — отвечал князь Андрей, — я суток не пробыл.

¹ *Зачеркнуто:* и с досадой чувствуя, как по глупой ошибке Мюрата из его рук уходил Кутузов.

² *Зач.:* и Багратион, заняв позицию перед Шенграбенем, в боевом порядке стоял лицом к лицу с втрое сильнейшим неприятелем, и четырехтысячный отряд Багратиона, обреченный на верную жертву, успел отдохнуть от усиленных переходов и выстроиться в боевую позицию против втрое сильнейшего неприятеля.

³ *Зач.:* дать какое-нибудь направление

⁴ *Зач.:* находится в <Эцельсдорфе, > пяти верстах вправо

⁵ *Зач.:* своротил в сторону и скоро въехал в деревню, занимаемую теперь Главной квартирой.

— Да, какову штуку в Вене то удрали... И баронессу З. не видал? Хочешь грушу? — отличные. Ну, что же ты получил за известье?

— Право не знаю. Кого из наших к Багратиону посылают? — спросил князь Андрей, всё еще желая проситься у Кутузова в дело, но с тех пор, как он присоединился к своим, при виде этих пишущих писарей, едящих груши адъютантов и, особенно, при виде добродушного, как и всегда, веселого лица Несвитского, начиная чувствовать ненужность своего настроения.

— Ты знаешь ли, я как устроил теперь, — говорил Несвитской, — мне в Кремсе сделали вьюки и я повозку бросил, и у меня всё со мной: и бутылочка, и пирожки, и кровать, и всё. Я тебе советую так же сделать... Да что ты, как будто нездоров или устал. Что с тобой?

— Нет, ничего.

В это время дверь отворилась, вышел Кутузов и за ним Багратион. Вейротер виден был сзади. Он на столе собирал бумаги.

Князь Андрей подошел к главнокомандующему, подавая ему конверт. Кутузов оглянулся, но по глазам его видно было, что какая то мысль так сильно застлала его зрение, что [он] не узнавал несколько времени того, кто с ним говорил.

— А, хорошо, — сказал он после нескольких секунд молчания, — после, — и он¹ вышел на крыльцо. Князь Андрей сошел вниз с другими адъютантами и перед самым отъездом намеревался обратиться к Кутузову с своею просьбой. На Кутузове была толстая ватная с складками от самого воротника шинель с истертым бобровым воротником и измятая фуражка, надетая на затылке. Затылок его составлял крутой уступ с горбом сутуловатости, выступавшей еще заметнее под толстой шинелью. Узкие глаза его имели всё то же выражение, которое видел в них нынче утром Болконский, выражение слепоты, происходящей от сосредоточенности мысли. Он остановился на крыльце, согнулся еще больше, облакачиваясь на палку и, не переставая, говорил что то Багратиону. Голоса его было не слышно от ветра, трепавшего воротник его шинели, поднимавшего и прямо державшего его седые, редкие волосы на одном виске его. Но видно было, как тонкие губы² поспешно шевелились и как старческие руки, на одной из которых было большое золотое кольцо, иногда выходя из под шинели, делали не размашистые, но короткие и энергические жесты. Багратион был немного пониже Кутузова, худ, совершенно прям, но держался, видимо из почтительности, в наклоненном положении. На нем был длинный, теплый генеральский сюртук, сверху бурка и на голове папаха с черным бараном. Волоса его были так же черны, как шапка, и всё лицо почти такого же цвета, как бобер на воротнике Кутузова. Все его лицо с известным длинным, сухим,¹ *Зачеркнуто:* рассеянно надев шинель, опять обратился к Багратиону.

² *Зач.*: быстро и забывчиво

горбатым носом, полузакрытыми карими глазами без блеска и¹ длинным подбородком с засевшей на нем, не бритой с утра сплошной, жесткой бородой, всё это лицо было одно из тех лиц, которые признаются за непроницаемые. Было ли оно непроницаемо от того, что он мог скрывать то, что думал и чувствовал, или от того, что он мало что думал и чувствовал, но в противоположность лица Кутузова, у которого каждую секунду, несмотря на пухлость очертаний, то в сборке морщины, то в содрогании рта, то в перемене взгляда выражалась игра сложного душевного механизма, у Багратиона обтянутое желтой кожей лицо было, как толстая маска, за которой либо ничего не было, либо ничего нельзя было видеть. Но это непроницаемое, спокойное лицо² было красиво. Кутузов нетерпеливо взглядывал на него с видимым нетерпением и недоверием в способностях соображения своего собеседника. Багратион видимо старался выказать в лице своем уважение к главнокомандующему и сознание важности минуты, но несмотря на всё желание, лицо его оставалось все так же неизменно спокойно. Он имел вид человека, устремляющего всё свое внимание для того, чтобы понять их, только на последние слова, которые были сказаны ему, и еще более сосредоточивая³ свое внимание на те слова, которые он сам говорил. Он несколько раз повторял видимо одни и те же слова тихим, спокойным голосом. Его большие, карие глаза без блеска, но упорно с обеих сторон сухого носа устремленные на Кутузова, видимо сердили главнокомандующего. Как будто вследствие повторения этих слов, Кутузов вдруг понял, что его не понимают так, как он хотел, он отвернулся, запахнул шинель и стал спускаться с крыльца. Князь Андрей подошел к нему.⁴

— Позвольте мне просить ваше высокопревосходительство оставить меня при отряде князя Багратиона.⁵ Я бы желал быть здесь полезным...

Кутузов оглянулся.⁶

— Да из Вены, из Брюнна, бишь, — сказал он, — давай сюда.

Болконский повторил свою просьбу.

— Нет, ты мне⁷ расскаж[ешь], — сказал Кутузов <и он> опять обратился к Багратиону.

— Ну, князь, прощай. Христос с тобой, — он притянул его к себе левой рукой и правой, на которой было кольцо, перекрестил его и подставил ему пухлую щеку, вместо которой Багратион поцеловал его в шею. — Прощай.

¹ *Зач.*: крепким, выдающимся

² *Зачеркнуто*: возбуждало невольное уважение

³ *Зач.*: Князь Андрей, желая не потерять минуты, подошел ближе и слышал, как Багратион сказал

⁴ *Зач.*: и отдал депеши. — А, <из Вены>, из Брюнна <Он просмотрев сказал> и хотел обратиться к Багратиону

⁵ *Зач.*: сказал он, чувствуя, как замирало его сердце

⁶ *Зач.*: и поморщился и прошло несколько секунд, пока он узнал того, кто с ним говорил

⁷ *Зач.*: нужен

Багратион, видимо, сделал большое усилие мысли и повторил опять те же слова, которые раздражали Кутузова.

— Так прикажите, — сказал он, — держать *пазицию* до вступления ночи. — Багратион хотел положительного приказания. Кутузов объяснял все могущие быть случайности и вообще не любил определительности, всегда отдавая таким образом приказания, что они давали некоторый простор толкования исполнителям.

— Держаться, сколько можно. Христос с тобой, князь, — повторил Кутузов. — Садись со мной, — сказал он Болконскому и коляска тронулась.¹

— Ежели из отряда его придет завтра одна десятая часть, я буду благодарить бога, — сказал Кутузов, взглянув на Андрея.²

Князь Андрей с упреком поглядел на Кутузова, который так спокойно говорил про это; но Кутузов, сказав это, отвернулся, и князю Андрею невольно бросился в глаза шрам на виске, где измаильская пуля пронизала голову этого старика. Князь Андрей понял, что он имел право спокойно говорить про это и ему только жалко было, что он не остался у Багратиона. «Видно, мой Тулон еще в будущем», подумал он.

— От этого я и просился у вашего сиятельства, — сказал он.

Кутузов уже забыл про то, что он сказал, и сидел задумавшись.³

Только что отъехал Кутузов, как раздались у Шенграбена те выстрелы, которые заставили разбежаться Тушина и Белкина от их партии шахмат. Озабоченное и утружденное вниманием лицо Багратиона во время разговора его с Кутузовым просветлело, глаза больше открылись и заблестели, стан выпрямился и он отдохновенно вздохнул, когда он сел на свою кабардинскую белую лошадь <и не торопясь, кавказским спокойным шагом> поехал с своей свитой к тому месту, <с которого за полверсты впереди слышались выстрелы> на котором он с пятитысячным отрядом должен был держаться против двадцати тысяч французов.

В отряде ничего не знали. Знали, что были измучены. С утра пришли.⁴

Услышав выстрелы, князь Багратион выехал из Грунта.⁵ Когда он переехал глубокий овраг, находившийся сзади нашей позиции перед Шенграбеном — овраг, который страшен был при отступлении — и выехал на возвышение перед Шенграбеном, уже с двух сторон слышна была всё усиливающаяся канонада и с правой стороны уже перекачивалась трескотня ружей. День был⁶¹ *Зачеркнуто*: и раскачиваясь на мягких рессорах, быстро понеслась по дороге.

² *Зач.*: Смешанное чувство упрека, ужаса, сожаленья и радости, что его нет там, охватило князя Андрея при этих словах.

³ *Зач.*: — Отец твой мне спасибо бы не сказал. Погоди, не уйдет.

⁴ *Далее в рукописи заметка*: Следует 65 (2) Тушин нигилист того времени

⁵ *На полях*: прямо следует Тушин.

⁶ *Зач.*: морозный

пасмурный и скучный, спускавшееся солнце было скрыто тучами и резкий ветер в оголенных деревьях лесов и садов прохватывал холодом людей, стоявших на горе, и справа налево относился пороховой дым орудийных и ружейных выстрелов и застилал почти всю лощину, отделявшую русск[ие] войск[а] от французов. Прямо напротив нашей середины виднелась та самая деревня Шенграбен, в которой еще вчера утром спали полковой и батальонный командиры 6-го егерского, в которой на выгоне варили кашу. Теперь эта деревня была наполнена и окружена густыми массами французских войск, иногда, когда ветер относил дым с французской батареи, выставленной левее деревни и бившей нас, ясно видневшимися и различавшимися своими мундирами и отдельными движениями.¹ Между тем мирным селением Шенграбеном, в котором отдыхали, смеялись, ели кашу и пили водку солдаты еще вчера только, и между тем случайным, всегда бывшим и навсегда будущим чуждым, ничем не означенным местом, на котором стояли в линии теперь наши войска, лежала страшная черта смерти. И смерть уже брала свои жертвы на этой столь недавно, но столь строго и безучастно к людским желаниям и страданиям установившейся черте. На правом фланге сквозь дым было видно особенное движение и в цепи всё чаще, с непрерывным звуком трескотни, сливалась трескотня ружей в цепи, широкой полосой дыма обозначая это пространство. И большие массы французов двигались горой против этой стороны. В середине наша батарея, та, в которой служил Тушин, была, не переставая, по войскам, толпившимся при выходе из Шенграбена, и войска эти остановились и в них видно было особенное движение. Багратион не поскакал, как ждали того его адъютанты, а выехав на возвышение рысью, остановил свою кавказскую, белую, сухоголовую лошадь и поехал на батарею Тушина тем красивым, покойным аллюром скорого шага (называемого проездом), которым ходят только черкесские лошади. Сразу ли, оглядев с высоты поле сражения, он понял в чем было дело, т. е. что французы обходят наши войска справа и стараются одновременно атаковать в середине, где им мешает наша батарея — сразу, или он понял или вовсе не понял, что делалось перед ним, но по лицу, по этой красивой² ленивой, но выражающей запас большой силы посадке видно было, что в душе его не было никакого сомнения и колебания, что он твердо решил, что ему надо было делать, и что сущность этого решения состояла в том, что ему надо быть там, где больше опасности, что, вероятно, ему придется умереть через полчаса, но что, покуда он еще не умер, он будет делать, как будто он и не знает о том, что предстоит ему. Это выражение заметили и поняли все господа его свиты, и лица их несколько изменились в очертаниях губ и подбородка, особенно в то время, когда над ним пролетело ¹ *Зачеркнуто*: По этим выходившим из деревни войскам стреляла наша батарея Тушина. Черта смерти лежала теперь

² *Зач.*: небрежной

с свистом, как ласточка, над головой одно ядро и потом другое всё быстрее, быстрее подлетало к земле и с такой нечеловеческой силой, взрывая брызги грязи, шлепнуло в мягкое жневьё, так что земля издала звук, как будто ахнула из всей глубины под его неожиданным ударом, и опять навсегда замолчала. За Багратионом ехали его адъютант,¹ молодой красивый брюнет, потом свитский офицер с усталым и слабым видом заученного школьника и серым цветом без выражения широкого лица, не старый, близорукий человек,² потом аудитор, штатский чиновник,³ в камлотовой шинели, обвернутой по фореиторски вокруг ног, на толстоногой лошади и фурштатском седле с короткими стременами, которые, видимо, терли ему непривычные ноги. Лицо у этого чиновника было белокурое, веселое и совершенно не военное, с зачесанными к самым глазам височками, подстриженными в прямую линию. Он из любопытства, как будто и не подозревая, что могло быть чтонибудь опасное в сражении, попросился ехать за князем и на лице его было соединение выражения хитрости, наивности и насмешки тихой, когда он оглядывал вокруг себя новые для него предметы и делал вопросы. Как, будто он нарочно хотел себя показать глупее, чем он есть, и тем доставить удовольствие тем, с кем он ехал, и вместе с тем в душе посмеяться над ними. Четвертое офицерское лицо был корнет Жеребцов с сумашедшими глазами, которого лицо и особенно стеклянные глаза под ядрами так же мало изменялись, как и во время его шутовских выходов, от которых другие смеялись до колик, а он оставался равнодушно торжественен.

Аудитор составлял главный предмет внимания Жеребцова даже и в то время, как они въехали под ядра.

— Носки к телу... редопь, — командовал Жеребцов чиновнику, которого упряжная лошадь не шла шагом и трясла его, не переставая, тяжелой рысью. — Я говорил молока не ешьте, собьется масло. Что тогда?

— Полноте вам,⁴ — спокойно улыбаясь, отвечал аудитор. В это время пролетело и шлепнулось первое ядро.

— Это что ж, Петр Финогеич, — спросил, наивно улыбаясь, аудитор. — Что это упало?

— Лепешки французские, — отвечал весело Жеребцов, но лицо его несколько переменяло выражение и цвет.

— Этим то убивают, значит? — спросил аудитор, наивно приятно покачивая головой. — Страсть какая! — прибавил он с еще более приятно спокойной улыбкой. Но не успел он сказать этого — шшшшлеп и казак рухнулся с лошадьё. Все побледнели и торопливо поехали дальше. Багратион на звуки близких орудийных¹

Зачеркнуто: невысокий

² *Зач.:* с приемами ученого, который хочет показать, что он может быть свободен и на коне в сражении

³ *Зач.:* и ординарец Жеребцов

⁴ *Зач.:* счастливо

выстрелов поехал направо к батарее Тушина и по кукурузному жневью, по которому, приминяя солому, орудия проложили свои широкие следы, он подъехал к ящикам. Ядра летали чаще.

— Чья рота? — спросил он у феерверкера. И за этим вопросом слышался другой вопрос: «Уж не робеете ли вы тут», как будто спрашивал он вместе с тем. «Если робеете, так смотрите на меня!» И он выпрямился несколько и нахмурился.

Феерверкер понял этот невыговоренный вопрос:

— Штабс капитана Тушина, ваше превосходительство, — закричал он весело, вытягиваясь. (2-й номер) артиллерист, прибежавший с сумкой к ящикам за зарядом, тоже понял Багратиона, хотя к нему и не обращались. Он, выкладывая заряд, прокричал, смеясь перед генералом:

— Живо! Горячих!

В том же тоне Жеребцов в ту же минуту спросил у аудитора так громко, что Багратион мог слышать.

— Что поспело масло, батюшка? — И в том же тоне аудитор почтительно, по чиновнически, засмеялся в руку.

Багратион оглянулся и одобрительно слегка наклонил голову. Как будто он говорил: «так, ребята, хорошо» и, с приемом хорошего и старого ездока, чуть шевельнул ногой и поводом лошадь, которая настороживала уши и бойчее обыкновенного шла под седоком, миновав четыре передка, выстроенные в линию, и подъехал к орудиям. Над скатом стояли четыре, снятые с передков, орудия. В то время, как подъезжал Багратион, из крайнего зазвенел, оглушая всех, выстрел и в дыму, который ветер понес влево, видны были артиллеристы, в то же мгновение подхватившие и, торопливо напрягаясь, накатывавшие его опять на прежнее место.¹

Небольшой, сутуловатый, слабый человек Тушин с фуражкой на затылке, не замечая Багратиона, ложился на другое орудие и что то ворчал.

— Еще, еще! Эка чорт, перепустил. — Он отскочили, спотыкнувшись на хобот, чуть не упал, но видимо ему некогда было замечать даже свое паденье. Спотыкаясь еще, он закричал: — Второе... Опять зазвенело, оглушило и задышало орудие и Тушин невольно вздрогнул, как женщина, от этого выстрела. Но тотчас же оправился, побежал к третьему орудю и прокричал голосом, которому он старался придать молодцоватость, так не шедшую к его наружности.

— Круши, Медведев! — прокричал он феерверкеру.

Первый номер, красавец, широкоплечий солдат, отскочил и, твердо расставив ноги, стал с банником у колеса. В третье орудие 2-й № клал заряд в дуло и не попадал сразу трясущимися руками.

¹ Зачеркнуто: Багратион объехал левый фланг, получил общее понятие и поднялся [?] на батарею, это был Тушин.

— Важно, замялись! — кричал Тушин, вглядываясь в действие своих выстрелов. — Ну-ка, трубочку за это, — обратился он к солдату и в это время увидал Багратиона.

Видно было, что Тушин в эту минуту так был весь поглощен в это свое маленькое хозяйство четырех работающих орудий, так всё внимание его было поглощено заботами об угле возвышения, о снаряде, о расчете снарядов, о уборке раненных, замене убитых лошадей и т. [д.], что он не сразу понял, кто этот Багратион¹ и зачем он его спрашивает и приказывает ему, как и куда отступить. Эти четыре орудия на пространстве ста шагов составляли для него отдельный мирок, в котором он обжился уже, он помнил, как давно знакомое, все признаки этого клочка поля, ему казалось, что он привык к этому месту (так долго кажется время на войне), что он не понимал, зачем ему уходить, и жалко было оставлять этот уютный мирок, в котором ему никто не мешал, он с полчаса так усердно и успешно работал.² Выслушав слова Багратиона, он поспешно отвернулся и пошел опять к своим орудиям.³ Крайнее левое орудие — единорог — по его распоряжению стреляло гранатами по строениям деревни. Около него преимущественно хлопотал Тушин — ему хотелось зажечь деревню.

— Потрафила! ваше благородие, потрафила, — закричал феерверкер этого орудия радостным, непочтительным голосом, только что Багратион отъехал от батареи. — Сюда вот глядите, — говорил феерверкер, вытягивая руку из за плеча Тушина. — Дым то, дым то...

— Вишь засумятились. Ловко! Важно, — заговорили другие солдаты.

Тушин велел стрелять всем орудиям по тому же направлению, и веселое одушевление сообщилось всей прислуге, так что они, как бы подгоняя, подкрикивали к каждому выстрелу. Деревня действительно была зажжена и пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за ¹ *Зачеркнуто во второй редакции*: Он однако неловким жестом приложил руку к козырьку, постоял перед генералом, но ничего не слышал из того, что ему сказал Багратион. Он оглядывался на свое орудие и боялся, что без него не так сделают.

— Так, так, капитан, — сказал Багратион, — так и стреляйте по деревне. А когда отступить, я пришлю сказать. — Багратиону говорить было нечего. Он видел, что рота к[апитана] Ананьева работает весело. Он поехал направо.

² *Зач. во второй редакции*: Князь Андрей, бывши сам артиллеристом, подошел к Т[ушину].

— Я займусь этими двумя орудиями, — сказал он, — а вы — этим. И [1 *неразобр.*]

³ *Зач.*: Не успел Багратион отъехать 20 шагов, как на батарее сзади его послышались радостные крики артиллеристов.

— Вот так важно!.. Вишь убирается. Теперь задерет. Дым то, дым то. — Тушину удалось выстрелами зажечь деревню Шенграбен и колонны, <стоявшие в ней> шедшие через нее, остановились и спутались. Теперь он отвечал только на выстрелы десяти французских орудий, выстроенных против него и бивших его людей и лошадей.

деревню, ушли назад, но как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни на том голом бугре у мельницы, где вчера утром стояла палатка Тушина, десять орудий и начал бить из них по Тушину. Маленький человек с слабыми и неловкими движениями потребовал себе еще трубочку и фляжку, из которой опрокинув в свой большой рот около стакана водки, он решил сам с собой, что не уйдет отсюда, пока¹ не расстреляет всех зарядов. Он начал стрелять по одному выстрелу на три против французской батареи. В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими каждый раз вздрагивать его слабые нервы, он, не выпуская своей носогрейки, ковылял от одного к другому орудью, к ящикам, то прицеливаясь, то считая заряды, то распорядясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, покрикивая своим слабым, тонким, нерешительным голоском. Лицо его было такое же доброе, как всегда. Только когда ранили или убивали людей, он хмурился, хрипел, как будто от боли и, отворачиваясь от убитого, сердито кричал на людей, как всегда заминавшихся, чтоб поднять раненного или тело. Солдаты, большей частью красивые молодцы (как и всегда в батарейной роте), на две головы выше своего офицера и вдвое шире его, все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах. Другой офицер, тихий молодой человек, видимо робел, не знал что делать и рад был, когда ему приказывали. В продолжение часа времени из сорока человек артиллеристов было убито и ранено семнадцать, так что Тушин принужден был просить людей из 6-го егерского полка, стоявшего тут же сзади и по обеим сторонам орудий.

Не вследствие выпитого стакана водки (это была обыкновенная порция Тушина, никогда не действовавшая на него), но вследствие особенностей его нервной натуры в соединении с непоколебимой силой воли и власти над собой — вследствие этого страшного гула, шума, потребности внимания и деятельности, Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха.² И мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Он испытывал напротив самое приятное чувство в жизни, то чувство, которое [дает] некоторым людям любовь, некоторым — честолюбие, слава, он испытывал чувство удесятеренной способности получать впечатления, воображать, думать и вообще силы жить. Он жил в одну минуту больше, чем в час в спокойную пору жизни. От этого то ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он только что увидал неприятеля и сделал первый выстрел.³ В том, что он делал и видел делающимся¹ *Зачеркнуто*: ему не прикажут еще раз

² *Зач. во второй редакции*: Приехал адъютант сказать Ананьеву, чтобы он отступал, коли не может держаться против батарей.

Ананьев не понял, что ему говорили. «Зачем отступать», думал он.

³ *На полях во второй редакции*: Князь <Андрей на батарее.

Тушин на батарее, подробности знания прислуги и пушек вместо фантазии.>

перед собой, он видел совсем не то, что было, а то, что представлялось ему.¹ Ему представлялось всё, как представляется детям, играющим в какую-нибудь игру. Для того, чтобы делать свое дело и не упускать ничего из вида, ему достаточно было одного инстинктивного внимания и он всё помнил, всё соображал, всё делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, но, кроме этого внимания, из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятеля, из-за вида вспотевшей, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымков неприятеля на той стороне, после которого после каждого неизменно прилетало ядро и било в землю, человека, орудие или лошадь, из-за вида этих предметов у него в голове устанавливался свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту. Как в детской игре стулья только потому интересны, что они представляют лошадей и экипаж, так для него всё действительное имело еще другое веселое, интересное, воображаемое значение. Неприятельские пушки на горе в его воображении были не пушки, а трубки, из которых редкими клубами выпускал дым невидимый курильщик.

— Вишь, пыхнул опять, — проговаривал он про себя шопотом, в то время как с горы выскакивал клуб дыма и влево полосой относился ветром, — теперь мячик жди... Отсылать назад...

— Что прикажете, ваше благородие? — спросил феерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то.

— Ничего, гранату... — отвечал он.

— Ну-ка, наша Матвевна, — говорил он про себя. Матвевной² представлялась в его воображении большая крайняя пушка. Муравьями представлялись ему французы около своих орудий.³ Старый солдат, красавец и пьяница первый № 1-го орудия, в его мире был дядя и он чаще других смотрел на него и радовался на каждое его движение.⁴ Раненные и убитые в его воображении ¹ *Зачеркнуто во второй редакции*: В это время князь Андрей подъехал к батарее и беззаботно-оживленный вид этих людей, его всегдашняя любовь к артиллерийской службе и милое для него лицо Тушина — побудили его слезть с лошади и предложить свои услуги.

— Нашего полку прибыло, — прокричал Тушин.

— Ну-ка, г-н адъютант, вы Матвевной займитесь, — сказал он, указывая на большую старого литья пушку, и сам побежал к ящикам счесть заряды.

Лицо Тушина было, выражало неудержимую, беспричинную радость и он в самом деле чувствовал себя совершенно счастливым.

² *Зач. во второй редакции*: старой, здоровой кухаркой,

³ *Зач. во второй редакции*: — Ах, дядя, — бормотал он про себя непонятные слова. Но в это время слева слышавшаяся трескотня ружей усилилась, и князь Андрей увидел, что фр[анцузские] [1 *неразобр.*] уже спустились в лощину. Он поскакал назад и передал приказание отступить. Тушин подмигнул <не отвечая как> князю Андрею. — Ну-ка, Матвевна, — проговорил он. Князь Андрей счел своим долгом постоять на батарее, на которой было так жарко, как говорят военные, но из-за

⁴ *Зач. во второй редакции*: Багратион остановился на батарее. С нее виднее было всё, что делалось. Направо в лощине всё скрывалось в дыму. За дымом двигались французы вьющимися полосами, сзади по нашу сторону

тотчас же возбуждали мысль о говядине. Сам он представлялся себе огромным ростом, могущественным мужчиной, которой обеими руками швыряет двенадцати фунтовые ядра. Раненная, с перебитой ногой, лошадь,¹ отпряженная, печально стоявшая у передка с истекающей кровью на жневье и ржавшая изредка, особенно занимала его. Он оглядывался на нее. «Женская душа, женская», думал он и,² тут опять гудела и звенела Матвевна, и отбегал с пальником дядя. Всё это и многое другое было как во сне, но яснее, и всё было прекрасно. Вдруг сзади себя он услышал ровный шаг пехоты, отбиваемый в ногу, как будто мысленно каждый из этих сотен солдат приговаривал мысленно через шаг: «левой... левой! левой!» Он оглянулся; впереди двух батальонов 6-го егерского полка шла рота Белкина тем просторным и мерным шагом деятельности и сдержанной поспешности и силы, которым ходят пехотные полки вольно, с ружьями на плечах. Лица у солдат, отягченных ранцами и ружьями, были серьезные и бледные в тоне звуков выстрелов, но равномерное, тяжелое движение широкого шага этой массы людей казалось неудержимо... левой... левой... левой... слышалось из за угрожающего молчания, с которым они двигались. Унтер офицер, отстававший для чего то, подбежал к месту и подпрыгнул, чтоб попасть в ногу. Тучный субалтерн офицер, разразивая шаг, пыхтя обходил куст на пути. Белкин шел впереди на левом фланге легко на своих длинных красивых, мускулистых ногах, точно он дыма шевелились наши. Ружья трещали в дыму. Все смотрели в ту сторону и чувствовалось, что там происходит что-то страшное.

— Ваше сиятельство, — сказал князь Андрей, приехавший оттуда, — французы обходят правый фланг. Генерал приказал просить подкрепления. Расстраиваются.

Багратион посмотрел на князя Андрея и не мог не заметить ясности и спокойствия взгляда молодого человека.

— Да, да, хорошо, — сказал он и поехал шагом под гору к левому флангу.

<Багратион поехал туда. Толпа раненных встречает его. Полковой командир обиженно говорил на «о» и жаловался. Он сказал, что отбита атака, но определить, что такое — было трудно. Полка не было, отступать нельзя было. Надо было поддержать возвышение. Стреляли в кого-то из дыма, но не видно было.

— Да соберите же, милостивый государь, — сердито сказал Багратион. Адьютанты, офицеры поскакали, но там не было.

— Приведите 6-й егерский. — Князь Андрей поскакал и произошла атака. Князь Андрей на бат[арее] сила.

Помощь действительно нужна была Тушину. Он один оставался офицером и из сорока людей убито было семнадцать. Два орудия было совсем подбито и лошадей уже не было достаточно, чтобы отвезти орудия.>

¹ *Зачеркнуто во второй редакции:* представлялась ему душою, просящейся в новое существование. Вновь прибывший помочь ему адъютант представлялся братом.

— Нутка, братец, нука, — шептал он, глядя на него.

² *Зач. во второй редакции:* глядя на эту лошадь. Трескотня, всё усиливающаяся и перемежающаяся направо — это было дыхание сражения и вместе с тем свет. Трещало сильно — это светило, замирало — это темнело.

Направо тяжело дышать стало сражение и засветлело.

плыл без малейшего усилия, отличаясь этой легкостью от тяжелого шага солдат. Он нес шпагу (маленькую, узенькую, слабую, гнутую шпажку), вынутаю из ножен и, оглядываясь, гибко поворачивался назад всем своим стройным станом, не теряя шагу в ногу, который он выделявал, вытягивая носок с свободной, военной щеголеватостью. Видно было, что по его ноге держалась вся рота... левой... левой... левой... Узкие глаза его из под писанных бровей глядели, весело смеясь, лицо горело, одно из всех, горело свежим молодым румянцем.

— Рошков! — крикнул он унтер офицеру звучно металлически, — смотреть, кто отстал? — С пригорка, с которого только что спустилась рота, догоняя, путаясь своими тонкими, худыми ногами и под острым углом нагибаясь вперед под тяжестью тяжелого ружья и давившего ранца, бежал с птичьим лицом задохнувшийся Митин. Он не бежал, а падал и ноги, под гору всё быстрее, всё быстрее переставляясь, едва успевали удержать его от паденья.

Белкин увидал Тушина.

— Брат прибыл, — прокричал он ему, указывая на юнкера сзади. Брат Белкина был точно такой стройной, веселолицой молодец, как и ротный командир, только немного почернее волосом и помоложе. Одна счастливая, молодецкая порода была видна в них.

— Куда? — спросил Тушин. Ему казалось в его фантазии, что и он, и со всеми орудиями движется вместе с этой пехотой под такт... левой... левой... левой...

— В атаку, — сказал Белкин без усилия, голосом таким слышным, что вся рота еще резче стала отбивать шаг.

Тушин подумал, что ему бы, с его большим ростом и силой, надо бы итти в атаку, ежели бы можно было с кем оставить орудия.

— Мой то, — проговорил он про себя, глядя на Белкина, который ему казался теперь сделанным из одного куска со всей ротой. Он любил Белкина. — Молодчина. — Белкин прошел несколько шагов и вдруг оглянулся.

— Капитан, — крикнул, улыбаясь своими белыми зубами.

— Что?

— Вот бы Гердэра теперь с нами послать, — крикнул [Белкин] — коли он знает, что там будет... — Он помолчал... — Ни-икто не знает, — и он вышел из звука голоса; только по последним рядам двух батальонов, которые долго проходили мимо орудий, Тушин всё еще слышал такт — левой, левой, левой, по которому впереди их шел Белкин. Дело на батарее становилось всё хуже и хуже, одно орудие было совсем подбито, людей было мало. На правом фланге, куда прошел Белкин, трещала, перебиваемая густыми выстрелами пушек [?], ружейная пальба и полоса дыма делалась шире и шире и отступала назад.¹

¹ На полях: атака Белкина

¹От батареи Тушина Багратион шагом (как он ездил во всё продолжение этого памятного дня) с своею свитою, под сильным огнем артиллерии, подъехал к нашему правому флангу, состоявшему из одного пехотного и одного драгунского полка. Русской правый фланг был первый атакован двумя французскими дивизиями под начальством Сульта. Когда Багратион подъехал к лесу, у которого стоял Киевский гренадерский полк, только что выдержавший атаку французских конных гренадер, он увидел, что, кроме французских полков, двигавшихся с фронта, две колонны обходили его слева. Полк был в расстройстве, солдаты толпами носили раненных в лес, сухощавый, седой старичок, полковой командир, кричал что то солдатам² и офицерам, указывая на раненных. Всё пространство, на котором стоял полк, обсыпалось выстрелами и беспрестанно неприятно поражал вид разбросанных раненных, которые, как яркие пятна, несмотря на одинаковую одежду, бросались в глаза. Еще правее за лесом виднелись драгуны. Переезжая дорогу, большая толпа солдат с ранеными перерезала дорогу Багратиону. Кроме раненных, было много солдат, торопливо махавших ру[ками], шедших н[азад].

— Куда? — закричал Багратион спокойным, но громким голосом. — Оставить раненных! К местам!

Солдаты с удивлением оглянулись на генерала на белой лошади и продолжали итти. Была страшная минута сомнения и нерешительности, та минута, которая решает участь сражений. Одно ядро и другое пролетело над головами Багратиона и солдат. Солдаты еще раз оглянулись на генерала.

— После подберете, вперед, ребята, — сказал Багратион. — Вернись к местам, — тихим голосом повторил Багратион. Солдаты остановились, оставили раненных и побежали назад к ротам. Несколько раненных пощли тоже. Только три человека, облитые кровью, остались на дороге.³

Багратион подъехал к полковому командиру.

Сухощавый, седей полковой командир казался сморщенным и похудевшим. У него пропал голос от крика. И странно было видеть человека, уж по годам своим столь близкого к смерти, морщинистого, седого, человека, очевидно привыкшего к тишине и радостям семейной жизни, столь пренебрежительно относящегося к смерти. Его без перчатки, бессильная, чисто вымытая, сухая старческая рука держала шпагу. Он не только не обращал никакого внимания на свисты пуль и ядер, но когда пуля слишком близко ¹ *Зачеркнуто*: С батареи Тушина Багратион проехал на правый фланг, где он заметил большие наступавшие колонны неприятеля. Наша цепь была смята, артиллерия била по колоннам и полки не успевали отступать, подбирая убитых и раненных. Багратион велел двинуться 6-му егерскому полку и итти в атаку. Гренадеры смешались и отступили. Наши успели рассыпать цепь и стали отступать. В этой атаке первой, шедший впереди, убит Белкин старший, пулей в голову. Тело Белкина на лафете. «Всё что думал». Тут распекают Тушина. Тело бросают.

² *Зач.*: которые, видимо, его не слушали

³ *Зач.*: и долго слышны были их стоны.

от него пролетала или ударяла во что-нибудь, он досадливо морщился. Он обрадовался, увидав Багратиона, подъехал ему навстречу и начал говорить тоном человека раздраженного, обиженного и безнадёжного.

— Ну, что, Федор Игнатьич? — спросил Багратион и стал выслушивать с таким выраженьем, как будто всё то, что он видел и слышал, было то самое, что он сам приказал и потому предвидел. Он¹ отдал приказанье к отступлению и он послал адъютанта, послал за 6-м егерским полком с тем, чтобы повести его в атаку против обходившего неприятеля.

— Так соберите роты, — сказал он, оглядываясь и заметив, что солдаты повеселели. В одну минуту полковой командир с удивлением заметил, что беспорядок кон[чился].

— А вот [?] я возьму еще 6 егерский.

Когда 6-й егерский (тот, в котором служил Белкин), пройдя мимо батареи Тушина, подошел к Багратиону, он сам повел два батальона в атаку. Неприятель был остановлен и дал возможность отступать в порядке. В самом начале атаки Белкин был² смертельно ранен пулей в голову.³

[Далее со слов: На правом фланге атака 6-го егерского обеспечила отступление... кончая: что он должен отступить.⁴ — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XIX.]

* № 39 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XIII—XIV).

«— Нет не перемирие, — сказал к[нязь] Кутузов, улыбаясь, когда он получил это известие от Багратиона, — не только перемирие, но мир, о заключении предварительных условий которого я сейчас посылаю на аванпосты состоящего при мне генерал-адъютанта барона Винцингероде.

— В предварительных условиях мира, — сказал Кутузов, отпуская барона Винцингероде, — не будьте требовательны, уступайте всё; русские войска составляют капитуляцию и отступают без боя и все, что они хотят, одно, на чем я вас *прошу настоять* — это, чтобы перемирие не могло быть нарушено раньше трех дней — время, раньше которого я не могу получить ратификации условий из Ольмюца.

— И войска остаются неподвижными в продолжение этих трех дней? — с недоверием спросил Винцингероде.

— О да, барон, да, — сказал Кутузов.

¹ *Зачеркнуто*: велел строиться ротными колоннами и отступить

² *Зач.*: убит

³ *Зач.*: Общий ход дела. Багратион со свитой. Долохов в кустах и Брыков ничего не знает.

⁴ *Зач.*: Гусарские офицеры сидели на канаве поля перед ковриком, уставленным стаканами. Денисов был красен и громко кричал.

— Живая собака на забеге, — сказал он, когда П. П., сопутствуемый адъютантом, поровнялся с ними.

На полях: Речи гусаров, атака. Ростов падает с лошадьё, перевязочный пункт. Долохов <отрезан, прорывается> останавливает французов.

Когда барон уехал, Кутузов велел позвать начальников колонн и сказал им, чтобы войска и тяжести двигались на рысях, чтобы отсталых сажали на подводы, чтобы всё сломанное бросали на дороге. — От быстроты движенья зависит спасенье или погибель армии. Понимаете меня? — Он¹ беспрестанно посылал наблюдать за движением армии.

Наблюдение за движеньем войск было необходимо, так как беспорядок в этом движении от постоянно повторяемых, привозимых адъютантами приказаний, чтобы двигаться скорее, дошел до высшей степени. По неширокой, грязной дороге двигались в три ряда обозы, артиллерия, парки, перегоняя и давя друг друга. Штабные повозки, т. е. принадлежащие адъютантам и т. п., производили главный беспорядок, не слушаясь колонных начальников и объезжая ряды.

Со всех сторон по этой запруженной повозками дороге, из [за] стука колес и громохатия кузовов телег и лафетов, из-за отчаянного понукания вязнувших в грязи лошадей, слышались ругательства, перебранки солдат, деньщиков, даже офицеров. Там над сломанной [повозкой в] грязи, в низочке мрачно стояли, дожидаясь, деньщики, там на руках подхватила в гору орудия прислуга, там, выбравшись на ровное местечко, рысью громохали повозки, там докторская жена, с плачем и криком защитить, выскакивала из одиночной полуколяски, полукибитки и со слезами бросалась к мимо проезжающему, растерянному адъютанту, очевидно убежденному в том, что помочь этому делу и остановить этой, сообщившейся всем одним от других торопливости — не было никакой возможности. К вечеру 3-го ноября проскакавшие казаки испугали двух генеральских деньщиков, вообразивших, что это неприятель. Деньщики со сна закричали: «Французы!» и страх сообщился всем, и даже пехота начала стрелять и трудно было остановить эту суматоху.²

Винцингероде на аванпостах, говоря французские любезности, беседовал с Бельяром и заключал условия капитуляции к вечеру, Мюрат доносил торжественно Бонапарту в Шенбрун при отослании условий капитуляции русской армии, подписанной бароном Винцингероде, что армия русская стоит, ожидая своей участи. Угодно императору дать мир, то она капитулирует, угодно императору еще победа, то войска подходят и русская армия будет разбита.³ Через двадцать часов, в четыре часа пополудни 4-го ноября Мюрат, ожидавший наград и благодарности, получил из Шенбруна следующее письмо Бонапарта.⁴

¹ *Зачеркнуто*: сам сел в коляску и поехал

² *Зач.*: Всё давилось, ломалось, но двигалось с невероятной быстротой.

³ *Зач.*: А Кутузов, положив подле себя на стол условия мира, поехал еще раз в арьергард торопить движение войск; которое и так происходило с всевозможной поспешностью. Колонна тяжестей, которая подходила к Цнайму

⁴ *Зач.*: Наполеон тотчас понял, как на обман Мюрата Кутузов отвечал двойным обманом

Получив письмо, Наполеон пришел в бешенство, написал следующее письмо>
[Далее идет текст письма Наполеона к Мюрату, имеющийся в печатном тексте.]

<В то время, как началось сражение, кутузовские войска, обозы и артиллерия только подходили к Цнайму и для того, чтобы всей длине колонны пройти разветвление дорог, т. е. вершину буквы А, при самой большой поспешности нужно было более двенадцати часов. Т. е. отряд Багратиона должен был удерживать неприятеля всю остальную часть дня и всю ночь.

В то время, как послышались первые выстрелы в отряде Багратиона, князь Андрей,¹ только за час перед этим началом дела успев доехать до нашей армии, он явился к Кутузову в Эцельсдорфе и передал ему письмо и депеши. Не найдя в Эцельсдорфе ни своей повозки с Петром слугою и казаком, ни своих вещей, так как всё было отослано вперед, князь Андрей, измученный двухдневной ездой, голодом и двумя бессонными ночами, поехал в обоз искать своих людей и повозку.>

Мечта его о том, как он спасет армию своим советом и распоряжением, сильно охватившая его в Брюнне и занимавшая его всё время путешествия, вдруг показалась ему почти неисполнима и невероятна, как только он вошел в Грунте в небольшой дом, в котором остановился Кутузов, увидел в сенях адъютантов, игравших в домино и евших груши, увидел через окно писаря с пером за ухом и завороченными обшлагами мундира и, в особенности, когда он вошел в комнату Кутузова. Кутузов,² не поднимая головы с плана, на который он смотрел, сидя перед столом вместе с новым начальником штаба Вейротером, заменившим <убитого Шмита, взял у него из рук конверты и сказал: хорошо. Кутузов оглянулся. По его глазам видно было, что сильно занимавшая мысль застилала зрение.

— Ступай, отдохни, ты устал. — Князю Андрею стало ясно, что трудно — невозможно ему сделать чтонибудь. Еще яснее ему стало это, когда, проходя назад через сени, он услышал, как чему то смеялся адъютант, евший грушу.

«Ну да и надо отдохнуть хоть два часа спокойно и подкрепить силы», подумал он, «а тогда время будет.»

— Хотите грушу, Болконский, отличные, — сказал адъютант.

— Нет, я еще ничего не ел. Где наши повозки?

— Ну, батюшка, чорт их знает, где там. Никто ничего не разберет. Ночевать в Цнайме будут.

Болконской взял казацкую лошадь и казака и поехал на большую дорогу, по которой двигались обозы.

¹ *Зачеркнуто:* <задержанный на пути> был в обозе.

² *Зач.:* был занят с князем Багратионом

Далеко вперед и назад по неширокой грязной, но подмерзшей дороге, до тех пор пока могло хватать зрение и могло слышать ухо, виднелась сплошная, движущаяся масса повозок, парков, орудий, фур, людей и лошадей, слышались неумолкаемые громохання орудий, кузовов, хруск колес, топот лошадей и людских ног и крики ругательств, понуканья, ругательств, призывов и ругательств. В этой движущейся массе кое-где виднелись верховые офицеры, очевидно начальники движенья, но видно было, что несмотря на все их усилия, движение увлекало и их в свой беспорядок и не было возможности остановить или переменить этот ход дела. Кое где в узких местах, повозки тянулись по одной и, задерживая других, собирали толпы людей около себя, кое где они тянулись в два и три ряда нарысях, гремя по подмерзлой грязи, перегоняя одни других, кое где в лощинах слышно и видно было, как на руках, с громкими криками вытягивали в гору орудия или тяжелые фуры, били кнуты, скользили копыты и лопались постромки. Во многих местах лежали, стащенные с дороги, павшие лошади и отпряженные повозки на боку с сломанною осью или колесом. С печальным лицом сидел над ней солдат, куря трубку или дожидаясь товарища, поехавшего за помощью, или просто ничего не ожидая.

Князь Андрей, подъехав к обозу, остановился на краю дороги, с¹ равнодушным презрением глядя на представляющуюся ему картину.²

— Господин офицер, где главная квартира? — спросил он у фурштатского офицера.

— А бог его знает, — отвечал гневно офицер, видимо пьяный, — ищите сами. От ваших, от штабных вся путаница, чтоб их чорт драл. Не слушаются. Я, говорит, генеральской денщик и лезет вперед, и другие за ним.

— Ты куда. А? Обгонять? — вдруг закричал офицер, бросаясь к солдату с повозкой, объезжавшему других, — вот я те обгоню! — и совсем наехав на него, офицер без разбору по шее и голове бил толстой, жесткой нагайкой солдата, который, сжимаясь в своем возу, напрасно пытался потонуть в своей верхом наложенной и покрытой кожей повозке. Солдат въехал опять в линию, но ехавший сзади в коляске с заводною лошадей в генеральском чепраке, денщик, не обращая внимания на показанный пример, тут же объезжал с другой стороны и, как будто дело солдата не могло до него касаться, покачивал головой и приговаривал: — что за народец. Точно, что христианства нет...

— Чья коляска? — спросил строго офицер.

¹ *Зачеркнуто*: отвращением

² *Зач.*: и послал казака отыскивать свою повозку.

— Ваше благородие, — спрашивал казак у фурштатского офицера, — где тут главного штаба обоз? Князя Болконского экипаж.

<— Впереди все>

— А чорт его знает, — отвечал гневно офицер, как будто казак был виноват в том беспорядке, который происходил в обозе.

— Интенданта! — сердито отвечал деньщик.

— Пошел!

Сзади ехала повозка, в которой сидел желтый, обвязанный офицер.

— Коляски возьят... накрали, — ворчал желтый офицер, трясясь на телеге. За офицером шли зарядные ящики какого то парка. За ящиками>

* № 40 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).

Рота Брыкова совершила геройский поступок, удививший всю армию. Она пробилась, как говорили, на штыки сквозь два батальона французских гренадер. Вот как это случилось. В то время, как искупительной жертвой в центре уничтожались два батальона мушкатер и рота Тушина, и на правом фланге в третий раз ходили в штыки, до половины уменьшенные, измученные роты гренадер, чтобы удержать за собой хоть еще на полчаса опушку леса, за которым отступали наши, в это время на левом нашем фланге¹ <офицеры и нижние чины еще менее знали о том, что делалось вообще, чем знали спорившие между собой полковые командиры, гусарский и пехотный. Рота капитана Брыкова стояла в цепи перед ручьем, одной стороной примыкая к мельнице, другую к саду и домику, против которого был мостик. Солдаты других рот собирали дрова, французов не было видно, только слышна была сильная канонада и перестрелка, похожая на трескотню в камине, верстах в двух направо. Перемирие и слух о мире, проникнувший и в роту, расположил к мирным предположениям. Теперь эту перестрелку объясняли тем, что отряд их возвращается назад по той же дороге, по которой пришел, что вся кутузовская армия стоит сзади, и потому слышимую перестрелку объясняли авангардным делом, считая себя в арьергарде.²

Изнуренность, усталость и, главное, скука царствовала над этой ротой. Впереди им ничего не было видно, кроме пустых полей, сзади виднелись свои в лесу, таскавшие дрова, и всё одно и то же два часа сряду, с тех самых пор, как привели сюда. Те же слышались [звуки], как трещание сырых дров в камине, перепалка налево. И звуки эти, сначала возбуждавшие их, теперь стали скучны, как трещание дров в унылый осенний вечер. В воздухе было сыро, холодно, что особенно чувствительно на голодный желудок после бессонной ночи. Брыков сидел на барабане и, опершись руками на колени, засыпал, опускался, сердито оглядывался,¹ *На полях:* Генерал. Брыков его гонит и не слушает. Можно рота за дровами. Долохов оставлен. Только поспорили. Генерал подъехал к Брыкову спросить

² *Зачеркнуто:* Капитан Брыков <сидел> лежал у самой мельницы под навесом <и дремал, стараясь просыпаться> рассказывал историю. Долохов лежал с другими солдатами правее мельницы в своей синей шинели и, сняв кивер, достал бумагу и карандаш и писал что то. Долохов лежал с Гарсонкой и гладил. Скука царствовала.

поднимаясь, и грыз усы. Субалтерн офицер с подвязанной щекой лежал, облокотясь на одну руку, другой выдергивал соломины и щепкой ковырял ямочки, плюя в них. Фелдвებель мужественно сидел, обняв одно колено, и рассказывал что то другим солдатам. Солдаты лежа, кто строгал палочку, кто курил, кто переглядывал ружье и ранец. Долохов в своей синеватой фабричной шинели лежал ничком, и выставляя хлеб в руке то с одной, то с другой стороны, заставлял ротную полулягавую собаку Гарсонку прыгать через себя и ласкаться. Молодой солдат, отходивший от своего места, прошел мимо него и, взяв Гарсонку за хвост, приподнял его.

— Ишь шустрый. — Гарсонка взвизгнул и хотел поймать за руку солдата. В то же мгновенье, как взвизгнул Гарсонка, вскочил Долохов.

— Ну! — крикнул он. — Я тебя! — и нога его поднялась и так ударила солдата в живот, что солдат едва удержался на ногах. Солдатский хохот, грохот раздался около.

— Не замай Гарсонку.

— А драться разве велят! Фелдвებель строго обратился на шум, но увидав, что это был Долохов, отвернулся.

Гарсонка подпрыгивал к лицу Долохова и лизал его.

— И не грех это собаке лизать? — сказал один солдат.

— Она лучше его, — сказал Долохов, указывая на солдата, которого он ударил ногой, и пошел к Брыкову.>

— Ну, что, батюшка, — сказал он, — не придется видно нам нынче?

Брыков сердито хмурился видимо от того, что не в силах был преодолеть свою дремоту.

— Подраться не придется, — повторил Долохов.

Брыков встряхнулся и улыбнулся своей робкой, тихой улыбкой.

— Так-то было раз в Туретчине, — начал он. Долохов тоже улыбнулся. Он знал, что это начиналось лганье.

— Ну, как-то было раз в Туретчине. Михаил Потапыч, подите сюда, послушайте, как было раз в Туретчине, — обратился он к субалтерн офицеру. Субалтерн офицер замазал, заровнял ямку и подошел.

— Сидели мы так-то, ничего не думали, а паша бестия пошел в обход, да обошедши речку — да какую речку, что три сажени глубины.

— Как же они перешли?

— Вплавь. Так стоймя и плывут, как утки плавают, только штаны раздуются.

Обошел так-то да как гаркнет: «Алла», а у нас ружья замekli. Так что ж, бат[юшка] мой, сейчас отбежал к костру, все ружья в костер... Только повысоxли, как крикнет: «алла, алла» — подбегая.

— Ваше благородие, — крикнул в это время фелдвებель, — гляньте ка сюда. — Он указывал назад. Но еще он не договорил, как послышались выстрелы, и сзади цепи видневшиеся в лесу роты, 398

набиравшие дрова, с криком побежали назад. В лесу сзади показались солдаты.

— Это наши? — спросил Брыков, сам видя, что мундиры на этих солдатах были не наши. Слева двигалась колонна в мохнатых тапках, в которых нельзя было ошибиться; спереди, на той стороне реки, по чистому месту далеко видно было, как быстро и весело, казалось, подвигалась огромная масса, блестя штыками. Рота Брыкова была окружена и отрезана. Без команды все солдаты роты встали на ноги и молча оглядывались на все три стороны, с которых показался неприятель.

— Отхватили! — Была минута недоумения. Страх не было. Так они были спокойны до этого.

— Ну, брат, — слышался отчаянный голос среди мертвого молчания. И молчание, и нерешительность, и недоумение кончились и заменились страхом.

— Обошли. Пропали, брат. Со всех сторон! — слышались голоса.

Брыков вынул с трудом (она заржавела) тонкую шпажку и закричал что-то, чего никто не разобрал, потому что в эту же минуту молчанию последовал говор, шум и движение. На лице капитана Брыкова менее всех других выражался испуг и замешательство, но его лицо было не спокойно. Его, видимо, пугало не столько положение его команды, сколько нравственное состояние этой команды, выражавшееся ясно в движениях, говоре. Некоторые солдаты уже тронулись к лесу, другие сжимались в одну кучку.

— Что ж стоять, всех заберут, — слышался отчаянный голос.

— Утикай до лесу!¹ Фелдвебель, этот красавец и атлет, с испугом глядел на капитана.

— Ваше благородие, ваше благородие, — говорил он, — прикажите..., но нельзя было разобрать, чего он хотел. Губа его дрожала. Страх и отчаянье, выраженное одним, неудержимо сообщалось всем и всё более и более подчиняло себе этих людей. Брыков большими шагами, как на смотру, побежал к солдатам.

— Справа, по одному, — крикнул он. Многие солдаты, смотревшие на него, только хотели исполнить его команду, как Брыков оглянулся нерешительно, и они остановились.

— Вправо, вправо, в лес, — закричал в это время чей-то решительный голос, человека, бежавшего мимо. Он подбежал к Брыкову и, тронув его за руку, увлекая его, побежал в лес направо. Вся рота, в беспорядке перегоняя один другого, тронулась за ним.

— Василий Игнатьич, там занято, там французы, — догоняя капитана Брыкова, закричал субалтерн офицер.

— Вправо я вам говорю, — кричал Долохов хмурясь, — что вы погубить роту хотите? Тут пробьемся.

Едва только последние бегуны роты, в числе которых был и Брыков, запыхавшийся от бега, и Долохов, оглядывавшийся ¹ *На полях*: Брыков сидел унылый, жалкой, подня[лся] герой бестолковый.

беспрестанно, [добежали] до опушки леса, как десятка [?] два мохнатых шапок отделилось слева и побежало за ротой.

Долохов, добежав до первого дерева, остановился, прицелился и выстрелил в переднего из гренадер. Мохнатая шапка остановилась.

— Стой! — закричал Брыков¹ и вслед за выстрелом Долохова раздались десятка два выстрелов наших. Солдаты подражали Долохову. За двадцатью гренадерами бежало не меньше батальона сплошной массой.²

Еще раз наши выстрелили. Гренадеры остановились. Послышался залп французов,³ и сотни пуль просвистели, как оре[хи], обсыпали опу[шку] и два солдата упало. Долохов заряжал ружье.⁴

Гренадеры тронулись и побежали, но не за нашими, а в обход, по дороге, перерезавшей лес, очевидно с целью отрезать наших.⁵

Сначала Брыков пытался остановить роту, но голос пропал у него и он бежал с другими, ни о чем не думая. Долохов бежал почти впереди, но страх, сообщившийся всей роте, не сообщился ему. Он то оглядывался назад, то забегал вперед и соображал.

— Куда ж мы бежим? — сказал он Брыкову, подбегая к нему. Брыков остановился.

— А чорт их остановит. Стой! — закричал он — стройся!

Вопрос «куда мы бежим?», казалось, сообщился всем. Рота стала собираться. Брыков подозвал солдат.

— Ребята, дело гавно... надо напролом, умирать заодно...

Он послал отделенного унтер офицера осмотреть выход. Отделенный унтер офицер вернулся и сообщил, что и сзади были французы. Он говорил, что видимо — невидимо бежали в лесу по дороге. Долохов побежал к дороге.

¹ *Зачеркнуто:* — Захарчук, останови роту! — крикнул он фелдвобелю. Страх видимо покинул его. Из за деревьев слышались выстрелы.

² *Зач.:* — Отступить рядами, — командовал Брыков, выходя из опушки и махая шпажкой.

³ *Зач.:* Брыков совсем стал другим человеком.

— Вперед, ура! — закричал он и побежал на французов.

⁴ *Зач.:* — Не стрелять! — кричал Брыков. Сзади в лесу слышалась перестрелка и Брыков побежал туда.

— Ваше благородие, отрезали.

— Молчать, ура! — Брыков бросился назад и, махая шпажкой, побежал в лес.

Брыков вскочил в лес.

— Отступить! — кричал он. <Но солдаты бежали и без команды>. Несколько десятков выстрелов раздались из леса. Французы приостановились. Наши бежали через лес, только Долохов и шесть человек солдат остались около него на опушке леса.

⁵ *Зач.:* Рота Брыкова бежала врассыпную. Долохов подбежал к Брыкову и указал ему на движение гренадер. — Дайте мне десять человек охотников и я их осажу.

Бегство уже было слабей, тем более что, перебежав лес, передние видели, что и с этой стороны были французы. Долохов, изгибаясь под сучьями, отбежал вперед на дорогу и сел.

— Капитан, ради бога, — сказал он, возвращаясь назад, — дайте мне двенадцать человек, я найду выход.

Близость неприятеля странно действует на людей. Вместо того, чтобы бояться больше, большей частью странно кажется, чего я боялся этой грозной массы издалека. Когда увидишь их вблизи, ведь это всё такие же люди и люди, которые боятся так же, как и я. Долохов испытал это чувство, когда он пошел на рекогносцировку. Он из за деревьев близко подкрался к французским гренадерам и ясно рассмотрел офицера и сержанта, которые говорили. На лице молодого, румяного офицера он ясно рассмотрел выражение нерешительности и робости, и это выражение уничтожило весь его страх. Он умолял капитана с такой уверенностью, что он не устоял. Долохову вдруг показалось так легко иметь дело, вместо этой грозной таинственной массы, с румяным офицером и его солдатом, так охватило его это охотничье чувство, которое говорит так сильно о том, как бы убить зверя, что заглушает всякое чувство опасности, что он не испытывал другого волнения, кроме радости, когда бежал с двенадцатью солдатами к дороге. Зверь его был румяный офицер. Не добегая несколько шагов до дороги, они увидели осторожно подвигавшиеся пары французов. Он оглядел канаву и бросился к ней. [Следует страница 90 и 91].

¹ Майор Ахрасимов с улыбающимся лицом встретил Брыкова и его роту.

— Капитан, стройте роту.

— Где генерал? — спросил Брыков.

— Генерал ранен, — отвечал Ахрасимов.

Действительно, генерал, напутавший всё, ездил без дела под огнем до тех пор, пока был ранен.

— Хороши распоряженья, — сказал Долохов.

— Позвольте мне к вам. — Ахрасимов не ответил; он скомандовал сборной команде, над которой он принял команду, трогаться (его дух поддержал падающий дух. Приятно встретить новое мужество. Знать, что не мы одни работаем, а и другие, значит не пустяки) и, оставшись сам в арьергарде, пропустил весь остаток полка. Сзади слышалась перестрелка. Полк скоро столпился с другим полком, и перестрелка была уже далеко. Всё были свои. Так совершенно было отступление и на левом фланге.

Смерклось. Все войска были уже вне вы[стрелов], шли [?] кто искал дороги, кто окликал друг друга, считали. Все думали, что они одни пострадали больше всех, все ругали начальство, как это всегда бывает. Но дело еще не кончилось. В темноте, на левом фланге угрожающе трещали и блестели огни перестрелки в темноте, в самой деревне Грунте.²

Это был³ знаменитый майор... засевший [?] с своей командой в деревне. Долохов был с ним.

¹ *На полях:* Ахрасимов приятный служака гвардеец

² *На полях:* Наконец, и это замолкло, раненных было мало. Поле сраженья осталось за французами и раненные и убитые б[ыли] т[ам].

³ *Зачеркнуто:* Ахрасимов

Уже в темноте они подходили к Грунту, думая, что отделались, как вдруг французы, как бы озлобленные на эту кучку людей и их упорство, бросились на них.

— Стоять! — закричал Ахрасимов, выхватывая ружье из рук убитого солдата, и сам выстрелил.

— Майор, в дома! — закричал Долохов и побежал назад.

Команда последовала его примеру, и два дома сделались крепостями. Из них то и около них слышалась последняя перестрелка.

Французы попытались взять дома приступом, но скоро отказались, и <рота французов> прошла мимо их, опять отрезав Ахрасимову с ротой Брыкова отступление.

* № 41 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).

В это время три батальона французских гренадер обошли полк, рассыпанный в лесу, и открыли по нем огонь. Они открыли огонь в то время, как подъехал генерал, приказывая отступать. Брыков с своей ротой был в лесу. Генерал, ныряя, отъехал.

— Подлец начальство. Кто же поведет полк?

Солдаты испугались и побежали. Брыков стоял равнодушно, но не зная, испугался тоже, испугался преимущественно того, не виноват ли он? Испуг его был так силен, что он остановился под градом пуль с десятком солдат и не двигался с места. Труднее всего в сражении — начать. Перейти из обыкновенного человеческого положения в положение убийцы. Когда начинают атаку, то всё подготавливает, здесь чувство было застигнуто врасплох.

— Надо сбор бить — тревогу, — проговорил Брыков.

— Ваше благородие, видимо — невидимо, надо влево, к дубнячку, — говорил солдат. Брыков всё стоял. Двух солдат убили около него, остальные побежали, и он пошел скорым шагом, оглядываясь. Долохов нашелся первый.

— Бегите, я засяду. Кто со мной? — Они засели. Он видел близко и ясно французов и оттого не боялся.

* № 42 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).

На левом фланге рота отрезанная Брыкова пробилась на штыки, как писали в рееляции, и на плечах удержала неприятеля и тем дала время полку собраться и построиться.¹ Вот как это случилось.²

Начальники спорили, а полк продолжал собирать дрова; только один батальон был в прикрытии. В этом батальоне была рота Брыкова. Она стояла над оврагом, в котором была каменоломня, в редком лесу. Солдаты лежали на полугоре. Брыков сидел повыше, под кустом, у огня с др[угим] оф[ицером] и Долоховым, когда с правой стороны с криком показались бегущие солдаты,¹ *Поперек текста*: Начинается, что вдруг всё побежало, рота в цепи, Бр[ыков] не может добиться и бежит.

² *На полях*: Долохов говорил, как засесть.

рубившие дрова. Один из них потерял фуражку и упал и, вскочив, засмеялся.
— Что вы? Что? Куда?

В то же мгновение Долохов с унтер офицером Ш. побежали к каменоломне.

— Он, ханцуз, по всему бугру, — были ответы. Не успели солдаты пробежать, как на противоположном бугре показались французы. Ему не верилось, но так это было. Они чуждые, далекие так близко, что и им странно было. Замешательство было в них. Прежде чем успел еще Брыков командовать и подбежать к своей роте, как послышался один резкий звук, другой выстрелов наших, и солдаты роты тронулись. В рядах слышались голоса: — «отрезали...» Вид бегущих дровосеков и неожиданность дурно подействовали на солдат роты Брыкова. Солдаты начали стрелять прежде команды и спутали ряды, что весьма дурной признак. Брыков¹ нахмурился, подбежал к рядам и со всего размаху ударил рукой по щеке первого солдата, к которому подбежал. Это был здоровый рябой урод. Он вытянулся, подставя щеку.

— Кто велел стрелять? где команда? — Хмурое лицо Брыкова имело странный вид, не похожий на то, что было на смотру. Он хмурился нарочно. — Эка невидаль! — сказал он. Солдаты с уважением смотрели на него, и уважение это еще более увеличилось после того, как французы в это самое время дали залп по роте. Звуки свиста пуль, казалось, еще более придали тона голосу Брыкова. Он не оглянулся на французов и мрачно продолжал смотреть на вытягивающегося побитого солдата.

— Слышал команду стрелять? А? Отрезали. Я те дам — отрезали. Вы куда? — Но один стонал. — Двое снесут, — и Брыков отвернулся. Но рота смешалась и продолжала стрелять.

— Ваше благородие, обходят. — Справа забегали уже французские егеря и сзади с горы спускались гренадеры; два ловко бежали впереди. Увидав егерей справа, Брыков остановился, и видно было, что была минута, в которую он не знал, что делать. «Ну пропали» — сказал один. И это ободрило его.

— Долохов, назад!

— Нет, я останусь.

— В[асилий] И[гнатьевич], — в это время сказал ему голос Долохова, — посылайте туда под гору хоть отделенье с унтер офицером, мы засядем в камнях. Ни одна шапка не перейдет речки. А вы валите.

* № 43 (рук. № 76. Т. I, ч. 2, гл. XVI).

болезненный, щедущий и маленький артиллерийский офицер.

— Здравствуйте, Мих[аил] Зах[арович], — сказал артиллерист, подсаживаясь на бревно с видом изнуренного человека, который, находясь в беспокойстве, не знает, что с собой делать.

¹ Зачеркнуто: был пьян

Белкин с уважительной учтивостью поздоровался и посторонился на бревне. Офицер этот был штабс-капитан Тушин, известный всем сослуживцам за тихого, смиренного чудака, необыкновенного ума и учености и любящего выпить. Белкин, совершенно необразованный человек, видел в Тушине существо совершенно особенное, высшее по уму и учености, но жалкое по болезненной слабости тела,¹ и добродушно жалел артиллериста.

Артиллерист в этот поход с свойственным ему чудачеством особенно полюбил Белкина, постоянно отыскивал его и зазывал к себе.²

— Ну что? Видели французов? А я по правде вам скажу — трушу. Дело наше плохо.

— Э! ничего. Только сначала жутко, а то и забуд[ешь] то распоряди[ться].

— Да, вам хорошо.

* № 44 (рук. № 78. Т. I, ч. 2, гл. XX).

От дыма он не видел ничего, кроме лица гренадера.³

На лице его пропала улыбка — он видно понял всю торжественность минуты. Один страх,⁴ ужас смерти был на этом лице.⁵

— А вот что надо с ним сделать,⁶ — мелькнуло в голове Долохова при виде этого выражения. И, хватаясь за штык ружья Долохова, вошедшего ему в бок ниже ребер, француз страшно раскрыл глаза и застонал.

— Не бери пленных, коли!⁷ — кричал Долохов, выдергивая штык, и побежал дальше в лес.

— Наши, наши, — слышались крики.

¹ *Зачеркнуто:* Тушин любил Белкина, видел в Белкине особое разв[итие] и более других офицеров уважал и любил

² *Зач.:* — Досталось нам на орехи, — с своей счастливой улыбкой сказал Белкин.

Умное и доброе лицо болезненного артиллериста поморщилось и глаза испуганно оглянулись.

— Да что, ведь плохо дело, — сказал он, — я боюсь — не то что боюсь — бояться нечего, а как начнет нас ожаривать Бонапарт <нам не сдобровать.> Не хватить ли партиюку? Тушин, несмотря на свою слабую и неловкую фигуру, любил выражаться по его понятиям молодецким <военным> солдатским языком и вообще любил принимать не шедший к нему вид старого, боевого офицера (несмотря на то, что ему еще ни разу не довелось быть в деле).

³ *Зач.:* Он повернулся, бежит в гору, спотыкнулся и оглянулся.

⁴ *Зач.:* ужас боли, страдания

⁵ *Зач.:* Долохов был от него уже в двух шагах.

⁶ *Зач.:* подумал он, увидав это выраженье, и невольно ноги его вцепились в камни, он страшно для себя самого закричал и махнул штыком, ударяя в тело. Его поразило, как остановился штык у ребер [?] и держал штык и как закричал он. — «Что я сделал? А, да, это то», — спросил он себя.

⁷ *Зач.:* он выдернул с озлоблением штык и полез выше, в гору... французы бежали. <Сзади>

— Сударь, назад! Назад, — закричал <солдат> унтер офицер. Долохову стало холодно, жутко, и он бросился под гору и низом к роте Брыкова, которая, удачно пробившись справа, отстреливаясь, стояла у кустов, пристроившись к другой роте и собирая бегущих из леса солдат.

Это была та неожиданная атака, которая заставила французов оставить лес и наших бегущих заставила возвратиться. Эта атака была описана в реляции, что храбрый 6-й егерский полк неоднократно пробивался на штык[ах].

* №45 (рук. №80. Т. I, ч. 2, гл. XVI).

<Достигнув своей цели, т. е. приехав в отряд Багратиона, исполнив всё, что он считал своим долгом исполнить и¹ под влиянием впечатления этого бодрого, оживленного лагеря и, главное, устав сердиться и волноваться, и съев купленную булку, князь Андрей не только совершенно успокоился, но как это всегда с ним бывало, из состояния раздражения и безнадежности, перешел в противоположное чувство.>

— Le православное n'a pas tout à fait mauvaise mine tout de même,² — сказал он сам себе.

Он облокотился на одно из орудий, <сняв перчатку, маленькой рукой лаская гладкий и холодный круг дула пушки, задумался. Он перенесся, как это часто бывает на войне, в совсем другой мир своего прошедшего. Он вспоминал чудака отца с его странными, резкими и умными речами, его сестра с своей кроткой набожностью и всеобщей любовью, и даже жена представлялась ему в том милом для него свете робкой преданности, в которой он любил ее. Он улыбался слегка, как милым детям, этим лицам, возникавшим в его воображении. Но в действительности в десяти шагах от него появилась фигура того самого офицера Ананьева, которого он видел без сапог у маркитанта <и он с той же улыбкой и с тем же чувством посмотрел на него. Ананьеву доложили солдаты, что адъютант стоит у орудий и офицер вышел, желая спросить, не нужно ли что адъютанту; но, подходя ближе, Ананьеву пришло в голову — не подумает ли адъютант, что он желает воспользоваться случаем сблизиться с штабным чиновником, и он, не доходя до князя Андрея, заробел и эта робость комически выразилась на робком и подвижном лице Ананьева. Он поднял руку было к козырьку, но потом раздумал и неловко почесал себе этой рукой нос в том месте, где он никогда не чешет[ся], потом повернулся прочь и опять повернулся назад, стараясь молодецки, по военному придержать рукой шпагу и, желая нахмуриться, сделал смешную гримасу. Князь Андрей, вспомнив его без запог и теперь, глядя на его неловкие движения, особенно Шестнадцать человек Долохова заставили французов остановиться атакой и часть 6-го егерского полка успела собраться и отступить. До этого случая 6-й полк бежал, как стадо овец, и французы наступали; с этого времени началось правильное отступление и перестрелка и полковой командир появился перед фронтом, хоть не всего полка, но восьмисот человек, и несколько раз, хотя приходилось еще бежать, уже не было того бегства, как нач[алось]. Павлоградцы, пока спорили полковые командиры, вовсе были отрезаны и, не употребленные в дело, отошли гораздо левее, отыскивая дорогу и желая только одного: присоединиться к своим.

¹ *Зачеркнуто*: получив приятное возбуждающее впечатление

² *Зач.*: [всё таки выглядит не плохо,]

смешные тем, что Ананьев видимо старался придавать себе воинственный вид, менее всего шедший к его наружности, князь Андрей смотрел на него с ласковой улыбкой снисхождения и первый поклонился ему.

Капитан подошел,[>] они разговорились. Князь Андрей с удивлением заметил, что офицер этот, несмотря на свою смешную фигуру, говорил необыкновенно просто, умно, дельно (в его выражениях не было ничего того, что, называясь дурным тоном, было более всего противно Болконскому). Кроме того, звук голоса его был чрезвычайно нежен и приятен. <Смешно было в нем только то, что он неестественно хотел всё казаться рубакой и старым военным, на что он походил меньше всего.

— Что ж не зайдете ли ко мне? — сказал Ананьев. — Я еще не обедал. Солдатских щей откушать.

Князь Андрей дал rendez vous¹ штаб офицеру на этой батарее, ожидая его, ему делать нечего было. Он согласился зайти в балаганчик капитана. Но он согласился не столько потому, что ему делать нечего было, сколько потому, что ему хотелось побыть и поговорить с этим человеком. Кроме того, что необыкновенно симпатичен был ему этот человек, его гордость редко давала ему случай просто, без задней мысли и расчета, по человечески стать обращаться с людьми, как он мог обращаться с этим неизвестным ему офицериком, которого он никогда вероятно не увидит и который даже не знает его фамилии. Что Михаил Иванович, архитектор, был для его отца, то был этот офицер для князя Андрея. Но теперь, как они не знали друг друга, для князя Андрея была свобода и простота маскарада. И чем реже допускала его гордость до этих наслаждений, тем больше он любил их.

Ананьев командовал дивизионом — был начальник и потому в балагане он был один и балаган был построен хорошо. Ананьев не изъявил особенной радости при известии, что адъютант хочет удостоить его своим посещением, но и не выказал неудовольствия.

— Что ж[?], пойдем, — сказал он. — Вот молодцы мне какой сгородили дворец, — сказал он со своей воинственной аффектацией, оглядывая свое жильё. — Прошу покорно. Вот так мы и живём.

— Ну ка, Васюк; что в печи, то на стол мечи, — обратился он к денщику, такому же слабому, смешному и доброму человечку на вид, как и он сам.

«Необъяснимо, отчего слуги так похожи даже наружностью на господ», подумал князь Андрей. Он отказался, однако, от обеда и сел на койку, сплетённую из сучьев и прикрытую войлоком, которая занимала половину шалаша.

— Однако у вас книги какие то? — сказал он, заметив на столе связку книг и одну раскрытую на столе книгу.²

¹ [свидание]

² *Поверх текста поперек страницы написано карандашом: философ, наряженные*

— Да, день долог. Нигде лучше не читается, как походами, — сказал Ананьев. Но тотчас же, как будто устыдясь этого мнения о книгах, постарался выказать свою воинственность. — Ну ка, Васюк, носогреечку, — обратился он к денщику. И получив коротенькую закуренную трубку из рук денщика, он закусил на бок чубук и стал воинственно пускать густые клубы дыма, глядя на князя Андрея, как будто говоря: видите, какой я счастливый молодец.

Князь Андрей невольно улыбнулся.

— Ну, как же вы это живете? — спросил он, как будто он расспрашивал китайца о его образе жизни. — Ну, как вы проводите время? С товарищами, я думаю, играете в карты или...

— О нет. Товарищи у нас отличные, славные люди, — сказал Ананьев. — И не только у нас в артиллерии, а и в полку в нашем такие есть ротные капитаны — чудо какие люди. Вот есть у нас Белкин капитан из молодых — удивительный человек... Это перл. Ну, и присяга — молодцы. Ну, вот с ними и проводишь время.

— Да, как проводить время? Карты, попойки, я думаю.¹

— Нет, сойдемся, поговорим, посудим, в свайку играем, в шахматы — читаешь...

«Ma parole d'honneur, je voudrais bien que beaucoup de mes camarades aient des idées de cet individu»,² — подумал князь Андрей и лицо его сделалось ласково приятное, когда он молча смотрел на Ананьева. Испытывая непривычное и веселое чувство для него маскарада, он продолжал интриговать своего собеседника.

— Вот что скажите мне, — сказал он после нескольких минут молчания. — Скажите мне, как вы смотрите на войну, на ваши обязанности, на опасность, которой вы подвергаетесь?

— То есть как? — спросил Ананьев.

— Я странный хочу вам сделать вопрос. Вот видите ли. Жизнь для чело[века] дороже почти всего — не так ли? — говорил князь Андрей, стараясь сколько возможно низойти до простоты понимания своего собеседника. — Ну из чего солдаты, из чего вы³ рискуете жизнью в сражении?>

Ананьев слегка улыбнулся и улыбка его говорила, что он понимает, что он китайцем представляется этому адъютанту и что это отношение его к адъютанту не оскорбляет, а забавляет его.

— Живем — водку пьем, в свайку играли нынче утром. Пехотные офицеры заходят к нам. Ведь у нас, у артиллеристов, есть на чем свезти разную принадлежность.

— Но всё таки ваше артиллерийское общество гораздо выше стоит армейского, — сказал князь Андрей.

¹ *Зачеркнуто*: — <Нет, — другие играют, а я терпеть не могу> да еще какие, — сказал Ананьев, который терпеть не мог ни вина, ни карт.

² [Честное слово, я желал бы, чтобы многие из моих товарищей также думали, как этот человек,]

³ *Зач.*: жертвуете

— Гм. Нет, всё одинакие люди, везде, не только в армии и артиллерии, но и цари амолияне [?] всё одни и те же,

— Вы однако философ, ну, так как же вы объясняете войну?

— Войну? Да, — Т[ушин] вылил в свой большой рот еще рюмку водки. — А вот как. По моему, разумеется. — Т[ушин], видимо лишенный долго удовольствия говорить с человеком, который бы был в состоянии понимать его, теперь вполне отдавался этому удовольствию.

— Война по моему есть крайняя степень неразумности человеческой, есть проявление самой бессмысленной стороны человеческой природы: люди, не имея на то никакой причины, убивают друг друга. Нарядятся большие, взрослые люди, кто в гренадера — мохнатую шапку наденет, кто в гусара, снурками разошьются, наберут пушек, ружей, лошадей и начнут бить друг друга и сами не знают зачем. Ведь это значит все сумашедшие. Как же при этом рассуждать? Вдруг он испугается, побежит, а вдруг разгорячится, вперед бросится. То пролетит пуля мимо, а то ударит в сам[ого] начальника, как же тут что-нибудь рассчитывать и разумно действовать? Напротив, надо как можно людей приблизить к животному, тогда только они будут годны для войны. Потеха.

— Как же вы служите с такими мыслями?

<— А вы отчего служите, а все отчего служат? — Разговор их прервал вошедший под балаган высокий, стройный красавец пехотный офицер, тот самый ротный, которого заметил князь Андрей рассчитывающим роту. Это был капитан Белкин, любимец полка, товарищ[ей], образцовый офицер, товарищ, весельчак и самый близкий человек Тушину.

Лицо Белкина было необыкновенно красиво. Особенно большие продолговатые глаза, ласковые голубые глаза и несколько толстые, румяные губы и густая черная шапка волос придавали веселую прелесть его лицу.

— Ну что, Николай Иваныч, — весело сказал Белкин, — обсушились? А я так пообедал и выспался и на французов поглазел. Вот книжечку вашу принес. — Вдруг заметив князя Андрея, Белкин остановил улыбку и надменно взглянул на князя Андрея, как будто говоря: «ежели вы, штабный, намерены гордиться со мной, так со мной взятки гладки». Князь Андрей, однако, ласково улыбнулся и пехотному офицеру, успокаивая его.

— Что же, можно, — сказал Белкин, выпивая ему предложенную рюмку водки.

И они разговорились о каком то брате юнкере, прибывшем в полк [?].

Князь Андрей, не желая стеснять офицеров, взял в руки книжечку, развернутую на столе. Это был томик Р[усского] В[естника] 1804 года. Книга сама собой открылась на статье Гердера «Ч[еловек] в о[бразе] б[ожества]». В статье этой излагались мысли

о том Гердера, что ничто в мире не пропадает, что одно живое существо (мы видим) переходит в другое. Как например, трава в травоядное животное, животное в человека и т. д. и что потому душа человека тем менее может погибнуть, а вероятно перейдет в высшее существо.

Князь Андрей недавно читал тоже серьезное [?] сочинение Гердера. В книжке Е[вропейского] В[естника] статья была вся исчерчена заметками на полях и следующее место было всё подчеркнуто...

— Что вы согласны с этими мыслями Гердера? — спросил князь Андрей, указывая на книжку Е[вропейского] В[естника].

— Как вам сказать? То и согласен, а то и нет. Не согласен оттого, что какие же высшие существа нас едят — нет. А хорошо, очень хорошо.¹

— Видно это место вам нравится? — сказал князь Андрей, подавая книгу.

— А эту вы мне давали книжечку, — сказал Белкин. — Тут хороша эта дюшесса Дозамбри и к[авалер] Ф[ериоль]. Я читал.>

* № 46 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVI).

<Они разговорились о положении орудий. Князь Андрей, бывший сам артиллеристом, сделал замечание, что с позиции, на которой стояли пушки, неудобно будет, как было предвидено в диспозиции, обстреливать картечью овраг. Тушин улыбнулся при слове «диспозиция» и сказал, что еще двадцать раз переменят положение орудий и что всё может случиться, только не то, что написано в «диспозиции».

— Слишком бы было странно, чтобы из тысяч случайностей представилась именно та, которая назначена в диспозиции, — сказал Тушин.

— Так по вашему мнению не нужна диспозиция? Для чего же она пишется?² — спросил князь Андрей, удивляясь речам своего собеседника.

— А всё лучше. Всё как будто расчеты, распоряжения. Только всегда выходит по своему, — и Тушин улыбнулся своей доброй улыбкой.

Он видимо не осуждал никого, но с удовольствием видел и замечал комическое в этих отношениях. И оттого его насмешка не была оскорбительна и противоречие не раздражало.³

¹ *Зачеркнуто:* Т[ушин] взял книгу и прочел.

² *Зач.:* для чего главнокомандующий?

³ *Зач.:* Слова Тушина всё больше и больше интересовали князя Андрея. Он знал, что Тушин не знает, кто он, что вероятно никогда ему больше не встретится и потому с тем чувством непринужденности, с которым говорится в маскарade, он без всякой задней мысли вызывал Тушина на высказывание своих мыслей. Ему интересно было знать, как думают и говорят эти армейские офицеры.

Притом князь Андрей не желал ничего доказывать: ему только интересно было понять этого маленького человечка, почему то интересовавшего его.

— Однако, — сказал он,¹ — великий полководец все свои сражения давал и выигрывал, предвидя все случайности.

— Это так кажется, потому что они (Тушин сказал «они», подразумевая высших начальников и говоря про них, как про особенный народ), потому что они никогда не видят, как дело делается на месте, а потом по слухам опять подведут всё под диспозицию. И все довольны.

Князь Андрей тоже улыбнулся.² «Il est très drôle»,³ — подумал он.

— Вот под Ламбахом нас поставили во вторую линию, да и забыли про нас. Смотрим, а французы сзади нас, мы и пошли удирать совсем в сторону и пришли сами не знали куда. Ведь этого в диспозиции не было и в реляции не было?

— А вы часто бывали в сражениях? — спросил князь Андрей.

— Бывал.

— Ну, какое чувство вы испытываете в сражении?

— Т. е. как какое чувство? Иногда скверное чувство, а иногда приятно.

— Так вы отрицаете всякую предусмотрительность, предвидение в войне? — сказал князь Андрей,⁴ — это забавно.

— Так как же может быть расчет, предвидение, деятельность рассудка в войне, которая сама по себе бессмысленна? — сказал Тушин.

Князь Андрей всё более и более с удивлением и интересом слушал разговор этого человека и признавал в нём не ожидаемые им ум, образование и своеобразность.

«Ma parole d'honneur, je voudrais bien que beaucoup de mes camarades ayent les idées et la manière de s'exprimer de cet individu».⁵

— Так как же вы объясняете войну? — спросил он. Тушин улыбнулся.

— Не хотите ли зайти ко мне, вот и поговорим, — сказал он. Князь Андрей согласился. Он считал полезным, как Гарун Алрашид, зайти иногда к армейскому офицеру и сблизиться с ним, узнать, как и чем он живет.>

* № 47 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).

Он разглядывал поле перед собой. Князь Андрей разглядывал тоже, но не узнавал ничего из прежнего расположения войск. Даже местность сама, казалось, переменилась. Князь Багратион сделал распоряжение о том,⁶ чтобы А[зовские] егер[я] удерживали¹ *Зачеркнуто*: Бонапарт

² *Зач.*: Мысли Тушина казались слишком странны и смешны, чтобы спорить с ним, но они были интересны

³ [Он — очень забавен,]

⁴ *Зач.*: Каким же образом великие полководцы постоянно побеждали?

⁵ [Честное слово, я желал бы, чтобы многие из моих товарищей так же думали и так же излагали свои мысли, как этот человек.]

⁶ *Зач.*: чтобы Киевский гренадерский полк, бывший в резерве

позицию в долине и чтобы Киевские гренадеры подкрепили его; но в то время, как он отдавал это приказание, две роты Азовских егерей отступили от долины без приказания и было замечено, что справа обходила другая колонна французов, так что Киевских гренадер надо было употребить против этой обходной колонны. Еще князь Багратион приказал драгунам атаковать, но и это приказание не могло быть исполнено потому, что драгуны, не успевши построиться, отступили за овраг. Несмотря на то, что всё делалось не только не по диспозиции, но и без приказания, князь Багратион удерживал выражение лица, говорившее, что всё это очень хорошо и то самое, что он и предполагал.

Худошавый старичок, полковой командир, которого полк был в долине, подъехал к князю Багратиону. Он казался огорченным и обиженным. Он¹ доложил князю Багратиону, что против его полка была атака кавалерии и что кавалерия была отбита, но что теперь он просит позволения князя отступить, так [как] у него не оставалось и половины людей в строю. Полковой командир видимо тут только, при представлении своем князю Багратиону, успел назвать военным именем то, что происходило в его полку. Он говорил, что кавалерийская атака была отбита, тогда как ни сам он и никто из его людей не знал, была ли отбита атака или полк был разбит атакой кавалерии. Неожиданно, при первом огне, из за долины показались верховые французы и полк без команды начал стрелять и в дыму наскочили три верховые француза, из которых два были убиты, а один ускакал; но тотчас после этого по полку стали стрелять ядрами² и полк смешался, так что полковой командир не мог более передавать прика[зания]. Князь Багратион одобрил слова полкового командира и поехал дальше вперед, но тут св[итский] о[фицер] и полковой командир стали представлять князю, что место слишком опасно, и что с горы виднее, и что необходимо прислать подкрепление. Князь выехал на гору и послал одного адъютанта³ привести два б[атальона] 6-го егерского полка, а другого⁴ велеть отступить батарею Тушина, которая могла быть обойдена, так как правый фланг уже отступил за долину. С горы видно было, что французы, кроме нападения с фронта, обходили и справа. Свитский офицер дал заметить это князю Багратиону.

— Необходимо оттеснить их, — сказал свитский офицер.

— Да! — сказал князь Багратион. Но оттеснить было нечем и потому князь Багратион,⁵ дождавшись двух батальонов 6-го егерского, ¹ *Зачеркнуто*: говорил, что весь полк его в цепях и половина выбыла из строя, что он держаться не может. — Да, — сказал Багратион

² *Зач.*: Несколько рот однако засели в кустах и стреляли. Теперь же все, без команды, начинали отступать и нельзя было удержать

³ *Зач.*: к[нязя] А[ндрея]

⁴ *Зач.*: к[нязя] А[ндрея]

⁵ *Зач.*: приказал Б[олконскому] пойти взять Киевских гренадер и, когда два батальона были приведены

сам повел их в атаку. Свитский офицер сказал князю Андрею.

— Да скажите, чтоб эта батарея отступала, а то они её отрежут. — Князь Андрей, передав приказание 6-му егерскому, приехал на батарею.¹

Передав приказание 6-му егерскому, князь Андрей подъехал к орудиям Тушина.

«Сами сведите орудия с позиции», сказал ему Багратион, когда князь Андрей отъезжал от него. Следовательно, он мог не возвращаться к князю Багратиону, а остаться при орудиях. В свите князя Багратиона, между начальниками правого фланга, во всех полках, которые он проезжал, отыскивая 6-й егерский, князь Андрей видел на лицах выражение оживления и поспешности. Он сам скакал во всю прыть лошади и эта скачка еще более привела его в чувство потребности быстроты движения, в чувство поспешности. С этим чувством он, миновав передки, въехал в интервалы орудий Тушина на то самое место, где он час тому назад делал план поля сражения. В одном орудии лошади две запряженные лежали, жневье было окрашено кровью вокруг них и ездвые что то тянули подальше; ему показался спящий навзничь или убитый человек. Он не разобрал и, как всегда во время сражения, только нечаянно эти предметы отразились в его зрении. Подъезжая еще ближе, он заметил на примятой соломе жневья широкие следы, которые проложили откатываемые орудия, уже давно стрелявшие. В то время, как он проезжал то малое пространство, которое отделяло передки от пушек, четыре неприятельские ядра взрыли землю около него и одно из них ударило по ноге мертвого солдата.

* № 48 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).

²Полковой командир, сухощавый старичок с седыми бакенбардами, стоял подле дерева³ и молча глядел из за дыма [на] дальние линии французов.⁴ Он казался огорченным и безнадежным.

— Что же, ваше сиятельство, — сказал он огорченным тоном, повертывая лошадь к подъезжавшему Багратиону, — и отступать не могу — у меня два батальона в цепях рассыпано, а⁵ гренадеры не подходят...

Багратион слушал полкового командира с таким выражением, как будто всё то, что он слышал, было то самое, что он предвидел и приказал.⁶

¹ *Зачеркнуто:* Князь Андрей поскакал на батарею исполнять приказания.

² *Зач.:* — Какого полка? — спросил Багратион у солдата, шедшего

³ *Зач.:* и старался разглядеть

⁴ *Зач.:* Очевидно из французской цепи <видели> стреляли по этой группе

⁵ *Зач.:* Азовск[ие]

⁶ *Зач.:* — Гренадеры идут, — сказал он.

— Да, да, — сказал он.

— Я вам прямо доложу, ваше сиятельство, — сказал полковой командир, — надо либо отступить, либо что?¹ Нам держаться нельзя. — В ответ на эти слова Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения и поехал к двум батальонам, стоявшим под огнем в ротных колоннах. Хотя в распоряжении и было сказано отступить эталонами при начале дела, этого нельзя было сделать. Два батальона были атакованы французскими кон[ными] гренадерами. Багратион не мог успеть, и нечем было распорядиться; он только въехал с полковым командиром в самый огонь и стоял на фланге полка во время атаки всё такой спокойный и непроницаемый, как всегда. Людям было запрещено стрелять раньше команды. Кавалерия подскакала передними рядами ближе ста шагов и батальон затрещал выстрелами и атака была отбита. Батальон повеселел.

Батальонный командир, бледный, стоял перед фронтом и² кричал на солдат.

— Не стрелять! — кричал Багратион, подскакивая, но в то же мгновение раздался в задних рядах выстрел один, другой, по всему батальону, без команды, протрещал батальонный огонь и когда дым рассеялся, впереди виден был один барахтающийся под лошадьёю всадник и другие скакали назад. В эту же минуту³ роты, стоявшие в цепи, набежали на батальон. И в батальоне произошло смятение. Одни заряжали ружья, другие бежали назад. Команды офицеров не слышно было.

— Молодцами ребята! Атака отбита, стрелять, — прокричал Багратион. Наступила...

Но едва скрылись кавалеристы, как показались полки в синем, они шли ружье на перевес. Полковой командир сошел с лошади.

— Ребята, вперед. — Князь Андрей слез и пошел с другим батальоном. И тут произошла та атака, про которую пишет Thiers, редко говорящий правду: *les russes se conduisirent vaillamment*, — Да что ж идут, ваше сиятельство, вон слева две колонны неприятельские, вон обходят

¹ *Зачеркнуто:* <Это что? сказал Багратион и> В то время, как полковой командир говорил с князем Багратионом, французские колонны обошли справа наших и французские конные гренадеры атаковали наших. Полковой командир и Багратион заметили за дымом подвигающуюся черную полосу, которую они тотчас узнали за кавалерию, и рысью поехали к атакованным батальонам. Едва они съехали в ложину, как справа из за кустов показалась черная, приближающаяся полоса, которую скоро узнали за неприятельскую кавалерию. Багратион <ехал всё так же шагом, он обратился только к ехавшим за ним адъютантам> <ехавшему с ним полковому командиру. Атакуют батальоны, не стрелять> ударил лошадь и поскакал. Когда он подскакал к батальонам, уже можно было различить французских всадников в мохнатых шапках и масти лошадей. Они растянулись, впереди скакало три, потом много вместе.

² *Зач.*: махал шпагой

³ *Зач.*: подъехал князь Андрей, искавший князя Багратиона. Он видел впереди французского солдата.

chose rare à la guerre, on vit deux masses d'infanterie marcher résolument l'une contre l'autre sans qu'aucune des deux céda avant d'être abordée¹ и про которую сам Наполеон, еще реже говорящий правду, пишет на St. Hélène: Quelques bataillons russes montrèrent de l'intrépidité.² Это были те самые quelques bataillons, которые удивили французов.

* № 49 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).

6-й егерский полк, в котором служил Белкин, шел на правый фланг для того, чтобы итти в атаку против французов,³ вытеснявших наших из лощины. Та усиленная трескотня ружей, которую с своей батареей слышал Тушин, была конная атака французов, отбитая нашими. Но батальоны расстроивались под огнем неприятельской артиллерии. Багратион, отъехавший на крайний левый фланг к драгунам, послал князя Андрея к полкам, защищавшим лощину.

— Скажите, чтоб держались до последней возможности: сейчас придет 6-й егерский и мы их собьем.

Князь Андрей вспоминал не раз во время этого дня слова Тушина. Распоряжений никаких не было, по диспозиции ничто не делалось. Стреляли, бежали, назад удерживали солдат, стреляли, стреляли, отступить не могли, не видя ни своих, ни неприятеля.

Князь Андрей подъехал к лощине, застилаемой дымом и в которой перекатывались выстрелы. Толпы раненных и не раненных попадались ему навстречу. Но он не смотрел на них: его глаза были прикованы к тому бугру, по которому, спускаясь, приближаясь, взвиваясь и развиваясь, двигались французские батальоны. Въехав в дым, он не видал их более. В дыму беспрестанно свистели пули и, справа и слева, слышались выстрелы разбросанных наших солдат. Проехал еще несколько шагов, наши солдаты стояли гуще толпой, но не фронтом. Одни заряжали, стреляли, другие стояли так, опершись на ружья и [с] закопченными лицами, отдыхали. Это были задние ряды. Офицер один бежал ему навстречу.

— Третьей роты, в цепь, — кричал он.

— Как же, найдешь, — отвечал солдат, забывая шомполом.

— Тах тах! — слышались близкие выстрелы. Князь Андрей остановил офицера и спросил, где полковой командир.

¹ [Русские вели себя доблестно и, вещь редкая на войне, две массы пехоты шли решительно одна против другой, и ни одна из двух не дрогнула до самого столкновения]

² [острове Святой Елены: Несколько русских батальонов проявили бесстрашие.]

³ *Зачеркнуто*: разбивших уже Киевских гренадер. Отступить же нельзя было до тех пор, пока наши не перейдут, и потому надо было держаться, а для того, чтобы держаться, надо было атаковать. Цепи наши были сбиты, два раза французы атаковали и были отбиты. Но полки были в расстройстве; толпы раненных и их вожатых виднелись по полю. Два батальона развернутым фронтом стояли над лощиной и стреляли. Князь Андрей был послан к этим двум батальонам.

— Тут на дороге, вот сейчас. Что идет ли подкрепление? Перебили всех, одной третьей части людей в роте нет.

Князь Андрей нашел полкового командира впереди на дороге.

— Что же это будет! — говоря на о, досадливо обратился он к князю Андрею, — держаться нельзя, половина людей побита. Отступить что ль?

— Князь приказал сказать, что сейчас придет 6-й егерский, чтоб держаться.

— Да что держаться, вы поглядите.

Они выехали вперед. Огромная масса французской пехоты стояла на противоположной горе.

— Идут наши, — слышалось в рядах, — 6 егерцы! Ну-ка, свеженьки.

Через минуту тот же такт «левой — левой» слышался из-за выстрелов. Старичок повеселел.

— Не стрелять, в ротные колонны, — закричал он, — стройся! — и стрельба, затихая, затихла. Как будто сговорившись, французы перестали стрелять и с горы двинулась их пехота.

Что то торжественное произошло во всех.¹ Строились, офицеры вышли вперед. Князь Андрей чувствовал непонятную радость. Белкин с 6-м егерским прошел вперед. Старичок, собрав остатки батальона, построился в вторую линию. Багратион подъехал к рядам 6-го егерского. — Левой, левой.

— Ребята, не стрелять!²

— Гага, го! — раздались крики и полк прошел мимо него. Сзади него в ту же ногу шли Киевские гренадеры и, слезши, пешком, слабо, но в такт, шагая, шел старичок. <Князь Андрей³ верхом поехал рядом с Белкиным.>

— Вот мы штафиркой ругали адъютантов, а про вас скажу — молодец, — сказал Белкин.

Произошла та атака, про которую⁴

С горы князь Андрей, да и все с обеих сторон, все смотрели, и захватывало дух.

Сначала вырвало ядром, только справил шаг Б[елкин]. Нельзя было стрелять артиллерии, чтобы не бить своих.

Ближе, ближе. Уже веселые такие же старички, и молодые офицеры, и гренадеры, и их лица. Наши шли с горы, французы из под горы. Еще ближе, шаг разрознили и французские выстрелы вылетели.

— Ура-а-а-а! — слышалось в рядах русских и всё побежало. Французы бежали назад, стреляя через головы друг друга. Белкин упал, но все бежали вперед и, запыхавшись, старик полковой командир.

¹ *Зачеркнуто*: Я поведу 2-й батальон

² *Зач.*: пуля дура

³ *Зач.*: слез также

⁴ *Продолжения нет. В рукописи значок * для вставки выписки.*

Общий вид поля для князя Андрея, когда он объезжает. Гусары в избе качают, веселы. Денисов рассказывает про атаку. Начало. Багратион выезжает на батарею Тушина.¹ Стрельба, зажжение. Движение Белкина. Князь Андрей² на левом фланге.

Правый фланг, полковые командиры. Атака гусар. N говорит себе, как он счастлив. Долохов вперед ждет, что все трусы. Его атака и представлен п[олковому] к[омандиру].

Отступление³ Тушина. Ростов просится на лафет. Стрельба, Экономов. Долохов выбегает. N чуть не плачет. Тушин спит и забавляется. Приходят тени. N думал, что всё умерло, но подъезжает князь Андрей,⁴ записывает и велит благодарить Т[ушина].

* № 50 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).

ЗА ГРАНИЦЕЙ

1.

Кутузов с главной квартирой стоял на восточной границе эрцгерцогства австрийского в Браунау. Часть русских войск уже пришла и расположилась около Браунау, но с каждым днем приходили еще новые полки и, тесня жителей, расстановивались в том же обремененном военным постоем эрцгерцогстве, недалеко от главной квартиры.

— Боже мой, боже! — говорили городские и деревенские жители, оглядывая проходящие полки, — еще и еще. Уж и так разорены мы, а теперь, что будет?...

А русские ротные песенники полков, которые входили в деревни или города для занятия квартир, пели русские песни так же бойко и так же русско, как будто не недоброжелательные, бритые немцы, в синих долгополых сертуках, с закушенными на бок гибкими коленчатыми чубуками фарфоровых трубок, смотрели на них из дверей и окон черепицей крытых домов, а как будто свои русские парни и девки встречали служивых в московской деревне.

Иногда, впрочем, и австрийские жители, особенно моравы, сами не зная зачем, присоединялись к солдатам и в такт песни, размахивая руками, долго шли за ротой, переглядываясь между собой и улыбаясь.

⁵ На другой день князь Андрей, в сопровождении казака, выехал за крепость, чтобы встретить Бутырский полк, о котором ему было приказано. Полк стоял в полумили от Браунау. Главнокомандующий прислал сказать, что он желает смотреть полк ¹

Зачеркнуто: Князь Андрей остается на батарее

² *Зач.:* едет доложить на правый фланг. Атака, ее вид.

³ *Зач.:* вообще

⁴ *Зач.:* счастлив,

⁵ *Зач.:* 11 октября 1805 года один из только что пришедших к Браунау пехотных полков был остановлен в полумили от города

на походе.¹ Благодаря старательности и строгости полкового командира и бессонной ночи после похода, проведенной солдатами в чистке амуниции, полк был в настоящую минуту так же мало похож на то, что он был вчера, как мало похож сам на себя будничным, грязным, оборванный и запотевший работник, когда он, вымыв лицо и руки, намаслив голову и надев новое платье,² празднично выходит на воскресное гулянье. Вчера этот полк, растянувшись на несколько верст, по-ротно с своими обозами вился и рассыпался по дороге с громким говором, ругательствами, песнями, хохотом, выдававшимися из за неумолкаемых топота тысяч ног, бряцаний ружей, штыков и шума колес обозов. Вчера офицеры иные ехали, иные лениво таща ноги, собравшись кучками, шли не у своих мест в неформенных одеждах, солдаты в испачканных шинелях, иные с засученными панталонами, иные босиком с сапогами на штыке и с мешочками сверх ранцев, отставая и догоняя, переливались по дороге, <нынче> полк стоял возле дороги правильными четверугольниками с симметрично расставленными зелеными ящиками и фурами. Люди были в мундирах и чистых белых штанах с белейшими крестами перевязей.³ На чистых ранцах были у всех одинаково блестящие жестяные манерки и скатанные цилиндрами шинели. Ружья и штыки блестели чистотой. Беспременно от четверугольников рот отбегали рысью солдаты, придерживая сзади рукой тянущий назад ранец, и опять торопливо прибегали к своему месту. Офицеры в мундирах похаживали по местам перед своими командами. Полковой командир с батальонными командирами и штабными стоял перед фронтом, барабанщики в белых фартуках и с белыми нашивками держали верховых лошадей.

На краю большой дороги, обсаженной деревьями, стояли шедшие из деревни три немки с мальчиком. Они сложили свои ноши на землю и смотрели на полк. Старик немец с высоким до ушей воротником камзола, с видом человека всё знающего, на своем грубо горловом наречии объяснял то, что перед ним происходило.

— Ist das der General?⁴ — спрашивала немка, указывая на подъехавшего к полку офицера, за которым ехал казак.

— I bewahret⁵ — отвечал немец, не выпуская из зуб трубки, с одной стороны раскрывая рот. — Der kommt noch.⁶

— Sind's alles Russen?⁷ — спрашивала другая.

— Ne! Sind welche dadrunter. S'sind verschiedene, sind Croaten,¹ *Зачеркнуто*: Но несмотря на выраженное главнокомандующим в приказе желание видеть полк в том самом положении, в котором он шел весь поход

² *Зач.*: становится на свое место между прихожанами

³ *Зач.*: Ранцы у всех по одной и той же форме

⁴ [Это генерал?]

⁵ [Да вовсе нет!]

⁶ [Он явится позже.]

⁷ [Это всё русские?]

sind Schweizer und auch Kosaken aus Siberien... Gieb acht! Jetzt wird geschossen,¹ — прибавил старик, обращая внимание слушательниц на крики, раздавшиеся по рядам. Но вслед за криками по всем рядам сделалось движение и солдаты не стреляли, а составляли ружья, снимали, подкидывая плечом, ранцы, раскатывали шинели и надевали.

Офицер, подъехавший к полку, был адъютант главнокомандующего, князь Болконской. Он был прислан с тем, чтобы полк отнюдь не чистился и не одевался, а был бы совершенно в том виде, в каком он шел походом, так как главнокомандующий особенно желал сам видеть и показать австрийскому генералу, приехавшему из Вены, то положение, в котором приходят войска.

— Что теперь делать? — с отчаянием повторял полковой командир, когда ему передано было приказанье. — Ну, батюшка, удружили.²

Князь Андрей,³ как бы желая предупредить попытки фамильярности полкового командира, только повторил приказанье и⁴ лениво стал слезать с лошади.

— Возьми ты! Казак!⁵ — сердитым тонким голосом сказал он.

— Как же это быть? — сказал⁶ генерал, — а я прибрал было полк.

<— А этого то и не угодно князю, — сказал князь Андрей, разминая ноги, как будто он проехал пятьдесят верст.

— А я все силы употреблял, как бы лучше, — говорил полковник, — в приказе сказано: на походе... Вы сами читали, Иван Никанорыч, — обратился он к одному из офицеров.

Князь Андрей <сердито> отвернулся, показывая, что говорить он больше не хочет.

— Когда же будет?

— Сейчас! — отвечал князь Андрей и поглядел на батальонных командиров таким взглядом, каким он смотрел на засохшую траву под ногами.

— Князь Андрей Николаевич Болконской, ежели узнаете... — сказал смеясь <с скромной улыбкой> здорового, свежего <лица один из> батальонных командиров.

— А! Ахрасимов! здравствуйте, милый!

— Здравствуйте, князь, — повторил сын Марьи Дмитриевны, который, видимо из боязни, чтоб князь Андрей не обошелся с ним оскорбительно, робко подходил к нему, едва сдерживая детски добродушную улыбку. Батальонный командир майор Ахрасимов¹ [Нет! Тут разные. Разные тут, есть кроаты, есть швейцарцы и тоже казаки из Сибири. А теперь берегись! будут стрелять,]

² *Зачеркнуто*: Зачем это?

³ *Зач.*: с оскорбительной учтивостью

⁴ *Зач.*: отвернулся, равнодушно оглядывая батальонных командиров, тем же взглядом, каким бы он глядел на крыши деревни.

⁵ *Зач.*: своим резким и звучным

⁶ *Зач.*: полковник

имел весьма широкие и высоко поднятые плечи, которые как будто угрожали задушить его и вследствие этого придавали еще более добродушия его здоровому лицу.

Как отец князя Андрея ласково обращался к Михаилу Ивановичу, бессловесному архитектору, с тем, чтобы показать губернатору расстояние, разделяющее их друг от друга, так и, озадачив полкового командира, который ему особенно не понравился за слово «батюшка», князь Андрей особенно ласково приветствовал знакомого ему с детства майора Ахрасимова, несмотря на то, что он считал [его] не больше, как безобидной *chair à canon*.¹

Он взял его за руку и три раза, не изменяя холодного выражения лица, поцеловал его так, как христосываются генералы.

— Живая Марья Дмитриевна в мундире, — сказал он, слегка улыбаясь...

— Вот где пришлось свидетелься, — совсем распуская улыбку, повторял Ахрасимов.

— А я очень, очень рад, что вас встретил, — сказал князь Андрей, — мне очень многое хочется вас расспросить.

Полковник между тем подошел к рядам и, вызвав ротных командиров, сделал распоряжение о переодевании опять в шинели.>

* № 51 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).

²В октябре месяце 1805 года эрцгерцог Фердинанд и начальник его штаба Мак, с командуемыми ими австрийскими войсками, находились под Ульмом, на границах Баварии.³ Кутузов с русскими войсками стоял позади в эрцгерцогстве австрийском,⁴ в крепости Браунау и, несмотря на требования венского кабинета, медлил своим присоединением к австрийской армии. Ходили слухи о том, что австрийские войска пострадали при встрече с французами, но Кутузов, ожидая с одной стороны верных известий о ходе дел под Ульмом, с другой — приближения всех колонн своего растянувшегося по всей Германии войска, пышным екатерининским вельможей жил в Браунау, обмениваясь пирами и празднествами с австрийскими князьями и графами.

11 октября 1805 года один из только что пришедших к Браунау пехотных русских полков, ожидая смотра, правильными четверугольниками, с ружьями в козлах и с симметрично расставленными зелеными ящиками и фурами, стоял в полумили от города.

Несмотря на резкий холод осеннего утра, люди были в одних мундирах и чистых, белых штанах. Кивера блестели вычищенными медными орлами, чешуями и новыми, красными с белым, помпонами. На телячьих ранцах, прикрепленных намеленными и ¹ [пушечным мясом.]

² *Зачеркнуто*: 11 октября 1805 года кампания открылась; русские войска под начальством Кутузова

³ *Зач.*: Слышно было, что они уже вступили в бой с французами.

⁴ *Зач.*: Австрийское правительство негодовало на Кутузова за то, что он не шел на соединение с Маком

налакированными, на груди скрещенными, ремнями перевязей, были у всех одинаково скатанные цилиндрами шинели и блестящие жестяные манерки. Тысячи ружей, рядами составленные в козла, одинаково краснели ремнями и блестели штыками. Несмотря на то, что вблизи виднелся немецкий городок с черепишными крышами и немецкой башней кирпичи и что по обсаженной деревьями дороге, на которой стоял полк, проезжали немцы в парных форшпанах, и толпа,¹ немки в своих некрасивых одеждах смотрели издали на войско, полк имел точно тот вид, который имел в то время всякий русский полк, готовящийся к смотру где нибудь в середине России. Точно так же солдаты то там, то здесь беспрестанно рысью отбегали от четвероугольников рот, придерживая рукою тянувший назад ранец и, торопливо оправляясь, подбегали к своим местам. Точно так же офицеры в мундирах, шарфах, знаках, [в болтающ]ихся по ногам шпажках, шутливо называемых селедками, молодые и очень старые, похаживали перед своими командами, точно [так же коре]настый полковой командир с своими...² эполетами, как неприступное [изваяние] стоял далеко впереди полка, окруженный проворными штабными офицерами и пестрыми, сверху донизу покрытыми нашивками барабанщиками в телячьих фартуках, и отрывисто хмурился, отдавая приказанья, или благосклонно шутил. [Точно так же] полукаретные лошади начальников и командиров держались в поводу барабанщиками и в большом чепраке, как что то особенное, неземное, держалась двумя денщиками, как атлас выхоленная, англизированная лошадь полкового командира.

Полк был почти в том состоянии, в котором бывает полк, готовящийся к смотру в России, но для того, чтобы привести его в это состояние, после перехода в три тысячи верст, нужны были сверхъестественные усилия, и эти усилия³ были употреблены.⁴ С вечера был получен приказ, что главнокомандующий будет смотреть полк на походе и солдаты целую ночь, после тридцативерстного перехода, чистили оружие и амуницию. Человек тридцать в эту ночь к утру отправлено было в лазарет, человек двадцать наказано, но к утру всё блестело, всё было по форме и полк мог более или менее спокойно ожидать смотра.

Вглядевшись ближе, можно было заметить много недостатков в состоянии полка. Обоз был не в комплекте: сломанные фуры были заменены не форменными и неформенный обоз был спрятан¹ *Зачеркнуто*: женщин и детей со страхом

² *В рукописи оборван уголок. Многоточие редактора.*

³ *Зач.*: благодаря строгости и заботливости полкового командира

⁴ *Зач.*: в предшествующую ночь. Не только не спали солдаты, не спали фелдвбееля, (эта особенная порода людей, не знающая общей другим людям меры усталости и потребности отдыха, сна и пищи) <фелдвбееля наблюдали за> фелдвбееля убирали обозы, возбуждая деятельность в своих командах. Не спали и ротные командиры, не раздеваясь, хлопотали по своим командам, и полковой командир не снимал мундира и лично следил и за поправкой обуви, и за расчетом людей, и за приведением обоза в приличное состояние, и за устройством котлов, и за канцелярией.

за деревней; много было отсталых, больных и нестроевых, показанных больными по той причине, что они, по недостатку обуви, не могли быть прилично выведены в строй, у многих и в строю обувь казалась только исправною, в сущности же дыры на сапогах были зачернены ваксой; ранды в двух ротах были еще не по новой форме и т. д. Все эти недостатки знал полковой командир, но он знал тоже, что приложить к своему делу более усилий, чем он, невозможно было и потому в душе его соединялось чувство страха, чтобы другие полки не были лучше его, и чувство¹ надежды, что,² приняв во внимание труды, перенесенные полком, главнокомандующий может остаться не недоволен.

Полковой командир был еще не старый генерал, плотный, широкий, больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому, и статный мужчина. На нем был новый с иголочки и с слежавшимися складками мундир с орденами, полученными в мирное время, и с густыми, золотыми эполетами, которые как будто не к низу, а кверху поднимали плечи. Мундир и панталоны были узки и полковой командир, видимо, не мог уничтожить в себе сознания округлостей своего полного тела; так что сознание это мешало совершенной свободе его движений.³ Он похаживал перед фронтом и, похаживая, подрагивал на каждом шагу,⁴ слегка изгибаясь спиною. И эта подрагивающая походка⁵ как будто говорила, что, кроме воинской дисциплины, в душе полковника были еще струны участия к общественности и прекрасному полу.⁶

[Далее со слов: Ну, батюшка, Миколай Митрич, — до конца отрывка — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. I.]

* № 52 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).

< — Что это он кричит? — между тем спросил князь Андрей у Ахрасимова.

Ахрасимов посмотрел.

— А!... — сказал он, узнав в чем дело. — У нас разжалованный¹ *Зачеркнуто:* гордости

² *Зач.*: его полк сравнительно еще не совсем в дурном состоянии

³ *Зач.*: Проходя по рядам полковник

⁴ *Зач.*: грациозно

⁵ *Зач.*: видимо умышленно усвоенная полковым командиром, показывала

⁶ *Зач.*: Распорядившись переодеванием, полковник, подрагивая, подошел опять к князю Андрею, которого он успел узнать фамилию.

— Позвольте быть знакомым, князь, — сказал он. — Ну, что скажете, как здесь продовольствие?

— Мне ничего не известно, — сухо отвечал князь Андрей. Полковник нахмурился, отошел несколько шагов. Подрагивая, похаживая перед фронтом, полковник наблюдал, как быстро переодевались люди. Вдруг он, окончив распоряжения по полку, подрагивая, подошел опять к князю Андрею, желая побеседовать с штабным; но князь Андрей, заметив его приближение, отошел от него. Полковник обиделся. Молодецки загнув руку ладонью внутрь, он взялся за темляк, тряхнул эполетами и, устремив глаза на ряды полка, видимо отыскивая упущения и желая за дерзость адъютанта наказать кого-нибудь из подчиненных.

— Это что еще? — закричал он. — Это что? — закричал он, указывая на что то в 3-й роте, <видимо не столько для> командира 3-й роты

есть, Долохов, Вольности себе позволяет, <а полковник не допустит.> И теперь что-то...

— Долохов, вы говорите, меня просили за него.¹ Что он, этот Долохов?

— Да как вам сказать, князь, — улыбаясь говорил Ахрасимов. — С ним держи ухо востро. Как говорит он, так точно будто и безвинно, и образован, и умен, и благороден, и добр, солдатам много дарит. Его любят солдатики. А характер зверский, своего крепостного чуть до смерти не убил.² Опасный даже человек, как раз брюхо штыком распорот.³ Ну, а наш полковник молодец. Строг, а справедлив — молодец, как ни поверни. Полковник⁴ спуска ему вот на сколько не дает.

— Гм... — промычал князь Андрей.⁵

— Как же я не пойму, князь, как же говорят, что австрийцев дело плохо, а мы всё тут стоим, не двигаемся? Вы мне⁶ скажите, князь.

— Так видно надо, — сказал князь Андрей. — Руки связаны.

— Кем же, князь, австрийцами?

— Должно быть...

— Ну, а правду говорят, что австрийцы побиты?

— Говорят,⁷ но официально мы не имеем никаких известий. Мы только поздравляем австрийцев с победами.

— Да какие же победы?

— Должно быть победы.

Они помолчали.

— Вы думаете, для чего вас смотрят на походе? — сказал князь Андрей.

Ахрасимов спрашивал взглядом.

— А для того, чтобы показать австрийскому генералу, который вчера приехал, что вы без сапог. Вы хлопчете получше одеться, а что хуже — то лучше.⁸

— Нет. Вы мне расскажите. Ну, а как же нам жалобы доходят, что вы грабите очень жителей? — сказал князь Андрей. — Это как? Правду скажите.

— Да, как вам сказать, князь, — всё более улыбаясь, сказал Ахрасимов. — Вы меня знаете. Охотник ли я до чужого и позволил ли бы я какиенибудь глупости? — Он помолчал. И князь Андрей сознался, глядя на его лицо, что этот человек меньше кого бы то ни было на свете способен был поощрять грабеж.

¹ *Зачеркнуто в первой редакции:* Петр Безухов, знаете...

— Где мне знать этих аристократов ваших, я солдат простой.

² *Зач.:* Сказал нам, что ежели ему грубость сделает кто-нибудь в полку, он тому

³ *Зач.:* и сделает, этакой мальчик.

⁴ *Зач.:* слушал его угрозу и

⁵ *Зач.:* — Да что шутить, а вы лучше нашему брату армейцу расскажите, что

⁶ *Зач.:* растолкуйте, — продолжал расспрашивать Ахрасимов

⁷ *Зач.:* к нам пришли два отряда

⁸ *Зач.:* Да что говорить.

— Ну, а вот, — продолжал Ахрасимов, — как это вы скажете: идем мы два дня без дневков за Тешеном, нам говорят, подводы будут. Приходим, нет ничего. Кирасирская дивизия под штаб всё забрала. Идем сорок верст без отдыха, дождь, холод, слякоть. Приходим, квартир нет, лошадям клока сена нет. Что ж так и стоять? Ну, и ничего не говоришь, не приказываешь. Глядь, разбежались солдатики, разбежались солдатики, — повторил Ахрасимов, с нежностью произнося эти слова. — И, глядишь, тащут, кто заборчики, кто сенца, кто мешочек.

Он улыбался весело и счастливо.

— Ведь не забудьте, князь, день не ели, продрогли, у половины пальцы из сапог торчат, сапоги каши просят. Ну что ж, грабеж разве это? Ведь для них же идем. Что ж они не готовят, что ж не рассчитывают? А я вам, князь, я как благородный человек скажу, — продолжал он, одушевляясь, — не знаю, как в других полках, а наши мушктеры, это такие молодцы солдатики, это братья, а не солдаты. Всё ни по чем. А поднесут водочки — держись. Всё забыли.

Князь Андрей внимательно, не спуская глаз, слушал Ахрасимова с тем видом, с которым слушают не человека, с которым разговаривают, а человека, который читает стихи или поет.

— Ну, а ротные как? Пользуются. У вас так называется, кажется, — спросил он.

Ахрасимов всё улыбался, но при этом вопросе засмеялся.

— Как вам сказать; ему надо получить деньги на провиант, а он так достанет.

— Как так? Украдет?¹

— Отчего ж украдет, князь? Нет, никому не хуже, а деньги у него останутся. На это хозяйство — расчет.² У нас капитаны молодцы. Вы посмотрите, у меня в батальоне, нигде таких ротных артелей не найдете. Я не к тому говорю, что я служу в этом полку, или чтоб вас заманить, я знаю, вы так меня выпытываете, но я и в гвардии служил, а поручусь, что исправнее полка армейского не найдете. Люди сыты, довольны, дисциплина строгая. Полковник справедливый, знает службу вот как! Офицеры! товарищи, дух благородный, а присяга,³ что и говорить.>

* № 53 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).

<— Вот видите ли что, мой любезный друг, — говорил князь Андрей, улыбаясь слегка, как будто своим собственным мыслям.

— По правде вам сказать,⁴ хотелось мне перейти в простой пехотный полк. Взять батальон и служить просто.⁵ Но я не понимаю,¹ *Зачеркнуто*: — Как можно

² *Зач. в первой редакции*: — Эх, князь, да кто роты то командиры? Ведь это не миллионеры, а так дворянчики и хорошие есть

³ *Примечание Толстого*: солдаты

⁴ *Зач.*: адъютантская служба не по мне

⁵ *Зач.*: Только скажите мне, что как

как это у вас в полку. Какие ваши отношения с полковым командиром. Что за люди у вас служат?¹

— Вы шутите, князь?

— Нет, не шучу. Ну, вы и сами из гвардии. Можно у вас служить порядочному человеку, чтоб не загрязниться?

— Ах, князь, я вам скажу, как благородный человек, — отвечал улыбаясь Ахрасимов, — служить у нас очень можно. Полковой командир молодчина, службу знает, справедлив, строг, но человек хороший, князь. И благородный человек.

Князь Андрей слушал внимательно, не спуская глаз с Ахрасимова, с тем выражением, с которым слушают человека, который читает стихи или поет.

— Ну, а это что ж? — сказал он, презрительным жестом указывая на полковника, который в это время, наступая на капитана Брыкова, кричал на него.

— Ну как же, князь, нельзя по службе другой раз не погорячиться. Да вы шутите — не пойдете...

— Я вам говорю, только покажите мне полк, где бы я нашел порядочных людей, и я завтра батальонный командир, как и вы.>

* № 54 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. III).

<Накануне смотра австрийский генерал, член Гофкригсрата и приближенное лицо императора Франца, проехал с важным поручением от своего императора из Вены в Браунау к Кутузову.

Австрийский генерал сказал, что в Вене весьма сожалеют о бездействии русских орлов, которые привыкли перелетать от побед к победам, и недоумевают, почему Кутузов медлит приблизиться к театру войны к Ульму,² где русских верно ожидает победа, всегда сопутствующая храброму русскому императорскому войску, и новые лавры его храброму главнокомандующему.³

Кутузов отвечал, что с тех самых пор, как он вступил с войсками в австрийские владения и, особенно после того, как он лично имел счастье слышать достопамятные слова, сказанные ему в Вене самим австрийским императором, единственная цель его жизни — цель, к которой стремятся все его желания, состоит в том, чтобы быть приятным его австрийскому величеству и быть в его просвещенных руках полезным орудием всеобщего блага, но, несмотря на это обстоятельство и на всё его высокое уважение к просвещенному руководству лиц, составляющих Гофкригсрат, и на всё желание исполнить мудрые, данные ему советы — он на этот раз чувствует себя вполне несчастным тем, что обстоятельства ¹ *Зачеркнуто*: всю правду мне скажите.

² *Зач.*: где стоит Мак

³ *На полях*: <После смотра между Кутузовым и австрийским генералом произошел весьма оживленный разговор о том, нужно или нет итти Кутузову вперед.>

мешали ему, еще согласно желанию императора и Гофкригсрата, присоединиться к австрийской армии и сдать с себя бремя ответственности в руки знаменитого эрцгерцога Фердинанда и его еще более знаменитого помощника генерала Мака, которого заслуженная слава дорога ему — Кутузову, как слава русского. — Впрочем, — говорил Кутузов, — австрийские войска привыкли к победам и, ежели я не двигаюсь вперед, задержанный с одной стороны неизвестностью, с другой еще не полным сбором моих войск, я, тем не менее, верю и жду, что и без нашего содействия войска императора Франца будут достойными его, покроют себя славой, уничтожат армию Буонапарте и сделают наше присутствие здесь излишним.

(О слухах совершенного поражения австрийских войск, известных так же хорошо Кутузову, как и австрийскому генералу, Кутузов не упомянул.)

Австрийский генерал, несмотря на такие сильные доводы, утверждал, что несправедливо после перенесенных русской армией трудов похода лишать эту армию славы победы, и настаивал, чтобы Кутузов шел вперед.

Тогда Кутузов отвечал, что: 1) войска, которые еще не все пришли, несмотря на любовь жителей, высказываемую везде союзникам, и несмотря на заботливость примерного австрийского правительства, весьма изнурены, не имеют сапог и нуждаются в отдыхе и 2) что несмотря на искусство, с которым вел дела генерал Мак, Кутузов не имел от него достаточных известий о положении враждующих армий для того, чтобы двинуться вперед, и потому он считал лучшим подождать.

— Чтобы показать вам, князь, (австрийский генерал был князь) до какой степени я не имею мнения, не только противного воле императора, но даже какого-нибудь личного мнения в деле общем, и до какой степени я желал бы поскорее присоединиться к эрцгерцогу Фердинанду, чтобы снять с себя тяжелую ответственность, я предаюсь на ваш суд, генерал. Я нынче же велю составить memorandum, un petit memorandum¹ и пришлю вам² и по этим данным я буду просить решить, должен ли я идти вперед или ожидать. Как вы решите, так и будет. Как охотно сдал бы я командование армией более опытному и искусному генералу, которыми так обильна Австрия.

<Сказав это, Кутузов оглянулся и увидав близко от себя Болконского, подозвал его к себе и поручил ему вместе с старшим адъютантом Введенск[им] составить это memorandum и представить его превосходительству.³>

¹ [небольшую памятную записку]

² *Зачеркнуто*: из всех известий, которые я имел от эрцгерцога Фердинанда, от графа Мерфельда, от лазутчиков и от графа Ностица о положении войск и по этим

³ *Зач.*: Тут только Болконский в первый раз прочел последние известия, которые получались из армии Мака. Все были самые утешительные. Войска эрцгерцога были одушевлены мужеством и всякое движение неприятеля было предвидено с тем, чтобы уничтожить его.

— Ах да, — прибавил Кутузов, — ежели вашему превосходительству есть время, то не сделаете ли вы мне удовольствие и честь съездить завтра со мной посмотреть на только что пришедшие из России полки. Ежели это может быть для вас интересно...¹>

Возвратившись с смотра, австрийский генерал, пригласив к себе другого, находившегося при русской главной квартире по части продовольствия австрийского генерала Штрауха, и не приказав никого допускать к себе, занялся рассмотрением переданных ему бумаг. Разложив на двух, составленных для этой цели, столах две топографические карты, перебрав по числам переданные ему документы и сложив один на другой и рукой уравнив их стенки, генерал² передал адъютанту первую по порядку бумагу, письмо 28 сентября от эрцгерцога Фердинанда к Кутузову, и уравнив ноги под столом и симметрично положив руки на стол перед карандашом, он также симметрично и аккуратно, как и бумаги, с видом человека, который знает, что исполнил³ все свои обязанности и которого совесть перед своими <ближними>⁴ спокойна, сказал:

— Читайте. — Адъютант начал чтение.⁵

«Die Kaiserliche Königliche Armee hatte sich bisher den wichtigen Vortheil verschafft, Meister von der Iller, von Ulm und Memmingen zu sein...»⁶

Генерал остановил чтение и большим ногтем провел черту по реке Иллере до Ульма. Штраух приподнялся и поглядел. Потом оба сели.

«... um zusammengehaltene Kräfte zu behalten und sich nicht durch die Deckung Tyrol's schwächen zu müssen».⁷

— Кроме того, ежели вы можете мне уделить час времени, — заключил Кутузов, обращаясь с приятной улыбкой к члену Гофкригсрата, — не сделаете ли вы мне честь съездить завтра со мной посмотреть на приходящие войска. Вы сами увидите, ваше превосходительство, — сказал он, — как, несмотря на все старания австрийского правительства, войска эти приходят изнурены таким огромным походом, что нет расчета не дать им отдохнуть. Кутузов оглянулся и, увидав Болконского, подозвал его к себе.

— Вот что, дружок. — Он подумал. — Завтра Бутырский полк должен притти. Поезжай ты, скажи, что я буду смотреть на походе, как есть, поез[жай?], мой милый.

¹ *Зачеркнуто:* Два австрийские генерала: <Мерф> тот, который приехал из Вены, и тот, который находился при русской армии для продовольствия ее, уединившись в отведенную им комнату в том же доме, где жил Кутузов, были заняты чтением и обсуждением документов и memorandum'a, составленного для них старшим адъютантом Кутузова.

² *Зач.*: надел на свой плоский нос круглые очки

³ *Зач.*: всё, что ему повелевала его

⁴ *Зач.*: подчиненными, равными и высшими

⁵ *На полях:* <Письмо это извещало о самом выгодном положении армии.>

⁶ [Императорская королевская армия имела до сих пор важное преимущество: занимать командное положение на Иллере, Ульме и Меммингене...]

⁷ [... и таким образом сохранила объединенные силы и не была вынуждена ослаблять себя защитой Тироля.]

Генерал ладонью ударил на Тироль.

«Der Feind findet nicht für gut diese Stellung mit offener Stirne anzugreifen. Er will sie tournieren...»¹

Генерал встал, объясняя слово «turnieren», и обвел круг рукой.

«... und hiedurch unsere Vereinigung mit der Russisch-Kaiserlichen Armee verhindern...»²

Генерал остановил чтение и крепко ударил сухим кулаком по столу.

— Полк, который мы смотрели нынче, из последней колонны, — сказал он. — А потому приближение остальных войск не может замедлиться. Что значит после этого замедление генерал-аншефа?

Он посмотрел на Штрауха. Штраух ничего не ответил. Он пожал плечами, как будто тут говорить было нечего.

— Таково было намерение и что теперь из этого вышло. Читайте! — сердито крикнул он на адъютанта, как будто этот офицер был виноват в том, что армия еще не соединилась.

«... wozu Bonaparte durch den Durchbruch der einen seiner Armeen durch das Preussisch-Anspachsche sich die Möglichkeit verschafft hat weil er die Vereinigung seiner beiden Armeen früher bewirkte. Wirklich dürfte also unsere Vereinigung mit der Russischen-Kaiserlichen Armee für den Augenblick verhindert, oder da die beiden feindlichen Armeen bereits vereinigt und Meister von Donauwerth sind, gefährlich werden, solche alsogleich aufzusuchen — oder die Kaiserlich-Russischen Colonnen in der Verfassung wie sie ankommen gleich augenblicklich vom Inn vorrücken zu lassen. Indessen haben wir in dem Lande vom Lech bis tief in Schwaben auf längere Zeit zu leben, als es uns nöthig sein kann, bis die Kaiserlich-Russische Armee am Inn mit Allem versehen und thätig zu werden vermögend sein wird».³

На этом месте Штраух почтительно остановил чтение и заметил, что не таково положение здесь и что мародерство русских солдат «ist eine wahre Plage».⁴ Генерал в очках посмотрел на Штрауха с укором и сожалением и ничего не ответил.

— Читайте!

«Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an ¹ [Неприятель не находит для себя выгодным открыто атаковать эти позиции. Он хочет их обойти...].

² [... и таким образом помешать нашему соединению с русской императорской армией...]

³ [... для чего Бонапарт создал себе возможность, заранее обеспечив соединение обеих армий своим прорывом одной из них в Прейсиш Анспахе. Действительно, если бы нам помешали соединиться сейчас с русской императорской армией, или, так как обе неприятельские армии уже соединились и занимают командное положение при Донауверте, они стали бы для нас опасны — надо сейчас же разыскать их или же императорские русские колонны в том состоянии, в каком они придут — сейчас же, мгновенно продвинуть с Инна. В то же время нам придется надолго дольше, чем это нам может быть нужно, задержаться в местности около Леха, далеко углубив шись в Швабию, пока расположенная на Инне русская императорская армия не будет снабжена всем необходимым, чтобы быть вполне боеспособной.]

⁴ [настоящее бедствие.]

70,000 Mann, um den Feind, wenn er an dem Lech passierte, angreifen und schlagen zu können».¹

— Гм, гм... Die wird er nicht passieren,² — мрачно сардонически и угрожающе посмеиваясь, сказал генерал.

«Wir können da wir Meister von Ulm sind den Vortheil auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben nicht verlieren. Mithin auch jeden Augenblick wenn der Feind den Lech nicht passierte, die Donau übersetzen uns auf seine Kommunikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassieren...»³

На этом периоде генерал остановился, задумался. Он велел перечитать два раза, разбирая, где *passieren*⁴ и где *repassieren*,⁵ и <наконец> поняв ударил по карте и улыбнулся.⁶

— Ну, ja,⁷ продолжайте.

«... um dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Allirte...»

— Treue Allirte!⁸ — повторил генерал два раза иронически, взглянув на Штрауха и найдя на его лице то же выражение, говорившее, что называть русских «treue Allirte» — ist ein guter Spass,⁹ махнул рукой. Адъютант продолжал: «... mit ganzer Macht wenden wollte seine Absicht alsobald vereiteln. Wir werden auf solche Weise dem Zeitpunkt, wo die Kaiserlich Russische Armee ausgerüstet sein wird, muthig entgegenharren und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden, dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient.

— So er verdient,¹⁰ — повторил генерал три раза, видимо одобряя этот оборот речи и видя в нем сильное и ясное выражение истины.

Адъютант ждал. Генерал кивнул головой.

«Diesmal wäre es nothwendig dass die Kaiserlich-Russische Kolonne die Vorsicht brauchte, jedoch wo möglich nicht bei Braunau...»

— Nicht bei Braunau,¹¹ — повторил генерал, строго взглянув¹ Мы имеем вполне сосредоточенные силы около 70.000 человек, так что мы можем атаковать и разбить неприятеля в случае переправы его через Лех.

² [Через Лех он не перейдет,]

³ Так как мы уже владеем Ульмом, то мы можем удерживать за собой выгоду командования обоими берегами Дуная, стало быть, ежеминутно, в случае если неприятель не перейдет через Лех, переправиться через Дунай, броситься на его коммуникационную линию, ниже перейти обратно Дунай...

⁴ [переходить]

⁵ [перейти обратно,]

⁶ *Зачеркнуто.*: тонко соображая и сказал

⁷ [да.]

⁸ [...и неприятелю, если он вздумает на наших верных союзников...

— Верных союзников!]

⁹ [«верными союзниками» — хорошая шутка,]

¹⁰ [... если он вздумает обратить всю свою силу на наших верных союзников, не дать исполнить его намерение. Таким образом мы будем бодро ожидать времени, когда императорская российская армия изготвится и затем вместе легко найдем возможность уготовить неприятелю участь, коей он заслуживает.

— Коей он заслуживает,]

¹¹ [Для этого императорской русской колонне нужно принять все необходимые меры, чтобы не при Браунау...

— Не при Браунау, —]

наверх сквозь потолок на Кутузова, который все еще стоял у Браунау.

«.....sondern Mühldorf hinter dem Inn sich zu sammeln, mit der Oesterreichischen Kavallerie und Artillerie, die zu ihnen stossen kann und mit den noch rückwärts befindlichen Pontons sich ausrüsteten wo sie dann versehen mit Kaiserlich-Königlichen Kavallerie und Artillerie sehr bald thätig werden können. Übrigens ist die Kaiserliche Königliche Armee in der möglichst besten Fassung und Stimmung und mit voller Zuversicht können wir eben dasselbe von der Kaiserlich-Russischen hoffen, so wie uns, um die erwünschte Vereinigung bald zu erlangen nichts schwer und unmöglich sein wird.

Гюнтцбург, den $\frac{8 \text{ Oktober}}{28 \text{ September}}$ 1805

Е. Н. Ferdinand.»¹

Окончив письмо, генерал встал и обдуманно энергическим жестом ударил по столу.

— Вот положение нашей армии, — сказал он. — Что же нам говорят про затруднительное положение генерала Мака! Всё предвидено, всё обдумано. Всё ясно, как день. И из этого письма я не вижу причин медлить...²

Генерал долго думал. Все молчали. Наконец, положив письмо направо, он взял слева следующую бумагу, старательно отвернул загнувшийся уголок и передал адъютанту.

<В то время, как австрийский генерал таким образом проверял прошедшие стратегические действия, нисколько не подозревая той участи, которая уже постигла Мака и его армию, в соседней комнате, занимаемой ординарцами Кутузова, раздавались громкие голоса и перекатывающийся хохот.>³

Толстый офицер, распустив мундир, особенно туго сжимавший его толстую, нежно белую шею, поджимая тучный живот, говорил, что он умрет с голода, если его слуга сейчас же не принесет ему завтракать.

¹ [но в Мюльдорфе позади Инна соединиться с австрийской кавалерией и артиллерией, которые ей встретятся, чтобы вместе с имеющимися сзади понтонами в скором времени стать вполне боеспособной. Впрочем императорская королевская армия находится в наилучшем расположении духа и настроения и мы с полной уверенностью можем этого же ожидать со стороны русской императорской армии, как и того, что желательное скорое соединение не представится ни трудным, ни невозможным.

Гюнцбург, $\frac{8 \text{ октября}}{28 \text{ сентября}}$ 1805

Эрцгерцог Фердинанд.]

² *На полях:* Ваше превосходительство, вы не думайте, что кухня или неосторожность, но что ежели это случилось, то

— Wie naïv!

Хохот.

³ *На полях:* <Волконский писал в дежурной: — Не мешайте!>

Дверь в коридор была отворена. Ливрейный немец лакей главнокомандующего с подносом, на котором стоял прибор и дымящаяся котлетка, проходил мимо двери.

— Стой, стой, Готлиб, — поспешно вскочив со стула, прокричал толстый офицер, чрезвычайно легко по своей тяжести подходя к двери. Красивое толстое лицо его перестало смеяться и выражало заботливость.

— Ты это кому, австрийскому генералу? — сказал он, держась за тарелку и не спуская глаз с котлетки и нагибаясь <чтоб вдохнуть> ее сочный запах. — Он еще у главнокомандующего?¹

— Нет, сейчас сошли, — отвечал Готлиб, улыбаясь.

— Он еще занят, ты вели сделать скорее другую, — продолжал толстяк, силой отнимая котлетку. — А я умираю есть хочу. Вели ты моему каналье скорее поворачиваться и нести нам всем завтракать. Да вели, голубчик, принести мой погребец с вином или лучше сам принеси и сам выпей, — прибавил он Готлибу, который, невольно согласившись, улыбаясь, расстилал салфетку на маленьком столике. Толстый офицер с сияющими глазами, ногами подвигая стул, близко нагнулся над котлетой, положив вокруг [руки], как будто обнимая ее, отрывая и сминая белый хлеб своими пухлыми пальцами с тем, чтобы его вместе с половиной котлетки сразу положить в свой румяный, огромный, красивый рот.

— Не дам, не дам, я наших союзников обижать не позволю, — заговорил корнет с строгим видом, ловко выхватывая из под руки толстого офицера тарелку.

— Хорошее и своевременное продовольствие войск и особенно генералов в военное время — первое дело, так и в арифметике сказано, — и он, ловко отвертываясь, передавал тарелку смеющемуся слуге.²

— Возьми, Gottlieb, — сказал он, ударяя себя в грудь.³ — И я голоден, но я верен союзнику.

Но толстый офицер видимо не любил таких шуток в минуты, когда ему есть хотелось. Он не разделял общего смеха и, злобно нахмурившись, всем своим тучным телом так быстро и легко, как невозможно было ожидать, [бросился] на корнета, как перышко прижал его к себе одной рукой, вырвал тарелку и тотчас, близко наклонившись над ней, чавкая, стал огромные кусок за куском отправлять в свой увлажнившийся красивый рот.⁴

Князь Андрей, сжав зубы, оглянулся, но, ничего не сказав, продолжал писать.

¹ *Зачеркнуто*: Видно было, что Готлиб находился в фамилиарных отношениях с толстым офицером, и по тому, что офицер говорил по немецки, называя его lieber Freund [любезный друг], и по тому, как Готлиб, улыбаясь, подтвердил предположение толстого офицера, что котлетка назначалась австрийскому генералу.

² *Зач.*: Nimm [Возьми]

³ *Зач.*: также свободно выражаясь по немецки. Ich bin auch hungrig, aber treu! [Я тоже голоден, но я верен!]

⁴ *Зач.*: Готлиб вышел, чтобы исполнить приказание.

— А коли так, — сказал корнет, — насилие, мародерство, как¹ честный русский офицер, чувствую себя обязанным довести до сведения его превосходительства. Eure Excellenz hat geruht sich eine Kotelette zu bestellen, und der barbarische Kosack frisst sie auf mit demselben Appetit, mit welchem er kleine Kinder verschluckt.² Сейчас пойду.

Толстый офицер, утолив первый голод, улыбаясь, косился на корнета.

— А вот бы штука, пойти к нему в самом деле, — проговорил он, пережевывая своими, как жернова крепкими и, как эмаль, блестящими сплошными зубами.

— Ей богу, пойду скажу.

— Стой! держи его, ха, ха, ха! Он право пойдет.

— Да полноте же, господа, это несносно, — сказал Болконский, сердито оглядываясь. — Ежели вам делать нечего. Офицеры замолчали на минуту.³

В это время около низких окон прогремел почтовый шез и прозвучал почтовой рожок почтальона. Все высунулись в окно посмотреть, кто это. Из шеза вышел высокий, сутуловатый старик военный с повязанной черным платком головой под фуражкой. На нем был мундир австрийского генерала.

— Опять из Вены какая-нибудь шельма, — сказал толстый.

— Нет, разве не видишь, приехал не с той стороны, — сказал гусар.

— Это от эрцгерцога какой-нибудь.

— Смотри, Мария Терезия на шее и повязанная голова. Это из под Ульма.

— Всех они французов побьют, ничего нам не оставят.

Князь Андрей тоже, оставив писать, с любопытством посмотрел на вышедшего из кареты приезжего.

— Сходи наверх в дежурную, узнай, — сказал Болконский Несвицкому.

— Пойдем, Жеребцов, — покорно сказал Несвитский и, сопровождаемый Жеребцовым, вышел из комнаты. Князь Андрей продолжал работать.

Несвитской легкой поступью внес свое тело по плоским ступеням лестницы наверх в приемную. Несколько человек военных, являвшихся в полной форме, ожидали очереди, дежурный адъютант стоял у окна; только что приехавший австрийский генерал с повязанной головой ходил взад и вперед по комнате.⁴

¹ В рукописи: частный

² [Ваше превосходительство изволили заказать себе котлету, а дикарь-козак пожрал ее с таким же аппетитом, с которым он проглатывает маленьких детей.]

³ На полях зачеркнуто: Князь Андрей сидел, писал отцу: «правду вы говорили, батюшка, мы здесь политик более соблюдаем, чем к войне изготавляемся. Un archiduc vaut l'autre» [Один эрцгерцог стоит другого].

⁴ Зач.: вздрагивая, поводя седыми бровями и беспрестанно, беспокойно оглядываясь на запертую дверь в кабинет Кутузова, и шевелил губами, как будто он что-то говорил про себя.

— Кто это? — спросил Несвитской, подходя к адъютанту. Вся фигура и выражение лица генерала с повязкой была так поразительна¹ своей важностью и вместе с тем тревожностью, что адъютант, не спускавший с него глаз, так же как и все, бывшие в комнате, понял тотчас, про кого спрашивал Несвитской.

— Не знаю, — сказал адъютант, — пошли доложить. Не назвал фамилии. По важному делу² — из Ульма.³

— Понять не могу, кто это? — шопотом сказал Несвитской. — Мундир генеральской и Мария Терезия. Да посмотри, лицо какое.⁴

— Я тебе говорю — черная маска, — сказал Жеребцов.

Генерал с повязкой, чувствуя, что про него говорят, злобно оглянулся, хотел что то сказать, потом, как будто начиная петь, произвел звук, который тотчас же замолк... и потом улыбнулся и опять нахмурился. Адъютанты невольно замолчали и опустили глаза.⁵

Адъютант вышел из двери и, подойдя к странному генералу, которого лицо при этом⁶ замерло, сказал, что главнокомандующий занят и желает знать фамилию. Губы старика при этом дернулись, задрожали так, что это движение можно было принять за начало улыбки или начало рыдания.

Он задумался, прокашлялся и опять замолчал. Адъютант ждал.

— Скажите, — сказал он вдруг, с отчаянной решительностью двигаясь вперед, — скажите: генерал фельдмаршал Мак, — сказал он; он начал эти слова тихо и кончил их слишком громким¹ *Зачеркнуто*: Старый генерал с повязкой так поразителен был своей <величественной> бледностью лица и походкой, и приемами человека, видимо привыкшего занимать первое место

² *Зач.*: от эрцгерцога

³ *Зач.*: В это время дверь в кабинет Кутузова отворилась. Генерал с повязкой испуганно оглянулся и пробормотал что-то. Из двери в среду ожидавших генералов и полковников вышел невысокий <с всклокоченными волосами, падавшими ему на лицо> человек в грязных сапогах, в оборванной фризовой шинели и в надетой до глаз шляпе. Человек этот, ужимаясь, как будто стыдясь самого себя, прошел в боковую дверь и скрылся.

— Лазутчик, — объяснил адъютант Несвитскому. — Что то плохие вести, говорят?

Генерал с повязкой вздрогнул, когда отворилась дверь, испуганно оглянулся и про себя что-то прошептал, продолжая ходить.

⁴ *Зач.*: И важный, и растерянный

⁵ *Зач.*: Генерал этот был стар, высок ростом и худ. Умное, изрытое морщинами, лицо его было бледно и истощенно. Приемы, походка, его мундир и орден показывали в нем человека, привыкшего к значительному положению, но в настоящую минуту на этом старом, умном и важном лице было странное выражение робости и торопливости, составлявшее резкую противоположность с очевидно привычной важностью. Серые, глубокие глаза <бегали с места на место>, ни на чем не останавливаясь, нижняя губа дрожала и всякую секунду изменяла выражение, видимо пытаясь принять какое нибудь одно выражение и не в силах удержать его. То он хотел казаться строгим и величественным, то небрежным, то слабым, то он пытался улыбаться, но при улыбке глаза его беспокойно спрашивали, верят ли в его улыбку.

Князь Андрей, который был дежурным

⁶ *Зач.*: сделалось <страшно> похоже на лицо преступника, ведомого на казнь

голосом. Адъютант с недоверием и ужасом посмотрел на старого генерала. Обстоятельство, что сам Мак, которого все предполагали в Ульме во главе командуемой им армии, один здесь, с повязанной головой, показалось ему столь необычайным, что он принял старика за сумашедшего. Старик не ответил на его взгляд, а, поспешно пригнув голову, как будто он ожидал удара,¹ опять стал ходить по комнате.²

Адъютант³ пожал плечами и пошел доложить.

Через две минуты дверь снова отворилась и из нее показалось⁴ лицо Кутузова, который,⁵ закрыв глаза, почтительным наклоном головы, очевидно относившимся к несчастью, принял австрийского главнокомандующего. Оба, молча, скрылись за затворенной дверью. Слух, уже распространенный в главной квартире, о разбитии австрийцев и о сдаче Маком всей австрийской армии на капитуляцию, оказывался справедливым. В приемной комнате всё зашевелилось и зашептало.⁶

Через полчаса всей главной квартире уже было известно бедствие, постигшее австрийцев при Ульме. Штабные сновали по дому, сообщая друг другу подробности. Князь Андрей, оставив работу, большими шагами ходил по комнате, в которой никого, кроме его, не было. По коридору слышались шаги, он рассеянно высунулся, чтоб узнать кто. С одной стороны шли Несвитской с Жеребцовым, с другой австрийский генерал член Гофкригсрата.

— Ей богу, скажу про котлетку... Пари... Бутылка шампанского, что объясню, — сказал Жеребцов, когда генерал почти поравнялся с ним. Офицеры посторонились, чтоб дать дорогу. По широкому коридору было достаточно места для тех и других, но Жеребцов, отталкивая рукою толстого Несвитского, запыхавшимся голосом приговаривал: идут! идут! посторонитесь, дорогу! Пожалуйста, дорогу...

Генерал проходил с тем видом желания избавиться от утруждающих почестей, с которыми ходят в подобных случаях. На лице Жеребцова выразилась вдруг глупая улыбка радости, которую он, как будто, не мог удержать.

— *Eure Excellenz!*⁷ — сказал он, выдвигаясь вперед и обращаясь ¹ *Зачеркнуто*: он отчаянным взглядом оглянулся, мрачно нахмурился

² *Зач.*: Все, бывшие в комнате, старались не слышать его и избегнуть его беспокойного, несчастного взгляда.

³ *Зач.*: недоверчиво

⁴ *Зач.*: пухлое

⁵ *Зач.*: с глубоким, учтивым

⁶ *Зач.*: и на всех лицах выражалось сознание важности минуты.

— Однако, брат, Маком сыт не будешь, пойдем, — сказал Жеребцов Несвицкому.

Спустившись вниз по длинному коридору, показался им навстречу австрийский генерал, только что обсуждавший письмо эрцгерцога Фердинанда, судя по поспешности его, уже знавший о приезде Мака. Он шел наверх узнать подробности.

⁷ [Ваше превосходительство!]

к генералу. — Habe die Ehre zu gratulieren,¹ — он наклонил голову и неловко, как дети, которые учатся танцевать, стал расшаркиваться то одной, то другой ногой. Генерал строго оглянулся на него, но, заметив серьезность глупой улыбки, не мог отказать в минутном внимании. Он прищурился, показывая, что слушает.

— Habe die Ehre zu gratulieren. Der General-Feldmarschall Mak ist angekommen. Ganz gesund. Nur einwenig² тут зашибся, — прибавил он, сияя улыбкой и указывая на свою голову.

Генерал что-то пробурлил, нахмурился и пошел еще скорее.

— Gott, wie naiv!³ — сказал он, отойдя несколько шагов.⁴

Несвитской, сопутствуемый несмеющимся Жеребцовым, вбежал в дежурную комнату, едва удерживая внутренний, давивший его смех, и в дверях разразился громким хохотом.⁵

Князь Андрей злобно посмотрел на них обоих, произвел звук фырканья, выражавший и озлобленье и презрение и, заложив руки назад (движением, напоминавшим его отца), стал ходить по комнате, глядя перед собой. Несмотря на то, что Несвитский находился в самых близких, товарищеских отношениях с князем Андреем, смех его утих при взгляде на это молодое, желтое и строгое лицо. Только когда Жеребцов вышел из комнаты и дверь за ним затворилась, князь Андрей обратился к Несвитскому. В голосе и в движении его губ заметно было едва сдерживаемое нервное раздражение.

— Ну, чему ты смеешься? Чему? — заговорил он. — Добро этому мальчишке смеяться. Как тебе не совестно? Как тебе, князю Несвитскому...

— Да помилуй, братец, ежели бы ты видел его рожу... — нерешительно смеясь, сказал Несвитской.

— И не понимаю, не понимаю, — сжимая свои маленькие кулаки и потрясая ими перед грудью, дрожащим, злым голосом говорил князь Андрей. — Не понимаю, как ты, порядочный человек, с именем и положением, можешь водиться с этим, бог знает кем, с мальчишкой, который готов лизать блюда у главнокомандующего и в носу ковырять. Un cuistre.⁶ И чему ж ты смеешься?...

¹ Имею честь поздравить,

² Имею честь поздравить. Генерал фельдмаршал Мак приехал, совсем здоров. Только немного

³ Боже, как наивен!

⁴ *Зачеркнуто:* <и еще не прошел>, едва он скрылся, как сдержанный, внутренний смех толстого Несвитского превратился в раскаты здорового хохота, который долго оглашал дежурную комнату.

⁵ *Зач.:* В дежурной комнате против дверей, видимо слышав то, что происходило в коридоре, стоял князь Андрей с стянутыми, нахмуренными тонкими бровями и поджатыми губами. Он уже знал, кто был приехавший генерал и что случилось с австрийской армией. Увидав Несвитского с своим вечным спутником

Зач. во второй редакции: — Однако, это глупо, — сказал князь Андрей, входя вслед за ним, но невольно улыбаясь воспоминанию сцены, которую он видел.

⁶ [Лакей.]

— Vous voilà sur vos grands chevaux,¹ — сказал Несвитской.

— Ты смеешься тому, что половина кампании проиграна, что все труды, все расчеты, всё пропало даром, — говорил он, всё более и более оживляясь. — Смеяться легко, а легко ли 40000 положить оружие и обесчестить себя. Я ненавижу австрийцев, и этого Мака, и всех эрцгерцогов, а мы еще не знаем, будем ли мы лучше их, а и между ними есть люди и честные, а всё лучше этого chénapan,² из которого ты сделал своего блюдолиза. Всё погибло. Всё погибло. То, что случилось, доказывает только то, что мы имеем дело с великим полководцем. Теперь бог знает, что нас ожидает; а ты смеешься с этим шутком. А, что говорить! — прибавил он и энергически повернулся и стал опять ходить.

— Да, как ты хочешь, братец, это всё очень жалко, и всё, а всё таки смешно. Ежели бы ты...

— Ничего нет, — начал опять князь Андрей, не давая ему договорить. — Ничего, ничего смешного нет. Смешно, что 40 000 человек убито и ранено? Очень смешно, что 40 000 семейств оплакивают потери? 40 000 hommes massacrés et l'armée de nos alliés détruite et vous trouvez là le mot pour rire..... J'ai honte pour vous, mon cher! Mais je vous crois meilleur que vous ne vous faites. C'est bon pour un garçon de rien comme cet individu, dont vous vous êtes fait un ami, mais pas pour vous, pas pour vous.³

— Мальчишкам только можно смеяться, — сказал князь Андрей по русски, заметив, что Жеребцов вошел в комнату, и подождал, не ответит ли чтонибудь корнет. Но корнет ничего не ответил и князь Андрей вышел из комнаты.

— Видно похоже я его представлял на лошади, — сказал корнет и тотчас же, прищуриив глаза и сделавшись слабым, представил князя Андрея. — Злющий какой! — прибавил он.⁴

— В фельдмаршалы готовится, — сказал Несвитской.

[Далее со слов: Гусарский Павлоградский полк... кончая: — А, Телянов, здорово. Вздудли меня вчера, — слышался голос Денисова. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. IV.]

<— Пройди туда, Ростов дома, — слышался из за дверей голос Денисова, всегда похожий на крик, и в комнату к Ростову вошел переведенный, как говорили за что то дурное, из гвардии поручик Телянов, офицер, не любимый в полку и только с Денисовым находившийся, как и все, в товарищеских отношениях. Ростов видел этого офицера каждый день, так [как] он был в эскадроне Денисова, и каждый день при виде его он испытывал непреодолимое чувство отвращения, которое ничем не ¹ [Вы опять судите свысока,]

² [дрянца,]

³ 40 000 человек погибло и союзная нам армия уничтожена, а вы можете при этом шутить. Мне за вас стыдно, милый мой! Но я верю, что вы лучше, чем выказываете себя. Это простительно ничтожному мальчишке, как этот господин, которого вы сделали себе другом, но не вам, не вам.

⁴ Зачеркнуто: — Нет, он благородный малый, я всё таки его люблю.

могло быть оправдано. Телянов был щеголеватый, тихий, учтивый маленький человек, своими манерами весьма мало подходящий к гусарскому обществу. Ростов пожал протянутую ему влажную маленькую руку и опять невольно заметил неприятные, близко поставленные один от другого глаза, уклоняющиеся от взгляда и как будто что-то отыскивающие.

— Ге ге, денег, пенензы барза куча, сколько, — сказал Телянин, всегда прибавлявший польские слова к своей речи.

— Денисов просил счесть, — сказал Ростов.

Уложив в кошелек деньги, Ростов кинул под подушку.

— Хотите чаю?¹

— Нет, трубочку можно? — отвечал Телянин.

— А я сейчас приду, — сказал Ростов, не умевший скрывать своей антипатии и не чувствуя себя в силах оставаться с глазу на глаз с Теляниным, и вышел в сени.

Усатый красавец вахмистр что то докладывал Денисову, с трубкой скорчившемуся на пороге.

— Да, да, так и сделай, — хрипло приговаривал Денисов. — Что ушел от *милого друга?* — сказал он Ростову, намекая на отвращение Ростова к Телянину, над которым Денисов не раз смеялся.

— Не могу, что хочешь, — отвечал Ростов и, чтоб не стеснять вахмистра, который здесь был подчиненным, тогда как по службе в эскадроне он был начальником, юнкер Ростов пошел на двор к хозяину немцу и его красавице дочери, которые укладывали яблоки под сараем.

Только тогда, когда он увидал, что вахмистр вышел, Ростов вернулся в горницу.

— Каролинка! — крикнул Денисов, подмигивая Ростову. — Славная девочка. — Ростов покраснел.²

Телянин, <сидя в грациозной позе> у окна и держа между пальцев трубку, находился, как показалось Ростову, в большем еще против обыкновенного волнении. — Нет, панночки — вот это женщины, — сказал он.³

И глаза его перебежали с лица Ростова на свои ноги, на лицо Денисова и опять на свои ноги. — Польки кокетливее всех женщин в мире. — Он положил трубку, опять хотел взять ее и опять поставил.⁴

Скоро Телянин вышел.

¹ *На полях:* — Пожалуй.

Ростов вышел, чтоб велеть подать чаю.

² *Зачеркнуто:* <Нет для меня> Я после панночек видеть не могу этих картофельниц, — заметил

³ *Зач:* В Вене я не был, но там гово[рят] это, я верю.

⁴ *Зач.:* <Ростову невыносим> — Пойдем на коновязи, — крикнул Денисов. — Посмотри Бедуина. Всё-таки посмотри. Не тебе, так другому продам.

— Жалость какая, — сказал Телянин.

Все вышли.

Через полчаса Ростов с Денисовым одни вернулись на квартиру. За ними шел вахмистр, чтобы получить деньги за сено.

Через четверть часа

— Что за противное существо, — сказал Ростов.

— Нынче что то он был расстроен, — сказал Денисов. — Эй, водки! да поди, отдай вахмистру деньги за сено.

— Что ты запечалился, моя душа? — крикнул Денисов Ростову, который сидел, устремив глаза на угол стола в положении человека, который о чем-нибудь очень пристально думает или ни о чем не думает. — Эй, Никита, водки! Адмиральский час, да пойдем на коновязи. Ну об чем ты?

— За что я его не люблю? сам не знаю, а противен мне, — отвечал Ростов. — Как бы мне весело ни было, как его увижу, как в воду опущенный.

— Эх ты, моя барыня привередливая! Ну, что он тебе сделал? Так себе, дерьмо безвредное. Ты заметил, какой он нынче был испуганный, — сказал [Денисов].>

— Не люблю, — сказал Денисов, только что Телянин вышел. — И что приходил. Всё как то вертится. Самая гвардейская штучка, ни водки не пьет. Эй, Никита, водки. А Грачиком он тебя надул.

— Нет, что ж...

— Возьми Бедуина, всё равно мне и тот послужит, а тебе, как произведут...

Никита принес водку.

— Эй ты, чучела, пошли вахмистра, — крикнул Денисов, не отвечая, — надо ему деньги отдать, — прокричал Денисов Никите и подошел к постели, чтоб достать из под подушки деньги.

— Ростов, ты куда положил кошелек? — сказал он, не находя сразу денег.

— Под нижнюю подушку.

— Я под нижней и смотрю.

Денисов скинул обе подушки на пол. Кошелек не было.

— Вот чудо-то.

— Постой, ты не уронил ли? — сказал Ростов, по одной поднимая подушки и встряхивая их. Он скинул и стряхнул одеяло. Кошелек не было.

— Уж не забыл ли я?

* № 55 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. VI).

<Солдатская песня возбuditельно военно действует на человека, и при звуках песни иначе говорится, иначе слушается и ходится военным людям, но еще более возбuditельнее в этом смысле действуют звуки выстрелов, особенно из орудий. На всех лицах отразилось это настроение и более всех на лице маленького артиллерийского капитана. Лицо и фигура у него были вовсе не военные. Не было в нем той безразличности военного характера, которую мы привыкли соединять с военным — прямой, ловкой, усатый, загорелый. Напротив, капитан Тушин, с своей щедушностью сложенья, сутуловатостью, маленькими белыми ручками с обкусанными ногтями, выдвинутым вперед длинным подбородком, выдвинутым назад выпуклым затылком и большими, открытыми, нежными 437

и умными голубыми глазами, имел оригинальный и свой особенный, вовсе не военный, вид. Глядя на него, всякому вспомнился мир мирный, ученый, художественный, общественный, для которого он, казалось, был сотворен, а отнюдь не военный. Но тем с большим старанием, казалось, капитан Тушин желал придать себе воинственный вид, притвориться военным. Он подперся рукой, неловко похмурился и подошел к генералу, принимая детски озабоченный и мрачный вид, и сказал:

— Ваше превосходительство, прикажите, я спущу орудия. Мы с моими молодцами собьем эту батарею.

Он так сказал это, как говорят дети, играющие в войну. Несмотря на то, что генерал был занят переправой, и он и свитский офицер не могли не улыбнуться, слушая и глядя на капитана Тушина, когда он произнес эти слова, и оба отвернулись.

— Нет, не надо, капитан, — сказал генерал, как мог спокойнее, с тем, чтобы вывести капитана из этого тона игранья в войну.>

* № 56 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. VIII?).

<Вечером эскадрон стал биваками на горе в чистом поле. Денисову, как эскадронному командиру, шалаш был построен прежде других. Когда смерклось и Денисов лег на свою сплетенную из сучьев койку, он хватился Ростова, которого не видно было с самого прихода на место эскадрона.

— Никита! поди ты, старый чорт, сыщи своего барина, зови его глинтвейн пить.

— Я их и так звал — не идут. Нездоровы они что ли.

— Да где он?

— На коновязи, сидят одни на сене.

— Поди, зови его.

Никита пошел. Ростов в темноте и вдалеке от костров, так что его не видно было, ходил взад и вперед по грязи, быстро останавливаясь и подергивая плечами.

— Мне надо вперед броситься, когда они замялись, — говорил он сам себе. — Нет, я просто трусил. Нет, я должен сказать им... да.

Гусары, сидевшие у костра, указали Никите, где ходил его барин.

— Сейчас, сейчас приду. Что никого у нас нет?

— Поручик сейчас пришли.

— Тем лучше, — сказал сам себе Nicolas и, задыхаясь от волнения, таким скорым шагом, что Никита бежал за ним, пошел к балагану.

— Невкусно бы было, — говорил в балагане, из которого светилась свечка, басистый голос два раза разжалованного старого усатого поручика. Nicolas был уверен, что это говорилось про него.

— Какого ты чога там делал? — закричал ему Денисов. Nicolas, не отвечая, сел на койку, сделанную для него, и два раза собирался говорить и останавливался. Слезы стояли в его глазах.

— Господа, я должен вам сказать... — начал он торжественно... — господа, ежели вы думаете обо мне что, то скажете мне...

— Что ты, что?

Поручик улыбался с лаской.>

* № 57 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. IX, XII).

28 октября Ланн, которому поручено было преследовать русскую армию, писал своему императору и главнокомандующему: «Les russes fuient encore plus vite que nous ne les poursuivons; ces *misérables* ne s'arrêteront pas une fois pour combattre».¹

Так писал Ланн, в действительности же русские в числе 35,000 отступавшие перед 100,000-ною французскою армиею и три раза останавливавшиеся, чтобы драться с французами при Ламбахе, Амштетене и Мольке, <никак не предполагали, что они так бегут и что они такие *misérables*. Они, напротив, хвалились, получали награды и благодарности от своих начальников и от австрийского императора за свое отступление, особенно при Амштетене, где по словам самих французов: «Les russes déployèrent une rare bravoure et montrèrent un courage féroce: blessés, mutilés ils combattaient avec fureur jusqu'a ce qu'on les eu désarmés. Les prisonniers même attaquaient leur escorte».>²

Под Кремсом русские остановились еще четвертый раз и разбили войска Мортье, взяли знамя, орудие и двух генералов. Это сражение, как и всегда бывает на войне, описано французами как самое для них славное дело, и русскими принято за блестящую победу.³

Князь Андрей, находившийся во время этого сражения при убитом австрийском генерале Шмите, был отправлен к императору Францу с известием о победе. По каменистой, гористой дороге в Брюнн князь Андрей обогнал катафалк, в котором с конвоем гусар везли тело в двух шагах от него убитого Lieutenant Général Feldmarschal'a Шмита, и обозы фур, в которых, по десяти на одной, везли моравы русских, бледных и стонущих, перевязанных раненных. Их везли в Брюнн, так как большие гошпитали Кремса были уже все полны.⁴

¹ [Русские удирают еще быстрее, чем мы их преследуем. Эти несчастные не задержались даже ни разу, чтобы принять сражение.] *Примечание Толстого*: < Тиер приводит только это место из письма Ланна к Бонапарту. Оно ему очевидно нравится, потому что Ланн лжет нагло, как и лжет вся невежественно-легкомысленная книга Тиера. Каким образом книга Тьера «Le consulat et l'empire» может считаться серьезным сочинением? Непостижимо для каждого человека, сколько-нибудь занявшегося изучением той эпохи, которая описывается в этой книге. Книга эта, по моему мнению, принадлежит к разряду путешествий и историй Al. Dumas>.

² [Русские обнаружили редкую доблесть и свирепую храбрость: раненые, изувеченные, они бились с ожесточением до тех пор, пока их не разоружили. Даже пленные бросались на свой конвой.]

³ *Зачеркнуто*: В русской главной квартире, находившейся в это время в Кремсе, несмотря на большое число убитых и раненных русских людей, на другое утро сражения все были очень веселы, потому что известно было, что французских людей было ранено и убито еще больше.

⁴ *Зач.*: Князь Андрей, чувствуя, что его назначение к императору с объявлением о победе имело важное значение для его карьеры, и вспоминая страшное

Австрийский император с двором и Гофкригсратом несколько дней как переехал в Брюны из Вены, положение которой становилось опасно. В утро 2-го ноября князь Андрей привез известие о кремской победе. Перед дворцом был развод, потом торжественный прием поздравлений и выход.¹

Сам император Франц, по своей склонности давать аудиенции, пожелал видеть молодого адъютанта, привезшего известие о последней победе, которая, совпадая с занятием Вены французами, хотя и должна бы была, мало радовала австрийцев.

Император Франц весьма долго и милостиво (как говорили придворные) изволил беседовать с князем Андреем Болконским.² После императора молодого человека желали видеть все значительные особы венского двора, находившегося тогда в Брюнне: императрица одна и другая, эрцгерцогиня, тетка, племянница государя и эрцгерцога одного и другого, военный министр, граф С., князь А. и другие.

После аудиенции императора низшие придворные лица с сияющими лицами встречали и приветствовали молодого адъютанта, старались вступить с ним в разговор, польстить ему.³ Князь Андрей чувствовал,⁴ как придворные с жадностью обсасывали с него весь тот мед милости, которым удостоил его император; <толпа> придворных с шорохом ветра по листьям незаметно подвинулась к нему с обеих сторон, когда он вышел из дверей кабинета императора Франца.⁵

сражение, в котором он участвовал накануне и из которого вышел цел только с ничтожной царапиной на руке, ехал в самом раздраженно приятном расположении духа.

2-го ноября выпал в ночь первый снег, утром был заморозок и ясное зимнее солнце. В старинном, с узкими улицами и высокими домами городе Брюнне по улицам было праздничное движение.

¹ *Зачеркнуто:* Князь Андрей, приехав в ночь, остановился у своего петербургского приятеля дипломата Билибина. Снег оставался только кое-где на крышах и в тени, таяло и на ярком солнце блестели мундиры военных, посланников и дипломатов, которые цугами <в открытых экипажах> разъезжались с выхода. Русской секретарь посольства Билибин только что вернулся к себе, в одну из лучших квартир города <как вслед за ним, к его крыльцу подъехала коляска и к нему> <вошел австрийский дипломат весьма известный и влиятельный граф Сиден> <вошла удивленная и бестолковая фигура Иполита> устало, измученно и скучливо скинул с себя придворный мундир, надел из турецкой шали халат и с ногами сел на диван своего кабинета, щеточкой очищая и оглядывая ногти своих худых, но тонких и белых рук. Он, прищуриваясь, вглядывался в каждый палец, вычистив его сначала издали отдельно, потом, выравнивая все пальцы, близко поднося их к близоруким глазам, и снова начинал чистить. Он кликнул слугу немца и приказал приготовить в маленькой гостинной кровать для князя Болконского, который будет ночевать у него.

² *На полях:* У Билибина русский говор, свои

³ *Зач.:* Как будто они — алчущие животные у колодца, которые, ежели не могут достигнуть до самого источника драгоценной влаги, то жадно рвутся и теснятся поскорее высосать ту влагу, которая вылилась на доступное им корыто.

⁴ *Зач.:* себя этой бадьей, выходящей из колодца перед столпившимся жаждущим стадом, когда он вышел из двери кабинета императора и

⁵ *Зач.:* Не было ни одного мрачного лица.

Все самые старчески унылые лица делались счастливо молоды, улыбаясь ему и расспрашивая его о победе.

Приглашения на обеды и вечера сыпались со всех сторон.¹

Князь Андрей понравился особенно женщинам, которые находили, что он имеет что-то рыцарское (особенно с подвязанной рукой), достойное и меланхолическое. Старые придворные, особенно военные, говоря по немецки, говорили, что² *der junge Herr ist etwas arrogant, aber ganz convenable*.³

Всем известно уже было, что Кутузов получит *das Grosskreuz Maria Theresia*, что адъютант, привезший известие, получает тот же орден низшей степени, и большие награды раздаются русскому войску. Об этом так же много говорили, как и о том, что Вена взята. Войною собственно мало занимались в Брюнне. Жизнь с придворной обстановкой, щегольством, праздниками и женщинами шла так же, как будто не было никогда в государстве ни гошпиталей с тяжелым запахом, наполненных стонущими, бледными ранеными, ни выжженных и покинутых деревень, ни Вены, в которой уже командовал Мюрат.⁴

Князя Андрея поразило даже то обстоятельство,⁵ что те значительные лица⁶

* № 58 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. X—XII).

⁷ Лицо у него было истощенное, ширококостное, жилистое и необыкновенно подвижное.⁸ Худое лицо его было всё покрыто крупными, молодыми морщинами, как будто кожа его лица была слишком широка для его исхудавшей костлявой наружности. Движения этой излишней кожи составляли главную игру его физиономии. То у него морщился лоб широкими складками, брови поднимались вверх, то брови опускались книзу и у щек образовывались крупные ¹ *Зачеркнуто*: и князь Андрей, несмотря на свою антипатию к австрийцам, невольно начинал думать, что и австрийцы имеют между собой много хороших людей, умеющих отличать достоинство.

² *Зач.*: он аrogант и что эта молодежь думает, что она одна только что нибудь понимает и что смешно делать так много шума из этой *échauffourée de Dürenstein* [Дюренштейнской стычки], которую выдают нам за великое сражение и победу, тогда как Вена отдана врагу.

³ [молодой человек несколько надменен, но всё же очень приличен.]

⁴ *Зач.*: по которой, запыхавшись, бегали, стреляя, солдаты, которые потом подбирали еще полуживые и мертвые тела.

⁵ *Зач.*: которое он, шутя, сообщил своему приятелю, дипломату Билибину, у которого он остановился в Брюнне.

⁶ *На этом рукопись обрывается*

⁷ *Зач.*: Иногда он начинал ездить в высший свет и искал узнавать всё новые, значительные лица, но скоро он опять впадал в свою любимую жизнь. Иностранцы принимали его образ жизни за маскирование чего то, имеющего цель, предполагали его влияние на дела гораздо большим, чем оно было в действительности.

⁸ *Зач.*: На лице его было как будто много лишней, влажно желтой кожи, морщившейся на лбу, под глазами, на щеках и даже начинавшей висеть, как у индейского петуха, под подбородком.

морщины. Глубоко поставленные, небольшие глаза всегда смотрели ярко, светло и¹ спокойно. Во всем лице, фигуре его и звуке голоса, несмотря на утонченность одежды, утонченность приемов и французского изящного языка, которым он говорил, резко выражались характерные черты русского человека. Ни у немца, ни у француза, ни у англичанина, ни у итальянца² аристократа не могло быть этих больших рук и ног, ни этой толстой, широкой кости, ни этих крупных преждевременных морщин и молодых, ясных глаз.³

[В рукописи нехватает одного листа.]

— Он был очень милостив, — улыбаясь сказал князь Андрей, как бы защищая доброго человека, австрийского императора. — Однако, я заехал на секунду. Мне надо еще к князю N. N., к S. S., потом к F. — (он назвал высшие лица в Австрии). — Я не знаю, как я успею.

Билибин познакомил Болконского с своим гостем, австрийским дипломатом, графом⁴ Лихтенфельсом.

— La plume,⁵ — сказал он, указывая на дипломата, — et l'épée,⁶ — на Болконского. Граф⁷ Лихтенфельс посмотрел на сияющее лицо князя Андрея и слегка улыбнулся, как будто он знал хорошо и давно это выражение лиц, только что говоривших с коронованными особами, и рад был на лице князя Андрея встретить этого старого знакомого. Чтобы еще яснее видеть это выражение, он обратился к князю Андрею.

— Vous avez eu un succès écrasant, mon prince, on ne parle que de vous.⁸

¹ *Зачеркнуто*: не многие могли спокойно выдерживать этот умный, простой, несознающий себя взгляд. И это истощенное, слабое лицо, до крайности доведшее щеголеватость и чистоплотность, было такое, какого нельзя встретить ни в каком народе, кроме русского.

² *Зач.*: нельзя было встретить ни этого выражения лени, презрения ко всему, ни этой совершенной распушенности воли, ни этого поворотливого и обширного ума, ни этой смелости разврата и совершенной свободы от всех предубеждений и оттого и этих влажных, крупных морщин на лице, ни этих пронизывающих глаз, ни этой неприготовленности движений.

Когда князь Андрей вошел, Билибин в своем утонченно en petit maître [щеголевато] убранном кабинете, сидел с ногами на штофном диване в халате из турецкой шали и чистил пилочкой ногти своих длинных, влаж[ных пальцев].

³ *Зач.*: Кабинет был щегольской и деловой. Привычки светск[ие]. Он чистил ногти и, отрываясь, взглядывая на собеседника своими умными глазами <охотно гово[рил]> видимо сбирался с удовольствием поболтать с умным и приятным человеком. Чистка ногтей, этот прибор к[нязю] А[ндрею], который принес [лакей] в чулках, заставили забыть сраженья и [1 неразобр.] и вид Билибина, который, несмотря на свою очевидную искренность, расспрашивал о сражении, видимо с таким же пренебрежением, как и военный министр, всё <это убедило что> заставило думать, что тут есть что то другое, важнее глупых сражений.

⁴ *Зач.*: Лихтенштейном

⁵ [перо,]

⁶ [и шпага,]

⁷ *Зач.*: Лихтенштейн

⁸ [Вы имели большой успех, князь, только и речи, что о вас.]

— Eh, m-r le comte, le seul succès que j'apprécie c'est d'avoir été le porteur de bonnes nouvelles,¹ — сказал князь Андрей² и взглядом спросил Билибина, что это за человек и как говорить с ним.

Билибин, морщась, повел ухом,³ показывая этим, что надо быть осторожным.

— Le prince a eu de la chance, — сказал Лихтенфельс,⁴ обращаясь к Билибину, — avoir été à un carnage comme celui d'avant hier, et en être échappé rien qu'avec cette jolie blessure. Souffrezvous?⁵

— Мне совестно, что я своей повязкой вызываю эти вопросы, — сказал князь Андрей.⁶ — Это меньше, чем ничего — царапина.⁷

— Vous savez que Koutouzoff recevra le grand cordon de Marie Thérèse?⁸ — сказал⁹ Лихтенфельс.

Князь Андрей поклонился¹⁰ в знак благодарности австрийцам от имени всего русского войска.

— Наш милый князь, — сказал Билибин, указывая на Андрея, — всегда счастлив, счастлив в женщинах.

— Вы бы не говорили, — перебил Болконский. — Где нам, солдатам, думать о женщинах.

— Счастлив на войне, — продолжал Билибин. — Два лучших счастья, господа. Важный вопрос, отчего пехотного поручика Брюхова или не ранят совсем, или ранят в нос или живот, и больно, и некрасиво, а блестящего адъютанта, как его, непременно в руку и лошадь убьют. Убили лошадь? — спросил он, смеясь и делая гримасу своей излишней кожей.

— Ранили, — отвечал Болконский, улыбаясь¹¹ и этой улыбкой показывая, как будто, что он знает, что не может пуля изуродовать его красивого лица.

— А, еще петербургской знакомый, — прибавил он, обращаясь к входившему в комнату.

¹ [Единственный успех, которым я дорожу, граф, — тот, что я привез хорошие известия,]

² *Зачеркнуто*: видимо, так же естественно, как

³ *Зач.*: но князь Андрей не понял его; ему слишком ясно казалось в эту минуту, что все, и этот Лихтенштейн, очень приятный и умный человек, который знает, с кем и как говорить.

⁴ *Зач.*: Лихтенштейн

⁵ [Князю повезло: быть на побоище, которое произошло третьего дня, и удачно отделаться только этим эффектным ранением. Вы страдаете?]

⁶ *Зач.*: небрежно сказал, что немного.

⁷ *Зач.*: Знаете что, Билибин, княгиня не только обворожительна, но она хороша, как писанная.

⁸ [Вы слышали, что Кутузов получит ленту Марии Терезии первой степени?]

⁹ *Зач.*: Лихтенштейн

¹⁰ *Зач.*: с таким видом, как будто он говорил, что знает австрийцев за людей, умеющих понимать и ценить заслуги

¹¹ *Зач.*: <очевидно предполагая, что этот новый закон природы, различно направляющий пули для Брюхова и Болконского, был верно сознан> и пожимая плечами, как будто признавая справедливость замечания Билибина, но не находя ему объяснения.

В комнату вбежал князь Иполит, сын князя Василья, уже с утра следивший за князем Андреем, которого он считал своей обязанностью видеть.¹ Князь Иполит, не соображая, одним инстинктом чувствовал, что князь Андрей в успехе и потому его неодолимо тянуло к нему возобновить знакомство. Узнав, что адъютант поехал к Билибину, он следом поскакал за ним и, не скрывая своей радости, не замечая хозяина, обратился прямо к нему. Князь Иполит со времени своего назначения в Вену состоящим при дипломатической канцелярии посланника, принял еще более поразительный вид *merveilleux*, т. е. франта того времени. Всё на его слабой фигуре было преувеличено. На руках его были те же перстни, на шее висела та же лорнетка и та же уверенность во всех приемах и в быстрых, отрывистых речах чем то, как будто всегда наполненного, рта.

Он был так рад, что встретил наконец Болконского, что ему в голову не приходил вопрос, насколько мог быть рад Болконский видеть его. Это не могло быть иначе по его мнению.

— Наконец то я вас нашел. Все мне говорят: Болконский, Болконский был так принят, а я еще не видал. Как я рад, что я поймал вас. Ну что? — говорил он, пожимая руку Болконского.— *Bonjour*,² Лихтенштейн, *bonjour*, Билибин, — обратился он с своей, от отца наследованной фамильярностью. Болконский³ засмеялся, глядя на Иполита. На лицах Билибина и Лихтенштейна выразилась тоже улыбка ожидания забавы, которую доставит им своим разговором этот,⁴ хорошо оцененный ими дипломат.

Билибин оглянулся на Лихтенштейна и Болконского и, вздернув на одной стороне лба кожу своего лица и распустив ее на другой, как будто этим жестом приглашая их послушать,⁵ обратился к Иполиту.

— *Savez vous, mon cher Kouraguine*, — сказал он, — *que la petite Louise se meurt de désespoir depuis que vous lui êtes infidèle, vilain Don Juan que vous êtes?*⁶

Иполит не хотел отрываться от князя Андрея, которому он говорил, как он был рад, узнав, что никто другой, а Болконский привез известие о победе, но не мог остаться равнодушным к этим словам. Лицо его радостно сморщилось и он испустил горловые, отрывистые звуки дикого смеха.

— Полноте, — сказал он, — вы всегда только о женщинах. А я так рад, что нашел этого дорогого Болконского. Мне дело есть. Княгиня З. велела мне вас привести к себе. Болконский, поедemте¹ *Зачеркнуто*: Хорошая собака охотится по породе

² [Здравствуйте,]

³ *Зач.*: находился настолько в хорошем духе вследствие успеха и самая наивная поспешность Иполита настолько еще подтверждала этот успех, что свысока добродушно приветствовал Иполита.

⁴ *Зач.*: молодой знакомый

⁵ *Зач.*: как сейчас заиграет эта машинка, когда он заведет ее.

⁶ [Знаете ли вы, дорогой мой Курагии, что крошка Луиза умирает от отчаяния с тех пор, как вы ей изменили, скверный Дон-Жуан?]

непременно. Она говорит, что она меня не пустит больше, коли я не приеду с вами. Вы должны ехать.

— Как же не ехать после такой важной причины, — сказал Болконский.

— Et à Vienne! — продолжал Билибин, обращаясь к Болконскому и Лихтенштейну. — Les désastres de l'armée française ne sont rien en comparaison des désastres qu'a produit cet homme parmi les femmes.¹

— О, я знаю этого ужасного человека, — подтвердил Болконский. Опять Иполит не мог не послушаться заводившей его руки. Он захохотал, но ему хотелось при князе Андрее показать себя более серьезным.

— À propos, — сказал он, еще смеясь и самым веселым тоном. — Savez vous la grande nouvelle: les français avant-hier sont entrés à Vienne et ont passé le pont. Voilà.²

—³ Кто вам сказал, — поспешно спросил Лихтенштейн.

— Не помню, кажется Зомерштет.

— Вступили в Вену может быть, но не перешли мост, — поправил Лихтенфельс.

— Право не помню. Я помню, что он мне говорил, que l'entrée des troupes a été superbe.⁴

— Pensez à l'état de Louise dans les bras de la soldatesque effrénée,⁵ — сказал Билибин.⁶ Иполит засмеялся.

— Louise... — начал он. Но Лихтенфельс перебил⁷ его.

— Конечно переход моста в Вене есть почти невозможность, но я бы желал знать ваше мнение, как военного человека, — обратился он к князю Андрею. — Какое бы движение предпринимала кутузовская армия, ежели бы Бонапарт направил ему в тыл другую половину своей армии? — Лихтенфельс сказал это с тонкой улыбкой человека, задававшего такой вопрос, ответ на который, какой бы он ни был, будет для него приятен.

Болконский находился нынешний день в том состоянии успеха, когда всё быстро понимается и всё кажется ясно и легко. Он понял улыбку Лихтенфельса. При предположении Лихтенфельса положение русской армии делалось хуже того, в котором находилась австрийская армия, сдавшаяся при Ульме. Допустив это предположение, он должен был признать либо то, что бывают такие¹ [А в Вене! Бедствия, нанесенные французской армией, ничто в сравнении с теми, которые причинил женщинам этот человек.]

² [Кстати, вы слышали большую новость: третьего дня французы вступили в Вену и перешли мост. Вот.]

³ *Зачеркнуто*: Новость перехода венского моста французами была слишком важна, ежели бы она была справедлива, чтобы присутствующие не перестали на минуту смеяться.

⁴ [вступление войск было великолепно.]

⁵ [Подумайте о положении Луизы в руках необузданной солдатни.]

⁶ *Зач.*: — Я знаю его за ужасного человека, — подтвердил Болконской.

⁷ *Зач.*: Иполита, засмеявшегося опять, с таким взглядом, как будто он говорил: «довольно заставляя плясать этого паяса, поговоримте дело».

положения, в которых капитуляция бывает необходимостью, либо должен был обещать, что русские войска сделают чудеса геройства, которых, вероятно, они не сделают.

— Я должен быть плохой тактик, — сказал князь Андрей, — потому что я молод. Как в нашем, так и в вашем правительстве не признается возможность быть молодым и хорошим генералом, хотя великой человек, с которым мы имеем дело, Буонапарте, очень убедительно доказывает нам противное.

— C'est ça!¹ — одобрительно крикнул Иполит.

— Однако... ваше мнение.

Князь Андрей прямо ответил тем словом, которое было в уме австрийского дипломата, когда он предлагал вопрос.

— Ульм! — сказал он, улыбаясь. — Ульма, извините меня, я не могу себе представить ни в каком случае. Ульм и русские войска...

— И я тоже... — закричал Иполит. Он знал, что всё, что говорит князь Андрей, которого так искали все при дворе, было правда.

— Вот видите, — шутя сказал Болконский.

— Однако, какой бы был выход? — сказал Лихтенфельс, тоже улыбаясь в знак признания того, что его поняли.

— Выход? — сказал князь Андрей. Он взял лист бумаги, карандаш и нарисовал грубый план положения войск. Всё ему было ясно, легко в этот день.

— Я допускаю ваше предположение... — и он начал тем условным, французским языком, которым пишутся реляции, излагать свои стратегические мысли. Он говорил стоя, как будто всё это было так легко, что довольно было пяти минут, чтоб всё объяснить и потом пойти одеваться и ехать к тем значительным лицам, которые он должен был еще видеть нынешний день. Лихтенфельс смотрел на его бумагу и на него снизу, и в тонком, сухом лице² стояла насмешка, которую не замечал Болконский. Билибин морщился. Иполит, с нахмуренным лицом, в лорнет значительно то смотрел на бумагу, то в рот говорившего князя Андрея.

— J'aurais retiré les troupes d'Auersperg, j'y aurais jeté une dizaine de mille hommes de l'armée de Krems et en fortifiant une <position devant Znaim, j'y aurais accepté une bataille. Mais si le prince Murat voudrait me tourner le flanc de son armée et en cas de réussite, je culbuterais la cavalerie et pousserais jusqu'à Vienne. Dans le cas contraire, je tournerais Erensdorf et l'armée de Krems se serait replié sur derrières en chassant l'ennemi devant elle sur le chemin d'Olmütz.³

¹ [Верно!]

² *Зачеркнуто*: заметна была для <всех> Билибина

³ [Я вывел бы войска Ауерсперга, перебросил бы десяток тысяч человек из Кремской армии и, укрепив <позицию перед Цнаймом, принял бы там сражение. Но ежели бы принц Мюрат пожелал повернуть фланг своей армии и в случае успеха, я бы опрокинул кавалерию и двинулся на Вену. В противном случае, я бы обошел Еренсдорф и Кремская армия придвинулась бы к тылу, гоня перед собой неприятеля по дороге к Ольмюцу.>]

— Вот что бы я сделал. — Он посмотрел на часы. — Теперь извините меня, я пойду одеваться.

— Capital!¹ — пробурлил Иполит.

— Я и говорю, — сказал Лихтенфельс, незаметно улыбаясь, — что люди, призванные к кабинетной работе, всегда имеют страсть заниматься военными делами. И я принадлежу к их числу. Я совсем не имел этих соображений, когда думал о этой случайности. А теперь мне ясно.

— Надо знать хоть немного свое ремесло, — сказал князь Андрей, не садясь, но и не уходя еще, как бы ожидая еще похвалы себе.

— Eh, mes chers amis, croyez-moi,² — сказал одно из своих mots³ Билибин, — se n'est pas la poudre à canon qui décidera toute l'affaire, mais bien ceux qui l'ont inventé.⁴

— Свидание в Берлине, вы думаете? — сказал Лихтенфельс и недоверчиво пожал плечами.

Князь Иполит почувствовал очевидно потребность высказать и свое мнение насчет всего этого дела войны и мира и показать, что, как бы ни шутил Билибин, он может понимать и серьезные вещи. Он встал и, бросив лорнет, замахал руками так же, как и в Петербурге, когда он рассказывал анекдот про барыню, приглашая всех, особенно князя Андрея, слушать его.

— Voyons, voyons,⁵ — сказал Билибин с улыбкой, выражавшей ожидание удовольствия. Помявши губами, как бы прожевывая, он начал.>

— Mon opinion, messieurs, — говорил Иполит весьма серьезно, — c'est: le cabinet de Berlin ne peut pas exprimer un sentiment d'alliance sans exprimer... comme dans sa dernière note... vous comprenez... et puis si sa majesté l'empereur ne dérogera pas au principe de notre alliance... voilà mon opinion.⁶

— Je n'ai pas fini,⁷ — продолжал Иполит, хватая за руку князя Андрея. — Je suppose que l'intervention sera plus forte que la non — intervention.⁸

— Et... — он помолчал. — On ne pourra pas imputer à la fin de non recevoir notre dépêche du 28 novembre n. s.

¹ Превосходно!

² [Ах, милые мои друзья, поверьте мне,]

³ [словечек]

⁴ [не порох решит дело, а те, кто его выдумали.]

⁵ [Слушайте, слушайте,]

⁶ [Мое мнение, господа, таково] берлинский кабинет не может выразить свое мнение о союзе, не выражая... как в своей последней ноте... вы понимаете...впрочем, если его величество император не изменит сущности нашего союза... [вот мое мнение.]

Зачеркнуто: — И верно и глубоко, — сказал смеясь Билибин. — Нет, постой[те]! князь Андрей думал, что кончено, но Иполит схватил его за руку.

⁷ Я не кончил,

⁸ *Зач.:* сказал он, стараясь употребить все дипломатические выражения, которые он слышал, и надеясь, что с помощью их речь его (для самого его непонятная) может быть вдруг сделается понятною и значительною для других. «Отчего же другие — говорят и выходит же!», думал он.

Voilà comment tout cela finira.¹

И он отпустил руку Болконского, показывая этим, что теперь он совсем кончил.²

— Démosthène! Je te reconnais au caillou que tu a caché dans ta bouche d'or!³ — говорил Билибин, у которого шапка волос подвинулась на голове от удовольствия.

Все засмеялись, но громче и до изнурения хохотал Иполит и в смеющемся, растянутом рте его выражался веселый стыд.⁴

* № 59 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. гл. XV, XVI и XVII).

20.

Чем дальше от неприятеля, тем скученнее и беспорядочнее были толпы, чем дальше вглубь [?], тем веселее и параднее были войска.⁵

В разоренной деревне Грунте почти не оставалось жителей.⁶

По улице и дворам деревни везде и беспрестанно виднелись разных полков солдаты, таща в свои команды лавки, двери, заборы на дрова и балаганы.⁷

¹ Я думаю, что вмешательство будет прочнее, чем невмешательство. И невозможно считать дело оконченным неприятием нашей депеши от 28 ноября н. с. Вот чем всё это кончится.

² *Зачеркнуто:* Все с веселой улыбкой слушали речь Иполита и как будто жалели, что она так скоро кончилась. <Раздался дружный хохот> <и все хохотали>

³ Демосфен! я узнаю тебя по камню, который ты скрываешь в своих золотых устах!

⁴ *Зач.:* Вообще общество, целое утро сменявшееся у Билибина, было очень шумное, беспечное и веселое. Один из приехавших господ объявил князю Андрею, что он узнал из верных источников, что Кутузов за Кремское дело получит Gross Kreuz Maria Theresia [большой крест Марии Терезии] и что ему дадут тот же орден, и что вообще его известием очень довольны. От военного министра было получено приглашение к обеду.

Остальную часть дня князь Андрей провел за чопорным официальным обедом и вечер у бар[онессы] З. вместе с Билибиным.

⁵ *Поперек текста:* жевал язык

⁶ *Зач.:* так как всё было разорено, по всем дворам стояли тяжести и обозы. Все уцелевшие дома заняты были начальством, обозными офицерами. В одном из домов была раскинута палатка маркитанта, не отставшего от отряда. Несколько офицеров с истомленными, покрасневшими лицами сидели под его раскинутой парусиной за глинтвейном, другие, пользуясь знакомством с штабными или обозными, отпросившись из полков, сушились и спали по избам. Везде по избам около печей морщились и светлели, как лубок, сушащиеся стоптанные сапоги, дымились и коробились мокрые насквозь шинели. *Поперек текста:* Раздражен бессонностью и, как будто, удивляет[ся], как на детей, что и они, как люди, думают.

⁷ *Зач.:* Перед самым Грунтом несколько батальонов работали укрепления. Несмотря на холодный ветер и сырость, солдаты в одних рубахах, как белые муравьи, копошились по разрытой красной глине вновь делаемых укреплений. Стон голосов стоял над ними и беспрестанно сыпалась и вскидывалась на нарастающий вал красная глина.

Внизу за этим укреплением, не переставая, сидели переменяясь солдаты, поглядывая друг на друга. И по этому оврагу нельзя было проехать, не зажав нос от пропитанной духом лагеря атмосферы.

Князь Андрей заехал, при нем штаб офицер распек Ананьева.

Небольшой ростом¹ артиллерийский офицер,² забрызганный грязью, распустив врозь носки и согнувшись на худой грязной артиллерийской лошади, въехал в Грунт и, завернув в боковую улицу, направился к растянутой парусине маркитанта.

— А, штабс-капитан³ Ананьев, — обратился⁴ к артиллеристу один из сидевших у маркитанта пехотных офицеров, — и вы завернули в палестину нашу. Милости просим. — Он уступил ему место.

Кроткое, с⁵ нависшим лбом,⁶ истомленное лицо штабс-капитана⁷ Ананьева выражало сосредоточение мысли. Он рассеянно поздоровался с офицерами и, сев в уголок, спросил глинтвейну, напитка, вошедшего в моду у офицеров в этот поход за границей.

— Что, говорят, мир, не слышали? — спросил артиллерист тихим, почти женским голосом, вздрагивая от прохватившей его сырости и оглядывая гостей маркитанта. Два офицера (штабные) завтракали в стороне, и разговор шел о получении жалования. Один офицер курил трубку и сердито плевал, прислушиваясь к разговорам.

За столиком, за которым сидел артиллерист с знакомыми, сидел, укутавшись по уши в шинель, молодой прапорщик с бледным лицом. Его видимо трясла лихорадка.

— Говорят! — отвечал знакомый артиллеристу, — а укрепления строят — видели?

— Нутка, глинтвейнцу, — сказал артиллерист, но игривый тон, которым он говорил, видимо был неестественен. — Да вот что, Моисей Иванович, — прибавил он, — высуши ты мне какнибудь эти сапоги проклятые, покуда я посижу, — и он морщась стал разуваться. — Чорт их знает, как сели чтоль, — говорил он.

— Да уж одно бы что-нибудь, — сказал прапорщик, которого била лихорадка, вмешиваясь в разговор о мире. — Вот вторую неделю трепет лихорадка. Просился в гошпиталь, не пускают теперь. Не за чем. — Нижняя челюсть прапорщика тряслась и мешала ему говорить. Артиллерист кое-как снял сапоги и обратился к прапорщику. На лице его выразилось нежное участие и сожаление.

— Вы бы глинтвейну, — сказал он. — Подай еще стаканчик... А то хины.

Офицер улыбнулся и принял стакан.

— Я бы вас свез, у меня повозка пойдет в вагенбург, — сказал Багратион послал его осмотреть позицию. Он едет и видит все роты: Белкина, сеченье и Долохова в цепи. Заезжает к Ананьеву.

В балагане Белкин вдруг полно живет [?]; два раза встретил.

¹ *Зачеркнуто*: <слабый> желтый

² *Зач.*: с испачканным лицом, видимо от ручьев дождя, смывавшего его линияющую фуражку

³ *Зач.*: Тимохин

⁴ *Зач.*: с уважением

⁵ *Зач.*: ввалившимися щеками

⁶ *Зач.*: видимо не столько физическими лишениями, сколько работой умственной

⁷ *Зач.*: Тимохина

артиллерист, но не успел договорить, как под палатку вошел штаб-офицер и, оглянув всех, обратился к¹ Ананьеву.

— Хорошо! Очень хорошо. — Штаб-офицер покачал головой. — Тревогу забьют, а вы без сапог. Князь приказал, чтоб никого не было, чтобы все были по местам. Стыдно вам, штабс-капитан. При вашем уме и образовании, вы бы должны показывать пример, а вы... напротив. Князь приказал на...

— Я на одну секунду заехал спросить, — сказал² Ананьев, делая стыдливые и нерешительные гримасы ртом и ступая на разутые ноги.

— Ни на одну секунду. Извольте-ка лучше ехать, и вы господа...

³ Ананьев надел мокрые, всхлипывающие на ходу сапоги, сел на лошадь и поехал за деревню. Прапорщик пошел тоже к своему месту.

Зажав нос и толкнув лошадь, чтобы проехать поскорее лощину подле солдат, строивших укрепления, и поднявшись на гору,⁴ Ананьев увидал опять далеко впереди, на самом горизонте, Шенграбен и французов, в лощине нашу цепь и⁵ костры рот солдат, и свои орудия, и свой дом, балаганчик, построенный его солдатами позади орудий. Тимохин вздрагивал и что-то шептал; некрасивое, робкое, но доброе и работой мысли истомленное лицо его то хмурилось, то улыбалось и выражало плохо скрываемую внутреннюю тревогу. Он слез у балагана, отдал солдату лошадь⁶. В балагане сидели два его товарища. Он взглянул на них и пошел мимо.

— Нутка, Васюк, трубочку за это, — сказал он, проходя мимо, своему денщику, но шуточный тон его голоса был неестественен. Он закурил трубку и подошел к одному из костров.⁷ Солдаты потревожились для офицера.

<— Сиди, сиди, — поспешно проговорил он, подержал одну ногу над огнем, потом другую.

— Так сожжете товар, ваше благородие, — сказал один из солдат, жаривший голое тело у огня и потому, благодаря теплу, находившийся в самом веселом состоянии духа. — Пожалуйте, как высушу, за первый сорт.

— Не к чему, — сказал⁸ Ананьев, улыбаясь и морщась, и как человек, не знающий что с собой делать, куда деваться, отошел от костра к орудиям.⁹

¹ *Зачеркнуто:* Тимохину

² *Зач.:* Тимохин краснея

³ *Зач.:* Тимохин

⁴ *Зач.:* Тимохин

⁵ *Зач.:* на возвышении

⁶ *Зач.:* и вошел

⁷ *Зач.:* Человек пятнадцать солдат, раздеваясь и разуваясь, жались около костра.

Один солдат, подкидывая дрова, нажимал их на огонь, другой, раздетый донага, пожимал перед огнем мускулистыми плечами, третий трясся над ним рубаху, четвертый выставлял дымящиеся подвертки или ноги к самому жару.

⁸ *Зач.:* Тимохин

⁹ *Поперек текста:* разговор о бессмертии. Белкин.

Тут он был один. Он остановился у первого из них, рассеянно лаская маленькой, нежной рукой ровный и гладкий круг медного дула пушки, и глубоко задумался.

¹ Ананьев был известен между своими товарищами за рассеянного чудака, плохого фронтовика, но за доброго товарища, безобидного чудака и человека вольнодумного, зачитавшегося книгами и зафилософствовавшегося. В самом деле,² Ананьев много читал и еще больше думал. Он думал не оттого, что он хотел думать, а оттого, что не мог не думать, хотя мысли его часто тяготили его. Теперь, стоя у орудий, он думал о том, что его непременно убьют нынешний день, и что такое будет смерть? «Неужели ничего от меня не останется?»³ — спрашивал он сам себя. «Голевский по старшинству⁴ примет дивизион. А меня не будет, а от меня ничего не останется. Да где же я буду в ту минуту, как меня убьют? За секунду я был еще, я страдал, и вдруг от меня ничего нет. И меня нет, а всё останется без меня. Нет. Этого не может быть. А убьют — это наверное. Иначе бы не было со мной этой тоски, второй день уже мучающей меня. Они говорят: «душа улетит к небесам!» Положим, это суеверие, на небесах атмосфера одна, но они хотят сказать, что душа не погибнет и пойдет к богу, к творцу всего. А ежели так, то почему же эта душа, моя душа во мне теперь так боится смерти, тогда как смерть только освободит ее из этой плотской оболочки? Она бы должна была радоваться. А она боится и страдает. Я — моя душа — боится, изныла от страха. Что ж это значит? Не то, не то.

И как же они говорят: душа пойдет к богу милосердному, всемогущему? Где же этот бог теперь, когда он допускает эти тысячи людей делать зло, убивать друг друга? Да, отчего же я боюсь? боюсь и не могу преодолеть этого страха. Отчего я мучаюсь этим страхом, а Васюк смеется у костра? Нет, не то. Вот ему нужно мне было сказать неприятное при других офицерах» — думал он, вспоминая штаб-офицера, выгнавшего его из Грунта. «Зачем же бог не вложил в душу любовь ко всем, а вложил в них злобу и страсти? Вот кончится перемирие и начнут на этом самом месте убивать друг друга, изранят, убьют людей, убьют меня, убьют непременно. Зачем бог, который всемогущ, допустил до этого? Зачем начало зла царствует, когда бог милосерд и всемогущ? Он мог бы избавить свои творения от страданий. И худшего из всех страданий — страха смерти. Зачем же царствует зло и смерть, и страх смерти, когда душа бессмертна?» — думал он и опять его мысль, как свернувшийся винт, мучительно возвращалась назад к⁵ вопросу о том, что такое смерть и что может быть после нее. И опять он вздрагивал от ужаса смерти, которую ¹ *Зачеркнуто*: Тимохин

² *Зач.*: Тимохин

³ *Зач.*: и никому не нужно знать, что со мной. Никому.

⁴ *Зач.*: будет командовать дивизионом.

⁵ *Зач.*: вопросам о зле и добре, о вечности будущего и страха смерти и опять ужас предстоящего конца заставлял его вздрагивать. — Нет пойти

он, ему казалось, предчувствовал. «Сказаться больным, отказаться и уехать», думал он, «какое бы это было счастье. Но уж поздно.¹ И как я пойду, как я скажу это. Я не могу, не умею обмануть. Пойти к Белкину», сказал он сам себе, как будто стравивая неотвязчивые мысли и, отойдя от орудий, пошел на своих неловких ногах в всхлипывающих сапогах, раскатываясь по грязи, направо под гору.

Белкин был молодой ротный командир 6-го егерского, любимец солдат и начальства.² Ананьев узнал его во время похода³ и, сам не зная почему, полюбил его больше всех своих друзей.⁴ Он пошел по фронту пехоты.

В одной роте > большой толпой с жадными лицами стояли солдаты около ротных котлов и кашеваров. И, как стая голодных собак, поглядывали на кашу и друг на друга, ожидая прихода⁵ фелдвелея, вероятно понесшего пробу в балаган ротного.⁶

В другой роте, где, теснясь, стояли <солдаты> около рябого, широкоплечего фелдвелея у ротной повозки, каптенармус нагибал лежавший на столе боченок с водкой и наливал в крышки манерок, которые поочередно подставляли солдаты роты. Фелдвель торжественно и значительно смотрел на водку и на солдат, которые, шуточками стараясь скрыть свое волнение, теснились один за другим и с набожными лицами подносили, большей частью дрожащей рукой, ко рту крышки манерок; они выливали разом в рот вино и отходили с веселевшими глазами, полоская обе стороны, обтирая губы рукавами шинелей.⁷

21.

<Ананьев хотел идти в балаган ротного, когда к пьющим солдатам, с противоположной стороны от⁸ Ананьева, подошел красивый, стройный офицер. Это был Белкин. Он был человек лет двадцати восьми, высокий, стройной, во всей силе и сочности молодости, румяный, с улыбающимися глазами и крупными, ласковыми, румяными губами. В противоположность⁹ Ананьева, он был одет чисто, успел или сумел высушиться. В быстрой и легкой походке его видна была веселая и предприимчивая решительность.

¹ *Зачеркнуто*: Видно не миновать своей судьбы

² *Зач.*: и которого Тимохин

³ *Зач.*: Тимохин ошибся направлением и, запутавшись между рядами рот солдат, евших кашу, зашел вместо 6-го егерского к драгунам. Позади коновязей стояла толпа драгун и слышался крик. Тимохин подошел.

⁴ *На полях*: Подальше в лесу [?] стояли роты с поделанными и делающимися балаганами, козлами ружей и кострами, около которых толпились солдаты. В некоторых ротах обедали, в друг[их] пили водку.

⁵ *Зач.*: каптенармуса

⁶ *Зач.*: — Ишь, молодцы, — пробормотал Тимохин, — а мне и есть не хочется, — и он, спросив, где 5-я рота, отошел дальше и подошел к другой роте, в которой также

⁷ *Зач.*: Это была рота Белкина.

⁸ *Зач.*: Тимохина

⁹ *Зач.*: Тимохина

— Здорово, ребята! — проговорил он, не замечая Ананьева, звучным тенором ни громко, ни тихо, а в тон общих звуков.

— Здравия желаем, ваше благородие! — прокричали человек двадцать.

— Вот молодецкая душа, — проговорил про себя¹ Ананьев, глядя на Белкина. — Его не мучают мои сомнения и страх. Но что бы я дал, чтобы знать — всё знать, что теперь в этой молодецкой душе.

— Много ли рядов? — спросил улыбаясь Белкин (он всегда немного улыбался). Белкин говорил тоном человека, не любящего говорить много с подчиненными, но ожидающего положительного, ясного ответа.

— Тринадцать, — отвечал фелдвებель.

— Кого еще нет?

Солдаты всё толпились и сзади засмеялись. Белкин оглянулся, всё улыбаясь. Но в рядах затихло и подходивший солдат имел набожное выражение, когда приблизился к чарке.

— Соврасова, Петрова, Миронченка, — докладывал фелдвებель. — Миронченко точно заболел, в самую бурю, как деревню проходили, он придет, я ему сам вчера приказал остаться. А тот бестия Захарчук так балуется, я велел ему на повозку сесть, так нет, упал. Дрянь солдатишка.

В это время подходил к водке узенький, тоненький, с ввалившейся грудью, желтым лицом и желтым, вострым, носиком молодой солдатик, казавшийся олицетворением голода и слабости. Но несмотря на жалость, возбуждаемую наружностью этого солдата, в собранном, как кисет ротике, в бегающих покорных глазах было что-то такое смешное, что фелдвებель, как бы прося позволения пошутить, посмотрел на ротного и, заметив на его лице улыбку, сказал:>

— Вот Митин наш не отстал, пришел вчерась, — говорил фелдвებель, улыбаясь и указывая на проходившего к водке подергивающегося востроносого, худого солдатика, — его всё Бондарчук за штык волок.

<— Без Митина 5-ой роте нельзя быть, — сказал Белкин, глядя на жалкого вертлявого солдатика, который, закрыв в это время глаза, полоскал обе стороны рта водкой и пропускал ее сквозь свою вытянутую, с выступающим как у индюшки кадыком, шею.

— Сладко? — спросил Белкин, подмигивая Митину.

В рядах загрохотал одобрителный хохот.

— Уж кажется так, ваше благородие... сладко, что и не знаю, как... значит, — тоненьким голоском пропустил, улыбаясь и подмигивая, Митин.

— Василий Михайлыч! — всё улыбаясь радостно, сказал Белкин, увидав² Ананьева. — Ну вот и вы к нам зашли! А я к вам¹ *Зачеркнуто*: Тимохин

² *Зач.*: Тимохина

хотел итти. Да что, батюшка, — подмигивая сказал Белкин, — вот молодцы мои коровку гуляющую подобрали, так нельзя ли, коли¹ поход, на лафет положить? Мы и освежаем, и всё, а мясо пополам артиллеристам и нашим?

— Что ж, ладно, — отвечал² Ананьев, ³ видимо подделываясь под беспечный и веселый тон Белкина, но тон его был очевидно неестественен. — Ну что вы, как? — прибавил он.

— Да я что, молодцом. Брат ко мне прибыл.

— Не на радость может прибыл, — сказал⁴ Ананьев.

— Вона! — крикнул Белкин, — волка бояться, в лес не ходить. Что вы всё скучны, Василий Михалыч? Вот мне всё весело! Я думаю, много вы думаете. Учены много. Другой раз я и жалею, что плохо учен, а то и думаю, лучше так нашему брату.> Да куда же вы? — прибавил он, слегка трогая его под локоть. — Пойдемте ко мне. Посмотрите, какой балаган мне мои молодцы сгородили. Не хуже полкового командира.⁵ Ананьев, морщась, пошел рядом с Белкиным. В шалаше была койка и стол из плетня. На койке спал человек в солдатской шинели, на столе лежала фуражка и трубка. Белкин убрал всё это, подвинул барабан Тимохину и сам сел на кончик койки.

— Эй, барабан еще, — крикнул он. — Вот видите, — с гордостью оглядывая свое жилище, сказал Белкин. — Важно устроили.

В балагане было выскоблено, подметено и даже песком посыпано. На колышках аккуратно висела одежда и шпага.

— Водочки не хотите ли? — сказал Белкин, доставая из под постели бутылку и чарку.

— Что ж это брат? — спросил⁶ Ананьев.

— Не выпался, — отвечал Белкин.

<Они помолчали>.

— Хороша книжечка, — сказал Белкин, — только я вас хотел спросить,⁷ — продолжал он, — что вы мне дали — я ведь читал.

— Какая это книжка? — спросил к[апитан] А[наньев]. Белкин показал ему Европейский Вестник 1804 г.

— Отделаешься, всё считаешь. Славная книжечка.⁸

— Вот что я вас хотел спросить, — сказал Белкин, улыбаясь ¹ *Зачеркнуто*: отступить придется

² *Зач.*: Тимохин

³ *Зач.*: печально, — мы положим

⁴ *Зач.*: Тимохин

⁵ *Зач.*: Тимохин

⁶ *Зач.*: Тимохин

⁷ *Зач.*: сказал Белкин улыбаясь. — Я книжечку достал хорошую от полковника

⁸ *Зач.*: Он достал из чемоданчика переплетенный томик Европейского Вестника 1804 года. <Тимохин> Ананьев взял у него из рук и стал перелистывать молча. В книжке была статья Гердера, которая сильно [его] занимала. Ему хотелось поговорить с Белкиным о предстоящем сражении, но он боялся выдать свою боязнь.

и взявшись за книгу, — тут одна штука есть, я не понял. Вы, я чай, знаете? — он обратился к Т[имохину]. — Гердэра статейка, я не понял.

<И он с приемами человека, непривычного обращаться с книгами, моча палец, перевернул несколько страниц и остановился на заглавии. Держа палец над заглавием, он, весело улыбаясь, передал книгу¹ Ананьеву. «Человек сотворен в ожидании бессмертия», прочел он, ударя несколько на о.

— Что же вы не поняли? — спросил² Ананьев и в первый раз в целый день улыбнулся — кроткой, спокойной и умной улыбкой. Только в этом мире мысли он был вполне собою.

— Да *вы то* всё знаете. А я вот и читал, да не понял. Вот эта, сначала Дюшесса Дозамбри и Кавалер Фериоль, — эту понял. А эту читал, читал, будто поймешь что, и опять нет, так и бросил, думаю спрошу у Василия Михайлыча.

— Да это³ очень просто, — сказал⁴ Ананьев,⁵ — тут, видите ли, он говорит, что ничто в мире не умирает, т. е. не уничтожается, а всё живет, только переходя из одного вида в другой. Всё выше и выше.

Белкин слушал и улыбался, но видно было, что он не улыбался тому, что он слышал, а тому, что происходило в его душе.

— Вот он говорит, — Тимохин стал читать:>

«Взгляните теперь на животных, они питаются соками растений. Слон один уже есть гроб тысячи прозябений, но гроб живой, действующий. Поглощая их, он некоторым образом превращает их в животных, и так вот еще организмы низшего разряда, которые достигают состояния новой и полнейшей жизни».

— Он говорит, что трава перейдет в животное, а животное в человека, а человек в ангела, в какое-нибудь высшее существо, — объяснял⁶ Ананьев. — Он говорит, что коли ни трава, ни зверь не умирает, а переходит в другие существа, так тем паче душа человеческая, которая важнее этого всего, не может умереть, а тоже должна перейти в какое-нибудь другое существо...

<— Так, так,> — сказал <Белкин.>

— Вот видите ли, он говорит, — <Ананьев>⁷ стал опять читать.

И чем дальше он читал, тем более дрожал его голос.⁸

«И когда последний сон, сон смерти, овладеет нашим скорбным телом, тогда, подобно как обыкновенный сон освежает и обновляет в нас источник жизни, умеряет не в меру ускоренное движение, так ровно и сон смерти заживляет в нас некоторые язвы, коих жизнь исцелить была не в силах: доставит нам¹ *Зачеркнуто*: Тимохину

² *Зач.*: Тимохин, — я знаю, я читал

³ *Зач.*: мудрено

⁴ *Зач.*: Тимохин

⁵ *Зач.*: одушевляясь

⁶ *Зач.*: Тимохин

⁷ *Зач.*: Тимохин

⁸ *Зач.*: и слезы, которые бог знает зачем явились в его

отдохновение после трудов жизни, готовится душу к радостному пробуждению, к рассвету обновленной юности».¹

— Это так, — сказал² Белкин, которому видимо сообщилось, хотя и не смысл слов, но волнение Т[имохина].

— Ай да Гердёр.³ И правда другой раз сидишь, сидишь и подумает: вот живем, живем, хватить тебя по затылку и капнуть,⁴ как Сафронова нашего.

— А то вот хорошо, — сказал Белкин.⁵ — О черкашанках пишет какой-то. — Он стал читать, едва удерживаясь от смеха, которого он видимо сам стыдился, но не мог удержать. «Черкашанки славятся красотой и заслуживают сию славу от удивительной белизны...»⁶

В это время в воздухе пронесся приятный звук дальнего выстрела и вслед за тем послышался близко свист, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее, и ядро, как будто не договорив всего, что нужно было, с нечеловеческой силой взрывая брызги, шлепнулось в землю недалеко от балагана. Как будто ахнула земля от этого страшного удара.

Всё замолчало и ждало. Раздался дальний выстрел из неприятельской пушки. Т[имохин] побледнел и нижняя губа его задрожала. Он хотел выговорить что то, но не мог.⁷

— Она! — весело проговорил Белкин и выбежал из шалаша.

— А думали, что нынче не будет сраженья, — сказал Т[имохин], догоняя его и успевший оправиться.

—⁸ В ружье! — крикнул он.⁹

Т[имохин], всё еще морщась, шел на свою батарею, раскатываясь по грязи неловкими ногами.¹⁰

¹ *Зачеркнуто.*: дочел Ананьев и отвернулся, чтобы отереть слезы.

<Тимохин читал с волнением и дрожанием слез в голосе.>

² *Зач.*: Белкин задумчиво. — Вот так хорошо <это так>

³ *Зач.*: прибавил он весело

⁴ *Приписано позднее и зач.*: Князь Андрей сидел и смотрел на них. В его душе вдруг распустился цветок любви и сожаления к этим людям, открылось новое чувство участия к людям братьям и этот мыслящий тонкий человек и этот весельчак были милы и дороги ему.

⁵ *Зач.*: Он раскрыл книгу.

⁶ *Зач.*: Он не дочитал.

⁷ *Приписано позднее и зач.*: — Ага! — медленно проговорил сквозь зубы Болконский с таким выражением, как будто он заметил, что запачкал сертук, и, так же медленно встав, вышел из балагана, не оглядываясь на Т[ушина].

⁸ *Вставлено в позднейшей редакции*:

— В ружье! — закричал он.

К[нязь] А[ндрей] улыбнулся, прямо держась, вышел и тихо крикнул казака с лошастью. Ни одна черта лица его не дрогнула, ни одно [1 неразобр.]

⁹ *Зач.*: Тимохин, бледный и тревожный, морщась вышел за ним. Князь Андрей сел на лошадь и поскакал отыскивать князя Багратиона.

— Что ж, драться, так драться, — проговорил он неестественно, хотя никто не мог его слышать, и тихим шагом пошел к своим орудиям. Он ободрял сам себя, но в душе его был сжимающий, давящий ужас смерти. Он пошел однако тихими шагами. «Все равно», подумал он, «буду по крайней мере притворяться, чтобы не осрамиться перед солдатами».

¹⁰ *Зач.*: Вслед за первым выстрелом послышался другой, третий. Колонны французов, видневшиеся впереди Шенграбена, заколебались справа; извиваясь

Через четверть часа, во время которого князь Андрей отыскивал князя Багратиона, стрельба усилилась в центре против батареи Тушина, где слышались боль[ше] пушечные выстрелы, и на правом фланге, где ничего нельзя было видеть от дыма и где в лощине перекатывались страшные, за душу хватающие звуки трескотни ружей. Очевидно сражение сосредоточивало свои усилия на этом пункте. Тут же князь Андрей и нашел князя Багратиона. Багратион шагом, на белой лошади¹ ехал к тому месту, где всего чаще перекатывалась трескотня ружей. За ним ехали три² человека: свитский офицер, адъютант князя, известный и неприятный Болконскому Жирков и, странный в сражении по виду, штатский чиновник аудитор.³

Сразу ли, оглядев с высоты поле сражения, он понял, в чем было дело, или вовсе не понял того, что делалось перед ним, но по лицу его видно было, что в душе его не было никакого ни сомнения, ни колебания, видно было, что он твердо решил, что ему надо было делать и что сущность этого решения состояла в том, что ему надо быть там, где больше опасности. Таково было выражение его лица, которое тотчас понял князь Андрей и, казалось, понимали лица его свиты.⁴

Князь Андрей сказал ему, что с горы заметно было, как две французские колонны обходили наш правый фланг. Багратион наклонил голову.

— А вот посмотрим, — сказал он.

Свитский офицер заметил, что нужно бы подкрепить правый фланг. Багратион точно так же наклонил голову и сказал: «хорошо».

Вообще лицо Багратиона во всё время этого сражения, пока видел его князь Андрей, было постоянно неизменно спокойно с выражением скучливости и глубокомыслия. Как будто оно говорило, что всё, что ни происходило и ни могло произойти, всё было предвидено и должно было быть именно таким, каким оно было.

Князь Андрей поехал за ним рядом с Жирковым и аудитором. Жирков видимо хотел щеголять своей храбростью и шутил невесело над аудитором. Аудитор был невысокий круглый человек змеей и блестя штыками под гору, тронулась колонна французов. В цепи, где так недавно шутили солдаты, раздалась выстрелы. Французская батарея выезжала вперед и по всей линии раздалась канонада и трескотня ружейной пальбы. В наших рядах бегали, строясь и разбирая ружья, солдаты убирали котлы и повозки, крики и командные слова начальников слышались со всех сторон, адъютанты в разные стороны скакали между рядами.

Князь Андрей поскакал по фронту направо отыскивать Багратиона. Уже

¹ *Зачеркнуто:* с задумчивым, непроницаемым лицом

² *В рукописи:* чиновника

³ *На полях:* Багратион едет прямо направо. Путаниц[а] и он собирает батальон. Князь Андрей завидует. Он подсказывает в минуту атаки.

Поперек текста: Поезжайте.

Далее в рукописи была вставка, текста которой не сохранилось.

⁴ *Зач.*: Лицо Багратиона было одно из тех лиц, которые с трудом изменяют выражение. Он только смотрел строже обыкновенного.

в камлотовой шинели, обвернутой по фореиторски вокруг него, и ехал на толстоногой лошади и фурштатском седле с короткими стременами, которые видимо терли ему непривычные ноги.

Лицо у него было белокурое, веселое и совершенно не военное. Он из любопытства попросил ехать за князем, и на лице его было соединение выражения хитрости и наивности, когда он оглядывал вокруг себя новые для <него предметы и делал вопросы>, как будто он нарочно хотел себя показать глупее, чем он был, и тем доставить удовольствие тем, с кем он ехал и, вместе с тем, в душе посмеяться над ними.¹

— Носки к телу... редопь... — говорил Жеребцов, оглядываясь на князя Андрея, но обращаясь [к] чиновнику, которого упряжная лошадь не шла шагом, а встряхивала его, не переставая, тяжелой рысью. — Я говорил, молока не ешьте, собьется масло, что тогда?

— Полно вам, — спокойно улыбаясь говорил аудитор. В это время пролетело и шлепнулось первое ядро.

— Это что ж, Петр Финагеич, — спросил, наивно улыбаясь, аудитор, — что это упало?

— Лепешки французские, — отвечал Жирков, но лицо его несколько переменяло выражение и цвет.

— Этим то убивают, значит, — спросил аудитор наивно, приятно покачивая головой. — Страсть какая! — прибавил он с еще более приятно спокойной улыбкой. Но не успел он сказать этого — ш-ш-ш-ш-шлеп и казак рухнулся с лошастью на землю.²

Жирков замолк и стал дергать лошадь.

Уже ближе чувствовалось сражение. Один раненный с окровавленной головой, без шапки, падал и волочил ноги, уносимый двумя вожатыми, другой, видно только что раненный и больше испуганный, чем страдающий, шел бодро, громко охал и махал окровавленной рукой, из которой лилась кровь на его шинель. Двое тоже вели и этого.³

— Чья рота? — спросил Багратион, подъехав к ящикам, хотя этот вопрос был совершенно не нужен, и за этим ненужным вопросом слышался другой вопрос: «уж не робеете ли вы тут?» как будто спрашивал он вместе с тем: «коли робеете, так смотрите на меня». И он выпрямился несколько и нахмурился. Унтер-офицер понял этот невыговоренный вопрос.⁴

¹ *Зачеркнуто*: Жирков ехал весело, но беспокойно подле аудитора и выражение его

² *Зач.*: Багратион не оглянулся и не ускорил езды даже, а остановил лошадь против толпы солдат, которые с двумя ружьями на плечах, ведя под руки раненных, шли навстречу ему из той, застилаемой дымом и не умолкавшей стрельбой лощины.

Князь Андрей подъехал к Багратиону. Багратион строго посмотрел на него и ничего не сказал.

³ *Не зачеркнуто явно по рассеянности*:

— Какого полка? — спросил Багратион

⁴ *Зач.*: — Подольского егерского.

— Штабс-капитана¹ Тимохина, ваше превосходительство! — закричал, весело вытягиваясь, артиллерист, прибежавший с сумкой к ящикам за зарядами.²

Багратион одобрительно слегка наклонил голову, как будто он говорил: «Так, ребята, хорошо».

Миновав передки, он въехал в парк.

— Оставить раненных, к местам, — сказал Багратион. Унтер офицер и раненные остановились в недоумении. Но адъютант подтвердил приказания и один раненный остался на дороге, другой сам пошел дальше, вожатые вернулись. Багратион поехал дальше; проехав дорогу, они стали спускаться с горы и еще чаще стали попадаться свежие, еще больше испуганные, чем страдающие раненные и, доказывая близость сражения, уже летали свистя пули. Но, несмотря на всё напряжение зрения, князь Андрей ничего не мог разобрать впереди. Дым пороховой на той стороне в лощине и на нашей стороне и двигающиеся в этом дыму тени. Шум и стрельба. Чем ближе они подъезжали, тем больше было солдат и внушительнее становилась стрельба. Но летавших пуль было слышно меньше. Изредка под самым ухом щелкал выстрел ружейный нашего солдата и видны были закопченные дымом лица солдат, заряжавших и достававших заряды. Правильных рядов не было, но со всех сторон были солдаты, стрелявшие куда то в густом дыме. Багратион медленно спросил у офицера, где полковой командир.³

День до вечера был пасмурный и тихий, дым не относил, но в то время, как Багратион подъехал к лощине, невидимой рукой холст дыма медленно потянулся справа налево и на мгновение открылись спуск и противоположная гора. Князь Андрей не видел ни рассыпанных наших по скату солдат, ни раненных и убитых, лежавших по всему полю, его глаза, как и всех, невольно устремились на ту сторону. Там стройной огромной массой, кончавшейся на горизонте, с развернутыми знаменами шли французские, полки. Они казались близки — по прямой линии, протянутой от нашего бугра к ихнему. Багратион остановился и опять [наклонил] одобрительно голову. Свитский офицер предложил⁴ князю Багратиону выехать на гору, откуда всё было виднее. Багратион ничего не ответил.

Орудия давно уже стреляли на одном и том же месте и, откатываясь, уже проложили по жневью, приминая солому, свои широкие двойные следы.

В то время, как подъезжал князь Андрей, из крайнего орудия зазвенел, оглушая всех, выстрел, и в дыму, который ветер понес¹ *Зачеркнуто*: Ананьева

² *Поперек текста*: Князь Андрей не узнает прежнего положения войск. Посылают в атаку; надо вернуть.

³ *Зач.*: делал одобрительные знаки головой на всё, что ему говорили, и что то как будто разглядывал среди дыма. Лица солдат и офицеров веселели при виде Багратиона.

⁴ *Зач.*: ему привести К[иевских] г[ренадер]. Он наклонил голову.

влево, видны были артиллеристы, в то же мгновение подхватившие и, торопливо напрягаясь, накатывавшие его опять на прежнее место.

Князь Андрей, как сам бывший артиллерист, невольно заметил, что людей, накатывавших, было мало. Их было три вместо 6 человек [?].

Небольшой, слабый человек¹ Тушин, который почему то с веселой радостью тотчас же узнал князя Андрея, ложился на другое орудие и что то ворчал.

— Еще, еще, эка чорт, перепустил. — Тушин отскочил и, спотыкнувшись на хобот, чуть не упал, но видимо ему некогда было замечать даже свое падение. Спотыкаясь еще, он закричал тонким голосом: — «Второе!»

Опять зазвенело, оглушило и задымило орудие и² Тушин, содрогнув как женщина от близкого звука этого выстрела, побежал к 3-му орудю и закричал голосом, которому он видимо хотел придать молодцоватость, не шедшую к его наружности.

— Круши, Медведев! — закричал он фейерверкеру.

Первый номер, красавец широкоплечий солдат, отскочил и, твердо расставив ноги, стал с банником у колеса. В третьем орудии второй номер клал заряд в дуло и не попадал сразу трясущимися руками.³

Как только началось дело, Тушин, без приказанья, по своему соображению, решил стрелять по Шенграбену, из которого выходили французы.

Он стрелял брандекугелями и скоро после отъезда князя Багратиона ему удалось зажечь деревню.

— Вишь засумятились. Горит. Вишь дым-то. Ловко! Важно! Дым-то, дым-то, — заговорила прислуга и еще оживленнее пошла работа заряжанья. Все орудия без приказанья били по направлению пожара и веселое одушевление сообщалось всей прислуге, так что они, как будто подгоняя, подкрикивали к каждому выстрелу.

[Далее со слов: Пожар, разносившийся ветром, быстро распространялся. кончая: Сам он представлялся себе огромным ростом, могущественным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XX.]

¹ Зачеркнуто: <Тимохин в фуражке на затылке> офицер Ананьев

² Зач.: <Тимохин невольно дрогнул> Ананьев

³ Поперек текста: Князь Андрей с Т[ушиным], как старые друзья, не говоря ни слова.

Зач.: Князь Андрей Болконский передал ему приказанье.

— Не на чем отступать. Лошади перебиты. Я послал в Грунт, — и он взглянул на князя Андрея, как на доброго старого знакомого. И невольно князь Андрей также посмотрел на него. Ему казалось, что он давно, давно знает этого Тушина.

— Офицера моего с первого выстрела убило ядром, вот один хлопочу, — сказал Тушин и опять лег на орудие. Князь Андрей слез с лошади и подошел к офицеру.

— Я вам помогу, — сказал он.

¹ <Вдруг сзади себя он услышал ровный шаг пехоты, отбиваемый в ногу, как будто каждый из этих сотен солдат приговаривал мысленно через шаг: «Левой... левой... левой...». Впереди двух батальонов 6-го егерского полка шла рота того самого красавца с мужественным голосом, Белкина, который не дочитал о красоте черкашанок. Рота шла просторным и мерным шагом деятельности, сдержанной поспешности и силы, которой ходят пехотные полки вольно, с ружьями на плечах.> Лица у солдат, отягощенных ранцами и ружьями, казались строги и серьезны. Они все видели приближавшиеся им навстречу фран[цузские войска]. И равномерное тяжелое движение широкого шага этой массы людей казалось неудержимо. «Левой... левой... левой...» слышалось из-за угрожающего молчания, с которым они двигались.

Тучный майор, разрознивая шаг, пыхтя, обходил куст на пути. С пригорка сзади, с которого только что спустилась рота, догоняя, путаясь своими тонкими худыми ногами и под острым углом нагибаясь вперед под тяжестью тяжелого ружья и давившего ранца, бежал с птичьим лицом задохнувшийся Митин. Он не бежал, а падал, и ноги под гору всё быстрее, всё быстрее переставлялись, едва успевали удержать его от падения.

Белкин шел впереди на левом фланге, легко на своих мускулистых ногах, точно он плыл без малейшего усилия, отличаясь этой легкостью от тяжелого шага солдат. Он нес шпагу, играя ею (маленькую, узенькую, слабую, гнутую шпажку), вынутую из ножен и, оглядываясь, гибко поворачивался назад всем своим стройным станом, не теряя шагу в ногу, который он выделял, вытягивая носок с свободной, военной щеголеватостью.

Видно было, что по его ноге держалась вся рота... левой... левой... левой...

Узкие глаза Белкина из-под писанных бровей глядели, как всегда, весело смеясь своей внутренней радости жизни, лицо горело, одно из всех лиц солдат, свежим, молодым румянцем.

Но солдатам дела не было до отставших — левой... левой... безучастно отбивали ноги.

— Брат прибыл! — прокричал он, увидав Ананьева, указывая на юнкера сзади. Он забыл, что говорил уже про брата. Брат Белкина был точно такой же стройный, веселолыцый молодец, как и ротный командир, только немного почернее волосом и помоложе. «Одна счастливая, молодецкая порода», подумал Ананьев. «То-то хватим мы», думал он.

Ему казалось в его фантазии, что и он со всеми орудиями и с своим огромным ростом и нечеловеческой силой движется вместе с этой пехотой под такт: «Левой... левой...»

В это время ядро, нажимая воздух, близко пролетело над головой Ананьева, он невольно пригнулся и зажмурился. Ядро попало. Когда он оглянулся на полк, с краю адело [?] что-то. ¹ *Зачеркнуто*: Он приехал в ту минуту, как 6-ой егерский подх[одил] к князю Багратиону. Князь Андрей передал сведения и остановился. Батальон подвигался

Двое несли одного. Но унтер-офицер, отставший около убитого, побежал к месту и подпрыгнув, переменяя ногу, опять попал в такт — левой — левой.

— В атаку! — проговорил весело¹ Белкин, как бы отвечая на чей то вопрос. Он без усилия, таким звучным голосом сказал это слово, что вся рота услышала это слово и еще резче и грознее стала отбивать шаг — левой — левой — левой.

— Молодцы! — проговорил² Ананьев своим, не шедшим к нему, военным голосом.

— Капитан! — крикнул Белкин, улыбаясь своими белыми зубами и видимо щеголяя своей беззаботностью.³

— Вот бы Гердера теперь с нами послать, — крикнул он, — коли он знает, что там будет... Нииикто не знает! Судьба — индейка! — и он вышел из звука голоса; только по последним рядам двух батальонов, которые долго проходили мимо орудий, Тимохин всё еще слышал такт — левой... левой..., по которому впереди их шел Белкин.

«Судьба — индейка» — эти пошло-бессмысленные слова офицерской шуточки было последнее, что слышал Тимохин от Белкина.⁴

⁵ От батареи⁶ Ананьева Багратион поехал шагом (как он ездил во всё продолжение этого памятного дня) с своею свитою и под сильным огнем подъехал к нашему правому флангу, состоящему из одного пехотного и одного драгунского полка. Русский правый фланг был первый атакован двумя французскими дивизиями под начальством Сульта.

Когда Багратион въехал в лощину, в которой стоял Киевский гренадерский полк, он увидал на протяжении полуверсты беспорядочно рассыпанные серые шинели. Большинство двигалось назад, другие стояли кучками и стреляли. Впереди виднелось несколько лежащих, вероятно убитых и раненных. Впереди двигалась французская конница, справа налево открывая пехоту. Киевский гренадерский полк только что был атакован французскими конными гренадерами. Он выдержал атаку, но вслед затем расстроился под огнем французских егерей и артиллерии. Кроме французской пехоты, двигавшейся⁷

¹ *Зачеркнуто:* и гордо

² *Зач.:* Тимохин

³ *Зач.:* — Что? — Коровку то не забудьте, возьмите

⁴ *На полях:* Князь Андрей не утерпел и поехал за полком.

⁵ *Зач.:* Через полчаса учтивый видимо денщик, имеющий привычку обращаться с господами, подошел к Ананьеву и, притворно качая головой и улыбаясь:

— Майор приказали доложить, что будет ваша милость положить на орудие капитана. Очень изволят тяжело ранены.

— Какой капитан?

— Белкин. Третьей роты.

— Положить, — сказал Ананьев, не понимая, что это значит.

— Ну-ка, Матвевна, — и он бежал к орудиям.

⁶ *Зач.:* Тимохина

⁷ *На этом рукопись обрывается.*

* № 60 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XX).

<Вдруг сзади раздался крик солдата:

— Не стреляй! Наша! Наша взяла! Ура, ребята!

— Урра! — загудело со всех сторон и толпа побежала вперед. Стрельба прекратилась. Французов больше не было впереди, они бежали вправо, и в лесу виднелись красные воротники и околышки русских солдат, которые, нагнувшись вперед, с ружьями наперевес бежали между деревьев.

— Наша взяла! — пронеслось между солдатами так же быстро, как полчаса тому назад: «Отрезали!» Из-под горы слева бежали назад солдаты к лесу, к тому месту, с которого прогнали французов, слышались голоса начальников и строились по своим местам.

Прогнали французов и изменили всё дело десять человек роты Брыкова, в числе которых был и Долохов. Он с окровавленным штыком бежал посередине солдат, без шапки, самовольным нападением справа, с бледным лицом.

— Двух! — прокричал он генералу, показывая свой штык, и, запыхавшись от усталости, остановился у дерева.

И французы, разделившие было на две части войско левого фланга, на мгновение были оттеснены. Новые, огромные массы с новой силой наступили на русских справа и спереди, но в это время разорванные части успели соединиться и беглецы возвращались назад. Шагом на своей белой лошади подъехал и князь Багратион, сопровождаемый тем же свитским офицером и чиновником и присоединившимся Жеребцовым.

26.

Желание Долохова участвовать в рукопашном бое исполнилось, благодаря капитану¹ Тимохину, одному из всех ротных командиров, бывших в лесу, успевшему в порядке удержать свою роту. Капитан Брыков в ту минуту, как раздался крик «отрезали», с своим² неестественным притворством равнодушия и медлительности вместо того, чтобы, как генерал, кричать на солдат и, обращаясь к их патриотическим чувствам, вызывать их вперед на смерть врагу, медленно встал с барабана, на котором он сидел, крикнул барабанщика, велел бить сбор и, выйдя вперед, крикнул солдатам, чтобы они захватили с собой по полну дров, прежде чем идти из лесу.

— А то, как вчера в поле, хворостинки не найдем. — И он медленным шагом прошелся между всполошившимися солдатами. — Собирай роту и выходи влево, — сказал он фелдфебелю. — Да чтобы не забыли дров взять, а я пойду посмотрю.

Бегущий солдат другой роты почти наткнулся на³ Тимохина. ¹ *Зачеркнуто:* Брыкову

² *Зач.*: обычным

³ *Зач.*: Брыкова

Несмотря на свою медлительность, правая ладонь руки Брыкова сразу звонко попала в щеку бегущего солдата.

— Что, не видишь офицера? А? Куда бежишь, — проговорил он, оглядывая остановившегося солдата. — Точно заяц угорелый. — Солдаты роты захватили¹ поленья, положив их на кресты ружей, и ближние, видевшие пощечину, спокойно стали строиться.²

Тимохин вывел свою роту за лес, прежде чем его заняли французы, и, не зная, куда идти, и ожидая приказаний, остановился в ложине подле леса.

Долохов, бывший в последних рядах, первый увидал французов.

— Капитан! — закричал он торжественным тоном, подбегая к Брыкову. — Клянусь вам своею честью, что у вас в руках судьба нашего полка! Французы в лесу и они нас не видят, ударимте на них.

Брыков не отвечал, улыбнулся и с минуту задумчиво почесал затылок.

— Шевелев! — крикнул он унтер офицеру, — возьми человек десять, кто охотники, да умненько подкрадьясь ложбинкой. Погляди много ли их там.

— Немного, ваше благородие.

— Немного, так пугани.

— Слушаю, ваше благородие.

— Позвольте и мне, капитан, — сказал Долохов.

— Что ж, коли охота берет.

Шевелев, Долохов и человек десять солдат побежали к лесу. Но едва они добежали до опушки, как Шевелев прошептал: «ложись», и все десять человек, поняв, в чем было дело, без команды упали в кусты.

Они увидели впереди себя французов не дальше ста шагов. Французы очевидно не подозревали их близости. Ближе от Долохова скоро шли редкими кустами два³ француза. Один был вероятно офицер. Он прокричал что-то, чего не мог расслышать Долохов, и направился к кустам, в которых лежали солдаты. Долохов слышал слово: «tirailleurs»⁴ и «les hommes de la 3-me section».⁵ Он нагнулся, боясь быть замеченным, и не мог ничего видеть, но слышал, как хрустела сухая ветка и листья под шагами людей и удар ложа ружья, спущенного на землю.

Сердце его билось, глаза горели и все силы души были сосредоточены в ожидании чего то нового, страшного и неизвестного.¹ *Зачеркнуто:* дубинки из леса

² *Зач.*: Брыков неторопливо

³ *Зач.*: офицера и говорили. Они были шагах в пятидесяти и видимо думали, что никого нет. Ежели бы спросили Долохова, что в эту минуту, когда он, высовываясь из-за куста, всё ближе и ближе видел подходивших людей и сам, стараясь не шуметь, слушал их шаги, что так сильно возбуждало его, он бы не умел сказать

⁴ [стрелки]

⁵ [люди третьего полувзвода.]

Ему хотелось видеть и французов и своих товарищей. Он поднял голову. У соседа его, солдата, сбилась шапка на затылок и на бледном лице его выжалось то же, что и в душе Долохова.¹

Офицер француз, не доходя шагов тридцать до кустов, повернул влево. Солдат, шедший с ним, держал ружье у ноги и скусывал патрон. Долохов видел выражение его лица, с оголившимися зубами рот. Впереди послышалась французская команда² и солдат, заряжавший ружье, вскинул его и побежал мимо Долохова, за ним, перевешивая вперед ружья, весело бежали другие. И еще, еще, в штиблетах, башмаках и подоткнутых синих шинелях бежали французы.

Долохову³ мелькнула мысль, что он погиб,⁴ ежели его увидят, и в то же мгновение он приподнялся. В то же мгновение молодой,⁵ худощавый, высокий француз с шрамом на щеке увидел Долохова и остановился. На лице француза выразилось недоумение.⁶ Он обеими руками схватился за ружье.

— Ребята! — закричал Долохов и побежал к французам.

Шевелев и другие солдаты в то же мгновение сделали тоже. В то же мгновение Тимохин со всей ротой, услышав крик своих, бросился к лесу.

Несколько выстрелов засвистело над головами русских. Француз со шрамом, который был ближе всех от Долохова, выстрелил и хотел повернуться и бежать, но поскользнулся и упал на колено. Долохов не видел никого, кроме этого человека.⁷ Он видел каждое движение его и его лица. Француз встал и лицо его неестественно улыбалось, как будто он давал заметить Долохову свою неловкость. Он видимо не понимал еще всей важности предстоящего. «Что же это такое?» подумал Долохов. «Он и не думает, что я его убью». Однако он, не умеря быстроты бега, подвинулся к французу и уже в двух шагах бежал от него.⁸ «Надо с ним что-нибудь сделать», подумал он. Француз хотел отбиваться штыком, остановился на минуту и тотчас же опять побежал.

В ту же минуту, как он побежал, Долохов увидел его выражение испуга и вместе с тем увидел другого белокурого француза,¹ *Зачеркнуто*: Все силы души этих людей были поглощены минутой. Офицеры прошли мимо и подошли солдаты. Один солдат, заряжавший ружье

² *Зач.*: и, перевешивая вперед ружья, посыпались из леса мимо него весело французы.

³ *Зач.*: увидав эту массу людей

⁴ *Зач.*: «Все равно», подумал он.

⁵ *Зач.*: черноволосый, криворотый гренадер

⁶ *Зач.*: и испуг. Долохов с криком угрожающего отчаяния бросился вперед.

⁷ *Зач.*: бывшего ближе всех и выражение лица которого он успел рассмотреть так подробно. Долохов чувствовал страстное желание догнать прежде всех этого француза. Подбегая ближе к упавшему, он заметил, что его товарищ солдат его перегоняет. Силы его удесятерились.

⁸ *Зач.*: Кругом и сзади всё кричало. Бежал вперед Брыков.

Направо был куст и камень, у камня француз, который, поднявшись, побежал. Долохов взглянул: был дым, но... дела не было. Ему нужно было только догнать прежде всех упавшего и поднявшегося бегущего француза. Он стал догонять его в двух шагах.

целившегося в него. Долохов, выстрелив в целившегося и со всей силой напора падая, добежал до первого гренадера. От дыма он не видел ничего, кроме лица гренадера. На лице его пропала улыбка, он теперь видно понял¹ всю важность предстоящего. Только мольба о пощаде и страх были на его лице.

«А вот что надо с ним сделать!», мелькнуло в голове Долохова при виде этого выражения в то же мгновение.² Француз³ раскрыл глаза и застонал, хватаясь за штык Долохова, вошедший ему в бок между ребер. «Что я сделал?» подумал Долохов, вспоминая улыбку этого француза, когда он упал. И он с бешенством выдернул штык из падающего тела и, не оглядываясь, побежал вперед.

— Не бери пленных! Коли! — кричал он.

Французы бежали.⁴

Это была та неожиданная атака, которая заставила французов оставить лес, а наших бегущих заставила воротиться.⁵>

* № 61 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XX).

<В лесу все роты разбились на мелкие партии, отрезанные французами. Долохов и Тимохин сидели в кустах, со всех сторон слыша французов.⁶ На левом фланге с самого начала дела всё пришло в такое расстройство, что не только не было соображения с диспозицией и распоряжений высшего начальства, но не было и второстепенных начальников. Солдаты двух полков смешались в лесу и выходили из него отдельными кучками, иногда отстреливаясь и пробиваясь сквозь французов. Перерезанная кустами, лесная и гористая местность способствовала этим одиночным действиям. В этих группах солдат начальником и руководителем делался тот, кто имел больше находчивости и хладнокровия. В одной из таких кучек, состоящей из человек тридцати солдат и одного офицера, того самого с[реднего] р[оста] офицера, который был в роте Тимохина с подвязанной щекой, начальником был Долохов. Офицер с подвязанной щекой слушался Долохова вместе с солдатами. Тимохин, в самом начале дела выбежавший вперед, чтоб собрать роту, был ранен в руку. Несмотря на оглушающую стрельбу, раздавшуюся вдруг со всех сторон леса, на отчаянные крики и испуганные лица солдат, [Долохов] был озабочен одним — узнать в чем было дело. В ту минуту, как всё побежало назад, он побежал вперед, навстречу бегущим, чтобы узнать, в чем было дело.

— Труссы, подлецы! вперед! — закричал он.

Несколько солдат с любопытством последовали за ним. Один¹ *Зачеркнуто:* торжественность минуты, один страх, ужас смерти были на его

² *Зач.:* и хватаясь за штык ружья, Долохов всадил ему в бок ниже ребер.

³ *Зач.:* страшно

⁴ *Зач.:* — Наши! Наши! слышались крики.

⁵ *Зач.:* Эта атака была описана в реляции, что храбрый 6-й егерский полк неоднократно пробивался на штыках.

⁶ *На полях:* Долохов спасает левый фланг.

бегущий солдат набежал прямо на него, так что столкнулся с ним грудью, оглянулся на Долохова и побежал дальше.

— Держи, поймают! — закричал Долохов на солдата. Несколько человек солдат засмеялось.

— Вперед, ребята, — кричал Долохов. — Никого нет. Посмотрим, каки таки французы.

Человек тридцать пошли за Долоховым. В лесу никого не было. Солдаты¹>

* № 62 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XXI).

<Зарядного ящика ни одного не было. Все были оставлены. Тушин пошел хлопотать около лошадей и велел Ростову подложить шинель у костра. Солдаты артиллеристы разложили огонь. Тимохин лег на холодную, мокрую дорогу подле огня. Юнкеру подложили шинель. Он глядел только на огонь, невольно прислушивался к звукам голосов вокруг себя и не мог еще думать. Так много странных воспоминаний и впечатлений носилось перед его воображением и теперь еще так много странного слышалось вокруг него, что он не мог понять всего, что с ним было.

Еще он всё находился в том странном состоянии почти спящего человека, действительное и воображаемое бестолково, непоследовательно соединилось в его представлении.

«Скинули Белкина с лафета», думал он, «отчего же мне всё не легче и всё меня давит что то», говорил он сам себе, вглядываясь в черный полог ночи, на аршин нависший над огнем. «Устала, нашвырялась Матвевна», думал он потом, глядя на колеса пушки, видневшейся в свете костра, «а я положил на нее юнкера. Зачем он не остался там, этот юнкер? Что ему стонать тут? Только темнее от него становится».²

Ростов сел против огня и бессмысленно смотрел и слушал вокруг себя. Выломленная рука невыносимо ныла, лихорадочная дрожь трясла его и клонил сон, который был невозможен при такой мучительной боли. Тушин молча сидел по другую сторону огня, куря трубочку. Со всех сторон слышен был говор и видны были проходившие и подходившие.

Скоро к нему подъехал князь Андрей.

— Что ж разве неправда, я гово[рил], — сказал Тушин.

Князь Андрей записывал. Он кивнул головой.

— Ваших сколько орудий? — Тушин сказал ему.

Князь Андрей записал. «Нет, я не устал», думал он. «Я все могу. Могу найти смысл в этих толпах и мысль».

Долохов пришел: он презирал всех и не понимал страха и знал это.

Ростов боится, не сделал ли он худо и стыдно. Тушин фантазировал. Они не говорили друг с другом, перед ним[и] проходили тени.

¹ На этом вариант кончается.

² Зачеркнуто: Тушин лег и тотчас же заснул

Четыре различные сцены. Долохов скромничает и срамит офицеров. Офицеры пьяны. Как это всё нестра[шно].

Ростов с болью на перевязочном пункте. Воспоминание дома.

Князь Андрей в избе записывает, ему мелькает мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом обнять всё.

Тушин фантазирует.>

* № 63 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XXI).

— Помилуйте, сударь, — говорил голос генерала, строгий и важный голос. — На что похоже, что батальону велено идти в хвосте колонны, а он обошел... я должен буду доложить о беспорядках, как вам угодно. — И генерал с адъютантами проезжали. Вслед за генералом из мрака выросстал перед костром пехотный солдат¹ и, закулив трубку у костра, высунув руки к огню и отворачивая лицо, присаживался на корточки.

— Ничего, ваше благородие? — говорил он, заметив² Тушина и говоря ему *ничего* только потому, что он хотел, чтобы офицер ему сказал: «ничего, посушись».

— Вот отбился, ваше благородие, от роты и сам не знаю где. Бяда!

— Как же ты поднял? Вишь ловок.

— Не дерись, чорт! — послышались с другой стороны голоса двух солдат, и они, ругаясь и таща друг у друга что то из рук, прошли в свете костра.

— Эти немцы ловки, — говорил один офицер другому, — он за Амштетен поручика получил. Теперь увидишь, Анну дадут.³ Уж он... Э! огонек... Офицеры подошли.⁴ Солдат дал им место.⁵

— Что не знаете, Подольский, 3-й батальон здесь или в деревне? — спросили офицеры.

— Не знаю.

— Братцы, хоть бы капельку водицы, — говорил раненный, подходя. — Ваше благородие, прикажите дать, что же, как собаке умирать.⁶

Тушин велел дать воды раненному, он поплелся со стоном далее. Подошли два солдата, обнявшись. Один было пошатнулся и упал чуть не в огонь.

— Забрало, видно, — смеялся другой.

— Ваше благородие, огоньку в пехоту просят, — и солдаты, захватив горевшие сучья, красно светя, скрылись во мраке.⁷

¹ *Зачеркнуто*: тот самый Макатюк, который плясал,

² *Зач.*: <офицера> юнкера

³ *На полях*: Долохов, смеясь, рассказывает. «Разве не всё равно», думает Ростов.

⁴ *Зач.*: Макатюк

⁵ *Зач.*: Они поклонились Тимохину.

⁶ *Зач.*: Артиллеристы дали.

⁷ *Зач.*: <Брыков проходил мимо с фелдвелем.> За Митиным подошел Тимохин. — Как же, братец ты мой, — говорил он, — бросил рогатое имущество на дороге, ведь это нельзя так, ты поди, братец, отыщи.

За этими солдатами показались другие. Их было четверо. Они несли что-то.

— Кончился, так что ж его носить, — говорил один из солдат. Они на шинели несли тело.

— Ну, всё лучше к сторонке положить, — говорил другой голос, — нехорошо, затопчат.

— Что это вы несете? — спросил¹ Тушин.

— Солдатик помер, ваше благородие, — отвечали несущие и скрывались.²

— Сделайте милость, капитан, — обращался ротный командир к³ Тушину, — прикажите крошечку тронуть только оружие, нам проехать только, — говорил ротный командир. — Как же это, братец ты мой, — обратился он к фелдвებელу, шедшему подле него, — ротное имущество так бросать. Разве так можно. Ты поди, отъищи.

Офицеры⁴ и солдат с повязанной головой подошли к костру.⁵ Один из офицеров рассказывал.⁶

— Как я ударил на них, как крикнул.⁷ Нет, брат, плохи французы!

— Ну, будет хвастать, — сказал другой.⁸

— Вот г-н Долохов так поработал, — сказал он, указывая на солдата.

— Да, теперь рассказов много будет, — сказал Долохов, — а там что то не видать было рассказчиков то самых.

— Да, ведь вы заколдованный какой то, — сказал офицер, робко смеясь. — Трех собственноручно заколол, — сказал офицер, указывая на Долохова.

— Когда я колол, так вас не видал, — сказал опять Долохов.

Офицер обиделся, но видимо не смел противуречить. Они замолчали. Ростов с удивлением смотрел на этого солдата, так говорившего с офицером и заколовшего трех французов. Лицо ¹ *Зачеркнуто*: <беспокойно Ананьев> <Тушин> Ростов

² *Зач.*: Ананьев беспокойно встал и подошел посмотреть.

На шинели, с завалившейся рукой, в одной рубахе, без сапог (товарищи уже сняли с него) лежал Митин. Солдаты, несшие мертвого, из учтивости подвинулись к свету костра, чтобы офицер мог видеть. Лицо Митина было то же: тот же птичий носик, но и в этом лице было что то строгое и страшное.

³ *Зач.*: <Тимохину> Ананьеву

⁴ *Зач.*: мушкатерского полка, в котором служил <Брыков> Тимохин

⁵ *Зач.*: и между ними был Долохов

⁶ *Зач.*: про свои подвиги

⁷ *Зач.*: сразу повалилось с полсотни

⁸ *Зач.*: <Долохов скромничает. Кровь на шинели. Князь Андрей счастлив.> — Вот Долохов так поработал. Приснится ему гренадер этот.

— Два, — поправил Долохов. <— Ох, как я больно хватил его, — сказал он, от волнения ходя от костра и опять подходя.> Долохов видимо находился в волнении, которого он не мог утишить. Он ни минуты не стоял на месте. То скрывался во мраке, то опять подходил к костру. — Будут помнить французы, — говорил он.

— Хоть бы вы кровь обмыли со штыка, — сказал ему офицер.

— Ничего, пусть начальство видит, что трудился, — смеясь сказал Долохов, и смех его страшен показался Ананьеву. Они отошли.

Долохова выражало страдание и злобу. У него была сморщена переносица, он хмурился и вздрагивал.

— Ребята, — обратился он к солдатам, — золотой за крышку водки, у кого есть. — Ему принесли водки. Он выпил, посидел у костра и ушел.¹

²«Зачем они. Кто они? Что им еще нужно?» думал Ростов, чувствуя себя одиноким, ненужным и чуждым всему, что было вокруг него.

Над³ Ростовым⁴ висел на аршин всё тот же черный полог сырой, холодной ночи⁵ и со всех сторон замыкал небольшой круг света замирающего костра.⁶ Всё так же ныло плечо, отзываясь во всем теле, и всё так же безнадежно казалось будущее. «Ведь был же я когда то здоров и дома, среди близких и любимых». Перед огнем⁷ сидел один какой то солдатик, грел голое, худое, желтое тело⁸ и кашлял.

Со всех сторон слышен был гул голосов и треск сырых дров и близкие звуки переставляемых в грязи лошадиных ног. Во мраке не текла теперь черная река, а, как после бури, укладывалось и трепетало мрачное море.⁹ Ростов заснул на мгновение, но боль тотчас же разбудила его. В этот короткий промежуток ¹*На полях:* Князь Андрей у костра с Ананьевым протезирует, но юнкер раздражает его французским языком. Он думает, что всё умерло, и раздражен в ту минуту, как кровь. Багратион подъезжает [*1 неразобр.*]

²*Зачеркнуто:*— Ваше благородие, — сказал 1-й №, дядя, подходя к Тимохину. — Юнкер гусар на лафете лежит, просит за лекарем сходить, руку править, прикажете я сбегать?

— <Сходи.> <Тимохин>

Ананьев встал и пошел к лафету.

— Что вы к огню не пойдете?

— Двинуться не могу. Ооох! — послышался юношеский голос, почти детский и страдальческий.

— Вы тоже ранены верно? Вот кровь, — <Тимохин уже забыл про юнкера>, сказал Ананьев, прислонясь рукою к лафету и попав во что то мокрое.

— Нет, выломлена или вывихнута рука, <не знаю>, но боль ужасная.

— Отчего же кровь. Это кровь, — сказал Ананьев, поднося запачканный палец к глазам.

— Это офицер окровавил, что мы везли, — сказал артиллерист, и как будто предполагая, что он будет виноват в этой неисправности, старательно обтер лафет обшлагом шинели. Ананьев позволил солдату итти за лекарем, а сам вернулся к костру. Пехотные разобрались, солдаты разложили свой огонь и никто не подходил к полку.

³*Зач.:* <Тимохиным> <Ананьевым> Тушин заснул.

⁴*На полях:* Князь Андрей заминает впечатление о смерти Белкина.

⁵*На полях:* И князь Андрей видел смерть и страдания и устал. Т[ушин] облегчал его. Он было смягчился, но подъехал Багратион с наглым Жирковым и опять он — старый гордый человек.

Всё оболгали. Долохов водку пьет залпом.

Ростов о доме. Т[ушин] о смерти.

Багратион благодарит князя Андрея. Он холодно принимает, зная, что это относится не к нему, а к его связи с Кутузовым.

⁶*Зач.:* такой же черный мрак

⁷*Зач.:* спал Тушин и артиллеристы и

⁸*Зач.:* точно такое же живое тело, какие нынче, окровавленные и безжизненные, брошены там. Какое было красивое тело Белкина!

⁹*Зач.:* Изредка <Тимохин> Ананьев закрывал глаза и тотчас же он видел Матвевну, дядю, раненную лошадь и перекидываемые мячики. Ах,

сна он видел и всю свою московскую жизнь, и все гусарские воспоминания, и атаку нынешнего дня, и одно, одно ужасно тяжелое он видел и теперь чувствовал, это то, что Телянин своей маленькой, влажной ручкой держал его за плечо и неотступно давил его плечо. Он отнимал руку, отдалялся, но опять рука Телянина давила, давила, давила. «Коли бы он хоть на минуту оставил меня». Он постарался заснуть с рукой Телянина на плече. И он спал, но этот сон был еще тяжелее бдения. Он открыл глаза. Огонь затухал, только часть головы и голое тело — теперь худые руки и грудь, виднелись на красном свете уголей и что то белое взмахивалось над огнем.¹

Это была рубаха, которую вытряхивал солдат.²

опять убило одного... он видел опять то же место на жневье, и все подробности сражения, и шаг пехоты, левой, левой... и подпрыгивающего, переменяющего ногу унтер-офицера в роте Белкина, и чувство торопливости опять охватывало его. Ему всё казалось, что он опаздывает или забыл что-то. Он взглядывал на огонь.

¹ *Зачеркнуто:* «Вот она и моя смерть!» С ужасом вглядываясь в белое, думал он, но

² *Зач.:* «Стыдно так пугаться», подумал <Тимохин> Ананьев. Он закрыл глаза и тотчас же <задремал> заснул. Минут через десять он проснулся от сырости и от холода, проникшей в него из мокрой земли. Огонь всё еще горел, но никого не было. Кругом всё затихло. Освеженный сном, Тимохин ясно стал припоминать всё и отдавать себе отчет в том, что с ним было. Он вспомнил, как он боялся перед сражением и как он вел себя во всё время дела.

«Кажется мы делали всё, что могли», думал он, «а сражение всё-таки проиграно». Он вспомнил Белкина. «Неужели убит? Да, Бандарчук сам видел. Убит и всё для него кончено. И для него наступило всё то, чего я для себя так боялся.

И где он теперь, где не тот Белкин, который в мундире шел в ногу мимо меня, а тот Белкин, который улыбался, которого простая душа светилась в глазах, тот, которого я любил. Может быть он тут», подумал Тимохин, глядя наверх, на черный мрак над головой, и содрогаясь при этой мысли. «К чему эта жизнь, когда так случайно и страдальчески она уничтожается, не оставляя следа? Нет, нет ни милосердного бога, ни света, ни разума — всё один мрак, один хаос, тот самый мрак и хаос, который теперь окружает меня», говорил он, вглядываясь в окружающий мрак и прислушиваясь к слабым звукам лошадей, переставлявших ноги в грязи, храпа солдат или треска сырого сука на огне. И Белкин тут теперь в этом мраке, в этом хаосе. Вот они все замерли теперь, поняли, что всё суета, всё хаос, всё смерть. К чему эта позиция, сражения, генералы, награды? Всё смерть, всё хаос. И теперь все они — все эти поняли это. Все они умерли теперь для житейской суеты, все смешались и поняли, что всё ничтожно в сравнении с смертью», и опять болезненно начинал вертеться свернутый винт мысли всё на одном и том же месте. «И я в нем же. И все эти люди в нем же. Они поняли теперь это и умерли».

В это время всё вокруг костра зашевелилось, заговорило, поднялось, послышались оживленные голоса. Фейерверкер подбежал к костру.

— Ваше благородие, князь спрашивают, они там у пехотного полка.

— Какой князь, что? зачем? <думал Ананьев> спрашивал Тушин. Ведь ничего нет, кроме хаоса. Однако Ананьев рад был и успокоился в мысли этого черного мрака хаоса; но и хаоса этого не было. Они — люди все жили с своими страстями и ничтожествами.

Застегивая шинель, Тимохин подошел к костру, у которого стоял Багратион с несколькими офицерами. Он благода[рил]

На полях: Багратион подъезжает. Князь Андрей подводит Тушина. Тушин трунит. Воспоминания. Старушка в чепце. Чай. Невеста.

Вглядываясь больше и больше в этого солдата и в его лицо,¹ Ростов увидел, как это часто бывает в полусвете, как лицо этого солдата понемногу изменялось, изменялось, росло, вытягивалась его нижняя челюсть — над головой поднималось что то. Вместо волос на голове этого солдата была белая оборка круглого чепчика, завязанного над длинным старческим подбородком. И это было уже не лицо солдата, а лицо² какой то странной женщины. Она страшно качалась и это страшное лицо вместе с рукой Телянина давило плечо.³ Но в это время посланный солдат на перевязочный пункт пришел разбудить Ростова, чтобы итти к лекарю.⁴

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

* № 64 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. I—V).

⁵ Князь Василий⁶ не обдумывал своих планов,⁷ еще менее думал сделать людям зло для того, чтобы приобрести выгоду. Он был только светский человек, успевший в свете⁸ и сделавший привычку из⁹ этого успеха.¹⁰ У него постоянно, смотря по обстоятельствам,¹ *Зачеркнуто*: Ананьев

² *Зач.*: Ульяны Дмитриевны милой, старой бедной матери Ананьева. Он смотрел на это лицо. Хотя оно иногда и изменялось, росло, вытягивалось, расплывалось, но стоило подождать немного, и оно опять восстанавливалось во всей его тихой прелести давнишнего, нежного воспоминания. И с лицом этим восстанавливались: углы комнатки, речи, прикосновение старческой руки.

— Женись, Вася — ей богу, успокой мою старость. Мне не долго жить, дай мне внучат поняньчить. И хозяйством займешься. Я стара. На время меня согрей [?]. А именице хорошее. Вася, утешь ты мне. — И она заплакала, старушка. Ананьев закрыл лицо руками и тоже заплакал. Он прилег.

³ *Поперек страницы карандашом написано*: с сладкими мечтами

⁴ *На полях*: Вот пойдут и я пойду

⁵ *Зач.*: Князь Василий был огорчен своей неудачей в деле наследства князя Безухова, но ему легко было переносить неудачи и огорчения, потому что он постоянно был занят. Теперь, кроме служебных своих занятий, кроме бесчисленного количества светских отношений и связей, которые ему надо было поддерживать, его внимание занимали семейные дела. Иполит был пристроен в посольстве в Вене, надо было устроить Hélène, выдать ее за Pierr'a, наследника князя Безухова с тем, чтобы это, так давно усчитанное, огромное состояние не совсем ушло из <рук> семейства, и что-нибудь предпринять с Анатолом, который становился «impossible» [невозможным], как говорил князь Василий. Надо было в самом деле попытаться женить его на этой дурнушке, дочери «Прусского короля», чтобы он по крайней мере проматывал не отцовское, а женино, т. е. «свое» по понятиям князя Василья состояние.

И князь Василий принялся за оба эти дела.

⁶ *На полях*: Впечатления Пьера. Pierre сделан камер-юнкером и штат[ским] советником на службе. *Поперек текста*: Такт Hélène. Анна Павловна говорит

Зач.: вовсе не был «интриганом», каким представляют себе большинство такого рода людей. Он

⁷ *Зач.*: не подготовливал подходов к тем людям, на которых он имел виды

⁸ *Зач.*: ловкостью

⁹ *Зач.*: этой ловкости и этого

¹⁰ *Зач.*: Он не понимал возможности ездить на выходы, на балы и обеды

по сближениям с людьми, составлялись различные планы¹ и соображения, в которых он сам не отдавал себе хорошенько отчета, но которые составляли весь интерес его жизни. Не один и не два таких плана и соображения бывало у него в ходу, а десятки, из которых одни только начинали представляться ему, другие достигались, третьи уничтожались.² Он не говорил например: вот этот человек теперь в силе, я должен получить его доверие и дружбу и просить через него о выдаче мне единовременного пособия, или он не говорил себе:³ вот Pierre богат, я должен заманить его, женить на дочери и воспользоваться хоть косвенным путем его состоянием.

Но человек в силе встречался ему, и в ту же минуту инстинкт подсказывал ему, что этот человек может быть полезен, и князь Василий сближался и при первой возможности без приготовления, естественно по инстинкту льстил, делался фамильярен и говорил о том, о чем нужно было просить.⁴ Пьер был у него под рукою в Москве, он настоял на том, чтобы молодой человек приехал в Петербург, занял у него тридцать тысяч и⁵ устроил для молодого человека назначение камер-юнкером, равнявшееся тогда чину статского советника, как будто рассеянно и вместе с тем с несомненной уверенностью, что это должно быть, делал всё то, что нужно было для того, чтобы женить Pierre'a на своей дочери. Ежели бы князь Василий приготавливал свои планы, он никогда бы не мог быть так естественен в обращении и так просто со всеми фамильярен. У него был инстинкт, влекущий его всегда к людям сильнее и богаче его, и инстинкт тоже, который указывал ему минуту, когда надо было пользоваться этими людьми.

После смерти своего отца Pierre,⁶ тотчас вслед за своим одиночеством и праздностью, почувствовал себя до такой степени окруженным и занятым, что ему только в постели удавалось оставаться одному с самим собою. Ему нужно было подписывать бумаги,⁷ ведаться с присутственными местами, о значении которых он не имел ясного понятия, спрашивать о чем то главноуправляющего, ехать в имения и принимать то огромное число лиц, которые прежде не хотели знать о его существовании и которые теперь без всякой цели, вести эту тяжелую и скучную для старика жизнь без всякой цели.

¹ *Зачеркнуто*: к достижению которых он шел насколько позволяла возможность.

² *Зач.*: Планы эти он не делал вперед

³ *Зач.*: Князь Безухов родственник и богач. Надо воспользоваться хоть частью этого богатства.

⁴ *Зач.*: В этой игре интриги он находил не счастье, а весь смысл жизни. Без этого жизнь бы для него была <невыносима> не жизнью.

⁵ *Зач.*: действительно рассеянно, в ту самую минуту, как это ему пришло в голову, сказал жене, что его надо позвать обедать, а что он хорошая партия для Hélène.

⁶ *Зач.*: предоставил свои дела вполне распоряжению князя Василья, Анны Михайловны и главного управляющего покойного

⁷ *Зач.*: ездить в суды, говорить и

были бы обижены и огорчены, ежели бы он не захотел их видеть. Все эти разнообразныя люди — деловые, родственники, знакомые, все были одинаково хорошо, ласково расположены к молодому наследнику — все они очевидно несомненно были убеждены¹ в высоких достоинствах Pierr'a.² Беспреданно он слышал слова: «с вашей необыкновенной добротой», или «при вашем прекрасном сердце», или «вы так сами чисты, граф», или «при вашем уме», или «ежели [бы] он был так умен, как вы» и т. п., что он под конец верил своей доброте и своему уму, тем более, что и всегда, в глубине души ему казалось, что он добрее и умнее³ почти всех людей, которых он встречал.⁴ Даже люди, прежде бывшие злыми и очевидно враждебными, делались нежными и любящими. Столь сердитая, старшая из княжен после похорон пришла в комнату Pierr'a⁵ и, опуская глаза и беспреданно вспыхивая, сказала Pierr'у, что она очень жалеет о бывших между ними недоразумениях и что теперь она не чувствует себя в праве ничего просить больше, как только того, чтобы ей позволено было, после постигнутого ее удара, остаться на несколько недель в доме, который она так любила, в котором стольким пожертвовала. Она не могла удержаться и заплакала при этих словах. Pierr'e взял ее за руку, просил успокоиться и не покидать никогда этого дома. И с той поры княжна стала вязать ему шарф, заботиться о его здоровье и говорить ему, что она только боялась его и рада теперь, что он позволил ей любить себя.

— Сделай это для нее, mon cher, всё — таки она много пострадала от покойника, — сказал ему князь Василий, давая подписать какую то бумагу в пользу княжны, и с тех пор старшая княжна стала еще добрее. Младшие сестры стали также добрее; в особенности самая младшая, хорошенькая, с родинкой часто смущала Pierr'a⁶ своим смущением при виде Pierr'a.⁷ Вскоре после ¹ *Зачеркнуто*: в невыразимой доброте и необыкновенном уме и образовании

² *Зач.*: И несмотря на то, что все, все без исключения лица эти были несимпатичны Pierr'у, это откровенное признание его достоинств <было ему приятно> оживляло его. Иногда он с наивностью спрашивал себя: отчего это, в числе стольких людей, которых я теперь вижу и которые, действительно, так добры ко мне (в этом надо отдать им справедливость), отчего, как нарочно, нет между ними ни одного мне приятного, ни одного такого, как например этот старый граф Ростов, как его сын или как этот смешной Борис. А все были уж слишком добрые и мягкие. Он часто

³ *Зач.*: большинства людей.

⁴ *На полях*: Богатство: боится обмануть ожидания, стеснен, в тумане, (так нужно и будет хорошо. Но что будет, не видать было). Деньги князю Василью.

⁵ *Зач.*: и была совсем другая

⁶ *Зач.*: своими взглядами и улыбками.

⁷ *Зач.*: Всё это было весело Pierr'у, но он искал в огромном числе приблизившихся к нему лиц тех, которых он сам любил, и не только не находил их, но находил их к себе более холодными, чем прежде. Он не понимал того, что те, кого он любил, были люди с нежными нравственными чувствами, такие же, как он сам, а эти люди отстранялись от него. Он часто вспоминал о лучшем своем друге князе Андрее

смерти отца [он] писал к князю Андрею. В коротком ответе своем из Брюнны князь Андрей писал ему, между прочим: «Трудно тебе будет теперь, мой милый,¹ ясно смотреть, даже и поверх очков, на свет божий. Помни, что теперь всё, что есть низкого и грязного, будет окружать тебя, а всё благородное будет отстраняться».² «Он бы этого не сказал, ежели бы он видел их доброту и искренность», — подумал Pierre.³ Pierre'у так естественно казалось, что все его любят, так казалось бы неестествен[ным], ежели бы кто-нибудь не полюбил его, что он не мог не верить в искренность людей, окружавших его.⁴ Редко, редко он находил время почитать и подумать о любимых своих предметах: о идеях революции, и о Буонапарте, и о стратегии, которая теперь, следя за военными событиями, начинала страстно занимать его. В окружающих себя людях он не находил сочувствия к этим интересам.⁵

[Далее со слов: Ему постоянно было некогда, кончая: мы с тобой сочтемся. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. I.]

То, что князь Василий называл «с рязанских», было несколько тысяч оброка, которые князь Василий оставил у себя...⁶

В Петербурге, так же как и в Москве, атмосфера⁷ нежных, любящих⁸ людей окружала Пьера. Он не мог отказаться от места, скорее звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, и знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Pierre еще больше, чем в Москве,⁹ испытывал это чувство отуманенности, торопливости и всё наступающего, но не совершающегося блага. Из прежнего холостого общества¹⁰ Pierre'a многих не было в Петербурге. Гвардия была в походе, Долохов разжалован и Анатолий в армии в провинции, и потому Pierre'у¹¹ не удавалось проводить ночи, как он любил проводить их прежде. Всё время его проходило¹ *Зачеркнуто*: старик

² *Зач.*: <это ничего> за исключением меня, да я далеко...

³ *Зач.*: и продолжал жить по прежнему, весь поглощенный личными, практическими и светскими интересами, которые так безраздельно, против воли его, казалось, связались с его личностью, что он не видел возможности противостоять им.

⁴ *На полях*: Pierre начал заниматься наукой, библиотекой, меценат[ств]ом и учесть свое имя, но некогда было.

⁵ *Зач.*: Да и кроме того, несмотря на то, что ему иногда приходил вопрос, зачем нет около него более симпатичных людей, общее впечатление, производимое на него выражением этой общей любви, было состояние кроткого

⁶ *Зач.*: В Петербурге Pierre остановился жить у князя Василья и там, в особенности в семействе князя, почувствовал себя окруженным такой любовью, <и вниманием, что он не мог не быть им тронут> к которой он начал уже привыкать и которую считал своею принадлежностью.

⁷ *Зач.*: добрых

⁸ *Зач.*: но почему то не совсем приятных людей

⁹ *Зач.*: успевал опомниться. Холостая жизнь, кут[ежи]

¹⁰ *Зач.*: кутил, с которыми прежде был близок Pierre

¹¹ *Зач.*: <редко> только два удавалось провести ночь за вином и с женщинами.

на обедах, балах и преимущественно¹ у князя Василья² в обществе старой, толстой княгини и красавицы Héléne.³

Анна Павловна Шерер более всех выказала Pierr'у перемену, происшедшую в общественном взгляде на него. Прежде, как и в неуместном разговоре, который завел у нее в гостиной Pierre о французской революции, он постоянно чувствовал, что говорит неловкости, что он неприлично, бестактно ведет себя, что Иполит скажет глупое слово и оно кстати, а его речи, кажущиеся ему умными пока он готовит их в своем воображении, делаются глупыми, как скоро он громко говорит, и эта роковая неловкость, испытываемая им в обществе Анны Павловны, вызывала его на отпор, особенно резкий разговор. «Всё равно», — думал он, «коли уж всё выходит неловко, так буду говорить всё». И так он доходил до таких разговоров, как про V[icomte]. Это было прежде. Но теперь напротив. Всё, что ни говорил он, всё выходило charmant.⁴ Ежели даже Анна Павловна не говорила этого, то он видел, что ей хотелось это сказать и она, менажируя его скромность, воздерживалась от этого.⁵

[Далее со слов: В начале зимы 1805 на 1806 год Pierre получил от Анны Павловны... кончая: ...потом обратилась к Pierr'у с тем же приветствием и с тою же миной. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. I.]

В середине скучливого и спотыкающегося разговора Héléne оглянулась на Pierr'a и улыбнулась ему той улыбкой ясной,¹ *Зачеркнуто*: дома, т. е.

² *Зач.*: и постоянно в обществе княжны Héléne, которая одна, по мнению Pierr'a, составляла исключение из лиц, окружавших его. Она не переменилась к Pierr'у, как ни часто он ее видал теперь. Она не была более ласкова, она была всё такая же ровная, сияющая, равнодушно ко всему спокойно улыбающаяся, и она не могла не быть привлекательна. Образ ее лица, ее глаз, ее губ, шеи все больше и больше врезывался в воображении Pierr'a; засыпая, он видел ее, слышал звук ее голоса, произносящего незначущие слова, чувствовал сияние ее улыбки; когда он видел других женщин, он сравнивал их с нею и все, при этом сравнении, теряли свою привлекательность; когда он чертил карандашом, он невольно рисовал ее гордый профиль с изогнутой кверху верхней губой. Но что такое была эта женщина, он тем менее знал, чем чаще ее видел. Она одинаково могла быть зла, как дьявол, и добра, как ангел, очень умна и совсем глупа, чувствена и холодна. Всё, что она говорила, было просто, здраво и коротко и неизысканно. Всё было в ней красота и неизвестность.

³ *Зач.*: в отношении которой он невольно был поставлен в свете в обязанность исполнять столь непривычную ему роль cousin [двоюродного] или брата, так как они виделись каждый день и жили вместе. Не хотелось ли Héléne танцевать с кем-нибудь, она прямо говорила Pierr'у, чтоб он был ее кавалером.

Она посылала его сказать матери, что пора ехать, и узнать, приехала ли карета, и, поутру гуляя, взять ей перчатки.

<В Петербурге слухи о войне и политике. О свидании Александра с Прусским королем. А[нна] П[авловна] упрекает за поступки австрийского императора, просящего пощадить Вену. Князь Василий смеется над Сергеем Кузьмичем>.

⁴ [прелестно.]

⁵ *Поперек текста*: Глупость не мешает кокетству

красивой, которой она улыбалась всем.¹ Pierre так привык к этой улыбке, так мало она выражала для него, что он улыбнулся тоже из слабости и отвернулся.

Тетушка говорила в это время о коллекции табакерок, которая была у покойного отца Pierr'a, графа Безух[ого].² Она открыла свою табакерку. К[няжна] Hélène попросила посмотреть портрет мужа тетушки, который был сделан на этой табакерке.

— Это верно сделано Виносом, — сказал Pierre, называя известного миниатюриста и нагибаясь к столу, чтоб взять в руку табакерку, и прислушиваясь к разговору за другим столом.³ Он привстал, желая обойти, но тетушка подала табакерку прямо через Hélène позади ее. Hélène нагнулась вперед, чтобы дать место и, улыбаясь, оглянулась. Она была, как и всегда на вечерах, в весьма открытом по тогдашней моде спереди и сзади платье.⁴ Ее бюст, казавшийся всегда мраморным Pierr'у, находился в таком близком расстоянии от его глаз, что он своими близорукими глазами невольно различил живую прелесть ее плеч и шеи, и в таком близком расстоянии от его рта, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться к ней. Pierre невольно нагнулся, испуганно отстранился и вдруг почувствовал себя в душистой и теплой атмосфере тела красавицы. Он слышал тепло ее тела, запах духов⁵ и слышал шелест ее корсета при дыхании. Он видел не ее, мраморную красавицу [?], составлявшую одно целое с платьем, как он видел и чувствовал прежде, но он вдруг увидел и почувствовал ее тело, которое было закрыто только одеждой. И раз увидав это, он не мог видеть иначе, как мы не можем возвратиться к прежнему обману зрения [?]. Она оглянулась, взглянула прямо на него, блестя черными глазами, и улыбнулась.⁶ «Так вы до сих пор не замечали, как я прекрасна?», — как будто сказала она.¹ *Зачеркнуто*; но молодому человеку, который видел ее каждый день, вдруг показалось, что эта улыбка была предназначена исключительно ему, что другим так никогда не улыбалась Hélène, что Hélène улыбка эта означала радостное признание, веселую и добродушную насмешку над своим положением при тетушке. Pierr'у вдруг сделалось чрезвычайно весело.

² *Зач.*: она намекала на то что

³ *Зач.*: Но ему неловко было достать табакерку, так как княжна Hélène заграждала ему дорогу.

⁴ *Зач.*: Оба возвышения прелестных плеч были видны, и белая мраморная шея стройно выступала из середины. Pierre нагнулся над ней, взял табакерку и так остановился своим лицом в двух четвертях от ее тела.

⁵ *Зач.*: и помады и ее тела

⁶ *Зач.*: с таким выражением, которое ясно говорило: «Вот как мы с вами, и совсем не скучно и могло бы быть еще и еще, и гораздо еще лучше, только...» В то же мгновение Pierre услышал (он ничего не видал в эту минуту, кроме Hélène и ее <шеи> прелестной головы) улыбающийся голос Анны Павловны, который говорил: «Bon, je vous laisse tranquille dans votre petit coin, je vois que vous y êtes très bien». [Хорошо, я вас спокойно оставлю в вашем уголке, я вижу, вам там хорошо.] «Да отчего же это невозможно?», думал Pierre, глядя на голову и шею Hélène. «Очень, напротив, возможно и даже очень, не только возможно, но <я люблю ее и это будет> невозможно иначе и это должно быть!»

«Вы не замечали, что я женщина. Да, я женщина¹ и <женщина> которая может принадлежать всякому и вам даже».

Мало того, он в ту же минуту почувствовал, что Héléne не только могла быть, но должна быть его женой, что это не может быть иначе. Он знал это так же верно, как бы он знал это, стоя под венцом с нею. Pierre, вспыхнув, опустил глаза и снова хотел увидеть ее такою дальнею, чужою для себя красавицею, какою он представлял себе ее прежде. Но он не мог уж этого сделать. Не мог, как не может человек, прежде смотревший в тумане на былинку бурьяна и видевший в ней дерево, увидав былинку, вновь увидеть в ней дерево. Он смотрел и видел женщину, дрожавшую в платье, прикрыв[авшем ее].

Как это будет и когда, он не знал, не знал даже, хорошо ли это будет. Ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то, но он знал, что это будет.²

* № 65 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. I).

< — Anatole devient impossible!³ — сказал он сам себе. Анатоль последнее время был переведен к отцу в дом. Ему было отказано в деньгах и во вторичной уплате его долгов.⁴

— Ну, так кормите и поите меня только вином, я пожалуй у вас буду жить, — грубо и весело сказал Анатоль.

— Квартира, экипаж и обед у меня, а денег я не могу тебе давать больше, — сказал отец.

— Вы сами меня прогоните, — сказал Анатоль. — Что? — и громко захохотал.⁵ Но отец не хотел сердиться.

— Видишь ли, мой милый, — продолжал он, — [в свое время я рад] и шуткам, а теперь я не шучу. Состояния твоей матери нет больше, а я тебе не могу давать больше того, что предлагаю.

— Так надо жениться. А? Что? — сказал Анатоль, для которого не было трудных вопросов в жизни.

Чувствовала ли Héléne то, что совершилось с Pierre'ом в эту минуту, но высокая грудь ее поднялась выше, она покраснела и всё улыбалась. Pierre <чувствовал, что судьба его решена. И в ту секунду, как он, возвратив табакерку, сел на свое место, он чувствовал, что Héléne будет его женою, он знал это, хотя не сознаваясь в том> притаив дыханье смотрел на нее

¹ *Зачеркнуто:* да еще какая

² *Зач.:* и с этой минуты смотрел на Héléne, как на жену, чувствовал, как ее интересы совпадают с его. Он чувствовал, что все точно также смотрят на него, не только он сам, но и все знают, что это будет, и это знание еще более убеждало его в неминуемости этого события.

³ [Анатоль становится невозможен!]

⁴ *Зач.:* У Анатоля была в свете презрительная, победоносная манера, как будто он презирал их за то, что они не могли напиваться. Только с красивыми женщинами он изменял эту манеру и тем более нравился им.

⁵ *На полях зач.:* Он заехал к сыну, пошутил с ним о его успех[ах] с женщин[ами], как бы завид[уя].

— А я не могу тебе давать денег.

— Вот первое благоразумное слово, что я от тебя слышу. Я еду на ревизию, заеду в Москву и к себе в имение, Ты поедешь, со мной и мы будем у князь¹ Николая Андреича. Его дочь тебе прекрасная партия. Женись, и тогда другое дело. Ты остепенишься, она, говорят, прекрасная девушка.

— Верно очень плохо. А скоро вы поедете?

— Скоро.

— Ну, до тех пор дайте мне только сто червонцев.

— Не могу, мой друг.

— Не дадите?² — грустно спросил Анатолий. — Ну, я займу.

— Постой, я не договорил. Ежели же ты не женишься, не пойдет или вообще вы не сойдетесь, тогда поезжай в армию. Я уж просил Бенигсена, он тебя возьмет адъютантом. И за границей я тебе даю две тысячи в год и всё.³

Анатолий стал жить в доме отца. Первое время он был мрачен, молчалив, труден, как говорил отец, и особенно труден тем, что он не выходил из дома. За обедом он при сестре и матери говорил неприличные слова и напивался, ежели ставили достаточно вина, или молчал. По вечерам спал или ходил в девичью.

Два попугая были им научены дурным словам и проданы.

— Il est difficile à manier,⁴ — говорил отец на жалобы жены и утешал тем, что это скоро кончится. Князь Василий ждал только назначения на ревизию, чтоб ехать с сыном. Когда же он выговаривал сыну, Анатолий громко смеялся.

— Уж лучше бы вы меня постригли в монастырь, — говорил сын.

Но после недели мать перестала жаловаться. Анатолий также не выходил из дома, но был не виден и не слышен и целые дни проводил у сестры и даже поздно до половины ночи засиживался у нее.

— Это неприлично, Анатолий, — сказала мать, войдя в спальню, дочери.

Анатолий держал обнаженную, белую и полную руку сестры, когда вошла мать. Он, красный, с тем зверским, красивым выражением, которое любили в нем женщины, оглянулся на мать, и не выпустил руки сестры, которую он ласкал.

— Вот еще! сестра! Что? — сказал он. — Ну, идите, идите, у нас дело. Идите ж, маменька.

Прекрасные глаза княжны Hélène торжественно⁵ и счастливо смотрели то на мать, то на брата.⁶

¹ *Зачеркнуто*: Болконского

² *Зач.*: так вам хуже. Вы мне рады не будете. А? — Он засмеялся.

³ *Зач.*: — На сапоги. Что? Ну, увидим.

⁴ [С ним трудно справляться,]

⁵ *Зач.*: вопросительно

⁶ *На полях зач.*: Anatole, allez vous en, allez vous en, c'est indécent [Анатолий, уходи, уходи, это неприлично] закричала

— Il devient impossible!¹ — сказал князь Василий² и строго запретил брату с сестрой бывать вместе, исключая как в гостиной и столовой.

В ноябре князь Василий должен был ехать на ревизию³ и к князю Болконскому вместе с Анатолом, а 28 октября у него был вечер и ужин.

«Нынче дело сделано», — думал он за ужином при ярком свете восковых свечей, глядя на красавицу Hélène, улыбающуюся, блестящую, сидевшую рядом с столь же светлым Pierr'ом.

Вечер был не танцевальный.

— Annette позвать надо, да кого-нибудь из болтунов этих, чтоб ей не скучно было, — сказал князь Василий накануне своей жене. — Ну потом этих вертушек Ливиновых, еще там кого-нибудь для мебели.

— Одно, mon ami, что мы будем делать с Анатолом? — сказала княгиня. Анатолий приехал дня два назад в отпуск в Петербург. — Он наделает глупостей, хоть бы ты, mon ami...

— Ах, вечно вздор,⁴ — сердито сказал князь. — Я ему говорил, а главное позови Катеньку Пировскую. (Катенька Пировская была хорошенькая женщина в разводе с мужем, которую переставали принимать в обществе.)

— Что ты, mon ami, — сказала княгиня, — тогда нельзя звать Щетининых, они не поедут.

— Ну и не зови. Вот нужно. Нужно, чтоб Пьер решил, вот и всё.⁵

— Да я понимаю, mon ami.

— Ну, а понимаешь, так и делай, как я сказал. Щетининых не нужно. — И, загибая по пальцам, князь Василий пересчитал шестнадцать человек гостей. Эти шестнадцать человек и сидели за ужином.

Княгиня, толстая, большая, смуглая женщина с бородавкой на левой стороне двойного подбородка, сидела на хозяйском месте, налево от нее сидела Annette и болтун, для нее приглашенный¹ [Он становится невозможен!]

² Зачеркнуто: и дал ему 800 червонцев и выгнал из дома.

³ Зач.: Во время этой поездки он обещал Pierr'у заехать в одно из самых больших его имений. А оттуда он вместе с своим сыном Анатолом, которого он захватит в X, где стоял полк [?], намерен был ехать к князю Н. А. Болконскому с тем, чтобы женить Анатоля на дочери Прусского короля.

Но прежде отъезда и этих новых дел князю Василию нужно было решить дело с Безухим. Безухой каждый день и последнее время целый день проводил у князя Василия.

⁴ На полях зач.: — Нет, не вздор, mon ami, я сама видела, — сказала княгиня. Княгиня намекала на сцену, несколько дней тому назад поразившую ее в комнате дочери. Она вошла неожиданно к дочери и застала у ней Анатоля, который приходил к отцу за деньгами.

⁵ На полях: <Общие отношения Pierr'a с H[élène]. Его прельщает ее достоинство и такт. Он без задней мысли волочится за нею.> Pierre страстно, чувственно влюблен в Hélène, произошло от нагнутого на[д] ее шеей лица, запаха и ее улыбки, сказала: может быть твое.

виконт. Подле виконта сидели¹ еще дамы и мужчины; всех было человек пятнадцать. И все знали, что героями ужина были Pierre и H el ene. Vicomte говорил о политике, но с завистью смотрел на эту пару и только думал.

Князь Василий, не садившийся за ужин, подсев боком к Анне Павловне, шутил о последней неудаче Марьи Викторовны, но всякую минуту взгляд его перебегал на H el ene и Pierr'a и он как будто говорил себе: «так, так» и продолжал шутить. Анна Павловна в середине разговора подмигнула князю Василию на парочку и продолжала. Старая княгиня матерински завистливо и радостно смотрела на дочь и ее будущего жениха.²

Все гости, все люди прислуги смотрели каждую секунду на H el ene и Pierr'a. Как будто весь свет огней был сосредоточен на мраморных плечах H el ene и на grenouille  touff ee [?]³ блестящем ее платье и на очках Pierr'a, и на его коричневом фраке с бронзовыми пуговицами. Улыбка не сходила с лица H el ene, как и всегда, но теперь эта улыбка была оживленнее, благодаря яркому свету глаз, который сообщался ей через очки из глаз Pierr'a. На лице Пьера была тоже улыбка, счастливая, стыдливая улыбка. Pierre чувствовал, что он был центром всего, как то чувствовали все, и это положение стесняло его и веселило в те минуты, когда он мог думать о чем-нибудь другом, кроме как о лице, плечах и груди своей соседки. Как это случилось, что зашло так далеко, он не знал. Он, кажется, ничего для этого не делал⁴ и ничего не делал особенного, он напротив избегал и вдруг вот он сидит за ужином рядом с H el ene.⁵ Все, хотя и скрывают, думают только о нем и о ней и ждут чего то. Так сильно ждут, так уверены, что что то от него будет, что он не чувствует себя в силах обмануть их. Да и к чему? Разве дурно назвать своею такую женщину, разве не счастье обнять ее... «Только совестно что то, неловко», думается ему, «глупо каким то триумфатором быть. Или это всегда так бывает в подобных случаях?» Но эти мысли только в редкие мгновения проблескивают в его голове. Большую часть времени он видит, чувствует, слышит и думает только: блестящие, прелестные глаза под бровями, эта шея, эти волосы. И странно, он чувствует, что он сам прекрасен, как и она, и часто на него, как затмение, находит впечатление, что им любуются.

¹ *Зачеркнуто*: вертушки, за вертушками Анатоль с Катенькой Пировской, с правой стороны которой сидел <генерал, старушка, худая и дурная девушка, еще посторонние и почти на конце стола> Пьер и подле него H el ene.

² *Зач.*: Анатоль нагибался над Катенькой Пировской, услуживая ей и шепча, а она смеялась ему о будущем зяте.

³ [лягушачьего цвета]

⁴ *Зач.*: он приехал, остановился у князя Василия, дал Анатолю займы денег

⁵ *На полях*: Как он проводил время и был окружен после смерти отца, как ему естественно показалось, что все его полюбили. Это всегда естественно.

<Около них говорят о последней новости войны, о¹ занятии> Вены французами, о том, как император Александр посылал просить Бонапарта о помиловании города, и Анна Павловна возмущается этим.

«Что им за дело?» — думает Pierre.

— Вот Пьер получил письмо от Болконского, — говорит князь Василий.

— Что он вам пишет,² граф? — спрашивает кто — то. (Пьера уж зовут³ граф.)

Пьер отвечает что-то и оглядывается на Hélène.

— Вы не любите André Болконского? — говорит он ей улыбаясь. Чему? Ее красоте.⁴

Она улыбается.

— Я не люблю его, — говорит она.⁵

«Она права, она во всем права», — думает Пьер, — «какая глубина в каждом слове. Сколько тут значения; или она сказала: я не люблю его, но люблю других, или она <сказала>: я никого не люблю, или она сказала: я умею любить, или всё вместе», — думает Pierre.

Когда расходились от ужина,⁶ князь Василий подошел и коротко обнял Пьера, поцеловал его и, подмигнув, удалился к другим гостям.

— Покорно благодарю, — сказал Пьер, не зная, что сказать, но уж князь удалился.

«Как это понять?» думал он.

Hélène засмеялась, и опять неисчерпаемая глубина мысли чувствовалась для Pierre'a в ее смехе.

Гости стали разъезжаться. Vicomte, Анна Павловна выходили,⁷ смеясь о анекдоте, который рассказ[ал] князь Василий о том, [как] в Государственном совете Сергей Кузьмич Вязьмитинов от слез не мог дочесть рескрипт и остался при: «Сергей Кузьмич... Сергей Кузьмич... Сергей Кузьмич...»

— C'est charmant.⁸ — И в то же мгновение, заметив, что <vicomte не может ее слышать>, повернулась в князю Василию и, выразив в лице дружеское участие, скоро проговорила:

— Кажется, я могу вас поздравить,⁹ — и она мигнула на Pierre'a.

¹ Зачеркнуто: пребывания Кутузова в Вене.

² Зач.: князь

³ Зач.: князем

⁴ На полях: Как можно о таком вздоре, — это после. То как умна? То как глупа?

⁵ Зач.: — Боже мой, что за женщина! — говорит себе

⁶ В рукописи по ошибке: к[нязь] А.

⁷ Зач.: браня Буонапарте. «Ne m'en parlez pas, [не говорите мне о нем] говорила Анна Павловна. «Je ne dormirai pas la nuit. Ce n'est pas un grand homme, et ce n'est pas un grand homme, ce n'est pas un grand homme [Я всю ночь спать не буду. Он — не великий человек, и он не великий человек, он не великий человек] проговорила она горячо.

⁸ Прелестно.

⁹ Зач.: очень хорошая партия

Vicomte уезжал грустный.

«Что толковать с старыми девами о Наполеоне», думал он, «ничего <толку>, а вот счастье»,¹ и он вздохнув взглянул в амфиладе комнат на проходившую, улыбающуюся парочку. Даже старик генерал и тот сердито обратился к своей жене, которая спросила у него, что его нога. «Эка старая карга, тоже нежничает», подумал он. «Вот Елена Васильевна вот так жена будет, она и в пятьдесят лет будет красавица, не такая, как эта».²

Гости уехали. Старая княгиня мучалась завистью. Она сердито прошла два раза мимо Pierg'a и Héléne, они не заметили ее. Князь Василий вернулся от проводов гостей. «Что ж, поболтали, поужинали?»³ Сергей Кузьмич с'est charmant».

Он засмеялся. Pierre видел, что он притворяется, будто думает об этом анекдоте. Он думал, как и все, только о нем и Héléne, и князь Василий видел, что Pierre знает, что он притворяется, но так надо.⁴

— Ты посиди, Петя, — сказал князь Василий всё так же небрежно. Он ударил его по плечу. — Что Леля моя, — он ущипнул за щеку дочь.⁵

— Погоди, не туши, — сказал он лакею, на ципочках вошедшему тушить свечи. Лакей <тоже чувствовал>. «Эх, господская жизнь то», думал лакей, тоже с завистью глядя на Пьера.

Князь Василий ушел. Pierre остался с глазу на глаз с Héléne и опять ему чувствовалось больше, чем прежде, что ему стыдно своего счастья. «Хорошо всё это, прелестно, но не для меня это всё», ему казалось, как будто тут подле Héléne он занимал чье нибудь другое место. Как будто внутренний голос говорил ему: «У тебя есть другие радости, кроме этих, а эти радости предоставь тем, у которых нет тех радостей, которые есть у тебя». А радости эти, казалось, были большие. Весь вечер, ужин эти чувствуемые ими взгляды всех привели их в такое торжественное положение, что простые речи не говорились — совестно было. Он[и] молчал[и]. Pierre смотрел на поднимающуюся и опускающуюся белую грудь и молчал; он взглянул в лицо. Лицо Héléne зарумянилось, глаза⁶ прямо смотрели в глаза Пьера.⁷ Ее рука поднялась и опустилась на руку Пьера.

— Ах, снимите эти... — проговорила Héléne, улыбаясь и пригибаясь к нему и указывая на очки. Пьер снял очки и его глаза¹ *Зачеркнуто*: этому уроду

² *Зач.*: Анатолий <накрывши шубой> отвел в уголок Катеньку и что-то такое сделал, что она вскрикнула:

— Хоть сестры постыдитесь. — Анатолий добродушно смеялся.

— Знаете, что таких грудей, как у Лели, ни у кого нет, может быть у вас. Вот покажите. А? — Анатолий поехал провожать Катеньку.

³ *Зач.*: А мне и спать не хочется.

⁴ *На полях*: <Князь Василий расчувствовался о молодости и о своей любви, и о чести. Что ж, я вреда не хочу. И как преступник добивать.>

⁵ *Зач.*: Это была нежность, которой никогда не было.

⁶ *Зач.*: были влажны радостной влагой.

⁷ *Зач.*: весь рот полуоткрыт, дыхание часто. Весь полный, тяжелый стан склонился к Пьеру, рука, обнаженная, дотрогивалась до верхней части ноги Пьера.

были¹ больше, чем когда-нибудь блестящи и испуганны, как и вообще бывают глаза у людей, снявших очки.

Hélène смотрела вопросительно.

Pierre испуганно взял ее руку и нагнулся над ней. Он дрожал, что она отнимет ее, но она вдруг быстрым движением головы интерсептировала его губы и свела их с своими и прижалась к нему. Лицо ее стало стра[шно] égaré² и неприятно, но было поздно. Pierre хотел сказать что то, но рыдания готовы были заглушить³ [?]

* № 66 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. VII).

< — Ну, что?

Но Pierre всё не говорил ничего. Ему всё казалось, что как контрабанда возможно ему это счастье, но серьезно он не должен сметь думать о нем. Князь Василий вышел своей развязной походкой.

— А ты здесь, Пьер, — сказал он. — Ну что, моя душа. — Он опять поцеловал его дурно пахучим ртом. — Да, — грустно сказал он. Но Pierre ничего не сказал. — Да, пойду старухе скажу. — Он прошел в гостиную к жене, которая нахмуренная сидела в гостиной.⁴

— Что же, mon ami, они целуются и он ничего не говорит, он такой.

— Гм, — сказал князь Василий и, зевая, [?] посидел, побил коленку. — А и то спать пора. Пойдем, благословим их.

— Да как же, mon ami, ведь он не изъяснился?

Князь Василий встал, еще в гостиной принял радостно-торжественную улыбку и с этой улыбкой на лице вышел в гостиную. Он не знал, не видел и не хотел видеть — отодвинулись ли они или нет друг от друга. Он подошел скорыми шагами. Лицо его было так торжественно, что Pierre встал.

— Ну, мой друг, жена мне всё сказала. Что же, я любил твоего отца и тебя люблю. Я бы себя обманывал, ежели бы сказал, что я не рад. Я очень рад за тебя и за нее. Она будет тебе хорошая жена, это верно. Поди сюда, — голос его задрожал, он обнял Pierr'a, поцеловал его дурно пахучим ртом и долго держал его.

— Да, душа моя. Бог да благословит вас.

Pierre был обручен, а через пять недель обвенчан.

Во всё это время Pierre ни минуты не оставался один. Он боялся одиночества, он был с невестой или в магазинах или в гостях.¹ *Зачеркнуто*: такие же и такое же дыхание.

— Ну, что? — сказала Hélène, всё ближе склоняя свое лицо. Он слышал ее горячее дыхание.

² [растерянно]

³ *Зач.*: «Боже мой, что я сделал», думал Pierre. Ему казалось, что он погиб [?]. Но она спокойно осветила его своей улыбкой.

⁴ *Зач.*: Между тем князь Василий сидел, высоко подняв ногу, в гостиной, задумчиво поглаживая голову и улыбаясь. Он думал о своей молодости, о своей первой любви и, закрыв глаза, улыбался.

— Князь, — сказала княгиня, подходя к нему.

Князь Василий сердито поглядел на нее.

Она его любила, он видел это и верил в это. Сам он ее любил — он это чувствовал, но всё какой то голос говорил ему, что обладание этой женщиной в распределении благ провидением назначено не ему, а другому, что ему назначено другое, и потому ему в самой глубине души у него было чувство раскаяния в совершении чего то, как бы неестественного. Но довольно было приближения этой женщины, чтобы не только эти, но все мысли в нем уничтожались и оставалась одна невероятная надежда на страсть обладания.¹>

* № 67 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. VII).

После обручения Pierre'a с Hélène старый князь Николай Андреич² Болконский получил письмо от князя Василья, извещавшего его о своем приезде вместе с сыном («я еду на ревизию и, разумеется, мне сто верст не крюк, чтобы посетить вас, многоуважаемый благодетель», писал он, «и Анатолий мой провожает меня, и едет в армию,³ и я надеюсь, что позволите ему лично выразить вам то глубокое уважение, которое он, подражая отцу, питает к вам»).

— Вот Marie и вывозить не нужно, женихи сами к нам едут, — неосторожно сказала маленькая княгиня, услышав про это. Князь Николай Андреич поморщился и ничего не сказал на это.⁴

Через две недели после получения письма вечером приехали вперед люди князь Василья, а на другой день приехал и он сам с сыном. Старый Болконский всегда был невысокого мнения о характере князя Василья, но в последнее время, когда князь Василий далеко пошел в чинах и почестях и особенно, судя по ¹ *На полях*: Pierre после смерти отца.

Pierre в Москве на катаньи с Анатолом встречают Наташу.

² *Зачеркнуто*: не имел никакого понятия об Анатоле Курагине.

³ *Зач.*: писал к [князь] Василий и одновременно получив письмо от Анны Ми[хайловны], двоюродной сестры, делавшей ему намеки на цель и шутившей о том, что Marie и вывозить не нужно, потому что женихи сами к ним едут. Князь Николай Андреич утром во время свидания своего с дочерью после математического урока отдалил ее от себя рукой и, нахмутив свои густые брови, <внимательно> вопросительно посмотрел на нее.

— Ты видала в Москве сына кнезь Василья?

— Нет, mon père.

— И я тоже. Должен быть дрянь, коли по отцу пошел. А впрочем ваша сестра по своему судит. И суди, как знаешь. — Глаза его вдруг потеряли весь блеск. Видно, грустная мысль пришла ему в голову.

— Да, свой дом заводи, к тому идет, — сказал он.

— Я не понимаю, mon père.

— Ну, хорошо. Писала кнезь Андрею? Принеси мне письмо. Я пошлю завтра. — И он встал в знак того, что аудиенция кончена.

— Что княгиня Лизавета? Все хнычет.

— Нет, mon père.

— С Бурьенкой?

— Да, они очень подружились.

— С кем дружиться, не с кем, — сказал князь Н[иколай] С[ергеевич]. Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es. [Скажи, с кем ты дружишь, я тебе скажу, кто ты таков.]

На полях: Для Анатолия было бы вкусно вино и только красивые женщины.

Постройки — страсть старика.

⁴ *Зач.*: В этот же вечер

намекам письма и маленькой княгини, поняв намерение сватовства князя Василья, невысокое мнение перешло в чувство недоброжелательного презрения. Он постоянно фыркал, говоря про него. В тот день, как приехать князю Василью, князь Николай Андреич был особенно недоволен и не в духе.

Оттого ли он был не в духе, что приезжал князь Василий, или оттого он был недоволен приездом князя Василия, что был не в духе, но люди, имеющие с ним дело, уже по одному лицу его и по походке знали, что в этом состоянии лучше избегать его. Как обыкновенно, он вышел гулять в своей бархатной шубке с¹ собольим воротником и такой же шапке. Накануне выпал глубокий снег. Князь пошел в сад, как предполагал управляющий, с тем, чтобы придрататься к чему-нибудь, но дорожка, по которой хаживал князь Николай Андреич в оранжереи, была уже расчищена, следы лопат и метлы виднелись на разметенном снегу и лопата была воткнута в рыхлую насыпь снега, шедшую с обеих сторон дорожки. Князь прошел по оранжереям. Всё было хорошо. Но на постройках он рассердился на архитектора за то, что крыша нового флигеля не была кончена и, несмотря на то, что это было известно ему вчера, разобрал Михаила Ивановича.

Он уже подходил к дому, сопровождаемый управляющим.

— А проехать в санях можно? — спросил он.² — Княгине прокатиться.

— Глубок снег, ваше сиятельство, я уж по прешпекту разметать велел.

Князь одобрительно наклонил голову³ и вошел на крыльцо.⁴

— Проехать трудно было, — прибавил управляющий,⁵ — как слышно было, ваше сиятельство, что министр пожалуют к вашему сиятельству.⁶

Князь вдруг повернулся всем телом к управляющему.⁷

— Что? Какой министр? Кто велел? — крикнул князь своим пронзительным жестким голосом. — Для⁸ княгини, моей дочери, не расчистил, а для министра. У меня нет министров.⁹

— Помилуйте, ваше сиятельство,¹⁰ я полагал.

¹ Зачеркнуто: двухтысячным

² Зач.: Княжне.

³ Зач.: в знак того, что хорошо

⁴ Зач.: как видно, в хорошем расположении духа.

⁵ Зач.: счастливый одобрением князя и желая похвастаться усердием.

⁶ Зач.: я и расчистил.

⁷ Зач.: и с таким грозным видом взглянул на него, что управляющий сдернул шапку.

⁸ Зач.: княжны

⁹ Зач.: Закидать снег, как было

¹⁰ Зач.: невозможно.

— Что, каналья? Что? — Палка-костыль поднялась и ударила по голове управляющего. — Закидать снег, закидать, как было. — И в ту же минуту, как бы убегая от себя, князь, хлопнув дверью, поспешно вошел в дом. По одному звуку шагов не только Тихон, но все официанты, не глядя на сумрачное лицо и опущенную голову князя, знали, что <беда> князь гневен. Все бегали на ципочках и Тихон дрожал, стаскивая теплые сапоги с ног князя. В кабинете долго слышны были шаги.

— Ты полагал, — закричал князь, всё более и более разгораясь, но и тут он еще не ударил бы Алпатыча, ежели бы он не успел своими словами сам раздражить себя до последней степени. — И кто тебя выучил тому, чтобы за меня делать почести людям, которых я знать не хочу? Для дочери моей нельзя, а для кого-нибудь можно. — Этой мысли уж не мог вынести князь.

[Далее со слов: За обедом княжна и m-lle Bourienne, знавшие, что князь не в духе...
кончая: Нет, mon rège. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. III.]

— Послать ко мне Алпатыча.

Как ни неудачно попала m-lle Bourienne на предмет разговора, она не остановилась и болтала о оранжерее, о красоте новой постройки и князь после супа смягчился, как она думала, от ее речей, в сущности же от того, что он поел супу и желудок начал варить.

Он поморщился, увидав Алпатыча, в положении приговоренного к смерти стоящего в официантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сиятельство,¹ простите ради бога, по одной глупости...

Князь перебил его и засмеялся своим неестественным смехом.

— Ну хорошо, хорошо.² — Он протянул руку, которую поцеловал Алпатыч, и прошел в кабинет.

Вечером приехал князь Василий. Его встретили на прешпекте³ кучера и официанты, с криком провезли его возки и сани к флигелю по насыпанной снегом дороге.⁴

Князю Василию и Анатолю были отведены отдельные комнаты.⁵ Анатолю был⁶ совершенно спокоен и весел, каким он и бывал всегда. Как на всю жизнь свою он смотрел, как на веселую *partie de plaisir*,⁷ которую кто то такой, почему то взялся и обязан доставлять ему, так он смотрел и на свою поездку к злому старику и к богатой уродливой наследнице. Все это могло выйти по его предположениям очень хорошо и забавно, ежели обеды будут хороши и вино будет, да и женщины могут подвернуться красивые. «А отчего ж не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мешает». Так думал Анатолю. Он ущипнул забежавшую хорошенькую горничную княгини и, громко смеясь, принялся за свой туалет.

¹ *Зачеркнуто*: ровно нельзя было сделать.

² *Зач.*: Будь умнее вперед. Пора меня знать.

³ *Зач.*: дворовые и официанты

⁴ *Зач.*: Подали обед, чай, все удобства и, не смея докладывать князю, пока он не спросит

⁵ *На полях*: отношение князя Василия к сыну.

⁶ *Зач.*: совсем спокоен. Даже и на его телесную натуру предстоящая важнейшая перемена в жизни — женитьба произвела свое влияние.

Он поспешно оделся в новый мундирный сюртук

⁷ [увеселительную прогулку,]

[Далее со слов: Он выбрился, надушился с тщательностью и щегольством..., кончая: Этого чувства она никому не внушала. — *близко к печатному тексту*. Т. I, ч. 3, гл. III.]

Но они знали, что когда на ее лице появлялось это выражение, она была молчалива, и скучна, и упорна в своих решениях.

— Vous changerez, n'est ce pas?¹ — сказала Lise и, когда княжна Марья обещала это сделать, вышла из комнаты.

Когда княжна Марья осталась одна в комнате, она не исполнила обещания Лизе и не взглянула даже на себя в зеркало,² а бессильно опустил глаза и руки, молча сидела и думала.³ Ей представлялся муж — сильное, ясное и непонятно-привлекательное существо, принадлежавшее ей одной. Ребенок, свой маленький ребенок, такой, какого она видела вчера у дочери кормилицы, представлялся ей у ее груди и опять тот же муж представлялся ей, обнимающим ее. А она стыдливо и радостно взглядывает на него.

— Пожалуйте к чаю. Князь сейчас выйдут, — сказал из-за двери голос горничной. И этот голос разбудил ее.

* № 68 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. III).

<Княжна, не думая о туалете, сошла вниз. В душе княжны в эти несколько минут, которые она осталась одна в своей знакомой милой образной, произошла слишком серьезная нравственная работа для того, чтобы она чувствовала себя смущенной, сходя вниз. Она помолилась. Так употребительно и понятно это слово, а как много разнообразных противоположных понятий соединяем мы с этим словом. Старый буфетчик Гаврило берет часовник и с серебряными, перевязанными ниточкой очками на носу читает его. Он молится. Душа его успокаивается, он забывает всё мирское. Одни божественные слова звучат в его душе, он молится. Монах читает вечернюю молитву и, говоря: «неужели одр сей мне гроб будет?», смотрит на свою постель и старается возбудить звуком своего голоса свою чувствительность. Он молится. Возвращаясь домой после забот и тревог дня, мы читаем привычные молитвы на сон грядущий и, стараясь понимать значение слов, поспешно произносим их — мы молимся. Но есть еще одна молитва, родоначальница всех молитв. Это молитва заблужденной души, не знающей, что право и неправо, что должно и не должно, и с своими сомнениями прибегающей к богу. Человек пытается вне молитвы разрешать эти сомнения, но вместо¹ Вы перемените, не правда ли?

² *Зачеркнуто*: Она прошла в образную и стала на колени и долго молилась.

Старый князь всё еще не выходил, когда гости вошли в гостиную.

— Mais au contraire, elle est charmante [Наоборот, она — прелестна], — сказал Анатоль своему отцу, когда они проходили через официантскую и он увидел m-lle Bougienne, принимая ее за княжну.

Увидав хорошенькую женщину, Анатоль принял тот победно торжествующий вид, который так действовал на женщин.

³ *На полях*: <молитва после, а теперь мечты о земной любви>

разрешения уже существующих сомнений возникают всё новые и новые, исчезает надежда на разрешение их и приходит отчаяние. На молитве же человек, хотя и *тот же*, он сам разрешает эти сомнения, но на молитве у него есть убеждение, что разрешение всех сомнений во власти того, перед кем он теперь открывает свою душу, есть убеждение, что помощь тут перед ним, ежели только он правдив и предан, и главное то — новые, злые сомнения не смеют возникать перед лицом бога. Всё так же сам с собою разрешает человек свои сомнения без молитвы и на молитве, — но с тою разницей, что на молитве он стоит лицо с лицом с богом. Хотя бог этот и есть он же сам, но это лучшая часть души человека, которая вызывается такою молитвой.

Так молилась теперь княжна Марья.>

* № 69 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. III, IV).

И они стали вспоминать князя Андрея и когда еще он был ребенком у Курагиных.

С своей стороны m-lle Bourienne не упустила случая при слове: Champs Elysées¹ вступить в общий разговор воспоминаний.

— Oh! les champs Elysées, — сказала она. — Et la grille des Tuileries, mon prince,² — обратилась она с грустью воспоминаний к Анатолю.³

Увидав хорошенькую Bourienne, он успокоился насчет того, что будет весело. «А, и тебе хочется?», подумал он, оглядывая ее. «Что же, недурна. Пускай она ее с собой возьмет, когда выйдет замуж», подумал он про княжну. «La petite est gentille».⁴

[Далее от слов: Старый князь неторопливо одевался в кабинете, кончая: — Это я, mon père, виновата, — сказала маленькая княгиня.⁵ — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. IV.]

— Вам полная воля-с, — сказал князь Николай Андреич, расшаркиваясь перед невесткой, — а ей уродовать себя нечего, и так дурна, — и опять сел на место, как будто не обращая более внимания на до слез доведенную дочь.

¹ [Елисейские поля]

² [Ах! Елисейские поля. А ограда в Тюльери, князь,]

³ *Зачеркнуто:* Анатолю всегда бывал в хорошем расположении духа. Он был один из тех людей, которые на жизнь смотрят, как на постоянную partie de plaisir [увеселительную прогулку]. В каждом деле он не то что искал, выбирал, он не выбирал, а видел только одно то, что могло доставить ему наслаждение: поесть, выпить, повеселиться, пошуметь, поиграть с хорошенькой женщиной, а ежели ничего этого не было, то по крайней мере посмеяться. Он ехал с отцом с надеждой, по крайней мере, посмеяться. Это не значило, что он не намерен был жениться, напротив, он ни минуты не сомневался в том, что он женится, но что из этого будет — он не думал, как и никогда не думал и не мог думать о том, что будет вперед. Он был в весьма хорошем духе, но теперь, увидав хорошенькую Bourienne, ему стало совершенно весело.

⁴ [Девочка недурна.]

⁵ *На полях:* К[нязь] Багратион герой. Союзники изменили.

Поперек текста: Архитектор

— Напротив, эта прическа очень идет княжне, — сказал¹ князь Василий.

— Ну, батюшка, молодой князь, как его зовут, — он обратился к Анатолю. — Поди сюда, поговорим, познакомимся. — В голосе Николая Андреича была ласковость, но княжна Марья и m-lle Bourienne знали, что ласковость эта заключала что-нибудь нехорошее. Действительно, князю нужно было проэкзаменовать Анатоля и постараться выказать его перед дочерью в самом невыгодном свете.

«Вот когда начинается потеха», — подумал Анатолий и с насмешливо веселой улыбкой подсел к старому князю.

— Ну, вот что, вы много путешествовали, мой милый, за границей воспитывались (не так, как нас с твоим отцом дьячок грамоте учил), скажите мне,² вы теперь служите?

— В конной гвардии. — Анатолий едва удерживался от смеху.³

— Что ж вы во фронте?

— Да, я до сих пор во фронте.

— Что же вы за границу с полком не пошли?

— Так, не пришлось, князь.

— А моему сыну пришлось. Всё небось о Париже сожалеешь? Ведь ты их там воспитывал? Князь Василий? А?⁴

— Как не сожалеть,⁵ князь. — Анатолий фыркнул от смеха.

— Ну, в мое время я из Парижа в Лысые Горы просился. Да нынче всё другое. Ну, пойдем ко мне. — Он взял князя Василия под руку и повел в кабинет.⁶

В кабинете князь Василий с своей небрежностью сумел завести разговор о деле.

[Далее со слов: — Что же ты думаешь, — сердито сказал старый князь, — кончая: Как я счастлива теперь и как могу быть счастлива с таким другом и мужем. Неужели мужем? — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. IV—V.]

¹ *Зачеркнуто:* Анатолий, у которого было правило и привычка пользоваться всяким случаем, чтоб говорить приятное женщинам. Княжна радостно покраснела. Она была благодарна отцу за вызванное им слово от Анатоля.

² *Зач.:* что вы нашли интересного в Риме? Вы были там? — Я папу видел

³ *Зач.:* А еще? Что вы видели гробницы пап? Я помню

⁴ *Зач.:* Нет, что же сожалеть.

⁵ *Зач.:* Эта прелесть.

⁶ *На полях:* Осрамится <Осрамил Анатоля. Княжна Марья влюблена. Вечером застаёт Анатоля с Bourienne. Утром разговор с отцом. Анатолий взволнован желанием к m-lle Bourienne. Вечером музыка, которая волнует княжну Марью, и Анатолю только дает свободу трогать ножку m-lle Bourienne. Княжна Марья видит из-за игры их влажные глаза. Утро, княжна Марья у отца и, выходя от него, оскорбленная, застаёт Bourienne с Анатолем.

M-lle Bourienne тоже женщина и, кроме того, что любит, еще и беззащитная женщина.

Маленькая княгиня кокетничает сама по себе. Как это всегда бывает у одиноких женщин после уединения, Anatole — соq du village [на первом месте] и все три сами по себе>

И она оглядывала его грудь, руки, стан, но не смела взглянуть на лицо, чувствуя всё тот же взгляд, устремленный на нее.¹ Вечеру, когда после ужина стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны. Она сама не знала, как у ней достало смелости, но она прямо взглянула на приблизившееся к ее близоруким глазам большое, прекрасное лицо. После княжны он подошел к руке m-lle Bourienne (это было неприлично, но он делал всё так уверенно и просто) и m-lle Bourienne вспыхнула и взглянула испуганно на княжну.²

«О, милая», подумала княжна, «она боится, чтобы я не подумала, что она хочет нравиться ему».³ Она подошла к Bourienne и крепко ее поцеловала. Когда Анатоль подошел к руке маленькой княгини,⁴ она встала и отбежала от него.

— Non, non, non! quand votre père m'écrit que vous vous conduisez bien, je vous donnerai ma main à baiser, pas avant, —⁵ и, подняв пальчик и улыбаясь, она вышла из комнаты.⁶

Все разошлись и, кроме Анатоля,⁷ который заснул тотчас же, как лег на постель, никто долго не спал эту ночь.

«Неужели он мой муж, именно этот чужой, красивый мужчина?»⁸, — думала княжна Марья и страх, который никогда почти не приходил к ней, нашел на нее: она боялась оглянуться, ей чудилось, что кто-то стоит тут за ширмами и в темном углу. И этот кто-то был он — дьявол, и он — этот мужчина с белым лбом⁹ и черными бровями и румяным ртом. Она позвонила¹⁰ горничную и попросила ее лечь в ее комнате.

M-lle Bourienne в этот вечер долго, улыбаясь своим мыслям, ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то.¹¹

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была не хороша. Нельзя было ей лечь ни на бок, ни на грудь.¹ *На полях:* Подходит к руке Bourienne. В[ourienne] краснеет. «О, милая!» думает княжна Марья, «она боится, но я не боюсь. Я ее знаю».

² *Зачеркнуто:* Анатоль <прошептал: Je vous aime [я вас люблю]> прижал ее руку к губам и ничего не сказал, но она поняла его.

³ *Зач.:* О нет! Я ее знаю и люблю.

⁴ *Зач.:* она тоже свое думала.

⁵ Нет, нет, нет! когда отец ваш напишет мне, что вы себя ведете хорошо, тогда я дам вам поцеловать руку. Не прежде,

⁶ *На полях:* Княжна не могла молиться. В[ourienne] ходила по з[имнему] саду. На другое утро.

Зач.: Вернувшись в свою комнату, княжна Марья по обычаю разделась и села на свое любимое место. Ей страшно становилось, какие ясные мечты будущей семейной жизни представлялись ей. Ей страшно было потому, что внутренний голос говорил ей, как скоро мечты ее олицетворялись, что это нехорошо. Она давно и прежде и теперь ясно представляла себе подле себя мужа и всю их взаимную любовь и всё это было ей понятно и возможно, но

⁷ *Зач.:* виновника всего произ[ошедшего]

⁸ *Зач.:* с этим лбом и волосами — это было страшно, преступно казалось ей.

Она стала на молитву, но тут

⁹ *Зач.:* и помаженными волосами

¹⁰ *Зач.:* Катю и легла, и тотчас же заснула.

¹¹ *Зач.:* Анатоль с счастливой здоровой улыбкой на губах спал уже.

Всё было тяжело, неловко. И живот ее ей мешал, ей заметно было, что он мешал больше, чем когда нибудь именно нынче, потому что присутствие Анатолия перенесло ее живее в другое время, когда этого не было и ей было весело. Теперь она досадовала и потому сердилась на горничную. Она сидела в кофточке и чепце на кресле. Катя, сонная, стояла перед ней молча, переступая с ноги на ногу.

— Как вам не совестно, ведь вы бы хоть пожалели? — говорила маленькая княгиня.

[*Далее от слов:* Старый князь тоже не спал... *кончая:* ...qui j'ai toujours aimée, comme ma fille. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. V.]

Он отошел. Действительная слеза показалась на его глазу.¹

— Фр, фр, — фыркал князь. — Говори, да или нет, хочешь ты или нет быть женою князя Анатоля Курагина. Ты говори: да или нет, — закричал он, — а потом я удерживаю за собой право сказать и свое мнение. Да, мое мнение и мою волю, — прибавил князь Николай Андреич, обращаясь к князю Василию и отвечая на его умоляющее выражение.² Старый князь хотел оставить за собой возможность спасенья.³ — Да или нет? Ну?

— Mon père,⁴ ваша воля прежде всего.⁵

— Да или нет.

— Моя воля, mon père, никогда не покидать вас, никогда не разделять своей жизни с вашей. Я не хочу выходить замуж, — сказала она, решительно взглянув своими прекрасными глазами на князя Василия и на отца.⁶

— Вздор! глупости. Вздор, вздор, вздор, — нахмурившись закричал князь Николай Андреич, взял дочь за руку, притянул к себе и не поцеловал, но сделал ей больно руке. Она заплакала.

Князь Василий встал.

— Ma chère, je vous dirai, que c'est un moment que je n'oublierai jamais, jamais, mais ma bonne, est ce que vous ne nous donnerez pas un peu d'espérance de toucher ce coeur si bon, si généreux. Dites que peut être. L'avenir est si grand. Dites: peut être.⁷

— Mon Prince,⁸ что я сказала — есть всё, что есть в моем сердце. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

¹ *Зачеркнуто:* Князь Василий был один из тех людей, которые могут сами себя довести до слез.

² *На полях:* Ее письмо Жюли. Монах, за к[оторого] она думает.

³ *Зач.:* Говори.

⁴ [Батюшка,]

⁵ *Зач.:* Говори свою

⁶ *На полях:* Спрашивает на другой день совета архитектора о браке.

⁷ Моя милая, я вам скажу, что этой минуты я никогда, никогда не забуду, но, моя добрейшая, дайте нам хоть малую надежду тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: может быть. Будущее так велико. Скажите: может быть.

⁸ [Князь,]

— Ну и кончено, мой милый. Очень рад тебя видеть,¹ очень рад тебя видеть... Поди к себе, княжна, поди, — говорил старый князь.

«Мое призвание другое», думала про себя княжна Марья, «мое призвание быть одиноко несчастной, мое призвание быть счастливой другим счастьем, счастьем жертвовать собой для других. И что бы мне это ни стоило, я сделаю счастье бедной Caroline. Она так страстно его любит. Она так страстно раскаивается. Я всё сделаю, чтобы устроить ее брак с ним. Ежели он не богат, я дам ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я так буду счастлива, когда она будет его женою. Она так несчастлива, чуждая, одна, без помощи и так страстно любит.»²

³ Долго Ростовы не имели известий о Nicolas. Только в середине зимы графу было передано письмо, на котором он узнал руку сына.

[Далее со слов: Получив письмо, граф испуганно и поспешно... кончая: Ничего, мой друг. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. VI.]

— Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я Борю не буду любить, коли не скажете, я не отстану, я знаю, что вы знаете. — Анна Михайловна покачала головой.

— Vous êtes fine mouche, mon enfant,⁴ — сказала она, — но, ради бога, будь осторожнее, ты знаешь, как это может поразить твою маман, — и она в коротких словах рассказала Наташе содержание письма с обещанием не говорить никому.

— Честное, благородное слово, — крестясь, говорила Наташа, — никому не скажу, — и тотчас побежала в детскую, призвала¹ Зачеркнуто: но как старого приятеля. Поди. — Княжна Марья вышла, пришла к себе и стала молиться. Она решилась, что m-lle Bourienne любит страстно Анатоля, что она одинока, несчастна и что надо устроить ее брак, дать ей состояние и отдать замуж. Она молилась.

² Зач.: Через день князь Василий с сыном уехали, и жизнь в Лысых Горах пошла по старому.

³ Зач.: В то время, как молодой Ростов <ходил <по походам и> по сраженьям и походам> вылечивал свою выбитую руку и <радовался, стоя>, живя в лагере около Ольмюца, праздновал свое производство в корнеты за Шенграбенское дело, жизнь его семьи в Москве шла по старому. Анна Михайловна продолжала гостить у них, Шиншин приезжал несколько раз на неделе обедать и, браня всех и всё, рассказывал новости о войне. Только не было <столько молодежи> оживленности в доме, не было Бориса, Nicolas, <и девочки, в особенности Соня, часто плакали, вспоминая своих отсутствующих друзей. Лиза и Соня изредка выезжали, Наташа училась последний год, как ей объявила ее маман>, Лиза была всё такая же. Она много читала, изредка ездила в свет и ссорилась с Соней и Наташей. Наташа училась последний год, как ей объявила ее маман, и говорила, что она влюблена в учителя пенья. Соня отказывалась от выездов и часто плакала.

После Шенграбенского дела было получено второе письмо от Nicolas, в котором он извещал своих о сраженьи, о своей ране и о необходимости иметь больше денег, чтобы сшить себе офицерский гусарский мундир, так как на днях должно было выйти производство.

На полях: В Москве слухи. Н[атальи] Д[митриевны] О[хросимовой] утро [?]. Старый граф в клубе. Стихи на рескрипт. Сергей Кузьмич.

⁴ [Ах, плутовка,]

Соню и Петю и всё рассказала им. Наташа не последовала примеру Анны Михайловны, а с испуганным лицом вбежав к Соне, схватила ее за руку и, прошептав: — важный секрет! — потащила ее в детскую.

— Nicolas ранен, письмо, — проговорила она, торжествуя и радуясь силе впечатлений, которое она произведет. Соня вдруг побледнела, как платок, задрожала и упала бы, коли бы ее не схватила Наташа.¹ Впечатление, произведенное известием, было сильнее, чем того ожидала Наташа. Она сама расплакалась, унимая и успокаивая своего друга.

— Вот видно, что все вы женщины плаксы, — сказал пузан Петя, однако сам испугавшийся больше всех при виде падающей Сони, — я так очень рад и право очень рад, что Nicolas так отличился. Все вы нюни.

Девочки засмеялись.

— А ведь у тебя была истерика настоящая, — сказала Наташа, видимо весьма этим гордая, — я думала, что только у старых могут быть истерики.

— Ты не читала письма? — спрашивала Соня.

— Не читала, но она сказала, что всё прошло и что он уже офицер... — Петя, тоже молча, стал ходить по комнате.

— Кабы я был на месте Nicolas, я бы еще больше этих французов убил, — сказал он вдруг, — такие они мерзкие! — Соне, видимо, не хотелось говорить, она даже не улыбнулась на слова Пети и, молча, продолжала задумчиво смотреть в темное окно.

— Я б их побил столько, что кучу из них [?], — продолжал Петя.

— Молчи, Петя, какой ты дурак.

Петя обиделся и все помолчали.

— Ты его помнишь? — вдруг спросила Наташа. Соня улыбнулась.

— Nicolas?

— Нет, Соня, ты помнишь ли его так, чтоб хорошо помнить, чтобы всё помнить? — с старательными жестами сказала Наташа, видимо желая придать своим словам самое серьезное значение.

— И я помню — Nicolas, я помню, — сказала она. — А Бориса не помню. Совсем не помню.

— Как? Не помнишь Бориса? — спросила Соня с удивлением.

— Не то, что не помню, — я знаю какой он, но не так помню, как Nicolas. Nicolas — я закрою глаза и помню, а Бориса — нет (Она закрыла глаза), — так нет ничего.

— Нет, я очень помню, — сказала Соня.

— А ты напишешь ему? — спросила Наташа.

Соня задумалась. Вопрос о том, как писать Nicolas, и нужно ли писать, и как писать был вопрос, мучивший ее. Теперь, когда¹ *Зачеркнуто*: испуганная. <Когда всё объяснилось и обе расплакались>. <После сухих рыданий пришли слезы>. Обе, обнявшись, расплакались и Наташа, сквозь слезы, успокоила своего друга.

он был уже офицер и раненный герой, хорошо ли было с ее стороны напоминать ему о себе и как будто о том обязательстве, которое он взял на себя в отношении ее? «Пускай он делает, как хочет», думала она. «Мне довольно только любить его. А он может подумать, получив мое письмо, что я напоминаю ему что-нибудь».

— Не знаю, я думаю, коли он пишет, и я напишу, — радостно улыбаясь, сказала Соня.

— И тебе не стыдно будет писать ему?

— Нет, отчего? — сказала Соня, смеясь, сама не зная чему.

— А мне стыдно будет писать Борису. Я не буду писать.

— Да отчего же стыдно?

— Да так — я не знаю. Неловко, стыдно.

— А я знаю, отчего ей стыдно будет, — сказал Петя, обиженный первым замечанием Наташи, — оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками (так называл Петя Pierr'a), — а теперь влюблена в певца в этого — (Петя говорил об итальянце, Наташином учителе пения), — вот ей и стыдно.

— Ах, Петя, полно, как тебе не стыдно, мы все так рады, а ты ссоришься. Поговорим лучше про Nicolas.

— Петя, ты глуп, — сказала Наташа. — А нынче, как он был мил, прелесть, — обратилась она к Соне (говоря про учителя пенья). — Он мне сказал, что лучше моего голоса он не слышал, и когда он поет, так у него на горле шишка делается — такая прелесть.

— Ах, Наташа, как ты можешь про кого-нибудь думать¹ теперь? — сказала Соня.

— А я не знаю. Я сейчас думала, я, верно, не люблю Бориса. Так он милый, я его люблю, но не так, как ты. Я бы не сделалась истерика, как ты. Как же я его не помню? — Наташа закрыла глаза. — Не могу, не помню.

— Так неужели ты в Fezzoni влюблена? Ах, Наташа, какая ты смешная, — с упреком сказала Соня.

— Теперь в Фецони, а прежде в Pierr'a, а еще прежде в Бориса, — сердито сказала Наташа. — А теперь Фецони, и люблю его, и люблю, и выйду за него замуж, и сама буду певицей.²

[Далее со слов: Графиня действительно была приготовлена намеками... кончая:... посылал шесть тысяч, что было огромно по тогдашнему времени. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. VI.]

Дела графа уже доходили до той степени запутанности, что он только морщился, когда Митинька предлагал ему поверить счета, и Митинька уже дошел до той степени уверенности в трусости¹ Зачеркнуто: когда уж любишь одного.

² Зач.: Пойдем к мамаше, может, можно теперь прочесть. Но еще их не пустили в комнату графини и они в детской продолжали свои разговоры, которые скоро перешли на воспоминания о Nicolas и последнего времени.

к счетам своего доверителя, что он предлагал уж ему посмотреть счета, которых не было, и выдавал графу его же деньги, называя их занятыми и высчитывая за них в свою пользу по 15%.¹ Граф знал вперед, что когда он потребует для обмундирования Николеньки шесть тысяч, то Митинька прямо скажет ему, что их нет, и потому граф, употребив хитрость, сказал, что ему необходимо десять тысяч. Митинька сказал, что по дурному состоянию доходов нельзя и думать получить этих денег, ежели не заложить имения, и предложил счета. Граф отвернулся от Митиньки и, избегая его взгляда, начал кричать, что это наконец ни на что не похоже, что от восьми тысяч [?] душ не иметь десяти тысяч, чтобы обмундировать сына, что он всем прикащикам лбы забреет, что он должен иметь эти деньги, что рассуждать нечего, а чтоб были, ну хоть не десять, а шесть тысяч, а чтоб были. И деньги действительно были, хотя граф и подписал для того вексель с огромными процентами.

12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая лагерем около Ольмюца, готовилась к следующему дню на смотр двух императоров — русского и австрийского. Гвардия, только что подошедшая из России, ночевала в пятнадцати верстах от Ольмюца и на другой [день] прямо на смотр к десяти часам утром вступала на Ольмюцкое поле.²

Nicolas Ростов, получив от Бориса записку, извещавшую его, что³ Измайловский полк только пришел, ночует в пятнадцати верстах от Ольмюца, и просившую приехать повидаться и получить пакет писем и деньги — те самые письма, которые писались с такою тревожностью и любовью, и те самые деньги, которые приобретены были с такой неприятностью и гневом.

Сказавшись Денисову, Ростов после обеда сел на подведенную ему, вновь купленную после смерти Грачика, лошадь и в сопровождении гусара поехал к гвардии. На Ростове была солдатская куртка, но на куртке были надеты эполеты и офицерская с темляком сабля. Рука его, уже начинавшая заживать, была на черной повязке, загорелое возмужалое лицо было беззаботно весело. То он версты две рысил, приподнимаясь на стременах и поглядыв[ал] на галопом скакавшего за собой гусара, то спустившись на бок седла, небрежно ехал шагом, напевая своим звучным голосом недавно выученную и особенно полюбившуюся ему немецкую песенку:

«Ich weiss nicht was mir fehlet,
«Ich sterb aus Ungeduld».⁴

¹ *На полях:* Граф поссорился с Митинькой за деньги. Как не послать на обмундировку сына. Ну 15%.

² *Зачеркнуто:* В эту то ночь

³ *Зач.*: Преображенский

⁴ [Не знаю, что мне нужно,
Я умираю от нетерпенья.]

И в звуках его голоса была новая возмужалость. Два дня тому назад с ним случилось одно из важнейших событий в жизни юноши.¹

Два дня тому назад, когда они пришли под Ольмюц, Денисов, ездивший накануне в город, сказал ему:

— Ну, брат, я сделал рекогносцировку — нынче едем вместе — какие женщины в Ольмюце: одна венге'ка, две польки и одна г'ечанка — вот что такое...

Ростов не отказался и не согласился прямо ехать, а сделал вид, что это ему очень обыкновенно и что на это смотрит совершенно так же, как и Денисов; а между [тем] он почувствовал, что наступает та решительная минута, о которой он думал, колебаясь, тысячу тысяч раз, он едва мог² выговорить что-нибудь в ответ Денисову. Он не знал еще женщин, что-то возмутительное и оскорбительное представлялось ему в сближении с чужой, продажной, общей с Денисовым и со всеми женщиной, но и непреодолимое любопытство тянуло его к познанию этого чувства. Ведь не было человека, не знавшего этого и не смотревшего на это, как на необходимое и приятное условие чувствования. У всех, говоривших про это, было выражение невинного удовольствия, усиливаемого только тем, что удовольствие это было кем-то запрещено.

Они поехали с Денисовым на парочке в его настычанке [?]. Денисов дорогой и подъезжая в Ольмюцу разговаривал о посторонних предметах, делая свои наблюдения над войсками, мимо которых проезжал, и вспоминал о прошедшем так же непринужденно, спокойно и весело, как будто они просто ехали кататься, как будто они не ехали на совершение одного из самых страшных, преступных и безвозвратных поступков. Они приехали в Ольмюц, солдат кучер, по указанию Денисова, завернул в одну улицу, в один, в другой переулок и остановился у маленького домика. Они вошли, пожилая женщина встретила Денисова, как знакомого, и ввела их в гостиную. Две женщины, весело улыбаясь, приветствовали Денисова. Сначала Ростов думал, что они так приветствовали его, потому что они его знали, но они точно так же, как будто к старому знакомому, ласково обратились и к Ростову. Они пересмеивались, глядя на него. Ему показалось, что они над ним смеются, он покраснел и, заметив, что делал Денисов, старался сделать то же. Но он не мог сделать этого, не в силах был. Денисов взял одну из них — это была полная с открытой шеей блондинка, красивая, но что-то старое, усталое, грустное, преступное, несмотря на ее молодость и веселость, казалось в ней. Денисов обнял ее и поцеловал. Ростов не мог этого сделать. Он стоял против толстой черной гречанки, которая радостно, прекрасными глазами смотрела на него и, открывая улыбкой прекрасные зубы, казалось ждала и радовалась на его нерешимость.

¹ *На полях:* Ростов только что имел первую женщину.

² *Зачеркнуто:* удержать волнение, чтобы

Ростов смотрел на нее во все глаза, дрожал от страха, сердился на себя, чувствовал, что он делает безвозвратный шаг в жизни, что преступное, ужасное совершается в эту минуту и — странно именно прелесть преступности тянула его к ней. То она ему казалась прелестною, особенно прелестною своею чуждостью, то что-то подлое, гадкое отталкивало его. Но глаза, окруженные черной тенью, впивались больше и больше в его взгляд, сливались с ним, он чувствовал себя, как в глубину непреодолимо втянутым, и голова у него шла кругом. Сознание преступности потонуло в этом опьянении.

— Ты выб'ал славно, — закричал Денисов, — твоя г'ечанка, мы с ней вче'а познакомились. *Küsse doch den jungen He'n,*¹ — закричал Денисов.

Ростов вздрогнул, оторвался от нее и выбежал² на двор с тем, чтобы уйти, но через пять минут страсть любопытства и желания преодолеть страх преступности и отвращения опять притянула его. Он вошел опять. Вино стояло на столе. Гречанка уже получила урок от Денисова, как поступать с новичком. Она взяла его за руку, притянула к столу, посадила и села на его колени, наливая вино себе и ему. Ростов выпил, обнял ее слегка, крепче, крепче, отвращение и страсть и желание скорее, скорее доканать себя, доканать в себе это всё борящееся чувство чистоты, слились в одно и он с радостью чувствовал, что забывал себя.

На другой день утром, провожаемый гречанкой, он вышел на крыльцо (Денисов, не дождавшись, уехал с вечера), пешком дошел до извозчика и приехал в лагерь³ и провел день, как и всегда с товарищами, не показывая ничего и⁴ давая всем чувствовать, что то, что с ним было вчера, было очень обыкновенно. Вечером, когда он лег, ему только представлялась гречанка и хотелось поскорее увидеться с ней, он крепко заснул. Во сне он видел сражение, толпу народа, которая бежала за ним, потому что он был победителем. Он остановился на возвышении и стал говорить этой толпе. Он стоял на белом, колеблющемся, воздымающемся всё выше и выше, возвышении. Его окружали жадные к нему.⁵

СОН.

Он во сне стоял на колеблющемся возвышении и говорил людям всё то, что было в его душе и чего он не знал прежде. Мысли его были новы, ясны и невольно облекались вдохновенным, размеренным словом. Он удивлялся тому, что говорил, и радовался, слушая звуки своего голоса. Он ничего не видал, но чувствовал, что вокруг него толпились незнакомые ему братья. Вблизи он¹ [Поцелуй же молодого человека,]

² *Зачеркнуто:* в другую комнату.

³ *Зач.:* и лег спать

⁴ *Зач.:* как всегда отвечая на шутки

⁵ *Так в рукописи.*

различал их тяжелые вздохи, вдали, как море, бурлила бесконечная толпа. Когда он говорил, по толпе, как ветер по листьям, пробежал трепет восторга; когда он замолкал, толпа, как один человек, переводила дыханье. Глаза его не видели, но он чувствовал на себе взгляды¹ всех людей и взгляды эти давили его и радовали. Они двигали им так же, как и он двигал ими. Болезненный восторг, горевший в нем, давал ему власть, и власть его не имела пределов. Чуть слышной внутренней голос говорил ему: «страшно», но быстрота движенья опьяняла его и влекла дальше. Подавленный страх усиливал очарованье, и возвышенье, на котором он стоял, колеблясь, поднимало его выше и выше.

Вдруг сзади его он почувал чей-то один свободный взгляд, мгновенно разрушавший всё прежнее очарованье. Взгляд неотступно притягивал к себе и он должен был оглянуться. Он увидел женщину и почувствовал чужую² жизнь. Ему стало стыдно,³ он остановился. Толпа не исчезала и не расступалась, но каким-то чудом простая женщина спокойно двигалась посередине, не соединяясь с нею.⁴ Не знаю, кто была эта женщина, но это была Соня [?], но в ней было всё, что любят, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила. Встретив его глаза, она равнодушно отвернулась и он только смутно видел⁵ очертания ее полуоборотившегося лица. Только⁶ спокойный взгляд ее остался в его воображении. В нем были кроткая насмешка и любовное сожаленье. Она не понимала того, что он говорил, и не жалела о том, а жалела об нем. Она не презирала ни его, ни толпу, ни восторги наши, она только была полна⁷ счастья. Ей никого не нужно было и поэтому то он чувствовал, что не может жить без нее.⁸ Дрожащий мрак безжалостно закрыл от него ее образ, и он заплакал во сне о невозможности быть ею. Он плакал о прошедшем невозвратимом счастье и о невозможности будущего счастья, но в слезах этих уже было счастье настоящего.

Он проснулся и все плакал и плакал слезами стыда и раскаяния о своем падении, навеки отделившем его от Сони. Но суета дня рассеяла это впечатление, и он даже никогда, ежели вспоминал об этом сне, [то] старался отгонять его, но оно возникало само. И теперь возникало еще чаще и сильнее, когда он, узнав о письмах из дому, ехал к Борису.

Совсем уже смерклось, было морозно, месячно и дымно в деревне, где стоял Измайловский полк, когда Nicolas подъехал¹ *Зачеркнуто*: мильонов

² *Зач.*: счастье

³ *Зач.*: за себя, за толпу, за восторги наши и без слов, без мыслей, без движений

⁴ *Зач.*: Была ли то мечта первой любви или воспоминанье нежности матери, не знаю

⁵ *Зач.*: прелестные

⁶ *Зач.*: пленительный

⁷ *Зач.*: любви и

⁸ *Зач.*: Но она не осталась со мной. Колеблющийся

к¹ нему. Ему сказали, где стоит 3-й батальон, но в темноте его не хотели пропускать часовые, так что он должен был назваться адъютантом, присланным к великому князю. Но когда и пропустили его, он ошибся и, вместо 3-го батальона, попал в деревню, где стоял сам великий князь, со страхом выбрался назад. Уже поздно, усталый и нетерпеливый, он добился у кашеваров солдат, где стоял Борис.

— Где стоит князь Друбецкой, прапорщик? — спросил он.

Солдат с любопытством осмотрел гусара и подошел к нему.

— Такого нет в нашем батальоне. В 4-м батальоне спросите, там князей много, а у нас нет.

— Князь Друбецкой! верно есть.

— Да нет, ваше благородие, уж как мне не знать...

— А в 4-й роте с капитаном стоят, не князь ли? — отозвался другой солдат.

— Где князь, с капитаном Бергом-то?

— Берг, Берг, так и есть, веди! — закричал Ростов, — целковый на чай.

Гвардия весь поход прошла, как на гуляньи, щеголяя своей красотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы, людей везли на подводах, офицерам австрийское начальство готовило на всех переходах прекрасные обеды. Полки вступали и выступали из городов с музыкой, и весь поход (чем гордились гвардейцы) люди шли в ногу и офицеры пешком на своих местах. Борис, всё время похода, шел и стоял с Бергом, своим ротным командиром. Весь поход был для него веселое торжество.² Берг и Борис, уже отдохнув после похода, сидели в чистой квартире, отведенной им, перед круглым столом, пили чай и играли в шахматы. Борис своим тонким и внимательным лицом несколько загорел, но был так же хорош и изящен в одежде, как и в России, Берг, дома на походе еще более, чем в Москве, был щепетильно аккуратен, видимо сам беспрестанно любясь на чистоту и аккуратность своего халата, своей шкатулки и приглашая и других оценить эту аккуратность и похвалить его за нее. Он, так же как и в Москве, пускал аккуратные колечки дыма, представлявшие как бы эмблему и девиз его жизни, и, переставляя аккуратно за головку, взявши чистыми руками, шахматы, значительно приговаривал, как приговаривают в подобных случаях ограниченные люди, одни и те же слова.

— Ну так то, Борис Сергеевич. Ну так то, Борис Сергеевич. — Но не договорив последних слов, он услышал гром и звон на крыльце и увидел вбегающего в дверь гусарского офицера, которого он было не узнал сначала.

— Ах ты, чорт вас возьми, — закричал гусарский офицер, ¹ *Зачеркнуто:* Измайловским солдатам, варившим кашу.

² *Зач.*: Теперь они, занимая отличную и убранную квартиру, сидели в халатах за шахматами, когда Nicolas подъехал к их крыльцу и, спрыгнув, вбежал в комнату.

непостижимо производя в комнате такой шум и гам, как будто целый эскадрон ворвался в комнату. — И Берг тут! Черти гвардия. Ах ты, петизанфан!

— Але куше дормир, — подхватил Борис, гремя, вскакивая со стула и выбегая навстречу Ростову. С тем особенным, гордым чувством молодости, которое боится битых дорог, хочет, не подражая другим, по своему, но новому выражать свои чувства, только бы не так, как выражают это, часто притворно, старшие, оба друга, нежно любившие друг друга, сбежались, потряслись за плечи, толкнулись, щипнулись, сказали — ах чорт тебя возьми, ах ты вендер петизанфан, — они обнялись, не поцеловались, не сказали друг другу нежного слова. Но несмотря на это отсутствие внешней нежности, в их лицах, особенно в лице Ростова, выразалось такое счастье, оживленность и любовь, что даже Берг, казалось, на минуту забыл любоваться своим благоустройством. Он умиленно улыбался, хотя и чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

— Ах вы, полотеры проклятые, чистенькие, свеженькие, точно с гулянья, не то что мы грешные, армейщина, — кричал Ростов, с гордостью указывая на свою, забрызганную грязью, шинель, так громко, что хозяйка немка высунулась из двери посмотреть на этого страшного крикуна. Вопросы без ответов сыпались с обеих сторон. — Ну, рассказывай же, когда видел моих, здоровы ли все? — спрашивал Ростов.

— Что ты офицер? что ты ранен? — говорил Борис, указывая на его шинель и подвязанную руку.

— Ах, и вы тут, — не отвечая и обращаясь к Бергу, говорил Ростов. — Здравствуйте, мой милый.¹ Ростов, который прежде, бывало, совсем изменялся при новом, тем более несимпатическом лице, каким, очень хорошо знал Борис, был для него Берг, Ростов теперь при этом несимпатическом лице не только не сжимался, но, напротив, как бы нарочно, казался еще беспечнее и развязнее. Ростов подвину[л] себе стул, сел верхом на него и рукавом сшвырнул все шахматы на диван.

— Ну садись, рассказывай, — сказал он, притягивая за руку Бориса, — знают они про наши дела? Знают про то, что я произведен? Да ведь мы два месяца из России.

— Ну, а ты был в деле? — спросил Борис. Ростов, не отвечая, небрежным движением тряхнул по солдатскому георгиевскому кресту, висевшему на шнурах мундира и, указав на свою подвязанную руку, улыбаясь, взглянул на Берга.

¹ *Зачеркнуто:* Это был Ростов, который давал преимущественно тон всему разговору. Борис только с своим тактом чувствовал, угадывал и подделывался под тон своего друга, необыкновенная перемена в котором чрезвычайно удивляла его, хотя он и старался скрыть это удивление; он видел теперь совсем не того мальчика Ростова, с которым он простился в Москве. Теперь это был гусар с самоуверенными и несколько дурного тона приемами, который очевидно что то хотел представить из себя, но всё же это был тот самый Николай Ростов, которого он любил вместе с его сестрой Наташей больше всех на свете, даже больше своей матери.

— Нет, не был, — сказал он.

— Ого, — сказал Борис, всё удивляясь и тихо улыбаясь, глядя на происшедшую перемену его друга. В сущности же теперь только в первый раз сам Ростов, примеряя себя к старым отношениям в жизни, чувствовал всю ту перемену, которая произошла в нем. Всё, что прежде показалось бы ему трудным, было легко ему. Он, заставляя Бориса удивляться своей развязности, сам еще больше его удивлялся ей. Попав, желая пощеголять перед гвардейцами, в тон ухарского гусарства, он почувствовал неожиданную свободу и прелесть в этом тоне. Он с удовольствием чувствовал, что в противность тому, что прежде бывало между им и Борисом, не Борис уже, а он давал характер и направление разговору. Он видимо забавлялся тем, что по произволу переменил разговор; только что Борис стал его расспрашивать о войне и его производстве, как Ростов, вспомнив о старом слуге Бориса, опять переменил разговор.

— Ну, а твой старый пес, Гаврило, с тобой? — спросил он.

— Как же, — отвечал Борис, — он тут у хозяев по немецки учится.

— Эй ты, старый чорт, — крикнул Ростов, — иди сюда. — И на его зов явился почтенный и представительный старый слуга Анны Михайловны.

— Иди сюда, целуй меня, старый кобель, — радостно улыбаясь сказал Ростов и обнял его.

— Имею честь поздравить, ваше сиятельство, — сказал добродушно и почтительно старый Гаврило, любуясь на крест и на эполеты Ростова.

— Ну, давай полтинник на извозчика, — смеясь закричал Ростов, напоминая тем старому слуге, как он во времена студенчества занимывал у него по гривенничку. Приятный и добродушный старик слуга тотчас же нашелся:

— Офицеру и кавалеру как не поверить, ваше сиятельство, — сказал он, шутя, как будто доставая деньги из кармана.

— Подите ка, гвардейская штука, — проговорил Ростов, трепля по спине старика, — как я ему рад, как я ему рад, а вот что, — вдруг сказал он, — пошли-ка его за вином.

Борис, хотя не пил, но охотно достал из под чистых подушек тощий кошелек и велел принести вина.

— Кстати и тебе отдать твои деньги и письмо.

— Давай, свинья этакая, — закричал Н. Ростов, хлопая его по заднице в то время, как Борис, нагнувшись над шкатулкой, щелкал в ней звенящим, английским замком, доставая письма и деньги.

— Ты потолстел, право, — сказал Ростов и, вырвав у него письмо и бросив на диван деньги, облокотился обеими руками на стол и стал читать. Он прочел несколько строк, глаза его потускнели и всё лицо, изменившись, приняло более благородные не детские очертания. Он прочел еще, и еще страннее стал его взгляд, 502

и выражение нежности и раскаяния показалось на его содрогнувшихся губах.

[*Далее со слов:* Он злобно взглянул на Берга... *кончая:* ...с приятной улыбкой вышел из комнаты. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. VII.]

— Я свинья, — сказал Ростов, глядя в письмо (он читал в это время французскую приписочку Сони. Он видел как бы перед глазами ее черную косу, худые плечики, а главное, он видел и знал, что происходило в ее душе, когда она писала это письмо, как бы все это происходило в его собственной. Он чувствовал, как она колебалась написать слишком мало или слишком много, и чувствовал, как сильно и прочно она его любила).¹

— Ах, какая я свинья! посмотри, что они едят, — повторил он, покраснев при воспоминании о вчерашнем свидании и не показав нагнувшемуся Борису тех строк, которые так сильно волновали его.

Он прочел ему следующее место из письма матери: «Думать, что ты, мой бесценный, обожаемый, несравненный Коко, находишься среди всех ужасов войны и быть спокойной и думать о чемнибудь другом, свыше моих сил. Да простит меня бог за мой грех, но ты один, неоцененный мой Коко, дороже мне всех моих детей». Расположенный к чувствительности вообще всем происшедшим с ним в последние дни и теперь приписочкой Сони, он и не мог без слез дочитать это письмо матери. Он заплакал, рассердился на себя и притворно засмеялся.

[*Далее со слов:* Что же, пошли за вином Гаврила? *кончая:* ...сказал Ростов, видимо думая о другом. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. VII.]

Помолчав несколько секунд, он весело и нежно взглянул в глаза Борису.

— Ну, что про глупости говорить, — сказал он, — расскажи же мне хорошенько про наших. Что папинька, что Жанлис? что Наташа моя милая, Петька? Он расспрашивал про всех, но не мог взять на себя спросить про Соню. Он не говорил тоже с Борисом о его отношениях с Наташей, как будто теперь он признавал, что это были детские глупости, которые теперь забыть надо.

Старик Гаврило принес вино и, так как все задушевное было переговорено или скорее ничего задушевного не было сказано, и очевидно было, что и не будет сказано, Борис предложил послать за изгнанным Бергом для того, чтоб и он мог принять участие в принесенной бутылке.

— Ну что эта немчуря, — сказал Ростов, пока Берг еще не возвращался, — все такая же дрянь, весь на расчетцах.

¹ *Вставлено позднее и зачеркнуто:* он больно чувствовал, какая неизмеримая пучина разделяла тот мир наслаждений, которые он испытал три дня тому назад, от того склада наслаждений, о которых напоминало ему это письмо.

— Нет, — заступнически сказал Борис, — он славный человек, честный и смиренный.

Опять Ростова поразило не случайное, а существенное различие во взглядах с своим другом. Он пристально посмотрел в глаза Борису и вздохнул, как бы навсегда прощаясь с своей прежней дружбой и простотой отношений с своим товарищем детства.

— Нет, для меня лучше пускай будет не такой уж честный и аккуратный, но чтоб был живой человек, а не такая тряпка, как этот немчик.

* № 70 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. IX).

На другой день после смотра Борис, одевшись в лучший мундир и напутствуемый пожеланиями успеха своего товарища Берга, поехал в Ольмюц к Болконскому, желая воспользоваться его ласкою и устроить себе наилучшее положение в армии.

Внутренний голос говорил ему против его намерений и ему иногда казалось стыдно итти кланяться кому бы то ни было. «А впрочем нет», говорил он сам себе, «это все детские и рыцарские фантазии Ростова, которые отзываются во мне. Это пора оставить. Это хорошо ему, которому отец присылает по десять тысяч. (Я не завидую ему и люблю его.) Но мне, ничего не имеющему, кроме своей головы, надо делать свою карьеру».¹

Он подавил в себе это чувство ложного стыда, как ему казалось, и с решимости отправился в Ольмюц. Он не застал в этот день князя Андрея в штабе, но тот блеск, те признаки власти и праздничного торжественного обихода жизни, которые он видел теперь в Ольмюце, где стояла главная квартира, дипломатический корпус и оба императора с своими свитами придворных приближенных, только больше усилили его желание принадлежать к этому верховному миру. Он никого не знал и, несмотря на его щегольской гвардейский мундир, все эти сновавшие по улицам в щегольских экипажах, плюмажах, лентах и орденах придворные и военные, казалось, стояли так высоко от него, что не хотели и не могли даже признавать его существование.

* № 71 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XI).

<Князь Андрей с беспокойным любопытством вместе с другими штабными ожидал выхода Савари от императора и известия о том, чем решено будет это свидание, когда Долгоруков, всегда быстрый,¹ *Зачеркнуто*: Он вспомнил о Наташе, думая, что карьера еще ему и для того была необходима, чтобы в 1809 году он был уже человек с положением и родные бы не отказали ему. Несмотря на то, что он заметил, как Ростов умышленно умалчивал о их планах женитьбы и не говорил с ним о Наташе, он был так же тверд и уверен, что он чрез четыре года женится на Ростовой, и так же дорожил этим браком, как и в ту минуту, как они поцеловались за кадками цветов в гостиной Ростовых.

веселый¹ большими шагами почти пробежал мимо его. Он с ласковой² улыбкой обратился мимоходом к князю Андрею.

— Государь отказал, — сказал он по французски, — мне поручено переговорить с Буонапарте, иду приодеться и сейчас едем.³ Подождите уезжать. Расскажите главнокомандующему, — и он пробежал в занимаемую им соседнюю избу. Через десять минут князь Андрей и все штабные видели, как верхами, на прекрасных лошадях, сопровождаемые русскою свитою кавалеристов, проехали по направлению к аванпостам Савари и Долгоруков, в полной генерал-адъютантской форме. Они ехали шагом, тихо и дружелюбно разговаривая, как два хорошие знакомые, встретившиеся на гуляньи. Приезд Савари и известие о предложении мира Наполеоном еще более подняли дух и без того весело расположенной русской армии. Войска продолжали идти и прошли пятнадцать верст еще вперед Вишау. После обеда еще на походе вернулся князь Долгоруков, еще более оживленный и веселый, чем утром. И, как это всегда бывает, неизвестно какими путями разнеслась молва о подробностях его свидания с Буонапарте. Буонапарте встретил его на своих аванпостах, так рассказывал князь Долгоруков, и, слезши с лошади, рядом с ним стал ходить взад и вперед по большой дороге. Он был не в мундире, а в широком, простом, сером сюртуке, тогда еще не бывшем историческим. Князь Долгоруков рассказывал и повторял несколько раз, до какой степени поразило его отсутствие всякого царского величия в этом человеке.

— Правда, видно, что это умный человек, но не более того, — говорил князь Долгоруков, — умный, хитрый и злой мещанин в успехе и больше ничего. Я понимаю, что с его маленькой, ничего не внушающей фигурой ему ничего не оставалось, как, подражая Фридриху Великому, пытаться сделать историческим этот серый сюртучек, который я сейчас на нем видел, но кажется, что нынешняя кампания положит конец истории серого сюртучка. Когда я подъехал к нему, — как говорили по крайней мере, что рассказывал князь Долгоруков, — он слез с лошади и очевидно не умел и не знал, на какой ноге танцевать со мною. Что его очевидно смутило больше всего, эта аффектация, с которой я избегал называть его государем или вашим величеством. Спросив о здоровье государя, что было тоже весьма неловко, он, заложив руки назад, стал ходить, не глядя на меня и ничего не говоря мне. Ежели он этой тактикой думал смутить меня, то это опять не удалось ему. Так как не мы, а он требовал свидания и имел что то сказать нам, то я с совершенно спокойным духом, заложив точно так же, как он, руки за спину, мог ходить так до второго пришествия. Видя, что маневры его не удаются, он вдруг сердито поднял голову, устремил на меня свои пронизательные глаза, остановился и сказал:

¹ *Зачеркнуто*: более, чем ласковый к князю Андрею, веселыми

² *Зач.*: счастливой

³ *Зач.*: Вы мне завидуете, не правда ли

— Долго ли нам, граф, драться?

Я сказал, что вопрос этот нельзя решить так скоро, как он был предложен.

— Чего же хотят от меня? — вскрикнул он, желая вероятно вывести меня этим из моего спокойствия. — За что воюет со мной император Александр, чего требует он? Пусть он распространяет границы России насчет своих соседей, особенно турков, тогда все ссоры его с Францией кончатся.

Князь Долгоруков будто бы отвечал, что император не ищет для России приобретений, не питает вражды против Франции, уважает ее и желает ей возможного счастья, но вооружился за независимость Европы. Далее говорил он, что император не может равнодушно взирать на занятие французами Голландии, на бедствия сардинского короля, лишенного владений французами без получения вознаграждения, обещанного ему договорами между Россией и Францией. «России надобно следовать совсем другой политике», отвечал Наполеон, «и помышлять о своих собственных выгодах». Ему опять возразили, что император Александр только желает прочного для всех держав мира. В таком смысле разговор продолжался на дороге не более часа. Не видя надежды на сближение, Наполеон сказал: «Итак будем драться!». Не отвечая ни слова и во время свидания не называя Наполеона императорским величеством, князь Долгоруков сел на лошадь и уехал.>

* № 72 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XI).

<Со времени соединения войск в ольмюцком лагере, в высших сферах армии мнение о предстоящих действиях разделилось, очевидно, на два противоположных лагеря. Одни, к которым принадлежал государь и вся молодежь, окружавшая его, и Вейротер, счастливый важностию своей роли, требовали немедленного наступления, другие, к которым, ясно высказываясь, принадлежал князь Шварценберг и, неясно высказываясь, Кутузов, предпочитали ожидать присоединения эрцгерцога Карла, луч[шего] полнейшего обеспечения продовольствием и вообще угрожающе [?] в ожидательно оборонительном положении. Князь Андрей, слышавший доводы Кутузова и вообще доверяя его знанию и опытности и, кроме того, невольно, как и все непридворные, фрондируя против придворных намерений, держался мнения кунктаторов. Первое поколебало его, как и всех, осмотр и блеск Ольмюцкого смотра, потом молчание Кутузова, как бы помирившегося с планом наступления, как скоро оно началось, потом Вишауская победа и, наконец более всего, присылка Савари и слова Долгорукова, которому князь Андрей верил, считая его за рыцарски благородного и горячего юношу. Он уехал с убеждением, что, чем быстрее будет наступление, тем вернее успех, и, заметив, как Кутузов покачал головой, слушая эти известия, он приписал недоверие Кутузова только упрямству защищения своего мнения. Чем ближе приближалась решительная минута, тем больше становилось нетерпение. Так 506

прошло 17, 18 и 19 числа, войска подвигались и неприятельские авангарды после коротких перестрелок быстро отступали. Все эти дни слышны были выстрелы, слышно было, что подвигались армии и отступал Наполеон, и верилось и страшно было верить, что они бегут, что одно моральное влияние решит дело. Об этом избегали говорить.

Войска, бывшие прежде с Кутузовым, узнавали места, в которых они были, и у редких остававшихся напуганных жителей узнавали о французах. Мир для них, для всего войска, разграничивал[ся] одной чертой аванпостов французов — там всё было привлекательно и тайной и страхом. Черта эта похожа была на черту, отделяющую людей от загробной жизни. Страшно, неизвестно и привлекательно. Для аванпостов только это было ясно. Они смотрели иногда на движение французской армии, как на что то действительное, и им было легче переносить звук этой строгой ноты и понятие их о том, что предстоит — было ясное.

Лазутчиков не было.>

* № 73 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. X—XIII).

15 ноября союзная армия в пяти колоннах выступила из Ольмюца под командою генералов, из которых ни один не носил русского имени. Имена эти были: 1-е Вимпфен, 2-е граф Ланжерон, 3-е Пржибышевский, 4-е князь Лихтенштейн и 5-е князь Гогенлоэ.

Погода стояла морозная и ясная и люди шли весело. Хотя никто,¹ кроме высших начальников, не знал, куда и зачем направлялась армия, — все были рады выступлению после бездействия Ольмюцкого лагеря. Колонны двинулись по команде с музыкой и с развевавшимися знаменами. Весь переход они должны были идти стройно, как на смотре, и непременно *в ногу*.² В девятом часу утра государь верхом со свитой обогнал гвардию и присоединился к колонне Пржебышевского.³ Солдаты весело прокричали «ура» и на протяжении десяти верст, которые занимали восемьдесят тысяч движущегося войска, раздались, фальшиво сливаясь в ближайших частях, звуки воинственных маршей и солдатских песен.⁴ Адъютанты и колонно-вожатые, сновавшие между полками, имели веселое, самодовольное выражение лиц. Генерал Вейротер, исключительно заведывавший движением¹ *Зачеркнуто*: из нижних чинов

² *Зач.*: Хотя никто и не знал, зачем и куда выступают войска, посмотрев друг на друга, на эти громадные массы по одному направлению, спереди, сзади и со всех сторон стройно двигавшиеся в одно и то же время, каждому становилось самоуверенно и весело на душе и чувствовалось, что то предпринимается великое и значительное.

³ *Зач.*: Уставшие солдаты подобрались, снова зашагали в ногу.

⁴ *Зач.*: <и покрывая собой все другие личные чувства этих 80 тысяч людей, в душе каждого билось одно и то же чувство воинской предприимчивости и самоуверенной надежды. Думали встретить неприятеля на первом переходе и каждую минуту ожидали дела>, потом опять распустились солдаты и шли лениво и не совсем порядочно, с думами о скором ночлеге, о еде, о сапоге, который жал ногу

войск, к вечеру пропуская мимо себя войска, стоя в стороне от дороги с некоторыми свитскими офицерами и с подъехавшим к нему князем Долгоруковым, имел¹ довольный вид человека, благополучно исполнившего свое упражнение. Он спрашивал у проходивших начальников частей, где назначен был их ночлег, и показания начальников частей совпадали с предсказаниями, которые он делал стоявшему подле него Долгорукову.

— Вот видите, князь, — говорил он, — новгородцы становятся в Раузнице, так я и говорил, за ними идут мушкатеры — эти в Клаузевиц, — он справился по записной книжке, — потом павлоградцы, потом гвардия идет по большой дороге.² Отлично. Прекрасно. Я не вижу, — сказал он, вспоминая делаемое ему старыми русскими генералами возражение, — я не вижу, почему предполагают, что русские войска не могут так же хорошо маневрировать, как и австрийские. Вы видите, князь, как всё строго и отчетливо исполняется по диспозиции — ежели диспозиция основательна...

Князь Долгоруков невнимательно слушал австрийского генерала: он занят был вопросом, возможно ли или невозможно и как, атаковать французский отряд, на который наткнулись русские войска нынешний вечер перед небольшим городком Вишау.

Он предложил этот вопрос генералу Вейротеру. Вейротер³ сказал:

— Это дело только может быть решено волею их величеств.⁴ Впрочем дело очень возможное.

— Не можем же мы оставить перед своим носом этот французский отряд, — сказал Долгоруков и с этими словами поехал в квартиру императоров. В штабе императоров уже находился лазутчик из авангарда, присланный князем Багратионом, доносивший, что французский отряд в Вишау не силен и не имеет подкрепления.⁵

Через полчаса после приезда князя Долгорукого было решено — на рассвете другого дня атаковать французов и тем игнорировать прибытие императора Александра к армии и его первый поход.

Князь Долгоруков должен был командовать кавалерией, участвуя в этом деле.

Император Александр⁶ со вздохом покорился представлению своих приближенных и решил оставаться при 3-й колонне.⁷

¹ *Зачеркнуто*: счастливый вид фокусника сверх чаяния

² *Зач.*: Всё прекрасно, всё так, как мы ожидали

³ *Зач.*: был так поглощен исполнением своей, диспозиции, что он, избегая прямого разговора

⁴ *Зач.*: Я доложу нынче вечером

⁵ *Зач.*: Не выходя из под впечатления веселого и блестящего похода дня, было решено на другой день

⁶ *Зач.*: чувствуя тяжесть Мономаховой шапки, должен был лишить себя возможности сам вести свои войска против войска Буонапарте, решил оставаться в продолжение дела при третьей колонне.

Павлоградцы находились в авангарде князя Багратиона и первые открыли разъезд неприятеля против Вишау.

⁷ *На полях третьей редакции*: К вечеру в передовых войсках, где изредка

На другой день до зари эскадрон Денисова, в котором служил Н. Ростов¹ и который был в отряде князя Багратиона, двинулся с ночлега и, пройдя около версты позади других колонн, был остановлен на большой дороге.

[*Далее со слов:* Ростов видел, как мимо него прошли вперед казаки... *кончая...* этот веселый день в одиноком бездействии.² — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. X.]

Денисов по тем же причинам был мрачен и молчалив. Он видел в оставлении своего эскадрона в резерве умышленность и интригу мерзавца адъютанта и собирался его п'оучить.

— 'остов, иди сюда, выпьем с го'я, — крикнул [Денисов], усевшись на краю дороги перед фляжкой и закуской. Ростов выпил молча, стараясь не глядеть на Денисова и опасаясь повторения ругательств на адъютанта, которые уже надоели ему.

[*Далее со слов:* Вот еще одного ведут! *кончая:* В одну минуту все были на местах и ждали. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. X.]

Н. Ростов не помнил и не чувствовал, как он добежал и сел на лошадь. Мгновенно прошло его сожаление о неучастии в деле, его скучливое состояние в кругу приглядевшихся лиц, мгновенно исчезла всякая мысль о себе, он весь поглощен был чувством счастья в близости³ императора. Он чувствовал себя одною этою близостию вознагражденным за потерю нынешнего дня. Он был счастлив, как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания. Не смея оглядываться во фронте и не оглядываясь, он чувствовал восторженным чутьем его приближение, и он чувствовал это не по одному звуку копыт лошадей приближавшейся кавалькады,⁴ но он чувствовал это, потому что по мере приближения всё светлее, радостнее и значительнее делалось вокруг него.

Всё ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокруг себя лучи кроткого и величественного света, слышались выстрелы, прошел слух, что на другой день французы, стоявшие впереди в городке Вишау, будут атакованы.

¹ *Зачеркнуто:* стоял на коне, ожидая команды итти в дело. Пехота и артиллерия отряда Багратиона тоже стояла в готовности, ожидая чего то. На рассвете проехало начальство, заскакали адъютанты, зазвенели штыки и орудия и отряд двинулся. Н. Ростов с дивизионом гусар был оставлен в резерве. Он слышал

² *Зач.:* так близко от поля сражения, что слышен был запах от порохового дыма; он, слезши с лошади, с офицерами из своего эскадрона сидел на канаве дороги перед закуской и слушал и расспрашивал остановленного пехотинца, шедшего с поля сражения, как вдруг, как порывом ветра шелестит по листьям, зашевелились, задрожали все люди и офицеры эскадрона, других, около находившихся войск, всё заторопилось, всё зашептало

³ *Зач.:* и лицезрения этого прекрасного молодого человека императора, своего русского императора.

⁴ *Зач.:* из этого топота десятков лошадей он узнавал благородные и легкие шаги рыжей, кровной кобылы Прозерпины, которая так счастлива была, что на себе несла его (Ростов знал, как зовут эту счастливую лошадь).

и вот он уже чувствует себя захваченным этими лучами, он слышит его голос — этот ласковый, спокойный, величественный и вместе с тем столь простой голос.¹

[*Далее со слов:* Как и должно было быть по чувству Ростова... *кончая:* ...ударил левую ногою лошадь и галопом поехал вперед. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. X.]

Ростов² едва переводил дыхание от радости.

Услышав пальбу в авангарде,³ молодой император не мог воздержаться от желания присутствовать при сражении и, несмотря на все представления придворных, в двенадцать часов, отделившись от третьей колонны, поскакал к авангарду.

Еще не доезжая до гусар, несколько адъютантов встретили его с известиями о счастливом исходе дела.⁴ Сражение было представлено, как блестящая победа⁵ над французами.⁶

[*Далее со слов:* и потому государь и вся армия... *кончая:* ...Ростова оскорбила близость его к государю. — *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. X.]

Ростов видел, как содрогнулись, как бы от пробежавшего мороза, сутулые плечи государя⁷ и как⁸ левая нога его судорожно стала бить шпорой бок лошади.⁹

[*Далее со слов:* ...приученная лошадь равнодушно оглядывалась и не трогалась с места. *кончая:* ...и в славу русского оружия. *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. X.]

¹⁰На следующий день государь остановился в Вишау, лейб-медик Вилие несколько раз был призываем к нему. В главной квартире и в ближайших войсках распространилось известие, что государь был нездоров. Он ничего не ел и дурно спал эту ночь. Как говорили приближенные, причина этого нездоровья заключалась в сильном впечатлении, произведенном на чувствительную душу государя видом раненых и убитых.

¹*Зачеркнуто:* но такой, при котором всё молчит, когда слышатся его звуки. Теперь всё замерло в мертвой тишине и голос сказал в десяти шагах сзади Ростова:

— Cela doit être là le champ de bataille? [Это должно быть поле сражения?]

— Non, sire [Нет, государь].

²*Зач.:* не спускал с него глаз и ничего не видел и ничего не слышал, что делалось вокруг его.

Государь не выдержал тяжести Мономаховой шапки и

³*Зач.:* завидуя свободе и счастью Долгорукова

⁴*Зач.:* Дело было ничтожное, так как Мюрат, начальствовавший французским авангардом, не имел приказания защищать Вишау, но государю

⁵*Зач.:* вообще

⁶*Зач.:* Легко верится в то, чего желаешь

⁷*Зач.:* под густыми эполетами

⁸*Зач.:* он, видимо от волнения, стал бить левой ногой свою приученную лошадь, когда раненый солдат, от которого услужливые адъютанты требовали внимания государю, пошевелился и кряхтя заговорил.

⁹*Зач.:* Прозерпина

¹⁰*Зач.:* На другой день 17 числа вечером князь Андрей был прислан Кутузовым в Вишау для передачи государю и получения бумаг. Князь Андрей остался ночевать.

На заре 17 числа в Вишау был препровожден с аванпостов французской офицер, приехавший под парламентерским флагом, требуя¹ свидания с русским императором. Офицер этот был Савари.² Государь только что заснул и потому Савари должен был дожидаться.³ В полдень он был допущен к государю и через час поехал вместе с князем Долгоруковым на аванпосты французской армии.

Как слышно было, цель присылки Савари состояла в предложении мира и в предложении свидания императора Александра с Наполеоном. В последнем было отказано и вместо государя князь Долгоруков, победитель при Вишау, был отправлен вместе с Савари для переговоров с Наполеоном, ежели переговоры эти, против чаяния, имели целью действительное желание мира.

Вечеру вернулся Долгоруков и лицам, знавшим его, заметна была происшедшая в нем значительная перемена. После своей беседы с Буонапарте он держал себя, как принц крови, и ни с кем не говорил из приближенных к государю лиц о том, что происходило на этом свидании. Вернувшись, он прошел прямо к государю и долго пробыл у него наедине.

Несмотря на то, однако, в штабе распространились слухи о том, как Долгоруков достойно держал себя с Буонапарте, как он, чтобы не называть его величеством, умышленно не называл его ничем и как он вообще, отклонив предложения мира со стороны Б[уонапарте], отделал его. Австрийскому же генералу⁴ в присутствии посторонних Долгоруков сказал следующее:

— Или я ничего не понимаю, — говорил князь Долгоруков, — или он боится более всего в настоящую минуту генерального сражения.⁵ В противном случае, для чего бы ему было требовать этого свидания, вести переговоры и, главное, отступить без малейшего замедления,⁶ тогда как отступление так противно всей его методе ведения войны. Верьте мне,⁷ его час настанет и очень скоро. А хороши бы мы были, слушая так называемых опытных стариков: князя Шварценберга⁸ и т. п. Несмотря на мое полное уважение к их заслугам, хороши бы мы были, всё ожидая чего то и тем давая ему случай уйти от нас или тем или другим способом обмануть нас, тогда как теперь он верно в наших? руках. Нет,⁹ *Зачеркнуто*: пропуска адъютанту Буонапарте для личного

² *Зач.*: Он был пропущен через цепь и на рассвете прибыл в Вишау в квартиру императора.

³ *Зач.*: Как всегда толпа любопытных окружила его и много нескромных и неполитических вопросов и неловких самохвальных намеков было сделано наполеоновскому адъютанту прежде, чем он был допущен к государю императору. Князь Андрей стоял тоже

⁴ *Зач.*: Вейро[теру]

⁵ *Зач.*: что он не в своей тарелке, это видно.

⁶ *Зач.*: вот уже в продолжение трех дней, когда

⁷ *Зач.*: что это счастливый солдат и больше ничего. Теперь мы

⁸ *Зач.*: и вашего старика, любезный князь, обращался он к князю Андрею.

⁹ *Зач.*: любезный князь

не надобно забывать Суворова и его правила: не ставить себя в положение атакованного, а атаковать самому. Поверьте, на войне энергия молодых людей часто вернее указывает путь, чем вся опытность старых кунктаторов.¹

[Далее со слов: В высших сферах армии с полдня 19 числа... кончая:
...передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества.
— *близко к печатному тексту*. Т. I, ч. 3, гл. XI.]

²Императоры и ³приближенные волновались надеждою и опасениями за исход завтрашнего дня⁴ и боялись преимущественно того, чтобы Буонапарте не обманул их, не отступил быстрым маршем в Богемию и лишил их верного успеха, который, казалось, всё обещало.

<Люди, думавшие собственно о завтрашнем сражении (их было немного)>, были: сам государь, князь Долгоруков, Адам А. Чарторижский.

Главной пружиной движения был Вейротер, и его помощники были отягчены подробностями дела.

Он ездил на аванпост осмотреть неприятеля, диктовал по немецки диспозицию, ездил к Кутузову и к государю и указывал ему на плане предполагаемое расположение и движение войск. Вейротер, как человек слишком занятый, даже забывал быть почтительным с коронованными особами. Он говорил быстро, неясно, не глядя на лицо собеседника, не отвечал вдруг на делаемые ему вопросы, был испачкан грязью и имел вид самонадеянно гордый и вместе с тем растерянный. Он чувствовал себя во главе начатого движения, которое стало уже неудержимо. Он был, как запряженная лошадь, разбежавшаяся под крутую гору. Он ли вез, или его гнало, он не знал, но он несся во всю возможную быстроту, не имея времени думать о том, к чему поведет это движение. Большинство же людей в квартире императоров были заняты совсем другими интересами. В одном месте говорилось о том, что хотя и желательно было назначить генерала NN командиром кавалерии, это неудобно было потому, что австрийский генерал NN мог оскорбиться этим, а его надо было менажировать, так как он был в милости, у императора Франца. И потому предполагалось дать NN звание начальника кавалерии крайнего левого фланга. В другом месте конфиденциально рассказывалось и шутилось о том, как граф Аракчеев отказался от назначения командующего одной из колонн армии.

¹ *Зачеркнуто*: к которым принадлежит и ваш, любезный князь, Михаил Илларионович.

² *Зач.*: Движение началось в кругу приближенных к императору. Там стало известно, что на завтра решено было дать генеральное сражение Буонапарту, как бы он ни уклонялся от него. Только сам император и ближайшие к нему лица были возбуждены предполагаемым сражением и думали прямо о цели, к которой они шли

³ *Зач.*: некоторые

⁴ *На полях*: У государя голова кругом идет от личных просьб и интриг всех просящихся, как на праздник, в сражение — мешают подумать о деле.

— Что ж, по крайней мере, это откровенно, — говорили про него, — он прямо сказал, что его нервы не могут этого выдержать.

— Откровенно и наивно, — говорил другой.

Еще в другом месте старый, обиженный генерал доказывал свои права на командование отдельною частью.

— Я ничего не желаю, но, прослужив двадцать лет, мне обидно остаться без назначения и поступить под команду генерала моложе меня. — Старый генерал, со слезами в голосе, уверял, что он желает одного — иметь возможность показать свое усердие государю императору, и действительно, старика нельзя было обидеть и, попросив через того и того, для старика устраивали совершенно новое, совсем ненужное назначение.

Между австрийскими генералами шли соображения и переговоры о том, каким бы образом устроить так, чтобы австрийские начальники не были под командою русских и чтобы слава завтрашней победы не могла быть отнята самонадеянными русскими варварами. Старались устроить так, чтобы в тяжелые, невидные места, в которых не предполагалось блестящих действий, посылать русских, а австрийцев приберегать для тех мест, где должна была решаться участь сражения. Еще в другом месте говорилось о том, как необходимо удержать императора Александра¹ от высказанного им намерения и, сообразного его рыцарскому характеру, желания лично участвовать в деле и подвергать себя опасности. Сотни штабных хлопотали о том, как бы им завтрашний день находиться в свите императоров; некоторые только потому, что там, где будет император, менее всего опасности, некоторые из того соображения, что при императоре более всего будет награды. Делались предположения уже о том, куда отправятся войска после победы.²

В 8-м часу [в] вечеру приезжал сам старик Кутузов в главную квартиру императоров и в известном кружку одобрительно повторяли его разговор с графом Толстым, обер гоф маршалом. «Vous avez l'oreille de l'empereur, dites lui que la bataille sera perdue,³ — сказал будто бы Кутузов с целью вперед обеспечить себя от упреков и взвалить в случае неудачи всю вину на чужие плечи. Но неудачи нельзя было и не нужно было предвидеть, и потому весьма одобряли ответ графа Толстого: «Eh, mon cher général, je me mêle du riz et des poulardes, mêlez vous des affaires de la guerre».⁴

В десятом часу вечера Вейротер с своими планами переехал на квартиру Кутузова, где был назначен не столько военный совет,¹ *На полях.*: Кутузов приезжал к графу Толстому.

— Vous avez l'oreille de l'Empereur, dites lui que la bataille sera perdu.

— Eh, mon cher général. Je me mêle du riz et des poulardes. Mêlez vous des affaires de la guerre.

² *На полях.*: Толки солдат

³ [Император вас выслушает, скажите ему, что сражение будет проиграно,]

⁴ И, любезный генерал, я занят рисом и [пулярдками] а вы занимайтесь военными делами.

сколько окончательная отдача приказаний для завтрашнего дня. Все начальники колонн были [потре]бованы к главнокомандующему и все явились, за исключением князя Багратиона, который был не в духе и отказался приехать под предлогом отдаленности расположения своего отряда. Он ворчал, что колбасники всё перепутали, и говорил, что сражение будет проиграно.¹

Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц.²

[Далее со слов: В большой гостиной, сделавшейся кабинетом главнокомандующего... кончая:...и распоряжения все до малейших подробностей остаются те же. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. XII.]

Кутузов проснулся,³ хрипло прокашлялся и оглянул генералов.

— Господа! Диспозиция на завтра, даже на нынче (потому что уже первый час) не может быть изменена, — сказал он. — Вы¹ *Зачеркнуто*: На другой день после дела при Вишау князь Багратион потребовал к себе Н. Ростова и, объявив ему, что он получил письмо от его родных, предложил ему быть своим адъютантом, и Ростов, предполагая [что] служа при князе, он будет иметь более случаев встречаться с государем, с радостью принял предложение и, покинув эскадрон, поступил на место Жеркова, которым князь Багратион еще с Шенграбенского дела был недоволен.

Когда ввечеру 19 числа князю Багратиону был прислан приказ явиться в главную квартиру для выслушания диспозиции, он позвал к себе Ростова <Ростов был в этот день по очереди у него ординарцем> и приказал ему ехать к Кутузову с тем, чтобы [полу]чить диспозицию и, видимо не в силах удержать дурного расположения духа, вызванного в нем бумагою, он прибавил:

— Мне и тут колбасники надоели, нечего слушать. Диспозиция на поле сражения, так Александр Васильевич Суворов нас учил, да доложи Михаилу Ларионовичу, — прибавил он, — что я еще от того не поехал, что нога болит, поздно, мне еще с князем Долгоруким на аванпосты съездить должно.

Уже смерклось, когда Ростов поехал в квартиру главнокомандующего, отстоявшую на десять верст от авангарда Багратиона.

² *Зач.*: Первое лицо, встретившееся ему в приемной, был князь Андрей Волконский, тот самый человек, который так странно поразил его в первое свидание у Бориса. Он считал за собою долг, ему казалось, что он оскорблен тоном этого адъютантика и что ему еще необходимо отбрить его, а вместе с тем он чувствовал участие и интерес к этому человеку. Он был рад, что увидал его, а вместе с тем почувствовал необходимость тотчас же надуться и притвориться, что он не узнает его.

— От начальника авангарда, — проговорил он официальным тоном. Князь Андрей, озабоченный и взволнованный предстоящим делом, действительно не узнал Ростова.

— Потрудитесь подождать, — сказал он своим презрительным русским выговором, сделавшимся его привычкой в обращении с незнакомыми людьми, — так князь не будет, — сказал он, — что слышно в авангарде, неприятель отступил? — и, получив утвердительный ответ, с этими словами он прошел в кабинет Кутузова. В кабинете были собраны все начальники колонн и Вейротер.

³ *Зач.*: умышленно, как показалось князю Андрею, потянулся и сказал, что так как диспозиция прочтена, то нет ничего важнее, как хорошенько выспаться перед сражением.

ее слышали. И все мы исполним наш долг. А перед сражением нет ничего важнее, — он помолчал, — как выспаться хорошенько.

Он сделал вид, что привстает. Генералы откланялись и удалились.¹

Был 2-ой час ночи, когда Ростов, присланный к главнокомандующему от Багратиона, получил наконец переведенную и переписанную [?] диспозицию,² для доставления князю Багратиону, и на рысях, сопутствуемый гусаром, отправился к Позоржицу, нашему правому флангу.³

Накануне Ростов не спал, находясь в фланк[ерской цепи] авангарда, нынче он с вечера был назначен ординарцем Багратиона и опять ему не удалось заснуть. Он дремал все время, когда писалась диспозиция, и огорчился, когда его разбудили, сказав, что готово, и он может ехать. В первое время, сидя на лошади, он очнулся.

Ночь была темная и облачная, почти полный месяц то скрывался, то опять показывался, открывая ему со всех сторон⁴ кавалерию и пехоту, в которых очевидно происходили приготовления. Несколько раз встречались ему скачущие адъютанты и верховые начальники, принимавшие его за другого и спрашивавшие его о том, какие он везет известия или приказания. Он отвечал, что знал, и спрашивал о том, что другие знали и в особенности о государе, которого он всякую минуту думал встретить.

Проехав несколько верст и желая выгадать крюк, он сбился с дороги и заехал в середину костров пехоты. Он подъехал к одному, чтобы спросить дорогу. Солдаты не спали и большая толпа сидела и стояла около ярко пылавшего костра.

¹ *Зачеркнуто:* Ростов должен был дожидаться. Князь Андрей, два дня тому назад князем Долгоруким совершенно убежденный в успешности предстоящего дела, с досадой слушал возражения Ланжерона, очевидно продиктованные чувством оскорбленного самолюбия, и еще более досадовал и недоумевал, глядя на странное презрительное положение, принятое Кутузовым в отношении Вейротера. «Неужели он в самом деле спал или он хотел показать презрение к приемам решения военных дел в кабинете? Или неужели тут играет роль только мелочно задетое самолюбие? Тогда это ужасно», говорил он сам себе. «Как быть равнодушным к делу, решающему не только судьбу восьмидесяти тысяч человек, но и судьбу русского оружия и все из-за того, что оскорблено наше мелочное самолюбие каким-нибудь или в пользу какого-нибудь австрийского шмерца. Я слушал эти распоряжения», говорил сам себе князь Андрей, «et je n'y ai rien à redire, rien à redire» [и мне нечего возразить, нечего возразить].

² *Зач.*: Несмотря на то, что был второй час ночи, Ростов еще должен был дожидаться диспозиции, которую торопливо переводил граф Толь с немецкого на русский язык и которую, треща перьями, переписывали несколько десятков писарей для рассылки всем отдельным начальникам частей.

По дороге к авангарду во всех частях войск Н. Ростов слышал и видел движение, в то время как он дожидался, сообщившееся уже большим колесам пехотных и кавалерийских масс

³ *На полях:* Страсть к государю. Страх и ерунда.

Диспозиция трудная. N[icolas] едет, месяц, страсти, поднимают[ся] солдаты. К[нязь] Долгоруков, р[ужейная] стрельба.

⁴ *Зач.*: заколебавшиеся и ужедвигающиеся массы

— Вали, брат, всё равно, что ж, австрияку моей имуществу доставаться, — говорил один солдат, с размаху кидая крашенный стул на пламя костра.

— Нет, брат, постой, дай я на нем покуражусь, — сказал другой солдат, выхватывая стул из огня и в значительной позе, подпираясь под бока, садясь на него. — Нутка, брат, как ты теперь обо мне судишь?¹

— Ребята, как на третью дивизию проехать? — спросил Ростов. (Он руководствовался не названием мест, а названием войск, так как войска покрывали всю его дорогу). Солдаты² рассказали ему, что знали. Один³ молодой солдат, видимо после борьбы нерешительности, обратился к нему.

— Правда, ваше благородие, назавтра стражению быть?

— Правда, правда. Сам государь командовать будет. А что, хочется? — радостно сказал Ростов, но известие его не произвело большой радости. Ростов, отъехав несколько шагов, остановился послушать, что они будут говорить.

— Что ж, али у него генералов не хватило? — сказал солдат.

— В охотку, известно.

Солдаты помолчали.⁴

— Так то, братец ты мой, как мы при Суворове по горам ходили, — начал говорить старый⁵ хриплый голос, — так мы, веришь ли, братец ты мой, подошли к пропасти, а внизу кишмя кишить этот самый француз, так мы ружья похватали, на жопу сядешь, так и съедешь по снегу прямо до него, и ну лущить. То то побили его тогда. Всё тот же Бонапарт был.

— Тот еще злей был, говорят, — сказал⁶ другой голос. — Дивлюсь, куды его денут, как поймают.

— Али в Россее места мало? — заметил другой.

¹ *Зачеркнуто:* говорил этот солдат улыбаясь в то время, как подъехал Н. Ростов.

² *Зач.:* охотно

³ *Зач.:* посмелее спросил

⁴ *Зач.:* — Чего хотеться. Затем солдат.

Одна и та же мысль, одно и то же чувство проблеснули в душе каждого.

— И сколько, братец ты мой, этого начальства ихнего, — сказал один солдат.

— <Поглядим, какой такой француз есть, — сказал один солдат.>

— То то, видно, правда Иван Масеич говорил, что корпусный за приказанием ездил. — Опять помолчали.

— Вишь ты, говорит: хочется? Чудны!

— Э, брат, начальство знает, — высказал один мысль каждого. Солдат, сидевший на стуле, встал и швырнул его в огонь. — И то пушай не достается, — сказал он, — дай только поручик встанет, я и его балаган разберу, весь сожгу.

— Вишь у капитана еще огонь, — сказал другой.

— Все бумагу читает, как стражению быть. Эх мудрено, я послушал.

⁵ *Зач.:* кавалер и все замолчали, слушая его

⁶ *Зач.:* молодой рекрут; старый солдат не удостоил его ответа, хотя наклоением головы признал справедливость этого замечания

— Ишь ты, и повозки запрягают, должно скоро выступать.¹

Солдат, сидевший на стуле, встал и швырнул его в пылавший костер. — И то пущай никому не достается. Дай поручик выйдет, и его балаган весь разберу.

Ростов тронул лошадь и поехал дальше. Когда Ростов проехал версты две между сплошной массой, где собирающихся, где уже двигающихся войск, в середине пехотного полка, в которую он заехал, немецкий офицер колонновожатый,² подъехав к нему, учтиво спросил, не знает ли он по немецки, и, получив утвердительный ответ, попросил его быть переводчиком перед батальонным командиром,³ к которому он имел дело. Батальонный командир засмеялся, когда Ростов с австрийцем подъехал к нему, и тотчас же, не слушая Ростова, обращаясь к австрийцу, стал, что есть силы кричать ему слова, которые очевидно ему очень нравились и которые он повторял уже много раз: «нихт хверштейн, немец, нихт ферштейн колбасного языка, немец». Ростов перевел ему слова австрийского офицера, но батальонный командир, смеясь, повторил еще несколько раз немцу свою любимую фразу и под конец сказал Ростову, что приказание, передаваемое австрийским колонновожатым, ему давно известно и уже исполнено. Батальонный командир тоже спросил о новостях, и Ростов рассказал слышанное им известие о личном командовании государя.

— Вот как, — сказал батальонный командир. — А неправда ли свиньи? — сказал он Ростову, — право свиньи. Так что ли? Г-н гусарский офицер, настоящие свиньи.

«И как они все не перепутают столько их», думал Ростов. Ростов поехал далее.⁴

Вместо того, чтобы ехать по рядам войск, уже подъезжая к авангарду, он выехал вперед⁵ и поехал по цепи. Это было ближе. Проскакав с версту, он дал отдохнуть лошади и думал опять о своем любимом предмете мысли, о государе, и о возможности ближе узнать его.

«Вдруг еду в темноте и он тут скажет: — Поезжай узнай, что там! — Повсюду поеду. Поеду, узнаю, привезу сведения. Он скажет...»

— Кто идет, говори, не то убью, — послышался ему вдруг крик часового. Ростов дрогнул и испугался.

¹ *Зачеркнуто*: Вслед за тем послышался барабанный бой сбора и солдаты побежали строиться к расчету. Уже подъезжая к авангарду, обогнав и встретив несколько дв. Ростов

² *Зач.*: который с отчаянием бросился к нему, по немецки умоляя его

³ *Зач.*: который не только не понимал его, но смеялся над ним, повторяя

⁴ *Зач.*: Ростов был взволнован ожиданием завтрашнего дня, ему не хотелось спать, только хотелось, чтобы поскорее прошла эта бесконечная ночь.

⁵ *Зач.*: и невольно влекомый к той таинственной черте, которая разделяла два войска, он поехал вдоль передовой цепи.

— Георгий, Ольмюц, дышла, — отвечал он машинально¹ лозунг нынешнего дня. «Экие скучные и подумать, как они не перепутаются». ² Он оглянулся вокруг себя и вперила глаза в ту левую сторону, где был неприятель и куда он хотел идти, но ничего нельзя было видеть. ³

Месяц зашел за тучи.

— «Где я? Уже не заехал ли я за цепь?»⁴ убьют ни за грош. А не нынче убьют, завтра убьют. Ох скверно.

Однако спать хочется, ужасно хочется». Он с усилием открыл глаза.

Месяц вышел из за туч.

[*Далее со слов: В левой стороне виднелся пологий, освещенный скат... кончая: протяжные крики тысяч голосов, как ему показалось в первую минуту, в десяти шагах от него со стороны неприятеля. — близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. XIII.*]

— Должно, он куражится, — проговорили солдаты, указывая ¹ *Зачеркнуто*: пароль и

² *Зач.*: <и не обращая внимания на своих, все смотрел налево туда вперед>. К удивлению своему он застал себя пробудившимся от дремоты, которая непреодолимо клонила его. Мороз пробежал по его спине и ему стало страшно.

³ *Зач.*: <и тем страшнее было> когда месяц заслонился тучами, становилось темно. Ему представлялись то близко цепи неприятеля, то звуки колес и звон штыков, он останавливался, вглядывался больше и должен был сознаваться, что это ему виделось только в воображении. Один раз месяц вышел совершенно из за туч. Он остановился и с замиранием сердца стал глядеть. Прямо от нашей цепи шел желтеющий налево серый, покатый спуск ложины, такой тихий и пустынный, что казалось никого не было и не могло быть там. На той стороне виднелся покатый спуск, он был черен, но нельзя было разобрать, были ли это озими, была ли это пашня или лес. Ростов не мог разобрать хорошенько. Правее еще белелось что то, но было ли это строение, или месячный свет, падающий на полянку леса, Ростов не мог <разобрать несмотря на все усилия> дать себе отчета. Вдруг ему показалось, что по этому белому пространству движется что то, он стал вглядываться, но в тот же самый момент это движущееся пятно исчезло, черные набежали тучи на луну, и опять всё слилось в один непроницаемый мрак.

«Тоже живут там, думают, готовятся к сражению, кто как?» думал про себя Ростов и опять в темноте казалось ему, что вот тут, подле самого его крадется и приближается неприятель. «Нечего рассуждать и думать», сказал он сам себе, «завтра увидим и узнаем всё, что там делается», «не только там», сказал ему какой то внутренний голос, «но узнаешь и то, что делается там, откуда не возвращаются люди. Одна пуля и всё кончено» и, чувствуя, что на него находит страх, он подумал о том, что ему надо скорее исполнить данное поручение и явиться к князю Багратиону. Он тронул лошадь и проскакал с версту, не оглядываясь более на страшную левую сторону неизвестной местности, он поскакал по цепи.

— Ваше благородие, ваше сиятельство, — услышал он вдруг сзади себя испуганный голос <сопутствовавшего ему гусара> и сам испугался. — Что это, гляньте-ка налево? — Но Ростову не нужно было этого замечания, он в ту же минуту был поражен странными звуками дальних, громких криков тысяч голосов, которые неслись с самого того места, которое ему казалось белым пятном, и одновременно с криком, дальним светом, появившимся на <той левой стороне, которая так сильно <поражала> занимала его> том же месте.

⁴ *Зач.*: подумал Ростов. Ему стало страшно, хотелось спросить у гусара и совестно было.

влево. Далеко, гораздо дальше, чем показалось Ростову¹ в первую минуту, он увидал на том самом месте, где ему казалось прежде что то белое, он увидал распространяющиеся огни всё по одной линии и услышал протяжные далекие крики, вероятно, несколько тысяч голосов французов.

— Ты думаешь, что это такое? — проговорил Ростов, стараясь успокоиться и оборачиваясь к гусару.

— Да так, радуются, ваше благородие.

Огни и крики продолжались около четверти часа.

«Что такое это может быть?», — подумал Ростов, — «нападают они, пугают, или уверены, что победили уже когонибудь? Странно! Ну да бог с ними. Да что бишь государь мне говорил? Да, да, на ташку наступить».

— Ваше благородие, вот генерал, — сказал гусар. Ростов очнулся и увидал перед собой Багратиона. Багратион с князем Долгоруким с адъютантами, которые тоже выехали посмотреть на странное явление огней и криков неприятельской армии, и Ростов² встретил их на аванпостах и передал бумагу начальнику.³

— Поверьте, князь, — говорил Долгоруков, — что это больше ничего, как хитрость. Он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь, чтобы обмануть нас.

«И что им за дело», думал Ростов, падая от сна, «все равно».

— Что ж это может быть? — сказал князь Багратион, — да вот мы сейчас узнаем. — И князь Багратион распорядился послать казачью сотню в объезд гораздо правее горевших огней.

— Ежели шум и огни только в оставленном арьергарде, то это место направо, куда я посылаю казаков, должно быть уже не занято.

Чрез десять минут ожидания, во время которых всё продолжались крики и огни на [не]приятельской стороне, в тишине ночи,¹ *Зачеркнуто*: при лунном свете, как казалось версты на три от него, показался огонек, один, другой, третий и на протяжении версты, всё распространяясь далее и далее, показались красные движущиеся огни и послышались протяжные далекие крики, вероятно, несколько тысяч голосов. Первое чувство Ростова был страх. Огни и крики эти были очевидно неприятельские, <но что, какую цель имели эти проявления, он не мог дать себе отчета> и он был уверен, что они направлены против него. Ему не могла притти в голову мысль, чтобы неприятель мог быть занят чем-нибудь, не имеющим целью вообще русское войско и в особенности его, Nicolas Ростова, он не мог себе представить, чтобы неприятель не знал и не думал о его существовании, <как это было в действительности>. <На него нашел страх, который не прошел и тогда>, но крики и огни продолжались минуту, две и ничего опасного и вредного не выходило из этого для Н. Ростова. Ему все-таки было страшно в особенности потому, что он ехал не на своем месте, потому что была ночь и что он был один и не мог понять, что значили огни и крики.

— Ишь, куражится как, — проговорил гусар, ехавший сзади Ростова, успокоенным голосом.

² *Зач.*: тут же доложив князю о исполненном поручении и получив в ответ: «хорошо, после», Ростов остановился сзади своего начальника, прислушиваясь к его разговору с Долгоруким.

— Поверьте, князь, — говорил Долгоруков

³ *Зач.*: и остановился позади начальника

из того места направо, куда спустились казаки, послышалось несколько ружейных выстрелов, и казачья сотня, которой велено сейчас же отступить, если она встретит неприятеля, на рысях вышла из под горы.

— Ого, вот как, — сказал князь Багратион, услыша выстрел, — нет, видно еще не все ушли, князь. До завтрашнего утра, завтра всё узнаем,¹ — сказал князь Багратион и поехал к дому, который он занимал.

«Да, завтра, завтра», думал Ростов, следуя за генералами, «завтра увидим, убьют или нет, а нынче спать», и, едва слезши с лошади, он тут же на крыльце князя Багратиона заснул, облокотившись головой на перилы.

Ежели бы взгляду Н. Ростова возможно было сквозь мрак осенней ночи проникнуть на ту сторону, где светились огни неприятелей, в то время, как он ехал по передовой линии, то в одном месте французских аванпостов не более, как на тысячу шагов отделенного от него, он бы увидел следующее: без бивачных огней, в темноте стояли козлы ружей пехоты, около них ходили часовые и позади козел на голой земле и на соломе, закутанные в плащи, лежали французские солдаты;² за кучкою солдат стояла палатка.³ У палатки стояла верховая лошадь, и кавалерист, молодой французский офицер,⁴ вышел из палатки и кликнул сержанта. За ним ¹ *Зачеркнуто*: Поедем, послушаем диспозицию. Вернувшись домой, он заставил Ростова читать диспозицию и, не стесняясь, слушая ее, грубо бранил немцев, предсказывая, что мы завтра будем разбиты. Диспозиция эта, образец точности в немецком и образец бестолковости в русском смысле, содержала следующее: первой колонне Дохтурова итти от Гостиерадека через Аугест, на Тельниц, овладеть сим селением и обратиться вправо, равняясь с головою второй колонны графа Ланжерона, имевшей назначение пробиться между Тельницом и Сокольницом; третьей колонне Пржибышевского спуститься с Праценских высот, итти к Сокольницу и овладеть им, выравняться с первыми двумя колоннами. Все войска сии поручены графу Буксгевдену.

Четвертой колонне Колловрата пробиваться у Кобельница, потом примкнуть левым флангом к третьей колонне и с нею вместе опрокидывать правое крыло неприятеля к Латейну. Князю Багратиону в начале сражения оставаться впереди Позоржица и во что бы ни стало удерживать свою позицию, а когда увидит он успех четырех колонн, действовать наступательно, во всяком случае не допуская обойти себя слева. Для усиления левого крыла его, послали ему ввечеру из колонны князя Лихтенштейна порученные генерал-адъютанту Уварову полки: Елисаветградский гусарский, Черниговский и Харьковский драгунские. Пятой колонне князя Лихтенштейна, состоявшей из уланского цесаревича полка и тридцати двух австрийских эскадронов, содержать сообщение между князем Багратионом и четырьмя первыми колоннами, пользуясь каждым удобным случаем для атаки.

Гвардия должна была служить подкреплением ему и левому крылу князя Багратиона. В неудачном случае назначено отступать к селению Подъжицу, находившемуся на дороге в Венгрию.

² *Зач.*: большею частию спавшие, лежа на соломе и голой земле, некоторые, как часовые, ходившие взад и вперед.

³ *Зач.*: и из-за полотна палатки огонек свечи. В палатке зашевелилось и

⁴ *Зач.*: вышел из нее. Он только что получил приказ по войскам императора Наполеона и сбирался прочесть его солдатам, он вышел

вышел другой француз в адъютантской форме. Капралы крикнули сбор и спавшие солдаты, потягиваясь, встали и через пять минут¹ столпились около двух офицеров.

— Солдаты, приказ императора, — провозгласил офицер, входя в круг толпящейся роты. Пехотный солдат держал, прикрывая рукою, сальную свечу, чтобы осветить бумагу. Огонь заметался, <за>дрожал и потух. Офицер прокашлялся, ожидая свечи.² Солдат связал пук соломы и, укрепив его на палке, зажег у костра и поднял над головою офицера, освещая его. Едва только догорал один пук, как зажигался другой и офицер мог читать, не прерываясь, весь знаменитый приказ императора.³ В то время, как солдат увязывал пук соломы, адъютант сказал офицеру, державшему приказ.⁴

— Les voilà pourtant et pas moyen de savoir ce qu'il s'y fait,⁵ — сказал он, указывая на русских.

— L'empereur le trouvera tout de même,⁶ — отвечал пехотный офицер. — Attention!⁷ и он стал читать⁸ приказ.

[Далее идет текст приказа. Т. I, ч. 3, гл. XIII.]

Во время чтения⁹ три верховые подъехали и остановились позади рядов солдат, слушавших приказ.¹⁰ По окончании чтения офицер взмахнул бумагой над головой и крикнул: «да здравствует император!»¹¹ и солдаты дружно подхватили торжественный крик.¹² В это время всадник в треугольной шляпе и серой шинели выдвинулся вперед в круг освещения горевшего пука соломы.¹³ Это был император. Большинство солдат видали его лицо. И, несмотря на черную тень, падавшую на верхнюю часть его лица от треугольной шляпы, тотчас узнали и, расстроивая ряды, окружили его.

¹ *Зачеркнуто*: вокруг него столпилась сотня солдат его роты, ожидая, что он будет читать им. Знаменитый приказ Наполеона накануне Аустерлицкого сражения был прочтен большей части французских войск еще в продолжение дня 19 числа, но сюда, на отдаленные аванпосты, он дошел только поздно ночью.

² *Зач.*: Догадливый солдат

³ *Зач.*: Во время чтения к ним подошел другой офицер

⁴ *Зач.*: Eh bien ça chauffera à ce qu'il paraît [Похоже, что дело будет горячее], — сказал он.

⁵ [Ведь вот они, а нет возможности узнать, что там происходит,]

⁶ [Император таки разберет,]

⁷ [Внимание!]

⁸ *Зач.*: с некоторою напыщенностью, как на театре.

⁹ *Зач.*: некоторые из слушавших солдат оглядывались назад на подъехавших всадников.

¹⁰ *Зач.*: Один из этих всадников впереди на серой лошади, в треугольной шляпе и серой шинели напоминал собою фигуру императора, но ближайшие солдаты вглядывались не решительно и не беспокойно. И похож он был на императора, и странно было видеть его среди ночи на аванпостах. Но когда

¹¹ *Зач.*: и французские, сангвинические голоса пронзительно

¹² *Зач.*: Небольшая фигура

¹³ *Зач.*: мгновенно пронесся шопот: «это он, он, маленький капрал, император...» и все узнали этот строгий, неподвижный профиль, с резко падающей на него тенью треугольной шляпы, римским носом, твердо сложенными губами и ровным, упорным блеском блестящими глазами.

Крики усилились так, что непонятно было, как так мало солдат могли кричать так громко. Один из солдат вздумал зажечь еще два пучка соломы, чтобы более осветить лицо императора, другие последовали примеру первого солдата, по всей линии загорелись пучки соломы. Солдаты соседних рот и полков бежали к тому месту, где стоял император, и все более и более распространялся по линии свет зажженных пучков соломы, дружнее сливались и распространялись крики.¹

² И это то были те крики, огни, которые поразили в эту ночь не одного Ростова, Багратиона и Долгорукова, но все передовые полки русской армии, стоявшие уже на Аустерлицком поле.

Мы искали Наполеона и полагали застать его в полном отступлении, мы боялись даже, что не успеем догнать его. Армия наша двигалась поспешно и беспорядочно (то, что было так подробно обдумано по планам и карте, далеко не могло быть так исполнено в действительности); и потому, в начале дня встретив французов и не успев занять ту позицию, которую предполагалось, мы не имели никакой позиции, исключая той, в которой застал нас рассвет. Наполеон же, получив ли изменническое сведение о нашем намерении или угадав его, выбрал перед Брюнном лучшую позицию и, вместо того, чтобы отступить, как мы предполагали, выдвинулся вперед всеми массами своих войск к самой линии своих аванпостов. Те огни и крики, которые³ поразили наших накануне, были крики приветствия императору и пучки зажженной соломы, с которыми бежали за ним солдаты, когда он объезжал аванпосты, приготавливая свои полки к сражению. Накануне сражения, которым мы думали врасплох застать его, по французским войскам был прочтен следующий приказ Наполеона (Приказ на 102 и 103 л.)

И так выгода в неожиданности вдвойне была на его стороне. Мы ждали выгоды своей позиции и своего неожиданного нападения и встретили его неожиданное нападение без всякой позиции. Всё это не мешало тому, чтобы план атаки, составленный австрийцами, не был очень хорош и чтобы мы не могли, в точности исполнив его, разбить правое крыло Наполеона, удержав центр,¹ *Зачеркнуто*: Кто то подсказал солдатам, что нынче был день его коронавания и они, поздравляя его, кричали, что отпразднуют этот день победой. Он неподвижно стоял среди их, и строгое лицо его, освещенное красным светом, ни одним содроганием мускула не выражало нового впечатления или участия к восторженным лицам и крикам, окружавшим его. Глаза, всё с тем же упорным блеском, смотрели куда то вперед или в себя, но ни на кого из окружающих. И чем безучастнее был он сам, тем сильнее восторг, возбуждаемый им. Молча и шагом проехал во всю дорогу, освещаемый светом огней зажженных пучков соломы и окруженный бегущими за ним солдатами, которые, казалось, не помнили себя от волнения, запыхавшиеся, раскрасневшиеся продолжали кричать, он объехал все аванпосты.

² *На полях*: Здесь он смотрел туда на ли[нию]

³ *Зач.*: виднелись

отбросить его в Богемские горы, отрезав от Венской дороги. Всё это могло быть,¹ ежели бы на нашей стороне было не количество войск, не новейшее, смертельнейшее боевое орудие, не большой порядок в продовольствии войска, даже не искусство военачальников, но ежели бы на нашей стороне то, что нельзя свесить, счесть и определить, но то, что всегда и везде, при всех возможных условиях неравенства, решало, решает и будет решать участь сражений, ежели бы на нашей стороне [была] высшая степень настроенности духа войска. Сущность диспозиции была следующая: стр. 100 и 101. Ночь была темная, облачная, изредка проглядывал месяц; костры пылали всю ночь в обоих лагерях на расстоянии пяти верст друг от друга.²

** № 74 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XIV).

<Маршалы Ланн, Мюрат, Сульт с своими адъютантами³ стояли позади императора⁴ и смотрели по тому же направлению. Мюрат в своем странном, блестящем золотом и камнями одеянии, белой, шитой золотом мантии, шляпе с страусовыми перьями и красных сапогах с золотыми кистями, сказав что то Ланну, выдвинулся вперед и⁵ обратился к императору. Но, взглянув ближе на лицо Наполеона, он не посмел сказать того, что был намерен, того, что он и другие маршалы боялись, чтобы не было упущено время атаки.⁶

Увидав ближе лицо Наполеона, он понял, что не должен был сметь нарушать ход мыслей Наполеона, что всё, что бы он ни думал, он и все маршалы — всё и еще многое и многое из того, чего никто не мог думать, было обдумываемо в это время императором. И что же можно было говорить этому человеку, десять лет тому назад артиллерийскому поручику, подавившему страшную революцию, разбившему уже две коалиции, коронованному императором и королем Италии, в руке своей державшему пятисоттысячную армию, два месяца тому назад чудесно перебросившему огромную армию с одного конца Европы на другой, уничтожившему ульмскую¹ *Зачеркнуто*: но вышло иначе.

² *Зач.*: У нас ждали сражения, но четырехдневное наступление без боя и ожидания сражения сделали приготовления менее заметными <ослабили это ожидание.> Четыре дня все ждали сражения и не было; «может и нынче тоже не будет», думал каждый.

³ *Зач.*: окружали

⁴ *Зач.*: и выражали нетерпение начать дело

⁵ *Зач.*: заметил, что неприятельские колонны уже должны были перейти реку

⁶ *Зач.*: Наполеон ни малейшим содроганием личного мускула не показал, чтобы в эту минуту слова Мюрата или чьи бы то ни было слова в мире могли иметь не только влияние, но какое бы то ни было значение в отношении его решения, чтобы он <удостоил> мог их слышать. Наполеон продолжал смотреть то на седло Праценских высот, то на всё выше и выше поднимавшееся, уменьшавшееся в объеме и усиливающееся в свете аустерлицкое солнце. Лицо его было в эту минуту прекрасно, уверенно <казалось мраморным своей неподвижностью>, полно мысли и, главное, самодовольно спокойно. Он был здоров, свеж, молод, позади его было уже десятилетнее предание успехов и торжеств, нынче был день его коронования.

армию, теперь пославшему вызов двум могущественнейшим державам и теперь стоящему, казалось, над ними, как над готовой жертвой?

<И как можно было давать советы и высказывать свои мнения этому человеку, ежели это только был человек. Десятилетнее предание неслыханных успехов и торжеств уже освещало его. И нынче, в день своего коронавания, что то спокойно величественное и праздничное отражалось на его лице.>

Два месяца тому назад он волшебным мановением перевел громадную армию мира с берегов океана в средину Германии, месяц тому назад под Ульмом огромная самонадеянная армия, положив оружие, салютуя проходила мимо его, две недели тому назад он во дворце кесарей предписывал законы Вене, третьего дни русский император, который теперь там, на этих виднеющихся в тумане высотах, хотел оскорбить его, прислав дерзкого посланника и отказав в свидании, вчера еще он угадал мысль атаки союзников — так очевидно решила судьба ему быть бичем, карою и орудием унижения этих устарелых и гордых династических владык.¹

Но последнее дело с русскими было под Шенграбенем, Голлабруном, о котором в приказе он упомянул, как о победе, но он знал, что это не была победа, что там горсть русских удержалась против всей его армии. Он вспомнил тех пленных русских, которые с дикими криками, обезоруженные, бросались на свой конвой, кусая его. Это были не австрийцы, но что это были за люди? Он не понимал их и боялся. «Надо сделать всё, что возможно, а судьба моя» и на строгом и прекрасном, двадцативосьмилетнем <лице его> отразился тот особый оттенок выражения самоуверенного заслуженного счастья, которое бывает на лице известной красавицы, когда она среди шопотов восторгов вступает на бал, или у прославленного художника, когда он кладет последние черты на свое оконченное произведение. Несмотря на то, что в глубине души он не смел сомневаться в успехе нынешнего дня, он, дерзко испытывая судьбу, сказал себе, выезжая: «Ежели туман разойдется и день будет ясный,² меня ожидает победа».³ И солнце, повинувшись ему, вышло на прозрачный горизонт и только редкие, как струи молока в воде, остатки тумана еще затемняли светлый шар. «Ежели солнце совершенно очистится в то же самое время, как пройдет этот лес та русская колонна, то меня ожидает решительная победа», сказал он сам себе, еще раз смелее испытывая свою судьбу.

Солнце совершенно очистилось⁴ в то же время, как прошла колонна. Наполеон, сняв перчатку, красивой белой рукой⁵ *Зачеркнуто*: Зачем ему было торопиться; он знал, что нынешний день, день его коронавания, предназначен судьбой для нового торжества его.

² *Зач.*: в знак торжества моего коронавания

³ *Зач.*: думал он, глядя на выплывающее солнце

⁴ *Зач.*: противоположные возвышения стали ясно видны с двигавшимися по ним русскими войсками.

⁵ *Зач.*: провел по лицу и сияющий, гордый, счастливый, но всё безучастный

сделал знак маршалам. Они подвинулись к нему. И он отдал приказание начинать дело.

Маршалы, сопровождаемые адъютантами, поскакали в разные стороны и через несколько минут быстро двинулись главные силы французской армии к тем Праценским высотам, которые всё более и более очищались русскими войсками, спускавшимся налево в лощину, где сильнее и сильнее разгоралась бесполезная перестрелка.>

* № 75 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XII).

<Князь Андрей долго не мог заснуть в эту памятную ночь накануне сражения, как и многие, не от того, что у него было дело, но от внутреннего, непреодолимого волнения.>

Военный совет, на котором он присутствовал и на котором <он видел очевидное нежелание содействовать, и даже враждебность, плану предполагаемого сражения всех русских военачальников и преимущественно самого Кутузова,> оставил в нем неясное и тревожное впечатление. Кто был прав, Долгоруков с Вейротером или Кутузов, он не знал теперь, но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли, неужели это не может иначе делаться, неужели из за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч жизней и моей, моей <жизнью и главное, славой и успехом?

«Нет, это не может быть. Верно, Кутузов спал неумышленно, только от усталости, готовясь к завтрашнему сражению», утешал он сам себя. «Но нет, не верится мне. А вместе с тем говорит мне какой то внутренний голос, что не при тех условиях, при которых мы готовились к сражению, готовятся и одерживают великие победы. Не при такой мозаичной работе приготовления возможно единство мысли и действия, энергия и воодушевление, единство силы, которые одни решают сражения.¹ Верю я, что опять мы, единично и многие из нас, будут честно исполнять свое дело, как под Шенграбеном». Ему вспомнился Тушин и его жалкая фигура, когда за его храбрость Багратион и другие начальники делали ему замечания. «Милая, жалкая и симпатическая фигура», подумал он; ему живо вспомнился этот человек, со всеми малейшими подробностями, он никак не мог понять, — почему он так помнил и любил его. «Убьют гденибудь, как и каждого из нас, как и меня убьют», и он вздрогнул, сам не зная отчего, от тумана ли, который прохватывал его или от пришедшей мысли о смерти; (он без цели, размышляя, ходил, заложив руки назад, по улице деревни перед домом главнокомандующего.) «Нет,² я не боюсь смерти», сказал он сам себе. «Но слишком глупо бы было быть убитым теперь и чтобы и независимый, в точных, определенных и коротких выражениях отдал приказание маршалам и тронул лошадь.

¹ *На полях:* <Отчего я один не могу сделать многого великого, когда я этого желаю и могу? Тушин — ничтожество.

Я нежно добро честолюбив. Ведь я могу. Так дайте же мне.>

² *Зачеркнуто:* «Да, в этот раз я боюсь смерти», признался он сам себе.

всё кончилось тогда, как я еще ничего не сделал, и тогда, как так много я чувствую¹ себя в силах сделать». Он поспешил отвернуться от этих мыслей: ему было это слишком страшно. «Да, не так, как в нашей главной квартире, мозаично приготавливалось наступление завтрашнего дня, — обдумывает и приготавливает там свои великие сражения этот великий гений», думал он. И князь Андрей, остановившись, устремил свои глаза в темноту тумана, тоже в ту сторону, в которой он знал, что был неприятель. «Завтра он не ожидает нашего нападения; посмотрим, как он вывернется из этого положения! Да, прав Долгоруков. Всё говорит в нашу пользу, первый успех одушевит Кутузова и всех наших интригующих генералов. Но смерть», вдруг опять пришла ему страшная мысль. «Он счастлив, уже раз достигнув той высоты, чтобы решать судьбы народов, ему не может притти то низкое чувство страха, которое, что я ни делаю, овладевает мною; у него есть другие заботы и мысли общего дела, которые не дают места этому низкому чувству, но мне, ничтожному адъютанту, как не бояться смерти? Не смерти я боюсь, а ничтожества и неизвестности: погибнуть теперь, не оставив ничего после себя. Но это не может быть. Но нет, это невозможно, я не могу быть так низок, чтобы бояться», он усмехнулся и стал думать о другом. Он думал, что преодолел свое чувство, но то, о чем он думал, доказывало, что он боялся еще больше, чем прежде. Он думал о своей семье, отце, жене, сестре и будущем сыне. Последнее пребывание его в Лысых Горах со всеми малейшими подробностями вдруг представлялось его воображению: он с нежностью, размягченный сердцем, думал о всех этих лицах и детскою любовью любил их. Он вспоминал последнее прощание с отцом и женою и с раскаянием думал о этом последнем презрительном «ну», с которым он простился с своею хорошенькой, кроткой, глупой, но нежно любящей и привлекательной женою. Он вспомнил первые времена своей любви к ней, ее растерянность, испуг и радостное волнение, когда он объявил ей о своей любви. Он вспомнил, как она раз, краснея, сказала ему: «я боюсь, что ты меня разлюбишь, Андрей».

— Отчего, мой друг?

— Ты такой умный, а я такая ничтожная, — и она спрятала свое лицо у него на груди. И она скоро родит теперь. «Не был ли я несправедлив к ней?» спросил он себя, с нежностью думая о том, как он вернется в Лысые Горы, застанет ее уже с сыном, о том как старик будет под оригинальными выходками скрывать свою нежность к внуку, как княжна Марья будет стараться вызвать нежность князя Андрея. Он думал, что он отогнал страшную мысль о смерти, но вся та нежность, вся та четырнадцатилетняя размягченность чувства, с которой он теперь думал о семье, была ничто иное, как всё тот же страх смерти. «Ежели я был несправедлив к своей бедной Лизе, я всё заглажу теперь», подумал он. «Но придется ли мне еще увидеть ее, придется ли мне увидеть свет божий после¹ *Зачеркнуто*: в себе силы и мыслей

нынешнего дня?» И он с досадой убедился, что он всё еще боится и еще больше, чем прежде, боится смерти в предстоящем сражении.¹

Он с досадой слушал вокруг себя в темноте ночи озабоченные толки денщиков, поваров Кутузова, спокойно озабоченных тем, куда и как положить посуду, провизию. Он вернулся в свою квартиру. Огромная гора тела Несвицкого лежала на кровати и слышался мерный и спокойный храп. Денщик его тоже укладывал самовар и осмелился спросить у князя Андрея, как он полагает, вернуться ли или нет на старое место после нынешнего похода и потому можно ли оставить здесь некоторые вещи. Князь Андрей² с досадой вышел опять на улицу, опять обхватил его тот же сырой туман, сквозь который таинственно пробивался лунный свет, и опять³ он услышал те же равнодушные голоса укладывавшихся денщиков и в особенности раздражавший его голос вероятно кучера, дразнившего старого кутузовского повара, которого знал князь Андрей и которого звали Титом.

— Тит, а Тит, — говорил голос.

— Ну, — отвечал старик.

— Тит, ступай молотить, — говорил шутник.

— Тьфу, ну те к чорту! — и раздавался хохот лакейских голосов.⁴

<Князь Андрей вышел в поле и стал ходить со своими мыслями, уже не расстроиваемый этими беспечными голосами, всё думая о смерти; он вспомнил о сестре, которая всегда и в эту минуту, вероятно, посоветовала бы ему обратиться к богу. Он вспомнил детскую молитву, которую он, поклонник Руссо и Вольтера, давно не читал. Ему приятно было молиться, он знал, чего он просил и желал.

Но вдруг пришло ему в голову: «у кого же я прошу этого? Кто он, к кому я обращаюсь? Или сила неопределенная, непостижимая, к которой я не только не могу обращаться, которую я не только не могу выразить словом. Великое всё или ничего», сказал он сам себе, «или это тот бог, которого мне в ладонке повесила княжна Марья».⁵

¹ *Зачеркнуто:* Вспомнил о ее беременности и ему стало жалко и ее и себя, и он в непривычно размягченном и взволнованном состоянии вышел из избы, в которой он стоял с Несвицким, и стал ходить перед домом.

² *Зач.:* не отвечая, велел разбудить своего Петра — подать себе несессер и чистое белье и стал тщательно делать свой женственный туалет, который он боялся, что не успеет сделать утром.

— Двадцать раз я говорил, чтобы ты не смел подавать моего мыла князю. Подай сюда новое! — крикнул он на денщика. Одевшись, обрившись и надушившись, он, закутываясь в мягкой бобер шинели, вышел опять на улицу.

На полях: <Я нежно честолюбив. Я не виноват. Я не могу быть иначе. Я не знаю, чего я хочу, себе ли славы и через себя доставить счастье людям.>

³ *Зач.:* он увидел освещенные окна, в которых переписывалась диспозиция, увидел выдвинутые фургоны, лошадей и

⁴ *Зач.:* Князь Андрей отошел в поле. Как <матовый колпак лампы, стоял прозрачный молочный> туман пошел. «И отчего я думаю о них. Отчего я жалею их?» спрашивал себя князь Андрей. «Предчувствие смерти? Княжна Марья посоветовала бы обратиться к богу..... Господи помилуй, господи помилуй», повторил он бессознательно.

⁵ *Зач.:* Всё вздор, всё пустяки.

Нет, в нем мне не найти успокоения».

Но несмотря на то, что ни в религии, ни в философии князь Андрей не нашел ни успокоения, ни ответа на свои вопросы, к утру он вернулся домой спокойный, ясный, твердый и готовый к делу. Он перемучался, перестрадал и переболел. Когда в восьмом часу утра он, вместе со всеми штабными, выехал с Кутузовым в деревню Працен, где собирались наши колонны, он был совершенно спокоен, ясен, ко всему внимателен и готов ко всякому делу и тем более, чем более оно было опасно.>

* № 76 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XII).

¹ Нет в нем мне не найти успокоения.

«Так что же я наконец? — спрашивал он сам себя. — Чего я ищу? Об чем страдаю? Что люблю? На что надеюсь? Что такое — то томящее и нежное чувство желания, которое живет во мне? Кто я? И чего я хочу от жизни? Что бы я сказал, ежели бы всемогущая судьба спросила у меня, чего я хочу, и могла бы исполнить. Могущества? Славы? Первенства над людьми?... Да, да, я сказал бы это, но я сказал бы: не из твоих рук, слепая и всемогущая судьба хочу я могущества и славы, да, хочу сам приобрести их. Хочу и могу приобрести их. Я хочу только того, что я могу. Я хочу только освободиться от того сознания возможности великих поступков, которое живет во мне. Есть ли чтонибудь, чего бы я не сделал для того, чтобы сделать великое и прекрасное? Всё. Есть ли чтонибудь, что бы я любил больше славы? Ничего. Неужели же так напрасно вложено в меня это чувство, не случайное временное чувство, а страсть, которая съедает меня? И разве я меньше других людей, достигших в истории могущества и славы, достоин я этого? Нет, я не знаю никого выше, чище и добродетельнее себя. Я не Эрострат, который сжег храм, чтобы получить славу. Я не сожгу чужого храма и мне [не] нужно этой славы, мне нужно достижение ее. Я сожгу храм, но не чужой храм Эфеса, а себя, тот храм, в котором живет эта нежная, страстная любовь к высокому и прекрасному в достижении славы. Я мучаюсь оттого, что мне преграждены пути не к обладанию тех высших благ, а к достижению их. Что я? Адьютант сонного старика, безгласного и бессильного. Где мое поприще: с этой толпой лакеев, или в совете, где спят и спорят чуть не об орфографии перед сражением, решающим судьбы мира? Я — Тушин. Этот несчастный, жалкий, безгласный человек, который пока неизвестно не будет² гденибудь разmozжен ядром, будет героем в глазах только своих артиллерийских лошадей и солдат, таких же лошадей, как и лошади. Мне больно за себя, мне жалко этих пропадающих во мне сил (я их знаю), мне жалко себя и других, так что мне плакать хочется. Не честолюбив я — неправда. Мне нужно власти над людьми³ ¹ Во второй редакции: Нет, нету бога. А что ж есть? Я. А кто я?

² Зачеркнуто: убит

³ Зач.: для себя. Мне нужно <потому, что я должен> славы, как рыбе вода

и для себя и для них. Разве я виноват в том, что чувствую в себе силы быть великим, что ничтожество Тушина для меня хуже смерти? Я знаю, что я могу иметь власть и славу, так дайте же мне ее. А для чего она мне, для себя или для вас,¹ людей, я не знаю. Для вас, для² людей, должно быть. Мне не нужно ничего, потому что я чувствую себя великим, но вас я люблю и жалею и плакать готов над вами».³

* № 77 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XVI—XVII).

Кутузов, сопровождаемый своими адъютантами, поехал шагом за карабинерами.⁴

Кутузов, с полверсты проехав в хвосте колонны, остановился впереди Працена у одинокого, заброшенного дома (вероятно бывшего трактира) у разветвления двух дорог. Обе дороги спускались под гору. Хотя туман уже только клоками носился над лощиной⁵ и солнце ярким косым светом обливало поля, леса и горы, неприятеля еще не было видно, и войска и начальство двигались, нескоро еще ожидая столкновения. Кутузов направил часть Новгородского полка по дороге налево, меньшую же часть Апшеронского батальона направо. Он разговаривал с австрийским генералом.

Князь Андрей, стоя несколько позади, наблюдал окружающих его генералов,⁶ русских и австрийских, и адъютантов.⁷ Ни один из них не имел естественного вида (он всех их знал) и все одинаково старались принимать, кто проницательный, кто воинственный, кто небрежный вид, но ненатуральный.

Один из адъютантов имел зрительную трубу и смотрел в нее.

— Посмотрите, посмотрите, — сказал он, — это французы. — Два или три генерала и адъютанта стали хвататься за трубу, вырывая ее один у другого, и все лица вдруг изменились и все стали естественны, на всех выразился испуг и недоумение. Князь Андрей⁸¹ *Зачеркнуто*: для всех вас

² *Зач.*: жалких

³ *Зач.*: Еще было совсем темно, когда Кутузов проснулся, адъютанты заскакали по

⁴ *Зач.*: Князь Андрей стоял молча в свите Кутузова, в странном, раздраженном, сосредоточенном состоянии. Он, который всегда интересовался и следил за общим ходом дел, почти не смотрел вперед на поле сражения, не думал о том, что предстоит ему и русским войскам, а невольно до малейших подробностей наблюдал, что происходило вокруг него, и чувствовал только одно, что, хотя он и не может думать в настоящую минуту, он готов, в высочайшей степени готов на всякое, какое бы то ни было трудное дело.

⁵ *Зач. во второй редакции*: не видно было еще тех войск, которые внизу уже вступили в сражение.

⁶ *Зач. во второй редакции*: прислушивался к выстрелам и смотрел

⁷ *Зач.*: которые все, очевидно, не имели ни малейшего понятия о том, что делалось перед ними и которые

⁸ *Зач.*: по странной гордой прихоти и теперь не оглянулся вперед туда, куда смотрели все, а

как по отражению в зеркале видел на их лицах то, что происходило впереди.¹

— Это неприятель... нет, да, смотрите. Они. Наверно. Что ж это? — слышались голоса. Кутузов глядел в трубу и подозревал австрийского генерала.

Князь Андрей поглядел вперед и простым глазом увидел внизу направо поднимавшуюся навстречу апшеронцам колонну французов не дальше восьмисот шагов от себя. Впереди шедшая батарея снялась с передков, открыла огонь, частая ружейная стрельба слышалась впереди и на мгновение всё закрылось дымом. Воспоминание шенграбенской блестящей атаки живо возникло в воображении князя Андрея. Так же тогда² шли³ французские войска в синих капотах и штиблетах, и так же навстречу им двинулись тогда Киевские гренадеры, как теперь сходились с французами только что прошедшие мимо государя новгородцы и молодцоватые апшеронцы. Князю Андрею не могло притти в голову, чтобы исход этой атаки мог быть другой, чем тот, при котором <он> присутствовал и при Шенграбене, и он с уверенностью ждал сначала залпа французов,⁴ потом «ура» и бегства французов и нашего преследования. Но всё было застлано дымом, и стрельба сливалась в один звук, и ничего нельзя было разобрать. Мимо корчмы бежали вперед пехотные русские солдаты.⁵ Это продолжалось не больше двух минут. Но вот впереди стрельба стала приближаться вместо того, чтобы удаляться, и к крайнему удивлению своему князь Андрей почувствовал, что⁶ Кутузов сделал жест отчаяния. Один раненный солдат⁷ пробежал с криком боли мимо корчмы, другой, третий, и толпы солдат с офицерами пробежали за ним, сбивая с⁸ дороги Кутузова и его свиту. Смешанные русские и¹

Зачеркнуто: В это время близко впереди раздались выстрелы и вся свита галопом вслед за Кутузовым тронулась вперед по направлению к выстрелам. Тут только князь Андрей увидел впереди себя близко, так же близко как и под Шенграбеном, так близко, что он видел их лица, он увидел колонну французской пехоты, которую никто не ожидал так близко, поднимавшуюся на гору.

² *Зач. во второй редакции:* и также из-под горы

³ *Зач.:* развернутым фронтом

⁴ *Зач.:* Вот прогремит русское ура и всё скроется на мгновение в пороховом дыме, так что, как и в тот раз, нельзя будет видеть к сожалению самой минуты решения победы, но от того ли, что русские войска не приготовленные и не в боевых колоннах неожиданно на спуске встретили неприятеля, от того ли, что впереди их не было Багратиона, как под Шенграбеном, от того ли, что поручик Телянин, перешедший после своей истории в Новгородский полк, шел в первых рядах батальона и, увидав французов, <испуганно> побледнел и отстал за фронтом, или от других причин, но результат этого столкновения с французами был совсем другой, чем результат шенграбенской атаки. Князь Андрей всё не смотрел вперед, ему так противны были испуганные лица господ кутузовской свиты, что, продолжая быть уверенным в несомненности победы русских, он [с] злобным презрением продолжал по ним наблюдать то, что делалось впереди его.

⁵ *Зач.:* Испуг и волнение на лицах дошло до последней степени.

⁶ *Зач.:* сам

⁷ *Зач.:* прошел назад мимо

⁸ *Зач.:* лошадей

австрийские, всё увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров. Болконский оглядывался, недоумевая, и [не] в силах понять того, что делалось перед ним. Он искал глазами лица Кутузова, чтобы получить объяснение тому, что делалось перед ним, но Кутузов что то быстро, с жестами, задом стоя к Волконскому, говорил близстоявшему генералу. Несвицкий, который был послан вперед, с озлобленным лицом, красный и на себя непохожий, кричал, что войска бегут, и умолял Кутузова ехать назад, утверждая, что ежели он его не послушает, то через пять минут будет взят в плен французами, которые находятся уже в двухстах шагах под горою. Кутузов не ответил ему, и Несвицкий с таким видом озлобленности, которого не только никогда не видал, но и не мог в нем предполагать князь Андрей, обратился к нему.

— Я не понимаю, — кричал он, — всё бежит, надо уезжать или нас всех перебьют или передерут, как баранов.¹ Князь Андрей,² едва удерживая дрожание нижней челюсти,³ подъехал ближе к Кутузову.

— Остановите их! — кричал главнокомандующий, указывая на офицера Апшеронского полка, который, подобрав плащ, рысью бежал мимо него⁴ вместе с всё более и более увеличивающеюся толпой.⁵

— Что это? Что это?⁶ — Князь Андрей поскакал за офицером и, нагнав его, закричал:

— Разве вы не слышите, милостивый государь, что главнокомандующий приказывает вам вернуться?

— Да, вишь ловок больно, поди ка сам сунься, — грубо проговорил офицер, видимо под влиянием панического страха потерявший всякое сознание о высшем и низшем и о всякой субординации. В это же время на князя Андрея набежал, в числе других, солдат и, прикладом ударив его лошадь в брюхо,⁷ проложил себе дорогу и толпа, увеличиваясь, продолжала бежать⁸ прямо ¹ *Зачеркнуто*: и, не в силах удержаться, он тоже стал говорить, обращаясь к другим лицам

² *Зач.*: начинал понимать, чувствуя, как сердце стало бол[еть] с дрожанием

³ *Зач. во второй редакции*: бил своей тупой шпагой по бегущим, уже не думая удерживать их, а стараясь отгонять от Кутузова, на которого они напирали.

⁴ *Зач.*: главнокомандующего

⁵ *Зач.*: бегущих

⁶ *Зач. во второй редакции*: <кричал> говорил <он> Кутузов. Князь Андрей ехал подле, плетью расчищая дорогу

⁷ *Зач. во второй редакции*: хотел стать поперек дороги бегущим

⁸ *Зач.*: Эта же толпа, набежав на императоров и их свиту и так же не слушая увещаний, стремглав, расстроивая в своем бегстве и разрознивая свиту императоров, увлекла их за собою на ту сторону высот Працена. Никто не мог не только остановить этих бегущих, но и узнать от них, какая была причина этого бегства, и в свите императоров этот переданный панический страх, еще более усиленный передачей и неизвестностью, дошел до такой степени, что в пять минут из всей этой блестящей свиты императоров при государе Александре не осталось никого, кроме его лейб-медика Вилье и

на Працен, на то место, где стояли императоры и их свита.¹ Войска бежали такой густой толпой, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться. Кто кричал: — пошел! Что замеш[к]ался? — кто, тут же оборачиваясь, стрелял в воздух, кто бил лошадь, на которой ехал князь Андрей. Болконский скоро понял, что нечего и думать остановить этих бегущих и что одно, что он мог сделать, это ему самому выбраться из этой давки, где всякую минуту он рисковал быть сбитым с лошади, задавленным, застреленным, и присоединиться к главнокомандующему, с которым он мог надеяться погибнуть достойнее.

С величайшими усилиями выбравшись из потока толпы влево, он обскакал по кустам, примыкавшим к дороге, увидел впереди и в середине батальона пехоты плюмажи свиты Кутузова и присоединился к ним.

В свите Кутузова за эти пять минут отсутствия всё переменялось.² Кутузов, слезши с лошади, стоял, опустив голову, подле еще нерасстроенного Новгородского батальона, несколько правее дороги, и отдавал приказанье генералу, стоявшему перед ним верхом, с рукой у козырька.

— Всё, что застанете, всё сюда. Ступайте!³ Милорадовичу скажите! — крикнул Кутузов. Адьютант поскакал догонять генерала, не слыжавшего этих последних слов.⁴ Вокруг Кутузова стояли господа его свиты, которых число уменьшилось более чем вдвое.⁵ Некоторые были пешком, некоторые верхом. Все царского берейтора Эне. Когда князь Андрей, выбравшись из толпы сбивавших его бегущих солдат, подъехал к Кутузову и увидел лицо главнокомандующего, он мгновенно понял, глядя на это лицо, что сражение еще не было проиграно, он понял и то, что во всех этих приготовлениях и переговорах о предстоящем сражении прав был Кутузов, а не приближенные государя, понял и то, что Кутузов, несмотря на свою придворность и уступчивость, был замечательный главнокомандующий и что он счастлив быть его адъютантом. Как это бывает в решительные минуты жизни, бесчисленное количество мыслей с необычайной быстротой пробежали в его воображении. Он вспомнил, сообразил, обдумал и предвидел многое в эти короткие минуты, одна только мысль не пришла ему в голову — мысль о смерти, которой ожидание и возможность мучали его накануне.

А между тем эта то мысль естественнее всего должна была притти ему в то время, как он взглянул в лицо Кутузову. Старый, толстый, сонный придворный и ленивый главнокомандующий, как его называли молодые приближенные государя, <на мгновение блеснул на него своими глазами> мгновенно преобразился; в эту минуту не было старого, сонного, одутловатого Кутузова, а красивый, величественный и твердый муж прямо сидел на лошади, полными мысли и великодушной решимости глазами ясно смотрел вперед и очевидно решившийся умереть или сделать все возможное для спасения славы армии.

На полях: один глаз

¹ *Зачеркнуто во второй редакции:* отбил его в сторону от Кутузова

² *Зач. во второй редакции:* — Все сюда! — кричал Кутузов

³ *Зач.:* Генерал поскакал

⁴ *Зач.:* — Да оставь ты меня в покое, — обратился Кутузов сердито к генералу, убеждавшему его отъехать отсюда.

⁵ *Вставлено во второй редакции:* Подъехали к нерасстроенному полку, стоявшему вправо от корчмы.

были бледны, перешептывались, глядели вперед и обращались беспрестанно к главнокомандующему, умоляя его отъехать. Глаза всех были преимущественно устремлены на русскую батарею, которая стояла впереди влево и одна, без прикрытия, стреляла по французам, подходившим к ней уже не далее ста пятидесяти шагов. В то время, как князь Андрей подъехал, Кутузов,¹ с трудом подсаживаемый казаком, садился на лошадь. Севши на лошадь, наружность Кутузова изменилась: он казалось проснулся, тонкие губы его сложились в решительное выражение, единственный глаз его² блестел сосредоточенным, ясным блеском.

— Ведите в штыки. Ребята!!.. — крикнул Кутузов полковнику, стоявшему возле него, и сам вперед тронул лошадь. Ядра беспрестанно с страшным свистом перелетали через головы Кутузова и свиты и в то время, как он тронулся вперед, как рой птичек со свистом пролетели пули по батальону и свите, задев несколько человек.³ Кутузов⁴ взглянул на князя Андрея. И этот взгляд польстил Болконскому.

В коротком взгляде, который Кутузов бросил на⁵ своего любимого и предпочитаемого адъютанта, Болконский прочел и радость его видеть в эту решительную минуту, и совет мужаться и быть готовым на⁶ всё, и как будто сожаление о⁷ его молодости. «Мне, старику, это легко и весело, но тебя мне жалко», будто говорил взгляд Кутузова. Всё это без сомнения представлялось только⁸ воображению князя Андрея, ему думалось с чрезвычайною ясностью тысячи тонких оттенков мыслей и чувства. Он только наблюдал, но не думал в эту минуту о том, о чем он так долго и мучительно думал,⁹ и о том, что теперь то и наступает минута сделать великое или умереть молодым и неизвестным.

Но не доехав еще до батальона, князь Андрей видел, как Кутузов рукой схватился за щеку, и из под пальцев его потекла кровь.

— Ваше сиятельство! Вы ранены? — сказал Козловский, с своим¹ *Зачеркнуто во второй редакции*: прокричав приказание усакававшему адъютанту

² *Зач.*: встретился с вопросительным взглядом князя Андрея

³ *Зач. во второй редакции*: Французы начали стрелять и ряды заколебались.

⁴ *Зач.*: опять

⁵ *Зач.*: Волконского, казалось очень многое: он был рад видеть

⁶ *Зач.*: многие тяжелые нравственные усилия

⁷ *Зач.*: том, что ему, столь молодому, имеющему столько в будущем, предстоит окончить всё это теперь, сейчас, на этом страшном поле.

⁸ *Зач.*: странно настроенному в этот день

⁹ *Зач.*: ни о том, самом существенном, о сражении и о этих французам, которые, гоня перед собою бежавшие русские батальоны, ближе и ближе подходили к ним. Кутузов поскакал вперед на звуки пушек, которые стреляли впереди. Это была русская батарея, стрелявшая картечью по французам. Наведенное второпях орудие брало слишком далеко, картечь переносило и из-за дыма видно было, как стройно, не теряя порядка, надвигались французы. Правее батареи стояла пехота, еще не расстроенная; к ней поскакал Кутузов и повел ее против неприятеля, но не успел он сделать десяти шагов впереди полка, как

мрачным и непредставительным видом всё время ехавший подле Кутузова.

— Рана не здесь, — сказал Кутузов, останавливая лошадь и доставая платок, — а вот где, — он указал вперед на всё подвигавшиеся колонны французов и на батальон, который остановился. Тем же залпом, которым ранен был Кутузов, ранен батальонный командир, стоявший впереди, убито несколько солдат и подпрапорщик, несший знамя. Батальонный командир упал с лошади. Знамя зашаталось и, падая, задержалось на ружьях соседних солдат.¹ Передние ряды стали и несколько выстрелов без команды послышалось в рядах его. Кутузов прижимал красневший от крови платок к раненой щеке.²

— Ааа! — промычал Кутузов, как бы от боли, ударил³ шпорами лошадь и вскакал в середину батальона. За ним оставались в это время только князь Андрей и Козловский.

— Стыдно, ребята. Стыдно! — закричал он, бросая платок на землю.⁴ Но солдаты с недоумением оглядывались.

— Вперед! ребята!

Солдаты, не двигаясь, стреляли и не шли на батарею, которая уже переставала стрелять и от которой в равном расстоянии, не более ста шагов, были спереди французы и сзади наши. Но французы шли, а наши стояли, стреляя. Очевидно было, что участь сражения зависела от того, кто решительнее бросится к этим пушкам.

— Оох — с выражением отчаяния промычал еще раз Кутузов и, взглянув машинально на окровавленный платок, он, как бы вспомнив свое молодое время, свой Измаильский штурм, вдруг выпрямился, блеснул единственным глазом и поскакал вперед.

— Ура! — закричал он голосом, который очевидно по слабости и старческой хриплости своей не отвечал всей энергии его настроения. Услыхав свой голос и почувствовав свое физическое бессилие, он, как бы отыскивая помощи,⁵ с сверкающим, опущенным зрачком целого глаза и с зверским, совершенно изменившимся выражением лица оглянулся на адъютантов. Козловский первый попался ему. Он обежал его взглядом и остановился на князе Андрее.

— Болконский, — прошептал он⁶ дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом. — Болконский, — прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля, — что же это? Но прежде чем он договорил это слово, князь Андрей, чувствуя также слезы стыда, злобы и восторга, подступавшие ему¹ *Зачеркнуто*: никто не подхватил его. Рана Кутузова была замечена. Батальон остановился.

² *Зач.*: и заметив замешательство батальона, с отчаянием и страданием в голосе вскрикнул:

— Ох, ох, всё пропало, коли батальон этот смешается, — проговорил он про себя.

³ *Зач. во второй редакции*: нагайкой

⁴ *Зач.*: с невольным выражением страдания в голосе

⁵ *Зач.*: сознавая свою слабость

⁶ *Зач.*: со слезами мольбы в голосе

к горлу, уже двинулся вперед, чтобы исполнить то, чего от него желал Кутузов и к чему он так давно готовился. Он толкнул лошадь, обскакал Кутузова и, подбегая к упавшему знамени, прыгнув, сам не помня как, с лошади, он поднял знамя.

— Ребята, вперед! — крикнул он детски-пронзительно. Лошадь, почувствовав себя на свободе, фыркая и задрвав хвост, маленькой и гордой рысцой побежала из рядов батальона. Только что князь Андрей схватил древко знамени,¹ как в то же мгновение десять пуль прожужжали мимо его, но он был цел, хотя несколько солдат упали около него.

— Ура! — закричал князь Андрей и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним. И действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат и весь батальон с криком — ура! — побежал вперед.

Никто из знавших князя Андрея не поверил бы теперь, глядя на его бодрый решительный бег и счастливое лицо, что это был тот самый князь Болконский, который с такою усталостью волочил свои ноги и речи по петербургским гостинным, а это был именно он, настоящий он, испытывавший в эту минуту высшее наслаждение, испытанное им в жизни.

Унтер-офицер батальона, подбегая, взял² колебавшееся в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять подхватил знамя и, положив его через плечо, бежал вперед, не давая перегонять себя солдатам.³ Князь Андрей уже был в двадцати шагах от орудий, он бежал вперед с своим батальоном под сильнейшим огнем французов, обегая падавших вокруг него, но и тут в эту минуту он не думал о том, что ему предстояло. Но невольно яркими красками отпечатывались только в его воображении все окружающие впечатления. Он до малейшей подробности видел и помнил фигуру и лицо рыжего артиллериста, тянущего с одной стороны банник, тогда как французский солдат тянул его к себе за другую сторону. Немного подалее солдата,¹ *Зачеркнуто*: и, чувствуя в себе удесятенные силы, выбежал вперед и закричал ура! таким резким и звучным голосом, что никто из знавших

² *Зач. во второй редакции*: упавшее и волочившееся

³ *Зач.*: Батальон тронулся, прошел шагов двадцать вслед за князем Андреем. Князь Андрей шел, не глядя вперед на неприятеля, а оглядываясь вокруг себя и продолжая находиться всё в том же состоянии невольного и подробного наблюдения всего окружающего. Он видел солдат, помнил их лица и все выражения, видел офицера Тимохина с красным носом, веселого и беззаботного, шедшего подле него, помнил звук голоса и даже запах водки, которым пахло изо рта Тимохина в то время, как он, подольщаясь к адъютанту, сказал ему:

— С такими молодцами, как вы, итти весело, — помнил неровности поля жневья, по которому он шел, канавку, в которой он чуть было не спотыкнулся, помнил всё, исключая того, что он бесцельно и беспричинно шел на верную смерть. Он подходил к батарее, стрелявшей картечью, и издали с радостью узнал на ней жалкую и милую, симпатическую фигуру Тушина, с своей трубочкой ковылявшего между орудий. В то время, как он подходил, рядовые солдаты французской колонны уже вбегали на батарею, передки скакали прочь, артиллеристы отбегали.

посередине четырех орудий, он видел, стоявшего с виноватым и сконфуженным видом, того самого Тушина, который так поразил его под Шенграбенном.

Тушин, видимо не понимая значения минуты и как бы забавляясь комизмом своего положения, улыбался глупою, жалкою улыбкой, точно такую же, какую он улыбался, стоя без сапог в деревне Грунте у маркитанта перед дежурным штаб-офицером, и глядел на подходивших к нему французов с угрожающе перевешанными ружьями. «Неужели убьют его?» подумал князь Андрей, «прежде, чем мы успеем подбежать?»¹ Но это было последнее, что видел и думал князь Андрей. Вдруг, как бы со всего размаха крепкой палкой, кто то из ближайших солдат ударил его в левый бок. Немного это больно было, а главное, неприятно, потому что боль эта развлекала его от столь интересных в это время наблюдений. Но вот странное дело: ноги его попадают в какую то яму, подкашиваются и он падает. И вдруг ничего нет,² кроме неба, высокого неба с ползущими по нем серыми облаками — ничего, кроме высокого неба. «Как же я не видал прежде этого высокого неба?» подумал князь Андрей. «Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но и того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения».

Когда упал князь Андрей, баталион опять смешался, побежал назад, увеличивая смятение задних. Толпа набежала на императоров и их свиту, увлекая их за собой на ту сторону высот Працена. Никто не мог не только остановить этого бегства, но даже и узнать от бегущих причину его. В свите императоров этот панический страх, усиленный еще более передачею и неизвестностью, дошел до такой степени, что в пять минут от всей этой блестящей свиты императоров при Александре I не осталось никого, кроме его лейб медика Вилье и берейтора Эне.

План сражения под Аустерлицом был следующий: русские войска, центр которых составляла 4-я колонна, та, при которой находились императоры, левое крыло войска Буксгевдена и правое — отряд Багратиона, русские войска должны были, зайдя левым плечом вперед, стать в оборот направо, составив прямой угол, одну сторону которого составляли бы первая, вторая, третья и четвертая колонны, а другую сторону — отряд Багратиона. В этом прямом угле, по предположению союзников, должны были [быть] заключены и атакованы неприятельские войска. Но вместо того, чтобы ожидать наступления союзников в одной массе, Бонапарте, предупредив их, выступил вперед, атаковав самый тот угол, который составлял две линии союзников в пункте Праценских высот и, пробив этот угол, разорвал армию на две части,¹ *Зачеркнуто во второй редакции*: Видел упавшего подле себя солдата и подумал, что солдат этот вероятно спотыкнулся.

² *Зач.*: кроме ограниченного клочка жневья с измятой соломой

из которых одна, и большая часть, наше левое крыло, находилось в низах между прудами и ручьями.¹ Атака нашего левого фланга² была слаба, не единовременна и недостаточно энергична, потому³ что, по непредвиденным обстоятельствам, колонны были задержаны на марше и приходили по несколько часов позже своего назначения. (Непредвиденных обстоятельств случается обыкновенно тем более, чем постыднее бывает проиграно сражение). Авангард Кинмеера первый атаковал неприятеля, но не мог удержаться, не поддержанный во время колонною Дохтурова, опоздавшей на час времени. Дохтуров после Кинмеера занял деревню Тельниц, но не мог удержаться в ней, так как и он, в свою очередь, не был поддержан колонною Ланжерона, опоздавшей более часу по причине передвижения перед фронтом войск огромных масс кавалерии, спутанных еще с вечера, не попавших на свое место; наконец, овладев Тельницом и потеряв много людей и времени, Дохтуров и Ланжерон не продолжали наступления, а остановились, ожидая долженствовавшую поравняться с ними колонну Пржибышевского, которая всё еще не приходила. Колонна Пржибышевского, как и другие, опоздала в свою очередь. Все эти, правильно повторившиеся, непредвиденные обстоятельства сделали то, что эти двадцать пять тысяч русских в продолжение двух часов были удерживаемы одною шеститысячною дивизией Фриана, и Наполеон имел возможность обратить все свои силы на тот пункт, который ему казался важнее других, именно на Праценские высоты. Когда же подошла наконец и третья колонна Пржибышевского, начальники войск левого фланга, к несчастью слишком хорошо помнившие диспозицию, не смели начинать решительную атаку, поджидая еще четвертую колонну Милорадовича, которая должна была, сойдя с Праценских высот, выравняться с ними. Эта колонна, как мы видели, спускаясь с Праценских высот, не ожидая французов и не успев развернуться, в виду их⁴ смешалась и побежала, увлекая в своем бегстве императоров с их свитой⁵ и позади стоявшие резервы.

В центре, где находилась вся гвардия,⁵ правее должна была стоять австрийская кавалерия и резерв гвардии, но по непредвиденным обстоятельствам австрийская кавалерия не стояла на своем месте и гвардия очутилась в первой линии.

Гвардия выступила в назначенное ей время с распущенными знаменами, музыкой и необыкновенной исправностью одежды и идеальном, мечтательном порядке.

Громадные тамбур-мажоры, махая и подбрасывая свои палки, шли перед музыкой, кавалерийские¹ *Зачеркнуто*: в весьма невыгодной, как говорят военные историки, позиции.

² *Зач.*: опять как говорят военные историки

³ *Зач.*: как говорят военные историки

⁴ *Зач.*: несмотря на отчаянные атаки Кутузова и князя Андрея, который остался тут, раненный пулею в грудь,

⁵ *Зач.*: и в том числе Измайловский полк, в котором ротным командиром 3-й знаменной роты был штабс-капитан фон Берг и субалтерн-офицером прапорщик Борис Друбецкой, в центре дело началось самым блестящим образом

офицеры гарцовали на тысячных лошадях, пехотные скромно, так же, как и все солдаты, шли на своих местах и отбивали шаг, на всем протяжении полка, в ногу и по одному темпу. Великий князь Константин Павлович, в белом кавалергардском колете и блестящей золотой каске, ехал впереди конной гвардии.¹

Гвардия переправилась через ручей у Вальк-Мюлле и остановилась, пройдя с версту, по направлению к Блазовицу, где уже должен был находиться князь Лихтенштейн. Впереди гвардии виднелись войска, принятые у нас сначала за колонну князя Лихтенштейна. Цесаревич построил гвардейскую пехоту в две линии развернутым фронтом: в первой стали полки Преображенский и Семеновский, имея перед серединою артиллерийскую роту имени великого князя Михаила Павловича, во второй — Измайловский полк и гвардейский егерский батальон. На правом фланге батальонов было по два орудия. Позади пехоты расположились лейб гусары и конная гвардия. Впереди гвардии, по диспозиции,² должна была находиться австрийская кавалерия. Как вдруг из войск, видневшихся впереди и принимаемых за австрийцев, пролетело ядро.³ Войска, видневшиеся впереди, были не наши, а неприятель, который не только стрелял, но и наступал прямо на нравственно не приготовленную к делу гвардию. Здесь, в центре, точно те же неизбежные, но не предвиденные обстоятельства сделали то, что австрийская кавалерия, долженствовавшая стоять перед гвардией, должна была отойти, так как место, на котором она была поставлена, перерытое ямами и оврагами, было невозможно для кавалерийских действий; вследствие этого то гвардия неожиданно и непредвиденно попала в дело и, несмотря на блестящие атаки преображенцев и кавалергардов,¹ *Зачеркнуто:* и как слышно было между офицерами, находился в своем том хорошем расположении духа, в котором он был, как говорили гвардейцы, отцом родным. В это утро только один австрийский колонновожатый Бюлов попал под гнев цесаревича и тем много насмешил и доставил предмет насмешек и разговоров гвардейским офицерам. Какой то австрийский полк задержал движение гвардии. Увидав это, великий князь, рассказывали в гвардии, таких арнаутов крикнул на господина Бюлова и так грозно придвинулся к нему, что австриец, не привыкший к таким угощениям, рассказывали, сделался болен и, беспрестанно отставая от великого князя, слезал с лошади. Но цесаревич, как и всегда после излитого гнева, был особенно весел и ласков. Он подъезжал к полкам и, щеголяя своею памятью, по именам называл и шутил с некоторыми офицерами и солдатами своего гвардейского корпуса.

Веселое расположение духа передавалось людям.

² *Зач.*: которая была известна и офицерам (в гвардейских полках офицеры за честь ставили себе, в отличие от армейских неучей, следить за общим ходом дел), по диспозиции гвардия находилась во второй линии, ее берегли. Впереди ее должна была находиться австрийская кавалерия и еще другие войска, так что едва ли придется гвардии и быть в деле, так говорили, выражая сожаление и скрывая внутреннюю радость, большинство офицеров. Измайловский полк, стоя во второй линии гвардии, следовательно почти и не мог думать о возможности попасть в дело. Берг и Борис, сидя на барабанах подле роты, спокойно разговаривали о житейских делах.

³ *Зач.*: и смутило не только их, но и весь гвардейский отряд и его начальника, великого князя.

как говорят военные историки, должна была весьма скоро отступить по тому же направлению, по которому из Працена отступали другие колонны.¹

Багратион по диспозиции должен был последний, со своим правым флангом, ударить на неприятеля и довершать его поражение.² Но весьма скоро было замечено, что не только неприятель не был разбит во всех других пунктах, но наступал, и потому князь Долгорукий ограничился защитой и отступлением. Как при Шенграбене, князь Багратион медленно ездил на своей белой кавказской лошади перед рядами войск, точно так же, как и там, очень мало командовал и распоряжался и, так же как и там, действия его правого крыла спасли всю армию и он отступил в совершенном порядке.

В начале сражения, не желая согласиться на требование Долгорукова — начинать дело — князь Багратион³ предложил послать с вопросом этим своего дежурного ординарца — Ростова к главнокомандующему.

* № 78 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XVIII).

<Войска левого фланга слышали стрельбу позади себя, не получали никакого приказа от главных начальников и продолжали, лениво подвигаясь вперед, ожидать, чем всё это кончится. Некоторые войска, как бригада графа Каменского, подвигавшаяся всё еще к низам левого фланга, самовольно переменили направление и обратились на французов, но граф Ланжерон и другие, твердо помня столь не понравившуюся им накануне диспозицию, не смели отступить от предназначенного и обратиться на французов, подставлявших им свой фланг. Когда они сделали это, было уже поздно, — как говорят военные историки — французы уже поставили батареи на Праценских высотах и легко отбивали отдельные и непоследовательные попытки русских. Вышедшие из низов колонны Ланжерона имели по крайней мере ту выгоду, что, хотя разбитые и расстроенные, они могли беспрепятственно отступить¹

Зачеркнуто: Измайловский полк почти не был в деле, хотя и стоял под пушечным и даже ружейным огнем. Борис во всё время сражения испытывал такое тяжелое чувство при виде раненых и убитых и такое чувство страха, которое он с трудом мог скрывать от товарищей, что он твердо решил тотчас после кампании выйти в отставку и поступить в штатскую службу. Берг же во всё время сражения удивлял и раздражал Бориса своим спокойным, всё тем же аккуратно озабоченным о личных интересах видом. Главное же, что сердило его

² *Зач.:* Долгорукий, устроив для себя положение начальника пехоты этого отряда, в тысяче разнообразных мечтаний представлял себе в будущем происшествии этого дня, одного только он не мог предположить и предвидеть, это что ему придется командовать пехотой, не атакуя и наступая, а отступая и защищаясь, однако оно так было

³ *Зач.:* несмотря на свой воинственный характер, умевший дорожить политическими отношениями к приближенным императора, князь Багратион не мог согласиться на требование наступательных действий и, чтобы прямо не отказать Долгорукову, послал

за речку Литаву с другими расстроенными частями армии.¹ Другие же войска, в особенности Пржибышевского вследствие того, что он до малейшей подробности продолжал быть верен диспозиции, погибли все и принуждены были позорно положить оружие, за исключением некоторых непокорных солдат и офицеров, которые, несмотря на приказание командующего колонны Пржибышевского положить оружие, продолжая стрелять по французам, отдельными партиями, где отстреливаясь, где убегая, спаслись от плена и пришли к армии; в числе этих последних был Долохов. В колонне Пржибышевского большая часть офицеров и генералов была убита и ранена, генерал Вимпфен, Штрик, Миллер, Селехов, кто были убиты, кто ранены, взяты французами. Генерал полка, в котором служил Долохов, был убит в самом начале дела штурма замка Сокольница, против которого был послан их полк. Долохов, уже произведенный в офицеры, командуя ротой, шел рядом с полковым командиром в то время, как ядро оторвало с плечом руку добросовестному, двадцать лет безупречно служившему офицеру.

— Ребята, вперед, не посраим полка! — кричал он, падая с лошади.

«Глупое животное, а молодчина был», подумал Долохов, поспешно отворачиваясь от убитого.

Сокольниц был взят блестящим штурмом. В то время, как они укреплялись в Сокольнице, в тылу слышались выстрелы и пронеслась молва, что в центре наши разбиты. Ежели бы генерал Пржибышевский из Сокольница отступил назад или налево, соединяясь с Дохтуровым, он спас бы часть своих полков, но в диспозиции, он хорошо помнил, хотя бы ему давно пора было забыть ее и понять, что все условия сражения изменились, в диспозиции было сказано, чтобы ему идти направо к Кобельницу, где долженствовала быть 4-я колонна. Несмотря на² здравый смысл, простой глаз и звуки выстрелов, слышавшихся сзади, он пошел не назад, не налево, где бы он мог встретить русские войска, но направо к Кобельницу, полагая убежать от французской армии и, входя в самую средину ее, окруженный со всех сторон, ругаемый в лицо солдатами и офицерами, он тут только в первый раз отступил от диспозиции: он положил оружие и сдался в плен со всем корпусом, хотя этого распоряжения никак не было предвидено и предписано даже и в австрийской диспозиции.>

* № 79 (рук. № 86. Т. I, ч. 3, гл. VII).

<Nicolas, на днях уже по приходе к Ольмюцу, ездил с Денисовым к вновь прибывшей из Вены знаменитой фрау Луизе. И несмотря на весь ужас, обхватывавший его при мысли о том, для чего он ехал к фрау Луизе, он показывал вид, что такие посещения для него не редкость (хотя это был первый его шаг на этом пути веселого разврата). Он пробыл вечер и ночь у фрау Луизы и, узнав ¹ *На полях*: Буксевден и Анатоль. На место Дол[охова] Тимохина

² *В рукописи*: Несмотря на то, что здравый смысл

все трогательные подробности выдуманной истории красивой брюнетки — венгерки Каролины, вышел оттуда с сознанием упадка в своих глазах и совершенного преступления. Но это сознание не делало его меланхолическим, а напротив — еще более развязно гусарски веселым, таким веселым, которому он сам удивлялся. И оттого он теперь так бойко сидел на лошади, так весело, беспечно распевал и так небрежно, плутовски поглядывал на попадавшихся ему по дороге женщин.>

* № 80 (рук. № 86. Т. I, ч. 3, гл. XIV).

<Сущность диспозиции была следующая: первой колонне — Дохтурова итти от Гостиерадека, через Аугест, на Тельниц, овладеть сим селением и обратиться вправо, равняясь с головою второй колонны графа Ланжерона, имевшей назначение пробиться между Тельницем и Сокольницем; третьей колонне Пржибышевского спуститься с Праценских высот, итти к Сокольницу и, овладев им, выравняться с первыми двумя колоннами. Все войска сии поручены графу Буксгевдену. Четвертой колонне — Колловрата пробиваться у Кобельница, потом примкнуть левым флангом к третьей колонне и с нею вместе опрокидывать правое крыло неприятеля к Латейну. Князю Багратиону, в начале сражения, оставаться впереди Позоржица и, во что бы ни стало, удерживать свою позицию, а когда увидит он успех четырех колонн, действовать наступательно, во всяком случае, не допуская обойти себя слева. Для усиления левого крыла его, послали ему ввечеру из колонны князя Лихтенштейна порученные генерал-адъютанту Уварову полки: Елисаветградский гусарский, Черниговский и Харьковский драгунские. Пятой колонне князя Лихтенштейна, состоявшей из уланского цесаревича полка и 32-х австрийских эскадронов, содержать сообщение между князем Багратионом и четырьмя первыми колоннами, пользуясь каждым удобным случаем для атаки. Гвардия должна была служить подкреплением ему и левому крылу князя Багратиона. В неудачном случае назначено отступить к селению Гидьжежду, находившемуся на дороге в Венгрию.>

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ВТОРОМУ «ВОЙНЫ И МИРА».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

* № 81 (рук. № 85. Т. II, ч. I, гл. I — II).

<Старая графиня сидела в кабинете на своем кресле, повеселевшая, помолодевшая десятью годами со времени приезда своего сына; она не смотрела уже на табакерку с портретом, а смотрела или на него в действительности или на дверь, в которую она ждала, что взойдет он, ее красавец, герой, лучший сын, лучший молодой человек в мире. Наташа вбежала в комнату.

— Мама, Коко едет к цыганам. Я никогда не видала цыган, только одну, страшную, у нас в деревне. Я знаю, что вы не будете пускать меня. Но я непременно, непременно поеду с ним.

— Ты знаешь, что это нельзя и это глупости,¹ — сказала мать.

— Что ж это такое? — надув свои большие губы, сказала Наташа. — Коко уже шесть дней здесь, и я ни разу с ним не каталась. Зачем же он приехал, коли я его совсем не вижу.

— Мой друг, ты девочка, а он уж мужчина. Нельзя ему сидеть всё с нами.

— Вот вы всегда так, ну отчего мне нельзя быть у него, когда он одевается? Не то, что совсем одевается, а когда на нем панталоны² надеты. Я люблю это смотреть. Сабля тут лежит, и табаком пахнет, и голос у него совсем бас сделался. Я так это люблю, всё это, понимаете, мамаша, понимаете, — закричала она, дергая ее за руку. Мать улыбнулась.³

— Ну, прощайте, — закричала Наташа и убежала на крыльцо садиться в сани.

Гордая тем, что она, как большая, одна в санях ехала с гусаром и счастливая своею молодостию, своею дружбою к брату и ¹ *Зачеркнуто*: улыбаясь

² *Зач.*: с кантиками и шпоры,

³ *Зач.*: и продолжала этот разговор, в котором не было никакой логичной связи, в котором каждая говорила свое, но который казался им самым естественным.

— А Борис что тебе пишет? — спросила мать.

— Все то же, я его забыла, лучше Коко никого нет. Мамаша, я поеду просто кататься с ним, можно? — и она убежала.

к Соне и ярким февральским солнцем, она долго молчала, боясь чем-нибудь расстроить свое удовольствие, начав тот важный разговор, который она должна была иметь с ним и для которого она настояла, чтобы поехать кататься.

— Коко, — сказала она, собравшись с духом и таким торжественным голосом, что брат испуганно оглянулся и улыбнулся.¹

— Ты не пугайся, и не улыбайся, и не гляди на меня. Это об Соне будет, ты всё слушай, ничего не говори, а всё слушай, что я буду говорить, а то я спутаюсь. Вот видишь ли! — начала она с отчаянною решительностию, прямо приступая к делу. — Соня видит, что ты с нею не такой, как был прежде. Соня боится, что тебе с нею неловко² будет, помнишь оттого, что что у вас было, как ты уезжал. Но это ничего. Она велела мне сказать тебе. Ты постой, не мешай, — и она заговорила, торопливо перебивая его и до слез краснея. — Она велела мне сказать тебе, что ежели ты думаешь об том, что ты говорил ей перед отъездом в армию, ну, знаешь, что ты хотел жениться на ней, так чтобы ты об этом не думал и, ежели тебе кто нравится, чтобы ты женился, а ей от тебя ничего не нужно. Да, постой, забыла еще главное, а что она тебя будет всё так же любить. Ах, какая она смешная. Ведь правда, что это отлично, отлично и благородно!³ — закричала Наташа и, отвернувшись,⁴ спрятала в руки вдруг свое изуродовавшееся слезами счастливое лицо.

— Я не беру назад своего слова, — сказал Nicolas.

— Нет, нет, — закричала из-под муфты Наташа. — Мы про это уже с нею говорили, мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься принять ее великодушный поступок, то выходит, что она как будто нарочно это сказала, выходит, что ты всё таки насильно на ней женишься, и выходит совсем не то. А ты скажи, голубчик Коко, что ты ей благодарен за ее великодушие, что то были детские мечты, а что ты всё-таки ее любишь, но берешь назад свое слово. А потом, кто ж тебе мешает жениться на ней, когда захочешь ты жениться?⁵ Ах, какой ты смешной с усами. Она боится, что ты в Жюли влюбишься. Она всё об тебе мечтает.

— Вот уж об ком меньше всего думаю, — сказал Николай, показывая тем, что, ежели он не думал о Жюли, то он думал о других и находился в нерешимости, что отвечать своей маленькой сестре. — Я всё-таки не могу отказаться от своего слова, — сказал он, но тон, которым он сказал эти слова, показывал, что он давно уже отказался от него. Наташа была одна из тех чутких¹ *На полях*: <Nicolas в увлечениях света. Покорный сын. Раскрыты возможности всего и оттого неловко с Сонею.>

² *Зачеркнуто*: и она так плачет, ты не можешь себе представить. Она боится, не виновата ли она чем перед тобою и

³ *Зач.*: и сказав эти слова, Наташа на улице расплакалась и спрятала в муфту свое, изуродованное слезами, личико.

⁴ *Зач.*: стала муфтой утирать слезы.

⁵ *Зач.*: и коли ты будешь ее любить больше других и этой гадкой Жюли.

натур, которые слушают больше интонации, чем смысл слов. Она¹ поняла его.

— Я тебе скажу секрет, — прибавила она, с свойственной ей подвижностью мгновенно переходя от слез к довольной улыбке. — Видишь ли, мы тысячу раз всё переговорили уж с Соней. Ежели ты теперь захочешь быть верным своему слову, она не будет знать, любишь ты ее или нет. А это главное.

— Главное? — дружески насмешливо повторил брат.

— Разумеется, главное, — значительно и серьезно продолжала Наташа. — А ежели ты забудешь про свое обещание, то никто тебе не мешает полюбить ее.

— Так стало быть она уже отказывается от меня, — с притворною обиженностью, но с радостью в душе сказал Nicolas.

— Да, да, — радостно повторила сестра, [довольная], что найдена была та дипломатическая тонкость, которая уничтожала последнее затруднение.

— Ну, коли так, — сказал Nicolas, слегка поворачиваясь в санях, — то и говорить нечего. Однако, как ты это с куклами выучилась всему этому? — прибавил он. — И детские обещания и главное, чтоб она знала, что ее любят, — сказал он, повторяя ее слова. — Ай да Наташа. Ах, как я тебе рад.> Ну, а что же ты² Борису не изменила? — спросил Nicolas.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время их похода, покровительственный, поучающий тон, который принимал Борис с своим приятелем, и немного может быть то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов, и обогнал его по службе, делали то, что Ростов, не признаваясь в том, не любил Бориса, тем с большей силой, чем больше прежде он с ним был дружен. Кроме того, ежели Наташа разойдется с Борисом, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношении с Соней, которые тяготили его тем, что это были обещания и отнимали свободу. Он, улыбаясь, как бы шутя, но внимательно следил за выражением лица сестры в то время, как сделал ей этот вопрос. Но Наташе до сих пор в жизни ничто еще не казалось запутанным и трудным, особенно из того, что касалось ее лично.

— Борис — другое дело, — сказала она. — Он — твердый, но всё-таки про него я скажу, что это было детское. И он может еще влюбиться, и я... — она промолчала, — и я могу влюбиться, — <сказала она смело. — Ты не думай, что оттого что вы за границей были и у тебя сабля и крест, что вы — большие, а мы все маленькие. Мне пятнадцатый год, уж бабушка в мою пору замуж вышла.

Найдя требуемого цыгана в белом кафтане, Nicolas с Наташей вернулся домой и Наташа, не снимая шубу, со всего разбега бросилась¹ *Зачеркнуто*: с радостью увидала, что цель посольства ее была достигнута.

² *Зач.*: и на свои обещания Борису так же смотришь? — спросил он и оглянулся на сестру.

в комнату к Соне и утешила ее тем, что она уже всё переговорила с братом и что всё теперь будет хорошо,¹ что лучше его нет никого на свете и что он всё-таки женится на ней, потому что лучше ее² нет на свете.

— Да, коли бы он это думал, — вздыхая сказала Соня.>

[Далее со слов: Вернувшись в Москву из армии, Н. Ростов был принят... кончая: ...и на утро забывая себя даже об этом спрашивать. — почти совпадает с вариантом № 83.]

<Из всех обществ, которые он посещал, любимым было общество артистов, с которыми он часто проводил ночи, удивляя их своей необычайной музыкальной способностью. И эти ночи, в которые тратилось им много денег и выставлялось много вина, он чувствовал себя всегда возбужденнее. Он не был счастлив, но чувствовал себя готовым в эти ночи на великое счастье. В эти ночи он чувствовал себя влюбленным, но не в когонибудь, а в самого себя, в свое прекрасное чувство, в свою способность к высокой любви к кому то и к чему то.>

* № 82 (рук. № 85. Т. II, ч. 1, гл. V, X).

Ростов, после несчастной дуэли, в которой он участвовал, повез³ раненного Долохова на его квартиру. Ростов знал Долохова по холостой жизни у цыган, на попойках, но никогда не бывал у него и даже никогда не думал о том, какой может быть дом у Долохова. Ежели был дом у Долохова, то вероятно это была, по предположениям Ростова, какаянибудь накуренная, загрязненная комнатка с⁴ бутылками, трубками и собаками, в которой он держал свои чемоданы и ночевал изредка.⁵ Но Долохов сказал ему, что он живет в собственном доме у Николы Явленного с старушкой матерью и двумя незамужними сестрами.⁶ Во время переезда Долохов⁷ молчал, видимо делая над собой усилия, чтобы не стонать, но перед домом, узнав Арбат, он приподнялся и взял за руку Ростова. На лице его выразилось страстное, восторженное отчаяние, которого никак не ожидал от него Nicolas.

— Ради бога, не к матери, она не перенесет...⁸ Ростов, брось меня, беги к ней, приготовь ее...⁹ Этот ангел не перенесет.

Ростов поскакал на извозчике исполнять¹⁰ поручение.¹¹ Домик¹ На полях: Соня — преданная приживалка.

² Зачеркнуто: он никого не найдет, хоть даже и в Петербург поедет.

³ Зач.: умирающего

⁴ Зач.: кроватью и

⁵ Зач.: Но у Долохова был не только дом, но дорогой, уважаемый семейный очаг, к которому он не любил никого подпускать из своих <светских> друзей и приятелей. Долохов жил в маленьком, чистом, деревянном доме у Николы Явленного в переулке, купленном им на выигранные деньги на имя своей матери.

⁶ Зач.: которых он один содержал своими деньгами.

⁷ Зач.: несколько раз терял сознание.

⁸ Зач.: Обожаемая, бесценная матушка. Что я сделал...

⁹ Зач.: бог мой, что я сделал!

¹⁰ Зач.: тяжелое

¹¹ Зач.: возложенное на него его новым другом

был хорошенький, чистенький с цветами и полосухами. Марья Ивановна Долохова была почтенная на вид старушка.¹ Она испуганно выбежала в переднюю навстречу Ростову.

— Федя? Что с Федей? — вскрикнула она, как только Ростов сказал, что Долохов прислал его и что [он] не совсем здоров.

— Он умер! Где он?²

Сестры, некрасивые девушки, выбежали и окружили мать.³ Одна из них шопотом спросила у Ростова, что с Федей, и он, сказав ей, что Долохов легко ранен, вышел и под предлогом поездки за доктором уволил себя от вида свидания матери с сыном. Когда Ростов вернулся с доктором, Долохов уже был уложен в своем, коврами и дорогим оружием увешанном кабинете, на полу, на медвежьей шкуре и мать на низенькой скамеечке, более бледная, чем ее сын, сидела у его изголовья. Сестры хлопотали по задним комнатам и коридору, но не смели входить в комнату.

Долохов перенес боль зондирования раны и вынимания пули так же, как и самую рану. Он даже не морщился и улыбался, как только в комнату входила его мать. Все усилия его видно были устремлены на то, чтобы успокоить старушку.

Чем ближе узнавал Ростов Долохова, тем более он чувствовал себя к нему привязанным. Всё в нем было, начиная от его привычки лежать на полу и до его тщеславия своими дурными наклонностями и скрытности в хороших — всё было необыкновенно, не так как у других людей, и всё было решительно и ясно. Первое время Марья Ивановна враждебно смотрела на Ростова, связывая его с несчастием сына, но когда Долохов, заметив это, прямо сказал ей:

— Ростов — мой друг и прошу вас, обожаемая матушка, любить его, — Марья Ивановна действительно полюбила Nicolas, и Nicolas ежедневно стал бывать в домике у Николы Явленного. Несмотря на шутки домашних, на упреки светских знакомых, он целые дни проводил у выздоравливающего, то разговаривая с ним, слушая его рассказы, ловя каждое его слово и движенье,¹ *Зачеркнуто*: которой все силы души, казалось, были сосредоточены на любовь к сыну. Она перенесла

² *Зач.*: и она упала без чувств.

³ *Зач.*: <Он ранен, он имел несчастье...> <Были крики, слезы, истерика, но всякое горе пере> <После криков, отчаяния истерик> Ростов не мог перенести раздирающего душу вида отчаяния матери и сестер, когда выносили Долохова. Он уехал за доктором и вернулся уже, когда Долохов был уложен на турецких коврах в своем кабинете. Мать, сестры, N. Ростов и доктор, не отходя, чередовались у его постели. Мать не впускали первые дни, боясь слишком сильного волнения для раненного. Nicolas присутствовал при первом свидании матери с сыном и, глядя на них, плакал и рыдал так, что должен был выбежать из комнаты. Через две недели Долохову стало лучше. Доктор вынул пулю и объявил, что он будет жив. Ростов еще прежде, с шенграбенского костра, чувствовавший необъяснимое влечение к этому странному, мужественному, решительному и привлекательному человеку, теперь, увидав его в его семье, узнав его неожиданную восторженно-страстную нежность и любовь к матери, полюбил Долохова всей силой своего пылкого и ничем незанятого сердца.

улыбку и безусловно во всем соглашаясь с ним, то с Марьей Ивановной Долоховой, разговаривая с ней о ее сыне. От нее он узнал, что Федя содержал ее и сестер, что это был лучший сын и брат в мире. Марья Ивановна была искренно убеждена, что ее Федя был образец всех совершенств мира (мнение это разделял Ростов, особенно, когда ее слушал или видел самого Долохова). Она даже не допускала, чтобы возможно было иметь скольконибудь другое мнение о ее сыне.

[Далее со слов: Да, он слишком... кончая: ...высокая, небесная душа. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. X.]

Долохов сам во время своего выздоровления и в своем доме был¹ часто особенно кроток и восторжен. Ростов бывал почти влюблен в него, когда этот мужественный² человек, обессиленный теперь раной, обращал к нему свои ярко голубые глаза и прекрасное лицо, слегка улыбался и говорил,³ выказывая ему свою дружбу.

— Верь мне, мой друг, — говорил он, — на свете есть четыре сорта людей: одни никого не любят, никого не ненавидят, эти самые счастливые; другие, которые всех ненавидят — это Картуши, злодеи; третьи любят, кто на глаза попадет, а к другим равнодушны, этих до Москвы не перевешаешь, это все дураки; и такие есть, как я. Я люблю кого, того люблю так, что жизнь отдам, а остальных передавлю всех, коли мне на дороге, или на дороге любимых людей. У меня есть обожаемая, неоцененная мать, сестры, два, три друга, ты в том числе, а остальных я всех ненавижу, изо всех крошку сделаю для того, чтобы моим избранным было хорошо. — И он, улыбаясь, пожал руку Ростову.

— Да, душа моя, — продолжал он, — мужчин я встречал любящих,⁴ благородных, возвышенных, — он опять приласкал взглядом Ростова, — но женщин, кроме продажных тварей — графинь или кухарок всё равно — нет женщин. Нет этой чистой души, которая любила бы одной душою, как бедная Лиза любила Эраста. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее. А эти!... — Он сделал презрительный жест. — Ты знаешь ли, зачем я вызвал, т. е. заставил Безухова вызвать меня? Она мне надоела. Это — рыба. Она не любила меня, она боялась. А мне любопытно было.

— Любовь есть высшее блаженство и оно еще не далось мне.

Большей частью он был кроток, но один Ростов видел его в том припадке бешенства, в котором он делывал свои страшные поступки. Это было уже при конце его болезни. Он снял повязку и велел слуге подать чистую.⁵ Чистой не было и слуга побежал¹ *Зачеркнуто*: необыкновенно тих.

² *Зач.*: железный

³ *Зач.*: высказывая ему свои самые задушевные мысли

⁴ *Зач.*: честных

⁵ *Зач.*: Слуга замешкался

к прачке, которая взялась гладить бинты. Минут с пять Долохов пробыл в ожидании. Он, стиснув зубы и хмурясь, сидел на постели, потом¹ привстал, достал стул и придвинул его к себе.

— Егорка! — начал кричать он, равномерно останавливаясь и дожидаясь. Ростов хотел развлечь его, но Долохов не отвечал ему. Ростов пошел за Егоркой и привел его с бинтами. Но только что Егорка вошел, как Долохов бросился на него, смял его под ноги и начал² бить стулом.³ Кровь хлынула из раны. Несмотря на усилия Ростова и прибежавших матери и сестер, Егора не могли отнять до тех пор, пока Долохов сам не упал от изнеможения и потери крови.

Как ни строг был в то время государь для дуэлистов, родные Pierr'a и Ростова замяли это дело и никто не был наказан. Еще Долохов был слаб и едва ходил, когда его новый друг Nicolas ввел его в дом родителей.

Всех принимали в доме Ростовых с распростертыми объятиями. Но Долохова приняли еще радушнее, во первых за дружбу его к Nicolas, во вторых за его страшную и блестящую репутацию. Приезда его тщетно ждали несколько дней. Графиня несколько робела, барышни волновались, несмотря на то, что Соня была вся поглощена своей любовью к Nicolas,⁴ Вера к Бергу, который приезжал в отпуск и опять уехал, и Наташа вполне довольна своим обожателем Денисовым. Ни одна из них не захотела бы, чтобы Долохов влюбился в нее,⁵ но все подробно о нем спрашивали у Nicolas и, между собой говоря о нем, посмеивались таким смехом, который очевидно должен был скрыть их волнение и страх. На третий день ожидания подъехала карета, барышни подбежали и отбежали от окон, узнав Долохова, и⁶ Nicolas ввел своего друга.

Долохов был⁷ учтив, говорил мало (что говорил, то было оригинально) и внимательно вглядывался в женские лица.⁸ Все ждали от него чего нибудь необыкновенного, но он ничего необыкновенного не сказал и не сделал. Одно, что было в нем совсем обыкновенного, это то, что в его манере нельзя было найти и тени того стеснения и замешательства, которое, как бы оно ни было скрываемо, всегда заметно в молодом и холостом мужчине в присутствии молодых барышень. Долохов, напротив, пользуясь¹ *Зачеркнуто*: сполз,

² *Зач.*: убивать, ударяя

³ *Зач.*: по его голове

⁴ *Зач.*: Лиза

⁵ *Зач.*: ни одна бы не пошла за него замуж,

⁶ *Зач.*: раненный Семеновск[ий]

⁷ *Зач.*: хорошо воспитан

⁸ *Зач.*: Он обедал. Вечером он подсел к Соне и начал говорить с ней <о театре, о бале, об общих знакомых,> о Бедной Лизе и о возвышенных чувствах любви. Наташа вопросительно поглядывала на него и Соню и наблюдала. На другой день он приехал опять, на третий, на четвертый и всякий раз он говорил и сидел с Соней. В манере его не было ничего необыкновенного. Очень скоро он сделался своим домашним человеком.

преимуществом, которое давала ему его рана и предполагаемая от нее слабость, свободно развалился сидел в волтеровских креслах, которые ему предложили, и принимал те мелкие услуги, которые ему оказывали.

Он понравился всем домашним Ростовых.¹ Соня видела в нем друга Nicolas, и, считая то за большую важность, с самоотвержением старалась сделать для него приятным дом его друга. Она спрашивала, какой он любит чай, сыграла ему на клавикордах пьесу, которая ему нравилась, и показывала ему картины в зале.² Вера рассуждала, что он не такой человек, как все, и потому хороший. Наташа первые два часа его присутствия не спускала с него любопытных, вопросительных глаз (так что старая графиня несколько раз потихоньку заметила ей, что это неучтиво). После обеда она стала петь очевидно для него, и Васька Денисов уже говорил, что волшебница забыла своего карлика (так он себя называл) и хочет очаровать нового принца. Она смеялась, но, спев свою песенку в зале, она, беспокожно поглядывая на Долохова, вернулась в гостиную, где он сидел, и присела у стола недалеко от него, высматривая на его лице впечатление, произведенное ею, не спуская с него глаз и ожидая похвалы. Но Долохов не обращал на нее ни малейшего внимания и рассказывал что-то Лизе и Соне, обращаясь преимущественно к последней. Беспокойство Наташи и желание, чтоб ее похвалили, было так заметно, что старая графиня, улыбаясь, переглянулась с Nicolas, указывая глазами на Наташу и Долохова. Они поняли, чего ей нужно было.

— Вы любите музыку? — спросила графиня у Долохова.

— Да, очень, но я признаюсь, что ничего подобного не слышал пению цыган, и что ни одна итальянская певица по мне не может сравниться с Акулькой.

— Вы слышали, как я пою? — спросила вдруг Наташа, краснея. — Хорошо? Лучше Акульки цыганки?

— Ах да, очень хорошо, — холодно, учтиво и ласково, как с ребенком, сказал Долохов, улыбаясь своей светлой улыбкой. Наташа быстро повернулась и ушла. С этой минуты Долохов существовал для нее, как мужчина, менее, чем лакей, подававший кушанье. Вечером, как это часто бывало, графиня к себе в спальню зазвала свою любимицу и смеялась с ней тем заливающимся смехом, которым редко, но зато неудержимо смеются добрые старушки.

— Чему вы, татап? — спросила Соня из за ширмы.

— Соня, *он* (Долохов) не в ее вкусе, — и графиня закатывалась сильнее прежнего.

— Вы смеетесь, а не в моем вкусе, — повторяла Наташа, стараясь обидеться и не в силах удержаться от смеха.

— Что за божественное существо твоя кузина Софи! — сказал Долохов Nicolas, когда они увидались на другой день. — Да,¹ *Зачеркнуто*: и более всех Соне, которая

² *Зач.*: Лиза

счастлив тот, кто назовет другом такое неземное создание! Но не будем говорить про это. — Больше они не говорили о Соне, но Долохов стал ездить каждый [день], и Марья Ивановна Долохова со вздохом и тайно от сына иногда расспрашивала у Nicolas о его кузине Соне.

* № 83 (рук. № 86. Т. II, ч. 1, гл. I—IX).

В начале 1806-го года, Nicolas Ростов вернулся в отпуск. Ночью он подъезжал на перекладных санях к освещенному еще дому на Поварской. Васька Денисов ехал тоже в отпуск и Nicolas уговорил его ехать с собой и остановиться в доме отца. Васька Денисов спал в санях после перепою последней ночи на станции, где встретил товарищей.

«Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики!», думал Nicolas, на санях подаваясь вперед, как бы помогая этим лошадям.

— Денисов, приехали. Спит! «Вот он угол — перекресток, где Захар извозчик стоит; вот он и Захар и всё та же лошадь. Вот и лавочка, где пряники покупали». — Скоро ли? Ну!

— К какому дому? — спросил ямщик.

— Да к этому, к большому, как ты не видишь. Это наш дом, — говорил Ростов. — Ну да, это наш дом. Денисов! — крикнул он. — Денисов! Приехали!

Но Денисов только проснулся и ничего не ответил.

— Дмитрий, — обратился Ростов к лакею на облучке. — Ведь это в спальне огонь?

— Да, у папеньки в кабинете светит. Еще не ложились, — радостно отвечал Дмитрий.

— Смотри ж, не забудь тотчас достать мне новую венгерку, — сказал Ростов, ощупывая новые усы.¹

— Ну же пошел!² — кричал он ямщику. — Да проснись же, Вася, — обращался он к Денисову, который опять завалился.

— Да ну же, пошел,³ три целковых на чай, пошел! — закричал Nicolas, когда уже сани были за три дома от подъезда. Ему казалось, что лошади не двигаются. Но вот уже дом над головами и видны сени с знакомой отбитой штукатуркой на угле. Nicolas выскочил из саней⁴ и побежал в сени. Дом так же стоял неподвижно, нерадушно.⁵ Ничто не шевелилось. «Боже мой, всё ли благополучно?» — подумал Nicolas, останавливаясь и тяжело переводя дыхание, и побежал в переднюю. Слабый замок всё с тем же звуком отворялся. Старик Михайла⁶ спал на ларе. Прокофий лакей сидит и вяжет из покровок лапти.⁷ Он равнодушно взглянул на дверь.

¹ *Зачеркнуто*: Они были целы. «Ну, все хорошо».

² *Зач.*: — И не думают, что мы приехали. То-то ее сиятельство заплачет, — сказал Дмитрий.

³ *Зач.*: избыю!

⁴ *Зач.*: уже всходил в грязные барские сени и

⁵ *Зач.*: никто не знал, не встречал

⁶ *Зач.*: вот в очках

⁷ *Зач.*: «Боже мой, всё ли благополучно! Батюшки, не могу, задохнулся!» подумал Nicolas, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Михайла, что ж ты?

— Батюшки, светы! — вскрикнул он, узнав молодого барина. — Господи Иисусе Христе, что ж это? — И¹ Прокофий, трясаясь от² волнения, бросился к двери в гостиную, опять назад и припал к плечу Nicolas.

— Здоровы?

— Слава богу. Сейчас только поужинали.³

— Всё совсем благополучно?

— Слава богу, слава богу. И Nicolas, забыв совершенно о Денисове, не желая дать предупредить себя, скинув шубу, на цыпочках побежал в темную большую залу. Всё то же, те же ломберные столы,⁴ та же люстра⁵ в чехле. Но⁶ кто то уж видел Nicolas и не успел он добежать до гостиной, как что то стремительно, как буря, вылетело из боковой двери и обняло его. Еще другое, третье. Еще поцелуй, еще слезы, еще крики.

— А я то не знал... Коко... друг мой! Вот он... Наш то... Друг мой Коля...
Переменился! Нет. Свечей, чаю!⁷ Да меня то поцелуй! Душенька...⁸ А меня то.

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вера, старый граф обнимали его, и люди, и горничные, наполнив комнату, кричали и ахали. Петя повис на его ногах.

— А меня-то! — кричал он. Наташа, отскочив от него, после того как она, пригнув его к себе, расцеловала всё его лицо, держась за полу его венгерки, прыгала, как коза, всё на одном месте и пронзительно визжала. Со всех сторон были блестящие слезами радости любящие глаза, со всех сторон были губы, искавшие поцелуя. Соня, красная как кумач, тоже держалась за его руку и вся сияла в блаженном взгляде, устремленном в его глаза. Соня поразила его больше всех происшедшей в ней переменой. Ей только минуло шестнадцать лет, и она была необыкновенно хороша, особенно в эту минуту счастливого, восторженного оживления. Она смотрела на него, не спуская глаз, улыбаясь и задерживая дыхание. Он⁹ благодарно взглянул на нее, но¹⁰ всё еще ждал и искал кого то. Старая графиня еще не выходила. И вот послышались шаги в дверях. Шаги такие быстрые, что это не могли быть шаги его матери. Но это была она, в новом, незнакомом, сшитом без него платье. Когда они сошлись, она¹¹ упала на него рыдая.¹² Она не могла поднять лица и только прижимала его к холодным снуркам его венгерки.

¹ *Зачеркнуто:* Михайла задрожал

² *Зач.:* радости

³ *Зач.:* Поди, проводи, там офицер со мной,

⁴ *Зач.:* те же трещины на стенах

⁵ *Зач.:* грязная

Зач. в первой редакции: загаж[енная]

⁶ *Зач.:* девка одна

⁷ *Зач.:* — Со мной Денисов! — Прекрасно.

⁸ *Зач.:* Маман!.. Графинюшку приготовить!..

⁹ *Зач.:* радостно

¹⁰ *Зач.:* он через них

¹¹ *Зач.:* подбежала, падая

¹² *Зач.:* на грудь сына

Денисов, войдя незамеченным в комнату, стоял тут же¹ и, глядя на них, тер себе глаза.

Через несколько минут его заметили.

— Папенька, — друг мой Денисов.

— Милости прошу. Знаю, знаю.

Те же счастливые, восторженные лица обратились на мохнатую фигуру Денисова и окружили его.

— Голубчик Денисов! — взвизгнула Наташа,² — слава богу!³ Она подскочила к Денисову, обняла и поцеловала его.⁴ Денисов смутился и покраснел. Но Наташа была в таком восторге, что она только гораздо позже поняла неприличность своего поступка.

Денисова отвели в приготовленную⁵ для него комнату, а Ростовы долго не спали. Они сидели, столпившись вокруг Nicolas в мундире с крестом, с усами, почти не спуская с него восторженно влюбленных глаз, ловили каждое его движение, слово, взгляд. Старая графиня не выпускала его руки и всякую минуту целовала ее. Остальные спорили и перехватывали места друг у друга, поближе к нему, и Наташа с Петей подрались и заплакали оба за то, кому принести ему чай, платок, трубку. Nicolas было очень хорошо, но та минута, когда все наперерыв целовали его, была так хороша, что он всё ждал ее повторения и того, что было теперь, как оно ни было хорошо, ему было мало.

На другое утро приезжие, с дороги, спали до 10-го часа.⁶ В предшествующей комнате валялись сабли, сумки, тапки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги. Вычищенные две пары со шпорами только что поставлены у стенки. Слуги пронесли умывальники, горячую воду и вычищенные платья. Пахло табаком и мущинами.

— Эй, Г'ишка, т'убку! — крикнул хриплый голос Васьки Денисова. — Р'остов, вставай!

Nicolas, протирая слипавшиеся глаза, поднял спутанную голову с жаркой подушки.

— А что, поздно? — И в то же время он услышал в соседней комнате шуршанье свежих платьев, шопот девичьих, свежих голосов и, в чуть растворенную дверь, ему мелькнуло что то розовое, ленты, черные волосы и⁷ веселые лица. Это были Наташа с Соней и Петрушей, которые пришли наведаться, не встал ли Nicolas.

— Вставай, Коко! — послышался голос Наташи⁸ из чуть растворенной двери. Но Петя, в первой комнате увидав и схватив¹ *Зачеркнуто*: стал потирать себе глаза, которые, должно быть, отпотели от холоду.

² *Зач.*: не перестававшая бесноваться.

³ *Зач.*: и как только обратила на себя внимание

⁴ *Зач.*: Все, даже сам Денисов, сконфузились поступком Наташи.

⁵ *Зач. в первой редакции*: для сына комнату, а семейные пошли в графинин кабинет.

⁶ *Зач.*: В комнате было душно, нечисто.

⁷ *Зач.*: белые лица и плечи

⁸ *Зач.*: Вставай! — Полно, что ты! — шептала Соня. — Это твоя сабля? — кричал Петя. — Я взойду! и он

саблю и испытывая тот восторг, который испытывают мальчики¹ при виде воинственного старшего брата, забыв, что сестрам неприлично видеть раздетого Денисова, отворил дверь.

— Это твоя сабля? — закричал он. Девочки отскочили. Денисов, с испуганными глазами, спрятал свои мохнатые ноги в одеяло, за помощью оглядываясь на товарища.² Дверь опять затворилась и опять у нее послышались шаги и лепетанье.

— Nicolas, вставай, десять часов, выходи в халате, — говорил голос Наташи.

— Это твоя сабля? — спрашивал Петя. — Или это ваша?, с подобострастным уважением обращался он к усатому, черному Денисову. Nicolas поспешно обулся, надел халат и вышел. Наташа³ надела один сапог с шпорой и влезла в другой, Соня кружилась и только что хотела сесть, раздув платье, когда он вышел. Обе были в одинаковых новеньких платьях, свежие, румяные, веселые. Соня тотчас же убежала. Наташа схватила его под руку и повела в диванную. Они не успевали спрашивать друг друга и отвечать о тысяче мелочей, которые могли интересовать их одних. Наташа смеялась при всяком слове, которое он говорил, видимо не в силах спокойно удерживать своей радости.

[Далее со слов: Ах, как хорошо, — говорила она, — отлично!, кончая: — Ну, так что же? — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. I.]

— Да, так она любит меня и тебя.⁴ Ну, ты помнишь, перед отъездом... Так она говорит, что ты это всё забудь... Она сказала: я буду любить его всегда, а он пускай будет свободен. Ведь правда, что это, это отлично, благородно!⁵ Да, да, да? — спрашивала Наташа так серьезно и взволнованно, что Nicolas чувствовал что то, что она говорила, она прежде говорила со слезами.

Nicolas задумался.

— Я ни в чем не беру назад своего слова, — сказал он. — И потом Соня такая прелесть, что какой же дурак станет отказываться от своего счастья?

¹ Зачеркнуто: младшие братья

² Зач.: — Коко, иди в халате сюда, — кричала Наташа. Ростов вышел.

— А вы свеженькие, умытые, нарядные какие, — сказал он.

— Моя, моя, — отвечал он Пете, пристававшему с вопросом о сабле. Когда Nicolas вышел, Соня убежала в гостиную и от радости опять закружилась и села с раздутым платьем, а Наташа, схватив его за руку, повела в соседнюю комнату.

— Это Соня убежала? — спросил Nicolas.

— Да, она такая смешная. Ты ей рад?

— Да, разумеется.

— Нет, очень рад?

— Очень рад.

— Нет, ты мне скажи. Ну, поди сюда, садись. — Она усадила его и села подле него, разглядывая его со всех сторон и

³ Зач.: внимательно рассматривала снур[ы]

⁴ Зач.: Наташа всё улыбалась своей нежной, ласковой, освещающей улыбкой.

⁵ Зач.: закричала Наташа и, отвернувшись, спрятала в руки вдруг свое, изуродовавшееся слезами, счастливое лицо.

— Нет, нет, — закричала Наташа. — Мы про это уже с нею говорили. Мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься, то выходит, что она как будто нарочно это сказала. Выходит, что ты всё таки насильно на ней женишься, и выходит совсем не то.

Nicolas¹ видел, что всё это было хорошо придумано ими. Соня и вчера поразила его своей красотой. Нынче, увидав ее мельком, она ему показалась еще лучше. Она была прелестная 16-ти летняя девочка, очевидно страстно его любящая (в этом Nicolas не сомневался ни на минуту). «Отчего же ему было не любить ее и не жениться даже?» думал Nicolas. «Но не теперь. Теперь столько еще других радостей и занятий. Да, они это прекрасно придумали. Надо оставаться свободным».² — Ну и прекрасно, — сказал он, — всё сначала. Ну, да после поговорим. Ах, как я тебе рад, — сказал он. — Ну, а что же ты Борису не изменила? — спросил Nicolas.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время похода, покровительственный, поучающий тон, который принимал Борис с своим приятелем, и немного может быть то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов, и обогнал его по службе, делали то, что Ростов, не признаваясь в том, не любил Бориса, тем с большей силой, чем больше прежде он с ним был дружен.³ Он, улыбаясь, как бы шутя, но внимательно следил за выражением лица сестры в то время, как сделал ей этот вопрос.⁴

— Вот глупости, — сказала Наташа. — Я ему то же самое скажу, когда увижу. То было детское. И он может еще влюбиться и я... Она помолчала, — и я могу еще по настоящему влюбиться...⁵ Наташа вся вспыхнула и помолчала.

— Нет изменила. Я не такая, как Соня. Я гадкая *на этот счет*.

— *На этот счет*, — повторил Nicolas. — Так как же?

— Ах, это странно со мной случилось. Ты можешь себе представить, — говорила она с искренним удивлением, — что я совсем не его и любила. Я после узнала.

¹ *Зачеркнуто*: находился в нерешительности, что отвечать своей маленькой сестре.

— Я всё таки не могу отказаться от своего слова, — сказал он, но тон, с которым он сказал эти слова, показывал, что он уже давно отказался от него.

² *Зач.*: — Об этом поговорим, поговорим еще.

³ *Зач.*: Кроме того, ежели Наташа разойдется с Борисом, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношении с Соней, которое тяготило его тем, что это было обещание и стеснение свободы.

⁴ *Зач.*: Но Наташе в жизни ничто не казалось запутанным и трудным, особенно из того, что касалось ее лично. Она, не замешавшись, весело отвечала. — Борис — другое дело, — сказала она. — Он твердый, но всё таки про него я скажу, что

⁵ *Зач.*: Да и влюблена...

— Да ты в Fezzoni была влюблена?

— Нет, вот глупости.

— А кого же?

— Нет, я не скажу. Он уже женат, но всё таки я его люблю одного по настоящему.¹

— Вот как!

— Что ж тебе удивительно? — говорила Наташа. — Мне 15-й год, уж бабушка в мою пору замуж вышла. Ну, да это ничего. А что Денисов хороший? — спросила она вдруг.

— Хороший.

— Ну, и прощай, одевайся.² Он страшный!

— Васька? — спросил Nicolas, желая показать свою интимность с Денисовым.

— Да, что он очень хорош?

— Очень хорош. Кто же? — спросил Nicolas.

— Ну хорошо, я тебе скажу. Безухий, помнишь? он женат и всё, но это так, он у меня запасный. Я и в другого влюблюсь и всё, а он всё у меня запасный. Ну, приходи скорее чай пить. Все вместе.

Встретившись в гостиной с Соней, Nicolas покраснел. Он не знал, как обойтись с ней. Вчера они поцеловались, но нынче они чувствовали, что нельзя было этого сделать, и [он] чувствовал, что все, и мать, и сестры смотрели на него вопросительно и от него ожидали, как он поведет себя с нею. Он поцеловал ей руку и сказал ей «вы». Но глаза их,³ встретившись, сказали друг другу «ты» и нежно поцеловались.

Она просила своим взглядом у него прощения за то, что в посольстве Наташи она смела напомнить ему о его обещании, и благодарила его за его любовь. Он своим взглядом благодарил ее за предложение свободы и говорил, что так ли, иначе ли он никогда не перестанет любить ее, потому что нельзя не любить ее. Вера заметила, что как странно, что Соня с Nicolas теперь встретились на «вы», и заставила покраснеть не только их, но Наташу и старую графиню, которая боялась этой любви Nicolas к Соне, могущей лишить ее сына блестящей партии. Денисов,⁴ в новом мундире, напомаженный и надушенный, явился в гостиную таким же щеголем, каким он бывал в сражениях.

¹ *Зачеркнуто*: видно, желая его приготовить к тому, что очень скоро должно случиться, или уже случилось.

² *Зач.*: А какой твой друг?

³ *Зач.*: любовно и без тревоги, и с счастьем, и благодарностью высказались друг другу.

⁴ *Зач.*: к удивлению Ростова в дамском обществе был оживлен, весел и любезен, каким он никак не ожидал его.

Старый гусар обворожил своей простой и задушевной манерой обращения всех в доме и особенно Наташу, <которой он восхищался> которая не спускала с него глаз, при всех звал ее волшебницей и говорил, что его гусарское сердце ранено сильнее, чем пулей под <Аустерлицем> Аурштетом. <Наташа прыгала, задирала его и пела ему чувствительные романсы, до которых он был большой охотник.> Наташа сияла от радости, всячески вызывала его на похвалы себе и забавляла отца и пугала мать своей страшною способностью и склонностью к кокетству. <Он писал ей стихи и забавлял весь дом, и особенно

<Буйный гусар обворожил всех в доме и особенно Наташу, с которой он тотчас же вступил в шуточные отношения влюбленного. Он говорил, что сердце его прострелено вчера вечером, что Наташа опаснее французских стрелков, и Наташа, глядя на него, сияла одушевлением и радостью. Денисов пробыл неделю у Ростовых и поехал в Тверь к своим родным. Перед концом своего отпуска он обещал погостить еще у Ростовых и вместе с Nicolas ехать в полк.

Денисов с первого дня поставил себя к ней в шуточные отношения влюбленного; но Наташа тотчас же разобрала под этими шуточными отношениями и то, что Денисов счастлив бы был, ежели бы они были нешуточные. Мать, все наблюдавшая, со страхом видела, как эта четырнадцатилетняя девочка была совсем женщина, как действовали на нее, возбуждая, лесть и похвалы и как, в присутствии Денисова, она делалась нешуточно возбужденною и привлекательною.>

¹Вернувшись в Москву из армии, Nicolas Ростов был принят домашними — как лучший сын, герой и ненаглядный Коко, родными — как милый, приятный и почтительный молодой человек, знакомыми — как красивый гусарский поручик, милый певец, прекрасный танцор и один из лучших женихов Москвы. Знакомство у Ростовых была вся Москва, денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что² перезаложены все имения, и потому Nicolas, заведя своего собственного рысака и самые модные, особенные, каких ни у кого еще в Москве не было, рейтузы и сапоги,³ проводил время очень весело. Nicolas, вернувшись домой, испытал приятное чувство, после некоторого промежутка времени, примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос.⁴ Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен, занимание денег у Гаврилы на извозчика, тайные поцелуи с Соней, — он про всё это вспоминал как про ребячество, от которого он так неизмеримо был далек теперь. Теперь он — гусарский поручик в серебряном ментике, с солдатским Георгием, готовит своего рысака на бег. Носки у его сапог — острые и панталоны — такие, какие только у трех военных в Москве. У него знакомая дама на бульваре, к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом Наташу, своими влюбленно шуточными отношениями. Может быть в душе его отношения эти к веселой 14-ти летней девочке не были совсем шуточными, но их он сам и все признавал такими. Наташа сияла счастьем и видно было, как осязательно похвалы и лесть возбуждали ее и делали ее более и более привлекательною.>

¹ *На полях:* лганье перед собой и другими, скука, за карта[ми], за разговорами и друг перед другом ломались

² *Зачеркнуто:* продан лес и

³ *Зач.:* и серебром шитый новый ментик, который и больше всего занимал его

⁴ *Зач.:* Он с презрением вспоминал о венчании куклы с Борисом, о тайных поцелуях с Соней.

Каменским, бывал в английском клубе и был на *ты* с¹ одним сорокалетним полковником, с которым познакомил его Денисов. Страсть его к государю ослабела, так как он не видал и не имел случая видеть государя.² Но он часто рассказывал о государе, о своей любви к нему, давая чувствовать, что он еще не всё рассказывает, что что то еще есть в его чувстве к государю, которое не может быть всем понятно,³ и от всей души присоединялся к общему в то время в Москве чувству обожания к императору Александру Павловичу, которому в Москве в то время было дано наименование — ангела в плоти.⁴

В это короткое пребывание Ростовых в Москве, до отъезда в деревню, Nicolas не сблизился, а напротив разошелся с Соней. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно и верно любила его. Жюли Ахрасимова льстила его самолюбию, кокетничая с ним. Было еще несколько барышень, и даже одна дама, которые нравились ему; но он был в той поре молодости, когда кажется так много дела, что *некогда* этим заниматься, и молодой человек боится связываться, дорожит свободой, которая ему нужна на другое. И о Соне, и о Ахрасимовой, и о других он думал: «Э! еще много, много таких будет и есть, там где то, мне еще неизвестных. Еще успею». Кроме того, ему казалось что то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество, притворяясь, что делал это против воли, когда его насильно затаскивали туда. Бега, Аглицкий клуб, кутеж с Денисовым, поездка *туда* — это было другое дело, это было прилично молодцу гусару.

[*Далее со слов:* В начале марта старый граф Илья Андреич Ростов... *кончая:* ...вода разливается там больше, где глубже. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 1, гл. II—III.]

¹ *Зачеркнуто:* старыми московскими кутилами. Он занят был большую часть времени своим рысаком и модной попоной, сапогами и перчатками по новой моде и новыми, всё новыми знакомствами с людьми, которые все были рады с ним знакомиться.

² *Зач.*: Но воспоминание об этой страсти и о впечатлении Вишау и Аустерлица было одно из самых сильных.

³ *Зач.*: Впрочем, в то время столь многие разделяли чувство Ростова, что он не мог забыть его и наименование, данное в Москве

⁴ *Зач.*: часто повторялось Ростовым. Обыкновенное впечатление его за это время пребывания в Москве было ощущение узкости лаковых, новеньких гусарских сапог на ногах, новых замшевых перчаток на вымытых руках, запах от фиксажура на выраставших усах и впечатление поспешности, ожидания чего-то очень веселого и неосуществление этого ожидания, и новые ожидания.

Часто, когда он оставался дома, ему думалось, что грешно ему, со всеми его <прихотями> преимуществами, так терять время, не давая никому ими пользоваться, и он всё торопился куда нибудь ехать. Когда же он пропускал обед, вечер или холостую пирушку, ему казалось, что там то, где он должен был быть, и случится то особенно счастливое событие, которого он как будто бы ожидал. Он много танцевал, много пел, много писал стишков в альбомах дамам и каждый вечер спрашивал себя, не влюблен ли он в ту или в эту. Но нет, он не был влюблен ни в кого, еще меньше в Соню, которую он просто любил. И оттого не был влюблен, потому что был влюблен сам в себя.

Перед самым обедом граф Илья Андреич представил князю своего сына. Он твердо был уверен, что он был более герой, чем князь Багратион, и Багратион, узнав его, сказал несколько неловких слов, как и все, которые он говорил в этот день. Граф Илья Андреич¹ радостно и гордо оглядывался в то время, как Багратион говорил с его сыном.

Nicolas Ростов² с Денисовым и Долоховым сели вместе почти на середине стола.

[Далее со слов: Напротив них сидел Pierre с своей свитой и князь Несвитский, кончая: При этом тосте граф вынул платок и зарыдал слезами. — близко к печатному тексту. Т. 1, ч. 2, гл. II—III.]

Pierre сидел против Долохова и Nicolas Ростова.³ Он много и жадно ел, как и всегда. Но когда не ел, то сидел, шурясь и морщась, глядя на первое попавшееся ему лицо, и, с видом совершенной рассеянности, ковырял себе в носу.⁴ Лицо его было уныло и мрачно.⁵ Он, казалось, ничего не видел и не слышал⁶ и думал¹ *Зачеркнуто*: всех оглядывал, уверенный, что все так же рады, как и он, этому важнейшему, по его мнению, событию дня.

² *Зач.*: познакомился в этот день с Долоховым. И этот странный человек поразил и привлек его, как и всех. Ростов не отходил от него и с ним вместе, благодаря представлению Багратиону, они сели ближе к центру.

³ *Зач.*: и Nicolas не мог в душе не смеяться на ту странную фигуру, которую представлял этот молодой богач. Pierre, когда не ел,

⁴ *Зач.*: Он и прежде не имел вид ловкого молодого человека, но тогда, по крайней мере, он был добродушно весел, теперь же лицо его выражало апатию и усталость. Он был похож, на глаза Ростова, на идиота.

В ту минуту как Nicolas, удивляясь на тупую фигуру, смотрел на него, Pierre рассуждал о том, что Аустерлицкое сражение было ведено неправильно и что надо было атаковать с правым флангом... Ростов, говоря с соседом, сказал в это время:

— Да, уж никто лучше меня не видал во всех концах Аустерлицкое сражение.

— Скажите, — вдруг обратился к нему Pierre, — отчего же, когда центр наш был прорван, мы не могли поставить его между двух огней?

— Оттого, что некому было приказывать, — отвечал за Ростова Долохов. — Ты бы хорош был на войне, — прибавил он.

Ростов и Долохов засмеялись.

Pierre поспешно отвернулся и опять задумался. Когда пили здоровье государя, он так задумался, что не встал и его сосед толкнул его. Он выпил бокал и встал, оглядываясь. Дождавшись, когда все сели, он опять сел, взглянул на Долохова и покраснел. После официальных тостов, Долохов предложил Ростову тост за красивых женщин и, с серьезным лицом

⁵ *Зач. в первой редакции*: Последнее время он слушал беспрестанные рассказы про войну, предмет, занимавший его теперь так же, как прежде <политика> была стратегия. Он целые дни проводил в кабинете над картами, делая военные соображения. Но прежде, ежели он любил, как умственное упражнение, разнообразившее его жизнь, свои чтения и мечтания, теперь он отдавался, как пьяница отдается вину — запоем. Он, чувствуя, что что то не хорошо, нечестно, не то в его жизни и боясь исследовать эту жизнь, отворачивался от нее и спасался в этом стратегическом запое. Теперь, видя перед своими глазами Долохова, того человека, который напоминал ему больше чем кто-нибудь другой то, что в его жизни было что то не то, он по привычке обращался к своему умственному запою

⁶ *На полях первой редакции*: <Объяснение Пьера с женой. Разве весело с дураком мужем. Он озлобился и прогнал.>

о чем то одном и не разрешенном.¹ Этот неразрешенный, мучивший его вопрос были намеки княжны в Москве на близость Mortemart к его жене и в это же утро полученное им письмо анонимное, почерк которого был похож на почерк Долохова, и в котором было сказано то же. Долохов сидел теперь перед ним и в прекрасных, наглых глазах, изредка насмешливо на него устремленных, он читал очевидное подтверждение своей догадки. Представляя себе всё прошедшее своей жены, он видел ясное доказательство, что в письме была сказана правда; повторяя в своем воображении свои отношения с Долоховым, особенно с того времени, как Долохов вернулся из армии, он чувствовал, что его догадка о том, что автор письма был Долохов, была правда. После кампании, Долохов, пользуясь своими кутежными отношениями дружбы с Pierr'ом, прямо приехал к нему и хотел у него остановиться. Hélène потребовала от Pierr'a, чтобы он отказал человеку такого дурного общества. Pierre отказался и тогда сама Hélène написала Долохову холодное и резкое письмо, в котором она просила его оставить их дом. За это мстил Долохов. Так думал Pierre. Кроме того, он знал Долохова. Он знал, что у этого человека, среди самых мирных условий жизни, бывали потребности жестокости и отчаянности. Он знал то выражение, которое принимало лицо Долохова, когда на него находили такие минуты, как те, в которые он связывал квартального с медведем и пускал его на воду, или когда он вызывал, без всякой причины, на дуэль человека, или убивал из пистолета лошадь ямщика. Это выражение было теперь на лице Долохова. Pierre задумчиво смотрел на него и видел, что ему надо предпринять что то. Он не знал, что именно ему надо было предпринять, и об этом он думал за обедом, сидя против веселой компании Долохова, Денисова и Ростова.

Эти господа были очень веселы, в особенности два последние.

[Далее со слов: Nicolas весело переговаривался с своими двумя приятелями...

кончая: Pierre нагнулся всем тучным телом через стол. — *близко к печатному тексту.*
Т. II, ч. I, гл. III.]

— Это неучтиво!

— Вы меня учить хотите? — сказал Долохов, придерживая бумагу.

Pierre — всё пристрастник Бонапарта.

Князь Андрей знакомит его с Ш[иллером] и Гер[дером.]

Долохов знает грубость жизни, от того побеждает в жизни.

Долохов должен на слово десять тысяч Безух[ову.]

¹ *Зачеркнуто:* Долохов после кампании приехал в Петербург и, пользуясь своей прежней кутежной связью с Pierr'ом, остановился в доме Безухого так нагло и естественно, что Pierr'у не могло притти в голову, что это могло быть иначе. В доме Pierr'a, познакомившись с его женою, Долохов пробыл два месяца. Когда Pierre с женою поехали в Москву, Долохов поехал с ними. В Москве, кроме намеков старшей княжны, Pierre, на третий день своего приезда, накануне обеда в клубе, получил письмо без подписи, написанное знакомой женской рукой. В письме говорилось, что Pierre ослеп без очков, что Долохов, его друг мнимый — любовник его жены. Никогда ничего подобного не приходило в голову Pierr'a, но, когда он прочел письмо, он почувствовал, что это правда и что ему невозможно жить так, как он жил прежде.

— Дайте мне! — крикнул Безухов.

Услышав этот крик и увидав, к кому он относился, несколько человек вскочило и бросилось к графу Безухову.

— Полноте, полноте, граф,¹ что вы? — с разных сторон² шептали испуганные голоса³ Pierr'у. Долохов⁴ посмотрел на Pierr'a совсем другими, светлыми, веселыми, жестокими глазами, с той же улыбкой, как будто он говорил:⁵ «А вот это я люблю».

— Не дам, — проговорил он отчетливо.

Pierre засопел⁶ носом и побледнел.

— Вы... вы... негодай!... я вас вызываю, — проговорил он.⁷ И, двинув стул, встал и вышел изо стола.⁸

Несмотря на просьбы Денисова, чтобы Ростов не вмешивался в это дело, Ростов согласился быть секундантом Долохова, переговорил с Несвицким, секундантом Безухова, об условиях дуэли. Pierre уехал домой, а Nicolas с Долоховым и Денисовым до позднего вечера просидели в клубе, слушая песенников и цыган.

Денисов вызвался быть вторым секундантом.⁹

— И ты спокоен? — спросил Ростов, прощаясь с Долоховым.

— Совершенно... — Долохов остановился. — Вот видишь ли, я тебе в двух словах открою всю тайну дуэли. Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещанья, да нежные письма родителям, ежели ты думаешь о том, что тебя могут убить, ты — дурак и наверно пропал; а ты иди с твердым намерением его убить, как можно поскорее и повернее, тогда всё исправно. Как мне говаривал наш костромской медвежатник. «Медведя то, говорит, как не бояться, да как увидишь его, и страх прошел — как бы только не ушел». Ну, так то и я. *A demain, mon cher!*¹⁰

На другой день в Сокольниках Pierre, такой же рассеянный, недовольный, морщась, смотрел вокруг себя на тающий снег и круги около голых деревьев и на секундантов, которые озабоченно размеряли шаги и втыкали сабли, означавшие барьер. Он имел вид человека,¹¹ занятого какими то соображениями, вовсе не касающимися до предстоящего дела.¹² И действительно это так ¹ *Зачеркнуто*: шепнул сосед Безухова, знавший Долохова за бретера

² *Зач.*: заговорили

³ *Зач.*: обращаясь к

⁴ *Зач.*: удивленно

⁵ *Зач.*: как будто он зазывал его

⁶ *Зач.*: как будто рыдания подступали ему к горлу

⁷ *Зач.*: и ни сосед его, ни Несвицкий не могли удержать его

⁸ *Зач. в первой редакции*: Благодаря <тому> конца обеда, немногие заметили эту сцену.

⁹ *Зач.*: — Ему не выгодно, — сказал Долохов Ростову, — когда у него триста тысяч дохода <и такая жена>, и скандал во всяком случае, а мне славная вдовушка... Прощай, до завтра в Сокольниках. А мне чутье говорит, я его не убью. <Ну, до завтра, — сказал Долохов>

¹⁰ До завтра, мой милый!

¹¹ *Зач.*: все еще

¹² *Зач.*: И действительно, с утра еще он раскрыл свои карты и сделал распоряжения нового Аустерлицкого сражения, по которым Наполеон был разбит. Он не только не прощался с женою, или с кем-нибудь, но по привычке

было: он думал о пустяках, не касающихся дела, потому что слишком сер[ьезно] страдал в эту ночь.

Когда всё было готово, секунданты сделали попытку примирения. Несвицкий подошел к Pierre'у.

— Вы были неправы, граф. Это я должен вам сказать.

— Да, да, ужасно глупо, — сказал Pierre.

— Только позвольте мне, я так это устрою! — радостно¹ сказал² Несвицкий. — Вы можете сказать, что вы сожалеете... я устрою.

— Что устрою? — спросил Pierre. — Ах да,³ это. Нет что же, всё равно, — прибавил он.⁴ — Давайте. Вы мне скажите только как, куда ходить и стрелять куда?⁵ — сказал он добродушно и рассеянно,⁶ выказывая улыбкой свои⁷ зубы. — Я ведь этого никогда не делал. — И он стал расспрашивать о способе спуска и любовался остроумной выдумкой Шнеллера. Он никогда до сих пор не держал в руках пистолета.

— Никаких извинений, ничего, — решительно отвечал Долохов Денисову. Nicolas, Денисов и Несвицкой с ужасом видели, что страшное дело, начавшееся так легко, уже ничем не могло быть предотвращено, шло само собою уж независимо от воли людей и должно было совершиться. Они стали сходитьсь. Долохов,⁸ улыбаясь ртом, светло и строго смотрел наглыми, прекрасными голубыми глазами.

— Не хочу первого выстрела, — сказал он, — что его, как цыпленка, застрелить, — прибавил он тихо, — и так всё на моей стороне. — Ростов, как неопытный секундант, согласился, радуясь на великодушие своего нового друга. Им подали пистолеты увлекался умственной работой, стараясь забывать про настоящее; только изредка <он> вспоминал только, что он нынче, сейчас стреляется с известным стрелком из пистолета и бретером, а сам не умеет <стрелять> держать пистолета. Утром приехавший за ним Несвицкий напомнил ему предстоящее и стал, повторяя вчерашнее, доказывать ему, что он был неправ, а, главное, не расчетлив, вызывая такого стрелка, как Долохов, и давая ему первый выстрел.

— Я не хочу вмешиваться, но вообще это глупо, — сказал Несвицкий.

— Да ужасно, ужасно глупо, — морщась и почесываясь, сказал Pierre.

<Но он был занят соображениями, вовсе не касавшимися дуэли: он думал о том, как больно будет, коли пуля попадет ему, например, в локоть или коленку, думал о том, каким образом откроется ему новый свет, ежели он есть за гробом, и что скажет его жена, когда его принесут к ней убитым. Думал о том, что виноват ли он в том, что не верит в будущую жизнь, или это есть общий удел человека...>

Об этом и тому подобных вопросах он думал всю эту бессонную ночь и теперь продолжал думать.>

¹ Зачеркнуто: вскакивая

² Зач.: некровожадный

³ Зач.: дуэль.

⁴ Зач.: Они уж приготовились. Когда на месте секунданты делали последнюю классическую попытку примирения, Pierre молчал, думая о другом.

⁵ Зач.: когда?

⁶ Зач.: улыбаясь.

⁷ Зач.: порченые

⁸ Зач.: весело

и велели сходить на пятнадцать шагов до двадцати, стреляя кто когда хочет.

— Так и сейчас можно выстрелить? — спросил Pierre.

— Да¹ нет, ты послушай... ах... — говорил Несвицкой.

Pierre взял своей большой пухлой рукой пистолет осторожно и робко, видимо боясь как бы не убить самого себя, и, поправив очки, пошел к² воткнутой сабле. Только что он подошел, он, не целясь, поднял пистолет, выстрелил и вздрогнул. Он даже пошатнулся от звука своего выстрела, потом улыбнулся сам своему впечатлению и стал отыскивать глазами Долохова.³ Дым помешал видеть первое мгновение. Но когда он разошелся, Pierre увидел Долохова, как будто заторопившегося и ищущего что то вокруг себя.

Одной рукой он держался за левый бок, из которого лила кровь, другой искал выпавший пистолет. Pierre, сморщившись, как будто он плакал, бросился к нему, но Д[олохов] остановил [?] его. Ростов,⁴ задыхаясь и не веря своим глазам, подбежал к нему.⁵

— Кто ранен? Кто стрелял? — делал он вопросы, не имеющие смысла.

Долохов, не переменяя выражения лица,⁶ сделал несколько падающих, ковыляющих шагов до самой сабли Ростова и тяжело, но, видимо, не против воли, упал на правый бок. Брови его сдвинулись, он, молча, не раскрывая губ,⁷ подобрал ноги и сел.

— Поддай, — проговорил он поспешно⁸ Ростову, указывая на пистолет. Ростов подал ему пистолет. Долохов⁹ поправился задом, отыскивая прочный центр тяжести. Левая рука его была вся в крови, он обтер ее о сюртук и оперся ею.¹⁰

— Пожалу... — начал Долохов, но не мог сразу выговорить.

— Пожалуйста к барьеру, — проговорил он с страшным усилием. Pierre поспешно, с учтивым желанием не заставить себя ждать, подошел к самой сабле Несвицкого и стал прямо против Долохова, в десяти шагах от него.

— Боком, закройся пистолетом. Грудь, грудь, — кричал Несвицкий, зажмуриваясь и открывая глаза. Pierre стоял с неопределенной улыбкой сожаления, глядя¹¹ на Долохова. Долохов поднял пистолет, углы губ его всё улыбались, глаза блестели¹
Зачеркнуто: как дойдешь до первого барьера.

² *Зач.:* дереву

³ *Зач.:* <Долохов упал, уронив пистолет. — Дурацкое счастье, — крикнул он сквозь зубы, схватившись.> Долохов искал чего то вокруг себя, заторопился и упал на бок, и сел задом на землю.

⁴ *Зач.:* подошел

⁵ *Зач.:* — Ах, боже мой! — проговорил он, становясь перед ним на колени.

Долохов оглянулся на него, нахмурился и указывая на пистолет.

⁶ *Зач.:* тихо сел на зад

⁷ *Зач.:* указал Ростову на пистолет

⁸ *Зач.:* выговаривая это слово

⁹ *Зач.:* сел на задницу

¹⁰ *Зач.:* — Пожалуйста, — проговорил он Pierr'у. Долохов хотел взглянуть ястребиным взглядом на Pierre'a и начал было: — пожалу... — но не мог.

¹¹ *Зач.:* через очки

усилием и злобой последних, собранных сил. Несвицкий и Pierre зажмурились. В одно и то же время они услышали выстрел и¹ злой крик Долохова.

— Чорт...² дрогнула — несите! — и он бессильно лег на снег. Он необыкновенно тонким и маленьким вдруг показался Pierr'у. Pierre³ двинулся было к Долохову, хотел подойти, но потом⁴ вздрогнул, как когда мурашки пробегают по телу, и, повернувшись, пошел назад. Но вместо того, чтобы идти к своей карете, зашел бы куда то в лес, коли бы его не остановил Несвицкий.

— Как глупо! Как глупо! — всё твердил он, морщась.⁵ Несвицкой повез домой Pierr'a. Ростов с Денисовым повезли раненного Долохова. Долохов всё время переезда лежал в коляске молча и с закрытыми глазами. Но въехав в Москву, он вдруг очнулся, схватил за руку сидевшего подле себя Ростова и восторженным, отчаянным взглядом посмотрел ему в лицо.

— Ростов! — сказал он, — у тебя есть мать. Ты понимаешь это чувство. Я нынче оставил мою обожаемую, бесценную мать спокойной и ничего не ожидающей... Ежели меня принесут к ней в таком виде, она не перенесет этого... Боже мой, что я сделал... Скажи к ней... Приготовь ее. Одно, о чем умоляю тебя.

Ростов поехал вперед исполнять поручение и к великому удивлению своему узнал, что Долохов, этот буян, бретер Долохов, жил в Москве с старушкой матерью и горбатой сестрой, содержал их и был самый нежный сын и брат.

Pierre виделся последнее время с женой⁶ редко и никогда с глазу на глаз. И в Петербурге и в Москве дом их постоянно бывал полон гостями. В следующую ночь после дуэли он, как и часто делал, не пошел в спальню и остался в своем огромном, отцовском кабинете, том самом, в котором умер старый граф Безухов.⁷

Как ни мучительна была вся внутренняя работа прошедшей, бессонной ночи, теперь началась еще мучительнейшая. Он прилег на диван⁸ и хотел заснуть для того, чтобы забыть всё, что было с ним, но он не мог этого сделать.⁹ Он должен был вскочить с дивана и быстрыми шагами ходить по комнате.

Лицо Долохова страдающее, умирающее, злое и всё с притворностью какого то молодечества, не выходило у него из воображения и требовало, неумолимо требовало, чтоб он остановился и обдумал¹ *Зачеркнуто*: отчаянный

² *Зач.*: ее возьми

³ *Зач.*: повернулся

⁴ *Зач.*: раздумал и сморщенный

⁵ *Зач.*: и ковыряя в носу. Всю дорогу он что то бурчал, но ничего не отвечал на вопросы: что? Несвицкого.

⁶ *Зач.*: лишь по ночам, либо при гостях, которых у них бывал полон дом. В ночь с 4-го на 5-ое марта он не пошел спать к жене.

⁷ *Зач.*: Он лег, но не спал целую ночь и взад

⁸ *Зач.*: но тотчас же вскочил и взад и вперед стал ходить по комнате

⁹ *Зач. в первой редакции*: Так же, как прежде он отгонял от себя впечатления и мысли настоящего, так он теперь по привычке, вспоминая о своих стратегических занятиях, он отгонял их и думал об одном страшном настоящем, стараясь вполне теперь понять его.

значение этого лица, значение и участие этого лица в своей жизни, и всю эту прошедшую жизнь. Памятное прошедшее его начиналось в его воспоминании со времени женитьбы (до этого было всё ровное счастье), а женитьба следовала так скоро после смерти отца (так мало он успел опомниться в своем новом положении тогда), что ему казалось, что и то и другое случилось вместе.

«Что ж было? — спрашивал он сам себя. — В чем же я виноват?»¹ Да, всё это ужасное воспоминание, когда я после ужина у князя Василья и сказал эти глупые слова: «Je vous aime».² Всё от этого, я и тогда чувствовал. Я чувствовал тогда, что не то, так и вышло». Он вспоминал медовый месяц, и ему стыдно стало, как было стыдно тогда, и всё первое время.³ Особенно живо, и оскорбительно, и постыдно было для него воспоминание, как однажды, вскоре после своей женитьбы, он в 12-м часу дня, в шелковом халате, пришел из спальни в кабинет и в кабинете застал главного управляющего, который почтительно поклонился, поглядел на лицо Pierr'a, на его халат и слегка улыбнулся, как бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствие к счастью своего принципала. Pierre краснел всякий раз, как живо вспоминал этот взгляд. Еще одно из оскорбительнейших воспоминаний было то, что для нее, для жены, он перестал носить короткие волосы и очки. Теперь он вспомнил это и охнул. Он вспомнил, как он видел ее еще прекрасною, как она поражала его своей гордостью, спокойствием, умением безыскусственно и изящно обращаться в высших сферах. Как его поражало ее искусство управлять домом и самой быть *grande dame*,⁴ и поставить дом на ногу *grand seigneur*'скую.⁵ Потом он вспоминал, как он привыкал уже к тем формам изящества, в которые она так умела облекать себя и свой дом, как он стал искать содержания и не находил его. За блестящими формами не было ничего. Они были ее целью. И холодность ее всё увеличивалась. Он вспоминал, как он нравственно суживал глаза, чтобы найти ту точку зрения, с которой бы он увидел что-нибудь хорошее, какое-нибудь содержание, но ничего и никакого.¹ *Зачеркнуто в первой редакции:* спрашивал он сам себя. «Она мне нравилась. С нею я сам себе казался прекрасен, и новый блестящий мир раскрывался мне при ней». Какое это было чувство, он не мог вспомнить теперь хорошенько, так оно было затемнено злым чувством к этой великолепной Héléne. «Но что-то было, правда что было. Она с своим олимпийским равнодушием улыбалась мне, ласкала меня; я думал, что это любовь». Он вспоминал тоже этот голос стыдливости, чувства сознания, что не для него были назначены эти наслаждения и боязни. «Но всё равно, я не сделал ничего дурного, женившись на ней. И что ж было?» И ему вспоминалось это чувство разочарования, охватившее его в первую же ночь. Для него только или для всех, он видел, что эта прелестная женщина была холодна, как лед, даже для чувственных наслаждений. Но красота ее подавляла и это чувство. Он вспоминал, как он искал той точки зрения, чтобы

² Я вас люблю.

³ *На полях в первой редакции:* Стыдно б[ыло] в халате; втянут в эту жизнь. Элен ночью приходила за ним. Она — такт, под которым ничего нет.

⁴ [важной дамой]

⁵ [аристократическую.]

не было. И не было в ней недовольства этим отсутствием. Она была довольна и спокойна в своей штофной гостиной, с жемчугами на прелестных плечах. Анатолий ездил к ней занимать у ней деньги и целовал ее в голые плечи. Она отгоняла его от себя, как любовника. Он, шутя, возбуждал ее ревность; она с спокойной улыбкой сказала, что она не так глупа, чтобы быть ревнива, пусть делает, что хочет.

Pierre спросил раз, не чувствует ли она признаков беременности. Она засмеялась презрительно и сказала, что она не дура, чтобы желать иметь детей, и что от него детей у нее не будет.

Потом он вспомнил грубость, ясность ее мыслей и вульгарность ее выражений: «я не дура, поди сам, allez vous promener»,¹ свойственные ей, несмотря на ее воспитание в высшем, аристократическом кругу. Часто, глядя на ее успех в глазах старых, молодых мужчин и женщин, Pierre недоумевал и не мог понять, отчего он не любит ее. Вспоминая себя за всё это время, Pierre помнил в себе только чувство ошалелости, зажмуренности, с которыми он шел и не позволял руководить себя, чувство удивления, равнодушия и нелюбви к ней, и постоянно чувство стыдливости за не свое место, за глупое положение счастливица,² обладателя красавицы. Потом он вспоминал, как незаметно, независимо от его воли, видоизменялись все условия его жизни, как он втягивался в ту жизнь барича, праздного аристократа, которую он, напитанный идеями французской революции, так строго судил прежде. Деньги у него брали все, со всех сторон, и у него требовали денег, и обвиняли в чем то его. Время его всё было занято. От него требовали самых пустых вещей — визита, выезда, обеда, но эти требования без перерыва следовали одно за другим. И требования эти делались так просто, с таким сознанием, что это так должно быть, что ему не могло притти в голову отказать. Но вот³ в Москве намеки княжны, это анонимное письмо, и всё стало ясно.⁴ «Да, да, я не мог никогда переносить его», думал Pierre о Mortemart'e. Он даже в своих мыслях не мог назвать его. И теперь Долохов, вот он, сидит на снегу⁵ и насильно улыбается, и умирает с проклятиями. Но это бы еще не так ужасно, а с притворным каким молодечеством.⁶

Pierre был один из тех людей, которые, несмотря на свою внешнюю,¹ [убирайтесь,]

² *Зачеркнуто*: когда он встречался даже с своим камердинером, выходя из спальни своей жены в шелковом, шитом, ярком халате, который она подарила ему.

³ *Зач.*: в Петербурге перед отъездом он получил анонимное письмо, что Долохов — любовник его жены, что очки плохо видели. Он бросил письмо, сжег его, но, не переставая, думал о нем. Долохов, действительно, был ближе всех с его женой.

Когда он приехал в Москву, на другой же день он увидел за обедом в клубе Долохова.

⁴ *Зач.*: Так вот отчего я еще прежде перестал любить Долохова.

⁵ *Зач.*: перед ними

⁶ *Зач.*: Что за пуганица! Что за бессмыслица!

так называемую, слабость характера, не ищут confident¹ для своего горя. Он перерабатывал один в себе свое горе. «Она, во всем, во всем она, без темперамента, без сердца, без ума, она была во всем виновата», говорил он сам себе. «Но что ж из этого? Зачем я себя связал с нею, зачем я ей² сказал этот: «je vous aime», который был ложь и еще хуже что то», сказал он сам себе. «Я виноват и должен нести... что?»³ Позор имени, несчастье жизни? Э, все вздор», подумал он.

«Людовика XVI казнили за то, что он был бесчестен и преступник. Потом Робеспьера казнили... за то, что он был деспот. Кто прав, кто виноват? Никто. А жив, и живи. Завтра умрешь, как мог я умереть час тому назад, как умрет этот Долохов. И стоит ли того мучиться, когда жить остается одну секунду в сравнении с вечностью? Мне ничего не нужно. Мне довольно себя. Но⁴ чтоб она только оставила меня в покое». И как только он вспомнил о ней, он чувствовал прилив крови к сердцу и должен был вставать и двигаться. Зачем я сказал: «je vous aime? Mais que diable allait il faire dans cette galère»,⁵ вспоминал он. «Боже! Какая всё это глупость и гадость!»⁶

На него он не чувствовал никакой злобы. Он ему был гадок,⁷ мучителен, но, очевидно, прав именно перед ним, победоносно прав.⁸ Ночью он позвал камердинера и велел укладываться, чтоб ехать в Петербург. Он не мог оставаться с ней под одной кровлей. Не только говорить с нею, но и писать, он ей не мог этого написать, нельзя было.

Утром, когда камердинер,⁹ внося кофе, вошел в кабинет, Pierre¹⁰ лежал на оттоманке и читал, действительно читал и понимал новую книгу госпожи Сталь.

— Всё готово?

— Готово-с.

— Графиня приказали спросить, дома ли вы? — спросил камердинер.

Но не успел он этого сказать, как сама графиня в белом, атласном халате, шитом серебром, и в простых волосах (две огромные косы en diadème¹¹ огибали два раза ее прелестную голову) вошла¹ поверенного

² *Зачеркнуто в первой редакции:* навязал себя

³ *Зач. в первой редакции:* Э! пускай она делает, что хочет. Я стоял выше этого и буду стоять выше

⁴ *Зач.:* с нею что делать? — опять предстал ему вопрос, — зачем я связался с нею?

⁵ я вас люблю? [Но какого чорта понесло его на эту галеру,]

⁶ *На полях:* Je suis сосу [я рогат] — ко всему.

⁷ *Зач.:* тяжел

⁸ *Зач.:* По причинам, которые вы знаете, я должен был драться на дуэли с человеком, который говорил при мне о вас правду. Жить с вами я больше не могу и не желаю вас видеть. Мои р[аспоряжения]

⁹ *Зач.:* с удивлением заметив, что граф не ложился

¹⁰ *Зач. в первой редакции:* сказал себе это изречение, обвинявшее одного его, заставлявшее его одного нести на себе всю тяжесть положения и потому успокоившее его.

¹¹ диадемою

в комнату спокойно, величественно, но на прелестном, мраморном лбе ее была морщинка гнева. Она, с своим все выдерживающим тактом, не стала говорить при камердинере. Она знала о дуэли и пришла говорить о ней. Она дождалась пока камердинер уставил кофе и величественным жестом указала ему дверь. Pierre¹ робко чрез очки посмотрел на нее и, как заяц, окруженный собаками, прижимая уши, продолжает лежать в виду своих врагов, попробовал продолжать читать, но сам чувствовал, что это бессмысленно и невозможно. Она не села.² Он взглядывал на нее и опять читал.

— Это еще что? — сказала она. Она знала про дуэль и про то, что муж уезжает.

— Я?.. Что я?..³ сказал⁴ Pierre.⁵

— Что это за дуэль? Вот храбрец отыскался. Всякий знает, что когда муж дерется, то жена компрометирована.

Pierre тяжело повернулся и из кармана панталон достал,⁶ бросил ей анонимное письмо. Hélène прочла, побледнела и засмеялась.

— Mortemart мой любовник, — сказала она по французски с своей грубой точностью речи, выговаривая переворачивающее всю внутренность Pierg'a слово «любовник», как и всякое другое слово.

— Он — не любовник, а ты — дурак. Теперь я посмешище всей Москвы из за того, что ты, пьяный, не помня себя, вызвал на дуэль человека, который тебе ничего не сделал.⁷

— Гм, гм... — мычал Pierre, как будто ему делали операцию.

— Ничего ты не знаешь. Ежели бы ты был умнее и приятнее, то я бы с тобой сидела, а не с ним. А, разумеется, мне приятнее быть с умным человеком, чем с тобой.⁸

— Не говорите со мной... умоляю,⁹ — прошептал Pierre.

— Да, лучше вас. И редкая та жена, которая с таким мужем не взяла бы себе любовников (des amants),¹⁰ — сказала она. — Я вижу, чего вы хотите. Вы хотите бросить меня...

¹ *Зачеркнуто:* как пойманный школьник

² *Зач.:* для того, чтобы дать себе известное положение. Он начал есть, хотя ему этого и не хотелось.

— Как вы смели это сделать? — сказала она.

³ *Зач.:* Что сделать?.. Садись...

⁴ *Зач.:* чавкая

⁵ *Зач.:* — Что сделать? Компрометировать меня. Кто тебе сказал, что он мой любовник? — заговорила она по французски с своей

⁶ *Зач.:* подал

⁷ *Зач.:* — Я знаю... Но...

⁸ *Зач.:* Лучше ничего не выдумал, как взял и убил человека, который лучше тебя в тысячу раз...

— Не говорите, — сказал Pierre, краснея и отходя от нее. — Довольно, что вам надо? — Pierre вдруг вспыхнул и поднялся

⁹ *Зач.:* вас, сказал

¹⁰ *Зач.:* — Au nom du ciel taisez vous, madame, il vaut mieux nous séparer, [Ради бога, замолчите, сударыня, нам лучше расстаться] — умоляющим голосом проговорил Pierre.

— Да, расстаться.

Pierre хотел что то сказать, взглянул на нее странными глазами, которых выражение она не поняла, и опять лег. Он страдал в эту минуту, как никогда в жизни. Он знал, что ему надо что то сделать, чтобы прекратить это страдание, но то, что он хотел сделать, было слишком страшно.

— Чтобы мне остаться без ничего, — продолжала она, — и с срамом, что меня бросил муж. Никто не знает, какой это муж.¹ — H el ene была красна и с таким выражением² хитрости в глазах, какого никогда не видал в ней Pierre.

— Расстаться — извольте,³ только ежели вы дадите мне все состояние.⁴ — Вдруг Pierre вскочил.

— Я тебя убью! — закричал он и, схватив со стола мраморную доску, с неизвестной еще ему силой, он сделал шаг к ней и замахнулся на нее.⁵ Лицо⁶ H el ene сделалось страшно; она взвизгнула и отскочила от него. Порода отца сказалась в нем. Pierre почувствовал увлечение и наслаждение бешенства. Он бросил доску, разбил ее и⁷ закричал — вон! подходя к ней. И бог знает, что бы он сделал в эту минуту, ежели бы H el ene не выбежала из комнаты.

Через неделю Pierre выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими имениями, что составляло большую половину всего состояния, и один уехал в Петербург.⁸

Прошло два месяца после получения известий в Лысых Горах об Аустерлицком сражении и о гибели князя Андрея и, несмотря на все письма через посольство и на все розыски, тело его не было найдено и его не было в числе пленных. Что хуже всего, оставалась всё таки надежда, что он был поднят жителями на поле сражения и может лежал выздоравливающий или умирающий один среди чужих и не в силах дать о себе вести. В газетах, из которых впервые узнал старый князь об Аустерлицком поражении, было написано, как и всегда, весьма кратко и неопределенно, что русские, после блестящей баталии, должны были отступить, но отступили в совершенном порядке. Старый князь понял из этого официального известия,⁹ что было совершенно не блестящее поражение.

Получив это известие, он три дня не выходил из кабинета и целые дни, как видел Тихон, писал письма и отправлял кучи ¹ *Зачеркнуто в первой редакции*: Дурак, развратник и рыба.

² *Зач.*: злобы

³ *Зач. в первой редакции*: Я беременна и не от вас.

⁴ *Зач.*: Всё лицо ее отца отразилось в ней.

⁵ *Зач.*: этой доской. H el ene вдруг зарыдала

⁶ *Зач.*: ее исказилось и она бросилась бежать.

⁷ *Зач.*: схватив себя за волосы, стал ходить по комнате.

⁸ *Зач.*: Nicolas, по просьбе матери, был уволен от

⁹ *Зач.*: в чем было дело. И хотя ничего еще не знал о сыне, он был убит этим известием.

конвертов на почту ко всем значительным лицам. Спать он ложился в обыкновенный час, но усердный Тихон ночью вставал с своего войлока в официантской и, подкрадываясь к двери спальни, слышал, как в темноте, не зажигая свечи, старый князь¹ ворочался, побрякивал и бурлил что то.²

Через неделю после газеты, принесшей известие об Аустерлицкой битве, пришло письмо Кутузова, который, не дожидаясь вопроса, сам извещал князя об участии, постигшей его сына.

«Ваш сын в моих глазах», писал Кутузов, «с знаменем в руках, впереди полка, пал героем, достойным своего отца и своего отечества. К общему сожалению, моему и всей армии, до сих пор неизвестно, жив ли он, или нет.³ Себя и вас надеждой я льщу, что сын ваш жив, ибо в противном случае, в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подан через парламентаров, и он бы поименован был».

Получив это известие поздно вечером, когда он был один в своем кабинете, старый князь,⁴ как и обыкновенно, на другой день пошел на свою утреннюю прогулку, но был молчалив с прикащиком, садовником и архитектором и, хотя и был гневен на вид, ничего никому не сказал. Когда в обычное время княжна Марья вошла к нему, он стоял за станком и точил, но как обыкновенно, не оглянулся на нее.⁵

— А! Княжна Марья! — вдруг сказал он неестественно и бросил стамеску. Колесо еще вертелось от размаха. Княжна Марья долго помнила этот замирающий скрип колеса, который слился для нее с тем, что последовало. Княжна Марья подвинулась к нему, увидала его лицо и что то вдруг опустилось⁶ в ней. Глаза ее задернулись.

[Далее со слов: Она по лицу отца, не грустному, не убитому... кончая: Идите, княжна Марья. — близко, к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. VII.]

Она встала и пошла.⁷ Перед обедом князь прислал Тихона с записочкой к княжне спросить, объявлено ли Лизе. Получив отрицательный ответ, он сам пошел к ней.

— Au nom du ciel, mon père!⁸ — закричала княжна, бросившись к нему. — Не забудьте, что она в себе носит теперь!

¹ *Зачеркнуто:* шарил и ходил в своей комнате.

² *На полях в первой редакции:* Князь Андрей прятал[ся] от всех у гернгутеров.

³ *Зач.:* я до сих пор, несмотря на все меры, принятые мною, не мог узнать.

⁴ *Зач. в первой редакции:* закричал так громко, что Тихон вбежал к нему. — Мерзавцы! Подлецы! — кричал

⁵ *Зач.:* Он сделал движение головой к ней, но потом как будто не решился.

⁶ *Зач.:* во всей ей. (Это что то было счастье, интерес, любовь к жизни). Мгновенно этого ничего не стало; ей представилось, что кроме горя и несчастья, ничего нет на свете.

⁷ *Зач.:* Но, вспоминая положение невестки, она мучилась. Пыталась начать, пыталась скрыть, и не могла ни то, ни другое.

⁸ [Батюшка, ради бога!]

Князь посмотрел на нее, на невестку и вышел. Но он не пошел к себе, а затворив дверь в маленькую диванную, где сидели женщины, стал ходить взад и вперед по гостиной.

Княжна Марья,¹ вернувшись утром от отца, еще не решилась, объявлять или нет Лизе постигшее их несчастье. Когда княжна Марья вернулась от отца, маленькая княгиня сидела за работой и с тем особенным выражением внутреннего и счастливо спокойного взгляда беременных женщин посмотрела на княжну Марью. Видно было, что глаза ее не видали княжну Марью, а смотрели вглубь, в себя, во что то счастливое и таинственное, совершающееся в ней.

— Marie, — сказала она, отстраняясь от пялец и переваливаясь назад, — дай сюда твою руку. — Она взяла руку княжны и положила ее себе на живот. Глаза ее улыбались, ожидая, губка с усиками поднялась и так детски счастливо осталась поднятою.²

[Далее в рукописи нехватает двух листов, текст которых, со слов: Мари упала... кончая: ...поспешно выходила. — взят по рукописи в ее первой редакции.]

Мари упала на колени и рыдала. Она сказала, что так ей сделалось грустно об Андрее, но не могла решиться сказать. Несколько раз в продолжение утра она начинала плакать и слезы эти, которых причину ей не говорили, встревожили Лизу, как ни мало она была наблюдательна. Она ничего не говорила, но беспокойно оглядывалась, отыскивая. Но, когда вошел старый князь, которого она и всегда так боялась, теперь с этим беспокойным, злым лицом, она всё поняла. Она бросилась к Мари, не спрашивая ее уже о том, что такое, но спрашивая и умоляя ее сказать ей, что André жив, что это неправда. Княжна Марья не могла сказать этого. Лиза вскрикнула и упала в обморок. Старый князь, отворив дверь, взглянул на нее и, как бы убедившись, что операция кончена, ушел в свой кабинет и с тех пор выходил только по утрам на свою прогулку, но не ходил в гостиную и в столовую.³ Ночи он не спал, как слышал Тихон, и⁴ силы его вдруг изменили ему. Он⁵ не похудел, а, напротив, пожелтел и стал пухнуть, как будто, и по утрам чаще стали находить на него минуты злобы, в которые он не помнил, что делал, и убегал к себе в присутствии одного Тихона, которого он бил чаще прежнего, но с которым по вечерам он говорил с одним только, приказывая ему садиться и рассказывать⁶ про то, что делается на дворе и в деревне.

¹ *Зачеркнуто*: не решилась объявить в это утро оттого, что никогда она не видала ее такой тихой, доброй и грустной.

² *Зач.*: — Постой... подожди... вот он... слышишь? Как он там? Маленький, маленький... Коли бы только не так страшно, Marie. Но я всё таки буду любить его. Очень... очень даже буду любить... Что ты? Что с тобой?

³ *Зач.*: Уроки математики продолжались

⁴ *Зач.*: здоровье

⁵ *Зач.*: не ел

⁶ *Зач.*: Тихон знал, что рассказывать надо было про князя Андрея.

Старый князь не хотел надеяться. Он объявил всем, что князь Андрей убит, он заказал¹ памятник своему сыну, для которого он назначил место в саду, но он всё еще надеялся — он послал в Австрию чиновника разыскивать следы князя Андрея. Он ждал и надеялся и поэтому ему было тяжелее всех. Княжна Марья и Лиза переносили каждая горе по своему. Лиза, хотя физически и перенесла горе безвредно, опустила, говорила, что она знает, что умрет родами. Княжна Марья молилась богу, ходила за Лизой и пыталась обратить отца на путь религии и слез, но всё было тщетно.

Прошло два месяца со дня получения известия. Старый князь заметно таял, несмотря на все усилия вступить в старую жизнь. Маленькой княгине подходило время. Княжна Марья напомнила отцу о просьбе князя Андрея об акушере, и было послано в Москву с требованием привезти лучшего акушера.²

[*Далее со слов: Ma bonne amie, — сказала маленькая княгиня... кончая: Но к несчастью и удивлению своему она заметила, что молитва не утишала ее волнения. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. VIII.*]

Ее мучала мысль, как умер, перестал быть князь Андрей и как, когда начнет быть новый князь Николай Андреич. (Она и все в доме были уверены, что будет сын).³ Она опять села на кресло, раскрыла псалтырь и стала читать 104 псалом.

Во всех концах дома было разлито и владело всеми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя в своей комнате. По поверью, что чем меньше людей знает о страданиях родильницы, тем меньше она страдает, все старались притвориться незнающими, никто не говорил об этом, но во всех людях, кроме обычной степенности и почтительности хороших манер, царствовавших в доме князя, видна была одна общая забота, смягченность сердца и сознание чего то великого, непостижимого, совершающегося в эту минуту. Старая нянька, столетняя старуха, еще старого князя мамка, сердито крикнула на босоногую девчонку, прислуживавшую ей, за то, что та быстро вбежала в комнату, и, достав еще Князеву венчальную свечу, велела ей зажечь ее перед иконами и, закрыв глаза, что то всё шептала. Няня другая, которая выходила княжну Марью, с строгим лицом вошла к княжне.⁴

— С тобой, андел, пришла посидеть, — сказала она вздохнув. — Бог милостив, — и она с чулком села у двери.

¹ *Зачеркнуто:* склеп в часовне, где была похоронена его жена, и послал чиновника в Австрию отыскивать тело.

² *На полях:* В доме суетня. Таинство совершается, самое радостное человеческое таинство, все трепещут. К[нязь] ожил, ходит. M-Ile Bourienne.

³ *Зач. в первой редакции:* Но будет ли он, не умрет ли? За что страдания Лизе?

⁴ *Зач.:* — Ничего, андел мой, не убивайся. Бог милостив, — сказала она и поцеловала ее в плечико. — Молись.

В большой девичьей не слышно было смеха. В официантской все люди сидели и молчали наготове чего то. Старый князь, услышав суетню, послал Тихона к Марье Богдановне узнать: что?

Марья Богдановна вышла из комнаты, из которой слышались крики, и сказала, посмотрев значительно на посланного:

— Доложи князю, что роды начались. — Тихон пришел и доложил князю.

— Хорошо, — сказал князь и Тихон не слышал более ни малейшего звука в кабинете,¹ как он ни прислушивался. Тихон вошел немного погодя в кабинет, как будто для того, чтобы поправить свечи, и² увидал, что князь лежал на диване. Тихон, забыв свой страх, посмотрел на князя, на его расстроенное лицо, покачал головой, молча приблизился к нему и, поцеловав его в плечо, вышел, не поправив свечей и не сказав, зачем он приходил. На дворне до поздней ночи жгли лучины и свечи и не спали. Таинство, торжественнейшее в мире, продолжало совершаться. Прошел вечер, наступила ночь. И чувство ожидания и смягчения сердечного перед непостижимым не падало, а возвышалось. Никто не спал.³ Была одна из тех мартовских ночей, когда зима как будто хочет взять свое и высыпает с отчаянной злобой свои последние снега и бураны.⁴ Прискакал посланный вперед встречать акушера доложить, что доктор едет. Князь призвал к себе прикащика и велел послать верховых людей с фонарями встречать акушера.⁵

Княжна Марья⁶ сидела молча, устремив лучистые глаза на огонь лампадки.⁷ Няня Кузминична, с чулком в руках, рассказывала, сама не слыша и не понимая своих слов, как покойница княгиня в Кишиневе рожала княжну Марью с крестьянской бабой молдаванкой, вместо бабки.

— Бог помилует, никакие дохтура не нужны, — говорила она. Вдруг порыв ветра налег на одну из выставленных рам комнаты (по воле князя всегда с жаворонками выставлялось по одной раме в каждой комнате) и отбил плохо задвинутую задвижку, затрепал¹ *Зачеркнуто*: хотя свечи горели.

² *Зач. в первой редакции*: заметил, как князь, услышав его шаги, вскочил с дивана, притворяясь, что он не лежал.

³ *Зач.*: Старый князь вышел из кабинета и прошел через официантскую, мимо всех слуг, с опущенной головой в гостиную, диванную и остановился в темноте. Он услышал из за отворенных в ту минуту одних дверей далекие стоны. Он повернулся, быстрыми шагами вернулся к себе и велел позвать прикащика. В этот самый день ждали акушера. Он ходил по кабинету и останавливался, чтоб прислушиваться, нет ли звука колокольчика. Но ничего не было слышно, кроме гула страшного ветра и дрожания рам.

⁴ *Зач.*: Акушер, за которым две недели тому назад уже было послано, всё еще не приезжал.

⁵ *Зач.*: и продолжал ходить.

⁶ *Зач. в первой редакции*: читала, перечитывала псалом, сердце ее росло в ней с каждой минутой и, когда пришло умиление, восторг и обожание величия бога дошло в ней до той высшей степени, когда человек забывает, что он плоть.

⁷ *Зач. в первой редакции*: она обожала своего непостижимого творца и чувствовала себя сливающейся с ним в сиянии бестелосности и света.

штофной гардиной и пахнул холодом, белым, насыпавшимся снегом и задул свечу.¹ Княжна Марья встала испуганно. Няня бросилась запирать окно.

— Княжна, матушка, едут по прешпекту кто то! — сказала няня, высунувшись, чтобы поймать откинутую раму. — С фонарями, должно дохтур...

Княжна Марья накинула шаль и побежала навстречу ехавшим. Когда она проходила переднюю, она в окно видела, что карета с фонарями стояла у подъезда.² Она вышла на лестницу; на перилах стояла свеча и один официант, с удивленными глазами и свечой в руках, стоял на первой площадке лестницы. Пониже по лестнице слышна была беготня. И какой то незнакомый, как показалось княжне Марье, голос говорил что то.

— Слава богу! — сказал голос. — Батюшка?³

— Почивать легли, — отвечал Тихон.⁴ Потом еще что то сказал голос, что то ответил Тихон и быстрые шаги послышались, приближаясь по невидному повороту лестницы, и на площадке, на которой стоял официант со свечой, показалась фигура князя Андрея в⁵ шубе с воротником, обсыпанным снегом. Он увидел сестру и,⁶ подбежав к ней, обнял ее. Она должна была верить, что это был он.

Да, это был он, но бледный, худой и с измененным, странно смягченным,⁷ но тревожным выражением лица.

— Вы не получили моего письма? — спросил он и, не дожидаясь ответа, которого бы он и не получил, потому что княжна не могла говорить, он вернулся и с акушером, который вошел вслед за ним (он съехался с ним на последней станции), быстрыми шагами⁸ пошел на половину княгини.

¹ *Зачеркнуто в первой редакции:* Княжна очнулась. «Нет, еще нужен был весь ужас смерти», подумала она, «что [бы] перейти [?] в чистую славу всевышнего».

² *Зач. в первой редакции:* Толпа официантов на нижней площадке отделяла ее от приехавшего. «Это сон», подумала она. «Да, это сон».

— Ваше сиятельство, — говорил рыдающий голос Тихона, — батюшка, А[ндрей] Н[иколаевич], а вас похоронили. Князь иссох, — и вдруг голос, оплаканный голос и, что было ужаснее всего, веселый голос князя Андрея отвечал:

— Нет, еще поживем, Тихон.

³ *Зач.:* здоров?

⁴ *Зач.:* — Сестра? княгиня? — сказал голос, дрогнув слегка, и, получив ответ Тихона на ухо, что княгиня в муках, князь Андрей крикнул своему ямщику отъезжать скорее. За его каретой была карета акушера, которого он встретил на последней станции и ехал с ним. Официанты засуетились, увидав сзади себя княжну Марью, и дали ей дорогу. Она испуганно смотрела на брата. Он подошел.

⁵ *Зач.:* <военной шинели и тр[еугольной шляпе]> бархатной шубе

⁶ *Зач.:* бросился к ней

⁷ *Зач.:* и счастливым

⁸ *Зач.:* вбежал на лестницу и пошел к жене. Он не заметил даже в то время, как он проходил по коридору, что голова старика в белом халате, с страшно остановившимися глазами, высунулась из двери официантской и, молча, неподвижно смотрела на него до тех пор, пока он не прошел. Князь Андрей, не слушая никого, прошел прямо к жене.

— Ну? Что? — спросил он¹ шопотом, входя в комнату родильницы.

Маленькая княгиня лежала на подушках в белом чепчике. (Страдания только что отпустили ее). Черные волосы прядями вились у ее воспаленных, вспотевших щек, румяный, прелестный ротик с губкой с усиками был раскрыт и она радостно детски улыбалась. Блестящие глаза смотрели детски и говорили: «я вас всех люблю, но за что я страдаю, помогите мне!»² Она не видала мужа, или не понимала значения его прихода. Князь Андрей подошел к ней и в лоб поцеловал ее.

— Душенька моя, — сказал он слово, которое никогда не говорил ей. Она вопросительно, детски укоризненно посмотрела на него.

«Я от тебя ждала помощи и ничего, ничего и ты тоже». Она не удивилась, что он приехал. Муки вновь начались и³ Марья Богдановна посоветовала князю Андрею выйти из комнаты. Акушер⁴ вошел в комнату. Князь Андрей⁵ вышел и, встретив княжну Марью, пошел к ней. Они шопотом поговорили, но всякую минуту разговор замолкал. Они ждали и прислушивались.

— Allez, mon ami!⁶ — сказала княжна Марья.⁷ Князь Андрей опять пошел к жене и сел, дожидаясь.⁸ Женщина вышла с испуганным лицом и смутилась, увидав князя. Опять прошло несколько минут. К[нязь] отворил дверь. Акушер сказал, чтобы он не ходил.

— Хорошо? Идет?

— Да, да, — отвечал акушер, махая на него и требуя, чтоб он ушел. Крики замолкли, еще прошло несколько минут. Вдруг страшный крик — не ее крик — она не могла так кричать, раздался в соседней комнате. Он подбежал к двери, крик замолк, послышался крик ребенка. «Зачем принесли туда ребенка?» подумал князь Андрей. Дверь отворилась и, с засученными рукавами, вышел акушер без сюртука, бледный и с трясущейся челюстью. Князь Андрей обратился к нему, но акушер⁹ растерянно взглянул и, ни слова не сказав, вышел. Испуганная женщина выбежала и, увидав князя Андрея, замялась на пороге. Он¹⁰¹ *Зачеркнуто*: беспокойно

² *Зач.*: Князь Андрей поцеловал ее и заплакал.

³ *Зач.*: его вывели

⁴ *Зач.*: остался с ней.

⁵ *Зач. в первой редакции*: Князь Андрей сидел в соседней комнате и не видел никого, ни m-lle Bourienne, ни сестры, которая стоя[ла], он трясся всем телом.

Зач.: Князь Андрей пошел к отцу, но княжна Марья остановила его, сказав, что отец велел сказать, чтобы он не ходил к нему, чтобы он оставался с женой. Он поговорил с сестрой.

⁶ Иди, мой друг

⁷ *Зач.*: и сама убежала. Князь Андрей остался один и слышал шум ветра в окно и ему стало страшно.

⁸ *Зач.*: Марья Богдановна

⁹ *Зач.*: злобно

¹⁰ *Зач.*: вбежал

вошел в комнату жены. Она, мертвая, лежала в том же положении, в котором он видел ее пять минут назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щек, было на этом прелестном, детском личике с губкой, покрытой черными волосиками.

«Я вас всех люблю и никому дурного не сделала и что вы со мной сделали! Ах, что вы со мной сделали!»

В углу комнаты хрюкнуло, как поросенок, что то маленькое, красное в белых руках Марьи Богдановны.

Через два часа всё так же было темно и так же гудел ветер. Князь Андрей тихими шагами вошел в кабинет к отцу. Старик все уже знал. Он¹ стоял у самой двери. И как только она отворилась, старик молча и старческими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок.²

Через три дня отпевали маленькую княгиню и, прощаясь с нею, князь Андрей³ взшел на ступени гроба. Он увидел опять то же лицо, хотя и с закрытыми глазами: «Ах, что вы со мной сделали?» и он почувствовал, что в душе его оторвалось что то, что он виноват в вине, которую ему не поправить и не забыть. Он не мог плакать. Старик тоже вошел и поцеловал ее руку и ему она сказала: «Ах, что и за что вы это со мной сделали?» И старик опять зарыдал, когда он увидел это лицо. Это было второй раз в его жизни.

Еще через пять дней крестили молодого князя Николая Андреича. Мамушка бородой придерживала пеленки⁴ в то время, как гусиным перышком священник мазал сморщенные красные ручки и ножки. Крестный отец-дед, боясь уронить, вздрагивая носил вокруг жестяной, помятой купели, и князь Андрей, замирая от страха, чтоб не утопили ребенка, сидел в другой комнате, ожидая окончания обряда. Княжна Марья была крестной матерью.⁵ Она вынесла ребенка к отцу и лицо маленькой княгини живо представилось ей. Ее уже нет. И 104 псалом опять вспомнился ей. «И обновляет лицо земли».

¹ *Зачеркнуто:* лежал на диване. Князь Андрей подошел к нему ближе. Старик спал, или притворялся спящим. Князь Андрей сел к нему на диван. Старик дрогнул лицом. — Батюшка...

Зач. в первой редакции: — Хахахаха, — страшным хохотом захохотал

² *На полях:* Смерть чужая — влияние на князя Андрея. Всё вздор, так [?] мало.

Будущая жизнь.

³ *Зач. в первой редакции:* рыдал и плакал, как ребенок, когда он по[дошел]

⁴ *Зач.:* Дули, и плевали, и вощичок расплюскивали, чтоб он не потонул, и мокрого носили вокруг жестяной, помятой купели.

Зач. в первой редакции: Князь Андрей после раны избегал всех, стыдясь поражения, и убран был семейством гернгутеров, и у к[оторых] он лечился. Он писал отцу, но письмо его не дошло. После сражения князь Андрей сказал себе, что он не будет служить, и жил с отцом и сыном. Осенью старик поднялся в Москву с сыном и с дочерью.

⁵ *Зач.:* слезы стояли у ней в глазах

* № 84 (рук. № 85. Т. II, ч. 1, гл. X—XIII).

Еще не успело пройти впечатление первой войны с Наполеоном, как наступила вторая, кончившаяся Тильзитским миром.¹ В начале 1806 и в 1807 году чувство вражды к Буонапартию, как его называли, еще больше, чем в 1805 году, проникало уже до сердца русского народа. Полмиллиона ратников, два набора в один год, проклятия врагу рода человеческого и антихристу Буонапартию, слышавшиеся во всех церквях,² и слух о приближении его к русской границе, не шутя заставляли ощетиниваться против него все сословия.

<Прожив зиму 1807 года в Москве, семейство Болконских, старик отец, сын, дочь и внук с кормилицей, возвратились в Лысье Горы. Как ни тяжело было князю Андрею слышать торжество Иенской победы и о первых успехах русских войск, в которых он не участвовал, он оставался верен своему слову, не служить более в русской армии. Но зато с жадностью они оба с отцом, как ни различны и ни спорны были их взгляды, следили за ходом политических и военных событий.

Долохов выздоровел от своей раны, но продолжал жить в Москве, по отпуску за болезнь. После своей дуэли он особенно сблизился с Ростовым, который ввел его в дом своего отца. У старого графа известный шалун, кутила и бретер был принят, как и принимались все: с приглашением каждый день обедать и ужинать, но обстоятельство, удивившее всех, знавших Долохова, было то, что он, враг так называемого хорошего общества и порядочных женщин, сделался домашним человеком у Ростовых.> На вопрос, который задают себе семейные люди при сближении с молодым человеком,³ было весьма скоро отвечено всеми домашними, что Долохов⁴ ездил для Сони и был влюблен в нее. Nicolas с гордым чувством самодовольства и уверенности предоставлял Долохову случаи видеться с Соней и твердо был уверен, что Соня и вообще женщина, раз полюбившая его, не может изменить ему. Раз он сказал Соне:

— Что ж, это бы была хорошая партия. — Соня заплакала.

— Вы злой человек,⁵ — только сказала она ему.

Старый граф и графиня шутили с Соней, но и серьезно поговаривали: «что ж эта партия недурная. Женится — переменится». ¹ *Зачеркнуто*: Прошло полтора года. Кончалась вторая война России с Наполеоном. После Пултуска, Голенина [?] и Прейсиш-Эйлау, так радостно подействовавших на русские сердца, настало Фридландское сражение; но в России еще не были о нем получены известия.

² *Зач.*: слышно было, что он подходит

³ *Зач.*: вопрос, для кого он ездит, был решен

⁴ *Зач.*: был человек, не умевший и не считавший нужным скрывать свои чувства. Он не отходил от Сони, танцевал только с нею на вечерах и прямо говорил ей и своему новому другу Николаю, что он влюблен в нее. И, странное дело, молодой Ростов не только не был огорчен этим, но как бы радовался этим новым отношениям.

⁵ *Зач.*: она говорила ему «вы»

Соня с удивлением и упреком только смотрела на них, на Николая и самого Долохова и, как бы находясь в нерешительности, хотя и польщенная вниманием Долохова,¹ с страстным любопытством ожидала, что будет дальше.²

Месяц после знакомства с Долоховым горничная барышень, расчесывая огромную косу Сони, выждала время, когда Наташа вышла из комнаты, и шопотом сказала:

— Софья Александровна, вы не рассердитесь, меня один человек просил, — и, вся покрасневшая, стала доставать что-то рукой из за пазухи. Это было любовное письмо от Долохова. Испуганная и обрадованная Соня кошачьим движением взяла письмо и, еще более красная, чем горничная,³ пошла в спальню и там задумалась, следовало ли ей или не следовало читать это письмо. Она знала, что это было объяснение. «Да, ежели бы я была дочь татап (она так звала графиню), мне бы следовало показать ей письмо, но бог знает, что ожидает меня. Я люблю Nicolas и буду его женой или ничьею, но я не дочь и мне, одинокой сироте, нельзя отвергать любви или дружбы этого Долохова». Она распечатала и прочла. «Обожаемая Софи, я вас люблю, как никогда ни один мужчина не любил женщину. Моя судьба в ваших руках. Я не смею просить руки вашей. Я знаю, что вас, чистого ангела, не отдадут мне, человеку с репутацией, которая заслужена мною. Но с тех мгновений, как я узнал тебя, я — другой, я увидел небо. Ежели ты любишь меня хоть в $\frac{1}{100}$ столько, как я, то ты поняла меня. Софи, отдайся мне и я буду твой раб. Ежели ты любишь, напиши «да» и я найду минуту свиданья».

Наташа застала Соню за чтением письма и узнала в чем дело.

— Ах, какая ты счастливая, — закричала она. — Что же ты ответишь ему?

— Нет. Я не знаю, что мне делать, я не могу теперь видеть его.

Через неделю после этого письма, на которое Долохов не получил ответа и во время которой Соня упорно избегала оставаться с ним наедине, Долохов приехал рано утром к Ростовым. Он попросил⁴ видеть графиню и сказал, что он просит руки Софьи Александровны. Графиня изъявила условное согласие и посл[ала]¹ *Зачеркнуто*: только высматривала, стараясь остаться свободною. Два новые друга как будто намерены были променяться любовницами: Долохов, представив графине Безуховой молодого гусара, перестал ездить к ней и проводил дни и вечера у Ростовых. Николая не отговаривался, когда старик отец радостно подшучивал над ним о его связях с графинею.

— Ничего, молодость, — говорил старик, — и ничто так не формирует молодого человека, как связь с порядочною женщиною.

Так продолжалось несколько месяцев. Когда наступил 1807 год, Николая, несмотря на просьбы матери, не захотел продолжать отпуска и решил ехать к полку.

— Так ты едешь? — сказал Долохов, не желая пропустить также новой войны и время выступления гвардии, решил сделать последнюю попытку

² *Зач.*: Неожиданно в конце года Соня получила письмо.

³ *Зач.*: побежала

⁴ *Зач.*: дать ему случай с глазу на глаз переговорить с

Соню. Соня, красная и трепещущая, обнявшись с Наташей, вошла мимо любопытных глаз дворни, уже знавшей в чем дело и радостно ожидавшей свадьбы барышни, в комнату, где ожидал ее Долохов. К затворившимся за ней дверям тотчас же прильнули любопытные головы.¹ Долохов покраснел, как только вошла еще больше покрасневшая и испуганная Соня, быстро подошел к ней и взял ее за руку, которую она не могла отнять от страха, охватившего ее. «Как это может быть, чтобы он любил меня», думала она, «он сейчас увлечет, как О. О.».

— Софья Александровна, я обожаю вас, вам нечего говорить. Вы поняли уж, что вы сделали с моим сердцем. Я был порочен, я был во мраке, пока я не знал тебя, обожаемая, несравненная Софи. Ты — ангел, осветивший мою жизнь. Будь моей звездой, будь моим ангелом хранителем. — Его прекрасно звучный голос задрожал, когда он говорил это, и он обнял ее и хотел прижать к себе. Соня дрожала от страха и казалась потерянной, капли пота выступали у нее на лбу, но как скоро он дотронулся до нее, кошечка проснулась и вдруг выпустила когти. Она отскочила от него. Всё, что она приготовила сказать ему, не сказалось. Она почувствовала его привлекательность, его власть над собою и ужаснулась. Она не могла быть ничьей женою, кроме Nicolas.

— М-г Долохов, я не могу... я благодарю вас... ах, уйдите пожалуйста.

— Софи, помните, что моя жизнь, будущая жизнь в руках ваших. — Но она с ужасом отталкивала его.

— Софи, ты любишь уже,² кого?³ я убью его... Скажи.

— Да, — сказала Соня.

Долохов нахмурился и вышел, хлопнув дверью. Долохов быстрыми, твердыми шагами с тем особенным выражением злобной решительности, которое иногда принимало его лицо,⁴ прошел залу. В зале старый граф встретил Долохова и протянул к нему обе руки.

— Ну что, поздравить... начал он, но не договорил: его ужаснуло злое лицо Долохова.

— Софья Александровна отказала мне, — сказал Долохов дрогнувшим голосом, — прощайте, граф.

— Не думал я, не думал, я бы за честь счел племянником назвать тебя. Ну, мы поговорим еще, mon cher, с ней. Я знаю что, знаю... всё мой Коко... с детства cousin и cousine, постойте...

¹ *Зачеркнуто*: но они ничего не могли слышать, кроме звуков прекрасного выразительного мужского голоса, который с убедительными интонациями долго говорил один. Потом после тишины послышался женский крик и Соня, испуганная, выбежала из комнаты. «Никогда! Никогда!» прокричала она сквозь слезы.

² *Зач.*: Верьте моей чести, это умрет со мной.

³ *Зач.*: говорите, убивайте меня. Вы любите. — Да... Кузена.

⁴ *Зач.*: в торжественные минуты, вышел за нею.

— А я вам говорю, что вы будете моей женою, — сказал он и вышел и не сказал ни слова встретившему его старому графу.

Через два дня Николая получил от Долохова записочку

— Да, — сказал Долохов, — вы Софью Александровну не считаете достойной своего сына, и он тоже. Она же считает меня недостойным себя. Да, это в порядке. Прощайте, я вас поблагодарю за это, — и он вышел. Встретившемуся Nicolas он не сказал ни слова и отвернулся от него.

Через два дня Nicolas получил от Долохова записку следующего содержания: «Я у вас в доме больше не буду, и ты знаешь почему. Я еду послезавтра и ты скоро, как я слышал. Приезжай нынче вечером, помянем Москву гусарской пирушкой. Я кучу у Яра».

Ростов из театра в одиннадцатом часу приехал к Долохову и нашел у него переднюю полную плащами и шубами, и из-за открытых дверей услышал гул мужских голосов и звуки перекладываемого золота. Три небольшие комнаты, занимаемые Долоховым, были красиво убраны и ярко освещены. Гости чинно сидели вокруг столов и играли. Долохов ходил между ними и радостно встретил Ростова. О предложении и вообще о семействе ни слова не было сказано. Он был ясен и спокоен больше, чем обыкновенно, но в глазах его Ростов заметил ту черту холодного блеска и наглого упорства, которая была в них в ту минуту, как он на клубном обеде вызывал Безухова. Ростов не играл во всё время пребывания своего в Москве. Отец просил его несколько раз не брать карты в руки, и Долохов несколько раз смеясь говаривал ему:

— Играть в карты на счастье можно только дураку. Коли играть, то играть на верные.

— Разве ты станешь играть на верные? — говорил ему Ростов.

Долохов странно улыбнулся на эти слова и сказал:

— Может быть.

Теперь, после ужина, Ростову вспомнился этот разговор, когда Долохов, сев на диван между двух свечей и выкинув из стола мешок с червонцами, ширококостыми, мускулистыми руками распечатал игру и вызывающими и приятными глазами оглянул присутствующих. Глаза его встретились с взглядом Ростова. Ростов боялся, чтобы он не подумал, что он вспоминает в это время о бывшем между ними разговоре об игре «наверное», и искал и не находил в уме своем шутки, которая бы доказала ему противное, но, прежде чем успел он это сделать, Долохов, уставив свой стальной взгляд прямо в лицо Ростова, медленно и с расстановкой, так что все могли слышать, сказал ему:

[*Далее со слов:—А помнишь, мы говорили: дурак, кто на счастье хочет играть... кончая: Долохов, как будто напоминая ему, что ему неприлично было шутить теперь, перебил его. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. XIII—XIV.*]

— Когда прикажете получить деньги, граф? — Ростов вопросительно взглянул на него.

— Завтра, господин Долохов, — сказал он и, побыв несколько времени с другими гостями, вышел в переднюю, чтобы ехать домой. Долохов остановил его и отозвал в маленькую комнатку, в которую выходила другая дверь из передней.

— Послушай, Ростов, — сказал Долохов, схватив за руку Nicolas и глядя на него страшным, нахмуренным лицом. Ростов чувствовал, что Долохов не столько озлоблен, сколько хочет казаться страшным в настоящую минуту. — Послушай, ты знаешь, что я люблю Софи, люблю так, что я весь мир отдам за нее. Она влюблена в тебя, ты ее удержишь, уступи ее мне, и мы квиты в сорок две тысячи, которые ты не можешь заплатить мне.

— Ты с ума сошел! — сказал Nicolas, не успев оскорбиться, так неожиданно было это сказано.

— Помоги мне увезти ее и овладеть ею, и мы квиты.

Ростов почувствовал в эту минуту весь ужас своего положения. Он понял удар, который он должен был нанести отцу, прося у него эти деньги, весь свой стыд, и понял, какое бы было счастье избавиться от всего этого и быть квит, как говорил Долохов, но только что он понял это, как вся кровь поднялась в нем.

— Вы подлец, коли вы могли сказать это! — крикнул он с бешенством, бросаясь на Долохова. Но Долохов схватил его за обе руки.

— Идите смирно.

— Всё равно, я дам вам пощечину и вызываю вас.

— Я не буду с вами драться. Она вас любит.

— Завтра вы получите деньги и вызов.

— Я не приму последнего.

Сказать «завтра» и выдержать тон приличия было не трудно, но приехать одному домой с страшным воспоминанием случившегося, проснуться на другой день и вспомнить, и идти к щедрому, кроткому, но запутанному в делах отцу, признаваться и просить о невозможном — было ужасно. О дуэли он не думал. Надо было прежде заплатить, а драться не трудно.

Дома еще не спали. Входя в залу, он услышал громкий, хриплый голос Денисова, его хохот и хохот женских голосов.

— Когда этого требует моя богиня, я не могу отказаться... — кричал Денисов.

— И прекрасно, отлично, — отвечали женские голоса. Все они стояли в гостиной, около рояля. Две сальные свечи горели в комнате, но при тысяче восковых свечей нельзя было быть блестящее Наташи. Нельзя было блестящее рассыпаться серебряным смехом.

— А вот и Nicolas, — закричали голоса. Наташа подбежала к нему.

— Какой ты умник, что рано приехал. Нам так весело. М-г Денисов остался для меня и мы его забавляем.

— Ну, хорошо, хорошо, — закричал Денисов, подмигивая Nicolas и не замечая его расстроенности, — Наталья Ильинична, теперь за вами barcarolla! Ну-с.

— Nicolas, садись аккомпанируй, а потом он сделает всё, что я велю.

Nicolas сел за рояль, никто не заметил, что он расстроен. Да и трудно было заметить чтонибудь, потому что он сам еще ясно 580

не отдавал себе отчета в том, что он сделал и что предстоит ему. Он сел и сыграл прелюдию любимой баркароллы. Баркаролла эта, привезенная недавно из Италии графиней Перовской, только что была понята и разучена в доме Ростовых. Это была одна из тех музыкальных вещей, которые напрашиваются в ухо и чувство, неотразимо привлекая к себе первое время и исключая всякие другие музыкальные воспоминания. Спать ложиться, просыпаешься — всё в ушах повторяются эти музыкальные фразы, кажется всё вяло, скучно и изысканно в сравнении с этими фразами. Запоет ли хороший голос эту мелодию, слезы навертываются на глаза, и всё кажется легким и ничтожным, и счастье так близким и возможным. Правда, такие мелодии, как эта баркаролла, скоро надоедают, делаются столь же невыносимыми, сколько они были неотразимыми первое время. Nicolas взял первые аккорды прелюдии и хотел встать.

«Боже мой, что я делаю», подумал он, «я бесчестный, я погибший человек. Пулю в лоб — одно, что остается. И что делать? как выйти из этого? Нет выхода. А я хочу петь с ними».

«Nicolas, что с вами?» спросил взгляд Сони, устремленный на него. Она одна видела, что что-нибудь не хорошо с ним. Он сердито отвернулся. Ему оскорбительно было за нее ее участие. Он считал себя столь низко упавшим человеком, что он срамил всех людей, которые любили его. Наташа с своей чуткостью тоже мгновенно заметила состояние своего брата. Она заметила его, но ей самой было так весело в эту минуту, так далека она была от горя, грусти, упреков, что она (как это часто бывает с молодыми людьми) нарочно обманула себя. «Я слишком счастлива в эту минуту и слишком большое удовольствие предстоит мне, чтобы его портить сочувствием горю», почувствовала она и сказала себе: «нет, я верно ошибаюсь, он должен быть весел, так же как и я».

— Ну, Nicolas, — сказала она и вышла на самую середину залы, где по ее мнению лучше всего был резонанс. Она, гордо приподняв голову, грациозно опустив руки и энергическим движением переступая с каблучка на ципочки, прошла по середине комнаты и остановилась.

«Вот она я», как будто говорила она. «Ну ка, кто останется равнодушным ко мне, посмотрим».

Ей все равно было, что два, три человека смотрели на нее. Она вызывала весь мир этим взглядом. Добрый восхищенный взгляд Денисова встретился с ее взглядом.

«Однако, какая вы злодейская кокетка будете», сказал ей его взгляд.

«Да еще какая!» отвечал ее взгляд и улыбка. «А что же, разве это дурно?»

— Ну, Nicolas.

Nicolas машинально ударил первый аккорд. «И что они делают глупости — поют», думал он, «когда тут человек — я, погибаю. Не об этом думать ладо, а о том, как спасти себя. А это всё глупо, 581

детство и старый Денисов любезничает противно!» Наташа взяла первую ноту, горло ее расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выражение. Уж она не думала ни о ком, ни о чем в эту минуту, и из улыбки сложенного рта полились звуки, те звуки, которые может производить в те же промежутки времени и в те же интервалы всякий, но которые тысячу раз оставляют вас холодным, а в тысячу первый раз¹ заставляют вас содрогаться и плакать. Весь мир для Nicolas мгновенно сосредоточился в ожидании следующей фразы, всё сделалось разделенным на три темпа, в котором была написана ария, которую она пела: раз, два, три, раз, два, три, раз... «Эх, жизнь наша дурацкая», подумал Nicolas. «Всё это несчастье, и Долохов, и злоба, и деньги, и долг, и честь — всё это вздор, а вот оно настоящее... Ну, Наташа, как она этот *si* возьмет... Отлично!» и он невольно взял полной грудью втору в терцию высокой ноты. «Раз, два, три, раз...» Давно уже не испытывал Nicolas такого наслаждения от музыки, как в этот день. Но пришло время, и он опять вспомнил и ужаснулся. Старый граф, веселый и довольный, приехал из клуба. Nicolas не имел духа сказать ему в тот же вечер.

На другой день он не выезжал из дому и не решался объявить отцу о своем проигрыше, несколько раз подходил к двери его кабинета и с ужасом отбегал назад.² Но не было выхода из этого положения. Изменял ли он своему слову в отношении Долохова, лишал ли он себя жизни, как он думал об этом неоднократно, или объявлял обо всем, без тяжелого удара своим старикам дело это не могло обойтись.³ Он пришел перед обедом к отцу вместо того, чтобы сказать, что было нужно, с веселым видом начал говорить, сам не зная почему, о последнем бале. Наконец, когда отец взял его под руку и повел пить чай, он вдруг самым небрежным тоном, как будто он просил экипажа съездить в город, сказал ему:

— Папа, а я к вам за делом приходил. Я было и забыл. Мне денег нужно.

— Вот как, — сказал отец, находившийся особенно в веселом духе, — я тебе говорил, что неостанет. Много ли?

— Очень много, — краснея и с глупой, небрежной улыбкой, которую долго потом не мог себе простить Николая, — я немного проиграл, — сказал он, — т. е. много, даже очень много, сорок две тысячи.

— Что? полно, не может быть...

Когда сын рассказал всё, как было, и главное то, что он обещал заплатить нынче же вечером, старик схватил себя за голову и, не думая упрекать сына и жаловаться, бросился из комнаты, только ¹ *Зачеркнуто*: выворачивают всё неземное, что есть в душе вашей.

² *Зач.*: После обеда, вообразив наконец, что без огорчения своих родных

³ *Зач.*: Он выбрал последний выход, меньшее огорчение

приговаривая: «как же ты мне не сказал прежде» и поехал к своим знатым знакомым отыскивать нужную сумму.

Когда он вернулся в двенадцатом часу с камердинером, несшим за ним деньги, он в кабинете у себя нашел сына, лежавшего на диване и плакавшего навзрыд, как ребенок.¹

Д[енисов] на другой день отвез деньги и вызов Долохову, но получил отказ.²

Через <две недели> Н. Ростов уехал в свой полк, тихий, задумчивый и печальный, не простившись ни с кем из своих блестящих знакомых и проведенный последнее время в комнате барышень, исписав их альбомы стихами и музыкой. Старый граф, набрав учителей и гувернанток, после отъезда сына вскоре переехал в деревню, где его присутствие, как он думал, становилось необходимо вследствие совершенного расстройства дел, произведенного преимущественно последним неожиданным долгом [в] сорок две тысячи.

* № 85 (рук. № 86. Т. II, ч. 1, гл. X).

³ Вскоре после дуэли Долохова с Ригг'ом, Ростовы по обыкновению весной уехали в деревню. Участие Nicolas в этой дуэли было замято хлопотами графа, и Nicolas даже был определен адъютантом к главнокомандующему в Москве, так что он не мог ехать со всеми в деревню, а оставался в Москве. Долохов выздоровел и Nicolas особенно сдружился с ним.

К осени 1806 года опять всё заговорило о войне, не только в Петербурге и Москве, но и по деревням, где по церквам проклинали по манифесту антихриста Бонапарта и собирали по десять человек рекрут с тысячи и по девять ратников. Это последнее обстоятельство было особенно чувствительно графу Илье Андреевичу при его расстроенных делах, так как это подрывало его барщину. Но, несмотря на то, в обычное время, еще раньше обыкновенного, чтобы видеть сына, граф Илья Андреевич приехал в Москву. Nicolas и слышать не хотел оставаться адъютантом¹ Зачеркнуто: Денисов ехал на другой день в полк, Nicolas остался дома, сам не зная для чего, месяц

² На полях:

В Петербурге	}	9 л.	}	28	В Москве	}	3
В Москве					В Петербурге		
В деревне					и деревне		
За границей	7 л.	Тильзит			5		
В Петербурге	}	4			Письмо	}	5
В деревне					В Петербурге		
В Москве	}	5			В деревне	}	3
Аустерлиц					В Турции		
В Москве							
В деревне		3					

³ Зач.: Срок годового отпуска Nicolas Ростова <уже> еще далеко не кончался, но, несмотря на мольбы матери остаться в Москве адъютантом главнокомандующего и ехать со всеми в Отрадное, Nicolas решился ехать к полку <который уже сражался>. Война опять начиналась. Он дождался только В. Денисова, который неделю после приезда уехал к своим в Тверь и еще не возвращался. Время, проведенное Nicolas в Москве, было

в то время, как была война, и ожидал только Денисова, обещавшего приехать осенью, чтобы с ним ехать в полк.

Это первое время зимы было одно из самых счастливых и веселых для всего его семейства.

Nicolas привлек вместе с собой в дом родителей много молодых людей, полюбивших дом Ростовых. Вера была уже совсем невеста, Соня во всей прелести только распустившегося цветка. Наташа пополнела в деревне и, бывая на балах, не отставала, а как умела попевала за ними. В доме Ростовых завелась в это время атмосфера любви, как это бывает в доме, где бывают очень милые и очень молодые девушки. Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему то (вероятно своему счастью) улыбающиеся девические лица, на эту оживленную беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежд лепет женской молодежи, слушая эти непоследовательные звуки то пенья, то музыки, испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которые испытывала и сама молодежь дома Ростовых. В числе молодых людей, введенных Ростовым, был Несвицкий, которому, как все заметили в доме, чрезвычайно нравилась Соня, и Долохов, скоро выздоровевший от раны, который страстно сдружился с Nicolas после дуэли. Долохов сначала обратил свое внимание на Веру, но потом вдруг переменялся и написал страстное письмо любви Соне, в котором уговаривал ее бежать. Соня в слезах пришла к графине, спрашивая, что ей делать? Письмо было отослано назад и Долохов перестал ездить в дом, но не прекратил свою дружбу с Nicolas. Долохов нравился всем в доме, исключая Наташи. За Долохова она чуть не поссорилась с братом. Она настаивала на том, что он злой человек, что в дуэли с Безуховым Pierre прав, а Долохов виноват.

— Нечего мне понимать, — с своим упорным своевољством кричала Наташа, — он злой и без чувств, вот ведь я же люблю твоего Денисова, он и кутила и всё, а я всё таки его люблю, стало быть я понимаю.

— Ну, Денисов — другое дело, — говорил Nicolas, как будто давая чувствовать, что в сравнении с Долоховым даже и Денисов был ничто, — надо понимать, какая душа у этого Долохова, надо видеть его с матерью, это такое сердце.

Борис в эту зиму был тоже в Москве, но не был у Ростовых, хотя успел побывать у всех московских тузов того времени. Анна Михайловна извинялась по отъезде сына перед Ростовыми в том, что сын не успел быть у них, отговариваясь тем, что он был по поручению и только на один два дня, а у вас бы он увлекся.¹ Старый граф сконфуженно улыбался, глядя на Анну Михайловну в то время, как она говорила. Графиня одобрила поступок Бориса,¹ *На полях*: Б[орис] держит себя холодно у Ростовых. Наташа говорит: — вот меня б[ог] и наградил.

но Наташа, молча сидевшая в гостиной, выскочила за Анной Михайловной и, вся красная и с злобным лицом, сказала ей:

— Скажите Борису, что между нами всё кончено, кончено, кончено, — проговорила и, не отвечая на увещания Анны Михайловны: заплакав убежала. Анна Михайловна успокоительно вздохнула, когда Наташа ушла. «Non, ce n'est pas une partie pour Boris»,¹ подумала она. «Non, il est trop jeune, il a tout devant lui»,² а не пройдет трех лет si ça va de ce train,³ что они будут беднее нас».

Несвицкой⁴ изредка обедал у Ростовых, никогда не пропускал театра, где были Ростовы, и бывал на балах adolescentes⁵ у Ёголя, где всегда бывали Ростовы. Он оказывал преимущественное внимание⁶ Соне и смотрел на нее такими глазами, что не только Соня без краски не могла выдержать этого взгляда, но и Nicolas и Наташа краснели, заметив этот взгляд.

Видно было, что этот большой, румяный, толстый мужчина находился под неотразимым влиянием, производимым на него этой черненькой, грациозной, энергической девочкой, и что он, считая глупостью и невозможностью свою любовь к ней, не знал, что с собой делать.

— Ах, Соня, — говорила ей Наташа, — он облизывается, когда на тебя смотрит, и такими глазами; зачем ты ему позволяешь?

— Ах, я бы рада! — говорила Соня с испугом — не виновата ли она.

На святой приехал Денисов и остановился у Ростовых. Nicolas четыре дни почти не видал Денисова, так он был непрерывно занят всё это время.

— Нельзя же мне не ехать на качели Поднов[инского], к цыганам, мы обещались, целая компания, Долохов и др., а обедать я обещал⁷ Архаровым.

— Ну, так вечер по крайней мере.

— Завтра да, а нынче театр, я играю.

Nicolas приезжал домой только переодеться.⁸ Между своими редкими посещениями дома Nicolas заметил, что Денисов не на шутку ухаживал за Наташей, и Наташа особенно оживлена с ним, но он в этом калейдоскопе переменяющихся впечатлений заметил и тотчас же забыл это. «Они там все влюблены», подумал он, улыбаясь сам себе. Он заметил тоже, что Несвицкой глядел особенными глазами на Соню, но это также мало заняло его. В душе его было решено давно, что Соня любит его и никого, кроме его, любить не будет. «Когда вздумаю, тогда и возьму ее. Ну, а даже¹ [Нет, это — неподходящая партия для Бориса,]

² [Нет, он слишком молод, у него — все впереди,]

³ [если дела пойдут тем же ходом,]

⁴ *Зачеркнуто*: часто

⁵ подростков

⁶ *Зач.*: одной

⁷ *Зач.*: Без[уховым]

⁸ *Зач.*: Денисов в первое время своего приезда держал себя очень чопорно с Наташей, но

ежели бы она и разлюбила меня! Вот невелика беда! Их столько, столько таких же, да и еще в тысячу раз лучше, которых я не видал еще». Так он даже не думал, но чувствовал.

В среду на святой его однако уговорили остаться обедать. Это был официально прощальный обед, так как гусары уезжали на фоминой в полк, а Ростовы в деревню. Обедали человек двадцать, в том числе Несвицкой и Денисов.¹

Никогда в доме Ростовых любовный воздух, атмосфера влюбленности не давала себя чувствовать с такой силой, как в эти дни святой недели. Весна была на дворе и Ростовы уезжали. «Лови минуты счастья», говорила эта атмосфера. «Всё впереди».

Nicolas, как и всегда замучив две пары и то не успев побывать во всех местах, приехал домой перед самым обедом. Как только он вошел, он заметил и почувствовал напряженность любовной атмосферы в доме, но кроме того он заметил странное замешательство, царствующее между некоторыми из членов общества. Особенно смущены и взволнованы были Соня, Несвицкой, старая графиня и немного Наташа. Nicolas почувствовал, что что то должно было случиться до обеда между Соней и Несвицким, и с свойственной ему чуткостью сердца был очень нежен и осторожен во время обеда в обращении с ними обоими. В этот же вечер святой должен был быть прощальный бал у Иоголя для всех его учеников и учениц.

— Nicolas, пожалуйста поезжай, — сказала ему Наташа. — Он тебя особенно просил, и Василий Иваныч (это был Денисов) едет.

— Куда я не поеду по приказанию графини? — сказал Денисов.

— Хорошо, коли успею: я обещал Долохову, у него прощальная пирушка, — сказал Nicolas. — А вы? — обратился он к Несвицкому и только что спросил это, заметил, что этого не надо было спрашивать.

— Да, может быть, — смущенно отвечал Несвицкой, взглянув на Соню и покраснев до слез. «Чтонибудь есть», подумал Nicolas. И еще более утвердившись в этом предположении тем, что Несвицкой тотчас же после обеда уехал, он вызвал Наташу и спросил, что такое.

— А я тебя искала, — сказала Наташа, выбежав к нему. — Он сделал предложение, — сказала она.

¹ *На полях:*

Nicolas перед обедом приезжает, замечает смущение Несвицкого и Сони. Он сделал предложение.

Объяснение с Соней. — Я вас не стою и ничего не обещаю, но теперь я не готов жениться. Приход[ят]

Волшебница — в альбом. Барышни идут одеваться.

— Мамаша, он мне сделал предложение.

— Ну, что ж, ты не люби[шь], откажи.

— Нет не люблю, я люблю одного Безухого. Мама, мне его жаль. Он так мил.

— Мне вас жалко — нет, но это не надо. Вы такой милый.

Она поцеловала его в лоб и оба заплакали.

Как ни мало занимался Nicolas Соней за это время, что то как бы оторвалось в нем, когда он услышал это. Несвицкой был во всех отношениях волшебной прекрасная партия для бесприданной сироты Сони. Несвицкой, очевидно, не в силах преодолеть свою страсть или каприз, делал *mésalliance*¹ и нельзя было отказать ему. Но странно, первое чувство Nicolas, когда он услышал это, было озлобление против Сони. Он приготавливался к тому, чтобы сказать: «и прекрасно, разумеется надо забыть детские обещания и принять предложение», но не успел еще сказать этого.

— Можешь себе представить, она отказала, совсем отказала, — сказала Наташа.

«Да иначе и не могла поступить моя Соня», подумал Nicolas. «Милая, дорогая, бесценная Соня».

— Сколько мы ее ни просили с маман, она, я знаю, не переменит, когда что сказала...

— И ты просила ее? — с упреком сказал Nicolas.

Наташа задумалась.

[*Далее со слов:* — Да, — сказала она. — Знаешь, Nicolas, не сердись, но я знаю, что ты на ней не женишься... *кончая:* ...сказал Nicolas с слезами на глазах и еще раз поцеловал ее руку. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 1, гл. XI.]

Когда Nicolas после объяснения своего с Соней вернулся в гостиную, он застал Наташу над альбомом, в который Денисов писал ей свои, сочиненные ей, стихи.

«Волшебница, скажи, какая сила
Влечет меня к невидимым струнам...»

декламировал он ей написанные стихи. И, как ни плохи были стихи, он так искренно, страстно говорил их, что они всем чрезвычайно понравились, особенно Наташе, которая просила Nicolas сделать к ним музыку.

Балы у Ёголя начинались рано и барышни скоро после обеда ушли одеваться. А Nicolas с Денисовым пошли курить.

Денисов в дыму трубок всё твердил свои стихи и подпевал, приискивая им музыку.²

— Эх, брат, жизнь наша — всё вздор, — твердил он и Nicolas видел, что товарищ его был не на шутку влюблен.

[*Далее со слов:* У Иогеля были самые веселые балы в Москве... *кончая:* Наташа сделалась влюблена с самой той минуты, как она вошла на бал. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 1, гл. XII.]

Она была влюблена не в своего запасного Pierr'a, ни в Денисова, ни в хорошеньких adolescents³ в курточках, которые танцевали с ней, но влюблена была во всех, в того, на кого она смотрела в ту минуту, она в того и была влюблена.

¹ [неравный брак]

² *На полях:* Стихи на стр... вписать.

³ [юношей]

— Ах, как хорошо, — всё говорила она, подбегая к Соне.

Большие молодые люди танцевали мало, предоставляя это детям, а Nicolas с Денисовым ходили по залам, оглядывая выделяющихся па в новеньких башмачках с бантиками барышень, и как они для приличия ни притворялись равнодушными, эта музыка, эти улыбки, эти смехи, это счастье, разлитое на всех лицах: и наслаждающихся девочек полудетей, и замирающих от восторга любующихся матерей, отражались и в них и им хотелось потанцевать. Nicolas прошел несколько туров вальса, который он, тоже ученик Ёголя, танцевал отлично, но Денисов отказывался, улыбаясь однако с таким видом, который говорил, что он не хочет, но мог бы.

— Что мне, старику, — говорил он.

[Далее со слов: Заиграли вновь вводившуюся мазурку... кончая: — Волшебница, всё со мной сделает, — сказал Денисов и стал отстегивать саблю. — *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 1, гл. XII.]

Иогель с вниманием смотрел на Денисова. Как только вышел в круг старый гусар и крепко взял за руку свою даму, ожидая такта, он почувствовал, что это был опасный соперник.

[Далее со слов: Только на коне и в мазурке не видно было маленького роста Денисова... кончая: ...все гости были восхищены мастерством Денисова и беспрестанно стали просить, выбирать его. — *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 1, гл. XII.]

Как ни весело было на бале, Nicolas, в середине мазурки посмотрев на часы, попросил Денисова заменить себя и поехал к Долохову, у которого он непременно обещался быть. Ростов от Иогеля в одиннадцатом часу приехал к Долохову, но не в дом матери, а у Яра. Вся веселая молодежь Москвы была у Долохова.

[Далее со слов: Долохов сидел перед столом... кончая: ... а так я вас всегда буду любить... — *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 1, гл. XIII—XVI.]

Денисов нагнулся над ее рукою и она услышала странные непонятные звуки. Она заплакала и поцеловала его в черную голову. В это время послышался поспешный шум платья графини. Она подошла к ним.

— Василий Дмитриевич, я благодарю вас за честь, — сказала она смущенным голосом, но который казался строгим Денисову. — Но моя дочь так молода и я думала, что вы, как друг моего сына, обратитесь прежде ко мне.

— Г'гафиня! — сказал Денисов с опущенными глазами и виноватым видом. Наташа не могла его видеть таким, она начала жалко всхлипывать.

— Г'гафиня, я виноват пе'ед вами, но знайте, что я так боготвогю вашу дочь и всё ваше семейство, что я не мог изменить моему чувству...

— П'гощайте, г'гафиня. — Он поцеловал ее руку и поспешно вышел.

Nicolas нашел его в гостинице с старым уланом, стоявшим там, за бокалами.

— Я пьян, Г'остов, пьян, как свинья. Откупогивай. После я тебе скажу, тепе'ь пей. Завтга я еду. Пей. Не мне, стагой вонючей собаке, назвать такую п'гелесть своею. Мое дело г'убиться и пить. Волшебница, скажи, какая сила...

На другой день Nicolas отослал деньги Долохову и, узнав от домашних и от Денисова, в чем было дело, проводил своего товарища. Денисов два дня пил без просыпу и, пьяный мертвецки, был уложен Лаврушкой в сани и увезен.

После отъезда Денисова Nicolas, дожидаясь своего отчисления от адъютантства, провел две недели, не выезжая из дома и преимущественно в комнате барышень. Соня была к нему преданнее и нежнее, чем прежде; она, казалось, хотела показать ему, что его проигрыш был подвиг, за который она еще больше любит его. Но Nicolas теперь считал себя недостойным ее и отношения их оставались так же неопределенны.

Он исписал их альбомы стихами и нотами и, не простившись ни с кем из своих знакомых, уехал в конце ноября догонять полк, который уже был в Польше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

** № 86 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. I, II, VI—VII).

Два дни после объяснения своего с женою Пьер уехал в Петербург с намерением получить паспорт и ехать за границу, но война была уже объявлена и паспорта не выдавались. Остановившись не в своем доме, не у тестя, князя Василья, ни у кого из многочисленных знакомых, он жил в Аглицкой гостинице, не выходя из комнаты¹ и никому не дав знать о своем приезде.

Целые дни и ночи он проводил, лежа на диване и задрав ноги и читая или расхаживая по своей комнате, или слушая разговоры г-на Благовещенского, единственное лицо, которое он видел в Петербурге. Благовещенский был хитрый, подобоострастный и глупый делец, который ходатайствовал по делам еще покойного¹ *Зачеркнуто*: даже не одеваясь и никого не принимая. Он не читал даже по своей привычке, а целые дни, лежа на диване, положив ноги на стол, ковыряя в носу, морщился, думал, думал, думал и думал. Но чем больше он думал, тем темнее, запутаннее и безнадежнее представлялись ему прошедшее, будущее и главное настоящее. Пьер принадлежал к тем людям, которые постоянно радостно, рассеянно смотрят на жизнь и для которых, чем реже возникают вопросы о значении всей жизни, тем вопросы эти мучительнее и неотвязчивее, когда они раз предстают перед ними.

Он принадлежал к тем людям, для которых жизнь постоянно весела и завлекательна, но на которых, хотя и редко, находят периоды тоски и бессилия.

графа Безухого. Pierre послал за ним, чтобы поручить ему взять паспорт, и с тех пор он приходил каждый день и сидел молча целые дни перед Pierg'ом, считая это сиденье в комнате графа весьма хитрым с своей стороны маневром, долженствовавшим принести ему большие выгоды. Pierre же привык к этому глупому и поддобострастному лицу, не обращал на него никакого внимания, но любил, когда он сидит тут.

— Приходите же, — говорил он ему, прощаясь.

— Слушаю-с. Всё изволите читать, — говорил Благовещенский, входя.

— Да, садитесь, чаю, — говорил Pierre.

Pierre жил так более двух недель. Он не знал, когда какое число, какой день, каждый раз, просыпаясь, спрашивал себя, вечер это или утро. Ел он то в середине дня, то в середине ночи. Прочел он в это время и все романы m-me Suza и Redcliffe и «Esprit des lois» Montesquieu и скучные волюмы «Correspondance» Rousseau, которые он не читал до сих пор, и всё ему казалось одинаково хорошо. Как только он оставался без книги или без Благовещенского, рассказывающего о выгоде службы в сенате, он начинал думать о своем положении и всякий раз, как повторялся в его голове весь, всё тот же самый, путь тысячу раз повторенных скверных мыслей и приводил его всё к тому же *cul de sac*¹ отчаяния и презрения к жизни, он говорил себе и всякий раз вслух и по французски.

«Э, разве не всё равно. Стоит ли думать об этом, когда вся жизнь такая короткая глупость».

Только когда он читал или слушал Благовещенского, ему урывками приходили прежние мысли, то о том, как глуп Благовещенский, полагая, что быть сенатором есть верх славы, когда слава египетского героя и та нечистая слава, то читая про любовь какой-нибудь Amélie о том, как бы он сам полюбил и отдал бы себя любимой женщине, то читая Montesquieu о том, как односторонне судит писатель этот о причинах духа законов и как, ежели бы он дал себе труд подумать, он, Pierre, написал бы об этом предмете другую, лучшую книгу и т. д. Но как только он останавливался на этой мысли, ему приходило в голову то, что до них [?] было, и он говорил себе, что всё это вздор и всё равно и не стоит того вся глупая жизнь, что[бы] чем-нибудь заниматься. Как будто свернулся тот винт, на котором стояла вся его жизнь.

«Что я, для чего я живу, что творится вокруг меня, что надобно любить и что надобно презирать, что я люблю и что я презираю, что дурно, что хорошо?» были вопросы, которые, не получая ответа, представлялись ему. И отыскивая ответы, он лично, одиноко,² несмотря на свое малое изучение философии, проходил по тем путям мыслей и приходил к тем же сомнениям, по которым¹ [безвыходному положению]

² *Зачеркнуто*: в своей просторной голове, с своей способностью к спекулятивным соображениям

проходила история философии всего человечества. «Что есть я, что жизнь, что смерть, какая сила управляет всем?» спрашивал он себя и единственный, не логический ответ на все эти вопросы удовлетворял его. Ответ этот: только в смерти возможно спокойствие. Всё в нем самом и вокруг его во всем мире представлялось ему столь запутанным, бессмысленным и безобразным, что он боялся одного, как бы люди не втянули его опять в жизнь, как бы не вывели его из этого презрения ко всему, в котором одном находил он временное успокоение.

В одно утро он лежал, положив ноги на столе, с раскрытым романом, но погруженный в¹ этот тяжелый, безвыходный ход мысли, всё повертывая и повертывая этот свинтившийся винт мысли, всё так же повертывавшийся и ничего не захватывавший. Благовещенский сидел в уголке и Pierre смотрел на его чистенькую фигуру, как смотрят на угол печи.

«Ничего не найдешь, ничего не придумаешь», говорил себе Pierre. «Всё гадко, всё глупо, всё навыворот. Всё, из чего быются люди, гроша не стоит. А знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это — высшая степень человеческой премудрости. Не глупа эта аллегория [?] о невозможности вкушения плода с древа познания добра и зла»,² думал он.

— Захар Никодимыч! — обратился он к Благовещенскому, — когда вас учили в семинарии, как вам объясняли значение древа познания добра и зла?

— Уж это я забыл, ваше сиятельство, но профессор был великого [?] ума...

— Ну, расскажите... — но в это время в передней послышался голос камердинера Pierre'a, не впускающего кого то, и тихий, но³ твердый голос посетителя, говоривший:

— Ничего, мой друг, граф меня не выгонит и будет тебе благодарен за то, что ты впустил меня.

— Затворите, затворите дверь! — закричал Pierre, но дверь отворилась и в комнату вошел⁴ невысокого роста, худой, старый человек в парике и пудре, чулках и башмаках, с белыми, седыми бровями, особенно резко отделявшимися на его⁵ чистом, старческом лице.⁶ В приемах человека этого была приятная уверенность, учтивость человека высшего света.

¹ *Зачеркнуто*: высший склад мыслей, до которых может достигнуть человек; он презирал и был равнодушен не только ко всему на свете, но и к своей собственной жизни и чувствовал, что, отыскивая истину, он дошел до той высшей степени человеческого знания, на которой нам дано только видеть возможность истины, но прегражден путь проникновения в ее святилища. Он чувствовал ту вечную невозможность

² *Зач.*: Он был на этой ступени мыслей, когда в приемной комнате он услышал голос своего

³ *Зач.*: приятный и

⁴ *Зач.*: <неторопливо, спокойно> быстрыми шагами

⁵ *Зач.*: <розово-нежном, приятном> желто-бледном

⁶ *Зач.*: Несмотря на высоту мыслей, на которой находился в то время

Пьер растерянно вскочил с дивана и с неловкой улыбкой вопросительно обратился к¹ старику.² Старик, печально улыбнувшись Пьеру,³ оглянул беспорядочную комнату и тихим ровным голосом назвал свою⁴ русскую, известную Pierr'у фамилию, объяснив, что он имеет переговорить с ним с глаза на глаз. При этом он взглянул на Благовещенского так, как глядят только люди, имеющие власть. Когда Благовещенский вышел, старик сел подле Pierr'a и долго, пристально, ласкающим взглядом, молча посмотрел ему в глаза.⁵

Вокруг Pierr'a были разбросаны на полу и стульях бумаги, книги и платья. На столе валялись остатки завтрака и чая. Сам Pierr'e был неумытый, небритый и взлохмаченный, в грязном халате. Старичок был так чисто выбрит, так облегал высокий жабо его шею, так обрамлял пудренный парик его лицо, чулки его сухие ноги, что он, казалось, не мог быть иным.

— M-r le comte, — сказал он удивленно глядящему на него и испуганно запахивающему свой халат Pierr'у. — Несмотря на ваше, совершенно законное удивление видеть меня, незнакомого, у вас, я должен был утрудить вас. И ежели вам угодно будет дать мне короткую аудиенцию, вы узнаете, в чем дело.

Пьер почему то с невольным уважением вопросительно смотрел через очки на старика и молчал.

— Слышали ли вы, граф, про братство вольных каменщиков? — сказал старичок. — Я имею счастье принадлежать к ним⁶ и братья мои предписали мне притти к вам. Вы меня не знаете, но мы знаем вас. Вы любите бога, то есть истину, и любите добро, то есть ближнего, братьев своих и вы в несчастьи, унынии и горе. Вы в заблуждении и мы пришли помочь вам, открыть вам глаза и вывести на путь, который ведет к вратам обновленного Эдема.

— Ах да, — с виновной улыбкою сказал Пьер,⁷ — очень вам благодарен... я... — Pierr'e не знал, что ему сказать, но лицо и речи старичка успокоительно приятно действовали на него. Лицо старичка, оживившееся и принявшее оживленное выражение в то время, как он начал говорить о каменщичестве, опять стало холодно и сдержанно учтиво.

— Очень благодарен... но оставьте меня в покое, — сказал старичок, по своему доканчивая фразу Pierr'a. Он улыбнулся¹ *Зачеркнуто*: старичку

² *Зач.*: Старичок

³ *Зач.*: вернулся, затворил дверь и, молча сев подле Пьера и взяв его за руку, тихо сказал:

— Нам жаль тебя, брат мой, ты совершил преступление, ты мучаешься и падаешь, но ты обретешь успокоение среди нас. Тебя ждет возрождение в обновленном эдеме.

— Пьер с удивлением и, почему то, с невольным уважением, любовью и надеждою на помощь

⁴ *Зач.*: нерусскую

⁵ *На полях*: Письмо его князю Андрею о новой жизни.

⁶ *Зач.*: и пришел сюда, чтобы ввести тебя в него. Ежели ты

⁷ *Зач.*: которому хотелось поскорее отделаться от <старичка> посетителя, — но признаюсь в настоящую минуту мало интересуюсь чем...

и вздохнул,¹ своим твердым, полным жизни взглядом упорно глядя в растерянные глаза Пьера, и странно: Пьер в этом взгляде почувствовал надежду на успокоение. Он чувствовал, что для этого старичка мир не был безобразною толпою, не освещенный светом истины, но, напротив, стройным и величественным целым.²

— Ах, нет, совсем нет, — сказал Pierre. — Напротив, я только боюсь, что насколько я слышал и читал о масонстве, что я очень далек от понимания его.

— Не бойтесь, брат мой, бойтесь одного всемогущего творца. Говорите прямо все свои мысли и сомнения, — сказал старичок спокойно и строго, опять покидая тон учтивости и входя в тон одушевления. — Никто один не может достигнуть до истины, только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений от праотца Адама и до нашего времени воздвигается храм Соломона, который должен быть достойным жилищем великого бога. Ежели я знаю что-нибудь, ежели я дерзаю, сам ничтожный раб, приходить на помощь ближнему, то только оттого, что [я] есть составная часть великого целого, что я есмь звено невидимой цепи, начало которой пропадает в небесах.

— Да... я, да отчего же?... — сказал Pierre, — я бы желал знать, в чем состоит истинное франкмасонство. Какая цель его? — спросил Pierre.

— Цель? Воздвижение храма Соломона, познание природы. Любовь к богу и любовь к ближнему. — Старичок замолчал с таким видом, что надо долго обдумывать сказанные слова, и они помолчали минуты две.

— Но это цель христианства, — сказал Pierre.

Старичок не отвечал.

— И какое же познание природы?³ И какими путями вы дошли до того, чтобы достигать в мире осуществления вашей троякой цели — любви к богу, к ближнему и к истине?⁴ Мне кажется, это невозможно.

Старичок кивал головой, как бы одобряя каждое слово Pierre'a. На последних словах он остановил Pierre'a, входившего в умственное, раздраженное одушевление.

— Разве ты не видишь в природе, что силы эти не пожирают одна другую, а, сталкиваясь, производят гармонию и благость?

— Да, но, — начал Pierre.

¹ *На полях:* Он видел веру и твердое убеждение, а оно то убеждает больше всего. Да и потом, что за беда — всё равно.

² *Зачеркнуто:* Pierre почувствовал, что от этого странного посетителя не отделаешься скоро.

³ *Зач.:* — Отчего оно достигается обществом, а не единично... Никогда... я бы был более способен, — сказал Pierre, — понять и полюбить учение, которое бы мне показало стройность мира, как теперь. Я сомневаюсь и мучаюсь и сомневаюсь теперь, — говорил он, поощряемый выражением кроткого и снисходительного участия, которое было на лице его собеседника. — Скажите мне ясно и прямо, что такое масонство.

⁴ *Зач.:* тогда как в моих глазах мир представляется (сколько я ни стараюсь видеть иначе) представляется собранием сил, сталкивающихся друг с другом и пожирающих одна другую.

— Да, но в мире нравственном, — перебил его старичок, — ты не видишь этой гармонии, ты видишь, что элементы сходятся, чтобы произвести произрастание, произрастание служит для того, чтобы напитать животное, а животные без цели и следа пожирают одно другое. И человек, кажется тебе, губит вокруг себя всё для удовлетворения своей похоти и под конец всё не знает своей цели, к чему и зачем он живет.

— Да, нет, да... — сказал Pierre, всё более и более чувствуя уважение к этому старичку, угадывавшему и высказывавшему его мысли.

— Живет, чтобы понять бога своего творца! — сказал старичок, опять молчанием подчеркивая свои слова.

— Я... вы не думайте, что это так, из моды... я не верю, не то, что не верю, я не знаю бога, — с сожалением и с усилием сказал Pierre, чувствуя необходимость сказать всю правду и пугаясь, что он говорит.

Старичок улыбнулся, как улыбнулся бы богач, держащий в руке тысячи, бедняку, который бы сказал ему, что нет у него, у бедняка, пяти рублей и он чувствует, что невозможно достать их.

— Да вы не знаете его, граф, — сказал старичок, переменяя тон и покойно усаживаясь и доставая табакерку. — Вы не знаете его, оттого вы и несчастны, оттого мир для вас есть груда развалин, валящихся и разрушающихся одни на другие.

— Да, да, — сказал Pierre тоном нищего, который подтверждает заявление богача о его бедности.

— Вы не знаете его, граф, вы очень несчастны, а мы знаем его и служим ему и в этом служении обретаем высочайшее блаженство, не только в загробной жизни (которой ты тоже не знаешь), но и в этом мире. Многие говорят, что знают его, но они еще не вступили на первую ступень этого знания. Ты не знаешь его. А он здесь, он во мне, он в моих словах, он в тебе и даже в тех кощунствующих речах, которые ты произнес сейчас, — дрожащим голосом сказал старичок. Он помолчал. — Но познать его трудно. Мы работаем для этого познания и в работе этой находим высшее счастье на земле.¹

— Но в чем же состоят они, эти работы?

— Ты сказал сейчас, что цель наша есть та же, что и цель христианства. Отчасти это справедливо, но цель наша определена еще до воплощения сына божия. Мастера нашего ордена были у египтян и халдеев и древних евреев.

Как ни странно было то, что говорил старичок, как в душе своей ни смеялся прежде Pierre над этим родом масонских суждений, которые ему прежде доводилось слышать с упоминанием халдеев и таинств природы, но теперь он с замиранием сердца слушал старичка и уже не спрашивал его, а верил тому, что он говорил. Он верил не тем разумным доводам, которые были в речи старичка, а верил, как верят дети, интонациям убежденности и сердечности,¹ *Зачеркнуто*: Присоединись к нашей работе, и ты познаешь его.

которые были в его речи. Он верил тому дрожанию голоса, с которым старичок выразил сожаление о незнании бога Pierr'ом, он верил этим блестящим старческим глазам, состарившимся на том же убеждении, он верил тому спокойствию и жизнерадостности, которые светились из всего существа старичка, которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью. Он верил той силе огромного общества людей, связанных веками одной мыслью, которой старичок был тридцатилетним представителем.

— Открыть профану таинства нашего ордена невозможно.¹ Невозможно потому, что знание этой цели достигается только работами, медленно подвигающими истинного каменщика от одной ступени знания к другой, более высокой. Постигнуть всё — значит постигнуть всю мудрость, коею обладает орден. Но мы давно следим за тобой, несмотря на жалкое твое невежество и мрак, застилающий свет души твоей, мы решили избрать тебя и спасти от самого себя. Ты говоришь, что мир состоит из падающих и давящих одна другую развалин. И это справедливо, ты один есть сия развалина. Что ты?

И старичок начал излагать Пьеру всю его жизнь, его обстановку, его свойства, ничего не скрашивающими, прямыми и сильными словами.

— Ты богат: десять тысяч человек зависят от твоей воли; видел ли ты их, узнал ли ты об их нуждах, позаботился ли подумать о том, в каком положении находятся их тело и душа? Помог ли ты им, в чем состояла твоя прямая и священная обязанность, найти пути для достижения царствия божия, осушил ли ты слезы вдов и сирот, любил ли ты сердцем их хоть одну минуту? Нет, пользуясь плодами их трудов, ты предоставил их воле своекорыстных и невежественных людей и ты говоришь, что мир есть падающая развалина. Ты женился и взял на себя ответственность в руководстве молодого и неопытного существа и что же ты сделал, думая только об удовлетворении своих радостей?

Как только старичок упомянул о жене, Pierre багрово покраснел и начал сопеть носом, желая перебить его речь, но старичок не допустил.

— Ты не помог ей найти пути истины, а ввергнул ее в пучину лжи и разврата. Человек оскорбил тебя и ты убил его или хотел убить его. Общество, отечество твое дало тебе счастливейшее и высшее положение в государстве. Чем ты отплатил ему за эти блага? Старался ли ты в судах держать сторону правосудия или достигать близости к престолу царя для того, чтобы защищать правду и помогать ближнему? Нет, ты ничего этого не сделал, ты ¹ *Зачеркнуто в наборной рукописи*: поглядите на меня, граф. Мне шестьдесят два года, я похоронил всех, близких моему сердцу, людей. Я имею врагов и спокоен, тверд и счастлив, сколько можно быть счастливым на земле, и не тягочусь жизнью, которой мне недостает для исполнения всех моих обязанностей. Я счастлив, а вы, граф? Вы молоды, вы богаты, умны, образованы и вы несчастны. Да, я знаю вашу жизнь.

отдался самым ничтожным страстям человеческим, окружил себя презреннейшими льстецами и, когда несчастье показало тебе всю ничтожность твоей жизни, ты обвиняешь не себя, а премудрого творца, которого ты не признаешь для того, чтобы не бояться его.

Пьер молчал. Описав мрачными красками его прошедшую жизнь, старичок перешел к описанию той жизни, которую должен бы был вести и устроить Пьер, ежели бы он хотел следовать правилам масонов. Огромные имения его должны были [быть] все объезжены, во всех должны были бы[ть] сделаны материальные благодеяния крестьянам, везде должны были [быть] учреждены богадельни, больницы, школы. Огромные средства должны были бы[ть] употреблены на распространение просвещения в России, издание книг, воспитание духовных лиц, собрание библиотек и т. п. Сам он должен был занимать видное служебное место и помогать благодетельному Александру искоренять в судах лихоимство и неправду. Дом его должен был быть местом сближения всех единомыслящих людей, стремящихся к той же цели. Так как он имеет склонность к занятиям философским, то свободное от службы и управления имением время должно было употребляться на приобретение знаний таинств природы, в котором высшие мастера ордена не отказали бы ему в своем пособии.

— Тогда бы, — заключил он, — знание того, который бы руководил тобою в ведении таковой жизни, которого помощь и благословения ты чувствовал бы всякое мгновение, тогда бы знание это пришло само собою. — Pierre молча сидел перед ним и слезы стояли в его больших, умных, внимательных глазах.

— Да, всё <что> вы говорите мне, было моими желаниями, моими мечтами, — сказал Пьер, — но я в жизни не видал ни одного человека, который бы не посмеялся над такими мыслями. Я думал, что это невозможно; ежели бы...

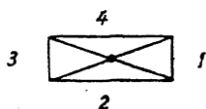
Старичок перебил его.

— Почему же мечтания эти не осуществились, — сказал он, видимо увлекаясь спором, на который Pierre не вызывал его, но который в других случаях часто представлялся ему, — я тебе скажу это, отвечая на тот вопрос, который ты мне сделал прежде. Ты сказал: для чего масонство учит тому же самому, чему учит и христианство. Христианство есть учение, масонство есть сила. Христианство не поддержало бы тебя, оно отвернулось бы от тебя с презрением, как скоро бы ты произнес те кощунственные слова, которые ты произнес сейчас при мне. Мы же не признаем различия вероисповедания, как и не признаем различия наций, сословий; мы считаем всех равно своими братьями, всех тех, которые любят человечество и истину. Христианство не пришло и не могло притти к тебе на помощь, а мы спасали и спасаем не таких преступников, как ты. Тебя мучает мысль о Долохове, то знай же, что наш брат и мастер нашего ордена, глубоко познавший тайны врачевания человеческого тела, послан был нами к тому, кого ты считаешь своею жертвой, и вот что он пишет нам. — Старичок достал французское письмо и прочел его. В письме описывалось, 596

что положение Долохова, которое было почти безнадежно, теперь не представляет более никакой опасности. Корреспондент прибавлял, что к несчастью попытки его нравственного врачевания этой, закоренелой во мраке, души были совершенно тщетны.

— Вот разница между христианством и нами: оно учит, а мы действуем.

Старичок замолчал, подвинул к себе лист бумаги и карандашом начертил квадрат, перекрестив его двумя диагоналями, и на каждой стороне квадрата поставил номера от первого до четвертого.

Против первого он написал — бог, против второго — человек, против третьего — плоть, против четвертого — смешанное и, подумав над этим, подвинул бумагу к Pierr'u.

— Мы вас знали, граф, и поэтому я вам открываю многое, чего мы не можем открыть неопитам. Вот оно, масонство. Человек должен стремиться быть центром. Стороны этого квадрата заключают всё...

Старичок просидел от двенадцати часов утра до позднего вечера у Пьера. Они переговорили обо всем. Pierre замечал, что старичок не только не боялся, но признавал его безверие, как бы говоря, что он уверен, что эта минутная ошибка мысли скоро пройдет.

Через неделю был назначен прием Безухова в петербургскую ложу¹ др[узей] Ищущих манны.

[Далее со слов: Дело Пьера с Долоховым было замято...² кончая: ... и князь Василий должен был уехать, не получив никакого объяснения. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 2, гл. V.]

На другой день Пьер получил записку от Анны Павловны Шерер,³ приглашавшую его непременно побывать к ней нынче вечером⁴ для очень важных переговоров и сообщения ему радостного известия о князе Андрее Болконском. Пьер и все в Петербурге считали князя Андрея убитым.⁵ Пьер догадался,⁶ что Анне Павловне уже было известно его вчерашнее свидание с тестем, что нынешнее свидание имело целью только продолжение вчерашнего и что известие о князе Андрее была только приманка. Но убедив себя тем, что при новой его жизни ему не нужно бояться людей, что вероятно что-нибудь и правда о известии, касавшемся князя Андрея, он в первый раз после своей дуэли⁷ надел фрак¹ *Зачеркнуто*: Северного сияния.

² На полях: P[ierre] главное весел и рассеян.

³ На полях: Hélène уже в Бартенштейне. Государь обласкал ее на бале и спрашивал о нем. Он бы мог сделать карьеру. Pierre весело отшучивается.

⁴ Зач.: между 7 и 8 часами

⁵ Зач.: В записке приписывалось, что кроме его, у Анны Павловны никого не будет.

⁶ Зач.: вследствие этой приписки.

⁷ Зач.: выбрился

и поехал в дамское общество. Он был весел и сдержан, как бы подтрунивая над всем миром, зная истину.

С того первого вечера, как Пьер так неуместно защищал Наполеона в гостиной Анны Павловны, прошло много времени. Первая коалиция была уничтожена, сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем. Буонапарте, столь возмущавший Анну Павловну своей дерзостью присоединения Генуи и надевания себе на голову сардинской короны, Буонапарте этот с тех пор посадил своих двух братьев королями в Европе, предписывал законы всей Германии, был признан императором всеми европейскими дворами, кроме России и Англии, уничтожил в две недели прусскую армию под Йеною, вступил в Берлин, взял понравившуюся ему шпагу Фридриха Великого и отослал ее в Париж, (это последнее обстоятельство более всех других раздражало Анну Павловну) и, объявив войну России, обещался уничтожить ее новые войска так же, как и под Аустерлицем. Анна Павловна же давала в свободные дни у себя такие же вечера и точно так же, как и прежде, подшучивала над Наполеоном и недоумевающе гневалась на него и на всех европейских государей и полководцев, которые, как ей казалось, нарочно согласились потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей императрице эту нравственную неприятность и огорчение. Но Анна Павловна и ее высокая покровительница считали себя выше такого поддразнивания.

— Тем хуже для них, — говорили они и всё-таки высказывали приближенным свой, на этот счет, непритворный образ мыслей.

В тот вечер, когда Пьер взшел на крыльцо Анны Павловны, его встретил тот же придворный пухлый лакей, с тем же значительным и торжественным видом отворил дверь и провозгласил его имя, когда он входил по ковру в ту же бархатную масака гостиную, в которой на том же кресле, с тем же безучастным видом сидела безмолвная тетушка, во всех своих чертах и позе олицетворяя тихую и преданную печаль о безбожных успехах Буонапарте.

Анна Павловна, столь же твердая и несомненная в своих приемах, вышла к Пьеру и особенно ласково подала ему свою желтую, сухую руку.

— О, как вы переменились, — сказала она ему, — и к лучшему, значительно к лучшему. Очень благодарна, что вы приехали, вы не будете раскаиваться в том, но прежде, чем я скажу вам ту новость, которая должна обрадовать вас, я еще должна прочитать вам проповедь.

— Жив он? — нетерпеливо спросил Пьер и на лице его отразилось то выражение молодой любви и счастья, которого не было на нем со времени его женитьбы.

— После! После! — шутливо проговорила Анна Павловна. — Если вы будете послушны к моим проповедям, то я вам скажу эту новость.

Пьер нахмурился.

— Я не могу этим шутить, — сказал он. — Вы не знаете, что для меня этот человек. Жив ли он?

— Пилад ваш жив, — с легким презрением сказала Анна Павловна, — но помните, с каким условием я говорю вам это и скажу еще все подробности о нем. Вы должны меня слушать, как духовника, и исполнить мои советы, но надеюсь, что вы не такой страшный спорщик, как бывали прежде. Женитьба, по моим наблюдениям, весьма формирует характер людей. Надеюсь, что и на вас она подействовала так же, особенно зная характер нашей милой Элен.

Пьер, к удивлению своему, почувствовал себя необыкновенно твердым и спокойным в виду предстоящих увещаний. Сознание того, что у него есть цель и надежда в жизни, давало ему эту твердость. Он в первый раз после принятия своего в братство примеривал себя к обыденным условиям жизни и чувствовал себя необыкновенно выросшим. Он не боялся на себя влияния Анны Павловны, притом он был радостно возбужден неожиданным известием о возвращении к жизни своего друга.

— Вот экзорд, — сказал он, улыбаясь своей доброй улыбкой, ожидая речи.

Пьера занимала вместе с тем мысль, каким образом придворная Анна Павловна коснется вопроса о запрещенной и строго осуждаемой при дворе дуэли. Он удивлялся, каким образом Анна Павловна могла с ним говорить так кротко и дружелюбно после его столь непридворного поступка. Он не понимал еще того, что, хотя Анна Павловна знала все малейшие подробности его дуэли, она игнорировала их, т. е. признавала эту дуэль не существовавшей. Она говорила только об отношении Пьера к жене. Когда Пьер неосторожно заметил ей, что он готов подвергнуться всем последствиям своего поступка, но что он не изменит своего решения расстаться с женою, она с вопросительным недоумением посмотрела на него, как бы спрашивая его, о каком он говорит поступке, и поспешно прибавила: — мы, женщины, не можем и не хотим знать ни о каких других поступках, как о тех, которые делаются в отношении нас. Несмотря на трогательные увещания и доводы Анны Павловны, как убит старик отец, князь Василий, как предана своей судьбе и наклонностям молодая женщина, оставленная мужем, какой вред репутации его делает эта разлука, которая не может быть вечна, потому что Элен заставит его воротиться к себе, на все эти доводы Пьер, краснея и нерешительно улыбаясь, решительно отвечал одно, что он не в силах и не может переменить своего решения. Пьер, удерживаемый своим природным уважением к женщине, соединявшимся у него с некоторым презрением к ней,¹ не мог рассердиться, но ему становилось тяжело.

¹ *Зачеркнуто*: Пьер не сердился, но, невольно впадая в придворный светский тон французской болтовни, более отшучиванием, чем серьезно, отвечал на доводы Анны Павловны. Притом, как видно, и Анна Павловна не интересовалась успехом своей негоциации. Ее увещания кончились тем, что она просила Пьера не говорить, что он никогда не сойдется с женою, не распускать слух о их размолвке и еще подумать.

— Оставимте этот разговор, он ни к чему не приведет нас, — сказал он. Анна Павловна задумалась.

— Ах! подумайте, мой друг, — сказала она, подняв глаза к небу. — Подумайте, как страдают и переносят свои страдания лица, особенно женщины, и очень высокопоставленные, — сказала она, принимая то грустное выражение, которое сопровождало ее речам о высочайших особах. — Ежели бы вы, так же как и я, могли видеть целую жизнь некоторых женщин или скорее ангелов неба, страдающих, но не ропщущих от несчастья брака... — и слезы выступили на ее восторженные глаза. — Ах, мой милый граф, вы имеете дар увлекать меня, — сказала она слова, которые она говорила всем, кого хотела обласкать, и протянула ему руку. — Я бог знает что говорю, — сказала она, как бы смеясь над своею восторженностью и опоминаясь. Пьер обещался ей подумать, не разглашать своего разрыва и умолял сообщить всё то, что она знала о его друге. Родные Лизы Болконской получили известие, что он был ранен, лечился от своей раны в немецкой деревне и, совершенно выздоровев, ехал к отцу. Известие это обрадовало Pierre'a тем более теперь, когда он, воскреснув к новой жизни, не раз грустил о потере лучшего друга, с которым он так желал разделить новые мысли и взгляды на жизнь. «Это и не могло быть иначе», подумал он. «Такой человек, как André, не мог погибнуть. Ему еще столь многое предстояло».

Pierre хотел откланяться, но Анна Павловна не отпустила его и из уединенного уголка, в котором происходил их разговор, заставила вместе с ней присоединиться к гостям, собранным тремя кружками, из которых два очевидно были составлены кое из кого, а один, у чайного стола, составлял центр, в котором сгруппировано было всё высшее и значительнейшее: там были звезды, эполеты и посланники.

В первом кружке Pierre нашел более пожилых людей, между которыми один незнакомый ему мужчина заставлял себя слушать больше других. Pierre был знаком со всеми и все его встретили так, как будто они его видели вчера, с незнакомым Анна Павловна познакомила Pierr'a, назвав иностранную фамилию и шепнув: «un homme de beaucoup d'esprit et d'un esprit très profond».¹ Речь шла о только что полученной в Петербурге просьбе Каменского, главнокомандующего, об отставке. «Каменский совершенно сошел с ума», говорилось тут. «Бенигсен и Буксгевден на ножах, ссорятся, армией управляет один бог. Чего же вам лучше, вот что он пишет к государю:² «Стар я для армии, ничего не вижу, ездить верхом почти не могу, но не от лени, как другие; мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на рассмотрение малейшую часть переписки, в шести бумагах состоящую, которую должен был иметь одним днем, чего ¹ [человек большого и очень глубокого ума.]

² *Зачеркнуто*: и он продиктовал письмо, ходившее по рукам в Петербурге

долго выдержать не могу,¹ для чего дерзаю испрашивать себе перемены».²
— И это главнокомандующий.³

— Но кого же было назначить, — перебила Анна Павловна, как бы защищаясь от нападков, которые на нее делали. — Где же у нас люди? — как будто отсутствие людей было тоже одно из поддразниваний, направленных против Марии Федоровны. — Кутузов, — сказала она, и улыбка ее навсегда уничтожила Кутузова, — он хорошо показал себя. Прозоровской... у нас нет людей, кто виноват в этом.

— Quos vult perdere — dementat,⁴ — сказал l'homme à l'esprit profond,⁵ — у нас много причин, чтобы не иметь людей, — сказал он; — одни молоды чином, другие низки званием, третьи не успели получить милость государя, а там наружу вызваны лучшие силы революции.

— Так вы говорите, — подхватила Анна Павловна, — что силы революции должны восторжествовать над нами, защитниками старого порядка.⁶

— Избави меня бог это думать, — отвечал мудрец.⁷ — Но очень может быть, что значение Буонапарта, еще темное для нас, будет ясное для потомства, он призван для того может быть, чтобы уничтожить те царства, которые неуютны были богу, и показать нам яснее, как тщетно величие мира сего. — И l'homme à l'esprit profond⁸ стал говорить о предсказаниях Юнга Штиллинга, о значении апокалипсического числа четыре тысячи четыреста сорок четыре¹ *На полях*: Разговор о табакерке алмазной Гарденбергу с азартом.

Пруссия изменила в 1805, Австрия теперь. — Наполеон есть явление, чтобы уничтожить власть, проистекающую не от бога, — говорит масон.

² *Зачеркнуто*: Говорят, он перед сражением отдал приказ о том, чтобы, не ожидая приказаний, все бежали, кто куда попало; да, это факт. Продовольствия, говорят, нету, солдаты оборваны и изнурены. Поляки уже мечтают о возобновлении царства.

³ *Зач.*: повторил сочинитель, — посмотрите, сколько причин.

⁴ Кого хочет погубить — лишит разума.

⁵ [человек глубокого ума,]

⁶ *Зач.*: может быть

⁷ *На полях*: Vienne trouve les bases du traité de Bartenstein tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité des succès les plus brillants et elle mêt en doute les moyens qui pourraient nous les procurer. Донесение графа Разумов[ского] redigé par Bil[ibine] от 24 мая. Répétez à chaque occasion que l'empereur entièrement persuadé que ce n'est que la force qui puisse ramener Bonaparte (изменение Билибина после В[енского] м[оста] привилось) à la raison ne ralentira pas ses efforts dans la présente guerre, quand même la convocation du Congrès en question devrait avoir lieu [Вена находит основания договора в Бартенштейне до того невозможными, что достигнуть их нельзя даже рядом самых блестящих успехов, и она сомневается в средствах, которые могут их нам доставить. Донесение гр. Разумовского, редактированное Билибиным, от 24 мая. Повторяйте при каждом случае, что император, убежденный, что только сила может образумить Бонапарта, не ослабит напряжения в настоящей войне, хотя бы и состоялся конгресс, о котором идет речь.]

⁸ [человек глубокого ума]

и о том, что в апокалипсисе именно предсказано явление Наполеона и что он есть антихрист.¹

— Я не по книгам дошла до этого, — возразила Анна Павловна, — но сначала поняла чувством, что он не человек, и я в вольнодумстве своем часто сомневалась в том, не противоречит ли христианскому учению обряд проклинания. Но теперь чувствую, что мои мольбы и проклятия от всей души сливаются с проклятиями, которые предписано теперь читать в церквах. Да, это антихрист, я верю этому и когда подумаю, что это страшное существо имело дерзость предлагать нашему императору вступить с ним в союз и переписываться, как любезный брат, об одном моллю бога, что ежели не дано Александру, как Георгию, подавить главу этого змия, чтобы никогда, по крайней мере, не унизились мы до признания его равным себе, я знаю, по крайней мере, что я не перенесу этого.²

И с этими словами, кивнув Pierr'у, Анна Павловна перешла к другому кружку, преимущественно дипломатическому, в котором Pierre узнал Mortemart'a теперь уже в русском гвардейском мундире,³ (Mortemart на днях собирался ехать в русскую армию) Иполита, недавно прибывшего из Вены, и Бориса, того самого, который так понравился ему своим откровенным объяснением в Москве. Борис за это время своей службы, благодаря заботам Анны Михайловны и свойствам своего приятного, умеренного характера, успел поставить себя в самое выгодное положение по службе. Он находился при князе Волконском и теперь был посылаем в армию и только что возвратился оттуда курьером. Он имел несколько возмужавший, но и еще более приятный, спокойный вид. Он видимо вполне усвоил себе эту, понравившуюся ему, ненаписанную субординацию, по которой прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала. И теперь он в гостиной Анны Павловны среди чиновных и важных лиц, несмотря на свой малый чин и молодые года, держал себя необыкновенно просто и достойно. Pierre радостно поздоровался с ним и присоединился к общему разговору. Речь шла о последних известиях, полученных из Вены, и на венский кабинет, отказывавший нам в содействии, сыпались укоризны.

— Vienne trouve les bases du traité proposé tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité des succès les plus brillants et elle mêt en doute les moyens qui pourraient nous les procurer: c'est la phrase authentique du cabinet de Vienne,⁴ —¹

Зачеркнуто: Pierre, уже готовившийся сделать масонский знак сочинителю, раздумал, услышав эти рассуждения. «Я спрошу в своей ложе благодетеля», подумал он.

² *На полях:* Pierre всё ищет, как между ними устроить братство.

<Письмо князя Андрея. Гердер. Желчь отчаян[ия] и раскаян[ия].

У князя Андрея свое имя не далеко. Отец отделил женино. Он отстроился, но в 7-м году переехал.>

³ *Зач.:* Mortemart уже 8-й месяц собирался проливать кровь.

⁴ [Вена находит основания предлагаемого договора до того невозможными, что достигнуть их нельзя даже рядом самых блестящих успехов, и она сомневается в средствах, которые могут их нам доставить. Это подлинная фраза венского кабинета,]

говорил первоприсутствующий в дипломатическом кружке шведский charge d'affaires.¹ — C'est le doute qui est flatteur!² — сказал он с тонкой улыбкой.

— Il faut distinguer entre le cabinet de Vienne et l'empereur d'Autriche,³ — сказал Mortemart. — L'empereur n'a jamais pu penser une chose pareille, ce n'est que le cabinet qui le dit.⁴

— Eh, mon cher vicomte,⁵ — нашла нужным вмешаться Annette. — L'Urope — (она почему то выговаривала l'Urope, как особенную тонкость французского языка, которую она могла себе позволить, говоря с французом) — L'Urope ne sera jamais notre alliée sincère. Le roi de Prusse ne l'est que pour le moment. Il tend une main à la Russie et de l'autre il écrit la fameuse lettre à Bonaparte, dans laquelle il lui demande s'il est content de la réception qu'il a reçu au palais de Potsdam. Non, ça me passe, c'est inouï...⁶

«Всё то же, как и два года тому назад», подумал Pierre в то время, как ему захотелось высказать Анне Павловне свое мнение на этот счет, но то обстоятельство, что тон и смысл разговоров был всё тот же, удержало его. Он, внутренне смеясь, обратился к Борису, желая переулыбнуться с кемнибудь, но Борис как бы не понял его взгляда и не ответил ему улыбкой. Он внимательно, поучаясь, вслушивался в разговоры старших.

Как только произнесено было слово roi de Prusse,⁷ Иполит начал морщиться и волноваться, собираясь что-то сказать и останавливаясь.

— Cependant c'est un allié,⁸ — сказал кто то.

— Le roi de Prusse? — спросил Иполит и засмеялся.

— Voilà le jeune homme qui a vu de ses propres yeux les restes de l'armée prussienne, peut vous dire que ce n'est moins que rien,⁹ — сказала Анна Павловна, указывая на Бориса. Борис, на которого обратились глаза, спокойно подтвердил слова Анны Павловны и даже на минуту завладел общим вниманием, рассказав то, что он видел в крепости Глогау, куда он был послан.

Разговор замаялся на мгновение. Анна Павловна уже начала что-то говорить, когда Иполит перебил ее и извинился. Она уступила ему слово, он опять извинился и, смеясь, замолчал.

— C'est l'épée de Frédéric le Grand,¹⁰ — начала было Анна Павловна, ¹ поверенный в делах

² Лестно сомнение!

³ Необходимо различать венский кабинет и австрийского императора,

⁴ Император никогда не мог этого думать, это говорит только кабинет.

⁵ Ах, мой милый виконт,

⁶ Европа никогда не будет нашею искреннею союзницей. [Прусский король лишь временно наш союзник. Он протягивает России одну руку, а другой пишет свое знаменитое письмо Бонапарте, в котором спрашивает, был ли он доволен приемом, оказанным ему в Потсдамском дворце. Нет, разум отказывается в этом разобраться, это невероятно.]

⁷ прусский король,

⁸ [Однако, это союзник,]

⁹ [Вот молодой человек, который видел собственными глазами остатки прусской армии, он может вам сказать, что от нее ничего не осталось,]

¹⁰ Это шпага Великого Фридриха,

но Иполит опять перебил ее словами: «le roi de Prusse» и опять извинился. Анна Павловна решительно обратилась к нему, прося его высказать. Иполит засмеялся. — Non, ce n'est rien, je voulais dire seulement...¹ Он засмеялся, повторяя шутку, которую он слышал в Вене и которую он целый вечер собирался поместить, — je voulais dire que nous avons tort de faire la guerre pour le roi de Prusse.²

Pierre сморщился: глупое лицо Иполита так болезненно напоминало ему Hélène. Кое кто засмеялся. Борис осторожно улыбнулся так, что его улыбка могла быть отнесена к насмешке или к одобрению шутки, смотря по тому, как будет принята она.

— Il est très mauvais votre jeu de mot. Très spirituel, mais injuste, — грозя желтым пальчиком, сказала Анна Павловна. — Nous ne faisons pas la guerre pour le roi de Prusse, mais pour les bons principes.³ Ah, le méchant, ce prince Hippolyte,⁴ — сказала она и отошла к главнейшему кружку, уводя за собой Pierr'a, которого она не отпускала от себя. Pierre давно не был в свете и ему интересно было узнать то, что делалось теперь. Ежели он узнал много интересного из разговоров этих двух кружков, то, подходя к третьему, центральному, и замечая то оживление, с которым шел в нем разговор, он надеялся тут услышать всё самое важное и интересное.

— On dit que Gardenberg recevra une tabatière ornée de diamants, le comte N. le grand cordon Sainte Anne,⁵ — говорил один.

— Je vous demande pardon: une tabatière avec le portrait de l'empereur est une récompense, mais point un distinction et c'est pourquoi,⁶ — говорил другой.

— L'empereur envisage la chose autrement,⁷ — строго перебил другой. — Et puis il y a eu des antécédents, je vous citerai Schwarzenberg à Vienne.⁸

— C'est impossible,⁹ — возразил ему другой.

¹ Нет, ничего, я хотел только сказать...

² Я хотел сказать, что мы напрасно воюем pour le roi de Prusse.

Примечание Толстого: «Pour le roi de Prusse» по французски значит из-за пустяков.

³ *Вставка в третьей редакции:* Pierre нахмурился и, ковыряя в носу, задумался, совершенно забыв, где он и что вокруг него.

«Нет, невозможно общее братство всех людей, как присоединить их всех к одной мысли. Ежели есть один, то это этот Друбецкой, но и тот... взгляд этот сомнителен...» кончил в мыслях Pierre длинное свое рассуждение, во время которого он не видел и не слышал ничего, происходившего вокруг себя. Когда он очнулся, la nature poétique говорил

⁴ Ваша игра слов не хороша, очень остроумна, но несправедлива; [мы не воюем pour le roi de Prusse (т. е. по пустякам), а за добрые начала.] О, какой злой этот князь Иполит,

⁵ [Говорят, что Гарденберг получит табакерку, украшенную брильянтами, граф Н. анненскую ленту 1-й степени,]

⁶ Извините, табакерка с портретом императора есть награда, а не отличие,

⁷ [Император иначе на это смотрит,]

⁸ [Были примеры и в прошлом, назову вам графа Шварценберга в Вене.]

⁹ Это невозможно,

— C'est positif,¹ — грустно вмешалась Анна Павловна, присаживаясь. На Pierr'a нашло в это время одно из тех заблуждений чувств, что кажется, что² спишь, что всё совершающееся есть сновидение, что стоит открыть глаза и их не будет, и что можно попробовать, сон ли это или действительность, тем, чтобы сделать чтонибудь необыкновенное: ударить кого-нибудь или закричать диким голосом. Он попробовал закричать, и крик, начавшийся громко, заставил его очнуться. Он переделал крик в кашель и, не обратив на себя особенного внимания, встал и еще раз оглянул[ся]³ на Бориса, желая передать кому-нибудь свое весело насмешливое состояние.⁴ Молодой Трубецкой достойно и почтительно сидел немного позади посланника и чуть заметно осторожно улыбался его шуткам.⁵ Pierre вспомнил живо свой спор в этой гостиной два года тому назад.⁶ Он сам себе понравился в прошедшем. Он вспомнил тоже тут бывшего Андрея, их дружбу, их вечер за ужином.

«Слава богу, что он жив. Поеду домой и напишу ему».⁷ И, незамеченный, он тихо вышел из комнаты. И в карете всё время тихо улыбался своей радостной и полной интересов жизни.⁸

Pierre в 1807 году собрался наконец в свое путешествие по деревням с целью весьма ясно определенной: облагодетельствовать своих двадцать тысяч душ крестьян. Цель эта подразделялась на три отдела: 1) освобождение, 2) улучшение физического благосостояния (богадельни, больницы) и 3) нравственного благосостояния: школы, улучшение духовенства. Но как только он приехал в деревню, увидел дело на месте, переговорил с управляющим, он увидел, что это дело невозможно. И невозможно преимущественно от недостатка средств.⁹

Несмотря на богатство графа Безухова, все имения были заложены,¹ [Это — факт,]

² *Зачеркнуто*: все говорящие перед вами — только тени картины, а не живые люди.

³ *Зач.*: оживленное собрание. «Они ли все уроды, или я урод, но мы чужие», подумал он. Он взглянул на Бориса, отыскивая хоть одно сочувственное лицо.

⁴ *Зач. в третьей редакции*: но не найдя сочувствия в нем, отклонялся и вышел.

⁵ *Зач.*: «Нет, он не наш», решил себе Pierre. «Надо

⁶ *Зач.*: и ему грустно стало за то прошедшее время

⁷ *Зач. в третьей редакции*: всё напишу ему и он будет нашим, он будет лучшим из наших.

⁸ *Зач. в наборной рукописи*: Примерив себя к старым условиям жизни, Pierre возвращался домой довольный и спокойный. Он чувствовал себя неизмеримо выросшим со времени своей женитьбы.

⁹ *Зач.*: В 1809 году в тот самый приезд князя Андрея в Петербург, о котором писала княжна Марья, Pierre жил, безвыездно в Петербурге, занимая довольно видное место в Комиссии составления законов.

После принятия его в масонскую ложу для Pierr'a началась новая жизнь — деятельности и довольства собою.

Вскоре после своего разрыва с женою и принятия в масонскую ложу Pierre, желая исполнить свои давнишние намерения относительно своих крестьян, поддержанный теперь своими братьями масонами, он поехал по своим имениям.

и потому невозможно было отпустить на волю всех крестьян, как он это намерен был сделать. Заплатить же долг было невозможно, так как его шестьсот тысяч ассигнациями валового дохода не только все расходились, но каждый год он чувствовал необходимость еще занимать. Он¹ чувствовал себя теперь гораздо менее богатым, чем когда он получал свои десять тысяч от покойного графа.

В общих чертах он смутно чувствовал следующий бюджет:

В совет платилось 80 тысяч по всем имениям. Жалования управляющим по всем имениям 32 тысячи. Князю Василью было дано 200 тысяч. Мелких долгов бездна. Содержание московского дома и княжен 30 тысяч.

Подмосковной — 17 тысяч.

Пенсий — 16 тысяч.

На богоугодные заведения и просьбы — 10 тысяч.

Графине за границу — 160 тысяч.

Проценты за до[лги] — 73 тысячи.

На постройку начатой церкви — <115.>

Другая половина, громадная половина 300 тысяч, расходилась он сам не знал как.²

Как в московском доме, так и во всех имениях он нашел людей старых, с больши[ми] семейств[ами], по двадцати лет живши[х] на счет его отца и ставящих в заслугу продолжительность срока жизни. Невозможно было изменить этого положения. Хотел ли он уменьшить конюшни в Москве, он видел старого, заслуженного кучера (важного) еще в³ Туретчине бывшего с покойным графом.

— Мне много лошадей, к чему мне? — говорил Pierre, полагая, что кучер войдет в его планы простоты. Но кучер почтительно говорил: «как прикажете» и «мне итти?» И на лице его выражалось огорчение и ядовитый упрек⁴ недорослю незаконному, не умевшему соблюдать свое достоинство, ценить людей и ¹ *Зачеркнуто*: никогда не чувствовал себя столь бедным и стесненным <как теперь> с тех пор, как он получил это наследство восемьдесят тысяч. Тысячи раз он перебирал весь свой бюджет и ничего не мог придумать для изменения его.

² *На полях*: В 1808 <сватьба Берга и> А[ндрей] едет к Кутузову в Турцию.

В 1809. Указ о камер-юнкерах и экзаменах и указ Государственного совета.

Мысли на Красном крыльце.

<Nicolas степная жизнь>

1809. В <Москве к[нязь] Б[олконский] и к[няжна] М[арья]>

В Петербурге Лористон <Сперанский>.

Старый Ростов ищет места, сватьба.

В Москве приезд государя.

Pierre с женой. Борис. Долохов. Ан[атоль]

В 1811. В деревне Анатоль.

³ *Зач.*: <Очакове> Измаиле

⁴ *Зач.*: выблядку

поддерживать честь дома графа Безухова. То же было с садовником, с княжн[ами], с дворецким. Piette морщился, кусал ногти и говорил:

—Ну, хорошо, я подумаю. Всё: и конюшня, и сад, и оранжереи, и княжны — оставалось по старому, и всё независимо от воли графа жило своей старой жизнью, стоя Pierr'u половину его доходов. Прежде еще боялись, как бы он не переменял чего, но потом узнали его и старались только выказать огорчение и готовность к несчастью, в которое он безвинно ввергал их, и знали, что он всё оставит по старому.¹

² Приехав в главные свои орловские имения, с готовым и одобренным в ложе и благодетелем (так называли великого мастера ложи) проектом освобождения крестьян и улучшения их физического и нравственного мира, Piette вызвал к себе, кроме главного управляющего, всех управляющих имениями и прочел им свой проект и развил в длинной и умной речи свои мысли.³ Он говорил им, что немедленно будут приняты меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работами, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна быть оказываема помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении должны быть учреждены больницы, приюты и школы и т. д. Некоторые из управляющих (тут были и мужики бурмистры) слушали испуганно, предполагая смысл речи в том, что молодой граф недоволен их замолотом и утайкой хлеба, другие после первого страха находили забавным шепелявание Pierr'a и новые неслыханные ими слова, ¹ *На полях*: К[нязь] А[ндрей] в Петербурге, разговор с Pierr'ом, философия. Я смирился (неправ[да]); гражданская служба. (Сватьба.) Анна Павловна пилит его. Он смеется.

Piette в Москву с женою. Приезд государя. Борис. Долохов. Анатолий (Дон Жуаны). К[нязь] А[ндрей] в Крыму, философия. Намеренье жениться. Между тем Анатолий в деревне (охота, соблазняет). Война. Князь Андрей ничего не зна[ет].

Он не знал мужиков и не думал, что нужно их знать, как теперь.

Зачеркнуто: Теперь, когда он с своими филантропическими мыслями поехал по имениям, все эти заслуженные люди выказали огорчение, что он, изменяя порядки, хочет опять лишать их законного. Главный управляющий, весьма глупый, но очень хитрый и деловой человек, очень, казалось, вник в его планы, но, вникнув, всякий раз, как бы сочувствуя, показывал, что всё, что хотел делать Piette, было невозможно. Преимущественно невозможно было отпустить на волю, пока имения в залоге. И по этому случаю Piette решился быть экономнее. Но это трудно было ему. Он всё боялся обидеть и обмануть ожидания и купца, присылающего товары, и извозчика, и клубного казначея, и занимающих деньги. А возможно[е] — это были больницы и школы, которые он начал строить и которые остались пустыми и на которых нажились все.

Однако, учредив это и уехав от вс[ех], он был счастлив и по намерению заехал к князю Андрею в деревню.

² *Зач.*: <В 1807 году> Проездом из Петербурга Piette с своим готовым

³ *На полях во второй редакции*. История P[ierr'a] с плутом главноуправляющим, к[оторого] P[ierre] боится.

третьи находили просто удовольствие послушать, как говорит барин, четвертые, самые умные, в том числе и главноуправляющий, поняли из этой речи, что с барином обойтись можно. После общей речи, Pierre с главноуправляющим каждый день *занимался*. Но к удивлению своему он чувствовал, что занятия его ни на шаг вперед не подвигают дела. Он чувствовал, что его занятия происходят независимо от дела, что они не цепляют за дело и не заставляют его двигаться. С одной стороны управляющий, выставляя дела в самом дурном свете, показывал Pierre'у необходимость уплачивать долги и предпринимать новые работы силами крепостных мужиков, на что Pierre не соглашался. С другой стороны Pierre требовал приступления к делу освобождения, на что управляющий выставлял необходимость прежде уплатить долг Опекунскому совету и потому невозможность быстрого исполнения. Управляющий не говорил, что это совершенно невозможно, он предлагал для достижения этой цели продажу лесов Костромской губернии, продажу земель низовых и крымского имения; но все эти операции в речах управляющего связывались с такою сложностью процессов снятий запрещений, истребования разрешений и т. п., что Pierre терялся и только говорил ему: «да, да, так и сделайте». Прошло две недели и дело освобождения ни на шаг не подвинулось вперед. Pierre бился, хлопотал, но смутно чувствовал, что он не имеет той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело и вертеть колеса. Он стал сердиться, угрожать управляющему и требовать. Управляющий, считавший все затеи молодого графа почти безумством, невыгодными для себя, для него, для крестьян, — сделал уступку. Продолжая дело освобождения представлять невозможным, он распорядился постройкой во всех имениях больших зданий школ, больниц и приютов и научил крестьян притти к барину с благодарностью за его милости. Pierre разговаривал раза два с крестьянами и, расспрашивая их о их нуждах, убедился еще больше в необходимости для них затеваемых им преобразований. Он нашел в их речах подтверждение всех своих планов, точно так же, как управляющий в их речах находил оуждение и доказательство бесполезности всех планов графа. Но Pierre не знал, что в неопределенности речи народа можно найти подтверждение всему, как в словах оракула, и был очень счастлив, когда ему говорили мужики, как они век за него будут бога молить за его больницы и школы. Pierre объехал все орловские деревни [и] видел своими глазами поднимающиеся кирпичные стены новых зданий больниц и школ.

«Вот она куда проникла и закипела жизнь, вдохнутая мне нашим священным братством», думал он радостно, глядя на копошащихся каменщиков и плотников около новых строений. Видел Pierre отчеты управляющих о барщинских работах, уменьшенных на бумаге. (В сущности работы прибавились, так как в барщинах везде прибавилась постройка своими больниц и школ.) Управляющий сказал Pierre'у, что народ благословляет его и теперь, что оброчные, которым был убавлен оброк, строят придел во имя его 608

ангела. Управляющий увещевал графа оставить свои планы освобождения, так как и теперь уже крестьяне вдвое благодетельствованы против прежнего, и на решительное требование Риег'а продавать леса и крымское имение с тем, чтобы приступить к выкупу, обещал ему употребить все силы для исполнения воли графа.

После трехдневного пребывания в деревнях, о котором он послал отчет в ложу, Риеге, счастливый и довольный, уехал назад в Петербург, но, не доезжая Москвы, сделал в сто пятьдесят верст крюк, чтобы заехать к князю Андрею, которого он не видал до сих пор.

Риеге, узнав, что князь Андрей живет в Богучарове, вновь отведенном ему отцом в сорока верстах от Лысых Гор, поехал прямо к нему. Это было весной 1807 года.

Усадьба, дом, сад, двор, надворные строения — всё было такое же новенькое, как и первая трава, и первые березовые листья весны. Дом еще не был оштукатурен, плотники (крепостные) работали ограду, мужики, грязные оборванные, в одноколках привезли лесок, босоногие бабы рассыпали его под руководством садовника (немца), представляя резкой контраст своей грязи с чистотою и изяществом двора, фасада дома и цветников. Мужики, поспешно сдергивая шапки, посторонились перед въезжавшим дормезом Риег'а. Навстречу ему вышла не дворня в казакиных средних бар, не в пудре и чулках, как у него было по старине, а лакей во фраке на новый английский манер.

— Князь дома?

— Кушают кофе на террасе. Как прикажете доложить?¹ — почтительно сказал лакей. В Риег'е было что то, несмотря на его² неловкость или скорее вследствие этого, что то очень внушающее уважение.

Риег'а поразила противоположность изящества всего окружающего (к[оторое] надо было обдумать) с представлением о убитости и горе своего друга. Он поспешно вошел в чистый, с иголки новый, пахнувший еще сосной, неоштукатуренный, но до малейших подробностей изящно и необыкновенно отделанный дом, и, пройдя кабинет, подходил к двери террасы, на которой за окном виднелись белая скатерть, прибор и спина в бархатной шубке.

День был один из тех ранних, жарких апрельских дней, когда всё так быстро растет, что боишься, слишком рано пройдет эта радость весны.

Резкий, неприятный голос послышался с террасы:

— Кто там? Захар! Проси в угольную. Захар остановился, но Риеге обогнал его и, отдуваясь, быстрыми шагами вошел на террасу и ухватил за руку снизу Андрея так скоро, что на лице князя Андрея еще не успело пройти выражение досады, а Риеге уже, подняв очки, целовал его и близко смотрел на него.³

— Это ты, голубчик,⁴ — сказал князь Андрей. И при этих ¹ *Зачеркнуто*: спросил лакей с новыми великосветскими привычками.

² *Зач.*: робость и

³ *Зач.*: — Здравствуй

⁴ *Зач.*: милый

словах Pierr'a поразила происшедшая перемена в князе Андрее. Слова были ласковы, улыбка была на губах [и] лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый,¹ которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска. Pierre, спрашивая и рассказывая, не переставал наблюдать и удивляться происшедшей перемене. Не то, что он похудел, побледнел, возмужал, но взгляд этот и морщинк[а] на лбу выражали сосредоточение на чем то одном <и> долго поражали, пока он не привык, отчуждая, поражали Pierr'a.

При свидании после долгой разлуки, как это всегда бывает, разговор долго не мог установиться; они спрашивали и отвечали коротко о таких вещах, о которых они сами знали, что надо было говорить долго. Наконец разговор² стал понемногу останавливаться на прежде отрывочно сказанном, на вопросах о³ прошедшей кампании, о ране, о болезни, о планах⁴ на будущее (о смерти жены А[ндрея] Pierre не говорил), на вопросах князя Андрея о женитьбе, разрыве, дуэли и масонстве. (Они не писали друг другу, не умели. Как князю Андрею наполнить четыре пол листика. Один только раз Pierre писал рекомендательное письмо Долохову.)

Та сосредоточенность и убитость, которую заметил Pierre во взгляде князя Андрея, теперь выражалась еще сильнее в суждениях князя Андрея, к которым часто примешивалась⁵ грустная насмешка над всем, что⁶ прежде составляло его жизнь — желания, надежды счастья и славы.⁷ И Pierre начинал чувствовать, что перед князем Андреем восторженность, мечты, надежды на счастье и на добро неприличны. Ему совестно было высказывать все свои новые масонские мысли и поступки, и он сдерживал себя.

— Служить я больше не буду никогда, — сказал князь Андрей. — Я ли не гожусь для нашей службы или служба не годится для меня — я не знаю, но мы не пара. Я даже думаю, что не гожусь я. — Он улыбнулся. — Да, мой дружок, много, много мы изменились с тех пор, гордости ты во мне [не] найдешь теперь. Я смирился. Не перед людьми, потому что⁸ они большей частью хуже меня, но перед жизнью смирился. Сажать деревья, воспитывать ребенка, для забавы упражняться в умственной игре, коли это забавляет кое как меня (вот видишь, читая Монтескье, делаю выписки. Зачем? Так, время убиваю). Вот они, — он указал на мужиков с песком, — тоже делают и хорошо.

¹ *Зачеркнуто*: которым видно не мог управлять князь Андрей

² *Зач.*: остановился, как это всегда бывает, на одном из самых мало интересных для обоих предмете. О масонстве.

³ *Зач.*: том как что

⁴ *Зач.*: князя Андрея

⁵ *Зач.*: едкая

⁶ *Зач.*: есть жизнь

⁷ *Зач.*: Pierre перед ним стыдился иногда своего счастья и восторженности, в которых он находился после своих добродетельных поступков.

⁸ *Зач.*: кроме разбойников и дураков, за малыми исключениями, я не встречал

— Нет, вы не изменились, — сказал Pierre подумав. — Ежели у вас нет гордости честолюбия, у вас та же гордость ума. Она то и есть гордость, и порок и добродетель.

— Какая же гордость, мой друг, чувствовать себя виноватым и бесполезным, а это я чувствую и не только не ропщу, но доволен.

— Отчего виноватым? — Они были уже в кабинете в это время. Андрей указал на чудесный портрет маленькой княгини, которая, как живая, смотрела на него.¹

— Вот отчего, — сказал он, размягченный присутствием милого ему человека; губа его задрожала, он отвернулся.² Pierre понял, что Андрей раскаивался в том, что он мало любил свою жену, и понял, как в душе князя Андрея это чувство могло дорасти до страшной силы, но он³ и не понимал, как можно было любить женщину.⁴ Он замолчал.

— Ну вот что, моя душа, — сказал князь Андрей, чтоб переменить разговор. — Я здесь на биваках. Я приехал только посмотреть. Я нынче еду опять к старику и к⁵ моему мальчишке. Он там у сестры. Я тебя познакомлю с⁶ ними. Мы поедем после обеда.⁷

За обедом зашел разговор о женитьбе Pierr'a.⁸ Андрей спросил его, как это случилось. Pierre покраснел багрово, опять так же, как он краснел всегда при этом, и торопливо заговорил:

— После, после, я вам расскажу когданибудь. — Он задыхался, говоря это. Андрей вздохнул и сказал, что то, что случилось, должно было ждать, что счастливо, что так кончилось и что Pierre удержал еще какуюнибудь веру в людей.⁹

— Да, мне очень, очень жаль тебя.

— Да всё это кончено, — сказал Pierre, — и какое счастье, что я не убил этого человека. Этого бы я век не простил себе.

Князь Андрей улыбнулся.

— Э, на войне бьют таких же людей,¹⁰ — сказал он. — И все находят это очень справедливым. А убить злую собаку даже очень хорошо. Eh, mon cher, то, что справедливо и несправедливо — не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться и ни в чем больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым. Надо только жить так, чтоб не было раскаяния. Правду J[oseph] M[aire] сказал: «Il n'est dans la vie¹ *Зачеркнуто*: Он был размягчен близостью свежей молодости и любви Pierr'a.

² *Зач.*: Это был ангел. Мы не зна[ли]

³ *Зач.*: одного не понял

⁴ *Зач.*: Он никогда не любил.

⁵ *В рукописи*: моей

⁶ *Зач.*: отцом

⁷ *Зач.*: О браке Pierr'a Андрей сказал, что всё случилось

⁸ *Зач.*: и всей истории разрыва.

⁹ *Зач.*: — Твой beau père [тесть] — это старый лакей. Заметь, как ничтожество успевает, — прибавил он. — Не оттого, что ничтожество нужно, а от того, что все ничтожны и всё ничтожно.

О дуэли и раскаянии за дуэль, он говорил, что не стоит того.

¹⁰ *Зач.*: Только б не было раскаяния

que deux maux bien réels: c'est le remords et la maladie. Et il n'est de bien que l'absence de ces maux».¹ Жить для себя, избегая только для себя этих двух зол, вот вся моя мудрость теперь.²

— Нет, я жил только для себя, — начал Pierre, — и этим я только погубил свою жизнь. Нет, я с вами не могу согласиться. Нет, только теперь я начинаю понимать всё значение христианского учения любви и самопожертвования. — Андрей молча глядел своими потухшими глазами на Pierr'a и кротко, насмешливо улыбался.

— Поедем скорее к сестре, к княжне Марье, с ней вы сойдетесь. Вот, душа моя, какая разница между нами.

[Далее со слов: Ты жил для себя и говоришь, что этим чуть не погубил свою жизнь... кончая: Он ничего не отвечал ему. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 2, гл. XI.]

— Так вот кого и чего жалко: человеческого достоинства, спокойствия совести, чистоты, а не их задниц и лбов, которых сколько ни секи, сколько ни брей всё останутся такими же задницами и лбами.

— Vrai, vrai!³ — закричал Pierre, которому понравилось это новое воззрение на занимавшее его дело.

Вечером князь Андрей и Pierre сели в коляску и поехали в Лысые Горы. Князь Андрей,⁴ поглядывая на Pierr'a,⁵ прерывал ¹ В жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол.]

Зачеркнуто: Pierre чувствовал, как ослабились его крылья, когда он слушал Андрея. На его распоряжения по имениям Андрей говорил:

— Народ — животное и едва ли не одно счастье животное, зачем разрушать его. Умереть лучше, чем мучиться с помощью медицины десять лет. Знание к чему? Труд им необходим, как нам праздность. Я думал о них, говорил с ними, они лошади. — Андрей высказывал всё свое горькое и злое с особенным увлечением, как человек, долго не говоривший. Но ему становилось легче, чем больше он говорил. Ему часто хотелось, чтоб Pierre дал ему аргумент неопровержимый. Когда они прекрасным весенним вечером сели в коляску, впереди уже в к[няжьем] х[уторе] была подстава [1 неразобр.]. Он сам уже стал спрашивать Pierr'a о его судьбе и объяснении того, что он сказал, что масонство переродило его. Pierre стал излагать с жаром значение масонства.

— Да, это иллюминаты и они уничтожены, — сказал князь Андрей.

— Всё равно я понимаю так.

— Да, хорошо бы было, коли бы так мог оживить меня человек, когда он сам не знает, что он, зачем он.

— Как не знает, — с жаром заговорил Pierre, — разве я не чувствую в своей душе, что я часть этого целого, что я ступень (Гердер). На пароме всё говорил Pierre, удивляя перевозчиков, и он удивился и себе не поверил.

Андрей, облокотившись на коляску, смотрел вдоль разлива и в глазах его светилась жизнь.

— Да, ежели бы это было так, — сказал он. Но видно было, что он знает, это б[ыло] так. У старого князя разговор зашел о политике. Князь Андрей еще раз рассказал

² На полях: Князь Андрей говорит, что ты иной, раздвинул [?] ожерелье.

— Да, я пробовал молиться

³ [Правильно, правильно!]

⁴ Зач.: казался более оживленным. Pierre напротив мрачно молчал. Его мучило безнадежное душевное состояние его друга.

⁵ Зач.: и изредка говорил ему

изредка молчание речами, доказывавшими, что он находился в очень хорошем расположении духа.

— Как я тебе рад! как рад! — говорил он.

Pierre мрачно молчал, отвечая односложно, и казался погружен в свои мысли.

— А ты любишь детей? — спросил он потом после молчания. — Смотри же, скажи мне правду, как он тебе понравится? — Pierre коротко обещался. — А как ты страшно переменялся, — сказал князь Андрей. — И к лучшему, к лучшему.¹

Pierre всё не говорил. Он думал о том, что надо ему открыть Андрею учение масонства; но как только он придумывал, как и что он станет говорить, он предчувствовал, что князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит всё его учение, и он боялся начать, выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню.

— Нет, отчего же вы думаете, — вдруг начал Pierre,² опуская голову и принимая вид бодающегося быка, — отчего вы так думаете? Вы не должны так думать.³

— Да ты про что?

— Про жизнь, про назначение человека, про царство зла и беспорядка. Это не может быть. Я так же думал и меня спасло, вы знаете что? Масоны. Нет, вы не улыбайтесь, масонство это не религиозная, не обрядная секта, как и я думал, а масонство есть лучшее, единственное выражение лучших, вечных сторон человечества. — И он начал излагать Андрею масонство, как он понимал его, в чем едва ли согласились бы с ним его братья каменщики. Он говорил, что масонство есть учение мудрости, учение христианства, освободившегося от государственных и религиозных оков, учение, признающее в человеке первенствующими его способность⁴ совершенствования себя, помощь ближнему, искоренение всякого зла и распространение этого учения равенства, любви и знания.

¹ *Зачеркнуто*: — Всё то, про что я спорю с тобой, всё это я люблю в тебе. — Они опять молчали.

— А вы знаете, отчего я переменялся, — сказал Pierre, — лучше я не найду времени говорить с вами. — Вдруг он повернулся <к нему> всем телом в коляске. — Дайте руку, — и Pierre сделал ему масонский знак, на который Андрей не ответил ему рукою.

— Неужели ты масон? — сказал он: — *Si vous croyez au dessus de cela* [Если вы верите в нечто выше этого].

— Не говорите этого, не говорите этого, я сам то же думал. Я знаю, что такое масонство в глазах ваших.

² *Зач.*: входя в состояние речистого экстаза, в котором он забывал всё и как всегда при этом

³ *На полях во второй редакции*: Pierre боится, что Андрей не верит. Андрей высказывает свое сомнение в атеизме по случаю смерти жены.

Они говорили и про литературу, и про гражданское устройство, и про религию. Про первые два князь Андрей сказал:

— Русская карьера? Всё гадость, — про второе: — только гражданское интересно. Я бы поехал в Петербург].

⁴ *Зач.*: любить ближнего, развивать

— Да, это было бы хорошо, но это иллюминатство, которое преследуется правительствами, которое известно и потому бессильно.

— Я не знаю, что иллюминатство, что масонство,¹ — заговорил Pierre, входя в состояние речистого восторга, в котором он забывался, — и знать не хочу. Я знаю, что это мои убеждения и в этих убеждениях я нахожу сочувствие единомышленников, которым нет числа² в настоящем, нет числа в прошедшем и которым принадлежит будущее.

[Далее со слов: Только наше святое братство имеет действительный смысл в жизни... кончая: ... робкое перед первенствующим другом лицо Pierr'a. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 2, гл. XII.]

— Да, коли бы это так было, — сказал он.³ — Однако пойдем садиться. И выходя с паррома, князь Андрей взглянул на высокое, чистое небо и в первый раз после Аустерлица увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, исходя кровью и умирая. Увидав это небо, он вспомнил и весь тогдашний склад мыслей и удивился, как мог он потом, войдя в старую колею мелких забот жизни, забыть всё это. Pierre не убедил его. Все разумные доводы Pierr'a поражали его только своей холодностью, но любовное оживление Pierr'a, державшегося за свои убеждения, как за спасительную доску, его видимое желание передать свое испытываемое им счастье от этих убеждений своему другу, и более всего эта застенчивость Pierr'a, в первый раз принявшего тон поучения с человеком, с которым он прежде всегда и во всем соглашался, — всё это в соединении с чудным апрельским вечером и тишиною воды сделали то, что князь Андрей почувствовал опять высокое вечное небо и себя размягченным и с теми силами молодой жизни, бившимися в нем, которые⁴ он считал уже прожитыми.

— Отчего же? — сказал князь Андрей, на настоятельное требование ввести его в масонскую ложу, — отчего же? ça me coute si peu et ça vous fera tant de plaisir.⁵

* № 87 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. VI-VII).

<Пьер, счастливый этим известием,⁶ хотел откланяться, когда лакей вошел докладывать о приезде гостя и Анна Павловна пригласила Пьера провести у ней весь вечер. В этот вечер Анна Павловна угаживала собравшееся у нее общество не эмигрантом Мортемаром, [а] одним известным московским сочинителем и масоном, который на днях имел честь не в качестве масона, но в¹ Зачеркнуто: восторженно

² Зач.: И что в этом обществе только я вижу жизнь и смысл, а остальное есть сон.

³ Зач. в третьей редакции: Коли бы была правда, что есть такое зерно людей, одинаково думающих, одинаково работающих для блага общего, я бы был вашим усерднейшим работником.

⁴ Зач.: он не ощущал уже давно

⁵ [мне это не трудно, а вам это доставит большое удовольствие.]

⁶ Зач.: несмотря на уговариванье Анны Павловны, откланялся и уехал.

качестве сочинителя и благотворителя представляться ее величеству вдовствующей императрице. Пьер остался, чтобы увидеть этого знаменитого нового своего собрата. Общество Анны Павловны мало изменилось с тех пор, когда в первый раз был у нее Пьер; не было в нем только князя Андрея с женою и князя Василия с дочерью, но тот же старый генерал, та же тетушка, тот же Иполит и французский эмигрант. Мортемар был теперь в русском гвардейском мундире вместо своего дореволюционного кафтана. Московский сочинитель, которым нынче угасивалась публика, был человек с строгими и спокойными чертами. Он говорил мало и неохотно, но всё, что он говорил, невольно запоминалось и вызывало на целый ряд размышлений. В числе посетителей был еще молодой гвардейский офицер, только что приехавший из армии. На вечере Анны Павловны этот молодой человек был как бы антре для большого и существенного блюда, которое составлял московский мудрец. Молодого человека расспрашивали о последних новостях и новости эти предлагали обсуживать сочинителю. Пьер,¹ твердый теперь знанием того, что у него есть круг своих единомышленников, с которыми он может вполне высказывать свои мысли, не вступал сам в жаркие споры. Он молча вглядывался и вслушивался в своего тайного собрата, который, казалось, не разделял взглядов Анны Павловны на Буонапарте, он не видел в этом одну заданную себе мысль народов и полководцев насолить Марье Федоровне; в его голове видимо ясно определены были и причины успехов Буонапарте и значение этого необычайного явления, и Ригге в душе своей соглашался с ним.

— Нет, что прелестно, — говорила Анна Павловна, — это то, что прусский король пишет ему, что он желает, чтобы г[осподин] Буонапарт нашел для себя приятным пребывание в Потсдамском дворце. Только подумать, что это был дворец великого Фридриха! Что вы мне ни говорите, я не могу объяснить этого естественными причинами. Я вижу упадок и заблуждение самых ясных и великих умов.

— Сударыня, — сказал² сочинитель, — кого [бог] хочет погубить, прежде лишит рассудка, сказал Соломон.

— Я бы желал знать, — сказал Иполит, — увез ли он мозаиковую вазу, которая стоит с правой стороны от двери в Потсдамском дворце, славная ваза. — Сочинитель внимательно смотрел на Иполита в то время, как он описывал понравившуюся ему вазу, и, не дождавшись конца его речи, обратился к Анет.

— Правда, что от Каменского получено письмо, которым он отказывается? — спросил он. Старый генерал вступил в разговор и объяснил что³ Каменский совершенно сошел с ума, что Бенигсен и Буксгевден на ножах, ссорятся и что армией управляет один бог.

¹ *Зачеркнуто*: проученный годами и опытом, уже не вступал

² *Зач.*: виконт, поправляя свою новую шпагу

³ *Поперек текста*: Встреча с Борисом. Он курьером прислан.

* № 88 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. VIII, IX, XV—XXI).

В 1807 году жизнь в Лысых Горах¹ мало изменилась.² Только на половине покойной княгини была детская и вместо нее жил там маленький князек, жил там с госпожой Бурьен и нянькой англичанкой.³ Княжна кончила свои математические уроки и ходила только здороваться по утрам в кабинет отца,⁴ когда он бывал дома. Старый князь был назначен одним из восьми главнокомандующих по ополчению, определенных тогда по всей России. Старый князь настолько оправился после возвращения сына, что не считал себя вправе отказаться от должности, в которую был определен самим государем.⁵ Он был всё такой же, но только чаще в последнее время по утрам натошак и перед обедом находили на него минуты бешенства,⁶ в которые был ужасен для подчиненных и невыносимо тяжел для домашних.

⁷ На церковном кладбище возвышался над могилой княгини новый памятник — часовня с мраморной статуей плачущего ангела. Старик князь однажды зашел в эту часовню и, сердито засморкавшись, вышел оттуда. Князь Андрей тоже не любил смотреть на этот памятник, ему казалось, вероятно, так же как и отцу, что лицо плачущего ангела было похоже на лицо княгини и лицо это говорило тоже: «Ах! что вы со мною сделали! Я всё отдала вам, что могла, а вы что же со мною сделали?». Только⁸ княжна Марья охотно и часто ходила в часовню и, торопясь передавать свои чувства ребенку, водила с собою маленького племянника и пугала его своими слезами.

На полях: Каменской сошел с ума: сам записывает в исходящий журнал.

Pierre в азарте ругает всех.

1) Слухи о Пруссии и Каменском. 2) о дипломатических переговорах (вдруг все спор о табакерке) и о антихристе.

¹ *Зачеркнуто:* много

² *Зач.*: Молодой князь безвыездно жил при отце.

³ *На полях:* <Письмо к[нязя] Андрея. Гердер. Желчь, отчаян[ие] и раскаяние.>

У к[нязя] Андрея свое имение недалеко. Отец отделил женино. Он отстроился, но в [180]7-м году переехал.

⁴ *Зач.*: и встречалась с ним только за обедом.

⁵ *На полях:* M-lle Bourienne должна принять подданство. К[няжна] М[арья] защищает ее.

⁶ *Зач.*: от которых он, несмотря на всю свою власть над собою, не всегда мог удерживаться.

Чаще он, скрежеща зубами, в эти минуты убежал к себе в кабинет, но ежели он раз уже позволял себе возвысить голос, то, всё более и более разгораясь, он доходил до всевозможных ужасов, от которых едва сын мог спасти его. Однажды он за перевранное приказание, по данной тогда власти главнокомандующим, велел бы расстрелять ротного ополченного офицера, ежели бы сын не спас его.

— Натура сильна, — говорил он сыну, — я шестьдесят лет бьюсь, чтобы переломить ее, и переломлю.

⁷ *На полях:* Страдает от крепостного права.

⁸ *Далее в рукописи перерыв. Текст со слов: княжна Марья... кончая: ... своими слезами вставлен по рукописи № 86.*

¹ Старый князь только что приехал из губернского города по делам службы и, как это обыкновенно с ним бывало, деятельность оживила его. Он приехал весел и был особенно рад приезду сына с гостем, которого он не знал еще лично, но знал по отцу, с которым он бывал дружен.

Князь Андрей ввел Pierre'a в кабинет к отцу и тотчас же пошел на половину княжны Марьи и к сыну. Когда он вернулся, старик с Pierre'ом спорили и по оживленным старым глазам отца и его крику он, Андрей, заметил с удовольствием, что Pierre пришелся по сердцу старику. Они спорили, как и надо было ожидать, о Бонапарте, о котором всякого нового приезжего как будто экзаменовал князь Николай Андреевич. Старик всё не мог переварить славы *Буонапартия* и доказывал, что он² плохой тактик. Pierre, хотя и много изменивший свой взгляд на своего прежнего героя, всё еще считал его гениальным человеком, хотя и обвинял его за измену идеям революции. Этого взгляда старый князь вовсе не понимал. Он судил Буонапартия только как полководца.

— Что ж по твоему он умно стал теперь задом к морю? — говорил старик, — кабы не Кусеваны (так он называл Буксевдена), ему бы жутко стало.

— В этом то и сила его, — возражал Pierre, — что он презирает предания военные, а во всем действует по своему.

¹ *Зачеркнуто:* при отце свое свидание с Бонапартом <как много увлекаешься>. Pierre поддерживал Бонапарта, старик спорил, но не сердился, ему нравился Pierre, он смеялся. Заговорили о масонстве, старик признал, что был иллюминатом.

— Молодец — поджигает меня. Другие умные речи говорят, а и слушать не хочется и говорить еще меньше, а с ним всё вспомнил и с отцом твоим походы. Гм х.х.х., что к[нязь] Василий [?] хорош[?] Pierre добродушно засмеялся. Княжна Марья светила глазами, глядя на Pierre'a. Вечеру с ней завязал разговор о религии, о странниках и монахах. Pierre говорил банальности, что монахи не приносят пользы, что странники и попы не знают евангелия, и сердил княжну Марью [?]. Они ссорились, улыбаясь. Они сами не знали, что они верят одному и тому же. Pierre уехал оживленный к своим добрым делам. Для князя Андрея это был первый толчок жизни.

Князь Андрей не соглашается с ним — спорит, но возвратившись домой, начинает действовать.

Старик отец шутит над ним: экономку возьми.

У Ростовых в деревне веселый отпуск — Борис. Отказ Наташи. Сватовство Берга. Старик посылает к Ростовым, они едут с Pierre'ом. Старик несчастен от крепостного [права]. Pierre уехал, Андрей стал делать в имени то же.

На полях: <Pierre рассказывал о проекте вечного ми[ра]. Марья Гера[симвона] обиделась.

Разговор о Бонапарте. Старик просто ругает (он не может понять нового взгляда), Pierre защищает, хотя и делает упреки за измену революции. Андрей говорит, что он — человек, только умеющий презирать людей и избежавший ошибок от нового устройства, которое дала революция. У нас пучина зла и мерзости. Воспоминания о провианте, интригах, а величие ложь. Аркольской мост — грязь.>

Старик требует его адъютант[ом]. Вечером на прощанье Андрей изливает свою душу.

² *Зач.*: дурак и мальчишка

— Да, по своему и под Австерлицем стал между двух огней...

Но в это время вошел князь Андрей и старый князь замолк. Он никогда при сыне не говорил об Аустерлице.

— Всё о Бонапарте, — сказал князь Андрей с улыбкой.

— Да, — отвечал Pierre, — помните, как мы три года тому назад смотрели на него.

— А теперь, — сказал князь Андрей, — теперь для меня ясно, что вся сила этого человека в презрении к людям и в лжи. Надо всех только уверить, что мы всегда побеждаем и будем побеждать.

— Расскажи, князь Андрей, про Аркольскую лужу, — сказал старик и вперед захохотал. Этот рассказ старик слышал сто раз и всё заставлял повторять его. Рассказ этот состоял в подробности о взятии Аркольского моста [в] 1804 году, который князь Андрей, бывши в плену, узнал от одного бывшего очевидца французского офицера. В то время еще более, чем теперь, был прославлен и всем известен мнимый подвиг Бонапарта, бывшего еще главнокомандующим, на Аркольском мосту. Рассказывалось, печаталось и рисовалось, что французские войска замешались на мосту, обстреливаемом картечью. Бонапарт схватил знамя, бросился вперед на мост и, увлеченные его примером, войска последовали за ним и взяли мост. Очевидец передал Андрею, что ничего этого не было. Правда, что на мосту замаялись войска и, несколько раз посылаемые вперед, бежали, правда, что сам Бонапарт подъехал и слез с лошади, чтоб осмотреть мост. В то время, как он слез позади, а не впереди войск,¹ войска, бывшие впереди, побежали назад в это время и сбили с ног маленького Бонапарта и он, желая спастись от давки, попал в наполненную водой канаву, где испачкался и промок и из которой [его] с трудом вынули, посадили на чужую лошадь и повезли обсушивать. А мост так и не взяли в тот день, а взяли на другой, поставив батареи, сбившие австрийские...

— Вот как слава приобретается французами, — хохоча своим неприятным смехом, говорил старик, — а он в бюллетенях велел написать, что он с знаменем шел на мост.

— Да ему не нужно этой славы, — сказал Pierre, — его лучшая слава есть слава усмирения террора.

— Ха ха ха — террора... ну да будет, — старик встал. — Ну, брат, — обратился он к Андрею, хлопая по плечу Pierre'a, — молодец твой приятель. Я его полюбил. Разжигает меня. Другой и умные речи говорит, а слушать не хочется, а он всё врет, а так и подмывает с ним спорить, с ним и старину вспомнил, как с его отцом в² Крыму были. Ну идите, — сказал он. — Может быть приду ужинать. Опять поспорю. Ступай, дружок. Мою дуру, княжну Марью, полюби.

[Далее в рукописи недостает трех листов.]

¹ Зачеркнуто: адъютант схватил его, умоляя нейти вперед.

² Зач.: < Измаиле > Турции

так все дожидалась, вот и дождалась, — сказал он ворчливо, видимо с желанием уколоть сестру.

— Мой друг, право лучше не будить, он заснул.

Князь Андрей нерешительно на цыпочках подошел с рюмкой.

— Или точно ты думаешь не будить? — сказал он. Княжна Марья указала ему на девушку, вызывавшую его. Князь Андрей вышел, проворчав «чорт их принес», и, вырвав из рук подаваемые конверты и письмо отца, вернулся в детскую. Старый князь на синей бумаге своим крупным, продолговатым почерком, употребляя кое-где титла, писал следующее:

«Весьма радостное в сей момент известие получил через курьера, если не вранье. Бенигсен под Пултуском над Буонапартом якобы полную викторию одержал. В Петербурге всё ликует и наград послано в армию без конца. Хотя немец — поздравляю.

Корчевской предводитель, некий Ростов граф, не постигну, что делает: до сих пор не доставлены добавочные люди и провиант. Сейчас скачи туды и скажи, что я с него голову сниму, чтоб через неделю всё было.

О Пултуске сейчас получил письмо от Петиньки — всё правда. Как не мешают, кому мешаться не следует, то и немец побил Буонапарте. Сказывают, бежит, весьма расстроен».

Получив это письмо, в котором описывалась полная победа над Буонапартом в то время, как князь Андрей не служил, а жил дома, письмо, которое в другое время было бы из самых тяжелых ударов для князя Андрея, <он> пробежал письмо, сущность которого состояла в том, что: 1) судьба продолжала подшучивать над ним, устроив так, что Наполеон побежден тогда, когда он сидит дома, напрасно стыдясь Аустерлицкого позора, и 2-е) что отец требует его немедленного отъезда в Корчеву к какому то Ростову, князь Андрей остался совершенно равнодушен к обоим пунктам.

«Чорт их возьми со всеми Пултусками, Бонапартами и наградами», — подумал он о первом. «Нет уж извините, теперь не поеду, куда Николинька будет находиться в этом положении», — подумал он о втором и он, с открытым письмом в руке, на цыпочках вернулся в детскую и глазами отыскивал сестру.

Была вторая ночь, что они оба не спали, ухаживая за горевшим в жару мальчиком. Все сутки эти, не доверяя своему домашнему доктору и ожидая того, за которым было послано в город, они предпринимали то то, то другое средство. Они, измученные бессонницей и тревожные, упрекали один другого и ссорились.

В ту минуту, как опять входил князь Андрей с письмом в руке, он увидел, что нянька с испуганным видом спрятала что-то от него и что княжны Марьи не было у кровати.

— Мой друг, — слышался ему сзади себя отчаянный, как ему показалось, шопот княжны Марьи. Как это часто бывает в минуты страшного ожидания, на него нашел беспричинный испуг. Всё, что он видел и слышал, показалось ему, подтверждало его страх.

«Всё кончено, он умер», подумал он, сердце его оборвалось и холодный пот выступил на лбу. Он с потерянными мыслями подошел к кровати, уверенный, что он найдет ее пустою, но хорошенький, румяный ребенок, раскидавшись, лежал в ней. Князь Андрей нагнулся и, как учила его сестра, губами попробовал, есть ли жар у ребенка. Нежный лоб был влажен, он дотронулся рукою— даже волосы были мокры. Какая то тень виднелась ему подле него под пологом кровати. Он не оглядывался, не помня себя от счастья, глядя на лицо ребенка и слушая его ровное дыхание. Темная тень была княжна Марья, которая неслышными шагами подошла к кровати, подняла полог и опустила его за собою. Под кисейным пологом был матовый полусвет и они втроем были уединены, казалось, от всего мира.¹

— Он вспотел, — сказал князь Андрей.

— Я шла к тебе, чтобы сказать это.

Князь Андрей смотрел на свою сестру своими тринадцатилетними, ясными и добрыми глазами и виновато улыбался. Лучистые глаза княжны Марьи блестели больше обыкновенного от счастливых слез, которые стояли в них. Они потихоньку, чтобы не разбудить ребенка, пожали друг другу руку, и неловкая княжна Марья этим жестом слегка зацепила за полотно кровати. Они погрозили друг другу, еще постояли в матовом свете полога, как бы жалея расстаться с этим миром, отдельным, чистым и полным такой любви, и наконец, путая волосы, вздохнув, вышли и закрыли за собою занавески.

На другой день мальчик был совершенно здоров и князь Андрей поехал в Корчеву исполнять поручения своего отца.²

Последний долг в сорок две тысячи, сделанный для уплаты проигрыша Nicolas, хотя и составлял незначительную сумму относительно всего имения графа Ростова, был тою фунтовой гирей, которая окончательно перевешивает пудами наложенные весы. Этот последний заем, сделанный графом на честное слово, и уплата по нем — окончательно расстроили дела Ростовых. К осени должны были поступить ко взысканию векселя и требования Опекунского совета, по которым платить нечем было, не продавая имений. Но старый граф с чувством заигравшегося игрока не считался с банкометом, а верный Митинька, ловя рыбу в мутной воде, не старался уяснить дел.

Под предлогом уменьшения расходов,³ граф поехал с семейством в деревню и намеревался провести в ней и зиму. Но жизнь в деревне нисколько не вела графа к поправлению своих дел.¹ *Зачеркнуто в третьей редакции:* Ребенок улыбнулся

² *На полях:* Ст[арый] кн[язь] приехал, взбесился. К[нязь] А[ндрей] уехал к себе и говорил с сестрой о несчастьи отца от крепостного права. <Наташа отчаянно весела. 1808 Анатолю> Приезд Ригг'а.

³ *В рукописи:* доходов

Он жил в своем Отрадном — пятисотдушенном имении, не приносящем никакого дохода,¹ но с богатыми садом и парком и оранжереей, огромной псовой охотой, хором музыки, конным, голландского рогатого скота, не приносящими никакого дохода, заводами. На беду в этот же год были два набора и ополчение, разорившие многих помещиков в России, положили конец его разорению. В его имениях приходился третий работник в ополчение, так что в пахотных губерниях запашка должна была быть уменьшена, а в оброчных, которые составляли главные его доходы, мужики не платили и не могли платить оброка. Сверх того на обмундирование и провиант он должен был удержать десятки тысяч. Но граф нисколько не изменил ни своей радушной веселости, ни гостеприимства, принявшего еще большие размеры в деревне и с тех пор, как он единодушно был избран предводителем дворянства.² Кроме огромного приема и увеселений, которыми он угаживал дворян своего уезда, он за некоторых, беднейших, платил свои деньги и всеми средствами отстаивал их перед главнокомандующим, несмотря на славу страшной строгости, которую имел главнокомандующий князь Болконский. Поэтому то и были упущения по его уезду, за которые гневался князь Николай Андреич и исправить которые он послал своего сына.

Митинька жил с семьей в большом флигеле села Отрадного и все, имевшие дела до графа, знали, что тут то у него решались все дела. У крыльца его в новых кафтанах, чисто обутые начальники из мужиков, и мужики растерзанные, и бабы просительницы. Митинька вышел к ним в шубке, румяный, гордый, рассеянный.

— Ну, ты что?

Староста села объяснил, что опять приехал ополченный начальник и требовал людей завтра на учение, а пар еще не пахан.

— Что прикажете?

Митинька поморщился.

— И чорт их знает, что делают. Так всё хозяйство бросить. Я *ему* говорил, чтоб написал, — проговорил он про себя. — Это еще что?

Это была бумага от станового с требованием, по приказанию главнокомандующего, денег. Митинька прочел.

— Скажи, что его нет, сейчас едут в город. Потом доложу. Ну, вы что?

Старый мужик повалился в ноги.

— Отец!.. Ваньку взяли, хоть бы Матюшку оставили! Прикажи отменить.

— Да тебе говорили, что это только на время.

— Как, батюшка, на время? Сказывают, всех заберут.

Баба, просившая о муже, бросилась в ноги.

— Ну, ну, твоего то давно пора за грубиянство. — Из за угла вышло еще человек десять оборванцев, видимо те же просители.

¹ *Зачеркнуто*: и едва достающим на чистку его садов и парков и поддержку оранжерей.

² *На полях*: Бергу приданое, отдает замуж.

— Ну вас, всех не переслушаешь. Царь велел...

— Батюшка... отец...

— Да вы подите к барину....

— Отец, защити.

В это время мимо крыльца прикашикова флигеля прогремела огромная карета цугом на сытой шестерке серых. Два лакея в галунах стояли — гладкие — сзади. Кучер толстый, красный, с помаженной бородой крикнул на народ, подручный жеребец заиграл.

— Держи короче, Васька! — И карета покатила к подъезду с колоннами между выставленных кадок огромного отраденского дома. Граф ехал в город для свидания с князем Андреем, но знали, что он вернется на другой день, так как на третий день были его именины, день торжественный, и прием. К этому дню в большой зале уже давно готовился домашний театр сюрпризом, о котором, несмотря на стуки топоров, делавших подмости, граф не должен был знать. Уже много и гостей было съехавшихся к этому дню из Москвы и губернского города.

Митинька отпустил народ, сказав, что графу некогда и что изменить ничего нельзя, так как всё было решено его именем.

Князь Андрей второй день жил в уездном городе, сделал все нужные распоряжения властью, данной ему от отца, и ждал только свиданья с предводителем, назначенного вечером, чтобы уехать. Само собою разумеется, что, несмотря на перемену, которая, он льстил себя надеждой, произошла в нем, он не мог никого, ни городничего, ни судью, знать из бывших в городе. Он ходил, гулял, как в пустыне. Однажды утром он пошел на торг и, пленившись красотой одной булочницы, подарил ей пять рублей на расторжку; на другой день мужик пришел к нему, жалуясь на позор его дочери. Ее щуняют, что она любовница главнокомандующего сына. Князь Андрей разменял деньги, пошел на другой день на базар и раздарил по пяти рублей всем девкам.¹

Когда граф Илья Андреич приехал в город и переоделся у судьи, он узнал об этом поступке молодого Болконского и очень был обрадован им. Он поспешно, как и всегда, с веселым и более чем всегда веселым духом, вошел к князю Андрею.

Старый граф пользовался тою великою выгодой добродушных людей, что ему ни с кем, ни с важным, ни с неважным, не нужно было изменять своего обращения. Он не мог быть более ласков, чем он был со всеми.

¹ *На полях:* Два друга, А[ндрей] и Pierre, у Ростовых, оба влюблены, но ребенок.

<У Ростовых шло веселье. А[нна] М[ихайловна] привезла Анатоля и Борис приехал. Положение Бориса в армии стр. 224. Борис с презрением смотрит на деревенщину. La petite Natalie [Маленькая Натали]. Рад дружбе с Анатодем, даже уступает ему. Наташа подслушала, как он хвалит ее груди, и оскорблена.

Pierre остается. Борис. Ему отказывает Наташа. Ей кажется, что их столько.>

— Ну, здравствуйте, милый князь! Очень рад познакомиться с вами. Батюшку вашего встречал, да он, чай, меня не помнит. Как же это вам не совестно здесь оставаться. Прямо бы ко мне, рукою подать, мои ямщики живо бы вас докатили и вам, и людям вашим покой был и об деле бы переговорили, а то вам, чай, и есть то нечего было; и графинюшка моя, и дети мои, все бы вам душой рады были. Сейчас едем со мной, у меня переночуете, погостите, сколько вздумается, после же завтра день ангела моего, не побрезгайте, князь, моего хлеба-соли откусать. Вы об деле погодите, вот сейчас я моего секретаря позову, мы в одну минуту всё обделаем. Деньги у меня готовы, я сам, батюшка, знаю, что служба прежде всего.

Вследствие того ли, что действительно граф с своим секретарем представил достаточные причины несвоевременности исполнения некоторых требований и удовлетворил тем, которым было возможно удовлетворить, или от того, что князь Андрей был подкуплен этой простодушно доброй манерой старого графа, за которой ничего не скрывалось, кроме общего благоволения, благодушия ко всем людям без исключения, но князь Андрей почувствовал, что все служебные дела кончены, и что ежели они не окончены, то мешает тому никак не желанию старого графа сделать угодное правительству, его отцу и всем людям на свете.

— Ну,¹ князь, хорошу вы штуку с торговками сделали! Это ²я люблю, это по барски. — И он добродушно потрепал его по плечу. — Так пожалуйста же, князь, дружок, не откажите, погостите у меня, ну, недельку, — сказал он, как бы не сомневаясь в том, чтобы князь Андрей мог не поехать к нему. Князь Андрей действительно, находясь в особенно хорошем расположении духа вследствие счастливого окончания болезни сына, веселого расположения духа, произведенного историей с торговками, и в особенности вследствие того, что старый граф принадлежал к тому разряду людей, столь отличных от него самого, что он к ним не примерял себя и они ему бывали особенно симпатичны, он и не подумал, что можно было отказать ему.

— Ну! не недельку, — сказал он, улыбаясь.

— Там увидим, — подхватил старый граф, сияя радостной улыбкой. — Вы посмотрите, послезавтра у меня театр будет, мои девчата затеяли. Только это секрет, сюрприз, смотрите не проговоритесь!

Усадив нового гостя в свою карету и велел коляске князя ехать за собой, старый граф привез его к вечернему чаю в Отрадное. Дорогой старик много и весело болтал и болтовней этой еще более понравился молодому Болконскому. Он с такою любовью и уважением говорил про своего сына, которого князь Андрей вспомнил, что видел раз за границей, он с такою осторожностью и усилием не хвалить говорил про своих девчат (князь Андрей понимал, ¹ *Зачеркнуто*: брат

² Зач.: брат

что это была та врожденная деликатность отца невест, который говорит о них перед выгодным женихом), он с такой простотой смотрел на все отношения людские, так был непохож на всех тех гордых, беспокойных и честолюбивых людей, к которым принадлежал он сам и которых он так не любил, что старик ему особенно понравился.¹

— Вот и моя хата! — сказал он с некоторою гордостью, вводя его на отлогую, широкую, каменную лестницу, уставленную цветами, и в большую переднюю, в которую вскочило десятка полтора грязных, но веселых лакеев. Старик провел его прямо к дамам в гостиную и на балкон, где все сидели за чайным столом.

Князь Андрей нашел в семействе Ростова то самое, что он и ожидал найти: московскую барыню-старушку с бессмысленным и ленивым французским разговором, чопорную барышню Лизу, под видом небрежности до малейших подробностей высматривающую жениха, скромную, краснеющую воспитанницу Соню и немца гувернера с мальчиком, беспрестанно надоедающего этому мальчику своими замечаниями, только с тем, чтобы показать родителям и в особенности гостю, что он — хороший немец, помнит свое дело, что его «можете и вы, господин гость, взять к себе, ежели вам нужно хорошего немца, а я охотно пойду к вам, потому что здесь не умеют всё-таки вполне ценить меня», и благородное дворянство-гости, почтительно держащие себя у графа-предводителя. Всё это было, как и следует быть. Ничего не было неожиданного, но почему то всё это, со всею своею ничтожностью и пошлостью до глубины души трогало князя Андрея. Было ли причиной тому его настроение, окрашивающее в эту минуту всё поэтическим и нежным светом, или всё, что окружало его, произвело в нем это настроение, он не знал, но всё его трогало и всё, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни.

Старичок в мягких сапожках поспешно подошел к жене, целуясь с нею рука в руку и взглядом указывая на гостя, говоря друг другу то, что понимает только муж с женою. Лиза, сразу не показавшаяся ему несимпатичной, присевшая к гостю (ему жалко было, что она не такая добрая, как отец), Соня, вся вспыхнувшая своим избытком крови и своими верными, собачьими глазами и черными, густыми косами, зачесанными у щек, как уши у лягавой собаки, и старый лакей, с улыбкой смотревший на представление нового лица, и огромная, старая береза с неподвижно висевшими ветвями, в теплом вечернем свете, и звук охотничьих рогов и воя гончих, слышных из под горы от псарни, и наездник на кровном, взмыленном жеребце и золоченых дрожках, остановившийся перед балконом, чтоб показать графу любимого жеребца, и спускавшееся солнце, и мелкая трава по краю дорожки, и прислоненная к ней садовническая лейка — всё это, как атрибуты счастья,¹ *На полях в третьей редакции:* дом битком набит дворянством.

Радушие побеждает его. Наташа летать хочет и театр; наивная радость ее быть похожей на актрису.

врезалось ему в памяти. Новое место, новые лица, тишина летнего вечера, спокойное воспоминание и какое то новое, благодушное воззрение на мир, отразившееся с старого графа на него во время поездки, давали ему сознание возможности новой, счастливой жизни. Он мельком взглянул на небо в то время, как графиня говорила ему пошлую фразу о приятности летней жизни (что ж ей было и говорить с новым лицом, он не осуждал ее, она славная).

Он взглянул на небо и в первый раз после Аустерлицкого сражения опять увидел его, увидел высокое, высокое, бесконечное небо и оно было не с ползущими по нем облаками, а голубое, ясное и уходящее. Какой то шум, похожий на звук влетевшей в комнату и бившейся об окно птицы, послышался на окне, выходящем на балкон, и отчаянный и веселый голос кричал:

— Отворите, я зацепилась, мама! Я зацепилась, — кричал, смеясь и плача, как показалось князю Андрею, какой то мальчик, стоявший на окне. Увидав его, мальчик, и прелестный мальчик, встряхнув черными кудрями, покраснел, закрыл лицо руками и соскочил с окна.

Это была Наташа. Она в мужском костюме своей пьесы для репетиции, зная о возвращении отца и с гостем, пришла похрабриться и показаться, но зацепилась за задвижку, выдумала слово «зацепилась» и, желая и посмеяться над этим словом, и отворить окно, которое не подавалось, и показаться в мужском костюме, который, она знала, очень идет к ней, новому лицу, и желая скрыться от отца, она, как птичка, затрепыхалась в окне, сама не зная, что она делает, так как, как и всегда это с ней бывало, все эти мысли вдруг пришли ей в голову и она все их хотела сразу привести в исполнение.¹

— Ну, я пойду Полкана посмотреть, — сказал старый граф, подмигивая и улыбаясь жене, показывая, что он ничего не видал и не знает сюрприза, и спустился вниз с балкона к Полкану, который нетерпеливо бил ногой, отмахивался от мух и одними этими движениями откатывал и накатывал легкие дрожки.

— Это моя меньшая, они готовят спектакль к именинам моего мужа, — сказала старая графиня.

Князь Андрей с улыбкой сказал, что он всё знает.

— От кого же? — закричал голос из окошка² и [показалась] оригинальная головка (Наташе минуло пятнадцать лет и она³ очень [сложи]лась, похорошела в это лето). — От папа?

— Нет, я узнал это здесь, — сказал он, улыбаясь.⁴

— А! — сказал голосок, успокоиваясь. — Мама, подите сюда, посмотрите, хорошо ли будет. — Старая графиня вышла и князь¹ *На полях*: оживляется от похвалы, сердится и падает духом от равнодушия.

² *Зачеркнуто*: прелестная

³ *Зач.*: к удивлению всех необычайно

⁴ *На полях третьей редакции*: За Наташей все бегают, большие и малые. Она всё умеет устроить. Возвращение князя Андрея к личному счастью.

Андрей слышал, как она уговаривала дочь показаться всем, так как ее увидят же в этом костюме. Лиза между тем¹ рассказывала подробно, что костюм этот означает приготовление к театру, что старый граф знает, но притворяется незнающим, одним словом всё то, что князь Андрей понял с первого намека.

Старый граф разговаривал с наездником о том, сколько минут едет Полкан. С одной стороны слышалась балалайка около кухни, а из-за пруда долетали звуки разбирающегося стада. Князь Андрей слышал всё, но все эти звуки были только аккомпанемент звука голоса мальчика-девочки, которая говорила, что² она хочет показаться гостю. Старая графиня³ уговаривала ее. Вдруг быстро отворилась дверь и на балкон выбежала Наташа. На ней были лосиные панталоны, гусарские сапожки и, открытая на груди, серебром шитая, бархатная курточка. Тонкая, грациозная, с длинными до плеч завитыми локонами, румяная, испуганная и самодовольная, она хотела сделать несколько шагов вперед, но вдруг застыдилась, закрыла лицо руками и, чуть не столкнув с ног мать, проскользнула в дверь и только слышен был по паркету быстрый удаляющийся скрип ее гусарских сапожков.

Вечеру Наташа, обыкновенно мало застенчивая, не ходила к ужину.

— Отчего ты не идешь? — говорили ей.

— Не пойду, мне стыдно. — Сама графиня должна была притти за ней. Но Наташа, услышав шаги графини, вдруг заплакала.

— Об чем ты? Что с тобой? — лаская говорила графиня.

— Ах, ничего, мне досадно, что вы историю делаете из пустяков. Идите, идите, честное слово, — она перекрестилась, — я приду. — И она пришла перед самым ужином в женском платье, которое на ней было уже длинное, как у больших, но в той же прическе. Она, покраснев, присела князю Андрею.

Хотя видно было, что она еще много вырастет, она была стройна⁴ и уже роста взрослой, невысокой женщины. Она была и хороша и не хороша. Верхняя часть лица — лоб, брови, глаза — были тонки, сухи и необыкновенно красивы, но губы были слишком толсты и слишком длинен, неправилен подбородок,⁵ почти сливавшийся с мощной и слишком сильной по нежности плеч и груди — шеей. Но недостатки ее лица можно бы было разобрать только на ее портрете или бюсте, в живой же Наташе нельзя было разобрать этого, потому что, как скоро лицо ее оживлялось, строгая красота¹

Зачеркнуто: с своим отсутствием

² *Зач.:* ей стыдно

³ *Зач.:* быстро отворила дверь и втолкнула вперед себя Наташу.

⁴ *Зач.:* выше среднего роста. Как из ее некрасивых черт лица могла сделаться эта прелестная физиономия, невозможно было понять, но лицо ее было прекрасно. Можно было сказать, что слишком

⁵ *Зач.:* но как [только] она говорила, слушала и вообще оживлялась, всё лицо ее сбиралось в комочек, в одну блестящую и всё освещающую точку. Князь Андрей ей не понравился, даже больше, чем не понравился, она с отвращением сказала Соне, пришедши совещаться с нею об новом лице: — желтый, сухой — гадость. Теперь

верхней части сливалась в одно с несколько чувственным и животным выражением нижней части в одну блестящую, вечно изменяющуюся прелесть. А она всегда была оживлена. Даже, когда она молчала и слушала, или думала...¹

За ужином, не вступая в разговор больших, она внимательными, любопытно строгими глазами вглядывалась в новое лицо. Старый граф заметил, что она молчалива, весело подмигнув князю Андрею, и покосился на любимицу дочь, и сказал:

— За одно, князь, жалею Москву: театров нету, что бы дал театр посмотреть. А! Наташа, — обратился он к ней. Князь Андрей, следя за взглядом старого графа, тоже смотрел на нее.

— Ведь она у меня певица, — сказал старый граф.

— А вы поете? — сказал князь Андрей. Он сказал эти простые слова, прямо глядя в прекрасные глаза этой пятнадцатилетней девочки. Она тоже смотрела на него, и вдруг без всякой причины князь Андрей, не веря сам себе, почувствовал, что кровь приливает к его лицу, что его губам и глазам неловко, что он просто покраснел и сконфузился, как мальчик. Ему показалось, что Наташа заметила его состояние и другие также.²

Вечером старая графиня в кофте опять пустила к себе Наташу, которая была особенно оживлена после своего припадка застенчивости и, одевшись в старушечью кофту и чепец, сидела на горе из подушек и ораторствовала.

— Да, этот в моем вкусе, — говорила [Наташа].

— У тебя губа не дура, — говорила графиня.³

Князь Андрей не остался гостить, а уехал на другой день утром. Он ехал один в своей коляске и думал, не переставая, о своей покойной жене. Он видел, как живое, перед собой ее лицо. «Что вы со мной сделали?», всё говорило это лицо, и ему тяжело и грустно было на душе.

— Да, есть надежда и молодость, — говорил он сам себе, — а я отжил, я кончил, я старик, — говорил он себе, но в это время,⁴ как он говорил себе это, он подъезжал к дому и проезжал⁵ Лысогорскую <дубовую> и березовую рощу, примыкавшую к самому дому. Когда он ехал еще в Корчеву, в этой роще, уже распустившейся, стоял один дуб еще голый, и он задумался над этим ¹ *Зачеркнуто*: Она вся была то кокетство, то ожидание, то любопытство, страстное любопытство жи[вой]

² *Зач.*: <Вечером, сообщая Соне впечатление дня, Наташа, к удивлению своей подруги, объявила ей, что этот князь Болконский такая прелесть, что она не только не видала подобного, но и вообразить не могла. Он и Nicolas, больше нет.

Князь Андрей однако не остался на театр; он на другой день уехал обещаясь бывать у Ростовых.>

— Нет, не нравится, не нравится мне, — говорила вечером Наташа про князя Андрея. — Что то гордое, сухое.

³ *На полях*: Переписка князя Андрея с Риег'ом. Тильзит. Nicolas и Денисов. Свадьба Берга. А[ндрей] умиляется при пении Наташи.

⁴ *Зач.*: он увидал дуб

⁵ *Зач.*: Лысогорский дубовый и березовый лес, примыкавший

дубом. Была весна, ручьи уже сошли, всё было в зелени, береза уже была облита клейкой, сочной и пушистой зеленью, в лесу пахло теплой [?] свежестью.¹ Около самой дороги, вытянув одну корявую нескладную руку над дорогой, стоял старый двойчатка дуб с обломленной корой на одной стороне двойчатки. Весь старый дуб с своими нескладными голыми [?] руками и пальцами [?], с своей столетней корой, обросшей мохом, с своими болячками и голо торчащими ветвями, казалось, говорил про старость и смерть. «И опять вы те же глупости, — казалось, говорил он соловьям и березам, — опять вы притворяетесь в какой то радости весны, лепечете свои старые, прискучившие, всё одни [и] те же басни про весну, про надежды, про любовь. Всё вздор, всё глупости. Вот смотрите на меня: я угловатый и корявый, таким меня сделали, таким я и стою, но я силен, я не притворяюсь, не пускаю из себя сока и молодые листья (они спадут), не играю с ветерками, а стою и буду стоять таким голым и корявым, куда покуда стоит».

Теперь, возвращаясь, князь Андрей вспомнил о дубе, совпадающем с его мыслями о самом себе, и он взглянул вперед по дороге, отыскивая старика с его голой, избитой рукой, укоризненно протянутой над смеющейся и влюбленной весной. Старика уже не было: пригрело тепло, пригрело весеннее солнце, размягчилась земля и не выдержал старик, забыл свои укоризны, свою гордость, все прежде голые, страшные руки уж были одеты молодой сочной листвой, трепетавшей на легком ветре, из ствола, из бугров жесткой коры вылезли молодые листки, и упорный старик полнее и величественнее и размягченнее всех праздновал и весну, и любовь, и надежды.

— Молодец [?], — подумал князь Андрей.

² В первых числах апреля государь приехал к войску и, как говорила Анна Павловна и все в Петербурге, с свойственным ему величием души, он не хотел дать повода повториться упрекам за Аустерлиц и, живя подле армии, переносил все труды лагерной жизни, как частный человек, только одушевляя войско своим присутствием и предоставляя полную власть Бенигсену, назначенному главнокомандующим на место сумашедшего Каменского.

Государь жил в Бартенштейне.³ Армия стояла у Фридланда.

Павлоградский полк, находившийся в той части армии, которая была в походе 1805 года и, укомплектовываясь в России, опоздала к первым действиям, стоял теперь в разоренной польской деревне. Денисов был не из тех офицеров, несмотря на свою известную храбрость,⁴ которые успевают по службе; он по прежнему командовал и тем же эскадронном гусар, которые, хотя и переменялись ¹ *Зачеркнуто*: <соловьи> <птицы> щеглы

² *Зач.*: После Пултуска и Прейсиш Эйлау всё одушевилось в России и армии.

³ *Зач.*: когда получено было известие о Фридланде и послан был Попов узнать, в каком положении находится армия. Армия была вся уничтожена и бежала, как доложили императору. Император Александр был в отчаянии.

⁴ *Зач.*: и честность

больше, чем наполовину, так же, как и прежние, не боялись его,¹ но чувствовали к нему детскую нежность.

Nicolas был тем же субалтерн-офицером, хотя и поручиком, в эскадроне Денисова.

Когда Nicolas вернулся на перекладной из России и застал Денисова в его походном архалуке, с его походной трубкой, в избе, с раскиданными вещами и по старому грязного, мохнатого и веселого, совсем не такого припомаженного, каким он его видал в Москве, и они оба обнялись, они поняли, как не на шутку они друг друга любят. Денисов расспрашивал о домашних и особенно о Наташе. Он не скрывал перед братом, как нравилась ему его сестра. Он прямо говорил, что влюблен в нее, но тут же (как ничего неясного не было с Денисовым) прибавлял:²

— Только не про меня, не мне, старой вонючей собаке, такую прелесть назвать своею. Мое дело рубиться и пить.³ А люблю, люблю, и всё тут, и вернее рыцаря не будет у нее, куда меня не убили. За нее готов изрубить всякого и в огонь и в воду.⁴

Nicolas, улыбаясь, говорил:

— Отчего же? Коли она тебя полюбит.

— Вздор, не с моим рылом. Стой, б'ат, слушай. Я тут один жил — скука! Вот ей стихи сочинил. И он прочел:⁵

Волшебница, скажи, какая сила
Влечет меня к покинутым струнам,
Какой огонь ты в сердце заронила,
Какой восторг разлился по перстам?
Давно ли я, убитый, безотрадный,
В жестокой грусти тайно изнывал,
Давно ль, к тебе бесчувственный и хладный,
Твой чистый дар с презреньем отвергал.
Вдруг весь волшебный мир воображенья
Открыла мне в прелестнейших мечтах,
И пробудилась жажда песнопенья,
И вспыхнул огонь на радостных струнах.
В горящих нервах вымыслы рождаются
И думы роем вьются надо мной,
Мелькнут... исчезнут... снова вдруг толпятся.
Забыто всё... сон, пища и покой.
Пылает кровь в порывах вдохновенья.
Я в исступленьи день и ночь пою!
Нет сил снести восторгов упоенья,
Они сожгут всю внутренность мою!
Спаси меня, склонися к сожаленью,
Смири волненья страстных чувств моих,
Нет, нет, волшебница, не верь моленью!
Дай умереть у ног твоих!

¹ *Зачеркнуто*: жалели <но> уважали его

² *Зач.*: что он и не думает когда-нибудь быть ее мужем.

³ *Зач.*: Он объявил брату, что вернее рыцаря, как его, его сестренка не будет иметь, но что

⁴ *Зач.*: но тревожить ее и надоедать ей не будет.

⁵ *Стихи вставлены по второй редакции рукописи.*

Nicolas, пристыженный своим последним поступком, приехал с ошибленными [?] крыльями, с намерением служить, драться, не брать ни копейки из дома и загладить свою вину. Он в этом расположении духа особенно живо почувствовал дружбу Денисова и всю прелесть этой уединенной, философской и монастырской жизни эскадрона, с ее обязательной праздностью, несмотря на водку и карты, и с наслаждением в нее погрузился.¹

Был апрель месяц, растапель, грязь, холод, реки взломало, дороги провалились, по несколько дней не давали провианта. Люди посыпались по жителям отыскивать картофель, но ни картофеля, ни жителей не было. Всё было съедено и всё разбежалось. Те же жители, которые не убежали, были хуже нищих и отнимать у них или нечего уж было или даже маложалостливые солдаты не имели на это духа. Павлоградский полк почти не был в делах, но от одного голоду убавился наполовину. В госпиталиях умирали так верно, что солдаты, больные лихорадкой и опухолью, происходившей от дурной пищи, предпочитали нести службу, через силу волоча ноги во фронте.

С открытием весны солдаты, хитрые на выдумки, нашли показывавшийся из земли корень, который они называли почему то Машин сладкий корень, и рассыпались по лугам и полям, отыскивая сладкий корень (который был очень горек), саблями выкапывали его и ели, несмотря на приказы не есть этой травы. Солдаты начали пухнуть в руках, ногах и лице и полагали, что от этого корня. Но, несмотря на запрещенье, солдаты ели корень, потому что уже вторую неделю им обещали провиант, а выдавали только по одному фунту сухарей на человека. Лошади питались тоже вторую неделю крышами с домов и тоже доедали последнюю привезенную за три мили солому. Лошади были кости и кожа и покрыты еще зимнею шерстью клоками. Денисов, бывший в выигрыше, выдал больше тысячи рублей своих денег на корм и занял всё, что было у Ростова, но купить негде было.

Но, несмотря на такое страшное бедствие, солдаты и офицеры жили точно так же, как и всегда: так же строились к расчетам, шли на уборку, чистили амуницию, даже делали ученья, рассказывали по вечерам сказки и играли в бабки. Только поодергались щеголи гусары и лица все были более, чем обыкновенно, желты и скуласты. Офицеры так же собирались, пили иногда, играли очень много и большую игру, так как денег, выдаваемых на провиант, который купить нельзя было, было очень много. Они все были в ходу — в игре.

— Ну, брат, седлай, — закричал раз Денисов вскоре после приезда Ростова, возвращаясь от полкового командира, куда он ездил за приказаниями. — Сейчас берем два взвода и идем отбивать транспорт. Чорта с дьяволом, не издыхать же людям, как ¹ *Зачеркнуто*: Откровенность за откровенность, он признался Денисову в своем деле и Денисов одобрял его.

— Тебе не иг'ать, ты честная душа. И я на что не дам спуска, да уж п'ивык, всё одно.

собакам! — Он отдал приказанье вахмистру седлать и сошел с лошади.

— Какой? Неприятельский транспорт? — спросил Ростов, вставая с постели, на которой он один, скучая, лежал в комнате.

— Свой! — прокричал Денисов, горячася видно еще тою горячностью, с которой он говорил с полковым командиром.

— Еду, встречаю транспорт, думаю, что нам, приезжаю спрашивать сухарей. Опять, говорит, нету. Это в пехоту везут. Подождите день. Я семь раз писал, говорит, дорог нет. — Ну, так я отобью, который встретим. Не издыхать же людям. — Я не отвечаю. — Да и не отвечайте, чорт вас возьми, я отвечу, — рассказывал Денисов. — Суди меня там, кто хочет.

Не выходя из этого состояния раздражения, Денисов сел на лошадь и поехал. Солдаты знали, куда едут, и в высшей степени одабривали распоряжение начальника, они были веселы и подшучивали друг над другом, над лошадьми, которые спотыкались и падали. Денисов взглянул на людей и отвернулся.

— Мерзко взглянуть, — сказал он и на рысях поехал по дороге, по которой должен был итти транспорт. На рысях не могли итти все лошади; некоторые падали на колени, но видимо из последних сил бились, чтобы не отставать от своих. Они догнали транспорт. Солдаты транспорта стали было противиться, но Денисов исколотил старшего унтер офицера плетью и завернул транспорт. Через полчаса два пехотные офицера, адъютант и квартирмейстер полка, прискакали верхами требовать объяснений. Денисов ни слова не ответил им на их представления и только крикнул на своих:

— Пошел!

— Вы будете отвечать, ротмистр; это буйство, мародерство, у своих, наши люди два дня не ели. Это разбой. Ответите, милостивый государь, — и он, трясая на лошади, как трясутся верхом пехотные офицеры, отъехал.

— Собака на забо'е, живая собака на забо'е, — прокричал ему вслед Денисов высшую насмешку кавалериста над верховым пехотным и рассмешил весь эскадрон.

Солдатам роздали сухарей вволю, поделились даже с другими эскадронами, и полковой командир, узнав всё дело, повторил, закрывая глаза открытыми пальцами:

— Я на это смотрю вот этак, но не отвечаю и не знаю. — Однако через день по поступившим жалобам от пехотного командира он позвал к себе Денисова и посоветовал съездить в штаб и там по крайней мере в провиантском ведомстве расписаться, что он получил столько то провианту, а то требование записано на пехотный полк. Денисов поехал и возвратился к Ростову взбешенный, красный и с таким приливом крови, что ему необходимо было в тот же день пустить кровь; глубокая тарелка черной крови вышла из его мохнатой руки и тогда только он стал в состоянии рассказать, что с ним было. Но и тут, дойдя до трагического 631

места, он так разгорелся, что кровь пошла из руки и надо было перебинтовать ее.

— Приезжаю. Ты думаешь, они там бедствуют, как мы? Как же! Смотрю, жида провиантские все чистенькие, гладенькие, веселенькие. Ну, где у вас тут начальник? Показали. Ждал долго. Уж это меня взбесило. Обругал всех, велел доложить. У меня служба, я за тридцать верст приехал. Хорошо, выходит этот обер-вор: вы пожалуйста к чиновнику по комиссии, там распишетесь, а поступок ваш представится высшему начальству.¹

— Вы меня, батюшка, не учите, а лучше бы не заставляли ждать по три часа.² Обругал, и с этим пошел. Прихожу, один чиновник к другому, к третьему, один одного погоняет, все франты, я тебе говорю, уж меня стало бесить. Прихожу к тому то комиссионеру. Хорошо, кушают, сейчас. Смотрю: портер несут, индейку. «Ну, думаю, уж этого ждать не буду». Вхожу, изволят кушать... Кто же! Нет, ты подумай (тут развязалась повязка и брызнула кровь). Телянин! — А, так ты нас с голоду моришь! Раз, раз, по морде!., а... (он произнес грубое ругательство). Кабы они не бросились на меня, я бы убил его до смерти.... Хороши? а? Хороши? а?..

— Да, что же ты кричишь, успокойся, — говорил Ростов. — Ведь этак еще кровь пускать.

В Фридландском сражении два эскадрона павлоградцев, над которыми старшим был Денисов, поставлены были на левом фланге в прикрытие артиллерии, как ему сказал с вечера полковой командир. С начала дела открылся страшный огонь по гусарам. Ряды вырывало за рядами, и никто не приказывал им ни отступать, ни переменить положение. Денисов, хотя как и всегда для сражения, надушенный и напомаженный, был грустен и сердито отдавал приказания для уборки тел и раненных.³ Увидав недалеко проезжавшего генерала, он поскакал к нему и объяснил, что дивизион перебьют весь без всякой пользы для кого бы то ни было.¹ *На полях второй редакции:* Как приехал Ростов в монастырь.

Легко быть прекрасным в этих определенных рамках. И он прекрасен, храбр, исполнительен и дружен с Денисовым. Денисов его ищет после дела и не пускает в огонь.

Ростов кормит польку Констанцию. Ссора с офицером, предполагающим любовницу.

— Ду'ацкая ваша пог'ода! — Со слезами Денисов злобно ходит. Вахмистр; есть нечего. Лаврушка о транспорте. Отбивают.

Дело 24 мая под Миштеном [?]

Денисов тяжело ранен.

Ростов просится к нему. Продовольствие есть. Прощается с эскадроном; весна. Надежда успеха и славы. Гошпиталь. Денисов, рассказ о Фридланде. Переписка с комиссарьятом.

Ростов едет в армию к Борису. Он ничего и никого не любит. Борисова компания. Его рассказ. Ростов ссорится с франц[узом] за государя. Идет к Багратиону просить. Багратион просит государя. Отказ, смотр преображенцев. Возвращение] домой с Борисом. Nicolas мучается, он ненавидит государя, пугается этого, волнуется и решает, что долг не судить, не любить, а долг повиноваться и всё тут.

² *Зачеркнуто:* Извольте итти.

³ *На полях второй редакции:* Гусары победили, но никто не знает.

Лошади так слабы, что в атаку итти не могут, ежели бы даже и можно было, то место изрыто рытвинами, и наконец нет надобности стоять под ядрами, когда можно перейти дальше. Генерал, не дослушав его, отвернулся и поехал прочь.

— Обратитесь к генералу Дохтурову, я не начальник. — Денисов отыскал Дохтурова. Тот сказал ему, что начальник третий генерал, третий генерал, что начальник первый генерал.

«Чорт вас дери совсем», подумал Денисов, и поскакал назад. ¹Кирстен был уж убит и Ростов был старшим. Так много было перебитых, что люди мешались и отходили от мест. Денисов поставил своим долгом собрать их. Но тут набежала на него пехота и смешала его.

— Стоило погубить полэскадрона. Дьявол! — проговорил он, но тут картечь попала ему в спину и замертво повалила его с лошади. Ростов, уже привыкший переносить всегда повторявшееся в деле чувство страха, как умел старался в бегстве собирать эскадрон, а потом бежал, как попало.

После Фридландского сражения Nicolas оставался старшим офицером в эскадроне. Но эскадрон только именовался так, но в нем было только шестьдесят конных гусаров. В начале лета продовольствие доставлялось в достаточном количестве, погода была хорошая и офицеры уже поговаривали <об отступлении в Россию.>

Первое время Ростов был увлечен своим новым званием и хозяйственными делами по эскадрону. <Он вел их с таким старанием, что получал одобрение от бывшего своего врага, теперешнего своего начальника, полкового командира.> Ему весело было принимать кашу эскадрона, здороваться с людьми, отдавать приказания вахмистру и говорить: в моем эскадроне.

<Ему весело было тоже думать, что война кончилась, что не предстоит более опасностей, скоро удастся, вернувшись в Россию, увидеть своих. О том, как бесславно кончилась эта кампания, он, как и все фронтовые офицеры, весьма мало думал.>

Немецкая пословица говорит: от деревьев лесу не видно. <Так и военные люди, участвующие в войне, никогда не видят и не понимают значения самой войны. Кончилась война, провиант есть, в Россию идешь или в Польшу к паночкам стоять. Ну, и слава богу. А как кончилась и какой результат этой войны — это рассудят те, которые не участвовали в ней. Только тогда живо чувствуется для военного человека общий результат войны, когда он встречается после мира с прежними врагами и видит их торжество и радость. Это то случилось с Н. Ростовым 7-го июня, когда он ездил в главную квартиру Бенигсена за приказаниями, и в этот самый день встретил там французского капитана Перигора, приехавшего от Наполеона для начала Тильзитских переговоров. В главной квартире Бенигсена Ростов остановился у бывшего ¹На полях: то он боялся; как сделался старшим, не слышит пуль и не видит опасности.

своего товарища Жиркова, бывшего чем то теперь при штабе главнокомандующего.> Они зашли с ним вместе к маркитанту, когда на улице произошло движение. Все бежали смотреть что то, и Ростов с Жирковым, следуя общему движению, увидели ехавшего по улице, сопровождаемого трубачем, красивого офицера французской гвардии в медвежьей шапке. <Вид этого офицера был настолько презрительный и высокомерный, что Ростов вдруг почувствовал стыд побежденного и, поспешно отвернувшись, ушел назад.>

Перигор, попавший к главнокомандующему во время обеда, был приглашен к столу.

Не говоря уже об разнородных толках о том, как надменно вел себя этот Перигор, как и что оскорбительного для русских он говорил за обедом, очевидцы рассказывали, как он вошел, сел за стол, и всё время [у] главнокомандующего провел, не снимая медвежьей шапки. Ростов, принужденный дожидаться бумаг до вечера, слышал эти толки и молчал. Он не мог говорить, так сильно кипели в нем негодование, стыд и злоба. Невольно спрашивал он сам себя, не имели ли права эти французы так презирать русских, не был ли он и его товарищи и его солдаты виноваты в том презрении, которое оказывал этот француз. Но нет, сколько ни вспоминал он Кирстена, Денисова, своих гусар, нет это была наглость француза и подлость тех русских, которые переносили это. Он стоял вместе с Жирковым и другими офицерами на крыльце одного из домов, занимаемого штабными. Жирков шутил, как и всегда.

— То то вспотел под шапкою, я думаю, — сказал он и обратился к Ростову. — Все люди, как люди, один чорт в колпаке! не правда ли, а? Ростов. — Это обращение вывело Ростова из его состояния скрытой злобы, он разгорячился.

— Я не понимаю, господа, — заговорил он, возвышая голос все более и более, — как вы можете шутить и смеяться над такими вещами? У меня вся внутренность переворачивается: какая-нибудь дрянь, французский сапожник (Ростов ошибался: Перигор был член старой французской аристократии) смеет в шапке сидеть против нашего главнокомандующего, что же мы после этого? Чего же после этого не позволит себе какойнибудь французишка со мною, с русским офицером? Только я, гусарский поручик, ему бы фухтелями сбил шапку с головы, потому что я не курляндский немец, мне честь русского дорога.

— Ну, ну! — испуганно, стараясь обратить в шутку, заговорили офицеры, оглядываясь. Невдалеке стояла группа генералов, но Ростов, возбужденный этим страхом, еще более разгорячился.

— Разве мы пруссаки какиенибудь, — говорил он, — чтобы они имели право так обходиться с нами. Кажется Пултуск и Прейсиш Эйлау показали им, а что у нас главнокомандующие бог знает кто!

— Полно, полно, — заговорили офицеры.

— Бог знает кто, немцы, колбасники, сумашедшие, да порченые! — Большинство офицеров отошли от Ростова, но в то же время один из генералов, стоявший невдалеке, высокий, плотный, седой человек, отделился от своей группы и подошел к молодому гусару.

— Как ваша фамилия? — спросил он.

— Граф Ростов, Павлоградского гусарского полка, к вашим услугам, — проговорил Nicolas, — и готов повторить, что сейчас сказал, хоть перед самим государем императором, тем более пред вашим превосходительством, которого не имею чести знать.

Нахмуренный генерал, строго продолжая смотреть на Ростова, взял его за руку.

— Совершенно разделяю ваше мнение, молодой человек, — сказал он, — совершенно, и очень рад с вами познакомиться, очень.

В это время мохнатая шапка, возбуждая такое злобное чувство в душе Ростова, показалась на подъезде к главнокомандующему. Он уезжал. Ростов отвернулся, чтобы не видеть его.

Несмотря на удовольствие командовать эскадрой и скоро вернуться в Россию, чувство стыда побежденного, возбужденное этим случаем, не оставляющее его чувство раскаяния в своем московском проигрыше и сильнее всего печаль о потере Денисова, которого он так сильно полюбил в последнее время и который, по слухам, между жизнью и смертью лежал в госпитале, делали его жизнь за это время Тильзитских торжеств весьма грустною.

В половине июня, как ни трудно это ему было, он отпросился у полкового командира поехать за сорок верст к Денисову в госпиталь. Маленькое прусское местечко, два раза разоренное русскими и французскими войсками, именно потому, что это было летом, когда в поле было так хорошо, с своими разломанными крышами и заборами и своими загаженными улицами, оборванными жителями и пьяными или больными солдатами, представляло мрачное зрелище. В каменном доме, на дворе с остатками разобранного забора, выбитыми частью рамами и стеклами помещался госпиталь. Несколько перевязанных бледных солдат ходили и сидели на дворе на солнышке. В то время, как Nicolas входил в двери, его обхватил запах гниющего тела и больницы. По коридору проносили в это время за руки и за ноги труп или живого человека, он не рассмотрел. Навстречу ему вышел военный русский доктор с сигарою во рту и сопровождаемый фельдшером, который что то докладывал ему.

— Не могу ж я разорваться, — говорил доктор, — приходи вечером к бургомистру, я там буду. — Фельдшер что то спросил у него.

— Э! делай, как знаешь, разве не всё равно? — и он пошел дальше и тут с удивлением заметил Ростова.

— Вы зачем, ваше благородие? — сказал он с докторской, особенной, шуточной манерой и видимо нисколько не смущаясь тем, что Ростов слышал его слова, сказанные фельдшеру.

— Вы зачем, али пуля вас не брала, так вы тифу набратся хотите? Тут, батюшка, дом прокаженных, кто ни взойдет — смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) еще тут трепемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло: как поступит — через недельку готов. Прусских докторов вызывали, так не любят союзники то наши, — и словоохотливый доктор засмеялся таким смехом, который показывал, что ему не только теперь, но и никогда не хотелось смеяться. Ростов объяснил ему, что он желал видеть здесь лежащего гусарского майора.

— Тут, батюшка, раненых нету, у нас хоть и раненый, сейчас тифозным делается, да и не знаешь всех. Ведь вы подумайте, у меня на одного три гошпиталя, четыреста больных с лишним. Я отчисляю в умершие, за этим дело у нас не стоит, тиф помогает, а мне всё новеньких присылают. Ведь четыреста есть, а? — обратился он к фельдшеру.¹

— Так точно, — отвечал фельдшер. Фельдшеру видимо давно уже хотелось обедать и он с досадой дожидался, скоро ли уйдет заболтавшийся доктор, столь обрадовавшийся появлению нового лица.

— Майор Денисов, — повторил Ростов, — он в Фридландском сражении ранен был.

— Кажется, умер? — равнодушно спросил доктор у фельдшера.

Фельдшер не знал.

— Что он такой длинный, рыжеватый? — спросил доктор.

Ростов описал наружность Денисова.

— Да, да, — как бы радостно проговорил доктор, — этот должно быть умер, а впрочем я справлюсь, у меня списки были. Есть у тебя, Макеев?

Как ни уговаривал доктор Ростова не ходить по палатам, как он всё таки называл разваленные сараи, в которых на полу лежали больные, как ни угрожал ему, что непременно заразится тифом, Ростов, простившись с доктором, пошел с фельдшером наверх и обошел всех больных, отыскивая Денисова. Он никогда не видал подобного ужаса, какой он увидал в этом доме.

Бельэтаж только был занят. Дом был построен, как и все барские дома: передняя, зала, проходные гостиные, диванная, спальня, девичья и опять передняя. Мебели никакой не было. С первой комнаты всего этого круга и до последней, в два ряда, головами к стене и оставляя проход посредине, лежали солдаты, где на прорванных тюфяках, где на соломе, где на голом полу на своих шинелях. Запах, нечистота были ужасные, мухи облепляли так больных, что они уже не отмахивались. Одни умирали, только хрипением показывая признаки жизни, другие металась в жару, толкая друг друга, третьи слабыми, горячечными глазами смотрели на проходящего мимо их здорового, свежего и чистого человека.

¹ *На полях:* Тушин с оторванной под Фридландом рукой.

Человек пять здоровых солдат были тут для прислуги и ковшами разносили воду, которую тут больше всего требовали больные. Денисова не было между ними и [Ростов узнал] по спискам от фельдшера Макеева, что Денисов был записан в эту гошпиталь, но переехал в бывший помещичий дом и лечился там у прусского доктора. После многих трудов Nicolas наконец нашел его. Денисов поправлялся от раны, но он нравственно страдал больше от последствий завязавшейся переписки и дела по случаю отбитого им транспорта и нанесения побоев провиантскому чиновнику Телянину.

Едва увидав Ростова и не принимая ни малейшего участия в его рассказах о Перигоре, о Тильзите, о ужасах в гошпитале, он был занят только одним, своей перепиской и ответами на запросы провиантского ведомства, в которых он честил всех провиантских ворами, и, сам любуясь своим произведением и красноречием, стал с восторгом, сам смеясь и стуча кулаком по столу, [перечитывать] подпускаемые им шпильки провиантскому ведомству. Последнюю, по его мнению весьма тонкую, ироническую и убийственную по его мнению бумагу, кончавшуюся словами: «ежели бы господа комиссариатские так же хорошо действовали для заготовок по нуждам армии, как они для себя действуют, то армия не знала бы, что такое есть голод», — эту бумагу он передал Ростову, прося его непременно самому свезти в Тильзит и отдать в собственную канцелярию его величества. С желанием исполнить это поручение и приехал 27 числа Nicolas на квартиру Бориса.

Борис пристроился к штабу императорскому в конце прошлой кампании и служба его шла весьма успешно. Он числился в Преображенском собственном его величества батальоне и получал вследствие этого гораздо больше жалованья и был на виду у императора. Князь Д[олгорукий] не забыл его и представил князю В[олконскому]. Князь В[олконский] рекомендовал его другому, очень важному лицу, при котором (продолжая получать оклад по Преображенскому собственному [его величества] батальону) и числился в качестве адъютанта молодой Друбецкой.¹ Всем, особенно важным лицам, Борис очень нравился своей, как говорили, открытой и *distingué*² наружностью, скромностью, умением держать себя и добросовестностью исполнения поручений и точностью и элегантностью способа выражения. Гвардия, как и в первую войну, шла с праздника на праздник; в продолжение всего похода ранцы и часть людей везли на подводах. Офицеры ехали в экипажах со всеми удобствами жизни. Вся гвардия шла так, собственный батальон его величества шел еще роскошнее. Берг уже был старшим ротным командиром в батальоне и владимирским кавалером, на ¹ *На полях*: <Придворная косточка, танцевал в Бартенштейне, видел плот и прусского короля.

Ростов просит о Денисове. Борис наивно рассказывает о огорчении.>

Прежде Ростов с Перигором и гошпиталь.

² [изящной]

прекрасном счету у начальства. В Бартенштейне именно Борис явился к важному лицу, к которому у него была записочка от князя Волконского, и был взят в адъютанты и отделился от Берга, предвидя лучшую будущность. Надежды эти оправдались. То величие всего императорского двора, которое он видел только в коридоре Ольмюцкого дворца, он видел здесь в одной с собой зале. Он был приглашен на один из балов, которые давались прусским министром Гарденбергом и который удостоили своим присутствием император Александр и король. На этом бале Борис, красивый танцор, был даже замечен. И ему случилось танцевать с графиней Безуховой в то время, как государь подошел к ней и сказал ей несколько слов. Он танцевал с ней, а государь говорил с нею и отошел, ласково улыбнувшись на ее кавалера в то время, как им надо было начинать фигуру экосеза. Узнав, кто была эта красавица, которую замечал император, [Борис] попросил одного знакомого флигель-адъютанта представить его ей. Он воспользовался знакомством с к[нязем] В[асилием] для того, чтобы вступить с нею в разговор, и с своим природным тактом обошел разговор о ее муже. (Он чувствовал, не зная никаких подробностей, каким то инстинктом, что этого не должно было делать.) Элен осветила его всего своей улыбкой, той же улыбкой, которой она осветила и царя, она подала ему руку тотчас после того, как царь говорил с нею. Во время разговора царя с его дамой Борис отступил и не слышал разговора, хотя и никто не учил его так поступить. Он знал, что это нужно было сделать. Борис был всё время при государе, то есть в тех же городах и местечках, где был государь, и всё, что делалось в этом дворе, было его главным интересом и жизнью. Он был и [в] Юрсбург[e], когда получено страшное известие Фридландского поражения, послан в Петербург и потом на нашем берегу Немана в Тильзите при свидании двух императоров. Так как то лицо, при котором он состоял, не было при государе в самом Тильзите во время пребывания в нем императоров, а Преображенский батальон был в нем, то Борис откровенно признался, что он желал бы видеть это, и просил своего начальника отпустить его опять хоть на время во фронт, на что и получил согласие.

... Июля он приехал в свой батальон и принят был хорошо товарищами, с которыми он, как и с начальниками, умел ладить. Никто страстно не любил его, но все считали его приятным молодым человеком. Он приехал ночью — отзыв был дан:¹ *Napoléon, France, bravoure*,² в ответ на накануне данный отзыв Наполеона: *Alexandre, Russie, grandeur*.³ И это была первая новость, которую ему восторженно рассказал Берг. Берг показал ему дом, в котором был Наполеон, и так странно и радостно было испытывать близость того человека, которого близость была так ¹ *Зачеркнуто: Socrate, Sion, silence* [Сократ, Сион, молчание].

² Наполеон, Франция, храбрость,

³ Александр, Россия, величие.

страшна прежде. Борис видел все торжества и надеялся видеть Наполеона еще ближе, когда приехал к ним Ростов.¹

На другое утро к Бергу собрались офицеры, и Борис, бывший два дня тому назад свидетелем свидания, рассказывал подробности его. Борис говорил с своей всегдашней улыбкой, которая означала или легкую насмешку или умиление перед тем, что он видел, или радость, что он может это рассказать. Он рассказывал, как редко умеют рассказать, — с такою властью в голосе, что чувствовалось невольно, что всё, что он говорил, была только правда и то, что он видел, и с такою умеренностью красот и с таким отсутствием личных суждений, что его слушали молча. Чувствовалось, что он заявляет факты, отрешаясь от своих суждений.²

— Я был при N, — начал он. — Мы выехали рано утром. Государь изволил ехать верхом рядом с королем прусским. Государь был в преображенском мундире, в шарфе и андреевской ленте. Вы знаете эту деревню Обер-Маменшек Крук, тут корчма еще есть недалеко от берега? Государь вошел в корчму, сел подле окна и положил на стол шляпу и перчатки. Генералитет тоже вошел в корчму и все, как будто ожидая чего то, молча стояли около двери. Государь был, как и всегда, спокоен, только несколько задумчив. Я стоял у окна и мне всё видно было. Около четверти часа пробыли здесь, и [ни]кто, ни король, ни государь, никто из генералов не сказал ни одного слова.

Я пошел к берегу и, так как река не широка, как вы знаете, я не только рассмотрел павильоны на плотках с огромными вензелями А., Н., но и весь тот берег, который был закрыт сплошною толпою зрителей. Справа виднелась гвардия императора Наполеона (Борис называл так прежнего Буонапарте, еще и не зная о том, что по армии строго было запрещено с третьего дни называть Наполеона — Бонапартом. Он природным чутьем узнал, что так должно было поступать), и на том берегу видны были такие же приготовления. Вы понимаете, — с тонкой улыбкой сказал Борис, — что надобно было подумать и подумать, чтобы так устроить дело, чтобы ни один не приехал раньше другого, чтобы наш император не дожидался императора Наполеона и наоборот. И надо отдать справедливость, всё было устроено превосходно, превосходно, — повторил он. — Положительно, это было из самых величественных зрелищ, мира. Только что мы услышали на том берегу по наполеоновской гвардии крики: «Vive l'empereur!..»³

— Как их крик гораздо лучше нашего глупого ура, — сказал один из офицеров.

¹ *На полях:* Борис ему рассказывает.

Борис нежен и ласков, но Nicolas неловко.

Ростов озадачен величием Бориса и увлечен их веселием с франц[узскими] офицер[ами].

² *На полях:* <Рассказ о прусской королеве.> Ростов удивляется на его придворность.

³ Да здравствует император!

— Да, и вообще, какое необыкновенное устройство их гвардии. Нынче обещались к нам обедать два офицера французской императорской гвардии. Однако, продолжайте, Друбецкой.

— Ну-с, только что мы слышали на другой стороне крики и увидели скачущего на белой лошади императора Наполеона, как наш флигель-адъютант стремглав бросился к корчме: — едет, ваше величество!

Государь вышел, очень спокойно надел шляпу и перчатки и подошел к лодке. Отчалили они почти в одно и то же время. Но император Наполеон подплыл к плоту раньше. Он ехал стоя, с сложенными на груди руками. Надо признаться, он очень величественен, несмотря на свой малый рост. Но вид нашего государя поразил всех. Это необыкновенно, — с умилением проговорил Борис, — и вообще эта минута была столь величественна и трогательна, что кто видел все это, никогда не забудет.

Император Наполеон взошел раньше на плот, поспешно перешел его на другую сторону и, когда наш государь только выходил из лодки, подал ему руку. — На этом месте Борис остановился с тонкой улыбкой, как бы желая дать время слушателям оценить всю глубину значения этого обстоятельства.

— Но правда-ли это, — спросил один из слушателей, — что в то время, как императоры взошли в павильон, французская лодка с вооруженными солдатами выехала от них и стала между нашим берегом и плотом?

Борис поморщился, как бы давая чувствовать, что об этом обстоятельстве, действительно бывшем и виденном им, не следовало упоминать.

Он своим чутьем понял, что это было что то нехорошо. Хотел ли [Наполеон] в самом деле в случае неблагоприятного окончания переговоров погугать императора Александра, что он находился в его власти, или просто это была часть церемониала, хотя с нашей стороны и не было лодки, выехавшей на ту сторону плота, во всяком случае упоминать об этом не следовало и, хотя он очень хорошо видел лодку и даже задумался над ней, он сказал:

— Нет, не заметил, — и продолжал свой рассказ. — Были они в павильоне, — сказал он, — ровно час и 52 минуты. Я смотрел на часы. Потом мы видели с берега, как они позвали господ своей свиты и представляли их друг другу. Потом государь изволил тем же путем вернуться, сел в коляску и с прусским королем поехал назад в Амт Баублен. Тут то, господа, видишь, — продолжал Борис, — всё истинное величие, когда мы невольно сравнивали нашего государя с прусским королем, — только сказал Борис. Но другие офицеры подхватили:

— Говорят, король прусский решительно не мог преодолеть себя во время свидания; он был, как сумасшедший: ездил по берегу без всякой цели, то направо, то налево, всё как будто прислушивался к тому, что там говорится, и под конец совсем, как 640

помешанный, поехал прямо в воду, утопиться верно хотел. Он по брюхо лошади, говорят, въехал в воду и¹ остановился. Ты видел, Друбецкой?

— Нет, не заметил.

— Но, однако, его положение ужасно, — сказал еще другой офицер, — говорят, его жена, королева Амалия, приехала.

— Как хороша! Я ее видел вчера, — сказал Берг. — По моему даже лучше Марии Федоровны. Она вчера обедала у императора Наполеона.

— Ежели бы я был Наполеоном, я бы ни в чем не отказал ей.

— Да, ежели бы и она ни в чем не отказала ему, — сказал другой офицер.

— Ну, это само собою разумеется.

Офицеры, исключая Бориса, засмеялись.

— Да это и я бы на месте прусского короля с горя бы в реку заехал. Плохо его дело!

Борис, слегка нахмурившись, своим выражением показал, что он считает неприличным даже между товарищами такой разговор о союзнике и коронованной особе, и поспешил переменить разговор.

— Да, господа, — сказал он, — величие души не дается с короною. Для государя Александра удар, нанесенный Фридландским несчастьем, я думаю, был не легче, чем удар, нанесенный прусскому королю, но надо было видеть, с каким мужеством, с какую твердостью он перенес это.

И Борис рассказал своим внимательным слушателям впечатление, произведенное в Юнсбурге известием о Фридланде, и в его рассказе видно было, что весь интерес этого события сосредоточивался в одном впечатлении, произведенном им на императора Александра, императора, принесшего столько жертв, перенесшего столько трудов, рассчитывающего на то, что армия его находится в блестящем положении, ожидающего известия о победах, пожертвовавшего своей личной славой, устранившегося от командования только для успеха дела, и вдруг, вместо известия о победе, получающего известие о совершенном поражении, в котором виноваты и главнокомандующие, и генералы, офицеры и солдаты, и которое, лишая государя всех плодов его деятельности, изменяет все его планы и до глубины души огорчает его. Что же сделал государь? Он своей ангельской кротостью и величием души не велел казнить всех преступников. Он только огорчился и, обдумав свое положение, принял новые меры. Борис с таким истинным убеждением говорил всё это, что вполне заставил своих слушателей разделять свое убеждение.²

¹ *Зачеркнуто*: ежели бы его не остановили, бог знает, что бы было.

² *Зач.*: Борис всё время Тильзитского свидания жил в городе с Бергом, не раз близко встречался с Наполеоном, государем, Константином Павловичем и свел искреннюю дружбу с некоторыми гвардейскими французскими офицерами, но ни в один день он так близко не видал Наполеона, как 27 июня, когда оба императора обменялись орденами почетного легиона

В это время приехал Николай Ростов к Борису. Появление армейского гусара в штатском платье, очевидно тайно приехавшего в Тильзит, его дружеские приветствия Борису неприятно подействовали на офицеров, но Борис радушно принял старого товарища. Он воздерживался от излишних чувств, но спрашивал, не хочет ли он чаю, обедать или спать. Офицеры разошлись.

— Ну, я очень рад, что ты приехал в это время, ты увидишь много интересного. Ты знаешь, император Наполеон обедал нынче у государя.

— Бонапарт?

— Ах ты, деревенщина. Император Наполеон, а не Бонапарт,— с улыбкой сказал Борис. — Разве ты не знаешь, что мир, что было свиданье?

— Ничего не знаю. А ты видел?

— Как же, я тут был. — Ростову было неловко с своим прежним другом. Он пообедал и лег спать.

На другое утро оба бывшие приятеля пошли на смотр. Борис во фронт, Nicolas во фраке. Он протеснился [настолько], что близко стоял.

Ростов попал в Тильзит в день, менее всего удобный для беседы с другом Борисом и для подачи бумаги Денисова. Самому ему нельзя было, так как он был во фраке и без разрешения начальства приехал в Тильзит, но и Борис, которого он просил об этом, не мог сделать этого в этот день, 27-го июня. С утра разнеслось известие, что мир заключен, что императоры переменились орденами, андреевским и почетного легиона, и что будет обед Преображенскому батальону, его угасивает батальон французской гвардии. Борис вышел с раннего утра с батальоном. Ростов пошел бродить по городу. В 11-м часу он вышел на площадь, разделявшую две улицы, в которых жили императоры. На площади стояли преображенцы и французская гвардия. Из соседней улицы выбежал махальный, батальоны стали строиться, и Ростов увидел скачущую ему навстречу, столь знакомую, страстно любимую фигуру императора Александра, счастливую, веселую.¹

Император Александр был в звезде почетного легиона, он смотрел вперед и улыбался. В первую минуту заблуждения Nicolas показалось, что это ему он улыбается, и он испытал минуту и андреевской ленты. В этот самый день Н. Ростов частью по делам, частью из любопытства, переодетый в штатское платье, приехал в Тильзит и остановился у Бориса.

После фридландского несчастья Н. Ростов оставался старшим офицером в эскадроне, эскадрон только по имени, так как конных солдат у него было всего 60 человек. Они стояли недалеко от Немана. Весть о мире уже дошла до них, провианту стало достаточно и офицеры уже поговаривали об отступлении в Россию.

¹ *На полях:* Ему вспомнился Перигор, Фридлянд, гошпиталь. Он написал записку: «мы <слишком> различны, нам надо разойтись» и уехал, как будто Борис был виноват в чемнибудь.

(Письмо Сони. Она утешает Nicolas, просила писать).

счастья, но Александр смотрел дальше. Ростов оглянулся по направлению его взгляда и увидел также скачущего человечка в шляпе без пера, в мундире полковничьем и андреевской ленте. Он догадался, что это был Наполеон.¹ Это не мог быть никто другой: впереди свиты, маленький, горбоносый, подъехавший к Александру, и взявшись рукой за шляпу; он не верил, что это был Наполеон Бонапарт, Аустерлицкий победитель, так близко он его видел, так человек он был, так плохо даже он ездил и сидел на лошади (что бросилось в глаза кавалеристу). Где же величие? Человек, как мы все грешные... Но в этих рассуждениях Ростова чуть не сбили с ног жандармы, отгонявшие толпу. Он едва успел пробиться к Преображенскому батальону, где стояла толпа, и ежели бы не Борис покровительствовал ему, его бы отогнали. Борис вывел его из толпы и поставил его подле первой шеренги еще с двумя штатскими господами, стоявшими тут. Один был дипломат, другой англичанин.

Всё время, как его толкали и устанавливали, он всё смотрел на своего героя и следил с удивлением и волнением за их отношениями с Бонапартом. (Для Nicolas это был всё Буонапарт, еще больше Буонапарт после Перигора.) Ростов видел, как поговорив, пожав с улыбкой друг другу руки (его оскорбляло, что Наполеон, ему все казалось, что Наполеон и всякий француз — учитель или актер, жмет руку нашего государя), (улыбка Наполеона была неприятно притворна, Александра — ласкова и светла)

* № 89 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. III—IV).

Pierre,² приехав в Петербург, никого не известил о своем приезде, никуда не выезжал и целые дни проводил за чтением³ масонских книг, доставленных ему его⁴ торжковским знакомым, Иван Никитичем Нарымовым, одним из известнейших масонов того времени. Через неделю после его приезда,⁵ молодой польский граф Вилларский, которого Pierre поверхностно знал по высшему петербургскому свету, вошел вечером в его комнату с тем официальным и торжественным видом, с которым входил к нему секундант Долохова.

¹ *На полях рукописи во второй редакции:* Ростов не смеет разочароваться, но спутан и наблюдает: Александр — человек, Наполеон — итальянский певец.

² *Зачеркнуто:* всё это время никого не видел, кроме итальянца,

³ *Зач.:* доставленных ему масонских книг, перейдя от состояния апатии к страшному любопытству узнать, что же такое было это масонство. Он был принят в 1-ю степень братства и этот прием его оставил в нем сильное, торжественное, незабываемое впечатление. Братом поручителем был итальянец. В назначенный день он заехал за Рieгг'ом и повез его на Литейную улицу, где находилась ложа.

⁴ *Зач.:* новым другом

⁵ *Зач.:* в назначенный день Иван Никитич, взявший на себя обязанность поручителя для введения Рieгг'а в первую ученическую степень братства, заехал за Безуховым.

— Я приехал к вам с предложением и поручением, граф, — сказал он ему, не садясь. — Особа, очень высоко поставленная в нашем братстве, ходатайствовала о том, чтобы вы были приняты в братство ранее срока, и предложила мне быть вашим поручителем. Я за священный долг почитаю исполнение воли этого лица и потому я здесь, чтобы спросить о вашем желании... Желаете ли вы вступить, за моим поручительством, в братство свободных каменщиков?

Холодный и строгий тон человека, которого почти всегда на балах, в обществе самых блестящих женщин встречал Pierre, и тон благоговения, с которым он говорил про Нарымова, поразил Pierr'a.

— Да... да, я желаю, — сказал Pierre, детски наивно глядя в глаза Вилларского. Вилларский наклонил голову.

— Еще один вопрос, граф, — сказал он, — на который я вас, не как будущего масона, но как честного человека (*galant homme*), прошу вас со всею искренностью отвечать мне: отрелись ли вы от своих прежних убеждений — верите ли вы в бога?

Pierre задумался.

— Да... да, я верю в бога, — сказал он, сам не зная в ту минуту, как он произносил эти слова, говорил ли он правду или нет.

— В таком случае мы можем ехать, — сказал Вилларский. — Карета моя к вашим услугам. — Всю дорогу Вилларский молчал и на лице его Pierre видел торжественность, вызывавшую в нем¹ попеременно то такое же чувство торжественности,² то необходимости протеста на[д] этой торжественностью и желание посмеяться над самим собою. На вопросы Pierr'a, что ему нужно делать и как отвечать,³ Вилларский сказал только, что братья, более его достойные, испытают, будут спрашивать его и что Pierr'у больше ничего не нужно, как говорить правду.⁴ Въехав в ворота большого дома, где было помещение ложи, и пройдя по темной лестнице, они вошли в освещенную, небольшую прихожую, где без помощи прислуги сняли шубы.⁵

¹ *Зачеркнуто*: в равной степени

² *Зач.*: и насмешки, между которыми он сомневался [и] колебался

³ *Зач.*: <эксаббату> Иван Никитич отвечал

⁴ *Зач.*: и быть вполне человеком.

⁵ *Зач.*: Pierre был введен в уборную, где итальянец снял с него фрак, открыл рубашку на левой груди, поднял штанину выше левого колена и, сняв с него левый сапог, дал ему на левую ногу туфлю. Pierre слабо улыбался в начале раздеванья, но сосредоточенный, неподвижный вид итальянца невольно остановил на лице его улыбку. Окончив раздеванье

<Из передней они прошли в небольшую комнатку, где Иван Никитич попросил его раздеться. Иван Никитич подошел к Pierr'у, снявшему уже фрак и жилет и, разорвав его рубашку спереди, обнажил его левую грудь, нагнувшись, засучил ему штанину выше левого колена и снял с него левый сапог. Когда Pierre, желая предупредить его, хотел то же сделать с своей правой ногой, Иван Никитич сказал, что это не нужно.>

Какой то человек в странном одеянии показался у двери и Вилларский, выйдя к нему навстречу, что то тихо и повелительно сказал ему¹ по французски.² Риегге хотел [улыбнуться] насмешливо, [но] кротко улыбался. Вилларский имел неподвижно строгий и торжественный вид.³ Вилларский подошел к небольшому шкафу, в котором Риегге заметил различные, невиданные им одеяния, взял⁴ платок, сложил его, наложил его на глаза Риегг'у и завязал узлом сзади, больно захватив в узел его волоса. Потом он пригнул его к себе, поцеловал и, взяв за руку, повел куда то.

Риегг'у было больно от притянутых узлом волос и ему было совестно: он боялся, что всё то, что он делает, — ни к чему не нужно; он морщился от боли и улыбался от стыда. Огромная фигура его с опущенными руками,⁵ неверными, робкими шагами⁶ и с сморщенной и улыбающейся физиономией была так странна, что даже⁷ Вилларский долго и пристально посмотрел на него.

Проведя его шагов⁸ десять за руку,⁹ Вилларский остановился.

— Когда¹⁰ вы услышите стук в двери, вы развяжете себе глаза, — сказал он. — Желаю вам мужества и успеха. — И, пожав руку Риегг'у,¹¹ Вилларский вышел.¹² Оставшись один, Риегге продолжал все так же улыбаться. Раза два он пожимал плечами, подносил руку к платку, как бы желая снять его, и опять опускал ее. Пять минут, которые он пробыл с завязанными глазами, показались ему часом. Руки его отекали, ноги подкашивались. Ему казалось, что он устал. Он хотел уже снять повязку, не слыша никакого звука, кроме шума колес по мостовой, и решив в своем уме, что всё это была шутка, над которой будет смеяться,¹³ когда в дверь ¹ *Зачеркнуто*: своим басистым голосом

² *На полях*: указав Риегг'у на стул

³ *Зач.*: Иван Никитич

⁴ *Зач.*: приготовленный платок и, поднявшись на цыпочки, завязал им

⁵ *Зач.*: и обнаженной, пухлой грудью

⁶ *Зач.*: обутой и разутой ногой

⁷ *Зач.*: Иван Никитич

⁸ *Зач.*: 100, несколько раз поворачивая его

⁹ *Зач.*: Иван Никитич

¹⁰ *Зач.*: ты услышишь

¹¹ *Зач.*: Иван Никитич

¹² *Зач.*: неслышными шагами и Риегге остался один. Через пять минут он услышал стук и развязал себе глаза. В комнате, темной, на черном столе лежал череп, горела лампадка и лежало открытое Евангелие. Подальше стоял гроб с костями. Комната была обита черным. Риегге, как ему показалось, более двух часов пробыл один в этой комнате, смутно слыша дальний говор где то за стеной.

Мертвая голова, гроб, кости, черная материя, которою обита была комната — не произвели никакого впечатления на Риегг'а. Он ходил, рассматривая эти вещи, ощупывая их и заботясь о том только, чтобы, рассмотрев кости, уложить их назад в том же порядке, в каком они лежали.

¹³ *Зач.*: сам Иван Никитич

послышались¹ сильные удары. Pierre снял повязку и, улыбаясь и покачивая <головой>, оглянулся вокруг себя. Горела одна лампадка в чем то белом на черном столе и свет лампы ярче всего освещал раскрытую книгу.² Книга была Евангелие, белое, в чем горела лампадка — был череп с крест на крест положенными перед ним костями. Рассмотрев голову и пощупав ее, и прочтя несколько слов Евангелия, Pierre обошел стол и увидел еще большой ящик, полный костями. Осмотрев ящик, пощупав кости и бархат, которым был обит гроб, Pierre обошел все стены, пощупал их. Они были обиты какой то черной материей. Pierre³ раскрыл пальцем складки и⁴ пощупал штукатуренную стену, потом он присел на гроб с костями и гроб покачнулся от его тяжести и кости в нем переменили положение. Pierre старательно опять уложил их так, как они были. Ему скучно было и более всего страшно было, что его надежда — найти объяснение жизни в масонстве — окажется тщетной.⁵ Он подошел к столу и стал читать в раскрытой книге первые слова первой главы Евангелия от Иоанна: «В начале бе слово. И слово бе к богу и бог бе слово». Он задумался над этими словами в первый раз, стараясь найти тот смысл, который заключался в них. И то представлялся ему глубокий, невыразимый словами, смысл, то опять всё терялось и сливалось в выражения, не имеющие определенного значения. В середине его задумчивости, которая он не знал, как долго продолжалась, дверь отворилась и⁶ кто то вошел. При свете лампы, слабо освещавшей только середину фигуры вошедшего, Pierre не мог рассмотреть его лица. Вошедший был худой человек высокого роста. Он подошел к столу и, положив на него белые, небольшие руки, очевидно в темноте, к которой он еще не привык, отыскивал Pierr'a. Pierre поспешил ¹ *Зачеркнуто*: три размеренные удара

² *Зач.*: и что то белое, костяное

³ *Зач.*: посмотрел в складки

⁴ *Зач.*: посмотрел

⁵ *Зач.*: Он опять колебался между насмешкой и воспоминанием того торжественного, десять лет убежденного и успокоенного лица, с которым раздевал его итальянец. Он ощупывал рассеянно складки черной материи, которой обита была комната, когда дверь

⁶ *Зач.*: тихо вошел высокий человек в странной одежде и фартуке.

Pierre не мог рассмотреть его лица при слабом свете лампы. Это живое лицо в странном одеянии, молчаливо и торжественно вошедшее в комнату, возбудило уважение в Pierr'e, религиозное чувство к тому, что он видел вокруг себя.

«Всё это, однако, не шутка», подумал он. Это был, в масонстве называемый, брат ритор.

В то время как, с видом уважения к себе и к тому, что он делал, вошел этот человек, и вопрос в душе Pierr'a о том, нужно ли смеяться или верить тому, что здесь происходит, был решен в пользу последнего, ритор подошел ближе и, молча, в слабом свете лампы остановился пред Pierr'ом. <Pierre узнал в нем действительного статского советника Титова, которого он видел в Петербурге и знал за человека весьма серьезного и всеми уважаемого. Последний раз он видел Титова в

«Каким образом станет говорить этот человек со мной», думал Pierre. «Неужели он не засмеется?»

подвинуться к нему¹ и старался рассмотреть его лицо. Это был лет тридцати пяти белокурый, белолицый человек с ясными, светлыми и безжизненными глазами. Он был одет в белом кожанном фартуке, прикрывавшем его грудь и часть ног; на шее было надето что то в роде ожерелья² и из за ожерелья выступал высокий белый жабо, окаймлявший низ его³ продолговатого лица. Это был так называемый брат ритор, посланный от ложи для приуготовления к вступлению вступающего в ложу или *ищущего*, как назывался на масонском языке тот, который вступал в ложу, до тех пор, пока он не выведен был из черной храмины.⁴

Лицо его было поразительно бледно (может быть таким оно показалось Риегг'у при свете лампы).

— Для чего вы пришли сюда? — спросил⁵ ритор с легким немецким акцентом, еще не рассмотрев в темноте собеседника, но по шороху, сделанному Риегг'ом, обращаясь в его сторону. Риегге испытывал чувство, похожее на то, которое испытывает человек на исповеди.

Он чувствовал себя вне всех условий жизни, с глазу на глаз с чужим по условиям жизни и с близким, по братству людей, человеком. Риегге не отвечал. Он искал выражения, которое бы вполне передало его мысль и чувство.⁶

— Для чего вы, неверующий в истины света и не видящий света, для чего вы пришли сюда? Чего хотите вы от нас? премудрости, добродетели, просвещения?

— Да, я⁷ хочу истины, — сказал Риегге, дрогнув голосом. Ритор опустил голову в знак удовлетворения и помолчал.⁸

— Имеете ли вы понятие о средствах, которыми наш орден поможет вам в достижении вашей цели?

Пьер подумал.

— Да, но весьма неопределенные, — сказал он.

— Какое понятие вы имеете о вольном каменщичестве?

— Иногда я думаю, что это есть истина, иногда я думаю, что Но Титов не только не засмеялся, но Риегге заметил, что лицо его весьма взволновано.>

Это был тот самый итальянец аббат, которого он два года тому назад на вечере Анны Павловны

¹ *Зачеркнуто*: еще прежде, чем тот заговорил, узнал его. Это был тот самый итальянец, которого он два года тому назад встретил у Анны Павловны и не видал с тех пор.

² *Зач.*: на руках были перчатки

³ *Зач.*: сухого

⁴ *На полях*: Ритор немец, только форм[альности].

⁵ *Зач.*: <Титов> аббат с французским

⁶ *Зач.*: — Говорите всё, что вы думаете

⁷ *Зач.*: одного желаю, — сказал Риегге, чувствуя, как голос его задрожал. — Я желаю знать, что есть добродетель, чтобы исполнять ее законы — сказал он приговоренным им ответом. И в ту минуту, как он произнес эти слова, он почувствовал, что <Титов> аббат

⁸ *Зач.*: Риегге отгадывал в лице его признак сомнения в разумности того, что он говорил, но на лице старого человека было только выражение строгой торжественности.

это есть обман, которому невольно подчиняются те, кто его составляют, — сказал Pierre и взглянул на¹ масона, боясь, не оскорбил ли он его. На лице ратора не выразилось ни малейшего волнения при этом ответе. Он, видимо, вполне удовлетворился² им.

— Искали ли вы средства к достижению своей цели в религии?³

— Нет. Я считал ее несправедливою и не следовал ей, — отвечал Pierre⁴ и опять не мог превозмочь дрожания голоса.⁵ Ритор опять нагнул голову.⁶

— Вы ищете истины для того, чтобы следовать в жизни ее законам; вы ищете премудрости и добродетели, не так ли? — спросил он.

— Да, — отвечал Pierre.

На белом лице⁷ ратора выразилось волнение смущения.⁸ Он опустил голову, сложил руки перед грудью и задумался.

— Теперь я должен открыть вам главные цели нашего ордена, — сказал он, подняв голову, — и ежели цель эта совпадает с вашею, то вы с пользою вступите в наше братство.

1. Главнейшая цель и, купно, основание нашего ордена, на котором он утвержден и которого никакая человеческая сила не может низвергнуть, — говорил он тихим и ровным голосом, — есть сохранение и предание потомству некоторого важного таинства от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства, может быть, судьба человеческого рода зависит.⁹

Но как сие таинство такого свойства, что никто не может его знать и им пользоваться, естли долговременным и прилежным очищением самого себя не приуготовлен, то не всяк может надеяться скоро обрести его.¹⁰ И мы имеем вторую цель, которая состоит в том, чтобы приуготовлять наших членов, сколько возможно исправлять их сердце, очищать и просвещать их разум теми ¹ *Зачеркнуто*: <Титова> аббата

² *Зач.*: этим ответом и сделал <следующий> пятый вопрос о том, почему он не

³ *Зач.*: и гражданских законах и следовали ли им?

⁴ *Зач.*: как на исповеди, с дрожанием голоса

⁵ *Зач.*: <Титов> аббат

⁶ *Зач.*: в знак согласия.

— В чем же полагаешь ты премудрость и добродетель? — спросил аббат.

— В знании добра и следовании ему, — отвечал Pierre.

⁷ *Зач.*: <Титова> аббата

⁸ *Зач.*: — Потрудитесь раздеться, граф, — [сказал] он ему тихо и начал говорить, сначала запинаясь, а потом твердо.

⁹ *Зач.*: доколе бог благоволит, ко благу человечества, открыть оное всему миру.

¹⁰ *Зач.*: Орден наш можно уподобить благоустроенному воинству, где всяк, по мере усердия и ревности, восходит к высшим чинам. Начальники ведают расположение и тайну войны, но нижние чины и простые воины обязаны токмо повиноваться и не могут знать сего таинства.

Для сего в ордене нашем число хранителей сего важного таинства всегда было ограничено.

средствами, которые нам преданием открыты от мужей, потрудившихся в искании сего таинства, и тем учинять их способными к восприятию оною.

Следственно, естли и не достигают члены наши до познания сего таинства, однако самое стремление их уже приносит им важную пользу, приближая их к совершенству.

Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся, в третьих, исправлять и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели,¹ и тем стараемся всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире.² — Ритор остановился. — Подумайте об этом³ и вскоре я опять приду к вам, — сказал он и вышел из комнаты.

«Таинство?» думал Pierre, оставшись один и, облокотившись на стол, рассеянно глядя на раскрытую книгу Евангелия. «Таинство? Некое важное таинство? В начале бе слово, и слово бе к богу, и бог бе слово. Вот оно таинство, объясняющее все последующее. Но кто мог проникнуть это таинство? Надо поверить ему. А я не верил и что же я узнал? Я узнал то, что жизнь моя не имеет смысла и цели, что смерть есть такая же неизвестность, как и самая жизнь». Весь ход его мучительных мыслей, не приводивших ни к какому решению, вдруг поднялся в нем и он, с ужасом чувствуя, что опять поворачивается этот свинтившийся винт, стал вспоминать то, что говорил ему белокурый человек в фартуке.

«Для познания таинства мы очищаемся», повторил он себе смысл его слов. «Очищаясь, мы исправляем себя и других и искореняем зло, царствующее в мире. Есть таинство, потому что вытекающая из него деятельность есть правда. И я верю в него и желаю проникнуть это таинство». Через полчаса вернулся ритор и тем же спокойным тоном и языком передал ищущему те семь добродетелей, соответствующих семи ступеням храма Соломона, которые должен был воспитывать в себе каждый масон.

— Во-первых, — сказал он, — по существу главного нашего намерения, мы имеем нужду скрывать наши тайности, то есть наши обряды, образ правления и проч.⁴ И потому вы должны обещать нам наблюдать *скромность*, как словами, так и делом, во всем том, что хотя мало касается до нашего общества,⁵ во вторых, ¹ *Зачеркнуто*: сей убедительнейший способ научения, ибо пример сильнее всех увещаний действует в сердце человеческом.

² *Зач.*: Сии суть главнейшие цели нашего общества: если вы найдете в них и вашу цель, вы с пользою вступите в наш орден.

³ *Зач.*: и, сказав это, он вышел. Через несколько времени, во время которого Pierre опять рассеянно перебирал кости, раздумывая о том, как справедлива была цель ордена, стремящегося искоренить царствующее зло мира, и как естественно, значительно долженствующее указать путь человеку, ритор опять вошел и, спросив, обдумал ли Pierre сказанное ему, сказал ему следующее:

⁴ *Зач.*: Не говорю я и о таинствах, ибо оных никто не может никому открыть: они, яко таинства, тайно сообщаемы бывають от того, кто имеет власть и силу сообщать оные.

⁵ *Зач.*: Естли со вниманием разберем мы сию добродетель, то увидим, что скромность в нашей жизни сохраняет нас иногда от всяких бед и несчастий.

вы должны обещать полное *повиновение* и подчиненность обществу, рассеянному по всему лицу земли, в третьих, так как наша цель состоит в том, чтобы исправлять самих себя, а своим примером и прочих, вне нашего общества находящихся, приводить к познанию добродетели,¹ вы должны обещать всегда строго наблюдать все правила честности, правды и благопристойности, т. е. добронравия. Наш орден есть средняя линия между религией и гражданским законом. Тот, кто с нами соединился, обязан все должности, налагаемые на него духовною и светскою властью, исполнять во всей точности, а не по единой токмо наружности.

В 4-х, вы должны обещаться, более чем самого себя, любить человечество и своих братьев. Это есть столп² нашего общества.³ Человек, которого все помышления и деяния имеют душою сию изящнейшую добродетель, бывает мужествен в своих предприятиях, тверд в исполнении оных; грозный вид тирана, муки и все злосчастия не колеблют его душу. Вы должны стараться возрождать и усиливать в душе вашей сие благородное чувство и учинить его основанием всех ваших деяний.⁴

В 5-х, вы должны быть мужественны; ибо тот только прямо добродетелен, кто непрестанно, во всех действиях, старается противиться злу.⁵

Вооружиться мужеством и быть готовым переносить всякое зло, сопряженное с достижением добродетели, ибо без мужества никто да не льститися проникнуть тайнства нашего ордена.⁶

Нескромность часто имеет ужаснейшие следствия, нежели всякой другой порок.

Повиновение.

Общество наше, не имея гражданского права наказаниями или другими какими насильственными средствами приводить своих членов к повиновению, требует добровольного согласия на оное от всякого вступающего члена. Никакое общество не может стоять без подчиненности, тем паче наше, рассеянное по всему лицу земли, имеет нужду в строгом наблюдении правил подчиненности.

Добронравие.

¹ *Зачеркнуто:* Следственно, всякой наш член обязан

² *Зач.:* не только

³ *Зач.:* но и самой религии. Она подобна животворному бальзаму, разливающему в душе человеческой силу, крепость и сладкое успокоение.

Она делает нас любезными богу и людям.

⁴ *Зач.:* Постоянность

⁵ *Зач.:* Тот только может надеяться достигнуть своей цели, который при начале своего предприятия решаетя преодолевать все затруднения, препятствия, скуку. Ежели сердце ваше одобряет ваше предприятие вступить в наше общество, то вы должны с сей минуты решиться переносить все беспокойства, с какими сопряжен путь к добродетели, не совращаться с оного никакими соблазнами, никакими огорчениями, никакими обманчивыми и лестными видами.

⁶ *Зач.:* Щедрость или бескорыстие.

Сия добродетель есть драгоценное украшение нашего ордена, каждого брата и каждого честного человека. Она есть первый знак благородной и высокой души. Низкая и подлая только душа внимает бесчувственно воплю несчастного угнетаемого убожеством, или хотя и дает ему некоторую помощь, но токмо из тщеславия, для похвалы и с внутренним нехотением.

В 6-х, вы должны быть бескорыстны и щедры и ничего не жалеть для помощи своим братьям.

В 7-х, старайтесь частым помышлением о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вам более страшным врагом, но — другом, который освобождает от бедственной сей жизни в трудах добродетели томившуюся душу, для введения ее в место награды и успокоения.¹ Сказав это, ритор, спросив у Pierr'a его шляпу и шпагу и взяв их с собою, опять вышел.

Оставшись опять один, Pierre, загибая по пальцам, вспоминал все семь добродетелей и живо представлял себе наслаждение, вытекающее из соблюдения их. Повиновение, в особенности повиновение — для него, не знавшего, куда употребить свою свободу, представлялось ему соблазнительным. Повиноваться тому или тем, которые знают таинство истины, иметь возможность всегда спросить и поверить свой путь — представлялось ему таким счастливым состоянием, что он уже не сомневался более в знании их того некоего таинства, которое было открыто людям от древних веков и даже от первого человека.

В третий раз ритор вернулся скорее и, спросив Pierr'a всё ли он тверд в своем намерении и получив утвердительный ответ, сказал:

— Орден наш учение свое преподает не словами токмо, но иными средствами, которые на истинного искателя мудрости и добродетели действуют, может быть, сильнее, нежели словесные токмо объяснения. Сия храмина убранством своим, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, более, нежели слова; вы увидите, может быть, и при дальнейшем вашем принятии подобный образ изъяснения. Орден наш подражает древним обществам, которые открывали свое учение иероглифами.

— Когда вы с откровенным сердцем и с должным уважением к великости той цели, для коей вы желаете быть приняты, будете взирать на всё то, что с вами происходит будет, то, может быть, вы уже не те от нас выдете, каковы пришли.²

— Иероглиф есть назнаменованье какойнибудь, не подверженной чувствам нашим, вещи, чрез представление вещи, подверженной чувствам, которая содержит в себе подобные качества. Но, да отличится истинная щедрость, происходящая из благородного побуждения человеколюбия, от расточительности, которая часто подобна бывает щедрости, хотя источник ее есть некоторая леность, ветренность и безрассудность.

Любовь к смерти.

Непрестанное о смерти размышление учиняет нас неустрашимыми, укрепляет наш дух к понесению всех трудностей, кои встретиться могут на пути добродетели.

¹ *Зачеркнуто*: Всем сердцем Pierre подтверждал каждое из требований, заявлявшихся ему. Он находил их в своем сердце. Опять ушел ритор и в третий раз пришел и сказал:

² *Зач.*: НЗ Ежели ищущий не знает, что такое иероглиф, можно подать ему следующее объяснение:

изобразуемой.¹ Изъяснение иероглифами необходимо потому... — Ритор остановился, видимо не находя искомых слов для объяснения, но Pierre, уже вполне понимавший мысль, попытался сам объяснить ее.

— Я понимаю, — сказал он, изредка вставляя в свою речь французские слова, — что словом может быть объяснено только ограниченное понятие, словом может быть объяснена только одна сторона предмета и только представлением подобного предмета можно выразить все стороны предмета. Слово недостаточно... и мне кажется, что словом никогда не может вполне владеть человек, потому что сказано, что слово бе к богу...

Ритор сделал движение рукой, чтобы остановить речь Pierr'a.

— Позвольте, — сказал он строго. — Ежели вы тверды, то я должен приступить к испытаниям. В знак щедрости, прошу вас отдать мне все драгоценные вещи.

Pierre не понял.

— То есть что же я отдам?

— То, что на вас есть — часы, деньги, кольца...

Pierre поспешно достал кошелек, часы и долго не мог снять с жирного пальца обручальное кольцо. Когда это было сделано, ритор сказал:

— В знак повиновения, прошу вас раздеться.

Pierre снял фрак, жилет и левый сапог, по указанию ритора. Ритор разорвал рубашку на его левой груди и, нагнувшись, нежной белой рукой поднял его штанину на левой ноге выше колена.

Он поспешно хотел снять и правый сапог и засучить панталоны, чтобы избавить от этого труда незнакомого ему белокурого человека, но ритор сказал ему, что этого не нужно и подал ему туфлю на левую ногу. С детской улыбкой стыдливости, сомнения и насмешки над самим собою на большом, толстом лице, Pierre стоял, опустив руки и расставив ноги, перед ритором, ожидая его новых приказаний. Лицо ритора было так же внимательно, холодно и строго.

— И наконец, в знак чистосердечия, я прошу вас открыть главное ваше пристрастие, — сказал он.

— Мое пристрастие — порок мой? — повторил Pierre. — У меня их *было* так много, — сказал он. Ему казалось теперь, что пороки его прежде были в нем, а теперь их нет более, — так радостна ему была мысль обновления и исправления.

¹ *Зачеркнуто*: И так для познания изображаемой вещи и ее качеств надлежит познать все свойства вещи изображаемой.

В знак щедрости отложите все драгоценности и металлы. В знак повиновения вы снимали платье и вам завязывали глаза. Теперь вы должны объявить мне свое главное пристрастие.

Pierre задумался и долго искал его.

— Женщины! — наконец сказал он с слабой улыбкой, сейчас же замершей.

Теперь Pierre чувствовал себя вполне масоном и ни на мгновение не сомневался в таинстве, которое ему должно было открыться.

С шпагою. у оголенной груди, с завязанными глазами он был введен в ложу.

— То пристрастие, которое более всех других заставляло вас колебаться на пути добродетели, — сказал ритор. Pierre помолчал, отыскивая: «Вино? Объяденье? Женщины? Праздность? Лениность?¹ Горячность? Злоба?»

— Женщины, — сказал он тихим, чуть слышным голосом, с той же детской улыбкой.

Ритор не шевелился и не говорил долго после этого ответа. Наконец он подвинулся к Pierre'у, взял лежавший на столе платок и опять завязал ему глаза.

— Последний раз говорю вам: обратите всё ваше внимание на самого себя, наложите цепи на свои чувства и ищите блаженства не в страстях, а в своем сердце. Источник блаженства не вне, а внутри нас...

И Pierre в эту минуту уже чувствовал в себе этот освежающий источник блаженства.

Скоро после этого в темную храмину пришел за Pierre'ом уже не белокурый, а поручитель Вилларский, которого он узнал по голосу. Вилларский застал нового масона с кроткой, детской улыбкой на лице, с завязанными глазами, с открытой, широкой и выпуклой грудью и одной обутой и разутой ногой. На новые вопросы о твердости его намерения Pierre отвечал — да, да, согласен, — и с тою же сияющей улыбкой пошел вперед, с приставленной Вилларским к его обнаженной груди шпагой, из комнаты по коридорам, где его водили взад и вперед, и до дверей ложи. Вилларский кашлянул, ему ответили масонскими стуками молотков и Pierre был введен и ему сделал чей то басистый знакомый голос (глаза его всё были завязаны) вопросы о том, кто он, где, когда родился и т. п. Потом его опять стали водить с завязанными глазами и при том говорить ему аллегории о трудах его путешествия, о священной дружбе, о предвечном строителе мира, о мужестве, с которым он перенес труды и опасности, и называли его при этом то ищущим, то страждущим, то требующим, и различно стучали молотками и шпагами, и изредка шептали, очевидно поправляя неправильности в приеме. Потом взяли его правую руку, положили на что то, а левою велели ему приставить циркуль к левой груди и заставили его, повторяя слова, которые читал другой, прочесть клятву верности законам ордена. Потом потушили свечи, зажгли спирт, как это слышал по запаху Pierre, и сказали, что он увидит малый свет. С него сняли повязку и он увидел в слабом свете спиртового огня, что пять или шесть человек в таких же фартуках, как и те, стояли против него и держали шпаги, направленные в его грудь. Pierre'у не было страшно, он знал, что вреда ему не сделают, но ему было совестно. Он заметил одного старичка беззубого и с выдавшейся челюстью, которого рука тряслась, держа шпагу.² Ему тотчас же стали надевать опять повязку. Но он заметил еще одного человека в белой рубашке ¹ *Зачеркнуто*: Мстительность?

² *Зач.*: и который в это самое время удерживал звание

с красными пятнами. Потом опять зажгли свечи, сказали, что ему надо видеть полный свет, и опять сняли повязку и более десяти голосов вдруг сказали: *sic transit gloria mundi*.¹ И тут только он увидел комнату, где он был, и находившихся в ней людей. Вокруг длинного стола, покрытого черным, сидело человек двенадцать людей всё в тех же одеяниях, как и те, которых он прежде видел. Многих из них Pierre знал по петербургскому обществу. На председательском месте сидел его торжковский знакомый с своими большими бровями и в особом кресте на шее. По правую руку сидел итальянец аббат, которого Pierre видел два года тому назад у Анны Павловны. Еще был один весьма важный сановник и один швейцарец гувернер, живший прежде у Курагиных. Все торжественно молчали, слушая слова Нарымова, державшего в руке молоток. В стене была вделана горящая звезда; с одной стороны стола был небольшой ковер с различными изображениями, с другой стороны было что то вроде алтаря с Евангелием и черепом. Кругом стола было семь больших, вроде церковных, подсвечников. Потом его подводили двое из братьев к алтарю, ставили ему ноги в известное положение, потом приказывали ему ложиться, говоря, что он повергается к вратам храма, и потом, наконец, стали одевать его. На него надели такой же кожаный фартук, и великий мастер Нарымов с большими бровями обратился к нему, чтобы он старался ничем не запятнать белизну этого фартука, представляющего силу и непорочность, потом ему дали лопату невыясненную и сказали, чтоб он² трудился ею очищать сердце от пороков и снисходительно заглаживать ею сердце ближнего. Потом ему дали одни перчатки, мужские, которых значения он не мог еще знать, но которые должен был хранить, потом другие перчатки мужские, которые он должен был надевать в собраниях масонов, и, наконец, третьи, женские перчатки.

— Любезный брат, — сказал ему Нарымов, с своей властью и кротостью в голосе, — и сии женские перчатки вам определены суть. Отдайте их той женщине, которую вы будете почитать больше всех. Сим даром уверите в непорочности сердца вашего ту, которую изберете вы себе в достойную каменщицу. — Нарымов, с сожалением помолчав, поглядел на Pierr'a. — Но соблюди, любезный брат, да не украшают перчатки сии рук не чистых.

После этого обряда белокурый ритор подвел Pierr'a к коври и стал читать ему объяснение всех на нем фигур, как то: солнца, луны, молотка, отвеса, лопаты, дикого и кубического камня, столба, трех окон и т. д., потом указали ему его место, знаки ложи, сказали входное слово, и сам великий мастер, своим прекрасным, внушительным голосом, прочел устав, весь основанный на стремлении к совершенствованию и на чувстве любви и самоотвержения для ближнего.

Слушая этот устав, читаемый Нарымовым, который, казалось, не читал его, а импровизировал по мере того, как ему приходили ¹ [так проходит мирская слава.]

² *Зачеркнуто*: трудом старался выяснить ее.

мысли, и у которого в некоторых местах чтения слезы навертывались на старческие глаза, вся усталость Pierr'а от сложных обрядов и все сомнения в законности их опять исчезли, и он чувствовал себя вполне обновленным и счастливым.¹ «В наших храмах мы не знаем других степеней», читал великий мастер, блестящими глазами глядя вперед себя, «кроме тех, которые находятся между добродетелью и пороком. Берегись делать какое-нибудь различие, могущее нарушить равенство.² Лети на помощь к брату, кто бы он ни был, настави заблуждающего, подними упдающего и не питай никогда злобы или вражды на брата. Единое только согласие может довершить работы наши.

Буди ласков и приветлив. Возбуждай во всех сердцах огонь добродетели. Дели счастье с ближним твоим и да не возмутит никогда зависть чистого сего наслаждения. Прощай врагу твоему, не мсти ему, разве только деланием ему добра. Исполнив таким образом высший закон, ты обрящешь следы древнего, утраченного тобой, величества».

После чтения великий мастер³ предложил братьям обсудить дела ложи. Итальянец заявил необходимость представить шотландские акты и по этому случаю произошло прение, котор[ое] не слушал и не понял Pierr'e. После этого великий мастер предложил исполнить последнюю обязанность, и старичок, который носил звание собирателя милостыни, стал обходить братьев. Pierr'e⁴ хотел записать в лист милостыни все деньги, которые у него были,⁵ но он боялся этим выказать гордость и записал только столько, сколько записывали другие.⁶

Ложа была закрыта и, вернувшись домой, Pierr'у казалось, что он приехал из какого то дальнего путешествия, где он провел десятки лет и совершенно изменился и отстал от прежнего порядка и привычек жизни.

* № 90 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. XVII—XX).

<отталкивали ноги больных, которые были на дороге посетителя (очевидно принятого ими за начальника, ревизора) и вытягивались перед ним с видимым удовольствием, что они так хорошо помнят службу.

— Да дай же ему воды, — сказал Ростов одному из них, который глупыми глазами старательно провожал его в то время, как сзади его⁴ больной, высунув одну кость руки, обтянутую желтой кожей, тщетно тянулся к железному ведру с водою, стоявшему у его ног.

¹ *Зачеркнуто*: «Всякий каменщик, какого бы исповедания и какой бы страны он ни был», читал великий мастер, преобразившимися, влажными глазами глядя вперед себя, «есть твой брат и имеет право в твоей помощи. В наших храмах мы не знаем никаких степеней»

² *Зач.*: Не стыдись в свете человека, которого ты лобызал между нами

³ *Зач.*: поцеловал Pierr'а

⁴ *Зач.*: положил все деньги, которые

⁵ *Зач.*: в Петербурге: пять тысяч

⁶ *Зач.*: сто рублей

— Слушаю, ваше благородие! — закричал солдат, не трогаясь с места и провожая начальство глазами.

«Нет, тут ничего нельзя сделать», подумал Nicolas, задыхаясь от внутренней боли, и, стараясь не смотреть,¹ прошел до выхода и выбежал на крыльцо и за ворота. Солнце пекло и блестело, пахло летом, и звуки были летние, но глазам Nicolas еще долго представлялись эти завистливые, страдающие, покоренные страданием лица, слуху его представлялись звуки этих метаний по жесткому полу и, куда ни уходил он, он всё слышал этот запах мертвого тела от живых людей, который поразил его в гошпитале.

По спискам фельдшера Макеева, отысканным на его квартире, оказалось, что майор Денисов был записан в этот гошпиталь, но переехал в бывший помещичий дом, теперь офицерский гошпиталь, и лечится там у прусского доктора.

Nicolas поехал туда. Когда он вошел к нему, Денисов сидел в одной рубашке перед столом и что то² кричал, рассказывая толстому офицеру в халате, стоявшему перед ним. Несколько офицеров стояло около, слушая. Денисов похудел и пожелтел за то время, что Ростов не видал его.

— Денисов!³ — крикнул Nicolas.

Денисов поднял опять голову и узнал Ростова; на лице его выразилось сознание, но никакой радости.

— А! Ростов! Вот спасибо, что приехал,⁴ — проговорил он. — Садись, — сказал он так, как будто Nicolas был не больше, как его случайный знакомый, и как будто они только дня два тому назад виделись. Как ни поражен был Nicolas этим приемом, как ни странно подействовал на него этот равнодушный тон и эти растерянные глаза, говорившие о большом перенесенном страдании, Nicolas обнял Денисова, поцеловал его и стал расспрашивать о том, где он был, как перенес рану, в каком положении он теперь, и рассказывал о том, в каком положении их полк, как он рвался к нему и т. д. Денисов слушал его, рассеянно улыбаясь, как человек из другого мира.⁵

— Ты знаешь, за чем ты меня застал? А? Ст'гочу, б'ат, отзыв на этого 'акалью...

¹ *Зачеркнуто:* более вокруг себя, прибавил шага. Ужаснее всего для Nicolas были взгляды всех этих людей, которые, как сквозь строй, прогоняли его между себя. Эти горячешные, блестящие взгляды все говорили одно и то же: они и надеялись, что он подаст им помощь, и упрекали его, что он не помогает им, и, главное, завидовали ему, что он смеет быть так свеж, молод, здоров и жив посереде них.

Проходя последнюю комнату, Nicolas, уменьшая шаг, опускал глаза и всеми средствами старался неслышно и незаметно пройти мимо их.

² *Зач.:* быстро треща пером, писал. Он поднял голову, взглянул прямо в лицо Nicolas растерянными глазами из похудевшего и пожелтевшего лица и продолжал писать. Не хотел, или не успел узнать его Денисов, Nicolas не мог понять.

³ *Зач.:* друг!

⁴ *Зач.:* <голубчик, очень рад, очень рад> крикнул

⁵ *Зач.:* но как только Nicolas спросил Денисова о том, в каком положении его дело с комиссариатскими, как вдруг Денисов оживился. — Под судом!

— Какого? — спросил Ростов.

— Того самого. Ведь ты знаешь, — закричал Денисов, — <Я под судом> приговорен к разжалованью и лишению прав. Да, с лишением прав за то, что я вздул эту гадину. А? Ты слушай.¹ Я прямо пишу им. Постой, постой. — Денисов хотел встать, чтобы достать бумаги на окне, забыв свою рану, но² сморщился от боли³ и попросил Ростова подать ему лежащие там бумаги. Ростов подал ему бумаги, но Денисов взял в руки ту, которую он писал.

— Ты слушай, я прямо пишу.

Видно было, что Денисов наслаждался этим процессом отписыванья и что его меньше занимал в это время вопрос о том, чем кончится суд над ним, чем то, каково он отделявает их. Стуча кулаком по столу, хмурясь и горячась, он передал Ростову все подпущенные им шпильки провиантскому ведомству. Последняя же бумага, которую он теперь только писал, по его мнению была *chef d'oeuvre*.>

— Ты слушай, Ростов. Вот что я пишу им. «Ежели высшее начальство считает поступок мой отбития неназначенного мне транспорта для спасенья вверенной мне части войск от голода — разбоем, то какое наименование может быть дано поступку чиновника, не отбивающего, но ворующего солдатский хлеб не для утоления не только людей, но и своего голода, а ворующего для своей корысти».

<Ростов пробыл⁴ сутки у Денисова и ничего не слышал от него, кроме разговоров о своем деле, ругательств на воров и чтения его⁵ бумаг. Как только разговор заходил о постороннем, Денисов замолкал и, видимо, не слушал. Вечеру к Денисову зашел⁶ доктор, обходивший больных, и, застав его за горячим рассказом, улыбнулся.

— Верно о своем деле говорит господин майор, — сказал доктор Ростову таким тоном, что видно было, доктор уж не раз слышал такие рассказы. — Вы бы ему советовали не думать об этом, а лечиться, пустая рана, а не заживает...

После доктора в комнату вошли два офицера. Один — улан с повязанной головой, другой — артиллерист в халате без правой руки и с маленькой трубочкой во рту, закушенной набок. Это был Тушин, призревший Nicolas в Шенграбенском деле. Тушин узнал и радостно обнял Nicolas.

— Вот где бог привел свидеться, милый человек, а мне так отрезали кусочек — вот... — Он с веселой улыбкой показал свой пустой рукав. — Ну, что ж, сыиграем в бостончик, Василий Дмитрич, — сказал он.

¹ *Зачеркнуто*: Нет, брат, уж ежели на то пошло, так я все их мерзости выведу. Я к государю пойду.

² *Зач.*: визгнул

³ *Зач.*: — Лаврушка! — закричал он.

⁴ *Зач.*: два часа с глазу на глаз с Денисовым

⁵ *Зач.*: ядовитых

⁶ *Зач.*: прусский

Денисов согласился и они вчетвером сели играть на постели Денисова. В середине игры разговор зашел о последнем Фридландском сражении. Улан рассказывал полученные им известия. Он говорил, что армию нарочно погубили, вывели ее на поле, поставили задом к реке и заставили стоять до тех пор, пока не собралась вся французская армия. Потом, как началось сражение, сейчас же велели отступить. И пошла потеха. Мосты сожгли, бродов нет. Так, ни за что, погубили армию. Говорят, у главнокомандующего падучая сделалась, а я думаю — измена.

— И, как можно! — защищал Тушин, — какая измена? Так, задумались.

— Ну, вам всё хорошо.

— И поделом! — закричал Денисов, — пускай их бьют! Чтоб они знали, что подлецы и что честные люди. Небось какой-нибудь вор провиантский командовал. — Он отложил карты и опять начал рассказ о своем деле.

На другой день рано утром Тушин отозвал Ростова в сторону и сказал ему.

— Я хотел вам сказать¹ про Денисова — вы его друг, как я вижу.² Дело его плохо. У нас такой пример был, разжаловали.³ Одно спасенье, коли есть у вас человек в штабе, надо поскорее подать письмо и просить государя, пока у него не было на конфирмации, Я, любя его и вас, говорю...

Ростов пробыл день у Денисова, во время которого он ни минуты не нашел старого Денисова. Он видел в нем только озлобленность, раздражение, равнодушие ко всему, что только не касалось его дела и полусумасшедшего увлечения своими бумагами.

С тяжелым чувством потери своего друга Ростов поехал в полк и, посоветовавшись с полковым командиром и выпросившись у него, поехал в главную квартиру.⁴

В главной квартире у Ростова никого не было, кроме Бориса, бывшего адъютантом у весьма важного лица, и⁵ он решился обратиться к нему.

Есть одно свойство человеческой природы, которое служит главным источником обвинений в лживости этой природы и в противуречиях, которые кажутся нам в ней. Это есть свойство выбора из бесчисленной массы разнородных впечатлений одного известного рода впечатлений и сгруппирования их около какого-нибудь одного поражающего явления. Человек спит и в мгновение неполного сна испытывает различные впечатления и опять забывает их, но какое-нибудь резкое впечатление — стук или свет — пробуждает его и все прежние безразличные впечатления в момент¹

Зачеркнуто: майор отличный человек, только горяч очень.

² *Зач.*: Его рана

³ *Зач.*: Он вам бумаги будет давать, вы не передавайте. А то что их дразнить

⁴ *Зач.*: хлопотать за Денисова

⁵ *Зач.*: как это ему ни было неприятно, надо было

пробуждения мгновенно группируются около последнего впечатления. Человек просыпается и говорит, что он видел сон. Человек просыпается и рассказывает, что он видел во сне, как он ходил на охоту, собака искала, он взводил курок, дичь вылетала, он стрелял, и звук выстрела разбудил его.

Звук же выстрела был звук ударившего ставня.¹ В момент пробуждения все прежние впечатления сгруппировались около удара ставня.

То же явление бывает и не во время сна. Человек встречает другого человека, с которым он ничем не связан в продолжение долгого времени, и в числе бесчисленных впечатлений, производимых всяким человеком, впечатления, произведенные этим известным человеком, затеряны и так незаметны, как будто их нет. Существуют впечатления о том, что известный человек имеет приятный взгляд, некрасивое сложение, нежные руки, пискливый голос, сказал нынче умно, завтра выказал сухость сердца и т. п.

Впечатления эти, в числе миллионов и миллионов других, остаются неподнятыми и, весьма вероятно, исчезнут бесследно между миллиардами других впечатлений, но вдруг этот человек больно оскорбил вас: это тот факт, тот удар ставнем, около которого, мгновенно выплывая из безразличности, группируются все прошедшие впечатления, совпадающие с чувством оскорбления; все же несовпадающие с ним, противоположные, исчезают, так как они ничем не освещены, не вызваны, и исчезают так, что вы так же мало в состоянии возобновить их, как и возобновить те впечатления сна, которые были у вас в то время, когда ударил ставень, и вы увидели сон только об охоте. Случится же известному человеку напротив быть причиной удовлетворения вашей страсти или польстить вашему самолюбию, и вы действительно находите в своей душе уже давно составившееся о нем понятие, как о прекрасном человеке, умном, с приятными глазами и нежными руками и т. д. и т. д.

Такой переворот суждений относительно Наполеона произошел 1807 года июня 13-го дня в высших сферах русской армии.

Генерал русской армии, которому Наполеон на Тильзитском плоту сказал несколько ласковых слов, не из придворного чувства лести и потворства, но искренно не находил в душе своей следов чувства ненависти к вчера еще проклинаемому Бонапарте, к убийце мученика Енгиенского и к врагу рода человеческого, находил в душе своей только благоговение к покорителю революции, террора, к восстановителю религии и величайшему гению своего века. Он был твердо и законно убежден, что не переменил своего мнения, но всегда, совершенно искренно так думал.

В душе Бориса, находившегося при императорской главной квартире, переворот этот сделался так же, как и у других.> Французский ¹ *Зачеркнуто*: Человек этот действительно видел этот сон.

и русский императоры съехались в Тильзите 13-го¹ июня. Борис просил важное лицо, при котором он состоял, о том, чтобы он был причислен к свите, назначенной состоять в Тильзите: «Je voudrais voir le grand homme».² <В Тильзите же он отвечал на вопрос своего генерала: «где государь?» он отвечал: «sa majesté, l'empereur Napoléon» и, чтобы назвать так Наполеона, не сделал ни малейшего усилия.

Борис, в числе немногих, попал на Неман в день свидания и потом, на третий день, в самый Тильзит и видел и плоты на Немане, и свидание императоров, и ежедневные их посещения друг к другу.> Так как свита была небольшая, то присутствие в Тильзите было очень важно. Борис два раза удостоился исполнять поручения к самому государю. Так что, хотя государь и не говорил с ним, он узнал его в лицо. Борис жил с другим адъютантом, графом Жилинским, и каждый день они с французскими офицерами обменивались обедами и вечерами так же, как и императоры.

24-го июня вечером, граф Жилинский, сожитель Бориса, устроил для своих знакомых французов ужин. Был один адъютант Наполеона, один капитан французской гвардии и молодой мальчик, паж Наполеона.

Перед тем как садиться за ужин, Ростов, пользуясь темнотой, чтобы не быть узнанным, в штатском платье, приехал в Тильзит и вошел в квартиру Бориса.

В Nicolas, так же как и во всей армии, из которой он приехал, еще далеко не совершился тот переворот, который произошел в главной квартире и в Борисе. Все еще продолжали в армии испытывать прежнее смешанное чувство злобы, презрения и страха к Бонапарте. Еще недавно Nicolas, разговаривая с платовским казачьим офицером, спорил о том, что, ежели бы Наполеон был взят в плен, с ним обратились бы не как с государем, а как с преступником. Еще недавно он в гошпитале, встретившись с французским раненым полковником, разгорячился, доказывая ему, что не может быть мира между законным государем и преступником Бонапарте.³ Подъезжая к Тильзиту, он узнал о перемирии и свидании императоров, но не хотел верить в возможность мира. Теперь, увидав французов в гостях у Бориса, он не знал, что подумать.

¹ *Зачеркнуто*: числа, когда он просился у генерала, при котором он состоял, на Неман, он сказал, говоря про Бонапарта, которого он всегда так называл

² Я бы желал видеть великого человека.

³ *Зач.*: Еще недавно, после Фридландского дела, когда Ростов, командуя эскадромом, напрягал целый день все силы, чтобы поступить наилучшим образом, узнав вечером, что сражение проиграно, к стыду своему не мог удержать слез перед офицерами.

Возвращаясь из своего посещения гошпиталей и вспоминая все ужасы, которые он там видел, и вспоминая то, что виновником их был один Бонапарт, Nicolas воображал себе, какая бы была заслуга для человечества убить, жестокой казнью казнить этого человека.

Борис, слышав чужой голос в передней, вышел к нему навстречу. Лицо его невольно в первую минуту, когда он узнал Nicolas, выразило досаду.

— А, очень рад, — сказал он улыбаясь и подвигаясь к нему.

Но Nicolas уже заметил первое его движение.

— Я не во время, кажется? — сказал он, — я бы не приехал, но мне дело есть, — сказал он сердито.

Nicolas, подъезжая к Тильзиту, спорил с своим товарищем, что не может быть мира после Фридландского сражения, и только что ругал французов.

Борис взял его за обе руки и повел в комнату.

— Ах, полно пожалуйста, можешь ли ты быть не во время?

Борис познакомил его с гостями и сказал, что вот как наши офицеры <страстно желают видеть императора Наполеона, что рискуют ответственностью, в штатском платье приезжают в Тильзит.

Ростов мрачно глядел на французов и сказал, что не для того, чтобы видеть — он чуть было не сказал — Бонапарта (но Борис поспешно за него сказал — императора), но что у него есть дело.> Ростов сделался не в духе тотчас же после того, как он заметил неудовольствие на лице Бориса и, как это всегда бывает с людьми, которые не в духе, ему казалось, что все неприязненно смотрят на него и что всем он мешает.

— Однако я тебя стесняю, — сказал он опять Борису, — пойдем, поговорим о деле и я уйду.

— Да нет, несколько, — тщетно уверял Борис. — А ежели ты устал, пойдем в мою комнатку и ложись.

В маленькой комнатке, где спал Борис, Nicolas тотчас же начал ему рассказывать дело Денисова, спрашивая, хочет ли и может ли он просить через своего генерала у государя.

Когда они остались вдвоем, бывшие друзья в первый раз испытали, что им неловко было смотреть друг другу в глаза. Борис отвечал:

— Да, я скажу генералу, только не знаю, что же я могу сделать? По моему, лучше бы прямо полковому командиру просить государя.

— Идите, Друбецкой, — слышался голос из большой комнаты.

— Так ты ничего не хочешь сделать, так и скажи! — закричал почти Nicolas.

Борис улыбнулся.

— Напротив, всё сделаю, что могу, только я думал....

— Ну иди, иди, иди! — И, оставшись один в маленькой комнатке, Ростов долго ходил в ней взад и вперед и слушал веселый французский говор из соседней комнаты.

Ростов попал в Тильзит в день, менее всего удобный для беседы с другом Борисом и для подачи бумаги Денисова. Самому ему нельзя было, так как он был во фраке и без разрешения начальства 661

приехал в Тильзит, но и Борис, которого он просил об этом, не мог сделать этого в этот день, 27-го июня. С утра разнеслось известие, что мир заключен, что императоры поменялись орденами, андреевским и почетного легиона, и что будет обед Преображенскому баталиону; его угасивает баталион французской гвардии. Борис уехал с раннего утра к своему генералу, Ростов пошел бродить по городу.¹

Подходя к двухэтажному дому, в котором стоял император Александр, Ростов неожиданно сошелся с знакомым генералом, который тотчас узнал его. Испуганный тем, что он будет отдан под суд, Nicolas хотел уйти за угол, но генерал остановил его. Генерал этот был князь² Багратион.

— Э! Господин Ростов. Пожалуйста, пожалуйста сюда, — сказал он, улыбаясь. — Что или в отставку вышли, голубчик? Это не хорошо, — сказал он и строго, и шутливо.

— Я не из любопытства, ваше сиятельство, — сказал Nicolas, — у меня дело есть.

— Ну, ну, я не видал, — сказал Багратион, — а то беда, — и отвернулся.³

Но тут уже Nicolas, которому вдруг пришла мысль, что этот добрый Багратион поможет делу Денисова, обратился к нему.

— Вы пособите, ваше сиятельство, храброму офицеру.

И Ростов рассказал всё дело Денисова, — Попросите государя.

— Я слышал, слышал, — сказал Багратион. — Хорошо, не обещаю, а может быть скажу, жаль молодца. — И Багратион вошел на крыльцо государя, у которого стояла лошадь государя, рыжая англазированная, и лошади свиты.

Через несколько минут с лестницы застучали быстрые шаги со шпорами. Это были господа свиты государя. Его лошадь берейтор¹ *Зачеркнуто*: «Друбецкой не хочет помочь мне, я так и ждал от него. Теперь всё кончено между нами. Но я не Борис, я должен помочь другу». (И как только Ростов вспомнил Денисова, он опять почувствовал запах гошпиталя и увидел эти завистливые взгляды, которые целую неделю преследовали его.) «Что будет, то будет, пойду прямо к дежурному и подам это письмо государю», подумал он. «Только бы дошло до государя», подумал он, «только подать мне ему самому, и государь не может не помиловать такого человека, как Денисов».

² *Зач.*: Бецкий

³ *Зач.*: «Беда ли не беда, а подам письмо», подумал Nicolas и вошел в приемную.

— Что вам? — спросил лакей.

— Письмо его величеству.

— Пожалуйте к дежурному.

Дежурный был без сюртука в красных, шелком шитых, помочах, которых красоту заметил Ростов.

— Qu'est ce que c'est? [Что это?]

— Un petitionnaire [проситель], — сказал дежурный другому.

— Не принимай, надо ехать.

— После, после, — сказал дежурный, надевая мундир.

В это время вошел третий.

— Выходит, выходит... — и все побежали, застегивая сабли.

Эне, тот самый, что был в Аустерлице, подвел к самому крыльцу, и по лестнице послышались шаги государя, которые сейчас узнал Ростов. Сердце его застучало и он, забыв опасность быть узанным, подвинулся с несколькими любопытными из жителей к самому крыльцу.

Государь в Преображенском мундире, в белых лосинах и высоких ботфортах, с звездой, которую не знал Nicolas (это был *légion d'honneur*), вышел на крыльцо, держа шляпу под рукой и надевая перчатку, повернулся к князю Багратиону, вышедшему за ним, и, остановившись, сказал:

— Нет, не могу, князь, закон сильнее меня. Таких преступлений было слишком много.

Багратион, стоявший против Nicolas, переглянулся с ним. Государь надел шляпу, поставил ногу в стремя, сел и поехал галопом по улице.

* № 91 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. XVIII).

Рана его еще всё не заживала, несмотря на то, что уже прошло шесть недель и не было важных повреждений.

— Всё от того, что Василий Дмитрич тревожится, от того и не заживает, — сказал офицер, товарищ Денисова по гошпиталю.

— Вздор, глупости, — закричал Денисов. — От собачьего содержания не заживает! Разве нас, как людей, содержат? Как свиней! И всё так!

— Ну, а как твое дело идет? — спросил Ростов.

— Ничего, — сморщившись сказал Денисов, — что про эти глупости говорить.

Денисов не расспрашивал ни про полк, ни про общий ход дел и, когда Ростов говорил про это, Денисов не слушал.

Ростов заметил даже, что Денисову неприятно было, когда ему напоминали о полке и вообще о той другой, вольной жизни, которая шла вне гошпиталя. Он, казалось, старался забыть ту прежнюю жизнь и интересовался только тем, что происходило вокруг него: выписался ли этот Перновского полка офицер, придет ли к нему нынче доктор играть в бостон, будет ли нынче суп с курицей и т. п. были, казалось, единственные вопросы, имевшие для него интерес.

Один только раз в продолжение дня, который провел у него Ростов, Денисов вполне оживился. Это было тогда, когда за картами один из офицеров сказал, что теперь, слышно, большие награды будут и что Василью Дмитриевичу следовало бы прямо просить государя о своем деле.

— Мне просить государя! — закричал Денисов, бросая карты, — об чем? Ежели бы я был разбойник, я бы просил милости, а то я сужусь за то, что я вывожу на чистую воду разбойников! — Он встал и взял бумагу. — Пускай судят, я никого не боюсь! Я честно служил царю и отечеству и не крал! и меня разжаловать?...

— Да полноте горячиться-то, — уговаривал его Тушин. — Ведь не всё по справедливости делается.

— Это вы говорите! — налившимися кровью глазами глядя на Тушина, кричал Денисов.

Но несмотря на крик и горячность Денисова, Тушин и другие больничные товарищи его все напустились на него. Все доказывали ему, что дело его очень дурно, что он только портит его, раздражая *их* своими бумагами, что единственное спасение для него состоит в том, чтобы прямо, помимо начальства, просить милости государя, и что теперь или никогда он должен написать это письмо и передать его своему приятелю, графу Ростову, у которого верно есть связи в штабе, и который передаст письмо государю. Денисов долго, молча, опустив глаза, слушал их, потом схватился за волосы и, опрокинув стул, подошел к другому столу и стал писать. Через полчаса он с робкой, странной для Ростова улыбкой подал ему письмо.

— Так что ли, — сказал он, — коли подличать. Ах, чорт возьми! — Письмо было исправлено, переписано и передано Ростову.

— Нет, брат, правдой не проживешь. Ведь ты подумай, все их мерзости... — уже поздно вечером говорил он с печальным лицом сидевшему против него Ростову. Ростов не слушал его, не понимал ничего из того, что он говорил. Глазам его представлялись всё те же завистливые, покоренные страданием лица, которые он видел в гошпитале, слышались ему звуки этих хрипений и метаний по жесткому полу и всё слышался ему тот запах мертвого тела от живых людей, который поразил его в солдатском гошпитале. «И вот он, Денисов, и нет Денисова. И что всё это значит?» думал он.

* № 92 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. I).

<Это состояние, в первый раз в жизни наведшее на него тоску, было ему очень тяжело и мучительно. Но это тяжелое и мучительное состояние имело для него свою неотразимую прелесть. Он боялся выйти из этого состояния. Всё в нем самом и вокруг него, во всем мире представлялось ему столь запутанным, бессмысленным и безобразным, что он боялся одного, как бы люди не втянули его опять в жизнь, как бы не вывели его из этого презрения ко всему, в котором одном он находил раздражающее, тревожное наслаждение.>

«Горжковская торговка клянется богом, что туфли козловые и стоят пять рублей, а она знает, что они барановые и не стоят двух. А у меня сотни рублей, которых мне некуда деть, и она в прорванной шубе¹ стоит и робко смотрит на меня. И я жалею¹ *Зачеркнуто*: ходит по морозу, так же как ходила ее мать, обманывая моего отца, и будет ходить ее дочь, обманывая моего сына. Ежели у меня будет сын», сказал он себе краснея. «Да, у нее будет не мой сын, который бесспорно будет носить имя Безухого, а я не имел права на это имя и получил его по особой милости царя. Милость царя! Точно»

дать ей эти пять рублей. Кто из нас прав, кто виноват?» Пьер велел камердинеру взять туфли и дать ей деньги.¹

* № 93 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. I).

Это был невысокий, ширококостый, худой человек лет шестидесяти с² седеющими, нависшими бровями над блестящими³ карими глазами.

Pierre снял ноги со стола, встал и перелег на кровать, изредка поглядывая на вошедшего.

Проезжающий⁴ имел⁵ вид вместе ученого и помещика. На нем была черная бекеша, застегнутая до верху, и высокие сапоги; седая большая голова была коротко обстрижена, и на указательном пальце был большой чугунный перстень с каким то изображением.⁶

Он сел у стола, расстегнулся, шепнул что-то слуге и, получив от него книгу, которая показалась Pierre'у духовною, стал читать, изредка взглядывая на Безухова и раза два встретившись с ним глазами. Строгое и спокойное выражение этого взгляда⁷ раздражительно действовало на Pierre'a. Ему всякий раз хотелось заговорить с проезжающим и сообщить ему свои мысли, но всякий раз он опаздывал и уже проезжающий опять читал. Слуга проезжающего был весь покрытый морщинками желтый старичок без усов и бороды, которые видимо не были сбриты, но никогда и не росли у него. Поворотливый старичок слуга⁸ разбирал погребец, приготавливал чайный стол и принес кипящий самовар. Налив себе один стакан чаю, проезжающий налил другой безбородому старичку и подал ему. Этот поступок поразил Pierre'a. Он положил свою книгу и стал пристальнее вглядываться в проезжающего. Ему казалось, что он прежде где то видал его и что еще прежде он замечал твердый, строгий и полный жизни старческий взгляд этого человека.⁹

¹ *Зачеркнуто*: Торговка благодарит и рассказывает, что у нее сын болен. А я думал, что у меня будет сын.

² *Зач.*: длинными

³ *Зач.*: черными

⁴ *Зач.*: которого смотритель называл превосходительством

⁵ *Зач.*: угрюмый, твердый и спокойный вид.

⁶ *Зач.*: адамовой головы.

⁷ *Зач.*: успокоительно

⁸ *Зач.*: не только учтиво и подобострастно, но благоговейно служил своему господину. Он

⁹ *Зач.*: «Тоже едет, как и я из Москвы в Петербург», думал Pierre, «и совершает путешествие, как будто может быть для него какаянибудь разница в том, что он будет в Петербурге или в Москве. Тоже читает книгу (я бы желал знать, какая это книга), точно он узнает чтонибудь из нее; тогда как уже близок для него переход, который ничего не открывает, а все закрывает для него...»

В то время, как Pierre, при виде этого старого человека, опять в мыслях своих пришел к тому же безвыходному углу отчаяния и безнадежности, проезжающий сделал знак своему слуге, чтобы тот вышел, и пристальным, ласкающим и вместе строгим взглядом, таким взглядом, каким смотрят только люди, привыкшие к власти, стал смотреть в лицо Pierre'a.

Проезжающий выпил свой стакан, налил другой слуге и опять взялся за книгу. Слуга принес назад свой пустой, перевернутый стакан с недокусанным кусочком сахара и спросил, не нужно ли чего.

— Ступай, отдохни, — сказал проезжающий басистым голосом.

— Прокоша, — окликнул он уже выходявшего слугу, — скажи смотрителю, чтоб к вечеру были сдаточные.

Когда слуга вышел, проезжающий опять углубился в чтение.

* № 94 (рук. № 88 и наборная рук. т. II, ч. 2, гл. II).

— Я никогда не посмею сказать, что я знаю истину, — сказал масон. — Никто один не может достигнуть до истины, только камень за камнем с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени воздвигается храм Соломона, который должен быть достойным жилищем великого бога. Ежели я знаю что нибудь, ежели я дерзаю сам, ничтожный раб, приходить на помощь ближнему, то только от того, что я есмь составная часть великого целого, что я есмь звено невидимой цепи, начало которой пропадает в небесах. Вот как *мы* стараемся постигнуть бога, граф. В чем же состоит ваше созерцание творца и его творения? Скажите мне его, граф, — сказал масон и закрыл глаза.

<— Да... я ...да, отчего же?... — сказал Pierre. — Да, я бы желал знать, в чем состоит истинное... франмасонство. Какая цель его? — спросил Pierre.

— Цель? Воздвижение храма Соломона, — сказал старичок и закрыл глаза. «Вы ничего не понимаете... так и должно быть», говорило его выражение.

— Познание природы, любовь к богу и любовь к ближнему, — прибавил старичок после молчания. И он опять закрыл глаза с выражением, говорившим: «это ты можешь понять». Они помолчали минуты две.

— Но это отчасти цель христианства, — сказал Pierre, всё притворно смеясь. Старичок не отвечал.

— Познание природы... познание природы, — потом повторил несколько раз Pierre.

— Какими же путями вы дошли до того, чтобы постигать природу?

— На это есть целый свод наук. Науки открыто стремятся к этому. Есть физика, химия, ботаника, которые стремятся к постижению природы.

Старичок кивал головой, как бы одабривая каждое слово Pierre'a. На последних словах он остановил Pierre'a, входившего в умственное, раздраженное одушевление.

— Да, но чем более они стремятся к этому, тем более они развиваются, тем более теряют из вида свою главную цель — постижение гармонического целого природы. Наука одна, — сказал старичок.

— Какая это наука? — сказал Pierre.

И в то время, как он говорил это, он боялся, что старичок не б66

будет в состоянии ясно ответить ему, он боялся, что старичок даст ему слишком слабые и мистические аргументы. Он желал поверить старичку, и с нетерпением ждал его ответа. Старичок не торопился.

— Поражало ли ваше внимание, граф, — начал он, — то природное явление, что живые силы природы поддерживаются одна в ущерб другой? Растение питается соками земли и удобрением, животное пожирает растение, человек питается животным и вновь содействует произрастанию растений. Видите ли вы в этом явлении случайность или известную цель, ведущую к общей гармонии?

— Я вижу в этом закон природы, — отвечал Pierre.

— Очень хорошо. Но ботаника, физиология, или физика, или какая из натуральных наук научила вас видеть эту гармонию в природе?

— Все они, — отвечал Pierre.

— Но вы сделали вывод из всех этих наук, граф, и вывод этот есть вывод одной единственной науки — природы, которая имеет задачей понять гармонию и цель всего существующего, вещественного и невещественного, — человека — его место в природе, его цель и назначение. Во всем своде наук, о котором вы упомянули, граф, нет науки, которая бы открыла нам тайну назначения человека и его отношения к творцу, а это есть главный вопрос, представляющийся человеку. — Старичок замолчал. Pierre'у понравилась эта мысль одной науки, включающей в себе всё и отвечающей на все те страшные вопросы, которые он последнее время мучительно задавал себе; он быстро в голове своей дополнял всё недосказанное. Он чувствовал, особенно последними словами старичка о боге, что вся наука природы, всё учение масонства должно было быть основано на признанном существовании всемогущего, живого творца, которого он никогда не чувствовал необходимости допустить.

* № 95 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. IX).

<В ту минуту, как князь Андрей вышел из под полога, в воспоминании его проснулся вдруг со всеми подробностями его разговор с Pierre'ом на пароме, как будто этот разговор имел самую твердую связь с тем, что теперь произошло в душе Андрея.

«Да, да, да», подумал князь Андрей, «это всё одно и то же. И он прав, тысячи раз прав», подумал князь Андрей, вспоминая слова Pierre'a.

И с той поры все мечтания Pierre'a, над которыми он почти смеялся, когда он оспаривал в разговоре с ним, он, никому не говоря о них, начал приводить в исполнение. В Богучарове был отведен флигель для больницы, была выписана ученая повивальная бабка для крестьян, священнику было внушено и даны деньги, чтобы он учил детей, барщина уменьшена и начато то, чего не начинал Pierre. Князь Андрей решил отпустить на волю своих крестьян, зачислив их в вольные хлебопашцы. Он написал о том письмо в Петербург.>

* № 96 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. X).

<Pierre около года провел то в Киеве, то в Одессе, то в своих огромных южных имениях, постоянно переписываясь с своим руководителем и работая, как ему казалось, для достижения предназначенных себе целей. В разъездах, в хлопотах по делам время его проходило незаметно, но в конце года он убедился, что он почти ничего не сделал из того, что предположил себе и что достижение его целей гораздо труднее, чем как он прежде это думал, что без помощи руководителя он заблуждается на своем пути опять и впадает в свои пороки и заблуждения.

Главные его цели, одобренные его руководителем, состояли в следующем: 1) физическое улучшение быта своих крестьян — менее отяготительная барщина, разведение лучших пород скота и более выгодных растений, устройство богаделен и больниц, 2) нравственное улучшение быта крестьян — школы, улучшение, образование духовенства и 3) освобождение всех крестьян от рабства.

К удивлению своему Pierre, кроме своей слабости, нашел два неожиданных препятствия к осуществлению своих целей, а именно: противодействие всех, считавших дурным то, что он считал хорошим. Для достижения этих целей первое, что было нужно, — это были большие деньги, а их то и не было.>

* № 97 (вставка в корректуру. Т. II, ч. 2, гл. III).

Ему скучно было и более всего страшно было, что его надежда найти объяснение жизни в масонстве окажется тщетною. Через несколько времени дверь отворилась и кто то вошел.

При слабом свете, к которому однако уже успел приглядеться Пьер, быстрыми шагами вошел очень низенький человек. Видимо с света войдя в темноту, человек этот вдруг остановился, потом осторожными шагами подвинулся к столу и положил на него небольшие, закрытые кожаными перчатками руки. Пьер поспешил подвинуться к нему, старался рассмотреть его лицо.

Маленький человек этот был одет в белый, кожаный фартук, прикрывавший его грудь и часть ног, на шее было надето что-то вроде ожерелья, и из за ожерелья выступал высокий, белый жабо, окаймлявший его продолговатое старческое, брюзгливое лицо, с выступавшею нижнею челюстью.

— Для чего вы пришли сюда? — спросил маленький человек поспешным, пронзительным голосом, очевидно еще не рассмотрев в темноте собеседника, но по шороху, сделанному Пьером, обращаясь в его сторону. — Для чего вы, неверующий в истины света и не видящий света, для чего вы пришли сюда, чего хотите вы от нас? Премудрости, добродетели, просвещения, — быстро говорил маленький человек, видимо торопясь сказать скорее всё, что ему было нужно.

В первую минуту, как дверь отворилась и вошел неизвестный человек, Пьер испытал чувство, подобное тому, которое он в детстве испытывал на исповеди: он почувствовал себя с глазу на глаз 668

с совершенно чужим по условиям жизни и с близким по братству людей человеком. Но как только ритор (так назывался в масонстве брат, приготавливающий *ищущего* к вступлению в братство) заговорил своим пронзительным, поспешным голосом, Пьер тотчас же узнал в нем Павла Ивановича Смольянинова, весьма богатого человека, которого он в прошлую зиму встречал в обществе старых дам, скучно и неприятно проповедующего всем известные истины. Пьер не только узнал в нем Смольянинова, но он узнал в нем человека, неприятного человека, и он мгновенно потерял надежду найти в масонстве объяснение жизни.¹

— Да, я... я... хочу истины, — сказал Пьер.

— Хорошо, — сказал Смольянинов и тотчас же продолжал:

— Имеете ли понятие о средствах, которыми наш орден поможет вам в достижении вашей цели? — Пьер не успел еще ответить, как ритор продолжал:

— Какое понятие вы имеете о франмасонстве?

— Иногда я думаю, что это есть истина, иногда я думаю, что это есть обман, которому невольно подчиняются те, кто его составляют, — сказал Пьер, стараясь говорить всю правду, и взглянул на ритора, боясь не оскорбил ли он его.

— Хорошо, — сказал он поспешно, видимо вполне удовлетворенный этим ответом, — искали ли вы средств к достижению своей цели в религии?

— Нет, я считал ее несправедливою и не следовал ей, — отвечал Пьер.

— Хорошо. Вы ищите истины для того, чтобы следовать в жизни ее законам; следовательно, вы ищете премудрости и добродетели, не так ли? — спросил он.

Смольянинов прокашлялся, собираясь говорить, сложил руки в перчатках и начал быстро, иногда по нескольку раз повторяя одно и то же слово, но ни на секунду не прерывая пронзительного звука своего голоса:

— Теперь я должен открыть вам главные цели нашего ордена, — сказал он, — и, ежели цель эта совпадает с вашей, то вы с пользою вступите в наше братство. Первая, главнейшая цель и купно основание нашего ордена, на котором он утверждён и которого никакая сила человеческая не может низвергнуть, есть сохранение и предание потомству некоторого важного таинства... важного таинства... таинства, от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства может быть зависит судьба рода человеческого. Но так как сие таинство такого свойства, что никто не может его знать и им пользоваться, если долговременным и прилежным очищением самого себя не приуготовлен, то не всяк может надеяться скоро обрести его... обрести его.

¹ *Зачеркнуто в четвертой редакции:* Как только Пьер услышал этот пронзительный и торопливый голос, он вдруг понял, что всё, что он думал и что ему говорили, — было вздор. Ему стало стыдно.

Поэтому мы имеем вторую цель, которая состоит в том, чтобы приуготовлять наших членов, сколько возможно, исправлять их сердце, очищать и просвещать их разум теми средствами, которые нам преданием открыты от мужей, потрудившихся в искании сего таинства, и тем учинять их способными к восприятию оногo.

Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся, в третьих, исправлять и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели, и тем стараемся всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире. Орден наш предписывает... — Он вдруг остановился.

— Подумайте об этом и я опять приду к вам, — сказал он и вышел из комнаты.

«Какое может быть таинство и как мне уйти отсюда, не огорчив их», думал Пьер, когда он остался один. «Теперь я ясно вижу, что всё это пустая игра»...

Через полчаса вернулся ритор и тем же быстрым голосом и странным языком передал ищущему те семь добродетелей, соответствующие семи ступеням храма Соломона, которые должен был воспитывать в себе каждый масон. Добродетели эти были: 1) скромность, соблюдение тайны ордена, 2) повиновение высшим чинам ордена, 3) добронравие, 4) любовь к человечеству, 5) мужество, 6) щедрость и 7) любовь к смерти.

— В седьмых, старайтесь, — сказал ритор, — частым помышлением о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вам более страшным врагом, но другом... другом... другом, который освобождает от бедственной сей жизни в трудах добродетели томившуюся душу, для введения ее в место награды и успокоения.

Сказав это, ритор, взяв у Пьера его шляпу и шпагу, которую ему вручили при входе, опять вышел.

Оставшись вновь один, Пьер, загибая по пальцам, перебирал все семь добродетелей и недоумевал, почему их было семь и почему скромность поставлена наравне с любовью к ближнему и почему любовь к смерти была добродетель.

«Нет, все это пустяки», думал он. «Не уйду сейчас только потому, что боюсь напрасно огорчить их, потому что желаю знать, как смотрит на всё это Иосиф Алексеевич, мой торжковский знакомый, и потому, что хочу видеть, чем всё это кончится».

В третий раз ритор вернулся скорее и, спросив Пьера, всё ли он тверд в своем намерении и решается ли подвергнуть себя всему, что от него потребуется, и, не давая времени Пьеру договорить утвердительный ответ, сказал:

— Орден наш учение свое преподает не словами токмо, но иными средствами, которые на истинного искателя мудрости и добродетели действуют, может быть, сильнее, нежели словесные токмо объяснения. Сия храмина убранством своим, которое вы 670

видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, более нежели слова; вы увидите, может быть, и при дальнейшем вашем принятии подобный образ изъяснения. Орден наш подражает древним обществам, которые открывали свое учение иероглифами.

— То есть как же иероглифами? — спросил Пьер.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

* № 98 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. I).

¹ Никто уже не поминал о Буонапарте — корсиканском выходце и антихристе: не Буонапарте был, а был великий человек — Наполеон. Два года мы были в союзе с этим гением и великим человеком — императором Наполеоном. Два года его посланник Коленкур был чествуем в Петербурге и Москве, как ни один из посланников. В 1809 [году] император Александр ездил в Эрфурт для нового свидания с своим новым другом и только и было речи в высшем обществе, в обществе Анны Павловны, что о величии этого торжественного свидания двух властелинов мира и о гениальности императора Наполеона, бывшего корсиканца Буонапарте, антихриста, которого год тому назад по высочайшему манифесту, как врага рода человеческого, по всем русским церквам предавали анафеме. В 1809 году дружба двух властелинов мира, как называли Наполеона и Александра, дошла даже до того, что поговаривали о браке Наполеона с одной из сестер императора Александра и, когда Наполеон объявил войну Австрии, то русский корпус выступил на границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарту и для воевания с прежним союзником, австрийским императором. Но в обществе чувствовалось, что мы не примем серьезного участия в этой войне, и общество не было занято ею.

Главное внимание русского общества обращали в это время внутренние преобразования,² которые были производимы в это время императором³ во всех частях государственного управления.

Был тот молодой период царствования, следующий после продолжительного царствования (царствования Екатерины), в который всё бывшее, прежнее кажется устарелым, негодным, в который, кроме побуждения изменить надоевшее, дать разгуляться молодым силам, кроме той причины, что недостатки старого порядка видны и выгоды его незаметны, представляются еще бесчисленные причины, почему нужно уничтожить старое и ввести ¹ *Зачеркнуто*: Прошло два года.

² *Зач.*: на образец французских

³ *Зач.*: с помощью возвышавшегося тогда из ничтожества Сперанского.

новое.¹ Всё переделывалось, как новый жилец непременно переделывает квартиру, в которой долго до него жил его предшественник. Был тот молодой период царствования, который всякий народ переживает раз пять в столетие — период революционный, отличающийся только тем от того, что мы называем революцией, что власть при этих революциях находится в руках прежнего правительства, а не нового. В этих революциях, как и во всех других, говорится о духе нового времени, о потребностях этого времени, о правах человека,² о справедливости вообще, о необходимости разумности в устройстве государства и под предлогом этих идей и выступают на поприще самые неразумные страсти человека. Пройдет время и охота, и прежние нововводители точно также упорно держатся за свое бывшее новое, а теперь старое, и отстаивают свое убранство квартиры против подросшей молодежи, которой опять хочется и нужно удовлетворить своей потребности попробовать свои силы. И точно также обе стороны говорят друг другу аргументы, которые они считают истиной: одни о новом духе времени, правах человека и т. п., а другие о освященном временем праве, о выгодах известного, привычного и т. п., и обе стороны стремятся удовлетворить потребностям возрастов человека.

Как и всегда, нововводители в 1809 году имели пример к подражанию, к которому они стремились. И пример этот был отчасти Англия, отчасти Наполеоновская Франция.³

Давно уже вышел указ о уничтожении коллегий и учреждении Государственного совета и министерств, вышел указ об экзаменах для получения чинов⁴ и указ о уничтожении преимуществ придворных чинов, и готовились другие, еще важнейшие, еще разумнейшие преобразования, которые пугали стариков, которые¹ *Зачеркнуто*: тогда как сущность побуждения изменять лежит только в том, что старое надоело, что из старого устройства видны только невыгоды, а удобства незаметны, что уже забыт тот труд, который был положен на то, чтобы ввести это старое, когда оно еще было новое, и что молодости нужно положить свои силы.

² *Зач.*: и т. п. фразы, служащие только предлогом для того, чтобы удовлетворить потребности молодости разрушать старое и творить новое, т. е. после старого жилья — убрать квартиру по своему вкусу, покуда еще есть на то энергия и охота.

³ *Зач.*: Эти нововводители совершенно разумно говорили, что во Франции и Англии учреждения лучше: там например есть ответственность министров, есть конституция, есть доступ всех сословий к высшим должностям, есть habeas corpus [хартия вольностей] и такие же постановления делали у нас.

⁴ *Зач.*: Они были совершенно правы, но забывали только одно, что эти преимущества вынесли Франция и Англия из революций, принеся вместе с преимуществами и много зол, и что нельзя взять одни преимущества без невыгод, что нельзя удержать самодержавную власть и конституцию, что лучше бы было бесспорно, ежели бы корова могла и под верхом ходить, но что нет на свете коровы-лошади и что надо выбирать одно из двух: или верхом ездить или молоко пить, а к лошади нельзя пришить коровье вымя, а к корове лошадиные ноги. Консерваторы, Карамзин с своей запиской о старой и новой России и другие, были тоже правы, но они забывали, что тот старый порядок, который они защищали, был точно также когда то новым и тоже, по примеру других, насильственно пришит к еще прежнему порядку.

знали, что им не дожить до плодов этих семян, и радовали молодежь, потому что молодежь любит новое. Как и всегда, и те и другие, полагая, что они приводят аргументы, и думая, что действуют вследствие мысли на основаниях разума, — и те и другие удовлетворяли только своей инстинктивной потребности. И так же, как и всегда, и те и другие, вследствие спора, забывали даже и свои мнимые доводы и действовали только вследствие¹ одной страсти.

— А, так вы говорите, что дворянство было опорой трона, так вот, не угодно ли, пятидесятилетним надворным советникам держать экзамен, — говорил Сперанский.

— А, вы говорите, что новый дух времени лучше, так я вам докажу, что при Иоанне Грозном русские были счастливее, чем теперь, — говорили Карамзин и противники. И те и другие думали, что судьба человечества и наверное России и всех русских зависит от решения их спора о введении или не введении в действие указа о министерствах или экзаменах. И в этом то, как и всегда, они более всего заблуждались. Никому, кроме тех, которые в споре о том находили счастье жизни, не было никакого дела ни до министерств, ни до экзаменов, ни до освобождения крестьян, ни до введения судов и т. п.

Жизнь с своими существенными интересами: здоровья, болезни, богатства, бедности, любви брата, сестры, сына, отца, жены, любовницы, с своими интересами труда, отдыха, охоты, страсти, мысли, науки, музыки, поэзии, — шла вне указов о министерствах и о коллегиях, как и всегда идет вне всех возможных правительственных распоряжений.

* № 99 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XI, XXII, XXIII).

Приехав в Петербург в 1809 году, князь Андрей велел себя везти прямо в дом Безухового <(не собственный дом, но дом, занимаемый им на Мойке со времени женитьбы, из которого Pierre, несмотря на дороговизну, не переехал, и жил один)>. Въехав в ворота, он спросил, дома ли? уверенный, что вопрос этот мог относиться только к Pierre'у, так как графиня была в Эрфурте, с тех пор приезжала в Петербург и опять уехала за границу.

— Графиня выехали, — отвечал дворник.

— Так стало быть Петр Григорьевич не живет тут?

— Они дома.

Князь Андрей был так удивлен этим известием, что он едва удержался от выражения недоумения перед дворником. Он послал наверх слугу спросить, может ли остановиться тут, но сам пошел вслед за слугою.

Дом был большой, половина Pierre'a была наверху в низеньких комнатках. Он остановил слугу и вошел сам. Pierre в выпущенной рубашке, с голыми, толстыми ногами в туфлях сидел за столом и писал. <Низкая комната была накурена.

¹ *Зачеркнуто*: одного желанья: оскорбить друг друга.

— Что я вижу? — радостно закричал Pierre и бросился к своему другу. —
Разумеется, у меня, нигде, как у меня.

— Да, как же ты с женой? — с улыбкой сказал Андрей.

Pierre интересовался не вопросом, а тоном, которым он был сделан, звуком голоса, улыбкой и в особенности лучистым светом глаз. Он в мгновение, с чутьем любящей женщины понял, что друг его — другой человек и ожил.

— Да с женой, — отвечал [Pierre], — я вам объясню всё: с женой и очень рад и спокоен, что с женой. Я расскажу, как это всё сделалось. Но как я рад. Ах, как я рад. А я вот за работой, — начал он, — аббат... вы не знаете его, это — удивительный человек. Я вас с ним непременно познакомлю. Можете представить, это — проект мира вечного. Он мне оставил. Много есть маниака, но мысль глубокая; я делаю отметки и увлекся, пишу целый traité,¹ ну, да после. Ведь мы два года не видались. Помните паром?... Что за прелесть была весна. Как вы, зачем вы? Как я рад.

Он говорил, что рад, и Андрей понимал, что друг его был рад не только видеть его, но видеть его ожившим. Он не только не скрывал этого, но, чтобы дать тон своего положения, тотчас сказал ему:

— Зачем? Ты удивишься.² Дела с тестем. Тебя посмотреть и отсюда в Крым. Я нездоров, и очень нездоров.

— Что вы!

— Да, ну что нового? Окончил ли работы <Сперанский?>

— Да, капитальные перевороты. Но вы читали записку Карамзина?

— Я ни сперанцист и ни карамзинист, но, признаюсь,³ имею свое мнение, в котором схожусь с Монтескье. Но как ты опять с графиней? *Donnez moi le mot de l'énigme.*⁴

— Я? — Pierre слабо улыбнулся и одной этой улыбкой сказал всё. Сказал, что его окрутили и свели с женой против его воли. — Я? *Au fond c'est une bonne pâte de femme, elle a ses défauts, je n'ai pas le moindre amour pour elle,*⁵ но надо было ей помочь и спасти. Она гибла, а мне — всё глупости, всё пустяки. Душа моя, как я вам рад.⁶ Сперанский, что за человек... Ах, да, Ростовы здесь, у них сватья: старшая дочь за Берга, — сказал он.

— Ведь вы их знаете? Меньшая говорила мне про вас. Это — лучшее было известие о вас...

Он не договорил. Андрей смутился и не мог скрыть смущения. Pierre сгорел, как маков цвет.

¹ [трактат,]

² *Зачеркнуто:* Служить в комиссии составления законов.

³ *Зач.*: вижу громадность дела и хочу помочь. Меня вызвал Кочубей, ну я и приехал.

⁴ [Дайте мне ключ к загадке.]

На полях: у Hélène важнейший дом в Петербурге. Партия — французские дипломаты, умнейшие люди: Билибин, Разумовский.

⁵ [В сущности она не плохая женщина, у нее есть недостатки, я не чувствую к ней ни малейшей любви,]

⁶ *Зач.*: Так вы серьезно смотрите на эти преобразования. Дай бог.

— Что за прелесть, что за девушка. Я не знаю...

— Очень милая.

Опять они заговорили о Сперанском, о указе и избегали говорить о Наташе. Они слишком хорошо знали друг друга и поняли, что для каждого из них она была — лучшая надежда в жизни. Андрей рассказал, что всё таки одно, что он любил (а Наташа?) — была война и он ехал в Турцию принять полк. Притом праздность — мать всех пороков, причина ошибок, заблуждений («женитьба на Наташе», подумал Pierre) и он ехал делать *что нибудь*.

На четвертый день своего приезда, как четыре года тому назад, Андрей получил розовую записо[чку] от Анны Павловны, узнавшей, что он тут, и поехал к ней вместе с Pierr'ом. То же было, только вместо эмигранта был секретарь французского посольства и похвалы Наполеону раздавались.

Князь Василий заглушал сам себя бессмысленным мычаньем, хваля Бонапарта [avec] empressement [?].¹

«L'amitié d'un grand homme
Est un bienfait des Cieux».²

Князь Андрей. — Да, особенно, когда эта дружба после драки.

— Ваша бедная жена.

— Да, ежели бы женщины не рожали, они бы были совершенно вам приятны, только Наполеон не того был мнения в своем разговоре с m-me Staël, а V[icomte] такой приятный юноша. Pierre держал себя прилично, пока не стали говорить о континентальной системе. Он вдруг напустился на Наполеона с точки зрения республиканца.³ А[нна] П[авловна]: Несчастливая война.

— Да, в особенности вследствие потери NN, а сорок тысяч человек — ничего. К[утузов] вдруг стал глуп, это часто бывает. Борис с приятным достоинством рассказывает о чувствах императора. Оттуда едут к Ростовым на ужин. Дорогой говорят о Б[орисе].

— Он уйдет очень далеко, потому что он один не пошлый дурак между ними, идиотами, и вместе с тем имеет такт не оскорблять их своим превосходством и притворяется равным им. Много он уступает, многое он принял от них.

— Мне его жалко. Чтоб умереть, нужно узнать тщету жизни; иному, как мне, дается это ударом, сразу, потом дотираешь пустую форму, а другим, бедным, как ему, раздувают эту форму и всё кажется, что что то есть, пока не лопнет этот осторожно надутый пузырь. О А[нне] П[авловне]. О них судить нечего.¹ [с торопливостью.]

² [«Дружба великого человека — дар небес».]

³ *На полях:* Однако, надо сходить к твоей жене. Очень неприятно. Она с большим тактом кокетничает, но кажется Борис признанный любовник.

Графиня Hélène очень с тактом себя держит.

А[нна] М[ихайловна] спрашивает пренебрежительно о Ростовых. — Allez, Boris, vous me ferez plaisir, ils ont été si bon pour vous [Съезди, Борис, ты мне доставишь удовольствие, они были так добры к тебе.]

Hélène обожает франц[узов]

Это — эхо, а голоса нет и эхо все перевирает, опаздывая. Они — никогда не в такте. Когда подступает новое, они все верят в старое. Когда новое делается отсталой пошлостью и передние умы уже видят новое, они только разжуют ее. Так теперь с Наполеоном. Ежели бы я мог еще допускать великих людей, как четыре года тому назад, я бы давно разочаровался в Бонапарте и я с тобой согласен. Теперь это — ничтожество, пустота, близкая к своей гибели, сама себя заевшая. — Князь Андрей был в умственном раздражении, как и всегда возбужденный Pierre'ом. И насколько ни возвысился Pierre за это время, он всё видел это громадное пространство между собой и Андреем и радовался ему. Князь Андрей еще больше ушел в область мысли.¹

У Ростовых была свадьба и вечером бал. Дела Ростовых шли всё хуже и хуже. Они жили в деревне; чтобы спасти имение, надо было продать родовый дом. Старый граф медлил. Он приехал в Петербург искать место для поправления дел и вместе с тем последний раз повеселить дочерей, прежде чем зарыться в деревню. Но несмотря на московские обеды, на знакомства со всеми в мире, место не получалось. Надо было просить или через Аракчеева или через Сперанского. Оба презирали таких людей, как старый граф. А тут Берг, который устроил свою судьбу, про которого все уже переставали говорить, что он глуп, потому что он был уже полковник, несмотря на то, что только потому он и был полк[овником], что все соглашались, что он слишком глуп для того, чтобы не сделать ему того, о чем он так наивно просил, — Берг сделал предложение, Лиза согласилась. Отец, мать и брат поморщились и согласились. Отец морщился особенно оттого, что надо было дать приданое, деньги, а их не было. Он хотел дать вексель, но Берг не согласился, чуть не расстроилась свадьба. Граф занял восемьдесят тысяч и дал. Но это была брешь, после которой нельзя уже было колебаться в продаже дома и подмосковной. Nicolas приехал из полка, где он служил, рядовым, гусарским, честным, храбрым товарищем (на таком он был счету), штаб ротмистром, чтобы быть шафером сестры. Nicolas загрубел после Тильзита. В доме было грустно. Он отделился всеми интересами в полковую жизнь.² Езда, ученье, игра, попойка, война, производства, дружба и главное праздность, эта полная прелести полковая.¹ *На полях:* Приятно после скучного вечера.

— Ну давай ругать хозяев. —

Не Бонапарт, а le droit des gens [народное право]. Свобода, конституция.

Pierre разговаривает с Андреем о Наташе.

— Я бы женился, коли бы я знал и смел.

Pierre, сам не зная зачем, бежит и рассказывает это Наташе. Он не думает, что любит, но уважает ее больше всего в мире. Не понимает, как решаются обнять ее, танцуя, как лакеи не слышат, как стена не посторонилась.

Поперек текста написано: Pierre считает столь ничтожной всю жизнь, что не стоит и не сойтись.

В 1810 князь Андрей был опять проездом.

На полях: Андрей узнает от Pierre'а и от Бориса о отношениях Наташи с Борисом и мучается и вследствие того воздерживается от предложения.

² *Поперек текста написано:* Уговаривают Nicolas жениться.

праздность. Сидит у заваленки, ничего не делает, не ждет, не думает. Придет на новую стоянку, люди все милы и просты кажутся. А тут поход, сражение — убьют может быть. Он загрубел. Ни новой музыки, ни новых песен, книг, интересов. Кроме того, он бежал из дома оттого, что его хотели женить на богатой невесте, и тут ему Соня жертвовала собой. Всё это было скучно. В Петербург он приехал с Васькой. В этот вечер, когда приехал Андрей с Pierr'ом, все обожатели Наташи были налицо: Борис, Андрей, Pierre, Денисов, и Наташа была на себя не похожа от радостного волнения; она вся дрожала и радостно светила. Она была теперь вполне прелестная собой девушка, в полной силе красоты и молодости.¹

Ростовы в Москве без сомнения принадлежали в высшему свету, но в Петербурге они не могли быть высшего круга. Их общество было смешано. Были В. Денисов, сам жених Берг и был Анатолий Курагин, который в то время был львом Петербурга (он как то раз вошел в связь с замужней женщиной высшего света, убедился, что это нетрудно, стал смелее с другими и сделался лев), и Борис, державшийся в самом высоком кругу. Старые Ростовы не чувствовали и знать не хотели, к какому они принадлежат кругу, но, как и всегда, молодые чутче на эти оттенки и особенно Наташа по своей тщеславной натуре чувствовала это.

Pierre и Андрей приехали раньше других. Еще никого не было. Наташа одна в бальном платье ходила, постукивая каблучками, по зале с веером в руках (она была рада, что она как большая) и напевала. Она увидела Pierr'a и весело улыбнулась, но, увидав Андрея, она задрожала ясно от радости, но как будто она испугалась. Она справилась. Князь Андрей сиял лучистыми глазами, говоря с ней самые пустые, ничтожные вещи. Pierre видел это и грыз пальцы. Он бессмысленно ревновал. Вошел гусар с усами, загорелый, особенно обрадовался Андрей. Жених с невестой классически сидели, и тот веселый, поэтический бог, который парит над соединяющейся четой, стоял в воздухе. Тут был и Денисов, но невестой всех их четырех была одна Наташа. В ней был фокус всего света. Она была счастлива, кокетничала со всеми, но не выпускала из виду Андрея и перед одним им робела. Она потребовала от него вальса и он, пощелкивая шпорами, пошел один, потом другой. Она кокетничала и с Анатодем, но не обращая на него внимания. Борис по[пался] ей и она, как бы желая наказать его, заставила его пожалеть, что они [1 неразобр.] разошлись. Она и Бергу велела подать себе опахало и он улыбался и отец улыбался, глядя на нее издалека.

— Моя то, моя то!

— Послушайте, — сказала она Андрею, — как я рада, что вы теперь тут. Нам веселее будет.

¹ *На полях:* Анатолий с Nicolas. Nicolas презирает его.

Князь Андрей боится потерять ее при виде ее действия на других, но всё не изменяет сво[его] р[ешения].

— Я еду послезавтра.

— Как? — строго спросила она. — Нет, — умоляюще сказала она. — Не может быть.

Ночью, вернувшись домой, Pierre отмалчивался от речей князя Андрея, потом он вдруг повалился на подушку и заплакал.

— Боже мой! Что со мной, Андрей, я влюблен, до безумия влюблен, я без нее жить не могу.

— А, так вот оно когда пришло, — сказал князь Андрей, стараясь говорить просто.

— Да, а она любит вас. И слава богу, но я несчастлив. Я знаю, что я сделаю, я сопьюсь с круга.¹ Сколько жизни, тонкости, сколько пороков и сколько прелести, — говорил он, соглашаясь и вспоминая каждую ее фразу, ее мину... А она в то время не спала и тоже плакала.

— Как он смел сказать, что он едет. Я спрошу еще у него. На другое утро Наташа была такая же безумная, как всегда, она верхом ездила на брата и кричала: дайте мне мужа! Доложили о князе Андрее. Она, не заботясь о том, что скажут, побежала вперед в залу и встретила его.²

— Вы едете? — спросила она, дрожа от волнения и страха и глядя на него страстными глазами, испугавшими его своей серьезностью. Он так был счастлив, что долго не мог оторвать глаз и д[олго] ничего не говорил.

— Вы совсем едете?

— На два года, я думал.

— Ну, это навсегда. Кто переживет два года, прощайте. — Она подала ему руку. Он поцеловал ее. Она отвернулась и пошла назад.

— Послушайте, постойте, — сказал он, сам не зная, что он будет говорить. Она остановилась и слезы остановились на ее глазах.

— Ежели вы полюбите когонибудь, выходите замуж, но когда будете выходить, напишите мне, чтоб я знал.³

¹ *Зачеркнуто*: И, несмотря на увещания князя Андрея, он потребовал вина.

² *На полях*: Она в жемчугах. Нельзя подумать, что отец разорен, и это неправда, думают, глядя на нее.

— Правда, что мне сказал Безухов?

— Правда.

— Ради бога не уезжайте. — Что же вы мне говорили?

— Я — разбитое сердце. Ежели вы найдете лучшее. — Он нагнулся и отечески и учтиво поцеловал ее руку. Он не смел подумать о большем.

³ *На полях*: Андрей начинает говорить о политике. Pierre говорит: к чорту всё.

Князю Андрею — тогда любовь, когда он не желает ее, — тогда слава, когда он не желает ее.

Он уезжает от Бориса и его истории или оттого, что сказал себе, что он не может любить.

N[icolas] Ростов — дома, охота с Наташей — самое счастливое время, дяд[юшка].
Дайте мне мужа. Едет в Москву.

— Хорошо. — Она вся дрожала от волнения и страсти. Она ждала, что он обнимет ее. Она не знала, как сделать предложение, может так. О, как бы она прижалась к нему. «Хорошо. Что же это», подумала она, «Борис тогда обещал через четыре года. И он тоже после. Нет, он не такой». Она всё ждала, но он тихо и учтиво прошел мимо нее и простился, вставая после болтовни со всеми и с нею при всех. Выходя, он взглянул на нее. Грудь ее поднималась и лицо было искривлено детскими рыданиями. Он поспешно вышел. Она решила, что она любила его одного в первый и последний раз, и сказала Соне.>

* № 100 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. VIII).

¹ Приехав в Петербург в 1809 году, князь Андрей велел себя везти прямо в дом Безухового, полагая, что ежели, как и надо предполагать, Pierre не занимает один этот известный всему Петербургу огромный дом на Мойке, то по крайней мере там он узнает, где живет Pierre. Въехав в ворота, он заметил, что дом обитаем, спросил дома-ли? уверенный, что вопрос этот мог относиться только к Pierr'у, так как графиня, Андрей знал, жила отдельно и последнее время со всем двором жила в Эрфурте.

— Графиня выехали, — отвечал дворник.

— Так стало быть граф Петр Григорьевич не живет тут? — спросил князь Андрей.

— Они дома, пожалуйста!

Князь Андрей был так удивлен этим известием, что он едва удержался от выражения недоумения перед дворником и вслед за слугой пошел в комнаты Pierr'a. Дом был большой, половина Pierr'a была наверху в низеньких комнатках. Pierre в выпущенной рубашке, с голыми, толстыми ногами в туфлях сидел за столом и писал. Низкая комната была завалена книгами и бумагами и накурена так, что днем было темно.²

³ Pierre видимо так был увлечен своим делом, что он долго не слышал шума входивших. На голос князя Андрея он оглянулся и прямо глядел в лицо Болконского, но всё еще видимо не узнавал его. Лицо Pierr'a было нездорово, опухше и желто-бледно и в глазах и губах было выражение досадливо-озабоченное. «И опять несчастлив», подумал князь Андрей, «и не могло быть иначе, как скоро он опять сошелся с этой женщиной».

— Ах, это вы! — воскликнул Pierre.— Слава богу, наконец!

Но в тоне Pierr'a не было заметно той прежней детски-восторженной радости. Он обнял князя Андрея и тотчас же повернулся к своим тетрадям, стал складывать их.

¹ *Зачеркнуто:* Князь Андрей ехал в Крым.

² *На полях:* Андрей сочувствует Сперанскому, но слабость: кутейник. — Не могу. Что хочешь, не могу. Это стыдно, но [1 *неразобр.*]

Князь Андрей в 1810 расцветает весной после четырех лет, как старый дуб, и едет <к Кутузову в армию> в Крым.

Вообще масонство.

³ *Зач.:* Князь Андрей приехал в Петербург с намерением остановиться у Pierr'a.

— Ах, я и не слышал, я так занялся... Разумеется у меня останетесь, больше нигде... Слава богу, — говорил Pierre. И в то время, как он это говорил, князь Андрей еще очевиднее, чем прежде, заметил на одутловатом лице его новые морщины, и в особенности общее выражение мелкой озабоченности, скрывающей обыкновенно неясность существенных условий жизни.

— Так ты не получил моего последнего письма, — спросил князь Андрей, — где я тебе пишу про свою болезнь и поездку...

— Нет... ах да, получил. Что с вами, неужели вы точно больны? Нет, vous avez bonne mine.¹

— Нет, плохи мы с тобой, дружок.² Стары становимся, — сказал князь Андрей.

— Стары? — подхватил испуганно Pierre. — О нет. — Он смущенно засмеялся. — Напротив, я никогда так вполне не жил, как теперь, — сказал он. Но тон его подтверждал как будто слова князя Андрея. Pierre повернулся опять к своему столу, как будто по привычке отыскивать на этом столе в своих бумагах спасение от жизни.³

— Вы знаете, за чем застали меня?⁴ Я пишу⁵ проект преобразования судов...

Pierre не договорил, заметив, что князь Андрей, усталый с дороги, снимал дорожное платье и отдавал приказание слуге.

— Впрочем, что ж я вам говорю, еще успею. Ах, как я рад вам. Ну, что княжна Марья Николаевна, ваш отец? Вы знаете, что это пребывание в Лысых Горах осталось мне лучшим воспоминанием...

Ответив на все его вопросы, [князь Андрей спросил его:]

— Ну, что братья масоны? Как идут работы?

— Хорошо, — отвечал нерешительно Pierre. — У нас теперь именно очень оживленно. На днях готовится торжественное собрание. Мы получили из шотландских лож большого Востока послание, и готовится соединение Ищущих манны с Астреею. Вы долго пробудете?⁶

Князь Андрей молча улыбнулся.

¹ [вы хорошо выглядите.]

² *Зачеркнуто*: отжито, — сказал князь Андрей под впечатлением поразительных признаков постарелости своего друга, еще более, чем всегда, наведенный на свою манию мнительности.

— Отжито.

³ *На полях*: Вы ведь знаете все, что теперь делается Сперанским. Теперь только оживает наша Россия. Я не согласен с этим.

На полях второй редакции: P[ierre] в Сперанском. Он верит в людей. Пишет государю: сделайте это и это.

Государь передал его записку Сперанскому и он работает над сводом, когда его застает Андрей. «Все юристы».

⁴ *Во второй редакции*: перевожу и разъясняю трактат о самопознании.

⁵ *Зач.*: <возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он <говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его, во времени...> хочет переделать учреждения России но исказив конституционных государств> возражение на проект Сперанского о уничтожении коллегий.

⁶ *Зач.*: Я введу вас непременно.

— Нет, не думайте, — отвечал Pierre на эту улыбку так же определенно, как бы князь Андрей словами выразил ту мысль, которую означала эта улыбка. — Нет, не думайте, чтобы у нас преобладала формальность и внешность. Нет, у нас есть замечательные люди. Теперь великий мастер здесь. Он — замечательный человек. Я говорил ему о вас...

— Ну, как я счастлив, как я рад, — говорил Pierre, начиная понемногу входить в прежнее, естественное и искреннее оживление. В это время, с легким скрипом сапог, в комнату вошел щегольской, блестящий новизной ливреи, румяный лакей и почтительно и достойно поклонился.

Pierre поднял кверху голову, прищурился, сморщился, и прежде даже, чем лакей начал говорить, стал подтверждая каждое будущее слово лакея, слегка одобрительно кивать головой.

— Ее сиятельство графиня Алена Васильевна приказали доложить вашему сиятельству, — отчетливо и приятно выговаривал лакей, — что как они изволили узнать о прибытии князя Андрея Николаевича, то не прикажете ли отвести для них внизу княжонскую половину?

— Да, хорошо, хорошо, да, да, да, да, — скороговоркой повторял Pierre. Несмотря на всё свое участие к судьбе друга, князь Андрей не мог не улыбнуться.

— Давно возвратилась графиня? — спросил он по уходе лакея. Князь Андрей чувствовал, что спрашивать о том, как опять Pierre сошелся с женой, было бы неприятно для Безухого, но и обойти молчанием эту новость было бы также неприятно.

Pierre слабо улыбнулся и этой улыбкой сказал князю Андрею всё, что хотел узнать Болконский. Он сказал этой улыбкой то, что во первых его заговорили, запутали, обошли и против воли свели его с женой; во вторых сказал то, что было всё таки основным верованием Pierre'a, сказал то, что жизнь так коротка, так глупа, что не стоит того не сделать того, чего другим так хочется, не стоит верить, так же, как и не верить чему бы то ни было. На словах же он сказал по французски:

— Vous voulez le mot d'énigme? Eh bien, mon cher, il faut que je vous avoue: j'ai été trop entier, j'ai eu tort et puis au fond c'est une bonne pâte de femme... Elle a ses défauts, mais qui n'a pas les siens. Et puis quoique je n'ai d'amour pour elle (entre nous) elle est ma femme et puis.... et voilà...¹

Pierre совсем смутился этим объяснением и тотчас же опять подошел к столу, взял свою тетрадь и начал говорить про предмет своего сочинения. Теперь уже совершенно очевидно было князю Андрею, от каких преимущественно мыслей спасался ¹ [Вам нужен ключ к разгадке? Итак, милый мой, сознаюсь вам, что я был слишком упорен и я был не прав. Затем, в сущности, она, сама по себе, не плохая женщина... У нее есть недостатки, да у кого их нет. И потом, хотя любви к ней у меня нет (между нами), она — моя жена и затем... ну и вот...]

Pierre своей работой над¹ запиской о старой и новой России, и ясно стало, отчего так одутловато стало лицо Pierr'a и так скоро показались на нем складки, не столько старости, сколько опущенности.²

— Вот видите ли? Я вам начал говорить о моей записке.³

Я полагаю, что одних конституционных форм ответственности министров и т. п. мало.⁴ Необходима полнота преобразования. А что ж, может быть.

Князь Андрей знал до малейших подробностей о том, что делалось Сперанским, и имел об этом свое особенное понятие. Он считал всё существующее устройство таким безобразным, так презирал и ненавидел все правительственные лица, что революционная, ломающая всё деятельность Сперанского была ему по сердцу. Сперанский, которого он никогда не видал, представлялся ему чем то вроде гражданского Наполеона. Он радовался его возвышению, унижению прежних государственных лиц и из за тех преобразований, которые делались, видел всю общую основную мысль этих преобразований. Он видел освобождение крестьян, палаты депутатов, гласность судов и ограничение монархической власти.⁵ Сперанский интересен ему был, как выражение новых идей и протест против старых.

Он вполне был согласен с мыслию Pierr'a, но в эту минуту это мало занимало его.⁶

— Так вы очень интересуетесь Сперанским? — говорил Pierre. — Вы знаете, что он масон, я через Hélène могу вас свести с ним.

— Да, это замечательный человек, — говорил князь Андрей.

— Ах, вы знаете, à propos de Speransky,⁷ кто здесь? Ростовы. Они много говорили про вас, — сказал Pierre.

— Отчего же à propos de Speransky? — сказал князь Андрей, и к удивлению своему чувствуя, как он краснел при упоминании о Ростовых.

— Меня просили похлопотать через Сперанского о месте для¹ *Во второй редакции:* трактатом о самопознании

² *На полях:* Разговор о падшей женщине.

³ *Зачеркнуто во второй редакции:* Несомненно, что цель наша есть совершенствование, а для совершенствования есть одна ступень — самопознание. Мы же достаточно понимаем это... Выслушав трактат Pierr'a, видимо мало интересовавшийся князь Андрея, он спросил о Сперанском и о том, скоро ли введен будет в действие весь свод преобразований.

⁴ *Зач.:* но я возражаю против неполноты, произвольности и случайности этих преобразований.

⁵ *Зач.:* В свою поездку в Петербург он обещал себе увидеть и узнать Сперанского и, ежели бы это нужно было, предложить ему свое содействие. Он понимал мысль Pierr'a, состоящую в том, что конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция будет только внешняя и не привьется народу, но не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народом люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им.

⁶ *Во второй редакции:* Одной из главных целей его поездки в Петербург было узнать до малейших подробностей всё, что делалось в этом мире преобразований, и даже принять в них участие, ежели представится ему возможность достойной его деятельности.

⁷ [кстати о Сперанском,]

старика Ростова, — отвечал Pierre, — но я боюсь, что этот добрый старик именно не такого сорта человек, который протезирует Сперанский. Вы знаете, их дела очень плохи. Вы будете у них?

— Да, непременно. Так твоя записка... — сказал князь Андрей, желая переменить разговор. Но Pierre не всё еще сказал о Ростовых, и Андрей заметил, как особенно по старому оживился Pierre, как скоро заговорил о них.

— Славное, прекрасное семейство. Вы знаете, бывают минуты уныния, грусти. И мне стоит только поехать к ним, я оживаю. Меньшая какая прелесть. Я помню ее почти ребенком. Вы знаете, что я никогда не был влюблен, но вот женщина, к которой я мог бы испытать это чувство.

Князь Андрей удивился, что Pierre чувствовал прелесть Наташи так же, как прежде удивляло Pierre'a тоже, что другие это чувствовали, и как казалось всем, чувствовавшим эту неопределимую прелесть. Но князь Андрей не хотел говорить с Pierre'ом о том, что еще в сомнениях и тайне ворочалось в самой глубине его души.¹

Графиня Алёна Васильевна Безухова, и прежде имевшая один из первых салонов Петербурга, теперь после приезда своего из Эрфурта, где, как слышно было, она была удостоена предпочтением одного очень и очень значительного лица, и в особенности после соединения своего с мужем (муж, именно такой муж, как Pierre, был необходимым условием для вполне модной женщины), теперь графиня Безухова и ее салон были несомненно первыми в Петербурге. Князь Андрей по своей прежней репутации модного петербургского молодого человека и вообще по своему положению в особенности потому, что это был молодой мужчина (Hélène предпочитала общество мужчин), был сочтен ею не недостойным некоторых *frais*.² На другой день после приезда он был приглашен вниз, на половину графини, обедать и на вечер.

Князю Андрею нельзя было отказаться, и Pierre, не любивший вообще обедать у жены (он обедал обыкновенно в клубе), собрался вниз вместе с своим другом.

— *Vous devez savoir, mon cher,* — сказал Pierre, бреясь, — *que le salon le plus huppé de Pétersbourg c'est le salon de ma femme.*¹ *На полях:* Князь Андрей был новинкою в Петербурге. Заслуга его на известность теперь была в том, что он, интересный вдовец, бросил все и посвятил себя сыну и, исправи[вшись], обратился на путь истинный, делает много добра в деревне и главное отпускает крестьян.

Hélène только приехала из Эрфурта. Обед и вечер у Hélène. *Le salon le plus huppé de Pétersbourg est le salon de ma femme* [Самый важный петербургский салон это салон моей жены]. Сам Pierre удивляется, как она так умно говорит с людьми, а сама глупа. Князь Андрей заметил кроткий фатализм выражения Бориса. За обедом еще свежее впечатление Эрфурта. Для князя Андрея любезность посадить его рядом с Анной Павловной. Hélène обожает французов.

² [стараний.]

Vous trouverez chez elle les hommes les plus distingués du corps diplomatique et surtout de l'ambassade française: Caulaincourt vient chez elle.¹

Князь Андрей только шурился, слегка улыбаясь, слушал Pierr'a.

В шестом часу вечера (по новейшей моде) графиня в простом (оно стоило восемьсот рублей) бархатном, черном платье, с такими же кружевами, приняла князя Андрея в своей тоже простой (стоившей отделкой шестнадцать тысяч) гостиной. Разнообразный званиями и мундирами мужской двор приближенных графини, в числе которых преобладали французы, уже окружал графиню. Из знакомых князю Андрею был здесь один Борис, который сразу болезненно поразил князя Андрея по незаметным для других, но для него ясным как день, отношениям его к жене и мужу Безуховым.

Главной чертой Бориса, теперь уже ротмистра гвардии и адъютанта N. N., были все те же приятная представительность и calme,² но такой calme, за которым по тонкой улыбке, живущей в глазах и губах, видно было, что скрывалось многое. Правда, князь Андрей, уже входя в гостиную, был готов во всем отыскивать признаки несчастья бедного Pierr'a, но его особенно поразил тон особенной и несколько грустной почтительной учтивости, с которой Борис встал перед Pierr'ом и, наклонив молча голову, приветствовал его. Само собою разумеется, что это была фантазия Андрея, но часто фантазии открывают истину вернее, чем очевидные доказательства. Князю Андрею показалось, что выражение лица Бориса в то время, как он здоровался с мужем Héléne, было кротко стыдливое и фаталистическое, как будто он говорил: «я вас уважаю и не желал вам зла; по страсти наши и страсти женщин не во власти нашей. Ежели я по страсти сделал вам зло, и вы считаете это злом, то я во власти вашей и готов нести всю ответственность своего положения. А ежели, впрочем, вы ничего не знаете и не думаете, — говорил вместе с тем насмешливый свет в его глазах, — то тем лучше для тебя, мой милый». Это представилось князю Андрею, но странно все последующие наблюдения над Борисом и Héléne, от которых он не мог воздержаться, подтверждали первое впечатление. Борис сидел не в числе окружавших графиню; он держался в стороне, занимая гостей, как домашний человек и, как человек, который доволен тем, что ему принадлежит в действительности, и потому не желающий выказывать больше того, что у него есть. Потом князь Андрей заметил, что графиня попросила Бориса передать что то с особенно холодным взглядом. Потом он заметил их мгновенные взгляды в то время, как они не говорили друг с другом, и, наконец, когда в разговоре Борис обратился к графине и сказал ей: «Madame la¹ [Нужно вам сказать, милый мой, что самый важный петербургский салон это салон моей жены. У нее бывают все выдающиеся дипломаты, особливо из французского посольства. Коленкур ездит к ней.]

² [спокойствие,]

comtesse»,¹ по тону, которым это было сказано, князь Андрей до очевидности понял, что Борис наедине не говорил ей «madame la comtesse», а говорил ей «ты», и что Борис наверное был, есть или будет ее *amant de coeur*,² вместе с тем, какое то очень и очень высокое лицо, о связи которого с Héléne было известно всему миру, был *amant avoué*.³

Pierre в свете, в гостиной жены, был, как всегда, оживленно говорлив и возбуждительно спорлив. Он со всеми был одинаков и во всех, казалось, искал только мысли. Видно было, что тут, в свете, он забывался так же, как и за своей работой.

Дам было мало: две или три неизвестные князю Андрею и Анна Павловна, которую, как друга покойной жены Болконского, с своим необыкновенным светским [тактом] для князя Андрея пригласила Héléne и за обедом посадила с ним рядом. Графиня Безухова принимала гостей и приняла князя Андрея с тою особенной *aisance*⁴ и уверенностью в своей безупречности, которой никогда не бывает у добродетельных женщин. Она еще похорошела за то время, что не видал ее князь Андрей. Она была очень полна, но не толста, необыкновенно бела — ни одной морщинки не было на ее прекрасном лице. Волосы были свои, необыкновенной длины и густоты. Соболи брови, как написанные, оттеняли гладкой, мраморный, выпуклой [лоб]. И всё та же, всегда та же улыбка румяных губ, или очень много или ничего не говоря, сияла на ее лице. Она была признанная красавица не только в Петербурге, но и за границей; весь партер поворачивался задом к сцене, когда она входила в ложу. Наполеон сказал про нее: «с'est un animal superbe».⁵ Она знала это и еще более была хороша от этого сознания. Князю Андрею она никогда особенно не нравилась, он никогда бы не выбрал ее своей женой, но и он теперь невольно подчинился этому влиянию красоты, элегантности и всего этого круговорота светской жизни. Не она ему нравилась, но [он] видел в ней цель, которую все признают желанною, к которой все стремятся, и ему захотелось занять место в этом турнире и попытаться победить всех. Кроме того, он после своего воскресенья так оживленно чувствовал себя расположенным и давно не испытанное им удовольствие быть в изящно обставленном светском кругу, что он сам не заметил, как, подсев к графине, он сказал ей несколько более чем обыкновенных светских комплиментов, и более, чем нужно, смотрел на нее. Он уже забывал и свою жену, и Pierre'a, и всё; графине это было приятно. Андрей был теперь особенно хорош собою и держал себя в гостиной так свободно и презрительно, что женщине приятно было бы смутить его; в середине разговора она вдруг обратилась к нему и замолчала,¹

[Графиня,]

² [любовник по сердцу,]

³ [признанный любовник.]

⁴ [непринужденностью]

⁵ [«это — великолепное животное».]

ее прекрасные глаза съузились, и из за длинных ресниц вдруг засветились такие наглые, страстные и грязные глаза (те самые, которые смотрели на Pierr'а, когда она в день обручения поцеловала его), что князь Андрей, отвернувшись, опомнился, и она опять не понравилась ему; [он] холодным тоном отвечал на ее вопрос.

Анна Павловна приняла князя Андрея в свое соседство за столом радушно, но с некоторым оттенком укоризны всё за его адъютантство Кутузова, так огорчившего государя под Аустерлицом. Разговор общий шел преимущественно о Эрфуртском свидании, бывшем новостью дня. Четыре года после последнего своего светского вечера с Анной Павловной князь Андрей слушал теперь восторженные речи о Наполеоне, том самом, который прежде предавался проклятиям.¹ Не было достаточно восторга и почтительности, чтобы говорить об этом гении. Графиня рассказывала про торжество Эрфурта, в разговоре называя, как своих близких знакомых, замечательнейшие лица в Европе. «Nous étions beaucoup de monde. Le duc de... le comte de...»² или: «Le duc de Luine m'a fait rire».³

«Как могут они ее слушать, и как она может так искусно притворяться, что она всё это понимает, и что она не дура?» — думал Pierre, слушая свою жену.⁴ Графиня рассказывала про знаменитый торжественный спектакль, в котором играл Racin'а Talma, и оба императора сидели перед сценой на эстраде на двух приготовленных им креслах, и как, когда Talma сказал:

«L'amitié d'un grand homme est un bienfait de dieu».

— Des dieux, comtesse, s'il est permis de rétablir Racine,⁵ — поправил один из французского посольства.

— Ah! je ne suis pas monodéiste,⁶ — сказала графиня.

«И от кого она выучилась и запомнила это слово», подумал, наливая себе вино, Pierre, «и догадалась сказать — не понимаю. А я ведь знаю, что она дура и не понимает ничего того, что говорит». Pierre много пил, как заметил князь Андрей. Графиня продолжала рассказ, состоявший в том, что, когда Talma произнес эти слова, император Александр, мы все видели, [взял] руку императора Наполеона и пожал ее.

— Вы не можете себе представить впечатление на нас. Все затаили дыхание.

¹ *На полях:* Разговор зашел о важнейшем: о свихнутой ноге императора Александра и о преобразованиях Сперанского.

² [Нас было много. Герцог такой то... Граф такой то...]

³ [Герцог Люин меня насмешил.]

⁴ *На полях:* Vous voyez, comme nous lançons nos fusées, mais elles sont suivies immédiatement par l'obscurité. [Видите, как мы пускаем ракеты, но тьма идет за ними следом.] Hélène говорит. Всем кажется умно, кроме Pierr'а и князя Андрея. Государь в Петербурге с поврежденной ногой. Слава богу лучше.

⁵ [«Дружба великого человека — дар бога».

— Богов, графиня, ежели вы разрешите восстановить Расина,]

⁶ [О, я не исповедую единобожия,]

Князь Василий доканчивал фразы дочери и значительно мычал, как бы говоря этим: «Ну, что же un grand homme, un génie. Eh bien, je n'ai jamais dis le contraire».¹

Анна Павловна принимала участие в этих разговорах и не отказывала в легком восторге и глубоком уважении к «sa majesté l'empereur des français»,² как она его теперь называла, но в ее восторге был оттенок некоторой грусти, долженствовавшей относиться к особенности взгляда ее высокой покровительницы на новый союз России. Она признавала Наполеона гением, оказавшим большие услуги революции и понявшим свои выгоды в союзе с Александром, но она всё соболезнавала о разрушенном старом порядке вещей и была всё-таки par conviction dans les bons principes.³ Одно, в чем она вполне сходилась с графиней, это был ее страстный восторг вообще к французам. — C'est la reine des nations. Être français et avoir un titre de noblesse,⁴ — говорила она. Князь Андрей, как всегда в гостиной, вступал и даже держал разговор, весело и колко противореча. Он, который всегда так охотно бранил русских, не мог удержаться от некоторых не понравившихся Анне Павловне замечаний о том, что поэтому лучше бы перейти в подданство Наполеона и никогда бы не воевать с французами.

— Да, это было бы гораздо лучше, — сказала значительно Анна Павловна.⁵

Pierre шутил и изредка блеском своей французской болтовни, несмотря на невыгодное положение мужа в гостиной жены, обращал на себя внимание. «Да, это ничего, не обращайтесь внимания, это мой муж», при этом говорило выражение лица графини.

⁶ С вечера, разойдясь из гостиной графини, Pierre поехал в клуб и, когда вернулся, Андрей уже спал. На другой день Андрей рано выехал по делам, обедал у тестя, вечером был в том доме, где его обещали познакомить с Сперанским, и только вечером вернулся домой и вошел в низенькие накуренные комнаты Pierr'a, с которым они целые сутки не видались.⁷

¹ [великий человек, гений. Ну, что же, я этого никогда не отрицал.]

² [его величеству императору французам,]

³ [по убеждениям за строгие принципы.]

⁴ [Это глава всех наций. Быть французом и принадлежать к дворянству,]

⁵ *Зачеркнуто:* Pierre всё время не вступал в разговор, но перед вечером, когда он сказал жене, что князь Андрей желает познакомиться с Сперанским, и графиня обещала это сделать, он вступил в разговор, зашедший о Сперанском, и бестактно и неприятно для всех <восхищавшихся в этом обществе Сперанским, начал умно и горячо, но длинно излагать причины своего несогласия со всеми намерениями Сперанского.> начал доказывать ошибки Сперанского.

⁶ *Зач.*: На другой день у князя Андрея были дела с тестем, необходимые выезды, явления, так [как] он всё еще был военный.

⁷ *На полях:* У Анны Павловны J. Maistre. Всё держится печаль о легитимизме.

Кат[олические государи] царствуют долго. Монета, университеты, библейское общество Юнга Штиллинга, старики.

— Как я рад, что я тебя застал дома, — сказал князь Андрей, расстегнувшись, ложась на отоманку и потирая лицо руками.

Pierre знал это выражение в лице Андрея, знал и любил его. Он положил свои тетради и, закурив трубку, попокойнее уселся против друга.¹

— Eh bien, savez vous, mon cher, je reste à Pétersbourg, on m'a fait des propositions que je ne puis refuser.² И в самом деле, такое время, такие перевероты, так кипит всё, так трещит гнилое, старое, что нельзя удержаться не дать и свой coup de main.³

— Вот как! Как я рад, — сказал Pierre. — Где же?

— Кочубей просит меня заняться в комиссии составления законов, потом мне предлагают место в Крым.

— Нет, оставайтесь здесь.

— Да, мы не видались с вами еще со вчерашнего вечера, — сказал Pierre. — Я думаю, странно на вас это всё подействовало, все эти восхваления Наполеону. Как иначе заговорило всё. Мне кажется, ежели бы я даже продолжал думать о Наполеоне то же, что думал прежде, я бы изменил своим мыслям, только чтобы не быть заодно с этой толпой.

— Да, — сказал князь Андрей, улыбаясь, — то, что мы с тобой думали и чувствовали четыре года тому назад, то они поняли теперь. Но для них Египет, итальянский поход, освобождение Италии, первый консул — было непонятно; pour faire une brèche dans leur entendement, il leur fallait tout le faste ridicule et dégoûtant de Tilsit et d'Erfurt.⁴ Они, как говорит Гете, эхо, а голосов нет. И как эхо, они, опаздывая, всё перевирают. Они никогда не поют в такт. Когда подступает новое, они всё верят в старое, когда новое делается старым, отсталой пошлостью, и передовые умы уже видят новое новое, они только начинают разжевывать старое, то, против чего они спорили. Вот и теперь с Наполеоном. Ежели бы я еще мог допускать великих людей, как четыре года тому назад, я бы давно разочаровался в Бонапарте и без Аустерлица.⁵

— А, — подхватил Pierre, — так вы того же мнения о Бонапарте. По моему это ничтожество, пустота, близкая к своей гибели. Это — человек, не выдержавший своего положения и измельчавшийся.

¹ *Зачеркнуто*: Князь Андрей много видел людей в этот день, много спорил, много получил впечатлений, задирающих и неудовлетворенных. После своей деревенской жизни, где каждая мысль, каждое впечатление додумываются до конца, он чувствовал себя спутанным и усталым. Ему хотелось, высказавшись, привести всё это в ясность.

— Боже мой, как на свете людей мало, — сказал Андрей. — Всё дураки, всё дураки, всё разумные дураки — вот что ужасно.

² [Знаете, милый мой, я остаюсь в Петербурге. Я получил предложения, от которых не могу отказаться.]

³ [не приложить своей руки.]

⁴ [чтобы пробить доступ к их разумению, нужна была помпа Тильзита и Эрфурта, вызывающая насмешку и отвращение.]

⁵ *На полях*: Разговор о том, что князь Андрей простил бы не жену, а девушку.

— Еще бы, еще бы, — говорил князь Андрей, кивая головой, как будто то, что говорил Pierre, было избитой истиной, хотя едва ли в Петербурге не они двое были этих мыслей.

Они помолчали и переглянулись. Им приятно было чувствовать, что они, хотя и живя врозь, так равномерно шли вперед в своих мыслях, что после долгого промежутка времени далеко впереди по дороге жизни они находили себя опять вместе.

Князь Андрей по естественной связи мыслей от этого сближения перешел к воспоминанию о Борисе, в 1805 [году] очень понравившемся ему. С ним, он чувствовал, они очень разошлись за это время.

— А помнишь, я тебе говорил о Друбецком, которого ты рекомендовал мне. Он мне очень нравился. И я очень ошибся. Я его опять встретил нынче. Он мне не нравится.

Опять они сошлись. Pierre точно также был прежде прельщен и разочарован в этом молодом человеке, но он по причине этих подозрений, которые он имел о Борисе, не откровенно выразил о нем свою мысль.

— Нет, он очень хороший молодой человек. И он имеет большой успех в свете и службе.

— Да, да, он уйдет очень, очень далеко. И этим то он не нравится мне. Il prend au sérieux le succès dans le monde et la carrière.¹ Это то и жалко в нем. Он умнее *их всех*. И это не трудно. Но он имеет такт скрывать свое превосходство, чтобы не оскорбить их и притворяется равным им. Это — главный рецепт успеха, но то то и жалко, что он не настолько умен, чтобы видеть, что это не стоит того. Ему кажется, что всё это очень важно — он старательно и бережно раздувает этот мыльный пузырь, и тем хуже ему будет, когда пузырь лопнет.

Pierre переменил разговор.

— Да, вы мне не говорите, видели вы Сперанского? Ну что?

Князь Андрей вздохнул.

— Encore une illusion de moins,² — сказал он. — Не то, чтобы я с тобой был согласен. Много можно и должно сделать, но не такими нечистыми, кутейницкими руками.

— Ah, ah, не говорите, ah, mon cher, quel esprit de caste.³

— Esprit de caste ou non,⁴ только не могу я переносить этого кутейницкого тона с тою же догматичностью и с каким то лоском иакобинизма придворного. Кутейницкий особенный род.⁵

— Mon cher qu'est ce que vous dites!⁶ Но подумайте, что это единственный человек, имеющий...

— Да и потом, — перебил князь Андрей, < — кому это нужно? ¹ [Он придает серьезное значение успеху в свете и карьере.]

² [Одним заблуждением меньше,]

³ [Ах, ах, кастовый дух, милый мой.]

⁴ [Будь то дух касты или нет,]

⁵ *Зачеркнуто*: — Нет я не согласен. Замысел его хорош, но меры не те...

⁶ [Милый мой, да что вы говорите!]

Разве крестьяне требуют свободы, разве они могут пользоваться ею? Вот я отпустил своих, и кому нужна у нас ответственность, свобода печати? Эти люди не могут понять свободы, потому что они привыкли смотреть снизу вверх.¹

— Ну, вы совсем не то говорили вчера. Я <всё это одобряю> его как человек, но... — и Pierre начал опять говорить на свою любимую тему. Князь Андрей не слушал его, он думал в это время о том, что как это случилось, что он действительно говорил и думал вчера совсем другое. В самом деле, неужели гордая холодность, с которой принял его Сперанский, и вообще esprit de caste,² с которой он смотрел на кутейника, заставила изменить весь взгляд на вещи? Или все эти впечатления, новые лица, разговоры успели так спутать его? Может быть. Он спрашивал себя и решительно не знал, каких он был убеждений о всем том, что в кабинете Богучарова представлялось ему так ясно, определенно и несомненно обдуманно. Он не мог разобрать всего этого и совершенно обратно тому, как поступал Pierre, от неясности в деле чувства спасаясь в деле мысли, князь Андрей от сознаваемой им умственной неясности почувствовал потребность спастись в чувстве. Pierre заметил во время своего изложения, что Андрей, не слушая его, чему то внутренно улыбался.

Он остановился.

— Знаешь что, — сказал Андрей, — поедем к Ростовым. Мне необходимо у них побывать, пое[дем].

И действительно, приехав к Ростовым, как только в гостиную, услышав о приезде гостя, едва удерживаясь от бега, вошла Наташа и, счастливая, испуганная и гордая, села и тотчас же вскочила, чтобы убежать в свою комнату и защекотать и перецеловать от радости всех домашних, т. е. какнибудь наружу излить свою радость, — тогда только вполне стали ясны для князя Андрея все эти вопросы, в которых он со времени своего приезда в Петербург чувствовал, что начинал запутываться. И вопрос об успехе в свете, и о Наполеоне, и о семейном горе Pierr'a, и о преобразованиях Сперанского, и о масонстве, и о назначении человека, — все эти вопросы стали ясны и решены. Стало ясно, что все эти вопросы не существуют, не имеют ни малейшей важности и что есть один только вопрос, счастливый вопрос о дубе, который всё ближе и ближе приходит к своему разрешению.³>

[Далее со слов: Денежные дела Ростовых не поправились в продолжение двух лет, которые они пробыли в деревне. кончая: Разговор кончился тем, что граф, желая быть великолепным и не подвергаться новым просьбам, сказал, что он выдает вексель в 80 тысяч. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XI.]

Но Берг, подумавши, сказал, что он не может взять один вексель, а просит сорок тысяч деньгами и на сорок вексель.

¹ На полях: В ложе князь Андрей ищет иллюминатства и нет его.

² [кастовый дух,]

³ На полях: Торжественное собрание ложи.

— Да, да, хорошо, — скороговоркой заговорил граф, — только уж извини, дружок, сорок тысяч я дам, а вексель, кроме того, дам на восемьдесят тысяч. Так то, поцелуй меня.

Через несколько времени граф за жидовские проценты достал деньги и отдал Бергу.¹

Разговор графа с Бергом был тайной для всех в доме. Замечали только, что граф и жених особенно веселы.²

<У Ростовых, как в Москве, так и в Петербурге теперь, был постоянно полон дом. Но, судя по обществу, которое застал у них Андрей, он сейчас увидел, что, хотя в Москве Ростовы и принадлежали к высшему кругу, здесь в Петербурге их общество было смешанное. Его это оскорбительно кольнуло и еще более кольнуло то, что старая графиня, Вера и Берг и даже Nicolas чувствовали это. Только Наташа и старый граф не видали и не чувствовали это. Первые были рады ему, как представителю высшего петербургского круга. А старик и дочь просто рады были ему, отраденскому знакомому. Князь Андрей всю жизнь потом помнил это свое посещение Ростовых и первый вход к ним. Вот как это было:³

В передней было особенно освещено, так что лари и ливреи непривычно блестели. Музыканты проносили инструменты. <Пока> они снимали шубы, Pierre спросил у лакея, что такое.

— Нынче бал.

— Вот как, да я и забыл, — сказал Pierre. — Ну всё равно.

Андрей слышал в это время в зале по паркету стук носка и каблук[ка] женского и напевавший голос отрывочную одну фразу в просторном резонансе большой залы.

«Какая другая, совсем другая есть жизнь, радостная, девичья, влюбленная, веселая», как всегда подумал князь Андрей свои дубовые мысли при звуке одного голоса Наташи. «Люблю я это ребячество и молодость, это оживляет меня», подумал он.

— И прекрасно, напьемся чаю и уедем от бала, — сказал он.

— Да, да, — сказал Pierre и он вошел вперед.

Улыбающийся голосок встретил его.⁴

— Нет, князь, непременно танцуйте... начал голосок и вдруг замолк на середине: Наташа увидела князя Андрея и испуганно покраснела.>

Князь Андрей поступил на службу и через месяц после своего приезда в Петербург его узнать нельзя было. Несмотря на дурной петербургский климат, кашель его прошел, он был озабочен и занят с утра до вечера, занимая очень важное место в комиссии ¹ *Зачеркнуто*: Это было в тот самый день, когда князь Андрей приехал к Ростовым.

² *Зач.*: Вскоре после этого приехал и Nicolas Ростов, сделавшийся загрубелым гусаром, и привез с собой

³ *На полях*: Борис с тоном презрения. Это заметил Андрей. Как Наташа встретила Андрея. Как она была под влиянием похвал. Что же он не едет.

⁴ *Зач.*: и князь Андрей по тону, с которым Наташа обратилась к Pierre'у, увидел, что это был друг, только друг, кот[орый]

составления законов. Он ездил в свет мало и то в серьезный и административный и дипломатический свет.¹ Он уже переехал на другую квартиру,² Pierre редко видал его. Pierre'у удалось ввести его в масонскую мастерскую, но к огорчению своему он видел, что Андрей мало сочувствовал этому делу. Pierre даже боялся, не подтрунивает ли над этим в душе князь Андрей. У Ростовых князь Андрей не был.³

Сам не сознавая того, он боялся их — боялся их мовежанренного, добродушного тона, боялся энканальироваться и вместе с тем боялся своих дубовых мыслей. Он работал много и не только вступил в партию заметной и деятельной молодежи, занимавшейся переделкой всего старого, но и занял в этой партии одно из первых мест. Он на ходившую тогда по рукам записку Карамзина о старой и новой России составил на французском языке записку, имевшую в известном свете большой успех. В записке этой на основании того же Монтескье, которого ситировал Карамзин, князь Андрей опровергал его. Несмотря на свою гадливость к кутейницкому происхождению Сперанского, князь Андрей служил у него и выказывал ему уважение. В предстоящей работе надо было князю Андрею избрать одно из двух: или отказаться от презрения ко всей массе стариков, или к одному Сперанскому. Он выбрал последнее. Князь Андрей твердо был убежден, что он не принадлежит ни к какой партии, как это всегда думают люди действующие, — он считал и Шишкова с его любовью к старине полезным человеком, и Карамзина приятным писателем и стилистом, и в Сперанском видел пятна. Но он, сам того не зная, принадлежал к партии либеральной молодежи и очень скоро сделался одним из заметных ее представителей. Как и всегда, он думал, что он действует вследствие разумных причин, а он увлекался неизбежной односторонностью каждого дела и видел только необходимость сделать. Вопросы его занимавшие — всё предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу [18]10 года, казалось ему существенным благом для народа и первым на очереди вопросом. Он забывал, так же как и все, что жизнь (и его жизнь) с воспоминанием о жене, с любовью к сыну, к сестре, к отцу, с разговорами с Pierre'ом, с дубовыми мыслями шла помимо и вне всех ¹ *На полях*: Философ дома, при столкновении с людьми слабеет.

² *Зачеркнуто*: и Pierre часто бывал у него. По просьбе [?] Pierre'a он согласился вступить в мастерскую масонскую ложу, но все это мало занимало его.

³ *Зач.*: <В начала года Pierre заехал, чтобы везти князя Андрея в торжественное заседание ложи и к м[астеру ложи], где они должны были иметь предварительное совещание.

Несмотря на часто повторяемые от имени Pierre'a, часто бывавшего у Ростовых, упреки от графа Ильи Андреевича, что князь Андрей их знать не хочет, в середине зимы Андрей получил приглашение на бал к Ростовым и, не имея предлога отказаться, по уговору приехал к Pierre'у, с тем, чтобы ехать с ним вместе.

В то время, как князь Андрей пошел к Pierre'у, у него сидел один из главных масонов Петербурга и между ними шло совещание, к которому князь Андрей не мог быть допущен, так как оба они были пятой степени ордена.

правительственных распоряжений, он забывал, что ни ответственность министров, ни палаты представителей, ни свобода крестьян и печати не могли ни на волос прибавить или убавить, его настоящего счастья. Ему казалось всё это очень важным. Мало того, он забывал часто даже самое дело и видел одни препятствия и от любви к делу переходил к ненависти к тем, кто мешал делу. И считал столь же полезным казнить, враждовать с стариками, сколько и делать дело, забывая, что этим самым враждованием он уже портил и для себя и для других жизнь, которую он хотел сделать более счастливой. Кроме того, он, живший долго в деревне, видевший и войну и мир в самой действительности, он невольно, делая это формальное дело писания законов для человечества, впадал в тот вечный камень преткновения законодателей, заключающийся преимущественно в том, что в законодательстве, как и во всяком деле, есть своя формальная сторона, увлекающая составителя и отвлекающая его от действительности, для которой он и работает. Его уже увлекала сторона симметрии, правильности, порядка в самой редакции. Нужно было, чтобы статьи были классифицированы по отделам, разделам и т. д. Ежели в отделе и п[араграфе] права имущественного и ничего не было, он всё таки писал — право имущественное и означал, что ничего не было.

Но он работал с¹ охотой, упорством и успехом. И то чувство гордости, которое он думал подавить в себе, всё сильнее жило в нем.

Князю Андрею для того, чтобы работать с Сперанским, надо было верить, что всё скверно старое, и князь Андрей верил в это.

Он дружески разошелся с Сперанским и стал составлять общее законодательство и для того поехал учиться за границу, но прежде на бал. Он почувствовал себя счастливым и готовым к счастью.

Он едет за границу: 1) изучение нравов, 2) свидание с своим гернгутером, 3) воспитателя швейцарца сыну.

* № 101 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. IV).

Приехав в Петербург, князь Андрей должен был, как камергер, явиться к министру двора и у него встретил князя Кочубея, знавшего князя Андрея. Князю Кочубею было известно то, что князь Андрей выпустил на волю своих крестьян. Это был тогда третий таковой случай. Случай этот обращал тогда особенное внимание, так как ходили неясные слухи о том, что в числе преобразований находилось и освобождение. Министр двора и князь Кочубей, как говорится, обласкали князя Андрея.

— Мы недавно говорили о вас, мой милый, — сказал князь Кочубей с своей величественной, вельможной и ласковой манерой, — ¹ *Зачеркнуто*: наслаждением

говорили о вашей просьбе вписать мужиков ваших в вольные хлебопашцы.

— Vous craignez d'être en retard, mon cher,¹ — прибавил князь Кочубей с слегка насмешливой улыбкой, в которой князю Андрею показалось выражение опасения и недоброжелательства.

— Нельзя быть достаточно поспешным, князь, для того, чтобы устроить свои дела согласно с своей совестью, — отвечал князь Андрей.

— О конечно, конечно! Что ж не служите? Теперь нужно людей не военных, не военных.

— Я навсегда распрощался с военной службой, — отвечал князь Андрей, — по многим причинам и, главное, потому что, как кажется, не военные силы теперь нужны нашему времени.

— Да, время преобразований, — сказал князь Кочубей, — время трудное и требующее молодых сил.

После общего разговора о предполагаемом преобразовании министерств, во время которого князь Кочубей сделал честь князю Андрею внимательно слушать его,² князь Кочубей обратился [к] князю Андрею:

— Я бы вас не пустил и дал бы вам работу в министерстве.

— Я не готовился к гражданской службе, — сказал князь Андрей, — и не имею намерения.

— Не пустил бы вас, mon cher,³ но теперь на днях должно состояться новое устройство Совета и тогда я рассчитываю на вас... Нет, нет, — он перебил князя Андрея, хотевшего отказываться. — Теперь нельзя отказываться...⁴ Приезжайте ко мне обедать в среду. Вы не знаете Сперанского, нашу новую звезду? — сказал он, обращаясь к министру двора, — приезжайте...⁵

В среду князь Андрей нашел у Кочубея не обед, а домашнее общество с весьма малым количеством званных, в числе которых был и Сперанский. Князь Андрей имел успех в этом обществе, особенно вследствие его отпущения своих крестьян на волю. Сперанский взял в сторону князя Андрея и говорил с ним таким тоном, как будто желая дать чувствовать, что он уверен, они только одни в этом обществе понимают друг друга. За обедом зашел разговор о новом указе уничтожения придворных чинов и Кочубей, шутя, сказал князю Андрею:

— Вы, как камергер, должны пострадать от этого.

— Я не пользовался своим правом, — отвечал князь Андрей, — и поступил в турецкую кампанию на службу юнкером, а не генералом и потому вполне⁶ одобряю эту меру.

¹ Бойтесь опоздать, мой милый,

² *Зачеркнуто*: и сообщить ему о некотором преобразовании Государственного Совета.

³ мой милый,

⁴ *Зач.*: Приходите.

⁵ *На полях*: Князь Андрей масон, иллюминат.

⁶ *Зач.*: сочувствую.

Сперанский медленно, как и всегда, перевел свои усталые глаза на князя Андрея и видимо смутился, начав фразу по французски и переведя потом ее по русски, сказал, что вероятно мало будет людей, которые так бы смотрели на это дело.

Общее и первое впечатление князя Андрея о Сперанском в это первое свидание было то, которое он выразил Ригг'у. Это был кутейник без форм,¹ все свои силы посвящающий на искусство держаться в высших сферах и еще далее возвышаться, и трудолюбивый работник.²

Но на третий день, проведя целый вечер в кабинете Сперанского, он изменил свое мнение. Сперанский в это время, кроме всех других своих занятий, приготавливал свод законов и, отняв у Розенкамфа председательство комиссии составления свода, иначе учреждал комиссию и просил князя Андрея принять на себя составление гражданского свода. На возражение князя Андрея, что он не юрист, Сперанский говорил, что никто не юрист, что в России их нет. Нет юристов, нет администраторов, нет финансистов, но что всё это должно быть, потому что администрация — уродлива, суд — неправилен, неясен, законодательство — безобразно, финансы — расстроены, а всё должно быть и потому надо смотреть на настоящее время, как на время революции, где напрягаются все последние силы. Все должно быть преобразовано или всё должно погибнуть. Старые сваи подгнили... Надо подставлять новые скорее.

На все замечания, которые делал князь Андрей, не предполагая достаточно единства во всем, Сперанский отвечал, что то переделывается и то переделывается, и перед князем Андреем открывались громадные перспективы того, что должно было быть. Он взял предлагаемую работу и занялся ею. Составив свод, он принес его к Сперанскому, но Сперанский был занят другими работами и не успел поговорить с ним, но поручил ему новое дело. Через несколько времени оказалось, что работа князя Андрея была переделана Розенкамфом. Сам Сперанский показал ее Болконскому и просил его подвести под каждую статью сноски на древнее русское законодательство.³

— Я не могу этого сделать *argès soup*,⁴ — отвечал князь Андрей, — это было бы натяжкой...

— Государю представили, и ему так угодно...

— Представьте государю, что свод делается не на основании древнего права русского или черемисского, а на основании вечного натурального права.

Сперанский пожал плечами, благодарил князя Андрея и отпустил его. Через несколько дней он узнал, что та же работа подведения¹ *Зачеркнуто*: но трудолюбивый

² *На полях*: Сперанский понял его и польстил.

³ *На полях*: Сперанский оживает и говорит, что будет совет, но князь Андрей спорит и расходится с ним.

⁴ [по окончании,]

статей была поручена Ильинскому и что работа эта сделана к 1-му января [?]¹.

Князь Андрей знал про это и начинал отчаиваться в том, чтобы работа его на что-нибудь пригодилась.

1-го января он собирался к Сперанскому за объяснениями, но Сперанского не было, он был в² Шепелевском дворце. Князь Андрей³ приехал вечером. Сперанский был дома и принял его.

* № 102 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XI—XIII).

<Теперь в Петербурге Наташа на все дела семейные смотрела своим особенным манером. Что отец хотел служить и жаловался на дела, это, по ее понятию, было всё глупости.⁴ Хорошо было, что приехали в Петербург, и это надо было продолжать, потому что в Петербурге было весело. Что Вера выходила за Берга, это было хорошо, потому что будут балы, и весело посмотреть, как женятся, Наташа не видала этого.⁵ Одно было нехорошо, это то, что по ее понятиям, родители не умели вести дома и сводить знакомства в высшем кругу. Всё, по ее понятию, было не так. В передней по московски сидел Фока и вязал чулок, а это не так надо было. Знакомые тоже были всякие, но одевались не так и тоже были не такие. Где она научилась этому, нельзя было сказать, но у Наташи было в высшей степени чутье на то, что называется *comme il faut*, и она, как муху в молоке, видала всякую мелочь, оскорблявшую ее чувства тщеславия и изящества. Платья она всегда заказывала сама, и даже мать одевала по своему и всегда хорошо. С двух слов, с первого вида она отличала людей по свету, к которому они принадлежали, и предпочитала высших. *Pierr*'а она любила и как будто покровительствовала (такие у них установились отношения) за то, что он принадлежал к высшему кругу; по той же причине она презирала Берга, не совсем довольна была своим братом за его гусарские манеры, давно отеклась от Денисова и была ласкова, хотя и холодна к Борису. По той же, вероятно, причине она после одного свидания с князем Андреем, которого она сейчас узнала за человека высшего света, решила, что он в ее вкусе, и что она влюблена в него по гроб, как это обыкновенно делают барышни.

Любовь эту вероятно она выбрала, потому что надо быть шестнадцатилетней девочке влюбленной, что лучшего выбора ей не представилось, что он не обратил на нее внимания, так на зло же... что, вероятно, он не женится, и что такая любовь есть известная¹ *Зачеркнуто*: Князь Андрей пришел Сперанскому сказать, что он не может служить после этого, но Сперанский упросил его остаться, подкупая его откровенностью. Он говорил о уступках, которые должно делать, и о важности того, что совершается. Князь Андрей был побежден.

² *Зач.*: Совете.

³ *Зач.*: озлобленный и, не желая пропустить свое озлобление, поехал.

⁴ *На полях*: потому что можно не проживать, и в деревне очень весело. У меня философия в купанье.

⁵ *На полях*: Борис и князь Андрей; предложения.

опора, положение, при котором можно ожидать всего, бывши хорошо занятой. Но выбрав себе эту любовь, мысли о ней, мысли о князе Андрее, испанские замки, строимые ею по случаю этой любви, она так привыкла думать, что она влюблена, что напоминанье о князе Андрее заставляло ее краснеть, что она мучилась тем, что не видела его, и что все лучшие девические мечты ее о любви были всегда соединены с ним.>

Ей было шестнадцать лет; одни говорили, что она очень хороша, другие говорили, что она¹ только мила, говорили, что она пустая, что она кокетка,² что она избалована, но все говорили, что она очень мила,³ <но все говорили, когда слышали ее, что прелестнее голоса и пенья никто никогда не слышал, особенно, ежели его обработать, говорили многие, желая отчасти показать свое знание, а отчасти и оттого, что действительно, несмотря на учителей и на временные припадки страсти к пению, Наташа так и не обработала свой голос. Очень может, что от этого то и действовал на людей так обворожительно ее голос, удержавший всю непосредственную свежесть, и страстность, и неожиданность, но все говорили, что очень жалко, что она так мало занимается>.⁴

* № 103 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. X, XI—XIII).

Nicolas продолжал служить в своем полку, стоявшем в Польше. И, получив известие о женитьбе сестры, прислал холодное поздравительное письмо и сам не приехал под предлогом дел службы.⁵ Вскоре после Тильзитского мира он приезжал в отпуск, и на своих домашних произвел впечатление большой происшедшей в нем перемены. Отец нашел его очень возмужавшим и остепенившимся. Денег он брал не много, в карты не играл и обещал еще года через два выйти в отставку, жениться и приехать в деревню хозяйничать.

— Теперь еще рано, дайте хоть до ротмистров дослужиться.

«Славный, славный малый», — говорил отец.

Графиня тоже была довольна сыном, но на ее материнские глаза ей заметно было, что Nicolas загрубел, и ей хотелось бы женить его. Но, намекнув раз о богатой невесте, именно о Жюли Корнаковой, она увидала, что сын этого не сделает. Она видела, что что то хуже стало в сыне, но не могла понять этого. Она испытывала в первый раз то материнское чувство, что радостно веришь в каждый шаг вперед своего детища, а не веришь в его такой же переход книзу, какой и сам испытываешь. Вера была вполне довольна братом, она одобряла его умеренность в расходах и степенность.¹

Зачеркнуто: дурна

² *Зач.:* что она глупа

³ *Зач.:* и добра

⁴ *Зач.:* Несмотря однако на все эти недостатки и на то, что дела графа были расстроены, Наташа говорила всем в Петербурге, что капитан Жомени, ездивший к ним в дом, был бы шестнадцатый ее жених, ежели бы она захотела. И действительно, еще в деревне графине предлагали три партии для Наташи, и в Петербурге сватались двое.

⁵ *Зач.:* В 8-м году он приезжал

Соня в этот приезд больше чем когда надеялась быть женой Nicolas, она <опять сблизилась с Nicolas>.¹ Он ничего не говорил ей о любви и женитьбе, но был кроток, ласков и дружен с нею.

Соня всё так же верно любила его и обещала любить его, женился ли бы он на ней или на другой. Сонина любовь была так верна и так тверда, что Наташа говорила: «я даже не понимаю, как можно так любить: точно ты себе велела и уж не можешь изменить этого». Наташа одна была недовольна братом. Она охала на его приемы совершенно большого, на его бурую шею, на его манеру держать трубку между пальц[ев], всё дергала, тормозила его, вскакивала на него верхом и заставляла возить по комнатам² и всё чего то как будто искала и не находила в нем.

— Что с тобой? — говорила она. — Ну? Ну! Где ты! — всё приставала она к нему, как бы докапываясь в нем того самого брильянта оживления, которого другие и не замечали, и который она один и любила в нем, и который заметно потускнел в последнее время.³

Наташа, проживши в одиночестве последний год в деревне, составила себе обо всем свое очень определенное, и часто противное мнениям своих родных, понятие. В этот последний год в деревне было скучно, оттого что все, кроме ее и Сони, говорили только о том, что мало денег, что нельзя ехать в Москву, жалели о барышнях и каждый день слышали толки Веры о том, что в деревне очень трудно выйти замуж, что умрешь с тоски, что можно найти место в Петербурге и т. д.

Наташа редко вступала в эти разговоры и, ежели вступала, то озлобленно нападала на Веру и утверждала, что в деревне гораздо веселее, чем в Москве. Летом, действительно, Наташа устроила себе такую жизнь, что она, не притворяясь, говорила, что она чрезвычайно счастлива. Она вставала рано утром и с дворовыми девушками, и гувернанткой и Соней отправлялась за грибами, ягодами или орехами. Когда становилось жарко, она подходила к реке и там купалась в устроенной купальне. Наташа с радостной гордостью выучилась плавать.

Потом она пела, обедала и отправлялась одна, в сопровождении Митьки охотника, верхом в любимые места, поля и луга. С каждым днем она чувствовала, как она крепнет, полнеет, хорошеет и лучше и лучше плавает, ездит верхом и лучше поет. Она постоянно была счастлива в поле и вне дома. И когда за обедом или вечерним чаем она опять слышала те же толки о скуке в деревне и о бедности, она еще более чувствовала себя счастливой в поле, в лесу, верхом, в воде или в лунную ночь на своем окне. Она ¹ *Зачеркнуто*: Оттого ли, что, видя дела совершенно расстроенными, Nicolas знал, что ему никак не позволят жениться на Соне, он говорил ей о женитьбе и успокоивал, что никогда он не женится на богатой.

² *Зач.*: она одна могла по старому оживлять его

³ *Зач.*: Nicolas был в состоянии первого разочарования, когда всё кажется пустяками и всё мечтой, потому что то, за что первое взялся, оказалось мечтой и пустяками.

не была влюблена ни в кого и не чувствовала в этом никакой надобности. Соня участвовала в ее жизни, но в самые лучшие минуты Наташи она чувствовала, что Соня со всем ее желанием не могла поспеть за ней, как не могла поспеть в лесу, в воде, на лошади.

Один раз в жаркий июльский день, когда они с Соней, гувернанткой и семью девушками пришли к реке, к купальне, Наташа разделась, завязала голову белым платком и в одной рубашке села на передней лавочке на корточках и обхватила тонкими руками свои гибкие ноги, и глаза ее остановились на воде. Все уже давно были в воде, плескались, боялись, кричали. Девушки взывали ко всем, забывая в воде различие господ от дворовых.

— Ну, девки, ну, на ту сторону! — кричали они с тем гуртовым, девичьим ухарством, с которым купаются русские девушки. Наташа всё сидела и смотрела на воду и на противоположную березу. Она думала, серьезно думала в первый раз в своей жизни.

«Зачем же ехать в Москву? Отчего же не жить всегда здесь? Разве здесь не хорошо? Ах, как хорошо! И как я довольна и счастлива! И потом, они все говорят, что мы бедны. Как же мы бедны, когда у нас столько земли, людей, домов. Вон Настя, у ней ничего нет, кроме этого розового платья, а она как мила, и как весела, и какая коса чудесная. Как же мы бедные? Зачем же нам столько учителей, и музыкантов, и два шута? всё это не нужно. Папаша всем доволен, и мама тоже, и я тоже. Продать всё лишнее и жить с двумя девушками в одном флигеле и как будет весело! Непременно пойду и скажу это папа», решила она сама с собой. В это время вихрь, поднимая пыль на пашне, пробежал по полю, по дороге к реке и понесся по реке, рябя воду, и прямо набежал на лицо плывущей Насти. Настя испугалась, задохнулась, потом засмеялась, и Наташа смеясь убежала в купальню и бросилась в воду. Вернувшись с купанья, Наташа, повязанная платком, загорелая, веселая¹ вбежала к отцу и серьезно и внушительно рассказала ему свою философию, как она назвала ее. Отец, смеясь, поцеловал ее и презрительно ласково сказал, что хорошо бы было, коли бы всё так легко делалось. Но Наташа не скоро сдалась. Она чувствовала, что несмотря на то, что она девочка, а он старик, она говорит правду.

— Да отчего же нельзя? — говорила она. — Ну, долги. Ну, так давай жить так, чтоб проживать вдвое меньше. — Наташа не поверила презрительно ласковой улыбке отца и шуткам матери, она знала, что она говорит правду, и с этих пор стала думать, верить своим мыслям и обо всем иметь свои суждения. В Петербурге она не одобряла искательства места отца и говорила, что всё это глупости, что они и так богаты. Женитьбу Берга она очень одобряла, потому что Вера нам не пара.

¹ *Зачеркнуто во второй редакции:* встретила князя Андрея и он помешал ей тотчас рассказать отцу свою философию, как она называла. Вечером, когда уехал князь Андрей, на которого она не обратила никакого вниманья, она пришла к отцу и

Она была рада однако случаю веселиться в Петербурге. Но несмотря на то, что она готова была всегда жить в деревне, она в Петербурге недовольна была тем образом жизни, который вели ее родные. Всё ей казалось не так, не достаточно *comme il faut*, провинциально. Почему она знала, как надо было жить в высшем обществе, но чутье ее указывало ей верно и ее чувство изящества и тщеславия оскорблялось тем, что комнаты были убраны не так, лакеи грязные, карета старинная, стол не так накрывается. Она одевалась не только сама, но и одевала старую графиню, отдавшуюся совершенно в ее власть, и одевала прекрасно. Все те мелкие приемы манер и туалета, которые составляют оттенок высшего общества, она угадала сейчас же и в несколько смешном в Петербурге, провинциально-московском доме Ростовых Наташа поражала своей безупречностью манер самого высшего и элегантного общества.

Ей было шестнадцать лет; одни говорили, что она очень хороша, другие говорили, что она только мила, говорили, что она пустая, что она кокетка, что она избалована, но все говорили, что она очень мила.

В месяц однако после приезда Ростовых в Петербург богатыми [?] женихами Наташе было сделано два предложения, из которых одно было очень выгодно, но она отказала обоим. Наташа так смеялась, так весело кокетничала, что людям наблюдательным никогда бы и в голову не пришло сделать ей самой предложение. Она казалась не от мира сего. Странно было подумать, чтобы она вдруг захотела выбрать себе одного мужа, который в халате ходил при ней, из всех этих сотен людей, которые все были ее мужьями, когда она того хотела. Все готовы были за ней ухаживать, поднимать ей платок, танцевать с одной ею и писать ей стихи в альбом. Она другого назначения не допускала в мужчинах. И чем больше было таких, тем было лучше.¹ Pierre сразу был оценен Наташей и не столько потому, что она воображала себе когда то, что она влюблена в него,² и не столько потому, что она сразу причислила его к людям самого высшего общества, сколько потому, что он был умнее и проще всех других людей. Узнав, что он масон, она расспрашивала его о том, что это такое, и когда он сказал ей в общих чертах цель масонства, она большими глазами долго смотрела на него и сказала, что это прекрасно.

¹ *Зачеркнуто*: Одно время после обручения Берга ей вдруг стало досадно, что Берг, которого она совершенно презирала, целуется с Верой. Она обратила свое внимание на Берга и довела его до того, что он сказал ей то, что и нужно было:

— Ежели бы я знал, Наталья Ильинича, это прежде, я бы вам сделал предложение, потому что я...

— Как вы смеете это говорить. Я Вере скажу, — и ушла от него.

² *Зач. в наборной рукописи*: Pierre, которого затащил граф Илья Андреевич, полюбил дом Ростовых. Наташа смеялась над своим прежним чувством к нему. Он был женат, стало быть, для нее не мужчина, но он ей был особенно приятен.

Когда он уехал, старая графиня спросила ее, о чем они так горячо говорили.

— Нельзя сказать, мама.

— Знаю, знаю, что он фармазон, — сказала графиня.

— Franc-maçon, tatan, — поправила Наташа.

В отношении мужчин у ней было чувство, похожее на чувство распорядителя охоты, оглядывающего ружья — заряжены ли они? Заряжено, курок действует, есть порох на полках — хорошо. Так ждите, когда я захочу сделать залп из всех ружей или выберу одно. А надо, чтобы все были заряжены.

Наташе было шестнадцать лет, и был 1809 год, тот самый, до которого она четыре года тому назад по пальцам считала с Борисом после того, как она с ним поцеловалась. С тех пор¹ она ни разу не видела Бориса.

Перед Соней и с матерью она, когда разговор заходил о Борисе, она совершенно свободно говорила, как о деле решенном, что всё, что было прежде, было ребячество, про которое не стоило и говорить и которое давно было забыто; но эта девочка имела в высшей степени женский дар хитрости придавать, какой она хотела, тон своим словам, скрывать и обманывать, и в самой тайной глубине ее души вопрос о том, было ли обязательство к Борису шуткой, забытым ребячеством, или важным, связующим обещанием, болезненно мучал ее. С одной стороны ей бы весело было выйти теперь замуж и именно за Бориса, который был так мил, хорош и comme il faut, особенно весело потому, что она показала бы Вере, что нечего так гордиться, что она уже большая и выходит замуж, как будто она одна может это сделать, и показать ей, как надобно выходить замуж не за немчика Берга, а за князя Друбецкого, с другой стороны, мысль об обязательстве, связывающем ее и лишаящем ее главного удовольствия думать о том, что каждый встречающийся мужчина может быть ее мужем, тяготила ее.

В 1809 году, когда Ростовы приехали в Петербург, Борис приехал к ним тотчас же, был принят, как все, т. е. с приглашением обедать, ужинать каждый день.² Наташа, узнав о приезде Бориса, вспыхнула и дрожащим голосом сказала Соне: — Знаешь, он приехал.

— Кто,³ Безухов? — спросила Соня.

— Нет, прежний он, — сказала Наташа, — Борис, — и, посмотревшись в зеркало и оправившись, пошла в гостиную.

Борис ждал встретить Наташу изменившеюся, но всё в его воображении был тот милый ему образ чернушки с блестящими из под локонов глазами, с красными губками и детски отчаянным¹ *Зачеркнуто*: она несколько раз виделась с Борисом в Москве, но при других говорила ему «вы», но ни разу с ним не видалась наедине и ни разу не говорила о том, чему они обещались в 1809 году. Борис был особенно внимателен к ней, но из его выражения она никак не могла понять, считал ли он свое и ее обещание существующим или уничтоженным.

² *Зач.*: Но в первое же посещение Наташа, молча слушавшая разговор Бориса с отцом и матерью, осталась недовольна тоном Бориса.

³ *Зач.*: Князь Болконский?

смехом. Он ехал к ним не без волнения. Воспоминание о Наташе было самым сильным поэтическим воспоминанием Бориса. Но его светская, блестящая карьера, которой одним из главных условий была свобода, и известия, полученные от матери, о расстройстве дел Ростовых заставили его принять окончательное решение уничтожить, забыть эти детские воспоминания и обещания. Но он знал, что Ростовы в Петербурге, и потому нельзя было ему не приехать к ним. Ежели бы он не приехал, он бы этим тем хуже показал, что помнит о прежнем. Он решился ехать, как старый, добрый знакомый, относясь к своему прошедшему с Наташей с той забывчивостью, которой так много постыдных и сердечных воспоминаний покрываются в свете. Но он смутился, когда вошла Наташа, сияя больше, чем ласковой улыбкой, во всей прелести своей только что развившейся шестнадцатилетней красоты. Он никак не ждал ее такую. Он¹ покраснел и замялся.

— Что, узнаешь свою старую приятельницу шалуню?

Борис поцеловал руку Наташи и сказал, что он удивлен происшедшей в ней переменой.

— Как вы похорошели!

«Еще бы!» отвечали сияющие глаза Наташи.

— А папа постарел? — спросила она.

Наташа села молча и слушала разговор Бориса с графиней, которая обращалась с ним, как с большим. Она молча рассматривала его до малейших подробностей, и он чувствовал на себе радостную тяжесть этого упорно неучтливового взгляда. Наташа наблюдала и заметила в Борисе снисходительную учтивость, говорившую как будто, что он помнит свою прежнюю дружбу с Ростовыми и потому, только потому и теперь, хотя он и не принадлежит к обществу Ростовых, он не будет гордиться. Во время этого первого визита с тактом, но не нечаянно, как это чувствовала Наташа, Борис упомянул о дворцовом бале, на котором он был, о приглашениях к NN и к SS, называя высшую аристократию. Он сидел, поправляя белой, нежной рукой чистейшую, облитую перчатку на левой; мундир, шпоры, галстук, прическа, — всё это было самое модное и *comme il faut*'ное. Наташа сидела молча, исподлобья разгоревшимися, оскорбленными глазами глядя на него. Он не мог оставаться обедать, но приехал через несколько дней; он приехал опять и пробыл от обеда и до ужина. Он не хотел и приехать, не хотел и пробыть так долго, но он не мог поступить иначе. Несмотря на свое решение отказаться от Наташи, несмотря на то, что он говорил себе, — это было бы неблагородно, — он не мог не поехать. Ему представлялось, что необходимо было объясниться с Наташей, сказать ей, что всё старое должно быть забыто, что, несмотря на всё... она не может быть его женой, что у него нет состояния, и ее никогда не отдадут за него. Он приехал, а этот день Наташа, по замечанию матери и Сони, казалась по старому влюбленной в Бориса. Она пела ему его любимые песни, показывала ¹ *Зачеркнуто*: несмотря на весь свой такт

ему свой альбом, заставляя писать в него,¹ не позволяла поминать ему о старом, давая понимать, как прекрасно было новое; и поздно вечером он уехал в тумане, сам не зная, что он делал и для чего он приезжал, и ничего не сказав того, что он был намерен сказать.² На другой день Борис опять приехал, на третий, на четвертый. Он получал записки от графини Безуховой и целые дни проводил у Ростовых.³

[Далее со слов: На четвертый день вечером... кончая ...потому что было по другому. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XIII.]

⁴ На другой день Борис опять приехал вечером к Ростовым, и ¹ *Зачеркнуто*: Она ласкала его взглядом, улыбкой, слушала его, и он забывал все свои решения, был влюблен, как прежде. Про старое они, однако, не говорили оба.

² *Отброшено во второй редакции*: На другой день Борис опять приехал вечером.

— Мама говорила со мной об вас, — сказала ему Наташа, когда они остались вдвоем, смело глядя ему в глаза, но краснея.

Борис покраснел тоже и опустил глаза.

— Что же вам говорила мама?

— Мама говорит, что я не хорошо себя веду с вами, что надо кончить... Ну понимаете?

— Ах, как бы я счастлив был, ежели бы я мог кончить, ежели бы я был богат...

— Зачем богатство? Любите вы меня?

Борис молчал и краснел все больше и больше.

— Так зачем же богатство? Хотите вы, чтобы я вышла за вас — так скажите...

— Да, да, я понимаю. Я дурно поступаю, — заговорил вдруг Борис, покрасневший до слез, но оживляясь, чувствуя, что он нашел выход.

— Я связываю вас, когда бы вы могли сделать партию, я несчастный человек, но я не дурной человек — вы свободны, Наташа.

Он встал, поцеловал ее руку.

— Я не буду больше стеснять вас, и скажите тетеньке, мне слишком тяжело...

— Я ничего не понимаю, — сказала Наташа, серьезно глядя на него. Борис, не отвечая, подошел к руке графини и вышел.

³ *Зач.*: На пятый день Борис приехал рано утром <и попросил позволения видеть графиню.

— Ma bonne tante [милая тетушка], — сказал он, когда она посадила его подле себя. — Я люблю Наташу, вы это знаете. У меня ничего нет, <но я служу> но я люблю ее больше всего на свете. Я прошу ее руки.

— Ах, mon cher, как ты меня удивляешь, я так привыкла тебя любить, как сына, но Наташа так молода, ты сам говоришь, что ты не богат, а наши дела... Ах, подумать... А Наташа что?

— Я не знаю, ma tante, — улыбаясь отвечал Борис.

— Ах, боже мой, боже мой! Как это всё растет, как это всё... Нет, мой дружок... это нельзя. Я тебя люблю, очень люблю, нет, mon cher. — Графиня заплакала, сказав, что Наташа еще так молода, что средства их малы, но что она очень любит Бориса и впереди еще много времени.

Борис, довольный тем, что он исполнил свой долг, продолжал ездить в дом, но уже меньше сближался с Наташей. Наташа продолжала всё так же быть с ним ласковой и кокетливой> и сделал предложение Наташе через старую графиню. Графиня поплакала, посоветовалась с графом и отказала ему.

⁴ *Зач. в третьей редакции*: В одно и то же время, как мать и дочь Ростовы решили между собой, что Борису не следует так часто ездить, он с своей стороны, видно, понял это и перестал ездить.

графиня, подзвав его к себе, взяла его за руку, притянула к себе и поцеловала.
— Boris, vous savez, que je vous aime comme un fils.¹

Графиня покраснела, а Борис еще больше.

— Вы знаете, мой друг, что у материнской любви есть свои глаза, которые видят то, чего другие не видят. Mon bon ami, vous êtes un grand garçon, bon et raisonnable.² Ты знаешь, что девушка — огонь, что молодой человек не может ездить в дом... — Графиня смешалась. — Vous êtes un honnête garçon et je vous [ai] toujours [aimé] comme un fils.³

— Ma tante,⁴ — отвечал Борис, поняв значение таинственных слов графини так же хорошо, как ежели бы они были изложены по всем законам логики, — ma tante, ежели я был виноват, то не перед вами. Я никогда не забуду, чем я вам обязан и, ежели вы мне скажете, что я не должен бывать у вас, как ни тяжело это мне будет, моя нога не будет у вас.

— Нет, зачем, но помни, моя душа...

Борис поцеловал ручку графини и с этого дня ездил к Ростовым только на балы, на обеды и не оставался наедине с Наташей.⁵

[Далее со слов:⁶ 18 ноября было написано: «Встал поздно и, проснувшись, долго лежал на постели, предаваясь лени». кончая: «Меркурий — есть жидкая и летучая духовная сущность — Христос, дух святой, он». — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. X.]

Всё так же ленив и чревоугодлив. Вспомнил о правиле воздержания в конце обеда и было поздно. Смотрел на Мар[ию] Мих[айловну] с похотливыми мыслями. Господи, помоги мне!

22 января. Была мастерская товарищеская ложа. И описание страданий отца нашего Адонирама. Я слушал и, как и в первый раз, когда познал это, на меня нашло сомнение. Был ли Адонирам, не есть ли это аллегория, имеющая свое значение. Объяснил брату О. свои сомнения. Он сказал мне, что должно терпеливо ждать открытия дальнейших таинств, которые объяснят многое. Нынче Но в это время граф Илья Андреевич, встретив Безухого, затащил его к себе и Пьер сделался домашним человеком у Ростовых и даже поверенным Наташи в ее горе о измене Бориса.

Зачеркнуто в наборной рукописи: В это время в дневнике Пьера сделался трехнедельный перерыв и наконец было записано то сновидение о летающей по книге женщине в белой одежде, которое заставило его задуматься над своими посещениями к Ростовым.

¹ [Борис, вы знаете, что я люблю вас, как сына.]

² [Мой милый друг, вы — юноша взрослый, добрый и рассудительный.]

³ [Вы — честный юноша, и я вас всегда любила, как сына.]

⁴ [Тетушка,]

⁵ *На полях:* Девушка свеча.
Наташа ушла от Сони.
Наташа говеет.
Жалко его было.

⁶ *Зач.:* В ту же ночь, как Наташа беседовала так с своей матерью, Pierre, проведший вечер у Ростовых, у которых он любил бывать, сам не зная почему, Pierre, поздно вернувшись домой, сидел один в своей низенькой комнате верхнего этажа с пером в руках над раскрытой тетрадью своего дневника. Он готовился записать нынешний день и перед этим перечитывал прежние дни.

вечер провел у графини <у жены>. Не могу преодолеть внутреннего отвращения к ней. Увлёкся беседой с NN о суетном и ничтожном и злобно трунил над сенаторами. Ужинал неумеренно, так что всю ночь¹ спал с дурными грезами.

26. Мне было поручено устройство и председательство в столовой ложе. Бог помог мне устроить всё удовлетворительно. Я уговорил князя Андрея быть с нами. Я мало вижу его и не могу² следить за ним. Он увлечен мирской борьбой, и я каюсь, что часто завидую ему, хотя участь моя должна бы была казаться мне предпочтительнее. Он заехал ко мне и с гордостью говорил о своем успехе. Он горд и в своем успехе рад столько ж водворению добра, сколько и победой над теми, кого он считает своими врагами. Я старался приготовить его к торжественности нынешнего заседания, но он слушает меня с кротостью и вниманием, но я чувствую, что не проникаю в его душу, как благодетель в мою, когда он говорит со мною. Князь Андрей принадлежит к холодным, но честным масонам. Все масоны подразделяются по моим наблюдениям на четыре разряда. К первому принадлежат те редкие светила, как благодетель, которые вполне усвоили себе святые истины ордена, которых длинный пройденный путь утверждает в предприятии пройти остальной путь, для которых тайн меньше, чем знания, которые жизнь свою слили с святым учением ордена и которые служат образцами человечества. Таких мало. К второму разряду принадлежим мы, ищущие, колеблющиеся, отступающие и раскаивающиеся, но ищущие истинного света самопознания и воздвижения внутреннего храма. К третьим принадлежат люди, как и милый друг мой Болконский и О., и Б., и их много. Эти масоны равнодушно смотрят на наши работы, не ожидают от них успеха, хотя и не сомневаются. Это люди, которые отдают нашему ордену только малую часть своей души. Они поступают, как князь Андрей, потому что их приглашают и потому что они, хотя и не видят всего света Сиона, не видят ничего, кроме хорошего в масонстве. Это верные, но ленивые братья. К четвертому разряду наконец принадлежат те, которые, увы, вступают в святое братство только потому, что на это мода и что в ложе они делают нужные им для светских целей связи с богатыми и знатными людьми. Таких много, и молодой Др[убецкой] принадлежит к ним.

Ложа прошла благополучно и торжественно. Много ел и пил. После обеда в ответной речи не мог иметь всей нужной ясности, что многие и заметили.

* № 104 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. X),

<Теперь было 28 декабря и Pierre ничего не писал с 25. Прочтя всё, он задумался и, потеряв лоб, стал писать.

«Ни раза не был в ложе. Два раза был у Ростовых и, вместо трудов самопознания и воздвижения внутреннего храма, предавался¹ *Зачеркнуто*: не спал от похотных грез.

² *Зач.*: руководить их

наслаждениям суеты. Я был весел и смешил и веселил всё общество у Ростовых, как вырвавшийся школьник. Всё только затем, чтобы видеть и слышать смех Наташи. Я гибну. Мало мне было ударов, что я хочу навлекать на себя новые. Господи, помоги мне, научи меня ходить по стезе твоей и помнишь, что радости этой жизни не для радостей, а для приготовления себя к смерти.¹ Научи меня любить смерть, а не радости. Сделай мне горе из моих радостей. Силы мои слабы. Где искать масонства? в костях».

Дописав это, Pierre лег, но не думал о костях, а читал стишки о «la mélancolique Natalie»,² которые он экспромтом написал в альбом Наташе, и как она смеялась, читая их. >

* №105 (рук. № 89. Т. II, ч.3, гл. IV—VI, VIII-X, XVIII).

[Начало варианта со слов:³ Князь Андрей приехал в Петербург в августе... кончая: ...которых он сам шутя называл comité du salut publique.⁴ — близко к печатному тексту. Т. II, ч.3, гл. IV.]

Теперь всех вместе заменил Сперанский по гражданской части и Аракчеев по военной. Князь Андрей вскоре после приезда своего, как камергер, явился ко двору и на выход. Государь спросил его о его ране.⁵ Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что он антипатичен государю, что государю неприятно его лицо и всё существо его. В нескольких словах, сказанных ему на выходе, в этом сухом, отдаляющем взгляде князь Андрей, еще более, чем прежде, нашел подтверждение этому предположению; хотя он мог бы по своей службе и связям рассчитывать на более ласковый прием, настоящий прием был именно такой, какой он ожидал. Придворные объяснили сухость государя упреком Болконскому за то, что он не служит, и так объяснили ему.

¹ *Зачеркнуто:* «29 ноября. Великая мысль пришла мне. Я должен ясно определить цели ордена, как я понимаю его. Целый день писал и изготовил речь, которую прочту завтра. Масонство имеет переродить род человеческий».

² [меланхолической Натали,]

³ *Зач.:* Утром было заседание Государственного совета. Сперанский сидел дома с Маг[ницким].

⁴ *На полях:* Князь Андрей спорит с Сперанским о respect humain [общественном мнении] для государя.

Неполнота работы.

Ильинский подделывает статьи.

Розенкампф перепортил работу князя Андрея. Сперанский говорит: вы знаете мнение государя. Он отменит и не решителен.

Сперанский полюбил князя Андрея.

Учреждение лица без телесных наказаний.

Андрей был на выходе. В 1809 государь повредил ногу в Петергофе.

Заседание Совета 1-го января.

Князь Андрей загадывает, будет ли его женой Наташа.

⁵ *Зач.:* и об отце и прошел мимо. На другой день он явился к государю с своим проектом, но государь был занят и принял проект через флигель-адъютанта. Когда через два дня князь Андрей явился опять, ему объявлено, что государь приказал благодарить его за усердие к службе и передал проект графу Аракчееву, к которому Болконский и имеет обратиться.

«Я сам знаю, как мы не властны в своих симпатиях и антипатиях», думал князь Андрей, «и потому нечего думать о том, чтобы представить лично проект государю и ожидать от него награды. Но дело будет говорить само за себя».

Он тут же на выходе передал свой проект старому фельдмаршалу и другу отца. Фельдмаршал назначил ему час, ласково принял его и обещал доложить государю. Через несколько дней князю Андрею было объявлено, что он имеет явиться к военному министру, графу Аракчееву. В девять часов утра в назначенный день князь Андрей явился в приемную к графу Аракчееву.

Князь Андрей знал графа Аракчеева и по рассказам артиллеристов — гвардейских, по анекдоту о собственноручном вырывании бакенбард солдатам и по кануну Аустерлицкого сражения, на котором всему главному штабу было известно, что под предлогом слабости нерв Аракчеев отказался от начальствования над колонной в деле. Репутация эта, слабости нерв, подтверждалась и в кампании [180]7-го года в финляндской войне, в которой граф Аракчеев командовал, находясь за сто верст от армии.

Лично князь Андрей не знал его и никогда не имел с ним дела, но всё, что он знал о нем, мало внушало ему уважения к этому человеку. «Но он был — военный министр, доверенное лицо государя императора, никому не должно было быть дела до его личных свойств, а ему поручено — следовательно он один и может дать ход моему проекту». Так думал князь Андрей, в числе многих важных и неважных лиц дожидаясь в передней графа Аракчеева. Князь Андрей во время своей, большей частью адъютантской службы, много видел приемных и приемов, и различные характеры приемных были для него очень ясны. У графа Аракчеева был совершенно особенный характер приемной.¹

[Далее со слов: На неважных лицах выражалось одно общее веет чувство неловкости... кончая: ...и работой над составлением отдела: Права лиц. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. IV²—VI.]

¹ Зачеркнуто: На неважных лицах выражался один страх, но страх, доходивший до смешного. Как только дверь отворялась, они вскакивали, бледнели и вытягивались. Некоторые принимали вид озлобленного отчаяния. «Пропади всё», как будто говорили они.

Между важными лицами выражалась напротив какая то насмешка над чем то — над собою или над тем, кого они ожидали.

— Дядюшка то наш, Сила Андреич, — говорили они, называя так Аракчеева, — не полюбитя, ну уж, что делать.

² На полях наборной рукописи зачеркнут следующий текст, соответствующий гл. V: Для чего его тянуло в эти сферы? Для чего он заботился, хлопотал, записывал, старался поспевать, сдерживал себя, придумывал ответы и вопросы, он бы не мог сказать. Но его тянуло к этой жизни так же непреодолимо, как тянет влюбленного в присутствие любимой женщины. Теперь в Петербурге уж он не говорил себе, как в деревне, что он делает это с известной целью, он жил этой жизнью теперь не по разумным причинам, а как бы по органической потребности.

¹ Так жил Андрей до нового 1810 года, того самого, в первый день которого должна была быть введена в действие вся новая конституция и быть первое заседание Государственного Совета. Часть своей сделанной работы, занимавшей всё его время, он передал Сперанскому. Но через несколько дней узнал, что его работа передана была опять Розенкампу для переделки. Князя Андрея оскорбило то, что Сперанский ничего не сказал ему об этом и передал для переделки его работу тому самому лицу, к которому сам Сперанский выражал не раз полное презрение. Обстоятельство это оскорбило князя Андрея, но несколько не поколебало того высокого мнения любви и уважения, которые он имел к Сперанскому. С упорством человека, многое презирающего, князь Андрей крепко держался за свое чувство к Сперанскому. Он раз шесть за это время был у Сперанского, всегда видел его одного и всякий раз много говорил с ним и подтверждался в высоком, совершенно особенном и необыкновенном уме Сперанского. Магницкий, с которым он имел дело по комиссии военного устава, напротив, не нравился ему. Он узнавал в нем тот неприятный тип французского *esprit*² с отсутствием французского добродушного легкомыслия, которое производило на него всегда неприятное впечатление. Магницкий говорил прекрасно, говорил часто очень умно, помнил страшно много, но на тот тайный вопрос, который мы всегда делаем себе, слушая умные речи: *зачем* человек говорит это, в речах Магницкого не было ответа. Однажды перед Новым годом Сперанский пригласил князя Андрея обедать en petit comité.³

[*Далее со слов:* В паркетной столовой домика у Таврического сада, отличавшегося необыкновенной чистотой..., *кончая:* ...того самого, что составляет соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бывает. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. XVIII.]

Магницкий сказал стихи, сочиненные им на князя В[асилия]. Жерве тотчас же импровизировал ответ, и они вдвоем представили сцену князя В[асилия] с женою. Князь Андрей хотел уехать, но Сперанский удержал его. Магницкий нарядился в женское платье и продекламировал монолог Федры. Все смеялись. Князь Андрей⁴ рано раскланялся с гостями и вышел.

¹ *На полях:* Князь Андрей ездит в свет. Легитимисты и Hélène.

² [ума]

³ в дружеском кружке.

⁴ *Зачеркнуто:* однако не выдерживая более этой нравственной боли, простился и вышел, обещая себе никогда не бывать у них и испытывая чувство виновности и стыда. «Не то, не то», говорил он себе и, невольно перебирая все свои прежние беседы с Сперанским, иначе начинал смотреть на него. Возвратясь домой, он застал у себя Pierg'a, с которым он мало виделся за это время.

— Вас нигде не найдешь, — сказал Pierre <Pierre, дожидаясь его, спал у него на кресле>. — Уж я сел, чтоб вас дожидаться. На что похоже, что мы с вами совсем не видимся.

— Я очень, очень рад, — сказал князь Андрей.

<Своего этого нового взгляда на Сперанского князь Андрей, не только не сообщал никому, но продолжал держать себя в обществе защитником

Враги Сперанского — старая партия бранила Сперанского — говорили, что он вор, взяточник, говорили, что он — безумный иллюминат или легкомысленный мальчишка. И говорили это не с тем, чтобы оскорбить или очернить Сперанского, но потому, что были в этом искренно убеждены. В кругу Сперанского, как теперь слышал князь Андрей, говорили, что люди старой партии — воры, бесчестны, глупые, и смеялись над ними. И тоже не потому, что хотели очернить их, но искренно так думали. Это оскорбило князя Андрея. Зачем было осуждать, зачем личности, мелкая злоба у Сперанского, делающего такое великое дело. И потом этот аккуратный, невеселый смех, который не переставал звучать в ушах князя Андрея. Князь Андрей разочаровался в Сперанском, но еще больше, ежели это было возможно, увлекся своим делом, участием в общем преобразовании. Окончив свою работу по гражданскому своду, он писал теперь проект освобождения крестьян и с волнением ждал открытия нового Государственного Совета, в котором должны были быть положены первые основания конституции. У князя Андрея было уже свое прошедшее в этом деле, связывавшее его, были свои связи и свои ненависти и он, ни на мгновение не сомневаясь в важности дела, отдавался ему всей душою.

В эти два года Pierre, за редкими поездками в Москву, безвыездно жил в Петербурге опять в своем большом доме и три месяца тому назад опять соединившись с своей женой. Было много причин, которые привели Pierr'a к этому соединению, но одна из главных и почти единственная была та, что H el ene, ее родные и друзья считали для себя делом большой важности соединение супругов, а Pierre ничто в жизни не считал делом большой важности и не считал таким свою свободу и свое упорство в наказании жены. Аргумент, который победил его, хотя никто и он сам не приводил его себе, был тот, что «*ça me co ute si peu et  a leur fera tant de plaisir*».¹

Для графини Елены Васильевны, для ее положения в обществе, было необходимо жить домом с мужем и именно с таким мужем, как Pierre, и потому с ее стороны и со стороны князя Василья были употреблены с свойственной глупым людям [настойчивостью] всевозможные хитрые и упорные средства для убеждения Pierr'a.²

Главным средством было действие через великого мастера ложи, и партизаном Сперанского, чувствуя в этом с своей стороны особенную заслугу. Проект его о военном уставе был не принят и делать князю Андрею в Петербурге было нечего, но он оставался, продолжая ездить в свет, как будто чего то ожидая. В последнее время он чаще прежнего стал видаться с Pierr'ом и несколько раз был с ним в ложе.

На полях: Pierre примирился с женой. Благодетель. Его спокойствие, введение в ложу Бориса. Четыре сорта масонов.

¹ [«мне это ничего не стоит, а им доставит огромное удовольствие».]

² *Зачеркнуто в наборной рукописи:* <Элен, приехавшая из за границы вслед за Пьером и тайно жившая у отца, вскоре после выхода Пьера из петербургской ложи, в период тоски, овладевшей Пьером после своего разочарования в масонстве, приехала к мужу и зарывав упала ему на грудь. Пьер отклонился от объяснений, устроил в общезанимаемом ими доме свою отдельную половину в низеньких комнатах третьего этажа и стал жить с своей женой> и Пьер был убежден и жил с своею женою.

который имел большое влияние на Pierr'a. Pierre же, как человек, ничему житейскому не приписывающий важности, скоро согласился особенно потому, что после двух лет болезненная рана, нанесенная его гордости, уже зажила и загрубела.

Великий мастер ложи, которого масоны звали не иначе, как благодетелем, жил в Москве. Масоны, во всех затруднительных случаях жизни, обращались к нему и он, как духовник, давал советы, принимавшиеся, как приказания. В настоящем случае он сказал Pierr'у, нарочно для свидания с ним приехавшему в Москву: 1) что, женившись, он взял на себя обязанность руководить женщиной и не имеет права предоставить ее себе, 2) что преступление жены его не доказано, что ежели бы оно было доказано, то и то он не имеет права отвергнуть ее, 3) что человеку не хорошо единому быть и так как ему нужна жена, то он не может брать другой, кроме той, какая есть. Pierre согласился.

Hélène приехала из за границы, где она жила всё это время, и у князя Василья произошло примирение. Он поцеловал руку своей улыбающейся жены и поселился с ней в большом петербургском доме.

Два года изменили Hélène. Она была еще красивее и спокойнее. До свидания с нею Pierre думал, что он в состоянии будет искренно соединиться с нею, но, когда он увидел ее, он понял, что это было невозможно. Он отклонился от ее объяснений, галантно поцеловал ее руку и устроил в общезанимаемом ими доме свою отдельную половину в низеньких комнатках третьего этажа. Иногда, особенно когда бывали гости, он сходил обедать и часто присутствовал на вечерах жены, на которые собиралось всё весьма замечательное, часть самого высшего петербургского общества.¹ Как и всегда, и тогда высшее общество, несмотря на то, что всё соединялось вместе при дворе и на больших балах, подразделялось на несколько кружков, имеющих каждый свой оттенок. Был, хотя и небольшой, но ясно определенный кружок недовольных союзом с Наполеоном, кружок легитимистов, Joseph Maistr'a и Марьи Федоровны (к кружку этому, само собой, принадлежала Анна Павловна). Был кружок М. А. Нарышкиной, кружок, которого характером было светское изящество, без всякого политического оттенка. Был кружок деловых людей, более мужской — либералов: Сперанского, Кочубея, князя Андрея, был кружок польской аристократии, А. Чарторижского и других, и был кружок — французской — наполеоновского союза, графа Румянцева и Caulaincourt'a, и в этом кружке один из самых видных центров заняла Hélène.

[Далее со слов: У нее бывали господа французского посольства... кончая:... никто не принимал au sérieux его выходок. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. IX.]

¹ Зачеркнуто во второй редакции: но большая часть жизни его проходила в ложе, в беседах с братьями масонами и в различных братских работах, которые он взял на себя, будучи теперь уже не учеником, а мастером и одним из важных должностных лиц ложи.

Он так больно страдал два года тому назад, узнав о оскорблении, нанесенном ему женой, что теперь он спасал себя от возможности подобного оскорбления, во первых тем, что он не был ей мужем, во вторых тем, что он бессознательно отвергивался от всего того, что могла ему дать мысль о подобном оскорблении, и был твердо уверен, что жена его сделалась *bas bleu*¹ и потому не может увлекаться еще другим.

Борис Друбецкой, уже весьма успевший на службе и бывший в Эрфурте после возвращения оттуда двора, был домашним человеком в доме Безуховых. *Hélène* называла его *mon page*² и обращалась с ним, как с ребенком. Улыбка ее в отношении его была та же, как и ко всем, но иногда она не улыбаясь смотрела на него. Иногда в редкие минуты *Pierr*'у приходила мысль, что эта покровительственная дружба к мнимому ребенку, которому было двадцать три года, имела что то неестественное, но потом он упрекал себя в этом недоверии. И притом так естественно и смело *Hélène* обращалась с своим пажем. Самое обращение Бориса в первую минуту неприятно поразило *Pierr*'а. Борис, со времени своего приезда в Петербург и интимности в его доме, обращался с особенной достойной и грустной почтительностью с *Pierr*'ом. «Этот оттенок почтительности относится вероятно к моему новому положению», подумал *Pierre* и старался не обращать на него внимания, но странно, присутствие Бориса в гостиной жены (а он был почти постоянно) физически действовало на *Pierr*'а. Оно сковывало все его члены, уничтожило бессознательность и свободу движений.

«Такая странная антипатия», подумал *Pierre* и реже стал бывать дома.

В глазах света *Pierre* был большой барин, муж знаменитой жены, добрый малый, умный чудака, хотя и ничего не делающий, но никому не вредящий. В душе же *Pierr*'а происходила за всё это время сложная и трудная работа внутреннего развития, открывшая ему многое, приведшая его ко многим духовным радостям и сомнениям.³

Осенью этого года он ездил в Москву для свидания с великим мастером ордена Иосиф Алексеев[ичем] Поздеевым, пользовавшимся благоговейным уважением масонов и называвшимся не иначе, как благодетелем.

Свидание с благодетелем, во время которого *Pierre* был убежден соединиться с своей женой, имело большое влияние на *Pierr*'а¹ синим чулком

² мой паж

³ *Зачеркнуто*: Во все эти два года *Pierre* постоянно был занят работами масонства. Многое уж было открыто ему, он был принят мастером, но многое еще представлялось ему тайным.

В начале зимы в Петербург приехали Ростовы и, случайно встретившись с ними, *Pierre* часто стал бывать у них.

Вот что писал он в дневнике за несколько дней перед тем <вечерним посещением князя Андрея>, как он взволнованный, расстроенный приехал к князю Андрею.

и открыло ему многие новые стороны масонства.¹ С этого посещения Pierre за правило поставил себе регулярно писать свой дневник, и вот что он писал в нем:

«Москва 17 ноября. Сейчас только приехал от благодетеля и спешу записать всё, что я испытал при этом. Зная Иосифа Алексеевича по письмам и речам, читанным у нас, по великому, занимаемому им у нас, званию и всеобщему благоговению к нему, я ехал, готовясь увидеть величественного старца, образца добродетели, и то, что я увидел, было выше того, что я ожидал. Иосиф Алексеевич, невысокий, худой, но с чрезвычайно широкой костью старец, с сморщенным, бурым лицом и большими, седыми бровями, из-под которых глядят огненные глаза. Он живет бедно и грязно. Страдает несколько лет мучительною болезнью пузыря, и никто, никогда не слыхал от него стона или слова ропота.

[*Далее со слов:* С утра и до поздней ночи, за исключением часов, когда он кушает..., *кончая:* И он ответил мне наклонением головы. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. IX и X.]

«И многое я прочел в этой книге. И всё, что я прочел, было определением цели ордена. Из этих мыслей, представившихся мне во сне, я и составил следующую речь, которую имею прочесть в ложе.

26 декабря. Я почти месяц не заглядывал в эту тетрадь и в свою душу. Я предался вполне суете и всем порокам своим, которые я льстил себя уничтожить. Вчера я постигнул, к какой пучине зла вела меня эта беспечность, ужаснулся и решил опомниться.

В Петербург приехали мои давние московские знакомые Ростовы. Старый граф, весьма добрый человек, встретив меня у Н., пригласил к себе и я две недели каждый день у них бываю, только вчера поняв, для чего я это делал. Меньшая дочь, Наталья, имеет прекрасный голос и обворожительную наружность. Я возил ей ноты, слушал ее пение, смешил ее и говорил с нею даже о высоких предметах. Эта девушка всё понимает. Но вчера вечером старшая сестра ее, шутя, сказала, что когда я пять лет тому назад был у них на именинах в Москве, меньшая дочь Наталья сделалась влюблена в меня. Услыхав эти слова, я так смутился, покраснел и почувствовал даже слезы на глазах, что ничего не нашелся сказать и встал, заметив однако, что и она также покраснела. Это обстоятельство заставило меня вникнуть в свои чувства¹

Зачеркнуто в наборной рукописи: В этот раз припадок тоски был еще сильнее, чем в первый раз, после дуэли с Долоховым. Невольно возвращаясь воспоминанием к тому времени, Пьер вспомнил о Иосифе Алексеевиче, которого он не видал с тех пор и который тогда вывел его из этого состояния.

Не отвечая ничего ни жене, ни теще, Пьер решил ехать в Москву, чтобы увидаться с Иосифом Алексеевичем, который жил там. Свидание с благодетелем, как с тех пор называл Пьер Иосифа Алексеевича, опять живительно подействовало на Пьера. Оно открыло ему новые стороны масонства и опять вполне примирило и с масонством и с жизнью.

и¹ ужаснуться того, чему я подвергал себя. В прошедшую ночь я видел сон. Вижу, будто кто то показывает мне большую книгу в александрийской лист. И в книге этой на всех страницах прекрасно нарисовано. И я будто знаю, что эти картины представляют любовные похождения души с ее возлюбленным. И на страницах будто я вижу прекрасное изображение девицы в прозрачной одежде и с прозрачным телом, возлетающую к облакам. И будто я знаю, что это девица есть никто другая, как меньшая графиня Ростова, и вместе с тем знаю, что это есть изображение песни песней. И будто я, глядя на эти рисунки, чувствую, что я делаю дурно, и не могу оторваться от них.

Господи, помоги мне! Боже мой, ежели это оставление меня тобою есть действие твое, то да будет воля твоя, но ежели же я сам причинил сие, то научи меня, что мне делать. Я погибну от своей развратности, буде ты меня вовсе оставишь».²

В последних числах декабря Pierre в торжественном заседании ложи 2-го градуса прочел свою речь *о средствах распространения чистой истины и торжества добродетели*. И речь эта произвела не только сильное впечатление, но и волнение в ложе.³ Безухов находился в таком волнении при чтении своей речи, с таким чувством и жаром говорил почти с слезами на глазах, что чувство его сообщилось многим из искренних братьев и испугало многих, которые видели в этой речи опасные замыслы. Давно не было столь бурного заседания. Составились партии, многие спорили, обвиняли Pierre'a, осуждали его в иллюминатизме, многие поддерживали его.

Великий мастер, председательствующий в ложе, кончил прения тем, чтобы послать речь на обсуждение высших степеней и до тех пор прекратить о ней дело и заняться обычными работами.

Pierre никак не думал сам, чтобы он с такой силой был убежден в том, что он говорил до тех пор, пока он не прочел своей речи и не встретил с нею несогласия.

Братья с удивлением в первый раз заметили в Безухом страстность и энергию, которую не ожидали в нем. Он забывал условные обряды, перебивая всех, раскрасневшись, кричал и находился в состоянии энтузиазма, которое самому ему доставляло огромное наслаждение. По окончании заседания великий мастер сделал Безухову замечание о его горячности и о том, что не одна любовь к добродетели, но и увлечение борьбы руководило им в споре, в чем Pierre не мог не сознаться.⁴

¹ *Зачеркнуто*: прекратить свои отношения с этой девицей.

² *Зач.*: На другой день после того, как это было написано, князь Андрей застал у себя дождавшегося его и спавшего Pierre'a.

³ *На полях*: Pierre с Андреем сошлись в ложе.

Андрей последнее время занимался больше масонскими делами и написал следующую речь.

⁴ *Зач.*: Возвращаясь домой, Pierre однако не думал о том, что сказал ему великий мастер, а продолжая свой ход мысли о возможности более успешного распространения масонства, противодействуя злым правительствам

Вместо того, чтобы ехать домой, Pierre прямо из ложи поехал к князю Андрею, которого он давно не видал.

Pierr'a в первый раз поразило на этом собрании то бесконечное разнообразие умов человеческих, которое делает, что никакая истина одинаково не представляется двум людям. Несмотря на всю силу своего убеждения, Pierre не мог ни одного человека убедить вполне в своих мыслях: каждый понимал по своему, с ограничениями, изменениями, а между тем главная потребность мысли состоит в том, чтобы передать ее другому точно так, как ее сам понимаешь.

Князь Андрей был дома и за работой. Он внимательно выслушал рассказ Pierr'a о заседании ложи, сделал несколько вопросов и, когда Безухов кончил, встал и стал ходить по комнате.

— Всё это прекрасно, мой друг, всё это истина, и я бы был ревностный брат, ежели бы я верил в возможность всего этого, — заговорил он, блестящими глазами глядя на Pierr'a.¹ — Чтобы сделать такое преобразование, нужна власть, а власть в руках правительства. И чем нам парализовать его, нужно помогать ему, особенно такому правительству, как наше.

— Да, но это случайно, — сказал Pierre, — а силы и действия ордена вечны. Случайно теперь человек, как Сперанский.

— Не Сперанский, — сказал князь Андрей, — государь, а главное время, образование.

— Что вы так презрительно говорите о Сперанском? — спросил Pierre.

— Сперанский? Une illusion de moins, mon cher,² — сказал князь Андрей. —

Сперанский — это выслужившийся кутейник, немножко, на волосок умнее толпы.

— Mon cher, — с упреком сказал Pierre. — Esprit de caste.³

— Нет, не esprit de caste. А я узнал его. Я никому не говорил ¹ *Зачеркнуто*: ничего этого не будет. Разве ты найдешь людей? Ты говоришь, что на тебя напали. Так и должно быть, потому что, будь они чиновники, министры, масоны — они люди, а из людей на тысячи приходится один человек, настоящий человек, сам по себе думающий и чувствующий. Другие — толпа, les moutons de Panurge [Панургово стадо]. И что ты ни делай, будет царствовать посредственность, те, которые немножко умнее толпы, те, которые только настолько умнее, что понимают друг друга.

Pierre видел, что друг его совсем иначе, ближе к своим интересам понимал вопрос.

— Зачем царствовать? — сказал он. — Царствовать должны одна истина и добродетель.

— Да, но ты хочешь организовать ее, чтобы править. А разве не то же наши правительства? Разве они организованы для того, чтобы царствовало зло? Напротив, они хотят и любят добродетель и правду, но из них организованное правительство и они любят добро, а делают зло. Кто же царствует? Сперанский, <который умнее всех>, Аракчеев.

Разговор совсем отклонился от своего начала, Pierre невольно последовал за направлением, которое дал ему князь Андрей.

— Сперанский! — сказал он, — но вы сами считали его гениальным и великим человеком.

² [Одним заблуждением меньше, милый мой,]

³ [Милый мой,] [Кастовый предрассудок.]

и не буду говорить этого. Все лучше он, чем Аракчеев, но Сперанский¹ не мой герой. Сперанский... нет, что говорить.² Но не Сперанский может чтонибудь сделать, а учреждения, которые вынуждаются временем и делаются людьми, всеми нами. Мы не понимаем того времени, которое мы переживаем теперь. Это — одно из величайших событий истории. Государь сам дает права народу и ограничивает свою власть и дает права народу. Ведь это хорошо не понимать старикам. Но нам как же не чувствовать того, что делается теперь? Это лучше и выше всех военных подвигов. На днях открывают Государственный Совет, как сословие государства. Министры отдают отчеты публично. Финансовые дела объявляются народу. Нынче, завтра пройдет проект освобождения рабов. Чего желать, чего еще нужно?

— Да, это прекрасно, — говорил Pierre, — но согласитесь, что есть другая сторона души, которая не удовлетворяется этим и которую только наше святое братство поддерживает и просвещает. Я не понимаю, как вы можете быть холодным братом.

— Да я не холодный брат, особенно теперь. Ваш орден, я знаю, одно из лучших учреждений в мире, но этого мало для жизни.

Pierre помолчал.

— Отчего вы не женитесь? — сказал он. — Я думал о вас, вам надо жениться...

Князь Андрей молча улыбнулся.

— Ну, что ж я, — отвечал Pierre, — какой я пример? Я женился мальчишкой, et puis... au fond Hélène est une très bonne pâte de femme, au fond...³

Князь Андрей радостно, кротко улыбнулся и, подойдя к Pierr'u, потрепал его рукой.

— Мне ужасно жалко, что мы мало виделись с тобой, — сказал он. — Я не знаю, отчего ты так всегда возбуждительно на меня действуешь. Посмотрю на твою рожу и⁴ весело и молодо сделается.

— Женитесь, — повторил Pierre с сияющей улыбкой, глядя на Андрея. И в эту же минуту ему пришла мысль, на ком надо жениться князю Андрею. Одна девушка, лучше которой он не знал, ¹ *Зачеркнуто*: это человек, который делает только то, что нужно.

² *Зач.*: Одно, моя душа. Для того, чтобы иметь силу, надо быть покорной частью одного целого, надо отказаться от своей самостоятельности, а я этого не могу и не хочу. Лучше я буду один, ничтожество для других, но для себя я буду что-нибудь...

— Одно не понимаю, — заговорил Pierre, — как вы можете быть холодным братом? Ежели бы вы знали то чувство успокоения, возрождения, которое испытываешь в нашем святом братстве. Вы говорите: невозможно. Отчего? Пускай толпа (хотя я не того низкого мнения о людях, как вы), но толпа руководится людьми: почему же не руководить их к добру, а не к суете, как вы говорите? Мы ничего не сделаем. А воспитанье детей, а книги, а пример, а помощь. Что ж вы не служите теперь?

— Нет, я подал в отставку и на днях еду. Не знаю еще, домой или за границу... Я очень доволен. Мне казалось из деревни, что я нужен тут, что что то важное делается. Но теперь я успокоился. Ничего нет важного, кроме своей жизни. И моя жизнь в деревне так хороша, что мне ничего не нужно.

³ [и затем... Элен, в сущности, не дурная женщина... в сущности...]

⁴ *Зач.*: и думаю: нет, еще жить можно.

была достойна его лучшего друга. Это была Ростова. Pierr'у показалось, что он и прежде об этом думал, и только для этого так полюбил ее.

— Вам надо жениться и я знаю на ком, — сказал он.

Князь Андрей странно покраснел при этом слове. Его воспоминания о дубе и связанных с ним мыслях вдруг представились ему.

— Marie и то женит меня, — сказал он. — Тут есть ее друг, Жюли Корнакова, знаешь ее?

— Знаю, это не то, — сказал Pierre. — Я для вас не хочу mariage de raison,¹ я хочу, чтобы вы ожили, и я знаю...

— Нет, мой друг, мне не должно об этом думать и я не думаю. Какой я муж, больной и слабый. Моя рана на днях опять открылась и меня Вилье посылает за границу.²

— Вы будете на бале Л[ьва] К[ириловича] послезавтра? — спросил Pierre.

— Да, буду.

№* 106 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVI).

<Князь Андрей вошел и увидел замирающую от р[адостного] в[олнения] Наташу. Он прошел с ней первый круг.

Струя поэзии и молодости налетела на князя Андрея и охватила его, когда он обнял ее тонкий стан — быстрая, поворотливая, спешащая. На него нашел страх. Эта счастливая задыхающаяся девочка, голая, маленькая, с блестящими испуганными глазами была окружена и Б., и А., и З. — все ловили, искали ее. Одна минута, и она погибнет для него, а она его, наверно его — не может быть иначе. Она краснела, встречая его взгляд. А он не покидал ее ни минуты. Он танцевал с ней два котильона и мазурку. Он повел ее ужинать и, когда сняла перчатки, эти сухие, белые, пахучие руки, и отец подошел.

— О, как весело. Никогда так не было весело. — На этом же бале участь Pierr'a и его жены. Его делают камергером. С бала они поехали к Pierr'у и сели за вино.

А[ндрей]. — Всё вздор, душа моя, всё вздор, — он, как мальчишка, вскакивает и целует.

— Женись.

— Да, женюсь.

Pierre на другое утро рассказал то, что з[нал],³ рассказал Наташе, и приехал к Андрею рассказал.

— Что ты сделал. — Андрей взбесился. Однако он поехал проститься, признал свое намеренье и уехал за границу.>⁴

¹ [брака по рассудку,]

² *Зачеркнуто:* <Через неделю после этого разговора> Pierre уехал, и после него князь Андрей долго ходил по комнате, мечтая о любви и женитьбе. Он подходил к зеркалу, смотрел вопросительно на свое худое лицо и опять принимался ходить, воображая себе женщину, которую бы он мог полюбить и не находя ее в числе своих женских знакомых.

³ *Зач.*: о Борисе. Князь Андрей

⁴ *На полях:* — Я вас не стесняю, ежели вы полюбите другого — любите.

* № 107 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVI, XVII).

¹ Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она ничего не видела, не помнила в эту минуту, но на лице ее не видно было ни малейшего замешательства. Она первая сказала несколько слов матери только для того, чтобы не стоять молча. Она не поспешно оглядывалась вокруг, не выказывая любопытства.² Недалеко от нее стоял старичок³ посланник с серебряной сединой курчавых, обильных волос и, держа табакерку, смеялся и заставлял смеяться дам, окружавших его. Высокая, полная, необыкновенной красоты дама, спокойно улыбаясь, говорила с несколькими мужчинами. Это была Héléne. Наташа восторженно любовалась ею и с грустью думала о своем ничтожестве в сравнении с этой красотой. Pierre шел, переваливаясь, через толпу, лениво опустив руки и с таким видом, как будто⁴ он шел по торгу, и пожимал всем руки направо и налево. Не доходя до Наташи, на которую он издали взглянул своими близорукими глазами, он схватил какого-то молодого офицера за руку и сказал:

— Allez faire la cour à ma femme,⁵ — указывая на Héléne. Какой-то старый генерал подошел к Перонской, но скоро отошел, потом молодой человек тихо заговорил с ней. Наташа чувствовала, что спрашивают про нее. Борис подошел к ним и говорил с графиней. Приехали две девушки блондинки с матерью, на которой были огромные бриллианты. Вошел князь Андрей Болконский в полковничьем мундире и поразил Наташу своей уверенностью и элегантностью. Она вспомнила, что где-то видела его. Мало двигались и говорили, ожидая приезда государя, и Наташа имела время делать наблюдения. Она всё наблюдала: и прически, и мундиры, и отношения людей. По отношениям, взглядам она определяла⁶ для себя, кто принадлежал к самому высшему, высшему и среднему обществу, и мысль о том, какое они займут место, занимала ее. Из мужчин, входивших в это время и стоявших близко, она причислила к высшему обществу четверых: Pierre'a, князя Андрея, — Никогда никого.

<С другими она кокетничала, властвовала. Андрею она покорялась.

«Ежели она теперь подойдет к матери, то она будет моей женой».

На бале Жюли — приветливость. Князь Андрей сначала за ней из памяти сестры и вдруг видит, что не то.

Nicolas герой бала.

Соня мила и ее замечают.>

¹ На полях наборной рукописи к тексту XV главы заметка: Он хотел сообщить горе. Андрей позвал его к Ростовым, votre protégé [та, которой вы покровительствуете].

² Зачеркнуто: но внутри ее всё волновалось, как перед ней.

³ Зач.: Каме[нский]

⁴ Зач.: он был уверен: все пропустят его

⁵ [Ступайте ухаживать за моей женой,]

⁶ Зач.: безошибочно

секретаря французского посольства и еще кавалергарда необыкновенной красоты, вошедшего после других и с презрительным видом, заложивши руку за пуговицу мундира, ставшего почти в середине залы. Pierre, увидав Наташу, оставил офицера и стал проходить к Ростовым, но в это время всё надвинулось, опять раздвинулось, заговорило и, между двух расступившихся рядов, при звуках заигравшей музыки, вошел государь, за которым шли хозяин и хозяйка. Государь шел быстро, кланяясь направо и налево, как бы стараясь поскорее избавиться от этой первой минуты встречи.

Тут заиграли польской, всё зашевелилось, какой то молодой человек с растерянным видом попросил Наташу посторониться. Некоторые дамы, с лицами, выражавшими совершенную забывчивость всех условий света, бросились вперед. Мужчины стали подходить к дамам и строиться в пары польского. Всё расступилось и государь, улыбаясь, не в такт ведя за руку хозяйку дома, вышел опять из другой залы, за ним хозяин с Марьей Антоновной Нарышкиной, потом посланник, министры, генералы, которых называла Перонская, которая была не взята в польской. Наташа чувствовала, что она оставалась с матерью и Соней в числе меньшей части дам, не взятых в танец, и что положение это было оскорбительно и что, ежели так она останется весь бал, только занимая место, и даром пропадет ее туалет, которым так восхищалась няня, то она будет несчастлива.

Она стояла, опустив свои тоненькие руки с веером и с мерно поднимающеюся, чуть определенной грудью, сдерживая дыхание и блестящими, испуганными, агатовыми глазками глядя перед собой, как подстреленная птичка, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ее не занимали ни все важные лица, ни государь, на котор[ых] указывала Перонская, у нее была одна мысль: «Неужели так никто не подойдет ко мне, неужели я не буду танцевать между первых, неужели меня не заметят все эти мужчины, которые теперь кажется и не видят меня и, ежели смотрят на меня, то с таким выражением, которое говорит: «а это не она, так и нечего смотреть». Нет, это не может быть», думала она. «Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую и как им весело будет танцевать со мною».

Звуки польского, продолжавшегося долго, уже начинали звучать грустно, <каким то> воспоминанием в ушах Наташи. Ей хотелось плакать. Pierre с какой то важной дамой прошел, что то шамкая и не видя ее, мимо. Князь Андрей, которого она заметила, прошел с красавицей Hélène, лениво улыбаясь и что то говоря ей. Еще два, три молодых человека, которых она заметила и которых считала высшими и потому теми, с которыми бы она хотела танцевать, но никто не посмотрел даже на нее. Красавец Анатолий не пошел в польской и, презрительно улыбаясь, что то говорил молодым людям, окружившим его. (Наташа заметила, что он был тоже известность в своем роде.) Наташа чувствовала, 718

что он говорил про нее и смотрел на нее, и это тревожило ее. Перонская, указывая на него, сказала графине:

— Вы знаете, это известный повеса Курагин. Как хорош!

Борис два раза прошел, видел Наташу и не сделал ей никакого знака. Наташа совсем разлюбила его. Берг с женой, не танцовавшие, подошли. Это было еще хуже. Наташе показалось оскорбительнее это семейное сближение здесь на бале.

Наконец государь остановился подле своей последней дамы (он танцевал с тремя). Музыка замолкла, озабоченный адъютант набежал на Ростовых, прося посторониться, раздать круг. И с хор раздались отчетливые, осторожные и увлекательно мерные звуки вальса. Государь с улыбкой взглянул на залу. Прошла минута, никто еще не начинал. Адъютант распорядитель подошел к Марье Антоновне и пригласил на <тур вальса>. Она подняла руку, чтобы положить ему на плечо. Она была необыкновенно хороша. Адъютант танцевал прекрасно. И в большом круге залы под глазами сотен они пошли сначала глисадом, не кружась, потом мерно повертываясь и из за всё убыстряющихся звуков музыки слышны были мерные щелчки шпор быстрых и ловких ног адъютанта, повертывающего¹ Марью Антоновну. Наташа смотрела на них и готова была плакать, что это не она танцует этот первый тур вальса.

Она не видела, как в это время подходили к ней и глядя на нее Безухов и Болконский.

Князь Андрей любил бал с его толпою, цветами, музыкой и танцами. Он был одним из лучших танцоров в свое время до войны. В этот же приезд в первый раз был на бале. Он всех знал, почти все его знали и все желали его. Но за те пять лет, которые он не был в обществе, молодое, светское, танцующее, веселящееся общество переменялось. Те, кто в его время были выезжавшими девушками, были дамы, блестящие дамы того времени были затменены другими. Его встречали с вопросом о последнем указе, о политической новости. Старички и старушки с ним вместе хотели вспоминать прошлое, но ему не этого надо было. Он любил бал с его движеньем — вальсом, любил быть действователем, а не зрителем на бале. Как только он вошел на бал, его обдало этой поэзией блестящего, изящного веселья и он, отделяваясь от дам и мужчин, желавших акапарировать его, вышел вперед, испытывая такое оживление, которого он не ждал в себе. Он чувствовал по старому, что он хорош, что он обращает на себя внимание, и ему стало беспричинно весело. Pierre остановил его, ухватив за руку.

— Как мила Ростова, помните я говорил вам.

— Никогда ты мне не говорил и я не знаю, но кто эта?² — Он указывал тоже на Наташу Ростову. — Пари держу, что на первом бале?

¹ В рукописи: повертывающих

² Зачеркнуто: Вот моя страсть: пусировать молоденьких

— Это она. Пойдемте, я вас познакомлю.

— Ах, я знаю: отец — глупый¹ предводитель рязанский, пойдем.

Так подошел с другой стороны, в которую не смотрела Наташа, Болконский с Pierr'ом, и князь Андрей предложил тур вальса. То замирающее выражение, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой. «Давно я ждала тебя», как будто сказала эта девочка своей просиявшей из слез улыбкой, с оголенными, тоненькими плечиками, испуганная, счастливая и сдержанная, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были третья пара, вошедшая в круг. И Наташа тотчас же была замечена. И нельзя было не заметить ее теперь. Такое восторженное сияние лилось из ее глаз, такая детская невинная грация была в ее оголенных руках и шее. Ее оголенное тело было некрасиво в сравнении с плечами Héléne, ее плечи были худы, грудь неопределенна, руки тонки, но на Héléne был уже как будто лак всех тысяч взглядов, скользивших по ее телу, а Наташа казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы она не знала, что это всегда так надо. Князь Андрей пошел танцевать, потому что ему хотелось выбрать ее, потому что из всех начинающих, которых он любил пускать в ход, она первая ему представилась, но едва он обнял этот тонкий, подвижный, трепещущий стан и эта оголенная девочка зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко от него, вино ее прелести вдруг ударило ему в голову. Во время вальса он сказал ей, как она прекрасно танцует. Она улыбнулась. Потом он сказал ей, что он видел ее где то. Она не улыбнулась и покраснела. И вдруг Pierre на пароме, дуб, поэзия, весна, счастье — всё вдруг воскресло в душе князя Андрея. Pierre стоял подле графини и на вопрос ее, кто эта дама в бриллиантах, отвечал: шведский посланник. Он ничего не видал, не слышал, он жадно следил за каждым движением этой пары, за быстрым, мерным движением ног Андрея и за башмачками Наташи и ее преданным благодарным, счастливым лицом, так близко наклоненным к лицу князя Андрея. Ему было больно и радостно. Он отошел и увидал в другой стороне жену свою во всем величии ее красоты, встающую перед высокой особой, удостоившей ее своего разговора.

— Боже мой! помоги мне, — проговорил он и лицо его сделалось мрачно. Он ходил по зале, как потерявший что то, и в этот вечер особенно удивлял своих знакомых своей бестолковой рассеянностью.

Он вернулся к Наташе и стал говорить ей про князя Андрея, про которого он так часто говорил ей. После князя Андрея к Наташе подошел Борис, приглашая к танцам, еще и еще молодые люди, и Наташа, счастливая, раскрасневшаяся, не переставала танцевать целый вечер. В середине котильона Наташу беспрестанно ¹ *Зачеркнуто:* индюк

выбирали и она с улыбкой соглашалась, несмотря на то, что еще тяжело дышала. Князю Андрею, танцовавшему недалеко от нее, вдруг пришла мысль, что эта девушка не протанцует половины зимы и выйдет замуж, и ему стало страшно чего то.¹ В конце бала, когда Наташа шла через залу, князь Андрей застал себя на странной и совершенно неожиданной мысли: «Ежели она подойдет прежде к своей кухне, а потом к матери, то эта девушка будет моей женой», сказал он сам себе. Она прежде подошла к кухне. «Что я говорю? я с ума сошел», подумал князь Андрей.²

Последний танец, мазурку, князь Андрей танцевал с Наташей и повел ее к ужину. Старый граф подошел к ним в своем синем фраке и, вспомнив Андрею Отрадное и пригласив его к себе, спросил у дочери, весело ли ей? Наташа не ответила и только улыбнулась такой улыбкой, которая с упреком говорила, как можно было об этом спрашивать?

— Так весело, как никогда в жизни, — сказала она, [снимая] с сухой, белой руки душистую перчатку. Наташа была так счастлива, как никогда еще в жизни. Она была на той высшей ступени счастья, когда человек делается вполне добр и хорош, всех одинаково любит и всех считает равными. Государь Александр Павлович казался ей прелесть и, ежели бы ей это нужно было, она бы подошла к нему и сказала бы ему, что он прелесть, так же просто, как она сказала это Пер[онской]. Ей хотелось, чтобы все были веселы и счастливы. Соня танцевала, но когда она оставалась без кавалера, Наташа говорила незнакомым:

— Подите позовите мою кухню, — и это было так просто, что никого не удивляло. Пер[онская] не танцевала и сидела одна. Наташе приходило в голову, что напрасно она так пудрила шею, но она утешалась, что П[еронской] этого не нужно. Всё таки она пошла и поцеловала ее. Князь Андрей, Pierre, другие танцовавшие — они все были ей равны, все были прелесть.

* № 108 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVIII — XXII).

<На другой день князь Андрей проснулся уже весь вполне в том птичьем, цветочном бабоч[ном] мире, в который он столько раз только заглядывал, помолоделый, улыбаясь всему и особенно заботам житейским, начал новую жизнь. Ему рассказывали про торжественность и значительность заседания Совета. «Государь прямо назвал Сенат и Совет сословиями, он сказал, что правление должно опираться на твердые основы».

«Зачем? что такое это говорят?» спрашивал себя князь Андрей. Он видел в своем месте присутствия товарищей над работой, он слышал споры, упреки. «Зачем? что всё это значит? Они не знают всего, не знают», думал он. С кроткой, победительной радостью он смотрел на всех и на свет божий. Он поехал к Ростовым.¹ *Зачеркнуто:* и он пошел приглашать ее и сказал ей, что она лучше всех на бале. Другой раз

² *Зач.*: и опять весна и дуб живо представились ему.

Что то говорили, что то хлопотали там тоже все остальные люди и старый граф, и графиня. Но она одна понимала всё. Она была в другом платье и другой причёске. Сначала это удивило князя Андрея, как будто он ждал найти ее такую же, как вчера в бальном платье. Но когда она, покрасневшись, вышла к нему и, как всегда, близко, близко, решительно подошла к нему и остановилась, смешавшись, как будто ей неловко было так только подойти к нему, не обняв его, он оглянул ее в этом синем платье и позабыл, какую она была вчера. Она всегда такая была. Кроме ее, ничего не было. Все где то там, что то шумели, говорили и притворялись, что они тоже живут сами по себе, тогда как они знали, что, кроме ее — такую, какая она была в сердце князя Андрея, ничего не было. Перед обедом она стояла в дверях и смотрела на князя Андрея. Граф вел под руку старую даму и за тоненькую руку отстранил, хотя и нежно, но отстранил Наташу.

«Он это нарочно сделал», подумал князь Андрей, «чтоб показать, что и кроме ее есть люди, но всё таки она осталась одна».

Она, смеясь, отбежала, и князь Андрей подал ей руку. За обедом она протянула руку к графине, и князь Андрей ждал, что сам графиня вскочит в ее руку. Она была необыкновенно хороша, не только для князя Андрея, но и для всех. Вчерашний успех и нынешнее посещение князя Андрея делали ее счастливой. Всё ей было ловко, всё ясно, всё просто, все добры, все прекрасны. Поздно вечером князь Андрей уехал домой, на другой, на третий день он был опять у Ростовых. На третий день после обеда она пела. Пела, как и всегда, забывая себя и всех для своего пенья. Князь Андрей был счастлив, был влюблен, знал, что она его могла любить, знал, что ему отдадут ее, но, слушая ее пенья, он должен был отойти от клавикирд, чтобы подавить рыдания и скрыть слезы, выступившие ему на глаза.

Ему решительно не об чем было плакать, но он плакал и что-то грустное представлялось ему. Какая то страшная противоположность между чем то бесконечно великим и неопределимым, что было в нем, и чем то узким и телесным, что был он сам. Только что она кончила петь, она подбежала к нему мимо всех и спросила, как ему нравится? Он только улыбнулся, глядя на нее. Она улыбнулась тоже. Всё в Наташе пленяло князя Андрея, но одно, в чем он (может быть именно от того, что это было ошибочно, и что ему только хотелось, чтоб это так было), была непосредственность, первенность, девственность ее чувства.

«Она не только никого никогда не любила, она и теперь не знает, что она любит», думал он, не слышавший ее вечерней конференции с графиней.

Он уехал поздно вечером, лег спать по привычке ложиться, но увидел скоро, что *теперь*, как он узнал настоящую жизнь, спать не нужно. Он то, зажжа свечу, сидел в постели, то вставал, то опять ложился, нисколько не тяготясь бессонницею. Так радостно и ново ему было на душе. Перед утром он заснул часа два, но когда проснулся, был свежее, чем когданибудь. Утром 722

получил он письмо от Мари. Она описывала болезненное состояние отца, невольно высказывала недовольство на Bourienne; потом пришел сотрудник и жаловался на порчу их работы, потом слышал он упреки и толки о Сперанском и на все ему смешно было обращать внимание.

«Как они не понимают, что всё это ничего, всё это будет хорошо. Я всё это им устрою, это так легко вот после того...» думал он.

Он опять поехал к Ростовым, опять не спал ночь и опять поехал к Ростовым. В то время, как он в третий день сидел вечером подле Наташи и говорил ей о последнем бале, он почувствовал на себе взгляд чей то, упорный и серьезный. Он оглянулся. Это был взгляд, строгий взгляд графа и вместе сочувственный взгляд графини, которым она соединяла их обоих, как будто она этим взглядом и благословляла их, и боялась обмана с его стороны, и жалела о разлуке с любимой дочерью. Графиня тотчас же переменяла выражение и сказала что то о comtesse Apraksine, но князь Андрей понял, что было будущее, что есть ответственность, и с этой мыслью опять посмотрел на Наташу, как будто спрашивая себя, стоит ли она всей этой ответственности. «Стоит, и стоит всей жизни», подумал князь Андрей. «Впрочем дома я это обдумую и с этой новой стороны».

Ночью он опять не спал и уж думал и спрашивал себя, что ж он будет делать?

Он старался забыть, выкинуть из своего воображения воспоминание о лице, о руке, о походке, о звуке голоса, последнем слове Наташи и без этого воспоминания решить вопрос, женится ли он на ней и когда? Он начинал рассуждать: «невыгоды — родство, наверно недовольство отца, отступление от памяти жены, ее молодость, мачеха Кoko... Мачеха, мачеха. Не мачеха, а мальчик, милый, девственный, невинный, прелестный мальчик». И опять ему с особенной силой представлялось то, что он думал, он любил больше всего в ней — ее чистоту, девственность. «Кроме куклы, музыки и летания по воздуху ничего она не любила прежде меня». Эта святость ее девственности в мыслях его больше всего прельщала. «Да, и главное я не могу, не могу иначе, я не хочу быть без нее. Что бы я ни думал, я поеду завтра и послезавтра и всегда буду с ней... Это должно быть...»

Но страшная мысль в том состоянии возбуждения, в котором он находился, ошибиться, увлечь ее и не сдержать какнибудь хоть и не выговоренного обещания, поступить нечестно, так испугала его, что он решился на четвертый день не видеть ее и стараться все обдумать и решить с самим собою. Он не поехал к Ростовым, но говорить с людьми и слушать толки о их пустых заботах, иметь дело с людьми, которые не знали того, что он знал, было для него невыносимо.¹

¹ *На полях:* <В этот день он встретил на Невском Сперанского с его видом вне мира сего. Сперанский низко снял ему шляпу. Князь Андрей старался скрыть свою улыбку. Он шел к Pierr'у>

Вечеру он поехал хотя к Pierr'у. Этот, хотя приблизительно, знал то, что знал князь Андрей, и что так изменяло весь мир божий. Pierr'a не было дома. «Вероятно, в ложе», — как предположил князь Андрей. Болконский лег на его диван и задремал к двенадцатому часу, когда Pierre, везя с собой фартук великого мастера и молот, вернулся. Pierre не знал и не заметил, что у него был князь Андрей. Он бросил книги и вещи на стол и повалился в кресло. Достал тетрадь и стал писать.

«Где искать масонства? В костях?» — проговорил он, ковыряя упорно [?] в носу и морщась. «Кем вынута эта соль и сера? Как стать в центре квадрата?» Потом он встал, посмотрелся долго в зеркало, придал себе торжественный вид и стал говорить: «Любезные братья, наше собрание...» Андрей проснулся от звука его голоса и проснулся, как это часто бывает после коротких дневных снов, в духе тринадцатилетнего мальчика.

— Pierre, милый мой Pierre, — сказал он с нежностью женщины в голосе, — Pierre, душа моя, поди сюда, сядь, я тебя ждал, — говорил он с той бессознательностью пробужденья, которая заставляет иногда нас так чисто и просто смотреть на свет. — Pierre, душа моя, — говорил он, приподнимаясь и обнимая удивленного Pierr'a. — Я влюблен, я счастлив. Я ожил, я другой человек. Толстый, милый, мне некому, кроме тебя, сказать этого.

— Ну, слушай, — продолжал он, — ты знаешь Наташу Ростову? я люблю ее, как никогда никого не любил...

Pierre улыбался и был счастлив счастьем своего друга, и не вследствие слов, а вследствие непосредственного влияния духа Андрея на себя он был счастлив.

— Вот как! Поздравляю.

<Вечером он поехал к Pierr'у. У Pierr'a было свое горе. На том же бале Н. высокое лицо обратило внимание на Héléne. Héléne не считала нужным уже скрывать своей связи с этим лицом и сама объявила Pierr'у, что он жалуется званием камергера. Pierre вспылил и окончательно разорвал связь с женою. Он ехал в Москву. Андрей рассказал ему всю свою любовь и все сомнения, вызванные разговором с В[ерой]. Вопрос был в том: он желал знать, любит ли она его или любит Бориса. Он боялся потерять ее. И вместе с тем боялся увлечь ее, когда она еще не знала, любит ли она его, и пока он не знал, даст ли старик отец свое согласие, против которого Андрей не хотел действовать. Pierre нашел утешение в заботах своего друга от горя своего собственного.

Он встретился с Pierr'ом. >

— Ну что, я слышал, вы были у Ростовых. — Андрей улыбнулся.

— Знаешь, что я тебе скажу. Я чувствую, что могу влюбиться.

— И прекрасно, женитесь! — с особенным жаром, удивившим князя Андрея, заговорил Pierre. — Это редкая девушка.

— Легко сказать! Во-первых я стар, — испытывая, сказал князь Андрей.

— Какой вздор!

— Ну даже ежели бы я думал... Quoique je suis à cent lieues de mariage [Хотя я за сто верст от женитьбы]. Отец, он мне сказал раз, что одно, что могло бы еще огорчить и удивить его, это — чтобы я женился.

— Вздор! — кричал Pierre, — поручите мне, я вам устрою все. Женитесь, женитесь, женитесь. В Петербурге нет подобной девушки! — Слова Pierr'a сильно подействовали на Андрея. Он решил обдумать, испытать себя и четыре дня не бывать у Ростовых.

Но в ту же минуту, как он понял то, что говорил ему Андрей, болезненно-злое чувство зависти и сожаления к себе сжало доброе сердце Pierr'a. Всё, что он делал нынче вечером, все стуки молотком и речи над мертвой головой под сияющей звездой об отце Адонираме в соединении с тем чуждым, грязным миром жены, с которым он был неразрывно связан, так вдруг убийственно грустны представились ему. Он шумно и громко поздравлял Андрея и расспрашивал его, но в словах его не было душевности. Злое чувство зависти мучало его. Князь Андрей не замечал этого. Он рассказывал Pierr'у, как он неизбежно любит ее, как он не может поступить иначе, как на днях сделает предложение, и о том, как он счастлив. До раннего утра они проговорили, и когда князь Андрей вышел из комнаты, Pierre почувствовал, что вот был сейчас в этой комнате один живой, вполне живущий человек, а теперь остался он один, труп беспокойный, обязанный двигаться, безжизненный труп. Он вздохнул, задумался, и не разрешив всех мучавших его сомнений, быстро заснул. На другой день он встал с сознанием совершенного преступления. Он не знал, в чем состояло это преступление, но он знал, что с другом его и с милой ему девушкой, Ростовой, совершилось большое счастье, которому он рад и которому он должен, как можно скорее, выказать свою радость.

Он поехал обедать к Ростовым. Он, как и всегда, был чрезвычайно весел и любезен и особенно осторожен, бережен в обхождении с Наташей. Он обходился с ней, как с человеком, с которым случилось несчастье, и который еще его не знает. Вечером он взял ее альбом с тем, чтобы мочь говорить с ней наедине.

Нагнувшись над альбомом, как будто собираясь писать, он вдруг обратился к ней, глядя через очки и нежно, действительно нежно. Он в эту минуту, видя ее, больше любил ее, чем завидовал.

— Мы — старые друзья, — сказал он. — Я знаю <и> желаю быть первым, поздравить вас. Это — мой лучший друг и лучший человек из всех, кого я знаю.

Наташа радостно, но всё еще вопросительно смотрела на него. Ежели она ошибалась и не так его понимала, то она желала еще и еще так ошибаться.

— Ежели этот человек любит, то на любви его можно строить свою жизнь смело. Я рад, что мой лучший друг женщина, — он галантно поцеловал ее руку, — будет женою моего лучшего друга.

Наташа, вся красная, задыхаясь, отдала ему свою руку, хотела сказать: «Кто — он?», но не могла выговорить.

— Я никогда не думал, чтобы André был так молод и чтоб такие сокровища любви были в нем. Когда вчера он всё рассказал мне...

Наташа уже не слушала: она медленно повернулась, сама не зная, что она делает, и вышла из комнаты. Только что она зашла за дверь, она побежала к себе, села на кресло и закрыла лицо руками.

Pierre уехал с успокоенным чувством человека, сделавшего доброе и честное дело.>

[Далее со слов: В эту же ночь Наташа то взволнованная, то испуганная, с останавливающимися глазами долго лежала в постели у матери... кончая: обнимая мать.¹ — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXII.]

² Князь Андрей четыре дня не ездил к Ростовым и никуда, где бы он мог встретить их. Но на четвертый день он не выдержал и, обманывая самого себя, в смутной надежде увидеть Наташу, он вечером поехал к молодым Бергам, который два раза был у него и звал его к себе вечером.

Несмотря на то, что Берг всякий раз, как он где бы то ни было встречал князя Андрея, настоятельно упрашивал Болконского приехать к нему вечером, когда ему доложили в его аккуратной, чистой до возмутительности квартире на Владимирской, что приехал Болконский, Берг взволновался, как от неожиданности. Он в то время, как приехал Болконский, сидел в своем новом кабинете, чистом, светлом, убранном бюстиками и картинками и новой мебелью так аккуратно, что трудно было жить в этом кабинете, что невольно цель этого кабинета представлялась в том, чтобы он всегда был в порядке, и что малейшее житейское употребление этой комнаты представлялось нарушением порядка.

[Далее со слов: Он сидел в кабинете в новеньком расстегнутом мундире... кончая: ...указывая на пелеринку. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XX.]

В это время доложили о приезде почетного, давно желаемого гостя, князя Андрея, и оба супруга, переглянувшись, самодовольной улыбкой — каждый себе — приписал честь этого посещения. «Вот что значит уметь делать знакомства!» — подумал Берг. «Вот что значит уметь держать себя».

Князь Андрей, приехав к Бергам, сделал компромисс с своим решением два дни не видать Наташи. Он смутно надеялся увидеть ее у сестры. Он был принят в новенькой гостиной, в которой нигде сесть нельзя было, не нарушив симметрию, чистоту и порядок, и потому весьма понятно было и не странно, что Берг великодушно предлагал разрушить симметрию кресла или дивана для дорогого гостя и, видимо, находясь сам в этом отношении в болезненной нерешительности, предлагал решение этого вопроса выбору гостя. Князю Андрею вообще не неприятен был Берг с его наивным эгоизмом тупоумия (вероятно потому, что Берг представлял самую резкую противоположность его собственного характера), а теперь в особенности Берг был для него наилучшим¹

Зачеркнуто: <На другой день> В тот же день, как Pierre так добродушно исполнял перед своей совестью долг, облегчающий от греха зависти, не думая о том, какие могла иметь последствия его нескромность, в этот же день князь Андрей, решившийся еще на сутки испытать себя, не поехал к Ростовым.

² *На полях:* <Озлобление на Наташу, перемена взгляда на семью всю. В этот же день предложение от Сперанского губернатором в Белосток — ответ ни да, ни нет. Деят[ельность], письма отца. Объяснение с Наташей. Переписка.>

собеседником. Он долго слушал его рассказы о служебных повышениях, о его планах, о благоустройстве, с удовольствием под звуки его голоса мечтал всё [об] одном же своем. Вера, которая сидела, изредка вставляя слово и в душе не одобряя мужа не за то, что он говорил всё про себя и только про себя (это по ее не могло быть иначе), но за то, что он говорил недостаточно небрежно, Вера была тоже приятна князю Андрею по невольной связи, существовавшей в его воспоминании между ей и Наташей. Вера была одна из тех, так часто повторяющихся в свете, приличных незаметных лиц, что о них никогда серьезно не думаешь, и князь Андрей всегда считал ее добрым, ничтожным существом, теперь особенно близким ему по близости ее к Наташе.

Берг, прося извинения оставить князя Андрея наедине с Верой (Вера взглядом показала Бергу неприличность этого извинения), вышел, чтобы послать поскорее денщика купить к чаю тех именно печений, которые он ел у Потемкиных и которые по его понятию были верхом светскости и которые должны были поразить удивлением князя Андрея, когда они будут поданы в серебряной, присланной ему отцом к свадьбе, корзинке.

Князь Андрей остался наедине с Верой, и ему стало вдруг неприятно. Вера также много и одна говорила, как и ее муж, но при ее говоре нельзя было независимо думать, потому что она имела привычку, не бывшую у ее мужа, в середине своего разговора обращаться с вопросами к своему собеседнику, как бы экзаменуя его: *Y êtes vous?*¹ Князь Андрей должен был поэтому следить за ее разговором, да и кроме того, как только вышел ее муж, она заговорила о Наташе.

Вера, как и все в доме и бывавшие у Ростовых, заметила чувство князя Андрея к Наташе и на основании его делала свои предположения. Теперь она не то, чтобы сочла нужным сообщить князю Андрею свои соображения о характере Наташи и о ее прошедших склонностях и увлечениях — хотя она это и сделала — не то, чтобы она нашла нужным это сделать, но для нее была необходимость в разговоре с таким дорогим и светским гостем приложить к делу свое мнимое дипломатическое искусство обращения, такта намеков и бесцельной хитрости. Ей нужно было быть проницательно-тонкой, и ближайшим и лучшим для того предлогом была Наташа, и на него то она и обратила всё свое искусство. Наведя вопрос на своих, на последнее посещение князя Андрея, на голос Наташи, она остановилась на рассуждениях о свойствах сестры.²

— Вы, я думаю, князь, часто удивлялись этой необыкновенной способности Natalie изменять свои пристрастия. То она любила французскую музыку, теперь слышать не может. И это у нее беспрестанно. Она способна так страстно привязываться ко всему и так же скоро забывать...

¹ [Вы поняли?]

² *На полях:* Князь Андрей к Сперанскому: — Давайте дело — я ваш. Берется за работу, но нейдет. Дает работу вне Петербурга.

— Да, я думаю,¹ она очень сильно чувствует, — сказал князь Андрей таким тоном, как будто вопрос о свойствах Наташи ни в каком случае не мог интересовать его.

— Да, — с тонкой улыбкой сказала Вера. — Но вы, князь, так проницательны и так понимаете сразу характеры людей. Что вы думаете о Натали? Может она постоянно любить одного человека?

Князю Андрею стал неприятен этот разговор.²

— Не имею повода думать ничего, кроме хорошего, о вашей сестре.

— А я думаю, князь, когда она полюбит действительно, — с значительным видом сказала Вера, как бы давая чувствовать, что теперь она любит. (Вообще во всем этом разговоре Вера думала, что она желает добра Наташе.) — Но в наше время, — продолжала она, упоминая о нашем времени, как вообще любят упоминать ограниченные люди, полагающие, что они нашли и оценили особенности нашего времени, и что свойства людей изменяются с временем, — в наше время девушка имеет столько свободы, что *le plaisir d'être courtisée*³ заглушает это чувство *et Natalie, il faut l'avouer, y est très sensible.*⁴

Князь Андрей не знал, что будет, но, слушая бестактные и неловкие слова Веры, он чувствовал внутреннее страдание,⁵ подобное тому, которое должен испытывать музыкант, когда слышит и видит своего лакея, передразнивающего его, играющего с значительным видом на инструменте, которого он, лакей, не знает. Так самодовольно играла Вера на инструменте тонкого, гостинного разговора.

— Да, я думаю, — отвечал Андрей сухо, — вы были в последнем концерте Каталани?

— Нет, я не была, но, возвращаясь к *Natalie*, я думаю, никто так не был *courtisée*,⁶ как она, но никогда до самого последнего времени никто серьезно ей не нравился, даже наш милый *cousin* Борис, которому очень тяжело было от нее отказаться.

Князь Андрей прокашлялся и, нахмурившись, молчал⁷. Он испытывал враждебное чувство к Вере, которое он бы не удержался выразить, ежели бы она не была женщина. Она не замечала этого.

— Вы ведь дружны с Борисом? — сказала она.

— Да, я его знаю...

¹ *Зачеркнуто*: это относится только не к людям, — сказал князь Андрей, — потому что я всегда люблюсь на ее любовь к вашей матушке.

² *Зач.*: — Я думаю, что она будет прекрасной женой, когда она полюбит.

— Да, но любовь, князь, такое сложное чувство. Часто нам

³ [удовольствие иметь поклонников]

⁴ и Натали, надо признаться, к этому очень чувствительна.

⁵ *Зач.*: как будто какое то несчастье начинало совершаться над ним

⁶ [ни за кем столько не ухаживали,]

⁷ *Зач.*: Ему совестно и больно становилось за себя и за Наташу.

— Он, верно, вам говорил про свою детскую любовь к Наташе. Последнее время он трогателен был,¹ он очень влюблен и, ежели бы он был богат...

— Разве он делал предложение? — спросил князь Андрей невольно.²

— Да, знаете, это была детская любовь, vous savez, entre cousin et cousine cette intimité mène quelquefois à l'amour. Mais... vous savez l'âge, les circonstances.³

— Ваша сестра отказала ему или он отказал? — спросил князь Андрей.

— Да, знаете, эти были детские интимные отношения, которые были очень милы, когда они были детьми. Mais le cousinage est dangereux voisinage <et maman a mis bon ordre à tout cela. Et tant mieux pour Natalie, n'est ce pas?>⁴

Князь Андрей ничего не ответил и неучтиво молчал. Внутри его как бы оборвалось что то. То, что было не только естественно, но необходимо при характере Наташи, то, что она любила когонибудь, что она целовалась с своим cousin (как сам князь Андрей в отрочестве обнимался с своей кузиной), это никогда не приходило в голову князю Андрею, но всегда, когда он думал о Наташе, с мыслью о ней соединялась мысль о чистоте и девственности первого снега. «И что за вздор, чтобы я любил когданибудь эту девочку», было первое, что подумал князь Андрей.⁵ И как заблудившийся ночью путешественник с удивлением на рассвете оглядывает местность, в которую занесло его, князь Андрей не мог понять сразу, какими судьбами занесло его за чайный стол молодых, наивных каких то Бергов. И что ему за дело до Наташи⁶ и до сестры ее и до этого наивного немца, рассказывающего, как хорошо в Финляндии делают серебряные корзиночки для хлеба и сухарей. Но как путешественник, захавший в незнакомую местность, долго не может решиться выехать, не зная, где была его прежняя дорога, князь Андрей не слушал, не отвечал, долго сидел у Бергов, удивляя и даже под конец тяготя их своим присутствием.⁷

¹ *Зачеркнуто:* но Natalie a su tenir bon et lui a refusé net. [Натали была тверда и отказала ему наотрез.]

² *Зач.:* начинавши интересоваться

³ Вы знаете, между двоюродным братом и сестрой эта близость очень часто приводит к любви. [Но, знаете, возраст, обстоятельства.]

⁴ [Но двоюродное родство — опасное соседство и мама всё это привела к порядку. И тем лучше для Натали. Не так ли?]

Зач.: Борис ездит к нам, но теперь уж он не опасен для того, кого полюбит Наташа.

⁵ *Зач.:* и вдруг он как будто опомнился от сна, в котором он находился в продолжение всего этого времени со дня бала.

⁶ *Зач.:* и сестры, которая может совершенно целоваться с кем ей угодно, которая верно перецеловала уже многих.

⁷ *Зач.:* Поздно, во втором часу он приехал к себе и к ужасу своему увидел опять, что он опять не может спать, что он всё так же и не так же, а в сто раз больше любит теперь Наташу, ревнует и боится потерять ее.

И он решил, что завтра, ежели бы только это было не поздно, он едет

Выйдя от Бергов, князь Андрей, как только он остался сам с собою, почувствовал, что он не может уже вернуться на старую дорогу, что он любит и ревнует и боится потерять *ее*, несмотря *на все*, еще больше, чем прежде. Было еще не поздно. Он велел ехать к Pierr'у, которого он, к удивлению, не видал все эти дни. У освещенного подъезда Безуховых стояли кареты. У графини был раут, был французский посланник, но Pierre был один наверху в своей половине.

Pierre в выпущенной рубашке сидел в низкой, накуренной комнате и переписывал подлинные шотландские акты, когда вошел к нему князь Андрей.

Pierre со времени бала чувствовал на себе приближение припадка ипохондрии и с отчаянными усилиями старался бороться противу них. Опять всё ему казалось ничтожно в сравнении с вечностью, опять представлялся вопрос: к чему? И он дни и ночи заставлял себя работать, трудом надеясь отогнать приближение злого духа.

— А, это вы, — сказал он ему с нерадостно и рассеянным видом.¹ — А я вот работаю, — сказал он, указывая на тетрадь с тем видом спасения от невзгод жизни, с которым смотрят несчастливые люди на свою работу.

— Давно не видать тебя, милый, — сказал Андрей. — Ростовы спрашивали про тебя.

— А, Ростовы... — Pierre покраснел. — Вы были у них?

— Да.

— Мне некогда, вы знаете, я еду и вот кончаю работу.

— Куда? — спросил князь Андрей.

— В Москву. — Pierre вдруг тяжело вздохнул и повалился своим тяжелым телом на диван подле Андрея. — Правду тебе сказать, nous ne nous convenons pas avec la comtesse.² Испытание сделано и... Да, да, я рано женился, но вам, вам самое время.

— Ты думаешь? — сказал князь Андрей.

— Да, и я скажу вам на ком, — опять покраснев, сказал Pierre.³

— На младшей Ростовой, — улыбаясь сказал Андрей. — Да, я скажу тебе, что я мог бы влюбиться в нее.

— Влюбитесь и женитесь и будете счастливы, — с особенным жаром заговорил Pierre, вскакивая и начиная ходить. — И я всегда это думал. Эта девушка такое сокровище, такое... Это — редкая девушка. Милый друг, я вас прошу — вы не умствуйте, не сомневайтесь. Женитесь, женитесь и женитесь.

просить руки Ростовой. Но недовольство отца верное, но сын, но родство этого москвича барина, но Борис! «Что бы не было, всё равно я должен быть уверен, что не упущу ее». И он поехал к Ростовым, но прежде, чем ехать к Ростовым, он поехал к Pierr'у.

На полях: Тем более я женюсь на ней. Он поехал с решением объяснить свою любовь и поездку за границу. Он с ней, как с ребенком.

¹ *Зачеркнуто:* Я очень рад

² [мы с графиней не подходим друг к другу.]

³ *Зач.*: Ну, что я вам говорил про младшую Ростову.

— Легко сказать! Во-первых я стар, — сказал князь Андрей, глядя в глаза Pierr'u и ожидая ответа.

— Вздор! — сердито закричал Pierre.

— Ну, ежели бы я и думал, quoique je suis a 100 lieues du mariage,¹ у меня отец, который сказал мне, что моя новая женитьба была бы единственное, могущее его поразить, горе.

— Вздор! — кричал Pierre, — и он полюбит ее. Она — славная девушка. Женитесь, женитесь, женитесь и n'en parlons plus.²

И действительно, Pierre придвинул свои тетради и стал объяснять князю Андрею значение этих подлинных шотландских актов, но князь Андрей не слушал объяснения актов, не понимал даже всё завистливое скрываемое страдание Pierr'a, опять навел разговор о Ростовых <и> женитьбе. Где была его тоска, его презрение к жизни, его разочарованность. Он, как мальчик, мечтал, делал планы и жил весь в будущем. Pierre был единственный человек, перед которым он решался высказаться, но зато ему он уже высказал всё, что у него было на душе. То наивно, как мальчик, рассказывал свои планы, то сам смеялся над собою.

— Да, ежели бы я женился теперь, — говорил он, — я бы был в самых лучших условиях. Честолюбие мое всякое похоронено навсегда. В деревне я выучился жить. Привез бы instituteur'a³ Николушке. Маша, которой жизнь тяжела, жила бы со мной. Зиму я приезжал бы в Москву. Право, мне точно семнадцать лет.

Они проговорили до поздней ночи и последние слова Pierr'a были: женитесь, женитесь, женитесь.

* № 109 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXII).

<Во втором часу он приехал к себе и к ужасу своему увидел опять перед собою весь тот сложный, лживый мир борьбы, сомнений, неправды, тщеты, мир трудов с Сперанским, отношении с врагами, с светом, с отцом, с сыном, с сестрой, с самим собой, который мрачнее в тысячу раз, чем прежде, опять представился ему. Только на короткое время, на крыльях любви вылетел он из этого мира. Всё было ясно, просто, легко, счастливо и душевно. Теперь опять всё было тяжело, запутанно и, главное, я сам, я с своими особенностями, воспоминаниями, которые были забыты, опять стоял один перед самим собою с своими отвратительно-прискучившими, мрачными чертами. В первый раз после пяти дней он едва лег в постель, как крепко и беспробудно заснул до другого утра.

На другое утро он написал все свои запущенные письма, сделал распоряжения по имениям, тоже запущенные, разобрал свои бумаги и перечел начатые работы, потом пошел к Сперанскому и объявил ему, что он не отказывается, а желает работы и такой, которая бы отвлекла его от Петербурга. Сперанский предложил ему место губернатора в Тираспольской области, присоединенной¹ [хотя я очень далек от женитьбы,]

² [не будем об этом больше говорить.]

³ [воспитателя]

к России по Тильзитскому миру, заведывание которой поручено было Сперанскому и в которой происходили величайшие беспорядки. Через неделю, во время которой князь Андрей нигде не был и не принимал никого, усердно работая, он поехал делать прощальные визиты.

На списке визитов, составленных им, не было Ростовых, но, проезжая по Фонтанке мимо дома, в котором они жили, он велел кучеру остановиться у их подъезда. «Благодарю судьбу, которая спасла меня от этой глупости», подумал он, входя на их подъезд, «и недовольство старого, слабеющего отца, и неверность памяти жены, и мачеха Коко, и бросить всю общественную деятельность — нет, как теперь, так лучше. Но ежели действительно всё кончено, то отчего же мне не заехать к ним и быть неучтивым в отношении этих добрых людей».

Наташа проснулась на другой день объяснения с Ригг'ом удивленная, что она была всё на старом месте в комнате с Соней, тогда как такие огромные и счастливые перевороты уже совершились с нею в ее воображении. Она видела себя уже княгиней Болконской, при дворе, затмевающей всех своей красотой, она видела себя рядом с мужем в коляске на пути за границу. Она видела себя такою же блестящею и окруженною, какою она видела на бале прелестную *Hélène*. И вдруг то же стеганое одеяло, и та же Соня в белой кофточке, расчесывающая с помощью Дуняши перед трюмо свою огромную помаженную косу. «Но ежели этого еще не было — всё равно это скоро будет», думала Наташа и, только больше, чем всегда, веселая, вскочила с своей постели, вспрыгнула на плечи к Дуняше и, несмотря: «ну, полноте, барышня», проехала на ней вокруг комнат.

В первый день Наташе было страшно, что приедет князь Андрей и наступит страшная минута, решающая всё, но он не приехал ни на другой, ни на третий и Безухой, заезжавший в это время, сказал, что он сам не видел Болконского за это время и не может понять, где он.¹

* № 110 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXII—XXIV).

<Но несмотря на то, он еще твердо верил, что он уедет отсюда столь же свободный, как он и приехал.

Глаза их встретились, и в обоих было выражение упрека и сожаления. Он первый опустил глаза и попытался сделать равнодушные.

— Вы давно не видали сестру, — начал он. Она перебила его.

— Вы едете? — спросила она его спокойным, но дрожащим от страха и волнения голосом.

¹ *На полях*: Nicolas проводи с нами [?] праздники. Визжит мороз

У Р[остовых] все знали и оставили его одного.

Она не ждала один день и рада, потом сердилась, потом плакала, что ей мешают с другими кокетничать. Потом забыла нарочно. И когда приехал князь Андрей, скорее, скорее кончить.

Он взглянул на нее, и серьезная страстность ее выражения испугала его, как неожиданность. Он хотел не смотреть на нее, но такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать. Он забыл, что она делала ему вопрос, и не отвечал ей.

— Вы совсем едете? — повторила она.

— Года на два, я думаю...

— Ну да, навсегда. А я, — сказала Наташа, — а я дум... — она не договорила, встала и остановилась перед ним, опять в том же положении, в котором она встретила его после бала. Так близко от него, так робко и преданно, с опущенными прямо руками и нежным взглядом, устремленным на него, как будто она говорила: «что ж, возьми меня. Вот она я». Но она не только не сказала этого. Она опять не дала ему выговорить того, что он хотел.

— Прощайте, — сказала она. Он поцеловал ее руку. Она, быстро повернувшись, пошла из комнаты.

«Нет, это невозможно...» — сказал себе князь Андрей и побежал за ней. Но не успел он еще сделать двух шагов, как она, не слыжав его, остановилась у двери, повернулась к нему и встретила его.

— Нет, нет, нет, — капризно перебивая его, заговорила она, чтобы не слышать, что он скажет.

— Безухов сказал мне, что вы, что вы... Что вы ему сказали про меня? Правда ли это? Мне надо это знать. — Наташа не смотрела на князя Андрея и чем больше оскорблена была ее гордость, что она говорила это, тем более вид ее был гордый и презрительный.

Князь Андрей не думал ничего о своих прежних решениях, не знал, что он говорит. Он чувствовал себя новым и счастливым.

— Да. Хотите вы быть моей женой? — сказал он, подходя к ней еще ближе и взяв ее руку.>

Наташа не могла отвечать. Внутренняя работа, происшедшая в ней, измучала ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала. Она ничего не могла выговорить. «Ну так что же?» говорили ее глаза, с детской нежностью смотревшие в лицо князя Андрея. Она села. Князь Андрей взял ее тонкую, худую руку и прижал к губам.

— Да? — сказал он, улыбаясь.

Она улыбнулась тоже сквозь слезы, нагнулась над его головой, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его.

<— А как я боялась, что вы уедете, — сказала она.

— Я всё таки уеду, — сказал князь Андрей, глядя на нее и успокоивая ее этим взглядом. И он долго и нежно говорил с ней, стараясь убедить ее в неизбежности его отъезда и отсрочки свадьбы на полтора года. Он говорил ей о том, что он принял служебное назначение и не может не исполнить его, о том, что ему, хотя и не нужно, но приятнее бы было получить согласие отца, о том, что она молода, очень молода еще. Он не говорил еще об одной важнейшей причине отсрочки. В ту минуту, как он говорил с ней, 733

образ маленькой княгини с своими простыми, жалкими словами представлялся ему.>

Она слушала его, и из всего, что он говорил, она понимала только то, что она, девочка Наташа, такой ребенок, недавно обиженная М. Э. гувернанткой, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, с ней, с этой девочкой, советуется, говорит как с равной, как с высшей, сообщает ей все свои задушевные мысли, кто же: князь Андрей, такой умный, такой рыцарь, такой большой, такой милый человек.

«— Pierre сплетник, которому от меня достанется, — говорил князь Андрей, — он сказал правду, но он заставил меня сказать вам эту правду теперь, а не через полтора года. Не сердитесь на меня, мой друг, — говорил он, — но вы молоды, вы страстны, я стар, я вдовец, у меня сын, я бы не желал связывать вас. Ежели через полтора года вы будете еще любить меня, то я буду счастливейший человек назвать вас своей женой, но ежели вы полюбите другого, более достойного — напишите мне. И я вас не связываю...

— Никогда, никогда, какие глупости.

— Я всё это говорю к тому, что я не желал бы, чтобы всё, что было сказано между нами, было известно до полутора года, как я и намерен был сделать. Пишите мне и я буду писать вам.

— Только мама я скажу, да? — сказала Наташа. — Мне всё равно, будут ли знать это или не будут.

— Скажите маман, но это моя фантазия, чтобы до тех пор, пока я буду в состоянии назвать вас своей женой, это бы было тайной, прощайте, — сказал Андрей, — я приеду обедать и завтра еще буду у вас.

Наташа встала, проводила его и ждала, что он обнимет ее. Как бы она прижалась теперь к нему, как она страстно любила его в эту минуту. Но он учтиво поцеловал ее руку и вышел. На другой день он еще раз обедал и, вечером простившись, на полтора года уехал.

В доме и в обществе предполагали многое, но только одна графиня и Наташа знали тайну предложения Андрея.>

* № 111 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXIII—XXVI).

В первый день после своего ночного объяснения с матерью, где они решили, что князь Андрей должен сделать предложение, Наташа ждала его со страхом, что наступит та решительная минута, которая лишит ее лучшего ее счастья — надежды ожидания любви от всех мужчин, которых она встречала, тех испытаний, которые она любила делать над каждым мужчиной — полюбить ее. Наступит то время, когда будут и другие радости — быть дамой, ездить ко двору и т. д., но надо будет отказаться от прежних привычных, веселых радостей. Ей страшно было, что придет этот князь Андрей, который один из всех мужчин более всех нравился ей, и сделает предложение. Но он не приехал, и на другой день она уже нетерпеливо и страстно ждала его и боялась, что он не придет. Ежели бы она умела сознавать свои чувства, 734

то она увидела, что нетерпение это проистекало не из любви, но из страха оказаться смешною и обманутою в глазах себя и матери и, ей казалось, всего света, который знал или узнает то, что было и как она надеялась. В этот день она была тиха и пристыжена. Ей казалось, что все знают ее разочарование и смеются над ней или о ней жалеют. Вечером она пришла к матери и расплакалась, как ребенок, в ее постели. Сначала слезы ее были слезы обиженного, оскорбленного ребенка, который сам отыскивает свою вину, и, не находя ее, спрашивает, за что он наказан, но потом она рассердилась и объявила матери, что она вовсе не любит и никогда не любила князя Андрея и не пойдет за него теперь, пускай он, как хочет, будет просить ее.

«Но будет ли он еще просить ее?» Этот вопрос ни на минуту не оставлял ее, и с этим мучительным, неразрешимым вопросом она заснула.

«Он такой странный, такой непохожий на всех остальных. От него всё может случиться», думала она. «Но всё равно, кончено. Теперь я об нем больше не думаю, а завтра надеваю папашино именинное голубое платье, любимое Бориса, и буду весела целый день».¹

Но, несмотря на твердое решение забыть всё и возвратиться к прежней жизни, несмотря на голубое папашино платье, несмотря на полосатое с кружевами, в котором, по приметам, бывало всегда еще веселее, Наташа не могла уже войти в прежний ход жизни. Все ее обожатели были у них за эти дни и Борис и... и еще другие, все они так же смотрели ей в глаза и восхищались ею, но всё это было невесело, при них еще живее вспоминался ей князь Андрей и беспрестанно она краснела и раздражалась; ей всё казалось, что они *знают* и жалеют ее. Мысль о возможности замужества и серьезной взгляд на всё это матери — незаметно для нее самой всю переродили ее. Ей в душе уже не могло быть весело попрежнему.

Когда, один раз вечером, графиня стала успокоивать Наташу, говоря ей, что отсутствие князя Андрея очень естественно, что перед таким важным решением ему, вероятно, надо многое сделать и обдумать, что необходимо ему, вероятно, согласие отца, Наташа, вслушивавшаяся сначала в слова матери, вдруг прервала ее.

[*Далее со слов:* Перестаньте, мама, я и не думаю и не хочу думать.² *кончая:* — Я не хочу мучиться. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. XXIII.]

¹ *Зачеркнуто:* «Очень нужно мне слушать, что этот твой Безухой наговорил и зачем мне от этого быть скучной, и когда Безухой приедет, скажу ему, чтобы он вперед не говорил мне таких глупостей». Но ни князь Андрей, ни Безухой не приезжали и в следующие дни. Князь Андрей потому, что он решился никогда больше не ездить. Безухой оттого, что, поняв на другой день глупость, которую он сделал, он заперся у себя в комнате за переписками подлинных шотландских актов и не выезжал никуда, ожидая, что как-нибудь развяжется сделанная им глупость, как и всё на свете развязывается.

² *Зач.*: Что нибудь Безухой солгал. Просто солгал, солгал.

— Что ж, проси, — сказала графиня со вздохом вслед за Наташей вошедшему лакею и подтвердившему известие Наташи.

Князь Андрей вошел и с спокойным лицом поцеловал руки дам и¹ стал говорить про m-lle Georges. Князь Андрей говорил всё это более спокойно, чем когда.² Он смотрел на Наташу, и взгляд его был так же холоден и спокоен, как когда он смотрел на А[нну] П[авловну]. Князь Андрей в своем житейском опыте умел усвоить себе то необходимое искусство говорить одним ртом и смотреть, не видя, то искусство, которое все мы прилагаем бессознательно, когда глаза наши останавливаются упорно на одном предмете и мы его не видим, или когда произносим заученные слова, не думая о них, и которое сознательно прилагается, когда мы хотим, не испугавшись, смотреть на чтонибудь страшное или произнести трогательные слова не без дрожания голоса, искусство, которое состоит в том, чтобы как будто раздвинуть два механизма: внешних проявлений и внутренней душевной жизни так, чтобы тот вал, шестерня, ремень, та передача механизма, которая в нормальном состоянии существует между этими двумя механизмами, не существовала более. У князя Андрея были умышленно раздвинуты эти механизмы, когда он смотрел и говорил, и он чувствовал, что, ежели бы восстановилось это сообщение, он бы не мог так смотреть и говорить, и бог знает, что бы вышло. От этого он старательно не давал колесу от внешних проявлений цеплять за душевную жизнь и от того был так слишком неприятно прост и спокоен. Наташа в ту же минуту поняла, что тут что то было неестественное и непонятное, и она с упорным и неучтивым любопытством и волнением смотрела, ни на секунду не спуская глаз, на лицо князя Андрея. Графиня не слушала князя Андрея, не понимала, что он говорил ей (она не слыхала даже того, что он сказал о своем отъезде). Она беспрестанно вспыхивала, краснела, как девочка, и взглядывала на дочь. Графиня за эту неделю так много передумала и перечувствовала об этом предстоящем объяснении, что она теперь только думала о том, что неужели вот оно пришло уж это страшное мгновение и что вот надо или не надо встать и уйти под какимнибудь предлогом, оставив их для объяснения. Поговорив о театре, графиня встала.

— Я пойду позову мужа, — сказала она. — Он занят, но будет очень жалеть, что не видал вас.

Когда она встала и вышла, Наташа испуганными, умоляющими глазами взглянула на мать, и князь Андрей почувствовал, что против его воли раздвинутый механизм опять сдвинулся, и что теперь уже он не в состоянии сказать ни одного спокойного слова, и что глаза его передают ему всю силу влияния на него этой девушки. Он взглянул на нее, и серьезная страстность ее выражения испугала его, как неожиданность. Он хотел не смотреть на¹ *Зачеркнуто*: начал ту повторенную уж им несколько раз нынче фразу, которую он говорил, что он приехал проститься, и почему и куда он едет.

² *Зач.*: он говорил это в других гостиных.

нее, но такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать.¹
Он улыбнулся ей и начал говорить.²

— Вы знаете, зачем я приехал?

— Да. Нет, — поторопилась сказать она.

— Я приехал³ узнать о своей участи, которая зависит от вас.

Лицо Наташи просияло, но она ничего не сказала.

— Я приехал сказать вам, что я вас люблю, что счастье зависит от вас, захотите ли вы соединить свою судьбу с моею.

— Да, — тихо, тихо сказала Наташа.

— Но знаете ли вы, что я — вдовец, что у меня сын, что у меня отец, которого бы я желал получить согласие.⁴

— Но, положим, вы захотите взять [меня] таким, как я есть. У меня есть отец, который стар и который, я хочу, чтобы любил вас так же, как и я. Хотите вы?

— Да, да,⁵ — всё так же сказала Наташа.

Он улыбнулся, поцеловал ее руку.

— Но нужно время. Дадите вы мне год... — сказал он.

— Я ничего не знаю, не понимаю, я только... Я очень счастлива. Я...⁶

— Вы дадите мне год? вы не разлюбите меня?

Наташа не могла отвечать. Внутренняя работа, происшедшая в ней, измучала ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала. Она ничего не могла выговорить. «Ну, так что же?» говорили ее глаза, с детской нежностью смотревшие в лицо князя Андрея. Она села. Князь Андрей взял ее тонкую, худую руку и прижал к губам.

— Да? — сказал он, улыбаясь.

Она улыбнулась тоже сквозь слезы, нагнулась над его головой,¹ *Зачеркнуто*: — Вы знаете, зачем я приехал? — спросил он. — Зачем вы спрашиваете. — И как только она замирая сказала «да», князь Андрей почувствовал, что она принадлежит ему, что некуда было торопиться, что страшно ошибиться и лучше еще не связывать себя.

<— Я люблю вас. Но я боюсь, что ни вы>

— Вы знаете, что я чувствую, но я боюсь сказать это вам, потому что боюсь, что ни вы, ни я — не свободны.

² *Зач.*: ровно и спокойно.

³ *Зач.*: просить вашей руки

⁴ *Зач.*: — Нет, зачем вы это говорите. Нет, говорите, ну, что еще, что?

— Не связаны вы ничем с вашим cousin. — Лицо князя Андрея сделалось строго и зло, когда он сказал это. Наташа покраснела.

— Нет, теперь нет. Да, я никогда не любила его так как... Князь Андрей улыбнулся и поцеловал ее руку. Она смотрела на него, как будто говоря: только то.

— Вы не связаны так, — продолжал он, — но это было так недавно. Вы сами не знаете себя...

— Нет, я знаю... Но отчего вы не свободны? — Наташа сказала это и ей самой стало страшно, как она могла сказать это.

— Я? Я во первых стар, и болен, я вдовец.

⁵ *Зач.*: говорила Наташа, ожидая поцелуя, но она

⁶ *Зач.*: Она прижалась к его спустившейся щеке губами. В это время вошла графиня и князь Андрей повторил ей то же, что

подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его.

Князь Андрей попросил видеть графиню и передал ей то же. Он просил руки ее дочери. Но так как дочь ее еще так молода, имела привязанность к своему cousin, так как князю Андрею нужно получить согласие отца (который конечно за честь сочтет родство с Ростовыми), — сказал князь Андрей, так как нужно ему, Андрею, лечиться за границей, он просит подождать год, во время которого он связывает себя, но не связывает Натали. Через год, ежели он будет жив, с согласием или без согласия отца, он будет просить сделать его счастье, отдать ему Нат[али], но ежели Натали полюбит другого в это время, он просит ее только написать ему одно слово. Наташа улыбнулась, слушая это. От графини зависит решить, объявить ли это обязательство, или оставить его тайной. Сам князь Андрей желал бы лучше, именно для своего отца, не разглашать его. Графиня согласилась оставить тайной. Но в тот же день, как тайна, это было сообщено всем домашним.¹ Она слушала его и из всего, что он говорил, она понимала только то, что она, девочка Наташа, такой ребенок, недавно обиженная М[арьей] Э[мильевой] гувернанткой, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, с ней, с этой девочкой равняется, как с равной, как с высшей и ее любит² — кто же? Князь Андрей, такой умный, такой рыцарь, такой большой, такой милый человек. Это было лестно, это было счастливо, но и страшно вместе с тем. Страшно потому, что Наташа чувствовала, что теперь это не шутка, что нельзя играть больше с жизнью. В первый раз она чувствовала, что она большая, и что на нее тоже ложится ответственность за каждое слово, которое она необдуманно скажет теперь.

Князь Андрей был счастлив, хотя и менее того, как он ожидал, но он был счастлив. Он отошел к окну с Наташей.

— Вы знаете, что я с того времени, как вы были у нас в Отрадном, люблю вас, — сказала она.³

Старый граф делал, как будто он ничего не знал, но особенно радостно ласков был к князю Андрею.

Князь Андрей каждый день бывал у Ростовых до того времени, когда⁴ Ростовы уже должны были уезжать, но они остались еще несколько¹ *Зачеркнуто*: Когда кончилось объяснение, князь Андрей, взяв руку Наташи, поцеловал ее и, на правах жениха, отошел с ней к окну. Он был счастлив, хотя и менее счастлив, чем как он ждал, но он был счастлив и сказал это Наташе.

² *Зач.*: сообщает ей все свои душевные мысли

³ *Зач.*: Он еще раз поцеловал ее руку.

⁴ *Зач.*: <В конце зимы> <В последнее время> Наконец в конце зимы граф, не получив места, уехал в Отрадное. Князь Андрей приехал к ним весной проститься перед своим отъездом за границу. Его рана открылась, он похудел, и доктора посылали его. Он обещал приехать осенью, он так же нежен был к Наташе и так же тверд в своем намерении. Об отце он ничего не говорил. — Он будет любить вас, как я, — говорил он Наташе. Наташа была спокойна и счастлива.

времени для Наташи и князя Андрея. Болконский бывал у них каждый день и, как домашний человек, в расстегнутом мундире сидел за маленьким шахматным столиком, рисовал в альбомы, играл в мячик с Петей¹ и оживлял их семейный кружок добродушной и простой веселостью. Сначала в семействе чувствовалась неловкость в обращении с ним. Его называли и считали ученым. Он казался человеком из чуждого света, но потом привыкли к нему и, не стесняясь, говорили при нем о своих домашних делах² и с ним говорили о пустяках, в которых он, как и все, принимал участие.

Он им казался сперва гордым и почему то ученым, но скоро они убедились, что он про всё мог говорить. Он про хозяйство умел говорить с графом и про тряпки с графиней и Наташей. Ему доверчиво рассказали про Nicolas, про его решение мало брать денег и про его проигрыш.

— Это очень счастливо, что он раз и сильно проигрался, — сказал князь Андрей. — Это — лучшее средство для молодого человека. Со мной то же было.

И он рассказал, как в первое его время службы его обьиграли в Петербурге и как он хотел застрелиться. Наташа смотрела на него.

— Это удивительно, как всё уже знает, — сказала Наташа. — Всё и всех знает, всё испытал, даже неприятно.

— Отчего же? — спросил князь Андрей, улыбаясь.

— Так, я не знаю.

— Ну, я не буду рассказывать.

— Нет, я люблю.

Иногда домашние Ростовы между собою и при князе Андрее удивлялись тому, как всё это случилось и как очевидно были к этому предзнаменования. Всё казалось им предзнаменованиями: и приезд князя Андрея в Отрадное, и их приезд в Петербург, и сходство между Наташей и Андреем, которое заметила Н[аташа] в первый приезд князя Андрея, и столкновение в 1805-м году между Андреем и Nicolas и то, что всё это решилось в день Адриана и Натальи, «Андрея и Натальи» говорили они.

[*Далее со слов: В доме царствовала, однако, та поэтическая скука... кончая: ...обратитесь к нему одному за советом и помощью. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXIV.*]

К концу февраля уехали Ростовы и скоро после них, получив отставку, уехал и князь Андрей за границу, только на четыре дня заехав в Лысые Горы, куда к этому времени возвратились уже князь с дочерью, прожившие эту зиму в Москве. Эту зиму 1809 и 10 годов князь Николай Андреевич Болконский с дочерью жили в Москве. Старику был разрешен въезд в столицы и он ¹ *Зачеркнуто*: заставлял петь Наташу, рассказывал свои похождения, путешествия и свою ссору с Nicolas.

² *Зач.*: оставляли его одного с Наташей, с которой он себе не позволял ничего, кроме дружеских разговоров, и перестали перед ним выказываться

хотел воспользоваться им, но не выдержал жизни в Москве более трех месяцев и еще великим постом возвратился в Лысье Горы.¹

[Далее со слов: Здоровье и характер князя... кончая: Мне ничего от него не нужно. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXV—XXVI.]

«Я был и буду всегда независим, но сделать противное его воле, заслужить его гнев, когда может быть так недолго осталось ему быть с нами, было для меня ужасно и разрушило бы наполовину мое счастье. Однако, время приближается и, ежели через пять месяцев он не даст мне своего согласия, я должен буду обойтись без него.² Я говорил отцу намеками в мое последнее пребывание, а теперь прямо и решительно пишу ему, прося тебя передать это письмо в добрую минуту...»

После многих колебаний, сомнений и молитв, княжна Марья передала письмо отцу.

На другой день князь сказал ей, казалось, спокойно: — Напиши брату, чтоб подождал пока умру... недолго — скоро развяжу...

Княжна хотела возразить что то, но отец не допустил ее и стал все более и более возвышать голос.

— Женись, женись, голубчик!³ Родство хорошо. Умные люди, ¹ *На полях*: Письмо к[нязя] А[ндрея] в Москву. Его приезд, старик сердит. Едут в деревню. К[няжне] М[арье] забота. Ее юродивые, приезжает Пьер.

Денег мне не нужно, у меня состояние моей матери.

Зачеркнуто: Еще в бытность свою в Москве княжна Марья получила из Петербурга письмо от брата, в котором он писал ей про свою любовь к Ростовой, намеренье жениться на ней и с эгоизмом влюбленного рассказывал про свое счастье <и просил сестру сказать про это отцу>. Хотя он ничего не писал ей о том, чтобы она приготовила отца к этому известию, княжна Марья поняла, что этого хотел ее брат, и что ее обязанность была сделать это. Но сделать это было очень трудно, тем более теперь, когда после отъезда сына и после различных столкновений в Москве характер князя сделался еще раздражительнее, чем прежде.

² *Зач.*: Кроме тебя и меня, есть еще два человека, которые бы могли иметь влияние на отца: это старый граф З. и наш милый, добрый Петруша Безухов, которого одного из всего молодого поколения любит отец. Ты знаешь, он опять и теперь окончательно оставил жену. Я писал ему и просил о том, чтобы он с тобой вместе переговорил с отцом об этом деле.»

Скоро после этого письма действительно в Лысье Горы приехал Безухов, и княжна Марья, не решавшаяся одна начать говорить о женитьбе брата, с ним вместе начала действовать.

Pierre после нарышкинского бала, где решила счастливая для нее судьба Hélène, оставил ее совсем, написав ей письмо, и уехал в Москву. Получив письмо Андрея, он поехал в Лысье Горы.

Старый князь был попрежнему ласков с Pierre'ом и при нем даже ласков с княжной Марьей, но, как только Pierre заговорил о женитьбе Андрея, старик нахмурился и, не дав договорить Pierre'у, разразился своим гневом.

— Мало ему одной... ну да бог с ней... Какая служба с такой женой... Сиди, карауль... Нужно жену, возьми короткую, а не на жизнь... Пусть делает, как хочет. Мне что? Законы для России писать хочет, а для себя не умеет...

³ *Зач.*: благодарить будешь, — говорил он, как будто князь Андрей был тут налицо. — И кто ходатайствует... Ты? Хорош ходатай. Скажи ты ему, дураку, чтоб подождал — скоро умру. Тогда покойнее будет... Не дождетя.

а? богатые, знатные, а? Да. Хороша у Николушки мачеха будет.¹ Напиши ты ему, что пускай женится: мачеха Николушке будет — она, а я на Бурьенке женюсь. Ха, ха, ха. И ему чтобы без мачехи не быть... Только одно: в моем доме больше баб не нужно, пускай женится, сам по себе живет. Может, и ты к нему переедешь, — обратился он к княжне Марье, — с богом — по морозцу, по морозцу.²

И после этой вспышки князь не говорил³ больше ни раза о женитьбе сына,⁴ но сдержанная досада за его малодушие выразилась в отношениях его с дочерью. К прежним предлогам насмешек прибавилось еще новое: разговор о мачехе и любезности к m-lle Bourienne.

* № 112 (рук. № 85. Т. II, ч. 3, гл. XXV).

⁵ «Горести видно общий удел наш, милый и нежный друг Жюли, которую я, кажется, тем более люблю, чем более она несчастна», писала княжна Марья. «Ваша потеря после несчастий, которые нанесла вам война, так ужасна, что я иначе не могу себе объяснить ее, как особенною милостью бога, который хочет испытать, любя вас, вас и вашу превосходную мать».

Письмо княжны Марьи было письмо соболезнования по случаю смерти от горячки третьего брата Julie, тогда как два были убиты, один в кампании 1805-го, а другой 1807 года. Так что из четырех сыновей Настасьи Дмитриевны теперь оставался только один.

[Далее со слов: Ах, мой друг, религия, только одна религия... кончая:... не упадет без его воли. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXV.]

«А воля его руководится только одною беспредельною любовью к нам и потому всё, что ни случается с нами, всё для нашего блага.⁶

— Ах, что вы говорите князь, — сказал Pierre.

— Что говорю, правду говорю.

¹ *Зачеркнуто*: Ну, ты посредник, сводник.

² *Зач.*: Пусть делает — я рад. Только не говори со мной, не говори...

³ *Зач.*: с Pierr'ом

⁴ *Зач.*: но продолжал с ним быть ласков. Андрею было написано о результате совещания. И княжна Марья и Pierre писали ему, что они не отчаиваются и что всё решится в Москве, где на будущую зиму будет князь и Ростовы. Только после отъезда Pierr'a

⁵ *Зач.*: Решение судьбы старого графа, в гостинной Анны Павловны толки о войне. Румянцов и т. д. Жюли.

Княжна Марья по старому, стареясь в девках, жила в Лысых Горах с своим стареющим и опускающимся отцом, следила за упадком сил отца и за развитием сил племянника, одинаково воображая, что как упадок одного, так и развитие другого — суть необыкновенные, ей первой встретившиеся явления. В 1809 году она так писала свое обычное письмо другу своему Жюли.

<Письмо княжны Марьи к Жюли. 1812 13 октября.>

Поперек текста: Говорят, у Ростовых веселье. Мы были в Москве. André va a Petersbourg pour affaire, mais je crois que c'est plutôt pour ne pas perdre de vue [1 неразобр.] [Андрей едет в Петербург по делам, но мне кажется скорее для того, чтобы не потерять из виду [1 неразобр.]]

На полях: Письмо Жюли прежде. Письмо Pierr'a всё масонское, слегка о Ростовых. С этого начать.

⁶ *Зач.*: и в минуту печали мы только должны просить его, чтобы он

[Далее со слов: Вы спрашиваете, приедем мы в Москву и скоро ли? кончая: Во всяком случае это решится очень скоро. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXV.]

Семейная жизнь¹ идет по старому, за исключением присутствия Андрея. Он, как я уже писала вам,² очень изменился последнее время.

После его горя он теперь только в нынешнем году совершенно нравственно ожил. Он стал таким, каким я его знала ребенком: кротким, добрым и нежным. Он понял, как мне кажется, что жизнь для него не кончена; но, вместе с этой нравственной переменой, он физически очень ослабел. Он стал худее, чем прежде, нервнее. И я очень боюсь за него и рада, что он предпринял эту поездку в Петербург. Я надеюсь, что это поправит его.

Он поехал в Петербург, где ему нужно окончить дела с тестем, и еще потому, что он обещал Ростовым быть на свадьбе их старшей дочери. Она выходит за какого то Берга. Но я надеюсь, что эта поездка так или иначе оживит его. Я знаю, что князь Разумовский писал Андрею, приглашая его занять какое то важное место по статской службе. Андрей сказал «нет», но я надеюсь, что он раздумает. Ему нужна деятельность. Отец мой очень одобрил поездку Андрея. Он желает, чтобы André служил. Как он ни бранит и ни презирает нынешнее правительство, хотя он и не высказывал этого, пятилетнее бездействие Андрея и то, что многие товарищи перегнали его по службе, очень мучило моего открыл нам те пути, вследствие которых кажущееся нам несчастье делается благом, и тем бы облегчал нам нашу печаль.

Наша семейная жизнь идет по старому. Маленький Коко составляет всю мою радость. Он уже читает, учится хорошо, несмотря на то, что я такая дурная учительница. И действительно: умнее и милее этого ребенка ничего нельзя себе представить. Мой отец, который, как вы знаете, строг сам к себе и боится внешних проявлений чувства, обожает этого мальчика и совсем изменяется в его присутствии. Семейная жизнь наша изменилась к худшему только в том отношении, что нездоровье моего отца становится с каждым днем всё сильнее и он, несмотря на наши просьбы, до сих пор не хотел согласиться переехать в Москву для постоянного лечения. Главный вред ему сделала два года тому назад его служба по ополчению. Он, несмотря на свои семьдесят три года, так молод душою и горяч, так удивляется, как бы неожиданному, всякой подлости в людях, что все гадости, что все низости, обманы и воровства, которые делались по ополчению, которые он не мог искоренить и которые ввели его в неприятные столкновения, положили начало его теперешних недугов, чрезвычайной раздражительности, которую он, несмотря на силу своей воли, не всегда может преодолеть, и по своему чувству справедливости страдает от нее больше всего сам.

Раздражительность

¹ *Зачеркнуто*: наша, главное, стала грустней от разлуки с братом.

² *Зач.*: сделал уступку своему решению никогда уж больше не служить в военной службе. Он сказал, что обещался только после Аустерлицкого позора не служить больше никогда против Буонапарте, но что война с Турцией — другое дело и по письму Кутузова, назначенного, как вы знаете, помощником к Прозоровскому, он тотчас же согласился и поехал в Петербург. Он и теперь там, со дня на день ожидает отправления, как мне известно по последнему письму. Обращики и книги он прислал, а не привез сам к вам потому, что знал, вас не было дома, а на другой день он должен был ехать. Отец мой, хотя как и всегда скрывая это, очень одобрил решение

отца. Хотя и при презируемом правительстве, но он желает, чтобы Андрей занимал важное место и был на виду у государя, а не оставался бы век отставным полковником.

Андрей же тоже в последнее время, я видела, не то, чтобы тяготился бездействием, празден он никогда не бывал и не может быть с его огромными способностями¹ и с его сердцем, нельзя перечесть добро, которое он здесь сделал всем, начиная от своих мужиков и до дворян *et cetera*, а он не то, чтобы тяготился бездействием, а он чувствует себя настолько готовым на всякое госуд[арственное], важное дело и в военной и в гражданской сфере, что ему жалко видеть, как пропадают его способности и что места, принадлежащие ему по праву, занимаются другими, ничтожными людьми. Я знаю, что он огорчен этим.² Итак он уехал, хотя худой, больной и несколько кашляющий, но оживленный и нежный.

Он, не скрывая так, как прежде, считая стыдным показывать печаль, поплакал, прощаясь со мной, с отцом и маленьким Коко.

Удивляюсь, каким образом вообще доходят слухи из деревни в Москву и особенно такие неверные, как тот, о котором вы мне пишете, слухи о мнимой женитьбе Андрея на маленькой Ростовой. Правда, что Андрей в последнее время видел общество только у них, у Ростовых, правда, что Ростовы, проезжая из деревни в Петербург³ со всем семейством, заезжали к нам, пробыли у нас целый день, правда, что Натали Ростова есть одна из самых обворожительных девушек, которых я когда-либо видывала, правда, что Андрей очень ласков к ней, но ласковостью старого дяди к племяннице, правда, что он очень любит ее прелестный голосок, который даже и отца моего развеселил, но не думаю, чтобы Андрей когда-нибудь думал жениться на ней, и не думаю, чтобы это могло случиться.⁴ И вот почему:

¹ *Зачеркнуто:* Он чрезвычайно много читал, учился, образовывал себя, потом занимался сыном, именами и, главное, в несчастном [180]7 году, состоя при отце, умеряя его порывы, делал так много добра, что в нашем околке от мужика до губернского предводителя нет человека, который бы не любил и не уважал его.

² *Зач.:* и кроме того, странно сказать, но он любит, просто любит войну, войну, которая так ужасна для нас, женщин, он любит ее, не отдавая себе отчета почему, так, как некоторые женщины любят тряпки.

³ *Зач.:* (Вы слышали, что дела Ростовых очень расстроились и что старик Ростов поехал в Петербург искать себе места)

⁴ *Зач.:* Видела я тоже в этот приезд Nicolas и скажу вам, что он — один из тех молодых людей, которые мне больше всех нравятся в жизни. Он принадлежит к тому роду людей веселых, скромных, честных, правдивых, которым легко и приятно прямо смотреть в глаза и из которых выходят лучшие отцы семейства, мужья, граждане и христиане. Эти люди бывают добродетельны без всякого усилия, сами не зная того и не давая этого другим ни чувствовать и не заметить. У него очень приятный голос, они пели нам с сестрою и, глядя на него, я думала, что как бы счастлива была, ежели бы этот молодой человек был мужем лучшего моего друга. Тут я узнала, что странно, в первую кампанию молодой Ростов встретился случайно с Андреем, и у них произошло столкновение, чуть не доведшее их до дуэли. Теперь же нет ничего похожего на неприязнь, но напротив Nicolas, как и все хорошие молодые люди, находится в обожании перед моим братом и мне вдвойне мило и дорого это.

Во-первых, я знаю, что несмотря на то, что Андрей редко говорит о покойной жене, печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому Коко. Во-вторых потому, что эта Наташа совсем не из того разряда женщин, которые могут нравиться Андрею. Она привлекательна, обворожительна, но в ней нет того, что называется *fond*.¹ После того, как она обворожит вас и вы, без всякой причины улыбаясь, глядите на нее, вы невольно себя спрашиваете: «что ж в ней хорошего, за что я пленилась ею?» и не находите ответа. Она меня обворожила и всех нас так, что я только на второй день могла собраться с мыслями, чтобы обдумать ее характер. У нее два огромные недостатка: тщеславие, страсть к похвалам и кокетство, не имеющее границ и цели. Я не видала ничего подобного. Она кокетничала со всеми: с Андреем, со мной, с своим братом и, главное, с моим отцом. Она видно слышала о его характере и решила победить его, и победила. Через два часа времени она дошла до того, что позволяла себе с ним такие вольности, которые никто, я думаю, в жизни не позволял себе.²

Не думаю, чтобы Андрей выбрал ее своею женою, и, откровенно скажу, я не желаю этого.³ Что касается до Nicolas, то скажу вам откровенно, что он мне очень понравился и, признаюсь, глядя на него, я мечтала о счастье вашем с ним. Как бы я желала видеть такого милого человека мужем моего лучшего друга!

Но я заболталась, кончаю свой второй листок. Прощайте, мой милый друг, да сохранит вас бог под своим святым и могучим покровом. Моя милая подруга Бурьен целует вас.

* № 113 (рук. № 85. Т. II, ч. 3, гл. XXVI).

на еще высшее и блаженнейшее спокойствие, которое ожидает ее на конце <всего земного пути там, где нет печали, ни воздыхания, а вечная радость и блаженство. «И не дойти мне», думает княжна, Я вам сказала так решительно, что, по моему мнению, брат Андрей никогда не подумает жениться на маленькой Ростовой, не сказав, почему я это так решила.

¹ [основой]

² *Зачеркнуто*: но она мила и необыкновенно мила.

³ *Зач.*: Я невольно улыбнулась, читая то место вашего письма, в котором вы сожалеете о моей участи и приглашаете меня в Москву. Знайте, что ежели бы я этого хотела, отец мой тотчас бы исполнил мое желание. Странно, как мало люди, и даже вы в том числе, умеют понять всю высоту души и то прекрасное сердце, которое заставило бы меня боготворить отца, ежели бы он был мне даже чужой. Нет, мой друг, я совершенно счастлива и не желаю другой жизни. Жизнь моя полна: заботы об отце, о маленьком Коко, переписка с друзьями, как вы, и еще главное..... но этого нельзя описать словами. Довольно того, я счастлива так, как желаю быть вам. Прощайте, милый друг, да сохранит вас бог под своим святым и могущественным покровом. Г-жа Бурьен всё такая же милая и приятная и так же нежно целует вас».

Так писала княжна Марья свое четверговое французское письмо, которое было уже едва ли не пятисотое во время пятилетней переписки двух друзей, и то, что она писала, было искренно, насколько для нее возможна была искренность, но многое было несправедливо.

с страхом сознавая в своей душе то страх перед отцом, то неприязнь к г. Бурьен, то грешное воспоминание и сожаление о невозможности связать свою судьбу с Анатодем или с Nicolas, чувствует, что далека для нее и невозможна для нее та ясность взгляда и чистота любви, которые живут в душе этой только что ушедшей от нее странницы.

Но потом она надеется смириться, достигнуть этой высоты и пойти с котомкой по святым местам, молясь за всех и уничтожая себя.

Пушкой так думает милая, бедная княжна, пушкой она не видит и никогда не знает того, как Пелагеюшка, выпив стаканчик водки, на выходе из Лысых Гор пронзительным голосом кричит грубые слова Мавре, вырывая у нее из рук будто бы подаренные и украденные теплые башмаки княжны. Пушкой она не знает этого, а видит в них только тот идеал совершенства, который светится в ней самой и который она переносит на других только для того, чтобы сильнее заставить себя подражать ему.

Письмо Пьера к князю Андрею.

Петербург, 1809 года, октября 11 дня.¹

Вы мне пишете, милый друг, что франмасонство есть одна комедия и что тогда, когда оно захотело быть чем-нибудь, то оно перешло в общество иллюминатов и было запрещено и уничтожено. Это не так. Во первых мы, масоны, те же иллюминаты, но без всякой цели вредить какому бы то ни было правительству. Мы не имеем дела с правительствами, так как мы не знаем и не хотим знать ни государств, [н]и народностей.²>

* № 114 (рук. № 86. Т. II, ч. 3, гл. I, III, XXV, XXVI).

Князь Андрей безвыездно два года прожил в деревне.

Все те предприятия по именьям, которые затеял было у себя Pierre и бросил, не в силах будучи преодолеть все неожиданные им препятствия, встреченные во всех и в особенности в тех, для кого он думал сделать добро, и препятствия, встреченные в увлечениях, переносивших его беспрестанно от одного дела к другому, все эти предприятия, без заметного труда, были исполнены князем Андреем. Он имел в высшей степени ту, недостававшую Pierre'у, практическую цепкость, которая без размахов и усилий, при весьма малом движении с его стороны, заставляла покорно и правильно двигаться прикасающиеся ему колеса. Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы, это был первый пример в России, в других барщина заменена оброком. В Богучарове была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье ¹ *На полях*: Князь Андрей разговаривает перед отъездом с княжной Марьей об отце и крепостном праве и о будущем, о Nicolas говорит: он женится из-за денег, но будет хороший муж, предводитель — настолько в нем есть пошлости.

² *На этом рукопись обрывается.*

обучал детей крестьян и дворовых грамоте. Князь Андрей одну половину своего времени проводил в Лысых Горах, где он особенно горячо всегда был удерживаем сестрою (только один князь Андрей имел силу смягчать, с годами всё делающийся жестчим, характер старого князя), с отцом и сыном, который был еще у нянек; другую половину времени в Богучаровской обители, как называл отец его деревню. В обители князь Андрей вел действительно монашескую жизнь. Он думал, учился и работал над самим собою. Несмотря на высказанное им Pierr'у равнодушие ко всем внешним событиям мира, он усердно следил за ними, получал много книг и, к удивлению своему, замечал, когда к нему или к отцу его приезжали люди свежие из Петербурга, из самого водоворота жизни, что эти люди, в знании всего совершающегося в мире, далеко отстали от него, сидящего безвыездно в деревне. Кроме общих занятий, чтения с выписками и заметками (всегдашняя его привычка), несмотря на выраженное им равнодушие к военным делам, он, соображая условия прошедших кампаний, невольно был вовлечен в составление записки, принявшей под конец размер трактата, и проекта о недостатках наших военных уставов и постановлений. Перечитывая Montesquieu для руководства в этой работе, он увлекся даже критикою и государственных законов, тем более, что по письмам он знал всё, что делалось в это время в Петербурге. В мае 1809 года, возвратившись из поездки в рязанские имения в Лысые Горы, [он] объявил отцу и сестре, что осенью он намерен ехать в Петербург и провести там зиму.

«Может быть», отвечал он на вопрос отца — будет ли он там служить. В откровенном разговоре с отцом он объяснил ему, что у него есть проект нового устройства армии, который он желает представить государю, что бездействие его в деревне начинает тяготить его, что теперешнее время так интересно, что надо вблизи посмотреть на всё это и что надо освежиться. Старик подсмеялся над намерением *Андрюши* написать новые законы для армии, но одобрил его намерение ехать и быть чем-нибудь побольше отставного полковника.

Все его практические и умственные работы были только наполнение пустого от жизни времени, а вопрос о дубе и связанных с ним мыслей — была жизнь.

«Да, крепился», улыбаясь думал князь Андрей про дуб, «долго крепился, не выдержал, как пригрело, пригрело тепло любви, не выдержал, размяк и послужил, чему смеялся, и сам дрожит и млеет в темной, сочной зелени. Да, да», говорил он, улыбаясь и слыша голос женщины, молодой, красивой, энергической, и видя всю ее перед своими глазами. Он вставал, подходил к зеркалу и долго смотрел на свое красивое, сухое и задумчиво-умное лицо. Потом он отворачивался и смотрел на портрет покойницы Лизы, которая, с *à la grecque*¹ взбитыми буклями, нежно и весело смотрела на него из золотой рамки. Она смотрела весело, а всё-таки ¹ [по-гречески]

она говорила: «что я вам сделала? Я всех так любила». И князь Андрей, заложив назад руки, долго ходил по комнате, то хмурясь, то улыбаясь, передумывая мысли о дубе в связи с женщиной, с славой, с Pierr'ом,¹ с добродетелью, и в эти то минуты, ежели кто входил к нему, он бывал особенно сухо строго решителен и, в особенности, неприятно логичен.

— Mon cher, — бывало скажет, входя в такую минуту, княжна Марья, — Коко нельзя нынче гулять, очень холодно. Князь Андрей сухо в эти минуты смотрел на сестру и говорил:

— Ежели бы было тепло, то он бы пошел в одной блузе, а так как холодно, надо надеть на него теплую одежду, которая для этого и выдумана. Вот что следует из того, что холодно, а не следует, чтобы оставаться дома, когда ребенку нужен воздух, — говорил с особенною логичностью, как бы наказывая кого то за всю эту тайную, нелогичную, внутреннюю работу о дубе. Княжна Марья думала в этих случаях, что князь Андрей занят умственной работой и что как сушит мужчин эта умственная работа.

<Зимой 1809-го года Ростов, у которого после своего посещения в 1807-м году князь Андрей изредка бывал, уехал в Петербург. Дела старого графа так расстроились, что он поехал искать места на службе. Весной того же года князь Андрей стал кашлять. Княжна Марья уговорила его показаться доктору, и доктор значительно покачал головой и посоветовал молодому князю быть осто>рожнее и не запускать этой болезни. Князь Андрей посмеялся сестре о ее заботливости и о медицине и уехал в Богучарово. Неделью он пробыл один и продолжал кашлять. Через неделю он поехал к отцу с твердым убеждением, что ему остается недолго жить и тут, проезжая мимо распутившегося дуба, он окончательно и несомненно решил тот тайный вопрос, который давно занимал его. «Да, он и был прав. И счастье, и любовь, и надежда — всё это есть, всё это должно быть и мне надо употребить на это остаток моей жизни». Может быть оттого так ясно решил этот вопрос князь Андрей, что он был уверен в близости своей смерти, как это часто бывает с людьми около тридцати лет. Князь Андрей чувствовал, что кончается его юность, и подумал, что кончается его жизнь. Он твердо верил в близость смерти. Само собой разумеется, что князь Андрей никому не сказал о своем предчувствии смерти, служившем продолжением его тайных мыслей, но он стал еще озабоченно деятельнее, добрее, нежнее со всеми и вскоре уехал в Петербург.

Старый князь,² после известия о смерти сына и возвращения его и смерти невестки, в особенности же после неприятностей, бывших у него по ополчению, сильно постарел. В 1808-м году он ездил в Москву, но скоро возвратился. Нравственный упадок его особенно высказался после отъезда сына. Он выражался преимущественно в раздражении, только сменявшемся редкими минутами ¹ *Зачеркнуто*: с своим проектом военн[ых уставов]

² *Зач. во второй редакции*: перессорившись со всеми во время своего командования по ополчению и в особенности

спокойствия и странным, вдруг проявившимся (княжна Марья видела это и не могла верить себе) пристрастием к m-lle Bourienne. Только она могла говорить и смеяться, не раздражая его. Только она могла читать ему вслух так, чтобы он оставался доволен, и она постоянно служила для него образцом, на который он для подражания указывал своей дочери. Княжна Марья была виновата и в том, что она не так весела и не имеет такого здорового цвета лица, не так ловка, как г-жа Бурьен. Большая часть разговоров за обедом происходили с Михаил Ивановичем о воспитании и имели целью доказать княжне Марье, что она портила баловством своего племянника и что женщины ни на что более не способны, как на то, чтобы производить детей, и что в Риме, ежели бы были старые девы, то вероятно бы их кидали с Тарпейской скалы, или с m-lle Bourienne о том, что религия есть занятие для праздных людей и что ее одноземцы в 92-м году одно только сделали умное, уничтожив бога. Проходили недели, что он не говорил ласкового слова с дочерью и старательно находил все больные места, где бы уколоть ее. Иногда (это случалось преимущественно до завтрака, время самого дурного расположения духа) он приходил в детскую; няньки и мамки с трепетом разбегались, он находил всё дурным, всё — систематической порчей ребенка, раскидывал, ломал игрушки, бранил, даже толкал иногда княжну Марью и поспешно убегал.¹

В середине зимы князь, безо всякой причины, заперся в свою комнату, не видя никого, кроме m-lle Bourienne и не принимая к себе дочь. M-lle Bourienne была очень оживлена и весела и в доме делались сборы для отъезда куда-то. Княжна ничего не знала. Она не спала две ночи, мучалась и наконец решилась пойти объясниться с отцом. Княжна Марья, неосторожно выбрав время ¹*Зачеркнуто во второй редакции:* Маленький внук, несмотря на это, боялся и страстно любил деда. Выходили иногда счастливые минуты, но это было редко. Он призывал к себе княжну Марью, начинал ходить по комнате, изредка неловким жестом дотрогиваясь до ее волос, и приговаривал скороговоркой:

— Qui aime bien, châtie bien [Кто любит, тот и наказует].

— Ну! ступай! — говорил он, и княжна Марья уходила спокойная, довольная и разнеженная и, как ей казалось, всё понимающая. Одно, что ей тяжело было, это всё более и более усиливающееся влияние г-жи Бурьен на старого князя. Г-жа Бурьен невольно даже становилась в отношении княжны Марьи в положение покровительствующее. Как ни тяжело это было княжне Марье, в особенности вследствие того, что она, после посещения Анатоля, не могла преодолеть антипатии к своей компаньонке и любила ее только тою христианскою любовью, которая велит подставлять левую ланиту тому, кто ударил вас по правой

<Вскоре после отъезда князя Андрея еще новое событие, сватовство за княжну Марью, которая, как очень богатая невеста, была заманчива для многих, расстроило еще больше ее спокойствие. Ее сватали через Анну Михайловну за Nicolas Ростова, которого она видала несколько раз в его последний отпуск.>

Неправда в ее письме было еще то, хотя и несознаваемая неправда, то, что отец всё готов был сделать для нее. Напротив, недавно в последнее время сближения с Ростовыми

до обеда, пришла к отцу, требуя свидания с ним для необходимого объяснения. Несмотря на всегдашний свой страх, она преодолела его на этот раз под влиянием чувства негодования за свое незаслуженное положение в доме. Эта мысль волновала ее так, что она допустила даже в себе подозрение против m-lle Bourienne, умышленно восстанавливавшей против нее отца. Но она осталась кругом виновата, дурно выбрав время для объяснения. Ежели бы она спросила у m-lle Bourienne, та бы объяснила ей, в какое время можно и не можно говорить с князем. Но она, с своею бестактностью, своими тяжелыми шагами и с выступившими красными пятнами на лице, вошла в кабинет и, боясь, что ежели она замнется и не достанет у ней более храбрости, прямо приступила к делу.

— Mon père, — сказала она, — я пришла сказать вам одно, что ежели я чтонибудь дурно сделала, скажите мне, накажите меня, но не мучьте так. Что я сделала?

Князь был в одной из самых дурных минут. Он, лежа на диване, слушал чтение; он фыркнул, посмотрел на нее молча несколько секунд и, неестественно засмеявшись, сказал:

— Тебе что надо? Что надо? Вот жизнь: ни минуты покоя!

— Mon père...

— Что тебе нужно? Мне никого не нужно. У меня Bourienne есть, она хорошо читает, и Тихон камердинер хороший. Что ж мне еще? Ну, продолжайте! — обратился он к m-lle Bourienne и опять лег.

Княжна Марья расплакалась и выбежала, но в истерике упала у себя в комнате.

Вечеру того же дня князь позвал ее к себе, встретил у двери — он видно дождался ее, тотчас обнял ее, как только она вошла, заставил ее читать себе и всё ходил, дотрогиваясь до ее волос. M-lle Bourienne он не звал в этот вечер и долго не отпускал от себя княжну Марью. Только она хотела уходить, и он выдумывал еще новое чтение, и опять продолжал ходить. Княжна Марья знала, что он хочет говорить с ней об объяснении нынешнего утра, но не знает, как начать. Ей было невыразимо больно и совестно, что отец перед нею в виноватом положении, но помочь она ему не могла потому, что не смела. Наконец в третий раз она встала, чтобы уходить; его смягченное, просветленное лицо с детски робким взглядом и детской улыбкой на морщинистых щеках смотрело прямо на нее. Он быстрым движением схватил ее руку и, несмотря на все усилия отдернуть ее, поцеловал. Он никогда в жизни не делал этого. Закрыв ее обеими ладонями, вновь поцеловал, с тою же робкой улыбкой взглянул в глаза дочери, вдруг нахмурился, перевернул ее за плечи и толкнул ее к двери.

— Ступай, ступай, — проговорил он.

В то время, как он повертывал ее, он сам был так слаб, что пошатнулся, и голос, проговоривший: «ступай, ступай», хотевший казаться грозным голосом, был слабый, старческий голос. Как было не простить всего после этого. Но не простить, княжна 749

Марья и не могла думать о прощении, разве мог он быть виноват перед нею, разве мог быть несправедливым, да и что такое несправедливость? Она никогда не думала об этом гордом слове: «справедливость». Все законы человечества сосредоточивались для нее в одной простой и ясной истине: исполнять закон любви и самоотвержения, преподанный нам тем, который с любовью страдал за человечество, когда сам он был богом. Что ей бывало за дело до справедливого и несправедливого других людей? Ей нужно было любить и исполнять закон любви, и это она делала.¹

Но минута умиления старого князя прошла и на другой день прежняя жизнь пошла по старому и прежнее чувство тихой ненависти старика к своей дочери, выражавшееся ежеминутными оскорблениями, которые как бы против его воли делались им, стало проявляться по-прежнему. С этого времени новая мысль стала входить в голову княжны Марьи. Эта мысль для княжны Марьи, столь же темная и столь же дорогая и составлявшая сущность жизни мысль, как мысль князя Андрея о дубе, это была мысль о монашестве, и не столько о монашестве, сколько странничестве.

Года три тому назад княжна Марья сделала обыкновение два раза в год ездить говеть в Сердобскую пустынь.²

Оставить семью, родню, родину, свое положение, все заботы о мирских благах для того, чтобы не прилепиться ни к чему, ходить в посконном рубище, скитаться под чужим именем с места на место, не делать вреда людям и молиться за них. Молиться и за тех, кто покровительствует им, и за тех, которые гонят их. «Выше этой истины и жизни нет истины и жизни», думала княжна Марья. Что же могло быть лучше такой жизни? Что могло быть чище, возвышенней и счастливей?

Часто, слушая рассказы странниц, она возбуждалась их простыми — для них механическими речами так, что она готова была вот — вот бросить всё и бежать из дому.³ Но потом, увидав отца и, особенно, маленького Коко, она проклинала свою слабость, потихоньку плакала, но чувствовала, что она, грешница, любила их больше, чем бога. С ужасом и страхом находила княжна в своей душе еще худшее (по ее мнению, помыслу): страх к отцу, зависть к Bourienne, сожаление о невозможности связать свою судьбу с каким-нибудь простым, честным и милым молодым человеком.⁴ И потом опять и опять возвращалась к своей любимой мечте, видела себя с Пелагеюшкой, в грубом рубище, одною, шагающей¹ *Зачеркнуто в наборной рукописи.* Ранней весною в Лысые Горы приехал князь Андрей. Он взял отпуск и ехал за границу лечить свою открывшуюся рану и приискать своему сыну швейцарца-воспитателя, одного из таких наставников-философов, добродетельных друзей, которых тогда привозили детям богатые люди.

² *Зач.*: и беседовать там с отцом Акинфием, настоятелем скита, и исповедываться ему. Только ему, отцу Акинфию, она поверяла эту тайну, и он сначала отговаривал, а потом благословил ее.

³ *Зач.*: (У ней уже был и костюм, приготовленный для этого)

⁴ *Зач.*: каким ей представлялся Ростов

с палочкой и котомочкой по пыльной дороге, направляя свое странствие, без зависти, без любви человеческой, без желаний, от угодников к угодникам и в конце концов туда, где нет ни печали, ни воздыхания, а вечная радость и блаженство. <«Нет, я обдумаю это, я непременно это исполню», думала княжна Марья, сидя у письменного стола и грызя перо, которым она писала в 1809 году свое обычное, привычное, четверговое французское письмо своему другу Julie>.

№ 115 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. I—III).

ЧАСТЬ¹ ТРЕТЬЯ²

I.

В 1808-м году император Александр ездил в Эрфурт для нового свидания с императором Наполеоном и³ в высшем петербургском обществе много говорили о величии этого торжественного свидания.⁴ В 1809-м году⁵ близость двух властелинов мира, как называли Наполеона и Александра, дошла до того, что в высшем свете говорили о возможности брака между Наполеоном и одной из сестер императора Александра, и когда Наполеон объявил в этом году войну Австрии, то русский корпус выступил за границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарте и против прежнего союзника, австрийского императора.⁶ Кроме политических соображений, в это время внимание русского общества обращено было на внутренние преобразования, которые были производимы императором во всех частях государственного управления.⁷

Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, восторгов — шла, как и всегда, независимо и^{8 1}

Зачеркнуто: четвертая

² *На полях: честолюбие*

³ *Зач.: только и было речи*

⁴ *Зач.: двух властелинов мира и о гениальности императора Наполеона, бывшего корсиканского Буонапарте, антихриста, которого год тому назад, по высочайшему манифесту, как врага рода человеческого, по всем русским церквам предавали анафеме.*

⁵ *Зач.: дружба*

⁶ *Зач.: Но в обществе чувствовалось, что мы не примем серьезного участия в этой войне, и общество не было занято ею.*

⁷ *Зач.: с помощью неслыханно возвысившегося из ничтожества Сперанского.*

⁸ *Зач.: вне всех указов о министерствах, Совете и экзаменах, вне дружбы или вражды.*

вне политической близости или отдаления с Наполеоном Бонапарте и вне всех возможных внутренних преобразований.

¹ Князь Андрей безвыездно прожил два года в деревне. Все те предприятия по имениям, которые затеял у себя Pierre и² не довел ни до какого результата, беспрестанно переходя от одного дела к другому, — все эти предприятия, без высказывания кому бы то ни было и без заметного труда, были исполнены князем Андреем. Он имел в высшей степени ту, недостававшую Pierre'у практическую цепкость, которая без размахов и усилий с³ его стороны⁴ давала движение делу. Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы, — это был первый пример в России, в других барщина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник, за жалование, обучал детей крестьян и дворовых грамоте.

Одну половину своего времени князь Андрей проводил в Лысых Горах⁵ с отцом и сыном, который был еще у нянек, другую половину времени — в Богучаровской обители, как называл отец его деревню. В обители князь Андрей вел действительно монашескую жизнь. Он думал, учился и работал.⁶ Несмотря на высказанное им Pierre'у равнодушие ко всем внешним событиям мира, он усердно следил за ними, получал много книг и, к удивлению своему, замечал, когда к нему или к отцу его приезжали люди свежие из Петербурга, из самого водоворота жизни, что эти люди в знании всего совершающегося во внешней и внутренней политике далеко отстали от него, сидящего безвыездно в деревне.

Кроме занятий по имениям, кроме общих занятий, чтения философских сочинений с выписками и заметками⁷, он усерднее всего ¹ *В первой редакции:* Князь Андрей, за исключением короткой поездки в Петербург, где он был принят в масоны, еще два года после Тильзита безвыездно прожил в деревне. <В торжественные, именинные дни он бывал у Ростовых, иногда, редко, ночевывал у них, но держал себя таким гостем, а не домашним человеком, что самые проникательные барыни не могли ничего вывести, никакого заключения из его частых посещений. Личное вступление свое в масонскую ложу (он числился масоном) и поездку для этого в Петербург (в чем умолял его письмами Pierre) он постоянно откладывал, не в силах чувствуя себя преодолеть свое отвращение к свету и особенно к Петербургу.>

² *Зачеркнуто:* бросил, не в силах будучи преодолеть все неожиданные им препятствия, встреченные во всех и в особенности в тех, для кого он думал сделать добро, и препятствия, встреченные в увлечениях, переносивших его беспрестанно

³ *Зач.:* при весьма малом движении

⁴ *Зач.:* заставляла покорно и правильно двигаться прикасающиеся ему колеса.

⁵ *Зач.:* где он особенно горячо всегда был удерживаем сестрою (только один князь Андрей имел силу смягчать, с годами всё более делающийся жестчим, характер старого князя)

⁶ *Зач.:* над самим собою.

⁷ *Зач.:* (всегдашняя его привычка), несмотря на выражаемое равнодушие к военным делам он, соображая условия прошедших кампаний, невольно

занимался критическим разбором наших двух последних несчастных кампаний и составлением проекта изменения и исправления всех наших военных уставов и постановлений.¹

К весне 1809 года обе работы его приближались к концу. И чем ближе они приходили к окончанию, тем чаще ему приходила мысль, что он засиделся в деревне, что ему необходимо поехать в Петербург и видеть людей. Он не отдавал себе отчета, для чего это было ему нужно, но чувствовал эту потребность. Он был доволен собой за это время. Иногда ему приходила гордая мысль, что теперь он совершенно хорош и готов. «Но для чего? для кого?» спрашивал он себя. «И в самом деле, хорош ли я?» спрашивал он себя. «Только другие люди могут сказать мне это. Только примерившись к другим людям и испытав на них свое влияние, я могу испытать свою силу и убедиться, насколько я действительно вырос».

Но, как только он живо представлял себя опять в этом водовороте жизни, наравне со всеми, одним из толпы, как только он воображал себя лишенным того гордого спокойствия, которым он пользовался в деревне, он ужасался и откладывал свое намерение.²

Князь Андрей сказал отцу, что у него есть проект нового устройства армии, который он желает представить государю.³

— Может быть я и съезжу в Петербург, — сказал он, желая знать мнение отца. Старик посмеялся над намерением *Андрюши* написать новые законы для армии, но одобрил его намерение ехать⁴ в Петербург.

— Служить, служить надо, — сказал он. — Съезди, съезди.⁵

был вовлечен в составление записки, принявшей под конец размеры трактата, и проекта о недостатках

¹ *Зачеркнуто:* <Перечитывая Montesquieu для руководства этой работы, он увлекся даже критикою и государственных законов, тем более, что по письмам он знал всё, что делалось в это время в Петербурге.

В мае 1808-го года, возвратившись из поездки в Петербург в Лысые Горы, князь Андрей объявил отцу и сестре, что осенью он намерен ехать в Петербург и провести там зиму.

— Может быть, — ответил он на вопрос отца, будет ли он там служить.> <и составлением проекта освобождения крестьян.> Кроме того, устраивая своих вольных хлебопашцев, он, обдумывая общее дело освобождения рабов, он составил записку и об этом предмете.

² *Зач.*: В откровенном разговоре с отцом, он объяснил ему

³ *Зач.*: (О записке об освобождении крестьян он ничего не сказал отцу). Он сказал только, что бездействие его в деревне начинает тяготить его, что теперешнее время так интересно, что надо вблизи посмотреть на всё это и что надо освежиться.

⁴ *Зач.*: и быть чемнибудь больше отставного полковника. Князь Андрей сказал отцу, что он решил ехать в Петербург потому, что тяготится своим бездействием, и потому, что он хочет и надеется быть полезным. Он и сам так думал. Но это было не совсем справедливо. Не вследствие таких разумных и логических причин было принято им это решение, а вследствие других, более неясных, сложных и совершенно неразумных.

⁵ *На полях:* Честолюбие. Не знает зачем, но не может быть хорош один. Надо, чтоб и все знали это.

— Ни за что служить не стану.

Старик усмехнулся.

— А вот поезжай и станешь служить. Служить надо.

После разговора с отцом князь Андрей¹ окончательно решил не ездить в Петербург,² обдумал, как и кому он пошлет свой проект и как и чем он будет в деревне заниматься следующее лето и зиму.

Великим постом 1809-го года он должен был поехать в рязанские именья своего сына, которого он был опекуном. Сначала занятия по проекту, приближавшиеся к концу, удерживали его, потом нездоровье. Рана его стала болеть и он стал кашлять. Так что он только после святой, в апреле, когда прошли реки, слабый и больной, выехал в свою поездку.³ Пригреваемый весенним солнцем, он сидел в коляске,⁴ поглядывая на первую траву, листья березы, и ледок, и грязь дороги.⁵ Он ни о чем не думал, а лениво смотрел⁶ по сторонам. Проехали перевоз, на котором они говорили с Пьером. Грязные деревни, гумны, зелена, спуск с оставшимся снегом у моста, подъем по размытой глине, опять поле с жнивьем, кустарник, зеленеющий кое где, и они въехали в березовый лес по обеим сторонам дороги. В лесу было⁷ почти жарко и зелено, ветру не слышно было.⁸ Береза, вся обсеянная зелеными, клейкими⁹ листьями, не шевелилась.¹⁰ Из-под прошлогодних листьев, поднимая их, зеленелась¹¹ первая трава и¹² лиловые цветы¹³ вылезали из под сухого листа. Лошади зафыркали, въехав в лес, и виднее запотели.

Лакей Петр что то сказал кучеру, кучер утвердительно ответил.

Но, видно, Петру мало было сочувствия кучера, он повернулся на козлах к барину.

— Ваше сиятельство, лёгко как? — сказал он, почтительно улыбаясь.¹⁴

— Что?

— Лёгко, ваше сиятельство.¹⁵

«Что он говорит?» подумал князь Андрей. «Да, об весне верно»,¹ *Зачеркнуто*: еще больше, тверже

² *Зач.*: но одиночество всё больше и больше тяготило его.

³ *Зач.*: Перемена образа жизни и воздуха благотворно подействовали на него и на второй станции он

⁴ *Зач.*: бессмысленно счастливо

⁵ *Зач.*: чего давно с ним не бывало

⁶ *Зач.*: слушал, дышал и жил

⁷ *Зач.*: еще теплее

⁸ *Зач.*: Было жарко, легко

⁹ *Зач.*: сочными

¹⁰ *Зач.*: Над черемухой и орешником с висячими цветами и бурозеленым, развертывающимся листом

¹¹ *Зач.*: сочная

¹² *Зач.*: желтые

¹³ *Зач.*: усыпали полянки. Из за бубенчиков слышно было, как неумолчно переговаривались птицы.

¹⁴ *Зач.*: своим изрытым лицом

¹⁵ *Зач.*: — Да. Князь Андрей вздохнул, действительно было легко, и продолжал смотреть по сторонам. «И там зеленое, и там зеленое», думал он.

подумал он, оглядываясь по сторонам. «И то зелено всё уже. Как скоро. И береза, и¹ черемуха, и осина уж начинает... А дуб и незаметно. Да, вот он дуб». На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз старше берез, составлявших лес,² он был в десять раз толще и в два раза выше каждой³ березы. Это был огромный, в два обхвата дуб с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей⁴ старыми болячками. С огромными своими, неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами он, старым, сердитым и презрительным уродом, стоял между улыбающимися, ликующими березами. «Весна, и любовь, и участие», как будто говорил им этот дуб, «и как не надоест вам всё один и тот же глупый и бессмысленный обман. Всё одно и то же и всё обман. Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите — растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, где ни выросли они, из спины, из боков, как выросли — так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам». Цветы и трава были и под ним, птицы перелетали и на его сучья, но он, всё так же хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно стоял посреди их.⁵

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу,⁶ как будто он чего то ждал от этого дуба. Но дуб оставался всё таким же презрительным, злым и недоверчивым к весне и счастью. «Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб», думал князь Андрей, «пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем: жизнь, наша жизнь кончена. Некуда мне ездить и нечего искать. Буду доживать в деревне, стараясь не делать зла и, чем умею, наполняя свои досуги».

II.

По опекунским делам рязанского имени князю Андрею надо было видаться с уездным предводителем. Предводителем был Илья Андреевич Ростов, и князь Андрей в середине мая поехал к нему. Был первый жаркий период весны. Лес уже весь оделся, была пыль и в первый раз хотелось купаться. Князь Андрей подъезжал по аллее сада к отраденскому дому Ростовых и из за деревьев услышал женский веселый крик и увидел бегущую наперерез его коляски толпу девушек в светлых платьях. Впереди других ближе подбегала к коляске, рассыпая грибы из подола, черноволосая и черноглазая⁷ девушка в желтом ситцевом платье, повязанная белым носовым платком.

¹ Зачеркнуто: орешник

² Зач.: хотя он немного казался их выше, но

³ Зач.: самой толстой

⁴ Зач.: огромными

⁵ На полях: С[оня], возьми терцию из хора.

Уложили спать в доме. <Наверху, в окне, в лунную ночь девочка не может спать. Так бы полетела туда. Что за прелесть! Нет, посмотри... Спит! Тихо запела. Князь Андрей зашумел, они зашептали, она захлопнула окно. Князь Андрей долго смотрел на луну. Но утром — «всё вздор».>

⁶ Зач.: и глядя на него, вспомнил о своем разговоре с Pierr'ом на пароме.

⁷ Зач.: грациозная, молодая

— Папа! — закричала эта девушка и, тотчас же узнав чужого и даже не приглядевшись к его лицу, с смехом побежала назад. Князю Андрею стало досадно, больше чем досадно — больно, что в такой прекрасный день, при таком веселом солнце эта девушка не только не знает его, но и не хочет знать про его существование и довольна и счастлива какой то своей отдельной — верно глупой — но веселой и счастливой жизнью. Девушка эта была Наташа. За обедом князь Андрей видел ее, но не¹ обращал на нее ни малейшего внимания. «Уездная барышня», подумал князь Андрей.²

Граф Илья Андреевич в 1809 году жил в Отрадном всё так же, как и прежде — т. е. принимая почти всю губернию, с охотами, театрами, обедами и музыкантами. Он, как всякому новому гостю, был рад князю Андрею и, употребив различные хитрости, оставил его ночевать.

Князь Андрей долго не мог заснуть на новом месте. Он читал долго, потушил свечу и опять зажег ее. В комнате, с закрытыми изнутри ставнями, было жарко. Он досадовал на этого глупого старика (так он называл Ростова), который задержал его, уверяя, что нужные бумаги в городе, досадовал на себя за то, что остался. Князь Андрей встал и подошел к окну, чтобы отворить его. Как только он открыл ставни, лунный свет осветил его, стол со свечкой и часть кровати. Он отворил окно. Ночь была свежая и душистая. Перед самым окном был ряд подстриженных лип, черных с одной и серебристо освещенных с другой. За липами была какая то блестящая крыша, правее — большая береза и, выше ее, почти полная луна на светлом, почти беззвездном, весеннем небе. Он посмотрел вниз под окно. Там была видна едва просохшая дорога и та мелкая, курчавая травка, которая всегда растет около домов, была ясно видна. Так светло было. Князь Андрей перегнулся через окно и смотрел на эту траву, ожидая сна.

Комната князя Андрея была в среднем этаже; в комнатах над ним тоже жили и не спали. Он видел свет из этого окна, слабо и красно падавший вниз, и слышал женский говор.

— Только еще один раз,³ — говорила Наташа, — возьми только эти две ноты.

— Да когда же ты спать будешь?⁴ — отвечала Соня.

— Я не буду, я не могу спать, что ж мне делать! Ну, последний раз... — Два женские голоса запели какую то музыкальную фразу, составлявшую конец чего то.⁵

¹ *Зачеркнуто*: говорил с ней. Она даже не смотрела на него. Глупая

² *Зач.*: и окончив дела, в тот же вечер уехал. <Возвращаясь домой в середине мая, князь Андрей стал вспоминать что то, как только он въехал в березовую рощу. «Ригге, масонство, небо высокое... — вспоминал он, — дуб... да». <Она за ужином и ночью при луне все ходит, сидит на окне> Князь Андрей стал вспоминать: моя записка освобождения рабов, девочка в желтом платье.

³ *Зач.*: говорил один голос

⁴ *Зач.*: ответил другой голос

⁵ *Зач.*: Один голос был очень хорош.

— Ну, теперь спать и конец.

— Ты спи, а я не могу, — отвечал¹ голос Наташи, приблизившейся к окну. Она, видимо, уселась с ногами на окно. Долго после этого оба голоса молчали. Слышны были только ночные звуки.

— Соня! Соня! — Послышался опять голос Наташи. — Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Спит... — Она долго молчала и потом тихо, тихо начала петь какую то тихую мелодию, но, не допев ее, она остановилась. — Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, — заговорила она почти со слезами досады в голосе. — Ведь этаким прелестной ночи никогда, никогда не бывало!

Соня проснулась и неохотно что то ответила.

— Нет, ты посмотри, что за луна. Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь. Так бы вот села на корточки — вот так, подхватила бы себя под коленки — туже — как можно туже — натужиться надо — и полетела бы туда. Наверно полетела.

— Полно, ты упадешь. Послышалась борьба и² недовольный голос Сони. — Ведь второй час.

— Ах, ты только всё портишь мне. Ну, иди, иди.

Опять всё замолкло, но князь Андрей знал, что она всё еще сидит тут, он слышал ее иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

— Ах, боже мой! боже мой! Что ж это такое! — вдруг вскрикнула она. — Спать, так спать. — И захлопнула окно.

Первою мыслью князя Андрея на другой день, когда он проснулся в доме Ильи Андреевича, была эта девочка в желтом ситцевом платье, которая хотела, натужившись и подхватив себя под колена, улететь куда то с окна. Ему захотелось в первую минуту остаться обедать у Ростовых, чтобы ближе рассмотреть эту девочку, но, вполне очнувшись от сна, он тотчас же отогнал эту мысль.

«Хорошо бы это было», подумал он, презрительно улыбаясь над своей мыслью, «чтобы я,³ который решил сам с собою, что я ни для кого и ни для чего, ни даже для общего и полезного дела, не покину своей одинокой жизни, чтобы я находил удовольствие вести эту глупую деревенскую жизнь и рассматривать девочек в желтом платье».

Простившись только с одним графом и не дождавшись выхода дам, князь Андрей поехал домой.

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его. Бубенчики еще глуше звенели в лесу, чем месяц тому назад, всё было полно, тенисто и густо.

¹ *Зачеркнуто*: <первый голос> Наташа

² *Зач.*: сер[дитый]

³ *Зач.*: начал опять все <ездить по> водить знакомства с благородным

«Дуб теперь должен быть на правой стороне за поворотом», подумал князь Андрей. Целый день был жаркий, была где то гроза, но в роще только небольшая тучка брызнула на пыль дороги и на сочные листья. Левая сторона леса была темна, в тени, правая — мокрая, глянцевоитая, блестела на солнце, чуть колыхаясь от ветра. Всё было в цвету, соловьи трещали и перекатывались то близко, то далеко.¹ На князя Андрея вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг, в одно и то же время, вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое, укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка в желтом платье, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна, и опять высокое небо — всё это вспомнилось ему. «Да, здесь в этом лесу был этот дуб, с которым мы были согласны», подумал князь Андрей. «Да где он?» Презрительный, суровый дуб, весь покрытый сочной, темной зеленью, млел, чуть колыхаясь, в лучах вечернего солнца; ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя — ничего не было видно. Сквозь жесткую, столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые листья,² так что верить нельзя было, что этот старик произвел их.

«Нет, жизнь не кончена в 31 год», — вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей.³ «Я не могу оставаться в деревне.⁴ Мало того, что я знаю себе цену и люблю себя, надо, чтобы и все знали это: и Pierre, и эта девочка, которая отвернулась и побежала с своими санными девушками и хотела улететь в небо.⁵ Надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтоб все⁶ они жили со мною вместе». Возвратившись из своей поездки, князь Андрей решил осенью ехать в Петербург,⁷ придумал разумные причины этого решения. Он даже не понимал, как мог он когда нибудь сомневаться в необходимости принять деятельное участие в жизни, тогда как он столько уже сделал и столько мог сделать. Ему казалось ясно, что все его труды, все его опыты жизни должны были пропасть даром и быть бессмыслицей, ежели бы он не приложил их к делу. Так явно думал и говорил сестре и отцу князь Андрей, но сущность всей его жизни составляли мысли неясные, неопределенные, невыразимые словом даже для самого себя, тайные, как преступление⁸ и связанные с воспоминанием¹ *Зачеркнуто*: уж никого и ничего не было в лесу, что противустояло весне.

² *Зач.*: он слышнее и светлее всех говорил о любви, надежде и счастье.

³ *Зач.*: И целый рой мечтаний и надежд, давно забытых, вдруг воскрес в его душе. И тут

⁴ *Зач.*: Мало того, что я знаю, что я второй человек в России отпустил своих крестьян, что я обработал проект общего освобождения.

⁵ *Зач.*: И государь, и все

⁶ *Зач.*: любили и ценили меня.

⁷ *Зач.*: <и поступить на службу> для того, чтобы подать

⁸ *Зач.*: <Князь Андрей сам с собою краснел, как дитя, когда

о дубе. Все его практические и умственные работы были только наполнение пустого от жизни времени, а вопрос о дубе и связанные с ним мысли — была жизнь.

«Да, крепился», — улыбаясь думал князь Андрей про дуб, — «долго крепился, не выдержал как пригрело. Пригрело тепло солнца, не выдержал, размяк и послужил, чему смеялся. Да, да», говорил он, улыбаясь и слыша голос какой то женщины, молодой, красивой, энергической. Он вставал, подходил к зеркалу и долго смотрел на свое красивое, сухое и задумчиво-умное лицо.

* № 116 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XIX?).

<Голос Наташи был замечен и в Петербурге. Она пела раз в обществе и баронесса Зальберг пригласила ее к себе, лелеяла и ухаживала за ней. На одном из музыкальных вечеров баронессы Зальберг был и Андрей на другой день после своего разочарования в Сперанском. Наташа пела и пела чрезвычайно хорошо. Князь Андрей стоял в толпе и не видал, кто поет, но, услышав голос Наташи, он вспомнил что то веселее, радостное, иное от всего того, что он испытывал в это свое пребывание в Петербурге. Он рассеянно не отвечал на слова хозяйки, подле которой он сидел, и слушал.

— Кто это поет? — спросил он.

— Это моя protégée, большой талант, — и баронесса опять начала говорить.

Князь Андрей встал и подошел к клавикордам. У них стояла, судорожно перебирая рукой в перчатке по крыш[к]е клавикорд, та самая девочка в белом платке, которая с грибами бежала ему навстречу в Отрадном. Она была такая же румяная, с теми же блестящими глазами, с тем же выражением полной сосредоточенности в то, чем она была занята, и довольства собою, болезненно-завистливо действовавшего на душу князя Андрея. «Нет ей до меня дела. А я хочу ей быть нужен».

И вся весна прошлого года с своими ощущениями надежд, чего-то лучшего, чем жизнь, мгновенно воскресла в его душе. «А было же это хорошее время!» подумал он. После пения Наташу окружили, и князь Андрей заметил, что как с дворовыми девушками она была самая бойкая и веселая, так здесь она была самая грациозная и милая светская барышня. Вся эта светская ненатуральность была в ней, но даже и эта ненатуральность была в ней мила и естественна.

— Il faut que je vous fasse faire la connaissance de la petite Rostoff, elle est charmante malgré son papa,¹ — сказала хозяйка князю Андрею.

Но почему то, сам он не знал почему, князь Андрей отклонился от этой чести.> он думал, что ктонибудь узнает эти мысли) эти то неясные мысли, связанные с дубом и с Риег'ом и с девочкой в желтом платье — составляли сущность всей его жизни> Это были мысли о Пьере, о дубе, о девочке, о славе и добродетели.

¹[Я должна вас познакомить с маленькой Ростовой, она прелестна, невзирая на отца,]

* № 117 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XVIII, XXII).

На другой день утром Пьер, редко бывавший у князя Андрея, приехал к нему.

— Eh bien, on ne vous voit plus, mon cher,¹ что вы зарылись. Все проекты? — говорил Пьер, как князю Андрею тотчас же почувствовалось, каким то неестественным, притворно небрежным тоном. Князь Андрей сейчас почувствовал, что Пьеру что то нужно от него, что он собирается сказать что то и не может решиться.

Положение Пьера было бы смешно для князя Андрея, ежели бы оно не было так жалко. Мрачная складка на лбу Пьера не разглаживалась. Он говорил и о Государственном совете, и о последнем бале, и о своих работах, бестолково перескакивая с одного предмета разговора на другой. Князь Андрей сказал Пьеру о своем намерении выйти в отставку и ехать за границу, и это вывело Пьера из его запутанного состояния.

— Да, да, да, — заговорил он, хватая его за руку, — и прекрасно сделаете, вам давно пора. И знаете что? Я думал о вас, вам надо жениться. Непременно жениться.

— Отчего это вдруг? — улыбаясь спросил князь Андрей.

— Надо, надо и надо. Ну, да мы поговорим когда-нибудь. Вы не были еще у Ростовых? Они ждут вас, — сказал вдруг Пьер очевидно то, что намерен был сказать, и покраснел. — Поедем вместе.

Князю Андрею странно показалось это вмешательство и замешательство Пьера, но он не остановился на нем и охотно принял его приглашение ехать вместе к Ростовым, тем более, что этого требовала учтивость.

[*Далее со слов:* Наташа была в другом, чем вчера — синем платье, в котором она была еще лучше, чем вчера, *кончая:* Он только воображал ее себе и вследствие этого вся жизнь его представлялась ему в новом свете. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. XVIII—XIX.]

Он обдумал в первый раз ясно свое положение, свою болезнь, происходящую от раны, и свои семейные отношения. Рана его раскрывалась каждую весну и доктора говорили ему, что он должен был провести лето на водах и зиму в теплом климате для того, чтобы совершенно излечиться.

«Как мог я пренебрегать этим до сих пор, когда мне предстоит еще столько жизни». Другое важное соображение, которое он теперь только сделал, касалось сына. Мальчик уже становился велик. «Как мог я его до сих пор оставлять на руках женщин? Во первых это вредно ему, а во вторых я сам не свободен. Я должен найти ему воспитателя такого, какие бывают в Швейцарии, и поручить его ему. Третье, ежели мысли мои не имели успеха, то вина в том мое малое образование. Мне надо учиться, видеться¹ [Что то вас не видно, мой милый.]

с учеными за границей. А я так много чувствую в себе молодости. И для всего этого ясно, что я должен выйти в отставку и ехать за границу. А потом... да, жизнь не кончилась, а только начинается, настоящая, сильная жизнь», — говорил он себе, как человек, проснувшийся после долгого сна, и самые разнородные, но простые радости жизни представлялись ему.¹

В <это утро к князю Андрею, взволнованный и расстроенный, пришел> сотрудник его по составлению свода. Сотрудник этот только что узнал важную и неприятную, оскорбительную новость. Та работа, которая была сделана им и князем Андреем о правах лиц и была передана Сперанскому, не поступила прямо на рассмотрение Государственного совета, как обещал Сперанский, а была передана *для исправления* Розенкампфу, — тому самому Розенкампфу, над которым в присутствии князя Андрея смеялся Сперанский. Это известие удивило князя Андрея и кольнуло его самолюбие, тем более, что сотрудник, узнав из третьих рук разговор Розенкампфа и Сперанского, передал его Болконскому.

— Ради бога, — сказал Сперанский Розенкампфу, — пересмотрите это и сделайте из этого чтонибудь.

— Да это никуда не годится, — отвечал Розенкампф.

— Ну, всё таки кое что тут есть, хотя и бестолково и без знания дела — вы с вашим талантом и знанием умеете воспользоваться даже и этой уродливой работой.

И Розенкампф, взяв всю работу Болконского, перемарал и переделал ее. Это было оскорбительно для князя Андрея.²

— Впрочем, нынче Михаил Михайлыч звал меня обедать *en petit comité*,³ — сказал он. — Вероятно, речь пойдет об этом. Я и сам спрошу его и сообщу вам, — сказал он.⁴

[*Далее со слов:* В назначенный час обеда Сперанского князь Андрей входил в собственный, небольшой дом Сперанского... *кончая:* Он уехал от Сперанского, твердо решившись, что это ¹ *Зачеркнуто:* Перед утром он заснул часа два, но когда проснулся, был свежее, чем когда-нибудь. Утром получил он письмо от княжны Марьи. Она описывала болезненное состояние отца, невольно высказывала недовольство на Bourienne

² *Зач.*: В то время, как они говорили об этом, ему принесли записку от Сперанского, звавшего его нынче обедать *en petit comité*.

«Ну вот верно и он хочет объяснить мне все дело», сказал он себе.

³ в дружеском кружке

⁴ *Зач.*: Магницкий, с которым князь Андрей имел дело по комиссии военного устава, напротив не нравился ему. Он узнавал в нем тот неприятный тип французского *esprit* [ума], с отсутствием французского добродушия и легкомыслия, которое часто встречалось между русскими, воспитанными за границей, и которое производило на него всегда неприятное впечатление.

Магницкий говорил прекрасно, говорил часто очень умно, помнил страшно много, но на тот тайный вопрос, который мы всегда делаем себе, слушая умные речи: *зачем* человек говорит это? в речах Магницкого не было ответа. Он обо всем мог говорить одинаково хорошо и легко.

Однажды перед Новым годом Сперанский пригласил князя Андрея обедать *en petit comité* [в дружеском кружке].

было последний раз. — *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 3 гл. XVIII.]

<В этот же вечер князь Андрей поехал к Ростовым. За чайным столом он разговорился с Наташей и Соней и вдруг почувствовал на себе чей то упорный и серьезный взгляд. Он оглянулся. Это был грустный, строгий и вместе сочувственный взгляд графини, которым она соединяла их обоих, как будто она этим взглядом и благословляла их, и боялась обмана с его стороны, и жалела о разлуке с любимой дочерью.

Графиня тотчас же переменяла выражение и сказала, что¹ то ничтожное, но князь Андрей из ее слов понял другое. Он понял, что она напоминала ему, что есть ответственность, которую он берет на себя теперь этим сближением, и с этой мыслью он опять посмотрел на Наташу, как будто спрашивая себя, стоит ли она всей этой ответственности. «Дома», подумал князь Андрей, «дома, я всё это обдумую». Ночью он опять не спал, и уж думал и спрашивал себя, что ж он будет делать? Он старался забыть, выкинуть из своего воображения воспоминание о лице, о руке, о походке, о звуке голоса, последнем слове Наташи, и без этого воспоминания решить вопрос: «Женится ли он на ней и когда?» Он начал обсуждать невыгоды: «родство, наверное недовольство отца, отступление от памяти жены, ее молодость, Николушка... она — мачеха... мачеха... мачеха. Да, но главное, что же я с собой сделаю,² ежели я не позволю себе любить ее. Не могу, не могу иначе. Я не могу быть без нее. Но я не могу сказать ей, что я люблю ее... Не могу, рано», — говорил он сам себе.

Но страшная мысль в том состоянии возбуждения, в котором он находился, ошибиться, увлечь ее и не сдержать какнибудь хоть и не выговоренного обещания, поступить нечестно — так страшила его, что он решился на четвертый день не видеть ее, и стараться всё обдумать и решить с самим собою.

Однако он не поехал в этот день к Ростовым, но говорить с людьми и слушать толки о их пустых заботах, иметь дело с людьми, которые не знали того, что он знал, было для него невыносимо.>

В эту же ночь³ Наташа, то взволнованная, то испуганная, с останавливающимися глазами, долго лежала в постели у матери.⁴ То она рассказывала ей, как он хвалил ее, как он спрашивал, где они будут и когда поедут в деревню,⁵ то она спрашивала, как он ей нравится.

— Но такого со мной никогда не бывало, — говорила она. — Только мне страшно при нем. Ежели мне всегда страшно при¹ *Зачеркнуто*: она удивляется, что так давно не видит графа Бе

зухого.

² *Зач.*: Ему представлялась она уже его женою

³ *Зач.*: после того, как князь Андрей был у Ростовых

⁴ *Зач.*: и расспрашивала у нее, что это значит?

⁵ *Зач.*: Я только не знаю, что он нашел во мне? А вы вот говорили, что я глупая.

нем, что это значит? Значит, что это настоящее? Да? Мама, вы спите?
— Нет, душа моя, мне самой страшно, — отвечала мать. — Иди.
— Всё равно, я не буду спать. Что за глупости, спать.¹ Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало. И могли ли мы думать?²

* № 118 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XXII).

— Голубушка мамаша, как я вас люблю. Как мне хорошо! — крикнула Наташа, плача слезами счастья и волнения и обнимая мать.

Долго после этого Наташа не видала князя Андрея. <Наташа оживлялась только тогда, когда говорили про него и особенно, когда по ночам она говорила об нем с матерью. Всё это время Наташа была тиха, скучна и даже немилостива. Она ходила по комнатам, праздная и унылая, тщетно ожидая его посещения. В следующее воскресенье после бала они поехали в театр и Наташа, не слушая, не глядя, с потухшим взглядом сидела в ложе.

— Это — князь Болконский, кажется, — сказал подле нее голос матери.

Наташа встрепенулась и увидела его в партере. Вдруг как бы фонарь вставили в нее, она вся насквозь осветилась радостным, счастливым блеском, покраснела и долго, тяжело переводила дыханье. Графиня задумчиво качала головой, глядя на нее.

Князь Андрей при разъезде подошел к ним и сказал несколько слов. Он сказал, что Берг, его товарищ по комитету, звал его к себе в среду вечером и что он надеется видеть их там. И среда вечером сделалась целью жизни для Наташи.>

* № 119 (Наборная рукопись. Т. II, ч. 3, гл. VIII.)

<Пьер чувствовал себя неудовлетворенным своей деятельностью, но не отдавал себе в том отчета до известия, полученного им в конце 1808-го года, о том, что его жена, жившая за границей, намеревалась возвратиться в Петербург. Она сама писала ему, прося забыть прежнее недоразумение, прощала его за всё, что он сделал против нее, и обещалась, ежели он будет вести себя хорошо, опять быть ему верною подругой жизни. В одно и то же время Пьер с других сторон стал получать советы о необходимости сойтись с женою. Пьер, получив эти письма и советы, почувствовал прежнее сознание своего бессилия отказать людям в том,¹ *Зачеркнуто*: И могли ли мы думать... и она опять начинала то, что говорила уже раз десять, что я его люблю, и что он меня полюбит.

² *Зач.*: И надо было ему нарочно теперь в Петербург приехать, и нам тоже приехать. Она говорила всё это, как игрок, который не может придти в себя оттого, что ему дана первая, огромная карта, которую он поставил. Ей

чего хотят от него, и вместе с тем поднялась его прежняя злоба к жене. На него нашла тоска и он, как и после дуэли, на несколько дней заперся в своей комнате и передумал всю свою жизнь.

«Ежели Елена Васильевна придет сюда и меня сведут с нею, я не в силах буду поступить иначе, как или убить ее или опять начать жить с нею. В обоих случаях я сделаю себя еще более несчастным, чем я есть. Массонство, по крайней мере то массонство, которое я знаю здесь, основано на внешности и самообольщении, а между тем ни одно учение не проповедует таких высоких и успокоительных истин и, раз вступив на эту дорогу, я должен пройти ее до конца. Главные цели массонства в четвертом градусе рыцарей Иерусалима скрыты от меня. Я должен пытаться узнать их. Для того чтобы избежать возвращения Елены Васильевны и для посвящения себя в тайны высших градусов, я должен уехать отсюда и ехать в Пруссию и Шотландию». Такое решение вынес Пьер из своей трехдневной тоски и вскоре после этого уехал за границу.>

* № 120 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XXII—XXIII).

Это был князь Андрей, который после проведенного последнего дня у Ростовых чувствовал необходимость высказать кому-нибудь всё, что было у него на душе.

— Душа моя, — сказал князь Андрей, радостно и несмело улыбаясь, — мне тебя нужно, поговорить нужно. Вот что, мой друг, — сказал князь Андрей, — я провел день у Ростовых.

— Ах да, — заговорил Пьер и, как будто желая замять этот разговор: — А у графини раут, я был...

— Да слушай меня, — продолжал князь Андрей, — ты знаешь, я не поверил бы этому месяц тому назад — я влюблен, влюблен, как мальчик, как безумный. И я не знал этого до вчерашнего вечера.

Pierre вдруг тяжело вздохнул и повалился своим тяжелым телом на диван подле князя Андрея и стал сопеть носом.

— Никогда не поверил бы, и что открыло мне глаза. Мне хочется всё высказать. Ревность, мой друг. Вчера эта m-me Берг стала говорить мне этот вздор и я почувствовал, что я ревную и люблю и что жребий брошен, что я не могу жить без нее, что я должен... Что ж ты думаешь?... Что ты не говоришь?

[Далее со слов: Я? Я? Что я говорил вам... кончая: ...он ему высказал всё, что у него было на душе. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXII.]

То наивно, как мальчик, он рассказывал свои планы и мечтанья о том, как устроится его простая, бесхитростная жизнь в Богучарове с женою и сыном, то он удивлялся, как на что-то странное, чуждое, от него независимое, на чувство, которое овладело им.

— Я бы не поверил тому, кто бы мне сказал, что я могу так любить, — говорил князь Андрей. — Это совсем не то чувство, которое было у меня прежде. Я тебе говорю о моих планах, но это всё вздор. Я не могу себе представить, как я буду жить с нею. Это — слишком большое счастье, которого я не могу себе вообразить. Я не для себя — мне всё равно — я для нее люблю ее. Мне сказала эта ее сестра, что она была влюблена в Друбецкого; ты можешь себе представить, что я только больше полюбил ее, что я почувствовал весь ужас того, чтобы она могла принадлежать другому.

Они проговорили до поздней ночи и последние слова Pierr'a были: «Женитесь, женитесь, женитесь».

[*Далее со слов:* Для женитьбы нужно было согласие отца... *кончая:* я к вашим услугам, — едва могла проговорить от волнения графиня. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. XXIII.]

Наташа знала, что будут говорить о ней, знала, что ей надо уйти, но она не могла этого сделать. Что то сжимало ей горло и она неучтиво, прямо, открытыми глазами смотрела на князя Андрея. «Сейчас? сию минуту... Нет, это не может быть», думала она.

Он взглянул на нее.

— Весело ли провели это время? — обратился он к ней.

Наташа не отвечала и с упорным, неучтивым любопытством смотрела, ни на секунду не спуская глаз, на лицо князя Андрея.

Графиня беспрестанно вспыхивала, краснея, как девочка, и взглядывала на дочь. Графиня за это время так много передумала и перечувствовала об этом предстоящем объяснении, что она теперь только думала о том, что неужели вот оно пришло уж это страшное мгновение, и что вот он скажет то слово, которое решит судьбу дочери.

— Так вы хотели поговорить со мною с глаза на глаз?

— Ежели графиня Натали позволит мне сказать то, что я имею, при ней...

— Поди, Наташа, я позову тебя, — сказала графиня.

Наташа испуганными, умоляющими глазами взглянула на мать и вышла.

Он улыбнулся ей и начал говорить.

— Вы знаете, графиня, зачем я приехал?

— Да... нет... — поторопилась сказать она.

— Я приехал узнать о своей участи, которая зависит от вас и от вашей дочери... —

Лицо графини просияло, но она ничего не сказала.

— Я приехал сказать вам, что я люблю вашу дочь и что мое счастье зависит от нее. Захотите ли вы соединить ее судьбу с моею?

— Да... — тихо, тихо сказала графиня.

— Но вы знаете, графиня, я вдовец, у меня сын, у меня отец, который недоволен тем, что я женюсь, и который непременно 765

условием своего согласия положил то, чтобы свадьба была через год.

Графиня подумала.

— Отчего же год? И это не может быть иначе?

— Никому это не может быть так тяжело, как мне.

— Да, я принимаю ваше предложение, я рада. Я не буду скрывать, Наташа любит вас.

[*Далее со слов:* Графиня прижалась губами к его лбу, когда он наклонился над ее рукой... *кончая:* ...как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. XXIII.]

— Да, да, я люблю, люблю вас...

Князь Андрей держал ее руку и смотрел ей в глаза. Они долго сидели молча и не чувствовали надобности ни говорить, ни изменять, ни прибавлять чего-нибудь к настоящему.

Наташа была счастлива, как только могла быть, и большую часть времени ни о чем не думала, но вдруг ей то приходила мысль, что вот она, девочка Наташа, ребенок, недавно обиженный гувернанткой Марьей Эмильевной, девочка, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, теперь невеста и чья же? Князя Андрея, такого умного, такого рыцаря, такого большого, такого милого человека, который не только, как с равной, но как с высшей обращается с ней. То ей приходила мысль, что теперь уж нельзя шутить с жизнью, надо перемениться, что она большая и что на ней тоже лежит ответственность за каждое слово, которое она скажет теперь.

В соседней комнате зашевелилось платье графини. Надо было прервать это счастливое молчание — так ничтожны были слова в сравнении с этим молчанием, но надо было это сделать. Князь Андрей вздохнул и сказал:

— От ваших родителей будет зависеть решение в том, объявить ли всё теперь всем или оставить тайной до срока.

— Как хотите, — сказала Наташа.

Князь Андрей желал именно для своего отца оставить дело втайне. Но он сказал, что предоставляет решить это графу и графине.

— Це-лый год! — вдруг сказала Наташа, тотчас только поняв то, что свадьба отсрочивается на год. — Да отчего ж год? Отчего ж он не хочет?

— Ежели бы вы знали...

— И нельзя иначе? — спросила Наташа.

Князь Андрей ничего не ответил, но в лице выразил невозможность изменить это решение.

— Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно! — вдруг заговорила Наташа и опять зарыдала. — Я умру, дожидаясь года, это нельзя, это ужасно.

Графиня вошла в комнату и подошла к Наташе.

— Нет, нет, я всё сделаю, — заговорила Наташа. — Я больна 766

нынче, я так счастлива. — Она подошла к нему. — Я уж ждала, — сказала она ему, улыбаясь.

С этого дня князь Андрей женихом стал ездить к Ростовым, и он был счастлив, хотя и менее того, как он ожидал, прежде чем сделал предложение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

№ 121 (Рук. № 89. Т. II, 4, гл. I).

<Nicolas Ростов сидел в полку эскадронным командиром.¹ Он испытывал то перемещение интересов и ту военную поэтическую праздность, которую нельзя описать, ежели не испытал ее. Он сидел на завалинке и думал. «Владимир с бантом. Обидели — черт их дери, в деревню, жениться <на княжне Марье, стаю завести. Соня вот пристала.> Ну, да что я за дон Жуан и за то спасибо, что любит». Зашел товарищ, поедем в город.² Поедем, там письмо. Мать пишет: «я признаюсь, отец медлит, дом не продан, приезжай, помоги нам». Вдруг весь взгляд на вещи изменился: награда, эскадрон, песенники далеко, впереди только дом, Наташа, Соня. «Пристали, я не дон Жуан. А пора бы Наташе мужа Андрея. Тогда мне нельзя».

Подъезжает к дому. Говорит с знакомыми извозчиками, радость.

Наташа одна тоскует, скверное общество, дайте мужа.

В тот же вечер Nicolas пошел к Митиньке, разгорячился и избил его. Соня умоляет не горячиться. Учет. Папа, продадим дом. Старый граф сам едет и берет Наташу с собой. Nicolas дома охотится, <волк> брызги большой стаи (Киреевской). <Приезжает Анатоль.>

В Москве весною первая встреча у Жюли с Анатолем. Наташа кокетничает. Старик зовет к себе. Анатоль. Она пишет письмо Андрею, что она погибла.

Общий ход дел — народная война.

Старик Болконский умирает и княжна Марья, Bourienne.>

№ 122 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. I).

<После Фридландского сражения, Денисовского гошпиталя и Тильзитского свидания Nicolas вступил в тот неизбежный для каждого молодого человека период развития, в котором, разочаровавшись в каком-нибудь одном своем мечтании, молодой человек прикладывает этот процесс разочарования ко всем, еще и неиспытанным¹
Зачеркнуто: Анатоль Курагин приехал в Москву в отпуск. Он остановился у сестры Безуховой в доме. Княжны жили в нем.

²*На полях:* Песенники отличные. Скука поэтическая. Мечты, перебор домашних дел. Решимость Сони. Брак на княжне Марье, богатство. Награды, досада. Охота, собака. Письмо от матери.

сторонам жизни, и делается разочарованным, blasé¹, в отношении всего на свете и устремляет свое внимание только на ближайшие и простейшие радости жизни. После Байрона положение разочарования, выраженное как назначение человека, сделалось модой, но всегда оно было и будет естественной ступенью в жизни человека. Разочаровавшись в возможности героизма в войне, в возможности воевать, не страдая и не унижаясь, разочаровавшись даже в разумности причин войны, Nicolas разочаровался заодно и в дружбе, и в любви, и во всем, чего еще не успел испытать он. Он жил в полку, наслаждаясь обязательной военной праздностью и забавляясь простейшими радостями жизни, веселыми попойками с товарищами, которые любили и даже начинали уважать его, хорошими песенниками, лихими тройками, блестящими парадерами и веселыми, приятными женщинами, от которых он ничего не ожидал и не желал, кроме удовольствия. Он жил в своем полку и эскадроне, которым он уже командовал, испытывая то же наслаждение ясности и ограниченности интересов, которые испытывает монах, удалившись от всей сложности и запутанности мирских отношений в свою келью и монастырь с его несложными интересами. Как черепаха, запрятавшаяся в свою скорлупу, сидит и монах в своем монастыре, и офицер в своем эскадроне, предоставляя свету итти помимо его, волноваться, искать, враждовать и распутываться, как он сам знает. Утро — к заутрене или на ученье, отец Никандр пожалован в мантию, Соколов получил Анну, вечером — всенощная, на послушанье, к адъютанту на жженку, а как там Сперанский и дела с Австрией, — им дела нет. Они оба знают, что, исполняя эти свои несложные дела в своем мире, они делают дела. Точно так же для тех и для других времени, как будто, не существует, потому что оно ничем не занято, и точно так же в обоих сословиях долго не стареются.

Самый дальний горизонт жизни для Ростова составляла бригада, товарищи, уланы и панна Пшиздеца, у которой бывали гусары и предпочитались уланам>

№ 123 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. I—III).

Библейское² предание говорит, что отсутствие труда — праздность было условием блаженства первого человека до его падения. Любовь к праздности осталась та же и в падшем человеке, но проклятие все тяготеет над человеком и не только потому, что мы должны снискивать хлеб свой, мы не можем быть праздны и спокойны. Какой-то червячок сосет нас и говорит, что мы не должны <быть> виновны за то, что праздны. Ежели бы мог человек найти состояние, в котором бы он, бывши праздным, чувствовал себя полезным и исполняющим свой долг, он бы нашел одну сторону первобытного блаженства. И таким состоянием обязательной¹ [пресыщенным]

² Зачеркнуто: откровение

и безупречной праздности в каждом благоустроенном государстве пользуется постоянно одно большое сословие — сословие военное. И в этой-то обязательной и безупречной праздности состоит блаженство и привлекательность военной службы.

Nicolas Ростов после 7-го года продолжая служить в гусарском полку на мирном положении, испытывал вполне это блаженство.¹

Денисова уже не было в полку — он перешел. С утра вставал Ростов поздно — некуда было торопиться, выпивал чай, выкуривал трубки, беседовал с вахмистром, потом приходили офицеры, рассказывали о важной штуке, произведенной N. N., о том, как надо осадить этого нового молодчика, о вороном жеребце, проданном за бесценок, и о том, куда ехать вечером. В карты Ростов не играл, по службе был исправен, дрался раз на дуэле, деньги у него всегда были, пил много, не делаясь пьяным, и был щедр на угощение. Он сделался загрубелым добрым малым, которого московские знакомые нашли бы *mauvais genre*,² но который уважался товарищами и имел репутацию молодца и славного человека даже по дивизии.

Он был лихой ездок и постоянно менял, продавал, покупал лошадей и сам выезжал их, ездил верхом, гонял на корде, обедал дома, и у кого не было обеда, все знали, что у Ростова найдут готовый прибор и радушный прием. После обеда он спал, потом призывал песенников, сам учил их. Езжал и к полякам и волочился за паннами, но аффектировал грубого гусара, не дамского кавалера. Когда он оставался один, он редко брал книгу и, когда брал ее, читал забывая то, что он прочел.

[Далее со слов: В последнее время, т. е. в 1809 году... кончая: ... где все было вздор и путаница. — *близко к печатному тексту*» Т. II, ч. 4, гл. I.]

Через неделю вышел отпуск, гусары товарищи не только по полку, но и по бригаде дали обед Ростову, стоивший пятнадцать рублей подписки — играли две музыки, два хора песенников, Ростов плясал трепака с майором Басовым. Молодежь вся повалилась к восьми часам. Все были пьяны, качали, обнимали Ростова. Он целовался с своими гусарами солдатами. Солдаты еще раз качали его и после этого он уже ничего не помнил, как только то, что он на другое утро с головной болью и сердитый проснулся на третьей станции и крепко избил за что-то жида содержателя станции.

До половины дороги, как это всегда бывает, до Кременчуга, до Киева, все мысли Ростова были еще назади, в эскадроне, но перевалившись за половину, уж он начал забывать тройку саврасых, своего вахмистра и панну Бзжозовску и беспокойно начал спрашивать себя о том, что и как он найдет в Отрадном. Чем¹ *На полях*: 5-ая часть.

<P[ierre] и княжна Марья. Письма от Андрея, и странницы>

Признание брату. N[icolas] хвалит A[ндрея], но он ему не симпатичен.

² дурного тона

ближе он подъезжал, тем сильнее, гораздо сильнее, как будто нравственное чувство было подчинено тому же закону ускорения падения тел обратно квадратам расстояния, он думал о своем доме. И на предпоследней станции избил ямщика, у которого были плохие лошади, и на последней перед Отрадным дал три рубля на водку и, как мальчик, задыхаясь, вбежал на крыльцо дома.

[*Далее со слов:* После восторгов встречи... *кончая:* ...любовь этой девушки радостно действовала на него. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 4, гл. I.]

На Наташу Nicolas долго удивлялся, ужасался и смеялся.

— Совсем не та, — говорил он.

— Что ж подурнела?

— Напротив. Но важность какая-то. — Наташа в первый же день приезда Nicolas под секретом рассказала ему свой роман с князем Андреем и показала его последнее письмо. Nicolas был очень удивлен и мало обрадован. Князь Андрей был чуждый для него человек из другого, высшего мира.

— Что же ты рад? — спрашивала Наташа.

— Очень рад, — отвечал Nicolas. — Он отличный человек. Что ж ты очень влюблена?

— Как тебе сказать, — отвечала Наташа. — Мне покойно, твердо. Я знаю, что лучше его не бывает людей, и мне так спокойно, хорошо теперь. Совсем не так, как прежде...

Петя поразил всего больше. Это был совсем большой малый.¹

[*Далее со слов:* Первое время этого своего приезда Nicolas был серьезен и даже сердит, *кончая:* ...но не знал, как поправить это. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 4, гл. II.]

— Нет, знаешь, он преданный человек. Я прошу тебя заняться делами, я стар, я...²

Nicolas забыл о Митиньке и обо всем, увидав смущенное лицо отца, он не знал, что говорить, и чуть не заплакал. Так ужасно было думать, что отец его, старый, добрый, милый, мог считать себя виноватым.

— Нет, папинька, вы простите меня, ежели я сделал вам неприятное, я меньше вашего умею,³ простите меня, я ни за что не вступлюсь больше.

«Чорт с ним, с этим транспортом, и мужиками, и деньгами, и со всем этим вздором», подумал он. И с тех пор более не вступался¹ *Во второй редакции на полях вставка:*

<Наташа в этот год была так весела, спокойна и — главное — свободна, как никогда в жизни. В ней не было того, присущего девицам, беспокойства относительно будущей судьбы и не было на глазах ее того мужчины, с которым была связана ее судьба и о котором она боялась <часто> думать, чтобы не быть несчастной от ожидания. Поэтому она была особенно спокойна и свободна.

Она, как никогда прежде, в этот <приезд сблизилась и сошлась с братом>.

Nicolas часто удивлялся, глядя на нее.

² *Зачеркнуто:* но его оставь

³ *Зач.:* вы оставьте меня. И под предлогом, что Митинька остается, Nicolas был рад отказаться заниматься делами.

в дела и имел сношения с Митинькой, который особенно был приятен и услужлив в отношении молодого графа, только по распоряжениям о псовой охоте, которая была огромная и запущенная у старого графа.

Единственное хозяйственное распоряжение Nicolas за это время состояло в том, что однажды графиня сообщила Nicolas свою тайну

о том, что у нее есть вексель Анны Михайловны на двенадцать тысяч, и спрашивала у Nicolas, как он думает поступить с ним.

— А вот как, — отвечал Nicolas, вспомнив бедность Анны Михайловны, свою прежнюю дружбу к Борису и теперешнюю нелюбовь. (Это последнее обстоятельство более всего заставило его поступить так, как он поступил.) — Вот как! — сказал он. — Вы мне сказали, что это от меня зависит, так вот как! — и он разорвал вексель и слезами радости заставил этим поступком рыдать старую графиню.¹

Nicolas серьезно занялся делом охоты, так как была осень и самое лучшее охотничье время. Наташа смело ездил верхом, по своей охотничьей породе, как мушкетер, любила и понимала охоту, и, благодаря охоте, эти два осенние месяца, которые провели Наташа и Nicolas в 1810 году в Отрадном, были счастливейшим в своем роде временем в их жизни, о котором они более всего любили вспоминать впоследствии.² Соня не умела ездить верхом и оставалась дома и вследствие этого Nicolas меньше виделся с ней. Он был с ней в простых дружеских отношениях, любя ее, но считая себя совершенно свободным. Наташа, переставшая учиться, не имея никого, с кем бы она кокетничала, не тяготясь своим одиночеством, потому что она была уверена в будущем браке с князем Андреем и, не слишком нетерпеливо ожидая этого времени, тоже чувствовала себя вполне, как никогда, свободной, и с страстью, с которой она всё делала, отдалась охоте и дружбе с братом. Благодаря ей, Nicolas повеселел и нашел и здесь, в этом прежде страшном своей путаницей мире, свой замкнутый мирок существенных интересов дружбы с Наташей и охоты.³

Это было 12 сентября. Уже были зазимки — утренние морозцы, заковывавшие смоченную осенними мгами землю, уже зеленыя уклочились и здоровыми, зелеными, огромными полосами отделялись от полос светложелтого озимого жнивья и буреющего, выбитого скотом, ярового жнивья с изрезывавшими его красными полосами гречихи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшие зеленые острова между черными полями озимей и жнивами, на ¹ *В наборной рукописи на полях:* <Графиня отозвала N[icolas] и заговорила про N[аташу] и A[ндрея]. «Он слаб здоровьем. Вот письмо». Графиня боится, не доверяет. N[icolas] по гусарски видит сущность>.

² *Зачеркнуто:* Наташа, благодаря своему обещанию князю Андрею, успокоенная насчет мушкетера

³ *На полях:* Соня кошечка рада и всегда одна веселится и играет одна любовь. Ее характеристика.

которых еще были копны, теперь были темнобурыми с золотистыми и яркокрасными отблесками и с устланым падшим мокнущим листом островами посреди яркозеленых озимей. Русак уже до половины затер портки и седел в спинке, лиса повыщела и выводки нынешнего года начинали разбредаться. Молодые волки уже были больше гончей собаки, и собаки горячего молодого охотника Ростова уже порядочно подбились, вошли в охотничье тело, и в общем совете охотников решено было три дня дать отдохнуть собакам, а 14 сентября итти в отъезд, начиная с дубравы, где были волки.

* № 124 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. III).

<Третьего дня было счастливое поле, в котором Nicolas в Соповом и Кипарисной вершине затравил трех лисиц на одной перемычке, в полях затравил семнадцать русаков и в лоск, как говорили охотники, уложил лошадей, собак, борзых и гончих, которые лихо вывели в поле матерую лисицу и, обведя два круга верст в двадцать, в бурьянах под мельницей словили ее. Наташа участвовала в этой охоте, одна из первых на своей пристяжной Белогубке подскакала к словленной гончими лисице и возвращалась не только счастливая и усталая, но довольная собою и ничего в мире не желающая, как может быть доволен человек, совершивший величайший подвиг мира, долженствующий предать его имя бессмертию.

Nicolas, притворяясь совершенно равнодушным к радостям нынешнего дня (Nicolas, как и все охотники, считал великой заслугой и необходимым притворяться, что какое бы великое счастье он ни испытывал на охоте, что всё это ему очень обыкновенно, и что радоваться над тем, что случилось, не следует, а нужно думать только о том, как бы еще большие подвиги совершить в будущем), Nicolas объявил, что теперь он три дня даст отдыхать собакам и, хоть бы в сад к нему перевела она (т. е. волчица) выводок, он не поедет до 14-го. «А то собьешь собак и не с чем выехать будет». Он с снисходительным презрением слушал Наташу, которая, не понимая еще правила притворяться равнодушной, с разгоревшимися глазами и махая руками и стараясь, но перевирая охотничьи выражения, рассказывала Nicolas, как она подскакала, и собаки за хвост (— трубу, — поправил строго Nicolas) — за трубу хотели поймать, и Трунило первая поймала ее.¹

— Отчего же поймала? поймал, — опять заметил Nicolas.

— Нет, вот что, теперь дадим вздохнуть три дня, а потом слушай, — говорил Nicolas. — Я тебя отпрошу у папеньки, и маленькой отъезд сделаем. Начнем с Дубровы, тут выводок, потом проравняем... И Nicolas, сияя ожиданиями будущих радостей, изложил Наташе и подъехавшему ловчему план следующего маршрута с 14 сентября.>

¹ *На полях:* Я чувствую, что это лучшее время.

Nicolas велел седлать.¹ Но только что Данила хотел выйти, как в комнату² вошла быстрыми шагами Наташа, еще не причесанная и вся окутанная в большой нянин платок с черным полем, на котором были изображены птицы.

Наташа была взволнована так, что она насилу удерживалась не раскрыть платка и не замахать при охотниках голыми³ руками. Она отчасти это и сделала.

— Нет, это гадость, это подлость, — кричала она. — Сам едет, велел седлать, а мне ничего не сказал...

— Да ведь тебе нельзя. Маменька сказала, что тебе нельзя.

— А ты и выбрал время ехать. Очень хорошо. — Она едва удержалась, чтоб не заплакать. — Только я поеду, непременно поеду. Что хочет мама, а я поеду. Данила, вели мне седлать, и Саша чтоб выезжал с моей сворой, — обратилась она к ловчему.

И так то быть в комнате Даниле казалось неприятно и тяжело, но иметь какое-нибудь дело с барышней, — в этом уж он ничего не понимал. Он опустил глаза и поспешил выйти, как будто до него это не касалось, стараясь только как-нибудь нечаянно не повредить барышню.

Хотя и говорили, что Наташе нельзя было ехать, что она простудится, но еще меньше можно было помешать ей сделать то, что она хотела, и Наташа собралась и поехала.⁴

Старый граф, всегда державший огромную охоту и изредка сам выезжавший в поле, теперь же передавший всю охоту в ведение сына, в этот день 12 сентября, развеселившись, собрался сам тоже выехать и послал жену, Соню, гувернантку, Петю ехать в линейке. Через час вся охота была у крыльца. Nicolas, не дожидаясь никого, с строгим и серьезным видом, показывавшим, что некогда теперь заниматься пустяками, прошел мимо Наташи, с помощью своего стремянного Саши садившейся на лошадь, осмотрел все части охоты, послал вперед стаю и охотников в заезд, сел на своего рыжего донца и, подсвистывая собак своей своры, тронулся через гумно в поле, ведущее к Отрадненскому заказу. Лошадь старого графа, игреневого меренка, называемого Вифлянкой, вел его, старого графа, стремянный, сам же он должен был прямо, на оставленный ему лучший лаз, выехать в дрожечках. Всех гончих собак в охоте Ростовых было восемьдесят. Все одной старинной ростовской породы, костромки, низкие на ногах, сухие, паратые и голосистые, черные с подпалинами. Но много уже было подбившихся собак, так что вывели в стаю всего пятьдесят четыре собаки. Данила с Карпом Туркой ехали передом. Сзади ехало три выжлятника. Борзятников было четыре господских ¹ *На полях*: Ругает И[лью] А[ндреича.]

Вдруг приятная добрая улыбка у Данилы.

² *Зачеркнуто*: вбежала

³ *Зач.*: худыми

⁴ *На полях*: чужая охота. Скучно едут, Батюшка, Ругаюшка. Лопотание над затравл[енным]

своры: графские (старого графа) в одиннадцать собак и два стремянных, графченкова (Nicolas) в шесть собак, Наташина в четыре плохеньких собачки (на нее не надеясь, ей дали что было похуже) и Митинька с своей сворой; кроме того, было семь свор борзятников. Так что вышло в поле около ста пятидесяти собак и двадцать пять конных охотников. Каждая собака знала хозяина, кличку, каждый охотник знал дело, знал свое место и назначение. Весь этот хаос визжавших собак, окрикивающих охотников, собравшийся на дворе дома, без шума и разговоров равномерно и спокойно расплылся по полю, как только вышли за ограду. Только слышно было изредка подсвистыванье, храп лошади или взвизг собаки и, как по пушному ковру, шаги лошадей и побрякиванье железки ошейника. Едва выехали за Чепыж, как по полю показались еще пять охотников с борзыми и два с гончими, шедшие навстречу Ростовским.

— А. дядюшка, — сказал Nicolas подъехавшему к нему красивому старику с большими седыми усами.

— Так и знал, — заговорил дядюшка (это был дальний родственник, небогатый сосед, исключительно посвятивший свою жизнь охоте), — нельзя вытерпеть и хорошо, что идешь, такая погода — чистое дело марш (это была поговорка дядюшки). Бери заказ сейчас, а то мой Гирчик мне донес, что Илагины с охотой в Карниках стоят, они у тебя, чистое дело марш, под носом выводок возьмут.

— Туда и иду. Что же свалить стаи? — спросил Nicolas. Гончих соединили в особенности потому, что дядюшка утверждал, что без его Волтора, чистое дело марш, на волков хоть не ходи, и господа поехали рядом. К ним галопом подскакала и Наташа, неловко и уродливо закутанная и увязанная и перевязанная платками, которые все-таки не могли скрыть ее ловкой, уверенной посадки на лошади и ее оживленного, счастливого, с блестящими глазами, лица, высывавшегося из-под платков и мужской шапки. На ней сверх всего был однако рог, кинжал и сворка.

— Nicolas, какая прелесть Трунила, он узнал меня, — заговорила она. — Здравствуйте, дядюшка.

Nicolas не отвечал, озабоченный соображениями и планами, чувствуя на себе всю ответственность предприятия и оглядывая свою армию. Дядюшка поклонился, но ничего не сказал и поморщился при виде юбки. Он не любил, чтоб соединяли баловство с серьезным делом, как охота. Nicolas был того же мнения и строго взглянул на сестру, стараясь ей дать почувствовать то расстояние, которое их должно было разделять в эту минуту, как Генрих IV давал чувствовать Фальстафу, что, какая бы ни была между ними дружба прежде, теперь между королем и Фальстафом была пучина. Но Наташа была слишком весела, чтобы заметить это.

— Nicolas, посмотри, какая Завидка моя стала худая — ее верно плохо кормят, — она подкликнула Завидку, старую, старую облезлую суку с шишками на кострецах. — Посмотри.

Nicolas дал эту суку Наташе потому, что некуда было девать ее, и теперь перед дядюшкой ему совестно было, что у него в охоте была такая собака.

— Ее повесить надо, — сказал он коротко и сделал распоряжение, которое передавать поскакал стремянной на рыжей лошади, брызгая грязью в Nicolas, Наташу и дядюшку. Но плохое положение Завидки не смутило Наташу. Она обратилась к дядюшке, показывая ему свою другую собаку и хвастаясь ею, хотя и эта другая была очень плохая собака. Но уже остров Отрадненского заказа виднелся сажень в ста, и доезжачие подходили к нему. Nicolas, решив окончательно с дядюшкой откуда бросать, указал Наташе место, подтвердив, где стоять ее стремянному, и сам поехал в заезд над оврагом, считавшимся вторым по достоинству лазом на матерого волка. Лучший лаз в узкой перемычке к большому лесу предоставлен был старому графу.

— Nicolas! — прокричала Наташа, — я сама заколю...

Nicolas не отвечал и только пожал плечами на бестактность сестры.

— На матерого становишься, прогладишь, — сказал дядюшка.

— Как придется, — отвечал Nicolas. — Карай, фють, на, — крикнул он, отвечая этим призывом на слова дядюшки. Карай был огромный бурдастый кобель, не похожий на собаку, серьезный и уродливый, известный тем, что он в одиночку бирал матерого волка.

Все разъехались.

Старый граф, зная охотничью горячку сына, поторопился не опоздать, и еще не успели доезжачие подъехать к месту, как Илья Андреич, веселый, румяный, позавтракав, с трясущимися щеками, на своих вороненьких подкатил по зеленым к лазу и, расправив шубку и надев охотничьи снаряды, влез на свою гладкую, сытую, смирную и добрую, поседевшую, как и он сам, Вифлянку. Лошадей с дрожками отослали. Граф Илья Андреич, хоть и не охотник в душе, но знавший твердо охотничьи законы, забрался в опушку леса, от которого он стоял, разобрал поводья, выправил шубку и оглянулся улыбаясь. Подле него стоял его камердинер и старинный ездок, но отяжелевший Семен Чекмарь, державший на своре трех лихих тоже заживевших, как хозяин и лошадь, волкодавов. Две собаки умные, старые улеглись без свор. Подальше в опушке стоял другой стремянной, маленькой краснорожий, всегда пьяный фореитор Митька Копыл, отчаянный ездок и страстный охотник. Граф, по своей старинной привычке, перед охотой выпил охотничей запеканочки серебряной кубочек, закусил и запил полубутылкой своего любимого Бордо. Илья Андреич был немножко красен от вина и езды, глаза его, подернутые влагой, особенно блестели, и он, прямо, укутанный в шубку, сидя на седле, оглядывался, улыбаясь, кругом и имел вид ребенка, которого собрали гулять.

Семен Чекмарь, пивший запоем, худой, с втянутыми щеками, имел грозный вид, но не спускал глаз с своего барина, с которым 775

они жили тридцать лет душа в душу, и, понимая его приятное расположение духа, ждал приятного разговора. Еще третье лицо подъехало осторожно (видно, уж оно было учено) из-за леса и остановилось позади графа. Лицо это был старик в седой бороде и в женском капоте и высоком колпаке. Это был шут Настасья Иваныч.

— Ну, смотри Настасья Иваныч, — сказал ему, подмигивая, граф, — ты только оттопай зверя, тебе Данила задаст.

— Я сам... с усам.

— Шшш, — зашипел граф и обратился к Семену.

— Наталью Ильиничну видел? — спросил он у Семена. — Где она?

— Они от Жаровых кустов стали, — отвечал Семен улыбаясь, — так и норвят волка затравить...

— А ты удивляешься, Семен, как она ездит... а? — сказал граф.

— Хоть бы мужчине впору...

— Николаша где? Над Лядовским верхом что ль? — спросил граф, всё говоря шопотом.

— Так точно-с. Уж они знают. Так тонко ездут знают, что мы с Данилой другой раз с диву даемся, — говорил Семен, зная чем угодить барину.

— ¹Хорошо ездит, а? А на коне то каков, а?

— Картину писать. Как намерднись они из Заварзинских бурьянов лисицу перескакивали, — страсть: лошадь тысяча, а седоку цены нет. Ну, уж такого молодца поискать.

— Поискать... — повторил граф, видимо сожалея, что кончился так скоро разговор Семена. — Поискать? — сказал он, отворачивая полы шубки и доставая табакерку. Семен слез и, выпростав табакерку, подал.

— Намедни, как от обедни во *всией* регалии вышли, так Михаил то Сидорыч... — Семен не договорил, услышав ясно раздавшийся в тихом воздухе гон с подвыванием не более двух или трех гончих. Он поспешно ухватился за стремя и стал садиться, крехтя и бормоча что-то.

— На выводок натекли... — заговорил он, — вон она, во подвывает, вишь подваивает. Но...прямо на Лядовской повели.

Граф, забыв стереть улыбку с лица, смотрел перед собой вдоль по перемычке и, не нюхая, в руке держал табакерку. Семен говорил правду. Послышался голос по волку в басистый рог Данилы. Стая напала на выводок, слышно было, как заревели с заливом голоса гончих с тем особенным подвыванием, которое служит признаком гону по волку, слышно было, как уж не порскали, а улюлюкали доезжачие, и из за всех голосов выступал голос Данилы, то басистый, то пронзительно стальной, тонкий, которому мало было этих двухсот десятин леса, так и выскакивал наружу и звучал везде в поле. Прислушавшись несколько секунд, граф заметил, что гончие разбились на две стаи: одна, большая, ¹ *Зачеркнуто*: Ловок

ревевшая особенно горячо, стала удаляться, (это были прибылые) другая часть стаи понеслась вдоль по лесу, мимо графа, и при этой стае было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись. Семен вздохнул и нагнулся, чтобы оправить сворку, в которой запутался молодой кобель. Граф тоже вздохнул и машинально, заметив в своей руке табакерку, открыл ее и достал щепоть.

— Назад, — крикнул шопотом в это время Семен на кобеля, который выступил за опушку. Граф вздрогнул и уронил табакерку.

Семен хотел слезть поднять ее, но, раздумав, мигнул шуту. Настасья Иванович слез и, подходя к табакерке, зацепился за сук и упал.

— Али перевесила? — Семен и граф засмеялись.

— Кабы на Николашу вылез, — сказал граф, продолжая прерванный разговор. — То то бы потешился, Карай возьмет...

— Ох, мертвый кобель... Ну, давай сюда, — говорил Семен, протягивая руку к табакерке графа и смеясь тому, что Настасья Иванович одной рукой подавал табакерку, а другой подбирал табак с сухих листьев.¹ И граф и Семен смотрели на Настасью Ивановича. Гончие всё гоняли, казалось, всё так же далеко. Вдруг, как это часто бывает, звук мгновенно приблизился, они услышали гон, как будто вот — вот перед самыми ими были лаящие рты собак, и услышали улюлюкание Данилы, который, казалось, вот — вот задавит, скача на своем буром мерине. Оба испуганно и беспокойно оглянулись, но впереди ничего не было. Граф оглянулся направо [на] Митьку и ужаснулся. Митька с выкатывавшимися глазами, бледный, плачущий, смотрел на графа и, подняв шапку, указывал ею вперед на другую сторону графа.

— Береги! — закричал он таким голосом, что видно было, это слово давно уже мучительно просилось у него наружу. Митька поскакал, выпустив собак, к графу. Граф и Семен, сами не зная зачем, выскакали из опушки и налево от себя, шагах в тридцати, увидели седого, лобастого волка, с наеденным брюхом, который неуклюжо, мягко переваливаясь, тихим скоком подскакивал левее их к той самой опушке, у которой они стояли. Злобные собаки визгнули, ахнули и, срываясь с свор, как стрелы, отбивая скачки по упругому, мягкому жнивью, понеслись к волку, мимо ног лошадей.² Волк уже был у опушки; он приостановил бег, неловко повернул свою седую голову к собакам, как больной жабой поворачивает голову, и так же мягко переваливаясь, прыгнул раз, другой, мелькнуло полено, и скрылся в опушку. В ту же минуту, как граф, чувствуя свою ошибку, плачущим голосом заулюлюкал вслед волку, в ту же минуту из противоположной опушки с ревом и гоном, похожим на плач, растерянно вынеслась одна, другая, третья гончая и вся стая взречь понеслась по полю,¹ *На полях*: Не хочется смеяться

² *На полях*: Почувствовал, что нельзя

по тому месту, где бежал волк. Но это бы было еще ничего: вслед за гончими расступились кусты орешника, и вылетела бурая, казавшаяся вороной от поту, лошадь Данилы. На длинной спине комочком, валясь вперед, сидел Данила, без шапки, с седыми встрепанными волосами над красным потным лицом (одни усы насмешливо торчали кверху).

— Улюлюлю, — крикнул еще раз в поле Данила. — Береги распро..... — крикнул.

— Ж..а, — крикнул он, со всего размаха налетая с поднятым арапником на графа. Но, и узнав графа, он не переменял тон.

— Проб...ли волка-то. Охотники. — И как бы не удостоивая графа дальнейшим разговором, он со всей злобой на графа ударил по быстро ввалившимся [?] мокрым бокам бурого мерина и, улюлюкая так, что ушам больно было, понесся за гончими. Граф, как наказанный, стоял, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать хоть в Семене сожаление к своему положению. Но Семен, увидавший наеденное брюхо волка, понял, что была надежда перескакать его, и неся по кустам, заскакивая волка от Засеки. С двух сторон также перескакивали зверя борзятники. Но волк пошел кустами, и ни один охотник не перехватил его.¹

Через полчаса Данила с гончими с другой стороны вернулся в первый остров, подваливая их к отбившейся части стаи, всё еще гонявшей по прибылым.²

В острову оставались еще два переярка и четыре прибылых. Одного прибылого затравил дядюшка, другого словили гончие и откололи выжлятники, третьего затравили борзятники на опушке, по четвертому еще гоняли. Один из переярков слез лощиной к деревне и ушел нетравленным, другой переярочек полез по Лядовскому оврагу, тому самому, над которым стоял Nicolas.

Nicolas чувствовал охотничьим чувством (определить и сознать которое невозможно) по приближению и отдалению гона, по звукам голосов известных ему собак, по приближению, отдалению и возвышению голосов доезжачих, что совершалось в острове, что были прибылые и матерые, что гончие разбились, что где-нибудь травили и что что-нибудь случилось неблагополучное. Сначала он наслаждался звуками варом варившей стаи, два раза проведенной мимо его по опушке, сначала он замирал, напрягая зрение и, подбираясь на седле, с готовым криком отчаянного улюлюкания, стоявшим уже вверху его горла. Он держал во рту этот крик, как держат воду во рту, готовясь всякую секунду его выпустить. Потом он отчаявался, сердился, надеялся, несколько раз в душе ¹ *На полах*: Nicolas травит и вот оно счастье. Не слезают. Данила. П. В зеленях драка за лисицу.

² *Зачеркнуто*: Один переярочек вылез на Nicolas. Он перескакал и затравил его. Два прибылых было взято живыми, и один, третий прибылой, был затравлен в глазах Николая. Тот же Данила первый вынесся за гончими и, не допустив борзых, со всего размаха лошадиного скака свалился на спину волка и, едва выпроставшись из-под собак и волка, сел на него верхом и, взяв за уши, стал струнить.

молился богу о том, что[бы] волк вышел на него, — молился с тем страстным и совестливым чувством, с которым молятся люди в минуты сильного волнения, зависящего от ничтожной причины. «Ну, что тебе стоит», говорил он богу,¹ «сделай это для меня. Знаю, что ты велик, и что грех тебя просить об этом, но, ради бога, сделай, чтобы на меня вылетел матерый и чтобы Карай на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, вцепился ему мертвой хваткой в горло».

Но волк всё не выбегал. Тысячу раз в эти полчаса упорным, напряженным и беспокойным взглядом окидывал Nicolas и опушку леса с двумя редкими дубами над осиновым подседом, и овраг с измытым краем, и шапку дядюшки, чуть видневшегося из-за куста направо, и Наташу с Сашей, которые стояли налево. «Нет, не будет этого счастья!» думал Nicolas, «и что бы стоило. Не будет, мне всегда во всем несчастье, и смотреть нечего».

Он думал это и в это самое время, напрягая усталое зрение, весь зрение и слух, оглядывался налево и опять направо.....

Направо, ложиной по Лядовскому верху, уж шагах в тридцати от опушки, в то время, как Nicolas опять глянул направо, катил матерый, как ему показалось, волк, своей белой сериной отличаясь от серой зелени травы по скату оврага. «Нет, это не может быть!» подумал Nicolas, тяжело вздыхая, как облегченно вздыхает человек при совершении того, что долго ожидаемо. Совершилось величайшее счастье и так просто, без шума, без блеска, бежит серый зверь, как будто по своему делу, бежит вскачь, не шибко, не тихо, оглядываясь по сторонам. Nicolas не верил себе; он оглянулся на стремянного. Прокошка, пригнувшись к седлу, не дышал, устремляясь не только выкаченными глазами, но и всем наклоненным туловищем к направлению волка, как кошка, встречающая беззаботно бегущую к ней мышь. Собаки лежали, стояли, не видя волка, ничего не понимая. Сам старый Карай, завернув голову и оскалив желтый, старый клык, щелкал зубами, сердито отыскивая блоху в своем лесе комками висевшей на задних ляжках шерсти.

Бледный Nicolas строго и значительно оглянул их, но они не поняли взгляда. — Улюлюлю! — шопотом, оттопыривая губы, проговорил он им. Собаки, дрогнув железками, вскочили, насторожив уши. Карай дочесал однако свою ляжку и только потом встал, насторожив уши и слегка мотнув хвостом, на котором висели войлоки. «Что ж, я готов, в чем дело?» как будто сказал он.

«Пускать, не пускать,» всё спрашивал себя Nicolas в то время, как волк подвигался к нему, отдаваясь от леса. Но вдруг вся физиономия волка изменилась: он вздрогнул, увидав человеческие глаза, устремленные на него, присел, задумался — «назад или вперед» — и пустился вперед, уж не оглядываясь, своим мягким, редким, вольным скоком, как будто он сказал себе: «Э, всё равно! посмотрим еще, как то они меня поймают».

¹ *Зачеркнуто*: с болезненной улыбкой

«А! ты так! ну, держись». И Nicolas, заулюлюкав, выпустил во весь мах свою добрую лошадь под гору Лядовского верха, впоперечь волку. Nicolas смотрел только на собак и на волка, но он видел и то, что напротив его в развевающейся амазонке неслась с пронзительным визгом Наташа, обгоняя Сашку, сзади спешил дядюшка с своими двумя сворами.

Волк летел, не переменяя направления, по ложине. Первая приспела чернопегая Милка. Но, о ужас, вместо того, чтобы наддать, приближаясь к нему, она стала останавливаться и, подняв хвост, уперлась на передние ноги. Второй был Любим. Этот с разлета схватил волка за гачи, но волк приостановился и, оглянувшись, оскалился. Любим спустил. «Нет, это невозможно. Уйдет», подумал Nicolas. — Карай! — Но Карай медленно, тяжело скакал наравне с его лошадей. Одна, другая собака подоспели к волку. Собаки Наташиной своры были тут же, но ни одна не брала.

Nicolas был уже шагах в двадцати от волка. Волк раза три останавливался, садился на зад, огрызался, встряхивался от хватавших его больше за задние ноги собак и с поджатым хвостом опять пускался вперед. Всё это происходило на середине¹ верха, соединяющего Отрадненский заказ с казенным огромным лесом Засекой. Перейди он в Засеку, волк ушел. — Караюшка, отец, — кричал Nicolas. Древний урод, калеченный Карай был немного впереди лошади и ровным скоком, сдерживая дыхание и не спуская² глаз, спел к опять на мгновение присевшему в это время волку. Муругой молодой, худой, длинный кобель своры Наташи с неопытностью молодости подлетел спереди к волку и хотел схватить его. Волк быстро, как нельзя было ожидать от него, бросился к неопытному кобелю, лякнул зубами, и окровавленный, с распоротым боком кобель, поджав хвост, бросился в сторону, отчаянно и неприятно визжа. Волк поднялся и опять двинулся вперед, между ног пряча полено. Но пока происходило это столкновение, Карай с своими мотавшимися на ляжках войлоками и нахмуренными бровями, был уже в пяти шагах от волка, всё не изменяя свой ровный скок. Но тут, как будто какая-то молния прошла сквозь него, Nicolas видел только, что что-то сделалось с Караем: он двумя отчаянными прыжками очутился на волке³ и с волком вместе повалился кубарем. Та минута, когда Nicolas увидал голову⁴ волка, с разинутой, ляскающей и никого не достающей пастью, поднятой кверху, и в первый раз всю фигуру волка на боку, с усилием цепляющимся толстыми лапами за землю, чтобы не упасть на спину, была счастливейшей минутой в жизни Nicolas. Nicolas был уже тут же над ним и заносил уже ногу, чтобы слезть принимать волка. Карай сам упал через волка.

¹ *Зачеркнуто*: Лядовского

² *Зач.*: налитых кровью, больших, черных

³ *Зач.*: с вдавленными волку в шиворот зубами, поднявшейся шерстью

⁴ *Зач.*: ноги волка поднятыми

Шерсть его поднялась, он весь дрожал и делал своими съеденными зубами отчаянные усилия, чтобы встать и перехватить из шиворота в горло. Но, видно, зубы его были уже плохи. На одном из этих усилий волк рванулся, справился. Карай упал и выпустил его. Как бы поняв, что шутить нечего, волк выпустил во весь мах и стал отделяться от собак.

— Боже мой! за что? — с отчаянием закричал Nicolas.

Дядюшка, как старый охотник, скакал наперерез от Засеки и встретил опять и задержал волка. Но ни одна собака не брала плотно. Карай отстал далеко сзади. Охотники, Nicolas, его стремянный, дядюшка с своим, Наташа с своим, все вертелись над зверем улюлюкая, крича, не слыша друг друга, всякую минуту сбираясь слезать, когда волк садился на зад. Но всякий раз волк встряхивался и медленно подвигался к Засеке, которая должна была спасти его.

Еще в начале этой травли Данила, услышав улюлюканье, выскочил на опушку и, так как это было дело не его и без гончих, остановился посмотреть, что будет. Он видел, как Карай взял волка, ждал, что сейчас возьмут его. Но когда охотники не слезли, волк встряхнулся, Данила крикнул.

— Отвертится, — сказал он и выпустил своего бурого не к волку, но прямой линией к Засеке, к тому месту, где, он знал, волк войдет в Засеку. Благодаря этому направлению, он подскакивал к волку в то время, как во второй раз его остановили дядюшкины собаки прежде, чем Карай успел второй раз приспеть к зверю.

Данила скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и, как цепом, молоча своим арапником по подтянутым бокам бурого. Nicolas не видал и не слышал Данилы до тех пор, [пока] мимо самого его не пропыхтел, тяжело дыша, бурый, и он не увидал, что Данила через голову лошади не упал в середину собак на зад волка. В то же мгновение те же собаки, которые не брали, уцепились с визгом за гачи волка, и Данила кубарем, падая вперед, добежал до остановленного зверя и измученный, как будто ложасть отдыхать, всей тяжестью повалился на волка, хватая его за уши. Данила не позволил колоть волка, а послал стремянного вырубить палку, засунул ее в рот волку, завязал сворой и взвалил на лошадь. Когда всё было кончено, Данила ничего не сказал, а только, сняв шапку, поздравил молодого графа с красным полем и улыбнулся из-под усов своей детски нежной, круглой и кроткой улыбкой.

Гончих вызвали, все съехались, желая поговорить; под предлогом рассказать друг другу всё, что было, рассказали всё то, чего не было, и тронулись дальше. Старый граф посмеялся Даниле об прозеванном волке.

— Однако, брат, ты сердит, — сказал граф. Данила на это только улыбнулся своей приятной улыбкой. Старый граф и линейка поехали домой. Наташа, несмотря на уговоры и требования, осталась с охотой. Более всего хотелось Nicolas захватить 781

Зыбинскую вершину прежде Илагиных, которые стояли недалеко от нее, и потому он пошел дальше, чем предполагал.

Зыбинская вершина была глубокая, изрытая водой, поросшая чащею осинника котловина в зеленях, в которой всегда бывали лисицы. Только что бросили гончих, как услышали в соседнем острове рога и гон Илагинской охоты и увидели охотника Илагина с борзыми, стоявшего от Зыбинской вершины. Случилось так, что в то время, как из-под Ростовских гончих побежала на перемышку от Илагинского леса лисица, их охотник заезжал в заезд. Травить стали оба, и Nicolas видел, как расстилалась по зеленым красная, низкая, пушисто-странная лисица, как кругами плавала она между собак, всё чаще и чаще делая эти круги и обводя вокруг пушистой трубой, и как наконец налетела белая собака и вслед за ней черная и всё смешалось и звездой, врозь расставив зады, чуть колеблясь, стали собаки и подскакали два охотника — один его, в красной шапке, другой чужой, в зеленом кафтане. Охотники эти долго не торочили, стояли пешие — около них на чумбурах лошади с своими выступами седел и собаки — и махали руками и один махал лисицей и подал голос.

— Дерутся, — сказал стремянной Nicolas. Так гончие вышли за лисицей. Nicolas послал позвать к себе сестру и шагом поехал на место драки. С другой стороны, тоже прекрасной лошадей и нарядом отличаясь от других, сопровождаемый двумя стремянными, выехал навстречу Nicolas толстый барин. Но прежде, чем съехались господа, дравшийся охотник с лисицей в тороках подъехал к графу. Он далеко снял шапку и старался говорить почтительно, но он был бледен, как полотно, задыхался и был видимо в таком озлоблении, что не помнил себя. Глаз у него был подбит, но всё он имел гордый вид победителя.

— Как же, из-под наших гончих он травить будет, да и сука то моя половая поймала. Поди, судись. За лисицу хватает, я его лисицей-то по морде съездил. Отдал в тороках. А этого не хочешь, — говорил охотник, указывая на кинжал и вероятно воображая, что он всё еще говорит с своим врагом. Nicolas, не разговаривая с охотником, тоже взволнованный, поехал вперед к приближавшемуся барину. Охотник победитель въехал в задние ряды и там, окруженный сочувствующими любопытными, рассказывал свой подвиг. Вместо врага Nicolas нашел в Илагине добродушного и представительного барина, особенно желавшего познакомиться с молодым графом. Он объявил, что велел строго наказывать охотника, очень жалеет о случившемся, просит графа быть знакомым, предлагал свои места и низко галантно снял соболью шапку перед Наташей и сделал ей несколько мифологических комплиментов, сравнивая ее с Дианой. Илагин, чтобы загладить ви[ну], настоятельно просил Nicolas пройти в его угорь, который берег для себя и в котором было пропасть лисиц и зайцев.¹ Nicolas, польщенный любезностью Илагина и желая похвастаться перед ¹ *На полях*: Илагин злодей в качке [?]

ним охотой, согласился и отвлекся еще дальше своего маршрута. Итти до Илагинского угоря было далеко и голыми полями, в которых было мало надежды найти зайцев. Они разровнялись и прошли версты три, ничего не найдя. Господа съехались вместе. Все взаимно поглядывали на чужих собак, тайком стараясь, чтобы другие этого не заметили, и с беспокойством отъискивали между этими собаками соперниц своим. Ежели разговор заходил о резвости собак, то каждый обыкновенно особенно небрежно говорил о достоинствах своей собаки, которых он не находил слов расхваливать, говоря с своим охотником.

— Да, это добрая собака, ловит, — равнодушным голосом говорил Илагин про свою краснопегую Ерзу, за которую он два года тому назад отдал три семьи дворовых соседу. Эта Ерза особенно смущала Nicolas, она была необыкновенно хороша. Чистопсовая, тонкая, узенькая, но с стальными на вид мышцами и с той драгоценной энергией и веселостью, которую охотники называют сердцем. «Собака скачет не ногами, а сердцем». Всем охотникам без памяти хотелось померять своих собак, у каждого была своя надежда, но они не признавались в этом. Nicolas шопотом сказал стремянному, что даст рубль тому, кто подозреет, то же самое распоряжение сделал Илагин.

— У вас половый кобель хорош, граф, — говорил Илагин.

— Да, ничего, — отвечал Nicolas.¹

— Я не понимаю, — говорил Илагин, — как другие охотники завистливы на зверя и на собак. Я вам скажу про себя. Меня веселит, знаете, проехаться, потравить, вот съедешься с такой компанией... Уж чего же лучше. — Он снял свой бобровый картуз перед Наташей, — а это, чтобы шкуры считать, сколько привез, мне всё равно.

— Ну, да.

— Или чтоб мне обидно было, что чужая собака поймает, а не моя — мне только бы полюбоваться, — не так ли, граф, потому я сужу...

Охотники ровнялись вдоль оврага. Господа ехали в середине правой стороной.

— Оту его, — послышался в это время протяжный крик одного из борзятников Илагина. Он заработал рубль, подозревал русака.

— А, подозрел, кажется, — сказал небрежно Илагин. — Что же, потравим, граф?

— Да, подъехать... да что же, вместе, — отвечал Nicolas, взглядываясь в Ерзу и в черного кобеля дядюшки, не в силах скрыть волнения, что приходит минута поровнять своих собак с чужими, особенно с Илагинскими, славившимися своей резвостью, и чего ему еще ни разу не удалось сделать. «Ну, что как с ушей оборвут мою Милку».

¹ Зачеркнуто: Любим, фю!

— Матерый? — спрашивал Илагин, подаваясь к месту и не без волнения оглядываясь и подсвистывая Ерзу. — А вы, Михаил Никанорович, — обратился он к дядюшке. Дядюшка ехал, насупившись.

— Что мне соваться, ведь ваши по деревне плачены собаки. Ругай, на, на, — крикнул, — Ругаюшка, — прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежды, возлагаемые на этого красного кобеля. Наташа чувствовала то же, что и другие, и не скрывая волновалась, и вперед уже чувствовала и выражала даже ненависть ко всем собакам, которые смеют поймать зайца вместо ее Завидки.

— Куда головой лежит. Отъезжай, отведи гончих, — крикнул кто-то; но не успели еще исполнить этих распоряжений, как русак, чуя мороз к завтрашнему утру, не вылежал и вскочил,¹ сначала приложив одно ухо. Гончие на смычках, преследуемые доезжачими, понеслись за ним. Борзятники со всех сторон, так везде было, выпустили собак. Почтенный спокойный Илагин под гору выпустил свою лошадь, Nicolas, Наташа и дядюшка летели, сами не зная как и куда, видя только собак и зайца и боясь только потерять хоть на мгновение их из вида.

Заяц попался матерый и резвый. Он лежал на жнивях, но впереди были зеленя, по которым было топко. Нетерпеливая Наташа была ближе всех к зайцу. Ее собаки первые воззрились и поскакали. Но к ужасу ее, она заметила, что надежная ее Завидка стала мастерить, взяла в сторону, две молодые ее стали придвигаться, но еще далеко не достали, как из-за них вылетела краснопегая Ерза и приблизилась к зайцу на собаку и стала вилять за ним, вот вот обещая схватить его. Но это продолжалось мгновение. С Ерзой сравнялся Любим и даже высунулся из-за нее.

— Любимушка! батюшка! — слышался торжествующий крик Nicolas. Наташа только визжала без слов. Казалось, сейчас ударит Любим и там и другие подхватят, но Любим догнал и пронесся. Русак отсел и отделился, опять надела красавица Ерза и повисла над хвостом русака, повисла, примеряясь как будто, как бы не ошибаясь схватить за заднюю ляжку.

— Ерза, матушка! — слышался плачущий не свой голос Илагина. Но Ерза не вняла его мольбам, она на самой границе зеленой дала угонку, но не крутую, русак вихнул и выкатил на зеленя; опять Ерза, как дышловая пара, выровнялась с Любимом и стала спеть к зайцу, хотя уже не так быстро, как по жнивам.

— Ругай, Ругаюшка.² Чистое дело марш, — закричал в это время голос, и Ругай, утопая по колена, тяжелый, грузный, красный кобель, вытягиваясь и выгибая спину, стал с первыми двумя выступать из-за них, обогнал их, надал с страшным самоотвержением¹ *Зачеркнуто*: покати полубугром

² *Зач.*: Отец

уже над самым зайцем, и только видно было, как он кубарем, пачкая спину в грязь, покатился и звезда собак окружила его. Через минуту все стояли над зайцем. Один счастливец дядюшка слез и, отпазанчив и потрях[ив]ая зайца, чтоб стекала кровь, тревожно оглядывался, бегая глазами и не находя положения рукам и ногам, говорил, сам не зная с кем.

— Вот это собака... вот вытянул — чистое дело марш, — говорил он, задыхаясь, как будто ругая кого-то, как будто все были его враги, все его обижали и наконец он оправдался. — Вот вам и тысячные, чистое дело марш. Ругай, на пазанку, — говорил он, кидая лапу с налипшей землей, — заслужил, чистое дело марш. Что прометался.

— Он вымахался, три угонки дал один, — говорил Nicolas, тоже не слушая никого и не заботясь о том, слушают его или нет, и забыв свое старание казаться всегда равнодушно спокойным. — А это что же впоперечь?

— Да, как осеклась, так с угонки всякая дворняшка поймает, — говорил также в одно время Илагин, красный и задохшийся от скакания.

Наташа визжала в одно [и то] же время, не переводя духа, так что в ушах звенело. Она не могла не визжать всякий раз, как при ней затравливали зайца. Она, как какой-то обряд совершала этим визгом. Она этим визгом выражала всё то, что выражали и другие охотники своими одновременными разговорами. Дядюшка сам второчил русака, перекинул его ловко и бойко, как бы упрекая всех этим перекидыванием, и с видом, что он и говорить ни с кем не хочет, поехал прочь.

Все, кроме него грустные и оскорбленные, разъехались и только долго после могли притти в прежнее притворство равнодушия, но долго еще поглядывали на красного Ругая, который с испачканной землей горбатой спиной, с спокойным видом победителя шел рысцой за ногами лошади дядюшки, слегка побрякивая железкой.

«Что ж я такой же, как и все, когда дело не коснется до травли. Ну, а уж тут держись, всем очки вотру».

Когда долго после дядюшка подъехал к Nicolas и просто заговорил с ним, Nicolas был польщен, что дядюшка после всего, что было, еще удостоивает говорить с ним.

В угори нашли мало, да и было уже поздно. Охоты разъехались, но Nicolas было так далеко итти домой, что он принял предложение дядюшки оставить охоты ночевать у него (у дядюшки) в его деревеньке Михайловке, бывшей от угори в двух верстах.

— И сами бы заехали ко мне, чистое дело марш, видите погода мокрая, — говорил дядюшка, особенно оживляясь, — отдохнули бы, графиню бы отвезли в дрожечках.¹

Охота пришла в Михайловку, и Nicolas с Наташей слезли у маленького, заросшего садом, серого домика дядюшки.

¹ *Зачеркнуто*: Наташа очень рада была заехать, но не хотела возвращаться.

[Далее со слов: Человек пять больших и малых дворовых... кончая: Но она была очень счастлива. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. VII.]

Уже подъезжая к дому, она вдруг запела мотив песни «Как заутра выпадала», мотив, который она ловила всю дорогу и наконец поймала.

— Отлично, — сказал Nicolas.

— Ты об чем думал теперь, Nicolas? — спросила Наташа. Они любили это спрашивать друг у друга.

— Я, — сказал Nicolas, раздумывая, — а вот видишь ли, сначала я думал, что Ругай, красный кобель, похож на дядюшку и что ежели бы он был человек, то он дядюшку всё бы еще держал у себя за лады,¹ дядюшку. Как он ладен, дядюшка, а? — Он захохотал. — Ну, а ты?

— А я ничего не думала, а только всю дорогу твержу про себя: *ich bezeuge dich, mein lieber Pumpernikel, ich bezeuge dich, mein lieber Pumpernikel,*² — повторила она и еще звучнее захохотала Наташа.

— А знаешь, — вдруг сказала она, — я знаю, что никогда уже я не буду так счастлива, спокойна, как теперь.

— Вот вздор, глупости, врешь, — сказал Nicolas и подумал: «что за прелесть эта моя Наташа, такого другого друга и товарища у меня нет и не будет».

«Экая прелесть этот Nicolas», думала Наташа.

— А, еще огонь в гостиной, — сказала она, указывая на окна Отрадненского дома, краси[во] блестящие в мокрой темноте ночи. — Ну, уж зададут тебе. Мама велела...

* № 126 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII, IX, XIII).

<Секрет Наташи о ее отношениях с Андреем, о взаимном, связывающем [его], но не связывающем ее обещании, как и должно было предполагать, был секретом только в том смысле, что, говоря про это, все говорили, что это секрет. Все в доме знали про это. Наташа не могла удержаться и рассказала про это брату и Соне. Графиня не могла не сказать мужу.

В продолжение восьми месяцев было получено одно письмо из Тирасполя. Князь Андрей писал графине почтительно и несколько холодно, как показалось Наташе. Он просил передать Натали, что считает дни и часы, отделяющие его от назначенного срока свидания, просит верить, что, ежели чувства его изменились, то только в том, что они стали сильнее, обещался писать еще один раз и просил Натали в конце года написать ему только одно короткое слово: «приезжайте», которое сделает его счастливым,¹ *Зачеркнуто*: А потом думал, что Лады, Лады, Лады песня есть, припев и что, как в хороводе, когда ходят, то хорошо бы взять и потащить всех скоро, скоро...

² [уверяю тебя, мой милый Пумперникель,]

или другое слово «не приезжайте», которого он ожидает, не считая себя достойным руки дочери графини, и которое он примет безропотно — своей навеки преданности и любви к Наташе.

Прочтя это письмо, Наташа долго, ничего не говоря, сидела с письмом в руках (это было еще до приезда Nicolas) и потом разрыдалась до истерики озлобления, как это почти всегда с ней бывало¹ Она детски сердито кричала на мать, чтоб ее оставили в покое, что она несчастна, и что никто этого не понимает. Как балованный ребенок, которому не дали сейчас в руки игрушку, она плакала и не верила, что когда-нибудь эта игрушка будет ее. Еще почти год! Это легко было сказать тому, кто прожил пятьдесят таких годов, но для нее год это был такой же длинный и полный впечатлений, чувств и изменений взглядов период, как и вся ее молодость, с шестнадцати до семнадцати лет. «И что за дурацкие опыты? Что он хочет испытывать? Нечего испытывать. Ежели бы он любил меня так же, как я его. Целый год!.. Нет, он гордый человек, я его ненавижу... Целый год... А вот я на зло влюблюсь в кого-нибудь — вот он и будет знать — целый год», говорила она сквозь слезы. Потом сквозь слезы же она стала улыбаться, вспоминая бал Нарышкиных, вспоминая его таким, какой он был на другой день. На другой день, проспавши ночь над своим горем, Наташа перестала думать о нем. Она не то, чтобы помирилась с мыслью ждать его целый год. Этого она не могла. Ежели бы она старалась это сделать, она бы только всё больше и больше раздражалась — она забыла — нарочно забыла и не думала об этом. Она с одной стороны слишком сильно чувствовала для того, чтобы быть в состоянии долго чувствовать, с другой стороны она так сильно чувствовала, что боялась отдаваться этому сильному чувству, и способна была увлекаться беспрестанно всеми теми радостями, которые ей представлялись.>

* № 127 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII, IX, XIII).

Поздней осенью получено было еще письмо от князя Андрея, в котором он писал, что здоровье его совсем хорошо, что он любит свою дорогую невесту больше, чем когда-нибудь, и считает часы до счастливой минуты свидания, но что есть обстоятельства, о которых не стоит говорить, которые мешают ему приехать раньше определенного срока. Наташа и графиня поняли, что эти обстоятельства было согласие отца. Он умоляет Наташу не забывать его, но с замиранием сердца повторяет прежнее, что она свободна и всё таки может отказать ему, ежели она разлюбит его и полюбит другого.

¹ *На полях:*

Их болтовня, С[оня] не пони[мает].

Н[аташа] смотрит на поэт[ическую] любовь N[icolas], ей грустно, дайте мне мужа.

Меланхолия Жюли.

Pierre пьет — пьян бывает.

— Какой дурак! — закричала Наташа со слезами на глазах. В письме он присылал свой миниатюрный портрет и просил Наташин. «Только теперь, после шести месяцев разлуки, я понял, как сильно и страстно я люблю вас. Нет минуты, в которую бы я забыл вас, нет радости, при которой бы я не подумал о вас». Несколько дней Наташа ходила с восторженными глазами, говорила только про него и считала дни до пятнадцатого февраля. Но это было слишком тяжело. Чем сильнее она любила его, тем страстнее отдалась она мелким радостям жизни.¹

Она опять забыла и, как она говорила Nicolas, никогда в жизни она не испытывала, ни прежде, ни потом, той свободы, того интереса к жизни, который она испытывала в эти восемь месяцев. Зная, что вопрос о замужестве, о счастье жизни, о любви решен, сознавая (хотя и умышленно не думая об этом), что есть мужчина, лучший из всех, который любит ее, — в ней исчезло это прежнее беспокойство, тревога при виде каждого мужчины и потребность² нравственно присвоить себе каждого, весь мир с своими бесчисленными радостями, не заслоненный уж этой кокетливой тревогой, открылся перед нею. Никогда не чувствовались ею ни красоты природы, ни музыки, ни поэзии, ни прелесть семейной любви, дружбы с такою ясностью и простотой. Она чувствовала себя проще, добрее и умнее. Она редко вспоминала и не позволяла себе углубляться в мысли об Андрее и не боялась забыть его. Ей казалось, что это чувство так сильно вкоренилось в ее душе. С приездом брата начался для нее совершенно новый мир товарищеской, равной — дружбы, охоты и всего того коренного,³ природного и дикого, связанного с этого рода жизнью. Старый вдовец злодей [?] Илагин, пленившись Наташей, стал ездить и через сваху сделал предложение. Прежде бы это польстило Наташе, она забавлялась бы и см[еялась], но теперь она оскорбилась за князя Андрея. «Как он посмел?» думала [Наташа.]

* № 128 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII—XIII).

Граф Илья Андреевич вышел из предводителей, потому что эта должность была сопряжена с слишком большими расходами, и, не имея больше надежды получить место, остался на зиму в деревне. Но дела всё не поправлялись, часто Наташа и Nicolas видели тайные, беспокойные переговоры родителей и слышали толки о продаже богатого родового московского дома и подмосковной. Лучшие знакомые, соседи уехали в Москву, без предводительства не нужно было иметь такого большого приема, и жизнь отраденская велась тише, чем в прежние года, и от этого еще приятнее. Огромный дом и флигеля всё таки были полны, за стол всё таки садилось больше двадцати человек, но всё это были свои, обжившиеся в доме, почти члены семейства. Такими были музыкант Димлер с женой, Иогель с семейством, барышня Белова,¹

Сверх текста <Читали> La Nouvelle <Héloïse разговоры>

² Зачеркнуто: вскружить

³ Зач.: русского

жившая в доме, и еще другие. Не было приезда, но ход жизни велся тот же, без которого не могли граф с графиней представить себе жизни. Та же была, еще увеличенная Nicolas, охота, те же пятьдесят лошадей и пятнадцать кучеров на конюшне, тот же сказочник слепой рассказывал на ночь графине сказки, те же два шута в золотых бахромах приходили к столу и чаю и получали полоскательные чашки с чаем, с сухарем и так же говорили свои заученные, мнимо смешные речи, которым из снисходительности улыбались господа. Те же учителя и гувернеры для Пети, те же дорогие друг другу подарки в именины и торжественные на весь уезд обеды. Те же графские висты и бостоны, в которых он, распуская веером всем на вид карты, давал себя каждый день на сотни обигрывать соседям, смотревшим на право составлять партию графа Ильи Андреевича, как на самую выгодную аренду. Берг настоятельно и холодно, учтиво, с каждой почтой писал, что они находятся в затруднении и что нужно получить все деньги по векселю. Граф, как в огромных тенетах, ходил в своих делах, стараясь не верить тому, что он запутался, и с каждым шагом всё более и более запутываясь и чувствуя себя не в силах ни разорвать сети, ни осторожно, терпеливо приняться распутывать ее. Графиня никак бы не умела сказать, как она смотрит на это дело, но она любящим сердцем чувствовала, что дети ее разоряются, что граф не виноват, что он не может быть другим, что он сам страдает, хотя и скрывает это. Графиня искала средства и с своей женской точки зрения нашла только одно, женитьбу Nicolas. Она с своей апатией и ленью искала, думала, писала письма, советовалась с графом и наконец нашла, и нашла, по ее понятиям, такую счастливую, во всех отношениях выгодную партию для Nicolas, что она чувствовала, что лучше этого найти нельзя и что ежели от этой откажется Nicolas, то надо навсегда отказаться поправить дела. Партия эта была Жюли¹ Корнакова, известная с детства Ростовым, отличного семейства, дочь прекрасной, добродетельной² матери и теперь богатая невеста по случаю смерти последнего из ее братьев. Графиня писала прямо к³ А. М. в Москву и получила от⁴ А. М. благоприятный ответ и приглашение Nicolas приехать в Москву. С этой стороны всё было хорошо, но графиня чутьем понимала, что Nicolas по его характеру отвергнет с негодованием брак по расчету, и потому она, изошря всю свою дипломатическую способность, несколько раз с слезами говорила Nicolas о ее единственном желании видеть его женатым, о том, как бы она легла в гроб спокойной, ежели бы это было, о том, какая есть прекрасная девушка у нее на примете. В других разговорах она хвалила Жюли Ах[расимову] и советовала Nicolas съездить в Москву на праздники повеселиться. Nicolas догадался очень скоро, к чему клонились разговоры, он вызвал ее на откровенность,¹ *Зачеркнуто: Ахр[асимова]*

² *Зач.*: хоть и чудач[ки] М[арьи] Д[митриевны]

³ *Зач.*: <М. Д.> матери

⁴ *Зач.*: М. Д.

и когда она сказала ему, что вся надежда поправления дел теперь в его женитьбе, он с жестокостью, которую сам не понимал, спросил мать, неужели бы, ежели бы он любил девушку без состояния, она бы потребовала, чтоб он пожертвовал чувством и честью для состояния. (Nicolas испытывал в это время то же чувство, как и Наташа, спокойствия, свободы и отдохновения в несложных условиях жизни. Ему было так хорошо, что он ни в каком случае не желал менять своего положения и потому менее чем когданибудь мог спокойно думать о женитьбе.) Мать ничего не отвечала и расплакалась.

— Нет, ты меня не понял, — говорила она, не зная, что сказать и как оправдаться.

— Маменька, не плачьте, а только скажите мне, что вы этого хотите, и вы знаете, что я всю жизнь свою, всё отдам для того, чтобы вы были спокойны, — сказал Nicolas, но графиня, хотя и верила ему, почувствовала, что весь план ее рушился.

«Да может быть я и люблю бедную девушку», говорил сам себе Nicolas и с этого дня, хотя он прежде был совершенно равнодушен к Соне, стал более и более сближаться с ней.

«Жертвовать своим чувством я всегда могу для блага своих родных», говорил он сам себе, «но чувству своему я не могу приказывать, коли я люблю ее».

После охоты начались длинные зимние вечера, но Nicolas, Наташе и Соне было не скучно. Кроме волкобоен для Nicolas, для них всех: троек, катанья, горы, затем театров, музыки, дружеской болтовни, громкие чтения (они прочли «Cocinne» и «Nouvelle Héloïse») счастливо и вполне занимали их время.

Nicolas сидел по утрам в своем накурленном кабинете с трубкой и книгой, хотя ему и нечего было делать отдельно, но так, потому что он был мужчина. И барышни с уважением нюхали этот запах табаку и судили об его этой отдельной, мужской жизни, во время которой он либо читал, либо куря лежал и думал, то о будущей женитьбе, то о прошедшем службы, то о Карае и его будущих щенках и гривастой лошади, то о Матреше, сенной девушке, то о том, что Милка всё таки косолапа. Но зато тем веселее была их жизнь вместе, когда он к ним присоединялся и особенно когда за фортепьянами или просто в диванной с гитарой они засиживались за полночь¹ за такими разговорами, которые для них одних имели смысл. Обыкновенно у Наташи каждый день бывала какая-нибудь новая поговорка или шуточка, которой нельзя было не смеяться, то «éch[арrement] à cylindre»,² то «остров Мадагаскар», которые она говорила с особенным чувством. Потом,³ когда расходились, она вскакивала на спину Nicolas и требовала, что[бы]¹ *Зачеркнуто*: переливая из пустого в порожнее

² [ходовой цилиндр]

³ *Зач.*: она засыпала вдруг

он так нес ее наверх спать, и там задерживала его, сближая его с Соней и радостно сощуренными, сонными глазками изредка поглядывая на их любовное шушуканье.¹

Пришли святки. Кроме парадной обедни, на которой в первый раз пела Наташа с Nicolas, дьячком и охотниками разученные духовные песни, торжественных и скучных поздравлений соседей и дворовых, ничего особенного, ознаменовывающего святки не было. Так прошел тихо и грустно первый, второй и третий день праздников. А в воздухе, в солнце, в рождественском, безветренном, двадцатиградусном морозе, в холодном лунном свете, в блестящих снегах, в пустоте передней и девичьей, из которых отпрашивались погулять и, запыхавшись и принося мороз, красные прибегали из двора, во всем этом было то поэтическое требование ознаменования праздника, которое делает грустным тишину во время праздников.

После обеда Nicolas, ездивший утром к соседям, вздремнул в диванной. Соня вошла и вышла на ципочках. Свечей не подавали, и в комнату отчетливо ложились тени и лунный свет рам. Наташа пела, после обеда посидела с задремывавшим папенькой, потом пошла ходить по дому. В девичьей² никого не было, кроме старух. Она под села к ним и выслушала историю о гаданьи и о том, как в баню подъехал суженый и при крике петуха рассыпался, потом пошла к Димлерам в комнату. Музыкант с очками на носу читал что-то перед свечкой, жена шила. Только что они подвинули ей стул и выразили удовольствие ее видеть, она встала и ушла, внушительно проговорила:³ «остров Мадагаскар, остров Мадагаскар»⁴ Димлеры не обиделись. Никто не обижался на Наташу. Потом она пошла в переднюю и послала одного лакея за петухом, другого за овсом, третьего за мелом, но как только они принесли ей это всё, она сказала, что не надо, и велела отнести. И лакеи, даже старики почтенные, с которыми старый граф обращался осторожно, никогда не сердились на Наташу, несмотря на то, что Наташа беспрестанно помыкала ими, мучала посылками, как будто пробуя, «что рассердится, надуется он на меня? Достанет у него духа».⁵ Горничная Дуняша была самый несчастный человек: ¹ *На полях*: Люди не сердятся

Так они раз читали б. А. [?] Наташе не понравилось, но С[оня] прос[лезилась] и Nicolas тоже. Тут они играли и пели неожиданно урывка[ми] и хором.

Уголок поэтический. Д[имлер] сухой немец расчувствовался. Соня чувствовала так, что Nicolas чувств[ует] ее верность. Ил[агина] предлож[ение], «как он смеет!»

² *Зачеркнуто*: она проехала верхом на нянюшке, но, не доехав до половины дороги, спрыгнула, скучно было.

³ *Зач.*: Сидней Лабордам, Сидней Лабордам.

⁴ *На полях*: Наташа сидит одна, перебирает свои вещицы — всё воспоминания и горюет о том, что она стареется

⁵ *Зач.*: но действительно ни у кого не доставало духа

Во второй, редакции после слов: Достанет у него духа.

ни минуты она не имела покоя от своей барышни, которая, ежели не требовала то того, то другого, растрепывала Дуняше косу или портила ее платье, вместо того чтобы дарить ей, и несмотря [на это] Дуняша умерла с тоски, как она раз, заболев, прожила две недели на дворне без барышни, и пришла служить еще слабая и больная. Из передней Наташа пошла в гостиную. Найдя там мать с барышней Беловой за круглым столом, раскладывающую пасьянс, она смешала ей карты, поцеловала в душку и пошла велеть подавать самовар, хотя это было вовсе не время. Самовар велели унести.

— Уж эта барышня, — сказал Фока, унося самовар, не в силах и не желая рассердиться.¹ Наташа засмеялась, глядя в глаза Фоке, и за этот-то смех никто не сердился на нее.

— Настасья Иваныч, что от меня родится? — спросила она проходя у шута.

— От тебя блохи, стрекозы, кузнецы, — отвечал шут. Наташа спросила только у шута, но не слушала его ответа, она редко смеялась шуту и не любила говорить с ним. Как будто обойдя свое царство и испытав свою власть и убедившись, что все покорны, Наташа пошла в залу, взяла гитару, села в темный угол и стала в басу перебирать струны, выделявая фразу, которую она запомнила из одной оперы. Для посторонних слушателей на гитаре у нее выходило «ту-ить, ту-ить», не имевшее никакого смысла, но в ее воображении из-за этого «ту-ить» воскресал целый ряд воспоминаний² Она сидела в уголке и, с серьезной улыбкой устремив глаза, слушала себя и вспоминала — всё вспоминала. Она находилась в состоянии воспоминания. Сначала звуки этой толстой струны напоминали ей целый ряд впечатлений из прошлого, но когда она перевспоминала всё из того времени, ей нечего было вспоминать, но всё таки хотелось находиться в этом полугрустном состоянии воспоминания. И вдруг ей представилось, что она вспоминает настоящее, что то, что она сидит теперь с гитарой в углу, и в щель буфетной двери падает свет, что это было, Теперь все трое побежали приготавливать все для гадания с петухом с таким оживлением, как будто это гадание им самим должно было доставить большое удовольствие.

<Наташина горничная Дуняша ни минуты не имела покоя от своей барышни. Наташа ежеминутно требовала от нее то того, то другого, вскакивала ей на спину и ездил верхом, учила ее танцевать вальс, когда Дуняше надо было гладить, будила ее ночью для малейших пустяков, смеялась над ней, но несмотря на то Дуняша не могла жить без своей барышни, отложила свою свадьбу с охотником Петром до свадьбы барышни и, раз заболев и прожив неделю на дворне без барышни, пришла служить ей еще слабая и больная.>

Из передней Наташа вернулась в гостиную. Графиня сидела за круглым столом и раскладывала пасьянс.

Наташа смешала карты матери, настолько рассердила ее, что сейчас же заставила ее засмеяться и простить себя, поцеловала ее в душку и пошла в буфет велеть подавать самовар, хотя это было вовсе не время.

¹ *Зачеркнуто*: — Цыц, — закричала на него Наташа и замахнулась на него так, что он, держа в руках самовар, моргнул.

² *Зач.*: розового атласного платья, Бориса и еще многого, многого.

и еще прежде было, и было, что она вспоминала, что это было. Соня зачем-то прошла в буфет, в конец залы. И это было точь в точь так же.

— Соня, что это? — крикнула Наташа, делая свое «ту-ить, ту-ить» на толстой струне. Соня подошла и прислушалась.

— Не знаю, — сказала она, как всегда робея перед теми странными разговорами, которые бывали между Nicolas и Наташей о разных бессмысленных тонкостях, которых она, Соня, не понимала. А ей особенно больно это было перед Nicolas, который, она видела, особенно ценил эти непонятные разговоры.

— Не знаю, — сказала она,¹ — буря! — сказала она, робко угадывая, боясь ошибиться. Соня всегда, когда заходили такие разговоры, испытывала совсем особенное от Nicolas и Наташи поэтическое удовольствие. Она не понимала, в чем они находят удовольствие и в этих разговорах и в музыке, но она чувствовала и верила, что тут совершается что-то хорошее, и с любимым Nicolas Соня² старалась усвоить себе это отражение. «Ну вот точно так робко она улыбнулась *тогда*, когда это уж было», — подумала Наташа, «и точно так же...».

— Нет, это хор, разве не слышишь: «ту-ить», «ту-ить»? — и Наташа допела, чтобы дать понять.

— Ты куда ходила? — спросила Наташа.

— Воду в рюмку переменить, я срисовываю узор мамаше. — Соня всегда бывала занята.

— А Nicolas где?

— Спит, кажется, в диванной.

— Поди, разбуди его, — сказала Наташа. — Я сейчас приду.³

Она посидела, подумала, что это значит, что всё это было, и, не разрешив этого вопроса и нисколько не сожалея о том, что не разрешила его: «Ах поскорее бы он приехал. Я так боюсь, что этого не будет. А главное: я стареюсь, вот что. Уж того, что теперь есть во мне...» <Она> встала, бросила гитару и пошла в гостиную.

Все домашние сидели уж за чайным столом; из гостей был дядюшка. Люди стояли вокруг стола. Наташа вошла и остановилась.

— А, вот она, — сказал Илья Андреевич. Наташа оглядывалась кругом.

— Что тебе надо? — спросила мать.

— Мужа надо. Дайте мне мужа, мама, дайте мне мужа, — закричала она своим грудным голосом, сквозь чуть заметную улыбку, точно таким голосом, каким она за обедом ребенком требовала пирожного. В первую секунду все были озадачены, испуганы этими словами, но сомнение продолжалось только одну секунду. Это было смешно, и все, даже лакеи и шут Настасья¹ *Зачеркнуто*: робея — из «Девы Дуная».

² *В рукописи описка*: Наташа

³ *Зач.*: и она всё делала «ту-ить, ту-ить» и всё вспоминала. Она вспоминала, как детьми целовались Nicolas с Соней, подумала, как теперь он непременно поцелует ее руку.

Иваныч, рассмеялись. Наташа знала и злоупотребляла даже тем, что она знала, что не от того она будет мила и приятна, что она то или другое сделает, но что всё будет мило, как только она, что бы то ни было сделает или скажет.

— Мама, дайте мне мужа. Мужа, — повторила [она], — у всех мужья, а у меня нет.
— Матушка, только выбери.¹

Наташа <не ответила>, она поцеловала отца в плешь.

— Нет, не надо, папа. — Она присела к столу (она никогда не пила чай и не понимала, зачем это притворяются, что любят чай) и поговорила рассудительно и просто с отцом и дядюшкой, но скоро ушла в диванную, в любимый их с Nicolas уголок, в котором всегда начинались душевные разговоры, принесла брату трубку и чай и уселась с ним.²

Nicolas с улыбкой потягиваясь смотрел на нее.³

— Отлично выспался, — проговорил он.

— Бывает с тобой, — начала Наташа, — что тебе кажется, что ничего не будет — ничего. Что всё, что хорошее, то было. И не то, что скучно, а грустно?⁴

— Еще как! — сказал он. — У меня бывало, что всё хорошо, все веселы, и тут мне придет в голову, что ничего не будет и⁵ всё вздор. Особенно, когда я бывало в полку издалека слышу музыку...

— Еще бы! знаю, знаю, — подхватила Наташа. — Я еще маленькая была, так со мною это бывало. Помнишь, раз меня за сливы наказали? И вы все танцовали, а я сидела в клас[сной] и рыдала. Так рыдала, никогда не забуду. Мне и грустно было, и жалко было всех, и себя, и всех, всех жалко.

— Помню, — сказал Nicolas.

Наташа подумала (она всё находилась в состоянии воспоминания).

— А помнишь ты, — сказала она с задумчивой улыбкой, — как давно, давно, мы еще маленькие были, папенька нас позвал ¹ *Зачеркнуто*: За чаем зашел разговор о том, что накануне было получено письмо, извещавшее графиню о печальном для нее известии: о женитьбе Бориса на Жюли Ахрасимовой.

— Что же ты упустила Бориса, женишек славный был, — сказал граф.

² *Зач.*: — А помнишь, — начала она, она всё находилась в состоянии воспоминания, — арапа в кабинете? Помнишь, когда мы совсем маленькие были?

Nicolas обрадовался, как старому другу, воспоминанию этого арапа.

— Как же.

— Nicolas, мне скучно, — сказала она, садясь подле него.

— Отчего же тебе скучно? — сказал

³ *Зач.*: Всё хорошо, отлично даже.

⁴ *Зач.*: — А я видел во сне, что будто я лежу в кабинете и вдруг в дверь лезет что-то страшное <медведь> и что он меня задерет и я притворяю дверь, держу и не могу, и вдруг отворилась, и арап вошел, и я умер. И думаю «кончено» и помню, что это во сне... Взял и проснулся.

Nicolas никогда небрежно не слушал Наташу. Он знал, что она, как бы неясно она ни говорила, говорила то, что было, не для того, чтоб подумал

⁵ *Зач.*: все счастливы

в кабинет, еще в старом доме, и темно было, мы пришли и вдруг там стоит...
— Арап, — закончил Николай с радостной улыбкой, — как же не помнить? Я и теперь не знаю, что это был арап или это мы во сне видели или рассказали.

— Он серый был, помнишь, и белые зубы — стоит и смотрит на нас...

— Вы помните, Соня? — спросил Nicolas.

— Нет, не помню, — робко отвечала Соня.

— Я ведь спрашивала про этого арапа у papà и мамà, — сказала Наташа. — Они говорят, что никакого не было. А ведь вот и ты помнишь.

— Как же, как теперь помню его зубы.

— Как это странно, точно во сне было. Я это люблю.¹

[*Далее со слов:* — А помнишь, как мы катали яйца в зале... *кончая:* Разговор шел теперь о сновидениях. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 4, гл. X.]

Наташа рассказывала, как она прежде часто летала во сне, а теперь редко.

— Ты как, на крыльях? — спросил Nicolas.

— Нет, так, ногами. Усилиться надо немножко ногами.

— Ну да, ну да, — улыбаясь говорил Nicolas.

— Вот так, — сказала быстрая Наташа, вскочив на диван стоя. Она выразила в лице усилие, протянула вперед руки и хотела полететь, но спрыгнула на землю. Соня и Nicolas смеялись.

— Нет, постой, не может быть, непременно полечу, — сказала Наташа. Но в это время Димлер начал играть. Наташа соскочила, опять взяла свечу, вынесла ее и, вернувшись, тихо села на свое место. В их углу было темно, но в большие окна падал на пол холодный, морозный свет месяца.

— Знаешь, я думаю, — сказала Наташа шопотом, придвигаясь к Nicolas и Соне, когда уже Димлер кончил и всё сидел, слабо перебирая струны, видимо в нерешительности, оставить или начать что-нибудь новое, — что когда этак вспоминаешь, вспоминаешь, всё вспоминаешь, до того довоспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете.

— Это метампсихоза, — сказала Соня, которая всегда хорошо училась и помнила историю египтян, [которые] верили, что наши души были в животных и опять пойдут в животных.

— Твоя я знаю в кого пойдет душа.

— В кого?

— В лошадь?

— Да?

— А Сонины?

¹ *Зачеркнуто:* Они улыбались, глядя друг на друга и, перебивая один другого, вспоминали различные события из самого первого детства. Для них воспоминание, как и для всех молодых людей, имело особенную, не грустную, как для старых, а поэтическую, волшебную прелесть.

— Была кошка, а делается собакой, шарло.¹

[*Далее со слов:* — Нет, знаешь, я не верю этому... *кончая:* ...дурак, — закричала она на брата, подбежала к стулу, упала на него и заплакала. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 4, гл. X.]

Но тут же вскочила, поцеловала Петю и побежала навстречу наряженных: медведей, коз, турок, баринов, барыней, страшных и смешных. Дворовые с балалайкой ввалились в залу и начались песни, пляски, хороводы и подблюдные песни. Через полчаса в зале между другими наряженными появились еще: старая барыня в фижмах — Nicolas, ведьма — Димлер, гусар — Наташа, черкес — Соня и турчанка — Петя. Всё это было затеяно и устроено Наташей. Она и придумывала наряды и разрисовывала пробкой усы и брови. Она была теперь веселее и оживленнее, чем обыкновенно. После снисходительных удивлений, неузнаваний и похвал со стороны ненаряженных, молодые люди нашли, что костюмы так хороши, что надо было их показать еще кому-нибудь. Nicolas, которому хотелось по отличной дороге прокатить всех на своей тройке, предложил, взяв с собой из дворовых человек шесть наряженных, ехать к дядюшке, который² только что уехал к себе. Через полчаса были готовы четыре тройки с колокольцами и бубенчиками и в неподвижном, морозном, пропитанном лунным светом воздухе, по не только скрипящему, но свистящему от двадцатипятиградусного мороза снегу, тройки с наряженными покатали³ к дядюшке.⁴

[*Далее со слов:* Наташа первая дала тон того святочного веселья... *кончая:* Его не расслышали, но всё равно засмеялись. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 4, гл. X.]

Бог знает, рад ли был⁵ дядюшка всему этому веселью — даже первое время он казался смущен и ненатурален, но те, кто приехали к нему, и не замечали этого. После плясок и песен начались гаданья. Nicolas снял свои фижмы и надел дядюшкин казакин, барышни оставались в своих костюмах, и всякий раз Nicolas надо было прежде вспомнить, что это Соня и Наташа, когда он смотрел на них с их пробкой начерченными усами и бровями. Особенно Соня поражала его и, к радости ее, он беспрестанно внимательно и любовно смотрел на нее. Ему казалось, что он нынче только, благодаря ее усам и бровям, узнал ее в первый¹ *На полях:* Петя, наряженные.

² *Зачеркнуто:* обедал в Отрадном, но

³ *Зач.:* с песнями

⁴ *На полях:* дядюшка суетился, едва ли приятн[о]

Н[аташа] советы дает странные.

⁵ *Во второй редакции:* <Дядюшка весело принял гостей, зажег во всех подсвечниках свечи, велел подать угощение и казался очень доволен этим приездом. Анистья Федоровна обходила всех с подносами и штофом, и в маленьких комнатах дядюшки не умолкали песни и пляски дворовых.>

раз. «Так вот она какая, а я-то дурак», думал он, глядя на ее блестящие глаза и счастливую, восторженную из-под усов улыбку, делающую ямочки на щеках, которые он не видал прежде.¹

После вынимания колец и петуха Анисья Федоровна предложила барышням пойти в амбар послушать. Амбар был около самого дома, и Анисья Федоровна говорила, что в амбаре верно всегда слышат, либо пересыпают, либо стучат, а раз голосом заговорили оттуда. Наташа² сказала, что она боится.

Соня, смеясь, накинула себе на голову шубку и, улыбаясь, выглянула из-под нее.
— Вот я ничего не боюсь, сейчас пойду.

Опять Nicolas увидал эту неожиданную улыбку из-под пробочных усов.

«Что за прелесть эта девочка», подумал он. «И об чем я, дурак, думал до сих пор?»
И только Соня вышла в коридор, Nicolas пошел на парадное крыльцо освежиться: в маленьком доме было жарко. На дворе был тот же неподвижный холод, тот же месяц, только еще светлее. Свет был так силен и звезд на снеге так много, что на небо не хотелось смотреть, и звезд незаметно было. На небе было черно и скучно, на земле было весело.

[*Далее со слов: Дурак я, дурак, чего я ждал до сих пор, подумал Nicolas... кончая: Всё тот же счастливый, улыбающийся черкес с усиками и блестящими глазами, смотревшими из-под собольего капора, сидел там. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. XI—XII.*]

³ Вскоре после святок старая графиня настоятельно стала требовать от сына, чтоб он женился на Жюли, и когда он признался ей в своей любви и в обещаниях, данных Соне, старая графиня¹ *Во второй редакции:*

<В промежутке игр господы ушли <отдохнуть> в кабинет дядюшки, и Анисья Федоровна рассказала о <гаданьи>, предложила барышням пойти в амбар послушать. Амбар был около самого дома, и Анисья Федоровна рассказывала, как прошлые святки Матреша слышала в этом амбаре, как пересыпали хлеб и за живописца вышла замуж, а как другая слышала стук и умерла в тот же год.

— А сами вы ходили? — спросила Наташа.

— И не спрашивайте, барышня, мне человеческим голосом сказал, да я так испугалась, что уши зажала и побежала.

Наташа сказала, что она пойдет, но потом вдруг на нее нашел страх, и она отказалась.

— А я ничего не боюсь, — сказала Соня. — Можно сейчас. Она встала. >

² *Зачеркнуто:* побежала слушать, но вернулась <уверая> холодная, озяблая, но ничего не слышавшая. Потом пошла Соня

³ *Зач.:* Когда уже часу во втором барышни раздевшись, но не смыв пробки пришли в свою комнату, Дуняша, тоже насурмленная, устроила зеркала и предложила гадать. Обе барышни посидели. <Я подумаю об нем, о твоём — сказала Соня по французски Наташе и села за зеркала.> — Наташа, я видела комнату большую и сидит пишет, — рассказывала Соня.

После Сони села Наташа, но, как ни текли у нее слезы от усилия вглядываться в эту перспективу свечей, она ничего не видала и так и сказала, что ничего не видала.

стала упрекать перед сыном Соню и называла ее неблагодарной.¹ Nicolas умолял мать простить его и ее, угрожая даже тем, что, ежели Соню будут преследовать, то он сейчас же тайно женится на ней и, почти рассорившись с отцом и матерью, уехал в полк, обещая Соне устроить в полку свои дела и через год приехать жениться на ней.²

Илья Андреевич собрался в Москву³ для продажи дома. Наташа утверждала, что князь Андрей уже верно приехал, и умоляла, чтобы отец взял ее с собою. После переговоров и колебаний решено было графине оставаться в Отрадном, а отцу с двумя девочками ехать в Москву на месяц и остановиться у тетушки.

* № 129 (рук. № 88. Т. II, ч. 4, гл. XI).

<Две старушки были в восторге от приезда ряженных. Они никого не узнавали и долго, обращаясь к Nicolas, говорили, не хочет ли барыня чаю, и к Наташе, предлагая гусару — трубку. Старшая из сестер надела очки и ходила с сияющей улыбкой вблизи рассматривать всех ряженных, меньшая хлопотала о угощении гостей и об очищении залы от лишней мебели. Она открыла клавикорды и стала играть вальс для гостей, умоляя их, чтоб они танцевали, упросила Димлера сыграть кадсель и заставила всех танцевать. Потом, понемногу узнавая турок и черкесов и гусар, она новела их в гостиную угаживать вареньем и восхищалась с сестрою красотою и неузнаваемою каждого. В зале между тем кофишенка обносила орехами и наливкой ряженных и, оправившись с мороза, опять зазвучали песни, хороводы и пляски.>

* № 130 (рук. № 88. Т. II, ч. 4, гл. IX—X).

Наташа, Соня и Николай часто засиживались далеко за полночь за такими разговорами, которые для них одних имели смысл. Наташа обыкновенно руководила этими глубокомысленно бессмысленными разговорами.

<Обыкновенно у Наташи каждый день бывала какая-нибудь новая поговорка, которую она выговаривала с особенной внушительностью. То *échappement à cylindre*,⁴ то «остров Мадагаскар» говорила она ко всякому слову и заставляла всех смеяться.

Разговоры эти почти всегда кончались музыкой и пением Наташи. Потом, когда расходились, Наташа вскакивала на спину Николая и требовала, чтобы он нес ее наверх спать и там задерживала¹ *На полях*: Пишут P[ierre] и [Марья], чтоб они приезжали знакомиться с стариком.

Три московские круга: Д[олохов] и А[натолий], Pierre — умники веселые, свет Жюли и Hélène <Театр>. Старый князь в Москве, жизнь с Коко.

² *Зачеркнуто*: Вскоре после отъезда сына граф получил известие, что князь N. желает купить его дом, и для окончательного производства этой продажи поехал в Москву и взял с собою Наташу, особенно скучавшую после отъезда брата, чтобы повеселить ее.

³ *Зач.*: <Наташей было получено письмо от князя Андрея, в котором Pierre> до назначенного князем Андреем срока оставался месяц и Наташа надеялась найти его уже в Москве

⁴ [ходовой цилиндр]

его. Она умышленно сближала его с Соней и радостно сощуренными глазами изредка поглядывала на их любовное шушуканье. Несмотря на приближающееся свиданье с своим женихом, Наташа была самым веселым лицом этого общества. Когда получались письма от князя Андрея, а иногда просто когда что-нибудь живо напоминало ей о нем, о своей любви к нему, о том счастье, которое она ожидала от своего замужества с ним, — на нее находили минуты такого страшного нетерпения, желания видеть его, отчаяния от разлуки, что она убегала в свою комнату и начинала рыдать.> Но чувство это было так сильно, что она боялась его. Она знала, что не перенесет ожидания, ежели позволит себе думать о нем, и потому она умышленно старалась забывать его и достигала своей цели. Она инстинктивно раздвигала так колеса своего душевного механизма, что это колесо любви к своему жениху не цепляло за остальной механизм ее жизни и она чувствовала себя вполне свободной, еще более свободной и доступной, чем прежде, к восприниманию всех мелких радостей жизни.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

* № 131 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I).

<Вскоре после нарышкинского бала, где особенно была замечена прекрасная Héléne, Pierre был пожалован в камергеры, и его супруга пришла к нему, сияя от счастья, объявить эту радостную новость. Теперь она имела въезд ко двору, и теперь уже Pierre не может отказаться. Услыхав это, несмотря на всё искусство самопознания и совершенствования, в котором так долго и усердно упражнялся муж Héléne, вся кровь прихлынула ему к горлу, он вскочил и, выговорив страшно тривиальное, бранное слово, объявил жене, что скорее он умрет, чем нога его будет при дворе, и объявил, что он едет в Москву. Pierre уехал в первое время один, но вскоре и Héléne, которой по разным сложным, придворным соображениям неудобно было оставаться, далее оставаться при дворе, соединилась с своим мужем. Из Москвы уж Pierre'у уже бежать было некуда, и потому он остался с женою. «Притом всё так скоро кончится, что не стоит», думал он.

Последнее заседание, вместе с Андреем, Шотландской столовой ложки, улыбка князя Андрея при обрядных словах закрытия, ссора и интриги с Астреею и получение актов 6-й степени, а главное, что страннее всего, любовь Наташи к князю Андрею вдруг заставили усумниться Pierre'а в¹ разумности, правде, чистоте и нужности для него масонства. Дорогой из Петербурга в Москву он все три дня, не переставая, перебирал, вспоминал свои¹ *Зачеркнуто*: истине и

впечатления масонства. Воздержание и самосовершенствование ни к чему не привело. Так же он вставал поздно, так же на каждой станции пил водку и лафит, хотя знал, что это ему вредно. Жизнь свою семейную и своих подданных лучше не устроил. Ежели он дал много пожертвований на убранство ложи и на [его] деньги заведена настоящая серебрянная звезда, то никому не стало лучше. «Цель и клятва наша — помощь ближнему, а по счетам сборов приношений у нас в заседании собиралось десять, пятнадцать рублей, когда сидели мастера по десять тысяч душ состояния. По общей книге расходов я платил за всех и все в долгу, и малые то приношения не платят.¹ Таинств я никаких не узнал, хотя и проник до IV степени, сера и меркурий — вздор. Отец наш Адонирам не имел секретов и не за что было его убивать», с улыбкой уже думал Pierre, подъезжая к Москве.>

* № 132 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I—II).

<Одно только, отличавшее Pierr'a от других, но и то общее с большинством людей его состояния, — он последнее время страстно увлекся живописью и приобретением и увеличением своей уже огромной галереи>.

<В 11-м году зимой Pierre [жил] в огромном, заново отделанном безуховском доме, в котором большинство москвичей считали за честь быть приглашенными на большие ужины, но в котором Pierr'у одному было тяжело и скучно. Его монастырь, его тот уголок с несложными условиями жизни, в который он уединялся от всей путаницы действительности, был клуб, особенно с помощью выпитой одной или двух бутылок вина. Там он всё бранил, над всем смеялся, как и все московские старички в клубе, частью оттого, что легче критиковать и бранить, чем понять смысл дела, частью оттого, что в характере Москвы не делать уступок и глупость называть глупостью. Не одно происходило от другого, а обе причины совпадали. Несмотря на то, однако, когда скучая Pierre появлялся в обществе; он, сам не зная того, делался французски мил и любезен, и про него говорили: «il est charmant, c'est dommage (что то), c'est un homme de beaucoup d'esprit».² Но Pierr'у было скучно и тяжело. Князь Андрей был далеко и не писал, знакомых были все, а друга, любимого человека, мужчины или женщины, не было ни одного. В середине зимы Pierre узнал, что в Москву приехал с дочерью князь Николай Андреевич Болконский. Он был, как говорили, слаб, стар и болен и приехал лечиться. Pierre поехал к нему, был принят особенно ласково, как и тот раз в Лысых Горах, и с тех пор дня не проходило, чтобы Pierre не бывал у них. И старый чудак с дочерью сделались для Pierr'a именно теми людьми, которых ему нужно было, людей, которых бы он любил сердцем. Старый князь, приехав в 11-м году после долгого изгнания>

¹ На полях: P[ierre] закутил и жена прогнала.

² [Он премилый, жаль (что-то), он большого ума человек.]

* № 133 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. II).

<Pierre, кроме удовольствия слушать его, испытывал радостное чувство и любовался на весь обиход такой особенной, старинной жизни князя Болконского — и лакеи в пудре, и огромные трюмо, и вся мебель дореволюционного, екатерининского времени — любовался и на самый вид этого крепкого старика, живущего одного с внуком и двумя молодыми женщинами, княжной Марьей и m-lle Bourienne, хотя разнообразно, но одинаково сильно преданными ему, угадывающими его мысли и желания, и, как казалось Pierr'у, ничего не желающими кроме того, чтобы всегда быть с ним. Pierre любовался на княжну Марью и завидовал ей. Когда он ей это сказал, он заметил в ней замешательство и объяснил его тем, что ей неприятно было слышать похвалы о том, что не должно было быть иначе.

Pierre забывал и судил, как и всегда все посещающие дом, только тогда, когда готовы принимать их>.

№ 134 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I—V).

Любовь князя Андрея и Наташи и их счастье было одной из главных причин происшедшего переворота в жизни Pierr'a. Ему не было завидно, он не ревновал. Он радовался счастью Наташи и своего друга, но после этого¹ вся жизнь его расстроилась. Весь интерес масонства вдруг исчез для него. Весь труд самопознания и самосовершенствования пропал даром. Он поехал в клуб. Из клуба с старыми приятелями к женщинам. И с этого дня начал вести такую жизнь, что графиня Елена Васильевна сочла нужным сделать ему строгое замечание. Pierre, ничего не сказав ей, собрался в Москву и уехал.

В Москве, как только он въехал в свой огромный дом, с засохшими и засыхающими княжнами, с громадной праздной кормящейся дворней, как только он увидал, проехав по городу, эту Иверскую с свечами, эту площадь с неизъезженным снегом, этих извозчиков, эти лачужки Сивцова Вражка, увидал стариков московских, всё ругающих, ничего не желающих и никуда не спеша доживающих свой век, увидал старушек, московских барынь и английский клуб, он² почувствовал себя дома, в тихом пристанище. Со времени своего приезда в Москву он ни разу не открывал своего дневника, не ездил к братьям масонам, отдался опять своим главным страстям, в которых он признавался при принятии в ложу, и был, ежели не доволен,³ то не мрачен и весел. Как бы он даже не ужаснулся, а с презрением бы не дослушал того, который семь лет тому назад, до Аустерлица, когда он только приехал¹ *Зачеркнуто*: он не мог уже переносить даже прежних холодных отношений своих к жене, и весь интерес и всё значение масонства для него мгновенно исчезли. Он уехал в Москву.

² *Зач.*: навсегда распростился не с масонством по форме, а с верою и любовью в него.

³ *Зач.*: и спокоен

из за границы, сказал бы ему, что ему ничего не нужно искать и выдумывать, что его колея определена предвечно и давно пробита. Жениться на красавице, жить в Москве, давать обеды, играть в бостон, слегка бранить правительство, иногда покутить с молодежью, быть членом английского клуба. Он и хотел произвести республику в России, он хотел быть и Наполеоном, он хотел быть и философом, и хотел залпом выпить на окне бутылку рому, он хотел быть тактиком, победителем Наполеона, он хотел и переродить порочный род человеческий и самого довести себя до совершенства, он хотел и учредить школы и больницы и отпустить на волю крестьян и, вместо всего этого, он был богатый муж неверной жены, камергер в отставке и член московского аглицкого клуба, любящий покушать, выпить и расстегнувшись побранить слегка правительство. Он был всем этим, но и теперь не мог бы, не в силах бы был поверить, что он есть тот самый отставной московский камергер, тип которого он так глубоко презирал семь лет тому назад. Ему казалось, что он совсем другой, особенный, что те совсем другие, те пошлые, глупые, а я и теперь всё недоволен, всё мне хочется сделать всё это для человечества. Ему бы слишком больно было подумать, что верно и все те отставные камергеры так же бились, искали какой-то новой, своей дороги в жизни, и так же, как и он, силой обстановки, общества, породы, той стихийной силы, которая заставляет картофельные ростки тянуться к окну, — приведены были, как и он, в Москву — английский клуб, легкое фрондерство против правительства и отставное камергерство. Он всё думал, что он другой, что он не может на этом остаться, что это так, покаместа (так покаместа уже тысячи людей входили со всеми зубами и волосами и выходили без одного из московского английского клуба) и что вот-вот он начнет действовать... Он и его друг Андрей в этом взгляде на жизнь были до странности противоположны один другому. Pierre всегда хотел что-то сделать, считал, что жизнь без разумной цели, без борьбы, без деятельности не есть жизнь, и всегда он ничего не умел сделать того, что хотел, и просто жил, никому не делая вреда и многим удовольствию. Князь Андрей, напротив, с первой молодости считал свою жизнь конченною, говорил, что его единственное желание и цель состоят в том, чтобы дожить остальные дни, никому не делая вреда и не мешая близким себе, и вместе с тем, сам не зная зачем, с практической цепкостью хватывался за каждое дело, и увлекался сам, и других увлекал в деятельность.

В Москве жили очень весело эту зиму с 1810 на 11 год, как и в Петербурге. Pierre знал всю Москву и бывал во всех самых разнообразных московских обществах и во всех ему было весело, и во всех ему были рады. Он ездил и по старикам и старушкам, которые все любили его, и в свет, на балы, где о нем было составившееся мнение чудака рассеянного, очень умного, но смешного, «ridicule» человека, и вместе с прежними кутежными товарищами, собравшимися в Москву, к цыганам и т. п.

Товарищами его в этих экскурсиях были Долохов, с которым он опять сошелся, и шурин Анатолий Курагин.¹

[*Далее со слов:* Прожив год, Pierre сделался... *кончая:* ...он давно бы был нищим. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 5, гл. I.] Бенефисы, дурные картины, статуи, благотворительные общества, школы, церкви, книги — ничто не получало отказа и ежели бы не два его друга, занявшие у него денег много и взявшие его под опеку, он бы всё роздал. В клубе не было обеда, вечера без него. Как только он приваливал на свое место на диване после двух бутылок Марго, его окружали, и завязывались споры, толки, шутки. Где ссорились, он одной своей доброй улыбкой и кстати сказанной шуткой — мирил. На балах он везде был, доставало кавалера, он танцевал. Старушек он дразнил и веселил. С молодыми барынями был умно любезен, и никто лучше его не рассказывал смешные истории и не писал в альбомы. На турнирах в буриме с В. Л. Пушкиным и П. И. Кутузовым всегда его буриме был прежде готов и² забавнее.

— *Il est charmant, il n'a pas de sexe,*³ — говорили про него молодые дамы. Массонские столовые ложки были скучны и вялы, ежели его не было.

Только в самой, самой тайной глубине души своей Pierre говорил себе, объясняя свою распущенную жизнь, что сделался таким не оттого, что природа его влекла к этому, а оттого, что он влюблен несчастливо в Наташу и подавил в себе эту любовь.

[*Далее со слов:* В начале зимы князь Николай Андреевич с дочерью опять приехал в Москву... *кончая:* ...резкие суждения о происшедшем, нельзя было не удивляться этой свежести ума, памяти и изложения. — *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 5, гл. II.]

Для посетителей весь этот старинный дом с огромными трюмо и дореволюционной мебелью, этими лакеями в пудре и сам <свежий>, энергичский старик с его кроткой дочерью и хорошенькой француженкой, которые благоговели перед ним, представлял величественное и приятное зрелище. Но посетители не думали о том, что кроме тех двух-трех часов, во время которых они видали хозяев, были еще двадцать один час суток, во время которых шла тайная внутренняя, домашняя жизнь. И эта то внутренняя домашняя жизнь в последнее время так тяжела стала для княжны Марьи, что она уже не скрывала от себя тяжесть своего положения, сознавалась в нем и молила бога помочь ей. Ежели бы он заставлял ее все ночи класть поклоны, ежели бы он бил ее, заставлял бы таскать дрова и воду, ей бы и в голову не пришло, что ее положение трудно, но этот любящий мучитель, самый жестокий от того, что он любил и за то мучал себя и ее, — он умышленно с хитростью злобы¹ *Зачеркнуто:* Эти два молодые человека, бывшие тогда знаменитостями Москвы, сделались опять приятелями Pierre'a и часто из клуба, после выпитых двух бутылок вина, с более обыкновенного блестящими глазами и путающимся языком, Pierre уезжал с ними на ночные похождения.

² *Зач.*: смешнее

³ Он прелестен, он не имеет пола,

умел ставить ее в такое положение, что ей надо было выбирать из двух невыносимых положений.¹ Он знал, что теперь ее главная забота была получить его согласие на брак князя Андрея, тем более что срок его приезда приближался и на это то, самое больное место он направлял все свои удары с пронизательностью любви-ненависти. Пришедшая ему в первую минуту мысль-шутка о том, что ежели Андрей женится, и он женится на Bourienne, он видел, так больно поразила княжну Марью, что эта мысль понравилась ему и он с упорством последнее время выказывал особенную ласку к m-lle Bourienne и держался плана выказывать свое² недовольство к дочери любовью к Bourienne. Один раз в Москве княжна Марья видела (ей казалось, что отец нарочно при ней это сделал), как князь поцеловал у m-lle Bourienne руку. Княжна Марья вспыхнула и выбежала из комнаты. Через несколько минут m-lle Bourienne вошла к ней, приглашая ее к князю. Увидев Bourienne, княжна Марья спрятала слезы, вскочила, сама не помнила, что она наговорила своей французской подруге и закричала на нее, чтоб она шла вон из ее комнаты. На другой день³ Лавруша — лакей, не успевший во время подать кофе француженке, был отослан⁴ в часть с требованием сослать его в Сибирь. Сколько раз в этих случаях вспоминала княжна Марья слова князя Андрея о том, для кого вредно крепостное право, и князь при княжне Марье сказал, что он не может требовать почтительности от людей к своему другу Амелии Евгеньевне, ежели дочь его позволяет себе забываться перед нею. Княжна Марья просила прощенье у Амелии Евгеньевны, чтобы спасти⁵ Лаврушку.

[Далее со слов: Утешения прежнего в монастыре и странницах не было, кончая: ... ненавидела и презирала себя за то. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. II.]

В 1811 году в Москве был быстро вошедший в моду французский доктор, огромный ростом красавец, любезный как француз,⁶ необыкновенно ученый и образованный и, как говорили все в Москве, врач необыкновенного искусства. Метивье был принят в высших домах не как доктор, а как равный.⁷

¹ *Зачеркнуто:* Он мучал людей, ссылал их в Сибирь и в солдаты и посылал этих же людей, которые и без посылки приходили, просить заступы княжны Марьи. Он выгонял и не впускал к себе дочь и говорил, что он несчастен, и что она его знать не хочет, он умышленно унижал ее перед m-lle Bourienne и с упорством (как казалось княжне Марье)

² *Зач.:* нелюбовь

³ *Зач.:* Дмитрий

⁴ *Зач.:* сослан в <пастухи> Сибирь

⁵ *Зач.:* Дмитрия

⁶ *На полях:* Прогнал доктора. Обед. Растопчин, ругают Сперанского.

Борис. Р[иетге] говорит, что он в положении ищущего невест, оттого у вас. — Я бы пошла. Под опеку. Княжна Марья пишет Р.

Риетге не ошибся, весьма скоро Борис сделал предложение.

Меветов, Карамзин, сколько приданого.

⁷ *Зач.:* и как только графиня Безухова приехала в Москву, Метивье сделался ее домашним человеком, и Риетге всякий раз, как встречал у себя

Князь Николай Андреевич, смеявшийся над медициной, последнее время стал допускать к себе докторов, как казалось, преимущественно с целью посмеяться над ними. В последнее время был призван и Метивье и раза два был у князя, как и везде, кроме своих врачебных отношений, стараясь войти и в семейную жизнь больного. В Николин день, именины князя, вся Москва была у подъезда его дома, но он никого не принимал, и некоторых, список которых он дал княжне Марье, велено было звать обедать. Метивье, в числе других приехавших с поздравлением, нашел приличным, как доктор, *de forcer la consigne*,¹ как он сказал княжне Марье, и вошел к князю. Это именованное утро князь был в одном из самых дурных своих периодов. Он выгнал от себя княжну Марью, пустил чернильницей в Тихона и лежал, дремля, в своем волтеровском кресле, когда красавец Метивье, с своим черным хохлом и прелестным румяным лицом, вошел к нему, поздравил, пощупал пульс и сел подле него. Метивье, как бы не замечая дурного расположения духа, развязно болтал, переходя от одного предмета к другому. Старый князь, хмурясь и не открывая глаз, как будто не замечая развязно веселого расположения духа доктора, продолжал молчать, изредка бурча что-то непонятное и недоброжелательное.² Метивье поговорил с почтительным сожалением о последних известиях неудач Наполеона в Испании и выразил условное сожаление в том, что император увлекается своим честолюбием. Князь молчал. Метивье коснулся невыгод континентальной системы. Князь молчал. Метивье заговорил о последней новости введения нового свода Сперанского. Князь молчал. Метивье с улыбкой торжественно начал говорить о востоке, о том, что направление французской политики, совокупно с русской, должно бы было быть на востоке, что слова сделать Средиземное море французским озером...

Князь не выдержал и начал говорить на свою любимую тему о значении востока для России, о взглядах Екатерины и Потемкина на Черное море. Он говорил много и охотно, изредка взглядывая на Метивье.

— По вашим словам, князь, — сказал Метивье, — все интересы обеих империй лежат в союзе и мире.³

этого француза или как слышал изречения жены, что *un médecin est un ami, un confesseur* [врач — друг и духовник], всякий раз краснел и старался не слышать и не видеть этого Метивье. Но Метивье был везде.

¹ силою нарушить приказ,

² *Зачеркнуто*: Но Метивье, привыкший держать в руках сокровенные пружины людских стремлений и посредством их управлять ими, привыкший

безучастно смотреть на людей, заставляя их делать то, что он считал нужным, взял себе задачей за *point d'honneur* [вопрос чести] поставил себе разговорить старого князя и заставить его говорить о том, о чем он, Метивье, захочет. Князь Николай Андреевич, как это часто бывает с стариками, понял, чего хотел француз, но не счел нужным дать ему заметить, что он его понял, и за *point d'honneur* поставил себе не разговориться.

³ *Зач.*: Князь вдруг вспомнил, как он обещал себе не говорить и разговорился.

Он

Князь вдруг замолк и устремил прикрываемые отчасти бровями злые глаза на доктора.

— А, вы меня заставляете говорить. Вам нужно, чтоб я говорил, — вдруг закричал он на него. — Вон! Шпион. Вон! — и князь, войдя в бешенство, вскочил с кресла, и находчивой Метивье ничего не нашел лучше сделать, как поспешно выйти с улыбкой.¹

Обед был чопорен,² но разговоры и интересные разговоры не умолкали. Тон разговора был такой, что гости, как будто перед высшим судилищем, докладывали князю Николаю Андреевичу все глупости и неприятности, делаемые ему в высших правительственных сферах. Князь Николай Андреевич как бы принимал их к сведению. Всё это докладывалось с особенной объективностью, старческой эпичностью, все заявляли факты, воздерживаясь от суждений, в особенности, когда дело могло коснуться личности государя. Pierre нарушал только этот тон, иногда стараясь сделать выводы из напрашива[вшихся] на выводы фактов и переходя границу, но всякий раз был останавливаем. Раstopчина видимо все ждали и, когда он начинал говорить, все оборачивались к нему, но вошел он в свой удар только после обеда.³

— Consul d'état, ministères des cultes.⁴ Хоть бы свое выдумали,⁵ — закричал князь Николай Андреевич, — изменники, державная власть есть самодержавная власть, — говорил князь, — та самая, которая велит делать эти изменения.

— Хоть плетью гнать министров, — сказал Раstopчин больше для того, чтобы вызвать на спор.

— Ответственность! Слышали звон, да не знают, где он. Кто¹ *Дальше в рукописи недостает одного листа.*

² *Зачеркнуто:* как и всё в доме князя Николая Андреевича, но оживлен, как и всякое общество, где бывали Pierre, всегда напрашивающийся на споры, и граф Раstopчин с своей <живостью фигуры и мастерством речи> подвижностью, быстротой и неожиданностью остроумия.

Князь Николай Андреевич рассказал, как он выгнал Метивье, и о том, почему он знает верно, что этот француз шпион. Раstopчин грустно подтвердил мнение князя, как будто он никогда и не сомневался в этом.

— Да, в странное время живем мы: со всеми в дружбе, в связи, а все правительства наши друзья, а везде измена, — говорил Раstopчин, когда за кофеем собрался небольшой кружок в парадной гостиной.

За обедом разговор зашел о последнем присоединении немецких мелких государств, и в том числе герцогства Ольденбургского к Франции, о последнем манифесте учреждения министерств Сперанского.

— Я не вижу другой цели, как уронить верховную власть, породить смуты в народе, — говорил Раstopчин. — Прожили царствование Екатерины с коллежиями, к ним привыкли.

³ *Зач.:* Монотонность этого доклада нарушалась только иногда оживленным рассказом старого князя о старом времени Потемкина.

На полях:

<Сперанский. Совет. Манифест о учреждении министерств>

<Раstopчин: avec 500 000 hommes il serait facile d'avoir un beau style> [С 500 000 армией легко иметь прекрасный слог]

Le russe n'a de viril que la baïonnette, tout le reste est enfant. [В русском человеке одно мужественно — это штык. Всё остальное в нем ребячливо.]

⁴ [Государственный Совет, министерство вероисповеданий. |

⁵ *Зач.:* Кутейники!

назначит министров? Царь, он их и сменит: взмоет голову, сошлет в Сибирь, а не объявит народу, что у меня такие министры, которые могут изнурить нас налогами, а потому быть виноваты.

— Мода, мода, мода, французская мода, больше ничего. Как мода раздеваться голыми барыням, как в торговых банях вывеска, и холодно и стыдно, а разденутся. Так и теперь. Зачем власти ограничивать себя? Что за идея на монетах писать Россия, а не царь? Россия и царь — всё одно, и тогда всё одно, когда царь хочет быть вполне царем.

— Читали вы, князь, записку Карамзина о старой и новой России? — спросил Раstopчин. — Он говорит...

— Умный молодой человек, желаю быть знакомым.

За жарким подали шампанское. Все встали, поздравляя старого князя. Княжна Марья тоже подошла к нему. Он подставил ей щеку, но не забыл и тут взглянуть на нее так, чтобы показать ей, что он не забыл утреннее столкновение, что вся злоба на нее остается попрежнему во всей силе.

Разговор замолк на минуту. Старый генерал сенатор, тяготившийся молчанием, пожелал поговорить.

— Изволили слышать о последнем событии на смотре в Петербурге?

— Нет, что?

— Новый французский посланник (это был Лористон после Коленкура) был при его величестве. Его величество обратил его внимание на гренадерскую дивизию, церемониальный марш, так он будто сказал, что мы у себя на такие пустяки не обращаем внимания. На следующем смотре, говорят, государь ни разу не изволил обратиться к нему, — сказал генерал, как будто удерживаясь от суждения и только заявляя факт.

— Читали вы ноту, посланную к дворам и отстаивающую права герцога Ольденбургского? — сказал Раstopчин с досадой человека, видящего, что дурно делается то дело, которым он сам прежде занимался. — Во-первых, слабо и дурно написано, А нам можно и должно заявлять смелее, имея 500 000¹ войска.

— Да, avec 500 000 hommes il est facile d'avoir un beau style.²

Pierre замечал, как во всех осуждениях своих эти старики останавливались у границы, где осуждение могло касаться самого государя, и никогда не переходили этой границы.

Раstopчин остановился, одабривая фразу Pierre'a и повторяя ее.

— Я спрашиваю, какие же законы можно писать для своего государства, какую справедливость можно требовать после того, как Бонапарт поступает, как пират на завоеванном корабле, с Европой?

— Войны не будет, — резко и сентенциозно перебил князь. — Не будет оттого, что у нас людей нет. Кутузов стар, и что он там в Рушуке делал — не понимаю. Что принц, как переносит свое положение? — обратился он к Р[аstopчину], который был на днях в

¹ В рукописи описка: 50 000

² [С 500 000 армией нетрудно владеть и хорошим слогом.]

Твери у принца Ольденбургского. Князь Николай Андреевич умышленно переменял разговор; в последнее время он не мог говорить о Бонапарте, потому что он постоянно о нем думал. Он начинал не понимать в этом человеке. После того, как он в прошлом году женился на дочери австрийского кесаря, старый князь не мог уже более уверенно презирать его, не мог и верить в его силу. Он не понимал, терялся в догадках и был смущен, когда говорили о Бонапарте.

— Le duc d'Oldenbourg supporte son malheur avec une force de caractère et une résignation admirable,¹ — сказал Растопчин. И продолжал о Бонапарте. — Теперь дело до папы доходит, — говорил он. — Что ж мы не перенимаем? Наши боги — французы, наше царство небесное — Париж, — он обратился к молодым людям, к Борису и Pierr'у. — Костюмы французские, мысли французские, чувства французские. Ах, поглядишь на нашу молодежь, князь, взял [бы] старую дубинку Петра Великого из кунст-камеры, да по-русски обломал бы бока... Ну, прощайте, ваше сиятельство, не хворайте, не хандрите, бог не выдаст, свинья не съест.

— Прощай, голубчик, гусли, заслушаюсь его, — сказал старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцелуя свою щеку. С Растопчиным поднялись и другие. Один Pierre остался, но старый князь, не обращая на него внимания, пошел в свою комнату. Борис, откланявшись и сказав княжне Марье, что он всегда, как на святыню, смотрит на ее отца, заслушивается его и потому не может насладиться ее обществом, вышел с другими, но просил позволения бывать у нее.

Княжна Марья сидела в гостиной молча во время разговора и, слушая эти толки и пересуды о столь важных государственных делах, ничего не понимала из того, что говорилось, а странное дело, только думала о том, не замечают ли они враждебных отношений ее отца к ней. С этим вопросительным взглядом она и обратилась к Pierr'у, который перед отъездом с шляпой в руке повалился своим толстым телом подле нее в кресло. «Вы ничего не заметили?» как будто говорила она.²

Pierre же находился в приятном послеобеденном состоянии духа.³ Он глядел вперед себя и тихо улыбался.

— Давно вы знаете, княжна Марья, этого молодого человека? — сказал он, указывая на уходящего Бориса.

— Я знала его ребенком, но теперь недавно...

— Что он вам нравится?⁴

¹ [Герцог Ольденбургский с твердостью и достойной покорностью переносит свое несчастье,]

² *На полях:* En voyant le duc d'Oldenbourg on est dans le cas d'admirer le triomphe de la vertu, — сказал Растопчин тоном, показывавшим, что фраза эта уже узаконилась при дворе. — Car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur. [При виде герцога Ольденбургского сознаешь силу добродетели. Твердость его и мирное состояние духа достойны поклонения.]

³ *Зачеркнуто:* особенно оживленный происходившим разговором. Он завидовал этой тихой, преданной жизни княжны Марьи.

⁴ *Зач.*: не очень.

— Да, отчего же.

— Что, пошли бы за него замуж?

— Отчего вы у меня спрашиваете? — сказала княжна Марья, вся вспыхнув, хотя она уже оставила всякую мысль о замужестве.

— Оттого что я, ежели едешь в свет, не к вам, а в свет, то забавляюсь наблюдениями. И теперь я сделал наблюдение, что молодой человек без состояния обыкновенно приезжает из Петербурга в Москву в отпуск только с целью жениться на богатой.

— Вот как, — сказала княжна Марья, все думая о своем.

— Да, — продолжал Pierre с улыбкой, — и этот юноша теперь себя так держит, что где есть богатая невеста, там и он. Я, как по книге, читаю в нем. Он теперь в нерешительности, кого ему атаковать: вас или m-lle¹ Julie Корнаков. Il est assidu auprès de vous deux.²

— Vraiment?³ — А княжна Марья думала: «Отчего бы мне его не выбрать своим другом и поверенным и не высказать ему всё. Мне бы легче стало. Он бы подал мне совет».

— Пошли бы вы за него замуж?

— Ах, боже мой, граф, есть такие минуты, — сказала княжна Марья, — что я пошла бы за всякого, — вдруг, неожиданно для самой себя, сказала княжна Марья со слезами в голосе. — Ах, коли бы вы знали, mon ami,⁴ — продолжала она, — как тяжело бывает любить человека близкого и чувствовать, что ничего не можешь для него сделать, кроме горя, когда знаешь, что не можешь этого переменить. Тогда одно — уйти,⁵ а куда мне уйти можно.

— Что вы, княжна. — Но княжна не договорила и заплакала.

— Я не знаю, что со мной нынче, — сказала она оправившись. — Не слушайте меня, а поговорим лучше про André. Скоро ли приедут Ростовы?

— Я слышал, что они на днях будут.

Княжна Марья, чтобы забыть о себе, сообщила Pierre'у план, как она, ничего не говоря отцу, как только приедут Ростовы, постарается сблизиться с будущей belle soeur⁶ с тем, чтобы князь привык к ней и полюбил ее.

¹ Зачеркнуто: Ахросимов

² [Он приложил свои старания к вам обеим.]

Зач.: Но, я думаю, Julie aura la palme, [что Жюли одержит победу.] И вы знаете новая манера de faire la cour? [ухаживать]

— Нет, — грустно улыбаясь, сказала княжна Марья.

— C'est la mélancolie! Il est plus mélancolique la bas qu'ici. [Меланхоличность! Там он меланхоличнее, чем здесь.]

— Полноте смеяться, мой друг, мне так грустно.

³ — Правда?

⁴ [мой друг,]

⁵ Зач.: А мне уйти только можно замуж.

— Вы про князя говорите?

— Да про кого же, — со слезами уже говорила княжна Марья, — он ненавидит меня. Должно быть я сама в этом виновата. Но за что же, что же он так ужасно мучит меня? Я никогда никому и Андрею не говорила, но вам я всё расскажу.

— Ах, говорите. Как бы я счастлив, ежели бы я мог помочь вам.

⁶ невесткой

Pierre вполне одобрил этот план.

— Одно, — сказал он ей, уезжая и с особенной теплотой глядя ей в глаза, — насчет того, что вы о себе сказали, помните, что у вас есть верный друг — я. — Pierre взял ее за руку.

— Нет, я бог знает, что говорила,¹ забудьте, — сказала княжна. — Только дайте мне знать, как приедут Ростовы.

В этот же вечер она сидела по обыкновению с работой у отца. Он слушал чтение и крякал сердито. Княжна Марья молча глядела на него. Княжна Марья думала за него тысячи злых вещей. «Он ненавидит меня, он хочет, чтоб я умерла». Она оглянулась. Он оттопырил губу и клевал носом с старческим бессилием.

Предположения Pierre'а относительно Бориса были справедливы. Борис находился в нерешительности между двумя самыми богатыми невестами Москвы.² Но княжна Марья казалась ему, несмотря на то, что княжна Марья, как ни дурна она была, казалась ему привлекательнее Жюли, он боялся и чувствовал, что с ней у него трудно поведется дело, и остановился на Жюли. Он сделался ежедневным у Ахрасимовых. И Марья Дмитриевна, все такая же прямая, но убитая душевно потерей сыновей и презиравшая в душе столь непохожую на нее дочь, с нетерпением ждала случая сбыть ее. Жюли было двадцать семь лет. Она думала, что она не только так же, но гораздо больше привлекательна теперь, чем была прежде. Она была [привлекательна] действительно, во-первых потому, что она была богата, во-вторых потому, что, чем старше она была, тем безопаснее она была для мужчин и тем свободнее была с ними. Она сама принимала и одна ездила с каким-нибудь чепцом.

Мущина, который десять лет тому назад побоялся бы каждый день ездить в дом, где была семнадцатилетняя барышня, чтобы не компрометировать ее, теперь ездил к ней смело на ужины (это была ее манера). Она умела принимать, передразнивать всевозможные тоны и, смотря по людям, была то чопорная аристократка, фрейлина, то москвичка простодушная, то просто веселая барышня, то поэтическая, меланхолическая, разочарованная девица. Этот последний тон, усвоенный ею еще в молодости и употребляемый¹ *Зачеркнуто*: я ничего. И она рыдая ушла к себе. На другой день Pierre получил письмо от княжны Марьи, в котором она умоляла его забыть весь разговор, бывший между ними, в котором она, бывши больна, не помнила, что она говорила.

После этого объяснения Pierre сживал с княжной Марьей и, хотя никогда ни слова не говорил с ней о случившемся, он с тактом и почтительностью, которая бывает только перед несчастьем, показывал ей, как он готов бы был помочь ей. Говорили они и о князе Андрее и под великим секретом о его женитьбе, о которой старый князь еще ничего не знал. От князя Андрея давно не было ничего. Княжна Марья предполагала по его последнему грустному письму, что он в дороге.

² *На полях*: Дядя [?] умер, сделалась богатой.

еще тогда, когда она кокетничала с Nicolas, был ее любимый. Но все эти тоны она принимала так поверхностно, что людей, действительно бывших меланхолическими или просто веселыми, подделки поражали и отталкивали, но так [как] большинство людей только притворяется, а не живет, то ее окружало и ценило большинство людей. Ее приятелем был и Карамзин, в прежние времена бедняк, и В[асилий] П[ушкин] и П[етр] А[ндреевич] В[яземский], который писал ей стихи. Всем весело было без последствий пусто болтать с нею. В числе ее искателей Борис был для нее один из самых приятных, и она ласкала его и с ним нашла нужным принять любимый тон меланхолии. Покуда Борис был в нерешительности, он еще смеялся и бывал весел, но когда он твердо решил выбрать ее из двух, он вдруг сделался грустен, меланхоличен, и Жюли поняла, что он отдается ей. Весь альбом Жюли был исписан его рукою такими изречениями над картинками гробниц:

La mort est secourable et la tombe est tranquille.

Ah! contre les douleurs il n'est pas d'autre asile.¹

Или:

Arbres antiques, vos sombres rameaux secouent sur moi les ténèbres et la mélancolie.

Bois, fait être l'asyle de la mélancolie. Je veux, hermite nouveau, me reposer sous ton ombre.²

Или:

Plus j'approche du terme et moins je le redoute...³ и т. д.

Борису Жюли играла на арфе самые печальные марши. Борис вздыхал и читал ей вслух «Бедную Лизу». Но положение это тянулось две недели и становилось тяжело. Оба чувствовали, что надобно выйти из ожиданий, смерти, любви к гробнице и презрения к жизни. Жюли — для того, чтоб сделаться женою ф[лигель] а[дъютанта], Борису — для того, чтобы с меланхолической невестой получить нужные три тысячи душ в Пензенской губернии. Выход этот был очень тяжел, но надо было перейти его, и в один день после сознания в том, что, кроме мечтания о неземной любви, Борис, решившийся в этот день объясниться, сделал предложение. Предложение, к ужасу старой графини Ростовоной и к досаде Наташи (она всё таки Бориса *так* считала своим), предложение было принято. И на другой день оба игрока не считали более нужным употребление меланхолии и весело стали ездить, показываться в театрах и на балах, как жених с невестой, и по утрам в магазины,¹ [Смерть спасительна, и в могиле покой.

И нет иного приюта от горестей.]

² [Деревья вековые, ваши темные ветви навевают на меня мрак и меланхолию.

Меланхолии в роще приют. Отшельником хочу отдохнуть в ее тени.]

³ [Чем ближе подхожу я к пределу, тем меньше страшит он меня ...]

закупая всё для свадьбы. Устроившаяся свадьба Жюли с Борисом была свежей и капитальной светской новостью, когда Илья Андреевич Ростов приехал в конце зимы в Москву продавать свой дом и привез с собой повеселить Наташу.¹

* № 135 (рук. № 89. Т. II).

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

В 1812 году весною князь Андрей был в Турции в армии, в которой после Прозоровского и Каменского был назначен тот же Кутузов. Князь Андрей, много изменившийся в своих взглядах на службу, отклонился от штабных должностей, которые ему предлагал Кутузов, и поступил во фронт в пехотный полк, командиром батальона. После первого дела он был произведен в полковники и назначен командующим полком. Он достиг того, чего желал — деятельности, т. е. избавления от сознания праздности и вместе с тем уединения. Несмотря на то, что считал себя много изменившимся с Аустерлицкого сражения и смерти жены, несмотря на то, что он и действительно много изменился с тех пор, он для других, для сослуживцев, подчиненных и даже начальников представлялся тем же гордым, неприступным человеком, как и прежде. Только с тою разницею, что гордость его теперь не была оскорбительна. Подчиненные и товарищи знали, что он человек честный, храбрый, правдивый и чем то особенный — презирающий всё одинаково (Ничто не возбуждает презрения, как неровность и обратное — твердость).

Он был в полку уединеннее не только, чем в своей деревне, но чем мог бы быть в монастыре. Только один Петр, его камердинер, был человек, знавший его прошедшее, его горести; все остальные были солдаты, офицеры — люди, которых нынче встретил, с ними дерешься, но вероятно никогда не увидишь, выйдя из полка. Они так смотрят на вас, и сам так смотришь на них — без соображения прошедшего и будущего и оттого особенно просто,¹ *Зачеркнуто*: Кроме света, английского клуба и старых екатерининских тузов, в котором князь Николай Андреевич и граф Растиопчин играли главную роль, кроме другого светского света балов, в котором первенствовала Hélène и, как барышня, Жюли, в Москве был еще другой холостой, мужской свет, в котором первенствовал Долохов. Общество этой холостой молодежи играло, пило, вводило в моду хор цыган Ильи и изредка показывалось и в светском свете, как будто только для того, чтобы показать свету, что оно презирает его. Долохов ездил на балы, но редко. Жюли, желавшая приручить к себе этого медведя, раз танцевала с ним мазурку, и все видели, как она багрово покраснела при каком-то слове Долохова. Долохов сказал ей на ее вопрос, женится ли он когда, что он женится на женщине, которая его будет любить, а что доказательство любви женщины есть одно — отдаться мужчине. «Сделали бы вы это?» спросил он.

На полях: Они все полнокровны. Жюли декольте с прыщами, засыпанными пудрой, и Долохов, которому всё надоело, и он готовил новенькое.

дружелюбно, человечески.¹ Притом полковой командир поставлен положением в уединение. Его любили, называли *наш князь*, любили не за то, что он был ровен, заботлив, храбр, но любили главное за то, что не стыдно было повиноваться ему. Он — наш князь — так очевидно стоял выше всех. Адъютант, квар[тирьер], батальонный командир робея входили в его всегда изящно убранную, чистую палатку, где он, чистый, сухой, спокойный всегда, сидел на обыкновенном кресле, и робели докладывать ему о нуждах полка, как бы боясь развлечь его от его важных чтений или соображений. А они не знали, что чтения эти были Шиллер, а размышления — мечты любви и семейной жизни. Он хорошо управляя полком и именно хорошо оттого, что главные силы его были направлены на мечты и он отдавал службе только ничтожное, небрежное, механическое внимание. *Pas trop de zèle*,² оттого и хорошо было, как и всегда бывает.

1812 года 18 мая штаб его полка стоял в Олтенице на берегу Дуная. Военных действий не было. С утра осмотрев прошедший батальон, он поехал верхом кататься, как он всегда делал. Проехав верст шесть, подъехал к молдаванской деревне Будшеты. Там был праздник.³ Народ сытый, отпоенный вином, южный, все в новых посконных рубахах сидели празд[нично]. Девки водили хороводы, на него посмотрели и продолжали играть. Напев веселый, мелодический, манерный. Одна цыганка с стоячими грудями из под посконной белой рубахи, рябая и счастливая. Цыган корявый, нарядный малый. Они смутились военного, прижались. Он купил им⁴ орехов — не взяли. Ему было весело. Он улыбался. Но грустно стало, что его боятся. Он был в том состоянии яркого наблюдения, которое было с ним на Аустерлицком поле, у Ростовых. Он въехал в лес. Молодая листва дубов. (Его парило, наконец и он распустился.) Тень и свет колыхали теплый, душистый воздух. Офицеры встретились и почтительно прошли. Он поехал в рошу. Офицеры думали, что он осматривает позицию, а он не знал, что с ним делается. Он отослал провожатого и поскорее уезжал, чтобы никто не видал его. Ему хотелось плакать.

«Есть же», думал он, «истина и любовь, и путь верный и счастливый в жизни.⁵ Где он, где он?» Он слез с лошади, сел на траву и заплакал. «Лес теплый, душистый. Цыганка с грудями. Небо высокое и сила жизни и любви, и *Pierre*, и человечество,¹ *На полях*: <Всё, что он> Как он ехал оживленный возвратившимся к жизни <за границу, как там тоска по родине. И проч. Успехи по службе, презрение к этому успеху.>

Он притворялся себе самому убитым, а был полон жизни.

Он желает смерти, а княжна Марья будет жить у него и ходить за Коко. Он предложит себя не только к Б., но генералом с огромной карьерой впереди. Полно, предложить ли себя? слишком много чести.

Поперек текста: Князь Андрей не служит. Он в Крыму.

² [Не слишком много усердия,]

³ *Зачеркнуто*: Цыгане водили

⁴ *Зач.*: семечек

⁵ *На полях*: Похоть к цыганке — гадость.

Наташа. Да, Наташа — я люблю ее сильнее всего в мире. Я люблю тишину, природу, мысль». И вдруг, прежде он не знал, что с собою сделать, заторопился, встал и поехал веселый, счастливый домой. Приехав домой, он сел и написал две бумаги, одну на почтовом, другую на простом листе. Одно — было прошение об отставке, другая — письмо к графу Ростову, в котором он официально просил руки его дочери с вложенной запиской к Наташе, по французски.¹ «Я вас люблю, вы это знаете. Я не смел предложить вам до сих пор свое разбитое сердце, но любовь к вам так оживила его, что я чувствую в себе силы посвятить всю жизнь вашему счастью.² Я³ жду вашего ответа».

Как то, так и другое решение было самопожертвованием в понятии князя Андрея. Бросить службу, когда он был представлен в генералы и ему предлагаемо было место дежурного генерала, когда его репутация в войске была прекрасна,— это было лишнее и отречение от всего прошедшего, но тем более наслаждения доставляла ему мысль, что он бросит всё это, из за чего? Из за мысли, над которой, слушая ее от Риег'а, он не раз смеялся, что война есть зло, в котором могут участвовать только тупые орудия, а не самостоятельно думающие люди. Для человечества он жертвовал этим. И всё это было в нем, но вдруг выпросилось наружу под впечатлением цыганки, покупавшей орехи, и теплой, колышавшейся тени листвы; да будет так. Другое пожертвование было вступление в дрязги родства жизни. Ежели бы она, как цыганка, была бы тут, это не было самопожертвование: увезти ее и связать себя с ней навеки; но теперь его ужасало будущее, но он твердо решил пройти через всё. Через пошлость ее родных, через неудовольствие своего отца. Она представлялась ему плачущей и кокетничающей с Риег'ом. «Нет, я не могу, не могу жить без нее». И цыганка в посконной рубахе связывалась со всеми этими решеньями.⁴

У него обедали всегда несколько офицеров. Он считал нужным образовывать их. Был маленький двор.

Почтительно сели офицеры, замечая хороший дух *нашего князя*. Разговор о войне с французами. После обеда пришли пакеты. О ремонте фур. О производст[вах].

— Поздравляю вас, господа.

— Это вам обязаны, ваше сиятельство.

— Ну, а вам, князь?

— В генералы и назначение.

— Что ж вы нас оставите, — стараясь быть грустным, сказал баталионный командир.

— Я всё равно бы оставил, — сказал князь Андрей. — Потрудитесь отправить конверт. Извините. — Он стал читать письмо.¹ *На полях*: Дуб

² *Зачеркнуто*: Напиши

³ *Зач.*: прошу

⁴ *На полях*: «Нет, дуб и груди цыганки солгали», думает князь Андрей. «Это не то было — не то. Но что же?» Он взглянул на небо и увидел комету. Остановка кометы возбуждает к деятельности.

Это было письмо Наташи. Он побледнел, прочтя это письмо,¹ но продержал офицеров до вечера. Всю ночь он ходил по двору, глядя на комету, которая как будто разметалась и уперлась на одном месте, подняв кверху хвост. Князь Андрей с Аустерлицкого поля выучился смотреть на далекое небо, понимать его и находить в нем успокоение. «Да, и это было заблуждение», думал он, «как и прежние. Но что же правда, где же то, чего нужно моей душе, то, про что говорят мне эти звезды и эта остановившаяся, влипившаяся комета?»

* № 136 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VI—VII).

В начале февраля приехали Ростовы. Никогда Наташа не была² так взволнована, так³ готова, зрела для любви и потому так женственно хороша, как в этот свой приезд в Москву. Перед отъездом своим из Оградного она видела сон, что князь Андрей встречает ее в гостиной и говорит: «Зачем вы едете? Я уже давно приехал». Наташа так страстно желала этого, так сильна была в ней потребность любить мужчину не в одном воображении, так тяжело ей становилось ожидание своего жениха, что она, приехав в Москву, твердо была уверена, что сон ее сбудется и что она найдет уже в ней князя Андрея.

Они приехали вечером. На другой день утром были посланы извещения Pierr'u, Анне Михайловне и Шеншину. На другой день утром прежде всех приехал Шиншин и рассказывал про московские новости. Главная новость была про то, что здесь теперь два молод[ые] человека, Долохов и Курагин, которые свели с ума всех московских барынь.⁴

— Это те, что медведя связали? — сказал граф.

— Ну, тот самый, — отвечал Шиншин. — Да добро бы Курагин, ну, отец — известный человек, и точно — красавец писанный. Ну, а Долохов-то что. «Dolochoff le Persan»,⁵ так прозвали барыни.

— Да откуда он взялся, — сказал граф, — ведь он пропал куда-то года три назад?

— Нашелся; оказывается, что он у какого-то владетельного князя был министром в Персии где-то, гарем там имел, убил брата шахова. Ну и с ума все сходят московские наши барыни. Dolochoff le Persan, да и кончено. А он шулер, вор. А у нас нет обеда без Долохова, на Долохова зовут — вот как.

— И что забавнее всего, — продолжал Шеншин. — Помните, Безухов с ним на дуэли дрался, теперь друзья закадычные. Первый гость и у него и у графини Безуховой.

¹ *Зачеркнуто*: В милых каракулях этих рассказывалось неосторожно история падения Сперанского и всех планов конституции и писалось о предстоящей войне 1812 года.

² *Зач.*: так хороша

³ *Зач.*: полна

⁴ *Зач.*: — Помнишь, Наташа, этот красавец кавалергард на бале у Нарышкиных? — сказал граф.

— Помню, — отвечала Наташа.

⁵ Долохов персиянин,

— Разве она здесь? — спросил граф,

— Как же, на днях приехала. Муж от нее сбежал, она сюда за ним приехала. А хороша, очень хороша, я понимаю, что и...

«Что <мне> за дело до них», думала Наташа, рассеянно слушая.

— Андрей Болконский здесь? — спросила она.

— Старик здесь, а молодого увы нет, *ma chère cousine*,¹ не с кем пококетничать, — отвечал Шиншин насмешливо, ласково улыбаясь.²

Наташа даже не улыбнулась на ответ Шиншина, едва удержалась, чтобы не заплакать.

Потом приехала Анна Михайловна и объявила со слезами на глазах о своей радости: о женитьбе сына на Жюли.

— Главное, это такое сердце золотое. И так страстно мой Боря любит ее. С детства еще, — говорила состаревшаяся Анна Михайловна, повторяя фразу, которую она говорила всем, и не успевшая сообразить, что для Ростовых надо было изменить эту фразу.

Наташа вспыхнула, услышав это известие, и, не сказав ни слова, встала и вышла. Но только что она вышла, она поняла, как неуместна была ее досада. Что ей было за дело до Бориса, когда она сама была невеста и кого же? Князя Андрея, самого лучшего человека в мире. Но всё таки ей было больно и досадно и еще более досадно то, что она выказала свою досаду.

Pierre, который должен был сообщить ей последние известия о Андрее, всё не приезжал. Он до поздней ночи прокутил накануне и потому встал только в третьем часу. К обеду и он приехал. Наташа, услышав о его приезде,³ бегом побежала к нему из задних комнат, где она молча и задумчиво сидела до тех пор.

Увидав Наташу, Pierre покраснел, как ребенок, чувствуя, что он глупо краснеет.

— Ну, что? — говорила Наташа, удерживая руку, которую он у ней целовал, — есть письма? Милый граф. Все мне так противны, кроме вас. Есть? Давайте. — Наташа за руку повела Pierre'a к себе в комнату, не помня себя от радости.

— Скоро ли он приедет?

— Должно быть скоро, он пишет мне об паспорте для гувернера, которого он нашел.

— Покажите, покажите, — говорила Наташа, и Pierre⁴ подал ей письмо.⁵ Письмо было короткое, деловое, по-французски. Князь Андрей писал, что последнее его дело сделано. Швейцарец Chapelle, умный, образованный, идеальный *instituteur*,⁶ ехал с ним — нужно было достать ему паспорт. Письмо было деловое и сухое, как писал князь Андрей. Но Pierre по этому заключил, что он был в дороге.

— Ну, а еще? — спросила Наташа.

¹ [милая кузина,]

² *Зачеркнуто*: «Есть чему улыбаться», сердито отворачиваясь от него, подумала Наташа и ушла в свою комнату плакать.

³ *Зач.*: стремглав бросилась

⁴ *Зач.*: с грустью

⁵ *Зач.*: которое, он чувствовал, разочарует ее.

⁶ [воспитатель,]

— Еще нет ничего, — улыбаясь сказал Pierre.

Наташа задумалась.

— Ну, пойдёмте в гостиную.

Pierre еще сообщил ей о желании княжны Марьи видаться с ней, о том, что она приедет к Ростовым, и о том, что приятно бы было познакомиться с стариком, будущим beau règ'ом.¹ Наташа согласилась на всё, но была очень молчалива и сосредоточена.

На другой день Илья Андреич поехал с дочерью к князю.² Наташа с страхом и неудовольствием замечала, что ее отец неохотно согласился на эту поездку и робел, входя в переднюю, и спрашивал, дома ли князь. Наташа заметила тоже, что после доклада о них произошло смятение между прислугой, что двое шептались о чем-то в зале, что к ним выбежала девушка и что только после этого доложили, что князь принять не может, а княжна просит к себе. Первая навстречу вышла m-lle Bourienne. Она особенно учтиво, но холодно встретила отца с дочерью и проводила их к княжне.³ Княжна с взволнованным, испуганным лицом и красными пятнами на лице встретила гостей, тщетно пытаясь казаться свободной и радушной. Кроме своей неопределимой антипатии и зависти к Наташе, княжна была взволнована еще тем, что при докладе о приезде Ростовых князь закричал, что ему их не нужно, что пусть княжна Марья принимает, если хочет, а чтоб к нему их не пускали.

Княжна Марья решила принять Ростовых, но всякую минуту боялась, как бы князь не сделал какую-нибудь выходку. Княжна Марья знала о предполагаемом браке, Наташа знала, что княжна Марья знала это, но они ни разу о том не говорили.

— Ну, вот я вам, княжна милая, привез мою певунью, — сказал граф, — уж как хотела вас видеть... Жаль, жаль, что князь всё нездоров, — и, сказав еще несколько общих фраз, он встал. — Ежели позволите, княжна, на четверть часика прикинуть вам мою Наташу, я бы съездил тут два шага в Конюшенную к Анне Дмитриевне и заеду за ней...

Илья Андреич придумал эту дипломатическую хитрость для того, чтобы дать простор будущей золовке объяснить с своей невесткой. Княжна сказала, что она очень рада и просит только князя побыть подольше у Анны Дмитриевны.

M-lle Bourienne, несмотря на беспокойные, бросаемые на нее взгляды княжны Марьи, не выходила из комнаты и держала твердо le fil de la conversation⁴ о московских удовольствиях и театрах.

¹ *Зачеркнуто*: Pierre жалел, что он едет в деревню. Он не мог переносить Наташу [?]

² *Зач.*: Князь не мог принять, но княжна Марья просила войти к себе. Наташа была всё время этого визита молчалива и строга. Ее поражала и отталкивала эта атмосфера страха, царствовавшая в этом доме. Илья Андреич, оставив дочь, поехал сделать еще визит. Вслед за ним вошел старый князь («стало быть он мог принять»), подумала Наташа) и, пробурчав что-то, прошел через комнату.

³ *На полях сверх текста*: Они обе не сказали друг другу то, что думали.

⁴ [нить разговора]

Наташа была оскорблена и огорчена и, сама того не зная, своим спокойствием и достоинством внушала к себе уважение и страх в княжне Марье.

Через пять минут по отъезде графа дверь комнаты открылась и вошел князь в белом колпаке и халате.

— Ах, сударыня, — заговорил он, — сударыня, графиня Ростова, коли не ошибаюсь... Прошу извинить, извинить... Не знал, сударыня. Видит бог, не знал, что вы удостоили нас своим посещением. Извините, прошу, — говорил он так ненатурально, неприятно, что княжна Марья,¹ опустив глаза, стояла, не смея взглянуть ни на отца, ни на Наташу, а Наташа, встав и присев, тоже не знала, что ей делать. Одна m-lle Bourienne приятно улыбалась.

— Прошу извинить! Прошу извинить, — пробурчал старик и вышел. M-lle Bourienne первая нашлась после этого появления и начала разговор про нездоровье князя, но через пять минут вошел Тихон и доложил княжне Марье, что князь приказал ей ехать к тетушке. Княжна Марья до слез покраснела и велела сказать, что у ней гости.

— Chère Amélie, — сказала она, обращаясь к m-lle Bourienne, — allez dire à papa que je n'irai <pas> ce matin. Je vous en prie,² — прибавила она тем тоном, который m-lle Bourienne знала за неизменный [?], за такой, в котором княжна Марья, доведенная до последних границ терпения, уже не уступала. M-lle Bourienne вышла. Княжна Марья, оставшись одна, встала и взяла за руки Наташу и тяжело вздохнула, собираясь говорить.

— Княжна, — вдруг сказала Наташа, вставая тоже.³ — Нет, подите, подите, княжна, — сказала она с слезами на глазах. — Я хотела вам сказать, лучше всё оставить... лучше, — она заплакала.

— Полноте, полноте, душенька, — и княжна Марья заплакала и стала целовать ее. В этом положении их застал старый граф и, получив обещание княжны быть у них завтра вечером, увез дочь.

В этот же вечер Ростовы поехали в театр. Наташа⁴ была весь день молчалива и сосредоточена. Она одевалась в театр без всякого удовольствия.

¹ *Зачеркнуто:* краснея

² [Милая Амели, подите, скажите бабушке, что я нынче утром не поеду. Пожалуйста,]

³ *Зач.:* — Я ни за что не пойду в дом, где отец моего мужа будет презирать меня.

⁴ *Зач.:* после своего сосредоточенного, молчаливого состояния, в котором она была со времени приезда, вдруг сделалась так безумно весела и обворожительна, как она бывала в свои лучшие минуты. Уже одетая, она ходила по залу распевая и спрашивала у всех, хороша ли она, и хорошо ли поет. Графиня, покачивая головой, глядела на нее, боялась, как она всегда своим материнским чутьем боялась чего-то от дочери.

— Завтра княжна Болконская обещала приехать к нам? — спросил отец.

* № 137 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).

<М. И. Долохова, дочь богатого человека, была бедная вдова с шестьюдесятью душами и тремя дочерьми и одним сыном. Она жила в деревне. И только в 1805 году сын ее, примерный сын, перевез ее в Москву, купил ей на выигранные деньги маленький домик у Н[икола] Я[вленного] и содержал ее и сестер. М. И. считала своего сына Федю образцом всех человеческих совершенств, но слишком благородным и пылким для нашего нынешнего, развратного света. Она и сестры во всем, что случалось с ним, только видели несчастье, преследующее всегда добродетель.

1806 год, тот самый, во время которого произошла дуэль между Долоховым и Безуховым, был самый счастливый год для матери. Несмотря на горе, которое причинила матери его рана, всё время выздоровления он лежал у нее и был с нею. В том, что Безухов дрался с Долоховым, мать видела только новое доказательство людской злобы и порчи света.

— Где же нет, чтобы молодой человек не имел связи с женщинами? Это, напротив, формирует людей. Ежели Безухов так ревнив, то он [должен бы] прежде показать это, а не после года. И что за низость вызвать на дуэль человека, который ему должен, предполагая, что он откажется. И вот людская справедливость: Безухову ничего не сделали, а Федю судили и лишили чина.

Но лучшее время для матери было последовавшее после дуэли сближение сына с семейством Ростовых. Nicolas, мать видела, понимал всю высоту души ее сына и ценил его. Он был у них в домике Н[икола] Я[вленного] ежедневным гостем, и мать помнила их душевные разговоры. Она помнила, как сын, еще лежа в постели, разговаривавшись о правилах, говорил:

— Есть три рода людей: одни, которые никого не любят и никого не ненавидят. Это самые глупые и самые счастливые. Есть другие, которые только любят некоторых и остальных не знают. Это Безухов, это бабы. Есть такие, как я, которые только малое число любят, а остальное всё ненавидят. Это — я. У меня есть обожаемая неоцененная мать, есть два-три друга, еще есть одно... ты знаешь, — сказал он, — а остальное я всё ненавижу и презираю, и изо всех остальных готов сделать крошку для того, чтобы избранным было хорошо.¹

— Не говорите мне, мама, про Болконского, — сказала Наташа. — Тогда всё видно будет. Теперь пока надо веселиться, едем.

В это время в Москве было два <героя> молодых человека, обращавшие на себя общее внимание. Это был Долохов и Анатолий Курагин, оба приятели. Долохов только в нынешнем году опять появился в Москву, из которой он пропал четыре года, в черкесском платье, с курчавыми, копной стоящими волосами, с раненой рукой в рукаве с завязочками, но с большими денежными средствами, на которые он жил холостой, роскошной жизнью. Про него рассказывали самые странные истории.

¹ *Зачеркнуто*: И мать знала, что это была правда.

В это время сближения с Ростовым мать знала, что сын ее влюблен в Соню, в воспитанницу без средств, без состояния, что он бросил самую блестящую в России связь для этой девочки, что он для нее отказался от всех лучших партий, которые предлагала ему мать. И хотя мать желала ему богатства, она радовалась этому благородству сына. Она и дочери ее все были влюблены в Соню. Они ездили в театр, чтобы смотреть на нее, и восхищались ею. Тоска, овладевшая Долоховым после отказа, была ужасна. Он говорил, что убил бы себя, ежели бы не несравненная мать, поддерживавшая его. Он всегда, говоря о матери и с матерью, употреблял какие-нибудь страстные эпитеты. Тоска эта его продолжалась до того дня, в который он решил отплатить кому-нибудь за свою неудачу и выместил на Nicolas свою досаду, обыграв его.¹ Мать долго не могла простить Ростовым то, что они раззнакомились с ее сыном за этот проигрыш и распускали о нем невыгодные слухи.

— Что же, все играют и проигрывают. Федя не меньше других проигрывал и никогда никого не обвинял. Как не узнаешь этих молодых людей. Казался честным, а вышел какой подлый, что может распускать такие слухи, про кого же? Про Федю бесценного, несравненного.

Вся жизнь последующая Долохова² — буйная, развратная, игорная только возбуждала горесть и сожаление о несчастном, благородном сыне. Она понимала, что всё это происходило от горя несчастной любви, которое он старался заглушить всем этим шумом. История с купцом была опять несправедливым преследованием благородного сына. Разумеется, он погорячился, но кому же не будет досадно, что какой-нибудь купчишка смеет говорить, что он не заплатит, потому что его обыграли обманом. Кто же это, мой сын Федя обыграл обманом? Очень похоже на него! Когда Долохов уезжал в Финляндию, он рыдая, как ребенок, обнимал мать и его почти без чувств посадили в перекладную.

Последнее письмо, полученное из Финляндии, было следующего содержания.>

* № 138 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).

<В это же время в Москве, в начале 1812 года, жил Анатолий Курагин; он приехал из Петербурга, как он говорил, *baiser les moscovitaines*.³ Петербургские дамы ему надоели. Он поехал к Долохову, потому что все ездили к Долохову и спрашивали,¹ *На полях*: <У М. Д. Долоховой был один догмат веры: то, что сын ее есть образец добродетели, и потому всё, что случалось с сыном, для матери подтверждало только истину развращенности света и добродетели сына. Безухов был взбалмошный, пьяный дурак, Nicolas Ростов был неблагодарный человек, который за всю любовь Феде отплатил, распуская нелепые слухи, Соня, про любовь к которой сына М. Д. тоже знала, была гадкая девочка, а Феде было носить кресты в своей жизни.>

² *Зачеркнуто*: (он жил отдельно от матери)

³ [целовать москвичек.]

видали ли знаменитого Африканца, а Долохов обворожил его, как он умел, потому что он ему был нужен. Долохов жил отдельно от матери, опять богато и оригинально (чем, никто не знал). У него обедывали. И обеды его бывали странны: щи, бок, запеканка и редкая мадера. Анатолий обедал у него. Они выпили и разговорились.

— Что же, — говорил Анатолий, философствуя, — больше ничего нет на свете, как вино и женщины. Вот женщины! Как глупы, как жалки; я люблю, когда плачет. И пройдет от ласк. К—а жалкая была.

— Я, брат, обезьяну любил: всё тоже. Теперь — красивые женщины.

Была утвердившаяся между ними (и при них подражатели) профессия донжуанства. Они рассказывали друг другу. Долохов на вечере сказал Жюли, что он женится только на женщине, которая захочет быть его любовницей. «Хотите?»

Анатолий брал молчаливой дерзостью, но добродушен был со всеми, с товарищами мужчинами.¹ >

* № 139 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII).

<В начале² апреля они встретились в театре, французском театре, возбуждавшем тогда негодование патриотов. Всё уже говорило о предстоящей войне. Но Анатолий никогда не думал и не мог думать об этом вздоре.

Долохов сумел уже так поставить себя, ознакомившись с значительными лицами столицы, что, ежели бы его выслали теперь, то компрометированы бы были эти лица, принимавшие его. Кроме того, за него хлопотали. Он уже показывался везде.

Анатолий стоял у рампы переднего ряда, разговаривая с первым попавшимся соседом (он всегда так был фамильярен). Сосед этот, московский юноша, был счастлив, что в виду всего театра говорит с львом московским. Анатолий стоял с тем добрым, веселым и спокойным совестью видом, который показывал однако, что он знает, что> большинство дамских биноклей, хотя и стараясь скрывать это, обращены на него. Он весьма мало был занят и тем, что на него смотрели (он привык), и тем, что рассказывали по театру новости из Петербурга о смене Сперанского и верной войне, и даже тем, как распутается эта тонкая французская комедия, которой он видел только второй акт; он думал о ножках в розовых башмачках актрисы и о том, куда бы поехать выпить после театра. В это время по первому ряду, шагая всем через ноги, как через кусты, и не глядя на них, подходил к нему Долохов в своей оригинальной черкеске.

— Здорово. — Анатолий улыбнулся своей доброй, глупой и твердой улыбкой.

¹ *На полях:* Долохов натравливает Анатолия, он его раб.

В Москве было общество кутил.

² *Первоначально было:* мая

— Вот говорил с ним (он сказал про московского юношу, которого видел в первый раз), куда бы поехать выпить. Поедем к Jogans [?] и его возьмем, а оттуда махнем к цыганам. — Долохов убийственно посмотрел на юношу: он строже и разборчивее был к знакомствам. Человек должен был быть выше его в общественном мнении, чтобы он был равен. Он отвел его.

— Нет, брат, поедем к Ахрасимовым, я обещал тебя привести.¹

— А, это та, которой ты сказал, чтоб она убежала с тобой — тогда женишься? Ха, ха, ха, это отличная штука. Что же, не хочет?

— Да, я обещал. У них будут Ростов старик с дочерью, вон, в третьей с правой стороны.

— Эта в локонах — *jolie femme, charmante petite*,² — сказал Анатоль. Он не мог говорить иначе, как всё французское о женщинах.

— Я не нахожу.

— Да, знаю, ты в ту был влюблен, в маленькую, худенькую.

Долохов нахмурился.

— Не говори об ней, — сказал.

— Ха, ха, ха, — засмеялся. Вот не знаю, где такие женщины, *qui ne veulent pas de nous, quand nous voulons d'elles*?³

— Я тебе говорю — цыганки.

— Поедем к цыганкам. А не дурна. — Анатоль смотрел на Наташу, которая, действительно, с отцом сидела в третьей ложе. Наташа [видела], что Анатоль и Долохов смотрели на нее, и она смеялась, говоря что-то отцу, и не смотрела на них, но лицо ее светилось уже тем блеском и прелестью, которое придавало ей восхищение других. Восхищение усиливалось, и прелесть усиливалась. (Она знала, что Анатоль и Долохов были львы Москвы; ей обещала обоим показать ныне вечером Жюли, и Наташе досадно было, что они не обращали на нее внимания). Теперь *cercle vicieux*⁴ установился между ей и Анатодем через весь театр.

— *Délicieuse cette petite*,⁵ — сказал Анатоль и во время пиесы не смотрел на башмачки, а, повернувшись назад, на Наташу. Она, разумеется, только смотрела пьесу, ни разу не взглянула на него, но всё хорошела, и Анатоль влюбился по своему.

Марья Дмитриевна Ахросимова опустила после смерти трех сыновей. Она молчала и только представляла своей фигурой.¹ *На полях.*: Письмо к[няжны] М[арьи] о брате. Он совсем переменялся и поехал служить к Кутузову. Маленькая Ростова. Напрасно вы думаете, что отец не пускает меня — я счастлива маленьким Коко.

Письмо Жюли, *Berg garçon très distingué* [вполне порядочный] женится. Ростовы расстроены. М[арья] Д[митриевна] несчастлива, братья убиты. Р[остовы] ищут места и продают дом

² [хорошенькая женщина, прелесть,]

³ [которые не хотят нас, когда мы хотим их?]

⁴ [заколдованный круг]

⁵ [Эта девочка очаровательна,]

Жюли всё не выходила замуж. Хотя знакома была со всем миром и принимала уже сама.

Анатоль с Наташей встретились, как старые знакомые, не вследствие знакомства в Петербурге, а вследствие театра.

В Москве не чай, как в Петербурге, а ужины. Победитель Анатоль. Они сейчас же уселись за стол. Старый граф о иллюминат[стве].

Он поддается направлению времени, с Марьей Дмитриевной. Подошел к Анатолю.
— О чем вы, о доме в деревне? Вот приезжайте, посмотрите.¹

Nicolas по другим деревням. Май. Старый граф: — и зачем ты привез его. Соня караулит. Соня проснулась рано, Наташи не было.² Бежит искать. В саду встречается Наташа счастливая, бросается ей в объятия. Анатоль идет.

Наташа. — Нет, не могу. Он меня любит. Я люблю его.

С[оня]. — Но что же было. Когда же он объявит?

Н[аташа]. — Ах, ты ничего не понимаешь. Он не может. Его отец.

С[оня]. — Да, что же его отец? Твой не хуже его.

Н[аташа]. — Ах, не говори, коли ты хочешь моего счастья.

Вечером я пойду с тобой, Соня. Я всё переговорю с ним. — Соня плачет.

— Наташа, что ты делаешь? Вспомни об Nicolas.

— Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. А ежели я его люблю, то он благороден.

С[оня]. — Наташа, друг мой,³ это злое чувство; когда любишь, то добр, а ты сердита.

Н[аташа]. — Нет, душенька. Дай мне счастья. Я не знаю, я так счастлива.

С[оня]. — Вспомни отца, мать.

Н[аташа]. — Не говори, молчи.

С[оня]. — Так что же ты делаешь, ты губишь себя. Я говорила с ним, он неблагороден, он погубит тебя.

Н[аташа]. — И погублю, погублю, поскорее погублю себя. Так надо видно. — Она убежала к себе и написала Андрею.

«Я люблю другого. Я отдалась ему. Это Анатоль Курагин» и она послала письмо.

— Я не понимаю тебя. Она после обеда. Анатоль спит, бежит к нему. Требуется объяснения.

— Я не могу жениться. Но коли вы хотите, дайте мне переговорить с ней еще раз.

¹ *На полях*: Анатоль, как милость делает, признает, что у нее для него достаточно хороша нога. С женщинами даже не глуп.

² *На полях*: Целуются под шляпу

³ *Зачеркнуто*: Вспомни Андрея, как ты будешь раскаиваться.

— Я вам говорю, поезжайте сейчас же, сейчас же, или я сию минуту скажу графу и напишу брату.¹ Вы губите, неужели в вас нет человеческого чувства любви к матери, к сестре. — Она заплакала, у Анатоля не было этого чувства. Но он поверил, что оно могло быть. Он заплакал и уехал. Наташа рыдала, не ела, приняла яд и обожала Анатоля.

Вскоре после этого было получено письмо от Nicolas, он ехал из минской деревни и встретил полк. Он не может оставить отечество в опасности, враг перешел границу. Всё равно я оставил бы вас. Теперь меньше горя. Отечество прежде интересов. Дом продается и всё поправится. А коли Россия погибнет, то ничего не нужно. Россия погибнет, а я буду считать прикащиков, я умру от позора.

Князь Андрей возвращается из Крыма и узнает измену Наташи. Озлобление на весь мир. Столкновения с отцом в отдельном имении.

В Москве ездит по гостинным и злословит.

Конец 3-й части.

В Москве видит Piett'a упавшего и собирающегося ехать к Ростовым.

12-й год.

1-я часть. Петербург. Москва. Деревня.

За границей, Петербург, Москва, Аустерлиц.

2-я часть. <Обед в клубе и Тильзит>, смерть.

Сватовство заочное Nicolas. Юродство к[няжны] М[арьи] и говенье Наташи. Старик желает смерти — так уже всё неясно стало.

Москва, в Смоленске Дол[охов] жжет. В Москве в собраньи.

** № 140 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII—X).

<Был бенефис любимой московской публикой итальянской певицы.² Театр должен был быть полон. На морозе с обледенелыми усами стояли жандармы, визжа одна за другой подъезжали кареты, и нарядные дамы, спеша, с озабоченным видом служительниц храма, пробегали по холодным сеням в двери, которые сами отворялись перед ними. Элегантные мужчины, военные и штатские, оглядывали дам, и в зимних платьях, по припомаженным волосам, выказывая праздничность, обходили и сторонились перед дамами. Веселые компании купцов, мещан, лакеи шумно пробегали по задним лестницам. Снимались в коридорах шубки, салопы с дам (лица дам при этом делались еще торжественнее)¹ *Зачеркнуто*: Анатоля при ней сел и поехал.

² *На полях*: Семенова

и, охорашиваясь, оправляясь, шопотом отдавая приказания лакеям, заваленным шубами, и переговариваясь, кому итти вперед, наполняли ложи. Негромким говором и легкими звуками шагов по ковру оглашался наполовину наполненный партер. Музыканты строили. За занавесом, как мыши, таинственно и незаконно шуршало и шевелилось. Вся Москва была в этом спектакле. В середине съезда — не из первых, но всё еще слишком, слишком рано, по мнению Наташи, приехали Ростовы, т. е. граф Илья Андреич с Наташей и с племянницей, которую он взял, чтобы Наташа не была одна (Илья Андреич с Наташей приехали только третьего дня, и Илья Андреич не упустил случая повеселить дочь.) Наташа была свежая из деревни. В ее воспоминании и воображении были только Nicolas с Соней, дядюшка, Карай, Анисья Федоровна, баня, морозная месячная ночь, лиловеющий снег на закате, ямщики, дорога¹ и сознание того, что она спокойна, что ее девичья карьера кончена, что она счастлива и спокойна. Наташа, подъезжая к театру, даже думала о том, как она удивит всех (она не могла не думать, что все должны быть заняты ею) происшедшей в ней переменной, как она спокойно и весело будет смотреть на то, что прежде ее волновало и тревожило.² Когда они стали снимать шубы, рядом с ней к ложе подошло незнакомое семейство — дама, три девушки и два молодых человека. Одна из девушек, старшая, некрасивая, посмотрела на Наташу и, видимо, о ней сказала что-то матери. Мать тоже посмотрела на Наташу недоброжелательно, как показалось Наташе. Но тут же она заметила, что оба молодые человека смотрят только на нее. Так как она любила, чтоб на нее смотрели, Наташа слегка улыбнулась³ и тотчас же заметила, что все это семейство очень mauvais genre.⁴

«Первое — толпа народа в ложе, потом эта тока и фермуар брильянтовый, и что за зеленый корсаж».

— Возьми, Захар. (Это был охотник Захар, он же и один из двух лакеев.) Наташа скинула с голых плеч соболью шубку, сделала серьезную мину, как будто говоря: «не для того делаю, чтоб показать себя, а надо же снять шубу» и почувствовала, что она очень хороша, и всё деревенское спокойствие ее исчезло, и в глазах засветились веселые, вызывающие звездочки. Наташа была в эту пору вполне созревшей для любви красавицей — глаза ее светились любовью и вокруг себя она видела только одну любовь.⁵

¹ *Зачеркнуто:* <спокойные> радостные мысли об Андрее

² *На полях:* <Наташа только теперь, когда она меньше думала об этом, поспела — созрела для любви. Она глядела вокруг себя и везде видела любовь.>

³ *Зач.:* презрительно отставив губку

⁴ [дурного тона.]

⁵ *На полях:* Свиней — телят в Тулу
Гавно — навоз — яма — поро[сята]
Столяра расчесть
Бибикову о кабаке

Больше половины бельэтажа еще было не занято. Наташа, слегка улыбаясь (потому что на нее смотрели), сделала упрек отцу, что рано приехали, и, оправив платье, села впереди, облокотив тонкую обнаженную руку на бархат балюстрады. Как всегда большинство глаз обратилось на входящих и большинство глаз надолго остановилось на Наташе, которая не ошибалась, думая, что она очень хороша в этот вечер. Прическа *à la grècque*,¹ открытое спереди платье на тонкой, еще костлявой шее с жемчугами, очень шло к ней. Но главное, всё выражение ее лица, ее глаза² светились особенным,³ любовным блеском в этот вечер. После деревенской тишины, после разочарования в приезде князя Андрея и досады первых дней и при ярком свете, и при звуках этой прелестной, любимой ее музыки⁴ она почувствовала, что кроме той ее жизни с ожиданием, разочарованием есть совсем, совсем другая счастливая жизнь.

— Посмотри, это Аленины.

— Да, а вон Петров идет.

— Какой Петров?

— Да *cousin* Бестужевых.

— Ах, да. Как хороша Аленина.

— Ничего хорошего, — говорили <и спрашивали> отец с дочерью.

И говорили оба как-то особенно торжественно не так, как они говорили между собой дома. Они говорили так, что видно было, [что] кроме смысла их речей было еще что-то. Наташе было уже не ново это состояние, оно с прелестью охватило ее. Сознание обнаженности плеч и груди, ощущение свежести, чистоты рук, обтянутых перчатками, запах духов и ощущение чего-то стройно воздвигнутого на напомаженной голове и не имеющего быть нарушенным, — все эти ощущения соединялись в ней с особенным душевным состоянием восторга и самодовольства и легкости всего. И главное, Наташа испытывала особенное состояние размягченности сердечной и готовности любви, которую она давно не испытывала. Ей было и весело и грустно. Всё, что она видела и слышала, заставляло ее вспоминать о любви и желать ее. Но она желала не той, наскучившей уже ожиданием, любви, которую она испытывала в деревне к князю Андрею, а какой-то другой, светлой, веселой, блестящей и не будущей, а той любви, о которой говорил и яркий свет, наполнявший театр, и музыка, которую она слышала.

Это было то же ощущение, которое она испытывала на памятном ей нарышкинском бале, которое она испытывала несколько раз после и которого она лишена была более года. С тем большей¹ [греческая]

² *Зачеркнуто*: ярко и

³ *Зач.*: восторженным

⁴ *Зач.*: она <пришла в то взволнованное девичье состояние, когда все существо только ждет одного счастья,> почувствовала, что всё в ней вдруг перевернулось и что она очень счастлива.

силой она отдалась ему. Не успела она перекинуться несколькими фразами с кузиной и с отцом, пригيبавшим к ней свою лысую — тоже припомаженную голову, как застучала палочка капельмейстера, и на одних духовых инструментах началось тихое и стройное *adagio* увертюры. Музыка, этот большой, стройный оркестр, уже совсем перенесла Наташу в новый мир. Отрадненские воспоминания сделались чем-то давно, давно прошедшим. Увертюра была очень хороша. Наташа уже не смотрела вокруг себя, она чувствовала, что сидит в блестящем свете, и на нее смотрят, и слушала так, как слушают люди, одаренные даром понимания музыки. Ей казалось, что не оркестр играет, что она сама производит эти строгие, чистые, отчетливые звуки. Она чуть заметно, в такт, сгибала и выпрямляла свою голову, чуть заметно улыбалась в местах, ей особенно нравившихся, и выпрямлялась и гордилась в блестящих местах увертюры. Увертюра, как и всякая оперная музыка, составляющая сделку между двумя искусствами, драмой и музыкой, и потому не удовлетворяющая ни одной из них, — увертюра состояла из неизбежного анданте бури,¹ в которой главную роль играют хроматические гаммы и аккорды уменьшенной септимы, опять анданте и *allegro con fuoco*, кончающегося теми же неизбежными аккордами унтер доминанты, доминанты и, наконец, *tutti* аккорды. Наташе казалось, что она сама сейчас же и сочиняла и исполняла эту увертюру² и думала только: «ну, идите, идите, много ли вас тут идет, проходите все, все³, всем вам место есть, все слушайте. Всем вам рада. Всех люблю и все любите меня». Она искала везде любви, но не той любви, заочной, к князю Андрею, наскучившей уже ей ожиданием (она ни разу не подумала о князе Андрее), а новой, блестящей, светлой любви, такой же, какая была эта увертюра.⁴

Раздался последний аккорд.⁵ Наташа, слушая увертюру, напряженно перебирала пальцами руки, которые лежали на рампе, как будто она мяла что-то, и граф Илья Андреич, покачивая головой и смеясь, смотрел на эти пальцы.⁶ Но вдруг Наташа почувствовала, что и Анатолий Курагин смотрел на эти пальцы, и даже видела, что он улыбнулся этим пальцам. Она перестала перебирать ими.

— Папа, что за прелесть, — сказала Наташа.

— Отлично! — ответил Илья Андреич, — пальцы то что же у тебя работали?

¹ *Зачеркнуто*: фуги

² *Зач.*: и когда она дошла до последних аккордов *tutti*, то лицо ее разгорелось, она, видя перед глазами проходящих в партер мужчин, продолжала исполнять увертюру, гордо оглядываясь на входивших.

³ *Зач.*: вот сейчас доиграю

⁴ *Зач.*: Тим том, тим том, тим том, тим, играла и наконец

⁵ *Зач.*: и тотчас же аплодисменты

⁶ *Зач.*: Наташа делала это невольно, но Наташа чувствовала, что из партера тоже смотрели на нее неотступно чьи-то глаза. Она видела даже, что Анатолий Курагин улыбался, глядя на эти пальцы.

Наташа¹ только улыбнулась. Она стала разглядывать теперь то, что она мельком видела вокруг себя во время увертюры, и стала разглядывать ложи.² В ложах она увидела много знакомых и в одной из них Корнаковых. Старая Корнакова сидела слева с зеленым пером, справа сидела Жюли, такая же курносая, полнокровная, с толстыми плечами и пудрой засыпанными прыщиками, в брильянтах и очень нарядная. Подле нее, немного сзади, видна была красивая, тонкая, белокурая голова Бориса, беспрестанно наклоняющаяся с улыбкой то к уху, то ухом к губам Жюли. На обоих их и на матери видно было сияние совершающегося брака. Сзади виднелась и Анна Михайловна с кротко преданным воле бога и благодарностью ему выражением. Она заметила Ростовых, и Борис, улыбаясь, что-то о них сказал Жюли. «Верно успокаивает ее ревность», подумала Наташа. «Не завидую вам, Жюли, дай бог вам счастья», подумала Наташа и отвернулась от них на другие ложи. Но в это время поднялся занавес.>

Там были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны зеленым, долженствовавшие представлять деревья, из-за картонов под лампами высывались мушкетеры в сертуках и девушки какие-то, позади был очень дурно нарисован какой-то город, такой, какие всегда бывают на театре и никогда не бывают в действительности. Наверху были протянуты полотна. На досках сидели какие-то барышни в красных корсажах и белых юбочках, одна в шелковом белом платье сидела особо, и все они были одеты, как никогда в действительности и всегда на театре. И все они пели очень дурно и не слышно. Потом в белом подошла к будочке, и к ней подошел в шелковых в обтяжку панталонах (ноги толстые были) с пером и кинжалом и стал что-то ей доказывать, хватать за голую руку, перебирать пальцами по руке и петь. Наташа, как ни редко бывала в театре, всё это знала. И знала, что всё это так будет, и не интересовалась тем, что было на сцене.³ Она вообще мало любила театр, а теперь после деревни и в том серьезном настроении, в котором она была, всё это ей было скучно и неинтересно. <Она стала урывками глядеть в партер и в ложи. Когда ребенком ее в первый раз привезли в театр, она думала, что самый театр не с боку, на сцене, а прямо против, в рядах освещенных лож, где всё головы, головы, и, хотя ее старались в этом разуверить, она, никому в том не сознаваясь, осталась при этом убеждении. Во время увертюры она особенно заметила⁴ в первом ряду кресел у рампы, задом к сцене,⁵ что-то знакомое и очень замечательное и напротив, в ложе, что-то близкое и неприятное. Но тогда¹ *Зачеркнуто*: не отвечала, ей некогда было.

² *Зач.*: партера и партер

³ *Зач.*: Она смела признаться в этом, но она не любила даже оперу.

⁴ *Зач.*: налево в соседней ложе что-то в золотых очках, знакомое, и рядом с ним что-то прекрасное и еще

⁵ *На полях*: Долохова и Анатоля. Теперь она рассмотрела их. Правда, что Анатолий был очень хорош и, главное, странно, что его выставляли таким страшным человеком, а у него была такая добрая, славная улыбка.

ей не было времени разбирать, У нее осталось в памяти только одно знакомое, доброе; знакомое доброе был Pierre, который с женой занял ложу рядом с Ростовыми; прекрасное это была его жена Héléne, во всем блеске красоты и элегантности петербургской дамы, которая хочет уничтожить всех московских соперниц. Знакомое и замечательное был Долохов в черкесском платье, с огромной копной стоящими курчавыми волосами и с раненой рукой в рукаве на завязочках и рядом с ним красавец кавалергард Курагин. Она видела, [что] Долохов¹ и теперь и во время увертюры упорно смотрел на нее, сидел в первом ряду² с Анатодем и, тоже не глядя на сцену, указывая на одну из лож, что-то злое (как убеждена была Наташа) говорил Курагину. Наташа поглядела на ложу, на которую они смотрели. В ложе этой были Корнаковы.

— Папа, смотри, Жюли с матерью, — сказала Наташа, — и Борис.³ По одному тому, как⁴ сидел Борис, как улынулся, подставив улыбаясь ухо Жюли, можно было сейчас признать его за жениха.⁵ «Только бы я захотела!» подумала Наташа. «Я очень рада», и опять стала смотреть на сцену. На сцене, с двух сторон, из-за зеленых картонов, вышла слева женщина с короткой юбкой, а справа мужчина, и стали друг против друга и стали что-то петь — не слышно было что. Один из них, ровно подымая и опуская руку. Это был старичок в желтых, в обтяжку панталонах. «Долго он это будет», подумала Наташа, и она опять стала оглядывать залу и наблюдать всех этих чужих людей⁶ и настоящих людей, которые тут по настоящему жили перед нею. Пришепывающий голос над самым ухом развлек ее. Это был Pierre, который, узнав и перегнувшись к ней, улыбаясь начал говорить, глядя ласково, радостно через очки.

Pierre, сидя сзади, уже давно успел пожать руку графа, расспросить его, как и надолго ли он здесь, и давно уже тщетно старался обратить на себя внимание Наташи, которая смотрела и вперед, и на Жюли, и на сцену, и на первые ряды, и на сцену, где было всё то же, и на прекрасную Héléne, но [на него] не успела взглянуть.

— Вы не хотите знать вашу нянюшку, — говорил ей Pierre, который с Наташей всегда держался в веселых, шуточных отношениях, вероятно оттого, что он чувствовал, что стоило бы ему только выйти из этих подставных, шуточных отношений, и он бы оказался к Наташе в других, слишком неудобных для него отношениях.¹ *В рукописи описка: К т. е.* Курагин.

² *Зачеркнуто:* обращая на себя внимание и не тяготясь им, и неприятное, близкое, была Жюли с матерью и Борисом, который был уже женихом и который

³ *Зач.:* Она указала на противоположную ложу бельэтажа

⁴ *Зач.:* он вошел в ложу

⁵ *Зач.:* Это было неприятное — отчего и как, Наташа не могла себе дать отчета. Она отвернулась.

⁶ *Зач.:* Анатолий с Долоховым что-то говорили и смеялись, оглядываясь на них. «И что они говорят обо мне?» подумала она. «Дорого бы я дала, чтобы знать это».

С тех пор, как он вошел в ложу, он не спускал с нее глаз, и теперь, когда он, нагнувшись, через очки смотрел на нее,¹ Наташа почувствовала с радостью, что он всей душой восхищается ею.

— Боже мой! Можно ли так похорошеть, — говорил он ей. — Что вы делали всё это время? Я говорил вашему папине, как ему не грех лишать Москву...

Наташа улыбалась и не отвечала. Что ж ей было отвечать? Она чувствовала только, что Pierre говорит очень умно и истинную правду. Но, кроме этой правды, ей от Pierre'a, который живо напомнил ей Андрея, хотелось узнать, не имел ли он известий, писем. «Уж не скрывают ли они от меня», подумала она, «и вдруг, когда я меньше всего жду, он войдет в ложу. Уж не приехал ли он?» С этой мыслью она обратилась к Pierre'у и спросила, где он провел это время, давно ли оставил Петербург. Она думала сначала искусно навести разговор, но потом вдруг покраснела и спросила прямо, не вернулся ли князь Андрей.

Pierre вздохнул почему-то и ответил, что не имеет ни писем, ни известий. Всё остальное время первого акта Pierre, перегибаясь к ней, смешил Наташу своими замечаниями насчет актеров, но Наташа не смеялась, ей грустно было. Напротив Жюли беспрестанно обращалась к Борису, который нагибался и улыбался ей. Рядом, у Héléne, сидел за ней, кроме мужа, француз, шептавший ей что-то. Со всех сторон все были счастливы, все были окружены. Она одна должна была быть одна, хотя она и видела и чувствовала, что не один Pierre, но и большая часть партера смотрела на нее, несмотря на соседство Héléne. В антракте Долохов, необыкновенно похорошевший, с приемами презрительной уверенности стоявший в середине театра, не спуская глаз, смотрел в их ложу. Наташа поняла, что он искал Соню. К ним вошел знакомый москвич, с которым говорил Долохов (Наташа заметила это), и стал спрашивать о семействе и о Соне, где она? придет ли она? Наташа поняла, что он был подослан Долоховым, и ей вдруг после чувства восторженного самодовольства сделалось грустно. Она вдруг, как это часто и особенно болезненно бывает, почувствовала себя одинокой в этой блестящей толпе. Pierre ушел из своей ложи. Граф тоже вышел. Она рассеянно смотрела вокруг себя, завидовала, ревновала и хотела или поскорее уехать, или что-нибудь сделать необыкновенное. В соседней ложе ее внимание обратило имя Бориса Друбецкого и Жюли. Она прислушалась.

— Разве это уже объявлено? — говорил один из блестящих молодых людей, вошедших в ложу к Héléne. — M-me Ахросимова старше Друбецкого, я думаю.

— Как же, вчера это решилось, — отвечала Héléne с громким смехом. — *Ce sera mariage mélancolique comme dit mon mari.*² —

¹ *Зачеркнуто:* Наташа с несдерживаемым восхищением

² [Это будет меланхолический брак, как говорит мой муж.]

Наташа поглядела в ложу Ахросимовых. Борис подавал руку Жюли, чтобы выйти из ложи.

«Да, когда еще это будет», подумала Наташа о князе Андрее, «когда-нибудь, и что за испытание, точно он не мог выйти в отставку или взять меня с собой, а теперь я одна, и никому до меня дела нет». В соседней ложе шептали что-то.

— *La cadette charmante, une tête de poétesse... délicieuse.*¹ Она знала, что это говорили про нее.

— *Vouyons voir!*² — послышался голос, громче других, басистый, мужской, приятный голос. — *Gentille! Très gentille.*³ А нога? хороша? Я сужу о женщине, как о лошади — по ногам.

— Шшш, — сказала *Hélène*. — Этого уж я тебе не могу сказать...

— Покажи свою, — сказал мужской голос.

— Вот вздор.

В заду ложи послышалась возня и веселый хохот.

— *Mauvais polisson,*⁴ — сказала *Hélène*.

— Так я к тебе ужинать, — сказал мужской голос.

Наташа, само собою разумеется, в то время, как она слышала этот разговор, была занята рассматриванием афиши и не оглядывалась, но, не оглядываясь, она видела, что тот, кто говорил «ты» *Hélène* и который спрашивал о ее ноге, был гвардейский офицер с белым затылком и шелковистыми русыми волосами, зачесанными наперед. «Кто это может быть?» подумала Наташа и сама для себя, для своего успокоения, выставила ножку из-под платья.⁵

В ложу вернулись Илья Андреич и *Pierre*. Наташа слушала и отвечала им, но смотрела в *parterre*, как бы карауля кого-то. Вот он. Это был тот самый *mauvais polisson*, который сомневался в ее ноге. Он вышел из боковой двери в кавалергардском, высокий, статный красавец с широкой грудью, румяными губами и высоко, гордо поднятой головой. Наташа узнала тот самый затылок, который она видела, и ей смешно было думать, какое он уважение к себе там, в *partere*, внушал своей осанкой (она заметила, что перед ним сторонились), и на него смотрели дамы, и как он был <*polisson*> сейчас в ложе. У него был значительный, гордый и молодецкий вид. Так самоуверенно небрежно итти по рядам, прямо на людей, с уверенностью, что посторонятся, не мог итти человек, который не знал себе цены. Походка у него была немного ленивая, немного ухарская, такая походка, которая бы сделала его смешным, ежели бы он не был так хорош собой. Кроме того, начиная от звука его сапог по ковру (тонких с маленькими)¹ [*Младшая прелестна, голова поэтессы... очаровательна.*]

² [Давайте посмотрим!]

³ [Мила! Очень мила.]

⁴ [Скверный шалун,]

⁵ *Зачеркнуто:* и полюбовалась ею.

шпорами) до прически и покроя платья,¹ все это было красиво и мило и, главное, необыкновенно в нем: не такое, какое у других людей.² «Он совсем другой от тех, которые влюблялись в меня», подумала Наташа. «Таких я не знаю». Анатоль прошел в первый ряд, подошел к Долохову, к которому так почтительно приближались другие, и улыбаясь потрепал его по животу (тут на самом виду всего театра). «Знаю, что вы все смотрите», как будто говорил его вид. «Ну, смотрите, мне всё равно». «И о чем они говорят, о чем они смеются?» думала, глядя на них, Наташа. «Что-нибудь отличное». И ей досадно было, что они смеялись и говорили не о ней. Но в то время, как подняли занавес, они оба перегнулись назад, Анатоль перекинул руку через спинку кресла и смеясь, глядя на нее, что-то говорил Долохову.³ «Это что-то новое, этого я не испытала еще», подумала Наташа. «В нем всё другое, чем в князе Андрее, что? — не знаю, но всё другое».>

Во втором акте были всё картоны, изображающие какие-то монументы, и дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры ламп подняли и стали играть в басу трубы и контрабасы, и в черных мантиях стали ходить, и пришло много справа и слева, и стали опять махать руками, а в руках что-то вроде кинжалов.⁴ Потом прибежали еще какие-то и стали тащить ее прочь, но не утащили сразу, а она долго с ними пела, а потом уже ее утащили и за кулисами ударили три раза в кастрюльку, и все очень этого испугались, и стали на колени, и опять пели очень хорошую молитву. <Наташа слушала, ее занимало много вещей: 1) ей хотелось быть знакомой с Héléne, известной модницей и красавицей, и она удивлялась, почему папа не познакомит ее; 2) ей досадно было смотреть на Бориса, который был ее собственный и посмел сделаться женихом. Она ждала его к себе в ложу и сбиралась быть, как можно веселее с ним и как можно естественнее и радостнее поздравить его; 3) она сама не знала почему, но Анатоль,⁵ который очевидно был — и по тому, какое положение он принимал в партере и в ложах дам — первым кавалером Москвы, занимал ее, и она не спускала с него глаз. Потом ее занимал вопрос, придет ли к ним в ложу Pierre, и главное занимало, что про нее говорили Анатоль с Pierr'ом и с Долоховом.

Во втором антракте пришел Борис. Наташа обошлась, как и хотела, радушно и холодно, и Наташа, выйдя в коридор с отцом, была представлена Héléne.⁶ Анатоля не видно было. Он под руку с Долоховым ушел куда-то.>

¹ *Зачеркнуто*: виден был l'homme élégant et comme [il faut] [нарядный и хорошего тона], что так высоко ценила Наташа.

² *Зач.*: «Да, влюбился ли бы он в меня», опять подумала Наташа.

³ *Зач.*: Невольно она следила за ним. Наташе стало досадно и беспокойно от его взгляда.

⁴ *Зач.*: под предлогом пения

⁵ *Зач.*: притягивал

⁶ *Зач.*: Но, занятая ими, она не заметила Анатоля и нашла его опять уж на своем месте.

В третьем акте был представлен дворец очень светло и картины, рыцари с бородками, особенно дурно нарисованные, так дурно, как только бывает на театре, и царица, и царь, вероятно, которые оба очень дурно пели, пропели что-то по сторонам и сели на трон. Она была, тоже и он, в дурном платье и очень грустен. Но они сели. Сперва вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами, и стали танцевать все вместе, кружиться, а потом скрипки заиграли, одна отошла на угол, поправила корсаж худыми руками и стала прыгать и скоро бить одна об одну толстыми ногами.

В это время Наташа заметила, что Анатолий смотрел в трубку на нее и хлопал и кричал. Потом один мужчина стал в угол, заиграли громче в цымбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и очень дурно, и потом наверху стали хлопать и кричать, и мужчина стал глупо улыбаться и кланяться. Потом еще плясали другие, и потом опять один из царей закричал что-то под музыку и стали петь. Но вдруг, само собой разумеется, сделалась буря, стали *agreggio* уменьшенными септимами и хроматической гаммой играть, и все побежали и потащили опять кого-то.

<В этом антракте *Hélène* особенно просила графа Илью Андреича пустить к ней в ложу дочь и просила так настоятельно, что, несмотря на очевидное нежелание это сделать, граф Илья Андреич не мог ей отказать. *Hélène* говорила, что она так полюбила Наташу, что она хочет воспользоваться ею, что она слышала о ее прелестном голосе, что они будут вместе петь и т. д. Наташа перешла к *Hélène*. *Pierre* сел сзади с графом, и Наташа слышала, как ее¹ отец говорил что-то, что пора давно было образумить Россию, что Сперанский прекрасно всё делает, что надо, наконец, приняться за финансы, а то лаж...

Pierre спорил, но кротко, видимо, не желая употреблять всех своих сил против такого неравного бойца. Как и что это было, Наташа не знала, но она чувствовала, что ее папилька *фурфоруется*. что он хочет быть современным, и что то, что он говорит, уже старо, что на нем узкие панталоны, тогда как давно носят широкие. Наташа желала бы внушить это папеньке, но не успевала и не пробовала. Наташа была тщеславно возбуждена лестным приемом *Hélène*, казавшейся ей такой неприступной красавицей и *grande-dame*, и всё тщеславно замечала. Когда она перешла к *Hélène*, она взглянула торжествующе на соседок справа. «Вот вы на меня так смотрели, а уж графиня Безухова-то, я думаю, всем известна, а видите, как я с нею».

В последнем акте приходил дьявол и проваливался кто-то в раздвинутые доски, и был хор, где он всё впереди всех и громко пел, поднимая руку, но Наташа меньше всех видела этот последний акт, потому что² Анатолий, на которого она смотрела невольно,¹ *Зачеркнуто*: папилька, очевидно притворяясь

² *Зач.*: только что она перешла в ложу *Hélène*, как

что-то сказал Долохову, засмеялся и ушел, несмотря на то, что начинался акт. Через две минуты пахнуло холодом из растворенной ложки, уже знакомая Наташе походка послышалась в ложе; между ней и Héléne нагнулась фигура Анатоля.

— Héléne, présentez moi à la comtesse Ростовой,¹ — сказал голос, улыбаясь Наташе. И он начал с ней говорить прежде даже, чем сестра исполнила его просьбу. Он близко, так близко, что Наташе неловко было, подсел к ней и начал, наклоняясь совсем к ней, говорить ей о давнишнем желании быть представленным ей, о бале Нарышкиных.> Он говорил чрезвычайно легко и просто, видимо, и не думая о том, что выйдет из его речей. Он, не спуская улыбающихся глаз, смотрел на лицо, на шею, на руки Наташи. Ей было это очень весело, но тесно, жарко и тяжело становилось. Когда она не смотрела на него, она чувствовала, что он смотрел на ее плечи, и она невольно перехватывала его взгляд, чтоб он уж лучше смотрел на ее глаза. Но, глядя ему в глаза, она с страхом чувствовала, что между им и ею нет той преграды стыдливости, которую всегда она чувствовала между собой и мужчинами. Она, сама не зная как, через пять минут чувствовала себя страшно фамильярно близкою к этому человеку. Когда она отвертывалась, она боялась, как бы он сзади не взял ее за голую руку, не поцеловал бы ее в шею. Они говорили о самых простых вещах, а она чувствовала, что они близки, как она никогда не была с мужчиной. И что ей странно было, это то, что он не только не робел перед нею, как робел сам князь Андрей, а напротив, он как будто ласкал и подсмеивался над нею. Тон, небрежно подсмеивающийся, был принят Анатодем раз навсегда со всеми женщинами.

Наташа, оглядывалась на Héléne, Pierr'a и отца, как оглядывается ребенок, когда его чужие хотят увести, но² они все не смотрели на нее. В числе вопросов учтивости Наташа спросила у Анатоля, как ему нравится Москва. Наташа спросила и ужаснулась тому, что она спросила: ей постоянно казалось, что что-то неприличное она делает. Анатолю улыбнулся.

— Сначала мне мало нравилась, потому что, что делает город приятным, les femmes, les jolies femmes,³ но теперь к середине зимы подъезжает товар, и должен признаться, с каждым днем лучше. Ma parole d'honneur, vous êtes la plus jolie femme de la saison,⁴ — сказал он и, протянув руку к ее букету, сказал:

— Donnez moi cette fleur.⁵ Наташа отвернулась и покраснела. Она не знала, что сказать. Но только что она отвернулась, она с ужасом подумала, что он тут сзади и так близко от нее, что он теперь сконфужен, рассержен. Она не могла и оглянуться. Он, нагнувшись, отрывал бант с подола ее платья и когда она взглянула на него, он оторвал его и, улыбувшись, прижал к губам.¹ [Элен, представь меня графине Ростовой,]

² *Зачеркнуто:* Héléne разговаривала со своим французом, а Pierr'e и

³ [женщины, хорошенькие женщины,]

⁴ [Честное слово, вы самая красивая женщина в нынешнем сезоне,]

⁵ [Дайте мне этот цветок.]

¹ Хотела или не хотела рассердиться Наташа, она сама не знала, она прямо в глаза взглянула ему, и его близость, и уверенность, и добродушная ласковость улыбки победили ее. Она улыбнулась тоже, так же, как и он, глядя прямо в глаза ему. «Боже мой, что я, где я?» думала она. Но и весь этот третий акт, всякий раз, как она глядела на него, она, покоряясь ему, улыбалась, она чувствовала, что между ним и ею нет никакой преграды. Когда они выходили с отцом, Анатолий провожал их до кареты. Он посадил Наташу и пожал [ей руку выше локтя].

* № 141 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII-X).

Илья Андреич с дочерью и племянницей опоздали и приехали в конце увертюры. Театр был полон, увертюра уже кончалась, в партере и в ложах осторожно входящие поздно, яркий свет блистал на ярких туалетах. Наташа оправила платье, прошла в бениар и села впереди, облокотив руку на бархат балюстрады и оглядывая залу.

Прическа à la grècque, открытое спереди платье на тонкой, но полной шее с жемчугами очень шло к ней.

— Посмотри, это Аленины.

— Да, а вон Петров идет.

— Какой Петров?

— Да cousin Бестужевых.

— Ах, да.

— Как хороша Аленина.

— Ничего хорошего, — говорили Соня и отец с дочерью. И говорили оба как то особенно торжественно, — не так, как они говорили между собой дома. Они говорили так, что видно было, [что] кроме смысла их речей было еще что-то.

— ²Видишь Курагина? — сказала ей Соня, указывая на мужчину, стоявшего у рампы в середине первого ряда.

— Да, и Долохов, — сказала Наташа. — Не мешай мне слушать...

Наташа слушала³ увертюру, но вместе с тем чувствовала, что она в блестящем освещении, что она хороша, и на нее смотрят и, не глядя ни на кого особенно, знала, кто и кто на нее смотрит, и сама смотрела на тех, кто интересовал ее. И невольно более всех обратили ее внимание два человека, обращавшие и внимание всей Москвы. Это были Анатолий Курагин и Долохов. Они оба стояли в самой середине театра, против суфлера, опершись задом на рампу, разглядывая публику, разговаривая и смеясь. ¹ *На полях*: Она позволила ему вольность, она ласково посмотрела на него и началась та ретроспективная работа, которая доказала ей, что она его любила с самого начала. А любила, так он прекрасен. Это спокойствие, мужественность.

А он — приемы романтика и ловеласа.

² *Зачеркнуто*: Она заметила, что четыре глаза от рампы, не переставая, смотрели на нее. Это был какой-то знакомый красивый мужчина и персиянин.

³ *Зач.*: всей душой

Долохов с курчавыми волосами копной на голове, в персидском костюме, с раненой рукой в рукаве с завязочками, что-то говорил Анатолю Курагину. Курагин, гораздо выше его ростом, в адъютантском мундире стоял, тихо улыбаясь своим красивым лицом, небрежно слушая и оглядывая ложи.

Репутация Анатоля Курагина, его удивительных успехов с женщинами, несмотря на то, что старшие при Наташе старались не говорить о том, была известна Наташе, и он сам прежде интересовал ее;¹ она внимательно посмотрела на него и опять отвернулась.

На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны зеленым, долженствовавшие представлять деревья, из-за картонов под лампами высывались мушкетеры в сертуках и девушки какие-то, позади был очень дурно нарисован какой-то город, такой, какие всегда бывают на театре и никогда не бывают в действительности. Наверху были протянуты полотна. На досках сидели какие-то барышни в красных корсажах и белых юбочках, а одна в шелковом белом платье сидела особо, и все они были одеты, как никогда в действительности и всегда на театре. И все они пели что-то. Потом в белом девица подошла к будочке и к ней подошел в шелковых в обтяжку панталонах (ноги толстые были) с пером и кинжалом и стал что-то ей доказывать, хватать за голую руку, перебирать пальцами по руке и петь. Наташа, как ни редко бывала в театре, знала, что всё это так будет, и не интересовалась тем, что было на сцене. Она вообще мало любила театр, а теперь после деревни и в том серьезном настроении, в котором она была, всё это ей было скучно и неинтересно. В одну из самых тихих минут, когда любовник в обтянутых панталонах перебирал пальцами руку девицы в белом платье, очевидно выжидая такта начать, скрипнула дверь партера и зазвучали шаги с легким поскрипыванием сапог по ковру партера на той стороне, на которой была ложа Ростовых.

[Далее со слов: Hélène обернулась... кончая ...и прошел в первые ряды. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. IX.]

Прошел первый акт,² весь партер встал и перепутался, очень многие проходили мимо самой их ложи и кланялись. Анатолю, высокий, стройный, красивый, стоял в самой середине рампы и что-то оживленно доказывал толстому полковнику, очевидно, не думая о другом, все о ней, о Наташе. В середине рядов Наташа заметила большую толстую фигуру с очками, которая стояла, оглядывая наивно ложи. Это был Pierre. Встретившись глазами с Наташей, он кивнул ей, улыбаясь, головой. И в это же время Наташа увидела, что по направлению к Pierre'у шел Анатолю, как по кустам по толпе, раздвигая ее перед собою, и стал что-то говорить, глядя на ложу Ростовых. «Наверное, пари держу, просит Pierre'a, чтобы представить ¹ *Зачеркнуто*: как интересуется всякую женщину победитель, следовательно, ценитель женщин. «Влюбился ли этот в меня?» подумала Наташа.

² *Зач.*: В антракте она заметила выходящего из партера кавалергарда с Долоховым. Они опять взглянули в их ложу. И Наташе таким <старым> приятелем показался этот кавалергард по его взгляду и улыбке. Он был

его нам», подумала Наташа. Но Наташа ошиблась¹: Анатоль вышел один из партера и опять вернулся только тогда, когда уж сели на места.

Проходя мимо их ложи,² Анатоль небрежно повернул прямо к ней свою красивую голову, и ей показалось, что он улыбнулся. Потом она слышала его голос в ложе сестры, что-то шептавший ей.

Во втором акте были всё картоны, изображающие какие-то монументы, и дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры ламп подняли и стали играть в басу трубы и контрабасы, и в черных мантиях стали ходить люди, и пришло много справа и слева, и стали опять махать руками, а в руках у них было что-то вроде кинжалов; потом прибежали еще какие-то и стали тащить ее прочь, но не утащили сразу, а она долго с ними пела, а потом уже ее утащили и за кулисами ударили три раза в кастрюльку, и все очень этого испугались и стали на колени и опять пели очень хорошую молитву.

Во время этого действия Наташа³ всякий раз, как взглядывала в партер, видела Анатоля Курагина, перекинувшего руку через спинку кресла, смотревшего на нее; ей становилось неприятно и беспокойно от этого взгляда.

Как только кончился акт, Элен В[esouchoff] встала, повернулась к ложе Ростова, пальчиком в перчатке поманила к себе старого графа и, не обращая внимания на вошедших к ней в ложу, начала, любезно улыбаясь, говорить с ним.

— Да познакомьте же меня с вашими прелестными дочерьми, — говорила она, — весь город про них кричит, а я их не знаю.

Наташа, краснея, присела ей. Ей приятно было знакомство и похвала этой блестящей красавицы.

— Я теперь тоже хочу сделаться москвичкой. И как вам не грех зарыть такие перлы в деревне? — Элен В[esouchoff] по справедливости имела репутацию обворожительной. Она могла говорить то, чего не думала, а в особенности лесть совершенно просто и натурально.

— Нет, милый граф, вы мне позвольте заняться вашими дочерьми. Я хоть теперь здесь не надолго и вы тоже. И я постараюсь повеселить ваших. К[нягиня] А[лена] В[асильевна] спросила о князе Андрее Болконском, тонко намекая этим, что она знала отношения его к ним, и попросила, чтобы ей лучше познакомиться, позволить одной из дочерей посидеть остальную часть спектакля в ее ложе, и Наташа перешла в ложу Элен В.

В третьем, акте был представлен дворец очень светло и картины, рыцари с бородками, особенно дурно нарисованные, так дурно, как только бывает на театре, и царица и царь, вероятно, которые оба очень дурно пели, пропели что-то по сторонам и сели на трон. Она была, тоже и он, в дурном платье и очень грустны. Но они сели. Справа вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми¹ *Зачеркнуто*: В ложу к ним входили многие в этом антракте, но не было ни Pierr'a, ни Анатоля. Анатоль куда-то вышел.

² *Зач.*: с тем же поскрипыванием сапог по ковру.

³ *Зач.*: невольно, несколько раз

ногами и стали танцевать все вместе, кружиться, а потом скрипки заиграли, одна отошла на угол, поправила корсаж худыми руками и стала прыгать и скоро бить одна об одну толстыми ногами.

В это время Наташа заметила, что Анатоль смотрел в трубку на нее и хлопал и кричал. Потом один мужчина стал в угол, заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко (мужчина этот был Dupont, получавший шестьдесят тысяч рублей серебром за это искусство), семенить ногами, и все стали хлопать и кричать, и мужчина стал глупо улыбаться и кланяться. Потом еще плясали другие, и потом опять один из царей закричал что-то под музыку, и стали петь. Но вдруг, само собой разумеется, сделалась буря, стали *agreggio* уменьшенными септимами и хроматической гаммой играть, и все побежали и потащили опять кого-то.¹

Еще не успело всё это кончиться, как вдруг в ложе пахнуло холодом, отворилась дверь, и в ложу вошли Pierré и за ним, нагибаясь и стараясь не зацепить кого-нибудь, улыбаясь, вошел² Анатоль. Наташа была рада Pierré'у и с той же радостной улыбкой обратилась к Курагину; когда Элен В[esouchoff] представила его, он подошел к Наташе, низко пригибая к ней свою надушенную голову и говоря, что он желал иметь удовольствие это еще с бала Нарышкиных 1810 года.

Анатоль Курагин говорил просто, весело и Наташу странно и приятно поразило, что не только ничего не было такого страшного в этом человеке, про которого так много рассказывали, но что, напротив, у него была самая наивно веселая и добродушная улыбка.

Анатоль Курагин рассказывал ей про карусель, который затевался в Москве, и просил ее принять в нем участие.

— Будет очень весело.³

— *Почему* вы знаете?⁴

— Пожалуйста, приезжайте, право, — говорил он.

*№ 142 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).

⁵ Долохов в это время был знаменитым и жил в Москве. История Долохова за это время была следующая. После выигрыша у Ростова Долохов открыл у себя⁶ организованный игорный дом, ¹ *Зачеркнуто*: <Pierré вдруг вошел с Анатодем в ложу и ввел с собой Анатоля начал> Анатоль, добродушно улыбаясь, близко наклоняясь к Наташе своей душистой головой, просто и весело [стал] говорить с нею. Наташа весело улыбалась ему. Ей приятно было видеть, что в нем не только ничего не было страшного, но что [он] был очень добрый, веселый и милый человек.

² *Зач.*: красивый

³ *Зач.*: — Вы будете очень хороши амазонкой.

⁴ *Зач.*: — Уж я знаю.

— Я бы был вашим кавалером.

⁵ *Зач.*: История Долохова <Долохов был>. С 1807 года <после> <был выслан [?]> со времени своей дуэли много пережил и переиспытал и недавно опять поселился в Москве.

⁶ *Зачеркнуто*: регулярный

в который собирались все игроки московские, несмотря на то, что все говорили, что Долохов играет поддельными картами.¹ Но, во-первых, неудобно было говорить ему, что он шулер. Был известен анекдот, что одному артиллерийскому полковнику, сказавшему ему, что он шулер, он, отведя его в сторону, спокойно ответил: «очень может быть, но я терпеть не могу, чтобы мне это говорили», и вызвал его. Во-вторых, он делал так, что люди, как сенаторы, имевшие голос в обществе, выигрывали часто у него, проигрывали же большей частью неизвестные молодые богатые люди. В 1807 году один молодой купец был обыгран Долоховым на несколько десятков тысяч, и так [как] молодой купчик не знал изречения, что *une dette de jeu est sacrée*,² то купчик, очнувшись на другой день от дурмана, подлитого ему в вино, с наивным здравым смыслом объявил, что он не заплатит, так как он обманом обыгран. Тогда Долохов с особенным жестоким блеском глаз посмотрел на него, улыбка стала виднее, ничего не сказав купцу, кликнул людей, велел приготовить вексельной бумаги и селедки в пустую комнату и запер туда купца.³

* № 143 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).

Долохов в нынешнем году только опять появился в Москве, из которой он пропал⁴ вскоре после того, как обыграл Ростова. Рассказывали, что в этом году он обыграл еще купца и когда купец объявил, очнувшись на другое утро, что он был опоен дурманом и платить не намерен, то Долохов, ничего не сказав купцу, кликнул людей, велел приготовить вексельной бумаги и селедки в пустую комнату и запер туда купца. Рассказывали, что через три дня, во время которых купцу не давали пить, вексель был подписан и купец выпущен. Но купец подал жалобу и, несмотря на сильную защиту, которую успел найти Долохов, он был выслан из Москвы и ему угрожали разжалованием, ежели он не вступит в службу. Рассказывали, что он поступил капитаном в финляндскую армию.⁵ В Финляндии их полк не был в деле, и он, как всегда умевший быть в связи с людьми высшими себя по состоянию и положению, жил вместе с⁶ князем Иваном Болконским, двоюродным братом Андрея. Оба стояли у пастора и оба влюбились в его дочь. Долохов, прикидываясь только влюбленным, давно уж был любовником пасторской дочери. Болконский, узнав это, стал упрекать Долохова.¹ *Зач.:* Но искусство ли, такт ли

² [карточный долг свят,]

³ *Зач.:* Ну, так погостите у меня, может вздумаете подписать.

⁴ *Во второй редакции:*

Вскоре после того, как Долохов обыграл Ростова, рассказывали, что он, опоив дурманом, обыграл еще одного бывшего купца и пыткой принудил этого купца заплатить деньги.

⁵ *Во второй редакции вместо зачеркнутого:* и там изувечил девушку, дочь пастора, и был отдан под суд — и там был отдан под суд за какой-то зверский поступок с дочерью одного пастора.

⁶ *Зач.:* родственником

Долохов вызвал его и убил. В тот же вечер пасторская дочь с упреками и угрозами пришла к нему.¹ Он прогнал и избил ее.

Сразу начались два новые дела. И в это время Долохов пропал, так что в продолжение двух лет никто ничего о нем не слышал. Последнее известие, полученное от него², было письмо к матери, таинственно переданное ей одним из прислужников и помощников по игре Долохова во время его блестящей жизни в Москве. Письмо это было короткое, но страстно нежное, как и все письма Долохова к матери, и как его отношения к ней с того самого времени, как он стал на ноги.

Марья Ивановна Долохова ездила по Москве, показывая всем это письмо и прося защиты и милости своему обожаемому Феде. Письмо это, писанное из Финляндии, было следующее:

«Бесценный ангел-хранитель мой, матушка. Жестокая судьба не перестает преследовать меня. Роковые обстоятельства увлекают меня в бурный поток жизни. Я опять несчастен, опять сужусь. Богу истинному, справедливому [?] известна правда. Я бежал. Но о себе я не думаю. Одно горе, мучающее меня, это вы, мой ангел, мой голубчик; обнимаю вас, бесценная, и умоляю не печалиться, жалеть себя для лучших дней. Я не пропаду. Я чувствую, что буду опять видеть ясные, любви полные, материнской любви, которая дороже света для меня, — очи и лобзать эти руки. Божественная натура говорит во мне сильнее других голосов. Прощайте, ангел, посылаю, что могу, и молю об терпении. Ваш, обожающий вас, сын Ф. Долохов».

При письме было 5000 денег.³ Долохов писал, что ему ничего не нужно.⁴

Марья Ивановна Долохова обливала слезами это письмо, упрекала весь свет за несправедливость к ее благородному сыну, и Безухого за его жестокость, и Ростова за его клевету, и этого гадкого купчищу, который, подлый, проиграв благородному человеку, — пошел жаловаться, и чухонку эту наглуую, и жестокое правительство.

Три года прошло без всяких известий, наконец в 10-м году, осенью, в домик к Марье Ивановне явился в странном персидском одеянии, красно загорелый и обросший бородой человек, который ¹ *Зачеркнуто*: Долохов был в припадке своей жестокости.

² *В рукописи*: им

³ *Зач.*: последние

⁴ *Зач.*: Мать, обливаясь слезами, перечитывала это и прежние такие же письма, когда в <10> 11 году зимой старый дворник Гаврила пришел сказать, что мужик пришел спрашивать. Ольга, сестра, пошла посмотреть. Одни женщины боялись. Как вдруг вскрикнул мужественный голос, и в кафтане вбежал бледный Долохов и упал в обморок в объятия матери. Это был он. Он пешком пришел из Камчатки. Он был в диком [виде], татуирован, он ездил вокруг света. Он боялся всего. Его велено было расстрелять за бунт, произведенный на корабле. Он тайно пришел. Мать спрятала его, но тайна скоро узналась и важные лица тайно (*secret de la comédie*) видели этого странного человека и хлопотали за него. Он сделался даже известностью и модой.

бросился к ногам матери. Это был Долохов.¹ Рассказывали, что он всё это время был в Грузии у какого-то владетельного князя министром, что он воевал там с персиянами, имел свой гарем, убил кого-то, оказал какую-то услугу правительству и был возвращен в Россию. Несмотря на это прошедшее, которое не только не скрывал, но с особенным цинизмом любил останавливаться сам Долохов, он понемногу не только был принят во всем высшем московском обществе, но он поставил себя так, как бы делал особенную милость тому, к кому он приезжал. В лучших московских домах для него делали обеды и звали гостей на Долохова-персиянина. Очень много молодых людей сгорали желанием сблизиться с Долоховым и стыдились своего прошедшего, в котором не было таких историй, какие были у Долохова.

Никто не знал, чем он жил в Москве, но он жил очень богато. Он продолжал носить персидский костюм, который очень шел к нему. И дамы и девицы наперерыв кокетничали перед ним. Но Долохов в это свое последнее пребывание в Москве усвоил себе тон презрительного донжуанства в отношении к женщинам, которое особенно волновало дам. В Москве повторялся и известен был его ответ Жюли Корнаковой, которая так же, как и другие, особенно желала приручить этого медведя. Она спрашивала его на бале, отчего он не женится.

— Оттого, — ответил Долохов, — что не верю ни одной женщине, а еще меньше девушке.

— Чем же бы могла доказать вам девушка свою любовь? — спросила Жюли.

— Очень просто: тем, чтобы отдаться мне до свадьбы, — тогда женюсь. Хотите?

Долохов в этом году в первый раз пустил в моду хоровых цыган, часто угощал ими своих приятелей и говаривал, что ни одна барыня московская не стоит пальца Матрешки. Анатолий был другим блестящим молодым человеком этого сезона в Москве, хотя и в другом несколько обществе, но друг и приятель Долохова.²

³ Анатолю было 28 лет. Он был в полном блеске своей силы и красоты. Во все эти пять лет со времени 1805 года он, за ¹ *На полях*: На Кавказе и у горцев.

² *Зачеркнуто*: Анатолий, старый приятель Долохова, приехав в Москву по приказанию отца, сделался неразлучным с Долоховым, и Долохов умел себя так поставить с Анатолием, что как будто Долохов делал честь этой дружбой Курагину. Оба они были в том периоде жизни холостого, красивого мужчины, когда уже притупилось чувство любви к женщине, но когда еще нет потребности в женской семейной любви — в том периоде донжуанства — желания наслаждений женщиной без обязанностей и соображений положений, через которые проходит более или менее каждый человек. Но в Долохове это донжуанство соединялось с презрением, злобой к женщине вообще и склонностью к жестокости, в Анатоле, напротив, с добродушной ограниченностью, не позволявшей ему видеть ничего дальше своего удовольствия.

³ *На полях*: <А[натоль] К[урагин] с тех пор много пережил, и репутация его, соблазителя и Дон-Жуана, как ком снега, нарастала. Он соблазнял потому, что им[ел] репутацию.>

исключением времени, проведенного в Аустерлицком походе, пробыв в Петербурге, в Киеве, где он был адъютантом, и в Гатчине в кавалергардском полку. Он не только не искал службы, но всегда избегал ее и, несмотря на то, он не переставая служил на видных приятных местах, не требующих никаких занятий. Князь Василий считал одним из условий приличия для себя, чтобы сын его служил, и потому не успевал сын напортить себе в одном месте, как он уже назначался в другое. Анатолю казалось, что это было необходимое условие жизни, и он, поступая в адъютанты, делал вид, что он делает милость, поступая. Впрочем, он и этого вида не делал. Он был для этого слишком всегда здоров и добродушно весел. На деньги точно так же смотрел Анатолий. Он был инстинктивно всем существом своим убежден, что ему нельзя было жить иначе, как он жил, т. е. проживать около двадцати тысяч, что это было одно из естественных условий его жизни — как вода для утки. Отец жаловался, упрекал его (хотя не часто. Князь Василий понимал то же, что и сын, и видел, что говорить незачем), но давал, отрывая от себя и принужденный выпрашивать у государя. Анатолий тем более был убежден, что ему проживать двадцать тысяч неизбежно, что он чувствовал, он не имел никаких дурных страстей. Он был не игрок, не проматывался на женщин. (Он был так избалован женщинами, что не понимал, как можно им платить за то, чего они так желают.) Был не честолюбив. (Он сотни раз дразнил отца, портя свою карьеру, и смеялся над всеми почестями.) Он был не скуп на деньги¹ и не копил, напротив, везде он сорил деньгами, везде, где только мог, и был кругом должен. Но как же ему было не иметь двух камердинеров, не иметь скаковой лошади, ежели вздумывалось скакать на призы, как не иметь экипажа, не иметь счетов у портных, парфюмеров и поставщиков эпалет и т. п. по тысяче в год. Ведь он не мог же думать об этом и занашивать мундиры. А главное, как же ему было не выпить бутылку с приятелем, не угостить обедом или ужином друзей. Кажется, он этим никому вреда не делал. Нельзя не послать букета и браслетку хорошенькой женщине в благодарность за ее внимание, расставаясь с нею. У кутил, у этих мужских магдалин, есть темное чувство сознания невинности, такое же, как и у магдалин женщин, основанное на той же надежде прощения. «Ей всё простится, потому что она много любила. А ему всё простится, потому что он веселился и никому вреда не делал». Так думают — или скорее в глубине души чувствуют — кутилы, и чувствовал Анатолий, несмотря на свою неспособность соображать. И Анатолий это чувствовал более другого, потому что он был вполне искренний кутила, всё пожертвовавший для добродушного веселья. Он не был, как другие кутилы, даже как В[аська] Д[енисов], для которых двери честолюбия и высшего света, богатства, счастья супружества закрыты и потому утрирующие свой кутеж, не был, как Долохов, помнящий всегда выгоды и невыгоды — он искренно знает

¹ В рукописи описка: надеюсь

не хотел ничего, кроме удовлетворения своих вкусов, из которых главный был женщины и веселье. Оттого он так твердо веровал в то, что об нем должны были кто-то другие заботиться, помещать его на места и что для него должны были быть всегда деньги. А оттого, что он так твердо веровал в это, оттого это действительно так было, как это и всегда бывает в жизни.

Последнее время в Петербурге, в Гатчине он задолжал так много, что кредиторы стали, несмотря на свою особенную терпимость с ним, надоедать ему. (Кредиторы перед тем бывали обезоружены его открытой, красивой рожей с выпученной грудью фигурой, когда он говорил им, улыбаясь: «Ей-богу, нет, что делать».) Но теперь стали приставать. Он поехал к отцу и, улыбаясь, сказал:

— Papa, il faut arranger tout ça. On ne me donne plus de repos.¹

Потом он зашел к сестре.

— Что же это? дай мне денег. — Отец погудел и вечером придумал:

— Поезжай ты в Москву, я напишу, тебе там дадут место, и живи у Pierr'a в доме, — тебе ничего не стоить будет.

Анатолий поехал и весело зажил в Москве, сойдясь с Долоховым и вместе с ним заведя какое-то масонство донжуанства.²

Pierre принял Анатолия сначала неохотно по воспоминаниям о жене, которые возбуждал в нем вид Анатолия, но потом привык к нему, изредка ездил с ним на их кутежи к цыганам, давал ему денег взаймы и даже полюбил его. Нельзя было не полюбить этого человека, когда ближе узнавали его. Ни одной дурной страсти не было в нем — ни корыстолюбия, ни тщеславия, ни честолюбия, ни зависти, ни еще меньше ненависти к кому-нибудь. (Никогда ни про кого Анатолий не говорил дурно и не думал дурно.) «Чтоб не скучно было покуда», вот всё, что ему было нужно.³

Его общество в Москве было другое, чем общество Долохова. Главный круг Анатолия был свет с балами и актрисы французские, особенно m-lle George.

Он ездил и в свет, и танцевал на балах, и участвовал в карусели в рыцарских костюмах, которую устраивали тогда в высшем обществе, и даже на домашних театрах, но планы князя Василия о его женитьбе на богатой были далеки от осуществления. Приятнейшие минуты для Анатолия в Москве были те, когда с бала или

¹ [Папа, надо уладить всё это. Мне покоя не дают.]

² *Зачеркнуто*: презрения, грубости к женщинам. И странно, эта грубость внушала всем уважение. Как пример грубости, Долохов говорил и самой Жюли сказал, что он, пожалуй, женится на ней, ежели она отдастся ему до свадьбы. Анатолий тот прямо говорил, что ему надоели женщины тем, что ни одна не <борется>. В отношениях этих людей было однако неравенство. Долохов делал, что хотел, с Анатолием. Они стояли в театре у рампы и разглядывали входящих.

— Bravo, P[остовы], — сказал Долохов. — Как похорошела меньшая. Вот на твоём месте я бы отбил её у Болконского. Он её формирует.

— Очень хороша, — сказал Анатолий.

³ *На полях*: Анатолий был добрый, славный малый. Н[аташа] пишет Андрею, что она <любит> готова и ждать не может.

даже от m-Me George, с которой он был очень близок, он приезжал или к Шальма [?] или к Долохову, или к себе или к цыганам и, сняв мундир, принимался за дело: пить, петь и обнимать цыганку или актрису. Бал и светское общество в этом случае действовало на него, как возбуждение стеснения перед ночным разгулом. Сила и сносность его в перенесении этих бессонных и пьяных ночей удивляла всех его товарищей. Он после такой ночи ехал на обед в свет такой же свежий и красивый, как всегда.

В отношениях их с Долоховым была со стороны Анатоля наивная и чистая товарищеская дружба, насколько он был в состоянии испытывать это чувство, со стороны Долохова был расчет. Он держал при себе беспутного Анатоля Курагина и настраивал его так, как ему нужно было.¹

Ему нужно было чистое имя, знатность связей и репутация Курагина для своего общества, для игорных расчетов, так как он опять начинал играть, но нужнее всего ему было настраивать Анатоля и управлять им так, как он хотел. Этот самый процесс — управление чужой волею — было наслаждением, привычкой и потребностью для Долохова. Только в редкие минуты своих припадков буйства и жестокости Долохов забывал себя, всегда же он был самый холодный, расчетливый человек, любивший более всего презирать людей и заставлять их действовать по своей воле. Так он управлял Ростовым, так теперь, кроме многих других, управляя Анатодем, забавляясь этим иногда без всякой цели, как бы только набивая руку.²

* № 144 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI, XV).

<Долохов, как люди пьющие запоем, уже давно жил смирно. Ему уже было беспокойно, и потребность такого поступка,³ который бы выходил из всех принятых условий жизни, начинала сильнее и сильнее чувствоваться ему. Когда он, стоя в первых рядах кресел рядом с Анатодем, в первый раз увидел в бенуаре¹ *Зачеркнуто*: Последнее время на театре появилась молоденькая, красивая хористка, славившаяся своей безупречностью. Долохов с Анатодем оба решили соблазнить ее и не пропускали ни одного спектакля, где она плясала.

² *Зач.*: В последнее время в Москве две <певицы> актрисы имели свои партии. Долохов предпочитал Семенову. Чтоб поддержать ее, ему нужен был Анатоде, и он, притворяясь, что ему все певцы равны, что все не стоят Стешки цыганки, так однако раздражил Курагина, что Курагин приехал в театр с намерением свистать той певице и собрать подписку на браслет для <Семеновой> своей певицы.

На полях во второй редакции: Долохов не любил Ростовых, потому что с ними связывались для него тяжелое воспоминание об обьигранном Николае, Николае, так искренно любившем его, и оскорбительное воспоминание об отказе Сони. Он увидел Соню, заметил впечатление, произведенное Наташей на Анатоля, и у него составил план действия. Он восхищался Наташей, подсмеивался над Анатодем, дразня его тем, что ему перебил дорогу Болконский, <рассказывал, как он в Финляндии увез от матери девушку-невесту, и бился об заклад, что Наташа не обратит внимания на Курагина>

³ *Зач.*: жест[окости]

свою прежнюю любовь Соню, гадливо отвернувшуюся от него, и поразившую не его одного¹ Наташу, у него дернулись губы, как они дергались в то время, как он вызывал Pierr'a, приказывал запереть купца и² топил своих в Аустерлицком льду.

— Кто такие? Кто? — спросил Анатоль, тотчас заметив отличавшуюся от других Наташу.

— Не про нас писано, — отвечал Долохов. — Говорят, сосватана за Болконского Андрея. Очень хороша.

— Charmante!³

— Богаты?

— Были, — отвечал Долохов. — Вон Безухов их знает, попроси, он тебя познакомит...

Возвратившись из ложи Ростовых, Анатоль всё повторял: charmante и сожалел о том, что она была не дама.

— Да, да, невеста! — говорил Долохов.

— Скука с этими барышнями, что с ними делать?

— Что делать? Увезть.

— Врешь.

— В Финляндии с покойным Болконским (это был тот, которого он убил), — начал рассказывать Долохов, — мы⁴ отличное устроили дело с одной баронессой Хезен. — И Долохов с своей улыбкой рассказал подробно похищение, [о] вымышленном, поддельном браке и все подробности этого дела.⁵

Не от того, что Долохов подстрекал к этому Курагина, но оттого, что Курагину надоела в это время его актриса, оттого, что Наташа была очень хороша и сильно⁶ подействовала на него, оттого что замыслы Долохова совпали с увлечением Курагина, он с этого вечера стал ухаживать за Наташей. > Он не ездил в дом к тетушке Ростовых, у которой они гостили, во-первых потому, что был незнаком с нею, во-вторых потому, что старый граф, весьма чопорный в отношении девиц, считал неприличным звать такого известного повесу, в-третьих потому, что Анатоль не любил ездить в дом, где барышни. На бале он был дома, но в тесном домашнем кружке ему было тесно и неловко.

Анатоль не думал, потому что не мог думать о том, что выйдет из его ухаживанья за Наташей,⁷ <но он был влюблен в нее.

На последнем бале, где он встретил ее, он сказал ей, что влюблен в нее, что он застрелится, ежели она оттолкнет от себя, что он не¹ *Зачеркнуто*: похорошевшую, привлекательную

² *Зач.*: убивал

³ [Прелестна!]

⁴ *Зач.*: в две недели обделали

⁵ *На полях*: Рассказывали, что после выигрыша у Ростова он завел правильно устроенный игорный дом, в котором обманом обьигрывал молодых приезжих дворян и купцов. Рассказывали, что один из таких обьигранных купцов, очнувшись на другой день после выпитого вина, объявил, что он платить не будет и что Долохов

⁶ *На полях*: Анатоль приехал в Москву по приказу отца, чтоб жениться.

⁷ *Зач.*: С каждым днем он все больше и больше влюблялся

может ездить к ним в дом, но и не может жить без нее. Наташа сама не знала, как она выслушала всё это, но ничего не ответила и, прощаясь с ним, опять улыбнулась ему.

Узнав эти подробности, Долохов сказал Анатолю, что он надоел ему своими вздохами. Что это все глупости, которые надо бросить или жениться.

— Ты знаешь, что я не могу,¹ да и не хочу,— сказал Анатолю.

— Ну, так увези ее. Я тебе всё устрою, как по маслу. Первое: пиши письмо. Священника подставного, тройки — всё мое дело.

Долохов и подкупил девушку Ростовых, и написал страстное, с орфографическими ошибками, французское письмо, и передал его Наташе и, получив согласие, все приготовил к 18 числу февраля.

Анатолю было влюблено и не знал и не думал о том, что из этого выйдет, был на все согласен.>

* № 145 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XII—XV).

Наташа произвела сильное впечатление на Курагина. Он сам не знал, что и зачем волочился за ней.

Он не ездил в дом к тетушке Ростовых, у которых они гостили, во-первых потому, что был незнаком с нею, во-вторых потому, что старый граф, весьма чопорный в отношении девиц, считал неприличным звать такого известного повесу, в-третьих потому, что Анатолю не любил ездить в дом, где барышни. На бале он был дома, но в тесном домашнем кружке ему было тесно и неловко.

Анатолю не думал, потому что не мог думать о том, что выйдет из его ухаживанья за Наташей.

На третий день после театра он приехал обедать к сестре.

— Я влюблен. Mais fou amoureux,² — сказал он сестре. — Elle est délicieuse,³ — говорил он. — Но они никуда не ездят. А что я к ним поеду? Как и потом сейчас — жениться... Non il faut que vous m'arrangiez cela.⁴ Позови их обедать, я не знаю, вечер сделай.

Hélène радостно насмешливо слушала брата и дразнила его. Она искренно любила влюбленных и следить за процессом любви.⁵

— Vous voilà pris,⁶ — говорила она. — Нет, я не позову. Они скучные.

— Скучные! — с ужасом ответил Анатолю. — Это такая прелесть. C'est une déesse.⁷ Анатолю любил это выражение. За обедом ¹ *Зачеркнуто*: У них ничего нет

² [Схожу с ума от любви,]

³ [Она — прелестна,]

⁴ [Нет, надо, чтобы вы устроили мне это.]

⁵ *Зач. во второй редакции*: Кроме того, устроив эту интригу, она сразу отплачивала маленький долг Наташе, в Петербурге отвлекшей от нее Бориса, и делала несчастье Болконского, который, она знала, не любил ее.

⁶ [Вот и попался,]

⁷ [Это — богиня.]

Анатоль молчал и вздыхал. *Hélène* смеялась над ним. Когда *Pierre* ушел из гостиной (*Hélène* знала, что он не одобрит этого), она сказала брату, что готова сжалиться над ним и завтра у нее будет декламировать *m-lle Georges*, будет вечер и она позовет Ростовых.

— Только знай, что не делать твоих проказ, я беру ее на свою ответственность и, говорят, она невеста, — сказала *Hélène*, которой именно и хотелось проказ со стороны брата.

— *Vous êtes la perle des femmes*,¹ — кричал Анатоль, целуя сестру в шею и плечи. — *Quel pied*.² Ты видела? Прелесть.

— *Charmante, charmante*,³ — говорила *Hélène*, которая искренно любовалась Наташей и искренно желала повеселить ее.

На другой день серые рысаки *Hélène* подвезли ее к дому Ростовых, и свежая с мороза, сияющая улыбкой из соболей, поспешно и оживленно она вошла в гостиную.

— Нет, это ни на что не похоже, мой милый граф. Как, жить в Москве и никуда не ездить. Нет, я от вас не отстану: нынче вечером у меня *m-lle Georges* и, ежели вы не привезете своих красавиц, которые лучше *Georges*, я вас знать не хочу. Непременно, непременно в девятом часу. — Оставшись одна с Наташей, она успела сказать ей:

— Вчера брат обедал у меня. Мы помирали со смеха. Он ничего не ест и вздыхает по вас, моя прелесть. *Il est fou, mais fou amoureux de vous, ma chère*.⁴

Наташа покраснела. «К чему она говорит мне это!» подумала она. «И что мне за дело до тех, кто вздыхают, когда у меня есть один избранный». Но *Hélène*, как будто догадываясь о сомнении Наташи, прибавила:

— Непременно приезжайте. Повеселитесь. *Si vous aimez quelqu'un, ma délicieuse* (она так называла Наташу), *ce n'est pas une raison pour se cloîtrer. Si même vous êtes promise, je suis sûre que votre promis aurait désiré que vous alliez dans le monde en son absence plutôt que de dépérir d'ennui*.⁵

«Что же это: она знает и она же говорит мне про любовь Анатоля? Они с мужем, с *Pierr'*ом, говорили и смеялись про это. И она такая *grande dame*, такая милая и так видно всей душой любит меня». (Наташа не ошибалась в этом: *Hélène* искренно нравилась Наташа.) «Они лучше знают», думала Наташа. «Кто же кому может запретить влюбляться. И отчего же не веселиться?»

Освещенная гостиная дома Безуховых была полна. Анатоль был тут и видно у двери ожидал входа Наташи и тотчас же подошел к ним и не отходил от нее в продолжение всего вечера. Как только его увидела Наташа, опять то же чувство страха и отсутствия¹ [Вы — лучшая из женщин,]

² [Какая ножка.]

³ [Прелестна, прелестна,]

⁴ [Он сходит с ума, но сходит с ума от любви к вам, моя милая.]

⁵ [Из того, что вы любите кого-нибудь, моя прелестная, никак не следует жить монашенкой. Даже если вы невеста, я уверена, что ваш жених предпочел бы, чтобы вы в его отсутствие выезжали в свет, чем погибали со скуки.]

преград неприятно охватило ее. M-lle Georges надела красную шаль на одно плечо и, став на середине гостиной, строго и мрачно оглянула публику и начала монолог из Федры, где возвышая голос, где шепча и торжественно поднимая голову. Все шептали: adorable, divin, délicieux!¹ Но Наташа ничего не слышала и не понимала и ничего не видела хорошего, кроме прекрасных bras² m-lle Georges, которые, однако, были слишком толсты. Почти позади всех она сидела, и сзади ее сидел Анатоль³ и она испуганно ждала чего-то. Изредка встречала она глаза Pierr'a, которые всегда были строго устремлены на нее, которые всякий раз опускались, когда встречались с ее взглядом. После первого монолога всё общество встало и окружило m-lle Georges, выражая ей свой восторг.

— Как она хороша! — сказала Наташа, чтобы сказать что-нибудь.

— Я не нахожу, глядя на вас, — сказал Анатоль. — И теперь она толста, а вы видели ее портрет?

— Нет, не видала.

— Хотите посмотреть, вот в этой комнате?

— Ах, посмотрите, — сказала Héléne, проходя мимо их. — Анатоль, покажи графине.

Они встали и прошли⁴ в соседнюю картинную,⁵ Анатоль поднял тройной бронзовый подсвечник и осветил наклоненный портрет. Он стал рядом с Наташей, держа высоко одну руку с свечой и, наклонив голову, глядя на лицо Наташи. Наташа хотела смотреть на портрет, но ей совестно было притворяться, портрет не интересовал ее.⁶ Она опустила глаза, потом взглянула на Анатоля. «Я не смотрю, мне нечего смотреть на портрет», сказал ее взгляд. Он, не опуская руки с подсвечником, левой рукой обнял Наташу⁷ и поцеловал в⁸ щеку.⁹ Наташа с ужасом вырвала свою руку. Она хотела сказать что-то, хотела сказать, что она оскорблена, но не могла и не знала, что ей сказать. Она готова была плакать и, красная и дрожащая, поспешно пошла из комнаты.

— Un mot, un seul. Au nom de Dieu,¹⁰ — говорил Анатоль, следуя за ней.

¹ Восхитительно, божественно, чудесно!

² [рук]

³ *Зачеркнуто*: и не переставая

⁴ *Зач.*: через пустую столовую

⁵ *Зач. во второй редакции*: В комнате были только две дамы, оживленно говорившие о чем то, очевидно тайном. Дамы направились к двери. Наташа делала, как будто она не видит его, но он, назвав ее по имени, начал говорить, как Наташе показалось, опять про впечатление, которое она произвела на него. Чтобы перебить его, она сказала:

— Как необыкновенно хорош был тот монолог, который читала теперь m-lle Georges.

— О, необыкновенно хорош, но...

⁶ *Зач.*: страх и ожидание чего-то волновали ее.

⁷ *Зач.*: притянул к себе

⁸ *Зач.*: шею

⁹ *Зач.*: «Да, так это и должно было быть», <сказалось в душе> подумала Наташа, но она отстранилась от него.

¹⁰ Одно слово, только одно, ради бога,

Она остановилась. Ей так нужно было, чтобы он сказал это слово, которое бы объяснило то, что случилось.

— *Natali, un mot, un seul*, — всё повторял он. Но в это время послышались шаги, и Pierre с Ильей Андреичем и дама шли тоже смотреть галерею.

В продолжение вечера Анатолий Курагин успел сказать Наташе, что он любит ее, но что он несчастный человек, потому что не может ездить к ним в дом (почему — он не сказал, и Наташа не спросила его). Он умолял ее приезжать к сестре, чтобы изредка хотя они могли видеться. Наташа испуганно глядела на него и ничего не отвечала. Она сама не знала, что делалось с нею.

— Завтра, завтра я скажу вам.

После¹ этого вечера Наташа не спала всю ночь и к утру решила в самой себе, что она никогда не любила князя Андрея, а любит одного его и так скажет всем, и отцу, и Соне, и князю Андрею.

Внутренняя психологическая работа, подделяющая разумные причины под совершившиеся факты, привела ее к этому. «Ежели я могла после этого, прощаясь с ним, улыбкой ответить на его улыбку, ежели я могла допустить до этого, то только оттого, что он благороден, прекрасен, что я всегда с первой минуты любила его и никогда не любила князя Андрея». Но какой-то страх обхватывал ее при мысли о том, как она скажет это.² На другой <день> вечером она через девушку получила страстное письмо Анатолия, в котором он³ спрашивал ее ответа на вопрос: любит ли она его, жить ему или умереть, хочет ли она довериться ему и тогда он завтра вечером будет ждать ее у заднего крыльца и увезет, чтобы тайно обвенчаться с нею, или нет, и тогда⁴ он не может жить более.

Все эти старые, выученные, списанные с романов слова показались ей новыми, только к одному ее случаю относящимися. Но, как ни казалось ей всё уже решенным в ее душе, она ничего не отвечала и сказала девушке, чтобы она ничего никому не говорила.

Но прежде, прежде всего надо было написать князю Андрею. Она заперлась в своей комнате. И стала писать.

«Вы были правы, когда говорили мне, что я могу разлюбить вас. Не разлюбить я не могу вас. Память о вас никогда не изгладится во мне. Но... я люблю другого, люблю Курагина, и он любит меня». Тут Наташа остановилась и стала думать. Нет, она не могла дописать этого письма, всё это было глупо — не так. Долго она думала потом.

¹ *Зачеркнуто*: объяснения на балу

² *Зач.*: В этот же день

³ *Зач.*: говорил, что от нее зависит его жизнь, что никто никогда не любил ее, как он, что он умоляет ее сказать <ему только два слова, хочет ли она быть его женой> ему только, любит ли она его или нет, и найти средство дать ему свиданье.

⁴ *Зач.*: погибнет.

Мучительное сомнение, страх, тайна, которую она никому не решалась сказать, и бессонная ночь сломили ее. Получив это письмо и отослав девушку, она, как была одетая, упала на диван и заснула с письмом в руках.

Соня, ничего не подозревавшая, вошла в комнату и на ципочках, кошачьи подойдя к Наташе, вынула из ее рук письмо и прочла его.

Соня не верила своим глазам, читая это письмо. Она читала и взглядывала на Наташу спящую, как будто на лице ее отыскивая объяснения. И не находила его. Лицо было милое, кроткое. Схватившись за грудь, чтобы не задохнуться, Соня тихо положила письмо, села и стала думать.

Графа не было дома, он с утра уехал,¹ тетушка была богомольная старушка, которая не могла подать помощи. С Наташей говорить было страшно: Соня знала, что противуречие только утвердило бы ее в ее намерении. Бледная и вся дрожащая от страха и волнения, Соня на ципочках ушла с свою комнату и залилась слезами. «Как я не видала ничего? Как могло это пойти так далеко?»² Да, это³ Курагин. И зачем он не ездит в дом? Зачем эта тайна? Неужели он обманщик? Неужели она забыла князя Андрея?» И что ужаснее было всего, ежели он обманщик, что будет с Nicolas, с милым благородным Nicolas, когда он узнает про это? «Так вот [что] значило ее взволнованное, решительное и неестественное⁴ лицо нынче», думала Соня. «Но нечего предполагать, надо действовать», думала Соня. «Но как, но что?» Как женщине и особенно ей с ее характером, Соне тотчас пришли в голову средства окольные — хитрости. Ждать, следить за нею, выпытать ее доверие и помешать в решительную минуту. «Но может быть действительно они любят друг друга. Какое я имею право мешать им? Послать⁵ сказать графу. Нет, граф не должен ничего знать. Бог знает, что с ним будет при этом известии. Написать Анатолю Курагину, потребовать от него честного, правдивого объяснения, но кто же велит ему приехать ко мне, ежели он обманщик. Обратиться к Риег'у, единственному человеку, которому бы я смогла доверить тайну Наташи. Но неловко и что он сделает?» Но так или иначе Соня чувствовала, что теперь пришла та минута, когда она должна и может отплатить за всё добро, сделанное ей семейством Ростовых, спасая их от несчастья, которое грозит им. Она радостно плакала при этой мысли и горько при той, что Наташа готовит себе такое несчастье.

После многих колебаний она остановилась на решении. Она⁶ вспомнила слова князя Андрея о том, к кому обратиться в случае¹ *Зачеркнуто*: на два дня с покупателем в подмосковную

² *Зач.*: Что она ответила и ответила ли она? Что скажет Nicolas, когда

³ *Зач.*: Анатолий

⁴ *Зач.*: и счастливое

⁵ *Зач.*: к графу с ложным известием, что Наташа больна

⁶ *Зач.*: написала одно письмо к Анатолю:

<Mon prince!

Ma cousine m'a chargé de vous donner sa réponse à votre lettre du 18. Veuillez
850

несчастия, пришла назад в комнату, где спала Наташа, взяла письмо и написала от себя записку Безухому, в которую вложила начатое письмо¹ Наташи. Она умоляла Pierr'a помочь ей и её кузине объясниться с Анатолем и узнать причину тайных сношений и его намерения.

Наташа проснулась и, не найдя письма, бросилась к Соне с тою решительностью и нежностью, которая бывает в минуты пробуждения.

— Ты взяла письмо?

— Да, — сказала Соня.

Наташа вопросительно посмотрела на Соню.

— Нет, Соня, я не могу. Я так счастлива, — говорила Наташа. — Я не могу скрывать больше с тобой. Ты знаешь, мы любим друг друга.² Он сказал мне, Соня, голубушка. Он пишет... Соня.

Соня, как бы не веря своим ушам, смотрела во все глаза на Наташу.

— А Болконский? — сказала она.

— Ах, Соня, то было не любовь, я ошибалась. Ах, коли бы ты могла знать, как я счастлива. Как я люблю его.³

— Но, Наташа, неужели ты можешь променять на него Болконского?

— Еще бы. Ты не знаешь, как он любит. Вот он пишет.

— Но, Наташа! Неужели то все кончено?

venir le soir entre 7 et 8 heures dans la maison de ma tante et de m'attendre dans le vestibule.

S. Cherboff

[Князь! Кузина моя поручила мне ответить вам на ваше письмо от 18-го. Будьте добры притти вечером между 7 и 8 часами к тетушке и. подождать меня в сенях. С. Щербова.]

Угадав ту девушку Аксюшу, которая могла передать письмо Наташе, Соня, краснея и задыхаясь, передала ей ответ.

— Наталья Ильинична всё сказала мне. Передай, голубушка, <Аксюша> Дмитрию. Чтобы никто не знал и как можно скорее, — сказала она лакею. И возвратилась к Наташе с намерением переговорить с нею обо всем> другое к Pierr'у:

Monsieur le comte.

Un grand malheur <vient d'arriver dans notre famille> nous menace. Connaissant l'intérêt que vous portez à tout ce que concerne notre famille et n'ayant personne pour me consulter et secourir, je prends la liberté de m'adresser à vous. Venez le plutôt que vous pouvez.

Votre dévouée Sophie.

[Граф! Большое несчастье <случилось в нашей семье> нам угрожает. Я решаюсь обратиться к вам, зная ваше участие ко всему, что касается нашей семьи, и не имея никого, с кем посоветоваться и к кому обратиться за помощью. Приходите как можно скорее. Преданная вам Софи.]

¹ *Зачеркнуто:* Анатоля

² *Зач.:* — Кто он?

— Курагин.

³ *Зач.:* — Но что же было между вами?

— Всё, всё.

— Наташа! Да отчего же ты не сказала мне, maman?

— Ах, ты ничего не понимаешь, — с радостной улыбкой сказала Наташа.

— Но, душенька. Как же ты откажешь князю Андрею?

— Ах, боже мой! Разве я обещала? — с сердцем сказала Наташа.

— Но, душенька, голубчик, подумай. Что ты меняешь и на что? Любит ли этот тебя?

Наташа только презрительно улыбнулась.

— Но отчего же он не ездит в дом? Зачем эта тайна? Подумай, какой это человек.

— Ах, какая ты смешная. Он не может объявить всем теперь, он просил меня.

— Отчего?¹

Наташа смутилась, видно, ей самой пришел в первый раз в голову этот вопрос.

— Отчего? Отчего? Не хочет, я не знаю. Отец верно. Но, Соня, ты не знаешь, что такое любовь...

Но Соня не подчинялась выражению счастья, которым сиял, лицо ее друга, лицо Сони было испуганное, огорченное и решительное. Она строго продолжала спрашивать Наташу.

— Что же может мешать ему объявить свою любовь и просит твоей руки у твоего отца?— говорила она,— ежели ты разлюбил Болконского.

— Ах, не говори глупости! — перебила Наташа.²

— Какой отец может мешать ему, чем наше семейство хуже его? Наташа, это неправда...

— Не говори глупости, ты ничего, ничего не понимаешь, — говорила Наташа, улыбаясь с таким видом, что она уверена была, ежели бы Соня могла говорить с ним так, как она говорила с ним, то она бы не делала таких глупых вопросов.

— Наташа, я не могу этого так оставить, — испуганно продолжала говорить Соня. — Я не допущу до этого, переговорю с ним.

— Что ты, что ты? ради бога, — заслоняя ей дорогу, как будто Соня сейчас могла это сделать, закричала Наташа. — Ты хочешь моего несчастья, ты хочешь, чтоб он уехал, чтоб он...³

— Я скажу ему, что благородный человек... — начала Соня.

— Ну, я сама скажу,⁴ нынче вечером скажу, как это ни гадко будет с моей стороны, но я всё переговорю с ним, я всё спрошу его.⁵ Он неблагородный человек? Кабы ты знала, — говорила Наташа.

— Нет, я не понимаю тебя, — сказала Соня и, не обращая внимания на Наташу, которая вдруг заплакала.⁶

¹ *Зачеркнуто:* Его отец не позволит

² *На полях:* он тайно женат

³ *Зач.:* перестал ездить

⁴ *Зач.:* завтра

⁵ *В рукописи:* ее

⁶ *Зач.:* и сквозь слезы бранила ее, говоря, что это нечестно, пошла в залу, где Анатолий с веселым лицом играл в мячик с Петей.

Разговор их прервали, позвав обедать. После обеда Наташа стала спрашивать письмо у Сони.¹

— Наташа, сердись на меня или нет, но я написала графу Безухову и отослала ему письмо, просила его объясниться с ним.

— Как глупо, как гадко, — закричала сердито Наташа.

— Наташа, или он объявит свои намерения или откажется...

Наташа зарыдала.

— Откажется. Да я жить не могу. А коли ты так,² — закричала она, — я убегу из дома, хуже будет.

— Наташа, я не понимаю тебя, что ты говоришь. Ежели ты уже разлюбила князя Андрея, вспомни о Nicolas, что с ним будет, когда он узнает это.

Соня подошла к нему и отозвала его в сторону. Соня была красна, как пион, губы ее дрожали, но она, не спуская глаз, вверх смотрела в лицо Анатоля.

— Князь, Наташа — мой лучший друг, она сказала мне про ваше чувство к ней, и не мое дело советовать ей и вам, но молодой человек, любящий девушку, молодой человек и девушка... зачем тайны... ежели вы не скрываете... — Соня сама на себя рассердилась за то, что не могла высказать того, что хотела <и еще более на лицо> Анатоля, который весело улыбаясь> смотрел на нее сверху вниз. Соня рассердилась и дрожащим голосом, теперь коротко и ясно, сказала, что она хотела сказать.

— Ежели вы любите Наташу, то просите ее руки нынче же вечером... да...

— Да, ежели бы я был совсем свободен, то я бы последовал такому милому совету, — сказал Анатоль, всё улыбаясь, — но...

По спокойной улыбке этой Соня сразу поняла, что Анатоль был обманщик. Она помолчала, опустив глаза, потом решительно подняла их.

— Ежели вы нынче не объявите всё графу, то я сейчас всё скажу ему, — сказала Соня.

— Послушайте, m-lle, за что же вы ее губите? Вы <говорите, что вы ее любите...> Ежели бы я мог...

Соня задумалась, <действительно> это была новая точка зрения, которую она упустила в своем раздражении.

— Вы гадкий, вы подлый человек.

<— Вы знаете, одно, чем отплатить мужчине за грубости женщины, это поцеловать ее, — сказал Анатоль с улыбкой.>

— Нет... — продолжала Соня, дрожа всем телом. — Последний раз говорю вам. Ежели в вас нет человеческого чувства жалости, ежели вам весело погубить эту девушку, сделать несчастье семейства, то по крайней мере, ежели вы не любите ее, уезжайте, сейчас совсем уезжайте. — Соня заплакала. — Умоляю вас, князь, простите меня, ежели я оскорбила вас, умоляю вас всем святым, именем вашей матери <К[нягини] с бор[одавками]>, вашей сестры (Hélène), уезжайте навсегда. Я не отпущу ее ни на шаг от себя, я всё скажу отцу. Вы погубите всех, но я не отдам ее вам. Нет, ради бога, у вас доброе сердце, уезжайте. — Она подала ему руку. Он поцеловал ее и, странное дело, на глазах его она видела слезы. Он тихо вышел и уехал. <Он сам себе засмеялся, вероятно думая, что это стыдно, что он прослезился.

После обеда Наташа увела к себе Соню и стала спрашивать ее совета, как ей поступить теперь.

— Ничего нельзя знать, пока он не объявит свои намерения, — отвечала Соня.>

¹ *Зачеркнуто:* Соня с вечера написала.

² *Зач.:* сказала Наташа, узнав разговор Сони с Анатодем так

— Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. Как ты смеешь говорить, что он неблагороден? Ты разве не знаешь, что я его люблю? — кричала Наташа.

— Наташа, ты не любишь его, — говорила Соня, — когда любят, то¹ делаются добры, а ты сердисься на всех, ты никого не жалеешь, ни князя Андрея, ни Nicolas.²

— Нет, душенька, Соничка, я всех люблю, мне всех жалко, — добрыми слезами плача теперь, говорила Наташа, — но я так люблю его, я так счастлива с ним, я не могу с ним расстаться.

— Но должно ж. Пускай он объявит. Вспомни отца, мать.

— Ах, не говори, молчи, ради бога, молчи.

— Наташа, ты хочешь погубить себя.³ Безухов тоже говорит, что он неблагородный человек.

— Зачем ты говорила с ним, никто не просил тебя? И ты не можешь понимать всего этого. Ты мой враг, навсегда.

— Наташа, ты погубишь себя.

— И погублю, погублю, поскорее погублю себя, чтобы вы не приставали ко мне. Мне дурно будет, так и оставьте меня, — и Наташа, злая и плачущая, убежала к себе,⁴ схватила начатое письмо, прибавила: «я влюблена, прощайте и простите меня» и, отдав девушке, велела отнести на почту. Другое письмо она написала Анатолю, в котором умоляла его приехать за ней ночью и увезти ее,⁵ потому что она не может жить дома.

На другой день ни от Анатоля, ни от Pierr'a не было известий. Наташа не выходила из своей комнаты и говорила, что она больна. Вечеру этого дня приехал Pierre.

¹ *Зачеркнуто*: все

² *Зач.*: ни отца, ни матери

³ *Зач.*: Ведь я говорила с ним

⁴ *Зач.*: написала письмо князю Андрею. «Вы просили меня написать вам, когда я полюблю другого, я полюбила. Прощайте». Она запечатала это письмо и отослала его на почту

⁵ *Зач.*: Это письмо Соня успела перехватить у горничной и вместо него написала другое от себя.

«Ежели завтра вы еще будете в Москве, то знайте, что графу будет всё известно, и что вы отдадите тяжелый отчет перед ним и другими в ваших поступках.

С. Низнова [?]

Кроме этого письма Соня, отыскивая везде помощи, всё <рассказала приехавшему на другой день Pierr'у и умоляла его помочь ей.

На другой день Анатолий уехал из Москвы, а через два месяца, на обратном пути в Россию, князь Андрей получил письмо Наташи >

<написала Pierr'у и послала с нарочным письмецо, в котором было написано: «Не зная, к кому обратиться и зная вашу любовь к князю Андрею и к моей кузине, прошу вас приехать как [можно] скорее»

написала Pierr'у [письмо], в котором она писала: «В нашем доме случилось страшное несчастье: Наташа написала отказ вашему другу. Она <говорит> страстно влюблена в Анатолия Курагина, который предлагал ей свою руку. Но этот молодой человек поступил самым низким образом, он обманул ее, не решаясь сказать ничего графу. Ради бога, помогите мне. Спасите Наташу и удалите Курагина».

На полях: Андрей, получив письмо, поехал в Турцию.

* № 146 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).

<¹ В продолжение двух дней,² Анатолю не ездил в дом, но был в Москве. Наташа находилась в иступленном состоянии отчаяния. На вопросы отца³ она ничего не отвечала. А на другой день объявила Соне, что она написала отказ князю Андрею. Соня в отчаянии написала письмо Рьеру, прося его помощи. Она сама пришла к отцу и рассказала ему всё: что отказала Андрею, что любит Анатоля, и что Соня прогнала его из дома. Граф Илья Андреич ничего не понял. Как ему ни горько было отказаться от Болконского, который был ему по сердцу, горше всего ему было видеть горе дочери, и он тотчас решил ехать за Анатодем, как за игрушкой, которую требовала дочь. Но, чтобы прежде объяснить себе Соню, он позвал с себе Соню и строго спросил ее, как она могла так оскорбить сестру. Соня рассказала свое объяснение с Анатодем, и граф Илья Андреич пришел в бешенство, которое редко на него находило. «Как! моя дочь ему нехороша! Как, играть со мной. Эй! лошадей, сани». И он, не отвечая ничего дочери и приговаривая только «будь покойна, будь покойна», пошел садиться.⁴ Он поехал в дом Безухова. Анатоля не было дома. Граф спросил Рьеру. Рьер лежал ногами на столе и спокойно читал, когда ему⁵ <доложили о приезде графа.> «Нет, не буду ездить к ним, не следует», подумал он.

— Проси.

Но, не дожидаясь доклада, граф, раскачиваясь, вбежал к нему. Рьер ужаснулся, увидав лицо графа. Это одутловатое доброе лицо было красно, глаза были на выкате и волосы растрепаны.⁶

— Что с вами, граф? — заговорил вскакивая Рьер, — что с вами?

— Где ваш зять? Ваш шурин подлец, с которым я разделаюсь по свойски.

— Что такое, что?

— Что? Он ездил в дом, он завлек мою Наташу, и он думает так пошутить и говорит, что он женат. Ежели вы благородный человек, граф Петр Кириллович, то вы дадите мне удовлетворение. Как это у вас делается? Дуэль? Ну, дуэль — я убью его.

— Да успокойтесь, граф, верьте, что я... я не понимаю.

¹ *Зачеркнуто*: История узналась. Старый граф приехал к Рьеру, прося его быть секундантом. Рьер бьет Анатоля и гонит его. Ростовы уезжают в деревню. На другой день приехал Андрей. Р[остов] получает письмо в деревне пока Р[ьер]

² *Зач.*: во время которых еще не приехал Р[ьер]

³ *Зач.*: и матери

⁴ *На полях*: Князь Андрей в Швейцарии ходит по горам и решает ехать назад.

⁵ *В рукописи, вместо зачеркнутого*: доложили о приезде графа *написано*: принесли письмо Сони.

⁶ *Зач.*: — Где он, подлец, я его избью, — кричал граф, — давайте его мне. Шутить. Не-ет.

— Вот вам всё. Наташа третий день плачет, нынче узнаю, что этот мерзавец ездил в дом, обещал жениться. Наташа отказала Болконскому.

— Не может быть!

— Не может быть! Отказала. А он женат, говорят. Она влюблена в него...

— Ах, боже мой, боже мой, — заговорил Pierre, хватаясь за голову. — Одно, граф, знайте, что я предан вам и всему семейству вашему, как никому. Его нет, он уехал, но я нынче объяснюсь с ним, и не вы, а я с ним разделаюсь. Да. — Pierre бледнел, когда говорил это. — Я виноват, поезжайте домой. Я буду у вас вечером.

Когда Ростов уехал, Pierre долго ходил по своему кабинету, ожидая Анатоля, о котором он велел доложить себе. Ему и не надо было ходить за ним. Анатолий сам пришел к нему. Ему нужно было ехать и надо было занять денег у зятя.

— Mon cher, il faut que vous me prêtiez 2000 r.,¹ — сказал он, входя румяный, красивый, уверенный в себе, как всегда.

— Что у тебя было с Ростовой?² — сказал Pierre, бледный,³ садясь на стол.

— Ах, charmante!⁴ — сказал Анатолий. — Ей богу, женился бы, ежели бы у ней было чтонибудь.

— Что у тебя было с ней?⁵ — заговорил Pierre тихим дрожащим голосом. — Ты понимаешь ли, что ты пальца ее не стоишь,⁶ ты понимаешь ли, — заговорил Pierre, тряся его за руку. — Правда ли, что ты обещал на ней жениться?

— Ну, ну, — сказал Анатолий, отстраняясь и хмурясь.

Этого только и ждал Pierre. Он не владел уже собой, он схватил его за плечи, перевернул и ударил в шею таким страшным ударом, что Анатолий упал и до крови разбил себе лоб. Вид этой крови совсем одурманил Pierre'a. Он еще, еще наносил ему удары, выталкивая за дверь, и, захлопнув дверь, бледный, схватился за голову.

— Я к вашим услугам всегда, — закричал он, отворив дверь.

Княжна услышала крик и прибежала к Pierre'у. Он хрипел и задыхался. Послали за доктором и пустили ему кровь. К вечеру он велел заложить карету и поехал к Ростовым. Соня встретила его в зале и рассказала ему все.

Наташа не выходила из комнаты и не плакала, а сидела молча, устремив прямо глаза, и не ела, не спала, не говорила.

<Pierre пошел к графу и объяснил ему, что Анатолий⁷ нынче едет, что с Курагиным он разделается, а граф не должен себя компрометировать,¹ [Милый мой, одолжи мне две тысячи рублей,]

² *Зачеркнуто*: закричал на него

³ *Зач.*: подходя к нему

⁴ [прелестна!]

⁵ *Зач.*: закричал Pierre, тряся его за руку.

⁶ *Зач.*: а ты компрометировал ее.

⁷ *Зач.*: мерзавец

что дело зашло очень недалеко, что графиня Наталья Ильинична¹ вероятно забудет это минутное увлечение и не откажет Андрею, что надо переговорить с нею и послать эстафету перехватить письмо.>

* № 147 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XIX).

— Нет, я не понимаю тебя, — сказала Соня, не обращая внимания на Наташу, которая вдруг заплакала.

Разговор их прервали, позвав обедать. После обеда Наташа стала спрашивать письмо у Сони.

<Перед обедом приехал Pierre, который со времени первого приезда к Ростовым, заметив сильное впечатление, производимое на него Наташей, решил не ездить к ним.

Он с² удивленным и робким лицом вошел в гостиную. Соня вызвала его в другую комнату, чтоб показать ему новые стихи в альбоме.

— Что с вами? Что такое? — спросил он,

Соня, едва удерживая слезы, сказала, что она надеется на его честь, что никого не имеет, кроме него, и показала ему оставленное ею у себя письмо Анатоля.

— Это адресовано вашей кузине графине Наталье Ильиничне? — сказал он, прочтя несколько строк и строго взглядывая на Соню.

Она опустила голову, подтверждая.

Pierre продолжал читать, и Соня слышала, как он не дышал, а сопел, и как лист бумаги трещал, быстро дрожа в его руках. Он, прочтя, бледный вопросительно посмотрел на Соню, хотел что-то сказать и не мог выговорить.

— Она верит ему, — заговорила Соня. — А я знаю, что это... Граф, помогите мне. Спросите у него, велите ему...

Pierre всё молчал. Только, увидав в двери Наташу, он торопливо передал письмо назад Соне и с страхом и любопытством посмотрел на Наташу. Он пошел было к Наташе, но вдруг остановился и повернулся к Соне.

— Что же, как вы думаете, граф, правда это или обман?³

— Обман? Хуже, — проговорил Pierre. — Благодарю вас за доверие ко мне... Я сделаю... — только сказал он.

Весь обед он молчал и упорно и злобно смотрел на Наташу. Ему казалось, что он ненавидел ее.⁴

* № 148 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).

Pierre лежал ногами на столе и спокойно читал, когда ему принесли письмо Сони.

Получив это письмо, долго не мог притти в себя. Он, боясь влияния на него Наташи, не ездил с этой целью к Ростовым,¹ *В рукописи: Н. Л., т. е. Наталья А[ндреевна]*

² *Зачеркнуто:* испуганным, расстроенным лицом вошел

³ *Зач.:* — Нет, это нельзя, — сказал он. — Нет, прощайте.

⁴ *Зач.:* Но вместе с тем он твердо решил

и вот к чему повело его отсутствие. <Pierre поскакал отыскивать Анатоля и нашел его в расстегнутой белой рубашке у цыган. Цыгане пели «Пряди, моя пряжа», две плясали. Одну на коленях держал Анатолий и весело, добродушно хохотал чему-то.

— Э, ва-ше сиятельство, графчик, — закричала старуха, встречая Pierre'a. Гости улыбнулись ему радостно, в том числе и Анатолий. Там такой был в низеньких комнатах, что ничего нельзя было расслышать. Pierre подошел к Анатолию и стал звать его.

— Погоди. Ах, ты, моя пряжа, — кричал он. — Пей. Фрак долой.

— Поди сюда,¹ — сказал Pierre, хватая его за руку, по французски.²

Анатолий смутился и, добродушно улыбаясь, пошел за Pierre'ом.

Анатолий вышел в маленькую комнатку, где стояла двухспальная.

— Иди, князь, — кричала в дверь цыганка.

— Сейчас.

Но Pierre запер дверь.

— Что ты хочешь этим? — сказал Pierre, показывая.

— А,³ с Ростовской, — смутился Анатолий, схватил записку. — Что тебе за дело?⁴

— Одевайся и едем, — сказал Pierre.

— Куда?⁵ Я не могу жениться. Я тебе сказал.

— Одевайся и едем. И чтоб твоего духа не было в Москве.⁶

— Я готов, mon cher, но ты знай, что я хотел достать денег.

— Подлец, — сказал Pierre, — деньги я дам.

— Mon cher...

— Знай, что, ежели завтра я узнаю, что ты здесь...

— Ну, уеду, уеду, чего же тебе?

Pierre вышел с ним. Его окружили цыгане, стали величать. Он выпил вина,⁷ но уехал вместе с Анатолием и, выслав ему деньги, велел сказать себе, когда графиня [?] придет [?]

¹ *Зачеркнуто:* мне очень важное дело

² *Зач.:* Что, отец?

— Нет, поди сюда.

— После песни.

³ *Зач.:* ты про это, — сказал Анатолий, робко улыбаясь, — да, это глупость с моей стороны, но что делать... Она очень мила, что делать... Мне не надо было. Ну, да я еду.

⁴ *Зач.:* <Ах, mon cher> что <тебе нужно> мешаться <в мои дела. Я еду, вот и все.> Оставь.

— Нет, мне нужно. <Отец ее был сейчас. Он хочет знать> намерен ли ты жениться. Анатолий поморщился. — Ты знаешь, что я не могу.

— Да, ты не можешь, — <задыхаясь> сказал Pierre. — Но какой ты мерзавец <скажи мне, что между вами было. Ты понимаешь, что я это не из любопытства хочу знать, мне нужно.

— Ну, что, пустяки. Поцелуй, может быть, — улыбаясь сказал>

⁵ *Зач.:* Что с тобой?

⁶ *Зач.:* Ну, это другое дело. Дай денег, а? Завтра я уеду.

⁷ *Зач.:* и пробыл более <часа> пяти минут. Он чувствовал, что что-то тяжелое совершилось и предстоит ему. Но хотел забыть.

— Помни, — сказал Анатолий.

* № 149 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).

Анатоль, получив записку Наташи и решившись увезти ее,¹ был у Долохова. Долохов все приготовил для похищения и для тайного, ложного брака. Долохов с своим уменьем всё устроил и заботливо приготавливал Анатоля к отъезду. Анатоль, взволнованный и² нетерпеливый, ходил по комнате с запиской в руках и с удивлением увидел Pierr'a.

Pierre подал ему его письмо к Ростовой.³ Pierre чувствовал себя виноватым и робея сказал:

— Что ты хочешь этим сделать? Ты понимаешь?

— Что такое? Как? — спросил Анатоль.

— Что ты хочешь? Хочешь ты жениться на ней, или?.. — спрашивал Pierre, но в голосе его не было решительности. Глядя на счастливое, веселое лицо Анатоля, вдруг сделавшееся огорченным, он чувствовал, что не имел никакого права вмешиваться в это дело, что Анатоль был прав, что всё так коротко и так глупо.

Но Анатоль был смущен еще более Pierr'a.

— Я не знаю. *Ma parole d'honneur*,⁴ я не знаю. *Je suis fou amoureux d'elle*,⁵ я на всё готов. Но стало быть открыто.

— Да... — В это время вошел Долохов с своим светлым взглядом и своей твердой походкой. — Ну, вот пиши⁶ дякону, чтобы он был готов, — сказал он Анатолю. — Безухий, ты как?

— Всё открыто, — сказал Анатоль, — вот мое письмо. Чорт возьми...

Долохов нахмурился.

— Ну, всё к чорту. Я говорил, вчера надо было.⁷

— Чорт возьми. Я не знаю. Жизнь бы отдал за то, чтобы удалось.

— Поезжай в Петербург завтра, вот и всё, — сказал Долохов.

— Неужели всё кончено. Безухий, ты знаешь, какая она прелесть.

— Женись, — сказал Pierre, боясь, что Анатоль примет его предложение, но Долохов ответил за него смехом. — Едем к цыганам, вот и всё.

— Эх! — промычал Анатоль, — скверно.⁸

— Об одном я тебя прошу, — сказал Pierre. — Это то, чтобы ты уехал.

— Еще бы, завтра уеду. Ах, проклятье.

¹ *Зачеркнуто*: прощался с Москвой у цыган

² *Зач.*: счастливый

³ *Зач.*: — Этого нельзя, — сказал он.

⁴ [Честное слово,]

⁵ [Я безумно в нее влюблен,]

⁶ *Зач.*: попу

⁷ *Зач.*: Pierre поглядел на Долохова, и Долохов. — Поедем со мною, — сказал. — Какие же твои намерения теперь? — сказал Pierre.

⁸ *Зач.*: — Едем. Ты с нами?

— Да, я приеду.

Pierre простился, вышел от них и поехал к Ростовым.

«Нет, он не виноват», думал Pierre. «Но бедный Андрей и ничтожная, гадкая девушка».

* № 150 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).

<Получив письмо Наташи, Анатоль поехал к сестре.

— *Hélène, mon ange! Je suis le plus heureux des mortels,*¹ — сказал он ей. — Ты знаешь. Я увезу ее. *Ma parole d'honneur.*² Я увезу ее.

— Пожалуйста, мне ничего не рассказывай о своих проказах, меня не мешай.

— Душа моя! Мне деньги нужны, ради бога. Я душу черту заложу.

— На что же тебе деньги?

— Да ведь ты не велишь говорить тебе...

— Разумеется.

— *Ma chère! Elle m'aime.*³ Я еду к Долохову, он мне обещал всё устроить, попа, тройки и ночью в шубку в сани и... Нет, ты дашь денег?

— Я тебе дам денег, но только не на твои глупости. *Et très amoureuse?*⁴ — спросила, кротко улыбаясь, *Hélène*.

— Ну, давай, ради бога. Я тебе отдам. Мне хоть три тысячи теперь. — *Hélène* дала денег, от нее Анатоль поехал к Долохову, который взялся устроить всё похищение.

— Так всё сделаю, что ни одна бестия не пронюхает, две тройки, поп у меня есть... Ступай домой и собирайся, в одиннадцать часов я у тебя.

Pierre застал Анатоля одного, спящего на диване, после клубного обеда.>

* № 151 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).

<Раза два видел Наташу с Анатодем, он удивлялся, какое удовольствие могла с ним находить Наташа, но он так верил в нее, что не смел сомневаться, говорил себе: верно, я не понимаю, а так надо. Он ничего не воображал до объяснения Сони. Когда Соня стала рассказывать, он выставил глаза и сначала улыбался. Всё, касавшееся Наташи, должно было быть приятно и весело. Но улыбка мало помалу перешла в плаксивую гримасу, и когда на вопрос его, чего же она боится? Соня со слезами закричала: — Как же вы не понимаете, граф, они целуются — она погубит себя, она этого хочет... [сказав]⁵ это, посмотрела на Pierre'a и, не веря своим глазам, увидала, что он плачет. Он извинился перед Соней за свою слабость и уехал домой, тотчас же отыскал [Анатоля] и тут между зятем и шурином произошла такая же сцена, как и тогда¹ [Элен, ангел мой! Я счастливейший из смертных,]

² [Честное слово.]

³ [Милая моя! Она меня любит.]

⁴ [И очень влюблена?]

⁵ *В рукописи описка:* Услыхав

между тестем и зятем. Pierre в первый раз после семи лет пришел в свое наследственное от отца львиное бешенство, но на этот раз он не удержался.

Когда он объявил Анатолю, чтоб тот уезжал сейчас же и чтобы он знал, что после его поступка с Наташей он не смел показываться ему на глаза, Анатоль сказал:

— Que diable sur quel ton le prenez vous, parce qu'on embrasse une jolie fille?¹

Pierre, сжав кулаки, подошел к его лицу.

— Ты хочешь жениться на ней?

— Да, ежели бы у ней было состояние...

Но не успел Анатоль договорить этого, как Pierre с поднятыми кулаками бросился на него и стал бить его по голове и спине до тех пор, пока Анатоль, и не думая защищаться, не выбежал из комнаты. Анатоль уехал, тем более, что Pierre послал ему десять тысяч и объявил, что до тех пор, пока он не покажется в Москве, он будет получать прежнюю пенсию.

Но этого подвига было мало.

Pierre, который спорил с князем Андреем о том, что нельзя простить никогда падшую женщину, и не ставил себе вопроса, прощает он или не прощает Наташу. Она была всё та же для него. Только новый, грустный, матовый круг этой ореолы прибавился, это было сожаление.>²

№ 152 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX—XXII).

После первого своего свиданья с Наташей в Москве Pierre почувствовал, что он не свободен и беспокоен с ней, он решил не ездить к ним.³

Но Элен В[esouchoff] привлекла к ним в дом Наташу, и Pierre с чуткостью влюбленного мучался, глядя на их отношения. Но какое право он имел вмешиваться в это дело? Тем более, что он чувствовал себя не беспристрастным в этом деле. Он решился не видеть никого из них.

Получив письмо Сони, как ни стыдно ему бы было признаться в том, первое чувство Pierg'a было чувство радости. Радости, что князь Андрей не счастливее его. Чувство это было мгновенное,¹ [Какого черта вы поднимаете историю из-за того, что я поцеловал красивую девушку?]

² *На полях:* Pierre спрашивал ее, как confesseur [духовник], любит ли она Анатоля? Она отвечает: не знаю, не спрашивайте, и убегает.

Зачеркнуто: Этого подвига мало. Pierre чувствовал, надо было спасти Наташу.

³ *Зач.:* Накануне того дня, как он получил письмо Сони, Анатоль приходил к нему и занял у него большую сумму денег.

— Что с тобою? — спросил у него Pierre, заметив особенно сияющее лицо своего beau frère'a.

— Mon cher, je suis amoureux comme un fou, [мой милый, я влюблен безумно,] сказал Анатоль.

— В кого же?

— После узнаешь.

«Так вот в кого он был влюблен», подумал Pierre.

потом ему стало жалко Наташу, которая могла полюбить человека, столь презираемого Рieгг'ом, как Анатолю, потом ему стало непонятно это, потом страшно за Андрея и потом больше всего страшно за ответственность, которая на него самого ложилась в этом деле. Мгновенно, как утешение, ему пришла его мрачная мысль о ничтожестве, кратковременности всего, и он старался презирать всех; но нет, этого нельзя было оставить. Измена Наташи Андрею мучала его, как измена ему самому, больше, чем его мучала измена своей жены. Так же, как при известии об измене своей жены, он испытал какое-то отталкивающее, но кроткое чувство к тому, для кого изменили, и озлобление к той, которая изменила. Он ненавидел Наташу. Но надо было на что-нибудь решиться; он велел закладывать и поехал искать Анатоля.

Pierre нашел его у цыган веселого, красивого, без сюртука, с цыганкой на коленях.

В низкой комнате пели и плясали, был крик и гам. Pierre подошел к Анатолю и вызвал его с собой.

— Я от Ростовых, — сказал Pierre.

Анатолю смутился и покраснел.

— Что, что? А?

Но Pierre был еще более смущен, чем Анатолю. Он не смотрел на него.

— Mon cher,— начал он,— vous savez que A[ndré] B[olkonsky] qui est mon ami est amoureux de cette jeune personne. Je suis l'ami de la maison et je voudrais connaître vos intentions.¹ Pierre взглянул на Анатоля и был удивлен выражением волнения и смущения, показавшегося на лице Анатоля.

— Да что ты знаешь? Что? — говорил Анатолю. — Ах, mon cher,² всё это так глупо. Это меня Долохов сбил.

— Я знаю то, что ты позволил себе написать вот это письмо и что оно попало в домашний.

Анатолю схватился за письмо и вырвал его.

— Что сделано, то сделано, вот и всё,— сказал он, багровея.

— Это хорошо, mais je suis autorisé à vous demander vos intentions.³

— Ежели меня хотят заставить жениться, — заговорил Анатолю, разрывая письмо, — то знай, что⁴ меня не заставят плясать по своей дудке, а она свободна, она мне сама сказала. И ежели она меня любит, tant pis pour Bolkonsky, voilà tout.⁵ Pierre тяжело вздохнул. У него уже поднялось его метафизическое сомнение в возможности справедливости и несправедливости, этот его¹ [Вы знаете, милый мой, что мой друг Андрей Болконский влюблен в эту молодую девушку. Я — близкий человек в их семье и желал бы знать ваши намерения.]

² *Зачеркнуто:* <que je suis fou d'elle>. [Ах, милый мой, [знайте,] что я с ума по ней схожу.]

³ [но мне поручено узнать у вас, каковы ваши намерения.]

⁴ *Зач.:* никто

⁵ [тем хуже для Болконского, вот и всё.]

свинтившийся винт, и потом он вместе так завидовал и так презирал Анатоля, что он постарался быть особенно кротким с ним. «Он прав» — подумал он — «виновата она, а он прав».

— Всё таки прямо отвечай мне, я затем приехал, — топотом, не поднимая глаз, сказал Pierre, — что мне сказать им, намерен ты просить ее руки?

— Разумеется, нет!¹ — сказал Анатолий, тем более смелый, чем робче был Pierre.

Pierre встал и вышел в комнату, где были цыганы и гости. Pierr'a знали цыганы и знали его щедрость. Его стали величать.² Илюшка проплясал, размахнулся и поднес ему гитару. Pierre положил ему денег и улыбнулся ему. Илюшка не виноват был и отлично плясал. Pierre выпил вина, поданного ему, и побыл более часа в этой компании. «Он прав, она виновата», думал он. И с этими мыслями он приехал к Ростовым.

Соня встретила его в зале и рассказала ему всё, что письмо написано... Старый граф жаловался на то, что с девками без графини³ — беда, что он не понимает, что с Наташей.

— Как же, папа, не понимаете, я вам говорила, — сказала Соня, оглядываясь на Pierr'a. — Курагин делал предложение. Ну, она отказала, и расстроило ее.

— Да, да, — подтвердил Pierre.

Поговорив несколько времени, граф уехал в клуб. Наташа не выходила из комнаты и не плакала, а сидела, молча устремив прямо глаза, и не ела, не спала, не говорила. Соня умоляла Pierra пойти к ней и переговорить с нею.⁴

Pierre пошел к Наташе. Она была бледна⁵ и дрожала. Pierr'у жалко стало ее, она поглядела на него сухо и не улыбнулась. Pierre не знал, как и что начать говорить. Соня первая начала.

— Наташа, Петр Кирилович всё знает, он пришел сказать тебе...

Наташа оглянулась⁶ любопытным взглядом на Pierr'a, как бы спрашивая, друг он или враг по отношению к Анатолю. Сам по себе он не существовал для нее. Pierre это чувствовал. Увидав этот переменявшийся взгляд и ее⁷ похудевшее лицо, Pierre понял, что Наташа не виновата, и понял, что она больная,⁸ и начал говорить.

¹ *Зачеркнуто*: крикнул

² *Зач.*: Он нарочно именно потому, что ему не хотелось этого

³ *Зач.*: нельзя

⁴ *Зач.*: Он в своем объяснении с Анатодем нашел его столь ничтожным, легкомысленным, столь твердо уверенным, что он не может жениться, столь испуганным тем, что он может иметь дело с отцом, и столь охотно согласившимся уехать, когда Pierre предложил ему денег, что Pierr'у казалось, стоило только всё это помягче рассказать Наташе, чтобы излечить ее от ее безумной страсти.

⁵ *Зач.*: заплакана

⁶ *Зач.*: радостным

⁷ *Зач.*: красное

⁸ *Зач.*: Он поскорее хотел вылечить ее

— Наталья Ильинична,¹ — сказал он, опустив глаза, — я сейчас виделся с ним и говорил с ним.

— Так он не уехал? — радостно вскричала Наташа.

— Нет, но² это всё равно для вас, потому что он не стоит вас. Он не может быть вашим мужем. И я знаю, вы не захотите сделать несчастье моего друга. Это была вспышка, минутное заблуждение, вы не могли любить дурного, ничтожного человека.

— Ради бога, не говорите мне про него дурно.³ — Pierre перебил ее.

— Наталья Ильинична,⁴ подумайте, счастье ваше и моего друга зависит от того, что вы решите. Еще не поздно.⁵

Наташа усмехнулась ему. «Разве это может быть, и разве я думаю о Болконском, как он хочет?»

— Наталья Ильинична, он ничтожный, дурной...

— Он лучше всех вас, — опять перебила Наташа. — Если бы вы не мешали нам. Ах, боже мой, что это, что это? Соня, за что? Уйдите, — и она зарыдала с таким отчаянием, с которым оплакивают люди только такое горе, которого они чувствуют сами себя причиной.⁶

Pierre начал было говорить. Но она⁷ закричала: «уйдите, уйдите». И тут только Pierr'u⁸ всей душой стало жалко ее, и он понял, что она⁹ не виновата в том, что с ней сделали.

Pierre поехал в клуб. Никто ничего не знал, что делалось в душе Pierr'a и в доме Ростовых. Это Pierr'u было странно. Все сидели по своим местам, играли, приветствовали его. Лакей принес свечу на привычное место Pierr'a и доложил ему, что князь в столовой (лакей знал, кто знакомые Pierr'a). Но Pierre не читал, не говорил и даже не ужинал. В третьем часу он вернулся домой.

— Где Анатолий Васильевич? — спросил он у швейцара.¹⁰

— Не приезжали. Им письмо принесли от Ростовых. Оставили.

— Сказать мне, когда приедут.

— Слушаю-с.

До поздней ночи Pierre, не ложась, как лев в клетке, ходил в своей комнате. И он не видал, как прошло время до третьего¹ *В рукописи: Н. А., т. е. Наталья А[ндреевна]*

² *Зачеркнуто: уедет*

³ *Зач.: Он лучше всех вас. Болконского не поминайте.*

⁴ *В рукописи: Н. А., т. е. Наталья А[ндреевна]*

⁵ *Зач.: Напишите ему.*

⁶ *Зач.: Pierre ушел. Анатолий <не вызывая его на дуэль> уехал в ту же ночь в Петербург. Как ни старались все участвовавшие скрывать всю эту историю, через неделю по всей Москве <говорили о ней> ходили по поводу ее самые несправедливые толки.*

<Через две недели приехал князь Андрей и послал просить Pierr'a к себе.>

Князь Андрей не приезжал, и великим постом Pierre узнал, что он получил письмо отказа, писанное Наташей, и поехал домой.

⁷ *Зач.: зарыдала и*

⁸ *Зач.: опять*

⁹ *Зач.: только была больна, а что она всё также была прекрасная девушка.*

¹⁰ *Зач.: — Сейчас домой приехали. — Pierre вошел к нему. Он лежал в постели и перечитывал письмо. Дома*

часа, когда камердинер пришел сказать, что Анатолий Васильевич приехали. Pierre остановился, чтоб перевести дыхание, и пошел к нему. Анатолий, до половины раздетый, сидел на диване; лакей стаскивал с него сапоги, а он держал в руках письмо Наташи и улыбаясь читал его. Он был красен, как всегда после попойки, но тверд языком и ногами и только икал. «Да, он прав, он прав», — думал Pierre, глядя на него. Pierre подошел и сел подле него.

— Вели ему уйти, — сказал он на лакея.

Лакей ушел.

— Я опять о том, — сказал Pierre. — Я бы желал знать...¹

— Зачем ты вмешиваешься? — сказал Анатолий, — я тебе не скажу и не покажу.

— Mon cher, j'en suis bien fâché, — сказал Pierre, — mais il faut que vous me donniez cette lettre, prime.² — Он вырвал письмо, узнал почерк, скомкал, положил в рот и стал жевать. Анатолий хотел возражать, но не успел этого сделать и, заметив состояние Pierr'a, замолк. Pierre не дал ему договорить. — Je ne serais pas violent, ne craignez rien.³ — Он встал и⁴ взял⁵ на столе⁶ щипцы и стал судорожно гнуть и ломать их.

— Второе, il faut que vous partiez cette nuit même,⁷ — сказал, жуя бумагу и ломая.⁸

— Mais, mon cher,⁹ — сказал Анатолий, но робко.

— Это очень неучтиво с моей стороны, но не отсюда, не из моего дома ты должен уехать, а из Москвы и нынче. Да, да. Третье, ты никогда ни слова не должен говорить о том, что было между тобой и этой несчастной... и не должен ей попадаться на глаза.

Анатолий, нахмурясь и опустив глаза, молчал. И взглянул, робко на Pierr'a.

— Ты добрый, честный малый, — вдруг¹⁰ дрожащим голосом заговорил Pierre, отвечая на этот робкий взгляд.¹¹ — Это¹ *Зачеркнуто*: — Что тебе за дело до моих пассий? Это наконец скучно, — сказал Анатолий, понимая по официальному тону, с которым вошел Pierre, что он всё о том же.

² [Милый мой, сожалею, но необходимо, чтобы вы отдали мне это письмо, во-первых.]

³ [Не бойтесь, я не употреблю насилия]

⁴ *Зач.*: <разбил> опершись на стул, сломал его

⁵ *Зач.*: ножни[цы]

⁶ *Зач.*: подс[вечник]

⁷ [вы должны уехать нынче же ночью,]

⁸ *Зач.*: Что же это <у себя> Что с тобой, говорил

⁹ [Однако, милый мой,]

¹⁰ *Зач.*: нежно

¹¹ *Зач. в наборной рукописи*: И ежели в тебе есть искра совести, то ты век не простишь себе того, что ты сделал. Ты сделал самую гадкую подлость.

— Mon cher, faire la cour à une femme... [Милый мой, ухаживать за женщиной...] — сказал Анатолий.

Пьер опять вспыхнул. — Faire la cour! Да как ты не понимаешь того, что ты — мерзавец и что ты украл самое дорогое у человека, faire la cour à une femme c'est différent, mais une fille [ухаживать за женщиной — это другое дело, но девушка], обращаться с ней, как с женщиной, поднять в ней те чувства,

должно. И я не стану говорить, почему, но это должно, мой милый.¹

— Да отчего ты так? — сказал Анатоль.

— Отчего? — крикнул Pierre. — Отчего? Да кто она, девка, что ль? Это мерзость... Тебе забавляться, а тут несчастье дома.² — Я тебя прошу.³ — Не слова, но тон убедил Анатоля. — Он робко взглядывал на Pierr'a.

— Да, да, — сказал он. — Я говорил Долохову. Это он подбил меня. Он хотел увезти ее. Я ему говорил, что потом...

— Мерзавец, — сказал Pierre. — Он... — и хотел что-то сказать еще, замолчал и начал сопеть носом, выкатившимися глазами уставясь на Анатолия. Анатоль знал его это состояние, знал его страшную физическую силу, отстранился от него.⁴

Pierr'e всё сопел, как надуваемая волынка, и молчал.

— Это так, ты прав, — говорил Анатоль. — N'en parlons plus.⁵ И знай, mon cher, что ни для кого⁶ я не сделал бы этой жертвы. Я еду.

— Votre parole?⁷ — сказал Pierre.⁸

— Ma parole.⁹

Pierre вышел из комнаты и прислал с лакеем денег Анатолю на дорогу.

На другой день Анатоль взял отпуск и уехал в Петербург.¹⁰

История Наташи с Анатолем сильно поразила Pierr'a. Кроме своей любви к Андрею, кроме больше чем дружбы к Наташе, кроме того странного стечения обстоятельств, которые заставляли его принимать постоянно участие в судьбе Наташи и его участие в его сватовстве, его поразила мысль, что он был виною этого столкновения, что он не предвидел того, что сделает Анатоль. Но мог ли он это предвидеть? В его понятии Наташа была такое высокое, неземное существо, отдавшее свою любовь лучшему которых она не знает. Женщина знает, что с ней, но девушка, чем невиннее и чище она, тем она беспомощнее. Это всё равно, что избить старика, ребенка. Гадина, ты противен мне. Я видел ее, она больная, она жалкая, не виноватая, а сколько людей несчастных.

¹ *Зачеркнуто*: — Это нужно, я тебя люблю и ты добрый малый. Но ежели в тебе есть честь, то ты сделаешь. Дай честное слово.

— Ежели так, то другое дело.

² *Зач.*: — Это черт знает что такое. По крайней мере, дай мне денег, чтоб уехать, — говорил Анатоль, не глядя на него.

³ *Зач.*: повторил Pierre — тебе деньги нужны. Я принес тебе (он достал из кармана панталон) я тебя прошу...

⁴ *Зач.*: <и кликнул лакея. Je vous donne ma parole [Даю вам честное слово], — сказал он> — То, что благородно и неблагородно, я знаю сам, — сказал Анатоль, — и тебе меня учить нечего.

⁵ [Не будем об этом говорить.]

⁶ *Зач.*: кроме, как для тебя

⁷ [Даешь слово?]

⁸ *Зач.*: посылай за лошадьми, — и обнял Анатоля и чуть не заплакал.

⁹ [Честное слово.]

¹⁰ *Зач. в наборной рукописи*: Через неделю уехали Ростовы в деревню. Пьер поехал к княгине Марье и там узнал

человеку в мире — князю Андрею, и Анатолю, такое глупое, грубое, лживое животное.¹

Несколько дней после происшествия Pierre не был у Ростовых и усердно ездил в свет и особенно в сплетничье, т. е. самое большое общество. Там действительно с радостным сожалением говорили про Наташу, и Pierre со всей силой своего умения удивлялся тому, как могли выдумывать нелепости, не имевшие никакого основания, и спокойно рассказывал, как его beau frère влюбился в Ростову и как ему было отказано. Когда он в первый раз приехал к Ростовым, он особенно был весел с родными и с Наташей. Он не замечал, как будто, заплаканных глаз и исхудавшего лица и остался обедать. За обедом он во всеуслышание, не глядя на Наташу, рассказал, как по всей Москве говорят о том, что Анатолю делал предложение Наташе и как она отказала ему, и Анатолю, убитый горем, уехал. Он не заметил ни как пошла при этом кровь носом у Наташи и она вышла из [-за] стола, ни как Соня умиленно, набожно за это смотрела на него. Он остался и вечер и приехал на другой день. И каждый день стал ездить к Ростовым.

С Наташей он был, как прежде, весел и шутив, но с особенным оттенком робкой почтительности, которая бывает у нежных людей перед несчастьем. Наташа часто улыбалась ему сквозь слезы, которые, хотя глаза были сухи, как будто всегда были в ее глазах. Соня после Nicolas теперь больше всех в мире любила Pierre'a за добро, которое он делал ее другу, и потихоньку говорила ему это.

Он ничего не говорил с Наташей ни о Анатоле, ни о князе Андрее, он только много говорил с ней и стал привозить ей книги, между прочим любимую свою Nouvelle Héloïse, которую Наташа прочла с увлечением и стала судить о ней, говоря, что она не понимает, как Альбер мог любить Héloïse.

— Я бы² мог, — сказал Pierre. (Наташе странно показалось, что Pierre говорит про себя, как про мужчину, который тоже мог любить и страдать. Он и для нее не имел пола.) — Я бы не мог, — сказал Pierre, — но мы раз³ говорили с⁴ одним моим другом, и решили, что любовь женщины очищает всё прошедшее, что прошедшее не его... — Он смотрел на Наташу через очки. Соня нарочно отошла. Она ждала объяснения и желала его.

Наташа вдруг заплакала.

— Петр Кириллович,⁵ — сказала она. — Зачем нам скрываться? Я знаю, про что вы говорите. Этого никогда, никогда не будет... не от него, а от меня. Я слишком его любила, чтобы⁶ заставить его страдать.

¹ *На полях:* <Он сознается себе в тайной, никогда не имеющей быть объявленной любви к Наташе.>

² *Зачеркнуто:* не

³ *Зач.:* спорили

⁴ *Зач.:* Андреем Болконским и он мне доказывал

⁵ *В рукописи ошибочно:* Ильич

⁶ *Зач.:* захотеть

— Одно скажите мне, любили вы ... — Он не знал, как назвать Анатоля, и краснел при одной мысли о нем, — любили вы этого дурного человека?

— Да, — сказала Наташа,¹ — и не называйте его дурным, вы меня оскорбляете. Но я ничего, ничего не знаю, — теперь она опять заплакала, — ничего не понимаю.

— Не будем говорить, мой друг, — сказал Pierre, так странен вдруг для Наташи показался этот его кроткий, нежный, нянюшкин тон с ней. — Не будем говорить, мой друг, но об одном прошу вас, считайте меня своим другом и, ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет излить свою душу кому-нибудь — не теперь, а когда у вас ясно будет в душе, вспомните обо мне.² Он поцеловал ее руку и, достав платок из кармана фрака, стал протирать очки. Наташа была счастлива этой дружбой и приняла ее. Ей и в мысль не приходило, что Pierre тоже мужчина, что дружба эта могла перейти в другое. Это могло бы быть, но не с этим милым Pierr'ом. Она верно это чувствовала за себя, но не знала, что делалось в душе Pierr'a. Она оттого так чувствовала это, что та нравственная преграда между мужчиной и женщиной, отсутствие которой она так болезненно чувствовала с Анатодем, у Pierr'a была, казалось, непреодолимой. Pierre ездил каждый день к Ростовым, особенно последнее время, и оставил клуб и цыган.³

Князь Андрей приехал не к Pierr'у, а остановился в гостинице и написал записку Pierr'у, прося его приехать к себе.

Pierre нашел его таким же, как всегда:⁴ он был несколько бледен и нахмурен. Он ходил взад и вперед по комнате, ожидая видимо. Он слабо улыбнулся, увидав Pierr'a, одним ртом. И поскорее перебил Pierr'a, чтобы не дать ему говорить шуточно и легко, когда предстояло совсем не легкое и не шуточное объяснение. Он провел его в⁵ заднюю комнату и затворил дверь.

— Я бы не заехал сюда (он так называл Москву), я еду⁶ к Кутузову в турецкую армию, но мне нужно передать тебе объяснения здесь на это письмо. — Он показал Pierr'у каракули Наташи на¹ *Зачеркнуто*: — но никогда

² *Зач.*: Знайте, что ежели бы я был свободен, я бы за счастье счел пред[ложить]

³ *Зач.*: Когда его жена уехала, уехали в деревню и самые приятные для него знакомые в Москве, князь Болконский с дочерью. Так продолжалось до самой весны, когда на страстной неделе он получил от Наташи письмо, написанное перед исповедью <и когда опять приехал князь Андрей в Москву> с просьбой передать князю Андрею.

На полях: Князь Андрей приехал из <Петербурга, Крыма> Турции. Он был уже в мундире. Он поступил на службу. Философские, государственные занятия были связаны с ней. Теперь он не мог ни ее видеть, ни этих занятий. Он был уже у отца. Видно, как он мучается. «Еду на службу, <где ничего не будет> <в Турцию, где ничего не будет> рядовым офицером буду служить».

⁴ *Зач.*: но <у него был новый рубец на лице — рана в Турции.> в генеральском мундире

⁵ *Зач.*: кабинет

⁶ *Зач.*: в Свенцианы

сером клочке бумаги. (Эти каракули дошли по назначению.) Было написано: «Вы мне сказали, что я свободна и чтоб написала вам, когда я полюблю. Я полюбила другого. Простите меня. Н. Ростова.»

Видно было, что письмо это написано было в минуту нравственной болезни, и лаконическая грубость его была тем извинительнее, но тем тяжелее.

— Прости меня, ежели я тебя утруждаю, но мне самому трудно, — голос его дрогнул. И, как будто рассердившись на эту слабость, он решительно и звонко, неприятно продолжал. — Я получил отказ от графини Ростовой и до меня дошли слухи о искании ее руки твоим шурином или тому подобное. Правда ли это? — Он потер себе лоб рукою. — Вот ее письма и портрет. — Он достал его со стола и, передавая Pierre'у, взглянул на него. Губа его задрожала, когда он передавал его.

— Отдай графине...

— Да... Нет... — сказал Pierre. — Вы не спокойны, Andre, я не могу говорить теперь с вами, у меня есть письмо к вам, вот оно, но я должен сказать вам прежде...

— Ах, я очень спокоен, позволь мне прочесть письмо. — Он сел, прочел и холодно, зло, неприятно, как его отец, усмехнулся.

— Я не знал, что это зашло так далеко, и г-н Анатолий Курагин не удостоил предложить своей руки графине Ростовой, — сказал Андрей. Он фыркнул носом несколько раз. — Ну, так, так, — сказал [он], — передай графине Ростовой,¹ что я очень благодарю ее за хорошее воспоминание обо мне, что вполне разделяю ее чувства и желаю всего лучшего. Это неучтиво, но ты, милый друг, извини меня, я не сумею напи... — он не договорил, отвернулся.

— André, разве ты не можешь понять это увлечение девушки, это безумство? Но это такое прелестное, честное существо...

Князь Андрей перебил его. Он усмехнулся зло.

— Да, опять просить ее руки? Простить, быть великодушным и т. п.? Да, это очень благородно, но я не способен идти sur les brisées de...² Ах да, еще дружбу. Где теперь находится... г-н? Где этот...³ Ну... и страшный свет блеснул в глазах князя Андрея.

— Уйди, Pierre, уйди, я умоляю тебя.

Pierre послушался его и ушел, ему слишком тяжело было и он видел, что не может помочь. Он вышел и велел ехать к Ростовым, сам не зная зачем, но он хотел только увидеть Наташу, ничего не сказать ей и вернуться, как будто вид ее мог научить его, что делать. Но он не застал Ростовых и вернулся к князю Андрею.

Болконский, совершенно спокойный, сидел за столом и один завтракал.

¹ В рукописи описка: Толстой

² по следам этого...

³ Зачеркнуто: мерзавец, — вдруг закричал он. — Ты понимаешь одно, что я не могу жить, пока он не задушен моими руками... Нет. — Андрей упал в кресло и зарыдал, как женщина в истерике.

— Ну, садись, теперь поговорим толком, — сказал он.

Но, сам того не замечая, князь Андрей не мог говорить ни о чем и не давал говорить Pierr'u. На всё, про что только они ни начинали говорить, у Андрея было короткое, насмешливое, безнадежное словечко, которое для Pierr'a, столь близкого к такому состоянию,¹ уничтожало весь интерес жизни и показывало во всей наготе этот страшный, не распутываемый узел жизни. Такие слова и мысли могли выработаться только в пропитанной ядом отчаяния душе, хотя они иногда были даже смешны.²

Заговорив об отце, он сказал:

— Что делать, он любит, зато и мучает княжну Марью, так видно надо — пауку заесть муху, а отцу заесть жизнь княжны Марьи. И она довольна. Она съест бога своего с вином и хлебом, сколько б не унижал и не мучал отец. Так надо видно.

О себе он говорил тоже. — Стоило мне только надеть генеральские эполеты, и все воображают, что я генерал и что-нибудь понимаю, а я никуда не гожусь, другие все таки еще хуже меня. Да, *tout est pour le mieux dans le meilleur des mon despossibles*.³ Так я буду иметь удовольствие встретить твоего милого beau-frèr'a в Вильне? Это хорошо. И твою милую супругу? *Mon cher*, ты в выгоде, право, хорошая жена жила бы с тобою. Это еще хуже. Ну так и прощай. Или ты посидишь? — сказал он вставая и пошел одеваться. Pierre ничего не мог⁴ придумать. Ему было едва ли не тяжелее своего друга. Он хотя никак и не ждал, чтобы князь Андрей так больно принял это дело, но, увидав, как он его принял, Pierre не удивлялся.

«Однако, я виноват и во всем, во всем, я не должен это так оставить», думал он, вспоминая, каким легким представлял он себе примирение и как теперь оно казалось ему невозможно. «Однако, надо сделать всё, что я хотел». Он вспомнил приготовленную наперед речь и пошел говорить ее князю Андрею, как бы она ни была некстати. Он вошел к князю Андрею. Болконский сидел и читал какое-то письмо, лакей укладывался на полу. Болконский сердито посмотрел на Pierr'a. Но Pierre решительно начал то, что хотел.

— Помните вы наш спор в Петербурге? — сказал он, — помните о N. H.?

¹ *Зачеркнуто*: закрывало всякую

² *Зач.*: Они заговорили о <Сперанском> войне и отъезде государя. — Не бойся, ничего не будет, — сказал Андрей, — другой плот на Немане построим и скажем *que nous sommes de grands hommes* [что мы великие люди] и всё кончится. — Когда Pierre рассказал ему значение числа звериного 666, то Андрей заметил, что П[етр] К[ириллович] очень хорошо делает, что так учтив, называя его *l'empereur Napoléon* [император Наполеон].

О главнокомандующем он сказал: — Бенигсен лучше всех, с ним приятные воспоминания у государя, вместе шалили и шутили над Павлом.

Когда Pierre сказал, что заметно патриотическое настроение, — да, как в седьмом году, особенный патриотизм выказали те, которые собирали провиант и сукно.

³ [всё к лучшему в лучшем из миров.]

⁴ *Зач.*: понять

— Помню, — поспешно ответил князь Андрей. — Я говорил, что падшую женщину надо простить, я говорил это, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу.

— André, — сказал Pierre.

Князь Андрей перебил его. — Ежели ты хочешь быть моим другом, не говори со мной никогда про эту... про всё это. Ну, прощай. Готово? — крикнул он на лакея.

— Никак нет-с.¹

— А я тебе сказал, чтоб было готово, а я тебе сказал, мерзавец.² Вон.

— Прощай, Pierre, прости меня, — тотчас же после этого обратился он к Безухому, обнял, поцеловал. — Прости,³ прости. — И он выпроводил Pierr'a до передней.⁴

Больше Pierre не видал его и не говорил Ростовым о своем свидании с ним.

Ростовы в эту⁵ весну из-за не улаживавшейся продажи дома думали ехать и не уехали из Москвы. Pierre тоже жил в Москве и каждый день бывал у Ростовых.

* № 153 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. III).

<Метивье поговорил с почтительным сожалением о последних известиях неудач Наполеона в Испании, выразил сожаление о том, что император слишком увлекается своим честолюбием. Он ждал, что князь, как обыкновенно, оживится в своем озлоблении к Бонапарту и начнет желчно и резко обсуждать его поступки, но князь молчал. Метивье поговорил об испанских делах, но князь также молчал. Метивье потер лицо руками и с улыбкой, выражавшей уверенность в том, что теперь он верно достигнет цели, начал тот разговор, который, он знал, никогда не оставлял князя спокойным. Он заговорил о последних новостях нашей турецкой войны и выразил сожаление, что дело шло не так хорошо, как можно было ожидать.

— Впрочем, — прибавил он, — мне кажется, русская политика направлена теперь не на восток, а на <запад, что, как говорят, гораздо> благоразумнее.

Князь не выдержал и начал говорить на свою любимую тему о значении востока для России, о взглядах Екатерины и Потемкина на Черное море.

Метивье, достигнув своей цели, чуть заметно самодовольно улыбнулся.

Вдруг князь замолк и устремил прикрываемые отчасти бровями злые глаза на доктора. «Кому говорю всё это?» вдруг подумал он. «Французу, рабу Бонапарта. И зачем я стал говорить это. ¹ *На полях:* Это было в 11 году

² *Зачеркнуто:* и он ударил лакея, чего с ним никогда не бывало.

³ *Зач.:* меня, ежели я дурно с тобою

⁴ *На полях:* светлохристово воскресенье

⁵ *Зач.:* это лето

Зачем он подделывался ко мне?» И лицо, и улыбка Метивье и интерес, с которым он слушал, показались ему вдруг оскорбительными. «Он заставил меня говорить. Он играет со мной. И кто? Со мной этот французишка...»

Все эти мысли в одно мгновение промелькнули в его голове и разразились следующими словами, сказанными сдержанно бешеным голосом.

— За визиты благодарю <вас> господин, за <ваши> визиты. Дворецкий заплатит <сейчас>. Прошу не ездить больше. <Меня> раздражаете. Прощайте. Идите...

<— Я не понимаю>, — с тихим удивлением <начал Метивье>

— Не понимаешь? — кричал князь. — А я понимаю. <Ты> шпион. Французский шпион. Бонапартов раб, вон из моего дома, вон, я говорю. — Князь одной рукой звонил, другой <угрожающим жестом> указывал на дверь.

Метивье, пожав плечами, <вышел. Княжна Марья и M-lle Bourienne <встретили его в соседней> комнате.

* № 154 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. V).

Жюли играла Борису на арфе самые печальные ноктюрны. Борис читал ей вслух «Бедную Лизу» и не раз прерывал чтение от волнения, захватывающего его дыхание. Встречаясь в большом обществе, Жюли и Борис смотрели друг на друга, как на единственных людей в мире равнодушных, понимавших один другого и тщету радостей жизни.

<Так продолжалось две недели. Обоим становилось неловко.¹ Жюли очевидно уже не интересовала любовь к гробнице, а интересовал вопрос, когда и как он сделает предложение. Борис уже не мог сочувствовать смерти, так как уже в голове его совершенно созрел план о том устройстве новой жизни, которую он поведет с тремя тысячами душ, которые должны получиться за невестой. <Нужно было сделать что-нибудь несообразное. Отречься от меланхолии и поговорить о деле.>

Однажды Борис приехал утром и привез меланхолическую книгу. Но пузырь меланхолии совершенно созрел, лопнул и из него неожиданно показалось другое.

— Жюли, я вас люблю, как лучшего друга, хотите вы быть моей женой?

— Борис! — сказала Жюли и протянула ему руку.>

* № 155 (рук. № 90. Т. II, ч. 5, гл. XII).

По воскресеньям Марья Дмитриевна ездила в остроги и тюрьмы, выкупая должников и отвозя узникам съестные припасы. Она никогда не говорила никому, куда она ездит, хотя трудно было скрыть от света то добро, которое она делала не только по острогам¹

Зачеркнуто: Обоим было очевидно, что от любви к гробнице и от улыбки меланхолии

и тюрьмам, но и всем бедным просителям, которые приходили к ней по будничным дням.¹

— Или тебя взять с собой? — сказала Марья Дмитриевна, вставая и обращаясь к Наташе.

— Как хотите? — сказала Наташа, вставая тоже.²

— Ну, поедем кататься, надевай шляпку. — Марья Дмитриевна посадила Наташу на первое место, направо, отодвинула сама кульки, лежавшие в³ санях, себе под ноги и, вытянувшись в струнку,⁴ с строгим⁵ лицом сидела на левой стороне.⁶ Они проехали молча одну улицу.

— Хорошо тебе сидеть? — спросила Марья Дмитриевна.

Ей видно хотелось поговорить, и ласковая улыбка играла на ее суровом лице.

— Очень хорошо-с.

— А ты⁷ облокотись, так, на спинку облокотись, — сказала Марья Дмитриевна. — Ничего, ничего, облокотись, — настаивала Марья Дмитриевна. Как ни неловко было Наташе сидеть,⁸ облокотившись на далеко отстоящую спинку, она чувствовала, что это была милость со стороны Марьи Дмитриевны, и исполнила ее волю.⁹

— Что же, весело было третьего дня в театре? — спросила Марья Дмитриевна.¹⁰

— Да, весело, — невеселым голосом сказала Наташа.

— А ты не грусти,¹¹ Наташенька, я бы нынче поехала, кабы не воскресенье, я завтра сама к нему, к князю Николаю поеду. Я с ним переговорю.¹²

Наташа ничего не отвечала. Марья Дмитриевна тоже замолчала. Когда уже стали подъезжать к острогу, Марья Дмитриевна опять круто оборотилась к Наташе.

— Что же хорошо тебе сидеть? Тут я заеду в одно место, — сказала Марья Дмитриевна. — Тебе я скажу, да только уговор: не болтать. — Видно было, что Марья Дмитриевна не могла удержаться, чтобы не сообщить своей любимице — Наташе того удовольствия, которое она испытывала¹³ теперь; но что она вместе с тем осуждала себя за это.

— Тут вот в остроге иногда очень жалкие люди бывают, ну, да и все они несчастные — не нам их судить. Так вот, я им разной ¹ *Зачеркнуто*: и которым она раздавала большую часть своего дохода. В этот день на Марью Дмитриевну нашло искушение.

² *Зач.*: — Болтать не будешь?

³ *Зач.*: коляске

⁴ *Зач.*: прямая и

⁵ *Зач.*: села на свое место лево

⁶ *Зач.*: Наташа поглядывала на Марью Дмитриевну и дивилась на

⁷ *Зач.*: положи ноги на фордек, вытяни

⁸ *Зач.*: с вытянутыми ногами

⁹ *Зач.*: — Ты моя милая, не тужи, — вдруг

¹⁰ *Зач.*: — Очень весело.

¹¹ *Зач.*: казак

¹² *Зач.*: «Опять, опять эти скучные разговоры», подумала

¹³ *Зач.*: в делании добра и которое теперь переполняло ее душу

дряни — там остается что и свезу. Не то чтобы благодеянье это какое было с моей стороны, а так, как я одна, состоянье имею, отчего же мне не пожалеть их.

— Ну, чур, молчать. Ты посиди, а я сейчас вернусь.

Почтительно встречаемая смотрителем, Марья Дмитриевна вышла из¹ саней одна. Через несколько минут она вышла оттуда и поехала в долговую тюрьму, где она пробыла дольше, и, выходя оттуда, имела особенно строгий вид.

Во весь обратный путь она только один раз обратилась к Наташе.

— Все мы умирать будем, Наташенька, и как можешь человеку добро сделать, так то на душе хорошо. — Марья Дмитриевна быстро отвернулась. Наташа, сидя в своем неловком положении по требованию Марьи Дмитриевны, облокотясь на спинку, с удивлением и любопытством смотрела на свою соседку. «Ах, боже мой, как бы я была счастлива, ежели бы этого не было в театре. Ну, да и это ничего, только бы он скорее приехал».

* № 156 (рук. № 91. Т. II, ч. 5, гл. VI—VII).

Просить Анну Михайловну.

— Зачем Анну Михайловну. Я тебе всё сделаю, — сказала Марья Дмитриевна. Она уже давно знала про предполагаемый брак. — Что же, дай бог, — сказала она. — Я рада. Андрюша человек хороший. Много об себе думает, ну да поживет перестанет; а Машеньку я душой люблю. Это святая мученица. Что ж на старика смотреть? Кабы он что против твоей дочери имел, а то один каприз. Ведь Андрей не мальчик. Он дочь замучил, так и сына тоже хочет. Нынче этого нельзя. С богом, с богом, хорошее дело. Я сама к нему с Наташей съезжу. А когда приедет жених,² и свадьбу съиграем. У вас в деревне будете? Опять с тобой попляшу. Хоть бы проводили графа то, — крикнула она на брата, засыпавшего на стуле в столовой.

На другой день утром Марья Дмитриевна свозила барышень к Иверской и m-me Шальме, которая так боялась Марьи Дмитриевны, что всегда в убыток уступала ей свои наряды, только бы поскорее выжить ее от себя, и заказала приданое.

Вернувшись, она выгнала всех, кроме Наташи, из комнаты и подозвала свою любимицу к своему креслу.

— Ну,³ теперь поговорим. Поздравляю тебя с женишком. Подцепила молодца. Я рада за тебя и его с таких лет знаю, — она указала на аршин от земли. Наташа радостно краснела. — Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Говорят, старик князь Николай об тебе слышать не хочет. Нравный старик. Оно, разумеется, если⁴ князь Андрей не дитя и без него обойдется, да ¹ *Зачеркнуто*: коляски и вошла в подъезд. <Смотритель> лакей понес за ней кульки, другой остался у коляски.

² *Зач.*: мы графиню выпишем

³ *Зач.*: девынька

⁴ *Зач.*: сын захочет он

против воли в семью входить нехорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумеешь обойтись, как надо.¹ Наташа молчала, как думала Марья Дмитриевна, от застенчивости, а в сущности Наташе было неприятно, что кто-нибудь вмешивался в ее дело любви князя Андрея, которое представлялось ей таким особенным от всех людских дел, что никто не мог понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, он любил ее, должен был приехать на днях и взять ее. Больше ей ничего не нужно было.

— Ты видишь ли, я его давно знаю и Машеньку, твою золовку, люблю. Золовки колотовки, ну, уж эта мухи не обидит. Она меня просила ее с тобой свести. И она нынче приедет. Ты с ней обойдись. А завтра к нему поедем. Всё лучше, как твой-то приедет, а уж ты и с сестрой и с отцом знакома и тебя полюбили. Так или нет. Ведь лучше будет?

— Лучше, — неохотно отвечала Наташа.

Княжна Марья перед обедом приехала к Марье Дмитриевне² в то время, как Наташе примеривали платья от m-me Шальме. Наташа, увлеченная нарядами, рассеянная, вышла к своей будущей золовке. Они обе не понравились друг другу. Наташа с чувством оскорбленной гордости обращалась с княжной очень холодно и сдержанно, и оттого смущенная княжна представилась Наташе ненатуральной и глупой. Наташа представлялась княжне слишком тщеславной, мелочной и занятой собою. Княжна Марья не знала, что независимо от ее воли в суждении ее о характере своей невестки ее руководит и чувство зависти к счастью красивой, молодой и любимой девушки, и чувство ревности к любви брата. Наташа из чувства гордости не заговорила о своих отношениях к князю Андрею и ждала, что начнет княжна Марья. Княжна Марья в продолжение часа, который она пробыла с Наташей, собиралась заговорить об этом, но почему-то не решалась и только краснела всякий раз пятнами, как только начинала говорить о своем брате.

* № 157 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XV—XVI).

На другой день был обед у Безуховой. Пьера опять не было, но Анатоль был у сестры и сидел подле Наташи и говорил с ней с глазу на глаз после обеда. Вечером, когда вернулись домой, Соня пришла к Наташе, спрашивая ее о том, объяснил ли Анатоль, почему он не ездит в дом и не просит ее руки. Наташа опять рассердилась.

— Какие у тебя мысли гадкие, — заговорила она, — разумеется, разумеется.

— Ну, что же он сказал?

Наташа задумалась.

— Он сказал... Он спрашивал меня о том, как я обещала Болконскому. Он обрадовался, что от меня зависит отказать ему. —

Соня вздохнула.

¹ *Зачеркнуто*: — Ах, я так желаю, чтобы ему не было неприятностей от меня

² *Зач.*: и Наташа в первый раз увидела

— Но ты не отказала?

— Нет, отказала.¹ Нынче я написала княжне Марье. С Болконским всё кончено... Ну, что тебе еще?

На другой день утром граф Илья Андреевич уезжал в подмосковную с откупщиком, который был намерен купить эту деревню. Он ехал на одни сутки и, прощаясь с дочерьми, потрепал по щеке Наташу и сказал:

— Ну, смотри ж, без меня вести себя хорошенько, не скучать. Бог даст, приедет еще до поста. Не долго осталось.

— Папенька, — сказала Наташа, вдруг вспыхнув.

— Что, ми...

— Нет, ничего, вы завтра приедете? — только сказала она. Но Соня заметила волнение Наташи при прощании с отцом, и это испугало ее и заставило еще внимательнее наблюдать за своей подругой.

Наташа весь этот день казалась на глаза Сони помешанной. Она всему смеялась. Отвечала невпопад и несколько раз начинала и не доканчивала разговоров.

Обедали в этот день дома и ездили утром только в магазины. На улице Соня видела два раза Курагина, ехавшего за каретой Ростовых, и дома под окном увидела его и заметила какой-то жест, сделанный ему Наташей.

После обеда она заметила прежнюю девушку, выжидавшую у двери и вошедшую вслед за выходом Сони. «Опять письмо», подумала Соня. «У них что-то затеяно, боже мой, будет поздно», думала она. «Говорить с Наташей нельзя, она точно сумасшедшая. Боже мой, что мне делать?» Соня написала письмо Пьеру, в котором писала: «Ваш друг Болконский просил меня обратиться к вам в случае несчастья. несчастье случилось. Наташа нынче, как она сказала мне, послала к княжне Болконской отказ князю Андрею, она безумно влюбилась в вашего beau — frère и ежели вы не приедете и не поможете мне, с ней случится великое несчастье». Она тайно послала письмо. Но посланный пришел с письмом, объявив, что граф уже третий день, как уехал в Тверь.

Было уже семь часов вечера. Наташа с потерянными, странными глазами² прошла в свою комнату и заперлась в ней. Соня постучалась к ней, она не пустила ее. Марья Дмитриевна сидела в гостиной и вязала, братец читал. Гостей никого не было.

— Что вы, как зачумленные, от народа бегаете? — сказала она Соне. — Добро Наташа, все жениху письма пишет, а ты что?

— Марья Дмитриевна, у нас несчастье, мне вам надо сказать наедине...

— Что, платье разорвала?

— Ну, после дочитаешь П. И. Ну, что за важное дело? — сказала она, когда братец ушел.

— Марья Дмитриевна, Наташа отказала Болконскому, она¹ *Зачеркнуто*: вчера

² *Зач.*: ходила по комнатам, и беспрестанно

влюблена в Курагина, она в тайной переписке, она сейчас получила от него письмо.¹ — Соня зарыдала.

Марья Дмитриевна сидела неподвижно, нахмурившись, глядя перед собой.

— Хорошо, очень хорошо, — сказала она. — Это в моем доме. Хорошо уваженье. Ну, долго будешь хныкать. Утри. Утри. Ты читала письмо от этого?

— Читала.

— А кто переносил?

— Дуняша...

— Позвать Дуняшку ко мне, — крикнула Марья Дмитриевна. Через полчаса в руках Марьи Дмитриевны было письмо Наташи к Анатолю.²

«В десять часов я буду у ворот» было написано в этом письме. Марья Дмитриевна с письмом в руке вошла к Наташе и, безжалостно грубо называя ее, уличила ее и, не слушая ее, заперла ее на ключ и вышла.

В половине десятого у крыльца дома, занимаемого Долоховым, стояли две ямские, московские, щегольские тройки.³ Анатолю⁴ и Долохов сидели за⁵ столом, кончая обедать.

— Я тебе говорю: съешь и выпей, — сказал Долохов Анатолю, который ходил по комнате.

— Не могу, *ma parole d'honneur*,⁶ не могу, не хочется, — отвечал Анатолю,⁷ на мгновение останавливаясь. — Отчего ж его нет до сих пор? — сказал он.

— Уж ты не хлопочи, если я взялся за дело,⁸ через четверть часа Мишка будет здесь и поп будет готов. Я тебе отвечаю за всё.

— Одно, — сказал Анатолю,⁹ — я право думаю, что отчего ж моя женитьба будет неправильна, нисколько не неправильнее всякой другой, кто знает, кто и как там меня обвенчали?¹⁰

— Я тебе говорил, — сказал Долохов, — об этом никогда ни при ком говорить не надо...¹¹ Я ничего не знаю и никогда не слыхал, обвенчан ты или нет, я знаю, что ты влюбился, родители там ¹ *Зачеркнуто*: Я боюсь, что она собирается бежать

² *Зач.*: в котором она писала, что в десять часов она выйдет на улицу, соглашалась на

³ *Зач.*: в передней сидел краснорожий

⁴ *Зач.*: ходил по комнате, с беспокойным лицом поглядывая на часы Долохов <в столовой> говорил с щеголем, тверским, знаменитым в то время ямщиком Балагой. Балага <толстый мужик> плотный, с красной шеей, румяный и курчавый парень лет двадцати пяти сидел перед Долоховым и пил пунш.

— Это, батюшка Федор Иванович, — говорил он, — дело рук наших. По Москве

⁵ *Зач.*: ужином

⁶ [честное слово,]

⁷ *Зач.*: глядя на часы. — Право пора. А Балага

⁸ *Зач.*: я все сделаю чисто и аккуратно. Я люблю, чтоб аккуратно... Балага

⁹ *Зач.*: вставая

¹⁰ *Зач.*: шш

¹¹ *Зач.*: А я не знаю этого ничего

женили и мы увезли и обвенчали тебя, вот и всё. — Анатолий с счастливым и взволнованным лицом посмотрел на Долохова и ушел всё таки не спокоен.

— Эй, приехал Балага? — крикнул Долохов. Балагой звали знаменитого в то время троечного, тверского ямщика, стоявшего в Москве с своими тройками и служившего таким господам, как Анатолий и Долохов.

— Пошли его сюда.

Вошел краснолицый и красный, толстеющий ямщик щеголь, в синем кафтане, с здоровой улыбкой на лице.

— Здорово, Балага, — сказал Долохов, протягивая руку, которую полупочтительно, полотоварищески пожал ямщик.

— Здорово, батюшка Федор Иванович. Здорово, ваше сиятельство, — сказал он выглянувшему Анатолию и он тоже пожал руку Курагина.

— Ну, садись, пей! — Долохов налил Балаге большой стакан мадеры и подал ему. Балага выпил всё и с приятной улыбкой.

— Ну, слушай, брат, вот теперь мне и князю службу надо верную сослужить.¹ Надо в Клин до петухов поспеть и чтоб никакая погоня не догнала.

— Как ваш посол приказал.² Я сам на своей тройке.

— То-то.

— Хотел молодца послать, да как посол сказал, сам оделся. Что же, когда ехать?

— Да вот³ через часик может.

— Как дорога будет, а то отчего же, — сказал Балага. — Доставляли же в Тверь в семь часов, те же лошади. Помнишь, в Рождество, — сказал Балага, обращаясь к Анатолию, — я молодых запрег, так шестьдесят верст звери летят, держать мочи нет, от мороза руки заоченели, бросил вожжи, говорю: держи Федор Иванович, так после петухов из Москвы выехали, к заре в Твери были...

* № 158 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XVI, XVIII).

<Марья Дмитриевна с письмом в руке вошла к Наташе.

— Мерзавка! — сказала она, показывая ей письмо. — Только для отца твоего не выкину тебя из дома. Ничего, ничего слушать не хочу. Жди, жди любовника. — Она оттолкнула от себя рыдающую Наташу, заперла ее на ключ и вышла.

Через Дуняшу открылось, что кроме ее, дворник был подкуплен для того, чтобы нынче вечером, откликнувшись на свисток, пропустить людей к заднему крыльцу и выпустить их. Записка Наташи по приказанию Марьи Дмитриевны была послана по назначению, и дворник точно так же по свистку должен был впустить ¹ *Зачеркнуто*: На каких тройках приехал, на мертвых?

² *Зач.*: серопегая одна.

— Ну, это дрянь.

— А другая моя.

³ *Зач.*: видишь ли до <зари> петухов чтобы в Клину быть.

людей к девичьему крыльцу, но не выпускать их. Марья Дмитриевна, надев шубу, капор и теплые сапоги, с огромной палкой в руках вышла на заднее крыльцо и, приказав поставить себе кресло, села в него.>¹

Анатоль уже второй день жил у Долохова. Всё у них уже было готово для похищения Наташи и для тайного и недействительного венчания их <в селе по тверской дороге за сорок верст. В тайну были посвящены, кроме Долохова, отставной промотавшийся гусар, приживавший то у Анатоля, то у Долохова и прозванный Макашкой, и Иван Дмитриевич Хвостиков, худощавый болезненный человечек из приказных, товарищ и слуга Долохова по игре. Они двое должны были быть свидетелями при свадьбе. Расстриженный поп, подкупленный заранее, уже ожидал их третий день в селе Каменке в шестидесяти верстах по Тверской дороге. Оттуда молодые должны были ехать за сто двадцать верст в имение Несвицкого, где в барском доме всё было приготовлено для их приема.> У Анатоля были и паспорт, и подорожная, и десять тысяч денег взятых у сестры, и десять тысяч занятых через посредство Долохова. <Всё было готово и ожидался только тот последний ответ Наташи, который прошел через р[уки Марьи Дмитриевны.]

— Нет, так нет, — сказал Долохов. — Может и вовсе не будет. Эх, брат, брось всё это, —> вдруг сказал Долохов с насмешливой улыбкой.

[*Далее со слов: Брось всё это. кончая: Долохов, холодно улыбаясь, смотрел на него, видимо желая еще повеселиться над ним.— близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. XVI.*]

<Хвостиков, продолжая разговор своего принципала, обратился к Анатолю.

— Ведь оно точно, князь, что может быть и не узнается. Да ведь это если он уедет за границу что ль или так скроется, а то ведь, хорошо, поп вас обвенчает и всё. Ведь хватятся, ее то искать станут, потом то что?

<— Потом?> А?— повторил Анатоль с искренним недоумением. <— Ну, потом?> Там я не знаю что. Ну что глупости говорить.

<Лакей вошел с свернутой запиской.

— Ну, теперь лошадей! — крикнул Анатоль, пробежав записку.

— Что же, согласна?

— Беги ты, скачи ты на извозчике к Балаге (Балага был троечный московский ямщик), чтобы две тройки и сам ехал, как я приказывал.

Лакей Анатолия поскакал за ямщиком и лошадьми.>

* № 159 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XVI).

<В Леонтьевском переулке был старый дворянский дом, который Долохов выиграл в прошлом году. В доме этом наверху жила его мать. Низ, роскошно и оригинально убранный, был занят ¹ *На полях: Житье Долохова. Описывает похищение.*

Долоховым. Самая большая комната нижнего этажа был кабинет Долохова, убранный от стен и до потолка персидскими коврами, медвежьими шкурами и оружием. Долохов в расстегнутом бешмете и с всклокоченными волосами лежал на низком турецком диване с большим белым янтарем трубки во рту и, лаская одной рукой бульдога, свернувшегося подле него на диване, разговаривал с <приезжим из Петербурга офицером.> Анатолий в расстегнутом мундире с остановившимися прекрасными глазами ходил взад и вперед по всем комнатам, проходя и через кабинет. Лицо Анатолия было озабочено и рассеянно. Проходя по кабинету, он, очевидно, не слышал и не видел Долохова с офицером.

Долохов говорил об игре.

— Разве можно так играть, — говорил он. — Так играть надо пятьдесят тысяч в кармане иметь, а то всегда в дураках останешься.

— Да ведь сорвал же Медынцев...

— Раз сорвал, а двадцать раз попадет, — говорил Долохов, — <нынче, завтра мне нельзя, а послезавтра <зови ко мне ужинать,> посмотрим.

— Отчего же его нет до сих пор? — сказал Анатолий, останавливаясь посреди комнаты.

< — Уж ты не хлопочи, если я взялся за дело. Через четверть часа Митька будет здесь и поп будет готов. Я тебе отвечаю за всё, — сказал Долохов.

— Одно, — сказал Анатолий, — я право думаю... — Он остановился, очевидно сообразив, что то, что ему нужно было сказать, нельзя было говорить при постороннем лице, и опять стал ходить

Долохов улыбнулся на него.

— Что это он так расстроен, — сказал Анатолий. Долохов не отвечал.

— Эй, Мишка! — крикнул он своему лакею, — приготовить, что я велел!

— Ну, прощай, так до послезавтра, — сказал офицер.

— Прощай. Я тебя не удерживаю, мне дело есть, — сказал Долохов.

— Послушай, — сказал Анатолий, садясь на коленки на диван перед Долоховым, как только ушел офицер.

— Это черт знает что такое. А? Никогда этого со мной не бывало. Ты посмотри. — Он взял руку Долохова и приложил к своему сердцу. — Это черт знает что такое. А? Я боюсь, что-нибудь помешает. А? — Долохов засмеялся.

— Обвенчаем, как бог свят, вот и всё. Ничего и никто не помешает.

— Никто не помешает, — с счастливым и взволнованным лицом сказал Анатолий, посмотрел на Долохова, улыбнулся и, обеими руками взявшись за голову, ушел в темную комнату.

Лакей принес на подносе водку, запеканку, жареного рябчика, сыр и вино.

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
Н. С. РОДИОНОВА

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ТРЕТЬЕМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

* № 160 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. I, II, III).

— Monsieur, mon frère,¹ — писал весной 1812 г. император Наполеон императору Александру. — Le comte de Norbonne m'a remis la lettre, dont Votre Majesté l'a chargée pour moi. J'y ai vu avec plaisir qu'elle se rappelle de Tilsit et d'Erfurt,² и т. д.

— Monsieur, mon frère, — писал³ 12 июня,⁴ на другой день после того, как войска Наполеона перешли Неман⁵. — J'ai appris que malgré la loyauté Si Votre Majesté n'est pas intentionnée de verser le sang *de nos peuples* pour une mesentendu de ce genre un accommodement *entre nous* sera possible.

Il dépend encore de Votre Majesté d'éviter à l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre.

Alexandre.⁶

Таковы были два последние письма, два последние выражения отношений между этими двумя лицами.

Но видно, несмотря на два раза вызываемые Наполеоном в письме воспоминания Тильзита и Эрфурта, несмотря на подразумеваемое обещание, что он останется таким же обворожительным, каким он был в Тильзите и Эрфурте, несмотря на это желание сквозь все сложные международные и дипломатические ¹ Государь, брат мой,

² [Граф де Норбон передал мне письмо вашего величества. Вижу с удовольствием, что вашему величеству памятни Тильзит и Эрфурт,]

³ *Зачеркнуто:* памятного

⁴ *Зач.:* накануне которого

⁵ *Зач.:* и вступили в русскую землю.

⁶ До меня дошло, что, несмотря на прямодушие Ежели ваше величество не расположены проливать кровь *наших подданных* из-за подобного недоразумения соглашение *между нами* будет возможно.

Ваше величество еще имеете возможность избавить человечество от бедствий новой войны.

Александр.

тонкости отношений проникнуть к самому сердцу, к личным, дорогим воспоминаниям о дружбе с Александром (как прежде любимая женщина говорит, усмиряя ожесточенного, охладевшего любовника: «а помнишь первую минуту признания, а помнишь минуту самозабвения — эту ночь при лунном свете»). Несмотря на всё это, видно, то, что имело совершиться, должно было совершиться, и Monsieur Mon Frère, Sa Majesté l'Empereur Napoléon¹ quoique véritablement intentionnée de² ni pas verser le sang de nos peuples et³ d'éviter à l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre,⁴ вступил в пределы России, т. е. должен был поступить, как он поступил, так же неизбежно, как⁵ падает с ветки созревшее яблоко.

Обыкновенно думают, что чем больше власти, тем больше свободы. Историки, описывая мировые события, говорят, что такое-то событие произошло от воли человека: Кесаря, Наполеона, Бисмарка и т. п., хотя сказать, что в России погибло 100.000 людей, убивая один другого, потому что так хотел один или два человека, так же бессмысленно, как сказать, что подкопанная гора в миллион пудов упала потому, что последний работник Иван ударил под нее лопатой, Наполеон не привел в Россию Европы, но люди Европы привели его за собой, заставив его управлять собою. Для того, чтобы убедиться в этом, стоит просто подумать о том, что приписывают этому человеку⁶ власть заставить 100.000 людей убивать друг друга и умирать. Понятно, что может быть зоологический человеческий закон, подобный зоологическому закону пчел, заставляющему их убивать друг друга и самцов убивать один другого, и даже история подтверждает существование этого закона,⁷ но чтобы один человек велел убивать друг друга миллионам — это не имеет смысла, потому что непонятно и невозможно. Отчего мы не говорим, что Атилла повел свои полчища, а уже понимаем, что народы пошли с востока на запад,⁸ в новой истории мы еще не хотим понимать этого.⁹

Нам всё еще кажется, что пруссаки побии австрийцев, потому что Бисмарк очень остроумен и ловок, тогда как всё¹ След. два слова при последующей правке рукописи были надписаны Толстым вместо зачеркнутого слова: était

² След. два слова надписаны позднее.

³ Зачеркнуто: ne pas

⁴ [Государь, брат мой, его величество император Наполеон, хотя искренне намеревавшийся не проливать крови наших народов и избежать бедствий новой войны, грозящей человечеству,]

Дальнейший текст, кончая: В этом состоит всё недоразумение, вписан при дальнейшем просмотре рукописи.

⁵ Зач.: должна двигаться стоящая на колесе лошадь

⁶ Зач.: ни больше, ни меньше как приказ

⁷ Зач.: но непонятно

⁸ Зач.: но не понимаем этого

⁹ Зач.: А между прочим это ясно. Есть события, действия произвольные

остроумие Бисмарка только поддельвалось под историческое, неизбежно имевшее совершиться событие. Этот обман наш происходит от двух причин: во-первых, от психологического свойства поддельвания *après coup*¹ умственных причин тому, что неизбежно совершается, как мы поддельваем сновидения в прошедшем под факт, совершившийся в минуту пробуждения, и во-вторых, по закону совпадения бесчисленного количества причин в каждом стихийном событии, по тому закону, по которому каждая муха может справедливо считать себя центром и свои потребности — целью всего мироздания, по тому закону, по которому человеку кажется, что лисица хвостом обманывает собак, а она только работает рычагом для поворота. Фатализм в истории столь разумен, как неразумен в отдельном человеке. Недаром слово Соломона — сердце царево в руке божией — сделалось пословицей. Царь есть раб истории, стихийного события, и у него произвола менее, чем у других людей. Чем больше власти, чем больше связи с другими людьми, тем меньше произвола.

Есть действия произвольные, относящиеся к стихийной жизни человека, и есть действия произвольные, что бы ни говорили физиологи и как бы точно ни исследовали нервы. Один неотразимый аргумент против них есть тот, что сейчас я могу поднять и могу не поднять руку. Я могу продолжать писать и остановиться. Это — несомненно. Но могу ли я в споре знать, что я скажу, могу ли я на войне знать, что я сделаю, могу ли в столкновении, каком бы то ни было, с другим человеком, в таком действии, где вообще субъект моей деятельности не я сам, — могу ли я знать, что я сделаю? Нет, не могу. Там действую я по стихийным, произвольным законам человечества. И чем больше власти, чем больше связи с другими людьми, тем меньше свободы. Действуя над самим собой, ученый, художник, мыслитель — свободен, действуя над людьми, полководец, царь, министр, муж, отец — несвободен, подлежит стихийным законам и, подчиняясь им, с помощью воображения и ума бессознательно поддельывает свою свободу и из бесчисленных совпадающих причин каждого стихийного явления выбирает те, которые ему кажутся оправдывающими его свободу. В этом состоит всё недоразумение.

Monsieur Mon Frère l'Empereur Napoléon,² несмотря на то, что ему более, чем когда-нибудь, теперь казалось, что от него зависело *verser* или не *verser le sang de ses peuples*,³ никогда более, как теперь, не подлежал тем неизбежным законам, которые заставляли его (полагая, что он действует по своему произволу) делать то, что должно было совершиться. Он не мог остановиться,¹ [задним числом]

² Государь, брат мой, император Наполеон,

³ [проливать или не проливать кровь своих народов,]

но мог поступать иначе.¹ Бесчисленные сложные² исторические причины³ вели к тому, что должно было совершиться, а он был их вывеской, он, как⁴ лошадь в колесе, думал, что он⁵ бежит вперед⁶ для своих целей, и двигал механизм, подделанный к колесу⁷ лошади. Войска громадные⁸ были собраны по⁹ стихийным, произвольным причинам. Этой силе надо было деятельность. Первым предлогом, естественно представлявшимся, была Россия, и по закону совпадения причин подделались сами собою 1000 мелких причин: укоры за несоблюдение континентальной системы, герцог Ольденбургский, минута желчного настроения во время выхода, когда Наполеон, сам не зная что, наговорил Куракину, русскому послу в Париже.

Потом двинулись войска в Пруссию, чтоб поддержать угрозу. Чтобы угроза была не шуточная, нужно было сделать и серьезные приготовления. Делая серьезные приготовления, тот, кто их делал, увлекался ими. Когда много их было сделано, была *fausse honte*,¹⁰ чтобы они не пропали даром, была потребность приложить их к делу. Были переговоры, которые, по взгляду современников, были¹¹ делаемы с искренним желанием, направлены к достижению мира и которые только уязвляли самолюбие той и другой стороны и делали неизбежным столкновение.

Не воля Александра, не воля Наполеона, еще менее воля народов, еще менее континентальная система или герцог Ольденбургский, или интриги Англии, но бесчисленное количество совпадающих обстоятельств, из которых каждое могло быть названо причиной, вело к тому, что должно было быть: к войне, крови,¹² к тому, что противно самому человечеству и потому не может происходить по его воле.

Когда созрело яблоко и падает, отчего оно падает? Оттого ли, что тяготеет к земле, оттого ли, что засыхает стержень, оттого ли, что сушится солнцем, что тяжелеет, что ветер трясет ¹ *Зачеркнуто позднее*: он даже не делал ничего, делали След. слово вписано позднее.

² *Зач. позднее*: неразбираемые

³ След. семь слов вписаны позднее.

⁴ *Зач. позднее*: белка и надписано: лошадь

⁵ *Зачеркнуто*: дви[жется]

⁶ Вписаны позднее следующие три слова.

⁷ *Зач. позднее*: белки и надписано: лошади

⁸ *Зач. позднее*: и «власть» сила громадная, собранная в один центр (не потому собранная, что он собрал ее, а потому, что она сложилась, собралась сама и должна была иметь центр, который случайно был он) и надписано: были

⁹ *Зач. позднее*: тем же

¹⁰ [ложный стыд,]

¹¹ Следующее слово вписано позднее.

¹² *Вместо зачеркнутого*: и разрушению, и возникновению новых условий жизни позднее вписано окончание фразы.

его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съесть его? Ничто не причина. Всё¹ это — только совпадение тех условий, при которых совершается жизненное, органическое, стихийное событие.² И тот ботаник, который найдет, что яблоко падает от того, что клеточка... и т. п., будет так же³ прав и так же неправ, как и ребенок, стоящий внизу, скажет, что оно упало оттого, что ему хотелось съесть его.

Как⁴ прав и неправ будет тот, который скажет, что Наполеон пошел в Москву потому, что он захотел этого, и оттого погиб, что Александр захотел этого. В исторических событиях великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, но которые так же, как ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием.

№ 161 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. II).

⁵ 11 июня в 11 часов польский полковник Поговский, стоявший с полком улан у Немана, увидел скачущую прямо к нему коляску на шести взмыленных⁶ лошадях, сопровождаемую императорской свитой. В коляске сидел император Наполеон, в своей шляпе и⁷ мундире старой гвардии, и говорил с Бертье. Поговский никогда не видал императора,⁸ но тотчас узнал его и собрал свою команду для отдания чести. Наполеон находился в это утро в том же состоянии, в котором он был в памятное утро Аустерлицкого сражения. Он был в том утреннем, свежем, ясном состоянии, в котором⁹ всё трудное делается естественно легким, и именно потому, что человек верит в себя, что он всё может сделать, больше, чем верит — ни на минуту не сомневается и делает, как будто какая-то внешняя, независимая от него сила заставляет его действовать. Наполеон с утра ¹ *Вписаны позднее следующие два слова.*

² Стихийное событие *вписано позднее вместо зач.*: явление

³ *След. четыре слова вписаны позднее.*

⁴ *След. два слова вписаны позднее.*

⁵ *Зачеркнуто*: В то самое утро 11 июня <как происходило это гулянье в Вильне, в это>, особенно замечательное прекрасной летней погодой, после гроз <утро 11 июня> польский <полковник Поговский> майор Сухорже[вский], в первый приезд Hélène в Бартенштейн очень близко знакомый с нею, теперь находясь в службе императора Наполеона и отделенный от Hélène и всего русского, несмотря на близость расстояния, больше, чем океаном — цепью часовых, стоял с своим полком недалеко от Ковно на берегу Немана. В это утро *Позднее вписаны первые полторы строки варианта, кончая*: у Немана,

⁶ *Зач.*: рысаках,

⁷ *След. шесть слов вписаны позднее.*

⁸ *Зач. позднее*: и был пленен его видом в нынешнее утро. *Вместо зач. надписан конец фразы.*

⁹ *Зачеркнуто позднее*: гимнаст прыгает на два вершка выше обыкновенного прыжка, пьянист сделает чисто пассаж, никогда не удающийся, ездок сядет на опасную лошадь и без труда заставит ее покориться, мыслитель сразу изложит свою мысль и увидит свой труд ясно во всем объеме, — состояние, в котором

находился в этом состоянии, еще более усиленном 15-верстной прогулкой на быстрых лошадях, мягких рессорах, по прекрасной дороге, между покрытой еще ночным дождем зеленью в трубку поднимающейся ржи и во всем блеске июня распутившейся зелени лесов. Он выехал (как он думал) для того, чтобы осмотреть место для переправы на Немане¹. Он еще не решил в своем уме вопрос о том, перейдет ли он теперь Неман, или подождет нового ответа Лористона, но в сущности он поехал потому, что² он в это утро был неизбежным исполнителем воли Провидения. Утро было прекрасное, он находился в том утреннем, Аустерлицком состоянии, в котором ему неизбежно нужно было предпринять что-нибудь, его веселила мысль, что он, он — несмотря на всё свое величие, несмотря на последнее Дрезденское пребывание, во время [которого] короли и императоры составляли его ожидающ[ийся] выхода двор, он, сделавший милость Австрийскому дому, вступив в брак с его принцессой, — он, несмотря на это, сам едет осмотреть место переправы и отдать нужные приказания.³ Поздоровавшись с польскими уланами, он, не спуская глаз с делавшего в этом месте крутого изгиба Немана, вышел из коляски и махнул рукою к себе офицеров. Несколько генералов и офицеров подбежало к нему. Сухоржевский был один из первых, и Наполеон обратился к нему с вопросами о дорогах к Неману и о расположении аванпостов.⁴ Не дослушав еще конца речей Сухоржевского, Наполеон, отпустив от глаз зрительную трубу, в которую он смотрел,⁵ и сказал Бертье, что он намерен сам осмотреть Неман. Бертье поспешно спросил офицеров, не представляет ли такая рекогносцировка опасности от казаков для императора, и на утвердительный ответ доложил императору, что его особа и шляпа слишком известны всему миру и что было бы неблагоприятно ему выехать под выстрелы казаков. Наполеон оглянулся на офицеров, отыскивая между ними человека своего роста. Сознание своего небольшого роста всегда было неприятно Наполеону, и большой рост смущал его. Но это было счастливое утро, как оно всегда бывает счастливо для людей, находящихся в счастливом расположении духа. Или офицеры случились небольшого роста, или Наполеон заметил только малорослых,⁶ он сказал с улыбкой, что наденет польский мундир.¹ *На полях:* Здоровается с полками; блестящий вид полков.

² *Зачеркнуто:* утро было хорошо, что *вместо* *зач. надписан позднее текст, кончая:* Утро было прекрасное,

³ *Зач. позднее:* Он делает то, что не сделает ни один государь, ни тот Александр, который хочет бороться с ним. И оттого ни один не может и не будет мочь бороться со мною.

⁴ *На полях написано позднее:* Ужас всех, чтобы его не застрелили и этом костюме Н[аполеона].

⁵ *Далее, кончая словами:* под выстрелы казаков. Наполеон *надписано позднее.*

⁶ *Конец фразы вписан позднее.*

Несколько¹ офицеров подходящего роста поторопились скинуть свои мундиры, в том числе и Сухоржевский. Но он еще не успел открыть плечи, как строгий взгляд² одного из свиты Наполеона остановил его. Наполеон, как Парис с яблоком, избирающий красавицу, не улыбаясь, оглянул раздевшихся офицеров и потому ли, что полковник Поговский был старше чином, или что открывшееся из-под снятых мундиров белье было чище всех на Поговском, император³ выбрал его и, сняв свой серый сюртук с лентой, который тотчас же был подхвачен, как реликвия, надел сюртук и фуражку Поговского. Бертье позади тоже поспешно⁴ нарядился в польского улана и⁵ отдавал приказание, чтобы императору была⁶ выбрана посмирнее верховая лошадь, так как Бонапарт был не смелый и не твердый ездок. В сопровождении одного Бертье и майора Сухоржевского Наполеон верхом поехал к деревне Алексотену и оттуда к Неману, за которым вдалеке видны были русские казаки.

Увидав тот Неман, на котором был 5 лет тому назад Тильзитский мир, и, главное, тот Неман, за которым⁷ начиналось то таинственно-громадное скифское государство, подобное тому, в которое ходил Александр Македонский, за которым был этот Александр, дерзко требовавший отступления французских войск из Померании, тогда, когда вся Европа преклонялась перед ним, владыкой Франции, за которым была эта *ville asiatique Moscou avec ses innombrables églises et ses pagodes chinoises*,⁸ увидав этот Неман, это прекрасное небо, далеко открывающие зелень поля,⁹ скрывающиеся там, надев раз польский мундир и сам выехав под выстрелы русских аванпостов — он¹⁰ не мог не¹¹ решить в своем уме что завтра он наступает. Возвращаясь назад верхом, к селению Ногарлиски, Сухоржевский, ехавший сзади, слышал, как великий человек фальшивым голосом запел *Malborough s'en-va-t-en-guerre*¹² и видел блестящий, светлый, веселый взгляд, который безучастно и¹³ безразлично останавливался на всем и говорил о счастливом, легком состоянии в эту минуту великого человека. В Ногарлиски послано вперед приказание перевести в них главную квартиру и там¹⁴ продиктована¹ *Исправлено из:* по несколько

² *Зачеркнуто:* Бертье

³ император *исправлено из:* но он

⁴ *Зач.:* одевался

⁵ *Зачеркнуто позднее:* уже поняв, в чем было дело,

⁶ *Зач.:* подана

⁷ *Зач.:* было

⁸ [азиатский город Москва с ее бесчисленными церквами и китайскими пагодами;]

Зач.: Когда

⁹ *Зач.:* увидав молодцеватых польских

¹⁰ *Зач.:* уже

¹¹ *Зач.:* дать при[казание]

¹² [Мальбрук в поход собрался]

¹³ *Зач.:* однообразно указывал

¹⁴ *Зач.:* отдано приказание наст[упать]

Наполеоном диспозиция перехода через Неман и наступления. Кроме того, в Ногарлисах же были в первый раз представлены императору Наполеону образцы выделанный на 100 миллионов рублей фальшивых русских ассигнаций, сличены с настоящими¹ и одобрены императором, и представлен к подписанию приговор расстреляния польского сержанта,² сказавшего дерзость французскому генералу.³

* № 162 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III).

<Государь Александр с военным двором около месяца жил в Вильно. Та же,⁴ как и в Петербурге, давка тщеславных, корыстолюбивых интересов происходила около него. Точно с теми же чувствами ходили люди по улицам Вильно, с которыми они ходили по Морской и Невскому.⁵ Точно с теми же надеждами, завистями и желаниями, с маленьким оттенком национального различия, толпились поляки и полячки на балах и приемах государя и великого князя.⁶ 11 июня в Вильне было гулянье. В с иголки новом мундире⁷ с одним эполетом и аксельбантом, с той гордой и спокойной особенностью придворного молодого человека, для которого мир существующий ограничен весьма малым количеством придворных людей, шел по главному гулянью Вильно между рядами Борис Друбецкой⁸ и подходил к остановившимся коляскам знакомых дам. Великолепный польской⁸ цуг серых в коляске, в которой сидела в шелку,⁹ кружевах красавица Héléne, стал на самом видном месте,¹⁰ окруженный генерал-адъютантами и графами польскими и русскими. Борис, не соображая своих прежних отношений к Héléne (все эти соображения не могли иметь места для светского человека. «Une femme du monde¹¹ — она, un homme du monde¹² я, — подумал он,¹³ — всё, что было, должно быть *comme non avenu*»¹⁴), подошел к ней, потому что хорошо было с ней иметь вид¹ След. три слова вписаны позднее.

² Зачеркнуто: неповин[ного]

³ Зач. позднее: Император Наполеон был доволен исполнением приказа по выделке фальшивых ассигнаций и приказал выдать денежную награду производителю. Приговор расстреляния тоже был им подписан.

⁴ След. четыре слова вписаны позднее, вместо зач. в конце фразы: точно так же, как и в Петербурге

⁵ След. восемь слов вписаны позднее.

⁶ На полях: Анатолий и Борис. Анатолий подходит к сестре и говорит: а знаешь, мне кажется, я скверно поступил.

⁷ След. восемь слов — позднейшее исправление из: с вензелями на эполетах,

⁸ Слово: польской вписано позднее.

⁹ Зач.: и <бархате> кисее и надписано позднее: кружевах

¹⁰ Зач.: Борис

¹¹ [Светская женщина]

¹² [светский человек]

¹³ Далее восемь слов вписаны позднее.

¹⁴ [как не бывшее]

18

близкого.¹ Они обменялись приятными дружескими улыбками и заговорили о бале. Предстоящий бал был некоторого рода новость и оригинальность, которую затеяли придворные люди. Пришло в голову это Балашеву, и все приняли мысль. Дело было в том, чтобы дать бал государю генерал-адъютантам² от себя. Они собрались, составили подписку по 300 р., взяли прелестный загородный дом Бенигсена и пригласили государя. Бал должен был быть великолепен и имел особенную прелесть именно своей оригинальностью. Узнали, кого государю приятнее будет видеть хозяйкой бала, и пригласили эту даму. Hélène одно время была в надежде и волнении, что выберут ее, но теперь считала нужным радоваться выбору другой дамы,³ совершенно скрыв свою прежнюю надежду. Лучше выбора не могли сделать.

— On dit, que ce sera charmant et surtout le feu d'artifice,⁴ — сказала она Борису. Поговорив о бале и обещая Борису 2-й cotillon,⁵ вечером они разошлись.>

* № 163 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III—VII).

Вечером на другой день был веселый, блестящий праздник с графиней Лович⁶. Было особенно весело и оживленно.⁷ В числе польских красавиц графиня Безухая не уронила репутацию русских красавиц и была замечена.⁸ Борис Друбецкой,⁹ через Hélène Безухову получив приглашение, был тоже на этом бале. В 12-м часу ночи еще танцовали. Государь прохаживался между танцующими и осчастливливал то тех, то других теми ласковыми словами, которые он один только умел говорить. Борис, как и все на бале, удостоенном императорским присутствием, душою всё время стремился к государю и был при нем, хотя и танцевал и говорил с дамами. При начале мазурки он видел, что Балашев подошел к государю, говорившему что-то польской даме, и остановился — непридворно остановился подле государя. Это что-нибудь значило. Государь взглянул вопросительно и понял, что Балашев поступил так только потому, что на то были важные причины, что ему нужно было говорить с государем.¹⁰ Поклонившись даме слегка в знак, что аудиенция кончена, государь обратился к Балашеву и, взяв его под руку,¹ *Зачеркнуто*: И действительно

² След. два слова вписаны позднее.

³ След. пять слов вписаны позднее.

⁴ [Говорят, будет очаровательно и особенно фейерверк,]

⁵ [котильон,]

⁶ *Зач.*: и обворожительными польскими дамами, прелестной музыкой, фейерверком.

⁷ *Далее, кончая словами*: тоже на этом бале *позднейшая вставка, написанная на полях*.

⁸ *Зач.*: В числе молодых танцоров

⁹ *Зач.*: адъютант, обращал на себя внимание своими отличными танцами, вел бал

¹⁰ *Зач.*: Окончив

пошел с ним, бессознательно для себя расчищая с обеих сторон, сажени на 3, широкую дорогу сторонившихся перед ним. Борис¹ посмотрел на грубое и подло-преданное лицо Аракчеева, который, заметив разговор государя с Балашевым, тянулся из толпы, но не смел подойти ближе. Борис, как и большинство порядочных людей, чувствовал инстинктивную антипатию к Аракчееву, но милость к нему государя заставляла его сомневаться в справедливости своих чувств. Балашев что-то с весьма серьезным лицом говорил государю. Государь быстро выпрямился, как человек оскорбленный и удивленный, и продолжал ласково и спокойно слушать. Борис, несмотря на ясное сознание, что то, что говорилось, очень важно, несмотря на страстное желание узнать, в чем дело, поняв, что, ежели граф Аракчеев не смеет подвинуться ближе, ему и думать нечего, отошел к стороне. Совершенно неожиданно государь с Балашевым направились прямо к нему (он стоял у выходной двери в сад),² он не успел отодвинуться и слышал следующие слова государя, говорившего с волнением лично оскорбленного человека:

— Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженного неприятеля не останется на моей земле.

При этих словах государь, заметив Бориса, взглянул на него гордо, решительно и, как показалось Борису, государю приятно было высказать эти слова — он был доволен формой выражения своей мысли и был доволен даже, что Борис восторженно и почтительно услышал его.

— Чтоб никто не знал, — прибавил государь. (Борис понял, что это относилось к нему.) И государь прошел. Известие, сообщенное Балашевым на бале государю, было — без объявления войны переход Наполеона со всей армией через Неман, в одном переходе от Вильно.

Неожиданное известие это было особенно неожиданно после месяца³ несбывающегося ожидания и на бале. Государь был в первую минуту возмущен и взволнован этим известием и нашел под влиянием этого минутного чувства то, потом сделавшееся знаменитым, изречение, которое самому понравилось ему, выражая вполне его⁴ чувства. Возвратившись домой с бала, государь в 2 часа ночи послал за секретарем Шишковым и велел написать⁵ приказ Петербургскому военному губернатору и войскам, в котором он непременно требовал, чтобы были помещены слова о том, что он не помирится, пока хоть один вооруженный останется⁶ на русской земле.⁷

¹ *Зачеркнуто:* заметил След. два слова надписаны позднее.

² *Заключенное в скобки* — позднейшая вставка.

³ *Зач.:* спокойного

⁴ *Зач. позднее:* впечатление и надписано: чувства.

⁵ *Зач.:* манифест

⁶ *В рукописи:* не останется

⁷ *На полях конспект:* Поездка Балашева. Мюрат — Даву. Вдруг соскочили (у Даву). Генерал-адъютант. Он пленный и даже страшно.

¹На другой день было написано то² письмо,³ начинающееся словами Monsieur mon Frère⁴ (которое выписано в начале главы), и послан Балашев к Наполеону с последней попыткой примирения. На другой день новость, привезенная Балашевым, была известна всем. Императорская квартира переехала на станцию, назад в Свенцианы, и все войска отступали.

Отправляя Балашева, государь вновь повторил ему слова о том, что он не помирится до тех пор, пока останется хоть один вооруженный неприятель на русской земле, и приказал *непрерывно* передать их Наполеону; хотя, вероятно, именно потому, что государь чувствовал с своим тактом, что слова эти неудобны для передачи в ту минуту, когда делается последняя попытка примирения, именно потому он не написал их в письме и именно приказал Балашеву передать их,⁵ т. е. чувствовал личную потребность выразить их.

Выехав ночью, Балашев к рассвету приехал на аванпосты и был остановлен французскими кавалерийскими часовыми. Гусары-солдаты в малиновых мундирах не пропустили его, не сделали ему чести, непочтительно, как и должно было быть, угрюмо в его присутствии переговаривались между собою и послали к офицеру. Необычайно странно было Балашеву, привыкшему издавна по своей службе к почестям и после той близости к высшей власти и могуществу — разговора 3 часа тому назад с государем — видеть тут, на русской земле, это⁶ враждебное и, главное, непочтительное отношение к себе. Но естественно приходила мысль о ничтожестве этих людей, о том, что, несмотря на то, что они кажутся такие же люди, как он, с руками, с ногами, с воспоминанием, с мыслями, несмотря на то, что они грубой силой своей преграждают ему путь, — они относятся к нему, как относится⁷ зернышко молотого хлеба к одному из главных колес мельницы. Он не смотрел даже на них в то время, как ожидал в цепи. Он ожидал недолго. Французский Фальшивые ассигнации и расстрел мародеров. Наполеон сам не знает, зачем перешел. Перешел потому, что сел верхом и легко перейти. Какие требует условия? Императора австрийского успокоил подарками, колье бриллиантовое, в ту минуту, как он говорит с Балашевым.

¹ *Зачеркнуто:* В эту же ночь

² *Слово:* то вставлено позднее.

³ *След. два слова надписаны позднее.*

⁴ *След. пять слов — позднейшая вставка.*

⁵ *Окончание фразы надписано позднее. Далее зач.:* Балашев выехал верхом в сопровождении двух казаков и трубача под впечатлением последней беседы с государем и лестного чувства быть представителем могущественнейшего и благороднейшего из государей.

⁶ *Позднее зач.:* непочтительное и далее *вписано:* и, главное, непочтительное

⁷ *Зач.:* крупинка

гусарский полковник Юльнер выехал к нему на красивой, сытой, серой лошади с видом довольства и исправности, которое было и на его солдатах, находившихся в цепи. Это было то первое время кампании, когда войска еще находятся в исправности, почти равной смотровой мирной деятельности, только с оттенком неформенной воинственности и с нравственным оттенком того веселья и раздраженности, предприимчивости, которые всегда сопутствуют началу кампании. Войска чистятся, щеголяют, как будто не зная того, что очень скоро они не только не будут успевать расчесывать хвосты лошадей, но и свои собственные волосы, как будто не знают, что скоро не только не будет веселья, но будет страх, ужас, страдания и смерть.¹

Полковник Юльнер был сдержанно и достойно учтив, видимо понимая² всё значение посылки Балашева. Он провел его³ мимо своих солдат и с приятной улыбкой вступил с ним в разговор.

Не проехали они 100 шагов, как навстречу им показался едущий король Неаполитанский, тот самый Мюрат, [который] так бойко один взял Венский мост и который за все свои услуги Наполеону теперь уже давно был королем Неаполитанского королевства. Когда Юльнер, указывая на блестящую группу, впереди которой ехал в красной мантии, облитый золотом и дорогими камнями⁴ Мюрат, сказал, что это — Неаполитанский король, Балашев⁵, в знак согласия и уважения, слегка наклонил голову и поехал навстречу Мюрату, который был теперь король,⁶ величавее и представительнее, чем он был.¹ *Зачеркнуто позднее вписанное на полях:* Еще война была похожа для Балашева и Мюрата на веселую игру, хотя, в сущности, настоящее значение ее уже начиналось для некоторых: для одного казака, раненного на аванпостах пулей в локоть и которому доктора, пользуясь еще редким тогда случаем операции, весело отрезали руку, и кое для кого больных, завязших в грязи, избитых и ограбленных в той и другой армии.

² *Зач.*: всю важность

³ *Зач. позднее:* через цепь и вывел навстречу ехавшему Мюрату, так как *Вместо зач. надписан конец абзаца и далее, кончая словами:* тот самый Мюрат,

⁴ *Слово:* камнями *пропущено в этой рукописи и восстановлено по следующей.*

⁵ *Слово:* Балашев *переделано позднее из:* Балашеву. *Далее зач.:* невольно пришлось в голову, как и всем, кто тогда слышал про Мюрата или видел его: почему же гасконец без роду-племени, образования и ума — Неаполитанский король и почему — не я Неаполитанский король? Но почему бы это ни было, все верили, что Мюрат — Неаполитанский король, хотя в душе и знали, что это только на короткое время, верили и его подданные и чужие и называли его «ваше величество». И больше всех сам Мюрат верил, что он — действительно Неаполитанский король. Он верил в это так сильно, что *Вместо зач. надписано, кончая словами:* Мюрату, который был теперь король,

⁶ *Зач.:* в чем никто не сомневался. *Дальнейший текст, кончая словами:* Это был тот Мюрат, который *вписан позднее.*

в 1805 году на Венском мосту, где они с Бельяром эскамотировали¹ другую половину Вены. Это был уже тот Мюрат, который назывался Неаполитанским королем, во что все совершенно искренне верили. Это был тот Мюрат, который² накануне того дня, когда, по требованию Наполеона присоединиться к его армии, он выезжал из Неаполя, прохаживаясь под руку с своей супругой и придворными по улицам Неаполя и когда два пирожника-итальянца вскочили от своих мест и прокричали³ для того, чтобы развлечься от скучных занятий дня: *Viva il re*;⁴ Мюрат с грустной улыбкой, которая тотчас же, как и всякая царская улыбка, отразилась на лицах придворных, сказал:

— *Les malheureux! Je les plains... ils ne savent pas que je les quitte demain.*⁵

Он, как немного разъехавшийся, но всё готовый на службу старый конь, ехал на арабском жеребце, *chamarré d'or et des pierreries*,⁶ веселый, сияющий, оживленный прежним привычным делом войны, подъехал навстречу Балашеву, притронулся рукой к своей обшитой золотом и с страусовыми перьями шляпе и весело приветствовал генерал-адъютанта императора Александра.⁷ Он подъехал близко и положил руку на холку лошади Балашева. Его добродушное усатое лицо сияло самодовольством, когда Балашев, разговаривая с ним, поддавал ему: *à Votre Majesté, de Votre Majesté*⁸ во всех падежах, с неизбежной аффектацией учащения титула обращаясь к лицу, для которого титул этот еще нов.

Понравилось ли Мюрату лицо Балашева, или вообще он был хорошо, весело расположен прекрасным утром и верховой прогулкой, но он, слезши с лошади и взяв под руку Балашева, вступил в тон разговора вовсе не королевского и не вражеского, а в тон добродушных, веселых⁹ слуг ссорящихся господ, которые останутся добрыми приятелями, несмотря ни на какие отношения между принципалами.

— *Eh bien, général! Tout est à la guerre, à ce qu' il paraît,*¹⁰ — сказал Мюрат.

Балашев сознался, что это действительно так, но заметил, что государь Александр не желал войны и что его посылка служит доказательством этого.

¹ *Галлицизм от франц. слова excommunier — отлучать.*

² *Зачеркнуто:* уезжая

³ *Зач.:* ему в

⁴ Да здравствует король;

⁵ Несчастные! Мне их жаль... они не знают, что завтра я их покидаю. *Далее зач.:* Этот самый и вписаны след. одиннадцать слов, причем осталось незачеркнутым слово: был

⁶ [разукрашенный золотом и драгоценными камнями,]

⁷ Следующая фраза вписана на полях позднее.

⁸ [Вашему Величеству, о Вашем Величестве]

⁹ *Зач.:* лакеев

¹⁰ Ну, что ж, генерал, дело, кажется, идет к войне,

— Так вы считаете зачинщиком войны не императора Александра? — сказал Мюрат с добродушной улыбкой из-под своих усов.

Поговорив о причинах войны, Мюрат сказал, вероятно, то, что он и не желал сказать, но сказал под влиянием развеселения:

— ¹Je désire de tout mon coeur que les empereurs s'arrangent entre eux, et que la guerre commencée malgré moi se termine le plus tôt possible.

— Je ne vous retiens plus. Charmé d'avoir fait votre connaissance, général,² — прибавил Мюрат, и Балашев, откланявшись его величеству, поехал дальше, по словам Мюрата, предполагая весьма скоро встретить самого Наполеона.

Но вместо скорой встречи с Наполеоном часовые пехотного корпуса Даву опять задержали Балашева, и вызванный адъютант командира корпуса проводил его к маршалу Даву.

Сумрачный солдат Даву был совершенная противоположность Мюрату.

[Далее со слов: Это был Аракчеев императора Наполеона *кончая*: когда к нему ввели Балашева *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. I, гл. V.]

³Он еще более углубился в свою работу, когда вошел русский генерал, и, взглянув⁴ через очки на веселое и представительное под впечатлением прекрасного утра и беседы с Мюратом лицо Балашева, еще больше нахмурился и зло усмехнулся.⁵

«Вот мы, французы с любезностями, — подумал он, — теперь не до любезностей. Я был против этой войны, но ежели раз уж война начата, то надо не любезничать, а работать».⁶ Заметив на лице Балашева неприятное впечатление, Даву строго, холодно обратился к нему с грубым вопросом: что ему нужно. Предполагая, что такой прием мог быть сделан ему только потому, что Даву не знает, что он генерал-адъютант императора Александра и⁷ даже представитель его перед Наполеоном, Балашев поспешил сообщить свое звание и назначение.

В противность ожидания его, что это известие мгновенно переменит тон и обращение Даву на самый почтительный, как это обыкновенно бывает с людьми грубыми, Даву, выслушав Балашева, стал еще суровее и грубее.

¹ *Зачеркнуто*: Душевно желаю, что

² Я желаю от всей души, чтоб императоры покончили дело между собой и чтобы война, начатая против моей воли, окончилась как можно скорее.

Я вас не задерживаю более. [Рад был познакомиться с нами, генерал,]

³ *На полях запись для памяти, относящаяся к другому месту*: Князь Андрей говорит, что он мучитель, и с прокл[ятием] его уезжает.

⁴ *След. два слова вписаны позднее.*

⁵ *Зач.*: продолжая карандашом отмечать кресты на полях бумаги.

⁶ *Зач.*: Поставив в неловкое положение Балашева тем, что он не сразу обратился к нему, и искосясь

⁷ *Зач.*: подавив и *надписано*: даже

«Где же ваш пакет? — сказал он. — *Donnez-le moi, je l'enverrai à l'Empereur*».¹

Балашев² сказал, что он имеет личные приказания передать пакет самому императору.

— Приказания вашего императора исполняются в вашей армии, а здесь, — грубо сказал Даву, — вы должны делать то, что вам говорят. — И как будто для того, чтобы еще больше дать почувствовать русскому генералу его зависимость от грубой силы, Даву высунулся из сарая и³ кликнул дежурного.

Балашев вынул пакет, заключающий письмо государя, и,⁴ не глядя на Даву, положил его на стол (стол, состоявший из двери, на которой торчали еще оторванные петли, положенной на две бочки).

Даву взял конверт и прочел надпись.⁵

— Вы совершенно в праве оказывать или не оказывать *мне* уважение, — сказал Балашев, — но позвольте вам заметить, что я имею честь носить звание генерал-адъютанта его величества... Где я могу подождать ответа?

Даву⁶ взглянул на него⁷ молча. Он, видимо, соображал,⁸ не ошибся ли он в самом деле, слишком удовлетворяя своей потребности⁹ показать, что он — работник, а не любезник.

— Вам будет оказано должное, — сказал он и, положив конверт в карман,¹⁰ вышел из сарая.¹¹ Через минуту вошел адъютант и провел Балашева в приготовленное для него помещение.

¹ Дайте мне, его я пошлю императору. *Далее зачеркнуто позднее*: Выпустив напрасно всю последнюю надежду на смягчение Даву,

² *Зач. позднее*: нахмурился и

³ *Зач. позднее*: окликнул конвой, который сопровождал Балашеву и *вписаны след.* два слова.

⁴ *Зач. позднее*: с жестом оскорбленного достоинства

⁵ *Зач.*: — Ежели вам неужгодно

⁶ *Зач.*: — ясно

⁷ *След. слово вписано позднее*.

⁸ *Зач. ранее написанное*: как ему поступать и *надписаны след. восемь слов*.

⁹ *Зач. ранее написанное*: оскорбить человека и *вписано окончание фразы*.

¹⁰ *Зач. позднее*: <проводил> приказал позвать адъютанта и, оставив проводить Балашева в соседнюю, пустую избу, занимаемую им <его с Балашевым>, вышел из сарая. *Вместо зач. вписано на полях окончание фразы*.

¹¹ *Зач. позднее*: Во время его отсутствия адъютант убрал бумаги с двери, и денщики маршала накрыли тот же стол. И Балашев имел удовольствие обедать с маршалом, который говорил весьма мало о погоде и лошадях, но казался уже менее суровым. После обеда приставленный к Балашеву адъютант проводил его в назначенную для него избу. На другой день маршал Даву зашел к нему и объявил, что он еще не получил ответа, когда император Наполеон захочет принять русского генерала, но что он должен оставить его.

— Мой дом к вашим услугам, — сказал Даву, <кланяясь>. — Прошу вас об одном, генерал, не говорить ни с кем, кроме как с господином NN (адъютант, приставленный к Балашеву). *Вместо зач. на полях вписано, кончая словами*: адъютанта французского генерала.

Балашев обедал в этот день с маршалом, в том же сарае, на той же доске на бочках, и еще три дня провел при главной квартире Даву, с нею вместе передвигаясь вперед по направлению к Вильно, и уже не видя маршала, а имея при себе неотлучно адъютанта французского генерала.

После 4-х дневного уединения, скуки, сознания подвластности и ничтожества, особенно ощутительного после той среды могущества, в которой он так недавно находился, за Балашевым была прислана коляска и он¹ мимо французских войск, занимавших всю местность, привезен в Вильно, в ту же заставу, из которой он выехал 4 дня тому назад. И к тому же самому лучшему в Вильне дому, в котором он получил последние приказания императора Александра. Четыре дня тому назад у дома этого стояли Преображенского полка часовые, теперь стояли два гренадера с распахнутыми синими мундирами и в мохнатых шапках. У крыльца дома толпились генералы и местные чиновники, из которых некоторые узнали Балашева и² отворачивались от него. У крыльца же стояла верховая императорская лошадь, паж, мамелюк Рустан и блестящая свита адъютантов. Вероятно, ждали выхода самого Наполеона.

³ В первой комнате Бертье принял учтиво Балашева и, оставив его, прошел к Наполеону.⁴ Через 5 минут он вышел и объявил, что императору угодно сейчас принять его.

Наполеон ждал Балашева и ждал его с тем волнением, которое не оставляло его всегда, когда дело касалось сношений с аристократами царской крови, из которых блестящее всех, и физическими и нравственными качествами, представлялся ему Александр. Он знал, что всякое слово, движение его, все впечатления, которые он произведет на посланного, будут переданы Александру. Он выбрал самое выгодное свое время — утро и самый, по его мнению, величественный свой костюм — открытый мундир с лентой *legion d'honneur*⁵ на белом пикейном жилете и ботфорты, которые он употреблял для верховой езды. Сбор блестящей свиты у подъезда был тоже рассчитан. Наполеон решил принять Балашева на выходе для верховой прогулки и принял его стоя в своем маленьком кабинете. Он стоял у окна комнаты, облокотясь на маленький столик своей маленькой белой рукой, играя табакеркой, и слегка наклонил голову⁶ в ответ на почтительный поклон Балашева.⁷

¹ *Следующие шесть слов — позднейшая вставка.*

² *Зачеркнуто позднее:* старались не глядеть на него. В доме стоял Наполеон и всегдашний сотрудник Наполеона — маршал Бертье *и надписано:* отворачивались от него.

³ *Три первые слова вписаны позднее.*

⁴ *След. пять слов вписаны позднее.*

⁵ [почетного легиона]

⁶ *Зач.:* принимая письмо

⁷ *Весь след. абзац вписан на полях позднее.*

«Буду спокоен и величествен. Выражение сознания силы есть спокойствие, думал в это время Наполеон. Оставлю его всё высказать¹ и покажу ему свою² власть. Покажу ему, как дерзко было требовать выхода моих войск из Померании и как они наказаны за это требование вступлением моих войск в их пределы». Воспоминание о требовании очищения Померании в первую минуту, когда оно получено было в <Дрездене>....., особенно оскорбило Наполеона по стечению разных обстоятельств и потому, что оно пришло к нему тогда, когда он был дурно настроен, и потому, что за час перед этим он говорил Бертье, что Россия предложит условия мира теперь, и потому воспоминание это начало было поднимать оскорбленное чувство в его душе. Но он сейчас же сказал себе: «Этого не будет. Теперь, занимая ту самую Вильну, из которой послан этот генерал-адъютант, я должен одним спокойствием показать свою силу».

«Ну! вы меня видите, не смущайтесь, придите в себя, успокойтесь и говорите, что вам нужно сказать», говорил его взгляд.

— Sire! L'Empereur, mon maître,³ — начал Балашев,⁴ немного смутясь, но с свойственной ему свободой и изяществом элокуции⁵. Он передал Наполеону всё, что ему было приказано. Передал, что император Александр удивлен вступлением французских войск в русские пределы, что не он начинает войну и не желает ее, что князь Куракин требовал свои паспорта без ведома императора Александра, что с Англией еще нет никаких сношений и что император Александр желает мира, но приступит к нему [не иначе], как с тем условием, чтобы войска вашего величества отступили за Неман. Он сказал, чтобы *войска фр[анцузов] отступили за Неман*, а не сказал ту фразу, которая, очевидно, особенно нравилась императору Александру, которую он не написал в письме, которую он непременно приказал вставить в приказ войскам и которую он приказал Балашеву передать Наполеону. Балашев помнил про эти слова — «пока ни один вооруженный неприятель не останется на земле русской», — но какое-то необъяснимое сложное чувство, называемое тактом, удержало его — он, глядя в глаза, не мог сказать этих слов, хотя и хотел это сделать. Слишком личное чувство оскорбления слышалось в этих словах, и, вероятно, инстинкт, т. е. не один ум, а совокупность всех способностей, воспрещал Балашеву сказать их. Наполеон выслушал всё спокойно, но последние слова, хотя и смягченные, кольнули его. Кольнули еще более потому, что в них слышалось воспоминание о прежнем требовании¹ *Зачеркнуто*: и заставлю

² *Зач.*: силу

³ Ваше величество! Император, государь мой

⁴ *След. три слова вписаны позднее.*

⁵ выражения (*от лат. слова elocutio*).

очистить Померанию, требованье, кончившееся тем, что я вступил в Россию,¹ — подумал он.

— Я желаю мира не менее императора Александра, — начал он. — Я 18 месяцев, — сказал он, — делаю всё, чтобы получить его. Я 18 месяцев жду объяснений. — Но он начал говорить и уже одно слово независимо от его воли, погоняя другое, вырывалось из него, воспоминание о требовании очистить Померанию, кончившееся вступлением в Россию, представилось и тотчас же выразилось словами.

— Но для того, чтобы начать переговоры, чего же требуют от меня?

— Отступления войск за Неман.

Наполеон как будто не обратил на это внимания и продолжал: — Но для того, чтобы возможны были переговоры, нужно было, чтобы вы не были связаны с Англией.

Балашев передал в этом уверение императора Александра, что союза с Англией не было.

Наполеон еще раз² вывел сообщение о требовании отступить за Неман, только за Неман. Это требование нужно было ему. Оно было и оскорбительно и успокоительно для³ него. «Вместо требования 4 месяца тому назад отступить из Померании, теперь требовали отступить только за Неман, и тогда союз и вражда с Англией продолжалась. Да, так и понимаю», думал Наполеон и хотел сказать, что после теперешнего требования отступить за Неман скоро будут требовать от него только отступить от Москвы. Но нет, я не скажу ничего лишнего, я не разрушу на него (на Александра через Балашева) это впечатление спокойного сознания силы. Но он⁴ уже начал говорить и, чем больше он говорил, тем менее он становился в состоянии управлять своей речью. Все оскорбительные воспоминания о требовании очистить Померанию, о непризнании его императором в 1805 и 6 году, об отказе в руке великой княжны — все воспоминания эти восставали в нем по мере того, как он говорил. И вместе с каждым из воспоминаний этих унижений, против каждого из них восставало в его воображении воспоминание отплаты за унижение и торжества, как торжества Тильзита, Эрфурта, недавнего Дрезденского пребывания.⁵ «Все они люди,¹ Позднее зачеркнуто: хотел сказать он, но воздержался. Он начал с того, что он желал мира не менее императора Александра. *Вместо зач. надписано:* подумал он *и первые семь слов следующего абзаца.*

² *Зач.:* повторил вопрос.

³ *Зач. позднее:* его оскорбленного самолюбия *и вписано:* него.

⁴ *Зач. написанное ранее:* выслушав [?] всё, если начал *и надписаны след. два слова.*

⁵ *Зач. позднее:* Вспомнилось ему по самой сложной филиации идей

(в то время, как он говорил о другом) последнее его столкновение с матерью его жены, императрицей Австрийской, которая не хотела ехать в Дрезден и не хотела обедать у него. И вспомнилась ему ее покорность и радостная улыбка, когда <он три дня сряду> после 3-х дней, во время

ничтожные люди», думал он и продолжал говорить, радовался логичной, казавшейся ему неоспоримой, оскорбительности своих доводов. Он давно уже оставил свое положение и, то складывая руки на груди, то закладывая их за спину, ходил по комнате и говорил.

— Такие предложения, как то, чтобы очистить Одер и Вислу, можно делать принцу Баденскому, а не мне. Ежели бы вы мне дали Петербург и Москву (*ville asiatique Moscau*,¹ которая была там, в Скифии), я бы не принял этих условий. И кто прежде приехал к армии? Император Александр, а не я. Хотя ему нечего делать при армии. Я — другое дело, *je fais mon métier*.² И какое прекрасное царствование могло быть его царствование, — говорил он, как будто жалея о мальчике, который вел себя дурно и не заслужил конфетку.³ — Я ему дал Финляндию, я бы ему дал Молдавию и Валахию. Говорят, что вы заключили мир?

Балашев подтвердил это известие, но Наполеон не дал ему говорить, особенно говорить то, что было неприятно ему (а это было очень неприятно). Ему нужно было говорить самому одному, доказывать, что он прав, что он добр, что он велик, и он продолжал говорить с тем красноречием и невоздержанием раздраженности, к которому так склонны вообще балованные люди, и с тем красноречием невоздержания и раздраженности, с которыми он говорил в 1803 с английским посланником и недавно с князем Куракиным.

— Да, — продолжал он, — я обещал ему и дал бы ему Молдавию и Валахию, а теперь он не будет иметь этих прекрасных провинций. Он бы мог, однако, присоединить их к своей Империи и в одно царствование он бы расширил Россию от Ботнического залива до устьев Дуная. Катерина Великая не могла бы сделать более, — говорил Наполеон, всё более и более разгораясь, ходя по комнате и повторяя Балашеву почти те же слова, которые он говорил самому Александру в Тильзите. — *Tout cela il l'aurait dû à mon amitié!*.. Ah, quel beau règne, quel beau règne, — повторил он несколько раз и остановился, — *quel beau règne aurait pu être celui de l'empereur Alexandre!*⁴ которых посылал каждое утро камергера графа Роган узнать о ее здоровье и передать ей вазу, драгоценную коллекцию камеев и колье жемчугов. В другую минуту вспомнилось ему кроткое и запуганное лицо Марии Луизы, когда он встретил ее в Дижоне, вспомнил[ись] обеда и вечера в Эрфурте.

¹ [азиатский город Москву,]

² [я делаю свое дело.]

³ *Зачеркнуто*: Он был пайнька в Эрфурте и Тильзите, я ему дал игрушки и еще бы дал, а теперь подумаю и кажется, что не дам, несмотря на всё мое желание, оттого, что не заслуживает.

⁴ Всем этим он был бы обязан моей дружбе!.. О, какое прекрасное царствование могло бы быть царствование императора Александра! О, какое прекрасное царствование!

Он¹ с сожалением взглянул на Балашева, и только что Балашев хотел заметить что-то, как он опять поспешно перебил его. В эту минуту Наполеону до озлобления непонятно было, как мог Александр отступить от блестящей (так казалось Наполеону) программы, начертанной ему.

— Чего он мог желать и искать такого, чего бы он не нашел в моей дружбе?.. Нет, он нашел лучшим окружить себя и кем же? — продолжал Наполеон, перебивая Балашева. — Он призвал к себе Штейнов, Армфельдов, Винцингероде, Бенигсенов. Штейн, прогнанный из своего отечества, — повторил Наполеон с озлоблением, и краска бросилась в его бледное лицо. Воспоминание о Штейне потому особенно сильно оскорбило его, что он начал с того, что ошибся в Штейне — сам считал его за ничтожного человека, рекомендовав его прусскому королю: «Prenez Stein c'est un homme d'esprit»,² и потом, узнав ненависть Штейна к Франции, подписав в Мадриде декрет, конфискующий все имения Штейна и требующий его выдачи. Оскорбительнее же всего было для Наполеона связанное с именем Штейна воспоминание о том, как он велел взять безвинно сестру Штейна и привезти ее судить в Париж. Этого уже не мог простить Наполеон, и он продолжал, еще более раздраженный и невластный управлять своим языком. — Армфельд — развратник и интриган, Винцингероде — беглый подданный Франции, Бенигсен — несколько более военный, чем другие, но все-таки неспособный, который ничего не умел сделать в 1807 году и который бы должен возбуждать в императоре Александре ужасные воспоминания... Положим, ежели бы они были способны, можно бы употреблять, — продолжал Наполеон, едва успевая словами поспевать за беспрестанно возникающими соображениями, показывающими ему его правоту, — но и того нет: они не годятся ни для войны, ни для мира. Барклай, говорят, дельнее их всех, но я этого не скажу, судя по его первым движениям. А они что делают?³ что делают? — сказал Наполеон, еще более раздражаясь при мысли о том, что император Александр допускает в свою *intimité*,⁴ которой так [1 неразобр.] и которой так дорожил Наполеон, допускает тех лиц, которых он презирал больше всего на свете и немедленно бы повесил, ежели бы они попали в его руки.

[Далее от слов: Пфуль предлагает, Армфельд спорит, Бенигсен рассматривает, кончая: но Наполеон перебивал его *близко к печатному тексту. Т. III, ч. I, гл. VI.*]

Например, о безумии шведов Балашев хотел сказать, что Швеция есть остров, когда Россия за нее. Но он и не пытается¹ *Зачеркнуто*: кротко

² [«Возьмите Штейна, он человек умный»],

³ *Зач.*: Они было выговорено с таким презрением и озлоблением, что Балашев чувствовал, как оскорблен был

⁴ [близость,]

теперь уже говорить, он, не рассуждая, не умом, но всем существом своим чувствовал, что Наполеон находится теперь в том состоянии, в котором бывают все люди, в состоянии возбуждения нервов и происходящей от того потребности говорить, говорить и говорить только для того, чтобы самим себе доказать свою справедливость. С одной стороны, Балашеву приятно было видеть это раздраженное состояние; он видел, что Наполеон поступает дурно, говоря ему всё то, что он говорил. (Он это видел особенно по грустно-равнодушному выражению лица присутствующего Бертье, очевидно, не одобрявшего слова Наполеона.) С другой стороны, Балашев боялся уронить свое достоинство посланного императора и всякую секунду был готов на отражение.

— Да что мне эти ваши союзники? У меня союзники — это поляки. Их 80 тысяч, они дерутся, как львы. И их будет 200 тысяч. (Откуда будут эти 200 тысяч, подумал Бертье, грустно вздыхая.)¹ «Тоже писали протест о герцоге Ольденбургском», — подумал Наполеон, и, вспомнив это прежнее оскорбление, он продолжал:

— Ежели вы поколеблете Пруссию против меня, знайте, что я сотру ее с карты Европы, — сказал он, всё более и более разгораясь, с энергическим жестом маленькой руки. — Да, я заброшу вас за Двину, за Днепр и восстановлю против вас ту преграду, которую Европа была преступна и слепа, что позволила разрушить. Да, вот что с вами будет, вот что вы выиграли, удалившись от меня, — заключил Наполеон, начавший говорить с Балашевым с твердым намерением узнать взгляд императора Александра на дела войны и с намерением выговорить настоящий мир.

Остановившись против Балашева, чувствуя потребность заключить чем-нибудь свою странную речь, дошедшую в конце до итальянской восторженности, он опять сказал с поддразнивающим сожалением: «*Quel beau règne aurait pu avoir votre maître, aurait pu avoir.....*»²

³На доводы Балашева, который старался доказать, что со стороны России дела не представляются в таком мрачном виде, в каком они представляются Наполеону, что от войны генералы и союзники ожидают всего хорошего, Наполеон снисходительно кивал головой, как бы говоря: «Знаю, так говорить ваша обязанность, но вы сами в это не верите...»

— Уверьте от моего имени императора Александра, — перебил он, очевидно и не слышав того, что говорил Балашев, — ¹ *Зачеркнуто*: Я отниму у вас польские провинции. Я отниму у всех родных вашего царствующего дома что остается у них в Германии. И пришлю их вам без корон и без владений. *Вместо зач. на полях вписано, кончая словами*: он продолжал:

² [Какое прекрасное царствование могло бы быть у вашего государя, *могло бы быть.....*]

³ *Зач.*: Несмотря

что я ему предан попрежнему, я знаю его совершенно и весьма высоко ценю высокие его качества.¹

— Dieu, mon dieu, quel beau règne *aurait pu avoir* votre maître... Je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre a l'empereur.² — И Наполеон³ в своих ботфортах решительн[ым] шагом пошел, предшествуемый пажам, садиться, чтобы ехать на свою прогулку⁴.

Балашев полагал, что он откланялся, но в 4-м часу он был приглашен к столу императора. На этом обеде, на котором присутствовали Бессьер, Коленкур и Бертье, Балашев был более настороже, при каждом вопросе Наполеона стараясь найти ту дипломатическую шпильку, ту тонкость Марк[ова] платка, которая бы почтительно отразила надменный тон Наполеона. И две такие дипломатические шпильки были найдены им: одна была ответ на вопрос Наполеона о Москве, о которой он спрашивал, как о городе, который с приятностью и любознательностью путешественника намерен посетить в скором времени.

— Сколько жителей, сколько домов, какие это дома? Сколько церквей? — спрашивал Наполеон. И на ответ, что церквей более 200, заметил, что⁵ большое количество монастырей и церквей, которое он заметил и в Польше, есть признак отсталости народа. Балашев почтительно и радостно, найдя помещение своей дипломатической шпильке, позволил себе не согласиться с мнением французского императора, заметил, что есть две страны в Европе, где цивилизация не может истребить религиозного духа народа. Страны эти — Россия и Испания, — пустил свой букет Балашев. Но как высоко был оценен этот букет дипломатического остроумия впоследствии, по рассказам Балашева, в кругах врагов Наполеона, так мало он был оценен за обедом и прошел незаметно. По равнодушным и недоумевающим лицам господ маршалов видно было, что они недоумевали, в чем тут состояла острота, на которую намекала интонация Балашева. «Ежели и была она, то мы не поняли ее или она вовсе не остроумна», говорили выражения лиц маршалов. Другая шпилька, столь же мало оцененная, состояла в том, что на вопрос Наполеона о дорогах к Москве, Балашев отвечал, что *comme tout chemin mène à Rome, tout chemin mène à*¹

Зачеркнуто: Боже мой, боже мой

² [Боже, боже, какое прекрасное царствование *могло быть* у вашего государя...] Не удерживаю вас более, генерал, вы получите мое письмо к государю.

³ *Зач.*: задумчиво спустив голову

⁴ *На полях написано позднее:* «Que diable allait il faire dans cette galère» [«Какой черт занес его туда»], возвращался он всё к сожалению о том, что Александр так испортил свою карьеру, и очевидно было, что он только о себе думал это.

⁵ *Зач.*: это слишком много... Русский народ — набожен.

Moscou,¹ и что в числе разных² путей Карл XII избрал путь на *Полтаву*. Но это также показалось не остроумно.

[Далее от слов: и не успел Балашев досказать последний слог *Poltava*, кончая: и война началась близко к печатному тексту. Т. III, ч. 1, гл. VII.]³

№ 164 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. VIII—IX).

<Князь Андрей после⁴ пребывания в Москве⁵ не жил. Ничто его не интересовало, не радовало, не огорчало: ни вступление неприятеля в Россию, ни свидание с отцом, с сыном. Он не думал о⁶ г-же Ростовской, ее не существовало для него. Он чувствовал только рану, такую большую, что он ни о чем, кроме о боли, не мог думать.⁷ Одно только ему хотелось — это увидеть *его* и убить его, этого ему хотелось, как хочется раненому расчесать свою рану. Это — не нужно, не поможет, но нельзя удержаться. Перед отъездом в армию, куда он был назначен по рекомендации Кутузова состоять при штабе в[оенного] м[инистра]⁸ Барклая де Толли, он заехал в Лысье Горы, которые были на Смоленской дороге. —

У отца было всё по-старому, но только значительно хуже, чем прежде. Страдания⁹ княжны Марьи становились невыносимыми для нее — она всё переносила и ничего не сказала брату.¹⁰

Отец впадал в страшную ипохондрию. Он поразил сына тем, что почти ничего не говорил с ним по прежнему об общих делах, а только жаловался на всех людей, сговорившихся отравлять его жизнь. Княжна Марья была грустнее обыкновенного.

Лавер, старый дядька князя Андрея, не боявшийся ничего сказать своему барину, уложив его в первую ночь спать во флигеле, расставив ноги, с свечой в руке, остановился.¹¹

¹ как всякая дорога, по пословице, ведет в Рим, так и все дороги ведут и в Москву,

² *Зачеркнуто*: дорог

³ *На полях рукописи*: Хлеб вместе съест у древних — сближает.

⁴ *Зач.*: <своего> подробностей измены Наташи

⁵ *Зач.*: где он узнал подробности сношений его почти невесты с Курагиным,

⁶ *Зач.*: Наташе

⁷ *На полях конспект*: <1) Дрисса>

2) Р[остов] к удивлению храбр в Острове.

3) Д[олохов] зажигает Смоленск — Бож[ья] мат[ерь].

4) Н[аташина] молитва. Ахрас[имова]. Дворянское собрание. Крикун Глинка, фальш[ивый] патриотизм.

5) Старый князь умирает. К[няжна] Марья вооружает.

6) Бородино. К[нязь] А[ндрей]. Наташин отъезд.

7) <Pierre в Москве.> N[icolas] Р[остов]. Княжна.

8) Р[иегге] в Москве.

⁸ *Зач.*: sous-chef d'état major [помощником начальника главного штаба]

⁹ *Зач. позднее*: и мучения

¹⁰ *Зач.*: но даже для посторонних <для> людей *Следующий абзац* — *позднейшая вставка на полях*.

¹¹ *Зач.*: Воля ваша, наше дело холопское. *Следующие две фразы* — *позднейшая вставка*.

— Постарели князь, очень постарели, — сказал он.

— А что?

— А и люди говорят, да и сам я видел,¹ всё в гневе, да [?] в гневе. Добро, прежде они изволили выходить, и Алпатыч подвернется, и ахтитехтур, всё на них злобу выместят; а нынче, как никуда не выходят, всё одна княжна отвечают.² Жалкое их житье. — Князь Андрей промышал что-то и кивнул ему головой.³ «А разве он и сам, отец, разве не мучается, подумал князь Андрей, разве кто-нибудь на свете, кроме животных, не мучается. Всё это так должно быть. Нечего говорить. Завтра еду смотреть, как в армии мучаются хорошие люди и торжествуют, наслаждаются животные».

Но на следующее утро отец, уже имевший прежде прихода князя Андрея столкновение с дочерью за то, что она не пришла к нему с Коко поутру, тогда как он⁴ никогда [?] не велел ей приходить без зову, отец о первом стал говорить с ним о дочери.»⁵

Он⁶ говорил, что ежели он болен, то только от нее, что ¹ *Зачеркнуто позднее:* нашей матушке жить так нельзя. Хоть бы вы, батюшка, князю сказали. *Следующие шесть слов надписаны вместо зачеркнутого.*

² *Зач. позднее:* Князя Андрея поразило, что Лавер имел такой же, как и он сам, взгляд на господское сердце. Он *Вместо зач. надписаны следующие восемь слов.*

³ *Зач.:* и промышал: гм, гм. Лавер ушел. Князь Андрей не хотел вмешиваться в дела сестры. Он видел, что ее замучивает отец.

⁴ *Зач.:* вечером

⁵ *Против зач. варианта на полях позднее вписано новое начало главы, тоже зачеркнутое:*

Князь Андрей, возвратившись из Швейцарии с instituteur'ом, [учитель], в деревне получил письмо Наташи и, ничего не сказав сестре, <тут же решил поступить в военную службу и ехать в Турцию. В Москве он был проездом, уже получив назначение в турецкую армию. Когда до Букарешта дошли слухи об объявлении войны Франц[ией], князь Андрей перешел опять в западную армию, куда он по протекции Кутузова был назначен к штабу Барклая де Толли. Перед прибытием к армии он заехал в Лысые Горы> поехал в Москву, чтобы узнать подробности и увидеть, т. е. убить этого господина — он не мог называть его имени, но он <так же> твердо знал, что он должен убить и убьет его, <как и то, что он был>. В Москве, увидавшись с Ригг'ом, Андрей решил, что ее не существует, а что его надо поскорее убить. Случилось, что Курагин уехал в турецкую армию. Для князя Андрея это было очень кстати. Самому ему надо было что-нибудь делать. Он подал прошение о вступлении опять в военную службу и поехал в Турцию в штаб Кутузова. Приехав в Турцию, случайно или потому, что Курагин узнал о приезде князя Андрея, но Анатолий ни разу не встретился ему и уехал в Россию. Князь Андрей отпросился в Россию и, приехав в Москву, узнал о предстоящей войне и о том, что Курагин опять в армии при генерале Витгенштейне. Опять это было кстати, и князь Андрей получил место при Барклае де Толли и поехал в армию. По дороге он заехал в Лысые Горы.

Рядом с текстом на полях заметка: С этим планом он поехал в Турцию.

⁶ *Зач. позднее:* жаловался Андрею, что она на и *надписано:* говорил

она нарочно мучает и раздражает его, что она баловством и глупыми речами портит маленького Коко.¹

Князь Андрей, само собой разумеется, ничего не мог сказать и помочь ему. Но² старый князь говорил для того, чтобы сын мог выслушать и промолчать.³ Старый князь чувствовал в глубине души, что он виноват перед дочерью, что он мучает и как только можно мучать живое существо, но не мучать ее он не мог. Стало быть, надо было ее мучать, и он был прав, что мучал ее, и на то были причины. И он нашел эти причины. Смутно ему казалось, что князь Андрей не одобряет его образа действий. Он, верно, не понимает, и потому надо объяснить ему, надо, чтобы он выслушал. И он стал объяснять. Но князь Андрей в том душевном состоянии, в котором он находился, не мог спокойно слушать.⁴

— Ежели вы спрашиваете меня, — сказал князь Андрей, не глядя на отца (он в первый раз в жизни осуждал своего отца), — я не хотел говорить, ежели вы меня спрашиваете, то я скажу вам, что⁵ напротив, я нежнее и добрее существа княжны Марьи не знаю и не могу понять, за что вы ее отдаляете от себя. Ежели уж вы спрашиваете меня, — продолжал князь Андрей, раздражаясь, потому что он всегда был готов на раздражение это последнее время, и не соображая того, что он говорит, — то я одно могу сказать, что княжна Марья и так жалка мне.⁶ Маша⁷ такое добрейшее и невиннейшее существо, которое надо жалеть⁸ и лелеять, потому что..., — князь Андрей не мог договорить, потому что старик выпучил сначала глаза на сына, потом сардонически, ненатурально захохотал⁹ и хохотом открыл новый недостаток зуба, к которому князь Андрей не [мог] привыкнуть.

— Так ей надо дать волю мучать меня и твоего сына глупостью своей...

— Батюшка, я не могу быть судьей всего, но вы вызвали¹ *Зачеркнуто позднее*: — Хоть бы оставила Бурьен, сама бы вышла замуж, я не держу, или в монастырь, она любит...

Чем дальше он говорил, тем больше разгорался и тем убедительнее для него самого становилась его безвинность в отношении княжны Марьи и все ее вины в отношении к нему. Чего хотел старый князь, жалуясь на дочь?

² След. семь слов вписаны позднее.

³ Зач.: и тогда бы это много для него значило.

⁴ Зач.: Ему тоже нужно было бороться и спорить и делать других несчастливими. «Что ж мне его жалеть? — подумал князь Андрей. — Он мне отец, пока он справедлив, *magnus amicus Plato, sed majus amica veritas*» [большой друг Платон, но еще больший — истина].

⁵ Зач. позднее: вы мучаете сестру, *que vous lui rendez la via dure* [что вы делаете тяжелой ее жизнь] и надписан на полях дальнейший текст, кончая словами: так жалка мне.

⁶ Зач.: и что

⁷ След. слово вписано позднее.

⁸ След, два слова вписаны позднее.

⁹ Конец фразы вписан позднее.

меня и я сказал и всегда скажу, что¹ не столько вы сами виноваты, сколько эта француженка.

— А! Присудил! Ну, хорошо, хорошо. Очень хорошо, — сказал он тихим голосом, потом вдруг вскочил и, с энергическим жестом указывая на дверь, закричал: — Вон! вон! Чтобы духу твоего тут не было...

Князь Андрей вышел с грустной улыбкой. «Всё это так и должно быть на этом свете», подумал он.²

Княжна Марья, узнавшая о³ ссоре князя Андрея с отцом,⁴ стала упрекать его за это.⁵

Князь Андрей хотел тотчас же уехать, но княжна Марья упросила остаться еще день. В этот день князь Андрей виделся с отцом. Они [не] говорили о прежнем разговоре. Только старый князь говорил своему сыну «вы» и особенно щедр и предупредителен был в награждении его деньгами. На другой день князь Андрей велел укладываться и пошел на половину сына.⁶ Ласковый, по матери кудрявый, мальчик сел ему на колени. Князь Андрей начал сказывать ему сказку о Синей Бороде, но, не досказав, задумался и обратился к Laborde'у.

— Так вы очень хороши с княжной? — сказал он ему. — Я очень рад, что вы сходитесь во взгляде на воспитанье...

— Разве можно не сдаться с княжной? — восторженно сложив руки,⁷ сказал Laborde. — Княжна это образец добродетели, ума, самоотвержения. Ежели Nicolas не выйдет⁸ прекрасным человеком, то это будет не вина окружающих его, — сказал Laborde с наивным самохвальством.

Князь Андрей⁹ заметил это, но заметил, как и в прежних своих разговорах с Laborde, его искренний восторг перед княжной.

— Ну, рассказывай же, — говорил сын.

Князь Андрей, не отвечая, опять обратился к Laborde.

— Ну, а в религиозном отношении, как вы сходитесь с Marie? — спросил он. — Вы ведь поборник протестантства?

— В княжне я вижу только одно: чистейшую сущность христианства и никакого пристрастия к формам, и в религии, как и во всем, она совершенство.

— А ее странники, монахи, видели вы их? — спросил с улыбкой князь Андрей.

¹ *Конец фразы исправлен позднее из:* в ваших раздорах вы виноваты.

² *Зачеркнуто:* И он уехал вечером, не выдав отца и простившись с одной княжной Марьей.

³ *Зач. позднее:* причине

⁴ *Зач.:* само собою разумеется, упрекала его за это, когда пришла к нему *и вписаны след. пять слов.*

⁵ *Дальнейший текст, кончая словами:* чтобы переговорить с ним *вписан на полях позднее.*

⁶ *В рукописи:* сыну *След. три слова вписаны позднее.*

⁷ *В рукописи:* руку

⁸ *Зач.:* таким же

⁹ *Зач.:* улыбнулся

— Нет, не видел, но слышал про них. Княжна заметила, что князю это неприятно, и перестала принимать их.

Действительно, последнее время княжна так страстно привязалась к своему плану странствования и так очевидно убедилась, что она не может исполнять его иначе, как после смерти отца, что мысль о возможности желания этой смерти ужаснула ее. Она отдала свое платье Федосьюшке и оставила эту мечту.

В середине разговора Андрея с Laborde княжна Марья испуганно вошла в комнату.

— Как? вы едете? — сказала она. И на утвердительный ответ брата она увела его в свою комнату, чтобы переговорить с ним.

Как только она начала говорить об этом, губы ее задрожали и слезы закапали. Князь Андрей понял, что в противность ее словам, говорившим, что ей хорошо, слезы эти говорили, что он угадал, как она страдает, и что она благодарна и любит его еще больше (ежели это возможно) за его заступничество.

— Mais n'en parlons plus, cela passera. Je tacherai de l'apaiser.¹ (Она знала, что это невозможно, что всё при враждебной разлуке падет на нее же.) Но вот что я тебе хотела сказать. — Она нежной рукой,² грациозным, женственным жестом взяла его за локоть, подвинулась к нему, и в глазах ее, в которых еще стояли слезы, засветились прямо в лицо брата³ успокаивающие, поднимающие дух, лучи любви, одной любви.⁴ Она забыла уже о себе. Так, как в 5-м году ей нужно было надеть образок на Андрея, так теперь ей надо было дать ему совет, дать ему успокоение, утешение в его горе. Она знала обо всем по письмам Julie Друбецкой (теперь), но никогда не говорила о том с братом. «И не найдется человека, который бы понял и оценил всю нравственно женскую⁵ прелесть этой девушки, — подумал князь Андрей, глядя на нее. — И так погибнет, забитая и загнанная выживающим из ума старым отцом».

— André, об одном я прошу, я умоляю тебя. Ежели у тебя есть горе (княжна Марья опустила глаза), не думай, что горе это сделали тебе люди. Люди — орудия Его. — Она взглянула немного повыше головы князя Андрея с уверенным, привычным взглядом, с которым смотрят на знакомое место портрета. Она, верно, видела Его, когда говорила это.

— Горе послано им, а не людьми. Люди — его орудия, они не виноваты. Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Ради бога, André, не мсти никому. Мы не имеем права наказывать. Мы сами наказаны. —

¹ [Не будем больше говорить об этом, это пройдет. Я постараюсь его успокоить.]

² *Зачеркнуто*: таким

³ *Зач.*: лучи любви

⁴ *Зач.*: ко всем людям.

⁵ *Зач.*: красоту

André, только увидав ее взгляд, понял всё, понял, что она знала всё, понял, что она знала¹ его² желание встретить и вызвать Курагина, который был в главной армии, и говорила об этом. Ему хотелось верить ей. Он чувствовал всю высоту ее³ чувства. Он хотел вступить на нее. «Простить что? — спросил он себя. — Чувственные поцелуи женщине, которую я любил выше всего? Кому? Простить? Этому... Нет, это нельзя вырвать из сердца».

— Ежели бы я был женщина, я бы это сделал, Мари. — Это добродетель женщины, но ежели мужчину ударят в лицо, он не то что не должен, он не может простить.

— André...

— Нет, душа моя, нет, милый мой друг Маша, я никогда не любил тебя так, как теперь. Не будем говорить об этом. — Он обнял голову Маши, заплакал и стал целовать ее.

Послышались шаги няньки и Николаши. Брат и сестра оправились. Андрей посадил к себе на колени Николашу.

— Поедем со мной, — сказал князь Андрей.

— Нет, я не поеду. Я с тетей пойду завтра в сад и соберу шишки, знаешь, шишки,⁴ и из шишки сделаю такой дом, знаешь, что все будут ехать по *большой* дороге. Знаете большую дорогу...

Николаша не договорил своей истории,⁵ как Андрей поднял его и опять со слезами припал к его хорошенькому личику. Князь Андрей совсем собрался и послал спросить отца, может ли он придти к нему проститься. Посланный воротился с известием, что князь⁶ сказал, они уж простились и желают хорошего пути. Княжна Марья умоляла Андрея подождать еще день, говорила о том, что она знает, как будет несчастлив отец, ежели Андрей уедет, не помирившись с ним, но князь Андрей успокаивал сестру, что он, вероятно, скоро приедет опять из армии и непременно напишет отцу, а что теперь, чем дольше оставаться, тем больше растравится этот раздор.

— Это всё пройдет,⁷ всё пройдет, — говорил князь Андрей.⁸

¹ *Зачеркнуто:* теперь

² *Зач.:* цель убить Курагина. *След. десять слов вписаны позднее.*

³ *Зач.:* мысли

⁴ *Зач. позднее:* и волк придет, и собаки, много, много пустятся *Далее,* кончая словами: будут ехать *вписано вместо зачеркнутого.*

⁵ *Зач. позднее:* в которой смысл заключался только в произношении новых слов (Николаша учился, практиковался говорить), как Андрей встал и стал собираться. Он не согласился на просьбы княжны Марьи попытаться зайти еще к отцу после того, как старый князь прогнал посланного, спрашивавшего, можно ли прийти проститься. Князь сел в коляску (старик между тем ждал и готовил речь, с которой примет сына). *Вместо зач. на полях надписан новый текст кончая:* растравится этот раздор.

⁶ *Зач.:* прогнал

⁷ *Позднее зач.:* по-французски успокаивал и *надписаны след. три слова.*

⁸ *Зач.:* — Я напишу ему а *также вписанное позднее:* и встал прощаться. — Прощай.

— Adieu, André. Rappelez vous que les malheurs viennent de Dieu et que les hommes ne sont jamais coupables,¹ — прокричала княжна Марья, когда коляска тронулась. И последние слова, которые слышал, были le droit de punir,² которые произнес полный слезами голос Марии. «Так это должно быть, — думал князь Андрей. — Она — прелестное существо — остается на съеденье прекрасному, но выжившему из ума старику. Я знаю, что она говорит правду, но сделаю противное. Мальчишка мой хочет поймать волка. А я еду в армию. Зачем? не знаю. Так надо. И всё равно, всё равно».

Князь Андрей приехал в главную квартиру армии 13 июля.

Как ни мало занимали его теперь общие вопросы войны, он знал, что Наполеон перешел Неман, занял Вильно,³ разрезал надвое армию, что наши отступали к укрепленному лагерю на Дриссе, что были небольшие дела при отступлении, целью которых было только спасение армий и соединение их. Соединение еще не было достигнуто, и оно было сомнительно, как говорили. По слухам знал князь Андрей, что армиями командовал сам император Александр и что главным распорядителем был пруссак Пфуль, тот самый, который⁴ с другими учеными пруссаками сделал план Прусской Иенской кампании, и что Пфуль имел полное доверие государя. При армии находились:⁵ Румянцев — канцлер, бывший военный министр Аракчеев, новый военный министр Барклай де Толли, Бенигсен без назначения, Армфельд — шведский генерал, Штейн — бывший прусский министр, Паулучи — знакомый князя Андрея по Турции и вообще огромное количество иностранцев и сложный механизм штабных должностей. В случайных разговорах по дороге с военными чиновниками князь Андрей заметил общий характер недоверия к начальству и самые дурные предчувствия об исходе войны. Но об опасности нашествия в русские губернии никто и не думал.

Князь Андрей был назначен состоять при штабе Барклая де Толли, там же при этом штабе должен был быть и Курагин. Князь Андрей нашел Барклая де Толли на берегу Дриссы. Войска располагались в укрепленном лагере по⁶ плану Пфуля. Так как не было ни одного большого села или местечка в окрестностях, то всё огромное количество генералов и придворных¹ Прощай, Андрей. Помни, что несчастья происходят от бога и что люди никогда не бывают виноваты,

² [право наказывать,]

³ *Зачеркнуто:* пос[ле] разделения на

⁴ *Зач. позднее:* делал диспозицию при Иене и *вписаны девять следующих слов.*

⁵ *Зач. позднее:* Кроме того и *вписано:* Румянцев — канцлер

⁶ *Зач. позднее:* предварительному распоряжению и *надписано:* плану

расположилось в окружности 10-ти верст по лучшим домам деревень по сю и по ту сторону реки. Барклай де Толли стоял в 4 верстах от государя. Он¹ сухо и холодно принял Болконского и сказал своим немецким выговором, что он доложит о нем государю для определения ему назначения. Тут князь Андрей, не спрашивая о том, случайно узнал, что Анатолий находится в армии Багратиона, куда он был послан и где остался. Князю Андрею было приятно это известие. Он не намерен был искать Курагина, он не торопился исполнить свое решение; он знал, что оно никогда не изменится. Здесь же, несмотря на всё его равнодушие к жизни, интерес центра производящейся огромной войны невольно привлек его. Тут в продолжение 4 дней до...² июля, пока он не был никуда требуем, князь Андрей из разговоров с штабными успел узнать, что в управлении армиями происходила³ такая путаница, которую даже князь Андрей, в настоящем настроении своего духа находящий всё безобразное таким, каким оно должно было быть, не мог себе представить.⁴

⁵Когда еще они стояли в Вильне, армии были разделены надвое. 1-я армия была под начальством Барклая де Толли, 2-я под начальством Багратиона. Государь находился при 2-й армии, но не в качестве полководца. В приказе не было сказано, что государь будет командовать, сказано только, что государь будет при армии. Кроме того, при государе лично не было штаба главнокомандующего, а был штаб императорской главной квартиры. При нем были: начальник его императорской квартиры — Волконский, его чиновники, генералы и флигель-адъютанты и большое количество иностранцев, но не было⁶ штаба армии. Так что иногда надо было исполнять приказы князя Волконского, когда знали, что они идут от государя, иногда нет. Кроме того, без должностей находились при государе: Аракчеев, полный генерал, Бенигсен, старший всех, и великий князь. Хотя эти лица и находились без должностей, но по своему положению они имели влияние, и корпусной начальник часто не знал, в качестве чего спрашивает или советует⁷ то или другое Бенигсен или великий князь или главнокомандующий. Но это была внешняя обстановка, существенный же смысл присутствия государя и всех этих лиц был с придворной точки [зрения] (а в присутствии государя все делается придворными) всё было ясно. Он был следующий: государь,¹ *Зачеркнуто позднее*: как всегда

² *Многоточие в рукописи.*

³ *Зач.*: невероятная

⁴ *На полях*: В[еликий] к[нязь] н[аследник] озлоблен, что его не спрашивают, всех критикует.

⁵ *Зач.*: Армия была р[азделена?]

⁶ *Зач.*: генерал-кварт[ирмейстера], генерал-инт[енданта] и т. д. и надписано: штаба армии.

⁷ *След. три слова вписаны позднее.*

не принимая на себя звания главнокомандующего,¹ распоряжался той и другой армией. Аракчеев был верный исполнитель и блюститель выгоды и порядка, который всякую минуту мог понадобиться. Бенигсен, помещик Виленский, как будто делал les honneurs края,² в сущности был хороший генерал, полезный для совета, а может, и для того, чтобы заменить им Барклая. Великий князь был тут, потому что это было ему угодно. Министр Штейн был тут потому, что он был полезен для совета,³ и потому, что он был честный, умный человек, которого умел ценить Александр. Армфельд был злой ненавистник Наполеона и генерал, уверенный в себе, что имело всегда влияние на Александра. Паулучи был потому, что он был смел и решителен в речах. Генерал-адъютанты были тут, потому что они — везде, где государь, и наконец, главное, Пфуль был тут, потому что он, составив план войны против Наполеона и заставив Александра поверить в целесообразность этого плана, руководил всем делом войны. При Пфуле был Вольцоген, который передавал мысли Пфуля в более доступной форме, чем сам Пфуль, резкий,⁴ самоуверенный до презрения ко всему и кабинетный теоретик.

Кроме этих поименованных лиц, русских и иностранных, при императорской квартире их было еще много (особенно иностранцев) и каждый, особенно иностранец (с смелостью, свойственной человеку в деятельности среди чужой среды), вносил свою лепту разномыслия в эту управляющую армией организацию.

Князь Андрей, не имея никаких личных интересов, был в самом выгодном положении для наблюдения. В числе всех мыслей и голосов в этом огромном, беспокойном, блестящем и гордом мире, князь Андрей видел следующие, более резкие, подразделения направлений и партий. <Во-первых, было направление Пфуля, то есть тактиков, методиков, теоретиков — таких людей, которые вместе с Пфулем имели непреодолимое ничем презрение к действительности.>⁵

¹ Зачеркнуто: командовал

² принимал государя, как представитель края. Далее зач.: но

³ Зач. позднее: об направлении умов

⁴ Зач.: иронический,

⁵ На полях конспект: 1) <Придворное> Пфуль <с оттенком своего> методик во[йны]

2) противоположность — атака: Багратион, Ермолов

3) Придворн[ые] Пфуль и Багратион с оттенками

<4) Придворные: уехать царю>

4) Константин Павлович: всё пойдет к чорту. Надо — мир.

5) Личные:

a) Барклаевское — не меня, так кого-нибудь.

b) Бенигсенское — не минуют меня.

c) царское — самые преданные.

d) Матаморское [?] Паулучи.

e) [4 неразобр.] и наконец,

б) Что надо это всё кончить и государю уехать. Разумно-старческое, государственное.

<После последней своей зимы с Наташей в Отрадном Nicolas много переменялся. Он прежде был разочарован, теперь он успокоился в своем разочаровании, увидел, что кроме великих подвигов геройства, кроме всесветной славы, кроме небесной любви, соединяющей души, есть много хорошего и радостного на земле: добрые товарищи, выпить во-время и впору, охота, спокойная жизнь и добрая, верная, преданная и милая жена, и сверх того сознание, что я честный и благородный человек. Всё это было хорошо. И странное дело, как только Nicolas отрекся² от искания восторгов своей юности, все эти простые и честные блага жизни сами давались ему в руки. В полку ему стало еще легче и веселее после его отпуска. В его отсутствие он был произведен в ротмистры и ему дан был эскадрон. Начальство, товарищи и солдаты наперерыв высказывали радость его возвращению.³ Дело управления эскадроном, служба, отношения с товарищами, подчиненными и начальством пошли неожиданно легко с тех пор, как он видел только то, что было, не ища ничего дальше. В войне⁴ он⁵ перестал видеть блестящие атаки и гарцованья, уже понимал значение слов, помня свою Шенграбенскую атаку и Фридландскую бойню. Он знал, что на войне золотые шкурки, ташки и фразы ни к чему не нужно, а нужно терпение и спокойное перенесение трудов, неприятностей и страха, и готовился на это. Он уже, как старые офицеры, слушал всегда молча рассказы о подвигах геройских, с тем чувством, что хотя в глубине души он и знает, что этого не могло быть и что это всё вздор, но что все-таки, бог знает, может и правда и все-таки не следует сомневаться в истине геройств, клонящихся к возвышению духа нашей армии. Так, в недавнее время, когда его полк уже был <около Дриссы> на Двине, слушая рассказ про дело при Салтановке и древ[нее] геройство Раевского, поведшего на плотине 2-х своих сынов в атаку, он упорно молчал, не восхищался и не повторял этого рассказа. Ему, во-первых, не нравилось, зачем Раевский повел сыновей под пули. На плотине Салтановской не решалась судьба отечества, как у М[уция] Сцев[олы]. Потом ему неясно было, с какой целью он их повел. В путанице, которая должна была быть на плотине, 10 солдат ок[оло?] могли видеть и слышать Раевского с сыновьями, и от этого ничего лучше не было. Вспоминая свои прежние военные действия, он признавался себе, что всякий раз он был не в себе и просто трусил. «Теперь этого не будет, — думал он. — Теперь я команду, а потом —¹ *Первый слой рукописи без последующих поправок.*

² *В рукописи:* отрекшись

³ *На полях:* Бурая, казачья, большая лошадь. Рубай их в песи и ряд арифметических вычислений.

⁴ *Зачеркнуто:* уже

⁵ *Зач.:* дав[но]

главное, сколько ни трусь, всё то же самое, попробую не обращать никакого внимания. Хорошо, что ни разу не заметили. А как осрамишься, да не убьют. Нет, теперь не обращу ни малейшего внимания, буду, как на ученьи. Да и нельзя, надо вести эскадрон».

Вследствие ли этих рассуждений, или рассуждение это пришло Nicolas вследствие того, что ему надо было вести эскадрон, но 13 июля, в первый раз, как Павлоградцы пошли в дело, Nicolas, к удивлению своему, во всё время дела не чувствовал ни малейшего страха.

12 июля, ночь накануне дела, несмотря на страшную бурю, гусары провели очень весело. Полк стоял биваками в поле просто среди ржаного, желтевшего, но выбитого до тла поля. Дождь лил ливнем, и прикрыться было негде. Один из офицеров нашел пустую корчму, и все офицеры ввалились за ним. Состав офицеров уже был совсем другой. Денисова не было, Кирстен был убит, но все были другие, но все такие же. В полку был молодой доктор, женившийся на немке в Польше, он тоже забрался с женой в корчму. И все до одного офицера влюбились тут в корчме в немку, грели и сушили ее, зажигали угли на окнах, играли с ней в короли, и з..... должен был идти за дровами, а король имел право поцеловать ручку.¹ Ростов уже был такой офицер, что когда он остался з....., его не пустили, а за него пошел влюбленный в него корнет Ильин. Ручку же целовать ему дали, даже и без выигрыша, несмотря на то, что доктор притворялся очень довольным, но, наконец, нашел, под самым пустым предлогом увел свою жену под дождь в кибитку. Веселый, безвредный, беспричинный хохот почти без помощи вина, потому что имелась только одна бутылка кислого вина, звучал всю ночь до 3-го часа утра. Некоторые легли, укрывшись мокрыми шинелями, но вскакивали с постели, хохотали, вспоминая испуг доктора и веселье докторши, то плясали, пугая корнета тараканами, и смеялись, как дети.

В эту ночь было приказано в 3-м часу выступать к местечку Островне. Отрядом командовал граф Остерман.

В ночь была гроза и страшная буря, но к утру, в 3-м часу летнего утра, тучи разорванными хлопьями бежали по небу, и мокрая, серозеленая, выколосившаяся, мокрая рожь волновалась скучно и уныло. Овес зеленый, только что выскочивший в трубку, подрагивал от ветра. Большая дорога с ракетами по сторонам, как аллея, поросла низкой зеленой травкой, которая, на зло² выбивающим гуртам и обозам, так и лезла под дождями лета. По дороге встречались обозы и один гурт скота для армии. (Видно, неприятель далеко.) Обогнали одну роту артиллерии, ¹ *На полях*: Докторша сияла.

Nicolas понял, что французы тоже боятся русских. Собака лягавая. Охота.

² *Зачеркнуто*: срывающему

стоявшую на дороге. Nicolas ехал в стороне промежду ракушек с двумя офицерами: один — товарищ прежний, Перонский, другой — не отстававший от него, влюбленный в него корнет Ильин. Они весело болтали о прошедшей ночи. Nicolas сам удивлялся своему спокойствию, подходя к делу. Как будто будущее до него не касалось. Он думал, что это происходило от него самого — от умных правил, которыми он себя успокоил, в сущности¹ перемену эту произвело в нем только время, возраст и всегда с возрастом совпадающее повышение в чине и звании — эскадронный командир. С Nicolas произошло то, что может наблюдать² каждый за детьми, которые учатся, учитель. Есть знания, которые усвершенствуются и которые познаются только временем. Мальчика начинают учить дробям (большею частью это замечается на дробях); мальчик, хорошо учивший четыре правила, мучается, бьется; учитель пробует различные приемы и решает, что мальчик — дурак, он ничего не понимает; проходит время, год или около того, у мальчика мозг вырос до дробей, и он не верит, чтобы когда-нибудь ему могло казаться это трудно. Или вы играете на фортепьяно и оставили, плохо разбирая ноты; прошли года, вы садитесь за фортепьяно и читаете гораздо лучше: пришло время. Так для Nicolas пришло <время> спокойно переносить опасность. Ему жалок был корнет, особенно веселый и взволнованный. Nicolas видел, что корнет трусил и скрывал так, как сам он дельвал это прежде. Nicolas чувствовал иначе и вид имел другой. Прежде Nicolas портил сам себя своим беспокойством, теперь корнет любовался его небрежно-спокойным и изящным видом и каждым движением, когда он либо обрывал листья ракушки, либо дотрогивался [до] тонкой ноги, до паха лошади, либо отдавал, не поворачиваясь, докуренную трубку ехавшему сзади гусару.

Только что солнце стало выходить на чистой полосе из-под тучи, как ветер стих, как будто он не смел портить этого прелестного после грозы летнего утра. Капли еще падали, но всё затихло, птицы запели, и Nicolas указал на баранчика, который высоко где-то гоготал в воздухе.

— Коли простоим тут, надо будет сходить в это болото, — сказал Ростов, не притворяясь, а искренно думая о болоте. Он сам себе удивлялся, как он не торопился, как он не думал о будущем,³ даже и тогда, когда впереди к Витебску слышался гул орудий. Даже тогда, когда прискакал адъютант графа Остерман-Толстого с приказанием идти на рысях по дороге, Nicolas не думал ни о чем, как о том, чтобы эскадрон шел в порядке. Просторно и спокойно у него было в этот день в голове. Оттого ли, что он не доспал, он чувствовал себя нынче глупее и нечувствительнее обыкновенного. Вспоминая нарочно о Соне, ¹ *Зачеркнуто*: это было только

² *Зач.*: за собой

³ *Зач.*: до тех пор, по[ка]

о доме, он был равнодушен,¹ не возникало у него тысячи мыслей вследствие каждого впечатления; напротив, он ни о чем не думал и чувствовал, что он живет одной животной жизнью и имеет только настолько² сообразительности, чтобы распорядиться эскадроном, на что нужно едва ли какие-нибудь душевные способности.

Во всё время этого так называемого блестящего сражения при Островне, во время которого Наполеон полагал, что русские принимают генеральное сражение, Ростову с эскадроном два раза пришлось быть в так называемом жарком деле, но он всё время находился в своем полусонном, животном, охотничьем состоянии, ничего не боясь и только соображая удобства своего эскадрона. Когда они пришли на рысях к левому флангу, то тотчас были пущены в атаку против французской цепи. Ростов теперь уже не желал для своей сабли поесть вражьего мяса, не скакал стремглав, ничего не видя, а ехал, ровно прибавляя, объезжая неровности местности и равняя вытянутый эскадрон. К удивлению его, цепь, далеко не дождавшись их приближения, побежала, и гусары одного совершенно напрасно изрубили саблями, не до смерти, чего нельзя сделать саблей, но до крови и довольно больно, а трех взяли в плен. Возвращаясь назад рысью, так как навстречу им выехали французские драгуны, гусары проехали мимо графа Остерман-Толстого, который подозвал к себе Ростова и с особенным волнением, которого никак не мог понять Ростов, благодарил его за лихую атаку.³ Ростов не знал, что этот генерал был постоянно одержим страхом казаться трусом и что от этого страха он был всегда в сражении так взволнован и так храбр. Во время атаки Ростов совсем и не слышал выстрелов, а между тем два гусара были спешены, один ранен и один убит. И эскадрон Ростова был поставлен в заднюю линию за лейб-гусарами. Довольно долго они тут стояли, позавтракали, прислушиваясь к пальбе, которая всё разгоралась, и потом в 3-м часу увидели, что впереди их стоявшие лейб-гусары пошли влево, и видели, как они поскакали по лугу. Потом видели, как они вернулись еще левее и за ними летели драгуны французские по ложине. Французские драгуны остановились, проехавши линию Ростовских гусар и, наткнувшись на русскую пехоту, шагом поехали назад.

— Вот бы пугануть-то их сбоку, — сказал один гусар, стоявший в кучке офицеров, — они нас не видят.

Nicolas, находясь в своем сонном положении, понял, что это справедливо, что ничего не рискует наскákat на них, и, дальше не соображая, велел садиться и низом на полных рысях поскакал наперерез драгунам. Уже когда он ехал, он вспомнил, что¹

Зачеркнуто: ничего не

² *Зач.*: ума

³ *Зач.*: У Ростова убили одного гусара.

распоряжается без приказаний высшего начальства. «Как бы не ответить», но было уже поздно. Он толкнул лошадь и с чувством, с которым несся наперерез волку, покатил (разумеется, вместе с эскадроном) к бугру, отделявшему его от ложины, по которой шли французы расстроенными рядами. Когда он выскочил на бугор, французы были внизу в 50 шагах. Их лица видны были. Они засуетились вперед, назад, но еще не успели принять одного направления, как Nicolas, выбрав себе одного на серой лошади офицера, пустился за ним. Добрая лошадь несла Nicolas под гору, как птица, прямо на офицера, только что пустившегося скакать.>

* № 166 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII и XVI).¹

<Ростовы продолжали жить в Москве всем семейством, ждали каждый день Nicolas, которому было написано, что его присутствие необходимо, что ему надо выйти в отставку для того, чтобы заняться делами. Продажа дома и подмосковной всё оттягивалась от беспечности графа. Уже всё говорило о войне с Наполеоном. Граф Ростопчин был назначен главнокомандующим в Москву, и слышно было, государь проехал в Вильно к армии. Все военные²: Борис, Анатолий, Долохов — были при армии. Но в Москве не было пусто и много веселились. Но Ростовы мало ездили в свет и мало принимали не оттого, что дела шли хуже, а оттого, что Наташа, к удивлению родителей, сказала им, что она отказала князю Андрею и что ей скучно ездить на балы. Она целые дни проводила одна в своей комнате, ничего не делая, не читая, ни поя, ни играя. Она очень побледнела и похудела. Призываемые доктора предписывали ей рассеяние, но она не хотела переменить своего образа жизни. С Соней она была ласкова, но никогда не говорила ни об Андрее, ни об Анатоле и сердито плакала, когда ей напоминали о том или другом.

Она редко оживлялась только с Петей, который готовился к университету и которому было теперь 15 лет, и с другим старым Петей — Риег'ом, который часто эту зиму ездил к ним и с которым она³ оставалась в веселых, шуточных отношениях. — Риеге сказал ей раз потом, что он на днях ждет в Москву своего друга князя Андрея, не нужно ли ей что-нибудь передать ему. Ах, нет, ничего. Нет, не говорите ему, что вы со мной видите.>⁴

¹ *Первый слой рукописи. Вместо зач. текста написан текст след, варианта.*

² *Зачеркнуто: все мушкетеры*

³ *Зач.: раза два серьезно и со слезами говорила о князе Андрее о своем отказе ему, о том, что она не может*

⁴ *На полях: Всё всегда известно. И история Анатоля с Наташей была известна с прибавками клеветы всей Москве.*

* № 167 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XVIII).

Граф был в отчаянии, он выписал жену, и оба ходили за Наташей, как за больной. Доктора ездили к ней, но прямо говорили, что болезнь нравственная. Наташа мало ела, мало спала и ничего не делала, сидела на одном месте, изредка говоря ничтожные вещи. Когда ей напоминали о к[нязе] Андрее¹ или² Анатоле, она сердито плакала. Больше всех она любила быть с братом Петей и с ним иногда смеялась. Другой человек, с которым она оживлялась иногда, был Pierre. Pierre целые дни проводил у Ростовых и с нежностью и деликатностью, которую одна Наташа вполне ценила, обращался с ней.³

На страстной неделе Наташа говела, но она не хотела говеть со всеми в приходской церкви. Она с няней отпросилась говеть особенно в известной няне особенной церкви Успенья на плоту. Там особенный был священник, очень строгий и высокой жизни, как говорила няня. Няня была верный человек, и потому Наташу пустили с нею. Каждую ночь няня в 3 часа со свечой будила⁴ Наташу. Она⁵ испуганно — не проспала ли? — вскакивала, озябшая, умывалась, одевалась, и повязавшись платочком —⁶ «дух смиренномудрия», — вспоминала каждый раз Наташа, узлом завязывая вокруг себя ковровый платок. И в одну лошадку, на пошевнях, они ехали к заутрене, иногда шли пешком по темным улицам и обледенелым тротуарам. В Успеньи на плоту, где уже дьячки, и священник, и прихожане признали Наташу, она становилась перед иконой божьей матери, вделанной в зад клироса, освещенной ярким светом маленьких свеч, и, вглядываясь в кривое, черное, но небесно-кроткое и спокойное лицо божьей матери, — молилась за себя, за свои грехи, за свои злодеяния, за свою будущую жизнь, за врагов своих и за весь род человеческий⁷ и особенно за человека, которому она сделала жестокое зло.

Иногда к иконе, перед которой стояла Наташа и которая пользовалась большою верою прихожан, проталкивались, несмотря на сердитую защиту няни, не имевшей смиренномудрия Наташи, проталкивались мещане, мужики и⁸ низкого сословия народ, и, не признавая Наташу за барышню, били ее по плечу, покрытому ковровым платком, свечой и шептали: «матушке»⁹, и Наташа радостно, смиренно своими тонкими, похудевшими пальцами бережно устанавливала всё отлеплявшуюся свечу¹ к[нязе]

Андрее *позднее исправлено из:* том

² *Зачеркнуто:* другом *и надписано:* Анатоле

³ *Зач.:* Он иногда смешил ее, но

⁴ *Зач.:* разоспавшуюся

⁵ *Зач.:* зябла

⁶ *Зач.:* нужно было

⁷ *Окончание фразы вписано на полях позднее.*

⁸ *Зач.:* бабы

⁹ *Зач.:* или «празднику»

и скромно, как дворовые, прятала свои без перчаток руки под ковровый платок. Когда¹ читали Часы, Наташа старательно вслушивалась в молитвы и старалась душою следить за ними. Когда она не понимала, что бывало чаще, когда речь шла о лядвиях и поругании, она что-то поддумывала под эти слова, и душа ее в эти минуты еще больше исполнялась умилением перед своею мерзостью и перед благостью неведомого бога и его святых. Когда дьякон, знакомый ей, как друг близкий, дьякон с русыми волосами, которые он, всякий раз далеко отставляя большой палец, выправлял из-под ризы, когда дьякон читал «миром господу помолимся», Наташа радовалась, что она миром, со всеми одинаково, молится, и радостно крестилась и кланялась и следила за каждым словом о плавающих и путешествующих (тут она вспоминала ясно, спокойно всякий раз о князе Андрее, только как о человеке, и молилась за него). О любящих и ненавидящих нас — тут она вспоминала о своих домашних — любящих — и об Анатоле — ненавидящих нас.² Ей особенно радостно было молиться и за него. Она знала теперь, что он был враг ее. И постоянно ей всё доставало врагов, чтобы молиться за них. Она причисляла к ним всех кредиторов и всех тех, которые имели дела с ее отцом. Потом, когда молились за царскую фамилию, она всякий раз преодолевала в себе чувство сомнения: зачем так много молиться за них особенно, и низко кланялась и крестилась, говоря себе, что это — гордость и что и они люди. Также усердно молилась она и за синод, говоря себе, что она также любит и жалеет священствующий правительствующий синод.³ Когда читали Евангелие, она радовалась и ликовала, произнося предшествующие чтению слова: «слава тебе, господи», и считала себя счастливою, что она слышит эти слова, имеющие каждое для нее особое значение. Но когда отворялись царские двери и вокруг нее шептали набожно: «Милосердия двери», или когда выходил священник с дарами, или слышны были таинственные возгласы священника за царскими дверями и читали «Верую», Наташа наклоняла голову и радостно ужасалась перед величием и непостижимостью бога, и слезы лились по ее похудевшим щекам. Она не пропускала ни заутрени, ни часов, ни всенощной. Она падала ниц при словах: «свет Христов просвещает всех» и с ужасом думала о том святотатце, который бы выглянул в это время и увидал, что делается над их головами. Она помногу раз в день просила «бога владыку живота ее» отнять от нее дух праздности... и дать ей дух... Она с ужасом следила за происходившими на ее глазах страданиями Христа. Страшная неделя, как говорила няня, страсти, плащаница,

¹ *Зачеркнуто:* молились

² *Зач.*: Она молилась

³ *Зач.*: Но когда отворялись царские двери и вокруг них

черные ризы — всё это смутно, неясно отражалось в душе Наташи, но одно было ей ясно: «да будет воля твоя». «Господи, возьми меня», говорила она со слезами, когда путалась во всей сложности этих радостных впечатлений.¹ В среду она попросила мать пригласить Pierr'a, и в этот же день она, запершись одна в комнате, написала письмо князю Андрею. После нескольких брьюльонов она остановилась на следующем: «Приготавливаясь к высокому таинству исповеди и причащения, мне нужно просить у вас прощения за зло, которое я сделала вам. Я обещала никого не любить, кроме вас, но я так порочна была, что я полюбила другого и обманула вас. Ради бога, для этого дня, простите меня и забудьте недостойную вас». Это письмо она передала Pierr'у и попросила его передать князю Андрею, который, она знала, был в Москве.

Pierre возвратился вечером с ответом князя Андрея.

< — Ну, что? — спросила Наташа, красная и дрожащая. — Простил?

— О, да, — отвечал Pierre, — но...

— Нет, ничего, — закричала Наташа, — я никогда не буду его женою. Вы знаете, что я люблю и любила его одного, но я не достойна его.

Pierre ничего не сказал, потому что он не имел ничего утешительного сказать Наташе. Князь Андрей, которого он нашел твердым, веселым и спокойным, в первый раз в жизни вышел из себя и с трясущимися губами сказал Pierr'у:

— Ежели ты хочешь быть моим другом, никогда, никогда не говори мне о ней. Я спокоен и счастлив и ей не желаю зла. Только, ради нашей дружбы, никогда, никогда не упоминай о ней.>

Она отпросилась у матери, удивлявшейся и боявшейся за религиозную страстность дочери, исповедоваться не дома, а в церкви у отца Анисима в Успеньи на плоту. Там она за ширмочками у крылоса и исповедовалась, между кучером и купцом и его женою. Священник Анисим, усталый от тяжелой службы, ласково и небрежно взглянул на Наташу, покрыл ее эпитрахилью и грустно выслушал ее, с рыданиями вырвавшиеся, признания. Он отпустил ее с коротким и простым увещанием не грешить, которое Наташа поняла так, как будто каждое слово это выходило с неба. Она пришла домой пешком и в первый раз со дня театра, спокойная и счастливая, заснула.

На другой день она еще счастливее пришла после причастия, и с тех пор графиня с радостью заметила, что Наташа стала оживать. Она принимала участие в делах жизни, пела иногда,¹ *Зачеркнуто*: В среду она ввечеру у всех в доме просила прощения. Особенно плакала она, прося прощения у Сони. Она теперь в первый раз призналась ей, что она была несправедлива, что Соня спасла ее, что она никогда не любила А[натоля], а что она всегда и на всю жизнь будет любить к[нязя] А[ндрея], но никогда не будет его женою.

много читала из книг, которые ей привозил Pierre, сделавшийся домашним человеком в доме Ростовых, но уже никогда к ней не возвращалась прежняя живость и веселость. Она постоянно перед всеми имела вид и тон виноватой, для которой всё было слишком хорошо по ее преступлениям.

* № 168 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XXIII).

<Ростовы зажились всю весну и лето в Москве. Сначала задержали дела, потом уж не к чему было. Pierre жил также в Москве, во-1-х, потому, что там не было его жены, во-2-х, потому, что нигде он не был более, как рыба в воде, как в Москве, в-3-х, потому, что тут жили Ростовы, у которых он бывал каждый день.¹

В 1-х числах июля было получено письмо Nicolas. Всё семейство в сборе сидело в кабинете графа. Графиня держала платок, граф, весь красный, сидел, держась за ручки кресла.² Соня, с видимым усилием над собой, читала. Наташа, опустив глаза, смотрела то вперед себя, задумчиво, то на Петю.³ Наташа теперь во всем, даже в письме брата, видела одни свои стыд и горе. Слушая письмо брата, она думала о том, как он понимает ее разрыв с князем Андреем и узнает ли он когда-нибудь всё, что было.

Петя с блестящими глазами, красный, оглядывался, и особенно на Наташу. Пете было 14 лет, он готовился к университету, но ему яснее всех было, что он никогда не приготовится, потому что не только плохо учится, но забывает то, что выучит. Когда Соня прочла то место, в котором Nicolas говорил, что отечество дороже всего, старый граф засопел, как будто откупорили стклянку с уксусной солью под самым его носом, и графиня, видимо, решительно не понимая, что такое значило отечество, одобрительно покачала головой.

— Да, он прав, он прав, главное, — сказал граф, целуя руку плачущей жены. — Что делать, такое время. Я горжусь им. Отечество... — Граф не договорил. Слово отечество было привычно непреодолимо трогательно для него.

— Всё ж [?] он не жалеет меня, — сказала графиня.

— Маменька, уж в скольких он был сражениях, а я так знаю, знаю, что он останется жив, — сказала Наташа. — Маменька, разве вы не верите, что бог оставит вам его?..

Все замолчали. Так странны были от Наташи эти простые, наивные, краткие слова.

— Петя, принеси воды тапан, — сказал старый граф.

¹ *На полях:* Н[аташа] хочет приподняться и не может, как птица.

В Москве получен Манифест.

² *Зачеркнуто:* Наташа смотрела то на того, [то на] другого блестящими глазами и хотела уйти и не смела.

³ *Далее до конца абзаца позднейшая вставка на полях.*

Петя встал, еще раз вспыхнув, и вместо того, чтобы идти за водой, он подошел к отцу и, сжав левый кулак, начал им махать еще прежде, чем говорить, и заговорил:¹

— От того, что он правду пишет истинную... от того, что я принесу, может и всякий принести воды, а я вам хотел сказать, что, когда дело коснулось отечества, так я не хочу на печи лежать... а я пойду на войну, как вы хотите... потому что я не могу, когда сам государь всех призывает...

Как ни долго и мучительно одиноко, уже недели 2, передумывал эту речь маленький Ростов, она не произвела не только ожидаемого им, но никакого действия. На него оглянулись.

— Полно, перестаньте, Петя, — недовольно сказала графиня.

— Ну, ну, воин, — шутливо сказал Илья Андреич.

Петя оглянулся за сочувствием на Наташу, которой он сообщил прежде свои планы и в сочувствии которой он был уверен, но и Наташа делала ему неодобрительные знаки, означавшие, что теперь ему лучше замолчать об этом.

— Коли так и все против меня, я прямо один пойду к главнокомандующему и запишусь, вы не можете остановить меня, коли бы я шел на что-нибудь...

— Полно, Петя, не говори этого, всё можно сказать после, — сказала Наташа и вывела его.

В этот вечер Наташа долго тайно совещалась с Петей и тайно посылала записку к Pierr'у.

«Chère et aimable comtesse, — отвечал Pierre, — quoique vos désirs soient les ordres pour moi² и т. д., — писал он на французском языке, — я бы не желал вмешиваться в ваши семейные дела и заслужить неудовольствие ваших родителей, которых я так люблю и уважаю, хотя желание моего маленького тезки самое благородное и милое, которому я вполне сочувствую. Я буду к вам обедать, и всё переговорим».

Это было в воскресенье. Наташа со времени своего говения, хотя и с некоторыми отступлениями, продолжала исполнять те христианские обязанности, в неисполнении которых она так раскаивалась: она ела постное, ходила к обедне и старалась исполнять все 10 заповедей и, само собой, не раз отступала от них. Но одна только заповедь и заповедь, которая не была написана в числе 10, была всегда исполняема ею, и она ни разу не изменила ей. Это была заповедь³ смирения и отрешения от земных радостей.>

С самого того страшного времени, когда она написала князю Андрею письмо и поняла всю злобу своего поступка, она не только избегала всех внешних условий радости: балов, катаний, концертов, театров, но она ни разу не смеялась так, чтобы из-за смеха ее не видны были слезы, она не могла¹ *На полях*: Оболенский, ему 15 лет — поступил.

² [Дорогая и любезная графиня, хотя ваши желания для меня — приказ]

³ *Зачеркнуто позднее*: печали и *надписано*: смирения

петь. Как только начинала она смеяться или петь, слезы душили ее — слезы раскаяния, слезы воспоминания о том невозвратимом, чистом времени, слезы досады, что так задаром погубила она свою молодую жизнь, которая могла бы быть так счастлива. Смех и пенье особенно казались ей кощунством над прошлым горем.¹

О кокетстве она и не думала. Никогда ей не приходилось даже воздерживаться. Она говорила — и это было совершенно справедливо — все мужчины были для нее совершенно то же, что шут Нат[алья] Иван[овна].

Внутренний страж твердо воспрещал ей² всякую радость. Да и не было в ней всех прежних интересов жизни из того девичьего, беззаботного, полного надежд склада жизни.³ Как часто (и чаще всего) вспоминала она эти осенние месяцы,⁴ когда она была невеста, проведенные с Nicolas на охоте. Что бы она дала, чтобы возвратить хоть один день из них. Но уж это навсегда кончено было. Предчувствие не обманывало ее тогда, что это состояние свободы и открытости для всех радостей никогда уже не возвратится больше. Но жить надо было.⁵ И это было всего ужаснее. Одно время жизнь ее была наполнена религией, которая открылась ей стороной смирения, от которой так далека она была в прежней жизни. «Обедня и церковная служба были одними из лучших ее наслаждений. Она любила слышать: «Миром господу помолимся», думая, как она соединяет себя в одно с миром кучеров и прачек, она любила видеть раскрытые царские двери, непонятные, таинственные движения и непонятные слова. Ей радостно было именно то, что она не понимает и не может ни она, никто понять этого. Она пошла к обедне в это воскресенье. Перед Евангелием знакомый ей священник вышел из алтаря с тетрадью и стал на колени. Все зашумели, становясь. Наташа⁶ в белом платье, слушала, как всегда, службу с нежной набожностью, но кроме того она уж чувствовала чувство жизни, которого прежде не испытывала. Каждое слово службы имело для нее живое, сильное значение.⁷

¹ Далее до конца абзаца — позднейшая вставка на полях.

² Зачеркнуто позднее: это и надписано: всякую радость.

³ Зач. позднее: а жить надо было. Не было ничего, что бы

⁴ След. четыре слова вписаны позднее.

⁵ Зач. позднее: И жизнь ее наполнили два чувства: религия и возмущение против Наполеона, осмелившегося презирать Россию и дерзавшего завоевать ее. Религия, охватывая каждого человека, редко человеку открывается всеми своими сторонами. Для одного — надежда будущей жизни, для другого — самоотвержение, для 3-го — мистичное объяснение всего, для 4-го — смирение. Для Наташи она открылась *Вместо зачеркнутого на полях написаны дальнейшие пятнадцать слов.*

⁶ Зач. позднее: была особенно набожно раздражена этот день. Она плакала при простых словах ектеньи. Она *Дальнейший текст, кончая: не испытывала вписан вместо зачеркнутого.*

⁷ На полях: М[ихайловский]-Д[анилевский], 259, 1 т.

«Господи боже сил, боже спасения нашего», — начал священник, превосходный чтец, поправляясь на коленях, трогательным певучим голосом, тем, которым он читал молитвы в Троицын день. Это была молитва о спасении от врага. Когда читали об ужасах врагов, Наташа всей душой чувствовала их злобу и кротко ненавидела их. «Доколе грешницы восхвалятся?» — спрашивала Наташа с ужасом. Когда заговорили о кротости императора, она чувствовала всю свою кротость в душе императора. «И подаждь ему победу, яко Моисею на Амалика, Гедеону на Мадиама и Давиду на Голиафа». И эти переходы с вдруг «сохрани воинство его», то есть Nicolas и Андрея, трогали ее до глубины души. «И препояши на брань». Да, Пете надо итти.

«Сердце чисто созижди и обнови во...»¹

«Да, да, — говорила себе Наташа, вставая, — любовью соедини нас, да не вознесется жезл нечестивых на жребий освященных».

И, встав с колен, Наташа в первый раз сознала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к французам за своих, за русских, за дядюшку, за папеньку, чувство, которым она давно уже жила, сама не зная этого.²

К обеду приехал Pierre. Наташа приготавливалась встретить его упреками за его равнодушие к судьбе Пети, к его французскому письму,³ но к удивлению своему она нашла его уже в том расположении духа, в котором она желала найти его. Было 11 число июля. Получено было известие о приезде государя в Москву, о занятии неприятелем Вильны, о взбунтовании Польши и разные, самые несправедливые слухи о громадных силах, об угрозах Наполеона. Pierre приехал растерянный и взволнованный. Он рассказывал слухи, сведения от графа Раstopчина и говорил по-французски, не умея говорить так же хорошо по-русски. Наташа взволнованно смотрела на него молча и мало говорила. После обеда они вчетвером с Петей и Соней сошлись вместе на столике, на котором Наташа щипала корпию: это было модное занятие, введенное при дворе Марии Федоровны.

— Eh bien, vous êtes mecontente de moi, mais j'ai été chez le comte⁴ P[астопчин].

— Ах, зачем по-французски. Ну что? — спросил Петя.

Pierre улыбнулся.

— Ну, по-русски. Граф мне сказал, что он⁵ *поручается* заставить его вступить в troupes de lignes⁶ и⁷ дает мнение, что это предпочтительнее ополчения, puis que voyez vous,⁸ — продолжал ¹ *Многоточие в рукописи*.

² *На полях*: Шампинион — шпион!

³ *Зачеркнуто*: Наташа не говорила

⁴ [Ну, что же, вы недовольны мной, но я был у графа]

⁵ *Зач.*: берет

⁶ [линейные войска]

⁷ *Зач.*: советуют

⁸ [так как, видите ли,]

Pierre, не в силах ломать свой язык по-русски тогда, когда он говорил оживленно. Но Наташе вдруг сделалось страшно. «Боже мой, что же я делаю, помогая этому ребенку идти на войну».

— Ты меня просил, Петя, написать графу, но теперь я ничего больше не делаю и даже, ежели ты хочешь слушать меня, подожди.

— Вот, очень нужно... — Петя обиделся и ушел. Pierre остался один с Наташей и стал ей рассказывать, как он умел, смешные новости города, о прогнании французской труппы (*une victoire remportée par les russes*¹), потом о том, как модные дамы учатся по-русски и князь Б[орис] В[ладимирович] Голицын взял себе учителя. Наташа² улыбалась его шуткам, но оживлялась только тогда, когда он рассказывал ей о положении дел.

— Ну, а ежели Наполеон придет в Москву, что вы будете делать?

— Право, не знаю, только верно, что не пойду на войну.³

Pierre был друг дома Ростовых, ему ставили его любимое вино, и он любил всех, как семью, которая бы — он желал — была его. Он иногда думал о том, как бы он был счастлив, ежели бы его, шутника и кутилу, старая графиня приласкала своей большой рукой по голове и сказала бы «милый мой Петя».

12-го числа государь приехал в Москву, 13-го с раннего утра слышался благовест во всех церквях, и толпы праздничного народа⁴ шли по Поварской, мимо дома Ростовых, к Кремлю.

<«Это всё — вздор», — подумал Петя, выбежав на улицу и узнав, что это бегут встречать государя. «То Наташа была за меня, а теперь и она отказалась. Этак дело протянется, а я им всем докажу, какой я буду герой. Всё пустяки,⁵ они говорят. И этот толстый дурак сидит в Москве, и Наташа ему верит. Пойду к государю и прямо скажу ему, что я — Ростов, хочу служить отечеству».⁶ Петя радостно улыбался, представляя себе государя. Он может сейчас в офицеры, может и в генералы. И Петя¹ [победа, одержанная русскими]

² *Зачеркнуто:* слабо

³ *Далее зач. вписанное на полях:* — Я вас не понимаю.

Соня сказала, что она не понимает, как Наташа думает о войне, что ей за дело.

Pierre сказал, что Наполеон сказал *m-me de Sthal*, что лучшая женщина та, которая родит много детей.

Наташа. Я не знаю, это меня мучает день и ночь, что с нами будет, я знаю, что я не покорюсь Наполеону.

Pierre философствует мистически. Наташа слушает внимательно и верит в 666.

Наташа спрашивает, как он думает, выиграют ли сражение.

⁴ *Зач. позднее:* валили и надписано: шли

⁵ След. два слова вписаны позднее.

⁶ *Зач.:* Ну, удивится и сейчас меня *Вместо зачеркнутого вписано, кончая:* он может сейчас

придумывал и прочувствовал все то же, что думал и чувствовал 7 лет тому назад Nicolas, и отец Nicolas, и дед, и все, все, в какой бы то ни было другой форме и условиях.

Государь представлялся Пете самым прекрасным, самым могущественным, самым благородным человеком, но представлялся все-таки человеком — одним.> Он надел новый сертук, <потом>, как у больших, запрягал большие воротнички и,¹ никому <не сказавшись>, пошел в <Кремль>,² рассчитывая, что успех его прошения к государю должен зависеть от того, что он — ребенок (Петя думал даже, как все удивятся его молодости), а вместе с тем он хотел казаться стариком и так устроил свою одежду и наружность.

<В воротах³ Троицких уже начали жать Петю, и он отчаянно и решительно выставил локти, мрачно намереваясь проткнуть живых людей, но не поддаться. Толпа пронесла его в Кремль. Кремль был весь усыпан народом. Крыши арсенала, возвышения пушек — всё было полно. Жандармы давили лошадьми народ, но народ всё жал.>⁴

Около Пети стояла баба с лакеем, два купца и отставной солдат. На веснушках покрытом лице бабы, и на сморщенном с седыми усами лице солдата, и на чиновнике, худом и горбатым, — было одно выражение ожидания и⁵ торжественности. <Вот он идет, выходит. Торжественность была, когда говорили об государе,> и⁶ вместе с тем обыденность, когда переговаривались между собой. Петя хотел пролезть дальше к самым камергерам (он думал, что всегда камергеры у государя), но, несмотря на работу локтями, это оказалось невозможно. Баба сердито крикнула на него:

— Что, барчук, толкаешься. — Его поразило, как, находясь под таким восторженным состоянием, баба могла так ворчливо говорить. Он остановился, пот лил градом. Воротнички намокли, и лицо склеилось пылью с потом, и Петя понял, что в таком виде камергеры не пропустят его. Хуже всего было, когда в ворота проезжал, стуча гулко, какой-нибудь генерал с плюмажем; тогда Петю затискивали в вонючий угол. Один генерал был знакомый. Петя хотел просить помощи, но счел, что это было бы противно мужеству. Он иронически улыбался на слова окружающих, которые принимали генерала за государя и толковали о том, что государь собирает народ да всех в казаки запишет и т. п.

¹ След. три слова вписаны позднее.

² Зачеркнуто позднее: Петя не соображал того и вместо зачеркнутого надписано: рассчитывая.

³ Зач.: Спасских

⁴ Надписано позднее и зач.: Зачем — никто не знал, Где был государь — тоже никто не знал.

⁵ Зач.: притворства.

⁶ След. три слова вписаны позднее.

[Далее от слов: Но вот толпа хлынула и вынесла и Петю на площадь кончая: и удивлялись тому, что они сделали — близко к печатному тексту. Т. III, ч. 1, гл. XXI—XXIII.]¹

* № 169 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVII—XX).²

Прошло более года с того времени, как Наташа отказала Андрею и из своей вечно счастливой, радостной жизни вдруг перешла к тупому отчаянию, которое³ смягчила, но не рассеяла религия.

Лето 1811 года Ростовы провели в деревне. В Отрадном⁴ были жгуче-живые воспоминания о том времени, когда Наташа чувствовала себя в этом Отрадном столь беззаботно счастливой и столь⁵ открытой ко всем радостям жизни. Она не ходила гулять, не ездила верхом, не читала даже, а молча сидела по целым часам в саду на скамейке, на балконе или в своей комнате.

[Далее см. текст варианта № 168, стр. 51, начиная со слов: С самого того страшного времени, — кончая: была в прежней жизни стр. 52].

Ей радостно было думать, что она не лучше, а хуже, а гораздо хуже всех, всех, кто только есть на свете. Но и этого мало было. Она знала это и спрашивала себя, что же дальше? Ростовы рано поехали в этот год в Москву, и главное для Наташи, которая пугала их своей безжизненностью. Она молчала, слабела и худела, видимо, стараясь только никому не быть в тягость и на всё соглашаться.

В Москве первое время было то же.⁶ Сначала возили ее в свет, но потом сжалились над ней. Она почти не выезжала из дома и рада была одному человеку из гостей — Pierr'у. Нельзя было нежнее, боязнее и вместе с тем серьезнее обращаться, чем обращался с нею толстый, ленивый граф Безухов.⁷ Pierre со времени своего невольного участия в деле Анатоля, Андрея и Наташи и глубокой жалости к ней, заменившей в нем чувство¹ *На полях рукописи пометки:* 1) И опять Петя между ними, но на этот раз с Соней, Наташей и душой спокойный. 2) Vive Henri IV. 3) Pierre конституцию.

² Второй вариант части текста варианта № 168.

³ Зачеркнуто: только одна религия и дружба с Pierr'ом делали для нее сносным.

⁴ Зач.: не было ни церкви, ни Pierr'а.

⁵ Зач.: радостно[й]

⁶ Зач.: Но <Pierre> к концу зимы Наташа стала оживать. И домашние видели, что Pierre, сделавшийся домашним человеком у Ростовых, был тому причиной. *Вместо зачеркнутого вписано, кончая:* из гостей — Pierr'у.

⁷ Зач.: Он никогда не говорил с ней ни о любви (не своей — об этом он и не думал), ни о романтических чувствах, ни об удовольствиях, ни о светских пустяках. Странно сказать, он искренно говорил ей о самых ему казавшихся серьезных вещах, занимавших его самого. Pierre сам, хотя и внешне и не

презрения к ней, несколько изменил свой образ жизни. Он безвыездно жил в Москве, во-1-х потому, что в Москве ему¹ было ловко, как рыбе в воде, во-2-х потому, что жены его тут не было, в-3-х и главное потому, что здесь жили Ростовы.² Pierre ездил также в клубы, в свет и почти каждый день бывал у Ростовых, жил он по прежнему, но он воздерживался от главного своего пристрастия и порока. В этот последний год Pierre опять возвратился к масонству, но в другом смысле, чем прежде. Он решил, что переделать людей и свет — невозможно,³ что в этом и масонство бессильно. Но мистическая сторона масонства привлекала его.⁴ Изменение его образа жизни нравственно [?] имело влияние на него. Он так много и странно думал, что по ночам в сновидениях он думал и видел сны, открывавшие ему таинства масонства.

Так в последнее время он записал следующее сновидение...⁵

В конце зимы назначен был Раstopчин,⁶ вся Москва говорила только о⁷ будущей войне с Наполеоном, огромная комета виднелась на небе. И Pierre в этом приближающемся перевороте, в этой неслыханной славе Наполеона видел явление, подтверждающее его взгляды на жизнь. Власть Бонапарта была не что иное, как уничтожение власти, которая была не от бога, как перст и орудие божие. Кроме того, предсказание из Апокалипсиса о 666 и гибели Бонапарта в России поразило Pierr'a. Он, тайно запершись в комнате и никому не говоря и стыдясь, как преступления, делал вычисление над своим именем и Pierre Besuhoff выходило 666, и он надеялся быть орудием гибели Бонапарта.⁸ Другая мечта его была вновь соединить Наташу с Андреем. Он так простил ее и не мог понять, как мог Андрей не сделать того же. Разумеется, Pierre не говорил этого никому <и еще менее Наташе, но он много говорил с ней, и серьезно, о Бонапарте, его власти, о будущей войне и о том, что ожидает Россию. К удивлению своему, он заметил, что этот патриотический вопрос⁹ начал занимать Наташу и потом сделался ее страстным увлечением, таким же, как было когда-то Дюпор,¹ *В рукописи: его*

² *Далее исправлено из: Pierre теперь почти не ездил в клубы, мало ездил в свет, целые дни проводил у Ростовых, <но и> старался не пить, но никак не мог отвыкнуть; но главное — дал обет воздержания в главном своем пристрастии и пороке и твердо исполнял его.*

³ *Зачеркнуто: что единственное значение ордена есть исправление себя и изучение таинств и посвятил себя мистической стороне масонства и написаны след. двенадцать слов.*

⁴ *Зач.: В последнее время он настолько изменил свою жизнь и направил свою мысль так, что не только днем, он почти постоянно имел в мыслях свои цели, но *Вместо зачеркнутого вписано, кончая:* и странно думал, что*

⁵ *Многоточие в рукописи.*

⁶ *Зач.: появились его афишки*

⁷ *Зач.: будущем нашествии и на полях вписаны след. четыре слова.*

⁸ *Следующие две фразы вписаны позднее.*

⁹ *Зач.: страстно*

и теперь заменивший религию. Надо было жить Наташе, надо было увлечься чем-нибудь, и она увлеклась этой войной всё более и более, чем ближе она приближалась. Лето это Ростовы остались в Москве. В Москве они узнавали все действия войск. Получили известия об отступлении и о приезде государя. 11 июня было воскресенье. Наташа была у обедни с матерью.>

<Как это часто бывает, во время чтения молитвы Наташа слушала слова молитвы и вместе с тем думала.

Так же, как в вопросе о долгах отца ей пришлось на купаньи простое, ясное средство исправить всё дело тем, чтобы жить умереннее, так теперь ей ясно представилось средство победить врага. — Как? — Соединиться любовью так, чтобы жезл нечестивых не вознесся на жребий освященных. Надо было просто сказать всем друг другу, что мы в опасности; давайте любить, помогать друг другу, отдадим свои деньги — ожерелье жемчужное. Пускай братья — Nicolas, Петя — пускай идет, он всё пристаёт выйти из университета, — и все пойдем на врага и сразу покорим его, это все-таки будет легче, чем биться, спорить, ссориться, как вчера Шиншин с папа, и все-таки пострадать.>

* № 170 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XXI).

Пете было решительно отказано. Он ушел один в свою комнату и там, запершись от всех, горько плакал. Все делали, как будто ничего не заметили, когда он к чаю пришел молчаливый и мрачный, с заплаканными глазами. После чаю, как обыкновенно, когда Pierre оставался. вечер у Ростовых, он составил с Ири[ной] Яковлевной и доктором партию графини.

Pierre ездил к Ростовым для Наташи, но он очень редко бывал¹ с нею и говорил с нею отдельно. Ему нужно было только для того, чтобы ему было радостно и покойно, чувствовать ее присутствие, смотреть на нее, слушать ее. И она знала это и всегда бывала там, где он, когда он бывал у них. Ей самой было приятнее всего в его присутствии. Он только один² не тяжело, а напротив утешительно напоминал ей о том страшном времени. После игры Pierre остался у стола, рисуя на нем фигуры. Надо было уезжать. И, как всегда, именно когда надо было уезжать, Pierre чувствовал, как ему хорошо было в этом доме. Наташа и Соня подошли к нему и сели у стола.

— Что это вы рисуете?

Pierre не отвечал.

— Однако, — сказал он Наташе, — вы не на шутку заняты войной, — я этому рад.

Наташа покраснела. Она поняла, что Pierre рад ее увлечению потому, что увлечение это заслонит ее горе.

¹ Зачеркнуто: наедине

² Зач.: без тяжелых воспоминаний

— Нет, — отвечая на ее мысль, сказал Pierre. — Я люблю наблюдать, как женщины обращаются с мужскими вопросами: у них всё выходит ясно и просто.

— Да и что же может быть неясного, — сказала Наташа оживленно. — Нынче, слушая молитву, мне так всё ясно стало. Надо только смириться, покориться друг другу и ничего не жалеть, и все будет хорошо.

— А вот вы жалеете ж Петю.

— Нет, не жалею. Я бы его ни за что не послала, но ни за что б не удерживала.

— Жалко, что я не Петя, а то меня вы посылаете, — сказал Pierre.

— Вас — разумеется. Да вы и пойдете.

— Ни за что, — отвечал Pierre и, увидав недоверчиво-добрую улыбку Наташи, продолжал. — Удивляюсь, за что вы обо мне такого хорошего мнения, — сказал он.¹ — По-вашему, я могу всё хорошее сделать и всё знаю.

— Да, да, всё. А теперь самое главное — защита отечества, — опять слово «отечество» задержало Наташу, и она поторопилась оправдаться в употреблении этого слова. — Право, я сама не знаю отчего, но я день и ночь думаю, что с нами будет, и я ни за что, ни за что не покорюсь Наполеону.

— Ни за что, — серьезно повторил ее слова [Pierre]. — Вы и не покоритесь, — сказал Pierre и стал писать. — А это вы знаете? — сказал он, пиша ряд цифр. Он объяснил, что все цифры имеют значение букв и что по этому счислению написать 666 — выйдет L'Empereur Napoleon и 42. И рассказал предсказание Апокалипсиса. Наташа долго, с горячечно устремленными глазами смотрела на эти цифры и веряла их значение.

— Да, это страшно, — говорила она, — и комета.

Наташа так была взволнована, что Pierre раскаивался даже в том, что сказал ей это.

* № 171 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. I—VIII).

7-я ЧАСТЬ

²Что должно было совершиться, то должно было совершиться. Как Наполеон думал, что он начал войну с Россией потому, что он захотел всемирной монархии, а начал ее потому, что не мог не приехать в Дрезден, не мог [не] отуманиться почестями, не мог не надеть польского мундира и не поддаться предприимчивому впечатлению июньского утра и не начать переправу через Неман, так думал Александр, что он ведет отчаянную ¹ *Зачеркнуто*: Вы не хотите верить, чтобы я не был

² *На полях*: Д[олохов] напоил жида.

войну, в которой он не помирится, хотя бы ему дойти до Волги, только потому, что¹ не мог поступить иначе.

Лошадь, поставленная на покатое колесо рушилки,² думает, что она³ совершенно свободно, произвольно ступая с левой или с правой ноги, поднимая или опуская голову, идет потому, что ей хочется взойти наверх, так точно думали все те неперечислимые лица, участники этой войны, которые боялись, тщеславились, горячились, негодовали, думая, что они знают, что они делают, а все были только лошадьми, мерно ступавшими по огромному колесу истории,⁴ производившими скрытую от них, но понятную для нас работу. Такова неизменная судьба всех практических деятелей, и тем несвободнее, чем выше они стоят в людской иерархии, чем выше, тем более они связаны, чем круче колесо, тем быстрее и несвободнее идет лошадь. Стоит ступить на это колесо, и⁵ нет свободы, нет понятной деятельности, и чем дальше, тем быстрее идет колесо и⁶ тем меньше свободы до тех пор, пока не сойдешь с него.

⁷Только Ньютон, Сократ, Гомер действуют сознательно и независимо, и только у тех людей⁸ есть тот произвол,⁹ который против всех доказательств о нервах доказывает моя, сейчас поднятая и опущенная рука.

¹⁰Еще можно бы было в какой-нибудь другой деятельности общественной человека оспаривать его зависимость от общих и произволь[ных причин], но не в военной, потому что военная есть одна из самых противных де[ятельностей] другой — нравственной стороне человека. Мы привыкли говорить о войне как о благороднейшем деле. Цари носят военный мундир. Военные люди называются так же, как и благодетели рода человеческого — гении, и так же, и более, несравненно более Сократа и Ньютона прославляются. Мечта мальчика есть война. Высшая почесть — военная. А что <есть война> и что нужно для успешного ведения войны? Для того, чтобы быть гением:

- 1) Продовольствие — организованный грабеж.
- 2) Дисциплина — варварский деспотизм, наибольшее стеснение свободы.
- 3) Умение приобретать сведения: шпионство, обман, измена.

¹ Позднее зачеркнуто.: он нашел это справедливым для России, он вел такую войну, потому что он не мог не быть лично оскорблен Наполеоном и лично не мог забыть оскорбления. Как думает *Вместо зачеркнутого вписаны на полях след. четыре слова.*

² Слово: думает вписано позднее.

³ След. четырнадцать слов вписаны позднее.

⁴ Зач.: заставлявшими

⁵ Зач.: и пошла нич

⁶ Зач.: нет

⁷ Зач.: Есть

⁸ Зач.: которые действуют сообразно с своей

⁹ В рукописи слова: есть тот произвол повторены два раза.

¹⁰ Зач.: Теперь, когда

4) Уменьше прилагать военные хитрости, обман.

5) Что самая война? — Убийство.

6) Какие занятия военного? — Праздность.

7) Нравы — разврат, пьянство.

Есть ли один порок, одна дурная сторона человеческой природы, которая бы не вошла в условия военной жизни? Отчего же уважается военное звание? Оттого, что оно есть высшая власть. А власть *имеет льстецов*.¹

Так вот почему военное дело более всего подлежит муравейным, неизбежным законам, руководящим человечество, и исключает всякий личный произвол и знание своей цели, тем более, чем более лица связаны с общим ходом дела. Как тем быстрее вертится² то колесо последней передачи, чем больше под ним передач. Теперь двигатели колес 12 года давно сошли с своих мест, колеса уничтожились и преобразовались, а результаты перед нами, и потому нам ясно, как ни один человек, чем выше он был (ни Наполеон, ни Александр), не имел ни малейшего чаяния о том, что будет, а что вышло именно то, что должно было быть. Наполеон с Вильны всё ждал мира, Александр не мог допустить, чтобы Смоленск был отдан, не только Москва.³

Теперь нам ясно, что было причиной успеха 12-го года. Я думаю, никто не станет спорить, что успех зависел от заманения Наполеона в глубь России, от сожжения городов и возбуждения ненависти к врагу. И не только никто не видел этих средств. (Я не говорю о разных намеках в письме Александра к Бернадоту и разных намеках современников, которые, естественно, *argès soup*⁴ собирают из всего, что было думано и говорено, и забывают, что эти намеки — 1 на 100 000 противоположных — не упоминают о противоположных, а говорят о подтверждающих свершившийся факт. Это — прием, которым оправдывают[ся] и подтверждаются предчувствия и предсказания.)

Итак, не только никто не видел этого тогда, но, напротив, все силы были направлены на то, что[бы] помешать этому, то есть входу неприятеля в глубь России и возбуждению народному.⁵ И силы, направлявшиеся против, сами не сознавая того, обращались в пользу. Наполеон входит в Россию с 500-тысячной армией. Он страшен своим уменьем давать решительн[ые] сражен[ия]. Мы раздробляем на маленькие кусочки свою вдвое слабейшую армию и держимся плана Пфуля. Армии наши разрезаны. Мы стремимся соединить их и для соединения¹ *Зачеркнуто*: Это

² *Зач.*: флюгерок в орк[естре]

³ *На полях*: <Планы> Сколько было планов! Дрисса — права. Вы садка. Штейн. Армфельд. Слоним. Атака впереди Гродно.

⁴ [потом]

⁵ *В автографе*: народного.

принуждены отступать. И¹ невольно, описывая острый угол обеими армиями, заводим Наполеона до Смоленска. Мы намерены дать сражение впереди Смоленска и сами обойдены и принуждены защищать Смоленск. Смоленск мы защищаем, но не настолько, чтобы подвергнуть армии опасности, и не настолько, чтобы не обмануть жителей, которые погибают в стенах Смоленска, и Смоленск зажигают. Всё это делается противно распоряжениям свыше, всё это вытекает из сложнейшей игры, интриг, целей, планов, желаний противоположных друг другу и² не угадывающих того, что должно быть, и того, что есть единственное спасение. Пфуль уезжает, ругаясь, говорит, что *die ganze Geschichte geht zum Teufel*³ и не может понять бессмыслицы раздробить армию сообразно с его планом и потом оставить этот план. Император уезжает от армии по письму Ш[ишкова], А[ракчеева] и Б[алашева], в котором они, как за довольно удобный предлог, ухватываются за необходимость воодушевить столицу своим присутствием, а в этом вся сущность дела. Генералы в отчаянии, что армии раздроблены и что нет единства начальства, что Багратион старше чином, а Барклай в[оенный] м[инистр], но из этой путаницы и раздробления вытекает нерешительность и избежание сражения, от которого нельзя бы было удержаться, ежели бы армия собралась вместе. Избрание не национ[альное] ничтожного Барклая главнокомандующим кажется ошибкой и горем, а оно-то спасает армию и возбуждает дух... Всё ведется для очевидной для нас, потомков, цели, но скрытой, как жернов от ходящей на круге лошади. И всё для исполнения предназначенной цели употребляется невидимым машинистом и берется во внимание: и пороки, и добродетели, и страсти, и слабости, и сила, и нерешительность — всё, как будто стремясь к одной своей ближайшей цели, ведет только к цели общей.

После отъезда государя из армии положение начальства⁴ армии еще более запуталось, хотя это и казалось невозможно. Тогда, хотя неопределенно,⁵ неясно, но чувствовался всеми центр власти. Теперь и этого не было. Барклай мог (и то сомнительно) отдавать приказания именем государя, но Багратион и поставлен независимо, был старше чином и мог его не слушаться, точно так же надо было просить Чичагова и Торماسова. Весь рой лишних и потому вредных людей, г[енерал]- и ф[лигель]-адъютантов, всё судивших и всё путавших, был тот же. Пфуль уехал и Армфельд, но Бенигсен — старший генерал и цесаревич были при армии. Цесаревич вернулся к Смоленску из Москвы и высказывал свою ненависть к Барклаю и теперь,¹

След. шесть слов вписаны позднее на полях.

² *Зачеркнуто:* ни одной

³ [вся история идет к чорту]

⁴ *Исправлено из:* начальствующих

⁵ *Зач.:* просто

когда нельзя было уже говорить о мире, не было брата, которому он противуречил, он противуречил Барклаю во всем. Барклай стоял за осторожность, цесаревич намекал на измену и требовал генерального сражения. Любомирски[й], Браницки[й], Влодски[й] и т. п. так раздували весь этот шум, что Барклай вынужден был поручить им бумаги для доставления государю в Петербург и приготавливал еще нужнейшие бумаги для Бенигсена и великого князя. Каждый, даже из тех, которые не прямо противуречили главнокомандующему, каждый имел свой план и проэкт и делал всё возможное, чтобы план противника не удался. Один предлагал сраженье, другой ехал как будто для рекогносцировки и вместо рекогносцировки¹ ехал в гости к корпусному командиру около того места и говорил, что он осмотрел и место не годится. И ему точно казалось, что оно не годится, тогда как его противнику оно казалось единственно возможным. Остроты, шутки, насмешки, ссоры перекрещивались, как плутонгная² пальба. Багратион долго не присоединялся, хотя это была главная цель всех начальствующих лиц, так как ему казалось, что он на этом марше ставил в опасность свою армию и что выгоднее всего для него было бы отступить левее и южнее и, беспокоя с фланга и тыла неприятеля, комплектовать свою армию в Украине. Он так думал, а в сущности он только выдумывал невозможности и придумывал выгоды для того, чтобы не подчиниться ненавистному и младшему в чине немцу Барклаю.

В Смоленске наконец соединились армии. Багратион в карете подъезжал к дому, занимаемому Барклаем. Барклай (за что редкие поклонники и превозносили его) надел шарф и вышел навстречу и рапортовал Багратиону. Багратион был доволен и подчинился Барклаю. Но, подчинившись, еще меньше был согласен. Багратион лично доносил государю. И когда оба главнокомандующие свиделись, они как будто сошлись, но рой Браницких, Винценгероде и т. п. еще больше отравил их сношения, вышло еще меньше единства. Хотели, сбিরались атаковать, и вынуждены были принять неожиданное сражение в Смоленске, чтобы спасти свои сообщения. Так надо было.

Высший же машинист заставлял его топтаться в этом колесе для того, чтобы он соединился только под Смоленском, и для того, чтобы зажжен и избит был Смоленск. Это надо было³ для того, чтобы поднялся народ.⁴

Мы с 1-х чисел августа искали сражения впереди и правее Смоленска, два раза ходили войска туда и назад, но во время этой нерешительности и споров французы — о чем мы не знали — ¹ *Зачеркнуто*: говор[ил?]

² *Плутонг* — небольшое войско в строю.

³ *След. пять слов вписаны на полях позднее.*

⁴ *На полях*: В Петерб[урге] Кут[узов] назнач[ен].

хотели обойти нас с правого фланга и, заняв Смоленск, отрезать от Московской дороги. Совершенно неожиданно 3-го августа дивизия Неверовского наткнулась, была атакована всем авангардом Мюрата, должна была отступить, билась целый день и, отступая, привела французов к самому городу Смоленску, который не только уступил французам, но до которого допустить французов за день до этих событий никто и не мог подумать. На защиту Смоленска послан корпус Раевского. Целый день 4-го августа шло сражение, но французы не стреляли по городу. 5-го корпус Дохтурова и Евгения Виртембергского послан на смену Раевского, и 5-го числа Наполеон сказал: *on prendra cette bicoque on toute l'armée у регіта,*¹ и началась канонада из 150 орудий по войскам и городу и начались атаки французов. *Mais la bicoque ne fut pas prise et l'armée n'y périt point.*² На другой день Барклай де Толли велел Дохтурову отступить, и тут-то Бенигсен и великий князь поехали к Барклаю внушать, что армия недовольна и что нужно дать сражение, и тут наконец нашлись в главной квартире Барклая такие важные бумаги, которые главнокомандующий не мог поручить никому для доставления в Петербург, кроме самого брата государя.

Старый князь после отъезда сына слабел с каждым днем, как замечала это его дочь, но на глаза равнодушные прислуги и знакомых он, казалось, [был] еще мужественнее и энергичнее, чем когда-либо. Он³ начинал изменять все свои привычки.

Следующую ночь по отъезде сына он долго ходил по кабинету, потом в 11-м часу отворил дверь в⁴ официантскую и стал ходить по гостиной зале. В зале, у шкафчика, он сел, отворил окно и смотрел в сад, потом велел подать свечу и тут читал и потом тут же в зале велел Тихону разбить себе походную кровать. На другой день⁵ днем он спал и много ходил и делал беспрестанные распоряжения, вечером и ночью опять стал ходить по комнатам и опять велел себе разбить постель уже не в зале, а в галлерее.⁶ Так он жил, беспрестанно переменяя ночлеги, очевидно не зная, что и когда и где он будет делать, но постоянно торопясь и не успевая всего обдумать и обделать. С княжной Марьей за всё это время совсем не было ссор, но была к ней постоянная холодность, которую княжна Марья объясняла себе только приличием. Ему неловко было перейти от прежнего озлобления к ласке. А княжна Марья думала, что он бы хотел и не смел сам перед¹ [этот городишко будет взят, или вся армия погибнет там,]

² [Но городишко взят не был, и армия там не погибла.]

³ *Зачеркнуто*: изменился особенно в том отношении, что стал деятельнее и заботливее. Все после

⁴ *Зач.*: гости[ную]

⁵ *Зач.*: был

⁶ *Зач.*: После двух

собой это сделать.¹ В конце июля он получил письмо о занятии Витебска и сражении под Островно. Прочтя письмо, он напился чаю с княжной Марьей и Бурьен и разговаривал оживленно о² сражении на Дунае. В конце разговора он к чему-то сказал, что как скоро дошло письмо князя Андрея от границы. Княжна Марья взяла письмо и, осмотрев его, прочла: «местечко Градник Витебской губернии».³

— Они теперь должны быть перед Вильно. Бонапарт пойдет влево. Ах, ничего-то никто не заботится. — Вели карты разложить.

Князь встал и велел Тихону разложить географические карты и стал делать расчеты о движении неприятеля в окрестностях Вильны. Он старческими корявыми руками водил по карте и позвал архитектора. Всё было так ясно обдуманно, что он говорил, но всё относилось к прошедшему. Он не понял и не мог понять, что Наполеон уже был в Витебске. Давно уже это замечала княжна Марья, что последнее время князь не понимал того, что ему говорили, что у него были свои мысли, и ежели он спрашивал или узнавал о чем-нибудь, то он узнанное подводил под свои мысли. Княжна Марья попробовала напомнить ему о Витебске, но он сердито, презрительно и так самоуверенно посмотрел на нее, что она пришла в сомнение, не ошибалась ли она. Во время занятий над картами пришел Алпатыч. Князь поспешно пошел в кабинет, заметив иголк[ами] места на карте, и сел за бюро. Отправляемому Алпатычу надо было дать так много инструкций, и князю казалось, что никто заменить его не может.

— Почтовой бумаги, смотри же, этой золотообрезной — вот образчик, чтобы непременно по нем была. Потом протоколисту, этому мерзавцу, скажи, чтоб он записи мне выдал все. «Они всё запутают без меня, — думал он. — Лысые Горы чресполосны будут».

Потом была нужна покупка флера для портрета, потом ящик переплетный надо было заказать для укладки завещания.

Алпатыч принимал приказания, но удивлялся: никогда князь так подробно, мелочно, торопливо не доходил до всего. Отпустив Алпатыча, князь раскрыл завещание свое, которое он вынимал для мерки, и стал читать, надев очки.

«Ах, да, еще надо приписать статью о том случае, коли у внука не будет потомства».

Но, затворив дверь, князь устал и стал⁴ перечитывать прежнее и писать новое. Завещание было очень пространное и обстоятельное, и князь испытывал успокоивающее чувство заниматься¹ *Зачеркнуто*: <Отправив Алпатыча> В 1-х числах *Осталось незачеркнутым*: августа

² *Зач.*: Измаиле

³ *Зач.*: — Mon père, он не с границы

⁴ *Зач.*: писать

этим делом, которое будет иметь действие, когда его самого не будет. Тогда всё будет ясно, спокойно, — представлялось ему, — и он с особенным удовольствием обращался к тому времени. — Уже было поздно, когда князь встал от стола, но спать¹ ему не хотелось, но он знал, что не заснет и что самые дурные мысли приходят ему в постели — он вспомнил еще поручение Алпатычу: к имянинам Коли купить лошадь, позвал Алпатыча и подробно рассказал, какую.²

[Далее от слов: Погуляв потом по комнатам и примеривая всякий уголок, хорошо ли тут будет спать... кончая: он открыл закрывшиеся было глаза близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. III.]

«Тяжело, больно! Нет покою телу, а духу еще, еще тяжеле. Не могу, не могу понять и запомнить всё, что надо. Да, да, еще что-то приятное было, очень что-то приятное я приберег себе на ночь в постеле. Лимонад? Нет, что такое, что-то в гостиной было? Княжна Марья что-то врала. В кармане что-то... Не вспомню».

— Тишка! Об чем за обедом говорили?...

— Об князе Михайле.

— Молчи, молчи.

Князь захлопал рукой по боковому карману камзола. «Знаю, письмо князя Андрея. Княжна Марья что-то про Витебск говорила, теперь прочту».

<Он> достал письмо³ и положил на придвинутый к кровати столик с лимонадом и витушкой восковой свечкой. Он стал раздеваться.

Боже мой, боже мой! Как тяжело было сгибать измученные, засохшие, 70-летние его плечи в то время, как Тихон снимал кафтан, как тяжело опустился он на кровать, как не хотела подняться нога, которую разували, и как она, худая, сухая, желтая, упала вниз. А надо было еще поднять их, передвинуться на кровати. «Ох, как тяжело, ох, хоть поскорее, поскорее кончились эти труды и вы бы отпустили меня», думал он.

Он сделал, поджав губу, в 20-т[ый] раз это усилие и лег с письмом в руке. Письмо сына было записано в его памяти чем-то утешительным и приятным, но оно подействовало обратно. Тут только, в тишине ночи, при слабом свете из-под зеленого колпака, он, прочтя письмо, понял всё его значение. Что же¹ *Зачеркнуто*: еще не

² *На полях*: Но вдруг постель стала колебаться. Он стал тяжело, поспешно дышать. Он торопился, он заботился — не об чем еще было — но он уже заботился.

— Да, и тело больно и духом не могу, не могу понять всей этой путаницы.

³ *Зач.*: лег в кровать, надел очки и

это? Французы в Витебске. Так они через¹ 4 перехода могут быть у Смоленска. Может, они уж там?

«Что ж это? Нет, нельзя мне успокоиться».

Он завертел своей трещеткой. Тихон вскочил.

— Пошли Алпатыча. Дай халат и посвети в кабинет.

Надо было внушить Алпатычу, как ему поступить, ежели он встретит неприятеля, надо было запастись оружием и порохом (ружей, мушкетеров было много) на случай нападения мародеров. В два часа ночи он отпустил Алпатыча, но только что он отпустил его, как ему вспомнились еще необходимые, несделанные распоряжения. Надо было написать письмо сыну, надо было здесь, в Лысых Горах, распорядиться постановкой пикетов на дорогах, надо было укрепить усадьбу, внушить мужикам, написать предводителю. Не снимая халата до рассвета, князь Николай Андреич не ложился.² Утром он оделся, пошел в кабинет и послал за дочерью и за чаем. Но, когда пришли, он спал в кресле, склонившись на ручку, и на ципочках унесли кофе. Так же, как и прежние дни, в неперемежающихся хлопотах и заботе, прошли эти 3 дни отсутствия Алпатыча, со 2-го дня были посланы гонцы за ним, и целые дни князь Николай Андреич распоряжался шитьем платьев военных для всех дворовых и обучением их стрельбе, которое он поручил архитектору.³

Лысые Горы, имение князя Николая Андреича Болконского, находились в 60 верстах от Смоленска, позади его, и в 30 верстах⁴ от Московской дороги. 2-го числа, после медового Спаса,⁵ Яков Алпатыч по поручениям князя отправился в Смоленск.⁶

Яков Алпатыч, несмотря на то, или именно потому, что имел честь и счастье часто подпадать под удары суковатой палки старого князя, был по своему положению в той среде, в которой он действовал уже 36 лет и из которой не выходил, такой властный вельможа, какой теперь есть, может быть, только на востоке, такой вельможа, каким был какой-нибудь кардинал Ришелье и вообще полномочный любимец самодержавного государя. Не говоря о уездном городе, Смоленск находился еще в районе власти Алпатыча. В Смоленске Алпатыч, как с равными и даже¹ *Зачеркнуто*: два

² *Зач.*: и заснул

³ *На полях*: Ехать в орденах. Ученые дворовых.

⁴ *Зач.*: только

⁵ *Осталось по ошибке не зачеркнутым*: который Яков Алпатыч *Далее позднее зачеркнуто*: степенно отпраздновал с обедней в нарядном, с кн[язьего] плеча кафтане и с пирогами и гостями, почтительно зашедшими поздравить (Якова Алпатыча) княжеского управляющего,

⁶ *Зач. позднее*: для покупок, отдачи писем на почту и, главное, для узнавания подробностей о войсках и о Перновском полку, которого командиром был назначен князь Андрей. Князь Андрей сам извещал об этом отца и писал ему почтительное письмо, которое было последней радостью старого князя.

низшими, обращался с губернскими секретарями и почтмейстерами. И купцы наперерыв просили его сделать честь посещения. Алпатыч под Очаковым мальчишкой был с князем и потому¹ имел несколько воинственный, акуратный вид старого служаки. В войне он считал себя таким же непреложным судьей, как и своего барина, и так же, как князь, считал, что под Очаковым действительно была война, и всё, что теперь называли войной, было так, детская забава — «так притворялись тоже, мы воюем» — говорил Алпатыч...²

Как всегда говорящие с чужого голоса, Алпатыч был увереннее в этом, чем сам князь.³

На зорьке прекрасного летнего дня 2-го августа, с вечера получив все приказания, напившись чайку, Алпатыч, провожаемый домашними, в белой пуховой шляпе — княжеский подарок, — с палкой, так же, как князь, вышел садиться в кожаную кибиточку, заложённую тройкой сытых саврасок.⁴ Колокольчик был подвязан, и бубенчики заложены бумажками. Князь никому не позволял в Лысых Горах ездить с колокольчиком, и один становой был собственноручно избит за это. Но Алпатыч любил колокольчики и бубенчики в дальней дороге.

Придворные Алпатыча: земской, конторщик, кухарка, черная и белая, две старухи,⁵ мальчик-казачок,⁶ кучера и разные дворовые провожали его. Горничная прибежала, прося божескую милость сделать, купить ей вот точно таких иголок. Дочь укладывала за спину и под него ситцевые пуховые подушки. Свояченица-старушка тайком сунула узелок. — (Алпатыч не любил бабьи сборы.) — Один кучер подсадил его под руку.

— Ну, ну, бабьи сборы, бабы, бабы, — пыхтя, проговорил Алпатыч, точно так, как говорил князь, садясь в кибиточку. Отдал последние приказания о работах земскому и, в этом уж не подражая князю, снял с лысой головы шляпу и перекрестился троекратно.

— Вы, ежели что, вы вернитесь,⁷ Яков Алпатыч, ради Христа нас пожалей, — прокричала ему жена,⁸ намекавшая на слухи о войне и неприятеле.

— Бабы, бабы, бабьи сборы, — проговорил Алпатыч про себя и поехал холодком зари, оглядывая вокруг себя покрытые¹ *Слово: потому вписано позднее.*

² *Зачеркнуто:* еще с более глубоким презрением, чем сам принципал его.

³ *Слова:* в этом... сам князь *вписаны позднее вместо зачеркнутого:* те, которые сами выдумали то, что он говорит.

На полях: Тушин радуется на убитого и завидует.

⁴ *Зач. позднее:* А[лпатыч] любил

⁵ Мальчик-казачок *вписано позднее.*

⁶ *Зач. позднее:* лакеи, музыканты и *надписаны след. три слова.*

⁷ *След. шесть слов вписаны на полях позднее.*

⁸ *Конец фразы вписан на полях позднее.*

росой поля и соображая свои распоряжения о посеве и уборке и о том, не забыто ли какое княжеское приказание. Алпатыч не только словами и приемами, он даже лицом был похож на старого князя.

¹Покормив дорогой в Поповых Крестах, к вечеру 2-го Алпатыч приехал в город и остановился у Ферапонтовых. Ферапонтовы были купцы, 5 братьев, у отца которых еще стоял Яков Алпатыч и с которым игрывал в шашки 30 лет тому назад точно так же, как играл теперь в мучной лавке с старшим братом.

По дороге Алпатыч² встречал и обгонял обозы и войска, но в городе еще³ было тихо. Ферапонтовы сообщили ему, что некоторые по глупости собираются из Смоленска и боятся.

— А по нашему делу разве соберешься, да и губернатор объявил, что опасности нет и войска наши далеко впереди.

Ферапонтов еще рассказал некоторые военные новости, как Платов Матвей Иванович крепко бьет французов и на реке Марине (хотя никакой похожей по имени реки не было) 18 т[ысяч] французов в одну ночь утопил. Яков Алпатыч невнимательно слушал рассказы Ферапонтова. Он так же, как князь, презирал бабьи толки и был убежден, что кроме князя, хотя он и за 60 верст, никто вернее не знает хода дел.

На другой день Алпатыч надел камзол, который он надевал только в городе, и пошел по делам. Все его знали, все кланялись ему весело. Он зашел в лавки, на почту и в присутственные места, где пробыл весьма долго. Алпатыч считал себя большим мастером *ходить* по делам и писать прошения с такими периодами, где далеко, далеко от всех обстоятельств глагол стоял на самом конце. Дело в присутствии было самое пустое, подача ревижских сказок, но Яков Алпатыч с другом своим протоколистом долго, тонко обсуждали предмет и решили сделать так, чтобы вышло как можно сложнее и хитрее, хотя в хитрости надобности не было. Потом Алпатыч с протоколистом выпил дрей-мадеры, поговорил о политике и пришел, несколько покрасневшийся, в лавку к Ферапонтову. Яков Алпатыч, что было большая редкость в то время, был так крепок насчет вина, что он не скрывал от князя и в добрую минуту говаривал ему:

— Вы изволите знать, я пить не пью, кроме как другой раз дрей-мадеры придется с приказным выпить, я ее люблю.

Проиграв несколько партий и побив кучера, который, как всегда, напился в городе, Яков Алпатыч рано, по своему обыкновению, лег спать на дворе на сене. Но едва он заснул, как ¹ *Зачеркнуто*: Проехав

² *Зач. позднее*: встретил мало воинских и надписаны след. три слова.

³ *Слова*: но... еще вписаны позднее.

толстый Ферапонтов в одной рубахе, поправляя поясок с ключиком, пришел к нему и объявил, что дело плохо. Слышны были выстрелы недалеко за Смоленском и, говорят, неприятель близко. Алпатыч усмехнулся и объяснил, как военный человек, купцу, что это бабьи толки, что чего не сокрут, что выстрелы могут быть — ученье и что¹ до Смоленска ни за что не допустят, и заснул. А Ферапонтов не ошибался: в этот день, 3-го августа, было нападение на Неверовского и отступление его к Смоленску. На другой день рано Алпатыч разбудил пьяного, избитого кучера и, заложив лошадей и собравшись ехать, вышел на крыльцо. Действительно, по улице шли² войска. Только что выехала Алпат[ычева] тройка саврасых, как один офицер, ехавший верхом, указал на кибиточку и что-то сказал. Двое солдат вскочили в кибитку и велели ей ехать в Петербургский форштат за раненым полковником. Алпатыч учтиво, но строго снял шляпу и, махнув рукой кучеру, чтоб он не ехал, подошел к офицеру, желая объяснить ему его ошибку.

— Ваше благородие, господин интендант, — сказал он, — как кибитка эта,³ так лошади и кучер,⁴ принадлежат его сиятельству генерал-аншефу князю Болконскому, равно и я, и потому...

— Пошел, пошел, — крикнул офицер солдатам. — Ступай с ними, им по дороге, — и офицер поскакал, стуча по камням мостовой.⁵

Алпатыч остановился в недоумении.

— Это мило! — сказал он иронически, тоже повторяя слова своего барина. Он пожал плечами. — Вещи-то выложи! — крикнул он кучеру. Кучер исполнил его приказание, и с узелками и подушками Алпатыч вернулся к Ферапонтову и тотчас же стал сочинять прошение против офицера «неизвестного имени и чина, но, вероятно, вином до беспамятства доведенного, не мою, но принадлежавшую его сиятельству генерал-аншефу князю Болконскому повозку взявшего». Написав и перебелив прошение и напившись чайку, Яков Алпатыч понес его к главнокомандующему. Узнав, что в городе за рекою находился старший генерал Раевский, он пошел к нему. Проходя улицами, Яков Алпатыч видел везде шедшие войска и, не дойдя до места, услышал близкую⁶ перестрелку. Раевский был за мостом и не принял ¹ *Следующие семь слов вписаны позднее на полях вместо: Смоленск не оставят.*

² *Зачеркнуто:* навстречу друг другу повозки с ранеными.

³ *Зач.:* но так и эти

⁴ *Зач. вписанное позднее:* и я сам, — сказал он с улыбкой,

⁵ *Зач. позднее:* — Так дерзко, — закричал Алпатыч. — Я дойду до главнокомандующего. Но прежде, чем <бежать> идти к главнокомандующему, он побежал к повозке и велел вынуть из нее вещи. С вещами он вернулся. *Вместо зач. вписано на полях, кончая:* Алпатыч вернулся.

⁶ *Слово:* близкую *вписано позднее.*

Алпатыча. Он постоял.¹ За мостом несли раненых.² Улицы были запружены народом, и несколько человек посоветовали Алпатычу вернуться назад. Офицер, с которым нашел нужным посоветоваться Алпатыч, засмеялся ему в лицо и сказал, что Раевского он не найдет теперь. Алпатыч вернулся. Возвращаясь, он услышал близкую канонаду, и проходящие солдаты объяснили ему, что французы на стены лезут. Несколько раз Алпатыч останавливался, оглядывая то раненых, то пленных, которых вели мимо его, и неодобрительно покачивал головой. Когда он вернулся, Ферапонтовы³ подтвердили ему дурные слухи, но, несмотря [на это], пригласили обедать, так как было уже за полдень. За обедом, во время которого подрагивали стекла в окнах, Алпатыч, бывший почетный гость, начал разговор о Очаковской войне и с подробностями рассказал, что он там видел и как князь действовал и 3000 турок забрал. Ферапонтовы внимательно слушали его, но как только он кончил, как будто бы то, что они говорили, было ответом на его слова, начали рассказывать о том, что некоторые уезжают, что разбойники мужики дерут теперь по 3 рубля серебром за подводу, и про то, что Селиванов купец⁴ угодил в четверг, продал муку в армию по 7 рублей за куль, а что⁵ Марья пряничница и та села на мосту с квасом и с солдат выручила 6 рублей⁶ в день за квас.

— И квас-то дрянной,⁷ потому — жара.

К вечеру⁸ стрельба затихла.⁹ Одни говорили, что французов прогнали, другие говорили, что на завтра опять большое сражение будет за городом. Старший брат Ферапонтов¹⁰ ушел со двора. Братья ходили, растерянные, по двору и лавкам. Алпатыч

¹ Позднее зачеркнуто: посмотрел и вернулся назад. Он не мог понять того, что делалось. В половине дня стала слышна канонада, и стали опять провозить раненых, и он видел двух французских пленных. Несмотря на всё недоумение и волнение свое, он, однако, пошел обедать к Ферапонтовым и за обедом только тогда оживился, когда, забывая и не объясняя того, что делалось теперь, стал рассказывать свои старинные военные похождения под Очаковым. Ферапонтов рассказывал *Вместо зачеркнутого вписан дальнейший текст, кончая:* начали рассказывать о том,

² На полях: <сидел у ворот и смотрел, ни во что не верил, даже в бомбы. — Это не очаковские, всё пустяки, — и бомбы не посмели тронуть его.

Он верит в победоносность русских.>

³ Зач.: садились обедать

⁴ Зач.: ловко След. три слова вписаны на полях позднее.

⁵ Зач. позднее: его кухарка и вписаны след. четыре слова.

⁶ След. два слова вписаны позднее.

⁷ След. два слова вписаны позднее.

⁸ Зач.: вернулась повозочка и

⁹ Позднее зач.: но ехать было невозможно, потому что лошади были замучены, но вместо зачеркнутого вписан на полях дальнейший текст, кончая: сел с вечера на лавочку у ворот.

¹⁰ Зач.: ходил по двору и лавкам, крича на работников за нечистоту и беспорядок.

сел с вечера на лавочку у ворот.¹ Повозка Алпатыча не возвращалась.² Он не ложился. Всю короткую, летнюю ночь он и сидел на³ лавочке, разговаривая с кухаркой и дворником, расспрашивая о том, что делалось, у беспрестанно проходивших войск и прислушиваясь к говору и звукам. В соседнем доме убирались и уезжали. Ферапонтов⁴ вернулся, и [они] тоже не ложились и к утру⁵ стали укладываться.

⁶В ночь повозка вернулась. Кучер рассказывал, что его угнали за мост, что побоище было страшное и что его не выпускали. Лошадей надо было кормить. Алпатыч, только что рассвело, пошел к собору и в соборе нашел⁷ народ. Против Смоленской божьей матери, не переставая, по очереди служили молебны. Отслужив молебен и за себя, Алпатыч вместе с знакомым купцом вошел на колокольню, с которой, как ему говорили, видны были французы. Французы ясно видны были за Днепром. Они всё двигались и подходили. Еще не успел Алпатыч слезть, как опять началась канонада за Днепром, но в город не попадали ядра.

«Что же это будет?» думал Алпатыч, ничего не понимая и возвращаясь к дому.⁸

Навстречу ему еще больше, чем вчера, с озабоченными, измученными лицами шли войска через город к тому месту, где была стрельба. Яков Алпатыч искал между ними своего молодого князя, но не находил. Один офицер сказал ему, что Перновский полк уже там, — он указал на предместья, откуда, сливаясь, гудели выстрелы и откуда везли и несли беспрестанно раненых. Яков Алпатыч вздохнул и перекрестился. Якову Алпатычу надо было ехать. Он, раб⁹ князя по праву и по сердцу, знал, как мучался князь его отсутствием, но он не мог уехать. Он слушал этот страшный гул орудий, нюхал запах пороха, доносимый ветром в самый город, смотрел на раненых и стоял на месте. Вид бесчисленного количества наших солдат, проходивших к месту сражения, радовал Алпатыча. Он, умиленно ¹ *Зачеркнуто*: так и сидел, молча глядя на проходившие войска.

² *Позднее зач.*: и Алпатыч должен был ночевать еще 3-ю ночь. Повозка вернулась в ночь, но Алпатыч не мог уехать. *След. фраза вписана вместо зачеркнутого.*

³ *Позднее зач.*: завалинке и надписано: лавочке

⁴ *След. два слова вписаны позднее.*

⁵ *Позднее зач.*: переговорив с соседями, тоже

⁶ *Дальнейший текст, кончая: когда вы выедете, прислав нарочного в Горки» (стр. 75) написан над строкою, на полях и на отдельном листке вместо зачеркнутого текста, дающего в след. варианте, №172.*

⁷ *Зач.*: не спящий

⁸ *Зач.*: На <на соседнем дворе от Ферапонтова> улице убило бабу ядром, которое попало ей в плечо. В ворота попал осколок гранаты <Алпатыч, вернувшись с колокольни> недалеко от того места, где шел Алпатыч.

⁹ *Зач.*: и верный исполнитель воли

улыбаясь, смотрел на них и не двигался с места.¹ Он крестился на них и кланялся в пояс.

Мимо самого его проехали три телеги, полные ранеными и мертвыми, и один молодой офицер, который остановился против Алпатыча. Офицер кричал, чтоб его бросили, что он не доедет.² Офицер бился головой и кричал: — Возьмите! Возьмите!

Алпатыч подошел к нему.

— Голубчик ты мой! — сказал он и хотел помочь ему выйти, но телега опять двинулась, и опять навстречу шли солдаты. Алпатыч вдруг смягчился. Он стал креститься, кланяться проходящим солдатам, приговаривая:

— Отцы родные, голубчики, защитите Россию православную.

Некоторые из проходивших оглядывались на этого благообразного старика и, не переменяя строгого выражения лиц, проходили. Несколько подвод ехало навстречу войскам. Это уезжали жители. Алпатыч вспомнил, что ему тоже надо ехать, и пошел к дому. Еще не дойдя до дома, он услышал знакомый ему свист, который он слышал в Турции; это было ядро, которое влетело в город. Но вот другое, третье, и по мостовой, по крышам, по воротам стали бить снаряды. На дворах и в домах поднялся женский визг и беготня. Алпатыч прибавил шага, чтобы поспеть к Ферапонтовым. У монастыря укладывались монахини; баба с квасом сидела всё на перекрестке; из дома выбежал мужик и кричал:

— Держи вора!

Пьяные два прошли. Он подошел к своему дому. Ферапонтов, один брат, был дома и поспешно укладывался, другие с бабами сидели в погребу. Кучер рассказывал, что на соседнем дворе убило бабу, и спрашивал, не пора ли закладывать. Но Алпатыч³ ничего не ответил ему и сел опять на лавочку против ворот. Ядра всё еще летали и попадали через улицу. Стало смеркаться. Канонада стала стихать, но в двух местах показалось зарево. На соседнем дворе выли бабы.⁴

Ферапонтовы все повылезли из погреба и суетились, запрягая, укладывая и торопливо бегая из дома к подводам. Солдаты, как муравьи из разоренной кочки, разных мундиров, но с одинаковым то робким, то наглым видом, бегали по улицам и дворам.¹ *Зачеркнуто*: — Батюшки, родные, — говорил он им, когда они проходили мимо его, кланяясь им, до земли дотрогиваясь рукою, — защитите Россию православную, — и он крестился на них. Но

² *Зач.*: Алпатыч подошел к нему.

³ *Зач.*: сказал

⁴ *Зач.*: Один из братьев Ферапонтовых подошел к Алпатычу и рассказал, что французов отбили и, говорят, сам Бонапарт убит. Алпатыч, молча, перекрестился и велел закладывать. Но в это время войска, переставшие было двигаться по улице, опять показались, шумя ногами и по временам цепляющимися штыками; они шли назад. Солдаты, проходя, говорили, что наши отступают и что французы уже на мосту.

Становилось темнее, и ярче из-за крыш виднелось зарево пожара.

Два с мешками и хомутом пробежали из дома Ферапонтова. Бабы Ферапонтова съехали со двора. По улице хлынул народ, и послышалось духовное пение.

— Матушку Смоленскую понесли! — прокричала баба.

Алпатыч вышел на перекресток и увидал, как проносили священники в ризах икону и редкая толпа шла за ними. Какой-то полк шел назад от предместья.

— Позвольте спросить вашего благородия, — сказал Алпатыч, открывая лысую голову,¹ — побежден ли неприятель?

— Сдают город,² — коротко отвечал офицер и тут же обратился с криком к солдатам.

— Я вас дам по дворам бегать! — крикнул он на выбежавших из рядов и заворачивавших в двор Ферапонтовых солдат. Солдаты, однако, проскочили во двор, другие в лавку.

Алпатыч вошел на двор, велел выезжать кучеру и³ увидал Ферапонтова, подошедшего и остановившегося у открытых дверей лавки. В лавке человек 10 солдат с громким говором насыпали мешки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами.⁴

Ферапонтов вошел в лавку, хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом.

— Тащи⁵, всё бери, ребята! Не доставайся дьяволам! — закричал он.

Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые продолжали насыпать.

Алпатыч⁶ торопил своего кучера. Полк всё еще тянулся по улице Фер[апонтовых].⁷ Было уже совсем темно, и звезды зажглись на ясном небе. У угла дома Ферапонтова под амбаром толпилась кучка солдат⁸ и начинало светить, точно заря занималась. Это был заряд пороха,⁹ который зажгли солдаты¹⁰. Алпатыч¹¹ подошел посмотреть. Угол амбара загорался благодаря тесинам, которые подкладывали солдаты. Ферапонтов выбежал к горящему углу.

¹ *Зачеркнуто:* <или> <будут> не оставляют ли город? *След. три слова написаны позднее.*

² *Слово:* город *вписано позднее.*

³ *Зач.:* Дальнейший текст до конца фразы исправлен позднее из: увидав Ферапонтова, с ним вместе вошел в лавку.

⁴ *Зач.:* Грабят!

⁵ *Зач. позднее:* руби, жги, *След. три слова вписаны позднее.*

⁶ *Зач. позднее:* вышел на двор и, велел выезжать, <сел в кибитку> вышел на улицу. *Вместо зачеркнутого надписаны след. три слова.*

⁷ *Зач. позднее:* Алпатыч въехал в его ряды и шагом поехал с ним.

⁸ *Зач. позднее:* на корточках. Что-то шлепнуло между ними и осветило стену амбара *и надписано окончание фразы.*

⁹ *Зач. позднее:* на соломе

¹⁰ *Зач. позднее:* под углом амбара.

¹¹ *Зач. позднее:* остановился *и надписано:* подошел

— Распаливай, тащи всё,¹ всё... всё. Туда ей дорога! — кричал Ферапонтов, армяком раздувая огонь. Около пожара всё больше и больше собиралось народа.

— Важно! Пошла драть! Вот пошла! — слышались голоса.

— Пропадай всё! — кричал голос Ферапонтова.

Алпатыч долго не мог оторваться от вида этого пожара и стоял тут же в толпе. Чей-то знакомый голос окликнул его:

— Алпатыч!

— Ваше сиятельство! — отвечал Алпатыч, узнав голос князя Андрея. Князь Андрей в плаще, верхом на серой лошади стоял на перекрестке и² оживленным взглядом смотрел на Алпатыча.

— Ты как здесь?

— По приказанию его сиятельства, сейчас возвращаюсь. Ваше сиятельство, что же, или уж пропали мы?

Князь Андрей, не отвечая, достал записную книжку и, приподняв колено, стал писать карандашом на вырванном листе. Он писал сестре: «Смоленск взят, — писал он, — Лысые Горы будут заняты неприятелем через неделю. Уезжайте сейчас в Москву. Отвечай мне тотчас, когда вы выедете, прислав нарочного в Горки».

[Далее от слов: Написав и передав листок Алпатычу кончая: Ну хорошо, ступай, ступай, — сказал князь Андрей. Сам, поклонившись Бергу, тронул лошадь вперед за полком, который уже прошел почти близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. IV.]

До княжны Марьи доходили слухи о сражении под Смоленском, и она скрывала эти известия от отца, но приезд Алпатыча³ и письмо Андрея и его требование уехать в Москву нельзя было скрыть от князя. Князь спокойно выслушал его.

— Да, да, хорошо, хорошо, — приговаривал он на все слова⁴ княжны и Алпатыча и, отпустив⁵ их, сам тотчас же заснул на своем кресле. Проснувшись ввечеру, он приказал позвать княжну Марью, которая и без того всё время провела в официантской, прислушиваясь к его двери.

— А, что? старый дурак отец из ума выжил? А? так что ли? — встретил он дочь. — Что я говорил? А?

— Да, вы правы, mon père,⁶ но... — Княжна Марья хотела сказать, что надо ехать, но не успела.

¹ *Зачеркнуто позднее: тащи всё, жги, черти! и надписано: всё... всё*

² *Зач.: потухшим, ленивым*

³ *След. девять слов вписаны позднее.*

⁴ *След. два слова вписаны позднее.*

⁵ *Зач. позднее: его отдохнуть и надписано: их*

⁶ *След. фраза вписана на полях позднее.*

— Ну, теперь слушай, княжна Марья. (Князь казался особенно свеж в этот день.) Слушай, теперь время терять нечего. Надо действовать. Садись, пиши.

Княжна Марья¹ видела, что надо покориться. Она села к его столу и не могла найти хорошего пера.

— Пиши. (Это — ополченному главнокомандующему.) Ваше превосходительство... Но княжна еще не нашла пера, он дернул ее за плечо.

— Ну, рыба! Ваше превосходительство, известившись... Постой, раз навсегда: я к тебе бывал дурен, зол, несправедлив. Да, да, — говорил он сердито, отворачиваясь от ее обороченного к нему испуганного лица, — да, да, — и он своим неловким жестом гладил ее по волосам, — так, я стар, я устал жить и против воли зол, несправедлив. Прошу простить, княжна Марья, — закричал [князь], — ein für alle mal,² прошу простить, прошу, прошу, прошу, шу-кх-шу-шу! — кричал он и кашлял.

— Ну, пиши: известившись в близости врага... — и он, ходя по комнате, твердо продиктовал целое письмо, в котором говорил, что он не оставит Лысых Гор, в которых он родился и умрет, что он будет защищаться в них до последней крайности и что, ежели правительство не боится стыда, чтоб один из старших генералов русских попал в плен французам, то пусть не присылают никого, в противном же случае он просит только роту артиллерии и триста человек милиционеров с кадровым унтер-офицером.

— М[ихаил И[ванович]! — крикнул он. — Печатай, и чтоб кипело. Княжна Марья, пиши другое. К губернатору Смоленска: Г-н барон... Известившись...

В середине диктовки этого письма, мягко ступая и соболезнующе улыбаясь, вошла М-ше Bourienne, спрашивая, не угодно ли князю чаю...

Князь, не отвечая,³ подошел к ней.

— Сударыня! Благодарю за услуги, не считаю возможным удержать вас. Извольте ехать в Смоленск к губернатору.

— Princesse,⁴ — обратилась Bourienne к княжне Марье.

— Вон, вон! — закричал князь, — М[ихаил] И[ванович], позвать Алпатыча и распорядиться отправить ее в город, не медля.

Он подошел к бюро, вынул деньги, старательно отсчитал.

— Передашь ей!.. Пиши дальше: Известившись, господин барон, что неприятель...

¹ *Зачеркнуто позднее:* разбирала его вещи на письменном столе и *и вписаны на полях след. девять слов.*

² [раз навсегда,]

³ *Зач.:* повернулся к княжне Марье и велел писать еще другое. «При сем препр[овождаю]

⁴ [Княжна,]

Он опять остановился, вспоминая что-то, и опять подошел к княжне Марье.

— Да, ein für alle mal. Я был жесток с тобой, княжна Марья, несправедлив. Прошу, прошу, прошу, пиши, пиши...

Написав еще два письма с половиной и, вероятно, забывая, что он уже сказал то, что хотел, княжне Марье, несколько раз еще повторив свое:

— Прошу, ein für alle mal,¹ — он в середине 4-го письма остановился,² сел в кресло, сказал «иди» и тотчас же заснул.

Княжна Марья, несмотря на страх, чтобы он не проснулся, поцеловала его в лоб и еще более испугалась того, что он не проснулся, что он так странно и крепко спал.

Был уже 1-й³ час ночи. Княжна Марья пошла к себе,⁴ но по дороге она встретила Алпатыча, который в первый раз в ее жизни обратился к ней за советом и приказанием, за разъяснением вопроса, в какой степени нужно теперь исполнять приказания князя.

Алпатыч, запустив руку за пазуху, пожал плечами и закрыл глаза:

— В своем сомнении осмелюсь прибегнуть к вашему сиятельству, прикажете ли отослать француженку и послать в Богучарово за мужиками, как распорядились их сиятельство князь Н[иколай] А[ндреевич], или...

Алпатыч сказал это, но княжна Марья поняла совсем другое, она поняла, теперь в первый раз, что отец ее, тот отец, для которого она перенесла столько, что этот отец умер или умрет скоро, что его не будет скоро. Княжна Марья остолбенела и вопросительно, почти с ужасом смотрела на Алпатыча.

— Ваше сиятельство, ежели бы не было необходимости, я бы не осмелился докладывать этих слов вашему сиятельству.⁵ Но князь А[ндрей] Н[иколаевич] настоятельно объясняли об опасности оставаться в здешнем имении и⁶ изволили приказать ехать в Москву и их о том уведомить.

— Я не знаю, — сказала княжна Марья, — но одно: Амалию Федоровну (Бурьен) нельзя отправить в Смоленск, ты сам говоришь...

— Не прикажете ли, ваше сиятельство, отправить их в Богучарово, там Дронушке приказать сделать им всякую приятность, но не выпускать из дома. А от князя покаместа скрыть.⁷ Но насчет лично князя и вашего отправления в Москву как¹

Немецкий текст вписан позднее.

² Зачеркнуто: и отпустил дочь.

³ Переправлено из: 3-й

⁴ Зач.: и едва разде[лась?] и с общего

⁵ Далее до конца абзаца вписано на полях позднее.

⁶ Зач.: требовали

⁷ Далее до конца абзаца вписано на полях позднее.

прикажете? Лошади и экипажи готовы. И князь, вероятно, в теперешнем положении изволят согласиться, потому покаместа...

— Да, да,¹ я переговорю завтра, — разрыдавшись, проговорила княжна Марья, которая словом «покаместа» лишилась последнего присутствия духа, и она ушла своими тяжелыми шагами сначала в свою комнату, потом к Бурьен, которую она не могла забыть именно потому, что она-то в жизни ей сделала наиболее зла.

Она вошла к плачущей француженке и, как виноватая, умоляла ее простить и успокоиться и ехать в Богучарово.

Во 2-м часу неслышными шагами княжна Марья вернулась к себе в комнату, посмотрела на образа и не могла молиться. Она чувствовала, что ее призывал теперь другой, трудный мир житейской деятельности, совершенно противоположный нравственному миру молитвы. Она чувствовала, что, предаваясь последнему, она потеряет последние силы действовать. Она не могла и не стала молиться. Проходя в свою комнату, она слышала шаги отца по галлерее. Едва она успела раздеться, как шаги эти стали приближаться к ней, к ее двери и остановились, и опять зашевелился князь и опять остановился. Он прислушивался. Он хотел и не смел войти. Княжна Марья кашлянула. Он вошел в ее комнату. Никогда этого не бывало с тех пор, как себя помнила княжна Марья.

— А я всё хожу, не спится, — сказал старик измученным, усталым голосом, которому он хотел придать небрежные интонации. Он сел в кресло под образа. — Так-то я не спал раз в Крыму. Там — теплые ночи. Всё думалось. Императрица присылала за мной... Я получил назначение... — он оглянулся на стены. — Да, уж так не построят теперь. Ведь я начал строить, как приехал сюда. Тут ничего не было. Ты не помнишь, как сгорел? Нет, где тебе. Так не построят нынче: тяп да ляп, и корабль.² Поживу, я отсюда обведу галлерею, и там будут Николаше покои. Там, где невестка жила, добрая бабенка была, добрая, добрая, добрая. А его надо будет послать прочь — надо будет, да и тебе... Ах, забыл, забыл, эка память становится. Ну, спи, спи. — Он ушел. Княжна слышала его трещотку и шаги и перестала слышать только тогда, когда заснула. Она проснулась поздно.³

По первому взгляду на лицо девушки она заметила, что что-то случилось в доме. Но ей было так страшно, что она не спросила. Она поспешно оделась и сошла вниз. Алпатыч, стоя в официантской, с любопытством и сожалением посмотрел на нее. Княжна¹ *Зачеркнуто позднее: пожалуйста, и надписаны след. три слова.*

² *Зач.: Николаша не дай бог*

³ *Зач. позднее текст варианта № 173, вместо которого вписан на полях дальнейший текст.*

Марья не остановилась спросить его, она подошла прямо к двери кабинета. Тихон высунулся из двери. Княжна Марья заметила, что гардины были спущены.

— Карл Иванович сейчас выйдут, — сказал он.

Карл Иванович был доктор. Он вышел на ципочках.

— Это ничего. Княжна, ради бога успокойтесь, — сказал доктор, — небольшим удар правой стороны.

Княжна Марья тяжело переводила дыхание. Она сделала, как будто всё знала.

— Можно мне видеть его?

— После лучше, — и доктор хотел затворить дверь, но княжне Марье было страшно оставаться одной, она поманила его к себе и увела в гостиную.

— Это не могло не быть. Он так принимал к сердцу, он так страдал нравственно, что силы не вынесли. Нынче поутру, получив письмо от губернатора и князя А[ндрея] Н[иколаевича], пошел смотреть делать ополченцам-дворовым, сам всё показывал. Он хотел ехать и карета была заложена, как вдруг с ним сделалось...

Княжна Марья не плакала.

— Может ли он ехать до Москвы? — спросила она.

— Нет. Мое мнение — лучше ехать в Богучарово.

— Могу я видеть его?

— Пойдемте.

Княжна Марья вошла в темную комнату и в темноте сначала ничего не видела, потом на диване ей обозначилось что-то. Она подошла ближе. Он лежал на спине с согнутыми ногами, покрытыми одеялом. Он весь был такой маленький, худенький, слабый. Она нагнулась над ним, лицо его прямо было уставлено в противоположную стену, левый глаз, очевидно, не видел, но, когда правый глаз увидел лицо княжны Марьи, все лицо задрожало, он поднял правую руку и схватил ее за руку, и лицо его задергалось с правой стороны. Он заговорил что-то, чего не могла понять княжна Марья, и, заметив, что она не понимает, он сердито засопел. Княжна Марья кивала головой и говорила «да», но он всё фыркал сердито, и княжну Марью отвел доктор.

«Так долго мы не понимали друг друга, — подумала княжна Марья, — и теперь тоже».

Посоветовавшись с доктором и с городничим, княжна Марья решила вместо Москвы ехать с больным, разбитым параличом отцом не в Москву, а в Богучарово, которое было в 40 верстах от дороги, а Николушку с Laborde отправить в Москву к тетке. Чтобы успокоить Андрея, она написала ему, что она едет с отцом и племянником в Москву.

В то время, как это происходило в Петербурге, французы уже прошли Смоленск и всё ближе и ближе приближались к Москве.

<Утром можно было ехать, но Алпатыч не уезжал. Им овладели тревога, беспокойство и потребность деятельности. Чуть зорька, он пошел к собору, там служили молебны и лазали на колокольню смотреть французов. Они ясно видны были за Днепром, они всё двигались и подходили. С утра началась канонада, всё застилало дымом за Днепром, но в город² не попадали ядра. Вдруг в 3-м часу, как будто прорвало вдруг плотину, полетели ядра и гранаты в город и засвистели осколки и ядра.

«Что ж это будет?» думал Алпатыч, ничего не понимая и взад и вперед ходя по городу. К вечеру в трех местах загорелось; войска наши всё шли через город. Раненых много было, и один мальчик в фабричном халате пробежал мимо него с окровавленной рукой. Какой-то ряд мыслей, совсем независимых от старого князя, овладел Алпатычем. Ему было тяжело, ему надо было что-то сделать, но он не знал, что. Он крестился и ласково кланялся в пояс приходившим войскам и влезал на колокольню, ругал, сколько мог, французов, потом опять молился. Во время своих блужданий он сходил с раненым шедшим солдатом и провожал его назад, расспрашивая, то с своим кучером Влаской, которого он прибил утром и с которым они теперь были друзья, то с бабой, продававшей квас солдатам, которая под ядрами сидела совсем спокойно³ и заботилась только, чтоб не разбила ее кувшина, то он провожал пленного и ругал его, идя сзади. В конце дня он встретился с знакомым⁴ городничим Тушиным с оторванной рукой. Тушин так же, как Алпатыч, нечаянно приехал в этот день и не мог уехать; он ходил под ядрами с своей трубочкой и завидуя раненым, запах пороха возбуждал в нем <радостно>-тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались, и так же, как Алпатыч, не мог уехать. Они подходили к перевязочному пункту в доме богатого купца, стараясь больше раздражить свое чувство, и ходили к Никольским воротам, к иконе, где женщины выли, и к монастырю, в котором укладывались монахини. Они видели воров, которые таскали вещи из домов, и пьяных солдат и фабричных. Наконец смерклось. Канонада и стрельба затихла, и пронеслась молва (справедливая), что французы разбиты и Наполеон убит.

Ферапонтов один с братом был дома; он поставил самовар, и Тушин с Алпатычем у открытого окна сели с стаканами. Кое-где горело, но нечего было смотреть, надо было отдохнуть. Напившись чаю и потолковав, Алпатыч опомнился и велел закладывать, но только что он опять выехал из ворот, как войска¹ *Первый слой рукописи, без дальнейших поправок. См. вариант № 171, стр. 72, прим. 6.*

² *Зачеркнуто:* ничего

³ *Зач.:* как

⁴ *Зач.:* Красн[енским].

запрудили всю дорогу. Войска шли поспешно, весело и говорливо, но шли назад.

— Куда?

— Отступать.

Молва, что отступают, поразила всех. Из одних ворот, с криком теснясь, выли бабы.

— Французы на мосту, отступают, — слышались голоса, и Алпатыч побежал опять, сам не зная куда. В Петербургском предместьи (ночь была месячная) стояли солдаты против генеральского дома, и один офицер раздувал полами костер, подложенный под вынутую доску забора. Забор занимался. Алпатыч набрал тесин и понес под другой угол дома, вся рота взялась за это дело.

— Так, дедушка, важно! — кричали голоса. — Вот как занялась, пошла драть.

Князь Андрей, отступавший позади своего полка, наехал на эту сцену. «Старик-то точно Алпатыч», подумал он. Адъютант доложил князю Андрею, что солдаты жгут.¹

— Я вас об этом не спрашиваю, — сказал князь Андрей.

Алпатыч, удовольствовавшись видом падавшего забора, пошел к лошадям, там тоже горело и толстый Ферапонтов кричал:

— Так, важно! Пропадай вся!

Алпатыч увязался за повозкой с снарядами и выбрался из города и в самое Преображенье к вечеру приехал в Лысые Горы.²>

№ 173 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VIII, X—XI).³

<Князь, вышедший из комнат в 5-м часу, успел уже переделать много дела. Он был на фортификационных работах, где мужики копали ров, принял приезжавшего доктора и городничего⁴, и когда княжна Марья вышла в сад, он на кругу в тени смотрел свою милицию и раздавал всем ружья и копья. Никто еще ничего не говорил про состояние князя, но все дворовые уж не так, как прежде, исполняли его приказания, вопросительно переглядываясь между собой. Показывая, как держать ружье, князь пошатнулся и упал. Когда княжна Марья вышла из дома, навстречу ей вели под руки, а он⁵ кричал что-то.

¹ *Зачеркнуто*: — Ну что ж, — сказал князь Андрей.

² *На полях*: <Князь Андрей в свете огня радостен.>

<Берг приказывает остановить пожар.

— Прикажите, — говорит князь Андрей, — я приказывал вчера ротному командиру отвести обоз, а он не отвел и его убили. — Князь Андрей отвернулся. Рр-рухнула стена.> <(Князь Андрей написал записку отцу с Алпатычем.)>

³ *Первый зачеркнутый слой рукописи, вместо которого написано окончание варианта № 171, см. стр. 78, прим. 3.*

⁴ *Зач.*: Тушина

⁵ *Зач.*: красный от волнения,

— Эти ракальи не хотят! С ними ничего не будет, они первого вала не защитят! Расстреляю! Je me suis foulé le pied ce n'est rien,¹ — сказал он дочери, встретившей его, и замолк.

Когда его провели в кабинет, он посидел, закрыв глаза, и потом вдруг позвал Тихона, велел закладывать карету и подавать себе одеваться мундир со всеми регалиями.

«Надо самому объяснить, ничего не будет.»²

И, одеваясь, поддерживаемый двумя людьми, он беспрестанно останавливался, чтобы отдавать приказания о том, что делать в его отсутствие, как часовые должны скакать, донося дневальным, как надо стрелять во рву, как карета должна быть готова для Н[иколушки] и няни и другая для княжны Марьи. Его всё еще не смели не слушаться, и он был одет в напудренный парик и мундире екатерининского времени. Уж он собирался выходить, когда ему принесли письмо от смоленского губернатора.³ Губернатор писал, что советует князю немедленно уезжать, так как войска наши отступают за Дорогобуж и всё пространство до Лысых Гор будет открыто.⁴

Княжна Марья, вышедшая в это время к доктору, с которым она советовалась, как бы удержать князя от поездки и увезти его в Москву, услышала падение чего-то в кабинете и громкий крик, как будто князь ругал кого-то. Когда она вошла, он сидел на кресле, рвал с себя парик, ордена (стол, уроненный, лежал подле) и кричал с страшно налившимся кровью лицом, с сухими, запекшимися губами.

— Изменники! Прохвосты! Чтоб я уехал! Я не немец, заройте меня, тут заройте. Императрица, матушка. А?⁵ Вон, злодеи. Сына вам отдал, дочь! Для вас украсил, для вас.⁶ Я — старик.⁷ Ну!

Он хотел вскочить,⁸ вдруг оборвался и, упав навзничь, захрипел.

Его раздели, положили на кровать, пустили кровь: кровь не пошла. Он всё время неприятно улыбался и так с этой улыбкой и остановились его глаза и вытянулись ноги. На другой день его повезли похоронить, и княжна Марья поехала с ним в Богучарово.

¹ [Я свихнул себе ногу, это ничего,]

² *Зачеркнуто:* Нет, не надо сердиться, надо быть спокойным».

³ *Зач.: вписанное позднее:* и от князя Андрея.

⁴ *Зач. вписанное позднее:* Князь Андрей писал то же самое, умоляя отца ехать в Москву и прося ответа.

⁵ *Зач.:* Внушек хорош.

⁶ *Зач.:* Ну, выходи!

⁷ *Зач.:* а еще постою.

⁸ *Зач. вписанное позднее:* но вдруг почувствовал, что правая рука и нога его не двигаются. Он хотел говорить, и язык издавал какие-то неясные звуки. Он быстро успокоился и замолк.

Было несколько человек чиновников и Тушин без руки, к которому пот[ом] княжне Марье естественно было обращаться за советом и помощью.¹

Приехав в Богучарово, княжна Марья нашла рыдающую Бурьен, но так рыдать нельзя постоянно. Амалия Федоровна с грустью спросила княжну Марью, что она намерена предпринять теперь.

— Я ничего не знаю, я, как во сне [?], — говорила княжна Марья.

— Ах, я очень то понимаю, но дело в том, что мы в опасности. Я знаю, что французы со всех сторон и вот что.

Амалия Федоровна показала письмо, в котором французский полковник Fleury обещал жителям покровительство и защиту, ежели они останутся на своих местах, и обращался к своей compatriote,² прося ее содействовать распространению этой повестки, за что она и жители получают награждение императора.

Княжна Марья дочла всё письмо, слезы еще стояли в ее глазах, но, окончив письмо и прочтя последние слова о награде императора ей, ей, на которой было теперь всё: и Коко, и гроб отца, — она вдруг вскочила.

— Mon père avait raison,³ — сказала она, — чтоб я отдала прах отца, Коко, — говорила, раздражая себя. Она пошла к Тушину и сообщила ему всё. Был собран военный совет: Алпатыч, Дронushка и Тушин, и решено, что так же опасно уехать, как защищаться. Решено защищаться, созвана сходка, которая, по словам Бурьен, уже решила покориться Наполеону, и княжна провозгласила им свое решение умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться.⁴ Тушин хотел поддержать это геройство, махнул своим остатком руки, говоря: за царя и отечество, но его слова не подействовали. На сходке сзади что-то говорили неясно. Мужики же были готовы принять Напол[еона], освобождавшего их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но, когда услышали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе ловко и удобно сумел выразить, что они куда княжна, туда и они, и все заговорили то же и разошлись.¹ *На полях конспект:* Князь не умер, а болен, паралич.

Княжна Марья получила письмо от Жюли: *мы не колебнулись.*

(Княжна Марья пишет успокоительное письмо.) Voila m-r Telianine [Вот г-н Телянин].

² [соотечественнице,]

³ [Батюшка был прав,]

⁴ *На полях конспект:* Nicolas Ростов приходит и спасает ее, узнает Тушин. Старик отец успокоивается и умирает. Его гроб везут.

Брат Алпатыча <Дрон> — Анисим, мужик суровый, верный. Пешком прошел 50 верст.

с мыслью, что они — молодцы. Княжна Марья с Тушиным и главное Алпатычем занялись распоряжениями.>¹

* № 174 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VI—VII).

Да не упрекнут меня в подбории² тривиальных подробностей для описания действий людей, признанных великими, как этот казак, как Аркольский мост и т. п. Ежели бы не было описаний, старающихся выказать великими самые пошлые подробности, не было бы и моих [?] описаний. В описании жизни Ньютона подробности о его пище и о том, как он спотыкнулся, не могут иметь никакого влияния на значение его как великого человека — они посторонни; но здесь наоборот. Бог знает, что бы осталось от великих людей, правителей и воинов, ежели бы перевести на обыденный язык всю их деятельность.³

* № 175 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XV—XVI).⁴

⁵Князь Андрей приехал в Царево Займище в тот самый день, как Кутузов делал первый смотр войскам. Князь Андрей остановился в деревне у дома попа, у которого стоял экипаж главнокомандующего, и сел на завалинку, ожидая его. Вдали ему слышны были страшные крики всей армии, приветствовавшие ¹*На полях*: Истор[ик] Наполеона. Пленный <казак> Алпатыч. Казак [?] Портрет le roi de Rome [?], приказ [2 *неразобр.*] Pierre ездит к главнокомандующему, ездит по бивакам, танцы. Hélène [?

Попадья, и Pierre спокоен.

Начало дела, линия огней и дурман, наступающий на него, и тоска, что нечего делать. Андрей узнал его, он улетел с атакой, и Андрей усмехнулся.

Андрея ведут на Шевардино, он наслаждается, что он в рядах. Ну теперь конец. А теперь-то и жалко.

— Бросьте, ребята, — говорит, хотя знает, что не бросят.

Перевязочный пункт в лесу. Ils veulent encore, donnez leur en [Они еще захотели, так задайте же им].

Сморкается.

Назначение Кутузова.

² *Зачеркнуто*: комических

³ *На полях конспект*: Н[élène] и А[нна] П[авловна], два салона.

По-французски также.

Труп[п]а, дорого стоящая.

Укладываются.

Неопределенность первое время. К[нязь] В[асилий] говорил: Il est borgne [Он — кривой].

На другой день рассказ князя Василия: Il y voit assez [Он достаточно видит] — дипломату.

Кутузов делает свои условия [?] и едет. Комитет.

⁴ *Первый слой рукописи, без дальнейшей правки.*

⁵ *На полях конспект*: Nicolas с княжной Марьей и потом казак с Наполеоном. — Стр. 363. Историк Наполеона — Тьер.

Князь Андрей писал, чтобы сестра уехала в Москву, и ничего не знал.

Зач.: Приехав в армию, Кутузов отправил в Петербург всех ф[лигель]-а[дъютантов] и г[енерал]-а[дъютантов] без дела и объявил, что будет дано генеральное сражение.

Приехав в армию, Кутузов вспомнил о князе Андрее и послал за ним. Князь Андрей командовал б[атальоном] Перновского полка.

Кутузова. Крики, уже нескладные, слышались, приближаясь.¹ Это Кутузов отпустил войска, благодарил, обещал сражение и победу и толпы офицеров бежали за ним и его свитой, крича ура. Князь Андрей и офицеры встали² и посторонились. Поповский домик был на дворе. У ворот показалась белая донская лошадь на уздечке. На ней сидело огромное, расплывшееся тело Кутузова в мундирном сертуке без эполет, в белой кира[сирской] фуражке без козырька, с красным околышем, и плетью через плечо по-казацки. Добрая лошадь тяжело шла под своей раскачивающейся ношей. Кутузов, с тех пор как не видал его князь Андрей, еще потолстел, обрюзг и оплыл жиром. Знакомый ему белый глаз и рана первые бросились ему в глаза.³

У ворот дома он остановился, обернулся к провожавшим его генералам, поклонился, поговорил с Барклаем, сделал жест всем и, повернув лошадь, поехал к крыльцу. Князь Андрей пошел за ним.

— Фю-фю-фю! — засвистал он чуть слышно, подъезжая к дому и выражая на своем лице⁴ радость успокоения человека, намеревающегося отдохнуть в простоте после представительства. Он вынул ноги из стремян и с трудом занес правую, 4 человека ссадили его. Он оправился, оглядываясь своим сощуренным глазом и шагая своей ныряющей походкой.

— Фю-фю-фю, — опять по-домашнему засвистал и, увидав князя Андрея, радостно обратился к нему.

— А, здравствуй,⁵ князь, здравствуй, голубчик, пойдем, устал. — Он вошел на крыльцо, расстегнул сертук и сел на лавочку.

— Ну, что отец? — Но в это время попадья,⁶ полная, белая и красивая женщина, которая, очевидно, знала, что она красива, вышла из дверей и стала просить его светлость пожаловать в комнату. Кутузов оглянулся на попадью, глаза его прищурились еще больше, он отвернулся от князя Андрея и подманил попадью.⁷ Где же, где же комнаты? А вы перешли?⁸ Зачем? не надо переходить! Поди сюда⁹. Он ввел ее за собой.

¹ *Зачеркнуто:* Офицер

² *Зач.:* чтоб

³ *На полях:* Суворовская замашка. Молодчина, даром что старик, сказал офицер, ожидавший с князем Андреем.

⁴ *Зач.:* успокое[ние]

⁵ *Зач.:* брат

⁶ *Зач.:* красивая

⁷ *Зач.:* Ты попадья. Ай да попадья.

⁸ *На полях:* К[утузов] презирает ум. Не умом, а чем-то другим.

Позднее на полях еще написано: <К[утузов] доволен и говорит о Каменском. Пустить надо время и терпенье и о том, что не даст никому мешаться.>

⁹ *Зач. вписанное на полях:* и он спросил ее о чем-то и опять обернулся к Андрею, который говорил, что он разлюбил служить при штабах и желает одной службы во фронте. Князь Андрей говорил очень умно. Но Кутузов, видимо, презирал этот его ум. Так же точно презирал, очевидно,

Окончив аудиенцию с попадъей, Кутузов позвал опять князя Андрея. — Ну, что? — сказал он ему. — Как это ты бросил службу? Поступай ко мне опять.

— Благодарю вас, ваша светлость, но я привык к полку и полюбил его.

— А, ну что же, ступай, помни, что я тебе отец другой. Прощай, голубчик, устал — и он, подставив щеку, лег на постель, взяв книжку романа *M-me de Genlis*.¹

Как и отчего это случилось, князь Андрей не мог бы никак объяснить, но после этого странного свидания с Кутузовым он вернулся в свой полк, успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было.² Чем более он видел отсутствие всего человеческого в этом старике, в котором оставались одни привычки страстей, тем более он был спокоен, что этот-то и нужен.

У него не будет ничего своего, и он не испортит общего дела.³ Он всё запомнит, выслушает, разочтет, будет бояться осрамиться и потерять командование, которое забавляет его, и сделает нечаянно всё, что нужно для общего дела. Он — та тяжелая лошадь, избитая, старая, которая не побежит на колесе, не соскочит, не будет дергать и ломать, а пойдет ровно настолько, насколько падает колесо, что и нужно. На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова в главнокомандующие.⁴

Князь Андрей был очень мрачен и грустен в этот день. Накануне только он получил известие о смерти отца.⁵ Последний раз, как он видел отца, он поссорился с ним. Он умер скоропостижно и мучительно. Сестра и его сын с гувернером, чувствительным, идеальным другом ребенка, но никуда не годным для помощи в России, оставались одни без покровительства. Как надо было поступить князю Андрею? Первое чувство сказало ему, что надо всё бросить и скакать к ним, но потом ему живо представился общий характер мрачного величия, в котором он находился, и он решил, подчиняясь этому характеру, остаться. Отечество в опасности, все надежды личного Кутузов и ум немца, который пришел к нему с замечательным проектом. Но чем же он презирал его? Попадъей, вероятно, потому что не дослушал немца.

¹ [М-м Жанлис.] *На полях*: После, — сказал он Т[олю], вошедшему с бумагами.

² *Зачеркнуто*: Это было

³ *Зач.*: Ежели бы он слепо сознавал, то

⁴ *На полях*: Б. сам себя оправдывает всегда.

Князь Андрей узнал о смерти отца, холодно распорядился о сестре и продолжает служить в линии — он всё рисуется. Н[аташа] спасается в дружбе.

⁵ *Зач.*: и принял его как

счастья уничтожены, жизнь никуда не нужна, один человек, понимавший его — отец, умер в несчастье. Еще, что есть близкого в опасности? Что остается ему делать? Малодушно бежать из армии, искать помочь своим близким, но самому выйти из опасности и долга, или в темных рядах войска искать смерти, исполняя долг и защищая отечество? Да, последнее надо было выбрать. *Le devoir et la mort.*¹

Он послал дядьку в Лысые Горы и Богучарово, написал длинное наставление княжне Марье и швейцарцу, все практично обдумал и велел немедленно ехать в Москву. Сам же, побывавши у Кутузова, с еще большим мрачным наслаждением погрузился в темные ряды армии после приглашения Кутузова и своего отказа.²

* № 176 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVI, XXVII, XIX).³

24-го августа камергер императора французов *le comte de Beaumont* приехал из Парижа в штаб-квартиру императора Наполеона у Бородина. Переодевшись в камергерский мундир,⁴ отшучиваясь от адъютантов императора, окружавших и спрашивающих о новостях Парижа, М-г *de Beaumont* с большим ящиком подмышкой вошел в дом помещика Можайского уезда Дурова, в котором император Наполеон ночевал в бывшем кабинете Дурова, в котором на окнах стояли еще тарелки с исполинской рожью, вазой и висел портрет отца Дурова в золотой рамке.⁵

Император Наполеон оканчивал свой туалет, когда в соседнюю залу вошел М-г *de Beaumont*. Н[аполеон] был голый в башмаках и коротких чулках, обтягивающих его толстые икры, и без рубашки, с выпущенным толстым животом, над которым висели, как женские, груди, между которыми обросло волосами.⁶ Камердинер брызгал одеколоном на жирное маленькое тело, другой растирал щеткой спину его величества. Волоса, недлинные, были мокры и спутаны на лоб. Наполеон фыркал и приговаривал: «*Allez ferme!*»

— *Faites dire à M-r de Beaumont de m'attendre.*⁷

¹ [Исполнение долга и смерть.]

² *На полях вписано позднее:* Характеристика Кутузова. <Ужасы войны. *Hélène* бессмысленн[о]? Дрон — *Nicolas*. Мальчик.>

Доктор и перевязочный пункт у Шевардина.

³ *Первый слой, без последующих поправок.*

⁴ *Зачеркнуто:* осыпая

⁵ *На полях:* 4 сентября 13 <14>-го он хотел зимовать в Смоленске, но уговаривал маршалов.

Он сжег две повозки штабных. В Витебске снял дом.

⁶ *На полях:* *Dédié à ma mère.* [Посвящается моей матери.] *Pierre* читает и думает: я с ума сошел. А, видно, можно еще на это смотреть с личной точки зрения.

⁷ [«Ну еще!»]

— Скажите господину де Бомон, чтобы подождал.]

Два камердинера быстро одели его величество, и он вышел веселый, оживленный, твердыми, быстрыми шагами.

М-г de Beaumont с испуганным лицом торопился руками и зубами с помощью других господ разрывать свою посылку. Это был портрет сына императора, le roi de Rome¹ (слово, которое так любят повторять о сыне Наполеона и которое так присвоилось ему, вероятно, именно оттого, что оно не имеет никакого смысла), сделанный Legrand. Надо было приготовить его на стульях (на тех стульях, на которых в лошадки играли дети Дурова) прямо перед выходом императора.

Но император так неожиданно скоро оделся, что придворные боялись, что не успеют этого сделать. Наполеон был в самом хорошем духе. Он, выйдя, заметил, что они делали, не хотел их лишиться удовольствия сделать ему сюрприз. Он сделал, как будто не видал, и обратился к М-г de Beaumont, который, низко кланяясь тем французским придворным поклоном, которым умели кланяться только старые слуги Бурбонов, подошел, подавая конверт.

Наполеон был в хорошем духе, потому что русские, очевидно, принимали сражение, и он был весел, как человек, который долго ждет случая поставить на карту, и не спрашивая, выиграет ли карта или нет, уже рад тому, думает, что выиграл, что пришло время поставить карту. Кроме того, самое поле сражения было на берегу реки Moscou, Moscou aux innobrables églises,² в которой Наполеон знал, что он будет, так, как знают, что будет дурная погода завтра.

*[Далее от слов: Наполеон весело обратился к Beaumont, кончая: Посидев несколько времени и дотронувшись... до шероховатости блика, он встал, позвонил и вышел завтракать — близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXVI.]*³

За завтраком, как всегда, принимал и отдавал приказания. Войска его еще не все пришли на Бородинское поле, делать ему было нечего. Наполеон поехал верхом и выехал на Бородинское поле.

Русские войска видны были за рекой и в редуте у деревни Шевардино. Никаких не нужно было Наполеону делать распоряжений, но он выехал, надо же было приказать что-нибудь. Все ждали приказаний. Многие предлагали свои мнения, на которые вызывал их Наполеон. Погода была прекрасная, и расположение духа Наполеона хорошее. Он посмотрел на Шевардинский редут и⁴ сказал:

¹ Римского короля

² [Москвы, Москвы с бесчисленными церквами,]

³ Позднее написано на полях: Палатка с тремя подразделениями.

М-г de Beausset. Gerard. Colonel Fabvier — bataille de Salamanque. [Г-н Боссе. Жерар. Полковник Фабвье — битва при Саламанке.]

⁴ Зачеркнуто: спросил

— Elle ne sera pas difficile enlever.

— Vous-avez qu'à ordonner, sir,¹ — сказал маршал Даву, и Наполеон приказал тотчас же атаковать и слез с лошади, чтобы спокойнее любоваться зрелищем.

Шевардинский редут был атакован 24-го вечером и убито и ранено около 10 тысяч человек с обеих сторон. Когда стало смеркаться, паж подал лошадь, другой подержал стремя Н[аполеону], и он шагом поехал ужинать в дом Дурова.²

<Дожд[ливый?] день 25-го прошел без одного выстрела с той и другой стороны. После сражения при Бородине Кутузов писал следующим образом, писал³ государю, что бог помог ему наголову разбить французов. И Наполеон, глава этих французов, писал, что бог помог ему наголову разбить русских. Да как же было не писать этого Кутузову, когда он, еще приехав к войску, обещал, что разобьет, Раствопчину писал, что не пустит в Москву, и Вольцогену, который в конце сражения приехал объявить ему, что мы везде разбиты (что было правда), отвечал при всех (он думал, что надо так отвечать именно от того, что это было при всех), что я сам знаю подробности сражения, французы везде разбиты и завтра мы их погоним дальше. Как же не было писать этого Наполеону, когда он обещал победу, давал rendezvous⁴ в Москве и бил в ладоши, кричал на своих кавал[еристов]: ils y vont, ils y vont⁵ и, когда р[усские] стояли под огнем его 400 орудий, говорил:

— Ah, ils en veulent, donner leurs-en.⁶

Из этого только следует, что слова ничего не значат и не служат выражением дела. Слова эти говорились так же неизбежно и произвольно, как они дышали или ели и спали. Вся кажущаяся странность состоит только в том, что мы хотим разумно объяснить то, что делается неразумно. Охотник всегда лжет, и военный человек всегда лжет — это так же неизбежно, как то, что у старого кавалериста кривые ноги. И для того к воле одного человека относили то, что зависело от воли бога. Волю бога, нам надо признаться, что мы не понимаем, а Кутузова и Наполеона мы называем гением и не только понимаем, но и обсуждаем.⁷ Разве Кутузов и Наполеон выбрали место сражения и приказали убить 100 тысяч человек? (во-первых, ежели бы один человек мог убить 100 тысяч по своей воле, то надо бы признать человека неразумным существом). Ни того,¹ [— Это нетрудно будет взять. — Государь, вам стоит только приказать,]

² *Далее в рукописи вместо зачеркнутого продолжения варианта написан на полях текст варианта № 177.*

³ *Слово: писал повторено в рукописи.*

⁴ [свидания]

⁵ [напирают, напирают]

⁶ [А, им хочется, ну и задайте им.]

⁷ *Зачеркнуто:* Ну что могли

ни другого. И это прямо говорят историки, сами не замечая того, что, говоря это, они уничтожают весь смысл своей истории, объясняющей мировые события волей одного человека, которого для того, чтобы он играл эту роль, называют *гением*.¹ Точно как обвал горы объясняют тем, что одна крупинка земли отстала первая, и эту крупинку надо назвать гений и не нужно уж искать других причин. Те же историки — цвет историков, собравши всё со всех источников, говорят, что Наполеон пошел дальше от Гжатска оттого, что было ясное утро, что он не знал, где давать сражение, и не послушался несомненно разумного совета, оттого, что не хотел так, что он во время сражения портил его ход, потому что медлил, и то посылал дивизию Клапареда, то Фриана и не дал гвардию, и, пока ему доносили, на Шевардинском редуте дело уже изменялось. То же самое делал Кутузов. Отчего он выбрал худшую из прежних, Бородинскую позицию, отчего не усилил центр, что ему советовали, отчего поставил 3 линии под огонь неприятеля, отчего, сидя в Горках, получал известия о ходе сражения тогда, когда оно уже изменялось, и посылал войска за одним, а они делали другое? Ежели бы на месте Кутузова и Наполеона были бы вы и я — было бы совершенно то же самое. Убито и ранено 50 тысяч человек русских и 30 тысяч французов, и всё это произошло оттого, что Наполеон и Кутузов так и так распорядились. Это бессмысленно. Убито 90 тысяч человек и при этом г-н Бонапарт и г-н Кутузов говорили такие-то и такие-то слова, это верно. Понятно, что тот, кто сражается, думает, что вот я завоюю этого, получу чин, удивлю всех, покажу свое геройство и за тем сражюсь. Это понятно. Но когда дело кончено и мы его спокойно судим, непонятно, чтобы мы судили, как это всегда делают историки, стараясь натянуть истину с целью доказать, что мы больше побили людей, мы — русские. Нет, хоть тысяч на 5, но мы побили больше людей, говорят французы. Вот единственные книги, написанные в этом тоне, все истории, которые я бы жег и казнил авторов. Драться, я понимаю, и кулаками, и на дуэли, и на войне, а никто не может сказать про себя — я не буду драться, но в тиши кабинета целью умственной работы сделать оправдание драки и с завистью думать о том, и лгать, что мы, нет — мы больше убили людей, это было бы необъяснимо, ежели бы не знать, что на 10 тысяч людей бывает один [?] думающий, а 9999 только повторяют то, что думают другие. Мало того, такие писания называются патриотическими и п[исатель] самым благородным. На Бородинском поле совершилось страшное убийство, причины которого лежат в свойствах роевого устройства человека.>

¹ На полях: Наполеон посылает Жюно, а потом Фриана, делает две диспозиции и все ошибочны, стрелять нельзя. Кутузов посылает то Евгения Вюртембергского, то Дохтурова, то Толя

[Далее от слов: Результатом ближайшим этого убийства... кончая: а после 50 к 100 близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIX.]

И Москва была отдана, <и историки под совершившиеся факты подводят хитросплетенные доказательства великодушия и гениальности людей, которые были <самыми> из произвольных орудий мировых событий самыми рабскими и произвольными деятелями>.

* № 177 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XIX).

24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение, которое историки называют великим событием — «La grande bataille de la Moscova»,¹ годовщину которого празднуют теперь и в благодарность² за которое тогда служили молебны как в русской, так и во французской армии, благодаря бога за то, что много убили людей, и про которое Кутузов писал государю, что он его выиграл, а Наполеон объявлял по своей армии и своему народу, что он его выиграл; сражение, про которое до сих пор происходят споры о том, чьи распоряжения были лучше и *гениальнее* (это слово особенно любят). Для нас же, потомков, событие это представляется столь же печальным событием, как единичное убийство, только настолько интереснее, насколько 80 тысяч убийств, совершенных в один день и на одном месте, интереснее одного, и таким событием, за которое мы не видим предлога ни благодарить, ни укорять бога, как за всякое неизбежное событие — за весну, лето и зиму. Событие это представляется нам неизбежным явлением, которое не могли произвести воли частных людей, Кутузова и Наполеона, и в котором их воли участвовали так же мало, как и воли каждого солдата, событие, которого эти военачальники не только не произвели, но не предвидели, не руководили и не понимали. Их действия — этих гениев были, как и всегда бывает в войне, так же бессмысленны, как действие того солдата, который в упор стрелял в другого неизвестного и чуждого ему человека.

Мы бы не останавливались на анализе действий³ полководцев, ежели бы не существовало то, в кровь и плоть перешедшее, убеждение о гениальности⁴ полководцев. — Действия Наполеона и Кутузова в Бородинском сражении были произвольны и бессмысленны.

¹ [Великая битва под Москвою,]

² *Зачеркнуто*: богу

³ *Зач.*: гениальных

⁴ *Зач.*: и необходимости

* № 178 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XVII—XXI).

<24 августа 1812 года¹ вечером узналось в Москве, что французы в 60 верстах² по Смоленской дороге и сражаются с русскими.³ В Москве уже всё волновалось, каждый день выходили растопчинские афишки,⁴ иностранцы все были высланы, скоро должен был быть готов шар, который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову. Из Москвы вывозили и присутственные места и пушки.⁵ Каждый день разносили растопчинские афишки; в одной писалось: «Здесь мне от Государя поручено сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят, и по ветру и п[ротив] ветру, и что от него будет, узнаете и порадуетесь...» и т. д.⁶ В другой писалось: «...а я теперь здоров, у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба».

Pierre, прочтя это, болезненно улыбнулся, как он улыбался, когда добрый человек от всей души рассказывал глупый, несмешной анекдот. Это действие производили на него все афишки графа. Он ничего не говорил и не думал даже ясно, но чувствовал, что это что-то не то.⁷

Pierre испытывал неопределенное и радостное беспокойство; был в Москве, с утра и до вечера проводя вне дома, и прислушиваясь ко всем слухам.

Собирание и обмундирование Без[уховского] полка было поручено главному управляющему, и дело подвигалось. Pierre уж и не мешался в него — он знал, что во всяком практическом деле он только напутает. Он говорил только управляющему: «Ничего не жалейте. — <Ну, что за дело, что заложить, что продать — делайте>».

Pierre знал только одно, что пришло время, когда хорошо стало таким людям, как он,⁸ которые рады тому, что так или иначе, но расстроивается скучный порядок жизни. Pierre смотрел на ужас, отчаяние акуратных, почтенных людей, — всегда тайных врагов его и радовался. — «А мне-то и хорошо, что пришло время показать, что *всё это* — вздор». От этого приятного¹ *Зачеркнуто*: <было дело> в 3 часа было слышно

² *Зач. позднее*: от Москвы и надписаны след. три слова.

³ *На полях*: Общая характеристика Москвы.

Казнь повара [?].

⁴ *Зач.*: фр[анцузы]

⁵ *Зач.*: 22 августа Pierre'у принесли афишку. *Вместо зачеркнутого написаны позднее след. восемь слов.*

⁶ *След. фраза вписана на полях позднее. Там же ссылка*: В[антыш?] К[аменский?], ч. 3, стр. 138.

⁷ *Зач. позднее*: 24 утром Pierre прочел следующую афишу: «А..... а я теперь здоров; у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба». Pierre'у было ужасно стыдно, когда он прочел это, он не узнавал приятного, живого Растопчина в этих афишках. Безуховский п[олк]. *Вместо зачеркнутого вписан на полях текст след. абзаца.*

⁸ *Зач.*: которым было всё нипочем. Он испытывал постоянно счастливое чувство чел[овека]

чувства он был¹ беспокоен, ему всё хотелось еще что-нибудь² отдать и как-нибудь сделать себе похуже и совсем, совсем изменить свою жизнь.

Он не засиживался дома и, как вставал, ходил по городу и знакомым. Все говорили по-русски.

— Вы слышали: мы не колебнулись, — говорила ему Жюли Друбецкая, щипля корпию.

— Это подобной древней Риму геройства, — сказал ему А. Б. Голицын.

Ростовы были такие же, как все, старались говорить по-русски, любовались афишами, щипали корпию. Худая Наташа с блестящими глазами присаживалась, слушала и ничего не говорила. Старая графиня заботилась о богатстве дома, составлявшем одну надежду поправления дел, и бранила Разумовского за то, что он теперь отделялся от покупки. Они ждали подвод из деревни для вывоза всего из дома, и экипажей, чтоб ехать в Тамбов. 24 числа Pierre был у них и сказал, что он едет в армию. Когда он сказал это, Наташа изменилась и не спускала с него глаз и проводила его до передней.>³

Несмотря на то, что всем своим знакомым Pierre,⁴ краснея, одно и то же говорил, что он не только никогда не будет командовать своим батальоном, но что он ни за что в мире не пойдет на войну, что он и по корпуленции своей представляет слишком большую мишень и слишком неловок и тяжел, Pierre давно уже волновался мыслью о том, чтобы поехать к армии и самому своими глазами увидеть, что такое война.⁵

25 августа, получив от адъютанта Раевского известие о приближении французов и вероятном сражении,⁶ Pierre'у еще более захотелось ехать в армию посмотреть, что там делалось, и с этой целью, чтобы сдать свою должность по комитету пожертвований и быть свободным, поехал к Растопчину.

Проезжая по Болотной⁷ площади, он увидел толпу у Лобного места и, остановившись,⁸ слез с дрожek.

Это была экзекуция французского повара за обвинение в шпионстве. Экзекуция только что кончилась, и палач отвязывал от кобылы жалостно стонавшего толстого человека в синих чулках и зеленом камзоле,⁹ с рыжими бакенбардами.

¹ Зачеркнуто: даже

² Зач. позднее: ухнуть и вписано на полях до конца абзаца.

³ Далее вписан на полях текст след. абзаца.

⁴ Зач.: упорно

⁵ Зач.: В этот же день

⁶ Зач.: Pierre решил ехать сам

⁷ Слово: Болотной вписано позднее.

⁸ Зач. позднее: увидел, как <сводили> отвязывали от кобылы человека. Вместо зачеркнутого надписан дальнейший текст, кончая: жалостно стонавшего

⁹ Зач. позднее: который имел не русской вид. Это был французский повар и написаны три след. слова.

Другой¹ преступник, худенький и бледный, стоял тут же² с испуганно болезненным видом, подобным тому же, который имел худой француз.

Pierre проталкивался сквозь толпу, спрашивая: — Что это, кто, за что, — и не получал ответа; толпа чиновников, народа, женщин жадно смотрела и ждала. Когда толстого человека отвязали и он, видимо, не в силах удержаться, хотя и хотел этого, заплакал, сам сердясь на себя, как плачут взрослые сангвинические люди, толпа заговорила, как показалось Pierr'у для того, чтобы заглушить в самой себе чувство жалости, и слышались слова:

— То-то теперь запел: патушка, переяславные, ни пуду, ни пуду,³ — говорил один,⁴ вероятно кучер господский, подле Pierr'a.⁵

— Что, мусью, видно, русский соус кисел, француз набил оскомину,⁶ — подхватил шутку кучера приказный. Pierre посмотрел, покачал головой, сморщился⁷ и, повернувшись, пошел назад к дрожкам,⁸ и решил, что он не может больше оставаться в Москве и едет к армии.

Растопчин был занят и через адъютанта выслал сказать, что очень хорошо. Pierre поехал домой и оставил приказание своему всезнающему, всемогущему, умнейшему и известному всей Москве дворецкому Евстратовичу о том, что он в ночь поедет в Татаринову к войску.⁹ <И дворецкий всё вспомнил и обо всем распорядился. Он старого Безухого берейтора послал с подводой и лошадьми верховыми вперед, а графу была готова коляска и выслана подстава.>

К утру 25, никому не сказавшись, Pierre выехал и приехал к вечеру к войскам¹⁰ в дрожках на подставных. Лошади его ждали в Князькове. Князьково было полно войсками и до половины разрушено.¹¹ По дороге у офицеров Pierre узнал, что он выехал в самое время и что нынче или завтра¹² должно было быть генеральное сражение. «Ну что ж делать? Ведь я этого хотел, — сказал сам себе Pierre, — теперь — кончено».

¹ Зачеркнуто: стоял

² Дальнейший текст, кончая: слышались слова вписан на полях позднее.

³ Зач.: шутил

⁴ Зач. позднее: фабричный и надписаны след. три слова.

⁵ Зач.: Pierre, когда он сошел с дрожек и сам не зная зачем пошел толкаясь в толпу

⁶ След. четыре слова вписаны позднее.

⁷ Зач. позднее: треснул изо всех сил фабричного по затылку Вместо зачеркнутого надписаны след. шесть слов.

⁸ Зач. позднее: и поехал дальше. Вместо зачеркнутого вписан дальнейший текст, кончая: Pierre поехал домой

⁹ Зач.: Pierre в ночь 25

¹⁰ След. четыре слова вписаны позднее.

¹¹ Позднее на полях вписан текст до конца абзаца.

¹² Зач.: назначено

У разломанных ворот стояла его подвода с кучером, берейтором и верховыми лошадьми. Pierre было проехал своих, но берейтор,¹ узнав, окликнул его, и Pierre обрадовался, увидав свои знакомые лица после бесчисленного количества чужих солдатских лиц, которые он² видел дорогой.³

Берейтор с лошадьми и повозкой⁴ стоял в середине пехотного полка.⁵

Для того, чтобы иметь менее обращающий на себя общее внимание вид, Pierre намерен был в Князькове переодеться в⁶ ополченский мундир своего полка, но, когда он подъехал к своим (переодеваться надо было тут, на воздухе), на глазах солдат и офицеров, удивленно смотревших на⁷ его пуховую белую шляпу и толстое тело во фраке, он раздумал.⁸ Он отказался также от чая, который приготовил ему берейтор и на который с завистью смотрели офицеры.⁹ Pierre торопился скорее ехать. Чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это море войск, тем больше им овладевало беспокойство. Он боялся и сражения, которое должно было быть, и еще более боялся того, что опоздает к этому сражению.

Берейтор привел двух лошадей. Одну рыжую, англоизированную, другого вороного жеребца.¹⁰ Pierre давно не ездил верхом, и ему жутко было влезать на лошадь. Он¹¹ спросил, какая посмирнее. Берейтор задумался.

— Эта мягче, ваше сиятельство.¹²

Pierre выбрал ту, которая была помягче, и, когда ему ее подвели, он, робко оглядываясь — не смеется ли кто над ним — он схватился за гриву с такой энергией и усилием, как будто он ни за что в мире не выпустит эту гриву, и влез, желая поправить очки и не в силах отнять руки от седла и поводьев.¹ *Зачеркнуто позднее:* с криком бежал сзади и надписаны след. три слова

² *Зач.:* только и

³ *След. абзац вписан позднее на полях.*

⁴ *Зач.:* подле

⁵ *Зач.:* в лесу у разваленной караулки.

⁶ *След. слово вписано позднее.*

⁷ *Зач. позднее:* него и надписаны след. девять слов.

⁸ *Зач. позднее:* Притом неловко и глупо ему казалось одеться в свой мундир, как будто напоминая о своем полке и вызывая на вопросы. — «Нет, нечего делать, так поеду».

⁹ *Зач. позднее:* <Надо> Им, верно, хотелось, но как предложить им? Делать нечего. Нельзя. *Затем вписано на полях и снова зачеркнуто:* которым желал и не смел Pierre предложить этот чай. *Далее вписан на полях текст до конца абзаца.*

¹⁰ *След. фраза переправлена из:* Pierre ездил давно верхом, еще когда он был женихом. Он ехал с намерением подвергаться всем опасностям генерального сражения

¹¹ *Зач. позднее:* улыбнулся и

¹² *Зач.:* Pierre <взялся> схватил за гриву *Дальнейший текст, кончая:* он схватился за гриву *вписан на полях позднее.*

Берейтор неодобрительно посмотрел на¹ согнутые ноги² и пригнутое к луке огромное тело своего графа³ и, сев на свою лошадь, приготовился сопутствовать.

— Нет, не надо,⁴ оставайся, я один, — прошамкал Pierré. Во-первых, ему не хотелось иметь сзади себя этот укоризненный взгляд на свою посадку, а во-вторых, не подвергать берейтора тем опасностям, которым он⁵ намерен был подвергать себя.⁶

¹ *Зачеркнуто*: наивно вывернутые

² *След. шесть слов вписаны позднее.*

³ *Зач. позднее*: на напряженность корпуса и, сев на свою лошадь, хотел ехать за Pierré'ом. и вписано окончание фразы.

⁴ *След. три слова вписаны позднее.*

⁵ *Зач.*: твердо

⁶ *Позднее зач.*: Pierré пустил свою лошадь — что будет, то будет — и, удержавшись на седле, остановился и успокоился. Pierré <с той же методичностью> верный попыткам методичности, которые были в нем, вероятно, потому, что в характере его всё было враждебно всякой методичности, сделал себе план и маршрут, куда и куда он должен ехать. <Во-первых, в главный штаб,> в главный штаб, по войскам и позициям, ночевать в Перновский полк к князю Андрею.

Pierré'у многое было интересно в этом предстоящем сражении, как всегда и вечно было одним из самых интересных явлений жизни для мыслящего человека явление войны. Люди чужие убивают друг друга. Во-первых, как управляются все эти массы и подчиняются одной воле? Pierré был когда-то охотник до стратегических соображений, и тактическая сторона дела интересовала его. 2) Каким духом руководятся все эти массы? 3) И самое главное, вопрос для невоенного: что, был бы я трус или нет?

Прежде всего Pierré направился в деревню Татаринову, где стоял Кутузов с главной квартирой. Как только Pierré выехал один верхом между войск с мыслью о том, что теперь ему уже нельзя отказаться от опасности, и о том, что каждую минуту может ожидать его, ему стало страшно за свое толстое, белое, нежное тело и, чтобы поддержать в себе мужество, он живо вспомнил то чувство патриотического воодушевления, в котором он находился в дворянском собрании, и под влиянием этого чувства почувствовал удовольствие в мысли показать, что всё — не только богатство, но и самая жизнь — вздор, в сравнении с чем-то. С чем? он не знал. Ни в войсках, которые проезжал Pierré, ни еще менее в Татариновой, где сосредоточивалось всё высшее и блестящее сословие армии, он не нашел этого настроения.

По дороге он был, не доезжая Татариновой, в Бородине, которое было все <обвалено> загромождено вонявшими и работавшими ополченцами, он был остановлен толпой народа, впереди которой шли с пением попы.

«О ду-ша-ах на-ших», пели священники и сзади солдаты несли икону. Pierré, сняв шляпу, остановился. Бывшие подле него рабочие весело бросили лопаты и побежали, крестясь, к шествию. Им, видно, весело было прервать тяжелую работу. Солдаты также подходили навстречу толпами и, сняв кивера, набожно крестились. Но Pierré'у очевидно было, что набожность солдат, <не имела ничего общего с иконой> с которой они встречали икону Смоленской божьей матери, которую носили перед сражением по полкам, не имела ничего общего с предстоящим сражением и патриотическим духом.

Солдаты отходили, и ополченцы брались опять за лопату совершенно в том же расположении духа, в котором они оставляли их. *Вместо зачеркнутого вписан на полях и между строками новый текст до конца варианта.*

Закусив губу и пригнувшись наперед, Pierre ударил обоими каблуками по пахам лошади, этими же каблуками уцепился за лошадь, натянул и дернул неровно на сторону взятыми поводьями и, не отпуская гриву, пустился по дороге неровным галопом, предавая свою душу богу.

Проскакав версты две и едва держась от напряжения на седле, Pierre остановил свою лошадь и поехал шагом, стараясь обдумать свое положение.¹

№ 179 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXI—XXIII).

<У Бенигсена был в саду обед в палатке, приготовленный отличным поваром, с отличными винами. Хотя Pierre и не был знаком с ним, Кутайсов повел его к нему.

— Он очень рад будет. Все у него обедают.²

Pierre хотел ехать сейчас осматривать позицию, но Кутайсов отговорил:

— Лучше поезжайте после обеда с Бенигсеном. Он едет. По всей позиции проедет.

— Ах да. Это — очень интересно.

Действительно, после обеда он сел на дрожки с адъютантом Тучковым и поехал.>³

Они проехали по фронту линии назад⁴ через окапываемое бруствером⁵ Бородино,⁶ в котором уже был Pierre, потом⁷ на редут,⁸ еще не имевший и потом получивший название редута Раевского, на котором устанавливали пушки. Pierre не обратил никакого внимания⁹ на этот редут. (Везде одинаково копали.) Он не знал, что это место сделается памятнейшим из всех¹ См. далее, вар. № 186.

На полях конспект: Кутузов всхлипывает, говоря с войсками.

Шуберт, разгоряченный спором, скачет в атаку. Он храбр против пехоты и храбр против французов.

Кутузов под Аустерлицем в горячности — каналь[ями] бранится.

Hélène читает много книг и Corinne.

Главная квартира — изба в три окна. Обед у Бенигсена.

Икона. Кутузов: *Votre charmante femme*. [Ваша очаровательная жена.] Едет к Тучкову. — Ах, это очень интересно: ничего не видит. Прик[азание] о перевязочном пункте и лекаре. К князю Андрею. Он дре[млет] у костра. Поезжай к Б., у Кутузова ничего не увидишь. Офицеры. Тимохин. Солдаты продрогшие. Философия Андрея с Pierr'ом.

Зачеркнуто позднее: <Первое [1 неразобр.]> В улице, в дер. Татариновой

² *Зач.:* А после

³ *На полях:* <Б[енигсен] разговаривает о фланге и готовится к отсылке курьера к царю. Это вопрос жизни и смерти. Видно, что он напряжен и дрожит, как дрожит человек перед решением участи.>

⁴ *Слово:* назад вставлено позднее.

⁵ *Слова:* окапываемое бруствером вставлены позднее.

⁶ *Зач. позднее:* окапываемое ополченцами, в котором оставались еще избы, но никого уже не было жителей и надписаны след. пять слов.

⁷ *Зач. позднее:* мимо и надписано: на

⁸ *След. восемь слов вписаны позднее.*

⁹ *След. три слова вписаны позднее.*

мест¹ Бородинского поля, потом² они поехали к Семеновскому, в котором солдаты растаскивали последние бревны изб и овинов. Потом под гору и на гору они проехали через поломанную, выбитую, как градом, рожь по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флеша, тоже тогда еще копаемые и³ памятные Pierr'у только потому, что здесь он, слезши с лошади, во рву позавтракал с Кутайсовым у⁴ полковника, предложившего им битков.

Бенигсен остановился⁵ на флешах и стал смотреть на неприятелей напротив, в бывшем нашем еще вчера Шевардинском редуте, он был версты за 1½, и офицеры уверяли, что там группа это Наполеон или Мюрат.⁶ Когда Pierre подошел опять к Бенигсену, он говорил что-то, критикуя расположение этого места и говоря: — Необходимо надо было подвинуться вперед.

Pierre внимательно слушал,⁷ дожевывая битки.

— Вам, я думаю, не интересно⁸, — вдруг обратился к нему Бенигсен.

— Ах, напротив, очень интересно, — повторил Pierre фразу, повторенную им раз 20 в этот день и всякий раз не совсем правдиво.⁹

Он не мог понять, почему флешам надо было быть впереди, чтобы их обстреливала Раевского батарея, а не Раевского батарея быть впереди, чтобы ее обстреливали флеша.¹⁰

— Да, это очень интересно, — всё говорил он.¹¹

Наконец они приехали на левый фланг, и тут Бенигсен еще более спутал понятия Pierr'a своим недовольством помещения корпуса Тучкова, долженствовавшего защищать левый фланг. Вся позиция Бородина представлялась Pierr'у следующим образом.¹²

Передовая линия, несколько выгнутая вперед, простиралась на 3 версты от Горок до позиции Тучкова. Почти по середине¹ След. два слова вписаны позднее.

² След. два слова вписаны позднее.

³ Зачеркнуто: ничем не известные и вписано окончание фразы.

⁴ Зач.: офицера

⁵ След. два слова вписаны позднее.

⁶ Зач. позднее: Бенигсен и вписаны след. семь слов.

⁷ Зач.: глядя ему в рот, терп[еливо], но всё не понимая значения слов Бенигсена.

⁸ Зач. позднее: сказал и вписаны след. пять слов.

⁹ Зач.: Ему было очень интересно, но он ничего не мог понять и не мог понять так, как молодые люди не понимают Бетховена или Гете оттого, что они ищут найти это понимание в какой-то другой, высшей и ненормальной сфере.

Pierr'у казалось всё это очень премудро. Например

¹⁰ Зач.: потому что так после обеда пришло в голову Бенигсену, этого он не мог понять.

¹¹ Зач. позднее: Но что ему было более всего интересно, это то, что он действительно почти понял, но потом опять спутался. Это — левый фланг и вопрос о том, как поместить и вписано кончая: недовольством помещения

¹² Зач.: Лишь

линии, ближе к левому флангу, была¹ река Колоча с крутыми берегами,² разрезавшая всю нашу позицию надвое.

Выступающим пунктом справа налево были: 1) Бородино, 2) редут Раевского, 3) флеша, 4) оконечность левого фланга — леса березника в оглоблю,³ у которого стоял Тучков.

Правый фланг был сильно защищен рекою Колочою, левый фланг был слабо защищен лесом, за которым была старая Калужская дорога. Корпус Тучкова стоял почти под горой.⁴ Бенигсен нашел, что корпус этот стоит не хорошо и приказал подвинуться ему вперед на версту расстояния.⁵

Почему лучше было стоять впереди без подкреплений, почему не подвинуты были другие войска, ежели левый фланг слаб, почему Бенигсен сказал полковнику, который с ним был, что об этом распоряжении его не нужно было докладывать Кутузову, и почему сам не сказал Кутузову. Потом Pierre слышал, как он, встретив Кутузова,⁶ прямо сказал, что он всё нашел в исправности и не нашел нужным ничего изменить — это не смог понять Pierre, и всё это было ему еще более интересно.⁷

В 6-м часу Pierre за Бенигсеном приехал в Татаринovu, где стоял Кутузов.

Одна большая изба в три окна была занята Кутузовым. Рядом на плетне была прибита доска: «Канцелярия главного»¹ Слово была вписано позднее.

² Зачеркнуто: которую трудно обойти правому флангу и вписано окончание фразы.

³ След. четыре слова вписаны позднее и далее зач.: и за ним старая Калужская дорога.

25 числа началась речь об том, что французы могут обойти левый фланг, и про это все говорили и разные слышал суждения в этот день Pierre и затем ехал туда Бенигсен. Значительно отступив от линии, там стоял Тучков и казаки. Полковник 1-го полка подошел к Бенигсену (у него было сердитое лицо) и начал кричать, говоря, что здесь стоять нельзя, что людей перебьют под горой. Бенигсен, печально улыбаясь, молча слушал и поехал вперед смотреть, потом подъехал Тучков, и Бенигсен сказал, что корпус надо передвинуть вперед. Тучков не соглашался. Бенигсен приказал именем главнокомандующего и уехал, когда войска двинулись. *Вместо зачеркнутого вписан текст след. абзаца.*

⁴ Зач.: Подъехав к первому казачьему полку, стоявшему тут

⁵ На полях: <Тут Pierre видел мужиков с тачками. Они были очень веселы, «но на что они были нужны?»> думал Pierre>

⁶ Зач. позднее: передал ему только, что всё хорошо, и ничего не сказал о сделанном распоряжении. *Вместо зачеркнутого вписано, кончая:* ничего не изменять

⁷ Зач. позднее: Уже <стало смеркаться> <солнце> <был> 5-й час. Pierre поехал по войскам изучать дух войска. Проезжая через Бородино, он увидел в реке солдат, моющих портянки. Двое с синими ногами стояли в воде и полоскали, двое дрались за доску, на которой хотели стоять. <Офицеры играли в свайку и> <Нет, поздно, надо застать Андрея>, и, узнав, где стоит Перновский полк, он проехал к нему. *Перед зачеркнутым в рукописи знак сноски, приводящий к дальнейшему тексту. След. фраза вписана на полях позднее.*

штаба». Напротив с фургонами у подъезда была изба, в которой жил Бенигсен.¹

Перед самой деревней Pierr'a обогнал знакомый ему Кутайсов. Он верхом возвращался откуда-то с двумя офицерами. Кутайсов² дружески обратился к Pierr'у, не в силах удержать насмешливые взгляды, которые обегали всю фигуру Pierr'a, и улыбнулся на вопрос Pierr'a о том, как ему просить главнокомандующего о разрешении *участвовать* в сражении.

— Поедемте со мной, граф.³ Князь (Кутузов), верно, в саду под яблоней. Я вас проведу к нему. Ну, что Москва? волнуется? И, не дожидаясь ответа, Кутайсов подъехал к навстречу ехавшим генералам на дрожках и по-французски что-то горячо поговорил с ними. *La position est intenable... Il faut être fou,*⁴ — слышал Pierre.

— Кто это? — спросил Pierre.

— Это⁵ принц Евгений, едет на левый фланг осматривать позицию, которая невозможна. Хотят, артиллерия чтоб действовала из-под горы... Ну, да вам неинтересно...

— Ах, напротив... мне⁶ очень интересно... Я видел всё.

— А, — сказал Кутайсов и подъехал к плетню, на котором была вывеска. Кутайсов слез и приказал казаку взять лошадь Pierr'a и Pierr'у сказал, куда итти и где найти свою лошадь.⁷

В сарае на соломе спал один офицер, накрывшись рубашкой от мух, другой у дверей⁸ обедал подовыми пирогами и арбузом.

— Светлейший в саду? — спросил Кутайсов.

— В саду, ваше сиятельство.

И Кутайсов через сараи прошел в Яблоневый мужицкий сад с теми переливами тени и света, которые бывают только в густых яблочных садах. В саду было прохладно, и вдалеке виднелись раскинутые палатки, ковер и воротники мундиров и эполеты. Яблоки еще оставались на деревьях, и у плетня мальчишка босиком влез на дерево и тряс. Девчонка подбирала¹ *Зачеркнуто позднее*: У Pierr'a было много знакомых, но он не подумал о том, к кому обратиться с тем, чтобы ему позволено было волонтером принять участие в предстоящем сражении. (Pierre думал, что это необходимо.)

² *Зач.*: ласково

³ *Зач.*: Светлейший

⁴ [Позиция ненадежна... Надо быть сумасшедшим,] *Зачеркнуто*: говорил

⁵ *Зач.*: Бенигсен

⁶ *Зач. позднее*: бы хотелось видеть позицию и расположение войск...

— Ну, так пойдёмте, я вас сейчас проведу к светлейшему и поедёмте опять на левый фланг к Тучкову. Только я пообедаю. Меня звал Бенигсен. Он *Вместо зачеркнутого вписаны след. девять слов.*

⁷ *Зач. позднее*: особенно заботливо, как ребенку.

⁸ *Зач. позднее*: на козлах писал с двумя писарями. *Вместо зач. вписаны след. пять слов.*

внизу. Они испуганно замерли, увидав Pierr'a. (Им казалось, что цель всех людей, а потому и этих, состояла в том, чтобы помешать им рвать яблоки.) Кутайсов прошел вперед, мелькая между деревьями, к блестящему ковру и эполетам. Pierre, не желая развлекать главнокомандующего, остался сзади.¹

— Ну, хорошо, поезжай сам, да пошли его ко мне.²

Кутузов, засмеявшись чему-то,³ встал и пошел к избе⁴ переваливающейся, ныряющей походкой, руки назад. Pierre подошел к нему, но еще прежде главнокомандующий остановился перед ополченным офицером, знакомым Pierr'a. Это был Долохов. Долохов говорил что-то горячо Кутузову, который через голову его кивнул Pierr'у. Pierre подошел. Долохов говорил:

— Все сражения наши были проиграны от слабости левых флангов. Я осмотрел нашу позицию, и наш левый фланг слаб. Я решил,⁵ что, ежели я доложу вам, ваша светлость может прогнать меня или сказать, что вам известно то,⁶ что я докладываю, и тогда у меня не убудет...

— Так, так.

— А ежели я прав, то я принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть.

— Так, так...

— И ежели вашей светлости нужно человека, который бы пошел в неприятельскую армию убить Бонапарта, то я готов быть таким.

— Так, так... — сказал Кутузов, смеющимися, сузившимися глазами глядя на Pierr'a, и тут же обратился к Толю, шедшему за ним:

— Сейчас иду, не разорваться мне. Хорошо, голубчик, благодарю тебя, — обратился он к Долохову, отпуская его, и к Pierr'у:

— Хотите пороху понюхать? Да, приятный запах. Имею честь быть обожателем вашей супруги. Здорова она? Мой привал к вашим услугам, — и Кутузов прошел в избу.⁷

¹ *Зачеркнуто вписанное позднее на полях:* но он слышал то, что говорилось. Вероятно, Кутузов говорил с <доктором> главным заведывателем по докторской части, потому что Pierre слышал слова, ужасом поразившие его, о количестве нужных перевязок и фур для перевоза будущих раненых и убитых, теперь здоровых и живых, но число которых уже приблизительно верно определялось главным доктором и Кутузовым. Pierre слышал слова Кутузова: «чем больше, тем лучше, — сказал Кутузов, — считай на 20 тысяч и не ошибешься».

Потом заговорил Кутайсов, и Pierre слышал слова Кутузова

² *Зач. позднее:* послышался ему голос Кутузова и потом хохот его.

³ *Слова:* засмеявшись чему-то *вписаны позднее.*

⁴ *Зач.:* осто[рожной]

⁵ *След. пять слов вписаны позднее.*

⁶ *В рукописи:* до

⁷ *Зач. позднее:* В штабе у Pierr'a не только много было знакомых, но все были знакомые. *Следующий абзац вписан позднее на полях.*

Пообедав у Кутайсова и взяв¹ у него лошадь и казака,² Pierre поехал к Андрею, у которого и намерен был отдохнуть и провести ночь до сражения.

* № 180 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXIV—XXV).

Князь Андрей в этот³ ясный, августовский вечер 25-го⁴ числа лежал в разломанном сарае деревни Князькова на разостланном ковре. Сарай этот был на задворках деревни, над скатом выгона, по которому стояли солдаты его батальона. Крыша с сарая вся была утащена, и одна сторона, выходящая над обрывом, отломана, так что князю Андрею открывался далекий и прекрасный вид, оживленный видом войск, лошадей и столбов дыма, поднимавшихся с разных сторон из котлов. На задворках около сарая был виден остаток овина и между овином и сараем была полоска дерев — осин и березок 30-летних, которых сучья были обрублены, одна срублена и некоторые зарублены. Князь Андрей застал своих солдат, рубивших этот лесок или садок, видимо насаженный старательным хозяином мужиком, и запретил им рубить, предоставляя таскать сарай и бревны. Спасенные им березки с кое-где желтеющей листвой стояли веселые и курчавые над его головой, не шевелясь ни одним листком в тишине вечера. Князь Андрей жалел и любил всё живое и радостно смотрел на эти березки. Желтые листья обсыпали место под ними, но это они обсыпали прежде, теперь ничто не падало, они блестели ярким светом, вырвавшимся из-за туч, блестящим светом. Воробьи слетали с берез на оставшееся звено забора и опять влетали на них. Князь Андрей лежал, облокотившись на руку и закрыв глаза. Распоряжения все были сделаны, завтра должно было быть сражение. У⁵ начальника его⁶ колонны он уже был, с ротным и батальонными командирами обедал и теперь хотел побыть один и подумать, подумать так же, как он думал накануне Аустерлица.⁷ Как ни много времени прошло с тех пор, как ни много пережито было с тех пор, как ни скучна и никому не нужна и ни тяжела ему казалась его жизнь, теперь точно так же, как и 7 лет тому назад, накануне сражения, страшного сражения, которое он предвидел на завтра, он чувствовал себя взволнованным, раздраженным и испытывал необходимость, как и тогда, сделать счеты с самим собою и спросить себя, что и зачем я?

Ничего похожего не было в нем, каким он был 1805 и каким он был 1812 года. Все очарования войны не существовали уже¹ *Переправлено из:* попросив

² *Зачеркнуто:* у Кутайсова и узнав, где стоит Перновский полк,

³ *Зач.:* вечер

⁴ *Зач.:* августа сидел в сарае на ковре

⁵ *Зач. позднее:* полкового командира и вписаны след. четыре слова.

⁶ *Зач.:* отряда

⁷ *Зач. позднее:* Но ничего и вписан на полях текст, кончая словами: зачем я?
Ничего

для него. Откидывая и откидывая прежние заблуждения, он дошел до того,¹ что война ему представлялась уже самым простым и ясным, но ужасным делом. Он несколько недель тому назад сказал себе, что война понятна и достойна только² в рядах солдат, без ожидания³ наград и славы. Воевать в товариществе Тимохиных и Тушиных, которых он так глубоко презирал прежде, к уважению которых он не пришел и теперь, но которых все-таки предпочитал Несвицкому,⁴ Чарт[орижскому] и т. п. на том основании, что хотя Т[имохин] и Т[ушин] были почти животные, но честные, не лживые, простые животные, а те были — обманщики и лгуны, загребаящие жар чужими руками и над смертью и страданиями людей вырабатывающие себе крестики и ленточки, которых им и не нужно.⁵ Но даже и эта война в самом упрощенном виде теперь слишком ясно, всей своей ужасной бессмысленностью представлялась князю Андрею.⁶ Он был раздражен, ему хотелось думать, он чувствовал, что находится в одной из тех минут, когда ум так пронизателен, что, откидывая всё ненужное, запутывающее, проникает в самую сущность вещей, и именно от этого ему страшно было думать.

Он удерживался и все-таки думал.⁷

Он⁸ вызывал в себе тот ряд мыслей, которые бывали у него прежде, но ничего похожего не шевелилось в нем. «Чего ж я хочу? — спрашивал он сам себя. — Славы, власти над людьми? Нет, зачем? Я бы не знал, что с нею делать. Не только не знал бы, что делать, но знаю наверно, что людям ничего нельзя⁹ желать, ни к чему стремиться».

¹ *Зачеркнуто позднее:* что считал честным и разумным воевать *и вместо зач.* *вписан на полях дальнейший текст, кончая словами:* понятна и достойна

² *Зач.:* с солдатами

³ *Далее конец фразы исправлен из:* славы и наград и радостей.

⁴ *Зач.:* Кут[айсову?] и

⁵ *Зач. позднее:* Князь Андрей уже 3 месяца был в полку. Сначала его дичились и бранили, как человека и одевающегося, и говорящего, и всё делающего не так, как другие, но потом его почтительно <строгое> далекое обращение с начальством, его всегда ровная и снисходительная учтивость к низшим, его связи и знакомства в высших сферах (не раз видели, как [к] нему приезжали генералы и флигель-адъютанты, с которыми он обращался точно так же, как с армейцами), его готовность к матерьяльной услуге — обеда, лошади, водки солдатам — приобрели ему общее уважение. «Наш князь», называли его все в полку. *Вместо зачеркнутого вписан на полях след. текст, кончая словами:* Он удерживался и все-таки думал.

⁶ *На полях:* Князь Андрей раздражен, видит всю правду. Измена Наташи — так должно быть — тело.

⁷ *Зач. позднее:* И так

⁸ *Зач. позднее:* лежал

⁹ *Зач. позднее:* делать, что всё они делают сами. Славы для меня? Нет, ведь я отказался, отказываюсь от нее. Разве не в моей воле было теперь быть там с теми, которые решают теперь судьбы этих 180 тысяч, судьбы России (думают, что решают). *Вместо зачеркнутого вписаны след. пять слов и зач. вписанное:* Всё делается по вечным, неизменным и бессмысленным законам.

Он посмотрел на воробьев, слетевших роем с забора на выгон.¹ «Что ж они (люди)² могут решать? Всё идет по тем вечным законам, по которым этот воробей³ отстал от других⁴ и подлетел после.⁵

Так чего ж я хочу? Чего? Умереть, чтоб меня убили завтра?⁶ Чтоб меня не было, чтобы всё это было, а меня бы не было?»

Он живо представил себе отсутствие себя от этой жизни с плетнем (он отломил палочку) и дымом котлов, и мороз подрал его по коже. «Нет, я *этого* не хочу, я боюсь⁷ еще чего-то. Чего же я хочу?⁸ Ничего, но живу, потому что не могу не жить и боюсь смерти».

«Вот эти все, — думал он, глядя на двух солдат, которые, стоя у пруда⁹ голыми ногами в воде, вытягивали с бранью друг у друга доску, на которой они хотели стоять, чтоб мыть белье. — Вот эти и этот офицер, который так доволен, что прискакал верхом — чего они хотят, из чего хлопочут? Им кажется, что и эта доска, и эта его лошадка, и это будущее сражение, что всё это очень важно, и живут... И там где-то моя княжна Марья и Николушка тоже боятся, хлопчат и бог знает, кому лучше: им или мне? И я, так же, как они, недавно еще верил во всё. Как же я делал поэтические планы о любви, о счастья с женщинами. — О, милый мальчик! — с злостью вслух проговорил он. — Как же! Я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия. Как нежный голубок басни, она должна была зачахнуть в разлуке со мной и не полюбить другого. Как же я боялся того, что она зачахнет с тоски по мне».

¹ *Зачеркнуто:* и улыбнулся.

² *Слово:* (люди) *вписано позднее.*

³ *Слово:* воробей *вписано позднее.*

⁴ *Слова:* от других *вписаны позднее и зач.:* воробьев

⁵ *Зач.:* Разве я не мог бы там с ними в ш[табах] притворяться, что я решаю судьбы? Для этого так мало надо. Такую малую долю усилия души. Но многого надо отречься, многого не иметь... Но иметь <любви к истине> *Далее зачеркнуто вписанное:* ясного, прямого, неробкого взгляда, чтоб видеть правду, всю правду.

⁶ *След. фраза вписана позднее.*

⁷ *Позднее вписаны след. три слова вместо зачеркнутого:* ни этого ничего

⁸ *Зач. позднее:* Узнать всё, всю правду всей этой путаницы. Да, этого я хочу, одного этого хочу и могу, я чувствую. Теперь что-то светит мне в этой путанице, но не могу я уловить этого света. Подыму и опущу завесу. Что же, истины я хочу? Но и то нет. Коли узнать ею, надо смертью. Нет, не хочу».

Он привстал и стал ломать палочку и радостно смотреть на дым из-под горы.

«Есть, есть что-то в этой жизни, чего мне нужно, что могло бы быть хорошо. А что это?» *Вместо зачеркнутого вписан след. текст, кончая:* когда понимаешь всю эту шутку» (стр. 105).

⁹ *Зач.:* с криком

Краска бросилась ему в лицо, он встал и начал быстро ходить.

«А всё это гораздо проще. Она — самка, ей нужен муж, первый самец, который встретился и стал хорош для нее. И непонятно, как можно не видеть такую простую и ясную истину. Отец тоже строил в Лысых Горах и думал, что это — его место, его земля, его воздух, его мужики, а пришел Наполеон и, не зная об его существовании, как щепку с дороги, толкнул и развалил *его* Лысые Горы и всю его жизнь. А княжна Марья говорит, что это — испытанье, посланное свыше. Для чего же испытанье, когда его уж нет и не будет? Никогда больше не будет. И я буду думать, что мне послано испытанье. Очень хорошо — испытанье. Что это меня готовит к чему-то. А завтра меня убьет — и не француз даже, а свой, как вчера разрядил солдат ружье около моего уха, и придут французы, возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, чтоб я не вонял им под носом, а завтра придут в Москву и, как в Смоленске, поставят лошадей в собор, а на раку святителя насыпят овса и сена и лошади будет очень покойно... Кому же это испытание? Испытание человеку, который всё не понимает того, что над ним смеются. Глупо, когда не понимаешь, мерзко, когда понимаешь всю эту шутку».

Он¹ вошел в сарай, лег на ковер, закрыв глаза, перестал ясно думать. Одни образы сменялись другими. На одном на чем-то он долго, радостно остановился, когда его развлек какой-то близко знакомый, пришепетывающий голос, говоривший за сараем:

— Да я и спрашивал не Петра Михайловича, а князя Андрея Николаевича Болконского.

Князь Андрей пропустил мимо ушей этот голос и стал спрашивать себя, о чем он так долго и радостно думал. О чем последнем? Да, вот о чем:

«Я вошел в заднюю дверь нашей комнаты. Она (Наташа) сидела перед трюмо и чесала волосы. Она услышала мои шаги и оглянулась. Оглянулась, держа пряди волос в руке и прикрывая ими румяную, свежую щеку, и смотрела радостно-благодарно на меня. И я был ее счастливый муж, и она была, да, Наташа. Да... Да, в эти самые щеки, в эти плечи,² может быть, целовал ее этот человек.³ Нет, нет, никогда, видно, никогда я не прошу, не забуду этого».

Князь Андрей почувствовал, что слезы душат его. Он⁴ приподнялся и перевернулся на другой бок.

¹ След. шесть слов вписаны позднее.

² Зачеркнуто: с жемчугом

³ След. фраза вписана позднее.

⁴ Зач. позднее: встал и вышел и стал ходить взад и вперед по сараю, ударяя, ломая хворост и вписано окончание фразы.

«И могло, могло этого не быть. Нет, я одно хочу, хочу еще. Это — убить этого человека и видеть ее.¹ И зачем он не женился на ней? Он не удостоил ее. Да, то, что для меня — верх моих желаний, для него — презренно. Так, их есть царство земное. Что же мое?..... Что-то есть и все-таки не хочу я быть ими».²

В входной двери послышались шаги и голоса. Он знал, что это были батальонные командиры, которые шли к нему пить чай, но кроме их был знакомый голос, который сказал:

— Que diable!³

Андрей оглянулся. Это был Pierre, который в своей пуховой шляпе, входя вместе с офицерами, не нагнулся и стукнулся головой о жердь, остававшуюся сверх ворот сарая.

Pierre с первого взгляда на своего друга заметил, что, ежели он переменялся с последнего их свидания, то только в том, что за это время он еще дальше ушел на том пути мрачного озлобления. Андрей с насмешливой и скорее неприязненной улыбкой встретил Безухова.

Князю Андрею вообще неприятно было видеть людей теперь из своего мира, в особенности же Pierr'a, с которым он почему-то чувствовал необходимость всегда быть откровенным и еще более потому, что вид Pierr'a напоминал ему живее всего их последнее свидание и угрожал ему повторением тех объяснений, которые были при последнем свидании. Князь Андрей, сам не зная почему, испытывал неловкость смотреть ему прямо в глаза (неловкость эта тотчас же передалась Pierr'у) и боялся остаться с ним с глазу на глаз.

— А, вот как, — сказал он, подходя к нему и обнимая его. — Какими судьбами? Очень рад.

Но в то время, как он говорил это, в глазах его и выражении всего лица была больше, чем сухость, была враждебность, как будто он говорил: «Ты — очень хороший человек, но оставь меня, мне тяжело с тобою».

¹ *Зачеркнуто позднее:* «Я говорил себе всё, чтобы доказать, что я не имею этого права, но я не могу. И зачем мне ее видеть? Вон Тимохин идет, и чего он желает? Совсем другого. Кто это всё поймет? Ему всё равно, и Павлу всё равно. Стало быть, и мне всё равно, И действительно, мне всё равно. — Эй, Павел, давай самовар и попроси господ, кто хочет чаю. Это кто?

Это был Pierre, который, разминая ноги, в своей пуховой шляпе входил в сарай князя Андрея и ударился головой о жердь, оставшуюся сверх ворот. *Вместо зачеркнутого вписан на полях след. текст, кончая:* мне тяжело с тобою».

² *На полях:* <Князь Андрей восхваляет линейную службу. Немцы едут мимо. Русские, как на острове.>

³ Ах, чорт возьми!

Последнее свиданье их было в Москве, когда Андрей получил письмо Ростовой.¹
— Mon cher. Я² приехал.... Так..... знаете... приехал... мне интересно, — сказал Pierre, краснея. — Полк мой еще не готов.³

— Да, да, а братья масоны что говорят о войне? Как предотвратить ее? — сказал Андрей.⁴

— Да, да...⁵

— Ну, что Москва? Что мои? Приехали ли, наконец, в Москву? — спросил князь Андрей.

— Не знаю.⁶ Жюли Друбецкая говорила, что она получила письмо из Смоленской губернии.

— Не понимаю, что делают. Не понимаю.⁷ Войдите,⁸ господа, — обратился он к офицерам, которые, увидав гостя, замялись у входа в сарай. Впереди офицеров был Тимохин с красным носом,⁹ который хотя теперь за убылью офицеров был уже батальонный командир,¹⁰ был такой же добрый и робкий человек.¹¹ За ним вошли адъютант и казначей полка. Они были грустны и серьезны, как показалось Pierr'у. Адъютант почтительно сообщил князю, что в один батальон не достало калачей, присланных из Москвы. Тимохин тоже что-то передал по службе.¹²

¹ *Зачеркнуто*: A que diable, — сказал Pierre, потирая себе лоб. *Последние три слова вписаны по зачеркнутому позднее*: — Eh bien, mon cher, voilà où nous en sommes. Napoléon à 60 v[erst] de Moscou [Ну, мой милый, вот до чего мы дошли: Наполеон в 60 верстах от Москвы].

— Ты зачем здесь? — спросил Андрей. — Не потому, чтобы я был не рад тебя видеть, напротив, я очень, очень рад нынче тебя видеть. Ах ты, милая рожа, <говорил он, целуя его> и князь Андрей, сделав свое детское лицо, обнял его.

² *След. девять слов вписаны позднее*.

³ *Зач. позднее*: Как я ни старался, я не мог быть употреблен. Что ж мне делать?

⁴ *Зач. позднее*: улыбаясь.

⁵ *След. фраза вписана позднее*.

⁶ *Зач. позднее*: Pierre уселся на ковер и кивал дружески головой дядьке Сидору, вошедшему с самоваром.

⁷ *Зач. позднее*: Как оставаться там, где всякую минуту могут захватить французы.

⁸ *След. слово вписано позднее*.

⁹ *Зач. позднее*: тот же Тимохин, так же, как и в 1805 г. ротный и надписаны след. девять слов.

¹⁰ *Зач. позднее*: и робкий, запуганный надписаны след. шесть слов.

¹¹ *Зач. позднее*: Офицеры успо[коились] и вписан текст до конца абзаца.

¹² *От слов*: тоже что-то передал по службе кончая словами: — Eh bien vous êtes plus avancé que qui cela soit, — сказал князь Андрей — *печатается по наборной рукописи, сверенной с остатками попорченного автографа, который был написан позднее на полях вместо зачеркнутого первоначального текста*: <и князь Андрей> завязался разговор, более общий, и князь Андрей старательно всякий раз переводил французские слова, по привычке говоренные Pierr'ом, и сам говорил только по-русски. На вопрос

Раскланявшись с Pierr'ом, которого князь Андрей назвал им, они разместились на полу вокруг поданного самовара, и младший из них занялся разливанием. Офицеры не без удивления смотрели на толстую громадную фигуру Pierr'a и слушали его рассказы о Москве и о расположении наших войск, которые ему удалось объездить. Князь Андрей молчал, и лицо его так было неприятно, что Пьер уж обращался более к добродушному батальонному командиру Тимохину.

— Так ты понял всё расположение войск? — перебил его князь Андрей.

— Да, то есть как? — сказал Пьер, — как невоенный человек, я не могу сказать, чтобы вполне, но все-таки понял общее расположение.

— Eh biens, vous êtes plus avancé que qui cela soit,¹ — сказал князь Андрей.

— То есть как? — сказал Pierre, с недоумением через очки глядя на Андрея.

— То² есть, что никто ничего³ не понимает,⁴ как и должно быть, — сказал князь Андрей.

— Да, да, — отвечал он на удивленный взгляд Pierr'a.⁵

Андрея, где был Pierre и что видел, Безухой рассказал свое посещение главной квартиры, объезд позиции и столкновение на левом фланге, которого он был свидетелем.

— Я не мог понять хорошенько только одного, — сказал Pierre, — это то, где наш центр, где левый и правый фланг? Ежели он атакует нас в Бородине, то это так, но ежели он атакует нас на правом фланге, то то, что было левым флангом, делается центром...

Князь Андрей улыбался, слушая Pierr'a.

— Ты выучил, однако, уж эти слова: центр и фланг, — сказал он. — А ты не поверишь, какие ты истины говоришь, однако...

— Я не понимаю.

¹ Ну так ты больше знаешь, чем кто бы то ни было,

² *Зач. позднее:* что ты не понимаешь и вписаны след. два слова.

³ *Слово:* ничего вписано позднее.

⁴ *Зач. позднее:* Но ты говоришь истину, потому что не понимаешь и так говоришь. Всё это не имеет никакого смысла. *Вместо зач. вписаны след. семь слов.*

⁵ *Зач. позднее:* Ты говоришь: где наш <левый> центр, никто не знает и не может знать, потому что никто не знает, будет ли он нас атаковать спереди, или слева, или справа, или сзади. Центр и фланги <сражения> диспозиции можно видеть только после сражения, а не до.

Далее вписан текст, кончая: нельзя быть легкомысленным (*стр. 111*) *вместо зач.:*

— Ну, однако, есть же тактические законы, по которым, как в jeu d'échecs [шахматной игре] руководствуются полководцы.

— Никаких нет и не может быть, а так, забавляются, вот, что ты можешь ли себе представить. А это — так, и только вследствие этого я <перестал служить> теперь служу с этими господами, с которыми мы стреляемся и деремся, а не с теми, которых ты сейчас видел в штабе и которые заняты только тем, чтобы притворяться делающими.

[*Далее пропуск пятнадцати строк, которые были написаны на оборванной части рукописи, до слов:* и сообразить все сочетания, которые могут быть, и сос[тавл]яет мастерство игрока.]

— То есть как же ты это понимаешь. Ведь есть же les lois.¹ Ведь, например, я сам видел, как на левом фланге Бенигсен Князь Андрей улыбнулся, как человек, [который] рад, что противник в [спо]ре, желая опровергнуть, дает ему наилучшие орудия.

— Прекрасно, — и князь Андрей, обращаясь к Тимохину («и он мог понять это, так просты будут мои доводы», думал князь Андрей).

— Остановимся на шахматной игре, с которой так любят сравнивать военное дело. В шахматах есть 16 штук у одного, 16 у другого, всех вместе на доске 4 × 16. Сила и действие каждой шашки определена неизменно, противнику видны все действия другого противника. Шашкам есть, пить и греться не нужно, шашки не имеют своей воли никакой, и время не принимается в расчет в игре. Ты можешь обдумывать ход, сколько тебе угодно. Условия войны немножко другие, мы после об них поговорим. Но и при [шахма]тах — (ты ведь играешь) <видишь, что нужно> знаешь, [что] сочетание может быть так[ое], какого не напишешь во всю эту стену, и что всех сообразить нельзя, а нужен талант, инстинкт шахматный одного человека.

Ну так ежели нужен талант в шахматах, где условия так определены, так тем более нужен этот — еще больший талант и дар — в военном деле.

— Да, ты говоришь «тем более». А я говорю, совсем не нужно именно оттого, что сочетаний, которые могут выйти из военного, не только бильоны, но им нет числа, это — бесконечность, и обнять это дело умом совсем нельзя....

— Да отчего же?

<Совершенно оттого же, отчего ты не можешь>

— Оттого, что надо хорошенько понять условия войны. Не забудь: в шахматах ты знаешь свою силу и силу противника — раз. Здесь ты этого не знаешь, так что ты можешь ошибиться, как один к 10.

— Противника, но свою, как же не знать?...

— Да, ежели ты говоришь, что у Кутузова есть список, что у меня в батальоне 360 человек (365, поправил адъютант), то ты прав, но когда он захочет употребить этот батальон, то он никак не может определить силу напора или отпора этого батальона. В начале дела пролетит ядро, хорошенько срежет три — 4 головы, мы не удержим батальона и побежим, а пролетит над нами 3—4 ядра, да Петр Захарович перед фронтом коленцо сделает, мы целый полк прорвем.

— Это так точно, ваше сиятельство, — радостно подхватил Тимохин, давно желавший согласиться с «нашим князем», но не в силах понимать того, что говорилось прежде.

— Как в Туретчине...

Князь Андрей перебил его.

— Ну так видишь ли, во-первых, ты не знаешь, сколько у противника и сколько у тебя (эти люди равны 100 иногда). Но всё это зависит от самых непредвиденных обстоятельств, понапер, чуть накатил колесо, и ядро полетит, убьет Наполеона, а откатил, оно пролетит мимо. — Теперь другое. Шахматы не имеют своей воли, а здесь у каждого своя, потом 3-е: в шахматах пустого места ровно вдвое против занятого, а здесь мы столпились на клочке, который составляет 1/100000 всего пространства, которое может быть театром войны, а потом главное, как мне ответить на твои вопросы. Если вот я могу, закурив трубку, думать

[Далее край листа с написанным текстом оборван. Текст восстановлен по копии, кончая словами: мгновенно тем,]

Ты говоришь: наша позиция, левый, правый фланг, всё это — вздор, ничего этого нет. А вот что нам предстоит завтра: 100 миллионов самых разнообразных случайностей, которые будут решаться мгновенно тем, что побежали мы, побегут они, убьют того, убьют другого, а то, что делается теперь, всё это — забава.

¹ [законы.]

109

нашел, что войска стоят слишком далеко назад для взаимного подкрепления и выдвинул их вперед.

Князь Андрей сухо, неприятно рассмеялся.

— Выдвинул вперед корпус Тучкова, я был там, я видел. <[Диспо]зиция и всё это забава, флюгерок, [который] вертится над машиной и воображает, [что он] вертит машину, а в сущности вертится только оттого, что вертится машина.> Дело в том, что не только они вертят машину, но они большей частью стараются мешать ходу дела, занимаясь только своими страстями. Однако и помешать они не могут, потому что дело слишком огромно. Для меня всё это теперь представляется чем: 100.000 русских и 100.000 французов сошлись драться. Факт в том, что эти 200 тысяч дерутся, [а] записывать счета и лгать после сражения они поручили Кутузову и Наполеону с компанией. Ты вот рассказывал, что на левом фланге Бенигсен напугал что-то с Тучковым и перевел его на другое место вперед <и не доложили об этом главнокомандующему>. Ты ищешь объяснения этому и думаешь, что ты недостаточно знаешь военное дело, чтобы понять всё глубокомыслие этого поступка, а я тебе объясню: Бенигсен спит и видит быть главнокомандующим; ему надо подставить ногу Кутузову и показывать, что он знает дело, что он готов [?] даже жертвовать собой для успеха дела. Вот он переводит Тучкова вперед. А зачем? Этого понять нельзя. Совершенно [?] всё равно ему стоять сзади или впереди. Обойдет неприятель левый фланг, тем лучше, пускай он, имея слева Багратиона, наткнется на Тучкова, а не обойдет — он и Багратион будут атаковать, тем лучше, ежели он впереди, чтобы подать ему помощь. Всё покажет самое дело, а до тех пор ничего нельзя сказать и обдумать.

<Ну, как,> диспозиция. Есть у нас войска, есть за нами войска, поставили на холм за спиною нас всех в линию, резервы очень близко сзади (это может быть хорошо, может быть очень дурно) и станем завтра стрелять друг в друга, бежать и пугать и, когда кончится всё, они там выдумают историю баталий о том и по образцу прежних, и напишут, и все поверят, и мы даже, которые были в баталии и ничего не видали из того, что написано, поверим, что всё это так точно было, поверим потому, что вся история была написана к нашей чести, как это было везде, где я только был, от Аустерлица до Бухареста [?].

— Ну, так как же военная история? — сказал Pierre.

— Военная история, — разгорячаясь всё больше и больше, продолжал Андрей. — Ты пойми одно, <что> война есть <одно> самое гадкое и неразумное дело. Что такое война? Убийство, <грабеж, обман, измена [?]>. Что нужно для успеха войны? Грабеж (продовольствие войск), обманы (военная хитрость), поддержание духа (измена — шпионство). <Для того чтобы> Это — самое скверное дело, преданное позору в лице Каина. <Но ничего> И оно не изменилось, мы все — Каины, но дело в том, что Наполеон <победил> убил многих, и оттого он имеет власть. А как скоро он имеет власть, он имеет льстецов *Далее вписано позднее на полях:* (а до него ее имел Марат, Робеспьер, Пугачев), всех за редкими исключениями, и эти льстецы не могут иначе, как, подделав разум под совершившиеся факты, объяснять, что убийство есть величайшее достоинство. (Труднее было найти ему предком императора, но нашел же.) *Далее часть рукописи оборвана, недостает пяти строк.*

Всё, что мы писали [?], говорили, печатали, думали о войне — всё есть ложь, ложь, ложь и ложь, подобной которой нет ни в каком деле, потому что нет дела более дурного.

Pierre обрадовался вдруг, поняв эту мысль, и, встав, начал ходить, дальше развивая ее.

На полях рукописи: перевязочный пункт — P[ierre].

А ты знаешь, зачем он выдвинул? А затем, что глупее этого уж ничего нельзя сделать.

— Ну, как же однако, — возражал Pierre, избегая взгляда своего бывшего друга, — все обсуживали этот вопрос. И в такую минуту, я думаю, нельзя быть легкомысленным.¹

Князь Андрей захохотал так же, как смеялся его отец (Pierre'a поразило это сходство).

— *В такую минуту*, — повторил он. — Для них, для тех, с которыми ты там объезжал позицию, эта минута только такая минута, в которую можно подкопаться под врага и получить крестик и звездочку лишнюю.

Расставлять и переставлять нечего, потому что всякая диспозиция не имеет смысла, а так как *ils sont payes pour cela*,² им надо притворяться, что они что-нибудь делают.

— Однако всегда успех и неуспех сражения объясняют неправильными распоряжениями, — сказал Pierre, оглядываясь на Тимохина за подтверждением и на лице его находя согласие с своим мнением, точно такое же, какое и находил в нем князь Андрей, когда случайно взглядывал на него.

— А я тебе говорю, что всё это вздор и что ежели бы что-нибудь зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в полку, вот с этими господами и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них....

Pierre молчал.

Офицеры, напившись чаю и не понимая того, что говорилось,³ ушли.

— Но трудно тебе дать понять всю пучину этой лжи, всю отдаленность понятия о войне до действительности.⁴ Я это понимаю, 1) потому что я испытал войну во всех видах, 2) потому что я не боюсь прослыть трусом — *j'ai fait mes preuves*.⁵ Ну, начать с того, что сраженья, чтобы войска дрались, никогда не бывает и завтра не будет.

— Это я не понимаю, — сказал Pierre. — Идут же одни на других и сражаются.

— Нет, идут, стреляют *и пугают* друг друга. Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины изображения ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас, которые знаем, что это наряженные, но мы делаем то ¹ *Зачеркнуто*: Пьер начал приводить примеры из военной истории Фридриха и Наполеона

² [им за это платят,]

³ *Зач. позднее вписанное на полях*: хотели уйти, но князь Андрей удержал их.

⁴ *Зач.*: рассказать

⁵ [я это доказал.]

же самое. Говорится в III: «Culbuta les dragons russes. Ils rejetta» и т. д., ils abordèrent à bayonettes.¹ Этого никогда не бывает и не может быть. Ни один полк никогда не рубил саблями и не колол штыками, а только делал вид, что хочет колоть, и враги пугались и бежали. Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, что[бы] помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня. Моя цель только, чтобы они шли вместе и испугали бы французов и чтобы французы прежде нас испугались. Никогда не было и не бывает, чтобы два полка сошлись и дрались, и не может быть (про Шенграбен писали, что мы так сошлись с французами. Я был там. Это — неправда: французы побежали). Ежели бы сошлись, то кололись бы до тех пор, пока всех бы перебили или переранили, а этого никогда не бывает. В доказательство тебе скажу даже, что существует кавалерия только для того, чтобы пугать, потому что физически невозможно кавалеристу убить пехотинца с ружьем. А ежели бьют пехот[инца], то когда он испугался и бежит, да и тогда ничего не могут сделать, потому что ни один солдат не умеет рубить, да и самые лучшие рубаки самой лучшей саблей не убьют человека, который бы даже не оборонялся. Они только могут царапать. Штыками тоже бьют только лежачих. Поди завтра на перевязочный пункт и посмотри. На 1000 ран пульных и ядерных ты найдешь одну à l'arme blanche.² Всё дело в том, чтобы испугаться после неприятеля, а неприятеля испугать прежде. И вся цель, чтобы³ разбежалось как можно меньше, потому что все боятся. Я не боялся, когда шел со знаменем под Аустерлицем,⁴ но это можно сделать в продолжение 1/2 часа из 24-х. А когда я стоял под огнем в Смоленске, то я едва удерживался, чтобы не бросить батальон и не убежать. Так и все. Стало быть, всё, что говорится о храбрости и мужестве войск — всё вздор.⁵ Теперь второе: распоряжений никаких главнокомандующий в сражении никогда не делает, и это невозможно, потому что всё решается мгновенно. Расчетов никаких не может быть, потому что, как я тебе говорил, я не могу отвечать, чтобы мой батальон завтра не побежал с 3-го выстрела и тоже чтобы не заставил побежать от себя целую дивизию. Распоряжений нет, но есть некоторая ловкость главнокомандующего: солгать вовремя, накормить, напоить вовремя и опять, главное, не испугаться, а испугать противника и, главное, не пренебрегать никакими средствами, ни обманом, ни изменой, ни убийством¹ [Опрокинул русских драгун. Они отбросили... сошлись в штыки.]

² [холодным оружием.]

³ *Зачеркнуто*: все не

⁴ *Зач.*: мне даже весело было

⁵ *След. фраза печатается по наборной рукописи, сверенной с остатками попорченного автографа.*

пленных. Нужны не достоинства, а отсутствие честных свойств и ума. Нужно, как Фридрих, напасть на беззащитную Померанию, Саксонию. Нужно убить пленных и предоставить льстецам, которые во всем совершившемся и давшем власть найдут великое, как нашли предков Наполеону. Ведь ты заметь, кто полководцы у Наполеона, и нас уверяют, что это всё — гении: зять, пасынок, брат, как будто могло это так случайно совпасть: родство с талантом военным. Не родство совпало, а для того, чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством, а ничтожных много. Ежели бы кинуть жребий, было бы то же.

— Да, но как же установились такие противоположные мнения? — спросил Pierre.¹

— Как установилось? Как установилась всякая ложь, которая со всех сторон окружает нас и которая, очевидно, должна быть тем сильнее, чем хуже то дело, которое служит ей предметом. А война есть самое гадкое дело и потому всё, что говорят о войне, — всё ложь и ложь.

Сколько сот раз я видал людей, которые в сражении бежали (это всегда бывает) или спрятавшись сидели, ждали позора и вдруг узнавали по реляции, что они были герои и *прорвали, опрокинули или сломили* врагов и потом твердо и от всей души верили, что это была правда. Другие бежали от страха, натыкались на неприятеля и неприятель бежал от них,² и потом уверялось, что они, влекомые мужеством, свойственным сынам России, бросились на врага и сломили его. А потом³ оба неприятеля служат благодарственные молебны за то, что побили много людей (которых число еще прибавляют) и провозглашают победу. Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать древа познания добра и зла.

Они ходили теперь перед сараем, солнце уже зашло, и звезды выходили над березками, левая сторона не была закрыта длинными ¹ *Зачеркнуто позднее*: — Ну, как же ты не понимаешь? Одно из главных источников заблуждений людских это свойство подделывать разумные причины под совершившиеся факты. *Вместо зач. вписан текст след. абзаца.*

² *Зач. позднее*: В сражении — вот ты увидишь завтра — шум, дым, бегство, испуг на всех лицах, беготня, из которой никто, ничего не понимает; но, когда дело кончилось, тогда под него подделывается одна общая мысль, и так как мысль клонится к славе русского оружия, патриотизму, и п[отому] каждого солдата и офицера, за которым за каждым есть грешки трусости, никто не спорит и все верят и забросали бы меня камнями, ежели бы я им сказал то, что говорю тебе. От этого почти во всех сражениях *Вместо зач. вписано на полях, кончая словами*: А потом

³ *Вписано на полях позднее*: Я сам струсил под Шенграбеном, так что чуть не уехал, а в Турции вовсе спрятался за дерево.

тучами, поднимался ветерок. Со всех сторон виднелись огни наши и вдалеке огни французов, казавшиеся в ночи особенно близкими.¹

По дороге недалеко от сарая застучали копыта трех лошадей и послышались гортанные голоса двух немцев. Они близко ехали, и Pierre с Андреем невольно услышали следующие фразы:

— Der Krieg muss im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben.²

— Warum nicht, sogar bis Kazan,³ — сказал другой.

— Der Zweck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiss nicht den Verlust der Privat-Personen in Achtung nehmen.

— Jawohl,⁴ — слышался басистый, в себе самоуверенный немецкий голос, и Clauseviz⁵ с другим немцем, важные люди при штабе, проехали.

— Да, im Raum verlegen,⁶ — повторил, смеясь, князь Андрей. — Im Raum-то⁷ у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это — всё равно.⁸

— И всё — немцы, и в штабе всё немцы, — сказал Pierre.

— Это — море, в котором — редкие острова русские. Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить, славные учителя.⁹ Одно, что бы я¹⁰ сделал, ежели бы имел власть, это — не брать пленных.¹¹

¹ *Далее, кончая словами:* услышали следующие фразы: *печатается по наборной рукописи, сверенной с остатками попорченного автографа.*

² — Война должна быть перенесена в пространство. Это воззрение я не могу достаточно восхвалить.

³ [— Почему же нет, даже до Казани,]

⁴ Так как цель состоит только в том, чтоб ослабить неприятеля, то нельзя принимать во внимание потери частных лиц.

[— О, да,]

⁵ [Клаузевиц]

⁶ перенести в пространство,

⁷ В пространстве-то

⁸ *Зачеркнуто позднее:* Да, это ужасно, сколько их в штабе и *вписаны след. восемь слов.*

⁹ *Зач. позднее:* Ах, у нас был человек — Суворов, которого мы еще не скоро пойдем. У него были две мысли: простота — постное масло, отсутствие всякого штаба. Это первое. Когда эти подлецы и трутни пьют шампанское, а мы без сапог, мы не верим друг другу, и другое это атака, и всегда атака вперед. Он понимал, что всё дело в том, чтоб пугать и не давать разбежаться и для этого всегда заставлял бежать вперед.

¹⁰ *Зач. позднее:* прибавил и *надписаны след. пять слов.*

¹¹ *Далее зач. написанное позднее на отдельном листе, верхний угол которого попорчен. Отсутствующие слова заменены многоточиями.*

... На войне не всё лганье, оттого что это — самое гадкое дело... кавалерия — лганье, саблей нельзя рубить, рукопашная — штык... позиции-диспозиции и 100 positions — всё вздор. Дерутся, один другого победит, кто сильнее или упрямее. Упрямее — это главное... вместе, то вопрос в том, как справа этот не убил этого... бы добивать в середине. Но этот

Что такое пленные? Это рыцарство. Они враги мои, они преступники все по моим понятиям. Надо их казнить. Ежели они — враги мои, то не могут быть друзьями, как бы Александр Павлович ни разговаривал в Тильзите.

Это одно изменило бы всю войну и сделало бы ее менее жестокой. А то мы играли в войну — вот что скверно — наряжались в страш[ое], как М. и М., великодушничали и т. п. И всё это великодушие оттого, что мы не хотим видеть, как для нас бьют теленка, а кушаем его под соусом. Нам толкуют о правах, рыцарстве, о парламентарстве, шадить несчастных и т. д. Всё вздор. Я видел в 1805 г. рыцарство, парламент[ерство]. Нас надули, мы надули. Грабят чужие дома, пускают¹ фальшивые ассигнации, да хуже всего — убивают моих детей, моего отца и говорят о правилах и разумности. Одна разумность в том, чтобы понять, что в этом деле одна скотскость моя призвана. На ней и строить всё. Не брать пленных, кто готов на это, как я готов теперь, тот военный, а иначе — сиди дома и ходи к А[нне] П[авловне] в гостиную разговаривать.²

Князь Андрей остановился перед Ригг'ом и остановил на нем странно блестящие, восторженные глаза, смотревшие куда-то далеко.

— Да, теперь война — это другое дело. Теперь, когда дело дошло до Москвы, до детей, до отца, мы все — от меня и до Тимохина, мы готовы. Нас не нужно посылать. Мы готовы резать. Мы оскорблены, — и он остановился, потому что губа его задрожала.

в середине прибьет и пойдет... а слева... видишь, ежели 4 человека вместе, то сколько перемен... расчесть нельзя. Надо, чтоб они хотели драться, и самому тут быть... главное потому, что один может побить двух и не побить и все 3 могут уб[ить?]. Все это зависит от того, чего расчесть нельзя: ноги мокры. Потом главное лганье в том, что говорят: все стремятся сражаться — неправда, все стремятся за дерево. Главная цель моя завтра не то, чтоб французы сбежали, а чтобы вот эти не убежали. Но ты спросишь, что же надо на войне делать? Много. Во-первых, всю ложь отбросить. Наград никому не давать, кроме фронтовых. Диспозиций никаких не было. Кавалерию всю уничтожить и японскими средствами не пренебрегать. Стариков, как Кутузов, не допускать, и детей тоже. Теоретиков всех прогнать, войска равнять не по росту, а по мужеству. Потому лганье — honneur, patriotisme [честь, патриотизм] после [?]. Потом, главное — я думаю пленных не брать. *Вместо зачеркнутого написано на том же листе, кончая вновь зач. словами:* и забыли правду, а помнят ложь (стр. 116 сноска 1).

¹ *Зачеркнуто:* фальшивки [?] *Следующие слова, написанные на полях, с трудом поддаются прочтению из-за попорченного состояния рукописи. Несохранившиеся слова заменены многоточием.* Будут тактик, историк искать стратегии в Суворове — никакой. Это все хитрости Бенигсена или Ермолова... Аустерлиц мы проиграли оттого, что ехал, я видел, с духом[?], а тут... правду т[рудно?]... еще труднее...

² *Зач.:* Я так велел своим и сам на то иду. Я-то не убью, я не сумею и не осилю. *Поперек текста написано:* Суворов [ел?] капусту с [пост]ным маслом и вперед! *Далее, согласно знаку переноса:* ☉, *вписано на полях, кончая словами:* и губа его задрожала.

— Ежели бы так было всегда: шли бы на верную смерть, не было бы войны за то, что П. И. обидел М. И., как теперь. А ежели война, как теперь, так война, и тогда интенсивность войск была бы не та, как теперь. Мы бы шли на смерть, и им бы невкусно это было — вестфальцам и гессенцам и т. д. А в Австрии мы бы и вовсе драться не стали. Всё в этом — откинуть ложь, и война, так война, а не игрушка. Меня не Александр Павлович посылает, а я сам иду.¹

— Однако, ты спишь, — сказал князь Андрей.²

— О, нет! — отвечал Pierre, испуганно соболезующими глазами глядя на князя Андрея.

— Ложись, ложись, перед сражением нужно выспаться, — повторил князь Андрей.

— А вы?

— И я лягу.

И действительно, князь Андрей лег, но не мог спать, и, как только он услышал звуки храпения Pierre'a, он встал и до рассвета продолжал ходить перед сараем. В 6-м часу он разбудил Pierre'a. Полк князя Андрея, находившийся в резерве, выстраивался. Впереди слышно и видно было усиленное движение, но канонада еще не начиналась. Pierre, желавший видеть всё сражение, простившись с князем Андреем, поехал вперед по направлению к Бородину, где он надеялся встретить Бенигсена, предложившего ему накануне причислить его к своей свите.

В 6 часов было светло. Утро было серое. «Может быть, и ¹ *Зачеркнуто позднее*: Pierre говорит: — Но как же обществ[енное], государств[енное] устройство. Дипломат[ические] снош[ения].

<Князь Андрей> А не знаю. А то, что я говорю, я знаю, что это так. Прежде разговор об успехе Бориса. Толя, Кутайсова он не любит — об нем одном будут. Штабные? Да это всё — подлецы, шакалы или льстецы, или трутни. На совет можно нас позвать, а адъютантам можно кронд. написать.

На левом фланге — это нарочно сделал Бенигсен.

Андрей при свидании с Наташей понял, что она не виновата. Князь Андрей говорит Pierre'у: я знаю, что меня убьют, и одного мне хочется — это убить этого быка Анатоля.

Откупщики, все родные, гении. И у Бонапарта: п[ринц] Е[вгений] Б[огарне] — Jerome. Всё лганье на войне.

Оттого ничего не помнишь. Я видел, как под Шенграбенем, как в Турции — подделали всё после под рассказы и реляции и забыли правду, а помнят ложь.

² *Зач.*: В 1-м часу <пропели> <[1 неразобр.] из телеги> Князь Андрей и друзья зашли в сарай и заснули. В 4 часа часовой разбудил князя Андрея: велено было становиться в ружье. Pierre, разбуженный князем Андреем, пожал <руку князя Андрея> его руку и поехал в Бородино, где он <при Раевском> намеревался находиться во время сражения. *Далее вписано на полях позднее, кончая:* своей свите.

На полях: Pierre пошел в сарай и заснул. Князь Андрей раздраженный ходил всю ночь.

вовсе не начнут, может быть, этого не будет», думал Pierre,¹ подвигаясь по дороге.

Впереди² показался дымок, и густой, звучный, одинокий выстрел³ пронесся и замер среди общей тишины. Прошло несколько минут.⁴ Войска, стоявшие тут,⁵ так же, как и Pierre, вглядывались в этот дымок и вслушивались в этот звук.⁶ 2-ой, 3-ий выстрел в двигавшиеся французские войска заколебали воздух. 4-й, 5-й раздались близко и торжественно где-то справа, и как будто от этого выстрела проскакал кто-то мимо Pierre'a и тоже от этого выстрела задвигались⁷ солдаты, заслоняя⁸ батарею. Еще не отзвучали эти выстрелы, как раздались еще другие, еще, еще и еще, сливаясь и перебивая один другой. Уже нельзя было ни считать, ни слышать их отдельно. Уже слышались не выстрелы, а с грохотом и громом катились со всех сторон громадные колесницы, вместо пыли распространяя голубоватый дым вокруг себя. Только изредка вырывались более резкие звуки из-за равномерного гула, как будто встряхивало что-то эту невидимую колесницу.

Pierre редко видел утро. Он вставал поздно, и впечатление холода и утра соединялось в его впечатлении с ожиданием чего-то страшного. Он ехал и чувствовал, что как будто он не проснулся еще, что будто он всё еще с князем Андреем лежит на его турецком ковре и говорит, и слушает его говорящим, и видит эти страшно блестящие, восторженные глаза и безнадежные, сдержанно разумные речи. Он ничего не помнил из того, что говорил с князем Андреем, он только помнил его глаза, лучистые, блестящие, далеко смотрящие куда-то, и одно только вводное предложение из всех его речей живо осталось в памяти Pierre'a:

«Война теперь — это другое дело, — сказал он, — теперь, когда дело дошло до Москвы, нас не нужно посылать, а все от Тимохина до меня, в хорошие или дурные минуты, готовы резать.⁹ Мы оскорблены». И губа князя Андрея дрогнула при¹ *Зачеркнуто позднее*: подъезжая к флешам Багратиона. (Андрей ему советовал быть там, ежели он хотел видеть ход сражения.)

Но вдруг справа... и не из Бородина... *Вместо зач. вписаны след. три слова.*

² Слово: Впереди вписано позднее.

³ След. шесть слов вписаны позднее.

⁴ *Зач. позднее*: Видно было, как двигались французские войска и раздались 2-ой, 3-ий выстрел и всё слилось в дым, звуки, движение войск, страх и поспешность. *Вместо зач. надписано в тексте и на полях, кончая словами*: невидимую колесницу.

⁵ *Зач.*: у Бородина

⁶ *Зач.*: Pierre проскакал селение и с горы увидал

⁷ *Зач.*: и мерно и

⁸ *Зач.*: с правой стороны какие-то пехотные

⁹ *Зач.*: и стрелять.

этом,¹ и Pierre ехал, пожимаясь от свежести и вспоминая эти слова.

Он проехал уж Бородино и остановился у батареи, где он был вчера. Пехотные солдаты, которых не было вчера, стояли тут, и два офицера смотрели вперед и влево. Pierre посмотрел тоже по направлению их взгляда.

— Вот оно, — сказал один офицер.

Лошадь Pierr'a стала горячиться, настораживать уши и торопиться, с Pierr'ом сделалось то же самое. Гул орудий, торопливые движения лошади, теснота полка, в который он заехал, и, главное, все эти лица, строгие, задумчивые — всё слилось для него в одно общее впечатление поспешности и страха. Он спрашивал у всех, где Бенигсен, но никто не отвечал ему, все были заняты своим делом, которого не видно было, но присутствие которого видел Pierre.

— И что ездит тут в белой шляпе, — услышал он голос позади себя.

— Поезжайте, куда вам надо, а здесь не толкайтесь, — сказал ему кто-то.

— Где генерал Бенигсен? — спрашивал Pierre.

— А кто ж его знает.

Pierre, выехав из полка, поскакал налево к тому месту, где была самая сильная канонада. Но только что он выехал из одного полка, как попал в другой и опять кто-то крикнул ему:

— Чего едешь перед линией?

И опять везде он видел те же озабоченные, занятые лица каким-то невидимым, но важным делом.

Один Pierre был без дела и² без места.

Дым и гул выстрелов всё усиливался.³ Летали ли над ним ядра, Pierre не замечал, он не знал этого звука и был так встревожен, что не был в силах отдавать себе отчет о причинах разнообразных звуков. Он торопился скорее и скорее поспеть⁴ куда-то и найти себе дело.

¹ *Зачеркнуто позднее:* Из всего вечера памятно было Pierr'у это, и он, едъ по сражению, вспоминал только одно это слово и эту дрожащую губу. Pierre направлялся к флешам. Он обгонял стоявшие полки, шедшие полки и во всех глазах, встречавшихся с его глазами, он видел одно и то же выражение: сначала удивления — зачем этот толстый в белой шляпе с вывернутыми носками трясется тут, потом удовольствия при виде такого мирного домашнего явления и потом досады — зачем, мол, этот суется тут, когда дело не до шуток, — с которым отворачивались от Pierr'a.

Один раз даже Pierre заехал в двигавшиеся батальоны, и офицер сердито крикнул: «Чего едешь!» на галопировавшего Pierr'a. Все были заняты, казалось, очень заняты делами, кто строгал, кто чистил, кто распоряжался.

Вместо зачеркнутого вписан на полях дальнейший текст, кончая словами: но важным делом.

² *Зач. позднее:* это было тяжело ему и *вписаны след. два слова.*

³ *Зач.:* Наконец

⁴ *Зач.:* к Багратиону, думая найти там спасенье от овладевшего им беспокойства и сбивчивости впечатлений, овладевших им. *Вместо зач. вписан конец фразы.*

Раненых и убитых он не видал (по крайней мере он думал так, хотя он проехал уж мимо сотни таких).¹ Дело началось канонадой против флеш Багратиона и потом атакой на них. К ним-то и ехал Pierre, с страхом чувствуя, что беспокойство² и бесцельная поспешность всё больше и больше овладевают им.³

Всё у него перед глазами слилось в туман дыма и пальбы, из которых он редко натыкался на оазисы человеческих лиц, и все эти лица носили один и тот же отпечаток⁴ озабоченности и недовольства, и упреки в том, что заехал сюда без дела этот толстый человек в белой шляпе. Pierre ехал от Бородина по полю к флешам, полагая, что там только будет сражение. Но в то время, как он был уже в 200 шагах от флешей и в дыму видел прогалопировавшего вперед генерала со свитой (это был Багратион) и видел надвигавшиеся массы синих солдат с штыками, он вдруг услышал, что сзади его в Бородине, откуда он выехал, тоже началась стрельба и канонада.⁵

Он поскакал к тому месту, где видел генерала со свитой, но генерала уже не было, и опять сердитый голос закричал на него:

— И чего вертится тут под пулями!

Тут только Pierre услышал звуки пуль, свистевших уже вокруг него. Pierre остановился, отыскивая места, куда бежать, и, потерявшись, не узнавая, где были свои, где неприятель, поскакал вперед. Но пули, которых он прежде не замечал, свистали со всех сторон, и на него нашел ужас.

¹ *Зачеркнуто*: Но он видел что-то неловко, не то, и всякий раз считал нужным смотреть в другую сторону. Однако как дале *Вместо зач. вписан дальнейший текст*, кончая: овладевают им.

² *Зач.*: торопливость

³ *На полях*: Pierre удивляет всех своей храбростью. «Куда же вы едете?» — говорит ему адъютант. А он едет под страшным огнем наперерез. В нем — кровь отца.

⁴ *Зач. позднее*: страха. Несколько раз он натыкался на войска и думал: «уж не неприятель ли это?» и потом стыдил себя, так что, когда он, торопясь всё поскорее, действительно на скакивал на неприятеля, он думал, что это свои, и вскакал бы в ряды их, ежели бы кто-то не закричал ему: — «Куды?» Какой-то пехотный офицер с подвязанной щекой указал ему назад, недалеко, Багратиона, и Pierre поскакал туда. Он испытал утешение путника, после дождя попавшего под крышу, когда почувствовал себя в кругу знакомых лиц, но успокоение это продолжалось одну минуту. Багратион тронул вперед. Кажется, под горкой были очень близко французы, но Pierre не решился спросить. Он боялся, что этого не надо делать. И вдруг все заговорили и пули засвистели со всех сторон и *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст*, кончая: на него нашел ужас.

⁵ *Зач.*: «Ну, теперь — конечно, — подумал Pierre, — и назад то же самое. И мне некуда уехать». Несколько

Pierre был так¹ уверен, что каждая попадет в него, что² он остановился, пригнулся к седлу, мигал, почти не открывая глаз.³

Но вдруг на него наскочили наши кавалеристы, бывшие впереди, и его лошадь, повернув назад, поскакала с ними. Он не помнил, долго ли он скакал, но когда он остановился, он заметил, что страшных звуков пуль уже не было вокруг него, и что он весь дрожит, и что зубы его щелкают⁴ друг об друга.⁵

Вокруг него слезали с лошадей уланы.⁶

Много их было, раненых, в крови. Один в двух шагах от Pierr'a упал с лошади, и лошадь, фыркнув, отбежала от него. Лица всех этих людей были страшные. Пуль не слышно было, но над головами еще летали ядра. Pierre содрогался от звука¹ *Слово: так вписано позднее.*

² *След. пять слов вписаны позднее.*

³ *Зачеркнуто:* Потом все поскакали назад, и Pierre боялся только не отстать. Только что остановились, как Багратион обратился, кого бы послать, и Pierre предложил себя. И Багратион велел ему ехать в Горки к Кутузову. Pierre поскакал и, как только выскакал из-под ядер, заметил *Вместо зач. вписан дальнейший текст кончая:* пуль уже не было вокруг него,

⁴ *След. три слова вписаны позднее.*

⁵ *Зач. позднее:* Он прискакал в Горки. Там Кутузов сидел на лавке и смотрел в трубу. Pierre не хотел в том виде, в котором он был, показаться главнокомандующему, и передал порученное Толю. В сарае офицеры закусывали и дали Pierr'у кусок курицы, который он съел с хлебом и сделался очень весел. Но бу-тум бу-бу-бум — все смешались звуки, и Pierr'у стало совестно, и он поскакал назад туда, где бы могли убить его. Теперь уж он не мог не видеть раненых и убитых, не мог достаточно быстро отворачиваться от них. Отворачиваясь от одного, он попадал на другого. «Надо, надо ехать», думал Pierre, вспоминая, как задрожала губа князя Андрея. По дороге встретился ему адъютант Мюрата, взятый в плен. «Ура, ура», — закричали солдаты полка, шедшего мимо Pierr'a. Он остановился, чтобы пропустить их, и увидал князя Андрея, который бледный, с блестящими глазами, ехал сбоку.

В это время налетела кавалерия, разбитая, бежавшая назад. Много смеялись они, захватив с собой Pierr'a в белой шляпе; один ударил его лошадь по крупу, и он поскакал с ними назад, оглядываясь на князя Андрея. Андрей улыбнулся на минуту, и опять рот его тонко твердо сложился, и он всё смотрел вперед, далеко вперед, своими блестящими из бледно-желтого лица лучистыми глазами. *Вместо зач. вписан на полях и на отдельном листе дальнейший текст, кончая словами:* бежавших вокруг орудий (стр. 121).

⁶ *Зач.:* и одного раненого положили на землю. «Нет, я не могу этого выносить», подумал Pierre и тихим шагом, но оглядываясь, поехал назад к Татариновой вслед за фурами, которые, полные раненых, ехали впереди. Сзади еще громче, еще сплошнее и шире расплывались страшные звуки стрельбы и изредка даже и тут, над головой Pierr'a, пролетали ядра, и он содрогался от их звука, каждое казалось ему направленным в его голову. Он слез с лошади и, опустив голову, пошел по дороге, по которой всё <больше> прибывали и прибывали раненые.

— Взята, наши взяли. Как же? Царя в плен взяли. Беда, всё побил, слышались голоса.

Он шел

каждого ядра: каждое ему казалось направленным в его голову.¹ Он подъехал к упавшему с лошади и увидал, что у него оторвана рука выше локтя, что на вздрагивающих жилах в крови висит что-то,² и услышал, что улан плачет и просит водки.

— Некогда разбирать,³ веди на перевязочный, — слышался сзади строгий и сердитый командирский голос.

— Батюшки! кормильцы, — плакал улан. — Смерть моя. Не дайте умереть.

— Полковник, — сказал Pierre распоряжавшемуся офицеру, — прикажите помочь этому.

— Этот готов. Мне этих свезти на перевязочный пункт и то не знаю где.⁴

— Не могу ли я вам быть полезен? — сказал Pierre.

Полковник попросил его съездить отыскать перевязочный пункт, который должен был быть вправо у роши. Pierre поехал туда и,⁵ не переставал с замиранием сердца слушать продолжающуюся пальбу, долго отыскивал перевязочный пункт, и хотя после многих встреч и противоречивых известий о ходе сражения и нашел его, но не нашел уже того места, где были уланы. Отыскивая их, Pierre ехал по тому короткому пространству, которое отделяло в Бородинском сражении первую линию от резервов. Вдруг сзади стрельба и канонада усилились до отчаянности, как человек, который, надрываясь, кричит из последних сил. Толпа солдат, раненых и здоровых, нахлынула на Pierre'a, проскакали офицеры и войска, бывшие впереди его — резервы тронулись вперед.

Навстречу ему рысью ехали пушки и ящики, облепленные солдатами, другие солдаты цеплялись, соскакивали и бежали кругом, впереди скакал офицер. Это был <князь Андрей>...

Князь Андрей узнал Pierre'a.

— Ступай, ступай, тебе здесь не место. Не отставать! — пронзительно крикнул он на своих солдат, лепившихся и бежавших вокруг орудий.⁶

Князь Андрей был в резервах, которые⁷ били без движения ядрами до 3-го часа и которые тронулись к батарее Раевского в 3-м часу! Князь Андрей устал от волнения опасности¹ *Зачеркнуто*: Некогда разбирать

² *Зач.*: но что лицо улана было

³ *Зач.*: вали, поднимай на ложе.

⁴ *Зач.*: — Я <съезжу> поеду узнаю сейчас. Я видел у роши лазарет.

⁵ *Зач.*: хотя и нашел фуры лазаретные, *Вместо зач. надписан дальнейший текст, кончая*: и нашел его,

⁶ *На полях*: Князь Андрей трусил и разозлился на себя.

⁷ *Зач.*: тронулись

в бездействии, и теперь он задыхался от волнения и радости, подвигаясь вперед.¹

Да, только сколь ни глупое дело было война, он чувствовал себя ожившим, счастливым, гордым и довольным теперь, когда чаще и чаще слышались свисты пуль и ядер, когда он, оглядывая своих солдат, видел их веселые глаза, устремленные на него,² слышал удары снарядов, вырывавших его людей, и чувствовал, что³ эти звуки, эти крики только больше выпрямляют ему спину и выше поднимают голову и придают непонятную радость его движению.⁴

«Ну, еще, — думал князь Андрей, — еще, еще», и в эту же минуту почувствовал удар⁵ выше соска. «Это — ничего, ну его», сказал он сам себе в первую секунду удара. Еще бодрее он стал духом, но вдруг силы его ослабели и он упал.

«Это — настоящая. Это — конец», в ту же минуту сказал он себе. «А жалко. Что теперь.⁶ Еще что-то, еще что-то было хорошего.⁷ Досадно», подумал он. Солдаты подхватили его.⁸

— Бросьте, ребята. Не выходи из рядов, — сказал еще князь Андрей, сам не зная зачем он говорил это, но в ту же минуту дрожа, чтобы они исполнили его приказание.

Они не послушались и понесли его.

«Да, что-то нужно было еще».⁹

Солдаты принесли его к лесу, где стояли фуры и где был перевязочный пункт.

Перевязочный пункт состоял из трех раскинутых с завороченными полами палаток на краю березника. В березнике стояли фуры и лошади. И лошади в храпугах ели овес, и воробьи слетались к ним и подбирали просыпанное точно так же, как будто ничего не было особенного в том, что происходило вокруг.¹ *Зачеркнуто вписанное на полях:* Несколько рот его полка посадили на орудия и повезли. С веселым говором вскочили солдаты с разгоревшимися лицами. *И далее зач. в тексте:* «Да, только в рядах есть наслаждение войны», чувствовал он. Он оглядывал ряды, ротных командиров и не мог себе представить, как бы они испугались. Чем дальше шли, тем чаще вырывало людей из батальона. «Ну, еще, еще, — говорил себе князь Андрей, — чем больше, тем лучше».

Впереди виднелся редут и на редуте каша, с редута бежит к нему. Больше ничего не видит князь Андрей. *Вместо зач. вписан на полях след. абзац.*

² *Зач.:* и чувствовал

³ *Зач.:* возможно

⁴ *На полях зач.:* Удовольствие от удара. Это только немножко больно. Но вдруг силы ослабели и холод от мокрой крови.

⁵ *Зач. позднее:* <в живот> в грудь

⁶ *Зач.:* подумал он

⁷ *На полях:* (Победа, думает)

⁸ *Зач.:* рады уйти

⁹ *Зач. позднее:* «Да, этого человека... да, да, напрасно я не убил его». И опять он видел, как Анатолий целовал лицо и руки его невесты и видел эту невесту, презирающую его и любящую другого. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая:* два раза оглянулся на него (*стр. 123*).

палаток. Вокруг палаток больше, чем на две десятины места, лежали окровавленные тела живых и мертвых; вокруг лежащих с унылыми и испуганными лицами стояли толпы солдат-носильщиков, которым нельзя было отходить от этого места. Они стояли, кури[ли] трубки, опираясь на носилки. Несколько начальников распорядилось порядками, 8 фельдшеров и 4 доктора перевязывали и резали в 2-х палатках. Раненые ожидали по часу и более своей очереди, хрипели, стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки и бредили. Сюда же принесли князя Андрея и как п[олкового] к[омандира], шагая через перевязанных раненых, пронесли его ближе к палатке и положили у ее края.

Он был бледен, съежился весь и, стиснув тонкие губы, молчал, блестящими, открытыми глазами оглядываясь вокруг. Он сам не знал отчего, оттого ли, что сражение было проиграно, оттого ли, что¹ он желал жить, и оттого ли, что так много было страдающих, но ему хотелось плакать, и не слезами отчаяния, а добрыми, нежными слезами. Что-то жалкое и детски-невинное было в его лице. И, вероятно, от этого его трогательного вида доктор, еще не окончив делаемую операцию,² два раза оглянулся на него.

До князя Андрея не скоро дошло дело. Шесть человек докторов в фартуках,³ все в крови и в поту, работали. Офицер какой-то отгонял солдат, приносящих раненых.⁴

«Разве не всё равно теперь? — думал князь Андрей. — А может быть...» и он смотрел на того, которого перед ним резали доктора. Это был татарин-солдат с коричневой голой спиной, из которой ему вырезали пулю. (Князь Андрей вспомнил то мясо, которое было в реке.) Татарин страшно кричал. Доктор отпустил ему руки и накинул на него шинель и⁵ подошел к князю Андрею. Они переглянулись друг с другом и что-то оба поняли. Князю Андрею стыдно и холодно было, когда, как с маленького, с него снимали панталоны.⁶ Его стали сондировать и вынимать пулю, и он⁷ почувствовал новое чувство холода и смерти, которое было сильнее, чем боль.⁸

* № 181 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII).

Главный источник людских заблуждений состоит в отыскивании и определении причин⁹ явлений жизни человеческой — тех органических, жизненных явлений, которые вытекают из¹ *Зачеркнуто*: он убит

² *Зач.*: обратился к нему

³ *Зач.*: хлопотали

⁴ *Зач.*: Прямо

⁵ *Зач.*: взял

⁶ *Зач.*: Они что-то сделали с ним

⁷ *Зач.*: опять

⁸ *Зач.*: «Ну, что мучать, всё кончено. А может быть...» и он держался, чтобы не кричать.

⁹ *Зач.*: живых

совокупности бесчисленного количества необходимостей. Вольтер, кажется, сказал, что не было бы Варфоломеевской ночи, ежели бы у короля не было запора. Это столько же справедливо, как и то, что, ежели бы не было всех тех волнений, предшествующих Варфоломеевской ночи, то у короля желудок действовал бы исправнее. Столько же справедливо, как и то, что причина Варфоломеевской ночи был фанатизм средних веков, была интрига католиков и т. д. и т. д., о чем можно справиться во всех историях. Факт Варфоломеевской ночи есть одно из тех жизненных явлений, которое совершается неизбежно по предвечным законам, свойственным человечеству — убивать в среде своей лишнее число людей и подводить под это совпадающие с этим убийством свои страсти. Статистика преступлений показывает, что человек, думающий, что он убивает свою жену, потому что она изменила ему, исполняет только¹ общий закон, по которому он должен пополнить число убийц в статистическом отчете. Самоубийца, лишаящий себя жизни по самым сложным философическим соображениям, исполняет только тот же закон. Это относится до личности человека. Но общество человеческое, всё человечество, кроме² законов, управляющих их личностью, подлежат еще законам³, управляющим обществами, группами человечества (группами, определяемыми не по государственному различию, так что Баден не составляет отдельной группы,⁴ но по управляемости ими одними началами) и всем человечеством.

В этих обществах есть такая же необходимость больших убийств — войны, как и необходимость убийств для отдельных лиц, и точно так же, как и для самоубийства и убийства, частью ум и воображение человека подделывают причины, частью совпадают обстоятельства, принимаемые за причины, так и [в] обществах совершается то же.

Человек, как пчела и муравей, не могут быть рассматриваемы только как личности. Только общество людское есть целый организм, подчиненный таким же законам, как организм улья и муравейника. Для того, чтобы яснее понять это, посмотрите на мелкие общества людей, стоящих на низкой степени развития (там легче видеть от несложности условий), и дальше от нас, вследствие чего мы независимо можем смотреть на них, посмотрите на любое село. Каждый дом, двор, чулан, лавка, образ, чашка, ложка, одежда, еда, всё устроено точно так же у одного, как у другого. Весенний день вы видите из одного двора, из другого, точно так же, с теми же орудиями выезжают мужики сеять. Они не сговаривались, но думали об этом, но точно так же, как одна пчела, за ней другая из другого улья, ¹ *Зачеркнуто:*

зоологический

² *Зач.*: личных

³ *Зач.*: обще[ственным]

⁴ *Зач.*: а Европа, Россия и Мал

как будто говоря: ребята, на работу, уже полетели, вылетели пчелы и возвратились с калошкой, точно так же выехали и вернулись мужики, или бабы пошли брать замашки, или мыться к празднику. Как после 19 февраля мы все, помещики, углубились в новые условия жизни, вникали, отыскивали, думали, что мы только разумным путем доходим до вступления в новые условия и что же: из Пензенской губернии встречались с Тульскими и, не перебивая один другого, говорили всё то же, одно и то же, как сыновья, нечаянно все подарившие по зонтику матушке. Все говорили, что на сходках надо быть требовательнее, а никак не великодушными, что¹ лучше всего исполу, что батраки разорительны, что надо уменьшать запашки и т. д. и т. д. Всё это есть муравейная сторона, стадная сторона жизни. Для того, чтобы вполне понять возможность заблуждаться в непризнании этих общих стихийных законов, управляющих человечеством, необходимо понять² свойства человека.

1) ³Закон подделывания воображения с быстротой, исключаяющей понятие времени, под неизбежную необходимость, сложные умственные доводы, убеждающие нас в том, что то, что мы делаем, неизбежно делается по нашему произволу.

2) ⁴Закон, лишаящий человека⁵ в минуту совершения стихийного поступка видеть стихийность его и необходимость видеть его личную выгоду (праздники-посты)

и 3) закон совпадения жизненных явлений внешних с соответствующими ему душевно-нравственными или умственными проявлениями.

1) Для [того], чтобы понять способность подделывания причин под неизбежные⁶ явления лучше и очевиднее и проследить эту способность там, где она выражается отдельно от логичной способности ума.

Вы спите и видите сон, что шли на охоту, и длинную историю, предшествующую охоте; наконец вылетает дичь, вы стреляете и просыпаетесь. Звук выстрела был действительный звук — звук хлопнувшего ветром ставня. В момент пробуждения — воображение подделало всю историю охоты. Сумасшедший ничему не удивляется: его сажают в карету и везут, он не знает, зачем и куда. Он не только не удивлен, но говорит, смотря по своему пункту помешательства, почему он ждал этого, и рассказывает целую историю, вследствие [которой] должны были за ним приехать.

¹ Зачеркнуто: надо давать

² Зач.: закон

³ Зач.: Способность

⁴ Зач.: Свойство

⁵ Зач.: объяснять причину явлений только сообразно с своей выгодой и невыгодой.

⁶ Зач.: факты

Дети сидят, им целый день не позволяют бегать.¹ Они сидят и играют в тихую игру, представляя больную мать, доктора и мужа, и няню. Вдруг им позволено бегать. Слуга бежит за лекарством 30 раз вокруг стола, муж тоже, больная тоже. Для того, чтобы удовлетворить потребности движения, воображение мгновенно подделало им предлог посылки за доктором. Ребенку хочется спать или есть. Он плачет и сердится и всегда о чем-нибудь плачет и о чем-нибудь сердится. Это примеры (и таких миллионы) того действия воображения, где ум слабый не успевает разумно выбрать и обставить подделку воображения. Но процесс тот же самый. Вы сельский хозяин, вы не в духе, вы идете туда и обращаете внимание на то, что может дать вам предлог сердца, и искренно убеждены, что не вы выбрали предлог хозяйства, а что хозяйство мучит вас, что, не будь хозяйства, вы были бы спокойны. Вам необходимо по законам стихийным всуе верить, вы увидели сон, и вы под него подделываете будущее и ждете, не признаваясь себе. Вертящиеся столы, которые вертели все в мире и спорили, и говорили, и писали о магнетизме только потому, что стихийный закон — желание проникнуть будущее.

— Да вот вы не верите в гомеопатию, а он воскрес после белладонны, да и без исключения всем помогаю, — говорит гомеопат, здоровый и ученый, обладающий логичной способностью человек. Вас тронул мороз по спине, вы содрогнулись, читая книгу — это впечатление у вас бывало, когда вас тронуло что-нибудь и вы тронуты книгой. Вы вспоминаете, вам нечего вспоминать, и вы вспоминаете, что вы вспоминали. Бисмарк убежден, что из сложных, хитрых и глубоких государственных соображений его возникла победоносно кончившаяся последняя война. Члены *Vaterland*'а² думают, что это сделал патриотизм. Англичане думают, что они перехитрили Наполеона, а всё, что они все думают, подделало им их воображение с помощью ума — подделало под потребность кровопускания европейскому обществу. Таковую же потребность, как потребность желтых и черных муравьев истреблять [друг друга] и по известной вечно одной форме строить свой муравейник.

* № 182 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII?).

Не спор материалистов и идеалистов занимает меня. Что мне за дело до их спора. Но этот самый спор во мне, в вас, во всяком человеке. Есть у меня свобода воли? Это старое, столь дорогое мне понятие, или нет его и всё, что и делаю, совершается по законам неизбежным. Он говорит, что нервы мои аффектированы¹

Поперек текста: 2) Закон личности — лисица, зайцы и 3) закон совпадения. Что-то совершилось для него по неизвестной мне причине, имея причину и для меня.

² [Отечества]

так, что я не могу не сделать этого движения; но кроме того, что он запутался сам, когда дошел до объяснения понятия, из которого никто ничего понять не мог, он не ответил и никто не ответит на главный аргумент, простой и неоспоримый, как колумбово яйцо: я сижу и пишу, подле меня лежит гиря гимнастическая и собака. Могу я или не могу сейчас перестать писать? Попробовал — могу, а теперь могу я продолжать писать — могу. Стало быть, есть произвол. Но спрашиваю себя дальше, могу я поднять гирию и сделать так и так движение — могу. А могу я сейчас с высоты руки бросить гирию на собаку? Попробовал — нет, не могу. Оно можно в другие минуты; а теперь нет — 1000 соображений: глупо, жалко, можно сделать другой опыт. Нет, не могу.

А! так вот есть поступки, как маханье рукой во всех направлениях, как писание и воздержание от него, которые могу, и такие, которые не могу. Продолжу испытание. Могу пойти поцеловать спящего ребенка. Могу пойти в безик сыграть с тетушкой — могу. Могу пойти ударить лакея — или пойти поцеловать кухарку? — Нет, не могу, теперь не могу. Могу ли я не спать нынче ночью, мог ли я не согнать муху с глаза? — нет, не могу и не мог. Я просил других отвечать мне на такие же вопросы, и все отвечали то же. Есть вещи, которые можно сделать и не сделать (разумеется, в области физически возможного), есть вещи, которые нельзя сделать и нельзя не сделать. Это ясно. И ежели не только не запутается, как до сих пор в доказательствах, что нет ничего, кроме нервов, а что такое нервы, он не знает, но даже, если он мне, как $2 \times 2 = 4$ докажет это, то я не поверю, потому что я могу сейчас протянуть руку и потом не протягивать ее.¹

№ 183 (рук. № 89. Тт. III—IV).²

Соня (практ[ичная]) переглядывалась, несколько раз смотрела на часы, он всё сидел. Наконец, поймав раз этот взгляд, он засмеялся неестественно, встал и сказал: — M-lle Natalie, j'ai à vous parler,³ подите сюда.

Она вышла с ним в залу.

— Eh bien,⁴ — сказал он, и всё по-французски, — я знаю, что я вас больше не увижу, я знаю... теперь время... Не знаю зачем, я не думал, что я это скажу вам, но теперь время такое, что мы все на краю гроба, и меня стесняют наши приличия. Я вас люблю и люблю безумно, как никогда ни одну женщину.¹ *Зачеркнуто*: Стало быть, есть произвол. Но кроме того, я не мог сейчас же после этого не протянуть руки к глазу, на котором защекотала меня муха, и кроме того я не мог сейчас не бросить гирию на собаку.

² Данный вариант представляет собою первую редакцию конца романа.

³ [Мадемуазель Натали, мне нужно с вами переговорить,]

⁴ [Так вот,]

Вы мне дали счастье, которое только я испытывал. Знайте это, может быть вам это будет приятно знать, прощайте.

Не успела еще Наташа ответить ему, как он уже убежал. Наташа рассказала Соне, что ей сказал Pierre, и, странно, в этом доме, набитом ранеными, с неприятелем у заставы Москвы, с неизвестностью о двух братьях, в первый раз после долгого времени у них возвратился тот задушевный разговор, которые бывали в старину. Соня говорила, что она это давно замечала и удивлялась, как он мог не сказать этого прежде, что теперь он, как сумасшедший.

Наташа не отвечала. Она поднялась.

— Где он теперь? — спросила она. — Дай бог ему счастья и помилуй его.

Она разумела Андрея. Соня поняла это, но, с своею способностью скрывать, она спокойно сказала:

— Ежели бы он был ранен или убит, мы бы знали.

— Знаешь, Соня, я всей душой, всей внутренностью никогда не любила его. <Кур[агина]>, того я совсем не любила — это было другое, но его я не любила, и в этом, в первом я виновата перед ним. Ежели бы я знала, что он счастлив, и я бы могла жить, а теперь нет... Мне всё черно, всё темно на свете. Прощай. Ты спать хочешь. Да?

На другой день¹ Наполеон стоял² на Поклонной горе и смотрел на Moscou, cette ville asiatique aux innombrables églises,³ и говорил: «La voila donc enfin cette fameuse ville.... Il était temps qu'on m'amene les boyards»,⁴ и он, слезши с лошади, смотрел на этот город,⁵ qui était à la veille⁶ d'être occupé par l'ennemi comme une fille qui a perdu son honneur,⁷ по его собственному выражению.

Этому узкому уму ничего не представилось, кроме города, добычи и его великого завоевательства — Alexandre de Macédoine⁸ и т. д., и он с хищной и пошлой радостью смотрел на город и поверял на разостланном перед ним плане подробности этого города.

— Да, — говорит разбойник, готовящийся изнасилничать женщину, — мне говорили: красавица, так — и косы и груди, всё, как они говорили мне.

¹ Зачеркнуто: рано

² Зач.: слезши с лошади

³ Москву, этот азиатский город с бесчисленными церквами,

⁴ [Так вот он, наконец, этот знаменитый город... Давно пора привести ко мне бояр,]

⁵ Зач.: с той хищной радостью

⁶ Зач.: de perdre son honneur [потерять свою невинность]

⁷ [которому на другой день предстояло быть занятым неприятелем, стать подобным девушке, потерявшей невинность,]

⁸ [Александра Македонского]

— Les boyards¹ не пришли, и с шумом и криком «Vive l'Empereur!»² и звоном бросились войска через Драгомиловскую заставу.

В это время Pierre в мужицкой свитке, но в тонких сапогах, которые он забыл снять, шел по пустынному³ Девичьему Полю, ощупывая пистолет под полою и остановившимися близорукими глазами без очков глядя под свои ноги. Pierre сжег свои корабли и⁴ вышел из⁵ черты, занимаемой нашими войсками, и торопился скорее войти в черту французов. Он испытывал новое для него, счастливое чувство независимости, похожее на то, которое испытывает богатый человек, оставляя все прихоти роскоши и отправляясь с сумкой путешествовать в горы Швейцарии. «Чего мне нужно? Вот я один, и всё у меня есть, и солнце, и силы». Чувство это еще более усилилось случившимся с ним на Девичьем Поле событием у Алсуфьева дома. Он услышал крик и песни в доме и зашел в ворота. Пьяная солдатская голова выглянула из окна гостиной.

— Опоздал, брат..... не хочешь ли? А, черт, пришел, услышал.

Другой человек, видимо дворовый, высунулся.

— Что ругаешь? — и, поглядев на него, сошел вниз.

Он, шатаясь, подошел к Pierr'у и взял его за полу.

— Что, брат, дожили до времячка, вот они! — И он потряс в руках два мешка с чем-то. — Иди. Друх, люблю. — И он дергал его.

Pierre хотел итти прочь и оттолкнул его.

— Чего толкаешься? И, Петро, барин? Ей-богу, барин, — сапоги-то.

Еще три человека обступили Pierr'a.

— Барин кошку ошпарил. В мужика нарядился. Твой дом, что ль? — нагло глядя в глаза, спросил его один.

— Вон, бездельники, — крикнул Pierre, толкнув переднего.

Все отступились от него, и он пошел дальше, намереваясь⁶ тотчас же выстрелить в Наполеона. Но войска, которые он скоро встретил и от которых он спрятался в ворота дома, оттеснили его на левую сторону Девичьего Поля, тогда как Наполеон проехал Драгомиловским мостом.⁷

В это же время в Гостином дворе и на площади происходили неистовые крики солдат, растаскивающих товары, и офицеров,¹ [Бояре]

² Да здравствует император!

³ Зачеркнуто: Арбату

⁴ Зач.: скорее

⁵ Зач.: межи

⁶ Зач.: спря[таться]

⁷ На полях: — Англичане идут на выручку нам, — сказала Pierr'у баба, но он услышал говор французов:

— Pas plus [de] cosaques, a que diable. On dirait le champ de Mars. [И помину нет о казаках, черт возьми. Точно Марсово поле.]

старающихся собрать их. Подальше, в улицах, ведущих к Владимирской заставе, толпились войска, повозки с кладью и ранеными.¹ На Яузском мосту толпились повозки и не пропускали шедшую сзади артиллерию. Впереди повозок была одна, парой, с горой накладенных вещей, стульчик детский, перины торчали, наверху сидела баба, придерживая кастрюли, сзади между колес жались 4 борзые на ошейниках, рядом с ней, сцепившись колесом, была мужицкая телега с шифоньеркой, обвязанной рогожами, и на ней был денщик, сзади коляска, потом три купеческие фуры. Кирасир обгонял с одной стороны.

— Что, батюшка, идет, что ль, сзади-то? — спросила баба.

— Кык она моя Касатинка была, — вдруг закричал кирасир, желая запеть, и, палашом ударяя худую лошадь, качаясь, проскакал мимо.

— Держи его! — слышалось сзади, и два казака, смеясь, проскакали с² шубой в руках.

— Тепло так, согреешься. С возу уташил. Что ж. Это хуже хранцуза. Да трогай, что ль.

Вдруг сзади, ломая, поперла толпа; палить будут. Пан[ика]. Кто под мост, кто за перилы. Это был Ермолов, который велел артиллерии сделать пример, что стреляют, чтоб очистить мост.

В другом месте РаSTOPчин подскакал к Кутузову и много и сердито начал говорить ему.

— Мне некогда, граф, — отвечал Кутузов и отъехал далее и, став на дрожках, облокотя стар[ую] голову на руку, молча пропускал войска.

За Москвой по Тамбовской дороге цугами тянулись в два-три ряда экипажи, тем гуще, чем ближе к Москве, и тем реже, чем дальше. Только отъехав верст за 10, люди едущие начинали опоминаться от страха, тесноты, крика, которые были в городе, начинали переговариваться между собой, осматривать, все ли и всё ли цело, и начинали дышать менее пыльным воздухом.

В числе этих счастливых был и обоз Ростовых. Они выбрались за город, но ехали все-таки шагом;³ 6 подвод с ранеными отправились от них отдельно. С ними же ехали те повозки с ранеными, которые они отделили уже от своего личного поезда. Таких было 2, из которых в одной лежал князь Андрей с Тимохиным. Эта повозка ехала впереди. За ними охала большая карета, где сидели: графиня, Дуняша, доктор,⁴ Наташа и Соня, сзади коляска графа, граф с камердинером, потом бричка с девушкой и людьми. Вдруг поезд остановился от передних повозок, и, высунувшись, Соня и Наташа из двух окошек увидели, ¹ *На полях*: Кутузов сидел на скамейке и он взволновался и испугался, когда сказали, что Мил[орадовича] преследуют. Удерживать неприятеля и остановить всю армию или итти дальше?

² *Зачеркнуто*: кастрю[лей], сед[лами]

³ *Зач.*: 8

⁴ *Зач.*: слуга, сзади

что что-то возьмется около передней брички с офицерами. Соня услышала слово: «кончается. Он умрет сейчас», которое сказал один из людей, и, дрожа от страха, чтоб Наташа не услышала того же, вернулась головой в карету и стала говорить что-то Наташе. Но Наташа тоже слышала это и с обычной быстротой отперла дверцу, откинула подножку, сбежала и побежала вперед. В передней повозке на ситцевой подушке лежал лицом кверху князь Андрей с закрытыми глазами и, как рыба, открывал и закрывал рот, ловя воздух. Доктор стоял уже на подножке и щупал пульс. — Наташа ухватилась за колесо повозки, почувствовала, как бьются одна о другую ее колени. Но она не упала.

— Что вам, графиня, тут делать? — сказал доктор сердито. — Извольте итти, ничего!¹

Она пошла покорно.

— Скажите лучше графу, что нельзя ли ему уступить рессорный экипаж. — Наташа пошла к отцу, но граф Илья Андреевич уже шел навстречу, и передала ему то, что сказал доктор. Больного перенесли в коляску. А Наташа молча села в карету. Ни Соня, ни мать старались не смотреть на нее. Мать сказала только:

— Доктор говорил, что он будет жив.

Наташа посмотрела на нее и опять отвела глаза в окно.

На² 1-ой станции был вперед посланный задержать постоянный двор для Ростовых. Они остановились в нем ночью. Одну комнату заняли они все вместе, другую, лучшую, отдали раненым офицерам. Было уже темно, когда сели обедать. Доктор пришел от раненых и объявил, что Болконскому лучше, что он может поправиться и доехать. Главное доехать.

— Он в памяти?

— Теперь совершенно.

Доктор ушел спать к больному, граф — в коляску. Наташа легла к матери. Когда свечи потушили, она прижалась к матери и зарыдала.

— Он будет жив.....

— Нет, я знаю, что он умрет.... я знаю. — Они вместе плакали. И ничего не говорили. Соня с своего сена на полу несколько раз поднимала голову, но ничего не слышала, кроме слез. Уж петухи пропели несколько раз близко на дворе и все заснули, но Наташа не спала. Она не могла ни спать, ни лежать, она тихо встала, не обуваясь, надела материну куцавейку и, перешагнув через храпевшую девушку, вышла в сени. В сенях спали какие-то мужчины и забурчали что-то при звуке отворившейся двери. Она нашла скобу другой двери и отворила ее.³ В комнате был свет нагоревшей сальной свечи. Что-то зашевелилось, это и был Тимохин с своим красным носом, который ¹

Зачеркнуто: Скаж[ите]

² *Зач.:* посто[ялом]

³ *Зач.:* Ничто

испуганными глазами смотрел на графиню, поднявшись на локоть. Узнав барышню, он, не переставая смотреть, стал закрываться стыдливо плащом. Против него лежал еще раненый на кровати, спустив маленькую белую руку. Наташа неслышными босыми шагами подошла к нему, но он услышал, тяжело открыл глаза и вдруг радостно, детски улыбнулся. Наташа ничего не сказала, она упала неслышно на колени, взяла его руку, прижала к вдруг вспухнувшему от слез губам и нежно прильнула к ней. Он делал движения пальцами, он чего-то хотел. Она поняла, что он хотел видеть ее лицо. Она подняла свое детски-изуродованное всхлипываньями мокрое лицо и посмотрела на него. Он всё так же радостно улыбался. Тимохин, стыдливо закрывая голую, желтую руку, дернул доктора, заснувшего рядом, и доктор и Тимохин испуганно смотрели, не шевелясь, на Наташу и Андрея. Доктор стал кашлять. Они не слышали его.

— Можете ли вы простить?

— Всё, всё — тихо сказал Андрей.¹

Доктор еще громче закашлял и зашевелился. Тимохин, ожидая, что она обернется, скрыл всё до подбородка, хотя и высунулась босая нога.

Наташа вздохнула тяжело и легко и вышла из комнаты.²

Из дома Pierr'a две княжны (3-я давно вышла замуж) были выпровожены,³ многое было увезено. Что именно, Pierre не знал хорошенько. Он начал было руководить уборкой картинной галереи, но, увидав, как много было драгоценных вещей и как мало средств увоза и времени, он предоставил всё дело дворецкому и не вмешивался более. Сам же он ехать никуда не хотел, преимущественно от того, что ему совестно было подражать всем слабым уезжающим людям и женщинам. Он всё верил еще в сражение последнее, отчаянное, как защита Сарагоссы. Потом же осталось так мало времени, когда узналось, что сражения не будет, что не успел принять нового решения. Смутно представлялось ему ббб и Pierre de Besuhoff, но главное ¹ *Зачеркнуто*: — идите, — ² *Зач.*: и вернулась.

На полях два конспекта: Pierre первое время, когда один, то озлоблен и оскорблен, но потом смягчен.

Остался оттого, что совестно ехать.

Далее карандашом: Pierre в доме Ростовых с дворником в комнате Наташи, танцы, офицер. Долохов. Пожар. Ребенок. По пожару взят на Д[евичьем] П[оле].

Старушка, знакомая Pierr'a. Pierre рассказывает французу про свою любовь. Убита девка за то, что выстирала услужливо ассигнации в штанах, тело ее осталось. Ребенок P[ierr'a].

Масонство менее действует, чем всемирное знакомство добрых людей. Сапоги разбойник снимал — дед заплакал, за колпак деда.

Дети из палок стреляют. Б.... — Белобородова.

³ *В рукописи*: выпровожено

волновало его беспокойство и показать, что всё ему действительно море по колено, как он это почувствовал и сказал на Дворянском собрании. Главное чувство, владевшее им, было то русское чувство,¹ которое заставляет загулявшегося купца перебить все зеркала — чувство, выражающее высший суд над всеми условиями истины жизни, на основании какой-то другой, неясно осознанной истины. Одно, о чем и не думал Pierrе, но что инстинкт дал понять ему и что было уже решенный вопрос, как только он задумал оставаться в Москве, было то, что он будет оставаться в Москве не под своим именем и званием графа Безухова и зятя одного из главных вельмож, а в качестве своего дворника.² Он перенес свою постель и книги во флигель и поместился там за перегородкой комнатки, в которой жил³ дворецкий с старухой тещей, женой и свояченицей, вдовой, бойкой, худой красивой бабой, когда-то бывшей 1-й любовью Pierr'а и потом испытавшей много превратностей и радостей и бывшей близко знакомой со многими из богатейших московских молодых людей. Теперь она была sur le retour,⁴ повязана платочком, с косичками, румяными, чахоточными щеками, мускулистыми, худыми, сильными членами и блестящими, прекрасными, всегда веселыми глазами. Отношения, кончившиеся весьма приятно для Мавры Кондратьевны, со стороны Pierr'а теперь были забыты. Мавра Кондратьевна была с Pierr'ом почтительно фамильярна и веселила весь их кружок своей находчивостью и бойкостью.

Она нарядила Pierr'а в армяк Степки (сначала выпарив его), и она, принарядившись, пошла с Pierr'ом навстречу французам. В кабаке был крик, Мавра Кондратьевна останавливается. Pierr'а остановили и через поляка спросили: где жители. Кто он. Какой это костел, показывая на собор? Они поглядели на драгун, на пехоту. Мавра Кондратьевна, смеясь, советовала Pierr'у ласковее быть с ними.

И страшно и весело было Pierr'у подумать, что он уже обхвачен и корабли сожжены. Он всё ходил, смотрел разные войска и вблизи видел живые, добрые, усталые, страдальческие, человеческие лица, которые жалко ему симпатичны были. Они кричали «Vive l'Empereure», и были минуты, что Pierr'у казалось (уже под конец), что так и должно быть и что они правы. Ему даже захотелось закричать.

Они⁵ узнали, что Наполеон стоял в Драгомиловском предместьи, и вернулись. Мавра Кондратьевна с платком, свернутым¹ *Зачеркнуто*: равно[душия]

² *На полях*: В Pierr'е детская наивность и незнания языка и условий быта, за к[оторые] с ним обращается, как с ребенком, почтительно.

³ *Зач.*: пр[ивратник?]

⁴ [уже немолода,]

⁵ *Зач.*: прознали

мышкой, в розовом платье и лиловом шелковом платке пошла одна, нисколько не робея, подмигивая французам.

Pierre пошел один в Старую Конюшенную к княжне Чиргазовой, старой-старой москвичке, которая, он знал, не выезжала из Москвы. Pierre пошел к ней, потому что некуда было деваться, и он рад был, что пошел к ней. Как только он вошел в ее переднюю, услышал привычный запах старого затхла и собачек в передней, увидел старика лакея, девку и шутиху, увидел цветочки на окнах и попугая, — все по-старому, так он опять попал в прежнее свое русское состояние.

— Кто там? — слышался старухин ворчливый голос, и Pierre невольно подумал, как посмеют войти французы, когда она так крикнет.

— Царевна! (так звали шутиху) подите же¹ в переднюю.

— Это я, княжна. Можно?

— Кто я? Бонапарт, что ль? А, ну здорово, голубчик, что же ты не убежал? Все бегут, отец мой. Садись, садись. Это что же, в кого нарядился, или святки уж, ха-ха. Царевна, поди, погляди... А² что же они тебе сделают? ничего не сделают. Что ж, пришли, что ль? — спрашивала она, точно как спрашивала, пришел ли повар из Охотного ряда. Она³ или не понимала еще, или не хотела понимать. Но, странно, ее уверенность была так сильна, что Pierre, глядя на нее, убеждался, что действительно ничего нельзя ей сделать.

— А соседка-то моя, Марья Ивановна Долохова, вчера уехала — сынок спровадил, так же, как ты, наряжен, приходил меня уговаривать уехать, а то, говорит, сожгу. А я говорю: сожжешь, так я тебя в полицию посажу.⁴

— Да полиция уехала.

— А как же без полиции? У них, небось, своя есть. Я, чай, без полиции нельзя. Разве можно людей жечь? Пускай едут, мне выгода:⁵ я на двор к ним прачечную перевела, мне простор....

— А что ж, не приходили к вам?

— Приходил один, да я не пустила.

В это время слышался стук в калитку, и скоро вошел гусар. Очень учтиво, прося извинения за беспокойство, он попросил поесть. Грузинская княжна посмотрела на него и, поняв, в чем дело, велела отвести его в переднюю и покормить.

— Поди, голубчик, посмотри, дали ли ему всего: от обеда вафли хорошие остались, а то ведь они рады, сами сожрут...

Pierre подошел к французу и поговорил с ним.

— Граф Петр Кирилыч, поди сюда, — закричала старуха, но в это время француз, отзывая в переднюю Pierre'a и показывая¹ *Зачеркнуто*: кто сюда

² *Зач.*: и то правда

³ *Зач.*: видимо

⁴ *На полях*: М. Д. Ахросимова

⁵ *Зач.*: у меня дров

черную рубаху, краснея, просил дать ему чистую, ежели можно. Pierre вернулся к старухе и рассказал.¹

— Хорошо, дать ему полотна десять аршин, да сказать, что я из милости даю. Да скажи ему, чтоб он своему начальнику сказал, что, мол, вот я — княжна грузинская, Марфа Федоровна, живу, никого не трогаю и чтоб они мне беспокойства не делали, а то я на них суд найду, да лучше самого бы ко мне послал. Хорошо, хорошо, ступай с богом, — говорила она французу, который расшаркивался в дверях гостиной en remerciant la bonne dame...²

Выходя от княжны, Pierre в темноте лицо с лицом наткнулся с человеком в таком же армяке, как он сам.

— А, Безухой! — сказал человек, которого Pierre тотчас узнал за Долохова. Долохов взял его за руку, как будто они всегда были друзья. — Вот что, ты остался, и хорошо. Я запалил уж Каретный ряд, мои молодцы зажгут везде, да вот как мне с старухой быть, жалко; а материн дом я зажгу.

Pierre тоже забыл в это время, что Долохов был его враг, он без предисловий отвечал ему.

— Нельзя, за что же ее жечь? — сказал он. — Да кто ж распорядился жечь?

— Огонь! — отвечал Долохов, — а свой дом зажжешь?

— Да лучше, чем угощать в нем французов, — сказал Pierre, — только сам зажигать не стану.

— Ну, я тебе удружу. Завтра сделаю визит с красным петухом, — сказал Долохов, близко приставляя свое лицо к лицу Pierr'a, и, засмеявшись, пошел прочь.

— Ежели меня нужно будет, спроси у Данилки под Москворецким мостом.

Вернувшись домой во флигель, Pierre встречал везде французских солдат; некоторые спрашивали его, кто он, и, получая ответ: «дворник из такого-то дома», пропускали его. У его дома стояли часовые, и в доме, как он узнал, стоял важный французский начальник. В галерее сделали спальню, перестановили всё и спрашивали, где хозяин, и с Маврой Кондратьевной заигрывали.³ Слышно было тоже про пожары.

На другой день Pierre пошел опять ходить и⁴ невольно толпой народа привлечен был к гостиным рядам, которые горели. Здесь от дыма он пошел к реке и у реки наткнулся на толпу, около мальчика 5 лет. Чей он был — никто не знал, и взять его никто не решался. Pierre взял его и пошел домой. Но горела уже и Покровка и его дом. Толпы народа и солдат грабили и сновали¹ *На полях конспект*: Типы французов. Итальянец — нежный, добрый, образованный. Рыжий Javert — честный служака. Брульон — весельчак.

² [благодаря добрую госпожу...]

³ *Зачеркнуто*: да она

⁴ *Зач.*: на Арбате встретил Наполеона

по городу.¹ У своего дома [?] он встретил Мавру Кондратьевну, она бежала и кричала, что всё сторело и разграблено. Они вместе с ней пошли к церкви. По дороге видел, как убил улан пикой купца. В церкви нечего было есть. Мавра Кондратьевна пошла на добычу и достала чаю, и сахару, и водки, а водку променяла на хлеб.² Pierre пошел на добычу, но по дороге был остановлен солдатом, который снял с него кафтан и велел нести мешок. По дороге они зашли на <П[одновинское] П[оле]>, там Pierre видел, как дворнику старику велел солдат сесть и разуться. Старик заплакал, мародер отдал ему сапоги и ушел. Потом отпустил Pierr'a. Когда Pierre вернулся голодный, он заснул. Поутру пришли два офицера в церковь. Один подошел к Pierr'у, спрашивая, кто он? Pierre сделал ему масонский знак, которого не понял офицер, но обратился с вопросом, что ему нужно? Pierre рассказал свое положение. Они пошли вместе с найденышем на квартиру француза в доме Ростовых,³ пообедали и выпили. Pierre рассказал свое положение и свою любовь. Он говорил, как духовнику. Француз — милый, умный человек. Pierre, чтобы не подводить француза, давшего ему слово, ушел к княжне грузинской. У нее начальник, присылавший ей кофе. На дворе тихо, дети стреляют из палок в французов. Но на дворе соседней событие: убийство кухарки за то, что прислужилась: вымыла панталоны с ассигнациями. Pierre идет отыскивать Долохова, чтоб найти средство уйти. Он встретил Долохова и зашел в подвал. Вдруг француза Долохов ударил ножом и пистолетом и выскочил. Pierr'a взяли и повели на Девичье Поле к Даву. При нем расстреляли 5-х. Его положили в часовню. Часовня для них была только место.

Масонские знаки сначала не помогают.

В Петербурге после приезда государя из Москвы многое было уложено и готово к отправке. В высших кругах с большим жаром, чем когда-нибудь, шла сложная борьба партий: Румянцева, французов, патриотическая Марии Федоровны, оскорбленной самим государем, и бестолковая цесаревича, заглушаемая и усиливаемая⁴ трубением трутней; но спокойная, роскошная, тщеславно пустая жизнь, озабоченная только признаками жизни, шла по-старому, и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознать опасное и трудное положение государства. Те же были выходы, даже балы, французский¹ *Зачеркнуто*: Pierre прошел к княжне грузинской. У них стоял начальник во флигеле, и ее не трогали — посылали ей даже гостинцев.

² *Зач.*: В церковь пришли два

³ *Зач.*: Pierre рассказал всё свое по[ложение]

⁴ *В рукописи*: усиливаемой

театр, интересы двора, интри[ж]ки службы и торговля. Только в самых высших кругах делались усилия напоминать то положение, в котором находилось государство.¹

Так, у Анны Павловны 26 августа, в самый день Бородинского сражения, был вечер, цветом которого должно было быть чтение письма преосвященного....² посылавшего государю образ Сергия. Письмо это почиталось образцом патриотического духовного красноречия. Прочсть его должен был сам князь Василий, славившийся своим искусством чтения. Он читывал еще у импер[атрицы]. И искусство чтения считалось в том, чтобы громко, певуче, лавируя между отчаянным завыванием и нежным ропотом, переливать слова, совершенно независимо от их значения, то есть что совершенно всё равно было, на какое слово попадало завывание, на какое ропот. Чтение это, как и все вечера Анны Павловны, имело политическое значение. Было собрано много народа и таких, которых надо было устыдить за их поездки во французский театр и воодушевить. <Пока> Анна Павловна еще не видела в гостинной всех, кого нужно было, и потому заводила общие разговоры.

На одном конце говорили о Héléne,³ рассказывали с соболезнованием о ее болезни. Она выкинула, и доктора отчаивались в ее излечении.⁴ Злые языки говорили, что странно ей выкинуть теперь, когда она 9 месяцев, как в разлуке с мужем.

— Ну, это положим, — говорил другой, — это — секрет комедии. — Он назвал очень важное лицо, находящееся <теперь>⁵ в армии, — но дело в том, что скандальная хроника говорит, что она и этому лицу не осталась верна и что неожиданное возвращение и приезд, когда l'autre un petit housard⁶ был тут, б[ыли] причиной ее испуга.

— Жалко. Необыкновенно умная женщина.⁷

— Ах, вы о бедной графине говорите, — сказала, подходя, Анна Павловна. — Ах, как мне ее жаль. Мало, что умная женщина, какое сердце! И как необыкновенно она сформировалась. Мы с ней много спорили, но я не могу не любить ее. Неужели нет надежды! Это ужасно. Ненужные люди живут, а цвет нашего общества... — Она не договорила и обратилась к Билибину, который в другом кружке, подобрав кожу и, видимо, собираясь распустить ее, чтобы сказать un mot,⁸ говорил об австрийцах.

¹ Зачеркнуто: 1 сентября пришло известие о Бородинском сражении.

² Многоточие в рукописи.

³ Зач.: шопотом

⁴ Зач.: Дур[ные]

⁵ Вместо зач.: теперь надписано одно неразобр. слово.

⁶ [другой, молодой гусар]

⁷ На полях: Жюли тут, ждет мужа.

⁸ [словечко,]

— Je trouve que c'est charmant,¹ — говорил он про сообщение, при котором отосланы в Вену австрийские знамена, взятые Витгенштейном (le héros de Péteropol).²

— Как, как это? — обратилась к нему Анна Павловна, возбуждая молчанье для услышания mot, которое она уж знала.

— L'Empereur renvoie les drapeaux autrichiens, — сказал Билибин, — drapeaux amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route,³ — докончил Билибин, распуская кожу.

— Charmant, charmant. Ах, иди Га-га [?], — сказал князь Василий, но в это время уж вошло то недостаточно патриотическое лицо, которое ждала для обращения Анна Павловна, и она, пригласив князя Василия к столу и поднося ему две свечи и рукопись, попросила его начать. Всё замолкло.

— Всемиловейший государь император, — строго провозгласил князь Василий и оглянул публику, как будто спрашивая, не имеет ли кто сказать что-нибудь против этого. Но никто ничего не сказал.⁴

— Первопрестольный град Москва, новый Иерусалим, приемлет Христа *своего*, — вдруг ударил он на слове *своего*, — яко мать во объятия усердных сынов своих, и, сквозь возникающую мглу провидя блистательную славу твоей державы, поет в восторге: Осанна, благословен грядый! — взвыл он и оглянул всех.

Билибин рассматривал внимательно свои ногти, многие, видимо, робели, как бы спрашивая, в чем же они виноваты. Анна Павловна повторяла уже вперед, как старушка перед причастием: «Пусть наглый и дерзкий Голиаф...»

— Charmant ! Quelle force !⁵ — слышались похвалы чтецу и сочинителю. Воодушевленные этой речью, гости Анны Павловны долго еще говорили о положении отечества и⁶ делали различные предположения о исходе сражения, которое на днях должно было быть дано.

— Vous verrez,⁷ — сказала Анна Павловна, — что завтра, в день рождения государя, мы получим известие. У меня есть хорошее предчувствие.

Предчувствие Анны Павловны действительно оправдалось. На другой день во время молебствия во дворце, по случаю дня рождения государя, князь Волконский был вызван из церкви и получил конверт от князя Кутузова,⁸ [который] писал, что¹ Я нахожу, что это прелестно,

² [героем Петрополя.]

³ [Император отсылает австрийские знамена, дружеские и заблудившиеся знамена, которые он нашел вне настоящей дороги,]

⁴ *На полях*: 595. П т. [?] Богд[анович]

⁵ [Прелестно! Какая сила!]

⁶ *Зачеркнуто*: предполагали

⁷ [Вы увидите,]

⁸ *Зач.*: в своем старческом [1 неразобр.]

русские не отступили ни на шаг, что французы потеряли гораздо более его, что он пишет второпях с поля сражения, не успев еще собрать последних сведений. Стало быть, это была победа. И тотчас же по выходе из храма была воздана Творцу благодарность за его помощь и за победу.

Предчувствие Анны Павловны оправдалось, и в городе всё утро царствовало радостно-праздничное настроение духа. Вдали от дел и среди условий придворной жизни весьма трудно, чтобы¹ события отражались во всей их полноте и силе. Невольно события общие группируются около одного какого-нибудь частного случая. Так теперь главная радость заключалась в том, что мы победили, и известие об этой победе пришлось именно в день рождения государя. Это было, как удавшийся сюрприз. В известии Кутузова сказано было тоже о потерях русских, и в числе их названы Тучков, Багратион и Кутайсов. Также и печальная сторона событий невольно в здешнем петербургском мире сгруппировалась около одного события — смерти Кутайсова. Его все знали. Государь любил его, он был молод и интересен. В этот день все встречались с словами:

— Как удивительно случилось! В самый молебен. А какая потеря Кутайсов! Ах, как жаль!

— Что я вам говорил про Кутузова, — говорил князь Василий с гордостью пророка.

Но на другой день не получилось известий из армии, и общий голос стал беспокоиться, а придворные страдать за страдание неизвестности государя.

— Каково положение государя! — говорили все. Упрекали Кутузова, и князь Василий уже помалкивал о своем protégé.² Кроме того, к вечеру этого дня присоединилось еще печальное городское событие: узнали, что Héléne скоростижно умерла, и на 3-й день общий разговор был уже о трех печальных событиях: неизвестность государя, смерть Кутайсова и смерть Héléne. Наконец приехал помещик из Москвы, и по всему городу распространилось известие о сдаче Москвы. Это было ужасно! Каково было положение государя! Кутузов был изменник, и князь Василий, во время *visites de condoléance*,³ которые ему делали, говорил (ему простительно было в печали забыть то, что он говорил прежде), говорил, что чего же хотели от слепого и *de mauvaises moeurs*⁴ старика.

Наконец приехал Мишо француз к государю и имел с ним знаменитый разговор, в котором, сделав государю *jeu de mots*,⁵ состоящее в том, что он оставил русских в страхе, но страхе не¹ *Зачеркнуто*: обстоятельства

² [любимце.]

³ [визитов сочувствия,]

⁴ [дурного нрава]

⁵ [игру слов,]

боязни французов, а боязни, чтобы государь не заключил мира, он вызвал государя на выражение знаменитых слов, заключающихся в том, что государь готов отпустить бороду до сих пор и есть один картофель из всех овощей, а не заключать мира.

¹1-го октября в Покров на Девичьем Поле звонили в монастырские колокола, но звонили не по-русскому. Pierre вышел из шалаша, построенного на Девичьем Поле, и поглядел на колокольню. Это звонили два французские улана.²

— Каршо? — спросил улан у Pierre'a.

— Нет, скверно, — сказал Pierre и по-французски прибавил, что звонить надо умеючи.

— Tiens il parle le français cet homme, dites donc.³

Но часовой, стоявший у балагана, проходя мимо него с ружьем, сказал, не поворачиваясь: rentres.⁴ И Pierre вошел назад в балаган, где кругом стен сидели и лежали человек 15 русских пленных.

— Дядинька, — сказал ему мальчик 5-летний, толкая его за ногу, — пусти.

Pierre поднял ногу. Он наступил нечаянно на⁵ тряпку, которую разостлал мальчик. Pierre поднял ногу и посмотрел на нее. Ноги его были босые, высывавшиеся из серых, чужих панталон, завязанных по совету его товарища по плену — солдата веревочкой на щиколках. Pierre поставил ровно свои босые ноги и задумчиво стал смотреть на их грязные и толстые большие пальцы. Казалось, что созерцание этих босых ног доставляло Pierre'у большое удовольствие. Он несколько раз сам с собой улыбался, глядя на них, и потом пошел к своей шинели, на которой лежала деревянная чурочка и ножик, и стал резать ее. Солдат-сосед посторонился, но Pierre прикрыл его шинелью. А другому старику, видно чиновнику, который сидел рядом с ним и шил что-то, Pierre сказал:

— Что, Миха[ил] Онуф[риевич], пошло на лад?

— Да что, и руки отнимаются.

— Э, ничего, всё пройдет — мука будет, — сказал Pierre, улыбаясь и жуя язык, что он имел привычку делать, работая, принялся зарезывать свою будущую куклу.

Мальчик подошел к нему. Pierre вынул кусок булки и усадил мальчика на шинель.

¹ *Зачеркнуто:* Pierre в это время

² *Зач.:* Он

На полях: Ребенка нет

³ [Каково, он говорит по-французски, этот человек. Скажите пожалуйста.]

⁴ [вернитесь.]

⁵ *Зач.:* постель [?], на кот[орую]

Pierre не видал себя давно в зеркало и, ежели бы увидел, то очень бы удивился, так он стал непохож на себя и так он, к выгоде своей, переменялся.

Он похудел значительно, особенно в лице, но, несмотря на то, в плечах его и членах видна была та сила, которая наследственна была в их породе. Волосы, которые он постоянно из какой-то оригинальности и страха казаться занимающимся собой, он, портя себя, стриг в скобку, теперь обросли и курчавились так же, как курчавились все волосы его отца. Борода и усы обросли его нижнюю часть лица, а в глазах была¹ свежесть, довольство и оживленность такие, каких никогда прежде не было. На нем была рубашка, остаток прежнего величия, тонкая, но разорванная и грязная, сверху шубка, женская вероятно, как гусарский ментик в накидку, солдатские серые штаны, обвязанные у щиколок, и замозоленные босые ноги, на которые он всё время радостно поглядывал.

В этот месяц плена в Москве Pierre много пережил. Много пострадал, как² казалось бы, но он чувствовал, что он столько наслаждался и узнал и себя, и людей, как не узнал во всю свою жизнь. И всё, что он узнал, в его понятии соединилось с понятием и ощущением босых ног. Казалось, и сапоги, и чулки и переменять нужно, а вот босиком и легче, и поворотливее, и приятнее. По крайней мере знаю, что это мои ноги. Pierre испытал много счастливого, но он не сказал бы этого теперь, напротив, он всякую секунду думал о том счастье, которое будет, когда он избавится от этого плена, и желал этого всеми силами души. Но в глубине души он, взглядывая на свои босые ноги, чувствовал себя счастливым. И это происходило³ оттого, что в 1-й раз в жизни он лишился полной свободы и излишества, которыми он пользовался всю жизнь — никогда он прежде не знал радости поесть и согреться; 2) ему было чего желать, 3) он чувствовал, особенно благодаря ребенку, который попался ему, что в тех тесных рамках свободы, в которых он действовал, что он поступил наилучшим образом, 4) потому что, глядя на уныние всей этой толпы, его окружающей, он говорил себе, что не стоит унывать, и действительно не унывал, а радовался теми радостями жизни, которые ни у кого отнять нельзя, 5) и главное, что за свободу он чувствовал теперь с своими босыми ногами, что за море предрассудков соскочило с него, когда он думал, что у него нет предрассудков, как далеки от него были и чужды понятия войны, полководцев, геройства, государства, управления или наук философских и как близки были ему понятия человеческой любви, сострадания, радостей, солнца, пенья.

¹ Зачеркнуто: какая

² Зач.: говорят

³ Зач.: преимущественно

В часовне он пробыл 5 часов, и это были самые тяжелые его минуты. Он видел, что всё горело, что все уходят и что его забыли. Ему физически страшно стало, и он, высунувшись в решетку, закричал:

— Коли хотите сжечь меня живого, так так и скажите, а коли это нечаянно, так я вам имею честь о себе напомнить.

Офицер, проходивший мимо, ничего не сказал, но скоро пришли и взяли его и, присоединив к другим, повели через город на П[окровскую] г[ауптвахту?]. Потом его два раза водили в какой-то дом, где его допрашивали о его участии в пожарах¹ и отвели на Девичье Поле. Там его привели к Даву.

Даву писал что-то и, оборотившись, посмотрел на Pierr'a пристально и сказал:

— Я знаю этого человека, я видал его, расстрелять.

Pierre похолодел и по-французски заговорил:

— Вы не могли меня знать, потому что я никогда не видал вас.

— А, вот он говорит по-французски, — сказал Даву и еще раз посмотрел на Pierr'a.

Они² на минуту смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Pierr'a. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно почувствовали бесчисленное количество вещей и понятий: что они оба дети³ человеческие, что у каждого из них есть или была мать, что их любили, что они любили, что они увлекались, и делали зло и добро, и гордились, и тщеславились, и раскаивались. Pierre понял в различии этого 2-го взгляда от 1-го свое спасение. В 1-м взгляде он видел, что для Даву, приподнявшего только голову от отчетов по корпусам, где людские дела и жизни назывались №-ами, что для Даву, который был методист дела и который был жесток не потому, что любил жестокость, а любил аккуратность дела и любил, тщеславясь своей любовью к делу, показывать, что все нежности сострадания ничто в сравнении с делом, он понял, что после первого взгляда Даву застрелил бы его, не взяв на совесть свою дурного поступка, но теперь уж он имел дело не с ним, а с человеком.

— Почему вы не сказали, что знаете наш язык?⁴

— Я не нашел нужным.

— Вы не то, что говорите.

— Да, вы правы. Но я не могу сказать, кто я.

В это время вошел адъютант Даву, и Даву велел отвести Pierr'a на экзекуцию. Это было сказано неясно. Pierre чувствовал, ¹ *Зачеркнуто*: и при нем расстреляли 5.

² *Зач.*: долго

³ *Зач.*: одной

⁴ *Зач.*: — Я скрыл

что можно было¹ понять это так, чтобы расстрелять его, и так, чтобы ему присутствовать при экзекуции, про приготовления к которой он слышал. Но он не мог переспросить. Он обернул голову и видел, что адъютант переспрашивал что-то.

— Да, да, — сказал Даву.

Но что «да», Риегге не знал.

Его два часовые привели к² реке.³ Там была толпа народа вокруг столба и ямы. Толпа состояла из малого числа русских и большого числа наполеоновских войск вне строя и немцев, и итальянцев, и испанцев, которые поражали своим говором. Справа и слева столба стояли фронты французских войск. Два взвода, имея в середине 5 человек русских, подошли к столбу. Это были обличенные поджигатели. Риегге близко остановился подле них. Командир взвода спросил грустно:

— И этого тоже? — слегка взглянув на Риегг'а. (Риегг'у непонятно было, как его, графа Безухова, жизнь могла быть так легка на весах этих людей.)

— Нет, — сказал адъютант, — только присутствовать.

И они шопотом что-то стали говорить. Забили барабаны, и русских выдвинули вперед.

Риегге всех рассмотрел их. Для него, для русского, все они имели значение — он сейчас по лицам и фигурам узнал, что и кто они были. Два человека были из тех, которые с детства возбуждали ужас Риегг'а: это были бритые острожные, один высокий, худой, другой черный, мохнатый и мускулистый с приплюснутым носом, 3-й был фабричный, желтый, худой малый лет 18, в халате. 4-й был мужик, очень красивый, с окладистой русой бородой и черными глазами. 5-й либо чиновник, либо дворовый, лет 45, с седеющими волосами и полным, хорошо откормленным телом.

Риегге слышал, что французы совещались, как стрелять, не по два ли вдруг, и сожалели, что нечет. Но несмотря на это, он видел, что им очень неприятно было исполнять эту обязанность, и они заботились только о том, как бы кончить дело поскорее. Решили по два. Взяли двух колодников и повели к столбу. Чиновник француз в шарфе⁴ подошел к столбу и прочел по-французски и русски приговор. Колодники смотрели вокруг к себе молча разгоряченными глазами, как смотрит подбитый зверь на подходящего охотника. Один всё крестился, другой чесал спину и складывал впереди перед животом сильные,¹ *Зачеркнуто*: спросить

² *Зач.*: самой

³ *На полях*: Француз, <звонивший на колокольне Девичьего монастыря,> <спросил> говоривший накануне с ним, узнал его, остановился, <выступил> и закричал: — Tiens, l'ami, j'en suis fâché, bien fâché pour vous. [Эх, дружок, я огорчен, очень огорчен за вас.]

⁴ *Зач.*: вышел

корявые руки. Наконец чиновник отошел, стали завязывать глаза и выбежали стрелки — 12 человек. Pierre отвернулся, чтобы не видеть. Но выстрел, показавшийся ему ужасно громким, заставил его оглянуться. Был дым, и что-то делали французы с бледными лицами и дрожащими руками. Потом так же повели других двух, так же, такими же глазами и эти двое смотрели на всех, тщетно, одними глазами, молча прося защиты и, видимо, не понимая и не веря тому, что будет. Они не могли верить. Они, они одни знали, что такое была для них их жизнь, и потому не понимали и не верили, чтобы можно было отнять ее. Pierre решился опять не смотреть, но опять как будто ужасный взрыв, выстрел заставил его поглядеть. Он увидел то же: дым, кровь, бледные, испуганные лица и дрожащие руки.

Pierre оглядывался, тяжело дыша, и волнение его еще более усиливалось тем, что вокруг себя на лицах русских, на лицах французских солдат, офицеров — всех без исключения он читал больший испуг, ужас и борьбу, чем на своем лице.

«Да кто же это делает наконец? — думал Pierre. — Даже и Даву, и тот, я видел, пожалел меня и эти все страдают так же, как и я».

— *Tirailleurs du 86-me, en avant!*¹ — прокричал кто-то. Повели 5-го. Это был фабричный в халате. Только что до него дотронулись, как он в ужасе отпрыгнул и закричал диким голосом, но его схватили за руки, и он вдруг замолк. Он² как будто вдруг что-то понял. То ли он понял, что напрасно кричать, или то, что сказал ему охвативший его ужас, что невозможно, чтобы его убили. Он пошел так же, как и другие, подстреленным зверем оглядываясь вокруг себя³ блестящими глазами. Pierre уже не мог взять на себя отвернуться и закрыть глаза. Любопытство и волнение его и всей толпы при этом 5-м убийстве дошло до высшей степени. Так же, как и другие, этот 5-й казался спокоен,⁴ неся в руке шапку, запахивая халат, шагая ровно, и только глядел — спрашивая. Когда стали ему завязывать глаза, он поправил сам узел на затылке, видно резал ему, потом, когда прислонили его к окровавленному столбу, он завалился назад, и неловко ему было, так он поправился и, ровно поставив ноги, покойно прислонился. Pierre⁵ всё так же пожирал его глазами, не упуская ни малейшего движения. Должно быть, послышалась команда, после команды выстрелы 12 ружей, но никто, как после он узнал, ни он сам не слышали ни малейшего звука от выстрела, видели только, как опустился на веревках фабричный, как показалась кровь в 2-х местах¹ [Стрелки 86-го, вперед!]

² *Зачеркнуто*: видимо, понял, что

³ *Зач.*: восп[аленными]

⁴ *Зач.*: Только гля[дел]

⁵ *Зач.*: пожирал так

и как самые веревки от тяжести повисшего тела распустились и фабричный, неестественно опустив голову и подвернув ногу, повис. Кто-то крикнул, подбежали к нему бледные лица. У одного тряслась челюсть, когда он его отвязывал, и потащили его страшно, неловко, торопливо за столб и стали сталкивать в яму, как преступники, скрывающие следы своего преступления. Pierre заглянул в яму и видел, что фабричный лежал там колени кверху, близко к голове, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно и равномерно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на это плечо. Часовой сердито, злобно и болезненно крикнул на Pierr'a, чтоб он вернулся. Послышались шаги уходивших. 12 человек стрелков¹ примыкали к ним бегом в то время, как роты проходили. Уже присоединились к своим местам, но один молодой, белокурый солдат, стрелок в кивере, свалившемся назад, бессильно спустив ружье, с разинутым ртом и ужасом раскрытыми глазами стоял еще против ямы, с того места, с которого он стрелял, и, как пьяный, шатался, делая то вперед, то назад несколько шагов, чтоб поддержать свое падающее тело. Он бы упал, ежели бы corporal² не выбежал из рядов и, не схватив его за плечо, не втащил в роту.

Все стали расходиться с опущенными головами и пристыженными лицами. — *Ça leur apprendra à incendier*,³ — сказал кто-то, но Pierre видел, что он сказал это только так, чтоб похрабриться, но что он точно так же, как другие, был ужаснут и огорчен, и пристыжен тем, что было сделано.⁴

С этого дня Pierr'a содержали в плену. Сначала ему было дано особое помещение и его хорошо кормили, но потом в конце сентября его перевели в общий балаган и, видимо, про него забыли.

Тут в общем балагане Pierre роздал другим все свои вещи и сапоги и⁵ жил, ожидая спасения, в том положении, в котором и находился теперь, 1-го октября. Ничего особенного Pierre не делал здесь, но невольно сделалось между всеми пленными, что, как только кому-нибудь было плохо, как только все хотели предпринять что-нибудь, все обращались к Pierr'у. Кроме того, что Pierre говорил по-французски и по-немецки (были караулы и баварские), кроме того, что он был ужасно силен, кроме того, что он, — никто не знал почему, ни пленные, ни сам он, ни французы, — пользовался большим уважением даже от французов; его звали *le grand chevelu*.⁶ Не было человека из¹ *Зачеркнуто*: долж[ны?]

² [капрал]

³ [Это научит их поджигать,]

⁴ *На полях*: Pierre испугался до ужаса после и передумал смерть и полюбил жизнь, детей, дружбу, еду, булку. —

⁵ *Зач.*: оставил]

⁶ [волосатый великан.]

его товарищей, который бы не был ему обязан чем-нибудь: тому он помог работать, тому отдал платье, того развеселил, за того похлопотал у французов. Главное же его достоинство состояло в том, что он всегда был ровен и весел.

Не дострогав еще свою палочку, Pierre лег в свой угол и задремал. Только что он задремал, как за дверью послышался голос:

— Un grand gaillard. Nous l'appelons le grand chevelu, ça doit être votre homme, capitain.¹

— Voyons faites voir, caporal,² — сказал нежный женский голос. И, нагибаясь, вошел капрал и офицер, маленький красавчик брюнет с прелестными, полузакрытыми, меланхолическими глазами. Это был Пончини, тайный друг Pierr'a. Он узнал о плене и положении Pierr'a и, наконец, добрался до него. У Пончини был сверток, который нес солдат. Пончини подошел,³ оглядывая пленных, к Pierr'у и, тяжело вздохнув, кивнул головой капралу и стал будить Pierr'a. Как только Pierre проснулся, выражение нежного сострадания, бывшее на лице Пончини, вдруг исчезло, он, видимо, боялся этим оскорбить его. Он весело обнял его и поцеловал.

— Enfin je vous retrouve, mon cher Pilade,⁴ — сказал он.

— Bravo! — закричал Pierre, вскакивая и, взяв под руку Пончини, с тем самоуверенным приемом, с которым хаживал по балам, стал ходить с ним по комнатам.

— Ну, как не дать мне знать? — упрекал Пончини. — Это ужасно, — положение, в котором вы находитесь. Я потерял вас из вида, я искал. Где, что вы делали?

Pierre весело рассказал свои похождения, свое свидание с Даву и расстреляние, на котором он присутствовал. Пончини бледнел, слушая его. И останавливался, жал его руку и целовал его, как женщина или как красавец, которым он и был и который знал, что поцелуй его всегда награда.

— Но надо это кончить, — говорил он. — Это ужасно. — Пончини посмотрел на его босые ноги.

Pierre улыбнулся.

— Ежели я останусь жив, — поверьте, что это время будет лучшим в моей жизни. Сколько добра я узнал и как поверил в него и в людей. И вас бы я не знал, мой милый друг, — сказал он, трепля его по плечу.

— Надо вашу силу характера, чтобы так переносить всё это, — говорил Пончини, всё поглядывая на босые ноги и на узел, который он сложил.

¹ [Большой весельчак. Мы его волосатым великаном прозвали, должно быть он и есть, капитан.]

² [Покажите мне его, капрал,]

³ *Зачеркнуто*: к самому

⁴ [Наконец-то я разыскал вас, мой дорогой Пилад,]

— Я слышал, что вы — в ужасном положении, но не думал, что до такой степени... Мы поговорим, но вот что...

Пончини, смутившись, взглянул на узел и замолчал. Pierre понял его и улыбнулся, но продолжал о другом.

— Рано иль поздно кончится так или иначе война, а 2 — 3 месяца в сравнении с жизнью...¹ Можете ли вы мне что сказать о ходе дела, о мире?

— Да, нет — лучше я ничего не скажу вам, но вот мои планы. Во-первых, я не могу вас видеть в таком положении, *quoî que vous avez très bonne mine. Vous êtes un homme superbe. Et je voudrais que vous puissiez être vu dans cet état par celle...*² Но вот что... — и Пончини опять взглянул на узел, замолчал. Pierre понял его и, схватив снизу за руку и потянув, сказал:

— Давайте, давайте ваш узел благодетельный. Мне не стыдно принять от вас сапоги после того, как я не знаю, кто взял от меня, в моих домах, по крайней мере на 8 м[иллионов] франков, — не мог удержаться, чтобы не сказать, но добродушно веселой улыбкой смягчая выражение своих слов, могущее показаться упреком французам.

— Одно только, что вы видите, — сказал он, обращая внимание Пончини на жадные глаза пленных, которые были устремлены на развязываемый узел, из которого виднелись хлеба, ветчина, и сапоги, и платье. — Надо будет разделить *avec mes compagnons d'infortune et comme je suis le plus robuste de la société j'y ai moins droit que les autres*,³ — сказал он, не без тщеславного удовольствия, видя восторженное удивление на лице меланхолического, доброго, милого Пончини. Чтобы не мешал вопрос узла разговору,⁴ которым дорожили оба, Pierre роздал содержание узла товарищам, и оставив себе два белых хлеба с ломтем ветчины, из которых один он тотчас же стал есть, и пошел с Пончини на⁵ поле ходить перед балаганом.

План Пончини состоял в следующем:⁶ Pierre должен был объявить свое имя и звание, и тогда не только он будет освобожден, но Пончини брался за то, что Наполеон сам пожелает его видеть и, весьма вероятно, отправит его с письмом в Петербург. Как это и было..... — Но, заметив, что он говорит лишнее, Пончини только просил Pierr'a согласиться.

— Не портите мне всего моего прошедшего, — сказал Pierre.— Я сказал себе, что не хочу, чтобы знали мое имя, и не сделаю.

¹ *Зачеркнуто:* Есть ли

² [хотя вы выглядите хорошо. Вы — молодчина. И я желал бы, чтобы вас увидела в этом положении та...]

³ [с моими товарищами по невзгоде, а так как я крепче их всех, я имею наименьшее право на всё это,]

⁴ *Зач.:* с Пончини,

⁵ *Зач.:* ул[ицу]

⁶ *Зач.:* что

— Тогда надо другое средство; я похлопочу, но я боюсь, что мои просьбы останутся тщетными. Хорошо, что я знаю, где вы. Будьте уверены, что мои узлы будут так изобильны, что вы оставите и себе, что вам нужно.

— Merci! Ну что к[няжн]а[?]

— Совершенно здорова и спокойна...

— Ах, mon cher,¹ что за ужасная вещь — война, что за бессмысленная, злая вещь.

— Но неизбежная, вечная, — говорил Pierre, — и одно из лучших орудий проявления добра человечества. Вы мне говорите про мои несчастья, а я так часто бываю счастлив в это время. В первый раз я узнал себя, узнал людей, узнал мою любовь к ней. Ну что, имели ли вы письма?

— Да, но можете себе представить, что моя мать всё не хочет слышать о моей женитьбе, но мне всё равно.

Поговорив до вечера, уже месяц взмог, друзья расстались. Пончини заплакал, прощаясь с Pierr'ом, и обещался сделать всё для его² спасения. Он ушел. Pierre остался и, глядя на дальние дома в месячном свете, еще долго думал о Наташе, о том, как в будущем он посвятит всю жизнь свою ей, как он будет счастлив ее присутствием и как мало он умел ценить жизнь прежде.

На другой день Пончини прислал подводу с вещами, и Pierr'у достались валеные сапоги.

На 3-й день их всех собрали и вывели по Смоленской дороге. На первом переходе один солдат отстал, и французский солдат, отставши тоже, убил его. Офицер конвойный объяснил Pierr'у, что надо итти было, а пленных так много, что те, кто не хотят итти, будут расстреляны.

В половине сентября Ростовы с своим транспортом раненых приехали в Тамбов и заняли приготовленный для них вперед купеческий дом.³ Тамбов был набит бежавшими из Москвы, и каждый день прибывали новые семейства. К князю Андрею прибыли его люди, и он поместился в том же доме, где Ростовы, и понемногу оправлялся. Обе барышни ростовского семейства чередовались у его постели. Главная причина тревоги больного — неизвестность о положении отца, сестры и сына — кончилась. Получено было письмо⁴ от княжны Марьи с одним и тем же посланным, в котором извещался князь Андрей, что она едет с Коко в Тамбов, благодаря⁵ Nicolas Ростову, который⁶ спас ее и был для нее самым нежным другом и братом.

¹ [мой милый]

² *Зачеркнуто*: счастья

³ *Зач.*: Князь Андрей выз[вал?]

⁴ *Зач.*: от Nicolas и

⁵ *Осталось незачеркнутым*: своему, далее *зач.*: спасителю

⁶ *Зач.*: помог

У Ростовых очистили еще часть дома, пожавшись и уничтожив гостиную, и каждый день ждали княжну Марью.¹

20 сентября князь Андрей лежал в постели.² Соня сидела и читала ему вслух Corinne.

Соня³ славилась хорошим чтением. Певучий голосок ее мерно возвышался и понижался. Она читала про выражение любви больного⁴ Освальда и, невольно сближая Андрея с Освальдом и Наташу с Corinne, взглянула на Андрея. <Андрей не слушал.>

В последнее время у Сони явилась новая тревога. Княжна Марья писала (Андрей вслух читал это письмо Ростовым), что Nicolas был ей другом и братом, что она ввек сохранит ему нежную благодарность за его участие в тяжелые минуты, пережитые ею. Nicolas писал, что он на походе случайно познакомился с княжной Болконской и старался быть ей полезным, насколько мог, что было ему особенно приятно, так как он никогда не встречал, несмотря на отсутствие красоты, такой милой и приятной девушки.

Из сопоставления этих двух писем графиня, как заметила Соня, хотя графиня ничего не сказала об этом, вывела заключение, что княжна Марья была именно та невеста, богатая и милая, которая нужна была ее Nicolas для поправления дел. Отношения с Андреем оставались для всего семейства в неизвестности. Казалось, они были попрежнему влюблены друг в друга, но на конференции Наташа объявила матери,⁵ на вопрос ее о том, что из этого будет, что отношения их только дружеские, что Наташа отказала ему и не изменяла своего отказа, и не имеет причины изменять его.

Соня знала это⁶ и знала, что поэтому графиня лелеяла тайно мысль женить Nicolas на княжне Марье, от этого и так радостно хлопотала о устройстве для нее помещения; и этот-то план графини и был новой тревогой Сони. Она не создавала этого и не думала о том, что ей хотелось бы поскорее женить Андрея на Наташе, преимущественно для того, чтобы потом, по родству, для Nicolas уже не было возможности жениться на княжне Марье; она думала, что она желает этого только из любви к Наташе, другу, но она желала этого всеми силами и кошачьи хитро действовала для достижения этой цели.

— Что вы смотрите на меня, Mlle Sophie? — сказал ей Андрей, улыбаясь доброй, болезненной улыбкой. — Вы думаете о аналогии, которая есть между вашим другом. Да, — продолжал¹ *Зачеркнуто*: Наконец,

² *Зач.*: Наташа и *надписано*: Соня

³ *Зач.*: читала

⁴ *Зач.*: лорда

⁵ *Зач.*: что

⁶ *Зач.*: и тревога ее

он, — но только la Comtesse Natalie в мильон раз привлекательнее этого скучного bas bleu Corinn'ы...¹

— Нет, я ничего этого не думаю, но я думаю, что очень тяжело для женщины ожидать признания мужчины, которого она любит, и видеть его колебания и сомнения.

— Но, chère M-lle Sophie, есть, как и у лорда Невилля, соображения, которые выше своего счастья. Понимаете ли вы это?

— Я? То есть как вас понимать?

— Могли ли бы вы для счастья человека, которого вы любите, пожертвовать своим обладанием им?

²— Да, наверное...

Князь Андрей слабым движением достал письмо княжны Марьи, лежавшее подле него на столике.

— А знаете, мне кажется, что моя бедная княжна Марья влюблена в вашего Nicolas. Это — такая прозрачная душа. Она не только видна вся лично, но в письмах я вижу ее. Вы не знаете ее, M-lle Sophie?

Соня покраснела страдальчески и проговорила:

— Нет.

— Однако у меня будет мигрень, — сказала она и, быстро встав, она, едва удерживая слезы, вышла из комнаты, миновав Наташу.

— Что, спит?

— Да! — она побежала в спальню и, рыдая, упала на кровать. «Да, да, это надо сделать, это нужно для его счастья, для счастья дома, нашего дома. Но за что же? Нет, я не для себя хочу счастья. На[до?]...»³

В этот же день в доме все зашевелилось, побежало к князю Андрею и на крыльцо. К подъезду подъехала огромная княжеская карета, в которой он ездил в город, и две брички. Из кареты вышла княжна Марья, Бурьен, гувернантка и Коля. Княжна Марья, увидав графиню, покраснела и, хотя это было первое ее свидание, бросилась в открытые ее объятия и зарыдала.

— Я вдвойне обязана вам: за Андрея и за себя, — говорила она.

— Mon enfant!⁴ — сказала графиня, — в теперешнее время⁵ счастливы те, которые могут помогать другим.

Илья Андреевич поцеловал руку княжны. Он представил ей Соню.

— Это племянница.

Но [княжна Марья]⁶ всё искала с беспокойством кого-то. Она искала Наташу.

¹ [синего чулка — Коринны]

² *Зачеркнуто:* Соня

³ *Зач.:* Да, да, — говорила себе между тем

⁴ [Дитя мое!]

⁵ *Зач.:* как

⁶ *В рукописи ошибка: вместо: княжна Марья написано: Н[аташа]*

— А где Natalie?

— Она у князя Андрея, — сказала Соня.

Княжна улыбнулась и побледнела, вопросительно поглядев на графиню. Но на вопросительный ее взгляд, спрашивающий о том, возобновились ли прежние отношения, ей ответили непонятной, грустной улыбкой.

Наташа выбежала навстречу княжне, почти такая же быстрая, живая и веселая, какой она бывала в старину. И княжну, как и всех, она поразила неожиданностью простоты и прелести. Княжна ласково поглядела на нее, но слишком невольно пронизательно, и стала целовать.

— Je vous aime et vous connais depuis longtemps,¹ — сказала она.

Наташа смутилась и молча отошла и занялась Коко, который ничего не понимал, кроме того, что она, Наташа, была веселее и приятнее всех, и больше всех полюбил ее.

— Он совсем поправляется, — говорила графиня, провожая княжну к князю Андрею. — Но вы, *ma pauvre enfant, combien vous avez souffert.*²

— Ах, я не могу вам рассказать, как это было тяжело,³ — сказала княжна Марья (еще румяная и оживленная от холода и радости. «Совсем она не так дурна», думала графиня). — И ваш сын спас, решительно спас меня не столько от французов, сколько от отчаяния.

Слезы показались на прекрасных лучистых глазах княжны Марьи, когда она говорила это, и графиня поняла, что слезы эти относились к любви к ее сыну. «Да, она будет его женою, это прелестное создание», и она обняла княжну Марью и обе поплакали радостно, потом улыбнулись, отирая слезы и приготавливаясь войти к князю Андрею.

Князь Андрей, приподнявшись на кресле, сидел, встречая княжну Марью с исхудавшим, переменившимся, виноватым лицом, с лицом ученика, просящего прощения, что он никогда не будет, с лицом блудного, возвратившегося сына. Княжна Марья плакала, целовала его руки, приводила ему его сына. Андрей не плакал, мало говорил и только сиял преобразованным счастьем лицом. Он мало говорил об отце и его смерти. Всякий раз, как нападали они на воспоминание об этом, то старались умалчивать. Говорить об этом было слишком тяжело. Они оба говорили себе: «после, после». А не знали они, что после они никогда не будут говорить. Только одного не могла не рассказать княжна Марья, это — последних слов, которые, когда она ночью накануне его смерти сидела у его двери, не смея войти, и на другой день сказала ему это, как он — ¹ [Я вас знаю и люблю уже давно,]

² [моя бедняжка, сколько вы перестрадали.]

³ *Зачеркнуто:* говори[ла]

суровый князь Николай Андреевич — сказал ей: «Зачем ты не вошла, *душенька*. Да, *душенька*! Мне так тяжело было».

Князь Андрей, услышав это, отвернулся, нижняя челюсть его вся запрыгала, и он поскорее переменял разговор. Он спросил ее об ее отъезде и о Nicolas Ростове.

— Кажется, пустой малый, — сказал Андрей с хитрой звездочкой во взгляде.

— Ах, нет, — испуганно вскрикнула княжна, как будто ей физически больно сделали. — Надо было видеть его, как я, в эти страшные минуты. Только человек с таким золотым сердцем мог вести себя так, как он. О, нет!

Глаза князя Андрея засияли еще светлее.

«Да, да, это надо, надо сделать», думал он.

«Да. Вот оно то, что еще оставалось в жизни, о которой я жалел, когда меня несли. Да, вот что. Не свое, а чужое счастье».

— Так он милый малый! Ну, я очень рад, — сказал он.

Княжну Марью позвали обедать, и она ушла, чувствуя, что не сказала самого важного: не узнала о теперешних отношениях с Наташей, но она почему-то, как бы чувствуя себя виноватой, боялась спросить о них. Сейчас после обеда брат избавил ее от этого труда.

— Ты удивляешься, я думаю, мой друг, нашим отношениям с Рост[овой]?

— Да, я хотела....

— Препрежнее всё забыто. Я искатель, которому отказано, и я не тужу. Мы дружны и навсегда останемся дружны, но никогда она не будет для меня ничем, кроме младшей сестрой.¹ Я никуда не гоюсь.

— Но как она прелестна, André. Но я понимаю, — сказала княжна Марья и подумала, что гордость князя Андрея не могла ему позволить вполне простить ее.

— Да, да, — сказал князь Андрей, отвечая на ее мысли.²

Жизнь в Тамбове продолжалась с приездом княжны Марьи еще счастливее, чем прежде.³

Известия из армии были самые благоприятные, оба молодые Ростова были целы. Старший — в полку, меньшой — в партизанском отряде Денисова.⁴

Только старый Ростов, разоренный совершенно отдачей Москвы, был грустен и озабочен, писал письма ко всем сильным¹ *Так в рукописи.*

² *Зачеркнуто:* Изве[стия]

³ *Зач.:* Старая графиня писала сыну, умоляя его отдать волю своему сердцу и просить руки княжны Марьи. Соня мучилась и боролась, но, когда она ближе узнала княжну Марью и от самой Наташи услышала, что князь Андрей никогда не будет ее мужем, она написала письмо Nicolas, в котором *Вместо зач. на полях написан дальнейший текст, кончая:* К вечеру она написала письмо

⁴ *Зач.:* Гр. Ростов даже

знакомым, прося денег и места. Один раз Соня застала его в кабинете рыдающим над написанным письмом. «Да, ежели бы это только было!» — думала она. Она заперлась к себе и долго плакала. К вечеру она написала письмо Nicolas, в котором отсылала ему кольцо, освобождала от обещания и просила просить руки княжны Марьи, которая сделает счастье его и всего семейства. Она принесла это письмо графине, положила на стол и убежала. С следующим курьером письмо было послано с прибавлением письма такого же содержания от графини.

— *Donnez moi votre généreuse petite main à baiser,*¹ — сказал ей вечером князь Андрей, и они долго дружески разговаривали о Наташе.

— Любила ли она кого-нибудь сильно? — спрашивал Андрей. — Я знаю, что меня она никогда не любила совсем.² Того еще меньше. Но других, прежде?

— Один есть, это — Безухов, — сказала Соня. — Она сама не знает этого.

В тот же вечер князь Андрей при Наташе рассказывал о Безуховом, о известии, которое он получил от него. Наташа покраснела. Оттого ли, что она думала о Безухом больше, чем о другом, или от того, что с своим чутьем она чувствовала, что на нее смотрели, говоря это. Известие, полученное князем Андреем, было от Пончини, который в числе других пленных был приведен в Тамбов.

На другой день Андрей рассказывал о чертах великодушия и доброты Pierr'a из своих воспоминаний и из того, что говорил этот пленный. Соня тоже говорила о Pierr'e. Княжна Марья делала то же.

«Что они со мной делают? — думала Наташа. — А что-то они делают со мной». И она беспокойно оглядывалась вопросительно. Она верила в то, что они, Андрей и Соня, лучшие друзья, а делают с ней всё для ее добра.

<Вечером> князь Андрей попросил Наташу спеть в другой комнате, и³ княжна Марья села аккомпанировать, и два года почти не троганный голос, как будто⁴ сдерживая за всё это время всю свою обаятельность, вылился с такой силой и прелестью, что княжна Марья расплакалась, и долго все ходили, как сумашедшие, неожиданно сблизившись, бестолково переговариваясь.⁵

На другой день были приглашены пленные, которыми восхищались все в Тамбове, и в том числе Пончини. Два из них,¹ [Позвольте мне поцеловать вашу великодушную ручку,]

² *Зачеркнуто:* <Она уважала> боялась

³ *Зач.:* почти

⁴ *Зач.:* выиграв

⁵ *На полях:* Князь Андрей уезжает в армию.

генерал и полковник, оказались грубыми мужиками, не отчаивавшимися de baiser les Comtesses Russes¹ и плевавшими в комнате, и один, понравившийся всем, тонкий, умный, меланхолический Пончини, особенно понравившийся всем тем, что он без слез не мог говорить о Pierr'e и, рассказывая о его величии души в плену, с ребенком, доходил до того итальянского красноречия, которому нельзя не поддаться.

Наконец пришло письмо Pierr'a, что он жив и вышел с пленными из Москвы. И Пончини, признавшийся Андрею в признаниях Pierr'a и не перестававший удивляться случаю, сведшему его именно с той особой, был подослан к Наташе, чтобы сделать ей эту indiscretion,² которая теперь, когда было получено известие о смерти Héléne, не могла иметь дурных последствий.³

Старый граф видел всё это. Ему это не было радостно. Ему было тяжело и грустно — он чувствовал, что он при всем этом не нужен, что он отжил свою жизнь, сделал дело свое: наплодил детей, воспитал, разорился, и теперь они ласкают, жалеют его, но им его не нужно.⁴

После вступления неприятеля в Москву и доносов на Кутузова, и отчаяния в Петербурге, и негодования, и геройских слов, и опять надежды — кончилось тем, что войска наши перешли за Пахрой с⁵ Тульской на Калужскую дорогу. Почему военные писатели, да и все на свете, полагают, что этот *фланговый марш* (это слово любят очень) есть весьма глубокомысленное движение, спасшее Россию и погубившее Наполеона, весьма трудно понять для человека, не принимающего всё на веру и думающего своим умом. Можно было сделать более 1000 различных переходов и на Тульскую, и на Смоленскую, и на Калужскую дороги, и результат был бы тот же. Точно так же, подходя к Москве, уже дух войска Наполеона упал, разбежались солдаты, и еще больше упал вследствие пожаров и грабежей московских. Это говорится только потому, что трудно людям видеть всю совокупность причин, изменяющих события, и так и хочется всё отнести к действиям одного (такого же, как я) человека.⁶ Тем более, что это делает героя, которого мы так любим. Должно было быть так, и так было. Пробыв месяц в Москве, Наполеон и каждый человек его войска смутно чувствовали, что они погибли, и, стараясь скрывать это сознание, они, расстроенные, голодные и оборванные, пошли назад.¹ [поцеловать русских графинь]

² [нескромность,]

³ *Зачеркнуто*: Наташа опять была счастлива.

⁴ *На полях* <Письмо к князю Андрею. Приехал в армию в Вязьму. Ему рассказывают.> Мефист[офель?]

⁵ *Зач.*: Калу[жской]

⁶ *Зач.*: Но

За месяц тому назад под Бородиным они были сильны, а теперь, после месяца спокойных и удобных квартир и продовольствия в Москве и ее окрестностях, они испуганные побежали назад. Трудно верить, что всё это сделал фланговый марш за Красною Пахрой. Были другие причины, которые я не берусь перечислить, но зато и не выставляю одной, недостаточной, говоря, что только от этого.

После отчаяния в русской армии и в Петербурге опять ожили. Из Петербурга часто стали ездить курьеры, и немцы, и генералы от государя, так — погостить в армии, и Кутузов особенно ласкал этих гостей. 3 числа, когда Кутузову сказали, что французы выступили из Москвы, он захлипал от радостных слез и, перекрестясь, сказал:

— Уж заставлю же я этих французов есть лошадиное мясо, как турок.

Это изречение часто повторял Кутузов.¹ Но Кутузову прислали план действий из Петербурга, ему надо было атаковать очень хитро, с разных сторон. Кутузов, разумеется, восхищаясь этим планом, находился в затруднении в исполнении его. Бенигсен доносил государю, что у Кутузова девка одета в казака.

Бенигсен подкапывался под Кутузова, Кутузов под Б[енигсена], Е[рмолов] под К[оновницына?], К[оновницын?] под Т[оля], опять под Ермолова, Винценгероде под Б[енигсена?] и т. д. и т. д. и т. д. в бесконечных сочетаниях и перемещениях, но все они весело жили под Тарутиным с хорошими поварами и винами, и песенниками, и музыкой, и даже женщинами. Наконец явился гордый Лористон с письмом от Наполеона, в котором Наполеон писал, что он особенно рад случаю засвидетельствовать свое глубокое уважение фельдмаршалу. Но к[нязь] В[олконский?] хотел один принять его, Лористон отказался — это было низко ему — и потребовал свидания с Кутузовым. Нечего делать, Кутузов надел занятые эполеты у Коновницына и принял. Генералы толпились около. Все боялись, как бы не изменил Кутузов. Но Кутузов, как всегда, отложил всё, отложил и Лористона, и Наполеон остался без ответа. Между тем М[юрат] с М[илорадовичем] щеголяли глупостью под парламентерским флагом, и в один прекрасный день русские напали на французов, и французы побежали стремглав и удивлялись, что их всех не забрали, потому что они уже не могли драться попрежнему. Не забрали же всех потому, что Кутузов поручил дело Бенигсену, и потому, чтобы подкатить Бенигсена, не дал ему войск и тем озлобил Бенигсена, но и кроме того опоздал и оттого, что вне цепи, в целом помещичьем доме был кутеж у Шепелева и до ночи веселились и даже плясали сами генералы. Всё были хорошие генералы и люди, и рука бы не ¹ *Зачеркнуто*: Когда

поднялась рассказывать их пляски и интриги, но досадно, что сами они всё писали державинским слогом о любви к отечеству и царю и т. п. вздор, а в сущности, думали преимущественно о обеде и ленточке, синенькой, красненькой. Стремление это человеческое, и его осуждать нельзя, но так и говорить надо, а то это вводит в заблуждение юные поколения, с недоумением и отчаянием глядящие на слабости, которые они находят в своей душе, тогда [как] в Плутархе и отечественной истории видят только героев.

Французы после Тарутинского сражения, как растерянный заяц, пошли вперед на выстрел, а Кутузов, как промышленный стрелок, жалея заряда, не стал стрелять и отступил назад. Дойдя вправо до Малого Ярославца, однако, после небольшого, нечаянного сражения, заяц побежал назад в таком положении, что дворняжка догнала бы его. И действительно, в эту пору один дьячок взял 90 пленных и убил 30 человек. Партизаны побрали 10 тысяч пленных. Французские войска только ждали предлогов положить оружие *et tirer son épingle du jeu*.¹ Беспорядок, в сущности, в армии был невероятный: забывали целые депо, коменданты не знали, кто где находится. Каждый генерал тащил свой обоз украденного, каждый офицер, солдат тоже. И, как обезьяна, захватившая в кувшине горсть орехов, не выпускала ее и скорее сама отдавалась в плен. Куда они идут и зачем — никто не знал, еще менее сам великий гений Наполеон, так как никто ему не приказывал. Около него еще соблюдался кое-какой *decorum*, писались приказы, письма, рапорты, *ordre du jour*,² называли друг друга еще *Sire! Mon Cousin, Prince d'Ekmuhl, Roi de Naples*.³ Но все чувствовали, что они бедные и гадкие люди, нажившие себе горя, упреков совести и безвыходное несчастье. Приказы и рапорты были только на бумаге, в сущности был хаос. Ужас казаков: гикнет кто, и колонны бегут без причины. Дисциплина рушилась. Нищета была страшная, и требовать дисциплины нельзя было. Но потом, разумеется, всё жизненное, не укладывающееся в рамки человеческого понятия бедствия 300 тысяч, — [из] 300 тысяч поймут сто человек — подведено под мнимые распоряжения по воле гениального императора. Это можно видеть, прочтя Tier'a, как образец 435 стр., II ч. А видеть,⁴ какой хаос был, можно из того, что Д[енис] Д[авыдов] и другие, дьячки, брали по 10 тысяч пленных, не теряя 100-й доли людей. А кто был на войне, тот знает, что только бегущего раненого медведя можно безобидно убить рогатиной, а не целого и смелого. Кутузов¹ [убраться подобру-поздорову.]

² [порядок дня,]

³ [Государь! Мой кузен, принц Экмюльский, король Неаполитанский.]

⁴ *Зачеркнуто*: что

один знал это. Он не знал,¹ как было дело, но знал, как знают это старые жизненно умные люди, знал, что всё сделает время — всё само делается. И в исторических событиях само делается лучше всего. 1/100 доля той энергии, которая употреблена была при Смоленске и Бородине, уничтожила бы всю армию Наполеона и отдала бы его в плен.²

В эту пору, когда французы только того желали, чтобы их поскорее взяли в плен, а русские, занимаясь разными забавами, куражились около них, в это время Долохов был тоже одним из партизан. У него был отряд из 300 человек, и он жил с ним по Смоленской дороге.

Денисов был другим партизаном. И у Денисова, теперь полковника, в партии находился Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, к которому он получил страстное обожание еще со времени приезда его в 1806 в Москву.

Кроме этих партий, рыскали в этом же пространстве, недалеко — партия одного польского графа в русской службе и немца — генерала.

Денисов ночью³ лежал на полу на коврах в разваленной избе, с бородой, в армяке и с образом Николая Чудотворца на цепочке, и писал, быстро треща пером, изредка попивая из стакана, налитого половиной рома и чая.

Петя с широким своим добрым лицом и худыми отроческими членами сидел в углу на лавке, обожательно набожно поглядывая на своего Наполеона. Петя был тоже в фантастическом костюме: армяке с патронами, вроде черкески, и синих кавалерийских панталонах и в шпорах. Как только Денисов кончил одну бумагу, Петя взял ее, чтобы печатать.

— Можно прочесть?

— Можно, посмотри их..... распечатал...

Петя прочел, и чтение это увеличило его восторг к гению своего Наполеона.

Бумаги, которые писал Денисов, были ответом на требование 2-х командиров отрядов, дипломатически приглашавших Денисова соединиться с ними, то есть, так как Денисов был моложе чином, поступить под их начальство для атаки большого кавалерийского депо Бланкара, на которое точили зубы все начальники партий, желая приобрести славу этой добычи. Депо же Бланкара, загроможденное ранеными, пленными, голодными, главное, обозом, забытое штабом Наполеона, давно только ждало того, чтобы кто-нибудь из казаков взял его. Денисов отвечал одному генералу, что он уже поступил к другому под начальство, а другому писал, что он уже¹ *Зачеркнуто*: это

² *Зач.*: Не даром он

³ *Зач.*: сидел

поступил к одному, каждому подпуская шпильки формальности, на которые он был великий мастер, и таким образом отделялся от обоих и намеревался сам захватить депо, и славу, и чин, и крест, может быть.

— Отлично отделал, — сказал Петя в восторге,¹ не понимая всей дипломатии и цели ее.

— Посмотри, кто там, — сказал Денисов, слышав мягкие шаги в сенях.

— Слушаю-с, — старательно проговорил Петя, особенно счастливый играть с своим Наполеоном в службу.

В домашней жизни он был на «ты» с Денисовым, как и все, но как до службы, так он был адъютантом. Денисов, склонный играть в службу и в Наполеона, еще более был поощрен к этому твердой верой Пети в его наполеонство.

Шаги принадлежали Тихону Шестипалому, которого ввел Петя. Тихон Шестипалый был мужик из Покровского. Когда при начале своих действий Денисов прибыл в Покровское, ему жаловались на двух мужиков, принимавших французов, Прокофия Рыжего и Тихона Шестипалого. Денисов тогда же, пробуя свою власть и свое умение управлять ею, предварительно разгорячившись, велел расстрелять обоих. Но Тихон Шестипалый пал в ноги, обещая, что будет служить верно, что он только по глупости, и Денисов простил его и взял в свою партию.

Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставания воды, скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он раз, идя за дровами, наткнулся на мародеров и убил двух, а одного привел. Денисов шутя взял его с собой верхом, и оказалось, что не было человека, способного больше перенести трудов, видеть, подлезть неслышно дальше, и менее понимать, что такое опасность, как Тихон Шестипалый, и Тихон был зачислен в казаки, в урядники, и получил крест.

Тихон Шестипалый был мужик длинный, худой, с низко опущенными, с мотавшимися как будто бессильно руками,² но которые в своем мотании ударили крепче самых сильных, и мотавшимися ногами, но которые, мотаясь, огромными шагами проходили по 70 верст, не уставая. Шестипалый он был, потому что действительно у него были на руках и ногах приросточки около 5 пальца, и ворожея сказала ему, что, ежели он отрубит один из этих пальцев, то пропадет, и Тихон берег эти уродливые кусочки мяса больше головы. Лицо у него было изрытое чем-то, длинное, с повисшим на бок носом и с редкими, кое-где выбивающимися на бороде длинными волосьями. ¹ *Зачеркнуто*: только как бы нам Долохов не нагадил

² *Зач.*: и ногами

Он улыбался редко, но очень странно, так странно, что, когда он улыбался, то все смеялись. Он несколько раз был ранен, но все раны скоро заживали, и он не ходил в лазарет. Ему только нужно было остановить кровь, которую он не любил видеть. А боль он не понимал, так же, как не понимал страха. Одет он был в красный французский гусарский мундир с шляпой пуховой казанской на голове и в лаптях. Эту обувь он предпочитал всем другим. У него был огромный мушкетон, который он один умел заряжать, насыпая туда сразу 3 заряда, топор и пика.

— Что, Тишка? — спросил Денисов.

— Да привел двух, — сказал Тихон. (Денисов понял, что 2 пленных. Он посылал его туда, где стоит парк, разведать.)

— О! Из Шамшева?

— Из Шамшева. Вот тут, у крыльца.

— Что же, много народа?

— Много, да плохой, всех побить можно разом, — сказал Тихон. — Я сразу 3-х взял за околицей.

— Что же 2-х привел?

— Да так, ваше высокоблагородие. — Тихон засмеялся, и Денисов и Петя невольно тоже.

— Что ж 3-й-то где? — смеясь, спросил Денисов.

— Да так, ты, ваше высокоблагородие, не серчай, так....

— Да что так?

— Да так, плохенькая такая на нем¹ одежонка... — Он замолчал.

— Ну так что ж?

— Да что ж его водить-то, так — босой.

— Ну, ладно, ступай, я сейчас выйду к ним.

Тихон ушел, и вслед за ним в комнату вошел Долохов, прискакавший за 15 верст к Денисову всё с тем же, чем занят был и Денисов — желанием отвести его от депо и самому взять его. Долохов поговорил с Тихоновыми пленными и вошел в комнату. Долохов был одет просто, в военный гвардейский сюртук без эполет и в бальные щегольские ботфорты.

— Что же это мы стоим, моря караулим? — заговорил Долохов, подавая руки Денисову и Пете. — Что же ты не возьмешь их из Ртищева, ведь там 300 пленных наших, — говорил он.

— Да я жду помощи на депо напасть.

— Э, вздор, депо не возьмешь, там 8 бат[альонов] пехоты, спроси-ка, вот твой привел.

Денисов засмеялся. — Ну, понимаем, понимаем вас, — сказал он. — Хочешь пуншу?

— Нет, не хочу, а вот что: у тебя пленных набралось много, дай мне человек 10, мне натравить молодых казачков надо.

Денисов покачал головой.

¹ *Зачеркнуто:* шинелишка

— Что ж ты не бьешь их? — просто спросил Долохов. — Вот нежности...

Долохов обманул всех, и 2-х генералов, и Денисова; он, не дожидаясь никого, напал на другой день на депо¹ и, разумеется, взял всё то, что только дожидалось случая отдаться.

Pierre находился в этом депо в числе пленных. С первого перехода от Москвы с него сняли валенки, и есть им ничего не давали, кроме лошадиного мяса с порохом. Ночевали они под открытым небом. Становились заморозки.

На 2-м переходе Pierre почувствовал страшную боль в ногах и увидал, что они растрескались. Он шел, невольно припадая на одну ногу, и с этого времени почти все его силы души, вся его способность наблюдения сосредоточилась на этих ногах и этой боли. Он забыл² счет времени, забыл место, забывал свои опасения и надежды, он желал не думать о ней, думал только о этой боли. Когда и где это было, он не помнил, но одно событие поразило его: за повозками, в которых везли картины, и каретами, из которых одну он узнал свою, это принадлежало, как ему сказали, au prince d'Ettingen,³ шли они, пленные.

Подле Pierr'a шел старый солдат, тот самый, который научил его подвязывать ноги и мазать их. Справа от Pierr'a шел солдат, француз молодой, с острым носом и черными, круглыми глазами. Старый русский солдат стал хрипеть и просился отдохнуть.

— Avancez!⁴ — кричал сзади caporal.

Pierre повел его под руку, сам хромая. У солдата болел живот. Он был желт.

— Dites lui vous autres, — сказал француз, — qui comprenez là bas, dites lui qu'on ne laisse personne en arrière. Il y a ordre de fusiller ceux qui restent.⁵

P[eirre] сказал это солдату.

— Один конец, — сказал солдат и упал назад, крестясь. — Прощайте, православные, — говорил он, крестясь и кланяясь. И, как корабль, уносила всё дальше и дальше Pierr'a окружавшая его толпа. А серый старик сидел на грязной дороге и всё кланялся. Pierre смотрел на старика и услышал повелительный крик сержанта на того рядового с в[острым] н[осом], который шел справа.

¹ Зачеркнуто: и ото[брал]

² Зач.: дни — но[чи]

³ [герцогу Эттингенскому,]

⁴ [Вперед!]

⁵ [Скажите ему, вы, которые понимаете, скажите ему, что нельзя оставлять никого из отсталых. Есть приказ пристреливать, кто остается.]

— Исполняйте приказ, — крикнул сержант и толкнул за плечо молодого солдата. Солдат побежал сердито назад. Дорога за березками заворотила, и Pierre, оглядываясь, видел только дым выстрела, и потом бледный солдат и испуганный,¹ как будто он увидал привидение, прибежал и, ни на кого не глядя, пошел² на своем месте. Старика пристрелили, и так пристреливали многих из толпы в 200 человек, шедших с Pierr'ом. Но, как ни ужасно это было, Pierre не обвинял их. Им самим было так дурно, что едва ли бы некоторые не согласились быть на месте солдата. Лихорадочные, щелкая зубами, садились на краю дороги и оставались. Все разговоры, которые он слышал, шли о том, что положение их безвыходно, что они погибли, что стоит только казакам броситься, и ничего не останется. Несколько раз всё бросалось бежать от вида казака и иногда просто от ошибки. Pierre видел, как ели сырое лошадиное мясо. Но всё это Pierre видел, как во сне. Всё внимание его постоянно было направлено на свои больные ноги, но он всё шел, сам удивляясь себе и этой усиливаемости страдания и сносности страдания, вложенного в человека. Почти каждый вечер он говорил: «нынче кончено» и на другой день опять шел. Общее впечатление деморализации войск отразилось, как во сне, на Pierr'e во время этих переходов, число которых он не знал, но впечатление вдруг сгруппировалось в весьма простом в сущности, но его весьма поразившем, случае. На одном из переходов шли, жалуюсь, около него три француза; вдруг послышались слова: «l'Empereur», всё подбодрилось, вытянулось, сдвинулось с дороги, и предшествуемая конвоем, шибко проехала карета, остановилась немного впереди. Генерал у окна, выслушав что-то, снял шляпу. Раздались отчаянно счастливые крики: — Vive l'Empereur! — и карета [проехала].

— Qu'a t'il dit?

— L'Empereur, l'Empereur,³ — слышались со всех сторон ожившие голоса. Как будто и не было страдания. — En voila un qui. C'est un gaillard. Oh! le p[etit] s[aporal] qui ne se lesse pas marcher sur le pied,⁴ — слышались восторженные, уверенные голоса. А всё было то же: тот же холод, голод и труд бесцельный, жестокий, и тот же страх, который не оставлял войска.

Вечеру одного дня Pierr'a, которого все-таки отличали от других, офицеры пустили его к костру, и, угревшись, Pierre заснул. Спасение Pierr'a в эти тяжелые минуты была способность¹ *Зачеркнуто*: и отвора[чивающийся]

² *Зач.*: вперед

³ [Что он сказал? Император, император,]

⁴ [Вот он каков! Молодчина! О, наш маленький капрал не даст себе наступить на ногу,]

сильного, глубокого сна. Вдруг его разбудили. Но он потом не знал, было ли то наяву или во сне, что он видел. Его разбудили, и он увидал у костра французского офицера с знакомым, мало, что знакомым, но близким, с которым имел душевные дела, лицом. Да, это был Долохов, но в форме французского улана. Он говорил с офицерами на отличном французском языке, рассказывая, как его послали отыскивать депо и он заехал навыворот. Он жаловался на беспорядок, и французский офицер вторил ему и рассказывал то, что Долохов, казалось, не слушал. Увидев поднявшуюся курчавую голову Pierr'a, Долохов не удивился, но слегка улыбнулся (по этой улыбке не могло быть сомнения — это был он) и небрежно спросил, указывая на Pierr'a: — ¹ Cosaque? Ему ответили. Долохов закурил трубку и раскланялся с офицерами. Bonne nuit, messieurs.² — Он сел на лошадь и поехал. Pierre всё смотрел на него. Ночь была месячная, и далеко видно. Pierre видел с ужасом, но с утешением, что это сон, как он подъехал к часовым цепи и что-то говорил. «Слава богу, благополучно проехал», подумал Pierre, но в это время Долохов вдруг повернул назад и рысью подъехал к костру. Его улыбающееся, красивое лицо видно было в свете огня.

— Tiens, j'oublie, — он держал записку карандашом, — est ce quelqu'un de vous ne peut pas me dire ce qui veut dire en Russe:³ Безухой,⁴ будь готов с пленными, завтра я вас отобью. — И, не дожидаясь ответа, он повернул лошадь и поскакал.

— Arrêtez!⁵ — крикнули офицеры, в цепи раздались выстрелы, но Pierre видел, как Долохов ускакал за цепь и скрылся в темноте.

На другой день была дневка в Шамшеве, и, действительно, ввечеру послышались выстрелы, мимо Pierr'a пробежали французы, и⁶ первый вскакал в деревню Долохов. Навстречу ему бежал офицер с парламентерским белым платком. Французы сдались. Когда Pierre подошел к Долохову, он, сам не зная отчего, зарыдал в первый раз за время своего плена. Солдаты и казаки окружили Безухова и надавали ему платья и свели ночевать в избу, в которой ночевал генерал французский, а теперь Долохов. На другой день пленные проходили мимо подбоченившегося Долохова, громко болтая.

¹ Зачеркнуто: prisonnier [пленный]

² [Покойной ночи, господа.]

³ [Чуть не забыл, не скажет ли мне кто-нибудь из вас, что значит по-русски]

⁴ Зач.: не говори

⁵ [Держи!]

⁶ Зач.: и один

— Enfin d'une manière ou d'autre l'Empereur...¹ — сливались голоса.

Долохов строго смотрел на них, прекращая их говор словами: — Filez, filez.....²

Pierr'a направили в Тамбов, и, проезжая через город Козлов, 1-ый не тронутый войной, который он видел за два месяца, Pierre во второй раз заплакал от радости, увидав народ, идущий в церковь, нищих, калачника и купчиху в лиловом платочке и лисьей шубе, самодовольно, мирно переваливающуюся на паперти. Pierre никогда в жизни не забывал этого. В Козлове³ Pierre нашел одно из писем Андрея, везде искавшего его, нашел деньги, дождался людей и вещей, и в конце октября он приехал в Тамбов.⁴

Князя Андрея уже не было там, он опять поехал в армию и догнал ее у Вильны.

Одно из 1-х лиц, которое он встретил там, был Nicolas. Nicolas, увидав Андрея, покраснел и страстно бросился обнимать его. Андрей понял, что это было больше, чем дружба.

— Я — счастливейший человек, — сказал Nicolas, — вот письмо от Marie, она обещает быть моею. А я приехал в штаб, чтобы проситься на 28 дней в отпуск: я два раза ранен, не выходя из фронта. А еще жду брата Петю, который партизанил с Денисовым.

Андрей пошел на квартиру Nicolas, и там долго обо всем рассказывалось друг другу. Андрей был твердо намерен проситься опять и только в полк. К вечеру приехал и Петя, не умолкая рассказывающий о славе России и Васьки Денисова, завоевавшего целый город, наказывавшего поляков, благодетельствовавшего жидов, принимавшего депутации и заключавшего мир.

— У нас геройская фаланга. У нас — Тихон. — Он и слышать не хотел ни о какой другой службе. Но, к несчастью, это самое завоевание города, которым так счастлив был Петр, не понравилось немцу генералу, желавшему тоже завоевать этот город, и так как Денисов был под командой немца, то немец распек Денисова и отставил его от его геройской партии. Впрочем, это узнал Петя после, теперь же он был в полном восторге и, не умолкая, рассказывал о том, как Наполеона прогнали, каковы мы — русские, и как особенно у нас — все герои...

¹ [Словом, так или иначе, император...]

² Проходи, проходи...

³ Зачеркнуто: узнал

⁴ На полях: Письмо Сони. Едет мимо костров и Vive Henri IV[?] [Да здравствует Генрих IV], и это решает его.

Андрей и Nicolas радовались на Петю и заставляли его рассказывать. Утром оба новые родные пошли вместе к фельдмаршалу¹ просить каждый своего, и фельдмаршал был особенно милостив и согласился на то и на другое, но, видимо, хотел еще поласкать Андрея, но не успел, потому что в гостиную вошла панна Пшевосо[?] с дочерью, крестницей Кутузова. Когда он был губернатором в Вильне, пани была хорошенькой девочкой, и Кутузов, сузив глаза, пошел к ней навстречу и, взяв за щеки, поцеловал ее. Князь Андрей дернул за полу Nicolas и повел его вон.

— Будьте на смотре оба, — сказал Кутузов им в дверь.

— Слушаю, ваша светлость.

На другой день был смотр; после церемониального марша Кутузов подошел к гвардии и поздравил все войска с победой.²

— Из 500 [тысяч] нет никого, и Наполеон бежал. Благодарю вас, бог помог мне. Ты, Бонапарт, волк, ты сер, а я, брат, сед, — и Кутузов при этом снял свою без козырька фуражку с белой головы и нагнул волосами к фрунту эту голову....

— Ураа, аааа — загремело 100 тысяч голосов, и Кутузов, захлебываясь от слез, стал доставать платок. Nicolas стоял в свите между братом и князем Андреем. Петя орал неистово «ура», и слезы радости и гордости текли по его пухлым, детским щекам. Князь Андрей чуть заметно добродушно, насмешливо улыбался.

— Петруша, уж перестали, — сказал Nicolas.

— Что мне за дело, я умру от восторга, — кричал Петя и, взглянув на князя Андрея с его улыбкой, замолчал и остался недоволен своим будущим сватом.

Обе свадьбы сыграны были в один день в Отрадном, которое вновь оживилось и зацвело. Nicolas³ уехал в полк и с полком вошел в Париж, где он вновь сошелся с Андреем.⁴

Во время их отсутствия Pierre, Наташа, графиня (теперь) Марья с племянником, старик, старуха и Соня прожили всё лето и зиму 13 года в Отрадном и там дождались возвращения Nicolas и Андрея.

Конец.

¹ *На полях:* Он читал M-me de Genlis и писал письмо своей дочери: La fortune qui est une femme [Счастье, которое есть женщина]

² *Зачеркнуто:* Что осталось из того

³ *Зач.:* и А[ндрей]

⁴ *Зач.:* Графиня Марья жила с тестем, тетей и племянником и Соней в Отрадном. Pierre с Наташей жили в Москве, занятые отстройкой дома.

* № 184 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. VIII-XIV).¹

Богучарово² не вполне хорошо было выбрано убежищем от французов. Правда, что здоровье старого князя было так слабо, что он не доехал бы до Москвы.³

Князь в Богучарове, несмотря на помощь доктора, оставался более двух недель всё в том же положении. Уж поговаривали о французах, в окрестностях показывались французы, и у соседа в 25 верстах, Дмитрия Михайловича Телянина, стоял полк французских драгун.⁴

Но князь ничего этого не понимал, доктор сказал, что нельзя ехать в таком положении.

На⁵ третьей ночи после приезда в Богучарово князь лежал, как и прежние дни, в кабинете князя Андрея. Княжна Марья ночевала в соседней комнате. Всю ночь она не спала и слышала его кряхтенье и⁶ ворочанье с помощью доктора и Тихона, но она не смела войти к нему. Она не смела потому, что⁷ все эти дни, как только наступал вечер, князь выказывал признаки раздражения и знаками выгонял ее, приговаривая: «Спать... хорошо мне...» Днем он допускал ее и левой здоровой рукой держал и жал ее за руку и беспокоился до тех пор, пока что-нибудь не напоминало ему о том, что его выгнало из Лысых Гор. Тогда, несмотря ни на какие средства доктора, он начинал кричать, хрипеть и метаться.⁸ Он, видимо, очень страдал и физически и нравственно. Княжна страдала не меньше его. Надежды на исцеление не было.

Он мучался..... «Не лучше ли был бы конец, совсем конец», иногда думала княжна Марья. И, странно сказать,⁹ она¹⁰ день и ночь, почти без сна следила за ним, и часто она следила за ним не затем, чтобы найти признаки облегчения, но следила, желая найти признаки приближения к концу, к великому горю, но к успокоению.

После 4-й бессонной ночи, проведенной в напряжении слуха, в сухом ожидании и страхе у его двери (княжна Марья не плакала и удивлялась самой себе, что она не могла плакать), она утром вошла в его комнату. Он лежал высоко на спине с своими маленькими костлявыми ручками на одеяле и уставленными ¹ *Новый автограф.*

² *Зачеркнуто:* не совсем

³ *Зач.:* Четыре дня после приезда в Богучарово *Вместо зач. на полях вписан дальнейший текст, кончая:* в таком положении.

⁴ *Зач.:* Докладывал Дронушка староста, что Амалия Карловна получила записку, должно от французов, и что мужики не хороши, но ехать

⁵ *Зач.:* четвертый день

⁶ *Зач.:* возню

⁷ *Зач.:* при входе ее

⁸ *Зач.:* После бессонной ночи, проведенной в напряжении слуха у его двери, княжна Марья вошла к нему.

⁹ *Зач.:* часто

¹⁰ *Зач.:* страстно, много

прямо глазами. Она подошла и поцеловала его руку; левая рука сжала ее и¹ так, что видно было, долго не хотел ее выпустить.

— Как вы провели ночь? — спросила она.

Он начал говорить (что ужаснее всего было княжне Марье), с комическим трудом ворочая язык. Он говорил лучше нынче, но лицо его похоже стало на птичье лицо и очень измельчало чертами, как будто ссохлось или растаяло.

—² Ужасную ночь провел, — выговорил он.

— Отчего, *mon père*? Что особенно вас мучало?

— Мысли! Погибла Россия... — он зарыдал.

Княжна Марья, боясь, что он опять озлобится при этом воспоминании, спешила навести его на другой предмет.

— Да, я слышала, как вы ворочались, как Тихон... — сказала она.

Но он нынче не озлобился, как прежде, при воспоминании <об>³ французах, напротив, он был кроток, и это⁴ поразило княжну Марью.⁵

— Теперь конец, — сказал он и, помолчав:

— Не спала ты?

Княжна Марья отрицательно покачала головой; невольно подчиняясь отцу, она теперь так же, как он говорил, старалась говорить больше знаками и как будто тоже с трудом ворочая язык.

— Нет, я всё слышала, — сказала она.

—⁶ *Душенька* (<друг> или дружок, — княжна Марья не могла разобрать, но да, как ни странно это было, это наверно по выражению его взгляда было нежное, ласкающее слово), зачем не пришла ко мне?

Он опять зарыдал. К княжне Марье вдруг воротилась способность слез.⁷ Она нагнулась к его груди и зарыдала, он пожал ее руку и замахал головой, чтоб она шла к двери.

— Не послать ли за священником? — сказал шопотом Т[ихон].

— Да, да.

Княжна Марья обратилась к нему. Она еще ничего не успела сказать, как он проговорил:

— Священника, да.

Княжна Марья вышла, послала за священником и побежала в сад. Был⁸ жаркий августовский день, тот самый, в который князь Андрей заезжал в Лысье Горы. Она выбежала в сад и,¹ *Зачеркнуто*: не выпускала

² *Зач.*: — Ах! Я

³ *Зач.*: несча[стью]

⁴ *Зач.*: осо[бенно]

⁵ *Зач.*: Всё равно

⁶ *Зач.*: — Ах,

⁷ *Зач.*: и рыданий

⁸ *Зач.*: яркий

рыдая, побежала вниз, к пруду по молодым, засаженным князем Андреем липовым дорожкам.

«Да, я, я, я, я желала его смерти. Да, я желала. Вот она пришла. Радуйся. Пришла (я знаю), радуйся, ты будешь покойна...»,¹ думала княжна Марья, падая на засохшую траву и руками давя грудь, из которой судорожно вырывались рыдания. Но надо было итти назад.² Она облила водой голову и вошла в большое крыльцо. Священник при ней вошел в его комнату. Она выходила и вернулась, когда ему утирали рот. Он смотрел на нее. Когда священник ушел, он опять указал княжне Марье дверь и закрыл глаза. Она вышла в столовую. На столе был накрыт завтрак. Княжна Марья подошла к его двери. Он кряхтел. Она вернулась в столовую, подошла к столу, села и положила себе на тарелку котлету с картофелем и стала есть и пить воду. —

Тихон вошел в дверь и поманил ее.

Тихон неестественно улыбался. Он, видно, что-то хотел скрыть этой улыбкой.³
— Зовут, — сказал он.

Княжна Марья, не торопясь, дожевывая котлету, подошла к двери. Она остановилась у двери, чтобы проглотить и отереть рот, наконец взялась за ручку, скрипнула и отворила. Он лежал всё так же, только лицо его еще больше растаяло. Он поглядел на нее так, что видно было, он ждал ее. И рука его ждала ее руки. Она схватилась за нее... Сначала это была его рука, это было его лицо, но через несколько минут не только это было не его лицо, которое лежало на подушках, и не его рука, которая держала ее, но это было что-то чуждое, страшное и враждебное.⁴ И эта перемена вдруг произошла в княжне Марье в ту минуту, как доктор, не ступая более на ципочки, а всей [ступней⁵] подошел к окну и поднял стору. Был уже вечер. «Вероятно я более 2-х часов сидела тут», — подумала княжна Марья.⁶ — Нет, не может быть, чего мне страшно? Это — он. Она поднялась и поцеловала его⁷ лоб. Он был холоден.⁸ «Нет, нет его больше. Его нет, а есть тут же, на том же месте, где был он, какая-то страшная, ужасающая тайна...»

⁹В присутствии доктора и Тихона женщины обмыли¹⁰ то, ¹ *Зачеркнуто*: Но надо

² *Зач. вписанное между строк*: Она видела, священник уже был у него в комнате.

³ *Зач.*: Он

⁴ *Далее, кончая словами*: Она поднялась *вписано на полях*.

⁵ *В рукописи описка*: окной

⁶ *Зач.*: Она

⁷ *Зач.*: холодный

⁸ *Зач.*: Она хотела думать, что это он, но внутренний голос говорил ей, что

⁹ *Зач.*: Док[тор]

¹⁰ *Зач.*: его

что был он,¹ повязали голову, чтобы не заостенел открытый рот, и связали другим платком расходившиеся ноги, одели в мундир с орденами и положили на стол под парчой в гостиной. Как лошади шарахаются, толпятся и фыркают над мертвой лошадьё, так в гостиной толпился народ, чужой и свой, с остановившимися глазами, крестился и заботился о ельнике, который насыпали по полу, о парче, о свечах, о венчике....

Княжна Марья сидела с уставленными прямо сухими глазами на сундуке в своей комнате, бывшей спальне князя Андрея, и с ужасом думала о том, что она желала этого....

М-Ие Bourienne, не показывавшаяся до того времени и жившая в доме прикащика, опять пришла в дом, и княжна Марья слышала ее рыдания, слова *bienfaiteur*² и видела, как она с испуганным лицом, глядя на него, по-католически всей рукой крестилась на панафидах.³

На похороны приехало много народа:⁴ исправник, соседи, даже незнакомые, желавшие отдать честь праху генерал-аншефа. В числе этих соседей был и Телянин.⁵ Капитан-исправник почтительно сообщил княжне Марье, что опасно оставаться далее и надо поспешно уезжать, потому что в уезде показываются французские мародеры, но княжна Марья решительно не поняла его. В числе собравшихся на похороны был и Алпатыч, приехавший в тот же день из Лысых Гор. Княжне Марье в эти минуты горя утешительнее всего было видеть Алпатыча и Тихона, двух людей, бывших ближе других к покойнику, больше других страдавших от него и больше всех убитых горем. Особенно Алпатыч с своим подражанием манерам старого князя более всего трогал ее. Он стоял во время службы прямо держась, нахмурясь, с своей рукой за пазухой, видимо желая соблюсти почтительно представительность, и вдруг лицо его падало, как будто обрывались пружинки, поддерживающие его, и он, как женщина, трясась головой, начинал рыдать. И зажженный Смоленск, и разоренные Лысые Горы, занятые французскими драгунами, и минутный приезд князя Андрея, и теперь смерть *его* — всё последовало так скоро одно за другим и всё после ровной, торжественной, 30-летней жизни, что иногда Алпатыч чувствовал, как рассудок его начинал теряться. Одно, что поддерживало его силы, это была княжна, на которую он не мог смотреть (он отворачивался от нее). Он чувствовал, что для нее — ¹ *Зач.*: связали

² [благодетель]

³ *Зач.*: На 3-й день после похорон князя, 14-го августа, в Богучарово, которое было уже не вполне безопасно от французов, и в которое заходили два раза мародеры по три человека, и в которое уж через М-Ие Bourienne была прислана записка от французского генерала Рамо о доставлении овса, в Богучарово к вечеру 12-го августа на переходе остановилось два эскадрона Павлоградских гусар.

⁴ *Зач.*: городничий

⁵ *Зач.*: Городничий

он необходим и необходима вся его твердость. Как только вернулись с кладбища и княжна Марья увидела тот опроставшийся кабинет, где он лежал больной, и ту опроставшуюся залу, где он лежал мертвый, она¹ почувствовала в первый раз, как это всегда бывает, и всю тяжесть, всё значение утраты и вместе с тем требования жизни, не остановившейся, несмотря на то, что *его* уже не было. Гости собрались за поминками. Алпатыч тихо отворил дверь и вошел к княжне Марье.²

Несколько раз в продолжение этого утра княжна Марья начинала плакать и останавливалась, принималась за какое-нибудь дело и бросала его. В ту минуту, как вошел Алпатыч, она решилась прочесть, наконец, письмо, которое перед похоронами с почты привез ей Алпатыч. Оно было от Жюли и его-то и читала княжна Марья. Жюли писала из Москвы, где она жила одна с матерью, так как муж ее был в армии. Письмо, первое из сотен, которые получала княжна Марья, было писано по-русски и всё наполнено военными новостями и патриотическими фразами.

«Я вам пишу по-русски, мой добрый друг, — писала Жюли, — потому что я³ имею ненависть ко всем французам, равно и к языку их, который я не могу слышать говорить....⁴ Мы в Москве все восторженны через энтузиазм к нашему обожаемому императору. Бедный муж мой переносит труды и голод в жидовских корчмах, но новости, которые я имею, еще более воодушевляют меня.

Вы слышали, верно, о героическом подвиге Раевского, обнявшего двух сыновей и сказавшего: погибну с ними, но не поколеблется. И действительно, хотя неприятель был вдвое сильнее нас, мы не колебнулись. Мы проводим время, как можем, но на войне, как на войне. Княгиня Алина и Sophie сидят со мной целые дни, и мы, несчастные вдовы живых мужей, за корпией делаем прекрасные разговоры, только вас, мой друг не достает» и т. д.

Княжна Марья знала по-русски не лучше своего друга Жюли, но русское чутье говорило ей, что что-то не так в этом письме. Она перестала его читать и думала о том, когда вошел Алпатыч. Увидав его, рыдания опять подступили ей к горлу.

Несколько раз она поднималась,⁵ удерживая слезы, против него, ожидая, что он скажет, несколько раз он, хмурясь, прокашливался, желая начать, и⁶ всякий раз они оба не удерживались и начинали рыдать.

¹ *Зачеркнуто:* едва добежала до своей комнаты и упала, рыдая, на кровать. *Вместо зач. вписан над строкою дальнейший текст, кончая:* его уже не было.

² *Зач.:* Она постояла. *На полях вписан дальнейший текст, кончая словами:* подступили ей к горлу.

³ *Зач.:* с особенной злобой

⁴ *Зач.:* Муж

⁵ *Зач.:* усаж[ивалась]

⁶ *Зач.:* оба раза

Наконец Алпатыч собрался с силами.

— Осмелюсь доложить вашему сиятельству, что по наблюдениям моим опасность пребывания в здешнем имении становится настоятельнее, и я бы предложил вашему сиятельству ехать в столицу.

Княжна Марья посмотрела на него.¹

— Ах, дай мне опомниться.

— Необходимо потому, ваше сиятельство.

— Ну, делай, как знаешь. Я поеду, я сделаю всё, что ты скажешь.

— Слушаю-с. Я сделаю распоряжения и вечером приду за приказаниями, ваше сиятельство.

Алпатыч ушел и, призвав старосту Дронушку, отдал ему приказание о приготовлении 20 подвод для подъема вещей из дома и княжнинных постелей и девушек. —

Имение Богучарово было всегда заглазное² до поселения в нем князя Андрея, и мужики Богучаровские имели совсем другой характер от Лысогорских. Они отличались от них и говором, и одеждой, более грубой, и нравами, и недоверием, и недоброжелательством к помещикам. Они назывались в Лысых Горах степными, и их хвалил старый князь за их сносливость в работе, когда они приезжали подсоблять уборке в Лысых Горах или копать пруды и канавы, но не любил их за их пьянство и грубость.³ Последнее пребывание в Богучарове князя Андрея⁴ с его нововведениями — больницы, школы — и облегчением оброка, как и всегда было и будет, только усилило в них их⁵ недоверчивость к помещикам. Между⁶ ними ходили толки то о перечислении их всех в казаки, то о новой вере, в которую их обратят, то о царских листах каких-то,⁷ то о присяге Павлу Петровичу в 1796 году, про которую помнили многие, говоря, что тогда еще воля выходила, да господу отняли.

Лет 30 Богучаровым управлял староста Дрон, которого старый князь звал Дронушкой и который всякий год после поездки в Вязьму на ярмарку привозил оттуда вяземские пряники. Княжна Марья еще с детства помнила его, и впечатление Дронушки, высокого, красивого, худого, с римским носом и с выражением необыкновенной твердости во всей фигуре мужика, соединилось в ней с приятным впечатлением пряников. Дронушка был один из тех крепких физически и нравственно

¹ *Зачеркнуто:* — Отчего?

² *Зач.*: и мужики

³ *Зач.*: нравов

⁴ *Зач.*: не только

⁵ *Зач.*: недоброжелательство к господам

⁶ *Зач.*: собой они говорили, что князь Андрей эти бо[льницы]

⁷ *Далее до конца абзаца вписано на полях.*

мужиков, которые, как только войдут в года, обрастут бородой, так, не изменяясь, живут до 60—70 лет без одного седого волоса или недостатка зуба, такие же прямые и поворотливые в 60 лет, как и в 30.¹

Дрон 23 года тому назад, уж бывши старостой, вдруг начал пить; его строго наказали и сменили из старост. Вслед за тем Дрон бежал и пропал около года, обходил все монастыри и пустыни, был в² Лаврах и в Соловецких. Вернувшись оттуда, он объявился. Его опять наказали и поставили на тягло. Но он не стал работать и тотчас же пропал. Через две недели он, изнуренный и худой, едва таща ноги, пришел к себе в избу и лег на печь. Потом узнали, что эти две недели Дрон провел в пещере, которую он сам вырыл в горе в лесу и которую сзади себя заложил камнем, смазанным глиной. Он без еды и питья 9 дней пробыл в этой пещере, желая спастись, но на 9-й день на него нашел страх смерти, он с трудом откопался и пришел домой. С тех пор Дрон перестал пить вино и браниться дурным словом, сделан опять старостой и в этой должности ни разу не был ни пьян, ни болен, никогда не устав ни от какого труда, ни от двух бессонных ночей, никогда не запамятовав ни одной десятины, сколько было на ней копен, за 20 лет назад, или одного пуда муки, который он выдал, и пробыл безупречно 23 года старостой. Никогда и никуда не торопясь, никогда и ни в чем не опаздывая, без поспешности и отдыха, Дрон управлял имением в 1000 душ так же свободно, как хороший ямщик приезженной тройкой.

На приказание Алпатыча собрать 17 подвод к среде (был понедельник) Дрон сказал, что этого нельзя, потому что лошади под казенными подводами, а остальные без корма по голым полям ходят.

Алпатыч удивленно³ посмотрел на Дрона, не понимая смелости его возражения.

¹ *Зачеркнуто*: Один из тех мужиков, которые, раз себе дав зарок, не пьют вина, не ругаются дурным словом, один из тех старост, которые могут стоять, не уставая, перед барином или прикащиком, не переменяя ноги, три и 5 часов сряду, один из тех, которые в 100 дворах знают наизусть, сколько у какого мужика лошадей, овец и коров, и за 20 лет помнят, сколько копен был урожай на какой десятине. Один из тех мужиков, который мог 3 ночи не спать, объезжая поля и леса, когда нужно, и от которого никакой вор никогда не мог укрыться. Один из тех, которые, перепуская в руках десятки тысяч, равномерно оставляет у себя известный %, но никак не больше. Один из тех, которых главные три радости составляют: видеть порядок и тишину в своем, мужичьем и барском хозяйстве, исполнять торжественно обряды церкви и ловко и смело поймать вора. Один из тех старост-бурмистров, которые, никогда не горячась, не торопясь держат имение в 1000 душ свободно и легко, как вожжи к тройке лошадей. *Вместо зач. на полях вписан текст следующего абзаца.*

² *Зач.*: Киеве

³ *Зач.*: и гневно

— Что? — сказал он.¹ — С 150 дворов 17 подвод нету?

²— Нету, — тихо отвечал Дрон, и Алпатыч с недоумением заметил опущенный и нахмуренный взгляд Дрона.

— Да ты что думаешь? — сказал Алпатыч.

— Ничего не думаю. Что мне думать.

Алпатыч по методе, по которой князь не³ считал удобным тратить много слов, взял Дрона за аккуратно запахнутый армяк и, потряся его из стороны в сторону, начал говорить.⁴

— Нету? — начал он. — Нету, так ты слушай. Я к вечеру буду, что ежели у меня подводы готовы не будут завтра к утру,⁵ с тобой то сделаю, что ты и не думаешь. Слышишь?..

Дрон равномерно и покорно раскачивался туловищем вперед, стараясь угадывать движения руки Алпатыча, ни в чем не изменяя ни выражения своего опущенного бессмысленного взгляда, ни покорного положения рук. Он ничего не ответил. Алпатыч покачал головой и поехал за лошадьми Лысогорскими, которых он вывел за собой и оставил в 15 верстах от Богучарова.

В этот день в 5-м часу вечера, когда уж Алпатыч давно уехал, княжна Марья сидела в своей комнате и, не в силах заняться ничем, читала Псалтырь, но она не могла понимать того, что она читала.⁶ Картины близкого прошедшего — болезнь и смерть — беспрестанно возникали в ее воображении. Дверь ее комнаты отворилась, и в черном платье вошла та, которую она менее всего бы желала видеть: M-lle Bourienne. Она тихо подошла к княжне Марье, со вздохом поцеловала ее и⁷ начала речь о печали, о горе, о том, что в такие минуты трудно и невозможно думать о чем-нибудь другом, в особенности о себе самой. Княжна Марья испуганно смотрела на нее, чувствуя, что ее речь была предисловием чего-то. Она ждала сущности дела.

— Ваше положение вдвойне ужасно, милая княжна, — сказала M-lle Bourienne. — Я о себе не думаю, но вы.... Ах, это ужасно, зачем я взялась за это дело?..

M-lle Bourienne заплакала и не в силах сказать.

— Коко? — вскрикнула княжна Марья. — André?

— Нет, нет, успокойтесь, но вы, вы, вы знаете, что мы в опасности, ¹ *Зачеркнуто*: <Чтоб были> С тысячи душ

² *Зач.*: — Это не можно.

³ *Зач.*: люб[ил]

⁴ *Зач.*: — Я еду за лошадьми в Хлебное (это был хутор, в который из Лысых Гор, занятых неприятелем, Алпатыч перевел господских лошадей) и завтра к ночи вернусь, так знай ты.....

⁵ *Зач.*: то я тебя

⁶ *На полях*: Княжна Марья читала письмо. Не колебнулись.

⁷ *Зач.*: после преданного

что мы окружены, что¹ французы не нынче-завтра будут здесь.

— А, — успокоенно сказала княжна Марья. — Мы завтра поедем.

— Но, я боюсь, это поздно. Я даже уверена, что это поздно, — сказала М-лле Bourienne. — Вот, — и она, достав из ридикюля, показала княжне Марье объявление на нерусской, необыкновенной бумаге французского генерала Рамо о том, чтобы жители не покидали своих домов, что им оказано будет должное покровительство французских властей.

Княжна Марья, не дочтя, остановила свои глаза на М-лле Bourienne.² Молчание продолжалось около минуты.

— Так что вы хотите, чтоб я, — заговорила, вспыхнув, княжна Марья, вставая и своими тяжелыми шагами подходя к³ М-лле Bourienne, — чтоб я приняла в этот дом французов, чтоб я... нет, ах уйдите, ради бога.

— Княжна, я для вас говорю, верьте.

— Дуняша! — закричала княжна. — Уйдите.

Дуняша, румяная, русая девушка, двумя годами моложе княжны, ее крестница, вбежала в комнату. М-лле Bourienne всё говорила, что это трудно, но что больше делать нечего, что она просит простить, что она, знала...

— Дуняша, она не хочет уйти. Я пойду к тебе.

И княжна Марья вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь.⁴

Дуняша, няня и все девушки ничего не могли сказать о том, в какой мере справедливо было то, что объявила М-лле Bourienne. Алпатыч не возвращался. Княжна Марья, возвратившись в свою комнату, из которой ушла М-лле Bourienne, с высохшими, блестящими глазами ходила по комнате. Потребованный ею Дронушка вошел в комнату и с тем выражением тупого недоверия твердо стал у притолки.

— Дронушка! — сказала княжна Марья, видевшая в нем несомненного друга, того самого Дрона, который из Вязьмы привозил ей и с улыбкой подавал всегда свои особенные пряники. — Дронушка, правда ли мне говорят, что мне и уехать нельзя?

— Отчего ж не ехать? — вдруг с доброй усмешкой сказал Дронушка.

— Говорят, опасно от французов.

— Пустое, ваше сиятельство.

— Ты со мной поезжай пожалуйста, Дронушка, завтра.

— Слушаю-с. Только подводы приказывали Яков Алпатыч¹ *Зачеркнуто:*

неприятель

² *Зач.*: И вдруг

³ *Зач.*: двери

⁴ *На полях*: Княжна Марья благодетельствует пейзамам.

к завтрашнему дню, то никак невозможно, ваше сиятельство,¹ всё с той же доброй улыбкой сказал Дрон. Эта добрая улыбка невольно выходила ему на уста в то время, как он смотрел и говорил с княжной, которую он любил и знал девочкой.

— Отчего же невозможно, Дронушка, голубчик? — сказала княжна,

— Эх, матушка, время такое, ведь изволила слышать, я чай. Бог наказал нас, грешных. Всех лошадей под войско разобрали, а который был хлебушко — стоптали, стравили на корню.

¹ *Зачеркнуто:* — Так как же?

— Не могу знать. Может, они, Яков Алпатыч, приведут, а наших никак невозможно.

— <Ну так,> Все-таки не опасно?

— Не могу знать.

— Так я на тебя надеюсь, ты скажи мужикам, что я их прошу о подводах.

— Слушаю-с.

Только что ушел Дрон, Дуняша подбежала к княжне.

— Этому мужику, матушка княжна, ничего не верьте, я его по глазам увидала, что он не то говорит.

— Неправда, неправда, Дуняша. <Так что же делать? Где Алпатыч? Ах, боже мои, — говорила княжна.> Еще Тихона позовите.

— Я Тихона позову, да он что? А вы будьте покойны, я хоть и девка, а всё так обделаю, что всех обману, — сказала скороговоркой Дуняша. — Я их знаю. Мне кума говорила. От французов бумага была, чтоб ничего не вывозили. Коли не вывезут, так всем милость будет от французов, а вывезут — так разорят. Да вы не робейте, княжна, я их обману. Мы с Михаилом Иванычем говорили.

— Дуняша, голубушка, я не боюсь. Я ни за что не останусь, ты мне хоть телегу найди, я поеду.

— И не нужно-с, и подводы возьмем. <Что они думают. Мы Лысогорским дворовым ружья дадим.>

Совет с Тихоном был еще менее утешителен, чем совет с Дроном. Тихон, лучший камердинер в мире, до необычайности проницательности доведший свое искусство угадывать волю князя, выведенный из своего круга деятельности, никуда не годился. Он ничего не мог понять, ничего сообразить. Он с бледным и изнуренным лицом пришел к княжне и на все ее вопросы отвечал одними словами «как прикажете» и слезами.

Только Михаил Иванович, архитектор, и Дуняша не унывали. Они собрали привезенные из Лысых Гор ружья и приготавливали заряды. Княжна Марья взволнованная ходила из своей комнаты в гостиную, где Михаил Иванович устроил свою лабораторию.

— Неужели придется сражаться? — спросила его княжна Марья. — Я не боюсь, но это ужасно. — Княжна Марья взяла одно ружье. — Оно не заряжено?

— Нет.

— Так как же стрелять? — спросила она.

Михаил Иванович, поспешно встав, указывал ей.

— Вот так? — Но, не спустив курка, княжна Марья вдруг заплакала. В это время пришли доложить, что пришел Дронушка.

К вечеру пришел Дрон, объявил, что мужики <собрались> решительно отказались дать подводы и что они так и велели сказать. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая:* призвали еще Тихона (стр. 176).

Не то что лошадей кормить, а только бы самим с голоду не помереть. И так по три дня не емши сидят. Нет ничего, разорили вконец....

— Ах, боже мой! — сказала княжна Марья. «А я думаю о своем горе», подумала она. И, счастливая тем, что ей представился предлог заботы такой, для которой ей не совестно забыть свое горе, она стала расспрашивать у Дрона подробности бедственного состояния мужиков, изыскивая в голове своей средства помочь им.

— Что же, нашего хлеба разве нет? ты бы дал мужикам, — сказала она.

— Что раздавать-то, ваше сиятельство? Всё туда ж пойдет. Прогневил мы бога.

— Так ты раздай им хлеб, какой есть, Дронушка, да постарайся, чтоб так не разоряли их. Может быть, нужно написать кому-нибудь, я напишу.

— Слушаю-с, — сказал Дрон, видимо не желая исполнять приказания княжны, и хотел уйти. Княжна воротила его.

— Но как же, когда я уеду, как же мужики останутся? — спросила она.¹

— Куда ж ехать-то, ваше сиятельство, — сказал Дрон, — когда и лошадей нет, и хлеба нет.

Княжна Марья вспомнила, что Яков Алпатыч говорил ей, что Лысогорские мужики почти все уехали в подмосковную деревню. Она сказала это.

— Что ж делать, — сказала она, вздыхая, — не мы одни, собирайтесь все и поедем, уж я, я... всё свое отдам, только чтоб вы все были спасены. Ты скажи мужикам, все вместе поедем... Вот Яков Алпатыч приведет лошадей, я² наших велю дать, кому недостает. Так ты скажи мужикам. Нет, лучше я сама пойду к ним и скажу им. Так ты скажи.

— Слушаю, — сказал, улыбаясь, Дрон и вышел.³

Княжну Марью так заняла мысль о несчастьи и бедности мужиков, что она несколько раз посылала спрашивать, пришли ли они, и советовалась с людьми-прислугой, как и что ей делать. Дуняша, 2-я горничная, бойкая девушка, упрашивала княжну не ходить к мужикам и не иметь с ними дела.

— Всё обман один, — говорила она. — А Яков Алпатыч приедут и поедем, ваше сиятельство, а вы не извольте....

— Какой же обман? Какая ты.

— Да уж я знаю, только послушайте меня ради бога.

¹ *Зачеркнуто:* — А как бог даст.

² *Зач.:* своих

³ *Зач.:* Княжна Марья опять послала за Дроном, спросить про подводы

Но княжна не слушала ее. Она, вспоминая самых близких людей, призвала еще Тихона.¹

Несмотря на отговариванье² Дуняши, княжна Марья надела свою с длинными полями шляпу и пошла³ к амбару, у которого собрались мужики. Именно потому, что они отговаривали ее,⁴ княжна Марья с особенной радостью своими тяжелыми шагами, путаясь в юбке, пошла к деревне. Дрон, Дуняша и Михаил Иваныч шли за нею.⁵

«Какие тут могут быть расчеты, — думала княжна Марья, — надо всё отдать, только спасти этих несчастных людей, поверенных мне богом. Я им буду обещать мясину в подмосковной и квартиры, что бы это ни стоило нам; я уверена, André еще больше бы сделал на моем месте», думала она, подходя.

Толпа раскрылась полукругом, все сняли шапки, и оголились лысые, черные, рыжие и седые головы. Княжна Марья, опустив глаза, близко подошла к ним. Прямо против нее стоял старый, согнутый, седой мужик, опершись обеими руками на палку.

— Я пришла, я пришла, — начала княжна Марья, глядя невольно только на старого мужика и обращаясь к нему, — я пришла... мне Дрон сказал, что⁶ вас разорила война. Это — наше общее горе, и я ничего не пожалею, чтобы помочь вам. Я сама еду, потому что уж опасно здесь и неприятель близко, потому что... я вам советую, мои друзья, и прошу вас собрать лучшее всё имущество и ехать со мной,⁷ и все вместе поедem в подмосковную и там вам будет всё от меня. И вместе будем делить нужду и горе. Ежели вы хотите оставаться здесь, оставайтесь — это ваше дело, но я прошу вас от имени покойного отца, который был вам хорошим баринoм, и за брата и его сына и за себя — послушайте меня⁸ и поедemте все вместе.⁹

Она помолчала.¹⁰ Они молчали тоже, и никто не смотрел на нее.

— Теперь, ежели вам нужда, я велела раздать вам хлеба и всё, что мое, то ваше....

¹ *На полях:* <Бог[учарово] было.> Nicolas пришел в Богучарово и видит сходку. <Дрон «не хороши»>.

Княжна Марья <учится стрелять> говорит с Бурьен, учится стрелять у Тихона. Идет на сходку.

² *Зачеркнуто:* М[ихаила] И[вановича] и

³ *Зач.:* на деревню сама говорить с мужиками. Она

⁴ *Зач.:* и находили, что это опасно

⁵ *След. абзац вписан на полях.*

⁶ *Зач.:* вы не повинуетесь... и что вы не хотите помочь... А вам, всем нам, грех нам покориться врагу. *Вместо зач. вписано, кончая:* и неприятель близко,

⁷ *Зач.:* чем оставаться. И не верю тому, чтоб вы не хотели меня послушаться *и надписано, кончая:* нужду и горе.

⁸ *Зач.:* а не слушайте изменников

⁹ *Зач.:* в Москву вместе делить горе.

¹⁰ *Далее, кончая словами:* старательно избегал ее взгляда *вписано на полях.*

Опять она замолчала, и опять они молчали, и старик, стоявший перед нею, старательно избегал ее взгляда.

— Согласны вы?

Они молчали. Она оглянула эти 20 лиц, стоявшие в первом ряду, ни одни глаза не смотрели на нее, все избегали ее взгляда.

— Согласны вы?

— Да что ж, отвечайте, что ль? — сзади спросил голос Дронушки.

— Согласен ли ты? — в это же время спросила княжна у старика.

Он зашамкал губами.

— Как¹ люди, так и мы, — сердито отворачиваясь от взгляда княжны Марьи, которая ловила его взгляд. Наконец она² поймала его взгляд, и он, как бы рассердившись за это, опустил совсем голову, проговорил: — Чего соглашаться-то. Что ж нам всё бросать-то?

— Не согласны, — раздалось сзади. — Не <согласны>. Нет нашего согласия. Поезжай сама одна...

Княжна Марья начала говорить, что они, верно, не поняли ее, что обещается поселить их, вознаградить, но голос ее заглушили.³ Рыжий мужик кричал больше всех сзади, и баба кричала что-то. Княжна Марья⁴ взглянула в эти лица, опять ни одного взгляда она не могла поймать.⁵ Ей стало странно и неловко. Она <шла> с намерением помочь им, облагодетельствовать тех мужиков, которые так преданы были ее семейству, и вдруг⁶ эти самые мужики враждебно смотрели на нее. Она замолчала и, опустив голову, вышла из круга.⁷

— Вишь, научила ловко, за ней в крепость иди, — слышались голоса в толпе. — Дома разори, да в кабалу и ступай. Как же! И хлеб, мол, отдам, — с ироническим хохотом проговорил старик с дубинкой.

В ночь приехал Алпатыч и привел две шестерни лошадей. Но на посылку его за Дроном ему ответили, что староста на сходке, которая опять собралась с раннего утра, и что он велел сказать: «пускай сам придет!» Через преданных ему людей, в особенности через Дуняшу, Алпатыч узнал, что не только мужики отказались дать подводы, но кричат все у кабака, что они не выпустят господ, потому что им объявлено, что их разорят, ежели они будут вывозиться.⁸ Лошадей, однако, велели¹

Зачеркнуто: народ

² *Зач.:* как бы

³ *Зач.:* Ей вдруг

⁴ *Зач.:* стало

⁵ *Зач.:* Грех вам, — сказала она и, чувствуя негодование, превозмогавшее ее страх,

⁶ *Зач.:* они

⁷ *Следующий абзац вписан позднее на полях.*

⁸ *На полях:* Nicolas с почтительностью к несчастью, не хочет воспользоваться случаем для знакомства.

закладывать, и княжна Марья с бледным лицом¹ в дорожном платье сидела в зале.

Еще лошади не подъехали к крыльцу, как толпа мужиков приблизилась к господскому дому и остановилась на выгоне.²

От княжны Марьи скрывали враждебные намерения крестьян, но она, притворяясь даже для самой себя, что не знает, в чем дело, понимала свое положение. Яков Алпатыч с расстроенным и бледным [лицом], тоже в дорожном одеянии — панталоны в сапоги — вошел к ней и с осторожностью доложил, что, так как по дороге могут встретиться неприятели, то не угодно ли княжне написать записку к русскому воинскому начальнику в Яньково (за 15 верст) с тем, чтобы приехал конвой.

— Зная звание вашего сиятельства, не могут отказать.

Княжна Марья поняла, что конвой нужен для разогнания мужиков.

— Ни за что, ни за что, — с жаром и решительностью заговорила она, — вели подавать и поедем.

Яков Алпатыч сказал: слушаю-с и не уходил.

Княжна Марья ходила взад и вперед по комнате, изредка заглядывая в окно. Она знала, что и у ее свиты, у Лысогорских дворовых, были ружья, и ее более всего страшила мысль о кровопролитии.

— Для чего они тут стоят? — сказала княжна Марья самым простым голосом Алпатычу, указывая на толпу.

Яков Алпатыч замялся.

— Не могу знать. Вероятно, проститься желают, — сказал он.

— Ты бы сказал им, чтобы они шли.

— Слушаю-с.

— И тогда вели подавать.

Уж был 2-й час дня, мужики всё стояли на выгоне. Княжне Марье доносили, что они купили бочку водки и пьют.³

Было послано за священником, чтобы уговорить их. Из окна передней их видно было. Княжна Марья сидела в дорожном платье и ждала.

— Французы, французы! — вдруг закричала Дуняша, подбегая⁴ к княжне Марье. Все бросились к окну, и действительно,¹ *Зачеркнуто позднее*: ожидала решения своей судьбы. Более всего ее пугало то, что М[ихаил] И[ванович] раздал ружья Лысогорским дворовым *и надписано окончание фразы*.

² *Зач. позднее*: Княжна Марья <решила> страшилась более всего кровопролития и объявила решительно, что она не поедет до тех пор, пока мужики не разойдутся. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая*: И тогда вели подавать.

³ *След. фраза вписана позднее*.

⁴ *Зач.*: от окна

к толпе мужиков подъехали¹ три кавалериста,² один на игреневой,³ два на рыжих,⁴ и остановились.

— ⁵Всевышний перст! — сказал торжественно, поднимая руку и палец, Алпатыч. — Офицеры русской армии.

Действительно, два кавалериста были Ростов с Ильиным⁶ и только что вернувшимся Лаврушкой, въезжали в Богучарово, находившееся последние три дня между двумя линиями неприятельских армий, так что также легко могли зайти туда русский арьергард, как и французский авангард. Из авангарда французского уже⁷ приезжали посланные, привезли вперед фальшивых бумажек за провиант и объявили волю всем крепостным и требование, чтобы никто не вывозился, которое и смутило богучаровских мужиков.

Nicolas Ростов с <своим> эскадром⁸ остановился в 15 верстах в Янькове, но, не найдя достаточно фуража в Янькове и желая прогуляться в прекрасный летний день, поехал с Ильиным и⁹ Лаврушкой поискать¹⁰ побольше овса и сена в несколько даже опасное по тогдашнему положению армии Богучарово, — Nicolas Ростов был в самом веселом духе. Дорогой он расспрашивал Лаврушку о Наполеоне, заставлял его петь будто бы французскую песню, сами пели с Ильиным и смеялись мысли о том, как они повеселятся в богатом помещичьем доме в Богучарове, где должна быть большая дворня и хорошенькие девушки. Nicolas и не знал, и не думал о том, что это имение того самого Болконского, который был женихом его сестры.

Они подъехали к бочке на выгоне и остановились. Мужики некоторые сняли шапки, смутившись, некоторые, смелее и поняв, что два офицера не опасны, некоторые же пьяные, не снимая шапок, продолжали свои разговоры и песни. Два старые, длинные мужика, с сморщенными лицами и редкими бородами, вышли из толпы и оба, сняв шапки, с улыбкой,¹¹ качаясь и распевая какую-то нескладную песню, подошли к офицерам.

— Молодцы! — сказал, смеясь, Ростов.

— И одинакие какие, — сказал Ильин.

¹ *Зачеркнуто*: два

² *Зач.*: и остан[овились]

³ *Зач.*: другой

⁴ *Зач.*: лошади

⁵ *Зач.*: Благод

⁶ *Зач.*: находившийся в отряде Платова и отправленный на фуражировку

⁷ *Зач.*: были посланы

⁸ *Над зачеркнутым*: своим *надписано*: стоял, *но слово*: остановился *не вычеркнуто*.

⁹ *Зач.*: вахмистром

¹⁰ *Зач.*: где

¹¹ *Зач.*: распевая

— Развесе-оо-ооо-лая бисе... бисе... — распевали мужики с счастливыми улыбками. Ростов подозвал мужика, который показался ему трезвее.

— Что, брат, есть овес и сено у господ ваших под¹ квитанции?

— Овса — страсть, — отвечал мужик. — Сена — бог весть.

— Ростов, — по-французски сказал Ильин, — смотри в барском доме прекрасного пола-то сколько. Смотри, смотри, это — моя, чур не отбивать, — прибавил он, заметив красневшую, но решительно подвигавшуюся к нему Дуняшу.

— Наша будет, — подмигнув, сказал Ильину Лаврушка.

— Что, моя красавица, нужно? — сказал он ей, улыбаясь.

— Княжна приказала узнать, какого вы полка и как ваши фамилии.

— Это — граф Ростов, эскадронный командир, а я — ваш покорный слуга. Да какая хорошенькая, — сказал он, взяв ее за подбородок.

— Ай, Ду... ню-шка-ааа, — всё распевали оба мужика, еще счастливее улыбаясь, глядя на² Ильина, разговаривающего с³ девушкой. Вслед за Дуняшей подошел к Nicolas Алпатыч, еще издали⁴ сняв свою шляпу. Он уже узнал его фамилию.

— Осмелюсь обеспокоить ваше сиятельство, — сказал он с почитительностью, но с оттенком пренебрежения к юности этого офицера. — Моя госпожа, дочь генерал-аншефа князя Николая Андреевича Болконского, находясь в затруднении по случаю невежества этих лиц, — он указал на мужиков, — просит вас пожаловать.... Не угодно ли будет, — с⁵ грустной улыбкой сказал Алпатыч, — отъехать несколько, а то не так удобно при.... — Алпатыч указал на двух мужиков, которые сзади⁶ так и носились около самого его, улыбаясь и еще радостнее распевая и приговаривая:

— А! Алпатыч. А? Яков Алпатыч. Важно?

Nicolas посмотрел на пьяных мужиков и улыбнулся.

— Или, может, это утешает ваше сиятельство? — сказал Яков Алпатыч с степенным видом с заложенной рукой, указывая на стариков.

— Нет, тут утешенья мало, — сказал Ростов и отъехал. — Скажи, что сейчас буду, — сказал он Алпатычу и, приказав⁷ Лаврушке разузнать о овсе и сене и отдав ему лошадь, пошел к дому.

¹ Зачеркнуто: контрамарки

² Зач.: Дуняшу

³ Зач.: офицером

⁴ Зач.: низко

⁵ Зач.: кислой

⁶ Зач.: его

⁷ Зач.: вахмистру

— Так приволокнемся? — сказал он, подмигивая Ильину.

— Смотри, какая прелесть, — сказал Ильин, указывая на Mlle Bourienne, выглядывавшую из другого окна. — Этак и заночуешь. Только бы эта княжна прелестная дала бы котлеток, как вчера у городничего, а то подвело.

В таких веселых разговорах они вошли на крыльцо и в гостиную, где княжна в черном платье,¹ раскрасневшаяся и испуганная, встретила их.

Ильин, тотчас же решив, что в хозяйке дома мало интересного, поглядывал на щели дверей, из которых выглядывал, он наверное знал, глаз хорошенькой Дуняши. Nicolas, напротив, как только увидел княжну, ее глубокие, кроткие и грустные глаза и услышал ее нежный голос, тотчас же весь переменялся (хотя он и не вспомнил, что она была сестра князя Андрея), и в позе, в выражении лица его выразилась нежная почтительность и робкое участие. «Моя сестра, мать завтра могут быть в таком же положении», думал он, слушая ее робкий сначала, но простой рассказ.² Она не говорила, что мужики ее не выпускают и не давали ей подвод, но говорила о том, что запоздала здесь по случаю смерти отца и теперь боится попасться неприятелю, тем более, что в народе даже стали замечаться беспорядки.

Когда она заговорила о том, что всё это случилось на другой день после похорон отца, ее голос задрожал. И [у] Nicolas слезы навернулись на глаза. Княжна Марья заметила это, и ей стало легче.

— Вот вам мое положение,³ и я надеюсь, что вы не откажетесь помочь мне.

Nicolas тотчас же встал и,⁴ почтительно поклонившись, как кланяются дамам царской крови, объявил, что он сочтет себя счастливым, ежели будет в состоянии⁵ оказать услугу, и сейчас же отправляется, чтобы исполнить ее приказание.

Почтительностью своего тона Nicolas показал как будто, что, несмотря на то, что он за счастье бы счел свое знакомство с нею, он не хотел пользоваться случаем ее несчастья для сближения с нею. Княжна Марья поняла и оценила этот тон.

¹ *Зачеркнуто*: встретила их

² *До конца абзаца вписано позднее на полях.*

³ *Зач.*: делайте, что можете и что найдете справедливым. — *Quel bonheur que je suis arrivé jusqu'ici* [Какое счастье, что я сюда заехал], — сказал Nicolas, невольно желая этим французским языком более сблизиться с княжной Марьей, и встал. — Итак, вы позволяете мне распорядиться всем и быть вашим chevalier [рыцарем] до Москвы. *Вместо зач. дальнейший текст вписан позднее на полях, кончая*: И вышел из комнаты.

⁴ *Зач.*: низко

⁵ *Зач.*: помочь

— Notre intendant voit tout en noir, ne l'écoutez pas trop, M-r le Comte,¹ — сказала ему княжна, тоже вставая.²

— Я только желала бы, чтобы мужики³ разошлись и оставили меня ехать без проводов.

— M[ademoiselle] la Princesse, vos désirs sont des ordres pour moi,⁴ — сказал Nicolas,⁵ кланяясь,⁶ как маркиз двора Лудовика [X]IV, и вышел из комнаты.

— Я не знаю, как благодарить вас.

Выходя, Nicolas думал⁷ о двух мужичках, певших ему песни, и о других, не снявших шапок. Он покраснел, поджал губы и поторопился итти распорядиться,⁸ отказываясь от чая и обеда, которые предлагали ему.⁹ В передней Алпатыч доложил Ростову всю сущность дела.

— Ну, брат, что же ты это ушел, — говорил Ильин, — а я девочку эту ущипнул-таки.... — но, взглянув на лицо Nicolas, Ильин замолк. Он видел, что его герой и командир находился совсем в другом строе мыслей.

— Вот какие несчастные бывают существа, — проговорил, он, нахмурясь. — Эти мерзавцы.... Он подозвал¹⁰ Лаврушку, велел¹¹ отдать лошадей кучерам княжны, а с ним вместе направился к выгону.

Два веселые мужичка лежали один на другом,¹² один храпел внизу, а верхний всё еще добродушно улыбался и пел.

— Эй! Кто у вас староста тут? — крикнул Nicolas, быстрым шагом войдя и останавливаясь в толпе.

— Староста-то? — сказал мужик, — на что вам? — Но не успел он договорить, как шапка его слетела и¹³ голова мотнулась на бок от сильного удара.

— Шапки долой, изменники! — крикнул полнокровный голос Nicolas. Все шапки соскочили с голов, и толпа сдвинулась плотнее.

— Где староста?

Дронушка, неторопливой походкой, издали почтительно, но¹ [Наш управляющий видит всё в черном свете, не очень слушайте его, граф,]

² *Зачеркнуто*: Je désire seulement que les paysans [Я только желала бы, чтобы мужики]

³ *Зач.*: которые веселятся теперь

⁴ [Ваши желания, княжна, для меня приказ,]

⁵ *Зач.*: низко

⁶ *Зач.*: и вышел из комнаты.

⁷ *Зач.*: теперь

⁸ *Зач.*: Он вышел вме[сте]

⁹ *След. фраза вписана позднее.*

¹⁰ *Зач.*: вахмистра

¹¹ *Зач.*: привязать

¹² *Зач.*: и всё еще улыбались

¹³ *Зач.*: удар

достойно сняв шляпу,¹ с своим строгим римским лицом и твердым взглядом подходил к Ростову.

— Я староста, ваше благородие, — сказал он.

— Ваша помещица требовала подвод.² Отчего вы не поставили? А?

Все глаза смотрели на Дронушку, и Nicolas не совсем спокойно говорил с ним. Так внушительна была представительность и спокойствие Дрона.

— Лошади под войсками все в разброде, извольте посмотреть по дворам.

— Гм. Да. Хорошо. А для чего вы все здесь, все на выгоне и для чего вы прикащику сказали, что не выпустите княжну?

— Кто говорил, не знаю. Разве можно так господам говорить? — сказал Дрон с усмешкой.

— А зачем сбор, водка? А?

— А так, старички о мирском деле собрались.³

— Хорошо. Лаврушка, поди сюда.

Он обратился к мужикам.

— Сейчас, марш по домам и вот этому человеку,⁴ — он указал на Лаврушку, — с 5 дворов по подводе, чтоб сейчас были. Слышишь ты, староста?

— Как не слышать.

— Ну, марш, — Nicolas обратился к ближайшему мужику, — марш, веди подводу. Мужик рыжий посмотрел на Дрона. Дрон мигнул мужику. Мужик не двигался.

— Ну! — крикнул Ростов.

— Как Дрон Захарыч прикажут.⁵

— Видно,⁶ новое начальство оказалось, — сказал Дрон.

— Что? — закричал Nicolas,⁷ подходя к Дрону.

— Э, пустое-то говорить, — вдруг махнув рукой, сказал Дрон, отворачиваясь от Ростова. — Будет болтать-то. На чем старики порешили, тому и быть.

— Тому и быть! — заревела толпа, шевелясь, — много вас начальства туда...

Сказано — не вывозиться.⁸

¹ *Зачеркнуто:* шел по выгону

² *Зач.:* да от

³ *Зач.:* — О мирском деле, хорошо. (Вахмистр) Лаврушка, поди сюда. Поди, возьми всех лошадей в деревне и приведи сюда.

— Слушаю, ваше сиятельство, — сказал вахмистр и шопотом прибавил: — Не поймаетесь один, ваше сиятельство.

⁴ *След. четыре слова вписаны позднее.*

⁵ *Зач.:* Что же

⁶ *Зач.:* другое

⁷ *Зач. позднее:* и бросился, грозя кулаками, подошел и *надписано:* <ближе> подходя

⁸ *Зач. позднее:* — Ты постой, — Nicolas дернул за руку и *надписана след. фраза.*

Дрон было, повернувшись, пошел прочь.

— Стой! — закричал Nicolas Дрону, поворачивая его к себе. Дрон нахмурился и прямо угрожающе двинулся на Nicolas¹. Толпа заревела громче. Ильин, бледный, подбежал к Nicolas, хватаясь за саблю.

²Лаврушка бросился³ к лошадям, за поводья которых хватали мужики. Дрон был головой выше Nicolas, он, казалось бы, должен смять его. Презрительным ли, решительным или угрожающим жестом сжав кулаком, отмахнул назад правой рукой. Но в тот же момент Nicolas ударил его в лицо один, другой, третий раз, сбил его с ног и, не останавливаясь ни мгновения, бросился к рыжему мужику.⁴

— Лаврушка! Вяжи зачинщиков.⁵

Лаврушка, оставив лошадей, схватил Дрона сзади за локти и, сняв с него кушак, стал вязать его.

— Что ж, мы никакой обиды не делали! Мы только, значит, по глупости, — слышались голоса.

— Марш за подводами. По домам.

Толпа тронулась и стала расходиться. Один мужик⁶ побежал рысью, и другие последовали его примеру. Только два пьяные лежали друг на друге и Дрон с связанными руками, с тем же строгим, невозмутимым лицом остался на выгоне.⁷

— Ваше сиятельство, прикажете? — говорил Лаврушка Ростову, указывая на Дрона. — Только прикажите, только этого, да рыжего уж так взбузую, по-гусарски, только за Федченкой съездить.

Но Nicolas не отвечал на желания Лаврушки,⁸ велел ему помогать укладываться в доме, сам⁹ пошел на деревню с Алпатычем выгонять подводы, а Ильина послал за гусарами. Через час Ильин привел взвод гусар, подводы стояли на дворе, и мужики особенно заботливо укладывали господские вещи, старательно затыкая сенцом в уголках и под веревками, чтобы не потерялись.

— Ты ее так дурно не клади, — говорил¹⁰ тот самый рыжий мужик,¹¹ который грознее всех кричал на сходке, принимая из рук горничной шкатулку. — Она ведь тоже денег стоит. Что ж¹ *Зачеркнуто*: доставая

² *Зач.*: Вахмистр

³ *Зач.*: прочь

⁴ *Зач.*: <Раза в> — Вахмистр

⁵ *Зач.*: Вахмистр опять

⁶ *Зач.*: Дрон был заперт в амбар.

⁷ *Дальнейший текст вписан позднее на полях, кончая*: Ильина послал за гусарами.

⁸ *Зач.*: послал его за гусарами, распорядившись

⁹ *Зач.*: с Ильиным

¹⁰ *След. два слова вписаны позднее.*

¹¹ *След. шесть слов вписаны позднее.*

ты ее так-то вот бросишь, а она потрется. Я так не люблю. А чтоб всё честно, по закону было, вот так-то, под рогожку-то и важно. Любо!

— Ишь, книг-то, книг-то, — приговаривал добродушно другой, выносивший библиотечные шкапы князя Андрея. — Ты не цепляй. А грузно, ребята. Книги здоровые.

— Да, писали — не гуляли, — говорил третий, указывая на толстые лексиконы, лежавшие сверху.

Дрон, сначала запертый в амбар, но выпущенный по желанию княжны Марьи, вместе с Алпатычем внимательно распорядился нагрузкой подвод и отправкой их.

Nicolas Ростов, доложив о положении княжны Марьи своему ближайшему начальнику, получил разрешение конвоировать ее эскадром до Вязьмы и там же, направив ее на путь, занятый нашими войсками, простился с нею, почтительно в первый раз позволив себе поцеловать ее руку.¹

* № 185 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XIX).

Ежели бы Наполеон не выехал вечером 24 числа на Колочу и не велел тотчас же вечером атаковать редут, а начал бы атаку на другой день утром, то Шевардинский редут был бы левый фланг и сражение произошло бы так, как мы его ожидали, т. е., вероятно, мы бы еще упорнее защищали Шевардинский редут — наш левый фланг и, вероятно, делали бы наступательное движение в центре; но так как ночь застигла нас, отступающих от Шевардинского редута, на который были направлены превосходные силы, то к утру мы оказались без позиции на левом фланге и были поставлены в необходимость отогнуть наш левый фланг и укреплять его.

Бесчисленное количество советов, предположений было сделано со стороны русских, и Кутузов, слушая все советы и предположения и не высказывая своего мнения, которого и не было, предоставил делать то, что показывала необходимость, то есть отогнуть левое крыло и укрепить его, насколько можно, на преобладающих высотах. Высоты эти были справа налево: 1) Горки, Раевский курган, Семеновская деревня и курган перед Утицею. Одно, что знал Кутузов, умевший прислушиваться к смыслу событий, это было то, что надо дать сражение (надо, хотя и неразумно), что надо выиграть сражение и что для того, чтобы его выиграть, надо быть убежденным, что мы его выиграем, и быть убежденным, что бы ни случилось, что оно выиграно.²

Несмотря на ту решительность, с которой Кутузов, принимая командование войсками, отдалил от себя всех советчиков,¹ *На полях*: Романическое, рыцарское спасительство со ст[ороны], Nicolas и желает видеть ее милой.

² *Зачеркнуто*: И он выиграл сражение.

как он называл всех влиятельных особ, которые могли мешаться в дела, он долгим опытом своим знал, что армией никогда не управляет и не может управлять один человек, что одинаково вредно и избытие советчиков и недостаток в них, и¹ он не боролся против советчиков и предоставлял им придумывать, раздумывать, интриговать, спорить.

Начальники частей: Барклай, Багратион, Платов — делали свое, штабные: Бенигсен, Толь, Ермолов, Кутайсов, Гартинг — делали свое: спорили, обманывали друг друга, и Кутузов знал, что это не могло быть иначе и что из этих споров и обманов вытекает то самое, что должно быть. 24-го Барклай и Багратион думали еще, что Шевардинский редут есть часть позиции, и никто их не разуверил в этом, и 25-го Тучков был передвинут в засаду на старую Смоленскую дорогу без ведома Багратиона и вновь передвинут из засады на курган Бенигсеном без ведома Кутузова. Дивизия принца Евгения Виртембергского была двинута справа налево без ведома² Барклая. Когда они узнавали про эти противуречия и путаницу, Кутузов только спокойно кивал одобрительно головой, давая чувствовать, что всё это именно так, как он предвидел, и что то, что им кажется противуречивым, в его голове составляет ясную часть общего плана. В сущности же в его голове было ясно, что не надо было драться и что драться всегда глупо, а что, ежели уж надо, то он долгим опытом знает, что, где будут стоять люди во время сражения, направо или налево от кустов, на горе или под горой — не прибавит ни на волос возможности успеха.

* № 186 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XX—XXI).³

Ему надо было обдумать, куда и зачем и к кому он едет. Из Москвы его выгнало то же чувство, которое он испытывал и в Слободском дворце во время приезда государя, то приятное чувство сознания, что всё то, что составляет счастье людей: удобства жизни, богатство, даже самая жизнь — есть вздор, который приятно откинуть в сравнении с... чем-то. С чем? Pierre не мог себе дать отчета, да и не старался уяснить себе, для кого и для чего он находит особенную прелесть пожертвовать и всем своим имуществом и своей жизнью.⁴ Его не занимало то, для чего он хочет жертвовать, но самое жертвование составляло для него новое, радостное, обновляющее чувство.¹

Зачеркнуто: под его начальством

² *Зач.:* его корп[усного] к[омандира]

³ *Познейший автограф в развитие первого черногого. См. конец варианта № 178, стр. 97.*

⁴ *На полях:*

Доктор.

Ополченцы.

Бенигсен.

Икона.

Кутузов, мальчик.

Вследствие этого чувства он приехал теперь из Москвы в Бородино с тем, чтобы участвовать в предстоящем сражении, *участвовать* в сражении казалось ему в Москве делом совершенно простым и ясным, но теперь, увидав эти массы людей,¹ расчисленных по разрядам,² подчиненных, связанных, озабоченных каждый своим делом, он понял, что нельзя так просто приехать и участвовать в сражении, а надо для этой цели к кому-нибудь присоединиться, кому-нибудь подчиниться, получить какой-нибудь интерес более частный, чем вообще участвовать в сражении.

Остановив свою лошадь шагом, Pierre оглядывался на обе стороны дороги, отыскивая знакомого лица и везде встречая только незнакомые военные лица разных родов войск, одинаково; то с удивлением, то с насмешкой смотревшие на его белую шляпу и зеленый фрак. Проехав две разваленные и³ покинутые жителями, но наполненные войсками деревни, он подъезжал к 3-й, когда встретил, наконец, знакомого человека и радостно обратился к нему,⁴ чтобы посоветоваться о том, что ему с собой делать.

Знакомый этот был⁵ один из начальствующих докторов армии. Он⁶ в бричке⁷ ехал, сидя рядом с молодым доктором, догнал Pierr'a и, узнав его, остановил своего казака, сидевшего на козлах вместо кучера.

— Ваше сиятельство, вы как тут? — спросил доктор.

— Да вот хотелось посмотреть.....

— Да, да, будет что посмотреть....

Pierre слез и, остановившись, разговорился с доктором, спрашивая его совета, как ему поступить, к кому обратиться и где найти Перновский полк, которым командовал князь Андрей. На последний вопрос доктор ничего не мог ответить, но на первый присоветовал Безухову обратиться прямо к Светлейшему.

— Что ж вам бог знает где находится во время сражения и без помощи в безызвестности, — сказал он, переглянувшись с своим молодым товарищем, — а Светлейший⁸ все-таки знает вас и примет милостиво.... Так, батюшка, и сделайте, — сказал доктор.⁹ Доктор казался усталым, спешащим. И Pierr'a поразила в нем та фамилиарность, с которой он обращался с ним, в противность прежнему приторно-почтительному обращению.

¹ *Зачеркнуто:* озабо[ченных]

² *Зач.:* разли[чных]

³ *Зач.:* заб[ытые]

⁴ *Зач.:* желая

⁵ *Зач.:* главный

⁶ *Зач.:* ехал

⁷ *Зач.:* по той же до[роге] и надписаны позднее след. пять слов.

⁸ *Зач.:* верно

⁹ *Зач.:* Он по и надписано: Доктор

— Вот как въедете в эту деревню, кажется Бурдино называется. Бурдино или Бородино, не помню, так вот от того места — видите — где там копают, возьмите по дороге вправо, прямо в Татаринovu и приедете в квартиру Светлейшего.

— Но ему некогда, может быть.

— Всю ночь не спал — готовятся, ведь не шутка эту громаду обдумать — я был. Ну, да вас примет.

— Так вы думаете....

Но доктор перебил его и подвинулся к бричке.

— Я бы вас проводил, за честь бы счел, да, ей-богу — вот, — доктор показал по горло, — скачу к корпусному командиру. Ведь у нас, как вы знаете, граф, завтра сражение на 100 тысяч войска, малым числом на 20 тысяч раненых считать надо, а у нас ни носилок, ни коек, ни фельдшеров, ни лекарей на 6 тысяч нету. Как хочешь, так и делай.....

Та странная мысль, что из числа тех тысяч людей, живых, здоровых, молодых и старых, которые с веселым удивлением смотрели на его шляпу, были наверное 20 тысяч обреченных на раны и смерть (может быть, те самые, которых он видел), так поразила его, что он не отвечал доктору ни на его слова, ни на его прощанье, долго стоял на месте, не переменяя страдальческого и испуганного выражения лица.

С помощью услужливого фурштата, подержавшего ему лошадь, влезши на лошадь, Pierre поехал в ту деревню, которая была перед ним и которую доктор называл неопределенно Бурдино или Бородино.¹ Небольшая улицей деревня эта, так же, как и другая с домами без крыш и с колодезем по улице, была полна мужиками с крестами на шапках, которые² с громким говором в одних рубахах с лопатами на плечах шли навстречу. На самом конце улицы такие же мужики копали какую-то гору и возили по доскам землю в тачках. Два офицера стояли на горе и распоряжались мужиками. Удушливо-противная человеческая вонь охватила Pierre'a, как только он подъехал к этому строящемуся ополченцами укреплению.

— Позвольте спросить, — обратился Pierre к офицеру. — Это какая деревня?

— Бородино.

— А на Татаринovu как проехать?

Офицер, видимо³ довольный случаем поговорить, сошел с возвышения и, зажав нос, пробежал мимо работавших в пропотевших рубахах ополченцев.

— Фу, проклятые, — проговорил он и, подойдя к Pierre'у, облокотил руки на его лошадь. — Вам в Татаринovu?⁴ — так ¹ *Зачеркнуто*: Развалины

² *Зач.*: в одних рубахах

³ *Зач.*: наскучивший своими

⁴ *Зач.*: Вот видите

вам назад — а тут вы прямо к французам ехали. Ведь они вон видны.

— Простым глазом видно?

— Да вот, вот, — офицер из-за лошади показал рукой на чернеющие массы. Оба помолчали.

— Да, неизвестно, кому завтра живым быть. Много не досчитаются. Ну, да, слава богу, один конец. — Унтер-офицер подошел сказать, что за турами ехать надо.

— Ну да посылай 3-ю роту опять, — сказал офицер неохотно.

— А вы кто же? — спросил он. — Не из докторов?

— Нет, я так, — отвечал Pierre.

— Так вот назад по улице и влево второй поворот, вон где колодезь с палкой-то.

¹Pierre поехал по указанию офицера и, еще не выехав из деревни, увидел впереди себя по той дороге, по которой ему надо было ехать, стройно идущую ему навстречу пехоту с снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пехоты слышалось церковное пение, и, обгоняя его, без шапок бежали² навстречу идущим солдаты и ополченцы.

— Матушку по войску несут!

— Заступницу — Иверскую.

— Смоленскую матушку, — поправлял другой, на бегу говорили ополченцы, и те, которые были в деревне, и те, которые работали на батарее и теперь, побросав лопаты, бежали навстречу церковному шествию. За батальоном, шедшим впереди, шли в ризах священники, один в клобуке с причтом и певчими, за ними солдаты и офицеры несли большую с черным ликом в окладе икону, за иконой и кругом нее, впереди ее со всех сторон шли, бежали и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных. В деревне икона остановилась, священники зажгли вновь кадило и начали молебен.

Pierre, слезши с лошади, сняв шляпу, постоял несколько времени и поехал дальше.

На всем протяжении дороги он направо и налево видел те же войска, с теми же сосредоточенными лицами, принимавшими одинаковое выражение удивления при взгляде на него. «И эти, и эти в числе тех 20 тысяч, для которых уже заготавливают назавтра носилки и койки», думал он, глядя на них. Несколько адъютантов и генералов проехало навстречу ему.³ Но все были незнакомые. Они любопытно оглядывали его и проезжали мимо. На повороте в Татаринову двое дрожек парю с двумя генералами, сопровождаемые большим количеством адъютантов, встретились ему. Это был генерал Бенигсен, который ехал осматривать ¹ *Зачеркнуто*: Едва

² *Зач.*: ополченцы

³ *Зач.*: Все они

позицию. В числе свиты, ехавшей за Бенигсеном, было много знакомых Pierr'a. Его тотчас же окружили,¹ стали расспрашивать его о Москве, о том, зачем он здесь, и, к удивлению его, весьма мало удивились, узнав, что он приехал участвовать в сражении. Бенигсен, заметив его фигуру и остановившись у копаемого укрепления, пожелал познакомиться с ним, подозвал к себе и предложил ехать с собой вместе по линии.

— Вам это будет интересно, — сказал он.

— Да, очень интересно, — сказал Pierre.

— Что же касается до вашего желания участвовать, то, я думаю, вам лучше сказаться Светлейшему, он очень рад будет.....

Больше Бенигсен не говорил с Pierr'ом. Он, очевидно, был слишком чем-то взволнован и раздражен в этот день, так же, как и большая часть окружающих его. Бенигсен осматривал всю передовую линию размещения наших войск, делал некоторые замечания, объяснял кое-что бывшим с ним и подъезжавшим к нему генералам и изредка отдавал приказания. Pierre, слушая его, напрягал все свои умственные способности для того, чтобы понять сущность предстоящего сражения и выгоды и невыгоды нашей позиции; но он ничего не мог понять из того, что он видел и слышал. Он не мог понять оттого, что в расположении войск перед сражением он привык отыскивать что-то утонченно-глубокомысленное и гениальное, здесь же он ничего этого не видел. Он видел, что просто здесь стояли такие-то, здесь такие-то, а здесь такие-то войска, которые точно с такою же пользою можно было поставить правее и левее, ближе и дальше. И оттого-то, что это ему казалось так просто, он подозревал, что он не понимает сущности дела² и старательно вслушивался в речи Бенигсена и окружавших его.

* № 187 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII—XXIX, XXXIII—XXXIV).

<Тот же человек — Наполеон — решительный, деятельный, быстрый, всегда практический, когда он был нужным орудием в руках судьбы — теперь перед Бородинским сражением ничего не делает, и сражение дается помимо его воли, как бы только силою импита.³ Не только он не делает какого-нибудь распоряжения перед сражением, но он даже не в состоянии взвесить и оценить выгоды и невыгоды предложений, которые ему делают: обойти левый фланг русских. Он соглашается на обход, но отряжает туда только Понятовского без более определенных приказаний,¹
Зачеркнуто: засы[пали]

² *В рукописи: делал*

³ *На полях:* Но нечего смеяться. Он чувствует, что он — орудие. Ему не нужно действовать.

как то, чтобы равняться с другими. Мало того, он¹ то говорит, что боится, как бы не ушли русские, а то говорит, что не лучше ли бы было маневрировать на левом фланге Кутузова. Он отдал свои приказания, т. е. те приказания, которые разумелись сами собой и которые всякий капитан армии отдал бы не хуже, и весь вечер находится в праздности и нерешительности. Он ушел в свою спальню рано, но тут ему приходят² мысли. Он призывает адъютанта Раппа и говорит с ним. О Кутузове, о его медлительности и слабости и надеждах успеха на завтрашний день. О том же: искусство войны есть только искусство быть сильным в данный момент, о том, что *la fortune est une franche courtisane*,³ и пьет пунш. За пуншем обсуживает свое положение, говорит, что оно — опасно, но что у него есть гвардия. Ее надо кормить.

— Дали ли ей сухарей и рису?

— Дали.

— Нет.

Он выходит из палатки. Всё небо в зареве от костров. Вон и костры русские. Он спрашивает у часовых, получили ли?

— Получили.

Уж слышно движение войск на места. Он уходит в палатку и сидит, облокотившись на руки. Рапп, покачивая головой, глядит на него и пьет свой пунш. Он уходит в палатку, и через два часа уж он верхом в сумерках рассвета едет к Шевардинскому редуту. Утро свежее, туча застлала восток, но уже светло. «Буммм», продолжительно раздался один выстрел с правой батареи.>

Он ходил, сморкаясь, под курганом и изредка глядел,⁴ как будто ему нужно смотреть туда.⁵

Ему видна была церковь Бородина в дыму выстрелов и движения Евгения Богарне;⁶ из-за дыма ему видны дивизии⁷ корпуса Даву, двинувшиеся вперед направо на оконечности флешей, которые видны по дыму русских орудий.⁸

Трескотня ружей и гул пушек сливаются всё гуще и гуще. «Надо посмотреть пульс, язык», говорит доктор. «Надо узнать, что там». Наполеон посылает. Он ходит, доставая пастилку, кладя в рот и не отвечая на вопросы.⁹

¹ *Зачеркнуто*: иногда

² *Зач.*: грустные

³ [фортуна настоящая распутница]

⁴ *Поперек текста написано*: Что там еще? во время разговора. Бельяр просит войск. — Поезжайте, еще посмотрите. — В 10 часов пунш в овраге; во сне.

⁵ *Зач.*: и делал вид, что ему нечего смотреть, что он всё знает.

⁶ *Зач.*: В одн[ом?]

⁷ *Зач.*: Компана

⁸ *Зач.*: Артиллерию выдвигают без его приказаний.

⁹ *Зач.*: У него просят подкреплений.

Адъютант, не доехавши до места, там жарко, убитые, раненые, приехал с известием, что Даву убит. Он молчит. Что ему говорить? Ней за глаза ругает его. Пусть он едет в Париж. Ему повторяют просьбу о подкреплениях.

— Je ne vois pas encore clair sur mon échiquier,¹ — говорит он, а ничего не понимает и не может понимать из того, что делается. Даву убит, Рапп убит. Он молчит и сердито сморкается.² Еще раз просят войск.

— Бертье, как вы думаете? — обращается он к начальнику штаба.

— Послать дивизию Клапареда.

— Хорошо, пошлите.

Но только что поскакал адъютант, как он вспомнил: не он приказал, а он хочет приказать.

— Нет, не Клапареда, а Фриана.

Ведут Фриана. Ему предлагают атаковать с кургана.

— Да, хорошо.

Атакуют. Он ничего не видит. Боссе с низким поклоном предлагает позавтракать.

Он молчит.

— Нет дела, которое бы могло помешать есть.

— Убирайтесь....³

Через полчаса ему подают пунш и завтрак.

— Дайте гвардию.⁴ Русские не могут держаться.

— Да, нет.

* № 188 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXX—XXXIV, XXXVIII).

Бородинское сражение происходило самым простым, первобытным образом. Начало сражения ясно было видно с Шевардинского редута, на котором Наполеон слез с лошади. Для Наполеона с Шевардинского редута⁵ черта позиции русских ясно определилась дымами их орудий.⁶ Черта эта тянулась от Бородина влево через ложину на курганную батарею, с батареи на Семеновское, с Семеновского через овраг несколько вперед к флешам, находившимся почти у края леса, скрывавшего с этой стороны горизонт. На этом пространстве произошло главное действие сражения. Левее была сделана русскими в половине дня демонстрация кавалерией Уварова, направо за Утицей было столкновение Понятовского с Тучковым, не имевшее никакого влияния на ход сражения, но на этом поле между Бородиным и¹ Я еще недостаточно ясно вижу положение шахмат,

² Зачеркнуто: Наконец

³ Зач.: к чорту

⁴ Зач.: фр[анцузы]

⁵ Зач.: позиция русских была

⁶ Зач.: Позиция

флешами у леса на открытом и видимом с обеих [сторон] пространстве не более 1000 сажень, произошло главное действие сражения самым простым и первобытным образом.

Прежде всего открылась канонада с обеих сторон из 800 орудий и, как всегда бывает в подобных случаях, шум стрельбы одурманивал артиллеристов и было производимо больше шума, чем вреда друг другу. Торопились только стрелять, как можно скорее, не заботясь о цельности выстрелов, но народа так было много, что с одной и другой стороны, что и нецельные выстрелы попадали и били. Когда дым застлал уж почти всю местность, сливаясь с туманом, стоявшим в низах, так называемый вице-король, то есть Богарне,¹ стоявший против Бородина, послал своих солдат в Бородино, на которое перед этим были нацелены десятки стрелявших пушек. Солдаты Богарне, подойдя к Бородину, стали стрелять в него и в видневшихся на дороге русских солдат и вошли в Бородино.² Сквозь разрывы дыма на поляне Наполеону видно было, что французские войска вошли в Бородино. Это было первое действие сражения в 8-м часу. Вслед за тем с правой стороны тоже двинулись вперед солдаты корпуса Даву, дивизия Компана по краю леса, против русских флешей, дымивших на самом горизонте на горе своими выстрелами. Эти солдаты были видны до тех пор, пока они не спустились под овраг, отделявший их от флеш. Вышли ли они или не вышли на ту стороны оврага, нельзя было видеть, потому что вслед за тем, как они спустились в овраг, дымы выстрелов на флешах стали еще³ гуще, кроме гула орудий слышалась тррррр... веселая, сливающаяся трескотня ружей и дымы от ружейной и орудийной пальбы, слившись вместе, застелили всю местность подъема той стороны оврага. Сквозь дым видны были там⁴ черные отдельные фигуры людей и массы людей, но двигались ли они или стояли, были ли это французы или русские — ничего нельзя было разобрать.⁵

Солнце взошло светло и било косыми лучами прямо в лицо Наполеону. Он смотрел из-под руки, но ничего не мог разобрать. Дым стелился перед флешами, и то казалось, что дым двигался, то казалось, что войска двигались. Место это было недалеко от Шевардинского редута, не больше версты. Слышны были иногда из-за выстрелов крики людей, которые что-то там делали, и опять нельзя было знать, что там делалось. Наполеон послал одного из ординарцев узнать о том, что там происходило, и, положив трубу на спину паж, стал смотреть. В маленький круг трубы он видел⁶ дым и людей, иногда своих, иногда ¹ *Зачеркнуто*: пошел с своим

² *Зач.*: В Бородине были

³ *Зач.*: чаще

⁴ *Зач.*: двигающиеся или стоящие — нельзя разобрать

⁵ *Зач.*: кроме кол[онн]. Хотя

⁶ *Зач.*: людей

русских, но где было то, что он видел, он не знал, когда смотрел опять простым глазом. Притом он с утра переменял уже 2-й платок и беспрестанно должен был сморкаться. Шальное ядро с своим зловещим, шипящим убыстряющимся свистом пролетело¹ сбоку редута и шлепнулось во что-то. Как того и ждал Наполеон, хотя он не выказал ни малейшего внимания к ядру, как он и ждал этого, Бертье, Боссе и Рапп подошли к нему, почтительно напоминая об опасности. Наполеон посмотрел на них² пристально и сошел с кургана, заложив руки назад, стал ходить взад и вперед, изредка вынимая руки из-за толстой спины и нежными пальцами доставая из жилетного кармана пастилку и кладя ее в рот.

Сойдя вниз, он послал еще адъютанта осведомиться о том, что там делается, с тем видом, с которым доктор щупает пульс больного, болезнь которого он не понимает. Изредка он останавливался, взглядывал на дым, прислушивался к выстрелам и опускал голову с тем видом, с которым доктор,³ дав больному лекарство, ожидает его действия.⁴ Видом своим он показывал, что ничто из того, что может произойти, не может быть для него неожиданно, что он знает всё, что делается во внутренности его пациента.

Он ничего не знал и не мог знать из того, что делалось, и насморк мучал его, и голова его была тяжела, но он не виноват был, что все окружающие смотрели на него, как на всеведущего бога — он не мог обмануть их ожидания.....

Не только с того места внизу, где, вглядываясь, стоял теперь Наполеон, не только с кургана, на котором стояли теперь некоторые генералы, но⁵ и с самых флешей, на которых находились теперь вместе и попеременно то русские, то французы, мертвые, раненые и живые, испуганные или обезумевшие солдаты, нельзя было понять того, что делалось на этом месте, главном месте боя, в день 26 августа.

В продолжение нескольких часов на этом месте, среди неумолкаемой стрельбы ружейной и пушечной, то появлялись одни русские, то одни французские, то пехотные, то кавалерийские солдаты — появлялись, падали, стреляли, сталкивались, не зная, что делать друг с другом, кричали и бежали назад. Но так как у французов на этом месте было 26 тысяч человек, а русских 18 тысяч человек, то последние убежали русские.⁶ Это случилось уже в 11-м часу. В то же время, когда Наполеон сошел под курган и послал 2-го адъютанта, к нему в 9-м часу прискакал¹ *Зачеркнуто*: куда-то

² *Зач.*: заду[мчиво?]

³ *Зач.*: прописав

⁴ *Зач.*: и всякий

⁵ *Зач.*: даже и

⁶ *Зач.*: Но

первый посланный адъютант с бледным, испуганным лицом и объявил с прискорбием, что атака отбита и что Компан est blessé et mis hors de combat et le Prince d'Eknull, то есть Даву, tué¹ с² почтительной покорностью судьбе сказал адъютант. Наполеон, нахмурившись и ни слова не сказав своему адъютанту, продолжал свою молчаливую прогулку, выдерживая вид глубокомысленного совещания с самим собой и олимпийского, всепредвидящего спокойствия.

Между тем известия, сообщаемые испуганным адъютантом, были совершенно несправедливы. Адъютант, въехав в область, захватываемую выстрелами русских, услышав зловещий свист и удары³ и стоны раненых и увидав кровь и ужас на лицах солдат, не доехал до Даву, а обратился к первому бегущему офицеру, который сказал ему, что Даву убит и что атака отбита и что огонь русских ужасен.

— Убит?

— Je l'ai vu porté mort de mes propres yeux,⁴ — сказал офицер.⁵ Это известие было так же несправедливо, как известие о том, что атака⁶ французов отбита, было несправедливо, потому что сейчас после отъезда адъютанта французские новые солдаты опять вбежали на флеш, так было и несправедливо, что Даву убит. Он сидел на лошади и отдавал приказания⁷ своему адъютанту.

Пройдясь несколько раз, Наполеон остановился и кивнул⁸ к себе Раппа. Он решил вопрос. Мюрат займет место Даву, Рапп место Компана.⁹ Отдав эти приказания, он продолжал свою прогулку. Генералы свиты, поглядывая на поле сражения и шопотом указывая друг другу на движение войск, мелькавших в дыму, рассуждали о ходе¹⁰ сражения.

На том месте, где были флеш, шла та же трескотня ружей и гул пушек, только казалось,¹¹ французы подвинулись вперед. Действительно, Мюрат и Даву распоряжались там, приказывая стрелять, а иногда верховым скакать против русских. Русские отодвинулись от флеш к Семеновской деревне и от Бородина к Горкам и оттуда стреляли в французов и изредка верхами скакали на них. Французы здесь справа подвинулись на¹ [ранен и вышел из боя, а принц Экмюльский... убит,]

² Зачеркнуто: вздохом и надписаны след. три слова.

³ Зач.: увидав раненых

⁴ [Я видел собственными глазами, как его несли мертвым,]

⁵ Зач.: С этим известием он ду[мал]

⁶ Зач.: была

⁷ Зач.: для дви[жения]

⁸ Зач.: головой

⁹ Зач.: Наполеон подошел к приготовленному складному стулу и сел, задумавшись, на него. Вместо зач. вписан дальнейший текст до конца абзаца.

¹⁰ Зач.: дела.

¹¹ Зач.: неприятель

полверсты вперед и слева в Бородине, но в середине всё оставалось так, как было сначала,¹ т. е. в овраге, разделявшем курган от французов, сидели французы и русские и стреляли друг в друга из ружей, а через их головы стреляли друг против друга пушки.² Но с тех пор, как французы подвинулись справа и слева,³ они нацелили свои орудия на середину, на курган и на войска, стоявшие кругом, и убивали много русских солдат.

Все распоряжения о том, когда и куда подвинуть пушки, когда послать пеших солдат стрелять, когда конных топтать русских пеших, — все эти распоряжения делали частные начальники, не спрашивая Наполеона, так как нельзя было знать, что нужно и что не нужно, и часто войска, стоявшие под ядрами, сами двигались вперед и назад, и тогда только ближние начальники говорили, что они это сами велели. Наполеон же ничего не знал и не мог знать из того, что делалось, и потому не мог распоряжаться, но так как он считался полководцем и руководителем сражения, то он там под курганом, то ходя и напевая что-то неясное, то сидя и как будто дремля, то молча, то разговаривая, делал вид, что всё делается по его распоряжению. В этот день это притворство — скорее приличия власти, которое он чувствовал себя неизбежно обязанным соблюдать, особенно тяготили его.⁴ Он беспрестанно кашлял, перхал, сморкался, голова его была тяжела и полна совсем других мыслей, чуждых войне и сражению. Но он должен был выслушивать донесения, большей частью ложные в ту минуту, когда они доходили до него, и делать распоряжения о том, чтобы сделали именно то, что уже делалось.

В 10 часов Рустан поднес ему приготовленный для него пунш. В ту минуту, как он пил его, ему привезли известие о том, что Рапп, с которым он пил пунш ночью, смертельно ранен. Он принял это известие, как и все другие, молча и спокойно.⁵

Сражение находилось всё в том же положении с шахматной точки зрения. С⁶ левой стороны французы подвинулись до Бородина, но не могли пробиться дальше, с⁷ правой французы ¹ *Зачеркнуто*: только

² *Зач.*: Только

³ *Зач.*: больше

⁴ *Зач.*: Ему было тяжело и скучно. Насморк его тяготил его *и надписаны след. пять слов.*

⁵ *Зач.*: Он послал адъютанта к пасынку узнать, что у него делается, и с приказа[нием] <неск.>. После пунша он опять вошел на курган и приказал Богарне атаковать редут <Об этом Спрашивая об этом самом, через несколько минут прискакал адъютант от Богарне. Направо, там, где были флеши, дыма было меньше, и Наполеон ничего не мог <разглядеть> видеть, кроме сталкива[ющегося] войска его; русские же были на той стороне возвышения. *Вместо зач. на полях вписан текст следующего абзаца.*

⁶ *Зач.*: крайнего (левой *исправлено из*: левого) фланга

⁷ *Зач.*: крайнего

заняли флеша, но не могли итти дальше, в середине у Семеновского и у кургана русские стояли на тех же местах.

Гул орудий был тот же. Наполеон¹ после пунша подозвал к себе Бертъе и Коленкура и стал ходить с² ними взад и вперед.

— Знаете ли вы, где я испытал самую большую опасность в моей жизни? — неожиданно сказал³ Наполеон и стал рассказывать подробности о том, как он, бывши в школе, купался и совсем было потонул, ежели бы его не вынесло на мель. Очевидно было, что Наполеон, несмотря на то, что гул орудий и трескотня ружей продолжались и сражение было во всем разгаре, Наполеон, очевидно, находил утешение в этом далеком детском воспоминании, отвлекавшем его от настоящего.

Адъютант⁴ Мюрата, красивый, с длинными, черными волосами (подражая своему генералу), щеголеватый офицер, подскакал к нему.

— Eh bien! Qu'est ce qu'il y a?⁵ — недовольно обратился к нему Наполеон,⁶ останавливаясь и вглядываясь в наружность этого адъютанта.

Адъютант передал просьбы Нея и Мюрата дать им подкрепления. Они обещались честью уничтожить русскую армию,⁷ ежели сейчас получат хоть две дивизии подкрепления.

— Подкрепления, — повторил он и молча прошелся опять, как бы вникая. —

— Dites au Roi de Naples qu'il n'est pas encore midi et que je ne vois pas encore clair sur mon échiquier, — сказал он. — Allez!...⁸

Адъютант со вздохом поскакал опять туда, где убивали людей. Наполеон, отправив адъютанта, подозвал к себе Боссе и продолжал свой рассказ о случаях своей опасности жизни.

— Помните другой раз нашу охоту на кабана, — сказал он, — нас было три... . — Он остановился, потому что глаза всех были обращены на генерала с свитой, который на потной лошади скакал к нему⁹ опять оттуда. Это был Бельяр. Он подтвердил то же, что сказал адъютант. Он клялся честью, что русские погибли, ежели император даст еще дивизию. Наполеон отошел от него¹⁰ молча. Бельяр не громко, но оживленно, не¹ *Зачеркнуто*: сошел под гору и стал *Вместо зач. вписаны след. десять слов.*

² *Зач.*: Бертъе и надписано ними

³ *Зач.*: <ему> он

⁴ *Зач.*: На[полеона?] и вписано, кончая: щеголеватый офицер,

⁵ Ну, что еще?

⁶ *Далее вписано окончание фразы.*

⁷ *Окончание фразы вписано.*

⁸ Скажите Неаполитанскому королю, что еще нет полдня и что я еще недостаточно ясно вижу положение шахмат... Ступайте!..

⁹ *След. два слова вписаны позднее.*

¹⁰ *Далее до конца абзаца вписано позднее.*

слезая с лошади, говорил с генералами свиты, окружившими его.

— Вы очень пылки,¹ Бельяр, — сказал Наполеон, слегка как бы улыбаясь. — Легко ошибиться в пылу огня, подите и посмотрите² и тогда приезжайте ко мне.

Бельяр попробовал возражать, но скоро, пожав плечами, уехал.

Не успел еще Наполеон вновь начать разговор, как новый адъютант³ Нея скакал к нему.⁴ Адъютанты рады были скакать из feu d'enfer,⁵ как они говорили, который был там, под гору к Наполеону, где были приличные разговоры.

— Sire, le Prince,⁶ — начал адъютант. Наполеон сердито нахмурился и сказал:

— Знаю, просит подкрепления.

Адъютант подтвердил, что в этом состояло его поручение. Наполеон остановился, достал пастилку из жилетного кармана, пососал ее.⁷

— Бертье, кого послать туда, как вы думаете? — обратился он [к] Бертье, к этому oison que j'ai fait aigle,⁸ как он называл.

— Sire,⁹ можно послать дивизию генерала Клапареда,¹⁰ — сказал Бертье, помнивший наизусть все дивизии, полки и батальоны.

Наполеон¹¹ утвердительно кивнул головой.¹² Адъютант поскакал к дивизии Клапареда. Наполеон смотрел ему вслед.

— Нет, — обратился он к Бертье, — я не могу послать Клапареда, пошлите дивизию Фриана, — сказал он.

Хотя не было никакого преимущества в том, чтобы вместо Клапареда пошла дивизия Фриана и даже¹³ было очевидно неудобство и замедление в том, чтобы останавливать теперь Клапареда и посылать Фриана, приказание было с точностью исполнено, как исполняется приказание доктора, предписывающего прекратить приемы начинавшего действовать лекарства с тем, чтобы прописать свое, новое.

Адъютанты и ординарцы как самого императора, очень скоро возвращающиеся с поля сражения, так и посланные от ¹ След. семь слов вписаны позднее.

² Зачеркнуто: еще

³ Зач.: Даву скакал

⁴ Далее до конца абзаца вписано позднее.

⁵ адского огня,

⁶ Государь, герцог,

⁷ След. абзац вписан позднее.

⁸ гусенку, которого я сделал орлом,

⁹ Государь, Зачеркнуто: я думаю

¹⁰ До конца абзаца вписано позднее.

¹¹ Зач.: подумал и

¹² Зач.: Получив приказание,

¹³ Зач.: ско[рее]

маршалов, беспрестанно сменялись один другим, донося императору о положении дела.

Положение дела в 12-м часу было следующее: на правой стороне французы подвинулись на полверсту, и та каша, которая прежде происходила на флешах, теперь происходила в овраге перед Семеновским. Влево, где стоял корпус Нея, французы тоже несколько подвинулись. Еще левее против кургана в овраге французские стрелки выгнали стрелявших в них русских и против кургана справа столпились войска Нея, слева войска Богарне, вышедшие из Бородина (о том, что на кургане в одно время забежали войска Бонами, не было известно Наполеону, потому что забежавшие войска с генералом Бонами были большей частью убиты там русскими и скоро опять убежали с кургана).¹

Всё, казалось,² должно бы было быть ясно на шахматной доске Наполеона. Русские³ налево от флеш до Семеновского уступили числу и силе, надо было послать куда-нибудь побольше солдат на русских и, судя по опыту⁴ сражений (которых было довольно у Наполеона), русские бы побежали, и сделалось бы то, что называется победой. Но Наполеон не посылал своих солдат никуда, а более 20 тысяч стояло у него нетронутого войска.

«Зачем, куда посылать их?»⁵ и кто может предвидеть то, что выйдет из того, что я пошлю их», — думал он. Голова его была тяжела, кашель и насморк мучали его. Его знобило, и то странное чувство, похожее на ощущение сновидения, посещавшего его ночью при воспоминании о всех сражениях с самого Немана, опять охватило его. Он не слушал большую часть адъютантов, доносивших ему, но одного он долго подробно расспрашивал о том, много ли потерь у неприятеля убитыми и ранеными? Есть ли взятые пушки и знамена? Есть ли пленные? Адъютант отвечал, что не было ни пушек, ни знамен, ни пленных, как и не было их во всю кампанию.

Русские сдвинулись с прежних мест, но стали на другие, и огонь их точно так же ужасен, и беспрестанно они наступали и сбивали французов с занятых позиций.

Да, это было, как во сне, когда человек размахнулся с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить врага, и ударил врага,⁶ и рука его, бессильная и мягкая, как тряпка, едва дотронулась до него. Опять то же и то же,¹ *Зачеркнуто*: Налево Богарне стоял в Бородине, <выдвинув> выслал свои войска вперед перед курган[ом] и ожидая приказаний.

² След. четыре слова вписаны позднее.

³ Зач.: везде

⁴ В рукописи: опыты

⁵ Зач.: Что м[ожно]

⁶ Зач.: но

что было с начала кампании. Войска были те же, генералы те же, он сам был тот же. Он это знал. Он знал, что он был даже гораздо опытнее и искуснее в войне, чем прежде,¹ даже враг был тот же, как под Аустерлицем и Фридландом, но страшный размах руки падал волшебным-бессильно. Теперь, после двух-трех распоряжений, двух-трех фраз не скакали, как прежде, с поздравлениями маршалы и адъютанты, объявляя трофеями корпуса пленных, *des faisceaux des drapeaux et d'aigles ennemis*² и пушки и обозы, и не просили только позволения пускать кавалерию для преследования. Не было тех веселых, самоуверенных лиц, не было той своей уверенности,³ которая бывала под Лоди, Маренго, Арколем, Иеной, Аустерлицем, Ваграмом и т. д. и т. д.

Кто не видал тех счастливых игроков в апогее их счастья, которые в банке или на рулетке кидают свое золото нечаянно, невольно, и каждый оборот колеса подтверждает их успех, и которые не только сами, но и те, которые держат им 1/10, твердо убеждены, что они выигрывают только потому, что они умеют играть, и кто не видал их же, обдумывающих каждый шаг, соображающих всякую случайность и тем вернее проигрывающих, чем больше они соображают.⁴

Его знобило, он надел сюртук и, мрачно насупившись, сел на стул.

Проголодавшийся с утра M-r de Beausset подошел к нему и осмелился почтительно предложить его величеству позавтракать.

— Я надеюсь, что теперь уже я могу поздравить ваше величество с победой.

Наполеон молча отрицательно покачал головой.

Полагая, что отрицание относилось к победе, а не к завтраку, M-r de Beausset позволил себе игриво почтительно заметить, что нет в мире причин, которые могли бы помешать завтракать, когда можно это сделать.

— *Allez vous promener*,⁵ — сказал Наполеон.

Через 10 минут, однако, Наполеон встал и велел себе подать кусок хлеба, который он съел, запивая шамбертоном.⁶

¹ След. четырнадцать слов вписаны позднее.

² пуки неприятельских орлов и знамен

³ Зачеркнуто: не было

⁴ Зач.: Мысли, приходившие ночью в голову Наполеону, опять приходили ему теперь. Он думал и о истощении армии, и о безумии своего предприятия, и мог выгнать из головы эти мысли только тем, чтобы думать о другом, и он невольно это делал.

⁵ [Убирайтесь прочь,]

⁶ Зач.: В это время приезжают к Наполеону опять с требованиями его гвардии.
<Однако> Я не покорюсь этому волшебному чувству сно[видения]

— Подать мне лошадь,¹ — вдруг говорит Наполеон, видимо желая преодолеть чувство апатии, давящее его. Он² сел на лошадь, отдал несколько приказаний³ о исполнении того, что уже делалось и, окруженный конной гвардией и⁴ свитой,⁵ поехал вперед на поле сражения с намерением нанести этот последний удар русским. Но в это время послышались крики и стрельба⁶ на большой Смоленской дороге.⁷ Там задвигались обозы,⁸ прискакавший адъютант донес, что русские нападают на левый фланг французов.

Наполеон выехал с твердой решимостью нанести последний удар, но теперь вдруг ему приходят бесчисленное количество соображений, одно правдоподобнее другого. Под Аустерлицем ему не приходили в голову никакие случайности, кроме как те, которые он задумал,⁹ и те, которые совершились. Он твердо верил, что будет именно то, что он предпринял, что русские спустятся с Праценских высот и он атакует их центр и прорвет. Он не думал, что русские могут прорвать также его центр, могут откинуть его левое крыло и зайти ему в тыл. Он знал, что будет успех, и обдумал все случайности успеха, и действительность оправдала его. Но теперь он обдумывал слишком многое, бесчисленное количество случайностей представлялись ему, и все были возможны. Русские могли напасть на левый фланг, русские могли отбить его и закинуть за Колочу. Его могло убить шальное ядро и мало ли что могло быть.....

На поле лежали убитые, и раненые стонали, и испуганные и притворные лица окружали его, и те же звуки ядер, прежде возбуждительно действовавшие на него, тот же дым, неясность, сознание необходимости делать распоряжения, тяготили его. Впереди те же движущиеся массы в полосах дыма, и трескотня ружей, и гул орудий. Наполеон остановил лошадь и опустил голову. Он не мог остановить того дела, которое делалось перед ним и вокруг него и которое считалось руководимым им и зависящим от него, тогда как он одно желал теперь — уйти от этого дела¹⁰ и быть свободным. И тут всякую минуту прискакивали к нему с вопросами и донесениями, и та внешняя сторона человека, которая действует, часто независимо от душевной¹

Зачеркнуто: сказал

² *Зач.:* разговаривает. *Вместо зач. вписаны след. пять слов.*

³ *След. шесть слов вписаны позднее.*

⁴ *Зач.:* адъютантами

⁵ *Зач.:* скачет

⁶ *Слова:* и стрельба *вписаны позднее.*

⁷ *Зач.:* Виднелись бегущие и *вписаны след. два слова.*

⁸ *Зач.:* и узнается, что казаки наскочили на французов и испугали их. *Вместо зач. вписано окончание фразы.*

⁹ *След. четыре слова вписаны позднее.*

¹⁰ *Зач.:* и предоставить его самому себе: *Вместо зач. вписаны след. три слова.*

стороны, отвечала на эти вопросы и поддерживала свое значение. Он всё отдавал приказания и делал вид, что он руководит сражением.

На курганный редут были направлены с 3-х сторон французские пушки, русские не успевали относить убитых и раненых, и на место убитых не успевали приходить живые. Французские солдаты пешие пошли к этому кургану, слева и справа поскакали конные, и на этом месте произошло то же, что в 10 часов на флешах,¹ несколько раз мешались русские с французами, убегали то те, то другие, на скакивали и проскакивали то за русскими французские конные, то за французами русские конные, и, наконец, прежде ушли² те, которых было меньше — русские, но они не убежали и не разбежались, а отошли назад на 400 сажень к Князькову³ и оттуда так же стреляли в французов⁴ и иногда надвигались на них, заставляя их бежать, и потом сами бежали.

К Наполеону прискакали с известием, что редут взят и что ежели он даст гвардию, то победа будет полная.

— Победа! — сказал Наполеон.⁵

Он поговорил с Бертье и Бельяром, советуясь о том, дать гвардию или нет. Все отсоветывали ему. Он отошел от них и громко сказал:

— А 800 lieux de France je ne ferai démolir ma gadre,⁶ — сказал он и,⁷ повернув лошадь, поехал назад к Шевардину.

Историки говорят, что сражение было выиграно и что Наполеону стоило дать свою гвардию, чтобы разом покончить кампанию. Рассуждать о том, хорошо или дурно сделал Наполеон, не дав гвардию, всё равно, что рассуждать о том, хорошо или дурно сделал Пугачев, напиваясь пьян в Оренбурге. Он не мог поступать иначе.

Наполеон не мог дать гвардию. Дать гвардию было противно всем военным правилам и привычкам и противно тому настроению осторожности и нерешительности, в котором он неизбежно и невольно находился.

Другие историки говорят, что Наполеон не выиграл сражения потому, что у него был насморк. Вольтер давно сказал, шутя, что Варфоломеевская ночь произошла от того, что у Людовика XIII был запор. Как шутка, это очень мило, но неужели¹

Зачеркнуто: рус[ские], путаница

² Слово: ушли исправлено из: убежали

³ В рукописи: Князьково

⁴ Конец абзаца вписан позднее.

⁵ Зач.: полная. — А пленные? — Пленных не было. *Вместо зач. позднее вписан текст след. абзаца.*

⁶ За 3200 верст от Франции я не могу дать разгромить свою гвардию,

⁷ Зач.: продолжал ходить, сморкаясь и кашляя. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая: думают руководить ими.*

могли бы люди жить на свете с сознанием того, что судьбы их и государств зависят от простуды и желудка Наполеона и Лудовика XIII? Ежели бы не было запора у Лудовика XIII и насморка у Наполеона, и тот и другой поступили бы иначе, это несомненно. Но из этого только следует то, что расположение духа и насморк, бывший причиной ему, были не случайные явления, а должны были быть, что Наполеон должен был простудиться 26 числа, что и то его движение, когда он, в поту, вышел из палатки и простудился, было не произвольно, а неизбежно, как и каждый его поступок, и что события, совершающиеся для большого количества людей, в особенности такие, в которых люди отступают от разума, как война, убийство друг друга, что эти события не произвольны, а предопределены, и что менее всех свободны в этих событиях те, которые думают руководить ими.

Страшный вид поля сражения, покрытого трупами и ранеными, в соединении с тяжестью головы, с известием о смерти и ранах 20 генералов и сознанием этой бессильности своей прежде грозной руки, произвели уничтожающее впечатление на Наполеона. Желтый, опухший, тяжелый, с мутными глазами, красным носом¹ и охриплым голосом, он сидел на складном стуле под курганом у Шевардина,² прислушиваясь к звукам пальбы и ожидая конца того дела,³ которого он считал себя причиной, но которого он не мог остановить. Одно, чего он желал теперь, было: отдых, спокойствие и⁴ свобода, но этого не дано было ему.⁵

Адъютант приехал сказать, что русские всё так же стоят.

— Наш огонь рядами вырывает их, а они стоят.⁶

— Ah, ils en veulent encore,⁷ — сказал Наполеон охриплым голосом.

— Sire,⁸ — повторил нерасслышавший адъютант.

— Ils en veulent encore, — прохрипел Наполеон осиплым горлом, — donnez leur-en.⁹

¹ След. три слова вписаны позднее.

² Зачеркнуто: и ужасался тому делу, которое он видел и вписан позднее конец фразы.

³ Зач.: которое он видел

⁴ Зач.: сознание

⁵ Зач.: Всякую минуту к нему прискакивали адъютанты с вопросами и донесениями. Пленных и трофеев не было. Огонь был страшный.

— Что ж русские? Что же они в [?] отступлении? бегут? — спросил он.

— Нет, стоят, — отвечал адъютант.

Текст след. абзаца — позднейшая вставка.

⁶ На полях: Он не мог быть справедлив и добр.

Отчего насморк у него, а не у Рустана.

⁷ Ах, они еще захотели. Далее, кончая словами: donnez leur-en позднейшая вставка.

⁸ Ваше величество,

⁹ Еще хочется, ну и задайте им.

И без его приказа делалось то, чего он не хотел, но что он сказал только потому, что думал, что от него этого требовали его окружающие.¹

И не на один только этот час и день были помрачены ум и совесть² этого³ человека, тяжеле всех других участников этого дела носившего на себе всю тяжесть совершившегося; но и никогда до конца жизни уж он не мог понимать ни добра, ни красоты, ни истины,⁴ ни значения своих поступков. Они были слишком ужасны для того, чтобы он мог понимать их. Они были слишком⁵ противоположны⁶ правде и добру, и потому человек этот, не в силах отречься от своих поступков, восхваляемых половиной света, должен был отречься от правды и добра, и он, как безумный, до конца жизни [?] носился в своих составленных испуганным воображением ложных образах и понятиях, чуждых добру и истине.

Не в один только этот день, объезжая поле сражения, уложенное мертвыми и изувеченными людьми (как он думал, по его воле), он, глядя на этих людей, считал только, сколько приходится русских на одного француза и, обманывая себя, находил причины радоваться, что на одного француза приходилось 5 русских. Не в один только этот день он писал в письме в Париж, что *le champ de bataille a été superbe*,⁷ потому что на нем было 50 тысяч трупов, но и на острове Святой Элены, в тиши уединения, где он⁸ говорил, что он намерен был посвятить свои досуги для изложения истины, он,⁹ чувствуя, что ему надо было оправдываться,¹⁰ писал, говоря о значении этой войны: 229, *Memoriale de St. Hélène*, 133.

Говоря о¹¹ зле, произведенном войной, он думал оправдываться, объявив в 18 бюллетене, что французы потеряли 2500 убитыми, и верил в это и подтверждал в изгнании, что бюллетени его были все справедливы. И на острове Св. Элены, оправдываясь в зле войны, он писал:¹² 230.

Он утешал себя, что все [?] были не французы, а он сам был француз столько же, сколько пьемонтец.¹³

¹ *Зачеркнуто*: В 1816 на острове Св. Элены Наполеон писал следующее:

² *Слова*: и совесть *вписаны позднее*.

³ *Зач.*: бедного

⁴ *Далее, кончая словами*: правды и добра, и он *позднейшая вставка*.

⁵ *Зач.*: далеки от

⁶ *В рукописи далее*: бы

⁷ поле сражения было великолепно,

⁸ *В рукописи слово он повторено два раза*.

⁹ *Зач.*: писал, что он чувствовал

¹⁰ *Зач.*: и вот как он оправдывался. Говоря

¹¹ *Зач.*: том

¹² *Зач.*: и в душе

¹³ *Текст след. абзаца — позднейшая вставка на полях*.

И это говорил человек,¹ не бывший сумасшедшим, а человек, способный верно судить других² и обстоятельства, касавшиеся его деятельности.

Новая глава

³Вернувшись от князя Андрея в Горки к Борису под впечатлением нового открывшегося ему взгляда на войну вообще и на настоящую войну в особенности, Пьер не принял участия ни в игре, ни в ужине, ни в остроумных разговорах, которые вели в эту ночь накануне сражения собравшиеся в избе у Бориса самые блестящие штабные молодые люди. Смутно представлявшиеся ему весь этот день вопросы теперь вполне определились, но самый вопрос оставался столь же неразрешим. Русские, все русские, настоящие русские — не эти господа, которые по-французски лопотали около него теперь — а русские: князь Андрей, ополченец, приговаривающий «чистое дело марш», старый солдат, крестившийся на икону, все русские были готовы убивать, быть убитыми, потому что они оскорблены тем самым оскорблением, от которого дрожала губа князя Андрея и которое Пьер чувствовал и в своей душе. Это было понятно. Но неразрешимый вопрос, представлявшийся Пьеру, состоял в том: что привело русских в это противучеловеческое состояние? Что? Воля одного человека, воля Бонапарта? Этого героя, которым когда-то в юности своей так восторгался Безухов, читая его подвиги и приказы в Италии и Египте. Как же мог бог, Великий Архитектор, допустить, чтобы человек был причиной такого огромного зла? Или он есть орудие бога, испытующего человечество, он — антихрист, зверь, глаголящий велика и хульна, и тогда я могу быть такое же орудие бога и мне предназначено положить предел ему. Или он — человек (это предположение более очевидно казалось Пьеру после его разговора с князем Андреем), но тогда я, как человек, всей силой души ненавижу его и сделаю всё от меня зависящее, чтобы уничтожить его. С этими мыслями Пьер заснул за перегородкой, приказав берейтору приготовить лошадей и рано утром разбудить его.

Когда Пьер совсем очнулся на другое утро, было уже 7 часов, стекла дребезжали в маленьких окнах избы. Берейтор стоял, расталкивая его, и в избе уже никого не было. Сражение уже давно началось. Когда Пьер, протирая из-под очков слипавшиеся [глаза], вышел поспешно на улицу, гул орудий оглушил его. На том месте, где он ездил вчера, везде был дым. По улице скакали⁴ адъютант с казаком, за три дома на кургане,

откуда¹ *Зачеркнуто*: не глупый

² *Зач.*: обладавший даром

³ *Зач.*: Пьер

⁴ *Зач.*: два

Пьер вчера смотрел на поле сражения, стояла толпа людей в блестящих мундирах. Это был Кутузов со свитой.¹ Когда Пьер влез на курган по ступенькам, которые были сделаны на нем, он увидел толстую спину Кутузова, сидевшего на лавке, и его седой затылок, утопавший в плечи. Он передал трубу, которую держал.

— Поезжай, голубчик, посмотри, что там можно сделать, — сказал он высокому, красивому генералу.

Кутузов сидел несколько впереди у пушки,² позади его и по всей батарее стояли группами генералы, офицеры, глядя вперед и влево и негромко разговаривая. Некоторые шутили, и один молодой человек засмеялся. Услыхав этот смех, Пьер решил, что он поедет с посланным генералом, который сходил под лестницу, и, не отвечая на приветствия, с которыми к нему обратились некоторые, он повернул назад и побежал вниз.

[Далее от слов: Генерал садился на лошадь, которую подал ему казак, кончая: выскакал вперед солдат, где было просторнее близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, конец гл. XXX — начало XXXI.]

Пьер не умел ездить верхом и³ боялся упасть. Теперь же он, кроме лошади, горячившейся и шарахающейся от⁴ штыков и выстрелов, боялся так сильно того, чтобы ему не помешать этим солдатам, очевидно чем-то занятым, что он и не слышал звука пуль, визжавших со всех сторон, звука ядер, взрывающих землю, и лопавшихся гранат и не видел падавших людей вокруг него. Ежели он и видел, то он не понимал, отчего они падали. Сам того не зная, Пьер заехал к мосту через Колочу, который был между Горками за Бородиным и который в первом действии сражения, заняв Бородино, атаковали французы. Пьер видел, что впереди его был мост и что на мосту этом в дыму что-то делали солдаты, но он никак не думал, что тут-то и было поле сражения.

— Что ездит этот перед линией, этот-то? — крикнули на него набежавшие солдаты.

— Влево, вправо возьми, — кричали ему, и он видел, что солдаты прикладывались, и вокруг него со всех сторон затрещали ружейные выстрелы. Вправо по ложине ехало несколько офицеров. Пьер подскакал к ним и в одном из них с радостью узнал знакомого человека — адъютанта генерала Раевского.

— Эге-ге, граф, — сказал ему адъютант, — вы, видно, не робкого десятка. Этих птичек любите — какова жарня?

— Да, да, — отвечал Пьер, не понимая того, что ему говорил адъютант.

¹ *Зачеркнуто:* Куту[зов]

² *В рукописи:* и пушки

³ *Зач.:* и не только

⁴ *Зач.:* солдат

Адъютант был прислан сюда своим генералом, чтобы узнать, что делалось в Бородине, и, дождавшись того, что французов прогнали за реку и зажгли мост, он хотел ехать назад на курган. В том месте, где он стоял теперь с Пьером, беспрестанно визжали пули и били ядра, и про это-то намекал адъютант.

— Что же это было? — спрашивал Пьер. Адъютант объяснил ему значение того, что было, и пригласил его ехать с собой на батарею Раевского, ежели он хочет видеть жарню на левом фланге.

— А у нас на батарее еще сносно, — сказал адъютант.

Только возвращаясь назад по той дороге, по которой он скакал между солдатами, Пьер увидел в первый раз убитых и раненых, которых: иных несли, иных вели под руки, иных ворочали солдаты и ополченцы.

Тут только Пьер понял всю ту опасность, в которой он находился, и на него нашел ужас смерти. Всё у него в глазах вдруг померкло.¹

Он ничего ясно не видел. Всё представлялось ему как бы сквозь туман дыма и крови, главное крови, и он ничего не слышал, кроме пальбы и стога.

— Что ж, едете со мной или в Горки? — сказал адъютант.

— Да, я с вами, — сказал Пьер.

Не доезжая до Горок, адъютант поворотил направо, и они вместе низом поскакали по ложине к кургану Раевского. Тут не видно было раненых, а везде стояла² кавалерия, мимо которой скакал адъютант. Пьер опять оживился. Лошадь его отставала от адъютанта и равномерно встряхивала его.

— Вы, видно, не привыкли верхом ездить, граф?

— Нет, ничего, но что она прыгает очень, — с недоумением сказал Пьер.

— Э! да она ранена, — сказал адъютант. — Правая передняя выше колена. Пуля, должно быть. Поздравляю, граф, — сказал адъютант, улыбаясь.³

Подъехав к оврагу у кургана, Пьер и адъютант слезли и пешком вошли на батарею.⁴

Большую часть сражения от 8 часов и до полудня Пьер провел на этой батарее, то есть на том месте на кургане (тоже старинном, как и курган Горок, насыпном), где с трех сторон¹ *Зачеркнуто*: как будто сделалось затмение.

² Слово: стояла исправлено из: стояли и далее зач.: войска

³ Зач.: Пьеру приятно было знать, что

⁴ На полях: Ядро в то время, как взял в плен.

Наполеон не редут, он — человек.

Страх Пьера всё время влиял.

было окопано канавами и где стояло десять беспрестанно стрелявших пушек,¹ высунутых в отверстия валов, около которых было несколько человек офицеров и человек 80 солдат, беспрестанно заряжавших, стрелявших,² накатывавших опять на места отскакивавшие пушки и сбегавших вниз за зарядами. С обеих сторон кургана стояли и лежали пехотные солдаты и стояли еще пушки, беспрестанно стрелявшие вперед через овраг на ту сторону, где был неприятель. Позади кургана тоже стояли и лежали пехотные солдаты с красными воротниками, еще позади этих солдат в лощине стояли ряды кирасиров или кавалергардов, передние ряды которых только видны были. Офицеры-кавалеристы беспрестанно выезжали³ из лощины, приглядывались к тому, что делалось, и уезжали назад. Красивый, черноволосый, плотный генерал (это был Раевский), окруженный свитой,⁴ проехал верхом по линии пехотных солдат,⁵ остановился справа от кургана, слез с лошади и пешком вошел на курган, недовольно и строго взглянул на невоенную фигуру Пьера, бросившуюся ему в глаза, и с кургана посмотрел⁶ в трубу и из-под руки на дымящееся впереди выстрелами и блестящее штыками поле и,⁷ что-то сказав генералу, шедшему за ним, сошел вниз.

Пьер был введен на курган знакомым адъютантом и представлен ширококостому, плоскому артиллерийскому подполковнику, распорядившемуся тут, и с той поры, усевшись⁸ на туре, по совету артиллерийского подполковника, в конце канавы, окапывающей батарею, под защитой валов,⁹ смотрел на то, что делалось вокруг него. Знакомого адъютанта он не видал больше, и, как узнал после того вскоре, после того¹⁰ ему оторвало руку, и он на другой день умер в Можайске.

Первое время на курган¹¹ не попадали ядра и гранаты: они летали через, с боков,¹² но из-за гула наших выстрелов, особенно крайнего орудия, недалеко от которого сидел Пьер, заглушали¹ След. четыре слова — позднейшая вставка.

² След. шесть слов — позднейшая вставка.

³ Зачеркнуто: на

⁴ Зач.: большую часть времени стоял справа под курганом в том месте и то, слезши с лошади, смотрел в трубу, то Далее слово: проехал исправлено из: проезжал

⁵ Зач.: и спускался книзу, к кавалеристам. Один раз он Над зач. вписаны след. восемь слов.

⁶ След. три слова вписаны позднее.

⁷ Зач.: отдал приказание

⁸ Зач.: позади

⁹ Зач.: сидел

¹⁰ Зач.: как адъютант оставил Пьера

¹¹ Слово: курган исправлено из: кургане Далее зач.: было не опасно, <редкие> ни одно ядро не попало в него больше, в продолжение более получаса. Ядра и гранаты

¹² Зач.: и нередко

эти звуки, и Пьер¹ видал тут только, как в рядах солдат изредка происходила местами суетня, выбегали из-под оврага, изгибаясь, ополченцы и с чем-то уходили назад. Легко бы было догадаться, что это были убитые и раненые, но Пьер не знал этого и не видал. Всё его внимание было обращено вперед, несколько левее, на Шевардинской курган, перед которым видны были за дымом французские войска, блестящие штыками, и на курган с большим дубом, у которого, как ему сказали, стоит сам Наполеон, и главное налево на флешу, где шла перекатная пальба ружей и пушек, изредка слышны были дальние крики и где,² очевидно, происходило что-то страшное.

Чувство ужаса, испытанное Пьером в то время, как он увидал на дороге к Горкам убитых и раненых, прошло тогда очень скоро, но оно оставило в нем глубокий след, прорезало в его чувстве глубокую колею, в которую он каждую секунду чувствовал себя готовым скатиться. И [от] этого он, невольно боясь за себя, отворачивался от убитых и раненых и не видал их. — Но, кроме этого сознания близости к чувству ужаса, еще другие мысли сильно занимали Пьера. После того, как ему указали большой дуб и сказали, что там³ находится Наполеон, Пьер беспрестанно взглядывал туда, и ему еще с большей силой, под влиянием только что испытанного им ужаса, приходил всё тот же вопрос о том, кто и что был этот человек? Что он думает и чувствует? И как Провидение может допустить одному человеку делать столько зла другим людям?

В продолжение более двух часов Пьер оставался всё на том же месте и под влиянием⁴ тех же чувств. Всё, [что] он видел перед собой, было всё то же. Слева у леса на флешах колебание далеких масс людей, изредка блестящих в дыму штыками, по правее и дальше дуб на кургане, у которого должен был стоять этот человек или антихрист, впереди перед собой опять в дыму лощина, по которой перебегают, перестреливаясь, стрелки, позади еще войска, правее Бородино с белой церковью и оттуда опять дымки пушек и направо красивая панорама ущелий и гор, впереди та же панорама, по которой вьется Смоленская дорога до Колоцкого монастыря, на который он любовался накануне.

— Носилки, — вдруг послышался голос офицера близко подле него. — Что стали? Носилки.⁵

¹ *Зачеркнуто*: не видал, как они попадали в ряды пехоты, потому что *Вместо зач.* *вписан позднее дальнейший текст, кончая*: стоит сам Наполеон,

² *Зач.*: сосредоточилась в первое время вся сила сражения. *Над зачеркнутым позднее вписаны след. четыре слова.*

³ *Зач.*: вероятно

⁴ *Исправлено из*: того же чувства страха перед собой и

⁵ *Зач.*: Неско[лько]

«Зачем это носилки? — подумал Пьер. — Вероятно, носить заряды», сказал он себе, старательно глядя в противоположную сторону от той, где говорили голоса. Он мельком видел, однако, как прошли ополченцы на батарею и понесли что-то. Ему особенно интересно казалось теперь то, что делалось на флешах, и он засматривал туда, но и налево от кургана внизу, в пехотных рядах, через которые он смотрел, точно так же требовали носилки, и то там, то здесь сбиралась кучка. Он опустил глаза, чтоб не видать: с раскинутыми руками и ногами и с чем-то красным набок лежал убитый под самым валом батареи.

— О-ох, — послышалось сзади в двух шагах, и солдат артиллерист, как бы спеша, побежал и упал. Один за другим свистели ядра и бились в бруствер, в солдат, в пушки. Пьер, прежде не слышавший этих звуков, теперь слышал одни эти звуки, беспрестанные то [с одной], то с другой стороны, и он слышал их, несмотря на [то], что, кроме этих звуков, звуки наших выстрелов и лопанья гранат еще больше усилились. Лежавшие ряды солдат направо встали и побежали вперед с криком. Ядро ударило в самый край вала, перед которым стоял Пьер, ссыпало землю, и в глазах его мелькнул черный мячик и в то же мгновение шлепнуло что-то и завизжал солдат. Пьер подбежал к этому солдату и, увидав дергавшийся кровавой остаток ноги, сам не помня куда и зачем, побежал вниз прочь из батареи. Одно, другое, третье ядро перелетало над ним, ударялось впереди, с боков, сзади. Пьеру вспомнилось, что адъютант сказал ему, что на редуте безопаснее, остановился в нерешительности, идти или¹ ему назад, или вперед. Он соскочил в ту колею ужаса, которой он боялся, и² вполне³ покорился ей. Он⁴ пошел назад, навстречу ему несли раненых, опять раздумал и побежал под гору⁵ к зеленым ящикам. Вдруг страшный⁶ толчок откинул его назад на землю. В то же мгновение блеск большого огня осветил его и раздался в ушах его оглушающий, зазвевший в ушах гром.

Пьер, очнувшись, сидел на заду, опираясь руками о землю; ящика, около которого он был, не было, только валялись зеленые, обожженные доски на выжженной траве и тряпки, и лошадь, трепля оглоблями, проскакала от него, а другая так же, как и он, лежала на земле, пронзительно визжала.

Это было в 12-м часу, после занятия французами флешей, открытый⁷ больше чем 100 пушек огонь против курганного¹ *Так в рукописи.*

² *Зачеркнуто:* весь погрузился

³ *Зач.:* чувство

⁴ *След. шесть слов вписаны позднее.*

⁵ *Зач.:* У самого

⁶ *Зач.:* огонь, гром и

⁷ *Зач.:* с французской батареи

редута и войск, стоявших¹ около него, перед началом наступления. Французы, глядя на курган, окопанный валом, полагали, что это было сильное укрепление, тогда как в нем только кое-как были поставлены 10 полевых пушек, и потому, что курган был цел, они всю силу своего огня из 100 орудий обратили на курган. Через 10 минут² 80 пушек были разбиты, валы низко³ сбиты ядрами, и большая половина артиллеристов, бывших на кургане, побиты. Всё это продолжалось только 10 минут, но когда Пьер встал и увидел, что он цел, ему показалось, что прошло уже более двух часов. Встав, он побежал назад на батарею на то самое место, где он сидел. Ему казалось, что там только безопасно. Между тем на батарее уже никого не было, кроме убитых и раненых, и человек десяти солдат, которые заряжали еще оставшиеся пушки.⁴

[Далее от слов: В то время, как Пьер входил в окоп, кончая: весело и бурно бежали на батарею близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXXII.]

(Это была та атака, которую себе приписывал Ермолов, говоря, что только его храбрости и счастию возможно было сделать этот подвиг, и та атака, в которой он будто бы кидал на курган георгиевские кресты, бывшие у него в кармане, не соображая того, что такой поступок не мог, во-первых, [быть] никем замечен, а, во-вторых, породил бы только насмешки, ежели бы был совершен и замечен.)

Пьер дал им дорогу и по скату видел выскочившего из амбразуры и убегающего с другими французами своего пленного или того, который его взял в плен, француза.⁵

С батареей вели пленных, в том числе раненого генерала, которого окружили офицеры и к которому подошел Раевский.

На батарею ввезли свежие орудия, стали убирать раненых и убитых, и огонь сравнительно затих.

Пьер так нравственно устал, столько он видел ужасов, что ему казалось, сражение продолжается более двух суток, что ему казалось теперь сражение навверное конченным. Но солнце, застигаемое дымом, стояло еще высоко и⁶ точно так же налево кипело что-то в дыму и гуле выстрелов и точно так же у Шевардина стояла кучка народа, в которой был Наполеон, тот¹ *Зачеркнуто:* против

² *Зач.:* все

³ *Зач.:* ссыпаны

⁴ *Зач.:* Пьер подошел к ним, но в то самое время, как он подходил, солдаты в нерусских киверах и офицер или генерал, старый, с вывернутой шпагой, бежал с правой стороны. Солдаты вместе с Пьером бросились к ним. *Надписано над зач. и вновь зач.:* 10 французов, которые с генералом Бонами влезли на батарею

⁵ *След. абзац вписан позднее.*

⁶ *Зач.:* под курганом Шевардина

человек, который, по мнению Пьера, был виною всех совершенных ужасов.

«Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали», думал Пьер, со всех сторон видя движущиеся носилки и, как пятна на поле, оставшиеся трупы.

Пьер сошел с кургана и пошел отыскивать своего берейтора. Но не успел он найти его, как вдруг сзади разразилась еще сильнейшая стрельба, чем прежде, опять одно за другим и по два вместе полетели ядра, залопались гранаты и застонали убиваемые и изувечиваемые люди.

* № 189 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXX—XXXI).¹

²<В два часа он едет смотреть поле. Le champ de bataille est superbe.³ Он едет через трупы и смотрит на них.⁴ Он смотрит на русских — они стоят. Стреляйте, говорит он. Батареи и так стреляют и стреляют до тех пор, пока устали артиллеристы, тогда все перестают и гениальное сражение кончено>.⁵

Вправо показался дымок, и густой, звучный одинокий выстрел пронесся и замер среди общей тишины. Прошло несколько минут; Наполеон слез с лошади и, отойдя несколько, стал смотреть на французские войска.

2-й, 3-й выстрел, заколебался воздух; 4-й, 5-й раздалась близко и торжественно где-то справа,⁶ и как будто от этого выстрела всё зашевелилось, проскакали верховые, а также как будто от этих выстрелов мерно задвигались солдаты, заслоня батареи. Еще не отзвучали первые выстрелы, как раздалась еще другие, еще и еще, сливаясь и перебивая один другой. Уж нельзя было ни считать, ни слышать их отдельно. Уж слышались не выстрелы, а с грохотом и громом катились со всех сторон громадные колесницы, вместо пыли распространяя голубоватый дым вокруг себя. Только изредка вырывались более резкие звуки из-за равномерного гула, как будто встряхивало что-то эти невидимые колесницы.⁷

¹ *Переработанная копия.*

² *На полях:* <Пьер видит: 1) оживление, потом 2) твердость, потом 3) усталость, потом 4) омерзение и 5) отчаяние.>

Зачеркнут текст копии с первого автографа: В 6 часов было светло. Утро было серое. «Может быть, и вовсе не начнут, может быть, этого не будет», думал Pierre, подвигаясь по дороге. (См. вариант № 180, стр. 116—117.) *Далее зач. вписанное над текстом копии:* Пьер еще спал, когда раздался первый пушечный выстрел с правой французской батареи.

³ Поле сражения великолепно.

⁴ *Зач.:* возвращаясь с поля.

⁵ *Далее текст правленной копии.*

⁶ *Зач. вписанное поверх строк:* Князь Андрей был за сараем и приказывал что-то, берейтор подвел лошадь. Пьер дрожащими руками взялся за гриву, влезая <и поехал к Горкам> на лошадь.

⁷ *Далее зач. текст копии со слов:* Pierre редко видел утро; *кончая:* Вот оно, — сказал один офицер (см. вариант № 180, стр. 117—118) и *вписан новый текст, кончая словами:* бежала пехота на выстрелы.

Утро было свежее и серое, солнце еще не¹ выходило из-за тучи на востоке горизонта, но было светло и в низах колыхался туман, на вершинах дым от выстрелов. Игра началась, и Наполеон сошел с Шевардинского кургана к низу и как бы углубился в созерцание своей шахматной доски. Игра началась.²

<Выехав из Псарева и проехав около версты по направлению к нашему правому флангу от левого, ему встретились две дороги. Одна была впереди по направлению к выстрелам (к батарее Раевского); другая — вперед, к Горкам, к тому кургану, на котором он был вчера и на котором находился Кутузов со штабом, как ему сказали.

Въехав в Князьково, наполненное солдатами, он услышал ближе стрельбу, еще более усилившуюся. На выезде из Князькова было опять две до>роги: одна вела мимо заборов и кустов прямо в Горки; другая опять налево к Бородину, проходя совершенно позади батареи Раевского. Пьер поехал по этой дороге. Не доезжая до Бородина, шагах в 200 на берегу Колочи Пьер услышал ружейную стрельбу и крики ура. Несколько человек проскакало, обгоняя его, и позади его бежала пехота на выстрелы.

Лошадь Pierre'a стала горячиться, настороживать уши и торопиться. С Pierre'ом сделалось то же самое. Гул орудий, торопливые движения лошади, теснота полка, в который он заехал, и главное, все эти лица, строгие, задумчивые, — всё слилось для него в одно общее впечатление поспешности и страха. Он спрашивал у всех, где Бенигсен, но никто не отвечал ему, все были заняты своим делом, которого не видно было, но присутствие которого видел Pierre.

— И что ездит тут в белой шляпе, — услышал он голос позади себя.

— Поезжайте, куда вам надо, а здесь не толкайтесь, — крикнул ему кто-то.³ Но только что он выехал из одного полка,¹ *Зачеркнуто*: вставало, но было

² *На полях конспект дальнейшего описания Бородинского сражения*: Едет из Псарева направо, берет дорогу влево на Раевского батарею в Горки <и смотрит с кургана налево>. Видит раненых. Неужели не устоим? и нападает на <бегство егерей из Бородина>. Стрельба на мосту Колочи. Бородино занято. Оживленный офицер. Мы отобьем. Неужели не устоим. Раненые. Не устоим. Тоже на волоске. Всё ждет, что скажут устали и что на волоске. И вот все стоят. — Нет. Pierre [встречает] знакомого. На Раевского батарею, оттуда смотрит на Семеновское.

Бой на-перестрелку. Атака <Нея>. Евгений Богарне, Бонами (бегут). Ермолов и Барклай. Толпы бегут. <Пьер.> Впереди Пьер затесался в кавалерию. Лошадь убита, на другую <к Кутузову в Горки>. (Неужели еще и еще). Да, еще. <Едет>. И я еще. Встречает кн. Андрея (кн. Андрей). Пьер ездит. — Устали. Только Кутузов не устал. Он осаживает н[емца] В[ольцогена]. Но все позади устали.

³ *На полях*: Восторг.

как попал в другой, и опять кто-то крикнул ему: «Что ездить перед линией».¹

Пьер выехал в сторону из полка и увидел наконец сражение — то, что он желал видеть. Впереди его были² Бородино, теперь занятое уже французами. Французы, уже выбив наших из Бородина, прошли его и столпились на мосту на Колоче и по сю сторону моста³ и стреляли в наших из ружей и из пушек. Русские стояли уже перед Бородиным. Наш полк шел на мосту. Офицер или генерал ехал впереди. Все закричали, стали стрелять. Французы убежали за мост и наши заняли его.⁴

С начала сражения прошло уже около часа, и сражение здесь в Бородине продолжалось около 20 минут. Русские заняли мост и стали жечь его. В Бородино летали ядра и били наших. Пьер увидел раненых и убитых.⁵

И опять везде он видел те же озабоченные занятые лица каким-то невидимым, но важным делом.

Один Pierre был без дела и без места.

Дым и гул выстрелов всё усиливались. Летали над ним ядра, но Pierre не замечал, он не знал этого звука и был так встревожен, что не был в силах отдать себе отчет о причинах разнообразия звуков. Он⁶ смотрел вопросительно на всех. «Неужели они теперь не бросят всё это, не поймут то, что они делают, и не разойдутся?» Но они не только не расходились, но, казалось, были чем-то оживлены и счастливы и не видели убитых и раненых, а Пьер видит их одних.

Французы вступили в Бородино. Стрелки их рассыпались у⁷ реки и перестреливались с нашими.⁸ Их батареи беспрестанно стреляли и били наших людей. Всё это продолжалось более часа. Слева слышалась страшная стрельба. Но Пьер не думал, чтобы там было то же, что здесь. Ему казалось, что здесь было всё сражение, потому что он был здесь и потому что больше тех ужасов, которые он видел здесь, он не мог себе представить. Весь интерес его от позиций и распоряжений и тонкостей стратегических вдруг перешел совершенно на другое, не столько вследствие разговора с кн. Андреем, [но] вследствие того жалобного писка, который он услышал подле себя,¹ *Далее, кончая словами:* Пьер увидел раненых и убитых *автограф на полях копии.*

² *Зачеркнуто:* спуск к реке, на реке был мост и на мосту

³ *В рукописи:* мосту

⁴ *Зач.:* Был

⁵ *По тексту написано:* В Горки. *Далее текст копии, кончая:* разнообразия звуков. Он

⁶ *Далее текст копии зачеркнут, кончая словами:* бесцельная поспешность всё больше и больше овладевают им (см. вариант №180, стр. 119) и *вписан дальнейший текст, кончая:* Неужели они не образуются.

⁷ *Зач.:* моста

⁸ *Зач.:* Прошло

когда подле него ядром разбило ноги солдату, весь интерес его перешел на раненых и на вопрос о том: неужели это будет еще продолжаться. Неужели они не образумятся.

Всё у него перед глазами слилось в туман дыма и пальбы и, главное, крови, из которых он редко натыкался на оазисы человеческих лиц, а все эти лица носили один и тот же отпечаток оживленности, недовольства и упрека тем, что заехал сюда без дела этот толстый человек в белой шляпе.¹

Знакомый ему кн. Шаховской подъехал к нему верхом, и на нем было то же выражение.

— Вы как здесь, граф? — сказал он и тотчас же начал рассказывать, как было дело; как гвардейские егеря совсем оконфузились и побежали. А что здесь их выбить одну минуту и что только бы велели и дали бы еще 3 бат[алиона], сейчас <их можно выбить из Бородина. Пьер слушал его, но с удивлением, вопросительно смотрел на него.

«Неужели ваше? неужели — но то, что вы делаете?»

Неужели вы не опомнитесь, не устали от этой крови и страданий» говорил его взгляд, и Шаховской понял, вероятно, этот взгляд, отвернулся от него и поехал дальше.

— Вы куда? — спросил Пьер.²

— На левый фланг. Там жарня страшная идет...

— Неужели? — сказал Пьер.

— Разве не слышите? Поедемте к Раевскому, там всё видно. — Пьер поехал с ним. Он не верил, чтобы когда-нибудь кто-нибудь [видел] ужаснее того, что он видел, а между тем дело в Бородине и на мосту Колочи — пустая схватка, не имевшая никакого значения в сражении и относившаяся по потере как 1 к 50 к тому, что происходило на левом фланге, откуда перекатываясь слышалась неумолкаемая канонада, где решалась судьба сражения».³

Было 9 часов утра. Прошло уже три часа с начала сражения, и всё та же страшная, неумолкаемая стрельба продолжала раздаваться по всему полю. Пьер, слезши с лошади, сидел на откосе высокого кургана б[атарей] Р[аевского] и смотрел на то, что делалось перед ним всё с тем же недоумением и вопросами, которые не разрешились для него: «Зачем они это делают? И как они не устанут?»

С курганной батареей открывалось всё поле сражения, застилаемое дымом. Перед курганом и внизу был овраг с кустами, в этом овраге стреляли из ружей — перекастной стрельбой, ¹ *Далее вписано над строкой и на полях, кончая словами:* где решалось дело сражения, *вместо зачеркнутого текста копии, кончающегося словами:* в Бородине, откуда он выехал, тоже началась стрельба и канонада (*см. вариант № 180, стр. 119*).

² *Зачеркнуто:* К Раевскому

³ *Далее автограф-вставка на отдельном листе.*

влево виднелось Бородино, при слиянии двух рек. Там-то и стреляли. Но влево через седло к деревне Семеновской дым и грохот и движение войск не переставали.

Там, очевидно, шло всё сражение. Впереди Семеновского во французской линии был виден курган с большим дубом. Это был Шевардинский редут, и на нем был Наполеон. Впереди Семеновского были видны флешы Багратиона и на них, несмотря на то, что в батарее Раевского били ядра и свои стреляли, туда все и смотрели. Раза два Пьер видел и слышал, были толки смотревших, что наши выбиты, и опять взяли флешы, но всё это не интересовало его, он смотрел в дыму на остающиеся пятна (раненые) и удивлялся, как они не оставят этого, не ужаснутся, но никто не ужасался. Прискакавший оттуда адъютант радовался. На батарее Раевского завтракали. Так прошло два часа, и после многих споров все решили на батарее, что наши отбиты.¹ «И какое дело, какая разница, что отбиты или нет», — думал Пьер. И все, казалось, так думали. Несколько раз Пьер пытался ехать смотреть раненых [с] того места, но ужас раненых и смерти возвращали его. Ему казалось, что на батарее его не убьют. Он сам стал завтракать, а ему казалось, что все успокоились. Но нет, когда он встал, всё было то же и не только то же, но все на батарее стали говорить, что идет колонна против них и стали указывать ее себе... Огонь усилился. «Не может быть», думал Пьер на приближающуюся колонну. Но она приблизилась, стала стрелять. Испуг выразился на лицах, и после дыма увидели, что французы бегут. Наши раненые стонали, и на поле лежала ночь. «Ну, теперь кончено», думал Пьер, слезши с лошади. Но теперь только начиналось. Опять начали стрелять, двигаться, носить раненых и из-за дыма пушек на бруствере показались французы и все побежали назад. Пьер поскакал² к тому месту, где были Горки, но навстречу ему двигалась рысью кавалерия, и опять сердитый голос закричал на него: «И чего вертятся тут. С дороги!»

Pierre остановился, изыскивая место, куда бежать, и, потерявшись, не узнавая, где были свои, где неприятель, поскакал опять назад.

Пули, которых он прежде не замечал, засвистали вокруг него, на него нашел ужас, еще сильнейший, чем прежде.

Pierre так был уверен, что каждая пуля, каждое ядро попадет в него.

Он остановился, нагнул к седлу и мигал, почти не открывая глаз.

«Сюда, сюда, пожалуйста», — кричал берейтор, но Пьер не слышал его.

¹ *Зачеркнуто:* И никто

² *В автографе знак ⊕, возвращающий к исправленной копии.*

Вдруг на него наскочили наши кавалеристы, возвращавшиеся из атаки, его лошадь поскокала с ними. Он не помнил, долго ли он скакал, но когда лошадь его остановилась, он заметил, что звуков пуль уже не было вокруг него и что он весь дрожал и зубы его щелкали друг об друга. Вокруг него слезали с лошадей уланы. Один улан, с кровью на спине, в двух шагах от Pierre'a упал с лошади, и лошадь, фыркнув, отбежала от него. Лица всех этих людей были страшные. Пуль не слышно было, но над головами еще летали ядра. Pierre содрогался от звука каждого ядра: каждое ему казалось направленным в его голову.¹

Всё для Пьера казалось конченным, но тут толпа людей бежала ему навстречу с большим, толстым генералом, и всё обращалось опять на редут.

Ура, ура, — слышалось там. (Это Ермолов отбил редут.) «Теперь кончено», думал Пьер.² Но было только 11 часов, и далеко не было кончено. Всё та же стрельба слышалась, те же стоны раненых, те же окровавленные трупы, снова били друг в друга, еще и еще.³ Все, казалось, разделяли чувства Пьера — все устали. На всех лицах, вместо прежнего оживления, была усталость и даже отвращение. Но все стреляли, все убивали.⁴ Пьер слез с лошади и сел.⁵

* № 190 (рук. № 91. Т. III, ч. 2, гл. XXXV—XXXIX).

Солдаты остановились, но в это время ополченный офицер с сидящими усами подбежал к князю Андрею.

— Ну, молодцы, подхватывайте — чистое дело марш, — прокричал ополченец на своих ратников с носилками, замывшихся позади его. — Не робеть. — Он подошел к князю Андрею и взял его подмышку. — Сейчас снесем, бог даст ничего — чистое дело, — говорил ополченец, глядя добрыми глазами на князя Андрея.

— Ну что ж, чья взяла?⁶ Говорят, наша, — чистое дело марш,⁷ — сказал ополченец.

¹ *Далее текст копии, кончая словами:* которое отделяло в Бородинском сражении первую линию от резервов, *зачеркнуто и сделана новая вставка — текст следующего абзаца.*

² *Зачеркнуто:* Он въехал

³ *Зач.:* в задних рядах

⁴ *Зач.:* Нет, я

⁵ *Далее вновь текст копии с первого черновика, начиная со слов:* Вдруг сзади стрельба и канонада усилились до отчаянности, *кончая словами:* сказал еще кн. Андрей, не зная, зачем он говорил это (см. вариант № 180; стр. 122). *Дальнейший текст копии вычеркнуто и вместо него написан новый текст, начатый на копии и продолженный на пяти листах, который вновь был просмотрен и исправлен. См. след. вариант № 190.*

⁶ *След. два слова вписаны позднее.*

⁷ *Зачеркнуто:* позвольте спросить

— Наша,¹ разумеется, наша, — проговорил князь Андрей.

— Слава тебе господи, — сказал ополченец. — Я и то говорю, что наша. А без этого нельзя,² — сказал он, указывая на рану князя Андрея. — Чистое дело марш — нельзя. — Бог даст ничего, пройдет.

Ополченцы положили Болконского на носилки и понесли.

В ту минуту, как князь Андрей упал и его поднимали, он вовсе не думал о том: выиграно или проиграно сражение; но он ни на минуту не задумавшись и не сомневаясь ответил утвердительно на вопрос³ ополченца, и не потому, что он считал нужным отвечать так, но потому, что он всем существом своим был убежден, что⁴ победа⁵ одержана⁶ нашими. Он за секунду перед этим в себе, в своем движении с полком чувствовал эту победу.

Ополченный офицер, «дядюшка», который под сильнейшим огнем исполнял со своими ратниками дело хищной птицы, дожидаящейся смерти — добычи, чтобы уносить ее, и дядюшка, измученный физически и нравственно своей работой, несмотря на все ужасы дня, которые он видел более всех других, в глубине своей души был убежден, что победа должна принадлежать русским, и ожидал утвердительного ответа на свой вопрос.⁷

Вопрос этот о том, выиграно или проиграно сражение?⁸ теперь, в 3-м часу после полудня, после того как с той и с другой стороны было убито более 60 тысяч человек, после того как русские отступили на⁹ левом фланге только¹⁰ на несколько сот сажень,¹¹ более того, как в некоторых дивизиях русских оставалось по несколько сот человек, и спутанные, разных полков, толпы солдат беспорядочно брели, некоторые по дороге к Смоленску, и на перевязочных пунктах не успевали перевязывать и отгонять спасавшихся носильщиков; после того как то же происходило на задах французской армии и французские генералы с¹² трудом собирали свои разбредавшиеся колонны и устрашались мысли о новом наступлении русских и с трудом¹ *Следующие два слова вписаны позднее.*

² Далее до конца абзаца вписано позднее.

³ Зачеркнуто: дядюшки

⁴ Зач.: мы должны

⁵ Исправлено из: победить и далее зачеркнуто: и что мы победим. Далее до конца абзаца вписано позднее.

⁶ Зач.: русскими

⁷ Зач.: Большое количество воинов, без различия чинов, участвовало в этом сражении.

⁸ Зач.: лежал в т

⁹ Зач.: несколько

¹⁰ Слово: только вписано позднее.

¹¹ Зач.: и всякую

¹² Зач.: ужасом

приводили в порядок свой левый фланг, бросившись со всеми обозами бежать куда попало после атаки Уварова; после того как у русских оставалось только 4 егерских полка и казаки, нерасстроенные и не бывшие в деле, а у французов — одна гвардия, которую, очевидно, нельзя было погубить или пустить в огонь, была не расстроена; после того как с той и другой стороны выбыло из строя по 30 генералов, все команды перепутались и капитаны, начинавшие командовать полками, после того как¹ измученным, без пищи и отдыха людям, той и другой стороны, глядя на покрытое трупами и кровью поле, начинало одинаково приходиться сомнение о том, следует ли им еще повиноваться той злой воле, которая заставляла их истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: зачем и для кого мне убивать и быть убитому. Убивайте, кто хотите, делайте со мной, что хотите, а я не хочу больше. После того как мысль эта одинаково созрела в душе каждого и не приводилась в исполнение ни с той, ни с другой стороны только потому, что все эти люди были в толпе и нужно было только одному выразить эту мысль <и все бы побежали>. После всего этого вопрос о том, кто выиграл сражение, не мог бы быть решен никем.

Тот, который посмотрел бы на расстроенные зады русской армии, сказал бы, что ф[ранцузам]² стоит сделать еще одно маленькое усилие, и русская армия исчезнет. Тот, кто посмотрел бы на зады французов, сказал бы, что русским³ стоит сделать еще одно маленькое усилие, и французы погибнут.

Тот, кто одновременно мог бы видеть всех участников этого сражения, и тот не мог бы решить этот вопрос.

Вопрос этот лежал не в фактах сражения, а в сознании сражающихся. Факт был в пользу французов: тот пункт — левый фланг, на котором сосредоточено было всё сражение, отступил.⁴ Но во всех сражениях Наполеона, и Фр[идляндском] и в Аустерлицком, памятном для русских и французов, русские потеряли позицию на Працене, потеряв 1/4 своего войска и быв численнее французов, побежали. Здесь те же русские, против тех же французов были малочисленнее французов, потеряли свою позицию, несколько раз отбивали и потеряли опять, — потеряли *ПОЛОВИНУ* своего войска (явление, не имеющее примера в истории). Потеряли половину своего войска и, отступив на несколько сот шагов, не отдавали лишнего шага неприятелю, с очевидным намерением⁵ отступить только тогда, когда они¹ *Зачеркнуто*: глядя на покрытое кровью и трупами поле

² *Зач.*: убежали и надписано окончание фразы.

³ Слово русским исправлено из: русские, далее *зач.*: не выиграли его и надписано окончание фразы.

⁴ *Зач.*: Но в Аустерлицком сражении

⁵ *Зач.*: прежде чем

потеряют еще половину половины. И для постороннего наблюдения, разумом взвешивающего события, вопрос этот: кем выиграно сражение, оставался нерешенным. Решение его в 3-м часу совершилось не в событиях, но в сознаниях людей.

Французам, с помощью воспоминания всех прежних, 15-летних побед, с полной уверенностью в непобедимости Наполеона, с помощью сознания того, что, убив почти всех русских, находившихся на флешах Семеновского и курганной батареи, направив против этих пунктов превосходные силы, сознание того, что они завладели частью поля сражения, с сознанием того, что еще нетронутая 20-тысячная гвардия стоит за ними,¹ не будучи более атакованы, так как нечем было атаковать их — им было легко удержаться с 3-го часа и до вечера на той точке колебания вопроса о победе, которая не переходит ни в бегство побежденного, ни в торжество победителя; но для русских, растаявших наполовину, сбитых с позиций, не имеющих ни одной неразбитой дивизии, — удержаться от бегства² на этой точке колебания, казалось невозможно.

История войн вообще и в особенности войн Наполеона не представляет ни одного, не только подобного, но сколько-нибудь похожего примера. Не говоря уже о немцах, так снисходительно обучавших нас искусству воевать, которые во всех войнах с Наполеоном за правило поставляли, потеряв позицию и³ 1/4 войска, за правило поставляли бежать и сдавать корпуса в плен и половину или всю артиллерию, не говоря о немцах, во всей истории войн нет подобного примера.

Русское войско⁴ стало в Бородине в положении, загораживающем дорогу к Москве. Произошло сражение. — Русское войско потеряло половину своих людей убитыми и ранеными, пленных сдающихся не было (были пленные равные числом с обеих сторон, пленные единичные⁵). Пушек было потеряно столько же, сколько взято, и на другой день армия точно так же, как и накануне, загораживала дорогу к Москве, с тою только разницею, что прежде 100 тысяч загораживало дорогу 120 тысячам, т. е. как 5 к 6, а после сражения, разменявшись шашками, 50 тысяч 100 тысяч[ам], т. е. как 1 к 2, но точно так же русская армия, вся оставшаяся половина, загораживала дорогу.⁶

Отчего произошло это необыкновенное, не имевшее примеров и неповторявшееся явление? Не распределение всех по ¹ *Зачеркнуто*: им было легко

² *Зач.*: побежденного, каз[алось]

³ *В рукописи*: 1/0 <до> [?]

⁴ *Зач.*: потеряло поло[вину]

⁵ *Зач.*: зарвавшиеся или [?] артиллерии не было

⁶ *Зач.*: и победила неприятеля.

буграм, лесам и полям, не окопанные канавами курганы, не мудрые предположения и распоряжения Бенигсена, Гартинга, Вольцогена, не мужество и распорядительность Барклай де Толли, обиженного и искавшего смерти, как нам рассказывают, произвели это явление.

Причины этого явления лежали в том сознании, которое вызвало ополченного офицера, не жалея раненого (хотя он знал, что он [?] не мог знать этого),¹ спросить у него, правда ли, что выиграно сражение, и которое заставило кн. Андрея, не задумывающегося и не спрашиваю[щего] себя о том, будет ли его ответ сообразен с фактами, отвечать утвердительно.

Неразумное сознание того, что мы хотим² и потому должны победить, лежало в душе кн. Андрея, ополченца и многих людей русского войска. Сознание это было преимущественно у людей, сражавшихся в рядах войска, а не у штабных, лишенных прямого участия, и исключительно у *русских* людей, а не у людей других национальностей, в особенности немцев, бывших в русском войске. —

Люди, имевшие это глупое, неразумное сознание о том, что сражение выиграно, несмотря на то, что мы отступили, сообщали его друг другу. Другие люди, штабные и в особенности немцы, ясно обсуждавшие дело, осмотревшие разбитые части войск и видя бегущих в задах армии солдат и видя то, что мы уступили часть позиции, разумно³ решили, что сражение проиграно, и сообщали о том друг другу. Но так как вся наша армия состояла из русских и рядовых воинов, испытывавших одно и то же чувство⁴ ненависти к врагу и оскорбления, то голоса людей неразумных нашли больше веса, и большинство разделяло глупое и неосновательное сознание того, что, несмотря на нашу разбитую армию, мы победили.⁵

Дряхлый, слепой, развратный, неспособный Кутузов, как нам любят изображать его, в этот день 26 августа был в высшей степени одержим этим неразумным сознанием того, что мы победили, несмотря на то, что бы ни говорили ему.

В то время, как его начальник штаба, граф Бенигсен, стал на кургане Горок, с досадой объясняя, что сражение будет проиграно и проиграно именно потому, что не исполнено то, что предлагал он, в то время как принц⁶ Вюртенбергский рассказывал о том, в каком расстройстве они видели бегущие войска, фон Толь доносил, что все войска уничтожены и Барклай де Толли присылал Вольцогена сказать, что сражение проиграно¹ *Последняя фраза вписана над строками.*

² *Зачеркнуто:* должны

³ *Зач.:* и определенно

⁴ *Зач.:* и сознание того, что они победили, любви к

⁵ *Зач.:* И тот неуловимый путь, по кото[рому]

⁶ *Зач.:* Мекленбургский

и всё бежит, Кутузов сидел, понутив седую голову и опустившись тяжелым телом на лавки, покрытые ковром, у Горк[инского] кургана и¹ не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

— Да, да, сделайте это, — отвечал он на различные предложения. — Да, да, съезди, голубчик, посмотри, — говорил он.

²Он оживлялся только в том, что касалось того странного умопомешательства, овладевшего умами русских, вследствие которого все русские полагали, что сражение выиграно, и которое он, видимо, разделял.

Когда ему привезли³ оказавшееся ложным известие о том, что Мюрат взят в плен, он⁴ перекрестился, поздравил окружающих с этим успехом, послал объявить это войскам и велел везти к себе Мюрата.

Когда ему донесли об отбитии флеш и кургана, он опять крестился, громко выражал свою радость и убеждение, что мы победили. Когда к нему подъезжали с донесениями русские адъютанты и начальники частей, большей частью с оживленными, радостными лицами, он при всей толпе своей свиты заставлял их рассказывать, но, когда к нему подъезжали с донесениями немцы, даже когда любимый им Толь подъехал к нему с известием с левого фланга, он встал и подошел к нему, один выслушивая то, что он имел сказать ему.

Один только раз в конце сражения глаз его засверкал, он нахмурился и закричал почти. И причиной этого необыкновенного оживления было опять то же неразумное и непростительное, как показывает здравый рассудок, в главнокомандующем заблуждение о том, что мы должны победить, что бы там ни было.

Причиной этого оживления был флигель-адъютант Вольцоген, тот самый, который, проезжая мимо кн. Андрея, говорил, что войну надо *im Raum versetzen*⁵ (и которого ненавидел Багратион). Вольцоген приехал от Барклая, которого еще более ненавидел Багратион, теперь смертельно раненный, с донесением о ходе дел на левом фланге.

Кутузов сидел, понутив седую голову, и не успел остановить Вольцогена вдали от свиты. Вольцоген слез с лошади и, небрежно разминая ноги, с⁶ полупрезрительной улыбкой на губах, подошел к Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Господин Вольцоген обращался с Светлейшим с некоторой аффектированной небрежностью, имеющей целью показать, что ¹ *Зачеркнуто*: снял

² *Зач.*: Одно

³ *Следующие два слова вписаны, видимо, позднее.*

⁴ *Следующее слово вписано позднее.*

⁵ перенести в пространство

⁶ *Следующее слово вписано позднее.*

он, как флигель-адъютант во-первых, а во-вторых, как высокообразованный военный, предоставляет русским делать кумира из этого старого, бесполезного человека. «Der alte Herr»,¹ как называли Кутузова в своем кругу немцы, «Was wohl nicht wo im jetzt der Kopf steht»,² подумал Вольцоген и начал с разумной определительностью докладывать старому господину положение дел на левом фланге так, как приказал ему Барклай и как он сам видел.

— Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбить нечем, потому что войск нет, они бегут и нет возможности остановить их, — докладывал он.

Никто из окружающих³ старого господина не видал его в таком оживлении гнева, в которое он пришел при этих словах господина флигель-адъютанта фон Вольцогена. Тяжелое тело его вдруг поднялось, он надвинулся на Вольцогена и, нахмурившись, закричал на него.

— Ход сражения известен мне как нельзя лучше, — закричал он. — Неприятель отбит на всех пунктах....

А Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его. — Отбит на левом и поражен на правом фланге. — Он указал рукой на правый фланг, и указывающая рука его дрожала.

— Ежели вы плохо видели, то не говорите то, что вы не знаете,³ — сказал Кутузов, очевидно не из расчета говоря эти несправедливые слова, но всей душой веря им. И Кутузов, отвернувшись от него, сел опять на лавку.⁴ — Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра⁵ намерение атаковать неприятеля.

Вольцоген отошел, презрительно пожав плечами и поджимая на сторону губы über diese Eingenommenheit des alten Herrn.⁶

— Отбит везде, — продолжал Кутузов, — и завтра погоним его и из священной земли русской, — проговорил он и всхлипнул от наступивших слез.⁷

Вслед за Вольцогеном к Кутузову подъехал приехавший Раевский и стал сообщать о ходе дел с тою же неразумностью, с которою думали все русские люди. Выслушав его, Кутузов по-французски сказал ему:

— Vous pensez donc que nous ne sommes pas obligés de nous retirer?

¹ Старый господин,

² [Не знаю, где у него голова находится,]

³ *Зачеркнуто:* Кутузова

⁴ *Зач.:* и потребовал воды с вином и *вписано далее до конца абзаца.*

⁵ *Зач.:* приказание

⁶ на это самодурство старого господина.

⁷ *Зач.:* В это время

— Au contraire, votre altesse, dans les affaires indécises c'est toujours le plus opiniâtre qui reste victorieux.¹

— Кайсаров! — кликнул Кутузов своего адъютанта и, указывая на крестьянский стол, стоявший подле лавки. — Садись, пиши приказ на завтрашний день. Завтра мы атакуем.

Пока шел разговор с Раевским и диктовался приказ, Вольцоген вернулся от Барклая и, поджав губы, доложил, что генерал Барклай де Толли желал бы иметь письменный приказ.

Кутузов, не глядя на Вольцогена, приказал написать этот приказ, который весьма основательно, руководимый здравым смыслом, для избежания личной ответственности желал иметь главнокомандующий 1-й армией.

И по неопределенной таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называвшееся духом армии, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передавались во все концы войска. Далеко не самые слова, не самый приказ передавались в последней цепи этой связи. Даже ничего не было похожего в тех² рассказах, которые передавали друг другу на разных концах армии о том, в каком положении наше дело, ничего не было похожего с тем, что сказал Кутузов, но смысл его слов, дух его сообщался повсюду.

Разбежавшиеся солдаты, некоторые за 10 верст от поля сражения, стали возвращаться, узнав, что мы победили, те, которые³ разошлись у переезда реки, вернулись к командам, чтобы полюбоваться на победу; те, которые⁴ страдали, стоя в огне, утешились,⁵ узнав, что их страдания не пропали даром.

Неразумное сознание того, что мы победили, хотя разбиты, усвоилось всей армией, и Бородинское сражение осталось навеки⁶ беспримерной победой,⁷ потому что в понятие победы включается бегство неприятеля и французы не бежали и это от нас не зависело, а лучшим военным, беспримерным в истории, подвигом.

* № 191 (рук. № 92. Т. III, ч. 1, гл. I).

Более года перед нашествием 12-го года усиленно работали дипломаты, переписываясь между кабинетами, скакали курьеры с депешами из Парижа в Петербург и Вену и обратно, десятки писем были написаны Александром Наполеону и Наполеоном¹ — Вы, стало быть, не думаете, что мы должны отступить?

— Напротив, ваша светлость, в нерешительных делах остается победителем тот, кто упрямее.

² Зачеркнуто: сообщениях,

³ Зач.: еще стояли в огне, ждали и колебались между страхом

⁴ Зач.: стояли

⁵ Зач.: зная

⁶ Зач.: лучшим

⁷ Зач.: из всех побед, которые когда-либо одерживали одни войска над другими.

Александрю, и все эти действия имели единственной целью сохранение мира между двумя державами, а несмотря на то, с каждым днем и каждым часом усложнялись отношения, вооружались армии и стягивались к Неману с востока и запада и, когда сошлись оба войска, война началась.¹

Неужели от воли Александра, Наполеона, от искусства Меттерниха, Талейрана, Румянцева зависело² совершение или несовершение³ этого громадного злодейства народов? Неужели стоило Александрю написать: «Monsieur mon frère, je me rapelle de Tilsit et d'Erfurt et je conscens à l'indemnisation que vous me proposez pour le duché d'Oldenbourg»,⁴ или Наполеону написать: «Monsieur mon frère, je conscens à retirer mes troupes de la Vistule»,⁵ или Меттерниху, Румянцеву и Талейрану между выходом и раутом написать поискуснее бумажку, и не было бы нашествия на Россию⁶ и всего того, что совершилось? Не было бы того противного разуму и человеческой природе убийства и изувечения сотен тысяч невраждебных друг другу и невинных людей, не было бы бесцельного сожжения и уничтожения богатств человеческих и не было [бы] совершено того бесчисленного количества злодеяний, обманов, выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые в этот период времени люди не смотрели как на преступления.

[Далее от слов: Попятно, что современникам — Наполеону — казалось, что причиной войны... кончая: «Сердце царево в руце божьей»⁷ близко к печатному тексту. Т. III, ч. I, гл. I.]

Царь есть почти всегда раб истории. Ему кажется, что он живет для себя,⁸ но история почти всякой минутой его жизни пользуется для себя, как орудием для своих целей.

¹ *Зачеркнуто в копии:* [Совер]шилось страшное, противное и разуму, и человеческой природе убийство и изувечение сотен тысяч невраждебных друг к другу и невинных людей, сожжение и разграбление жилищ других сотен тысяч людей и такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, грабежей, выпуска фальшивых денег, убийств, которых в целые века не соберут летописи всех судов мира и на которые в этот период времени не смотрят как на преступление.

Ежели от воли Наполеона зависело не вступать в пределы России, а подождать разъяснения происшедшего недоразумения, и от воли Александра зависело удовлетворить требования Наполеона, то от воли того и другого зависело и обратное действие, то есть начало войны и всё то; что совершилось вследствие ее.

² *Зач.:* погибель 600 тысяч людей.

³ *Зач.:* события

⁴ [«Государь, брат мой, я помню Тильзит и Эрфурт, и я согласен на вознаграждение, которое вы мне предлагаете за герцогство Ольденбургское»,]

⁵ [«Государь, брат мой, я согласен отвести мои войска за Вислу»,]

⁶ *Зач.:* не было бы сожжения Смоленска и Москвы и погибели миллионов людей и вписано, кончая: убийства и изувечения

⁷ *Зач.:* особенно тогда, когда царь принимает участие в неразумном явлении.

⁸ *Зач.:* для своих целей

Новая глава

<²Отсутствие Алпатыча и слухи о приближающейся войне, доходившие до князя через Десалья, довели беспокойство старого князя до высшей степени.³ Но беспокойство его не было обращено на возможность опасности, напротив, он сердился, когда ему напоминали об этом. Он беспокоился о том, что не успеет нынешним летом окончить постройки нового корпуса, так как не запасешь извести, о том, как бы Алпатыч не напился пьян и не растерял задвижки,⁴ и о⁵ том, что не едет землемер для размежевания.

Все три ночи отсутствия Алпатыча он не спал и ходил по комнатам, зато днем он беспрестанно засыпал и не сидел, как прежде, один в кабинете, а приходил в⁶ диванную, где сидела княжна Марья, Десаль и Bourienne, засыпал под их говор и сердился на них, когда они замолкали.⁷

С М-ше Bourienne он не говорил совсем, но на княжну Марью сердился за каждое сказанное ею слово.

Десаль сказал княжне Марье, что, по его замечанию, князь очень нездоров и что необходимо послать за доктором, и под предлогом болезни маленького Николушки было послано за доктором.>

Алпатыч и доктор, которого княжна Марья по совету Десалья вытребовала для Николушки, приехали в один и тот же день из Смоленска и привезли одни и те же известия о том, что Смоленск сожжен и занят неприятелем, что войска отступают и что Лысые Горы через несколько дней могут быть заняты неприятелем.⁸

Казалось, вдруг всё уяснилось в голове князя и прежние силы возвратились ему. Он⁹ велел приготавливать экипажи для отправления нынче же вечером княжны Марьи и Николушки с гувернером в Богучарово, лежавшее дальше к Москве, с тем, ¹ *Начало варианта — автограф на полях зачеркнутой копии.*

² *Зачеркнуто:* <Когда> 7 числа рано утром вернулся Алпатыч

³ *Зач.:* Он не спал все эти три ночи и казался отягчен заботой. Самые мелочные, забываемые им, приказания были отдаваемы им то садовнику, М[ихаилу] И[вановичу], старосте, <приказа> Тихону, и приказа[ния]

⁴ *На полях:* Пишет сам письма и делает смотр. Злится — она боится.

⁵ *Зач.:* ревижских сказках

⁶ *Зач.:* дете[кую]

⁷ *Зач.:* Десаль присоветовал княжне Марье

⁸ *Зач.:* Князь, молча, всё с той же презрительной улыбкой принял эти известия и, сидя в кресле, заснул еще в то время, как Алпатыч, взволнованный всем тем, что он видел, не кончил докладывать ему.

<Проспав> Проснувшись перед обедом, князь, казалось, в первый раз понял всё, и <прочтя письмо> когда Алпатыч ушел, князь еще раз прочел письмо сына.

⁹ *Зач.:* сел, проснулся [?]

чтобы оттуда везти их на тамошних лошадях в Москву, велел во все деревни послать требование, чтобы с трех¹ тягол один мужик молодой на лошади явился в Лысые Горы, велел послать в уездный город с тем, чтобы городничий явился к нему, и нарядить двух посланных, одного² к главнокомандующему войсками, другого к ополченному главнокомандующему, и сел писать письма. Княжна Марья, узнав от Тихона о распоряжении, сделанном князем о их отъезде, и о том, что он сам остается в Лысых Горах, пошла к отцу с намерением просить его уехать с ними или позволить ей остаться с ним.

Подойдя к двери кабинета, она не решилась войти, слыша его озабоченное покашливание и неумолкаемый скрип пера. Он писал главнокомандующему, что, несмотря ни на что, он не уедет из Лысых Гор, хоть бы французы стояли у ворот дома, что защищать Лысые Горы весьма легко, ежели ему дадут только 10 батальонов пехоты и две роты артиллерии, что он сам возьмет командование над ними, и, присоединив к ним своих ополченцев и тех, которых он требует от ополченного главнокомандующего, он уверен, что ни на шаг не пустит вперед французов. Другие бумаги были приказы:³ бурмистрам о высылке людей, городничему о высылке оружия и ополченному начальнику о требовании немедленно явиться к нему.

Окончив составление этих бумаг, запечатав их и отдав для отправления, князь позвал Тихона и, приказав узнать, готово ли всё для отправки княжны Марьи и⁴ князя Николая, приказал позвать к себе свою дочь.

Княжна Марья, ждавшая у двери, вошла к нему.

Князь казался свежее и оживленнее, чем все эти дни. Он ходил по комнате, и губы его и большие брови, не переставая, двигались по его лицу.

— Готовы? — обратился он к ней, нахмурившись.

— Готовы, — отвечала княжна Марья,⁵ — но... я пришла... я умоляю вас...

Поедьте с нами... André... писал, что именно вам надо ехать... — говорила княжна Марья, опустив глаза и не видя той неприятной игры губ и бровей князя в то время, как она говорила.

— Это еще что! — крикнул он. — Готовы или нет?..

— Я не поеду, ежели вы не поедете с нами, я не могу оставить вас, — сказала княжна Марья.

Как ни боролся⁶ старый князь с тем прежним, привычным, мелочным чувством озлобления против княжны Марьи, как¹ *Исправлено из: двух*

² *Зачеркнуто.*: в Смоленск

³ *Зач.*: старостам

⁴ *Зач.*: Николушки.

⁵ *Зач.*: но вы как же?

⁶ *Зач.*: в этот

он ни старался оставаться в том состоянии ясности и деятельности, в которое привели его полученные известия, привычность отношений втянула его в прежнюю колею. Он разразился мелочной и ядовитой старческой бранью на княжну Марью и выгнал ее из комнаты.

Он ей сказал и то, что она мучает его, и то, что князь Андрей¹ нисколько не заботился о ней, что он сам заботится о ней еще меньше, что она поссорила его с сыном, что она может оставаться, где ей угодно, но что приказывает ей одно: не попадаться ему на глаза. Он сказал ей то, что он всегда говорил в этих случаях, что она никому не нужна, и что никто никогда не хотел жениться на ней, и что он ее не звал, а спросил только, готов ли князь Николай к отъезду.

Всё было готово к отъезду, внук и Десаль пришли проститься к деду, потом простились с княжной Марьей, которая, несмотря на просьбы Десала и доктора, не хотела уехать и, проводив племянника, ушла в свою комнату. Доктор остался ночевать эту ночь в Лысых Горах и тотчас же после отъезда молодого князя с Десалем, M-Ne Bourienne и² дворней, ушел спать.³

Княжна Марья вернулась к себе в комнату, посмотрела на образа и не могла молиться. Она чувствовала, что ее призывал теперь другой, трудный мир житейской деятельности, совершенно противоположный нравственному миру молитвы; она чувствовала, что, предаваясь последнему, она потеряла последние силы действовать. Она не могла и не стала молиться.⁴ Она сидела в своей комнате в опустевшем доме, прислушиваясь к шагам князя в нижнем этаже.

Княжна Марья не могла молиться, не могла плакать, не могла спать.⁵ Взяв на себя в первый раз в жизни такой решительный поступок, как неповиновение отцу, она чувствовала необходимость действовать, следить за своим отцом, а в ту минуту, которая, она чувствовала, быстро приближалась, быть готовой на помощь. Она на ципочках сошла вниз и,⁶ подойдя к двери цветочной, в которой ночевал ее отец, прислушалась к его голосу.

— Тишка,⁷ не спишь,⁸ — говорил старик измученным голосом, которому он хотел придать небрежные интонации.⁹

Тихон молчал.

¹ *Зачеркнуто*: ничего

² *Зач.*: няньками

³ *Далее копия рукой неизвестного.*

⁴ *Далее автограф на полях зачеркнутой копии.*

⁵ *Зач.*: Она не нуж[?]

⁶ *Зач.*: прислушалась

⁷ *Далее копия рукой неизвестного.*

⁸ *Зач. в копии*: сказал и *надписано*: говорил

⁹ *Зач. в копии*: Он сел в кресле под образ и *надписана след. фраза.*

— Так-то я¹ не спал раз в Крыму. Там² теплые ночи. Всё думалось. Императрица присылала за мной...³

Да, уж так не построят теперь. Ведь я начал строить, как приехал сюда. Тут ничего не было. Ты не помнишь, как сгорел⁴ флигель батюшкин? Нет, где тебе. Так не построят нынче: тят да ляп и корабль...⁵ Я отсюда обведу галерею, и там будет Николаше покои — спальню, где невестка⁶ живет. Что она уехала, что ль? Невестка уехала? Ха, ха, ха.

— Уехали-с, — отвечал спокойный голос Тихона.

Постель затрещала под ним, он, видно, ложился. Он громко и тяжело кашлянул и замолк.

— Бог мой, бог мой! — прокричал он вдруг и зарычал как будто, потом опять затрещала кровать и зашлепали туфли, и он подвинулся к двери, у которой стояла княжна Марья. Она побежала к себе.

Княжна Марья не спала до рассвета, всё прислушиваясь к тому, что происходило внизу. К утру она заснула, и в 10-м часу ее разбудил шум колес проезжавшего мимо окон экипажа.

Она с ужасом очнулась к действительности.

— Дуняша, кто это приехал?

— Князю коляску подают. Они, должно, к начальству едут, в мундире сейчас приходили. Уже и⁷ исправник здесь. И⁸ мужики ополченные на лугу собраны. Ружей привезли. Раздавать хотят.

Княжна Марья поспешно оделась.⁹

— Вон они сами идут, — проговорила Дуняша, проходившая мимо окна.

Княжна Марья подбежала к окну. Сверху ей видна была коротенькая фигурка отца в екатерининском мундире с орденами, двигавшаяся быстро по дорожке в сад. За ним шли несколько военных, Михаил Иванович, Алпатыч, исправник, доктор. Все они скрылись в аллее.

— Отсюда пожалуйста, княжна, — крикнула Дуняша из соседней угловой комнаты, из которой был виден луг, на котором были собраны мужики и к которым шел князь с своей свитой.

¹ След. два слова — автограф.

² Зачеркнуто: теперь и надписано: теплые

³ Зач. в копии: Я получил назначение... он оглянулся на стол.

⁴ След. два слова — автограф.

⁵ Зач.: Поживу я

⁶ Далее автограф вместо зачеркнутой копии.

⁷ Зач.: городничий

⁸ Зач.: княжна

⁹ Зач.: и вышла в детскую, окна которой выходили

Большая толпа мужиков без шапок стояла на лугу и двигалась навстречу князю.¹ Все они зашли за деревья, и княжне Марье не видно было их, только слышны были раскаты голоса князя, кричавшего что-то. Вдруг голос этот затих, слышались голоса многих, и Алпатыч, с испуганным лицом, выбежал из сада. Княжна Марья, испуганная сама не зная чем, накинув платок, побежала вниз. Тихон и два официанта, не отвечая ей, бежали туда же.

Ноги княжны Марьи отказывались двигаться, она вбежала в первую аллею сада и остановилась, прислонившись к первому дереву. Навстречу ей по аллее виднелась фигура ее отца с грудью, покрытой орденами и красным воротником. Его вели, почти несли под руки; ноги — одна нога его дергалась быстро вперед и назад, другая волоклась по земле, лицо его, как показалось княжне Марье, перекошенное набок, дергалось и прыгало, и он, не переставая, хрипя, бормотал что-то.

Доктор выбежал вперед и, увидав княжну Марью, взял ее за руку и увел в дом. С князем сделался удар.²

Его внесли в дом и положили в кабинете на диване. Ему пустили кровь, обложили льдом голову, но ничто не могло успокоить его тревоги. Он, не переставая, бормотал что-то перекосившимися губами, дергался, как будто искал, требовал чего-то и гневался. Княжна Марья несколько раз пыталась войти к нему, но доктор, знавший раздражительность князя, имевшую привычку обращаться против княжны Марьи, не советовал ей входить, боясь еще больше раздражить его. Во время обеда доктора княжна Марья воспользовалась его отсутствием и вошла в темный кабинет.

Сначала она ничего не видела и слышала только метание и хрипение, но потом она увидела Тихона на полу у дивана, и³ на диване ей обозначилось что-то. Она подошла ближе. Он лежал на спине с согнутыми ногами, покрытыми одеялом. Он весь был такой маленький, худенький, слабый. Она нагнулась над ним, лицо его прямо было уставлено на противоположную стену, левый⁴ скосившийся глаз, очевидно, не видел, губы не переставая, шевелились.⁵ Правый глаз увидел лицо княжны¹ *Зачеркнуто*: Князь из аллеи выходил к ним и, еще за несколько шагов не доходя до них, стал кричать что-то, махая руками и палкой, которая была у него в руках. Раскаты его голоса доносились до окна, у которого стояла княжна Марья.

² *Зач.*: в то время, как он, рассердившись за что-то, стал кричать

³ *Далее копия.*

⁴ *След. слово вписано рукой Толстого.*

⁵ *Зач.*: Но когда

Марья,¹ он² схватил ее за руку и³ заговорил что-то, чего не могла понять княжна Марья. Заметив, что она не понимает, сердито засопел. Княжна Марья кивала головой и говорила «да», но он всё фыркал сердито, и вошедший доктор отвел княжну Марью. «Так долго мы не понимали друг друга, — подумала княжна Марья, — и теперь тоже».⁴

На другой день княжна Марья повезла больного отца в Богучарово, надеясь доехать до Москвы. Но в Богучарове ему стало хуже, и они остановились.

* № 193 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. VIII—XIV).⁵

Новая глава

Княжна Марья не была в Москве вне опасности, как думал князь Андрей. Десаль с маленьким князем был отправлен тотчас из Богучарова в Москву к дяде, но княжна Марья,⁶ поднявшись из Лысых Гор на другой день после удара, могла довести старого князя только до Богучарова.

Уже около Богучарова стало слышно о подходивших французах — их войсках, о мародерстве. В соседней деревне Дмитрия Михайловича Телянина, как слышно было, стояла французская команда, а княжна Марья не могла выехать из Богучарова.⁷ Старый князь всё время был в беспомощности.⁸

Старый князь лежал,⁹ как изуродованный, беспокойный, мучающийся труп. Все так же продолжалась, не переставая, сердитая игра губ и бровей на его перекосившемся лице, и нельзя было знать, понимает ли он или нет то, что его окружало. Одно можно было знать наверное — это то, что он страдал и¹⁰ чувствовал потребность еще выразить что-то. Но что было это ¹ *Зачеркнуто*: всё лицо задергало

² *Зач.*: поднял правую руку

³ *Зач. в копии*: лицо его задергалось с правой стороны, *затем надписано и вновь зач.*: прижал эту руку к своему боку, к одному, к другому месту, как будто он искал и не находил того, что надо было сделать с этой рукой.

⁴ *Последний абзац — автограф.*

⁵ *Начало варианта — автограф на полях зачеркнутой копии.*

⁶ *Зач.*: оставалась с отцом в Богучарове, потому что старый князь был разбит параличом и не столько не мог, сколько не хотел ехать из Богучарова, куда привезли его, и которое он в полупомешательстве, в котором он находился, принимал за Лысые Горы.

После первого удара, сделавшегося с князем в аллее, после того, как его привезли в Богучарово, с ним случился второй удар, и он впал в беспомощность, из которого он выходил только редко. Он шев[елился]

⁷ *На полях*: Он был маленький с маленькими [?] глазами.

⁸ *Зач.*: и доктор, живший с ним, говорил, что теперь он не может прожить долго. Княжна Марья каждую ночь, каждый день ждала его смерти.

⁹ *Зач.*: почти

¹⁰ *Зач.*: хотел

что — никто не мог понять. Был ли это какой-нибудь каприз больного и полусумашедшего, относилось ли это до общего хода дел или относилось это до семейных отношений? Доктор говорил, что выражаемое им беспокойство ничего не значило, что оно имело физические причины, но княжна Марья думала и то, что ее присутствие всегда усиливало его беспокойство, подтверждало ее предположение, думала, что он что-то хотел сказать ей, за что-то сердился на нее. Сначала княжна Марья думала это, но под конец стала соглашаться с доктором. Он ничего не понимал, ничего не хотел. Он был — страдающий труп.¹ Он, очевидно, страдал² и физически и нравственно.³ Надежды исцеления не было. Везти его нельзя было. И что бы было, ежели бы он умер дорогой? Не лучше ли было бы конец, совсем конец... иногда думала княжна Марья. Она день и ночь, почти без сна, следила за ним, и, страшно сказать, она следила за ним не с надеждой найти признаки облегчения, но следила, часто *желая* найти признаки приближения к концу — к великому горю, но к успокоению.⁴

[Далее автограф, написанный на полях, от слов: Оставаться в Богучарове становилось более и более опасным, кончая: он нынче бормочет громче обыкновенного и чаще ворочается. Текст автографа близок к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. VIII.]

Какая-то была перемена в эту ночь, она чувствовала это и желала войти, но не смела, зная, как ее присутствие тревожит его.

«Поскорее бы конец», опять невольно подумала она, как всегда, ужаснулась этой мысли и заснула.⁵

Поутру был серый, теплый и тихий августовский день. Она вошла в его комнату. Он лежал по-новому, высоко на спине, с своими маленькими, костлявыми ручками на одеяле, уставленным прямо правым глазом и скосившимся левым глазом и с неподвижными бровями и губами. Лицо его в эту ночь измельчало чертами, казалось, ссохлось, или растаяло. Она подошла и поцеловала его руку, левая рука сжала ее так, что видно было: он давно уже ждал ее.

— Как вы, *mon père*?⁶ Как провел ночь? — спросила⁷ княжна у доктора.

Князь сам начал бормотать не так⁸ часто, как прежде, и ¹ *Далее исправленная копия.*

² *Зачеркнуто: ужасно*

³ *Зач.: Княжна страдала не меньше его.*

⁴ *Зач.: После 6-й бессонной ночи, проведенной в напряжении слуха в сухом ожидании и страхе у его двери (княжна Марья не плакала и удивлялась самой себе, что она не могла плакать)*

⁵ *Далее исправленная копия.*

⁶ *[батюшка?]*

⁷ *Далее автограф на зачеркнутой копии.*

⁸ *Зач.: скоро*

с большим усилием языка, так что княжна Марья почувствовала возможность понять его и стала прислушиваться к тому, что он говорит. Прислушиваясь к тому, что он говорил, она смотрела на него, и комический труд, с которым он ворочал язык, заставил княжну Марью отвернуться и с трудом подавить поднявшиеся в ее горле рыдания.

Княжна Марья поняла его. Он сказал:¹ — Душа болит... — Он взял ее руку и стал прижимать ее к различным частям своей груди, как будто отыскивая настоящее для нее место.²

— Отчего, mon père?³

— Всё мысли!⁴ об тебе... мысли...

Княжна Марья прижалась головой к его руке, стараясь подавить свои слезы.

Он рукой двигал по ее волосам.

— Я тебя ждал всю ночь, — выговорил он.

— А я слышала,⁵ как Тихон вставал к вам, — сказала она.⁶ — Я всё слышала, я боялась войти.

Он пожал ее руку.⁷

— Не спала ты?

Княжна Марья отрицательно покачала головой; невольно подчиняясь отцу, она теперь так же, как он говорил, старалась говорить больше знаками и как будто тоже с трудом ворочая язык.

— Нет, я всё слышала, — сказала она.

— Душенька, или — дружок, — княжна Марья не могла разобрать, но, да, как ни странно, это было, наверно по выражению его взгляда, было нежное, ласкающее слово.

— Зачем не пришла ко мне?⁸ Мне так тебя хотелось.

Княжна Марья теперь овладела собой и смотрела на него полными слез, нежности и счастья глазами.

— Тебе ехать надо, сейчас. Меня оставь.

— Я... я... я... не поеду без вас.

Он задумался.

¹ *Зачеркнуто:* Мне лучше

² *Далее исправленная копия. Зач.:* ...Ужасную ночь провел, — выговорил он.

³ *Зач.:* Что особенно вас мучило?

⁴ *Зач.:* Погибла Россия... от злодея. — Княжна Марья, боясь <этих мыслей>, что он опять озлобится при этом воспоминании, хотела навести его на другой предмет.

Вместо зач. вписан дальнейший текст, кончая: выговорил он.

⁵ *Зач.:* как вы ворочались,

⁶ *Зач.:* Но он нынче не озлобился, как прежде, при воспоминании о французах, напротив, он был кроток, и это поразило княжну Марью. — Теперь конец, — сказал он и, помолчав *Вместо зач. вписан дальнейший текст, кончая:* Он пожал ее руку.

⁷ *Далее копия с исправлениями.*

⁸ *Далее автограф на полях.*

— Без меня, — сказал он, — я не помешаю, — и он, задумавшись, помолчал. Опять взял ее руку и стал сжимать ее.

— Спасибо тебе, дочь, дружок, за всё, прости, спасибо, прости, спасибо, прости, спасибо.... нынче, нынче поезжай.... прочь из России, прочь.... погибла, погибла Россия, погубили Россию.... — Он¹ забормотал опять, попережнему задергал бровями и зарыдал.

[Далее от слов: Доктор взял под руку также рыдающую княжну и вывел ее из комнаты на террасу кончая: Она подошла к двери старого князя близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. VIII.]

Доктор вышел к ней на ципочках и погрозил ей пальцем. «Верно, заснул», подумала она и вернулась в столовую.² По дороге девушки и дворецкий останавливали ее вопросами о распоряжениях к отъезду.

Она опять вышла к предводителю.

Уже прошло более двух часов с тех пор, как она не видала отца и доктора; надо было переговорить о том, как переносить его в карету. Она поднялась, чтобы идти в кабинет, и в то же время доктор вышел к ней....

— Княжна, вы должны быть на всё готовы, — сказал доктор.³ Княжна побежала в ту комнату, где лежал⁴ ее отец. Она оттолкнула от двери Тихона, отворила дверь и⁵ подбежала к той кровати, на которой он лежал, окруженный женщинами. Няня была тут.

Он лежал на боку, рот его был раскрыт, и он не шевелился.

Княжна Марья подбежала⁶ к нему и дотронулась до него,⁷ но это не только не был он, но это что-то, окруженное женщинами, было что-то чуждое, страшное и враждебное. Она остановилась⁸ с раскрытыми, испуганными глазами. В ту же минуту доктор, не ступая более на ципочки, а всей [ступней]⁹, вошел за нею, подошел к окну и поднял стору.

Это были его черты. Она попробовала прижать к щекам его свои губы.¹⁰

«Нет, нет его больше. Его нет, а есть тут же, на том же месте, где был он, какая-то страшная, ужасающая тайна». И, закрыв¹ *Зачеркнуто*: зарыдал

² *Зач.*: где предводитель сидел

³ *Зач.*: но по лицу его княжна уже поняла всё. Она

⁴ *Зач.*: он

⁵ *Зач.*: вбежала в комнату

⁶ *Зач.*: ближе. Еще раз взглянула на него

⁷ *Зач.*: Еще раз взглянула на него

⁸ *Зач.*: в двух шагах от него

⁹ *В рукописи рукой переписчика ошибочно*: орной

¹⁰ *Зач.*: это несмотря на раскрытый рот и эти глаза и эту неподвижность, подумала княжна Марья.

лицо руками, она с криком упала на руки доктора, поддержавшего ее.

В присутствии доктора и Тихона женщины обмыли то, что был он, повязали платком голову, чтобы не заостенел открытый рот, и связали другим платком расходившиеся ноги, одели это в мундир с орденами и положили на стол. Бог знает, кто и зачем позаботился об этом, но всё сделалось как бы само собой. Через два часа кругом гроба¹ горели свечи, на гробу был покров, на полу был посыпан ельник, под голову была положена печатная молитва, и в углу сидел дьячок, читая Псалтырь.

Как лошади шарахаются, толпятся и фыркают над мертвой лошадьё, так в гостинной толпился народ, чужой и свой — предводитель, и староста, и бабы, и все с остановившимися глазами, испуганными глазами,² крестились и кланялись и целовали его руку.

Княжна Марья сидела с сухими глазами на сундуке в своей комнате, бывшей спальнею князя Андрея, и с ужасом думала³ о том, что она желала этого...

На другой день были похороны.⁴ Алпатыч вскоре после проезда князя Андрея через Лысые Горы, узнав о том, что князь и княжна еще не уезжали из Богучарова, которое, он слышал, находилось в опасности, собрав лысогорских господских лошадей для подъема богучаровских вещей, отправился сам в Богучарово.⁵

Он приехал в самый день похорон своего барина. Во время службы он держался прямо, нахмурясь, с своей рукой за пазухой, видимо желая соблюсти почтительно представительность, но изредка лицо его падало, как будто обрывались пружинки, поддерживающие его, и он, как женщина, трясясь головой, начинал рыдать и уходил из комнаты. И зажженный Смоленск, и разоренные Лысые Горы, занятые французскими драгунами, и минутный приезд князя Андрея, и теперь смерть *его* — всё последовало так скоро одно за другим и всё, после ровной, торжественной 30-летней жизни, так подействовало на Алпатыча, что иногда он чувствовал, как рассудок его начинал теряться. Одно, что поддерживало его силы, — это была княжна, на которую он не мог смотреть (он отворачивался от нее), но для которой он чувствовал себя необходимым в настоящих трудных обстоятельствах. Обстоятельства действительности представлялись трудными Алпатычу, но, в сущности, они были еще много труднее того, чем какими он представлял их себе.

¹ *Зачеркнуто*: были

² *Так в рукописи*.

³ *Зач.*: только

⁴ *Зач.*: на которых никого, кроме своих, не было.

⁵ *Зач.*: для получения личных приказаний от княжны.

[Далее от слов: Предводитель в день смерти князя, 15-го августа... кончая: —
Слушаю, — отвечал Дрон, — близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. IX.]

Новая глава

¹Вернувшись с кладбища, княжна Марья ушла в свою комнату (бывший кабинет князя Андрея) и с сухими глазами села на постель, глядя перед собою. В комнату к ней входила ее девушка, няня, доктор, Михаил Иванович, уговаривая ее поесть что-нибудь, она всех просила только оставить ее, и как только кто-нибудь входил к ней, она, как будто пряча от них свое сухое без слез лицо, ложилась на свою постель, поворачиваясь лицом к стене. И входившие слышали ее сердитый голос, говоривший о том, чтобы оставили ее. Но как только выходили из комнаты и она оставалась одна, она опять садилась на кровать, устремив глаза на пол, и сидела, думая и как будто стараясь разъяснить себе что-то, и как будто только в этом положении, в том самом, которое она случайно приняла, придя с кладбища, она могла разъяснить себе то, что ее занимало. Она думала только об одном: она чувствовала² ту благодарность и нежность к нему за его выраженную любовь, осветившую всю ее прошедшую жизнь, она представляла его себе то таким, каким он, сердито бормоча и волоча ногу, шел из аллеи, то с комическим трудом языка выговаривая ей ласкательные слова, она вспоминала далекое детское прошедшее, когда он над ней, больной, сидел³ над кроваткой и входил и выходил на ципочках, но думала она только одно: она думала о том, что она желала этого. «Ну вот, он умер, довольна ты? — говорила она себе, — теперь тебе удобнее будет ехать за Николушкой».⁴

К ней вошла девушка сказать, что Алпатыч пришел спросить приказания об отъезде. Княжна Марья сердито закричала на девушку, чтоб она ушла, и сказала, что она никуда и никогда не поедет.

Солнце зашло на другую сторону дома и весело осветила косыми вечерними лучами комнату, в которой сидела княжна Марья. Она подошла к окну, невольно любуясь лиловой тенью на липах. Толчаники играли под окном. «Да, теперь тебе удобно наслаждаться погодой и путешествием», сказала она себе и опять бросилась на постель, уткнув лицо в подушки. ¹ *На полях*: Ей мерещится, что он идет, ходит, говорит всё те же слова, а она думает, скоро ли умрет, чего она никогда не думала. *Далее автограф на полях.*

² *Зачеркнуто*: вспоминала и представляла себе бесчисленное количество чувств

³ *Зач.*: ночь

⁴ *Зач.*: Перед вечером

«Боже мой, ежели бы я только могла сказать кому-нибудь все свои мысли», подумала она.¹

Дверь ее комнаты со скрипом открылась, и осторожно вошла какая-то женщина. Княжна Марья не могла узнать, кто это. Она оглянулась: это была M-lle Bourienne, которую она менее всего желала бы видеть, M-lle Bourienne в черном платье и плерезах. Она тихо вошла к княжне Марье, со вздохом поцеловала ее и тотчас же заплакала. Княжна Марья оглянулась на нее. Все прежние столкновения с нею, ревность к ней вспомнились княжне Марье, вспомнилось и то, как он последнее время изменился к M-lle Bourienne, не мог ее видеть, как несправедливы были те упреки, которые княжна Марья в душе своей делала ему. «Теперь некого ревновать. Да она не могла не любить его, — думала княжна Марья, глядя на ее слезы. — Да и мне ли, мне ли, желавшей его смерти, осуждать кого-нибудь».

Княжна Марья обняла ее.² M-lle Bourienne сказала несколько слов о горе княжны, о воле божьей, потом она спросила о последних минутах. Княжна Марья хотела рассказать свое последнее свидание с ним, но не могла. Она зарыдала и опять отвернулась к стене. Лежа так, она слышала, что и француженка плакала и хотела скрыть свои слезы. Они довольно долго молчали.

— Ваше положение вдвойне ужасно, милая княжна, — сказала вдруг M-lle Bourienne, — я понимаю, что вы не могли и не можете думать о себе, но я моей любовью к вам обязана это сделать....

— Я слышала, что вы хотите ехать? — спросила она. Княжна Марья не отвечала. Она не понимала, куда и кто должен был ехать. Разве можно было что-нибудь предпринимать теперь? думать о чем-нибудь? Разве не всё было равно? Она не отвечала, и эта фальшивая нота в разговоре M-lle Bourienne поразила княжну Марью тем более, что и в голосе француженки в то время, как она спрашивала о том, что хочет ли княжна ехать, была фальшивая нота выражения. Княжна Марья с свойственной сильному горю раздражительностью оглянулась на M-lle Bourienne.

— Зачем вы у меня это спрашиваете? Что вам нужно? Вы хотите уехать? Скорее уезжайте....

— Нет, нет, нет, я не хочу этого, я ничего, ничего для себя, я только думаю о вас. Я не только не хочу ехать, но я слышала, что вы хотите ехать, и не советую вам этого. Вы... вы... вы знаете ли, что мы в опасности, что мы окружены, что ехать теперь опасно.

— Отчего, кому? — сказала княжна Марья.

— Опасно от мародеров, от войск и благоразумнее остаться и ждать.

¹ Далее копия, исправленная Толстым.

² Зачеркнуто: и они разговорились

— Ждать чего? — сухо сказала княжна Марья. — Вы забываете, что Николушка один, мы завтра едем.

— Но, я боюсь, это поздно. Я даже уверена, что это поздно,— сказала М-лле Bourienne, — вот. — И она достала из ридикюля и показала княжне Марье объявление на нерусской, необыкновенной бумаге французского генерала Рамо о том, чтобы жители не покидали своих домов, что им оказано будет должное покровительство французской власти.

— Я думаю, что слишком опасно рисковать теперь отъездом,— сказала М-лле Bourienne, — я думаю, лучше остаться, и тогда мы обратимся к этому генералу, и я уверена, что вам будет оказано должное уважение.

Княжна Марья остановила свои глаза на М-лле Bourienne. Молчание продолжалось около минуты.

Княжна Марья начала говорить что-то и вдруг остановилась.

— Нет, уйдите, ах, уйдите ради бога!

— Княжна, я для вас говорю, верьте.

— Дуняша! — закричала княжна горничной. Няня и¹ Наталья вбежали в комнату.²

— Княжна, я не знаю, чем я могла огорчить вас. Я получила эту бумагу и хотела переговорить с вами, — говорила М-лле Bourienne.

— Дуняша, она не хочет уйти, она уговаривает меня остаться с французами. Дуняша, позовите ко мне Алпатыча, кого-нибудь, ехать, ехать скорее, — уйдите, — говорила княжна Марья, ужасаясь мысли о том, что она могла остаться во власти французов, быть разлученной с Николушкой и больше всего мысли о том, как подействует на князя Андрея известие о том, что она осталась у французов.

[Далее от слов: Требования жизни, которые она считала уничтоженными кончая: Она замолчала и, опустив голову, вышла из круга и ушла в свою комнату *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. X—XI.]

³Долго эту ночь княжна Марья сидела в своей комнате,⁴ прислушиваясь к звукам⁵ говора мужиков, доносившегося с деревни. Ночь была лунная, тихая и свежая. В 12-м часу голоса стали затихать, пропели петухи, и над деревней и над домом воцарилась тишина. Дуняша спала уже на войлоке в комнате княжны Марьи, но княжна не могла заснуть.

¹ *Зачеркнуто*: еще другая

² *На полях*: Мне всё равно. М[ихаил] И[ванович] говорит, что бы он сказал, что бы сказал князь Андрей.

³ *Далее автограф на полях*.

⁴ *Зач.*: с ужасом

⁵ *Зач.*: Ей всё казалось, что *он* идет, шлепая туфлями. О мужиках она не помнила и не думала.

Сначала она думала о мужиках, о странном говоре их и непонимании, думала о неприятеле, о ужасе покорения России французами. «Всё к лучшему, он бы не мог пережить этого». Потом, когда всё затихло и петухи запели на деревне, на княжну нашел страх. Сначала страх мужиков, страх французов, потом беспричинный страх чего-то таинственного и неизвестного. Ей всё казалось, что она слышит его кряхтенье и бормотанье. Ей захотелось войти в его комнату, и ужас охватывал ее при мысли о том, что она найдет его там, живого или мертвого. Ей казалось, что она слышала его шаги за стеной, и только равномерный свист спящей Дуняши мешал ей слышать ясно. Во 2-м часу ночи за дверью послышались шаги, и невысокая бледная фигура показалась в дверях. Это был Алпатыч. Он вернулся в ночь и пришел доложить княжне о настоятельной необходимости завтрашнего отъезда.

На другой день утром княжна собралась ехать, и велено было закладывать.¹

Еще лошади не подъехали к крыльцу, как толпа мужиков приблизилась к господскому дому и остановилась на выгоне. Яков Алпатыч, расстроенный и бледный, в дорожном одеянии — панталоны в сапоги — вошел к княжне Марье и с осторожностью доложил, что так как по дороге могут встретиться неприятели, то не угодно ли княжне написать записку к русскому воинскому начальнику в Яньково (за 15 верст) затем, чтобы приехал конвой.

— Зная звание вашего сиятельства, не могут отказать.

— Ах, нет, зачем? — сказала княжна Марья. — Поедем поскорее, ежели уж нужно, — с жаром и поспешностью заговорила она, — вели подавать и поедем.

Яков Алпатыч сказал — слушаю-с и не уходил.

— Для чего они тут стоят? — сказала княжна Марья Алпатычу, указывая на толпу. Алпатыч замялся.

— Не могу знать. Вероятно, проститься желают, — сказал он.

— Ты бы сказал им, чтобы они шли.

— Слушаю-с.

— И тогда вели подавать.

Алпатыч вышел, и княжна Марья видела, как он подошел к мужикам и что-то стал говорить с ними. Поднялись крики, маханья руками. Алпатыч отошел от них, но не вернулся к княжне. Михаил Иваныч, архитектор, вошел к княжне и задыхающимся голосом передал ей, что в народе бунт,² что мужики собрались с тем, чтобы не выпускать ее из деревни, что они грозятся, что отпрягут лошадей, но что ничего худого

¹ *Зачеркнуто*: но подвод не было. *Далее копия с поправками Толстого.*

² *Зач.*: Дуняша рассказала своей барыне

не сделают барыне, и повиноваться ей будут и на барщину ходить, только бы она не уезжала.

Княжна Марья сидела в дорожном платье в зале в оцепенении. Она ничего не понимала из того, что делалось с нею. «Вот оно и наказание!» думала она.

— Французы, французы, нет, не французы.... они! — послышался шопот у соседнего окна.

Княжна Марья подошла к окну и увидела, что к толпе мужиков подъехали три кавалериста и остановились.

Княжна Марья послала за Алпатычем, чтобы узнать, кто такие были кавалеристы, но он сам в это время входил в комнату.

— Всевышний перст! — сказал он торжественно, поднимая руку и палец. — Офицеры русской армии.

Действительно, кавалеристы были Ростов и Ильин и только что вернувшийся Лаврушка. Въехав в Богучарово, находившееся последние три дня между двумя огнями неприятельских армий, так что так же легко мог зайти туда русский арьергард, как и французский авангард.

Ростов был в самом веселом расположении духа. Дорогой они расспрашивали Лаврушку о Наполеоне, заставляли его петь будто бы французскую песню и смеялись мысли о том, как они повеселятся в богатом помещичьем доме Богучарова, где должна быть большая дворня и хорошенькие девушки. Ростов и не знал, и не думал, что это имение того самого Болконского, который был женихом его сестры.

[Далее от слов: Они подъехали к бочке на выгоне и остановились ; кончая: в первый раз позволив себе поцеловать ее руку— близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIII—XIV.]

* № 194 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XIX).¹

(24 числа августа был прекрасный полдень. Наполеон выехал² от Колоцкого монастыря и поехал к.....,³ откуда с высоты открылось ему Бородинское поле. На 1½ версты впереди позиции русских находился редут подле деревни Шевардиной. И, несмотря на то, что уж был 4-й час вечера, Наполеон велел атаковать этот редут, и произошло сражение 24-го числа, в котором убито тысяч 10 человек с той и другой стороны и французы заняли редут при Шевардино, а русские отступили на 1½ версты на свою позицию.

В историях кампании 12 года рассказывается, что со стороны русских Шевардинский редут был построен и занят войсками для того, чтобы из этого передового поста русской армии были ¹ Автограф на полях.

² Зачеркнуто: на Бородинское

³ Многоточие в рукописи.

бы видны действия французской армии, и что со стороны французов он был атакован для того, чтобы занять позицию против нашего левого фланга на правом берегу Колочи.

Но остается непонятным, для чего Шевардинский редут, не входивший в линию-позицию при Бородине, был защищаем так, что 24-го при этом убито около 10-ти тысяч человек и цель его со стороны русских все-таки не была достигнута, так как целый следующий день 25 августа, тот самый, в который делаются были приготовления в французской армии, мы не имели передового поста для того, чтобы наблюдать за этими движениями. Со стороны французов тоже непонятно, для чего с таким упорством добивались вооруженной силой занятия этого пункта, с которого русские не могли не отступить.)

* № 195 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XX).¹

<Пьер поехал дальше. Спускаясь с крутой Можайской горы мимо собора, Пьер² встретил обоз с ранеными, с криком возчиков³ с трудом поднимавшийся на гору. Казачий полк шел под гору. Пьер слез и пошел пешком. Он устал от вида.⁴ «Боже, зачем я приехал сюда?» думал он. «Я не должен был, да и не могу переносить этих ужасов. Отдохну и поеду назад», думал Пьер. Но как было сказать своим людям? Et que diable allait il faire dans cette galère?⁵

Спустившись с горы, он было сел в дрожки, чтобы ехать дальше, когда⁶ его окликнули от ворот одного двора. Это был его кучер и берейтор с лошадьми и клажей, стоявшие тут. Пьер зашел в избу, напился чаю, переделся и поехал дальше. Приказал берейтору вести лошадей за собой.

К рассвету Пьер подъезжал к Можайску. Можайск весь был полон военными.⁷

⁸Здесь Пьер собрал слухи про то, что делалось в армии.

Вчера было сражение, при котором французы были разбиты, говорил один, а другой говорил наоборот. «Светлейший стоит в Татаринове⁹ в середине армии и на завтра ждут сражения», — говорил один, а другой говорил, что велено отступать.

¹ Автограф на полях.

² Зачеркнуто: наехал опять

³ В рукописи: возчиками

⁴ Зач.: Рядом с ним казачий офицер вел свою лошадь и с любопытством расспрашивал.

Пьер расспрашивал его [о] вчерашнем сражении, но ничего не мог узнать определенного.

⁵ [И кой чорт его понес туда?]

⁶ Зач.: берейтор окликнул

⁷ Зач.: И вдруг ему стало

⁸ Зач.: Берейтор, узнававший про то, что делалось в армии, подробно рассказал собранные им слухи.

⁹ Зач.: несколько позади

Напившись чая и освежившись, Пьер¹ поехал дальше.

Утро было яркое, с блестящим солнцем. «Скорее, скорее! — подумал Пьер. — Как могла мне приходить мысль вернуться назад». Пьер велел вести лошадей за собой, сел в дрожки и поехал дальше.

²Пьер про всё много читал, но в особенности про войну, и имел не только определенное понятие о стратегии и тактике, но считал себя даже знатоком в этом деле,³ и ему казалось, что стратегические вопросы занимают его.

Проехав две разоренные деревни и узнав, что неприятель не далее, как в двух [?] верстах, Пьер⁴ стал подниматься в дрожках и внимательно оглядываться.

Пьер⁵ всё боялся, что он пропустит⁶ место, где начинается позиция.⁷

До сих пор он видел⁸ всё одно и то же: войска, войска, солдаты в мундирах, в рубашках, пушки, ружья, лошади, офицеры и дорога, и разоренные деревни, но позиция всё не начиналась.

Пьер начинал бояться, что он пропустит что-нибудь интересное и позицию, и желал встретить кого-нибудь знакомого, чтобы разговориться.>

* № 196 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XX).⁹

Но, кроме того, при виде всех этих лиц, толпившихся по дороге с разнообразно личными выражениями физиономий и однообразным, общим всем выражением серьезности, к прежнему чувству примешивалось в душе Пьера страстное любопытство узнать, понять что-то и не пропустить какой-нибудь подробности, которая могла ему разъяснить занимавший его вопрос.

В чем состоял этот вопрос, Пьер не знал хорошенько. Он знал только, что этот вопрос относился к войне, которую он ¹ *Зачеркнуто*: вышел на крыльцо. Какой-то конный полк с песенниками, распевавшими русскую плясовую песню, прошел по улице.

² *На полях*: <Кто кого взял в плен? Одно время было хорошо на курганной батарее.>

Пьер заметил, что немцы все видели потерю сражения.

³ *Зач.*: ему мечталось, как мечтается дорогой, что он сделает что-нибудь необыкновенное в этом сражении.

⁴ *Зач.*: вылез из дрожек с тем, чтобы сесть верхом и ехать осматривать позицию.

⁵ *Зач.*: на всё смотрел внимательно и

⁶ *Зач.*: что-нибудь интересное и не узнает того

⁷ *Зач.*: Он ждал, что позиция будет чем-нибудь особенным ознаменована.

⁸ *Зач.*: только

⁹ *Автограф на полях, продолженный на листе.*

не понимал. Был ли это вопрос о том, что дает успех в военном деле, или о том, выгодно ли наше стратегическое положение, или о том, много ли и каковы наши войска, или о том, как настроены эти войска, или в чем состоят распоряжения главнокомандующего? Он не знал, но знал, что что-то в этой области военных вопросов страстно интересует его, и приглядывался, прислушивался ко всему, стараясь не пропустить ни одной подробности.¹

[Далее от слов: Выезжая из Можайска, на спуске с огромной крутой и кривой горы кончая: Другой, молодой мальчик, рекрут без бороды и усов, белокурый и белый, как бы совершенно без крови в тонком лице, с остановившейся доброй улыбкой смотрел на Пьера и держал в руке кусок хлеба близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XX.]

3-й лежал ничком, лица его не видно было, и слышны были не стоны, а звуки туженья, как будто он напряживался что-то сделать. Одна рука его висела на колесе, проскочив в расшатавшийся лубок телеги. Солдат, который с раненой рукой остановился за телегой, не дождавшись ответа от Пьера, взял эту висячую руку и заложил ее опять в телегу. Лежавший ничком солдат не пошевелился и не изменил равномерно издаваемых им звуков туженья, которые слышны были Пьеру, потому что он стоял над ним.

Кавалеристы песенники проходили над самой телегой.

— Ах, запропала да ежова голова.

Да на чужой стороне живучи, —

выделявали они разгульную и неприличную плясовую песню.

Ехавший ближе всех песенник, красный, здоровый солдат, оглянулся на Пьера и на телегу, над которой он стоял, подмигивал ему и в такт песни пожимал плечом.

Солдат с распухшей щекой прошамкал что-то своим кривым ртом, глядя на кавалериста.

— Заиграете, дай срок... — или что-то в этом роде, как послышалось Пьеру.

— Нынче не то, что солдат, а и мужички, видял? Мужичков и тех под француза гонят, — сказал со вздохом солдат, стоявший за телегой. — Уж когда тут. Под Москву подошел.

Дорога расчистилась, и Пьер сошел под гору.

Теперь, когда он ехал дальше и, испытывая то страстное любопытство, которое волновало его, он вспоминал эту телегу с ранеными, песенников и кавалеристов, весело шедших туда, откуда везли раненых, и вспоминал эту тень от откоса по изрытой горе, тужение лежавшего и веселый утренний свет² на¹ *Зачеркнуто*: Отъехав версты 4 за Можайск. В то время, как Пьер только что стал

² *Зач.*: в воздухе

другом откосе и перебор, перезвоны в соборе, ему смутно представлялось, что вопрос, занимавший его,¹ очевиднее представлялся ему там, на горе. Но в чем состоит этот вопрос? — говорил он себе, и, так как прежде читал военные книги, ему опять казалось, что более всего его интересуют вопросы стратегические, и потому он торопился поскорее и поскорее приехать вперед на передовую линию и осмотреть позицию, позицию, которую он воображал себе почти с такою же определенностью и ясностью, какие он видал на плане сражений. Он останавливался несколько раз, всходил на высоты, разговаривал с офицерами, но всё не мог себе составить ясного понятия о том, что будет, и торопился ехать вперед к главному штабу, который, как ему сказали, находился в деревне Татариновой и где он надеялся найти знакомых, которые ему объяснят дело. Офицеры же, с которыми он говорил, казалось, вовсе и не знали и не думали о том, что завтра будет сражение и что избрана какая-нибудь позиция. Один уланский майор сказал Пьеру, что даже, вероятно, вовсе не будет сражения и мы опять отступим.

— А как же укрепляют позицию? — сказал Пьер.

— Это мы от Смоленска всё копаем, — сказал майор. — Покопают, да и уйдут.

Пьер ехал дальше, оглядываясь по² обе стороны дороги, отыскивая новые лица.

* № 197 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXI—XXII).

³Pierre⁴ снял шляпу⁵ и стоял,⁶ слушая пенье и глядя на лица, которые окружали икону. Много было разнообразных лиц и в кружке генералов, стоявших на первом очищенном месте позади священников и дьякона. Были тут: один плешивый, прямо держащийся генерал, очевидно немец, потому что он не крестился, и маленький, добродушный Дохтуров, которого знал Пьер и который старательно крестился и кланялся, и фронт генерал, стоявший в воинственной позе и потряхивавший рукой перед грудью. На лицах генералов выражалось приличие, но на лицах солдат, ополченцев и большинства офицеров, большим кругом стоявших вокруг иконы, выражалось серьезное умиление. Как будто то чувство серьезности ожидания на завтра смерти, рассеиваемое случайностями дня, вдруг,¹ *Зачеркнуто*: преимущественно

² *Окончание фразы печатается по копии. Далее зач. вписанное*: Однако, пока он сомневался, лошади везли его дальше к Татариновой, где стоял главнокомандующий.

³ *Начало фразы печатается по копии.*

⁴ *Зач. в копии*: слез с лошади и

⁵ *Зач.*: но

⁶ *Далее автограф на полях, продолженный на отдельном листе.*

найдя себе выражение, сосредоточилось. Все глаза были неподвижно устремлены на черный лик, губы были сложены в строгое выражение, и, как только уставшие дьячки (певшие 20-й¹ молебен) и одни вместо умиления высказывавшие развязную усталость, начинали петь: «Спаси от бед рабы твоя, богородице» и священник и дьякон подхватывали: «Яко² все по бозе к тебе прибегаем,³ скорой помощнице и молитвеннице о душах наших», на всех лицах разнообразных проявлялась одна мольба о спасении от своей беды и общей беды, которую все понимали одинаково, и с одной надеждой на⁴ скорую помощницу.

Слышно было только пение духовенства и звуки вздохов и ударов крестов по груди. Опять для Пьера вопрос, занимавший его, из стратегии перенесся [в дру]гую, неясную, но более значительную область. Он не успел еще себе дать отчета в своих мыслях, как⁵ по той же дороге из-под горы, от Бородина, послышались звуки экипажа и топота лошадей, и толпа, окружавшая икону, раскрылась. Это был Кутузов, который, объезжая позицию и возвращаясь к Татариновой, подошел к молебну, чтобы еще раз приложиться к иконе. Пьер тотчас же узнал Кутузова не по тому, что так поспешно солдаты и офицеры и генералы давали ему дорогу, не потому, что в рядах заговорили: «Светлейший, Светлейший», но по той особенной, отличавшейся от всех, фигуре, которая вошла в круг. В длинном сюртуке на огромном, толстом теле, с сутуловатой спиной, с открытой белой головой и с вытекшим белым глазом Кутузов вошел своей ныряющей, раскачивающейся походкой в круг и сморщенной рукой стал креститься. Когда читали Евангелие, он низко нагнул голову и потом, с детски наивным выпячением губ, поцеловал Евангелие. За Кутузовым был Бенигсен и свита. Пьер оглянулся на солдат и ополченцев. Ни один из них не смотрел на главнокомандующего, все продолжали молиться. Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и поцеловал икону.

Генералитет последовал его примеру, и, дав друг друга, полезли солдаты и ополченцы.

Пьер вышел из давки, глазами отыскивая свои дрожки.

— Граф Петр Кириллович; вы как здесь? — сказал ему чей-то голос. Пьер оглянулся. Борис Друбецкой, обчищая рукой коленки, которые он запачкал (вероятно, тоже прикладываясь к иконе), улыбаясь, подходил к Пьеру. Борис был одет элегантно,⁶ с оттенком походной воинственности: на нем были ¹ *Исправлено из:* пропевшие более 20-ти

² *Зачеркнуто:* мы всеусердно

³ *Зач.*: яко к нерушимой стене и к заступнице

⁴ *Зач.*: общую

⁵ *Зач.*: позади рядов

⁶ *Зач.*: в элегантный, новый мундирный сюртук с белой ф[уражкой]

большие сапоги и плеть через плечо так же, как у Кутузова. Пьер рад был знакомому человеку и отошел с ним к деревне, расспрашивая его.¹

Кутузов между тем подошел к кургану, на который влезал Пьер, и сел в тени кургана на лавку, которую бегом принес казак. Огромная, блестящая свита окружала. Икона тронулась дальше, сопровождаемая² огромной толпой. Пьер шагах в 30 остановился, разговаривая с Борисом. Несколько знакомых, увидав Пьера, подошли к нему и окружили его, расспрашивая о Москве³ и рассказывая ему.

Пьер объяснил свое намерение участвовать завтра в сражении и осмотреть позицию.

— Вот как сделайте, — сказал Борис. — Je vous ferai les honneurs du camp.⁴ Лучше всего вы увидите всё оттуда, где будет граф Бенигсен. Я ему доложу. А ежели хотите объехать позицию, то поедemте с нами, мы сейчас едем на левый фланг. А потом вернемся, и милости прошу у меня ночевать и партию составим, вон мой дом, — он указал 3-й дом в Горках.

— Но мне бы хотелось видеть правый фланг, говорят, он очень силен, — сказал Пьер. — Я бы хотел проехать от Москвы-реки и всю позицию.

— Да, да, — сказал Борис, — ну, это после можете, я вам лошадь дам.

— А где князя Андрея найти? — сказал Пьер.

— Все на левом фланге, я вас проведу к нему.

—⁵ Что же позиция наша? — сказал Пьер.⁶

— Позиция наша хороша, — сказал он, — но не та, которую предлагал граф (Бенигсен), и ежели что делается, то им.⁷ Он очень стар.... Поставили там Тучкова....

В это время подошел Кайсаров, адъютант Кутузова.

— Я стараюсь объяснить графу позиции, — сказал Борис, краснея. — Удивительно, как Светлейший мог так верно угадать замыслы французов. Левый фланг очень силен, вот граф Бенигсен не верит, но он сам убедится.⁸

¹ *Зачеркнуто:* <Ку> Икона т[ронулась]

² *Зач.:* всем народом

³ *Зач.:* Кутузов несколько раз оглянулся на толстую фигуру Пьера и спросил, кто он такой. Пьер не успевал рассказывать и выслушивать рассказы. Все казались очень оживлены и рассказывали, перебивая один другого, о храбрости наших войск во вчерашнем дне и об отличном духе, в котором находились войска. Когда Пьер изъявил желание объехать позицию, начиная с правого фланга

⁴ Я вас буду угощать лагерем.

⁵ *Зач.:* Отчего

⁶ *Зач.:* Ближе всех Пьер знал Бориса и обратился к нему с просьбой уяснить ему позицию. Борис, кроме того, находился в таком волнении, которое понравилось Пьеру.

⁷ *Зач.:* Это верно

⁸ *Зач.:* и Борис поспешно отошел к Бенигсену. <Бенигсен> Кайсаров презрительно улыбнулся и в

Несмотря на то, что Кутузов выгонял всех лишних из штаба, Борис¹ после перемен,² произведенных Кутузовым в штабе, сумел удержаться при главной квартире, хотя и не при Кутузове, который не любил его. Борис пристроился к графу Бенигсену. Граф Бенигсен, как и все люди, при которых находился Борис, считал молодого князя Друбецкого неоцененным человеком.

В начальствовании армии было две резко определенные партии — партия Кутузова³ и партия Бенигсена, начальника штаба. Борис находился при этой последней партии, и никто так, как он, не умел, воздавая раболепное уважение Кутузову, давать чувствовать, что старик плох и что всё дело ведется Бенигсеном. Теперь наступила решительная минута сражения, которая должна была или уничтожить Кутузова и передать власть Бенигсену, или, даже ежели бы Кутузов и выиграл сражение, дать почувствовать, что всё сделано Бенигсеном. Во всяком случае завтрашний день должны были быть розданы большие награды и выдвинуты вперед новые люди. Борис находился в раздраженном оживлении весь этот день. Он⁴ объездил один — два раза позицию, не с целью понять ее значение и придумать наилучшее, но с целью найти ошибку такую, которую поправил бы его принципал по его совету, и такую ошибку, ему показалось, что он нашел на левом фланге,⁵ куда по его⁶ вызову и собирался ехать Бенигсен.⁷

За Кайсаровым к Пьеру подошли еще другие из его знакомых, и он не успевал отвечать на расспросы о Москве, которыми засыпали его, и не успевал выслушивать рассказов, которые ему делали. Все казались очень веселы и оживлены и весьма довольны, особенно геройским духом, который, по их словам, одушевлял войска.

Кутузов заметил и фигуру Пьера и группу, собравшуюся около него.

* № 198 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXIII).

Потом под гору и на гору они проехали вперед через поломанную, выбитую, как градом, рожь, по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флешу, тоже тогда еще копаемые и памятные Риег'у только потому, что здесь он⁸ позавтракал⁹ по предложению Бориса у полковника, предложившего¹ *Зачеркнуто*: остался

² *Зач.*: происшедших

³ *Зач.*: Толя, Ермолова

⁴ *Зач.*: подбил Бенигсена

⁵ *Зач.*: и подбил своего генерала ехать туда

⁶ *Зач.*: совету

⁷ *Зач.*: Пьера

⁸ *Зач.*: слезал с лошади во рву

⁹ *След. три слова — автограф.*

им¹ ветчины и огурцов. Бенигсен остановился на флешах и стал смотреть на неприятеля напротив в бывшем нашем еще вчера Шевардинском редуте. Он был версты за полторы, и офицеры уверяли, что там Наполеон или Мюрат. Действительно, там было несколько конных.

Когда Pierre подошел опять к Бенигсену, он говорил что-то, критикуя расположение этого места, говоря, что необходимо надо было² стянуть все силы у Горок.

Пьер слушал, дожевывая³ ветчину, и внутренне упрекал себя за то, что всё то, что он видел, не возбуждало в нем интереса.

— Вам, я думаю, неинтересно? — вдруг обратился к нему Бенигсен.

— Ах, напротив, очень интересно, — повторил Pierre фразу, повторенную им раз 20⁴ в этот день и всякий раз не совсем правдиво. Он не мог понять, почему флешам⁵ нехорошо было быть⁶ тут, точно такое же место было сзади и спереди. Ежели⁷ сзади их был овраг и невыгодно отступать за овраг, то так же невыгодно французам наступать в овраг и отступать за овраг, ежели мы их атакуем.

— Да, это очень интересно всё, — говорил он.⁸

И действительно, он помнил, что ему страстно интересно было что-то, когда он ехал через Можайск, но казалось теперь уж, что интересно ему было не то, что он видел теперь. Интерес этот более относился к тому случайному слову доктора о подводах для будущих раненых, к виду поезда раненых, тащившихся на гору, и к виду бледно-желтых лиц, молившихся,⁹ встречая Смоленскую.

С флеша они через лес приехали на поляну на левый фланг, и тут Бенигсен еще более спутал понятия Pierre'a своим недовольством помещения левого фланга и корпуса Тучкова, долженствовавшего защищать левый фланг.

Вся позиция Бородина представлялась Pierre'у следующим образом: передовая линия, несколько выгнутая вперед, простиралась на три версты от Горок до позиции Тучкова.¹⁰

¹ *Зачеркнуто: битков и рукой Толстого надписаны след. три слова.*

² *Зач.: подтянуться вперед. Pierre внимательно и вписано окончание фразы.*

³ *Зач.: битки, не замечая и думая Вместо зач. вписано окончание фразы.*

⁴ *Исправлено из: 200*

⁵ *Зач.: надо и надписано: нехорошо*

⁶ *Зач.: впереди. Далее вписано рукой Толстого над зач. четырьмя строками копии до конца абзаца.*

⁷ *Зач.: <спереди их, где> над ним гора была выше*

⁸ *След. абзац — автограф на полях.*

⁹ *Зач.: следующих*

¹⁰ *Зач.: почти по середине линии, ближе к левому флангу, была река Колоча с крутыми берегами, разрезающая всю нашу позицию надвое.*

Выступающими пунктами справа налево были: 1) Бородино, 2) редут Раевского, 3) флеша, 4) оконечность левого фланга, леса, березняк в оглоблю, в котором стоял Тучков. Правый фланг был сильно защищен рекою Колочею, левый фланг был слабо защищен лесом, за которым была старая дорога, корпус Тучкова стоял почти под горой. Бенигсен нашел, что корпус этот стоит нехорошо (он не знал, что корпус этот поставлен нарочно в скрытом месте для засады),¹ и приказал подвинуться ему вперед на версту расстояния.² Pierre'у и всё это было еще более интересно,³ как он говорил.

Из Утицы Пьер распростился с Бенигсеном и его свитой и, по указанию Бориса, поехал назад отыскивать князя Андрея.⁴

Проезжая мимо⁵ одной дружины, которая приготавливалась ужинать и, стоя перед котлами, сняв шапки, молилась на восток, Пьер остановился.

Эти обросшие, бородатые лица с строгими выражениями на лицах поразили его.

Ополченский офицер,⁶ красивый, уса́тый старик, подошел к мужикам и стал говорить им.

— Ребята, — сказал⁷ он. — Теперь поужинайте и тихо, смирно, чтобы ни ругаться, ни шуметь, ни песен не играть. Не такое время, ребята — чистое дело марш — надо теперь бога помнить, чтобы он нас подкрепил на завтрашний день. Мы хоть не солдаты, да сердце в нас русское — чистое дело марш — себя не осраим.

И, окончив эту речь, офицер подошел к Пьеру, стоявшему подле своих дрожек на дороге.

¹ *Заключенное в скобки — автограф.*

² *Зачеркнуто:* Почему лучше было стоять впереди без подкреплений, почему не подвинуты были другие войска, ежели левый фланг слаб, почему Бенигсен сказал <полковнику, который с ним был> Борису, что об этом распоряжении его не нужно докладывать Кутузову <и почему сам не сказал>. Когда потом Pierre слышал, как он встретил Кутузова, прямо сказал, что он нашел всё в исправности и не нашел нужным ничего изменять, — это не мог понять

³ *Далее вписаны след. три слова и зач. вписанное:* и непонятно, как он думал.

Далее на полях зачеркнутый конспект: <Пьер прямо к князю Андрею, строят <офицер> (из Бородино) взгляд солдат, равнодушные. Интерес.> *Дальнейший текст до конца варианта вписан рукой Толстого на полях вместо зач. текста копии.*

⁴ *Зач.:* Вид войск, которые проезжал Пьер, был очень серьезен и сосредоточен. Не было слышно ни криков, ни ругательств, ни песен.

Но особенно ополченцы занимали Пьера. На их лицах он в особенности отыскивал разрешение того вопроса, который занимал его.

⁵ *Зач.:* одного полка, стоявшего за Семеновским, Пьер остановился против одной роты [*1 неразобр.*], чтобы [?] спросить дорогу, где стоял полк Болконского.

⁶ *Зач.:* стоя перед мужиками, читал «Отче наш». Когда он кончил, он обратился к мужикам.

⁷ *Зач.:* ополченец

Пьер спросил, где стоит Болконский. Офицер ответил ему.

— Доложу я вам, такой народ — чистое дело марш — что хочешь из него сделай. Важный народ, — сказал офицер, указывая на своих ополченцев, — и молодцы. Вы какой губернии? Рязанской? — он назвал свою фамилию. Это был дядюшка.

— Не думал служить — чистое дело марш — да уж как узлом к... так что ж делать-то — чистое дело марш¹ — итак бы где на охоте убили, как в прошлом году, а то хоть на пользу отечества — чистое дело марш. Мое почтение, мое почтение.

* № 199 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXVI—XXIX).

Как он и ожидал, в то время, как он завтракал с господином Боссе, удостоившимся этой чести, перед палаткой слышались восторженные клики «Vive l'Empereur»² бесновавшейся гвардии при счастье видеть портрет римского короля, до которого никому не было никакого дела.

Выпив свою бутылку Chambertin³ и оживившись, Наполеон встал и велел подать лошадь для объезда позиции. Он пригласил⁴ к своей прогулке Fabvier'a и Beausset,⁵ любившего путешествовать.

— Votre majesté a trop de bonté,⁶ — сказал Beausset, который хотел спать и который не умел и боялся ездить верхом.⁷

Когда Наполеон вышел из палатки, крики гвардейцев перед портретом его сына еще более усилились.

Наполеон нахмурился.

— Снимите его, — сказал он, — ему еще рано видеть поле сражения.

Боссе закрыл глаза и склонился долу, услышав эти великие исторические слова. Наполеон поехал на Бородинское поле. Русские войска видны были за⁸ оврагом в Бородине и у Семеновского.

Никаких не нужно было Наполеону делать распоряжений. Русские войска без всякой хитрости расположились на открытом поле, работая над укреплениями и ожидая сражения.⁹

Маршал Даву, возвращаясь с рекогносцировки, которую он сделал в лесах на левом фланге русских, встретил Наполеона и предложил ему обойти с своим 40-т[ысячным] корпусом левое¹ *Зачеркнуто*: что собак гон[ять]

² Да здравствует император

³ [Шамбертена]

⁴ Далее текст копии.

⁵ [Фабвиера и Боссе,]

⁶ Вы слишком добры, ваше величество

⁷ Далее, кончая: великие исторические слова — автограф.

⁸ Зач.: рекой в редуте у деревни Шевардино и надписано окончание фразы.

⁹ Далее автограф на полях, продолженный на отдельных листах.

крыло русских¹ и забросить их в *cul de sac*² между Москвою и Колочей, сказал Даву с свойственной французам ясностью и решительностью. Предложение это, как стратегический маневр, одобряется всеми учеными тактиками, но Наполеон не согласился на это предложение, не потому, чтобы он избрал что-нибудь другое, более гениальное, как говорят историки, но потому, что он не хотел этого. Он велел обходить с правой стороны, обходить русских Понятовскому, шедшему всё время с правой стороны, а вице-королю с левой, а Даву в центре, то есть, одним словом, он не сделал никаких распоряжений, а велел войскам, как они стояли, идти на русских и стрелять в них.

Возвратившись домой, Наполеон, однако, продиктовал гениальные, как говорят, диспозиции³ Бертье. В длинных диспозициях сказано, что такая-то дивизия пойдет прежде под таким-то начальствованием, а такая-то после под таким-то начальствованием, и пушки будут стрелять туда же.

(Диспозиции эти, как и всегда, были исполнены только до тех пор, пока не начиналось сражение, то есть войска размещены в ночь, как сказано в диспозиции, но как скоро началось сражение, так всё делалось совсем иначе. Тем более, что пушки, которые должны были засыпать русские редуты, не хватило до них с того места, с которого велено было им стрелять.)⁴

Диспозиция эта была, может быть, очень глубокомысленна и гениальна, но трудно предположить, чтобы она могла быть другая, ежели бы первому попавшемуся офицеру было поручено составить ее. Против каждой части русских войск, стоявших на виду, была направлена соответствующая часть французских войск, вот всё, что было в диспозиции. Но, как видно, Наполеон предоставил себе выказать всю гениальность своих тактических соображений во время сражения.

Потом он написал *гениальный*, как говорят, приказ, в котором сказано, что Наполеон, наконец, исполняет страстное желание армии быть убитой и раненой на 1/3 часть и, снисходя до их желания, дает сражение. Кроме того, предоставляет им утешение в том, что позднейшее потомство скажет о каждом из воинов: «да, он был в великой битве под Москвой».

Окончив эти великие дела, великий человек, показывая тем удивленному и сонному господину Боссе и другим, что силы его еще не истощены после таких великих усилий, прочел несколько депеш, касающихся внутреннего управления своими народами, сделал карандашом несколько отметок на полях¹ *Зачеркнуто*: Наполеон думал о другом и сказал, что это не нужно.

² [тупик]

³ *Зач.*: отданные

⁴ *Зач.*: Диспозицию эту мог написать всякий капитан

бумаг и позвал к себе префекта дворца и своего доктора Корвизара.¹

Поговорив с Боссе о некоторых изменениях, которые он намеревался сделать в *maison de l'Impératrice*,² и удивляя префекта своей памятью ко всем мелочам придворных отношений, он обратился к Корвизару с вопросом, придумал ли он что-нибудь против его насморка. Корвизар подал ему приготовленные пастилки в золотой табакерке, которые должны были успокоить его насморк.

— Я думаю, что *un rouch* сделает мне пользу, — сказал он.

Корвизар почтительно и утвердительно склонился и император,³ выпив пунша, продолжал разговаривать. Он с удовольствием чувствовал, что чем ничтожнее был его разговор, чем меньше он относился к предстоящему сражению, тем более возрастал восторг Боссе и других перед всеобъемлющим могуществом его гения. Боссе почтительно выразил свое удивление перед спокойствием императора.

—⁴ Шахматы поставлены на свои места на шахматную доску. Игра начнется завтра, — сказал император и продолжал разговор о Париже. Он интересовался пустяками и шутил так, как это делает знаменитый, уверенный и знающий свое дело оператор в то время, как он засучивает руки и надевает фартук и больного привязывают к койке.

— Дело всё в моих руках и голове, ясно и определено, когда надо будет приступить к делу, я сделаю его,⁵ как никто другой и⁶ совершенно, а теперь могу шутить, и чем больше я шучу и спокоен, тем больше вы должны быть уверены, спокойны и удивлены моему гению.

Окончив свой второй стакан пунша, его величество⁷ кивнул головой, и все удалились, кроме Раппа, дежурного адъютанта и ординарцев, стоявших всё [у] палатки.

— Что русские? — спросил он.

Ему сказали, что они двигаются и, судя по огням, стоят на тех же местах. Он одобритительно кивнул головой.

— *C'est bien*,⁸ — и он пошел почивать на свою железную, походную кровать, подле которой на столе были приготовлены вино и холодная пуларка.

В 3-м часу утра — еще было совершенно томно — Наполеон с падающим ему на лоб хохлом, с желтым, опухшим лицом¹ *На полях*: Не верит в медицину, а в полководцев верит, и визит доктора, и ест пастилки.

² придворном штате императрицы,

³ *Зачеркнуто*: удостоив Боссе пунша

⁴ *Зач.*: Фигуры

⁵ *Зач.*: лучше

⁶ *Зач.*: как только

⁷ *Зач.*: изволил выйти из палатки на

⁸ [Это хорошо,]

и носом вышел, сморкаясь, из своей спальни и сел на складной стул в первом отделении палатки, в котором, дремля, сидел Рапп.

— Велите дать пуншу, — сказал он.

— Oui, sire,¹ — сказал Рапп и вышел. Когда он вошел опять, Наполеон сидел перед столом, облокотившись на руки. Он взглянул на Раппа и опять сел в то же положение. Молчание продолжалось долго. Наполеон опять высморкался, громко и сердито,² и откинулся на спинку стула.

— Eh bien, Rapp! Croyez-vous, que nous verrons des bonnes affaires aujourd'hui?³ — сказал он вдруг.

— Sans aucun doute, sir,⁴ — сказал Рапп и, помолчав немного, осмелился прибавить: — Nous avons épuisés toutes nos ressources, nous sommes obligés de vaincre.⁵

Наполеон посмотрел на него, что он хотел сказать этим?

— La fortune est une franche courtisane, — сказал он. — Je le disais toujours et je commence à l'éprouver.⁶

— Vous rappelez-vous, sire, ce que vous m'avez fait l'honneur de dire à Smolensk? Le vin est tiré, il faut le boire. Et il faut le boir, sir.⁷

Воспоминание⁸ Смоленска, видимо, неприятно подействовало на Наполеона.⁹ Ему опять живо представилось то странное, похожее на то, которое испытывают люди в сновидениях впечатление, что рука его — его могущественная, как ему казалось, разрушавшая царства рука — поднималась с самого Немана для удара, долженствовавшего поразить врага и, как во сне, мягкая, бессильная, как подушка, не доставала врага, не попадала в него, не вредила ему, и это заколдованное бессилие возбуждало в нем сознание ужаса, который испытывает человек во сне, когда не в силах, удар его падает бессильно и мертво...

— Да, — сказал он, отвечая своим мыслям, — эта бедная армия очень уменьшилась и изнурена. Но гвардия цела и свежа. Она нетронута, Рапп?

Рапп ничего не отвечал.

— Дали ли сухари и рис в гвардию, как я приказывал нынче?

— Да, государь.

¹ Да, ваше величество,

² *Зачеркнуто*: как будто досадую

³ Ну, Рапп! Как вы думаете, хороши ли будут нынче наши дела?

⁴ Без всякого сомнения, государь,

⁵ [— Мы исчерпали все наши средства, мы вынуждены победить.]

⁶ — Фортуна — настоящая распутница. Я всегда это говорил и начинаю испытывать. *Далее зач.*: Ни одной победы с самого Немана.

⁷ — Помните, ваше величество, что вы изволили сказать мне в Смоленске? Вино откупорено, надо его пить. [И надо его выпить, ваше величество.]

⁸ *Зач.*: отступления

⁹ *На полях*: подтрунивает над [?]

— Но выдан ли рис?

— Я передал ваше приказание, государь.

Наполеон недовольно покачал головой, как будто он не верил, чтобы приказание его было исполнено. Слуга вошел с пуншем. Наполеон приказал подать другой стакан Раппу и молча отпивал глотки из своей чашки.

— Нет движенья в русском лагере? — вдруг спросил Наполеон вставая и, не дожидаясь ответа, спросил теплый сюртук и шляпу и вышел из палатки.

Ночь была темная, теплая и звездная. Спереди и кругом везде пылали зарева костров французской и русской армий. В тишине слышалось справа движение французской пехоты для занятия позиций.

— А! они тут, — проговорил Наполеон, оживленный пуншем и свежим воздухом, — *c'est bien!*¹ Шашки на доске, завтра начнется игра. Что такое военное искусство? — спросил он у Раппа. — Искусство быть сильнее неприятеля в данный момент.

И, сказав это изречение, долженствующее перейти в века, он вдруг подошел к гвардейскому часовому и спросил, получили ли они сухари и рис. Часовой отвечал утвердительно. Наполеон вернулся в палатку в² оживленном состоянии духа.

— *Oui, le vin est tiré, il faut le boire,*³ — сказал он. — *Nous allons avoir affaire à*⁴ Кутузову.⁵ Посмотрим. Помните, в Браунау он командовал армией и ни разу в три недели не сел на лошадь, чтобы осмотреть укрепления? Посмотрим: *le vin est tiré, il faut le boire.*

Он приказал, чтобы в 5 часов всё было готово к его⁶ выезду.

В половине 6-го стало светать. Наполеон верхом ехал к деревне Шевардино. Только одна туча⁷ лежала на востоке, ясное небо светлело, войска все стояли на своих местах. Шашки были в настоящем положении и ожидали начала игры.

Игра началась.

* № 200 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXI).

Пьер⁸ взял вправо и неожиданно съехался с знакомым ему Бибиковым, адъютантом генерала Раевского.

¹ — хорошо!

² *Зачеркнуто*: более

³ Да, вино откупорено, надо его выпить,

⁴ *Зач.*: célèbre [знаменитым]

⁵ Мы будем иметь дело с Кутузовым,

⁶ *Зач.*: отъезду

⁷ *Зач.*: заслоняла

⁸ *Зач. текст копии*: подскакал к ним и в одном из них с радостью узнал знакомого человека, адъютанта *Над* *зач.* *вписаны* *рукой Толстого след. десять слов.*

— Эге-ге... граф, — сказал ему¹ Бибииков, — вы как сюда забрались?... Какова жарня?

— Да, да, — отвечал Пьер, не понимая того,² какая это была жарня, про которую ему говорил³ Бибииков. [Бибииков] был прислан сюда своим генералом, чтобы узнать, что делалось в Бородине, и, дождавшись того, что французов прогнали за реку и зажгли мост, он ехал назад на курган.⁴

Пьер поехал с ним.

— Что ж это было⁵ такое здесь? — спросил Пьер.⁶

— А было то, что французы захватили было мост, да их славно повернули.

— Что же, теперь кончено сражение? — с сожалением спросил Пьер.

Бибииков улыбнулся.

— Здесь, может быть, и кончено, а на левом фланге у Багратиона страшная жарня идет.

— Неужели? — спросил Пьер. — Это где же?

— Да вот поезжайте со мной на курган, от нас видно. А у нас на батарее еще сносно, — сказал адъютант. Пьер отстал, отыскивая глазами своего берейтора.⁷

№ 201 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXI).

⁸Его сейчас же мысленно приняли в свою семью и даже дали ему прозвище по тому белому, низко спускавшемуся на его живот [жилету], который был на Пьере. «Наш барин, белопупый барин», прозвали его. И про него ласково смеялись между собой и к нему даже обращались.⁹

Одно ядро попало¹⁰ в батарею близко от Пьера. Он с веселой улыбкой смотрел на рикошет, который сделало это ядро.

¹ *Зачеркнуто в копии:* адъютант, вы, видно, не робкого десятка. Этих птичек не любите?.. Над зач. рукой Толстого вписан конец фразы.

² *Зач. в копии:* что и рукой Толстого надписаны след. шесть слов.

³ *Далее зач.:* адъютант и вписано: Бибииков.

⁴ *Зач.:* В том месте, где он стоял теперь с Пьером, беспрестанно визжали пули и били ядра, и про это намекал адъютант. *Вместо зач. вписана след. фраза.*

⁵ *Вписаны рукой Толстого след. два слова.*

⁶ *Зач.:* Адъютант объяснил ему значение того, что было, и пригласил его ехать с собой на батарею Раевского, ежели он хочет видеть жарню на левом фланге. *Вместо зач. надписан след. текст, кончая:* от нас видно.

⁷ *Последняя фраза — автограф.*

⁸ *На полях:* <Молодой, круглый открыл огонь. Г[осподин] п[олковник]. Барин-то чудно. Вот так барин. И как вы не боитесь.

— Ну ты, не туда попала. К пехотным!!!

— Что ее бояться-то, всё одно. А вот барин — так удивительно.>

⁹ *Зач.:* — Вот так барин! — говорил про него один солдат. — Ходит себе, и горя мало. Вот так удивительно.

¹⁰ *Исправлено из:* Одна граната попала

— Не сюда, шальная! к пехотным, — проговорил солдат на это ядро, действительно рикошетом полетевшее в овраг.

— Ай да наш барин, — прогов[орил] другой, — ему и горя мало.

Третий солдат уж прямо обратился к Пьеру:

— И как вы не боитесь, это чудно.

— А ты разве боишься?¹ — спросил Пьер.

— Что его бояться-то? — отвечал солдат. — Что бояться, не бояться — всё одно.²

Другие солдаты, ободренные тем, что Пьер говорит, как человек, окружили его с веселыми лицами.

— Наше дело солдатское. А вот барин так удивительно. Вот так барин!

— По местам! — крикнул молоденький офицер на собравшихся вокруг Пьера солдат.

Молоденький офицер этот, видимо, исполнял свою должность в первый или во второй раз и потому с особенной отчетливостью и форменностью обращался и с солдатами и с своими начальниками. Офицерик этот беспрестанно подходил к высокому артиллеристу и, прикладывая руку к козырьку, докладывал:

— Господин полковник, — говорил он, — имею честь доложить: неприятель открыл огонь еще из 4 орудий.

— Ну, и валяйте в них, — неформенным голосом отвечал высокий офицер.

— Господин полковник, прикажете из всех открыть огонь?

«Открыть огонь», видно, очень нравилось молодому офицеру.

На батарею попадали снаряды, но до 10 часов не убило еще и не ранило ни одного человека. В 11 часов высокий артиллерийский офицер подошел к Пьеру и, как с старым знакомым, разговорился с ним, спрашивая, кто он, и предложил Пьеру позавтракать.³

— Не кланяться! — крикнул офицер во время завтрака на одного нагнувшегося от ядра солдата. — А еще солдат! смотри, вон невоенный, да ему горя мало, — сказал он,⁴ указывая на Пьера.⁵

— Да уж это барин — поискать, — откликнулся солдат.⁶

В 10 часов солдаты, бывшие впереди батареи в кустах и по Каменке, отступили. С батареи видно было, как они пробегали ¹ *Исправлено из:* — Да ведь ты не боишься?

² *Зачеркнуто:* — Наше дело такое.

³ *Зач.:* и выразил ему, так же как и Бибииков, удивление о его бесстрашии.

— Солдаты и то на вас удивляются, — сказал он ему,

⁴ *Зач.:* громко

⁵ *Зач.:* в это время прохаживавшегося по батарее.

⁶ *Зач.:* Вскоре после завтрака

назад мимо ее, неся на ружьях раненых. И вслед за этим наши из-за оврага побежали вперед и опять вернулись.¹

— Что стали? Носилки!²

Пьер, не оглядываясь, продолжал смотреть влево. Он мельком видел, однако, как прошли ополченцы на батарею и понесли что-то. Он не хотел видеть этого и смотрел вдаль налево. Но внизу под курганом в пехотных рядах, через которые он смотрел, точно так же потребовали носилки в одном, потом в другом месте, и Пьер не мог не видеть раненых и убитых, которых теперь беспрестанно поднимали то на батарею, то с той, то с другой стороны.³

Всё, что делалось там, впереди батареи, и не видно было с кургана и не изменяло положения тех войск, которые были на кургане.⁴ Какой-то снаряд со свистом вошел на курган и сошел опять вниз. На кургане всё так же перестреливались с французскими пушками. Но только после действий пехоты впереди кургана на курган стало бить больше снарядов, и несколько раз Пьер слышал, что снаряды попадали во что-то на кургане, и догадывался, что это были убитые и раненые, которых уносили вбегавшие на батарею и уходившие с ношами ополченцы.

Пьер знал, что это были раненые и убитые, но он не видал их, а видел только оживленные усиленной теперь деятельностью лица.

Молоденький офицерик беспрестанно бегал с рукой к киверу, докладывая что-то старшему, беспрестанно заряжаемые [орудия?] стреляли.

— Имею честь доложить, господин полковник, зарядов имеется только 8-мь, прикажете ли продолжать огонь? — спросил он у старшего.

Пьер стоял подле него.

— Картечь! — крикнул старший офицер, смотревший через вал.⁵

— О-о-ох, — послышалось вдруг сзади в двух шагах от них, и офицерик, как бы спеша, побежал и упал в глазах Пьера.⁶

Солдаты подошли к нему. Пьер отошел к своему месту в конце вала.

¹ *Зачеркнуто:* Пьер, боявшийся только, чтобы не осрамиться в виду военных, был удивлен тем, что военные не только одабривали его, но и ставили его в пример друг друга.

² *Зач.:* «Зачем это носилки?» подумал Пьер. «Вероятно, носить снаряды», сказал он себе, старательно глядя в противоположную сторону от той, где говорили голоса. *Вместо зач. надписана след. фраза. Далее исправленная копия до конца абзаца.*

³ *Дальнейший текст — автограф на полях, кончая:* старший офицер, смотревший через вал.

⁴ *Зач.:* Всё так же перестрелива[лись]

⁵ *Далее исправленная копия, кончая:* шлепнуло во что-то.

⁶ *Зач.:* который невольно оглянулся.

Одно за другим свистели ядра и бились в бруствер, в солдат, в пушки. Пьер, прежде не слышавший этих звуков, теперь только слышал одни эти звуки.

С боку батареи справа с криком «ура» бежали солдаты.¹

Ядро ударило в самый край вала, перед которым стоял Пьер, ссыпало землю, и в глазах его мелькнул черный мячик и в то же мгновение шлепнуло во что-то.²

В это же время Пьер увидал, что солдаты, побежавшие вперед, бегут с тем же криком «ура» назад. Но он не успел спросить у офицера о том, что это значило. Один за другим сыпались ядра в батарею и били людей.

Ополченцы, вошедшие было на батарею,³ побежали назад.

— Картечь, картечь! — кричал офицер.

— Зарядов нет, — отвечали солдаты.

— Разбойники, что делают, — закричал офицер.⁴

— Барин! Пропадешь! — крикнул один из солдат, хватая Пьера за руку. Ужас вдруг охватил Пьера, он, сам не помня как и зачем, согнувшись, побежал вниз с батареи.⁵

Одно, другое, третье ядро пролетало над ним, ударяясь впереди, с боков, сзади.⁶

«Куда я», вдруг⁷ вспомнил Пьер, уже сбегав под гору. Он остановился в нерешительности, итти ему назад или вперед.

Он побежал было назад, навстречу ему полз⁸ раненый. Пьер опять раздумал и побежал под гору к зеленым ящикам. Вдруг страшный толчок откинул его назад, на землю. В то же мгновение блеск большого огня осветил его, и раздался оглушающий, зазвеневший в ушах гром.

Пьер, очнувшись, сидел на заду, опираясь руками о землю; ящика, около которого он был, не было, только валялись зеленые, обожженные доски на выжженной траве и тряпки, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала от него, а другая, так же как и он, лежала на земле и пронзительно визжала.

¹ *Зачеркнуто*: Опять на батарее заговорили о том, что французы наступают, стали указывать их друг другу и

² *Зач.*: завизжал солдат. Пьер подбежал к этому солдату и, увидев дергающийся кровавый остаток ноги, сам не помня куда и зачем, побежал вниз, прочь от батареи.

На полях: Пьер увлек за собой. Бежали с батареи. *Далее автограф на полях, кончая*: побежал вниз с батареи.

³ *Зач.*: с криком

⁴ *Зач.*: и упал. Солдаты бросились вниз. Ужас вдруг охватил Пьера. Он повернулся и побежал вниз за убегавшими.

— Не отдам орудий, заклепки! Беги к резервам!

⁵ *Далее до конца* — *правленная копия*.

⁶ *След. три слова автограф*.

⁷ *Слово*: вспомнил *исправлено из*: вспомнилось, *зач.*: Пьеру, что адъютант сказал ему, что на редуте безопаснее и *надписано окончание фразы*.

⁸ *Зач.*: стонущий

¹В 3-м часу князь Андрей подъехал к проезжавшему принцу Евгению и предложил вывести полк на другое место вперед, чтобы напрасно не терять людей.

Принц Евгений сказал, что сейчас полк понадобится и поскакал дальше. Князь Андрей опять подъехал к полку. Без него² ранили старого майора и несколько солдат. Князь Андрей слез с лошади и сел на шинель. Адъютант полка подошел к нему.

— Обещали тронуть вперед, — сказал князь Андрей.

— Хоть бы одно что-нибудь, князь.

— Берегись! — послышалось в рядах, и глазами видно было, как ударило ядро перед рядами и, взвившись, скрылось в воздухе.

— Перенесло, — со вздохом сказал адъютант, но еще он не договорил, как засвистела граната, ударилась между ними, лопнула, обдала порохом князя Андрея и адъютанта.

— Эх ма! — послышался вздох досады и сожаления. Князь Андрей с детски испуганным лицом хотел и не мог подняться на правой руке, — левое плечо и грудь были в крови.

— Это — ничего, — сказал он, — ранен,³ — но вдруг силы его ослабели. Он упал. «Нет, это — настоящая, это — конец!» в ту же минуту сказал он себе. «А жалко, что теперь. Еще что-то, еще что-то было хорошее. Досадно!» подумал⁴ князь Андрей, Офицеры подбежали к нему.

— Полковник, примите команду, — обратился он к старому⁵ офицеру.

— Руку? Плечо? Осколком?

— Да, да, несите. Прощайте, ребята.

Никто не отвечал.

⁶Ополченцы с носилками выбежали из-за рядов, положили его с помощью офицеров и понесли.

Едва тронулись носилки с князем Андреем, как он чуть слышным голосом проговорил, чтобы они остановились. Он слушал тот громкий и горячий разговор, который начался в собравшемся кружке около одного только что принесенного раненого офицера. Два ополченных офицера,⁷ офицер, сопутствовавший князю Андрею, адъютант, приехавший на перевязочный пункт по приказанию своего генерала, доктор, фершал, раненые солдаты окружали принесенного офицера и с жадным вниманием¹ *Начало автограф на полях копии.*

² *Зачеркнуто: убило*

³ *Далее копия с исправлениями.*

⁴ *Далее зач. текст копии и надписан новый текст на полях, продолженный на отдельном листе.*

⁵ *Зач.: усачу.*

⁶ *Зач.: Солдаты*

⁷ *Зач.: адъютант*

слушали то, что он говорил. Офицер этот был ранен в ногу и в голову во время одной из атак против¹ курганной батареи.² Раны его были не³ мучительны, и они только больше возбуждали в нем⁴ увлечение, в котором он находился во время атаки. Он, не переставая, говорил, рассказывая свои подвиги, в то время, как его несли. И здесь замечание одного офицера о том, что сражение проиграно, еще более возбудило его, и он сердито кричал, оглядываясь лихорадочно блестящими глазами на всех людей, с одобрительной гордостью слушавших его.

— Кто под кустом прятался, тому проиграно сражение, — кричал он, — а мы видели, как мы с ротой ударили, так ни одной собаки не осталось — в догонку кололи. Отовсюду прогнали, как баранов. Так-то удирают хваленые французы, — с улыбкой страдания кричал офицер.

— Ну, это там, может быть, — проговорил спорщик, — а я где был, против Семеновского, так там наши отступали и так-то...

Раненый перебил его.

— И всё врет, врет, батюшка! — закричал он. — Кабы проиграно сражение, так не взяли бы их короля в плен да не сбили бы их отовсюду.

Несколько голосов, подтверждая слова раненого, заговорили вместе.

Все эти люди:⁵ раненый, говоривший, и солдаты, и ополченцы, и князь Андрей — испытывали одно и то же чувство: они столько перенесли в этот день, так знали, что сделали все возможные от людей усилия, знали, что им так нужна победа, что они не могли сомневаться в победе.

* № 203 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXIX).⁶

В⁷ 4-м часу после полудня с той и с другой стороны было убито и ранено более⁸ 70 тысяч человек,⁹ и перевязочные пункты в разных местах позади обеих армий были устланы ранеными, поле было усеяно мертвыми и ранеными, спутанные, разных полков, толпы солдат беспорядочно брели назад по дорогам и полям,¹ *Зачеркнуто:* взятой

² *Зач.:* Он на себе еще не

³ *Зач.:* опа[сны]

⁴ *Зач.:* тот пыл

⁵ *Зач.:* в особенности

⁶ *Правленная копия.*

⁷ *Исправлено из:* 3-м

⁸ *Исправлено из:* 80

⁹ *Зач.:* после того как русские отступили на левый фланг только на несколько сажень, после того как в некоторых дивизиях русских оставалось по несколько сот человек и *Вместо зач. надписан дальнейший текст, кончая:* мертвыми и ранеными,

и на перевязочных пунктах не успевали перевязывать и отгонять столпившихся носильщиков.

[Далее от слов: Измученным, без пищи и без отдыха, людям той и другой стороны кончая: Казалось, не только было легко сделать это усилие, но они должны были его сделать, близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXXIX.]

¹Но они не делали его потому, что они истощили все возможные усилия: и артиллерия, и пехота, и кавалерия, долженствовавшая покончить сражение, были вводимы в дело, половина вражеской армии была избита, но другая половина,² сбита с 8-ой части позиций, с которой она сбита была еще 24-го числа, отступила с³ той линии, где она стояла вначале, и точно так же стояла несколько сот сажен позади.

Не один Наполеон испытывал то похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, солдаты французской армии после всех опытов прежних сражений испытывали то же. Во всех прежних сражениях после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал и стоило только преследовать его, теперь он стоял точно так же грозно, потеряв и убив 80 тысяч человек. И нравственная сила французской атакующей армии была истощена прежде, чем сила армии, защищавшей⁴ себя.

Русское войско стояло⁵ 24 числа в положении, загораживающем дорогу к Москве.⁶ 24 числа вечером русское войско потеряло позицию левого фланга и к 26-му стало левым флангом на случайно выбранных, неукрепленных местах. 26-го числа французы направили все силы своей, вдвое превосходной (на левом фланге) армии против этого левого фланга. Русские защищали эту часть линии, переводя одну за другой части своих войск с правой стороны дороги на левую, всегда в данную минуту находясь в меньшем числе на этом пункте против французов.

Русское войско потеряло половину своих людей убитыми и ранеными (пленных сдающихся не было, были пленные равным числом с обеих сторон, пленных единичных), пушек было потеряно столько же, сколько взято, и,⁷ отклонившись левым флангом, на другой день армия точно так же, как накануне,⁸ оставшаяся половина армии загораживала дорогу к Москве.⁹

¹ Далее автограф, кончая словами: сила армии, защищавшей себя.

² Зачеркнуто: отступив

³ Зач.: того пункта

⁴ Зач.: свою

⁵ Зач.: в Бородине и надписано: 24 числа

⁶ Далее автограф на полях, кончая словами: против французов.

⁷ След. три слова вписаны рукой Толстого.

⁸ След. три слова вписаны рукой Толстого.

⁹ Зач. вписанное рукой Толстого: отклонившись на версту на левом фланге с очевидным намерением потерять еще половину половины и точно так же загораживать дорогу.

Отчего произошло это необыкновенное, не повторявшееся и не имевшее примеров явление? Не распределение войск по буграм, лесам и полям, не окопанные канавами курганы, не предположения и распоряжения Бенигсена, Гартинга, Вольцогена, не мужество и распорядительность Барклая де Толли, обиженного и искавшего смерти, как нам рассказывают,¹ — произвели это явление. Причины этого явления лежали в² той неопределимой силе, которая называется духом войска, в том неразумном сознании, что мы хотим и потому должны победить, и это неразумное сознание лежало от главнокомандующего до солдата в душе каждого русского человека.

* № 204 (рук. № 92. Т. III, ч. 2, гл. XXXIX).³

<В 3 часа уже не было сражения, была стрельба, убийство по силе импита⁴, нельзя было остановиться. Семеновское и курган Раевского были взяты, но дальше французы не двигались и русские тоже. У русских не было людей, армия уменьшилась наполовину. Наполеону легко было, разорвав армии, обойти фланг,⁵ у него было 20 т[ысяч] гвардии, но он ничего не сделал. Он говорил: ils en veulent, donnez leur-en.⁶ Сражение шло, как дерутся два кулачных бойца, не потому, чтоб сбить один другого, а потому, что озлобились и хотят сделать больно.

Кутузов сидел на скамье в Горках и смотрел. Наполеон смотрел, к Кутузову приехал П. и сказал: сражение проиграно, мы разбиты. Кутузов сказал: я лучше вас знаю, мы выиграли и завтра добьем французов.>⁷

В четвертом часу Риеге чувствовал, что, шляясь с места на место, он устал, устал физически и нравственно. Лошадь его была тоже ранена и не шла с места.

В 4-м часу вечера Пьер, слезши с лошади, сел на брошенную на дороге ось. Он ослабел совершенно и не мог ни двигаться, ни думать, ни соображать. На всех лицах, которые он видел, одинаково на тех, которые шли туда и которые возвращались, была видна такая же усталость, упадок сил и, главное, сомнение в том, что они делали.⁸

¹ *Зачеркнуто списанное рукой Толстого*: не завтрак Милорадовича под ядрами с тем, чтобы удивить Барклая

² *Вместо зач. текста копии вписан конец варианта.*

³ *Автограф на полях копии.*

⁴ [удара]

⁵ *Зач.*: но он ничего

⁶ они еще захотели, так задайте же им. *Далее зач.*: Русские были тоже

⁷ *Далее исправленная копия.*

⁸ *Зач.*: Стрельбы уже не слышно было, но канонада продолжалась, хотя и она принималась ослабевать.

[Далее от слов: Над всем полем, прежде столь весело-красивым кончая: перелетали с обеих сторон и расплюскивали человеческое тело, близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXXIX.]

<Русские отступали с половины позиции, но стояли так же твердо и стреляли оставшимися зарядами.

Наполеон с покрасневшим от насморка носом выехал за Шевардинский редут на соловой арабской лошадке.

— Ils tiennent toujours,¹ — сказал он, хмурясь и сморкаясь, глядя на густые колонны русских. — Ils veulent encore — donnez leur-en,² — сказал он, и 350 орудий продолжали бить, отрывать руки, ноги и головы у столпившихся и неподвижных русских.

Pierre сидел на оси,³ глазам его представлялись лица убитых и раненых и того солдата, который с оторванной частью груди, открывал и закрывал рот, как вытщенная на берег рыба, в ушах его были пули, в носу — запах чего-то кислого и едкого, крови и пороху; скулы его прыгали, и он смотрел на людей, не узнавая их. Он слышал, что Кутайсов убит, Багратион убит, Болконский убит.⁴

Он⁵ видел, что войска бегут, он думал, что сражение проиграно, и ехал отыскивать Кутузова. Кутузов диктовал приказ на атаку завтра и осадил пр[инца], приехавшего с известием поражения, и сражение было выиграно.

В таком положении полковник Берг, наверно обеспечивший себе две награды за этот день, проезжая мимо Пьера, узнал его.

— Ваше сиятельство! Какими судьбами? — обратился он к нему.>

¹ [Они всё еще держатся,]

² Им еще хочется, ну и задайте им,

³ Далее вписано рукой Толстого, кончая словами: крови и пороху;

⁴ На полях: Артиллеристы достреливали — убитые, раненые. Знакомый захватывает с собой к Кутузову. Кутузов пьет чай. Принц.

⁵ Зачеркнуто: хотел заговорить с знакомым адъютантом, проехавшим мимо, и слезы помешали ему говорить. Берейтор нашел его ввечеру прислоненного к дереву, с устремленными вперед глазами.

Pierre'a привезли в Можайск, там ему сказали, что в соседнем доме лежит раненый князь Андрей, но Pierre не пошел к нему от того, что ему слишком хотелось спать. Он лег в своей коляске и спал бы до другого вечера, ежели бы его не разбудили с известием, что войска выходят. Pierre проснулся и увидел продолжение вчерашнего. Та же была война.

Над зач. рукой Толстого вписан дальнейший текст, тоже зачеркнутый.

ТОМ V
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

²Бородинское сражение выиграно. Так сказалось оно в сознании его участников, так доносил о нем фельдмаршал и так осталось оно в сознании русского народа. Мальчик, учащийся читать, уж знает, что Бородинское сражение есть слава русского оружия и что оно — выиграно. Но вслед за Бородинским сражением войска отступили, и Москва отдана без нового боя, стало быть оно проиграно.

Охотник выждал минуту, остановился против разбежавшегося на него разъяренного зверя и ударил в него. Охотник знает, что он нанес смертельный удар врагу, он знает, что он победил его; но разъяренный зверь, хотя и смертельно пораженный в своем разбеге, еще раздавит обессилевшего охотника, и инстинкт охотника велит ему отбежать назад, ожидая действия своего удара.

Французское нашествие получило этот смертельный удар в Бородинском сражении.

Нравственное сознание превосходства — главная артерия войны, та, которая нетронутая прошла в борьбе со всей Европой, была перебита, но под влиянием силы импита всего пройденного движения войско докатилось до Москвы и там, истекая кровью и зализывая свои раны, почувствовало свою погибель.

Как шар, встретивший в своем разбеге другой шар, отталкивает его назад, но сам в этом толчке теряет всю свою силу и медленно прокатывается еще малое пространство, чтобы остановиться, так после Бородинского сражения откатилось назад победившее русское войско и шар французского нашествия мог докатиться только до Москвы и там бессильно остановился.

¹ Автограф.

² Зачеркнуто начало автографа: Французское войско с Наполеоном, как разъяренный бык, с Немана, заставляя отступать перед собой врага, безвредно дошло до Бородина. В Бородине русское войско, как стрелок, выждавший минуту, нанесло смертельный удар врагу; но, выпустив заряд и не зная еще, поражен ли враг, и продолжая видеть его неудержимое стремление, русское войско должно было отступить, как стрелок должен отбежать, ожидая действия нанесенного удара. Удар был смертелен. Нравственное сознание превосходства — главная артерия успеха войны — была перебита. Под влиянием силы импита, разъяренный бык, не чувствуя еще смертельности удара, докатился до Москвы и там, <истекая кровью>, почувствовал свою погибель.

В <минуту> день Бородинского сражения мы знали, что мы победили. Это знали все русские: ни донесение Кутузова, писанное вечером, ни приказание на завтрашний бой — не были обманом или средством возбуждения духа. <Но когда эта> Победа нравственная была несомненна.

На полях вместо зач. написано начало главы, кончая словами: он знал, что враг побежден (стр. 267).

Кутузов и вся русская армия знали, что сражение выиграно в вечер 26-го числа, и Кутузов так писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля, потому что он знал, что враг побежден.

Но в тот же вечер и на другой день стали одно за другим приходить известия о потерях неслыханных, о потере половины армии, и на другой же день в 10 часов показался опять наступающий неприятель.¹

Еще не собраны были сведения, не убраны раненные, не пополнены снаряды, из полков сделались батальоны. Генералов не было, половины людей не было. Надо было отступить на один переход.

Кутузов² хотел атаковать, и вся армия хотела, но это было невозможно, и шар должен был откатиться.

Ввиду неудобства минуты нельзя было не отступить на другой и на третий переход, и, наконец, 1-го сентября армия подошла к Москве, и тут³ вопрос об отступлении представился в новом значении.

Войска остановились в позиции под Москвою. Нельзя было думать отдать Москву. Кутузов не верил в это. Когда Ермолов, посланный⁴ осмотреть позицию, сказал ему, что под Москвой нельзя драться и надо отступить, Кутузов⁵ посмотрел на него молча.

— Дай-ка руку, — сказал он и, повернув ее так, чтобы пощупать его пульс, он сказал: — ты нездоров, голубчик. Подумай, что ты говоришь.

Никто не хотел отступить в виду Москвы без боя и оставить столицу; но точно так же математически верно настолько должно было⁶ отступить после сражения русское войско, насколько должен отбежать столкнувшийся шар, и предел этого был за Москвою, и русские должны были отступить без боя. Точно так же, как причин для отката шара на известном пространстве есть тысячи: и трение, и вращательная сила, и тяготение, и препятствие воздуха, и наклон плоскости и др. др. — точно так же для того, чтобы войска без боя отступили за Москву, было миллион причин разнообразнейшей людской деятельности, к которой воля Кутузова относилась, как песчинка к миллионам пудов. Причинами отступления за Москву были и овраги, разрезающие позицию, и упорство Бенигсена защищать Москву (нужно было, чтобы Бенигсен настаивал¹ *Зачеркнуто*: До сражения мы на одну шестую были слабее его, после сражения — почти вдвое. Нельзя было не отступить на 1-й переход тогда как

² *Зач.*: точно так же озабоченный интересами дня, не понимал еще значения отступления, приближающего и приближ[ающегося] к Москве.

³ *Зач.*: стал

⁴ *Зач.*: сказать

⁵ *Зач.*: взял его за руку

⁶ *Зач.*: откатиться шару

на одном, чтобы фельдмаршал не согласился на это), и убеждения Барклая, одержимого лихорадкой и видящего всё поэтому в мрачном свете, и болтовня эмигранта француза Кросара, приехавшего из Испании и настаивавшего на даче сражения, и известие о том, что в Драгомиловском предместьи разбили кабак и войска, отступая и относя раненых, перепьются, и приезд графа Раstopчина, сказавшего вслух, что он зажжет Москву, и миллионы, миллионы причин личных не в одних высших сферах армии, но и в низших слоях ее, которые все совпали к одному, к оставлению Москвы без боя.¹

Заслуга,² великая заслуга Кутузова — и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу, — состояла в том, что он своим старческим созерцательным умом умел видеть необходимость покорности неизбежному ходу дел, умел и любил прислушиваться к отголоску этого общего события и жертвовать своими личными чувствами для общего дела. Несмотря на то, что тайный враг его, Бенигсен, подкапывавшийся под него в Бородинском сражении, выбрал позицию, горячо выставляя свой русский патриотизм (которого не мог, не морщась, слушать Кутузов), настаивал на защите Москвы, несмотря на то, что Кутузов ясно, как день, видел цель Бенигсена: в случае неудачи защиты свалить вину на Кутузова, доведшего войска без сражения до Воробьевых гор, в случае же успеха себе приписать его, в случае же отказа очистить себя в преступлении оставления Москвы. Несмотря на это, Кутузов пощупал пульс Ермолову, сказавшему, что надо отступить, и, остановившись на Поклонной горе, собрал генералов, послал их осматривать позиции и прислушивался к всем мнениям.

Несмотря на то, что большинство отсоветывало давать сражение, и на то, что в его присутствии Кросар и другие господа спорили и делали планы, как будто фельдмаршала не было, он не позволил себе [с]оставить мнение, а сказал только, выслушав всё:

— *Ma tête fut elle bonne ou mauvaise, n'a qu'a saider d'elle même,*³ — и поехал в Фили.

Несмотря на то, что там он узнал от своего адъютанта, ездившего в Москву, что кабаки в Драгомилове разбиты, что он опытом своим был убежден, что никакие дороги, мосты и укрепления не помогут успеху дела, когда в тылу армии разбитые кабаки, он всё еще не позволил себе составить мнение и созвал совет.

Бенигсен, открывший совет, поставил вопрос: оставить Москву без боя или защищать ее.

Кутузов поправил его, он сказал:

¹ *Зачеркнуто:* Сидя на скамейке

² *Зач.:* Кутузова состояла в том

³ Хороша ли, плоха ли моя голова, а положиться больше не на кого,

— Спасение России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву? — Он выслушал все мнения, все руководимые личными соображениями.¹

Остановив Бенигсена воспоминанием о Фридланде и закрывая совет, сказал:

— Je vois que c'est moi qui payera les pots cassés.²

Он взвесил все суждения, все сведения, из которых кабаки в Драгомиловой были одним из важнейших, и несмотря на то, что он эту ночь не ложился спать и, всхлипывая, говорил Шнейдеру, что он не ждал этого, но что он заставит их есть лошадиное мясо, ежели бог поможет, — он сказал то, что должно было быть — отступить без сражения.

Кутузов не мог сказать другого. Это должно было быть. Ежели бы он приказал дать сражение, то точно так же после некоторых споров, колебаний и сомнений³ было бы то же самое.⁴

№ 206 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. VIII—IX).⁵

<Пьера привезли в Можайск. Квартир не было. Он лег в коляске, задрал ноги на козла, и спал до позднего утра. Его разбудили известием, что войска выходят. Пьер проснулся и увидел продолжение вчерашнего. Войска выходили и оставляли около 10-ти тысяч раненых. Раненые эти толпились на улицах и стонали в окнах. Войска мрачно уходили. Пьер спросил про князя Андрея. Ему сказали, что его провезли с другими офицерами недавно, что он на себя не похож. Пьер наложил свою коляску полную раненых и поехал верхом по дороге. Но, отъехав несколько в сторону, он был настигнут казаками, которые, приняв его за немца, отняли у него лошадь, и он дошел пешком до Шолковки и оттуда был посажен князем Горчаковым, которого везли раненым. Кровь, повязки, бледные лица, кровь, смерть, воровские наглые лица, грабеж, воровство, кровь, смерть — вот всё, что до Москвы видел Пьер.

Берейтор, ускакавший вперед за другими экипажами и с дрожками, выехал на Воробьевы горы встречать Пьера. На Воробьевых горах Пьер наелся с голоду молока и огурцов и приехал в свой дом совсем больной и с непреодолимым желанием спать.

На вопрос дворецкого, что ему делать, он отвечал:

— Делай, как другие, — и заснул.

¹ *Зачеркнуто*: и несмотря на то, что патриотизм Бенигсена резал его чуткое сердце, он только раз вставил ему

² Стало быть, мне платить за перебитые горшки.

³ *Зач.*: и затруднений

⁴ *См. конец варианта № 230, стр. 346.*

⁵ *Зачеркнутая копия.*

Во всё это время ни одной мысли о гибели Москвы не приходило ему в голову. Всевозможные соображения казались ему ничтожными в сравнении с тем, что он видел.>

* № 207 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).¹

(Следующая по порядку глава)

²После своего свидания с гр. Растопчиным Пьер чувствовал, ³ что так давно ожидаемая им и желанная минута всеобщего крушения наступила. Он чувствовал, что наступило ⁴ то время, в которое ему можно и должно показать, что ⁵ он ничем не дорожит ⁶, что он ⁷ готов всем пожертвовать и совершить что-нибудь великое и необыкновенное, но вместе с тем он чувствовал, что, останься он в своем доме, войди он в сношения со всеми этими людьми, имевшими до него дело, послушайся он графа Растопчина, ⁸ из этой важной минуты ничего не выйдет необыкновенного, он будет втянут в обычные условия жизни, которые устанавливались даже и при настоящей необычайности общего хода дел: ⁹ его уговорят вывезти вещи и ехать самому спастись от неприятеля в Орел, Казань или Тамбов вместе с другими уезжающими.

До Бородинского сражения, ¹⁰ не видав всех ужасов, и страданий, и мужества войны, Пьер не считал бы унижительным ехать с другими в Орел, продолжая снаряжать свой полк, но теперь такое бегство, самосохранение и бездеятельность казались ему постыдными. ¹¹

¹ Автограф.

² Зачеркнуто: 30 августа Пьер <выбежал> вышел через заднее крыльцо из своего дома без всякого определенного намерения.

³ Зач.: только

⁴ Зач.: минута

⁵ Зач.: ему всё нипочем, что

⁶ Зач.: и

⁷ Зач.: докажет на деле, как и другим и, главное, самому себе, как он

⁸ Зач.: эта

⁹ Зач.: он

¹⁰ Зач.: прежде

¹¹ Зач.: Ежели он не мог принимать деятельного участия в войне, он должен был по крайней мере здесь, в Москве, как ее житель, пострадать или совершить что-нибудь необыкновенное.

Он взял оставшиеся у него от Бородинской поездки несколько золотых и, надев плащ и шляпу, вышел из своего дома и без другого намерения, как только то, чтобы уйти от всех своих знакомых, а замешаться в неизвестную толпу народа, как мальчик, который бежит из школы, пошел вверх по тротуару.

Первое лицо, которое встретилось ему, была Аксюша, бывшая горничная княжны, которую в первой своей молодости знал Пьер и которая уже давно была им отпущена на волю и вышла замуж, как он слышал, замуж за старого чиновника. Аксюша

Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая: подробности исполнения своего плана.

Непреодолимое беспокойство овладело им, когда дворецкой в другой раз пришел доложить ему, что его ждут. Он взял шляпу, лежавшую на столе.

— Я сейчас приду, — сказал он дворецкому и вышел на крыльцо и за ворота. Но как только он вышел за ворота, он поспешно пошел по улице, повернул в первый переулок¹ и поспешно пошел вперед.²

Навстречу ему ехал извозчик.

— Вези! — сказал³ Пьер, подходя к дрожкам.

— Куда⁴ везть-то?

— Куда? — спросил Пьер удивленно,⁵ — за Драгомилово, там — постоянный двор.⁶

Пьер стал влезать на дрожки. Извозчик посмотрел на барина, садыщегося без ряды, и, покачав головой, тронул лошадь.

— Пошел скорее,⁷ — сказал Пьер.

Трясаясь на извознике и беспрестанно оправляясь своим тучным телом, чтобы не соскользнуть с дребезжащих старых дрожек, Пьер, оглядываясь вокруг себя,⁸ испытывал чувство, подобное тому, которое испытывает мальчик, убежав из школы.

Он ушел из дома без всякого определенного намерения, кроме того, чтобы уйти от всех тех давящих условий, которые руководили его жизнью, но по мере того, как он подвигался,⁹ цель его поступка яснее и яснее определялась в его голове.

Во-первых, ему надо было оставаться в Москве. Оставаться ему надо было тайно, не под своим именем и переодетому в мужицкое платье.¹⁰ Когда французы войдут в Москву, ему надо было совершить что-нибудь, отомстить ему за все злодеяния. Ему надо было: 666. L'Empereur Napoleon, le russe Besuhof... ему надо было убить Наполеона.

Убить Наполеона! да. Не мало он видел смертей для того, чтобы бояться взять на себя ответственность этой одной жизни злодея. Он должен совершить это. Ему вспомнилось покушение,¹ *Зачеркнуто*: <взял извозчика и поехал> и побежал рысью. Пробежав несколько шагов, он остановился против извозчика, предлагавшего свои услуги.

² *Зач.*: оглядываясь, как школьник, чтобы его не узнали и не воротили.

³ *Зач.*: он, садясь на

⁴ *Зач.*: прикажете везти?

— За город. В парки.

— Что ль за Тверскую?

— Да, да.

⁵ *Зач.*: — За заставу. Там есть гостиницы.

⁶ *Зач.*: — На подворье. Эка, куда подальше.

— Я заплачу, вот тебе и деньги — золотой.

⁷ *Зач.*: рубль

⁸ *Зач.*: по кривым переулкам, по которым повез его извозчик,

⁹ *Зач.*: намерение его

¹⁰ *Зач.*: Во время своего пребы[вания]

бывшее на жизнь Наполеона в Вене в 1809 году. Студент этот кинжалом хотел убить его.

«Я не сделаю этой ошибки. Я убью пистолетом, как Долохова. Я стрелял, но ближе. Но где я достану пистолет? — думал Пьер. — Отчего я не взял из дома». И он с большей подробностью стал обдумывать подробности исполнения своего плана.

Три важные затруднения представлялись Пьеру: во-первых, где достать оружие — пистолет (вернуться домой он ни за что не хотел), во-вторых, как достать мужицкое платье, и в-третьих,¹ чем он заплатит за платье, за пистолет, за квартиру и, главное, за извозчика.

— Послушай, извозчик, — обратился он к кривому старичку, который, погоняя концами возжей, трясся перед ним.² — Где продают ружья и пистолеты? Есть здесь близко?

— Ну, уж этого, барин, не скажу. Должно, на Тверской, там магазины есть всякие, или вам туда надо?

— Нет, мне не надо, я так. А где крестьянское платье продают, вот такое? — Он тронул за армяк извозчика.

— Это³ у Китай-города продажа идет. Али бо на рынке. Коли вам из старого надо.

— Да, да, да, из старого.

— Там всякого найдешь. Воскресные дни с головы до ног обмундируешься, там не то, что платье, там всё найдешь, что только твоей душеньке хоцца. Там не то, что платье, там, что тебе только захоцца, аливрея ли, али из шубного, книг этих... Вот там другой раз этих пистолетов, ружейного — страсть. Нонче толь разобрано всё. Всё⁴ на хранцуза раскупили. А вы не бывали, барин? Что ж это вам любопытно? Ну, а что, барин, правда это, что говорят, измена вышла. Москву отдать хотят?

— Не знаю, — отвечал Пьер.

— Нонче как наш брат заиграл, а пуще того ломовой — по три рубля, веришь ты богу, до обеда зарабатываю. Вот я с вами поехал, оно ничто⁵ — золотой. А то меня тут барыня рядила до Мытищ, 5 рублей давала, да нам не рука. Купец и из господ тронулись все. Вам⁶ зачем же на подворье надо? — спросил извозчик.

— Так,⁷ — сказал Пьер, — а это какая улица? — спросил он в свою очередь, оглядывая вокруг себя деревянные низенькие¹ *Зачеркнуто*: куда он едет и где ему поселиться.

² *Зач.*: — Есть в парке за заставой

³ *Зач.*: либо

⁴ *Зач.*: французы

⁵ *Зач.*: рубль

⁶ *Зач.*: куды ж в парке-то? — спросил извозчик. И опять этот вопрос представил Пьеру, куда он ехал?

⁷ *Зач.*: Я скажу

домики, разбросанные между садиками в узкой немощеной улице.

¹— Да бог ее знает. Ей и названья нет.² Кривой переулок зовут, а то тоже старая Козиха. Та вон Козиха настоящая, а это — Грузины одно слово.³

— А далеко⁴ еще до заставы? — спросил Пьер.⁵

— Да, не близко.

— Батюшка, ваше сиятельство, Петр Кирилыч, — слышался вдруг женский звонкий, знакомый Пьеру голос от одного из садиков.⁶

30-летняя, худая, румяная красивая женщина, одетая почти как барыня⁷ стояла у калитки.

— Здравия желаю, ваше сиятельство, — сказала она⁸ с чуть заметным веселым упреком, как будто за то, что Пьер не узнавал ее.⁹ — Я смотрю, точно граф. Да что это так? Куда изволите?

Пьер взгляделся в нее и узнавал.

— Ак... Аксю... Аксиныя... — сказал он.

— Извольте Аксюшей звать, — сказала она.

— Ты куда же, как же это?¹⁰ Ты у меня в доме была? Постой.

— Нет, ваше сиятельство, я к вашим не хожу.¹¹ Что ж, бог с ними.¹² Листрат Евстигнейч на меня что-то тогда списали княжне. Я и не нуждаюсь, дай бог им, — говорила Аксюша так внушительно и ласково, что Пьер невольно остановился,¹³ слушая ее.

Глядя на нее, ему пришла новая мысль о том, что ему делать.

— Я, ваше сиятельство, по милости божьей и вашей ни в ком не нуждаюсь, слава богу, вот домик имею и корову, и не хуже других живем. Я никогда интересанкой не была, и напрасно так обо мне понимают. Я княжну видела, и они сказали...

— Ты ведь жената? — вдруг спросил Пьер.

¹ *Зачеркнуто:* Эта

² *Зач.:* — так, Гру[зины]. — Так.

³ *Зач.:* «Вот здесь бы поселиться».

⁴ *Зач.:* жители деревни за

⁵ *Зач.:* «Там Всесвятское, а то Покровское есть. Да, там остановлюсь у мужика», думал Пьер.

⁶ *На полях:* Вези дальше. Денег нет. Извозчик начинал сердиться и намекать на дороговизну. Муж строг.

⁷ *Зач.:* с веселым (веселость было постоянное основное выражение лица Аксюши) остановилась против него.

⁸ *Зач.:* тем особенным тоном

⁹ *Зач.:* — Вот когда привелось свидеться.

¹⁰ *Зач.:* в мой дом? — спросил Пьер и хотел просить

¹¹ *Зач.:* Я к своим знакомым здесь. Насчет их отъезда.

¹² *Зач.:* Евстиг

¹³ *Зач.:* очевидно, не слушая ее и. Он не слушал ее, но

— Замужем, ваше сиятельство, — улыбаясь ямочками, сказала Аксюша, — разве не изволите помнить? Мы у вас с мужем тогда были с поклоном.¹

Я ничего не горжусь, что я будто чиновница стала. Бывают и благородные хуже простых. Напрасно так обо мне думали...

— Ты что же, уезжаешь с мужем? — спросил Пьер.

— Нет, ваше сиятельство, куда ж ехать нам. Я думаю, тоже люди... А вы изволите?..

В это время они вошли в ворота маленького домика. Пьер остановился и взял ее за руку.

— Аксюша, поместишь ты меня у себя в доме, чтоб никто не знал? Я тебе заплачу за это, но только теперь у меня денег [нет.] Ты извощику отдай, но чтобы никто не знал.²

— Ах, батюшка, ваше сиятельство, всей душой. Пожалуйста, осчастливьте. Я, ваше сиятельство, никогда не была и не буду интересанкой. Может, помните, какая Аксюша была, — сказала она с веселой кокетливостью. — Я всей душой рада.

— Ну, пойдем, — и Пьер большими шагами пошел с ней³ на крыльцо.

Аксюша, не переставая, говорила, рассказывала про то, как она живет с старухой матерью, с дочерью и мужем, о том, что муж большого ума человек, но ослаб и к вину склонен, что у нее знакомые благородные есть, что она к княжне Грузинской вхожа и что она всей душой рада, но что боится, как бы графу не показалось низко у нее жить.

— Только муж твой не рассказал бы, — сказал Пьер.

— Муж-то, Тимофеич, — смеясь, сказала она. — Он теперь, как ребенок малый, что я велю, то и будет. Ослаб человек, а большого ума. И генерал ихний говорил, что кабы он не пил так, этому человеку цены нет, и я бы с ним, говорит, в жизнь не расстался, а теперь ослаб.

Что же, ваше сиятельство, неужели правда, что так Москву и отдадут? Мы читали указ, так там сказано.

— Да, отдадут, — сказал Пьер.⁴

— А я так сужу, ваше сиятельство, мое дело женское, что француз — всё одно люди, и только с ним обойтись, он и ничего. Всё обхождение делу, потому что ежли грубость и необразованье... А благородные люди везде есть. Я и Листрату Евстигнеичу

¹ *Зачеркнуто:* Мой муж

² *Зач.:* Я не поеду

³ *Зач.:* по улице к калитке и во двор.

⁴ *Зач.:* — Мне только одно нужно, — прибавил он. — Мужичье платье и пистолет. Ты достанешь мне?

— Всё добуду, были бы деньги.

— Деньги есть, — сказал Пьер, ощупывая кошелек в кармане.

говорю. Вы, может, думаете, что я чего добиваюсь. Я ничем не нуждаюсь, а благодарю бога и вам желаю.¹

В середине разговора Аксины Ларивоновны вошел старичок в калошах на босу ногу и, строго оглядев Пьера, едва удостоил его поклона.

— Тимофеич, ваше сиятельство, — с робкой улыбкой сказала Аксины Ларивоновна.²

Тимофеич прокашлялся.

— Обедать пора, — сказал он строго и пошел в дверь.

— Большого ума был, — сказала Аксины Ларивоновна, — а теперь ослаб, совсем ослаб.

* № 208 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).³

Новая глава

⁴Выходя с заднего крыльца, первое лицо, которое встретилось Пьеру, была худая, красивая и румяная 30-летняя женщина,⁵ одетая в розовое платье, с шелковым лиловым платочком на голове; взглянув на Пьера смеющимися черными глазами, женщина эта проговорила: — Здравствуйте, Петр Кирилыч, — и закрылась платочком. Это движение руки, этот взгляд, эта улыбка, эти звуки голоса — всё вдруг воскресило в Пьере одно из лучших воспоминаний его молодости. Живо вспомнился Пьеру его первый приезд из-за границы к отцу в этот самый дом, из которого он бежал теперь. Живо вспомнилось ему это же лицо, эти же глаза, но тогда свежие,⁶ молодые, 16-тилетние и представлявшиеся Пьеру верхом красоты и поэзии. 16-тилетняя Аксюша была тогда только что привезена из деревни. Пьер встретил ее в коридоре и влюбился в нее. Он не понимал тогда, зачем была привезена эта Аксюша и какое было ее назначение в доме. Она числилась горничной княжны, но у нее была отдельная комната, и она ничего не делала. Пьер один раз провел всю ночь (это было весной) под окном ее комнаты. Она высунулась в окно, окликнула его и, узнав, что он тут только ¹*Зачеркнуто*: Пьер, встретившись с Аксиной, вдруг понял то, что ему нужно было совершить. Ему надо было, переодевшись в мужицкое платье, выбрать время, когда Наполеон будет проезжать по улицам Москвы, и убить его. Дом Аксины был на Пресне. Домашние

² *Зач.*: не стесняясь громко говоря при муже.

— Человек умный был, кабы не вино. А теперь — извольте видеть. Однако во

³ *Автограф*.

⁴ *Зач.*: В первой, самой первой молодости Пьера, в один из его приездов к отцу из-за границы, он в коридоре княжон встретил один раз только что привезенную из деревни красавицу <горни> 16-летнюю горничную Аксюшу.

⁵ *Зач.*: которая

⁶ *Зач.*: смеющиеся

для того, чтобы ее видеть, позвала его в свою комнату.¹ Войдя потихоньку в комнату Аксьюши, Пьер, не помня себя от восторга, бросился к ней и, обнимая ее, стал уверять в своей любви. Совершенно неожиданно Аксьюша оттолкнула его и заплакала.

— И вы тоже? — сказала она. И она рассказала Пьеру всё свое горе. Ее привезли из деревни к барину, она боялась его, она бежать хотела, ее поймали и воротили... Пьер тотчас ушел от нее и на другой день — неслыханная смелость — стал говорить своему отцу об Аксьюше, прося, чтобы ее отпустили в деревню. Граф ударил сына и выгнал его вон из Москвы. Аксьюша² осталась в Москве и после болезни и смерти старого графа была в близких сношениях со многими богатыми молодыми людьми в Москве, нажила себе маленькое состояние, домик на Пресне и вышла замуж [за] отставного понытчика, старого и пьяного человека. В продолжение 12 лет, прошедших с того времени, Пьер раз 10 встречал Аксинью Ларивононову (как ее звали теперь), и хотя разговор их ограничивался самыми простыми приветствиями, они чувствовали оба, что были чем-то тесно и честно связаны между собой. Хотя ни он, ни она никогда не вспоминали не увенчавшуюся успехом попытку Пьера, они оба чувствовали, что в одну из самых хороших минут своей жизни они сошлись в одном хорошем чувстве. И от этого-то, когда Пьер говаривал Аксинье, встречая в своем доме, куда она хаживала к своим родным: — Ну, как поживаешь, Аксьюша? — и она отвечала: — Помаленьку, Петр Кирилыч, как вас бог милует?

— Слава богу.

— Слава богу — лучше всего... — когда она говорила эти простые слова, глаза их встречались, и в этом взгляде говорилось другое:

«Знаю, знаю, что ты — хороший человек, помню: душа-человек», говорил ее взгляд.

«Знаю, помню, какую чистую радость борьбы и торжества над собой ты доставила мне, знаю, как в душе твоей, чем бы она ни была засорена теперь, живы были чистейшая любовь к добродетели», говорил он.

Теперь, когда 2-го сентября Аксинья Ларивононова пришла из своего дома проведать *своячен*, как она называла дам Безухова, и узнать, нельзя ли чем воспользоваться, и когда Пьер встретил ее — это помимо их светского положения внутреннее близкое отношение между собой выразилось сильнее, чем когда-нибудь. Как будто увидав поднявшегося, давно оплаканного, любимого мертвеца, они с радостным удивлением остановились друг против друга.

¹ *Зачеркнуто*: Долго Пьер

² *Зач.*: после этого

В том настроении, в котором он находился, для Пьера не было человека, которого ему было радостнее видеть, чем Аксинью Ларивоновну. Он поражен был тем счастьем, которое посылало ее именно теперь. Она первая начала говорить.

— А вот прибежала своячен проведать, — сказала она. — Что же не едете, ваше сиятельство?

— А ты? — спросил Пьер.

— Как ехать-то, Петр Кирилыч, с моим дураком (она так всегда называла мужа), разве с ним сговоришь. — Она засмеялась. — Мушкетон достал и так пьян — страсть, перебыю всех один, да и всё. Да что, Петр Кирилыч, бог не выдаст — свинья не съест. Видно, по грехам нашим.

— Да, да, да, да, да, да, — вдруг, схватив ее за руку и блестя глазами, заговорил Пьер. — Да, да, да, да. Поди сюда, Аксинья. — Он ввел ее в пустые сени. — Послушай, Аксюша, сделай мне дружбу. Я останусь. Я должен остаться. Я видел во сне, что ко мне пришел старец и сказал... нет, что говорить...

Аксинья умными, ласково улыбающимися глазами смотрела на Пьера.

— Я останусь, но, понимаешь, в своем доме мне нельзя оставаться под своим именем... Возьми меня к себе...

— Всё такие же вы чудаки, — качая головой, сказала Аксинья, но на лице ее не было улыбки, и Пьер знал, что по той нравственной связи, которая с давнего времени установилась между ними, она вполне так, как он хотел, понимала его намерение и тот смысл, который он ему приписывал.¹

Аксинья принадлежала к² тем характерам, которые быстро понимают и, не рассуждая, быстро действуют по инстинкту.

— Что ж я, вы знаете, — ее взгляд подтверждал ее слова, — я душой, истинной душой рада. Уж коли оставаться, то, известно, не в графском сане: срама одного что? Я выйду за угол, подожду вас.

— Я сейчас приду, — сказал Пьер встретившемуся ему на заднем крыльце лакею, и вышел вслед за Аксиньей из ворот на улицу, в переулок,³ и через полчаса Пьер был у Аксиньи Ларивоновны в ее доме на Пресне. Аксинья Ларивоновна отвела Пьеру две комнатки, которые занимали выехавшие жильцы, и Пьер поселился в них.⁴ Приятное чувство того, что он сжег свои корабли,⁵ вырвался, наконец, из сетей, опутывавших его со всех сторон, что ему ничего не нужно, кроме маленькой комнатки с ернями <и> короткой постели с стеганым одеялом, детски радовало его. Домашние Аксиньи¹ *На полях:* (забыл, этого нет)

² *Зачеркнуто:* одному

³ *Зач.:* к перекрестку, где они взяли извозчика

⁴ *Зач.:* Первое время

⁵ *Зач.:* навсегда бросил

Ларивоновны состояли из ее мужа, маленького, сгорбленного, униженно кланяющегося человека, всегда пьяного или просящего вина, ее самой, кухарки — старой мрачной бабы Арины и мальчика, исполнявшего должность дворника.

3-го [?] числа Пьер не выходил, напился чаю с Аксиньей Ларивоновной,¹ нарядился в кафтан, который ему достала и перешивала по его росту. На другой день он пошел в своем новом костюме пошел² ходить по Москве и встретил Ростовых, которых не узнал. В этот вечер Аксинья Ларивоновна сходила в дом Безухого и³ достала там нужные Пьеру книги и принесла ему.

№ 209 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).⁴

XVIII

⁵В последние дни августа, с Бородинского сражения и до вступления неприятеля в Москву, события действительности и сновидения смешивались в душе Пьера. Сновидения казались ему так же значительны, как действительность, и действительные события так же случайны и странны, как сновидения.

Проснувшись на другой день после своего возвращения в Москву, полный сновидений, составлявших продолжение его сна в Можайске, он вдруг почувствовал себя окруженным действительностью, казавшейся ему страннее его снов. Много разных лиц ожидало его в приемной. В числе их был чиновник графа Раstopчина, приехавший узнать, уехал ли и когда уезжает Пьер, и еще француз,⁶ доверенное лицо Элен, приехавший с письмом к Пьеру из Петербурга. Узнав про присутствие в приемной этих двух лиц, на Пьера нашло вдруг то чувство спутанности и безнадежности, которому он способен был предаваться. Ему вдруг представилось, что всё теперь кончено, всё смешалось, всё разрушилось, что нет ни правого, ни виноватого, что впереди ничего не будет и что выхода из этого положения нет никакого.

Оттого ли, что действительные условия, в которых находился Пьер, были слишком противоположны с его ходом мыслей, или оттого, что воспоминание о жене и сношения с ней всегда таким образом действовали на него, но Пьер сильнее, чем когда-нибудь,¹ *Зачеркнуто*: примерял и

² *Так в рукописи.*

³ *Зач.*: выпросила

⁴ *Переработка предыдущей рукописи, см. вариант № 208. Начало, кончая словами*: брался за книгу. (стр. 277) — автограф на полях копии.

⁵ *Зач.*: Всё, что происходило с Пьером в последние дни августа, представлялось ему сновидением и снова

⁶ *Зач.*: (это было посл.)

в это утро 29 августа пришел в это состояние спутанности и безнадежности.

Он, неестественно улыбаясь и что-то бормоча, то садился на диван в беспомощной позе, то вставал, подходил к двери и заглядывал в щелку в приемную, то махал руками, возвращался назад и брался за книгу.¹

Жалкое на вид и смешное беспокойство овладело им, когда дворецкий в другой раз пришел доложить ему, что его ждут.

— Ах да, подожди... Нет... Я сейчас приду, — сказал он дворецкому; но, как только вышел дворецкий, он взял шляпу, лежавшую на столе, и вышел в заднюю дверь из кабинета. В коридоре никого не было. Пьер прошел во всю длину коридора до лестницы и спустился до первой площадки.

Швейцар стоял у парадной двери. С площадки, на которой стоял Пьер, другая лестница вела к заднему ходу. Пьер пошел по ней, вышел на двор и мимо угла дома за ворота. Никто не видал его. Но на улице кучера, стоявшие с экипажами, и дворник увидели барина и сняли перед ним шапки. Почувствовав на себе устремленные взгляды, Пьер поступил, как страус, который прячет голову в куст с тем, чтобы его не видели. Он опустил голову и поспешно пошел по улице и² повернул в переулок.³

Пройдя шагов 500, он, тяжело дыша, остановился, оглядываясь.

«Ну, что ж, ушел и могу не воротиться. И кончено, и кончено!» сказал он себе.

Навстречу ему ехал извозчик.

— Извозчик! — сказал Пьер, подходя к дрожкам.

— Куда прикажете?

— Куда? — сказал Пьер удивленно. — ⁴Это куда ведет переулок? — спросил он.

— Тут на⁵ Козиху, на Патриаршие пруды.⁶

— На Патриаршие пруды, да, — сказал Пьер, садясь на дрожки.

— Туда что ли?

— Да, туда, туда, пожалуйста.

Оглядев хорошее платье и золотую цепочку толстого барина, извозчик⁷ поехал.

¹ Далее копия с большим количеством исправлений рукой Толстого.

² Зачеркнуто надписанное: пройдя несколько шагов,

³ Зач. надписанное: из первого переулка повернул в другой и только

⁴ Зач.: Вези, я тебе хорошо заплачу, за город.

— В какую заставу?

— В какую? — сказал Пьер. — В Тверскую, — сказал он первую, которая ему пришла в голову

⁵ Зач.: бульвары

⁶ Зач.: проедешь

⁷ Зач.: посадил Пьера и

Трясаясь на извозчике и беспрестанно оглядываясь назад, ожидая погони и оправляясь своим тучным телом, чтобы не соскользнуть с дребезжащих старых дрожек, Пьер, оглядываясь вокруг себя, испытывал чувство, подобное тому, которое испытывает мальчик, убежавший из школы. Ему вдруг, без видимой причины стало весело, легко и даже всё ясно.

Он ушел из дома без всякого определенного намерения, но по мере того, как он подвигался, цель его поступка яснее и яснее определялась в его голове.

«И ушел, и кончено. Только бы они не догнали меня», говорил он себе, улыбаясь. «Во-первых, я останусь в Москве и никуда не уеду», говорил он себе. «Останусь тайно, не под своим именем, а переодетым в мужицкое платье и присоединюсь к народу. Да, так и сделаю. Меня никто знать не будет, и я сделаю что-нибудь... удивительное, что-нибудь необыкновенное. ббб... L'empereur Napoleon, l'russe Besuhof.... Французы войдут в Москву. Наполеон будет тут. Я буду в толпе народа. Он поравняется со мной. Я выдвинусь, у меня будет пистолет...»

— Смерть врагу человеческого рода, — проговорил он по-французски, вытягивая руку.

— Ничего, — отвечал он, улыбаясь, обратившемуся к нему извозчику.

«Я это и сделаю. А то, что они хотят, то пускай и делают. Пускай ищут меня. И зачем, — продолжал думать Пьер, — этот студент в Вене в 1809-м году хотел убить его кинжалом. Это была ошибка. Да, большая ошибка. Непременно пистолетом, который можно спрятать под поллой кафтана.¹

И как мне на душе легко и радостно», беспрестанно повторял он сам себе. — Послушай, извозчик, — обратился он к кривому старичку, который, погоняя концами вожжей, трясся перед ним. — Где продают ружья и пистолеты? Есть здесь близко?

— Ну, уж этого, барин, не скажу. Должно, на Тверской, там магазины есть всякие. Или вам туда надо?

— Нет, мне не надо, я так. А где крестьянское платье продают, самое простое, вот такое? — Он тронул за армяк извозчика.

— Это у Китай-города продажа идет. Али бо на рынке, коли вам из старого надо.

— Да, да, да, из старого.

— Там всякого найдешь. Воскресные дни с головы до ног обмундируешься, там не то, что платье, там всё найдешь, что ¹ *Над зачеркнутым текстом копии надписано и снова зач. рукой Толстого:* Тогда я понял. И теперь я сделаю то же самое. И Пьер, сидя на извозчике, приподнимал руку и целился, воображая себе живо, как он совершит это дело. <Но> и как жалко, что я не взял с собой пистолеты, подумал он. Вернуться теперь уж нельзя. Теперь всё кончено.

только твоей душеньке хоцца. Там не то, что платье, там что тебе только захоцца, али врея, али из шубного, кних этих. Вот там другой раз этих пистолетов, ружейного — страсть. Нонче только разобрано всё. Всё на француза раскупили. А вы не бывали, барин? Что ж, это вам любопытно? Ну, а что, барин, правда это говорят, измена вышла, Москву отдать хотят?

— Да, правда, правда, — сказал Пьер. — Что же говорят?¹

— Нонче как наш брат заиграл, а пуще того ломовой: по три рубля, веришь ты богу, до обеда зарабатываю. Вот я с вами поехал без ряды, потому надо понимать человека. А то меня барыня рядила, до Мытищ 5 рублей давала, да нам не рука. Купец и господа из города тронулись.² Нынче извощик дорог. Вот я без ряды поехал, а я бы меньше двух рублей и с мужика бы не взял.

Пьер, приблизившийся к извощику во время его разговоров о французе, теперь отдалился от него и³ стал ощупывать карманы. Денег с ним не было, ни кошелька, ни бумажника.⁴

«Ну, как-нибудь, — подумал Пьер,⁵ — не станет же он уж очень просить... Что ж такое два рубля»... и он опять углубился в радостные мысли о том, как он тайно, инкогнито останется в Москве и для блага всего человечества совершит замышленное им дело.

— Да вам куда же, на⁶ Патриаршие надо? — спросил извощик, когда они проехали еще с полчаса. — Вот они самые и есть.

— Ах, это, — сказал Пьер, — а это какая улица? — спросил он, указывая на поперечную улицу с низенькими домиками, разбросанными между садиками.

— Да бог ее знает. Ей и названья нет. Кривой переулок зовут, а то тоже старая Козиха. Та вон Козиха настоящая, а это — Грузины, одно слово.⁷ Так вас куда ж везть?

— Нет, ты подальше еще, — сказал Пьер,⁸ — пожалуйста, еще дальше, я...

¹ *Зачеркнуто вписанное:* — Пустое больше, — сказал извощик.

² *Далее автограф на полях, кончая:* замышленное им дело.

³ *Зач.:* беспокойно

⁴ *Зач.:* «Как я заплачу ему?»

⁵ *Зач.:* но тотчас же вслед за этим вопросом ему пришли мысли о том, что ему предстоит, и он забыл о извощике.

⁶ *Зач. вписанное:* Тверскую

⁷ *Зач. текст копии:* — А далеко еще до заставы? — спросил Пьер.

— Да не близко.

— Батюшка, ваше сиятельство, Петр Кирилыч! — послышался вдруг женский, звонкий, знакомый Пьеру голос от одного из садиков. *Над зач. вписан рукой Толстого последующий текст, продолженный на отдельных листах.*

⁸ *Зач.:* вспомнив, что у него не было денег

— Да куды ж дальше-то, — сказал извозчик и, оглянувшись на седока,¹ покачал головой.

— До Патриарших нанимал, значит и расчет подай, — сказал он, остановив лошадь.

— Вот видишь ли, — начал Пьер, — у меня здесь с собой денег... нет, а ты привези меня еще подальше, а потом...²

— Так что ж ты садился, когда денег нет? Когда б я знал, я б с тобой за целковый рубль не поехал.

— Нет, да вот ты, пожалуйста... еще немного, а тут я... тебе часы отдам, — вдруг с радостью, вспомнив о часах, быстро сказал Пьер.

— Эх, народ, — сказал извозчик, на что-то решившись, и опять погнал свою лошадь.

— Нет, ты, извозчик, пожалуйста.

— Ваше сиятельство, граф! — послышался в это время Пьеру тонкий, женский голос. Он оглянулся и по пыльной, немощеной улице увидел шедшую³ красивую, худую 30-летнюю женщину⁴ в шерстяном зеленом платье и шелковом лиловом платке на голове.

— А я говорю: граф, я сейчас признала, — говорила, ямочками улыбаясь, женщина, подходя к Пьеру. Извозчик остановил лошадь.

Пьер удивленными глазами смотрел на женщину, стараясь⁵ вспомнить, кто была эта знакомая женщина. Женщина, не умолкая, говорила.

— Хоть в каком экипаже ни будьте, а сейчас признала. Зачем, думаю, граф на таком извозчике заехал, а как глянула, тотчас узнала. Наш, говорю, граф. Здравствуйте, ваше сиятельство, — сказала она с чуть заметным веселым упреком за то, что Пьер не узнавал ее. — Куда изволите?

— Ах, Ак... Аксюш... Аксинья... — сказал Пьер, вдруг узнав бывшую красавицу горничную княжон, которая лет 6 тому назад вышла замуж за бедного чиновника.

— Аксюшей звать извольте, ваше сиятельство, — сказала она, — я этой глупой гордости не имею. Куда изволите?

Пьер тяжело слез с дрожек.

— Ты где же? Откуда? — спросил он.

— Я-то? Вот домик наш, домой шла, ваше сиятельство, у Грузинской княжне была, они выехали, кое-что мне оставили, — сказала она, указывая на узел, который несла за ней кухарка. — Я, ваше сиятельство, хоть и не благородного рода, а с хорошими господами знакомство имею, только я ¹ *Зачеркнуто*: строго и заметив в нем нерешительность и смущение,

² *Зач.*: я пошлю тебя с запиской

³ *Зач.*: женщ[ину]

⁴ *Зач.*: одетую в салоп и шляп[ку], шел[ковое]

⁵ *Зач.*: понять

никакой гордости не имею и напрасно так Евстигнейч, ваш дворецкий, обо мне понимали.

— Это твой дом? Аксюша, можно я к тебе пойду?

— Осчастливьте, ваше сиятельство, милости прошу, сюда ступай, — сказала она извозщику, указывая на свой домик, который был в 10 шагах, и направляясь к нему с Пьером.¹

— Ежели Евстигнейч на меня тогда сплели княжне, так бог их накажет. А я и не нуждаюсь, по милости божьей и вашей, а дай бог им. Я никогда интересанкой не была, и напрасно так обо мне понимают. Княжна сами тогда сказали: ты, Аксюша...²

№ 210 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XVIII?).³

— Эх, народ, — сказал извозчик, на что-то решившись, и опять погнал свою лошадь.

«Гм, как странно! — думал Пьер, улыбаясь.⁴ — Ну, куда же я попаду? — задал он себе вопрос. — Да, в гостиницу, куда-нибудь подальше за город. Там я пошлю за деньгами. Да, это будет очень хорошо».

— Извозчик, — начал было он, но в это время тонкий, женский голос окликнул Пьера. Он оглянулся и по пыльной, немощеной улице увидел шедшую красивую, худую 30-ти-летнюю женщину в шерстяном зеленом платье и шелковом, лиловом платке на голове, лицо которой показалось ему знакомо. Пьер тронул рукой спину извозчика, и извозчик остановился.

— А я говорю, граф, я сейчас признала, — говорила, ямочками улыбаясь, женщина, подходя к Пьеру.

Пьер смотрел на женщину, стараясь вспомнить, кто она была такая.

— Хоть в каком экипаже ни будьте, а сейчас признала. Зачем, думаю, граф на таком извозчике заехал; а как глянула, тотчас узнала. Наш, говорю, граф. Здравствуйте, ваше сиятельство, — сказала она с чуть заметным веселым упреком за то, что Пьер не узнавал ее. — Куда изволите?..

— Ах! Ак... Аксюша... Акси́нья, — сказал Пьер, вдруг узнав в этой женщине бывшую горничную княжон.

— Аксюшей звать извольте, ваше сиятельство, — сказала она. — Этой глупой гордости не имею.

— Здравствуй, здравствуй. Ну, прощай, прощай, поезжай. — ¹ *Зачеркнуто*: Она неумолкаемо говорила.

² *Далее текст переписан самим Толстым и совпадает с вариантом (автографом) № 207 до слов: Ты ведь жената? — вдруг спросил Пьер (стр. 271).*

³ *Переработанная копия конца предыдущего варианта (см. стр. 280).*

⁴ *Зач.*: Стало быть, я поеду.

Извозчик тронул.¹ — Постой, — вдруг сказал Пьер. — Ты где же? Откуда? — спросил он у женщины.

— Я-то? Вот домик наш. Домой шла, ваше сиятельство. У Грузинской княжны была. Оне выехали, кое-что мне оставили, — сказала она, указывая на узел, который несла за ней кухарка.² Я, ваше сиятельство, хоть и неблагородного рода, а с хорошими господами знакомство имею, только я никакой гордости не имею, и напрасно так Евстигнейч, ваш дворецкий, обо мне понимали.

— Это твой дом, Аксюша? — сказал Пьер, видимо на что-то решившись и слезая с дрожек. — Я к тебе пойду, можно?

— Осчастливите, ваше сиятельство, милости прошу. Вот и домик мой, — сказала она, указывая на дом, который был в 10-ти шагах. — Ежели Евстигнейч тогда на меня сплели княжне, так бог их накажет, — продолжала она, на ходу не переставая говорить ни на мгновенье. — А я и не нуждалась по милости божьей и вашей, а дай бог им... Я никогда интересанкой не была. Княжна сами тогда сказали: ты, Аксюша.....

— Ты ведь жената? — спросил Пьер.

— Замужем, ваше сиятельство, — улыбаясь ямочками, сказала Аксюша. — Разве не изволите помнить, мы у вас с мужем тогда были с поклоном. Я ничего не горжусь, что я будто чиновница стала. Бывают и благородные хуже простых.

— Ты что ж, уезжаешь с мужем? — спросил Пьер.

— Нет, ваше сиятельство, куда же ехать нам? С дураком-то моим (так она называла мужа) как ехать-то? А вы изволите?

В это время они вошли в ворота маленького домика. Пьер остановился и взял ее за руку.

— Аксюша, поместишь ты меня у себя в доме совсем и чтобы никто не знал?³

— Как, ко мне жить? — вскрикнула Аксюша. — Шутить изволите?

— Нет, я не шучу, истинная правда.

— Деньги-то что ж, — послышался голос извозчика.

— Я тебе заплачу за это,⁴ — продолжал Пьер, — но только теперь у меня денег нету. Ты извознику отдай, и еще мне нужно одну вещь, — сказал он скороговоркой.

Услыхав эти странные от Пьера слова, лицо Аксюши вдруг приняло серьезное выражение, но это продолжалось только одно мгновение. Опять заиграли ямочки на ее лице, и она поспешно заговорила:

¹ *Зачеркнуто*: Куда же изволите, ваше сиятельство?

² *Зач.*: А вот и дом наш.

³ *Зач.*: Ваше сиятельство, за счастье почту.

⁴ *Зач.*: — Ах, помилуйте.

— И, помилуйте, граф, что изволите говорить — у вас денег нет.

— Право.

— А нет, так у нас найдутся, кому другому...¹

— Ну, так пойдем скорее.

И Пьер большими шагами вошел с ней на крыльцо, в переднюю и маленькую гостиную с геранями на окнах.

— Милости прошу, вот не чаяла, не гадала гостя такого, на диван пожалуйста, чем просить ваше сиятельство.

— Мне ничего не нужно, только поговорить, — сказал Пьер, садясь на диван.²

В это время в комнату вошел невысокий, плешивый, старый человек с красным носом и в калошах на босу ногу и, сердито уставившись на Пьера, остановился у двери.

— Это кто же? — сказал Пьер.

— Муж, граф, — как бы извиняясь, сказала Аксюша. — Большого ума был, а теперь, как изволите видеть, ослаб.

— Ступайте, Тимофеич, — сказала она старичку, и старичок покорно вышел.

— Надо, чтоб муж твой не знал, кто я, — сказал Пьер.

— Тимофеич-то? — смеясь, сказала она. — Кому ему сказать-то. Он теперь, граф, как ребенок малый. А большого ума был, граф. И генерал ихний говорит, что если б не пил, так этому человеку цены нет, и я бы с ним, говорит, в жизнь не расстался.

— Так вот мне об чем с тобой поговорить надо, — начал Пьер, но Аксюша перебила его:

— Так рубль извощику отдать прикажете?

— Да, да.

Аксюша вышла и, едва только Пьер остался один, как в комнату опять тихо вошел³ старичок в калошах и, строго косясь на гостя и не кланяясь ему, молча сел у окна, облокотив трясущуюся руку на подоконник и не спуская воспаленных глаз с Пьера.

— Вы — муж Аксиньи... Петровны? — спросил Пьер.

— Аксиньи Ларивоновны, — поправил сердито старичок. — Я ихний супруг...

Молчание долго продолжалось.

— А они — мои супруги, — сказал старичок, всё не спуская глаз.

¹ *Зачеркнуто:* а вам

² *Зач.:* — Пожалуйста, извощику отдай и приходи, мы поговорим.

В щели двери смотрели любопытные глаза. Аксюша, выходя из комнаты, открыла старого человека с красным лицом и в калошах на босу ногу, который любопытно и строго смотрел на гостя. Это был муж Аксюши.

— Аксюша, — сказал Пьер, подзывая ее к себе. — Это — муж твой?

³ *Зач.:* тот же

— Извощику отдала, граф, — сказала входя Аксюша и неодобрительно посмотрела на мужа.

— Вы бы шли, Тимофеич, — обратилась она к нему.

— Они — графы? — сказал муж.

— Да уж кто бы ни был, они у нас жить будут.¹

Тимофеич приподнялся и прокашлялся.

— Обедать пора, — сказал он строго и пошел в дверь.² С этого дня Пьер поселился у Аксиньи Ларивоновны.³

Он встретил Ростовых в тот день, как он в первый раз, обновив приобретенный Аксюшей и предварительно выпаренный армяк, ходил с своей хозяйкой покупать пистолет.

* № 211 (рук. 95. Т. III, ч. 3, гл. XVIII).⁴

Переселившись в дом Аксиньи Ларивоновны, Пьер⁵ испытывал чувство интереса и обновления, подобное тому, которое испытывает путешественник, приехав в новые, необитаемые страны, вокруг себя видя новые, невиданные⁶ нравы и обычаи.⁷

⁸ Домашние ее состояли из ее мужа, тихого, болезненного человека, ходившего в калошах на босу ногу, матери Аксюши, 70-летней старухи, 12-тилетней дочери, кухарки и дворника.⁹

¹ *Зачеркнуто*: — Это можно, — сказал

² *Зач.*: Аксюша поместила у себя Пьера <обещала достать ему и пистолет, и кафтан и к 31 августа действительно приобрела обе нужные вещи> и 1 сентября с ним вместе ходила покупать пистолет и во время этого

³ *Зач.*: <и с ней-то встретили его Ростовы>. Достав с помощью ее кафтан и пистолет

⁴ *Новый автограф*.

⁵ *Зач.*: совершенно успокоился. Приятное чувство из-за простоты положения[?]

⁶ *Зач.*: лица

⁷ *Зач.*: <В первый день его <переезда> пребывания в новом жилище Аксюша, ее муж, кухарка и мальчик дичились его, видимо, для него изменяли свой обычный образ жизни и, очевидно, стесняясь для гостя, оказывали ему тяжелое для Пьера уважение. Все домашние находились под> Аксинья Ларивоновна устроила для Пьера помещение за перегородкой, выгнав оттуда *своего дурака*, и сама с помощью кухарки перенесла вещи, перевесила платье и <вновь расставила> велела кухарке мести и мыть. Как только Аксюша вернулась домой, так Пьера поразила происшедшая в ней перемена. Она

На полях конспект: <Живут, чтоб есть.

31 пошел ходить. Ростова.

Ночь. Убийство.

Проспал.

Нельзя убить.

Вернулся домой.>

⁸ *Зач.*: Пьер уже 3-й день жил на Пресне в уединенном доме Аксиньи Ларивоновны.

⁹ *Зач.*: Пьеру отведено было помещение за перегородкой.

Аксюша, всегда ровная, веселая, деятельная, приняла к себе своего бывшего барина так же просто, как ежели бы такие гости у ней бывали всегда. Она¹ столь многое привыкла не понимать в своей жизни, что переселение к ней Пьера, причины которого она не понимала, она приняла, как обыкновенное событие, нисколько не² странное и не выходящее из общего порядка. «Что-нибудь от жены», решила она себе и совершенно удовлетворилась этим общим объяснением. Она в этом переселении видела только необходимость некоторых хозяйственных распоряжений, к которым она, вернувшись домой, тотчас же и приступила. Она выгнала своего дурака из-за перегородки, велела там мыть и мести, перевесила платья, расставила вещи и спросила, не нужно ли еще чего-нибудь принести Пьеру из его дома. Пьер сказал, что ему ничего не нужно, кроме мужицкого платья и пистолета. Аксинья Ларивонова обещалась достать эти вещи и тотчас же принялась за другие свои хозяйственные занятия. Пьер почти не имел случая разговаривать и видеться нею. С той самой минуты, как она пришла и сняла свое городское платье, она тотчас же принялась с своими домашними за занятия, которые непрерывно продолжались целые дни от утра до вечера. Цель этих занятий, поглощавших труды девочки, старухи, кухарки и самой Аксиньи Ларивоновны (только один дурак ничего не делал и сидел с Пьером), состояла только в том, чтобы кормить, поить и одевать друг друга. И занятия эти имели такой поспешный, не прерывающийся характер, что казалось невозможным ни одному из этих людей остановиться в этих занятиях на минуту без того, чтобы не прекратить удовлетворение какой-нибудь насущной потребности. Только что Аксинья Ларивонова пришла,³ как она торопливо принялась за обед: готовить, месить, накрывать, потом есть, потом мести, потом шить, потом ставить самовар, бежать за коровой, потом самовар ставить, собирать ужин и т. д. и т. д. от утра до вечера. Пьеру странно было смотреть на это и видеть только <себя и> дурака ничего не делающим. О себе он не думал, потому что он в это время додумывал тот великий поступок, который он намеревался совершить. [К] 31 августа кафтан для него был готов, расставлен и выпарен Аксиньей Ларивоновой, и он ходил выбирать пистолет, и в этот день встретил Ростовых.

Вернувшись домой после своей встречи с Наташей, Пьер лег за перегородкой на приготовленную для него короткую кровать, покрытую из кусочков собранным одеялом, и, не отвечая на слова Аксиньи Ларивоновны и ее мужа, отказываясь от¹ *Зачеркнуто*: смотрела на переселение к ней Пьера, как на самое обыкновенное <так>

² *Зач.*: более

³ *Зач.*: был собран

чая и не раздеваясь, лежал так до тех пор, пока в доме всё затихло. В середине ночи он встал, снял со стены пистолет, принесенный из его дома Аксиной Ларивоновной, зарядил его и потихоньку вышел на двор. Ходя в темноте по двору, он несколько раз останавливался и прицеливался в невидимого врага, произнося неясные французские слова, или останавливался в покорной позе и грустно шептал что-то. Невидимый враг был Наполеон, которого Пьер намеревался убить, встретив его на улицах Москвы, и произносимые слова была та речь, которую он скажет при этом окружающим, покорная поза и грустный шопот выражали ту минуту, когда Пьера схватят и поведут расстреливать, как схватили и расстреляли того немецкого студента, который хотел также убить Наполеона.

Иногда Пьеру приходила в голову мысль, что ежели бы он хотел, он мог бы теперь ехать вместе с Ростовыми в Ярославль, быть вместе с Наташей или остаться в Москве здесь с нею (как она шутя сказала это). Но как только мысль эта приходила ему, так он¹ поспешно обращался воображением к своему намерению убийства. «Я не поехал с ними и остался здесь, — говорил он себе, — и потому мое пребывание здесь не может остаться без значительных последствий. Я должен совершить что-нибудь великое. И это великое есть убийство злодея. 666, l'empereur Napoleon предел 42 и russe Besuhof».²

³ На другой день, 1 сентября, Пьер проснулся, когда уже французы вступали в город. Слышны уже были выстрелы в Кремле, и ходившие смотреть домашние и соседи рассказывали, что французов видимо-невидимо вошло⁴ в город⁵ в Драгомиловскую, Пресненскую и Тверскую заставы.⁶

В том квартале, в котором был дом Аксины Ларивоновны, до вечера 1 сентября не видно было ни одного француза. Как ни свободно всачивалась вода французского войска в огромную губку пустой Москвы, Москва была так велика, что от центра¹ *Зачеркнуто*: с особенным

² [император Наполеон... русский Безухов.]

³ *Зач.*: Измученный волновавшими его мыслями, Пьер вернулся в дом уж перед утром и заснул тяжелым сном. Когда он проснулся

⁴ *Зач.*: в Кремль

⁵ *Зач.*: по Пресненской

⁶ *Зач.*: Пьер взял свой пистолет под армяк и пошел в город для того, [чтобы] выждать и убить Бонапарта. По Тверской Пьер встретил первую колонну французов. Генерал, смуглый и красивый, ехал впереди и, улыбаясь, говорил что-то с ехавшим подле офицером. Позади шли весело солдаты, один остановился подле церкви и забежал в нее.

— L'Empereur est entré? [Император вступил?] — спросил Пьер.

— L'Empereur entre demain [Император вступает завтра], — сказал солдат.

— Et dites donc, vous parlez français. Qu'est ce que ça? [Эй, послушайте, вы говорите по-французски. Что это такое?] Пьер убежал от него, и чувство злобы поднялось.

Убить всех. Он

Кремля только ввечеру стали достигать расплывающиеся звездой французские солдаты до оконечностей Пресни.¹

Не отвечая ни слова на рассказы и расспросы домашних, Пьер оделся и вышел на крыльцо.

— Куда, ваше сиятельство? — спросила у него Аксюша, с засученными худыми руками, вышедшая из кухни провожать его.

— Мне надо. Прощай, Аксюша, — сказал Пьер невольно торжественным тоном.

— Что же мне делать-то, — сказала Аксюша, — коли придут? Я думаю, пусть лучше. Мавра ходила к Филипповне, сказывала, зашли трое в дом, избили старуху, чуть жива, всё унесли и корову угнали.

— Босые, веревочками подпоясаны, а с ружьями, — подтвердила высунувшаяся из двери кухарка. — Русь, русь, говорят на меня-то. Я как вдарюсь бежать.

— Что же, ведь это — беда, — сказала Аксюша.

— Ничего, — отвечал Пьер невольно тем тоном, которым говорит человек о тех беспорядках, которые он намерен прекратить. — Ничего, пройдет. Прощай, Аксюша.

И Пьер сошел с крыльца и быстрыми шагами пошел по улице.

Выйдя из вида дома Аксюши, Пьер остановился. Ужасное намерение, твердо взятое им, — убить человека — со всей ясностью действительности представилось ему. Он постоял, подумал. «Не только одного *его*, но всех убить имею право и должен», сказал он себе и пошел дальше. На улицах было пусто. Пьер шел по направлению к Тверскому бульвару. Выйдя на бульвар, навстречу ему показалась кавалерийская колонна французов. Пьер поспешно перешел на ту сторону, по которой шла колонна. Веселые, самодовольные, несомненно радостные ¹ *Зачеркнуто*: «В то время, как первые французы показались на Пресне, Пьер был дома.» Утро это Пьер «провел в городе, ходя из улицы в улицу, глядя на французов, отыскивая Бон[апарта] и сжимая под кафтаном ручку пистолета. Наполеона не было, но, глядя на веселые, равнодушные лица, Пьер испытывал чувство злобы» проспал. «Когда он» Его разбудил «громкий говор и» испуганный крик женщины и громкий говор в сенях. Пьер в подштанниках вышел «на улицу» из своей комнаты. В маленькой приемной стоял в дверях французский гусар, маленький, худенький, с птичьим выражением лица, в малиновом оборванном и затасканном мундире.

Аксинья Ларивоновна, покрасневшая, стояла против него. Дурак и кухарка выглядывали из чулана.

— Un morceau de quelque chose, du pain s'il vous plaît [Один кусочек чего-нибудь, хлеба, пожалуйста], — говорил француз. — Услыхав шаги Пьера и увидав его огромную фигуру, француз поспешно отскочил.

— Oh monsieur, — сказал француз, — je me demande que ce qu'on voudra bien me donner — un morceau de viande, un verre de vin peut-être [О господин... я прошу то, что вы пожелаете мне дать — кусок говядины, стакан вина, может быть]. Пьер перевел требование француза и сам вышел одеться. Когда он вернулся, француз обтирал рот и раскланивался, благодаря.

лица французов неожиданно поразили Пьера. И их было так много, и все они так были уверены, что было хорошо то, что они делали, что Пьер почувствовал сомнение в справедливости замышляемого им. «Нет, всё равно, я решился», подумал он, и, быстро подвигаясь вперед к начальнику, ехавшему впереди, Пьер стал искать под кафтаном рукою пистолет. Но тут только он заметил, что пистолет-то он и забыл взять с собою в то время, как пошел убить Наполеона. Пьер¹ повернулся и почти бегом побежал домой.

* № 212 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXIII).²

У угла³ Маросейки, против большого с закрытыми ставнями дома, на котором была вывеска сапожного мастера,⁴ стояло человек 10 сапожников, худых, истощенных людей в халатах и чуйках. Около сапожников собралось несколько разного пола и сословия людей, прислушивающихся к тому, что говорили сапожники.

— Он народ разотчи, как следует, — говорил⁵ широкоплечий, желтый и худой⁶ мастеровой с редкой бородой и нахмуренными бровями. А⁷ что ж он нашу кровь сосал, да и квит? Нет, брат. Он нас водил, водил всю неделю. А теперь довел⁸ до конца до последнего, а сам уехал. Нет, ты расчет подай, а то мы с тобой, брат, поправимся.

— То хозяйское дело, хозяйское дело, — отвечал человек в кафтане, вероятно дворник, к которому обращался сапожник.⁹ Видно было, что¹⁰ этот дворник уже давно всё повторял одни и те же слова.

Толпа фабричных,¹¹ окружающая целовальника, приостановилась. Целовальник,¹² воспользовавшись тем, что...¹³ вернулся назад к своему кабаку, высокий малый¹⁴ продвинулся к говорившему сапожнику.

— Эх, ворона! — крикнул он на человека в кафтане, поднимая¹ *Зачеркнуто*: остановился.

² Автограф.

³ Зач.: Кузнецкого моста

⁴ Зач.: бурлила другая толпа, ядро которой составляли пришедшие за расчетом к хозяину мастеровые.

⁵ Зач.: высокий

⁶ Зач.: сапожник

⁷ Зач.: не то, что обман делать

⁸ Зач.: что ханцуза пустили

⁹ Зач.: с таким испуганным выражением, что видно было, что,

¹⁰ Зач.: не зная, что говорить

¹¹ Зач.: с <Неглинной> Варварки присоединилась к толпе *Осталось незачеркнутым*: сапожников

¹² Зач.: затерявшись в народе <смешавшись>

¹³ Край листа оборван.

¹⁴ Зач.: обращая на себя внимание своим большим ростом и решительным жестом руки

свою оголенную руку и продолжая выводить ею такт какой-то, вероятно, всё еще слушаемой им разгульной песни.¹ — Он покажи закон, порядок покажи, на то начальства постановлена. Так ли я говорю, православные? Эх, ребята!² — певучим голосом вскрикивал он, всё разводя рукой и чуть заметно³ улыбаясь.

— Он думает, начальства нет! Разве без начальства можно? А то грабить-то их мало ли их, — одобрительно заговорили в толпе. — Он придет, либо нет, а свое дело знай. Начальник всему делу голова. Хранцуз... Эх, народ!.. Ни к чему говоришь. А, значит, я, говорит, никого не боюсь... Так его и пустили. Войсков мало, что ли, у нас...⁴

К образовавшейся⁵ кучке людей с разных сторон подходили⁶ люди,⁷ и толпа увеличивалась.

* № 213 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXIII).⁸

⁹Каждый человек из этой¹⁰ толпы не знал того, зачем собрался¹¹ и стоит тут народ, но каждый думал, что ежели он не знает этого, то это знают другие и точно так же, глядя на него, предполагая в нем это знание, думали другие. Толпа нажималась беспрестанно то в ту, то в другую сторону на те пункты,¹ *Зачеркнуто*: — Буде, буде, шабаш!

² *Зач.*: Приспела!

³ *Зач.*: торжественно

⁴ *Зач.*: Тюлень

⁵ *Зач.*: толпе на углу <Кузнецкого моста> Лубянской площади

⁶ *Зач.*: <группки> кучки людей и отдельные люди

⁷ *Зач.*: и сливались с большой толпой.

⁸ *Копия.*

⁹ *Зач.*: Выйдя на угол Кузнецкого моста, люди эти <встретили тут... толпу, ядро которой составляли пришедшие за расчетом сапожники в халатах> сошлись с стоявшими у угла большого дома пришедшими к хозяину за расчетом сапожниками и соединились с ними. Пока, остановившись, бурчала эта соединившаяся толпа, вдоль по стене Китай-города показались сопутствуемые женщинами и кричавшими мальчишками пьяные люди с ружьями, шедшие из Кремля. Всё бросилось за ними.

— Да куда же идет народ-то? — спрашивали друг у друга, и никто не мог определенительно ответить на этот вопрос.

Целовальник давно уже вернулся домой, и высокий, пьяный малый, затерявшись в толпе, сам не знал, куда и зачем он шел, хотя и продолжал всё так же засучивать свой рукав.

Подобно физическому закону притяжения капельных жидкостей, другие толпы, собравшиеся на Петровке, на Кузнецком, на Софийке вокруг своих отдельных центров, увидав друг друга, соединились между собой и к толпам присоединялись отдельные личности. По мере увеличения толпы уничтожались отдельные интересы и возникал общий, хотя и не высказываемый, интерес настоящей минуты.

¹⁰ *Зач.*: тысячной

¹¹ *Зач.*: весь этот

где кто-нибудь начинал говорить или кричать, надеясь найти выражение занимавших каждого мыслей.¹

В Ильинских воротах слышались громкие крики, и несколько человек мужиков вышли оттуда с ружьями и копьями, которые они несли на своих плечах. Мальчишки и бабы бежали за ними. Большая толпа двинулась навстречу этим людям, и эти люди, большей частью поденные рабочие, направились к толпе и тотчас же сошлись с нею.

Мужики эти рассказывали, что раздают ружья народу, что войска ушли в обход, что сперва англичане идут, что француз на горе стоит и что под него народ собирают.

К одной стороне толпы к человеку в фризовой шинели, державшему бумагу, жалось² большинство людей.

— Указ читают, указ читают, — говорили в народе.

Это читали афишу от 31 августа (стр. 177 и 178).³

Никто, даже сам чтец, решительно не понимал смысла читаемого, но во всех людях, разливаясь волною по толпе, одинаково выражалось беспокойное чувство того, что что-то совершается необычайное, и радостное чувство того, что⁴ начальство есть и озабочено всеми ими.

№ 214 (рук. 94. Т. III, ч. 3, гл. XXV?).⁵

другой имел странное лицо и был в странном одеянии. На нем был больничный халат и колпак.

— Где граф? Мне нужно графа, нужно скорее: жизнь человеческая и душа человеческая зависит от этого. Где граф, — спрашивал, беспокойно поводя черными, как уголь, с опущенными зрачками глазами, человек в бобровом картузе, знакомый Евстафичу.¹ *Зачеркнуто*: Перемешавшись между собой, толпились на Лубянской площади мужики, извозчики, дворовые люди, мелочные торговки и торговцы, отсталые солдаты, фабричные, кузнецы, иностранцы, духовные, дворники, лавочники и мастеровые — портные, сапожники, кузнецы и фабричные, составлявшие большинство толпы.

— Он думает и начальства нет, — говорили в нараставшей толпе. — Разве без начальства можно? Он покажи порядок, закон покажи. А то грабить-то мало ли их. Во, говорят, острожных повыпустили. Эх, народ! Что про хранцуза-то говорить. Он придет, либо нет, а свое дело знай. На то начальство. Начальник — всему делу голова. Хранцуз... Ни к чему говоришь, а значит, я, говорит, никого не боюсь!

На Лубянской площади слышался гам [?] около выезжавших возов, которые остановили портные, растаскивая наложенное платье. На Лубянскую площадь с разных улиц бежал народ, присоединяясь к народу, и огромная толпа в несколько тысяч народа бурлила, не сходя с места.

Вместо зач. рукой Толстого вписан дальнейший текст до конца варианта.

² *Зач.*: толпа

³ *Зач.*: Дальше от этого центра волной разливались комментарии на это чтение.

⁴ *Зач.*: что-то

⁵ *Автограф, не имеющий начала и конца.*

И еще не успел Евстафьич ответить, как человек в картузе продолжал:¹

— Я иду по улице и вижу Никанора Верещагина, ведомого на казнь. Он сказал мне: граф один спасет меня, беги к нему, и я нашел дом его. Где он? Где спаситель его?

— Да нету графа, я сам второй день ищу, — отвечал Евстафьич. — Да вы сами, Иван Макарыч, откуда и с кем? — прибавил Евстафьич, недоверчиво оглядывая товарища Ивана Макарыча и самого Ивана Макарыча, которого он знал прежде молодым студентом, хаживавшим вместе с другими студентами иногда к графу. Тогда он бывал одет чисто и аккуратно и держал себя скромно и робко, теперь на нем был старый серый сюртук, подштанники и прорванные сапоги с нечищенными красными голенищами. Лицо его теперь было худо, обросшее неровными клочками бороды, и желто. Черные, агатовые зрачки его бегали тревожно и низко по шафранно-желтым белкам. Говорил он не громко, так, как будто он не заботился о том, чтобы его слышали другие, а говорил только для того, чтобы говорить и самому себя слышать. Во всё время своего разговора на лице его не только ни разу не мелькнуло ничего похожего на улыбку, но очевидно было, что лицо это утратило уже возможность улыбающегося выражения. Непрестанное выражение его лица было выражение строгого осуждения.²

— Откуда я? Я из желтого дома, из дома сумашедших, где по злобе и коварству людскому я содержался до сего времени. Нынешнего числа выпустили нас, и умных, и безумных (вот он — безумен, но кроток и не опасен), — он указал на товарища. — Меня выпустили, и я пошел к другу моему Верещагину. Я знал, что он содержался в яме и встретил его, ведомого к графу. Ты знаешь графа Растопчина, графа, — повторил он с отвращением в голосе. — Они мучали, томили его и повели на казнь. Он сказал: спаси меня. Где он? Где спаситель наш?

— Да, право, не знаю, Иван Макарыч, я³ уже везде искал, нету, вот хотел сходить на Поварскую к графу Ростову, сказывали, они не уехали, так не с ними ли граф остался.

— На Поварской, с правой стороны? Ростова? — повторил Иван Макарыч. — Идем, Жеребцов, — обратился он к своему товарищу, который робко стоял всё это время у крыльца, что-то открывая в ладони, смеясь и быстро опять закрывая. Жеребцов покорно и поспешно побежал за своим путеводителем.

Иван Макарыч был меньшей сын богатого священника одного из московских приходов. Оказав большие способности в семинарии ¹ *Зачеркнуто*: Сказано: будьте кротки, яко голуби, и хитры, яко змеи. Хитрость и кротость даны ему и

² *Зач.*: — Да вы об чем? — спросил Евстафьич.

— Сказываю тебе

³ *Зач.*: сам хотел сходить

и неохоту к поступлению в священники, он поступил в 1810 году в университет и там в особенности сошелся с двумя товарищами: молодым Ключаревым, сыном московского почтдиректора, и Верещагиным, купеческим сыном. Ключарев старик, старый масон и потому близкий человек Пьеру, познакомил¹ всех трех молодых людей с Пьером. И в первое время своего приезда в Москву Пьер иногда видал их и через Ключарева помогал Ивану Макарычу, не имевшему никаких средств к жизни. Иван Макарыч, так как ему было уже 28 лет, был введен в ложу, и² тайны масонского учения до такой степени овладели им, что он бросил учение, в котором, по словам профессоров, он оказывал необыкновенные способности, и погрузился в³ изыскание начал вещей. В 1812 году на Святой неделе, в дни сборов раскольников перед соборами и споров их с православными, Иван Макарыч пришел туда и, обращая на себя общее внимание своим огромным ростом и своей складной русской речью, начал проповедывать свое учение о начале начал и был взят и посажен в сумашедший дом. Иван Макарыч не был сумашедший, когда его посадили, и⁴ в⁵ 9 месяцев, которые он просидел там, не сошел с ума, хотя он и представлялся сумашедшим зрителям и докторам заведения. Иван Макарыч не был сумашедшим, но он был то, что народ называет зачитавшимся человеком, а что психолог назвал бы человеком, презирающим решения вопросов конечных и ищущим решения только тех вопросов, которые граничат с бесконечностью. В житейских отношениях Иван Макарыч был прост, добр и кроток, как ребенок. Он отдавал всякому свое последнее, разрешал даже споры между сумашедшими, работал, записывал счета для казначея, но всё это он делал как бы механически, не душой, а одним телом, не приписывая такого рода жизни никакого значения. Силы⁶

* № 215 (Рук. 95. Т. III, ч. 3, гл. XXV).

<В то время как граф Ростопчин на быстрых лошадях ехал через Сокольницкое шоссе к Яузе, он видел странных людей,⁷ молчаливо и нерешительно движущихся по полю. Люди эти были в белых халатах и один из них, высокий, черный, побежал наперерез дрожкам графа и что-то прокричал ему о смерти, убийстве и воскресении. Это был один из сумашедших,¹ *Зачеркнуто*: обоих

² *Зач.*: мистицизм

³ *Зач.*: изучение всех

⁴ *Зач.*: еще менее

⁵ *Зач.*: целые

⁶ *На этом автограф обрывается.*

⁷ *Зач.*: робко и

которых в это утро распустили из желтого дома. В 4-м часу дня некоторые из этих сумашедших проникли в город и являлись странными фигурами и лицами, наводили ужас на остававшихся жителей.>

* № 216 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XXV).

«Il faut être Romain».¹ Граф Растопчин велел вывести Верещагина на крыльцо и вслед за ним вышел сам. Толпа жадно надвинулась. Иван Макарыч стоял шагов за 30, не в силах двинуться вперед, но, благодаря своему росту, видя всё, что перед ним происходило.

На широком крыльце между двумя драгунами в синих мундирах и красных воротниках стоял² молодой, белокурый человек, бледный, худой, с тонкими губами, горбатым, заостренным носиком и усталыми глазами. В прическе, в костюме его, лисьем тулупчике, в высоких с сморщенными голенищами тонких сапогах, в полуулыбке, которая остановилась на его лице, было то знакомое и неприятное всегда Ивану Макаровичу выражение щегольства, хвастовства и тщеславия, за которые Иван Макарович всегда упрекал своего друга. Он стоял, отставив ногу, согнувшись одним плечом, держал одну руку в кармане, другой с тонкими пальцами приглаживал волосы и беспрестанно приподнимал брови. Он, видимо, старался казаться небрежным. Растопчин вышел, взглянул на него, и рука Верещагина опустилась и задрожала.

— Прежде всего мне надо управиться с изменником! — закричал граф Растопчин. — Вы видите этого человека. От него погибает Москва.

Удивленные, встревоженные лица смотрели на Растопчина, в числе выдвинутых вперед лиц больше всех бросалось в глаза Растопчину лицо с большими рыжими бровями и рыжей, закрутившейся бородой кучера или извозчика. Для Растопчина это было олицетворение de la plèbe, de la lie du peuple,³ и он к нему более обращался. Кучер утвердительно мигал бровями на каждое слово Растопчина.⁴

— Он — изменник своему царю и отечеству,⁵ — крикнул Растопчин,⁶ торжественным жестом указывая на Верещагина, и замолк. Во время этого молчания Верещагин невольно улыбнулся грустно и покачал головой. Иван Макарович узнал этот упрямый жест, знакомый ему в спорах с Верещагиным.⁷ Этот¹ [Надо быть римлянином.]

² Слово: его по ошибке осталось незачеркнутым, далее зачеркнуто: друг
Верещагин

³ [черни, подонков населения,]

⁴ Зач.: После Растопчина зам

⁵ Зач.: закри[чал]

⁶ Зач.: с

⁷ Зач.: Мож[ет?]

взгляд как бы порохом взорвал Растопчина. Он отодвинулся и закричал, обращаясь к драгунам:

— Бей, руби его. Бей, я приказываю.

— Ваше, ваше... сиятельство, — проговорил трясущимися губами драгун, расставляя руки.

— Что?!! Вы¹ головой мне ответите, — крикнул Растопчин. — Я приказываю.

— Сабли вон! — крикнул офицер драгунов, сам вынимая саблю, и вдруг Верещагин схватился за лицо и закричал страшным тонким голосом. Драгун с злым лицом толкнул его ногой с крыльца, другой замахивался на него саблей.²

— Своим судом расправляйтесь с ним, — крикнул Растопчин и опять невольно взглянул на рыжего представителя de la plèbe.³

Рыжий кучер, согнувшись и закрыв лицо руками, задыхаясь, теснился прочь от крыльца. Почти все, стоявшие в первом ряду, сделали то же. Но в то время, как эти теснились назад, толпа напирала вперед и те, которые не видали того, что было, особенно те, которые были с пиками и ружьями, наваливались на злодея, которого била еще команда драгун, и били его. Тем, которые были сзади, казалось, что этот злодей сейчас только что сделал ужасное. В толпе говорили, что он убить хотел Растопчина, что он царя убить хотел, что он — француз, и несколько человек пристало к драгунам, которые, схватив за ноги его тело, потащили его со двора.

Иван Макарыч дотеснился до ядра толпы и увидал⁴ разбитое и измазанное в крови и пыли, мертвое лицо, которое билось по мостовой.

— Убийцы царства божия не узрят, кто ударит мечом — от меча и погибнут, — заговорил он быстро⁵ ноющим голосом.

— Господи, прости их. Блажен Александр, яко ты царствие узришь, яко из смрада жизни через очищение муки в жизнь вечную,⁶ святую перенесен есть.

Большая толпа собралась около Ивана Макаровича.

— Люди, что вы сделали? — закричал он и, закрыв лицо руками, зарыдал и побежал из толпы.

— За что же? Кто он? — спрашивали в толпе. — Как звать? Александром. Господи помилуй.

И толпа долго теснилась около трупа, лежащего на улице и окруженного драгунами. Народ теснился, чтобы поднять и снести хоронить его, но драгуны не подпускали.

¹ *Зачеркнуто*: знаете ли

² *Зач.*: Растопчин

³ [черни.]

⁴ *Зач.*: зна[комое]

⁵ *Зач.*: рыдающим

⁶ *Зач.*: чистую

— Не велено, — говорили они.¹

Через час после этого граф Раstopчин, успевши на быстрых лошадях своих, сопутствуемый и предшествуемый конными драгунами, очищавшими ему дорогу, съездил в свою дачу в Сокольники для домашних распоряжений и² приехал к Яузскому мосту, у которого еще шли войска.

³Было жарко. Кутузов, нахмуренный, унылый, сидел на лавке около моста и плетью играл по песку, когда с шумом подскакали к нему дрожки и невысокий человек в генеральском мундире и в шляпе с плюмажем смело подошел к нему и стал по-французски говорить ему о том, что вот он, граф Раstopчин, явился сюда⁴ потому, что Москвы и столицы нет больше, а есть одна армия.

Кутузов взглянул на него и в лице этого беспокойного человека прочел сознание совершенного преступления; он с отвращением еще раз взглянул на него, как бы отыскивая еще признаки, и отвернулся молча.

— Я явился к вам, так как я больше — ничто, — сказал Раstopчин. Опять Кутузов посмотрел на него.

— Так извольте распорядиться очищением дороги для войск, — сказал он спокойно и строго.

⁵И, — странное дело — гордый Раstopчин, беспомощно оглядываясь и стараясь улыбаться, пошел вперед к мосту и, подняв нагайку, стал разгонять толпившийся народ.

* № 217 (рук. № 94. Т. III, ч. 3, гл. XXV).⁶

⁷Челюсть его затряслась, когда он увидел это. Он ехал, бледный и ужасенный. Но он не признал того, что причиной этого волнения было убийство, совершенное им. Ему это и в голову не приходило. Ему казалось, что его волнует весь ужас положения Москвы, отечества, *le bien publique*.⁸ Но этот вскрик, фамильярный и торжественный: «Граф, один бог над нами», и ему представлялось его лицо. «Нет, я расстроен бессонной ночью и всеми событиями дня. Как ужасна чернь — *la populace*. *Il leur fallait une victime. J'ai fait ça pour le bien publique*.⁹ Бог знает, что бы было, ежели бы мне не пришла эта счастливая мысль. Несомненно, что они разорвали бы меня. И тогда что было бы с Москвой, с Россией. *J'ai fait ça pour le bien* ¹ *На полях*: Сумашедшим голосом говорит и бежит за Раstopчиным

² *Зачеркнуто*: вернулся

³ *Зач.*: Кутузов

⁴ *Зач.*: только

⁵ *Зач.*: Желая

⁶ *Автограф*.

⁷ *Зач.*: Он ехал со [?]

⁸ общественное благо.

⁹ [Им нужна была жертва. Я сделал это для общественного блага.]

publique,¹ — повторял он себе, как повторяет это понятие блага других людей всякий человек, совершивший преступление. — И не могло быть более заслужившей кары жертвы, как этот негодяй. Как он закричал, взглянул на меня! И его лицо, взгляд... Вот — труды мои. Всё пропало, всё погублено. А как ужасна чернь. Как бросились эти люди и как застонал он. Чернь, да, это — та чернь, которая делала революцию во Франции».

И мысли далекие о революции и т. д. пришли ему в голову, но представление лица Верещагина беспрестанно перебивало их. Поспешно распорядившись в Сокольниках, он ехал, продолжал думать о том и удивлялся упорству представлений о Верещагине. У Яузского моста сидел его враг, не обращая на него внимания, и злоба вскипела в нем.

* № 218 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXV).²

ны и всегда бывают исполнены. И это совершенно справедливо с точки зрения администратора, никогда не имеющего непосредственного отношения к народу. Чего бы ни желал народ, правитель всегда может не дать этому желанию выражения в административном порядке (хотя, само собой разумеется, желание это, ежели оно есть потребность, найдет всегда обход административному неразрешению и найдет себе удовлетворение в действительности) и всё, что ни прикажет правитель, всё будет исполнено в административном порядке³ (т. е. одно звено передаст, очищая себя в ответственности неисполнения, приказание другому, другое — третьему звену администрации и т. д. до последнего, которое по свойству своему, сливаясь с народом, обойдет приказание, ежели оно не согласно с потребностями народа). По общему всем людям свойству⁴ считать себя каждому центром всего мироздания, каждый администратор, кроме того, постоянно уклоняется от того непосредственного сближения с массами, которое бы могло показать ему несостоятельность его власти, и привыкает к деятельности той условной иерархии, в которой одно звено отражается на другое, передавая друг другу силу, но не передавая ее главному предмету усилий.

Графу Растопчину во время его управления Москвою казалось, что он держал ее вот как! Он сжимал кулак. «Она мысли мои понимала». Ему казалось, что, когда он велел⁵ вывезти всех французов и раздать всем оружие и вывезти присутственные места и деньги, что он это действительно сделал. В сущности¹ [Я сделал это для общественного блага,]

² Автограф. Начало его не сохранилось.

³ Зачеркнуто: хотя

⁴ Зач.: любви к власти

⁵ Зач.: снять французские вывески и

же те, которым он приказал это, исполнили приказание только в том смысле, что их нельзя было упрекнуть в неисполнении, а французы, именно те, которых он хотел выслать, остались, присутственные места и деньги остались, и на оружие нашлись купцы, и оружие осталось французам.

1-го сентября Растопчин с недоумением почувствовал, что большой корабль Москвы заколыхался сам собой и что шест, которым он думал двигать его, не достает до него, что он остается один, и, вместо источника силы и руководителя событий, он остается один и беспомощен. Еще прежде, после Бородинского сражения, приехавшие генералы говорили Растопчину, что Москву защищать нельзя, но граф Растопчин так был увлечен своей деятельностью руководителя, что он не оценил этого известия. 1-го сентября на Поклонной горе Растопчин видел, что все генералы убеждены в необходимости оставления Москвы, но всё еще не понимал значения этого события. Он воображал в себе олицетворение всей силы огромной столицы, обещал выйти против врага. Но, вернувшись в этот вечер в Москву, увидав разбитые кабаки и услышав, что этого нельзя остановить, он почувствовал, как почва уходила из-под его ног. В эту ночь Кутузов положительно уведомил его, что Москву оставляют. Всё, что делалось в это время в Москве, еще сильнее, чем письмо¹ Кутузова, убеждало Растопчина, что Москву оставляют и уже отчасти оставили, не спрашивая его и даже не заботясь о нем. Некоторые из чиновников уехали, другие уезжали и увозились, для приличия спрашивая главнокомандующего, третьи, очевидно, приготавливались встретить неприятеля. Народ бушевал по улицам. Запасы хлеба грабили и предлагали жечь. Увезти всего не было возможности, и каждый по своей части распоряжался, как он знал. Некоторые только для сложения с себя ответственности и приходили за приказаниями к графу.

«Я-то? Я-то что? — спрашивал себя граф. — Мне что делать? Я — ничто теперь. Я — пешка». И в горе этого перехода от власти и величия к ничтожеству граф Растопчин искал виновников этого положения. «Ежели бы все делали свое дело, как я, этого бы не было». Он чувствовал себя оскорбленным.

№ 219 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXVI).²

<Передовой отряд уж занял Кремль, но задние всё еще продолжали двигаться по Арбату.

³Долохов в сибирке стоял, прислонившись к углу церкви Николая Явленного, и⁴ смотрел на проходившую пехоту.⁵¹ *Зачеркнуто*: главно[командующего]

² *Зачеркнутый автограф*.

³ *Зач.*: Невысокий, плотный, красивый человек *и написано*: Долохов

⁴ *Зач.*: мрачно

⁵ *Зач.*: Один из шедших

Французский офицер,¹ проходя подле него, взглянул ему в лицо. И, вероятно, выражение злобы, бывшее на этом лице, поразило офицера: он приостановился и посмотрел, прошел несколько шагов и опять посмотрел.

— Une vraie figure de cosaque,² — сказал он³ солдату, шедшему подле. Солдат поглядел и остановился.

— Dites donc, — сказал он, махая к себе рукой Долохова, — Kremlin ici?⁴

Долохов усмехнулся и, повернувшись,⁵ пошел по переулку.

Лицо его приняло еще более злобное выражение, как только он перестал быть видим французами.⁶

Недалеко в переулке был дом его матери. Он вошел в калитку и кликнул Артема.⁷

— Ну, смотри ж, как смеркнется, — сказал он вышедшему к нему мужику.⁸

— Слушаю.

— И, коли войдут, пускай.

— Слушаю.

— А старуха не выехала?

— Никак нет-с. Спрашивали, можно ли прачешную перевести к нам.

— Дура, — сказал Долохов и, выйдя из калитки, подошел к воротам соседнего небольшого домика.>

* № 220 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXVII).⁹

¹⁰<Пьер убежал из дома для того, чтобы быть свободным. И он получил теперь эту свободу в доме И[осифа] ¹ *Зачеркнуто*: подошел к нему и спросил его:

— Kremlin ici? Vous, dites donc. [— Кремль здесь? Эй, скажите-ка.]

Человек в сибирке взглянул на офицера.

— Пошел к... — сказал он ему грубое слово и, повернувшись, вошел в церковь.

² [Лицо настоящего казака,]

³ *Зач.*: другому

⁴ [Эй, скажите-ка, Кремль здесь?]

⁵ *Зач.*: вошел в церковь. Церковь была отперта и пуста. Долохов подошел к алтарю и, крестясь, стал на колени и стал креститься и кланяться в землю.

⁶ *Зач.*: Долохов с небольшой командой с Бородинского сражения находился при штабе Кутузова <был командирован>, по своему желанию <был назначен> оставался в Москве для собирания сведений о неприятеле. Накануне он отправил свою мать и

⁷ *Зач.*: — Где народ? — спросил он у

⁸ *Зач.*: — В сарае. Кормили.

— Кормили?

— Обедали. Да всё [1 неразобр.]

Долохов вошел в сарай. Человек 10 людей с бритыми головами встали перед ним.

— Ну, ребята, не зевать.

Долохов

⁹ *Зачеркнутый автограф.*

¹⁰ *Зач.*: И Пьер видел сон. <Поздно> Пьер заснул поздно

А[лексеевича].¹ Он хотел быть свободным для того, чтобы ничто не мешало ему отдаться вполне своим мыслям и намерениям.²

Намерение его вытекало из его положения (из положения всей России тогда), а положение это вытекало из борьбы. Основания же, которые отыскивал Пьер для своей деятельности, лежали вне области борьбы. Основания эти лежали в области созерцания мира. Перелистывая книги и бумаги Благодетеля, Пьер смутно чувствовал, что его намерение есть только намерение,³ каприз; но он решился и — конечно.

⁴После встречи своей с Наташей Пьер вдруг почувствовал, что намерение его не⁵ имеет никакого основания. В этот вечер, сидя в кабинете, Пьер услышал плач мальчика, которого старик драл за волосы. «И зачем они ссорятся?» подумал Пьер. Старик пришел ночью и сказал, что⁶ войска уходят.

«И зачем они ссорятся, русские и французы?» подумал точно так же Пьер. И мальчик, и отечественная война были те же ничтожные, мелкие заблуждения человечества. Он вышел посмотреть войска, вернулся и заснул. И он видел сон. Он стоит на возвышении и говорит, и она пришла, и ему стало стыдно.

Но на другой день, 1-го сентября, Пьер,⁷ проснувшись, с новым жаром ухватился за свое намерение. Все пропало даром, ежели он не выполнит свое дело. Он встал и вышел. Старик в волнении:

— М[акар] А[лексееич] ушли. Французы идут.

Но утро целое прошло тихо.

Он поспешно встал, надел пистолет и⁸ вышел из дома. «Убить человека? Да. Князь Андрей прав, говоря, и я должен сделать ¹ *Зачеркнуто*: Но, оставшись один,

² *Зач.*: Но, оставшись один, он, обдумывая свое намерение, стал колебаться в том, насколько было справедливо его намерение.

³ *Зач.*: а не путь жизни.

⁴ *На полях*: Из Сперанского и вообще изречения философские.

⁵ *Зач.*: может быть исполнено

⁶ *Зач.*: французы выходят.

⁷ *Зач.*: еще лежал в постели всё в том же размягченном, нежном состоянии. Он плакал во сне, и ему опять хотелось плакать. Как вдруг борьба и крики, и Макар А[лексееич] ворвался к нему.

— Они, бабы, не понимают. К оружию призы[ваю.] *Ура*. Я абордаж делаю, так ли, покажись...

— Барин, пожалуйста, барин.

— Водки давай.

— Сейчас, сударь, вы пожалуйста, граф. Кабы братец ваш.

Смутился и ушел. Ума верх.

— Вот, нахватались, что делать — не знаю.

— Да что ж, не трогай его. Он жалок.

— Да что ж делать? ведь страсть, сказывали, пришли.

<Море раз[ливалось].> Вода разливалась... и дошла в 5-м часу

Вместо зач. надписан дальнейший текст, кончая: утро целое прошло тихо.

⁸ *Зач.*: пошел ходить по городу. В

это», говорил он себе, но в душе он чувствовал, что это — рассуждение только.¹ Он сердился на себя и говорил, что да он убьет его, убьет всякого француза.² Он пошел вперед.>³

* № 221 (рук. № 95. Т. III, ч. 3, гл. XXXIII—XXXIV).⁴

Новая глава

⁵Пьер проснулся⁶ 3-го сентября поздно.⁷ Голова его болела, платье, в котором он спал, не раздеваясь, тяготило его тело, и на душе было смутное сознание какого-то совершенного накануне постыдного поступка.⁸

В комнате было полутемно, как всегда, на дворе казалось особенно пасмурно. Однако часы показывали 12-й час. Заряженный пистолет с вырезной ложей лежал на письменном столе в том положении, в котором его вчера оставил Пьер. Увидав этот пистолет, Пьер вдруг вспомнил то, что он совершенно забыл во время своего сна — именно потому, что нынче⁹ около полдня Наполеон должен был вступать в Москву.

Оправив на себе платье,¹⁰ Пьер взял в руки пистолет и долго ворочался с ним, не зная, куда его поместить. Даже и под широким кафтаном большой пистолет везде был виден. Ни за поясом, ни подмышкой нельзя было поместить его незаметным.¹¹ Лучшее помещение пистолета оказалось дулом в кармане панталон и ложем под жилетом. На этом и остановился Пьер. Подпоясав кафтан и надвинув шапку, он на ципочках, стараясь не шуметь и не встретить Мервиля, прошел по коридору и вышел на улицу.

¹ *Зачеркнуто:* Еще сильнее он почувствовал это, когда

² *Зач.:* На Тверской он встретил полк кавалерии

³ *На полях конспект:* <30 Пьер убежал. Деятельность, торопливость, Кафтан, пистолет: ходит вперед. Убить Наполеона. У заставы его не пускают. Идет назад. Сон. Наташа.>

⁴ *Автограф.*

⁵ *Зач.:* Когда

⁶ *Зач.:* на другой

⁷ *След. три слова переправлены из:* с головной болью и с смутным сознанием *Далее* *зач.:* В душе было

⁸ *Зач.:* «Но еще не всё потеряно», сказал он себе, увидав свой пистолет и вспомнив, что в этот день входил Наполеон. *Вместо зач. вписан над строкою и на полях текст до конца след. абзаца.*

⁹ *Зач.:* и вероятно

¹⁰ *Зач.:* в котором он спал, и поддев под кафтан заряженный пистолет, Пьер поспешно вышел на улицу. Мервиль с кем-то разговаривал за дверью в гостиной. Стараясь не встретить его, Пьер на ципочках прошел по коридору и, встретив одного Герасима, от которого узнал, что по всей Москве были пожары, *Над зач. вписан текст след. абзаца, кончая словами:* прошел по коридору

¹¹ *Зач.:* Наконец он нашел

¹Тот пожар, на который так равнодушно смотрел он накануне вечером,² за ночь значительно увеличился.

Небо было безоблачно, но казалось пасмурно от дыма, стлавшегося над городом. Больше чем на 2/3 состоящий из деревянных домов город горел с разных сторон.³ Беспреданно переменный ветер по всем направлениям разносил дым, искры.⁴ Горели в одно и то же время: Каретный ряд, Замоскворечье, Ряды⁵, барки на Москва-реке и дровяной рынок у Драгомиловского моста.

Путь Пьера лежал через переулки на Собачью площадку, через Поварскую и на Арбат к Николе Явленному, у которого он ¹ *Зачеркнуто*: Действительно

² *Зач.*: теперь принял ужасающие размеры.

³ *Зач.*: Сильный ветер

⁴ *Зач.*: и огненные галки

⁵ *Зач.*: и <Покровка> Тверская. Пьер вышел из дома <не успев к> так поспешно, что не успел обдумать, ни на минуту остановиться мыслями на своем намерении. Он думал, что успеет это сделать на своем пути от Пресни до Арбата, где он предполагал, что проедет Наполеон и где он был намерен ждать его. <Но думал только> Как только Пьер вышел на улицу, запах гари, вид дыма, поднимавшегося с разных сторон, и общее движение <и настроение> народа, как остававшихся в Москве русских, так и французов <встречавшихся со всех сторон>, захватило Пьера, и он, подчиняясь общему настроению тревоги, поспешности и ожидания чего-то, которое вследствие увеличивавшихся и негасимых пожаров владело всеми, <бессоз[нательно]>, забыв о своем намерении, пошел по улицам. <Путь Пьера лежал вниз по Тверской к [1 слово в автографе пропущено], откуда он> Чем ближе к центру города, тем больше народа встречалось Пьеру. С Тверской, вместо того, чтобы по Моховой идти на Арбат <Но приближаясь к Кремлю>, Пьер вместе с другими, под влиянием той <странной>, притягательной силы, которую <производят> имеет для людей вид пожара, вместе с толпой людей, русских и преимущественно французских солдат разных команд, направился в Кремль к Гостиному двору. Около <которого кишела толпа людей [2 неразобр.]> рядов, в которых трещало и горело что-то неопределенное в черном дыме, поворачивавшемся то в ту, то в другую сторону, кишело много народа. Пьер не помнил, сколько времени он простоял <и переходил> тут перед пожаром Гостиного ряда, не в силах оторваться, глядя на зрелище разрушения, грабежа, защиты от грабежа, которое было перед его глазами. С озабоченными, алчными лицами вбегали и выбегали французские солдаты в рядах, вытаскивали, складывали в кучи сукна и материи <и поручали другим>. Другие французы или караулили вынесенное или сновали. С отчаянными лицами бегали русские купцы и тоже выносили и складывали, другие пригораживались тут, на площади, некоторые дрались, бранились между собою, некоторые пытались тушить. Изредка появлялись начальники, стараясь остановить, но тотчас же бросали. Новые люди постоянно подходили к пожару, уходили только редко бывшие русские, которые с видом отчаяния убегали прочь от вида гибели своего.

На полях конспект: <Он до> Вдруг захватило большим огнем и народ; всё побежало под гору. Пьер с ними. У берега били женщину. Пьер отнял; потом ребенка противного золотушного. Пьер взял, не нашел, с ним, наконец отдал его в дом Б. В саду мародеры. Сапоги. Кольцо <и Пьер пошел домой и вдруг>. Не пошел домой. Долохов, каково запалили? Жена твоя умерла. «Держи», послышалось. Долохов убежал, Пьера поймали и в corps de garde [гауптвахту] с тремя. Corps de garde горит.

в воображении своем давно определил место, на котором должно было быть совершено его великое дело.¹

Большая часть домов были заперты ворота и ставни.² Улицы и переулки были пустыни. В воздухе пахло гарью и дымом.¹ *Зачеркнуто:* Но, как только он вышел на улицу, почувствовал распространенный запах гари, увидел столбы и облака дыма, поднимавшиеся с разных сторон, в особенности, когда он увидел <беспокойные> все тревожные лица редко встречавшихся в пустынных переулках людей <всех говоривших только о пожарах>, Пьером овладело <то> всегда возбуждаемое в людях пожаром беспокойное любопытство и, хотя он и не думал откладывать или отречься от своего предприятия, он вместо того, чтобы идти переулками, пошел с шедшим туда людом на Тверской бульвар <и оттуда к Тверским воротам, к тому месту, где был сильнейший и ближайший пожар — к Петровке>.

По пустынным улицам Пьеру попадались чаще всего небольшими группами в 2—3 человека французские солдаты, которые, громко разговаривая (ходили) и заглядывая в дворы и окна, шли по середине улиц с <тем> особенным, поразившим Пьера, лагерным, негородским видом. <Однако> Он встретил тоже одного французского офицера, который с солдатом ехал на нагруженной бричке. Встречал он изредка и русских: <како[го-то]> чиновника, который, испуганно оглядываясь, с какой-то старухой почти бежал с узелком по тротуару, и, вероятно, немца-москвича, который <что-то> с какой-то бумагой шел как будто под конвоем французских солдат. <На Тверск> При выходе на Тверской бульвар встретились ему еще два <француза, босые, в подпоясанных веревками шинелях, из которых один был с большим мешком через плечо> русские человека, которые испугали его.

Один был рыжий, красный мужик в рваном полушубке и огромных сапогах, с большим узлом на плечах, другой — худой, длинный, босой, в армяке и коротко остриженный, что давало странное выражение его лицу.

Один из них пристально и неприятно поглядел на Пьера, указывая на него своему товарищу. Этот взгляд и слова, сказанные им, хотя Пьер и не слышал их, неприятно поразили Пьера, и он прибавил шага, чтобы уйти от них. <Французы> Люди эти прибавили шагу также, и один подбежал было уже к Пьеру, как навстречу им вышло два французских солдата и, оглянувшись, Пьер увидел, что босой бежал назад по переулку, а рыжего уже не было видно. На Тверском бульваре было <очень много народа> <и весь этот на[род], большей частью французы, но были и русские, мужики, дворники и женщины. Все с поспешностью направлялись вверх к Тверским воротам:> мало народа. Но многие дома, известные Пьеру, были заняты, вероятно, важными французскими чиновниками, потому что у дверей стояли часовые. На самом бульваре стоял ящик и ходил часовой. Пьер пошел вниз, намереваясь бульварами пройти к Арбатским воротам, <но у Никитско[го]> По бульвару его не пустил часовой, а по тротуарам он должен был идти мимо французов, которые наполняли все дома и которые, как казалось Пьеру, подозрительно смотрели на него. Один обратился к нему: — Dites donc, vous. Parlez-vous français? [Послушайте-ка. Вы говорите по-французски?] <Пьер, не отвечая, прибавил шагу. Запах гари и дыма наполнял воздух даже в тех пустынных переулках, по которым шел Пьер.>

Но, боясь ошибиться дорогой по переулкам, Пьер вышел на бульвар и по бульварам пошел к Арбатским воротам. Запах гари и дыма наполнял воздух. <Французы с лагерным, негородским видом ходили и ездили по улицам, изредка встречались жители, робко переходившие улицы.>

² *Зач.*: У некоторых на Тверском бульваре стояли часовые.

Изредка встречались русские с беспокойно-робкими лицами, и французские солдаты с негородским, лагерным видом, идя с ношами по серединам улиц встречались Пьеру.¹ <Изредка виднелись на улицах и русские жители с беспокойными, робкими лицами.>

И те, и другие с удивлением смотрели на² огромную, быстро двигавшуюся фигуру Пьера с³ сосредоточенным, мрачным лицом.⁴

Фигура эта возбуждала удивление тем, что очевидно не принадлежала ни к какому классу. Даже французы с недоумением смотрели на⁵ эту барскую походку, мрачное, умное лицо и толстое, откормленное тело, одетое в узкий, мужицкий кафтан.⁶

У ворот одного дома⁷ 3 француза, толковавшие что-то не понимавшим их⁸ русским, старым чиновникам, остановили Пьера, спрашивая, не знает ли он по-французски. Пьер отрицательно покачал головой и пошел дальше.⁹ В другом переулке на него крикнул часовой, стоявший у¹⁰ зарядных ящиков, и Пьер только на повторенный, грозный крик и удар ружья, взятого часовым на руку, заметил, что ему говорили. Он ничего не слышал, не видел вокруг себя. Он, как наполненный жидкостью какой-нибудь сосуд, быстро и осторожно нес свое намерение, боясь,¹¹ наученный опытом прошлой ночи, как-нибудь растерять это намерение. Он боялся смотреть, слушать и думать о чем-нибудь другом, кроме того, что предстояло ему.¹²

¹ В рукописи: Пьера.

² Зачеркнуто: стра[нную] неопределенную

³ Зач.: озабоченным

⁴ Зач.: быстро шедшим по бульварам.

⁵ Зач.: него, не зная, к какому сословию отне[сти]

⁶ Зач.: Два французские офицера, ехавшие ему навстречу, остановили лошадей, глядя на него, и один из них, найдя его фигуру подозрительною, хотел уже остановить его, когда 3-й подошедший офицер отвлек внимание французов.

⁷ Зач.: Тверского бульвара

⁸ не понимавшим их *переделано из:* не понимавшему их *и* *зач.:* дворовому человеку

⁹ Зач.: У Никитских ворот

¹⁰ Зач.: пороховых

¹¹ Зач.: как-нибудь

¹² Зач.: У Арбатских ворот, однако, Пьер невольно должен был обратить внимание на то, что делается вокруг него. Кто-то схватил его за руку и чей-то голос с польским акцентом крикнул ему: — Идти на пожар. Все па пожар.

Пьер опомнился и <увидал вокруг себя много народа, в особенности услышал ту> стал оглядываться вокруг себя. Большая колонна французских солдат в синих шинелях без ружей, но с <топорами, нерусскими> кирками через плечи, шла через Арбатские ворота к Воздвиженке. За колонной ехали бочки — бочек 15 — на русских лошадях и с русскими мужиками, сидевшими на бочках. Около бочек шел русский народ всякого сословия: <в том числе> и чиновники, и купцы, и дворовые люди, и мужики. К этому-то народу требовали <французский седой офицер>, чтобы присоединился

Но Пьеру не суждено было донести в целости свое настроение до того места, куда он направлялся, не говоря уже о том, что ежели бы даже он и¹ не был ничем задержан на пути, намерение его² не могло быть исполнено потому, что Наполеон тому назад более 4-х часов проехал из Драгомиловского предместья через Арбат в³ Кремль и теперь, окруженный⁴ всей своей лейбгвардией, сидел в царском кабинете кремлевского дворца и отдавал подробные и обстоятельные приказания о мерах, которые немедленно должны были быть приняты для потушения пожара, предупреждения мародерства и успокоения жителей.

Пьер, как сомнамбул, хотя ничего не видел и не слышал вокруг себя, скорее инстинктом, чем соображением, помнил свою дорогу и не ошибся переулками, выведшими его на Поварскую. Но тут именно, при повороте из Спиридоньевки в Поварскую, Пьер вдруг был пробужден из своей сосредоточенности и вовлечен в водоворот событий, не имеющих ничего общего с его намерением и вовлекших его в совершенно противоположный ряд впечатлений.⁵ Он попал на одно из пожарищ горевшего дома.

Дым становился всё сильнее и сильнее по мере того, как Пьер приближался к Поварской. Становилось даже тепло. Больше народа встречалось на улицах, народ этот был тревожен, но Пьер, ничего не замечая, шел своей дорогой, хотя и чувствовал, что что-то такое необыкновенное творится вокруг него. При повороте на Поварскую он вдруг услышал подле самого себя отчаянный плач женщины.

Оглянувшись, он увидел пристроившееся на сундуках и перинах у забора дома графа Хвостова целое семейство с своими пожитками, сидевшее на сундуках и перинах против церкви. Женщина лет 45, беременная, худая, желтая, одетая в черный салоп и чепчик с черными лентами, была страшна выражением своего злобного отчаяния. Она, захлебываясь⁶ и надрываясь, плакала и кричала что-то⁷. Трое детей были около нее; старшие Пьер. Говорил ему улан поляк, служивший переводчиком у французского офицера, распорядившегося командой. Позади бочек шла еще команда французских солдат в синих шинелях. <Но, выйдя на Поварскую, Пьер вдруг как бы проснулся и стал оглядываться вокруг себя. Вверху улицы с правой стороны ярким пламенем горели, треща, два деревянные дома. Народ бежал туда и оттуда. Туда бежали французские солдаты, оттуда шли жители русские. И вся улица была наполнена движением, но то, что <обратило внимание> разбудило Пьера, был плач женщины, сидевшей на сундуке против него.

— Куды денешься.

¹ *Зачеркнуто*: пришел к цели своего

² *Зач.*: уже в этот день

³ *Зач.*: Кремлевский дворец

⁴ *Зач.*: часовыми

⁵ *Зач.*: На Поварской уже горели два большие деревянные дома

⁶ *Зач.*: икая

⁷ *Зач.*: сидя на сундуке.

На полях: Образа

две девочки с выражением недоумения на бледных, испуганных лицах, смотрели на нее. Меньшой мальчик лет 7, тоже не спуская с нее глаз, плакал на руках старухи няньки. Босоногая девка с опаленными волосами сидела сзади и перебирала что-то в узелке. Мужчина, вероятно небольшой чиновник, муж, с строгим и невозмутимым лицом раздвигал сундуки, поставленные один на другой, и разбирал в порядок вещи.

— Вот досиделся! От тебя одного! Ванюшка! Пропали! — кричала изредка женщина между слезами к мужу, который, видимо, не намерен был обращать ни малейшего внимания на ее крики.¹ Пьер остановился, глядя на женщину. Она увидела его и, прерываемая рыданиями, обратилась к нему.

— Голубчик, кто-нибудь, помогите,² истукан, ничего не слышит, — обратилась она к Пьеру. — Девочку, дочь мою меньшую, оставили!

— Где оставили? — спросил Пьер.

— В огне горели, сами насилу ушли.

— Что грешить, Марья Николаевна, — басистым спокойным голосом обратился муж к жене, очевидно не для того, чтобы отвечать ей, но для того, чтобы оправдаться перед посторонним человеком, Пьером. — Ведь я ходил.³ Ведь, говорят, что сестрица унесла. А то больше где ж быть?

Пьер так дурно был наряжен в мужика, что, стоило ему только подойти к женщине и сказать два слова, как и муж и жена, сначала обратившаяся к нему, называя его «голубчик», тотчас же поняли, что он был не мужик, и, видимо, считали даже его важным человеком: муж оправдывался перед ним, а жена обвиняла.

— Вы — благородный человек (в смысле «дворянин»), — говорила жена, — хоть и в этом костюме, вижу — можете судить чувства матери... — и она, не переставая рыдать (что всегда так тяжело действовало на Пьера),⁴ умоляла Пьера помочь ей.

Загорелось рядом. Разом сбросило галку в крышу, на дворе загорелось. Бросились собирать. Одна девка, нянька да кучер. В чем были, в том и выскочили. Вот что захватили: божье благословенье да приданую постель, а то всё пропало.⁵ Да, о господи, меньшая девочка пропала где-то.⁶ И опять она зарыдала. Отец говорил, что свояченица, бывшая тут при начале пожара, ухватила с собой, что попало, должно быть и девочку, побежала на Спиридоньевку к отцу. Кучер пошел за телегой к тестю за Москву-реку, а девка обгоревшая у того места ходит.

¹ *Зачеркнуто:* Голубчик

² *Зач.:* коли этот

³ *Зач.:* дом наш еще не горел.

⁴ *Зач.:* а муж изредка, для оправдания себя, рассказала Пьеру следующее: они остались в Москве по упрямству мужа, в своем доме. У них поместили француза, и не обижал их, вел себя, как красная девушка, стали думать — ничего, вдруг

⁵ *Зач.:* Да вещи — ничего. Божья власть

⁶ *Зач.:* Мать не могла говорить про это без рыданий.

Пьер не мог видеть спокойно женских рыданий. Он¹ стоял, морщась и стараясь успокоить ее.

— Дитяtko мое милое, сгорело, погубили.

— Да я пойду, посмотрю, — сказал Пьер.

— Батюшка, отец, бог тебя послал, — завыла женщина, бросаясь ему в ноги.

— Что ходить, — проговорил муж. — Два раза ходили, нету, а теперь, небось, и к воротам не подойдешь.

— ²Где ваш дом? Я пойду.

— Отец! Благодетель, хоть сердце мое успокой. Аниска, поди, проводи.

Босая девка вышла из-за сундука и пошла вперед по улице. Выйдя на Поварскую, Пьер увидел вверху ее тучи черного дыма, языки пламени и суетившийся народ, преимущественно французских солдат.³ Солдаты стояли чинно, глядя на пожар. В середине улицы стоял французский начальник, окруженный подчиненными, и в группе французов, окружавших его, говорили что-то про пожар. Пьер, проходя мимо, слышал энергический, быстрый голос, говоривший что-то про *rompre*,⁴ про *impossibilité*,⁵ но Пьеру некогда было слушать. Он почти бежал рядом с девкой по улице. Пьеру страшно было то дело, за которое он взялся, но ему и в мысль не приходило, чтобы, взявшись за него, он его не исполнил.

— Где? где? — спрашивал он у девки, бежавшей сзади.

— Здеся, налево⁶ в переулок.

¹ *Зачеркнуто*: молча

² *Зач.*: Я все-таки

³ *Зач.*: Он хотел найти прикрытие

⁴ [насос,]

⁵ [невозможность,]

⁶ *Зач.*: в воротах-то, а то там не пройдешь, — кричала сзади девка, но Пьер не слышал. Он в черном дыме наткнулся на группу французов, стоявших на тротуаре. Один из них был полковник, как Пьер узнал из обращения к нему других. Полковник требовал, офицер, стоявший перед ним, докладывал ему, что не было никакой возможности ничего сделать для тушения пожара.

— *Que voulez-vous qu'on fasse sans pompes et avec ces baraques de bois qui prennent feu comme des allumettes. Abattre les maisons à côté* [Что можно сделать без насосов и с этими деревянными домишками, которые загораются, как спички. Сломать соседние дома], — отвечал полковник, видимо для того только, чтобы сказать что-нибудь, но не веря в возможность исполнения приказания.

— *Et puis tirez le cordon autour [?] des quartiers incendié et mettre un frein a cette b... de ma gaude. Ça n'a l'air de rien* [И потом окружите кордонами горящие кварталы и обуздайте это.... мародерство. Это ни на что не похоже], — прибавил он, указывая на трех солдат, которые, согнувшись от огня, тащили через улицу что-то тяжелое. Но в том месте, где стоял этот полковник, было так жарко, что он, вдруг поворотившись, пошел назад и очутился против Пьера. Полковник, седой, румяный человек, строго посмотрел на Пьера и что-то начал говорить, но Пьер не слышал уже, он быстро повернулся и побежал назад, куда его давно звала Аниська. Дом, на который указывала Аниська, был большой, двухэтажный, деревянный и стоял на дворе.

В переулке, на который указывала девка, горел большой дом, на дворе рядом с ним горела крыша флигеля, выходившего на улицу.

— Тута вон наш дом, вон крыша-то горит, — говорила девка. — Я боюсь, не пойду¹, — прибавила девка, указывая на толпу французов, которая кишела около дома. Пьер сначала не понял, что делали эти французы, таскавшие что-то, но, увидав² перед собою француза, который бил тупым тесаком мужика, отнимая у него лисью шубу, Пьер понял смутно, что тут грабили, но ему некогда было останавливаться на этой мысли. Он, бледный и взволнованный тем, что ему предстояло, побежал к дому. У ворот было жарко, и изредка всё застилало дымом. Но Пьеру казалось, что его обязанность состоит в том, чтобы идти именно туда, где надо было сгореть или задохнуться. Он вошел во двор и, к удивлению своему, услышал на дворе крики французских голосов.

— Attention, — кричал голос из окошка, — une, deux.³

Трах, — затрещало что-то, и при расходившемся дыме Пьер⁴ увидел в окнах горевшего дома французов, выкинувших какую-то грузную вещь. Другие французские солдаты внизу с криком подхватили вещь. Пьер смотрел на них в недоумении. Бывшие наверху сбежали вниз и, подхватив вещи, набросанные под окнами, пошли в ворота.

— N'avez vous pas vu un enfant?⁵ — крикнул им Пьер.

— Tiens, qu'est ce qu'il chante celui-la?⁶ — крикнул один из французов.

— Un enfant.

— Un enfant? Allez voir au jardin, j'ai entendu piailler quelque chose. Allez lui montrer l'endroit, Ramballe. Peut-être que c'est son moutard au bonhomme. Faut être humain, voyez vous.⁷

И французы потащили сундук и взвалили мешки на плечи.

— Par ici,⁸ — крикнул ему тот, который говорил, что il faut être humain,⁹ и забежал за дом в палисадник, примыкавший к флигелю.

— Dépêchez vous, sacre nom, commence á faire chaud comme dans un four. Le voilà, votre moutard. Ah, une petite. Au revoir,¹ *Зачеркнуто*: Пьер бледный

² *Зач.*: почти

³ [Внимание... раз, два.]

⁴ *Зач.*: услышал

⁵ [Не видали ли вы ребенка?]

⁶ Этот что еще толкует?

⁷ Ребенок.

[Ребенок? Пойдите посмотрите в саду, я слышал, что-то пищало. Пойдите покажите ему это место, Рамбаль.] Может быть, это его ребенок. Что ж, надо по человечеству.

⁸ Сюда,

⁹ надо по человечеству

mon gros. Faut être humain. Nous sommes tous mortels,¹ — и француз побежал к своим. Действительно, в саду под акацией сидела девочка лет 4-[х] и отчаянно закричала, как увидела людей. Девочка была в линялом розовом платье, в грязных башмаках и грязная, золотушная и с злым, отвратительным лицом. Как только Пьер подошел к ней, девочка завизжала, как собачонка, и злобно вцепилась в него ногтями и зубами. Она хрипела и кусалась и, как только ее взял Пьер, обмочилась на его руках. Он² было пустил ее, но сделал над собой усилие и, ухватив отбивавшуюся девчонку, побежал назад. Аниски уже не было. В дворе дома оставаться нельзя было, и французы³ трепали, тащили разные вещи в разные стороны прочь от пожара.⁴ Пьер направился было опять на Поварскую, но пройти уже нельзя было, горел дом и напротив. Французских начальников не видеть было, и солдаты, прежде чинно стоявшие на улице, как⁵ мухи сновали по дворам и домам. Пьер с своей, не перестававшей отбиваться, девочкой пошел переулками с тем, чтобы обойти и вернуться назад к Спиридоньевке, но переулки путались и он ходил взад и вперед, не находя выхода. По крайней мере час времени Пьер плутал по переулкам, тщетно пытаясь успокоить девочку.

Везде, даже по переулкам, где не было пожара, происходил грабеж.⁶

Везде сновали синие шинели, таская ноши, и в одной калитке Пьер видел, как француз бил женщину, не отдававшую ему узла. На перекрестке одного переулка, на пороге бывшей, теперь разграбленной, лавочки Пьера окликнул француз.

— Eh bien, elle pialle toujours, la mioche?⁷

Пьер оглянулся. Та самая компания французов, которая выкидывала вещи из дома, теперь сидела на ступенях лавочки и, видимо, на лаврах отдыхала и завтракала. Перед ними стояли узлы бакалеи, и тот, который окликнул его, грыз грецкие орехи.

— Faut être humain,⁸ — повторил он, выщелушивая орех. — Tenez, voilà pour la petite,⁹ — сказал он, подвигая к себе другой мешок и отдавая Пьеру большую горсть изюму. — C'est bon pour les enfants, ça ne fera pas de mal, prenez, prenez.¹⁰

¹ [— Эй вы, живее, чорт возьми, припекать начинает, как в печи. Вот ваш малыш. А, девочка. До свидания, толстяк. Надо по человечеству. Мы все смертны,]

² *Зачеркнуто:* однако

³ *В рукописи:* французам

⁴ *На полях:* Дал изюму.

⁵ *Зач.:* пчелы

⁶ *Зач.:* Пьер видел много странных и страшных

⁷ [— Что ж, она всё... пищит, малышка?]

⁸ [— Надо по человечеству,]

⁹ [— Держите, вот для малютки,]

¹⁰ [— Это хорошо для детей, от этого ничего плохого не сделается, берите, берите.]

Пьер машинально взял горсть изюму и пошел дальше, но когда он вышел к тому месту, где он оставил погоревшее семейство, никого из них уже не было. Он остановился в недоумении, не зная, что ему делать.¹

²Того семейства, которое искал Пьер, не было на площади. Но³ площадь была вся загромождена и добром, вытасканным из домов, и людьми, беспомощно толпившимися около этого добра.⁴ Пьер⁵ только одного желал: сбыть скорее с рук спасенную им девочку, которая теперь, как испуганный, дикий зверок сидела у него на руке, дико оглядываясь по сторонам.⁶ Кроме русских семей, спасавшихся на этой площади и в огромном саду графа Хвостова от пожара, тут же было и большое число французских солдат, которые, беспрестанно переменяясь, мелькали перед глазами Пьера и⁷ чем-то были заняты на этой площади. В разных одеяниях, в шинелях, мундирах, куртках, некоторые босые,⁸ с самыми разнообразными лицами, поляки, немцы, французы⁹ ходили по этой площади,¹⁰ беспокойно и нагло оглядываясь, и что-то делали.

Пьер не обращал на них особенного внимания: он, обойдя площадь, но не найдя тех, кого искал, вошел в ворота. За воротами у забора сидела женщина, евшая хлеб. Подле нее¹¹ хлопотал старик духовного звания — дьякон, как сообразил Пьер, устраивая из тесин род шалаша под забором. Он обратился к нему с вопросом, описывая родителей девочки и спрашивая, не видали ли они их.

— О, господи! Девочка-то ихняя?

— Да.

¹ *Зачеркнуто:* Духовное лицо в замасленном подряснике, с пучком назади, разговорилось с Пьером и, узнав о ребенке, ахая на разграбление и сожжение всего, сообщило Пьеру, что весь народ по церквам спасается и что сам он идет в церковь. Пьер пошел с ним вместе. В церкви вдоль по стенам с мешками, сундуками сидели старики, женщины, дети, некоторые ели. Пьер в полусвете церкви стал обходить стены, отыскивая родителей своей девочки. Фигура Пьера с ребенком возбуждала интерес, и все охотно обращались к нему с вопросами и рассказами. Семейства, которое он искал, не было в церкви, но Пьер так устал от ходьбы, от неумолкаемого крика в высшей степени противной ему девченки, что он сел тут подле женщины, простой бабы, принявшей участие в девочке.

² *Зач.:* Ника[кого]

³ *Зач.:* тут

⁴ *Зач.:* точно таких же семей, находившихся в таком же положении.

⁵ *Зач.:* не обратил на них внимания: он

⁶ *На полях:* Еще желать interprète [?] [переводчик].

⁷ *Зач.:* что-то

⁸ *Зач.:* но постоянно

⁹ *Зач.:* двигались

¹⁰ *Зач.:* обходя пожитки и, несмотря на крики и плач женщин, отбиравших то, что им понадобилось. На всех было одно выражение холодного

¹¹ *Зач.:* стоял мужчина, дья[кон]

— Нет, не видали, тут народ весь разбежался, как эти войска набежали, — сказала она, указывая на площадь. — У нас всё отняли.

— О, господи! — прибавил дьякон. — Куды денешься, что будем делать.

— Вон что делают, — сказала женщина, обращая внимание Пьера на крики, послышавшиеся за решеткой. Пьер посмотрел по направлению криков. Два француза,¹ оба с мешками через плечи, — один в синей шинели, подпоясанный веревкой,² другой — в каком-то капоте и больших рваных ботфортах,³ хозяйничали в добре армянского (сейчас по лицам видно было) семейства. Армяне кричали и ругались, не отдавая вещи. Семейство армян состояло из старого, лет 80, красивого старика в крытом тулупе, двух мальчиков, старухи и весьма красивой женщины и русской бабы, вероятно, их кухарки. Армяне кричали на французов по-русски, между собой кричали по-армянски. Французские солдаты, посмеиваясь, с раздражающим и упорным спокойствием делали свое дело. Один из них, в капоте, вытащил мешок между сундуков и, вырвав его из рук старухи, рассматривал его содержание. Другой открывал сундук и выбирал платье. Первый что-то сказал на непонятном Пьеру языке (вероятно, это были немцы, говорившие на своем народном наречии), и оба потащили мешок. Обе женщины, старуха и молодая, бесновались. Хотя старуха рвалась за мешок и бегала вокруг французов, молодая⁴ кричала, но не вставала с места. Несколько французов подошло еще на крики, и два первые, выхватив мешок, ушли. Другие три подошли к армянам⁵ и остановились, как будто в задумчивости или в нерешительности, что бы им с ними сделать. Но сделать им необходимо было что-нибудь, они, как собаки, приставали на лай других собак. Один из них, быстро окинув взглядом пожитки и⁶ членов семейства, подошел к старику и, показав на новые сапоги, сказал:

— *Voions bottes,*⁷ *bottes, mon vieux.*⁸

Старик своими строгими черными глазами неподвижно смотрел на него.

— *Bottes, bottes,* — говорил француз, дотрогиваясь рукой до сапог и показывая на свои большие ноги. Старик вздохнул и стал разуваться. Его старое, ссохшееся тело не могло согнуться,¹ *Зачеркнуто:* подошли, один из

² *Зач.:* и босой

³ *Зач.:* стояли напротив

⁴ *Зач.:* не ше[велилась]

⁵ *Зач.:* Один, белокурый, с плоским лицом, смеясь, подошел к женщине и знаками показывал ей, что

⁶ *Зач.:* людей

⁷ *Зач.:* *donnez-moi vos* [дайте мне ваши]

⁸ [— Ну-ка, сапоги, сапоги, старина.]

он не¹ мог стянуть сапоги. Тогда француз нагнулся и стянул сапоги.

— Voilà,² — сказал он, сняв последний сапог, причем дернул за ногу так, что старик, сидевший на бревне, пошатнулся.

— Voilà, — сказал француз, ударив сапог о сапог. — Merci, mon vieux,³ — и взглянул на старика.

Старик сидел всё в том же положении, но губы его искривились от рыданий, и слезы стояли в глазах. Мальчик, внук старика, тоже заплакал. Француз вдруг нахмурился и швырнул сапоги назад к ногам старика и быстро отошел к своему товарищу, который возился с молодой, отчаянно визжавшей армянкой. Товарищ его догадался, что армянка кричала и не вставала с места потому, что должна была прятать что-нибудь под собой. Он взял ее за руки и хотел приподнять. Она отбивалась. Тогда он перехватил рукой за шейный шнурок и вытащил крестик. Он рванул за крестик, и оттого-то так отчаянно завизжала армянка. Под ней были хлеба и ветчина, и ее подхватили французы, и золотой крестик он тоже хотел взять. Армянка, рыдая, поспешно зубами развязывала узелок. Пьер смотрел на всё это из-за забора. Когда солдат рванул за шнурок и армянка жалостно завизжала, Пьер, стиснув зубы и выкатив глаза, вышел в ворота к французу.

— Laissez cette femme!⁴ — сказал он.

— Voyons, pas des betises,⁵ — сказал француз, рукой отталкивая Пьера.

— Misérable, laissez cette femme!⁶ — закричал Пьер и,⁷ схватив француз за плечи, отбросил его. Француз,⁸ видимо, испугался в первую минуту, но вслед за тем несколько человек набросилось на Пьера.

— Arrière!⁹ — кричал Пьер, поспешно доставая пистолет, — je vous casse le crâne.¹⁰

Неизвестно, что бы было с Пьером, но пока он доставал заряженный пистолет, француз набежал на него и схватил его за руку. Пьер вырвался и схватил за горло француз.

— A moi, Hubert!¹¹ — кричал француз, но никто из товарищей не шел к нему на помощь. В то время, как началась свалка француз с Пьером, на площади показался конный разезд французских улан, состоящий из офицера и 20 солдат. Все¹

Зачеркнуто: доставал

² [— Вот!]

³ [— Спасибо, старина,]

⁴ — Оставьте эту женщину!,

⁵ — Ну, ну! Не дури.

⁶ [Негодяй, оставь эту женщину!]

⁷ *Зач.:* набежав на француз, опрокинул

⁸ *Зач.:* хотел отбиться, но отступил

⁹ [— Прочь!]

¹⁰ [или я вам размозжу череп.]

¹¹ [— Ко мне, Губерт!]

бывшие мародеры разбежались, и уланы рысью подъехали к Пьеру и французу и взяли обоих. Офицер обратился сначала с вопросом к солдату, кто он и что тут было. Солдат оказался принадлежащим к 10-ому полку, находившемуся не в Москве. Он начал рассказывать историю, почему он пошел сюда, но офицер перебил его и сказал:

— C'est bon, vous direz tout ça au conseil de guerre qui vous jugera.

— A vous! Donnez votre arme. Parlez-vous français?¹ — обратился он к Пьеру. Пьер находился в взволнованно-восторженном состоянии, сознание которого доставляло ему самому большое удовольствие. Он бросил свой пистолет и, отвернувшись, хотел уйти.² Улан стал ему поперек дороги и вынул саблю.

— Parlez-vous français? — повторил ему вопрос. Он не отвечал.

— Ведите его, мы спросим переводчика, — сказал офицер.

— Ça m'a l'air d'un des incendiaires,³ — прибавил он.

— Il parle français, capitaine,⁴ — сказал мародер.

— Так что же вы не отвечаете? Кто вы и зачем вам пистолет? — спросил опять офицер.

— Кто я? Я вам не скажу этого и не скажу, зачем у меня пистолет, — вдруг заговорил Пьер с отчаянными жестами, — я жалею только, что я не раскроил голову этому мерзавцу. Теперь ведите меня, куда хотите.

— Ah, ah, — проговорил офицер, нахмурившись, — marchons.⁵

Объезд тронулся, но в это время дьяконица, всё время смотревшая на всё происходившее, с девочкой, которую прикинул ей Пьер, на руках, выбежала к нему.

— Что ж, голубчик, взяли тебя, а девочку-то куда ж? — говорила она.

— Qu'est ce qu'elle veut, cette femme?⁶ — спросил офицер. Пьер был, как пьяный, восторженное состояние его еще усилилось при виде девочки. Он воображал себя героем.

— Ce qu'elle dit? — проговорил он. — Elle m'apporte ma fille que je viens de sauver de flammes, — проговорил он. — Adieu!⁷ — И он решительным торжественным шагом пошел между французами.

[Далее от слов: Разъезд французов был кончая: учреждена гауптвахта почти совпадает с печатным текстом. Т. III, ч. 3, гл. XXXIV.]

¹ — Хорошо, хорошо, на суде, [который будет тебя судить], всё расскажешь.

— Теперь с тобой. Дай твоё оружие. По-французски знаешь?

² *Зачеркнуто:* <Parlez> но его удержал

³ [— Он очень похож на поджигателя,]

⁴ [— Он говорит по-французски, капитан,]

⁵ — А, а... Ну, марш!

⁶ — Чего ей нужно?

⁷ — Чего ей нужно? Она несет дочь мою, которую я спас из огня. Прощай!

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

* № 222 (Т. III, ч. 1, гл. XX).

Наташа все время чтения сидела вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Pierr'a.¹

— Очень, очень хорошо, — сказал граф задумчиво,² когда кончилось чтение.³ — А вы что думаете, граф? — обратился он к Безухову.

— Я думаю, что наступили страшные и странные времена,⁴ что предстоит нам — страшное и великое.

* № 223 (Т. III, ч. 1, гл. XX).

<— Жалко, что я — не Петя, а то меня вы посылаете, — сказал Pierre.

— Вас — разумеется. Да вы и пойдете.

— Ни за что, — отвечал Pierre и, увидав⁵ удивленно недоверчивое⁶ лицо Наташи, продолжал:

¹ *Зачеркнуто*: отыскивая на их лицах выражение того чувства, которое было в ней. — Да еще бы! Мы всё отдадим, все пойдём! — закричал старый граф, *Вместо зач. вписаны след. шесть слов.*

² *Зач.*: видимо не (*последнее слово ошибочно осталось незачеркнутым*).

³ *Зач. текст копии*: — Как же, очень испугались! Наташа неожиданно вскочила и, обняв отца, стала целовать. — Что ж это такое, какая прелесть этот папа! — сказала она с прежней своей живостью. Этот восторг Наташи оживил еще больше

Далее зач. вставка-автограф на полях:

— Вот патриотка-то, — сказал граф.

— Нет, я не патриотка, я даже не понимаю, что это такое. Я только знаю, что это — хорошо, прекрасно.

— Ну, а вы что скажете, граф? — обратился Илья Андреич к Пьеру.

Пьер восторженными глазами смотрел на Наташу и не <сразу> ответил на слова <вопрос> графа.

— Я? — сказал он, опустив голову. — Я думаю, что мы живем в странные времена, <что ничего> что нам послано свыше испытание и

Вместо зач. вписан текст до конца варианта.

⁴ *Зач.*: и что во всем этом мы увидим

⁵ *Зач.*: добрую и *надписано*: удивленно

⁶ *Исправлено из*: недоверчивую *Далее зач.*: улыбку.

— Удивляюсь, за что вы обо мне такого хорошего мнения, — сказал он. — По-вашему, я могу всё хорошее сделать и всё знаю...

— Да, да, всё,¹ — сказала Наташа.

Пьеру было это слишком приятно, он поспешил переменить разговор.

— Желал бы я видеть Наполеона в Москве, — сказал он, улыбаясь и покачивая головой.

— Наполеон в Москве! — вскрикнула почти Наташа, — у меня вся кровь поворачивается при мысли, чтобы француз Наполеон мог командовать папенькой или вами, или братом.

— Да, странно.

— Право, я сама не знаю отчего, но я² целый³ день и нынче думаю, что с нами будет⁴ что-то страшное, что это — наказание и что мы должны все, все смириться и позабыть наши страсти и бороться до последних сил...

Она остановилась, опять покраснев.

Пьер внимательно посмотрел на нее и стал мелом писать на столе буквы в азбучном порядке и под ними по порядку цифры.

— А это вы знаете? — спросил он, написав ряд цифр, под ними буквы и потом написав слова l'Empereur Napoleon.>

* № 224 (Т. III, ч. 2, гл. IV).

Покормив дорогой в Поповых Крестах, к вечеру 3-го августа Алпатыч приехал в город и остановился у казенного крестьянина — купца Ферапонтова. Ферапонтов, 30 лет тому назад, с легкой руки Алпатыча, купив рошу у князя, начал торговать и теперь имел дом, постоялый двор и мучную лавку в губернии.

Ферапонтов был толстый, красивый 40-летний мужик, спокойный, самодовольный и гордый, как всякий разбогатевший мужик.

Алпатыч всегда останавливался у него, и Михайла Кузмич Ферапонтов, как всегда почтительно и радостно, принял дорогого гостя, которого он уважал больше всех людей на свете и считал справедливейшим и мудрейшим человеком. По дороге Алпатыч встречал и обгонял обозы и войска и, подъезжая к Смоленску, слышал дальние выстрелы, но не обратил на это внимания. (Это было отступление Неверовского.)

¹ Далее вместо зачеркнутого текста копии вписан рукой Толстого на полях дальнейший текст, кончая: — Да, странно.

² След. слово вписано рукой Толстого.

³ Зачеркнуто: ночь

⁴ Зач.: и я ни за что, ни: за что не покорюсь Наполеону. — Ни за что, — серьезно повторил ее слова Pierre. — Вы и не покоритесь, — сказал Pierre и стал писать. *Вместо зач. рукой Толстого вписан дальнейший текст.*

Ферапонтов сообщил Алпатычу, что в городе рассказывают, как Платов Матвей Иваныч крепко побил французов и на реке Марине (хотя никакой похожей по имени реки не было) 18 тысяч в одну ночь утопил, — но что нынешний день были слышны выстрелы поблизости и что многие купцы стали было товар увозить, но от губернатора был указ, что французов в Смоленск не пустят.

— А по нашему делу разве увезешься? Впрочем, вам лучше известно? — вопросительно сказал Ферапонтов.

Яков Алпатыч невнимательно слушал рассказы купца. Он, так же как князь, презирал бабьи толки и был убежден, что кроме князя никто вернее не знает хода дел. А князь, как слышал Алпатыч, смеялся над этой войной и не обращал на нее никакого внимания. Так же делал и Алпатыч. Он посмеялся рассказам Михайлы Кузмича, сказал, что он завтра будет у губернатора с письмом от князя, и лег спать.

На другой день Алпатыч надел камзол, который он надевал только в городе, и пошел по делам. Все его знали, все кланялись ему и все рассказывали о том, что неприятель подошел под Смоленск, но Алпатыч не обращал внимания на эти рассказы и занимался своим делом. Он пошел в лавки, на почту и к губернатору.

Губернатор, прочтя письмо князя, лично принял Алпатыча и сказал ему, чтоб он передал князю, что не только в Лысых Горах, но и в Смоленске нет никакой опасности, потому что в этом заверил его главнокомандующий, и, кроме письма к князю, передал ему незапечатанную копию последней части письма Баркляя-де-Толли.

— Можешь сам прочесть и показать здесь своим знакомым, — сказал губернатор, отдавая эту бумагу. — Еще передай... — начал что-то губернатор, но в это время в комнату без доклада вбежал запыленный офицер.

— От генерала Раевского, — сказал офицер, и губернатор, кивнув головой Алпатычу, с офицером вошел в кабинет. Алпатыч пошел в присутственные места. Выходя от губернатора, Алпатыч услышал близкие выстрелы за городом, но не обратил на них внимания.

В присутственных местах хотя и поговаривали о войне, но были все при деле. Здесь у Алпатыча было самое пустое дело — подача ревизских сказок, но он с протоколистом долго тонко обсуждал предмет, и решили сделать так, чтобы вышло как можно сложнее и хитрее, хотя в хитрости надобности не было. Потом Алпатыч с протоколистом пошел в трактир, пообедал и выпил дрей-мадеры. На толки протоколиста о войне и о том, что из присутственных мест вчера вывозили бумаги, Алпатыч достал из кармана копию, данную ему губернатором, и, надев очки, прочел следующее:

«Уверяю вас, что городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности и невероятно, чтобы оный ею угрожаем был. 315

Я с одной, а князь Багратион с другой стороны — идем на соединение перед Смоленском, которое совершится 22 числа, и обе армии совокупными силами станут оборонять соотечественников своих вверенной вам губернии, пока усилия их удалят от них врагов отечества или пока не истребится в храбрых их рядах до последнего воина. Вы видите из сего, что вы имеете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаем двумя, столь храбрыми войсками, тот может быть уверен в победе их».

(Предписание Барклая де Толли Смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу <от 2-го августа> 1812-го года.)

К вечеру выстрелы затихли, и Яков Алпатыч, вернувшись домой и прочтя начавшему тревожиться Ферапонтову бумагу губернатора, рано по своему обыкновению лег спать на дворе, на сене.

Новая глава¹

На другой день, 5-го августа, рано Алпатыч разбудил кучера и, собравшись ехать, вышел на крыльцо. По улицам шли войска. Только что выехала Алпатычева тройка саврасых, как один офицер, ехавший верхом, указал на кибитку и что-то сказал. Двое солдат вскочили в кибитку и велели ей ехать в Петербургский форштат за раненым полковником. Алпатыч, махнув рукой кучеру, чтобы он не ехал, подошел к офицеру, желая объяснить ему его ошибку.

— Ваше благородие, господин интендант, — сказал он, учтиво сняв шляпу, — как кибитка, так и лошади, и кучер, и я сам, — сказал он с гордой улыбкой, — принадлежат его сиятельству генерал-аншефу князю Болконскому.

— Пошел, пошел, — крикнул офицер солдатам, — ступай с ними, им по дороге! — и офицер поскакал, стуча по каменной мостовой.

Алпатыч вернулся на квартиру и тотчас же стал сочинять прошение против офицера, неизвестного по имени и чина, но, вероятно, вином до беспамьяства доведенного, не мою, но принадлежащую его сиятельству генерал-аншефу князю Болконскому повозку взявшего. Написав и перебелив прошение, Яков Алпатыч сел у окна. Канонада явственно слышна была в городе. Алпатыч сидел у окна в кухне. Хозяин входил и уходил с мужиками, которых он нанимал для увоза товара. Кухарка стряпала обед, но беспрестанно выбегала на улицу смотреть то на проходившие войска, то для того, чтобы поговорить с соседями.

Алпатыч молча смотрел на улицу, не отвечая на вопросы, с которыми обращались к нему то кухарка, то приказчики, входившие на кухню.

¹ Слова: Новая глава — автограф.

В два часа Ферапонтов вошел в кухню и стал обедать, пригласив с собою и Алпатыча. Ни Ферапонтов не говорил о том, что он нанимал подводы для того, чтобы вывозиться, ни Алпатыч не говорил о том, что у него была взята повозка. Они перекрестились, молча сели за обед. Одна кухарка, громко вздыхая и приговаривая, ставила на стол перемены.

За обедом, хотя канонада была более, чем за версту, изредка слабо подрагивали стекла в окнах. Но эти звуки и подрагиванье продолжались с самого утра и уже сделались привычными.

— Потому что, ежели бы он не пьяный был, — начал вдруг Алпатыч, — он не может партикулярную собственность взять...

Ферапонтов утвердительно кивнул головой.

— На перевозку военных принадлежностей существуют штаты, — продолжал Алпатыч. — Мы сами знаем, и когда князь командовал, то у нас для перевозки одной, я думаю, тысячи подвод было. Бывало, прикажет князь... — и Алпатыч рассказал о том, как под Очаковым князь действовал и три тысячи турок забрал.

Ферапонтов внимательно слушал его, но, как только он кончил, как будто бы то, что он говорил, было ответом на его слова, Михаил Кузмич стал говорить, что действительно некоторые купцы уезжать стали, потому всё опасно, да разбойники мужики дерут теперь по три рубля за подводу,¹ точно креста на них нет.

— Селиванов купец угодил в четверг, продал муку в армию по девяти рублей за куль.

— На что уж Марья тряпичница, — сказала кухарка, — и та села на мосту с квасом и с солдат, сказывали, выручила шесть рублей в день за квас. И квас-то дрянной, потому — жара.

На это Ферапонтов рассказал, что его молодец один в собор ходил и что там с колокольни всё, как на ладони, видно. Говорит, полезут, полезут² французы, как тараканы³ черные, наши⁴ подпустят, да как вдарят и назад побегут. Говорят, по большой московской что раненых провезли.

Вдруг в середине разговора раздался странный, близкий свист и удар, другой, третий, и как будто пушечный выстрел на дворе соседнего дома, и дальняя канонада, заставляя дрожать все стекла, слились в один общий, усилившийся и непрерывающийся гул, как раскаты близкого грома. Алпатыч и Ферапонтов, молча, смотрели друг на друга, не понимая того, что это значило. Кухарка сунулась в окно, и пронзительный, отчаянный женский крик ее осветил вдруг весь ужас того, что¹

Последние пять слов — автограф.

² След. слово вписано рукой Толстого.

³ След. слово вписано рукой Толстого.

⁴ До конца абзаца — автограф.

происходило. Ферапонтов и Алпатыч¹ столкнувшись в дверях, выбежали на улицу. По улице² бежал³ народ.

Взрывы гранат и свист их слышался с разных сторон и, вторя им, на дворах и в домах слышался неумолкаемый визг, беготня и плач женщин.⁴ В особенности одна жалобно кричала на соседнем дворе.

— Убило, убило! Помогите! — кричала женщина с соседнего двора. Опять засвистело что-то, как сверху вниз летящие птички, блеснул огонь⁵ по краю улицы, выстрелило что-то, застлало дымом улицу, и стоявший у лавки мужик упал и пополз по улице, жалобно крича и волоча за собой что-то кровавое, красное.

— Злодей, что ж ты это делаешь? — прокричал Алпатыч,⁶ схватившись за волосы, и бросился к мужику.

Мужика подхватили и понесли во двор. Алпатыч остановился под углом дома.⁷

На дворах стало затихать.⁸ Жители попрятались в подвалы. Только соседка, убитая осколком⁹ гранаты, не переводя дух, жалобно визжала. Гранаты и бомбы продолжали бить по крышам, мостовой, стенам и по людям.¹⁰ Раненые солдаты шли по улицам. На дровяной площади за углом поднялся дым пожара, с другой стороны, с третьей также поднимались клубы дыма.¹¹

¹ След. три слова вписаны рукой Толстого.

² Зачеркнуто: с измученными, строгими лицами шли ряды пехоты к тому месту, с которого слышна была канонада, слышна была стрельба.

³ Зач. вписанное рукой Толстого: бежали толпы солдат и народа. Один солдат с окровавленной головой упал у ворот Ферапонтовых. Слово: народ — автограф.

⁴ Зач.: По краям улицы, мимо дома и ворот, навстречу шедшей пехоте бежали другие солдаты, некоторые из них были в крови. Один, хрипя, упал у ворот Ферапонтова. Над зач. вписано окончание абзаца.

⁵ Зач.: слышались хрипенья и стоны. Над зач. вписано окончание фразы.

⁶ Зач. текст котши, исправленный Толстым: и бросился вперед с солдатами. Его вытолкали из рядов, и он, прислонясь к углу, остановился, низко кланяясь и крестясь, и говорил проходившим:

— Отцы родные, голубчики, защитите Россию православную, — говорил Алпатыч, крестясь, и низко кланяясь.

По улице двинулись ряды пехотных солдат, направляясь к тому месту, откуда слышались выстрелы.

Некоторые из проходивших оглядывались на этого благообразного старика и, не переменяя строгого выражения, проходили мимо. Над зач. вписано окончание абзаца и след. абзаца.

⁷ Зач. вписанное рукой Толстого: По улице двинулись ряды пехотных солдат по направлению к тому месту, откуда слышались выстрелы.

⁸ Зач. вписанное рукой Толстого: Только одна женщина на соседнем дворе не переставала кричать жалобно-отчаянным и страдальческим криком.

⁹ Слово: гранаты — вставка рукой Толстого.

¹⁰ След. фраза вписана рукой Толстого.

¹¹ Зач.: Стало смеркаться.

К вечеру канонада стала стихать,¹ но заревы с разных сторон стали виднее. Опять завывали с разных сторон повышедшие из подвалов бабы. Ферапонтов² на дворе сам запрягал³ телегу, кричал на работников. Бабы с криком и плачем бегали из дома к подводам.

Солдаты, не рядами, а как муравьи из разоренной кочки в разных мундирах и в разных направлениях, но с одинаковым то робким, то наглым видом, бегали по улицам и дворам.

Кучер Алпатыча, бледный и с испуганным лицом, на измученных лошадях приехал к дому и рассказывал свои похождения. Алпатыч не слушал его и не ответил на его вопрос: «сейчас ли ехать?» Алпатыч с остановившимися глазами сидел у ворот и смотрел на то, что делалось перед ним. По улице шел и ехал народ.⁴ Какой-то полк, теснясь и спеша, запрудил улицу, идя назад. Молодой месяц весело и ясно светил над городом.⁵

— Братцы, отцы родные, защитите Россию православную! — говорил Алпатыч, обращаясь к солдатам и низко кланяясь и крестясь.

* № 225 (Т. III, ч. 2, гл. V).

10-го августа колонна, в которой был его полк, поровнялась с Лысыми Горами. Князь Андрей два дня тому назад получил известие, что его отец, сын и сестра уехали в Москву.⁶ Известие было ложно. Сын его действительно выехал в Москву с Десалем, но старый князь был так болен, что его могли довести только до Богучарова. Княжна Марья только для успокоения⁷ брата писала ему, что они уезжают.

— В дрожечках поедете в Лысые Горы? — спросил его⁸ на последнем переходе камердинер, и не допуская возможности не поехать.

«Да, я должен ехать», подумал князь Андрей, хотя ему и очень не хотелось этого, «это — мой долг — распорядиться в имении отца, посмотреть по крайней мере».

Он велел оседлать двух лошадей и поехал с Петром верхом. В деревне, через которую они проехали, было всё то же: дома ¹ Слова: но и с разных сторон вписаны рукой Толстого.

² Зачеркнуто: вылез из погреба, суетился и надписаны след. три слова.

³ След. девять слов — автограф.

⁴ Зач.: Опять

⁵ Зач.: — Ваше благородие! ваше благородие! — кричал Алпатыч, — братцы! Что же, или конец? Далее, кончая следующим абзацем — автограф.

⁶ Зач.: Это было то обманное письмо, которое написала ему, с целью успокоить его, княжна Марья перед отъездом в Богучарово. Вместо зач. рукой Толстого вписан дальнейший текст до конца абзаца.

⁷ Зач.: князя

⁸ След. три слова — автограф.

были старики, всё остальное было на работах; мужики пахали, бабы мыли на пруде белье и кланялись испуганно и низко.

Князь Андрей подъехал к сторожке. У каменных ворот въезда никого не было, и дверь была отперта. Дорожки сада уже заросли, и телята и лошади ходили по английскому парку. Какая-то женщина и мальчик увидели его и побежали через луг. Петр поехал на дворню.

[Далее от слов: Князь Андрей подъехал к оранжерее кончая: Толпа мужиков и дворовых шла по лугу с открытыми головами, приближаясь к князю Андрею близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. V.]

— Прощай, старый друг! — сказал князь Андрей, обнимая Алпатыча. Алпатыч прижался к его плечу и зарыдал.¹ Князь Андрей оттолкнул его и твердыми, решительными шагами подошел к мужикам.

— Здравствуйте, ребята! Вот я Якову Алпатычу всё приказал, его слушайтесь. А мне некогда.² Давай лошадь, Петр. Прощайте...

— Батюшка, отец, — слышались голоса.³ Князь Андрей сел верхом и галопом поехал вниз по аллее.

* № 226 (Т. III, ч. 2, гл. IX—XIV).

Алпатыч⁴ внимательно посмотрел на Дрона и нахмурился. Он стоял перед Дроном совершенно в той позе, в которой стаивал перед ним старый князь.

— Ты, Дронушка, слушай, — сказал он. — Ты мне пустого не говори. В 150-ти дворах 30-ть лошадей есть...

— Ей же ей, нет, Яков Алпатыч, мы бы рады, — отвечал Дрон, улыбаясь.

Алпатыч еще более нахмурился.

— Эй, Дрон, худо будет, — сказал Алпатыч, покачав головой.

— Власть ваша! На чем было....

Алпатыч перебил его.

— Эй, Дрон, оставь, — повторил он, вынимая руку из-за пазухи и торжественным жестом указывая ею на пол под ноги Дрона. — Я не то тебя насквозь, я под тобой на три аршина всё наскрозь вижу.

Дрон смутился и, опустив глаза, молча переминался с ноги на ногу.

— Ты вздор-то оставь, а то... — сказал Алпатыч, грозно подвигаясь к нему и, взяв Дрона за аккуратно запахнутый армяк, стал потрясать его из стороны в сторону. Дрон, большой,¹ *Далее до конца абзаца — автограф.*

² След. фраза — автограф.

³ Далее автограф.

⁴ *Зачеркнуто: удивленно и надписано рукой Толстого: внимательно*

сильный мужик, равномерно и покорно раскачиваясь туловищем вперед и назад, стараясь угадывать движения руки маленького Алпатыча, ни в чем не изменял ни выражения своего опущенного твердого взгляда, ни покорного положения рук.

[Далее от слов: Его сиятельство, князь Андрей Николаич, сами мне приказали кончая: отвечал: «слушаю-с» на все вопросы княжны Марьи и едва удерживался от рыданий, глядя на нее близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. IX—X.]

— Так ты ничего не слышал? — сказала ему княжна. «Ежели бы он знал это!» сама себе проговорила княжна. Тихон не выдержал этого обращения и заплакал, целуя руки княжны.

«А я жалела тогда Тихона!» подумала княжна Марья и сама заплакала, отрывая от Тихона свою руку, которую он мочил слезами. «Да, мы с ним его больше всех любили!» подумала она. Но в то время, как она думала это, в комнату вошел потребованный староста Дрон, которого она называла Дронушкой, и с выражением хитрого и тупого недоверия стал у притолки.

Княжна Марья прошлась по комнате и с высохшими, блестящими глазами остановилась против него.

— Дронушка, — сказала княжна Марья, видевшая в нем несомненного друга, того самого Дронушку, который из Вязьмы привозил ей и с улыбкой подавал всегда свои особенные пряники.

— Дронушка, — сказала она, едва удерживая слезы, которые при воспоминании о тех временах, когда он приезжал в Лысые Горы, опять выступали на глаза. — Дронушка, я тебя не видела после нашего несчастья, — сказала она (она была убеждена, что Дрон почти так же, как и она, чувствовал ее горе). Он вздохнул.

— Воля божья! — сказал он. Они помолчали.

— Дронушка, Алпатыч куда-то уехал. Мне не к кому обратиться, правду ли мне говорят, что мне и уехать нельзя?

— Отчего же не ехать, ваше сиятельство, — грустно сказал Дронушка.

— Мне сказали, что опасно от французов. Голубчик, я ничего не могу, ничего не понимаю, со мной никого нет, Алпатыч уехал, я тебе поручаюсь, ты помоги мне. Я непременно хочу ехать ночью или завтра рано утром. Можно ехать?

— Отчего же не ехать, пустое, ваше сиятельство, ехать можно.

— Ну, я и знала, — сказала княжна Марья. — Так, пожалуйста, Дронушка, завтра Дрон исподлюбья взглянул на нее и опять опустил глаза.

— Так, пожалуйста, завтра распорядись лошадьми и всем.

— Слушаю-с, только подводы приказывали Яков Алпатыч к завтрашнему дню, то никак невозможно, ваше сиятельство, — с доброй улыбкой сказал Дронушка. Эта добрая улыбка невольно выходила ему на уста в то время, как он смотрел и говорил с княжной, которую он знал девочкой.

— Отчего невозможно, Дронушка, голубчик? — сказала княжна.

— Невозможно от божьего наказания, — сказал Дрон. — Всех¹ лошадей под войска разобрали. Я докладывал Яков Алпатычу, а остальные лошади подошли, нынче год такой.

[Далее от слов: Не только лошадей кормить, а как бы самим с голоду не помереть кончая: — Мы ничего не пожалеем для них. Так им и скажи *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. IX.]

— Слушаю-с, — сказал, улыбаясь, Дронушка,² я скажу.

Княжне Марье совестно было говорить еще о раздаче хлеба именно потому, что это радовало ее; и потому она нашла нужным прежде, чем отпустить Дрона, сказать еще несколько слов о приготовлении к завтрашнему отъезду, который теперь уж менее занимал ее. Она сказала, что просит приготовить лошадей под экипажи к 8 часам, а ежели нет подвод, то нечего делать.

— Я знаю, — сказала она, — как ты нам предан и что ты сделаешь всё, что можно.

Дрон ушел. Княжна Марья осталась опять одна со своими мыслями. Известие о несчастии и бедствии мужиков и возможность помочь на несколько времени заставило ее забыть и свое горе³ и свое положение, несколько минут тому назад так ужасавшее ее. Она сидела у окна своей комнаты⁴ и прислушивалась к слышному в чистом вечернем воздухе говору на деревне, которая была недалеко. С деревни слышался гул голосов и изредка сердитые, спорящие крики.⁵ Княжна Марья догадывалась, что предмет этого говора было то предложение выдачи хлеба, которое она послала им через Дрона, но она не могла понять, каким образом это могло заставить их кричать и спорить. Гул голосов то замолкал, то опять усиливался. Потом голоса замолкли и слышались ближе и⁶ ближе по дороге⁷ к дому тяжелые шаги приближающейся толпы⁸ и негромкий редкий шопот и говор.

[Далее от слов: Дуняша пришла к княжне с известием, что пришел Дрон кончая: сама уеду, бросив их на произвол французов *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. XI.]

¹ След. два слова вписаны рукой Толстого.

² Зачеркнуто: и вышел. Княжну Марью так заняла мысль *Дальнейший текст, кончая: Известие о вписан над строкою и на полях рукой Толстого вместо зач. текста (варианта № 184, стр. 175)*.

³ Зач. в копии: Уже стало смеркаться и надписан конец фразы.

⁴ Зач.: ожидая Алпатыча и надписаны след. девять слов.

⁵ Зач.: Месяц стал подниматься из-за лип. *Дальнейший текст, кончая: Потом голоса замолкли и по вписан рукой Толстого.*

⁶ След. слово вписано рукой Толстого.

⁷ Зач.: слышны были и надписано: к дому

⁸ След. шесть слов — автограф.

¹ «И они правы, — думала княжна Марья. — Ежели делать им добро, то надо делать его вполне и необдуманно. Какие тут могут быть расчеты, — думала княжна Марья, — надо всё отдать, только спасти этих несчастных людей, поверенных мне богом. Я им буду обещать месячину в подмосковной, квартиры — что бы это ни стоило нам; я уверена, что André еще больше бы сделал на моем месте», думала она, подходя,² и толпа в сумерках подвигалась ей навстречу. Толпа раскрылась полукругом, все сняли шапки и открыли лысые, черные, рыжие и седые головы. Княжна Марья, опустив глаза,³ близко подошла к ним.⁴ Толпа, устанавливаясь, скучилась около нее полукругом. Несколько лиц бросилось в глаза княжне Марье. Прямо против нее стоял старый, согнутый седой мужик, опершись обеими руками на палку,⁵ и, не переставая, поводил беззубым ртом; с боку толпы стоял рыжий мужик, заложив большие пальцы за кушак,⁶ очень высокий молодой парень, стоя во втором ряду, но выше других головой, выказывал свое круглое, добродушно улыбающееся лицо. Баба стояла на другом конце полукруга и, приложив руку к щеке, жалобно вздыхала.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, матушка... княжна матушка, — слышались голоса.

— Болезная, — застонала баба.

— Я очень рада, что вы пришли, — начала княжна Марья,⁷ не поднимая глаз и чувствуя, как быстро и сильно билось ее сердце от страха сказать что-нибудь неуместное.

[Далее от слов: Мне Дронушка сказал, что вас разорила война кончая: и за его сына близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XI.]

Она помолчала,⁸ никто не прерывал ее молчания, кроме стонавшей бабы и старческого кашля некоторых мужиков.

— Горе наше общее, и будем делить всё пополам. Всё, что мое, то ваше.

Опять она замолчала.⁹ Из 20-ти лиц, стоявших в первом ряду, ни одни глаза не смотрели на нее, все избегали ее взгляда.

— Много довольны вашими милостями, только нам брать господский хлеб не приходится, — сказал голос сзади.

¹ След. две фразы — автограф.

² Окончание фразы вписано рукой Толстого.

³ Зачеркнуто: сошла с крыльца.

⁴ Дальнейший текст, кончая: Прямо вписан рукой Толстого.

⁵ Дальнейший текст, кончая: застонала баба автограф.

⁶ Зач.: добродушный

⁷ Зач.: глядя невольно только на старого мужика и обращаясь к нему. Вместо зач. надписан след. текст до конца абзаца.

⁸ Зач.: она молчала тоже, но никто не смотрел на нее. Вместо зач. надписан след. текст, кончая: всё пополам.

⁹ Зач.: и она молчала, и старик, стоявший перед ней, старался избегать ее взгляда. Согласны вы? Они молчали и из

— Да отчего же? — сказала княжна.¹ — Да отчего же вы не хотите,² — спросила она после непонятного ропота, прошедшего по толпе. Как будто некоторые из мужиков прокашливались, чтобы ответить что-то, но потом раздумывали.

Княжне Марье становилось тяжело от этого молчания. Она старалась уловить чей-нибудь взгляд.

Ей нужно было, напротив, одно лицо, с которым бы она могла говорить.³

Тот, к кому она обращалась, тотчас же опускал глаза. Даже баба спряталась за толпу, когда княжна Марья обратилась к ней.

[Далее от слов: — Отчего вы не говорите? кончая: Не берем хлеба, нет согласия нашего близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XI.]

Рыжий мужик Карп,⁴ державший большой палец за кушаком, кричал больше всех,⁵ и баба, стоявшая с боку толпы, кричала что-то. Княжна Марья старалась уловить опять чей-нибудь взгляд из толпы, но ни один взгляд не был устремлен на нее, глаза, очевидно, избегали ее. Ей стало странно и неловко. Она с намерением помочь им, облагодетельствовать тех мужиков, которые так преданы были ее семейству, пришла сюда, и вдруг эти самые мужики враждебно смотрели на нее.

— Вишь, научила ловко: за ней в крепость поди! — слышались голоса в толпе. — Дома разори, да в кабалу и ступай.

— Как же! а хлеб, мол, отдам! — с иронической улыбкой проговорил старик с дубинкой.

— Ну, вы, горланы! — ровным голосом проговорил Дрон, и толпа замолкла.

Княжна Марья, опустив голову, вышла из круга и ушла в свою комнату.

Долго эту ночь княжна Марья сидела у открытого окна в своей комнате, прислушиваясь к звукам говора мужиков, доносившегося с деревни, но она не думала о них. Целый рой неожиданных, непрощенных мыслей носился в ее голове. Ночь была тихая и светлая.

В 12-м часу голоса стали затихать, пропел петух, из-за лип стала выходить полная луна,⁶ поднялся свежий, белый туман-роса, и над деревней и над домом воцарилась тишина. Опять ¹ *Зачеркнуто*: Все молчали.

² *Зач.*: Молчание. Княжна не понимала, что ей надо было говорить со всем миром. *Вместо зач. вписан дальнейший текст, кончая*: чей-нибудь взгляд.

³ *Зач.*: Она <обратилась> выбрала старика, стоявшего ближе к ней и *вписан Толстым текст след. абзаца*.

⁴ *След. пять слов вписаны рукой Толстого.*

⁵ *Зач.*: среди

⁶ *След. пять слов вписаны рукой Толстого.*

совершенно невольно княжна Марья вступила в эту, сделавшуюся ей привычной со времени болезни отца, колею личных надежд и мечтаний о предстоящей ей теперь свободной жизни, как ни упрекала она себя, как ни раскаивалась в том, что,¹ после того, что было так недавно, она могла думать о возможности для себя любви и семейного счастья. Как будто так долго задержанные и подавленные в ней надежды на личное счастье неудержимо прорвались теперь и, несмотря на свою неуместность, охватили ее.

«Как бы я любила *его*», думала княжна Марья, представляя себе своего будущего мужа. Она представляла себе того человека, которого она будет любить, совсем противоположным тем двум мужчинам, отцу и брату, которых она знала ближе всех и на которых она сама была похожа. Она представляла его себе² веселым, красивым, рыцарски-благородным и великодушным,³ без той гордости ума, которые были в ее отце и брате, и непременно военным, преимущественно гусаром.

«⁴Он⁵ бы полюбил меня бы, хоть за мою любовь к нему»,⁶ думала княжна Марья, ощущая в себе всю силу и преданность этой будущей любви.

По дороге за садом послышался топот нескольких лошадей и бречанье железа. (Это мужики ехали в ночное.)

«Кто знает, может быть это мое положение теперь, здесь и в опасности сведет меня с ним, — подумала княжна Марья, прислушиваясь к топоту лошадей. — Может, завтра на нас нападут неприятели и он спасет меня. Может быть, это *он* едет теперь... А может быть, это разбойники»,⁷ вдруг пришло ей в голову, и на нее нашел страх: сначала страх разбойников, потом страх французов и, наконец, беспричинный страх чего-то таинственного и неизвестного.

«О чем я думаю? и когда? теперь, когда вчера только похоронили его, — подумала она. — Опять, опять эти искушения дьявола. Да, это он смущает меня и заставляет мечтать о счастье, тогда как два дня тому назад здесь, за стеной слышалось его кряхтенье и он, мучаясь, метался на постели и с раскрытым ртом, мертвый, лежал между женщинами,⁸ которые что-то хотели с ним делать». И одна за другой ей стали, как бы в наказание за ее мечтания, представляться картины ужаса ¹ След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

² Зачеркнуто: не очень умным (она не любила ум), не очень чувствительным, но очень

³ След. одиннадцать слов вписаны рукой Толстого.

⁴ Зач.: Верно

⁵ След. пять слов переправлены из не мог не полюбить

⁶ к нему вписано рукой Толстого

⁷ Зач.: На княжну и вписаны след. восемь слов.

⁸ Зач.: когда я пришла к нему и надписано окончание фразы.

прошедшей болезни и смерти, и картины эти представлялись ей с такой ясностью, что они казались ей уже не воспоминаниями, а то действительностью, то близким будущим.

Она смотрела в окно, и ей казалось, что вот-вот она увидит сейчас опять то страшное зрелище, когда его из сада Лысых Гор вели под руки и он, заплетая ногой, сердясь и беснуясь, бормотал бессильным языком и дергал седыми бровями над перекосившимся глазом. Княжна Марья отвернулась от окна и закрыла лицо руками. Ей казалось, что она слышит это бормотанье и вот-вот он покажется из-под лип на освещенную месяцем дорожку.

Она встала и прошлась по комнате, чтобы прогнать это воспоминание, и она прогнала его, но ее движения и ходьба по комнате вызвало другое воспоминание о нем же и такое же страшное. Это было еще в Лысых Горах, накануне сделавшегося с ним удара. Княжна Марья не спала. Она на цыпочках сошла вниз и, подойдя к двери цветочной, в которой¹ в эту ночь ночевал ее отец, прислушалась к его голосу.

— Тишка, не спишь, — говорил² он измученным, усталым и добрым³ голосом.⁴

Тихон молчал.

— Так-то я не спал раз в Крыму... Там теплые ночи... Всё думалось... Императрица присылала за мной...⁵

Он что-то говорил об императрице. Тихон молчал. Потом он стал говорить о постройках.

— Да, уж так не построят теперь, — говорил он. — Ведь я начал строить, как приехал сюда. Тут ничего не было. Ты не помнишь, как сгорел флигель батюшкин? Нет, где тебе. Так не построят нынче.⁶ Тихон, я отсюда обедеду галерею, и там будут Николаши покои и спальни, где невестка живет. Что, она уехала?⁷ Невестка уехала? А?

— Уехали-с, — отвечал⁸ кроткий голос Тихона.⁹ — Извольте ложиться.

Постель затрещала под ним, он ложился и громко и тяжело кашлянул и замолк.

— Бог мой! Бог мой! — прокричал он вдруг, и¹⁰ потом опять затрещала кровать и зашлепали туфли и он подвинулся к двери, у которой стояла княжна Марья.

¹ След. три слова вписаны рукой Толстого.

² Зачеркнуто: старик и надписано: он

³ и добрым вписано рукой Толстого.

⁴ Зач.: которому он хотел придать небрежные интонации

⁵ След. абзац вписан рукой Толстого.

⁶ Зач.: тят да ляп и корабль... и надписано: Тихон

⁷ Зач.: что ль?

⁸ Зач.: спокойный и надписано: кроткий

⁹ След. два слова — вставка рукой Толстого.

¹⁰ Зач.: зарычал как будто

Княжна Марья и теперь, казалось, слышала это шлепанье туфлями, и, кроме того чувства, которое она и тогда испытывала, она теперь ужасалась тому, что он, мертвец, сейчас войдет к ней. Войдет с тем выражением лица, которое у него было в гробу на обвязанном белым платком лице.

С той минуты, как она, найдя его мертвым, прикоснулась к нему и с ужасом убедилась, что это не только не был он, но что-то таинственное и отталкивающее, к воспоминанию о нем присоединился ужас. Она больше боялась его теперь, чем жалела, особенно в том самом доме, в котором он умер и лежал мертвый. Ей казалось, что он теперь там, за стеною, и она ужасалась при одной мысли о том, чтобы войти туда, и страшно хотелось этого.

Кто-то стукнул входной дверью, и послышались шаги в передней. Княжна Марья бросилась в дверь и испуганно закричала: «Дуняша!»

Дуняша, протирая глаза, пришла к ней.

— Ах, Дуняша, побудь со мною. Мне так страшно! — говорила княжна, дрожа всем телом.

Шаги, которые слышались в передней, были шаги Алпатыча.

Он вернулся из своей поездки к исправнику и пришел во 2-м часу ночи доложить княжне о настоятельной необходимости завтрашнего отъезда и о том, что воинский начальник, у которого он был, обещал ему к завтрашнему утру прислать конвой для того, чтобы проводить¹ ее.

(Новая глава)

Алпатыч рассчитывал на прибытие конвоя солдат, которых ему обещал исправник, не только для того, чтобы проводить княжну Марью, но и для того, чтобы с помощью войска вытребовать нужные для подъема обоза подводы.

Подводы не были представлены утром, Дрон не являлся в контору, и Алпатыч узнал через своих шпионов, что, вследствие вчерашнего разговора княжны Марьи с мужиками, не только не было никакой надежды без военной силы получить подводы, но самый выезд из деревни представлял затруднения.

Обещанный конвой инвалидной команды не приехал, как его ожидал Алпатыч, рано утром. Пробыло 7, 8 и 9 часов — солдат не было. Княжна Марья велела закладывать, и только что вывели лошадей из конюшни, как толпа мужиков вышла из деревни и, приблизившись к господскому дому, остановилась на выгоне у амбара.

Яков Алпатыч, расстроенный и бледный, в дорожном одеянии — панталоны в сапоги — вошел к княжне Марье и с¹ *Зачеркнуто*: княжну Марью

осторожностью доложил, что так как по дороге могут встретиться неприятели, то не угодно ли княжне лучше подождать прихода конвоя и написать записку к русскому воинскому начальнику в Янково за 15 верст затем, чтобы прибыл конвой.

— Зная звание вашего сиятельства, не могут отказать.

— Ах нет, зачем? — сказала княжна Марья, стоя у окна и глядя на мужиков. — Вели закладывать, и поскорее, поскорее поедем отсюда... — с жаром и поспешностью говорила она. — Вели подавать и поедем.

Яков Алпатыч, держа руку за пазухой, мрачно стоял перед княжной Марьей, желая и не решаясь сказать ей всю правду.

— Для чего они тут стоят? — сказала княжна Марья, указывая на толпу.

Алпатыч прокашлялся.

— Не могу знать, ваше сиятельство. Вероятно, проститься желают, — сказал он. — Впрочем, осмелюсь доложить, по их необразованию...

— Ты бы сказал им, чтобы они шли, — сказала княжна Марья.

Яков Алпатыч покачал головой в то время, как не могла его видеть княжна Марья.

— Слушаю-с, — сказал он.

— И тогда вели подавать.

Алпатыч, не отвечая более, вышел, и княжна Марья видела, как он подошел к мужикам и что-то стал говорить с ними. Поднялся крик, маханье руками, и Алпатыч отошел от них, но не вернулся к княжне.

Дуняша вбежала к княжне и задыхающимся голосом передала ей, что в народе бунт, что мужики собрались с тем, чтобы не выпускать ее из деревни, что они грозятся, что отпрягут лошадей.

— Они говорят... они, что ничего худого не сделают и повиняться будут, и на барщину ходить, только бы вы не уезжали. Уж лучше не ездить, княжна матушка! что с нами будет, — говорила плачущая Дуняша.

— Позови Алпатыча, — сказала княжна Марья. Алпатыча не было, он куда-то [у]шел.

В задних комнатах слышны были беготня и шептанье. Кучера и мужики, приведшие было к крыльцу лошадей, увели их назад. К мужикам подъехала телега с бочонком. Толпа окружила телегу, и слышался громкий говор и веселые крики.

Княжна Марья сидела в дорожном платье у окна, глядя на них.

«Вот оно и наказанье!» думала она. — Но я не покорюсь так вдруг, — сказала она, вставая. — Я пойду к ним, я велю закладывать и поеду. Пускай они останавливают меня! Дуняша, няня, чего вы боитесь? Отчего вы спрятались? Велите укладывать, а я пойду к ним.

— Матушка, Христос с тобой! Они — пьяны, голубушка! пропали мы, — уговаривали, и плакали, и стонали Дуняша и няня.

Михаил Иванович с растерянным лицом и Тихон вошли в комнату. Несколько голосов говорили вместе. Особенные женские голоса и особенно голос прачки Натальи наполнял комнату. Княжна Марья чувствовала, что, глядя на эти растерянные лица, она сама теряется, но неизвестное ей самой в себе чувство оскорбленной гордости и злобы поддержали ее.

— Они! Французы... французы!.. Нет, не французы... Они!... — послышался говор сзади ее, и она увидала во весь дух скачущих трех верховых, которые у дома стали сдерживать расказававшихся лошадей. В то же время Алпатыч подошел к княжне Марье.

— Всевышний перст, ваше сиятельство! — сказал он, торжественно поднимая руку и палец. — Офицеры русской армии!

[*Далее от слов: Действительно, кавалеристы были Ростов, Ильин и только что вернувшийся из плена вестовой гусар Лаврушка кончая: Дорогой в Богучарово, в княжеское имение с усадьбой, где они надеялись найти большую дворню и хорошеньких девушек, они то спрашивали Лаврушку о Наполеоне, заставляя его петь бессмысленную песнь, которую Лаврушка выдавал за французскую, то сами пели, то перегонялись, пробуя лошадь Ильина близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIII.]*

Ростов и не знал и не думал, что это — имение того самого Болконского, который был женихом его сестры.

Княжна Марья, увидав стремительного, скачущего на взмыленной лошади, красивого с черными усами гусара (это был Ростов), сопровождаемого другим, была вполне уверена, как и все дворовые, что он скакал для того, чтобы спасти ее. В сущности же Ростов с Ильиным в последний раз выпустили наперегонку лошадей в изволок перед Богучаровым, и Ростов, несмотря на свой чин и Георгиевский крест, как мальчик, был рад, что его игрневый донец перегнал дорого заплаченную лошадь Ильина.

— Ты вперед взял, — говорил раскрасневшийся Ильин.

— Да, вперед, и на лугу вперед, и тут, — улыбаясь, отвечал Ростов.

— А я на французской, ваше сиятельство, — сзади говорил Лаврушка, — перегнал бы, да только срамить не хотел.

Они осадили лошадей, подъехали к бочке на выгоне и остановились, поглядывая на женщин (так, как смотрят на женщин военные в походе), толпившихся на крыльце около экипажа.

Некоторые мужики сняли шапки, смутившись появлением гусар. Некоторые, пьяные, не снимая шапок, продолжали разговоры и песни.

*[Далее от слов: Два старые, длинные мужика с сморщенными лицами кончая: — Бог тебя послал, — говорили умиленные голоса в то время, как Ростов проходил через переднюю близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIII.]*¹

Княжна Марья, как и всегда, произвела своим некрасивым лицом неприятное впечатление на Ростова, тем более, что она, стараясь скрыть свое волнение при появлении ожидаемого рыцаря, казалась холодной и гордою.

Но, когда она начала говорить своим нежным, приятным голосом, теперь обрывавшимся и дрожавшим от волнения, и когда она невольно² взглянула своим глубоким и лучистым взглядом в лицо Ростову,³ всё его веселое и беззаботное расположение духа вдруг исчезло.

В позе, в выражении лица выразилась нежная почтительность и робкое участие.

[Далее от слов: Ему тотчас же представилось что-то романическое в этой встрече кончая: Княжна Марья поняла и оценила этот тон близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIII.]

— Notre intendant voi tout en noir, ne l'écoutez pas trop, monsieur le comte,⁴ — сказала ему княжна⁵ и улыбнулась.

«Она нехороша, но в ней что-то лучше красоты, — подумал Ростов, — Ну, да как бы ни было, я рад, что приехал»,⁶ сказал он себе.

[Далее от слов: — M-Ile la Princesse, vos désirs sont des ordres pour moi,⁷ — сказал он и вышел из комнаты, кончая: вместе с Ильиным и Лаврушкой направился к мужикам близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIII.]

⁸ Два веселые,⁹ длинные мужика¹⁰ в стороне от толпы лежали один на другом; один храпел снизу, а верхний всё еще улыбался и пел.¹¹ Толпа стала несколько меньше. Некоторые мужики¹ *Следующие два абзаца — автограф на полях.*

² *Зачеркнуто:* встретила

³ *Зач.:* он <почувствовал> забыл про ее лицо и всеми ушами слушал ее, стараясь и желая еще раз <увидать> встретить ее нежный взгляд.

⁴ [Наш управляющий видит всё в черном свете, не очень слушайте его, граф.]

⁵ *Зач.:* тоже вставая. Я только желала бы, чтобы мужики эти разошлись и оставили меня ехать без проводов. *Вместо зач. надписан дальнейший текст, кончая:* сказал он себе.

⁶ *Зач.:* и я сделаю

⁷ [Княжна, ваши желания для меня приказ.]

⁸ *Зач. вписанное на полях рукой Толстого:* <Между мужиками> Появление офицеров и то, что Алпатыч позвал их к княжне, смутило мужиков. Некоторые стали уходить, и поднялись споры и крики о том — оставаться или не оставаться. Дрон что-то говорил

⁹ *След. слово вписано рукой Толстого.*

¹⁰ *След. четыре слова вписаны рукой Толстого.*

¹¹ *Конец абзаца — автограф на полях.*

отошли от нее после приезда гусар, но те, которые оставались, стояли плотной кучей и, очевидно, ожидали Ростова. Рыжий Карп, заложив пальцы за кушак и отставив ногу, слегка улыбаясь, стоял с края. Дрон, стоявший и что-то говоривший с Карпом перед толпой, при приближении Ростова зашел в задние ряды.

— Эй! кто у вас староста тут? — крикнул Ростов, быстрым шагом подойдя¹ к толпе.

— Староста-то? На что вам?... — спросил Карп. Но не успел он договорить, как шапка слетела² с него и голова мотнулась набок от сильного удара.³

— Что ж... разве что... — улыбаясь и почесываясь, сказал Карп.

— Шапки долой, изменники! — крикнул полнокровный голос Ростова. Все шапки соскочили с голов, и толпа сдвинулась плотнее.

— Где староста?⁴

— Старосту, старосту кличет... Дрон Захарыч, вас, — слышались торопливо-покорные голоса.

Дрон неторопливой походкой,⁵ почтительно, но достойно сняв шляпу, с своим строгим, римским лицом и твердым взглядом⁶ вышел из толпы и поклонился.

— Я староста, — сказал он.⁷

Расходившаяся гусарская рука так и просила работы, но нахмуренное, бледное и совершенно спокойное лицо Дрона заставило Ростова опомниться. Он стал спрашивать.

— Ваша помещица требовала подвод, отчего вы не поставили? А?

Все глаза смотрели на Дрона.⁸

— Лошади под войсками все разобраны, откуда же их взять?⁹ — спокойно отвечал Дрон, злобно из бледного лица взглянув на Ростова.

— Где взять? А для чего все здесь?¹⁰ И для чего вы прикащику сказали, что не выпустите княжну? А!..¹¹

¹ *Зачеркнуто:* и останавливаясь.

² *След. два слова вписаны рукой Толстого.*

³ *След. абзац — автограф.*

⁴ *След. абзац — автограф.*

⁵ *Зач.:* издали

⁶ *Зач.:* подходил к Ростову и надписаны след. три слова.

⁷ *След. абзац — автограф на полях.*

⁸ *Зач.:* Ростов тоже не спускал кровью налившихся глаз, смотревших на них,

⁹ *Зач.:* — Под войсками? Подойди, подойди, любезный. *Вместо зач. вписано рукой Толстого, кончая:* Где взять? А

¹⁰ *Зач.:* сказал Ростов, близко подходя к Дрону.

¹¹ *На полях заметка:* <Три дня путешествия счастливейшие в жизни. Заплакала, когда уехала. Стыд за то, что полюбила. Улыбки.>

— Кто говорил, не знаю. Разве можно так господам говорить, — сказал Дрон,¹ усмехаясь.

— Лаврушка, поди сюда, — крикнул Ростов,² отворачиваясь от Дрона. — Ну, вы все, слушайте меня. — Он обратился к мужикам. — Сейчас марш по домам и вот этому человеку, — он указал на Лаврушку, — с 10-ти дворов по подводу, чтоб сейчас было.³ Ну, марш! — Ростов обратился к ближайшему мужику. — Марш, веди подводу!

— Ну! — крикнул Ростов. — Староста! — угрожающе крикнул Ростов.

— Я — староста, — сказал Дрон насмешливо.

— Что?! — закричал Ростов, налившимися кровью глазами глядя на Дрона и подходя к нему. Несколько секунд они, как два петуха, меряя друг друга глазами, стояли друг против друга.

— На чем старики порешили, тому и быть!.. Тому и быть! Много вас, начальства тут... Сказано не вывозиться... — послышались голоса в толпе.

Ростов схватил Дрона за воротник армяка. Челюсти бледного лица Дрона вдруг задрожали.

— Нет подвод! — сказал он. —

— Шкуру со всех спущу!... Шкуру!!.. — нечеловеческим, бешеным голосом в то же мгновение завопил Ростов, покрывая все голоса своим голосом, давая рукам волю и входя в то состояние бешенства, в котором он не помнил своих поступков.

— Сказано, нет подвод! — повторил Дрон.

— Лаврушка, Никитин, вяжи его.

С Дрона сняли кушак и завязали ему сзади руки. То же сделали с Карпом. Мужики молча смотрели на то, как Лаврушка и Никитин вязали Карпа и Дрона.

— Что ж, мы никакой обиды не сделали. Мы только, значит, по глупости, — смущенно говорил Карп в то время, как его вязали. Дрон не сопротивлялся вязанию ему рук, даже помогал ему, не изменял выражения своего бледного лица.

— Что ж, вяжите, подвод нет, — говорил он.

— Ваше сиятельство, прикажете? — сказал Лаврушка Ростову, стиснув зубы, из всех сил с радостным лицом затягивая кушак на локтях Дрона. — Только прикажите, я уж этого старосту да рыжего так взбузую, по-царски. Только за Федченкой съездить. Сейчас подводы будут.

Но Ростов, не отвечая на желания Лаврушки, велел запереть на барский двор Дрона и Карпа, Ильина послал за гусарами, а сам с Никитиным и Лаврушкой, Алпатычем и кучером, с ним вышедшим из дома, пошел на деревню, приказал мужикам¹ *Зачеркнуто: с неестественной усмешкой и надписано: усмехаясь*

² След. три слова — вставка Толстого.

³ Зач.: Слышишь ты, староста? — Как не слышать.

итти за собою и запрягать подводы. Толпа понемногу стала расходиться и рассыпаться по деревне, только два пьяные всё лежали у амбара.

Через два часа Ростов и Ильин завтракали у княжны Марьи, которая отложила на несколько времени свой отъезд с тем, чтобы самой присутствовать при укладке обоза.

[Далее от слов: Подводы стояли на дворе, и мужики укладывали господские вещи кончая: он для того, чтобы спасти ее, подвергал себя самым очевидным и страшным опасностям и только по свойственному ему великодушию и деликатности старался не говорить об этом близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIV.]

Узнав, что Ростов был брат той Ростовской, которая была невестой ее брата, княжна Марья не могла не думать о том, что в том, что она узнала и полюбила его в таких обстоятельствах и после того, как брак князя Андрея с его сестрой расстроился, что в этом был перст божий, как любил говорить Алпатыч.¹

Два дня княжна Марья провела в обществе² Ростова, и скоро она сознала, что эти два дня путешествия были счастливейшее время в ее жизни. Когда она простилась с ним и она осталась одна, княжна Марья почувствовала вдруг в глазах слезы, заплакала, как ребенок, у которого отняли игрушку, и тут в первый раз она должна была признаться себе, что она любит его, и, признавшись себе в этом, ей стало больно и стыдно, что она позволила себе полюбить человека первая, тогда как он, может быть, не любил ее.

Но что ж ей было делать? Она не могла не любить такого человека, соединявшего в себе все лучшие добродетели (она была в этом уверена).

Хотя она и не хотела верить в возможность счастья быть любимой и быть женою именно такого человека, о котором она мечтала, она все-таки могла себе говорить, что она в первый и в последний раз полюбила и навсегда, будет ли или не будет он ее мужем, останется верна этой любви и что в этой любви нет ничего преступного или невозможного.

* № 227 (Т. III, ч. 2, гл. XXIV—XXV).³

(Новая глава)

Князь Андрей в этот ясный августовский вечер 25-го числа лежал на разломанном сарае деревни Псареве, где стояли парк⁴ артиллерии. Сарай этот был на задворках деревни, кругом шли заборы вокруг нескольких десятин пашни, на которой валялись¹ *Следующие два абзаца — автограф на полях.*

² *Зачеркнуто: Ильина*

³ *Первую редакцию этого отрывка см. в варианте № 180, стр. 102.*

⁴ *Запасные ящики с зарядами. (Примечание в рукописи.)*

неубранные разбитые копны овса.¹ По одному из этих заборов шла полоса 30-летних берез с обрубленными солдатами нижними сучьями.

Одна береза была срублена и оттащена, на ее месте виднелся свежий пенек и круг маленьких веток и листьев. Остальные березки с осенними, кое-где желтеющими листьями стояли веселые и курчавые, не шевелясь ни одним листком и блестя своей зеленью и желтизной на ярком свете вечера. Желтые листья обсыпали место под ними, но это они обсыпали прежде, теперь ничего не падало, они блестели на вырвавшемся из-за туч блестящем солнце.

²За пашней был кустарник, по которому³ виднелись дымы костров солдатских кухонь. Крыша⁴ и одна сторона сарая были сломаны,⁵ и князю Андрею, как в рамке, представлялись в лесу у ручья солдаты, костры, зеленые фуры парков и коновязи.⁶

⁷Князь Андрей лежал, облокотившись на руку, и то смотрел⁸ вперед, то закрывал глаза.

⁹Назавтра должно было быть сражение, и он хотел подумать, подумать так же, как он думал накануне Аустерлица.

[Далее от слов: Как ни много времени прошло с тех пор, как ни тесна и никому не нужна и ни тяжка ему казалась его жизнь, кончая: — То есть как? — сказал Пьер, с недоумением через очки глядя на князя Андрея близко к варианту № 180,¹ Следующая фраза — автограф Толстого.

² Зачеркнуто: Недалеко и надписано: За пашней

³ Зач.: стояли солдаты его полка и надписан конец фразы.

⁴ След. три слова вписаны рукой Толстого.

⁵ Зач.: и плетень, идущий от поля, оттащен

⁶ Зач.: <за сараем> правее от сарая был виден остаток овина, и между овином и сараем была полоса 30-летних берез с обрубленными нижними сучьями.

⁷ Зач.: Воробьи слетели с берез под оставшееся звено забора и опять влетели на них,

⁸ Зач.: на эти березки, то

⁹ Зач.: Завтра должно было быть сражение; у начальника колонны он уже был. С батальонными командирами он давно отобедал, и теперь ему нечего было делать. След. шесть слов вписаны рукой Толстого вместо зач. Далее зач. текст копии, исправленный рукой Толстого: Андрей жалел и любил всё живое и радостно смотрел на эти березки. Желтые листья обсыпали место под ним, но это они обсыпали прежде, теперь ничто не падало, они блестели <ярким светом> на вырвавшемся из-за туч блестящем свете вечера <и князь Андрей смотрел на них и сквозь них на них.>

Воробьи слетали с берез на оставшееся звено забора и опять влетали на них. Князь Андрей лежал, облокотившись на руку, и то смотрел на эти березы, то закрывал глаза. <Распоряжение и всё было сделано им.> Завтра должно было быть сражение, у начальника его колонны он уже был, с ротным и батальонным командирами он давно отобедал и теперь ему нечего было делать. Он хотел быть один и подумать, подумать так же, как он думал накануне Аустерлица (последние пять слов остались, видимо по ошибке, незачеркнутыми).

стр. 102—108, и к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл XXIV—XXV.]

Князь Андрей посмотрел на него, как бы находясь в сомнении, сказать или не сказать ему всю свою мысль, и, поглядев на его доброе лицо, решил, что лучше не говорить. Но Пьер хотел вызвать его на суждение об этом деле войны, занимавшем его.

— Ну как вы скажете насчет назначения Кутузова? — сказал Пьер, — в состоянии ли он бороться с Наполеоном?

Князь Андрей презрительно усмехнулся.

[Далее от слов: Я очень рад был этому назначению — вот всё, что я знаю, — сказал он. — Но по другим причинам... кончая: — Так отчего же он запрещал? близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXV.]

Тимохин значительно поднял брови вместо ответа.

— Неужели в самом деле это могла быть измена? — сказал Пьер по-французски, обращаясь к князю Андрею. — Как вы объясняете всё это?

— Я очень рад был, когда его сменили, и за себя и за русскую армию, — сказал князь Андрей, — но я был при нем и знаю его. Он столько же способен быть изменником, сколько мы с тобой; но зато столько же способен быть главнокомандующим в эту войну, сколько я способен играть на скрипке,¹ — сказал князь Андрей,² начиная оживляться. — Он — ограниченный, честный немец и прекрасный военный министр, но не главнокомандующий.

— А как же его защитники говорили, что он отличный тактик,³ стратегик... я не знаю...

— Да, тактик,⁴ стратегик, но не главнокомандующий тогда, когда война в России. Он очень рассудителен, а этого-то и не нужно. Вот ты слышал, что запрещено было брать с поля сено и дрова, чтобы не разорять край, который мы оставляли неприятелю. Это очень основательно, нельзя позволять грабить край и приучаться войскам к мародерству, но немец не может понять того, что запретить солдату разорять за собой край для солдата непонятно и унижительно. Ну, а в Смоленске он тоже правильно рассудил, что французы могут обойти нас и что у них больше сил, но он, немец, не мог понять того, что мы в первый раз дрались за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбили французов и что этот успех удесятерил наши силы; и он велел отступить, и все усилия и потери пропали даром. Он не думал изменять, он старался всё сделать как можно лучше, он всё обдумал; но то-то и скверно, что у него в этом деле только есть рассудок,

¹ *Зачеркнуто: говорил и надписано: сказал*

² *Зач.: невольно*

^{3,4} *Слово: тактик оба раза вписано рукой Толстого.*

а нет чувства — русского чувства, которое велит сделать невозможное возможным, как завтрашний день.

[Далее от слов: Он не годится теперь только потому, что он немец: *кончая*: эта минута — только такая минута, в которую можно подкопаться под врага и получить крестики и звездочку лишнюю *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. XXV.]

Расставлять и переставлять нечего, потому что всякая диспозиция не имеет смысла, а так как *ils sont payés pour cela*,¹ им надо притвориться, что они что-нибудь делают. Ты пойми, что в каждом сражении точно то же, что тебе может сделать неприятель, то ты можешь сделать ему. Он прорвал твой центр справа, как под Аустерлицем, кто нам мешал прорвать его центр слева? Он обошел наш левый фланг, мы обойдем его левый фланг. Дурак! — Сам дурак, как говорили в корпусе.

— Да, это как в шахматах, — сказал Пьер, — но в шахматах ты тоже можешь ответить противнику тем же и все-таки есть очень сложные соображения.

[Далее от слов: — Да, — сердито сказал князь Андрей, — только с тою маленькою разницею *кончая*: ничего нельзя сказать и обдумать *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. XXV.]

(Новая глава)

Пьер молчал. Офицеры, напившись чаю и не понимая того, что говорилось, ушли.

— Ты хочешь понять, что такое война? — продолжал князь Андрей. — Ох, трудно понять всю пучину этой лжи, всю отдаленность существующих понятий о войне с действительностью. Я это понимаю, потому что я испытал войну во всех ее видах и потому, что я не боюсь прослыть трусом — *j'ai fait mes preuves*.² Ну, начать с того, что сраженья, чтобы войска дрались, никогда не бывает и завтра не будет.

— Этого я уже совсем не понимаю, — сказал Пьер. — Идут же одни на других и сражаются.

— Нет, стреляют и *пугают* друг друга, а идут уже тогда, когда враг испуган и бежит. Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют изображения разных³ ужасов:⁴ чертей, драконов, пушки, огонь и сами наряжаются в медведей⁵ и страшных и вывешивают картины на крепостных валах,⁶ чтобы испугать неприятеля.¹ [надо платить за это,]

² [я это доказал.]

³ Слово: разных *вписано рукой Толстого*.

⁴ След. четыре слова и *зачеркнутое*: и эти картины <вешают> несут перед в[ойсками] *вписаны рукой Толстого*.

⁵ След. пять слов и *зачеркнутое*: и сами становятся *вписано рукой Толстого*.

⁶ Последние три слова *вписаны рукой Толстого*.

Это¹ кажется нам глупо,² потому что мы знаем, что это — наряженные, но мы делаем то же самое.³ Всё дело войны только в том, чтобы испугать врага.

Во всех бюллетенях говорится: les troupes⁴ такие-то abordèrent à la baïonnette les troupes⁵ такие-то или les dragons sabrèrent⁶ такое-то катре. Всё это ложь.

Этого никогда не бывает и не может быть.⁷ Ни один полк никогда не рубил саблями и не колол штыками, а только делал вид, что хочет колоть, и враги пугались и бежали,⁸ и тогда лежачих и бегущих иногда кололи и рубили. Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, чтобы помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня. Моя цель только, чтобы они шли вместе и испугали бы французов и чтобы французы прежде нашего испугались. Никогда не было и не бывает, чтобы два полка сошлись и дрались, и не может быть. Про Шенграбен писали, что мы так сошлись с французами. Я был там, это — неправда: французы⁹ не выдержали и побежали¹⁰ далеко прежде, чем мы сошлись с ними. Ежели бы¹¹ войска сходились и кололись бы,¹² то они кололись бы до тех пор, пока всех бы перебили или переранили, а этого никогда не бывает. В доказательство тебе скажу,¹³ что существует кавалерия¹⁴ единственно для того, чтобы пугать,¹⁵ как изображение чертей у японцев, потому что физически невозможно кавалеристу убить пехотинца ружьем. А ежели бьют пехотинца, то¹⁶ только тогда, когда он испугается и бежит, да и тогда ничего не могут сделать, потому что ни один солдат не умеет рубить, да и самый лучший рубака самой лучшей саблей не убьет человека, который бы даже не оборонялся.¹⁷ Ни один страшный кирасир не убьет сразу барана, не только человека. Они только могут царапать. Штыками тоже бьют только лежачих. Поди завтра на перевязочный пункт и посмотри: на 1000¹ След. два слова — вставка Толстого.

² Зачеркнуто: для нас, которые и надписаны след. три слова.

³ Зач. три с половиной строчки французского текста и вписан следующий. текст, кончая: Всё это ложь.

⁴ [войска]

⁵ [приняли в штыки войска]

⁶ [драгуны изрубили]

⁷ Зач. вписанное: и всё это ложь

⁸ Конец фразы вписан рукой Толстого на полях.

⁹ След. три слова вписаны рукой Толстого.

¹⁰ Конец фразы вписан рукой Толстого.

¹¹ Зач.: сошлись, то и надписаны след. три слова.

¹² След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

¹³ Зач.: даже

¹⁴ Зач.: только и надписано: единственно

¹⁵ След. пять слов вписаны рукой Толстого.

¹⁶ След. два слова вписаны рукой Толстого.

¹⁷ След. фраза вписана рукой Толстого.

ран пульных и ядерных ты найдешь одну à l'arme blanche.¹ Всё дело в том, чтобы испугаться после неприятеля, а неприятеля испугать прежде, и вся цель, чтобы разбежалось как можно меньше, потому что все боятся. Я не боялся, когда шел с знаменем под Аустерлицем, но это можно сделать в продолжение получаса из 24-х, а когда я стоял² у Малаховых ворот в Смоленске, то я едва удерживался, чтобы не бросить батальон и не убежать.³ Никто этого не видал, а у меня челюсти ходили вот как. У меня и жизнь, мне кажется, ни на что очень не нужна. Так и все. Всё, что говорится о⁴ том, как дерутся войска, всё вздор. Теперь второе: распоряжений никаких главнокомандующий в сражении никогда не делает, и это — невозможно, потому что всё решается мгновенно. Расчетов никаких не может быть, потому что, как я тебе говорил, я не могу отвечать, чтобы мой⁵ полк завтра не побежит с 3-го выстрела, и тоже⁶ не отвечаю, чтобы я не заставил побежать от себя целую дивизию.⁷ Всё будет зависеть от неопределимого чего-то, что называется духом войска.

Распоряжений нет, но есть некоторая ловкость главнокомандующего⁸ — ловко и во-время солгать, накормить, напоить во-время и опять, главное, не испугаться, а испугать противника. Главное⁹ же и самое главное для главнокомандующего это — искусство не пренебрегать никаким средством¹⁰ для достижения своей цели: ни обманом, ни изменой, ни убийством пленных,¹¹ жителей, что хочешь. Нужны не достоинства, а отсутствие¹² человеческих достоинств¹³ для того, чтобы быть хорошим главнокомандующим. Нужно, как Фридрих, напасть на беззащитную Померанию, нужно¹⁴ перестрелять пленных,¹⁵ как Наполеон в Африке, разорить край, своих сзади припугнуть картечью и т. п. И пускай полководец, как Фридрих и Наполеон, совершают все возможные atrocités,¹⁶ в мире всегда найдутся льстецы,¹ [холодным оружием.]

² *Зачеркнуто: под огнем и надписаны след. три слова.*

³ *Зач.: так и все. Стало быть далее, кончая: Так и все вписано рукой Толстого.*

⁴ *Зач.: храбрости и мужестве и надписаны след. три слова.*

⁵ *Зач.: батальон и надписано: полк*

⁶ *След. два слова — вставка Толстого.*

⁷ *След. фраза вписана рукой Толстого.*

⁸ *Зач.: солгать и надписано: ловко*

⁹ *След. восемь слов вписаны рукой Толстого.*

¹⁰ *След. четыре слова вписаны рукой Толстого.*

¹¹ *След. три слова вписаны рукой Толстого.*

¹² *Зач.: честных свойств и ума и надписано окончание фразы.*

¹³ *Зач.: и души*

¹⁴ *Зач.: убить и надписано: перестрелять*

¹⁵ *Зач.: и предоставить и вписан дальнейший текст, кончая: всегда найдутся*

¹⁶ *[жестокости,]*

которые во всем совершившемся и давшем власть найдут великое, как нашли¹ между кесарями предков² безыменному Наполеону. Ведь ты заметь, кто полководцы у Наполеона? Нас уверяют, что это всё гении.³ А кто они? Зять⁴ — Мюрат, пасынок — Богарне, братья, как будто могло так случайно совпасть родство с военным талантом.

Не родство совпало, а для того, чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством, а ничтожных много. Ежели бы кинуть жребий, было бы то же.⁵

Пьер слушал князя Андрея, испытывая чувство, подобное тому, которое испытал бы человек, перед которым подняли бы красивый занавес и открыли глубокие, неопределенные и мрачные перспективы. Вопрос, занимавший его со времени его выезда из Москвы, представлялся ему⁶ теперь совершенно ясным.

— Да, но как же установились такие⁷ противоположные истине ложные мнения? — сказал Pierre.

— Как установились? Как установилась всякая ложь, которая со всех сторон окружает нас и которая, очевидно, должна быть тем сильнее, чем хуже то дело, которое служит ей предметом. А война,⁸ кроме того, что она есть самое бесконтрольное дело, — есть самое гадкое дело,⁹ но, вероятно, неизбежное, и потому люди всеми силами стараются подкрасить его. Другая причина, почему люди возвышают дело войны, состоит в том, что¹⁰ войско есть сила, а у силы всегда есть льстецы,¹¹ и имя им легион, и они составляют общее мнение. Все цари, кроме китайского, носят военный мундир, высшие почести — военные. Дети мечтают быть военными. Ты и я — мечтали быть генералами.

[Далее от слов: А что такое война, что нужно для успеха в военном деле? кончая: Князь Андрей лег, но не мог спать и опять встал и до рассвета продолжал ходить перед сараем близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXV.]

* № 228 (Т. III, ч. 2, гл. XXXI).

— Что ж, едете со мною или в Горки? — спросил¹² адъютант.

— Да, я с вами, — сказал Пьер. — Да вот со мною был человек, я не найду.

¹ След. два слова — вставка рукой Толстого.

² След. слово — вставка рукой Толстого.

³ След. три слова — вставка рукой Толстого.

⁴ Имена: Мюрат... Богарне вписаны рукой Толстого.

⁵ След. абзац вписан рукой Толстого.

⁶ Зачеркнуто: ясным, более определенным

⁷ След. два слова — вставка рукой Толстого.

⁸ След. восемь слов — вставка рукой Толстого.

⁹ Далее до конца — автограф на полях.

¹⁰ Зач.: тот, в руках

¹¹ Зач.: И они

¹² Зач.: Бибииков и надписано: адъютант

— Я думаю, не найдете, когда вы заехали в самый огонь. Он, верно, тут, в ложине. И действительно, Пьер нашел своего берейтора¹ за горою. Они вместе, низом, поскакали по ложине к кургану Раевского.

[Далее от слов: Лошадь Пьера отставала кончая: где стояло десять беспрестанно стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. XXXI.]

Курган этот находился в задку крутого возвышения; позади его, огибая его, шел овраг и ручей, впереди его другой — дугой огибали его: справа Колоча, слева ручей Каменка, впадающий в Колочу.

Вся эта круглая возвышенность была занята нашими войсками. По Каменке и Колоче и в кустах за слиянием Каменки с Колочей были в начале сражения наши стрелки.

В линию с батареей стояли с обеих сторон пушки, позади ее, в овраге, в котором Пьер оставил свою лошадь, стояли наши пехотные войска. В то время, как Пьер вошел на курган, наши войска передние в кустах перестреливались из ружей с французскими стрелками, и наши пушки из батареи и с поля перестреливались с французскими пушками, стрелявшими справа и слева. Но Пьер ничего не знал и не видел этого и никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении.

Пьеру, напротив, казалось, что это место, именно потому, что он находился на нем, было одно из самых незначительных мест сражения.

Войдя на курган, с которого вчера так хорошо было видно поле сражения, Пьер скоро убедился, что теперь из-за дыма, из-за взрывов выстрелов ничего нельзя было понять и разобрать из того, что делалось впереди.

Спереди, справа, слева, в особенности слева подле самого него, на батарее гудело, трещало и дымило, и² в этом дыму и шуме двигались чем-то занятые люди. Войдя на батарею, Пьер, стараясь не мешать солдатам, хлопотливо заряжавшим и накатывавшим орудия на батарею, сел в конце канавы, окружающей батарею, и всё с той же бессознательно-радостной улыбкой самодовольства, не испытывая ни малейшего страха, смотрел на то, что делалось вокруг него.

Первое время на курган не попадали ядра и гранаты. Они летели через, с боков, и из-за гула наших выстрелов, особенно крайнего орудия, недалеко от которого сидел Пьер, не слышно было этих звуков.³

¹ *Зачеркнуто: под и надписано: за*

² *Зач.: невозможно было видеть общий ход дела и надписано окончание фразы.*

³ *Зач.: Всё внимание его было обращено вперед.*

Пьер любовался, как и прежде, на игру дымов в ярком солнце и на звуки перекатной пальбы ружей и пушек и изредка слышных дальних криков и на оживленные лица солдат и офицеров, хлопотававших около него на батарее.

Изредка Пьер всё с той же улыбкой вставал и, стараясь не помешать солдатам, беспрестанно пробегавшим мимо его с сумками и зарядами, прохаживался по батарее, приглядываясь к тому, что делалось на других концах ее.

[Далее от слов: В противоположность той жуткости, которая чувствовалась, кончая: собакам, петухам, козлам, которые живут при ротах близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXI.]

* № 229 (Т. III, ч. 2, гл. XXXIV).

Теперь ему доносили, что русские сдвинулись с прежних мест,¹ но не только не бежали, а стали на другие² места, и огонь их точно так же ужасен, и беспрестанно они наступают и³ опять сбивают французов.⁴

А между тем все те усилия, которые прежде употреблялись в сражениях, все уже были употреблены. Было и сосредоточенье батарей на некоторые пункты неприятеля, были и резервы, посланные для решения участи сраженья, были и кавалерийские атаки *des hommes de fer*,⁵ которые должны были разбить окончательно неприятеля, и сражение не только было не выиграно, а всякую минуту могло быть проиграно, как это показало⁶ расстройство левого фланга от атаки казаков.

Да, это было, как во сне, когда человек размахнулся тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить врага, и ударил врага, и рука его, бессильная и мягкая, как тряпка, едва дотронулась до него. «Опять то же и то же, что было с начала кампании», думал Наполеон.⁷

После известия о том, что русские атакуют левый фланг французской армии, и после известия об отражении их и окончательного занятия срединного редута, Наполеон сел верхом и поехал на поле сражения.

На поле лежали убитые и раненые, стонали, и испуганные и притворные лица окружали его и те же звуки ядер, прежде возбuditельно действовавшие на него, тот же дым, неясность, сознание необходимости делать распоряжения тяготили его.¹ *След. шесть слов вписаны рукой Толстого.*

² *След. слово вписано рукой Толстого.*

³ *След. слово вписано рукой Толстого.*

⁴ *Текст след. абзаца — автограф на полях.*

⁵ [железных людей,]

⁶ *Зачеркнуто: бегство*

⁷ *Последние два слова — автограф.*

Впереди те же движущиеся массы в полосах дыма и трескотня ружей и орудий.¹ Но победы не было.

²Русские, сбитые и с кургана, стояли всё так же и стреляли в французов. Трофеев не было, победы не было. Было продолжавшееся убийство, которое ни к чему не могло повести ни русских, ни французов.³ Наполеон остановил лошадь и задумался. Он не мог остановить того дела, которое делалось перед ним и вокруг него и которое считалось руководимым им и зависящим от него.⁴

* № 230 (Т. III, ч. 3, гл. II—IV).⁵

ТОМ V ЧАСТЬ I

Бородинское сражение выиграно. Так сказалось оно в сознании его участников, так доносил о нем фельдмаршал и так, не вследствие хитрости, но вследствие искреннего убеждения, разделяемого им со всей армией,⁶ осталось оно в сознании русского народа. Мальчик, учащийся читать, уже знает, что Бородинское сражение есть слава русского оружия и что оно — выиграно. Но вслед за Бородинским сражением войска отступили, и Москва отдана неприятелю.⁷ Кто из русских людей не наткнулся на это противоречие? Кто из нас, воспитанных на убеждении, что Бородинское сражение есть лучшая слава русского оружия, есть победа, не приходил в тяжелое и грустное недоумение, потом читая описания этой кампании? Что же это такое? Неужели то, чему я верил, чем я гордился — торжество русских над нашествием — неужели это только хитрая выдумка начальников, хвастливая ложь реляций? После Бородина французы заняли Москву, и французы бежали из России только от морозов. Такое впечатление оставляют все сочинения об этой эпохе. Но, несмотря на то, какое-то неразумное, ни на чем не основанное чувство говорит нам, что все-таки, что бы ни писали историки, Бородинское сражение есть лучшая слава русского оружия и что оно — победа.

Но каким же образом отдана Москва после победы? Как объяснить это?

Охотник, выждав минуту, остановился против разбежавшегося на него разъяренного зверя и ударил в него. Охотник знает, что ¹*Последняя фраза — автограф.*

²*Зачеркнуто:* Наполеон остановил лошадь и опустил голову.

³*След. фраза — автограф.*

⁴*Зач.:* тогда как он одно желал: уйти от этого дела и быть свободным.

⁵*Переработанная копия автографа. См. вариант № 205.*

⁶*Зачеркнуто новое исправление Толстого:* как выигранное сражение, как слава русского оружия.

⁷*Дальнейший текст, кончая словами:* Как объяснить это? *автограф на полях.*

он нанес смертельный удар врагу, он знает, что он победил его, но зверь, хотя и смертельно пораженный, в своем разбеге еще раздавит обессилевшего охотника.

Французское нашествие получило этот смертельный удар в Бородинском сражении: нравственное сознание превосходства, главная артерия войны, та, которая нетронутая прошла в борьбе со всей Европой, была перебита под Бородиным, но под влиянием силы импета всего пройденного движения французское войско еще докатилось до Москвы,¹ но там остановилось и почувствовало свое бессилие.

Зверь, получивший смертельный удар, еще мог раздавить охотника, и охотник отклонился, зная, что новый удар бесполезен. Зверь пробежал некоторое пространство и, обессилев, остановился. Истекая кровью и заливая свои раны, зверь пролежал 4 недели в Москве и, чувствуя свое бессилие и чуя верную гибель,² дрожа и пугаясь от малейшего шороха, побежал назад к своей берлоге.

Шар, встретивший в своем раскате другой шар, отталкивает его назад, но сам в этом толчке теряет всю свою силу и медленно прокатывается еще малое пространство, так после Бородинского сражения откатилось назад русское войско, а обессилевший шар французского нашествия мог докатиться только до Москвы и там бессильно остановился.

И Кутузов, и вся русская армия знали, что сражение выиграно в вечер 26-го числа. Кутузов так писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля³, не потому, чтобы он хотел кого-нибудь обманывать, но потому, что он знал, что враг побежден,⁴ так же, как знал это каждый из участников сражения. Но в тот же вечер и на другой день стали одно за другим приходить известия о потерях неслыханных, о потере половины армии, и новое сражение оказалось невозможным.

Из полков сделались батальоны, генералов не было. Половины людей не было.

Еще не собраны были сведения, не убраны раненые, не пополнены снаряды,⁵ не сочтены убитые, не назначены новые начальники на места убитых. Кутузов хотел атаковать, и вся армия хотела этого, но это было невозможно, шар должен был откатиться.

Нельзя было не отступить⁶ на один переход, потому точно так же нельзя было не отступить [на] другой и на третий переход,¹ *Дальнейший текст, кончая словами:* побежал назад к своей берлоге — *новый автограф.*

² *Зачеркнуто:* потащился

³ *След. девять слов вписаны рукой Толстого.*

⁴ *Конец фразы вписан рукой Толстого.*

⁵ *След. десять слов вписаны рукой Толстого.*

⁶ *След. десять слов вписаны рукой Толстого.*

и наконец 1-го сентября армия подошла к Москве. Тут вопрос об отступлении представился в новом значении. Войска остановились в позиции под Москвою,¹ но, несмотря на всю силу поднявшегося чувства в рядах войск, сила вещей требовала того, чтобы войска отступили за Москву. Нельзя было дать сражения.

Когда Ермолов, посланный² Кутузовым для того, чтобы осмотреть позицию, сказал фельдмаршалу, что под Москвою нельзя драться и надо отступить, Кутузов посмотрел на него молча.

— Дай-ка руку, — сказал он и, повернув ее так, чтобы ощупать его пульс, он сказал: — Ты нездоров, голубчик. Подумай, что ты говоришь.

Никто не хотел отступить в виду Москвы без боя и оставить столицу,³ но это должно было совершиться точно так же математически верно,⁴ как на математически определенное расстояние должен отбежать столкнувшийся с другим шар, когда известны их вес и силы.⁵ Предел силы нашествия был за Москвою, и за Москву должно было отступить русское войско. Точно так же, как причин для отката шара на известное пространство есть тысячи: и вращательная сила, и тяготенья, и тренье, и препятствие воздуха, и наклонной плоскости и др. и др. Точно так же для того, чтобы войска без боя отступили за Москву, было миллион причин разнообразнейшей людской деятельности, к которой воля Кутузова относилась, как песчинка к миллионам пудов. Причинами отступления за Москву были и овраги, разрезающие позицию, и упорство Беннигсена защищать Москву (нужно было, чтобы Беннигсен настаивал на одном, чтобы фельдмаршал не согласился на это), и убеждения одержимого лихорадкой и видящего всё поэтому в мрачном свете⁶ Баркляя о том, чтобы отступить, и болтовня эмигранта француза Кросара, приехавшего из Испании и настаивавшего на том, чтобы драться, и известие о том, что в Драгомиловском предместьи разбились кабаки, и приезд графа Раstopчина, сказавшего всем, что он зажжет Москву, и миллион миллионов причин личных, не в одних высших сферах армии, но и в низших слоях ее, которые все совпали к одному: к оставлению Москвы без боя.

II

Заслуга, и великая заслуга Кутузова (и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу) состояла в том, что он умел видеть необходимость покорности неизбежному ходу дел; умел и любил прислушиваться к отголоскам этого общего¹

Далее до конца абзаца новая вставка рукой Толстого.

² След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

³ След. пять слов вписаны рукой Толстого.

⁴ След. пять слов вписаны рукой Толстого.

⁵ Последние шесть слов вписаны рукой Толстого.

⁶ След. шесть слов вписаны рукой Толстого.

события и не позволил своим личным чувствам итти вразрез с общим делом.

Несмотря на то, что в Бородинском сражении подкапывавшийся под Кутузова Бенигсен выбрал позицию, горячо выставляя свой русский патриотизм (который не мог, не морщась, слушать Кутузов), настаивал на защите Москвы, несмотря на то, что Кутузов ясно, как день, видел цель Бенигсена, в случае неудачи защиты свалить вину на Кутузова, доведшего войска без сражения до Воробьевых гор, в случае же успеха себе приписать его, в случае же отказа очистить себя в преступлении оставления Москвы. Несмотря на это, Кутузов пощупал пульс Ермолова при его заявлении о необходимости отступить и, остановившись на Поклонной горе, собрал генералов, послал их осматривать позиции и прислушивался ко всем мнениям.

Несмотря на то, что большинство отсоветывало давать сражение, и на то, что в его присутствии Кросар и другие господа спорили и делали планы, как будто фельдмаршала не было, Кутузов не позволил себе составить мнение, а сказал только, выслушав все:

— Ma tête, fût-elle bonne ou mauvaise, n'a qu'à s'aider d'elle même,¹ — и поехал в Филю.

Несмотря на то, что там он узнал от своего адъютанта, ездившего в Москву, что кабаки в Драгомиловой разбиты, что он опытом своим был убежден, что никакие дороги, мосты и укрепления не помогут успеху дела, когда в тылу армии разбиты кабаки, он всё еще не позволил себе составить мнения и созвал совет.

Бенигсен открыл совет вопросом: «Оставить Москву без боя или защищать ее?»

Кутузов поправил его и иначе поставил вопрос:

— Спасенье России в армии, — сказал он. — Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву?

Он выслушал все мнения.²

Остановив Бенигсена воспоминанием о Фридрихе и закрывая совет, Кутузов сказал:

— Je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés.³

И, взвесив все суждения, все сведения, из которых кабаки в Драгомилове были одни из важнейших, Кутузов сказал то, что должно было быть: *отступить без сражения*. Кутузов не мог сказать другого. Это должно было быть. Ежели бы он приказал дать сражение, то точно так же после некоторых споров,¹ — Хороша ли, плоха ли моя голова, а положиться больше не на кого.

² *Зачеркнуто вписанное*: из которых большинство было

³ — Стало быть, мне платить за перебитые горшки. *Далее зач. вписанное*: и распустил генералов.

колебаний и сомнений было бы то же самое, только роль Кутузова была бы испорчена, его бы участие в общем деле было бы неправильно и его приказание, противное тому, что должно совершиться, произвело бы некоторое затруднение, настолько затруднение, насколько личный произвол одного человека мог препятствовать исполнению дела, зависящего от участия миллионов людских волей, — но результат был бы всё тот же: Москва была бы оставлена без боя.

Заслуга Кутузова, как полководца, высшая заслуга, которую может оказать человек в его положении, состояла в том, что он понимал общий, неизбежный ход дел, покорял ему свои личные желания.¹

Приказав отступить, он отпустил генералов и,² всю ночь не ложась спать, сидел, облокотившись на стол, и думал.

— Этого, этого я не ждал, — сказал он вошедшему к нему адъютанту Шнейдеру. — Этого я не ждал. Этого я не думал.

— Вам надо отдохнуть, ваша светлость, — сказал Шнейдер.

— Да нет,³ будут и они лошадиное мясо жрать, как турки, — не отвечая, прокричал он, ударяя пухлым кулаком по столу. — Будут и они, только бы... — Кутузов не договорил, чего только бы не было, и ушел в свою спальню.

[Следующая глава III, со слов: В противоположность Кутузову, кончая: как мальчик, резвился над величавым и неизбежным событием оставления и сожжения Москвы близка к печатному тексту. Т. III. ч. 3, гл. V,]

* № 231 (Т. III, ч. 3, гл. IX–XI, VI–VII).

⁴И они со всех сторон, с своими простыми, добрыми, твердыми лицами, окружали Благодетеля. Но они, хотя и были добры, они не смотрели на Пьера, не знали его.

Пьер захотел обратить на себя внимание и сказать. Он привстал, но в то же мгновение услышал медленно летевшее ядро. Ядро приближалось к ногам Пьера и от приближения ядра ноги Пьера холодели и обнажались. Ноги Пьера совершенно обнажились,⁵ ему стало стыдно и страшно. И стыд, и страх было одно и то же, и он поспешно сел.

Всё исчезло. Пьер был один и думал, но он спал.

¹ Дальнейший текст до конца абзаца — автограф на полях.

² Зачеркнуто: долго не

³ Зач.: заставляю

⁴ В рукописи (копии) нехватает нескольких страниц. Рукопись начинается отрывком фразы: но знал (категория мыслей также ясна была во сне), что Благодетель говорил о возможности быть тем, чем были <солдаты на батарее. Пьер больше и больше понимал и почувствовал необходимость сказать то, что он понял.> они Далее, кончая: внимание и сказать — автограф Толстого.

⁵ Зач.: и потому он не мог встать и речь его прекратилась. Надписан дальнейший текст, кончая: но он спал.

— Сказанное слово серебряное, а несказанное золотое, — сказал ему какой-то голос, и Пьер в первый раз понял всю глубину значения этой, никогда не слыханной им, поговорки.

«Самое трудное, — продолжал во сне думать или слышать Пьер, — состоит в том, чтобы уметь соединить в душе своей значение всего:¹ слова вечности и добра Благотетеля² и значение того, что сказанное слово — серебряное.³ Отдай всё и иди за мной», — сказал голос.

[Далее от слов: Всё соединить?]» сказал себе Пьер *кончая*: Спрягать? Но как сопрягать всё?» *близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. IX.]*

«Мне что делать?» И Пьер опять заснул и услышал голос, говоривший: «Отдай всё, бог с ним. Да ну, отдай! Вставайте!» И Пьер опять проснулся и увидел будившего его берейтора и у колодца солдата, отдававшего полную бадью воды бабе, которая подле него стояла с ведрами.

— Да, я понимаю теперь, — сказал себе Пьер.⁴

⁵30 числа Пьер вернулся в Москву. Дома он нашел несколько писем⁶ и требование от графа Ростопчина приехать к нему.

¹ *Зачеркнуто*: Теперь я должен понять значение криков и пьянства тех (Долохова, Анатоля и других)

² *Зач.*: своей наготы

³ *След. фраза вписана рукой Толстого.*

⁴ *Зачеркнут автограф на полях*: Приехав в Москву 31 числа, Пьер получил еще одно страшное известие <ничто не казалось ему страшным> о скоростижной смерти своей жены. *Далее зач. исправленная Толстым копия*: В Шелковке Пьер нашел князя Андрея Ивановича Горчакова, которого раненого везли в Москву. Пьер был знаком с ним, и князь Андрей Иванович предложил ему место в своей коляске. Сделанное князем Горчаковым распоряжение о том, чтобы отыскать лошадь Пьера, осталось без последствий.

Пьер маленькими переходами ехал с Горчаковым и только 30-го числа утром приехал в Москву. Дома он нашел записку от графа Ростопчина, который звал его к себе, и письмо от жены. Не читая письма жены, он тотчас же поехал к графу.

В эти дни своего медленного путешествия от Можайска до Москвы Пьер беспрестанно узнавал о новых смертях и ранах знакомых ему лично и известных ему по слухам людей. Он узнал про то, что князь Андрей смертельно ранен <и везется позади его>, узнал, что войска отступают, что потери ужасны, что будет еще сражение перед Москвой и что в Филях собран огромный совет для решения участи Москвы, но <как ни странно сказать> он чувствовал, что не может понять вполне значения всех этих страшных известий. Ничто из этого мира общих вопросов и в особенности войны не интересовало его. Его занимал один личный вопрос о себе, о том, как ничтожна и несчастлива была его жизнь и как он теперь изменит ее. Все эти дни он был спокоен и молчалив и по ночам в сновидениях, не переставая, думал. Основанием его мысли были покойно умиравшие солдаты на батарее и старик, <оставшийся в деревне.>

На полях вместо зач. написан рукой Толстого дальнейший текст, кончая: и поехал к главнокомандующему.

⁵ *Зач.*: Наконец

⁶ *Зач.*: в том числе письмо от жены

Не распечатывая¹ писем, Пьер тотчас же с тем, чтобы покончить со всеми делами, переоделся и поехал к главнокомандующему.

V

Это было 31-го² числа. Граф недавно приехал из своей дачи в Сокольниках в свой московский дом.³

Васильчиков и Платов уже виделись с графом Растопчиным и объяснили ему положение армии.⁴ Они говорили уж, что защищать Москву невозможно и что она будет сдана. Раненые всё прибывали и прибывали в Москву. По всем имеемым графом сведениям нельзя было надеяться на спасение Москвы.

В то время, как⁵ Пьер входил к графу, один курьер, приехавший из армии, выходил от него, другой вслед за Пьером вошел в приемную.

— Ну что, как? — мимоходом спрашивали адъютанты у курьера.⁶

Курьер безнадежно махнул рукой и прошел в кабинет графа. Пьер попросил доложить о себе. Адъютант пошел, доложил и вышел к Пьеру с известием, что граф очень занят, никак не может принять, но велел сказать, что рад, что Пьер вернулся целым из Бородина и что советует ему поторопить сбор своего полка.

Между прочим адъютант по приказанию графа вынес Пьеру новую, имеющую завтра выйти, афишу.

[Текст афиши см. в печатном тексте «Войны и мира», т. III, ч. 3, гл. X.]

Пьер прочел афишу.

— Что это значит : у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба? — наивно спросил он у адъютанта.

— Граф был нездоров глазом, — сказал адъютант, улыбаясь, обращаясь более к другому господину, который был тут же в приемной, — и он очень беспокоился, когда я ему сказал, что приходил... народ спрашивать, что с ним. По правде сказать, я ему это сказал, чтобы его утешить, а собственно никто не приходил.... А что, граф, — сказал вдруг адъютант с улыбкой, — мы слышали, что у вас семейные⁷ тревоги?

— Нет, ничего, — сказал Пьер, вспоминая про⁸ письма, которые остались на его столе. — Что вы слышали, скажите, скажите пожалуйста!

¹ Зачеркнуто: письма жены, которое — он знал — расстроит его

² Исправлено из: 30

³ Зач.: на Лубянской площади.

⁴ След. фраза — автограф.

⁵ Зач. надписанное рукой Толстого: гр[аф] М. А.

⁶ Зач.: — Очень, очень плохо, — отвечал курьер и тотчас же был впущен к графу. Вместо зач. рукой Толстого вписана след. фраза.

⁷ Зач.: дела

⁸ Зач.: письмо от жены, бывшее у него в кармане и надписано окончание фразы.

— Нет, знаете, ведь часто выдумывают. Я говорю, что слышал. Вы не оскорбитесь?

— Что, что такое? Говорите пожалуйста.

— Да говорят, — опять с той же улыбкой сказал адъютант, — что графиня, ваша жена,¹ собирается за границу. Вероятно, вздор...

— Не знаю, не знаю, — сказал Пьер. Из неловкого молчания, которое водворилось, вывел их чиновник, поспешно вышедший от графа с приказанием попросить² Безухого подождать немножко.³

— Ах, здравствуйте, милый граф, — сказал поспешно Растопчин, как только Пьер вошел к нему. — Слышали про ваши *proouesses*,⁴ ну, я рад, что вы целы; но не в том дело. *Mon cher, entre nous*,⁵ вы — масон, — сказал граф Растопчин таким тоном, как будто было что-то дурное в этом, но что он намерен был простить. Пьер немного помолчал.

— *Mon cher, je suis bien informé*⁶ — но я знаю, что есть масоны и масоны и что вы не принадлежите к тем...

— Да, я масон, — отвечал Пьер.

— Что за человек Ключарев сын?⁷ Вы знаете его?

— Я мало знаю его и не могу и не хочу сказать вам, что есть масонская тайна; но как человека знаю его, как прекрасного, честного, благородного человека и также и Верещагина,⁸ его товарища.

— *Nous y voilà*,⁹ — вдруг нахмурившись и вспыхнув, вскрикнул Растопчин. — Вы знаете время, в которое мы живем. *Nous sommes à la veille d'un désastre terrible*,¹⁰ и мне все эти *gentilles*'ы¹¹ некогда соображать, а мне нужно держать народ вот как, и извините пожалуйста, ежели вам неприятно. — Он сердито замолчал. — А я эту дурь выбью, *mon cher*, в ком бы она ни была. — И, вероятно спохватившись, что он как будто кричал на безвинного Безухого, он прибавил, дружески взяв за рукав Пьера. — *Eh bien, mon cher, qu'est ce que vous faites, vous personnellement?*¹²

¹ *Зачеркнуто*: <получила развод и выходит замуж> находится под влиянием иезуитов и надписаны след. три слова.

² *Зач.*: графа

³ *Зач.*: — Графу Федору Васильевичу нужно было переговорить с вами об одном важном деле.

⁴ достославные подвиги,

⁵ Между нами, мой милый,

⁶ Мне, любезнейший, всё хорошо известно

⁷ сын — *вписано рукой Толстого*.

⁸ *Зач.*: которого я встречал у него и *вписаны след. два слова*.

⁹ Так и есть,

¹⁰ Мы накануне общего бедствия

¹¹ [любезности]

¹² Итак, любезнейший, что вы предпринимаете, вы лично?

— Я, — отвечал Пьер, — я ничего не хочу предпринимать, я хочу ждать.¹

Граф промышчал что-то.² — Un conseil d'ami que je vous donne. Décampez et au plutôt, nous sommes au mauvais quart d'heure. Все пожарные трубы высланы, c'est tout ce que je vous dis. A bon entendeur salut.³ Прощайте, мой милый. Ах да, — прокричал он ему из двери, — правда ли, что графиня попала в лапки⁴ des saints pères de la Société de Jésus?⁵

— Не знаю.⁶

Пьер приехал домой, уже смеркалось. Человек 8 разных людей побывало у него в этот вечер. Секретарь комитета, полковник его батальона, управляющий, дворецкий и разные посетители. У всех были дела до Пьера, которые он должен был разрешить. Пьер ничего не понимал, не интересовался этими делами и давал на все вопросы только такие ответы, которые бы освободили его от этих людей. Наконец он остался один и,⁷ лежа на постели, стал читать письма.

Прочтя то⁸ письмо,⁹ которое извещало его о смерти графини, Пьер¹⁰ вскочил на постели, промышчал громко, как от внутренней боли, и, быстро закрываясь одеялом, упал на подушку.

«Они — солдаты на батарее, старик, значение всего: сопрягать надо,¹¹ забыть и понять надо...» и он заснул.

Когда он проснулся на другой день утром, из длинного ряда сновидений этой ночи в его памяти осталось одно:¹² он лежал¹ *Зачеркнуто: Eh bien, mon cher, следующая фраза написана рукой Толстого.*

² *Зач.: Граф Растопчин опять разгорелся.*

³ Даю вам дружески совет. Выбирайтесь скорее, мы переживаем неприятную минуту.... это всё, что я вам скажу. Блажен, кто умеет слушаться!

⁴ *Зач.: du jesuitisme [иезуитства] и надписано французское окончание фразы.*

⁵ святых отцов Общества Иисусова?

⁶ *Зач.: Ах да, еще. С полком вашим, пожалуйста, поскорее, а то ни то, ни сё. Я сделал распоряжение, вы найдете дома.*

⁷ *Зач.: раскрыл письмо жены <легши в постель, стал раскрывать письма, читая письма, нашел в одном из них то известие касательно жены, страшное, поразившее его.>*

Письмо, которое получил Пьер от Элен, имело совсем отличный характер от всех прежних ее писем. Письмо это было складно, красноречиво и тонко составлено и было написано Эленой Васильевной

⁸ то переправлено из: это

⁹ *Дальнейшие шесть слов вписаны рукой Толстого.*

¹⁰ *Зач.: <несколько> понял, как оно было написано и еще более ужаснулся той жизни, которая втягивала его к себе, и поспешно лег и закрыл глаза. Над зач. вписан дальнейший текст до конца абзаца и первое слово следующего.*

¹¹ *Зач.: И с восторгом и утешением <он увидел тот мир сна и мысли, когда> раскрывался опять перед ним успокоительный мир чистой мысли и снов и надписан конец фразы.*

¹² *Зач.: какие-то звери, ловившие его. Он убежал от них, они хватили его, он бежал к воде, к пруду, упал в него, вода слилась над его головой, и он умер. Но, как только он умер, и надписаны рукой Толстого след. семь слов.*

один, слабый и беспомощный, и высокий старец в белом одеянии¹ стоял над ним и говорил ему:

— Имеющий уши — да слышит. Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное. Отдай всё и иди за мной.

— Но кому отдать? — спросил Пьер.

— Отдай всё, — повторил голос. — Имение твое дурно нажито, отдай его.

— Но кому? Как?

— Отдай его...² это были последние слова, и когда Пьер проснулся, как бы в ответ на эти сновиденья, первые слова, которые услышал Пьер,³ были слова дворецкого, доносившего, что есть приказ от начальства уезжать всем из Москвы, что Москву сдают неприятелю, что все бегут и едут.

Человек десять разных людей, имеющих дело до Пьера, ждали его в гостиной. Пьер поспешно оделся, и, вместо того, чтобы идти к тем, которые ожидали его, он пошел на заднее крыльцо с тем, чтобы убежать от всех людей этих и от своего богатства и дома, которые сами собой отдавались неприятелю и спасали его от непреодолимого затруднения: кому и как отдать их?⁴

В середине лета Элен жила в Петергофе, как и всегда окруженная цветом петербургского общества. Но, как и обыкновенно во время лета, характер кружка Элен несколько изменился. Вследствие не политических, а географических соображений (того, что жили рядом люди чужого кружка, а люди своего кружка жили в Царском и Павловском) в общество Элен вошли люди противоположные ее⁵ общественному бонапартистскому направлению. В числе этих людей был один легитимист M-r de Shabor, живший в Петергофе и пленившийся красотой de la belle Héléne и сделавшийся ее домашним человеком. В продолжение лета, когда все были разрознены, всё было хорошо. Встречаясь и принимая посещения своего прежнего домашнего человека, Элен небрежно представляла M-r de Schabor и в его отсутствие говорила про него с ласковым пренебрежением: N'est ce pas qu'il est très gentil, mon petit M-r de Shabor?⁶

¹ *Зачеркнуто*: подошел к нему и надписан конец фразы.

² *Надписаны след. шесть слов.*

³ *Зач.*: проснувшись

⁴ *Зач.*: Письмо, которое получил Пьер от Элен, имело совсем отличный характер от всех прежних ее писем. Письмо это было складно, красноречиво и тонко составлено и было написано Эленой Васильевной под диктовку <почти> своего directeur de conscience [блюстителя совести], известного французского иезуита à robe courte [в коротком платье], то есть такого, который свой духовный сан скрывал под светским одеянием и который принял живое участие в спасении души своей духовной дочери.

⁵ *Зач.*: знамени и надписано Толстым окончание фразы.

⁶ [Не правда ли, он очень мил, мой маленький господин де Шабор?]

Всё шло хорошо, но в августе месяце высшее общество съезжалось в Петербург, и Элен чувствовала, что m-r de Shabor, принадлежащий к другому лагерю и доставлявший ей много удовольствия во время летних вакаций, должен быть удален. К несчастью, le petit M-r de Shabor, имевший на правой стороне лба, в волосах и на усах седую прядь (что представлялось всем чем-то очень важным,¹ потому что такая отметина была у Rohan), слышать не хотел о прекращении полюболюбившихся ему отношений с богатой, красивой и толстой русской графиней. Приезжая в Россию с целью, как он выражался своим приятелям, de baiser les comtesses russes,² он, раз достигнув этой цели, не хотел отказаться и заявлял свои права. Тогда Элен, с свойственной глупым женщинам хитростью, нашла, как ей казалось, средство верное отделаться от него. Она стала плакать, молиться богу и мучаться раскаянием. Но le petit monsieur и на эту мину нашел контр-мину, и на эту болячку нашел французское средство, от которого нельзя было отказаться. Он принял участие в раскаянии графини и стал говорить об утешениях истинной католической религии, которая одна могла спасти их.

M-r de Shabor привел своего друга аббата, настоящего, и другого à robe courte,³ сводил графиню в тайный католический храм, где она от избытка чувств упала в слезах перед алтарем, к которому она была подведена. Аббат положил ей на голову руки, и, как она сама потом рассказывала, Элен почувствовала что-то вроде дуновения свежего ветра, которое сошло ей в душу.⁴ Ей объяснили, что это была la grâce.⁵

В тот же вечер ей привели аббата à robe longue;⁶ он исповедывал ее и отпустил ей ее грехи. На другой день пришел другой à robe courte и принес ей ящик, в котором была Hostie,⁷ оставив его ей на дому⁸ для употребления.

После нескольких дней Элен, к удивлению своему и к некоторому удовольствию (в том, что она, однако, такую необыкновенную вещь сделала), узнала, что она теперь вступила в истинную католическую церковь и что на днях сам папа узнает о ней и пришлет ей⁹ какую-то бумагу.

M-r de Shabor с умиленным и счастливым лицом ходил к ней, как нежный брат, целовал ее в лоб и говорил о том, что теперь он¹⁰ совершенно счастлив. За всё это время говорила¹ След. семь слов вписаны Толстым.

² целовать русских графинь,

³ в коротком платье

⁴ Следующие семь слов — автограф Толстого.

⁵ благодать.

⁶ в длинном платье;

⁷ святые дары,

⁸ Последние два слова вписаны Толстым.

⁹ Зачеркнуто: разрешение и надписано окончание фразы.

¹⁰ Зач.: надеется на чистое и счастливое будущее и надписаны след. два слова.

с примесью важных французских и даже латинских слов¹ такая странная путаница вокруг Элен, что она несомненно была уверена, что с ней случилось что-то новое и очень важное.

Из романов, рассказов и слухов о папах, монахах и духовниках католических Элен составила себе приятное представление о романичности и² свободе отношений того мира, в который она вступила, и потому с удовольствием сознавала происшедшую в ней перемену. Она³ предполагала (как и всегда бывает в деле хитрости, что глупый человек проводит более умных), она предполагала, что цель всего — этих слов и хлопот около нее — состояла в том, чтобы, обратив ее в католичество, взять с нее денег в пользу иезуитских учреждений (о чем ей делали намеки) и⁴ соединить ее неразрывными узами с Шабором. Поддаваясь им, она стремилась совсем к другой цели.

Шабор был приятный домашний человек для одного лета, но, ежели бы освободиться от Пьера и быть в положении снова выйти замуж, она имела в виду человека и по положению, и по богатству, и по всему — составляющего более выгодную партию.

«Пускай они надо мной выделывают все эти штуки, — думала она. — Вот они меня перекрестили — и прекрасно. Теперь я знаю, они будут выхлопывать для меня divorce,⁵ они знают,⁶ и когда они сделают это, тогда я им скажу: Pas si bêtes, bonsoir, monsieurs,⁷ и я знаю, за кого я выйду замуж».

Всё же процесс, который совершали около нее и над нею, очень нравился Элен. Ей приятно было теперь, после трех недель, во время которых с рвением продолжалось это дело, сознавать после двукратного причастия ту голубиную чистоту, в которой она находилась. (Она всё это время носила белые платья с белыми лентами, которые очень шли к ней.) Но одно, что иногда смущало ее и приводило в нетерпение, было то, что ее ожидания романтизма, тайных и уединенных свиданий с directeur'ом совести бывали большей частью обмануты.

20-го числа августа князь Василий вечером от важной особы заехал к дочери. Застав ее одну в гостиной с духовником, он покашлял, поговорил об общих вопросах и известиях войны и встал.

— Hélène, — сказал он решительно, — je n'ai qu'une chose¹ *Надписаны след. пять слов.*

² *Зачеркнуто:* страстности и надписаны след. два слова.

³ *Зач.:* знала и надписано: предполагала

⁴ *Зач.:* выдать ее с ее отданным ей Пьером именем замуж за Шабора, у которого остались его замки во власти Бонапарта. Она знала это, но и надписаны след. шесть слов.

⁵ [развод,] *Зач.:* и от нашего правительства, и, я знаю, разрешат, и les dispenses du pape [разрешение папы]. Пускай их освободят меня.

⁶ *След. пять слов — вставка Толстого.*

⁷ [Довольно глупостей, прощайте, господа]

à vous dire et à vous, monsieur l'abbé.¹ Я не из тех людей, которые бы с закоснелостью держались одного рита² и казнили бы отступников. В государстве, управляемом государем, показывающим первый пример свободы совести, liberté de conscience. Vous connaissez mes principes? Si vous trouvez le repos et le...³ одним словом, мой друг... — Он прослезился, поцеловал Элен. — Vous avez tant souffert. Elle a tant souffert m-r l'abbé. Et je suis sur que...⁴ Au revoir. Je vous ai dit le fond de ma pensée.⁵ — И он ушел.

Совещание нынешнего вечера между Элен и руководителем совести à robe longue было посвящено исключительно вопросу о супружеских отношениях графини. Они сидели в гостиной у окна. Были сумерки. Из окна пахло цветами. Элен была в белом платье, просвечивающем на груди и плечах. Аббат, хорошо откормленный, с черной, гладко бритой бородой, приятным, крепким ртом и белыми руками, сложенными кротко на коленях, сидел близко к Элен⁶ и с тонкой улыбкой на губах, мирно восхищенным ее красотой взглядом смотрел изредка на ее лицо⁷ и излагал свой взгляд на занимавший их вопрос. Элен, ничего не слушая, беспокойно улыбаясь, глядела на его вьющиеся волосы, гладко выбритые, чернеющие полные щеки и всякую минуту ждала нового оборота разговора. Но аббат, хотя, очевидно, и наслаждаясь красотой своей собеседницы, был увлечен мастерством своего дела. Взяв вопрос о значении бывшего между Элен и Пьером брака, он по пунктам разбирал это значение и доказывал его несостоятельность и необходимость вступления в новые, правильные условия жизни.

Ход рассуждения руководителя совести был следующий: в неведении значения того, что вы предпринимали, вы дали обет брачной верности человеку, который, с своей стороны, вступив в брак и не веря в религиозное значение брака, совершил кощунство. Брак этот не имел двойного значения, которое должен он иметь. Но вы связали себя перед лицом своей (хотя и еретической) церкви, и обет ваш связывал вас. Вы отступили от него. Что вы совершили этим? Pêché véniel или pêché mortel?⁸

¹ [Элен, мне одно нужно сказать тебе и вам, господин аббат.]

² От латинского *ritus* — обряд.

³ [свободы совести. Вы знаете мои убеждения? Если ты найдешь покой и...]

⁴ Зачеркнуто: L'empereur

⁵ [Ты столько претерпела. Она столько претерпела, господин аббат. И я уверен, что... До свидания. Я сообщил вам самую суть моих мыслей.]

⁶ *Зач.*: <начал излагать свое воззрение на этот предмет> и продолжал свою елейную речь. Он говорил о pêché véniel, о respect humain [о грехе простительном, о внимании к суждению людей], делая liaison и выговаривая respect, humain, о ее красоте, молодости, о необходимости стать в <новые, законные> условия брачной жизни.

⁷ След. девять слов вписаны рукой Толстого.

⁸ Грех простительный или грех смертный?

Réché véniel, потому что вы не хотели зла, совершая поступок. Вы прощены. Но будущее ваше? Вы лишены супружеского счастья, но вопрос состоит в том, что лучше: поддерживать ли неправильный брак только с одной стороны или искать расторжения его. С какою целью? С целью иметь детей? Вы имеете право, но вопрос опять распадается надвое... Первое...

Заметив, что духовник так увлечен своим рассуждением, что оставляет в стороне всю привлекательную для Элен сторону этого тайного свидания, она, не дождавшись того, чего хотела, сделала над собой усилие и перешла в ту область мысли, в которой, по ее мнению, напрасно утруждая себя, барахтался ее directeur de conscience.¹ Дело, по ее мнению, могло быть разрешено гораздо проще, и она поспешила изложить свой взгляд на это дело.

— Но, я думаю, — сказала она с своей обворожительной улыбкой, — что я была в браке только по той русской еретической религии и что я теперь только вступила в жизнь и, очистившись покаянием², не могу быть связана тем, что наложили на меня обряды ложной религии.

Она давно уже придумала этот аргумент, всё ждала его от аббата, но, соскучившись дожидаться, высказала его сама. Directeur de conscience был изумлен этим поставлением перед ним с такою простотою Колумбова яйца. Он восхищен был неожиданной быстротой успехов своей ученицы, но не мог отказаться от своего умственного, трудами построенного здания аргументов. Он³ стал опровергать рассуждение своей духовной дочери и подвинулся ближе, но вдруг Элен вскрикнула, взялась обеими руками за грудь и упала на спинку кресла. Испуганный аббат вскочил с места, призвал женщин.

Привезенный доктор нашел графиню в постели и задыхающуюся.

— J'avais toujours soupçonné l'angine pectorale, — сказал он сам себе, выходя из комнаты, — et la voilà.⁴

Было послано за княгиней Курагиной⁵ и за русским священником, но и та и другой приехали слишком поздно.⁶

¹ блюститель совести.

² Зачеркнуто: и крещением

³ Вписано рукой Толстого: стал и зач.: и продолжал свою аргументацию. По его мнению, разрешение развода могло быть дано только папою и нашим государем. Это было лестно для Элен, и она надеялась получить то и другое. Но для того, чтобы получить развод, нужно была еще раз испытать супруга, нужно было спросить его, считает ли он свой обет связывающим его и намерен ли *Весь дальнейший текст* — автограф Толстого над зач. текстом копии.

⁴ [Я всегда подозревал грудную жабу... и вот она.]

⁵ Зач.: за Шабором

⁶ Зач. вписанное рукой Толстого: и это письмо, извещавшее его о кончине жены, лежало на столе Пьера, когда он вернулся в Москву.

У самой околицы Пьер должен был остановиться от столпившихся телег и казаков.

— Чисто, брат,² вышарили. Евдокимовской сотни были переж нас, — говорил один из выезжавших казаков другому, который ехал вслед за Пьером.

Пьер проехал в околицу.

— Это чей такой? — сказал сзади его голос выезжавшего казака.

— А бог его знает. Конь добрый. Променять надо.

Пьер оглянулся. Казаки чему-то смеялись, глядя на его лошадь. В³ улице деревни тоже были воза выкочевывающих жителей, которые подвигались к околице. Около возов с воем шли женщины, уезжавшие и провожавшие отъезжающих. Пьер хотел спросить у жителей, зачем и куда они уходили, но все казались так взволнованы и озабочены, что он не решился обратиться ни к кому из них и проехал дальше. Обоз, толпившийся у околицы, очевидно, был последний. Большая деревня была пуста, только у колодца стояли два казака, поя лошадей в корыте, и несколько подальше колодца, на завалинке, сидел старик.

Погода все дни, начиная с 26, стояла прекрасная.⁴ Была та осенняя сухая погода, когда морозом ночным подсушивает землю и лист, оттаивающим морозом освежает ее и дневным солнцем коротко греет землю и коробит⁵ спадающий лист, горьким и крепким запахом которого кажется проникнутым весь воздух.

Когда Пьер въехал в деревню, было уже 4 часа, низко ходящее солнце зашло за⁶ крыши изб, и становилось свежо. Старый, с клинообразной, редкой, полуседой бородой и такими же большими бровями, сидел в шубе на завалинке, а корявыми с сведенными пальцами руками <держал> сделавшийся гладким костыль.⁷

Пьер⁸ направился к старику.⁹

Старик поднял голову, слабыми, мигающими глазами посмотрел на Пьера,¹⁰ опустил голову и передвинул несколько раз губами.

¹ Автограф на двух листах.

² Зачеркнуто: нечего

³ Зач.: деревне еще оставались

⁴ Зач.: ясная

⁵ Зач.: чуть

⁶ Зач.: избы

⁷ Зач.: который он чуть водил или по пыли да стружкам, разбросанным перед завалинкой.

⁸ Зач.: остановился против

⁹ Зач.: и слез с лошади.

¹⁰ Зач.: и опять

— Большак! Большак! Большак! — слышался¹ в это время всё приближающийся и как бы зовущий его голос. Пьер оглянулся, и в это² же время к нему подбежало какое-то странное мужское существо (у него была редкая борода и коротко остриженные волосы) в одной бабьей, раскрытой на груди рубашке.

— Бу-бу-бу-бу, большак, большак, постой, — говорило это существо, останавливая за поводья лошадь Пьера. Пьер невольно остановился. Дурачок вынул свои маленькие, нерабочие ручки, которые он держал прежде на красной, загорелой до разреза рубахи груди, и, высунув их в короткие рукава, стал грозить Пьеру обоими пальцами и делая³ испуганное лицо.

— Бу, бу, бу, не ездят, казак, курей убили, петуха убили. Большака убьют, бу, бу, бу. — Вдруг лицо дурачка просветлело, на старом лице его вдруг просияла детская, милая улыбка. — Пятак Семке. Большак, пятак, — заговорил он. — Свечку бу, бу, бу.

Пьер достал кошелек и дал дурачку несколько серебряных монет. Дурачок жадно схватил деньги и, подпрыгивая загорелыми и распухшими тупыми ногами, побежал к старику, приговаривая бу-бу-бу, показывая деньги и быстро зажимая их в кулак, в оба кулака и между ног, надуваясь до красноты, как будто с желанием удержать их от тех, которые отнимали их.

Пьер слез с лошади и подошел к старику.

— Что это у вас в деревне делается? Куда это едут? — спросил Пьер.

Старик посмотрел на Пьера, как бы удивляясь вопросу.

— Куда же это едут?⁴

— Куды едут? — повторил старик. — За Мекешенску⁵ идут.

— Да зачем? отчего?

— Отчаво? От гнева божья. Спрячь,⁶ Сеня, спрячь. Казаки отнимут,⁷ — прибавил старик, обращаясь к юродивому, который всё тужился и визжал, багровея, сжимая между ног свои кулаки с деньгами. — Старухе отдай. Она спрячет.

Пьер, не спуская глаз, смотрел на старика. Он никогда не видал еще таких людей. Это был один из тех стариков, которые бывают только в⁸ мужицком рабочем быту. Он не был старик потому, что ему было 80 или 100 (этому старику могло быть и 60 и 100 лет), он не был старик потому, что у него были¹ *Зачеркнуто*: вместе

² *Зач.*: самое

³ *Зач.*: стра[шное]

⁴ *Зач.*: — Отчего уезжают?

⁵ *Зач.*: едут

⁶ *Зач.*: дурак

⁷ *Зач.*: сказал

⁸ *Зач.*: физи[ческом] тр[уде]

правнуки, или потому, что он был сед, плешив и беззуб (у этого, напротив, были все, хотя и доеденные, как у лошади, зубы и было больше русых, чем седых, волос), но он был старик потому, что у него [не] было больше желаний и сил. Он пережил себя. Всю жизнь он работал. Лет 30 он всё меньше и меньше имел сил работать и, наконец, невольно пришел к полному физическому бездействию и вместе с тем к полному нравственному сознанию значения жизни. И окружающие его, и он сам уже 10 лет ждали его смерти, потому что жизнь его не нужна была больше, и потому значение его жизни и жизнь других было вполне открыто ему. И это чувствовалось при первом взгляде на него. Это был не старик, искусственный старик, каких мы выдаем в сословиях, не работающих физически, а это было — олицетворение старости — спокойствия, отрешения от земной жизни, равнодушия. Взгляд его, звук и смысл его речей — всё говорило это, и Пьер в восторженном созерцании стоял перед ним.

— А разве казаки отнимают у вас ваше имущество? — спросил Пьер.

— Выгоняют народ, — сказал старик, — что ж им быть тут, когда враг идет.

— Да кто ж им велел?

— Бог велел, родимый, бог велел, — как бы извиняя их, сказал старик. — Бог наказал за грехи. Он и помилует.

— Что ж¹ ты не уехал?

— Куды ж я от бога уеду. Он везде найдет...²

— А твои уехали?

— Ребята поехали за Мекешенску, знашь, по Верейской. Отдай ему³ коня-то, — сказал он, заметив, что Пьер не знал, куда деть лошадь. — Сеня, возьми коня-то, на двор сведи.

— Это твой дом? — спрашивал Пьер.

— Войди, войди, хлеба хочешь? Поди, поешь. Вот дай старуха придет.

Пьер, ничего не отвечая, сел рядом с стариком и невольно стал смотреть на юродивого, который, взяв поводья лошади, стал обнимать ее за шею, целовать ее в шею, в ноздри.

— Страсть скотов любит, — сказал старик. — Сведи в двор, сена дай.

— Бу, бу, бу, — говорил юродивый и,⁴ бросив поводья, стал креститься и кланяться в землю в ноги лошади, подсовывая свою стриженую голову под самые ноги лошади.⁵ Страшно было смотреть на голову Сени под ногами лошади, но лошадь осторожно приподнимала ноги, когда голова юродивого толкала ¹ *Зачеркнуто*: твои из дома

² *Зач.*: Ребята поехали за Мекешенску. Они

³ *Зач.*: лошадь

⁴ *Зач.*: отпустив

⁵ *Зач.*: Лошадь ост[ановилась]

их, и иногда осторожно держала их над головой его и обносила их и неловко становилась, чтобы не задеть юродивого. Два казака, съехавшиеся у околицы, проехали по улице и, посмеявшись на юродивого, завернули в соседний двор.

Юродивый поднялся и хотел вести лошадь в ворота, когда в это время к завалинке быстрым легким шагом подошла маленькая, сгорбленная, с сморщенным в кулачок лицом старушка в белом платке. Она выходила за околицу провожать внучат и сыновей и возвращалась к старику.

— Большуха, большуха, бу, бу, бу, — заговорил Сеня, показывая ей деньги, — спрячь, зарой. Казаки возьмут. Конь мой! —

Он отдал ей деньги и опять стал кланяться в землю перед лошадью.

Старуха взяла деньги и, подойдя к старику,¹ приложив занавеску к глазам, стала всхлипывать.

— Проводила? — сказал старик.

— О-ох! мои горестные, о-ох, да мои голуби, да улетели на чужую сторонушку. О-ох.

— Человеку хлеба поесть дай, — сказал старик.

— О-ох, мой болезный, — перенесся на Пьера свое умиление, запела старушка, — что ты, милый мой, али заблудший ты какой?² Поди, поди в избу, я те хлеба покрошу.

Пьер вошел за старухой в избу и сел за стол. Старушка достала чашку, обтерла ручником, вынула начатой хлеб из стола и накрыла конец стола скатертью.³

— Что, все уехали у вас из деревни? — спросил Пьер.

— ⁴О-ох, голубчик мой миленький, кто в силе, тот поехал, а тут нам вот за три двора лошадей угнали и ехать не на чем. Нужно остаться. Прибегала Спиридоновна, просила наших. Что ж нашим-то с малыми ребятами...

В середине неторопливого, складного и ласкового рассказа старухи проголодавшийся Пьер, с особенным аппетитом евший черный теплый хлеб, вдруг услышал нечеловеческий, пронзительный крик под окном.

— Ох, родные мои милые. Сеня наш что-то. Божий человек. Али его обижают?

Сеня с побагровевшим, искаженным злобой лицом, оскалив зубы, визжа пронзительно, махал кулаками и топтал ногами.

— Ай, ай, ай. Бу, бу, бу. Ай, ай, ай, — кричал он на двух казаков, которые, вырвав у него Пьерову лошадь, рысью уезжали к околице. Пьер выбежал на крыльцо⁵ и, крича на ¹Зачеркнуто: стала

² Зач.: Поди ты, сердечный, поешь хлеба.

³ См. следующий вариант, № 233.

⁴ Зач.: Нет

⁵ Зач.: Казаки, как вы

казаков, бросился за ними. Сеня камнями и землей, продолжая визжать, кидал за ними. Казаки, ударив по лошади, выскакали за околицу. Пьер вернулся к старику.

—¹ Ох, грехи наши тяжкие, — сказал старик. — Всем, голубчик, пострадать надо, всем пострадать.

— Разбойники, что делают, — говорила старуха. — Чья лошадь-то у тебя, как ты за нее ответ дашь. Ох, ты, мой болезный, — говорила старуха.

Сеня продолжал подпрыгивать и визжать и кидать землю. Старик прокашлялся.

— Божья власть, — проговорил он² и пошел в избу, влез на печь и замолк.

Старуха долго вечером рассказывала Пьеру о деревенских и домашних делах и расспрашивала его, куда ему нужно было идти, и свела его спать в сарай на сено. Юродивый лег вместе с Пьером и тотчас же заснул. Пьер долго не спал. На другое утро юродивый проводил Пьера до Можайской дороги.

* № 233 (Т. III, ч. 3, гл. VIII).³

— Что, все уехали у вас из деревни? — спросил Пьер.

— О-о-ох, голубчик мой миленький, кто в силе, тот поехал, а тут дочка моя родная, вот за три двора отдана, лошадей угнали и ехать не на чем. Нужно остаться. Прибегала Спиридоновна, просила наших. Что ж нашим-то с малыми ребятами...⁴

Старуха не договорила еще, как на улице послышался нечеловеческий, пронзительный крик.⁵

— Ох, родные мои, милые!⁶ Чтой такое? Сеня никак, — вскрикнула старуха, бросаясь к окну. Пьер выскочил на улицу.

Сеня с побагровевшим, искаженным злобой лицом, оскалив зубы, визжал пронзительно, махал кулаками и топотал ногами.

— Ай, ай, ай... Бу, бу, бу !... Ай, ай!.. — кричал он на двух казаков, которые, вырвав у него Пьерову лошадь, рысью уезжали к околице. Пьер выбежал на крыльцо и, крича на казаков, бросился за ними. Сеня камнями и землей, продолжая визжать, кидал за ними. Казак, ударив по лошади, выскакал за околицу.⁷

¹ *Зачеркнуто:* Не грехи

² *Зач.:* Иди в избу. Завтра тебя Сеня

³ *Переработка в копии конца предыдущего варианта (№ 232), стр. 379. Первые три слова, начинающие копию:* конец стола скатертью.

⁴ *Зач.:* В середине неторопливого, складного и ласкового рассказа старухи <Пьер> проголодавшийся Пьер, с особенным аппетитом евший теплый черный хлеб, вдруг услышал *Над зач. рукой Толстого вписаны след. восемь слов.*

⁵ *Зач.:* под окном

⁶ *Зач.:* Сеня наш чтой-то, божий человек, али его обижают. *Вместо зач. вписан след. текст, кончая:* Пьер выскочил на улицу.

⁷ *Далее зач. текст варианта № 232 со слов:* Пьер вернулся к старику, *кончая:* Пьер долго не спал.

На другое утро юродивый проводил Пьера до Можайской дороги.¹

Пьер² пешком, провожаемый дурачком, уже сумерками вернулся на большую дорогу и дошел до деревни Шелковки.

В Шелковке Пьер нашел знакомого генерала и обратился к нему с жалобой на казаков. Генерал сделал распоряжение об отыскании казаков и предложил Пьеру обед и ночлег³ на занимаемом им дворе.

Генерал рассказал Пьеру, что войска так расстроены, что невозможно принять нового сражения, рассказал, что его шурин Курагин умер и что Болконский убит. Пьер слушал и ничего не понимал. Он падал от сна. Но в горнице лечь негде было, и он <пошел>

* № 234 (Т. III, ч. 3, гл. X, XII-XIX).

V

30-го августа граф Илья Андреич поехал к Растопчину узнать, в каком положении находится дело Москвы.

Граф Растопчин был нездоров, как сказали графу Ростову, и не принял Илью Андреевича, но через адъютанта выслал ему свою, имеющую выйти завтра, афишу. Афиша была следующая:

[Текст афиши см. в печатном тексте «Войны и мира». Т. III, ч. 3, гл. X.]

— Что это значит: у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба?— наивно спросил он у адъютанта.

— Граф был нездоров глазом, — сказал адъютант, улыбаясь,⁴ обращаясь более к другому господину, который был тут в приемной, — и он очень беспокоился, когда я ему сказал, что приходил народ спрашивать, что с ним. По правде сказать, я ему это сказал, чтобы его утешить, а собственно, никто не приходил...

Граф Илья Андреич не спрашивал более. По известной всем ограниченности Ильи Андреевича вопрос о состоянии здоровья графа Растопчина и о тяжести французов не интересовал его. Из того, что Растопчин не принял его, из тона адъютанта, из всего того, что было написано в афише, он понял только, что дело было плохо, что мешкать нечего и что надо как можно скорее убираться из Москвы. Он поехал домой.

В этот день в отсутствие графа огромный поезд телег с ранеными остановился на Поварской. Раненых везли в госпиталь.

Девушки, лакеи, ключница, няня, повара, кучера, фореиторы, поваренки выбежали в ворота смотреть на раненых. Пети не было дома. Соня, укладывавшаяся в диванной, взглянула на¹ *Вписан на полях рукою Толстого дальнейший текст до конца.*

Зачеркнуто: поневоле должен был оставаться ночевать в деревне.

² *Зач.:* дошел

³ *Зач.:* в своей коляске

⁴ *След. десять слов вписаны рукой Толстого.*

улицу и шепнула праздно ходившей по комнате Наташе, чтобы она не проговорила графине, которая с Беловой, раскладывая пасьянс, сидела за круглым столом в гостиной.

— Ах, этот Петька проклятый, — проговорила Наташа, ожидавшая брата, и, накинув белый платок на голову, вышла на улицу посмотреть на то, что там делалось.

Дворовые Ростовых окружили одну телегу, бывшая ключница Мавра Кузминишна разговаривала с лежавшим в этой телеге молодым, бледным человеком, вероятно юнкером.

— Что же, у вас, значит, никого и нет в Москве, — говорила Мавра Кузминишна. — Вам бы покойнее где на квартире, чем в гошпиталь...

— Не знаю, позволят ли, — слабым голосом сказал юнкер.

Наташа, слышавшая этот разговор, отошла несколько шагов и, увидав едущего верхом офицера, обратилась к нему.

— Господин офицер, можно раненым у нас в доме остановиться? — спросила она.

Офицер с улыбкой приложил руку к козырьку.

— Pardon, Mademoiselle? — сказал он, не расслышав.

Наташа по-французски повторила свой вопрос.

— О да, конечно, — отвечал офицер, очевидно только занятый удовольствием¹ французского разговора с хорошенькой барышней.

Наташа передала разрешение офицера Мавре Кузминичне, стоявшей над² юнкером и с жалобным участием разговаривавшей с ним.

Не прошло пяти минут, как юнкера с подводой завернули в двор Ростовых и десятки других телег с ранеными офицерами и юнкерами стали заворачивать в дворы и подъезжать к подъездам домов городских жителей. Наташе, видимо, понравилось это вне обычных условий жизни отношение с новыми людьми. Она всех раненых приглашала в дом.

— Надо все-таки папаше доложить, — сказала Мавра Кузминична.

— Ничего, ничего, я перейду к мама, мы нашу³ комнату займем. Сонину.

— Ну, уж вы, барышня, придумаете. Да хошь и в чайную, в холостую, к нянюшке, и то спросить надо.

— Ну, я спрошу.

Наташа побежала в дом, не дождавшись ответа, целуя мать, объявила ей, что она пригласила раненых, и убежала назад в флигеля, распоряжаясь о размещении. Веселые, быстрые шаги ее пробегали по комнатам мимо новых, странных лиц офицеров и юнкеров, которых поместили у них.⁴

¹ След. слово вписано рукой Толстого.

² Зачеркнуто: офицером и надписано: юнкером

³ След. слово вписано рукой Толстого.

⁴ Зач.: Какое-то странное

Чувство боязни перед самой собою заставляло ее избегать взгляда на этих людей. Она видела их всех вместе, но ни одного не видала отдельно. Три часа хлопот о постелях, воде, одеколоне, мыле, полотенцах и проч. прошли для нее незаметно.

Когда вернулся граф с афишей Растопчина, Наташа объявила ему о своем распоряжении.

— Что ж, хорошо, пускай их, — сказал граф. — А нам надо завтра уехать и непременно надо.

Петя, вернувшись домой от товарища, с которым он замыслил из ополчения перейти в гусары, рассказывал свои новости.

[Далее от слов: Он говорил, что нынче народ... кончая: народ разбивал бочки в питейной конторе, что так велено близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. XIII—XIV.]

Рассказ M-me Schoss еще более увеличил страх домашних Ростовых и их поспешность укладываться.

До 3-го часа утра никто не ложился, и всё выносили из дома и укладывали с фонарями на телеги и в экипажи, но всё еще далеко не было готово. Графиня заснула, и граф отложил отъезд и пошел спать. Петя, не ложившийся спать всю ночь, с раннего утра, увидав шедшие толпы народа, присоединился к ним и пошел на Три Горы, где должно было произойти сражение. Соня, Наташа спали, не раздеваясь, в диванной.

В эту ночь еще нового раненого в коляске провозили через Поварскую, и Мавра Кузминична заворотила его к Ростовым.

— Пожалуйте к нам, пожалуйста. Господа уезжают, весь дом пустой.

— Да что, — отвечал камердинер, — и куда везти-то.

— А что, очень нездоровы?

Камердинер махнул рукой.

— Не чаем довести.

— Господи Иисусе Христе! — проговорила Мавра Кузминична. — А как фамилия?

— Князя Болконского, — отвечал камердинер, подошел к коляске, заглянул в нее, покачал головой и велел кучеру заворачивать на двор.

Мавра Кузминична предлагала внести раненого в дом.

— Господа ничего не скажут... — говорила она; но надо было избежать подъема на лестницу, и потому князя Андрея внесли во флигель и положили в бывшей комнате M-me Schoss.

VI

Наступил последний день Москвы. Была ясная, веселая, осенняя погода. Было воскресенье. Как и в обыкновенные воскресенья, благовестили к обедне во всех церквях и до полдня еще продолжалось постоянное непонимание того, что ожидает Москву. Прежние отношения между людьми еще держались во всё прежней силе. Даже после полдня, когда не по какому-нибудь 363

объявлению или сигналу, а по таинственному телеграфу народного сознания мгновенно узналось то, что Москва отдается, всё еще оставалось то же.

Только два указателя состояния общества выражали то положение, в котором была Москва: чернь, то есть сословие людей, которого положение не может быть хуже и которое потому прежде всех видит изменение прежних отношений, и цены на предметы. Чернь, то есть толпа фабричных, пьяных дворовых от дурных господ, побросали свои фабрики, заведения и своих помещиков и огромной толпой, в которую заматались чиновники, кутейники и даже господа, вышла на Три Горы. Постояв там и не дождавшись Растопчина и убедившись в том, что Москва будет сдана, эта толпа рассыпалась по Москве, пробуя новые условия жизни: грабя кабаки и питейные конторы. Цены в этот день тоже указывали на положение дел. Цены на оружие, на золото, на телеги и лошадей всё шли, возвышаясь, и цены на бумажки и на громоздкие вещи всё шли, уменьшаясь, так что в середине дня были случаи, что дорогие товары, как сукна, извозчики вывозили исполу, что за мужицкую лошадь платили 500 рублей, и мебель, зеркала, бронзы отдавали даром.

В степенном и старом доме Ростовых распадение прежних условий жизни выразилось очень слабо. В отношении людей было только то, что в ночь пропало три человека из огромной дворни и кое-что было украдено, и в отношении цен вещей оказалось то, что 36 подвод, пришедшие из деревень, были огромное богатство, которому многие завидовали и за которых Ростовым предлагали огромные деньги. Но Ростовы, уложив все подводы вещами из дома, и так оставляли большие ценности в доме.

К великому своему утешению графиня, проснувшись, нашла уж Петю возвратившимся. Он с негодованием на Растопчина рассказывал, что на 4 версты за Пресненской заставой были толпы народа с оружием, что французам бы пришлось плохо, ежели бы выехал граф Растопчин, но он не выехал, и народ разошелся. Петя не рассказывал о том, какой это был народ и как он сам по несознанному им чувству отвращения ушел оттуда так рано для того, чтобы только не быть с этим пьяным, ругающимся и бесцельно бредущим то в одну, то в другую сторону, народом. Ему казалось, что-то было очень величественное в этом шествии.

Всё уже было готово к отъезду. Подводы были наложены, экипажи запрягались, раненые, бывшие на дворе и в флигелях, тоже некоторые укладывались. Было предположено всем тронуться вместе.

Редко терявший нравственное равновесие старый граф был растерян и сконфужен. То он ходил по комнатам, отыскивая какой-то пропавший, ненужный ключ, то он ворчал, сердился на людей, то убегал в кабинет и там, захлопывая за собой дверь, принимался в 20-й раз перечитывать поданный ему реестр. 364

Иногда он вскакивал и, тайно оглядываясь, чтобы его не видали, бежал к окну, выходявшему на двор, и там останавливался глядя на раненых, которых выносили на телеги.

Илья Андреич постоял у окна, посмотрел на раненых и, взмахнув руками, повернулся назад, видимо приняв какое-то решение. Но, выходя из комнаты, он, очевидно, с досадой увидел шедшую [к н]ему с усталым и недовольным видом графиню.

— Я не понимаю, граф, что делают люди. Вот и пожалеешь о Митиньке. Ничего не уложено. Бегают все, как сумасшедшие, на улицу, точно не видали. Этак всё останется. Ведь надо же кому-нибудь распорядиться.

— Сами, матушка, распоряжайтесь, а я вам не слуга. У меня голова кругом идет. И чорт их возьми, и всё чорт возьми!— закричал граф в первый раз в жизни на свою жену и употребляя слово «чорт», и убежал в гостиную.

Дело было в том, что с утра еще к графу пришел полицейский офицер с просьбой и почти приказанием от Раstopчина о том, чтобы все подводы, в городе находящиеся, были отданы под раненых. Граф раскричался на офицера, сказал ему, что он не отдаст своих подвод, что подводы его собственные, а не казенные, что ему сам граф Раstopчин не советовал уезжать до сих пор и что он задаст ему...

Офицер почтительно просил у графа прощения за свою смелость, но с той улыбкой, которая ясно показывает, что всё можно умно сделать, сказал, что приказанье есть, но что всё в руках его. Граф понял и, как опытный человек и любивший давать деньги и делать другим приятное, он дал квартальному 25 рублей и отпустил его.

По уходе квартального граф прошелся по двору и, увидав раненого юнкера, умолявшего о том, чтобы его взяли с собой, граф для него велел опростать подводу и задумался. Подумав несколько времени, граф, как всегда, когда дело касалось денег, чувствуя себя виноватым перед графиней, прошел к ней и робко сказал:

— Знаешь что, *ma chère*,¹ вот что... *ma chère* графинюшка... ко мне приходил офицер, просят, чтоб дать несколько подвод под раненых. Ведь это всё дело наживное, а каково им оставаться, подумай... право. Знаешь, думаю, право, *ma chère*, вот, *ma chère*... пускай их свезут и к нам подъедут, куда же торопиться?

Граф робко сказал это, как он всегда говорил, когда дело шло о деньгах. Графиня же уж привыкла к этому тону, всегда предшествовавшему делу, разорявшему ее детей, как какая-нибудь постройка галлерей, оранжереи, устройство домашнего театра или музыки, и привыкла и долгом считала всегда противоборствовать тому, что выражалось этим робким тоном.

¹ душенька

Она приняла свой покорно-плачевный вид и сказала мужу:

— Послушай, граф, ты довел до того, что за дом ничего не дают, а теперь наше — *детское* состояние погубить хочешь. Ведь ты сам говоришь, что в доме на 100 тысяч добра. Я, мой друг, не согласна и не согласна. Воля твоя. На раненых есть правительство. Они знают. Посмотри, вон напротив у Лопухиных еще третьего дня всё до чиста вывезли. Вот как люди делают. Одни мы дураки. Пожалей хоть не меня, так детей...

От этого-то граф в первый раз в жизни закричал на графиню, употребляя слово «чорт». Графиня, заплакав, остановилась. Петя и Наташа с громким хохотом бежали по лестнице. Они услышали крик отца, увидели плачущее лицо матери, но тот порыв веселости, в которой они находились, был так велик, что они не могли удержаться от смеха.

С топотом ног, не в силах удержать смех, они бежали вниз и очутились перед матерью.

— Точно маленькие, — сердито сказала графиня. — Я удивляюсь, право. Ни чувств, ни... никаких.... Ждешь утешенья, а кроме горя — ничего, — проговорила графиня, сердито глядя на Петю, которого она еще вчера обнимала с восторженными слезами радости. Петя поглядел на Наташу и засмеялся. Наташе жалко было матери, совестно было смеяться, но она тоже засмеялась.

— Уж тебе-то, — сказала графиня, обращаясь к Наташе, и прошла в свою комнату.

«Тебе-то!» Эти простые слова матери вдруг напомнили ей весь ее позор и всё ее горе, как беспрестанно самые ничтожные слова и события напоминали ей всё одно и то же.

Петя подошел к ней и, установив ноги гусем, представляя кого-то, стал шагать перед ней. Наташа улыбнулась и тотчас же, закрыв лицо руками, заплакала.

— Убирайся, надоел!.. Убирайся, оставь меня одну!

— Что с тобой?

— Ничего, оставь меня. Ну, и иди.

— Наташа, да иди же! — слышался голос Сони. — Все садятся.

— Оставь меня, — отвечала Наташа, стараясь подавить выступившие слезы. Все уж собирались садиться с закрытыми дверями, как обыкновенно садятся перед отъездом в дорогу, когда вдруг приехал Пьер, про присутствие которого в Москве никто и не знал, и вслед за ним Берг, и вслед за тем сделано было новое распоряжение о вещах и подводах.

Перед самым отъездом, как это часто бывает, произошла суматоха и путаница.

Берг, зять Ростовых, был уже полковник с Владимиром и Анной на шее, занимавший всё то же покойное и приятное место помощника начальника штаба помощника первого 366

отделения¹ начальника штаба второго корпуса.² Он 1 сентября приехал из армии в Москву.

Ему в Москве нечего было делать, но он заметил, что все из армии просились в Москву и что-то там делали. Он счел тоже нужным отпроситься для домашних и семейных дел и приехал *к папаше*, как он называл графа Илью Андреевича.³

Берг в своих аккуратных дрожечках, на паре сытых саврасеньких, точно таких, какие были у одного князя, подъехал к дому⁴, внимательно посмотрел во двор на подводы и, входя на крыльцо, вынул чистый носовой платок и с приятной улыбкой завязал узел.⁵

Из передней Берг плывущим, нетерпеливым шагом вбежал в гостиную и стал обнимать⁶ обожаемую мамашу. Граф и Наташа вошли в комнату и окружили Берга.

— Ну, что, как? Что Москва,⁷ войска? Будет ли сражение?— делали вопросы Бергу, приехавшему из армии. Берг, поцеловав⁸ ручку Наташи, поцеловался с папашей и, как бы задумавшись, остановился подле графа.

Еще дорогой Берг несколько раз сам с собою приятно улыбался мысли о том, как он будет рассказывать о Бородинском, сражении, в котором он участвовал своим, особенным, удобным и приятным способом. В Можайске Берг удостоился чести обедать у графа Бенигсена и за этим обедом слышал рассказ одного генерала о действии его дивизии на флешах. Генерал этот весьма одушевленно⁹ рассказывал¹⁰ о действии его дивизии, и все слушали с большим вниманием. Бергу тогда очень понравился этот рассказ генерала, в особенности понравилось то внимание и одобрение, с которым очень важные чином и положением люди слушали рассказ, и Берг, запомнив¹¹ слова рассказа, принял решение непременно при первом удобном случае сделать такой же точно рассказ, вспоминал слова генерала и внутренне улыбался, радуясь своей памятью. Когда к нему обратились с вопросами, он тотчас же начал.

*[Далее от слов, вписанных в копию рукой Толстого: — Один предвечный бог, папаша, кончая: Она убирала те вещи, которые*¹ *След. два слова вписаны рукой Толстого.*

² След три слова вписаны рукой Толстого.

³ Зачеркнуто: Наташа, никогда не любившая Берга, видела, как он

⁴ Зач.: и вошел на крыльцо

⁵ Зач.: Наташа, чтобы избежать Берга, вошла в гостиную. След. два слова — вставка рукой Толстого.

⁶ Зач.: родителей и вписанное Толстым: сестриц и братца. Дальше до конца абзаца — вставка Толстого.

⁷ Зач.: что слышно? Правда ли то, правда ли другое, третье... и надписано: войска

⁸ Зач.: ручки всех дам, сложил ножки и начал рассказывать и надписано окончание фразы.

⁹ Зач.: и фальшиво

¹⁰ Зач.: в особенности восторгаясь патриотическим геройством войск

¹¹ Зач.: старательно

должны были остаться, записывала их по желанию графини и старалась захватить с собой как можно больше *близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. XVI.]*

Перед самым отъездом она вышла на двор и увидела, что из флигеля, в котором лежал раненый офицер, что-то выносили в крытую коляску. Она подошла ближе и с невольным любопытством остановилась у крыльца. Три человека выносили какое-то безжизненное тело. Как ни страшно было Соне, она не могла не подвинуться, чтобы поглядеть в лицо выносимому человеку. Она увидела мертвое лицо человека с закрытыми глазами, как рыба дышащего, отворяющего и закрывающего рот, и человек этот был страшно близкий и знакомый человек. Она ухватила за плечо Мавры Кузминишны, стоявшей перед ней, и рыдая проговорила:

— Кто это?

— Самый наш жених бывший. Князь, — вздыхая ответила Мавра Кузминишна.

Соня заглянула еще раз в лицо князя Андрея и помертвела так же, как и лицо раненого. Она побежала к графине.

— Матап, — сказала она, — князь Андрей здесь, раненый. Он едет с нами. Наташа не знает еще.

Графиня ничего не отвечала и опустила голову.

— Что нам делать, матап?

— Это что во флигеле?

— Да.

Графиня обняла Соню и заплакала.

«Пути господни неисповедимы», думала она, чувствуя, что во всем, что делалось теперь, начинала выступать эта всемогущая рука, скрывавшаяся прежде от взгляда людей.

— Ну, мама, всё готово. О чем вы? — спросила с оживленным лицом Наташа, вбегая в комнату.

— Ни о чем, — сказала графиня. — Готово, так поедem.

Графиня встала и вместе с дочерью прошла через опустевшие комнаты в образную. Соня обняла Наташу и поцеловала ее.

Наташа вопросительно посмотрела на нее.

— Что ты? Что такое случилось?

— Ничего... нет...

— Очень дурное для меня? Что такое?

Соня вздохнула и ничего не ответила. Граф и Петя вошли в образную, и тогда графиня встала с земного поклона; она заплакала и граф тоже.

На крыльце, на дворе люди, уезжавшие, с кинжалами и саблями, которыми их вооружил Петя, прощались с теми, которые оставались.

Поезд с ранеными частью выехал, частью съезжал со двора. Коляска с князем Андреем ехала впереди.

Странно сказать, Наташа редко испытывала столь радостное чувство, как то, которое она испытывала теперь, сидя в карете подле графини и глядя на медленно продвигавшиеся мимо ее 368

сцены оставляемой, встревоженной Москвы. Она изредка высовывалась в окно кареты и глядела назад и вперед на длинный поезд раненых, предшествующий и сопутствующий им. Почти впереди всех виднелся ей закрытый верх коляски князя Андрея. Она не знала, кто был в ней, и всякий раз, соображая область, отыскивала глазами эту коляску. Она знала, что она была впереди всех. В Кудрине из Никитской, от Пресни, от Подновинского съехались несколько таких же поездов, как был поезд Ростовых, и произошла теснота и короткая остановка. По Садовой уже в два ряда ехали экипажи и подводы, и чем дальше, тем было их всё больше и больше.

Объезжая Сухареву башню, Наташа, любопытно и быстро осматривавшая народ, едущий и идущий, вдруг радостно и удивленно вскрикнула.

— Батюшки! Мама, Соня! посмотрите, это он!

— Кто? кто?

— Смотрите, ей-богу, Безухов, — говорила Наташа, высовываясь в окно кареты и глядя на высокого, толстого человека в кучерском кафтане, который рядом с женщиной подошел под арку Сухаревой башни.

— Ей-богу, Безухов в кафтане, с какой-то бабой. Ей-богу, — говорила Наташа, — смотрите, смотрите.

Действительно, хотя уже гораздо дальше, чем прежде, все Ростовы увидели Пьера или человека, необыкновенно похожего на Пьера, в кучерском кафтане и шапке, шедшего по улице с нагнутой головой и серьезным лицом, подле женщины, красивой, румяной, худой и очевидно насурмленной (это сейчас заметила Наташа). Женщина эта была одета в розовое шерстяное платье, в шали и повязана ярко-лиловым платочком. Белый носовой платок, свернутый мышкой, она держала в размахиваемой руке. Женщина эта, лет 30-ти, по одежде и приемам имела вид бывшей горничной или купчихи или мелкой чиновницы. Несмотря на ее насурмленные брови и румяные щеки, она была очень приятна. Хотя она была худа, она была очень хорошо сложена, бойко, легко и весело шла, и лицо ее с длинными ресницами и с теми глазами с поволокой, которые воспевают народ, и с ямочками на щеках, было и теперь приятно, красиво, а в молодости должно было быть очень хорошо. Женщина эта заметила высунувшееся на нее лицо из кареты и, улыбнувшись (лицо ее сделалось еще приятнее), толкнула под локоть Пьера и что-то сказала ему. Пьер долго не мог понять того, что она говорила, так он, видимо, погружен был в свои мысли. Наконец, когда он понял ее и посмотрел по ее указанию, Ростовы были уже далеко, он не узнал их и не ответил на поклоны и крики Наташи из кареты.

— Да нет, это не он. Можно ли такие глупости.

— Мама, — кричала Наташа, — я вам голову дам на отсечение, что это он. Я вас уверяю. Постой, постой, — кричала 369

она кучеру, но кучер не мог остановиться, потому что из Мещанской выехали еще подводы и экипажи и на Ростовых кричали, чтоб они трогались и не задерживали других.

IV

[Далее от слов: 1-го сентября в ночь отдан приказ Кутузова об отступлении русских войск через Москву на Тульскую дорогу, кончая: Москва с Поклонной горы расстилалась бесконечно с своей рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своей жизнью, трепеща, как звездами, своими куполами в лучах солнца *близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. XIX.*]

Москва — она, это чувствует всякий человек, который чувствует ее. Париж, Берлин, Лондон, в особенности Петербург — он. Несмотря на то, что *la ville, die Stadt* — женского рода, а *город* — мужского рода, Москва — женщина, она — мать, она страдала и будет страдать, она — неграциозна, нескладна, не девственна, она рожала, она — мать и потому она кротка и величественна. Всякий русский человек чувствует, что она — мать, всякий иностранец (и Наполеон чувствовал это) чувствует, что она — женщина и что можно оскорбить ее.

— *Cette ville asiatique aux innombrables églises, Moscou la sainte. La voilà donc enfin, cette fameuse ville! Il était temps,*¹ — сказал Наполеон и, слезши с лошади, велел разложить перед собою план этой *Moscou* и подозвал переводчика *Lelorme d'Ideville*. Он смотрел на этот город, *qui était à la veille d'être occupée par l'ennemi. Une ville*²

* № 235 (Т. III, ч. 3, гл. XII—XIII).

IV

<После Бородинского сражения, тотчас после сражения, истина о том, что Москва будет оставлена неприятелю, мгновенно стала известна.

Тот общий ход дел, состоящий в том, во-первых, что³ после Бородинского сражения потеряв половину войска, русское войско, бывшее на 1/6 слабее французов, стало вдруг вдвое слабее и не могло более удерживать неприятеля, во-вторых, что во всё время отступления до Москвы происходило колебанье в вопросе о том, дать или не дать еще сраженье, и, в-третьих, наконец, что решено было отдать Москву без боя, этот ход дел без¹ — Этот азиатский город с бесчисленными церквями, Москва, святая их Москва! Вот, наконец, этот знаменитый город! Пора,

² [который скоро будет занят неприятелем. Город] *Рукопись обрывается.*

³ *Исправлено: в Бородинском сражении на: после Бородинского сражения; далее зач.: несмотря на самопожертвованье войска, ставшего поперек дороги, неприятель и надписано рукой Толстого, кончая словами: вдвое слабее и*

всяких непосредственных сообщений от главнокомандующего совершенно верно отразился в сознании народа Москвы.

Всё, что совершилось, вытекало из сущности самого дела, сознание которого лежит в массах.

С 29-го августа в Драгомиловскую заставу ввозили каждый день по тысяче и более раненых. И в другие заставы выезжали до тысячи и более экипажей и подвод,¹ увозя жителей и их имущество. В тот день, как армия стягивалась² над Москвою, происходил военный совет в Филях и безобразная толпа черни выходила на Три Горы, ожидая³ героического графа Растопчина, в этот день к графу Илье Андреевичу Ростову приехали 36 подвод из Подмосковной и Рязанской⁴ деревень, чтобы поднимать⁵ имущество из Поварского, так и не проданного, дома. Подводы приехали так поздно <во-первых, потому, что граф до последнего дня надеялся на продажу, во-вторых, потому, что граф, пользуясь своим всемирным знакомством, не слушался общего голоса, а верил графу Растопчину, к которому он ездил всякий день справляться. А в-третьих, и главное> потому, что графиня слышать не хотела об отъезде до возвращения сына Пети, которого⁶ с каждым днем ожидали из Белой Церкви, из полка казаков Оболенского, сформировавшегося в Белой Церкви. Петя был по желанию графини переведен в полк Безухова в Москву и уж две недели тому назад по расчетам графини Петя должен был приехать.

29-го августа он, наконец, приехал, и Ростовы стали укладываться, а 30-го августа пришли подводы.

2-го сентября на огромном дворе дома с садом и прудом стояли подводы и экипажи, и дворовые и мужики поспешно укладывали господские вещи. Почти все надворные строения и флигеля огромного дома были заняты ранеными, которых поместили у себя Ростовы, и из этих раненых, большей частью офицеров, многие⁷

* № 236 (Т. III, ч. 3, гл. XVI).⁸

— Однако, пора, пора, — сказала графиня.

Наташа, молча слушавшая рассказ Берга и не спускавшая с него глаз, поднялась вместе с Петей.

¹ *Зачеркнуто*: каждый день

² *Зач.*: и *и* *вписано*: над Москвою,

³ *След.* два слова *вписаны* рукой Толстого.

⁴ *След.* слово *вписано* Толстым.

⁵ *Зач.*: богатства и *надписано*: имущество

⁶ *Слово*: которого *переправлено* из: который, *далее* *зач.*: был переведен в полк Безухова и был ожидаем всякий день в Москву из Белой Церкви, где формировался его прежний полк казаков Оболенского. 29 августа приехал Петя, а 30 августа приехали подводы. *Над* *зач.* *вписан* рукой Толстого текст до конца варианта.

⁷ *На полях этой зачеркнутой копии* рукой Толстого написано начало XII главы третьей части, близкое к печатному тексту.

⁸ Автограф.

— Что ж, вам даром шифоньерочку отдали? — сказала она, обращаясь к Бергу...

— Да, разумеется...

— Это — гадость, — сказала Наташа...

— Наташа всегда шутит, — сказал Берг, вставая и игриво подходя к ней.

— Нисколько не шучу, — сказала Наташа и убежала к <подводам> на двор вместе с Петей.

Подводы были наложены, раненые виднелись на дворе, в дверях и окнах флигелей.¹

— Ненавижу таких, — говорила Наташа. — Мне совестно. Шифоньерочку, когда тут остаются раненые. Петя, ведь это — гадко, что мы увозим вещи, а раненые остаются. Петя, Петька?! — сердито спрашивала она его. Они посмотрели друг на друга, и оба покраснели.

— Папенька хотел всё отдать, это маменька настояла, — сказал Петя.

— Петя, это нельзя, это гадко. Неужели мы такие же? — и Наташа стремительно побежала назад в дом.

Берга уже не было, он поехал в Юсупова дом распорядиться о шифоньерочке.

— Маменька, это нельзя, посмотрите, — кричала она, — мы уезжаем, а они остаются.

— Кто они?

— Они, раненые. Это нельзя, маменька,² это ни на что не похоже... Нет, маменька, это не то, простите, пожалуйста, голубушка...

Петя стоял в дверях.

— Маменька, и я скажу, что надо бросить свои все вещи и отдать подводы.³

* № 237 (Т. III, ч. 3, гл. XVI, XVII).

⁴Граф,⁵ услышав слова Наташи, отошел к окну и засопел, как собака стучит, чутьем принюхиваясь к странному запаху,¹ *Зачеркнуто*: Экая дрянь

² *Зач.*: и она зарыдала

³ *Зач.*: Я себе ничего, я

⁴ *Зач.*: [Среди] толпы видна была тонкая, худая фигурка Наташи с черной головой, повязанной белым носовым платком. Много зрителей было прежде около раненых, но раненых было так много и все были так заняты своими делами, что помочь чем-нибудь никому и не приходило в голову, но как только Наташа с охотником взялась переносить раненых в дом, кормить, поить их, как из всех домов и от толпы повысыпались люди и последовали ее примеру.

Когда граф Илья Андреич с женою увидели Наташу, она надевала спавшую назад фуражку на солдата, которого Матюшка с Митькой несли в охапке на двор. Она шла сзади, ни на кого не оглядываясь, и делала руками жесты, как будто собою поддерживая равновесие раненого, чтобы ему было легче.

⁵ *Зач.*: увидав эти и надписаны след. семь слов.

и упорно глядел в окно, не поворачиваясь к графине. Но с графиней происходило то же, что и с графом: она¹ подошла к нему и потянула к себе за рукав камзола.

Граф оглянулся и встретил ее мокрые, виноватые глаза. Он бросился к ней, обнял ее, прижал подбородком ее плечо и зарыдал над ее спиной.

— Mon cher, надо... — сказала графиня.

— Правда... яйца курицу... учат, — сквозь счастливые слезы проговорил граф. — Спасибо им... Ну так пойдём...²

— Да совсем нет, я знаю, вы не посмотрели...

— Матюшка, — закричал граф громко³ другое распоряжение, — снимай всё с подвод, накладывай раненых.⁴

Как будто выплачивая за то, что не раньше взялись за это, всё семейство с особенным жаром взялось за одно и то же дело. Постоянно прибывали раненые, уж не из одного своего дома,⁵ но и с соседних домов и постоянно находили возможность сложить то и то и отдать подводы. Никому из прислуги это не казалось странным.⁶

— Четверых еще можно взять, — говорил дворецкий, — я свою повозку отдаю, а то куда же их еще.

— Ну, отдайте мою гардеробную, — говорила графиня, — Дуняша со мной сядет в карету.

Отдали еще и гардеробную повозку⁷ и отправили ее за ранеными через два дома.

Наташа находилась в восторженном, счастливом оживлении, которого она давно не испытывала. Она бегала по двору, по флигелям, по соседним домам, придумывала, что и что еще сложить и кого и кого еще забрать с собой. Соня с той же практичностью, с которой она прежде убирала свои домашние вещи, теперь распоряжалась складыванием их и удобствами размещения раненых. Наташа бегала по дому без толку, отдавая невозможные и неисполнимые приказания. Соня, напротив, всё обдумывала и¹ *Зачеркнуто*: не дождалась его и *надписаны след. три слова*

² *След. фраза — автограф Толстого.*

³ *Зач.*: весело. — Швыряй всё к чорту с подвод и *надписаны след. шесть слов.*

⁴ *Зач.*: Соня была счастлива. Ей ни раненые, ни Москва, ни отечество не нужны были ни на грот. Ей нужно было счастье семьи, дома, в котором она жила. Ей хотелось теперь смеяться и прыгать. Она побежала в свою комнату, разбежалась, завертелась быстрее и быстрее, села, раздувши баллоном свое платье, и тихо засмеялась. Потом, уже удовлетворив этой потребности, она побежала к Наташе и стала помогать ей, соображая и делая всё гораздо лучше самой Наташи.

⁵ *След. пять слов вписаны рукой Толстого.*

⁶ *Зач.*: На другой день прибыли еще раненые и опять они остановились на улице. В числе этого последнего транспорта было много офицеров и в числе офицеров был князь Андрей.

⁷ *Зач.*: и в нее-то решили поместить князя Андрея и Тимохина. *Вместо зач. вписан рукой Толстого над строкой и на полях дальнейший текст до конца следующего абзаца.*

соображала. Соня первая, обходя все флигеля, узнала о присутствии князя Андрея в доме. Она, не зная, кто он, подошла к его постели.

Князь Андрей лежал без памяти.¹ Соня заглянула ему² в лицо³ и помертвела так же, как и лицо раненого, и побежала к графине.⁴

— Мaman,⁵ — сказала [она], — князь Андрей здесь раненый, это нельзя, Наташа не перенесет этого.⁶ Что нам делать?

Графиня ничего не отвечала: она подняла глаза к образам и молилась.

— Пути господни неисповедимы, — говорила она себе, чувствуя, что во всем, что делалось теперь, начинала страшно выступать эта всемогущая рука, скрывавшаяся прежде от взгляда людей. — Видно, так надо, мой друг...⁷

— О чем вы? — спросила с счастливым, оживленным лицом Наташа, входя в комнату.

— Ни о чем, — сказала графиня, — ехать, ехать надо.

Соня подошла к Наташе и нежно и грустно поцеловала ее. Наташа вопросительно взглянула на нее, но, не получив ответа, побежала делать последний обзор раненых.

В комнате M-me Schoss, она⁸ знала, что лежал тяжело раненый офицер. Она не знала его фамилию. Она вбежала туда, чтобы узнать, едет ли он. Первое лицо, которое она увидела, был камердинер князя Андрея, который приносил ей записки от¹

Зачеркнуто: Когда их стали переносить

² Слово: ему вписано рукой Толстого.

³ Зач.: тому, который казался мертвым. Это был князь Андрей. Соня

⁴ На полях: Соня целует особенно нежно Наташу.

⁵ Зач.: говорила она

⁶ Зач.: Ведь надо же этакую судьбу

⁷ Зач.: — Вели отнести его в биллиардную, во флигель, и не говори Наташе.

Целый день еще этот не выехали. Наташа и Соня, как барышни, не ходили во флигель, где были раненые офицеры, потому что это было неприлично, и Наташа не узнала, кто лежит, умирая, около нее.

30-го Пьер <проспавший накануне 26-го> проснулся и увидел, что вокруг него всё укладывается и в его доме тоже. Он сел и стал считать l'Empereur Napoléon и l'russe Besuhoff [император Наполеон и русский Безухов]. Да, это было тоже 666. Долго он сидел, передумывая и передумывая, и, когда он встал, он твердо решил остаться в Москве и убить l'Empereur Napoléon, виновника всех злодеяний. Иногда, изредка на него находили минуты сомнения и, боясь этого, он выехал <к графу Растопчину узнать об общем ходе дел. Он нашел графа счастливым: все> из дома.

Проезжая по Поварской, он увидел во дворе экипажи и заехал к ним. «Теперь я могу к ним ехать, теперь нет причины мне избегать ее, теперь — всё другое». *Далее до конца — автограф на полях.*

⁸ Зач.: увидела Петра, этого камердинера

жениха.¹ Какое-то давнишнее, счастливое и вместе грустное воспоминание мелькнуло в ее голове. Но она не узнала Петра.

— А вы едете? — спросила она.

— Как же-с, надо будет.

Петр вздохнул.

Наташа побежала дальше.

Через час весь поезд Ростовых и раненые тронулся из Москвы по дороге в Троицу.

* № 238 (Т. III, ч. 3, гл. XII, XVIII).

²«Да, вот оно то, что нужно мне сделать, — думал Пьер. — Имение и так возьмется от меня, но я должен пострадать, чтобы понять жизнь. Я останусь в Москве и не в своем виде, графа Безухова, а в виде дворника или³ дворового человека».

Он позвал дворецкого, объявил ему, что ничего ни укладывать, ни прятать, ни приготавливать не нужно,⁴ и, надев картуз и старую шинель, пошел из дома.

¹ *Зачеркнуто*: — Князь? — спросила она.

Петр вздохнул и указал на дверь. Наташа остановилась, вскрикнула и побежала вон из комнаты. Никому не отвечая, она побежала в дом, но, встретив людей, вернулась и побежала на двор. Прежде всех она села в карету и, закрыв бледное лицо платком, сидела, не шевелясь, в углу до самого отъезда. Перед вечером

² *Зачеркнут текст копии*: «L'Empereur Napoléon et l'russe Besuhoff было ровно 666. Все страдают и страдали, кроме меня... Теперь уезжать уже поздно. Дворецкий и люди мои остаются, стало быть и я могу остаться. Один Бонапарт причиной всего несчастья. Я должен пожертвовать чем-то, хоть жизнью, для того, для чего жертвовали другие... 666... Я остаюсь в Москве и убью Бонапарта», решил Пьер. *Вместо зач. вписан текст над строкой до конца абзаца.*

³ *Зач.*: мужика

⁴ *Далее — автограф до конца абзаца над зач. текстом копии*: что он остается в Москве... и, велев себе заложить дрожки, парой поехал за Москву <к тому месту, где должно было быть сражение> узнавать, в каком положении находилось дело.

Не найдя никого, кроме толпы, у дома графа Растопчина, он поехал домой. Проезжая по Поварской, он увидел в доме Ростовых выдвинутые экипажи. Он остановился и спросил дворника, тут ли господа. Ему ответили, <что сейчас уезжают.>

Далее текст копии:

«Теперь ничего нет прежнего, теперь, когда я уверен, что никогда не увижу ее <я должен заехать к ним>, *Далее опять автограф*: или никогда не увижу ее по крайней мере в прежних условиях. Или я произведу великое дело, или я погибну. Я должен увидеть ее <и сказать ей>», и он вошел к Ростовым. Ему нужно было закрепить чем-нибудь для себя самого [?] свое решение, нужно *кусочек рукописи оборван* излить на чем-нибудь ту торжественность, которая была у него на душе, нужно было уверить себя, что для нее <Ростовых> необходимо было <чтобы он заехал, и объявить им о том, что предстоит ему> увидаться с ними. И как это всегда бывает, тотчас ему представилась убедительная причина, почему для Ростовых это нужно было. Надо было предупредить их об опасности и торопить их отъезд. Надо было предложить им свои услуги в наблюдении за оставленным домом; надо было переговорить о Пете; надо

Только что Пьер вышел из своих ворот, как он увидел по всей улице в четыре ряда кареты, брички, телеги московских жителей, тронувшихся в этот день во все заставы. По Воздвиженке Пьер¹ узнал кареты и коляски² Ростовых.

— Петр Кирилыч! Граф!³ Тезка! — кричали ему, странно сказать, веселые голоса. Одна графиня казалась грустна.

Пьер подбежал к окну кареты.

— Мы слышали, вы были в сраженьи.

— Вы куда?

— Мы в Ярославль. А вы едете?

— Это что ж с вами, раненые?

— Да. Всё вот она набрала, — сказал Илья Андреич, указывая на Наташу. Пьер тоже посмотрел на нее, и веселое лицо ее неприятно поразило Пьера.⁴

— А вы что, граф? — спрашивали Пьера.

— Я? Я здесь остаюсь.

— Что вы?

— Так надо, графиня. Ну, да это мы увидим. Каково время... Боже мой, боже мой. Ну, прощайте.⁵

— Прощайте, милый. — Граф прощался. — Прощайте.⁶

было, хотя родителям, сказать о ране князя Андрея, ежели они еще не знали этого, и надо было — нужнее всего — что-то перед предстоящим концом сказать Наташе. Надо было показать Наташе, что он не такой слабый и ничтожный человек, как она это думает, может быть. «Нет, — подумал Пьер, — сказать ей, — думал про себя, — открыть ей свой план, который еще бог знает в какой степени я буду в состоянии исполнить, нехорошо. — Нет, я увижу ее и ничего не скажу ей. И именно для этого только я должен увидеть ее».

Он вошел в комнату, и первая встретившаяся ему была Наташа, которую вызвали в гостиную. Наташа поднялась со стула и, думая, что она одна, под влиянием тех мыслей, которые обхватывали ее, и сознания необходимости подавить их, подняла кверху руки и зажмурилась, сморщилась, с выражением страдания взялась за голову, проговорив: «Ах, боже мой! Боже мой! Когда это кончится?»

Когда она открыла глаза, перед ней стоял Пьер. Он подбежал к ней и взял ее за руку. *Вместо зач. автографа на полях Толстой написал дальнейший текст до конца варианта.*

¹ *Зачеркнуто:* встретил большой поезд раненых и позади их

² *Зач.:* и брички. Это были

³ *Зач.:* Петруша

⁴ *Зач.:* Неужели она знает, что князь Андрей ранен, и может быть так весела.

⁵ *Зач.:* В это время в поезде сделалась суeta: наехали еще подводы с казенным имуществом, квартальный кричал, чтобы [?] проезжали, одну бричку зацепили, из кабаков выскочил с криком пьяный

⁶ *Зач.:* Пьер обошел и с другой стороны, чтобы поцеловать руку Наташи.

— Прощайте, — она нагнулась над ним. Пьер взглянул на нее, на ее толстую косу [?], худую шею с напряженной жилой, и вдруг почувствовал точно так же, как он это когда-то чувствовал с Элен, что она будет его, что что бы ни было, она моя. И вместе с тем думал с восторгом, с которым он всегда смотрел на нее, он почувствовал к ней другое чувство — мужа к жене. Он прижал ее руку к губам, потом, не отпуская ее, поглядел

XVIII

В последние дни августа с Бородинского сражения и до вступления неприятеля в Москву события действительности и сновидения смешались в душе Пьера. Сновидения казались ему так же значительны, как действительность, и действительные события так же случайны и странны, как сновидения.

Проснувшись на другой день после своего возвращения в Москву¹ и свидания с графом Ростопчиным, Пьер долго не мог понять того, где он находился и чего от него хотели. Когда ему между именами прочих лиц, ожидавших его в приемной, доложили, что его дожидается еще француз, привезший письмо от графини Элены Васильевны, на него нашло вдруг то чувство спутанности и безнадежности, которому он способен был предаваться. Ему вдруг представилось, что всё теперь кончено, всё смешалось, всё разрушилось, что нет ни правого, ни виноватого, что впереди ничего не будет и что выхода из этого положения нет никакого.

Оттого ли, что действительные условия, в которых находился Пьер, были слишком противоположны с ходом его мыслей, или оттого, что воспоминание о жене и сношения с ней всегда таким образом действовали на него, но Пьер сильнее, чем когда-нибудь, в это утро 29-го августа пришел в это состояние спутанности и безнадежности.

[Далее от слов: Он, неестественно улыбаясь, кончая: и, прибавив шагу, пошел по улице близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. XVIII.]

«Ну, что же, ушел. И кончено, и кончено», сказал он себе, вдруг поворачивая в первый переулок. Пройдя несколько сот шагов по переулку, он, тяжело дыша, остановился и оглянулся вокруг себя.

— Не довезть ли, барин? — сказал ему ехавший навстречу извозчик.

— Да, да! — сказал Пьер, подходя к дрожкам.

ей в глаза. «Наташа, — сказал он. — Я, вы знаете, что я люблю вас <как дочь, как...> Я полюбил вас... Наташа, милая моя», — и он заплакал, с слезами на глазах отошел от дверец, и <пошел> карета тронулась.

На полях:

Давка

Крики

Теснота

Гр. болтал

¹ *Далее в копии зачеркнуты рукой Толстого отдельные части текста варианта № 209 и вместо зач. надписаны на полях и над строками новые тексты, которые в сносках не оговариваются.*

В данных листах наборной рукописи вариант переселения Пьера в дом Аксиньи Ларивоновны во всех местах изменен на переселение его в дом Баздеева, как и осталось в окончательном тексте.

— Куда прикажете?

— Куда? — сказал Пьер удивленно и только теперь вспомнил, что куда-нибудь надо было ехать, куда-нибудь туда, где никто из знакомых не мог бы найти его.

— На Патриаршие пруды, — сказал Пьер, вспомнив о вдове Баздеева, которая жила там на уединенной квартире и которая недавно еще, извещая Пьера о своем намерении уехать из Москвы, просила его принять от нее завещанные покойным графу Безухову бумаги и книги.

«Они никого не знают, и они спрячут меня», подумал Пьер.

Оглядев хорошее платье и золотую цепочку толстого барина, извозчик, не торгуясь, посадил Пьера и поехал.

Пьеру вдруг стало беспричинно радостно и ясно на душе, как только он почувствовал себя неизвестным и свободным.

Беспрестанно оглядываясь назад и оправляясь своим тучным телом, чтобы не соскользнуть с дребезжавших, старых дрожек, Пьер улыбался сам с собою. Он испытывал чувство, подобное тому, которое испытывает мальчик, убежавший из школы.

Он ушел из дома без всякого определенного намерения, но по мере того, как он подвигался, цель его поступка яснее и яснее определялась в его голове. «И ушел, и кончено. Только бы они не догнали меня», говорил он себе, улыбаясь. «Помещусь у Баздеевых, попрошу их никому не говорить. Они добрые. И останусь в Москве и никуда не уеду и никому никакого ответа не дам», говорил он себе, «и сделаю... и сделаю что-нибудь... удивительное, что-нибудь необыкновенное. 666... L'Empereur Napoléon... l'russe Besuhof... Французы войдут в Москву, Наполеон будет тут. Я буду в толпе народа... Он поровняется со мною. Я выдвинусь, у меня будет пистолет... Смерть врагу рода человеческого», проговорил Пьер по-французски, вытягивая руку. «Ничего», отвечал он, улыбаясь обратившемуся к нему извозчику. «Я это и сделаю. А там что они хотят, то пускай и делают. Пускай ищут меня. И зачем», продолжал думать Пьер, «этот студент в Вене в 1809 году хотел убить его кинжалом? Это была ошибка. Да, большая ошибка. Непременно пистолетом, который можно спрятать под поллой кафтана».

— Послушай, извозчик, — обратился он к кривому старичку, который, погоняя концами вожжей, трясся перед ним. — Где продают крестьянское платье, самое простое, вот такое? — Он тронул за армяк извозчика.

Извозчик объяснил Пьеру, что всякого сорта платье можно купить у Сухаревой башни и, воспользовавшись вступлением в разговор седока, разговорился о том, что нынче все господа и купцы из города¹ поехали и что поэтому цена извозчикам стала ¹
Зачеркнуто: повыехали и что

дорогая и что он, хотя без ряды поехал с барином, надеется, что Пьер не даст ему меньше целкового рубля.

Этот намек извозчика напомнил Пьеру о том, что с ним не было денег; но он не надолго остановился на этой мысли. Он всю свою жизнь не испытывал недостатка в маленьких деньгах и поэтому не мог себе представить затруднения, происходящего от недостатка денег.

«Ну, там как-нибудь», подумал Пьер, и он опять углубился в радостные мысли о том, как он тайно, инкогнито останется в Москве и для блага всего человечества совершит замышленное им дело.

Приехав на Патриаршие пруды, Пьер, ездивший к Баздееву всегда на своих лошадях, долго не мог отыскать дома¹ и не нашел бы его, ежели бы Герасим, тот самый желтый, безбородый старичок, которого Пьер видел пять лет тому назад в Торжке с Иосифом Алексеевичем, не увидел Пьера из окна и не окликнул его.

— А я к вам, — радостно сказал Пьер. — Софья Даниловна, Федор Осипыч дома? — спросил он.

Старичок выбежал на улицу.

— Никого нет, ваше сиятельство, по обстоятельствам нынешним все уехали-с в Торжковскую деревню. Вчера выехали.

Пьер слез было с дрожek, но, услышав это известие, в недоумении остановился.

— Ах, какая досада, — сказал он, — как же мне быть.

— Братец покойника — царство небесное — здесь. Макар Алексеич, как изволите знать, они в слабости, — сказал старый слуга.

Макар Алексеич был, как знал Пьер, полусумашедший, пивший запоем, брат Иосифа Алексеевича.

— Ах, как досадно, — повторял Пьер.

— Что ж, останетесь тут, барин? — спросил извозчик. — Разочтете?

— Ах, как досадно. Герасим, тебя Герасим ведь зовут. Можно мне? Нет, ничего. Ах, как досадно.

Пьер, растерянно улыбаясь, оглядывался вокруг себя.²

¹ *Зачеркнуто*: названия которого он не знал, что извозчик начал сердиться. <Когда же дом Баздеевых> Наконец, когда дом был найден, Пьер долго не мог никого <найти> достучаться. Пьер, <к огорчению своему> узнав, что Баздеевы <уже> накануне выехали в Троицу, вернулся опять к извозчику и потребовал, чтобы он вез его еще дальше; извозчик требовал расчета и не хотел ехать.

² *Зач.*: В число нескольких собравшихся смотреть на ссору седока с извозчиком, стояла худая, 30-тилетняя женщина в шерстяном зеленом платье и шелковом лиловом платке на голове. Женщина эта с пристальным удивлением смотрела на Пьера.

— А я сейчас признала, — заговорила она, встретившись глазами с Пьером и подходя к нему.

— Вам что же угодно было? Я нынче обоз отсылаю. Я прикажу, — сказал желтый старичок.

— Что ж, разочтете, барин?

Пьер¹ вздохнул.

— А Макар Алексеич дома? — сказал он.

— Дома, да как изволите знать, — они слабые люди.

— Можно я войду.

— Пожалуйте, — неохотно сказал слуга и отворил калитку.

Войдя в калитку маленького домика, Пьер остановился и взял старичка за руку.

— Герасим, поместишь ты меня в вашем доме совсем и чтобы никто не знал. Мне это надо.

— Как мне известна ваша особа и как покойник вас уважали, то я не только что...

— сказал старичок.

— Но чтоб никто не знал у меня в доме. Я тебе заплачу за это, — продолжал Пьер, — но только у меня теперь денег нету. Ты извощику отдай и еще мне нужно одну вещь, — сказал он.

Услыхав эти странные от Пьера слова, лицо старичка вдруг приняло серьезное выражение, но это продолжалось только одно мгновение.

— С моим удовольствием, ваше сиятельство, только бы от Макар Алексеича препятствия не было, потому они хотя и большого ума, но как ослабели, капризы свои имеют.

— Пойдем, пойдем скорее..., — сказал Пьер и вошел в дом.²

Невысокий, плешивый, старый человек с красным носом, в калошах на босу ногу стоял в передней. Увидав Пьера, он³ сердито пробормотал что-то и ушел за перегородку.

— Они самые, — как бы извиняясь, сказал Герасим. — Большого ума были, а теперь, как изволите видеть, ослабели. Где же изволите поместиться? — сказал Герасим. — Кабинет, как были запечатаны, так и остались. Софья Даниловна приказывали, ежели от вас приедут, то отпустить...

Пьер вошел в тот самый мрачный кабинет, в который он еще при жизни Благодетеля входил с таким трепетом. Кабинет этот, теперь запыленный и нетронутый со времени кончины Иосифа Алексеича и с закрытыми ставнями, был еще мрачнее.

Герасим хотел посылать в дом Безухова за вещами и за обедом, но Пьер воспротивился этому. Он сказал, что ему ничего не нужно, кроме того, что ест сам Герасим и Макар Алексеич.⁴

С этого дня Пьер поселился в доме Баздеевых и занялся разборкой книг и бумаг Благодетеля. Целый день он провел ¹ *Зачеркнуто*: только

² *Зач.*: Первое лицо, встретившее их, был

³ *Зач.*: поспешно скрылся

⁴ *Зач.*: и просил только Герасима достать ему пистолет и мужицкий кафтан.

за этим занятием, и только ввечеру он поел принесенный Герасимом обед и заснул на диване в кабинете.

Макар Алексеич не входил к нему.

На другой день Пьер занимался тем же и перед вечером обновил добытый для него армяк и с Герасимом ходил покупать пистолет. И тут он встретил Ростовых.¹

Переселившись в дом Баздеевых, Пьер испытывал чувство обновления, подобное тому, которое испытывает путешественник, приехав в новые, необитаемые страны, вокруг себя видя новые, невиданные нравы и обычаи и чувствуя порванными все старые, прискучившие условия жизни.

Он был здесь один с своими мыслями и свободной волей, которую он в себе не сознавал в своем доме. Целые дни он проводил один, сам в собою, в старом кабинете Благодетеля. Герасим, с привычкой слуги, выдавшего многие необыкновенные вещи во время своей службы, принял переселение к себе Пьера как совершившийся факт, и старался служить ему как можно тише и незаметнее. Макар Алексеич не показывался и всегда поспешно отворачивался, стыдливо и сердито запахиваясь, когда встречал Пьера.

Намеренье Пьера убить Наполеона сначала, как мечта, пришедшая ему в голову, теперь под влиянием уединения и того мистического духа, которым он пропитался в кабинете покойного Благодетеля, перешло в твердое решение. Он достал себе армяк и пистолет и только ждал входа французов, которого ожидали уж каждый день, чтобы привести его в исполнение.

Обдумывать ему, собственно, было нечего; но дело, которое он намеревался совершить, было так страшно, что он не мог оторваться от него мыслью и воображением. Не переставая ни на минуту во сне и наяву, он представлял себе одно и то же.²

Вернувшись домой после своей встречи с Наташей, Пьер раскрыл книгу, лег на диван за перегородкой и с удивлением и ужасом и вместе с тем с восторгом почувствовал, что он неспособен к тому делу, на которое он готовился, и неспособен потому, что³ душа его полна только одним чувством — любовью к Наташе. Это короткое свидание с ней у окна кареты при выезде из-под Сухаревой башни бесчисленное количество раз повторялось в его воображении со всеми подробностями. «Петр Кирилыч, идите же, ведь я узнала...» слышал он сказанные слова, слышал эту¹ *Зачеркнуто*: <Аксюта> Герасим отдал деньги извозчику, обещал достать для Пьера нужные ему две вещи: мужицкое платье и пистолет, и отвел для него комнатку за перегородкой <и поклялся хранить тайну его пребывания у нее в доме. И с ней-то> 31 августа Ростовы встретили Пьера, когда он, в первый раз обновив расставленный и выпаренный для него армяк, ходил покупать пистолет у Сухаревой башни.

² *На полях готическим ирифтом, рукой, вероятно, Ф. Ф. Руса: nicht zu lesen! [не читать!]*

³ *Зач.*: в чем он в первый раз сознался себе, потому что

особенную, нежную интонацию на слогe *лыч*, который она особенно выговаривала, видел это лицо, улыбку, дорожный белый чепчик...

Там, в этой карете с подушками, басоном на заднем месте, там было всё счастье, вся поэзия, весь смысл жизни. «И всё это уехало, а я остался... Отчего я не поехал с ними? Я бы мог это сделать. Я убью, положим, меня расстреляют, но она не увидит, не узнает и всё это — успех или неудача без нее не будет иметь смысла. Без нее вся жизнь не имеет другого смысла, как и жизнь Аксиньи Ларивоновны, которая трудится, чтоб есть, а ест, чтобы трудиться. Только там, в той карете, которая едет к Ярославлю, был смысл жизни, а здесь нет этого смысла. Зачем я не признался, что я — дурак, зачем я не поехал с ними?»¹ и Пьер почувствовал² слезы, выступившие ему на [глаза].

* № 240 (Т. III, ч. 3, гл. XXIII—XXV).

И, окружив целовальника, который пошел решительным шагом по Неглинному бульвару, толпа направилась за ним. Кузнецы, фабричные, дворники, женщины — приставали к толпе по мере того, как она подвигалась. Целовальник без шапки, сцепившись рука с рукой с малым в чуйке,³ шел впереди.⁴

— Он думает и начальства нет, — говорили сзади в нараставшей толпе.⁵

— Разве без начальства можно?⁶ Оно — покажи порядок, закон покажи. А то грабить-то мало ли их. Вон, говорят, острожных повыпустили.

— Эх, народ!⁷ Что про хранцуза-то говорить. Он придет, либо нет, а свое дело знай. На то начальство. Начальник — всему делу голова! Хранцуз⁸ ни к чему, говоришь, а значит граф командиром. Он в ахишки писал; я, говорит, никого не боюсь. Да куда ж идете-то? — говорили в толпе, идя всё вверх по Кузнецкому мосту. Выйдя на Лубянку, толпа остановилась¹ *Зачеркнуто*: Князя Андрея нет больше. Жены моей нет больше... начал было думать

² *Зач.*: детские

³ *Зач.*: и с засученным рукавом, которому он не давал спускаться

⁴ *Зач.*: Изредка они злобно приговаривали друг другу: «Ну и пойдём, пойдём, брат».

⁵ *Зач.*: — Да и то нет, — говорил другой. — Вишь, всё позаперли и частного нет. Господа да купцы уехали, а народ пропадай. На то начальство. Всё одно — кто-нибудь да есть.

⁶ *Зач.*: Разбойничать не велят. А нет, так они скажи. — Куда ж уехали-то? *Над зач.* *вписан рукой Толстого текст до конца абзаца.*

⁷ *Зач.*: Всё одно — пропадать. *Вместо зач. надписано, кончая*: На то начальство.

⁸ *Зач.*: не хранцуз. Куда ж это народ идет? Бог наказал

— А известно, до графа идем, — говорили в толпе. *Над зач. вписан дальнейший текст, кончая*: — говорили в толпе,

и увеличилась еще приставшими от Китай-стены портными и торговцами старым платьем.¹ Целовальник давно уж вернулся домой и малый вместе с другими говорил о французе и начальстве.

Полицеймейстер, ездивший на Москву-реку с приказанием зажечь барки, сопровождаемый двумя конными драгунами, исполнив свое дело, возвращался к графу Растопчину.² Толпа окружила дрожки полицеймейстера, сотни голосов вдруг заговорили, обращаясь к³ начальнику. Толпа не знала, зачем она шла, но, увидав начальство, мгновенно выразилось то, что занимало всех этих людей.⁴

— Мы разве, ваше сиятельство, отец, мы разве бунтуем, — были первые слова, которые услышал полицеймейстер. — Ты нам порядки покажи. Что ж мы, значит, выпили, так выпили на свои. Что, господа да купцы повыехали, а нам пропадать, что ж, мы разве собаки? — слышались голоса.

Подобные⁵ речи слышал и подобные толпы видел полицеймейстер в разных сторонах Москвы во время своих разъездов в это утро по городу, и всех он успокоивал тем, что никто не уезжает и что граф остается в городе, но теперь окружившая его толпа смутила полицеймейстера. Он был смущен и потому, что в толпе этой он заметил людей с ружьями (некоторые люди разобрали в этот день негодные ружья, раздававшиеся в Кремле), и потому, что толпа эта была самая большая и пьяная из всех, которые он видел, и главное потому, что им, находившимся в двух шагах от дома графа Растопчина, нельзя было сказать, что граф не уезжал, тогда как он знал, что граф сейчас должен был уехать.

— Граф не уехал, он здесь и об вас распоряжение будет, — сказал он. Полицеймейстер осторожно шагом поехал в дом графа.⁶

В толпе замолчали. Но вдруг высокий малый, обращавший на себя внимание своим высоким ростом и значительными жестами засученной руки, пошатнулся и в ту же минуту крикнул: — Не верьте, братцы. Обман! Вали к самому!⁷

Полицеймейстер испуганно оглянулся и шопотом велел кучеру ¹ *След. фраза — автограф.*

² *Зачеркнуто:* Целовальник с фабричным направились ему наперерез, вся толпа сделала то же. Целовальник и фабричные не успели принести своей жалобы, потому что

³ *Зач.:* полицеймейстеру

⁴ *Зач.:* Кто почтительно и покорно, кто сердито и грубо, но все выражали одно: вопросы о том, что им всем делать, и упреки за [то], что все господа и купцы повыехали, а они остались. *Вместо зач. на полях вписан след. абзац.*

⁵ *Зач.:* вопросы и упреки полицеймейстер слышал от всех людей, которых он видел в этот день.

⁶ *Зач.:* Только вслед за ним *След. два абзаца — автограф на полях.*

⁷ *Зач.:* — Не пушай его! — откликнулись голоса.

ехать скорее. Это движение его было замечено толпой, и народ бросился за ним.

— Не пушай, ребята. Пушай отчет подаст. Держи. С козел долой, — кричали в толпе тем громче, чем быстрее уезжали дрожки. И толпа за полицеймейстером повалила на Лубянку и в двор дома главнокомандующего.

Народ лежал друг на друге и шевелился с одной стороны в другую одной сплошной массой.

— Что ж, зато и виноваты остались, у кого сил нет; господа, купцы повыехали, а мы что же, собаки что ль,¹ — чаще и чаще повторялось в толпе.

— Он отдай народу расчет, — говорил фабричный про уехавшего хозяина, — а то нам за две недели не плачено.

— Что ж грабить-то? грабить не велят, — говорил третий. — Француз и тот не грабит, а порядок держи.

— Да будет, — отвечал другой. — Слухай.²

Фабричный малый³ в синей чуйке был внесен толпою в передние ряды,⁴ и, когда он говорил, его слушали.

— Ты порядки покажи. Хранцуз нам не страшен. Ты порядки покажи, куды кого следует! — кричал он, всё старательно засучивая рукав правой руки.⁵

(Новая глава)

В ночь этого дня граф Раstopчин получил решительное уведомление от Кутузова о том, что Москва будет сдана.⁶ Легко было бы понять Раstopчину,⁷ что Кутузов не сказал ему этого прежде потому, что сам Кутузов не знал и не мог знать этого, но Раstopчин не хотел понять и не мог [понять] этого.⁸ На военном совете он чувствовал себя оскорбленным невниманием к себе Кутузова, неприглашением на военный совет и презрительностью, с которой Кутузов выслушивал его мнения.

И чувство горя, унижения, разочарования⁹ — всё слилось для Раstopчина в одном чувстве¹⁰ злобы и ненависти против ¹ *Зачеркнуто*: говорил один

² *Зач.*: Высокий

³ *Зач.*: отрезвевший на воздухе

⁴ *Зач.*: Враг его, целовальник, давно уже вернулся домой

⁵ *Зач.*: На балкон дома вышел поспешным шагом быстрый, поворотливый, с выдвинутой нижней челюстью, блестящими бегающими по толпе глазами генерал в ленте с золотыми эполетами и лампасами, на которых ярко блестело прямо ударявшее на него солнце.

Это был граф Раstopчин.

⁶ *Зач.*: несмотря на то, что накануне в Филях Кутузов не сказал этого.

⁷ *Зач.*: почему

⁸ *Зач.*: Он видел в этом обман, ложь со стороны Кутузова. *Над зач. вписан текст до конца абзаца.*

⁹ *Зач.*: своей ничтожности

¹⁰ *Зач.*: раздражения, которое должно было находить себе предметом личности. *Вместо зач. вписан дальнейший текст до конца абзаца.*

этого беспомощного старика,¹ которому вверена была участь Москвы и который позволял себе презирать мнения умнейшего графа Растопчина.

«Он нарочно, с целью погубить меня — эта старая и хитрая лисица — обманул меня», думал Растопчин о Кутузове, вспоминая до мельчайших подробностей презрительный тон главнокомандующего армиями.

[Далее от слов: Всю ночь граф Растопчин кончая: — Ваше сиятельство, есть политические преступники: Мешков, Верещагин *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 3, гл. XXIV.]

— Привести сюда этого мерзавца, предателя, а тех выпустить.

— Слушаю-с.²

Это было сказано еще³ ночью, и теперь, когда толпа, зерно которой зародилось в кабаке на Трубной площади, ввалилась в двор графа, к нему пришли доложить, что Верещагин приведен. Еще и еще приходили с докладами и за приказаниями.

— Ваше сиятельство, приехал надзиратель из сумашедшего дома. Как прикажете?

Граф прошел мимо, не отвечая. Потом он вернулся.

— Как прикажу? Пускай едут все, вот и всё. А их... сумашедших, выпустить в город. Когда у нас сумашедшие армиями командуют, так этим и бог велел.⁴

— Ваше сиятельство, — докладывал тот полицеймейстер, которого толпа остановила на площади, — народ так и валит в ваш двор, спрашивают, что им делать.

Адъютант, указывая в окно на двор, доложил графу, что толпа волнуется.⁵

— А, вот как со *мною* поступают, — проговорил граф (он думал, что всё дело касалось его одного и что это-то и важно было). — Я, я держал полтора месяца Москву вот как, — он сжал кулак, — она мысли мои понимала, я всё бы с ней сделал.

Ему казалось, что Москва была какая-то машина или даже лошадь, от которой он держал в руках поводья. Он думал, что, когда Брокер, Ивашкин или Волков проскачут, сопутствуемые¹ *Зачеркнуто*: непонимающего

² *Зач.*: Говор замолк, и почтительно снялись картузы и шапки, и поднялись кверху все глаза, когда на балкон вышел граф.

— Здорово, ребята! я вас ждал и благодарю, что вы пришли сюда. Я сейчас выйду к вам и сдержу слово, но мне еще дело есть, о котором я хочу поговорить с вами.

— Отец!.. Вот так барин... Это — граф, уж точно... — слышались голоса.

— Порядки знает! — кричал высокий мальчик.

Растопчин вернулся с балкона в гостиную. *Вместо зач. на полях вписан текст след. абзаца.*

³ *Зач.*: нынче рано утром

⁴ *След. два абзаца — автограф на полях.*

⁵ *Зач.*: Из острога смотритель спрашивал, как прикажете.

драгунами, донести, что приказано и исполнено, он думал, что это действительно так. Он не знал того, что многое и очень многое нельзя ни приказать, ни исполнить, что «донесение исполнено» означает только то, что я — Ивашкин или Волков — сделали так, что меня нельзя упрекнуть в неисполнении; он не знал, что Москва — не город Москва, а 300 тысяч человек, из которых каждому дана от бога та же власть жить, страдать, наслаждаться и думать, как и Растопчину.

— Я ее держал вот как, я всё сделал и теперь меня ставят в такое положение с этой толпой... Хорошо же!

Он сел на диван, сложил руки, задумался¹ и вдруг быстро вскочил² и направился к двери балкона.

— Здесь Верещагин? Этот мерзавец, изменник, — прибавил он.³ Ему отвечали, что он был здесь.

«Им нужно жертву. Им нужно крови. Они, как звери, которым нужно мяса, — думал он, глядя на толпу. — Вот она, la plèbe, la lie du peuple, la populace»,⁴ думал⁵ он. — Les grands moyens dans les grandes circonstances, dans les grandes calamités publiques.⁶ On m'a fait des avances, mais cela ne me donne pas le droit de négliger le bien public. Il faut apaiser la populace. Il leur faut une victime. Une victime pour le bien public.⁷ (Да, le bien public,⁸ против силы этого аргумента — ничто не может устоять. Что может сказать и божий, и людской, и Моисеев, и христианский закон, когда известно то, что составляет le bien public. А для человека, убивающего другого, всегда это известно. Граф Растопчин в своей служебной¹ *Зачеркнуто*: облокотившись на тысячный мрамор, обвитый плющом, стоявший в зале.

— Да,— сказал он вдруг. — Ваше сиятельство! Из острога смотритель. *Вместо зач. вписан конец абзаца.*

² *Зач.*: как бы осененный

³ *Зач.*: для успокоения своей совести. В короткое время своей задумчивости он решил безотменно то, что долг его повелевал ему сделать. Он решил сейчас смертью, к которой он и был приговорен, казнить изменника Верещагина и отдать его труп на поругание толпы. И казнить торжественно, отдав его ярости этой народной толпы. *Вместо зач. вписан след. текст, кончая словами*: Вот она,

⁴ [плебс, подонки населения, чернь,] *Зач.*: про которую от французов слышал Растопчин и которую он

⁵ *Зач.*: что видит перед собою.

— Отчего не пожертвовать одной жизнью для спасения себя, главнокомандующего, министра. Il faut être romain. [Надо быть римлянином.]

⁶ *Зач.*: [Il faut être à la hauteur de la position. Et qu'est ce qu'une existence?] [Надо быть на высоте положения. А что значит существование?] *Вместо зач. вписано рукой Толстого окончание французского текста.*

⁷ [При великих обстоятельствах, при великих общественных бедствиях нужны великие средства. Со мною были любезны, но это не дает мне права пренебрегать общественным благом. Чернь надо успокаивать. Им нужна жертва. Жертва для общественного блага.]

⁸ общественное благо,

карьере не такие жертвы, как этот купчик в лисьем тулупе, видел приносимые на алтарь du bien publique.)¹

Граф Растопчин открыл дверь и вышел быстрыми, решительными шагами на балкон.

Говор замолк. Шапки и картузы снялись, и все глаза поднялись к нему.

— Здравствуйте, ребята, — сказал он громко и твердо, высоко держа свою энергическую голову. — Спасибо, что пришли. Я сейчас выйду к вам, и мы вместе управимся с злодеем, от которого погибла Москва, а вы будьте смирны и покойны.

И он вернулся в покой.

— Видал! — заговорили в толпе, надевая шапки. — Он все² порядки укажет. А ты говоришь: не отдаст расчет хозяин-то. Он, значит, злодеев управит увсех. Вот так граф. Да он може и сам не знает, — говорили в толпе, совершенно не поняв того, что сказал им начальник.

(Новая глава)

Граф Растопчин велел вывести Верещагина на крыльцо и вслед за ним вышел сам. Толпа жадно надвинулась.³

На широком крыльце, между двумя драгунами в синих мундирах и красных воротниках, стоял молодой,⁴ чернобровый, красивый молодой человек⁵ с тонкими губами, горбатым⁶ носом и усталыми глазами.⁷ Голова его⁸ — одна половина обритая — заросла⁹ коричневой щеткой, другая была покрыта вьющимися русыми кудрями. На нем был крытый синим сукном лисий тулупчик и высокие, с сморщенными голенищами, тонкие сапоги,¹⁰ и на¹¹ ногах висели цепи.

¹ *Зачеркнуто:* Il faut être romain. *Далее на полях вписано и зач.:* Раздражение злости, всю эту ночь волновавшее Растопчина, нашло исход и удовлетворение *и далее на полях рукой Толстого написан дальнейший текст, кончая:* что сказал им начальник.

² *Зач.:* законы

³ *Зач. текст в копии:* Иван Макарыч стоял шагов за 20, не в силах двинуться вперед, но благодаря своему росту видел всё, что перед ним происходит *и вписанное рукой Толстого:* Высокий малый, ухватив пику от ополченца-мужика, взявшего ее из Кремля, стоял во втором ряду. Не отстававший от него и не спускавший с него глаз фабричный в халате стоял подле его.

⁴ *Зач.:* <кр>белокурый *и надписаны след. три слова.*

⁵ *Зач.:* бледный, худой

⁶ *Зач.:* заостренным

⁷ *Зач.:* В прическе, в костюме его *Далее вписано на полях, кончая:* крытый синим сукном

⁸ *Зач.:* до половины

⁹ *Зач.:* черной <русой>

¹⁰ *Зач. текст копии:* В полуулыбке, которая остановилась на его лице, было то знакомое и неприятное всегда Ивану Макаровичу выражение щегольства, хвастовства и тщеславия <и вместе с тем твердости>, за которое Иван Макарович всегда упрекал своего друга. *Далее вписан на полях текст, кончая:* старался подавить.

¹¹ *Зач.:* сапогах

Общее впечатление его фигуры с бритой головой и кандалами было страшное, но стоило немного взглянуть на него, чтобы заметить в его позе и на его молодом лице два борющиеся выражения: молодецкого щегольства¹ и удалства и вместе с тем робости, которую он старался подавить.

Он стоял, отставив ногу² (кандалы висели между колен), согнувшись одним плечом, держал одну руку в кармане, а другой с тонкими пальцами приглаживал волосы и,³ полуулыбаясь, поглядывал на толпу.⁴ Ему, видимо, весело и страшно было оттого, что он знал, что пришла решительная минута, и оттого, что он⁵ боялся за свои силы в эту решительную минуту.

Выйдя на верхние ступени крыльца, Растопчин взглянул на⁶ колодника, стоявшего между двумя драгунами. Рука Верещагина опустилась и задрожала.⁷ Растопчин, нахмурившись, повернулся к толпе.

— Прежде всего мне надо управиться с изменником!⁸ — сказал граф Растопчин с таким выражением злобы, как будто Верещагин сейчас только чем-нибудь жестоко оскорбил его. — Вы видите этого человека. От него погибает Москва,⁹ — с торжественным жестом сказал Растопчин и, как это часто бывает в минуту вспыльчивости, интонация этих слов была такая, что после них надо было говорить еще; но вдруг Растопчин замолчал. Испуганные лица смотрели на Растопчина¹⁰ и на Верещагина, ожидая того, что будет дальше.¹¹

¹ *Зачеркнуто*: но в молодом лице было то добродушное выражение твердости, силы и того русского удалства, для которого ничто не кажется ни невозможным, ни страшным.

² *Зач. вписанное*: с кандалами и *надписано* заключенное в скобки.

³ *Зач.*: беспрестанно поднимал брови. Он

⁴ *Зач.*: он старался казаться небрежным. *Над зач. надписано до конца абзаца и первые пять слов след. абзаца.*

⁵ *Зач.*: знал в себе силы перенести эту минуту, какая бы ни была она.

⁶ *Зач.*: него. *Над зач. вписано окончание фразы.*

⁷ *Зач.*: и в глазах его сверкнула молния гнева.

⁸ *Зач. текст копии*: закричал граф Растопчин и *вписанные рукой Толстого пять слов*: сказал он твердо и громко. *Далее вписано окончание фразы.*

⁹ *Зач.*: Удивленные, встревоженные и *вписан дальнейший текст, кончая*: замолчал. Испуганные

¹⁰ *Далее до конца фразы — автограф.*

¹¹ *Зач.*: В толпе выдвинутых вперед лиц больше всех бросилось в глаза Растопчину лицо с большими рыжими бровями и рыжей закрутившейся бородой кучера или извозчика и кузнеца с черными закоптелыми глазами и в фартуке. Для Растопчина эти два лица были олицетворение de la plèbe, de la lie du peuple, и он к ним <более> обращался преимущественно. Кучер утвердительно мигал бровями на каждое слово Растопчина. Кузнец, раскрыв рот и подняв брови, смотрел на генерала.

— Он — изменник своему царю и отечеству,¹ — продолжал РаSTOPчин,² — он передался Бонапарту, он один из всех русских осрамил имя русского, и от него погибает Москва.

В то время, как РаSTOPчин говорил это, Верещагин³ робко, как бы на зло себе, слабо улыбнулся⁴ и⁵ вздохнул.

РаSTOPчин быстро взглянул на него, и этот взгляд как бы порохом взорвал⁶ графа. Он отодвинулся и закричал, обращаясь к драгунам:

— Бей! Руби его! Бей... я приказываю...

— Ваше... ваше... сиятельство... — проговорил трясущимися губами драгун, расставляя руки.

— Что?!.. Вы головой мне ответите! — крикнул РаSTOPчин. — Я приказываю.

— Сабли вон! — крикнул офицер драгунов, сам вынимая саблю, и вдруг Верещагин схватился за лицо, по которому его ударил тупым палашом, и закричал страшным, тонким голосом.

Драгун с злым лицом⁷ ударил его⁸ раз, другие сделали то же, и Верещагин, запутавшись в кандалы, упал.

— Братцы!⁹ закричал он.

¹⁰В то время, как РаSTOPчин с крыльца начал говорить народу, в числе выдвинутых вперед лиц больше всех бросились ему в глаза два лица: покрытое веснушками лицо с рыжими бровями и рыжей, закрутившейся бородой кучера или извозчика и черное, закопченное, худое лицо кузнеца с большими черными глазами.

Эти два лица представлялись графу РаSTOPчину олицетворением de la plèbe, de la lie du peuple,¹¹ и к ним он более обращался.¹² Кучер¹³ утвердительно мигал глазами на каждое слово РаSTOPчина. Кузнец, раскрыв рот и подняв брови, смотрел на генерала.

¹ *Зачеркнуто*: крикнул

² *Зач.*: торжественным жестом указывая на Верещагина, и замолк. *Над зач. вписано окончание абзаца.*

³ *Зач.*: неловко и вписаны след. семь слов.

⁴ *Зач.*: грустно

⁵ *Зач.*: покачал головой. Иван Макарыч узнал этот упрямый жест, знакомый ему в спорах с Верещагиным. *Над зач. вписаны след. семь слов.*

⁶ *Зач.*: РаSTOPчина

⁷ *Зач.*: толкнул его ногой с крыльца, другой замахивался на него палкой. *Вместо зач. надписано, кончая*: кричал он

⁸ *Зач.*: другой, третий

⁹ *Зач.*: пла[ча]

¹⁰ *Зач.*: В то самое мгновение, как Верещагин *Весь след. абзац* — автограф на полях.

¹¹ [плебса, подонков населения,]

¹² *Зач.*: и теперь взглянул на них.

¹³ *Зач.*: быстро

— Своим судом расправляйтесь с ним! — крикнул Растопчин¹ и взглянул на кузнеца и на рыжего кучера, представителей de la plèbe. Рыжий кучер, согнувшись и закрыв лицо руками, задыхаясь, теснился прочь от крыльца.² Кузнец морщился, как бы собираясь плакать.³

Почти все, стоявшие в первом ряду,⁴ отстранились и втеснились назад в толпу. Но в то время, как эти теснились назад, другие напирали вперед, и те, которые не видали того, что было, особенно те, которые были с пиками и ружьями, навалились на злодея, которого была команда драгун.⁵ Тем, которые были сзади, казалось, что этот злодей сейчас только что-то сделал ужасное. В толпе говорили, что он убить хотел Растопчина, что он царя убить хотел, что он — француз, и несколько человек пристало к драгунам.⁶

Граф Растопчин сел между тем на дрожки, стоявшие на заднем дворе, и поехал по Мясницкой к Сокольникам.

Через 10 минут разбитое, измазанное в крови и пыли, уже мертвое, лицо⁷ Верещагина билось по мостовой.⁸

— За что же? Кто он? — спрашивали в толпе.

— Как звать?

— Михаилом.

— Господи, помилуй раба твоего Михаила, — и толпа долго теснилась около трупа, лежащего на улице.⁹

Новая глава

Побывав в своем загородном доме в Сокольниках и отдав там последние распоряжения, граф Растопчин на быстрых лошадях ехал через Сокольничье поле к Яузе. Как и всегда, человек обдумывает причину своего гнева только после того, как он удовлетворит ему; граф Растопчин перебирал в своей душе причины против Верещагина и, как всегда это бывает, чувствуя¹ *Зачеркнуто*: и опять невольно

² *След. фраза — вставка рукой Толстого.*

³ *Зач. вписанное на полях*: — Вот, значит, порядки, — закричал фабричный, засученной рукой <хватаясь за ворот Верещагина> взмахнув пикой и всаживая ее в шею Верещагину.

⁴ *Зач.*: сделали то же.

⁵ *Зач.*: и били его *и вписанное*: и с злобным, пьяным лицом топтал фабричный.

⁶ *Зач. вписанное и фабричному и слова копии*: которые, схватив за ноги его тело, потащили его со двора. Иван Макарыч дотеснился до ядра толпы и увидал. *Вместо зач. надписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая*: Через 10 минут

⁷ *Зач.*: которое

⁸ *Зач.*: — Убийцы царства божия не узрят... кто ударит мечом, от меча и погибнет, — заговорил он быстрым, трясущимся голосом. — Господи, прости их! Блажен Александр, яко ты царствие узришь, яко из смрада жизни через очищение муки, в

⁹ *Зач.*: и окруженного драгунами.

себя виноватым, старался только в воображении своем увеличить вину наказанного человека. «Он был судим и приговорен к смертной казни», думал Растопчин (никогда Верещагин не был приговорен, но было сказано только, и то по настоянию графа Растопчина, что он достоин смертной казни, но присуждается к каторжной работе).

«Он бравировал меня, он смеялся над законом, я не мог оставить его. Он развращенный полуобразованием и трактирами мерзавец. Народ разорвал бы меня. Ему нужно было мяса, как голодной стае волков», думал граф. «И сколько десятков тысяч людей гибнет на войнах. Что же я позволю себе думать о таком ничтожестве. Le bien publique!..» И граф Растопчин, чтобы развлечься от неотвязчивого воспоминания, стал смотреть по сторонам. Как ни свежо было теперь это воспоминание, он чувствовал, что оно глубоко, до крови врезалось в его сердце, что след этого воспоминания никогда не заживет, что чем дальше, тем злее, мучительнее будет оно жить в нем до конца жизни. Он слышал, ему казалось теперь, звук своих слов (как-то нечаянно, невольно сказанных): «*рубь его, вы головой ответите мне*». Он видел испуганное лицо драгуна, вспомнил взгляд молчаливого,¹ робкого упрека, который бросил на него этот мальчик в синем лисьем тулупчике, — красивый, честный, рыцарски державший свое слово мальчик. «Нет, он изменник, он злодей. Он развращенный трактирной беседой». И Растопчин, чтобы развлечься,² старался приглядываться к тому, что было вокруг его.

Поле было пустым, только в конце его, у богадельни и желтого дома³ странные люди⁴ в белых одеждах по три, по два, по одному — странно двигались то назад, то вперед по полю.

Это были только что выпущенные сумашедшие.

Один высокий сумашедший бежал к дрожкам графа Растопчина.⁵

¹ *Зачеркнуто*: гордого

² *Зач.*: оглянулся вокруг себя,

³ *Зач.*: стояла толпа

⁴ *Зач.*: в белых халатах и два такие же человека, один — очень высокий, другой — очень маленький ростом бежали наперерез по дороге. *Вместо зач. написано окончание фразы.*

⁵ *Зач.*: и, расставив руки, остановился. Драгуны хотели ударить его.

<— Не бейте их, — сказал граф, — разве вы не видите, это — безумные.> И граф крикнул на них и велел остановиться.

Маленький сумашедший был худенький, бледный человечек. Он <подбежал к дрожкам> остановился подле дрожек графа Растопчина и, маленькой ручкой лоя что-то невидимое перед лицом, не переставая улыбаясь, приговаривал:

— Морковь, морковь, картуз, картуз...

Высокий <держался прямо и высоко нес голову> большими, быстрыми шагами подошел к графу и стал говорить ему.

Обросшее неровными клочками бороды лицо его было худо, желто. Черные агатовые зрачки его бегали низко и тревожно по шафранно-желтым белкам.

Он, не переставая, говорил и говорил,¹ очевидно, не для того, чтобы его слышали, но только для того, чтобы изложить то, что ему было необходимо. На сумрачном лице его не только не было улыбки, но и не было возможности ее. Лицо его выражало постоянное торжество и строгое осуждение.²

— Они трижды убили меня. Я трижды воскресал из мертвых.³ Они побили меня камнями,⁴ они распяли меня. Они думали, что я не воскресну. Третий раз они растерзали мое тело. Они думали, что я умру и царствие божие разрушится. Я трижды разрушу и трижды воздвигну его. Убийцы царства небесного не узрят.⁵ Убийцы царства небесного...., — кричал он, всё возвышая и возвышая голос.

Граф Раstopчин велел⁶ кучеру ехать скорее. Но долго ещё сумасшедший бежал за ним и грозно кричал всё то же.

Въезжая в улицу, граф Раstopчин оглянулся на⁷ одиноко на огромном поле стоявшего⁸ человека в белом халате. Он, что-то крича, продолжал делать жесты уезжающему Раstopчину.

№ 241 (Т. III, ч. 3, гл. XXVI—XXIX).

⁹Благовестили к вечерне. Пьер в армяке сидел на столбике тротуара Арбата против Николы Явленного и смотрел вверх по пустой улице, ожидая всякую минуту увидеть подходивших французов. Два человека пробежали, сказав, что они уже на Смоленском рынке, и два французских гусара проехали рысью по улице.

¹⁰Пьер вышел¹¹ в это утро из дома¹² с намерением принять участие в последней защите Москвы. Он¹³ верил еще в сражение, ¹*Зачеркнуто*: звучно, хотя и не громко, так, как будто он не заботился о том, чтобы его слышали другие, а говорил *Следующие восемь слов — автограф*.

² *Зач.*: Держа под уздцы лошадь, он, подняв другую руку, говорил, обращаясь к Раstopчину.

³ *Зач.*: Однажды

⁴ *Зач.*: другой раз

⁵ *Зач.*: И я не прошу их. Я казню их. От меча и погибнут. *Вместо зач. вписана рукой Толстого следующая фраза.*

⁶ *Зач.*: осторожно, не делая вреда ему, отвести его от лошадей и приказал ехать дальше. Несколько раз он

⁷ *Зач.*: этих двух

⁸ *Слово*: стоявшего *переправлено из*: стоявших *Далее нач.*: людей, из которых один высокий

⁹ *Первый абзац — автограф.*

¹⁰ *Зач.*: На другой день 2-го сентября

¹¹ *След. три слова вписаны рукой Толстого.*

¹² *Зач.*: с саблей и пистолетами под кафтаном

¹³ *Зач.*: всё

последнее, отчаянное, как защита Сарагоссы. Но¹ Москва была пуста,² только кое-где были толпы, и Пьер понял, что сражения не будет. Но его все-таки волновало беспокойство, потребность показать, что всё ему море по колено. Главное чувство, владевшее им в эти дни, было то русское чувство, которое заставляет загулявшего купца перебить все зеркала, чувство, выражающее высший суд над всеми искусственными условиями жизни на основании какой-то другой, неясно признанной истины.³

В конце Арбата показалась пыль в заходящих лучах солнца. Послышались крики французов, увидавших первую большую длинную красивую улицу, и из-за пыли показаласьдвигающаяся кавалерия. Пьер, не спуская глаз, смотрел на их приближение.

И страшно, и весело⁴ ему было подумать, что он уже обхвачен и корабли его сожжены.⁵

Впереди кавалерийской колонны ехал⁶ Мортье с блестящей свитой. И, молодецки подбоченясь, оглядывался вокруг себя.⁷ Несколько человек жителей смотрели на шествие.⁸ Мортье повернул лошадь к Николе Явленному и остановился, указывая на Пьера. Офицер в уланском мундире подъехал к Пьеру и спросил по-русски:

— Милай, ктуры костел Евана Велькаго?

— Не знаю, — отвечал Пьер. Но в то же время, вероятно, дьячок церкви подошел к офицеру и стал говорить ему что-то. Пьер пошел быстрыми шагами прочь от Арбата в переулоч.¹ *Зачеркнуто:* кое-где были толпы

² *След. пять слов — вставка Толстого.*

³ *Зач. вписанное рукой Толстого на полях:* Обходив много улиц пешком, Пьер бросил свое оружие в переулочке. Пьер вышел на Арбат, ожидая появления французов. *Далее зач. текст копии:* Одно, о чем и не думал Пьер, но что инстинкт дал понять ему и что было уже решенный вопрос, как только он задумал оставаться в Москве не под своим именем и званием графа Безухого и зятя одного из главных вельмож, а в качестве своего дворника, и это новое положение и обращение с ним народа, как с равным, радовало его.

Он пошел один к дому Ростовых, оттуда по Арбату. Везде было пусто. На половине Арбата ему встретились конные французы. *Вместо зач. на полях вписан рукой Толстого текст след. абзаца.*

⁴ *Зач.:* Пьеру

⁵ *Зач. текст копии:* Он смотрел разные войска и вблизи видел живые, добрые, усталые, страдальческие лица, которые жалки ему были и симпатичны. Они кричали: «Vive l'Empereur» и были минуты, что Пьеру казалось уже под конец, что так и должно быть и что они правы. Ему даже захотелось закричать. Посмотрев на французов, Пьер завернул в переулоч и вспомнил о княжне Чиргизовой, старой, старой москвичке. *Вместо зач. на полях рукой Толстого вписан текст, кончая:* Ах, батюшки, да никак барин,

⁶ *Зач.:* Мюрат

⁷ *Зач.:* Мюрат

⁸ *Зач.:* Мюрата

Несколько раз он оглядывался, и лицо его¹ было изуродовано злобой и волнением. Позади войска, идя мимо Мортье, кричали:² «Vive l'Empereur».

Пьер остановился подле домика, в окнах которого были цветы, и вспомнил, что в этом доме жила княжна Чиргизова, старая девушка, с которой его княжны были дружны и у которой он бывал иногда прежде. Пьер вспомнил это³ потому, что он видел перед собой этот дом. Но вслед за этим он вспомнил, живо вспомнил 1805 год, когда он любил еще честь своей жены и когда он в первый раз узнал, что честь эта была потеряна и опозорена.

Это он вспомнил потому, что в душе его в эту минуту⁴ поднялось то самое чувство, которое он испытывал тогда. Тогда предметом этого чувства была жена и честь семьи, теперь предметом его была Москва и отечество. Точно так же, как тогда, растравляя свою рану, он становился воображением на место того, который, забавляясь, лишил его чести, точно так же теперь он живо представлял себе радость и торжество французов-победителей и равнодушие их к страданиям и нравственному унижению русских.⁵

Нахмуренный, злобный, он стоял у калитки дома, побряхтывая, приговаривая что-то для себя непонятное и тщетно задавая себе один вопрос: «за что?» и «что делать?»

— Ты чего же тут стоишь, чего не видал? — крикнул вдруг на него женский голос из растворившейся калитки.

Это была горничная княжны.

— Дома княжна? — машинально спросил Пьер.

— Ах, батюшки, да никак барин.

Пьер вошел⁶ за горничной в дом княжны.

Княжна была в Москве, и всё у ней было по-старому. Как только вошел в ее переднюю, Пьер услышал привычный запах затхла и собачки в передней; увидел старика лакея, девку и шутиху, увидел цветочки на окнах и попугая. Всё было по-старому,⁷ и вид этот на минуту успокоил Пьера.

— Кто там? — слышался старухин ворчливо-визгливый голос, и Пьер невольно подумал, как посмеют войти французы, когда она так крикнет.

— Царевна! (так звали шутиху). Подите же, кто там в передней?

¹ Зачеркнуто: имело

² Зач.: Vive le roi de Naples

³ Зач.: как только вспоминают люди посторонние вещи в самые тяжелые минуты

⁴ Зач.: было

⁵ Зач.: Он нахму[рился]

⁶ Зач.: к ней и приписан рукой Толстого конец фразы.

⁷ Зач.: так он опять попал в прежнее свое русское состояние и вписано окончание фразы.

— Это я, княжна, можно?

— Кто я? Бонапарте, что ль? А, ну здорово, голубчик. Что ж ты не убежал? Все бегут, отец мой. Садись, садись. Это что ж, в кого нарядился? Или святки?¹ Царевна, поди, погляди. От французов² скрыться хочешь? Что ж, пришли, что ль? — спрашивала она, точно как спрашивала, пришел ли повар из Охотного ряда.

Она не понимала,³ не могла или не хотела понимать того,⁴ что делалось вокруг нее. Но⁵ ее уверенность была так сильна, что Пьер, глядя на нее, убеждался, что действительно ничего нельзя ей сделать.

— А соседка-то моя, Марья Ивановна Долохова, вчера уехала, сынок спровадил; так же, как ты, наряжен, приходил меня уговаривать уехать, а то, говорит, сожгу. А я говорю: сожжешь, а я тебя в полицию посажу.

— Да полиция уехала.

— А как же без полиции? У них, небось, своя есть. Я чай, без полиции нельзя. Разве можно людей жечь? Пускай едут, мне выгода. На двор к ним прачешную перевела, мне простор...⁶

В это время послышался стук в калитку, и⁷ через несколько минут в комнату вошел французский гусар,⁸ бледный, худой и робкий. Очень учтиво прося извинения за беспокойство, он попросил поесть.

Княжна⁹ не знала по-французски: она посмотрела на него и, поняв, в чем дело, велела отвести его в переднюю и покормить.

— Поди, голубчик, посмотри, дали ли ему всего, от обеда вафли хорошие остались, а то ведь рады, сами сожрут...

Пьер¹⁰ вышел к французу.¹¹

— Monsieur, mon cher Monsieur, — сказал француз, отзывая в переднюю Пьера.¹² Пьер вышел за ним.

— Voyez vous, — сказал француз, краснея и показывая черную рубаху.¹³ — Est ce que la bonne dame ne pourrait me¹ *Зачеркнуто*: Уж? Ха, ха, ха

² *Зач.*: Что ж тебе сделают? Ничего не сделают *и вписаны след. два слова.*

³ *След. два слова — вставка Толстого.*

⁴ *След. пять слов — вставка Толстого.*

⁵ *Зач.*: странно

⁶ *Зач.*: — А что ж, не приходили к вам?

— Приходил один, да я не пустила...

⁷ *Зач.*: скоро *и вписаны рукой Толстого след. пять слов.*

⁸ *След. четыре слова — вставка Толстого.*

⁹ *След. четыре слова — вставка Толстого.*

¹⁰ *Зач.*: подошел

¹¹ *Зач.*: и поговорил с ним.

— Граф Петр Кириллович, — закричала старуха, но в это время *и надписаны след. пять слов.*

¹² *Зач.*: и показывая *и надписаны след. одиннадцать слов.*

¹³ *Зач.*: краснея, просил дать ему чистую, ежели можно *и вписана рукой Толстого след. французская фраза.*

donner une chemise, quelque chose en fait de linge? — Voyez vous.¹

Пьер вернулся к старухе и рассказал ей.

— Хорошо, голубчик.² Что же не дать?³ Я нищим подаю. Царевна! поди ты в кладовую, нет, Матрешку пошли. — И, распорядившись, где взять полотна, княжна прибавила:

— Да сказать ему, что я из милости даю. Да скажи ему, чтобы он своему начальству сказал, что вот, мол, я — княжна⁴ Чиргизова, генерала дочь, живу — никого не трогаю и чтоб они мне беспокойства не делали, а то я на них суд найду; да лучше самого бы ко мне послали. Хорошо, хорошо, ступай с богом, — говорила она французу, который расшаркивался в дверях гостиной, en remerciant la bonne dame.⁵

Чувствуя себя успокоенным, Пьер вместе с французом вышел от княжны. По Арбату шли теперь пехотные войска, и Пьер почувствовал возвращение прежнего.⁶

Были уже сумерки. Какой-то человек в кафтане, но по походке и сапогам не мужик, пришел в отворенные двери церкви. Пьер вошел туда же. В церкви было пусто. Вошедший человек, напомнивший Пьеру кого-то близко знакомого, стоял на коленях перед алтарем и крестился и кланялся в землю.⁷

Прежнее чувство унижения, злобы, ревности, подобное, хотя и гораздо сильнейшее того, которое он испытывал когда-то к своей жене, опять овладело им. «Сейчас войдут французы и выгонят меня отсюда», думал он, слыша из церкви их шаги и веселый говор, раздававшийся по Арбату. «Что мне делать?» опять думал Пьер, и опять тот же ответ, как и тогда на подобный¹ [Не может ли эта добрая госпожа дать мне рубашку, что-нибудь из белья? — Вы видите.]

² След. фраза — вставка рукой Толстого.

³ Зачеркнуто: ему найти, как и вписан рукой Толстого текст до конца абзаца.

⁴ Зач.: фрейлина Марии Феодоровны и вписаны след. три слова.

⁵ [благодаря добрую госпожу.]

Зач.: Выходя от княжны, Пьер в темноте лицо с лицом наткнулся с человеком в таком же армяке, как он сам.

— А, Безухий, — сказал человек, которого Пьер тотчас же узнал за Долохова. Долохов взял его за руку, как будто они всегда были друзья.

— Вот что, ты остался, и хорошо. Я запалил уже Каретный ряд, мои молодцы зажгут везде; да вот как мне с старухой быть — жалко. А матери дом я зажгу. *Дальнейший текст, кончая: старуху убрать надо. Ты зачем здесь? вписан рукой Толстого над строкою и на полях.*

⁶ Зач.: чувства, каким

⁷ Зач.: Пьер долго стоял, глядя на него, и ему казалось, что человек этот и знаком ему, и то, что человек этот плачет.

Молящийся человек быстро встал, обтер рукавом глаза и <быстро> направился из церкви. У выхода он почти столкнулся с Пьером.

— А, Безухий, — сказал человек, которого Пьер тотчас же узнал за Долохова. Долохов взял его за руку.

— Ты остался. И хорошо. Мои молодцы запалили уже Каретный ряд; да вот как мне с старухой быть — жалко. А матери дом я зажгу.

вопрос, представлялся ему. Убить его или самого себя, только смерть могла развязать этот узел. Но тогда ясно было, что убить надо было Долохова. Кого убить теперь? Его, Бонапарте. «Только затем судьба привела меня сюда, чтобы убить его», думал Пьер, «и я убью его».

В то время как он радостно до подробностей обдумывал то, каким образом он завтра, взяв под руку пистолет, пойдет в город, постарается встретить Наполеона и выстрелит в него, в это время молящийся на коленях человек быстро приподнялся,¹ высморкался, обтер слезы и, скорыми шагами направляясь к выходу из церкви, столкнулся с Пьером.

— Безухий!

— Долохов, не может быть! Зачем ты?

— Ты как?² Ты видел? — сказал Долохов. — Уж в Кремле. Да не надолго. Я завтра запалю всё. У меня молодцы готовы. Сам свой дом запалю.

— А княжна?

— Старуху убрать надо. Ты зачем здесь?

Пьер³ удивленно и радостно смотрел на Долохова, и успокоительное чувство сходило ему в душу.

— Ты зачем?⁴ — повторил Долохов.

— Я зачем?⁶ Долохов, я убью Бонапарта, — шопотом сказал Пьер.

— Как же ты убьешь его?⁷

Два французские солдата вошли в церковь.

— Ты где живешь? — спросил Долохов. Пьер сказал ему.⁸

— Не убьешь, не надо.

Долохов близко приставил свое лицо к лицу Пьера и, засмеявшись, пошел прочь.⁹

¹ *Зачеркнуто*: обтер глаза платком

² *Зач.*: — Дело есть, — отвечал

³ *Зач.*: тоже забыл в это время, что Долохов — его враг, он без предисловий отвечал ему.

— Нельзя, за что же ее жечь? — сказал он. — Да кто же распорядился жечь? — спросил он.

— Огонь, — отвечал Долохов. — А свой дом зажжешь?

— Я не знаю, — отвечал Пьер. — Разумеется, я не желал бы видеть в нем французов.

Далее вписано рукой Толстого поверх зачеркнутых строк, кончая словами: — Не убьешь, не надо.

⁴ *Зач.*: остался? — спросил Пьер.

⁵ *Зач.*: А ты зачем?

⁶ *Зач.*: Я не знаю. Только я

⁷ Я бы все сжег, — сказал он.

И зажгут.

⁸ *Зач.*: <— Ну, я тебе удружу. Завтра сделаю визит с красным петухом, — сказал>

— Прощай, ты обо мне услышишь.

— Я, ты знаешь, зачем я остался? Я убью Бонапарта.

⁹ *Зач.*: — Ежели меня нужно будет, спроси у Данилки под Москворецким мостом. Я рад, что встретил тебя.

— Ну, прощай, Безухов.

Он обнял и поцеловал его и быстрыми шагами ушел.¹ Пьер вышел за ним и переулками пошел к дому.

Возвращаясь домой, Пьер в разных местах видел французских солдат, размещавшихся по квартирам.

Кавалеристы слезали с лошадей, входили в ворота, надписывали мелом на домах: «заняты такими-то и такими-то войсками». Раза два у Пьера спрашивали, где Кремль и какая это улица. Он пожимал плечами и делал вид, что не понимает. На Петровке Пьер увидел толпу народа. Это были генералы, выкатывавшие экипажи, восхищавшиеся ими и присваивавшие их себе. В квартале, где был дом Аксиньи Ларивоновны, на Пресне и на Патриарших прудах еще не было никого. Он вернулся домой, и *дурак*, муж Аксиньи Ларивоновны, первый встретил его с огромным мушкетером у ворот. Он был очень пьян и уже совершенно перешел в другую крайность от своей прежней робости и униженности. Он был — Суворов! В одном нижнем платье он ходил перед воротами и кричал командные² слова:

— Марш! Ура! на абордаж! — кричал он. — Я череву твою прободу... Я кто? Я — Суворов... Ты, ты кто? француз?... — кричал он на Пьера.

Аксинья Ларивоновна выскочила, дернула за руку Суворова, так что он чуть не упал, и втащила в дом.

— Вот только на часок вышла, не укараулила, тут близ Кудрина кабачок разбили, вот он и налоктался. Ну, что, пришли? — спрашивала она.

— Пришел. А у вас были?

— Нет, бог миловал.

— Только сунься, — кричал из-за перегородки Суворов.³

Пьер ушел за свою перегородку, лег на постель и заплакал слезами злобы и унижения.

— Аксинья Ларивоновна, матушка, голубушка, он, он... ей-богу, он!.. — кричала в это время кухарка, вбегая в комнату.⁴

— Они! Французы! — слышались голоса.⁵

Аксинья Ларивоновна, кухарка и *дурак*, которого не заметили, выбежали на крылечко.⁶ Пьер отер слезы, встал и вышел за ними. Действительно,⁷ у ворот стояли французы. Впереди их был офицер.

¹ След. фраза вписана рукой Толстого.

² Зачеркнуто: Ты... ты кто? и надписаны рукой Толстого след. семь слов.

³ След. фраза вписана рукой Толстого.

⁴ След. четыре слова — автограф.

⁵ Зач.: Пьер

⁶ След. фраза вписана рукой Толстого.

⁷ Зач.: увидели французского офицера с солдатом и вписано до конца фразы.

Офицер был невысокий, стройный молодой человек с необыкновенно красивым итальянским лицом. Особенно хороши у него были выпуклые, полузакрытые, бархатно-черные глаза с нежным, поэтическим выражением, которое¹ невольно заметил Пьер.

Офицер, увидав женщину, Аксинью Ларивоновну, тотчас же улыбнулся и приподнял шляпу с очевидно настоящей сердечной учтивостью и доброжелательством. Улыбка сделала его прекрасное лицо еще более красивым; что-то детское и вместе с тем порядочное (*comme il faut*), как заметил Пьер, было в его лице.²

— *Pardon, madame, quartire,*³ — говорил⁴ офицер, видимо искренно тяготясь⁵ своим положением победителя и стараясь скрыть под учтивостью всю выгоду своего положения.

— *Nous ne ferons point de mal à nos hôtes, vous serez contents de nous. Si cela ne vous dérange pas trop,*⁶ — говорил он хорошим французским языком, хотя и с итальянским акцентом. — *Est ce que personne ne parle français ici?*⁷ — и он, оглянувшись вокруг себя, встретился глазами с Пьером. Милый, добрый и, главное, глубоко меланхолический взгляд этого офицера тронул Пьера, в особенности вследствие той противоположности, которую он встретил в этом офицере с ожидаемым. Пьер⁸ невольно открыл уже рот, чтобы отвечать по-французски, как вдруг над самым его ухом раздался пьяный крик Суворова и высунулся его мушкетон, направленный прямо в грудь французского офицера.

— Бонапартий! иди во ад... — замок щелкнул, кремень ударил [по] огниву.

Пьер повернулся быстро, поднял кверху дуло мушкетона, и над самым ухом его раздался оглушающий выстрел давно заряженного заржавелого мушкетона, который сделал *long feu*.⁹ Суворова так отдало выстрелом, что он упал назад к двери. Женщины вскрикнули, дымом застлало все сени, и Пьер бросился к офицеру.

— *Vous n'êtes pas blessé?*¹⁰ — спрашивал он его.

Офицер был бледен, но улыбался.

¹ *Зачеркнуто:* тотчас *и надписано:* невольно

² *Зач.:* Увидав только эту улыбку, Пьер несомненно решил, что это был мало того, что добрый, умный и образованный человек, но человек воспитанный, *de bonne maison* [из хорошего дома].

³ [Извините, сударыня, квартира,]

⁴ *Зач.:* он, полагая, что это — понятнее. *Вместо зач. рукой Толстого вписан конец фразы.*

⁵ *Зач.:* и конфузьясь

⁶ [Мы не причиним вреда нашим хозяевам, вы нами будете довольны. Если вас это не очень стеснит,]

⁷ [Никто здесь не говорит по-французски?]

⁸ *Зач.:* забывшись *и надписано:* невольно

⁹ [задержанный выстрел.]

¹⁰ Вы не ранены?

— Mon cher, je vous dois la vie,¹ — проговорил он, хватая руку Пьера. — Et moi qui croyais que vous êtes russe. Vous êtes français.²

Французский офицер был убежден, что человек, поступивший благородно, великодушно (естественно, что верхом благородства и великодушия от всякого другого человека было спасение его жизни), не мог быть не француз.

Но Пьер не скрывал уже своего знания французского языка, разочаровал его. Он сказал ему, что он был русский, что выстреливший в него был пьяный сумашедший. Французский офицер остановил сбежавшихся на выстрел двух солдат, пришедших с ним, и, взяв Пьера под руку, продолжая нежно благодарить его за спасение жизни, пошел с ним в комнату.

Испуганные женщины между тем, отняв уже безвредный мушкетон у Суворова, таща его за руки и колотя его в спину, втащили за перегородку.

Французский офицер назвал свой чин, имя и фамилию. Он был офицер 6-го гусарского полка и состоял ординарцем при итальянском короле. Его звали Эмиль Пончини.

— Qui que vous soyez, vous comprenez que je me sens lié à vous par des liens indissolubles. Disposez de moi,³ — говорил он,⁴ своими прекрасными, меланхолическими глазами глядя⁵ в лицо Пьера.

Офицер попросил поест. Пьер предложил ему чаю с молоком (у них на дворе была корова), и за чаем они разговорились. Пончини не мог понять того, что Москва пуста, что было вне всех предположений и всех правил. Он, очевидно, выражая взгляд всей армии и штабов, находился в недоумении человека, выступившего по всем правилам на дуэль на шпагах, ставшего в правильную позицию en garde⁶ с поднятой левой рукой и с положением шпаги en tiers,⁷ ожидая своего противника в том же положении и не находя ничего правильного в действиях противника. Попробовал дать положение шпаги кватрты, секунды, даже квинты — всё нет шпаги противника, а противник стоит согнувшись, как-то боком, с чем-то страшным (чего нельзя видеть) в руках, с дубиной или с огромным камнем.

Пончини недоумевающе спрашивал Пьера, что такое значило это положение Москвы, к чему подвести это: сдана ли Москва? В этом случае отчего же не было депутации от жителей, implorant¹ [Милый мой, я обязан вам жизнью,]

² [А я-то думал, что вы русский. Вы француз.]

³ [Кто бы вы ни были, вы понимаете, я чувствую, что связан с вами неразрывными узами. Располагайте мною,]

⁴ *Зачеркнуто:* Пьеру нежными, добрыми и умными и подписаны след. три слова.

⁵ *Зач.:* на него и надписано: в лицо Пьера

⁶ *Первая позиция при фехтовании* — [готов к защите].

⁷ *Третья позиция при фехтовании* — [в положении терции].

la clémence des vainqueurs?¹ С бою ли отдана она? Тогда отчего не дрались в улицах? Разрушена ли она, как в Скифской войне и как было с другими городами? Тогда отчего же она осталась со всеми богатствами? Это было против всех правил, против всех преданий истории.

Пьер ничего не мог отвечать ему на это, он еще сам не понимал, что такое значила эта Москва в это после обеда 2-го сентября. Он,² не глядя на собеседника, сказал только,³ что Москва не⁴ сдана⁵ и никогда не будет сдана. И лицо его поразило своей мрачностью итальянского офицера в то время, как он говорил это.

— Вы — великая нация, — сказал Пончини. — Я часто думал и говорил это. — Et savez vous, mon cher, je suis franç avec vous, je me suis pris un million de fois pendant cette campagne à envier votre sort à vous, d'appartenir à une grande nation. Je suis Italien, nous n'avons que le passé. Le présent c'est le despotisme d'un homme, l'avenir c'est le neant.⁶

— Но прошедшее ваше есть и настоящее, — сказал Пьер,⁷ чувствуя деликатность Пончини, переменившего разговор. — Ваше прошедшее есть искусство, наука, поэзия, которая живет всех нас. Вы теперь завидуете нам, а я сколько раз завидовал вам, у кого были Рафаэли, Кореджи, Коперники, Данты, Тассы.

Пьер невольно после дней, проведенных с Аксиньей Ларивоной и Суворовым, испытывал наслаждение говорить о тех интересах науки и искусства, мир которых был чужд для его теперешних товарищей жизни. Может быть, его и радовало бессознательно то, что он, говоря об этом, удивлял своими знаниями Пончини.

Пончини молча смотрел своими меланхолическими глазами на Пьера, и рот его нежно улыбался. Он ударил своей маленькой рукой по столу.

— Mais qui êtes-vous donc, vous pour connaître les arts et les sciences?

— Moi?⁸ — сказал Пьер, недоумевая, как ответить ему, когда вдруг послышались пьяные крики двух французских¹ [умоляющей о милосердии победителей?]

² *Зачеркнуто*: говорил и вписаны след. четыре слова.

³ *Зач.*: своему новому знакомому, который своей простотой и скромностью очень нравился ему, он говорил ему только

⁴ *Зач.*: не могла быть

⁵ *Зач.*: что нельзя было ему, как русскому, представить себе, чтобы Москву сдали, чтобы русские покорились кому-нибудь. *Вместо зач. рукой Толстого вписан след. текст до конца абзаца.*

⁶ [И знаете, милый мой, с вами я буду откровенен, за эту кампанию я миллион раз ловил себя на том, что я завидую вашей судьбе, потому что вы принадлежите к великому народу. Я — итальянец, и у нас — всё в прошлом. Настоящее — это самовластие одного человека, а в будущем — ничтожество.]

⁷ *Конец фразы вписан рукой Толстого.*

⁸ [— Да кто же вы такой, что обладаете знаниями и искусств, и наук? — Я?]

солдат, приведших лошадей и повозку Пончини, и других, тоже чуждых голосов. Угрожающие крики всё усиливались. Пьер и Пончини встали и вышли на крыльцо.

У ворот стояла толпа драгун, и несколько из них ругались по-немецки с французскими солдатами, как Пьер тотчас понял из их немецкого говора, за то, что эти Вюртембергские драгуны хотели стать на том же дворе и французы не пускали их. Они не понимали друг друга. Пончини, не знавший по-немецки, по-французски кричал им, доказывая, кто он, но драгуны не слушали его и лезли на двор. Один толкнул француза. Француз схватился за пистолет, и произошла бы драка, ежели бы Пьер, выступив вперед, не объяснил по-немецки, кто был Пончини. Услыхав, что он был ординарец Итальянского короля, немцы притихли и унтер-офицер велел им остановиться.

— Das sollten sie ja voraus sagen,¹ — сказал он.

— Mais qui diable êtes vous donc?² — сказал Пончини, ласково улыбаясь Пьеру, когда они вернулись к самовару.

— Qui diable êtes vous pour connaître le Dante et le Tasse et de parler toutes les langues? Je vois un hasard providentiel des vous avoir rencontré. Attendez,³ — и он, взяв руку Пьера, сделал ему знак третьей степени масонского чина. Пьер, улыбаясь, ответил ему.

— Qui je suis?⁴ — сказал он. — Я вам скажу это. Я знаю вас и не буду просить тайны; я знаю, вы сохраните ее. Фамилия моя вам всё равно, но я — один из богатейших людей России. Я⁵ — русский граф, у меня два огромных дома в Москве, но я остался здесь для того, чтобы видеть погибель французской армии, в которую я верю, и остался не в своем доме и не под своим именем.

— И вы верите в погибель французов?

— Да.

— Ну, не будем говорить про это, спаситель мой. Оставим вражду, мы — два человека, далекие, чуждые друг другу по всему, кроме сердца, которое говорит мне, что вы — брат мой, и будем братьями.

— И будем братьями, — повторил Пьер.

Они, радостно улыбаясь, смотрели друг на друга.

— Oh, la terrible chose que la guerre,⁶ — сказал Пончини. — Qui m'aurait dit à moi que je serais soldat, moi qui n'aime que l'art, la poésie et selle qui...⁷ Вы женаты?

¹ [Так они и должны были сразу сказать,]

² [Чорт возьми, да кто же вы?]

³ [Кой чорт, кто вы такой, что знаете Данте и Тассо и говорите на всех языках? Я вижу промысел провидения, что встретил вас. Пойдите,]

⁴ [Кто я?]

⁵ *Зачеркнуто*: я носил

⁶ [Какой ужас война,]

⁷ [И кто мог подумать, что я буду солдатом, я, любящий только искусство, поэзию и ту, которая...]

— Да, я был женат, — отвечал Пьер и вдруг в первый раз, глядя на эти влюбленные глаза Пончини, вспомнил вместе два обстоятельства и невольно сделал из них вывод. Он вспомнил¹ просьбу о разводе жены, свою свободу и² последнее вчерашнее свидание с Наташей со всей прелестью ее радости, ласки и оживления. «Да, это могло бы быть», думал он. Пончини, опершись на руку на стол, сидел против Пьера и рассказывал ему всю судьбу свою, как рассказывал бы он человеку с луны. Он рассказывал свои отношения с отцом, которого он не любил, и свою любовь.

В середине рассказа он сказал звучным, прекрасным голосом стих Данта, и Пьер, знавший их наизусть, докончил их.

— Вы любите эту строфу, вы прочувствовали тоже... И что я говорю про себя только, скажите и вы мне свою историю. Историю своей любви, потому что только и есть любовь в жизни.

Аксинья Ларивоновна, радовавшаяся на смиренность своего постояльца француза и дружбу, которая была между ним и Пьером, собрав чай, принесла им ужинать и вина, которое унесла из дома Пьера.

— Мне рассказать свою жизнь? — сказал Пьер, — и свою любовь?³ Вы знаете, что я никому никогда не рассказывал своей жизни, себе даже не рассказывал. Мне всё это казалось так просто. А для вас — это другое дело. — И Пьер стал рассказывать, в коротких чертах сосредоточивая свою жизнь и, по мере того, как он рассказывал, сам удивляясь тому, как просто и понятно становилось для него в первый раз значение его жизни. Он рассказал про свое воспитание в Швейцарии, про восторг, который он имел к Наполеону, про идеи, которые наполняли его душу, и про то, что он нашел в России, про свое фальшивое положение, про своего отца, про историю Аксюши.

— Et c'était là votre première amour,⁴ — сказал Пончини, глядя на Аксинью Ларивоновну, подававшую жареную курицу. Потом Пьер рассказал про случайную встречу, как с ребенком, с *ней* (с Наташей) и про то чувство, которое сказало ему, что она должна иметь влияние на его жизнь. Потом он рассказывал про всё то унижение и несчастье, в которое ввергло его богатство, как он, как потерянный, бродил в этом тумане, окружившем его тотчас же, как он в этом тумане набрел на женщину,⁵ на Элен, и она не была дурная женщина, я больше виноват перед нею, чем она передо мной. Она могла бы быть хорошей женщиной. Я набрел на нее в тумане богатства и принял за любовь другое чувство и, не любя, женился на ней.

¹ *Зачеркнуто*: смерть жены и надписаны след. четыре слова.

² *Зач.*: наконец и надписаны след. пять слов.

³ *Зач.*: — Да, любовь есть соль жизни, — повторил он, чувствуя, как глубоко это было, — правда

⁴ [Так это и была ваша первая любовь,]

⁵ *Зач.*: (ее уж нет) и *вписано*: на Элен,

— Все прекрасные вещи и мысли (как масонство), которые представлялись мне в это время, были затемняемы туманом богатства, и я не жил. Одно только было мне памятно. У меня был друг, и его нет теперь; это была редкая, высокая и гордая душа. Я встретился с нею и в то же время встретился *он*. Я сводил их, но в душе мне говорило что-то, что они сотворены друг для друга, потом, потом...

— Она сделалась сумашедшая, и он ее бросил. И надо было судьбе сделать то, чтобы я играл роль в этом. И я застал ее в слезах и горе, и я сказал то, что не должен был говорить. И с той минуты, я знаю, она дружбой полюбила меня. Но у меня в душе была не дружба, я испугался себя и сказал, что не буду видеть ее. И верите ли вы? Вчера, когда я был в этом платье, когда я меньше всего думал о ней, когда я знал, что она свободна (потому что ее бывший жених убит) — ужасно думать об этом, но я говорю это только вам, как своей совести, — и когда я был свободен, надо было, чтобы я в толпе уезжающих встретил ее, чтобы она узнала меня и сказала мне...

Пьер разгорелся, говоря это. Глаза его блестели.

— Нет, не надо, нельзя об этом думать.

Пончини молчал и нежными глазами смотрел на него. Довольно долго они молчали. Пончини встал и взял его за руку.

— *Mon ami, comme je suis hereux de vous avoir rencontré. Vous serez heureux, je le sens.*

— *Qui sait?*¹ Не надо об этом думать.

Пьер тоже встал, и они вышли погулять. На дворе уже было совсем темно. У ворот стояла Аксинья Ларивоновна, кухарка и оба француза. Слышны были их смех и непонимающий друг друга говор. Они шутили и смотрели на огни и зарево, видневшееся в городе. Это был первый пожар на Петровке. Пончини и Пьер подошли к ним и тоже стали смотреть. Ничего странного не могло быть в пожаре в огромном городе. И они все спокойно смотрели на это далекое, версты за две видневшееся зарево.

Над темными домами, церквами, над бедными огнями фонарей, освещенных окон, костров и даже над бедным огнем, иногда вспыхивающим на пожаре (хотя это горело уже пять домов), над этими низкими, бедными, черными пятнами людской работы и костров лежало звездное, бесконечное небо с молодым серпом месяца и с той же кометой, которую так помнил и любил Пьер. Эта противоположность бросилась² в глаза Пьеру и его новому другу. Пончини вздохнул и прочел стих Данта.

¹ [Друг мой, как я счастлив, что мы встретились. Вы будете счастливы, я это чувствую.

— Как знать?]

² *Далее до конца варианта — автограф.*

Новая глава

По крайней мере час времени Пьер с своей ношей путался по дворам и переулкам прежде, чем он успел попасть назад на то место, где он оставил родителей девочки.¹

Девочка затихла, уже сама держалась ручонками и, как дикий зверок, оглядывалась вокруг себя.

На² прежде пустынном месте на углу Поварской теперь было много народа. Кроме русских семей с вытасканным из домов добром, спасавшихся от пожара на этом незастроенном месте, и в саду огромного дома князя Грузинского, тут же было и большое число французских солдат в различных одеяниях.³ Пьер не обратил на них вниманья. Он спешил найти семейство чиновника⁴ с тем, чтобы отдать матери, и итти опять спасти кого-то. Пьеру казалось, что ему что-то еще многое и поскорее нужно сделать.

Но на прежнем месте ни чиновника, ни его жены уже не было. Пьер быстрыми шагами пошел к тому месту, где было больше народа, к забору сада Грузинского, оглядывая разные лица, попадавшиеся ему. Невольно он заметил красавицу, молодую женщину, армянку по типу лица и, вероятно, богатую, судя по ее атласному салопу. Она сидела на узлах, несколько позади старухи матери, и неподвижно, большими, черными с длинными ресницами глазами смотрела в землю. Видимо, она знала свою красоту и боялась за нее.

Лицо это поразило Пьера, и он в своей поспешности, проходя вдоль забора, несколько раз оглянулся на нее.

— Или потерял кого, милый человек? Чей ребенок-то? — окликнула Пьера рябая баба, сидевшая у забора и перебирившая что-то в мешочке. Пьер⁵ остановился. Фигура Пьера теперь, с ребенком на руках, была еще более замечательна, чем прежде, и около него собралось несколько человек, русских мужчин и женщин; кто расспрашивал его, кто он такой был — не из благородных ли, и чей этот ребенок, кто рассказывал свое горе про грабеж и про пожары, которые горели не только здесь, но и по всей Москве так, что деваться было некуда.

¹ След. абзац — автограф.

² Зачеркнуто: этом

³ Зач.: которые что-то тут делали.

⁴ Далее до конца абзаца — автограф.

⁵ Зач.: описывая наружность семейства чиновника, спрашивал у бабы, не видала ли она их. Баба не видала их. Вместо зач. вписан конец абзаца.

Старичок дьячок или дьякон подошел к Пьеру и тоже спросил, чей был ребенок.

— Ведь это Анферовы должны быть, — сказал дьякон, обращаясь к рябой бабе. — О, господи! — прибавил он.

— Где Анферовы? — сказала баба. — Анферовы еще с утра уехали. А это либо Марьи Николаевны, либо Ивановы. Куды денешься?¹

— Вы знаете их, вы возьмите девочку, отдайте им, а мне некогда, — сказал Пьер, обращаясь к² дьякону.

— О, господи! — сказал дьякон, покачав головой.³ — И нам-то куда ж взять его?

— Что ж, посади, посади,⁴ — сказала баба, расстилая подле себя полу своего кафтана.

Пьер посадил девочку,⁵ причем она опять закричала и с трудом можно было оторвать ее ручонки от кафтана Пьера.

— В церковь, куда ж больше денешься, — продолжал говорить дьякон, обращаясь к Пьеру, — должно, и они там-то. А то, что не огнем, то мечом. Всё разграбили.

Пьер стоял, беспокойно оглядываясь, чувствуя потребность еще что-то сделать.

Два французские солдата, оба с мешками через плечи, один в синей шинели, подпоясанный веревкой, другой в каком-то женском капоте и больших рваных ботфортах,⁶ подошли в это время к дьякону и Пьеру. Оглянув робким и вместе наглым взглядом их и бабу и пожитки, которые были около нее, тот, который был без сапог,⁷ подмигнул к себе товарища и прошел мимо.⁸ Этот товарищ был в женском капоте, особенно поразил Пьера своими вылезшими из головы, мутными, серыми глазами и идиотическим выражением лица. Шагах в 10 от дьякона лежало бревно и на бревне сидели: чисто одетый, в новом, крытом полушубке, в новых сапогах, совершенно седой, красивый старик, старуха и два мальчика. За ними стоял ¹ *Далее, кончая словами:* куда ж взять его? — *автограф.*

² *Зачеркнуто:* бабе.

³ *Зач.:* — Что ж, возьми, — обратился он к бабе, которая, вероятно, была его служанка.

⁴ *Зач.:* прибавила она

⁵ *Зач.:* и опять взглянул вокруг себя, перебирая глазами различные группы, бывшие на площади.

— Вы сами — благородные? или... — спросил дьякон, но Пьер не отвечал ему: его поразило то, что происходило на одном месте площади, недалеко от замеченной им армянки. *Зач. вписанный автограф:* и <обратился к> стал слушать то, что рассказывал кучер по одежде. *Вместо зач. вписан дальнейший текст, кончая словами:* еще что-то сделать.

⁶ *Зач.:* разбирали вещи, подле которых *Вместо зач. вписан рукой Толстого* дальнейший текст, *кончая словами:* лежало бревно и

⁷ *Зач.:* постоял и посмотрел

⁸ *Зач.:* В одном из них

сундучок.¹ Французские солдаты подошли к ним, открыли сундук и вытащили какие-то вещи и положили их себе в мешок. Тот француз, который был в шинели и босиком, подошел к старику и, показав на его сапоги, что-то сказал на непонятном Пьеру языке. Старик неподвижно смотрел на француза. Француз, дотрогиваясь рукой до сапог и показывая свои босые ноги, что-то прокричал, и старик стал разуваться. Его старое, ссохшееся тело не могло согнуться, он не мог стянуть сапога. Француз нагнулся и стал снимать сапоги. Снимая другой сапог, французский солдат неловко потянул и дернул за ногу так сильно, что старик пошатнулся. Француз хлопнул сапог о сапог и приготовился надевать их, как вдруг оба мальчика, увидав деда босым, оба вместе заплакали и старик, как будто потирая лицо руками, закрыл себе глаза. Французский солдат вдруг нахмурился и, швырнув сапоги назад к ногам старика, быстро подошел к своему товарищу, дернул его за руку и направился к армянке, сидевшей почти рядом с стариком.

Красавица армянка сидела всё в том же неподвижном положении, с опущенными длинными ресницами и как будто не видела французских солдат, подошедших к ней и начавших рыться в мешках, подле которых она сидела. Старуха кричала, но французские солдаты не обращали на нее внимания и² с раздражающим спокойствием вырывали у нее из рук и раскладывали мешки. Вероятно, подозревая, что деньги или самые дорогие вещи были в том³ свертке чего-то, на котором сидела молодая армянка, один из них, тот, который был в капоте,⁴ с выпученными бессмысленными глазами подошел к ней и, взяв ее за руки,⁵ стал приподнимать ее. Армянка с тем же неподвижным и неизменяющимся лицом молча упиралась что было у нее силы.⁶ Солдат в капоте дернул ее сильнее, она приподнялась молча, и босой⁷ с радостным криком вытащил из-под нее связку калачей и окорок ветчины.

В это самое время армянка вдруг разразилась отчаянным криком.⁸ Солдат в капоте с неподвижными, выпученными глазами срывал с ее шеи крест или ожерелье.⁹

Пьер, сначала неподвижно смотревший на всё, что делали эти два¹⁰ солдата, теперь¹¹ сам не зная как, с поднятыми¹ *Зачеркнуто*: Вытащив

² *Зач.*: посмеиваясь

³ *Зач.*: сундучке

⁴ *Зач.*: белокурый, с плоским лицом,

⁵ *Зач.*: старался

⁶ *Зач.*: Белокурый и надписаны след. три слова.

⁷ *Зач.*: француз

⁸ *Зач.*: Белокурый француз

⁹ *Зач.*: бывшее у нее на шее

¹⁰ *Зач.*: француза и надписано: солдата

¹¹ *Зач.*: когда армянка жалостно завизжала, Пьер, стиснув зубы и выкатив глаза, сам себя не помня, побежал к французам.

огромными кулаками очутился против пучеглазого мародера.

[Далее от слов: Laissez cette femme!—закричал Пьер, кончая словами: Пьера под строгим караулом поместили отдельно, — близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. XXXIV.]

— Laissez cette femme! [Оставьте эту женщину!] — кричал он, подбегая к нему.

Француз испугался в первую минуту, но потом, не выпуская ожерелья, другой рукой погрозил Пьеру.

— Voyons, pas de bêtises [Ну, ну, не дури], — сказал он. *Вместо зач. вписано рукой Толстого окончание фразы.*

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

* № 243 [Т. III, ч. 1, гл. XIX—XX].¹

<В том состоянии раскрытости душевной, в котором находилась Наташа, молитва эта сильно подействовала на нее. Слова о разорении нового Иерусалима, о победах Моисея, Гедсона и Давида, о враге, попирающем святыню, возрождали в ней благоговейный и трепетный ужас перед тем, что угрожало России — всему народу божьему, как казалось Наташе. Она ненавидела этих врагов и злодеев, вступающих в русскую землю,² чувствовала наказание божье за³ грехи всех людей и за ее грехи в этом страшном нашествии, боялась за близких себе и чувствовала себя готовой отрешиться от прежней жизни, прежних сожалений и событий и вражды для того, чтобы ввиду общего несчастья⁴ укрепить себя верою и надеждою, забыв всё прежнее, соединиться всем братскою любовью и ничего не жалеть для того, чтобы противустоять общему бедствию, — Наташа не думала о том, что она несколько минут перед этим с любовью молилась за врагов своих, жалея о том, что их было слишком мало, она теперь всей душой молилась за поправление под ноги врагов России и⁵ слушала торжественно и тихо выговариваемые старичком священником славянские слова молитвы, ни малейшего сомнения или противуречия не представлялось в ее прощении.>

Пьер со времени...⁶

[Далее со слов: Пьер накануне того воскресения кончая: ждать того, что должно совершиться близко к печатному тексту конца гл. XIX, ч. 1, т. III].

Несмотря, однако, на все эти причины, в тот день после всего того, что он слышал от графа Ростопчина, от курьера и¹ Автограф-вставка в корректуру.

² Зачеркнуто: бояла[сь]

³ Зач.: ее

⁴ Зач.: соединиться всем любовью

⁵ Зач.: ни малейшего

⁶ По тексту поперек написано: Молодость брала свое.

от других знакомых о том, как в Москве ходят слухи о том, что император Наполеон обещал до осени быть в обеих русских столицах, о том, как в Москве найдены шпионы Бонапарта, о том, что дела наши в армии идут дурно, о том, что государь будет завтра для личного воодушевления народа, всё это заставляло его сомневаться в том, не следует ли ему поступить в военную службу, и с этими мыслями он поехал к Ростовым.

<Он думал найти их веселыми и довольными вследствие получения письма от сына и награды, полученной им, но, напротив, они были все в горе. Графиня плакала, читая письмо сына, и в особенности была тем огорчена, что он писал о своем назначении в отряд Неверовского, а по сведениям, полученным в Москве, было известно, что отряд этот находился впереди армии и беспрестанно был в стычках с неприятелем. Граф, хотя и обрадован крестом сына, был расстроен тем, что¹ после [того], как был прочтен приказ о награждении Николая, Петя, теперь бывший 15-летним красивым, здоровым мальчиком, красный, как рак, и со слезами, выступившими ему на блестящие черные глаза, как только он стал говорить, пришел к отцу и объявил ему, что он не может больше учиться и оставаться в Москве, что его товарищ, Федя Оболенский, поступает в гусары и что он умоляет, не только умоляет, но требует от отца, чтобы ему позволено было сделать то же. Граф, в последнее время очень ослабевший, не от болезни и лет, но от скрываемого под его добродушной веселостью горя — совершенного расстройства дел и болезни Наташи, выслушав Петю, заплакал и сквозь слезы только сказал ему, что он просит его подождать, отложить свое намерение и не говорить графинечке, которая и так расстроена. За этим разговором Пьер и застал их. В гостиной он застал Наташу с приказом в руках. Она надеялась, что всё ей будет ясно, но всё запуталось. Она гордилась своими, гордилась Россией и боялась за своих близких... за Петю... Она уж ничего не понимала.

Она показала приказ Пьеру и знала,² [что] он там был.

— Там опаснее или в штабе.

Приехала Марья Дмитриевна, [гов]орить про князя Андрея и про старика.

— Здесь что шлопуть делают.³

¹ *Зачеркнуто*: когда в сборе всего семейства и вписаны след. два слова.

² *Край рукописи оторван, и некоторые слова с трудом поддаются прочтению.*

³ *На полях*: Пьер: — А мне вы посоветуете идти?

Наташа: — Я не знаю. Что я могу советовать, — но она польщена была и покраснела. — Какое вам дело до моего мнения?

Пьер: — Мне до вашего мнения? — да вы мне — всё. Вы не знаете, что мне без вас жизнь была бы невыносима.

Вдруг оба покраснели. Наташа испугана, что он любит ее.

За обедом была Марья Дмитриевна в трауре, державшаяся так же прямо и утешавшая графиню, несмотря на то, что ее любимый сын был убит 2 недели тому назад и двое были в армии. Она посмеялась Пьеру, и Наташа вопросительно посмотрела на него. Он смутился, но покраснел.

После обеда Наташа стала читать вслух и зарыдала над отечеством.

Петя в восторге приходит. Графиня в ужасе. Марья Дмитриевна утешает. Наташа уходит за ней и выбегает и ругает Петю и говорит, что Безухий не мужчина. Безухий уезжает домой, но все-таки не поддается влиянию Наташи. Ее влияние сильно, но сильнее еще его внутренняя жизнь, которая велит ждать...¹

* № 244 (Т. III, ч. 2, гл. XIX).

<Колоча, при движении на Москву, течет влево от дороги. Переправа через Колочу находится за Бородиным в Горках; там и был центр позиции. Эта позиция очевидна будет для всякого, кто посмотрит на Бородинское поле, забыв о том, как произошло сражение.

Сражение произошло совершенно не так, как мы его ожидали, и потому нам рисуют планы и описывают позицию не таковою, какою она была задумана, и такою, в которой произошло сражение; и оттого происходит неясность представления и бесчисленное количество уклонений от истины, выдумок, имеющих целью доказать, что то, что было, было и предвидено.>

* № 245 (Т. III, ч. 2, гл. XXXV).

Дряхлый² Кутузов³ в этот день 26-го августа сидел, понутив седую голову и опустившись тяжелым телом на лавке, покрытой ковром, у кургана Горок, и не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

— Да, да, сделайте это, — отвечал он на различные предложения. — Да, да, съезди, голубчик, посмотри, — говорил он.

Когда ему привезли, оказавшееся ложным, известие, что Мюрат взят в плен, он перекрестился, поздравил окружающих с успехом, послал объявить это войскам и велел везти к себе Мюрата. Когда ему доносили об отбитии флеш и кургана, он ¹ *На полях конспект*: Приказ по армиям и Салтыкову.

Баба Евланья в красном клетчатом платье. — В погребке овощи. Ужас над городом. Трепещется и тихо.

Пьер еще раз говорил с Андреем и надеется примирить его.

Алпатыч театрально торжественный, рука за пазухой.

Казачи в Лысых Горах.

Борис. Барклай де Толли, потом Кутузов.

² *Зачеркнуто*: слепой, развратный, неспособный

³ *Зач.*: как нам любят изображать его

опять крестился, громко¹ и спокойно выражал свою радость². Когда к нему подъезжали с донесеньями русские адъютанты и начальники частей, большей частью с оживленными и радостными лицами, он при всей толпе своей свиты заставлял их рассказывать; но когда к нему подъезжали с донесеньями немцы, даже когда любимый им Толь подъехал к нему с известием с левого фланга, он встал и подошел к нему один, выслушивая то, что он имел сказать ему.³

Общее выражение лица Кутузова было⁴ сосредоточенное и спокойное внимание и напряжение, едва преодолевавшее усталость. Один только раз в конце сражения глаза его засверкали, он нахмурился и закричал почти.

Причиной этого необыкновенного оживления был флигель-адъютант Вольцоген (тот самый, который, проезжая мимо князя Андрея, говорил, что войну надо im Raum verlegen⁵, и которого так⁶ ненавидел Багратион⁷). Вольцоген приехал от Барклая, которого еще больше ненавидел теперь смертельно раненный Багратион, с донесением о проигрыше на левом фланге сражения.⁸

Наблюдательный и благоразумный Барклай де Толли,⁹ взвесив все обстоятельства дела, решил, что сражение было проиграно, и с этим известием прислал к главнокомандующему своего любимца.

Кутузов¹⁰ с трудом жевал принесенную ему из его избы жареную курицу и потому и не успел остановить Вольцогена вдали от свиты. Вольцоген слез с лошади и, небрежно разминая ноги, с полупрезрительной улыбкой на губах, подошел к Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Господин Вольцоген обращался с светлейшим с некоторой аффектированной небрежностью, имеющей целью показать, что он флигель-адъютант, во-первых, а во-вторых, как высокообразованный военный, предоставляет русским делать кумира из этого старого бесполезного человека. «Der alte Herr», как называли Кутузова в своем кругу немцы, — «weiss wohl nicht, wo ihm jetzt der Kopf steht»,¹¹ подумал Вольцоген и начал¹² докладывать старому господину положение дел на левом фланге так, как приказал ему Барклай, как он сам видел.

¹ След. два слова вписаны рукой Толстого.

² Зачеркнуто: и убеждение, что мы победили.

³ Следующий абзац — автограф на полях гранки.

⁴ Зач.: спокойное

⁵ verlegen исправлено из: versetzen. [Перенести в пространство,]

⁶ Слово: так вписано рукой Толстого.

⁷ Зач. вписанное рукой Толстого: теперь смертельно раненный

⁸ Зач.: которое ясно видел

⁹ Конец фразы — автограф на полях.

¹⁰ Зач.: сидел, понурился головой. Вместо зач. на полях вписаны след. двенадцать слов.

¹¹ Старый господин не знает теперь, где у него находится голова,

¹² Зач.: с разумной определенностью

— Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбить нечем, потому что войск нет, они бегут, и нет возможности остановить их, — докладывал он.

Никто из окружающих старого господина не видел в таком оживлении гнева, в которое он пришел при этих словах господина флигель-адъютанта фон-Вольцогена.¹

Он остановился жевать, удивленно, как будто не понимая того, что ему говорили, выпучил глаза на Вольцогена, потом молча толкнул курицу и тарелку наземь и грозно и величественно, как нельзя было ожидать от него, приподнялся на лавке:

— Как вы... как вы смеете, — делая угрожающие жесты трясущимися руками, закричал² он. — Как смеете вы, милостивый государь, говорить³ это мне.

— Неприятель отбит на всех пунктах... Передайте от меня генералу Барклаю,⁴ что его сведения неверны и что настоящий ход сражения известен мне, фельдмаршалу, — он ударил себя⁵ в грудь. Он опять сел на лавку и в молчании, которое воцарилось вокруг него, слышалось его тяжелое дыхание.

— Неприятель отбит, я лучше вас знаю, — повторил он, стараясь успокоиться и искоса взглянув на Вольцогена.

* № 246 (Т. III, ч. 2, гл. XXXVII).

Его положили на землю. Доктора, которые отпускали его, ненадежно переглянулись и сказали, что ему надо отдохнуть прежде, чем везти его в Можайск. Один из них с добрым лицом подошел к нему и молча поцеловал его в губы. Доктор этот хотел что-то сказать князю Андрею, но в это время⁶ его окликнули. Подле князя Андрея лежал солдат с⁷ отбитым задом и жалобно стонал, приговаривая: голубчики мои белые. Князь Андрей смотрел на него и оторвался от его жалкого, доброго лица только для того, чтобы взглянуть на нового раненого, которого, как и князя Андрея, шагая через⁸ других (вероятно, чиновного), несли на носилках. Из-за носилок виднелась с одной стороны голова с черными, нежными, вьющимися волосами, с другой — ¹ *Зачеркнуто*: Тяжелое тело его вдруг поднялось, он подвинулся на Вольцогена и, нахмурившись, *Вместо зач. на полях гранки рукой Толстого написан дальнейший текст, кончая*: как вы смеете,

² *Зач.*: на него. — *Ход сражения известен мне, как нельзя лучше! Вместо зач. вписано на полях, кончая*: говорить это мне.

³ *Зач.*: мне такой вздор.

⁴ *Зач.*: поздравление с победой и *вписан на полях дальнейший текст, кончая*: он ударил себя

⁵ *Далее конец гранки оборван. Восстанавливаем дальнейший текст по след. гранке, где он зачеркнут.*

⁶ *Зач.*: мимо самого его несли также *Дальнейший текст, кончая*: раненого, которого *вписан рукой Толстого над зачеркнутым.*

⁷ *Зач.*: оторванной рукой

⁸ *Зач.*: раненых и *надписано*: других

лихорадочными трепетаниями ходившая нога, из-под которой сочилась кровь. Князь Андрей¹ невольно соболез[нующе] смотрел на этого нового раненого.²

— Клади тут! — крикнул доктор. — Кто такой?

— Адъютант, князь какой-то.

Это был Анатолий Курагин, раненный³ ядром в ногу. Кость и жилы были перебиты, нога висела на коже.

Когда его сняли с носилок, князь Андрей слышал, как он плакал, как женщина, и видел мельком его прежде красивое,⁴ теперь безобразное, сморщенное и покрытое слезами лицо.

— Убейте меня! А? О!... о!... о!... Это не может быть! А? О боже.⁵ А? Mon Dieu, mon Dieu! Боже мой! Боже! Боже мой!...⁶ доктор неприятно поморщился на эти⁷ крики, но князь Андрей,⁸ который еще прежде, не зная, кто он, жалел его, узнав его, с какой-то новой восторженной радостью почувствовал в душе своей, в соединении с прежним воспоминанием злобы к нему, нежную жалость именно к этому человеку. Ему жалко было слушать его. Доктора осмотрели его и что-то поговорили. Подбежали два фельдшера и потащили отбивавшегося и до хрипа кричавшего, закатывающегося, как ребенок, Анатоля в палатку. Там послышались увещания, тихие голоса, на минуту всё замолкло,⁹ потом ужасный,¹⁰ жалобный крик¹¹ Анатоля послышался из палатки, но такой крик не мог продолжаться долго, он слабел. Князь Андрей смотрел уставшими глазами на других раненых и слышал, как пилили кость. Наконец силы оставили Анатоля. Он не мог кричать больше, и работа была кончена. Доктора что-то бросили, и фельдшера подняли и понесли Анатоля. Анатолий был бледен и только изредка всхлипывал. Правой ноги его не было. Его положили рядом с князем Андреем.

— Покажите мне ее, — проговорил Анатолий. Ему показали белую¹² ногу. Он закрыл лицо руками и зарыдал.

Князь Андрей закрыл глаза, и ему еще более хотелось плакать¹³ нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями.

¹ *Зачеркнуто: равнодушно и надписаны след. два слова.*

² *Зач.: только потому, что он первый был тут перед глазами.*

³ *Зач.: осколком в коленку и надписан рукой Толстого текст до конца абзаца.*

⁴ *Зач.: лицо и надписано: теперь безобразное*

⁵ Боже!

⁶ *На полях: <голубчики мои белые>*

⁷ *Зач.: женские вопли и надписано: крики*

⁸ *Далее до конца фразы — автограф.*

⁹ *Зач.: и вдруг*

¹⁰ *Вписано: жалобный*

¹¹ *Зач.: поднялся из груди Анатоля и надписано: послышался из палатки,*

¹² *Зач.: красивую*

¹³ *Дальнейший текст до конца — автограф, написанный на полях.*

«Сострадание, любовь к братьям и к любящим и к ненавидящим нас, да, та любовь, которую проповедывал бог на земле, которой меня учила княжна Марья, — вот оно, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив».

Его осторожно подняли, понесли и положили в лазаретную фуру.

* № 247 (Т. III, ч. 3, гл. I).¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

²Во всех без исключения письменных и изустных критиках на 4-й том Войны и Мира мне было замечено, что напрасно я излагал свой взгляд на историю, что я очень мило пишу военные сцены, но что рассуждать не мое дело и что всё, что я излагал, как новость, таким догматическим тоном — давно не только всем известно, но даже давно оставлено и ныне уже не в моде, что это мистическая, фаталистическая, боклевская школа истории. К несчастью, несмотря на то, что прежде, чем изложить такие, как мне казалось, странные и противоречащие общему взгляду мысли, я перечитал много, чтобы узнать, насколько я в своем взгляде расхожусь с другими людьми, думавшими о том же, я не нашел нигде этой мистической или какой другой школы, на которую мне указывают. Еще к большому несчастью, ни один из тех критиков, которые говорили мне, что это давно известно, не указали мне на те сочинения, в которых бы я мог найти это давно известное. Так что в начале 5-го тома, излагая опять некоторые мысли касательно истории, я иду на риск повторять давно известное, но не могу воздержаться от этого, потому что чувствую необходимость поделиться тем радостным чувством, которое мне доставили эти мысли, с читателями, которые, может быть, некоторые думают так же, как и я, и так же, как и я, по несчастной случайности не попадали на те сочинения мистической или боклевской школы, в которой всё это давным-давно изложено и вышло уж из моды. Тем более считаю нужным поделиться с публикой этими мыслями, что мысли эти были для меня не одной умственной забавой, но оказались весьма плодотворными в том труде, которым я был занят. Не имея замысла исключительно исторического при сочинении моей книги, мне, не имеющему ни военных познаний, ни богатых ¹ *Наверху гранки рукой Толстого написано:* (Набрать мелким шрифтом в выноску то, что замарано и вычеркнуто с того места, где стоит (с).

Исправив, послать к Пет[ру] Ив[ановичу] и верстать).

На гранке обильная правка рукой Толстого.

² *Зачеркнуто:* Движение общей человеческой жизни совершается во времени.

Также

новых материалов, удалось¹ только с помощью этого взгляда на историю осветить под новым и, как кажется, верным углом некоторые исторические события, как² говорят критики.³ Я на опыте убедился, что этот взгляд на историю весьма плодотворен для исторических открытий и потому считал нужным изложить его, ежели он⁴ новый, или повторить его, ежели он старый.⁵

Для человеческого ума⁶ непостижимы абсолютная непрерывность⁷ и⁸ делимость силы. Человек постигает законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольные единицы времени и силы. Раскаленная полоса железа охлаждается. Для того, чтобы найти закон, по которому происходит⁹ движение теплорода, мы должны произвольно разделить раскаленную полосу на вершки и дюймы и время нашего наблюдения на минуту и секунды, и на этих произвольно взятых величинах наблюдаем процесс охлаждения. Чем крупнее периоды или единицы мы будем брать для наблюдения, тем дальше мы будем находиться от истины.¹⁰ Чем меньше единицы,¹¹ тем вернее будут наши выводы. В взятом примере охлаждения полосы железа этот закон отыскивается только тогда, когда мы допустим бесконечно малые единицы объема и времени, то есть когда мы приблизимся к абсолютной непрерывности и к абсолютной делимости, к тем свойствам, при которых происходит явление.

Закон этот находится тогда только, когда мы дифференцируем процесс охлаждения. Только посредством теории бесконечно малых мы приближаемся к решению вопроса.

¹ *Зачеркнуто:* мимоходом, как говорят критики *и вписаны на полях след. семь слов.*

² *Зач.:* например <нить мысли> специальный пример Шевардинского редута. Ежели мне удалось это сделать, то отнюдь не потому, чтобы я был счастлив, или потому, что у меня талант, как

³ *Зач.:* но только потому, что я смотрел на исторические события так, как я изложил это в 4-м томе.

⁴ *В рукописи вместо слова: он написано ошибочно: его*

⁵ *Зач.:* Точка положения всего человечества в известный момент есть только сумма произвола всех людей. Движение человечества совершается непрерывно и проистекает из бесчисленных людских личных произволов. Уловление законов непрерывного движения этой суммы всех человеческих произволов есть цель истории.

⁶ *Зач.:* конечно, недоступна мгновенная

⁷ *Зач.:* движения, такой непрерывности, в которой *не было бы* отдельных моментов, а все моменты сливались бы вместе, или, другими словами, в которой бы моменты непрерывности были бы бесконечно малые; и точно так же кажется недоступна возможность выводов из всех произволов людей.

⁸ *Зач.:* абсолютная

⁹ *Зач.:* этот процесс непрерывного охлаждения,

¹⁰ *Зач.:* от постигновения закона, по которому происходит явление.

¹¹ *Зач.:* чем ближе к совершенной непрерывности движения,

В отыскании законов исторического движения (которое, однако, может быть целью истории) происходит совершенно то же.¹ Движение человечества совершается непрерывно и вытекает из бесчисленного количества людских произволов.

Для того, чтобы постигнуть² законы непрерывного движения этой суммы всех произволов людей,³ ум человеческий допускает произвольные прерывные единицы и периоды в этом движении, и на основании сравнения этих произвольных единиц и периодов стремится постигнуть закон истории. Первый прием истории для объяснения исторических явлений состоит в том, чтобы взять произвольный ряд непрерывных событий и рассматривать его отдельно от других, тогда как нет и не может быть начала никакого события, всегда одно событие непрерывно вытекает из другого.

Второй прием состоит в том, чтобы рассматривать действия одного человека — царя, полководца, как сумму произволов людей, тогда как сумма произволов людских никогда не выражается в деятельности одного исторического лица. Историческая наука в движении своем постоянно принимает всё меньшие и меньшие единицы для рассмотрения и этим путем приближается к истине. Но, как ни мелки единицы, которые принимает история, мы чувствуем, что допущение единицы, отделенной от другой, допущение *начала* какого-нибудь явления и⁴ допущение того, что произволы всех людей выражаются в действиях одного исторического лица⁵ — ложно само по себе. С трудом и усердием работает ум человеческий для построения этих периодов, этих прерывных единиц в движении человеческом, только в этом искусственном построении видя возможность объяснения явлений истории, и с таким же трудом и усердием работает тот же ум человеческий для разрушения этих искусственных прерывных единиц, только в непрерывности движения видя возможность постигновения законов истории.

Всякий вывод истории без малейшего усилия со стороны критики распадается, как прах, ничего не оставляя за собой, только вследствие того, что критика берет за наблюдения большую или меньшую прерывную единицу, на что она всегда имеет право, так как взятая историческая единица всегда произвольна.

¹ *Зачеркнуто*: что приведение примера при отыскании законов охлаждения полосы железа. Ум человеческий *Вместо зач. на полях вписана след. фраза.*

² *Зач.*: сумму всех произволов и закон непрерывного движения *Вместо зач. вписаны на полях след. восемь слов.*

³ *Зач.*: есть цель истории

⁴ *Зач.*: выражения произволов в одном лице *Вместо зач. на полях вписан дальнейший текст, кончая зачеркнутым (сноска 5).*

⁵ *Зач.*: всегда уже невозможно по сущности вопроса.

Только допустив бесконечно малую единицу для наблюдения — дифференциал истории и достигнув искусства интегрировать: брать суммы бесконечно малых, мы можем надеяться на постигновение законов истории.¹

[Далее автограф от слов: Первые 15 лет 19-го столетия кончая: положение стрелки есть причина движения колоколов *близко к печатному тексту. Т. III, ч. 3, гл. I.*]

№ 248 (Т. III, ч. 3, гл. II).²

<Бородинское сражение представлялось победой всем его участникам. Как о победе доносил о нем фельдмаршал и как несомненная победа, подобная Полтавской, осталось оно в сознании русского народа.

Всякий русский мальчик, учащийся читать, знает, что Бородинское сражение есть слава русского оружия и что оно — выиграно. Но тот же мальчик, возрастая и начиная читать *научные* военные сочинения, узнает, что сражение, после которого отступило войско, проиграно; вслед за Бородинским сражением войска отступили, и Москва отдана неприятелю. Кто из русских людей, воспитанных на убеждении, что Бородинское сражение есть лучшая слава русского оружия, есть победа — не приходил в тяжелое и грустное недоумение, читая эти научные, иностранные и, что еще убедительнее, русские, писанные под иждивением правительства, описания этой войны? После Бородина русские отступили и французы заняли Москву, следовательно, говорят историки, русские проиграли сражение. Но сознание народа, которое основывается не на историях, а на своих страданиях и радостях, торжествует³ Бородинское сражение, как лучшую свою победу. Народное сознание не спрашивает себя, что такое есть выигранное или невыигранное сражение, что такое стратегия и тактика. Что намерен был сделать Кутузов или Наполеон? Народное сознание ощущает события во всей их непрерывности. Для народного сознания от Немана в июле до Немана в ноябре представляется непрерывный ряд военных событий.>

¹ *Зачеркнуто:* При рассматривании различных явлений дифференцизм дан, будет различен не по величине (ибо они всегда бесконечно малые), но по свойству. Но при одном рассматриваемом явлении и он только под условием однородности может быть принят дифференцизмом. Так при вопросе войск для них представляется возможность допустить дифференцизмом возможность каждого солдата завоевывать или защищать страну, то есть то, что называется духом войска. Уметь именовать эти дифференцизмы есть другой вопрос. В нем лежит вся трудность. И к [в рукописи: в] ней должна стремиться история.

² *Ср. варианты №№ 205 и 230.*

³ *В корректуре ошибочно:* торжествуются

VIII

Во второй раз, уже в конце Бородинского сражения, сбежав с батареи Раевского, Пьер с толпами солдат направился по оврагу к Князькову и тут нашел своего берейтора, сидевшего за деревом и державшего одну раненую и одну еще целую лошадь.

Берейтор, увидав барина, подбежал к нему и настоятельно требовал, чтобы Пьер сядил на верхом и ехал к Можайску. Берейтор говорил, что проезжавший генерал велел всем идти назад, что надо спешить: иначе в Можайске они не найдут лошадей и коляску. Пьер был рад, что от него требовали чего-нибудь. Он так был измучен физически и нравственно тем, что он пережил в этот день, что он не имел никакого желания и не знал, что с собой делать. Он покорно сел на поданную ему лошадь и поехал по дороге к Можайску,

[Далее от слов: Одного, чего желал Пьер всеми силами своей души... кончая: была духота и пыль, совпадает с окончательным текстом. Т. III, ч. 3, гл. VIII.]

<Проехав несколько верст по Можайской дороге, между солдатами и подводами, везшими раненых, Пьер заметил дорожку, ведущую влево. Дорожка эта красиво вилась между полями и кустарником. Два запыленные казака ехали по ней, и вдаль за лесом виднелась деревня, своим видом напоминая тишину и безмятежность. Бессознательно желая отдохнуть от тяжелого вида раненых, тянувшихся по Можайской дороге, и от пыли, Пьер свернул лошадь на эту красивую, уединенную дорожку и поехал по ней.

Не доезжая деревни, Пьер встретил обозы телег, наложенные мужицким добром выкочевывающих жителей. Впереди телег гнали скотину. В телегах ехали женщины с детьми. За возами шел народ. Женщины выли. Около самой околицы Пьер съехался с казаками, въезжавшими в деревню и выезжавшими из нее.

— Чисто, брат, вышарили! Евдокимовской сотни была переж нас! — проговорил один из выезжавших казаков другому. Пьер въехал в околицу. Деревня была пуста, только у колодца стояли два казака и поили лошадей в корыте. Пьер проехал мимо них, направляясь к большой избе, у которой виднелся человек.

Было уже 6-й час вечера. Солнце, садясь, вышло из-за туч и косыми лучами освещало крыши одной стороны дома. В деревне было совершенно тихо. Слышно было только, как скрипел ворот колодца, у которого казаки поили лошадей. Гул орудий и стихал, и казался далеким, как гром заходящей грозовой тучи.

Подъезжая ближе к сидевшему на завалинке человеку, Пьер рассмотрел его и увидел, что это был старик в шубе и высокой теплой шапке. Он сидел на завалинке, опустив голову, корявыми, с сведенными пальцами, руками, опираясь на сделавшийся гладким от употребления костыль. Пьер остановился против него и слез с лошади.

— Послушай, старик, — сказал Пьер. Старик мертвыми, слезливыми глазами посмотрел на Пьера, повел губами и опять опустил голову.

— Что это у вас в деревне делается? Куда это едут? — спросил Пьер.

— А? Чаво? — сердито сказал старик. Пьер повторил вопрос.

— Куда едут? — повторил старик. — За Мекешенску. Там у нашего барина, Михаила Сидоровича, знаешь, уж ему мнук теперь, так у него вотчина там по Верейской. Туды погнали народ...

— Да кто же их погнал?

— Кто погнал? От гнева божья поехали. Вон слышишь что ль. — Старик прислушался к гулу орудий.

— Бог наказал. Он и помилует. Он-то, чуешь, — помолчав, проговорил старик.

— Что ж ты не уехал?

— Куда ж я от бога уеду? Он, родимый, везде найдет... Разве от бога можно? Ведь мне сто годов. Да ты чаво? — спросил старик у Пьера. — Хлеба хочешь? Поди, поешь. — И старик указал на свой дом. — Поди, ничего. — Пьер, задумавшись, смотрел на старика.

— Бу, бу, бу! И, и, и, и! — послышался вдруг странный нечеловеческий, приближающийся крик по улице. Пьер оглянулся и увидел бегущее странное, низенькое существо с сплюснутым лицом, рыжей бородой и коротко обстриженной большой головой. На нем была одна бабья, грязная рубаха. Загорелые по икры, тупые ноги были босые. Рукава болтались, и руки были просунуты на груди под рубаху.

— Бу, бу, бу! — как бы заикаясь, кричало и потом пронзительно, не по-человечески, начинало визжать это существо и подпрыгивать босыми ногами.

— Ведь не пошел с народом! — с видимым удовольствием сказал старик. — Блаженный! — прибавил он Пьеру.

Блаженный подбежал к старику, поспешно привычным жестом всунул свои маленькие нерабочие руки в рукава рубахи, открыв свою красно-загорелую по разрезу грудь и, с свойственным немым быстротою и выразительностью лица и движений, стал знаками что-то рассказывать. Пьер догадывался, что он рассказывал про народ, про солдат, про убитых, но старик, очевидно, вполне понимал его. Оглянувшись на Пьера, блаженный нахмурился, и потом вдруг лицо его просияло нежной, детской улыбкой.

— Бу, бу, бу! — забормотал он и, подойдя к Пьеру, стал обеими руками, лаская, гладить его по плечу. Потом, взяв поводья лошади, он стал обнимать ее за шею и целовать в голову и ноздри.

Старик, как ни странно было это выражение на его лице, почти с улыбкой смотрел на него.

Немой, со всех сторон расцеловав лошадь, пустил поводья и стал креститься и кланяться в землю, подсовывая свою стриженую голову под самые ноги лошади. Лошадь осторожно приподнимала ноги, когда голова юродивого толкала их, и иногда осторожно держала их над головой его и обносила их, и неловко становилась, чтобы не задеть юродивого.

— Баит, напоить надо, — сказал старик Пьеру, переводя знаки юродивого, который, делая вид, что он всасывает что-то, указывал Пьеру на лошадь. Сделав знак согласия юродивому, Пьер сел подле старика на завалинку. Казаки, поившие у колодца, садились на лошадей. Немой, твердо ступая своими тупыми, босыми ногами по сухой дороге и беспрестанно оглядываясь на лошадь, шел к колодцу. Гул выстрелов начинал затихать, и солнце совсем скрылось.

— Что он, от рожденья такой? — спросил Пьер.

— Сеня-то? Божий человек! Он, я тебе скажу какой... — начал было рассказывать старик.

Но в это время у колодца послышался нечеловеческий, пронзительный крик. Один из казаков, очевидно, вырвав поводья лошади у дурачка, тянул ее за собой, другой плетью подгонял лошадь. Сеня с побагровевшим, искаженным злобой лицом, оскалив зубы, визжал пронзительно, согнувшись и зажав кулаки между ногами.

— Ай, ай, ай... Бу, бу, бу! Ай! Ай! ой!.. — кричал он, топоча на одном месте босыми ногами. Пьер бросился к колодцу; но казак, ударив по лошади, выскакал за околицу.>

* № 250 (Т. III, ч. 3, гл. XXVII—XXIX).¹

²(Новая глава)

Расходившееся звездой по Москве всачивание французов во всё утро 2-го сентября не достигло еще квартала, в котором жил теперь Пьер.³

¹ *Вариант, почти весь написанный Толстым собственноручно на отдельных листах и на гранках.*

² *Зачеркнуто:* Вернувшись домой <в свой новый дом> поздно вечером 1-го сентября <после приобретения пистолета и встречи своей с Ростовыми> в свою новую <дом в> квартиру <в доме> Баздеевых, Пьер заперся в кабинете Иосифа Алексеевича и, имея в руках приобретенный пистолет, предался вполне своим новым мыслям.

³ *Зач.:* Только в четвертом часу вечера

Пьер¹ выходил² в это утро в своем новом одеянии, чтобы узнать о том, что делалось в городе. Дойдя до Тверского бульвара, он встретил двух дворовых людей, которые сообщили ему, что французы вошли в город.³

Узнав это,⁴ Пьер вернулся домой⁵ с тем, чтобы взять пистолет и идти⁶ навстречу Наполеону, который, он полагал, сделает торжественный въезд в Москву.

Пьер находился в продолжение последних двух, уединенно проведенных дней в кабинете Иосифа Алексеевича, в состоянии, близком к сумашествию, — не потому, чтобы ум его потерял способность ясно мыслить, но потому, что и умом и всем существом его овладела одна неотвязная мысль — мысль о деле, которое он должен был совершить. Он сам не знал, как и когда овладела им эта мысль, сначала представлявшаяся как возможность, потом как надобность и, наконец, как неизбежность, но мысль эта владела им так, что он ничего не помнил из прошедшего, ничего не понимал из настоящего, что всё, что он видел и слышал, проходило перед ним, как во сне, и что только одна эта минута неизбежного будущего поступка поглощала всё его внимание. Сначала он, как бы шутя, сказал себе, убегая из дома, что он мог бы сделать это, потом ему представилось, что это было бы хорошо, и, наконец, он почувствовал, что ему нельзя не сделать этого, что это неизбежно.

В особенности ясно он стал чувствовать это с той минуты, как у него в руках был пистолет. Встреча с Ростовой, взгляд, улыбка и слова Наташи, которые в другое время могли совершенно изменить все его мысли, теперь только еще более укрепили его в его намерении. «Прежде я бы мог ехать с ними, я бы мог быть с нею», подумал он, «но теперь всё для меня кончено, теперь надо делать. Один за всех! я должен совершить»... Представление того студента в Вене в 1809 году, который покушался на жизнь Бонапарта и был казнен и о котором много читал и слышал Пьер, беспрестанно возникало в воображении Пьера. И то, что при исполнении своего намерения он рисковал жизнью, еще более возбуждало Пьера.

«Зачем он кинжалом хотел убить его», думал Пьер. «Кинжалом трудно нанести смертельную рану. И вдруг на нем кольчуга».⁷ Пьер вздрагивал, воображая, как кинжал его ¹ *Зачеркнуто*: был дома. Он

² *Зач.*: поутру, чтобы узнать, не вступил ли Наполеон, но, узнав от французских солдат, что <Наполеон не вступил еще в Москву> торжественное вступление Наполеона отложено до другого дня, вернулся в свое новое жилище. *Вместо зач. вписан новый текст, кончая*: въезд в Москву.

³ *Зач.*: и что царь их проехал в Кремль по Арбату.

⁴ *Зач.*: подробности

⁵ *Зач.*: и зарядил

⁶ *Зач.*: отыскивать Наполеона.

⁷ *Зач.*: Эта минута ужасна.

ударится о кольчугу. «И потом надо слишком близко подойти. Нет, я подойду — вот так». Пьер встал и прицелился в угол шкафа. — Не я, а рука Провидения казнит тебя, — проговорил Пьер¹ слова, которые он намерен был сказать Наполеону, убивая его.²

«Но пора, пора, нечего мечтать, надо действовать», сказал себе Пьер и с особенной аккуратностью, засучив рукава, он подошел к столу, осторожно положил на него пистолет и симметрично разложил порох и пулю, приготавливаясь заряжать. «Сначала надо продуть, осмотреть кремь», сказал он себе, «потом порох, пулю, потом я напишу несколько слов³ о своем поступке и бумагу эту возьму с собою. Пускай они прочтут это,⁴ ежели они возьмут меня.⁵ Пускай Наполеон узнает, с кем он имеет дело». И, обдумывая то, что он напишет в этой бумаге, Пьер сел за стол.

Дверь кабинета отворилась, и желтый, безбородый старичок Герасим с непривычно взволнованным лицом показался на пороге.

— Что ты?⁶ Что? — беспокойно сказал Пьер.⁷

— Да неблагополучно у нас.

— Что такое, что?⁸ — быстро спросил Пьер. — Пришли?

— Говорят, пришли, — отвечал Герасим, — да я не об этом. Барин наш, Макар Алексеич, закурили. Не досмотрел я, они тут где-то и выпили, теперь⁹ бунтуют, мушкетон достали где-то, как бы беды над собой не сделали какой. Осмелюсь попросить, может они вас послушают.¹⁰ Да вот они и сюда идут.

В это время¹¹ вместе с звуком блока¹² двери в коридоре¹³ слышались вместе¹⁴ громкий голос мужчины и плачущий голос женщины.

Пьер вышел в коридор. Макар Алексеевич в своем обычном¹⁵ халате, но нараспашку и с красным изменившимся лицом и бегающими глазами, шел по коридору. В одной руке он держал короткое ружье с расширяющимся дулом (называвшееся мушкетонном),¹ *Зачеркнуто*: и вздрагивал и улыбался.

² *Зач.*: Порох и пули лежали на столе, но Пьер не умел зарядить, и он вышел в дверь, чтобы позвать Герасима.

На полях: <На Козихе он> встретил, верную. Блок, кухарка.

³ *Зач.*: своим и оставлю

⁴ *Зач.*: когда

⁵ *Зач.*: Пьер достал бумагу и перо и приготовился писать.

⁶ *Зач.*: Не мешай мне.

⁷ *Зач.*: — Ваше сиятельство, осмелюсь попросить, у нас

⁸ *Зач.*: с ис[пугом]

⁹ *Зач.*: ходят

¹⁰ *Зач.*: Они в кухне

¹¹ *Зач.*: слышался

¹² *Зач.*: входной

¹³ *Зач.*: закричали

¹⁴ *Зач.*: пьяный, страшный голос и визгливый

¹⁵ *Слово*: обычном *переделано из*: обыкновенном

другой рукой он тащил за платье визжавшую кухарку Мавру.

— Ты — шпионша? — кричал он. — Ты¹ оружие отнять хочешь. Ты кто? Ты — баба. Изрублю.²

Пьер остановился в недоумении против пьяного человека. Макар Алексеевич тоже смутился в первую минуту при виде Пьера, но, заметив его нерешительность, тотчас же ободрился.

— Граф, — закричал он, — ты — патриот? Патриот ты? Нет? Ты кто?³ А? Или ты — подлец.

— Барин, пожалуйста, сделайте милость, оставьте, — говорил Герасим, высвободив кухарку из рук пьяного и осторожно стараясь повернуть его назад за локти.

— Ты кто? Бонапарт? — кричал Макар Алексеевич, обращаясь к Герасиму.

⁴ — Это хорошо, сударь, да вы, пожалуйста, Макар Алексеич, вы отдохните.

— Прочь, раб презренный, не прикасайся, — крикнул Макар Алексеич, — тебе я говорю, граф. Ты подлец или нет?⁵

— Батюшка! Сударь, — уговаривал Герасим, наступая на Макара Алексеевича, — пожалуйста...

— Уйду! Он — подлец.

И опять засвистел блок у входной двери,⁶ и слышно было, как Макара Алексеевича вытащили за дверь.

Тотчас после этого в сенях раздались крики нескольких женских голосов и Пьер⁷ вышел в сени. Макара Алексеевича тут не было, и крики были вызваны не им: его увели в кухню. На крыльце стояла кухарка и две женщины, из которых одна (ее видал прежде Пьер: это была соседка, вдова, купчиха Белобокова) плачущим голосом⁸ кричала что-то.

— Всю дочиста ограбили, злодеи, только выехали на Козиху, наסקакали пятеро и повозку, и лошадей — всё отняли, насилу сами ушли.

Другая женщина, кухарка вдовы, рассказывала то же.⁹

¹ *Зачеркнуто:* у меня

² *Зач.:* изрублю

³ *Зач.:* Бери оружие, иди защищать Россию.

⁴ *Зач.:* Они пойдут

⁵ *Зач.:* <Герасим> Пьер поспешно повернулся и ушел опять в кабинет, заперев за собой дверь. Несколько времени он слышал еще в коридоре голоса, крики и борьбу. Наконец, чтобы не видеть неприятного зрелища этого пьяного старика

⁶ *Зач.:* и всё затихло. Пьер зарядил, как умел, пистолет, оделся и вышел в сени, чтобы посмотреть, убрали ли Макара Алексеевича, с которым он боялся встретиться. Но ско[ро]

⁷ *Зач.:* движимый невольным любопытством, вышел посмотреть, узнать причину этих криков.

⁸ *Зач.:* рассказывала, жаловалась

⁹ *Зач.:* Как успел понять Пьер из их рассказов, дело было в том, что они собрались ехать нынче из Москвы и их встретили французские солдаты и отняли у них все, что у них было. Пьер поспешно подошел к женщинам, чтобы расспросить их о том, что с ними было. Обе

Увидав Пьера, одетого в кафтан, обе женщины, принимавшие его за приказчика Баздеева, обратились к нему с своими рассказами. Они выехали нынче утром в повозке с тем, чтобы ехать в¹ Боровск, как их на² Спиридоновке остановили французские солдаты и отняли всё, что у них было, и повозку, и даже кучера увели с собой.³

— Что ж они сказали вам? — спросил Пьер.

— Да разве поймешь? — отвечала женщина. — Нищей оставили.

— Французы, французы, матушка, ей-богу они, — закричал вдруг мальчик, вбегая с улицы в калитку. Женщины всполошились бежать к своему дому, но⁴ тотчас же вернулись назад и взбежали на крыльцо,⁵ испуганные, бледные и дрожащие.

⁶Пьер невольным движением надвинулся вперед, чтобы узнать причину страха, и на крыльце встретился лицом к лицу с двумя французами.

Французы были оба офицеры, как Пьер тотчас узнал по их мундирам.⁷ Оба были невелики ростом. Один из них — вероятно, младший чином (потому что он почтительно обращался к другому, называя его *capitaine*), был сухощавый, мускулистый, широкоплечий, загорелый мужчина с грубым, и⁸ веселым, и молодецким выражением ничтожного лица. Другой, которого звали капитаном, с первого же взгляда поразил Пьера своим утонченно-истомленным, но гордым видом породистого и необыкновенно нежно-красивого лица.⁹ Пьер тотчас же узнал в нем не врага-француза, а своего брата аристократа, воспитанного на тех же основаниях, на которых он и сам был воспитан, узнал такого человека, которых он близко знал многих и в России, и за границей и из которых он любил многих. Действительно, Пьер не ошибся, это был Мервиль (который был бы *comte de*¹⁰ Мервиль, ежели бы он не вернулся из эмиграции и не стал служить в армии узурпатора, в которой он теперь занимал место¹

Зачеркнуто: Троицу

² *Зач.:* Ильинке

³ *Зач.:* — Кто же они были?

В середине их рассказа мальчик, бывший на улице, стремглав бросился в калитку с криком

⁴ *Зач.:* встретив у калитки французов

⁵ *Зач.:* сопутствуемые <тремя> французом, который за ними вошел на крыльцо. У калитки стояли другие французы, верхом, и держали в поводу лошадь того француза, который вошел в калитку.

На полях: (Ему <незачем> некогда, видит начало [?] пожара.)

⁶ *Зач.:* Вошедший француз был офицер, как сейчас узнал Пьер по мундиру.

⁷ *Зач.:* Один из них был высокий

⁸ *Зач.:* добродушным выражением]

⁹ *Зач.:* Действительно это был

¹⁰ [граф де]

capitaine de hussards.¹ Другой был Эмиль Кадор,² бывший enfant de Paris,³ теперь lieutenant,⁴ украшенный орденом Легиона чести.

Мервиль, вошедший впереди и увидав молодую женщину, Белобокову, обойдя взглядом Пьера, приподнял шляпу,⁵ улыбнулся с очевидно настоящей сердечной учтивостью и доброжелательством (причем его красивое лицо сделалось еще красивее) и обратился к ней; что-то порядочное, d'un enfant de bonne maison,⁶ что так родно было Пьеру, было в его улыбке и словах. И Пьер тотчас невольно с сочувствием узнал в нем своего брата.⁷

— Pardon, madame... quartire,⁸ — говорил офицер, видимо искренне тяготясь своим положением победителя и стараясь скрыть под учтивостью всю выгоду своего положения.

— Nous ne ferons point de mal à nos hôtes, vous serez contents de nous. Si cela ne vous dérange pas trop⁹, — говорил он,¹⁰ оглядываясь вокруг себя.

— Et que diable, est ce que personne ne parle français ici?¹¹ — крикнул Кадор своим резким, твердым и грассирующим голосом.

Никто не откликнулся ему, и Пьер, который в это время нечаянно встретился с остановившимися на его лице глазами Мервиля, поспешил¹² податься назад.

— Je vous le disais bien, capitaine, — продолжал Кадор, — que vous ne trouveriez que des f... moujiks dans cette... de quartier. Il faudra se faire entendre par des signes avec ces sauvages de terre ferme.

— Je reste ici tout de même,¹³ — кротким и ленивым голосом отвечал Мервиль.

— Ah, bonne chance, la petite sauvage. J'irai voir à coté,¹⁴ — и Кадор, брэнча саблей и прокричав что-то конным французам, стоявшим у калитки, вышел опять на улицу.

¹ [гусарского капитана.]

² *Осталось по ошибке: сын и зачеркнуто: прованского*

³ [дитя Парижа,]

⁴ [лейтенант,]

⁵ *Зач.:* и обра[тился]

⁶ [отпрыска хорошего дома,]

⁷ *Далее в рукописи, кончая: ne parle français ici? вклеен вырезанный кусок корректуры с поправками Толстого.*

⁸ [Извините, сударыня... квартира,]

⁹ [Мы не причиним вреда нашим хозяевам, вы нами будете довольны. Ежели вас это не очень стеснит,]

¹⁰ *Зач.:* хорошим французским языком с итальянским акцентом.

¹¹ [Чорт возьми, здесь никто не говорит по-французски?]

¹² *Зач.:* удалиться

¹³ [Я же вам говорил, капитан, что вы найдете только... мужиков на этой... квартире. Придется объясняться знаками с этими дикарями с материка.]

— Тем не менее я остаюсь здесь,]

¹⁴ [А! Желая успеха! дикарочка... Я пойду посмотрю рядом,]

Мервиль пошел в дом. В то время, как он по сеням подходил к двери в коридор, из-за дверей кухни опять послышался пьяный голос Макара Алексеевича, и не успел француз¹ дойти до коридора, как из дверей, очевидно вырвавшись от Герасима, высунулся Макар Алексеевич с мушкетонном в руках. Мервиль обернулся и в это же мгновение Макар Алексеевич, прокричав что-то бессмысленно, прицелился в француза и выстрелил. Но в то же мгновение, как он прицеливался, Пьер,² только что пропустивший мимо себя француза и стоявший у дверей, бросился на пьяного и вырвал у него мушкетон в самый тот момент, как раздался оглушивший и обдавший всех порохом дымом выстрел, всадивший пулю в потолок.

Макара Алексеевича так отдало выстрелом из заржавелого мушкетона, что он упал, женщины завизжали в темноте сеней, наполненных дымом. Пьер бросился к нему.

— Vous n'êtes pas blessé?³

Бледный, испуганный офицер⁴ в первую минуту не мог опомниться. Он⁵ видел движение Пьера и не понимал, что всё это значило.

Но не успел Пьер договорить, как в сени вбежал с кровью налившимся решительным лицом и с пистолетом в руке сопутствуемый солдатом Кадор, услышавший выстрел.

— Je vous le disais bien,⁶ — закричал он, подбегая к Пьеру, так как Пьер был единственный человек, оставшийся в сенях после выстрела, и направляя ему в голову пистолет с взведенным курком, от которого Пьер, морщась, старался отклониться.

— Faut-il que je lui casse le crâne, capitaine? Tout de suite ou bien... C'est lui qui a tiré?

— Mais non, au contraire,⁷ — говорил Мервиль.

— Quand j'ai vu cette vilaine face, je me suis dit...⁸ — говорил он, не спуская пистолета.

— Mais au contraire, c'est lui qui m'a sauvé la vie...

— Une vilaine face, capitaine. Ces gredins de moujiks doivent être menés ferme...⁹

Хотя, наконец, Кадор, казалось, понял, в чем дело, и спустил¹ *Зачеркнуто*:
повернуться

² *Зач.*: стоявший у дверей

³ Вы не ранены? *Зач.*: Il paraît que non. [Кажется, нет.]

⁴ *Зач.*: долго не мог

⁵ *Зач.*: испуганно оглядывался

⁶ [Я же вам говорил,]

⁷ [Проломить ему череп, капитан? Сейчас же или... Это он стрелял?

— Да нет, напротив,]

⁸ [Как только я увидел эту скверную рожу, я сказал себе...]

⁹ [Да нет, напротив. Он спас мне жизнь. Это — сумасшедший...]

— Отвратительная рожа, капитан. Этим негодяев мужиков надо крепко держать...]

курок пистолета, он продолжал строгим, жестким и величественным видом поглядывать на Пьера.

— A bah! alors c'est différent,¹ — сказал он наконец.

— Vous dites qu'il parle français. Parlez vous français, mon gros?² — обратился он к Пьеру. Пьер, пожав плечами, молча обратился к Мервилю.

— Mais quand je vous dis...³

— Tant pis,⁴ — сердито перебил его Кадор. — Et bien, ça vous regarde, capitaine, — сказал он, — mais si par hasard vous aviez besoin de moi, vous n'avez qu'à me faire savoir. Je les vu à l'œuvre ces gredins de moujiks à Smolensk, capitaine,⁵ — и, бросив внушительно строгий взгляд Пьеру, он ушел занимать себе квартиру.

Мервиль, как бы извиняясь за грубость своего товарища, взял Пьера под руку и пошел с ним в дом.

— C'est un bon garçon, ce Cadore, mais vous savez à la guerre comme à la guerre. Eh bien, mon cher, sans vous je risquais de manquer le plus beau moment de la campagne.⁶

Несмотря на видимое желание Мервиля поговорить с Пьером, обласкать его и выказать свою благодарность за спасение жизни, его, видимо, занимал более какой-то другой вопрос, который мешал ему удовлетворить этому желанию.

— Qui que vous soyez, vous comprenez que je me sens lié à vous par des liens indissolubles. Disposez de moi,⁷ — сказал он Пьеру. — Le moindre que nous puissions faire c'est de nous connaître l'un l'autre,⁸ — сказал он. Он назвал свою фамилию и вопросительно посмотрел на Пьера.

— Вы меня извините, что я не могу сказать вам своего имени, — сказал Пьер, но не успел он договорить, как Мервиль поднял руки, говоря, что он не хочет и не требует этого.

— Но это — ваш дом? — сказал он. Пьер отвечал отрицательно, и наступило молчание, во время которого, как казалось Пьеру, француз беспокойно оглядывался.

— Но вы дома, я понимаю, вы нанимаете?

— Да и нет, но...

¹ [А, вот что, тогда другое дело,]

² [Вы сказали, что он говорит по-французски. Вы говорите по-французски, мой толстяк?]

³ [— Но раз я вам сказал...] *Зачеркнуто*: qu'il parle français

⁴ [Тем хуже,]

⁵ [Ладно, это ваше дело, капитан, но если бы я вам случайно понадобился, вы только дайте мне знать. Я их видел за работой в Смоленске, этих негодяев из мужиков, капитан,]

⁶ [Он славный малый, Кадор, но вы знаете, на войне как на войне. Итак, милый мой, без вас я подвергался опасности пропустить самый прекрасный момент всей кампании.]

⁷ [Кто бы вы ни были, вы понимаете, я чувствую, что связан с вами неразрывными узами. Располагайте мной,]

⁸ [Самое меньшее, что мы можем сделать — узнать друг друга,]

Опять молчание, во время которого Мервиль оглядывался и вдруг с скорбной и стыдливой улыбкой он сказал:

— Mon cher, je meurs de faim, est ce que vous ne pourriez me donner quelque chose?...¹

Последнее чувство враждебности к Мервилю, которое оставалось еще в душе Пьера, исчезло при этих словах. Он пошел к Герасиму и попросил его подать поесть и выпить того, что было.²

Новая глава

Когда принесена была яичница, самовар и водка, француз настоял, чтобы Пьер съел или выпил с ним вместе, и Пьер, не евший еще в этот день, охотно согласился. Должно быть, Мервиль испытывал, глядя на Пьера, то же чувство родства и сознание братства, которое испытывал Пьер, глядя на него: он начал говорить с ним откровенно о ходе войны.

³Мельвиль недоумевающе спрашивал Пьера, что такое значило настоящее положение Москвы, к чему подвести⁴ его: сдана ли Москва? В этом случае отчего же не было депутации от жителей?⁵ С бою ли отдана она? Тогда отчего не дрались на улицах? Разрушена ли она, как в Скифской войне и как было с другими русскими городами? Тогда отчего же она осталась со всеми богатствами? Это было против всех правил, против всех преданий истории.

Пьер ничего не мог отвечать ему на это, он еще сам не понимал, что такое значила эта Москва в это после обеда 2-го сентября. Он⁶ отвечал своему собеседнику, что по некоторым причинам, о которых он ничего не может сказать, лишили его возможности знать то, что делалось в городе. Но ему доставляло удовольствие видимое смущенное недоумение французского офицера.⁷

¹ [Милый мой, я умираю с голоду, не можете ли вы дать мне что-нибудь?..]

² *Дальнейший текст до конца варианта представляет собою корректуру (гранки), исправленную рукой Толстого, со многими заново написанными вставками.*

³ *В корректуре зачеркнуто:* Пончини *и надписано:* Мельвиль

⁴ *Зачеркнуто:* это

⁵ *Зач.:* implorant la clémence de vainqueurs [умоляющей милосердия победителей]

⁶ *Зач.:* не глядя на собеседника своего, говорил только, что Москва не сдана и никогда не будет сдана.

⁷ *На полях:* В середине разговора — Кадор, Мельвиль его отводит в сторону. *Зач.:* Глядя в лицо Пьера, офицер попросил поесть, Пьер предложил ему чаю с молоком (у них на дворе была корова), и за чаем они разговорились. Пончини не мог понять, что Москва пуста, что было вне всех предложений и всех правил. Он *Далее зачеркнуто вписанное рукой Толстого на полях:* Новая глава. Французский офицер поселился в доме Аксиньи Ларивоновны. <Она> Пьер остался дома и вместе с Пончини сел обедать, за обедом <они разговорились> Пончини начал говорить о себе

Мельвиль, очевидно, выражая взгляд всей армии и штабов, находился в недоумении человека, выступившего по всем правилам на дуэль на шпагах, ставшего в правильную позицию en garde с поднятой левой рукой и с положением шпаги en tiers, ожидая своего противника в том же положении и не находя ничего правильного в действиях противника: попробовал дать положение шпаг кватрты, секунды или даже квинты — всё нет шпаги противника, а противник стоит, согнувшись, как-то боком, с чем-то страшным (чего нельзя видеть) в руках, с дубиной или с огромным камнем.

Мельвиль выпил одну, другую и третью рюмку, приговаривая:

— C'est excellent cette eau de vie.¹

Пьер тоже выпил несколько рюмок водки,² которой он давно уж не пил, и разговор их, переходя с предмета на предмет, всё более и более оживлялся.

Они говорили³ преимущественно о настоящей войне. Мельвиль, за что Пьер чувствовал к нему благодарность, не переставая восхвалял храбрость русских.

— Вы — великая нация, — часто повторял он, но слова эти были говорены в Москве, и Пьер болезненно чувствовал это.⁴

Пьер невольно, после дней, проведенных⁵ в уединении, испытывал наслаждение говорить⁶ с человеком своего мира.⁷ Может быть, его и радовало бессознательно то, что он⁸ удивлял Мельвиля своими речами, выказывавшими образование.

¹ [Эта водка превосходна.]

² *Зачеркнуто*: раскраснелся и оживился.

³ *Зач.*: о походах Фридриха, говорили о Вольтере. Пьер даже наизусть прочел несколько стихов <Mahomet — Магомета Вольтера> Альзира Вольтера.

По случаю того удивления, которое выражал француз об оставлении Москвы, Пьер сказал:

— Des Dieux que nous servons, connaissent la difference:

Les tiens t'on ordonné le meurtre et la vengeance,

Et le mien, quand ton bras viens de m'assassiner,

M'ordonne de te plaindre et de te pardonner.

[Боги, которым мы служим, различны:

Твои тебе приказали убивать и мстить.

А мой бог, когда твоя рука меня умерщвляла,

Приказывает мне жалеть тебя и простить.]

⁴ *Зач.*: — Но я уверен, что теперь будет заключен мир, не правда ли? — сказал Мельвиль.

— Не думаю, — отвечал Пьер.

— Отчего?

— Это было бы слишком великодушно.

— Разве Александр не великодушен?

— Да, но это напомнило бы Альзира, — сказал Пьер.

⁵ *Зач.*: с Аксиньей Ларивоной и Суворовым

⁶ *Зач.*: о тех интересах науки и искусства,

⁷ *Зач.*: <которых был чужд для его теперешних товарищей жизни> который был его обычным миром.

⁸ *Зач.*: говоря об этом, удивлял своими познаниями Пончини,

Герасим достал где-то бутылку красного вина и поставил на стол. Пьер налил стакан Мельвилю, но француз предложил Пьеру выпить с ним вместе.

— *Timeo Danaos et dona ferentes*,¹ — сказал Пьер, улыбаясь.

— О нет, напротив, — отвечал Мельвиль, поспешно выпивая свой стакан, и² он долго молча смотрел своими меланхолическими глазами на Пьера, и рот его нежно улыбался.³

Он, очевидно,⁴ думал более всего об этом странном человеке, который был перед ним.⁵ Как бы экзаменуя друг друга вследствие цитаты из Виргилия, они заговорили о римском поэте, потом о Корнеле и его трагедиях, которые оба одинаково любили. За бутылкой вина Пьер всё более и более забывал свою роль и свои намерения и испытывал дружеское чувство к этому приятному и чуждому человеку.

Разговор их был прерван Кадором, который⁶ быстро вошел в комнату и, весело потирая руки, подсел к бутылке. Мельвиль тотчас же отозвал его в сторону и что-то сказал ему, после чего Кадор с самыми добродушно-ласковыми приемами подошел к Пьеру, благодаря его за спасение капитана и предлагая свою дружбу. Пьер хотел уйти, но Кадор ни за что не хотел отпустить его, умоляя выпить с ним стакан вина.

— Я иначе буду думать, что вы сердитесь на меня, — говорил он.

Пьер должен был остаться и выпил еще стакан вина, но всё его благодушное расположение вдруг исчезло при появлении грубого, веселого Кадора, и его неизбежный будущий поступок опять представился ему во всей своей значительности.

Мельвиль заметил это, беспрестанно поглядывая на Пьера, и старался предупреждать и смягчать те слова Кадора, которые могли оскорбить Пьера. Кадор не умолкая говорил, рассказывал то о том, как он хорошо поместился, выгнав одного бояра из его комнаты, о том, как его солдаты уже в дружбе с кухаркой и что эта дикая — недурна, о том, как его *sergent* достал русскую коляску. Потом он рассказывал про слух (который был ложен) о том, что к императору приехал посланник от Александра¹ [Боюсь данайцев и дары приносящих,]

² *Зачеркнуто*: <Пончини> Мельвиль

³ *Зач. текст корректуры, исправленной Толстым (см. вариант № 241, стр. 401) со слов*: Он ударил своей маленькой рукой по столу — *кончая словами*: — *Qui diable êtes vous pour connaître le Dante et le Tasse et de parler toutes les langues?* (стр. 402).

⁴ *Зач.*: не думал об войне и мире, а думал об

⁵ *Зач.*: Они заговорили о Вольтере, Расине и Корнеле <Пьер с> и вообще той французской литературе, которую Пьер знал и любил так же, как и собеседник.

⁶ *Зач.*: <взволнованно> почти вбежал в комнату с жалобами на Виртембергских гусар, которые отбивали у него занятую квартиру. Они не понимали по-французски, и он не мог объясниться с ними.

— Не говорит ли он по-немецки? — сказал он, указывая на Пьера.

просить мира. Очевидно, для Кадора не представлялось никаких затруднений в настоящем положении Москвы. Столица была завоевана, квартиры хорошие и начальство знало свое дело, а он знал свое. В середине его разговора Пьер всё думал о своем деле и спросил Кадора о том, где теперь их император. Ему отвечали, что он еще за Москву.

Допив водку и вино, Кадор встал, сказав, что надо итти к расчету людей и, потрепав по плечу Пьера «sans rancune, n'est ce pas?»¹, едва удерживаясь от того, чтобы сказать «mon gros»,² которое, видимо, висело у него на языке, он ушел, брэнча саблей, стуча своими мускулистыми ногами и насвистывая какую-то песенку. По уходе Кадора Мельвиль еще с большей деликатностью, казалось, старался изгладить дурное впечатление, произведенное его товарищем. Он попросил Пьера показать ему комнатку, где бы он мог поместиться, никого не стесняя. Пьер отвечал, что он может поместиться, где хочет, что сам он занимает чужой дом, и он показал ему все комнаты. Когда они пришли в кабинет, большое количество книг обратило внимание француза. Он смотрел по полкам и вынимал, читая заглавия тех, которые были по-французски.

Он тоже взглянул на пистолет, но поспешно отвернулся, как будто не замечая его.

Пьер молча, в грустных размышлениях, сидел на диване.

Обойдя библиотеку, Мельвиль подошел к нему и взял его за обе руки.

— Eh bien, vous êtes triste, n'est ce pas?³ — сказал он.

— Oui, je le suis,⁴ — сказал Пьер и, взглянув на доброе, красивое лицо Мельвиля, на него опять нашло прежнее благодушие.⁵

— Je vois un hasard providentiel de vous avoir rencontré,⁶ — сказал Мельвиль. — Attendez,⁷ и он, взяв руку Пьера, сделал ему знак третьей степени масонского чина. Пьер, улыбаясь, ответил ему.

— Кто же вы? — сказала Мельвиль.

— ⁸Кто я? — сказал ⁹Пьер. — Я вам скажу это, ¹⁰я не буду просить тайны: я знаю, вы сохраните ее. Фамилия моя вам ¹¹не нужна, но я — один из богатейших людей России. Я — русский ¹[прошлое забыто, не правда ли?]

² [мой толстяк,]

³ [—Что же это, вы грустны — не так ли?]

⁴ [—Да,]

⁵ *Далее текст исправленной рукой Толстом корректуры, кончая:* — И вы верите в погибель французов? — Да. (См. стр. 402.)

⁶ [— Я вижу счастливый случай, посланный провидением, в том, что с вами встретился,]

⁷ [— Погодите,]

⁸ *Зачеркнуто:* Qui je suis?

⁹ *Зач.*: он

¹⁰ *Зач.*: я знаю вас и

¹¹ *Зач.*: всё равно

граф, у меня два огромных дома в Москве; но я остался здесь для того, чтобы...¹ но я не могу сказать вам...²

Мельвиль долго и внимательно посмотрел на Пьера.

— Ну, не будем говорить про это, спаситель мой. Оставим вражду, мы два человека, далекие, чуждые друг другу по всему, кроме сердца, которое говорит мне, что вы — брат мой, и будем братьями.

— И будем братьями, — повторил Пьер.

Они, радостно улыбаясь, смотрели друг на друга. Мельвиль сел подле него.³

— Какая судьба странная иногда руководит людьми, — начал он. — Кто бы мне сказал, что я буду военный, что я буду служить императору, что я буду в России, в Москве, что первый мой шаг в Москве будет сопряжен с опасностью жизни и что меня спасет собрат по масонству. Вы знаете, наша фамилия — одна из самых старых во Франции.

И с той легкой и⁴ наивной откровенностью француза Мельвиль рассказал Пьеру всю свою жизнь, все свои семейные, имущественные, родственные и даже любовные отношения. *Ma pauvre mère*,⁵ разумеется, играла важную роль в этом рассказе.

История его состояла в том, что он был счастлив и богат до революции, эмигрировал во время революции и вернулся⁶ во время Империи, что он простил узурпатору всё за славу, которой он покрывал Францию, и сам он стал под победоносные орлы *de l'homme de destin*.⁷

— Но я не военный человек по душе, мои желанья, вся моя жизнь не в этом, а вот где, — и Мельвиль показал Пьеру в медальоне портрет красивой девушки, которая была его невеста и была дочь закоренелого эмигранта. Весь рассказ Мельвиля был искренний, душевный, и голос и лицо его были необыкновенно приятны, и Пьер всей душой сочувствовал ему.

[Далее от слов: — Но что я говорю про себя только, скажите и вы мне свою историю почти совпадает с текстом варианта № 241 (стр. 403) за исключением упоминаний об Аксинье Ларивоновне, которые здесь вычеркнуты.]

¹ *Зачеркнуто:* видеть погибель французской армии, в которую я верю, и остался не в своем доме и не под своим именем.

— И вы верите в погибель французов?

— Да.

² *Зач.:* Кроме того, у меня есть замысел... но я не скажу. Пончини

³ *Далее зач. текст исправленной рукой Толстого корректуры (см. вариант № 241, стр. 402) со слов: — Oh, la terrible chose que la guerre, сказал Пончини, кончая словами: Вы любите эту строфу, вы прочувствовали тоже... (стр. 403). Вместо зач. вписан рукой Толстого на корректуре и подклеенных листах дальнейший текст.*

⁴ *Зач.:* добродушной

⁵ *Зач.:* Моя бедная мать

⁶ *В рукописи:* вернулись

⁷ [рокового человека.]

Расходившееся звездой по Москве всачивание французов во всё утро 2-го сентября не достигло еще квартала, в котором жил теперь Пьер.

Пьер находился в продолжение последних двух, уединенно проведенных дней в кабинете Иосифа Алексеевича в состоянии, близком к сумашествию. Всем существом его овладела одна, неотвязная мысль — мысль о деле, которое он должен был совершить. Он сам не знал, как и когда овладела им эта мысль, но мысль эта овладела им так, что он ничего не помнил из прошедшего, ничего не понимал из настоящего, что всё, что он видел и слышал, проходило перед ним, как во сне, и что только одна эта минута неизбежного будущего поступка поглощала всё его внимание. Сначала он, как бы шутя, сказал себе, убегая из дома, что он мог бы остаться в Москве и принять с народом участие в защите столицы; потом ему смутно представилась другая мысль в связи с кабалистическим значением своего имени, потом он, на всякий случай, достал себе кафтан и пистолет. И в тот день, когда он вернулся вместе с народом из-за Трехгорной заставы, убедившись, что защищать Москву не будут, и положил заряженный пистолет на стол, он почувствовал, что дело, представлявшееся ему прежде только возможным, теперь было неизбежно.

Представление того студента в Вене в 1809-м году, который покушался на жизнь Бонапарта и был казнен, беспрестанно возникало в воображении Пьера. И то, что при исполнении своего намерения он рисковал жизнью, еще более возбуждало Пьера.

«Да, один за всех я должен совершить или погибнуть, — думал Пьер.² — Да, я подойду... вот так». Пьер встал, взял в руки пистолет и прицелился в угол шкафа. — Не я, а рука провидения казнит тебя, — проговорил Пьер слова, которые он намерен был сказать Наполеону, убивая его. — Ну что ж, берите, казните меня, — говорил дальше Пьер, принимая покорную позу. Вообще Пьер в своих мечтаниях не представлял себе живо ни смерти, ни даже раны, которую он нанесет Наполеону, но представлял себе³ с необыкновенной яркостью и ¹ *Переработанная копия корректуры (см. вариант № 250). В сносках ниже отмечаются лишь вновь вписанные в копию и зачеркнутые автографы.*

² *Зачеркнуто:* Ну что бы было, если бы я кинжалом ударил его и кинжал мой ударился бы о кольчугу... Ему казалось, что он слышит свист, визг

³ *Зач.*: преимущественно

с грустным наслаждением свою погибель и свое геройское мужество при перенесении казни.¹

То неопределенное, но страстное испытанное Пьером в первый раз в Слободском дворце чувство, вследствие которого он решился выставить полк и сам поехал в Можайск и заехал в самый пыл битвы, то же чувство, вследствие которого он убежал из своего роскошного дома и, живя в доме Баздеева, ел одни щи и кашу, это чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья² теперь в задуманном им деле находило себе полное удовлетворение.

Был уже 2-й час после полудня. Французы уже вступили в Москву. Пьер знал это, но вместо того, чтобы действовать, он с наслаждением думал только о своем предприятии, перебирая все его малейшие, будущие подробности. К сознанию действительности привели его громкие крики, раздавшиеся в сенях.

«Уж не пришли ли к нам?» подумал он и вышел в сени. В сенях была кухарка, Герасим, дворник³ и Макар Алексеич.

Макар Алексеич в своем обычном халате, но нараспашку и с красным, изменившимся лицом и бегающими глазами отбивался от Герасима и дворника. В одной руке он держал короткое ружье с расширяющимся дулом (называвшееся мушкетомом), другой рукой он тащил за платье визжавшую кухарку Мавру.

— Шпионша! — кричал пьяным голосом полусумашедший старик. — Ружье отнять хочешь? Ты кто? Ты — баба. Изрублю!

Макар Алексеич смутился в первую минуту, увидав Пьера, но, заметив, что [Пьер] смутился еще более его самого, тотчас же ободрился.

— Граф! — закричал он. — Ты — патриот? Патриот ты или нет? Ты кто?.. А? Или ты — подлец.

— Барин, сделайте милость, пожалуйста оставьте, — говорил Герасим, высвобоживая кухарку из рук пьяного и осторожно стараясь поворотить его назад за локти.

— Ты кто, Бонапарт? — кричал Макар Алексеич, обращаясь к Герасиму.

— Это нехорошо, сударь. Да вы, пожалуйста, Макар Алексеич, вы отдохните.

— Прочь, раб презренный! не прикасайся! — крикнул Макар Алексеич, — тебе я говорю, граф, ты — подлец или нет?

¹ *Зачеркнуто:* То неопределенное, но страстное чувство пожертвовать чем-то самым дорогим для чего-то, в первый раз испытанное Пьером на собрании дворян в Слободском дворце, то самое желание, которое заставило его расстроить свое состояние для выставки полка, тоже <чувство> желание, которое выгнало его из Москвы в Можайск и <заставило> загнало в самый пыл сражения, это самое чувство теперь в задуманном Пьером деле находило себе полное удовлетворение.

² *Зач.:* и вместе выказывания презрения ко всем благам мира

³ *Зач.:* и две незнакомые женщины

— Батюшка, сударь, — уговаривал Герасим, наступая на Макара Алексеевича, — пожалуйста...

Герасим кивнул дворнику. Макар Алексеевича подхватили под руки и вытащили в кухню.

— Что это? — спросил Пьер у кухарки, оставшейся в сенях.

— И смех, и горе,¹ — отвечала кухарка, — француз того гляди, а тут свой француз проявился. Вот только Герасим Макеич вышли, а он и захвати... О господи!² По грехам нашим. Анну Карповну всю до чиста ограбили, злодеи. Только выехала на Козиху, выскакало их пятеро, и повозку и лошадей — всё отняли, насилу сами ушли, — говорила словоохотливая кухарка.

— Кто, французы? — спросил Пьер.³

Не успела кухарка ответить, как послышался стук в входные двери и кухарка, выглянув в окно, пронзительно взвизгнула и, закричав: французы! они! — побежала в кухню.

Через минуту сени были полны народом. Все, бывшие в доме, столпились в кучу, и Герасим отворил двери.

Пьер, решивший сам с собою, что ему, до исполнения своего намерения, не надо было открывать ни своего звания, ни знания французского языка, стоял в полураскрытых дверях. В сени вошли два француза.

Французы были оба офицеры.

Один,⁴ небольшого роста, был невысокий,⁵ бледный, молодой человек (офицер по мундиру с весьма красивым и нежным лицом). Другой был мускулистый, широкоплечий, загорелый мужчина с твердым и грубым выражением⁶ загорелого лица.

⁷Бледный молодой человек с первого же взгляда поразил Пьера своими тихими порядочными приемами, необыкновенно нежно-красивым, истомленным, но породистым лицом. Пьеру показалось, что он как будто видал прежде где-то в гостиных этого молодого человека. Бледный, красивый офицер, войдя первым, окинул взглядом всех, стоявших в сенях и, увидав женщину, сестру Герасима, приподнял шляпу и улыбнулся.¹ *Зачеркнуто:* заговорила..., обращаясь к Пьеру. Тут

² *Зач.:* Наши соседки-то назад вернулись.

— А что слышно про...

Пьер пошел назад в дверь, чтоб

³ *Зач.:* — Они. По всей Москве распозлись, — сказала кухарка, направляясь к двери. [Пьер], вспомнив о том, что мешкаться и ждать нечего, тоже направился к себе.

— Ай! — вдруг послышался пронзительный, отчаянный крик кухарки. Пьер остановился и услышал, что кто-то стучал в наружные двери.

⁴ *Зач.:* среднего

⁵ *Зач.:* худощавый

⁶ *Зач.:* сухого

⁷ *Зач.:* Среднего роста, худой, бледный, своими исполненными тихим достоинством приемами

с очевидно настоящей, сердечной учтивостью и доброжелательством (причем его красивое лицо сделалось еще красивее).

Что-то порядочное, d'un enfant de bonne maison,¹ что так родно было Пьеру, было в его улыбке и словах.

— Pardon, madame...² квартир, — сказал он, видимо искренно тяготясь необходимостью потревожить этих чужих для него людей.

— Nous ne ferons point de mal à nos hôtes, vous serez contents de nous. Si cela ne vous dérange pas trop,³ — прибавил он, подвигаясь вперед и оглядываясь вокруг себя.

Все, бывшие в сенях, жались вместе, и никто не отвечал.

— Est ce que personne ne parle français ici?⁴ — крикнул резким и громким голосом другой француз.

Никто не откликнулся ему.⁵

— Je vous le disais bien, capitaine, — проговорил этот француз, — que nous ne trouverions que des f... moujiks dans cette... de quartier.

— Je reste ici tout de même,⁶ — тихим, но начальническим тоном отвечал⁷ тот, которого звали капитаном.

— Sacrebleu,⁸ — проворчал загорелый француз и, брэнча саблей, вышел опять на улицу к солдатам, которые стояли у ворот. Тот, которого называли капитаном,⁹ обратился к выступившему к нему Герасиму, стараясь внушить, что он займет только квартиру и что будет платить за всё, что возьмут у них.

Герасим, коверкая свой язык и прибегая к знакам, говорил, что господ нету и что он без господ ничем распорядиться не может.

Но между тем солдаты, бывшие с капитаном, не дожидаясь разрешения, отворили ворота и вводили лошадей.

Французский офицер,¹⁰ улыбаясь, развел руками перед Герасимом, давая чувствовать, что он не понимает, и пошел к двери, у которой стоял Пьер.

Пьер хотел отойти, чтобы скрыться от него, но в это самое время он увидел из отворившейся двери кухни высунувшегося Макар Алексеича с мушкетонном в руках.

¹ [отпрыска хорошего дома,]

² [— Извините, сударыня...]

³ [— Мы не причиним вреда нашим хозяевам, вы нами будете довольны. Ежели вас это не очень стеснит,]

⁴ [— Никто здесь не говорит по-французски?]

⁵ *Зачеркнуто*: Он пожал плечами и презрительно фыркнул носом, прошел вперед

⁶ [— Я же вам говорил, капитан, что мы найдем только... мужиков на этой... квартире.]

— Тем не менее я остаюсь здесь, —]

⁷ *Зач.*: Мервиль старший, подходя к двери, от которой поспешил отойти Пьер.

⁸ [— Проклятие,]

⁹ *Зач.*: опять остановился, стараясь дать уразуметь

¹⁰ *Зач.*: пожал плечами

Макар Алексеич, увидав француза, прокричал что-то бессмысленное и прицелился. Французский офицер обернулся на крик, и в то же мгновение Пьер бросился на пьяного. В то время, как Пьер схватился за мушкетон, Макар Алексеевич надавил спуск и раздался оглушивший и обдавший всех пороховым дымом выстрел. Слышно было, как пуля попала в стену недалеко от французского офицера.¹ Французский офицер, видимо сделав усилие над собой, с² улыбкой на бледном лице оглядывался вокруг себя.

Забывший свое намерение не открывать своего знания французского языка, Пьер³ по-французски спросил офицера, не ранен ли он.

— Je crois que non,⁴ — отвечал офицер, ощупывая себя, — mais je l'ai manqué belle,⁵ — прибавил он, указывая на пулю.⁶ — Et grâce à vous.⁷

— C'est un fou, un malheureux qui ne savait pas ce qu'il faisait. Ah, je suis vraiment au désespoir de ce qui vient d'arriver,⁸ — быстро заговорил взволнованный Пьер, совершенно забывая свою роль.

Французский офицер сначала недоверчиво несколько секунд посмотрел на Пьера, но потом как будто и он также по наружности и приемам Пьера узнал в нем родственное существо, лицо его вдруг изменилось, и он с ласковой улыбкой протянул руку Пьеру.

— Ah, je savais bien que vous étiez Français,⁹ — сказал¹⁰ он.

— Нет, я не француз, — я — русский, — быстро сказал Пьер, — но¹¹ ради бога не обвиняйте этого несчастного человека. Он — сумасшедший. Перед самым приездом вашим¹² эти ¹ *Зачеркнуто*: Дворник и Герасим потащили за руки Макара Алексеевича.

² *Зач.*: бледным, испуганным лицом

³ *Зач.*: подбежал к офицеру и

⁴ — Кажется, нет,

⁵ [но я счастливо отделался,]

⁶ *Зач.*: Пуля <попала в> ударила в потолок от толчка, который дал Пьер мушкетону.

⁷ [И благодаря вам.]

⁸ — Это несчастный сумасшедший, который не знал, что делал. Ах, я, право, в отчаянии от того, что случилось,

Зач.: говорил Пьер, стараясь объяснить положение Макара Алексеевича.

⁹ [А, я так и знал, что вы француз,]

¹⁰ *Зач.*: <Мервиль> французский офицер, протягивая Пьеру руку. <— Qui que vous soyez, vous m'avez sauvé la vie et je vous en remercie et le capitaine Merville ne l'oubliera pas [Кто бы вы ни были, вы спасли мне жизнь, и я вас за это благодарю, и капитан Мервиль этого не забудет].>

Француз, не столько потому, что Пьер говорил по-французски, сколько потому, что Пьер, по понятиям Мервиля, совершил великодушный подвиг, спасши ему жизнь, был несомненно уверен, что Пьер был француз.

¹¹ *Зач.*: не в том дело: человек, который стрелял в вас

¹² *Зач.*: мы

люди шли за ним, чтобы отнять у него это несчастное ружье.¹

— Vous me demandez grâce pour cet homme, c'est bien, je vous l'accorde,² — сказал офицер, — c'est le moindre que je puisse faire pour un homme qui m'a sauvé la vie.³

Со двора послышались быстрые шаги, и тот загорелый француз, который уже входил в дом, вскочил в сени.

— Eh bien? Qu'est ce qu'il y a?⁴ — крикнул он, останавливаясь перед Пьером и⁵ кровью налившимися глазами глядя на него. — C'est lui. Dites un mot capitaine et je lui brise le crâne,⁶ — сказал он, хватаясь рукой за саблю.

С большим трудом и усилиями только мог⁷ французский офицер успокоить своего подчиненного и внушить ему, что никто не стрелял по нем и что никого не нужно наказывать.

— Une vilaine face, tout de me même,⁸ — несколько раз повторял загорелый француз, угрожающе глядя на Пьера.

— A bah! Alors c'est différent,⁹ — наконец сказал он,¹⁰ поняв, что его капитан был доброжелательно расположен к Пьеру. — Vous dites qu'il parle français. — Parlez vous français, vous,¹¹ — обратился он к Пьеру.

Пьер, пожав плечами, ничего не ответил.

— Tant pis,¹² — пробормотал загорелый француз. — Je les ai vu à l'oeuvre, capitaine, je les ai vu à l'oeuvre, ces gredins de moujiks à Smolensk. Ils demandent à être menés la main haute, la main haute, capitaine,¹³ — проговорил он, уходя и бросая строгий взгляд на Пьера.¹⁴

¹ *Зачеркнуто:* Французские солдаты, бывшие на дворе, вбежали в дом на звук выстрела, но французский офицер отослал их назад, сказав им, что ружье выстрелило по неосторожности. Но только что ушли солдаты, как вбежал товарищ

² [— Вы просите, чтоб я простил этого человека. Хорошо, я прощаю его,]

³ [это самое меньшее, что я могу сделать для человека, который спас мне жизнь.]

⁴ [— Ну, что тут такое?]

⁵ *Зач.:* зловеще

⁶ [— Это он. Скажите только слово, капитан, и я разможу ему череп,]

⁷ *Зач.:* новый знакомый Пьера

⁸ [— А все-таки отвратительная рожа,]

⁹ [— А, вот что! Тогда другое дело,]

¹⁰ *Зач.:* наконец, когда ему объяснили

¹¹ [— Вы сказали, что он говорит по-французски. — Вы по-французски говорите, эй?]

¹² [— Тем хуже,] *Зач.:* сердито перебил Кадор.

¹³ [Я их видел за работой, капитан, я их видел за работой, этих подлецов мужиков в Смоленске. Их нужно держать в ежовых рукавицах, в ежовых рукавицах, капитан,]

¹⁴ *Зач.:* C'est un bon garçon ce Cadour, mais soldat jusqu'au bout des ongles [Кадор — добрый малый, но солдат до кончика ногтей], — сказал

(Новая глава)

Французский офицер вместе с Пьером вошли в гостиную, которую им отворил Герасим. Французский офицер, не столько по белым рукам, по перстню, который был на Пьере, и по его белью, которое, хотя и грязное, было тонко, сколько по всем приемам Пьера и по его презрительному молчанию на грубые слова солдата понял qu'il avait affaire à un gentilhomme,¹ и ему, видимо, хотелось разговориться и сблизиться с Пьером. Он еще раз стал благодарить за спасение жизни. Пьер ничего не ответил.

— Эти комнаты могут быть в вашем распоряжении, — сказал Пьер и хотел уйти.² Офицер взял за руку Пьера и просил присесть и побыть с ним хоть несколько минут.

— Sans vous je risquais de manquer le plus beaux moment de la campagne.³

— Я не могу не быть вам благодарным. Меньшее, что мы можем сделать, это — по крайней мере, чтобы знать взаимно, с кем мы имеем дело, — сказал офицер, подвигая кресло Пьеру.

Пьер сел.

— Comte de Merville, capitaine de dragons,⁴ — сказал офицер, называя свою фамилию и кланяясь с приемами человека большого света.

— Вы меня извините, что я не могу сказать вам своего имени, — сказал Пьер. Мервиль с удивлением посмотрел на Пьера, но тотчас же переменял разговор.

— Итак, вы не сделали, как другие, вы остались в Москве, — сказал он. — Это ваш дом?

Пьер сказал, что дом этот не принадлежит ему и что он только случайно живет в нем.

— Ах, да, вы нанимаете, — сказал французский офицер, беспокойно оглядываясь. — Но все-таки вы — дома, я разумею, вы нанимаете этот дом?

— Нет. Только по некоторым обстоятельствам мне было неудобно жить в своем доме, и я переехал сюда.

Наступило молчание, во время которого Мервиль оглядывался и вдруг с неловкой улыбкой сказал:

— Mon cher, je meurs de faim, est ce que vous ne pourriez me donner quelque chose... à manger?⁵

¹ [что он имеет дело с дворянином,] *Зачеркнуто*: и старался смягчить грубость своего товарища. Пьер ничего не ответил на это и сказал, что эти комнаты, в которые они вошли,

² *Зач.*: Офицер сказал, что комнаты прекрасны, но он просил

³ [— Без вас я подвергался опасности пропустить самый прекрасный момент кампании.]

⁴ [— Граф де Мервиль, драгунский капитан,]

⁵ [— Милый мой, я умираю с голоду, не можете ли вы дать мне чего-нибудь... поесть?]

Последнее чувство враждебности к Мервилю, как к врагу, которое оставалось еще в душе Пьера, исчезло при этих словах и этом дурно скрытом выражении голода. Он пошел к Герасиму и попросил его подать поесть и выпить того, что было.

Когда принесены были яичница, самовар, водка и вино, француз просил Пьера принять участие в этом *géras*.¹

Пьер, не евший еще в этот день, охотно согласился. Мервиль начал говорить о войне и о значении Москвы. Мервиль недоумевающе спрашивал Пьера, что такое значило настоящее положение Москвы, к чему подвести его: сдана ли Москва? покинута ли? с бою ли отдана она? Настоящее положение Москвы не подходило ни под какие правила или предания истории.

Пьер ничего не мог отвечать ему на это: он тоже не понимал, что такое значила эта Москва в это после обеда 2-го сентября. Он отвечал своему собеседнику, что по некоторым причинам, о которых он ничего не может сказать, он был лишен возможности знать то, что делалось в городе.

Подчиняясь невольно тому хорошему расположению духа и оживлению, которое возбуждается водкой и утолением голода, разговор их стал оживляться.

Они заговорили о предшествующей кампании, о Бородинском сражении, при котором Пьер не мог удержаться, чтобы не сказать, что он присутствовал.

— Да, с тех пор, как существует мир, не происходило такого великого сражения, — сказал Мервиль. — И вы доказали, что вы — великая нация!

Мервиль, очевидно, старался быть приятным своему собеседнику и беспрестанно восхвалял русских, но всё то, что было лестного в его речах для самолюбия народного, уничтожалось тем, чего не переставал сознавать Пьер, что всё это лестное говорилось в Москве французом.

Как ни старался быть осторожен Мервиль в своих разговорах, он все-таки беспрестанно бередил рану народного самолюбия Пьера. Вероятно, Мервиль заметил это: он с тактом светского и образованного человека переменял разговор. Под влиянием выпитого вина и после дней, проведенных в уединении, Пьер испытывал невольное наслаждение в разговоре с человеком своего мира и по свойствам своим ему в высшей степени симпатическим. Кроме того, Пьера бессознательно² забавляло и увлекало то удивление, которое он возбуждал в Мервиле, выказывая ему свое, неожиданное для французского офицера, общее европейское образование,

Пьер, чувствуя на себе обязанности хозяина, налил Мервилю стакан вина. Французский офицер с улыбкой указал на другой стакан, предлагая выпить вместе.

¹ [завтраке.]

² *Зачеркнуто*: <радовало> веселило

— Timeo danaos et dona ferentes,¹ — сказал Пьер, улыбаясь.²

— О нет, напротив, — отвечал Мервиль, поспешно выпивая свой стакан. — Мы произносим по-латыни иначе, — и он сказал ту же цитату французским произношением.

Мервиль, задумавшись, с улыбкой на лице, долго смотрел после этого на лицо Пьера. Этот³ таинственный человек, видимо, сильно занимал его. Вследствие цитаты из Вергилия, они заговорили о римском поэте, потом о французских трагедиях,⁴ и оба сошлись в предпочтении Корнелья⁵ Расину.

Разговор был прерван приходом нового французского офицера, приятеля Мервиля. Новый офицер этот, как сообразил Пьер по его мундиру, отношениям с Мервилем и их разговорам, был старше чином Мервиля и занимал, вероятно, важный пост при штабе какого-то важного лица. Он поминал часто маршала, говорил об общих распоряжениях и о том, что делалось dans le Kremlin⁶ и в центре города.

Офицер этот, плотный, высокий, с широким лбом, выдвинутым подбородком ясного, бритого лица, очевидно, был из тех детей Революции, которыми была полна армия Наполеона и, несмотря на высшее положение в войске, он, видимо, дорожил своей дружбой с аристократом Мервилем. Пьер, которого Мервиль представил этому офицеру под именем le maitre de maison,⁷ несколько раз хотел уйти во время разговора этого офицера, но какое-то невольное чувство и слабости, и любопытства, и отчаяния удерживало его. Герасим принес еще две бутылки вина, и Пьер, не отказываясь от вина, которое наливали ему, слушал разговор офицеров.

Новый офицер рассказывал о том, что происходило в городе. Он говорил о том, какие дворцы (может быть, говорил именно про дом Пьера) остались в городе со всеми своими богатствами, о том, как собралась депутация из иностранцев, которая отправлена к императору, о том, какие экипажи были найдены в лавках без хозяев⁸ и кто и кто взял несколько карет и колясок. Потом он рассказывал про слух (который был ложен) о том, что к императору приехал посланник от Александра просить мира. Из рассказа его Пьер узнал о том, что император¹ [— Боюсь данайцев и дары приносящих,]

² *Зачеркнуто*: и невольно забавляясь удивленным

³ *Зач.*: странный

⁴ *Зач.*: которые оба одинаково любили. За бутылкой вина Пьер всё более и более забывал свою роль и свои мрачные намерения и испытывал всё более и более бессознательное удовольствие в приятной беседе и бессознательное чувство давно уже неиспытанной им беспричинной радости жизни.

⁵ *Так в рукописи.*

⁶ [в Кремле]

⁷ [хозяина дома,]

⁸ *Зач.*: и как маршал взял себе одну

остался ночевать dans les faubourgs¹ и что предполагают, что он завтра сделает свой въезд.

Попрекнув Мервилю за то, что он забрался в такую даль, и потрепав по плечу Пьера, офицер этот ушел, насвистывая какую-то песенку.²

Когда Мервиль, ходивший провожать своего товарища, вернулся в гостиную, он застал Пьера с опущенной головой сидевшего за столом, очевидно, не замечавшего и не слышавшего того, что происходило вокруг него. Сосредоточенное и воспаленное лицо Пьера было и мрачно, и жалко.

Не то, что Москва была взята и что эти счастливые победители хозяйничали в ней и покровительствовали ему, как ни тяжело чувствовал это Пьер, не это мучало его в настоящую минуту. Его мучало сознание своей слабости. Несколько стаканов выпитого вина, ласковые речи и разговор с этим приятным человеком (как ни досадно было Пьеру, он не мог не сознаться, что Мервиль был ему очень приятен) уничтожили совершенно всё то сосредоточенное мрачное расположение духа, в котором жил Пьер эти последние дни и которое было необходимо для исполнения его намерения. Заряженный пистолет был там в кабинете. Наполеон въезжал завтра. Пьер точно так же считал полезным и достойным убить злодея, но он чувствовал, что теперь он не сделает этого. Он боролся против этого сознания своей слабости, но смутно чувствовал, что ему не одолеть и что прежний мрачный строй мысли разлетелся, как прах, при прикосновении первого дружески расположенного человека и что другой мир — человеческих отношений охватил его.

Мервиль подошел к нему и взял его за обе руки.

— Eh bien, vous êtes triste, n'est ce pas?³ — сказал он.

— Oui, je le sui,⁴ — отвечал Пьер, поднимая голову и мрачно взглядывая на Мервиля.

Мервиль с нежным участием смотрел на Пьера.

— У вас есть тайна, и тяжелая тайна, я это вижу, — сказал Мервиль, — я не имею права и не хочу ее знать. Но я вам обязан жизнью и в том положении, в котором мы находимся, может быть я могу быть вам полезен. Не могу ли я что-нибудь сделать для вас?

— Нет, ни вы, никто ничего не может сделать для меня,⁵ — сказал Пьер,⁶ опуская голову,⁷ чтобы не поддаться влиянию добродушно-ласкового участия Мервиля.

¹ [в предместье]

² *Зачеркнуто*: Пьер тоже встал и ушел в свою комнату, в кабинет, бывший в конце коридора.

³ [— Что ж это, вы грустны, не так ли?]

⁴ [— Да,]

⁵ *Зач.*: вдруг вскрикнул

⁶ *Зач.*: ему, приходя в свойственное ему состояние б[ешенства] и

⁷ *Зач.*: — Вы хотите знать, кто... Я вам скажу, кто я

— Я ничего не желаю, мне ничего не жаль, но я раскаиваюсь, я иначе бы должен был поступить... в такое время... — говорил Пьер.

Мервиль перебил его.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он, — но вы — такая великая нация, что вам нельзя отчаиваться. Притом, — сказал он, улыбаясь, — общие дела никак не должны иметь влияния на отношения частных лиц. Я одно только хотел сказать вам, — сказал он после минутного молчания. — Вы спасли мне жизнь, и я чувствую к вам истинное участие и дружбу, которую предлагаю вам. — И Мервиль¹ протянул руку.

Пьер² пожал протянутую руку³ и не мог не ответить улыбкой на ласковую улыбку Мервиля.

— За нашу дружбу, — сказал Мервиль, наливая два стакана вина.

Пьер взял налитый стакан и, как будто отряхнув все мрачные мысли, подвинулся к столу.

— Какая судьба странная иногда руководит людьми, — сказал Мервиль. — Кто бы мне сказал, что я буду военный, что я буду служить императору, что я буду в России, в Москве, что первый мой шаг в Москве будет сопровожден с опасностью жизни и что меня спасет⁴ русский, которого имени я не буду знать и к которому я буду чувствовать истинную дружбу. Вы знаете, наша фамилия одна из самых старых во Франции, — продолжал он. И с той легкой и наивной откровенностью француза Мервиль рассказал Пьеру всю свою жизнь, все свои родственные, имущественные, семейные и даже любовные отношения. «Ma pauvre mère»⁵ играла, разумеется, важную роль в этом рассказе. История его состояла в том, что он был счастлив и богат до Революции, эмигрировал во время Революции и вернулся во время Империи, что он простил узурпатору всё за славу, которой он покрывал Францию, и сам стал под победоносные орлы de l'homme du destin.⁶

Потом Мервиль показал Пьеру на медальон, портрет красивой девушки, которая была его невеста и была дочь закоренелого эмигранта. Весь рассказ Мервиля был прост, искренен и задушевен.

Слушая его, Пьер перенесся окончательно в другой мир из того, в котором он жил это последнее время. Забытая им¹ *Зачеркнуто*: улыбаясь

² *Зач.*: вдруг смягчился

³ *Зач.*: Они молча с улыбкой посмотрели друг на друга. Под влиянием ли выпитого вина или тех исключительных условий, в которых они находились, но эти два совершенно чуждые человека почувствовали себя друзьями.

⁴ *Зач.*: человек

⁵ [«Моя бедная мать»]

⁶ [рокового человека.]

444

любовь¹ к Наташе неожиданно вдруг охватила его и наполнила всю его душу.

«И я любил, и я люблю, — думал он, слушая Мервиля.² — Да, люблю Наташу».³ И, слушая Мервиля, Пьер думал о ней, видел перед собой все малейшие подробности своей встречи с нею у Сухаревой башни. Тогда эта встреча не произвела на него влияния: он даже ни разу не вспомнил о ней. Но теперь, как на зло, она со всей прелестью воспоминания всплыла в его душе.

«Петр Кирилыч, идите сюда, я узнала», слышал он теперь сказанные ею слова, видел перед собой эти глаза, улыбку, дорожный чепчик, выбившуюся прядь волос...⁴

«О, что бы я дал, чтобы быть с нею, — думал он, слушая Мервиля. — Как я люблю ее. Одно, <что> я люблю на свете».

— То, что я рассказал вам, я не расскажу никому из своих товарищей, — говорил Мервиль, — но, не говоря про жизнь, которой я вам обязан, я испытываю какое-то странное чувство, говоря с вами. Мы с вами никогда не видались, не увидимся, может быть, а между тем мы близки, мы понимаем друг друга.

— Да, да, — сказал Пьер,⁵ взволнованный и своими воспоминаниями и выпитым вином.

— Но вы любимы, — сказал он, — вы надеетесь быть счастливы. Я — это другое дело. Я с первой молодости любил и люблю только одну женщину и никогда она не будет моею.

Мервиль так же хорошо умел слушать, как и рассказывать. Он облокотился на руку, глядя на Пьера, видимо с участием и интересом ожидая его рассказа.

— Отчего же? — сказал он.

— Это странно, — начал Пьер. — Я любил ее давно, но я недавно узнал это. Я любил ее, но не смел ни ей, ни даже сам себе сказать, что я люблю ее, потому что я слишком любил ее. И я женился на другой, которую я не любил. Вы не можете понять этого? — спросил [Пьер].

¹ *Зачеркнуто:* та чистая, преданная любовь к Наташе, которая жила в его душе, вдруг выплыла из-за других чувств, поднялась выше всего и залила всё, вышла, овладела им.

² *Зач.:* и не так, как он, люблю какого-то ребенка, которого он не видал 10 лет, а люблю женщину, которую я знаю, душу которой я знаю!

³ *Зач.:* ту, которую я встретил вчера в этой старой карете, которую я видел вчера».

⁴ *Зач.:* И он, слушая рассказ Мервиля, чувствовал, что в эту минуту вся его душа была полна одним чувством — любовью к ней.

⁵ *Зач.:* поглощенный теперь весь своими мыслями о Наташе.

— Я никому никогда не рассказал бы про свою любовь, но вам я расскажу.

Моя жизнь очень проста и в ней ничего нет интересного, кроме одного (вам не нужно знать), кроме любви к женщине, которая никогда не была и не будет моею, потому что я женат.

И Пьер, вызванный вопросами Мервиля, рассказал ему всю свою историю и в особенности то, что имело связь с Наташей. Не называя фамилий, он со всеми подробностями рассказал ему про сватовство князя Андрея, про ее измену и про свою любовь, про которую он никогда не говорил никому.

Мервиль сделал жест, выражающий то, что ежели бы он не понимал, то он все-таки просит продолжать.

— Я женился, — продолжал Пьер. — И узнал свою любовь только тогда, когда она полюбила моего лучшего друга.

Мысль, что этот человек никого не знает и не узнает из действующих лиц и никогда не встретится с ним в жизни, возбуждала его к полнейшей откровенности. Он рассказал все свои несложные отношения к Наташе.

Более всего из рассказа Пьера поразило Мервиля то, что Пьер был очень богат, что он имел два¹ дворца в Москве и что он бросил всё и не уехал из Москвы, а остался в городе, скрывая свое имя и звание.

— У меня есть намерение, о котором я не могу открыть вам, — сказал Пьер, — но не в том дело.²

Задушевный³ разговор их был прерван приходом Герасима, который сообщил, что в городе видно зарево пожара. Они вместе вышли на улицу.⁴

Ночь была темная, и налево от дома светлело зарево первого начавшегося в Москве на Петровке пожара.

Ничего странного и страшного не было в небольшом пожаре за две версты в огромном городе и потому⁵ никто не обратил на это зарево особенного внимания.

Но, выйдя на двор, Пьер почувствовал, что он после долгого воздержания выпил слишком много вина и потому он, даже не простившись с своим другом, отошел от него нетвердыми шагами и, вернувшись в свою комнату, лег на диван и тотчас же заснул.

¹ Зачеркнуто: дома

² Зач.: На вопросы о причинах этого

³ Зач.: и несколько пьяный

⁴ Зач.: В эту ночь занялся в Москве первый пожар в Каретном ряду на Петровке. Забыв о том, что они были враги и были в Москве, они заговорились до поздней ночи и в 12-м часу вместе вышли на улицу.

⁵ Зач.: полюбовавшись заревом, два новые друга вернулись домой и спокойно разошлись спать по своим комнатам.

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
Г. Н. ВОЛКОВОЙ И Н. С. РОДИОНОВА

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ЧЕТВЕРТОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

* № 252 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V).¹

Губернаторша подошла к ним.

— А тут есть одна дама, которая тебя очень хочет видеть. Ведь ты позволил мне так называть тебя, Nicolas?

— О да, ma tante.² Кто же это?

— Это одна Малвинцева. Она рассказывала про твое геройство, как ты спас там где-то одну девицу.

— Вот как!

— Да, она³ здесь в Воронеже, с княжной Марьей Болконской. Ого! как покраснел. Что, или?..

— И не думал, полноте, ma tante.

— А знаешь, вот это бы тебе точно партия. Я тебя истинно люблю. Хочешь, я тебя живо сосватаю?

Губернаторша подводила его в это время к старушке. Это была тетка княжны Марьи, с которой княжна жила теперь в Воронеже.

— Я, ma tante, как следует солдату, ни от чего не отказываюсь, никуда не напрашиваюсь.

— Ну, помни же.

Они подошли к рябой старушке. Старушка, тетка княжны Марьи, стала благодарить Nicolas за спасение ее племянницы. Княжна Марья никуда не ездила. Она вся была в своем горе — потере отца, в заботах о племяннике.⁴

— О, это такой ангел! Надеюсь, вы посетите нас, граф?

Nicolas обещал, и, странное дело, он чувствовал, как он краснел, говоря о княжне Марье. Не то, чтобы он был влюблен в нее. Нельзя было быть влюбленну в княжну Марью, но отчасти как будто совесть его мучала в чем-то по отношению к княжне Марье и отчасти что-то странное,⁵ не такое, какое было с другими, чувствовалось ему в его отношениях к княжне Марье.

¹ Автограф.

² [тетушка.]

³ Зачеркнуто: тетка Ма[лвинцева]

⁴ Зач.: И главное она

⁵ Зач.: не любовь, а связь неразрывного чувства.

— Потом что ужасно, — говорила старушка, — это то, что мы ничего не знаем о князе Андрее. Мы знали, что он был в Бородинском сражении. — Старушка вздохнула, — но что и как.

Nicolas ничего не мог сказать и обещал побывать и, стараясь избавиться от повторения благодарения и рассказа о том, как необыкновенно вел себя Nicolas при спасении княжны Марьи, он отошел от своей названной тетушки.

Маленькая губернаторша положила свою пухленькую ручку на рукав Nicolas и повела его в диванную, из которой бывшие тотчас же ушли, чтобы не мешать губернаторше.

— Нет, право, mon cher,¹ — сказала губернаторша с серьезным выражением маленького доброго лица, — право, дай я тебе устрою это. Я уверена, твоя маман меня благодарить будет. Право, какая девушка — прелесть. И она совсем не так дурна.

— Совсем нет, — как бы обидевшись, сказал Nicolas.

— Да, да, — как бы сама с собой говоря, сказала губернаторша, — а вот что, mon cher, entre autre. Vous êtes trop assidu auprès de l'autre, la blonde.² Муж уж жалок, право.

— Ах нет, мы с ним друзья, — в простоте душевной наивно сказал Nicolas.

— Нет, право, он похудел даже, — и губернаторша засмеялась старушечьим мелким смехом. — А вот княжна. Рок головы ищет, — прибавила она. — Для меня сделай это: поезжай, а я свое дело сделаю....³

Усталость ли от поездки нынешнего дня, мрачное и огорченное лицо мужа, которое теперь, после слов губернаторши, заметил Nicolas, или вообще усталость от всей этой губернской жизни, потерявшей теперь новизну, только вдруг Nicolas сделалось скучно и, когда он лег в постель, совсем не те мысли, которые он вызывал, шли ему в голову.

* № 253 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).⁴

⁵— Вы знаете Софи? Мы были влюблены — то есть, ⁶ ну да, ¹ мой друг,

² мой друг. Ты слишком ухаживаешь за той белокурою.

³ *На полях:* Княжна Марья, фонарь.

⁴ *Автограф.*

⁵ *На полях конспект, развитый в дальнейшем тексте:* Сватовство. Везде сводят. Nicolas возмущается и мирится с этим, как в Тильзите.

Известие из Москвы. Хитрое письмо к Nicolas от Сони.

Фаталистическое. Как женился по любви и несчастен.

Он говорит княжне Марье, что не судьба — и дружбу.

Княжна Марья счастлива и жертвой и признанием в любви. —

⁶ *Зачеркнуто:* были и теперь то же самое. Но

дело в том, что я, по правде,¹ я обещал жениться и женюсь на ней.²
— Mon cher, mon cher!³ Как же ты судишь. А твоя maman? Это убьет ее — раз. Потом Софи, ежели она девушка с сердцем, какая жизнь для нее будет — мать в отчаянии, дела расстроены, — нет, mon cher.

Nicolas молчал. Ему приятно было слышать эти доводы, но говорить нечего.

— Напиши ей.

— Нет, ma tante, я обещал, и⁴ это убить Софи. Ужасное положение!

— Ах, mon cher, mon cher.⁵ Как ты еще молод.

— Но что вы мне посоветуете?

— Ты женишься на княжне Марье, ежели Софи откажет тебе?

— Да еще⁶ пойдет ли за меня княжна Марья?

— Нет, ты женишься?

— Обещать не хочу, а...

— Ну, хорошо.

⁷На⁸ следующий же день губернаторша, с тем особенным жаром, с которым бездетные добрые женщины увлекаются сватовством, занялась своим делом. Она написала письмо графине о своих планах и намерениях и в графинином письме вложила другое — Соне.

⁹В письме этом она,¹⁰ объясняя Соне положение Nicolas и всего его семейства, обращалась к ее великодушию. И на другой же день губернаторша съездила к княжне Марье и¹¹ сделала такой план общественных увеселений, при котором Nicolas и княжна Марья каждый день должны были быть вместе.¹²

¹ *Зачеркнуто*: вам сказать

² *Зач.*: с радостью, но я знаю, что это убьет maman, и правда, что ежели дом и подмосковная не продадутся, наши дела совсем расстроились. И для Софи какая же жизнь будет — мать в отчаянии, в бедности. Но

³ — Дружок мой.

⁴ *Зач.*: <ее уби[ть]> жениться на другой

⁵ *Зач.*: Les mariages d'amour [браки по любви]. Это беда и надписана след. фраза.

⁶ *Зач.*: вопрос

⁷ *Зач.*: На другой день приехал курьер из Москвы и привез известие о ее оставлении. Известие это взволновало город, в особенности тех, которые имели дома и родных в Москве.

Nicolas <в этот же день> с тем же курьером получил письмо от матери накануне отъезда, в котором она между прочим [писала] о том, что последняя надежда их рушилась, что дом и подмосковная остались не проданы и что теперь всё именьё должно пойти за долги.

Невольно, получив это известие, Nicolas вспомнил о разговоре накануне с губернаторшей.

Вместо зач. вписан следующий абзац.

⁸ *Зач.*: другой

⁹ *Зач.*: Соне она писала

¹⁰ *Зач.*: говорила, что

¹¹ *Зач.*: уст[роила]

¹² *На полях конспект.*: <Неделя жизни. Фонарь. Неделя сватовства.

В этот же день Nicolas, по обещанию своему, поехал к княжне Болконской. Княжна Марья сидела в низенькой гостиной за пьальцами. М-Ше Bourienne и тетюшка сидели за круглым столом.¹ 7-летний Николушка сидел на скамеечке у ее ног.

Первое чувство, возбужденное в Николае княжной Марьей, было чувство жалости. Она, видимо, тщетно боролась с своим волнением и с желанием не показать его в то время, как ожидала входа гостя. Она опустила глаза, когда он вошел. И увы! Он должен был признаться, что она дурна. Но как только она взглянула на него своим глубоким, страдавшим взглядом, сознание это тотчас же исчезло. В лице ее, некрасивом, как некрасивы бывают транспаранты без освещения, был зажжен² огонь, и³ огонь этот освещал и играл на всем, что окружало ее. Свет этот не был ярк и светел, но чувствовалось его сильное и прочное освещение.⁴

Лицо княжны Марьи изменилось совершенно в ту минуту, как вошел Nicolas, не только на его глаза, но и на глаза В[ourienne] и М[альвинцевой]. В лице ее, в глазах (глаза были всё ее лицо) не было того ясного, невинного, простого света, который бывает у людей не страдавших, не думавших, не изучавших себя и потому довольных собою, той светлости, которая в высшей степени была в Nicolas; но в ней был глубокий свет, застилаемый внутренней, вечно недовольной собой работой.

Nicolas видел ее⁵ некрасивую, но привлекательную, жалкою и значительную. Как только он увидал ее, он почувствовал, что как будто вступил в новый⁶ и стройный и простой мир.

[Далее от слов: Разговор был самый простой и незначительный. Они говорили о Москве, невольно, как и все, <притворяясь> преувеличивая свою печаль об этом событии, кончая словами: и добродушно-весело стал целовать мальчика *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 1, гл. VI.]

— Славный, славный, княжна.

Когда Nicolas уходил и целовал [ее руку], княжна⁷ поразила Nicolas своим важным и холодным тоном. Она спасалась от обхватившей⁸ ее душу радости в этом холодном тоне.

⁹Nicolas и княжна Марья почти каждый день бывали вместе, и, очевидно для всех, их умышленно оставляли наедине.

Письмо Сони о князе Андрее и Наташе и объяснение <и от>. Приезд княжны Марьи.

Смерть князя Андрея.>

¹ *Зачеркнуто*: Маленький и *вписано след. слово*.

² *Зач.*: <яркий ясный свет> и <свет>

³ *Зач.*: свет

⁴ *Зач.*: Княжна Марья всё носила

⁵ *Зач.*: краси[вою]

⁶ *Зач.*: теплый

⁷ *Зач.*: приняла

⁸ *В рукописи*: обхватившего

⁹ *Зач.*: Губернаторша не медлила и на др[угой]

В первое время это¹ возмущало Nicolas. Бессознательно он чувствовал, что тут что-то нехорошо, но потом вдруг он рассердился на себя и на всех и, как в Тильзите, не позволил себе усумниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и здесь не позволил себе мудровать, а предоставил себя той власти, которая его, он чувствовал, непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, сделать предложение княжне Марье — есть то, что он называл подлость. И он знал, что подлости он никогда не сделает.

Но он знал тоже, не знал, а в глубине души чувствовал, что как-то сделается то, что он без подлости женится на княжне Марье и что бороться против этого напрасно.²

* № 254 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. VI — VIII).

³Николай чувствовал, то⁴ его сватают и женят и, вспоминая свое прежнее презрение к бракам, составленным таким образом, свои насмешки над⁵ теми, которые поддавались свхам, он удивлялся самому себе, он не противодействовал тому, что с ним делали. Как в Тильзите, он не позволил себе усумниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и⁶ теперь он после короткой, но искренней борьбы между⁷ попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиренным подчинением обычному и принятому всеми людьми, он выбрал последнее и предоставил себя той власти, которая его, он это чувствовал, непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, — сделать предложение княжне Марье — есть то, что он называл подлость. И он знал, что подлости он никогда не сделает. И он знал,⁸ и не то, что знал, а в глубине души ¹ *Зачеркнуто*: волн[овало]

² *Зач.*: Целая неделя прошла таким образом. Губернаторша не говорила более с Nicolas о занимавшем их деле. Она ждала ответа на письмо, которое она написала Соне. В письме этом она, объясняя Соне положение Nicolas, всего семейства и выгоды брака с княжной Болконской, обращалась к ее великодушию. В конце недели с 2-м курьером пришел ответ. Соня писала, что она понимает всю его жертву и что она никогда не примет ее и просит его жениться и быть счастливым. С этим же курьером Nicolas получил письмо от матери, в котором описывались отъезд из Москвы, свиданье Наташи с князем Андреем и возобновление прежних отношений. В присутствии губернаторши прочтя письмо, Nicolas решил ехать к княжне Марье и объявить ей о ране князя Андрея и о том, где он находился.

На полях: Княжна Марья растрогана раной князя Андрея, искренно рада его возвращению к Наташе и счастлива жертвой.

³ *Начало* — копия конца предыдущего варианта.

Зач.: Бессознательно он и написано рукой Толстого: Николай

⁴ *Зач.*: тут что-то нехорошо, но потом вдруг он рассердился на себя и на всех и и написан рукой Толстого весь конец фразы.

⁵ *Зач.*: свхами

⁶ *Зач.*: здесь не позволил себе мудровать, а предоставил и вписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая: последнее и предоставил

⁷ *Зач.*: желанием

⁸ *Зач.*: тоже и вписаны рукой Толстого след. четыре слова.

чувствовал,¹ что, отдаваясь теперь во власть обстоятельств, людей, руководивших им, он не только не делает ничего дурного, но делает что-то очень, очень² важное — такое важное, чего он еще никогда не делал в жизни.

В отношениях его с княжной Марьей ему постоянно чувствовалось что-то совершенно особенное от всех прежних отношений с другими женщинами. И особенность эта заключалась в каком-то грозном, таинственном и привлекательном ужасе, который он испытывал в ее присутствии. Образ жизни его в Воронеже и во время поездок его на заводы был такой же, как и прежде: он ухаживал за хорошенькими дамами, танцевал необыкновенным губернским образом,³ с значительной улыбкой беседовал с хорошенькими барышнями и совсем или очень редко думал о княжне Марье. Даже ежели и когда он думал о ней, он никогда не думал так, как он без исключения думал о всех барышнях, встречавшихся ему в свете, не так, как он долго и когда-то с восторгом думал о Соне. О всех барышнях, как и почти всякий честный молодой человек, он думал, как о будущей жене, примеривая в своем воображении к ним все условия супружеской жизни: белый капот, жена за самоваром, женина карета, ребятишки, тапан и рара, их отношение с ней и т. д. и т. д. Но когда он думал о княжне Марье, на которой его сватали, он никогда не мог ничего представить из будущей супружеской жизни. Ежели он и пытался, то всё выходило нескладно и фальшиво. Он только думал о ней, о ее свойствах, наклонностях, обдумывал и вспоминал ее выражения и, с несвойственной ему проницательностью, делал общие, всегда самые лучшие, выводы о ее характере. В ее присутствии Nicolas тоже испытывал совершенно особенное чувство. С другими дамами и девицами, которые занимали его, он часто сам с собою наедине придумывал то, что он скажет с тою или другою дамою, когда увидится с ней: так с блондинкой он говорил ей те самые мифологические комплименты, которые он говорил другим прежде и не для нее приготовил, но с княжной Марьей было совсем другое. Что бы он ни думал о ней, ни приговаривался ей сказать — как только он был с нею, он не мог говорить того, что хотел, а говорил и делал то, что хотел кто-то другой. И всё это делалось и говорилось в ее присутствии как-то нечаянно, как будто помимо его воли. И всегда что-то не именно тяжелое, но трудное — не игрушечное — было в их свиданиях.

Княжна Марья испытывала то же самое в отношении Nicolas. Также она никогда не мечтала о нем, также она при нем подчинялась какой-то невидимой силе, которая руководила ею,¹ *Зачеркнуто*: <что> как<-то все-таки> сделается то, что он без подлости женится на княжне Марье и что бороться против этого напрасно. *Далее автограф до конца варианта.*

² *Зач.*: серьезное и

³ *Зач.*: ухаживал

и также она до подробностей изучала его и не в том смысле, хорошо ли он танцует, не играет ли он в карты и нет ли у него долгов, постится ли он и ходит ли к обедне, а в изучении его задавала себе относительно его самые странные — общие вопросы. Она по словам и выражениям его добиралась, есть ли у него снисходительность к слабостям других, есть ли привязанность к месту, есть ли любовь к детям (эту последнюю она нашла в нем), как будто ей нужно было знать всё это.

(Новая глава)

Письмо губернаторши к графине и Соне было получено Ростовыми в Москве в последних числах августа.¹ Графиня, несмотря на суету и волнение, в которых находились в то время все московские жители, отвечала тогда же и губернаторше, изъявляя полное сочувствие ее планам, и писала Николаю, описывая ему теперь уже определившееся, верное разорение всего семейства по случаю невозможности продать дом и подмосковную и ни слова не говоря о княжне Марье. Она знала его² еще отроческую привычку всегда, как будто выказывая свою возмужалость, не слушаться ее советов.

³Получив письмо из Воронежа от почти неизвестной ей особы, Соня быстро пробежала его глазами до подписи, вспомнила имя губернаторши и опять с радостной тревогой, — не читая, пробежала глазами мелкие французские строки, в которых встречались слова: *Nicolas* и *vosre cousin*.⁴ Ей представилось, что какое-то неожиданное большое счастье⁵ объявляется этим письмом. Но, начав читать то ласковое, льстивое вступление, которое губернаторша предпосылала своему предложению: *connaissant vosre générosité et la noblesse de vosre coeur*,⁶ Соня опять просмотрела вперед, увидала слова: *la charmante princesse Marie Bolkonsky*,⁷ Соня вдруг багрово покраснела и зарыдала. Она всё поняла. И, читая⁸ письмо от слова до слова, она находила уже в нем всё знакомое. Вмешательство постороннего человека, подтверждение этим посторонним человеком того же, что говорила до сих пор одна графиня, и оскорбило Соню, и убедило ее, что они были правы, а она была неправа. Надо было пожертвовать собой для счастья его и для счастья всей семьи, которая вскормила и воспитала ее. Жертвовать собой для счастья других было привычкой Сони. Ее положение в доме было таково, что ¹ *Зачеркнуто*: в то время, когда Москва

² *Зач.*: характер

³ *Зач.*: Получив <Прочтя свое> письмо, Соня

⁴ [Николай и ваш двоюродный брат.]

⁵ *Зач.*: ожидает

⁶ [зная ваше великодушие и благородство вашего сердца,]

⁷ [прелестная княжна Марья Болконская,]

⁸ *Зач.*: подробности]

только на пути жертвования она могла выказывать свои достоинства и она привыкла и любила жертвовать собой. Но прежде во всех действиях самопожертвования она с радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этим самым возвышает свою цену в глазах себя и других и становится более достойной Nicolas, которого она любила больше всего в жизни. Но теперь жертва ее должна была состоять в том, чтобы отказаться от того, что для нее составляло всю награду жертвы, весь смысл жизни. И этого она не могла. И в первый раз в жизни она почувствовала <досаду, злобу ко всем, в особенности> к этой, вмешивающейся не в свое дело чужой женщине, почувствовала горечь к тем людям, которые облагодетельствовали ее для того, чтобы больнее замучить, почувствовала зависть к Наташе, никогда не испытывавшей ничего подобного, никогда не нуждавшейся в жертвах и заставлявшей других жертвовать себе и все-таки всеми любимой. И в первый раз почувствовала, как из ее тихой,¹ чистой любви к Nicolas вдруг начинало вырастать страстное чувство, которое стояло выше и правил, и добродетели, и религии. Под влиянием этих чувств Соня перестала плакать, и, невольно выученная своей зависимой жизнью скрытностью, она на вопрос графини, от кого было письмо, сказала, что оно было от ее дяди. Соня решила не отвечать ничего и ждать свидания с Nicolas, в котором она решила не освободить, но, напротив, навсегда связать себя с ним.

Хлопоты и ужас последних дней в Москве заглушили в Соне тяготившие ее мрачные и сухие мысли. Она рада была находить спасение от них в практической деятельности. Но когда она узнала о присутствии в их доме князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала к нему и к Наташе, радостное и суеверное чувство того, что бог не хочет² того, чтобы она была разлучена с Nicolas, охватило ее. Она знала, что Наташа любила одного князя Андрея и не переставала любить его. Она знала, что теперь, сведенные вместе в таких страшных условиях, они снова полюбят друг друга и что тогда Nicolas нельзя будет жениться на княжне Марье. Несмотря на весь ужас всего происходившего в последние дни и во время первых дней путешествия, это чувство радости и сознание вмешательства провидения в дела ее, преобладало в Соне и странно поражало иногда чуткую Наташу.

В Троицкой Лавре Ростовы сделали первый привал на своем путешествии.³ В этот день князю Андрею было гораздо лучше и между им [и] Наташей было объяснение, вследствие которого Наташа объявила отцу и матери, что она невеста князя Андрея,^{4 1}
Зачеркнуто: лелеянной [?]

² *Зач.:* разру[шить]

³ *Зач.:* <Граф на> Во вре[мя]

⁴ *Зач.:* что он отказывается от этого только потому, что боится умереть, но что она, Наташа, без этого

и просила, чтоб их образовали. Монах прочел им молитву и сказал короткое слово над постелью, на которой лежал князь Андрей, заставил их поцеловаться и, пожелав исцеления от недугов телесных и душевных, благословив их, ушел.

Из Троицы граф и графиня писали [*1 неразобр.*] сыну, объявляя ему о всем том, что случилось со времени их отъезда из Москвы, и Наташа, по уходе монаха, под диктовку князя Андрея, писала княжне Марье, уведомляя ее о своем положении и приглашая ее вместе с Никулушкой переехать в Ярославль, где они могли быть все вместе.

На гостинице Лавры, в больших комнатах, отведенных настоятелем своим давнишним посетителям и вкладчикам Ростовым, в этот день происходила смешанная — тревожная, горестная и радостная, трогательная суматоха.¹ Соня с Наташей после обеда, когда князь Андрей задремал, пошли служить молебен угоднику и обе одинаково усердно благодарили за одно я то же и молились об одном и том же: о сохранении жизни князя Андрея. Возвращаясь из² собора, Наташа, робкая и умиленно счастливая, шла подле Сони.

— Соня! Да, он будет жив? — сказала Наташа. — Соня! Как я счастлива и как я несчастна. Соня, голубчик! — и Наташа расплакалась.

³Вернувшись⁴ на гостиницу, Наташа, узнав, что князь Андрей проснулся, взглянула в зеркало, не видя себя, но только для того, чтобы узнать, не красны ли ее глаза.

— Пойдем вместе к нему, Соня, — сказала она, — он любит тебя. Они вошли к князю Андрею, к жениху, который высоко лежал на подушках,⁵ покрытый синим одеялом. Лицо его было строго и недовольно, когда барышни вошли в комнату. Увидав их, он поспешно и притворно изменил выражение своего лица.

— А, вы были у угодника? — сказал он. — Я рад, что вы были.⁶

Наташа взяла его за руку и села подле него.

— Ах! — вдруг почти вскрикнула Соня.

И князь Андрей и Наташа оглянулись на нее.

— Что ты? — спросила Наташа.

Соня взволнованно покраснела.

— Знаешь, что я вспомнила, Наташа? Я вспомнила наше гаданье на святках, помнишь, когда мы ездили к Мелюковым.

— Ах да, ты в зеркало смотрела, ты видела *его*? — сказала Наташа, широко раскрывая глаза. Но⁷ в ту же секунду Наташа¹ *Зачеркнуто*: Монахи выходили

² *Зач.*: церкви

³ *Зач.*: Соня была умилена и размягчена всем. Когда она

⁴ *Зач.*: домой

⁵ *Зач.*: Лицо его

⁶ *Зач.*: Послали княжне Марье письмо, да

⁷ *Зач.*: тот[час]

как будто вспомнила, что теперь она не может отдаваться одним своим чувствам. Даже в мелочи она не смела теперь удивляться, радоваться или волноваться, не узнав прежде,¹ как ее господин и обладатель смотрит на это. Она вдруг остановилась в выражении своего удивления и на князя Андрея посмотрела вопрошительно и искательно, как умная собака смотрит на хозяина.

— Вы, может быть, не верите этому, князь? — сказала Соня, обращаясь к князю Андрею, заметив² взгляд Наташи, — но это необыкновенно. Я видела, видела в зеркало вот это самое. Я видела, что вы лежите, покрыты чем-то синим и подле вас сидит Наташа, — рассказывала Соня то, что она тогда придумала, глядя в зеркало, и то, что потом, отпечатавшись в ее воспоминании,³ представлялось ей столь же действительным, как и всякое воспоминание, основанием которого была не выдумка, но действительность. Она только прибавила теперь, что синим был покрыт князь Андрей, и прибавка эта не поразила Наташу, напротив, ей именно поразительным казалось то, что еще тогда Соня сказала, что князь Андрей был покрыт чем-то синим.

Когда Соня и Наташа рассказали подробно, как это всё было, Соня еще раз обратилась к князю Андрею с вопросом, верит ли он в это. Наташа не спрашивала, она знала по выражению лица своего⁴ хозяина, что он скажет, что верит, но что в этих словах будет другое значение, значение, которое она чувствует, но не понимает. Действительно, князь Андрей так и отвечал, как она предполагала.

— Отчего же вы думаете, что я не поверю? Нет, я теперь во всё верю после того, что она (он взглянул на Наташу) сделала со мной, захотела связать себя с у..... Я во всё верю, — прибавил он, пожав руку Наташи.

— Что ж, послали письмо сестре? — сказал он, естественным путем мысли наведенный на воспоминание о том, что в этом письме он писал, чему не верил, что его рана идет очень хорошо.

— Нынче вечером пошлют, — сказала Соня и, желая уйти, чтобы оставить их одних, вспомнив, что ей самой надо было написать письмо, вышла из комнаты. Соня была⁵ размягчена и взволнована всем, что происходило в этот день, в особенности тем таинственным совершением гадания, которое она сейчас видела, и ей чувствовалась потребность личного умиления. Она вспомнила о письме губернаторши и сейчас решила отвечать на него. Теперь, когда она знала, что по случаю возобновления помолвки Наташи с князем Андреем Nicolas не мог жениться на княжне Марье, она с радостью почувствовала возвращение того настроения, полного и трогательного настроения самопожертвования,¹ *Зачеркнуто*: как хочет

² *Зач.*: вопроси[тельный]

³ *Зач.*: было также

⁴ *Зач.*: пов[елителя]

⁵ *Зач.*: умилена

в котором она привыкла и любила жить. Она знала, что теперь ей не нужно отказывать Nicolas, потому что его женитьба на княжне Марье невозможна, но она ни разу не подумала об этом и со слезами на глазах и с радостью сознания совершения великодушного поступка она, несколько раз прерываясь от слез, которые отуманивали ее бархатно черные глаза, она написала одно трогательное французское письмо губернаторше, <другое такое же Nicolas>.

(Новая глава)

Страшные известия о Бородинском сражении, о наших потерях убитыми и ранеными родных и знакомых и, наконец, известие о потере Москвы были получены в Воронеже в начале сентября. Княжна Марья, узнав из газет о ране брата, была в горести, близкой к отчаянию, и сбиралась ехать отыскивать его, как слышал Николай от губернаторши. Сам Nicolas¹ не видал в последнюю неделю княжну Марью, и мысли его были² далеки от этого затеянного сватовства.

Получив первое письмо от матери с известием об окончательном разорении по случаю непродачи дома и подмосковной и об оставлении Москвы, он не то чтобы испытывал отчаяние, злобу или месть к врагам и т. п., но ему стало всё скучно, досадно в Воронеже и всё как-то совестно и неловко. Он почти грубо отвечал на заискивания губернаторши о сватовстве, торопился окончанием покупок и часто несправедливо приходил в горячность с своим слугой и вахмистром. 9 сентября,³ накануне дня, в который он собирался ехать, курьер из армии привез ему в Воронеж письма Ростовых.⁴

Получив письмо отца и матери, писанное в Лавре, в котором описывался отъезд из Москвы, странная случайность,⁵ приведшая раненого князя Андрея в их дом, и примирение и⁶ образование Наташи с князем Андреем в Троице, Nicolas в ту же минуту поехал с этим письмом к княжне Марье.

¹ *Зачеркнуто*: окончив свою покупку лошадей, собирался уех[ать]

² *Зач.*: соверш[енно]

³ *Зач.*: он собрался ехать и делал прощальные визиты

⁴ *Зач.*: (Новая глава)

Приезд курьера во всю эту осень 1812 года был событие; но приезд курьера 8 сентября был для всех воронежских жителей событием необычайным. Курьер этот привез известие о убитых и раненых в Бородинском сражении и известие об оставлении Москвы и оставлении неприятелем

<Получив письмо Сони, губернаторша, уже давно покушавшаяся это сделать, тотчас поехала к княжне Марье и сделала ей предложение от имени>

На полях: <Письмо Сони, написанное из Троицы. Отношения Nicolas к княжне Марье, что-то грозное и ужасное. Он никогда не думает и не мечтает о ней и в ее присутствии (и она также) его охватывает власть чья-то.>

⁵ *Зач.*: сведшая

⁶ *Зач.*: новое

В письме два раза повторялись, что по мнению доктора рана не так опасна. Кроме того, ежели произошло обручение, то надо было предполагать, что рана была незначительна.

Nicolas был очень счастлив получением этого письма. Он радовался за счастье Наташи, радовался за княжну Марью, которая, как он слышал, считала рану своего брата смертельною, радовался за то, что он объявит ей это и что между ним и ею уничтожатся эти неприятные, натянутые, произведенные сватовством — отношения.

Nicolas ехал к княжне Марье с убеждением, что он первый привезет ей известие о ее брате. Но с тем же курьером, с которым Nicolas получил свое письмо, княжна Марья получила из Троицы же письмо от брата, который писал ей¹ о том, что рана его не опасна, о том, с кем и где он находился, но ни слова не писал о возобновлении прежних отношений с Наташей (он просил Наташу отложить это до приезда сестры).

С этим же курьером губернаторша получила свое письмо от Сони и, как ни чувствовала добрая старушка несвоевременность сватовства в такое время, соображая то, что Nicolas завтра уедет и для нее навсегда исчезнет возможность принять участие в этом, составлявшем главную радость ее жизни, особенно в этом случае, она поехала к княжне Марье и, сначала приняв участие в ее радости о хороших известиях о брате, сделала ей формальное предложение от имени Ростова.

Княжна Марья побледнела, как полотно, и, широко раскрыв глаза, долго молча смотрела на губернаторшу, потом вдруг зарыдала и² хотела уйти от нее.

— Не говорите мне про это! Никогда не говорите, — рыдая проговорила княжна Марья удерживавшей ее губернаторше. — Я не могу, не могу думать о себе теперь. Не могу, не могу, я чувствую, что я дурная женщина. Ах, не говорите мне, не говорите ему, — и княжна Марья убежала от губернаторши.

Когда ей доложили, что приехал Nicolas, княжна Марья тотчас же с сухими, злобно блестящими глазами и красным лицом вышла к нему. Ее возмущала мысль о том, что он, которого она любила, мог быть так груб, так неделикатен, чтобы в такое для нее время говорить ей о замужестве. До сих пор ни разу не приходившая ей страшная мысль в отношении Nicolas, мысль о его корыстолюбии, о желании его, не любя, жениться на ней, на богатой невесте, теперь пришла ей, и она поверила ей. С выражением холодного презрения и гордости она, ступая твердо на свои мягкие пятки, вышла к Nicolas, близко подошла к нему, не приглашая его садиться и не³ подавая ему руки.

¹ Зачеркнуто: где и с кем

² Зач.: убежала и вписаны след. два слова.

³ Зач.: пред[лагая]

— Что вам уго... — начала она, еще не видя его своими близорукими глазами. Но вдруг она увидала его лицо и остановилась. Лицо его, добродушно ласковое и дружески нежное и тихое, поразило ее.

Nicolas, как и всегда в присутствии княжны, почувствовал себя во власти той силы, которая управляла им, и вместо того, что он приготовился сказать ей, он сказал совсем другое.

— Princesse, — сказал он, — je vous apporte de bonnes nouvelles. Autrement je n'aurais pas osé. Voilà.¹ — Он достал письмо. — Мои пишут мне.

— Мой брат с ними, ему лучше.

— Как я рад, и они с Наташей опять жених с невестой.

Княжна Марья захлипала, пошатнулась и, рыдая, упала на руки Nicolas.

— Mon cher ami, mon cher,² — говорила она. — Как я виновата перед вами, как я счастлива, как я люблю вас. Oh, comme je vous aime, que excellent homme vous êtes. Comme je suis heureuse,³ — говорила она, и⁴ лучистые глаза ее сияли восторженным счастьем. — Est ce vrai?⁵ Она взяла письмо, которое ей подал Nicolas, отерла слезы и стала читать. Nicolas сидел подле нее и сам не знал, отчего у него слезы стояли в горле.

Читая, княжна Марья (руководимая тоже той властью, управлявшей ее волей в присутствии Nicolas) отрывалась от письма, пожимала руку Nicolas и говорила: merci, merci, mon cher Nicolas, comme je suis heureuse.⁶

— Oui,⁷ Princesse, — сказал Nicolas, отвечая на то слово Nicolas, к[оторого] она, сказав, тотчас же испугалась, — à présent nous sommes frère et soeur et j'ai le droit de vous appeler Marie, de vous protéger, de vous aimer, chère Marie. Ce que je fais depuis longtemps,⁸ — велел кто-то прибавить Николаю.

Они несколько раз перечли письмо, обсуживали вместе значение каждого слова по отношению к опасности или неопасности положения князя Андрея. Они вместе обдумывали планы отъезда княжны Марьи в Ярославль.

Мальвинцевой и M-He Bourienne, которые скоро вошли в комнату, сообщили всё, что было в письме, и Nicolas остался обедать и, испытывая радость интимных, родственных отношений с милым по сердцу человеком и отсутствие стеснения,¹ [— Княжна, я привез вам хорошие известия. Иначе я не осмелился бы. Вот.]

² [— Милый мой друг, милый мой,]

³ [Как я вас люблю, какой вы прекрасный человек. И как я счастлива,]

⁴ *Зачеркнуто: лицо и вписаны след. два слова.*

⁵ [— Правда ли это?]

⁶ [благодарю вас, благодарю вас, милый Николай, как я счастлива.]

⁷ *Зач.: Mar[ie]*

⁸ [— Да, княжна, мы теперь — брат и сестра, и я по праву могу называть вас Мари, заботиться о вас и любить вас, милая Мари. И я уж давно вас люблю,]

которое он испытывал прежде в присутствии княжны Марьи, провел у нее остальную часть дня. Перед отъездом его вечером княжна удержала его и отозвала в темную залу.

— Отчего же вы не спросите меня, — сказала она, чувствуя жар в лице, — отчего я была так странна и говорила такие странные вещи, когда вы только вошли с письмом?¹

— Я не знаю. Я думал так, вы взволнованы, — сказал Nicolas.

— Нет. Настасья Павловна (губернаторша) была у меня утром, и она сделала мне от вас предложение. Я не могу сказать, как это меня взволновало, рассердило.

— О, это ужасная Настасья Павловна, — сказал Nicolas. — Но я рад, что это теперь не будет мешать нашей дружбе.

— Но это правда? — сказала княжна Марья после молчания.

— Oui, chère Marie, je vous ai aimé du moment que je vous ai vu. Mais il y a un obstacle et je suis heureux de ce que cela s'est arrangé comme cela est. Tant mieux, tant mieux...²

— Adieu, Nicolas,³ — только сказала княжна Марья, протянув руку, но она была так счастлива сказать эти слова.

— Adieu, chère Marie, au revoir à la noce de Nathalie,⁴ — и, поцеловав ее руку, он ушел.

На другой день, делая прощальные визиты, Nicolas попрекнул губернаторшу за то, что она наделала с княжной Марьей, и за то, что она не сдержала слова.

— Нет, mon cher,⁵ вот письмо от Софи, — сказала губернаторша, и не только показала письмо, но и растолковала Nicolas ту хитрость (которую губернаторша считала умышленною) и которую Nicolas не заметил бы, с которой Соня⁶ разрешала Nicolas жениться на княжне Марье тогда, когда уже этого нельзя было сделать.

— Нет, полноте, ma tante, она добрая и славная, — сказал Nicolas, так же, как и его отец, словами: «славный, славный» разрешая затруднение.

— Ну все-таки, mon cher, ты теперь свободен: не на ней, то другая. Ну прощай, Христос с тобой. Я тебя от души полюбила.

На другой день Nicolas выехал из Воронежа и вернулся к своему полку уже в Тарутинском лагере.

¹ *На полях:* Nicolas спрашивал.

² [— Да, милая Мари, я полюбил вас с той минуты, как в первый раз увидел. Но есть одно препятствие, и я счастлив, что всё случилось именно так. Тем лучше, тем лучше...]

³ [— Прощайте, Николай,]

⁴ [— Прощайте, милая Мари, и до свидания на свадьбе Наташи,]

⁵ [милый мой,]

⁶ *Зачеркнуто:* отпу[скала]

* № 255 (рук. № 96, Т. IV, ч. 1, гл. IX—XII, и ч. 2, гл. XII).¹

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(Новая глава)

Прошло² четыре недели с тех пор, как Пьер был в плену. Он знал, что Москва вся сгорела и разграблена,³ он слышал по разговорам присоединяемых пленных и французских караульных солдат, что положение французов нехорошо, но общий ход дел не интересовал и не радовал его. В эти⁴ четыре недели плена, лишений, унижений, страданий и главное — страха Пьер пережил больше, чем во всю свою жизнь.⁵

В разоренной и сожженной Москве, в дурную и холодную погоду, начавшуюся в сентябре,⁶ он испытал почти крайние пределы физических лишений и страданий и ужасов, которые может переносить человек. Но, благодаря своему сильному сложению и здоровью, <которого он не знал до сих пор,⁷ он переносил все эти страдания лучше многих из своих товарищей по плену>. И эти-то страдания и в особенности тот ужас смерти, который он испытал в плену, и заставили его в это короткое время пережить столь многое⁸ и дали ему то спокойствие и довольство собой, к которым он тщетно стремился прежде.

Он долго⁹ в своей жизни искал с разных сторон этого успокоения, согласия с самим собою, того, что так поразило его в солдатах в Бородинском сражении, он искал этого в филантропии, в масонстве, в рассеянии светской жизни, в вине, в геройском подвиге самопожертвования, он искал этого путем мысли и все эти искания и попытки обманули его. И он, сам не думая о том, получил это успокоение и это согласие с самим собою только через страдания физические и нравственные, через ужасные полчаса, которые он провел с мнимыми поджигателями на Девичьем поле.

Вот как это было.

¹ *Автограф на полях зачеркнутой копии первоначального черновика конца романа (см. т. 14, вар. № 183).*

² *Зачеркнуто: две*

³ *Зач.: видел*

⁴ *Зач.: две*

⁵ *Зач.: <С тем свойственным ему безумием> Он с безрассудным упрямством <поддерживал при всех допросах, которые ему делали> <продолжал говорить, что он не скажет, кто он такой, и вследствие этого положение его в плену> на первом допросе, который ему делали, продолжал говорить, отрекаясь от всякого намерения поджигательства. Так как он не хотел сказать, кто он такой, он содержался в плену наравне с низшим сословием русских пленных.*

⁶ *Зач.: было так же ужасно, как*

⁷ *Зач.: и благодаря гордому сознанию того, что от его воли зависело бы улучшить свое положение, открыв французам, кто он такой,*

⁸ *Зач.: и совершенно невольно для него изменили весь его взгляд на жизнь.*

⁹ *Зач.: бился*

В первый день офицер и солдаты, взявшие Пьера, обращались с ним на гауптвахте сомнительно, почтительно и враждебно. Еще чувствовалось в их отношениях к нему и сомнение о том, кто он такой — не очень ли важный человек — и враждебность вследствие их личной борьбы с ним.

Но в тот же вечер, как слышал Пьер от солдат и пленных, и офицер и караульные увлеклись грабежом дома гр. Каменского, на который, как и вообще в то время в Москве, стоило одному человеку наложить руку, чтобы стая других французов же увлеклась тем же. Вероятно, под влиянием этого увлечения грабежом перед утром к Пьеру в отдельную комнату, где он содержался эту ночь, вошли два поляка-улана и перед сменой своего караула сняли с него кольцо, жилет и сапоги.

[Далее от слов: Когда в утро другого дня пришла смена, кончая: — Запишите. Это нехорошо, очень нехорошо, — строго сказал ему один из членов близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 1, гл. IX.]

На четвертый день пожары начались на Зубовском валу и не караульный, а другой офицер вошел в комнату, где содержались пленные, с списком в руках, сделал переключку, назвав Пьера *celui qui n'avoie pas son nom*,¹ и распределил всех по разным местам.

Пьера с 13 другими, опять босиком, как он был, повели на Девичье поле и поместили там в балагане, выстроенном посередине поля. Проходя по улицам, Пьер с любопытством оглядывался и везде видел обгорелые стены каменных и торчащие печи деревянных домов. По всей Москве дымилось и кое-где еще горело. Пьер тогда еще решительно не понимал радостного значения сожженной Москвы и с ужасом смотрел на эти пожарища. Он видел над разрушением русского порядка установ[ление] ф[ранцузского] п[орядка].

На Девичьем поле Пьер пробыл еще 4 дня и во время этих дней из разговора французских солдат узнал, что все содержащиеся здесь были судимы за поджигательство и что ожидают только решения маршала.

Эти первые дни до 8-го сентября, дня, в который Пьера повели на вторичный допрос, были самые тяжелые для Пьера. Но 8-го сентября был тот день, в который он в час пережил больше, чем во всю свою жизнь. Это был кризис, после которого он получил то успокоение, в котором он с тех пор и находился.

*[Далее от слов: 8-го сентября Пьера с другими под конвоем 20 пехотных солдат повели через поле к дому с огромным садом на правой стороне Девичьего поля, кончая: Не договорив начатого, он махнул рукой и пошел прочь близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 1, гл. X—XI.]*²

¹ тем, который не хочет назвать своего имени,

² Далее в рукописи следует текст, относящийся к гл. XII, ч. 2. Был опубликован в сб. «Лев Николаевич Толстой», изд. АН СССР, М. 1951, стр. 624—626.

Новая глава

Только когда Пьер был приведен назад в балаган и оставлен один, он понял ясно всё то, что угрожало ему и от чего он спасся, и он понял, как мало значения имела его жизнь.¹

Он с этого дня так равнодушен стал к жизни, что как будто в этой казни был казнен и он — прежний Пьер, а теперь жил в нем новый, другой человек.

С этого дня совершился в Пьере тот переворот, который дал ему² то успокоение, к которому он так давно стремился. И успокоение это пришло ему не путем мысли. Он вовсе не думал о себе во всё это время, не думал о том, лучше ли, покойнее ли он стал. И именно от этого-то он был лучше и покойнее. Первые дни после преступного убийства, которое он видел, он не мог закрыть глаза без того, что[бы] не видеть перед собою всё те же страшные лица невольных убийц и невинных жертв, и по ночам на него находил суеверный страх чего-то, и в сновидениях ему представлялось всё то же. Но зато всякое пробуждение и радостное сознание того, что это было только во сне, доставляло ему неизвестное прежде наслаждение. —³

С первого же дня после казни — сейчас, как только пленных ввели назад в балаган, Пьер почувствовал в первый раз, что все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных привычек, которые до тех пор отчуждали его от товарищей — были уничтожены. Пьер с этого дня сблизился с своими товарищами — солдатами, крепостными и колодниками. И в этом сближении нашел новое, еще не испытанные⁴ им⁵ интерес, спокойствие и наслаждение. С этого же дня только вполне оценил Пьер наслаждение обеда из соленых огурцов, которых не ели французы, требухи вареной и хлеба, наслаждение тепла, когда он укладывался рядом с старым солдатом, укрыв[аясь] с головой кафтаном в углу балагана, наслаждение ясного дня и вида солнца и Воробьевых гор, видневшихся из двери балагана. Всё это было точно новое, никогда не испытанное, но все эти неоценимые, вдруг открытые наслаждения были ничто в сравнении с теми бесчисленными нравственными наслаждениями, открывшимися ему с того же дня.⁶

На душе у него было ясно и чисто. Те страшные минуты, которые он пережил, как будто смыли навсегда из его воображения и воспоминания те мысли и чувства, которые прежде представлялись ему важными. Ему не приходило и мысли ни о России и войне, ни о Наполеоне и геройском намерении убить его,¹ *Зачеркнуто*: Ему

² *Зач.*: давно

³ *Дальше текст зачеркнутого автографа.*

⁴ *Исправлено из*: неиспытанное

⁵ *Зач.*: насла[ждение]

⁶ *Зач.*: Как будто просеяв все

ни о своем великодушном пожертвовании именем и спасении ребенка, ни о звере Апокалипсиса и о спасении человечества, ни даже о своей страстной любви к Наташе. В душе его, как сквозь сито просеянные, остались только самые дорогие зерна человеческих стремлений.

Пьер в своей жизни имел избыток всего, что только могут желать люди. Теперь же он испытывал лишения, которых не испытывают самые несчастные из людей, и потому он мог желать всего. И из этого всего он так ясно видел теперь то, что было существенное благо, и то, что было ложь. Как ему странно было вспоминать теперь, как он, теплый, сытый, безопасный, лежал в своем кабинете и чувствовал себя несчастным. Теперь он понимал, что для счастья жизни нужно только <жить> без лишений, страданий, без участия в зле, которое делают люди, и без зрелища этих страданий.¹ Тихий уголок где-нибудь, ясное солнце, садик, занятие, первое, которое встретится, свободное занятие, думал он, еще приятнее [?], больше ничего мне не нужно. Наташа! Когда она вспоминалась ему, ему было совестно. Чего ему нужно было от себя и от нее? — спрашивал он себя, не понимая. Теперь, ежели бы он встретил ее, он бы рад был, посидел бы с ними, поговорил, послушал, как она поет, и поехал опять бы к себе в свой маленький домик с садиком. Пообедал, выпался бы, согрелся бы и занялся бы чем-нибудь, как теперь.

Все эти непонятные для самого Пьера в другое время мечтания теперь доставляли ему огромное наслаждение. Все мечтания его стремились к тому времени, когда он будет свободен. Ему казалось, что он был очень несчастлив теперь, но он заблуждался. Это ограничение свободы и мечтаний, эти лишения и страдания, эти надежды и ужасы были лучшее счастье, которое испытывал Пьер до того времени. Теперь он считал себя несчастным, но впоследствии и всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена и с слезами в душе думал о том, что никогда не возвратятся те сильные и радостные ощущения и то спокойствие душевное, которое он испытывал в этот месяц плена.>

* № 256 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII, и ч. 2, гл. XI— XII).²

С первого же дня после казни,³ поступив в новое товарищество пленных, Пьер почувствовал, что прежде бывшие между им и его товарищами условные преграды рождения, воспитания, нравственных привычек — теперь не существовали более. Прежде Пьер⁴ старался сблизиться с народом, теперь же вовсе¹ *Зачеркнуто*: И это так легко было

² Автограф, написанный вместо зачеркнутого конца вар. № 255.

³ Зач.: Пьер до половины сентября

⁴ Зач.: во время сражения и после в Москве во время выхода народа за Трехгорную заставу

не думал о нем, сближение это сделалось само собою и доставило Пьеру тоже [?] новые, не испытанные им до сих пор наслаждения.

Из числа 23 человек самых разнообразных характеров и званий: офицеров, солдат, чиновников, которые потом как в тумане представлялись Пьеру, в памяти его остался навсегда¹ унтер-офицер Томского полка, взятый французами² в госпитале, с которым он особенно сблизился. Унтер-офицера этого звали Платон Каратаев. Он был тамбовец и говорил тамошним говором, выговаривая ц вместо ч.³ В воспоминании Пьера этот человек остался олицетворением всего русского, доброго, счастливого и круглого.⁴ Голова у него была совершенно круглая, как большой мяч. Глаза, очень приятные, большие, карие, были⁵ круглые, усы и борода, отрастая вокруг рта, составляли круг, рот⁶ раскрывался овалом, близким к кругу, волосы вокруг лба всегда имели вид круга, руки⁷ пухлые были почти круглые, плечи округлялись в спине,⁸ грудь была высокая, округленная, руки он всегда носил в округленном положении, как будто готовился обнять что-то.⁹ Все морщины на его лице — около глаз и рта были круглые. Он был невысок ростом. Зубы, ярко белые, крепкие, которые все выкатывались своими двумя полукругами, когда он смеялся (что он часто делал), были все крепки, ни одного седого волоса не было в его волосах и бороде, но по рассказам его о¹⁰ походах, в которых он участвовал 10-летним солдатом, ему должно было <быть>¹¹ гораздо за 50 лет.

Всё лицо было весьма приятно, голос у него был тихий и почти нежный. Говорил он очень складно и кругло, всегда заканчивая свою речь¹² и беспрестанно украшая ее поговорками, пословицами и ласкательными мужицкими словами, из которых в особенности он часто употреблял «соколики».¹³ Он говорил с теми русскими старыми приемами ласки и вежества, с которыми говорят в дальних деревнях. Попад в плен и обросши бородою, он, видимо, отбросил в несчастье всё напущенное на¹ *Зачеркнуто*: и он особенно сблизился с одним раненым унтер-офицером

² *Зач.*: на пожаре Гостиного двора. Унтер-офицера этого

³ *Зач.*: Это был

⁴ *Зач.*: Коротко об[стриженная]

⁵ *Зач.*: правиль[ные]

⁶ *Зач.*: шел полукругом вниз

⁷ *Зач.*: толстые

⁸ *Зач.*: ноги стремились к изогнутому наружу в коленях круглому положению.

⁹ *Зач.*: Даже самый рост небольшой, фигура его, широкая во все стороны при небольшом росте, приближалась к кругу.

¹⁰ *Зач.*: Суворовских

¹¹ *Зач.*: не менее

¹² *Зач.*: <и голосом> и беспрестанно прибавляя народные ласкательн[ые]

¹³ *Зач.*: Все не то что любили его, но всем очевидно было так легко с ним, что его присутствия не замечали, как не замечают присутствия света. Он говорил с тем

него солдатское и¹ с удовольствием возвратился к старым мужицким приемам и речи. Он неохотно говорил про свое солдатское время, и когда рассказывал, то преимущественно из старых и, видимо, дорогих ему воспоминаний крестьянского быта. Поговорки, которые он говорил очень часто, не были те солдатские, большей частью неприличные и бессмысленные присказки, но это были большей частью изречения того свода глубокой житейской мудрости, которой живет народ.² Платон Каратаев³ не знал ничего⁴ наизусть, кроме тех солдатских ответов, которые он в рекрутстве выучил из-за сильных побоев, и он не знал ни одной поговорки и пословицы. Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторять сказанное, Платон Каратаев не мог вспомнить того, что он сказал минуту тому назад, и, когда он говорил свои речи и начинал их, казалось, не знал, чем он кончит. Он был как бы живой сосуд, наполненный чистейшей народной мудростью, сам не зная этого. На всё всегда он был согласен, всем всегда доволен, на всё у него было словечко, иногда шуточное, иногда поразительно глубокое и тем более поразительное, что он говорил иногда совершенно противоположное тому, что он говорил⁵ прежде, но и то, и другое было справедливо. Одно, что он не любил, это было драки, ссоры, брань, которые случались в балагане. В этих случаях он, видимо, приходил в беспокойство и до тех пор не успокоивался, пока ему не удавалось помирить ссорящихся. Физические силы и поворотливость его были таковы⁶ первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь. Каждый день утром и вечером он молился на восток, быстро крестя свой лоб и грудь и шопотом приговаривая: «Господи помилуй. Богородица, помилуй, Никола угодник, помилуй и спаси нас» и потом, ложась, говорил вслух: «положи, господи, камушком, подыми калачиком». И поутру вставал, подпрыгивая, и тоже вслух говорил: «лег — свернулся, встал — встряхнулся». Он никогда не бывал без работы и всё умел делать, он шил рубашки и сапоги, пёк, варил, тесал, строгал, и⁷ всегда находил себе дело. Он любил говорить и говорил хорошо; но любил тоже слушать.⁸ Он любил слушать сказки, которые был в балагане один мастер рассказывать, но более всего любил слушать рассказы о настоящей жизни и так ласково и внимательно умел слушать, так кстати вставить словцо, что Пьер никому с таким¹ *Зачеркнуто*: усвоил свои старые мужицкие приемы.

² На полях рукописи рукой Толстого записан ряд народных пословиц и поговорок. См. т. 13, «Планы и заметки к «Войне и миру», вар. № 33, стр. 46—47.

³ *Зач.*: казалось

⁴ *Зач.*: на свете

⁵ *Зач.*: час

⁶ *Зач.*: особенно

⁷ *Зач.*: редко

⁸ *Зач.*: и умел

удовольствием и подробностями не рассказывал с вою жизнь, как этому солдату.

Когда Пьера в первый раз ввели в новый балаган, все знали уже всё, что с ним было. Все оглянулись на него с любопытством, но первое время никто не подошел. Первый¹ приветствовал его Платон Каратаев, сидевший в углу за тачанием сапогов.

— Здравствуйте, барин, соколик, — сказал он.² — Милости просим в наши хоромы.³ В тесноте, да не в обиде. У нас житье⁴ хорошее — обиды нету.⁵ Вот тут и садись,⁶ — проговорил Каратаев, опрастывая ему место.

Пьер оглянулся на голос, и в круглом лице и глазах этого человека он почувствовал успокоение и подошел к нему.

Платон Каратаев, взглянув на Пьера, покачал головой.

Его огорчило, видимо, выражение отчаяния, бывшее на лице Пьера, и он тотчас же обратился к нему с веселой дружеской речью, рассказывая, как они живут тут, и не спрашивая. Другие пленные, офицеры и чиновники, перебив Платона Каратаева, стали спрашивать Пьера о том, откуда он и что с ним было. Пьер рассказывал. Каратаев молча слушал, шевеля скулами (это была его привычка), и только⁷ когда Пьер рассказывал о том, как их судили,⁸ прибавил: «Где суд, там и неправда, соколик», — вздохнув, встал и, достав картофелю печеного и черного хлеба, принес Пьеру.

— Покушай, соколик, с голоду Малашки и Алашки всласть. Вот так-то, — прибавил он, когда Пьер улыбнулся и⁹ взял картофель.

Из всех людей, бывших в балагане, Платон Каратаев более всех привлекал к себе Пьера (из офицеров в особенности один, который говорил по-французски, отталкивал от себя Пьера), и он не¹⁰ перешел по приглашению господ на их сторону, а остался на том месте, куда сел рядом с Каратаевым. Когда офицеры ушли и Пьер поел, Платон Каратаев стал спрашивать Пьера, каким образом он попался. Пьер рассказал ему, как он бросился на фр[анцузов], чтобы отнять женщину.

¹ *Зачеркнуто*: подошел

² *Зач.*: подходя к нему и подавая ему руку не тем приемом, которым пожимают руки выучившиеся тому от господ, где пожатие это имеет различные оттенки, а тем простым, мужицким приемом, который выражает неотвергаемую ласку.

³ *Зач.*: Мы живем

⁴ *Зач.*: здесь

⁵ *Зач.*: Сюда, сюда

⁶ *Зач.*: говорил он, провожая его в угол подле своего места. В лице его была жалость и желание помочь и <разве[селить]> рассеять испуганного Пьера.

⁷ *Зач.*: один раз пр[ибавил]

⁸ *Зач.*: вздохнув

⁹ *Зач.*: принялся

¹⁰ *Зач.*: послушался

— Да что же ты, соколик, в ее вклепался-то? Ты это напрасно сделал. По моему разуму.

— Я рассердился, — отвечал Пьер, — и не думал, что будет.

— Своему гневу господин, всему господин — так-то. А то жил бы ты себе на воле, пил бы, ел всласть, а то какую нужду увидал. Ноготь увяз, всей птичке пропасть. Да ты, милый человек, не тужи. От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся. Они дадут ума. А у бога милости много. Думаешь, пропал, а глядишь — лучше прежнего поднимешься. Несчастье на костылях, а счастье на крылах. Не успеешь глянуть — прилетит. Так-то, друг мой любезный, — начал он, видимо, длинный рассказ, — жил я еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много.¹ Хорошо живут мужики. И наш дом слава богу, сам сём батюшка косить выходил. Жили, как у Христа за пазухой. Случись...² — и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он³ попался в воровстве леса и был забрит в солдаты, вследствие чего избавил от ставки старшего семейного брата.

Было уже темно в балагане, когда Платон Каратаев⁴ кончил свой рассказ.

— Так я сужу: у бога всего много. Ты что, женат, соколик? — спросил он, — дети есть? Дом есть? — расспрашивал он, видимо наслаждаясь вперед благообразным счастьем, в котором он представлял себе житье Пьера.

— Так-то, не тужи. Покорись беде, и беда покорится, старички говаривали. — И он встал, начал креститься, приговаривая шопотом, потом быстро лег, проговорив: «Положи, б[оже], камушком, подними калацником».

С этого дня между Пьером и Платоном Каратаевым установилась тесная дружба.

Первое время пленных содержали хорошо, но с половины месяца у них стали отнимать их платье, заставляли их работать и кормили очень плохо.

Пьер, благодаря своему знанию французского и немецкого я[зыков] (бывали караульные немцы), особенно ясно чувствовал те видоизменения, которые происходили в положении французских войск в Москве и отражались на них, пленных, и на караульных солдатах, которые были для Пьера представителями положения всего французского войска.

Пьер невольно следил за тем порядком, который чуть не погубил его, и замечал, как этот порядок понемногу ослабевал и исчезал, вероятно под влиянием каких-нибудь внешних причин.¹ *Зачеркнуто:* Важно

² *Зач.:* <батюшке в> набор, нашу семью на первую очередь поставили. Хорошо.

³ *Зач.:* украл лошадь у мужика

⁴ *Зач.:* всё рассказывал своим приятным голосом.

В одно и то же время, вероятно увлеченные общим примером и уничтожением награбленного, даже караульные солдаты стали отнимать у пленных одежду (и с Пьера сняли сапоги и штаны, заменив только последние арестантскими),¹ стали хуже гораздо кормить, давали кроме хлеба только огурцы и изредка требуху (под конец и ее заменили кониной) и в то же время слышались пушечные выстрелы где-то недалеко. Но главный признак для Пьера состоял в том, что прежде словоохотливые караульные рассказывали Пьеру кое-что об общем ходе дел, говорили о завоевании Петербурга, о зимовке в Москве, о богатствах, которые найдены, а теперь или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их об общем ходе дел.

В последних числах сентября приходил в балаган француз, спрашивая, здесь ли Пьер Безухов, но на вопрос Пьера, для чего ему это нужно было, ничего не мог ответить. Это посещение француза тревожило Пьера; то ему казалось, что это означала хорошее, то — дурное.

Было 1-ое октября, Покров. Утро было ясное. В Новодевичьем монастыре звонили к обедне. Пьер стоял у двери балагана и смотрел вокруг себя. Одевание Пьера состояло теперь из грязной, продранной рубашки,² единственном остатке его прежнего платья, солдатских порток, завязанных веревочками на щиколотках босых ног³ по совету Платона Каратаева, кафтана и старой мужицкой шапки.⁴ Пьер физически⁵ очень изменился. Он похудел значительно, особенно в лице, и не казался уже толстым, но в плечах его и во всем стане была видна та сила, которая была наследственна в их породе. Волоса его, которые он носил всегда прежде под гребенку, за месяц плена отросли и курчавились шапкой так же, как волосы его отца. Борода и усы обросли нижнюю часть лица, и в глазах, хотя и ввалившихся, был блеск и ясность, которых никогда не было прежде.⁶

¹ *Зачеркнуто:* солдатскими

² *Далее текст переходит на листы копии с авторскими исправлениями.*

³ *След. четыре слова вписаны рукой Толстого.*

⁴ *Зач.:* Но независимо от этой одежды

⁵ *Зач.:* много и *надписано:* очень

⁶ *Зач. текст копии:* Он с другими перелаживал балаган, то он учил колодника грамоте, на песке балагана рисуя буквы, то он учил приходивших к нему солдат русским словам, то варил кашу или пек картофель. Без лишений и страданий быть заняту ему казалось так просто теперь, когда круг занятий был так ограничен и лишений было так много, что выбор занятия не представлял трудности; но он забывал, что чем меньше лишений, тем меньше потребности к занятию, чем больше удобств жизни, тем больше круг выбора занятий и потому тем меньше возможности занятий.

Далее в копии следует текст, переписанный с зачеркнутого автографа, см. вар. № 255, стр. 26, от слов: Тихий уголок где-нибудь... кончая: доставляли ему огромное наслаждение.

Следующая фраза — автограф над зачеркнутым текстом копии.

Пьер думал о том, что значило это осведомление о нем француза, и различные мечтания о том, как его отпустят и как он уедет из Москвы и заживет по-новому, — представлялись ему. Все мечтания его стремились к тому времени, когда он будет свободен. Ему казалось, что он был очень несчастлив.¹ А между тем впоследствии и во всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена и со слезами в душе думал о том, что никогда не возвратятся те сильные и радостные ощущения и то спокойствие душевное, которое он испытывал в² это время.³

Думая всё о том счастливом времени, когда он будет свободен, Пьер поставил ровно свои босые ноги и задумчиво стал смотреть на их грязные и толстые, большие пальцы. Казалось, что созерцание этих босых ног доставляло Пьеру большое удовольствие. Он несколько раз сам с собою улыбался, глядя на них.⁴ Это непривычное⁵ зрелище своих босых ног связывалось в его душе с сознанием простоты и ясности душевной, которые он испытывал в это время.

Радостное созерцание это было прервано приходом двух французских солдат с свертками полотна. Они прошли в балаган и направились к углу, в котором жил Пьер рядом с Платоном Каратаевым. Платон Каратаев лежал, укрывшись головой в⁶ французскую изорванную шинель, которая была дана ему. Платон Каратаев уже⁷ 5 день был болен лихорадкой, страшно измучавшей его. Платон Каратаев получил репутацию швеи, и французские солдаты носили ему шить рубашки. Но, мучимый лихорадкой, он работал не споро и у него было еще⁸ много несшитого прежнего полотна. Французы растолкали его и требовали, чтобы он в три дня сделал им из полотна рубахи.

— Эх, соколики, всё бы сделал, кабы не трясла меня, — говорил он посиневшими, трясущимися губами. Пьер, уже неоднократно отстаивавший, благодаря знанию языка, своего друга, и теперь заступился за него и объяснил французам, что¹ *Зачеркнуто*: теперь, но он заблуждался. Это ограничение свободы и мечтаний, эти лишения и страдания, эти надежды и ужасы были лучшее счастье, которое испытывал Пьер до того времени. Теперь же он считал себя несчастным, но *и вписаны след. три слова*.

² *След. два слова исправлены из:* этот месяц плена.

³ *Далее зачеркнута копия автографа первой редакции (см. т. 14, вар. № 183) от слов:* 1-го октября в Покров, на Девичьем поле... *(стр. 140), до слов:* веревочками на щиколках *и надписаны след. десять слов. На полях:* Бился, искал пути <жизни> совершенствования сов[естью], умом и нашел делом, сам не зная того.

⁴ *Зач. текст копии:* и потом пошел к своей шинели, на котором лежала деревянная чурочка и ножик, и стал резать ее. Солдат, его сосед, посторонился. *Вместо зач. надписан над строками и на полях дальнейший текст, кончая:* и завернулся опять в свою шинель *(стр. 33).*

Зач. начало автографа: Бессознательно для него

⁵ *Зач.:* для него

⁶ *Зач.:* кафтан

⁷ *Зач.:* 2-й

⁸ *Зач.:* не кончено

у него так много работы и он так болен, что не может взять их рубашки. Французы ушли.

— Эх, соколик, язык — телу якорь, — сказал Платон Каратаев и завернулся опять в свою шинель.

Пьер прикрыл его¹ своим кафтаном и сел подле него, взялся за свою работу. Это была сломанная деревянная ложка, которую он хотел починить шилом и дратвой.

Не dokonчив еще свое² дело, Пьер,³ не спавший прошлую ночь от шума на поле, лег⁴ на свою солому и задремал. Только что он задремал, как за дверью послышался голос:

— Un grand gaillard, nous l'appelons grand chevelu. Ça doit être votre homme, capitaine.⁵

— Voyons, faites voir, corporal⁶ — сказал⁷ знакомый Пьеру голос. И, нагибаясь, вошел капрал и⁸ бравый, прихрамывающий французский офицер.⁹ Он оглядел пленных и остановился глазами на Пьере.

— Enfin je vous retrouve, mon cher Pilade,¹⁰ — сказал он¹¹, подходя к нему.

— Bravo! — закричал Пьер, вскакивая, и, взяв под руку¹² Рамбаля с тем самоуверенным пренебрежением, с которым он хаживал по балам,¹³ вывел его за балаган.

— Ну как не дать мне знать, — упрекал Рамбаль,¹⁴ — это ужасно, положение, в котором вы находитесь. Я потерял вас из виду, я искал. Где и что вы делали?

Пьер весело рассказал свои похождения, свое свидание с Даву и расстреляние, на котором он присутствовал.¹⁵ Рамбаль ¹ *Зачеркнут текст копии с первоначального черновика от слов: шинелью. А другому старику... кончая: и этот взгляд спас Пьера (т. 14, вар. № 183, стр. 140—142) и надписан рукой Толстого текст до конца абзаца.*

² *Переделано из: свою и далее зач.: палочку*

³ *Следующие восемь слов — автограф.*

⁴ *Зач.: в свой угол и надписаны следующие три слова.*

⁵ [— Высокий малый, мы зовем его большой волосатый. Должно быть, это ваш человек, капитан.]

⁶ [— Ну-ка, капрал, дайте взглянуть,]

⁷ *Зач.: нежный женский и надписаны след. два слова.*

⁸ *Следующие три слова — автограф.*

⁹ *Зач.: маленький красавчик брюнет с приятными кончая: обнял его и поцеловал (см. т. 14, вар. № 183, стр. 146). Вместо зач. вписана рукой Толстого след. фраза.*

¹⁰ [— Наконец-то я вас отыскал, мой дорогой Пилад,]

¹¹ *Следующие три слова — автограф.*

¹² *Зач.: Пончини и надписано рукой Толстого: Рамбаля*

¹³ *Зач.: стал ходить с ним по <комнате> б[алагану] и надписаны след. четыре слова.*

¹⁴ *Рамбаль, переправлено из: Пончини.*

¹⁵ *Зач.: Пончини бледнел, слушая его, и останавливался, жал его руку и целовал его, как женщина или как красавец, каким он и был, и который знал, что поцелуй его всегда награда.*

— Но надо это кончить, — говорил он. — Это ужасно. Пончини

Вместо зач. надписан текст до конца абзаца и след двенадцать слов следующего абзаца.

пожимал плечами и хмурился, слушая его. Когда Пьер кончил, Рамбаль обнял и поцеловал его.

— Mais il faut finir tout ça, — говорил он. — C'est terrible.¹ — Рамбаль посмотрел на босые ноги Пьера. Пьер улыбнулся.²

— Le diable n'est pas aussi noir qu'on le fait. Et j'ai eu des moments bien doux, dans cet espace de temps,³ — сказал Пьер.

— Et savez vous que j'ai de la peine à vous reconnaître, mon cher ami,⁴ — сказал Рамбаль, улыбаясь и всё поглядывая на босые ноги и на узел, который он,⁵ входя в балаган, сложил.

— Tôt ou tard ça doit finir, — сказал Пьер. — La guerre finira un jour et deux mois de souffrance en comparaison de toute la vie...⁶ — сказал Пьер, вспоминая слова Платона Каратаева: «час терпеть, век жить». — Pouvez vous me dire quelque chose de ce que se fait dans le monde des armes? Aurons nous encore la guerre ou la paix?⁷

Даже Рамбаль, считавший себя другом, и тот рассердился при этом вопросе.

— On a fait des sottises et des horreurs! — сердито вскрикнул он. — Je crois que l'Empereur a perdu la tête. Et que tout ça ira au diable — c'est tout ce que je puis vous dire.⁸

И как будто сердясь на себя за то, что он сказал это, он поспешно переменял разговор.

— Mais savez vous, — сказал он, опять улыбаясь, — vous avez très bonne mine. Vous êtes un homme superbe! Et je voudrai que vous puissiez être vu dans cet état par celle...⁹ vous savez. Ah malheureusement, mon temps ne m'appartient pas,¹⁰ — сказал Рамбаль, оглядываясь — в к[оляске] сидели ф[ранцузские]. о[фицеры]. — De ce pas je vai chez le commandant et je fais mon ¹ [— Надо всё это кончить... Это ужасно.]

² *Зач. текст первой редакции:* Ежели я останусь жив... *кончая:* всё это, — говорил Пончини (см. т. 14, вар. № 183, стр. 146). *Вместо зач. вписан дальнейший текст,* *кончая:* Рамбаль, улыбаясь и

³ [— Не так страшен чорт, как его малюют. За это время я пережил много приятных минут,]

⁴ [— А знаете, милый друг, что я с трудом вас узнал,]

⁵ *След. три слова — автограф, после которого следует зач. копия, кончая:* я не могу видеть вас в таком положении quoique и *вместо зач. вписано рукой Толстого,* *кончая:* сказал он, опять улыбаясь.

⁶ [— Рано или поздно, это должно кончиться... В один прекрасный день война кончится, и два месяца страданий в сравнении со всей жизнью...]

⁷ [— Можете ли вы мне что-нибудь сказать о том, что делается в войсках? Что ждет нас, война или мир?]

⁸ [— Наделали глупостей и ужасов!.. Мне кажется, что император потерял голову. И всё, это пойдет к чорту — вот всё, что я могу вам сказать.]

⁹ *Зачеркнут дальнейший текст копии от слов:* Но вот что... и Пончини... *кончая:* не хотят идти, будут расстреляны (см. т. 14, вар. № 183, стр. 147—148) и *написан дальнейший текст — автограф.*

¹⁰ [— Но, знаете, у вас очень здоровый вид. Вы — превосходный человек! Я бы желал, чтобы вас в этом положении увидела та... вы понимаете. Ах, к несчастью, мое время не принадлежит мне,]

possible pour vous faire mettre en liberté, en attendant voilà, — он указал на мешок, — vous trouverez la un choube, bottes habillement d’hiver complet et différentes petites choses.¹

Рамбаль поспешил переменить разговор, чтобы Пьер не благодарил его. Пьер благодарил его и был тронут тем, что сделал для него Рамбаль, но он знал, что завтра всё это отнимут у него, но он не сказал этого.

Переменяя разговор, Рамбаль сказал:

— Eh bien, j’ai vu votre palais à la porte, comment l’appellez vous. Il était intact il y a une semaine. Et vous voir, vous, le possesseur de toutes ces richesses, ici, dans cet état. Oh! nous vivons dans un temps terrible. Et il y a quelqu’un qui repondra à la France de tout le mal qui a été fait. Adieu, mon cher ami, au revoir dans des circonstances plus heureuses,² — сказал Рамбаль³ и, обняв Пьера, побежал к коляске.⁴

⁵На другой день у Пьера отняли и новые сапоги, и le шуба, и les petites choses,⁶ которые были хлеба белые и сыр, а на третий день пришел новый конвой, пленных вывели по Смоленской дороге.⁷

* № 257 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).⁸

(Новая глава)

Пьера в этот день не отвели назад в сарай, а одного, отделив от других, оставили на новой гауптвахте на Девичьем поле. О нем ожидали какого-то особенного распоряжения. И когда это распоряжение пришло, его повели⁹ куда-то. Солдат, ведший его, поздравил его с тем, что он так хорошо отделался, и объявил ему, что он теперь поступает в разряд военнопленных. Пьер не понимал того, что ему говорили. Его способность соображать и мыслить, потерянная им с ударами барабанов, еще не возвращалась к нему. Балаган, в который привели Пьера вечером¹⁰ в день казни, был один из десятка таких балаганов, построенных французами из обгорелых бревен, досок и¹ [— Я тотчас же отправляюсь к коменданту и сделаю всё, что возможно, чтобы вас освободили, а пока — вот вам; здесь вы найдете шубу, сапоги, полную зимнюю одежду и разные мелочи.]

² [— Итак, я видел ваш дворец у ворот, как они там называются. Неделю назад он был цел. И видеть вас, вас, владельца всех этих богатств, здесь, в таком состоянии. Ах, мы живем в ужасное время. Кто-то ответит Франции за всё то зло, которое было сделано. Прощайте, милый друг, до свидания при более благоприятных обстоятельствах,]

³ *Зачеркнуто:* добрым и искренн[им]

⁴ *На полях:* Мервиль грустен. Теперь ваш черед.

⁵ *Следующие три слова печатаются по копии.*

⁶ [разные мелочи,]

⁷ *Последние четыре слова — по копии.*

⁸ *Автограф на полях зачеркнутой копии вар. № 256.*

⁹ *Зач.:* в балаган пленных.

¹⁰ *Зач.:* на другой и заменено: в

тесу на левой стороне Девичьего поля. На¹ каждый такой балаган была своя кухня и при всех балаганах были сменявшиеся караулы французских солдат. Тот балаган, в который ввели Пьера, разделялся на два отделения: одно для офицеров, другое для солдат. Отделения ничем материальным не были разграничены между собой, но отделения эти существовали. У офицеров были лавки, два стола и койки, у солдат спали на соломе на земле, и только одна дверь на кольях служила им вместо стола. Офицеров, в том числе два штатские чиновника, было восемь, солдат было 15 человек.²

Когда Пьера ввели в единственную дверь балагана, офицеры и солдаты окружили нового товарища, расспрашивая его, кто он, где взят и что с ним было. Офицеры, в особенности один старый поручик с подвязанной щекой и желтым лицом, очевидно первенствующий здесь в балагане, узнав в Пьере человека высшего сословия, повел его в свое отделение. Солдаты, хотя и в плену, оказывали офицерам должное уважение и только позволили себе подойти и молча слушать то, что рассказывал Пьер подвязанному поручику, посадившему Пьера подле себя. Пьер, радостно оглядываясь на участливые глаза, глядевшие на него со всех сторон, рассказал всё, что с ним было, умолчав о своем намерении убить Наполеона и о спасении девочки. Он сказал, что он был московский житель, имел дом свой³ в Москве.

— Фамилия ваша? — спросил поручик.

— Безухий! — сказал Пьер.

— А то граф Безухой есть, — сказал офицер. — Почему ж они вас сюда прислали?

— Я сказал перед тем, как нас вели, что я ополченный офицер.

— Какой чин? — строго спросил поручик.

Пьер, помолчав, сказал, что он был переименован [?] в полковники. Ему одинаково не хотелось сказать неправду и не хотелось сказать свой чин, боясь, что это заставит его товарищей расспрашивать его дальше. Но известие, что Пьер был полковник, было принято поручиком и всеми очень просто. Ему не поверили.

— Что ж, надо вас поместить, — сказал поручик. — Мусье! — крикнул он часовому, глядевшему в дверь. — Ла ли пур мусье офисье.

— C'est bon, c'est bon. Le corporal va venir,⁴ — отвечал часовой.

— Платон! Соколик! — крикнул поручик, обращаясь к одному из солдат, окруживших их. — Ты барину устрой¹ *Зачеркнуто*: три

² *На полях конспект*: Смех. Бл[агодаря?] Христа. Хочется плакать, [?] все добрые. Быстрое соображение.

Далее переработанный текст копии вар. № 256.

³ *Зач.*: и остался

⁴ [— Хорошо, хорошо, когда капрал придет,]

переночевать где. А уж у них вытребую кровать и сонник. Ведь не собаки же.
— Что ж, мы барина у себя пригородим, — отвечал приятно-ласковый голос. — В тесноте, да не в обиде.

Пьер оглянулся на голос и увидел среднего роста человека в солдатской шинели и лаптях, круглыми, добрыми глазами смотревшего на Пьера.

— Милости просим, соколик, милости просим, — проговорил этот человек и легким, быстрым шагом пошел в солдатское отделение. Через несколько минут, в продолжение которых Пьер продолжал рассказывать свои похождения и в особенности казнь, поразившую¹ всех слушателей, солдат с круглыми глазами вернулся и поставил перед Пьером деревянную чашку с похлебкой и ложкой. Пьер рассказывал казнь и все молча слушали. Солдат с круглыми глазами тоже остановился против Пьера.

* № 258 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).²

< — Да за что их расстреляли? — спросил один молодой офицер.

— Они прочли конфирмацию, — отвечал Пьер, сам взволнованный своим рассказом. — Комиссия судила.

— Судили? — вдруг сказал солдат с круглыми глазами. — Кто судил-то, где суд, там и неправда, старички говаривали, а вот покушай-ко наших щец: с голоду Малашке и Алашки всласть, — сказал он, и круглая улыбка просияла на его лице, и полукруги ярких, белых зубов выкатились из-за его губ.

Все засмеялись.

— Куфарка-то наша какова! Ай да Соколик! — слышались голоса.

Пьер тоже засмеялся, глядя на доброе лицо солдата, и взялся за ложку.

Он был голоден и с наслаждением стал есть похлебку, во время еды глядя на солдата с веселым лицом, стоявшего над ним.>

* № 259 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII).

³После казни Пьера по приказанию французского офицера отделили от других подсудимых и оставили одного⁴ в прихожей небольшого дома Девичьего поля. О нем ожидали какого-то особенного распоряжения, и когда это распоряжение пришло, ¹ *В автографе*: поразившая

² *Зачеркнутый автограф на полях копии части вар. № 259.*

³ *Зач. текст переработанной копии вар. № 257:*

(Новая глава)

На другой день Пьера <перевели из разряда подсудимых в разряд пленных в балаган на Девичьем поле> с другими подсудимыми отвели назад в сарай на Крымском броде. В первую ночь <Пьер> он не мог закрыть глаз без того, чтобы не видеть перед собою всё те же

Вместо зач. написан рукой Толстого дальнейший текст, кончая словами: он слышал треск ружей и видел перед собой (стр. 38).

⁴ *Зач.:* на гауптвахте

караульный офицер поздравил его с тем, что он прощен и поступает теперь в разряд военнопленных. Пьер не понимал того, что ему говорили, потерянная им в то время, как ударили в барабаны, способность мыслить и соображать еще не возвратилась к нему. Молча и неподвижно сидя на¹ лавке, куда его посадили, Пьер² то открывал, то закрывал глаза. Он закрывал их с тем, чтобы заснуть и забыть то, что он видел. Но только что он закрывал глаза, как опять он слышал треск ружей и видел перед собой³ страшные⁴ лица невинных жертв и еще более страшные⁵ лица невольных убийц.⁶

¹ *Зачеркнуто:* гауптвахте, на том месте

² *Зач.:* два часа не шевелил[ся]

³ *Следующие одиннадцать слов — исправленная Толстым копия.*

⁴ *Зач.:* и простые

⁵ *Зач.:* и испуганные

⁶ *Зач.:* И по ночам на него <несколько>, как только смерклось, <нашел> находил, как в детстве суеверный страх чего-то сверхъестественного. <В сновидениях ему представлялось, что его убивают, что он убит уже.> Во сне он видел эту ночь только одно: он видел, что его и что он убивает кого-то. Но зато <всякое> первое пробуждение после этой страшной ночи и радостное сознание того, что это было только во сне, доставили <ему> неизвестное ему прежде наслаждение. С этого же дня только в первый раз Пьер вполне оценил полное и сильное наслаждение еды, когда хотелось есть, питья, когда хотелось пить, сна, когда хотелось спать, тепла, когда было холодно, разговора с товарищами, когда хотелось поговорить и послушать человеческого голоса.

<Когда <его на другой> он в этот первый день перевода из разряда подсудимых в разряд военнопленных перед вечером вышел из балагана на Девичьем поле>. Выйдя на воздух, Пьер вдруг очнулся. Он понял, что он жив и что его ведут теперь не на казнь, а к новым товарищам. Он оглянулся вокруг себя, увидел блестящие в лучах заходящего солнца купола и кресты Новодевичьего монастыря, увидел лесистые холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в синей дали лесистый берег, <он ощутил> почувствовал прикосновение свежего воздуха, увидел голубое небо с чешуйчатыми облаками и услышал звуки летевших домой в Кремль через поле галок, он в первый раз понял условность <случайность> тех зол и вечность тех благ, которые окружали его. Пьер почувствовал новое, не испытанное им радостное умиление жизни, и благодарность за обилие <этих> благ, которое <окружало его> охватило его.

Чего же еще нужно?

«Как это я не знал прежде, как это всё хорошо», думал он. Ему вдруг захотелось и есть, и спать, и говорить. Он обратился к солдатам, спрашивая их, можно ли ему будет поесть там, куда его ведут. <Ему отвечали, что он всего найдет в балаганах и что пленных офицеров хорошо содержат. Солдат, отвечавший Пьеру, показался ему необыкновенно добрым и веселым.> Ему не отвечали. Пьер понял, что ему не отвечали только оттого, что им не велено было говорить с пленным, но что эти солдаты жалели его и рады бы были помочь ему, потому что и они были такие же прекрасные и добрые, как солнце и небо.

Но все эти неоценимые, вдруг открытые наслаждения были ничто в сравнения с теми бесчисленными нравственными наслаждениями, с каждым днем открывавшимися ему <с того же> после дня казни. В казни, при которой он присутствовал, был казнен, казалось, тот старый человек, которого так тщетно пытался победить в себе Пьер посредством масонских упражнений.

На душе у него было ясно и чисто. Те страшные минуты, которые он пережил, как

будто смыли
38

На него находил ужас, и он опять открывал глаза.

Караульные солдаты предлагали ему есть, заговаривали с ним, но он только отрицательно качал головой.

Перед вечером¹ два солдата повели Пьера в балаганы пленных. Балаганы эти были построены рядами из обгорелых досок, бревен и тесу вверху поля против месторасположения двух французских полков.

Пьер шел в том же состоянии убитости и непонимания. Он ничего не видел и не слышал вокруг себя.

Солдаты с Пьером остановились у крайнего балагана, пока встретивший их унтер-офицер пошел распорядиться, куда поместить нового пленного. Пока Пьер стоял тут, он слышал из-за досчатой стены говор многих русских голосов и ругательства² и за ругательствами вдруг послышался дружный хохот.³

«Ах, мне только быть с ними». В то же время несколько человек русских, увидав нового товарища, высунулись к нему из балагана, и унтер-офицер, указав конвойным на третий балаган с края, ввел туда Пьера. Человек 20 русских офицеров и солдат, все с радостными добрыми лицами, как казалось Пьеру, окружили его.⁴ Его расспрашивали, ему рассказывали, ему предлагали поеть. Пьер не успевал слушать и рассказывать и с благодарной улыбкой оглядывался вокруг себя.⁵

Пьер отвечал, как умел, на все вопросы. Ему так просто и радостно было со всеми этими людьми,⁶ но он не мог складно рассказывать, потому что челюсти его дрожали и он с страхом стыда чувствовал, что вот-вот он расплачется.

Пьер⁷ ничего не рассказывал о том, что было до 3-го сентября,⁸ он⁹ как будто не верил тому, что было прежде. Все его воспоминания как будто начинались с пленения Москвы, как будто он начал жить только с 3-го сентября.¹⁰ И все расспрашивали его преимущественно о том, как он остался в Москве, как попался, как и за что его судили?¹¹ А главное о казни.

¹ *Зачеркнуто*: уж яркое солнце садилось

² *Зач.*: Благо[даря?] Христа, борода не пуста: три волоска и те взъерошимшись, — сказал один насмешливый голос и в балагане

³ *Зач.*: при звуке которого, как солнечным светом, радостью обдала душу Пьера. В то же

⁴ *Зач.*: расспрашивая его, рассказывая про свое житье в плену и предлагая ему чаю, похлебки, говядины, хлеба, водки.

⁵ *Зач.*: Все знали уже, что он был приговорен на казнь, и все с любопытством и участием спрашивали его.

⁶ *Зач.*: Он чувствовал, что все они его братья

⁷ Пьер *исправлено из*: Пьеру. *Далее зачеркнуто*: не только неприятно было говорить о дальнем и прошедшем

⁸ *Зач.*: но

⁹ *Зач.*: сам

¹⁰ *Зач.*: <Он> Его

¹¹ *Зач.*: Вообще расспрашивали о том, что было с ним в самое последнее время, а не о том, что было прежде.

На вопрос о том, как его фамилия, он отвечал: Безухий, но говоря граф, и никто не обратил на это внимания. Многие офицеры знали¹ фамилию графа Безухого, но поняли, что это был только однофамилец; когда он на вопрос о том, какого он чина, отвечал, что он зачислен полковником в ополчении, никто не обратил на это внимания, все поняли, что он говорит неправду, потому что может говорить, что хочет, но это не помешало общему к нему участию.² Когда ему принесли картофельную похлебку с большим куском говядины, Пьер, испытывая неиспытанное наслаждение еды, прекратив разговор, весь погрузился в еду, только благодарными и радостными глазами оглядываясь вокруг себя.

После еды Пьер почувствовал еще более дружеское чувство ко всем окружавшим его людям и, укрепившись нервами, не чувствуя более дрожания челюсти, рассказал все подробности казни, которые он видел. Но, не докончив еще рассказа, который теперь больше волновал его слушателей, чем его самого, Пьер начал зевать и тянуться. Один из офицеров, говоривший по-французски, пошел к караульным [сказать] о том, чтобы Пьеру дали койку, которые были у всех офицеров; но Пьер, прося офицера не беспокоиться, сказал, что ему очень хорошо будет на земле, на соломе, так, как спали солдаты.³ Он, зевая, встал и в сумерках балагана пошел на другой конец, отыскивая себе место для ночлега. Один из офицеров, молоденький мальчик с выдавшимися скулами, пошел с ним, чтобы помочь ему устроиться.⁴

— Завтра мы от них вытребуем вам всё, — говорил офицер. — Ужасные сукины дети, я вам скажу. Ежели не просить... они ничего не сделают, ну да Иван Федор[ович] майор им задаст — он сейчас жалобу. Он умный и славный человек.

— Вы все так добры, — отвечал Пьер. — Я как в рай попал к вам.

— Ну, не очень-то рай, а порядочно, да, говорят, размен скоро. Это — наш сказочник — пресмешной.

Разговаривая, Пьер разглядывал в сумерках группы и отдельные фигуры солдат. В одном месте сидели, стояли и лежали человек 10 около сказочника, который громким, книжным голосом говорил:

— И вот, братцы мои... тот самый прынец, *который* — (он особенно протянул и ударил слово *который*) и, остановившись, поглядел на Пьера, помолчал и продолжал: «вот, братцы мои, тот самый прынец, *который*... » В другом месте солдаты играли¹

Зачеркнуто: имя

² *Зач.*: С этого дня Пьер в первый раз <в еде> узнал наслаждение еды когда был голоден.

³ *Зач.*: в одной, солдатской, стороне балагана

⁴ *На полях:* Офицер добрый, сказочник.

в какую-то игру, в третьем — два о чем-то доверчиво разговаривали. Многие но одиночке сидели на соломе, что-то работая, некоторые спали. Все эти лица, фигуры, позы, звуки голосов — всё это было такое знакомое, родственное, любезное Пьеру,¹ что ему вдруг всех хотелось и слышать и видеть.

— Да вот здесь, — сказал офицер, указывая на пустое место на соломе у стены. — Ребята, тут местечко барину дайте.

— Что ж, можно, — откликнулся голос.

— Да, вишь, ловок², я и так Миронова³ вчерась задавил, — сказал другой.

— Ну, вздор, вздор! — сказал офицер.

— Или в углу, там у Платона просторно, — сказал опять тот, который⁴ не соглашался пустить.

— Какого Платона? — спросил офицер.

— Каратаева, в углу-то. Да вот он сам.⁵

Среднего роста, несколько сутуловатый⁶ в груди и плечах человек в лаптях и солдатской шинели, слегка раскачиваясь и кругло неся руки, как бы собираясь обнять ими что-то, легким шагом подошел к ним.

— Дравиц порубил, — сказал этот человек с тем веселым оживлением, которое бывает у людей после физического труда, и тотчас же он прибавил:

— Что ж, положим у себя. Места много. Солома нынче свежая. Пойдем, барин, пойдем, соколик, — обратился он к Пьеру. Солдат этот говорил⁷ не то чтоб быстро, но споро, не то чтобы он торопился говорить, но слова его вылетали из него, как будто они были тут уж во рту, как будто они нечаянно, переполняя его, выскакивали из него. И голос у него был поющий и приятный. Звук его голоса и манера говорить поразили Пьера.⁸ Он, следуя за ним, ближе пригляделся к нему, и фигура, и приемы, и походка этого солдата подтвердили в Пьере его первое впечатление чего-то особенно приятного, успокоительного, и естественного, и круглого в этом человеке. Его движения были точно так же, как и его слова, не быстры, но споры: за одним движением как-то кругло следовало сейчас другое, и ни в одном движении не было заметно ни усилия, ни задержки, ни медлительности, ни торопливости. Подойдя к углу балагана, он¹ *Зачеркнуто*: Как будто все

² *Зап.*: куда ж я уберу работу-то

³ *В рукописи*: Миронову

⁴ *Зач.*: говорил, что

⁵ *Зач.*: Пьер оглянулся на указанного солдата и увидел того, кого называли П[латоном] К[аратаевым].

⁶ *Зач.*: круглый

⁷ *Зач.*: чрезвычайно

⁸ *Зач.*: Солдат имел во всей своей фигуре что-то успокоительное и круглое.

нагнулся, взбил солому, подвинул, передвинул рогожки, подложил соломы в голова, прихлопнул рукою и встал.

— Ну вот и милости просим, соколик. В тесноте, да не в обиде, — сказал он, садясь на солому и указывая Пьеру подле себя. Пьер сел, не спуская глаз, рассматривая в¹ сумерках своего соседа, в котором он видел что-то особенно значительное и знакомое.

Первое впечатление, полученное Пьером от этого человека, было впечатление чего-то естественного, доброго и круглого. Всё, что он мог видеть из фигуры и лица этого солдата, было круглое. Голова, с которой он снял шапку, была совершенно круглая, большие глаза — круглые, рот, улыбка — круглые, усы и борода, обраставшие² вокруг рта, составляли круг,³ грудь была высокая, округленная, спина округлялась в плечах, кисти рук были круглые.⁴ Еще прежде замеченный Пьером запах пота при приближении этого человека теперь усилился, когда Пьер лег с ним рядом, но запах этот был не неприятен Пьеру, а имел в себе что-то тоже значительное, естественное и круглое.

Солдат, как только сел на место, с той особенной споростью движений, которая так поражала Пьера, оглянул соседа и, вероятно предположив, что он хочет спать, тотчас же принялся за различные дела. Он аккуратно размотал бичевочки, которыми были завязаны его лапти, разулся, развесил свою обувь на колушки, вбитые у него над головами, достал ножик и кусок дерева из-под изголовья и начал⁵ резать что-то, то поглядывая на Пьера, то прислушиваясь к сказочнику, то сам с собой чуть слышно посвистывая и покачивая головой. Пьер думал сначала, что он заснет, но вид этого человека с его устроенным в углу хозяйством, с его спорыми, спокойными движениями привлекали всё его внимание, и он, не спуская глаз, смотрел на него.⁶ Порезав свою палочку, — это была ложка, которую делал солдат, — когда в балагане всё стало стихать, он так же уверенно, как будто до известного часа и минуты было назначено работать, вдруг⁷ перевернулся,⁸ положил на место ложку и ножик, встал и пошел к выходу.

— Ишь, шельма, пришла, — услышал Пьер опять его ласковый голос, — пришла, шельма, помнит. Ну, ну, буде. — И¹ *Зачеркнуто*: темноте

² *Далее переработанная копия автографа, см. вар. № 256, стр. 27.*

³ *Зач.*: морщины на лице все были круглые

⁴ *Зач.*: но руки он держал в округленном положении, как будто собирался обнять что-то. *Над зачеркнутым рукой Толстого на полях вписан дальнейший текст до конца абзаца. Далее также автограф вместо зач. копии.*

⁵ *Зач.*: строгать

⁶ *Зач.*: Построгав

⁷ *Зач.*: взял

⁸ *Зач.*: чтобы

солдат, отталкивая от себя шавку, прыгавшую к нему, вернулся к своему месту, сел. Собака легла у его ног.¹ Солдат взглянул на Пьера и что-то хотел опять делать.

— Ты давно здесь? — спросил Пьер.

— А, не спите, барин, — сказал солдат со своей² споростью речи. — Я-то? В то воскресенье меня взяли. Из госпиталя в Москве. Вот вторая неделя пошла.

— Что ж, тебе скучно тут? — спросил Пьер, приподнимаясь.

— Как не скучно, соколик! Меня Платоном Каратаевым звать, — прибавил он, видимо с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. — Соколик прозвание. Как не скучать. Москва — она городам мать.³ Как не скучно на это смотреть. Москву заполонили, всю. Расею забрали. Как не скучно.

— Что ж ты думаешь, что уж конец России? — сказал Пьер.

— Расеи конца сделать не можно, — спокойно и споро отвечал Платон, — потому Расеи да лету союзу нету. А по грехам. Покорись беде, и беда покорится. Терпеть надо. Да наше дело такое.⁴

[Далее от слов: Как же вы, барин, попали-то к нам. А? кончая: прислушиваясь к мерному храпению тотчас же заснувшего Платона, лежавшего подле него *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 1, гл. XII.]

Новая глава

В балагане, в который поступил Пьер, было 23 человека пленных солдат, офицеров, чиновников. В замкнутой жизни этого небольшого общества людей, несмотря на исключительное положение — неволи, бедности, лишений, в к[оторых] они находились, сложились также резко и определенно все те формы жизни,⁵ в которых всегда и везде выражается человечество. Сделалось само собой разделение труда: одни солдаты занимались грубой работой, другие — устройством, третьи — высшими соображениями. Образовались классы высших (майор, чиновник и Пьер), средних — офицеров, фельдфебеля и⁶ еврея и низших — солдат. Отделился не класс — разряд людей: художников, поэтов, мыслителей (сказочник, шутник-солдат, Пьер, Каратаев), разряд людей, доставлявших духовную пищу. Выразилось вечное свойство человеческой природы: тщеславие. Люди гордились и тщеславились, выдумывая себе предлоги¹ *Зачеркнуто*: — Что, спишь, соколик? Спите, барин? — спросил солдат <почти> осторожным шопотом.

— Нет, я не сплю, — ответил Пьер, приподнимаясь.

² *Зач.*: быстротой

³ *Зач.*: Так-то.

⁴ *Зач.*: Не так живи, как хочется, а как бог велит.

⁵ *Зач.*: которые составляют всегда

⁶ *Зач.*: некоторых почти [?]

тщеславия: кто своим знанием французского языка, кто своим платьем и знакомствами. Чувство собственности, — хотя и, казалось бы, нечего было этим людям иметь собственного — точно так же связывало и разделяло людей. Играли в шашки и карты на деньги, которые некуда было употребить, и на платье и сапоги. Солдаты играли в бабки на бабки, которые не имели, казалось бы, никакой ценности, но которым придана была общим согласием искусственная ценность и можно было радоваться приобретению и печалиться потере их.

Точно так же, как и в каждом человеческом обществе, каждый человек, входивший в это общество, стремился занять высшее положение и от этого приходил в столкновение с другими и после ссор, иногда — драк, узнав свои и чужие силы, занимал то место, которое по его относительной силе подобало ему. То, что совершается и во всяком другом обществе, в каждом государстве — совершалось здесь, только гораздо очевиднее — совершалось то непостижимое сближение людей вследствие близости друг к другу. Совершалось то, что испытывает каждый человек, просидев в одной комнате несколько часов с другими людьми, когда входит новый человек. Новый человек — чужой, а те, с которыми пробыл три часа — [свои], и новый человек чувствует это и робеет в словах и походке. Совершалось то, совершенно тождественное притяжению атомов и отталкиванию атомов. После недели пребывания¹ Пьер почувствовал, что это все свои — совершенно свои, а остальные, даже русские — совсем чужие, такие же чужие, как французы, и более чужие, чем французы, ходившие в караул.

* № 260 (рук. № 96. Т. IV, ч. I, гл. XII, XIII, ч. 2, гл. XII).²

III

Когда Пьера ввели к новым товарищам в балаган на Девичьем поле, на лице его еще были признаки испуга, страдания, покорности — было общее выражение преступности, которое, независимо от виновности или невиновности, бывает на лицах людей, поставленных в положение преступников.³

Пьер, остановившись посередине балагана, оглядывал вокруг себя.

— Милости просим в наши хоромы. У нас житье хорошее. Милости просим, соколик, — вдруг послышался Пьеру из угла¹ *В рукописи повторено слово: недели*

² *Заново переработанная копия.*

³ *Зачеркнуто:* Из 23 человек пленных самых разнообразных званий и характеров (офицеров, солдат, чиновников), которые были в балагане, недоверчиво, [1 неразобр.] любопытно оглянули большого, толстого человека в кучерском кафтане, с испуганным, преступным лицом введенного к ним, и никто первым не хотел обратиться к нему.

Выражение лица Пьера стало еще более робкое и жалкое, когда

балагана приятно-ласковый и спокойно-веселый голос, очевидно к нему обращавшегося человека.

Пьер оглянулся на голос и в углу балагана увидел¹ среднего роста человека² в солдатской шинели и лаптях. Человек этот сидел, подвернув ноги калачиком, за тачанием сапогов.³ В глазах, в звуке голоса этого человека было выражение спокойствия, добродушия и ласки. Пьер⁴ подошел к нему.

— Вот тут и садись, соколик, — проговорил⁵ этот человек, опрастывая подле себя место. — В тесноте, да не в обиде.

Первое впечатление Пьера⁶ при первом обращении этого человека еще более подтвердилось, когда он подошел к нему. Человек этот — чрезвычайно спокойный, добрый и твердый. Голова у него была совершенно круглая, как большой мяч. Глаза, очень приятные, были большие, карие и круглые. Рот раскрывался почти кругом, когда он говорил,⁷ усы и борода, обраставшие вокруг рта, составляли круг, морщины на лице все были круглые, грудь была высокая, округленная, спина округлялась в плечах, и кисти рук были круглые, и руки он держал в округленном положении, как будто собирался обнять что-то.

— Откуда бог принес? — сказал он, когда Пьер подошел к нему, и, встав, протянул ему свою⁸ небольшую круглую руку. Это было не то пожатие руки,⁹ которое принято в высших классах, но то народное пожатие руки, которое означает особенную ласку, вызываемую только исключительным случаем встречи или прощанья. Пьер понял это.¹⁰ Круглый человек, взглянув поближе на Пьера, видимо огорчился выражением страдания и ужаса, еще бывших на лице Пьера, и хотел помочь ему, утешить или хоть развеселить его. Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он тотчас же стал рассказывать про себя, как он остался раненым в Москве и как французы взяли его.

— Звать меня Платоном, соколик,¹¹ Соколиком прозваны.

Несколько человек пленных, в том числе один офицер, теперь, когда Пьер уселся подле Платона, подошли к ним и¹² стали спрашивать Пьера, кто он, откуда он и что с ним было. Пьер отвечал на все вопросы и рассказывал им о казни, о том, как его¹³ судили. Платон молча слушал, шевеля скулами.

¹ *Зачеркнуто*: небольшого

² *Зач.*: с <круглым лицом> круглой, отраставшей бородкой

³ *Зач.*: Он круглыми, большими, добрыми глазами ласково смотрел на Пьера и в

⁴ *Зач.*: невольно улыбнулся в ответ на его слова.

⁵ *Зач.*: круглый

⁶ *Зач.*: чего-то доброго и круглого

⁷ *Зач.*: и два полукруга белых, крепких зубов виднелись из-под

⁸ *Зач.*: заскорузлую

⁹ *Зач.*: которому от высших классов выучились дворовые, но то

¹⁰ *Зач.*: Солдат

¹¹ *Зач.*: Каратаевым прозвали

¹² *Зач.*: офицер стал

¹³ *Зач.*: взяли и

— Э! Э! соколик, соколик, — сказал он, вставая. — Судили? За что тебя судили? Да и кто судил-то? Где суд, там и неправда. Так-то старички говаривали, соколик. — И со вздохом сказав эти слова, он пошел в другую сторону балагана и принес Пьеру печеного картофеля и черного хлеба.

— Покушай, соколик, — сказал он. — С голоду Алашки и Малашки всласть.

Пьер, поблагодарив его, взял картофель и, чувствуя голод, начал есть, кусая его. Платон осторожно взял у него из рук картофель, достал из-за спины тупик и, положив на свою черную ладонь картошку, правильно разрезал, посолил и поднес Пьеру. Несмотря на сильный особенный запах сапожного товара и еще чего-то особенного, который распространял вокруг себя Платон и который остался на картофеле и хлебе, Пьер с удовольствием поел то и другое.

— Вот так-то, соколик, — прибавил он.

Вступив неожиданно в самые простые и почти дружеские отношения с своими товарищами, Пьер поместился рядом с Каратаевым.

Когда Пьер поел¹ и другие пленные отошли от них, Платон стал спрашивать Пьера о том, что ему в рассказе Пьера, очевидно, было непонятно, именно то, зачем он стал драться с мародером. То, что Пьер бегал за ребенком, это Платон понимал и не то что одобрил, но видел в этом настоящее дело, но зачем он подрался с мародером, этого он не мог, видимо, уяснить себе.

— Да что ж ты, соколик, в ее вклепался? Что ж она тебе родничная?

— Нет, я рассердился, — отвечал Пьер. — Мне гадко видеть было, что он обижает ее.

— Эх, соколик, своему гневу господин, всему господин, так-то. А пожил бы ты себе на воле, ел, пил бы всласть, а то какую нужду увидал. Ноготок увяз, всей птичке пропасть. Да ты, милый человек, не тужи. От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся.

Он помолчал. — Думаешь пропал, а глядишь, лучше прежнего поднимешься. Несчастье на костылях, а счастье на крылах, старички говаривали. Не успеешь глянуть — прилетит. Так-то, друг мой любезный, — начал он, видимо, длинный рассказ, — жил я еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, а наш дом, слава богу, сам-сём батюшка косить выходил. Жили, как у Христа за пазухой. Случись.... — и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу. Как его секли, судили и отдали в солдаты.

— Что ж, соколик, — говорил он, сияя круглой улыбкой, — думаешь горе, а радость. Брату бы идти, кабы не мой грех. ¹ *Зачеркнуто*: и они остались вдвоем

А у брата меньшого сам-сём ребят, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была девочка, да еще до солдатства бог прибрал... Пришел я на побывку, гляжу — лучше прежнего живут. Животов полон двор, бабы дома, два брата на заработках. Один Михайло меньшей дома. Батюшка и говорит: Платон, поди сюда, становись в красный угол. Я стал. Михайла, — говорит меньшому, — поди сюда и Матрешка, кланяйтесь ему в ножки, внучата кланяйтесь. Вот так почитайте его. Он вам заступа.

Так-то, милый человек, роковую овцу волк ловит, старички говаривали, соколик.¹

Было уже темно в балагане, когда Платон кончил свой рассказ. Особенный запах Платона слышался сильнее. В балагане было тихо; но наружи² слышались буйные крики драки и жалобный плач.

— Так я сужу, у бога всего много, — продолжал почти шопотом Платон. — Ты что, женат, соколик? — спросил он. — Дети есть, дом есть? — расспрашивал он, видимо наслаждаясь вперед благообразным житьем, в котором он представлял себе житье Пьера. — Стало, дом полный и хозяйка молодая осталась, — сказал он, — а всё не тужи, покорись беде, и беда покорится, — старички говаривали. — И он встал, начал креститься, приговаривая шопотом: «Господи Иисус Христос, Никола угодник, Фрола и Лавра, господи помилуй и спаси нас», несколько торжественно заключил он, и заметив, что Пьер не умел, как пристроиться на ночь, он ему, акуратно сложив ее, подложил рогожку под голова и расстелил ему одну сторону кафтана, другою дал покрыться.

— Вот так-то, — проговорил Платон, когда Пьер улегся. Пьер долго не спал, а с открытыми глазами лежал в темноте на своем ложе, счастливо улыбаясь и прислушиваясь к мерному храпению тотчас же заснувшего Платона, лежавшего подле него, и принимаясь к его странному запаху.>

Со всеми товарищами по плену Пьер находился в дружеских и простых отношениях. Его любили, ценили за его знание французского языка, которое часто б[ывало] нужно, обращались с ним просто, но не почтительно, называя его Петр Кирилыч, и все как будто не знали или забыли о том, что он был богатый дворянин, как он рассказал им. <(На их расспросы в первый день он сказал им, что он был офицер, дворянин и имел дом, но не сказал про свое богатство и графское звание)>.

В том бедственном положении, в котором они все находились, все, и сам Пьер забывал, чем он был прежде.

³ Пьер в своих разговорах с караульными офицерами и солдатами чувствовал, что теперь уже никто не мог поверить ему, что он, оборванный пленный, был богатый, ни в чем не виноватый ¹ *Зачеркнуто*: И ты не тужи.

² *В рукописи*: наружу

³ *Зач.*: Пьер не только в своих

человек. Когда ему и случалось рассказывать про свое положение французам, он видел, что ему уже не могли верить, как поверил ему Рамбаль. И что верить в то, что он, богатый, невинный человек, находился в таком положении, было им неприятно и трудно.

Пьер сам как будто не верил тому, что он был прежде. Ему казалось, что всё, что было до дня казни, было очень, очень давно, десятки лет тому назад.¹

Пьер не перешел на другой день ночевать на сторону офицеров, но остался рядом с Платоном, который произвел на него в первую ночь такое сильное и успокоительное впечатление. День он проводил с офицерами, но вечер[ом] он [с] наслаждением возвращался в пропитанный его запахом угол Платона Каратаева.²

Словоохотливые караульные, прежде охотно рассказывавшие Пьеру об общем ходе дел, о завоевании Петербурга, о зимовке в Москве, о богатствах, которые найдены, теперь³ или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их о том, что слышно. Между пленными распространилось убеждение о том, что французам плохо приходится и что на днях они уходят из Москвы. То, что французы отнимали сапоги, шили себе рубашки, то, что везде на поле выдвигали повозки и укладывали их, то, что чаще двигались войска — всё подтверждало эти предположения.

* № 261 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XII).⁴

Со всеми товарищами по плену Пьер вступил сразу в самые дружеские и простые отношения,⁵ но он не сблизился⁶ ни с кем, кроме Платона⁷.

Его звали Петр Кирилыч, обращались с ним просто и дружелюбно. Все как будто не знали или забыли о том, что он был богатый дворянин, как он рассказал им. В том бедственном положении, в котором они все находились последнее время, все, и сам Пьер, забывал, чем он был прежде. Пьер в своих разговорах с караульными офицерами и солдатами чувствовал, что теперь уже никто не мог поверить ему, что он — оборванный пленный — был богатый, ни в чем не виноватый человек.¹ *Зачеркнуто:* Из всех бывших в балагане

² *Зач.*: Первое [время] пленных содержали хорошо *На полях*: Простота офице[ра]. Пьер со всеми его...

³ *Зач.*: пленных стали кормить дурно и караульные

⁴ *Переработанная копия второй части предшествующего варианта.*

⁵ *Зач.*: Его называли все Петр Кирилыч и барин, ценили и считали его чудачком.

⁶ *Исправлено из*: сблизался

⁷ *Зач.*: Он дорожил своим уединением. Что-то такое было в Пьере, что всем этим самым разнообразным людям внушало к нему уважение. Ему не мешали, не заговаривали с ним, когда он того не хотел, и обращались с ним почтительно. Его звали Петр Кирилыч и никогда не говорили с ним про его прежнее житье.

Когда ему и случалось рассказывать про свое положение французам, он видел, что ему уже не могли верить, как поверил ему Рамбаль. И что верить в то, что он, богатый и невинный человек, находился в таком положении было им неприятно и трудно. Пьер сам как будто не верил тому, что он был прежде. Ему казалось, что всё, что было до дня казни, было очень, очень давно, десятки лет тому назад.¹

Жизнь его началась — ему казалось — четыре недели тому назад. И эти 4 недели казались ему чрезвычайно длинны, несмотря на то, что он ничего не делал во всё это время. Он вставал рано. До обеда смотрел на двери балагана, на солнце, на небо, на пожарища Москвы, на чуждое ему вокруг балагана движение жизни французского лагеря, изредка переговариваясь с товарищами или караульными французами о самых ничтожных, неинтересных предметах. Потом обедал, слушал толки товарищей, потом подходил то к кружку игроков в шашки, то к сказочнику. Потом ходил взад и вперед по балагану и думал. Это было его любимое время в сумерках. В темноте вечером большей частью он разговаривал с Платоном, засыпал, и на другой день было то же самое.

* № 262 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. I — III, VII, X).

Русское войско по тем естественным причинам, по которым всякое животное стремится туда, где оно может найти себе лучшее пропитание, передвинулось с Рязанской на Калужскую дорогу, французское войско, по столь же естественным причинам, добравшись последними усилиями до Москвы, остановилось в обильном, разрушенном городе, грабя его и, как стадо, топча под ногами, вырывая друг у друга тот корм, который бы мог пропитать,² ожидало только того³ толчка, который бы выгнал его.

Вся французская армия⁴ находилась в сожженной Москве не в конце кампании, а неожиданно в самой середине ее. Каждый⁵ солдат чувствовал себя в положении человека, который, собрав последние усилия, взбежал на 20-ю ступеньку лестницы,¹ *Далее зач. автограф, написанный на полях зач. копии:* Жизнь его как будто началась с того <вечера> <первого разговора с Платоном Каратаевым> вечера, как он, вслушиваясь во мрак балагана в слова <этого крестьянина]> своего соседа, <смутно> начал чувствовать значение того божьего суда, который руководил человеческим умом, как говорил Каратаев, и еще более почувствовал это Пьер, когда на другое утро он, со всеми другими пленными, поднимавшимися рано, проснулся <до> еще в сумерках рассвета и вышел к двери балагана <День> <Погода была ясная, хорошая и теплая, солнце вставало на ясном небе. Пьер давно не видал этого> в то время, как ясно и торжественно всходило солнце за далекими <горами> горизонтами Воробьевских гор. *Далее на полях новый автограф.*

² *Зачеркнуто:* их, оставалось в бездействии и

³ *Зач.:* чтобы нужда

⁴ *Зач.:* находилась в сожженной Москве <неожиданно]> <в>, но чувствовалось

⁵ *Зач.:* человек

полагая найти там убежище и отдых, и вдруг, уже взбежав наверх, убедился, что 20-я ступенька была только начала лестницы, бесконечно поднимавшейся вверх. Надо было идти выше или спускаться вниз, но выше идти не было сил, а спускаться было и трудно, и совестно, и страшно. Наполеон — этот гениальнейший из гениев, как утверждают историки, не мог, казалось бы, не видеть этого. И для того, чтобы собрать свое войско, уберечь продовольствие, которого было в Москве на год всему его войску, и идти назад или за русской армией для того, чтобы разбить ее, не нужно было особенной гениальности,¹ нужно было гораздо меньше² ума, внимания и распорядительности, чем на то, чтобы довести свои 500 тысяч не только до Москвы, но и до Немана, но он не сделал этого.

Историки его, однако, и тут описывают нам его гениальность, и изумительную деятельность. Они описывают нам,³ какой он составил гениальный план будущей кампании. Тьер доказывает⁴ фактами, что гениальный план этот был составлен не 9, как говорит Fain, а ровно 17. Хотя план этот и весьма гениален может быть, он никогда не был исполнен, потому что не мог быть исполнен, и потому [на] вопрос о том, почему Наполеон не сделал того, что казалось очень легко: не остановил грабеж, не собрал провианта и не вывел войска, мы не получаем ответа.

Из историков же, полагающих, что весь интерес события сосредоточивался в особе Наполеона, мы узнаем, что он действительно был очень деятелен, но деятельность его была направлена не к тому, на что указывал не только гений, но простой, здравый смысл. Мы узна[ем], что он писал из Москвы в Париж, приказания о тамошнем театре, что он беседовал подолгу с Тутолминым и Яковлевым, поручая этим совершенно частным, людям дипломатические поручения в Петербурге, что он обласкал детей воспитательного дома, что он приказал надписать *Maison de ma Mère*⁵ на богоугодных заведениях, что он приказал раздавать привезенные фальшивые рубли солдатам⁶ и погоревшим русским, что он приказал расстрелять несколько невинных людей, что он вместе с своим войском грабил серебро из церквей, почитая это собственностью своей армии, и вместе с тем отдавал приказания о собрании в каждую часть излишка провианта и о прекращении грабежа — приказание, которое он, бывший солдатом, мог знать за неисполнимое. Он озабочен был весьма тем, чтобы были сожжены дома Растопчина и Разумовского и в особенности чтобы был взорван Кремль...

¹ *Зачеркнуто*: но он нич[его]

² *Зач.*: гения

³ *Зач.*: как он отдавал из Москвы приказания о Парижском театре и

⁴ *Зач.*: что

⁵ Дом моей матери

⁶ *Зач.*: *relevent l'emploi...* [возмещающая употребление...] *Ср. т.. 16., стр. 12—13.*

Это все мы видим из показаний тех историков, но не видим ничего такого, что бы клонилось к той цели спасения армии, которую предписывал здравый смысл. Мы видим, напротив, что, несмотря на то, что ему казалось, что он командует всем миром и своей армией, он так же, как и последний солдат его армии, оставался в Москве до тех пор, пока нужда, осень и перехваты обозов по Смоленской дороге не заставили его¹ повернуться на этой 20-й ступеньке лестницы и пойти назад, не зная хорошенько (что видно из его противуречащих приказаний и из его, ничем не объяснимого, движения на Малоярославец и отступления после победы), не зная,² как бежать вниз по той же лестнице, по которой он взобрался.

Всё это совершилось только потому, что это должно было так совершиться.

³Между тем и в войсках русской армии не переставая шла та сложная⁴ игра мнимой власти, представляющей только отражение действительных событий.

В русской армии преобразовывался весь штаб. Замещались места убитого Багратиона и обиженного, удалившегося Барклая.⁵ Весьма серьезно обдумывали, что будет лучше: А поместить на место Б, а Б на место Д, или, напротив, Д на место А и т. д., как будто что-нибудь, кроме удовольствия А и Б, могло зависеть от этого. В штабе армии, по случаю этих перемещений, шла более чем обыкновенно сложная игра партий.⁶ А подкапывался под⁷ Б, ⁸ Б под⁹ Д, ¹⁰ под¹¹ С и т. д. во всех возможных перемещениях и сочетаниях. При всех этих¹² подкапываниях, кроме личных доносов друг на друга, как доносы¹³ Б государю о том, что Кутузов возит с собой казаком переодетую девку, предметом интриг большей частью было то военное дело, которым думали руководить все эти люди.

В Петербурге¹⁴ шла та же работа, изредка через посланных от государя, Чернышева, Волконского, отражаясь на армии. В Петербурге был составлен подробный и без сомнения более заслуживающий названия гениального, чем фланговое движение, план всей войны, присланный для руководства¹ *Зачеркнуто*: сдвинуться

² В рукописи: знаю

³ Зач.: Вместе с тем

⁴ Зач.: работа в высших сферах, как той, так и другой <русской> армии продолжала свое дело и вписано до конца фразы.

⁵ Зач.: И в Петербурге и в армии с б. обсуживали

⁶ Зач.: Кутузов

⁷ Зач.: Бенигсена

⁸ Зач.: Бенигсен

⁹ Зач.: Кутузова

¹⁰ Зач.: Ермолов

¹¹ Зач.: Бенигсена <Голя> <Коновницына>

¹² Зач.: интригах

¹³ Зач.: Бенигсена

¹⁴ Зач.: <между> с своей стороны

Кутузову. И с каждым почти курьером присылались Кутузову новые наставления.¹ Но, кроме наставлений Кутузову, в Тарутино каждый день подвозили провиант и подходили войска. У Наполеона же с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант.

И соответственно увеличению и уменьшению поднимался дух одной и падал дух другой армии, т. е. люди армии смутно сознавали то, что по неизвестным им, но существующим законам войны перевес должен быть отныне на стороне русских.

* № 263 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. IV—X).²

³О, какое счастье было бы описать Тарутинское сражение в духе певца во стане русских воинов. Как легко было бы такое описание и как успокоительно действовало бы оно на душу. Но Тарутинское сражение и приготовления к нему,⁴ благодаря случайному обилию и скрещиванию матерьялов, я вижу, вижу перед глазами совсем в другом свете.

Но для чего же описывать его в этом другом свете, для чего разрушать возвышающее душу впечатление Певца во стане русских воинов? «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Какое приложение той низкой истины, что все люди — люди, а не герои?

Действительно, приятно думать, как летают перед полками и т. д., и пускай они бы оставались героями в смысле Гракхов и т. д. Это приятно для тех, которые⁵ отслужили свою службу, для тех, которые никогда не будут служить эту тяжелую службу войны, для дам в особенности, но этот, нас возвышающий обман, служит источником тяжелых, мучительных сомнений и страданий для всех тех, которым приходится или придется служить эту тяжелую службу войны. Кто из искренних, простых и честных военных, не тех, которые прямо поступают на службу с тем, чтобы ловить рыбу — денег, крестов и чинов в мутной воде службы, но тех, которые,⁶ молодыми людьми поступив на службу, любя отечество, славу,⁷ готовы к жертве, не испытывали мучительного сомнения, разочарования, не находя тех героев Греции между своими сослуживцами и начальниками и не находя, главно, в себе того, что им описывали в других. «Или люди стали другие, или я не гожусь ни на что», думали мы все, и, не находя в себе той военной доблести, которую нам описывал певец во стане русских воинов, мы все переставали верить во всякую военную доблесть.

¹ *Зачеркнуто*: В французской армии происходило то же.

² *Автограф*.

³ *Зач.*: Приготовления к Тарутинскому сражению и самое сражение благодаря запискам некоторых очевидцев со всех

⁴ *Зач.*: я вижу

⁵ *Зач.*: никогда

⁶ *Зач.*: готовы жер[твовать]

⁷ *Зач.*: любят

Одно это практическое применение низкой истины уже доказывает то, что одна низкая истина дороже для нас тьмы возвышающих обманов.¹

[Далее от слов: 4-го числа утром против воли Кутузов подписал диспозицию, кончая: различные перемещения были сделаны в штабе *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 2, гл. IV—VII.]

²И Бенигсен совсем рассорился с К[утузовым] и³ написал государю донос на Кутузова, не забыв упомянуть⁴ о том, что Кутузов с собой возит девку, переодетую казаком.

Историки Наполеона рассказывают нам про его гениальные планы, изумительную деятельность, распоряжения в Москве, рассказывают, как учреждено было правительство в Москве, как *les papes furent*,⁵ как сам император, чтобы развеселить армию, учредил театр, сам посещал его, и какие меры он принимал к обеспечению армии жизненными припасами.⁶

Итак, для нас личность Наполеона и все подводимые потом под его случайную деятельность историками мнимые разумные причины не могут иметь интереса, потому что, допустив, что один человек мог иметь власть на других, мы не можем объяснить себе, почему этот человек не употребил свою власть на то, чтобы сделать самое простое и легкое — вывести армию из Москвы или обеспечить в Москве, а употребил свою власть на то, чтобы сделать из бесчисленных путей, предстоявших ему, то, что было глупее и пагубнее всего, как то показали последствия. Из всего, что бы ни придумать, что мог сделать Наполеон — зимовать в Москве, идти на Петербург, идти в Нижний, идти на русских, идти назад — севернее или южнее, тем путем,¹ *На полях след. листа конспект:*

Французов никогда не перещеголять нам во лжи, в единодушии лжи — веры — у них Тарут[ино] победа.

Но зато и нам не постигнуть нашей правды и вот наша победа.

Faites venir les papes. [Верните попов.]

Переход на Калугу требовал и государь.

Герои пускай, да молодежь не вводи во искушение.

Офицеры говорят, что Ермолов хотел подкатить Коновницына.

С брющком.

Как разбирать дело между драчунами.

Таково положение историка.

79 стр. М[ихайловского]-Д[анилевского]. (Письмен. Бенигсен нужно.)

Багавут с Толем. Кутузов на Ермолова.

Атака Тар[утинская] оттого, что л[евый] ф[ланг] не защищен.

Одни казаки. Казаки стали грабить. Был 14 [?] разъезд.

² *На полях рукой С. Л. Толстой заметка:* Бауценовскую и Люценовскую. (См. далее сноску 1 на стр. 54.)

³ *Зачеркнуто:* уехал из армии.

⁴ *В автографе:* упоминать

⁵ [вернули попов,]

⁶ *Слово:* припасами взято из наборной рукописи. В автографе его нет, а стоит знак ⊗. *Далее зачеркнуто:* Но так как

которым пошел Кутузов — ну что бы ни придумать, глупее и пагубнее того, что сделал Наполеон, — т. е., колеблясь оставить или не оставить гарнизон, выдти из Москвы, подойти к Кутузову, не начать сраженья, пойти влево, дойти до М[алого] Я[рославца], опять, не испытав случайности, пробиться, пойти не по той дороге, по которой пошел Кутузов, а пойти назад на Можайск и по разоренной Смоленской дороге — глупее этого ничего нельзя придумать. <Ежели он был> гениален и имел власть, как же он сделал всё это? Он, тот Наполеон, который через несколько месяцев после делал¹ Бауциновский и Люценовский походы.²

Поэтому-то им не может быть интересно то, что происходило в голове и душе этого человека, а мы видим, что он, не имея ни больше власти, ни ума, чем последний солдат его войска, составлял часть всего огромного целого — французского войска. Состояние этого войска только имеет для нас значение.

³Положение, в котором находилась эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября написано было и распространено след. воззвание (М[ихайловский]-Д[анилевский], 141 и 142).⁴

Никто не отозвался на этот призыв. Генерал-интендант пишет следующее: М[ихайловский]-Д[анилевский], выноска, стр. 137.

Император, решив, что надо потворствовать суеверию,⁵ <велел> *fitamenez les pores*,⁶ но на это последовало только следующее донесение (М[ихайловский]-Д[анилевский], выноска 1, 140 стр.) Император несколько раз приказывал остановить грабеж. На это отвечали донесения, говорившие о том, что невозможно остановить грабеж (М[ихайловский]-Д[анилевский], выноски 3, 2, стр. 140).⁷

Дисциплина в армии падала, по гвардии отдавались беспрестанно приказы то о том, что часовые не окликают, то о том, что не делают даже чести императору, то о том, что М[ихайловский]-Д[анилевский] (стр. 15, французское).⁸

[Далее от слов: Положение всего войска было подобно положению раненого⁹ животного, кончая: бежит назад, по самому¹ След. четыре слова в автографе неразборчивы. Восстанавливаем их по наборной рукописи и по записи С. Л. Толстой на полях (см. сн. 2 на стр. 53).

² Зачеркнуто: Историки объясняют всё это. Тьер говорит, что, получив известие о Тарутинском нападении, на смотре корпуса Нея он решил *punir les Russes et faire une belle manœuvre* и т. д. — слова без малейшего смысла. Тьер решил это, так как все объяснения не имеют никакого смысла.

³ Зач.: Между тем французская армия продолжала дограблывать Москву. Состояние

⁴ См. наборн. рук., вар. № 292, стр. 172—173.

⁵ Зач.: народа, при[казал]

⁶ [привести назад попов,]

⁷ См. наборн. рук., вар. № 292, стр. 173.

⁸ См. оконч. текст, т. 12, ч. 2, гл. X, стр. 91, строки 5—8.

⁹ Зач.: зверя, не зн[ающего]

невыгодному, опасному пути, но старому следу *совпадает с предпоследним абзацем гл. X, ч. 2, т. IV окончательного текста.*]

Кто не только из старых, опытных генералов, не говоря уже о самом Наполеоне, кто из солдат, взглянув на этот в 20 верст длины обоз, в 8 рядов, с украденным добром, блядьми,¹ не видел, что в таком положении армия не может двигаться по чужому краю, по которому везде рассыпаны враги и нет провианту, но они шли.

* № 264 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).²

<В³ это же время после того, как пленных солдат два дня посылали работать какие-то паромы на Москве-реке, Каратаев заболел опять лихорадкой, от которой он лежал в московском гошпитале, когда его взяли, и жизнь Пьера изменилась⁴ тем, что он был лишен привычного общества Каратаева.

Пьер, благодаря своему знанию языка, находился в самых дружеских отношениях с занимавшими караулы у пленных французами. Приходя в караул, большинство солдат и офицеров с ласковой улыбкой, как с старым знакомым, здоровались с Пьером. За ним установилось прозвище *le grand chevelu*⁵ между французами. Караульные солдаты, особенно ласковые с Пьером, и ко всем остальным пленным <были> дружелюбно, оказывая им услуги, которые были в их власти.

6-го октября в караул заступил один из самых добродушных⁶ офицеров, старых знакомых Пьера.⁷ Офицер этот, не скрываясь, сообщил Пьеру, что дела французов плохи и что, как слышно, завтра всё выступает и пленных поведут с собою.

— Но что же сделают с больными? — сказал Пьер. — У нас в балагане один солдат совсем умирает, а другой тоже⁸ болен лихорадкой и едва ли будет в состоянии идти.⁹

Француз отвечал, что, вероятно, больных оставят в гошпитале или возьмут с собою в гошпитальных повозках.¹⁰

Этот другой больной, про которого спрашивал Пьер, был Платон Каратаев.>

Около полудня Каратаев начинал бледнеть, синеть, дрожать, шел в свой угол, ложился под шинель и лежал таким образом, не шевелясь, и тихо стонал до другого утра. Признаки его¹ *Зачеркнуто:* и ранеными

² Автограф.

³ Зач.: 1-х числа октября

⁴ Зач.: еще

⁵ [волосатый великан]

⁶ Зач.: унтер

⁷ Зач.: Унтер

⁸ Зач.: очень

⁹ Зач.: (Этот другой солдат, про [которого])

¹⁰ Зач.: Поговорив с Пьером, француз ушел, а Пьер остался

болезни, как и все проявления¹ его жизни, ² были так просты и естественны, что³ они были почти незаметны.⁴

— Платоша-то наш, Соколик, опять умирает, — говорили, посмеиваясь, его товарищи, глядя на кучкой свернутое и укрытое шинелью его неподвижное тело.⁵

6 октября весь⁶ день⁷ было заметно особенное движение между французами: двигались войска, ездили посланные и⁸ фуры и даже ломались балаганы французов и кухни. Всю ночь слышалось движение войск, но о пленных всё еще не было никакого распоряжения. На другой день, 7-го октября,⁹ в карауле при пленных стоял молодой человек итальянец,¹⁰ один из самых старых знакомых офицеров Пьера. Офицер этот, красивый,¹¹ молодой человек, всякий раз как был в карауле,¹² приходил к Пьеру и¹³ подолгу разговаривал с ним¹⁴ Офицер этот, учтивый, хорошо воспитанный и скромный молодой человек, был¹⁵ приятен Пьеру в особенности по тому странному сходству, которое было в верхней части его лица с лицом Наташи. Сходство это было совершенно — в глазах, в линии носа, во лбу, но сходство это продолжалось только до тех пор, пока лицо было спокойно, не улыбалось. При улыбке что-то короткое, мелкое чувствовалось в этом лице. И Пьер не любил его улыбку.¹⁶ В первый раз, как итальянец, разгово[ри]вшись с Пьером и, пораженный его речью и манерами, расспросил его, кто он, офицер¹⁷ обещал непременно¹⁸ освободить его. Но, придя в другой раз, он не возобновил об этом разговора. И Пьер, поняв из его молчания неудачу его попытки, не спрашивал об этом.¹⁹ На вопросы ¹ След. слово вписано над строкой.

² Зачеркнуто: в Каратаеве

³ Зач.: ничего не

⁴ Зач.: Без малейшего сомнения, <или. борьбы или надежды, помощи или страха, он шел ложиться, лежал, покоряясь болезни, ложился и потом вставал, как будто никогда не был болен.

⁵ На полях конспект: Похож на Наташу, но туп. В опере [1 неразобр.] заверяет [1 неразобр.]

Зач.: <Из числа> Караульные солдаты и офицеры вообще во всё это время обращались с пленными хорошо. Пьер же пользовался, как и между своими товарищами, так и между ними особенным, ласковым уважением.

⁶ Исправлено из: всю и зач.: ночь

⁷ Зач.: укладывались повозки французов

⁸ Зач.: подъезжали

⁹ Зач.: так же, как и обыкновенно, заступил новый караул. Офицер этого караула и вписаны след. пять слов.

¹⁰ Зач.: был

¹¹ Зач.: молодой и тихой

¹² Зач.: бесед[овал] под [ходил]

¹³ Зач.: вероятно, скучая в карауле

¹⁴ Зач.: В первый раз

¹⁵ Зач.: очень

¹⁶ На полях заметка: Ген[ерал]-интен[дант]. Вправо девки

¹⁷ Зач.: видимо, был поражен историей Пьера и

¹⁸ Зач.: узнать как и донести генералу и

¹⁹ Зач.: Пьер спросил его однажды

Пьера о Рамбале и о том, где может находиться теперь его полк (Пьер запомнил название полка), офицер ничего не мог ответить.¹ Он не только не знал Рамбала, <но не знал даже и про существование такого полка — не знал даже, где находился теперь корпус Мюрата, к которому принадлежал Рамбаль. Из слов его и суждений о французской армии Пьер в первый раз очевидно ясно понял всю громадность этого целого французской армии, о которой он привык делать такие быстрые заключения. Пончини, очевидно, был самый² обыкновенный офицер, разделявший взгляд большинства армии.³ Офицер этот, имевший знакомства с людьми высших чинов армии, ничего не знал об общих целях и движениях армии. Он не обсуждал никогда общего положения, а только верил. Наполеон, которого он никогда не видал, был для него отдаленная,⁴ великая сила, которой покоряться и служить было несомненно хорошо,⁵ но анализировать которую было не только невозможно и бесполезно, но и вредно. Их разговоры с Пьером поэтому бывали всегда самые интимные и состояли преимущественно из рассказов Пончини о своей родине и о своем тихом и счастливом житье-бытье в Генуе, где у его деда был дом, сад и где была его родина.

7-го числа утром Пьер⁶ сидел с ним у двери балагана.⁷ Пончини, не скрываясь, рассказывал Пьеру, что⁸ войска выступали ночью и что забирают всё с собою, но что выступают ли все, или только часть, он не знал. Точно так же он ничего не мог сказать про пленных. В их дивизии, которая держала караулы, было приказано быть готовыми к походу, но приказания о выступлении еще не было. Пьер <расп>росил о том, что будут делать с больными, ежели пленных поведут с собой, и сказал, что один солдат у них был почти умирающий, и другой (Каратаев) тоже был так болен, что едва ли мо[жет] идти.

— О! на это есть гошпитали и здесь, и подвижные, — отвечал Пончини. — Потом у нас будут повозки, на кот[орые] мы всегда можем посадить слабых. Вы согласитесь, что что бы ни было на войне,⁹ мы вам не делали зла и делали, что могли, — сказал он с доброй улыбкой, к[оторую] не любил Пьер. Пьер не мог не согласиться, что пленные не могли жаловаться.¹⁰

¹ Зачеркнуто: Из

² Зач.: средний

³ Зач.: (Офицер этот очевидно) Вообще

⁴ Зап.: непостижимая

⁵ Зач.: Армии его были бесчисленны, и следить за ними было невозможно, а надо было делать свое дело и собирать лавры под его покровительством *и вписано до конца фразы.*

⁶ Зач.: рано вышел к *и вписаны след. четыре слова.*

⁷ Зач.: ожидая встр[ечи] с тем, чтобы расспросить кого-нибудь из французов о выступлении. Пончини скоро, расставив часовых, подошел к нему

⁸ Зач.: все

⁹ Зач.: французы

¹⁰ Зач.: Пончини присел с Пьером на лавочку у двери балагана, и они разговорились.

Погода была волшебно прекрасная.¹ Тот хрустальный, ясно неподвижный блеск был на всем, который бывает только осенью — бабьим летом. Было тепло на солнце, и тепло это имело особенную прелесть теперь.² Из двери балагана виднелся дом на Воробьевых горах и в синей дали Мамоновский дом и белые облака на лазурном небе. Вблизи виднелся дом Алсуфьева, занимаемый французами, и на дворе кусты сирени с еще не обсыпавшимися листьями. Везде были развалины, нечистоты, во время пасмурной погоды безобразно отталкивающие, но теперь эти самые нечистоты и развалины были величественно прекрасны и успокоительны в этом чудном солнце. Воробьи стаями перелетали на сиреневых кустах, и паутины даже и здесь, между людьми, блестели мокрые на нижних ветвях кустов.³

Одеяние Пьера.....⁴

Ноги его были босые. Он держал в своих толстых руках соломинку и перегибал ее, изредка взглядывая то на Пончини, то на воробьев, то на свои босые ноги. И всякий раз, как он взглядывал на свои расставленные под углом ноги с толстыми большими пальцами, на лице его пробегало чуть заметное выражение удовольствия. Вид этих босых ног его напоминал ему всё то, что он пережил в это время, всё то, что он понял: воспоминание это было⁵ успокоительно.

Вдалеке слышно было движение, но вокруг балаганов было тихо и голоса слышались особенно резко. В погоде было что-[то] заковывающее, неподвижное, и люди невольно подчинялись этому. Они говорили тихо и задумчиво.

— Это правда, — говорил Пончини, — в Москве много было сделано грабежей и злодейств — я ездил прошлое воскресенье — но это не войска, а мародеры, их невозможно удержать, и русские.

— А какая удивительная погода, — сказал Пьер.

— Да, это мне напоминает виноградные сборы, — сказал Пончини, и он начал рассказывать, какой у них сад был в Италии и как они собирали виноград. В то время, как он рассказывал, Пьер глядел на него, удивляясь и радуясь странному сходству и невольно мечтая о том, что могло бы быть.

«Князь Андрей умер, думал он. Ежели бы умерла моя жена, я бы мог жениться на Наташе. Я уверен, что она пошла бы за меня».

Солдат подбежал к офицеру, призывая его к приехавшему начальнику. Пончини встал, ласково улыбнулся Пьеру.

— До свиданья, — сказал он и, отвечая на прежний вопрос,¹ *На полях*: сирен[евые] кусты у Алсуфьева дома.

² *Зачеркнуто*: Против входа

³ *Зач.*: Пьер

⁴ *Многоточие в автографе.*

⁵ *Зач.*: ра[достно]

прибавил: — Во всяком случае, что от нас будет зависеть, вы знаете, что мы сделаем для вас всё, что можно.

Когда Пончини ушел, Пьер продолжал думать о той, на кого он был похож.¹

«Да, стоит умереть этим двум, думал он, и тогда было бы очень хорошо. Каратаев говорит (Пьер рассказывал Каратаеву свои отношения к жене), что надо ее побить, поучить и что она смирится, но он не понимает, с ней мне невозможно счастье. Л при ней я не могу быть спокоен. Как бы хорошо ей умереть. И, верно, она умрет. Это так нужно мне. Как это Каратаев болен в эту погоду. Впрочем, именно в эту погоду или очень здоров, как я (он взглянул на босые ноги), или болен».

— Что, Петр Кирилыч, что говорил офицер? — спросил чиновник пленный.

— Да неизвестно, — отвечал Пьер.

— А идут все, вон видно за балаганами. Погода-то хороша.

Чиновник прошел. Пьер продолжал задумчиво глядеть на воробьев.

Офицера позвали к² французскому офицеру, который приехал узнать, почему до сих пор не выступили пленные, и велел, чтобы поправить ошибку или недоразумение, выступить как можно скорее.

Пьер не помнил, кто первый и как ему объявил о выступлении. Когда он очнулся, мимо него взад и вперед бегал народ, подходили батальоны, выдвигали повозки на двор Алсуфьевского дома, и он почувствовал сообщившуюся ему общую поспешность и радость. Он пошел обуваться в сапоги, которые сшил ему Каратаев. В балагане гудело веселыми голосами собиравшихся. Лежали только горячечный и Платон.

— Что ж, Платон, иди, иди, — сказал Пьер.

Платон поднял голову,³ оглянулся и, поняв в чем дело, сел и стал обуваться. Лицо его было (так) бледно-сине, что Пьер⁴ поспешно вышел из балагана с тем, чтобы переговорить с офицером о больных. Два французского солдата стояли у двери, торопя пленных.

— *Voyons vite,*⁵ *dépêchez-vous.*⁶

Пьер обратился к одному из них, спрашивая, где офицер. Солдат этот, прежде ласковый (Пьер его знал), сердито крикнул на Пьера, чтоб он не смел выходить.

— Я приду, вы меня знаете.

— *A vos place, sacré nom, voilà la consigne,*⁷ — крикнул он.

¹ *Зачеркнуто:* и несмотря

² *Зач.:* начальнику

³ *Зач.:* и как бы не по[няв]

⁴ *Зач.:* испугался

⁵ *Зач.:* *il faut marcher* [надо идти]

⁶ [— Ну, скорее, поторапливайтесь.]

⁷ [— На место, чорт возьми, раз приказано,]

— Le lieutenant me demande,¹ — сказал Пьер.

— Eh bien, faites vite,² — крикнул сердито солдат.

Грубо строгое это, так противоположно прежнему, обращение солдата поразило Пьера, но ему некогда было думать. Он побежал к воротам дома, у которого Пончини с другими возился у повозок, укладывая что-то.

— Eh bien qu'est ce qu'il y a?³ — холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал Пончини. Пьер сказал про⁴ больных.

— Ils pourront marcher que diable,⁵ — сказал Пончини, отворачиваясь, и принялся за укладку.

— Да нет, они не могут идти, — сказал [Пьер], — один, верно, нынче, завтра умрет.

— Eh bien on le laissera où il est, voilà tout,⁶ — сказал другой. Пьер начал было говорить, как вдруг Пончини крикнул на него и велел солдату отвести его на место.

— Allez à ce qui vous regarde, faites vite vos paquets et marchez, voilà tout.⁷

Пьер пошел в балаган. Каратаев, собравшись, возился с французом, примеривая ему рубаху, и сам торопился, как и все. Через 5 минут всё было готово. Солдаты строго пропускали мимо себя, считая, пленных.

— Filez, filez,⁸ — сердито приговаривал Пончини.

*№ 265 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).⁹

6 октября весь день двигались войска, ездили посланные и фуры и ломались балаганы французов и кухни; но о пленных всё еще не было никакого распоряжения. На другой день, 7 октября, все пленные солдаты¹⁰ были на работе — таская и укладывая кули муки для французов; в балагане оставались только два больных солдата, офицеры и четыре человека, шившие рубашки для французов. В том числе был и Каратаев, распевавший песню своим тонким голосом. Пьер стоял у двери балагана.

Погода стояла ясная, тихая, теплая, так называемое бабье лето. Лист уже обвалился с деревьев, летняя трава засохла, всё, казалось, приготовилось к зиме, но¹¹ новая трава легла отовсюду и почки надувались на кустах и деревьях.

¹ [— Меня зовет поручик,]

² [— Ну, живо,]

³ [— Ну, что такое?]

⁴ *Зачеркнуто*: ране [ных]

⁵ [— Они могут идти, чорт возьми,]

⁶ [— Ну что ж, его оставят на место, только и всего,]

⁷ [— Не суйтесь не в свое дело, собирайте скорее ваши вещи и идите, вот и всё.]

⁸ [— Проходите, проходите,]

⁹ *Переработанная копия предшествующего варианта.*

¹⁰ *Зач.*: исключая тех, которые умели шить сапоги и рубахи

¹¹ *Зач.*: теплое, как

Тот хрустальный, ясно неподвижный блеск, который бывает только осенью, волшебной красотой освещал и голубое небо и землю.

Было тепло на солнце, и тепло это с кристальной свежестью утреннего заморозка, еще чувствовавшегося в воздухе и имело особенную прелесть.

Из двери балагана виднелся далеко на Воробьевых горах белый дом Мамонова, далеко, но отчетливо определенно своими линиями и углами [на] лазурном небе с пухлыми белыми облачками. Вблизи виднелся дом Алсуфьева, занимаемый французами, и на дворе кусты сирени с еще темнозелеными старыми листьями. Везде были развалины, нечистоты, во время пасмурной погоды безобразно отталкивающие, но теперь, в этом прозрачном, неподвижном воздухе и ярком свете, эти самые нечистоты и развалины были величественно прекрасны и успокоительны. Стайки воробьев, весело чирикавая, то взад, то вперед перелетали по ограде сиреневых кустов.

[Далее от слов: Одевание Пьера теперь состояло кончая: и воспоминание это было ему приятно близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. XI.]

Из балагана слышалось пение Каратаева, со всех сторон слышны были резко¹ голоса переговаривающихся. Но в погоде было что-то заковывающее, неподвижное, и голоса эти не нарушали блестящее спокойствие, лежавшее на всем.²

³ — Eh bien, comment allez vous, mon cher monsieur?⁴ — ¹ *Зачеркнуто*: веселые

² *Зач. автограф на полях*: Пьер видел, как прошел Карат[аев], за угол караул французов на смену тех, которые стояли вчера, и ждал <чтобы> <новых караульных с тем, чтобы расспросить у них про новости дня> то, что слышно о выходе и о пленных. Со всеми караульными, и солдатами и офицерами, сменявшимися и раза по три бывавшими в карауле за этот месяц, Пьер, благодаря своему знанию языков, находился в самых дружеских отношениях. Караульные, и солдаты и офицеры, со всеми пленными обращались хорошо <снисходительно и добродушно> (в особенности: французы), но к Пьеру все одинаково были не только ласковы, но уважительны <как> <почему-то признавая в нем что-то особенное от других. И всякий раз офицеры подолгу беседовали с ним>.

Из всех офицеров, сменявших в карауле, один провансалец Alphonse Senequier <коренастый, румяный>, сухощавый, нахмуренный и желчный, круглолицый человек <был> особенно <приятен Пьеру своим добродушием и простотою. Он всегда приходил к Пьеру и подолгу разговаривал с ним> сблизился с Пьером. Офицер этот был чрезвычайно строг и требователен в деле службы, <но раз разговорившись с Пьером, он>

Далее автограф на полях и над зачеркнутым текстом копии.

³ *Зач. вписанное Толстым на полях*: 7-го октября Сенекие заступил в караул и Пьер с удовольствием увидел своего старого знакомого, выходящего из-за угла балагана.

<Вслед за солдатом к двери подошел Сенекие и окликнул Пьера.> Окончив служебные

⁴ [— Ну как вы поживаете, дорогой месье?]

сказал¹ Пьеру, подходя к нему, коренастый, румяный офицер, — il fait bien beau, n'est ce pas?

Офицер этот был один из самых старых знакомых караульных² офицеров, который всегда, бывая в карауле, подолгу беседовал с Пьером. В первый раз, как, разговорившись с Пьером, этот офицер узнал, каким образом Пьер попал сюда, он³ обещался непременно довести о том до сведения высшего начальства.⁴ Но, придя в другой раз,⁵ не возобновлял об этом разговор.⁶ Офицер этот был неглуп, имел некоторое образование и,⁷ строго исполняя долг службы, любил отдыхать от забот службы в разговорах,⁸ не касающихся службы, которые он и заводил всегда с Пьером. Он был одним из самых рядовых офицеров французской армии. Он не имел знакомств в высших сферах армии и ничего не знал и не хотел знать об общих целях и соображениях.⁹

Из его суждений о французской армии Пьер в первый раз очевидно ясно понял всю громадность этого целого, о котором он привык делать такие быстрые соображения.¹⁰ Пьер спросил его однажды о том, где может находиться теперь полк Рамбаля, и¹¹ офицер не только не знал полка Рамбаля, но не знал даже, где находился корпус Мюрата, к которому принадлежал Рамбаль. Их разговоры с Пьером бывали самые интимные и состояли преимущественно из рассказов¹² о своих домашних интересах, о влиянии революции, о духовенстве, о домашнем житье-бытье в¹³ Гренаде, где была его родина. Он расстегнулся и сел на лавочку подле Пьера.¹⁴ Пьер спросил об том, что слышно ¹ *Зачеркнуто*: он, подходя к Пьеру и пожимая ему руку — Il fait bien beau, n'est ce pas [погода хороша, не правда ли]. И он, прислонившись к двери балагана, достал трубку и стал набивать ее.

² *Далее знак переноса: × на исправленную копию и зач.:* и он сел рядом с Сенекие на пригороженную у двери лавку.

³ *Зач.:* пришел в ужас от этой несправедливости, которая была оказана Пьеру, и

⁴ *Зач.:* и освободить его.

⁵ *Зач.:* Сенекие казался смущенным и

⁶ *Зач.:* и только казался особенно ласковым с Пьером и подолгу всякий раз беседовал с ним о разных предметах, не касавшихся войны и службы.

⁷ *Зач.:* свято

⁸ *Зач.:* с умным и образованным человеком.

⁹ *Зач.:* Наполеон <в его глазах>, которого он никогда не видел, в его глазах была отдаленная, великая сила, о которой судить нельзя было. Служил же он потому, что служить было похвально и выгодно.

¹⁰ *Зач.:* Когда

¹¹ *Зач.:* Сенекие

¹² *Зач.:* Сенекие

¹³ *Зач.:* Тулоне

¹⁴ *Далее на обороте листа зач.:* 7-го октября Сенекие заступил в караул. Два солдата его роты прошли мимо Пьера в балаган <к Каратаеву>. Пьер спросил у них, что слышно про выступление, но солдаты ничего не могли сказать ему. Один из них подошел к караулу, спрашивая, готова ли его рубашка.

Далее текст переходит к автографу на полях и над зачеркнутой копией со знаком:
× .

о выступлении.¹ Офицер, не скрываясь, рассказал всё, что он знал.

Он сказал, что часть войск выступила куда-то ночью, но что выступают ли все и поведут ли пленных, он не знал. В их дивизии, которая держала караулы, только велено быть готовым, к выступлению.²

³Офицер достал и набил трубку и предложил ее Пьеру.

— Какая погода, точно юг...

— Но как же сделают с больными?⁴ — перебил его Пьер, отказываясь от трубки, — ежели нам придется выступать, у нас в балагане один солдат не может идти.

⁵Офицер поморщился. Он не любил говорить про дела службы. Однако он ответил. Он сказал, что об этом позаботятся, что в Москве остаются гошпитали и с собой, вероятно, как и всегда, возьмут подвижной гошпиталь.

— У нас и повозки будут, — прибавил он. — И во всяком, случае, если мы пойдем вместе, я вас прошу рассчитывать на меня, у меня два экипажа, и они к вашим услугам.

Пьер поблагодарил.

— Много сделано зла, это правда, — сказал⁶ офицер, — но вы согласитесь, что мы не были жестоки и делали всё, что от нас зависело, чтоб облегчить ваше положение, — сказал он.

—⁷Правда, — сказал Пьер.⁸

— *Ca me rappelle les vendanges chez nous. Oh c'est beau. Mon, grand père qui est fermier a deux vignes,*⁹ — и офицер, покуривая трубку, рассказывал Пьеру о своих дорогих домашних, деревенских воспоминаниях. Через полчаса, около полдня, офицер ушел обедать. Солдаты, бывшие на работе, вернулись и пленным, велено сейчас же готовиться к выступлению.¹⁰

В балагане гудело веселыми голосами собиравшихся.

Платон своими спорными движениями обматывал свои онучи, бечевочками и давал советы Пьеру, как обернуть портянками, приобретенными Платоном,¹¹ свои ноги.

¹ *Зачеркнуто:* и Сенекие

² *Зач.:* <Закурив> Достав и набив трубку, офицер присел на лавочку, собираясь побеседовать. Два солдата прошли в балаган, и Пьер слышал, как замолкла песня Каратаева и он ста

³ *Зач.:* Сенекие

⁴ *Зач.:* сказал

⁵ *Зач.:* Сенекие

⁶ *Зач.:* Сенекие

⁷ *Зач.:* Да, это

⁸ *Зач.:* Они помолчали, и Сенекие начал тот разговор, который ему хотелось завести.

— Чудная погода.

⁹ [— Мне это напоминает сбор винограда у нас. Ах, как это красиво! У моего деда, фермера, два виноградника,]

¹⁰ *Далее после зач. двух листов копии текст направленной копии. Зач.:* Новая глава.

¹¹ *Зач.:* из остатков шитых рубаш

— Что ж, Соколова-то куда денут? — сказал Платон, глядя на одного, не шевелившегося и свернувшегося под шинелью солдата.

Пьер подошел к солдату и спросил, может ли он идти. Лицо солдата было бледно, и глаза налиты кровью. Он не понял, что у него спрашивали, и ничего не ответил.¹

Пьер поспешно вышел из балагана с тем, чтобы переговорить с офицером о больных. Два французских солдата стояли, у дверей, торопя пленных.

— *Vooyons, vite déréchez-vous.*²

Пьер обратился к одному из них, спрашивая, где офицер. Солдат этот, прежде ласковый (Пьер его знал), сердито крикнул на Пьера, чтобы он не смел выходить.

— Я приду, вы меня знаете.

—... rrr, — обругался солдат, выставляя ружье.

— *Le lieutenant me demande,*³ — сказал Пьер и пошел с такою решительностью на солдата, что солдат принял ружье.

— *Eh bien, faite vite, sacré... rrr...*⁴ — крикнул с ругательством солдат.

Грубо строгое это, так противоположное прежнему, обращение солдата удивило Пьера.

Выбежав к воротам дома, у которого его знакомый румяный офицер с другими возился у повозки, укладывая что-то, Пьер подошел к нему и начал говорить.

— *Eh bien qu'est ce qu'il y a?*⁵ — холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал офицер.

Пьер сказал про больных.

— *Ils pourront marcher, que diable,*⁶ — сказал он, отворачиваясь.

— *Mais non, il est à l'agonie,*⁷ — сказал Пьер.

— *Eh bien, on le laissera là où il est,*⁸ — сказал офицер.

— *Il faudrait au moins...*⁹ — начал было говорить [Пьер], как вдруг офицер, грубо обругавшись, крикнул на него и велел солдату отвести его на место.

— *Allez à ce qui vous regarde, faites vos paquets et marchez, voilà tout.*¹⁰

<Пьер вошел в балаган. Каратаев, собравшись, прощался с больным солдатом. Все уже были готовы и прощались с остававшимися солдатами>

¹ *Зачеркнуто:* Другой солдат только стонал, но

² [— Ну, скорое, поторапливайтесь.]

³ [— Меня зовет поручик,]

⁴ [— Ну, живо, чорт возьми...]

⁵ — Ну, что еще?

⁶ — Они пойдут, чорт возьми,

⁷ — Да нет же, он умирает,

⁸ [— Ну что ж, его оставят на место.]

⁹ [— Надо хотя бы...]

¹⁰ [— Не суйтесь не в свое дело, собирайте ваши вещи и идите, вот и всё.]

* № 266 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XII—XIV).¹

Одно последовательное занятие Пьера за это время, кроме внутренней работы мысли, состояло в наблюдении признаков общего положения французов — той таинственной силы² порядка, которая его водила из места в место, привела на казнь, спасла от смерти и бросила в балаган пленных.³ Не отдавая себе в том отчета, Пьер непрестанно внимательно следил за этим порядком — за этой силой, управлявшей его судьбой, и в последние дни сентября заметил, что⁴ эта сила стала ослабевать, в ней проявилось колебание, нерешительность, и Пьер стал верить в то, что время разрушения этой силы порядка — и вследствие того его освобождения — близко.⁵

В конце сентября слышно было про передвижения французских войск — в одно утро слышались выстрелы недалеко, в это же время стали пленных кормить хуже, и французы караульные обирали сапоги с пленных. И с Пьера сняли его тонкие, прорванные сапоги. Заболевшего пленного солдата не взяли в госпиталь, а он умер тут же. Прежде охотно рассказывавшие Пьеру караульные об общем ходе дел — о завоевании Петербурга, о богатствах, найденных в Москве, о зимовке в России, теперь или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их о том, что слышно было. — 1-го октября все караульные пришли с сапожным товаром и⁶ холстом, который они получили накануне, и пленные солдаты,⁷ умевшие шить и тачать, были засажены за работу. Везде на поле видны были выдвигаемые повозки и передвижения войск, и никто ничего не⁸ говорил им, но все пленные были убеждены, что французы выходят на днях из Москвы⁹ и что их *погонят*¹⁰ тоже.

Все стали собираться к выходу — т. е. прилаживали себе, как могли, платье и обувь. Пьер, служивший переводчиком перед французскими офицерами за всех своих товарищей, 2-го октября от имени товарищей объявил французскому офицеру, что пленные просят, чтобы им возвратили их отобранное ¹ *Автограф на двух листах*.

² *Исправлено из:* того таинственного порядка

³ *На полях конспект:* Спасительный клапан. *Погнали*. Шитье рубах, обозы. Пьер не видит, смотрит, куда поставить ногу. Снег. Жюно обоз задержали. Шалели, не расстреливали. Зима началась поздно. 27 октября первый снег.

⁴ *Зачеркнуто:* этот порядок

⁵ *Зач.:* Выводы свои Пьер делал не из разговоров товарищей и караульных. Разговоры эти были самые странные и непоследовательные. То говорили, что французы уже в Петербурге, то говорили, что они <всю> <пер[езимуют]> зимуют в Москве, то что <Наполеон уехал> заключен мир. Но выводы свои Пьер делал из самых мелких, незаметных

⁶ *Зач.:* рубахами

⁷ *Зач.:* все были засажены

⁸ *Зач.:* сказал положительного

⁹ *Зач.:* что фр[анцузы]

¹⁰ *Зач.:* куда

платье и обувь, что они слышали, что их ведут с армией, а что в таком положении они идти не могут. При этом Пьер указал на свои босые ноги.

Караульный офицер, немец (последнее время караул держали вестфальцы), полагая, что пленным объявлено выступление,¹ принял участие в пленных и обещал донести об этом начальству. Заинтерес[ованный] знанием немецкого языка Пьером, он расспросил его, кто он и как попался, и обещал донести и о нем особенно. Но тут Пьер заметил, что прежнего порядка не существовало. Добросовестный немец, взявшись за дело, исполнил обещание. Вечером, придя к Пьеру в балаган, он сообщил ему о нем лично, что нельзя было по спискам добиться того, кто он и где, как взят и что о всех пленных ничего не известно. При этом немец² дал Пьеру три рубля ассигнациями, которые Пьер с благодарностью принял.

Несмотря на то, пленные готовились к выступлению, и Каратаев, умевший шить сапоги и платье, работал по ночам со свечой, которую давали ему. Из цибикивого ящика, который ему принес француз для подшивки подметок к своим сапогам, Каратаев сшил обувь вроде башмаков Пьеру.

Погода стояла ясная, теплая, тихая — так называемое бабье лето. Весь лист уже обвалился с деревьев, трава засохла, всё приготовилось к зиме, а небо³ было теплое, голубое и солнце грело, как летом⁴. Трава и почки деревьев и вся природа как будто не знали, что им делать, ждать или распускаться. То чувство ожидания и страха, которое было в душе Пьера, усиливалось этой погодой, которая выражала то же чувство нерешительности и ожидания.

«Хоть что-нибудь поскорее», думал он в полдень 2-го октября, стоя у двери балагана и ожидая обеда, глядя на кухни и на двигавшиеся войска по полю.

Долгое время Пьер ничего не видел вокруг себя, кроме тех новых лиц русских пленных, которые шли впереди, сзади, подле него. Это все были такие же лица, как те, которые были с ним в балагане, такие же одеяния, те же выражения лиц.

Видимо, про пленных было забыто при выступлении армии и потом послано за ними и назначено им место.

Поэтому первое время пленные с конвоем шли одни и очень быстро, очевидно догоняя колонну, чтобы попасть в свое место.

При выходе из заставы пленные попали в самую середину движущихся бесконечных обозов. Издалека, подходя к заставе, послышались звуки движения экипажей, топота лошадей и криков бесчисленных голосов. Подойдя со стороны к заставе, мимо¹ *Зачеркнуто*: не скрывая того, что ф[ранцузы]

² *Зач.*: предложил

³ *Зач.*: сияло лазурью

⁴ *Зач.*: Была та осенняя погода нерешительности и ожидания

которой, теснясь, тянулись бесконечные ряды повозок, фур, телег, карет, дрожек, нагруженных до верху вещами, некоторые с женщинами и детьми, пленных остановили. Все пленные затеснились вперед, чтобы увидеть это красивое, оживленное¹ зрелище поезда.

Пьер протеснился вперед. В ярких лучах вечернего солнца блестели мундиры, наряды женщин, лак экипажей, сбруи лошадей. Это напомнило ему разезд с майского гулянья в Сокольниках. Только что теперешнее движение было оживленнее и веселее. Веселые крики французских голосов погонщиков, веселые лица, бойкие речи, улыбки, смех проезжавших — всё это сливалось в воздухе в один веселый звук. В числе ехавших карет между повозками Пьер узнал свою карету и своих серых лошадей. В карете в красной шали сидела красивая женщина, нарумяненная и насурмленная. На козлах сидел французский гусар и другой, арап.

— Франсуа, Франсуа, — кричала девка, высовываясь из окна кареты. — Экий чорт, не слышит, — прибавила она в то самое время, как проезжала мимо пленных.² Карета проехала, за ней толпилось стадо волов,³ зеленых фур, на одной из которых сидела женщина с ребенком, и взади в дрожках в русской упряжи с бубенцами ехало два французских офицера, шапки набекрень, с красными лицами.

— Une bonne farce, Roussel!⁴ — прокричал один из них, и они, цепляя за повозки, проехали и опять остановились за быками. За ними двигались с огромными, как горбатые, мешками за плечами⁵ высокие люди в ботфортах и синих доломанах и касках и говорили на каком-то непонятном Пьеру языке. Это были спешенные кавалеристы. Потом опять повозки, опять кареты, опять команды. Пьер думал, что пленные должны примкнуть к самому хвосту колонны, и боялся, что конца не будет этому движению, но немец офицер, ведший их,⁶ выехал вперед в толпу и, спросив что-то у денщиков, ведших в пополах лошадей, скомандовал своим, и пленных вывели на дорогу впереди этих лошадей в пополах и длинного в несколько рядов обоза, ведомого людьми в одинаких⁷ мундирах и имевшего одни и те же буквы на крышках фур и вензеля с герцогской короной на покрывалах и каретах. Это был обоз Жюно, состоявший из 107 повозок, наполненных ризами, крестами, утварью, картинами. Пленным велено было идти впереди обоза маршала с тем, чтобы обоз был безопаснее.

¹ Зачеркнуто: в ярких

² Зач.: и она

³ Зач.: с повод[ырями]

⁴ [— Хороша шутка, Руссель!]

⁵ Зач.: боль[шие]

⁶ Зач.: вдруг

⁷ Зач.: ливреях

Вступив в ряды, Пьер опять не мог видеть ничего, кроме окружающих его лиц пленных, и потом весьма скоро всё внимание его обратилось на землю и на свои ноги. Как ни хороша была обувь, сшитая Каратаевым, она была широка и жестка, и непривычные ноги без чулок скоро потерлись. Сзади, с боков, спереди Пьер слышал ропот этого текущего моря¹ слышал чаще и чаще повторяемые с разных сторон ругательства и крики. Но Пьер не наблюдал этого: всё внимание его было поглощено его ногами и неровностями земли, на которую он ступал.²

Шли очень скоро, не отдыхая, до вечера. И только когда стало темно, оказалось, что передние остановились и задние надвинулись так, что кареты Жюно въехали в пленных и дышлом пробили повозку, которую вез с собой немецкий офицер, ведший пленных. Долго в темноте слышались ругательства, отчаянно злобные крики и драки. Но как бы сами собой между тем, несмотря на путаницу, крики и драки, — с разных сторон разгорались огни, становились козлы для котлов и варилось и жарилось мясо. На этом переходе в первый раз Пьер узнал, что он ел лошадиное мясо тогда, когда уже он поужинал.

Его теперь занимали три вещи — лихорадка Каратаева, который ничего не ел и, дрожа, лежал у костра, его собственные ноги, — особенно левая, сильно потершаяся, и несомненные признаки разрушения того французского порядка, который владел им. Этот порядок мог погубить его и чуть не погубил его. Но он же его и спас, и от него теперь, от этого порядка, зависело всё существование Пьера. А порядок этот, видимо, разрушался. Последний признак этого разрушения Пьер увидал в двух немцах, подошедших к их костру и громко говоривших между собой.

Они видимо только что подрались (Пьер слышал эту драку издалека) с людьми Жюно, и подрались не одними руками, а оружием. У одного немца был разрублен лоб в кровь. И он хвастался тем, что его врагу еще хуже досталось. Он ругал и начальника обоза, и Наполеона, и, главное, Жюно, который наградил себе целый город и теперь мучает народ, заставляя караулить и давя других.

* № 267 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).³

Как всегда бывает при смотре на большое количество однообразно двигающихся людей, впечатление личностей, людей уничтожалось и заменялось общим впечатлением характера движения. Это испытывал теперь Пьер, глядя на двигавшихся французов. Он не видал людей отдельно, а видел движение их. И характер⁴ этого движения был такой однообразно-стремительный ¹ *Зачеркнуто*: но он не мог у[слышать]

² *Зач.*: <Ты только> Дай размочим, вот важно

³ *Автограф на полулисте.*

⁴ *Зач.*: поспешности и стремительности

и поспешный,¹ что Пьер так же, как и все те, которые дожидались, испытывал одно непреодолимое² желание поскорее принять участие в этом движении. Все эти³ люди, лошади как будто гнались какой-то невидимой силой туда вперед по Калужской дороге, помимо их воли. Все они в продолжение часа, во время которого их наблюдал Пьер, выплывали в горло воронки из разных улиц с одним и тем [же] стремлением скорее пройти, все они одинаково, сталкиваясь с другими, начинали сердиться, драться и не успокаивались до тех пор, пока не⁴ вступали в широкую Калужскую улицу.

* № 268 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).⁵

Казалось, все эти люди испытывали теперь ввечеру, когда⁶ они остановились посередине поля в холодных сумерках осеннего вечера, одно и то же чувство неприятного пробуждения от охватившей всех при выходе радостной поспешности стремительного куда-то движения. Остановившись, все как будто поняли, что не всегда будет так весело идти и идти куда-то, что⁷ неизвестно еще, куда идут, и что на этом движении много будет тяжелого и трудного. Пьер⁸ несколько устал, был голоден⁹ и неприятное зрелище мертвеца, женщин¹⁰ и всего разорения, которое он видел, было у него перед глазами.¹¹

¹ В рукописи осталось *незачеркнутым*: что Пьер чувствовал

² В подлиннике: *непреодолимое*

³ *Зачеркнуто*: повозки

⁴ *Зач.*: исчезали

⁵ *Автограф на двух листах.*

⁶ *Зач.*: зашло солнце, и холодные сумерки стали сгущаться над ними *и вписано*, кончая: вечера,

⁷ *Зач.*: не сразу дойдешь куда-нибудь и что

⁸ *Зач.*: испытывал это же чувство. Он

⁹ *Зач.*: ноги его болели

¹⁰ *Зач.*: воспоминание об оставленном больном и слова к[апитана?], к[оторые] он слышал,

¹¹ *Зач.*: <Ему некогда однако было останавливаться на своих мыслях, да и он не хотел этого делать; его [то] туда, то сюда беспрестанно звали, чтобы служить переводчиком. Когда же он и освободился, он ни на минуту не позволял себе опускаться и выдумывал себе занятия, чтобы не предаваться своим мыслям. Он помогал> <Кроме того> перед ужином полковник, имевший высшее начальство над пленными, призвал к себе Пьера и велел ему передать своим товарищам, что всех тех, которые вздумают отставать или попытаются бежать — велено пристреливать. Услыхав это приказание, Пьер нахмурился и сказал, что он приказания этого не намерен передавать и, не отвечая полковнику, говорившему еще что-то, ушел от него.

Солдаты и офицеры стояли все вместе. Солдаты пленные (все) таскали дрова для костров и готовили котлы. Пьер помогал им <и, столкнувшись с Каратаевым, подошел к его костру>. Каратаева он не встретил в этой большой толпе пленных, хотя шавка несколько раз подбегала к Пьеру. Поужинав похлебкой из ржаной муки с лошадиным мясом, Пьер <устроился у костра на ночь рядом с товарищем чиновником, бывшим с ним в балагане, и другими двумя незнакомыми офицерами. Офицеры

Воспоминание об оставленном солдате и слова капитана тоже неприятно подействовали на него. Но невольно вследствие того, что становилось трудно, он чувствовал себя особенно¹ готовым и мужественным.

Поужинав похлебкой из ржаной муки с лошадиным мясом и поговорив с новыми товарищами-офицерами — предметом разговора было то же самое, что поразило и Пьера: виденное разорение Москвы и перемена обращения конвойных — Пьер² встал и пошел ходить между кострами пленных. Было уж совсем темно. Начинало свежить, обещая к утру мороз. Яркие звезды высыпали на небе. Справа от дороги поднималось зарево полного месяца. Вблизи, вдалеке,³ сколько мог видеть глаз и слышать ухо, виднелись костры и слышался⁴ гул огромного лагеря.

Полный месяц⁵ поднялся выше,⁶ и⁷ красные огни костров стали бледнеть и как будто тухнуть. Как ни⁸ шумно было это огромное сборище людей, тишина ночи, несмотря на их шум,⁹ стояла над ними и поглощала их. Как ни странно было это сборище людей, как ни странно¹⁰ враждебны были эти люди между собой, тихая¹¹ красота этой ночи поглощала их странность и злобу и любовно¹² соединяла их.

Месяц взошел выше, серебром обливая далекие поля и леса, выступившие в его свете¹³ За далекими полями и лесами открывалась всё дальше и дальше светлая мгла.

— Благодарю тебя, господи, помилуй меня,¹⁴ — сказал себе Пьер, вернувшись к костру, лег и заснул.¹⁵

говорили о разорении Москвы и бранили французов>, поговорив с товарищами, улегся на ночь у костра с пленными офицерами. Пьер разговорился с ними. Один старичок, с отросшей щетиной седой бороды на сморщенном подбородке, рассказывал Пьеру свою историю.

¹ *Зачеркнуто*: оживленным и свежим

² *Зач.*: не поддаваясь тому унынию, которое начинало находить на него, подбадриваясь,

³ *Зач.*: покуда

⁴ *Зач.*: говор. *Далее зач. текст вар. 269.*

⁵ *Зач.*: еще красный только что

⁶ *Зач.*: на рост человека

⁷ *Зач.*: <огонь> красный свет его играл с красным светом костров *и вписано до конца фразы.*

⁸ *Зач.*: странно, как ни

⁹ *Зач.*: лежала на

¹⁰ *Зач.*: хотели они ненавидеть друг друга *и вписаны след. шесть слов.*

¹¹ *Зач.*: <любовная> <величественная> любовь *и вписаны след. два слова.*

¹² *Зач.*: сливала их в одно прекрасное целое.

¹³ *Зач.*: Костры тухли, люди засыпали.

¹⁴ *Зач.*: говорил

¹⁵ *На обороте листа написан конспект*: Отпор пленных весельем. Французы грубы за то, что лошадиное мясо.

Увидав месяц, ждет тоски и напротив — успокоение.

Не понимает и не ищет понять, босые ноги. Каратаев, месяц.

Собака не знает, чья и как зовут, а хвост крючком.

* № 269 (рук. 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).¹

<Лиловая шавка,² привыкшая к Пьеру во время его соседства с Каратаевым,³ радостно визжа, подбежала к Пьеру.⁴ Пьер приласкал ее⁵ и пошел за нею.⁶ У крайнего костра сидело и лежало человек 20 пленных, и между ними Пьер узнал Каратаева по его круглой фигуре и по звуку его добродушно веселого, спорого голоса. Каратаев, видимо, и не думал о своем прежнем товарище, ему было так же хорошо с новыми.

Между солдатами шел оживленный говор.⁷

— А что ж <ты> говоришь, конина поганая. Она поганая, да она сладкая.

— Вишь, кобылятина полюбилась. Чистый француз, ребята... Хранцузам она гожається, потому — нехристи.

— Ведь что сделали, идола — мишень из икон поставили. Стало черти. А как они, братец ты мой, на это скверны, что чистоты никакой. Ему всё одно... — слышались голоса.

—⁸Стадо большая, соколик, и дурные и хорошие есть, — сказал голос Каратаева. —⁹А вот говорили, что он соборы пожег. Все целы. Глянул я с мосту. Вся краса божья целехонька стоит, потому нельзя ему божьего дома разорить, так-то.¹⁰ А, Петр Кирилыч, что, как бахилочки мои служат? — спросил он, увидав Пьера.

— Ничего, хорошо. Вы как шли?

— Да тоже ничего.¹¹ Петров-то ведь обманул их... (Это был убежавший солдат.)

— Да, да, — сказал Пьер. Сесть со всеми вместе ему не хотелось; а одинокие беседы его с Платоном теперь кончились. Он сказал еще несколько слов и,¹² отойдя от костра, сел на траве>

* № 270 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XIII, XIV).¹³

Новая глава

Про пленных, видимо, было забыто при общих распоряжениях о выступлении и теперь, когда вспомнили о них в половине дня,¹ См. сн. 4 на стр. 70.

² Зачеркнуто: <привыкшая> Платона Каратаева

³ Зач.: несколько раз подбегала и вписаны след. три слова.

⁴ Зач.: на этом привале.

⁵ Зач.: встав от костра

⁶ Зач.: в темноте уверенный, что она приведет его к своему хозяину. Действительно

⁷ Зач.: Ведь что сделали идола, — говорил один солдат, — крест с церкви стащили, из икон мишень для пальбы сделали

⁸ Зач.: Тоже и вписаны след. два слова.

⁹ Зач.: Стадо большая.

¹⁰ Зач.: Видали, как анерал к нам подъехал на мосту. Так хорошо говорил.

¹¹ Зач.: Соколов

¹² Зач.: пошел дальше

¹³ Автограф, перемежающийся с почти сплошь зачеркнутой копией предшествующей редакции.

им велено было как можно скорее догонять выступившие уж колонны и поступить в назначенное место. Конвойные торопили пленных, пленные сами радостно торопились:¹ им предстояла большая радость движения и перемены места, которой они были лишены столько времени. Когда отворили двери всех балаганов, то пленные, как стадо баранов, давя друг друга, бросились к выходу с громким говором, заглушавшим крики конвойных солдат.

Когда все пленные вышли на поле, конвойные отделили пленных офицеров от солдат (Пьер, разлученный с Каратаевым, попал в число офицеров) и, строго подгоняя отстающих, быстро повели их вверх через поле..... к Калужской заставе.

Окруженный новыми лицами русских офицеров пленных, Пьер рассматривал их, прислушивался к их говору, сам разговаривал с ними и, проходя по незнакомым ему пожарищам, ни разу не подумал о том, что эти пожарища были Москва. Человек 50 офицеров пленных быстро и весело двигались с громким говором. Спереди шли французы солдаты, тоже весело болтавшие, сзади на расстоянии ста шагов шла большая толпа человек 300 солдат пленных, в числе которых был Каратаев. Пьер знал это, но в огромной толпе не видел своего друга. И без Каратаева Пьер чувствовал себя одиноким.

[Далее от слов: Пленные офицеры, выпущенные из других балаганов, кончая словами: «Да ведь знаете, что сгорело, ну о чем толковать», — говорил майор близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. XIII.]

Подходя к Калужской заставе, внимание пленных перенеслось невольно от вида пожара Москвы к виду скрывающегося из глаз обоза и артиллерии, движущихся по Калужской дороге и по улицам предместья, подходившим к заставе. Подойдя со стороны к заставе, пленных остановили на площади,² и вся толпа их, теснясь, бросилась к дороге,³ чтобы увидеть красивое, оживленное зрелище в несколько рядов с веселым грохотом колес и говором нерусских голосов тянувшегося поезда. Пьер в числе других теснился к дороге. Конвойные строго крикнули на пленных, заграждая им дорогу штыками, и унтер-офицер, знавший Пьера, крикнул ему, чтобы он передал товарищам, чтобы они не сходили с места, ежели не хотят, чтобы их перевязали.

Пьер вернулся с другими назад и сел на дом [?] подле майора, закуривавшего трубку. Майор обратился к Пьеру, расспрашивая ¹ *Зачеркнуто*: как будто

² *Зач.*: Некоторые сели на земле отдыхая, некоторые подвинулись вперед, чтобы видеть, но конвойные не пустили <их> этих любопытных к дороге.

³ *Зач.*: по которой в несколько рядов нагруженные фуры, телеги непрерывно дребезжали, грохотали колеса, двигались войска и обозы, блестя своими [пушками? *Ср. стр. 73, строка 16*], стучали копыты и нерусский говор [*1 неразобр.*], гудело <бесчисленное> огромное количество повозок, лошадей и людей.

его, кто он и ничему знает язык. Пьер отвечал майору и вместе с тем прислушивался к неумолкаемому веселому звуку вседвигающегося поезда, к говору пленных, влезших на фундамент обгорелого дома и оттуда смотревших на дорогу.

— Эка народу-то, народу-то, смотрите, ведь это самого Наполеона обоз... — говорили пленные со стены. — И на пушках-то, и на фурах сидят. Это — больные. Вишь, стервецы, награбили, ведь это церковное. Вон у того-то на телеге, сзади за каретой-то. Эка добра-то! Батюшки мои, смотрите, с ребеночком! — Чудеса. А народ красивый. Это французские лошади... дрянь... И наш мужик, ей-богу! Ах, подлецы!

Пьер встал и пошел к стене; с помощью тех, которые были наверху, он влез, и ему открылось красивое, веселое зрелище.

В ярких лучах вечернего солнца он увидел впереди, по извивающейся Калужской дороге бесконечную вереницу, в несколько рядов двигавшиеся блестящие на солнце пушки и в красивых мундирах кишевших между ними солдат. Немного впереди заставы артиллерия кончалась и виднелось стадо быков, окруженное солдатами и повозками, и за быками начинался обоз самых разнообразных экипажей, наполненных и окруженных самым разнообразным народом во всю ширину дороги. И этот обоз тянулся перед ним и позади его по длинной прямой улице, ведущей к Калужской заставе. Это было красивое, веселое, возбуждающее зрелище.¹ Много было красивых экипажей и лошадей. Блестящие, красивые мундиры, даже были нарядные женщины, но то, что в особенности придавало веселое, возбуждающее впечатление в этом зрелище — это были лица. Все эти южные, энергически оживленные лица были радостны, веселы и ласковы. Улыбки, смех, ласковые, бойкие речи, как пар над рекою, стояли в воздухе, несмотря на перемену проходивших и проезжавших людей и несмотря на различие наций и положений. Были пьяные, но не грубо, а весело и добродушно пьяные люди.

— Dites donc, l'ami,² — кричал француз с козел фуры, обращаясь к Пьеру. — Adieu, l'ami, que je vous dis. Au plaisir de jamais vous revoir.³ — И тотчас же он поворачивался назад к другому французу, шедшему за повозкой и, видимо, просившего положить в фуры огромный мешок, который нес француз. Француз на повозке перегнулся и, видимо, отказывался сначала и, наконец, готов был согласиться.

Рядом с этой повозкой ехали русские дрожки на⁴ французских лошадях и на них привязан огромный узел, на котором¹ *Зачеркнуто*: Вид этого обоза напомнил Пьеру разъезд с майского гулянья в Сокольниках. То же было яркое, теплое солнце, тот же красивый

² [— Послушайте-ка, дружище,]

³ [— Прощайте, друг, говорю вам. Надеюсь никогда не иметь удовольствия с вами увидеться.]

⁴ *Зач.*: крестьянских

сидел солдат, весело поглядывая кругом и доедая булку. Дальше какие-то с огромными — как горбатые — мешками за плечами высокие люди в ботфортах, синих доломанах и касках что-то громко, весело кричали на каком-то непонятном Пьеру языке. Потом опять повозки, опять кареты, опять пешие люди, еще небольшое стадо волов и коляска на прекрасных серых лошадях.¹ В карете в красной шали сидела красивая женщина, нарумяненная и насурмленная, на козлах сидел французский гусар и другой, арап.

— Франсуа, Франсуа, — кричала девка, высовываясь из кареты. — Экий чорт, не слышит, — прибавила она, и карета проехала. За каретой ехали повозки, нагруженные какими-то досками и картонами, и люди, шедшие подле, хохотали, что-то вырывая друг у друга. Потом ехала на двухколесной тележке женщина в черной юбке и красном шпензере и человек 10 солдат шли вокруг нее, и непрерывно и быстро трещали их голоса. Потом длинный ряд мешков ехал на телегах и за ними в дрожках с русской упряжкой с бубенцами ехали два французских офицера.

— Une bonne farce, Roussel,² — прокричал один из них.

Потом шли денщики, ведя в пополах прекрасных лошадей, и за ними шел длинный в несколько рядов обоз. Люди на повозках были все в одинаковых мундирах, на крышах фур и на чепраках лошадей были одни и те же буквы Д. К. и та же корона. Между этими обозами замешалась тележка на русской мужицкой лошадке. В тележке сидела на мешках и сундуках женщина с ребенком и старый солдат в штиблетах шел, быстро семеня ногами у колеса, и что-то, нагибаясь, ласково говорил женщине.

— Oh vous serez bien, Madame, on vous fera pas,³ — услышал Пьер.

Пьер более часа стоял на стене, и обоз всё тянулся, всё тянулся, и чем дальше, тем гуще, казалось, вытекала эта струя поезда из Москвы. Казалось, не будет конца этому обозу. Но именно в то время, как показались обозы с вензелем и лошадьми в пополах, конвойный офицер собрал свою команду и, пропустив обоз, вступил с ними в ряды.

Вступив в общее движенье, Пьер не мог видеть ничего, кроме окружающих его лиц пленных, майора и других лиц. Сзади, спереди, с боков Пьер слышал этот ропот текущего моря, слышал изредка хохот, иногда ругательства, отрывки фраз, но так [как] он не мог понимать, не видя, значения этих отрывков, он слышал их, как привычный звук, и всё внимание его обратилось, в особенности когда их провели верст 10, на неровности земли, на которую он ступал, и на свои ноги, которые без привычки¹ *В подлиннике*: прекрасных серых лошадей.

² [— Хороша шутка, Руссель,]

³ [— Вам будет хорошо, сударыня, вам ничего не сделают,]

скоро потерялись без чулок в жесткой обуви, которую сделал ему Каратаев. Кроме того, Пьера занимала теперь мысль о Каратаеве. Когда их вывели, Каратаев был в самом пароксизме лихорадки. Как он идет? Не останется ли он? «Неужели так навсегда мне придется разлучиться с ним», думал Пьер.

Шли очень скоро, не отдыхая, до вечера. Остановились на дороге, когда стало уже смеркаться. Передние остановились в деревне, задние расположились на дороге. Кареты беспорядочно надвинулись одни на других. То веселое расположение духа, которое одушевляло всех при выступлении из Москвы, теперь, вечером, совершенно изменилось. Все казались сердиты и недовольны, в темноте слышались ругательства, злобные крики. Карета, ехавшая сзади конвойных, наехала и пробила дышлом повозку конвойных. Несколько солдат с разных сторон сбежались к повозке; одни били по головам лошадей, запряженных в карете, сворачивая их, другие дрались между собой, и Пьер, вместе с другими пленными подвинувшийся смотреть на драку, видел, что одного немца тяжело ранили тесаком в голову.¹

Пленных разместили, как вели, — офицеров и солдат отдельно. Пьер, поужинав похлебкой из ржаной муки с мясом, которую дали пленным, обратился с просьбой к конвойному, прося позволения сходить к пленным солдатам, стоявшим шагов за 200 на другой стороне дороги. Он объяснил офицеру свое желание тем, что у пленных солдат у него был приятель, который вышел больной из Москвы. Офицер согласился и послал солдата проводить Пьера. На вопрос Пьера о том, что сделают с пленным, который окажется болен, офицер отвечал, что гошпитальных повозок для пленных нет и что тем хуже для того, кто болен, сказал он с значительным видом.

— *Vilaine affaire s'il est veritablement malade. Il faut marcher, mon cher Monsieur, il faut marcher.*²

Каратаев, укрывшись шинелью, лежал у костра, у которого ужинали еще его товарищи. Лиловая кривоногая шавка лежала подле него. Пленные солдаты радостно встретили товарища, громко приветствуя его, и Каратаев поднял голову.

— Проведать пришел, соколик? — сказал он с своей обычной споростью речи, — что бахилочки (обувь) мои, как служат? — спросил [он].

— Да ничего, хорошо, ты как? — спросил Пьер.

— Да что, соколик, всё держит.

— Что же ты не ел?

— И видеть не могу. То же тело, да клубком свертело. — Каратаев пересел получше, посмотрел на огонь. — Скучно ¹*На полях*: <Пошел искать Каратаева; по морде лошади.>

²[— Плохо дело, если он действительно болен. Надо идти, дорогой господин, надо идти.]

что-то, Петр Кирилыч, так скучно, что ни болит — всё к сердцу валит. Оттого и скучно.

Пьер молчал. Он думал о том значительном виде, с которым французский офицер сказал ему: *il faut marcher, il faut marcher*.

— Да что же, силы-то у тебя есть? — спросил он у Каратаева. — Идти-то можешь? Каратаев, видимо, не понимая вопроса, смотрел на Пьера.

— Ну, я говорю в день верст 20 пройдешь ты?

Каратаев покачал головой, слегка улыбаясь странности вопроса.

— Да разве я знаю, сколько пройду. Сколько бог пронесет. Так-то, соколик.¹

* № 271 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XV—XIX).²

В то время, как растерянное французское войско двигалось таким образом, само не зная куда и зачем, сначала по старой Калужской дороге, прямо с фронта [?], Кутузовское войско стояло спокойно в Тарутинском лагере.³ Кутузов, разделившись с Бенигсеном, уехавшим из армии, чувствовал себя обеспеченнее от необходимости наступления, которого⁴ вред понимал он один во всей русской армии⁵. В этот промежуток времени к Кутузову приехал еще парламентар с письмом от Наполеона, означенным из Москвы, хотя Наполеон уже был недалеко впереди Кутузова на старой Калужской дороге. Кутузов ответил так же, как на первое письмо.

Молодежь генералов и офицеров между тем требовала деятельности — хотела скорее бежать и добить зверя, не соображая того, что кроме потери зарядов это добивание могло быть опасно и⁶ вредно. Но эта часть армии требовала деятельности.⁷ И применение этой деятельности было найдено в партизанских отрядах, которые с каждым днем увеличивались. Каждому генералу и офицеру хотелось отличиться, и Кутузов, хотя употреблял все свои силы на то, чтобы уменьшать количество людей, употребляемых в эти отряды, должен был соглашаться на требования этих людей. Несколько дней из отряда Дорохова, ходившего налево от Кутузова, приходили донесения⁸¹ *На полях оборота листа*: благообразие выезда. Церкви. Москва.

² *Автограф.*

³ *На полях конспект*: Болховитинов от Дорохова. Кутузов по ночам не спит. Бенигсена прогнал — посвободнее. К[утузов] атаковал в Бородине, но не после. Малоярославец, комедия.

⁴ *Зачеркнуто*: он один

⁵ *Зач.*: и, как опытный охотник, подстрелив зверя, спокойно ждал действия раны. *Вместо зач. вписано на полях до конца абзаца.*

⁶ *Зач.*: наверно

⁷ *Зач.*: И деятельность была

⁸ *Зач.*: доказывавшие, что он <имел д[ивизию]> был в близости с какою-то частью двигавшегося французского войска. Но разноречивые.

о том, что в Фоминском слабо стоит дивизия Брусье и что ежели бы дать ему несколько подкреплений, он истребит эту дивизию. Опять, как перед Тарутинским сражением, обстоятельства в русской армии сложились так, что необходимо было атаковать. Казаки ходили близко около французов, узнавали, что они стоят плохо, солдаты и офицеры скучали бездействием.

[Далее от слов: Штабные генералы, возбужденные воспоминанием о легкости победы под Тарутиным, настаивали у Кутузова об исполнении требования Дорохова, кончая: Казаки из отряда Дорохова доносили, что они видели гвардию французов, шедшую по дороге в Боровск *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 2, гл. XV.]

Был 12-й час ночи.¹ Генералы и партизаны, собравшись у Дохтурова, <с волнением обсуживали> дело. Было несомненно, что вся армия французов шла из Москвы по неожиданному направлению. Писали донесение Кутузову. Молодой, brave офицер был призван к генералам, маленький, толстенький, аккуратненький Дохтуров² долго ничего другого не хотел слышать, как исполнение данного ему приказа — атаки Фоминского. Он согласился только отложить, послав, как можно скорее, донесение в штаб.

— Скажи, что есть мочи, и подай в штаб, — сказал он офицеру, подавая ему конверт.

— Такого важного известия не было во всю войну, — вставил Дорохов.

— Прямо в Главный штаб. Дежурному генералу. Разбуди всех.

— Слушаю-с, — отвечал офицер, уж вперед обдумывая, как он возьмет по-казацки запасных лошадей с тем, чтобы сделать эти 27 верст до штаба.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шел дождик уж 4-й день. Везде была грязь. Болховитинов верхом на своей лошади, сопровождаемый казаком, в поводу³ державшим двух других, скакал, не переводя духа, нагнувшись вперед и работая нагайкой.

Проскакав верст 7, он пересел на казачью лошадь, пересел еще, забыв пароль в Тарутине, пролетел мимо часовых один — казаки его задержали — и ко вторым петухам, весь мокрый, грязный и запыхавшийся, был в Леташевке у избы, на плетневом заборе которой была вывеска: «Главный штаб».

Он бросил лошадь, вошел в сени.

— Дежурного генерала скорее, очень важное, — проговорил он денщику и вошел в растворенную дверь.

Лживые донесения приходили так часто, что на эти донесения после Тарутинского сражения не было обращено особенного внимания.

¹ *Зачеркнуто:* Дохтуров и Дорохов

² *Зач.:* подошел к нему с конвертом.

<Поручение, которое я даю тебе, извест[ить]> <важнее всего, что было> большой важности *и вписано до конца абзаца*.

³ *Зач.:* ведшим

<Дверь Коновницына никогда не затворялась с тем, чтобы ночью не было задержки, и всем адъютантам посланным велено было будить его самого и сейчас же. Болховитинов знал это и пошел прямо к переднему углу, в котором, накрывшись головой, спал генерал>.

— С вечера нездоровы очень, третью ночь не спят, — заступнически прошептал денщик. — Уж вы капитана разбудите сначала.¹

Но Болховитинов не слушал.²

— Очень важное, от генерала Дохтурова.

— Ну, постойте, постойте, он³ больнешенок, — сказал, поднявши голову, офицер, указывая на спящего человека.

Спавший⁴ человек был П. П. Коновницын — «человек, отличавшийся весьма небольшими умственными способностями и еще меньшими сведениями», как говорят нам его современники. П. П. Коновницын без сомнения имел полное право сказать то же самое и про⁵ тех, кто говорил это, и тогда бы мы не знали, кому верить, но П. П. Коновницын не говорил этого, потому что он так же, как Дохтуров, был человек⁶ скромный. Из деятельности же этого человека мы не видим ни оград[иченности] умственных способностей,⁷ мы видим, напротив, в этом человеке, как и Дохтурове, тихое, незаметное, мужественное исполнение своего дела и вследствие этого наваливание самого тяжелого и нужного дела на его плечи. С тех пор, как Коновницын сделан был дежурным генералом, он спал *не иначе, как одетый* и с раскрытой дверью, в которую без доклада мог входить каждый и каждую минуту будить его. И это он сделал не один раз, чтобы удивить кого-нибудь, но, сочтя это раз своим долгом, он делал это постоянно⁸ в продолжение месяцев. Только человек, понимающий устройство военной машины, поймет значение⁹

¹ *Зачеркнуто*: Болховитинов подошел к

² *Зач.*: Другой спящий офицер поднял голову. Это был Щербинин.

— Что, что такое?

Всё это было в темноте.

³ *Зач.*: тотчас

⁴ *Зач.*: генерал

⁵ *Зач.*: его современников

⁶ *Зач.*: исполнительный и

⁷ *Зач.*: ни сведений.

⁸ *Зач.*: во всё время исполнения

⁹ *На обороте рукописи зачеркнуто*: качиваясь легким шагом подошел к ним.

Первое впечат[ление]

Далее набросок-конспект: Государь из Петербурга имел известия о том, что французские войска растянуты и раздроблены, требовал, чтобы Кутузов атаковал. Он писал:

Мих[айловский]-Дан[илевский], 133, 134 стр.

На полях: Чичагов.

Но в то же самое время Кутузов <т. е. р[усские] в[ойска], не дожидаясь>, еще не получив этого приказания <атаковали Мюрата 5 октября еще>, 3 октября <атаковал французов> сделал распоряжение об атаке французов

этого¹ распоряжения и поймет, что дежурный генерал, спящий всегда с открытой дверью и в сражении всегда стоящий под огнем, что всегда делал Коновницын, есть шестерня машины, гораздо более существенная, чем та шумиха, которая выскакивает вперед с знаменем или крестами или пишет проекты и диспозиции.² А между тем и Коновницын, и Дохтуров только как бы из приличия внесены в список так называемых героев 12-го года: Барклаев, Ермоловых, Раевских, Милорадовичей, Платовых.

Щербинин,³ имея на то разрешение своего генерала,⁴ взял конверт. Ему не хотелось будить Коновницына, на которого было страшно смотреть с вечера, так он был болен. Он только что заснул и спал крепко. В комнате было темно.

— Да в чем дело? — спросил Щербинин шопотом.

Болховитинов запыхавшимся голосом рассказал, как по всем донесениям очевидно, что Наполеон вышел из Москвы и уже прошел Фоминское, направляясь к Малому Ярославцу. Щербинин, не отвечая,⁴ встал,⁵ босиком подошел к печурке, где у него были сернички. Денщик вырубил огня.

— Ах, проклятые! Как я этих прусаков терпеть не могу, — сказал Щербинин.

При свете искор Болховитинов видел в переднем углу спящего человека в ночном колпаке. Когда сернички загорелись о трут, Щербинин зажег сальную свечку, с подсвечника которой, побежали облеплявшие [?] ее прусаки, и осмотрел вестника. Болховитинов был весь в грязи, и рукавом, обтираясь, размазывал себе лицо.

— Да кто доносит? Дохтуров. Кажется, Дохтуров. Нечего делать, надо будить. — Щербинин подошел и тронул рукой Коновницына. Красивое, твердое, но бледное лицо поднялось тотчас же.

при Тарутине. Т. е. так говорят историки. В сущности же не Кутузов сделал это распоряжение (он даже вовсе не желал его делать), а положение армии стало таково, что необходимо было атаковать, и необходимость эта выразилась и поимкой пленных, и интригой генералов, и советами, и соображениями. Но атаковать было необходимо и, несмотря на всё нежелание Кутузова и на все препятствия, делаемые разными лицами, через два дня после вынужденного у Кутузова приказа, атаковали.

Новая глава

4-го октября были именины генерала Кикина. Вне нашей линии был дом.

Далее на полях конспект: Наполеон получает на смотру известие. Выход бляди. Распоряжение. Боговск[ой]. Щербинин. Кутузов. (Бессмысленное после Малоярославца.) Действительно, что бежали и только просили, чтобы их взяли. Пьер <идет> видит это.

¹ *Зачеркнуто:* подвига

² *Зач.:* Но к несчастью

³ *Зач.:* встал и

⁴ *Зач.:* распечатал

⁵ *Зач.:* достал из печурки

— Ну что такое? Вы от кого? — неторопливо,¹ но тотчас же спросил он, мигая глазами от света.

Слушая донесение офицера, Коновницын распечатал и прочел. Едва прочтя, он опустил ноги в шерстяных чулках и стал одеваться, снял колпак и, причесав виски, надел фуражку.

— Ты скоро доехал? Пойдем к Толю, и лошадь к Светлейшему.

Коновницын видел то, что дело это большой важности и что нельзя медлить. Хорошо ли или дурно это было, он не думал и не спрашивал себя. Его это не интересовало. На всё дело войны он смотрел не умом, не рассуждениями, а чем-то другим. В душе его глубоко невысказанное было убеждение, что всё будет хорошо; но что этому верить не надо и тем более говорить, а надо делать свое дело. И это свое дело всегда стояло ему перед глазами.

Выходя из избы в сырую, темную ночь, он нахмурился частью от головной усилившейся боли, частью от неприятной мысли, пришедшей ему, о том, как теперь взволнуется всё это гнездо штабных, влиятельных людей при этом известии, как будут предлагать, спорить, приказывать, отменять. И это предчувствие неприятно ему было, хотя он и знал, что без этого нельзя было.

Действительно, Ермолов и Толь, к[оторым] он сообщил известие, тотчас же заспорили, каждый иначе понимая значение известия, и Коновницын, молча и устало слушавший их, напомнил, что надо идти к Светлейшему.

Кутузов, как и все старые люди, мало спал по ночам. Он днем часто неожиданно задремывал; но ночи он² лежал, как и всегда, в сюртуке, не раздеваясь, на своей постели и думал. Так он³ лежал теперь на своей кровати, облокотив тяжелую, большую,⁴ изуродованную голову на пухлую руку, и думал, открытым одним глазом присматриваясь к темноте.

С тех пор как Бенигсен, переписывавшийся с государем и имевший более всех силы принуждать главнокомандующего к бесполезным наступательным действиям, уехал, Кутузов был спокойнее в том отношении, что его не заставят участвовать в наступательных действиях. Урок Тарутинского сражения и кануна его, болезненно памятный Кутузову, тоже должен был подействовать.

«Они должны понять, что мы только можем проиграть, действуя наступательно. Терпенье и время — вот мои воины-богатыри». Кутузов⁵ знал, что не надо срывать яблоко, пока оно не созреет. Оно само упадет, когда будет зрело, а сорвешь зелено, не будет ни яблока, ни еды. Он, как опытный охотник,¹ *Зачеркнуто*: и не медлите[льно]

² *Зач.*: сживал

³ *Зач.*: сидел

⁴ *Можно прочесть*: больную

⁵ *Зач.*: как опытный охотник

знал, что зверь ранен смертельно в Бородинском сражении. Молодежи хочется бежать, посмотреть, как они его убили. «Подождите. Он изойдет кровью. Всё маневры, всё наступления», думал он. «К чему? Всё отличиться, точно что-то веселое есть в том, чтоб драться. Счастливо победить, а не драться. А они точно дети, от которых не добиться толку, как было дело, оттого, что все хотят доказать, что они умеют драться. Да не в том дело.¹ Всё отличиться. — Когда нужно было драться — в Бородине, кто убедил их в том, что сражение не проиграно, а выиграно. Они хотели бежать, когда надо было стрелять, а теперь наступление. И какие искусные маневры предлагали мне. Им кажется, что, когда они выдумали две, три случайности (он вспомнил об общем плане из Петербурга), они выдумали их все. А их всех — нет числа».

Теперь Кутузов знал, что Наполеон погиб, и он ждал² очевидных доказательств этой гибели, ждал их уж месяц, и чем дольше проходило время, тем нетерпеливее он становился. Лежа на своей постели, в свои бессонные ночи он³ делал то самое, что делала эта молодежь — генералы, за что он упрекал. Он придумывал всевозможные случайности, в которых выразится эта верная, уже совершившаяся гибель Наполеона. Он придумывал эти случайности, так же как и молодежь, но только с той разницей, что он ничего не основывал на этих предположениях и что он видел их не две, три, а тысячи. Чем дольше он думал, тем больше их представлялось. Он придумывал всякого рода⁴ движения Наполеоновской армии, всей или частей ее к Петербургу, на него, в обход его, придумывал — одно, чего он больше всего боялся — чтобы Наполеон не стал бороться против него его же оружием, чтобы он остался в Москве выжидая; придумывал даже движение назад по дороге, параллельной той, по которой он шел; но одного, чего он не мог предвидеть, это того, что совершилось, того безумного, судорожного метания войска Наполеона в продолжение первых 11 дней его выступления из Москвы, метания, которое погубило его, которое сделало возможным то, о чем, зная, что Наполеон погиб, — никогда не смел думать Кутузов. Но все-таки он знал, что Наполеон погиб, и чем дальше шло время, тем с большим нетерпением ждал выражения этой гибели. Донесения Дорохова о дивизии Брусье,⁵ известия от партизанов о бедствиях армии Наполеона, слухи о сборах к выступлению — всё это могло казаться важным для молодежи, но не для Кутузова. Он с своей 60-летней опытностью знал, какой вес надо приписывать слухам, ¹ *Зачеркнуто*: Они не знают, что такое время.

На полях: Они же и рады физически.

² *Зач.*: выраж[ения]

³ *Зач.*: придумывал

⁴ *Зач.*: случайности

⁵ *Зач.*: слухи из Москвы

знал, как способны люди, желающие чего-нибудь, группировать все известия так, что они как будто подтверждают желаемое, и упускать всё противуречащее. И чем больше желал этого Кутузов, тем меньше он позволял себе этому верить.

Но он желал этого страстно, единственно¹ желая этого душою. Это была его одна цель, одна надежда. Всё остальное было для него привычное исполнение жизни. Как он ни казался иногда занятым, тронутым — это была привычка, о которой он не думал теперь, по бессонным, уединенным ночам. Такими привычками были для него женщины, они в его [1 неразобр.] физическое проявление, радость его при известии о Тарутинской победе. Он поздравлял и благодарил войска, как будто с чувством, но это всё было только привычное отражение окружающих их предметов. Но погибель французов, предвиденная, постигнутая вперед, было его душевное, единственное желание.

Когда он думал о том, как совершится это, он приходил в беспокойство,² вставал и ходил по избе и опять ложился. В ночь 11 октября он лежал, облокотившись на руку, и думал об этом.

«Опять, опять!» подумал он, чувствуя охватывавшее его волнение. И, приподняв голову, он окликнул в соседнюю комнату.

— Казачок! Катя! — проговорил он.

— Что прикажете?

— Дай лимонаду, коли не спишь.

В соседней комнате зашевелилось, но в то же время и в сенях послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Войди, войди, голубчик. Что новенького? — окликнул их фельдмаршал.

Пока лакей зажигал свечу, Толь быстро, взволнованно рассказывал содержание известий. Несмотря на волнение страха предаться напрасной радости, которое испытывал Кутузов, слушая Толя, в голове его мелькнула та же мысль, как и в голове Коновницына. «Ну, теперь держись, подумал он, замучают проэктами».

— Кто привез? — спросил Кутузов с лицом, поразившим Толя, когда загорелась свеча, своей холодной строгостью. Кутузов употреблял все душевные силы, чтобы удержать выражение охватившей его восторженной радости.

— Не может быть сомнения, Ваша Светлость.

— Позови, позови его сюда.

Кутузов сидел, опустив одну ногу с кровати и навалившись большим животом на другую, согнутую ногу. Он прищуривал свой глаз, чтобы рассмотреть посланного.

— Скажи, скажи, дружок, — сказал он, всё нагибаясь ближе к Болховитинову,³ как будто на лице его он хотел прочесть ¹ *Зачеркнуто*: как может след. слово исправлено из: желать далее зач.: человек

² *Зач.*: и начинал

³ *В подлиннике*: Болг[овскому]

то, что мучило и радовало его. — Какие ты привез мне весточки. — А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так?

Болховитинов¹ начал подробно доносить, сначала не то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорее, — не томи душу, перебил его Кутузов.

Болховитинов² рассказал всё, ожидая приказа.

Только начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то; но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось, он захлопал от слез и, оставив то, что он хотел говорить Толю, повернулся в противоположную сторону к красному углу избы, черневшему от образов. Он сложил руки и сквозь слезы сказал:

— Господи! Создатель мой! Внял ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю тебя, господи.

Так думал и говорил³ хитрый, развратный царедворец Кутузов.

⁴Мелькнувшая и Коновницыну и Кутузову одна и та же мысль о том, что известие о движении французов будет источником бесконечного количества проэтов, предположений, интриг, вполне оправдалась. Со времени этого известия и до конца кампании вся деятельность Кутузова заключается только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удержать свои войска от бесполезного наступления. Дохтуров идет к М[алому] Я[рославцу], но Кутузов медлит и отдает приказание об очищении Калуги, отступление за которую представляется ему весьма возможным. Кутузов один во всей армии понимает то, что добивать мертвого зверя бесполезно⁵ и вредно.

И действительно, несмотря на то, что Кутузов везде отступает, неприятель везде отступает точно так же.

Но что бы было, ежели бы Дохтуров не поспел вовремя в Малый Ярославец? — спросят те, которые читали описания историков, доказывавших какой-то *маневр*, искусный маневр Кутузова, противудействовавший другому искусному маневру Наполеона.⁶

Что бы было, ежели бы я не поддержал падающего солнца?

Отвечать на этот вопрос нельзя, потому что того, о чем спрашивается, никогда не было, а придумано после. Кутузов никогда не останавливал Наполеона в М[алом] Я[рославце], Дохтуровские войска, столкнувшись в Малом Ярославце, вступили в бой, но тотчас же отступили после небольшого дела, и вся армия¹ *В подлиннике:*

Болговской

² *В подлиннике:* Болговской

³ *Зачеркнуто:* нашими ист[ориками]

⁴ *Зач.:* Мысль Коновницына

⁵ *Зач.:* смешно

⁶ *Зач.:* То же самое

отступила, предоставляя Наполеону идти, куда ему угодно.¹ Но Наполеон не пошел вперед.

Но что бы было, если бы и не было совсем Дохтурова в М[алом] Я[рославце]?² Вероятно, то же самое, что было при движении Наполеона по Смоленской дороге. Ничто не могло спасти его, потому что армия его несла в самой себе неизбежные условия гибели. Армия эта обсыпалась, как лист с засохшего дерева, и точно так же обсыпалась бы, трясли ли бы или не трясли его. Армия, при которой берут партии в 200 человек — 1000 человек пленных, в которой обоз имущества солдат больше обоза артиллерии, в которой главнокомандующий и император не во время сражения, а в середине своего войска, как это было на другой день сражения под М[алым] Я[рославцем], попадает в руки сотне казаков, — уже не армия. Люди этой бывшей армии бежали, сами не зная куда, желая только одного — выпутаться как можно скорее из безвыходного положения. Все ожидали только более или менее приличных предложений для того, чтобы положить оружие и сдаться казакам, но и это было невозможно, потому что существует известная сила массы войска, обратно пропорциональная, вследствие которой 1000 человек не могут положить оружие перед одним.

Они разбрелись для того, чтобы отдаваться в руки казакам, Наполеон испытывал то же самое. Ему одного хотелось: поскорее уйти отсюда, и поэтому на совете в Малоярославце, когда, притворяясь, что они, генералы, совещаются, подав[али] разные мнения, которых никто не слушал, последнее мнение простодушного солдата Мутона, сказавшего то, что все думали, *что надо* только уйти как можно скорее, закрыло все рты, и никто, даже Наполеон, ничего не мог сказать против этой всеми признаваемой истины. Но как будто мало еще было этого — опять оставался стыд сознания, что надо бежать.

На другой день после совета случилось то нападение казаков на Наполеона в середине его армии, которое дало последний толчок. Когда вот-вот могли поймать на аркан самого великого человека, когда уже до такого беспорядка дошла вся армия (ежели казаки не поймали в этот раз Наполеона, то спасло его то же, что губило французов — добыча, на которую и в Тарутине и здесь, оставляя людей, бросались казаки), то делать было нечего, как только бежать по ближайшей знакомой дороге. Больше всех это понял Наполеон, который теперь, с своим 40-летним брюшком, уже ясно чувствовал, что это было не то, как в Арколе, где он хотя и попал в канаву — выбрался из нее, но теперь уже не было той поворотливости и смелости.³ Под влиянием страха, которого он набрался от казаков, он тотчас ¹ *Зачеркнуто*: Точно так же, как при отступлении от Мало-Ярославца русское войско только отходило туда <Но> *и вписана след. фраза.*

² *Зач.*: Я полагаю, что было бы, если бы весной была осень.

³ *Зач.*: < После > Набравшись

же согласился с Мутоном, и все охотно пошли назад, умышленно разбегаясь, чтобы попадаться казакам, которые все-таки давали и платье и хлеба и не вели еще за 1000 верст. Остальные бежали. Положение их становилось хуже и хуже, и, наконец, вождь их, всё быстрее и быстрее желавший бежать, достал шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив умирать своих товарищей.

Но не так думают историки. Глубокомысленные маневры Наполеона описываются наиболее подробно. И даже отступление от М[алого] Я[рославца] тогда, когда ему дают дорогу в обильный край и когда ему открыта была та параллельная дорога, по которой прошел, преследуя его, Кутузов, по разоренной дороге — объясняется нам по разным глубокомысленным соображениям.¹

Потом описывают нам величие душ маршалов и Наполеона во время отступления и, наконец, последний отъезд Великого Императора от геройской армии.

Даже этот последний поступок бегства, на языке человеческого называемый последней степенью подлости, которой учится стыдиться каждый ребенок, и этот поступок на языке историков получает оправдание.²

Тогда, когда уже невозможно долгие растянуть столь эластичные нити исторических рассуждений, где действие уже явно противится тому, что всё человечество называет дурным и хорошим, является у историков спасительное понятие о величии. Но величие Ивана Великого не grandeur.

³Великое как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого нет дурного: убить сына — велико, нет ужаса, который бы мог быть по-человечески [поставлен] в вину тому, кто велик.

А что такое величие? Величие есть мера нашего умственного роста. Для маленького существа 10 сажень не имеют меры, для большого 1000 подлежат измерению. Для нашего века, с данной нам Христом мерой, нет неизмеримого величия. Всё подлежит его законам, а историки, еще пользуясь старым мифологическим приемом,⁴ говорят нам о величии.

[Далее от слов: C'est grand! — говорят историки совпадает с концом гл. XVIII, ч. 3, т. IV.]

* № 272 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, ч. 3, гл. III).

⁵Кусок льда невозможно растаять мгновенно.⁶

¹Зачеркнуто: <Объясняется даже и то, почему> <Но соображения эти не могут такое> Это было бы непостижимо, ежели бы каждый человек не знал присущего каждому и особенно заметного в хитрости сумасшедших свойства человеческой природы рассуждениями оправдывать наиболее бессмысленнейшие поступки.

²Зач.: C'est grand! — говорят нам

³Зач.: Великий, grand, есть то, что

⁴Зач.: величия богов

⁵Автограф.

⁶Зач.: необ[ходимо]

В таком положении шли французы, морозов еще не было, ¹ хотя и быстро, но равномерно таял. От Москвы до Малоярославца и назад до Вязьмы французы сделали меньше трети всего пути, а между тем из войск главной колонны, составлявшей 73 тысячи при выходе из Москвы, под Вязьмой оставалось 37 тысяч. ²

В русской армии положение французов в это время было неизвестно, преимущественно потому, что партизанские и другие отряды, преследовавшие французов и бравшие отдававшихся пленных, пушки, обозы по заведенному порядку на войне, описывали свои действия так, как будто неприятель отчаянно сопротивлялся и только [благодаря] мужеству вверенного отряда, из которого каждый представлялся к чину или кресту, удалось победить.

То, что предвидели Кутузов и Коновницын, теперь сбывалось в высшей степени. Все хотели отличиться, отрезать, истребить, перехватить, полонить, опрокинуть французов. —

<Кутузов по донесениям не мог знать того, что происходило в французской армии. Все без исключения влиятельные лица армии срамили старого фельдмаршала за его бездеятельность, догадывались, что он нейдет из Полотняных Заводов, потому что ему там удобно покоить свое старое тело, прожектов, как он говорил, ему представляли тысячи, но он говорил только одно и только он один из всей армии, что ничего нет лучше золотого моста, и все силы свои употреблял на то (силы эти очень невелики у каждого главнокомандующего), чтобы мешать этому бессмысленному разрыванию на куски гниющего тела. ³

Он не мог им сказать то, что мы говорим теперь: зачем сражение и загораживание дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добивание несчастных, зачем всё это, когда от Москвы до Вязьмы растаяла половина. И он говорил им вывод своей старческой мудрости, то, что они могли бы понять — он говорил им про золотой мост, но они смеялись над ним, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились над убитым зверем. ⁴

Но они жили, увлекались, страдали в то время, и можно понять, как люди настоящего не видят из-за своих страстей настоящего величия — не того величия, которое состоит в том, чтобы надеть на себя шапку, корону или с навязанной ветошкой на палке сказать какие-нибудь слова, а того величия, которое познает законы будущего и одиноко созерцает неизменные ¹ *Зачеркнуто*: понемногу

² *Зач.*: Казалось, чего бы было желать и какой другой образ действий можно было предписать русской армии, как тот, за который стоял Кутузов и *вписан на полях след. абзац.*

³ *Зач.*: Его не слушали и не понимали, и до могли понять современники. Они не зна[ли]

⁴ *Далее от слов*: Но они жили, *кончая словами*: смотри Тьера, Михайловского-Данилевского, Bernhardt и т. д. (*стр. 88*) *обведено чертой (частью зачеркнуто) и рукою Толстого на полях сделана помета*: Не надо.

законы эти, подчиняет им свою волю.¹ Люди того времени могли не понимать этого величия. Но в последней истории 12 года, написанной по Высочайшему повелению, в книге, по которой будут учиться наши дети, сказано, что хитрый Кутузов² виновен в³ чем-то перед потомством.> В книге, написанной по Высочайшему повелению, подробно описаны ошибки хитрого и слабого Кутузова. Там сказано, что Кутузов должен был так-то и так-то поступить,⁴ а что он ничего этого не сделал и что (стр. 145, т. III) нравственное влияние русских войск ослабилось тем, что французы могли говорить, что всё сделали и что не взят в плен ни один маршал и т. д.

Армия французов пришла в Россию в числе 600 тысяч. Та, которая делала главную кампанию с самим Наполеоном, в числе 300 тысяч. Один раз было большое сражение, данное под начальством Кутузова — Бородино. После Бородина армия не вернулась и сражений больше не было. Из 300 тысяч перешли границу 6 тысяч. Кутузов командовал этим русским войском.

И книга, писанная по Высочайшему повелению, учит нас, что это нехорошо, а что следовало Кутузову сделать то и то и что нравственное влияние потеряно. Что следовало бы сделать Кутузову, ежели бы что, спрашивается невольно. И ответ ясен: ежели бы он поучился в академиях, в которых учат несуществующим наукам, и спросился бы у нас, учителей этих наук.⁵

Но ведь даже ежели бы все эти учителя научили Кутузова, что ему делать, все-таки нельзя сделать ничего лучше, славнее для России того, что сделано. Что же можно еще сделать, чему еще научиться в академии; нашествие истреблено, стало быть кто-нибудь победил.

Нет, по учителям академии это не выходит так. Этого в книжках не написано.

В книжках сказано, что сражение выигрывает тот, кто занял поле. Ну, а ежели после Бородина французы заняли поле, а все-таки были побеждены, потому что без сражения уничтожились? Нет, этого в книжках не написано.

В книжке написано у Bernhardi слово в слово то, что сказано о потере нравственного влияния, потому что не пойманы маршалы и т. п. (Bernhardi, стр.) — вот это мы переписываем слово в слово.⁶ Слово в слово это⁷ странное место переписано¹
Зачеркнуто: Понятно, людям

² *Зач.:* сделал много

³ *Зач.:* том, что французы

⁴ *Зач.:* что ежели бы

⁵ *Зач.:* Но понятно, что учителю несуществующей науки неприятно, когда оказывается, что его наука не существует, но непонятно, что такое значит это суждение о кампании 12-го года и *вписана след. фраза.*

⁶ *Зач.:* (как и вся книжка, по Высочайшему повелению написанная, есть переписка всего чужого), но

⁷ *Зач.:* бессмысленное

из Bernhardi, но, к несчастью, как тот человек, которого научили сказать — носить, не сносить — и он сказал это покойнику, так и здесь то же, да некстати. У Bernhardi это сказано для того, чтобы показать, что французское войско еще было в тех же кадрах, так же могущественно в 13, как и в 12 году, и что слава покорения Наполеона принадлежит немцам. И странная натяжка эта у Bernhardi понятна, но в книге, по Высочайшему повелению написанной, не узнаешь другой причины этой переписки, как то, что хорошо в умной книге написано, дай и я напишу. Да еще то, что меня учили, что надо быть спокойно беспристрастным, — дай я буду [бес]пристрастным и понемногу соберу всё и против нас, не очень много, а немножечко. Запятую, но маленькую.

Беспристрастным нельзя быть потому, что сказано в книжке, что военная история должна быть беспристрастна. Для того, чтобы быть беспристрастным, надо иметь мысль, которая стояла бы выше других мыслей историков.

А в позорной книге, заместившей по времени даровитое произведение Михайловского-Данилевского, нет ни одной мысли, кроме того, что стратегия и тактика — очень полезные науки, так как их учат в большом доме и за большие деньги, и ни одной страницы, к[оторую] бы нельзя было заменить выпиской — смотри Тьера, Михайловского-Данилевского, Bernhardi и т. д.

<Под Вязьмой Ермолов, Милорадович, Платов и другие,¹ находясь в близости от французов, не могли воздержаться от желания² отрезать и опрокинуть два французских корпуса. Кутузову, извещая его об их намерении, вместо донесения был прислан конверт с лис[том] белой бумаги. И сколько ни старался Кутузов удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу, пехотные полки с музыкой и барабанным боем ходили в атаку; но льдина французского войска еще далеко не растаяла — отрезать никого не отрезали, но побили и потеряли тысячи три людей. И французское войско,³ стянувшись крепче от опасности, продолжало всё тот же свой гибельный путь к⁴ Смоленску.

<С> 21-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова.⁵ После были учреждены еще другие, и⁶ чем дальше подвигалась кампания, тем более образовывалось этих отрядов. Отряды эти были самое приятное, самое безопасное¹

Зачеркнуто: решились

² *Зач.*: что-то

³ *Зач.*: еще

⁴ *Зач.*: Вязьме.

⁵ *Зач.*: Отряды эти

⁶ *Зач.*: по мере

употребление войск и потому самое полезное. Приятно оно было потому, что нигде так блестяще нельзя было отличиться; безопасное потому, что каждый отдельный начальник берег своих — маленькие партии никогда не стояли под выстрелами, и самое полезное потому, что эти отряды давали сведения о положении армии (не всегда верные, потому что чем лучше представлялось положение неприятеля, тем больше было заслуги) и подбирали те отпадавшие листья, которые сами собой сыпались с иссохшего французского войска.

В октябре месяце, когда французы бежали к Смоленску, этих партий[>] различных величин и характеров были десятки. Были партии,¹ перенимавшие все приемы армии с штабами и удобствами жизни, с пехотой, артиллерией; были одни казацки кавалерийские; были мелкие, сборные пешие и конные; были мужицкие и помещичьи. Был один дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. По характеру своему были партии чопорные, были веселые, разлихие, были великодушные, были мрачные и жестокие.²

Сборная партия в 300 человек под начальством Долохова принадлежала к <этим> мрачным и жестоким.³

* № 273 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I).⁴

Бородинское сражение с последовавшими за ним занятием Москвы и бегством французов без новых сражений есть одно из самых поучительных явлений истории, само собою разумеется не для тех историков, которые⁵ переписывают в одну книжку то, что написано в разных книжках, но для тех, которые изучают законы исторических событий.

Период кампании 12 года от Бородинского сражения до бегства французов из Москвы включительно⁶ ответил на⁷ вопрос⁸ о том, где и в чем лежит та сила, которая решает судьбы народов. Кто из мыслящих людей в юности своей в то время, когда посвящался в исторические таинства, не⁹ приходил в недоумение, читая исторические описания о том, как Аннибал поссорился с Римом, собрал войско, одержал победу — убил одну десятитысячную людей Рима и вследствие того Рим был покорен.¹

Зачеркнуто: которые

² *Зач.:* Долохов

³ *Зач.:* Кроме того, сам Долохов приобрел себе за это время репутацию

⁴ *Автограф на двух листах F^o.*

⁵ *Зач.:* отыскивают законы

⁶ *Зач.:* показал очевидно, что выигранное сражение не есть причина покорения народа, а есть только случайный признак и

⁷ *Зач.:* те вечные вопросы человечества: что такое война? что такое покорение одного народа другим? Почему Рим покорен после того, как Аннибал выиграл одно сражение, т. е. убил одну десятитысячную Римского народа? Этот

⁸ *Зач.:* который в особенности делают дети и неученые люди — <какое зна[чение]> что такое сражение.

⁹ *Зач.:* задавал себе странного вопроса

Кто не задавал себе вопроса, почему поражение одной армии заставило покориться народ? Отчего же? Разве они так уговорились, или не было у них больше народа? спрашивает наивный и ужасный (terrible, как говорят французы) ребяческий ум. Ну да, оттого, что все силы истощены, оттого что.... ну, оттого, что всегда так было, отвечает история. Всегда народы завоевывают один другой посредством победоносно[го] сражения.¹ Народы сталкиваются в последнем усилии, один побеждает, и война кончена, побежденный покоряется. Да что такое значит побеждает? Убивает, удерживает поле сражения, берет пленных. Что такое значит — берет пленных, спрашивает l'enfant terrible?² Ежели они пошли, чтобы убивать и быть убитыми, зачем же они сдаются? Так надо, отвечает история, так всегда было. И победа войска есть причина завоеванья — так всегда было. Действительно, проверяя этот факт по истории, оказывается, что всегда приблизительно так было, и, не в силах доискаться³ другой причины, пылливый ум примиряется с объяснением истории.

Действительно: одержана победа Фридрихом II — Саксония перестает существовать, одержана победа под Иеной — Пруссия перестает существовать, одержана победа под Веной — Австрия перестает существовать.

Но вдруг в 1812 одержана победа под Москвой (со всеми признаками победы), Москва взята — и не Россия перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армия. Натянуть факты на правило истории — сказать, что поле сражения в Бородине осталось за нами, что после Москвы были сражения, уничтожившие армию Наполеона, — невозможно.

После Бородина — победы французов — не было ни одного сражения, и французская армия перестала существовать. Что это значит? Ежели бы это был пример из истории Китая, мы бы могли сказать, что это явление неисторическое (лазейка историков, когда что не подходит под их мерку); ежели бы дело касалось столкновения непродолжительного и в котором участвовали малые количества войск, мы бы могли принять это явление за исключение, но событие это произошло между нашими отцами, для которых решался вопрос жизни и смерти отечества, и всей Европой, и война эта была самая огромная и продолжительная и гибельная из всех известных войн.⁴

¹ *Зачеркнуто*: отвечает история.

² [ужасный ребенок?]

³ *Зач.*: настоящей

⁴ *Зач.*: Очевидно, правило и вывод неверны. Отчего же, одержав победу, без новых сражений французы погибли? Оттого, что Александр не хотел мира, оттого, что сгорела Москва, оттого, что был сделан фланговый марш, оттого, что у французов не было фуража — отвечают историки. Итак, <правило> вывод о том, что <сражение> победа покоряет народ, будет справедлив только тогда, когда прибавить, что после сражения не сгорит город, не согласится на мир император, не сделает флангового

<Все историки фр[анцузы], описывая положение французского войска перед выходом из Москвы, утверждают, что всё в армии было хорошо, исключая кавалерии и артиллерии и обозов и мясной порции, т. е.¹ не было фуража для корма лошадей и скота.> Этому бедствию не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сено и не давали его французам.²

Почему мужик Карп и Влас, который после выступления французов приехал в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывал лично геройских чувств, почему этот мужик и всё бесчисленное количество таких мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, нельзя себе объяснить, но и без объяснения чувствительна одна и та же сила в этих бесчисленных бесконечно малых, та же сила, которая была и в Б[ородинских] умиравших солдатах и в солдатах, стоявших под Тарутиным, и в шайках, ловивших и бивших французов по окрестностям.

* № 274 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I, II).³

Представим себе двух людей, вышедших на поединок с шпагами и по всем правилам фехтовального искусства. Фехтование продолжалось довольно долгое время с различными переворотами успеха то к той, то к другой стороне и, наконец, один из противников, почувствовав себя раненым, поняв, что дело это не шутка, а касается его жизни, бросил свою шпагу⁴ и, взяв первую попавшуюся дубину,⁵ начал ворочать ею, вследствие чего естественно очень скоро одержал победу.

Но представим себе⁶ вместе с тем, что противник, так разумно⁷ употребивший лучшее и простейшее средство для марша главнокомандующий и мужики будут привозить фураж. Понятно, что для правильности вывода надо включить еще бесчисленное количество условий и что потому вывод неверен. <И потому> Победа, как ее разумеют, не есть не только причина покорения или завоевания, но даже не есть постоянный признак, а признак случайный. Причина же завоевания, покорения или истребления армии, сила, решающая судьбы армии и народов, лежит не в войне, выражающейся сражениями, а вне ее. И отыскать и определить эту силу есть задача действительно науки. *Далее написано на полях и вновь зач.:* Французы одержали победу и сами погибли. Стало быть, не всегда победа есть причина завоевания, стало быть, факт покорения или непокорения не зависит от сражений и побед, от войны. Стало быть, сражение и война ес[ть]

¹ *Зачеркнуто:* лошадей и скота

² *Зач.:* Без сомнения, нельзя сказать, чтобы гибель французов была причинена только тем, что мужик такой-то и такой-то не вез сено в Москву, несмотря

³ *Автограф.*

⁴ *Зач.:* отбежал назад, чтобы взять *и вписаны след. два слова.*

⁵ *Зач.:* и с этой дубиной набежав на <прот[ивника]> врага, противно всем правилам искусства, согнувшись и с боку, начал <драться> ворочать дубиной и весьма скоро выбил шпагу из рук удивленного противника, избил и прогнал его. Теперь *и вписано до конца абзаца.*

⁶ *Зач.:* кроме того

⁷ *Зач.:* откинувший все правила искусства, считает однако <по установившемуся убеждению> по преданиям рыцарства, что этот его поступок

достижения цели, вдруг бы, воодушевленный преданиями рыцарства, захотел бы скрыть сущность дела и настаивал бы на том, что он по всем правилам искусства победил на шпагах.

Можете себе представить, какая путаница и неясность произошла бы от такого описания происшедшего поединка.

[Далее от слов: Фехтовальщик, требующий борьбы по правилам искусства кончая: объяснили ее значение близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. I, II.]

Между прочим, такого рода война (всегда, как показывает история, успешная) не только не подходит ни под какие правила, но прямо противоположна тем мнимым наукам, которые называются стратегией и тактикой. В этих глубокомысленных соображениях было найдено, что для атакующего выгоднее нападать в массе, то есть не раздробляясь.¹ (Это правило не может иметь никакого смысла для человека, пользующегося здравым рассудком, потому что, ежели я,² нападая двумя человеками или корпусами против одного,³ имею две случайности против одной⁴ в числе, я этим самым даю противнику такие две случайности против одной во времени, то есть что мои два корпуса или человека могут быть разбиты сразу, а его один корпус наверное еще не разбит, и история показывает бесчисленные примеры противного (Бенедек и пруссаки),⁵ но, несмотря на то, это правило признано несомненным).⁶ А между тем партизанская война прямо противоположна этому правилу и всегда успешна.

откинутой шпаги и взятой дубины несколько постыден. Таким же считают <это впоследствии> этот эпизод дубины в особенности тот, который пострадал от нее, и все те, которые рассказывают про это <т поединок> событие. Рассказчики, описывая это событие, стараются умолчать о неправильностях отступления, поднятия дубины и обращения с нею, а подробно рассказывают о положениях терции, кварты, квинты, которыми парированы были удары противника, и теми различными правильными мнимыми ударами, которыми была одержана победа, так [как] результатом <победы> поединка была победа.

Поверх зачеркнутого написано и опять зачеркнуто: Представив себе это ясно, [поймем?], каким образом в рассказах об этом событии будет постоянная неясность и неточность. Умалчивая о дубине и обращении с нею, рассказчики будут описывать события и вписано на полях, кончая: описания происшедшего поединка.

¹ *Зачеркнуто:* Хотя

² *Зач.:* воюя

³ *Зач.:* то я действ[ительно?]

⁴ *В автографе:* одного

⁵ Людвиг Бенедек — австрийский генерал, разбитый пруссаками под Кёниггрецем 3 июля 1866 г.

⁶ *Зач.:* Почему же так выгодно

⁷ *Зач.:* Бессмыслица эта происходит от того, что так называемые науки суть пустая болтовня, что решает участь войн не стратегия и тактика, а дух войска. И что до тех пор, пока не будут найдены законы, управляющие этим диффер[енциалом] силы, не будет науки.

Партизанская война всегда приносила огромные результаты, п[отому] ч[то] она начиналась тогда, когда дух войска находился на высшей степени напряжения. Для войны за границы, за прусского короля, как говорят

Противоречие это, как и бесчисленное количество бессмыслиц, составляющих так называемую науку, происходит от того простого факта, что¹ войска, составляющие субъект мнимой науки — существа живые и что не только успех сражения или войны, но все распоряжения в военное время зависят от неопределимого дифференциала, который называется духом войска. Чем² ниже дух войска,³ т. е. чем меньше желание драться каждого отдельного человека, тем больше должны быть массы, своей притягательной силой действующие на единицы. Чем выше дух войска, тем более войска могут быть раздроблены. В народных войнах, какими были войны Кавказа, Испании, России, войска могут быть раздроблены до⁴ последней степени.⁵

⁶Выгода всегда на стороне действующего раздробленно против массы в прямой пропорции деления. Тогда [кто] разбился на 2 единицы против 2-х имеет 2 шанса, кто на 10 — десять и т. д.

[Далее от слов: Но тактическое правило о делимости кончая: подвергать себя трудам и опасностям⁷ близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. II.]

И это раздробленное действие русских войск было одним из самых страшных ударов дубины, отвечавших на эволюции шпаги французов.

И благо тому народу, который не как французы в 1813 [году], по всем правилам искусства, перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее⁸ русскому императору, а благо тому народу, который в минуту испытания не спрашивается о том, как велено поступать в этих случаях, а с поразительной простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину, не жалея себя, гвоздит ею до тех пор, пока не чувствует восстановленной свою самостоятельность и силы, и до тех пор, пока в душе его чувство ненависти не заменяет другое — презрение и жалость.

французы, необходимы массы, удерживающие своей притягательной силой войска, для войны у себя дома (движущая сила лежит) сила отпора лежит одинаково в каждом отдельном человеке. *Вместо зач. вписан на полях текст след. обзаца.*

¹ *Зачеркнуто:* люди, над к[оторыми]

² *Зач.:* выше

³ *Зач.:* тем больше

⁴ *В рукописи:* то

⁵ *Зач.:* и чем больше раздробление, тем очевиднее выгода.

С легкой руки Д. Давыдова партизанские отряды стали размножаться, и несомненно, что одно из главных условий гибели французов была деятельность этих людей. В противность тактическому правилу о выгодах наступления в массах и защиты в раздроблении нельзя не видеть, что, действуя <Действуя в раздроблении> <Ежели не принимать во внимание

⁶ *Зач.:* Очевидно, что

⁷ *Далее зач.:* Эта деятельность бесчисленного количества неизвестных русских людей <принявшая> <облекшаяся в форму> и назвалась партизанской войной.

⁸ *Зач.:* победителю

* № 275 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, и п. 3, гл. XVI, XVII, XVIII).

Новая глава

¹4-го октября французы выступили из Москвы. Яковлев, Тутолмин не привезли ответа. Лористон.²

Куда они идут и зачем, никто не знал, еще менее сам великий гений Наполеона, так как никто ему не приказывал.³ Он и его окружающие по привычке соблюдали раз заведенный порядок, писались приказы, письма, рапорты, *ordre du jour*, называли еще друг друга «*Sire, mon cousin Prince d'Ekmuhl и roi de Naples*», но все чувствовали, что они бедные, гадкие люди, нажившие себе горя, упреков совести и безвыходное несчастье. Приказы и рапорты были только на бумаге, в сущности⁴ <каждый делал то, что хотел и мог.

И чем же был занят Н[аполеон]? Тем, чтобы побить тот пол, о который он зашибся, и непременно взорвать Кремль и сжечь дом Раст[опчина] и Разум[овского].⁵

Он ничего не понимает, не приказывает; казал[ось], шкнули на него, подгоняя[?], и он бежит с армией, наконец бежит один в теплой шубе и оставляет на погибель сотни тысяч. Но и тут историки не забывают находить объяснения и, когда по-русски, по-человечески — что мерзавец и подлец, они говорят *grand*.

Так уходили войска Наполеона. Думали только об одном, как бы поскорее уйти и спастись.>⁶

* № 276 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. III—VII, XII-XIV).⁷

Денисов был⁸ тоже партизаном.⁹ Довольно большая партия Денисова принадлежала к разряду веселых и великодушных. У Денисова, теперь полковника, в партии находился Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, к которому он получил страстное обожание еще со времени приезда его в 1806-м году в Москву.¹⁰

¹ *Начало — автограф на копии зачеркнутого первого чернового автографа продолжения «Войны и мира» (см. т. 14, вар. № 183).*

² *На полях: К. Б. Е. Далее зач. копия от слов: Наконец явился кончая: сама отдавалась в плен.*

³ *Зачеркнуто: Около него еще соблюдался кой-какой desoquit и вписано, кончая: заведенный порядок,*

⁴ *Далее зач. текст той же копии и вместо него вписано над строкою и на полях рукой Толстого и опять зачеркнуто до конца варианта.*

⁵ *Зач.: <Но и> Но историки, здесь приведенные к тупику, опасаются*

⁶ *Переработку и развитие этой части варианта см. в рук. № 97, вар. № 280.*

⁷ *Переработанная копия.*

⁸ *Зач.: другим*

⁹ *След. фраза — автограф.*

¹⁰ *Зач. в копии: Кроме этих партий, рыскали еще в этом же пространстве недалеко партия одного польского графа в русской службе и немца-генерала и вписано: 6 октября*

6 октября Денисов ночью сидел¹ в избе на барабане перед доской, положенной одним концом на окно, другим на вьюки, и писал. На доске стояла сальная свеча, чернильница и стакан с пуншем. Денисов был в одной рубашке и широких плисовых штанах, засунутых в² сапоги. Вся нижняя часть его лица обросла густой, уже курчавившейся бородой.

Агатовые глаза его особенно ярко блестели, и он, быстро треща пером,³ изредка останавливался, попивая из стакана, и взглядывал на Петрушу Ростова, лежавшего на⁴ разостланном на полу ковре.⁵

Петруша с своим широким и добрым лицом и худыми, отроческими членами, лежа на животе и болтая ногами, поглядывал на писавшего Денисова и тоже пил чай, который стоял подле него. Петя был одет в серый мужицкий армяк с нашитыми на груди патронами и синие кавалерийские рейтузы,⁶ и поднятые ноги были в одних чулках.

Они только что воротились из розыска, который они делали всей партией по Смоленской дороге.⁷ Розыск был удачен: они привели с собой 16 человек отдавшихся французских солдат и две французские фуры, отбившиеся дорогой, нагруженные французскими седлами.⁸

В числе пленных был один 15-летний мальчик барабанщик. Денисов подозвал к себе этого мальчика.⁹ Денисов показался Пете тронутым; он, обласкав мальчика, велел его оставить при себе. Петя знал, что его герой — Денисов был храбрее и благороднее всех людей, но эта новая замеченная в нем черта чувствительности в высшей степени тронула Петю. Он теперь смотрел на Денисова, вспоминая этот трогательный эпизод.

«Кабы все знали только, какой это человек!» думал Петя. «Ему бы, а не этому старому Кутузову (Петя имел очень низкое мнение о Кутузове) быть главнокомандующим. Однако куда его дели?» подумал Петя о молодом барабанщике. Когда они вернулись, Петя озаботился о том, чтобы мальчика¹⁰ покормили,¹ *Зачеркнуто в копии:* на полу, на коврах, в разваленной избе, с бородой, в армяке и с образом Николая Чудотворца на цепочке, и писал быстро, треща пером, изредка попивая из стакана налитого до половины ромом чая. *Дальнейший текст — автограф на полях копии.*

² В рукописи далее по ошибке: штаны.

³ Зач.: писал, что

⁴ Зач.: земле

⁵ Далее, кончая: синие кавалерийские рейтузы — исправленная копия.

⁶ Далее по зачеркнутой копии — автограф Толстого.

⁷ Зач.: Как и всегда почти без исключения

⁸ Зач.: Денисов впереди

⁹ Зач.: сказал ему несколько милостивых слов, вроде тех, которые Наполеон в Аустерлице сказал Репнину: Vous êtes venu bien jeune, vous froterer à nous [Молоды же вы сунулись биться с нами] и потом, когда мальчик что-то проговорил про ma pauvre mère [мою бедную матушку], Денисов обласкал его.

¹⁰ Зач.: одели <и покормили> в русский мужицкий

но куда его положили спать и не обидели бы его, подумал Петя. «Это — мое дело», и он встал с тем, чтобы спросить у Денисова, можно ли позвать сюда мальчика и напоить его чаем. Но в то время, как он подходил к Денисову, Денисов кончил бумагу и обратился к нему, подавая ему:

— Запечатая пожалуйста, Ростов.

Петя взял.

— Прочти, прочти, как я этих сукиных детей отделяваю, — сказал Денисов.¹

Бумаги, которые писал Денисов, были ответами на требования двух командиров отрядов, дипломатически приглашавших Денисова соединиться с ними, то есть, так как Денисов был моложе чином, поступить под их начальство для атаки большого кавалерийского депо Бланкара, на которое точили зубы все начальники партий, желая приобрести славу этой добычи.

Денисов, чтобы отделаться от них обоих и самому взять это депо, о котором он нынче в ночь послал разведать, отвечал одному генералу, что он поступил уже к другому под начальство; а другому писал, что он уже поступил к первому, каждому подпуская в тоне подчиненности шпильки, на которые он считал себя великим мастером.²

— А я хотел тебя спросить, — сказал Петя (Денисов был на «ты» и с Петей). — Можно позвать сюда Босса? — Vincent Bosse — так звали 15-летнего барабанщика. — Его надо одеть как-нибудь. Да и чаю....

— Позови, позови, напои его чаем с ромом, — сказал Денисов, продолжая скрипеть пером свою другую ядовитую бумагу.

Петя надел сапоги и вышел на улицу. Была темная, ветреная, осенняя ночь; костры казаков и партизанов виднелись вблизи. —

— Bosse! Vincent! — крикнул Петя.

Ближайшие казаки услышали Петю.

— Кого ему?

— Он сказал, что того мальчика француза, которого взяли утром.

— А, Висеню, — сказал казак. Уж они переделали его имя Vincent в Висеню, подходившее³ по напоминанию о весне к их представлению о молоденьком, хорошеньком мальчике, которого все полюбили и жалели.

¹ *Зачеркнуто*: Бумага эта было в почтительной форме написанное донесение одному из начальников больших партизанских отрядов. В донесении было написано, что, несмотря на сильное желание служить под начальством его превосходительства, Денисов должен был лишиться себя этого счастья, потому что он находился уже под командой Е[го] С[иятельства] — другого начальника партизанского отряда.

След. два абзаца — исправленная копия.

² *Зач. текст исправленной копии*: Таким образом, Денисов отделялся от обоих и намеревался сам захватить депо и славу, и чин, и крест.

³ *Зач.*: к их представлению

— Он тут у кухни грелся. Эй! Висеня! Висеня! — слышались ласковые голоса. — Господа кличут.

Тонкая фигурка барабанщика в коротком мундирчике и босиком — Петя слышал, как он быстро шлепал ногами по грязи — ¹ подошла к Пете. Петя ввел его в комнату.²

Висеня, хорошенький, худощавый мальчик с большими³ черными глазами, испуганно взглядывал на черного, растерзанного Денисова, продолжавшего писать, и шепотом отказывался от чая, указывая глазами на commandant,⁴ как он называл Денисова.

Молоденькому барабанщику не нужно было говорить о *ma pauvre mère*;⁵ его несложившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, его нетвердый голос, его, видимо напущенная, солдатская ухватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушимая невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить его. Это чувствовали все, и не только Денисов и Петя, но все в отряде тотчас же полюбили его. Денисов, заметив его робкий шепот, поднял голову от писанья, ласково улыбнувшись, кивнул ему и сказал, чтоб он ничего не боялся, садился бы и пил чай.

— *Oui, mon commandant*,⁶ — отвечал на всё Висеня, вскидывая глаза, приставляя опухшую руку к козырьку кивера. Когда он уселся, Петя заметил, что он дрожал от холода или от страха и беспрестанно краснел. Когда Петя у него что-нибудь спрашивал, он, видимо, благодарен был, но боялся не уронить достоинства своего народа и не сделать как-нибудь, чего-нибудь недостойного солдата.

Когда Денисов кончил свою бумагу и встал, Висеня вскочил тоже.

— Знаешь что, — сказал Денисов Пете по-русски, — что его отсылать с пленными — помрет ведь половина, оставим его. Он нам прислуживать будет — он ловкий мальчик.

И тотчас же Денисов, подойдя к Висене, потрепал его по плечу, сказал ему, что он намерен для него сделать.

— *Oui, mon commandant, merci, mon commandant*,⁷ — говорил Висеня, и яркая краска набежала на его лицо.

Денисов понял, что его⁸ смущало, и успокоил, что ничего не будет недостойного его солдатского звания.⁹

¹ *Зачеркнуто*: вышла

² *Зач.*: и долго не мог успок[оить]

³ *Зач.*: роб[кими]

⁴ [командира,]

⁵ [своей бедной матушке;]

⁶ [— Слушаюсь, господин командир,]

⁷ [— Слушаюсь, господин командир, спасибо, господин командир,]

⁸ *Зач.*: занимало

⁹ *Зач.*: Тотчас же позвали <денщика> людей, одели мальчика в сапоги и кафтан, и Vincent вдруг повеселел — видимо, покорился своей участи и тотчас же принялся оказывать различные услуги.

У двери послышался топот¹ мягких шагов и топтание человека, который, видимо, хотел дать знать о себе.²

— Посмотрь-и³, кто там, — сказал Денисов Петю.⁴

В домашней жизни он был на «ты» с Денисовым, как и все, но как дело касалось до службы, так он был адъютант.⁵

— Слушаю-с, — сказал Петя, вставая. — Это Тихон, — сказал он.⁶

— А, Шестипалый! — весело сказал Денисов.⁷

Тихон Шестипалый был мужик из Покровского. Когда при начале своих действий Денисов прибыл в Покровское, ему жаловались на двух мужиков, принимавших французов, Прокофия Рыжего и Тихона Шестипалова. Денисов,⁸ выслушав эти жалобы, считая своим долгом показать пример наказания изменников, посоветовавшись с своими товарищами, присудил расстрелять обоих; но Тихон упал в ноги, обещая, что будет служить верно, что он только по глупости, и Денисов,⁹ наказав розгами обоих мужиков, простил их и взял¹⁰ по выраженному им[и] желанию в свою партию. Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставления воды, скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он раз, идя за дровами, наткнулся на миродеров, как он называл их, и убил двух, а одного привел.

Денисов, шутя, взял Тихона с собой верхом, и оказалось, что не было человека, способного больше перенести трудов, дальше видеть, неслышнее подлезть и менее понимать, что такое опасность, как Тихон Шестипалый, и Тихон был зачислен в казаки, в урядники и получил крест. Тихон был мужик длинный, худой, с низко опущенными, мотавшимися, как будто бессильными руками, но которые в своем мотаньи ударяли крепче самых сильных, и такими же длинными, мотавшимися ногами, но которые, мотаясь, огромными шагами проходили по 70-ти верст¹ *Зачеркнуто*: нескольких лошадей, и чей-то голос, чужой голос, говорил, что-то называя Денисова.

² *Зач.*: Это кто?

³ *Зач.*: пожалуйста

⁴ *Зач.*: Сметливый француз выбежал в сени и тотчас же вернулся.

— Un officier supérieur avec sa suite, commandant [Штаб-офицер со своей свитой, господин командир], — доложил он.

Подъехавший офицер был Долохов. Он <велел> вошел в избу.

⁵ *Зач. текст исправленной копии*: Денисов, склонный играть в службу и Наполеона, еще более был поощрен к этому твердой верой Пети в его Наполеонство. Шаги принадлежали <Тихону Шестипалому, которого ввел Петя> длинному человеку в лаптях.

⁶ *Зач.*: вводя его в избу.

⁷ *Зач.*: <Ну> Тихон Шестипалый был тот мужик, которого он посылал нынче утром для разведки в депо Бланкара. *Далее текст исправленной копии.*

⁸ *Зач. в копии*: тогда же, пробуя свою власть и свое умение управлять, но предварительно разгорячившись, велел и *вписано, кончая*: присудил

⁹ *Зач.*: простил его и *вписаны след. шесть слов.*

¹⁰ *Зач.*: в свою и *вписаны след. шесть слов.*

в сутки, не уставая. Шестипалый он был потому, что действительно у него были на руках и ногах приросточки около пятого пальца, образовавшие как бы шестой маленький палец.¹

²Длинное лицо его с повисшим набок носом и с редкими, кое-где выбивавшимися на бороде длинными волосами было всё изрыто оспой. Он улыбался редко, но очень странно; так странно, что, когда он улыбался, то все смеялись. Он несколько раз был ранен, но все раны скоро заживали, и он не ходил в лазарет. Ему только нужно было остановить кровь, которую он не любил видеть. А боли он не понимал так же, как не понимал страха.

На голове он носил казанскую пуховую шляпу. Одет он был в красный французский гусарский мундир³, в мужицкие портки и лапти. Эту обувь он предпочитал всем другим. У него был огромный мушкетон, короткое ружье с воронкой расходившимся дулом, которое он один умел заряжать, насыпая туда сразу три заряда. Кроме того, при нем были всегда топор и пика.

— Что, Тишка? — спросил Денисов.

— Да привел двух, — недовольным, обиженным голосом сказал Тихон.

Денисов понял, что двух пленных. Он посылал его⁴ к лакомому куску — депо Бланкара, разведать, что там делалось.

— А, — сказал Денисов, этим междометием выражая то, что он и не ожидал меньше этого. — Из Шамшева? — прибавил он.

— Из Шамшева. Вот тут, у крыльца.

— Что ж, много наг'ода?

— Много, да плохой, всех побить можно разом, — так же грустно сказал Тихон. — Я сразу трех взял за околицей.

— Что ж только двух пг'ивел? Где тг'етий?

— Да так, ваше высокоблагородие.⁵ Он... Ваше высокоблагородие. — Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову и улыбнулся. Денисов и Петя, и даже Vincent, сами еще не зная чему⁶, засмеялись.

— Третий, тгетий-то где?⁷ — напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

¹ *Зачеркнуто*: и ворожея сказала ему, что, ежели он отрубит один из этих пальцев, то он пропадет, и Тихон берег эти уродливые кусочки мяса больше головы.

² *Зач.*: Лицо у него было изрыто чем-то, длинное *и вписаны след. три слова.*

³ *Зач.*: с казанской пуховой шляпой на голове и в лаптях *и вписано окончание фразы.*

⁴ *Зач.*: туда, где стояли парки, разведать.

— А, из Шамшева? *и вписано, кончая*: прибавил он.

⁵ *Зач.*: Тихон засмеялся, и Денисов и Петя невольно тоже *и вписано, кончая*: засмеялись.

⁶ *Зач.*: громко расхохотались.

⁷ *Зач.*: смеючись *и вписаны след. пять слов.*

— Да так, ты, ваше высокоблагородие, не серчай, так... — Он опять улыбнулся, и опять Петя, и Денисов, и Vincent покатались со смеха.

— Да что так?

— Да так, плохенькая такая на нем одежонка...¹ — Тихон, как красная девушка, опустил глаза и замолчал.

— Ну так что ж? — строго уже сказал Денисов.

— Ну, да что же его водить-то так... босой.... весь...

— Ох, не годится, — строго покачивая головой, сказал Денисов. — Больно выдеру... Ну ладно, ступай, я сейчас выйду к ним, — прибавил он, помолчав немного и сжалившись над убитым и испуганным лицом Тихона.²

Когда Тихон ушел, Денисов послал за своими товарищами офицерами, и они, составив³ военный совет, обсуждали¹ *Зачеркнуто*: Он замолчал и *вписана след. фраза*.

² *Зач. текст исправленной копии первого черновика (см. т. 14, вар. № 183)*: Тихон ушел, и вслед за ним в комнату вошел Долохов, прискакавший за 55-ть верст к Денисову. Долохов был озабочен тем же, чем занят был и Денисов — желанием одному взять депо Бланкара. Он приехал к Денисову под предлогом дружбы, но цель его состояла в том, чтобы отвести его от депо и самому взять его. Долохов поговорил с Тихоном и вошел в комнату. Долохов был одет просто в военный гвардейский сюртук без эполет и в большие щегольские ботфорты.

— Что ж это мы стоим, море караулим, — заговорил Долохов, подавая руки Денисову и Пете. — Что ж ты не возьмешь их из Ртищева, ведь там триста пленных наших, — говорил он.

— Да я жду помощи на депо напасть...

— Э, вздор, депо не возьмешь, там четыре батальона пехоты, спроси-ка, вот твой привел.

Денисов засмеялся.

— Ну, понимаем, понимаем вас, — сказал он. — Хочешь пуншу?

— Нет, не хочу. А вот что, у тебя пленных набралось много, дай мне человек десять, мне натравить молодых казачков надо.

Денисов покачал головой.

— Что ж ты, не бьешь их? — просто спросил Долохов. — Нежинка, посмотрю я на тебя.

Посидев вечер у Денисова, Долохов уехал в ночь, и на другой день Денисов к огорчению своему узнал, что Долохов обманул всех, <и двух генералов и Денисова, он> и, не дожидаясь никого, напал <на другой день на депо Бланкара и, разумеется, взял всё то, что только дожидалось случая отдаться.

(Новая глава)

Пьер находился в этом депо в числе пленных. С первого перехода от Москвы с него сняли валенки, и есть им ничего не давали, кроме лошадиного мяса с порохом, ночевали они под открытым небом. Становились заморозки. На втором переходе Пьер почувствовал страшную боль в ногах и увидел, что они растрескались. Он шел, невольно припадая на одну ногу, и с этого времени почти все силы его души, вся его способность наблюдения сосредоточились на этих ногах, на этой боли.

Он забыл счет времени, забыл место, забывал свои опасения и надежды.

Вместо зач. вписан на полях рукой Толстого текст двух следующих абзацев.

³ *Зач.*: неб[ольшой]

предполагаемое¹ нападение на депо. После непродолжительных совещаний решено было² перейти на другой день ближе к Шамшеву в лес и в ночь сделать нападение.

Но когда на другой день Денисов с своей партией подошел к Шамшеву, он узнал, что ввечеру депо это уже было отбито и уведено другим партизаном, Долоховым, обманувшим всех других и забравшим лакомый кусок.³

№ 277 (рук. № 97, Т. IV, ч. 3, гл. III—XI, XV).

<Новая глава>

II

⁴Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Уж тысячи людей неприятельской армии, отсталых, мародеров, фуражиров, были побиты казаками и мужиками,⁵ которые побивали этих⁶ людей так же бессознательно, как собаки загрызают забеглую собаку, сами не зная, хорошо ли это, или дурно они это делают, когда партизанство было узаконено.

⁷Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение той страшной дубины, которая уничтожала французов, и ему принадлежит слава того, что он сделал первый шаг для узаконения, оформления этого⁸ приема войны.⁹

24-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова. После были учреждены еще другие, и чем дальше подвигалась кампания, тем больше образовывалось этих отрядов. Отряды эти были — самое¹⁰ веселое, самое безопасное,¹ *Зачеркнуто*: предприятие

² *Зач.*: <напасть> выступить на другой день

³ *На полях зачеркнутый автограф*:

В общем. Страдания — сознание ничтожности личности.

Общее: Спасительный клапан страдания. Отвернулся от Кар[атаева], к[огда] убивали его.

Пьера губит и убивает порядок.

Оставить не оставить? Взять.

(На гору в грязи.) (Нет, не пойду дальше.) Понемногу приходил в бедственное положение и не заметил Каратаева, всё шел.

Послали. Вид обоза, растрескались ноги.

Каратаев: прощавай, П[етр] К[ирильч], красное солнышко. Бог души не возьмет, сама не выйдет.

⁴ *Первые два абзаца — автограф, вписанный на полях копии.*

⁵ *Зач.*: по деревьям

⁶ *Зач.*: забеглых

⁷ *Зач.*: Денису Давыдову, который потом в своих сочинениях так старательно хочет выказаться европейцем, знакомым со всеми европейскими правилами войны, принадлежит слава

⁸ *Зач.*: лучшего

⁹ *Далее копия.* Опубликовано впервые до конца варианта в сб. «Лев Николаевич Толстой», изд. АН СССР, М. 1951, стр. 626—640.

¹⁰ *Зач.*: приятное и вписано: веселое

хотя и трудное употребление войск, и потому самое полезное.

¹Веселое оно было потому, что нигде так блестяще нельзя было отличиться;² безопасное потому, что каждый отдельный начальник берег своих — маленькая партия никогда не стояла под выстрелами; и самое полезное, потому что эти отряды давали сведения о положении армии (не всегда верные, потому что чем лучше представлялось положение неприятеля, тем больше была заслуга), но все-таки³ руководили большую армию, и в особенности полезное потому, что партизаны уничтожали по мелочам большую наполеоновскую армию. Партизаны подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего французского войска, и иногда трясли это дерево.

В октябре месяце, когда французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были⁴ сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казацьи, кавалерийские, были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещицьи, никому не известные. Был один дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных.⁵

⁶Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему полку, скоро после этого из полка перешел в ординарцы к генералу, командовавшему важной частью. Поступив в действующую армию,⁷ Петя испытывал то тяжелое чувство не столько разочарования, сколько недовольства собой, которое испытывают все искренние и пылкие молодые люди, испытывая на деле войну, о которой, благодаря ложному ходячему мнению, у них составилось совершенно противоположное понятие. Это разочарование и недовольство собой бывает всегда тем сильнее, чем способнее молодой человек ¹ *Зачеркнуто: Приятное и вписано: Веселое*

² *Зач. вписанное Толстым:* и что все люди, участвовавшие в этой войне, испытывали чувство, подобное охоте,

³ *Зач.:* они одни

⁴ *Зач.:* десятки и вписано: сотни.

⁵ *Далее зачеркнута копия (см. вар. № 276), кончая словами:* в тоне подчиненности шпильки, на которые он считал себя великим мастером (*стр. 94—96*).

Вместо зач. над строками на полях копии и продолжении на отдельном листе написан дальнейший текст. Начало его зачеркнуто: Васька Денисов в начале сентября был одним из <партизанов> первых партизанов.

⁶ *На полях конспект:* Охота за людьми — бессмысленная, от этого дельная. Т[ихон] с кавалеристами бегают, соперничает с казаками. Сначала Денисов, как в тумане, но всё делается, как само собой — его учат, а он притворяется. Врассыпную отступать и т. д., убить, да уйти. Учат мужиков, как бить. Бежал солдат. Т[ихон] привел его. Он был полезен. Он описывался. Петя удивляется, как он видит линии, опрокидывает их, как [будто] ничего не было. *400 пленных, ранено 3 казака.*

Устали вечером, возвращаясь, а нечего делать, опять надо идти. Выпивали, хотят идти сейчас и пошли уже. Спрашивают у урядника. П[ете?] совестно жалеть.

⁷ *Зач.:* во время ее отступления

к военному делу. Петя был одарен огромным самолюбием, здоровыми нервами и способностью крови вступать ему в голову так, что он ничего не понимал и не видел, когда разгорячался. Кроме того, он был почти ребенок. И поэтому он был то, что называется безумно храбр, и поэтому тоже он, вступив в действующие войска и участвовав два раза в деле под Тарутиным и под Вязьмой, испытывал тяжелое чувство разочарования и недовольства собой.

Вместо торжественных с знаменами, музыкой¹ сражений Петя видел² какую-то кутерьму. Вместо героя полководца он видел дряхлого старика, про которого рассказывали неприличные анекдоты, вместо³ сынов отечества, жертвующих собой, были генералы, игравшие в бостон и ссорившиеся между собой, вместо общего мужества большая часть людей боялись смерти и ран. Петя не знал тогда, что все эти генералы и даже его начальник, который почти всякий день был пьян и очень не любил быть под огнем, что все эти генералы будут описаны в шлемах и бронях летающими перед полками. Петя не отдавал себе тогда отчета о том, как всё это было, и не позволял себе судить о том, что он видел, но он испытывал недовольство собой, считал, что он виноват в том, что с ним не случается ничего геройского. Он всё время был, как в тумане. Ему всё казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, геройское, и он всё торопился поспеть туда, где его не было. Когда в⁴ 20-х числах октября его генерал, командовавший отдельным отрядом, пожелал послать кого-нибудь к Денисову, бывшему одним из партизанов в то время, Петя просил, чтобы послали его. Может быть, партизаны, в особенности Денисов, которого он помнил еще с 1806 года, был самым героем. И, боясь пропустить что-нибудь геройское в то время, как он будет в отлучке, и надеясь, что там-то у Денисова он найдет случай отличиться вполне, он поехал к партизанскому отряду Денисова.⁵

Петя нашел⁶ место помещения Денисова в 15 верстах от большой дороги. Но в тот день, как он приехал к нему, Денисова не было дома. Он с своей партией был в разъезде, и его ждали к вечеру. Перед вечером, стоя у ворот маленького помещичьего дома, Петя увидал⁷ возвращающуюся партию.⁸

¹ *Зачеркнуто:* определительных

² *Зач.:* неясную

³ *Зач.:* героев

⁴ *Зач.:* половине

⁵ *Зач.:* нашел его и участвовал с Денисовым в поиске на французов, который Денисов сделал нарочно, чтобы угостить молодого человека.

⁶ *Зач.:* Денисова

⁷ *Зач.:* подъезжающую

⁸ *Зач.:* <24 октября был пасмурный, сырой, осенний день. В 30 верстах от Смоленска, в 10 верстах от большака, в небольшой господской деревне, в лучшем маленьком помещичьем дворе>

<24 октября на двор небольшого помещичьего домика перед вечером въезжала партия человек 20 верх[ом]. Несколько> Перед вечером 24 октября

Впереди на вороном донце ехал Денисов.¹

Денисов был одет в папаху² и мужицкий кафтан с большим образом Н[иколая] Ч[удотворца] на груди и высокие сапоги. За кушаком у него был пистолет, через плечо шашка. Он сидел бочком, подкорчив свои короткие мускулистые ножки, и, громко смеясь, оборотив назад голову, кричал что-то³ офицеру, ехавшему сзади. Лицо его было худее и желтее обыкновенного. Черная, густая борода обросла нижнюю часть его лица, и глаза казались еще чернее и блестящее, чем обыкновенно.

— Тогда поделите, только бы толк был. Да п'ходите обедать, у нас ба'ан нынче, — кричал он, заворачивая с Петей в ворота, тогда как⁴ остальные проезжали дальше.⁵ Офицер был одет так же,⁶ как и его командир, только без образа, и на кафтане у него нашиты были патроны, но⁷ офицер казался наряженным, тогда как Васька Денисов, казалось, родился в этом кафтане и с этим образом на груди. Ехавшие сзади⁸ были одеты, кто фантастически, кто в кавалерийской, кто в казачьей форме. Рядовые состояли из казаков, улан и людей, одетых в французские мундиры и русские кафтаны и полшубки с французскими ружьями и саблями. Под некоторыми были казачьи и кавалерийские лошади, но большинство было на мужицких короткошейных, приземистых лошадках.⁹

Один из этих кавалеристов¹⁰ позади себя вез босоногого, худенького мальчика француза в барабанщикьем мундире.

Несмотря на то, что Денисов — командир — остановился у ворот, пропуская мимо себя свою партию, люди эти, не стесняясь присутствием начальства, не выпуская изо рта трубок, громко болтая и смеясь, проезжали мимо него.¹¹

Партия, выехав с полдня, захватила, кроме мальчика, 30 человек пленных и две фуры с седлами. Трофеи эти позади кавалерии к воротам небольшого помещичьего домика подъезжала кавалерийская партия человек в 100. Впереди ехал Д[енисов].

¹ *Осталось незачеркнутым:* Рядом с ним ехал Петя *Далее зачеркнуто:* Ростов, несколько дней тому назад поступивший из адъютантов, куда его поместили, в партизанский отряд, которым командовал Денисов. Снегу еще не было, но день был сырой и пасмурный.

² *Зач.:* лицо его обросло черной бородой и всё похудело и почернело — агатовые глаза его казались еще чернее и светлее.

³ *Зач.:* казачьему

⁴ *Зач.:* казаки

⁵ *Зач.:* Петя

⁶ *Зач.:* в бурку и папаху

⁷ *Зач.:* Петя с своими широкими скулами, крупным лицом и длинными, хорошими членами

⁸ *Зач.:* офицеры

⁹ *Зач.:* Позади кавалеристов ехали запряженные мужицкими лошадками в дышло две зеленые фуры, за ними шло человек 30 французов. <И сзади шла вокруг> <В числе этих людей>

¹⁰ *Зач.:* солдат очевидно

¹¹ *Зач.:* <Вся> <Часть> Партия <ходила> эта возвращалась с рекогносцировки, как называл Денисов, но, наткнувшись на толпу французов

вела пехота партии, и назади на подъеме горы к деревне слышались дружные уханья на лошадей, везших по грязи тяжелые фуры.

Удача нынешнего дня,¹ не очень важная, но зато и труда было мало, и все люди партии испытывали приятное чувство охотника, возвращающегося с неожиданно удачного, без труда добытого, поля.

Денисов,² прислушавшись к крикам из-под горы, остановил урядника и послал его³ посмотреть за фурами.⁴

¹ *Зачеркнуто*: совершенно неожиданная, была особенно приятна *и вписаны след. девять слов.*

² *Зач.*: пропустил всех людей и остано[в]и[лся]

³ *Зач.*: <посмотреть> с народом подсо[б]и[ть]

⁴ *Зач.*: и поехал во двор к крыльцу домика, у которого, дожидаясь его, стоял казак, исправлявший должность его дворецкого.

— Гречук, — сказал Петя солдату, везшему пленного мальчика, — сюда, на двор. — И, слезши с лошади, пошел за Денисовым.

Редко удавалось Денисову с его партией иметь такое хорошее помещение, как в этот день в <маленькой> неразоренной деревушке в 15 верстах от большака. Казак Лихачев, исправлявший должность дворецкого, с свойственной казакам практичностью и щегольством, исполнял свое дело, но в нынешний день он, казалось, превзошел себя. В небольшой избе, служившей конторой помещика, были сделаны на сошках койки с сеном, а покрытый ковром стол был накрыт скатертью и было два графина, один с водой, другой с водкой, и было пять вилок и ножей, и лавочки поставлены вокруг стола, и изба чисто выметена, и на столе сало и две жареные курицы *и* в печи похлебка и баранина.

— Ай да Лихачев! Вот так банкет! Ну, молодчина, — сказал Денисов.

Лихачев только улыбнулся и сказал, что стаканов не мог достать больше двух.

Через час Денисов, Петя и три офицера, покрасневшись от жара усталости: они с утра выехали>, рвали и грызли курицу, запивая кто водой, кто водкой, и громко и весело разговаривали. Предметом разговора были подробности нынешнего поиска и предположения о завтрашнем важном предприятии. Предприятие состояло в том, что на смоленской дороге должен был ночевать большой французский транспорт кавалерийских вещей и партия наших пленных. Предполагалось напасть на этот транспорт. Но <сила его была не вполне известна> при транспорте и пленных было, как говорили, два полка французов, и с одной партией в 200 человек трудно было что-нибудь сделать. Для этого Денисов послал к Долохову, тоже партизану, ходившему недалеко от него, предлагая ему общими силами напасть на транспорт. Кроме того, чтобы исследовать настоящую силу этого отряда французов, был послан туда нынче мужик, Тихон Шестипалый, исправлявший должность рекогносцирующего отряда в партии Денисова. Перед обедом никто и не думал о возможности атаки одними своими силами, но теперь, разгорячившись водкой и едой, офицеры уже поговаривали о том, что незачем ждать Долохова и с ним делиться. И Денисов, казалось, склонялся на это мнение. Петя, с первых дней своего поступления в партизаны боявшийся и опасности, и жестокости, теперь уже вполне усвоил себе тот охотничий дух, который чувствовался во всех этих людях. С первого же дня, когда он с казачьим офицером и 50 человеками засел в лес и выжидал французов, он, увидав их, почувствовал то же чувство, которое он испытывал в Отрадном, выжидая из острова лисицу. Убивать людей и подставлять свою жизнь было бы невозможно, ежели бы не было этого бессмысленного чувства охоты — охоты на людей. Он испытал то же, как в охоте, поглощение всех других чувств

Когда мальчика провозили мимо его, он крикнул партизанам:

— Одеть и ко мне привести! On ne vous fera pas de mal, Vincent.¹

Мальчик отпустил руку от казака, за которого он держался, и сказал:

— Oui, mon commandant.²

Тут только Денисов, въехав на двор, увидел Петю и, приглядевшись, громко, радостно закричал.

За обедом, к которому пришли три офицера из отряда Денисова, шел оживленный разговор о подробностях нынешнего поиска, о предположениях на важную экспедицию завтрашнего дня. Несмотря на то, что Денисов полюбил Петю, в особенности по дружбе с братом,³ он невольно видел в нем представителя враждебных ему штабов и в лице его подпускал шпильки штабным и фронтовым генералам.

Присылка Пети от своего генерала была в связи с предприятием завтрашнего дня — нападения на⁴ французское депо, шедшее в это время по дороге к Смоленску. Генерал, при котором состоял Петя, имел намерение напасть на это депо с своим отрядом, но не знал верно положения депо и, считая свои силы недостаточными, [решил] послать Петю разведать и пригласить Денисова соединиться с ним.

— Нет, д'ужок, меня не надуешь, — говорил на это Денисов. — Мы тоже знаем, где 'аки зимуют. Соединиться с гене'а л-лейтенантом мне, полковнику, значит поступить под его и мыслей одним желанием: взять его — зверя, а теперь человека. И желание это было так сильно, что нельзя было думать о себе и о нем: надо его взять во что бы то ни стало. И как настоящий охотник боится медведя или льва, когда думает о нем, перестает думать об опасности, как видит зверя, и, жалея зверя, когда думает о нем, перестает жалеть, когда надо взять, так точно было с Петей и в этой охоте за людьми.

Но в охоте за зайцем с Петей случилось, когда откалываемый заяц вдруг запищит или заяц мал, — случилось, что ему, хотя и совестно было признаться в этом, было жалко зайца. Так точно и случилось с ним в охоте за людьми, в которой он никогда не убивал сам людей, но содействовал к их убиванию.

Когда Петя вскакал в середину казаков, крича, чтобы они не били, а брали в плен, он увидел маленького французского барабанщика, которого держал казак.

Пете вдруг стало ужасно жалко мальчика. Но то, что самому ему, Пете, было 16 лет и мальчику было столько же, сделало то, что Пете показалось стыдным выказать свое участие к мальчику. Заметив, что казак, обшарив мальчика, не намеревался сделать ему ничего дурного, а посадил его на лошадь с собой, Петя отъехал от него, ничего не сказав.

Но когда, выехав за лес, стали пересчитывать пленных, Денисов, не считавший этого стыдным, расспросил мальчика, как его зовут, откуда он, обласкал его и решил его взять с собой.

¹ [Тебе ничего не сделают плохого, Винцент.]

² [— Слушаюсь, господин командир.]

³ *Зачеркнуто*: и потому, что храбрость мальчика понравилась ему

⁴ *Зач.*: транспорт

начальство. Охотники эти господа чужими 'уками жа' заг'ебать. Он бы попробовал, как я, два месяца походить, не 'асседывая и не 'аздеваясь. Тепе'ь-то легко. Да мы сам с усам.

И Денисов, видимо счастливый той мыслью, которая пришла ему, громко крича, рассказал товарищам, как он отделается от этого приглашения.¹

За день перед присылкой Пети другой начальник отряда, генерал-немец, приглашал также Денисова присоединиться к нему. И Денисов одновременно хотел послать два рапорта: начальнику Пети он напишет, что, несмотря на сильное желание служить под начальством столь знаменитого и доблестного генерала, он лишен этого счастья, потому что он уже поступил под начальство генерала-немца. Генералу же немцу он напишет, что, несмотря и т. д... он лишен этого счастья, потому что поступил уже под начальство Петиного генерала.

— А мы этот транспорт сами обо'удуем, — сказал Денисов, привыкший теперь невольно употреблять мужицкие слова. — А я вот Долохову послал, если он с своей партией² подойдет, мы заграбим всю штуку.

— Как пить дадим — заберем,³ — сказал казачий офицер.

— Какой это Долохов? — спросил Петя.

— Тот ваш, что на твоей кухне жениться хотел, ты еще в рубашечках ходил, шельма страшная, но молодчина, нечего сказать. Так-то, Петруша, ты оставайся еще денек, завтра тебя так угощу, что чудо. Увидишь нашу войну.⁴ И сведения генералу привезешь уж самые верные, когда они в наших руках будут, — сказал Денисов.⁵

Несмотря на то, что Петя боялся, как бы ему не пропустить там,⁶ у своего генерала, какого-нибудь геройского случая, ему хотелось остаться здесь и испытать завтра эту войну.⁷

¹ *Зачеркнуто:* <Начал> В то же время

² *Здесь, как и ниже, буква «р» в словах Денисова сохранена.*

³ *Зач.:* вчистую

⁴ *Зач.:* Нынче что, это — так, рекогносцировочка и вписано, кончая:
в наших руках будут,

⁵ *На полях:* <Мальчик поразил Петю>

⁶ *Зач.:* дома

⁷ *Зач.:* Тот опыт партизанской войны, который он видел нынче, очень понравился ему.

Его <удивляла> пугала прежде опасность этой войны, где можно быть не только убитым, но взятым в плен и быть казненным французами, так как говорили, что французы расстреливали партизанов, и ужасала мысль о жестокости этой войны, где побивали и забирали в плен разрозненных, незащищающихся людей, но нынче он понял, в чем состояла прелесть этой войны. Когда они нынче утром <засели в лесу> крадучись въехали в лес и стали в кустах, пропуская мимо себя толпы французов, и когда казачий офицер <несколько раз шопотом> плачущим шопотом заговорил Денисову: — В[асилий] Федорович], велите. Ну, пожалуйста, только гикнем — всё заберем, — и когда Денисов сказал: — Ну, с богом! — и всё с криком поскакало вперед, он <понял> испытал чувство, подобное тому, которое он испытывал в Отрадном, ожидая зверя из острова. Он испытал то же, как и на охоте, всепоглощающее, бессмысленное желание: на охоте —

Вид этих возвращающихся молодцов с трофеями и пленными очень полюбился ему.

В особенности поразил его вид черноглазого босого барабанщика, которого так ласково велел одеть Денисов.

Теперь, во время обеда, Пете беспрестанно приходила мысль о барабанщике. Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли? И ему хотелось¹ напомнить Денисову о мальчишке, но то обстоятельство, что им обоим было шестнадцать лет, останавливало его.²

«Что, очень стыдно будет, если я спрошу?» думал Петя. И вдруг, вперед покраснев и³ испуганно и злобно глядя на офицеров — не будет ли в их лице насмешки — он сказал:

— А что⁴ этот мальчик, что вы взяли в плен?

— Ах да! — весело вскрикнул Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании, — позвать его сюда. Его покормить⁵ надо. Позвать Босса,⁶ [так] кажется его зовут. Такой жалкий мальчик.⁷

взять зверя, здесь взять человека. И так же, как на охоте за зверем, чувство это было так сильно, что всякая мысль о личной опасности исчезала при этом и также исчезало всякое соображение о том, хорошо ли или дурно ловимому зверю. Так же, как и на охоте, чувство сострадания к зверю в особенности уничтожалось тем, что так трудно <и опасно> было поймать зверя, что все силы внимания были сосредоточены на одном достижении цели — и человек делает жестокие вещи, потому что ему некогда видеть их жестокости. Петя в этот день никого не рубил и не стрелял, но смутно видел, что нескольких человек убили, и, как всегда это бывает, не заметил этого, потому что в то время, как расправлялись с пленными, с двух сторон бежали, стреляя, французские солдаты и надо было как можно скорее, захватив повозки и пленных, уходить в лес. Но как случается на охоте, что вдруг при <виде детенышей> жалостном крике дичи или при виде детенышей вдруг возбуждается сострадание с удвоенной силой, так и случилось <теперь> это с Петей.

Это случилось с ним нынче с маленьким барабанщиком. Когда Петя подскакал к казакам, барабанщика только что взяли и он жалостно кричал.

Петя поговорил с ним, узнал, что его зовут Vincent Bosse, и сказал про него Денисову. Денисов, увидав мальчика, покачал головой и по привычке говорить по-французски, чтобы его не понимали, сказал: *le pauvre garçon* [бедный мальчик], и барабанщик, поняв это, заплакал.

Теперь, во время разговоров старших, Петя, хотя и принимал в них участие, не переставал думать о барабанщике. Куда его дели? Дадут ли ему есть? Позвать ли его сюда? Спросить ли Денисова? Ежели бы он сам не сказал *pauvre garçon*, я бы не думал. Что, очень стыдно будет, ежели я спрошу Денисова? Можно ли его позвать сюда? Ну, что будет, то будет, спрошу. И Петя, вперед покраснев и внимательно изучая взгляд Денисова в то время, как говорил — не будет ли насмешки, — сказал, стараясь казаться равнодушным.

¹ *Зачеркнуто*: спросить Денисова

² *Зач.*: «Ежели бы он сам не пожалел его, я бы и не думал».

³ *Зач.*: внимательно

⁴ *Зач.*: барабанщик. Вы хотели... я думал

⁵ *Зач.*: я думаю

⁶ *Зач.*: Vincent Bosse, — он сказал.

⁷ *Зач. вставка в след. фразу копии, также зачеркнутую*: Дай ему ба'анину, — и Пете показалось, что была насмешка в его тоне и во взгляд[ах] других

— Я¹ позову, — сказал Петя.²

— Ну ладно, да вели одеть его. Эй, Лихачев, дай чекмень мой, да там из летних штанов что, оденьте этого мальчугана. Его надо с собой оставить.

Петя вышел на улицу.³

Была темная, ветреная, осенняя ночь, костры казаков и солдат виднелись за плетнем.

— Bosse! Vincent! — крикнул Петя.

Ближайшие казаки, услышав Петю, спросили, кого ему? Он отвечал, что того мальчика-француза, которого взяли нынче.

— А, Весеннего, — сказал казак. Имя его Vincent уже переделали казаки в Весеннего, а мужики и солдаты в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилось в их представлении о молоденьком, хорошеньком мальчике.

— Он тут у кухни грелся. Эй, Висеня! Весенний! Висеня! — слышались ласковые голоса. — Господа кличут.

— Его покормили там, одевали, голодный какой. А мальчонок шустрый, — сказал Лихачев.

Легкие босые ноги зашлепали по грязи, и в свете двери показалась тонкая детская фигурка барабанщика в⁴ коротеньком мундирчике.

Петя ввел его в комнату. Vincent, хорошенький худощавый мальчик с большими, черными глазами, испуганно взглядывал на черного, растрепанного Денисова, продолжавшего, крича, рассказывать что-то офицерам.

— Поко'ми, поко'ми его, — сказал он <Пете>.

Петя подал к окну баранину, но барабанщик отказывался, указывая глазами на commandant, как он называл Денисова.⁵

Денисов, кончив свой разговор и встретив вопросительный взгляд мальчика, ласково улыбнувшись, кивнул ему и сказал, чтоб он⁶ ничего не боялся, что он его оставит при себе.

— Oui, mon commandant, — отвечал мальчик, дрожа от холода и страха и приставляя свою опухшую руку ко лбу в знак военного поклона.

— Водки дай ему, — сказал Денисов.

¹ Зачеркнуто: сам

² Зач.: радостно вскочив.

³ Далее текст копии с многочисленными поправками Толстого.

⁴ Зач.: русском кафтане

⁵ Зач.: Но Денисов ласково улыбнулся ему. Далее зачеркнут текст исправленной копии: Молоденькому барабанщику не нужно было говорить о pauvre mère, его несложившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, нетвердый голос, его видимо напущенная солдатская хватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушенная невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить и кормить его. Это чувствовали все, и не только Денисов и Петя, но и все офицеры и денщики и казак Лихачев, который поднес ему водки.

⁶ Зач.: пил вод[ку]

— Пей, ничего, — говорил Лихачев. — Или не потребляешь?¹

— Знаете что, — сказал Денисов.²

Слова эти обращались к Долохову, который³ в это время вошел в комнату. Долохов, командовавший небольшой сборной партией и ходивший недалеко от Денисова, получив его уведомление о французском депо и намерении взять его, сам приехал, чтобы переговорить об этом деле.

Новая глава

Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая Чудотворца и в манере говорить, во всех приемах выказывал особенность своего положения.⁴

Долохов, напротив, прежде в Москве щеголявший в персидском костюме, теперь, бывши начальником партии, имел вид самого чопорного гвардейского офицера. Он был в гвардейском сюртуке, застегнутом на все пуговицы, в больших лаковых сапогах, с чисто обритым лицом и в прямо надетой простой фуражке. Он медленно снял чистую перчатку и молча подал руку Денисову, его офицерам и Пете, которого он не узнал и присутствию которого удивился. Взгляд его, остановившись на барабанщике, вдруг вспыхнул, глаза раскрылись, и он, слегка нахмурившись, отвернулся.

— Ну, спасибо, что приехал. Садись, хочешь поесть, водки? рому?⁵

— Ты знаешь, что я не пью ничего, — ровным голосом сказал Долохов. — Лимонады, ежели есть, или клюквы. — А вот переговорить — это дело. Мешкать нечего. — Ну, в чем дело?

Денисов и его офицеры рассказывали Долохову всё, что они видели и знали. Депо ночевало нынче в деревне Шамшеве, туда послан был человек, который сейчас должен был вернуться и донести, сколько и где и как стоят французы, и взять языка, если можно. Нападать надо было скорее и потому, что французы могли уйти, могла подойти еще колонна сзади и, главное, другие партизаны могли захватить лакомый кусок. Долохов слушал молча. Он знал всё, что рассказывали ему.

— Это ничего. Дело только в том, что в версте от Шамшева Кукуево деревня, знаешь? Там стоят поляки. Много ли их там?

— Я велел своему посланному везде вылазить, — сказал Денисов. — Он узнает.

— Тишка уж везде вылазает, — сказал казачий офицер, — долго нету.

¹ *Зачеркнуто*: Петя подтвердил ему то же по-французски, и барабанщик выпил, и опять глаза его уставились на Денисова.

² *Далее автограф.*

³ *Зач.*: вдруг

⁴ *На полях заметка*: <Ничего не пьет; лимонад; степенный вид. Разговор о пленных>.

⁵ *Зач.*: Перегов[орим?]

— Не зная того, что есть в Кукуеве, пускаться в дело нельзя, — сказал Долохов. — Я люблю аккуратно дело делать, подождем Тишку вашего. А что моя партия [—] готова. У меня 70 человек таких молодцов, что с ними куда хочешь. И мы с тобой это дельце обделаем, а этим господам, — он взглянул на Петю (разумея его генерала) — и понюхать не дадим.

И, окончив деловой разговор, Долохов расстегнулся (под сюртуком был белый жилет), попросил чаю и стал разговаривать, беспрестанно отводя разговор от партизанского дела, на которое наводил Денисов, рассказывал свои похождения, и Петю своими расспросами.¹ Как настоящий страстный охотник не любит говорить без цели про охоту, так Долохов не любил говорить про свою партизанскую службу. Он расспрашивал Петю про его родных, знакомых, про штабных и² [рассказывал] анекдоты о разных генералах. Петя, наслышавшись прежде о необыкновенной храбрости Долохова, заезжавшего в самую середину французов и выхватывавшего оттуда людей, и про жестокость его с французами: он убивал всех пленных, — с любопытством, усиливаемым еще тем невольным уважением, с которым³ обращался с ним Денисов и его офицеры, смотрел на эту аккуратно, чисто одетую, медлительную, сколоченную как из железа, фигуру, и на холодное, неподвижное лицо с ямочками в губах.

— А этот давно у тебя мальчик? — сказал Долохов, указывая на барабанщика, который присел у двери.

— Нынче взяли, да я оставил его при себе. Куда его посылать, ведь умрет дорогой.

— А ты их куда посылаешь? — спросил Долохов с чуть заметной улыбкой.

В это время Лихачев пришел доложить, что Тихон пришел.

— Подождать, — сказал Денисов, видимо увлеченный разговором.

— Посылаю под 'осписки, — возвысив голос, сказал Денисов. — Мне там дела нет, а я на свою душу не беру и полагаю, что это... — Денисов вперед горячился, ожидая возражений от Долохова. Но Долохов, видимо, не хотел вступать с ним в спор. Он перебил его.

— У меня такой один живет тоже — повар Ожеро. Да какой повар, брат. Из лошадиного филе такие котлетки делает, что пальчики оближешь. В первый день, как его взяли, — Долохов улыбнулся одним ртом, — я его хотел уж отправить — я тоже отправляю их, только в другое место и без расписок, — нахмурившись, вставил он, — так он мне из мерзлого картофеля 7 разных кушаний сделал. Хороший повар.

¹ Так в рукописи.

² Зачеркнуто: слухи в штабе

³ Зач.: на него смотрел и вписаны три след. слова.

Но Денисов не улыбнулся даже истории о котлетках, он нахмурился и хлопнул кулаком по столу.

— Этого,¹ братец мой, я не понимаю, — начал он, — как ты, человек такой х'аб'ости, можешь унижать себя до этой жестокости.

Долохов улыбался молча, покачивая головой с выражением снисходительного презрения, которое еще больше рассердило Денисова.

— Ну разве тебе трудно отослать 30 ли, 300 ли человек под конвоем в город, чем марать, я п'ямо скажу, честь солдата.

Холодный блеск вспыхнул на мгновение в глазах Долохова, но он заговорил тихим голосом, обращаясь к Пете.

— Вот молоденькому графчику в 16 лет говорить эти любезности — прилично, а тебе стыдно, право, говорить этот вздор.

— Убивать безоружных пленных подло и низко, — закричал Петя, вскакивая со стула, — и мне будет 116 лет, я скажу всё то же.

Долохов как будто и не заметил слов Пети и тем же тихим, слышным голосом продолжал, обращаясь к Денисову.

— Как тебе не совестно говорить вздор. Пора нам-то с тобой оставить эти любезности.

Ну нынче вы захватили этого птенца, что ж, он славный мальчик. *Dites donc, venez, voilà pour vous.*² — Он из жилетного кармана вынул золотой и бросил удивленному Боссу. — Ну вы его захватили и еще там десяток. Что ж мы с тобой разве не знали, что их там десятка два покололи. Ну, а этого ты зачем взял к себе, затем, что тебе его жалко. Ведь мы знаем эти расписки. Ты пошлешь их 100 человек, а придут 20: половина помрет с голоду или побьют.

Казачий офицер, прислушиваясь, поддакивал Долохову.

— Это всё равно, — тут рассуждать нечего, я на свою душу взять не хочу. Ты говорил — помрут. Ну, хорошо,³ только бы я не знал.

Долохов засмеялся.⁴

— Э, вздор. Ведь ты знаешь и господа эти знают, что тут дело охоты. Чтò, мне нужна что ли медвежья шкура, а я лезу в снег и дрожу, замираю, как он хрустит, на меня лезет. А тут, кроме того, медведь-то больно кусается. Кто же им не велел меня 20 раз поймать? А ведь поймают меня и тебя с твоим рыцарством — всё равно на осинку. Это-то и весело.

¹ *Зачеркнуто*: мой друг

² [Послушайте, подите, вот вам.]

³ *Зач.*: у тебя старик отец или мать мучается, умирает, ведь ты ее не добьешь же и *вписано окончание фразы.*

⁴ *Зач.*: — Не знаю, — сказал он. — Так, на постели, не добью, а коли бы эта старушка от меня утекала, да угрожала бы мне, что она меня вздернет на осину — не знаю. Ведь что вздор говорить.

И, взглянув на Петю, он светло и нагло блеснул глазами.

— Ну, вели же позвать твоего Тихона что ли, — сказал он. — Надо дело делать.¹

Тихон² был мужик из Покровского³ под Гжатью. Когда при начале своих действий Денисов пришел в Покровское и,⁴ как всегда, призвав старосту, спросил о том, что им известно про французов,⁵ староста отвечал, как и отвечали все старосты, как бы защищаясь, что они знать не знают, ведать не ведают.⁶ Но когда Денисов объяснил им, что его цель — бить французов, и когда он спросил, не забредали ли к ним французы, то староста, смеясь, сказал, что у них в деревне только один Тишка Щербатый занимался этими делами, но что Тишка мужичонка дрянной. Однако Денисов велел позвать к себе Тихона, узнал от него, что он, Тихон, уже 3-ю неделю с ребятами баловался за французами, как он выражался.⁷

Когда Денисов похвалил его, сказав при старосте несколько слов о той верности царю и отечеству и ненависти [к] французам, которую должны блюсти⁸ сыны отечества, Тихон, видимо, заробел и стал отказываться от того, что он объявил прежде.

— Мы французам худого не делали, — говорил Тихон, предполагая, что и Денисов был француз, — мы только так, значит, по охоте баловались с ребятами. Вот этих миродеров десятка два побили.

Денисов взял с собой Тишку Щербатого.

Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставления воды, обдирания лошадей и т. п., скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он в свободное от занятий время, по ночам, уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское и, когда ему приказывали, приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и зачислил в казаки.

Тихон был мужик длинный, худой, точно развинченный, с низко опущенными, мотавшимися руками и <такими> же длинными, мотавшимися, вывернутыми ногами.⁹

Никто из товарищей его не говорил, что он силен. Тихон никогда не пробовал и не показывал свою силу; но все, смеясь, говорили про него: здоров, чорт. Что ему делается. Меренина¹ *Далее — исправленная копия.*

² *Зачеркнуто:* <Шестипалый> Неверный

³ *Зач.:* под Москвою

⁴ *Зач.:* осведомляясь у мужиков и вписаны след. пять слов.

⁵ *Далее — автограф на полях, кончая словами:* Денисов взял с собой Тишку Щербатого.

⁶ *На полях:* Тихон уж охотится и чуть не убил Денисов[а], приняв его за француза.

⁷ *Зач.:* и показал

⁸ *Зач.:* русские

⁹ *Следующий абзац — автограф на полях*

здоровый¹ и т. п. И действительно: подпереть плечом и выдрать, из грязи завязшую фуру, за хвост своротить упавшую лошадь, стащить на себе куль муки или 6 пудов мяса или пройти 70 верст в сутки — ничего не значило для Тихона.

Длинное лицо его с повисшим набок носом, которым он беспрестанно² втягивал в себя дух с особенным звуком, и с редкой, бурого цвета бородой, было всё изрыто оспой. Один зуб в верхней челюсти у него был выбит, и оттого его звали Щарбатый. Он один раз был ранен³ в спину из пистолета французом, которого он взял. Рана эта, очень опасная, как говорил доктор, доставила много смеха всем товарищам Тихона.

— Что, брат, скрючило! А, не будешь ходить по ночам, — смеялись ему. Тихон, морщась и нарочно делая чудные рожи, побряхтывал с неделю, лечил одной водкой, внутренне и наружно, свою рану и скоро выздоровел.

Что такое боль физическая, он, казалось, не понимал также, как, казалось, не понимал, что такое усталость и страх. Верхом он ездить не любил и ходил везде пешком, редко отставая от кавалерии. На голове он носил казанскую пуховую шляпу. Одет он был в красный французский гусарский мундир, в мужицкие портки и лапти. Эту обувь он предпочитал всем другим. Оружие его состояло из огромного мушкетона — короткое ружье с воронкой расходившимся дулом, — который он заряжал по-своему, насыпая туда сразу три заряда, и носил больше для потехи товарищей, и из топора, который он носил за поясом и которым он владел, вырезая самые тонкие штуки и раскалывая бревна и головы, как птица владеет своим клювом или когтями.⁴

В одеянии и вооружении своем он был странен и смешон, и, казалось, ему самому это доставляло удовольствие. Он нарочно старался одеться почуднее, и насмешки над ним всех людей партии доставляли ему удовольствие.⁵

Услуги, оказанные Тихоном в первое время, когда партия скрывалась по лесам и еще не определилось, что было можно и что нельзя, были неоценимы. Тихон не признавал, чтобы что-нибудь было нельзя, и ходил везде, как по своей пашне, и знал всё, что делалось на 20 верст кругом. Одно, за что не любил его Денисов, это то, что⁶ после этой пули, которая ему попала ¹ *Исправлено из:* здоровенный

² *Зачеркнуто:* посапывал

³ *Далее автограф, кончая:* редко отставал от кавалерии.

⁴ *След. два абзаца — автограф.*

⁵ *Зач.:* Тихон был награжден <за свои заслуги> Денисовым, но оценить его заслуги в первое, тяжелое время, когда партия скрывалась по лесам и <нельзя было> никто не знал, что было можно и что нельзя <Одно, за что>

⁶ *Зач.:* стоило отвернуться от него, чтобы Тихон приколол или пристрелил француза.

в спину, весьма трудно было уговорить Тихона, чтобы он живыми приводил французов.¹

— Ну что? — спросил Денисов.

— Привел одного, — грустным голосом сказал Тихон.

— А, — сказал Денисов. — Из Шамшева?

— Из Шамшева. Вот тут у крыльца.

— Что ж, много наг'ода? войска?

— Много, да плохой, всех побить можно разом, — так же грустно сказал Тихон.

— Где ты его взял?

— <Я их> двоих. Они за водой шли. Я присел за кустом. Как ухну, сразу оба повинились.

— Двух? Где же другой? — спросил Долохов, улыбаясь, глядя на Денисова.

— А? — подтвердил Денисов вопрос Долохова.

Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову: его уже несколько раз бранили за это. Он почесал спину и улыбнулся. Лицо Тихона, казалось, было лишено способности улыбки, и потому неожиданная улыбка с недостававшим зубом всегда неотразимо заразительно сообщалась другим. Денисов, Долохов, Петя и даже Vincent, сами еще не зная чему, засмеялись.

— Другой где, другой где? — напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

— Да так; ты, ваше высокоблагородие, не сердчай...

— Да что так?

— Да так, плохенькая такая на нем одежонка... — Тихон опустил глаза. — Да и грубиан, ваше благородие, — сказал он вдруг, видимо довольный найденной отговоркой.

— Чем же он грубиянил? — спросил Долохов.

— Как же, говорит, я сам анеральский сын, не пойду, говорит...²

— Ну,³ а в Кукуевке был?

— В Кукуевке, это за горкой-то? Не догадался. Да что ж, я сбегаю, — прибавил Тихон, стараясь задобрить начальника.

— Пойдем, поговорим с пленным, — сказал Долохов и вместе с Денисовым пошел на крыльцо.

— Лихачев, водки стакан Тихону, — сказал Денисов.

Петя, удивленный видом этого странного человека, оставался в горнице, глядя на Тихона. Тихон выпил стакан водки и, оглянувшись и увидав барабанщика, подмигнул ему и улыбнулся.⁴

¹ Далее текст исправленной копии.

² Зачеркнуто: Долохов засмеялся.

³ Далее автограф вместо текста зачеркнутой копии, кончая словами: проехали за цепь французов.

⁴ Зач.: — Мальчонка-то взяли, — сказал он, — здорово, — сказал он барабанщику.

— А ты разве его знаешь? — сказал Петя.¹

— Как же, при мне поймали, — сказал Тихон. — Их там пара была. Другой еще пофигурстее был.² Из-за сапог что-то у казаков вышло. Вздор какой-то. А тот еще ловчее был.

— Я тебе говорил, надо прежде знать, что в Кукуевке, — сказал Долохов, входя в комнату с Денисовым. — Я поеду. Вот вы, молодой человек, судите о деле, — сказал Долохов, обращаясь к Пете. — Вот не хотите ли, наденем мундиры французские да и поедем сейчас к ним в³ Кукуевку, поговорим, расспросим.

Петя тотчас же понял, что предложение Долохова был вызов, и, поняв это, никакие просьбы Денисова не могли остановить Петю. Одевшись в французский уланский мундир, который был у Денисова, Петя с Долоховым, переодетым в такой же мундир, который он всегда возил с собою, в ту же ночь, сопровождаемые двумя казаками, поехали в Кукуевку. Оставив казаков и дав пароль и отзыв, которые Долохов узнал от взятых пленных, проехали за цепь французов.⁴

Петя был храбрый мальчик, но он никогда, во всю свою жизнь не забыл тот ужас и болезненное замирание сердца, кот[орые] он пережил в те полтора часа, во время которых Долохов⁵ проводил его по французскому лагерю. Подъехав к первому солдатскому костру, Долохов кликнул солдата и, когда солдат не скоро встал, он строго разбил его, спрашивая, где командир и офицеры.⁶

Петя помнил⁷ то замирание сердца, которое он испытал, когда слез с лошади, следуя примеру Долохова, и отдал лошадь французскому солдату, и это, всё усиливавшееся замирание, по мере продолжения разговора Долохова с офицерами и ошибок, которые делал <Долохов> и в которых его поправлял офицер, в назывании частей войск, к которым он будто принадлежал, и вопросов офицера, высокого худого немца, поднявшегося от костра и спрашивавшего, кто товарищ.

«Ну, теперь он уедет», думал Петя. Но нет, Долохов, поглядывая на Петю, продолжал разговор и расспрашивал всё, что ему нужно было: сколько их войск, сколько пленных. Петя помнил, как, спрашивая про пленных русских, которые были при их отряде, Долохов сказал: «La vilaine affaire de trainer¹ *Зачеркнуто*: А кто ж его взял-то?

² *Зач.*: — Неужели убили другого?

³ *Зач.*: лагерь

⁴ *Далее до конца варианта — автограф на отдельном листе.*

⁵ *Зач.*: как бы забавляясь его страхом

⁶ *Зач.*: Командир был в другой деревне. Офицеры были у другого костра.

⁷ *Зач.*: тот ужас,

ces cadavres après soi. Vaudrait mieux fusiller cette canaille»,¹ — и громко, ненатурально засмеялся. И как никто не ответил на его смех, и офицер француз, которого не видно было, — он лежал, укутавшись шинелью, — приподнялся и прошептал что-то товарищу. Петя помнил после эту минуту сомнения, когда Долохов встал и сказал: «Bonjour, messieurs»,² и кликнул солдата с лошадьми: «Попадут или нет лошадей? » Он помнил потом, как Долохов долго садился и вернулся еще к костру и закурил трубку. Петя радостно вздохнул, когда они стали отъезжать от костра, и шопотом проговорил:

— Они, кажется, догадались.

— Они? — сказал громко Долохов и, повернув лошадь, поехал назад не в поле, а по дороге, по которой с обеих сторон были костры. Он остановился опять. И Петя слышал русские голоса и по темным фигурам у костров узнал русских пленных.

— Ребята! Эй! Нынче на заре вас отобьют, — крикнул Долохов.

У костров зашевелились, и Долохов поскакал по дороге и в поле. Несколько выстрелов и пуль послышалось в темноте. Петя помнил всю свою жизнь эти страшные, пережитые им минуты. Но зато и на рассвете этого дня те минуты, когда он вскакал с казаками в деревню и те самые французы, которые так страшны были вчера, бросали оружие, и те русские пленные, оборванные, босые,³ распухшие, которых он вчера мельком видел у огня, вязали своих конвойных и с слезно-радостными криками приветствовали своих спасителей,⁴ были одними из самых радостных в его жизни.⁵

Петя стоял подле этой смешавшейся толпы освобожденных пленных и солдат партии Денисова и Долохова и не чувствовал, как слезы текли по его щекам. Когда он заметил свою слабость, он, устыдившись ее, обтер рукавом глаза и пошел к другому¹ «Противное дело таскать за собой эти трупы. Лучше бы расстрелять эту сволочь»,

² [«Прощайте, господа»,]

³ *Зачеркнуто*: желтые

⁴ *Зап.*: <были одними> и те минуты, когда Долохов, стоя в несколько театральной

⁵ *Зач.*: <Чувство сострадания и мести, и чего-то непостижимого>

<Когда в это утро <пленные взятые 300 человек французов <были заперты> по приказанию Долохова пропускали мимо его, пока он считал их>

Петя испытывал странное чувство и сострадания, и мести, и сознания справедливости того, что происходило, когда в это утро с одной стороны улицы толпы наших пленных, окруженные солдатами и казаками, кормившими их и раздававшими им платье, все радостно и слезно лопотали что-то, а с другой стороны

Далее автограф на полях зачеркнутой копии со знаком переноса и пометой рукой Толстого: В конце

концу деревни, где слышался громкий говор сдавшихся французов.¹

Долохов стоял у ворот разваленного дома, пропуская туда мимо себя толпу обезоруженных, разутых французов. Французы, взволнованные всем происшедшим, громко говорили между собой, но, проходя мимо Долохова, который² слегка хлестал себя по сапогу нагайкой, взглядывал на них своим нагло-холодным, стеклянным, ничего доброго не обещающим взглядом,³ говор их замолкал.⁴

С другой стороны стоял казак Долохова и считал их, отмечая сотни чертой мела на воротах.

— Сколько? — спросил Долохов у казака, считавшего пленных с другой стороны.

— На 2-ю сотню 20, — отвечал казак.

— Filez, filez, — приговаривал Долохов, и взгляд его вспыхивал самодовольным и жестоким блеском.

* № 278 (рук. № 98. Т. IV, ч. 3, гл. III—VII).⁵

III

Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему казачьему полку, скоро после этого из полка перешел в ординарцы к генералу, командовавшему важной частью.

Поступив в действующую армию и увидав на деле войну, Петя⁶ всё это время находился в состоянии восторга и поспешности, в котором находится ребенок, придя в игрушечную лавку.⁷

Он всё время был, как в тумане. Ему всё казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, геройское, и он всё торопился поспеть туда, где его теперь не было,⁸ и сделать что-нибудь необыкновенное.

⁹Первый раз, когда под Вязьмой Петя был в сраженьи, его генерал послал Петю передать приказание в авангард. Петя, стремглав поскакав в цепь, выскакал за нее под выстрелы французов, выпалил два раза из пистолета и, несмотря ¹ *Далее конец автографа на отдельном листе. Сбоку помета рукой Толстого: В конец.*

² *Зачеркнуто: <опираясь> сидя на бревне у ворот и играя*

³ *Зач.: и приговаривал: filez, filez*

⁴ *Зач.: В числе освобожденных партией Денисова и Долохова пленных находился Пьер Безухий.*

— Filez, filez, — приговаривал Долохов.

⁵ *Переработанная копия предшествующего вар. № 277 (стр. 102).*

⁶ *Далее зачеркнут текст копии и вписан рукою Толстого новый текст.*

⁷ *Этот абзац и два следующие отчеркнуты и Толстым сделана помета: После. (См. печатный текст, гл. VII.) Далее текст копии, кончая: где его теперь*

⁸ *Далее — автограф на полях.*

⁹ *Зач.: Один*

на выговор своего генерала, был очень счастлив своим поступком.¹

21-го октября его генерал, желая захватить большой транспорт кавалерийских вещей и русских пленных, шедший по большой Смоленской дороге, послал Петю к партизану Денисову, ходившему с своей партией в тех же краях.² Петя должен был получить от Денисова верные сведения о транспорте и предложить Денисову для нападения соединиться с генералом. Счастливый данным ему поручением, Петя в ночь с 21 на 22 с казаком поехал отыскивать памятного ему еще с детства и представлявшегося героем — Денисова.³

Несколько раз рискуя попасться французам, расспрашивая у встречавшихся казаков, у мужиков, Петя⁴ 22-го нашел Денисова с его партией не на стоянке, а на ходу в 2-х верстах от большой дороги⁵ и присоединился к нему.

Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны. Тот первый период этой войны, во время которой партизаны,⁶ сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными французами и, не расседывая и почти не слезая с лошадей, прятались по лесам, ожидая всякую минуту погони, уже прошел. Теперь уже война эта определилась — вошла в известные⁷ формы. Было уже ясно, что было можно предпринять с французами и чего нельзя было. Теперь уже только те начальники отрядов, которые робко ходили вдали от французов, считали еще многое⁸ невозможным. Те же партизаны, как Денисов, давно уже начавшие свое дело и близко высматривающие французов, считали возможным то, о чем не смели и думать начальники больших отрядов. Казаки же и мужики, лавившие между французами, считали, что всё уже было возможно.

Кроме того, в эту пору партизанской войны, с увеличением числа партизанов, между ними разгоралось соревнование: один прежде другого хотел захватить такую-то и такую-то часть французов и один перед другим доказывал свою смелость и ближе и ближе ходил около французов, высматривая и выхватывая то, что было по силам. По мере увеличения успеха для рядовых партизанов увеличивалась и награда за этот успех — добыча.

¹ Следующие четыре слова — копия. Далее от слова: желая — автограф на полях зачеркнутой копии.

² Зачеркнуто: с тем, чтобы предложить

³ Зач.: Расспрашивая у встре[чавшихся]

⁴ Зач.: к вечеру

⁵ Зач.: у караулки большого казенного леса. То время, в которое Петя застал партизанск[ую]

⁶ Зач.: как забеглые

⁷ Зач.: определенные

⁸ В автографе: многого

Прежде лестная добыча для партизанов (казаков, солдат, мужиков): платье, обувь, оружие с убитых французов — теперь уже пренебрегалась, а фуры, повозки, кареты, наложенные награбленными вещами в Москве, составляли лакомый кусок для рядовых партизанов. Но, кроме славы, наград¹ для начальников партии и добычи для рядовых партизанов, и для тех и других теперь в высшей степени разгара было одно странное,² бессмысленное чувство наслаждения в трудах, в опасностях, в высматривании, в выслушивании, в нападении, в захвате людей, в пленении и в убивании их.

Это было странное чувство, не только подобное, но совершенно тождественное чувству охоты — не на зверя, а на людей. То же было, как на охоте,³ поглощение всех человеческих способностей в бессмысленном⁴ желании *взять* убитым или живым, но *взять*. То же заглушение⁵ человеческого чувства жалости к своей дичи и то же внутреннее сознание невинности в жестокости вследствие трудов и опасностей, переносимых охотником.

Как человек, содрогающийся от ужаса и готовый плакать при виде зарезанного цыпленка, спокойно, не видя его страданий, добывает волка или прирезает зайца или стреляет бекаса, так точно в числе 10 000 партизанов, действовавших в то время,⁶ добывавших французов, большая часть были люди, не могущие видеть человеческих страданий. Для совершения тогда необходимого и неизбежного дела, уничтожения нашествия, нужно было, чтобы на⁷ людей, исполнявших это дело, была напущена слепота, и слепота⁸ эта была напущена на них⁹ этим чувством охоты на людей.¹⁰

¹ *Зачеркнуто*: моло[дечества]

² *Зач.*: чувство, служившее главной пружиной их деятельности. Это было странное чувство

³ *Зач.*: какое-то молодечество, то же

⁴ *Зач.*: страстном

⁵ *Зач.*: всех и далее: человеческих чувств *переделано на*: человеческого чувства

⁶ *Зач.*: и исполнявших

⁷ *Зач.*: человеческие души

⁸ *В автографе слова*: и слепота *написаны дважды*

⁹ *Зач.*: в виде молодеческого

¹⁰ *Зач.*: и молодеческого партизанства.

Петя застал Денисова в самом разгаре партизанской страсти. В тот день, как приехал Петя <узнать подробности о французском транспорте, Денисов с своей партией выслеживал этот транспорт (утром) и стоял <теперь> в двух верстах от дороги, по которой шел тот самый транспорт, подробности о котором приехал узнать Петя, и <в ночь> <утром сделав> в это утро отбив из него две фуры, ждал только того, чтобы транспорт стал на место, чтобы ночью атаковать его. На поляне за караулкой стояло человек сто кавалеристов, казаков и странно разнообразно одетых людей. В середине их стояли две французские фуры.

Денисов (окруженный) с тремя офицерами сидел у дверей караулки и горячо спорил о чем-то с одним из офицеров.

Увидев Петю в форменном сюртуке и не узнав его, но признав за штабного, которых ненавидел Денисов, он нахмурился. Но только что Петя

В тот день, как¹ Петя² нашел его, Денисов с утра со всей партией следил за тем самым транспортом, узнать о котором³ был послан Петя, и на рассвете другого дня вместе с другим партизаном, Долоховым, намеревался без⁴ донесения о том высшим начальникам атаковать и взять этот транспорт.

Транспорт шел в этот день от деревни Микулиной к деревне Шамшеву — 19 верст. С левой стороны дороги от Микулиной к Шамшеву шли большие леса, местами подходившие к самой дороге, местами отдалявшиеся от дороги на версту и больше. По этим-то лесам целый день, то углубляясь в середину, то выезжая на опушку, целый день ехала партия Денисова, не выпуская из виду широкой, извивавшейся лентой по Смоленскому большаку колонны французов с их тощими командами, обозами и отсталыми. С утра недалеко от Микулиной, там, где лес близко подходил к дороге, партия захватила две ставшие в грязи фуры с кавалерийскими седлами и, второпях захвата перебив французов, которые были при фурах, увезла фуры в лес. С тех пор и до самого вечера партия, не нападая, следила за движением французов.⁵ Местами, когда лес подходил близко к дороге и видны были без осторожности шедшие, растянувшиеся французы, казаки умоляли Денисова ударить. Несмотря на жалостные просьбы,⁶ несмотря на желание Денисова угостить Петю зрелищем молодецкой войны, Денисов не позволял людям своей партии нападать. Надо было не испугать⁷ их. Надо было им дать спокойно дойти до Шамшева и там установиться и тогда, соединившись с Долоховым, который должен был к вечеру⁸ приехать на совещание к караулке в лесу в версте от Шамшева, на рассвете пасть с двух сторон, как снег на голову, и побить, забрать всех разом.⁹

Позади, в 2-х верстах от Микулиной, там, где лес подходил к самой дороге, было оставлено¹⁰ 6 казаков, которые должны были стоять тут и донести сейчас же, ежели покажутся новые заговорил, передавая свое поручение и еще не успев назвать его, как Денисов вскочил, глаза его весело блеснули, и он обнял Петю и поцеловал его.

— Вот не узнал бы, каким молодцом стал! — закричал Денисов. — Так у него? Господа, каково? Приглашают меня. *Вместо зач. написан новый автограф на восьми страницах.*

¹ *Зачеркнуто:* с помощью мужика из деревни

² *Зач.:* после многих исканий, наконец,

³ *Слово:* котором *исправлено из:* который *Далее зач.:* собирался атаковать ген[ерал]

⁴ *Зач.:* содействия

⁵ *Зач.:* Иногда

⁶ *Зач.:* казаков и Пети

⁷ *Зач.:* дичь

⁸ *Зач.:* подъехать с своей партией

⁹ *Зач.:* Денисов

¹⁰ *Исправлено из:* был оставлен *и далее зач.:* разъезд казаков

колонны французов. Впереди Шамшева точно так же Долохов должен был исследовать дорогу, чтобы знать, на каком расстоянии есть французские войска. Так что Денисов знал, что он будет иметь завтра дело только с той колонной, которая шла от Микулиной. Колонна эта казалась очень большою — казаки оценили ее в 1000 человек. Видны были обозы и кавалеристы и кучками шедшие люди с штыками. У Денисова было 200 человек, у Долохова могло быть столько же. Но превосходство числа не останавливало Денисова. Одно только, что еще нужно было знать ему, это то, какие именно были эти войска, и для этой цели Денисову нужно было взять языка (то есть человека из неприятельской¹ колонны). В утреннее нападение на фуры в самой середине колонны французов дело сделалось с такою поспешностью, что бывших при фурах французов всех перебили и захватили живым только одного больного мародера, ничего не знавшего о шедшей колонне, и мальчишку 15 лет, барабанщика, который тоже ничего не мог сказать положительного о том, какие были войска в колонне. Нападать другой раз Денисов считал опасным, чтобы не встревожить всей колонны, и потому он послал вперед в Шамшево бывшего при его партии мужика Тихона Щарбатова захватить, ежели можно, хоть одного [из] бывших там фр[анцузских] передовых квартириеров. Т[ихон] Щ[арбатов] был мужик, взятый Денисовым из деревни под Гжатью, где этот мужик, составив команду из робят [?], с топорами и вилами охотился за *миродерами*, как называли мародеров. Никто во всей партии не умел так, как этот Т[ихон] Щ[арбатов], пройти по самым опасным местам, неслышно подлезть в самую середину французов и выхватить человека или двух, и потому Тихон был неоцененный человек для партии, и теперь Денисов ожидал наверное успеха от данного ему поручения.²

День был темный, мокрый, осенний. День драгоценный для охотников. Оттого-то и все люди партии были довольны выбранным днем. Неба не видно было никакого.³ Та же жижа, которая была на платьях, в сапогах, на земле, тоже цвета мутной воды, стояла и над головами. То моросил мелкий дождичек,⁴ то вдруг припускали крупные капли с ветром, хлеща в лицо людям. Точно сыпались капли с веток от порыва ветра, но эти капли, обещавшие пройти сейчас, хлестали так иногда по целому часу. Партия Денисова шла по лесной дороге, по которой вел их маленький, мокрый мужичок, шлепавший впереди их своими лаптями по мокрым листьям. Впереди ехали¹

Зачеркнуто: армии

² *На полях:* Петя смотрит на них. Петю все ласкают.

³ *Зач.:* Какая-то жижа

⁴ *Зач.:* маленькими каплями

втроем Денисов, Петя и казачий эсаул, главный сотрудник Денисова.¹

Все они были мокры насквозь, лошади их были глянцевоиты, поджимали уши и набок сворачивали головы от дождя, и седла лоснились и чмокали на езде.

Денисов, одетый в папаху с висящим на его лице вымытым дождем курпеем, в бурку, которую он беспрестанно распахивал, выказывая большой образ, висевший у него на груди, делаая жесты руками, и в больших, порыжевших от дождя сапогах,² сидел бочком, подкорчив мускулистые ножки, на худом, избитом и ширококостом вороном донце и, смеясь, громко говорил. Похудевшее его теперь лицо с обросшей черной бородой и блестящими более обыкновенного глазами светилось³ возбужденным выражением.⁴

Эсаул Ловайский, 3 сотрудник Денисова, был⁵ молчалив, спокоен и светел. Эсаул был длинный, плоский, как доска, белокурый, обстриженный в кружок человек с⁶ узкими светлыми глазками и франтовски самодовольным выражением и в лице и в посадке. Несмотря на то, что [он] был второе лицо в партии, что он был ниже чином и беднее Денисова, под ним лошадь была гораздо лучше, сытее, сам он был гораздо лучше одет. На нем была тоже папаха, но не с таким длинным курпеем, как у Денисова, чекмень его был, вероятно, сух, потому что он был укрыт весь буркой, аккуратно завязанной спереди, и на голове у него, как бабий платок, была надета попона. Руки, которые чуть высывались из-под бурки, были в кожаных перчатках, длинные ноги, около одной из которых висела в чехле длинная шашка, были в натянутых новых сапогах. Все движения его были сдержанны и точны, рука, которая правила лошадь, <не> шевелилась, ноги чуть покачивались, чтобы <управляя> притронуться. Лошадь была золотистый, круглый, с породистой головой и небольшим кадыком крупный мерин, с кованными, тонкими и на коротких бабках ногами. Седло и сбруя — новые с серебряным набором. За седлом был маленький выючек. Нельзя было сказать, в чем была особенность убора лошади и седока, но чувствовалось при первом взгляде на эсаула, что это не человек, который сел на лошадь, а что этот человек вместе с лошадь — одно увеличенное двойной силою существо.

Петя восхищался одинаково и⁷ размашистыми манерами Денисова с его спустившимися мокрыми сапогами и мотавшимся¹ *Зачеркнуто*: Денисов был одет в папаху с висевшим по лицу мокрым курпеем, в чекмень, на который накинута была бурка, которую он беспрестанно распахивал, делаая жесты руками.

² *Зач.*: казался тоже особенно оживлен и весел.

³ *Зач.*: самодовольным

⁴ *На полях*: Под Денисовым был <донской, худой, костлявый конь>.

⁵ *Зач.*: как всегда медлителен

⁶ *Зач.*: маленькими

⁷ *Зач.*: разгильдяйскими

мокрым образом, и растерзанной шеей, за которую заливала вода с боков, и этой подобранной степенностью казака с тихим, как будто насмешливым блеском в узких глазах. Позади их ехали по узкой лесной дороге в шинелях гусары и казаки в бурках, прикрытые также с головой, кто рогожкой, кто мешком, кто попоной. Между ними ехал казак, везя сзади себя 15-летнего босоногого мальчика в французском барабанщикьем мундире. Мальчик, подняв брови, держась за спину казака, беспрестанно оглядывался.

Петя, одетый в форменную шинель, фуражку и обыкновенные сапоги, был мокрее всех, но этот хлещущий ему в лицо и наполняющий его сапоги и все платье дождик, казалось, доставлял ему большое удовольствие. Ему всё время хотелось смеяться от радости.

Дождик шел всё сильнее и сильнее, и в высоком лесу становилось уже темно. Выйдя на торную дорогу, перерезавшую лесную дорожку, по которой шла партия, проводник остановился и снял шапку, обращаясь к Денисову.¹

— Ну что, борода?

Мужик объяснил, что влево дорога шла к Шамшеву, не больше 100 шагов до опушки леса, откуда видно всё. А вправо в лес, где был предполагаемый ночлег и место соединения с Долоховым.

— Так, — сказал Денисов. — Поедем, посмотрим на них еще разик.

— Ах, пожалуйста, поедemте, — сказал Петя.

— А вы идите к караулке, — сказал Денисов другому из своих офицеров, — и становитесь: пускай поедят и отдохнут люди.

Эсаул распорядился о баране и костре.

Денисов, Петя и эсаул, сопровождаемые несколькими казаками,² послав партию к караулке, поехали влево по дороге, ведущей в Шамшево, и выехали на опушку леса, у которой, следя за движениями французов, неподвижно стояли два гусара.³

— Ну что? — понижая голос, сказал Денисов, подъехав к ним.

— *Становятся*, — отвечал также таинственно, но не громко хохол гусар с стекающими по нем ручьями дождя.

— Ну, а Тихон⁴ что? Не видать?

¹ *Зачеркнуто*: Но Денисов, не слушая его, продолжал <разговор на, то, что он смеясь говорил эсаулу. Вообще во весь этот день Петя замечал, что ни Денисов, ни эсаул, ни даже и солдаты и казаки — никто не говорил про дело, которое предстояло, исключая крайней необходимости, а все говорили о посторонних предметах. Денисов говорил про то, как он отделается от предложения соединиться, которое присылал ему генерал Пети.

² *Зач.*: оставив партию на перекрестке дороги

³ *Зач.*: накрытые *На полях*: <Он привел. Да нет же [?]. Он полез опять. Выстрелы. Вон он. Хохот. Петя. Н. Г. [?] Долохов. Весенний. Шашку.> Петя просится. Ради бога.

⁴ *Зач.*: привел

— Проволок одного низом, вон тама, — сказал хохол, указывая направо.

— Он опять пошел, — сказал другой гусар.

— Брешешь, — сердито проговорил хохол.

— Ну-ка, посмотрим!

Денисов выехал на самую опушку леса, так что только голый ореховый куст отделял его от поля, шедшего за опушкой. Петя продвинул свою лошадь рядом с Денисовым и тоже стал смотреть. Лес, в котором они были, находился на бугре, по которому на пол версты шло полубугром яровое поле до дороги, шедшей низом, так что прямо перед собой не видно было дороги. Левее и назад к Микулиной дорога шла выше, и по ней сквозь дождь виднелось что-то, двигавшееся по дороге верстах в двух расстояния. Но не вперед и влево, а вправо почти вперед невольно обращалось всё внимание смотревших. Вправо, почти перед ними, выходил крутой голый овраг из леса, расширяясь по мере того, как он отдалялся, и сливавшийся с болотцами, поросшими кустами, и речкой, вившейся под противоположным бугром. За этой речкой был пруд, над прудом сад и выше сада на бугре небольшая деревушка с домами с одной левой стороны улицы. На правой стороне к саду была господская усадьба. От этой деревушки вниз по бугру шла между рытвинами глинистая дорога к мосту чрез речку и скрывалась за буграми, бывшими впереди смотревших. В этой деревне в разоренных мужицких и в барском доме и по всему бугру у колодцев и пруда, и по всей дороге в гору от моста к деревне, не более, как 200¹ саженьях расстояния, виднелись из-за косога дождя подходившие, устанавливавшиеся в деревне и разбредавшиеся по саду и около пруда люди. Слышны были явственно их крики на выдиравшихся в гору лошадей в повозках и призывы друг к другу.

— Устанавливаются, устанавливаются, — говорил Денисов.

— Вон пехота. А видите — козла.²

— А смотрите: из-под горы-то кавалерия рысью, — сказал эсаул.

— Э! Это — не кавалерия, это с конвоем в карете кто-то на рысях. Да так и есть, сторонятся. Вот кабы Наполеон.

— Да, как же!

— А пожалуй, что маршал какой-нибудь. Вишь, чешут.

Карета, ясно видная на горе, четверкой, с конвоем впереди и сзади, проехала рысью в гору в деревню, остановилась там и поехала дальше.

— Где Тишка проклятый? — опять сказал Денисов. — Где ты его видел, Грицук? — спросил он опять у гусара.

Гусар показал на лощину по болотам и на пруд.

¹ Зачеркнуто: шагах

² Зач.: Много их

— Тут прополз, вашбородие. Мы видали: увалился в саду. А тут один ихний за водой сошел, он его и взял, да опять лощиной кустами в лес ввалился. Ему ужо придти надо.

Другой гусар опять заспорил, утверждая, что действительно Тихон провел кустами и болотом француза, но потом вернулся опять в сад.

Петя,¹ быстрым движением поворачивая голову, оглядывался² то на Денисова, то на эсаула, отыскивая в их лицах объяснение того, что занимало его. Эсаул, как будто с улыбкой щуря узкие глазки, всматривался в деревню.

— Должны быть 4 батальона, — сказал он.³

— Как же вы будете атаковать? — спросил Петя.

— Как атаковать? — сказал Денисов с серьезным лицом.

— Нет, пожалуйста, мне расскажите и дайте мне отряд.

Денисов улыбнулся.

— Пехота наша, 60 человек, полезут этими болотами к саду. Мы — лощиной через мост и в гору. Долохов оттуда — видишь, проехавши деревню, лесок. Он там с партией.

— Лощиной нельзя будет, Василий Федорович, — сказал эсаул. —⁴Топко, надо будет объезжать полее...

В то время, как они вполголоса говорили таким образом, внизу в лощине от пруда щелкнул один выстрел, забелелся дымок, другой, и послышался дружный крик, больше — веселый крик сотен голосов французов, бывших на полугоре. Низом, по болотам, изогнувшись, бежал человек в лощине. Очевидно, по нем стреляли и на него кричали французы. Несколько человек бежало за ним и наперерез, и сверху, тах-тах — слышались выстрелы.

— Наш Тихон, ей-богу, — сказал Грицук.

— Шельма,⁵ растревожил, — с досадой сказал Денисов.

— Уйдет, — щуря свои глаза, сказал эсаул, и вдруг и Денисов, и эсаул, и оба гусара, и Петя — все⁶ захохотали.

Бежавший человек, подбежав к речке, бултыхнулся в нее так, что брызги полетели, и, скрывшись на мгновение, весь черный от воды, выбрался на четвереньках и побежал дальше. Тах, тах, — провожали его выстрелы.

— Ушел-таки, шельма.⁷

¹ *Зачеркнуто*: с новым для него и сильным физическим ощущением волнения смотрел на этих близких, беззаботно двигавшихся врагов,

— Как же вы будете атаковать? — спросил он Денисова.

— Атаковать к[ак] и *и вписано, кончая*: как будто с улыбкой

² *Зач.*: то на того, то на другого

³ *Зач.*: Денисов смотрел тоже молча и, оглянувшись, вдруг начал говорить эсаулу о том

⁴ *Зач.*: (Тут) Болото

⁵ *Зач.*: попался

⁶ *Зач.*: расхохотались.

⁷ *Зач.*: Эсаул, посмеиваясь, отъехал от опушки и <повернул> поехал назад к караулке.

— Ради бога, позвольте, — сказал Петя Денисову, указывая на бежавших за Тихоном французов. — Мы их отхватим.

Денисов улыбнулся.

— Погоди, постой, до завтра. Спасибо еще, не к нам бежит, — сказал Денисов, глядя на подбегавшего к лесу Тихона. — Ну, поедем. Экий шельма.

И, повернув лошадей, Денисов, эсаул и Петя поехали назад по дороге к караулке, в которой они должны [были] обсушиться и поесть.

— Я только не понимаю, что такое наделал этот Тихон, — сказал Денисов, обращаясь к эсаулу. Петя жадно прислушивался.

— А видите ли, Василий Федорович, я знаю, — сказал эсаул, щуря глазки. — Он взял одного, да и привязал его в лесу или так обобрал, да полез за другим.

— Куда же он его дел? — спросил Петя.

— Убил, — отвечал¹ эсаул. Петя с возбужденным лицом, подергивая поднятой кверху головой, смотрел на казака.

— Экая бестия, — сказал Денисов.

— Набаловался, — сказал эсаул, смеясь. — Это еще с Кукуевской сцены (казак любил употреблять иностранные слова).

— А что? — спросил Денисов.

— А как же, ему в это место, — эсаул указал на спину, — всадил пулю француз.

— Я и не знал, — сказал Денисов, — ранили?

— Да, и сильная рана была. Он не сказывал, над ним все казаки смеялись.²

— Об чем? — спросил Петя.

— Да об пульке об этой. Ну, с той поры он уж пардона не дает. Должно быть, убил, да и полез за другими.

Петя с той способностью очень молодых людей глотать, не пережевывая, непонятные нравственные вопросы, поспешно проглотил то, что сказал эсаул. Что-то ему показалось неловко и страшно, но он только почувствовал необходимость повыше поднять голову и подбодриться, чтобы не быть недостойным того, общества, в котором он находился.

— А, что он, молодец, этот Тихон? — спросил Петя у Денисова.

— ³Такая шельма, что не хуже казака, — сказал эсаул.

— Ну, не хуже, батюшка. Ни один ваш казак ему в, подметки не годится. Что этот человек делает — это непостижимо, — говорил Денисов всё подбадривающемуся Пете. — Куда хочешь, пошли, он как по своему огороду ходит. Я его взял, так уж он ¹
Зачеркнуто: казак.

² *Зач.:* Что, скрючило, дядя!

³ *Зач.:* Такой молодчина

их, я думаю, сотню уложил. С ребятами баловался, — он говорил.

— Рожа — так вы испугаетесь, — вставил эсаул¹

— Ему² 80 верст пройти ничего. Он всегда с нами с кавалерией пешком бегаёт и никогда не отстанет.

— Что ж, силен очень?

— Не сила (эсаул сам хвалился своей силой), а здоровенный меренина, так сказать. Здоров, чорт.

— Да как же не сила. Он при мне за хвост один выворотил лошадь, а как завязла наша фура, как подопрет плечом Тихон и выдерет, — сказал Денисов, видимо любивший своего Тихона.

— Что же, скоро он придет? — спрашивал Петя.

Когда Петя с Денисовым и эсаулом подъехали к караулке, уже было темно. На поляне вокруг караулки в полутьме виднелись лошади в седлах, казаки, гусары, прилаживавшие шалашики и в лесу в овраге (чтобы не видели дыма французы) разводившие красневший огонь. В караулке в сенях казак жарил шашлык на угольях, в самой избе сидели три офицера из партии Денисова перед устроенным из двери столом на лавках из жердей. Петя никак не ожидал такого благоустройства, которое он нашел в караулке. Были и стол, и полотенце, и водка в фляжке, и ром, и белый хлеб, и баранина с солью, и огонь в печи согреться и обсушиться, и ловкие казаки, которые, казалось, понимали мысли начальства и всё умели устроить. Петя снял и отдал сушить сапоги и чекмень, присел вместе с офицерами за стол, выпил водки и, разрывая руками, по которым текло сало, ел жирную душистую баранину. Восторженное состояние духа Пети — глупого и милого детского самодовольства и желания быть прекрасным — дошло до высшей степени после выпитой водки и съеденной пищи. Он был смешон, никому не давал говорить, но все — от Денисова и до Лихачева, казака, прислуживавшего господам, с улыбкой веселья смотрели на него. Все ласкали его, и он всё больше и больше осмеливался и громче и больше говорил.

— Так что ж вы думаете, Василий Федорович, — обращался он к Денисову, — ничего, что я с вами останусь на денек? — И не дожидаясь ответа, он сам отвечал себе: «Ведь мне велено, но вот я узнаю. Только вы меня пустите в самую... штуку. Мне не нужно наград. А мне хочется». — Петя стиснул зубы и оглянулся, подергивая кверху поднятой головой.

— Да ничего, ничего, — сказал Денисов и, обращаясь к эсаулу, сказал.

¹ Зачеркнуто: И силы страшной

² Зач.: 70

* № 278а (рук. № 98. Т. IV, ч. 3, гл. VI, VIII—XI).

¹Одет он был в синие штаны, в когда-то красную со шнурками французскую гусарскую куртку, подпоясанную кушаком, и в лапти. В руке он держал пуховую казанскую шляпу. Вода капала с его локтей, и там, где он стоял, скоро налилась лужа.²

Длинное лицо его с повисшим набок носом, которым он беспрестанно втягивал в себя дух с особенным звуком, и с редкой, бурого цвета бородой было все изрыто оспой. Один зуб в верхней челюсти у него был выбит, отчего его и звали Щербатым. Шея у него была толстая, как у быка, и коричневая. В одеянии и фигуре своей он был странен и смешон, и, казалось, ему самому это доставляло удовольствие. Так заключил Петя по взгляду, которым он ответил на улыбку казака.

— Куды ты пропал? Что ж не привел? — спросил Денисов.

— Да что ходить-то, — сказал Тихон, всасывая носом.

— Что ж,³ взял? — сказал Денисов.⁴

— Взять-то взял (за каждым словом он сопел). Да будь ему неладно. Сорвался.

— Как сорвался.

— Да я его взял одного-то сперва-наперво, — начал Тихон, переставляя ноги в луже, которая натекла с него, — да и свел в лес, привязал как следует к березке. Думаю, дай схожу, другого,⁵ поакуратнее какого, возьму.

— Ишь, шельма, так и есть, — сказал Денисов эсаулу. Петя с раскрытым ртом с восторгом глядел прямо в рот Тихону, слушая его слова.

— Подполз я таким манером. А ихний кашовар и огляди меня. — И Тихон, засопев, замолчал.

— Ну что ж?

— Загалдели по-своему, палить принялись. В меня-то, — сказал он, как бы сам удивляясь тому, что они *в него* палили.

— То-то мы с горы видели, как ты стречка задал, — сказал эсаул.

— Тоже ловить стали. Я и пошел к лесу...

— Ну, а первый-то где ж, — [спросил] Долохов, — что к березке-то привязал?

Тихон не отвечал, пока Денисов не спросил у него того же.

— Да затянулся, — быстро сказал Тихон и, опустив голову, сильно потянул в себе дух.

¹ *Первый абзац — автограф вместо зачеркнутой копии вар. № 277 (см. стр. 113—114).*

² *Далее — текст копии.*

³ *Зачеркнуто: привел*

⁴ *Далее — автограф, кончая: в один голос эсаул и Денисов вместо зач. текста копии.*

⁵ *Зач.: поладнее*

— Как же ты сказал, сорвался? — сказали в один голос эсаул и Денисов.¹

Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову. Его уже несколько раз бранили за это. Он почесал спину и улыбнулся. Лицо Тихона, казалось, было лишено способности улыбаться, и потому неожиданная улыбка, открывавшая недостаток зуба, всегда неотразимо заразительно сообщалась другим. Денисов, Долохов улыбнулись, Петя залился, сам не зная чему, веселым смехом, к которому невольно пристал и барабанщик.

— Как же ты сказал, сорвался? — напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

— Да что, совсем несправный был, — сказал Тихон, махнув рукой.

— Ах, шельма!

— И одежонка плохенькая такая на нем... Что же, я не видал разве хранцuzов-то. — Тихон опустил глаза. — Да и грубиан, ваше благородие, — сказал он вдруг, видимо довольный найденной отговоркой.

— Чем же он грубиан? — спросил Долохов.

— Как же, говорит: я сам анаральский сын, не пойду, говорит.²

Денисов нахмурился.

— Эка скотина, — сказал Денисов, — послал³ взять, а ты... Расспросить надо.

— Да я его спрашивал, — сказал Тихон. — Он говорит: плохо знаком. Наших, говорит, и много, да все плохие, только, говорит, одна названия. Ахнете, говорит, хорошенько, всех заберете.

И Тихон засопел пронзительно.

— А, скотина, — сказал Денисов.

— Да что же, коли надо, я сбегаяю, еще возьму какого, теперь темно, — сказал Тихон.

Денисов, не отвечая ему, обратился к Долохову, совещаясь, что теперь делать.

Петя не слушал их, он стоял подле Тихона и не спускал с него удивленных глаз.

Тихон оглядывался вокруг себя. Увидав барабанщика, он подмигнул ему и улыбнулся.

— А ты разве его знаешь? — сказал Петя.

— Как же, при мне поймали, — сказал Тихон. — Их там пара была. Другой еще пофигуристее был.

— Где же другой? — спросил Петя.

— Из-за сапог что-то у казаков вышло. Вздор какой-то. А тот еще ловчее был, — сказал Тихон и, оглянувшись¹ *Далее текст переработанной копии.*

² *Далее, кончая:* засопел пронзительно *автограф.*

³ *Зач.:* узнать

на начальство и решив, что его больше не нужно, пошел из избы.

— Я тебе говорю, нельзя наобум, — говорил Долохов, — надо аккуратно делать. Надо съездить. Я поеду. Вот и вы, молодой человек, — сказал Долохов, обращаясь к Пете, — не хотите ли, наденем мундиры французские, да и поедem сейчас к ним в лагерь, поговорим, расспросим.¹

Петя был в восторге от сделанного ему предложения. Он тотчас обнял Долохова, поцеловал его, предложил ему изюму и кремней и сообщил, что он тоже привык всегда всё делать аккуратно и не наобум Лазаря и что он об опасности для себя никогда не думает, потому что, согласитесь, если не знать верно, что там — от этого зависит жизнь, может быть, сотни, а тут мы одни, и потом мне очень этого хочется.

Никакие просьбы Денисова не могли остановить Петю. Одевшись в французский уланский мундир, который был у Денисова, Петя с Долоховым, переодетым в такой же мундир, который он всегда возил с собою, взяв проводником Тихона, поехали на ту просеку, где они стояли вечером, и в совершенной темноте вслед за Тихоном спустились в лощину.

*[Далее от слов: Съехав вниз, Долохов велел кончая: И Долохов поцеловал его и, насвистывая «Allons enfants de la patrie», скрылся в темноте близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. IX.]*²

Вернувшись к караулке, Петя вошел к Денисову. Денисов лежал под буркой.

— Ну, слава богу! — крикнул он и обнял и поцеловал Петю. Петя рассказал всё, что они узнали, и Денисов, подвинувшись к стене, хлопнул рукой по бурке.

— Ну, ложись сюда, до завтра надо взд'емнуть.

Говоря с Петей, Денисов не мог не улыбнуться, так мил ему был этот маленький герой.

— Нет, благодарствуй, я не буду ложиться. Я себя знаю, ежели засну, так уже кончено.

И Петя пошел на двор, осмотрел свою лошадь, жевавшую с другими овес.

— Ну, Карабах, завтра послужим.

Он понюхал ей нос. Он любил этот запах.

— Что, барин, не спите, — сказал казак, сидевший за телегой.

— Нет. А, Комарев, кажется, тебя звать. Пожалуйста, голубчик, наточи мне саблю. Затупил — (но Петя боялся солгать) она никогда отточена не была.

— Что ж, можно.

Комарев так же, как и Денисов и все, с лаской и бережностью обращался с Петей. Он встал, достал что-то в телеге, и Петя¹ След. абзац — автограф.

² Далее — автограф-вставка на трех страницах.

радостно услышал воинственный звук стали о брусok. Он подсел в темноте к Комареву и поговорил с ним.

— А что ж, спят молодцы? — сказал Петя.

— Кто спит, а кто так вот.

— Ну, а мальчик что?

— Весенний-то? Вон он завалился. Со страху спитесь. Уж как рад-то был. Ну, а что ж вы там видели?

Петя рассказал всё Комареву. Потом подошел еще гусар спросить, где чашка, и спросил, что делал Комарев.

— А вот барину наточить саблю. Небось скоро свет.

Лошади вдруг подрались, заржали.

— Ну, черти, разбудите ханцузов.

Храпел кто-то близко. Казак пробовал кремень в пистолете и щелкал. Негромкий говор шел невдалеке.¹ Капли капали с листьев. На небе расчищало, и над вершинами быстро бежали облака, как будто открывая звезды.

Казалось, что звезды² Казалось тоже, что небо черное, что это черная тучка. Казак³ рубил огонь. Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что это казак, лошадь, телега, но он ничего не знал и не хотел знать этого. Всё это было волшебное царство, волшебные люди, возникшие нынче только сейчас на один вечер. Что бы ни увидел теперь Петя, ничто бы не удивило его. Больше всего его удивило бы теперь то, что было самое обыкновенное.

Пете страшно хотелось спать, он влез на телегу и сел, изредка качался, засыпал и опять поднимал голову.

Ожиг, жиг, вжиг, жиг, — свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравший какой-то неизвестный, торжественно-сладкий напев. (Петя был музыкален, так же как Наташа, и больше Николая, но он никогда не учился музыке, не думал о музыке и потому мотивы, неожиданно приходившие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны.) Хор играл дальше, дальше, напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой, вот скрипочки, вот трубы и литавры, вот он, торжественный победный марш.

«Ах, да, ведь это я во сне», качнувшись всем телом, сказал себе Петя. «Это у меня в ушах. Ну, опять. Валяй!» И опять заиграл хор. «Ах, это прелесть что такое! Сколько хочу и как хочу», сказал себе Петя. И он как бы руководил этим огромным хором инструментов. «Ну, голоса, хор, приставайте». И сначала издали слышались голоса, мужские, и они росли, росли и сливались с оркестром и опять затихали, и с торжественным, победным маршем сливалась песня, и капли капали, вжиг,¹

Зачеркнуто: Листья

² Так в автографе.

³ Зач.: зажига́л

жиг, и опять подрались и заржали лошади, но нарушая симфонии, а входя в нее.

Петя не знал, как долго это продолжалось. Он наслаждался так, что всё время удивлялся своему наслаждению и жалел, что некому сообщить его. Его разбудил ласковый голос Комарева.

— Готова, ваше благородие. Надвое ханцуза расколет.

Петя очнулся. Уже светает, право светает, невидимые прежде лошади у телеги стали видны до хвостов, и сквозь оголенные ветви виднелся водянистый свет.

Петя встряхнулся, вскочил, достал из кошелька целковый и дал Комарову и, махнув, попробовал шашку.

Комаров рассказал Пете, как у них пробуют шашку на баранов или на платке. Петя послушал. Рассказал, как он привык никогда не спать перед сражением, а всё приготовить. Опять сходил к своей лошади, понюхал, погладил. Казаки стали вставать и поить.

— Вот и командир.

Из¹ шалашика и из караулки в одно время вышли Денисов и эсаул. Эсаул был приглажен, как будто не ложился. Денисов, сморщенный, перхал и подтягивал спустившиеся штаны, над которыми выбилась рубашка.

— Ну что, не спал, Петя?

— Нет.

— Так пора, пора, — и опять поднятая² кверху рожа Пети вызывала на ласку, веселье и предприимчивость. Быстро разобрали лошадей, подтянули подпруги и собрались. Пехота как будто лениво прошла мимо и спустилась в лощину. Петя сбегал на опушку.

— Спустились, спустились совсем, — сказал он, прибегая назад. — Тихон дубину с собой взял.

Стали садиться. Ступив в стремя, Пете казалось, что нечего поднимать, так легко он вскочил в седло. Лошадь его по привычке куснула его за ногу.

Садясь на зады и скользя, лошади спускались с своими седоками в лощину. Из лощины не видно было французов. Денисов ехал рядом с Петей. Съехав вниз и оглянувшись назад, видя, что все спустились, Денисов взял в сторону и стал пропускать мимо себя кавалеристов.

— А вы не поедете?

— Я после, с гусарами. И ты оставайся со мной.

Не успел еще сказать этого Денисов, как передние уже пустились, и Петя встряхнул головой, дал шпоры и полетел за ними, поправляя шапку, которая чуть не свалилась от прыжка,¹ *Зачеркнуто*: двух

² *В автографе*; поднятое

который сделала его лошадь, и, бросая назад комья грязи, полетел с казаками. На мосту он столкнулся с тремя казаками, сбил одного. Послышался выстрел часового. Петя не видал его и летел в гору одним из первых. Не успели еще они вскакать, как с разных сторон послышались выстрелы и Петя увидел, как французы¹ бежали с правой стороны на левую. Один француз упал в грязь под ногами лошади Пети. У второй избы большая куча французов,² был дым и треск. Это были французы. Но это продолжалось только одно мгновение. Когда Петя подскочил к ним, он не удерживал, а только гнал лошадь. Французы бросали ружья, и казаки были между ними, и Петя смутно видел, как одного ударили пикой.

— Не бить, брать в плен! — прокричал <он> и под влиянием того опасения опоздать, которое не оставляло его, поскакал вперед, где что-то много людей кричали и возились. Это были русские пленные, выбегавшие один за другим и бывшие французов. Толпа этих людей с радостными воплями смешалась с казаками и гусарами, прискакавшими с Денисовым. Но и тут Пете некогда было оставаться. Еще впереди шумели и стреляли. Это был Долохов с своими. Они стояли против барского домика, и Петя видел, что один казак слез с лошади и, стоная, сидел на земле.

— Ну что? — спросил Петя, подскакивая к Долохову.

— Не сдаются. — Долохов указал на толпу французов на дворе за частоколом.

— Урааа! — закричал, ни минуты не медля, Петя и поскакал в ворота. Несколько выстрелов, и Петя бросил поводья, качаясь, вскакал в ворота и бочком, бочком упал с лошади в середину французов.

Почти все казаки вскакали вслед за ним, и французы бросали и тут оружие.

Петя лежал, не шевелясь, с пулей в голове, пробившей ему голову.

— Ах, мальчик какой был, — сказал Долохов.

— Да уж такой барин, поискать.

— Убит! — вскрикнул Денисов, и он схватился за голову и в три ручья заплакал.

— Жалко, очень жалко, — сказал Долохов. — Братъ не будем? — сказал он, указывая на пленных.

Денисов не отвечал и, повернувшись, поехал со двора. «Как он мне кремни предлагал», вспомнил Д[енисов] и заплакал.

В отбитой Денисовым и Долоховым партии пленных находился Безухий.

¹ Зачеркнуто: выбегали

² Зач.: <стреляла> стояла

* № 279 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XII—XV).¹

Осень и перевозимье 1812 года были такие теплые, каких в то время не запомнили старики. До 28 октября не было ни одного мороза, кроме утренников, — такого мороза, который бы заковал землю на целый день, как это обыкновенно бывает еще в сентябре, — не было ни одного зазимка. Стояла всё время то ясная, солнечная осенняя погода с блеском и паутинами, то теплая, сырая погода с тучками <или> туманом. 27 октября после полдня в первый раз пошел снег, сначала теплый и тихий, на сырую землю, но к вечеру с ветром и к утру с морозом.

В этот день 27 октября партия пленных, в которой находился Пьер, подходила к бывшей большой, но вполне разоренной деревне, в 80 верстах не доходя Смоленска.²

Хотя³ об этой партии пленных во время всего своего движения⁴ от Москвы не было никакого нового распоряжения о том, где и как ей идти, уж она теперь находилась совсем с другими войсками и обозами, и около нее всё было другое. Половина обоза маршала, который шел за нею, была отбита казаками, другая половина уехала куда-то вперед, пеших кавалеристов, которые шли впереди, не было ни одного больше, они все исчезли. Артиллерия, которая первые переходы виднелась впереди, теперь отстала сзади. Теперь партия этих пленных, конвоируемая всё теми же вестфальцами, шла между⁵ фурами кавалерийского депо и⁶ обозом маршала Жюно, конвоируемым теми же вестфальцами.⁷ Но, кроме этих двух обозов, по всей дороге, перегоняя и отставая от них, тянулись отсталые поляки, итальянцы, которых прежде не было. От Вязьмы прежде шедшие тремя колоннами французские войска шли одной кучей. Те признаки беспорядка, которые заметил Пьер на первом привале из Москвы, теперь дошли до последней степени. Солдаты, которых видел Пьер (это были отсталые), были все босые, оборванные. Несколько раз во время их движения всё бросалось стремглав, давя друг друга и разбегаясь в разные стороны, слыша казаков, и опять всё собиралось. Эти три сборища, шедшие вместе от Вязьмы: депо, пленные и обоз Жюно — всё еще⁸ составляли что-то отдельное и цельное, хотя и то, и другое, и третье — быстро таяло. В депо, в котором было 80 повозок сначала, теперь оставалось не больше 20, остальные были¹ Автограф.

² Зачеркнуто: Ничего уж не было похожего на

³ Зач.: партия эта и вписаны след. четыре слова.

⁴ Зач.: не получала и вписаны след. четыре слова.

⁵ Зач.: сплошной толпой войск Нея и Мюрата, итальянцев и поляков, и впереди ее ехали

⁶ Зач.: сзади

⁷ Зач.: После Вязьмы прежде шедшие 3-мя колоннами французские войска шли теперь кучей.

⁸ Зач.: держались

отбиты или брошены. Из обоза Жюно, который и его хозяина на каждом привале проклинали вестфальцы, тоже было оставлено и отбито несколько повозок и три повозки разграблены набежавшими отсталыми солдатами из корпуса Даву. Из разговоров немцев Пьер слышал, что к этому обозу ставился караул больше, чем к пленным, и что один из их товарищей — солдат-немец, был расстрелян за то, что у него нашли ложку серебряную, принадлежавшую Жюно (принадлежавшую потому, что Жюно прежде украл ее в Москве). В особенности немцы негодовали на то, что этот солдат, виновный только в том, что он поднял эту ложку после грабежа обоза солдатами Даву, был оправдан военным судом, но все-таки расстрелян по приказанию маршала.

[Далее от слов: Больше же всего из этих трех сборищ растаяло депо пленных кончая: опять с Каратаевым и его лиловой, кривоногой шавкой близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. XII.]

Он вместе с ним шел, вместе с ним ложился у костра и вместе с ним делил то, что ему, благодаря его знанию французского и немецкого языка, кроме обыкновенной пищи — лошадиного мяса с порохом, давали солдаты и офицеры. Каратаева не оставляла напущенная, как он говорил, на него тряска, и он слабел с каждым днем; но с сносливостью, составлявшей главную черту его характера, всё шел, не жаловался и шутил и всё так же говорил те свои речи, которые так любил Пьер. Он был худ, бледен, синь, и с 3-го перехода из Москвы Пьер начал бояться, что он не в силах будет идти, но, казалось, не было границ растяжимости силы и страданий, к[оторая] б[ыла] в нем.

— Бог души не вынет, сама не выйдет, — говорил он.

В особенности боялся за него Пьер с 3-го перехода, потому что на этом переходе через Пьера, служившего переводчиком своим товарищам, было по случаю бегства двух пленных объявлено всем, что велено пристреливать тех, кто отстанут.

С самого выхода из Москвы¹ угроза эта ни разу не исполнялась, хотя большая половина пленных не умерла, а отстала, и Пьер замечал, как солдаты конвойные сами, чтобы избежать исполнения страшного приказанья, выпроваживали отсталых за цепь или делали вид, что не видят их, но все-таки угроза существовала, офицеры повторяли ее и когда-нибудь могли они тоже и быть поставлены в необходимость исполнить это страшное приказанье. И Пьер боялся его,² преимущественно за Платона. За себя Пьер не боялся. Он не думал о себе и переносил страдания³ без мысли о них.

¹ *Зачеркнуто:* и до морозов

² *Зач.:* и за себя и за

³ *Зач.:* <чре[звычайно]> не замечая

[Далее от слов: В плену, в балагане кончая: как только [плотность его превышает известную норму плотности близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. XII.]

Он понял, что всё относительно, кроме жизни. А жизнь есть бог. Он не думал об этом, он ни о чем не мог думать — во время переходов всё внимание его было обращено на дорогу и больные ноги, во время отдыхов — на еду, тепло и на Каратаева, но он это чувствовал. И новая сила душевная выростала в нем.

«Жизнь, которая есть во мне, в Каратаеве, во всех — бог, перемещается и движется по каким-то мне неизвестным законам, и пока есть жизнь, есть всё блаженство самосознания божества».

27 числа утром Пьер шел в гору по дороге, глядя на свои ноги и на неровности пути. Изредка он взглядывал на толпу, окружающую его, на небо, затянутое свинцовыми низкими тучами, и опять на свои ноги. Он считал шаги по три, загибая на пальцах, и что-то такое важное, бессознательно далеко и глубоко где-то, что-то утешительное думала его душа.

«Да, Каратаев где?» подумал он и, остановившись, оглянулся назад. Из-под горы виднелась в толпе других движущихся, приглядевшихся товарищей фигура Каратаева, покрытого рогожкой. Он сидел, подле него лиловая [?] шавка.¹ И около него стояло несколько человек. «Что такое?» подумал Пьер. «Уж не ослабел ли он?»

Пьер вернулся назад и услышал слова немца-солдата:

— Der Alte kann nicht mehr gehen.

— Nun lass ihn²

Пьер подошел к Каратаеву.

— Прощай, Петр Кирилыч, моченьки моей нет, — сказал Платон. Он казался стариком теперь.

— Прощай, красно солнушко, — сказал он торжественным голосом, перекрестился на все четыре стороны и опять сел. — Смерть пришла, — сказал он.

Пьер обратился к немцу. Он хотел спросить, нельзя ли посадить его. Немец перебил его.

— Sei nur ruhig, wir thun den armen Kerl nichts. Kann ruhig sterben.

— Aber,³ — начал было Пьер.

— A vos places!⁴ — вдруг закричал голос.⁵

¹ *Зачеркнуто*: Он был почти позади всех. Пьер опять стал смотреть на ноги.

² [— Старик больше не может идти.

— Ну, оставь его.]

³ [— Будь покоен. Мы ничего бедняге не сделаем. Пусть умрет спокойно

— Но]

⁴ — По местам!

⁵ *Зач.*: Два офицера, гово[рившие]

137

Два француза,¹ сидевшие на краю дороги,² евшие что-то, вскочили, вытянулись, оправляясь, и со всех сторон послышались крики команды и³ с левой стороны, рысью объезжая пленных, показались кавалеристы, хорошо одетые, на хороших лошадях. Пленные сбились в кучку, их столкнули с дороги. Пьер протолкался вперед, конвойные сбежались вместе. Отставшие от депо побежали к своим местам.

— L'Empereur, l'Empereur, der Kaiser!⁴

И только что проехал сытый конвой императора (Пьер давно не видал ни сытых людей, ни лошадей и с удовольствием смотрел на них), как загрела карета цугом на серых лошадях, послышались: «Vive l'Empereur! Vive l'Empereur!»,⁵ и генерал, нагибаясь, ехал рысью у окошка, выслушивая то, что из окна говорил император. Пьер в первый раз мельком увидел его лицо. Распухшее, бессмысленное, холодное лицо с складкой беспокойства между бровей. Генерал, который вел депо и говорил с императором, отстал от кареты и остановился подле Пьера; несколько офицеров сбежалось к нему, солдаты тоже окружили его. У всех были веселые, счастливые, самоуверенные, улыбающиеся лица.

— Qu'est ce qui'il a dit? Je le disais bien. Oh quand il s'y met!⁶ — слышал Пьер радостные возгласы, и одну секунду он сам поддался этому общему радостному чувству — ему тоже показалось, что что-то случилось радостное, освежающее. Но тотчас же он опомнился, оглянулся на Каратаева, сидевшего всё на том же месте, и вернулся к нему. Но его остановили, и солдаты, прежде добрые и по-домашнему обращавшиеся с пленными, сердито крикнули на него и всем пленным велели двигаться. Конвой шел на месте и всё, пришедшее в форменное состояние, продолжало так же двигаться. По пути, по которому проехал император, ехала еще его отставшая свита, и офицеры, собравшиеся у края дороги, перекидывались с ними ласковыми речами.

Пьер⁷ пошел опять вперед на гору, прихрамывая больше, чем прежде. Он сильно разбередил себе правую ногу. Он слышал командные слова немецкого офицера, видел, как один из конвойных солдат вернулся назад, осматривая ружье, и он шел, не оглядываясь.

¹ *Зачеркнуто*: из депо поравнялись с ним

² *Зач.*: ели что-то и громко говорили. Пьер поднял голову, посмотрел на них, прислушался. Они жаловались друг другу, ругались на свое положение. Пьер хотел отвернуться, как вдруг он заметил, что оба француза *и написаны след. два слова.*

³ *Зач.*: впереди

⁴ Император, император, император!

⁵ Да здравствует император! Да здравствует император!

⁶ Что он сказал? [Я ведь говорил. О, раз он возьмется!]

⁷ *Зач.*: повернул

— ¹Вот и снег пошел, — сказал шедший подле Пьера пленный.²

Пьер тогда заметил только, что земля покрывалась белыми крапинами. Он взглянул, как колеблющийся, белый,³ кисейный полог мота[ется?] со всех сторон. Вдруг сзади послышался выстрел. «Не может быть!» — подумал Пьер.

Он оглянулся: на том месте, где сидел Каратаев, был дым, что-то белое возвышалось на дороге,⁴ и солдат немец бежал оттуда стороной дороги с дымящимся ружьем.

Снег всё шел сильнее и сильнее. Раны на ногах ныли и болели так сильно в снегу, что Пьер не мог думать. Вдруг страшный звук послышался от того места из-под горы. «Кто это?» Это выла шавка над трупом Платона.

«Ну, еще, еще, сыпья еще, покрывай всю землю, нойте еще, еще», приговарил Пьер снегу и своим ногам.

В снегу и метели депо и пленные, и обоз маршала остановились⁵ у разоренной деревни. Всё сбилось в кучу у костров. Пьер подошел к костру, который развели⁶ французские офицеры депо; никто не отогнал его. Он лег спиной к костру и⁷ заснул.⁸

* № 280 (рук. № 97. Т. IV, ч. 3, гл. XVI, XVII, XIX, и ч. 4, гл. IV).

(Куда они идут и зачем — никто не знал, еще менее сам великий) гений Наполеона, так как никто ему не приказывал. Но все-таки он и его окружающие по привычке соблюдали раз заведенный порядок; писались приказы, письма, рапорты, *ordre du jour*, называли еще друг друга: «Sire, mon cousin, Prince d'Éckmuhl и roi de Naples», но⁹ приказы и рапорты были только на бумаге, в сущности же каждый думал только о том, как бы поскорее уйти и спастись.¹⁰

Первые дни движение этого мнимого войска от¹¹ Смоленска до Красного, замечательного своей¹² простотой, не подходящей¹ *Зачеркнуто*: Солдата-то

² *Зач.*: Пьер поднял голову, хлопья снега

³ *Зач.*: саван

⁴ *Зач.*: шавка выла там

⁵ *Зач.*: на ночлег среди поля

⁶ *Зач.*: пленные и, угревшись,

⁷ *Автограф обрывается; последнее слово: заснул по копии.*

⁸ *На полях*: Фигнер.

⁹ *Зач.*: все чувствовали, что они бедные, гадкие люди, нажившие себе горя, упреков совести и безвыходное несчастье.

¹⁰ *Далее до конца варианта — автограф на двух с половиной страницах. На полях*: <М. Д. Бертье.>

¹¹ *Зач.*: Москвы

¹² *Зач.*: бессмыслицей

ни под какие мнимые распоряжения начальников. Вся эта обратная компания от Москвы до Немана¹ подобна игре в жмурки с колокольчиком, когда двум играющим завязывают глаза и один изредка звонит колокольчиком, чтобы² уведомить о себе ловящего. Сначала тот, которого ловят, звонит, не боясь неприятеля, но когда ему приходится плохо, он, стараясь неслышно идти, убегает от своего врага, часто думая убежать, идя прямо к нему в руки.

Сначала Н[аполеоновские] войска еще давали о себе знать — это было в первый период движения по Калужской дороге, но потом, выбравшись на Смоленскую дорогу, они бегут, прижимая рукой язычок колокольчика, и часто, думая, что они уходят, набегают прямо на неприятеля. Так это случилось³ при выходе из Смоленска, когда вся французская армия была уверена, что Кутузов у Витебска, и побежала на Красное, где был Кутузов. Русская же армия между тем была в полной уверенности, что Наполеон идет на Витебск, туда, где Наполеон ждал их.

При быстроте бега французов и за ними русских и вследствие того изнурения лошадей — главное средство приблизительного узнавания положения, в котором находился неприятель — разъезды кавалерии — не существовало, и при постоянном движении сведения, какие и были, не могли поспевать во-время. 2-го числа приходило известие, что армия неприятеля была там-то 1-го числа. Но 3-го числа, когда можно было предпринять что-нибудь, уже армия сделала два перехода и находилась совсем в другом положении.⁴ Одна армия бежала, другая догоняла. От Смоленска французам предстояло много различных дорог, и казалось бы, тут отдохнув три дня, французы могли бы⁵ узнать, где неприятель, сообразить что-нибудь выгодное и предпринять что-нибудь новое. Но нет, после 3-х дневной остановки толпы их опять побежали ни вправо, ни влево, без всяких маневров и соображений, по старой худшей дороге на Красное и Оршу, по пробитому следу, несмотря на то, что русские войска, от которых они бежали, выходили в это же время тоже в Красное. Как, идя к Смоленску — все убедились, что в Смоленске спасение, потому что нужна была надежда, так теперь⁶ все убедились, что русские у Витебска, потому что ¹ *Зачеркнуто*: подобна игре вследствие быстроты

² *Зач.*: обозначить то ме[сто]

³ *Зач.*: под

⁴ *Зач.*: От этого-то ни в какой войне не было такой простоты движения войск, как в эту кампанию, и все попытки историков по заведенному ими порядку приписывать какие-то планы, марши и маневры своим героям, падают сами собой, при этой продолжавшейся всю кампанию и особенно ясно выразившейся при выступлении Наполеона из Смоленска игре в жмурки.

⁵ *Зач.*: сообразить

⁶ *Зач.*: идя к Вильне

это нужно было думать, чтобы удержать какую-нибудь надежду.¹ Ожидая врага сзади, а не спереди, они бежали, растянувшись и разделившись друг от друга на 24 часа расстояния. Впереди всех бежал император, потом короли, герцоги с теми людьми, с которыми они думали, что начальствуют.

Русская армия думала, что Наполеон возьмет вправо за Днепр, что было одно разумно, подалась тоже вправо и выходила на большую дорогу к Красному. И тут, как в игре в жмурки, французы наткнулись на наш авангард. Неожиданно, увидав первые части врага, французы с Наполеоном, шедшие порознь растянуто, смешались, приостановившись от неожиданности испуга, но опять побежали, бросая своих, сзади следовавших товарищей. И тут, как сквозь строй русских войск, проходили три дня одна за одной отдельные части французов, сначала В[ице]-короля²

Французская армия продолжала свое бегство. С 28 октября, когда начались морозы, бегство это получило только более трагический характер замерзающих и изжаривающихся на смерть у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать имп[ератора], королей и³ герцогов с награбленным добром. Но в сущности своей процесс бегства и⁴ разложения французской армии нисколько не изменился. От Москвы до Малого Ярославца и до Вязьмы из 73-т[ысячной] части армии осталось 36 тысяч (из этого числа не более 5 т[ысяч] выбыло в сражениях). Вот первый член прогрессии, и математически верно определяются последующие. Армия в той же пропорции таяла и уничтожалась от Москвы до Вязьмы, от В[язьмы] до Смоленска, от Смоленска до Березины, от Березины до Вильны, независимо от большей или меньшей степени холода, преследования, заграждения пути и всех других условий, взятых отдельно.

После Вязьмы войска французов вместо 3-х колонн сбились в одну кучу и так шли до конца.⁵

Бертье писал своему государю. Известно, как отдаленно от истины позволяют себе начальники описывать положение армии, но он все-таки писал. (М[ихайловский]-Д[анилевский]. Том III.)

Ввалившись в Смоленск, представлявшийся им обетованной землей, они убивали друг друга за сухари, грабили свои же магазины. Постояв там 3 дня, они пошли дальше.⁶

¹ Зачеркнуто: Они бежали

² Фраза не закончена.

³ Зач.: мар[шалов]

⁴ Зач.: <на бегстве> во время бегства уничтожения

⁵ Зач.: (известно как далеко)

⁶ Зач.: Все шли, сами не зная куда и зачем они идут. Еще менее других знал это <Постояв там по>

На полях конспект: [1 неразобр.] Французы идут до Смоленска врозь. Грабят. [2 неразобр.] в Вильну. [1 неразобр.] Подвиг Нея. ¹/₁₀. Под Кр[асным] путаница. Идут дальше как в жмурки. Березина, сам бежит [1 неразобр.]

* № 281 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).¹

Историки вообще и военные историки в особенности, описывая войну, с подробностью передают нам распоряжения высших властей о маневрах, и продовольствии, и наградах, и мельком упоминают о том, что в русской армии выбыла половина, т. е. *пятьдесят тысяч* больными и отсталыми. Что бы было написано книг, ежели бы эти 50 тысяч, т. е. число, равное всему населению большого губернского города, выбыло бы в сражении. Но теперь нет описаний об этом факте, исключая короткой заметки о том, что полушубки были не все получены и что войска останавливались в поле. И действительно, эта убыль людей не подлежит изучению истории — это не историческое событие.² Подобно тому, как переселение народов средних веков описано подробно, а гораздо большее, совершающееся теперь переселение народов из Европы в Америку не имеет историка. Ибо, как Herr Schultz сел с своими сыновьями на пароход и поехал в Америку — не есть событие историческое, хотя и изменяется³ вся жизнь народов от переселения Щ[ульца] и Фохта, история не может знать этого. Это не подлежит ей. Хотя все действия кампании 12-го года⁴ основаны только на том, что отставал от 8-й роты Петров, а Захарченко отморозил руку и т. д. — эти явления не подлежат военной истории. И как общая история отыскивает разрешения своих вопросов в обменных между Америкой и Пруссией нотах, в записках министров, а не вникает в сущность явлений, в движение бесконечно малых Шульцев и Фохтов — так и военная история отыскивает рапорты, донесения, суждения о маневрах и не вникает в сущность, в движение бесконечно малых — Захарченко и Петрова. И поэтому в описании военных событий, в особенности в описании последнего На бегу нельзя взять армию и еще меньше можно взять армию расстроенную, или из которой бежит главнок[омандующий]. Берут только благодаря страданиям [?].

Взять нельзя, потому что самим есть нечего. Ежели не кажется победы, то только оттого, что все хотят драться.

Костер после Красного. Кутузов после Красного. — Богданович.

Красное, торжество К[утузова]. Богд[анович]. У костра. Полк [1 неразобр.] о смотре. М. и в. И. Приход. Жалуются на него [?]. Vive H[enri] IV.

Н[аполеон] мужествен, по показанию Т[ьера], остается в Кр[асном] и все-таки бежит.

Лимон [?] поговор[ка?] Кудашева. Пехота В. К. полож[ит] оружие.

Опять диспозиции. Толь die 1-е Colonne mar[schier].

Если бы все эти расч[еты]

Но точно никогда

Потеряв всю армию.

Милорадович [?] подарил колонну.

¹ Автограф.

² На полях: Глаза болят и привычнее

³ Зачеркнуто: весь вид

⁴ Зач.: даны

периода кампании, является постоянное неразрешимое противоречие, разрешающееся только самым простым вникновением в сущность дела, в движение бесконечно малых Захарченко и П[етрова]. Французы падают, мерзнут, сдаются, и наши три армии не удерживают их в Красном и на Березине. Всё это происходит тоже оттого, что и русские падают, мерзнут и голодают.

Простая истина, но которой не сказал ни один историк. *С тех пор, как существует мир, никогда не было войны зимою в стране, где бывают метели и 20-градусные морозы.* Это была первая и до сих пор единственная.

Понятно, что при этих исключительных условиях, действующих на сущность дела (ежели признавать сущность[ю] дела людей, а не стратегию), все побочные условия должны были измениться, а что все те маневры, распоряжения, сражения, рапорты — вся эта поверхностная деятельность армии, представляющаяся выражением ее (так как она из нее выработалась при обыкновенных условиях), теперь совершенно отделилась от сущности, как бы отделились часовые стрелки от механизма часов, и вертеть эти стрелки можно было сколько угодно, ничего не объясняя и не показывая.

А историки и в этот период кампании, когда войска без сапог и шуб по месяцам ночуют в снегу и морозе, когда дня только 7 и 8 часов, а остальное ночь, во время которой не может быть влияния дисциплины, когда не так, как на сраженьи, на несколько часов только люди вводятся в область смерти, где уже нет дисциплины, а когда люди эти по месяцам живут всякую минуту, борясь с смертью от голода и холода, — в этот-то период кампании нам рассказывают, как Милорадович должен был сделать фланговый марш туда-то, а¹ Тормасов туда-то, и как Чичагов должен был² передвинуться туда-то (передвинуться выше колена в снегу), а как тот опрокинул и отрезал, и носятся с своими словами военной науки, не имеющими³ никакого смысла.

* № 282 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).⁴

Кто из русских людей с болезненным чувством досады, неудовлетворенности и тяжелого сомнения в доблести своего народа не читал этот период кампании. Как не забрали, не уничтожили их всех, когда все силы были устремлены на то и когда французы голодали, мерзли и представляли толпы бродяг, как нам рассказывает история?

¹ *Зачеркнуто:* Ермолов

² *Зач.:* сде[лать]

³ *В автографе:* не имеющих

⁴ *Автограф на полях и над строками копии предыдущего варианта после слов: Захарченко и Петрова (стр. 142).*

Неужели такое громадное преимущество перед нами имеют французы, что мы с превосходными силами, окружив, не могли побить их? Кто не задавал себе этих тяжелых вопросов и не получал тех неудовлетворительных ответов, которые дает история, рассказывая, как виноват Кутузов, и Торماسов, и Чичагов, и тот-то, и тот-то, что не сделали таких-то и таких-то маневров?

И как ни обстоятельны все эти ответы о маневрах, чувство народное не удовлетворено, и здравый смысл тоже чувствует, что тут что-то не то, что-то забыто или не так сказано.

Как могло то русское войско, которое одержало победу под Бородиным с слабейшими силами, под Красным и под Березиной с превосходными силами не задавить французов?

И ответа нет¹ и не может быть в том ложном изложении военных событий, которое нам представляет история.

История рассматривает официальные документы, обращающиеся в высших сферах, на основании их представляет себе цель войны, которой никогда не было и не могло быть. Эта цель, по понятиям историков, почерпнутая из официальных документов — планов, составленных в Петербурге и т. п., состояла будто бы в том, чтобы отрезать, окружить, поймать Наполеона с армией. И соответственно с этой мнимой целью действительно все действия русских весьма слабы и исполнены ошибок. Но цели этой никогда не было и не могло быть у народа, цель эта была только в головах десятка людей, цель эта не имела никакого смысла.

Единственная цель, которую мог иметь народ и которую понимал один Кутузов и которой вполне достигли русские, состояла в том, чтобы выгнать французов. Цель эта достигалась и сама собой, так как французы бежали, и действиями народной войны и еще² следованием по пятам французов большой армии, готовой употребить свою силу в случае останова движения французов. Русская армия должна была действовать как кнут на бегущих французов, и опытный погонщик или кучер знает, что удобнее и выгоднее держать кнут поднятым, угрожающим, чем бесцельно стегать, в особенности по голове, бегущее животное.

Но кроме того, что то, что представляют нам целью историки, было глупо, оно было еще и невозможно.

¹ *Зачеркнуто*: А между тем стоит только забыть на минутку про план, присланный из Петербурга и составленный внимательно, и взглянуть в сущность дела, в солдат, в их положение, в те условия, в которых они были, и вдруг ясный свет осветит всё дело. И всё просто и понятно.

От Москвы до Красного отсталыми и больными растаяло на половину русское войско. Отчего это произошло? Какова была пища солдат? Не всегда полная порция сухарей — редко мясо и никогда водка. Какова была одежда? Полушубков не было у трети, сапог не было теплых у половины. Холодные сапоги были худы. Где ночевали войска? В поле биваками. Какая была погода? <Морозы> Сырая осень, метели, метели и морозы до 18 градусов. *Вместо зач. вписан дальнейший текст.*

² *Зач.*: присут[ствием]

* № 283 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. I—III).¹

²<Когда мы видим умирающее животное, ужас охватывает нас. То, что есть я, сущность³ меня, скрывается от меня. Но когда умирающее передо мной есть человек,⁴ любимый, ощущаемый мною как я сам, тогда, кроме ужаса, мы чувствуем лишение, духовную рану, чувствуем, что часть нашей души оторвана.⁵ И душевная рана, произведенная разрывом, болит, как рана физическая, и⁶ всякое внешнее прикосновение раздражает ее.⁷

Последнее время пребывания княжны Марьи в Ярославле они были неразлучны. Ежели одна выходила, то другая спешила присоединиться к ней.⁸ Любимое их время было, когда они были одни: Наташа с ногами на большом диване, княжна Марья или у стола или против нее на кресле. Соня⁹ из-за стены и из-за двери слышала, что¹⁰ они¹¹ не переставая говорили; но когда она к ним входила, они замолкали и очевидно было, что им тяжело¹² присутствие посторонних и что Наташа и княжна Марья испытывали это.

¹³Они обе чувствовали одинаково, что над ними после того, что они пережили, остановилось и нависло грозное облако смерти и, нравственно согнувшись и¹⁴ зажмурившись, они¹⁵ не смели¹⁶ взглянуть в лицо жизни.¹⁷ Всё в этой вольной жизни,¹⁸ не касающееся смерти, казалось оскорбительным, всё нарушало тот таинственный, величественный, дальний хор, к пению которого¹ *Автограф*.

² *Весь первый абзац — вставка, написанная при последующем просмотре первого наброска.*

³ *Зачеркнуто:* моего

⁴ *Зач.:* сделанный

⁵ *Зач.:* <Иногда, когда любимый> И рана

⁶ *Зач.:* как рана иногда убивает, а когда залечивается, то залечивается только изнутри самой жизни.

⁷ *Зач. начало первого наброска:* Прошло две недели со времени смерти князя Андрея. Наташа и княжна Марья были неразлучны. Они редко выходили из маленькой угловой комнаты, отведенной княжне Марье, и над *зачеркнутым* вписана первая фраза след. абзаца.

⁸ *Зач.:* Они сидели большею частью *Позднее вписаны вместо зач. след. семь слов.*

⁹ *Зач.:* и графиня

¹⁰ *Зач.:* когда

¹¹ *Зач.:* оставались одни, они

¹² *Зач.:* и им мешают и *вписано позднее окончание фразы.*

¹³ *Зач.:* Княжна Марья

¹⁴ *Зач. позднее:* скрыв лицо и *надписано:* зажмурившись

¹⁵ *Зач.:* так или

¹⁶ *Зач. позднее:* поднять головы и

¹⁷ *Зач.:* Всякое участие в вольной жизни представлялось им кошунством испытанного чувства.

¹⁸ *Зач. позднее:* на каждом шагу встречались оскорбительные, недостойные воспоминания, как пьяный смех <над> в середине *Вместо зач. вписаны след. восемь слов, а затем четыре исправлены из:* таинственного, величественного, дальнего хора

они¹ прислушивались с напряженным² вниманием. Они, сжавшись, согнувшись от жизни, избегали ее, ходили в ней так, чтобы грозная, нависшая туча не задевала их, и жили только в своем мире, где, они знали, ни та, ни другая не нарушит той благоговеющей тишины, которая нужна была им.³

Тогда только ничто не могло нарушить торжественности их чувства. Когда они были вдвоем, тогда только с ними было еще третье, невидимое лицо, которое обе одинаково ясно чувствовали и которое стояло на страже перед всяким проявлением жизни.

Стоило только намеком, словом, жестом выразить надежду, радость жизни, как⁴ таинственный голос одинаково внятно для обеих говорил: помни! помнишь? и⁵ мысли и чувства их получали прежнее направление.>⁶

Между ними установилось чувство сильнее, чем дружба. Это было исключительное чувство возможности жизни только в присутствии друг друга.⁷ Они вдвоем чувствовали большее согласие между собой, чем порознь каждая сама с собою.

Иногда⁸ они молчали целые часы. Иногда, уже лежа в постелях, они сходились и начинали говорить и говорили до утра.

<Они⁹ тихими голосами говорили¹⁰ между собою, но они никогда не говорили¹¹ о будущем, как будто будущего не существовало для них и никогда¹² не говорили об¹³ умершем. Говорить о нем было для них невозможно. Им казалось, что то, что они пережили и перечувствовали, не могло быть выражено словами. Им казалось, что всякое упоминание словами о¹⁴ нем нарушало величие происшедшего. Но беспрестанные воздержания речи, когда они говорили о чем бы то ни было, постоянное обхождение тех предметов, которое бы навело на¹⁵ разговор о нем: эти остановки с разных сторон на границах того, о чем нельзя было¹ След. слово вписано позднее.

² Исправлено из: напряжением и далее зачеркнуто: продолжали прислушиваться. И потому

³ Зач. позднее. Они жили только тогда, когда они были вдвоем. <Они> <И> Это сближение между ними породило в них взаимное чувство, сильнее, чем дружба <Они часто были вдвоем> <Они большей частью были вдвоем>. Дальнейший текст — позднейшая вставка на полях.

⁴ Зач.: невидимый голос

⁵ Зач.: они затихали, <направляя> давая

⁶ След. фраза вписана позднее.

⁷ Зач. позднее: Им было легко вместе и вместо зач. вписано до конца абзаца.

⁸ Зач. вписанное позднее: так же согласно

⁹ След. два слова вписаны позднее.

¹⁰ Зач.: обо всем, что могло в прошедшем интересоваться одну или другую и надписаны след. три слова.

¹¹ Зач.: только

¹² Зач.: ни одного раза во все эти две недели они

¹³ Зач.: нем

¹⁴ Зач.: прошлом только

¹⁵ Зач.: мысль

говорить, как будто чище, яснее и величественнее постоянно держало перед их глазами то, что они чувствовали.>

Они говорили большей частью о дальнем прошедшем. Княжна Марья рассказывала про свое детство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтания, и Наташа, прежде с спокойным презрением отворачивавшаяся от этой жизни преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения, теперь,¹ чувствуя себя связанной с княжной Марьей, такую, какую она была теперь, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятное ей прежде: прелесть и высоту покорности и самоотвержения. Она не думала прилагать эту добродетель в своей жизни, потому что она не² верила в возможность жизни, но она поняла и полюбила в другой эту, прежде непонятную ей сторону жизни. Для княжны Марьи, слушавшей рассказы детства Наташи, тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждения жизни.

<Княжна Марья читала каждый день Евангелие. Наташа взяла эту книгу, возбуждавшую ее удивление тем, что в ней находят что-то³ необыкновенное, и⁴ ночью, когда княжна Марья заснула, стала читать ее.⁵

— Наташа, — сказала княжна Марья, — я видела, ты читала.

— Да.

Княжна Марья вопросительно⁶ смотрела на Наташу своими лучистыми, радостными глазами. Наташа покраснела.

— Я не поняла, — сказала она. — Я не могу понять. Лучше не будем говорить.

— Что же не понять... — Княжна Марья взяла в руки книгу.

— Нет, нет, — вскрикнула Наташа, взволнованно отрывая руки княжны Марьи. — Нет, я не могу... Я всё понимаю, что ты⁷ говоришь.

— Да откуда же я говорю? откуда я взяла успокоение?

— Я тебя понимаю, я понимаю⁸ всё. Я бы желала быть такой, как ты. Но я не пойму, не могу....

— Что же будет?...

— Не будем говорить про это.⁹ Лучше, если бы я не читала, — ¹ *Зачеркнуто:* полюбив

² *Зач.*: думала вовсе о б[удущем]

³ *Зач.*: уте[шительное]

⁴ *Зач.*: стала <читать> тайно, прячась от

⁵ *Зач.*: «Нет, я не понимаю ее», сказала она себе. <Я по>

— Мари, — сказала она ей. — Я читала вчера ночью.

— Я видела, — отвечала княжна Марья. — Я боюсь, ты и *вписана след. фраза.*

⁶ *Зач.*: глядела

⁷ *Зач.*: взяла из этой книги и *надписаны след. десять слов.*

⁸ *Зач.*: радость страдания

⁹ *Далее вписано на полях и зач. позднее, кончая:* был лишен ее новый друг.

говорила Наташа, краснея и избегая взгляда княжны Марьи, как будто боясь какого-то стыда за нее.

Для княжны Марьи, в первое же время своего горя нашедшей успокоение и силу в¹ Евангелии, было непонятно то, что говорила Наташа,² и она сказала бы, что это был враг человека, который смущал ее. Но она знала Наташу, потому что любила ее и не могла верить этому. Она знала, что искренность,³ требование ответов на вопросы, которых не было в княжне Марье, но которые были законны в Наташе, были причиной ее неудовлетворенности, и она, не обвиняя ее, жалела о том, чего был лишен ее новый друг.

Княжна Марья по своему положению одной независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, прежде Наташи была вызвана жизнью из того мира⁴ печали, в котором они жили первое время после смерти князя Андрея. Ей нельзя было оставаться жить⁵ с племянником на неопределенное время в тесном доме Ростовых. Письма родных приглашали ее назад в Воронеж и в Москву. Вскоре после смерти князя Андрея Алпатыч приехал в Ярославль с отчетом о делах и с известиями о том, что московский дом не весь сгорел и при небольшой починке может быть сделан вновь обитаемым. Кроме этих забот, постоянный уход за племянником возбуждал к жизни княжну Марью, имевшую более сильную, чем Наташа, опору в твердой и высоко понимаемой вере.⁶

В начале ноября получено было в Ярославле известие о смерти Пети, и это известие вывело первое Наташу из ее положения.⁷

Любовь эта, любовь эта исключительная, как казалось Наташе, основанная на воспоминании о нем, служащая только продолжением любви к нему, всё дальше и дальше вызывала ее к жизни и заставляла забывать его.

* № 284 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. II—III).⁸

XXI

⁹Кроме общего чувства отчуждения от всех людей Наташа в это время испытывала особенное чувство отчуждения от лиц своей семьи. Все свои: отец, мать, Соня были так ей близки, привычны, так напоминали ей тот будничнейший мир, который¹

Зачеркнуто: <вере> <высо[те]> том

² *Зач.:* но <ежели бы> она любила и знала ее

³ *Зач.:* необходимость

⁴ *Зач.:* величав[ой]

⁵ *След. два слова вписаны позднее.*

⁶ *Зач.:* Княжна Марья решила

⁷ *Зач.:* <Они ни> <Они никогда, всё также, как и прежде> Дружба

⁸ *Автограф.*

⁹ *Зач.:* Наташа вышла в коридор и в столовую. <В> Граф Илья

оскорблял ее теперь, что она даже враждебно смотрела на них. Она теперь почти с злобой¹ повиновалась требованию отца.²

Когда она³ вошла⁴ в залу, отец выходил из комнаты графини. Лицо его было мокро от слез, и он, видно, только что остановил рыдания. Увидав Наташу, он поднял кверху руки.

— Что? что? — вскрикнула Наташа.

— Петя — сын.⁵ — Поди, поди! Она тебя зовет, — и он, быстро семеня ослабевшими ногами, подошел к стулу и упал почти на него, закрыв лицо руками.

— Мари, что? убит? — угадала Наташа,⁶ входя в спальню матери.

Мать лежала⁷ на кресле, странно неловко вытягиваясь, билась⁸ головой⁹ об ручку кресла.

Соня и девушки держали ее за руки.

— Наташу, Наташу, — кричала она. — Неправда, неправда. Он лжет. Наташу, — кричала она, не узнавая ее и отталкивая. — Подите прочь все. Неправда. Убили. Ха-ха-ха-ха!

Слезы выступили в глаза Наташи и лились из них, но она не рыдала. Рот ее¹⁰ сложился в выражении твердой силы, только вся челюсть изредка вздрагивала. Она подошла к матери, обняла, подняла ее, подложила подушки и, положив ей голову на грудь, стала целовать ее руки, лицо, шепча ей нежные слова.

— Воды! — проговаривала¹¹ она. — Расстегните! Голубчик, маменька.

Мать долго бессмысленно сжимала ее голову, вглядывалась в нее на мгновение и замолкала и опять впадала в свое прежнее беспамятство.

Наташа не помнила, как прошел этот день, ночь, следующий день, следующая ночь. Она не спала, не отходила от матери, которая, кроме ее, никого не подпускала к себе, никого не слушала и которая с ней одной на третью ночь начала плакать.

¹ *Зачеркнуто*: и с досадой

² *Зач.*: Отец <стоял у противу> сидел на стуле у окна и, положив свою плешивую голову на сжатые кулаки, всхлипывал.

³ *Слово она вписано позднее.*

⁴ *Зач.*: Наташа, он поднял мокрое от слез лицо. «Бог мой, бог мой! — проговорил он. — Петя» и *вписано до конца абзаца.*

⁵ *Зач.*: вот — и он подал ей письмо.

⁶ *Зач.*: спра[шивая]

⁷ *Зач.*: окруженная Соней и девушками и страшно и *надписаны след. пять слов.*

⁸ *Зач.*: руками и

⁹ *Зач.*: и кричала: Наташу! и *надписаны след. одиннадцать слов.*

¹⁰ *Зач.*: строго

¹¹ *Так в автографе.*

Княжна Марья, отложившая свой отъезд, Соня, граф¹ — старались заменить Наташу, но не могли и видели, что она одна могла делать то, что она делала.²

Три недели Наташа безвыходно жила при матери, спала на кресле в ее комнате, поила, кормила ее, читала ей изредка, чередуясь с Соней и княжной Марьей.

Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину жизни графини. Она жила³ наполовину только, и через месяц после известия о смерти Пети, заставшего ее свежей и бодрой 50-летней женщиной, она вышла из своей комнаты полумертвой, не принимающей участия в жизни старухой. Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта новая рана — потеря любимого брата для Наташи — вызвала ее к жизни.⁴

Несколько недель после получения известия Наташа, которую мать насильно отослала в свою комнату отдохнуть, Наташа пришла в комнату к княжне Марье, отложившей на некоторое время свой отъезд.

— Мне не хочется, я не могу спать, — сказала Наташа. — Можно посидеть с тобой?

— Боже мой, как ужасно,⁵ что⁶ я не могу тебе дать того утешенья, которое одно и которое я знаю, — сказала княжна Марья, вздохнув. — Ей лучше. Я рада, что она нынче так говорила.⁷

Наташа пересела поближе к княжне Марье и пристально смотрела на нее. Она слушала то, что говорила княжна Марья, и думала: «Похожа она на него? Да, и похожа и непохожа. Нет, непохожа. Но она совсем особенная, чужая, совсем новая, неизвестная.⁸ Что у ней в душе? Как она думает? Как она чувствует? Как смотрит на меня? Я могла бы любить ее. Да, я люблю ее».

— Маша! — сказала она вдруг. — Ты не думай, что я дурная. Право, я⁹ доб... я хоро... Маша, я тебя очень, очень люблю. — Она обняла и стала целовать ее.

¹ *Зачеркнуто*: видели, что силы Наташи изменят ей

² *Зач.*: На третий день, когда графиня стала плакать и когда ей приведен был <духовник ее> монах, который должен был исповедывать и причастить ее, она вспомнила о Наташе и велела ей идти к себе и отдохнуть. Но Наташа не чувствовала ни малейшей усталости и желания спать. <В ночь с ней сделались конвуль[сии]> Но в ночь она сама тихо вышла из комнаты матери, ушла к себе, и с ней сделались конвульсии, разрешившиеся рыданиями и слезами.

³ *Зач.*: но уже

⁴ *Зач.*: <Когда княжна Марья, на месяц отложившая свой отъезд, теперь, в половине генваря, собиралась ехать,> Вскоре

⁵ *Исправлено из*: страшно и далее *зач.*: то

⁶ *Зач.*: хочешь всю жизнь отдать

⁷ *Зач.*: Потеря

⁸ *Зач.*: И она славная

⁹ *Зач.*: хор[ошая]

* № 285 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. I—III?)¹.

<Рамбаль, знакомый Пьера, между тем уже давно находился в² Ярославле. Он ничего не наградил в Москве³ и на одном из первых переходов весьма охотно сдался нападшим на него с его эскадром казакам. Половина эскадрона его была пешая, другая половина на лошадях, кормленных соломой с крыш, которые не могли двигаться, и la chair de cheval,⁴ к[оторую] ему предоставили для пищи, не нравилась ему. В самой глубине души своей он был очень доволен d'avoir tiré son épingle du jeu,⁵ но в разговорах с русскими в то время, как его с другими пленными офицерами препровождали в Кострому, он рассказывал чудеса про подвиги de la grrrande armée⁶ и удивлял тех охотников до французского языка — русских, которые разговаривали с ним, своим мужеством, и храбростью, и рыцарством, и bonne mine.⁷ С казаками первое время⁸ Рамбаль⁹ мало разговаривал и, когда его вели, сняв с него сапоги и оружие, всё оглядывался, как бы сзади не ударил бы кто пикой, но чем дальше он шел в глубь России, тем положение его улучшалось и он становился веселее и развязнее. В самой Костроме его опять одели, хорошо поместили и, кроме кормовых денег, давали много от благотворителей и приглашали в дворянские дома на вечера и обеды.

«Cette fois cicelies ne m'échapperont pas, les comtesses russes», думал он. «Je me rattraperais sur ce que j'ai manqué à Moscou. Elles sont b..... gentilles»,¹⁰ говорил он сам с собою, подмигивая глазом и любясь перед зеркалом своим припомаженным освежившим лицом и усами. Рамбаль в этот вечер 5 декабря получил через костромского молодого помещика, сдружившегося с Рамбалем, приглашение к¹¹ Princesse и Comtesse¹² вместе. Он уж и прежде бывал на балах и вечерах в костромском обществе, пленяя дам своей турнурой в короткой куртке и обтянутых панталонах, но он чувствовал, что то общество, в котором он бывал, было не самое хорошее общество, но теперь Princesse и Comtesse, Princesse Boug... Comment diable ces noms russes... et Comtesse Rossitordoff, — выговаривал он. — ¹ Автограф.

² Зачеркнуто: Костроме.

³ Зач.: и вышел с своим полком вме[сте]

⁴ [конина,]

⁵ [что ловко выпутался из беды,]

⁶ [великой арррмии]

⁷ [бодрым видом.]

⁸ Зач.: было плохо

⁹ Зач.: чувствовал

¹⁰ [«На этот раз от меня не уйдут русские графини. Я наверстаю то, что мне не удалось в Москве. Они очень... милы, »]

¹¹ Зач.: одной

¹² [княжне и графине]

Balekine [?] <prétend> que la Rossitordoff est gentille. Tant mieux.¹

Он, прищутив глаз, сделал ту неприличную выходку, которая называется танцем у французов, и собрался ехать.

Princesse Voïgou и Comtesse Rositordoff были Наташа и княжна Марья. Они приглашали к себе Рамбала.>

Прошло две недели со времени смерти князя Андрея.² Княжна Марья продолжала жить у Ростовых. Она ожидала ответа от посланного в Москву управляющего для приготовления для нее несгоревшего их дома. Она приглашала Ростовых ехать вместе с собой в Москву, и³ Ростовы,⁴ дом которых сгорел дотла, находились в нерешительности, принять или не принять предложение княжны. Наташа опять была больна и в том положении, в котором она была, нельзя было думать о зимнем переезде в Москву.⁵ Но без Ростовых княжна Марья⁶ не хотела ехать в Москву. Она теперь не могла себе представить жизни без Наташи. Насколько прежде ей не нравилась Наташа, настолько сильнее теперь, после того⁷ времени, которое они одни пережили с ней вместе у умирающего Андрея, княжна Марья испытывала к Наташе робкое, осторожное и подобострастное обожание, которое ее спасало от ее горя. Она до сих пор ни о чем другом не могла думать спокойно, как о брате и его кончине, и⁸ только с Наташей⁹ княжна Марья чувствовала, что она продолжала жить в мысли о брате. Со времени кончины князя Андрея и до сих пор они ни разу не говорили о нем, но бесчисленные воздержания от речи о том-то и о том-то, их взгляды, их присутствие говорило им, что, о чем бы они ни говорили, они говорили о нем. По совету докторов и по желанию графини они переехали на другую квартиру для того, чтобы избавиться от воспоминаний; но княжна Марья и Наташа так же не могли избавиться от этих воспоминаний, как они не могли избавиться от жизни. Воспоминание этих последних дней его овладело ими всеми. Одно только в жизни было — эти воспоминания, остальное были скучные подробности, отвлекавшие от главного. А между тем они никогда не говорили про него. Им казалось, что то, [что] они видели, перечувствовали и пережили, не могло¹ [Княжна и графиня, княжна Буг... Чорт побери эти русские имена... и графиня Роситордова. Балекин утверждает, что Роситордова мила. Тем лучше.]

² *Зачеркнуто*: Вскоре после похорон Ростовы и княжна Марья с ними вместе переехали в Кострому.

³ *И исправлено из*: но

⁴ *Зач.*: ничего не могли обещать *и вписано до конца фразы*.

⁵ *След. три слова вписаны позднее*.

⁶ *Зач.*: тоже не решалась оставить Наташу, к которой она привязалась чувством, гораздо сильнейшим, чем дружба *и вписано, кончая*: жизни без Наташи.

⁷ *того исправлено из*: тех *и зач.*: минут

⁸ *Зач.*: <нич> любя

⁹ *Зач.*: постоянно находясь с нею

быть выражено словами. Что всякое упоминание о том, о чем-нибудь из его жизни (они чувствовали, когда Соня, графиня говорили об этом) нарушало величие прошедшего и было недостойно его.

Княжна Марья имела занятие, свойственное ее любовной натуре, ухода за больной Наташей, но Наташа не имела никакого занятия. Она сидела, лежала, ходила, ела, спала, говорила и всё думала одно: смерть там — как. Но ни для Наташи, ни для княжны Марьи не было ничего страшного и жалкого, горестного в этом воспоминании, напротив, что-то могущественное и подавляюще прекрасное. Наташа была больна, все говорили, но болезнь ее ничем другим не выражалась, кроме усталости. В ней был¹ надорван нерв жизни. Она не чувствовала вызывающего действия впечатлений, воспоминаний, потому что одно воспоминание и впечатление, поглотившее всё и ни к чему не вызывающее, продолжало действовать на нее. Она созерцала величие смерти и бесконечного.

²Наташа была слаба, бледна и худа, но ничто так не сердило ее, когда ей говорили, что она больна,³ старалась делать то, что делают все здоровые, но силы ее заметно слабели.

Две причины были, которые⁴ ухудшали ее положение: то, что она не высказывала того, что было на ее душе, что они никогда не говорили с княжной Марьей,⁵ и то, что физические силы ее слабели.

И все три причины упадка ее духа носили в себе причины возрождения. То, что они не говорили между собой, как им казалось,⁶ потому, что слова были низки и недостаточны для выражения того, что они чувствовали, делало⁷ то, что они понемногу, сами не отдавая себе в том отчета и не веря этому, — забывали. То, что физические силы слабели,⁸ казалось, еще больше должно было усилить ее упадок, а вместе с тем, тут только, когда она заметила упадок сил, она неожиданно почувствовала, как испугалась, встрепенулась жизнью, сидевшая в ней, стала пробовать свои силы и как неожиданно, подобно молодой траве, пробивающей[ся] по заилевшему лугу, стали выбивать самые неожиданные жизненные впечатления, как бы пробуя свои силы. Она,⁹ думавшая, что она хочет смерти, не боится ее, любит ее — вдруг почувствов[ала] близость ее, испугалась и стала спрашивать себя, жива ли она.

¹ *Зачеркнуто*: переломлен

² *Зач.*: Но впечат[ления]

³ *Зач.*: Она боялась

⁴ *Зач.*: увеличивали ее горе

⁵ *Зач.*: то, что <воспоминание> впечатление смерти было так сильно, что заглушало все другие

⁶ *Зач.*: для того

⁷ *В автографе*: делали

⁸ *Зач.*: сделали то

⁹ *Зач.*: вдруг

Но Наташа сама не замечала этих невольных проблесков жизни — ей казалось, что горе еще всё так же сильно, ничто живое ее не интересовало, и она думала только о своей смерти, когда неожиданный случай показал ей самой присутствие этих, пробивающихся сквозь ил горя, игл травы жизни.

И причиной этому был Рамбаль.¹

Рамбаль был приглашен княжной Марьей, потому что приятель его рассказал графине Ростовой, как этот Рамбаль в Москве знал графа Безухова, про которого ничего не слышно было и которого знакомые его, находя это особенно поразительным, считали умершим в один месяц с его женою.² Княжна Марья уговорила Наташу выдти³ в гостиную. Она хотела ее развлечь интересом о Пьере. Рамбаль поговорил сначала с графом и графиней о *grande armée*,⁴ потом на вопрос княжны Марьи стал рассказывать о своем знакомстве с Пьером.

— Si, je l'ai connu. Mais, madame, c'est plus, qu'un ami: c'est un homme qui m'a sauvé la vie.⁵

Рассказав, как ему была спасена жизнь и как он простил преступника, Рамбаль, приняв ту поэтическую позу, которую он считал нужным принимать, говоря чувствительно, он начал рассказывать про вечер, проведенный с Пьером.

— Oh! C'était une de ces soirées qu'on n'oublie pas. Seuls sur les décombres de Moscou, nous nous sommes laissé aller aux confidences intimes, aux doux pensées de l'amour. Oui, mesdames. Il m'a parlé de son amour, le pauvre cher ami qui devait périr; il m'a parlé d'une femme qu'il avait aimé sans lui avouer son amour. Une jeune fille charmante qui avait fait un faux pas, mais qu'il aimait encore plus tendrement pour la jouissance de pardonner. Nathalie disait il...⁶

¹ *На полях конспект:* Приезд Веры и известие о Пете. Вдруг: 1) злоба на судьбу, 2) презрение к Вере, 3) потребность usefulness [полезности], 4) <любовь к> проснулась и увидела, какая прелесть княжна Марья, и полюбила, как любят чужое.

Как оно затихло, но затихало. Жили в Москве. Болезнь, в Москву и вдруг приехал Пьер и неожиданная краска.

Пьер — легко, и всё ясно. В Москву. Приехал к Наташе и вечером — готово волнение.

Разговор княжны Марьи с Наташей; из бани чистый [?], нет, жени[х].

² *Зачеркнуто:* После

³ *Зач.*: к Рамбалью

⁴ [великой арррмии,]

⁵ [— Да, я его знал. Но, сударыня, он мне больше, чем друг: этот человек спас мне жизнь.]

⁶ [— Ах, это был один из вечеров, которые не забываются. Одни среди развалин Москвы, мы пустились в задушевные признания, в нежные думы о любви. Да, сударыни. Милый бедный друг, которому суждено было погибнуть, он говорил мне о своей любви, он говорил мне о девушке, которую любил, не признаваясь ей в своей любви. Прелестная молодая девушка, она совершила ошибку, но он любил ее еще нежнее за радость прощения. Наталья, так он называл ее...]

В этот вечер в первый раз Наташа заговорила с княжной Марьей о князе Андрее.
— Я боюсь, мы забывали это, Мари. Ты помнишь? И она заплакала...

* № 286 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. VI).¹

²На другой день после так называемого Красненского сражения Кутузов выехал верхом к войскам, чтобы благодарить их.

Он проехал мимо оборванной толпы пленных (их всех было взято 26 тысяч) и рядов французских орудий и подъехал к Преображенскому полку, у которого стояли взятые знамена. С того памятного дня 26-го августа, когда под конец Бородинского сражения на представление немцев о том, что сражение проиграно, он сказал: неприятель разбит, и завтра мы погоним из Священной земли русской, с этого дня, как³ в ночь военного совета в Филях на Рязанской дороге, когда он получил известие о пожаре Москвы, в Тарутине при известии о выступлении Наполеона из Москвы и теперь — он не мог спокойно говорить о том, что было единственным, всепоглощающим его желанием: видеть⁴ осуществление гибели французов, к[оторую] он знал уже давно. Тем более это волновало его, что он один из всего войска понимал это.

После Красненского сражения он видел вскипевшую эту борьбу, алчность славы между своими генералами, видел в глазах их упреки себе, видел жадность проэктов теперь, которыми замучают его, знал, что убедить их нельзя, потому что руководило ими не⁵ ум, а страсти, но это замеченное им настроение не расстраивало его душевной радости при подробных известиях о результатах Красненских сражений. «20 т[ысяч] пленных и 120 орудий — вот они, трофеи Бородинского сражения», думал он. Этот промежуток времени от 26 августа до 2 ноября для него, 86-тилетнего человека, не казался велик, и причина и следствие несомненно связывались между собой. То, что он⁶ ждал — свершилось. Французская армия была⁷ уничтожена. Истекавший кровью зверь не сопротивлялся более. Он⁸ был счастлив, как бывают одиноко счастливы люди, понимающие то, что недоступно еще толпе. Его призвание было исполнено. Он был счастлив. Все эти речи его окружающих ¹ *Автограф*.

² *На полях конспект*: Плен[ные]. Бород[ино]. Погоним из земли русской. 80 лет. Неприятны. Вид солдат.

³ *Зач.*: накануне

⁴ *Зач.*: гибель

⁵ *Зач.*: чувства

⁶ *Зач.*: зна[л]

⁷ *Зач.*: разру[шена]

⁸ *Зач.*: хотел

генералов не занимали его — это было их неизбежное призвание, и оно в своей мере было полезно. Он сам был молод, сам вбегал первый на штурмы в то время, как ему выбили глаз, и думал, что всё в этом тогда. Он не имел к ним ни досады, ни озлобления. Проезжая мимо жалких рядов пленных, он заметил, как русский солдат давал французу, обвязанному платком, курить трубку и вдруг, увидав Главнокомандующего со свитой, спрятал трубку в голенище и, спрятав улыбку на лице, толкнул француза в ряды. Кутузов чуть заметно улыбнулся и, пустив лошадь в галоп, подъехал к фронту П[реображенского] полка, у которого стояли знамена. Он остановился, хотел что-то сказать, но почувствовал, что слезы, которые всегда выступали ему на глаза при разговоре о французах, заклокотали у него в горле. Чтобы скрыть свою слабость, он поднял руку, указывая на знамена, и сказал: «ура». Полки ответили перекатывающимся криком. И этот крик, эти¹ русские, обросшие теперь бородами — какая-то особенная, новая, коренная сила виднелась в этих бородатых солдатских лицах — люди, эти знамена неприятеля, которыми махали державшие их, — всё это, как старое, привычное впечатление, еще сильнее возбудило то чувство умиления, которое Кутузов хотел скрыть, сказав «ура». Он сморкался, притворялся, что кашляет, и слезы текли по его сморщенным, пухлым щекам. Он махнул к себе рукой казаков и показал, что он хочет слезть с лошади. Старое, толстое тело, как всегда, сняли с лошади. Он поправился и сел² на принесенный барабан, перед рядами полка. Кто-то из свиты махнул, чтобы державшие знамена солдаты подошли, и поставил их с лесом древок и знамен вокруг старого толстого человека, который, нагнув голову в белой с красным околышем фуражке, сидя на барабане и распустив живот между расставленных прямо ног, играл плетью, дожидаясь того, чтобы замолкли солдаты, кричащие ура, и сам бы он успокоился.

— Вольно!³ — сказал он, и глаз его засветился радостным, твердым блеском.⁴

Ему что-то нужно было сказать. Толпы офицеров окружили его. Он снял шапку с коротко обстриженной седой головы.

— Благодарю, ребята, — сказал он, обращаясь к солдатам, и в тишине, воцарившейся вокруг него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемые слова.

— Благодарю всех за то, что вы сделали. Из всей Наполеоновской армии ничего не остается. Вот они! — он указал на знамена, на пленных и пушки.⁵ Надо забрать и выпроводить то, что бежит. Трудно было и трудно будет. Но зато слава ваша великая.

¹ *Зачеркнуто*: лица

² *Зач.*: перед

³ *Зач.*: распустив, *осталось незачеркнутым*: офицеров

⁴ *Зач.*: Толпы офиц[еров]

⁵ *Зач.*: Трудно было и еще

Он помолчал, и опять особенно заблистал его глаз. Он хотел сказать то, что ему нужно было¹ и на что навела его сцена солдата с трубкой.

— Ребята, мы их победили, и слава вам во веки. Но, ребяташки, они тоже люди, не виноваты — их жалеть надо, видите, какие они... — опять его голос дрогнул и, чтобы не отдаться своему чувству, он вдруг надел шапку, встряхнул головой и шутливо сказал: — а² и то, кто же их к нам звал? Поделом им м. и. в. г., — сказал он.³

Одна и та же веселая улыбка пробежала по всем лицам солдат, и опять 1000 голосов заревели ура.

Слова, сказанные Кутузовым и в начале и в конце своей речи, не поняты были войсками. Никто не сумел бы передать⁴ содержания сначала торжественной⁵ и под конец простодушно стариковской речи фельдмаршала; но сердечный смысл этой речи⁶ не только был понят, но то самое, то самое чувство величественного торжества в соединении с жалостью к врагам и сознанием⁷ простоты и добродушия, выраженного этим, именно этим стариковским добродушным ругательством, это самое чувство лежало в душе каждого солдата и выразилось радостным криком.

* № 287 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. VII—IX).⁸

⁹<В этот день некоторым войскам (на все недостало) была роздана водка. Но и в тех, которым не было дано водки, чувствовался праздник.¹⁰

Полки авангарда Милорадовича стояли впереди [*1 неразобр.*] в стороне от большой дороги у края мелколесья. Морозы до 18 градусов стояли несколько дней, по ночам было ясно и звездно, по утрам падал снег. Морозный снег визжал и скрипел под колесами и шагами.

¹ *Зачеркнуто:* и то

² *Зач.:* кто

³ *Зач.:* бессмысленное, грубое, но для всякого русского человека имеющее такое определенное, добродушно стариковское ругательство. И опять затрепались знамена и тысячи голосов заревели ура. По звуку голоса, по виду его, по непонятным почти речам каждый человек чувствовал отражение своих лучших чувств в этом старом толстом человеке.

В этот же вечер

⁴ *Зач.:* сначала смысл

⁵ *Зач.:* речи

⁶ *Зач.:* чувство

⁷ *Зач.:* ничтожества и

⁸ *Автограф, продолжение предыдущего.*

⁹ *На полях:* А не будешь ходить в Москву

О Кутузове рас[сказ]

Холодно!

¹⁰ *Зач.:* В одном

157

Деревья, кусты полыни, кучи хвороста для костров, усы, волоса, брови солдат, морды лошадей — всё было в иное. Из 3000 вышедших из Т[арутина] теперь растаяло до 900 человек. Полк стоял в чистом поле на снегу. Пробили зорю, молитву, поужинали¹ сухарями с салом, выставили часовых и² солдаты, окончив служебные занятия, принялись за ночные костры и разместились кучками. Душевная жизнь солдата начинается после вечерней зари у костра.

Одно из лучших мест расположения, за которое поссорились два фелдвелея,³ у края леса, ближе к дровам, досталось 10 роте. Огромные костры, трещи и шипя, пылали на краю леса, освещая изукрашенные серебряным инеем деревья опушки и темные фигуры солдат.

У офицеров уже были балаганчики из хворосту, накрытые соломой и рогожами, но офицеры тоже сидели у костров, около которых на сажень таял снег и даже обсохла земля и было так тепло, что голые солдаты выпаривали вшей.

Около фелдвелевского костра собралось много солдат.⁴ Солдаты⁵ не стеснялись его присутствия, и разговор, пересыпанный ругательствами и шутками, не замолкал, но сосредоточивался в противоположной от офицера стороне костра.>

* № 288 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XIII).

⁶Все практические вопросы жизни, прежде вызывавшие в нем тревогу и поспешность, страх не ошибиться, теперь разрешались для него самым легким способом. Какой-то внутренний, прежде неслышный голос теперь всегда указывал, что можно и нужно, чего нельзя и не нужно сделать. Близкие окружающие люди, прежде представлявшиеся помехой для жизни, теперь,⁷ какие бы они ни были, поглощали всё внимание и деятельность Пьера.¹ *Зачеркнуто:* кашей

² *Зач.:* начался для солдат тот период задушевной жизни, когда

³ *Зач.:* досталось

⁴ *Зач.:* и шел оживленный разговор. Офицер, завернутый в шинель, сидел на чурке, которую подложили ему, и

⁵ *Зач.:* не обходили его, <ока[зывали]> поправляли перед ним костер, подавали огня ему в трубку, но

⁶ *На полях:* Рассеян. Людей любили и уважали.

К[няжну] о матери, ее любовь. Пленный француз Рамбаль; усмешка.

Решился не строить, а надо.

Смысл жизни от того [?], что вокруг себя.

В Москву и Петербург.

У Растопчина. Хотят, чтоб я лгал. Но нет, свою свободу и готовность.

Ходит по комнате на Царицыно.

Ну, нечего делать. Письмом.

⁷ *Зач.:* были приятные, радостные гости.

Терешка, молодой лакей, с его рассказами о том, как он побил двух французов, как он мужественно защищал Савельича в церкви, несмотря на то, что Пьер чувствовал, что Терешка лжет, доставляли Пьеру удовольствие, и он часто заставлял его рассказывать и слушал с чуть заметной

Лица, окружавшие Пьера во время его болезни и выздоровления, были: княжна, два лакея, доктор, два пленных француза и граф Вилларский, тот самый масон, который вводил его 7 лет тому назад в петербургскую ложу. Всё это были давно знакомые лица, но все они теперь представлялись Пьеру столь же новыми и занимательными, как будто он в первый раз узнал их. Княжна, которую он знал с детства и которой он только старался избегать, поглощала всё его внимание первое время его выздоровления и, когда он в конце января уехал прежде ее в Москву, они, прощаясь, нежно обнялись и княжна сказала ему, что она прощается с ним навсегда и что то время, которое она провела с ним здесь, никогда не возвратится.

Пьер ничем не заискивал расположения княжны,¹ но только с самого того времени, как она приехала к нему, он стал наблюдать ее. Но не так наблюдать, чтобы найти в ней смешное, странное, презрительное, как он изучал прежде, а наблюдал ее с одной определенной целью — где в ней живая душа человека.²

И очень скоро, несмотря на всю трудность этого искания, Пьер нашел искомое, и княжна смутно почувствовала это и была благодарна ему. Княжна была одна из тех людей, которые³ всегда себя считают правыми и этим сознанием своей правоты любят укорять других людей. При самом первом опыте жизни, когда княжна вступила в дом отца Пьера, она почувствовала себя оскорбленною, свою привязанность непризнанною и людей, к которым она имела привязанность, неблагодарными. Первое впечатление это было так сильно, так резко отпечаталось в ее улыбкой. Строгий, непроницаемый вид Игната и его преданность составляли другой предмет бесконечных радостных наблюдений во время болезни Пьера. Старшая княжна, <прежде бывшая> с детства знакомая Пьеру только как княжна с деревянным лицом, теперь, во время его болезни, вдруг в его глазах распустилась <как цветок> живым прекрасным цветком <из какой-то мертвой куклы. Пьер не только> Пьер невольно заставил ее говорить, вспоминать, думать вслух и из наимертвейшего существа, каким она представлялась не только ему, но и всем, знавшим ее, понемногу стал перед ним выступать образ божий, столь же великий и бесконечный, как и в каждом своем проявлении. Княжна приехала к Пьеру, как к своему кормильцу, к наследнику покойного, с намерением исполнить свой долг, как она его понимала, и с намерением дать почувствовать, что она делает должное, но не нуждается ни в привязанности, ни в благодарности. <И вдруг понемногу <Пьер увлек, заставил> она почувствовала, что к> И первое время своего пребывания в Орле она была суха и холодна с Пьером. Но чем дальше, тем больше <она невольно увлекалась> <ее> Пьер вызвал княжну на рассказы из прошедшего. Казалось, главным чувством княжны за всю ее жизнь была зависть и гордость. Она хотела быть права всегда и ненавидеть всех; но Пьер видел в ее зависти желание любить, в ее гордости

Вместо зачеркнутого на полях написан дальнейший текст, кончая: где в ней живая душа человека.

¹ *Зачеркнуто:* даже не надея[лся]

² *На полях:* Ревность. Пьер ревнует и говорит: Не могу. Я б[уду] мучать ее. Н[аташа?] зарастает трава.

³ *Зач.:* имея мало

душе, что все свои последующие чувства она невольно отливала в ту же форму. Как будто ее призвание жизни состояло в том, чтобы к ней были неблагодарны. Она старалась сделать что-нибудь для людей только для того, чтобы были неблагодарны. Все были ей неблагодарны: и старый граф, и сестры, и прислуга, и девки, которых она брала, и Пьер — все, кроме ее собачки. Любовь к ее собачке была тоже выражение неблагодарности людей. Она приехала к Пьеру с тем, чтобы больше укрепить его отношение неблагодарности к ней. Пьер понял это теперь сейчас же. Но ему мало было этого, он старался добраться до того источника, из которого взялось это настроение. Он расспрашивал княжну про первое ее время, про молодость, про то время, в которое в первый раз она почувствовала эту неблагодарность людскую, и она рассказала с неожиданными слезами свою молодость.

Пьер понял ее. Он расспрашивал ее про свою мать, и, хотя княжна и ненавидела ее, она пожалела сына и рассказала в мягких чертах историю его матери, которую в первый раз понял Пьер.

Княжна не могла измениться: она всё так же смотрела на свет, как на арену для приложения своих сил неблагодарным людям, но Пьер уже понял источник этого взгляда, и он, слегка насмешливо [?] улыбаясь про себя, любил княжну и старался не разочаровывать княжну и быть к ней достаточно для ее удовлетворения неблагодарным. Таким же он был теперь в отношении своих двух людей. Старый Терентий был постоянно недоволен недостаточной важностью своего нового барина и старался на каждом шагу дать почувствовать, что он привык к другому, и Пьер доставлял ему удовольствие презирать себя. Молодой слуга старался делать карьеру и сделаться необходимым для барина, и Пьер и ему доставлял удовольствие, показывая, что его услуги ему были приятнее.

Кроме этих домашних людей, из посторонних были доктор, Вилларский и француз Рамбаль, который был в Орле. Рамбаль первое время забавлял Пьера своими рассказами, но чему Пьер сам удивился, как неожиданной перемене в самом себе, было то, что он на¹ просьбу Рамбаля второй раз дать ему денег просто и без труда отказал ему и без всякого усилия так упорно молчал, думая о другом в присутствии Рамбаля, что француз перестал посещать его.

Доктор, обрусевший немец, доставлял Пьеру особенного рода удовольствие тем, что, следя за своим мнимым лечением (в которое Пьер не верил), доктор притворялся сам верующим, в сущности же не верил и о медицине всегда говорил с горячностью и дурно, но охотно, а интересен был только тогда, когда говорил про семейные отношения своих пациентов, о чем он нечаянно заговаривал и говорил прекрасно, выказывая настоящее знание ¹ *Зачеркнуто*: вторичную

человеческого сердца, приобретенное, очевидно, любовью к человеку.

Вилларский, занимавший важное место в Орле, был интереснейший предмет наблюдения для Пьера. Глядя на него, Пьер видел себя в прошедшем. Вилларский был женатый, семейный человек, занятый и делами имения жены, и службой, и семьей. Но он считал, что все эти занятия суть помеха жизни, и постоянно смотрел с¹ вниманием туда, куда его не спрашивали. Военные, административные, политические, масонские соображения постоянно поглощали его внимание. И Пьер, не стараясь ни исправить его, не осуждая его, не удивляясь, с своей теперь постоянно тихой, радостной насмешкой любовался на это странное, столь знакомое ему явление.

В практических делах Пьер, судя по своему отказу в деньгах французам (о котором он долго потом с удовольствием думал, удивляясь тому, что это совсем не так трудно, как прежде ему казалось), Пьер почувствовал, что у него теперь был какой-то центр тяжести, которого не было прежде. Он был так же, как прежде, равнодушен к денежным делам, но теперь он знал, что можно и нужно сделать. Новым доказательством этого было его решение ехать в Петербург и Москву.² В Орел приезжал к нему его главноуправляющий, и с ним Пьер сделал общий счет своих доходов. Пожар Москвы стоил Пьеру, по учету главноуправляющего, около 2-х миллионов. Доходы уменьшились на 30% — был результат учетов главноуправляющего. Но когда главноуправляющий ушел, Пьер один стал рассчитывать свое имение и к удивлению своему нашел, что 12 год не только не уменьшил его состояние, но увеличил его в пять раз. Расчет его был основан на том, что он считал доходы, получаемые им самим. Оказалось, что смерть жены, стоившей 150 тысяч, уничтожение подмосковной и московских домов, которые стоили 80 т[ысяч], увеличили его доходы впятеро. Он сообщил это соображение княжне и решил с ней, что он не будет возобновлять московского дома и подмосковной и отдаст внаймы петербургский дом.

* № 289 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XVI—XIX).

— Да, да, так, так, — говорил Пьер, нагнувшись вперед всем телом и жадно вслушиваясь во все страшные подробности, очевидно, забыв даже про присутствие Наташи. — Это был человек редкий. Он так всеми силами души всегда искал одного: быть прекрасным, что он не мог бояться смерти.³ Если он был горд, он имел право, — сказал Пьер. — Как я рад за него, что он свиделся с вами, — сказал он Наташе.

¹ *Зачеркнуто:* горд[остью]

² *Зач.:* Вскоре после его

³ *Зач.:* Я знаю его од[ного]

¹ — Мари не застала его в лучшее время, — начала Наташа. — Он страдал ужасно, но он был так необыкновенен, он умел быть счастливым... Когда я в первый раз пришла к нему... — Наташа² вдруг побледнела, как свои воротнички, глаза ее с умиленным блеском остановились на глазах Пьера, и она стала рассказывать отрывистым, с остановками, но не дрожащим голосом то, что она никогда еще никому не рассказывала: всё то, что он говорил в две-три недели их путешествия и жизни в Ярославле.

— Да, да, так, так, — говорил Пьер, нагибаясь над нею с налитыми слезами глазами и раскрытым ртом.

— Я часто думаю, что больше того счастья, которое я испытала в эти дни, никто никогда не испытывал. <В Троице он был очень хорош. Он подозвал меня и стал говорить о прошедшем. Я просила его пожалеть меня. Он сказал, чтобы я жалела его; что прощать никто ничего не может.>

— Да, да, так, — говорил Пьер.³

Княжна, сморщившись от желания удержать слезы, сидела подле Наташи и слушала в первый раз историю любви своего брата с Наташей.

< — Он знал сначала <я думаю>, что его жизнь кончена; но ему было не страшно. Он хотел спасти меня, и он спас. Перед приездом в Ярославль я рассердилась на Кирилла за то, что его дурно положили. Он, смеясь,>

[Далее от слов: Мучительный и радостный рассказ, видимо, был необходим для Наташи кончая: — Ну, прощай, прощай, душенька, милая Маша. Как бы я съела тебя, так я люблю тебя, — прощаясь, сказала Наташа и ушла к себе *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 4, гл. XVI—XVIII.]

На другой день, проснувшись, Пьер испытал чувство, подобное тому, которое должен испытывать человек, легший спать на воле и проснувшийся скованным. Та свобода, которой он так дорожил, которую он так лелеял, которой он так радовался в себе, не существовала более. Все, раскиданные прежде в разных сторонах центры жизни, все вдруг слились к одному центру, и центр этот был Наташа. Он отложил свой отъезд в Москву и поехал на другой день обедать к княжне Марье; на третий день он поехал вечером. Вернувшись в этот день домой, он долго взад и вперед ходил по своей комнате.⁴

«Ну, что же делать. Если надо, то надо», — сказал он себе. И, сев за стол, написал письмо в Кострому к графу, прося у него руки его дочери.⁵ Он писал, что знает несвоевременность такой¹ *Зачеркнуто*: Его лучшее

² *Зач.*: стала б[леднеть]

³ *Зач.*: А любить должен всякий.

⁴ *Зач.*: И вдруг

⁵ *Зач.*: Он писал, что обстоятельства, в которых находится теперь Наташа, воспрещают ему открыть ей свои чувства, но что он просит графа согласия на этот брак.

просьбы¹ и потому готов ждать столько, сколько это будет нужно, и до тех пор не решится говорить с самой Натальей Ильиничной.

На другой день утром Пьер поехал к княжне Марье. Как только Наташа вышла из комнаты, Пьер вынул из кармана свое письмо к графу и показал ей его.

— Скажите мне свое мнение. Могу я послать это письмо, могу я надеяться?

Княжна Марья прочла письмо; краска радости покрыла ее лицо.

— Я очень рада, — сказала она.

— Но могу, могу я...

— Я очень счастлива. Я только одно скажу вам. Когда мы не знали о смерти вашей жены и вас считали за мертвого, она говорила мне, что один человек, которого она могла бы любить, как мужа — это вы.

Пьер вскочил, засопел носом и стал целовать княжну Марью.

— Я и не думаю теперь, не говорите. Я поеду в Петербург.

— Она любит вас, и она чудная девушка. Вы будете счастливы.

Пьер остался обедать в этот день, последний перед своим отъездом в Петербург. Наташа, как и в прежние дни, была задумчиво внимательна и восприимчива к Пьеру, но ее отношения к нему для него имели теперь новое значение. Прощаясь с нею, он с новым счастливым чувством взял и долго удерживал в своей эту худую,² тонкую руку. Она будет его, и рука, и лицо, и глаза, и всё это сокровище женской прелести, которое так долго, мучительно и радостно, как что[-то] недоступное и чуждое, томило его.

С этого дня радостное, неожиданное сумашествие, к которому Пьер полагал уже себя неспособным, охватило его. Все события жизни, все люди были только подробности одного вечного, бесконечного счастья. Все люди, которых видел Пьер, были заняты одним — его будущим счастьем; они знали все, они все радовались и дурно скрывали, что не радуются и не знают. И всех их любил Пьер, и все они были только покамест.

* № 290 (рук. № 96. Т. IV, ч. 4, гл. XIX).

Сомнений не было, как прежде, никаких слов «je vous aime» ложных не было, всякое слово радостно повторялось. Одно сомнение: она скажет: он с ума сошел. Он, Пьер, человек, а мне нужно такого же бога, как я. Планов никаких: это случится, и всё кончено. После этого ничего не будет. Как они добры, что занимаются едой, деньгами, государством. Я им благодарен. Я их жалею. Мне говорят: хочу ли я служить, — ха, ха, ха! Мне¹ *Зачеркнуто*: но что он

² *Зач.*: костлявую

говорят, что я дурно делаю, — ха-ха-ха! Торговки все улыбаются. Кн[яжна] улыбается и рада. — Она притворялась, что она злая. Гр. Раст[опчин] притворялся часто. — Пьер вспоминал потом это счастливое время.

Может быть, он казался странным людям, но он был счастлив и счастлив не без причины. Всё было прекрасно, всё было для счастья.

Он ехал по пожарищам Москвы и видел красоту. На каждом лице он видел красоту и добро. Может быть, это было безумие, но оно было лучше безумия. Все были добры, прекрасны. Жена покойная была жалка и несчастна. Княжна — ангел доброты, и всё это было не выдуманно, а правда.

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

* № 291 (рук. наборная. Т. IV, ч. 2, гл. I, II).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

После Бородинского сражения, занятия неприятелем Москвы и сожжения ее важнейшим эпизодом войны 1812-го года историками признается движение русской армии с Рязанской на Калужскую дорогу и к Тарутинскому лагерю — так называемый¹ фланговый марш за Красной Пахрой.

Одни историки приписывают всю славу этого² гениального подвига Толю, другие Кутузову; но ни те, ни другие не сомневаются в том, что подвиг этот был необыкновенно гениален. Даже иностранные, даже французские историки не могут не отдать справедливость гениальности русских полководцев, говоря об этом³ фланговом марше.

Но почему военные писатели и за ними историки вообще и все вообще полагают, что этот *фланговый марш* (это слово любят очень) есть весьма глубокомысленное движение, спасшее Россию и погубившее Наполеона, весьма трудно понять для человека,⁴ думающего своим умом.

Знаменитый фланговый марш этот состоял только в том, что⁵ русское войско,⁶ отступая всё прямо назад по обратному направлению наступления, после того, как наступление французов прекратилось, отклонилось от принятого сначала прямого¹

Зачеркнуто: знаменитый

² *Зач.:* необыкновенного

⁸ *Зач.:* гениальном

⁴ *Зач.:* не принимающего всё на веру и

⁵ *Зач.:* шар *Далее переправлено:* русского войска *на:* русское войско

⁶ *Зач.:* откатывавшегося по направлению толчка, данного ему во время всей кампании и в Бородинском сражении, при уничтожении силы толчка *Над зач. вписано рукой Толстого, кончая словами:* прямого направления

направления и, не¹ видя за собой преследования, естественно² подалось в ту сторону, куда его влекло обилие продовольствия.

На совете в Филях у русского начальства преобладающею мыслью было само собой разумевшееся отступление по прямому направлению, т. е. по Владимирской дороге. Доказательством тому служит накануне отступления³ разговор главнокомандующего с Ланским, заведовавшим⁴ провиантской частью. Доводы Ланского, что при направлении армии на Владимир и Нижний провиант, собранный преимущественно по Оке, в Тульской и Калужской губерниях, с трудом может быть доставляем через Оку, убедили главнокомандующего в необходимости уклониться от прямого направления толчка и подержаться южнее к Рязанской дороге.

Впоследствии бездействие французов, потерявших даже из виду русскую армию, и выгоды приближения к своим запасам заставили Кутузова согласиться на доводы его генералов и отклониться еще южнее и ближе к запасам. Но Кутузов согласился только перейти с Рязанской на Тульскую дорогу и никак не дальше. Но когда, и перейдя на Тульскую дорогу, оказалось, что армия Наполеона не сильна и не наступает на нашу, совершенная безопасность положения заставила нашу армию еще более отклониться и перейти в середину путей⁵ своего продовольствия с Тульской на Калужскую дорогу к Тарутину.⁶

Передвижение это с Владимирской на Рязанскую, Тульскую и Калужскую дорогу было до такой степени естественно, что в этом самом направлении отбегали мародеры русской армии и что в этом самом направлении требовалось из Петербурга, чтобы Кутузов перевел свою армию.

Уже в Тарутине Кутузов получил почти выговор от государя за то, что он отвел армию на Рязанскую дорогу, и ему указывалось то самое положение спиной к Калуге, в котором он уже находился в то время, как получил письмо государя. Откатывавшийся по направлению толчка, данного ему во время всей кампании и в Бородинском сражении, при уничтожении силы толчка и не получая новых толчков, шар русского войска принял то положение, которое было ему естественно.

¹ *Зачеркнуто: получая новых толчков и надписаны рукой Толстого след. четыре слова.*

² *Зач.: отклонился и надписано: подалось*

³ *В рукописи: отступление*

⁴ *В рукописи: заведывавшего*

⁵ *Зач.: сообщения*

⁶ *Зач.: Оттолкнутый шар, когда перестали действовать на него Вместо зач. вписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая словами: шар русского войска*

В этом состоит¹ то, что называют² глубокомысленным, гениально-стратегическим подвигом флангового марша.

Ежели вместо враждующих армий — русской и французской — представить себе животных, которые дрались бы в тех же условиях, очевидно для каждого, что животное, отбитое другим от своего логовища, после первого толчка, ежели бы враг его не преследовал, подвинулось бы опять к своему логовищу в том направлении, в котором ему³ представлялась бы лучшая пища.

[Далее от слов: Ежели бы представить себе не гениальных полководцев, кончая: что было бы, ежели бы он пошел на Петербург и мн. др. близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. II и I.]

Человеческий ум в детстве своем не может⁴ видеть совокупность причин, изменяющих события, и,⁵ как ребенок, верящий, что он болен оттого, что не послушался матери, всякое явление любит приписывать отдельной причине, преимущественно воле человека. Не в силах обнять совокупности условий, ум человеческий в детстве своем хватается за первое наглядное сближение и в сближении этом видит причину.⁶

Почему русское войско перешло в Тарутино и погиб Наполеон?⁷ Потому что Кутузов изобрел гениальный фланговый марш, а гениальность Наполеона ослабела в Москве, говорят историки.

Ум же человеческий отвечает: потому, что это должно было совершиться.⁸ То есть⁹ что это совершилось по законам, отчасти известным, отчасти неизвестным нам,¹⁰ но по неизменным существующим законам.

Разница между тем и другим¹¹ воззрением та же, какая существует между человеком, говорящим, что нынче сильные морозы потому, что кукушка откуковала до Петрова дня, и тем, который скажет, что хотя он и не знает вполне тех¹² ¹ След. три слова вписаны рукой Толстого.

² След. четыре слова исправлены из: глубокомысленный, гениально-стратегический подвиг

³ Зачеркнуто: виделась

⁴ Зач.: и боится

⁵ Зач.: он и вписан след. текст, кончая словами: в детстве своем

⁶ Зач.: Из этого детского свойства человеческого ума вытекает потребность кумиров-героев, <которых> воля которых принимается за причину событий, <и поклонение им.>

⁷ Далее, кончая словами: отвечает: потому вписано рукой Толстого.

⁸ Зач.: и потому это совершилось.

⁹ Зач.: что причина всякого события одна, и эта причина всех причин недоступна нам; но есть Над зач. вписаны рукой Толстого след. четыре слова и далее законы исправлено на: законам

¹⁰ Зач.: по которым совершается историческое событие, и что признание этих законов исключает признание одной какой-либо причины. Надписано Толстым и вновь зач.: что причина всякого события — одна и что эта причина всех причин недоступна уму человеческому. Далее автограф до конца фразы.

¹¹ Зач.: признанием совершенно и вписано след. слово.

¹² Зач.: исторических

метеорологических законов, по которым произошло это явление, он знает, что законы эти существуют.

¹Русские войска по тем естественным причинам, по которым животное стремится туда, где лучше пропитание, перешли с Рязанской на Тульскую, потом на Калужскую дорогу; французское войско по столь же естественным причинам, добравшись последними усилиями до Москвы, остановилось,² грабя ее и, как стадо, топча под ногами и вырывая друг у друга тот корм, который бы мог³ спасти их от голодной смерти.⁴

Несмотря на то, что для каждого солдата французского войска должно было быть очевидно, что единственное спасение его состояло в том, чтобы, забрав [с] собой⁵ пропитание и одежды, скорее как можно возвратиться туда, откуда они пришли, — войско это не двигалось и как будто ожидало только того толчка, который бы выгнал его.⁶ Все люди французской армии⁷ после пожара Москвы и исчезновения русской армии очутились неожиданно вместо конца кампании⁸ в начале какой-то новой войны. Каждый солдат чувствовал себя в положении человека, который, собрав последние усилия, вбежал на 20-ю ступеньку лестницы, полагая там найти убежище и отдых, и вдруг⁹ убедился, что эта 20-я ступенька была только начало лестницы, бесконечно поднимавшейся вверх. Надо было идти выше или спускаться вниз; но выше идти не было сил, а спускаться было и трудно,¹⁰ и страшно, и, главное, стыдно.¹¹

Наполеон, этот гениальнейший из гениев, как утверждают историки, не мог, казалось бы, не видеть этого. И для того, чтобы собрать свои войска, уберечь продовольствие, которого было в Москве на год всему его войску, и идти назад или за русской армией для того, чтобы разбить ее, не нужно было особенной гениальности, нужно было гораздо меньше ума, внимания и распорядительности, чем на то, чтобы довести свои 600 тысяч не только до Москвы, но и до Немана; но он не сделал этого.

¹ *Зачеркнуто*: Русское войско по тем естественным причинам, по которым всякое животное стремится туда, где оно может найти себе лучшее пропитание, передвинулось с Рязанской на Калужскую *След. фраза, кончая*: потом на Калужскую *вписана над зачеркнутым*.

² *Зач.*: в обильном, разрушенном городе

³ *Зач.*: пропитать *Далее, кончая словами*: не двигалось и как будто *автограф*.

⁴ *Зач.*: Но войско это

⁵ *Зач.*: как можно

⁶ *След. четыре слова исправлены из*: Вся французская армия *Далее зач.*: находилась в сожженной Москве не в конце

⁷ *Зач.*: ожидавшие в Москве конца кампании *След. одиннадцать слов вписаны вместо зач.*

⁸ *Зач.*: неожиданно в самой середине ее и *надписаны след. пять слов*.

⁹ *Зач.*: уже вбежав наверх

¹⁰ *Зач.*: и совестно

¹¹ *Три последних слова вписаны рукой Толстого*.

Историки его, однако, и тут описывают нам гениальность Наполеона и его изумительную деятельность. Они описывают нам, какой он составил гениальный план будущей кампании.

Тьер доказывает фактами, что гениальный план этот был составлен не 9, как говорит Fain, а равно 17.¹ Но гениальный план этот² никогда не был исполнен, потому что не мог быть исполнен, и потому [на] вопрос о том, почему Наполеон не сделал того, что казалось очень легко, не остановил грабеж, не собрал провианта и не вывел войска, — мы не получаем ответа.

* № 292 (рук. наборная. Т. IV, ч. 2, конец гл. II—X).

³Кутузов, тот хитрый, придворный Кутузов, который никогда не был и не будет великим человеком для наших историков по той причине, что нет великого человека для своего лакея (не потому, что великий человек — не человек, а потому, что лакей есть лакей),⁴ этот хитрый придворный развратник Кутузов, еще не получив письма, в котором ему от государя запрещалось входить в переговоры, отвечал Наполеону через Лористона не на те глупые слова, которые⁵ были написаны и которые ему говорили, но на те, которые подразумевались. Он отвечал простыми словами, определявшими всё положение, словами, истина которых стоит выше всяких соображений, и⁶ словами, которые до тех пор, пока будет Россия, с радостным и гордым чувством прочтет всякий русский. Он сказал: *Je serai maudit, par la postérité si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque. Tel est l'esprit actuel de ma nation.*⁷

Но не одна присылка Лористона была причиной подъема духа русского войска. Бесчисленное количество причин содействовало тому, чтобы убедить русских в том, что теперь случайности войны на их стороне. И известия о бедственном состоянии французов в окрестностях Москвы, где уж казаки и мужики начали их ловить сотнями, и изобильная и спокойная стоянка под Тарутиным, где каждый день подходили рекруты, ополчения и подвозили провиант, полушубки, сапоги, и действия партизанов, забиравших трофеи пленных и транспортов с малыми средствами и усилиями, и бездействие Наполеона,⁸ и ¹ *Зачеркнуто: Хотя и надписано: Но гениальный*

² *Зач.*: хотя и весьма гениален, может быть, он

³ *В рукописи после письма Наполеона к Кутузову (см. т. IV, ч. 2, гл. II) следует текст варианта.*

⁴ *Взятое в скобки вписано рукой Толстого.*

⁵ *След. четыре слова вписаны рукой Толстого.*

⁶ *Зач.*: которые останутся вечною *Далее вписано рукой Толстого, кончая:* прочтет всякий русский.

⁷ Я был бы проклят, если бы на меня смотрели как на первого зачинщика какой бы то ни было сделки: *такова воля нашего народа.*

⁸ *Зач.*: и присылка Лористона в русскую армию для переговоров о мире,

беспечность и беспорядок в тех частях французской армии, которые прикасались с нашими авангардами, и желание солдат пошевелиться и подраться, когда они опять окрепли и освежились, и желание генералов и офицеров отличиться и получить ордена и кресты, и требования государя из Петербурга о том, чтобы начать наступательные действия, — всё это вместе и еще многое другое привело русских к переходу от отступления к наступлению так же неизбежно, как другие условия привели их прежде к необходимости отступления.

Но если бы государь не предписал перейти в наступление, никогда бы не начали?

Нет, мы точно так же начали бы его. Доказательством тому служит то, что письмо государя о том, чтобы начать действовать наступательно, получено было уже тогда, когда начало было сделано.¹

[Далее от слов: Князь Михаил Иларионович! — писал государь, кончая: храбрость войск, вами предводительствуемых, нам предвещают» *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 2, гл. III.]

Это письмо получено Кутузовым уже после того, как² он атаковал французов. Совпадение это только доказывает то, что то, что чувствовалось в Петербурге, еще сильнее чувствовалось в армии.

Но³ ежели бы Кутузов не отдал приказания, мы бы не атаковали?

Нет, мы бы все-таки перешли в наступление и даже гораздо раньше. Кутузов все свои силы и свое влияние употребил только на то, чтобы не атаковать никогда после Бородинского сражения французов, и все-таки атаковал. Кутузов один из всех людей армии, как старый, опытный охотник, знал, что зверь⁴ ранен в Бородине,⁵ что удар попал и что идти на него бесполезно и вредно, но он не мог удержать требования своих генералов. Так, стало быть, мы не атаковали, ежели бы не было требований этих генералов?

Нет, мы все-таки атаковали бы, и доказательством тому служит то, что в Филях требовали те же генералы сражения, но сражение не было принято; в Красной Пахре те же генералы Барклай и Бенигсен единодушно требовали атаки или сражения, но сражение не было дано.

Так отчего же теперь было принято и сражение и атака? Оттого, что его требовали все. Тарутинское сражение предлагал и Толь, и Бенигсен, и⁶ Ермолов, и Милорадович.

¹ *Зачеркнуто*: а именно Тарутинское сражение.

² *В рукописи ошибочно*: что

³ *Зач.*: тогда

⁴ *Зач.*: смертельно

⁵ *След. три слова — вставка рукой Толстого.*

⁶ *Зач.*: Коновницын и надписано рукой Толстого до конца фразы.

Бенигсен даже написал записку главнокомандующему о выгодах этой атаки; но Бенигсена с его требованиями и запиской можно меньше назвать причиной этого сражения, чем казака Шаповалова, который, находясь в разъезде, убил из ружья двух зайцев и за подстреленным третьим зайцем забрел на левый фланг армии Мюрата, стоящего у леса, и вследствие этого сделал открытие, что можно врасплох захватить с этой стороны французов. Все хотели атаки: и оправившиеся солдаты, и казаки, и офицеры, и генералы, и Милорадович, разъезжавший в цепи против французов и, так как запрещено уже было ему разговаривать с Мюратом, раскланивавшийся с ним издалека, и Бенигсен,¹ и Кикин,² и всё войско,³ несмотря на все доводы Кутузова о том, что лучше подождать и что опасно.

[Далее от слов: Записка Бенигсена и сведения казаков *кончая*: и после этого сражения сделаны перемещения в штабе *близко в печатному тексту*. Т. IV, ч. 2, гл. IV — VII.]

И Бенигсен совсем рассорился с Кутузовым.⁴

Историки Наполеона рассказывают нам про его гениальные планы, изумительную деятельность, распоряжения в Москве. Рассказывают, как учреждено было правительство в Москве, как *les papes furent ramener*,⁵ как сам император, чтобы веселить армию, учредил театр, сам посещал его и какие меры он принимал к обеспечению армии жизненными припасами. Они рассказывают нам, как он писал из Москвы в Париж приказания о тамошнем театре, как он беседовал с Тутолминым и Яковлевым, поручая этим совершенно частным людям дипломатические поручения в Петербурге; как он обласкал детей Воспитательного дома, приказал надписать: «Maison de ma mère» на всех богоугодных заведениях, приказал раздавать привезенные фальшивые рубли солдатам и погоревшим русским, приказал расстрелять несколько невинных людей, что он вместе с своими войсками грабил серебро из церквей, почитая это собственностью своей армии, и вместе с тем отдавал приказания о собрании в каждую часть излишка провинта и о прекращении грабежа — приказания, которые он, бывши солдатом, мог знать за неисполнимые. Он был озабочен весьма тем, чтобы были сожжены дома Растопчина и Разумовского и, в особенности, чтобы был взорван Кремль, т. е. как ребенок, который убился об угол, требует, чтоб побили этот угол.

¹ В рукописи: Бенигсену

² В рукописи: Кикину

³ В рукописи: всему войску

⁴ Зачеркнуто: и написал государю донос на Кутузова, не забыв упомянуть о том, что Кутузов с собой возил девку, переодетую казаком.

⁵ [попы были возвращены,]

Это всё мы видим из показаний тех историков, но не видим ничего такого, что бы клонилось к той цели спасения армии, которую предписывал здравый смысл.¹

[Далее от слов: И не можем объяснить себе кончая: Бауциновский и Люценовский походы близко к автографу. См. вар. № 263, стр. 53—54.]²

Он потому ничего не мог сделать, потому что, не имея ни больше власти, ни гения, чем последний солдат его армии, он всегда был только выражением состояния и воли³ всего этого огромного целого — французского войска.⁴

Войско это, потеряв в Бородинском сражении сознание единства и силы, без мысли о будущем грабило Москву до тех пор, пока было что грабить и никто не выгонял грабителей.

И Наполеон чувствовал и делал то же самое.

Положение, в котором находилась в то время в Москве эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября⁵ генерал-интендант писал следующее:

«Les soldats se nourrissent de la chair de corbeaux et des chats. A Moscou même les troupes de ligne se livrent par nécessité à cette espèce de chasse. La viande de cheval n'est pas mangeable, on en fait cuir de temps en temps faute de mieux».⁶

Император, чтобы помочь этому делу, велел написать воззвание к народу. И на всех улицах наклеили по-русски и по-французски следующее:

¹ *Зачеркнуто*: Мы видим, напротив, что, несмотря на то, что ему казалось, что он сам командует всем миром и своей армией, а сам, так же, как и последний солдат своей армии, оставался в Москве, грабя ее до тех пор, пока нужда, осень, перехваты обозов на Смоленской дороге и нападение русских под Тарутиным не заставили его повернуться на этой 20-й ступеньке лестницы и стремглав не побежать вниз, не зная, как и куда приведет его его бегство.

Даже Тьер, то есть тот Тьер, который ни перед чем не останавливается, чтобы найти смысл в действиях своего героя, признает, что он не имел никакого определенного намерения, выходя из Москвы, и не выходил из нее только потому, что ему было стыдно.

Итак, для нас личность Наполеона и все подводимые потом под его случайную деятельность историками мнимые, разумные причины не могут иметь интереса, потому что, допустив, что один человек мог иметь власть на других, мы не

² *Зач.*: Потому-то им и не может быть интересно то, что происходило в голове и душе этого человека, а мы видим, что он, не имея ни больше власти, ни ума, чем последний солдат его войска, составлял часть *Вместо зач. рукой Толстого вписан дальнейший текст, кончая словами*: состояния и воли

³ *Зач.*: всей этой армии.

⁴ *Зач.*: Состояние этого войска только имеет для нас значение. *Далее вписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая*: и делал то же самое.

⁵ *Зач.*: так как армии уже нечего было есть <написано было и распространено следующее воззвание:> и *пометка Толстого*: на стр. 50 — ⊗

⁶ [«Солдаты питались мясом ворон и кошек. Даже в самой Москве линейные полки охотились за тем же по крайней нужде. Лошадиное мясо невозможно было есть и, несмотря на то, за неимением лучшего, его изредка варили».] *След. абзац* — автограф.

[Текст «Провозглашения» см. в т. IV, ч. 2, гл. IX.]

Тогда император, решив, что надо потворствовать суеверию народа, fit amener les popes.¹

Но на это последовало только следующее донесение: «Le prêtre que j'avais découvert et invité à recommencer à dire la messe, a nettoyé et fermé l'église. Cette nuit on est venu de nouveau enfoncer les portes, casser les cadenas, déchirer les livres et commettre d'autres désordres, le 5 Octobre».²

Император³ нашел, что⁴ причина всего зла заключается в грабеже, и он строго подтвердил то, что уже несколько раз было приказываемо: остановить грабеж.

На это отвечали донесения, говорившие о том, что невозможно остановить грабеж.

«Rien de nouveau, autre que les soldats se permettent de voler et de piller, le 9 Octobre.

Le vol et le pillage continuent. Il y a une bande des voleurs dans notre district qu'il faudra faire arrêter par de fortes gardes. Le 11 Octobre».⁵

⁶Дисциплина армии падала, но гвардии отдавались беспрестанные приказы то о том, что часовые не окликают, то о том, что не делают должной чести императору и т. д.

* № 293 (рук. наборная. Т. IV, ч. 4, гл. II).

Когда она вошла в залу, отец выходил из комнаты графини. Лицо его было мокро от слез, и он, видимо, только что остановил рыдания. Увидав Наташу, он поднял кверху руки.

— Папилька! Что? — вскрикнула Наташа.⁷

— Петя... сын... Поди, поди,⁸ она... она... зовет... — И он⁹ опять зарыдал, как дитя, быстро семеня ослабевшими ногами, подошел к стулу и упал почти на него, закрыв лицо руками.¹⁰

Подбородок Наташи быстро задрожал. Она хотела подойти к отцу, но, видимо, не могла двинуться с места.

¹ [приказал привести назад попов.]

² «Священник, которого я нашел и пригласил начать служить обедни, вычистил и запер церковь. В ту же ночь пришли опять ломать двери и замки, рвать книги и производить другие беспорядки, 5 октября».

³ *Зачеркнуто*: несколько раз приказывал *Далее, кончая*: было приказываемо *вписано рукой Толстого*.

⁴ *Зач.*: вся

⁵ «Ничего нового, только что солдаты позволяют себе грабить и воровать, 9-го октября.

Воровство и грабеж продолжаются. Существует шайка воров в нашем участке, которую надо будет остановить сильными мерами. 11-го октября».

⁶ *Зач.*: Император нашел

⁷ *Зач.*: бросаясь к нему.

⁸ *Зач.*: она тебя

⁹ *След. четыре слова вписаны рукой Толстого*.

¹⁰ *Зач. автограф*: Наташа вбежала в дверь <подошла к двери> матери.

— Убит! — <говорила> сказала она.

След. абзац — автограф.

— Мари, что?.. Убит?..¹ — проговорила она.

Княжна Марья прошептала что-то и закрыла лицо руками.

Наташа, бледная как мел, стояла в дверях спальни. Страшный горловой звук поднялся из ее груди. Но вдруг она услышала, увидела мать, краска быстро покрыла ее лицо, и она² подбежала к ней.

Графиня лежала на кресле, странно неловко вытягиваясь, и билась головой об³ стену.

* № 294 (рук. наборная Т. IV, ч. 4, начало гл. III).

II (<Новая> глава)

Душевная рана, происходящая от разрыва духовного тела, точно так же, как и рана физическая, как ни странно это кажется, после того, как рана зажила, и, кажется, сошлась своими краями, рана духовная, как и физическая, заживает изнутри, выпирающей силой жизни.

Так же зажила рана Наташи. Она думала, что жизнь ее кончена; ей казалось, что она несомненно чувствовала это. Но вдруг любовь к матери показала ей, что сущность ее жизни — любовь — еще жива в ней. Проснулась любовь и проснулась жизнь. И ей мало стало той бессознательной, кровной любви, которой проявление она чувствовала только в редкие минуты⁴ сильных переверотов в жизни, ей стало необходимо любить снова чужое, таинственное и неизвестное. И такую и вместе близкою была для нее княжна Марья. И она страстно, как любят женщины, полюбила ее.

* № 295 (рук. наборная Т. IV, ч. 4, конец гл. XIX).

Радостное, неожиданное сумасшествие, к которому Пьер считал себя неспособным, овладело им.⁵

Все люди казались Пьеру занятыми только одним — его будущим счастьем. Ему казалось, что все они не только знают про его счастье, но радуются ему так же, как и он сам, и только стараются скрыть эту радость и притвориться занятыми другими интересами. Ему казалось, что он всякую минуту проникал их притворство;⁶ и он был уверен, что они могли притворяться¹ *Зачеркнуто*: угадала Наташа, входя в спальню матери. *Далее зач. вписанный автограф*: и горло ее дрожало от рыданий, и глаза были полны слез.

Но вдруг она увидела мать. <Как> <Она> <Как будто сильный> Рыдания и слезы остановились. Она задрожала всем телом <и быстро подошла к графине>, потом глубоко вздохнула и подбе[жала]

² *Зач.*: <подбежала к ней> на мгновение замерла на месте

³ *Зач.*: ручку кресла и надписано рукой Толстого: стену.

⁴ *Зач.*: несчастья

⁵ *Зач.*: Все события жизни, все люди были только принадлежности одного существа — Наташи, в которой был центр всего существующего.

⁶ *Зач.*: Да и кроме того

еще только до тех пор, пока совершится его счастье; тогда же все они откровенно признаются, что всё остальное не имеет никакого интереса.

В Петербурге он часто должен был удерживаться от смеха, когда ему предлагали служить в Петербурге или жениться или когда обсуждали какие-нибудь общие, государственные дела и войну, предполагая, что от такого или такого-то исхода или события зависит счастье всех людей. Когда он видел, что люди заняты какими-нибудь делами, имеющими влияние на общее благо людей, он испытывал к этим людям глубокое чувство жалости и благодарности. Все люди казались ему добрыми и прекрасными.

Рассматривая дела и бумаги своей покойной жены, он к ее памяти не испытывал другого чувства, кроме жалости в том, что она не знала того счастья, которое он знал теперь. Князь Василий,¹ особенно гордый теперь получением нового места и звезды, представлялся ему² трогательным, добрым и жалким стариком. Пьер часто потом вспоминал это время счастливого безумия. «Может быть, думал он, я и казался тогда странен и смешон; но я тогда не был так безумен, как это кажется. Я был, напротив, тогда умнее и проникательнее ко всему доброму и прекрасному, чем я был когда-либо. Если все люди казались мне добры и прекрасны, покойная жена — жалкая и добрая женщина, князь Василий — милым, заблудшим стариком, то я не отрекся ни от одного из тех взглядов, которые я имел тогда. Я понимал тогда всё, что стоит понимать в жизни, и сквозь все внешние покровы проникал доброе и прекрасное. Да, я во время того безумия был умнее и сильнее³ моего небезумия, во время которого я видел одно дурное, то есть ничего не видел».

¹ *Зачеркнуто*: не только и вписаны след. восемь слов.

² *Зач.*: но и был

³ *Зач.*: многих периодов

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

* № 296 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).

<Губернаторша¹ начинала свое французское письмо Соне² рассуждениями о том, что истинная любовь не может быть соединена с эгоизмом, что³ цель истинной любви заключается только в счастье тех людей, которых мы любим.

«Неожиданные обстоятельства», писала она, «сделали мне известной вашу любовь к милому Nicolas. Зная его благородство и правила, я уверена, что он никогда не изменит вам; но вместе с тем я знаю, что единственное средство⁴ спасения от разорения всего семейства состоит в его женитьбе на девушке с состоянием, и только его любовь к вам заставляет его отказывать мольбам его матери. Chère Sophie, le sacrifice de soi est bien doux aux coeurs nobles. Rendez lui sa liberté et vous gagnerez [?] son coeur et les douces joies de l'abnégation.⁵ Потом она описывала странную двукратную встречу с княжной Марьей и⁶ видела в этом особенный промысел божий. Написав эти письма, губернаторша с курьером, уезжавшим в тот же вечер, отослала их.>

* № 297 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. VI).

Лицо ее с того времени, как вошел Ростов, вдруг преобразилось так, как преображается расписной фонарь, в который вставят свечку. Бывают лица, подобные фонарям с толстыми стенками, непроницаемыми для света, и, как бы ни красивы,⁷ представляющие всегда для виду грубую бессмысленную¹ *Зачеркнуто*: описывала Соне

² *Зач.*: тем, что

³ *Зач.*: главная

⁴ *Зач.*: для поправления

⁵ [Дорогая Софи, благородному сердцу приятно жертвовать собой. Верните ему свободу, этим вы выиграете его сердце и тихую радость самоотречения.]

⁶ *Зач.*: говорила

⁷ *Зач.*: были их

работу¹; бывают лица, подобные фонарям с тонкими, прозрачными стенками и с различной силой света. Бывают лица, подобные фонарям, в которых прозрачные стенки, но однообразные, одного какого-нибудь яркого света (таково было лицо Ростова), и бывают лица, как лицо княжны Марьи, подобные фонарям с² наипрозрачайшими стенками, с самой искусной, сложной, художественной на них работой, которая вдруг во всей своей тонкой красоте выступает только тогда, когда яркий [свет] зажжен в них. В первый раз этот свет зажжен был теперь в лице княжны Марьи, и вся та чистая духовная, внутренняя работа, которой она жила до сих пор, выступила наружу.

* № 298 (корректурa. Т. IV, ч. 1, гл. XII).

Пьер стоял против этой кучки солдат.³ Все эти лица, фигуры, позы, звуки голосов — всё это было так знакомо Пьеру и так страшно бессмысленно.

— Ребята, тут местечко барину дайте, — сказал офицер, подвигаясь к ним.

— Что ж, можно, — откликнулся голос.

— Да, вишь, ловок, я и так вчерась Миронова задавил было, — сказал другой.⁴

Пьер стал посередине балагана, молча оглядываясь.

— Ишь, как витютень, ни очей, ни речей, — послышался в это время⁵ насмешливый и чрезвычайно приятный голос. — Экой народ неласковый — право: человек новый, неизвестный.

И, говоря эти слова, небольшого роста⁶ полу-солдат, полу-мужик, в лаптях и солдатской шинели, имея что-то круглое (так он отразился в впечатлении Пьера),⁷ подошел,⁸ раскачиваясь, к Пьеру и слегка тронул его за руку.

—⁹Места много, соколик, у меня в уголушке упокой чудесный, — сказал этот человек. — Пойдем, барин, пойдем в наши палаты, — прибавил он¹⁰ и тотчас, с очевидной уверенностью, ¹ *В рукописи:* работы

² *Зачеркнуто:* наитончайшими сте[нками]

³ *Зач.:* и смотрел, и слушал.

⁴ *Зач.:* Эка погода нынче, ребята. Равно весна, — сказал в это время голос с другой стороны. Пьер оглянулся. Среднего

Вместо зач. на полях вписан следующий текст, кончая: небольшого

⁵ *Зач.:* строгий и вместе

⁶ *Зач.:* несколько сутуловатый в груди и плечах человек

⁷ *Зач.:* только

⁸ *Зач.:* с другой стороны и смотрел на него большими карими глазами. *Вместо зач. на полях гранки вписано до конца фразы.*

⁹ *Зач.:* Что ж, положим у себя, места много; солома нынче свежая, — тотчас же после этого *Вместо зач. вписаны на полях след. девять слов.*

¹⁰ *Зач.:* обращаясь к Пьеру. Слова его вылетали из него так, как будто они уже были тут, во рту; как будто они нечаянно, переполняя его, выскакивали из него. Только что он кончил говорить, он *Вместо зач. на полях вписан текст, кончая:* пойти за ним,

что Пьер не может отказать ему и не пойти за ним, пошел по балагану.¹ И Пьер пошел за ним.

Движения солдата были точно так же, как его слова, не быстры, но споры: за каждым движением² и словом следовало сейчас другое; и ни в одном³ ни слове, ни движении не было заметно ни усилия, ни задержки, ни медлительности, ни торопливости. Подойдя к углу балагана, он нагнулся, взбил солому, подвинул, передвинул рогожки, подложив соломы в голова, прихлопнул рукой и⁴ сел.

* № 299 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. VII).

— Только у нас всегда бывает всё навыворот,⁵ у французов же всё выходит, в особенности у Наполеона — по задуманному гениальному плану, — говорили и говорят люди, забывая то, что никогда не может не выходить всё противно планам и что, ежели действительно заметно это различие между нами и французами, то различие это имеет основанием не сущность дела, а воззрение на него.

Русские люди любят славу своего оружия, но⁶ открыты для восприятия правды. Французы любят славу своего оружия, и⁷ из-за этой страсти не могут видеть правду.

Из русских источников вытекает Тарутинское сражение таким, каким оно было. Из французских источников вытекает с выступления из Москвы и до вступления русских в Париж — ряд побед французского войска. И французы, каждый до последнего, не могут не верить этому.

* № 300 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XI).

<В тот же день с раннего утра всех пленннх солдат <исключая> <и Каратаева в том числе> погнали на паромы против Мамоновского дома, из которого выгружали какие-то вещи.

Несмотря на то, что караульный⁸ солдат на вопрос Пьера: не выступают ли французы, отвечал, что это только часть войска идет на Петербург и что пленные во всяком случае останутся в Москве, Пьер чувствовал, что это было неправда и что вот-вот будет объявлено выступление.>

* № 301 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XVII).

И чем больше желал этого Кутузов, тем меньше он позволял себе этому верить. Но он желал этого страстно, всею душою. Это была его одна цель, одна надежда. Всё остальное было для¹ *Зачеркнуто*: приглашая жестом Пьера следовать за собой.

² След. два слова вписаны на полях *гранки*.

³ След. три слова вписаны на полях.

⁴ След. слово исправлено из: *встал*.

⁵ *Зач.*: говорили и говорят люди

⁶ *Зач.*: еще более

⁷ *Зач.*: лишены способности и вписаны след. пять слов.

⁸ *Зач.*: офицер

него привычное исполнение жизни. Как он ни казался иногда занятым, тронутым, это были только привычные отражения известных впечатлений на его тело. Такими привычными физическими отражениями были гнев его накануне Тарутинского сражения, радость его при известии о Тарутинской победе. Он поздравлял и благодарил войска как будто с чувством. Но это было только привычное отражение окружающих предметов. Такими привычными отражениями были его разговоры с штабными, письма к m-me Stahl, которые он писал из Тарутина, чтение романов, женщины. Но погибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание.

Когда он думал о том, как совершится это, он приходил в беспокойство, вставал и ходил по избе и опять ложился.

В ночь 11-го октября он лежал, облокотившись на руку, и думал об этом.

«Опять, опять», подумал он, чувствуя охватившее его волнение, и, приподняв голову, он окликнул в соседнюю комнату:

— Казачок!.. Саша!.. — проговорил он.

— Что прикажете?

— Дай лимонаду, голубчик, что-то не спится.

В соседней комнате зашевелилось и в то же время в сенях послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Войдите, войди. Что новенького? — окликнул их фельдмаршал.

Пока лакей зажигал свечку, Толь рассказывал содержание известий. Несмотря на волнение, которое испытывал Кутузов, слушая Толя, в голове его мелькнула та же мысль, как и в голове Коновницына.

Ну, теперь держись, подумал он, замучают проэктами.

— Кто привез? — спросил Кутузов с лицом, поразившим Толя, когда загорелась свеча, своей холодной строгостью. Кутузов употреблял все душевные силы, чтобы удержать выражение охватившей его радости.

* № 302 (корректурa. Т. IV, ч. 2, гл. XVIII).

Кутузов везде отступает, но неприятель, не дожидаясь его отступления, бежит.

Правда, все описания историков рассказывают о каком-то искусном маневре Кутузова, противодействовавшем другому искусному маневру Наполеона. Но никакого маневра никогда не было. Кутузов никогда не останавливал Наполеона в Мало-Ярославце. Небольшие отряды войск, столкнувшись с французами в Мало-Ярославце, вступали в жаркие схватки, как это всегда бывает в замкнутых пространствах, в городах; но ни французская, ни русская армия здесь не вступали в дело. Русская армия, напротив, отступила, предоставляя Наполеону

идти, куда ему было угодно. И Наполеон пошел не на обильные (как любят говорить историки) края полуденных губерний, а побежал назад по старому следу.

* № 303 (корректурa. Т. IV, ч. 3, гл. XIX).

Отчего, ежели они были виноваты в том, что не достигнута была предназначавшаяся цель, как Кутузов под Красным (В истории Богдановича, писанной по Высочайшему повелению, прямо сказано, что Кутузов виноват в неуспехе дела под Красным), отчего их не судили и не казнили? Но даже ежели и допустить, что виною *неудачи* русских были Кутузов и Чичагов и т. п., нельзя понять все-таки, почему и в тех условиях, в которых при всех так называемых ошибках находились русские войска под Красным и под Березиной, почему не достигнута предполагавшаяся цель. В обоих случаях русские были, несмотря на ошибки, в превосходстве силы, и, как мы знаем из опытов Тарутинского и Вяземского сражений, начатых против воли Кутузова, приказание Кутузова не могло помешать русским заградить путь, побить, взять в плен французов. Почему это не сделано? Почему последний период кампании совершенно справедливо представляется французами рядом побед и совершенно несправедливо представляется русскими историками победоносным. И цель русских представляется нам историками в том, чтобы отрезать и взять в плен Наполеона и маршалов, и цель эта не только не была достигнута, но все попытки к достижению этой цели всякий раз были разрушены самым постыдным образом.

Как могло то русское войско, которое с слабейшими силами одержало победу под Бородиным, над неприятелем¹ во всей его силе, как могло это войско под Красным и под Березиной с превосходными силами не задавить расстроенных французов? На вопрос этот нет и не может быть ответа в том ложном изложении военных событий, которое нам представляет история, предполагая целью войны последнего периода кампании 1812 года отрезание и поимание Наполеона с маршалами и армией. Дело в том, что историкам, изучающим события по рапортам, планам и т. п., представлялось, что цель эта — отрезывания Наполеона, которую имели 10 людей в Петербурге, была цель войска и народа.

* № 304 (корректурa. Т. IV, ч. 4, гл. VI).²

При приближении Главнокомандующего говор замолк и все глаза уставились на толстого кривого старика, медленно ехавшего по дороге. Один из генералов докладывал Кутузову, где взяты орудия и пленные.

¹ В корректуре: неприятелями

² Первый, зачеркнутый слой корректуры (верстки). Вместо него на полях написан рукой Толстого новый, окончательный текст гл. VI.

— А! знамена! — сказал Кутузов, заметив десятка два французских знамен, с которыми солдаты вышли перед фронт Преображенского, выстроившегося при приближении фельдмаршала, полка.

«Вот они, трофеи Бородинского сражения», думал Кутузов, глядя на пушки и знамена; промежуток времени от 26-го августа до 2-го ноября для него, 70-тилетнего человека, не казался велик, и причины и следствия для него ясно связывались между собой. Но он никому не мог сказать этого. Никто бы не понял его. Он знал, что не только не поняли *бы* его, если бы он сказал это, но объяснили бы эти слова тем, что он хочет оправдать этими словами ту слабость, которую он, по их мнению, выказал нынешний день. Он чувствовал за собой насмешливые и недоброжелательные лица, но, несмотря на то, вид оживленных солдатских лиц и этих трофеев, которых значение он понимал совершенно иначе, чем все его генералы, радовал его. Все эти споры, неудовольствия, страсти окружающих его генералов не занимали его — это было их неизбежное призвание, и оно в своей мере было полезно, думал он.

Он сам был молод, сам вбегал первый на штурмы и осуждал в нерешительности и слабости своих начальников. Он не имел к ним ни досады, ни озлобления. Он радовался своей одинокой радостью, глядя на трофеи и на солдатские лица.

Он направил лошадь к фронту Преображенского полка, у которого стояли знамена. В толпе пленных Кутузов заметил русского солдата, который, смеясь и трепля по плечу француза, что-то говорил. Увидав главнокомандующего со свитой, солдат этот, спрятав улыбку на лице, толкнул француза и вытянулся. Кутузов пристально поглядел на этого солдата и, пустив лошадь в галоп, подъехал к фронту Преображенского полка, у которого стояли знамена.

Он остановился, поднял руку, указывая на знамена, и сказал «Ура!» Полки ответили перекатывающимся криком. И этот крик, эти русские, красные от мороза, веселые лица, эти знамена неприятеля, которыми махали державшие их, всё это возбудило в Кутузове старое, привычное впечатление. Он выпрямился, поднял голову и приосанился. Улыбка остановилась на его лице. Кто-то из свиты махнул, чтобы державшие знамена солдаты подошли и поставили их древками знамен вокруг главнокомандующего.

— Вольно! офицеров! — сказал Кутузов.

ВАРИАНТЫ К ЭПИЛОГУ

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

* № 305 (рук. № 99. Начало эпилога).

С древнейших времен¹ история Китая, Иудеи, греков, римлян по дошедшим до нас памятникам представляется в форме деятельности одного или нескольких людей, не только руководящими массами, но вполне непосредственно управляющими ими. Вся история древности по письменным памятникам представляется нам заключающеюся в деятельности нескольких исторических² героев. На вопросы о том: 1) каким образом единичные люди заставляли действовать массы по своей воле? и 2) чем управлялась сама воля этих людей? — древние отвечали признанием воли божества, подчинявшей произволы масс воле одного человека и управлявшей волею *избранного*. Бог избирает царей для иудеев, бог руководит битвами, по воле богов Ромул делается основателем Рима. Жрецы открывают волю богов, всегда руководящую исторические движения. Таково воззрение древних на историю. Понятно, что при таком воззрении не может быть места вопросу о том, каким образом личный произвол Моисея, Кесаря, Александра совпадает с общими законами, управляющими миром? и каким образом совершается непонятный факт подчинения³ огромного количества произволов произволу одного человека.

Для древних вопросы эти просто и легко разрешались верою. Саул богом избран царем своему народу и⁴ ведет свой народ к предназначенному. Свойства человеческого ума и требования логики⁵ в древности и в наше время одни и те же. В понимании исторических событий не может быть⁶ середины. Одно из двух: ¹ *Зачеркнуто*: от

² *Зач.*: деятелей.

³ *Зач.*: бесчисленного

⁴ *Зач.*: должен исполнять

⁵ *Зач.*: остались

⁶ *Зач.*: третьего

или воззрение древних, что воля богов подчиняет людей воле *одного* и руководит эту волю для целей иудейского, китайского, ассирийского народа, или¹, если нет этого подчинения и управления, то люди действуют свободно и существуют общие законы, управляющие деяниями людей.

Новая история не² признала ни того, ни другого. (Хотя уклонение воззрений истории от древних памятников происходило незаметно, шаг за шагом, я, говоря новая история, разумею исторические школы конца прошлого и начала нынешнего века. Ибо в этот период противорелигиозного движения, вследствие отрицания участия божества в делах человечества,³ и признания,⁴ что божество не подчиняет людей воле одного и не руководит волями людей, особенно резко выразилось теоретическое разногласие новых историков с древними.)

Все люди свободны и не могут быть подчинены другому. Божество не принимает непосредственного участия в делах человечества, сказала новая философия. Новая история, признав это положение, не обратилась к новой стороне изучения движения человечества, а продолжала изучать исторических деятелей.⁵ Вместо людей, непосредственно руководимыми волей богов, история поставила героев — одаренными необыкновенными, нечеловеческими способностями. Вместо прежних целей иудейского, греческого, римского, которые древним представлялись целями⁶ движения челов[ечества], новая история поставила те же идеалы целей французского, германского, английского и, в самом своем высшем отвлечении, целей европейских народов. Нельзя было отвергнуть верования древних, не поставить на место его новое воззрение. Логика положения заставила историков, мнимо отвергших божественную власть царей и фатум, руководящий историей, придти другим путем к тому же самому. Читайте все сочинения новейших историков от Гибона до Бокля, несмотря на их мнимое отрицание верования древних, вы видите, что то же самое верование в других¹ *Зачеркнуто*: необходимо объяснить, каким образом воля масс подчиняется воле одного, сильнейшее слабейшему, или каким образом свободный произвол исторического деятеля подчиняется воле многих или совпадает с ними, совпадает с общими законами, управляющими миром, и чем руководится эта воля для достижения целей истории *и вписано до конца абзаца*.

² *Зач.*: сделала

³ *Зач.*: (Вольтер — Лиссабон) особенно резко по теории выразилось разногласие новых историков с древними, так как было признано *и вписаны след. два слова*.

⁴ *Зач.*: того

⁵ *Зач.*: так как других матерьялов история почти не имела, а продолжала идти по прежнему пути. <Изучение же деятельности героев, исторических деятелей, при этом воззрении теряло смысл и требовало объяснений, каким образом влиял один человек на тысячи и чем руководилась его воля. История в теории не дала этих объяснений, на практике же своей бессознательно продолжала идти по прежнему пути.>

⁶ *Зач.*: истории

формах лежит в основе их воззрения. Они отвергают мнимое знание древних, ограниченных целей, к которым ведется народ, для них странно, что иудеи веруют, что им предназначено богом придти в обетованные земли, они также отвергают то, что Саул самим богом назначен царем и руководим во время царства.

Но разве не то же самое они говорят, когда они знают цели, к которым идет человечество, и когда они видят, что к этим целям ведут человечество единичные люди — его руководители, всё равно: Фридрихи, Кромвели, Кальвины или Руссо и Вольтеры.

Читайте все исторические сочинения самых различных школ. *Два неизбежные положения*, на которых строится всё, вы найдете во всех. Во-первых, историку известна та цель, к которой ведется человечество, во-вторых, к цели этой ведут избранные люди. Один целью этой представляет себе падение Римской империи, другой — образование феодальной власти, 3-й — величие Франции, 4-й — свободу народов, 5-й — европейское равновесие и т. д. и т. д. до последней цели — прогресс цивилизации. Но что такое все эти, представляющиеся историкам, цели человечества от единства Германии до прогресса — все эти цели суть только отвлечения неопределимые, неоощаемые, непонятные, не выдерживающие критики — все эти отвлечения суть не что иное, как верования, точно такие же верования, как верование в фатум древних? Последнее отвлечение, представляемое историками за цель движения человечества, есть прогресс цивилизации — прогресс цивилизации одного уголка мира Европы. Разве не тот ли это фатум европейских народов, как и фатум иудейского народа? Где определение этого прогресса, где доказательства его общности, его полезности? Это — то же верование, к которому необходимо по логике положения должны бы придти историки.

Другая сторона вопроса: свободная воля исторических лиц точно так же бессознательно решена н[овыми] историками в совершенно том же смысле, как и древними. Точно так же для н[овых] историков, как и для древних, весь интерес истории сосредоточивается в деятельности исторических деятелей (хотя их допускается и большее количество) и точно так же деятели эти подлежат осуждению историка по мере того, как их воля совпадает или не совпадает с известною целью историка, для древних — фатума, для новых¹ — того отвлечения: Франции, свободы, феодализма, цивилизации — вообще того верования, которое поставлено целью истории.

Взяв примером Наполеона, не говоря уже об историках, как Тьер и противоположный ему Lanfrey, которые изучают деятельность своего героя, смотря по предвзятой мере, осуждая или оправдывая его, историк общий, беспристрастный (как¹ *Зачеркнуто*: прогресса цивилизации).

он думает) Гервинус в истории первых 20 лет XIX века главный интерес видит в Наполеоне и прямо осуждает или оправдывает его, говоря, что в таких-то обстоятельствах о[н] должен был то и то-то сделать, и что он был силен тогда только, когда исполнял свое историческое призвание (в историческое призвание это, например, не входит поход 12-го [года]. Тут уж он изменял своему призванию). Гервинусу, стало быть, известно призвание историческое Наполеона. И в деятельности Наполеона он видит выражение истории человечества.

Итак, в теории новые историки отвергают¹ божественное подчинение народов одному человеку, отвергают подчинение воли этого человека законам божественным, не объясняют нам ни причин подчинения воли народов воле одного, ни законов деятельности этой единичной воли и, вместе с тем, продолжают изучать в истории тех же исторических деятелей и бессознательно для себя (а иногда и сознательно, но противуречно) признают за собой знание целей движения человечества.

* № 306 (рук. № 99. Начало эпилога).

И выписанный здесь характер ответов, даваемых историей, не только не есть грубая насмешка, но есть самое мягкое изложение того, что говорит история. Для того, чтобы быть точным, к этому изложению надо прибавить еще то, что из той же науки истории оказывается, что Наполеон был² гениальный герой (Тьер) и был пошлый и подлый человек (Lanfrey), что³ напрасное [?] восстановление Бурбонов в 13-м году по одним сделано⁴ Александром,⁵ по другим⁶ — Талейраном, по третьим — интригами Бурбонов, по 4 [-м] — всеми вместе. Одним словом, что сколько историков, столько различных противуречающих мнений как о характерах лиц, так и о причинах событий.

Но как ни странно, что на вопрос о том, почему видоизменялась жизнь миллионов,⁷ история отвечает своими противуречивыми рассуждениями о словах и мыслях десятка лиц.⁸ Но, может быть, действительно мысли и слова этого десятка лиц⁹¹ *Зачеркнуто*: участие божества в делах человечества.

² *Зач.*: благодетель человечества

³ *Зач.*: движение и вписаны след. три слова.

⁴ *Зач.*: Штейном и Бернадотом, и Метернихом, и

⁵ *Зач.*: и т. д.

⁶ *Зач.*: Штейном и Армфельдом

⁷ *Зач.*: изменяла своему нормальному нап

⁸ *Зач.*: <производивших видоизменения масс.> <Историческая наука — старая и естественная, как нам говорят, для самопознания человечества, и потому, не отвергая ее данных и потому вероятно> Не получая другого ответа, мы должны и может быть

⁹ *Зач.*: вполне выражают в себе де[ла]

производили видоизменения миллионов,¹ так что, изучая² их, мы³ узнаем⁴ видоизменения масс.⁵

Несмотря на резкое различие между первоначальными героическими историками, описывающими кесар[ей] единственной причиной всех событий, и новейшими историками до Шлоссера, Гервинуса, Бокля даже,⁶ представляющими нам делателями истории не одних кесарей и Наполеонов, но Штейнов, Кантов, Руссо, Лютеров, Кальвинов — все историки одинаково исходят из того положения, что видоизменения масс происходят, или, по крайней мере, единственное возможное их объяснение лежит в деятельности исторических лиц.⁷

Разница только в том, что первобытные историки признавали одно лицо и п[отому], несмотря на грубость изложения, были последовательнее, новейшие же историки, в особенности Бокль, переставивший вместо царей и генералов в исторические лица цивилизаторов человечества, впадают в невольное противуречие, описывая свободную деятельность нескольких людей, осуждая и оправдывая ее, и вместе с тем признавая ее необходимость.⁸

Но все историки, как первобытные, так и новейшие⁹ обращают всё свое внимание на делателей истории.¹⁰

1) Обнять деятельность масс непосредственно представляется невозможным, тогда как деятельность людей, силой власти или ума повелевающих другими, доступна нам.

2) Признание причины событий вне воли отдельных лиц уничтожает весь нравственный, поучительный смысл истории. История представлялась бы тогда естественной наукой, не представляющей ни образцов, ни добродетели, ни порока, ни мудрости и безумия.

3) С древнейших времен памятники истории, дошедшие до нас, объясняют народные события волею отдельных людей.

4) Истории обучались прежде одни властелины мира, те самые люди, которые делали историю. Теперь обучаются¹ *Зачеркнуто*: <и мы Рассмотрим же данные истории, эти описания доисторических лиц

1) по отн[ошению]

² *Зач.*: исторические лица и вписано след. слово.

³ *Зач.*: получаем

⁴ *Зач.*: движение

⁵ *Зач.*: <Ежели действительно таково свойство отношения исторических лиц к массам, то изучение истории весьма облегчается и станов[ится] тем самым> <Но посмотрим, таково ли свойство отношения исторических лиц к массам.> <Так до сих пор понимала свое назначение история. Посмотрим на свойства дей[ствительного]>

Справедливо ли это

⁶ *Зач.*: допускающими, что

⁷ *Последний абзац в рукописи отчеркнут.*

⁸ *Зач.*: <Но> О противуречии этом мы будем говорить впоследствии

⁹ *Зач.*: видят интерес

¹⁰ *Зач.*: Общий взгляд этот имеет в свою пользу весьма много доводов.

образованные сословия, те самые, которые теперь делают историю.

5) Признание подчинения¹ лиц законам движения масс уничтожает понятие о свободе воли и связанных с этим понятием учреждений церкви и государства.

и 6) самое главное. Мы очевидно с тою же несомненной ясностью, с которой мы видим восхождение и захождение солнца, видим, что распоряжения власти производят непосредственно видоизменение в массах.²

Вот причина, на которой основывается взгляд историков на исторических деятелей.

Но как ни сильны эти доводы, в особенности очевидность последнего, сама история в развитии своем, в признании участия большого числа лиц в делании истории, в особенности в новейших историях, где мотивы деятельности этих лиц еще ощутительны, сама история приходит при этом взгляде к такой неясности и противуречивости результатов, что заставляет сомневаться в основном положении — влиянии³ исторических лиц на события истории.

Сама история, разрабатывая до малейших подробностей деятельность исторических лиц, указывает нам на бесчисленные примеры деятельности исторических лиц, вовсе не имеющих последствий или имеющих совершенно противоположные предполагаемым последствия.⁴

Вся деятельность Наполеона представляется игрою случая. 99 на [100] распоряжений не исполняется; то же, которое исполняется, оказывается непредвиденным. Самая личность этого человека изобличается им самим на острове св. Элены и в особенности историками партии (Lanfrey), и оказывается, что гениальность есть слово, только выдуманное, а что он мелкий плут. То же самое явление неисполнимости предначертаний оказывается и в других делателях истории, признаваемых новой школой. Делатели революции объявляют права человека¹
Зачеркнуто: отдельных

² *Зач.:* Доводы эти весьма сильны, <но потому мы обязаны> несмотря на <то> те нелогические результаты, которые в своем дальнейшем развитии нам дает история, заставляют сомневаться в справедливости основного взгляда истории на влияние <отдельных> делателей истории на массы.

Рассмотрим это влияние исторических лиц <на> <по существенным свойствам этих исторических лиц> по <их> отношению этих лиц к массам, по результату этих отношений в действительности — по существенным их свойствам и по значению, приписываемому им в истории. Да *Вместо зач. вписана след. фраза.*

³ *Можно прочесть:* влияния

⁴ *Зач.:* Разрабатывая всю историю огр[омного] исторического лица Наполеона, Тьер и Lanfrey приходят к совершенно противоположным выводам, и мы узнаем, что Булонский лагерь и приготовления к высадке в Англию не имеют последствий, безумное

и тотчас же начинают убивать людей. То же, что вытекает из их деятельности, вытекает случайно.¹

То явление, что не все, а только редкие проявления воли великих людей (притом надо принять в расчет свойство людей объяснять невольные поступки свободным выбором) приводятся в исполнение и что великие люди не имеют никакой сверхъестественной силы, как боги в старину, невольно приводят к сомнению о том, они ли делали те события, с которыми совпадала их воля, или не события ли делали их. Не есть ли их приказание о исполнении мнимой воли только наш мираж, подобный тому, который представляет нам берега бегущими, а лодку стоящей на месте? История в своем теперешнем развитии представляет бесчисленное количество подтверждений этого предположения. Исторические явления при этом предположении получают вдруг неожиданный смысл.

Готфрид Булонский и Л. Святой делают крестовые походы, но они делают их после того, как без всякого приказание толпы оборванцев идут на восток под мнимым предводительством Петра. Потом же все мечтания и воззвания об освобождении гроба господня остаются тщетными. Если признать, что причиной крестовых походов было движение масс на восток, объясняется явление успеха походов Готфрида и др. и неуспеха последующих; но тем самым уничтожается весь интерес попыток дальнейших походов от королей, и даже участие королей в успешных походах. При таком предположении причина оказывается в неволе [?] королей, и сборы и предписания королей представляются миражем власти.

²При таком предположении объясняются и все войны Наполеона.

³Хотя⁴ предположение это объясняет много неясного в истории, это только предположение и предположение, противное очевидности. Но предположение о том, что бежит лодка, а не берега, было тоже предположение, противное очевидности. Мы признали: справедливость есть только по соображению соотношения между берегами и лодкой. Лодка подвижнее и меньше берегов, потому движется она, а не берега.

Посмотрим на соотношение власти исторических деятелей к массам.

Что удобнее допустить: то ли, что событие, в котором принимают участие 100 000 людей, вытекает из воли одного человека, или то, что мы называем волей, из ее бытия, в к[отором] принимают участие миллионы?

¹ *Зачеркнуто*: недоверие

² *Зач.*: То же

³ *Зач.*: Но это только предположение

⁴ *Зач.*: и многое

Очевидно, что легче допустить то, что¹ воля одного руководящего другими есть только мираж и что один зависит от воли миллионов, чем наоборот; но тут являются два сильные возражения: во-первых, то, что люди эти — ист[орические] д[еятели] — признаются историками гениями, существами особенными, и, во-вторых, то, что мы очевидно узнали, что приказание, распоряжение, объявление предшествует движению масс.

На последнее возражение мы должны обратить внимание на свойство людей — из двух одновременных явлений принимать одно за причину, другое за следствие, и что в этом признании одного причиной, другого следствием лежит одна из главных причин человеческих заблуждений. Приказание, объявление, распоряжение власти,² когда оно имеет быть исполнено, происходит всегда одновременно с совершением того события, о котором приказывается. В противном же случае оно остается без исполнения. Так что увидеть очевидно обман наш мы никогда не можем. Другое же возражение о гениях уже давно уничтожено историей. Нет лица исторического, которое не было бы представлено и героем, и злодеем, и дураком, и умным. Самые же свойства деятельности дел[ателей] ист[ории] доказывают нам невозможность их влияния на массы. Ист[орические] дел[атели] суть преимущественно цари, воспитанные в предрассудках и во время деятельности находящиеся под влиянием власти, т. е. столкновении с толпою. Кроме того, окружены самыми несвободными людьми. Массы же состоят и[з] наисвободнейших людей низшего сословия.

И потому влияние одного несвободного человека на миллионы допустить невозможно. Это есть мираж.

³Кроме того,⁴ допуская, что свободная воля одного действует на миллионы, мы этим самым допускаем несвободу⁵ масс.

⁶Но, несмотря на неизбежность этого вывода, история новейшая, хотя и делает уступки этому взгляду, не допускает его со всеми его последствиями. Новейшая история делает компромисс между⁷ тем и другим взглядом. Она говорит, что⁸ ист[орическое] л[ицо] б[ыло] человеком своего времени, было необходимо, что в событ[ии] участвовали многие лица; но новейшая история все-таки весь интерес истории видит в деятельности исторических лиц и осуждает и опровергает их, смотря по предвзятому взгляду на историю.

¹ *Зачеркнуто*: миллионы имеют в

² *Зач.*: совершается

³ *Зач.*: Но несмотря на неизбежность

⁴ *Зач.*: история

⁵ *Зач.*: других.

⁶ *В рукописи знак переноса*: (×)

⁷ *Зач.*: старым и новым

⁸ *Зач.*: человек[ество]

Наполеон, например, был силен, пока он исполнял свое историческое призвание, — говорит Гервинус. Наполеон был силен, пока не обижал Бурбонов, — говорит легитимист. Наполеон б[ыл] силен, пока он понимал, что выгоды его в союзе с Пруссией, — говорит Тьер.¹

* № 307 (рук. № 100. Эпилог, ч. 1, гл. I—XVI).²

Эпилог

Прошло 7 лет. Те таинственные силы (таинственные потому, что законы, определяющие их, неизвестны нам), силы продолжали свое действие, непрерывно движась, слагались, разлагались государства, подготовлялись причины разложения, перемещения, передвижения народов, наравне с матерьяльным движением народов двигалась мысль человеческая, разнообразно направленная, но всегда совпадающая с матерьяльным движением народов, и одновременно с общим движением происходило то частное³ движение⁴ личности, имеющее свою личную цель, всегда совпадающую с целью общею.⁵ Как каждое⁶ солнце и каждый атом, эфир есть шар, законченный в самом себе и вместе с тем только атом недоступного человеку по огромности целого, так и каждая личность⁷ носит несомненно в самой себе свои цели⁸ и между тем носит их только для того, чтобы служить целям общим.

Пчела собирает пыль цветов для себя. Это несомненно — так смотрит она сама на себя.⁹ Она собирает эту пыль для своей семьи, для своего рода. Так смотрит улей.¹⁰

Она собирает ее для того, чтобы выкормить работниц, собирающих мед. — Так смотрит пчеловод.

Она собирает эту пыль для того, чтобы снести ее и обронить в пестик закрытых цветов, чтобы оплодотворить их. Так смотрит садовод-ботаник.

Она собирает эту пыль для того, чтобы содействовать переселению растения. — Так смотрит естествоиспытатель.

Она собирает эту пыль для того, чтобы исполнить свое назначение — так смотрит мыслящий и верующий человек. И назначение ее не исчерпывается ни ее целью, ни тою, которую в состоянии¹ *Далее запись, видимо рабочего порядка, о начале эпилога:* Стало быть, общее начало. Какое же это

² Автограф.

³ Зачеркнуто: личное

⁴ Зач.: каждого

⁵ На полях: Не образовались, а секрет. Роль сыграна, но не раздева[ется]

⁶ Зач.: небесное тело

⁷ Зач.: есть

⁸ Зач.: и свои

⁹ Зач.: Взглянув общее

¹⁰ Зач.: Еще общее

открыть ум человеческий. Чем выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем¹ очевиднее для него недоступность конечной цели. То же и с² целями личностей и народов.

В 1819 году Россия, высшее управление Россией, находилось в полном разгаре реакции, мистицизма, обскурантизма и т. п., как нам говорят историки того времени, вероятно полагая сказать что-нибудь этими словами, и те же историки говорят нам, что виною тому было мистическое настроение императора. И историки жестоко, настолько, насколько позволяет то приличие, обвиняют во всем Александра I-го.

Историки эти, занимаясь писанием статей и книг, по столько-то за лист, или чтением в учебных заведениях, по столько-то за час,³ не забывают (потому что они не могут и представить себе), но не могут понять того⁴ положения, в котором был Александр с начала своего царствования и до⁵ 20 года. Они не могут [понять] всего того, что должен был испытывать последние года этот человек, чувствуя на себе как бы непрерывно сосредоточение всех тех бесчисленных лучей высшей власти человеческой. Они не могут понять того непрерывного, сильнейшего в мире, давления на личность высшей власти, не имеющей себе равной, и связанных с ней искушений. То неизбежное смирение и отрешение от себя, к которым <должен был прийти> после унижений и борьбы, неожиданно вынесенный на вершину высшей возможной власти, которую⁶ испытал Александр, представляется им ошибкой⁷ и виною.⁸

Наполеон, побежденный, униженный, должен был мечтать на острове Святой Эллены о том благе,⁹ которое бы он дал человечеству посредством власти; но Александру, стоявшему наверху этой власти и чувствующему бессильность ее, нельзя было не прийти к признанию в бессильности личности. Ежели может быть заслуга личная, то Александр в высшей степени имел ее именно в том, за что упрекают его. Они последовательны, приписывая ему заслугу спасения России и вину последующего направления, но так же последователен и тот, кто будет упрекать его в том, что он сжег богатый дом в Москве.

¹ *Зачеркнуто*: яснее ему

² *Зач.*: мнимой и далее целями личностей *исправлено из*: целью личности

³ *Зач.*: забывают не только

⁴ *Зач.*: что такое и *вписаны след. три слова.*

⁵ *Зач.*: конца.

⁶ *Зач.*: <испытал> подчинился

⁷ *Зач.*: или

⁸ *Зач.*: Ежели

⁹ *Зач.*: человечества

Пчела прилетела в улей с пылью цветка для корма молодых.

— Это хорошая пчела, — говорит тот, который имеет в виду благо детенышей. Пчела залетела с пылью огурца на цветы в мои парники и, перелетев на пестик женского цветка, оплодотворила его. — Это хорошая пчела, — говорит огородник. Пчела занесена бурей на репейник и оплодотворила его в моем саду. Это — дурная пчела, она виновата.

Александр виноват за то, что он поощрял мистицизм Крюднер, Библейское общество, аракчеевщину, за то, что не покровительствовал университетам и раскассировал Семеновский полк. Но Александр никогда не был той, сделанной человеком, машиной, которая должна шить, молотить или пилить то именно, что вам нужно, как скоро вы вертите колесо. Александр был человек живой, как и мы с вами — с своими личными целями, достижение которых совпадало с целями общими.¹ Нам не нравится то, что пчела занесла в наш сад репейник.² Это очень неприятно, но пчела не может быть виновата в этом.

Ни на каком роде личностей не познается так осязательно и очевидно тот закон совпадения личных стремлений с жизнью общей, как на личностях царей. Они суть фокус³ наибольшего числа лучей человеческой деятельности и потому значение их в общем ходе событий — видней для нашего слабого умственного глаза.

Кто сделал Александра тем, что он был — нежным, восприимчивым и склонным к отвлеченной деятельности мысли, поставив его на вершину власти? Кто дал ему его мать, отца, воспитателя Лагарпа, все те бесчисленные влияния, которые сделали из него то, что он был? Кто заставил его жить во времена революции, Наполеона? Кто сделал, что во всех наступательных, честолюбивых войнах он был унижен и что он неожиданно (⁴ 2 сентября 1812) стал вдруг на вершину власти не в условиях завоевателя, как Наполеон, А[лександр] М[акедонский], а в условиях примирителя? Кто⁵ заставил думать Экартсгаузена, Сведенборга, кто послал г-жу Криднер именно в то самое время, когда она одна могла дать ответы на вопросы, поднятые в душе Александра? Кто сделал Аракчеева, заставил его угодить Павлу и уже в силе, готовым орудием успокоения, передал его в руки Александру? Кто сделал А[дама] Ч[арторижского] другом юности, кто сделал направление Семеновского полка — возмущение, кто пригнал так, чтобы курьер опоздал? и т. д. и т. д.

Но, положим, Александр мог сделать всё иначе. Он мог по предписанию тех, которые обвиняют его, тех, которые професируют¹ *Зачеркнуто*: Ежели

² *Зач.*: то нам надо постараться понять, почему это нужно.

³ *Зач.*: лучей

⁴ *Зач.*: Москва

⁵ *Зач.*: послал ему

знание цели, к которой идет человечество, распорядиться по той программе прогресса (другой, кажется, нет), которую бы ему дали теперешние обвинители. В чем бы состояла эта программа? Надеюсь, что, кроме сумашедших и детей, никто не признает составления такой программы, а вместе — осуждение всякого действия Александра и его людей включает в себя эту программу. Но, положим, и эта программа была бы возможна и составлена, и Александр действовал бы по ней. Что же бы случилось тогда с деятельностью всех тех людей, которые противудействовали тогдашнему направлению правительства — деятельностью, которая, по мнению историков, хороша и полезна? Деятельности этой бы не было, жизни бы не было. Ничего бы не было. Допустив раз, что жизнь человеческая может управляться разумом, уничтожается возможность жизни.

Обвинять Александра или кого бы то ни было — значит обвинять пчелу, залетевшую с репейником в мой сад. Не обвинять можем мы исторических деятелей, т. е. личности,¹ стоящие в фокусе света и ясно видимые нам, — не оправдывать их можем мы; а мы можем смотреть и должны на них, и из фокуса света изучать лучи, соединяющиеся в нем. Для человека, умеющего смотреть,² деятельность Александра за последние года его царствования для разума представляется ни³ полезной, ни бесполезной и вредной, а в высшей степени поучительной по своей необходимости.⁴ Ежели деятельность эта может не нравиться кому-нибудь, то она не нравится только вследствие несовпадения ее с моим, более или менее общим пониманием того, что есть благо. Представляется ли мне благом сохранение моего дома в Москве или распространение известного рода просвещения, *прогресса* в России — я должен признать, что деятельность эта имела еще другие, еще более общие цели. Для чувства же фигура эта — Александра I от 1815 до конца его царствования — представляется в высшей степени трогательной и величественной.

2

⁵Зимой 1820 года Наташа — жена Пьера Безухова,⁶ гостила со всем семейством в имении своего брата. Имение это были заново после разоренья отстроенные Лысые Горы, взятые Николаем в приданое за княжной Марьей.

¹ *Зачеркнуто*: на кот[орые]

² *Зач.*: фигура

³ *Зач.*: справедливой

⁴ *Зач.*: Для чувства же <деятельность> фигура эта представляется в высшей степени <поучи[тельной]> трогательной и величественной.

⁵ *Зач.*: В

⁶ *В автографе*: Безухового

Наташа¹ весной 1813 года вышла замуж за Пьера Безухова, который² жил³ в Ярославле всё время пребывания там Ростовых и с ними вместе вернулся в очищенную Москву, где по настоянию княжны Марьи он сделал предложение и был принят.

В тот же год, совершенно разоренный, но не знающий все-таки этого, старый граф Илья Андреевич умер от⁴ воспаления желудка, оставив долгов вдвое больше, чем стоило всё его состояние. Последний год своей жизни старый граф поражал всех, знавших его, своей в одно и то же время опущенностью, грустью, обиженностью и вместе с тем детской предприимчивостью. Он занимал деньги везде, где мог, и затевал огромные постройки на пепелище Московского дома. Он очевидно⁵ чувствовал, что затеваемое им невозможно, что время его прошло, что надобно было иначе жить; но он не мог изменить и шел по прежней дороге. Именно на рубеже той черты, где он мог потерять уважение людей, знавших его, именно тогда, когда страшно было думать, что с ним будет — он заболел и умер, смертью своей покрыв всё.

Nicolas был в Париже, когда пришло известие о кончине отца. Когда он приехал в Москву, положение дел уже обозначилось: долгов было вдвое более, чем имения. Противно советам всех родственников и друзей (графиня ничего не советовала — не желала. Смерть мужа лишила ее способности понимать положение дел), Nicolas решился принять наследство и не выходить в отставку никогда с тем, чтобы не быть посаженным в яму, и⁶ употребить все силы для того, чтобы заплатить долги.⁷ Он занял у зятя Безухова большую сумму и заплатил самые прямые долги, уплату же других отложив до более благоприятных обстоятельств, поселился на маленькой бедной квартире с матерью и Соней. В это время княжна Марья приехала в Москву, и Nicolas, открыв ей положение своих дел,⁸ сделал ей предложение и был принят.⁹

Это было в конце 1813 года, и с того времени Nicolas с женою, матерью, Соней, М-Це Bourienne, Николинькой Болконским и¹ *Зачеркнуто*: вскоре после приезда Безухова в Ярославль и вписаны след. три слова.

² *Зач.*: после приезда своего в Ярославль, не переставая ежедневно видел

³ *Зач.*: до возвращения

⁴ *Зач.*: удара

⁵ *Зач.*: видел

⁶ *Зач.*: тру[диться]

⁷ *На полях*: Княжна Марья, чувствуя его робость, сама предлагает ему руку.

⁸ *Зач.*: и высказав то, что он, кроме склонности к ней, нуждается в ее деньгах

⁹ *На полях*: Что Соня? Имущему дастся, у неимущего отнимется. Все, даже княжна Марья и даже сама она, это чувствовали. Она была пустоцвет. Bourienne нашла князя-старичка, и графиня Марья дала ей именье. (Женитьба Nicolas была тем нужнее, что княжну Марью обирали.)

Десалем, его воспитателем, поселился в Лысых Горах, ревностно занимаясь хозяйством. В четыре года он, не продавая имения жены, уплатил часть долгов и, получив неожиданное наследство от кузины, уплатил последние и всю часть наследства предоставил Пете, продолжавшему служить в военной службе.

В 7 лет, прошедшие со времени его женитьбы, Nicolas устроил так свои дела, что считался одним из богатых людей губернии и, главное, считался одним из самых дельных хозяев. Он не увлекался теми нововведениями, в особенности английскими, которые входили тогда в моду, смеялся над всеми теоретическими сочинениями о хозяйстве, но имел в высшей степени тот такт хозяйства, который нужен всегда и в особенности был нужен в то время. Главным предметом хозяйства всегда был и будет, и тогда в особенности был, не азот и кислород, находящийся в почве, не особенный плуг и наезд, а тот человек, через посредство которого действует хозяин, — то есть работник — тогда крепостной мужик. Ежели бы у Nicolas спросили, в чем состояла его, принесшая столь блестящие результаты, теория хозяйства, он не сумел бы сказать; но все действия его показывали, что он знал, что вся сила в мужике. Ему показал это и здравый смысл и еще больше чувство, потому что, наказывая, отдавая в солдаты, заставляя их изо дня в день работать, он любил этих мужиков той сильной непоколебимой любовью, которой любят только свое. Всё искусство Nicolas, приносившее такие необыкновенные результаты, состояло только в том, что он любил мужика (так любил, что княжна Марья ревновала его только к конторе,¹ к бурмистру) и этой любовью² близко угадал то, что нужно было для³ его людей. Он знал, что для мужика есть справедливость, что есть радость, что — сила, что — богатство. Покупая или принимая в управление имение, Nicolas каким-то даром прозрения сразу назначал бурм[истром], ст[аростой], выборн[ым] тех людей, которые могли быть уважаемы. Прежде чем исследовать количество навоза, дебет и кредит (как он любил насмешливо говорить), он узнавал количество скота, лошадей у крестьян и⁴ увеличивал это количество всеми возможными средствами. Семьи крестьянские он поддерживал в самых больших размерах, не позволяя делиться. Землю [?] он выдавал крестьянам лучшего качества. Он строил церкви, но зато он знал и казнил ленивых, строго наказывал за пьянство и разврат. Он был строг, но справедлив, — так говорили про него мужики. Сам он управлял всегда издалека, не доходя до мелочных подробностей, поэтому не¹ *Зачеркнуто*: к посеву, к бурмистру, к сходкам. Он был счастлив, когда он был с ними *и вписаны след. два слова*.

² *Зач.*: несомненно *и вписано след. слово*.

³ *Зач.*: любимых им самим *и вписано след. слово*.

⁴ *Зач.*: покупал

мешая общему делу своей личностью, и сам представлял пример деятельности и чистоты нравов.

Он любил мужиков и потому усвоил себе этот прием хозяйства, общий тогда большинству хороших русских помещиков. Но он бы счел за мечтателя того, кто сказал бы ему, что он — добродетельный помещик, забот[ящийся] о благе своих подданных.

— Избави господи, — говорил он Пьеру, хотевшему ему внушить его добродетель. — Мне чорт их возьми всех этих п..... Мне нужно, чтоб мои дети не пошли по миру, мне надо устроить мое состояние, пока я жив, вот и всё. А для этого нужен порядок, строгость, вот что, — говорил он, сжимая свой сангвинический кулак. — И справедливость, разумеется, — прибавлял он, — потому что все мы отдадим ответ богу.

И должно быть потому, что Nicolas не позволял себе мысли о том, что он делает что-нибудь для других, для блага, то, что он делал, было плодотворно, и в нем была такая твердая уверенность, что, действуя так, как он действует, он действует хорошо, что эта уверенность невольно передавалась другим.

В дворянском обществе он был любим и уважаем и принимал живое участие в делах дворянства, крича на собраниях, давая обеды и стараясь руководить выборами. Ему предлагали баллотироваться в предводители — губернские и уездные, но он отказывался за недостатком времени.

Время его проходило в занятиях по хозяйству.¹ Только осенью он с той же деловой серьезностью, с которой он занимался хозяйством, занимался охотой.

Усадьба Лысые Горы была вновь отстроена, но вовсе не на ту ногу, на которой она была при покойном князе. Постройки, начатые во времена нужды, были более чем просты. Дом на старом каменном фундаменте был огромный деревянный, который Nicolas всякий год сбирался и откладывал оштукатурить. Внутри большой поместительный дом, с некрашенными досчатыми полами, был меблирован самыми простыми жесткими диванами, креслами, столами и стульями, работы своих столяров из своего леса.²

Но дом был поместительный, полный дворни, с отделениями для приезжих. Гостеприимство Лысогорского дома было таково, что многие семьями, на своих 16 лошадях, с 10 слугами приезжали и жили месяцами у графов Ростовых и, кроме того, 4 раза в год в именины и рождения хозяев съезжалось до 100 человек гостей на один и два дня. Остальное время года шла ненарушимо-правильная семейная жизнь (гости, живущие месяцами, не нарушали ее), с обычными чаями, завтраками, обедами, ужинами из домашней провизии. Но не было тех ¹ *Зачеркнуто*: и семейной жизни

² *Зач.*: Гостеприимство

гостей, которые неожиданно бы приезжали в середине рабочего дня.

Было 5 декабря 1820 года. Дом Ростовых в Лысых Горах был полон гостей, съехавшихся к именинам графа. В числе их был¹ <Вас[илий]> Денисов — отставной генерал и Наташа, гостившая с своими детьми и мужем с начала осени у брата. Пьер был в Петербурге, куда он поехал по своим особенным делам, как он говорил, на три недели и где он теперь уж проживал 7-ю. Его ждали каждую минуту.

У Николая было уже трое детей: старший мальчик Андрюша в память дяди, вторая дочь Наташа — любимица отца и меньшей — любимец матери Николинька. Графиня Марья была беременна 4-м.

Дом был полон гостей, но еще до 6-го числа, дня торжества, в который он снимет бешмет² и наденет сюртук и с узкими носками узкие сапоги и поедет в новую церковь, построенную им, и потом будет принимать поздравления и предлагать закуски, и говорить о дворянских выборах и урожае, Nicolas еще считал себя вправе провести канун этого дня обычно.³ До обеда Николай проверил счета бурмистра из Богучарова по имению племянника жены, которого он был опекун, прошел по усадьбе, исправив несколько неисправностей и, приняв меры против ожидаемого на завтра по случаю престола праздника, он пришел к обеду и, не успев глаз на глаз переговорить с женой, сел за длинный⁴ стол в 30⁵ с чем-то приборов, за которым собрались все домашние. За столом были: мать, ее старушка, жена, трое детей, гувернер, гувернантка, племянников гувернер,⁶ M-lle Bourienne, Соня, прижившаяся, как кошка, к дому и баловавшая детей,⁷ Денисов, Наташа, ее трое детей, гувернантка, Михаил Иванович — 5 человек домочадцев и 10 гостей.

Княжна Марья сидела на противоположном конце, и лицо ее неприятно было мужу без всякой видимой причины. Всё, что она ни говорила, мужу казалось что-то неловкое и неестественное. В тоне, которым он отвечал ей, графиня Марья слышала верно присутствие этого неудовольствия и сама чувствовала, что ее речи были неестественны. «Как досадно, мне Соня пометала переговорить с ним», думала она. «За что он сердится?»⁸

¹ Слово: был исправлено из: была Далее зачеркнуто: Наташа с детьми, живущая с начала осени с мужем

² Зачеркнуто: широкие сапоги

³ Зач.: После обеда

⁴ Зач.: длинный

⁵ Исправлено из: 20

⁶ Зач.: Наташа

⁷ Далее в рукописи по ошибке повторено: M-lle Bourienne,

⁸ На полях: <Помирившись, начинает ей рассказывать про дела. Она про детей. — Вася, поди к нам.

Разговор не умолкал за обедом благодаря Денисову. Но, когда вышли из-за стола и пришли благодарить старую графиню, графиня Марья поцеловала, подставив свою руку мужу, и спросила, не сердится ли он на нее.

— У тебя всегда странные мысли — ни крошечки.

Но слово *всегда* отвечало графине Марье: «Да, сержусь и не хочу сказать».

Николай жил с своей женой так хорошо, что даже Соня и старая графиня не могли найти предлога для упрека, но им одним было известно то, что совершалось между ними. Иногда после самых счастливых, любовных, искренних, не всегда продолжающихся периодов на них находило вдруг чувство отчужденности и враждебности, в особенности со стороны Nicolas. Это чувство являлось чаще всего во времена беременности графини Марьи. Теперь они находились в этом периоде.

[*Далее от слов:* Ну, messieurs et mesdames, *кончая:* Соня всегда была первым предлогом, который избирала графиня Марья для своего раздражения *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. IX.]

Но она только в душе избирала этот предлог, на словах и в обращении она ни с кем не была так нежна, как с Соней, именно потому, что она чувствовала себя¹ склонной быть с ней несправедливой. Она первая пригласила Соню жить в своем доме, настояла на этом, была с ней на ты и называла ее сестрою.

[*Далее от слов:* Посидев с гостями *кончая:* дети, которых надо было носить, рожать, кормить, воспитывать *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. IX, X.]

Наташа жила в таком отсталом веке и была так *недоразвита*, что ей простится то, что чем больше она вникала, не умом, а всей душой, всем существом своим в занимавший ее предмет, тем более предмет этот разрастался под ее вниманием и² тем слабее и ничтожнее казались ей ее силы, так что она все сосредоточивала их на одно и то же и не успевала делать другое, что требовали от нее. Наташа не любила общество вообще, но она тем более дорожила обществом родных — графини Марьи, брата и матери (с которой она теперь была особенно нежна, чувствуя перед ней свои вины).³ Она дорожила обществом тех людей, к которым она, растрепанная, в халате, могла выдти большими шагами из детской и с радостным лицом показать пеленку с желтым вместо зеленого пятна и выслушать утешения — Ma tante, можно мне?

Она жалеет, что он один.

По постелям судят друг друга и оба чувствуют полноту.

Николушка мечтает славу — добро, плачет.

Мечты Андрюши о лошадке.

Наполеон о велик[ом].>

¹ *Зачеркнуто:* способной

² *Зач.*: представлялся

³ *На полях:* (о скупости)

о том, что теперь Лизаньке гораздо лучше, или тех людей, как Nicolas, с которым она, уложив спать детей, могла часок поговорить задумчиво о прошедшем, и тех, как графиня Марья, с которой она могла посмеяться над чудачеством и рассеянностью мужа, зная, что за этим смехом та же, хотя не по силе, но по направлению та же любовь и уважение к ее Пьеру.

Наташа до такой степени опустила, что ее костюмы, ее прическа, ее не попад сказанные слова чужим, ее ревность — она ревновала к Соне, к М-ле Bourienne — были обычным предметом шуток всех ее близких.¹ Общее мнение было то, что Пьер был под башмаком своей супруги, и действительно это было так. С самых первых дней их супружества Наташа заявила свои требования. Пьер удивился очень этому, совершенно новому для него, воззрению жены, был польщен этим и подчинился. И в этой подвластности Пьер нашел для себя новые силы. Вместо езды по клубам и обедам он сидел дома и работал. Он за эти 7 лет женитьбы перечитал огромное количество книг, приобрел огромное количество новых знаний и избрал своею специальностью социальные науки вообще и в особенности новую, зарождавшуюся тогда науку — политическую экономию.

[Далее от слов: Подвластность Пьера заключалась в том, что он не смел, кончая: Так приезд Пьера было радостное важное событие и таким оно отразилось на всех² близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XI и XII.] Скрытные [?] подразделения миров в доме Nicolas были следующие: 1) мир слуг, 2) детских: няnek, кормилиц, детей маленьких, 3) мир гувернанток и больших детей, 4) мир Николиньки 15-летнего, Десаля и русского учителя, 5) мир гостей, 6) мир взрослых: Nicolas, графини Марьи, Наташи, Сони, 8) мир старушек: графини, Беловой и др.³

[Далее от слов: С точки зрения слуг, вернейших судей наших кончая: радостно покоряться ей и сдерживать себя для этого дорогого отжившего существа близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XII.]

Только вследствие таких невыраженных, но сложных мыслей, возбуждаемых в людях беспомощностью и бессмысленностью [?] и старости и детства своих близких, сросшихся с собою, и происходит то странное явление, что человек бывает человеком¹ Зачеркнуто: Пьер со времени своей женитьбы, после необычайных открытий, сделанных им, о том, что <такое есть> настоящее супружество есть подвластность, с удовольствием покорился своей участи и в этой подвластности нашел новые силы и опору. Он был постоянно с женою, она не отпускала его от себя настойчиво, уверенно (Пьер видел, что она имеет право на это, так как сама ничего не желает, кроме его) и так [как] надо было что-нибудь делать, Пьер, вместо езды по клубам и обедам, стал читать и увлекся (исключительно) особенно политической экономией и химией и получил в них <огромные> большие сведения.

² На полях: Он услышал музыку, смех; беспокойство.

³ На полях: Старая графиня свой мир, подарки. Покупки.

вполне, как бы он мало ни был развит, только в семье и что мы видим людей, прочитавших все книги и изучивших все науки, рассуждающих о неразрешимом вопросе брака и тому подобных вздорах, показывающих, что люди эти лишены были развивающего влияния семьи и потому,¹ зная все науки, не знают того, что есть человек и какие условия его жизни.

Большие все-таки уважали и любили ее. Только маленькие дети не понимали ее и чуждались ее ласок.

[*Далее от слов:* Когда Пьер с женою пришли в гостиную *кончая:* Говоря это, Наташа признавалась искренно в том, что она видит превосходство Мари, но вместо с тем она, говоря это, вызывала Пьера на то, чтобы он поискал, не найдет ли он в ней, в Наташе, тех преимуществ, которые бы хоть немного замещали преимущества Мари и которых она в себе не находила² *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XIII—XVI.]

Пьер³ рассказывал про свою петербургскую поездку и рассказом о том высказывал в одно и то же время и то свое участие и значение в деле общества, которым он был доволен, но [о] котором он из скромности не говорил при других, но о котором он не мог не говорить при жене, как не мог сам себе не дать отчета; и вместе с тем он рассказами о своих действиях в Петербурге ответил Наташе на тот вопрос, который он видел в ее глазах: не говорил ли он там, улыбаясь и с удовольствием, с какой-нибудь женщиной. Говоря о том, как он во всё время был увлечен и занят, он этим отвечал ей на этот вопрос — отрицательно.

— Мари — это такая прелесть, — говорила Наташа, вопросительно и робко глядя на мужа. — Как она умеет понимать детей. Она как будто только душу их видит. Вчера, например, Митинька стал капризничать (Наташа рассказала, как Мари¹ *Далее по недосмотру осталось незачеркнутым:* не и далее: знают *исправлено на:* зная² *На полях л. 171:* Наташа и Пьер в постели. Пьер рассказывает свою записку. Вместе начинают говорить.

— Ты что?

— Я — глупости. Точно глупости.

Про Н[иколеньку] забыли. А шейка, воротничок. Слушает и спрашивает про отца и читает. Не кстати: У него идет своя [жизнь].

На полях л. 171 об.: Трубки не курили. Восторг старушки и детей. Чулки готовы. (Дети все разные.)

На полях л. 175: <Княжна Марья, дневники детей, о Николинке. Ты Пьера не понимаешь. Она объясняет.

Наташа хвалит княжну Марью за ее тонкость.

Я в пленках. Знаешь, какая разница. Я всех отдам за тебя, а она нет.>

Соня жила с Пьером и Наташей. Ревнует Наташа к одной, про которую Пьер слуху рассказал.

Как обжились.

На полях л. 177: Каратаев что дольше, то лучше. Похоже[?]] на те[?]] глупости.

Князь Андрей, сон, двери.

³ *Зачеркнуто:* судя о Nicolas и хваля его

хорошо поступила). Я не могу. Я чувствую, что я всё в пеленках. Особенно без тебя. И не могу. Ты знаешь, я думала, какая разница между мной и Мари. Мы раз договорились с ней. Для нее дети — всё. А для меня — муж. Я всех их брошу для тебя, а она нет. Ах, у Лизы два зубка, я тебе и не сказала.

Пьер¹ поцеловал ее руку, отвечая на первый вопрос, чем она лучше Мари. И Наташа поняла, что ответ состоял в следующем: тем, что я люблю тебя больше всего в мире. На другой вопрос, хорошо ли, что Мари вся в детях, а она вся в муже, он отвечал тем, что стал говорить про свой спор с Nicolas и про ту разницу, которая была между ними. (Наташа поняла, что разница характеров ни от кого не зависит и что могут быть различные в мнениях одинаково хорошие люди.)

[Далее от слов: — Для Nicolas, — говорил Пьер, — мысли, рассуждения есть забава кончая: А отец? Я люблю их. И я сделаю, что бы они ни говорили *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. XVI.]

* № 308 (рук. № 101. Эпилог, ч. 1, гл. III, IV).²

³Люди, идущие таким образом с огнем и мечом с запада на восток, все люди, т. е. ненавидящие зло, любящие ближних, люди, недавно еще объявившие права человека, более всего этого — все эти люди христиане, но люди эти, миллионы, идут без причины убивать своих ближних.

⁴Какие это люди, что побуждает их? Огромная масса этих людей — солдаты, не понимающие, зачем и что они делают.

¹ *Зачеркнуто*: отвечая на первый вопрос, поцеловал только

² *Автограф*. *Начинается лист текстом с пометой X, относящейся к неизвестной рукописи*: та личность, которая должна стоять оправданием для всех личностей, действующих позади ее, как будто по ее воле, <Личность эта заключает в себе глубокий интерес, но не в том смысле, в котором она имела его для современников и для историков, удерживавших современное воззрение на личность, — власти силы и величия; личность эта заключает глубокий интерес по тому, как необходимо она образовывалась для исполнения своей страшной <роли в> нечеловеческой роли в истории.> личность, долженствующая исполнить самую страшную нечеловеческую роль в истории.

³ *На полях конспект*: Не оправдывая, не обвиняя. Тихон идет сзади, продает сапоги. Вспоминает о своем времени, миродеров. *Зачеркнуто*: <Французы, начавшие> Люди, совершавшие движение с запада на восток и с востока на запад <сопровождавшееся бесчисленным количеством злодеяний>, убивали, мучали себе подобных. Но они были все *люди*, с свойственной каждому человеку искрой божественной любви к человеку, — более того, все они верили в божественное откровение любви к ближнему, но все они <участвовали в бесчисленных злодеяниях> должны были участвовать в предназначенном злодейском движении.

Каким образом христиане — люди, в которых вложено отвращение к убийству, могли совершать эти злодеяния? Вот единственный, вечный вопрос истории! *На полях вписан текст первых двух абзацев, а дальнейший текст автографа, кончая*: было движение с запада на восток *отчеркнуто вертикальной чертой*.

⁴ *Зач.*: Посмотрим

Каким образом солдаты, русские и франц[узские], резали друг друга, не изменяя своей человеческой природе?¹ понятно. Солдата² отдали в рекруты, школили, приучили его и бросили в то положение, в котором он должен быть или быть убитым. И солдат, не изменяя своему человеческому достоинству, убивает с спокойной совестью. Зачем и хорошо ли, то знают офицеры и те, которые им приказывают. И этих людей, стоящих на низшей степени власти, самое большое число. Это — основание пирамиды. Офицеры, люди среднего сословия,³ хотя и отдают себе⁴ более отчет в причинах, побуждающих их к деятельности, в неразрешимых трудных вопросах ссылаются на высшие власти, которые знают, зачем всё делается. Этим меньшее число против первых. Итак, уменьшаясь в диаметре числа и возвышаясь в знании целей, идет эта пирамида людской деятельности до своей вершины — представителя высшей власти. Дипломат, объявляющий войны, главнокомандующий, отдающий приказ сражения, стоящие близко к вершине пирамиды, еще имеют оправдание в воле государя, но государь, составляющий бесконечно малую точку, вершину, уже не имеет этого оправдания. Каким образом приготавливаются эти люди, которые для исполнения целей истории должны быть на время исполнения лишены всего человеческого — вот в чем интерес изучения этих личностей.⁵

Основной существенный смысл войн начала нынешнего столетия есть движение злодейское с запада на восток и потом с востока на запад. Первым зачинщиком движения было движение с запада на восток. Что нужно было для человека, стоящего во главе этого движения?

Отсутствие преданий, связей, суеверий, презрение к людям, любовь к фразе (называемой славой), несомненная смелая лживость, яркие умственные способности, затемненные безумием самообожания,⁶ и совершенное отсутствие чувства красоты и правды. И все эти необходимые способности являются в нужном человеке в нужную минуту.

Человек⁷ без имени, даже не француз, вдруг самыми ничтожными случайностями выдвигается на видное место в то смутное время жизни французского народа. Бесчисленные случайности, которые описывают даже его хвалители, выдвигают его (имеющего ни больше, ни меньше достоинств, чем 1000 таких людей во Франции) во главу армии и первые успехи его основаны ¹ *Зачеркнуто*: совершенно

² *В рукописи*: Солдаты

³ *Зач.*: также

⁴ *Зач.*: несколько

⁵ *Зач.*: С этой точки зрения посмотрим на <Наполеона>вершины одной из величайших пирамид истории: Н[аполеона] и А[лександр].

⁶ *Зач.*: отчаянная дерзость

⁷ *Зач.*: из грязи

на¹ войнах с войсками, не дерущимися и сдающимися при первой возможности. Война в Египте — бессмысленная жестокость и не могущая представлять какой-нибудь заслуги, благодаря смелости лжи, с к[оторой] человек этот описывает ее, приобретает ему еще большую славу.

В Париж он попадает в минуту разложения Директории. Его вталкивают в заседание директоров. Он, испуганный, хочет бежать. Но директоры бегут прежде его. И он консул, император. Какая-то судьба сводит его со всеми коронованными лицами Европы, с папой, и опыт личного знания этих людей только увеличивает его презрение к ним. Из милости он прощает того папу, перед которым ползали императоры, из милости принимает в свое ложе дочь императора и, чем больше возвышается его власть, тем упорнее всё, что только есть подлого, жметя вокруг него и заслоняет от него созерцание настоящего мира. Как бы примериваясь и приготавливаясь к предстоящему движению, та сила, которая волновала Францию, теперь, получив направление, стремится к востоку и возвращается нарастая и окрепчая. И вместе с силой приготавливается человек, который станет во главе этого движения. Всё совершается для того, чтобы лишить его последней силы разума и вложить в него бессмысленное стремление на восток, на Москву, наказать того человека, которого он узнал в Тильзите и к которому получил то же презрение.

И в одно и то же время готовы силы и готов человек.

Страшное нашествие стремится на восток, достигает конечной цели — Москвы.²

Поднимается новая, неведомая никому сила — народ, и нашествие гибнет.

Казалось бы, роль человека, стоявшего на вершине нашествия, кончена; но он еще нужен, и провидение бережет его и ореол, окружающий его и скрывающий его ничтожество и бедность.

Новое лицо, бездействовавшее во время действия сил народа, является на вершине другой пирамиды — движения с востока на запад.

И всё, что нужно для того человека, который бы, заслоняя других, стоял во главе этого движения, всё это соединяет в себе Александр — всё это подготовлено в нем, по бесчисленным случайностям, всей его прошедшей жизнью. Нужно участие к делам Европы, но отдаленное, не затемненное личными интересами, нужно преобладание высоты нравственной, нужна кроткая, уступчивая и привлекательная личность, нужно личное оскорбление против Наполеона, — и всё это есть в Александре, всё это подготовлено и воспитанием, и либеральными¹ *Зачеркнуто*: непостиж[имых]

² *Зач.*: и гибнет.

начинаниями, и окружающими советниками, и Аустерлицем, и Тильзитом, и Эрфуртом,

С Александром на вершине¹ совершается противудвижение с Востока на Запад с замечательной симметрией линии движения: те же попытки движения с Востока на Запад, каким предшествовало движение с Запада на Восток, то же приставание срединных народов к движению, то же колебание в середине пути и та же быстрота приближения к цели. То же отсутствие главы, как скоро движение достигает цели. Париж, крайняя цель, достигнута. Наполеон отрекается от престола, и ему и всем кажется, что роль его кончена. Но² человека, которого 5 лет тому назад и год после считали разбойником, вне закона, посылают в два дня переезда от Франции на остров, отдаваемый ему во владение, с гвардией и миллионами французов, которые платят ему за что-то, как будто готовят его на ту роль, которую еще должен сыграть этот человек в истории народов.

Движение народов начинает укладываться в свои берега. Александр, стоя на вершине власти, как будто руководит этим³ укладыванием. Но как движение с Запада на Восток и с Востока на Запад имело предшествующие движения, так точно оно должно было иметь и последующие движения.

Устройство разрушенного внешнего порядка требовало еще нового отплеска войн. И вдруг среди усложняющихся затруднений совершается неслыханное, необъяснимое событие.⁴ Совершается вдруг бессмысленное событие. Человек, опустошивший Францию, один, без заговора, без солдат, приходит во Францию, ожидая, что первый сторож возьмет его; но никто не берет его, и невидимая рука <Распорядителя> приводит его на трон и приказывает играть <ему> в необходимом отплеске противудвижения короткую и последнюю роль.

Роль сыграна, и⁵ как будто⁶ актеру, которому до сих пор не велено было раздеваться, чтобы выступить в данный момент после известной реплики, как будто теперь актеру этому велено окончательно раздеться и смыть сурьму и румяны. Он больше не понадобится.⁷ И проходят несколько лет в том, что этот актер-император пишет свои записки и показывает всему миру, что такое было то, что люди принимали за силу, когда невидимая рука водила им. Распорядитель, окончив драму, раздев актера, показал нам его:

¹ *Зачеркнуто:* движения

² *Зач.:* по странным, необъяснимым случайностям

³ *Зач.:* движением.

⁴ *Далее знак переноса ☒ к другому, несохранившемуся автографу. Восстанавливаем этот кусок текста по копиям.*

⁵ *Зач.:* опять

⁶ *Зач. в копии:* странная случайность — миллионы случайностей приводят этого человека на корабль англичан, на остров св. Элены и ему *и вписано на полях, кончая:* теперь актеру этому

⁷ *Зач.:* Но опять по какой-то странной случайности *и вписано:* И

— Смотрите, чему вы верили. Вот он! Видите ли вы теперь, что не он, а я водил вами, — но люди не поняли этого.¹

Другое, еще более поучительное зрелище представляет другой человек, при падении Наполеона ставший на вершину власти.

Александр, умиротворитель Европы, человек, с молодых лет стремившийся только к добру и к благу своих народов, первый зачинщик либеральных нововведений в своем отечестве, человек этот, став на вершину возможной власти, вдруг с отвращением отворачивается от нее, передает ее в руки презираемых им и презренных людей и говорит только: Я человек тоже, как и вы, оставьте меня жить, как человека, думать о своей душе и о боге.

Прошло 7 лет. Актер раздет и гадок. Вот он, видите.

Другой деятель — Александр, все чистое, честное, благородное — отворачивается. Видит, что власть делается из ничего (глядя на Наполеона). И видит, что власть есть противное² свободе. Он ненавидит ее. Но нет, в Наполеоне видим героя, чтобы скрыть свой стыд, что покорялись ему, жалели, что он не м[ог] сделать всего, что хочет.³ В Александре видели⁴ благод[етеля], когда он был слепым орудием, и злодея, когда он стал человеком.

* № 309 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. I).⁵

⁶С 1812 и по 1815 год происходят в Европе⁷ поразительные события.

Историки рассказывают нам про них. Нам рассказывают, как в 1813 году император Александр влиянием своей личности, с помощью советов Штейна и других, соединяет Европу для ополчения против нарушителя ее спокойствия и ведет это ополчение против собравшего новые силы Наполеона, побеждает его, вступает в Париж, заставляет Наполеона отречься от престола, ссылает его на остров Эльбу и дает мир Франции и Европе. С другой стороны, про этот период истории нам рассказывают про силу духа, величие, гениальность императора Наполеона, про самопожертвование, с которым он для блага отечества, проливая слезы перед старой гвардией, отрекается от престола и едет в изгнание. Потом нам рассказывают, как искусные государственные люди и дипломаты (в особенности Талейран, успевший сесть прежде других на известное кресло, тем увеличив границы Франции), как государственные люди, разговаривая¹ *Далее автограф.*

² *Зачеркнуто:* добру

³ *Зач.:* и обвиняли

⁴ *Зач.:* злодея и

⁵ *Автограф.*

⁶ *Зач.:* Историки расска[зывают]

⁷ *Зач.:* страшные

в Вене, этим самым делают счастливыми и несчастливыми народы. Потом рассказывают нам про волшебную гениальность того же Наполеона, с одним батальоном приезжающим во Францию и овладевающим властью только посредством своих разговоров и манер, и опять ополчение народов, и гениальность Веллингтона, и ошибк[и] Блюхера, и великодушие, твердость духа императора Александра. Потом описывают нам доверчивость великого человека, поручившего себя великодушию Англии, и злоупотребление этой доверчивости и, наконец, величие изгнанника, разлученного с милыми сердцу и с¹ любимой им Францией, умирающего² на скале медленной смертью и передающего³ свои великие деяния потомству. Потом описывают нам опять разговоры государственных людей на конгрессах, где от того, что и как скажет какой-нибудь очень хитрый дипломат — зависят судьбы миллионов. И наконец, описывают нам самого императора Александра, великодушного виновника умиротворения Европы,⁴ вдруг после полного торжества либеральных начал, которым он служил с начала царствования, поворотившим на противоположную сторону строгости, презрения к людям и деспотизма.⁵

Как ни привычно это описание для человека мыслящего, углубившись в смысл явлений, на каждом шагу в этом описании представляются странные неразрешимые вопросы и относящиеся к самой сущности дела.

⁶Для чего Наполеон пошел в Россию?

Для чего Александр, когда Россия была освобождена, пошел во Францию? Почему Наполеон, прежде побеждавший, не побеждал более? Почему император⁷ австр[ийский], тесть Наполеона, воевавший против Александра, теперь соединился с ним? Для чего, прийдя в Париж в 14-м году,⁸ не взяли Наполеона и не признали его генералом Бонапарте, каким признавали его 5 лет тому назад и полтора года после, а императором послали его на Эльбу? Почему Александр, имевший и власть и народное честолюбие, ничего не выговорил для России на конгрессе, а больше всех выговорил, сев на известный стул, Талейран, представитель побежденных? Другие были бы границы Франции, ежели NN не сказал таких и таких-то слов? Наконец, самое непостижимое:⁹ каким образом Наполеон, ненавидимый,¹ *Зачеркнуто*: отечеством,

² В автографе: умирающим

³ В автографе: передающим

⁴ Зач.: усталым, почти озлобленным, не вмешивающимся больше

⁵ На полях: Время пришло [?] Второе слово можно прочесть: причи[на]

⁶ Зач.: Почему

⁷ Зач.: Александр не шел [?]

⁸ Зач.: и взяв Наполеона

⁹ Зач.: почему

свергнутый разоренным им народом, приходит один во Францию, так что каждый сторож может взять его, и Ней, отрекшийся от него год тому назад, скачущие против него передаются ему, и он приходит в Париж не только царствовать, но также воевать? Если это сделали ошибки Бурбонов, то почему Бурбоны делали такие ошибки, а потом уже их не делали? Почему Наполеон отдался не императору Александру, а англичанам? Почему англичане не спасли его, те, которые хотели этого? Почему с этого времени всё те же попытки Наполеона поддержать свое величие делаются тщетными? Почему записки его жизни — образец лжи и ничтожества? Почему император Александр вдруг именно тогда, когда огромная власть в его руках, перестает употреблять ее на пользу человечества?

Вопросов этих, неразрешимых и существенных, миллионы, и при том методе, который употребляется историками для изложения событий, не[т] ни одного события, которое бы было понятно. Это сделалось потому, что NN хотел этого. Да зачем он хотел этого? А другие что хотели? Почему он один сильнее других, — и нет ответа. Но, кроме этих неразрешимых вопросов при обычном изложении истории, является другой, еще более странный и неразрешимый ответ.

Хорошо. Всё это так было, как вы рассказываете. Ну что *ж* из этого? Что следует из того, что вы рассказали?

И одни историки, делая умственное напряжение, переходят от рассказа фактов к объяснению их значения.

Одни — это самые низшие по степени умственного напряжения — летописцы, писатели мемуаров и т. д. с древнейших времен и до наших, объясняя значение событий, говорят, что государь этот был нехорош, потому что он¹ угнетал тех людей, к которым принадлежу я. А этот был хорош, потому что он покровительствовал, и этот поступок хорош, покровительствуя мне, этот дурен, как вредный мне.

Другие историки — их наибольшее количество, и они-то называют то, что они делают, объясняя значение событий мерилom хорошего и дурного, признают (так, как они его понимают) благо того народа, к которому они принадлежат. Всё, что ведет к материальному величию Рима, то хорошо для римских историков, всё, что не ведет к нему, то дурно, и этой мерой меряют действия людей. То же самое мерило имеют большинство историков нашего времени. Те действия Наполеона, которые вели к славе Франции, хороши, те, которые унизили Францию, дурны, говорят одни. Другие, старающиеся быть более общими, мерилом ставят не славу, а благо народов Франции, и меряют на эту мерку, которая не менее условна, чем понятие о славе. Ибо никто из этих историков не мог написать программу того блага, которое он желает своим народам.

¹ Зачеркнуто: закрыл

Третьи историки, делая уже самое сильное, крайнее умственное напряжение, мерилом хорошего и дурного берут благо человечества (европейского, всегда прибавляют они).

В понятиях этих историков войны Наполеона разносили по Европе идеи французской революции, идеи прогресса, цивилизации. Но мера прогресса и цивилизации опять мера условная, относящаяся только к уголку известного нам земного шара и столь же непрочная и личная, как и мера того монаха, не хвалившего государя за то, что угнетали его монастырь.

Ни мерило личного блага, ни блага народного, ни блага человеческого (малого количества известного нам человечества) не удовлетворяют разума: потому что они рассматривают, осуждая, а обвиняя и оправдывая, смотря по предвзятой мере.

Изучая личность и ее деятельности, история делает первую ложную (посылку) положение, признавая в прошедшем мнимо существующий произвол этой личности.

Свободная воля, произвол есть только мираж настоящего.

¹Совершив известный поступок в известный момент, я не могу повторить² того момента, в который был совершен поступок, и потому я не мог поступить иначе. Но в тот³ момент настоящего, в который я совершал поступок, у меня было сознание возможности совершить или не совершить его, и потому я⁴ был свободен. Но свободен только в момент настоящего.

Из этой свободы, закованной временем, вытекает осуждение поступка, виновности и невинности поступка, т. е. сообразностью или несообразностью с моим суждением. И чем ближе человек к настоящему, тем сильнее в нем мираж свободы.

Но в прошедшем мираж исчезает, действия людей остаются навеки неизбежными актами,⁵ закованными временем. И чем дальше развивается перед нами этот бесконечный холст прошедшего, тем очевиднее сглаживаются личные произволы, и тем очевиднее выступают правильные, симметрические рисунки — те общие вечные законы, которым подчинялись в прошедшем личные произволы бесконечного количества людей.

* № 310 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. II—VI).⁶

(Историки героические описывают нам личную деятельность Наполеона, Александра⁷ повелевающими народами.⁸ Так поступают в отношении Наполеона Тьер, Lanfrey — один считая все действия Наполеона мудрыми и добродетельными,¹

Зачеркнуто: Только

² *Зач.:* этого пос[тупка]

³ *Зач.:* бескон[ечно]

⁴ *Зач.:* говор[ю]

⁵ *Зач.:* связанными

⁶ *Автограф.*

⁷ *Зач.:* в де[ятельности]

⁸ *Зач.:* и из этой

другой считая те же действия глупыми и порочными.¹ В самом описании действий встречаются постоянно полные противуречия. Один говорит и доказывает, что это было, другой говорит: никогда не было или было совсем иначе.² Один говорит, что такое действие принесло пользу, другой говорит и доказывает, что оно принесло вред. То же самое видим в³ описаниях деятельности Александра.

При разногласии этом историков весьма легко заметить, что основание разноречия лежит в личных свойствах и особенностях историка. Французский историк скрывает всё постыдное для француза, русский скрывает всё постыдное для русского. Француз-республиканец старается выставить силу республики, бонапартист — силу и величие империи и т. д.

Диаметральное противуречие³ этих историков не только в описаниях побуждений и последствий действий Наполеонов и Александров, но и в самых действиях, причина которых, лежащая в личном произволе историка, становится очевидной, заставляет искать другого объяснения.

⁴Обращаемся к общей научной истории⁵ Шлоссера, Гервинуса и т. д. Историки этого рода описывают нам⁶ также деятельность Александра и Наполеона, как производящую события, но вместе с тем в число делателей истории вводят и другие лица — министров, дипломатов, журналистов, генералов, дам, писателей, которые тоже, по их мнению,⁷ влияют в⁸ исторических движениях масс.

В этих историках разногласие в описании самых фактов и в суждении о них, основанное на личном произволе историка, хотя и не в такой грубой форме, встречается, как и у историков первого разряда, и кроме того, чувствуется, что признание участниками исторических событий министров, дам, писателей основывается столько же на убеждении о действительном влиянии этих лиц, сколько на том обстоятельстве, что эти участники оставили по себе письменные памятники. Так, хотя и весьма вероятно,⁹ что лица, не писавшие своих мемуаров и о которых не писали мемуаров, имели участие в истории такое же, как и те, которые писали, мы видим, что главное место в истории занимают всегда те, о которых больше бы[ло] писано.

Существенное же противуречие этих историков лежит в самом взгляде их на делателей истории.⁹

¹ *Зачеркнуто:* Даже

² *Зач.:* То же самое видим в исторически

³ *Зач.:* героических

⁴ *Зач.:* И объяснения эти представляет нам так называемая

⁵ *Зач.:* в трудах

⁶ *Зач.:* не одну

⁷ *Зач.:* участвуют

⁸ *Зач.:* видоизменениях

⁹ *Зач.:* Гервинус, н[а]п[ри]мер], признав

Противуречие их самим себе состоит в том, что, признавая одновременное участие нескольких лиц в совершении исторических событий, они изучают деятельность каждого лица, как выражение свободной воли, осуждая и оправдывая ее.

Гервинус, например, говорит, что французские историки неправы, приписывая подземным интригам роялистов восстановление Бурбонов, что восстановление Бурбонов проистекало и из ошибок Бонапарта, и из брошюры Шатобриана, и из хитрости Талейрана, и из воли Александра и многих других. Но ежели событие — восстановление Бурбонов — произошло из совпадения всех этих обстоятельств, то, очевидно, личные произволы людей, участвовавших в этом событии, уже не имеют интереса. Восстановление произошло по закону необходимости в котором личные¹ воли людей подчинялись законам, действовавшим не на одних только тех людей, которые по имеющимся у истории матерьялам участвовали в событии.² А вместе с тем Гервинус, описывая восстановление Бурбонов, рассказывает деятельность каждого отдельного участника, осуждая или оправдывая, говоря, что Людовик XVIII дурно сделал, поступив так-то, и Талейран и Фуше должны были поступить так и так-то.³ Так что вместо описания события перед глазами читателя возникают бесчисленные количества лиц — придворная, государственная сплетня в огромных размерах и суждения г-на Гервинуса с его личным произволом о том, что было хорошо и что было дурно. Но, кроме этого, как только я признал, что известное событие произведено не по воле одного человека, а по воле нескольких людей, воздействующих друг на друга, я не могу признать, чтобы событие, относящееся до миллионов, могло совершиться только по воздействию нескольких человек друг на друга. Если из взаимодействия Людовика XVIII, Александра, Фуше, Талейрана, Метерниха и т. д., связанных между собой единовременным действием, произошло восстановление Бурбонов, я не могу предположить, чтобы это взаимодействие прекращалось на тех лицах, которые мне описывает Гервинус: писателей, дам, министров и т. д. Если я раз вижу связь верхних слоев между собою и связь эта нигде не прерывается, то я не имею никакого права предположить, что связь эта прерывается на тех лицах, которые мне известны. Если я вижу, что точка вершины конуса упирается на связанном с нею, более широком основании и это основание на другом, я не имею права предположить, чтобы известное мне основание конуса¹ *Зачеркнуто*: произволы

² *Зач.*: Эти историки беспрестанно натыка[лись]

³ *Зач.*: Признавая то, что из совпадения различных произволов вытекает общее событие, историки эти не признают общее событие за предмет изучения, а признают таковым произволы участников, произнося суд над ними.

было его существенным основанием. Историки эти,¹ отступая от первоначального взгляда героической истории, устремленного на одну вершину конуса, и стараясь дать необходимое значение героям, спускаясь вниз по конусу истории, стараются согласить сделкой разногласие истории с требованиями разума, но, не удержав первоначальный взгляд истории и не отрешившись от него, приходят к худшим результатам, чем первые. Можно допустить, что внешняя сила,двигающая конус истории, действует на одну точку его вершины, но решительно непонятно, каким образом эта сила размещается, находясь в самом конце, только по вершине его. Понятно, что Наполеон, имеющий божественную власть, приказывает набирать солдат, и солдаты набираются.²

Очевидность связи того, что мы называем следствием, с тем, что мы называем причиной, в этом героическом взгляде на историю, не говоря о том, справедлив ли он, понятна.

Но каким образом то, что Шатобриан написал брошюру, или то, что Метерних сказал такие-то слова, сделало то, что мы называем восстановлением Бурбонов, т. е. казни, изгнания, перемещения богатств — не только непонятно, но и неочевидно, как в первом случае. Каким образом книга Contrat Social сделала то, что французы резали друг друга, или то, что на В[енском] К[онгрессе] Т[алейран] сел на известный стул, сделало то, что границы Франции стали другие, — непонятно и неочевидно.³

¹ *Зачеркнуто*: критикуя

² *Зач.*: Приказы: Александр приказывает посадить Людовика XVIII на трон Франции, и его сажают.

³ *Зач.*: Из этого вечного существенного противуречия, лежащего в самом взгляде этих историков на свой предмет, историки эти спасаются в произвольно взятых отвлечениях, которые они выдают за смысл истории, и в признании какого-то исторического таинства, делающего исторического человека человеком своего времени. <Отвлечения эти:> То <это> падение 3[ападной] Римской Империи, то возрождение науки и искусства, реформация, монархическая власть, среднее сословие, феодализм, революционные идеи, свобода народов, конституционализм, национальности и наконец самое общее и темное отвлечение — прогресс, цивилизация.

Но все эти отвлечения не затрагивают вопросов истории о движении масс. Все эти отвлечения суть только отвлечения из известной нам деятельности государей и министров, которые в этих отвлечениях признаются роковыми деятелями; вопросы же богатства, бедности, переселения народов, войн, убийств — находятся вне этих отвлечений. Почему вопрос о развитии монархической власти будет для меня интереснее вопроса о истреблении лесов, о средствах пеленать детей, о напитке, вошедшем в употребление, и т. д.

Отвлечения эти суть только удобства того исторического изложения, которое не захватывает жизни. <Лудовик XIV был человек своего времени, основатель силы государства. Лудовик XIV>

Последнее отвлечение, на которое стремится мерить история, есть прогресс цивилизации, определение которого мы тщетно бы стали искать у историков.

¹ Древние историки говорили, что герои одни по воле божества руководят действиями масс.

Новые историки² говорят, что не одни герои, но герои в соединении с другими историческими лицами,³ руководят действиями масс.

⁴ Разница состоит в том, что первые, признавая причиной одно лицо, одаренное сверхъестественной властью, последовательнее вторых (в особенности Бокль), признающих делателями истории нескольких лиц (цивилизаторов человечества), ничем кроме произвола историка между собой не связанных.

[Далее от слов: Отрешившись от воззрения древних, кончая: когда Наполеон сказал такие-то слова, кажется нам бессмысленным *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. IV.]

И он действительно бессмыслен, ежели мы признали фатум древних, но как скоро мы отрицаем его, вопрос этот представляется во всем своем громадном значении и⁵ одно постановление вопроса — уже весь [?] ответ. Без понятия о подчинении божеству воли людей возможно ли влияние воли одного⁶ человека на воли миллионов? Если все люди свободны, то каким образом воля одного человека может подчинять себе воли других людей? <Если допустить, что люди равны между собой по силе своего влияния друг на друга, то очевидно, что воля одного человека не может руководить волями двух людей, тем менее миллионов. Если бы люди были равны, то вопрос был бы решен.>

Но, может быть, исторические лица, как и говорит история, суть герои, т. е. люди, одаренные особенной силой души и ума, называемой гениальностью, и воля таких людей имеет силу влиять на воли миллионов?

Справедливо ли это? Посмотрим на главных деятелей истории.⁷

Кто они, цари, министры, дипломаты, Наполеоны, Фридрихи, Петры I, Екатерины, Елисаветы и т. п.? Взглянем на ближайшего и величайшего исторического деятеля — Наполеона. Прочтите историю Lanfrey, но лучше всего прочтите записки самого Наполеона.

Но какого бы взгляда ни держались историки, все согласны, что массы движутся по воле некоторых.

<Ежели не> Или герои руководят действиями масс, или массы руководят действиями героев, или герои вместе с массами подчиняются одним общим законам. <Нельзя себе представить, чтобы> Историки же говорят, что несколько человек, связанных между собою законом необходимости <руководили действиями масс>, т. е. сами подчиненные законам, руководили действиями масс.

¹ *Зачеркнуто*: Героические

² *Зач.*: прагматические

³ *Зач.*: подчиняясь законам

⁴ *Зач.*: Несмотря на посл[еднее] <Вся>

⁵ *Зач.*: сам собою как бы решает

⁶ *Зач.*: слабого

⁷ *Зач.*: <того периода, который> Наполеоновского пери[ода].

Вот тот человек, который настолько преобладал над массами, что руководил миллионами. Взглянем на другого человека, по истории руководившего всем движением Европы по изгнанию Наполеона, — Метерних. Одно из двух: или сила души и ума, гениальность состоит в разврате, в тщеславии, лжи, убийстве,¹ или не сила ума и души дала этим людям *возможность* руководить миллионами. Но, может быть, это случайно выбранные примеры. Не повторяя примеров душевной слабости и низости людей, руководивших массами, в которых, по моему мнению, нет исключений (кажущиеся исключения суть только заблуждения, недосмотры истории), взглянем на самые свойства тех условий, в которых живут и образуются люди, которые руководят волями масс. Люди эти: короли, императоры, полководцы, министры и т. д. Самообольщение власти, придворная среда, льстецы,² условные формы жизни, роскошь и удовольствия, отсутствие прямых отношений с природой и народом, этикет, формальность, брожение всех интересов и страстей, поглощение всего времени не развивающими, но притупляющими занятиями, совершенное отсутствие досуга, — суть ли это выгодные* условия для развития сил ума и души? ³

Итак, рассматривая сущность отношений исторических лиц к массам, мы приходим к убеждению, что по свойствам своей деятельности исторические лица, всегда слабейшие по духу, не могут руководить массами.

Но очевидность говорит нам противное.

Несмотря на то, что непонятно, какую силою ничтожный, дрянной человек — Наполеон — насильствовал волю 600 тысяч, из которых каждый был сильнее его духом, и велел им идти убивать ¹ *Зачеркнуто*: отсутствию всего

² *Зач.*: отсутствие свободного времени

³ *Зач.*: И история, не оставившая ни одного героя, не разоблачив его, и изучение среды, в которой <вырастают> действуют исторические лица, заставляют признать, если не <равенство сил духа исторических лиц во всяком> преимущество сил духа всякого частного лица с историческим лицом, то по крайней мере равенство; и потому вопрос о том, каким образом один человек, равный с другим по силе духа, заставляет подчиняться себе миллионы, <остаётся во всей> своей силе и не может иметь другого решения, как то, что исторические люди имеют сверхъестественную силу или что влияние их на других людей не существует, а только кажется.

Вместо зач. вписано на полях и вновь зач.: Кроме того, не говоря об исторических героях — Кесарях, Наполеонах <своей><о которых могут быть различные мнения>, мнимой гениальностью достигших власти, о которых могут быть различные мнения, люди, по наследству пользующиеся властью: Лудовик XI, австрийские императоры и бесчисленное количество исторических лиц, известных нам по ничтожеству своей силы ума и души, имеют власть над миллионами людей.

Следовательно, лица, имеющие власть, не имеют ее вследствие <своей силы своего духа и не имеют ее вследствие преобладания той среды, в которой всегда находятся властители, и, следовательно, так как мы не признаем бож[ественного] подчинения народов царям, — мы должны признать, что влияние единичных лиц на массы невозможно и потому не существует.

себе подобных, мы видим, что это совершилось. Люди не шли до тех пор, пока Наполеон не сказал известных слов, но как скоро он сказал их, люди пошли и стали делать то, что велел Наполеон.¹

То же видим в современной истории. Парижский конгресс решил, что греки не должны быть более обижаемы турками, и война в Крите затихла.

Итак, разум говорит нам, что единичные люди не могут иметь влияния на массы, очевидность же показывает противное. Положение разума не может быть опровергнуто, но очевидность, основанная на нашем представлении, может быть ошибочна, точно так же, как ошибочно наше представление о неподвижности лодки по тихой реке и движении берегов. Основанием сомнения нашего в справедливости представления неподвижности лодки вытекает из² сравнения лодки с берегами, способности к подвижности и малости [лодки] и меньшей способности к подвижности и сравнительной величины берегов.³

Мы говорим, что воля Наполеона, выраженная словами, произвела поход 12-го года, т. е. что выраженная воля Наполеона была причиной похода. Если воля Наполеона была причиной, то та же причина должна была производить и те же следствия.

Посмотрим, нет ли и в настоящем случае подобного миража. Если воля Наполеона произвела поход 12-го года, то почему воля того же Наполеона не произвела Булонскую экспедицию в Англию, на которую было потрачено им столько деятельности? Изучая⁴ историю Наполеона и других исторических деятелей, мы, благодаря обильным материалам новой истории (древняя, например и [стория] А[лександр] М[акедонского], не дает нам сведений о неисполненных предначертаниях в [еликого] ч[еловека]) и спрашивая себя, все ли и много ли относительно из предначертаний Наполеонов были исполнены, мы видим, что на одно исполненное намерение, желание, приказание даже приходится тысячи неисполненных. Мало того, обильные матерьялы, которые нам дает новая история, показывают нам, напротив, то, что и даже и те предначертания великих людей, которые нам представляют исполненными, большей частью придуманы впоследствии.⁵ Мало того, без исключения все предначертания исторических деятелей исполняются совершенно в обратном¹ *Зачеркнуто*: Но мы видим, что лодка <бежит> стоит, а берега бегут мимо нас.

² *Зач.*: нашего признания

³ *Зач.*: Справедливо ли, что воля, приказание Наполеона суть причина движения миллиона людей? Одинаковые причины производят одинаковые следствия, <И в самом деле, если воля Наполеона заставила действовать 600 тысяч> *Вместо зач. вписан на полях текст след. абзаца.*

⁴ *Зач.*: с этой точки зрения

⁵ *Зач.*: что Наполеона вталкивают 18 брюмера в залу собрания и он <считает свое дело>, не желая, не ожидая того, делается консулом и только потом утверждает, что он хотел этого и предвидел.

смысле. Революционные деятели объявляют права человека и через месяц начинают топить и резать этих людей с их правами. Наполеон собирает войско против Англии и бьет австрийцев. Александр идет уничтожить Наполеона и вступает с ним в дружеский союз, потом, желая только очистить отечество от врага, ведет ополчение в Париж.¹ Презируемые всеми, ненавидимые французами Бурбоны неожиданно для всех садятся на престол и т. д. и т. д. Итак, новая история показывает нам, не так, как история древних, где всё совершается по воле великих людей, что почти все события совершаются противно воле великих людей и что из предначертаний великих людей исполняется одно на тысячи. И, кроме того, показывает нам общее человеческое свойство подделывать под совершившееся событие мнимое предвидение его и приказание о его исполнении. Итак, и с этой точки зрения мы видим, что приказания великих людей не суть причины событий, а кажутся нам таковыми. Но почему они таковыми кажутся нам? Почему Наполеон велел идти, и пошли. Венский конгресс решил прекратить войны,² и войны прекратились. Для того, чтобы объяснить себе, почему это нам так кажется, надо войти в самую сущность деятельности великих людей, их отношений к массам и того, что мы называем решением, приказанием. Что есть решение или приказание?³

Решение или приказание — это известные слова, сказанные в известное время, необходимо предшествовавшие совершению известного события. И то обстоятельство, что слова эти сказаны прежде события, заставляет нас думать, что причину события были слова. Но слова не могли быть причиной события: 1) потому что слова не могут произвести движения масс; 2) потому что история показывает нам бесчисленные примеры слов, не производивших никакого действия; 3) потому что большей частью, если не всегда, слова, которые нам выдают за причину события, выдуманы впоследствии; 4) потому что, когда совершается какое-нибудь событие, из взаимодействия многих волей всегда выражаются словами предположения, решения и приказания, противуречащие одно другому, и при совершении события запоминаются и повторяются, как приказания, только те слова, которые говорены были в смысле совершившегося события, и 5) потому что,⁴ так как доказано историей, что предначертания великих ¹ *Зачеркнуто*: Союзники желают

² *Исправлено из*: войну и далее зач.: в Крите

³ *Зач.*: Это есть выраженная воля человека. В каждую данную минуту существуют бесчисленное количество таких выраженных решений. Когда одно из этих решений исполняется, мы говорим, что это было <приказание> исполненное решение. Что бы ни случилось из взаимодействия людских произволов, всегда это будет чье-нибудь решение. Но почему решение это большей частью бывает решение Наполеонов?

⁴ *Зач.*: слова эти, в форме приказания, положим, выступить в поход 12-го года, могли быть сказаны только в один бесконечно малый момент времени.

людей и слова их, ежели не всегда, то очень часто не производят никакого действия, то нельзя предполагать, чтобы слова эти в случае их совпадения с событием производили действие. Нельзя этого предполагать тем более, что слова эти для того, чтобы быть связанными с событием, должны быть произнесены в один определенный момент времени, в противном случае они теряют свое значение. Слова о приказании идти на Россию, сказанные годом, месяцем, минутой ранее или позже, не могли произвести своего действия.¹

²Что такое приказание? Слова. Мы говорим, что приказание идти в поход 12 года предшествовало походу и было причиной его. Но когда были сказаны эти слова? И какие были те слова, которые решили событие, мы не видим. Мираж, обман состоит в том, что мы представляем себе целый период событий, например поход 12 года, определенный вперед, но этого никогда не было. Никогда — история показывает нам это — Наполеон не приказывал похода на Москву.³ Он приказывал нынче такому-то корпусу придти туда-то, такому-то отойти туда-то и собрать провиант там-то и там-то; но, кроме этих приказаний, он ежедневно, ежечасно приказывал и, соглашаясь на проэты, разрешал бесчисленное количество действий посторонних и прямо противуречащих этому. Он постоянно приказывал и разрешал направо и налево и, ежели из этих приказаний вышло не экспедиция в Англию, которая была его продолжительной мечтою, а поход на Россию, с которой он считал выгодным быть в союзе, то причиною тому не его приказания. То, что должно было совершиться по законам, находившимся вне его власти, совершилось шаг за шагом, и ежели есть целый ряд его приказаний, как будто направленный к этой цели, то точно такие же ряды приказаний можно было найти в его деятельности к совершенно противоположной цели. Обман наш состоит в том, что, во-первых, мы предполагаем Наполеонов совершенно свободными от внешних влияний и предполагаем, что совершившееся событие, по которому мы находим ряд приказаний, вызванных движением события, совершилось потому, что были эти приказания, тогда как приказания эти были даны потому, что совершалось событие. Приказаний неисполненных отдается так много, что, что бы ни совершилось, окажется, что оно совершалось по приказаниям. Главный же⁴ обман состоит в том, что мы забываем непрерывность движения во времени, допускаем прерывные ¹ *Зачеркнуто карандашом*: Событие никогда не может быть руководимо одним приказанием, а оно вытекает из тысячи признаков [?] и причин [?] *Далее — вставка-автограф на одном листе.*

² *Зач.*: <Мираж власти состоит пре[жде]> Но главное

³ *Зач.*: Весь обм[ан]

⁴ *В автографе осталось по ошибке неисправленным*: Главная же и далее *зач.*: ошибка

единицы событий. Наполеон, — говорим мы, — захотел и сделал поход на Москву.

Но поход из Москвы сделан ли по его воле? — спросим мы.

И оказывается, что период взят слишком велик и что воля Наполеона не подходит под весь период. Но, ежели мы возьмем период наименьший, воля Наполеона тоже не подойдет под него. В его ли воле или нет было дать приказание¹ двинуться 17 июня, когда войска были собраны и готовы к походу? Нет, он не мог не дать приказания.

Но что привело войска к Неману, собрало их опять? — Момент за моментом следовавшие обстоятельства, собравшие и приведшие войска к Неману. То, что мы видим последовательность в приказаниях, доказывает только то, что была последовательность в этом ряде событий, вызывавшая приказания. Роль, обязанность Наполеонов состоит в том, чтобы приказывать. Они постоянно приказывают противуречащие друг другу и невозможные приказания, и из всех приказаний оказываются действительными те, которые совпадают с ходом событий. В этом заключается мираж власти.²

Щепка в³ потоке движется очевидно для меня⁴ и, на мой взгляд, прежде⁵ струи, и из этого я заключаю, что щепка движет⁶ струю.

Но как скоро я понял связь струи с щепкой, является вопрос: щепка ли, держащаяся на воде, движет воду, или вода движет щепку.

Точно тот же вопрос представляется при вопросе о том, видное ли мне движение пр[авящих] лиц производит движение масс, или движение масс, на к[оторых] держатся правящие лица, производит видимое мной их движение.

Вопрос в истории сводится на вопрос о воле. Или я должен допустить, что мильоны воля покоряются одной, или наоборот. Допустив свободу воли пр[авящего] лица, управляющего мильонами, я должен отрицать свободы мильонов. Но история признает свободу каждого человека. Следовательно, я должен отрицать управление одним волями мильонов.

Это есть мираж, основанный пре<имущественно> 1) на том, что, имея дело с событиями, совершающимися во времени, со всегдашним свойством непрерывности во времени, мы представляем себе прерывные периоды времени. Если бы, не отступая от этого условия, наблюдали события мгновение за мгновением, мы никогда бы не могли прийти к убеждению, что, например, поход 12 года сделан по воле Наполеона, точно так же, как¹ *Зачеркнуто*: <идти> двинуться в Россию в июне,

² Далее — новая вставка-автограф на отдельном листе.

³ Зач.: море

⁴ Зач.: и даже прежде

⁵ Зач.: волн

⁶ Зач.: волны.

никогда бы нам не показалось, *что*¹ гонимая водой щепка есть живое существо, свободно двигающееся, как она нам кажется издали. Следя вблизи момент за моментом за движением щепки, мы убеждаемся, что каждый момент ее движения определяется подъемом, опущением, напором струи, и что она не имеет произвольного движения, и что именно то, что ввело нас в обман, — то, что она находится на поверхности движения, лишает ее всякого участия в силе движения.

То же самое мы увидим, следя момент за моментом за движением исторических лиц (т. е. восстанавливая необходимое условие события во времени). Следя момент за моментом за деятельностью Наполеона, мы увидим, что поход на Москву и всякое другое событие никогда не было предначертано им; но, находясь на поверхности сил, он постоянно шаг за шагом подчинялся их влиянию и отдавал приказания не о походе в Москву, а нынче о том, чтобы Мюрат приехал к нему, завтра — под влиянием гнева — о том, чтобы написать такую-то ноту Р[усскому] мин[истру], послезавтра о том, чтобы занять такую-то прусскую крепость... Из всех же этих² приказаний, отвечавших на требования события, через известный период времени составилось определенное движение, которое издали кажется свободным.

Что бы ни совершилось, всегда окажется, что это самое было предвидено и приказано. Куда бы ни направился поток, щепка будет нестись на поверхности его и будет издали представляться нам не только произвольно двигающейся, но и руководящей поток.

Мираж состоит именно в том, что щепка находится на поверхности силы воды и пр[авящее] лицо находится на поверхности сил массы. Не отрешившись же от воззрения древних, мы за поверхность приняли вершину, и метафору эту приняли в прямом значении.³

Следовательно, не событие зависело от слов, а слова зависели от события.⁴

Итак, власть Напол[еонов] и влияние их на исторические события есть только ложное представление наше, основанное на мираже, представляющемся нам вследствие предшествования известных слов,⁵ совпадающих последующему событию, и люди эти не производят события⁶.

Новейшая история невольно (так как положение ее о знании целей истории⁷ прямо противоположно этому взгляду) признает¹ *Зачеркнуто*: плывущая по

² *Зач.*: событий

³ *Зач.*: В чем же состоит назначение этих лиц? Служить временным обманом. *Далее* — продолжение основной рукописи.

⁴ *Зач.*: Итак, деятельность лиц ка[жется]

⁵ *Зач.*: дейст[виям]

⁶ *Зач.*: но сами неразрывно связаны с ними и покоряются воле масс.

⁷ *Зач.*: и прием изучения исторических лиц

этот взгляд — не кто другой, как она сама, выработала его. Но, несмотря на это,¹ видя перед собой кажущиеся неразрешимые трудности описания масс, следуя старым преданиям истории и не желая отказаться от права оправдывания и осуждения ист[орических] д[еятелей], история в ответ на вопросы человечества о законах видоизменения масс продолжает отвечать описанием исторических деятелей, которыми одни признают царей и министров, а Бокль, стоящий ближе всех к истине, но потому более всех противуречивый — цивилизаторов человечества К., Р. и т. д., предполагая и утверждая, что в этих деятелях выражается характер времени, к[оторого] они современники, и вся деятельность масс. Смутно чувствуя неудовлетворительность своих ответов на запросы человечества, нов[ые] историки, описывая исторических деятелей, приобщают к ним всё, что только оставило по себе памятники: и литературу, и искусства, и земледелие, и торговлю, но, не связанные между собой одним общим законом, все эти описания земледелия, торговли, литературы по отношению к историческим лицам представляются излишним, мертвым, только затемняющим дело матерьялом. Или интерес лежит в массах, во всей массе и предмет изучения суть законы, общие всем массам, или интерес лежит в исторических деятелях, которые, хотя и не руководят массами, выражают их. Посмотрим, справедливо ли то, что исторические деятели выражают собою массы.

Каким образом движение французского народа в конце нынешнего века выражается в деятельности Л[юдвиков] XVI, XV и XIV? Несмотря на то, что на эту тему написано много книг, нельзя понять. Нельзя понять, почему движение русского народа на восток в Казань и Сибирь выражает Иоанн IV, почему расцветание русского народа в конце прошлого века выраж[ается] жизнью Екатерины, — непостижимо.

Не составив себе какого-нибудь произвольного отвлечения и не поставив это за цель истории, как, например, свободу народов, конституционализм, величие Франции и прогресс цивилизации, невозможно понять, каким образом могут исторические деятели выражать жизнь народов; ибо для жизни народов представляются вопросы, не имеющие ничего общего с деятельностью великих людей. Отношения людей к земле, отношения их между собой, торговые, имущественные, семейные их вражды, переселения — всё, что составляет сущность жизни народов, находится вне влияния исторических деятелей. Деятельность Наполеона, его маршалов, M-me Stahl, Метерниха и т. д. не может объяснить ни одного вопроса из тех, которые ставит человечество истории. Только взяв отвлеченно разнесение идей революции, величие Франции, равновесие европейской цивилизации, можно искусственно подвести интересы масс под деятельность¹ *Зачеркнуто*: она продолжает

исторических лиц. Но даже и в этом случае сама история своей разработкой показала неправильность этого приема. Все неисполненные предначертания великих людей входят ли тоже в форму выражения воли масс? Булонские приготовления Наполеона выражают ли ненависть ф[ранцузов] к а[нгличанам]?

В этом случае вся биография Наполеона, Екатерины со всеми подробностями исторической сплетни, в наше время достигающей таких громадных размеров, служит выражением жизни народа, что есть очевидная бессмыслица.

Ежели же только исполненные предначертания — исполненные, как мы видели, по законам, действующим на массы, — служат выражением воли народа, то воля эта выражается уже сама в себе без отражения в исторических лицах. История дает нам большое число примеров этой несовместимости в одном лице выражения деятельности народа.

Изучая¹ жизнь народов во время Крестовых походов, сколько бы мы ни изучали Готфридов и Людовиков и их дам, для нас останется всегда непонятным движение народов с запада на восток, без всякой цели, под предводительством, без предводительства, с толпой бродяг, с Петром Пуст[ынником], только историей представленным руководителем движения, и потом вдруг остановление этого движения, несмотря на то, что тогда, когда оно остановилось, тогда только ясно поставлена была разумная, святая цель походов — освобождение Иерусалима.

Народы пошли сами на Восток, короли и рыцари последовали движению. Народы остановились. И сколько ни старались рыцари, монахи, папы, короли, — движение не возобновилось. Повторение того же явления мы можем видеть везде от древнейших до наших времен. Что же объяснит нам изучение минезингеров, рыцарей и их дам, королей, пап (всё это изучение сделано), объяснит оно нам движение крестовых походов? Объяснит ли нам изучение Наполеона, Метерниха, их привычек, знакомств и писаний движение народов в нашем столетии? Напротив, чем дальше мы подвигаемся на этом пути изучения, мы видим, что отдаляемся от цели, и должны признать избранный нами путь ложным.

* № 311 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

<Не² спрашивая о всех тех не идущих к делу теориях этой прекрасной науки, составляющих 99/100 ее содержания и состоящих из рассуждений о том, как³ бы можно устроить отношения власти,⁴ если бы это было можно, обратимся в эту разменную кассу с нашей исторической ассигнацией власти.

¹ *Зачеркнуто*: Крестовые походы

² *Зач.*: говоря

³ *Зач.*: умнее все и надписаны след. два слова.

⁴ *Зач.*: не могущих интересоваться никого, ибо с тех пор, как существует мир, никто никогда не устраивал отношений власти и вписаны след. пять слов.

¹Объяснение² это очевидно основано на гипотезе, ибо факт перенесения воли никогда, если не считать некоторых фокус-покусов, происходящих при выборах во Франции и в Англии, в действительности не существует. Но зато объяснение это объясняет явление власти как будто совершенно удовлетворительно. В области права, имеющего своим предметом отвлеченные рассуждения, объяснение это достаточно, но в приложении к истории объяснение это требует разъяснения.

Наука права рассматривает жизнь народов вне времени. История же рассматривает ее во времени. И потому в приложении к истории этой теории являются вопросы, на которые можно отвечать различно.>

* № 312 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII).

Философия, перенимая вопрос от богословов, отвергает богословское разрешение и вновь разрешает его. Аристотель, Спиноза, Кант — каждый по-своему пытаются разрешить вопрос. Но, несмотря на мнимое разрешение вопроса, разрешение не только не³ переходит в сознание масс, но и мыслители, следуя один за другим, не признают прежнего решения удовлетворительным и опровергают положения предшественников, вновь постановляют вопрос и вновь разрешают его. Начиная с св. Августина и схоластиков, поставивших знаменитый софизм об осле, умирающем между двумя пучками сена в равном от него расстоянии, которым они выражали необходимость мотива для каждого движения, целый ряд мыслителей опровергают богословское решение вопроса и прямо отрицают свободу. Гоббес, Юм, Пристлей, Спиноза, Вольтер, Кант, Шопенгауер, некоторые из этих мыслителей весьма [?] односторонне останавливаются на одном отрицании свободы, некоторые, как Спиноза, Кант, Шопенгауер, постановляют свое решение⁴ вопроса; но все без исключения, несмотря на кажущиеся окончательные доводы предшественников в пользу отрицания свободы, вновь отрицают ее и накапливают доводы за доводами в пользу закона необходимости. Те, которые разрешают вопрос, точно так же опровергают разрешение вопроса предшественников и ставят свое разрешение. Так поступают Спиноза, Кант, Шеллинг, Шопенгауер.

В истории этого вопроса замечательно то, что все многосторонние мыслители, решавшие этот вопрос, тем большую метафизическую величину относили к неизвестному, чем полнее они ¹ *Зачеркнуто*: Это

² *Зач.*: власти, хотя и совершенно гипотетическое и вписаны след. пять слов.

³ *Зач.*: признается

⁴ *Зач.*: противуреч[ий]

отрицали свободу человека. Таков божество для богословия, Substantia¹ для Спинозы, das Ding an sich² для Канта, der intelligible Wille³ у Шопенгауера.

* № 313 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII?).

⁴Ветхий завет говорит⁵ о предопределении (Иеремия 10, 23), о том, что действия человека находятся не в его власти.⁶ Христос говорит о том, что волос не спадет с головы человека без воли отца, и своими страданиями показывает тщету борьбы против определенной воли бога. И вместе с тем, как ветхий, так и новый завет, учит об ответственности человека за дела его.⁷

Богословы, в особенности св. Августин, разрешают вопрос в богословском смысле. Между предопределением и ответственностью человека становится божество, разрешающее противоречие. Философы (или обходят) вопрос, или решают его в богословском смысле. Некоторые отыскивают свое философское объяснение и вместе с тем предписывают человеку правила, которым он должен следовать. Схоластики⁸ ставят знаменитый софизм осла, умирающего с голода между двумя, равно отстоящими пучками сена, и Данте переносит это рассуждение на человека и вместе с тем признает свободу его. Философы:⁹ Гоббес, ¹ [сущность]

² [вещь в себе]

³ [умопостигаемая воля]

⁴ *Зачеркнуто:* (Вопрос этот с древнейших времен занимал и занимает все лучшие умы человечества. И странное дело, вопрос этот разрешался и разрешается не только различно, не только противоположно одним мыслителем другому, но одни и те же мыслители разрешают его различно, и (часто) почти всегда соединяя вместе и положительное и отрицательное решение. Аристотель признает вместе свободу и необходимость. Святой Августин говорит: Nunc autem homo non est bonus nec habet in potestatem ut bonus sit sive non videndo [Человек теперь не добр и не может быть добрым, если он не знает].

Вопрос этот с древнейших времен занимал и занимает лучшие умы человечества, и с древнейших времен для богословия, права, истории и философии разрешался и разрешается различно, как богословием, так и философией. Пророки

⁵ *В рукописи осталось неисправленным:* говорят

⁶ *Зач.:* и вместе с тем предписывает казнь за преступления.

⁷ *Зач.:* <Апостолы учат> Учители церкви учат о тщете мечтания о свободе и <требуют> налагают ответственность на дела людей.

Contra liberum arbitrium pugno [I неразобр.] scripturae testimonio quosemos de Christo loquantur, — говорит Лютер. [Свидетельства писания опровергаются, когда свободны рассуждения о Христе.]

Nunc homo non est bonus nec habet in potestatem ut bonus sit sive non videndo qualem esse debet sive videndo et non volendo esse <sive> qualem debere esse si videt [Человек теперь не добр и не может быть добрым, если он не знает, каким он должен быть, или он знает, но не хочет быть таким, каким должен быть], — говорит Августин.

Вместо зач. под строкой надписаны след. четыре фразы.

⁸ *Зач.:* рассматривают вопрос и

⁹ *Зач.:* начиная с

Спиноза, Юм, Вольтер, Кант¹ отрицают свободу и вновь признают ее. Для одних² — каждое действие человека немислимо, без причины, причина же лежит вне его и потому свобода немислима, для других — свобода есть сущность человека, его сознание.

В области философии замечательно то, что лучшие умы и большей частью в последний период своей деятельности склоняются в пользу закона необходимости и отрицания свободы, и еще то, что, несмотря на полнейшие доказательства мышления невозможности свободы, новые мыслители вновь начинают пенелопову работу своих предшественников. Так поступают Спиноза, Юм, Пристлей, Кант, Шопенгауер. Еще черта, замечательная в истории этого вопроса, состоит в том, что все многосторонние умы, решавшие этот вопрос с точки зрения разума, уничтожая понятие свободы, тем большую величину в другой области относили к неизвестному. Таков х, у Спинозы — Substantia,³ у Канта — das Ding an sich,⁴ у Шопенгауера — der Wille.⁵

Последний⁶ великий мыслитель этот, победоносно доказав с точки зрения разума отсутствие свободы, в объяснение⁷ сущности жизни признает⁸ волю мыслимую, весьма близкое понятие к сознанию той свободы, отсутствие которой он доказывал.

Кроме того, в лучшем произведении этого великого мыслителя встречается довод, который он сам приводит против себя.

«Der unbefangene (philosophisch rohe) Mensch,⁹ — говорит он после всей силы своих доводов, — все-таки скажет: «а я все-таки знаю, что могу сделать всё, что хочу». И этот простой довод, который смело приводит против себя великий и в особенности правдивый мыслитель, несмотря на всю силу аргументации философа, остается ненарушимым и служит основанием всех тех философов: Фихте, Шел[линг?], даже Гегеля, которые противоположно ему решают вопрос.

¹⁰ Вопрос не решен, но замечательно то, что, несмотря на нерешение богослови[ем], наукой права,¹¹ общественным мнением, судящими о нравственности и безнравственности деяний людей,¹² *Зачеркнуто*: разрешают вопрос и различно решают его *и надписано окончание фразы*.

² *Зач.*: человек должен

³ [сущность,]

⁴ [вещь в себе,]

⁵ [воля.]

⁶ *Зач.*: философ, Шопенгауер *и вписаны след. три слова.*

⁷ *Зач.*: других явлений мира *и вписаны след. два слова.*

⁸ *Зач.*: der Wille, которая в сущности есть не что иное, как та свобода *и вписаны след. девять слов.*

⁹ [Свободный от предрассудков (философски необразованный) человек,]

¹⁰ *Зач.*: Вопрос этот, предполагающийся решенным как историей, так

¹¹ *Зач.*: и просто

¹² *Зач.*: до сих пор не решен ни в философии истории, ни права, ни богословии, ни этики, то есть <науке> учении об нравственности.

так и историей, которые строятся только на свободе или несвободе человека, добре и зле, ни в философии истории.

Вопрос этот отложен¹ или не сознаваем точно так же, как для земледельца отложен или не сознаваем вопрос о том, какие именно вещества нужны для возобновления плодородия его почвы. Какие бы ни были эти нужные вещества, надо вывозить навоз из переполнившегося хлева на пашню, которую все признают улучшающейся под влиянием какого бы то ни было навоза. Человек ищет утешения и напутствия, и ему надо говорить о грехе и благодати. Люди требуют ограждения своих прав, и необходимо определять эти права, не спрашивая себя, суть ли они произведения свободы или необходимости. Человек чувствует потребность выражать свое сочувствие одним и несочувствие другим поступкам и, не спрашивая себя, произвольны или непроизвольны поступки, в обществе складывается понятие доброго и хорошего.

События совершаются произвольно или по законам необходимости производят их люди. События надо записывать.²

В настоящее время вопрос этот не только отложен, но как будто забыт.³

В наше самоуверенное время вследствие популяризации поверхностных знаний вопрос этот кажется не только отложенным, но непонятым. Богословие, наука права, этика, история продолжают изучаться, как будто вопроса этого не существует. Спросить их, как они разрешают тот вопрос, на котором строятся их науки, они не поймут вас.⁴ «Вы кто же, матерьялист?» — скажут они.

⁵Рассматривая философскую историю вопроса, мы увидим, что вопрос этот⁶ не только не разрешен, но имеет два¹ *Зачеркнуто*: под влиянием необходимости точно

² *Зач.*: Были времена в истории европейского человечества, когда вопрос этот был несознаваем. <Такова> Языческая философия древних греков и римлян <редко и случайно касается этого вопроса> как бы не сознает еще всей важности вопроса. <Так> Аристотель в «Этике» и Цицерон в книге о Судьбе только слегка касаются этого вопроса. Только с христианством вопрос этот отцами церкви постановляется во всей его значительности. Святой Августин и за ним схоластики <приводят> очевидно сознают всю важность вопроса <лежащего в основе как богословия>. После них вопрос из исключительной богословской сферы переходит в область философии. Все глубокие мыслители останавливаются на этом вопросе и различно разрешают его: Гоббес, Спиноза, Кант, Шеллинг, Шопенгауер.

Со времени Августина и схоластиков, со времени знаменитого софизма Буридана об осле вопрос перешел в сознание человечества и только откладывался.

³ *Зач.*: и опять вышел[?] из сознания человечества. Произошло ли это

⁴ *Зач.*: <Они> Единственное возражение

⁵ *Зач.*: Итак

⁶ *Зач.*: занимая человечество с древних времен, разрешался и разрешается различно, что, несмотря на кажущееся полное разрешение его,

решения.¹ С точки зрения разума — свободы нет и не может быть, с точки зрения сознания нет и не может быть необходимости.²

Та самая дилемма, к которой мы пришли в рассматривании законов истории, лежит в основании всей философской работы по этому вопросу.

Без законов, управляющих деятельностью людей, немислима жизнь человечества. При законах немислима свобода, а я сознаю ее.

История имеет своим предметом проявление воли человека в прошедшем,³ и потому вопрос о том, каким образом проявляется воля человека в настоящем, для нее не имеет места. Для истории существует только явление, проявления воли, кажущейся более или менее свободной. И история философии, и опыт⁴ показывают ей, что проявления этой воли представляются⁵ то свободными, то несвободными. Для истории проявления этой то свободной, то несвободной воли суть только явления.⁶

Не решая вопроса о том, абсолютно ли свободно⁷ каждое действие человека или абсолютно необходимо, история рассматривает⁸ и те и другие, наблюдая большую или меньшую степень представляющейся свободы.⁹

следующий мыслитель начинает дело сначала. Что последний мыслитель, окончательно и успешно разреш[ая] вопрос, признает; что *der rohe Mensch* [необразованный человек], видя[?], скажет: *aber ich kann was* [но я могу] [*I неразобр.*] — видим, что он признает *intelligible Wille* [умопостигаемую волю], который свободен, видим, что разрешение вопроса не переходит в области масс, и, главное, видим вечно неопровержимый довод в пользу свободы, заключающийся в том, что если воля моя ограничена, то сущность ее свободна.

¹ *На полях:* Сознание и рассуждение_

² *Зачеркнуто вписанное на полях:* Не судя о том возможном или невозможном решении вопроса в области отвлеченного мышления, история, как наука опытная, находя и, в истории философии и в действительности два решения этого вопроса, принимает их оба. Но для истории разрешение его неизбежно.

Далее зач. в тексте: Вопрос (не судя о том, возможно или невозможно его разрешение) остается неразрешен.

В области философии, богословия, права, истории одни признают, другие не признают свободы воли.

История <для того, чтобы быть наукой, должна быть наукой опытной>, как опытная наука <история> для разрешения <вопроса> его имеет орудие, которого не имеют другие науки: опыт и наблюдения.

История не только может, не решая вопроса о том, свободна или не свободна воля человека, допуская оба явления, рассматривать эти свободные и несвободные проявления воли во времени

³ *Зач.:* Сама философия, богословие, право, сама история *Вместо зач. вписано на полях, кончая:* более или менее свободной.

⁴ *Зач.:* личной жизни

⁵ *Зач.:* человеческому мышлению

⁶ *Зач.:* описывать и наблюдать которые составляет ее задачу.

⁷ *Зач.:* или несвободна эта воля *и вписаны след. шесть слов.*

⁸ *Зач.:* это явление, допуская и то и другое *и вписано окончание фразы.*

⁹ *Зач.:* Как исторический, так и личный опыт показывают, что есть проявления воли, всеми признаваемые за свободные, и наоборот.

Рассматривая, положим, распоряжение Наполеона III о походе в Мексику, действие это, мотивы которого еще не вполне известны историку, представляется ему более свободным, чем распоряжение Наполеона I о походе в Россию. Распоряжение Наполеона I о походе в Россию, условия и результат которого еще не вполне известны, представляется ему более свободным, чем распоряжения Людовика IX о походе в Иерусалим, мотивы которого более обозначились и потому более известны. Относя еще дальше наблюдаемое явление, историк заключает, что степень представляющейся свободы истор[ического] дея[теля] всегда зависит от времени. Поверяя то же наблюдение над личной жизнью одного человека, историк увидит, что та же зависимость от времени находится и в личной деятельности человека.

* № 314 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).

¹Ибо существует ли свободная воля у человека или не существует, в обоих предположениях мы должны придти к признанию зависимости свободного или не свободного человека от других свободных или несвободных людей, или наоборот. Очевидно, что зависимость одного от многих легче может быть найдена, чем многих от одного.

Когда Наполеон III в своей речи или записках говорит, что он, жертвуя своими наклонностями для общего блага, совершил такое-то действие, или когда я (вспоминаю) говорю, что я написал известные слова потому, что я из всего, что я мог написать, выбрал те слова, которые считал лучшими, и Наполеонов и мой поступок представляются несомненно свободными. Но если я описываю переселение народов, руководимое отчасти Аттилою, или вспоминаю поступок, совершенный мною в нервом детстве, когда я <под влиянием одной жадности, без борьбы и выбора> съел стоявшие фрукты, и деятельность Аттилы, и моя представляются мне уже не столь свободными. Я вижу, что стремление народов с востока на запад имело другие причины, чем воля Аттилы, и что Аттила только подчинялся общему движению; то же самое я вижу и в своем детском поступке. Я вижу, что один мотив жадности руководил мною и что я без борьбы и колебаний, без заметного участия воли, поддался ему. Так что, не говоря об абсолютной свободе или несвободе, посредством наблюдения исторических явлений и личного опыта, мы приходим к заключению, что существуют известные степени свободы (мнимой или действительной). Так [как] предмет истории есть выражение воли людей во времени, то, и наблюдая во времени большую или меньшую степень свободы, мы убедимся, что эта большая или меньшая свобода (или представление о ней) зависит от времени.

Как бы то ни было, как для философии, так и для науки права <для богословия, истории>, для этики, <для богословия даже> вопрос не решен. Каждый новый мыслитель передает следующему <свои> только свои попытки, размышления, и следующий

Вместо зач. на полях вписан дальнейший текст до конца варианта.

¹Зачеркнуто: Итак, мы пришли к выбору: признать, что мнение [?] одного человека, или то, что мы называем волей, из событий, в которых принимают участие 1000000 людей. Действительно непонятно, чтобы один человек заставлял убивать друг друга 1000000 людей, но ясно, что 1000000 людей в своей деятельности могли увлечь деятельность одного человека.

Казалось бы, что доказывать это нет надобности. А между тем в этом состоит наше разногласие с наукой.¹ До сих пор истор[ики] гов[орили], ч[то] и[сторические] л[ица] руководят массами. Если могло существовать столь нелогическое, бессмысленное воззрение на явления истории, то очевидно, что на то должны были быть важные причины. И причины эти весьма существенны.

1) Постигнуть деятельность бесчисленного количества произволов, от которых зависит деятельность одного, не только трудно, но с возникновением наук политической экономии, статистики, всех естественных наук, геологии, сравнительной филологии, казалось невозможным, и потому естественно, что история, не в силах увидеть и познать корни дерева, довольствовалась изучением его листьев.

2) Высшая ступень науки есть признание своего незнания, и для того, чтобы истории стать на ступень науки, надо было отказаться от столь свойственного человеку желания судить события, меряя их на свою условную меру зла и добра.

3) История составляется из памятников личных — комментарии Цезаря, Memorial de St. Hélène, и первобытный прием сделался привычным.

4) Образованием пользуются высшие классы, и они-то в истории признавали за собой — меньшинством — свободную волю, отрицая ее у масс.

И наконец 5)² страх перед признанием закона необходимости.³ Вопрос в том, есть или нет свободы воли? Вопрос этот, кажущийся столь страшным, уже давно разрешен историей и разрешен в отрицательном смысле для массы и в положительном только для сильных мира. Ежели Наполеон мог своим нашествием на⁴ Россию поднять 600 тысяч человек с целью убивать себе подобных, то эти 600 тысяч не имели свободы воли.

Вопрос уже разрешен для большей половины и стоит только откинуть его для избранных, чего необходимо требует логика. И только тогда, когда мы откинем это[т] вопрос для *всех* людей, участников истории, от Наполеона до его конюха, только тогда мы станем на твердую почву логики, только тогда предстанут нам события во всей их полноте и ясности и откроются нам их законы. Только тогда, когда мы, как естествоиспытатели, будем рассматривать одни соотношения явлений, не говоря о том, хорошо ли или дурно то, что камень падает на землю, и о том, чего желает этот камень, а будем отыскивать одни законы соотношений. только тогда мы будем на пути истины.

¹ *Зачеркнуто*: называемой историю. История новейшая как бы признает это, ставя свой идеал в личности; но идеал личный

² *Зач.*: и главное

³ *Зач.*: Скажем le grand mot [великое слово] <Весь>

⁴ *Зач.*: Мос[кву]

Но свободная воля человека, но произвол на добро и зло? Вот оно, великое слово, стоящее на пути истины.

Свободен или не свободен человек, вот страшный вопрос, который задает себе человечество с самых различных сторон. Физиология, психология, статистика, зоология даже принимает участие в борьбе. «Свободы нет, говорят одни, человек подлежит законам материи». «Свобода есть, душа, составляющая сущность человека, свободна», говорят другие.

Посмотрим с точки зрения истории на вопрос свободы или несвободы человека. История рассматривает человека в его движении во времени. Я движусь во времени, я совершаю историю. Свободен ли я? Могу ли я или не могу поднять и опустить руку? Могу. Я поднял ее. Но время прошло — прошла минута. Я говорю себе: мог я или не мог поднять руку. Я не поднимаю руку.¹ Но я не поднял руки не в тот 1-й момент, когда я спросил себя о своей свободе. Прошла минута, удержать которую было не в моей власти, и та рука, которую я поднял, и тот воздух, в к[отором] я сделал ею движение, уже не те, в к[оторых] я теперь не делаю того движения. Тот момент, в который совершилось движение, невозвратим, и в тот момент я ничего другого не мог сделать, как поднять и опустить руку, потому что это был момент, составленный из бесконечно малых моментов. То, что я в следующую минуту не поднял руку, не доказало того, что я мог не поднять ее, а напротив — доказало, что и в этот и в тот момент я не мог сделать ничего другого, что движение мое было одно в одном моменте, следовательно² необходимо.

(Еще яснее невозможность повторить сделанное движение рукой будет видна из того, что в то время, как я другой раз поднял руку, под нее стала рука другого человека.)

Свобода человека, сознаваемая им, закована временем.³ Понятие свободы⁴ вне времени вытекает из суждения о прошедшем акте и представлении возможности совершить другой акт. Если я говорю: «я дурно сделал это вчера», я говорю только, что я могу себе представить другой поступок в тот же момент времени. Следовательно, то, что мы называем свободой, есть только наше представление, мираж свободы. Настоящей же свободы, о которой мы имеем неотъемлемое сознание, мы имеем только один, бесконечно малый момент. Мы имеем не ноль свободы, но бесконечно малую величину во времени.

Если человек, я мое, может выдти из условий времени, то я это будет иметь абсолютную свободу. Я⁵ свободно, но вне времени. Во времени же оно имеет бесконечно малый момент. ¹ *Зачеркнуто*: Мне кажется, я свободен.

² *Зач.*: неизбежно

³ *Зач.*: Сознание

⁴ *Зач.*: говорит Кант

⁵ *Зач.* есть тол[ько]

Вопросы о том, что есть это я,¹ может ли оно быть вне времени — суть вопросы философские.² Но вопрос ограничения свободы временем есть первый вопрос исторический. История рассматривает человека во времени, и то, что для физиолог[ии] (Сеч[енов], Фохт), для зоолог[ии] (Дарвин) есть невозможность, несомненно и неизбежно разрешается историей. История не может допустить иного. А она, именно она настаивает на рассмотрении событий с точки зрения свободы произвола³ А[лександр] и Н[аполеон] и своего.⁴

Предметом истории являются массы, действующие для неизвестных нам целей по закону необходимости. И предметом изучения становятся не произволы людей, не достижение выдуманных нами целей, но изыскание соотношений между явлениями — законов.

* № 315 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. XII).

С тех пор, как найден и доказан закон Кеплера, одно признание того, что движется не солнце, а земля, уничтожало всю космографию древних. Но и после открытия закона К[еплера] космография А[ристотеля] еще долго продолжала преподаваться. Людям трудно отстать от привычной полной лжи, променяв ее на неполную истину.

С тех пор, как 1-й человек сказал и доказал, что количество рождений или преступлений в каком-нибудь уезде подчиняется математическим законам, с тех пор уничтожились все прежние науки humaniores:⁵ юриспруденция, государственные науки, философия, психология, история. Если человек не мог не совершить преступления, то нельзя казнить его преступную волю — воля его была только орудием исполнения вечного закона. И юриспруденция⁶ есть только исполнение закона мести, лежащей в духе человека. Если человек не мог не совершить преступления, то у него не было свободной воли, и философские изыскания о свободе человека сводятся на объяснение миража свободы (Кант). Если ч[еловек] н[е] м[ожет] н[е] с[овершить] п[реступления], то психология не может уже состоять в изыскании существенных свойств души, но должна состоять только в изыскании тех⁷ свойств человека, по которым душевная деятельность его совпадает всегда с вечными законами. Если человек¹ *Зачеркнуто*: как оно относится к божеству

² *На полях*: Какие малости [?] божество, излишек свободы? Вопросы богослов[ия] стали прошлым, но в сфере [?] истории нет выбора.

³ *Зач.*: людей

⁴ *Зач.*: И стоит допустить (что и нельзя иначе) отсутствие произвола, и отпадают все бессмыслицы, и уничтожается тот произвольный критерий, который берет история. Непонятно, почему история не держится бессмыслицы и отвергает истину. На это 4 причины.

⁵ [гуманитарные:]

⁶ *Зач.*: уголовная

⁷ *Зач.*: законов

не м[ожет] не с[овершить] п[реступления], то история не может заключаться более в описаниях деятельности великих людей, мнимопроизводящих события, а должна заключаться в изыскании той связи, которая существует между событиями и людьми для нашего близорукого взгляда, служащего их выражением.

Долго и упорно шла в астрономии борьба между старым и новым взглядом. Богословие стояло на страже за старый взгляд и обвиняло новый в разрушении откровения. Но истина не могла не взять свое и победила. Богословие построилось также твердо на новой почве. Еще дольше и упорнее идет борьба в настоящее время между старым и новым воззрением на *humaniores*, имеющим основание в различии воззрений на причину явлений. Необыкновенное сходство, разноречие поражает нас.¹

Как в вопросе астрономии, так и в вопросе *humaniores* настоящего времени всё различие взгляда основано на признании или непризнании абсолютной неподвижной единицы, служащей мериллом изменения явлений. В астрономии это была неподвижность земли, в *humaniores* это — неподвижность личности, души человеческой.

Как в том, так и в другом случае с одной стороны — шла спокойная² работа науки открытия истины, с другой — борьба страха и жалости за всё веками воздвигнутое здание, которое должно упасть при признании роковой истины.

Но в астрономии истина взяла свое. Так точно в наше время истина подвижности личности должна взять свое. С разных сторон идет сложная упорная работа в пользу новой истины. *Все* науки работают в ее пользу. Зоология (Дарвин), физиология (Сеченов), психология (Вунт), философия [*1 неразобр.*], история (Бокль). Истина есть только отсутствие заблуждений, есть только новое удобство мышлений, и потому она всегда проста, ясна и доступна, и вся трудность восторжествования ее состоит только в победе над заблуждением.

И потому восторжествование истины есть всегда борьба. В борьбе возбуждаются страсти, и страсти заглушают истину.

Для людей, боровшихся с возникав[шей] истиной астрономии, казалось, что, признай они эту истину, разрушается³ вера в бога. Но оказалось, что вера осталась неприкосновенною. Защитникам закона Кеплера и Ньютона, Вольтеру например, казалось, что законы астрономии разрушают религию, и он, как орудие против религии, употреблял законы тяготения. Как трудность признания астрономической истины движения земли состояла в том, чтобы отказаться от чувства неподвижности земли и движения планет, так трудность признания нового закона подчиненности личности законам движения ее во времени ¹ *На полях*: Как в а[строномии], так и в истории ошибка в том, чтобы большее заставить вертеться вокруг меньшего.

² *Зачеркнуто*: борьба

³ *Зач.*: религия

состоит в том, что[бы] отказаться от внутреннего сознания неподвижности единства своей личности. Но как в законе астрономии люди, познавши истину, говорили: «Правда, мы не чувствуем движения земли, но чувствуем движение солнца; но, допустив движение солнца, мы приходим к бессмыслице, допустив же движение, которого мы не чувствуем, мы приходим к законам. Стало быть, мы движемся и не чувствуем этого».

В первом случае надо было отказаться от сознания неподвижности в пространстве и признать не ощущаемое нами движение, в настоящем случае точно так же необходимо отказаться от чувствуемой неподвижности во времени. Какая была моя душа вчера, год тому назад, такая она есть и будет, — говорят противники нового закона. Она одна, одно мое я — неизменяемое, неподвижное во времени, говорят они. Я это чувствую всем существом своим. Но, признавая это сознание единства, неподвижности во времени, защитники нового закона говорят: Это кажущаяся неподвижность, ее нет, она зависит от условий времени, и мы не можем признать ее, потому что, признав ее, мы приходим к бессмыслице, откинув же ее, мы приходим к истине.

Как астрономии, науке о¹ крупнейших явлениях, суждено было установить непоколебимость закона всеобщего движения в пространстве, так истории, науке о крупнейших явлениях человечества, суждено установить непоколебимость нового закона движения личности во времени.

Ибо ни в каком ряде явлений, как в истории, мы не приходим к такому поразительному ряду бессмыслиц, допустив свободный произвол людей, и к такой простоте и ясности, откинув это понятие, произволы, и независимо от него изучая явления.

Как основанием первого заблуждения служит представление несуществующей неподвижности в пространстве, так основанием второго служит представление неподвижности во времени.

«Я свободен, говорит человек, я могу поднять и опустить руку и вот я сделал это. Но я сделал это во времени, в то время как я делал это, условия вокруг меня продолжали и не переставали изменяться. Повторить тот же акт в тот же момент времени невозможно. Когда я в другой раз поднял и опустил руку, уж это был не тот же акт, а другой, и условия моего тела и воздуха изменились». «Но я чувствую, что не двигаюсь, а движется солнце», говорили противники Кеплера. «Но я чувствую, что я свободен», говорят противники нового направления наук. «Да, вы чувствуете неподвижность, потому что всё двигается вместе с вами и вы можете быть неподвижны² в пространстве», отвечали астрономы.

Да, вы чувствуете, что вы свободны и человек свободен, но ничто не может [быть] неперемненно во времени. Неподвижность¹ *Зачеркнуто*: наибольших телах

² *В автографе*: неподвижно

есть, но вне пространства. В пространстве же существуют только бесконечно малые моменты неподвижности. Неизменяемость — свобода абсолютная есть, но вне времени. Во времени же только существуют бесконечно малые моменты неизменяемости свободы.

Если бы неподвижность и неизменяемость не существовали, мы бы не понимали движения и изменения. Они существуют абсолютно вне времени и пространства — бог; но в пространстве, которое составляет условие нашего существования, мы ощущаем только бесконечно малые моменты неподвижности во времени, составляющие другое условие нашего существования. Мы ощущаем только бесконечно малые моменты неизменяемости, свободы.

Из всех наук, подлежащих уничтожению вследствие открытия новых основ мышления, история, обнимающая крупнейшие ряды явлений, первая подлежит разрушению. В настоящее время, подкапываемая филологией, статистикой, политической экономией, которые должны заменить ее, старая история¹ держится только от слипших кирпичей, готовая рухнуть каждую минуту.

И падение ее неизбежно и необходимо для очищения поля новых изысканий.

В настоящее время история, та прагматическая история, которая считалась наукой до сих пор, представляет значение² в³ смысле необходимости объяснения ее заблуждений. Камень за камнем она должна быть растаскана критикой с объяснением мнимого назначения каждого камня.

⁴И в то время, как должен отпасть старый лист истории, уже выросли новые листья: сравнительная фил[ология], статистика, политическая экономия, география, которые все рассматривают человека во времени и которые в соединении своем открывают законы истории. История же в прежнем смысле получает только одно значение: критическое изучение необходимой связи Наполеона и Александра с совершающимися фактами.⁵

* № 316 (рук. № 101. Эпилог. Конспект к 1 и 2 частям).

<1) Происходят события жизни, смерти миллионов.> Никому в голову бы не пришло, что дело в Александре и Наполеоне, но история говорит: они. Мы изучаем.

¹ *Зачеркнуто*: стоит на

² *Зач.*: только

³ *Зач.*: том

⁴ *Зач.*: История теперь есть наука народного самопознания

⁵ *Зач.*: Нет периода в истории, в котором бы необходимые связи эти являлись с такой поразительностью, как в истории начала нынешнего столетия.

<2) Что такое? Как, отчего? История¹ описывает действия Александра и Наполеона, осуждая и оправдывая их. Александр добр, Наполеон дурен. Потом история говорит: это было хорошо, это дурно. Прогресс, пчела.

3) Положим, что мы не знаем другого объяснения; посмотрим, правда ли это. Что сделало Александра таким, Наполеона таким? — Милльоны обстоятельств. И я вижу, что не он сделал, а он сделан для событий?² *Он не был свободен.*> Если я допущу, что он не свободен, значение его яснее. Актер.

<4) Но может быть я ошибаюсь, может быть он, Наполеон, Александр, был слаб и покорился, но он мог сделать то-то и то-то. И тогда было бы хорошо.

5) Но все-таки я могу судить о событиях, что хорошо, что дурно. Пчела, различие воззрений. Но даже [если] и найдено последнее, выйдет ноль жизни. — Стало быть, судить нельзя. Но все-таки мы должны изучать их, как формы света, из которых постигаются лучи. Давайте изучать. Изучая, мы видим милльоны предначертаний неисполненных и милльоны непредвиденных событий свершились. Изучаем какое-нибудь событие, хоть спасение Европы Александром и 100 дней Наполеона, и оказывается, что не они сделали это событие, а событие их сделало.> Что сделало Наполеона таким и Александра таким? Ежели нам непонятно, то мы должны сказать, что не знаем.

Связь несомненная. Но как мы возьмем волю его за источник, а событие за следствие?³ Факты не оправдывают нас. Как скоро мы возьмем наоборот — волю следствием, оказывается всегдашняя последовательность. Актер (что нужно). Но, может быть, мы ошибаемся. Посмотрим, вытекают ли по сущности отношений силы события, в которых принимают участие 1000000 людей, из воли [одного?].

Раздеты актеры. Один человек. Его ругают.

Другой — кукла, его хвалят.

Поучения истории, как править, когда ими правят, или массу убил[?]] народа. Сколько голов, столько умов.⁴ Чтобы беспристраст[но], н[адо] стать выше. А не эклектизм. Власть не свобода. Что же выйдет — поучения. Для правителей — нести, для низших жалеть, уважать и не искать. Фатализм. Нет сознания того, что есть бог, и ни один волос не упадет без воли его.⁵

1) Происходят явления, хотим знать. История говорит (чего и думать нельзя): Александр, Наполеон.

2) (12 г.) Обзор событий исторически <необходимости>.

3) Почему? Как?..

¹ *Зачеркнуто:* говорит: Александр велик, добр, *хотел* того-то, Наполеон добр, дурен, *хотел* того-то.

² *Зач.*: И как ясно. (Актер.)

³ *Зап.*: Мы видим, что

⁴ *В автографе ошибочно:* голов.

⁵ *Дальнейший текст написан на отдельном листе.*

4) Противуречие взглядов. Пчела.

5) Историки говорят. Наука подвигается. Но как бы она ни двигалась — всё это неразрешимо.

6) Неясно: а) почему дурно, почему хорошо, б) как они могут быть свободны, когда мы видим¹ обратное.

История е[сть] н[аука] нар[одного] самопознания, движения человечества во времени.²

Посмотрим же, из чего происходит это прот[ивуречие]. Источник его один.

1) История рассматривает д[еятельность] и св[ободу], упуская неисполненное, а исполн[енное] готовое. П[оучения] и[стории] [*1 неразобр.*]. Неужели нет свободы?

2) Лицо готово для событ[ия]. Н[еужели] н[ет] св[ободы]? Н[еужели] н[ет] св[ободы]

3) Меньши[нство] управляет больши[нством].

4) Уж отвергнута свобода. Н[еужели] н[ет] св[ободы]?

5) Хорошо ли дурно? Ист[ория] свободна, а ничто ни хорошо, ни дурно.

(Пчела.) Н[еужели] н[ет] св[ободы]?

И вот кроме 1) удобства, 2) потворства силы, 3) гордости знания, 4) памятники, кроме этого, вопрос о свободе.

* № 317 (рук. № 101. Эпилог. Конспект к 1 и 2 частям).³

История не может обнять всех, и она говорит:

1) Летопись, восхваление, 2) народный идеал, 3) религиозный идеал, 4) европейский идеал. Но всё неверно.

1) Деятельность этих людей, неисполненные приказания, обратные, смотря по периоду: Наполеон в Москве, Александр в 1805 г. и т. д.

2) Соотношение их к массам. Крестьянин [?], актер. Что сделало Александра, Наполеона? Придворные [?].

3) Сущность их.

4) Значение их в истории, исторические школы. Пчела. Если допустить, что есть конечное. Суждение о пользе, добре, дает представление о произволе. А если есть произвол, то нет идеала. А нет произвола, то Н[аполеон] плохой [?] актер.

Это главное противуречие в истории, особенно резкое в Бокле. Монах, по своей выгоде судящий добро и зло, прямо признает произвол и власть и, не видя сложности, прав.

Но высшие [?] историки, видя сложность и связь, противуречат сами себе, говоря об историческом лице. Влияние [?] интереса. Вопрос опять о свободе. Но мало того, самое признание идеала есть другой вопрос [?] — о свободе.

¹ Зачеркнуто: их связь

² Зач.: Совершается событие

³ Конспект-автограф на полях вместо зачеркнутого конспекта (см. вар. № 316).

* № 318 (рук. № 101. Один из первых вариантов заключительной части эпилога).¹

²Я знаю вперед, что высказанный мною взгляд на историю вызовет только в фельетонах журналов между описанием театра и земств наставительные поучения в том, что мне неприлично рассуждать и надо поучиться, и презрительное молчание со стороны людей науки или строгое напоминание о том, чтобы я знал свое дело; но высказанное мною здесь, без цитат и ссылок, в эпилоге романа, не есть минутная фантазия мысли, а есть неизбежный для меня вывод семилетних трудов, к[оторые] я не властен был не сделать, и потому, несмотря на убеждение мое в том, что³ только весьма малое число читателей разделит мой взгляд, я должен сказать еще несколько слов о тех выводах, которые могут быть сделаны из признания справедливости⁴ того, что я старался доказать.

1) Если человечество в движении своем по закону необходимости должно быть рассматриваемо, как движение несвободных единиц, то уничтожаются все те поучения, которые нам дает история.

Почтения истории в том, как надобно (мнимо) править народами, действительно уничтожаются, но взамен этих поучений о том, как делать то, что нельзя делать, является другой ряд поучений, обращенных не к одним историческим личностям, но ко всем людям. Выводимое из⁵ взгляда на произвольность истории поучение состоит в следующем. Власть не только не совпадает с свободой, но прямо противоположна ей. Чем больше власти, тем меньше свободы. Истинное благо и свобода человека лежит не в высших, а в низших сферах. Люди, по закону наследства или исторических переворотов находясь на вершине власти, несут самую тяжелую и трудную обязанность человека. Для достижения великих человеческих целей люди должны стремиться не в высшие, но в низшие сферы.

2) *Допустив положение об ограниченности произвола человека, мы впадаем в фатализм восточных.*

В чем состоит фатализм восточных? Не в признании закона необходимости,⁶ но в рассуждении о том, что если всё предопределено, то и жизнь моя предопределена свыше и я⁷ не должен действовать.

¹ Автограф на том же листе, что и зачеркнутый конспект (см. вар. № 316).

² Зачеркнуто: Я не заблуждаюсь

³ Зач.: я <останусь один> <своего> не найду сочувствия к высказанному мною взгляду, я считаю нужным ответить на могущее <Когда>

⁴ Зач.: этого взгляда

⁵ Зач.: нового (нашего) моего

⁶ Зач.: о котором они не говорят

⁷ Зач.: могу не

Рассуждение это не есть вывод разума, а подделка под характер народа. Ибо, если бы возможно было такое рассуждение, то жизнь народа прекратилась бы, а мы видим, что восточные народы живут и действуют. Рассуждение это есть только оправдание известных поступков. Рассуждение это само в себе точно так же несправедливо (в другую крайность), как и рассуждение в[осточных] н[ародов] о свободе произвола, не ограничен[ного] временем.

Первые принимают ограничение времени полное — ноль свободы, вторые принимают свободу за величину, тогда как она есть только бесконечно малый момент.¹ Наше воззрение не только не исключает нашу свободу, но непоколебимо устанавливает существование ее, основанное не на разуме, но на непосредственном сознании. Каковы бы ни были общие законы, управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит мне. И признание этого ограничения свободы не при[во]дит меня к рассуждению восточных о тщете действия, а напротив, заставляет меня пользоваться каждым моментом свободы. Признание же закона необходимости, к которому мы приходим, есть только то признание, которое существует бессознательно, всегда существовало и будет существовать в человечестве, и то самое сознание, которое выражено нам в божественном учении словами: не один волос не упадет с головы вашей без воли отца.

3) Допустив закон необходимости и ограничение свободы временем, мы приходим к тому же, к чему пришли материалисты, к отрицанию души, бессмертия и божества.

Мы близко приходим к тому же на то самое расстояние, которое отделяет ноль от бесконечно малого. Но как ни кажется оно близко, вникнув в сущность значения этих величин, мы видим, что разница между нулем и бесконечно-малым невыразимо велика, она больше, несравненно больше, чем разница между бесконечно-малым и бесконечно-великим. И в этом <-то> заключается вся ошибка суждений материалистов и разница нашего воззрения с ними.

Человек непосредственным сознанием познает в себе присутствие свободы, то есть сущность, независимую от всего остального. Ту же сущность человек непосредственным сознанием сознает в других существах, как в нем, так и в других существах эта ограничена бесконечно малым моментом времени. Но число существ, одаренных сущностью свободы, бесконечно велико.² Бесконечно малый момент свободы во времени есть душа в жизни.³ Прекращение условий времени есть смерть.¹

Зачеркнуто: Фатализм, к которому приводит нас

² *Зач.:* <Сущность свободы вне времени есть без> Сущность свободы есть душа, сущность

³ *Зач.:* Свобода вне времени есть смерть

Бесконечно-великая сумма моментов времени есть сущность свободы, вне времени — есть божество.

* № 318а (рук. № 101. Эпилог. Конспективные записи).

1) Источники 3: М[ихайловский]-Д[анилевский], Тьер и Bernhardt. М[ихайловский]-Д[анилевский] сильнее всех — параллель с Богд[ановичем]. О Богд[ановиче] нельзя говорить — ничего самостоятельного. Давыдов первый дал тон правды. Липр[анди] важен (хотя литература озлобилась).

2) Зачем истины. П. в ст[атье] Р[усского] В[естника].

3) Имена.

4) Я не умею мыслить. Если бы я не мыслил этого, я бы не просидел семь лет, и если бы не мыслил, не осветил того, что нужно в описании [?]. Вопрос стал передо мной невольно. Вот в чем я ставлю его. Никто на него не ответил. Может быть, я, может быть, другой, но вопрос стоит. Мне в голову не приходило, чтобы могли не понять. Я думал, будут спорить, скажут — неправильно, неясно поставлен вопрос.

Но мне сказали *старо*, хотя я нигде не нашел, и не умеет мыслить, поучись у нас. Я учился и не выучился.

5) Семейная жизнь. (Упрек.) Есть смысл.

6) Неприличие — г.. но и фр[анцузские] романы.

Камор. У д. М. А. L. g. д. д. Р[?]¹

7) Анахронизмы настроений умышленные.

8) Не роман, не хроника. Анекдот Чичерина. Лучшим примером книга Урусова (мое мнение: составлена из гениальных воззрений и самых слабых, детских сторон). Она не вошла в ящички; но бумажку надо спустить <за> №, и спустили математику. Никто не знает, да и что-то не поддается насмешке. Однако нельзя же хвалить — <статью его> его бранить. Ну как же быть: куда поместить? К специалистам и хвалить или нет (?), поставить запятую на нем, поставьте маленькую. — Упомянута на кр. обертке с! Упрек, что не подходит под известное. Если бы оно подходило в 1868 под то, что писано в 30, я бы не печатал.

(Нам прим[ер?] критики с легкой руки Белинского. Онегин, Печорин, Базаров. Прогматичность. Ежели есть прогматичность, то не искусство. Подите с этой прогматичностью к Дон Кихоту, Аяксу, Ньюкому, Коперфильду, Фальстафу. Они вырастают из-за прогматичности).

9) Кутузов — лакей. Франц[узов] не перешеголять. Всё драться. Ничего не разберешь.

*№ 318б (рук. №101. набросок заключительной части эпилога).

²Большинство моих читателей состоит из тех, которые, дойдя ¹ *Записи не расшифрованы.*

² *Зачеркнуто:* Я знаю

до исторических и тем более философских рассуждений, скажут: Ну, опять. Вот скука-то, — посмотрят, где кончаются рассуждения, и, перевернув страницы, будут продолжать дальше. Этот род читателей — самый дорогой мне читатель. Их суждениями я дорожил больше всего; от их суждений зависит успех книги, и их суждения безапелляционны.

«Хорошо — дурно», говорят они. — Отчего хорошо?¹ «От того, что хорошо», говорят они.

И по этой же самой причине они не хотят читать того,² о чем свое мнение надо доказывать, и совершенно правы.

Это читатели художественные, те, суд которых дороже мне всех.³ Они между строками, не рассуждая, прочтут всё то, что я писал в рассуждениях и чего бы и не писал, если бы все читатели были такие. Перед этими читателями я чувствую себя виноватым за то, что я уродовал свою книгу, вставляя туда рассуждения, и считаю нужным выставить побуждения, заставлявшие меня поступать так.

Я начал писать книгу о прошедшем. Описывая это прошедшее, я нашел, что не только оно неизвестно, но что оно известно и описано совершенно наыворот тому, что было. И невольно я почувствовал необходимость доказывать то, что я говорил, и высказывать те взгляды, на основании которых я писал.

Может быть, лучше было не писать их, скажут мне.⁴

Кроме того, в оправдание могу сказать еще то, что, если бы не было этих рассуждений, не было бы и описаний. Только потому так серьезно описана охота, что она одинакова важна [2 неразобр.]

Другой разряд моих читателей — это те, для которых главный интерес в моей книге исторический. Многие из этих читателей недовольны тем, что я уничтожаю признанные славы. Отчего бы не отдать славу р[усского] н[арода] и Растопчину, и принцу Вирт[енбергскому]? Всё можно вместе. Отвечая на это, я должен повторить трюизм, что я старался писать историю народа. И потому Растопчин, говорящий: «Я сожгу Москву», как [и] Наполеон: «Я накажу свои народы» — не может никак быть великим человеком, если народ есть не толпа баранов. Отчего с его талантом он не описал героев? Отчего, говорит старая худая дама, вы сделали мою племянницу такой красивой, а меня не хотите, ведь у вас талант. Именно потому, что я художник, я не могу сделать из вас ничего, кроме карикатуры, и не для того, чтобы оскорбить вас, сударыня, а потому, что я художник. Я художник, и вся жизнь моя проходит в том, чтобы искать красоту. Если бы вы показали мне ее, я бы на коленах ¹ *Зачеркнуто:* дурно

² *Зач.*: что

³ *Зач.*: Перед этими читателями

⁴ *Последние два слова разобраны предположительно.*

умолял вас дать мне именно это-то лучшее счастье. Да, ведь вы художник, вы можете украсить.

Так говорят многие, как будто искусство есть сусальное золото, которым можно позолотить что хочешь. Искусство же имеет законы. И если я художник, и если Кутузов изображен мной хорошо, то это не потому, что мне так захотелось (я тут ни при чем), а потому, что фигура эта имеет условия художеств[енные], а другие нет. Je défei,¹ как говорят французы, сделать художественную фигуру, а не смешную из Растопчина или Милорадовича. На что много любителей Наполеона, а не один поэт еще не сделал из него образа; и никогда не сделает.

Третий разряд моих читателей это те, которые обратят преимущественное внимание на мои взгляды на историю.²

Я понимаю всё различие высказанного мною взгляда на историю от взгляда всех историков. Различие³ таково, что очевидно: или я имел несчастье лишиться рассудка и⁴ присоединить к сочинению, имевшему большой успех, безумное рассуждение об истории, или вся та, так называемая, историческая наука, которая так серьезно преподается, и пишется, и печатается, есть пустая и праздная болтовня. Я⁵ сознаю неизбежность этой дилеммы во всем ее страшном значении. Или я сумашедший, или я открыл новую истину.⁶ Я верю в то, что я открыл новую истину. В этом убеждении подтверждает меня то⁷ независимое от меня мучительное и радостное упорство и волнение, с которым я работал в продолжение семи лет, шаг за шагом открывая то, что я считаю истиной.

Если действительно мною открыта истина, и истина эта разрушает веками существовавшую науку, то очевидно, что истина эта не только не будет признана, но против нее вооружатся все те, которые служили прежней науке. Вооружение против меня будет тем более сильное, что высказанное мною, разрушающее целую науку, высказано не в многотомном сочинении, с ссылками и цитатами, ученым профессором, а высказано отставным офицером в отступлениях от чего-то вроде романа рядом с описаниями балов и псовой охоты.

Оружие, которое будет употреблено против новой истины, будет трояко. Я не считаю фельетонов, где между концертами и театром будет упомянуто вкратце, что не худо бы мне почитать такую-то книжку. Молчание тех самых людей — историков, философов по призванию, или скорее по должности, в прямой¹ [Я ручаюсь, что нельзя,]

² *Зачеркнуто*: Я желал бы, чтобы значение высказанного мною взгляда на историю было понимаемо читателями так же, как я его понимаю.

³ *Зач.*: это относительно воззрения на историю

⁴ *Зач.*: написать

⁵ *Зач.*: бы желал

⁶ *Зач.*: Я не могу признать первого и потому

⁷ *Зач.*: радостное волнение, то мучительное упорство

обязанности которых лежало бы, казалось, опровержение вредной и ложной теории,¹ могущей смутить неопытные умы; молчание это будет мотивировано моим незнанием основных законов мышления и науки, тем, что высказанное мною ниже всякой критики и т. д., в сущности же будет основано на бессилии.

* № 319 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).

Тысячелетия тому назад² всеми религиями признан закон необходимости (тот самый, который с таким старанием стремятся доказать теперь посредством опытов над лягушкой), и никто из мыслящих людей никогда в нем не сомневался.

Но мыслящие люди видели другой несомненный закон — свободы, выражаемый сознанием, и в объяснении этого противуречия заключались труды мыслителей. Аристотель старался разъяснить его в области древней философии, святой Августин в области богословия, Гоббес и др. в области права, Спиноза, Кант, Шопенгауер — в области новой философии.

³С точки зрения разума закон необходимости⁴ признан, разъяснен и доказан⁵ индейской, еврейской, магометанской и христианской религиями, Аристотелем, Цицероном, св. Августином, Лютером, схоластиками, Гоббесом, Спинозой, Юмом, Пристлеем, Вольтером, Кантом, Шопенгауером и доказан так, что едва ли возможно и прибавить что-нибудь к тем полным доказательствам закона необходимости, которые приведены этими мыслителями.

Но большинство этих мыслителей не ограничивалось доказательствами закона необходимости, но отыскивали, смотря по своим целям, богословское, юридическое, этическое или общее философское разрешение⁶ вопроса⁷ греха, ответственности,⁸ добра и зла, вообще сознания свободы и закона необходимости. Только в наше время наблюдатели, призванные к разъяснению *с одной стороны*, одну сторону вопроса, могли быть приняты невежественной толпой за разрешателей вопроса. Господа Штраусы, Ренаны, Фохты, Льюсы, Милли, Литре и т. п. подобны красильщикам, которые, крася железо крыши, воображали бы себе, что они могут так хорошо окрасить крышу, что и стропила будут держаться.

Вопрос состоит в том, что, глядя на человека, как на предмет наблюдения с какой бы то ни было точки зрения, мы находим общий закон необходимости, которому подлежит человек так¹ *Зачеркнуто*: по их мнению

² *Зач.*: поставлен

³ *Зач.*: Для того, чтобы убедиться в том, что

⁴ *Зач.*: давным-давно

⁵ *Зач.*: Стоит познакомиться

⁶ *Зач.*: противуречия

⁷ *Зач.*: <про> сознания свободы

⁸ *Зач.*: греха

же, как и всё существующее. Глядя же с точки зрения сознания жизни, мы чувствуем в самих себе ту силу, которая производит всё существующее. Человек есть творение бога. Бог сделал человека таким, каким он есть. Что же такое грех? Вот вопрос богословский. Деятельность человека подлежит общим неизменным законам. В чем состоит его ответственность перед обществом? — вот вопрос одной части науки права. Поступки человека вытекают из его прирожденного характера и мотивов, действующих на него. В чем состоит добро и зло поступков людей? Вот вопрос этики. Человек есть результат многих сил. Каким образом он сознает эти силы? — вот вопрос философии. Физиологического и зоологического вопроса, очевидно, нет. Физиология и зоология суть, очевидно, только орудия для разрешения одной стороны философского вопроса.

Человек в прошедшей деятельности своей подлежит законам, но¹ он чувствует себя свободным, — вот вопрос истории.

Само собою разумеется, что подразделения этого вопроса в сущности не существуют и показывают только то, что вопрос этот не разрешен еще вполне (чему другим доказательством служит то, что различные разрешения его не переходят в сознание масс) и что для различных целей ума человеческого он разрешается различно.

Ежели бы в одной из тех различных областей, из которых подступают к разрешению вопроса, вопрос был бы разрешен окончательно, он был бы разрешен для всех.

Для меня вопрос этот представился в области истории, и я тщательно искал полного разрешения его в философии и пытался разрешить его.

Для истории вопрос этот представляется следующим образом.

Изучая историю человечества, мы не только видим, что все действия людей подлежат законам необходимости и что свобода их в прошедшем есть только мираж, но что и самое понятие общей жизни человечества (предмета истории) невозможно без понятия законов, определяющих эту жизнь и потому ограничивающих свободу каждого. Вместе с тем та самая жизнь людей, которая нам представляется подлежащею законам необходимости, находится в нас, и мы чувствуем себя свободными.² И потому, признавая других людей такими же, как и мы сами, с этой стороны видим деятельность людей свободною.

¹ *Зачеркнуто*: во время своей деятельности

² *Зач.*: Не при каких ст. и. в. так неясно раз. р. и. н. несв[ободное] сознание свое В чем состоит созн[ание], не допуск[аемое] ни К[антом], ни Ш[опенгауэром]? А оно есть в опыте. Но сознание, сознание и раз[ум] не тот я — и почему не может быть.

С одной стороны, разум, основываясь на наблюдении,¹ показывает нам людей несвободными, с другой стороны, сознание и² основанное на нем рассуждение показывает нам людей свободными.

Мне кажется, что ни в одной области мышления, в которых разрабатывался этот вопрос, он не представляется с такою основательностью и потому ясностью, с которой он поставлен здесь по отношению к истории.

Для богословия вопрос заключается в противуречии всеведения и всемогущества бога творца и³ божественном возмездии за дела творенья.⁴ В этике — в противуречии между законом необходимости и ответственностью, в науке права — между законом необходимости и человеческим возмездием, в философии — между противуположными выводами разума, одним — доказывающим необходимость, другим — свободу. Во всех этих воззрениях, мне кажется, вопрос рассматривается между, с одной стороны, доводами разума, с другой стороны, тоже доводами разума, основанными на сознании, а не между разумом и самым сознанием, как вопрос постановляется для истории. Божественное возмездие, общественное возмездие, ответственность и доводы разума в пользу свободы — те, которые приводит⁵ философия — суть только выводы рассудка из сознания.

В области философии, то есть в области чистого мышления,⁶ Кант в тезе и антитезе 3-й антиномии и в разрешении⁷ космологической идеи свободы в соединении с общей и естественной необходимостью, и Шопенгауер в его «*Preischrift über die Freiheit des Willen*»⁸ и «*Welt als Wille und Vorstellung*»,⁹ сказали, как мне кажется, последнее слово философии в постановлении и разрешении вопроса.

Доказав неотразимо с точки зрения разума закон причинности или необходимости, Кант по тому же пути разума приходит к признанию *Intelligible Wille*, который, в противуположность воле чувственной,¹⁰ не¹¹ подлежит закону причинности и может существовать наравне с общим законом необходимости. Т. е. Кант¹² путем мышления пришел к необходимости признания¹ *Зачеркнуто*: над жизнью людей и рассуждении об этом, основанном на этом наблюдении,

² *Зач.*: рассуждение об этом сознании и вписаны след. четыре слова.

³ *Зач.*: грехе

⁴ *Зач.*: Следовательно

⁵ *Зач.*: Кант в своей третьей антиномии Критики чистого разума и вписано след. слово.

⁶ *Зач.*: к <разрешению постановлению и разрешению вопроса этого в чистой области мышления в

⁷ *Зач.*: вопроса возможностью

⁸ [«Сочинении о свободе воли»]

⁹ [«Мир, как воля и представление»,]

¹⁰ *Зач.*: может

¹¹ *Зач.*: зависеть

¹² *Зач.*: длинным

другого источника знания — непосредственного сознания, которое он признает предметом трансцендентного мышления, чистым разумом или Ding an sich,¹ которое в его философии сливается с этим трансцендентным понятием разума. Шопенгауер, по нашему мнению, величайший мыслитель нынешнего века и единственный прямой наследник великих мыслителей новой философии: Декарта, Спинозы, Локка, Канта, точно так же победоносно доказав, пользуясь новым орудием нашего века — естественными науками (Der Wille in der Natur)² в своем коронованном Академией сочинении о свободе воли, закон необходимости, которому подлечит человек, в разрешении вопроса (Die Welt als Wille und Vorstellung и Grundprobleme der Ethik)³ сложным путем мышления приходит к признанию источника непосредственного знания — того самого Ding an sich, который *x-м* остался у Канта или понимался как чистый разум, и источник этого знания видит в непосредственном сознании воли — Der Wille zum Leben,⁴ который в сущности так же, как и разум Канта и Ding an sich, есть не что иное, как непосредственное сознание, то самое непосредственное сознание, до которого по пути мысли громадным и величественным трудом достигли эти два величайшие мыслителя, но которое во всей его силе и ясности лежит в душе каждого, самого дикого человека, то самое сознание, против которого в своей Preisschrift über die Freiheit des Willen⁵ Шопенгауер неоднократно восстает и беспрестанно возвращается. После всех своих сильнейших доводов в этом сочинении против свободы воли, после доказательств того общего закона, проходящего через всё существующее, что камень не тронется без толчка, растение без возбуждения, животное без мотива, человек без мотива, прошедшего через рассудок, он опять и опять возвращается к тому Unbefangene (philosophisch rohe Mensch),⁶ как он называет, который все-таки скажет: «а я все-таки могу сделать всё, что хочу».

Это самое сознание свободы, к которому различными путями приходили богословие, этика, право и которое с таким трудом восстанавливает философия, это самое сознание в вопросе⁷ истории постановляется, как несомненное данное, которое не нужно и нельзя ни опровергать, ни доказывать, но выводы которого только необходимо соединить с противоположными выводами разума.⁸

¹ [вещью в себе,]

² [воля в природе]

³ [«Мир, как воля и представление» и «Основные проблемы этики»]

⁴ [воли к жизни,]

⁵ [«Сочинение о свободе воли»]

⁶ [искреннему (несведущему в философии человеку),]

⁷ *Зачеркнуто*: философии истории, постановляемом

⁸ *Зач.*: Есть только два пути познания — рассуждения и сознания.

Философия Канта приводит к сознанию¹ постигаемой воли и философия Шопенгауера к воле к жизни,² которую мы чувствуем в самих себе и которая составляет метафизическую основу всего существующего. Простое сознание дикого человека говорит то же самое. «Я могу всё, что хочу». Философы: Кант, Шопенгауер опровергают понятие свободы, но оба признают³ сознание воли. По в смысле метафизическом — понятия воли и свободы не суть ли одно и то же? Если мы⁴ говорим, что воля несвободна, то этим самым мы говорим только, что воля, по сущности своей свободная, — ограничена.⁵

«Я могу сделать всё, что хочу», говорит каждый человек, потому что чувствует, и это сознание до такой степени необходимо, что жизнь человеческая без него немислима. Если бы человек перестал на мгновение сознавать свою свободу, он перестал бы жить. Опыт говорит то же самое.⁶ Человек сознает свои силы и средства по опыту и рассуждению. Человек, не имея опыта, пытается поймать дым, сдвинуть гору, взять огонь, вдвинуть два предмета в одно пространство, но опыт и рассуждение показывает ему то, что возможно и что невозможно, и человек верит опыту, не повторяет попыток невозможного. Но человек, также не имеющий опыта, полагает, что он может из себя, из того, что он сознает собою, сделать всё, что он захочет. Он хочет поднять руку и поднимает ее. Ему связали руки, его напоили опиумом, и он не поднял руки. Но этот опыт убедил ли его в том, что он не может сделать всё, что он хочет? Нисколько, он чувствует себя столько же свободным, как и до опыта. Ум человеческий говорит ему, что его сознание своей свободы есть только ложное представление⁷ о возможности двух поступков в одно и то же время. Но ясное, несомненное рассуждение это убеждает ли человека в его несвободе? Нисколько. Он говорит: я не могу представить себе два предмета в одном пространстве, два мои поступка в один момент времени; но я знаю, что я свободен и могу сделать всё, что я хочу. Сознание свободы получается человеком другим путем, чем рассуждение, и не подлежит действию разума, как то признают мыслители и как то чувствует величайший и ничтожнейший по душевным силам человек.

Признав сознание свободы за данное, вопрос о свободе и несвободе воли для истории постановляется с поразительной ясностью и простотою. Наблюдения над жизнью человек[ества] и основанное на них рассуждение приводят нас к закону необходимости.¹ *Зачеркнуто*: <инте> Intellegible Wille

² *Зач.*: которая лежит в нас

³ *Зач.*: понятие

⁴ *Зач.*: видим

⁵ *Зач.*: Но кроме <метафизических> доводов разумом сознание свободы воли доказывается опытом.

⁶ *Зач.*: Философ говорит, что

⁷ *Зач.*: вытекающее из возмож[ности]

Сознание и основанное на нем рассуждение приводят нас к закону свободы каждого человека.¹ Всё в мире имеет причину, и потому каждое действие человека должно иметь причину, говорит 1-е рассуждение. Я сознаю себя свободным, я человек, и потому всё, что есть человек, свободно, говорит 2-е рассуждение. Не рассматривая справедливость того и другого рассуждения, рассмотрим характер достоверности обоих рассуждений 1) основанных на наблюдениях и 2) на сознании. Между обоими рассуждениями представляется резкое различие. Рассуждения,² доказывающие закон необходимости,³ основанные на самых различных воззрениях: на всемогуществе и всеведении бога творца, на⁴ изучении характера человека, на статистике преступлений, на изучении⁵ физиологии, на сравнении человека с животным, на изучении общих законов движения человечества — приводят все к одному и тому же выводу, закону необходимости, управляющему человечеством. Вывод этот выражается законом, не зависящим ни от каких условий, законом, которому подлежит всё существующее. Скажем ли мы, что если всемогущий и всеведущий бог сотворил человека, то все дела человека предопределены, или что человек с данным характером не может поступать несообразно с характером, или что если существует определенное количество преступлений на определенное количество людей, то известное количество преступлений будет совершено, или что при известном физиологическом строении человека каждое его действие будет продуктом отношения внешнего мира на его физическую организацию, или что [для], совершения совокупных действий люди складываются всегда в известные формы, в которых участие каждого определено этой формой, — каждый вывод этот есть закон, без которого немислимо явление, и закон, достоверность которого всегда одинакова, относится ли он к прошедшему, настоящему или будущему. Рассуждение это с математической достоверностью говорит: при таких-то данных условиях всегда и везде будет то же.

В противность этому характеру рассуждений, доказывающих необходимость, рассуждения, доказывающие свободу,⁶ не имеют смысла закона и⁷ не имеют всегда одинаковой достоверности.

¹ *Зачеркнуто*: Сознание по самому смыслу своему не может быть ошибочно. Наблюдения, со всех различных сторон приводящие к одному и тому же выводу, тоже еще менее могут быть ошибочны. Ошибка, следовательно, должна лежать в рассуждении. Рассматривая *и вписано, кончая*: того и другого рассуждения, рассмотрим

² *Зач.*: основанные на наблюдениях

³ *Зач.*: с самых различных сторон

⁴ *Зач.*: сознании

⁵ *Зач.*: свойств

⁶ *Зач.*: имеют только один источник сознания, ничем другим не подтверждаются и

⁷ *Зач.*: главное зависимости

Рассуждение это говорит: я сознаю себя свободным и потому¹ знаю, что человек свободен.

Если к этому рассуждению мы приложим требования закона, которые находятся в 1-м рассуждении, мы увидим, что оно не удовлетворяет ему. Всегда ли одинаково это знание о свободе человека?

Нет, и достоверность свободы человека зависима от условий² времени.

* № 320 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).

Рассматривая понятие наше о свободе людей по отношению каждого из этих условий, мы увидим: по каждому из них существует постепенность достоверности о свободе, смотря по тому:

1) в большей или меньшей связи с³ внешним миром рассматривается человек, 2) по тому, более или менее короткий промежуток времени отдаляет время суждения от времени совершения и 3) более или менее доступны нам причины поступка.

1) Рассматривая человека совершенно отдельно от внешнего мира и от других людей, мы видим совершенную достоверность свободы каждого его поступка. Человек, мыслящий и записывающий свою мысль, пашущий свое поле или поющий песню, рассматриваемый один — несомненно свободен, но тот же человек, пашущий поле, когда мы рассматриваем его⁴ как мужика из деревни, или пишущий мысли, когда мы рассматриваем его как⁵ писателя, и поющий в концерте человек — представляются нам тем менее свободными, чем яснее мы видим их связь с⁶ внешним миром. Человек семейный представляется нам менее свободным, чем одинокий, семейный и служащий — еще менее, семейный, служащий и участвующий в денежных предприятиях — еще менее, человек семейный, служащий, участвующий в денежных делах <и кроме того, член общества, государства, народа — еще менее>.⁷

Чем понятнее нам связь человека с внешним миром вообще, тем недостовернее его свобода,⁸ экономическая, государственная, ¹ *Зачеркнуто*: человек сознает себя свободным

² *Зач.*: и всегда, напротив, подлежит условиям

³ *Зач.*: другими и вписаны след. два слова.

⁴ *Зач.*: в среде его соседей и вписаны след. четыре слова.

⁵ *Зач.*: члена лите[ратурного] общества

⁶ *Зач.*: другими людьми.

⁷ *Зач.*: <Если бы мы могли также ясно <представить> уяснить себе ту связь> Кроме того, член европейского общества еще менее, известной церкви еще менее и, наконец, кроме всего этого, член всего человечества — еще менее. Чем больше мы будем распространять существующую связь человека с внешним миром, тем достоверность понятия о его свободе будет уменьшаться. Дойдя таким путем до последней, самой общей связи человека со всем <остальным человечеством> существующим, уничтожится не только какая-нибудь достоверность или вероятие свободы, но и самое понятие свободы; ибо малейшее

Вместо зач. на полях вписан текст след. абзаца.

⁸ *Зач.*: связь человека

религиозная, общечеловеческая связь его с внешним миром, чем яснее она нам, тем недостовернее его свобода. На этом основании строится незыблемость всех действий, совершаемых на войне или в революциях, незыблемость, особенно живо выражаемая общественным мнением. Проявление свободы человека нарушает все законы мира. Чем меньше видимая связь человека с миром, тем полнее представляется свобода, и наоборот.

Рассматривая человека в близком прошлом, мы будем иметь наибольшую достоверность его свободы.

* № 321 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

¹Рассуждение о свободе людей не имеет, как первый вывод, разнообразных точек отправления, приводящих к одному выводу. Оно имеет одно² основание сознания. И если мы спросим себя,³ одинаково ли относится оно к одному человеку или ко всем людям? Одинаково ли оно относится ко всякому периоду времени? Мы принуждены будем признать,⁴ что достоверность его подлежит условиям количества рассматриваемых людей и времени.

Так: 1)⁵ судя о свободе человека, находящегося в уединении, и другого человека, участвующего в толпе людей, имеющих одну цель, мы в первом случае признаем большую и во втором — меньшую достоверность нашего суждения; и видим, что степень свободы человека в нашем представлении увеличивается и уменьшается, смотря по большей или меньшей связи его с другими людьми. 2) Кроме того, судя о свободе своей или другого человека при совершении поступка в близком прошлом и при совершении поступка в дальнем прошлом — в первом детстве, мы признаем большую или меньшую достоверность нашего суждения, смотря по большей или меньшей отдаленности периода времени совершения действия от настоящего, и видим, что степень свободы человека в нашем представлении увеличивается или уменьшается по мере отдаления или приближения времени поступка от времени суждения.

* № 322 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).

Если бы Наполеон не приказал, солдат не пошел бы. Если бы не шел солдат, Наполеон не мог бы приказывать. И потому одинаково неправильно сказать, что солдат пошел оттого, [что] приказал Наполеон, или сказать, что Наполеон приказал оттого, что шел солдат, — т. е. что к явлению, которое мы рассматриваем, понятие причины не приложимо.

¹ *Зачеркнуто:* <Если мы спросим> Вывод

² *Зач.:* несомненное

³ *Зач.:* необходимо ли это сознание для понимания явлений?

⁴ *Зач.:* что сознание это не есть необходимое условие явлений, неодинако[во] и под[лежит]

⁵ *Зач.:* человек, рассматривая

250

В последнем анализе мы приходим к¹ кругу вечности, к² той крайней грани, к которой во всякой области мышления приходит ум человеческий, если не играет своим предметом. Электричество производит тепло, тепло производит электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются. Говоря о взаимодействии тепла и электричества и о³ атомах, мы не можем сказать, почему это происходит, а говорим, что это так есть потому, что немислимо иначе, так должно быть, что это закон.

То же самое относится и до исторических явлений. Почему происходит война или революция, мы не знаем, мы знаем только, что для совершения того или другого действия люди складываются в известное соединение, и говорим, что это так есть потому, что немислимо иначе, должно быть, что это закон.

Если бы история имела дело до внешних явлений, постановление неопровержимого закона было бы достаточно, и мы бы кончили наше рассуждение; но закон⁴ относится до человека.

Частица материи не может сказать нам, что она вовсе не чувствует потребности притягивания и отталкивания и что это неправда, человек же, который есть предмет истории, прямо говорит: я свободен, а потому не подлежу законам.

В последнем доводе своем вопрос истории сводится на вопрос о свободе воли.

Присутствие этого невысказанного вопроса чувствуется на каждом шагу истории.

Все серьезно мыслявшие историки невольно приходили к этому вопросу и признавали непостижимую силу, руководящую⁵ волями людей.

* № 323 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX).

Сознание говорит: я свободен. Разум говорит: я подлежу законам. Соглашение этих противуречий кажется невозможным,⁶ и вместе с тем противуречие это происходит не от ошибки мышления, как то говорит Кант, ибо сознание не может подлежать ошибкам мышления.

¹ *Зачеркнуто*: тому же

² *Зач.*: которому при серьезном мышлении *Вместо зач. надписаны след. пять слов.*

³ *Зач.*: зако[нах]

⁴ *Зач.*: вне рассуждения

⁵ *Зач.*: делами

⁶ *Зач.*: как невозможно представление о двух предметах, наполняющих одно и то же пространство <вне времени>.

Необходимость и свобода несовместимы вне времени; но жизнь человека происходит во времени или, по объяснению Канта, мы мыслим только посредством формы мышления — времени.

Свобода и необходимость могут быть понятия, зависящие от времени или от того, прилагаем ли мы к явлению форму времени или нет.

* № 324 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

¹Ибо² 1) как бы ни увеличивали наше знание тех пространственных условий, в которых находится человек, мы никогда их не узнаем все, ибо число их велико бесконечно, так же, как бесконечно пространство.

2) Как бы мы ни удлиняли период времени, он будет конечен, а время — бесконечно.

И 3) Как бы ни была велика цепь причин, которая нам известна, мы никогда не будем знать ее всю, ибо она бесконечна. И потому мы никогда не придем к представлению полной необходимости.

Точно так же никогда мы не можем придти к представлению полной свободы, ибо:

1) Как бы мы ни представляли себе человека исключенным от влияний внешнего мира, влияние это всегда будет.

Для того, чтобы представить его себе вне влияний окружающего, мы должны представить его себе или неспособным воспринимать эти влияния, то есть уже не³ человеком, или вне пространства.

2) Как бы мы ни приближали время суждения к времени поступка, мы никогда не получим понятия свободы⁴

и 3) Как бы мы ни увеличивали трудность постижения причины, мы никогда не придем к признанию полной свободы, то есть отсутствия причины.

Как ни была непостижима для нас причина выражения воли, в⁵ каком бы то ни было, своем или чужом поступке — первое требование ума есть⁶ предположение причины.

¹ *Зачеркнуто*: увеличивается и уменьшается наша достоверность о свободе, мы увидим, что понятие это <не существует> само собою уничтожается.

Расширяя точку зрения связи человека с в[нешним] м[иром], мы пришли к очевидному нолу понятия свободы; но как бы мы ни суживали ее, мы никогда не получим понятия <величины> свободы. Человек находится в полном уединении и <совершает какой-нибудь поступок> мыслит или движется. Свободен ли он? Какое бы ни было уединение, в каком находится человек, что-нибудь окружает его. То, что окружает его, имеет влияние на его мысли и движения. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая*: это всегда будет.

² *Зач.*: в первом случае

³ *Зач.*: человек, но такое существо, для которого возможен выбор между тем или другим поступком.

Рассматривая человека во времени, отдаляя и отдаляя период времени от поступка до суждения, мы как для одного человека, так и для человечества, пришли к детству, зародышу человека и зародышу человечества при котором не может быть понятия о свободе, но *Вместо зач. вписано окончание фразы*.

⁴ *Зач.*: <Уясняя> Всё более, всё более уясняя причины действия воли, мы пришли к совершенному отсутствию понятия свободы в ребенке и сумашедшем. Но

⁵ *Зач.*: добродетельном или злодейском и *вписаны след. восемь слов*.

⁶ *Зач.*: отыскание

Если бы мы признали совершенную недостижимость для нас причины действия¹ человека, мы бы признали, что действие это не имело причины,² то есть имело причинную силу, действовавшую извне, то есть отрицали бы свободу.³

Итак,⁴ для того, чтобы получить полное понятие необходимости, мы должны допустить *бесконечное* количество условий, *бесконечно* великий период времени и *бесконечный* ряд причин.⁵

Для того, чтобы получить полное понятие свободы,⁶ человек должен быть один вне времени и вне зависимости от причин.⁷

В первом случае необходимо, отрешившись от сознания,⁸ рассматривать явления только по отношению к законам разума.⁹

¹ *Зачеркнуто*: другого

² *Зач.*: т. е. другими словами признали бы отсутствие <воли> свободы, т. е. действие

³ *Зач.*: Итак, наблюдение показало нам, что <понятие> представление свободы уступает <в действительности> место <понятию> <закону> представлению необходимости и наоборот, представление о большей или меньшей степени свободы и необходимости зависит <только> от 3-х условий:

1) большей или меньшей связи с миром, в котором мы рассматриваем явление, 2) от большего или меньшего промежутка времени, в котором мы рассматриваем событие и 3) от большей или меньшей ясности причины. *Последние восемь слов остались незачеркнутыми.*

Приложив эти условия: 1) связи с внешним миром, времени и причины к общему понятию свободы, мы нашли, что понятие это не существует и невысказуемо для деятельности человека в внешнем мире, во времени и в зависимости от причин.

Мы нашли, что при наи<большей необходимости> меньшей свободе необходимость представляется наибольшей, но никогда не представляется полной, ибо для того, чтобы быть полной <она необход[имо]>, должно <постигнуть> допустить бесконечно великое число условий пространства, времени и причинности. Понятие же бесконечно-великого числа есть *contradictio in adjecto* [противоречие само в себе], ибо всякое число есть какое-нибудь $x + 1$ и что при наименьшей необходимости свобода никогда не представляется полной, ибо, чтобы быть полной, она должна быть вне пространства, вне времени и вне причин.

Бесконечное пространство, время и бесконечность цепи причин есть (основной и единственный закон> основное свойство разума. (Сознание вне) Вне пространства *Далее вписано на полях, кончая зачеркнутым:*

1) разума и 2) сознания (*сноска 9*).

⁴ *Зач.*: понятие свободы и представление необходимости не существуют сами по себе.

⁶ *Зач.*: Но если бы даже возможно было <знание> представление бесконечного конечным и тогда бы

⁶ *Зач.*: мы должны допустить единство человека, отсутствие быть одн[им]>

⁷ *Зач.*: что точно так же невозможно.

А между прочим те самые невозможные условия необходимости, бесконечности пространства, времени и причин суть основные свойства разума и те самые невозможные условия единичности, существования вне времени и причин, суть то самое, что говорит сознание каждому человеку.

⁸ *Зач.*: подчинить явле[ние]

⁹ *Зач.*: Понятия свободы и необходимости, следовательно, <не существуют сами по себе, а> суть только Wechselbegriffe, взаимно определяющиеся понятия, суть взаимные разности <друг от друга> от какой-то третьей величины.

И действительно, разум имеет только эти три основных закона: бесконечного пространства, бесконечного времени и бесконечного ряда причин.

Во втором случае необходимо, отрешившись от законов разума, рассматривать явления только по отношению к сознанию.

И, действительно, сознание говорит:¹

Я один и всё, что существует, есть только я, следовательно включаю пространство. Я вне времени, ибо я сознаю бегущее время и меряю его тем, неподлежащим времени моментом настоящего, в котором одном я живу и сознаю себя.² Так как я существую, только один я, то я один и есмь причина всего существующего.

* № 325 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

<И это откровение сознания неопровержимо до тех пор, пока оно сознание, но как только оно переходит в область разума, Суть понятия положения какой-то точки на какой-то линии, так что чем ближе она к одной стороне, тем дальше она от другой.

Для того, чтобы понятие свободы могло представиться полным, необходимо, чтобы оно не зависело от внешнего мира, от времени и от причин. И такое представление о свободе дает сознание человека.

Понятие относительности тепла, холода, зависящие от двух источников знания: 1) разума и 2) сознания.

¹ *Зачеркнуто:* Итак, рассуждение доказало, что свобода немислима в пространстве для деятельности человека во внешнем мире, как части целого, для человека во времени и для деятельности человека без причины.

Чтоб быть свободной, воля человека должна быть одна и вне времени и не иметь причины. *Я один и вне времени и не имею причины,* говорит сознание человека и говорит только это. И только в этом одном состоит метафизический узел понимания жизни.

Человек всякий момент настоящего чувствует себя одним владеющим своей жизнью вне времени, т. е. в момент настоящего. *В рукописи знак переноса: × к неизвестной рукописи.* Всё отдаляя и отдаляя во времени период наблюдения,

Сознание <наше> <мое> только это самое и говорит мне, говоря, что я свободен.

² *Зач.:* *Я не имею причины, ибо эта причина я сам.* Разум говорит мне, что я подлежу влияниям одновременно существующего времени и причины; но сознание говорит мне, что я один вне времени и не имею причины, что я свободен в каждый момент. Противуречия не существует, ибо разум рассматривает явления всего существующего, сознание видит одного себя. <Противуречие> Ошибка умозаключения состояла в том, что из того, что я сознаю себя свободным, я вывел [не] то, что я <свободен> сознаю и сознавал и все сознают себя свободными, а то, что все люди свободны.

Люди сознают себя свободными, но рассматриваемые в связи с другими явлениями мира во времени и в зависимости от причин, <понятия свободы не существует>.

Я вхожу в область разума и подлежу основным свойствам разума, пространства, времени и причины.

Человек свободен в сознании и подлежит законам в представлении. История имеет предметом представление человека о себе в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин.

Вместо зач. вписан на полях и вновь зач. след. вариант.

оно является уже в пространстве, во времени и в причине.¹ Но как скоро из области сознания я перехожу в область рассуждения, я вижу, что я, как и всё существующее: 1) занимаю одно определяемое всем остальным место в мире, 2) что в каждый момент прошедшего свобода моя закована временем, и 3) что всякое действие мое имело причину.²

Сознавая себя, я свободен, представляя себя, я подлежу законам.

Для того, чтобы понятие необходимости было полным, должно допустить бесконечно великое число условий пространства, времени и причин и допущение таких условий³ — противоречие *Contradictio in adjecto*.⁴ Ибо всякое число есть $x + 1$. Но это самое противуречливое допущение бесконечного составляет сущность разума. И разум неопровержим, пока он остается в области разума, но как скоро он предметом своим избирает не понятие, а сознание, так он не может допустить необходимость.>

* № 326 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X, XI).

Только при раздвоении двух источников знания человеческого разума и сознания получается понятие полной свободы и полной необходимости. Но и то и другое понятие противуречат друг другу и сами себе.⁵ Ибо требования разума, бесконечности пространства, времени и причин одинаково немыслимы, как и откровение сознания, отрицание пространства, времени и причин.

Только при соединении обоих источников познания мы получаем ясное представление — не о свободе или необходимости, которые суть только взаимно определяющиеся понятия, *Wechselbegriffe*, а о жизни⁶ человека в его воле, которая определяется этими двумя разностями.

Понятия свободы и необходимости не суть понятия сами по себе, но выражают только отношение⁷ воли к разуму.⁸

¹ *Зачеркнуто*: Как только я из области сознания с неопровержимым

² *Зач.*: Сознание <вид> мое

³ *Зач.*: есть существенное свойство разума

⁴ [противоречие само в себе.]

⁵ *В рукописи*: друг другу, сами и себе.

⁶ *Зач.*: мысл[и], значени[и]

⁷ *Далее вписано окончание фразы вместо зач.*: понятия жизни <из <каждое>, из которых каждое определяет одно другое. Если мы <говорите свобода> более своб[одны],

⁸ *Зач.*: Мы никогда не можем сказать: свободен и необходим, но можем сказать: более свободен и тогда разумею только менее необходим, и наоборот. <То, что> Мы называем свободой, необходимостью только известное отношение воли к разуму, ту точку зрения, с которой мы рассматриваем <действия людей> жизнь и человека. <Если, выходя из сознания, мы раздв[игаем] единого себя, находящегося в настоящем> Если мы рассматриваем их из их сознания единого <свободного момента>, отрешенного от мира в момент настоящего и вне зависимости от причин, то мы видим их более свободными <если мы> <чем более мы>, смотря по представляющейся

Воли в сущности своей, как свобода, ничем не ограниченная, выражается только в сознании единства, то есть вне пространства, вне времени в настоящем и вне причин,¹ т. е. как причина, и тогда² она только сознаваема, но непостижима,³ и потому воля, как сознание, не подлежит законам разума.

Разум же, как закон необходимости, сам по себе не имеет предмета, к которому бы он прилагал свои выводы, не имеет значения. Разум есть только форма, в которую выражаются явления жизни. Воля есть то, что рассматривается, разум есть то, что рассматривает. И понятие свободы в проявлении воли есть только понятие отрицательное, показывающее большее или меньшее⁴ подчинение проявлений воли законам разума.

цели ума человеческого. Если цель наша состоит в отыскании законов сознания <и выражении>, мы ограничиваем отношение человека к миру, период времени и зависимость от причин <и рассматриваем>, тем свободнее нам представляются действия людей, чем в большей связи с миром во времени и в зависимости от причин, тем необходимее.

Рассматривая себя в своем единстве в момент настоящего вне причин, мы распространяем область свободы и настолько нарушаем область необходимости наших поступков и законы свободы вообще, имеем дело с сознанием и отыскиваем его законы. Так поступает философия, антропология, психология, искусство.

Если цель наша состоит в отыскании законов разума, рассматривая человека в связи с внешним миром <мы имеем дело с законами разума>, временем и пространством, мы, подчиняя им явления жизни <находим необходимое> настолько увеличиваем область необходимости, насколько уменьшаем область свободы.

История рассматривает человека в его связи с внешним миром, во времени и в зависимости от причин и потому она <может рассматривать> не имеет дела до сознания свободы и стремится только к <раздвижению> отысканию законов необходимости.

Для истории существуют только линии движения человеческих волей, один конец которых скрывается в неведомом и на другом конце которых движется в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин сознание свободы человека.

Далее зачеркнуто на полях: Две границы разума и сознания из разумного вывода.

¹ *Зач.: Но как скоро*

² *Зач.: воля проявляется в жизни в связи с внешним миром во времени*

³ *Зач.: Но как скоро воля человека проявляется в связи с миром во времени, в прошедшем и в зависимости от причин, так свобода воли есть только отношение этой воли к законам разума, к закону необходимости.*

Единственный путь для постижения той воли есть подчинение ее законам разума, то есть необходимости. Как *Вместо зач. вписано на полях и опять зач.:* Воля в проявлении своем есть то, что мы рассматриваем. Разум есть то орудие, посредством которого мы рассматриваем. *Далее зач. в основном тексте:* И как скоро воля человека проявляется в связи с внешним миром, во времени, в прошедшем и в зависимости от причин, то существует только отношение этой воли <свободы> к законам разума <необходимости>, т. е. закон необходимости, определяющий значение <свободы> воли.

Вместо зач. вписан над строкою и на полях текст след. абзаца.

⁴ *Зач.: приложение*

История рассматривает проявления воли человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин и потому¹ для истории не может существовать понятия свободы.

Для истории существуют только линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом и на другом конце которых движется в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин сознание свободы человека.

* № 327 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. IX).

²Мы³ с совершенной простотой и ясностью, не ощущая ни малейшего внутреннего противуречия, понимаем поступки, как свои, так и других людей. Говоря о⁴ падении первого человека, мы не видим ни малейшего противуречия в этом представлении. Точно так же ни малейшего противуречия не представляет для нас поступок человека, вышедшего из двери, подумавшего секунду о том, куда ему идти, и пошедшего не налево, а направо.

В первом случае мы видим наибольшую необходимость и наименьшую свободу, в последнем случае — наибольшую свободу и наименьшую необходимость поступка. Во всех действиях людей мы всегда видим известную долю свободы и известную долю необходимости.

¹ *Зачеркнуто*: стремится только к отысканию законов необходимости, определяющих волю человека. *Вместо зач. вписан текст до конца фразы.*

² *Зач.*: <историю на самой действительности. Мы <видели, что> признаем основания, на которых строятся оба противоположные умозаключения, неопровержимые, но умозаключения, выводимые из них, имеют ли такую неопровержимую достоверность? Одинаково ли достоверны доводы разума и сознания и в противуречиях своих не уступают ли одни другим?

Рассматривая с точки зрения достоверности доводы разума и сознания, мы увидим, что первые имеют характер несомненности.

Достоверность вывода нашего о свободе представляется <нам зависящею от> то большею, то меньшею и очевидно находящеюся в зависимости от некоторых других условий. Необходимость, как вывод разума, не может представляться большей или меньшей и зависящей, кроме тех условий, которые принимаются ее причинами; но свобода, как вывод сознания, представляется большей и меньшей и более или менее зависимою.>

Каким образом в действительности соединяются эти два противуречия? Всегда ли одинаково достоверен закон необходимости разума и сознания и в противуречии своем не уступают ли одни другим.

Доводы разума имеют логическую достоверность и никогда не уступают противоположным доводам. Свобода и необходимость каждого рассматриваемого нами поступка представляется нам то большею, то меньшею и всегда тем более свободною, чем менее необходимою, и наоборот.

Далее на полях вместо зач. вписан текст варианта до слов: мы видим свободу. И наоборот.

³ *Зач.*: видим, что

⁴ *Зач.*: том, что первый человек

Чем¹ большая представляется нам необходимость, тем меньшую мы видим свободу. И наоборот.

Науки человеческие, религия и здравый смысл человечества — одинаково говорят и ясно понимают большую или меньшую степень² необходимости и свободы.³

Человек тонущий, хватаясь за другого и потопляя его, или изнуренная кормлением ребенка голодная мать, крадущая пищу, или человек, приученный к дисциплине, по команде в строю¹ *Зачеркнуто*: очевиднее

² *Зач.*: вменяемости, т. е. и вписаны след. два слова.

³ *Зач.*: Ребенок, пьяный, человек в сильном раздражении очевидно менее свободны, чем человек взрослый, трезвый и спокойный.

Далее вписано позднее и зач. на полях:

Есть поступки, как, например, убийство на войне или сумашедшим, которые нам представляются совершенно несвободными; есть такие, как убийство в гневе, которые нам <кажутся> представляются более <свободны[ми]>, и такие, как убийство с холодно обдуманном расчетом, которые нам кажутся <совершенно> еще более свободными.

Далее следует зач. текст на листах:

Понятие вменяемости, то есть свободы, очевидно имеет известную постепенность.

<Вникая> Рассматривая условия, от которых зависит эта постепенность, мы найдем <их два> их три:

1) большую или меньшую зависимость человека от других людей,
2) большой или меньший промежуток времени, прошедший со времени совершения поступка до времени суждения о поступке

и 3) большую или меньшую доступность для нас причин, руководивших человеком.

Всякая степень большей или меньшей вменяемости и большей или меньшей достоверности о свободе человека зависит только от этих <двух> трех условий.

Далее вписано и исправлено позднее:

Поступок <совершаемый человеком, находящимся в связи с большим количеством людей, солдатом в войске, человеком в толпе, представляется менее свободным, чем поступок, совершенный <одним> человеком в одиночестве>, при котором мы видим те <условия> возбуждающие обстоятельства, которые вызвали его, <тем менее> представляется нам менее свободным, чем тот, при котором мы не видим этих <условий> обстоятельств, как поступок убийства на войне или в гневе.

Поступок, совершенный нами или другим человеком долгое время тому назад, представляется нам менее свободным, чем тот, который совершен недавно.

След. абзац вписан позднее на полях.

Поступок, совершенный ребенком или сумашедшим, представляется менее свободным, чем поступок взрослого и здорового.

Рассматривая условия, от которых <они происходят> зависит большая или меньшая достоверность понятия нашего о свободе, мы найдем их три:

1) большую или меньшую видимость для нас <зависимости> связи человека с <другими> внешним миром. Это то условие, на основании которого убийство <на войне представляется нам не преступным, так как действия солдата почти не свободны> в рядах войска или во время революции, в толпе представляется нам менее свободным и потому вменяемым, чем действия человека, рассматриваемого одиноко;

2) большой или меньший промежуток времени от совершения поступка до суждения о нем. Это то условие, на основании которого существует во всех законодательствах давность для преступлений и на основании которой

убивающий¹ беззащитного человека², или человек,³ совершивший⁴ убийство и умерший, и сумасшедший,⁵ умышленно зажигающий дом, представляются нам⁶ наименее свободными и наиболее подлежащими закону необходимости.

Но те же самые действия людей представляются нам⁷ наиболее свободными и наименее подлежащими необходимости, если мы знаем только, что человек потопил другого, что женщина украла, что солдат застрелил беззащитного, что человек убил или что кто-нибудь умышленно зажег дом.⁸

На чем же основано признание большей и меньшей свободы и необходимости?

[Далее от слов: Все без исключения случаи, в которых увеличивается и уменьшается наше представление о свободе, о необходимости *кончая*: уменьшается наше представление о его свободе и увеличивается представление о необходимой, подлежащей⁹ им *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. IX.]

А так как связь человека с внешним миром бесконечно велика, то есть что условий, влияющих на человека, может быть бесконечно великое число, то и присоединяя большие и большие условия связи человека с м[иром], мы дойдем до бесконечно м[алой] свободы и наибольшей необходимости. Откидывая же эти условия, мы придем к обратному заключению.

Это то основание, на котором строится невменяемость для большого числа преступников в совокупном преступлении, поступок, совершенный 10 лет тому назад нами или другим человеком, представляется нам менее свободным, чем поступок, совершенный нынче,

и 3) большая или меньшая доступность для нас причин, <руководивших человеком> произведших действие. Это то условие, на основании которого человек тотчас же умеряет поднимающийся в нем гнев на камень, упавший ему на голову, на собаку, подвернувшуюся ему под ноги, на ребенка, не дающего ему спать, и на дурачка или сумасшедшего, совершающего вредный поступок. Во всех этих случаях мы тем менее считаем существо свободным, чем яснее причина его действия [?].

¹ *Зачеркнуто*: другого

² *Зач.*: совершают действия, подлежащие наибольшей необходимости и имеющие наименьшую свободу

³ *Зач.*: 30 лет тому назад

⁴ *Зач.*: <убийство, или женщина, падшая тому назад 30 лет, или ребенок> <преступления, из последствий которых вытекают целые ряды событий> преступление и раскаявшийся и ведущий честную жизнь с семьей,

⁵ *Зач.*: совершающий вредные и злые поступки

⁶ *Зач.*: <невиновными, имеющими наименьшую> подлежащими наибольшей необходимости и имевшими наименьшую

⁷ *Зач.*: преступными

⁸ *Зач.*: Понятие о виновности основано на понятии вменяемости.

Вменяемость же как для преступления, так и для всякого другого действия, есть только признание большей или меньшей степени свободы и необходимости.

Чем большую мы признаем свободу, тем большую прилагаем вменяемость, чем большую необходимость, тем меньшую вменяемость.

⁹ *Так в автографе.*

как бунте, убийств[е], и преступлени[й], совершаемых на войне, или мошенничеств некоторых спекуляций и т. и.

2) ¹Второе основание есть большее или меньшее видимое временное отношение человека к миру: более или менее ясное понятие о том месте, которое действие человека занимает во времени. Это то основание, вследствие которого падение первого человека, имевшее своим последствием происхождение рода человеческого, очевидно менее свободно, чем ²вступление в брак современного человека. То основание, вследствие которого жизнь людей, живших века тому назад, представляется более свободною, более подлежащею необходимости, чем жизнь современного человечества, то основание, вследствие которого поступок, совершенный мной 10 лет тому назад с очевидными для меня необходимыми его последствиями, представляется мне менее свободным и более необходимым, чем поступок, совершенный нынче. Это то основание, на котором строится существующая во всех законодательствах давность.

3 основание есть большая или меньшая доступность для нас физических причин действия — той бесконечной связи причин, составляющей неизбежное требование разума и в которой каждое действие человека потому должно иметь свое определенное место, как следствие для предыдущих и как причина для последующих.

Это то основание, вследствие которого человек, которого оскорбил бы ребенок или сумасшедший, тотчас же умеряет свой гнев точно так же, как он умеряет его, когда камень ударил его в голову или собака подвернулась под ноги, и чувствует, что нанесший ему оскорбление — невиновен, ибо имеет наименьшую свободу и подлежит наибольшей необходимости, которая так же очевидна, как и в действии камня или собаки. Это то основание, вследствие которого очевидно, что ребенок, поджегший дом, был руководим только желанием повеселиться и потому подлежал закону необходимости и имел наименьшую свободу; человек же взрослый и здоровый, поджегший дом, смотря по тому, более или менее понятны нам причины, произведшие это действие, представляется нам более или менее свободным. На этом основании, чем образованнее и умнее человек, тем более он терпим, и чем глупее и ближе человек к животному, чем доступнее для каждого причины его поступков, тем менее он нам кажется свободным. На этом основании строится существующая во всех законодательствах невменяемость для детей, стариков и сумасшедших и уменьшающие вину обстоятельства, смотря по большей или меньшей доступности причин действия.

¹ *Зачеркнуто*: Большой или меньший промежуток времени, прошедший со времени совершения действия до суждения о нем. Это то основание, вследствие которого <умерший человек> поступок

² *Зач.*: супружество

* № 328 (рук. № 101. Эпилог, ч. 2, гл. X).

Переходя к третьему условию увеличения или уменьшения о достоверности нашей свободы, состоящему в большей или меньшей доступности влияний, руководивших человеком, [увидим], что это третье условие включает в себе оба первые; ибо, только рассматривая людей в связи между собою и в прошедшем оценивая их поступки, мы имеем данные для обсуждения. Если мы говорим, что сумашедший был не свободен, совершив такое-то действие, то мы можем сказать это только потому, что: 1) мы сравнили его с другими людьми и 2) сделали во времени ряд наблюдений над его поступками.

¹Понятие о свободе человека есть только понятие относительное, зависящее от ² той точки зрения, с которой оно рассматривается. Доступность эта увеличивается по мере увеличения промежутка времени и увеличения условий, при которых рассматривается поступок, и по мере увеличения этих данных уменьшается достоверность о нашей свободе.³

Доходя до рассматривания всех условий и до детства одного человека и до зародыша исторической жизни, достоверность эта равняется нулю. Так что представление наше о нашей свободе в прошедшем и в связи с другими людьми зависит только от ⁴ нашего суждения.

⁵Итак, ⁶ только потому, что мы не всегда одинаково ясно — по недостаточной связи и по малому промежутку времени — можем видеть ⁷ причины, действовавшие на человека, мы называем человека свободным.

И так как есть постепенность этих влияний, и мы всегда видим хотя малую часть их, то мы и заключаем, что человек может быть представляем свободным только совершенно один и вне времени.

И действительно, по отношению связи с людьми, как бы одиноким мы ни воображали человека, если он вырос в обществе, он носит на себе влияние общества; если он вырос, как Каспар ¹ *Зачеркнуто*: Итак

² *Зач.*: <большей или меньшей доступности для нас> большего или меньшего понимания влияний, руководивших поступком человека.

³ *Зач. вписанное на полях*: Но так как доступность влияний, руководивших поступками, зависит и от степени проницательности рассудка, то и очевидно, что понятие нашей свободы зависит и от нашего рассуждения о ней. Для сумашедшего поступок другого сумашедшего не есть несвободный поступок, для детей поступки их товарищей кажутся столь разумно свободны, как и для нас действия английского парламента.

Для одного человека кажутся действия Наполеона свободными, для другого нет. Но как скоро существует закон постепенности, то закон этот должен привести нас к

⁴ *Зач.*: большей или меньшей проницательности судящего о свободе субъекта.

⁵ *Зач.*: И действительно

⁶ *Зач.*: влияние на человека существует всегда, но мы

⁷ *Зач.*: их влияние

Гаузер, то он зверь и то носящий влияние харак[теров] родителей. По отношению же ко времени, как бы короток ни был период, отделяющий время суждения от совершения поступка, мы увидим, что свобода человека во времени — немислима.

Итак, свобода, как понятие, немислима. Для того, чтобы быть свободным, человек должен быть один и вне времени.¹

Свобода, как понятие и умозаключение, основанное на нем, опровергнуто. Но опровергнуто ли этим рассуждением то сознание свободы, на котором строилось умозаключение?

Нисколько.²

* № 329 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).³

Прошло 7 лет. Роль Наполеона, полагавшего, что он действует, управляя народами, была уже окончательно сыграна. В 13-м году ему казалось, что он жертвует собой для Франции, что он кончил свою деятельность, но то великий, невидимый Распорядитель, который двигал им и до сих пор, считал его еще нужным. Для Франции и для других народов необходимо было еще одно сотрясение — последний отплеск волны Наполеоновских войн, и ему, как актеру, который еще будет играть хотя и короткую, но необходимую роль, для которой надо бы обучать, приготавливать нового, Наполеону на острове Эльбе еще не велено было раздеваться и смывать сурьму и румяны. В данную минуту актера вызвали опять неожиданно для него и непостижимо для всех. Совершается вдруг бессмысленное событие: человек, опустошивший Францию, один, без заговора, без солдат, приходит во Францию, ожидая, что первый сторож возьмет его; но никто не берет его, а невидимая рука Распорядителя приводит его на трон и приказывает играть ему короткую и последнюю роль. Роль сыграна, и опять, как будто странная случайность, миллионы случайностей приводят этого человека на корабль англичан, на остров Святой Эллены и ему велено раздеться и смыть румяна. Он больше не понадобится. Но еще несколько [лет], опять по какой-то случайности, проходят в том, что этот актер императоров пишет свои записки и показывает всему миру, что невидимая рука водила им. Распорядитель, окончив драму, раздев актера, показал нам его. «Смотрите, чему вы верили. Вот он. Видите ли теперь, что не он, а я двигал вами». Но люди не поняли этого.

¹ *Зачеркнуто вписанное на полях:* Ошибка умозаключения о (нашей) свободе состояла в том, что из того, что человек (чувствует) сознает себя свободным, сделан был вывод, что он свободен. Единственно возможный вывод был следующий: если я сознаю себя свободным, то и всякий человек сознает себя свободным.

² *Зач.:* Всё отдаляя и расширяя предмет наблюдения, мы пришли к очевидности отсутствия свободы человека в связи с миром и во времени. Но всё приближая и суживая предмет наблюдения, мы придем к математической точке сознания человеком своего единства и к той же математической точке настоящего, то есть к сознанию.

³ *Автограф на полях зач. копии, также зачеркнутый.*

* № 330 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).¹

Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или² вредна, ибо мы не можем сказать, для чего полезна и для чего вредна.³

<Наполеон, бессильный и униженный на своем острове, мечтает и передает потомству свои писанья о том благе, которое он сделал бы для человечества, если бы у него была власть.

⁴Александр, стоящий на вершине возможной власти, с отвращением и с сознанием бессилия этой власти отворачивается от нее⁵ и приходит к отрешению от земного, к смирению личности и ищет успокоения только в Вечности.>

* № 331 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. I).

Но в чем же состоит значение этих людей? Почему с древнейших времен на них останавливается внимание человечества?⁶

Почему видимый, бросающийся в глаза признак события есть всегда великий человек, стоящий во главе его?

Отчего всегда, когда совершается событие, представляется человек, кажущийся нам выражением события? Ежели люди эти всегда есть и всегда бросаются первые в глаза, то они должны быть необходимы для совершения события и должны иметь в нем важное значение. В чем состоит их связь с событием и их значение?⁷

Допустив, что историческое движение человечества совершается для достижения непонятных уму нашему целей, откинув совершенно понятие о цели и причине,⁸ взглянем на людей, составляющих как бы вершины тех колеблющихся, движущихся и исчезающих волн движения, которые называются историческими переворотами.⁹

Не представляя себе целью движения человечества во время Наполеона ни величия Франции, ни идеи свободы, ни равновесия ¹ *Автограф между строк и на полях копии.*

² *Зачеркнуто:* бесполезна

³ *Зач.:* Одно, что мы можем сказать, это то, что жизнь того и другого в

⁴ *Зач.:* Но

⁵ *Зач.:* и ищет личного и вечного

⁶ *Зач.:* Значение их огромно, но не в смысле историческом, не в выражении воли масс, а в смысле человеческом, в смысле изучения свойств человеческой природы.

Далее конспект: <В чем назначение их? Везде, где событие, и великий человек? Отчего и зачем и какое же их значение?>

⁷ *Далее копия с поправками Толстого.*

⁸ *Зач.:* и не оправдывая и не обвиняя тех людей, которые стоят в фокусе освещения исторических лучей, людей

⁹ *Зач.:* <Взглянем> и взглянем на значение их деятельности с этой точки зрения, взглянем на 20-летний период истории от появления Наполеона до падения его. С этой точки зрения в этот период времени

Европы, ни общего прогресса цивилизации,¹ — какое будет главное явление этого периода истории? Воинственное движение народов запада на восток и обратное движение народов востока на запад.²

Соответственно с выработкой сил запада³ вырабатываются и силы востока⁴. Наконец в 12-м году движение народов Запада совершается, увлекая с собой срединные народы.⁵

Наконец всё затихает и взволнованное море укладывается в свои берега.

Так как мы допустили, что цель движения человечества для нас неизвестна, то и вопрос о том, почему и для чего совершилось это историческое явление, не может существовать для нас.⁶

Вопрос, почему и для чего, естественно заменяется для нас вопросом, каким образом.

Каким образом совершилось всё, во всем объеме его, это историческое явление? Каким образом миллионы людей бросили свои поля, дома и стали истреблять имущество других людей и без всякой личной причины убивать себе подобных?⁷ Каким образом люди, христиане, проповедующие закон любви, презирующие и казнящие воров и злодеев, каким образом эти ¹ *Зачеркнуто*: <что поразит. мы, отрешившись от знания цели, должны признать предметом изучения в этот период истории только самое крупное — обнимающее наибольшее количество произволов людей — явление и вписаны след. шесть слов.

² *Зач.*: Две крайние точки этого движения суть Париж и Москва. До 12-го года перед началом движения происходит брожение в крайней точке, с которой начинается движение — в Париже. И та сила, которая должна увлечь народы запада до Москвы, несколько раз устремляясь к востоку и сталкиваясь с начинающимся движением с востока на запад, собирается и нарастает. Сообразно с нарастанием и выработкой силы, вырабатывается и та личность Наполеона, которая должна стать во главе первого движения с запада на восток.

³ *Зач.*: с тою личностью, которая станет во главе его движения

⁴ *Зач.*: и та личность Александра, которая должна будет руководить противудвижением.

⁵ *Зач.*: до своего крайнего предела — Москвы, поднимается новая, неведомая никому сила — народ, нашествие бежит и гибнет, поднимается другая волна, с востока на запад, и точно так же, как в первом движении, увлекая с собой срединные народы, доходит до точки исхода движения — Парижа. Как первому большому движению от Парижа до Москвы предшествовали по тому же направлению порывы движения 1805-го, 7-го, 9-го года, доходившие до середины Европы и, наконец, выразившиеся в большом движении до Москвы, точно так же за последним противудвижением от Москвы до Парижа следовал порыв движения 1815-го года.

⁶ *Зач.*: И так как предмет нашего изучения составляют не отдельные лица государей и министров, а всё, участвующее в движении человечества, то мы не можем личные причины деятельности нескольких людей признать причиной всего исторического явления.

⁷ *Зач.*: (Мы до такой степени привыкли к объяснению истории о том, что войны совершаются по воле высших властей, что вопрос этот для большинства людей покажется бессмыслицей. Тогда как бессмыслица лежит в отсутствии этого вопроса.) Как. только мы вполне отрешимся от знания цели истории, вопрос этот представится первым и неизбежным.

люди, чувствуя себя несомненно правыми,¹ вдруг отступили от признанных ими, проповедуемых и существенных свойств человеческой природы и совершали бесчисленные преступления?²

Для совершения этих совокупных преступлений люди в настоящем случае, как и во всех прежде бывших подобных совокупных преступлениях, связали свой произвол с другими таким образом, что ответственность поступков своих они перенесли друг на друга, от низших слоев конуса до высших и, наконец, до его вершины.

При всех подобных совокупных преступлениях люди группируются таким образом, что наибольшее число лиц несут наименьшую ответственность, и единственное лицо, стоящее на вершине конуса события, сосредоточивает в себе всю видимую ответственность за действие всей массы.

* № 332 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. III).³

⁴Нашествие стремится на восток, достигает конечной цели — Москвы. Поднимается новая, неведомая никому сила — народ, и нашествие гибнет.⁵ Конус распадается, и человек, стоявший на вершине его, не имеющий более назначения оправдания масс, теряется в толпе.

⁶Прежняя огромная группа разрушена и складывается новая. На вершине группы,⁷ имеющей то же призвание, как и прежде, нужен человек, и тот же готовый человек опять становится на вершину ее.

⁸Новое лицо, бездействовавшее во время действия сил народа, является на вершине другого,⁹ вновь складывающегося огромного конуса — движения с востока на запад.

* № 333 (рук. № 102. Эпилог, ч. 1, гл. IV).¹⁰

Итак, откинув взгляд древних на значение истории, допуская божественное участие в делах человечества, история ¹*Зачеркнуто*: совершают бесчисленные злодеяства?

²*Зач.*: Изучая исторические явления во всем их объеме, без знания цели, во всех подобных исторических явлениях, где люди отступают от свойств своей природы, мы находим всегда одинаковые условия. Соединяясь в большие сборища для совершения такого рода совокупных преступлений, *и вписаны след. пять слов.*

³*Ср. вар. № 308, стр. 206.*

⁴*Зач.*: Страшное

⁵*Зач.*: Казалось бы, роль человека, стоявшего на вершине нашествия, кончена, по он еще нужен и Провидение для того, чтобы не выработать новое лицо, когда это готово, бережет его и ореол, окружающий его и скрывающий его ничтожество и бедность.

Вместо зач. вписан рукой Толстого текст до конца следующего абзаца.

⁶*Зач.*: Конус изменя

⁷*Зач.*: опять нужен человек

⁸*Зач.*: С востока

⁹*Исправлено из: другой Далее зач.: пирамиды и вписаны след. четыре слова.*

¹⁰*Автограф на полях копии.*

должна объяснить отношения масс к историческим деятелям.¹ Рассматривая отношения масс к историческим деятелям, мы² должны были придти к заключению, что влияние исторических деятелей на массы³ нам только кажется, что в сущности не Наполеоны управляют массами, а массы управляют ими; что вся деятельность Наполеонов не объясняет и не может объяснить законов движения масс и что всё значение их в истории заключается только в том, чтобы служить оправданием деятельности лиц, составляющих массы.

Новая история стоит на рубеже признания этих положений, но она не признает их.

Как и всегда, причина заблуждения лежит не в разуме, но в чувстве, руководящем умом.

Чувство, в настоящем случае мешающее признать истину, лежит в страхе признания закона необходимости, разрушающего понятия свободного произвола, на котором держатся государственные и церковные учреждения.

⁴ Не признать при теперешнем состоянии исторического знания того, что все исторические события вытекают из совокупного действия человеческих волей, то есть закона необходимости, невозможно; но, признав закон необходимости, отрешиться от признания свободы человека кажется еще более невозможным.

* № 334 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I).

⁵ А в Европе произошла реакция, и все государи стали опять обижать свои народы.

Напрасно подумали бы, что это есть насмешка и карикатура исторических описаний. Напротив, это — самое мягкое выражение тех ответов, которые дает нам вся история на наши вопросы. Действительно, если вы прочтете одну историю Тьера,⁶ вам не представятся эти противуречия — всё представится совершившимся по воле добродетельного гения Наполеона. Если вы прочтете Lanfrey, всё представится происшедшим по воле злодея Наполеона. Но ежели вы прочтете при этом истории русские, немецкие, вам представится неразрешимая путаница. Если же вы прочтете общие истории, как историю Шлоссера и Гервинуса, то путаница эта только еще более увеличится, ибо вы убедитесь, что не из произвола одного человека, но из¹ *В рукописи:* деятелей

² *Зачеркнуто:* убедились

³ *Зач.:* есть только ми[раж]

⁴ *Зач.:* Весь вопрос лежит в одном

⁵ *Зач. текст копии вар. № 309 от слов:* Потом описывают нам опять разговоры государственных людей, *кончая:* императора Александра, великодушного виновника (стр. 209). *Вместо зач. вписан текст первых двух абзацев.*

⁶ *Зач.:* у вас соста[вится]

произвола нескольких, всех ошибавшихся и осуждаемых историками, вытекали события, тоже осуждаемые историками.¹

Потом Александр, великодушный виновник умиротворения Европы, вдруг после высшего торжества либеральных начал, которым он служил сначала царствования, поворотил на противоположную сторону строгости, презрения к людям и деспотизма² и этим сделал дурно.

Что такое? Неужели это не насмешка? Неужели в этом одном выражается движение народов и человечества в этот период времени? Да. Другого³ не может дать история.

<Другого взгляда на события нет в истории.

Но это — насмешка, история никогда не говорит этого. История, прогматическая история, отыскивает общий смысл всех этих явлений, нанизывает их все на одну мысль. Тем хуже, ответим мы. Ибо то основание, на которое история нанизывает все бессмысленные факты жизни царей, основание это совершенно произвольно.

Посмотрим, что это значит.

- 1) Зависимость от совпадений.
- 2) Непроисхождение того, что думал.
- 3) Следствие больше причины.
- 4) Свободная воля у Наполеона, а у людей нет.

Но это не может быть, история никогда не говорит этого, прогматическая.

Что же она говорит?

Один говорит, что это хорошо, другой — дурно. И всё сводится на три взгляда: 1) я (Н[аполеон], ч[еловек]) и всё на один, что мне кажется. Но кроме того противуречие и какое-то таинство, а всё таинство в том простом вопросе, который тщетно старается разрешить непризванная ф[илософия], пс[ихология], даже зоология и который подлежит разрешению одной истории, есть или нет свободная воля.>⁴

(Это не насмешка, напротив — это самое мягкое изложение бессмыслиц науки. Чтобы быть точным, надо прибавить к этому: Наполеон — герой, добр; Наполеон — дурак, злодей; Александр добрый, и хитрый, и обманщик и т. д. Что бы ни было — это одно, что говорят историки. Как ни странно, может быть только в этих лицах возможно уловить смысл истории и, может быть, в них он выражается.)

¹ Далее текст исправленной копии того же варианта.

² Дальнейший текст вписан вместо зачеркнутого текста копии того же варианта от слов: Как ни привычно это описание для человека мыслящего, кончая: переходят от рассказа фактов к объяснению их значения (стр. 209—210).

³ Зачеркнуто: не ищет, другого

⁴ Далее поперек поля написан след. новый текст и опять зачеркнут.

* № 335 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I—III).¹

Третьи историки, делая уже самое сильное, крайнее умственное напряжение, мерилom хорошего и дурного берут благо человечества, прогресс, цивилизацию.

В понятиях этих историков войны Наполеона разносили по Европе идеи французской революции, идеи прогресса и цивилизации. Но мера прогресса и цивилизации опять мера условная, относящаяся только к уголку известного нам земного шара, называемого Европой.

Не входя в рассмотрение того, действительно ли благо человечества зависит от парламентов, неоплатных долгов, железных дорог, телеграфов, школ и книгопечатания, мы видим, что века тому назад так же, как теперь верят в несомненность блага цивилизации, верили несомненно в благо распространения мессии [?], католичества или протестантства, что в настоящее время есть независимые умы, которые так же разумно, как друзья цивилизации доказывают пользу ее, доказывают ее вред, мы видим, что и мерило прогресса и цивилизации есть столь же непрочная и личная мера, как и мера того монаха, не хвалившего государя за то, что угнетали его монастырь.

Мерило цивилизации общечеловеческого блага уже потому невозможно, что, допустив знание этого блага, уничтожается движение истории, сама жизнь.²

Ни мерило личного блага, ни блага народного, ни блага человеческого (малого количества известного нам человечества) не удовлетворяют разума. Первый прием истории — оценки событий, осуждения или оправдания исторических деятелей, смотря по предвзятой мере — неверен и служит источником дальнейших заблуждений.³

Причина заблуждения лежит в признании в прошедшем произвола личности. Свободная воля, произвол есть только мираж настоящего. Совершив известный поступок в известный момент, человек не может повторить того момента, в который был совершен поступок, и потому не мог поступить иначе. Только в момент настоящего, в который он совершал поступок, у него было сознание возможности совершить или не совершить его и потому он был свободен только для себя. Но для наблюдателя, рассматривающего его поступок в связи с общим движением, каждый поступок его закован временем, и представление о том, что человек мог или не мог в тот момент совершить или не совершить тот поступок, важное для психологии, не имеет значения для истории.

¹ *Переработанная копия вар. №№ 309 и 310.*

² *Зачеркнуто: Пчела.....*

³ *Зач.: Историк не может и не должен осуждать исторические силы, а исследовать их.*

Я убежден, что я свободно говорю в¹ минуту гнева, но через час мне уже яснее, что я говорил под таким-то влиянием. Глядя на поступки свои за годы назад, я еще яснее вижу причины моих поступков.

В прошедшем мираж свободы исчезает и действия людей остаются навеки неизбежными актами, закованными временем. И чем дальше развивается перед нами² холст прошедшего, тем очевиднее сглаживаются личные произволы и тем очевиднее выступают те правильные, бесконечные узоры, которые составляют историю.

Из этого срединного воззрения, в особенности в последнее время при всё увеличивающемся обилии матерьялов, вытекают бесчисленное количество неясностей, противуречий и вопросов, которые тем более становятся неразрешимыми, чем далее подвигается история на избранном ею пути.

Противуречия, неразрешимые вопросы эти с особенной яркостью бросаются в глаза при изучении недавнего, изобилующего матерьялами последнего героического периода истории — Наполеоновских переворотов в Европе.

[Далее от слов: В 1789 году поднимается брожение в Париже, кончая автографом: и Наполеон забрал Россию и Москву и убежал из нее без всякой причины и тогда близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. I.]

³Число исторических матерьялов о Наполеоновском времени — громадно. Все истории того времени могут быть разделены на три отдела: 1) записок отдельных лиц, 2) истории отдельных народов и 3) общих историй того времени.

В первом отделе мы находим самое большое разнообразие не только воззрений на смысл событий, что хорошо, что дурно, но и бесчисленное количество противуречий в описании самых фактов. Но во всех одинаково описывается деятельность нескольких лиц за этот период времени.

Во втором отделе истории народов-государств за это время встречается то же разноречие и то же исключительное объяснение событий деятельностью Александра, Наполеона, Метерниха и т. д. Лучшие⁴ два большие⁵ сочинения этого отдела для Франции написаны Тьером и Lanfrey.⁶

Один считает все действия Наполеона мудрыми и добродетельными; другой считает те же действия глупыми и порочными. В самом описании действий встречается постоянно полное противуречие. Один говорит и доказывает, что это было, другой¹ *Зачеркнуто*: настоящую минуту,

² *Зач.*: этот бесконечный

³ *Далее* — автограф вместо *зач. копии от слов*: Как трудно представить себе *кончая*: Так поступает в отношении Наполеона Тьер, Lanfrey.

⁴ *Зач.*: и единственные

⁵ *Зач.*: и серьезные

⁶ *Далее текст переработанной копии.*

говорит: никогда не было или было совсем иначе. Один говорит что такое действие принесло пользу, другой говорит и доказывает, что оно принесло вред. То же самое видим в описаниях деятельности Александра. При разногласии этом историков весьма легко заметить, что основание разноречия лежит в личных свойствах и особенностях историка. Французский историк скрывает всё постыдное для французов. Русский скрывает всё постыдное для России. Французский республиканец старается выставить силу республики. Бонапартист — силу и величие Империи и т. д.¹

Эти два отдела истории не только не дают каких бы то ни было ответов на занимающие нас вопросы, ибо всё значение истории видят в деятельности нескольких лиц, не показывая нам связь этих лиц с массами, но взаимно уничтожают даже и те неудовлетворительные ответы, которые они дают нам о деятельности этих лиц и их значении.

Замечательное противуречие этих историков не только в описаниях побуждений и последствий действий Наполеонов и Александров, но и в самых действиях, причина которых, лежащая в личном произволе историка, становится очевидна и заставляет искать другого объяснения.

Обращаемся к третьему отделу общей, научной истории — Шлоссера, Гервинуса. Историки этого рода описывают нам также деятельность Александра и Наполеона, как производящую события, но вместе с тем в число деятелей истории вводят и другие лица — министров, дипломатов, журналистов, генералов, дам, писателей, которые тоже, по их мнению, влияют в историческом движении масс.

В этих историках разногласие в описании самых фактов и в суждении о них, основанное на личном произволе историка, хотя и не в такой грубой форме, встречается так же, как и у историков первого разряда. Кроме того чувствуется, что признание участниками исторических событий министров, дам, писателей, основывается столько же на убеждении о действительном влиянии этих лиц, сколько на том обстоятельстве, что эти участники оставили по себе письменные памятники. Так, хотя и весьма вероятно²

* № 336 (рук. № 103. Эпилог, ч. 2, гл. I, II).³

⁴Странность и комизм этих ответов истории вытекает из того, что в наше время человечество говорит с историей, как с глухим человеком. История озабоченно отвечает на те вопросы, ¹ След. абзац — автограф на полях копии.

² Здесь эта часть рукописи обрывается.

³ Вар. №№ 336 и 337 представляют собой дополнительные вставки-автографы во время работы над текстом, отнесенным потом к гл. I и II ч. 2 эпилога.

⁴ В начале стоит знак переноса к другой рукописи: × .

которые уже не существуют.¹ Она забыла, или хочет, чтобы забыли, про то, что мы не верим более в божественную власть. Ибо если нет божественной власти, то властью уже нельзя объяснять события, если же вместо божественной власти стала другая, то надо объяснить, какая эта другая власть. История же не делает ни того, ни другого.² Частная история — Тьер, Lanfrey — описывает нам деятельность героя Наполеона, производящего события, в надежде, что никто не догадается спросить, какой силой он это производит. Общая история Гервинуса и Шлоссера описывает нам деятельность Наполеона и, кроме того, деятельность королей, министров, их любовниц, дам, ученых, журналистов и т. д. — всех тех, о которых у них есть сведения, показывая, что все эти лица³ вместе⁴ производили события, надеясь, что никто не догадается спросить, какою же силою журналисты и дамы производили переселения народов?⁵

Историки этого рода как будто не замечают того, что воздействие друг на друга писателей, министров, генералов, если мы не допускаем божественной власти, объясняет деятельность масс еще хуже, чем власть одного человека. Воздействие друг на друга Штейна, Бернадота, Толя, Александра, Наполеона и других может определить деятельность Наполеона, Александра, Штейна и других, но не деятельность миллионов. Для того, чтобы объяснить движение миллионов вследствие воздействия некоторых лиц друг на друга, надо доказать, что у этих некоторых есть власть. Общие историки не только не доказывают этого, но с радостью как будто доказывают обратное. Историки этого рода подобны тому механику, который бы для объяснения составной, равной силе 1000, отыскивал бы составляющие, сумма которых равна единице. Очень может быть, что из воздействия друг на друга Александра, Наполеона, Штейна, Бернадота вышло для этих лиц их известное положение¹ *Зачеркнуто*: для человечества; из того обстоятельства, что

² *Зач.*: а продолжает *Далее зач. вписанное позднее*: Сущность вопроса истории есть следующая: какой силой в 12 году убили моего отца и сожгли дом? Можно ли также теперь мне и детям [?] и как именно это сделать. Вы говорите государство, произвол [?]

³ *Зач.*: (и прежде) были

⁴ *Зач.*: причиной

⁵ *Зач.*: Историки этого рода как будто радуются, когда они нашли связь между Наполеоном и (средним сословием) Штейном и т. д. и очень довольны, что Наполеон — не одна причина события. Но если не он, то кто же? Их положение хуже первых, тогда была власть, а теперь еще новая сила журналиста? Они не замечают того, что влияние Штейна и M-me Stahl вместе с Наполеоном трудн[ее] объяснить, чем одного Наполеона.

Составной [?]

Тьер пишет и прекрасно, Lanfrey пишет и прекрасно. Но что хочет сказать Гервинус: то мог, то не мог. Каким путем журналисты? Ничего. понять нельзя.

Конус. Монета.

и направление деятельности, но почему миллионы пошли драться, осталось неизвестным, ибо неизвестно, что такое власть.

Первого рода историки по крайней мере последовательны, если читатель не заметит обмана, состоящего в том, что все действия объясняются произведениями власти. Когда основания власти уже нет, то всё будет ясно и даже поэтично. Тьер прекрасно пишет, как герой Наполеон всё делает на благо Франции и как он велик и добродетелен, Lanfrey прекрасно пишет, как он зол и вреден, и если вы читаете отдельно каждого и вопроса о при[чине] власти нет, то всё хорошо. Но Гервинус и Шлоссер сразу озадачивают читателя тем, что они то не признают власти за Наполеоном, то признают ее, и кроме власти людей, непосредственно связанных <с событием, придумыва[ют] еще новую власть, писателей и дам. В этих историях уже не может быть заблуждения о том, что власть есть божественная сила, и сразу бросаются в глаза¹ то пустое место, тот х власти, оставленный без объяснения после отречения от непосредственного участия божества².

Частные историки утверждают, что воля героя есть та самая сила, которая производит события. Они подобны тому механику, который, избрав одно из самых очевидных произведений многих одновременных сил, утверждал бы, что существует только одна эта сила и одна [она] служит причиной движения. Общие историки признают, что сила событий лежит не в воле лица, но есть составная из многих сил. Чтобы найти эту составную, общие историки берут самые очевидные для себя силы министров, писателей и т. д. и утверждают, что сила события есть производная этих нескольких сил. Но так [как] взяты ими не *все* силы, а только одна, самая малая часть их, то очевидно, та составная, которая получится из малого числа сил, 1) не будет совпадать с общей всем силам составною и 2) главное, будет несравненно менее составной всех сил. Для того, чтобы скрыть этот существенный недостаток своей теории, общие историки³ необходимо должны прибегнуть, во-первых, к тому, чтобы предположить в сущности неизвестное им направление составной известным, и, во-вторых, придавать произвольно известным им силам увеличенное значение настолько, насколько это необходимо, чтобы их маленькая составная равнялась бы большой составной, которая существует в действительности. Это самое и делают общие историки. Для того, чтобы определить направление, они совершенно произвольно предполагают, что движение человечества имеет одно определенное и известное им направление; это — свобода, равенство, конституционализм,¹ *Зачеркнуто*: противуречие писателя самого с собой. Наполеон — хорошо, дурно сделал, вполне [?] хорошо, дурно мыслил, стало быть он мог думать иначе.

² Далее в рукописи знак переноса на другой лист: Δ

³ *Зач.*: употребляют два следующие приема.

прогресс, цивилизация, и к этому направлению они сводят все известные им силы. Для того, чтобы сравнить произведения сил монархов, министров, писателей, ораторов, которые, сколько бы ни говорили и ни писали, не могут произвести движения миллионов, они совершенно произвольно допускают, что одни из лиц имеют власть, тогда как сами эти историки отрицают власть лица и не объясняют, что такое эта власть, а что другие лица, как ораторы, мыслители, поэты, имеют влияние. Но историки не объясняют, что такое это влияние, поставленное на место власти, и остается еще более непонятно, чем войны, произведенные волей Наполеона, войны, произведенные книжками и словами писателей и ораторов.¹

Гервинус, Шлоссер,² стараясь постоянно доказывать, что Наполеон и другие суть произведение своего времени,³ невольно приведены к необходимости объяснять явления истории волей Наполеона.

Так что на каждой странице они противуречат сами себе.⁴

Противуречие это не случайно: оно вытекает из необходимости объяснения деятельности масс. Власть (исторических) героев над массами есть единственная ручка, за которую может ухватиться историк, и потому, мнимо отрицая эту власть, они ею объясняют всё движение человечества.

Этому беспрестанному противуречию самим себе общие историки помогают тем, что они не просто описывают, а постоянно судят все исторические лица на основании того направления, по которому идет человечество по мнению историка. Человечество идет, по их мнению, к чему-то весьма туманному и неопределенному, называемому прогрессом, и потому историк судит все лица, которые отступают от этой, им произвольно проведенной линии, и в этих-то суждениях заключается всё содержание этих историков.⁵ Две поправки первоначальной ошибки отрешения от понятия божественной власти и незнания, что такое власть, — переплетаются одна с другой и составляют все содержание этого рода истории. Произвольно увеличиваются силы составляющие и произвольно определяется направление составной. Одни из этих историков усиливают ¹ *В автографе знак переноса на другой лист: ×*

² *Зачеркнуто:* например, описывая жизнь народа в XIX столетии, на каждой странице раза два противуречат сами себе, то говоря, что Наполеон есть произведение своего времени, то доказывая, что Наполеон совершил это только [?] своей властью.

³ *Зач.:* и имеют власть только как произведение других [?]

⁴ *Зач.:* «Наполеон был произведение своего времени», — говорит Гервинус.

И сейчас же говорит, что Наполеон поступил дурно, увлекшись завоеваниями. Из последнего положения очевидно, что историк видит причину завоевательной деятельности в его воле. Из первого же видно, что историк полагает, что Наполеон имел власть только для исполнения воли народа и своего общего исторического призвания.

⁵ *Зач.:* Смотри Гервинуса, Шлоссера

первую ошибку, т. е. говорят о власти, которой не признают, как главном деятеле истории, другие усиливают вторую, всё внимание обращая на мнимое направление человечества. Этот последний отдел породил почти новый род истории, называемый историей культуры, родоначальником которой был Бокль.¹

* № 337 (рук. № 103. Эпилог, ч. 2, гл. III).

²Признав невозможность продолжать обман, общие историки и историки культуры решили вместо бумажки делать звонкую монету из того, что у них есть. И монета действительно вышла *звонкая*, но только *звонкая*. Бумажка еще могла обманывать незнающих; но монета *звонкая*, но *неценная*, не может обмануть никого. Так же как золото тогда только золото, когда оно может быть употреблено не для одной единицы ценности, а и для дела, точно так же теория историков только тогда будет золотом, когда будет отвечать на³ главный вопрос истории: что такое есть власть.

Теория же общих историков и историков культуры, не отвечая на эти вопросы, отстраняет их. И как жетоны, похожие на золото, могут быть только употребляемы между собранием людей, согласившихся признавать их за золото, и теми, которые не видали золота, так точно теория общих историков, не отвечая на существенные вопросы человечества, для каких-то своих целей служит ходячей монетой для университетов и для глупой толпы читателей.

* № 338 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. I—III).⁴

VI

Напрасно подумали бы, что это есть насмешка и карриатура исторических описаний. Напротив, это — самое мягкое выражение тех противуречивых и не отвечающих на вопросы⁵ ответов, которые дает *вся* история того времени от Тьера и Lanfrey до Шлоссера и Гервинуса.

Странность и комизм этих ответов истории вытекает из того, что в наше время⁶ история подобна глухому человеку, отвечающему на те вопросы, которые ему не делают, и не слышащему или не хотящему слышать тех, которые ей делает здравый смысл человечества.⁷

¹ Далее знак переноса: ∞

² В начале автографа стоит знак переноса.

³ Зачеркнуто: философские и наивные вопросы человечества и вписано окончание фразы.

⁴ Копия — переработка вар. №№ 334 и 336.

⁵ Зач.: предлагаемые здравым смыслом человечества и надписаны след. два слова.

⁶ Зач. текст копии начала вар. № 336, кончая: уже нельзя объяснить] события (стр. 271) и вписан дальнейший текст, кончая: но власти этой мы не признаем больше (стр. 275).

⁷ Зач.: Точно так же, как сущность вопроса о воздушном электричестве лежит в том, что такое та сила, которая в моих глазах сожгла и расщепила дуб, так и

Сущность вопросов исторических будет лежать всегда в том, что такое та сила, которая пригнала 600 тысяч людей в Россию и сожгла города и села?

На эти-то вопросы история озабоченно отвечает о том, что Наполеон был очень гениален, как говорит Тьер, или большой плут, как говорит Lanfrey, или о том, [что] Лудовик XIV дурно управлял государством, а писатели писали книжки. Всё это очень может быть, и человечество готово согласиться, но оно не об этом спрашивает. Всё это могло бы быть интересно и отвечало бы на вопросы, если бы мы признавали божественную власть, основанную на самой себе и всегда одинаковую, которая управляла¹ через Наполеонов, Лудовиков и писателей своими народами; но власти² этой мы не признаем больше.

Если же вместо божественной власти стала другая, то надо,³ чтобы новая власть эта была вполне известна, всеми одинаково понимаема, но именно в этой-то силе заключается весь интерес истории.

История как будто предполагает, что сущность этой новой власти всем известна и всеми одинаково понимаема.⁴ Как же понимается эта сила новыми историками?⁵

Частные историки биографические и историки отдельных народов на вопрос о том, какая сила производила события, говорят, что сила эта есть *власть* сама по себе, власть Александра, Наполеона, Франца, Метерниха и т. д. Ответы, даваемые этого рода историками на существенный вопрос истории, удовлетворительны только до тех пор, пока существует один историк по каждому событию, но как скоро их является много различных национальностей и воззрений, так понятие о том,¹ *Зачеркнуто*: и Наполеоном, и Лудовиками, и писателями

² *В рукописи*: власть

³ *Далее автограф над зачеркнутым текстом копии вар. № 336 и на полях.*

⁴ *Зач.*: В действительности же сущность этой новой, небожественной власти не только неизвестна и непонимаема всеми одинаково, но и историками или вовсе не объясняется или понимается совершенно различно.

Частные историки понимают власть, как несомненное свойство героев и монархов, как причину событий, очевидно предполагая, что сущность того, что есть власть, всем известна и одинаково понимаема.

Общие же историки признают как будто, что власть не есть несомненное свойство героев и монархов и не есть исключительная причина событий, а что сама власть не есть основание силы, а только произведение многих сил. Кроме того, к понятию власти общие историки присоединяют понятие влияния. Так что иногда причиной события они выставляют власть, производную из некоторых сил, иногда влияние.

Так ли это?

⁵ *Зач. вписанное на полях*: Число матерьялов о наполеоновском времени громадно. Все исторические матерьялы того времени могут быть подразделены [*в автографе*: может быть подразделено] на два большие отдела. В первом заключаются писатели мемуаров, биографий, историй отдельных народов. Во втором заключаются общие истории того времени, истории культуры.

что есть та власть, которая производила события, совершенно затемняется, ибо понимается каждым историком различно.¹

Один историк утверждает, что событие произведено властью такого-то лица, а другой утверждает, что оно произведено властью другого лица. Основания самой власти понимаются совершенно различно. Тьер говорит, что власть Наполеона была основана на его добродетели и гениальности. Lanfrey говорит, что она была основана на его мошенничестве.²

В общих историках разногласие это еще больше. Общие историки³ рассматривают власть не как силу саму по себе, но как производную многих сил, котор[ыми] они признают всех тех людей, которые оставили по себе памятники: министров, генералов, торговцев, журналистов, ученых, даже поэтов.

Общий историк Гервинус, например, описывая, положим, восстановление Бурбонов, доказывает, что событие это произошло не по воле Александра I, а по воздействию друг на друга Александра, Штейна, Метерниха, М-me Stahl,⁴ Талейрана и т. д. Понятие о силе, производящей события, при этом воззрении следовательно совершенно противоположно тому, которое имеют частные историки. Кроме того, при этом воззрении существенный вопрос истории остается⁵ без ответа. Ибо если Талейран, Александр и другие говорили таким и таким [образом], так и так были расположены друг другу, из⁶ всего этого вытекает только их известное отношение между собой, существенный же вопрос о том, почему миллионы французов покорились распоряжению союзников, остается без ответа. Если Талейран сел на Венском конгрессе раньше всех на известный стул и обманул дипломатов, то из этого вытекает только то, что он сидел на стуле и дипломаты были обмануты, вопрос же о том, почему миллионы стали платить увеличенные подати и изменили свои отношения, остается неразрешенным.

Чувствуя невозможность объяснять явления истории одними этими, действующими друг на друга (силами), так как единственная ручка, за которую может ухватиться историк для того, чтобы объяснять движения масс, общие историки, сначала отказавшиеся от понятия непосредственной власти, принимая ее за произведение других сил, приведены к необходимости, вновь противореча сами себе, употреблять понятие уже не непосредственное, а производное власти. Так что в историях этого рода

¹ *Зачеркнуто:* Оказывается, что

² *Зач. во вписанном на полях:* Тьер утверждает, что он не потерял бы власть, если бы дал конституцию, Lanfrey говорит, что и т. д.

В частных историях разногласие о том, что такое есть власть, встречается беспрестанно и очевидно основано на личном вкусе историка.

³ *Зач.:* исходят из того положения, что власть не есть сила сама по себе, но есть произведение многих сил.

⁴ *Зач.:* немецких патриотов

⁵ *Зач.:* уже совершенно

⁶ *Зач.:* отношений

неизбежно на каждом шагу встречаются противуречия самим себе.

То Наполеон есть произведение своего времени и власть его есть только произведение сил, то власть его есть сила, производящая события. Тот же Гервинус, который доказывает, что Наполеон есть представитель революции, идей 1789¹ года говорит, что то-то и то-то сделано по воле Наполеона, а что поход 12-го года есть произведение ложно направленной воли Наполеона.

Третьи историки, еще более общие, называющиеся историками культуры, еще более затемняют понятие власти, признавая как будто то, что причины событий лежат в так называемой культуре, в умственной деятельности, и вместо прежнего понятия власти ставят понятие влияния,² тем самым совершенно отстраняя существенный вопрос истории, ибо понятно, что одаренный властью человек может велеть убивать себе подобных, но решительно нельзя постигнуть, каким образом книга *Contrat Social* сделала то, что французы резали друг друга.³

Странное заблуждение историков культуры, основанное на том, что один из признаков события — умственную деятельность, они принимают за причину и тем лишают историю всякого объяснения.⁴

Эти историки из всего огромного числа признаков, сопровождающих всякое живое явление, выбирают признак умственной¹ *В автографе, очевидно, описка: 1784*

² *Зачеркнуто:* Поступая таким образом, историки принимают за причины один из самых случайных признаков. То, что они признаком этим выбирают умственную деятельность, заключается только в том, что историю пишут ученые.

³ *Зач. текст копии:* Я полагаю, что торговцы, если бы кто-нибудь списал с их слов историю, объясняют все причины событий торговлей и деньгами. Земледельцы — земледелием. *Далее зач. вписанное на полях:* <Сапожники> Чиновники — администрацией, солдаты — войной и т. д.

Нет сомнения, что между развитием умственной деятельности и (жизнью) движением народов есть связь, точно так же, как связь эта существует между всем живым.

Связь с движением народов можно найти и в торговле, и в ремеслах, и в науках, и даже в природе. Можно сказать, что причина похода французов в Москву состояла в том, чтобы содействовать совершающемуся с востока на запад [движению] растений, так как французы на возвратном пути занесли с собой во Францию не существовавшее прежде сорное растение; но прежде чем заключить, что весь смысл истории заключается в содействии переселения растений или разнесения идей, надо показать, что всегда <идеи производят соотве[тствующую]> потребность переселения репейника или <разнесения> идей суть причины соответствующих событий.

⁴ *Зач.:* только очевиднее всего доказывает неизбежность понятия власти для объяснения исторических явлений.

Без понятия власти <невозможно объяснить никакого исторического явления, иначе> при существующем приеме истории — описывания единичных людей, а не *всех* вместе, нет возможности объяснить ни одного исторического явления. Если же понятие это есть та

деятельности и говорят, что этот признак есть причина. Но, несмотря на все их старания показать, что причина события лежала в умственной деятельности только *avec beaucoup de bonne volonté*,¹ как говорят французы, можно найти какую-нибудь связь между умственной деятельностью и движением народов, ибо явления, как французская революция, то есть жесточайшие убийства, вытекающие из проповедей о равенстве человека, и злейшие войны и казни, вытекающие из проповеди учения любви, не подтверждают этого предположения. Несомненно существует связь между всем одновременно живущим; и потому есть возможность найти некоторую связь между умст[венной деятельностью] людей и их историческим движением, точно так же, как эту связь можно найти между торговлей, ремеслами, садоводством и чем хотите и историческим движением людей. Но почему умственная деятельность людей представляется историкам культуры не одним из признаков, а причиной или выражением всего исторического движения, весьма трудно понять, если не принять в соображение того, что: 1) история пишется учеными и потому естественно им кажется, что деятельность их сословия есть основание всего движения всего человечества, как это кажется купцам, земледельцам, солдатам (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишут истории) и 2) того, что *умственная, духовная деятельность, просвещение, цивилизация, культура* суть все понятия неясные, неопределенные, под знаменем которых весьма удобно употреблять слова, как достоинство личности,² духовное развитие и т. д., имеющие еще менее ясного значения и потому легко подставляемые под всякие теории.

Но, не говоря о внутреннем достоинстве этого рода историй (может быть, они для кого-нибудь и для чего-нибудь нужны), истории этого рода, к которым начинают более и более сводиться все общие истории, знаменательны тем, что они совершенно откровенно отстраняют главный вопрос исторический о том, какой силой производятся события, и говорят о том, что для них кажется занимательным.

Единственная связь, посредством которой могут быть понимаемы исторические события, есть понятие о власти и потому понятие это должно быть ясно определено и всеми понимаемо одинаково.

Между тем под понятием этим понимаются различными историками совершенно различные вещи. Одни видят в нем силу, непосредственно присущую героям, другие силу, производную из других некоторых сил, третьи — умственное влияние вместе с властью [?] [*1 неразобр.*], так что весьма вероятно, что ни те, ни другие, ни третьи ничего определенного не понимают под ¹ [с большим усилием,]

² *Зачеркнуто:* право представительства

этим понятием, а употребляют его по старой привычке, признанием божественной власти, предполагая, что сущность этой власти сама собой разумеется.

До тех пор, пока пишутся истории отдельных лиц, будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не история *всех*, без одного исключения *всех* людей, принимающих участие в событии,

[*Далее от слов:* Историческая наука до сих пор по отношению к вопросам человечества *кончая:* охотников серьезных книжек, как они это называют *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. III.]

* № 339 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. II—IV).

¹Так, хотя и весьма вероятно, что лица, не писавшие своих мемуаров и о которых не писали мемуаров, и имели участие в истории так же, как и те, которые писали, мы видим, что главное место в истории занимают всегда те, о которых было много писано.² Но в этих историках, кроме общего с первыми двумя отделами разногласия и взаимного уничтожения положений друг друга, основанного на личном взгляде, находится еще существенное противуречие самим себе, основанное на их воззрении на причины исторических событий, и вытекающие из этого противуречия недосказанность, неясность и праздное многословие.³

Противуречие их самим себе состоит в том, что, признавая одновременное участие многих лиц в совершении исторических событий, отыскивая связь и последовательность событий, они изучают деятельность каждого лица, осуждая и оправдывая ее, как выражение свободной воли лица.

Если, как часто и говорит история, исторические лица суть произведения своего времени, вытекающие из связи современных и предшествовавших событий, то изучение свободной деятельности этих лиц не может иметь интереса для истории. Если же люди эти свободны, то всякое понимание связи событий, руководившей их деятельностью, разрушается признанием их свободы. История говорит, например, что Наполеон был произведением своего времени, что причины, образовавшие власть и деятельность Наполеона, лежат и в царствовании Лудовика XIV и его наследников, и в деятельности людей революции, и в отношениях Европы к революционной Франции и т. д. ¹ *Начало — копия вар. № 310 после слов:* оставили по себе письменные памятники (стр. 212).

² *Зачеркнуто:* Существенное же противуречие этих историков лежит в самом взгляде их на делателей истории.

Вместо вач. вписан текст до конца абзаца.

³ *Зач.:* всегда служащее признаком неясной срединности основного положения. *Далее до конца абзаца — текст исправленной той же копии. Затем зачеркнут текст копии, кончающийся словами:* что было хорошо и что было дурно (см. вар. № 310, стр. 213) *и вместо этого вписан дальнейший текст до конца варианта.*

Стало быть, взяв крупнейшие события, не было бы Лудовика XIV с его свободной деятельностью — не было бы революции; не было бы свободной деятельности революционных деятелей — не было бы Наполеона; не было бы деятельности Наполеона — не было бы реакции 20-х годов, не было бы движения 30-х и 48 годов. Но, если по мнению историков события так связываются между собой, то можно ли предположить, что бы было, если бы Лудовик XIV, революционные деятели и Наполеон поступали бы иначе, чем как они поступали?

Очевидно нельзя. Ибо предположение о том, что Лудовик XIV, или Робеспьер, или Наполеон изменили бы своей образ деятельности, разрушало бы всю эту видимую историками связь между событиями. Допущение же того, что исторические деятели могут поступать дурно или хорошо — есть допущение свободного произвола исторических лиц или, другими словами, предположения о том, что бы было, если бы Лудовик XIV, Робеспьер, Наполеон поступили бы не так, как они поступали. Это странное противуречие встречается на каждом шагу в новой истории, где историк старается показать необходимую связь между деятельностью многих лиц и между прочим сам разрушает эту связь, осуждая, оправдывая каждое историческое лицо, и делая предположения о том, что бы должно было сделать в таком и таком случае такое и такое лицо. Противуречие это до такой степени бросается в глаза, что многие мыслящие историки бессознательно и бездоказательно (так как верование древних отвергнуто) приходят к тому же фатуму, управляющему не одними царями, но всеми историческими деятелями, приводя их воли и совпадения к одной цели. Казалось бы странным существование очевидного противуречия без попыток разрешения его, ежели бы на это не было важной нравственной причины. Причина эта лежит в идеале, который себе ставит и от которого не хочет отречься история. Если бы история не признавала за собой знания целей, к которым движется человечество, противуречие это никогда бы не существовало; ибо, не зная того, хорошо или дурно то, что Лудовик XIV разорил свое государство, нам бы никогда не представился вопрос о том, мог ли или не мог он поступить иначе. Мы бы, отыскав место, которое он занимал в связи общих событий, сказали бы только, что он исполнил свое историческое призвание. Вопрос же о том, был ли он хороший или дурной человек, был бы вопросом для этики, психологии, но не для истории. Признав же за собой знание целей истории без участия божества, всякое историческое лицо подлежит нашему суждению по мере того, как это лицо содействует тем целям, которые мы предполагаем. И в этом мерянии на эту нашу условную меру деятельности исторических лиц заключается 99/100 всех исторических изысканий и в этом-то мерянии лежит источник внутреннего противуречия. Гервинус, например, говорит о Наполеоне, 280

как о произведении своего времени, но вместе с тем он говорит, что Наполеон, спасший Францию, должен был воспитать свой народ для свободы и благоденствия, а вместо того он, отступив от своего призвания, увлекся завоеваниями и т. д. Историк известно, стало быть, благо народов и призвание Наполеона и потому завоевательная деятельность Наполеона произведена только ложно направленной волей Наполеона.

Война 12-го года, по мнению историка, уже не входит в призвание Наполеона и есть случайное явление. Но если революция и Наполеон были произведения своего времени, почему войны Наполеона не суть точно так же необходимые произведения своего времени и причины произведения новых явлений. Возможно ли представить себе новую историю без войн Наполеона? Чем же отличаются действия Наполеона, совершенные по историческому призванию, и противно призванию? Только тем, что историк признает те совпадающими, а те несовпадающими с избранным им идеалом. Мало того, только это представление себе идеала заставляет историка признавать в одних явлениях волю Наполеона, подчиненную общим законам, в других свободную и действующую противно общим законам.

Кроме противуречия самим себе, у общих историков встречается еще невольно поражающая недосказанность. Общий историк, критикуя например частного биографического историка, описывающего освобождение Европы, произведенное по воле Александра I, показывает, что событие это произошло не по воле Александра, а по одновременному участию в этом событии большого количества лиц: и министров, и дипломатов, и германских патриотов, и журналистов, и писателей, и философов, связь которых между собою отыскивает общий историк. Событие, следовательно, представляется мне уже не произведением воли одного человека, непосредственно связанного с событием, но произведением разнородно направленных разнообразных сил, обусловливавших представляющуюся мне прежде причиною волю Александра.

* № 340 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV).¹

Власть эта не может быть той непосредственной властью физической, сильного существа над слабым, основанной на приложении или угрозе приложения физической силы, как власть Геркулеса, ибо Наполеон был² гораздо слабее каждого из ¹ *Автограф над зач. текстом копии*: древних; но как скоро мы отрицаем его, вопрос этот представляется во всем своем громадном значении и <одно постановление вопроса уже есть ответ. Без понятия подчинения божеству воли людей возможно ли влияние воли одного человека на воли миллионов> (см. вар. № 310, стр. 215) и далее зач. автограф: До разрешения его <мы не можем> нельзя сделать ни одного шага в истории. Справедливо ли то, что без непосредственного участия божества воля одного человека может управлять

² *Зачеркнуто*: <слаб> физически слабее

своих солдат. Власть эта, следовательно, должна быть основана на другой силе.¹ Одна часть историков объясняют власть Наполеонов преобладанием силы² нравственной, ума, силы воли.³

Исторические деятели, говорят эти историки, суть герои, то есть люди, одаренные особенной силой души и ума, называемой гениальностью, а воля таких людей имеет силу влиять на воли миллионов.⁴ Но та же история показывает нам, что те же люди-герои, как Наполеоны и Метернихи, управлявшие миллионами,⁵ не имеют никаких особенных свойств силы душевной, а, напротив, большей частью слабее каждого из миллионов, которыми они управляют.

Но, не говоря уже о тех исторических лицах, как Наполеоны и Метернихи, о которых все-таки могут быть разноречивые суждения, не говоря о свойствах расслабляющей среды, в которой неизбежно должны действовать исторические лица,⁶ история показывает нам бесчисленное количество примеров — от Неронов до Лудовиков XI и Пугачевых — людей, имевших наибольшую власть и наименьшее нравственное преобладание, и поэтому власть не может заключаться в нравственном преобладании⁷ воли одного над волями миллионов.

¹ *Зачеркнуто*: Большая

² *Зач.*: духовной

³ *Зач.*: гениальности. *Далее зач. вписанное на полях*: <Не признавая> Признав одинаковую свободу воли за каждым человеком или вовсе не признав ее, предположение это одинаково несправедливо. Если люди одинаково свободны, то воля Наполеона не может насиловать волю миллионов, заставляя их отступать от сущности свободы, добра, заставляя их убивать себе подобных. Если же люди одинаково несвободны, то воля Наполеона должна подлежать одним и тем же законам, которым подлежат и воли других людей, и весь интерес истории переносится с изучения воли Наполеона на изучение тех законов, которым он подлежит вместе с массами.

История предполагает людей свободными. Описывая исторических деятелей, история оправдывает и осуждает их, говоря, что в таком и таком-то случае историческое лицо должно было то-то и то сделать, тем самым предполагая исторических деятелей, как и всех других людей, свободными.

Следующий абзац — второй слой зачеркнутого текста начала предыдущего абзаца.

Если же воли людей не равны по своей силе и воля одного человека может преобладать над другим, то в свойствах этих людей и их деятельности должны быть условия, объясняющие это преобладание.

<Влияние же исторически[х]> И потому влияние исторических деятелей на массы по воззрению истории может быть объяснено только неравенством [*в автографе*: неравенства] силы воли людей и такого преобладания силы духа исторических деятелей над другими, что это-то преобладание духа покоряет себе массы.

И потому объяснение это не может быть допущено. Тем более, что *Далее текст исправленной копии.*

⁴ *Дальнейший текст — автограф вместо зач. текста копии.*

⁵ *В автографе*: миллионы

⁶ *Зач.*: сама

⁷ *Окончание фразы по копии на предыдущем листе.*

Если источник власти лежит ни в физических, ни в нравственных свойствах лица, обладающего властью, то источник этой власти должен находиться вне лица, в тех условиях, в которых оно поставлено. Так и объясняет источник власти исторических лиц наука — государственное право.¹

Наука говорит, что источник власти исторических лиц лежит в том отношении, в которое ставят себя массы к историческому лицу: в отрешении масс от своих личных произволов и перенесении их на избранные словесным или молчаливым согласием исторические лица.²

Теория эта объясняет жизнь народа в мирные периоды времени, во время которых для народов нет истории. Но³ как только являются завоевания, покорения, революции, так теория эта⁴ не может объяснить, почему вдруг совокупность воли переносится с одного лица на другое. Почему совокупность воли французов переносится с Лудовика XVI на Конвент, на директорию, на Наполеона. Почему совокупность воли Рейнского союза и даже России в 1809 году переносится на Наполеона, а потом на Александра, и тому подобные примеры. В подобных случаях теория говорит, что жизнь отстывает от теории и Лудовик XIV и XV виноваты, и Наполеон виноват в том, что совокупность воли перенеслась с него на другого. Теория эта в приложении к истории подобна той теории ботаники, которая, сделав наблюдение о том, что некоторые растения выходят из ¹ *Зачеркнуто*: и другая часть, новая историческая

² *Зач. вписанное на полях*: Несмотря на очевидную продуманность этой гипотезы, ибо из миллионов людей, мнимо отрешающихся от своих произволов и переносящих свою волю на одного человека, редко один имеет какое-нибудь смутное понятие о том человеке, в пользу которого он отрешается от своей воли, допустим это объяснение.

Власть исторических лиц имеет источником совокупность воли масс, перенесенных на это лицо. Гипотеза эта как будто объясняет государственную жизнь одного народа в короткие мирные периоды времени; но как только из области мирной государственной жизни народ переносится в область жизни общей — человеческой, являются бесчисленные неразрешимые вопросы. Воля народов Рейнского союза была ли также перенесена на Наполеона во время его могущества? Воля русского народа в 1809 году имела ли также своим представителем Наполеона? и т. д. Но кроме этих недоразумений является еще другой ряд еще более неразрешимых вопросов. Была ли передана народами власть Наполеону условно <и срочно> или безусловно <и бессрочно>? Если <бессрочно и> безусловно перенесена была на Наполеона воля всех людей, подчинявшихся ему, то тогда одна воля Наполеона была причиной всех переворотов, совершившихся в Европе, и всякое выражение его воли должно было быть исполнено.

Но <мы видим, что> этого не было. Не только во время его падения, но и во время его могущества воля его не только не всегда, но весьма редко исполнялась.

Далее вместо зачеркнутого, судя по следующей рукописи — наборной — следует текст автографа на двух листах.

³ *Зач.*: как только в народе совершаются события, которые нужно объяснить, так теория эта оказывается несостоятельна.

⁴ *Зач.*: ничего

семени в двух листиках, настаивала бы на том, что всё, что растёт, имеет два листика, и дуб, и яблоня, которые распускают свои ветви, цветут и оплодотворяются, только случайно отступили от теории.

Теория эта тем более удобна, что акт перенесения совокупности воли никогда не может быть поверен, так как он никогда не существовал, и потому, какое бы ни совершилось событие, кто бы ни стал во главе события, теория всегда может сказать, что причина того, что такое-то лицо стало во главе власти, было то, что совокупность воли была перенесена на него. С такою же последовательностью можно было бы сказать, что источником власти исторических лиц есть совокупность воли мух или зайцев, переносимых с одного лица на другое. Ежели это совершилось, значит все мухи желали этого. Для того, чтобы теория эта могла объяснять¹ события жизни, а не подводить только события жизни под теорию, необходимо, чтобы теория эта² нашла законы, по которым³ переносятся совокупности воли людей с одних лиц на другие. Теория эта для приложения к истории прежде всего должна разрешить вопрос о том, <бессрочно и> безусловно переносится ли совокупность воли на исторические лица или условно.

Если⁴ безусловно,⁵ то почему происходит то беспрестанно повторяющееся⁶ явление, что похитители всех так называемых людских прав: Иоанн IV, Лудовик XIV благополучно царствуют, а Лудовик XVI и Карл II⁷ свергаются с престолов, почему исторические лица, как нам доказывает обильная матерьялами новая история, не только не исполняют своих предначертаний, но исполняют их совершенно в обратном смысле. Александр I желает освободить крестьян и дать конституцию, Наполеон I желает сделать экспедицию в Англию и т. д. и не делают того, чего желают, а делают совершенно обратное.

Если же совокупность воли переносится на исторические лица⁸ условно,⁹ то необходимо¹⁰ объяснить, какие те требования масс, под условиями которых они переносят свои воли на исторические лица, необходимо найти законы, а не после того, как событие совершилось, более или менее остроумно придумывать, почему оно совершилось.

¹ *Зачеркнуто*: что-нибудь

² *Зач.*: объяснила

³ *Зач.*: изменяются

⁴ *Зач.*: бессрочно и

⁵ *Зач.*: как полагают некоторые историки, полагая весь интерес истории в описании деятельности героев,

⁶ *Зач.*: в истории

⁷ *Так в рукописи.*

⁸ *Зач.*: срочно и

⁹ *Зач.*: то, как думают новейшие историки

¹⁰ *Зач.*: определить те сроки и условия, которые назначаются историческим лицам, необходимо

VIII

¹Единственное объяснение, которое можно найти в туманном и неопределенном воззрении новой истории на отношение исторических лиц к массам, состоит в² следующем:

Одни историки, преимущественно частные историки, в простоте душевной не понимая вопроса о значении власти, признают как будто то, что совокупность воль масс переносится на исторические лица безусловно и потому исторические лица составляют весь интерес истории и суть причины событий. Но сама новая история обилием своих матерьялов разрушает этот первобытный взгляд на историю. В древней истории взгляд этот еще возможен, так как из существующих источников не видны те влияния, которые руководили волями исторических лиц, и не видны те бесчисленные противоречия и неисполнения предначертаний, которые видны в деятельности лиц новой истории. В новой истории очевидно, что воля Наполеона не могла быть исключительной причиной событий; ибо если воля его была причиной похода 12 года, то та же причина должна была производить и те же следствия. А мы видим, как в этом случае, так и во всех событиях новой истории

* № 341 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV—VI?).³

Взгляд историков, отступающих от первоначального воззрения, что исторические деятели могут непосредственным своим влиянием руководить волями масс, и признающих то, что исторические лица, хотя и свободно действуют, суть, однако, выражения своего времени — взгляд этот в его точном определении будет состоять в следующем:

Воля исторических лиц не всегда производит события; но тогда только, когда другие условия (число которых бесконечно) делают исполнение воли исторического лица возможным. Исторические условия вырабатывают одну определенную форму, в которую по воле исторического лица выливается событие.

Если форма события, путь, по которому движется человечество, определяется не волей исторического героя, то и вся деятельность его представляется только силой, не имеющей в самой себе ни формы, ни направления.⁴ Сила же одного лица, ограниченного условиями исторической жизни,двигающая массами без признания божества источником этой силы — еще более противна разуму, чем сила, совершенно свободная, и ¹ *Зачеркнуто*: В неопределенности и туманности воззрений новой истории на то отношение, которое существует между историческими лицами и массами

² *Зач.*: том, что власть исторических лиц основана на совокупности воль, переносимых с масс на историческое лицо.

³ *Автограф на полях копии конца текста вар. № 310 после слов*: мы видим, что отдаляемся от цели (*см. стр. 223*).

⁴ *Зач.*: и потому не представляет интереса для изучения.

сила эта, как нам показывает история, лежит в массах. Сила лежит в массах, форма определяется не волей исторического лица. В чем же значение этого лица?

Итак, рассматривая утвердившееся предание о том, что воля единичных людей производит движения масс без участия воли божества, мы пришли к заключению, что влияние единичной воли на многие противно законам разума, не подтверждается опытом и что деятельность исторических лиц не может служить ни безусловным, ни условным выражением деятельности масс. Но связь между деятельностью исторических лиц и деятельностью масс несомненно существует.

* № 342 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

¹Другие историки признают, что воля исторических лиц основана на условной передаче им совокупности воли масс, что воля этих людей не есть исключительная причина событий, но совершается только тогда, когда совпадает с волями масс.

Но если так, и причина событий лежит не в воле исторического лица, а в воле масс, то в чем же заключается интерес исторического лица?

Исторические лица, говорят эти историки, выражают собой волю масс, деятельность исторического лица служит представительницею деятельности масс.

Но в таком случае является вопрос, вся ли деятельность исторических лиц служит выражением воли масс или только известная сторона ее? Если вся деятельность исторических лиц служит выражением воли масс, как то и думает большая часть историков, то биографии Наполеонов, Екатерин со всеми подробностями придворной сплетни служат выражением воли народов, что есть очевидная бессмыслица; если же только ¹ *Зачеркнуто*: <Новая история по неопределенности своего <воззрения и> приема, та самая, которая выработала этот взгляд на исторических деятелей, <иногда> то как будто признает <иногда как будто>, то как будто не пр[изнает] <его, в сущности же своей отрицает его>.

Новая история как будто признает то, что <исторические лица суть только выражения> воля исторических лиц не есть причина событий, что воля эта исполняется только тогда, когда она совпадает с другими причинами <и что потому исторические лица суть выражения своего времени>.

Но, казалось бы, признав это, история бы должна была <отрешиться> от изучения этих лиц перейти к изучению тех <сил, которых лица эти служат необходимым выражением> причин, по которым исполняется или не исполняется воля исторического лица; но история не делает этого.

Она <продолжает изучать ист> присоединяет только к тем немногим лицам владык мира, составлявшим прежде интерес истории, еще новых деятелей: писателей, ораторов, философов, художников (всё, что оставило по себе памятники) и рассматривает всех этих людей, как свободных деятелей истории, оправдывая и осуждая их, смотря по предвзятому историком идеалу.

В ответ на запросы человечества о законах видоизменения масс история продолжает отвечать описанием исторических деятелей.

одна сторона деятельности исторических лиц служит выражением жизни народов, как то и думают другие [*1 неразобр.*¹] философы, историки, как Гервинус, то² для того, чтобы определить, какая сторона деятельности исторического лица выражает волю народа, нужно знать прежде волю народа. Это самое и делают историки. Когда событие совершилось, историки эти совершенно произвольно придумывают какое-нибудь отвлечение (не имеющее определенного значения и главное неосязаемое), как то:³ величие российского, римского, французского государства, конституционализм и т. п., ставят это отвлечение за цели истории. И тогда по мере содействия исторического деятеля этому известному отвлечению, историки предполагают, что в⁴ достижении этой неопределенной цели состоит деятельность масс.

* № 343 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. IV, VI?).⁵

Третьи историки признают, что воля масс переносится на исторические лица условно и неопределенно, что условия эти⁶ заключаются в общем движении человечества к⁷ достижению известной цели и что условия эти известны, так что как скоро историческое лицо отстает от этой программы, которую молчаливым согласием предписала ему воля народа, так оно лишается власти.⁸ Но в чем состоят эти условия, историки эти не говорят нам, и если говорят, то постоянно противуречат один другому.

Каждому историку, смотря по его взгляду на то, что составляет цель движения⁹ народа, представляются эти условия то в¹⁰ величии Франции, то в богатстве, то в просвещении и т. д. Но, не говоря уже о противуречии историков о том, какие эти условия, не говоря о том, что все эти программы придумываются после совершения события, допустив даже, что существует одна общая всем программа этих условий,¹¹ исторические факты почти всегда противуречат этой теории. Если условия, под которыми передается власть, состоят¹ *В копии, сделанной с этого автографа С. А. Толстой, слово разобрано: мнимо Однако можно прочесть: многие*

² *Зачеркнуто:* необходимо прежде знать, в чем состоит воля народа.

³ *Зач:* <свободу, равенство, цивилизацию, уничтожение феодализма> <падение в> свободу, равенство, цивилизацию.

⁴ *Зач.:* этом

⁵ *Автограф вместо зачеркнутого текста копии от слов:* что воля этих людей не есть кончая: интерес исторического лица? (*вар. № 342, стр. 286*).

⁶ *Зач.:* неизвестны

⁷ *Зач.:* прогрессу, просвещению и что люди эти всегда служат представителями этого движения

⁸ *Зач.:* Если условия эти известны, то желательно бы было знать, в чем они состоят. Но история не показывает этого.

⁹ *Зач.:* человечества

¹⁰ *Зач.:* равновесии [*1 неразобр.*], то в национальности, то в прогрессе цивилизации и т. д.

¹¹ *Зач.:* состоящая в равенстве, свободе, просвещении и т. д.

в¹ благе народа, то почему Лудовики XIV, и Иоанны IV спокойно доживают свои царствования, а Лудовики XVI и Карлы II казнятся народами?²

Историки этого разряда, встречаясь с такого рода противуречиями своей теории,³ или говорят, что деятельность Лудовика XIV, противная программе, отразилась на Лудовике XVI, не определяя срока, в который должны отражаться отступления от программы, или еще проще⁴ говорят, что революция, междоусобие, завоевание было произведением ложно направленной воли одного или нескольких людей, так что историческое событие представляется ими отступлением от теории.

Теория эта в приложении к истории подобна той теории ботаники, которая, сделав наблюдение о том, что некоторые растения выходят из семени в двух долях-листиках, настаивала бы на том, что всё, что растет, растет только раздвояясь на два листика; и что и пальма, и гриб, и даже дуб в своем полном росте, разветвляясь и не представляя более подобия двух листиков, отступают от теории.⁵

* № 344 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. V, VIII—XI).

⁶Одно из самых обыкновенных заблуждений человеческого ума заключается в признании предшествующего⁷ признака за причину явления.

Когда идет туча и дует ветер по направлению движения тучи, мы говорим: ветер нагнал тучу. Но,⁸ спросив себя, всегда ли, когда дует ветер, он нагоняет тучу, или всегда, когда идет туча, то дует ветер, мы замечаем, что⁹ ветер не всегда нагоняет тучу, но что всегда, когда идет туча, в ее направлении дует ветер, и говорим, что ветер есть только один из¹⁰ предшествующих признаков движения тучи.

Таких примеров исправления ошибки в умозаклчениях можно представить тысячи. В настоящем случае в вопросе о том, что от чего зависит, событие ли от предшествовавших и совпавших с ним слов или слова от последовавшего события, мы,¹¹ убедившись в том, что слова бывают без события, а событие ¹ *Зачеркнуто*: равенстве, свободе, просвещении народов

² *Зач.*: Почему воля народа предпочитает Наполеона Лудовику XVI и Наполеона III Лудовику Филиппу и т. д.

³ *Зач.*: весьма просто

⁴ *Зач.* обвиняя в

⁵ *Далее следует исправленная копия текста вар. № 342 от слов: Исторические лица, говорят эти историки (стр. 286).*

⁶ *Начало — автограф на зачеркнутой копии.*

⁷ *Зач.*: случайного

⁸ *Зач.*: вникнув

⁹ *Зач.*: туча <иногда> не всегда идет против ветра, но

¹⁰ *Зач.*: случайных

¹¹ *Зач.*: поверкой

не бывает без слов, пришли к заключению, что приказание о исполнении события есть только¹ один из предшествующих признаков. Ход рассуждени[й] наш был точно такой же, как и во всех других подобных случаях, но заключение наше все-таки не имеет той убедительности, которую имеет заключение о ветре и туче.

Причина неубедительности нашего заключения лежит в том, что то, что мы назвали² одним из предшествующих признаков, есть не внешнее явление, а есть сам человек.

Пускай вы называете это³ предшествующим признаком, ответят мне, а я все-таки несомненно знаю, что я велел, и дерево было срублено, и потому я чувствую, что Наполеон велел, и дано было Бородинское сражение. Я знаю, несомненно знаю, что я мог сделать или не сделать, то или другое и потому предполагаю, что Наполеон, подобный мне человек, был также свободен.⁴

Вопрос о понимании истории, следовательно, сводится на вопрос о воле.⁵

Свободен или несвободен человек, вот страшный вопрос, который задает себе человечество с самых различных сторон: физиология, психология, статистика, зоология даже принимает участие в борьбе. «Свободы нет», говорят одни, «человек подлежит законам материи».

«Свобода есть; душа, составляющая сущность человека — свободна», говорят другие.

Посмотрим с точки зрения истории на вопрос свободы или несвободы человека.⁶

Вопрос этот, который косвенно пытаются разрешить естественные науки, не призванные к разрешению его, вопрос этот для истории представляется вопросом жизни и смерти.

Все противуречия, неясности истории,⁷ тот ложный путь, по которому она идет, описывая единичные лица как представителей масс, основаны не столько на трудности уловить движение масс, не столько на предании взгляда древних на историю, не только на ложном стыде признания в своем незнании, сколько на страхе разрешения этого вопроса.

¹ *Зачеркнуто*: случайный

² *Зач.*: случайным признаком

³ *Зач.*: случайным

⁴ *Зач.*: Что ж говорила история?

⁵ *Зач.*: Или я должен допустить, что миллионы свободных волей покоряются одной или наоборот.

Допустив свободу воли Наполеона, приводящего к убийству миллионы, я должен отрицать свободу миллионов, и это самое говорит история.

Далее зач. текст копии вар. № 314, кончая словами: великое слово, стоящее на пути истины (см. стр. 231).

⁶ *Далее автограф вместо зач. копии вар. № 314 (стр. 231).*

⁷ *Зач.*: основаны

А между тем без разрешения вопроса о свободе воли человека,¹ составляющего сущность исторических изысканий, история не может сделать ни одного шага. Если Карл IX, обладая свободной волей, мог приказать Варфоломеевскую ночь, Наполеон — убийство пленных, то не жертвы, а убийцы были лишены свободы, так как они отступали от сущности свободы.

Если же Карл IX и Наполеон вместе с другими подчинялись общему закону необходимости, то они не имели свободы и причины убийства лежали не в их воле. Казалось бы, необходимо признать последнее, но страх перед признанием закона необходимости останавливает историю, и она останавливается на половине дороги, признавая свободную волю для исторических лиц и закон необходимости для масс.²

Единственный выход из этого положения есть разрешение вопроса о свободе воли человека для истории.

Рассматривая отношение деятельности исторических лиц к массам, мы нашли: 1) что влияние воли исторических лиц на массы без признания божественного вмешательства³ невозможно и в действительности не оправдывается, 2) что деятельность масс не выражается деятельностью исторических лиц, 3) что очевидная связь, существующая между деятельностью исторических лиц и деятельностью масс, состоит в ряде отношений, выражений воли некоторых лиц с рядом событий и 4) что выражения воли исторических лиц находятся в зависимости от событий и относятся к ним, как необходимые предшествующие признаки.

Но, придя к этому заключению, мы нашли, что то, что к событию относится как предшествующий признак, есть сущность самого человека, его я — сознание свободы. Выводу нашему противуречило не рассуждение, а непосредственное сознание. Я знаю, что я могу сказать и сделать то и то-то и потому знаю, что я, сказав или сделав то-то и то-то, был свободен.

Сознание того, что я есмь свободен, есть сознание, которое не может быть ни доказано, ни опровергнуто разумом; но сознание того, что я был свободен, есть понятие и потому подлежит разуму. Если человек говорит: я знаю, что был свободен, он делает умозаключение. Я свободен в момент настоящего, прошедшее было настоящим в то время, как я совершил поступок, следовательно я был свободен, следовательно мог поступить так, как поступил, и иначе. Не рассматривая сознание свободы и даже самую сущность рассуждения, принимая его¹ *Зачеркнуто*: на каждом шагу встречающегося в истории, наука

² *Далее текст автографа на двух отдельных листах кончая словами*: не могло быть другое (см. стр. 292).

³ *Зач.*: ничем не может быть объяснено

справедливость, рассмотрим свойства убедительности этого рассуждения. Всегда ли бывает одинаковая степень убедительности в свободе моего прошедшего поступка? Поступок, совершенный мной минуту тому назад при приблизительно тех самых условиях, при которых я нахожусь тогда, когда обсуживаю¹ мой поступок, представляется мне несомненно свободным, но если² я обсуживаю поступок, совершенный месяц тому назад, я, находясь в других условиях, невольно признаю, что были известные влияния, руководившие моей волей, и уже свобода моя представляется мне не столь полною. Ежели я перенесусь воспоминанием к поступку, еще более отдаленному за 10 лет, то тогда влияния, руководившие моим поступком, еще очевиднее представятся мне, и полная свобода моя уже не будет так несомненна. Чем дальше назад буду переноситься я воспоминанием, неизбежно дойдя таким путем до детства, я убежусь, что чем дальше я вспоминаю свой поступок, тем рассуждение мое о моей свободе становится сомнительнее. Точно ту же прогрессию убедительности об [?] участии свободной воли людей в общих делах человечества мы найдем и в истории. Совершившееся современное событие представляется нам несомненно произведением воли известных людей, но³ в событии более отдаленном мы, кроме воли людей, видим уже другие условия, влиявшие на волю этих людей. И чем дальше мы переносимся назад в рассматривании событий, тем менее произвольными представляются исторические события. Наполеоновские войны⁴ еще представляются нам произведениями воли героев, но в Крестовых походах мы уже замечаем общий закон, руководивший массами. В переселении народов никому уже не приходит в голову, чтобы Аттила был причиной того движения. И чем дальше, тем меньше видна свобода людей. И как в жизни человека, отдаляя и отдаляя период наблюдения, где мы приходим к детству, к зародышу, очевидно лишенному произвола, так точно в истории человечества мы приходим к изысканиям сравнительной филологии и геологии, в которых уже не может быть никакого места⁵ свободной воле.

Чем дальше развивается перед нами полотно прошедшего, тем яснее обозначаются те правильные линии, один конец ¹ *В рукописи:* обсуживая

² *Зачеркнуто:* прошло несколько часов, условия, при которых я находился, изменились

³ *Зач.:* событие более отдаленное представляется уже нам последствием

⁴ *Зач. бывший на этом листе отрывок другого автографа:* В чем же состоит она: <слова> приказание ли зависит от события или событие от <слов> приказания? Для того, чтобы рассматривать эту зависимость, должно прежде ясно определить себе, что мы разумеем под приказанием и событием. Мы видели, что приказание — это слова. Событие — это физическое движение человека или людей. Слова

⁵ *Зач.:* произволу

которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых находится наша свободная воля.

Итак, сознание свободы, как сознание, не подлежит ни доказательствам, ни опровержениям разума; но рассуждение о свободе нашей в прошедшем находится в зависимости от времени, так что [чем] меньше период, отделяющий настоящее от предмета обсуждения, тем полнее нам представляется наша свобода.

В чем состоит эта зависимость свободы от времени? Я свободен, сознание говорит мне это. Свобода есть сущность моего существования. Без свободы не может быть¹ жизни. Я свободен в каждый момент настоящего. Но свободен ли я в прошедшем? Мог ли я или не мог сделать тот или другой поступок? Могу ли я или не могу в настоящий момент поднять или не поднять руку? Я хочу поднять. Я поднимаю ее. Но я спрашиваю себя, мог ли я не поднять руку в тот прошедший уже момент времени.

Чтобы убедиться в этом, я в следующий момент не поднимаю руку. Но я не поднял руки не в тот первый момент, когда я спросил себя о своей свободе. Прошло время, удержать которое было не в моей власти, и та рука, которую я тогда поднял, и тот воздух, в котором я тогда сделал то движение, уже не тот воздух, который теперь окружает меня, и не та рука, которой я теперь не делаю движения.

Тот момент, в котором совершилось первое движение, уже невозвратим, и в тот момент я мог сделать только одно движение и, какое бы я ни сделал движение, движение это не могло быть другое.²

То, что я в следующую минуту не поднял руку, не доказало того, что я мог не поднять ее, так же как и не доказало того, чтобы я мог поднять ее в следующий момент.

Сознание говорит мне, что в настоящий момент я могу сделать всё, что я хочу, но рассуждение, обсуживающее совершившийся поступок, говорит мне, что так как движение мое могло быть только одно в один момент времени, то оно и не могло быть другое.

Сознаваемая человеком свобода закована временем. Понятие свободы вне времени вытекает из суждения о прошедшем акте и представлении возможности совершить другой акт. Если я говорю: я дурно сделал это вчера, я говорю только, что я могу себе представить другой поступок в тот же момент времени. Следовательно то, что мы называем свободой в прошедшем, есть только наше представление.

И свободы в прошедшем не может быть.

Мы сознаем только один, бесконечно малый момент свободы в настоящем.

¹ *Зачеркнуто:* и мысли

² *Далее текст исправленной копии.*

В прошедшем же свобода человека есть только наше ложное представление.

Вопросы о том, что есть этот бесконечно малый момент свободы в настоящем, как оно относится к божеству, может ли оно быть вне времени — суть вопросы философские. Но вопрос ограничения свободы временем есть вопрос исторический. Историк рассматривает человека во времени.

Свобода человека, как момент настоящего, не относится до истории. История имеет дело с прошедшим.¹

В прошедшем же² свобода человека есть только ложное представление.

И для истории человек подлежит закону необходимости.³

Итак,⁴ новая история без верования в непосредственное участие божества в исторической деятельности народов,⁵ продолжая изучать только единичных исторических лиц, допустила влияние этих лиц на массы. Влияние это не объясняется разумом и опровергается самой историей. Лица исторические не руководят массами и даже не выражают своей деятельностью деятельность масс. Связь, существующая между выражением воли исторических лиц и движением масс, заключается только в зависимости предшествующего выражения воли какого-нибудь лица от события. Свобода человека ограничена временем. Свобода человека в прошедшем есть только ложное представление. История имеет предметом прошедшую деятельность людей и потому не может рассматривать людей иначе, как несвободными.

Последнее положение о несвободе человека в истории служит объяснением всех недоразумений истории.

Если история допускала, что единичные люди могли управлять массами, то основанием этого воззрения служило только признание за этими людьми свободы, не ограниченной временем, свободы вне времени, то есть божественной свободы.

Если история, описывая деятельность людей, осуждала и оправдывала их по степени совпадения их деятельности с предвзятым идеалом, то основанием их воззрения было признание свободы человека в прошедшем, то есть возможности поступить так или иначе.

¹ *Зачеркнуто*: Свободы же в прошедшем не существует и не может существовать, и потому история не может рассматривать людей иначе, как несвободными и подлежащими общим законам необходимости. И то, что то, что предшествующий признак каждого события есть представление о свободе человека, не должно останавливать историка, так как представление это ложно.

² *Зач.*: человек

³ *Далее конспект на полях след. листа копии*: Общая всем. Значение исторических лиц. Закон большей и меньшей степени свободы.

На основании этого конспекта и след. копии (наборной) дальнейший текст печатается по автографу-вставке на двух листах.

⁴ *Зач.*: история древних об

⁵ *Зач.*: должна была допустить

Если история допускала, что выражение воли человека — приказание — было причиной события, то основанием этого воззрения было признание того, что человек действует свободно вне условий времени.

Если предмет изучения истории ограничивался¹ одним человеком, то основанием тому было признание свободы людей вне времени, так как соединить в одно действие² несколько людей,³ действующих свободно, представлялось невозможным. Признание закона,⁴ ограничение свободы временем в истории уничтожает одинаково и понятие об управлении единичными людьми массами,⁵ и понятие о том, чтобы одно лицо могло быть причиной или даже выражением движения масс.

Все люди во времени владеют только одним, бесконечно малым элементом свободы, следовательно все людские произволы равны между собою и ни один из них не может⁶ быть сильнее другого.

Всякое историческое событие есть произведение одного и того же момента⁷ времени, в котором выразились бесконечно малые элементы свободы всех людей, следовательно все люди⁸ неразрывно связаны между собой каждым моментом времени, и момент деятельности не только одного, но 99/100 всех людей не может объяснить события.

Если на наших глазах 10 человек прикованы на одну цепь, мы понимаем, что изучение движений одного человека или даже 9 не объяснит нам движения всех скованных: мы должны рассматривать движение *всех* скованных, чтобы найти общие свойства или законы их движения.

Если⁹ тело имеет свойства притяжения, то мы не можем иначе найти законы притяжения, как допустив, что *все* частицы одинаково, как бы мы ни дробили их, имеют общее телу свойство.

Люди в истории скованы между собой неразрывной цепью одного момента настоящего для всех, в котором проявляется бесконечно малый, равный друг другу элемент свободы. И потому,¹⁰ рассматривая движение человечества, мы должны допустить, что причины движения лежат в¹¹ двигающемся во времени моменте настоящего, в котором¹² выражаются одинаково ¹ *Зачеркнуто*: несколькими людьми

² *Зач.*: сотни

³ *Зач.*: одаренных

⁴ *Зач.*: необходимости, равную несвободе всех людей

⁵ *Зач.*: и понятие о добре или зле поступков людей

⁶ *Зач.*: влиять более, чем другой

⁷ *Зач.*: свободы, в котором

⁸ *Зач.*: одинаково

⁹ *Зач.*: частицы

¹⁰ *Зач.*: отыскивая законы

¹¹ *Зач.*: бесконечно малой

¹² *Зач.*: <сосредот[очиваются]> закл[ючаются]

все бесконечно малые моменты свободы всех людей. Признав таким образом причиною движения бесконечно малое, мы приходим к убеждению в недоступности для нас причины (как и во всех науках), скрывающейся в бесконечном.

Чем больше мы будем дробить элементы истории, тем недоступнее нам будет представляться причина.

По этому пути шли все науки человеческие. Но, придя к бесконечно малому, математика, точнейшая из наук, оставляет процесс дробления и приступает к новому процессу — суммования неизвестных, бесконечно малых, т. е., отступая от понятия причины, отыскивает закон, т. е. свойство, общее всем неизвестным, бесконечно малым элементам.

Хотя и в другой форме, по тому же пути мышления идут и другие науки. Когда Ньютон выразил закон тяготения, он не сказал, что солнце или земля имеет свойство притягивать, он сказал, что всякое тело, от крупнейшего до мельчайшего дробления, имеет свойство как бы притягивать одно другое. Т. е., совершенно оставив в стороне вопрос о причине движения тел, он выразил свойство, общее всем телам от бесконечно великих до¹ бесконечно малых. То же делают все естественные науки. Они, оставляя вопрос о причине, отыскивают законы, т. е. свойства, общие всем² телам известного разряда.³ На том же пути стоит и история. И если история имеет предметом изучения движение народов и человечества, а не описание⁴ эпизодов из жизни людей, она должна⁵ признать причиной движения бесконечно малое — отрешиться от понятия причины и суммовать бесконечно малые, т. е. отыскивать законы, общие всем бесконечно малым.

С той точки зрения, с которой наука смотрит теперь на свой предмет, по тому пути, по которому она идет, всё дробя и дробя причины явлений, суммирование — это отыскание законов для науки — кажется невозможным и представляется самоуничтожением. Между тем⁶ суммирование это, отыскание общих законов, относящихся до всех бесконечно малых, уже давно⁷ начато, и⁸ те новые основания, на кот[орые] должна стать история, вырабатываются одновременно с самоуничтожением, к которому, всё дробя и дробя причины явлений, идет старая история.

Новые науки эти суть геология, сравнительная филология, география, политическая экономия, статистика.

¹ В рукописи: то

² Зачеркнуто: делениям

³ Зач.: То же

⁴ Зач.: интересных

⁵ Зач.: отрешиться от понятия

⁶ Зач.: пока история так идет

⁷ Зач.: сделано

⁸ Исправлено из: та новая почва, на

* № 345 (рук. № 102. Эпилог, ч. 2, гл. X).¹

²Это отношение включает в себя всю жизнь человека.

Свобода, ничем не ограниченная, в сущности своей вне пространства, времени и причин есть воля,³ сознаваемая⁴ человеком.

Необходимость, как связь пространства, времени и причин, есть разум человека с его тремя законами.

Понятие свободы есть только воля,⁵ в существе своем постигаемая только сознанием, понятие необходимости есть только выражение законов разума.

Свобода воли есть содержание, разум⁶ есть форма.

⁷Воля есть то, что рассматривается,⁸ разум есть то, что рассматривает.

Понимание жизни одинаково невозможно без формы и без содержания.⁹

В действительности в возможности понимания существует только¹⁰ свобода в своем проявлении,¹¹ т. е. воля, рассматриваемая разумом по закону необходимости, т. е. определяемая по законам пространства, времени и причины.¹²

Свобода и необходимость суть взаимно исключающиеся понятия; но свобода ограниченная — воля, проявляющаяся в пространстве, времени и зависимости от причин, и необходимость, не доведенная до последнего конца, то есть закон, разум суть те два данные, из которых составляется¹³ все мирозерцание человека.

Воля, подлежащая законам разума, есть всё, что мы знаем.

Чем более проявления воли понятны для нашего разума,¹⁴ тем более мы знаем.

¹ *Переработанная копия вар. № 322.*

² *Зачеркнуто:* в жизни человека отношение воли к разуму, свободы к необходимости. В этом

³ *Зач.:* человека

⁴ *Зач.:* им, то есть жизнь, закон

⁵ *Зач.:* в сознании

⁶ *Зач.:* необходимость

⁷ *Зач.:* Свобода

⁸ *Зач.:* необходимость

⁹ *Зач. вписанное на полях:* В <действительности> <в возможности, в> соединении своем свобода есть воля, необходимость есть разум.

Воля, как свобода, познается только сознанием.

Разум, как необходимость, познается только <независимо от содержания самим разумом> отвлеченным разумом.

¹⁰ *Зач.:* воля

¹¹ *Зач.:* <в> внешне определяемая законами

¹² *Зач. вписанное на полях:* Понятие <полной> свободы есть только понятие воли в существе своем — в сознании <понятие же большей или меньшей свободы есть только понятие> Понятие <полной> необходимости есть только выражение общих законов разума.

¹³ *Зач.:* весь мир человека.

¹⁴ *Зач.:* т. е. чем более воля огра[ничена]

Понятие большей свободы и меньшей необходимости или меньшей свободы и большей необходимости есть только определение большего или меньшего приложения законов разума¹ [к] воле.

Понятие свободы² существует только в сознании и может составлять предмет наук³ отвлеченных (метафизика, трансцендентальная философия, антропология), свобода же в проявлении своем есть воля, подлежащая законам разума. Признание свободы в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причины есть только отречение от законов разума, есть только признание в своем незнании.

История рассматривает проявление воли человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин, то есть определяет эту волю законами разума, и потому для истории не может существовать понятия свободы.

Для истории существуют только⁴ линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом и на другом конце которых движется в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин сознание свободы людей в настоящем.⁵ Чем далее развиваются⁶ перед нашими глазами⁷ с обоих концов эти фигуры прошедшего, тем очевиднее законы⁸ движения моментов и точек сознания.

Уловить и определить эти законы составляет задачу истории.

* № 346 (рук. № 104. Эпилог, ч. 2, гл. VIII, IX).

⁹Те даже из мыслителей, которые, односторонне рассматривая вопрос, отрицают свободу воли, как Юм, Пристлей, Вольтер — этим самым отрицанием доказывают, что в сознании нашем воля наша представляется свободною,¹⁰ ибо ежели бы она по сущности своей не была бы свободна, она бы и не могла быть ограничена.¹¹

¹ *Зачеркнуто:* к рассматриваемому явлению.

² *Зач.:* <вообще> в проявлении воли

³ *Зач.:* имеющих целью сознание

⁴ *Зач. вписанное:* <Существуют> Движутся перед нами фигуры в линии

⁵ *Зач.:* Познать законы движения этих линий составляет

⁶ *Исправлено из:* развивается

⁷ *Зач.:* этот свиток

⁸ *Зач.:* этих <фигур> линий движения

⁹ *Зач. текст копии:* или трансцендентная воля к жизни Шопенгауера, все без исключения признают ее.

¹⁰ *Зач. в копии:* что воля и свобода в сознании нашем одно и то же *и надписано до конца абзаца.*

¹¹ *Зач. вписанный на полях автограф:* Никакая сила логических доводов, никакой <бесконечный> ряд опытов и наблюдений не могут доказать человеку того, что он не свободен; ибо знание своей свободы <вытекает> получается человеком из совершенно другого источника, чем всякое другое знание: оно получается из сознания, не подлежащего законам разума.

И глубочайший мыслитель, и дикий человек одинаково¹ чувствуют свою свободу и не могут чувствовать иначе.² Несомненным доказательством того, что знание человека о своей свободе вытекает не из разума³ и не подчиняется его законам, состоит в следующем.

Человек познает свое отношение к внешнему миру посредством опыта и рассуждения. Человек, имеющий мало опыта и мало рассуждавший, считает многое возможным. Ребенок думает возможным схватить луну, сдвинуть стену и т. п. И в детстве, и в более зрелом возрасте человек узнает свое отношение к внешнему миру из ряда опытов и рассуждений, узнает, что то, что ему казалось возможным — невозможно и на основании опыта и рассуждения не повторяет попыток невозможного. По отношению к своей свободе опыт и рассуждения точно так же показывают человеку, что всякое действие его предопределено, зависит от его организации, от его характера и действующих на него мотивов, что при тех же условиях и том же характере он неизбежно совершит тот же поступок, но в тысячный раз приступая в тех же условиях с тем же характером, к тому же поступку, человек чувствует себя столь же совершенно свободным, как и до опыта и рассуждений. Опыт и рассуждение⁴ дают человеку знание его сил, то есть его отношения ко всему внешнему миру.

Всякий человек узнает невозможность сдвинуть гору, вдвинуть два предмета в одно пространство,⁵ узнает закон тяготения, непроницаемости и т. п. только из опыта и никогда не повторяет попытки,⁶ невозможность которых ему показывает опыт. Но тот же опыт и рассуждение остаются бессильными против его убеждения о своей свободе. Всякий человек, дикий и мыслитель,⁷ как бы неотразимо ему ни доказывали рассуждение и опыт то, что невозможно представить себе два поступка в одно и то же время, чувствует,⁸ что без этого бессмысленного представления ¹ *Зачеркнуто в копии:* говорят: я могу сказать всё, что хочу, и человек не может говорить *и вписаны след. семь слов.*

² *Зач. в копии:* Ни опыт, ни рассуждения не могут доказать ему противоположного. Несмотря на то, что опыт и рассуждение показывают ему с самых различных сторон, что всякое действие его предопределено, зависимо от внешних условий, что при тех же условиях и том же характере он неизбежно совершает *и вписан новый текст, кончая:* он неизбежно совершит

³ *Зач.:* а из сознания

⁴ *Зач. в копии:* неотразимо достоверно показывают человеку, что он может и не может сделать, показывают, что он не может поймать дым, летать.

⁵ *Далее автограф, кончая:* только из опыта и

⁶ *Далее автограф до конца фразы.*

⁷ *Зач. текст копии:* чувствует себя свободным и необходимо предполагает бессмысленное, именно возможность совершить бесчисленное количество разнообразных поступков при одних и тех же условиях. Мало того: человек не может представить себя и другого человека *и вписано, кончая:* чувствует, что

⁸ *Зач.:* себя вполне свободным

о возможности многих поступков при одних и тех же условиях он не может себе представить жизни.¹

Он чувствует, что как бы это ни было невозможно, это есть; ибо без этого представления свободы он не понимал бы жизни.

Это-то непоколебимое, неопровержимое, не подлежащее опыту и рассуждению сознание свободы² и становится в вопросе свободы воли в противоположность выводам разума, доказывающим закон необходимости.

Человек есть творенье всемогущего, всеблагого и всеведущего бога. Что же такое есть грех? Вот вопрос богословия.

Человек подлежит общим, неизменным законам, выражаемым статистикой. В чем же состоит его ответственность перед обществом? Вот вопрос права.

Поступки человека вытекают из его прирожденного характера и мотивов, действующих на него. Что такое есть совесть? и сознание добра и зла поступков? Вот вопрос этики.³

Человек в связи с общей жизнью человечества представляется подчиненным законам, определяющим эту жизнь.

Но та самая жизнь людей, которая извне представляется подлежащею законам необходимости, находится в человеке, и изнутри⁴ себя он сознает эту жизнь, как свободную волю. Как должна быть рассматриваема эта жизнь, сущность которой есть воля людей, как жизнь свободная или несвободная? Вот вопрос истории.

С одной стороны, разум, основываясь на наблюдении, показывает нам волю людей несвободную, с другой стороны, сознание⁵ говорит нам, что она свободна.

¹ *Зачеркнут текст исправленной копии:* Если бы человек мог убедиться в том, что в следующую минуту он не будет свободен, он перестал бы жить. Все стремления людей имеют только одну цель — поставить себя в такое положение, в котором возможно бы было наибольшее представление различных поступков при одних и тех же условиях. <Следовательно> Очевидно знание человека о своей свободе и всякое другое знание <подчиняющееся опыту и рассуждению, и знание о своей свободе, не подчиняющееся им, имеют два различные источника: источником первого есть разум, другого — сознание> вытекают из двух различных источников. Первое вытекает из сознания, второе из разума. Первое не подчиняется опыту, второе подчиняется ему.

Вместо зач. вписан рукой Толстого текст до конца след. абзаца, после чего снова идет текст копии, кончая зачеркнутым: понятие общей жизни (см. сн. 3).

² *Зач.:* выводимое из него рассуждение

³ *Зач. текст копии:* Человек есть результат многих сил. Каким образом он сознает эти силы? Вот вопрос философии. Рассматривая проявления воли людей в связи с внешним миром и между собой, мы не только видим, что воли людей подлежат законам необходимости, но что и самое понятие общей жизни *Далее следует текст исправленной копии, кончая зачеркнутыми словами:* следовательно, все люди свободны (см. сн. 5).

⁴ *Зач.:* мы чувствуем эту волю свободною.

⁵ *Зач.:* и основанное на нем рассуждение показывает нам людей свободными.

Воля человека¹ подлежит закону необходимости. Воля человека свободна. Эти два положения исключают одно другое. Если воля свободна, то не может быть закона необходимости, если есть закон необходимости, то воля не может быть свободна. И если каждый поступок человека представляется произведением свободной воли, подлежащей закону необходимости, то каждый поступок человека есть непостижимая тайна. Таковою и признает жизнь человека богословие и² метафизика.

В действительности же каждое действие человека, каждое историческое событие, несмотря на существующее противуречие, тем же человеком, который и составляет предмет противуречия, понимается весьма ясно, определенно, без ощущения малейшего противуречия.

Каким образом в действительности в общем понимании явлений человеческой жизни соединяются, сглаживаются или уничтожаются эти два исключаящие друг друга понятия свободы и необходимости?

В действительной жизни с совершенной простотой и ясностью, не ощущая ни малейшего внутреннего противуречия, понимается поступок, как свой, так и других людей. Говоря о³ убийстве, совершенном полудиким человеком, жившим сотни лет до нас, и говоря о своем поступке, совершенном час тому назад и состоящем в том, что из нескольких направлений прогулки я выбрал одно, мы не видим ни малейшего противуречия. Меры свободы и необходимости для нас ясно определены в обоих действиях.

Мне кажется, что ни в одной области мышления, в которых разрабатывался этот вопрос, он не представляется с такою основательностью и потому ясностью, с которой он поставлен здесь по отношению к истории.

Общее умозаключение закона необходимости следующее: всё в мире подлежит законам необходимости. Я есть часть всего мира и потому подлежу закону. Общее умозаключение о свободе следующее: я сознаю свою свободу. Все люди такие же, как и я, следовательно, все люди свободны.

Основания, на которых строятся оба умозаключения, неопровержимы, несмотря на то, что они противуречат друг другу. Соединение этих двух противуречий (субъекта и объекта) составляет неразрешенный узел метафизики; для истории же соединение этих противуречий должно существовать в действительности, ибо если бы соединение этих противуречий было бы невозможно, невозможно бы было и понимание каких бы то ни было исторических явлений. На опыте же мы видим, что ум человеческий понимает их. *Вместо зач. вписано, кончая:* понятия свободы и необходимости?

¹ *Зачеркнуто:* в проявлении своем

² *Зач.:* философия

³ *Зач. в копии:* <падении первого человека, мы не видим ни малейшего противуречия в это[м] представлении. Точно так же ни малейшего противуречия не представляет для нас поступок человека, вышедшего из двери, подумавшего секунду о том, куда ему идти, и пошедшего не налево, а направо.> *и далее во вставке-автографе:* <жестокости> деятельности полудикого, завоевавшего край и жившего *и вписано до конца абзаца.*

В первом случае мы видим большую необходимость и меньшую свободу, в последнем случае большую свободу и меньшую необходимость поступка. В этом практическом воззрении на поступки людей, свобода и необходимость не¹ упускаются из вида и не исключают друг друга, а составляют как бы взаимные разности друг от друга. Так что² чем больше предоставляется необходимость, тем меньшая представляется свобода. И наоборот.

* № 347 (рук. № 104. Эпилог, ч. 2, гл. VI).

Вопрос этот представляется праздным и бессмысленным только для людей, не привыкших мыслить. Вопрос этот кажется³ странным только для тех, для которых странен вопрос, почему яблоко падает вниз, а не вверх.⁴

Каким образом французы, немцы, итальянцы, 600 тысяч человек под предводительством Наполеона пошли грабить и убивать людей России без всякого вызова и без личного чувства страсти?⁵

Кто были эти люди? Крестьяне, мещане, купцы, дворяне, старые, молодые, семейные, холостые, добрые, злые, ученые, невежды, бедные, богатые с разных сторон Европы. Все эти люди не грабили и не резали и не считали этого возможным до тех пор, пока они были дома и не в войске, и перестали резать и грабить тотчас, как они вышли из войска.⁶

История показывает нам, что не только в этом, но во всех подобных случаях⁷ люди делают совокупные преступления, не считая себя виновными, только тогда, когда складываются в известные группы и соединения,⁸ из которых самое очевидное есть войско.

Так как войско есть та необходимая форма, в которой могут совершаться такие действия людей, то мы⁹ для объяснения того, каким образом совершаются совокупные преступления людей, ¹ *Зачеркнуто*: <составляют противу[речия]> исключают друг друга.

² *Зач. в копии*: Во всех действиях людей мы всегда видим известную долю свободы и известную долю необходимости.

³ *Зач.*: столь

⁴ *Зач.*: А между тем, не разрешив этого вопроса, мы не имеем права говорить, что убивать и грабить людей дурно.

⁵ *Зач.*: Кто были эти люди? <Это было войско> Люди эти были <военные> войско, раздробленное на различные слои и разряды, из которых каждый разряд имел своего рода побуждения для совершения того, что они совершили. Кто

⁶ *Зач.*: Но как в этом случае Наполеоновского похода, так и во всех других подобных случаях совокупных преступлений, люди отрываются от дома и складываются в известные группы, составляющие одно общее соединение, называемое войском. И только как члены войска люди получают возможность совершать совокупные преступления.

Наблюдение

⁷ *Зач.*: совокупных преступлений

⁸ *Зач.*: называемые государственной властью, войском.

⁹ *Зач.*: можем не рассматривать

должны рассматривать этих людей не как членов народа, общества, семьи, но как членов войска.

Всякое войско составляется из низших по военному званию чинов — рядовых, которых всегда самое большое количество, из следующих по военному званию, более высших чинов, капралов, унтер-офицеров, которых число меньше первого, еще высших и еще меньших по числу и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается в одном лице. Как государственное, так [и] военное устройство может быть совершенно точно выражено фигурой конуса, в котором основание с самым большим диаметром будут составлять рядовые, высшие и меньшие основания — высшие чины армии и т. д. до вершины конуса, точку которого будет составлять полководец. (Фигура эта, выражающая самое устройство войска, может выражать по отношению диаметра основания конуса к оси и¹ более или менее² сложное или несложное устройство войска.)

Рассмотрим в нравственном смысле отношение различных точек этого конуса войска к совершаемому совокупному преступлению:³ каким образом люди, группируясь в форму войска, отступают от свойств человеческой природы?

Солдат,⁴ пришедший из своей деревни в полк, приучает себя не спрашивать, что и зачем он делает, а делает всё то, что ему скажут. Ему сказали идти — он идет. Ему сказали бить и колоть, он бьет и колет, тем более что его бьют и колют и, совершая самые неслыханные преступления, рассказ о которых ужаснул бы его, он чувствует свое человеческое достоинство обеспеченным. Ответственность его поступков лежит не на нем, потому что он поставил себя в условия необходимости. Таких людей, сложивших с себя всю нравственную ответственность на других, стоящих выше, всегда наибольшее число — это основание конуса.

Унтер-офицер уже приказывает солдату идти и стрелять; он меньше солдата подлежит давлению сил, стоящих выше, и уже большую принимает на себя ответственность. Их меньшее число. И так, уменьшаясь в числе и принимая на себя большую и большую ответственность, идет эта фигура конуса до вершины его. Генерал уже знает, как ему кажется, для чего он приказывает идти корпуса и стрелять, ответственность его больше, и он большую часть ее складывает на вышестоящие лица. Дипломат, объявляющий войны, главнокомандующий, отдающий приказ сражения, стоящий почти на вершине, еще имеет оправдание в воле государя, но государь, составляющий точку вершины, уже несет всю ответственность и должен найти оправдание¹ *Зачеркнуто*: большую или меньшую (связь) зависимость масс

² *Зач.*: непосредственное отношение вершины к основанию.)

³ *Зач.*: по отношению нравственного вопроса:

⁴ *Зач.*: взятый из св[оей]

своему поступку в своей воле и в знании того, что есть добро.

Таково отношение между собой различных точек конуса по нравственной ответственности. Какое будет это отношение по прямому участию лиц в самом совершении совокупного преступления?

[Далее от слов: Солдат, тот самый, который несет наименьшую ответственность, непосредственно сам колет, режет, жжет, грабит, кончая: и несущего наибольшую ответственность. близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. VI.]

Итак, ежели справедлив закон обратного отношения количества людей и ответственности с прямым участием в событии и вершины конусов: полководцы, государи представляют наименьшее участие в событии и наибольшую ответственность, то деятельность этих людей, Наполеона и Александра, должна состоять в бесконечно малом участии в событии и наибольшем из всех людей объяснении, оправдании события.

В нравственном смысле оправдания преступления — войны не может быть постоянного, и потому оправдание это должно быть временное, всегда изменяющееся с изменением событий.

Очевидно, что люди эти, стоящие на вершине конуса, не имеющие оправданий, кроме своей воли, и призванные для оправдания всякого события, должны иметь особые свойства, отличающие их от других людей. Очевидно, что люди должны быть приготавливаемы жизнью для исполнения своего призвания.

Так как мы допустили, что движение человечества совершается по неизвестным нам причинам и для достижения неизвестных нам целей, то деятельность Наполеона и Александра в войнах начала нынешнего столетия имеет для нас интерес только по той соответственности своему назначению, которое мы находим в этих людях.

Как они исполняли свое назначение, как они несли всю ответственность совершившихся событий и как оправдывали их?

II. ВАРИАНТЫ ИЗ НАБОРНЫХ РУКОПИСЕЙ

* № 348 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 1, гл. V, VI).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

¹Весной 1813 года Наташа вышла замуж за Пьера Безухого. В тот же год² старый граф Илья Андреевич <умер от воспаления желудка, оставив после себя долгов вдвое больше, чем стоило всё его состояние>.

В последний год своей жизни старый граф,³ несмотря на всё увеличивавшиеся денежные затруднения, с особенной страстью занимался постройкой *в новом вкусе*, как он говорил, сгоревшего на Поварской своего дома и⁴ весьма сложными предприятиями по винокуренному производству, которые должны были, по его словам, поправить⁵ его дела. Он, очевидно, чувствовал, что затеваемое им невыполнимо, что время его прошло,⁶ но именно вследствие этого он с особенной оживленностью,⁷ как бы обманывая себя, предавался своим предприятиям. Графиня, прежде восстававшая против его предприятий, ¹*Зачеркнуто*: Прошло 7 лет. Зимой 1820 года Наташа, жена Пьера Безухого, гостила со всем своим семейством в имении своего брата. Имение это было заново после разорения отстроенные Лысые Горы, взятые Николаем в приданое за княжной Марьей.

² *Зач.*: совершенно разоренный, но не веровавший в это

³ *Зач.*: поражал всех, знавших его, своей умственной слабостью и детской предприимчивости. С неоплатными долгами в Опекунский совет, с <поданными на него ко взысканию частными векселями> огромным количеством частных долгов, он предпринял постройку *и вписано, кончая*: занимался постройкой

⁴ *Зач.*: по совету Митеньки, в одном из имений винокуренного завода огромных размеров, полагая им *и вписано, кончая*: должны были, по его словам,

⁵ *Зач.*: свои

⁶ *Зач.*: что надобно было жить иначе, но не мог измениться и шел ■прежнюю дорогою *вписано окончание фразы*.

⁷ *Зач.*: и упорством

теперь на всё соглашалась, всё одобряла¹ и даже иногда показывала вид, что интересуется его² планами.

Именно в то время, когда дела графа так запутались, что³ нельзя было себе представить, чем это всё кончится, если продолжится еще год, он заболел болезнью, прежде проходившей без последствий, и тихо и неожиданно умер.

[Далее от слов: Николай был с русскими войсками в Париже кончая: но старался отдаляться от нее близко к печатному тексту. Т. IV, эпилог, ч. 1, гл. V].

Он в душе своей как будто упрекал ее за то, что⁴ она была слишком совершенна, за то, что⁵ не в чем было упрекнуть ее, а что вместе с тем в ней не было чего-то того глупого, несовершенного, что один только раз проснулось в ней и обмануло его во время ночного святочного катанья.⁶

Он поймал ее на слове в ее⁷ письме, которым она давала ему свободу, и⁸ теперь уже был уверен, что с ней не потеряет ее.

Часто, обдумывая свое положение, он приходил к мысли о том, что единственный, представлявшийся ему из него выход — была женитьба.⁹ Он часто думал, как хорошо бы было, как и говорили ему старые тетушки, сватавшие его — жениться на богатой девушке и вывести мать из этого тяжелого положения.¹⁰

Положение Николая становилось¹¹ хуже и хуже. Мысль о том, чтобы откладывать из своего жалованья, оказалась мечтой. Он не только не откладывал, но, удовлетворяя требованиям матери, должен был мелочам. Он старался избегать прежних знакомых, делать ему было нечего, и скука, нашедшая на него в тех условиях, в которых он находился, переходила в сдержанное отчаяние.

¹ *Зачеркнуто:* <притворяясь верующей в успех его планов и особенно нежна была к нему> и даже иногда как будто интересовалась *и вписано окончание фразы.*

² *Зач.:* предприятиями.

³ *Зач.:* момент, долженствовавший обнаружить несоразмеримость долгов с состоянием, должен был наступить; перед наступлением этого кризиса к графу возвратилась болезнь, прежде проходившая без всяких последствий, от которой он умер *и вписано до конца абзаца.*

⁴ *Далее автограф с исправленной авторской пагинацией: 4, 5, переложенный из другого автографа, на двух листах, кончая словами:* вдруг стало близким, возможным, неизбежным (стр. 308).

⁵ *Зач.:* в нравственном

⁶ *Зач.:* и обмануло его и ввело в неясность с самим собой.

⁷ *Зач.:* отказе

⁸ *Зач.:* боялся, как

⁹ *Зач.:* Но мысль о княжне Марье, <не> как о средстве выдти из этого положения, <когда> никогда не приходила ему. Он понимал, что он мог жениться на какой-нибудь неизвестной ему богатой девушке, но только не на княжне Марье. В отношении ее у него были другие чувства и, когда мать напоминала ему о ней, он сердито хмурился.

В середине зимы 1813 года

¹⁰ *Зач.:* но в число этих богатых неизвестных девушек он не включал княжну Марью.

¹¹ *Зач.:* так тяжело, что он начал

II

¹В начале зимы княжна Марья,² переехав в Москву, посетила графиню. Николай первый встретил ее. При первом взгляде на нее лицо Николая приняло невиданное прежде княжной выражение холодности, сухости и гордости. Николай спросил о ее здоровье, проводил к матери и, посидев пять минут, вышел из комнаты.³

«За что же? Неужели он любит и женится на ней?» сказала она себе, с отчаянием глядя на Соню. «Да что же мне за дело! Я и не ждала ничего», сказала себе княжна Марья, призывая на помощь свою гордость. «Мне совершенно всё равно, что он обо мне⁴ думает!»

Но, посидев с полчаса у графини,⁵ послушав ее потерянные речи, заметив ее отношение к сыну, к Соне, заметив взгляды Сони, богатую обстановку комнаты графини и бедность других, вспомнив потертую венгерку, которая была на Николае, и его строгие и самоуверенные приемы, она⁶ вдруг поняла всё. Так вот отчего он такой. Она была уверена, что поняла всё, но вместе с тем боялась поверить тому радостному объяснению,⁷ которое ей подсказывало ее сердце.

Когда она, засидевшись у графини, выходила от нее, Николай невольно встретил ее, так как его комната была проходная, и, видимо только своими привычками благовоспитанности удерживаемый от грубости, сухо проводил ее до передней. Он ни слова не ответил на ее замечание о здоровье графини. «Вам какое дело? Оставьте меня в покое!» говорил его взгляд.⁸

Княжна после первого посещения очень скоро приехала в другой и третий раз. Николай всё точно так же избегал ее.

— И что она шляется? Чего ей нужно? Терпеть не могу этих нюнь! — сказал он вслух при Соне, видимо не в силах удерживать своей досады после второго ее посещения.

¹ *Зачеркнуто*: В это самое время *и вписаны след. три слова.*

² *Зач.*: <жившая> приехавшая в Москву и узнавшая о Ростовых, приехала к графине. <Прием> <Встреча Николаем> Княжна Марья была поражена той встречей, которую сделал ей Николай *и вписано до конца след. фразы.*

³ *Зач.*: Княжна в первую минуту почувствовала отчаяние, потом, вдруг вспыхнув, она призвала на помощь свою гордость, говоря себе, что она и не ждала ничего другого и что ей *и вписано, кончал*: «Мне

⁴ *Исправлено вместо*: об ней

⁵ *Зач.*: поговорив с этой, почти сумасшедшей <безумной> <помешенной> старухой

⁶ *Зач.*: с своим чутьем нравственного добра, поняла всё и почти (угадала его положение) *и вписано, кончая*: была уверена, что

⁷ *Зач.*: <кот> сухости Николая

⁸ *Зач.*: Робким и вопросительным взглядом княжна смотрела на него, но его взгляд ничего не отвечал ей.

Княжна Марья из городских слухов, из слов Сони и графини¹ теперь убедилась, что первая догадка ее была справедлива.

Она понимала значение этой венгерки, этот гордый, сухой взгляд, эту напряженность в перенесении своего горя, это упорство, которому ему не надо было изменять для того, чтобы² не искать лучшего и не роптать.³

«Так вот он какой! Вот он какой!» говорил внутренний голос в душе княжны Марьи. Она была счастлива. Она теперь только⁴ оправдала себя за свою любовь к нему.

«Нет, я не⁵ один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в нем; я угадала его благородную, твердую, самоотверженную душу», говорила она себе. «Но правда ли, что только оттого, что он⁶ теперь беден, а я богата, он удаляется от меня?» с страхом спрашивала она себя. И, вспоминая иногда мгновенно ласковый взгляд его, который тотчас же переходил в суровость, вспоминая неестественную, незаслуженную холодность, она иногда верила этому. Когда она в третий раз ехала к графине, она обогнала его.⁷ Он возвращался от важного сановника, обещавшего ему другое место в Москве с большим жалованьем. Лицо его было веселее обыкновенного, он что-то шептал сам с собою⁸ и не заметил княжны.

«Как он хорош, благороден, величествен,⁹ как могут люди хладнокровно, без ощущения счастья смотреть на него», думала княжна Марья.

Она сидела у графини, когда Николай вошел в комнату матери. Лицо его было веселее обыкновенного. Восторженно-счастливая улыбка встретила его со стороны княжны Марьи. Он сердито нахмурился¹⁰ и, почтительно поцеловав руку матери, собирался выйти, взглянул на княжну Марью, у нее были слезы на глазах. Она, видимо потерявшись, перебирала ленты своей шляпы¹¹ и то взглядывала на него, то опускала глаза.

¹ *Зачеркнуто*: поняла вполне настроение души человека, которого она любила и *вписано окончание фразы*.

² *Зач.*: жить, как он жил свою молодую жизнь для матери, без надежды на улучшение.

³ *Зач.*: на свое положение.

⁴ *Зач.*: вполне

⁵ *Зач.*: эти усы, лицо его и <откры> молодцоватость, не

⁶ *Зач.*: любит меня, он удаляется и не хочет соединять дело расчета с чувством? и *вписано, кончая*: удаляется от меня?

⁷ *Зач.*: Он шел по тротуару в старой бекешке, опустив голову. Он не заметил ее.

⁸ *Зач.*: и на лице его мелькнула улыбка и *вписано окончание фразы*.

⁹ *Зач.*: казался ей в своем бобровом картузе и немодной бекеше и *вписано до конца абзаца*.

¹⁰ *Зач.*: и, сказав несколько слов, вышел. <Перед> Выходя и *вписаны след. пять слов. Далее* *зач.*: встал и собираясь *исправлено на*: собирался.

¹¹ *Зач.*: Ему стало больно за нее, совестно за себя. Он *и вписано, кончая*: сказал он себе

«Ведь это я ей сделал больно. За что? Какое я имею право?» сказал он себе. Он опять сел и в первый раз, чтоб загладить свою¹ оскорбившую ее грубость, дружелюбно весело разговорился, вспоминая Богучарово и Воронеж.

Когда он вышел провожать ее до передней, он принял опять прежний холодно-учтивый тон. Но княжна Марья² была так счастлива, так взволнована, что она чувствовала неудержимую потребность сказать ему, как она понимает³ его и его преданность матери. Для чего ей нужно было сказать это? — она не знала. После вспоминая это, она даже видела, что это было неуместно, но в ту минуту она чувствовала неудержимую потребность сказать это. И она, робко глядя ему в глаза своим лучистым взглядом, сказала ему.

— Я не принимаю ваших похвал, — сказал он. — Напротив, я беспрестанно себя упрекаю. Но это совсем неинтересный и невеселый разговор.⁴

— Я думала, что вы позволите мне сказать вам это, — сказала княжна. — Мы так сблизилась с вашим семейством, и я думала, что вы не почтете неуместным мое участие к вам и к вашим, — сказала она с слезами в голосе. — Я не знаю, почему вы прежде были откровеннее и.....

— Есть тысячи почему, благодарю вас, княжна, — сказал он⁵ тихо. — Иногда так тяжело.⁶

Как это сказало, почему, даже кто сказал это — княжна не знала. Но, мгновенно отвечая на его взгляд, она сказала:

— Если бы я угадала это,⁷ я бы была счастливейшая из женщин.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу и поняли, что поняли друг друга, и далекое, невозможное вдруг стало близким, возможным, неизбежным.⁸

III

В конце 1813 года Николай Ростов женился на княжне Марье и с женой, матерью, Соней,⁹ Николинькой Болконским и Десалем, его воспитателем, переехал на житье в Лысые Горы.¹⁰

¹ *Зачеркнуто: вину и вписаны след. три слова.*

² *Зач.: чувствовала теперь потребность и вписано, кончая: неудержимую потребность*

³ *Зач.: и ценит*

⁴ *Зач.: сказал он, сердито хмурясь.*

⁵ *Зач.: мягко*

⁶ *Зач.: И он грустным глубоким взглядом посмотрел ей в глаза.*

⁷ *Зач.: почему*

⁸ *Далее автограф на полях, перемежающийся с текстом исправленной копии.*

⁹ *Зач.: (M-lle Bougienne вышла замуж)*

¹⁰ *На полях: <У них умерло 2. Книги.>*

В четыре года он, не продавая имения жены, уплатил¹ остававшиеся долги, и получив² небольшое наследство от умершей кузины,³ уплатил и⁴ долг Пьеру.

Еще через три года, к 1820-му году, Николай⁵ так устроил свои денежные дела, что прикупил небольшое имение подле Лысых Гор и вел переговоры о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту.

Начав хозяйничать по необходимости, хозяйство скоро сделалось для него любимым и почти исключительным занятием.

Он был хозяин простой, не любил нововведений, в особенности английских, которые входили тогда в моду, смеялся над⁶ теоретическими сочинениями о хозяйстве,⁷ не любил заводов, дорогих производств, посевов дорогих хлебов и вообще не входил в мелочи хозяйственных распоряжений.

Идеал его в хозяйстве были все поля, свои и мужицкие, засеянные и убранные вовремя, весь народ в будни от старого до малого на работе, в праздник в нарядных одеждах в церкви и на хороводах, большие крестьянские семьи, много лошадей и скота, дружная барщина и год за год у себя и у мужиков заходящие одонья хлеба.

Главным предметом хозяйства всегда был и будет, а тогда в особенности был, не азот и кислород, находящиеся в почве и воздухе, не особенный плуг и назем, а⁸ то главное орудие, через посредство которого действует⁹ и азот, и кислород, и назем, и плуг, то есть¹⁰ человек-работник.

¹ *Зачеркнуто*: часть *вписано след.* слово и долгов *исправлено на*: долги

² *Зач.*: неожиданное и *вписано след.* слово.

³ *Зач.*: уплатил последнее и всю часть наследства предоставил Пете, продолжавшему служить в военной службе. В <шесть> семь лет, прошедшие со времени его женитьбы, и *вписано, кончая*: к 1820-му году

⁴ *Зач.*: весь

⁵ *Зач.*: <устроил так свои дела, что считался одним из лучших хозяев и самых богатых людей губернии и, главное, считался одним из самых <дельных> лучших хозяев. Он не увлекался теми нововведениями> не только заплатил долги, равные по стоимости всему имению же[ны], но увеличил <даже> это имение, прикупив небольшую деревню около Лысых Гор и собрав небольшой капитал, который он намеревался употребить на исполнение своей любимой мечты — выкупа родового Отрадного и *вписано, кончая*: не любил нововведений,

⁶ *Зач.*: всеми

⁷ *Зач.*: но имел в высшей степени тот такт хозяйственности, который нужен всегда и в особенности был нужен в то время и *вписано на полях до конца абзаца*.

⁸ *Зач.*: тот человек и *вписаны след.* три слова.

⁹ *Зач.*: хозяин и *вписаны след.* восемь слов.

¹⁰ *Зач.*: работник — тогда крепостной мужик. Ежели бы у Николая спросили, в чем состояла его, принесшая столь блестящие результаты теория хозяйства, он не сумел бы сказать; но все действия его показывали, что он <показал, что вся сила в мужике> хорошо и твердо знал, в чем была эта сила. Ему показал это и здравый смысл, и еще более чувство, потому что, наказывая, отдавая в солдаты, заставляя их изо дня в день работать, он любил этих мужиков той сильной, непоколебимой

И Николай любил этого¹ человека и потому понимал его.

Принимая в управление имение, Николай сразу, без ошибки, по какому-то дару прозрения назначал бурмистра, старосту, выборного, тех самых людей, которые были бы выбраны самими мужиками, если бы они могли выбирать, и начальники его никогда не переменялись.

Прежде чем исследовать химические свойства навоза, прежде чем вдаваться в «дебет и кредет» (как он любил насмешливо говорить), он узнавал количество скота у крестьян и увеличивал это количество всеми возможными средствами.²

Ленивых, развратных и слабых крестьян он одинаково преследовал и старался³ изгонять из общества.⁴ При посевах и уборке сенов и хлебов он совершенно одинаково следил за своими и мужицкими полями.

Семьи крестьян он поддерживал в самых больших размерах, не позволяя делиться.⁵

Он одинаково не позволял себе утруждать или казнить человека, потому что ему этого так хотелось, как и облегчать и награждать человека, потому что в этом состояло его личное желание. Он не умел бы сказать, в чем состояло это мерило того, что должно и не должно, но мерило это в его душе было твердо и непоколебимо.

Он любил народ и его быт, и потому он понял и усвоил себе тот единственный путь и прием хозяйства, который приносил хорошие результаты.⁶

любовью, которой любят только *свое*. Всё искусство Николая, приносившее необыкновенные результаты, состояло только в том, что он любил мужика *и вписано до конца след. фразы.*

¹ *Зачеркнуто:* мужика

² *Зач.:* Мироедов, эксплуатирующих бедных, и

³ *Зач.:* исправлять или

⁴ *Зач.:* руководясь при этом только требованиями всего общества.

⁵ *Зач.:* В мелочные подробности хозяйства он не входил; не любил посевов дорогих хлебов, не любил мастеровых дорогого производства: всё было просто; поля засеивались обыкновенными хлебами и луга скашивались во-время. Как благоразумный извозчик <понимая, что конь его> не нуждается в чувствах нежности для того, чтобы <хорошо возить, задает ему корму вволю> холить <кормить> свою лошадь, так и Nicolas делал добро своим мужикам, зная, что они принесут ему наибольшую пользу только в той форме, которая им была естественна и привычна. Если он отказывал своей жене облегчить работу того или другого, если он сам себе не позволял никогда вмешиваться в дела крестьян, то происходило это от того, что форма, в которой ведено было хозяйство, была барщина и, следовательно, облегчая одного, он утруждал других. *Вместо зач. надписан рукой Толстого текст, кончая словами:* в его душе было твердо и непоколебимо.

⁶ *Зач.:* но он счел бы за мечтателя того, кто сказал бы ему, что он добродетельный помещик, заботящийся о благе своих подданных. «Избави господи», говорил он Пьеру, хотевшему внушать ему добродетель, «мне чорт

* № 349 (наборная рукопись).¹

<1—13 л. м. [?] >

2 — не имел бы семьи [?]

3 — не мог быть иным ж никому не может быть приписан.>

<Князь Андрей ненавидит.>

<Стоящий на высшей возможной степени человеческой власти, как бы в фокусе всех исторических лучей, устремленных на его личность,² подлежащий всем тем сильнейшим в мире влияниям власти, лести, обманам, проискам, самообольщению, чувствовавший всякую минуту своей жизни на себе ответственность в жизни многих [?], как, например, Александр I, вознесенный на высшую степень человеческой власти, находящийся в фокусе всех лучей, сосредоточенных на нем, подлежащий каждую минуту своей жизни давлению всей массы людей, к[оторых] он служит представителем, переживающий на вершине событий величайшие перевороты, что это лицо 50 лет тому назад³ не то, что не было добродетельно (за это историки не упрекают), а не⁴>

1) ⁵Прошло семь лет, миллионы людей беднели, богатели, поля не паханы, дома сожжены, люди убиты, торговля переменила направление. Никому в голову бы не пришло, если бы не было истории, что это происходит от Наполеона, Александра. А между тем истори[я], описывая нам этот период, отвечая на невольный вопрос, как это было, отчего всё это было, говорит.....⁶

* № 350 (наборная рук. Эпилог, ч. 2, гл. I).

Во всех сочинениях новейших историков от Гибона до Бокля, несмотря на их мнимое отрицание верований древних,⁷ лежат в основе⁸ эти два неизбежные положения.

¹ После текста наборной рукописи ч. I эпилога на последнем листе (60) — автограф Толстого, носящий характер конспекта.

² Зачеркнуто: испытывающий на себе каждую минуту своей жизни

³ Зачеркнуто: при своих условиях жизни

⁴ Автограф обрывается. На обороте того же листа — новый автограф, видимо одного из начал эпилога.

⁵ Зач.: Нико[му?]

⁶ Зач.: Бессмысленность ответа не требовала бы возражений, ежели бы не было твердо установлено мнение, как мнение о утверждении земли.

Но отчего установилось это мнение? И отчего, если оно ложно, никто не обратил на это внимания?

⁷ Зач.: хотя в другой форме

⁸ Зач. текст исправленной копии: те же верования. Они отвергают мнимое знание древних, ограниченных целей, к которым ведется народ, они не признают того, что иудеям предназначено богом придти в обетованную землю, они отвергают то, что избранные божества божественной силой подчиняют себе волю народа, но говорят то же самое, когда определяют ту цель, к которой идет человечество, и когда описывают деятельность единичных людей, ведущих человечество к этой

* № 351 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. II).¹

<VI>

<Если вы прочтете одну историю Тьера, вам не представятся эти противуречия, всё представляется совершившимся по воле добродетельного, гениального Наполеона для блага народов. Если же когда воля Наполеона отступает от блага народов, то история укажет вам, в чем ошибался великий человек и как, по мнению Тьера, надо было поступить в таком-то случае. Всё покажется ясным, но² если вы прочтете другую историю Lanfrey, всё представится вам в совершенно противоположном смысле. Окажется, что Наполеон был не добродетельный гений, а хитрый и мелочный разбойник. Окажется, что половины того, что по мнению Тьера совершил Наполеон, он вовсе не совершал, а совершал совсем другое. Мало того, окажется, что то, [что] по мнению Lanfrey Наполеон должен был совершить для блага народа, совсем другое, чем то, что Тьер считал нужным для блага народа. Ежели вы притом прочтете еще английские, русские, немецкие истории этого времени, то вам представится неразрешимая путаница как в понимании причин фактов, самих фактов, так и их последствий. Если же вы прочтете общие истории, как историю Шлоссера, Гервинуса, то путаница эта только еще более увеличится. Ибо из чтения этих историков вы увидите, что причина исторических событий лежит не только в деятельности тех нескольких лиц, имевших прямое отношение к событию, в понимании которых происходит такое разногласие в частной истории, но что причины исторических событий лежат в большом количестве лиц, живших и прежде события. В число этих участников истории включаются и писатели, и ораторы, и дамы, и все эти лица и их деяния осуждаются и оправдываются историками, смотря по тому, в чем они видят их связь с событием и в чем они видят благо человечества.>

* № 352 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. IV?).

<VII>

Наполеон приказывает собрать войска и идти на войну. Представление это до такой степени нам привычно, до такой степени мы сжились с этим взглядом, что вопрос о том, почему идут 600 тысяч человек, когда Наполеон сказал такие-то слова, кажется нам бессмысленным.³

цели. (Иногда, смотря по взгляду историка, такими руководителями признаются то цари и министры, иногда философы, публицисты, поэты.) Все исторические сочинения самых различных школ имеют в своей основе эти

¹ *Зачеркнутый текст исправленной копии.*

² *Зач.: если вы имеете смелость думать своим*

³ *Далее автограф над зач. текстом копии.*

Он имел власть, и потому было исполнено то, что он велел.

Ответ этот совершенно удовлетворителен, если мы верим, что власть дана была ему от бога.¹

Но как скоро мы не принимаем этого, необходимо определить, что такое — эта власть одного человека над другими.²>

* № 353 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

<VII>

<Если бы не существовало, сделавшееся привычным нам, воззрение древних на божественное подчинение воли масс одному, рассматривая отношение масс к историческим лицам,³ никому бы не могло придти в голову⁴ предположение о том, что отношение это выражается подчинением масс одному человеку. <Ибо>, признав свободу воли за каждым человеком или не признав ее, предположение это очевидно несправедливо. Если люди одинаково свободны, то воля Наполеона не может насиловать волю миллионов, заставляя их отступать от сущности свободы, добра и заставляя их убивать себе подобных. Если же люди одинаково несвободны, то воля Наполеона должна подлежать одним и тем же законам, которым подлежат воли других людей, и весь интерес истории переносится с изучения воли Наполеона на изучение тех законов, которым он подлежит вместе с массами.

⁵Если бы не существовало исторического воззрения о том, что движение масс⁶ вытекает из деятельности исторических лиц, мы бы прямо рассматривали отношение масс;⁷ но теперь вопрос этот представляется решенным и⁸ потому необходима поверить справедливость этого решения. Справедливо ли, что исторические лица руководят действиями масс.>

* № 354 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. V).⁹

<Передний журавль есть представитель воли всех журавлей, которая, смотря по изменению направления, переносится с одного журавля на другого. Так говорят историки, признающие исторические лица представителями воли масс, которая переносится с одного лица на другое по неизвестным условиям. Теория о перенесении воли масс на исторические лица есть только перифраза, только выражение другими словами слов вопроса.

¹ *Зачеркнуто*: и богом руководима была его воля.

² *Зач.*: и чем руководится эта власть. *Вместо этого надписан на полях и вновь зач. текст следующего варианта.*

³ *Зач.*: я полагаю, что

⁴ *Зач.*: (в наше время)

⁵ *Зач.*: Так что

⁶ *Зач.*: выражается личностями исторических лиц, мы

⁷ *Зач.*: к историческим лицам;

⁸ *Зач.*: мы прежде должны *и вписаны след. два слова.*

⁹ *Зач. автограф на полях копии, л. 25.*

Какая причина исторических событий? Власть. Что есть власть? Власть есть совокупность воли, перенесенных на одно лицо. При каких условиях переносятся воли масс на одно лицо? При условиях¹ выражения в одном лице воли всех людей. То есть власть есть власть. То есть власть есть слово, значение которого нам непонятно.

Одни историки говорят, что исторические лица имеют безусловную власть над массами, не объясняя, что такое эта власть. Другие говорят, что власть исторических лиц зависит от тех условий, под которыми передана эта власть совокупностью воли масс, но не могут объяснить, в чем состоят эти условия.

Третьи историки говорят, что причину движения народов надо искать в цивилизаторах человечества, а не в монархах и полководцах, не имеющих, по их мнению, никакого влияния на события.>

* № 355 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. VI, VII).²

Мы представляем себе целые последовательные ряды этих приказаний как одно вперед сказанное и сразу выраженное приказание. Мы говорим, например (взяв рядом одно сложное историческое событие и другое самое простое, домашнее), мы говорим, что Наполеон захотел и приказал идти войскам на войну, или хозяин захотел и приказал срубить дерево. Говоря это, мы соединяем в одно одновременно выраженное приказание целый ряд последовательных приказаний, зависевших друг от друга.

Наполеон не мог приказать похода на Россию. Он приказал нынче написать такую-то бумагу в Вену, завтра такой-то приказ о заготовлении провианта, о назначении такого-то корпуса и т. д. и т. д., миллионы приказаний, из которых составил ряд приказаний, соответствующих и всегда предшествовавших ряду событий, приведших французские войска в Россию. Хозяин, велевший срубить дерево, точно так же не мог приказать срубить дерево, но он должен был прежде приобрести лес, нанять работника, дать ему топор, послать его в лес, указать на дерево и т. д.

Восстанавливая необходимое условие непрерывности движения во времени, как приказывающих, так и исполняющих, мы видим, что никогда ни одно приказание не появляется самопроизвольно и не включает в себя целого ряда событий; но что каждое приказание вытекает из другого и не относится к целому ряду событий, а только к одному моменту события. Так что, рассматривая отношения приказаний к событиям, мы никогда не можем иметь дело с каким-нибудь приказанием и соответствующим ему событием, а нам доступны только непрерывные ряды приказаний с соответствующими им рядами событий.

¹ *Зачеркнуто: власти*

² *Исправленная копия.*

XI

В чем состоит сущность того, что есть событие, и того, что есть выражение воли человека? Сущность всякого исторического события в самом общем смысле есть проявление физического движения людей. Война есть физическое движение. Самое отвлеченное историческое событие, как, например, освобождение негров в Южной Америке, есть проявление физического движения. Негры, прежде не выходившие из известных пределов, теперь выходят из них. Сущность приказания, закона, распоряжения есть выражение словами воли людей или человека. Два явления эти постоянно, неразрывно связаны между собой — физическому движению, событию, всегда предшествует приписание — выражение воли человека. Следовательно, между двумя явлениями этими должна существовать зависимость. Какая эта зависимость? Всякому событию предшествуют слова, выражающие желание, приписание об исполнении этого события.

Из того, что слова предшествуют всегда событию,¹ мы заключаем, что слова суть причина события.² Но если слова суть причина события, то всякий раз, когда сказаны известные слова, отдано приписание, то событие должно совершиться и приписание быть исполнено. В действительности же мы видим, что 1) слова для того, чтобы быть связанными с событием, должны быть произнесены в один определенный момент времени, предшествующий событию, в противном случае они теряют свое значение;³ 2) что как в истории, так и в обыкновенной жизни, сказанные слова — отданное приписание весьма часто не производят события, а⁴ кроме того 3) мы видим, что слова суть тоже часть проявления движения людей и потому к событию, состоящему в движении людей, относятся, как часть к целому.

Итак, слова не могут быть причиной события, но находятся в зависимости от него.

¹ *Зачеркнуто*: историки обыкновенно

² *Зач. текст копии*: Но ближе всматриваясь в отношения явлений, мы замечаем: 1) что слова, одни слова не производят движения масс, и история показывает нам бесчисленные примеры слов, не производивших никакого действия; 2) что большая часть слов, которые нам выдают за причину события, выдуманы впоследствии, и нам неизвестны подлинные слова, сказанные перед событием; 3) *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая словами*: В действительности же мы видим

³ *Зач. текст копии*: 4) то, что мы видим бесчисленное количество примеров слов, не производивших события, но не видим ни одного примера события без слов, которые бы не относились к нему, как вперед выраженная воля — приписание и 5) то, *Над зач. вписан дальнейший текст до конца абзаца*.

⁴ *Зач.*: напротив, замечаем, что всякий раз, когда совершается какое-нибудь событие, в котором принимают участие несколько людей, событию всегда <предшествуют слова> предшествует выраженная воля <одного из людей> человека или людей, которая относится к событию, как приписание.

Рассмотрим отношение слов к физическому движению в каком бы то ни было событии, в походе ли Наполеона на Москву, или в самом ограниченном смысле, в приказании хозяина срубить дерево.

Мы говорим, что приказание идти на поход 12-го года предшествовало походу и было причиной его. Но когда были сказаны эти слова и какие были те слова, которые решили поход на Москву, мы не видим.¹

Никогда — история показывает нам это — Наполеон не приказывал похода на Москву. Он приказывал нынче написать то-то Саксонскому королю, завтра такому-то корпусу придти туда-то и такому-то отойти туда-то и написать такую-то бумагу Русскому императору и такую-то принцу Олденбургскому и т. д.; но кроме этих приказаний он ежедневно, ежечасно приказывал и, соглашаясь на проекты, разрешал бесчисленное количество действий посторонних и прямо противуречащих намерению идти на Москву. Он постоянно приказывал и разрешал, так как в этом состояла его деятельность. Из числа всех его приказаний те, которые совпадали с необходимым для исполнения моментом времени, исполнились, и из всех его приказаний вышла не экспедиция в Англию, которая была его продолжительной, любимой мечтою, но которая не имела совершиться, а вышел поход на Россию, с которой он считал выгодным быть в союзе. В первом случае приказания его не связались,² а во втором случае приказания эти связались³ в ряд приказаний, соответствующих ряду событий.

То, что должно было совершиться по законам, находившимся вне его власти, совершилось шаг за шагом, и ежели есть целый ряд его приказаний, как бы направленный к этой цели, то точно такие же ряды приказаний можно было найти в его деятельности к совершенно противоположной цели, ежели бы эта противоположная цель была достигнута.

Хозяин сказал слова: срубить дерево, и дерево упало. Стала быть, хозяин велел, и дерево было срублено. Если бы хозяин своими руками срубал дерево, связь его выраженной воли с действием была бы несомненна. Но хозяин сказал слова, и дерева упало.⁴ В чем состоит зависимость слов хозяина к падению дерева. Если бы хозяин один, сидя дома, сказал: хочу, чтоб упало дерево. Упало ли бы оно? Нет. Если бы он сказал приказчику через 10 лет срубить это дерево, упало бы оно череа 10 лет? Вероятно, нет. Если бы хозяин⁵ не имел денег, чтобы¹ *Зачеркнуто*: Эти слова никогда не были сказаны.

² *Зач.*: с событием,

³ *Зач.*: <с ходом событий> с событием

⁴ *Зач.*: И в этом случае надо найти *и вписаны след. три слова.*

⁵ *Зач.*: придя в лес, где рубят, сказал бы: хочу, чтобы это дерево, которое вы пилите, было срублено *и надписано, кончая*: рабочим и т. д.

заплатить рабочим, если бы он не мог придти в лес днем и указать рабочим и т. д., дерево осталось бы¹ не срубленным. Для того, чтобы воля хозяина была наверное исполнена, надо было, чтобы он² имел лес, имел деньги и мог бы придти в лес, когда там рубят, и т. д. Т. е. надо было, чтобы хозяин выразил бы такую волю, которая могла бы быть исполнена. Знать же то, что может и что не может быть исполнено, невозможно не только для Наполеоновского похода на Россию, где принимают участие миллионы, но и для сруба одного дерева; ибо в ту минуту, как хозяин велел срубить это дерево, могли случиться миллионы препятствий. Но кроме того, мы рассматривали приказания Наполеона и хозяина, предполагая их совершенно свободными от внешних влияний, предполагая, что каждое приказание их вызвано было только их волей, тогда как, вникнув в условия, при которых отдавалось приказание, мы видим, что каждое приказание было вызываемо известным обстоятельством, вытекало из предыдущего приказания, тоже вызванного событиями, и что так же, как неразрывной цепью, вытекая одно из другого и не имея начала, связаны между собой все события, так точно связаны и соответствующие ряды приказаний.³

ХII

Ложное представление наше о том, что предшествующее событию приказание может быть независимо от события и потому есть причина события, происходит от того, что мы забываем необходимое историческое условие всего существующего — непрерывность движения во времени. Мы допускаем прерывные единицы событий. Наполеон, говорим мы, захотел и сделал поход на Москву. Но поход из Москвы сделан ли по его воле? — спросим мы. И оказывается, что период взят слишком велик и что воля Наполеона не подходит под весь период. Но ежели мы возьмем период наименьший, воля Наполеона тоже не подойдет под него. В его ли воле, или нет было дать приказание двинуться остальным войскам, когда провиант уже заготовлен впереди и войска находятся в движении? В его ли воле было остановить в середине его Бородинское сражение?⁴

Всегда, когда совершается какое-нибудь событие, ему предшествуют слова, определяющие временное значение этого события. Каким образом являются эти слова? Событие есть деятельность ¹ *Зачеркнуто*: спиленным, а

² *Зач.*: пришел в лес, где рубят, выбрал бы дерево и сказал срубить его *и надписан конец фразы.*

³ *Зач. текст исправленной рукописи*: <Итак, мы видим, что> Событие совершается не потому, что были приказания, а приказания <были даваемы> даются потому, что <совершалось> совершается событие. Приказания суть только известные отражения всякого события.

⁴ *Зач.*: <Итак> Событие не может зависеть от слов, слова же, *хотя* и предшествующие всегда, зависят от события. В чем же состоит эта постоянная зависимость слов от события?

многих людей. В деятельность людей входит и произнесение слов.

[*Далее от слов:* Когда совершается какое-нибудь событие *кончая:* чем более деятельность их направлена на приказывание *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. VII.]

В сложных больших группах людей люди приказывающие совершенно отделяются от людей действующих и исключительно посвящают свою деятельность приказыванию. И чем более они посвящают себя деятельности слов, тем менее они могут принимать участие в прямой деятельности. Чем выше военное звание, тем невозможнее прямое участие. Оратор, производящий и руководящий революционным движением, уже не может идти на баррикады.

При усложнении форм народной жизни люди эти более и более отделяются от масс действующих и составляют особый разряд людей, не принимающих прямого участия в событиях, но исключительно занятых тем, чтобы предполагать всевозможные исходы его и одно из тысяч их предположений оправдывается событием, и тогда оно есть предписание, закон, приказание.

Слова их служат всегда современным оправданием для действий масс. Как бы ни усложнялось, как бы ни убыстрялось движение события, люди, говорящие слова и движимые самым событием, всегда служат предвестниками события и оправданием его; оправданием, которое, как нам показывает история, всегда годно для современной минуты и не имеет смысла впоследствии.¹

XIII

Наблюдение говорит нам, что известные отношения населения к земле и ее богатствам всегда сопровождаются истреблением людей друг друга. [*Далее от слов:* Допуская или не допуская это положение, мы видим, что по известным или неизвестным нам причинам французы начинают топить и резать друг друга *кончая:* совокупные преступления? войны, убийства и т. д.? *близко к печатному тексту.* Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. VII.]

Один человек, совершая преступление, всегда придумывает себе предшествовавшую преступлению причину, соображение, которое, как ему кажется, оправдывает его. Точно то же ¹ *Зачеркнуто вписанное на полях:* <Итак: приказание не есть причина события, ибо из большого количества приказаний исполняются только>

За приказанием весьма редко следует <исполнение его> совершение события. Но когда совершается событие, ему всегда предшествует приказание.

Событие совершается не потому, что были приказания; а приказания даются потому, что совершается событие.

Приказания суть только известные отражения каждого события в области выражения мыслей.

делают сборища людей, предоставляя тем, которые не участвуют в действии, придумывать оправдания. Солдаты шли в Россию потому, что так велено, а велено так, потому что император знает, почему это нужно и полезно. Император же имеет идеал славы.

* № 356 (наборная рукопись. Эпилог, ч. 2, гл. XI, XII).¹

XVII

Если история допускала, что единичные люди могут управлять массами, то основанием этого воззрения служило только признание за этими людьми свободы, не ограниченной временем, свободы вне времени, т. е. божественной свободы.

Если история, описывая деятельность людей, осуждала и оправдывала их по степени совпадения их деятельности с предвзятым идеалом, то основанием их воззрения было признание свободы человека в прошедшем, то есть возможности поступить так или иначе.

Если история считала невозможным изучение деятельности масс, то основанием тому было признание свободы людей вне времени, вследствие чего представлялось невозможным описание миллионов людей, из которых каждый действует свободно, то есть вне закона.

Признание закона ограничения свободы временем уничтожает для истории и понятие об управлении единичными людьми массами, и возможность осуждения и оправдания этих людей.

Признание это восстанавливает возможность изучения деятельности масс.²

Все люди действуют, живут во времени. Момент настоящего для всех и всегда один [и] тот же, следовательно все люди неразрывно связаны и равны между собой.³

Отыскивая причины движения народов и человечества, наука, истории шла тем же путем, по которому шли все науки человеческие.

От крупнейших причин, представлявшихся сначала, при более глубоком вникновении в значение явлений, история постепенно переходила к более и более мелким. Но, чем более дробила история причины явлений, тем конечная причина представлялась недоступнее.

Только доведя дробление до бесконечно малых и потому равных и неразрывно связанных элементов, недоступность причин ¹*Переработка конца вар. № 344 (см. стр. 293), и дальнейших копий гл. XI—XII.*

²*Зачеркнуто вписанное на полях:* всех людей, так как во времени произволы всех людей равны между собою и неразрывно связаны.

³*Зач. вписанное на полях:* <Все люди> Каждый человек обладает только бесконечно малым моментом свободы, следовательно элементы свободы всех людей равны между собою.

совершенно откроется, и вместо искания причины история поставит своей целью отыскание законов.

[Далее от слоёв: По этому пути шли все науки человеческие кончая: мы приходим к законам» *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. XI, XII.]

В первом случае надо было отказаться от сознания несуществующей неподвижности в пространстве и признать не ощущаемое нами движение, в настоящем случае точно так же необходимо отказаться от несуществующей неподвижности во времени, от того сознания, что моя душа нынче такая же, как была вчера и год тому назад.

Как астрономии, науке о крупнейших явлениях, суждено было установить непоколебимость закона всеобщего движения¹ в пространстве, так истории, науке о крупнейших явлениях человечества, суждено установить непоколебимость закона непрерывного движения личности во времени.

Непроизвольность в прошедшем, поучения состоят в следующем. Люди по существенным свойствам своей жизни равны между собою и одинаково свободны. Ни политическое устройство, ни меньшая или большая степень так называемой власти не может ни уменьшить, ни увеличить математическое равенство всех моментов свободы.

Вся политическая деятельность людей, конституции и революции суть только оправдания имеющих совершиться исторических переворотов.

Все оправдания, придумываемые людьми для совершения совокупных преступлений, суть оправдания временные. И никакое преступление против открытых божеством законов добра для человечества не может иметь оправдания.

Допустив положение об ограниченности произвола человека, мы впадаем в фатализм восточных.

В чем состоит фатализм восточных? Не в признании закона необходимости, но в рассуждении о том, что если всё предопределено, то и жизнь моя предопределена свыше и я не должен действовать. Это рассуждение не есть вывод разума, а подделка под характер народа. Ибо если бы возможно было такое рассуждение, то жизнь народа прекратилась бы; а мы видим, что восточные народы живут и действуют. Рассуждение это есть только оправдание известных поступков. Рассуждение это само в себе точно так же несправедливо (в другую крайность), как и рассуждение западных народов о свободе произвола, не ограниченного временем.

Первые принимают ограничение времени полное — нуль свободы; вторые принимают свободу за величину, тогда как она есть только бесконечно малый момент.

¹ *Зачеркнуто:* и тяготения

Мое воззрение не только не исключает свободу человека, но непоколебимо устанавливает существование ее, основанное не на разуме, но на непосредственном сознании. Каковы бы ни были общие законы, управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит человеку. И признание этого ограничения свободы не приведет человека к рассуждению восточных о тщете действий, а, напротив, заставит его пользоваться каждым моментом свободы. Признание же закона необходимости, к которому я пришел, есть только то признание, которое существует бессознательно, всегда существовало и будет существовать в человечестве, и то самое сознание, которое выражено нам в божественном учении: «ни один волос не упадет с головы нашей без воли отца».

Допустив закон необходимости и ограничения свободы временем, мы приходим к тому же, к чему пришли материалисты — к отрицанию души, бессмертия и божества.

Расстояние моего вывода от вывода материалистов равно расстоянию, отделяющему ноль от бесконечно малого.

Разность между нулем и бесконечно малым невыразимо велика.

Материалисты говорят, что человек имеет ноль свободы; я говорю, что он имеет бесконечно малую величину свободы.

Человек непосредственным сознанием признает в себе присутствие свободы, то есть сущность, независимую от всего остального. Ту же сущность человек непосредственным сознанием признает и в других существах. Как в нем, так и в других, сущность эта ограничена бесконечно малым моментом времени, но число существ, одаренных сущностью свободы, бесконечно велико.

Бесконечно малый момент свободы во времени есть душа в жизни. Прекращение условий времени есть смерть, т. е. свобода вне времени — бессмертие.

Бесконечно великая сумма моментов времени есть сущность свободы, вне времени есть божество.

III. ВАРИАНТЫ ИЗ КОРРЕКТУР

* № 357 (корректурa. Эпилог, ч. 1, гл. II).¹

²Если допустить, как то делают³ историки, что цель⁴ движения человечества известна нам, кроме осуждения, которое мы должны брать на себя, мы должны допустить в истории две одинаково непонятные силы: гениальность и случайность; ибо если цель движения человечества известна нам, и она состоит или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, или в разнесении идей революции, или в общес[твенном] прогрессе, мы должны для того, чтобы объяснить, почему цели эти достигались такими, а и не иными путями, должны допустить гениальность и случайность, как то и делают все историки без исключения. «Случай сделал положение, гений воспользовался им».

Но что такое случай? Что такое гений? Случай, случайность есть только парифраза:⁵ «Я не знаю, не могу и не хочу знать, почему? и говорю: случай». Гений,⁶ если это не есть простое ¹ *Автограф-вставка в корректуру.*

² *Зачеркнуто:* Только с этой точки зрения, глядя на <свойства, характер и> обстоятельства жизни этого человека, каждая черта его характера, <каждая так называемая случайность его жизни, его насморк одинаково, как и его завладение консульством или приказ об убийстве Энгиенского> каждое событие будут представляться нам все без малейшего исключения одинаково значительными, ибо все будут, очевидно, одинаково необходимы. Только при этом воззрении нам не будет нужно употреблять слова гениальность и случайность, играющие такую важную роль в описаниях всех героев и в особенности Наполеона.

Если допустить, как говорят одни историки, что всё было произведено его волей, то весь европейский мир представляется поприщем капризов одного человека.

³ *Зач.:* другие

⁴ *Зач.:* событий было величие Франции, всемирная монархия или даже равновесие Европы, то очевидно, что и та, и другая, и третья цель могла быть достигнута другими путями, и для того, чтобы объяснить,

почему это всё было так, а не иначе, надо *и вписано, кончая:* а и не иными путями, должны

⁵ *Зач.:* следующего понятия

⁶ *Зач.:* есть парифраза следующего.

понятие высшей степени умственных способностей, есть¹ тоже парифраза,² означающая неизвестную силу, производящую несоразмерное с общечеловеческими свойствами действие.

Тот, который не видал бы труда садовника, поливающего, окапывающего яблоню, заметив, как быстро и успешно растет яблоня в сравнении с другими деревьями, сказал бы: случайность делает то, что яблоня не заглушена другими растениями, не объедена мышами, а гениальность сделала то, что она переросла все деревья.

И до тех пор, пока он не убедится, что всегда³ яблоня кем или чем-то сбережена, хотя бы он и не знал, для какой цели,⁴ он не поймет, что это делается не нечаянно и что то, что он называл случаем и гением — есть только его собственная глупость.

Какую бы цель мы ни ставили движению народов, деятельность⁵ исторических лиц не может быть объяснена без понятия случая и гениальности, т. е. без бессмыслицы. Только⁶ отрешившись от понятия цели и рассматривая событие во всем его объеме, деятельность⁷ этих лиц представится нам⁸ не только не случайною и не гениальною, а необходимою до такой степени, что вместо того, чтобы, как прежде, отыскивать объяснение каждой подробности их жизни, теперь каждая ничтожнейшая, равно как и важнейшая подробность этой их жизни будет служить объяснением их деятельности.

Только стоит признать, что цель волнений европейских народов нам неизвестна, а⁹ только факт,¹⁰ состоящий в убийствах сначала во Франции, потом в Италии, в Африке, в Пруссии, в Австрии,¹¹ в России [известен], и движение с запада на восток, а потом с востока на запад известны нам и составляют сущность и цель событий, и не только не нужно объяснять случаем и гениальностью деятельность Наполеона и Александра, но нельзя будет представить себе всех исторических событий¹ *Зачеркнуто*: только

² *Зач.*: следующего: <я не знаю, хорошо ли это, или дурно, но это удалось,> он гений не оттого, что он разумнее всех, а оттого, что он — гений, всё, что он делает, всё — разумно. Воробей, которого отгоняют от овса, рассыпанного курам, приписывает свою неудачу и удачу кур или случаю, или гениальности, или тому и другому вместе. *Вместо зач. надписан текст конца абзаца и следующего.*

³ *Зач.*: куры накормлены, а воробьи отогнаны и надписаны след. пять слов.

⁴ *Зач.*: кормят кур

⁵ *Зач.*: Наполеона и вписаны след. два слова.

⁶ *Зач.*: поставив

⁷ *Зач.*: Наполеона

⁸ *Зач.*: без малейшего необ.

⁹ *Зач.*: самый

¹⁰ *Зач.*: извест[ен]

¹¹ *Зач.*: потом

323

без тех мелких, так называемых, случайностей, которые составляли жизнь Наполеона и Александра и сделали их тем, чем они были.¹

Точно так же, как к каждому растению нельзя придумать другого, более соответственного ему цвета и семени, как то, которое растет на нем, невозможно придумать других двух людей со всем их прошедшим, которые бы могли исполнить свое назначение так, как они его исполнили.

* № 358 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. IV).

<Если источник власти лежит не в физических и не в нравственных свойствах лица, обладающего властью, то сущность этой власти находится вне лица.²

В чем же она заключается?.....

Но, может быть, недоумение наше происходит только от нашего невежества. Может быть, действительно то, о чем мы спрашиваем, всем давно известно. <Может быть, есть та> Наука эта есть та разменная касса, в которой слово власти разменивается на действительное понятие.

В университетских науках есть такая разменная касса.

— Вам что угодно?

— Что такое власть?

— Давно бы сказали. Сюда пожалуйте, в другое отделение. Здесь есть наука права, она подтверждает наши положения за то, что мы подтверждаем ее положения. Она сейчас вам всё это растолкует.>|

* № 359 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).³

<Итак, восстанавливая условия времени, в которых действует человек, мы видим, что если события кажутся нам в зависимости от приказаний, предшествующих событиям и определяющих их, то и приказания находятся в зависимости от событий, так как приказание тогда только может быть исполнено, когда оно находится в соответствующем событиям ряду приказаний и предшествует событию в определенный момент времени. Вследствие этого-то мы видим, в чем состоит сущность того, что есть событие, и того, что есть выражение воли человека.>

* № 360 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).⁴

<Александр I-й в 1807 году поднимает ополчение против антихриста Наполеона и⁵ приказывает всё, что нужно для злейшей ¹ *Зачеркнуто*: Невозможно придумать другого человека и всего его прошедшего такого, к[оторый] бы мог исполнить свое назначение так, как Наполеон.

² Далее зач. автограф на полях гранки № 8 (23).

³ Зач. автограф на полях гранки № 13 (31).

⁴ Зач. текст автографа на полях гранки № 13 (31).

⁵ Зач.: намерен до последних сил враждовать и вписаны след. семь слов.

воины с ним, и заключает с ним дружеский союз. Руководители французской революции высказывают одно желание: дать свободу и благосостояние народу, приказывают всем быть равными и свободными и режут и душат людей, тем самым [?] доказывая, что их приказания о свободе не соответств[вуют], а прик[азания] о уб[ийствах] соответствую[т] р[авенству], с[вободe].

Всякий, кто захочет проверить это наблюдение на самом себе, легко убедится, что и в обычной жизни из всех выражений нашей воли — приказаний редко исполняется малая часть.

А между тем, всякий раз, где совершается действие, в котором принимают участие несколько людей, оно приказано.>

* № 361 (корректурa. Эпилог, ч. 2, гл. VI).

Если¹ мне не подали или не тотчас же подали стакан воды или вместо стакана воды подали кружку кваса, то это происходит от того, что ряд предшествовавших приказаний не связался с отдаваемым приказанием.² Для того, чтобы³ приказание было наверно исполнено, надо, чтобы⁴ человек выразил такое приказание, которое могло бы быть исполнено. Знать же то, что может и что не может быть исполнено, невозможно, не только для Наполеоновского похода на Россию, где принимают участие миллионы, но и для⁵ того, чтобы один человек подал другому стакан воды, ибо⁶ могут случиться миллионы препятствий. Вследствие этого⁷-то и бывает, что из большого количества приказаний исполняется только одно.

Все невозможные приказания не связываются с событием⁸ и не бывают исполнены. Только те одни, которые возможны,¹ *Зачеркнут текст копии:* хозяин один, сидя дома, скажет: «хочу, чтоб упало дерево». Упадет ли оно? Нет. Если он скажет приказчику через десять лет срубить это дерево, упадет ли оно через 10 лет? Вероятно, нет. Если хозяин не имеет денег, чтобы заплатить рабочим, если он не пришел в лес днем и не указал рабочим и т. д., дерево останется несрубленным. *Над зачеркнутым вписано рукой Толстого до конца фразы и далее зач.:* а связан с другим приказанием о том, чтобы мне дали кружку кваса.

² *Далее текст исправленной копии.*

³ *Зач.:* воля хозяина, *вписано след.* ¹ *Зачеркнут текст копии:* *и далее была исправлено на* было

⁴ *Зач.:* он имел лес, имел деньги и мог бы придти в лес, когда там рубят, и т. д., то есть надо было, чтобы хозяин *и вписано след.* слово.

⁵ *Зач.:* сруба одного дерева *и надписаны след.* *восемь слов.*

⁶ *Зач.:* в ту минуту, как хозяин велел срубить это дерево *и далее могли исправлено на:* могут

⁷ *Зач.:* человек приказывающий, никогда не зная, исполнится или не исполнится его приказание, приказывает гораздо более того, что может быть исполнено, часто невозможные вещи. *Над зач. надписано рукой Толстого окончание фразы.*

⁸ *Зач.:* те же, которые одни *и надписаны след.* *восемь слов.*

связываются в последовательные ряды приказаний, соответствующие рядам событий, и бывают исполнены. И точно так же, как неразрывной цепью, вытекающая одно из другого и не имея начала, связаны между собой все события, так точно и связаны соответствующие ряды приказаний.

Итак, восстанавливая необходимое условие времени, мы видим, что между событиями и приказаниями находится строгая зависимость.

Для того, чтобы понять, в чем состоит эта зависимость, необходимо восстановить другое упущенное условие всякого приказания,¹ исходящего не от божества, но от человека, состоящее в том, что сам приказывающий человек участвует в событии. Это отношение приказывающего к тем, кому он приказывает, и есть именно то, что называется властью.

При каждом совокупном действии людей они складываются в известные группы таким образом, что² наибольшее число людей³ принимают наибольшее прямое участие в самом действии и, всё уменьшаясь и уменьшаясь, число людей, принимающих прямое участие в действии, доходит до очень малого числа лиц или большей частью до одного⁴ лица.

Такое соединение есть вечная и неизбежная форма, в которой совершаются все совокупные действия людей.

Явление это повторялось и повторяется всегда, везде. Люди, для совершения совокупных действий,⁵ общих работ, суда, управления гражданского или церковного, войны — всегда складываются в группы, которые не только могут быть уподоблены, но совершенно верно выражены фигурами полушара, пирамиды или конуса, в которых наибольшее участие в самом действии распределяется в широком основании и наименьшее прямое участие на вершине.

Другое, не только подобие, но и намек на необходимость этой формы, мы находим в распределении частиц воды, принимающей всегда форму капли, и частиц песка, принимающих форму конуса, когда они сыплются сверху, и в форме полушара или конуса, который принимают муравьи или пчелы в своих совокупных действиях, или форму пирамиды, принимаемую идущей саранчой.

¹ *Зачеркнуто*: не относящегося к, *надписаны след. три слова и далее* божеству *исправлено на*: божества

² *След. два слова вписаны позднее.*

³ *Зач.*: имеющих наименьшую власть, всегда наибольшее число, имеющих более власти — меньшее, еще высших — еще меньше и т. д.

Над зач. надписано, кончая словами: в действии, доходит

⁴ *Зач.*: имеющего наибольшую власть *и надписано*: лица.

⁵ *Зач.*: в особенности тех, в которых они действуют противно свойствам своей личной природы и сознаваемых ими нравственных законов, как то в войне и убийствах, они *Вместо зач. вписано след. восемь слов.*

* № 362 (корректур. Эпилог, ч. 2, гл. IX, X).¹

² признает, что существо, нанесшее ему оскорбление, невиновно,³ потому что тотчас же⁴ видит причину, производшую действие.

Это то основание, вследствие которого⁵ мы можем почти верно предсказать поступки детей, стариков,⁶ больных или⁷ людей весьма ограниченных, как скоро нам известна причина, долженствующая произвести действие. На этом основании⁸ свобода и необходимость поступков людей, с одной стороны, представляется нам тем большею и меньшею, чем глупее и ближе рассматриваемый человек к животному,⁹ — и, с другой стороны, чем способнее судящий видеть причины поступка.¹⁰ На этом основании строится существующая во всех законодательствах невменяемость для детей, стариков и сумасшедших и уменьшающие вину обстоятельства. Вменяемость представляется большей или меньшей, смотря по большей или меньшей доступности причин действия и по большему или меньшему пониманию причин.

Как в случае высшей доблести, так и высшего злодейства, мы признаем наибольшую свободу.¹¹ Когда¹² поступок того или другого рода подлежит нашему суждению, мы говорим: не понимаю, как он мог быть так велик и гениален или так ужасен и жесток. Все мученичества людей, стоявших выше своего века, основаны только на наибольшей степени вменяемости, то есть свободы, признаваемой за теми действиями,¹ *Копия (см. вар. №№ 324—328).*

² *Зачеркнуто:* чувствует и надписано: признает

³ невиновно *переправлено из:* невиновен *Далее зач. текст копии:* ибо имеет наименьшую свободу и подлежит наибольшей необходимости, которая так же очевидна, как и в действии камня или собаки. *Над зач. вписан текст до конца фразы.*

⁴ *Зач.:* признает

⁵ *Зач. текст копии:* очевидно, что ребенок, поджегший дом, был руководим только желанием повеселиться и потому подлежал закону необходимости и имел наименьшую свободу, человек же взрослый, здоровый, поджегший дом, смотря по тому, более или менее понятны нам причины, производшие это действие, представляется нам более или менее свободным. *Вместо зач. вписано окончание фразы.*

⁶ *Зач.:* или вообще людей

⁷ *Зач.:* сумасшедших очень

⁸ *Зач. текст копии:* чем образованнее и умнее человек, тем более он терпим и *Вместо зач. вписан текст, кончая словами:* большею и меньшею,

⁹ *Зач. текст копии:* чем доступнее для каждого причины его поступков, тем менее он нам кажется свободным и *далее вставки-автографа:* <и тем более необходимым> и с другой стороны, чем спо[собнее] *Вместо зач. вписан текст до конца фразы.*

¹⁰ *Зач. вписанное:* поступок представляется

¹¹ *Зач. текст копии:* восторгаясь ею в первом случае и карая его в последнем.

¹² *Зач. текст копии:* мы не понимаем причин действия и *и надписаны след. девять слов.*

причин которых не могли понимать люди, судившие их. Чем понятнее нам причина поступка, тем менее мы признаем свободу. Самоотвержение чужого человека без видимой цели представляет в наших глазах наибольшую свободу и потому заслугу. Самоотвержение отца, матери, самоотвержение с возможностью награды, более понятное, представляется менее заслуживающим сочувствия, менее свободным.

Если причины, производшие поступок,¹ совершенно непонятны нам, то на вопрос, отчего он сделал это? мы отвечаем только: захотел и сделал, то есть причиной поступка признаем одну свободную волю. Но если хоть одна из причин известна нам, мы говорим: он захотел этого потому что... и уже некоторая доля необходимости занимает место свободы. Если же мы знаем и характер человека, необходимость представляется нам еще в большей степени. Если же характер этот несложен, как у дурачка или ребенка, и причины, как голод или гнев, совершенно очевидны, и кроме того, мы обладаем опытностью и знанием людей, то мы уже допускаем самую малую часть свободы и видим наибольшую необходимость.²

XI

Итак, рассматривая представление наше о свободе и необходимости,³ мы находим, что представление⁴ это постепенно увеличивается и уменьшается,⁵ смотря по большей или меньшей связи с внешним миром, по большему или меньшему отдалению времени и большей или меньшей зависимости от причин, в которых находится рассматриваемое явление жизни человека.⁶

¹ *Зачеркнуто в копии:* есть свободная воля и надписаны след. шесть слов.

² *Зач. текст копии:* Всё упрощая характер человека и увеличивая возбуждающую <силу> причину, мы дойдем, как в диком или пьяном человеке, где мы математически верно можем определить действия причины и где получается бесконечно малая свобода и наибольшая необходимость.

Напротив, всё усложняя и усложняя характер человека и причины, действующие на него, мы придем к обратному заключению.

³ *Зач. в копии:* по отношению связи человека с внешним миром, мы ко времени и к причинам

⁴ *Зач.:* это взаимно и вписаны след. два слова.

⁵ *Зач. в копии:* постепенно и смотря по той точке зрения, с которой рассматривается. Расширяя точку зрения связи человека с внешним миром, отдаляя период времени и уясняя причины, мы приходим к представлению о наибольшей необходимости и <бесконечно малой> наименьшей свободе. Наоборот, суживая точку зрения связи человека с внешним миром, сокращая период времени и увеличивая недоступность причин, мы придем к наибольшей свободе и <к бесконечно малой> наименьшей необходимости. Ни в том, ни в другом случае мы никогда не придем ни к полной необходимости, ни к полной несвободе. Ибо 1) как бы *Вместо зач. вписан текст, кончая словами:* а это невозможно, ибо как бы (*стр.* 329).

⁶ *Зач. вписанное рукой Толстого на полях:* Рассматривая человека в самой большой связи со всем окружающим, за самый возможно далекий период времени, в самой доступной для нас зависимости от причин, мы

Постепенность этого представления о свободе и необходимости увеличивается и уменьшается, смотря по точке зрения, с которой мы рассматриваем явление, но никогда ни в том, ни в другом случае не уничтожается ни понятие свободы, ни понятие необходимости.¹

1) Действительное понимание жизненных явлений невозможно без этих двух крайних полюсов — свободы и необходимости.

Для того, чтобы придти к полной необходимости, без свободы, мы должны знать все условия зависимости человека, а это невозможно, ибо как бы ни увеличивалось наше знание тех пространственных условий, в которых находится человек, знание это никогда не могло бы быть полное, ибо число этих условий бесконечно велико, так же как бесконечно пространство.

2) Как бы мы ни удлиняли период времени от того явления, которое мы рассматриваем, до времени суждения, период этот будет конечен, а время бесконечно. И

3) Как бы ни была² доступна цепь причин, которые нам известны, мы никогда не будем знать³ всей цепи, так как она бесконечна.⁴ Но кроме того, если бы даже, допустив остаток придем к <наибольшему> представлению о наибольшей необходимости и наименьшей свободе. <Представив себе такого> Но никогда мы не получим представления о полной необходимости без малейшего участия свободы, ибо если мы допустим такую необходимость, как ту, которой подлежит умирающий или рождающийся человек или совершенный идиот, мы этим самым допущением уничтожаем самое то явление, которое мы рассматриваем, то есть человека. Но как скоро человек есть человек, то он не мыслим для нас без свободы, то есть возможности сделать то или другое <как бы ни ограничена была эта возможность с другой стороны> И возможность эта никогда не может не существовать для нас.

Мы скажем, что свобода человека ограничена в высшей степени, что воля его была так же зависима, как воля животного, но никогда не пойдем поступка человека без участия его воли; <точно так же как не можем понять поступка животного без участия его воли. Ибо если бы могли представ[ить]>

Допустив даже, что при знании [?] всех условий, <деятельность> в которых она проявляется, воля человека так же определена, как и <деятельность> воля животного, мы будем иметь наибольшую необходимость и наименьшую, но не полную необходимость, ибо воля человека <подобная в этом случае воле животного> все-таки будет представлять некоторую долю свободы, ту самую, которую мы называем жизненной силой в животном и растении и которая не может быть подведена под законы необходимости; ту самую сущность жизни, которую мы не знали и не можем определить. Если даже допустить, что воля человека могла быть так же определена, как проявление жизненной силы в растении или даже в неорганической природе, мы никогда не придем к полному отсутствию свободы, ибо сила тепла, движения эфира, электричества, тяготения в сущности своей остается неподлежащей закону необходимости и представляет известную степень свободы.

¹ *Зачеркнуто:* каждого поступка.

² *Зач.:* велика и надписано: доступна

³ *Зач.:* ее всю, ибо и надписаны след. четыре слова.

⁴ *Далее до конца абзаца вставка-автограф.*

наименьшей свободы равным нолю, мы бы признали в каком-нибудь случае, как, например, в умирающем человеке, в зародыше, в идиоте, полное отсутствие свободы, мы бы тем самым уничтожили самое то понятие человека (которое составляло предмет наблюдения): как только нет свободы, нет человека.

И потому¹ представление необходимости без малейшего остатка свободы — невозможно.²

Точно так же никогда мы не можем придти к представлению свободы без необходимости, ибо: 1) как бы мы ни представляли себе человека исключенным от влияний внешнего мира, влияние это всегда будет. Для того, чтобы представить его себе вне влияния окружающего, мы должны представить его себе или неспособным воспринимать эти влияния, то есть уже не человеком, или вне пространства.

[Далее от слов: 2) Как бы мы ни приближали время суждения *кончая*: Как бы ни была непостижима для нас причина выражения воли в каком бы то ни было своем или чужом поступке, первое требование ума есть предположение причины *близко к печатному тексту*. Т. IV, эпилог, ч. 2, гл. X.]³

Если бы мы признали⁴ в каком-нибудь действии человека отсутствие причины, то этим самым мы бы признали, что действие это, не имея причины, находясь вне закона причинности, не может иметь и последствий, то есть уничтожили бы понятие свободы, как силы производящей.

Итак, для того, чтобы получить понятие необходимости без свободы, мы должны допустить *бесконечное* количество пространственных условий, *бесконечно* великий период времени и *бесконечный* ряд причин.

Для того, чтобы получить понятие свободы без необходимости, человек должен быть один, то есть вне пространства, вне времени и вне зависимости от причин.⁵

¹ *Зачеркнуто*: мы никогда не придем к *далее* представлению *исправлено на*: представление и *зач.*: полной

² *Зач.*: не только для человека, но и для всего существующего.

³ *В текст этой рукописи вклеен кусок корректуры (гранка).*

⁴ *Зач.*: совершенно недостижимость для нас причины действия чело века, мы бы признали, что действие это не имело причины, то есть имело причину силу, действовавшую извне, то есть отрицали бы свободу. *Вместо зач. вписано рукой Толстого до конца абзаца.*

⁵ *Зач.*: В первом случае необходимо, отрешившись от сознания, рассматривать явления только по отношению к законам разума и от большей или меньшей ясности причин.

Свобода, ничем не ограниченная, в сущности своей вне пространства, времени и причин, есть воля, сознаваемая человеком. Необходимость, как связь пространства, времени и причин, есть разум человека с его тремя законами. Понятие свободы есть только воля, в существе своем постигаемая только сознанием, понятие необходимости есть только выражение законов разума. Воля есть содержание, разум есть форма. Воля есть то, что рассматривается, разум есть то, что рассматривает.

Понимание жизни одинаково невозможно без формы и без содержания.

Только при соединении двух отвлечений обоих источников познания получается¹ представление о² жизни человека.³

Только взаимно определяющиеся эти два понятия (Wechselbegriffe) свободы и необходимости или сущности жизни и разума дают нам представление о⁴ жизни человека.

Свобода, ничем не ограниченная, есть воля человека в его сознании.

Свобода, подчиненная закону необходимости, есть воля⁵ человека в своем проявлении. Необходимость без содержания есть три отвлеченные закона разума. Необходимость, имея содержанием свободу, есть <только> приложен[ие] к ней законов разума. Свобода, воля есть то, что рассматривается, необходимость, разум есть то, что рассматривает. Свобода, воля есть содержание; необходимость, разум есть форма.

Свобода и необходимость отдельно суть взаимно исключаются и одинаково недоступные понятия, так как понимание жизни одинаково невозможно без формы и без содержания; но свобода ограниченная — воля людей, проявляющаяся в пространстве, времени и зависимости от причин,⁶ рассматриваемая законами разума, есть всё то, что мы знаем о жизни человека.⁷

Понятие большей свободы и меньшей необходимости или меньшей свободы и большей необходимости есть только определение большего или меньшего приложения законов разума к рассматриваемому им содержанию.

Понятие свободы существует только в сознании и может составлять предмет наук отвлеченных (метафизика, трансцендентная¹ *Зачеркнуто*: ясное

² *Зач.*: не только

³ *Зач.*: <состоящее в отношении воли и разума. Жизнь человека понимается только как соединение свободы и необходимости.> но и всего существующего, свободы и необходимости, или нами познаваемого,

⁴ *Зач. вписанное*: всем том, что мы знаем *и текст копии*: Понятия свободы и необходимости не суть понятия сами по себе, но выражают только отношение воли к разуму. Это отношение включает в себя всю жизнь человека.

И только в соединении своем понятие свободы <есть воля> и понятие необходимости <есть разум> получают определенное значение.

В действительности в возможности понимания существует только свобода в своем проявлении, то есть воля, рассматриваемая разумом по закону необходимости, то есть определяемая по законам пространства, времени и причины.

⁵ *Зач.*: людей, воля животных, жизненная сила растений, химическое средство, законы электричества, тепла, тяготения.

⁶ *Зач. в копии*: и необходимость, не доведенная до последнего конца, т. е. законы разума, суть те два данные, из которых составляется всё мирозерцание *и вписаны след. одиннадцать слов.*

⁷ *Зач. в копии*: Воля, подлежащая законам разума, есть всё, что мы знаем. Чем более проявления воли понятны для нашего разума, т. е. чем более воля ограничена, тем более мы знаем.

философия, антропология). Свобода же в проявлении своем есть¹ воля, подлежащая законам разума.

Признание свободы человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин есть² только отречение от законов разума, есть только признание в своем незнании.

История рассматривает проявления воли человека в связи с внешним миром во времени и в зависимости от причин, то есть определяет эту волю законами разума и потому для истории не может существовать понятия свободы.

Для истории существуют только линии движения человеческих волей, один конец которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых движется в³ пространстве, во времени и в зависимости от причин сознание свободы людей в настоящем.

Чем более раздвигаются перед нашими глазами с обоих концов⁴ эти линии движения прошедшего, тем очевиднее законы этого движения.⁵

Уловить и определить эти законы составляет задачу истории.

¹ *Зачеркнуто вписанное*: сущность жизни, представляющаяся более или менее свободной волей в человеке, жизненной силой в органических и силой природы в неорганических веществах.

² *Зач. вписанное*: то же, что признание свободы растения, воды, небесных тел, есть

³ *Зач.*: связи с внешним миром

⁴ *Зач.*: фигуры и вписаны след. три слова.

⁵ *Зач.*: моментов и точек сознания

ДОБАВЛЕНИЯ

* № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. 1, гл. I).

¹ Annete Д., напротив, была вся преисполнена оживления и порывов, которые она, видимо, долгим опытом едва приучила сдерживать в рамке придворной обдуманности, приличия и discrétion. Annete Д. уже, видимо, прошла тот возраст, когда² интимные интересы молодой женщины³ — желание выдти замуж — невольно⁴ стоят на первом плане и поглощают всё остальное, и пылкость ее характера, видимо, вся перенесена была на интересы придворные и политические. Всякую минуту она, видимо,⁵ готова была сказать лишнее, но⁶ хотя она и на волоске была от того, это лишнее не прорывалось, и вследствие этого разговор ее, постоянно угрожая крайностью, приобретал больше оживления. Она была нехороша, но приятный огонь глаз и оживление улыбки,⁷ выражавшей тонкую насмешку⁸ как будто над своею⁹ пылкостью, придавали особенную привлекательность ее умному лицу.

По словам и выражению князя Василья видно было, что в том кругу, в котором они оба обращались, давно установилось всеми признанное мнение об Annete Д., как о милой и доброй энтузиастке,¹⁰ патриотке, которая берется немножко не за свое дело, но которая, хотя и часто вдается в крайность, мила искренностью и пылкостью своих чувств. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Annete, выражала, как у балованных детей, постоянно сознание своего любезного и милого недостатка ¹ В начале автографа знак ☒, означающий перенос к тексту вар. № 1 (см. т. 13, стр. 201) после недостающего листа.

² Зачеркнуто: природные и вписано след. слово.

³ Зач.: любовь и вписаны след. три слова.

⁴ Зач.: поглощают все

⁵ Зач.: была на[готове]

⁶ Зач.: <всегда была в> никогда

⁷ Зач.: говорившей как будто

⁸ Зач.: над холодностью других и

⁹ Зач.: горячностью

¹⁰ Зач.: которая

от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

Содержание депеши от Новосильцева, поехавшего в Париж для переговоров о мире, было следующее: Приехав в Берлин, Новосильцев узнал, что Бонапарт издал декрет о присоединении Генуэзской республики к Французской империи в то самое время, как он изъявлял желание мириться с Англией при посредничестве России.

Новосильцев, остановившись в Берлине и предполагая, что такое насилие Буонапарте может изменить намерение императора, спрашивал разрешение его величества, ехать ли в Париж, или возвратиться. Ответ Новосильцеву был составлен¹ и должен [был] быть отослан завтра. В ответе сказано:

«Nous ne voulons plus traiter avec *un homme*, qui tout en protestant de son désir pour la paix, continue se envahissement».²

— Ну, к чему все эти переговоры? — сказала Annete Д. по-французски, как и весь разговор, происходивший там. — Разве не ясно, что этот злодей хочет только выиграть время? Разве можно договариваться с убийцей и изменником? — перебила Annete Д.,³ краснея и дрожа от одушевления. — Всё равно война и война. Война неизбежна, не переговоры, а смерть за смерть нужна злодею, — сказала она, раздувая ноздри,⁴ поворачиваясь на диване.⁵

—⁶Вы слишком кровожадны, *ma chère*, в политике не делается всё, как в гостинной. Il y a des ménagements.⁷

— Но к чему они нас повели?

— А к тому, что Австрия теперь⁸ должна⁹ принять неизбежность войны. Все другие пути истощены.

[Далее от слов: «Не говорите мне про Австрию!» — кончая последними словами рукописи: — *A propos*, — прибавила она, опять успокоиваясь, близко к печатному тексту. Т. I, ч. 1, гл. I.]

* № 2 (рук. № 70а. Т. I, ч. 2, гл. XIV).

В то время, как по Цнаймской дороге, давя друг друга, бежали обозы и¹⁰ вся Кутузовская армия, войска, составлявшие отряд Багратиона, обреченные на верную гибель, стояли в боевом порядке перед Шенграбенем, в виду неприятеля.¹¹ Серединой¹ *Зачеркнуто*: следующий

² [«Мы не хотим более вести переговоров с человеком, который изъявил желание мириться, а сам начал вторжение».]

³ *Зач.*: с раздутыми ноздрями

⁴ *Зач.*: и блестя глазами

⁵ *Зач.*: но вслед за тем улыбаясь над <своей восторженностью> своим одушевлением.

⁶ *Зач.*: Как

⁷ [Необходима осторожность в поступках.]

⁸ *Зач.*: будет за

⁹ *Зач.*: объявить

¹⁰ *Зач.*: <колонны войск> вся масса армии

¹¹ *Зач.*: не зная всей опасности своего положения и не думая о ней.

позиции французов была большая деревня Шенграбен, вчера еще занятая русскими войсками, а теперь видневшаяся на горизонте и окруженная сплошными массами французов. Серединой позиции русских было возвышение перед деревней Грунт.

На этом возвышении стояла русская полевая рота, артиллерия, снятая с передков, вокруг нее рассыпались костры, балаганчики и солдаты 6-й егерской. Правее стояли Киев[ские] гренад[еры], и еще правее виднелись коновязи драгунов. Налево, у леса, стояли Подоль[ские] и Азовские и где-то далеко Павлоградские гусары.

<В самой деревне> Перед самой деревней стояли батареи Нерве и Нови и в од[них] р[убахах]¹ работали укрепления. Несмотря на туманный, сырой день, солдаты, как белые муравьи,² в одних рубахах, с песнями, разрывали немецкую пашню. И одна за другой сыпалась на вал красная глинистая земля.

После ночного перехода <без дороги, по горам, из Эцельдорфа> 1-го Ноября, в котором <они> войска эти растеряли около трети своих людей отсталыми, после <работ полевых укреплений> передвижений, построений, отступлений в виду неприятеля, которые предшествовали перемирию, они только к вечеру 3-го Ноября <успели в первый раз сварить и> остановились на местах, получили отдых, успели сварить кашу, разложить огни и нагородить, как бобры, балаганчики <из сучей> по всему <протяжению> занимаемому ими протяжению.

Утром 4-го Ноября <все видели, как за неприятельскую цепь для переговоров проехал русский генерал, разнесся слух об перемирии, даже об мире> подошли отставшие в переход 1-го Ноября повозки с водкой и провиантом, и отряд повеселел. Со всех сторон трещали топоры и костры, гремели котлы, воздвигались новые шалаши и слышались песни. *Вместо зач. вписан и вновь зач. текст до конца варианта.*

¹ *Далее в тексте несколько начальных букв слов, не поддающихся расшифровке.*

² *Зачеркнуто.: копошились*

КОММЕНТАРИИ

Э. Е. Зайденшнур
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

I

1863—1869 годы — это те семь лет «непрестанного и исключительного труда»,¹ который Толстой положил на создание романа «Война и мир».

Шестидесятые годы характеризуются в истории России большим общественным подъемом. Положение народа в настоящем и его исторические судьбы особенно волновали передовое русское общество. Жизнь и творчество Толстого этих лет также отмечены напряженным интересом к народу и его истории.

Общественно-политические условия эпохи, в которую Толстой сложился и как художник и как мыслитель, обстоятельства его личной жизни, его общественная и литературная деятельность с самого начала, с 1850-х гг., способствовали развитию в нем исключительного интереса к крестьянству, к его жизни, быту. Будучи участником Крымской войны, наблюдая «защитников Севастополя на самом месте защиты»,² Толстой пришел к убеждению, что нужно склониться перед их «молчаливым бессознательным величием и твердостью духа».³ В 1860-е гг., время страстного увлечения Толстого посреднической деятельностью и школой для крестьянских детей, он еще теснее сблизился с русским народом. И хотя ему казалось, что он был тогда «возбужден и радостен своими особенными, личными, внутренними мотивами», приведшими его «к школе и общению с народом»,⁴ в действительности же мотивы были не «свои, личные», а связанные с общественными настроениями эпохи.

Именно в 60-е годы был не только поставлен, но выдвинут на первое место вопрос о роли народных масс в истории. В общественно-исторических условиях эпохи первого демократического подъема — истоки романа «Война и мир», в котором Толстой, как он сам говорил, любил «мысль народную, вследствие войны 12-го года».⁵

¹ Л.Н. Толстой, «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» — т. 16, стр. 7.

² Т. 4, стр. 6.

³ Там же, стр. 7.

⁴ П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», М. 1906, т. I, стр. 397—398.

⁵ «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 37.

Историей России и, в частности, историей Отечественной войны 1812 года Толстой начал интересоваться с молодых лет. В июле 1852 г. двадцатичетырехлетний Толстой, живя на Кавказе, читал «Описание Отечественной войны 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского и затем того же автора «Описание войны 1813 года».¹ Тогда он записал в Дневнике: «Читал Историю войны 13 года. Только лентяй или ни на что неспособный человек может говорить, что не нашел занятия. — Составить истинную, правдивую историю Европы нынешнего века, вот цель на всю жизнь. Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных, — обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. — Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное — совершенство».²

В Дневнике 26 октября 1853 г. имеется запись о кампании 1805 года.³ Быть может, Толстой читал тогда книгу А. И. Михайловского-Данилевского об этой кампании.⁴ 18 ноября он начал читать «Историю Государства Российского» Карамзина, «слог» которой понравился ему, а предисловие с изложением взгляда Карамзина на предмет истории и ее задачи вызвало «пропасть хороших мыслей».⁵ В течение месяца продолжалось чтение «Истории». 10 декабря записано в Дневнике: «Окончив Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательнейшие события».⁶ Окончив 16 декабря чтение Карамзина, Толстой на следующий день начал читать «Русскую историю» Н. Г. Устрялова и делал выписки из нее.⁷

Наряду с выписками из книг Толстой излагал в Дневнике свои мысли «о *сочинении истории*»⁸ — так он озаглавливал их. «Каждый исторический факт необходимо объяснять *человечески* и избегать рутинных исторических выражений», — записал Толстой 17 декабря и тут же прибавил: «Эпиграф к Истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая».⁹

2 января 1854 г. Толстой записал правило для себя: «Вписывать в дневник только мысли, сведения или примечания, относящиеся до предполагаемых работ. Начиная каждую работу, пересматривать дневник и выписывать из него всё к ней относящееся на особую тетрадку».¹⁰ И со следующего дня, наряду с заметками к художественным произведениям, над которыми в ту пору Толстой работал, появляются записи по вопросам истории.¹¹ Тот факт, что записи к «Истории» делались среди заметок, относящихся к предполагаемым работам, позволяет допустить, что в план ¹ А. И. Михайловский-Данилевский, «Описание Отечественной войны 1812 года», Спб. 1839 (3-е изд., Спб. 1843); «Описание войны 1813 года», Спб. 1840 (2-е изд., Спб. 1844).

² Дневник, 22 сентября 1852 г. — т. 46, стр. 141—142.

³ Т. 46, стр. 185.

⁴ А. И. Михайловский-Данилевский. «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году», Спб. 1844.

⁵ Дневник, 18 ноября 1853 г. — т. 46, стр. 200.

⁶ Т. 46, стр. 209. Много лет спустя Толстой говорил, что он не любит «Историю» Карамзина «за придворный тон» (Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», 6 июля 1905 г.).

⁷ Дневник, 17—23 декабря 1853 г. — т. 46, стр. 211—216.

⁸ Здесь и далее курсив Толстого.

⁹ Дневник, 17 декабря 1853 г. — т. 46, стр. 212.

¹⁰ Т. 46, стр. 218—219.

¹¹ Там же, стр. 219—221.

таких «предполагаемых» работ «ходила в каком-то виде «История»). Очевидно, возникшая у Толстого в сентябре 1852 г. мысль об «истинной, правдивой истории Европы нынешнего века» увлекла «то, быть может появился замысел написать такую историю, и непрерывное чтение исторических сочинений в течение почти полутора лет, возможно, было подготовительной работой к задуманному произведению. Однако замысел «Истории» остался тогда неосуществленным.

Спустя шесть лет, в конце 1860 г., Толстой «затеял... роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист... энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгой и несколько идеальной взгляд к новой России». Так Толстой изложил свой замысел в письме к А. И. Герцену 14/26 марта 1861 г.¹ Повесть о декабристе осталась незавершенной. Написаны были тогда только три главы.² Процесс дальнейшей работы над задуманным произведением привел писателя к его первому роману «Война и мир».

К Отечественной войне 1812 года Толстому довелось обратиться еще года за полтора до начала работы над романом. Это было на уроке истории в Яснополянской школе. Рассказ Толстого в школе был художественный исторический рассказ, проникнутый глубоким патриотизмом автора и произведший сильное впечатление на учеников.³ Толстой намеревался напечатать свой рассказ в книжках «Ясная Поляна», но намерения своего не выполнил. С 1863 г. все творческие силы его были направлены на создание будущего романа «Война и мир».

II

История писания романа «Война и мир» до сего времени в должной мере, не исследована, и даже подвергалась сомнению возможность восстановить ее.⁴ Это сомнение возникало лишь потому, что не только не были изучены, но даже не были точно разобраны сохранившиеся рукописи романа.

Из имеющихся работ, посвященных истории создания «Войны и мира», наиболее полна статья М. А. Цявловского «Как писался и печатался роман «Война и мир», опубликованная в 1927 г.⁵ Она до сих пор не утратила интереса и значения, поскольку с того времени не вышло ни одной работы, которая заменила бы или хотя бы в достаточной мере дополнила ее. Статья основана исключительно на переписке Толстого, на немногочисленных дневниковых записях его и мемуарах о Толстом. Поэтому сам автор считал¹ Т. 60, стр. 374.

² О работе над «Декабристами» см. т. 17, стр. 469—585.

³ См. Л. Н. Толстой, «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — т. 8; стр. 100—102.

⁴ «Полной историк создания «Войны и мира» мы еще не имеем, и сейчас трудно даже сказать, насколько она вообще может быть восстановлена во всех подробностях» (А. Е. Грузинский, «К новым текстам из романа «Война и мир» — «Новый мир», 1925, № 6, стр. 3). «К сожалению, Лев Николаевич в эти годы почти не вел. дневника: за 1864 год — только одна запись, за 1865 год только с 7 марта по 10 апреля и с 19 сентября по 12 ноября, и затем дневники прекращаются почти на тринадцать лет — до 17 апреля 1878 года. Таким образом, история создания «Войны и мира» не может быть написана. Только некоторые данные можем мы почерпнуть из писем и из немногих численных записей в дневнике Толстого того времени» (Н. Н. Гусев, «Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877)», изд. Толстовского музея, М. 1923, стр. 41).

⁵ «Толстой и о Толстом», сб. 3, М. 1927, стр. 129—174

эту статью лишь «внешним очерком истории писания и печатания романа». К рукописям «Войны и мира» М. А. Цявловский тогда не обращался. В 1945 г. М. А. Цявловский переработал и значительно дополнил свою статью, назвав ее «Историей писания и печатания романа «Война и мир» (не опубликована). Своей задачей в этой новой статье автор все так же ставил «рассказать внешнюю историю писания и печатания «Войны и мира» в 1863—1869 гг.» на основе свидетельств самого Толстого и близких ему лиц.¹ Комментарии В. И. Срезневского к изданию «Войны и мира» в собрании художественных произведений Толстого² написаны также без специального обращения к рукописям. Не утратившая до сего времени интереса работа А. Е. Грузинского о текстах «Войны и мира»³ представляет собою вступительную статью и комментарии к публикации вариантов начала романа и отдельных черновых отрывков его. Эта работа, хотя и основана исключительно на изучении рукописей, касается лишь текста публикуемых отрывков, а не романа в целом. Такого же характера комментарии к одиннадцати большим отрывкам из черновых рукописей разных частей романа, опубликованным в «Литературном наследстве», № 35-36.

Обычно исследователи приступали к изучению «Войны и мира» с установившейся точкой зрения, впервые выдвинутой А. Е. Грузинским, что Толстой задумал не исторический роман, а семейную хронику, что замысел исторической части возник после того, как определился сюжет «мира», что в процессе работы (никто, правда, не раскрыл, как это произошло) семейная хроника переросла в грандиозную историческую эпопею. А. Е. Грузинский в статье «К новым текстам из романа «Война и мир»,⁴ анализируя одну из ранних рукописей (список действующих лиц с их характеристиками), определяет ее как первоначальный план романа, в котором пет «исторической и батальной стороны». На этом основании он приходит к выводу, что «выяснился сперва замысел «мира» и уже потом — «войны». В предисловии к публикации в «Литературном наследстве» черновых вариантов романа редактор пишет: «Судя по первоначальным наброскам и конспектам в 1864 и в начале 1865 г., замысел Толстого имел своим основанием только «мир». Исторические события должны были служить лишь вехами, этапами, фоном для развертывания хроники дворянской жизни».⁵ Позднее тот же автор в статье «Как писал Толстой «Войну и мир»⁶ указал, что был задуман историко-бытовой, а не семейный роман; но ряд неверных суждений о первоначальном периоде работы привел его к выводу, что «первая полная редакция, законченная в 1867 году, носит на себе черты дворянского сословного романа с ярко выраженной дворянской идеологией» и лишь «на четвертом году работы дворянский роман превратился в народную эпопею». В последующих работах о создании «Войны и мира» повторяются утверждения и о¹ См. «рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение литературы и языка», Академия наук СССР, М. — Л. 1947, стр. 16.

² Л. Толстой, Полное собрание художественных произведений, т. VII, М.— Л. 1930, стр. 363—382.

³ «Новый мир», 1925, №№ 6 и 7; см. также А. В. Грузинский, Первый период работ над «Войной и миром» — «Голос минувшего», 1923, № 1, стр. 93—110.

⁴ «Новый мир», № 6.

⁵ «Литературное наследство», № 35-36, М. 1939, стр. 286.

⁶ «Литературная газета», 1940, № 57 от 17 ноября.

семейном замысле и о дворянском сословном романе.¹ Не находя среди сохранившихся рукописей материалов, подтверждающих семейный замысел, те немногие исследователи, которые обращались к рукописям, приходили ко второму ошибочному выводу, будто многие рукописи, особенно рукописи ранней стадии работы, не сохранились.²

Рукописей «Войны и мира» сохранилось свыше 5000 листов: автографы, исправленные Толстым копии и корректуры. Из них 91 лист относится к самому раннему периоду работы, к поискам начала романа (рукописи №№ 1—3, 42—49, 51, 52). Анализ их позволяет предположить, что рукописи первоначального периода работы полностью сохранились. Из автографов и копий дальнейшего периода работы утрачены отдельные разрозненные листы, относящиеся к разным частям романа, а также наборные рукописи журнального текста первой и второй частей, напечатанных впервые в «Русском вестнике». Однако сохранившаяся почти полностью рукопись первой части, предшествующая наборной, очень близка к журнальному тексту, и сопоставление ее с публикацией в журнале раскрывает характер последующих исправлений, сделанных либо в наборной, не сохранившейся, рукописи, либо в корректуре. Сохранившиеся автографы второй части разрознены, и не удается подобрать полной рукописи, с которой снималась копия для журнального набора. Однако первоначальные наброски этой части, а также сохранившаяся довольно большая часть рукописи, текст которой во многом весьма близок к журнальному, дают возможность достаточно ясно восстановить процесс работы над второй частью. Дальнейшее содержание романа — от Ольмюцкого смотра в ноябре 1805 г. (по наст. изд. от третьей части первого тома) до конца романа — представлено в рукописях почти полностью от начальных вариантов до наборных рукописей и, кроме того, частично в корректурах. Утрачено много корректур первого отдельного издания, но сохранились в большой части автографы вставок в утраченные корректуры.³ Вставки эти дают представление о том, какие дополнения вносил автор в произведение при работе над корректурами. Таким образом, утраченная часть по отношению к целому настолько незначительна, что она не является серьезным препятствием на пути восстановления процесса создания романа.

¹ См. Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой». Кн. вторая. Шестидесятые годы, Л. — М. 1931, стр. 231; П. С. Попов, «Толстой и о Толстом. Обзор литературы за 1935—1939 гг.» — «Литературное наследство», № 37-38, М. 1939, стр. 740; Л. Мышковская, «Герои «Войны и мира» — «Литературная учеба», 1940, № 12, стр. 20; С. П. Бычков, «Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», М. 1949, стр. 6—7; «Лев Николаевич Толстой». Сборник статей и материалов, Изд. АН СССР, М. 1951, стр. 580; «Собрание сочинений Л. Н. Толстого» в 14 томах, т. 7, Гослитиздат, М. 1951, стр. 351 и сл.; А. М. Лапин, «Роман Л. Толстого «Война и мир» (Эволюция замысла и образы романа)» — «Русский язык в нерусской школе». Методический сборник, вып. 6, Баку, 1952, стр. 31—60; С. П. Бычков, «Война и мир — народно-героическая эпопея» — в сборнике «Творчество Л. Н. Толстого», Изд. АН СССР, М. 1954, стр. 130 и сл.; С. П. Бычков, «Л. Н. Толстой. Очерк творчества», Гослитиздат, М. 1954, стр. 116 и сл.; С. И. Леушева, «Война и мир» Л. Н. Толстого», Изд-во Академии педагогических наук, М. 1954, стр. 10—20.

² Например, в «Литературном наследстве» сообщалось: «Корректур романа до нас дошло сравнительно немного. Из рукописей же пропали значительная часть черновиков, относящихся к первоначальной стадии работы, и отдельные части последующих редакций романа. Это обстоятельство весьма затрудняет выяснение творческой истории великого произведения» («Литературное наследство», № 35-36, стр. 286).

³ Вставки в корректуры часто переписывались, и копии подшивались для ясности к корректурам. Вследствие этого автографы многих вставок, сделанных на отдельных листах, сохранились особо от самих корректур.

III

1 октября 1862 г. Толстой писал свояченице Е. А. Берс, что его «так и тянет теперь к свободной работе de longue haleine¹ — роман или т[ому] п[одобное]». ² В это время Толстой был занят «Казачками» и «Поликушкой». С конца декабря время от времени в Дневнике появляются записи, говорящие о растущем творческом подъеме писателя. «Пропасть мыслей, так и хочется писать», — отмечает Толстой 30 декабря 1862 г. «Эпический род мне становится один естественен», — пишет он спустя несколько дней (3 января 1863 г.). «Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойно-самоуверенного желания писать. Сюжетов нет, т. е. никакой не просится особо, но, заблужденье или нет, кажется, что всякой сумел бы сделать» (23 января). ³ Далее Толстой касается тем и образов, которые приходят ему «с разных сторон», но среди них нет еще ничего, относящегося к тому произведению, которое в ближайшее время полностью захватит его. Через месяц, 23 февраля 1863 г., Толстой отметил в Дневнике: «Перебирал бумаги — рой мыслей и возвращение или попытка возвращенья к лиризму. Он хорош. Не могу писать, кажется, без заданной мысли и увлеченья». ⁴ Быть может, среди бумаг, которые Толстой перебирал, были написанные им два года назад первые главы романа о декабристе. Быть может, с этого времени и началась та работа, которая привела Толстого к эпохе 1812 г. Два дня спустя С. А. Толстая уведомила сестру: «Лева начал новый роман». ⁵ 5 сентября 1863 г. появляется первое точное свидетельство о замысле романа из эпохи 1812 г.: «Вчера мы много говорили о 1812 годе по случаю намерения твоего написать роман, относящийся к этой эпохе», — писал Толстому А. Е. Берс.

Важным документом, который не только дает основание для датировки начала работы, но и помогает решить вопрос о замысле романа, является сохранившийся среди рукописей «Войны и мира» счет книжного магазина на книги, покупавшиеся Толстым между 15 августа 1863 г. и 19 апреля 1865 г. Среди первой партии книг, купленных 15 августа 1863 г., были те, которые служили Толстому основными источниками в течение всей работы над романом: книги А. И. Михайловского-Данилевского о войнах 1805, 1812 и 1813 гг., «История консульства» Тьера, «Записки» С. Глинки и др. ⁶

В письме от 14—15 сентября Е. А. Берс, видимо выполняя поручение Толстого, прислала ему список книг, «в которых говорится что-нибудь о 12-м годе». Она писала: «Их на русском языке замечательно мало, а очерков из общественной жизни почти вовсе нет; все так много заботились о политических событиях и их было так много, что никто и не думал описывать домашнюю и общественную жизнь того времени. Тебе надо получить особенное откровение свыше, чтобы угадать по самым неясным намекам и рассказам. Постарайся послушать очевидцев. На днях я справлюсь ¹ [продолжительной]

² Т. 60, стр. 451.

³ Т. 48, стр. 47, 48, 50.

⁴ Т. 48, стр. 52.

⁵ Письмо С. А. Толстой к Т. А. Берс от 25 февраля 1863 г.

⁶ Список опубликован полностью ниже, стр. 153—154.

в французских и немецких магазинах, но вряд ли буду счастлива. Сколько я ни читала, я, сколько помню, не встретила ни одного описания русской общественной жизни в иностранных книгах. Я слушала некоторые рассказы, но все говорят о том, как мужики били француза, как хотели Кремль взорвать. В какой день кто и куда выехал, а как жили во Владимире, да в Туле, да в Калуге эти выехавшие, никто о том решительно ничего не скажет. Ты очень трудную предпринял задачу, и журналов от того времени никаких нет. Я тебе отметила те книги, где более говорится об общественной жизни, и если хочешь, я куплю их и прочту и отмечу хорошие места или сделаю сокращенные выписки, потому, мне кажется, что я понимаю, что тебе нужно, а это тебе уничтожит скучную сторону твоего труда».¹ Из письма Е. А. Берс можно заключить, что с ее помощью Толстой надеялся разыскать для предстоящей работы материалы о домашней и общественной жизни людей в разных городах России в эпоху войны 1812 г. Ясно, что в замысел Толстого в самом начале входила тема Отечественной войны 1812 г., в частности оставления жителями Москвы и рассказ о том, «как жили во Владимире, да в Туле, да в Калуге эти выехавшие».

А. Е. Берс был также занят разыскиванием материалов для нового произведения Толстого. Он искал их и в печатных изданиях и в устных свидетельствах частных людей, современников 1812 г. О своих находках он сообщал Толстому в письмах к нему. В конце октября А. Е. Берс прислал в Ясную Поляну подлинники писем М. А. Волковой к В. И. Ланской, которые дала для Толстого дочь В. И. Ланской А. С. Перфильева.² В письме от 23 октября 1863 г. А. Е. Берс обращал внимание Толстого на то, что в этих письмах «весьма интересны» сведения «об духе того времени». Толстой тогда же прочел присланные письма, они заинтересовали его, и вскоре он воспользовался ими для своего романа.

Наконец, в октябре 1863 г. появляется первое личное свидетельство Толстого. «Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе, — писал Толстой. — И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Я теперь писатель *всеми* силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал».³

IV

Нельзя точно определить, что именно было написано за время с февраля до осени 1863 г. Ясно лишь, что Толстого интересовало тогда время войны 1812 г. Подтверждается это следующими дополнительными свидетельствами. В дневнике С. А. Толстой 28 октября имеется пометка, говорящая о работе Толстого над «Историей 1812 года».⁴ 15 декабря ¹ Письмо Е. А. Берс к Толстому от 14—15 сентября 1863 г. (впервые опубл. в указанной выше книге Б. М. Эйхенбаума, кн. вторая, стр. 227—228).

² Письма М. А. Волковой к В. И. Ланской частично были напечатаны в «Русском архиве», 1872, декабрь; полностью — в «Вестнике Европы», 1874, №№ 8—12, под заглавием «Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской».

³ Письмо к А. А. Толстой от 17—31? октября 1863 г. — т. 61, стр. 23—24.

⁴ «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 80.

Толстой в Москве приходил к М. П. Погодину за материалами по 1812 г.¹ Возможно, что в тот же приезд или в феврале 1864 г. он брал книги у библиографа и историка литературы М. Н. Лонгинова, а также покупал книги о 1812 г. Из позднейших писем Толстого к М. Н. Лонгинову² известно, что Толстой получил у него «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете»,³ «Походные записки русского офицера», изданные И. Лажечниковым (М. 1836), и книгу П. И. Шаликова «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М. 1813).⁴

До конца февраля 1864 г., упоминая о своей работе в письмах к близким, Толстой продолжал называть ее «романом из 1812 года».⁵ На этом основании можно выделить группу рукописей, написанных в течение первого периода — с февраля 1863 по февраль 1864 г. Таких рукописей сохранилось семь. Они различны по содержанию и по объему, но объединены замыслом о 1812 годе. Некоторые данные позволяют с достаточной долей вероятности наметить хронологическую последовательность создания первых семи рукописей.

Первой следует считать неоднократно публиковавшийся набросок, который принято называть кратким конспектом (рукопись № 47).⁶ «В 1811 году у старого князя Волконского гостил молодой Зубцов», — так Толстой начал, желая сразу ввести в действие. «Молодой Зубцов», как видно из дальнейшего, — тот «блестящий молодой человек», который, по первоначальному замыслу, должен был погибнуть под Аустерлицем. Эта первая фраза тут же зачеркнута, но позднее Толстой еще раз вернется к «молодому Зубцову», теперь же пытается начать с характеристик действующих лиц.

После нескольких вступительных фраз автор перешел к простому перечислению намечавшихся в ту пору действующих лиц с их краткими характеристиками. Старый князь Волконский (впоследствии Волконский) и его дочь княжна Марья, семья графа Толстого (впоследствии Ростова), видимо, с самого начала четко рисовались автору. Будущий Пьер намечен под именем Ильи, как «единственный сын, богач», «кроткой, умница, женат на красавице б.....». Министр Мосальский и его два сына Иван и Петр — это будущий князь Василий с сыновьями. «Вдова Аркадия — кузина и друг детства глупого доброго графа Толстого» — вероятно, будущая княгиня Анна Михайловна Друбецкая. Трое других — сын министра Петр, племянник Толстых Анатолий, брат жены Ильи и уготованная им по этому наброску роль объединятся впоследствии в образе Анатоля Курагина. Ясно представлялся Толстому Берг, которому сразу было дано определение: «ловкий немец делает карьеру больше всех». ¹ Дневник М. П. Погодина (Госуд. биб-ка СССР им. В. И. Ленина).

² См. письма Толстого к М. Н. Лонгинову от 19 и 26 марта 1864 г. — т. 61, стр. 40, 42—43.

³ В этом издании к 1864 г. было уже опубликовано много материалов о 1812 г.

⁴ Две последние книги указаны в цитированном письме Е. А. Берс к Толстому,

⁵ См. письма Толстого к М. Н. Толстой от 20 января и 24 февраля 1864 г. — т. 61 стр. 34 и 37.

⁶ Опубл. т. 13, стр. 13, вар. № 1. Анализ этого и следующих ранних набросков сделан А. Е. Грузинским в указанной выше статье («Новый мир», 1925, №№ 6 и 7), где впервые опубликованы конспекты и ранние варианты начала романа.

Таков первый перечень частных лиц, которые должны были жить и действовать в романе, посвященном 1812 году.

Хронологически следующим можно считать набросок начала, озаглавленный «Три поры» (рукопись № 43).¹ Основание следующее: в первом упомянутом выше наброске есть указание на то, что у князя Волконского одна дочь; о сыне нет никаких упоминаний. В наброске «Три поры» первоначально так и было, и лишь в процессе работы над ним введен сын князя Волконского. Во всех последующих вариантах начала уже утвердилось, что у князя Волконского дочь и сын.

Заглавие «Три поры» и подзаголовок: «Часть 1-я. 1812 год» раскрывают замысел того времени, неразрывно еще связанный с романом о декабристе. По этому замыслу, первая часть, то есть «первая пора» из трех, посвящена «молодости главного героя»; следующие две «поры» — 1825 г., год декабрьского восстания, и 1856 г., год возвращения декабристов из ссылки — должны были, очевидно, составить следующие части.²

Первой главе дано заглавие: «Генерал-аншеф». Набросок начинается с рассказа о старом князе Волконском: приведены краткие биографические сведения, описаны его привычки, образ жизни в Лысых Горах. Все соответствует первоначальной краткой характеристике в предыдущем наброске и содержит основные черты будущего старого князя Волконского. Намечены образы княжны Марьи и ее компаньонки-француженки, которая фигурирует здесь под именем *m-lle Silienne*. Отражены в этом варианте, хотя еще очень бегло, и своеобразные взаимоотношения старого князя с дочерью. Сын старого князя еще не фигурирует. Мысль о нем появилась в процессе работы именно над этим вариантом; сначала возникло лишь краткое упоминание о нем, затем тема сына стала несколько расширяться, но образ его все еще не напоминал князя Андрея. Ход творческих поисков таков. Отрывок о семье старого князя переделывался несколько раз. Первоначально: «В 1811 году княгини уже не было на свете. От нее оставалась одна дочь (17 лет) 21 года, и князь жил один с нею и с француженкой (*Enit[ienne]*) *Silienne*,³ взятой князем из милости для компании дочери. *M-lle Silienne* было 18 лет». О сыне никаких упоминаний нет. Этот набросок тут же зачеркивается и пишется новый — введен сын: «...От нее остались сын и дочь. Князь жил один с дочерью и француженкой *m-lle Silienne*, взятой князем из милости для компании дочери, летом в деревне, зимой в Москве в собственном доме. Сын князя, еще бывший 19 лет от рода, послушался отца, выйдя из университета и поступив в гусары. И с тех пор князь сказал, что у него нет сына. Никто не смел упоминать про него. Князь сам раз в год посылал ему (1200 р.) 500 р., и сына,¹ Оpubл. т. 13, стр. 77—85, вар. № 10. Как в первой публикации А. Е. Грузинского («Новый мир», 1925, № 6, стр. 32—38), так и в т. 13 опубликован не первоначальный текст этого варианта начала, а тот, который возник в период приспособления рукописи к новому замыслу начать действие романа с 1805 г. Именно в позднейший период встречающиеся в наброске даты 1811 г. были исправлены на 1805 г.; тогда же в двух местах вписано имя князя Андрея как сына Н. С. Волконского. В период же создания данного варианта, то есть в первом слое этой рукописи, действие начинается в 1811 г., что естественно вытекает и из подзаголовка: «Часть 1-я. 1812 год».

² Это предположение впервые выдвинул А. Е. Грузинский в указанной выше статье

³ Имя француженки в этом варианте неустойчиво: то *Enitienne*, то *Silienne*. Имя компаньонки матери Толстого, в какой-то мере послужившей прообразом компаньонки княжны Марьи, было: *Louise Henissienne*.

действительно, не было». Этот текст также не удовлетворил писателя; он начал создавать новую ситуацию в отношении сына: «...сын этот женился бог знает на ком, как говорили, и молодая княгиня, оставленная им без средств в Москве, по проискам княжны, была привезена в Лысые Горы и жила во флигеле. Она была на сносях». Не dokonчив и этого варианта, Толстой зачеркнул его, заменив другим: «...сын этот женился бог знает па ком, как говорил князь, и отец его знать не хотел, хотя теперь перед кампанией он позволил привезти к себе жену, чтобы не бросить ее на улице, и самому приехать проститься». Так, в процессе работы над первым вариантом начала романа, постепенно подготавливалось в сюжете место будущего князя Андрея.

В законченном виде первый вариант начала содержит характеристику князя Волконского и уклад его жизни в Лысых Горах в 1811 г. с дочерью и француженкой *м-ле Silienne* (вся эта тема будет позднее развита в последних главах первой части первого тома).¹ В Лысых Горах ожидают приезда сына, беременная жена которого уже находится в имении. Старый князь раздражен и недоволен приездом сына, которого он не хочет видеть. В это время приезжают «молодые князья Т. с гувернером из-за границы». Это будущие Ипполит и Анатолий Курагины, здесь они Иван и Петр — персонажи, знакомые по первому наброску. О них из этого варианта начала известно лишь, что «оба были дураки. Старший вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими наклонностями. Он начал волочиться за княжной и опротивел ей. *Enitienne* хорошо приняла его». Это зерно будущей сцены приезда Анатоля Курагина в Лысые Горы, которое будет развито впоследствии во втором томе. Заканчивается набросок конспектом беседы старого князя с гостями о войне: «Князь разговаривал о Наполеоне. Он видел его силу, но презирал его... Аббат презирал революцию, но уважал *la capitale du monde*.² Речь о делах с австрийцами. Должны проходить войска». Далее также конспективно изложены происшедшие в доме события: роды невестки, поведение Ивана и Петра Т. («Иван соблазняет Александру, Петр — *Enitienne*»), и отношение старого князя ко всему происшедшему: «Князь переносит твердо и всё приводит в порядок».

На этом довольно развитый вариант начала оборвался. На полях первого листа этого наброска записаны отдельные мысли автора. Некоторые из них позволяют частично представить дальнейший замысел. Например, пометка: «Переходил через границу завоевателем, всё покорялось, теперь едет покоряться кондуктору»,³ конечно, относится к Наполеону. Другая заметка: «Дибич противн. взял в левую руку шпагу» будет использована в следующей рукописи для характеристики поведения Берга под Бородиным.

Дальнейшие записи относятся к пребыванию французов в Москве: «Мальчик в Москве рад свободе, происшедшей от французов. Злодей француз колет и тот же самый на квартире кроткой». Вторая фраза, быть может, содержит зерно замысла о французе Пончини (в окончательной¹ По наст. изд. т. I, ч. 1, гл. XXII—XXV.

² [столицу мира.]

³ Кондуктор — унтер-офицер.

редакции — Рамбале), с которым встретился Пьер в занятой французами Москве. Последняя заметка на полях: «Любезничает с пленными и дает им хлеб, а Топчеенко есть нечего». Видимо, в ней отражен замысел какого-то эпизода на войне. Позднее в конспективных записях, а также в седьмом варианте начала встретится имя Топчеенко.¹ Конспект беседы старого князя с аббатом, а также заметки на полях дают все основания утверждать, что в самый ранний период работы над романом тема войны входила в план.

Если рассматривать этот набросок не изолированно, а в ряду всех последующих набросков начала, то можно выдвинуть предположение, почему вариант не удовлетворил автора и не получил дальнейшего развития в этот период работы. В последующих вариантах автор будет, так же как и здесь, пытаться ввести в самом начале повествования беседу о Наполеоне и войне. Быть может, этот вариант отброшен именно потому, что в нем не создалась обстановка, дающая возможность перехода к тем большим историческим вопросам, которые были основной задачей задуманного произведения. Отдаленное от Москвы и Петербурга имение, а также общественное положение находящегося в немилости генерал-аншефа не позволяли собрать в Лысых Горах людей разных направлений, к чему, как будет видно из дальнейших поисков начала, Толстой стремился для того, чтобы сразу начать действие исторического романа. Это начало было оставлено, и Толстой стал искать другое.

Вернее всего, что после варианта «Три поры» Толстой начал составлять новый перечень действующих лиц своего будущего произведения (рукопись № 1).² В этом перечне нет больше колебаний насчет сына князя Волконского, а точно указано: «Дочь и кутила русопят сын»; такая характеристика близка к тому образу, какой был намечен в процессе работы над вариантом начала «Три поры». На этот раз создается не краткое перечисление персонажей, как в первом наброске, а подробный перечень девятнадцати действующих лиц с их развернутыми характеристиками по определенным рубрикам: «Имущественное», «Общественное», «Любовное», «Поэтическое», «Умственное», «Семейство». По этим рубрикам составлена характеристика каждого героя, конспективно намечена в основных чертах жизнь каждого «с 11 по 13 год» и определен возраст данного героя в эту пору. В этой рукописи точно определены хронологические границы действия: 1811—1813 гг. Эти даты позволяют предположить, что либо замысел представить в своем произведении «три поры» уже отпал, либо этот конспект составлен только для первой части задуманного романа. В центре внимания автора — 1812 год. Жизнь героев предполагается описывать с 1811 г., с тем чтобы подготовить всю обстановку и людей к 1812 году — кульминации романа. Из этой рукописи можно усмотреть, что Толстой намерен был описать войну 1812 года с момента перехода французских войск через Неман. Это явствует из намеченной сцены: «В Вильне бал»; видимо, речь идет о том самом бале, на котором Александр I узнал о переходе вражеской армии через границу.

¹ См. т. 13, стр. 107.

² Оpubл. т. 13, стр. 13—21, вар. № 2.

Итак, определены основные черты каждого из намеченных действующих лиц (многие из них уже близки к будущим образам «Войны и мира»), намечена их взаимосвязь, причем указывается не только на личную судьбу героев, но непременно и на их участие в самом главном историческом событии той поры — в Отечественной войне 1812 г.

Перечень действующих лиц начинается с Бориса, однако надо заметить, что характеристика его совершенно отлична от характеристики Бориса в первом наброске. Здесь он «честолюбив, тактичен, тверд в исполнении долга. Кроток с подчиненными», тогда как в первом он «глуповатый рыцарь, красавец». В новой характеристике Борису присвоены черты, не связывающие этот персонаж с образом князя Андрея: он «пишет стишки в альбом», «высоко ценит... семейную жизнь», и роль его в романе, особенно до войны 1812 г., совсем другая; но ряд деталей, схема взаимоотношений с Наташей и, главное, участие в Бородинском сражении сближают образ действующего лица, названного здесь Борисом, с будущим князем Андреем. Вначале отмечено, что Борис «Наполеона обожает». Так намечается его отношение к Наполеону до войны 1812 г. В походе 12-го года он получает «важное назначение». Во время отступления русских войск в начале войны «он всё забывает, под влиянием чувства долга,¹ командует полком». Далее имеются глухие пометы: «перед Бородиным», в «ночь накануне Бородина», свидетельствующие о намерении автора показать своего героя перед Бородинским сражением, и, наконец, «под Бородиным без фраз уже он хочет умереть». В Бородинском сражении его ранят, раненого «везут в Москву и на их [Толстых] подводах в Нижний». Нетрудно узнать в наброске ту схему, по которой впоследствии будет развиваться жизнь князя Андрея.

В характеристике второго героя, Петра, образ которого в целом был, видимо, еще менее ясен автору, собраны самые различные черты: и те, которые будут приданы Анатолю, и эпизоды жизни Пьера. Его роль в 1812 г. определена несколькими заметками: указано, что он «страстно любит Россию», «Наполеона ревнует», «ненавидит лично Наполеона». Глухо упомянута его связь с ополчением, партизанами. Есть помета: «Канун Бородина» — возможно, намечался его приезд в армию накануне Бородинского сражения (что было осуществлено в окончательном тексте). Далее указано, что Петр «отдает всё и имеет цель революцию и работает как вол за солдат».

Точно так же в характеристике других героев отмечаются их отношение к Наполеону и поведение в 12-м году: на бале в Вильно, под Бородиным, в Москве в 1812 г. Берг «на бале в Вильно блестящий офицер», «под Бородиным хватает шпагу² в левую руку и награжден генералом и начальником». «Убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями». Образ Берга Толстому ясен. Замысел автора — противопоставить действительных героев тем людям, которых Толстой определит позднее как лоящих «рубли, кресты, чины». Для будущего старого графа Ростова,¹ Первоначально, вместо «под влиянием чувства долга», Борис действует «под влиянием оскорбленного чувства».

² Ср. выше запись на полях о Дибиче, взявшем в левую руку шпагу.

который именуется здесь графом Толстым, указано, что он «торопится увезти всю библиотеку из Москвы (о Наполеоне не знает, хвалить или ругать) и на подводах возит раненых». Сын его Николай «просится на войну. Делает всё, что другие». Иван Куракин «уважает Наполеона. В 12-м году ничего не видит, кроме спасения своего достояния и карьеры». Анатолий «живет в Москве, бежит». Волконский «не верит 12-му году... французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять, и вдруг до лает больше всех». Марья Волконская «делает корпию, за ранеными». Аркадиева жена, будущая Элен, «у французов в Москве в связи с генералом».

Рассматривая эту рукопись как конспект романа, А. Е. Грузинский указал, что не видно, «какое именно место займет в замысле Отечественная война: нет вовсе упоминания о военных действиях; все события говорят о личной судьбе героев; ясно лишь одно, что война содействовала духовному росту и возрождению нескольких из них». А. Е. Грузинский пришел к выводу, что у Толстого «не было замысла давать батальные сцены». С большим правом эта рукопись позволяет выдвинуть другое предположение. Подробный перечень действующих лиц, так же как и первый краткий перечень их, — конечно, не конспекты, а вернее всего следы того периода работы, когда Толстой «пытался сначала придумать романическую завязку и развязку»¹ для своих героев, которых он намерен был провести через исторические события. В этой рукописи вообще никакие сцены не намечены, ни сцены «мира», ни сцены «войны». Толстому, вероятно, ясна была историческая часть задуманного произведения: в хронологической последовательности рассказать об Отечественной войне, но он писал не историю, а художественное произведение на историческую тему, и потому ему надо было уяснить себе, кого и как он должен показать, чтобы в его произведении действовали реальные люди в конкретных исторических условиях. Обусловленный этим замыслом план жизни действующих лиц и составлялся автором.

К этому же раннему периоду относится, бесспорно, еще одна рукопись с записью отдельных мыслей к роману (рукопись № 2).² Открывается она заметкой о Наполеоне: «Наполеон откупщик. Презрение к людям, успех. Врозь презирают, вместе поклоняются». Заканчивается рукопись конспектом первой главы, которая озаглавлена «Вал».

Среди ранних рукописей «Войны и мира» сохранились два варианта начала, открывающие действие с описания бала.³ Они, видимо, хронологически следуют непосредственно за выше рассмотренными рукописями. Первый из них (рукопись № 42) начинается с точного указания времени действия: «В 1811-м году, в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I-му и Коленкур был заменен Лористоном, в городе был бал у екатерининского вельможи князя N.» Совершенно ясно, что такое вступление, сразу затрагивающее историческое событие, которое стало началом спора между Россией и Францией,¹ См. т. 13, стр. 55.

² Оpubл. т. 13, стр. 21—22, вар. № 3.

³ Оpubл. т. 13, стр. 68—70, вар. № 6, стр. 58—68, вар. № 5.

предполагало в дальнейшем развитие этих событий. Как бы по контрасту с назревающими в стране тяжелыми событиями, непосредственно после этой вводной фразы — переход к описанию бала, на котором должен присутствовать Александр I. Написана только сцена перед «известным всему городу домом вельможи» на Английской набережной, куда подъезжают в каретах «блестящие фигуры». В толпе, в которой были «и женщины и дети, и чисто одетые, и люди в кафтанах и шубах», находился также «не только чисто, но и по последней моде одетый господин». Имя персонажа — Анатолий Шимко. Быть может, это тот самый упомянутый в первом кратком перечне действующих лиц Анатолий, «молодой пройдоха», который встречается также во втором подробном перечне действующих лиц, где ему дана резко отрицательная характеристика. После приезда императора толпа начинает расходиться. Из зачеркнутых далее строк известно, что Анатолий, огорченный тем, что он не приглашен на бал, отправляется к Петру Криницыну.¹ Набросок обрывается в самом начале характеристики Петра Криницына. Судя по нескольким последним строкам, Петр Криницын и есть Петр, намеченный во втором подробном перечне действующих лиц. Этот вариант начала отброшен и пишется новый. Произведение открывается вступлением, содержащим характеристику общественно-политической обстановки в России и в Европе, главным образом во Франции.² Хронологические даты исторического периода, охватываемого вступлением: 1807—1811 гг. Первая фраза точно определяет замысел автора довести повествование до конца Отечественной войны. «Это было между Тильзитом и пожаром Москвы», — так начал Толстой свое произведение в четвертый раз и дал краткий обзор исторических событий за пять лет. В рассматриваемом наброске вступления, написанном не позднее осени 1863 г., отчетливо проявилась позиция автора в отношении Наполеона и его завоевательной политики. В тоне обличения говорит Толстой о преклонении перед Наполеоном и всем французским, воцарившемся, особенно в высших светских кругах, после Тильзитского мира, почти в сатирической форме рисует личность французского императора и его стремление к господству над европейскими государствами. От резко обличительной и местами сатирической характеристики Наполеона и его действий Толстой переходит к последним политическим событиям, ко времени которых приурочивается начало действия в произведении.

Резко отрицательное отношение к личности Наполеона, отчетливо выступающее в этом вступлении, Толстой высказал еще в 1857 г., после осмотра гробницы Наполеона: «Обоготворение злодея, ужасно».³ О том же свидетельствуют и его записи, сделанные тогда, весной 1857 г., при чтении воспоминаний о Наполеоне французского государственного деятеля Ласказа.⁴ Книгу эту, написанную «в духе прославления Наполеона», Толстой впоследствии называл «самым драгоценным материалом»¹ Толстой подбирал для Петра фамилии: Куракин, Красновицкий и, наконец, Криницын.

² Оpubл. т. 13, стр. 58—68, вар. № 5.

³ Дневник, 4/10 марта 1857 г. — т. 47, стр. 118.

⁴ C-te de Las Cases, «Memorial de Sainte-Hélène», Paris, G-ustave Barba, libr.-édit., s. a. Tt. 1—2.

для характеристики Наполеона. Определившееся в молодости отрицательное отношение к Наполеону осталось у Толстого неизменным навсегда, и он, по собственному его выражению, дорожил этим взглядом. «Светлых сторон не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются все темные, страшные, которые представляет это лицо, — писал Толстой о Наполеоне спустя двадцать с лишним лет после окончания «Войны и мира». — Самый драгоценный материал, это *Mémoires de St. Hélène*. И записки доктора о нем.¹ Как ни раздувают они его величие, жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка».² Такова была незыблемая оценка Наполеона Толстым в течение всей его жизни; и с этой-то оценкой Наполеона подошел Толстой к его изображению в своем произведении об эпохе 1812 г.

Обличительный тон переносит Толстой и на Александра I, подчеркивая, что захватнические действия Наполеона в отношении европейских государств вызвали возмущение русского императора только потому, что были задеты владения его родственника.

Вступление заканчивается текстом письма Наполеона к Александру I и ответом Александра I,³ то есть теми самыми документами, которые только упомянуты в первой фразе предыдущего наброска начала и которые рассказывают о назревавшем конфликте между Россией и Францией и подводят к началу действия самого произведения. Действие открывается великосветским балом, где присутствует Александр I, который «был озабочен, что могли заметить только самые приближенные к нему люди. Причину же озабоченности его знали только те некоторые, которые были призваны к составлению ответа императору Наполеону». Среди присутствующих на бале названы князь Куракин, его сыновья, «ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель-адъютанты», князь Кушнев, «урожденная Княжнина, фрейлина, известная своей красотой, только что вышедшая за молодого князя Кушнева; одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего», и, наконец, «мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга». Перечисленные лица, хотя и с существенными изменениями, но уже связываются с будущими героями «Войны и мира». Граф Зубцов напоминает князя Андрея, отчасти внешностью (но не поведением), своим положением в свете и, главным образом, дружбой с молодым князем Кушневым, будущим Пьером. Два друга очень обрадовались встрече, и князь Кушнев начал сразу разговор о Наполеоне. «Ну, а что ты скажешь про Бонапарте? А? его здесь называют императором Наполеоном, но я его не признаю, и для меня это всё еще *un mauvais drôle*,⁴ от которого долго не будет людям покоя». В атмосфере преклонения перед всем французским, описанной Толстым во вступлении и отмеченной при описании бала («Нечего упоминать, что всё говорилось только ¹ O'Meara, «*Napoleon in exile or a voice from St. Hélène*», London, 1822 (O' Мeara, «Наполеон в изгнании, или голос со св. Елены»).

² Письмо А. И. Эртелю от 15 января 1890 г. — т. 65, стр. 4—5.

³ См. т. 13, стр. 58.

⁴ [злой шутник,]

по-французски», — заметил Толстой по поводу встречи гостей хозяевами), отрицательное высказывание о Наполеоне сразу выделяет этого героя самостоятельностью суждений из среды, в которой только отпечатывались настроения и суждения придворной верхушки. Фрейлина Княжнина, хотя она здесь никак не связана с князем Василием, несомненно, предшественница Элен, а черты воспитанницы князя Куракина, молодой жены Берга, сохраняются в образе Веры Ростовой. Упомянут еще в варианте «старичок» Волхонский, с которым князь Кушневы «вступил в ожесточенный спор о Наполеоне». Быть может, Толстой хотел вывести в такой роли на бал старого князя Волхонского, будущего князя Болконского.

Познакомив с присутствующими на бале гостями, которым надлежало играть в произведении основные роли, Толстой перешел к описанию поведения каждого из присутствующих, ввел рассказ о дурной репутации Петра Куракина, — и на этом набросок оборвался. В дальнейшей работе Толстой воспользуется этой рукописью при описании первого бала Наташи Ростовой, но в данный период вариант начала не получил дальнейшего развития и был отброшен.

Видимо, попытка дать вступление с характеристикой эпохи не помогла автору развернуть действие на уже определенном фоне, и он снова возвращается к приему, намеченному в первых набросках: начать действие сразу. Но, быть может, вступление, в котором Толстой охватил весь период от Тильзитского мира до вновь возникшего осложнения между государствами, навело его на мысль и действие в произведении начать не с кануна Отечественной войны, а с периода между двумя войнами. В новом, пятом, варианте действие начинается в 1808 г. и перенесено из Петербурга в Москву, в дом графа Простого (под этой фамилией выведен здесь будущий граф Ростов). Толстой набросал несколько строк: «В Москве 1 января 1808 года у графа Василия Андреевича Простого обедали за именинным обедом родные и гости. Всех сидело за обедом с детьми и гувернерами и гувернантками 32 человека. Обед приходил к концу». Опять, как в трех первых вариантах, попытка начать действие с собрания людей, где должна завязаться беседа по злободневным политическим вопросам, которая должна ввести в эпоху. Написанные строки тут же зачеркиваются, и у Толстого возникает мысль предпослать своему произведению предисловие и поделиться с читателем трудностями, возникшими в процессе работы.

В этом предисловии, писавшемся не позднее конца 1863 г., Толстой определяет замысел произведения, как «историю из 12-го года», которая все яснее становилась для него и «настоятельнее и настоятельнее просилась в ясных и определенных образах на бумагу». Он пытается объяснить причины неудач в своей работе. То ему казался «ничтожным» прием, которым он начинал, то он сознавал невозможность «захватить всё», что знал и чувствовал из того времени, то «простой, пошлый литературный язык и литературные приемы романа казались... несообразными с величественным, глубоким и всесторонним содержанием», то становилась противна необходимость «выдумкой связывать те образы, картины и мысли», которые «сами собой родились» в нем. «Больше всего меня стесняют, — пишет Толстой, — предания, как по форме, так и по содержанию. Я 34

боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писанье не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило, и дело мое не подвигалось, и я начинал остывать к нему». Предисловие является бесспорным доказательством того, что в самом начале работы перед Толстым стояла «необходимость описывать значительных лиц 12-го года», т. е, замысел ввести в роман исторических деятелей появился в самый, ранний период работы. Еще один важный вывод можно сделать из этого. предисловия: тревога Толстого, что при описании исторических деятелей ему придется «руководиться историческими документами, а не истиной», со всей очевидностью говорит о том, что Толстому надо было в отношении исторических событий и лиц сказать свое новое слово, отличное от того, какое он мог найти в ту пору в тенденциозно составленных: работах дворянских и буржуазных историков. Предисловие Толстой закончил признанием, что, «помучившись долгое время», он «решился откинуть все эти боязни» и писать только то, что ему «необходимо высказать, не заботясь о том, что выйдет из всего этого» и не давая своему труду «никакого наименования».

Непосредственно за предисловием вписано заглавие, очевидно первой главы: «Именины у графа Простого в Москве 1808 года».¹ Действие происходит в доме графа Простого; семья графа, обстановка за именинным? столом напоминают известные главы первой части заверченного романа. Но не семья графа Простого в центре внимания автора, так же как не семья князя Волхонского в наброске «Три поры». Рассказ с первой, же фразы начинается спором молодого Безухова с гостями о Наполеоне. «Споривший юноша» Леон — «единственный сын князя Безухого, наследник 40 тысяч душ и огромных капиталов бабки». «Он спорил со всеми. Все были против него», но «сердитее» всех он обращался к «старичку в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обезьяней нижней челюстью... Это был князь Василий». Почти отталкивающая внешность князя Василия и ряд замечаний о нем других действующих лиц; разъясняют отношение автора к этому персонажу.

Таким образом, изменив обстановку, Толстой ввел в действие знакомых по предыдущему варианту и князя Василия и молодого Безухого. Среди гостей за обедом у графов Простых присутствуют также сыновья князя Василия и молодой паж Борис Мещерин. В центре — спор о Бонапарте; будущий Пьер опять высказывает мнение о Наполеоне, противоположное утвердившемуся в высшем обществе. «Спор разгорался всё более и более». Так закончился этот вариант начала.

В шестой раз Толстой начинает роман (рукопись № 47). На новом листе появляется новое заглавие «День в Москве», и затем — тут же зачеркнутый подзаголовок «Именины в Москве 1808 года».² Действие ¹ Пятый вариант начала опубли. т. 13, стр. 169—172, но не в его первоначальном виде, а с исправлениями, сделанными после того, как Толстой перенес эту рукопись в состав следующего варианта начала. Предисловие, непосредственно связанное с пятым вариантом начала, опубли. отдельно там же, стр. 53, вар. 1.

² Опубли. т. 13, стр. 150—173, вар. № 19.

открывается также в доме графа Плохого (вместо простого), но не с именинного обеда, за которым разгорается спор, а утром того же дня. На полях первой страницы имеются конспективные записи к содержанию ближайших глав.¹ Среди них читаем: «За обедом умный и тонкий разговор о политике... Иван Куракин, Берг за правительство... Большие и малые о Бонапарте».

Текст нового варианта разделен на девять небольших глав. В первых четырех описаны дом и семья графа Плохого. И характеристики, и обстановка, и гости, приезжающие поздравлять, и сцена вбежавших в гостиную детей с куклой, взаимоотношения между детьми — все близко к окончательному тексту. В пятой и шестой главах действие переносится из дома графа Плохого в дом умирающего графа Безухого, и здесь читатель знакомится с княгиней Анной Алексеевной Щетининой (впоследствии Друбецкой), которая приехала вместе с сыном Борисом и «чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность». Тут же Толстой раскрывает суть ее обязанности: «Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы вместе с пальцем получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась». Образ будущей княгини Друбецкой автору ясен. Сюда же перенесены персонажи, наметившиеся в предыдущих вариантах: князь Василий, выведенный здесь под фамилией Позоровского, «светский дипломат», занимавший «одну из высших должностей, приехавший за тем же, за чем княгиня Щетинина», и молодой граф Безухий, именуемый в этом варианте Аркадием. Довольно подробно характеризуя Аркадия, Толстой отмечает, что он «слишком тонко чувствовал», был «добр и мягок», и всем поведением и образом мыслей выделялся из окружающей его среды: он «был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года, и поклонник Бонапарта». Представив Аркадия Безухого поклонником Наполеона, Толстой отразил отношение прогрессивной части русского дворянства к Наполеону в первые годы его прихода к власти. Таким будет выведен Пьер и в законченной первой части романа.

Сцена в кабинете умирающего графа Безухова наполнена отдельными деталями, которые со всей очевидностью раскрывают отрицательное отношение автора к высшему свету. Граф Безухий «умирал, но все условия света были для него так же неизбежно обязательны, как прежде», — отметил Толстой.

Связывая все содержание с темой войны, Толстой стремится ввести злободневные политические темы даже в разговор умирающего графа Безухого с княгиней Щетининой, которая далека была от интересов государства и занята только мыслями о личном благополучии. Граф Безухий «стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского», рассказывал о том, что сын говорил ему «про Бонапарта, его распоряжения, про дух французов».

¹ Опубл. т. 13, стр. 150, прим. 1. Постоянно появляющиеся во всех рукописях заметки на полях, эти отражения творческих размышлений автора, являются значительным подспорьем для анализа хода мысли писателя.

Последние три главы посвящены именинному обеду у графа Простого. Описаны съехавшиеся к обеду гости: кузен графини Простой, желчный, известный умник Шеншин, гвардейский офицер Берг, Борис Щетинин, затем князь Василий. В резко обличительном тоне продолжает Толстой рисовать облик князя Василия, направляя главное внимание не столько на его внешний портрет, как это было в предыдущем варианте, сколько на внутреннюю фальшь этого персонажа.

Среди собравшихся гостей шел разговор о последних политических событиях, об эрфуртском свидании, спор о Наполеоне и о неизбежной войне. В это время вошел молодой Безухов и вступил в разговор. Доведя свой новый вариант начала до назревавшего спора, Толстой присоединил к нему в виде продолжения (глава 8) предыдущий вариант, который открывается происходящим за именинным обедом спором.

Теперь в присоединенной рукописи все сидящие за столом лица уже хорошо знакомы читателю, чего не было в предыдущем варианте. Объединив две рукописи, Толстой продолжил текст, написав еще одну, девятую, главу. «Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о достоинствах Бонапарта продолжался весь обед», — так начинается новая глава. «Князь Василий отстал от спора, не находя его для себя приличным; тем более, что в последнее время в Петербурге все возгорелись энтузиазмом к Франции и Наполеону, и князь Василий, чуткой всегда на политические *mot d'ordre*,¹ теперь, получив назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессиононал к нему высокое уважение». Шеншин продолжал спорить, резко осуждая возникавшее в России после Тильзитского мира преклонение перед Наполеоном. Князь Василий был в споре «выведен почти из себя».

На этом прерывается политический спор за обедом, и Толстой перешел к другим участникам обеда — детям. Написан известный по окончательному тексту эпизод с Наташей, смело спросившей о сладком блюде, и конспективно изложен дальнейший текст вплоть до разъезда гостей от графов Простых.

Текст обрывается на полужазае. Очевидно, он был несколько продолжен, по точно установить это не удастся. Рукопись частично была использована позднее при создании последней редакции соответствующих глав первой части, отдельные листы могли быть перенесены в новую рукопись, а быть может, утрачены.

Шестым вариантом начала закончился первый период работы, то есть период создания «Истории из 1812 года».

Последняя рукопись создавалась, очевидно, в конце 1863 — начале 1864 г. С. А. Толстая писала родным 16 декабря 1863 г.: «Лева опять перевел кабинет вниз и целый день пишет. Он свою рукопись оставил у папа в кабинете. Просит сберечь и переслать нам». Толстой сам тут же добавил: «поскорее». 19 декабря Толстой извещал И. П. Борисова: «Я всё пишу длинный роман, который кончу, только ежели долго проживу».² Из писем Толстого к сестре Марии Николаевне от 20 января и 24 февраля 1864 г. известно, что в то время он все еще называет свою работу¹ [лозунги,]

² Т. 61, стр. 27

«романом из 1812 года». Следовательно, ко времени пребывания его в Москве 6—16 декабря 1863 г. могли относиться только рукописи, содержание которых непосредственно относится к 1812 г. Таких рукописей (кроме двух списков действующих лиц) четыре: «Три поры», два варианта, начинающиеся с бала в 1811 г., и, наконец, «День в Москве». Последняя рукопись по объему самая большая (18 листов; рукопись № 47), и создавалась она, видимо, в течение продолжительного времени. Приведенные данные позволяют предположить, что именно эта рукопись или какая-то часть ее была автором забыта в Москве в декабре 1863 г.

К этому же периоду работы относятся, очевидно, конспективные заметки, сделанные на листке, содержащем также текст записки к Т. А. Ергольской, датированной 4 декабря 1863 г. (рукопись № 3).¹ Действующее лицо с именем Аркадий связывает эти заметки с рукописью «День в Москве», упоминание же о Сперанском свидетельствует, что автор относил содержание заметок не ранее, чем к 1808 г.; намеченное действующее лицо Федор, 16 лет, связывает набросок со следующим вариантом начала, в котором сын графа Простого назван Федором.

Почти год прошел с тех пор, как Толстой приступил к новому произведению, но работа все не налаживалась. В процессе создания шести вариантов начала, в особенности последнего, довольно ясно сложились образы некоторых из основных героев, написаны картины быта, правда пока еще только в доме графа Простого и отчасти в доме старого графа Безухого, — все это и по содержанию и по композиции уже близко напоминает главы X—XIX первой части законченного романа, однако действие в них не развивается, и появляющиеся одна за другой рукописи новых начал произведения во всех случаях обрываются на спорах действующих лиц по острым политическим вопросам времени.

Каждая из рассмотренных рукописей с полной убедительностью доказывает, что не на хронике двух дворянских родов сосредоточивал автор внимание и что не потому он отбрасывал вариант за вариантом, что не находил яркого описания этих семейств, их быта и нравов. Причина новых и новых поисков лежала в том, что Толстому не удавалось, должно быть, найти такую сюжетную завязку, которая обеспечивала бы возможность планомерного развития действия исторического романа. Ни в Лысых Горах, ни на петербургском бале у знатного вельможи Толстой не мог собрать для серьезного политического спора на злободневные темы общество людей различных направлений. Гости, съехавшиеся на именины к московскому графу, по своему общественному положению, далекому от придворных великосветских кругов, также не создали, как и Лысые Горы, той благоприятной среды, которая нужна была для показа различных общественных мнений. Использованная в четвертом варианте попытка развернутого исторического вступления с характеристикой эпохи также была отвергнута.

В седьмом варианте Толстой начинает произведение иначе — сразу с войны, еще раз отодвигая начало действия в глубь истории, от 1808 года к первой войне России с Наполеоном. Это был тот «третий раз»,¹ Оpubл. т. 13, стр. 22—23, вар. № 4.

когда Толстой отодвинулся назад, теперь с целью показать, что «сущность характера русского народа и войска», бывшая «причиной торжества в Отечественной войне 1812 года», должна была «выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений». Если бы Толстой задумал писать семейную хронику, вряд ли в поисках начала пришла бы ему мысль открыть действие батальной сценой и ввести в текст философские рассуждения о войне и военной истории.

Содержание седьмого варианта начала (рукопись № 46) таково: Ольмюцкий смотр, состояние русской армии перед Аустерлицким сражением, авторские отступления с оценкой исторических событий и изложением взгляда на роль личности в истории и на другие вопросы исторического процесса, наконец самое Аустерлицкое сражение.¹ Действующие лица в этом варианте: молодой граф Федор Простой (будущий Николай Ростов), Борис Горчаков, Берг и Андрей Волхонский. Эти имена и ряд других деталей сближают анализируемый вариант с предыдущими: «Три поры» и «День в Москве». Из них заимствовал Толстой материал для характеристики действующих лиц, а также некоторые подробности об их семьях и много отдельных деталей.

В этом варианте впервые вводятся исторические деятели: Кутузов и Багратион, Александр I, Наполеон, австрийский император Франц и другие участники первой войны России с Наполеоном.

«12 ноября 1805 года русские войска, под командой Кутузова сделавшие отступление к Бонну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров», — так начинает Толстой новый вариант. Кутузовская армия уже стояла под Ольмюцем и ожидала гвардию. Точно определив место исторического действия, хронологическую дату начала его, Толстой знакомит читателя с действующими лицами. Пользуясь чертами, найденными в процессе предыдущей работы, он создает образы, значительно приближающиеся к окончательному тексту, а некоторые сцены даже дословно совпадающие с ним.

В этом варианте впервые подробно нарисован образ князя Андрея. В письме к Луизе Волконской от 3 мая 1865 г. Толстой рассказал, как постепенно созревал образ князя Андрея и как выяснялась его роль в романе. «В Аустерлицком сражении, которое будет описано, но *с которого я начал роман* (курсив наш. — Э. З.), мне нужно было, — писал Толстой, — чтобы был убит блестящий молодой человек; в дальнейшем ходе моего романа мне нужно было только старика Болконского с дочерью; но так как неловко описывать ничем не связанное с романом лицо, я решил сделать блестящего молодого человека сыном старого Болконского». Рукописи подтверждают этот процесс в работе. Начиная с седьмого варианта,¹ Оpubл. т. 13, стр. 95—149, вар. №№ 13—17. Начало вар. № 14 относится к более позднему этапу работы. При публикации всей рукописи в т. 13 не разделены слои авторских правок, относящиеся к разному времени. Из-за смешения слоев создалась путаница имен: то Волконский, то князь Андрей, то Простой, то Ростов. Утвердившиеся в окончательном тексте имена автор вводил в эту рукопись значительно позднее, когда пытался использовать ее для третьей части первого тома романа.

Много совершенно правильных предположений сделал в отношении седьмого варианта начала А. Е. Грузинский (см. «Новый мир», 1925, № 6, стр. 12—14), однако ему не удалось подобрать всей рукописи полностью, и он анализировал лишь отдельные отрывки. Совершенно неожидан вывод Грузинского, что при создании этого варианта интересы «мира» все еще заметно перевешивали элементы «войны».

закреплен образ князя Андрея и определена его роль для первых частей романа. После описания Ольмюцкого смотра Толстой приводит отсутствующие в законченном романе толки в армии «о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно когда подойдет еще корпус Эссена и Пруссия пришлет резервы. Австрийцев ненавидели... говорили, что они изменят».

Необходимо подробнее остановиться на этом варианте начала, играющем важную роль в решении вопроса о первоначальном замысле романа «Война и мир». Он важен и для подтверждения тезиса, что «война» и «мир», две стороны исторической жизни того времени, развивались в романе уже на первых стадиях работы одновременно. Этот вариант начала важен и для понимания позиции автора в отношении описываемых им исторических событий и лиц. В анализируемой рукописи имеются упоминания и ссылки на работы А. И. Михайловского-Данилевского и Тьера, которые были широко использованы Толстым при создании седьмого варианта начала. Все даты, исторические факты, имена участников Аустерлицкого сражения, описание обстановки, предшествующей сражению, самый ход сражения в его основных чертах, и даже погода, которая была в тот день, — все это построено на материале книги А. И. Михайловского-Данилевского о войне 1805 г. Извлекая из исторических источников фактические данные, Толстой следовал своему неизменному правилу: при создании исторических произведений до мельчайших деталей быть верным действительности. Конечно, ни в одном из печатных источников того времени не мог Толстой найти свидетельств или документов, прямо говорящих о трудностях и неблагоприятных условиях, в которых приходилось действовать Кутузову, уже в период первых войн с Наполеоном проявившему свой полководческий талант. В освещении событий Толстой стремился следовать правде истории. Это со всей силой отражено в анализируемом варианте начала. В разговоре с Борисом Волхонский рассказывает о положении в штабе перед Аустерлицким сражением: «...теперь все заняты и растеряны, как никогда. Немецкая партия требует наступления. Им всё равно, разбиты ли мы будем или нет... У нас с утра до вечера то шпионы, то лазутчики. И верить им надо... И нельзя гонять их, надо приличия соблюдать... Ежели бы они были одни, Михаил Илларионович мог их прогнать, а теперь нам их присылают из главной квартиры». С подчеркнутой иронией и с открытым возмущением Толстой описал штабную военщину и ее иностранных представителей на военном совете. Он исторически верно показал, как в штабе, вопреки воле Кутузова, решено было дать сражение, на котором настаивали Александр I и австрийский император Франц, и был принят план Вейротера, приведший к поражению.

Отмечая полное отсутствие единства в военном руководстве, Толстой противопоставляет ему абсолютное единство в войске, где все слиты, где есть «только артиллерия, пехота, конница... Каждый член этих громад помнит всё и вполне забывает себя». И дальше в этой рукописи Толстой уделяет много внимания настроению солдат, показывая, как велика в войне роль народа, который добывает победу. Исключительной сосредоточенности в штабе на личных интересах он неоднократно противопоставляет 40

отрешенность от всего личного в войске, которое готовилось к сражению и, «страдающая, поднималось духом». «Душа армии... становилась сосредоточеннее, звучнее, стекляннее, — пишет Толстой, — строгая и величественная одна, всё одна нота, неизменно как шум моря, с каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела всё слышнее и слышнее становилась каждому сердцу». Со всей решительностью выдвинут в этом раннем варианте один из важнейших, по убеждению автора, факторов в войне — дух войска. Здесь развита мысль о том, что «вопросы военных успехов» решаются в первую очередь «уменьем обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». А дух войска, по убеждению Толстого, приобретает тем больше силы и высоты, чем ближе и непосредственнее связь между начальниками и подчиненными. Еще до описания самого сражения Толстой собирает в фокусе те факты, которые явились причиной поражения. Одна из основных причин, утверждает Толстой, состояла в том, что в русской армии не было в 1805 г. самого главного, что подымает и поддерживает дух войска, — не было доверия к начальникам. Армией фактически командовал австрийский штаб, а «австрийцев и их начальников, — пишет Толстой, — презирали».

Описание Аустерлицкого боя Толстой начинает взволнованной фразой: «В десять часов измена уже дала в руки Бонапарту диспозицию русских». Этим вступлением подтверждается и правота Кутузова, который после военного совета был убежден в измене союзников, и справедливость толков в войске об измене. Переходя к вражеской французской армии, где «также зашевелились все струны движения и пружины», Толстой особо останавливается на Наполеоне. «Измена давала ему победу. Презренный! — восклицает Толстой. — ...измена была таким же листом его лаврового венка, как и храбрость его солдат».

Наконец, Толстой переходит к описанию Аустерлицкого сражения. Он точно указывает количества русских и французских войск, их расположение, обращает внимание на стратегически невыгодное положение русской армии, отмечает состояние Кутузова, который «был в этот день совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном»; подчеркивает отрицательную роль Александра I, торопившего с наступлением. Тут же приводит знаменитые слова Кутузова, обращенные к Александру: «Мы не на Царицыном лугу. Оттого-то и не начинаю», — отвечал Кутузов императору на его требование, «и лицо, вечно насмешливое, оскорбило государя». Чувство безудержного гнева звучит в устах Толстого, когда он говорит об «австрийских колонновожатых», которые были причиной поражения под Аустерлицем, — о тех самых, которые «на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы, и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена».

Дав свое, исторически правдивое освещение всей обстановки, Толстой переходит к описанию боя. Несмотря на конспективность первого эскиза, картина боя создана с огромной силой творческого напряжения. 41

Сначала показана свита с двумя императорами во главе. «В свите большинство ничего не понимало: что идет? куда? зачем? где правый, где левый фланг?.. Только государи и ближайшие к ним, видимо, понимали и интересовались чем-то, и были различных мнений с Кутузовым». Далее показана начавшаяся вдруг паника. Поведение императоров и свиты отмечено двумя краткими красноречивыми фразами: «...куда ни посмотрите, везде испуг и страх... На горе была толпа панашей бегущих, государи впереди. Австрийцы бежали».

В совершенно иной роли выступают в момент опасности Кутузов и Волхонский. В конспекте намечено: «Волхонский к Кутузову. Кутузов говорит: Посмотрите, они бегут. Волхонский всё понял... Волхонский испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат». Гусар Толстой (будущий Николай Ростов) «видел, как Волхонский исчез на лошади и упал со знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь, и значение».

Так же конспективно намечены конец сражения и различное поведение его участников: «Начальство скачет мимо», а сражение ведут до конца Дохтуров и Ермолов. Из «полувымышленных» героев «Волхонский исходит кровью», «Борис идет к командиру полка; Берг интригует». И далее, вопреки дворянской историографии, которая пыталась умалить вину Александра I в поражении под Аустерлицем, Толстой отметил в конспекте: «Всех обвиняют в штабе, кроме себя».

На этом заканчивается седьмой вариант начала, написанный не позднее марта—апреля 1864 г. Создавая вариант начала, открывающийся описанием военных событий, Толстой был настолько поглощен волновавшими его общими мыслями, вылившимися в авторское отступление, что не создал в полной мере необходимой художественной формы. Быть может, отчасти это обстоятельство заставило прервать работу. «Нехорошо в беллетристике — описание от лица автора. Нужно описывать, как отражается то или другое на действующих лицах», — говорил Толстой в старости.¹ Это требование всегда было одним из принципов его художественного мастерства. Можно предположить также, что автор прервал дальнейшую работу над данным вариантом еще и потому, что ему понадобился пролог к центральному действию, то есть надо было ближе познакомиться с главным действующим лицом, которому предстояло показать пример героизма и погибнуть со знаменем в руках на Аустерлицком поле. Во всяком случае рукопись была отложена, и начались новые поиски.

С большой долей вероятности можно допустить, что именно теперь Толстой вернулся к самому раннему наброску начала, озаглавленному «Три поры», в котором действие начинается в Лысых Горах в 1811 г. Он стал перерабатывать старый текст применительно к новому замыслу. Встречавшиеся в нем даты 1811 г. заменены 1805 г.; введены новые эпизоды, характеризующие старого князя и его отношения с дочерью и слугами, затем продолжен текст рукописи: в Лысые Горы приезжает Анатолий Курагин, которого отец намерен женить на княжне Марье, намечена¹ «Литературное наследство», № 37-38, М. 1939, стр. 533.

интрига между ним и м-ль Бурьен (то есть всё то, что станет потом темой третьей главы третьей части) и, наконец, введен рассказ о приезде в Лысье Горы князя Андрея с беременной женой. «За обедом говорили о войне», — переходит Толстой к установившейся во всех набросках начала теме беседы собравшихся гостей. Далее конспективно изложены события следующего дня — именины старого князя и, наконец, прощание князя Андрея с отцом, женой, сестрой и отъезд его в армию.

Дополнив так свою старую рукопись, Толстой связал ее с только что созданным седьмым вариантом начала. «Не один князь Андрей прощался перед войной. Война чувствовалась тогда во всем», — так начал Толстой связку между восьмым и седьмым вариантами начала романа и дал очень сжатый обзор событий к моменту вступления России в войну 1805 г. И тут автор выступает не как бесстрастный летописец: он не упустил случая подчеркнуть, что в придворных кругах «все парадно, торжественно, уверенно», а в народе в это же время ходят толки о том, что Наполеон уже побил австрийцев, а «молва всегда предсказывает».

Присоединив раннюю рукопись к только что созданной, Толстой на полях последней вписал еще одну связку: «Не один князь Андрей тогда простился с семьей... и весело и бодро скакал куда-то туда, где ему казалось, что его ждет слава, а где ждала, может быть, смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев». Далее изображен отъезд в армию Николая Простого. О его семейных говорится как о знакомых уже читателю людях. Это дает право допустить, что к этим двум рукописям была присоединена еще одна, содержащая шестой вариант начала, где описана семья графа Простого. В новом варианте, соединившем три в разное время созданные рукописи, наметилась стройная композиция первой части, приближающаяся к окончательной редакции ее. Две семьи, Простые и Волконские, — в обоих домах к моменту начала действия ведутся напряженные споры о Наполеоне и надвигающейся войне; сыновья Простых и Волконского уезжают на войну. Пролог к Аустерлицу закончен. Теперь естественен переход к войне, где впервые вместе с историческими деятелями участвуют знакомые читателю частные, вымышленные лица. Так Толстой впервые связал «мир», картины которого только начали рождаться, с «войной». Создался восьмой вариант начала. Однако и он отложен.

В цитированном выше письме к княгине Волконской Толстой писал о том, что «блестящий молодой человек», который, по первоначальному замыслу, должен был быть убит в Аустерлицком сражении, «заинтересовал его», что «для него представлялась роль в дальнейшем ходе романа» и что поэтому Толстой «его помиловал, только сильно ранив его, вместо смерти». Повидимому, непосредственно к этому возникшему замыслу, связанному с князем Андреем, относятся следующие три варианта начала (рукопись № 48).¹ Роман открывается сценой обеда у молодых Волконских. Опять несколько отодвинуто начало действия. Вместо ноября, кануна Аустерлицкого сражения, действие происходит летом 1805 г., в то самое время, когда Россией была только объявлена первая война еще не ¹Опубл. т. 13, стр. 174—177, 181—183, 178—181, вар. №№ 20—21, 23, 22.

признанному тогда императором Наполеону, когда «в Петербурге во всех гостиных только и было речи про Буонапарте, его поступки и намеренья». Так начался девятый вариант. В нем и в следующих трех в центре внимания князь Андрей и его друг Пьер, вокруг которых организуется основная общественная тема. Картины семейной жизни Лысых Гор и дома Ростовых совсем нет. Опять возникают за обедом у князя Андрея споры о преобразованиях, конституции, о войне и Наполеоне. Каждый из указанных трех набросков обрывался на изложении все тех же споров между собравшимися гостями. На очереди — двенадцатый вариант начала (рукопись № 48). Многие уже ясно автору. Теперь установлено не только время начала действия, но весь период — десятилетие, — который, по определившемся тогда замыслу, должен быть отражен в романе. Появилось заглавие: «С 1805 по 1814 год». Далее вписано: «Роман графа Л. Н. Толстого». Произведение должно состоять из нескольких частей; первая озаглавлена: «1805 год».¹

Двенадцатый вариант начала имеет одну особенность, важную для изучения замысла романа. В нем отражена связь «Войны и мира» с «Декабристами» и, главное, непосредственная преемственность Пьера от главного героя «Декабристов». «Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание». Первой фразой нового варианта определен один из главных персонажей произведения и сообщено заранее будущее этого героя.

Содержание всего варианта: характеристика Пьера, выведенного здесь под фамилией Медынского, времяпрепровождение его с Анатолом Курагиным и взаимоотношения с адъютантом петербургского генерал-губернатора Андреем Волконским, «с которым он был не только дружен, но к которому, несмотря на совершенное различие характеров и вкусов, он имел то страстное обожание, которое так часто бывает в первой молодости»; характеристика князя Андрея, его жены, описание их дома; обед у князя Волконского 20 июля 1805 г., на котором присутствуют: какая-то барышня, старичок-иностранец — аббат и молодой чиновник, принадлежавший «к клике Сперанского». Разговор за обедом «зашел о том, о чем все тогда говорили... о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции». Во время подробно переданного разговора «чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения, Pierre — свою либеральную философию, аббат свои новые идеи народного права и политического устройства». Под конец, когда разговор перешел на войну — на «любимое» князя Андрея военное дело, князь Андрей «завладел» разговором. Заканчивается вариант высказываниями Пьера и князя Андрея о Наполеоне, принципиально не отличающимися от их отношения к Наполеону, отраженного в первой части окончательного текста.

И двенадцатый вариант отброшен.

¹ Оpubл. т. 13, стр. 184—197, вар. № 24.

После долгих поисков Толстой возвратился к историческому вступлению, с которого он дважды пытался начинать роман. «Время между французской революцией и пожаром Москвы» — вот те широкие границы, которые поставлены для нового вступления, открывающего тринадцатый вариант начала (рукопись № 49). Опять Толстой стремится в самом начале дать свою оценку историческим событиям и государственным деятелям той эпохи. В нескольких строках он сатирически представил завоевательную политику Наполеона и почти в карикатурном виде описал внешность завоевателя, даже не называя его имени: «...маленькой человек, в сереньком сюртучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками», подчеркнул мнимое величие этого «человечка», который старался «раздуться в сообразное по его понятиям величие положения». От Наполеона Толстой перешел к первым годам царствования Александра I, показав, что и он мечтал об европейской гегемонии.

Далее Толстой полемизирует с теми историками, которые, записывая в свою летопись только события, отраженные в документах, воображают, что пишут «историю человеков». Заканчивая вступление, автор заявляет, что героями его произведения будут не государственные люди, которые оставляют следы в документах, а обыкновенные люди, которые оставляют в истории значительно бóльшие следы, но которых историки не замечают. Позднее Толстой определит свою работу над «Войной и миром» как стремление «писать историю народа».

За большим предисловием, раскрывающим позиции автора, следует начало действия, которое открывается в салоне фрейлины, будущей Анны Павловны Шерер. Всё приближается к началу первой главы окончательного текста. И тут на полях многозначные для нас записи: «Переписка о войне, война во всем». «Князь Василий при смерти подл» (то есть при смерти графа Безухого). Так намечен план дальнейшего повествования. Только этот, тринадцатый, вариант Толстой дал в переписку. Начался обычный процесс переделок и переработок. На полях копии вновь появляются характерные заметки: «Взгляд высшего общества на Бонапарта, на причину и необходимость войны». Это — темы предстоящей беседы в салоне фрейлины. Найдена та благоприятная обстановка, которая была нужна автору для начала его романа, чего не удавалось сделать ни в одном из предыдущих вариантов.

Исправляя копию этой рукописи, то есть работая над четырнадцатым вариантом начала (входит в рукопись № 51), Толстой навсегда отбросил историческое вступление. Затронутые в нем события получают впоследствии то же освещение в авторских отступлениях, которые с седьмого варианта начала занимают в композиции романа важное место.

В последнем, пятнадцатом, варианте начала действие открывается описанием известного всем салона фрейлины, именуемой пока Annette D.

«Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, как бы ее не испортить, не захватить дурным началом»,¹ — писал Толстой в 80-х годах. Эта тревога владела им и тогда, когда он приступил к роману «Война и мир».

¹ Письмо к С. А. Толстой от 29—30? апреля 1888 г. — т. 84, стр. 44.

Из пятнадцати вариантов начала, создававшихся в течение более чем года, *четыре* начинаются с развернутого вступления, в котором высказана авторская оценка исторических событий, а затем переход к собравшемуся обществу людей, где разгораются споры на политические и общественные темы; *один* начинается с кануна Аустерлицкого сражения и целиком посвящен изображению этого главного сражения в войне 1805 г.; *десять* — открываются непосредственно изображением собравшегося общества, где ведутся беседы и возникают споры по жгучим вопросам времени; основная тема бесед — предстоящая война.

В процессе поисков начала обозначились образы ведущих героев, наметились некоторые основные черты композиции произведения, обрисовались контуры тех его разделов, которые нужны художнику для того, чтобы «выдумкой связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились» в нем.

Из перечисленных вариантов начал явствует, что в задуманном произведении исторические, общественные события мыслились автором не как фон, на котором происходит действие, а как основная проблема, как само действие и как та конкретная исторически правдивая среда, в которой живут и действуют герои.

Поиски начала закончились.

V

Наступила новая полоса напряженной творческой работы, о которой Толстой вспоминал как о периоде «счастливого самоуверенного труда».¹ В этот период до 16 сентября 1864 г. Толстой не вел Дневника. Немногочисленные упоминания в письмах мало раскрывают процесс работы над первой частью. Единственным источником для установления его являются самые рукописи (работа над первой частью представлена рукописями №№ 49—53). Вначале Толстой писал небольшими отрывками, тут же отдавая их в переписку, и, исправив по копии написанное, продолжал постепенно двигаться все дальше и дальше. Первая рукопись, с которой началась планомерная работа над романом, содержит лишь начало беседы Annette D. с приехавшим к ней на званый вечер князем Василием.² Характеристика будущей Анны Павловны только теперь начала создаваться, и в этом эскизе принципиальных отличий от окончательного текста нет. Князь Василий вполне определился в процессе предыдущей работы и теперь занял прочное место. Предстояло детализировать отдельные его черты и, ведя дальше повествование, развивать этот образ.

Приступая к правке копии первого наброска, Толстой тут же на полях первого листа делает пометы, раскрывающие авторский замысел продолжения: «NB. вечер во всем разгаре. Разговоры с разных сторон. С одной, о идеалистическом направлении двора нашего и антагонизме имп[ератрицы] матери и Александра. С другой, рассказ о Енгиенском; с третьей, о дворе»¹ Письмо к Н. Н. Страхову от 25 ноября 1870 г. — т. 61, стр. 242.

² Оpubл. т. 13, стр. 198—201 (до слов: «Она делалась оживлена, красноречива и увлекательна»). Весь текст вар. № 1 (т. 13, стр. 198—221), опубликованный ошибочно как самостоятельная рукопись, фактически состоит из отдельных частей трех рукописей.

и интригах. Всё размерено». Намечены темы разговоров на вечере фрейлины, которые будут развиты в первых пяти главах первой части. Определен также план дальнейшего развития романа:

«Обзор политических событий и [*неразобр.*]

Нота 28 августа.

Новосильцев в Париже.

Ругают Австрию.

Благодеяния государя,
тайная коалиция, войска».

Далее, очевидно для памяти себе, Толстой записывает:

«(уже в Петербурге.

В Петербурге в <августе> июле.

В Москве в сентябре.

А. М. поменять)».¹

Намеченные Толстым даты так и сохранились в окончательном тексте: в первых девяти главах действие происходит в Петербурге в июле, в следующих (X—XXIV) в Москве в последних числах августа.²

В намеченном направлении шла работа. Исправляя копию начала, Толстой зачеркнул оставшуюся от длинного вступления фразу о том, что «первая европейская коалиция против Буонапарте была составлена», и начал роман с известной беседы фрейлины, пока еще Annette D., с князем Василием («Eh bien, mon prince...»). Последующая правка отрывка приближала его к печатному тексту «Русского вестника».

На полях второго листа вновь сделана конспективная запись, отражающая содержание беседы Annette D. с князем Василием:

«Винценгероде в Австрии.

Не так делается его дипломатия.

Зачем переговоры?

Затем, чтобы потом задавить его. Пруссия будет видеть.

Австрия подмечает.

На Англию надежды нет.

J'ai vu Novosilzoff.

Они не понимают самоотвержен[ности] государя, но добродетель должна быть награждена».

Самые злободневные политические вопросы наполнили беседу этих двух представителей придворной знати.

Исправив копию, Толстой продолжил текст, и законченная на этот раз рукопись (13 листов) содержала почти полный текст первой главы. Не только по содержанию, но местами даже дословно первая редакция первой главы близка к тексту «Русского вестника». В отличие от него здесь князь Василий более подробно рассказывает о своих сыновьях, причем по окончательному тексту отец считает, что «оба вышли *des imbeciles*»,³ в раннем же варианте он признает, что старший «глуп и очень даже глуп», но пойдет своей дорогой, а младший — Анатолий, умен и, несмотря на те же условия воспитания за границей, из него «вышло совсем другое». Дальше¹ Возможно, последняя запись относится к Анне Михайловне Друбецкой, образ которой вырисовывался в предыдущих вариантах начала.

² В Москве действие начинается в день именин Натальи, то есть 26 августа.

³ [идиоты,]

отец рассказывает о безнравственных поступках Анатоля, причем рассказывает с явно выраженной симпатией. Рассказ князя Василия о сыне служит одновременно и дополнительной характеристикой самого князя, которого, как мы видели, Толстой с самых первых набросков стремился показать в резко отрицательном виде.

Характеристика князя Василия также более подробно в этом варианте. На полях одного из листов данной рукописи имеется такая помета: «К[нязь] В[асилий] без убеждений, фамильярный и умный, дети тягость». В таком направлении и создавался образ этого персонажа, как человека «сильного в свете и при дворе», одаренного «великим даром для успеха в том мире, где он искал успеха, даром фамильярности».

В основных чертах обрисован облик второго представителя придворной знати, фрейлины Annette D., которая была «одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Федоровны». Толстой выводит ее как типичного представителя таких придворных, которые от долгого пребывания при дворе «делаются нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают всё дурное придворной жизни — зависть, интригу, страсть к повышению». «Annette D., — определяет далее Толстой, — была верным слугою,¹ как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже»; преданная фрейлина «думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница», высказывала мнения, совпадающие с царствовавшими мнениями. Такая характеристика фрейлины косвенно дополнила характеристику князя Василия, разъяснив, почему князь Василий «не мог не ценить своих отношений с нею». Знакомством читателя с Annette D. и с князем Василием, а также с намерением Annette D. посватать Анатоля к княжне Марье закончилась вторая рукопись.²

Снятая С. А. Толстой копия рукописи вновь подверглась значительной правке, причем внимание автора сосредоточено опять на характеристиках тех же персонажей. Толстой вносит все более и более отрицательные черты в образ князя Василия, подчеркивает отсутствие убеждений у этого вельможи. В образе фрейлины, которая, начиная с этой рукописи, получила имя Анны Павловны Шерер, Толстой усиливает, главным образом, ту преданность ее покровительнице, при которой «отрекаются от всех нравственных интересов жизни, кроме интересов своих покровителей».

В законченном виде начало данной рукописи местами уже дословно совпадает с текстом «Русского вестника». В этой рукописи Толстой начал делить текст на маленькие главы. Так, текст, составивший в «Русском вестнике» первую главу, был в этой рукописи разделен на шесть глав.

После правки копии Толстой стал продолжать работу. На полях первого же листа появились конспективные записи, вводящие в авторский замысел дальнейшего текста: «Как держать дом? Кн[ягиня] В[олконская] брюх[атая] с работой. Ее муж недов[ольно] смотрит на нее. Княгиня хлопочет¹ В т. 13, стр. 205, ошибочно напечатано: «верным другом».

² Опубл. (продолжение — автограф) т. 13, стр. 201—205. Исправленное по копии начало, близкое к тексту «Русского вестника», не опубликовано. Указание на то, что один лист утрачен (см. стр. 201), ошибочно. См. «Описание рукописей», стр. 159.

о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгиенском. Некоторые молчат и *esclament*».¹

Приведенные записи являются точным планом вечера у фрейлины в том виде, в каком он известен по окончательному тексту. Так и были написаны эти главы в анализируемой рукописи.² Здесь несколько иная композиция описания вечера, значительно пространный и с большими подробностями, нежели в тексте «Русского вестника», передан рассказ виконта об убийстве герцога Энгиенского, но принципиальных отличий от окончательного текста нет.

В салоне фрейлины появляются князь Андрей с женой, Пьер, а также упоминавшиеся в начале беседы фрейлины с князем Василием его дочь Элен и сын Ипполит. Князь Андрей одним из первых приезжает на вечер вместе с женой. Основные черты князя Андрея, маленькой княгини, Пьера, княжны Элен и других персонажей уяснились Толстому еще в период поисков начала романа. В этом варианте более резким, нежели в законченной редакции, показано отношение князя Андрея к жене, в которой «за внешним блеском и оживлением», по его мнению, «ничего, ничего» не было. Пьер впервые вступает в действие во время рассказа виконта, которого «все слушали с вниманием и уважением», и только один «очень молодой человек с большой вытянутой взад головой, застенчивый и рассеянный, видимо не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле». Это был Пьер.

Далее Толстой намеревался, прервав рассказ виконта, ближе познакомить читателя с основными действующими лицами. Он так и заявил: «Прежде, чем передать историю виконта, весьма распространенную впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его, тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжение этой истории». Однако, не сделав даже попытки осуществить свое намерение, автор тут же отказался от него. Незадолго до начала работы над романом Толстой писал, что стала невозможной принятая в литературе манера описаний, «логично расположенных: сначала описания действующих лиц, даже их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие. И странное дело, — все эти описания, иногда на десятках страниц, меньше знакомят читателя с лицами, чем небрежно брошенная художественная черта во время уже начатого действия между вовсе неописанными лицами».³

Толстой пошел вторым путем. Он зачеркнул авторское заявление к читателю, сделав на полях помету для себя: «Кто слушает и как». Продолжая действие, он с помощью отдельных художественных черт показывает, «кто слушает и как». Облик дочери князя Василия (в этом варианте она не Элен, а Sophie), а также впечатление, производимое ею на окружающих, почти такие же, как и в законченном романе. Облик ее брата Ипполита близок к окончательному, но в портрет его внесено больше дополнительных деталей, больше тех внешних признаков, которые подчеркивают отрицательный характер этого персонажа. Описывая, как слушали ¹ [восклицают.]

² Оубл. т. 13, стр.207—221.

³ «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» — т. 8, стр. 312.

начавшийся рассказ виконта Sophie, Ипполит и маленькая княгиня, Толстой беспощадно иронизирует и над «изящным» рассказом виконта об убийстве герцога Энгийенского, и над «красивым кружком» слушателей. Различные реплики, которыми слушатели перебивали рассказ виконта, свидетельствовали об единодушном мнении всех о Наполеоне, которого, как и полагалось в этот период, «никто из присутствующих не только не признавал... императором, никто не признавал его даже человеком. В глазах vicomt'a и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор еще ускользавший от заслуженной петли».

На фоне такого единодушного мнения рельефно выступает совершенно противоположное отношение к Наполеону князя Андрея и, главное, Пьера, которые, как представители прогрессивного дворянства, считали Наполеона в первый период его деятельности еще великим полководцем и представителем идей революции. Как во всех вариантах начала, так и в этой рукописи Пьер с первого момента вступает в действие «спорщиком». Он перебивает рассказ виконта репликой о Наполеоне, вызывая всеобщее удивление, иронически резюмированное автором: «для чего было высказывать мнение, противное всем», и зачем «не уметь жить до такой степени, чтобы перебивать изящный рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений». В рукописи почти ничего не сказано о внешности Пьера, из его биографии сообщено только, что «юноша был незаконный сын знаменитого богача и вельможи, из уважения к которому фрейлина пригласила его и не могла себе простить этого. «Коли бы я знала, что он такой *mal élevé*¹ и бонапартист». Так думала фрейлина. «Но молодой человек был хуже, чем *mal élevé* и бонапартист, — добавляет автор. — Он был якобинец». Читатель сразу знакомится с Пьером, как с человеком, который, несмотря на застенчивость, заставлявшую его краснеть, настойчиво высказывает свое убеждение, идущее вразрез с общепринятым. Он заявил, что считает Наполеона великим человеком, говорил о том, что «революция была великое дело» и что Наполеон «представитель великих идей». Он много и долго говорил, «но никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любясь на него». В конспективном наброске далее отмечено, что только князь Андрей «не нападал», а, напротив, поддерживал молодого человека, который «огрызнулся на всех», доказывая, что Наполеон «желает мира и равенства».

Автор не удовлетворился раскрытием установленного в высшем обществе мнения о Наполеоне и отношения к нему в начале века лучших людей России, он сказал и свое слово о Наполеоне. Пять раз переделывал Толстой этот маленький отрывок, чтобы точнее и образнее высказать в самом начале произведения свое отрицательное отношение к этой исторической личности, о мнимом величии которой он уже много писал в ранних вариантах начала романа.

Текст, соответствующий в настоящем издании главам I—VI первой части, уже сложился, но деление на главы более подробное: созданный текст разделен на двадцать шесть маленьких глав.

¹ [невоспитанный]

В конце рукописи — конспект следующих трех глав. Намечены: сцена в передней, где Ипполит Курагин, провожая маленькую княгиню, ухаживает за ней, презрительное отношение князя Андрея к Ипполиту, приезд Пьера к молодым Волконским и беседа между ним и князем Андреем, кутеж у Анатоля Курагина, в котором Пьер, вопреки только что данному князю Андрею обещанию, принимает участие. Кратким авторским определением Анатоля Курагина заканчивается рукопись: «Анатоль: гадость для гадости. Он, как красивая кукла, ничего нет в глазах».

С рукописи снята копия, над которой автор вновь стал работать. Много внимания уделяется Пьеру: его внешности, его поведению, и все это с целью показать, что Пьер был не такой, как все остальные гости. Правка копии отражает также стремление Толстого убедительнее раскрыть отношение князя Андрея к жене, вид которой у всех вызывал чувство «обаяния веселости», в то время как сам князь Андрей испытывал при ней «вовсе не веселое чувство». О внешности Ипполита Курагина добавлено, что лицо его было «освещено идиотизмом», что он вошел, глядя в лорнет «развязно до наглости».

Излагая возникший между гостями разговор о предстоящей войне, Толстой подчеркивает, что Пьер и князь Андрей, главным образом своими открыто высказываемыми суждениями о Наполеоне и Кутузове, резко выделялись из всех присутствующих в гостиной. Между собой они отличались, по словам автора, лишь тем, что князь Андрей мог «учтиво» выслушивать мнения, не совпадающие с его, а Пьер совсем не мог и был «вполне неприличен», и, «как только с ним заговаривали, он вдруг начинал говорить всё, что думал». Горячий спор «неприличного юноши» с виконтом, изложенный в этой рукописи, почти дословно совпадает с «Русским вестником». И весь текст переработанной копии очень близок к журнальному. Исправив копию, Толстой написал еще одну главу — разезд гостей.¹ Содержание ее довольно подробно изложено в конспекте, которым закончилась предыдущая рукопись. Ведущими действующими лицами в ней являются Пьер, который «не умел войти в салон и еще менее из него выйти», и князь Андрей, который подле Пьера «поражал еще больше своей изящною, изнеженной и неприступно-гордой осанкой». Отъездом князя Андрея с женой рукопись закончилась.

Копия только что рассмотренной рукописи не сохранилась; по всей вероятности, после авторской правки она явилась наборной рукописью для «Русского вестника». Остались от нее лишь исправленные последние листы и продолжение текста — автограф.

Толстой, видимо, настолько ясно продумал дальнейший ход повествования, что написал теперь не только очередную главу, как это было, в пяти предыдущих рукописях, относящихся к первой части, но создал большую рукопись, доведя изложение до смерти старого графа Безухова (текст, соответствующий по наст. изд. гл. VI—XXVI).² Продолжается работа над образами ведущих героев — Пьера и князя Андрея. Возникла мысль подробнее остановиться на семейной обстановке князя Андрея,¹ Опубл. т. 13, стр. 221—223, начало вар. № 2 (до слов: «Княгиня, подбирая платье...»).

² Опубл. не полностью т. 13, стр. 223—247, вар. № 2 (от слов: «Княгиня, подбирая платье...») и вар. № 3.

с целью показать высококонравственное отношение князя Андрея к семье, чем он также отличается от светского круга, к которому принадлежит. Для реализации этого замысла привлечен второстепенный герой — Ипполит Курагин. Курагину посвящается маленькая глава (двадцать седьмая): «Князь Ипполит, как настоящий светский человек и человек очень элегантный, не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь» — так начинается новая глава, раскрывающая внутреннюю пустоту сына вельможи, порочность всей золотой молодежи и придворного круга. «Точно так же, как в толпе пьяной черни при виде красивой молодой женщины оскаливаются рожки и слышится цинический смех, соединяя какую-то нечистую мысль с видом женщины, точно так же *в свете*, только иначе выражаясь, в толпе молодежи, танцоров, говорунов, дипломатов, явление женщины производит то же нечистое впечатление».

Для усиления контраста, от Ипполита Курагина непосредственный переход к князю Андрею, который, хотя и «знал, что это естественно и иначе быть не может», что в «зубоскаленьи» Ипполита жена его не виновата и не будет от этого менее чиста, но «в нынешний вечер он в первый раз почувствовал, что ему тяжело, что ему стыдно. И стыдно от человека, которого он считал ничтожнейшим идиотом. И гордость, безграничная гордость его возмутилась, расстроила привычное спокойствие и спутала все его мысли и чувства». Дальнейший текст создавался сразу без существенных отличий от журнального. Лишь подробнее развернута в черновике откровенная беседа князя Андрея с Пьером, составившая содержание глав VII и VIII окончательной редакции, внесено резкое осуждение семьи Курагиных, которая, по определению Пьера, «грязнее грязи». Интересен также не дошедший до печатного текста разговор о литературе и искусстве, во время которого выявились различные мнения двух друзей. Остальная часть беседы, созданная в этой рукописи, очень близка к печатному тексту, так же как и следующие главы, посвященные характеристике светской молодежи, собравшейся у Анатоля Курагина, и описанию их кутежа, на котором присутствует Пьер. Сценой кутежа у Анатоля и пари Долохова с англичанином закончилось в этой стадии творчества описание жизни в Петербурге в июле 1805 г.

От Петербурга Толстой был намерен перейти к жизни в Москве в эту пору. «В Москве у графа Простого праздновались именины жены», — начал Толстой; но тут же зачеркнул фразу, прервал повествование и написал небольшую главу, по счету 36-ю, резко вырывающуюся своим содержанием из всего созданного к этому времени текста романа. Цель авторского отступления — разъяснить читателю, почему до сих пор речь шла «только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях», и предупредить его, что, вероятно, и впредь в этой истории не будет других лиц. Перечисляя причины, по которым он не может угодить вкусу тех читателей, которым «интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов», автор заявляет, что «жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков» представляется ему «однообразною, скучною», что все действия этих людей кажутся ему «вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и материальных страстей», что «трудно их понимать 52

и потому описывать». Это резко полемическое заявление находилось в остром противоречии со всем строем и замыслом создаваемого произведения.

В первых же вариантах романа «Война и мир» отражен глубокий интерес Толстого к народу и вера в его духовные силы. А то общество, к которому Толстой в этом полемическом заявлении почти с гордостью причисляет себя, он уже в первый период работы над романом то с едкой иронией, то с необычайной резкостью обличает, и своих ведущих героев — Пьера и князя Андрея — решительно выделяет из этой среды. И если князь Андрей своими привычками и внешним поведением связан со своим кругом, то Пьер совсем не походит на людей этого общества; в одном из вариантов Толстой пытался даже сделать Пьера внешне похожим на «мужика», чтобы резче выделить его из внешне изысканного, но насквозь лживого светского общества.

За год до того, как появилась полемическая 36-я глава, был создан седьмой вариант начала романа (описание Аустерлицкого сражения), где лицемерию, фальши, ложному патриотизму и карьеризму штабной верхушки противопоставлена высота духа русской армии. Представителем этой героической армии показан Андрей Болконский, принадлежавший к числу лучших людей того времени, оставаясь лишь внешне изысканным аристократом. А еще раньше был написан набросок предисловия, в котором автор объявил, что задачей нового произведения было показать, как «сущность характера русского народа и войска» проявилась в период неудач в первых войнах России с Наполеоном и была причиной торжества России в 1812 г. Неудивительно, что интерес к 36-й полемической главе тотчас же пропал у автора. Это бесспорно доказывается тем необычным явлением, что копия ее совсем не подвергалась дальнейшей правке. Еще раз Толстой сделает попытку вернуться к этой теме спустя несколько месяцев в одном из черновых, тут же оставленных, набросков предисловия к первой части.

Непосредственно от неожиданного полемического отступления Толстой перешел к теме Ростовых. Опираясь во многом на созданное в процессе поисков начала, особенно на шестой и восьмой варианты, он без большого напряжения продолжает писать. Главы о Ростовых, Пьере, доме старого графа Безухого в этой редакции композиционно и по содержанию, а в большей своей части и текстуально совпадают с журнальным текстом. Содержание двух циклов глав «В Петербурге» и «В Москве» Толстой соединил посредством известного читателю персонажа — Анны Михайловны Друбецкой. Добившись через князя Василия перевода сына в гвардию, она вскоре после вечера Анны Павловны вернулась в Москву к своим богатым родственникам Ростовым, у которых воспитывался ее сын. Создав затем первую сцену в доме Ростовых утром в день именин, Толстой присоединил к новому тексту три листа из шестого варианта начала, озаглавленного «День в Москве», внося в него лишь небольшие стилистические изменения, и продолжил текст вплоть до смерти старого графа Безухого.¹ Так создалась почти вся первая часть. Не было только окончания ее — описания жизни в Лысых Горах.

¹ Вторая половина этой рукописи, наиболее отличающаяся от окончательного текста, опубл. т. 13, стр. 240—247, вар. № 3.

По копии началась работа над созданием второй редакции законченных глав (рукопись № 51).¹ Расширена сцена возвращения князя Андрея с женой после вечера у фрейлины, сильнее подчеркнута раздражение князя Андрея, вызванное ухаживанием за маленькой княгиней Ипполита Курагина, «этого идиота», как его называет князь Андрей. Вариант зачеркнут и создан новый эпизод: «страшная сцена», которая произошла в спальне княгини; князь Андрей видел записочку, которую Ипполит положил в ридикюль княгини; дома он сжег эту записку и написал Ипполиту письмо, в котором предупреждал, что, ежели он покажется на глаза ему или его жене, он «выдерет ему при всех уши». В письме был даже намек на возможность дуэли. И третий вариант этой сцены зачеркнут. Видимо, не связывалась с природной гордостью князя Андрея трафаретная семейная сцена, — она навсегда откинута, и создан четвертый вариант, почти совпадающий с печатным текстом. Изменена беседа князя Андрея с Пьером: исключен их разговор об искусстве и расширена тема предстоящей войны, особо подчеркнута решение князя Андрея ехать в армию на первое время адъютантом Кутузова, а затем взять отдельный отряд. «Война. И я знаю, где мое место», — говорит князь Андрей. Развиты высказывания князя Андрея о Кутузове как о правой руке Суворова. Сделана попытка в описание кутежа у Анатоля Курагина также ввести тему начавшейся войны: Пьер, возвращаясь после беседы с князем Андреем, все время «думал о предстоящей войне и хотел сообщить это известие и свои мысли об ней всем». А далее появилось восклицание, с которым Пьер вошел к Анатолю, где собралась «толпа молодежи»: «Господа, война объявлена. Слышали? — сказал он. Никто его не слушал». Текст вставки тут же исправлен: восклицание Пьера дополнено сообщением о том, что «Кутузов — главнокомандующий», а в ответ Пьер слышит естественную для собравшихся у Анатоля кутил реплику: «Ну чорт с ним!» Вся вставка зачеркнута. Слишком резким диссонансом ворвался этот эпизод в сцену кутежа, и не было, видимо, возможности развить его.

Много труда потребовали главы, посвященные описанию дома старого графа Безухова в день его смерти. Толстой правит текст, стремясь через восприятие Пьера показать действия Анны Михайловны Друбецкой, князя Василия и княжен, окружавших старого графа и думавших только о его наследстве. Дважды исправленный вариант сцен споров около завещания вычеркнут и создан новый текст,² в котором со всей обнаженностью изображены интриги, связанные с завещанием, борьба за «мозаиковый портфель» и роль Пьера: молча смотрел он на все происходившее и не узнавал ни князя Василия, ни Анны Михайловны, которая, как «наседка окрысившись, тянула портфель». В результате правки текст значительно приблизился к напечатанному в «Русском вестнике» (главы VIII-XXXII).³

Закончив смертью графа Безухова описание жизни в Москве летом 1805 г., Толстой перешел к Лысым Горам. Эти последние главы первой части создались, судя по рукописям, сравнительно без большого труда.¹ Отрывки этой рукописи опубл. т. 13, стр. 265—277, вар. №№ 10—13.

² Опубл. т. 13, стр. 277—292, вар. № 14.

³ По наст. изд. гл. VI—XXIV.

Образы, наметившиеся при двукратной работе над вариантом начала «Три поры», настолько определились, что теперь Толстой почти сразу написал картину жизни в доме старого князя Волконского.¹

VI

16 сентября 1864 г. Толстой записал в Дневнике: «Скоро год, как я не писал в эту книгу. И год хороший... Я начал с тех пор роман, написал листов 10 печатных, но теперь нахожусь в периоде поправления и переделывания. — Мучительно». В тот же день он вторично записал: «К роману:

1) любит мучать того, кого любит — всё тербит. 2) Отец с сыном ненавидят друг друга. В глазах неловко».² Дневниковые записи дают возможность безошибочно определить, в каком положении находилась работа к 16 сентября 1864 г.; первая часть еще не закончена, над последними главами, посвященными Болконским, шла работа, и к этим-то главам относилась вторая запись, озаглавленная: «К роману».

Десять дней спустя, 26 сентября, на охоте Толстой упал с лошади и сломал руку, после чего мог писать с трудом. Однако работы он не прекращал, что подтверждается письмом С. А. Толстой к сестре от 1 октября: «Лева роман свой нынче очень пишет». По свидетельству самого Толстого, он до конца октября не мог подолгу писать больной рукой. «...После 5 недель нынче в первый раз пишу так длинно своей рукой», — сообщал он М. Н. Каткову в письме от 28—29 октября.³ Приведенные документы в сопоставлении с рукописями романа позволяют датировать работу над ним осенью 1864 г.

Рукопись, содержащая последнюю редакцию глав, посвященных смерти старого графа Безухого, а также непосредственно за нею созданная рукопись с описанием жизни в Лысых Горах, написаны частично самим Толстым, частично рукою С. А. Толстой и В. В. Нагорновой под диктовку, причем рукою Толстого написаны только небольшие отрывки. Иногда на полуфразе рука Толстого сменяется почерком его жены. Ни одна из предшествующих рукописей романа не создавалась под диктовку, это первый случай. Очевидно, что над упомянутыми рукописями Толстой работал после 26 сентября. В том же письме к М. Н. Каткову Толстой сообщал: «Я кончаю на днях первую часть романа из времен первых войн Александра с Наполеоном и нахожусь в раздумьи, где и как ее печатать. Из журналов я бы лучше всего желал напечатать в Р[усском] вестнике по той причине, что это один журнал, который я читаю и получаю. Дело в том, что мне хочется получить как можно больше денег за это писанье, которое я особенно люблю и которое мне стоило большого труда. Для того, чтобы напечатать в журнале (вам первым и, верно, последним я делаю это предложение), я хочу получить 300 р. за лист, в противном случае я буду печатать отдельными книжками».

21 ноября Толстой уехал в Москву для лечения руки. Уезжая, он оставил жене рукопись для переписки. Письмо С. А. Толстой к мужу¹ Отрывки опубл. т. 13, стр. 248—265, вар. №№ 5—9.

² Дневник, 16 сентября 1864 г. — т. 48, стр. 58.

³ Т. 61, стр. 58.

от 25 ноября раскрывает, что именно оставил ей Толстой перед отъездом в Москву. «Как хорошо всё, что ты мне оставил списывать. Как мне нравится вся княжна Марья! Так ее и видишь, — писала она. — И такой славный, симпатичный характер. Я тебе всё буду критиковать. Князь Андрей, по-моему, все еще не ясен. Не знаешь, что он за человек. Если он умен, то как же он не понимает и не может растолковать себе свои отношения с женой? Старый князь очень тоже хорош. Но мне первый, которым ты был недоволен, нравился больше. Я уж из того составила себе в голове идеал, который не подходит к теперешнему князю. Сцена отъезда князя Андрея — очень хорошо и с образом княжны Марьи — отлично».¹

Нет сомнений, что речь идет о последних главах первой части. Переписанную рукопись С. А. Толстая послала мужу в Москву 26 ноября,² а в письме от 1 декабря Толстой отвечал ей: «Я всегда податлив на похвалу, и твоя похвала характера княжны Марьи меня очень порадовала, но нынче я перечел всё присланное тобою, и мне показалось всё это очень гадко, и я почувствовал лишение руки, хотел поправить кое-что, перемарать — и не мог; вообще разочаровался нынче насчет своего таланта, тем более, что вчера диктовал Лизе ужасную ерунду. Я знаю, что это только временное настроение, которое пройдет, может быть оттого, что нервы не окрепли после хлороформа и вообще не в нормальном состоянии от тугой перевязки на груди».³

С первых же дней приезда в Москву Толстой начал переговоры с М. Н. Катковым о печатании первой части. 25 ноября он писал жене: «Я завтра добьюсь ответа от Каткова и или у него или отдельной книжкой начну печатать».⁴ На следующий день к Толстому приходил помощник М. Н. Каткова по изданию журнала «Русский вестник», профессор физики Московского университета Н. А. Любимов, который «торговался... из-за 50 р. за лист», но Толстой «остался тверд». «Им очень хочется, и вероятно согласится на 300, — сообщал Толстой жене, — а я, признаюсь, боюсь издавать сам, хлопот и с типографией, и, главное, с цензурой».⁵ Катков действительно согласился на условия Толстого, «и дурацкий торг этот кончился, — писал Толстой жене, — то есть я им отдал по 300 рублей за лист первую часть романа, которую он [Любимов] с собою и увез, но когда мой porte-feuille запустел и слюнявый Любимов понес рукописи, мне стало грустно, именно оттого, за что ты сердисься, что нельзя больше переправлять и сделать еще лучше».⁶

Итак, к 1 декабря последние главы первой части, то есть главы, посвященные Болконским, еще не были закончены, их предстояло исправлять. А 27 ноября Толстой уже отдал в «Русский вестник» рукопись романа. Во всех работах по истории писания «Войны и мира», а также в комментарии к письму от 29 ноября в т. 83 наст. изд. ошибочно указывалось,¹ С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому 1862—1910», «Academia», М. — Л. 1936, стр. 31.

² См. там же, стр. 32.

³ Т. 83, стр. 69.

⁴ Там же, стр. 57.

⁵ Письмо к С. А. Толстой от 27 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 59.

⁶ Письмо к С. А. Толстой от 29 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 63.

что 27 ноября была сдана в журнал рукопись всей первой части. Фактически же Толстой мог 27 ноября передать только рукопись, заканчивающуюся смертью графа Безухого (при опубликовании в «Русском вестнике» это составило главы I—XXXII), главы же XXXIII—XXXVIII накануне, 26 ноября, были лишь отправлены Толстому после переписки.

Одновременно шла работа над продолжением романа.

В Москву Толстой приехал 22 ноября и, несмотря на болезнь руки, продолжал работать. 24 ноября он писал жене: «Чувствую себя нынче вообще хорошо. Написал лист недурно»,¹ а на другой день сообщил ей, что утром «опять писал охотно».² Тогда же Толстой изучал новые материалы. Об этом он сообщал жене в нескольких письмах. Он зачитался романом М. Н. Загоскина «Рославлев». «Понимаешь, как он мне нужен и интересен», — писал Толстой жене, рассказывая ей, что «читал с наслаждением, которого никто, кроме автора, понять не может». 27 ноября он «особенно деятельно ходил по книжным лавкам».³ В этот же день он слушал оперу Россини «Моисей» («Зора»), и ему «было очень приятно и от музыки, и от вида различных господ и дам», которые были для него «все типы».⁴

28 ноября Толстому сделали операцию, вправили руку. В тот же вечер он послал за книгами к профессору истории Московского университета С. В. Ешевскому, а затем «очень приятно» для себя «воспользовался» пришедшим навестить его С. В. Перфильевым, «заведя» его на «рассказы о 12-м годе».⁵ 1 декабря Толстой читал французские мемуары,⁶ на другой день читал опять «книги для романа и перебирал бумаги из архива» Дворцового ведомства, которые приносили ему на дом.⁷

Толстой не только продолжал изучать исторические материалы, он не останавливал также писание романа. Начиная с 30 ноября, он диктовал попеременно двум своим свояченицам, то Татьяне Андреевне, то Елизавете Андреевне Берс.

Сопоставление приведенных свидетельств с рукописями дает основание безошибочно установить, что, закончив первую часть романа, Толстой стал создавать следующую часть, которая по первоначальному замыслу была второй частью первого тома, а впоследствии составила его третью часть. Военная тематика начиналась описанием не Шенграбенского, а Аустерлицкого сражения, как намечалось еще в восьмом варианте начала.

Сохранилась большая рукопись, состоявшая в первоначальном виде из 250 листов (рукопись № 85). Она содержит первую редакцию текста от описания нового положения Пьера после смерти отца до Тильзитского мира включительно.⁸

¹ Письмо к С. А. Толстой от 24 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 50.

² Письмо к С. А. Толстой от 25 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 56.

³ Письма к С. А. Толстой от 27 и 29 ноября 1864 г. — т. 83, стр. 58, 59, 63.

⁴ Т. 83, стр. 64.

⁵ Там же.

⁶ См. письмо к С. А. Толстой от 1 декабря 1864 г. — т. 83, стр. 69.

⁷ Письмо к С. А. Толстой от 2 декабря 1864 г. — т. 83, стр. 73.

⁸ Отрывки из этой рукописи опублик. т. 13, стр. 472—540, вар. №№ 64—78, но не первоначальный текст их, а исправленный позднее, в конце 1865 г. (см. ниже, стр. 72—75.). Первоначальный слой частично отражен в подстрочных примечаниях. В связи с тем, что отрывки опубликованы в соответствии с последовательностью глав окончательного текста, иногда нарушена при публикации последовательность текста рукописи.

Начата рукопись в Ясной Поляне: первые листы написаны рукой С. А. Толстой. Затем рука С. А. Толстой сменяется автографом, а начиная с Ольмюцкого смотра текст написан Е. А. и Т. А. Берс под диктовку, и лишь в конце время от времени вновь появляется автограф. То, что рукопись написана разными почерками и лишь время от времени появляется рука автора, сменяясь иногда на полуфразу, является доказательством того, что она в основном создавалась под диктовку. Подтверждается такое предположение и тем, что рукопись содержит множество орфографических ошибок, которые вряд ли могли бы появиться даже при невнимательном копировании автографа, а встречающиеся в рукописи французский текст, так же как и имена действующих лиц, воспроизведены в русской транскрипции явно механически с голоса Толстого (Пьер, Элен, Лиз, Николая).

Именно эта рукопись, начатая в Ясной Поляне в ноябре, незадолго до отъезда в Москву,¹ почти целиком была создана в Москве между 22 ноября и 11—12? декабря 1864 г. Текст, начиная с описания изменившегося положения Пьера в обществе после того, как он стал богачом, до начала Ольмюцкого смотра писался частично в Ясной Поляне, частично в Москве до операции руки, то есть не позднее 27 ноября; дальнейший текст до поездки Николая Ростова по делу Денисова в Москву и затем описание жизни в Лысых Горах после отъезда князя Андрея в Петербург — все это создавалось под диктовку в Москве в течение трех недель.²

Законченная первая часть составляла композиционно стройный ряд: жизнь в Петербурге, в Москве, в Лысых Горах в июле — сентябре 1805 г., то есть перед началом первой войны России с Францией; все повествование пронизано темой надвигающейся войны. Не нарушая принятой композиции, Толстой открыл новую, вторую часть опять с действия в Петербурге. Расставшись в предыдущей части с князем Василием в момент похорон старого графа Безухова и вызванных его смертью тревог по поводу наследства, Толстой связал было этот эпизод с новой главой такой фразой: «Князь Василий был огорчен своей неудачей в деле наследства князя Безухова...»³ набросок этого начала зачеркнут, написано новое, почти совпадающее с окончательной редакцией. В нем речь идет о помыслах и действиях князя Василия, направленных на то, чтобы Пьера, единственного наследника графа Безухова, женить на своей дочери. С этого момента закреплен и будет выдержан по всему роману композиционный прием непрерывности действия в рассказе о каждом герое и о каждом круге общества.

Весь текст, составивший впоследствии третью часть первого тома,¹ оставив в Ясной Поляне для переписки последние главы первой части, Толстой привез с собой в Москву начатую новую рукопись, содержащую к тому времени текст первых глав новой части.

² Устанавливая процесс работы Толстого над романом, Б. М. Эйхенбаум писал, что, сдав «в ноябре 1864 г. первую часть в «Русский вестник», Толстой начал работу над второй частью. По новому плану эта вторая часть должна была быть военной, и главными персонажами ее, естественно, должны были быть Андрей Болконский и Николай Ростов. Живя в Москве... Толстой собирал материал и пробовал писать. Но дело не шло». На основании писем Толстого к жене с жалобами на то, что «всё историческое не клеится и идет вяло» и что, вследствие богатства новых материалов, «ничего не пишется», Б. М. Эйхенбаум сделал ошибочный вывод, что Толстой в этот период «даже остановил работу и расклеился» (Б. Эйхенбаум, «Лев Толстой», кн. вторая, стр. 258—261). Рукописи Толстого говорят совершенно об ином.

³ См. т. 13, стр. 472, прим. 5.

композиционно и по содержанию сложился с самого начала так, как он известен по завершённой редакции. В этой части повторен тот же цикл, что и в первой части: действие происходит в Петербурге, затем в Лысых Горах и в Москве, после чего переходит к войне.¹ По форме изложения ранняя редакция будущей третьей части первого тома приближается к седьмому варианту начала (см. выше стр. 39—42). В ней больше, чем в окончательном тексте, авторского комментария, резче выражены авторская точка зрения на людей, на их действия и авторская оценка событий.

В первых главах, в отличие от окончательного текста, содержатся более подробные авторские характеристики. Существенным отличием в описании ольмюцкого лагеря является в ранней редакции эпизод, рассказывающий о первом падении Николая Ростова. Создавая этот эпизод, Толстой использовал написанное им в 1858 г. маленькое произведение «Сон».² Рукопись этого произведения была присоединена к вновь создаваемой, текст стилистически несколько исправлен и первое лицо заменено третьим.³ Этим рассказом заканчивается автограф, и далее следует текст, писавшийся под диктовку, начиная с 29 ноября 1864 г.

Для описания военных событий, предшествовавших Аустерлицкому сражению, и для картины самого Аустерлицкого сражения многое было найдено автором еще в процессе создания седьмого варианта начала.⁴ Совпадения этих двух рукописей, иногда текстуальные, настолько значительны, что возникает даже мысль, не пользовался ли Толстой хотя бы частично старой рукописью при диктовке новой редакции текста от ольмюцкого лагеря до ранения князя Андрея под Аустерлицем. Предположение это подтверждается заметками на полях вновь создаваемой рукописи: «Толки солдат из стар[ого]», «Строгая нота (из стар[ого])», «Разговор с плен[ными] из стар[ого]». Выражение «из старого» свидетельствует о действительном использовании старого материала при создании новой редакции.

Существенные отличия от окончательного текста содержатся лишь в последних главах, и сводятся они к следующему: размышления князя Андрея в ночь накануне Аустерлицкого сражения (что в последней редакции составило окончание главы XII) в ранней редакции помещены непосредственно перед началом сражения, в описание Аустерлицкого сражения введена батарея, стрелявшая картечью, и князь Андрей — это происходило перед самым ранением его — «издалека с радостью узнал на ней жалкую и милую симпатическую фигуру Тушина, с своей трубочкой ковьяльвшего между орудий». Тушин — это было последнее, что видел князь Андрей.¹ Текст всей рукописи разделен на главы, и в ряде случаев это деление сохранилось в окончательной редакции. Главы не занумерованы, а лишь отделены чертами. Прием отделения главы черточкой без обозначения порядкового номера сохранялся на протяжении всей работы над романом и даже в наборных рукописях главы часто оставались не нумерованными и в одних случаях отделялись черточками (см. т. 61, письмо № 220), в других перед началом главы отмечалось: «Следующая по порядку глава». При наборе проставлялась последовательная нумерация.

² См. т. 7, стр. 117—119.

³ Оpubл. т. 13, стр. 498—499.

⁴ Дойдя до описания ольмюцкого лагеря, Толстой, видимо, намерен был использовать готовую рукопись седьмого варианта начала и приступил к ее исправлению, но затем отказался от этого и стал писать заново.

Еще летом 1864 г., до начала работы над анализируемой рукописью, Толстой, ввиду предстоявшего описания Аустерлица, намерен был поехать в Австрию, чтобы увидеть те места, которые надо было описывать, но поездка в Австрию не состоялась (см. т. 83, стр. 78 и 80, а также письмо А. Е. Берса к Толстому от 25 августа 1864 г.).

перед ранением. (Надо помнить, что описание Шенграбенского сражения, в котором эпизод с батареей Тушина займет большое место, еще не было.) Вслед за сценой ранения князя Андрея следует не дошедшая до окончательного текста глава, содержащая критический разбор плана Аустерлицкого сражения, того плана, который, по утверждению Толстого, был одной из главных причин поражения. В ранней редакции описания сражения больше фактических сведений, нежели в окончательном тексте, но общий тон тот же, что и в седьмом варианте начала, созданном более года тому назад, и в законченной редакции, созданной год спустя. Принципиальные позиции автора в отношении Кутузова, русской армии, штабной знати и иностранного командования, а также в оценке Наполеона остались неизменными.

Для продолжения романа у автора больше не было старых заготовок. Все созданное в процессе поисков начала было использовано. Можно предположить, что к этому именно времени относится конспект, намечающий первоначальный вариант содержания романа с момента ранения князя Андрея под Аустерлицем и до конца (рукопись № 8).¹ Согласно этому конспекту развивалось дальнейшее действие, в основных чертах приближавшееся к завершённой редакции романа.

Непосредственно после Аустерлицкого сражения действие переносится в Москву, к событиям, составившим впоследствии содержание первой части второго тома. Первая редакция этой части почти полностью соответствует завершённому тексту ее. Наиболее существенные отличия ее следующие: нет подробного описания сцены приезда Николая Ростова в отпуск, а действие начинается непосредственно хлопотами Ильи Андреевича Ростова по устройству обеда в Английском клубе в честь Багратиона; разговор Наташи с братом о Соне и его отношениях к ней происходит не в классной комнате, а в санях, когда они вдвоем по поручению графа Ростова едут приглашать цыган в Английский клуб на празднование в честь Багратиона; подробнее анализированы перемены, происшедшие в характере Николая Ростова за время пребывания в армии; более разносторонне освещено душевное состояние Пьера на обеде в Английском клубе; отмечен вызванный беспрестанными разговорами о войне интерес Пьера к стратегии, заменивший его прежний интерес к политике; много внимания уделено анализу мучительного состояния Пьера после дуэли с Долоховым.

При описании жизни в доме Болконских после окончания войны 1805 года несколько раз перерабатывалась сцена получения старым князем Болконским известия о поражении под Аустерлицем, об участии его сына в этой битве и гибели его. Сцены родов маленькой княгини, приезда князя Андрея и далее текст до конца части не содержит существенных отличий, кроме не дошедшего до окончательной редакции краткого описания настроения молодого Болконского: «Князь Андрей после раны избегал всех, стыдясь поражения, и убран был семьей Гернгут[еров], у к[оторых] он лечился. Он писал отцу, но письмо его не дошло. — После сражения князь ¹Опубл. т. 13, стр. 25—26, № 9. Рукопись состоит из одного листа, исписанного с двух сторон; ошибочно опубл. сначала вторая страница, а затем первая. Начало конспекта: «К[нязь] А[ндрей] раненный, злится...»

Андрей сказал себе, что он не будет служить, и жил с отцом и сыном. Осенью старик поднялся в Москву с сыном и дочерью». Так закончились главы о Болконских, и непосредственно после них дан отсутствующий в завершенной редакции краткий обзор военных событий после Аустерлицкого сражения до июня 1807 г., то есть до начала второй войны с Наполеоном. В нескольких словах рассказано и о состоянии в эту пору князя Андрея, который, хотя и оставался верен своему слову — не служить, все же вместе с отцом «с жадностью» следил «за ходом политических и военных событий».

Дальнейший текст посвящен Ростовым; по содержанию он близок к последней редакции, но значительно короче ее. Нет еще подробного описания «какой-то особенной атмосферы любовности» в доме Ростовых, бала у Иогеля, что составит впоследствии главы XI и XII первой части второго тома. Сцена предложения Долохова Соне описана значительно подробнее. Непосредственно после этой сцены начался рассказ о записке, полученной Николаем Ростовым от Долохова, с приглашением на гусарскую «прощальную пирушку», которая происходит в квартире Долохова, а не в английской гостинице, как в окончательном тексте. Проигрыш Ростова, злорадство Долохова, признание Николая Ростова отцу и отъезд его в полк заканчивают этот раздел. Сцены оживленного вечера молодежи у Ростовых в момент прихода Николая Ростова после проигрыша, пения Наташи и предложения Денисова Наташе отсутствуют в ранней редакции.

После разделительной черты, означающей здесь окончание части, повествование переходит к Пьеру, который, объяснившись с женой после дуэли с Долоховым, отправляется в Петербург «с намерением получить паспорт и ехать за границу, но война была уже объявлена и паспорта не выдавались».

Начат новый раздел, который составит впоследствии вторую часть второго тома. Тематически новая часть совпадает с законченной редакцией, но в содержании имеются большие отличия. Вместо известной по окончательному тексту случайной встречи с масоном Баздеевым на станции, в ранней редакции старик-масон (имя его не названо) приходит к Пьеру в Английскую гостиницу уже с определенной целью — «обратить» Пьера. Подробно описан их разговор о жизни Пьера и о сущности масонства. «Старичок просидел от 12 часов утра и до позднего вечера у Пьера. Через неделю был назначен прием Безухова в Петербургскую ложу Северного Сияния». Описания масонского ритуала еще нет (по окончательному тексту главы III и IV). По-иному построены главы о вечере у А. П. Шерер. В отличие от законченной редакции на вечере присутствует Пьер, которого пригласила Анна Павловна под предлогом сообщения ему известий о том, что князь Андрей жив, в действительности же с целью примирить его с Элен. На вечере присутствует не Борис Друбецкой, а «молодой гвардейский офицер, только что приехавший из армии».

Из Петербурга действие переносится в Лысье Горы. Содержание (в окончательной редакции главы VIII и IX) изложено несколько короче.

Следующих глав, повествующих о пребывании Пьера в киевском имении, о его планах освобождения своих крестьян, о поездке Пьера в Богучарово к князю Андрею и их совместной поездке в Лысье Горы (в окончательном 61

тексте главы X—XIV), в ранней редакции нет. Раздел о Болконских заканчивается выздоровлением Никулушки Болконского и отъездом князя Андрея в Корчеву, где предводителем был Илья Андреич Ростов. Затем действие переходит к Ростовым, денежные дела которых окончательно расстроились после уплаты долга сына в 42 тысячи и которые жили теперь в деревне. Сюда же входит описание приезда князя Андрея в Отрадное (в законченной редакции оно входит в следующую часть), его первого впечатления и от всего семейства Ростовых и особенно от Наташи (он увидел ее в костюме мальчика, которого она собиралась играть в спектакле, готовившемся к именинам отца). Все эти главы совершенно отличны от печатного текста. После описания жизни Ростовых в Отрадном идет рассказ о Николае Ростове, о его возвращении в полк и далее все вплоть до Тильзитского мира и свидания двух императоров в Эрфурте и композиционно и по содержанию близко к законченной редакции, местами текстуально совпадает с ней.

Непосредственно от описания военных сцен Толстой перешел к жизни Болконских, к главе, содержание которой впоследствии составило (по настоящему изданию) главу XXV третьей части второго тома. Начиналась глава с письма княжны Марьи к Жюли Ахросимовой. Толстой так и продиктовал заголовок: «Письмо княжны Марьи к Жюли». Затем дату: 1812. 13 октября. (По всей вероятности, дату Толстой механически перенес из одного из подлинных писем М. А. Волковой к В. И. Ланской, по которым диктовал текст.) В анализируемой редакции это было письмо «соболезнования по случаю смерти от горячки третьего брата Жюли, тогда как два были убиты, один в кампанию 1805, а другой 1807 года. Так что из четырех сыновей Настасьи Дмитриевны теперь оставался только один». Текстом о состоянии здоровья старого князя Болконского закончилась рукопись, созданная в большей своей части под диктовку в Москве. Последняя часть рукописи, начиная с описания жизни Ростовых в Отрадном, частично написана рукой Толстого, следовательно не раньше начала декабря 1864 г.

11 декабря окончательно был решен вопрос о печатании романа в «Русском вестнике»,¹ и, вероятно, на следующий день Толстой выехал в Ясную Поляну.

После сдачи в печать первой половины первой части Толстой вернулся в Ясную Поляну с новыми собранными в Москве историческими материалами, с новой большой рукописью, содержащей изложение событий от Ольмюцкого смотра до Тильзитского мира. Кроме того, он привез обратно рукопись последних глав первой части, которая была прислана ему в Москву и которую он не успел еще исправить. Лишь 3 января 1865 г. Толстой послал М. Н. Каткову уже исправленное окончание первой части. «Посылаю вам, — писал Толстой издателю, — остальную часть той рукописи, которую я привозил тогда в Москву и которая была у вас. То, что теперь у вас, включая и то, что теперь посылается, по-моему, составляет первую часть и, полагаю, выиграло бы, ежели бы было напечатано в одной книжке». В том же письме он добавил: «Рукопись исчеркана, прошу меня извинить, но до тех пор, пока она у меня в руках, я¹ См. письмо к С. А. Толстой от 11 декабря 1864 г. — т. 83, стр. 93.

столько переделываю, что она не может иметь другого вида. Французские письма я перевел и, по-моему, можно не печатать перевода, но нельзя не печатать французский текст».¹ Упоминание о французских письмах подтверждает, что посланы были именно главы о Болконских (по «Русскому вестнику» главы XXXIII—XXXVIII), куда входят написанные на французском языке письмо Жюли Карагиной (в тексте «Русского вестника» она дочь Марии Дмитриевны Ахросимовой и носит фамилию Ахросимова) и ответ княжны Марьи. Из того же письма к М. Н. Каткову узнаем, что Толстой просил прислать корректуры, которые могут «в две недели... обратиться»,² и сообщал о своих неудачных попытках написать предисловие, которое он был намерен предпослать публикации романа в «Русском вестнике». «Предисловие я не мог, сколько ни пытался, написать так, как мне хотелось. Сущность того, что я хотел сказать, заключалась в том, что сочинение это не есть роман и не есть повесть и не имеет такой завязки, что с развязкой у нее [уничтожается?] интерес. Это я пишу вам к тому, чтобы просить вас в оглавлении и, может быть, в объявлении *не называть моего сочинения романом*».³ Это для меня очень важно, и потому очень прошу вас об этом».⁴ Сохранились два наброска предисловия (рукописи №№ 39 и 40).⁵ Со второго наброска была снята копия, но Толстой над ней не работал.

О второй части Толстой писал Каткову: «Вторая часть включает в себе описание⁶ и Аустерлицкого сражения и, полагаю, будет такого же размера, как и первая. Она у меня написана и будет готова (ежели не случится чего-нибудь со мною особенного) к концу этого месяца. Я бы желал и находил бы лучшим не для себя, а для того, чтобы лучше товар лицом показать, — напечатать всю первую часть в январской книжке, а всю вторую в февральской книжке. Но, разумеется, у вас есть свои соображения, и ежели вы найдете лучшим разделить первую часть, то нечего делать. Но в таком случае напишите мне, желаете ли вы иметь 2-ю часть в нынешнем году, т. е. нынешней зимой. — Оставлять ее до будущей осени мне было бы неприятно, так как я не умею держать написанное, не поправляя и не переделывая до бесконечности. Пожалуйста, напишите мне, ежели вы желаете поместить вторую часть, то в каких месяцах? Ежели в мартовской и апрельской, то и мне это было бы очень удобно».⁷

В конце января 1865 г. Толстой правил корректуры глав I—XXVIII, предназначенных для январской книжки «Русского вестника». По этому поводу 27 января С. А. Толстая писала племянницам В. В. и Е. В. Толстым: «На днях у нас севой была спешная работа, поправляли его роман, который скоро напечатают».

¹ Т. 61, стр. 66—67.

² Там же, стр. 67.

³ Подчеркнуто Толстым.

⁴ В объявлениях о публикации, несмотря на просьбу Толстого, «Тысяча восемьсот пятый год» все же назывался романом.

⁵ Оpubл. т. 13, стр. 54 — 56, вар. №№ 2 и 3.

⁶ Подлинник письма не сохранился; в копии здесь оставлено место для одного [?] неразобранного слова. В публикации письма (т. 61, стр. 66—67) вставлено: «Шенграбенского». Вряд ли это правильно, так как описания Шенграбенского сражения еще не было, а второй частью на данном этапе работы Толстой считал текст, составивший впоследствии третью часть первого тома. По объему первая и третья части почти одинаковы (ч. 1 — 8^{1/2} печ. л.; ч. 3 — 7^{1/2} печ. л.). Быть может, пропущены слова: «Ольмуцкого смотра» или «Вишауского».

⁷ Т. 61, стр. 66.

Тогда же Толстой писал А. А. Толстой и А. А. Фету о своей работе, сообщая о выходе в ближайшие дни начала романа. «Скажите мне свое чистосердечное мнение, — просил он А. А. Толстую. — Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю».¹ В тот же день — А. А. Фету: «А знаете, какой я вам про себя скажу сюрприз: как меня стукнула об землю лошадь и сломала руку, когда я после дурмана очнулся, я сказал себе, что я — литератор. И я литератор, но уединенный, потихонечку литератор. На днях выйдет первая половина 1-й части 1805 года. Пожалуйста, подробнее напишите свое мнение. Ваше мнение, да еще мнение человека, которого я не люблю тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого — Тургенева. Он *поймет*. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера и ор. черн.;² печатаемое теперь мне хоть и нравится более прежнего, но слабо кажется, без чего не может быть вступление. Но что дальше будет — беда!!! Напишите, что будут говорить в знакомых вам различных местах и, главное, как на массу. Верно, пройдет незамеченно. Я жду этого и желаю. Только б не ругали, а то ругательства расстраивают ход этой длинной сосиски, которая у нас, нелириков, так туго и густо лезет».³ Итак, первую часть будущего романа «Война и мир», опубликованную в 1865 г., Толстой считал лишь «вступлением», а то, «что дальше будет», его творческому воображению тогда уже представлялось в огромных масштабах.

6 февраля 1865 г. вышла январская книжка «Русского вестника», в которой под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» напечатано начало романа (главы I — XXVIII⁴). Группы глав объединены заглавиями: главы I—XIII — «В Петербурге», главы XIV—XXVIII — «В Москве».

18 марта вышла февральская книжка «Русского вестника» с публикацией окончания первой части (главы XXIX—XXXVIII⁵), причем главы XXIX—XXXIII явились продолжением раздела, озаглавленного «В Москве», а последние пять глав объединены заголовком «В деревне». Ни в одной из сохранившихся рукописей заглавий нет. Они вписаны либо в несохранившуюся наборную рукопись, либо в несохранившуюся корректуру.

VI

В письмах С. А. Толстой к Т. А. Берс, написанных в январе — марте 1865 г., неоднократно встречаются упоминания о работе Толстого над романом, но данных, с помощью которых можно установить, что именно писалось в это время, в письмах нет. 7 марта 1865 г. Толстой возобновил Дневник и в этот день записал: «Пишу, переделываю. Всё ясно, но количество предстоящей работы ужасает. Хорошо определить будущую работу. Тогда ввиду предстоящих сильных вещей не настаиваешь и не переделываешь мелочей до бесконечности».⁶

¹ Письмо к А. А. Толстой от 18...23 января 1865 г. — т. 61, стр. 70.

² Какие слова сокращены, подсказать трудно, может быть: ор[еховых] черн[ил], а возможно: ор[us'ом] черн[овым].

³ Письмо к А. А. Фету от 23 января 1865 г. 3 т. 61, стр. 72.

⁴ По наст. изд. т. I, ч. 1, гл. I—XX.

⁵ По наст. изд. т. I, ч. 1, гл. XXI—XXV.

⁶ Дневник, 7 марта 1865 г. — т. 48, стр. 59.

Прежде чем переходить к анализу дальнейшей работы, необходимо остановиться на записи Толстого об Александре и Наполеоне, сделанной в Дневнике 19 марта 1865 г.: «Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона. Вся подлость, вся фраза, всё безумие, всё противоречие людей, их окружавших, и их самих. Наполеон, как человек, путается и готов отречься 18 брюмера перед собранием. De nos jours les peuples sont trop éclairés pour produire quelque chose de *grand*.¹ Александр Македонский называл себя сыном Юпитера, ему верили. Вся Египетская экспедиция французское тщеславное злодейство. Ложь всех bulletins,² сознательная. Пресбургский мир escamoté.³ На Аркольском мосту упал в лужу, вместо знамя. Плохой ездок. В Итальянской войне увозит картины, статуи. Любит ездить по полю битвы. Трупы и раненые — радость. Брак с Жозефиной — успех в свете. Три раза поправлял реляцию сраженья Риволи — всё лгал. Еще человек первое время и сильный своей односторонностью — потом нерешителен — чтоб было! а как? Вы простые люди, а я вижу в небесах мою звезду. — Он не интересен, а толпы, окружающие его и на которые он действует. Сначала односторонность и beau jeu⁴ в сравнении с Маратами и Барасами, потом ошущью — самонадеянность и счастье, и потом сумасшествие — faire entrer dans son lit la fille des Césars.⁵ Полное сумасшествие, расслабление и ничтожество на св. Елене. — Ложь и величие потому только, что велик объем, а мало стало поприще и стало ничтожество. И позорная смерть!

Александр, умный, милый, чувствительный, ищущий с высоты величия объема, ищущий высоты человеческой. Отрекающийся от престола и дающий одобрение, не мешающий убийству Павла (не может быть). Планы возрождения Европы. Аустерлиц, слезы, раненые. Нарышкина изменяет. Сперанский, освобождение крестьян. Тильзит — одурманение величием. Эрфурт. Промежуток до 12 года не знаю. Величие человека, колебания. Победа, торжество, величие, grandeur, пугающие его самого, и отыскивания величия человека — души. Путаница во внешнем, а в душе ясность. А солдатская косточка — маневры, строгости. Путаница наружная, прояснение в душе. Смерть. Ежели убийство, то лучше всего. —

Надо написать свой роман и работать для этого».⁶

На другой день Толстой вернулся к той же теме: «Крупные мысли! План истории Наполеона и Александра не ослабел. Поэма, героем которой был бы по праву человек, около которого всё группируется, и герой — этот человек».⁷

¹ [В наше время народы слишком просвещенны, чтобы можно было создать что-либо *великое*.] (Слова Наполеона маршалу Декре.)

² [реляций,]

³ [достигнут обманом.]

⁴ [благоприятные условия]

⁵ [разделить ложе с дочерью цезарей.]

⁶ См. т. 48, стр. 60—61.

⁷ Дневник, 20 марта 1865 г. — там же, стр. 61.

Принято считать, что дневниковая запись о двух государственных деятелях эпохи, над изучением и описанием которой Толстой в ту пору работал, свидетельствует о наступившем весной 1865 г. переломе в замысле художника: будто бы замысел семейного романа теперь только осложнился замыслом историческим.¹ Есть все основания отвергнуть такое предположение, так как к декабрю 1864 г. замысел исторический был уже ясно выражен: в роман были введены исторические деятели, в том числе и Александр и Наполеон, наконец описано даже Аустерлицкое сражение, первый вариант которого создан еще в 1863 г.

В январе и в начале февраля 1865 г. Толстой был, вероятно, занят главным образом правкой корректур первой части. Дневниковые записи, начиная с марта, довольно последовательно рассказывают о работе Толстого до конца 1865 г. Нет никаких сомнений, что в этот период шло писание второй части, содержащей картину Шенграбенского сражения. Невозможно установить точно, как и когда возник замысел второй части, изменившей первоначальный план показать из войны 1805 г. только Аустерлицкое сражение, центральное в этой войне.

Еще во время пребывания в Москве Толстой усиленно собирал и изучал исторические материалы к роману, работал в библиотеках. 7 декабря он провел «часа три» в Чертковской библиотеке за книгами, очень для него «нужными, и за портретами генералов, которые очень полезны». «Там мне сказали, — писал Толстой жене, — что у графа Уварова есть переписка его дяди, командовавшего корпусом в 1805 году; поехал к нему, но не застал дома». Речь идет о письмах кавалерийского генерала Федора Петровича Уварова, который в 1805 г. командовал кавалергардским полком во время Аустерлицкого сражения. Об этих письмах тогда же Толстой просил П. И. Бартенева: «Не можете ли вы дать просмотреть их — не вынося их из вашей квартиры. Ежели вам это можно, то назначьте мне время, когда бы я мог приехать к вам и заняться этим».³ В этом же письме Толстой просил прислать ему «Русский архив», сочинения Жозефа де Местра и справлялся, во скольких частях издана «Галерея Зимнего дворца». Все эти книги послужили Толстому источниками к роману.

Быть может, изучение в ноябре — декабре 1864 г. исторических документов о 1805 г., в том числе чтение книг французского дипломата Жозефа де Местра, натолкнуло Толстого на мысль описать войну 1805 г. не с кануна Аустерлицкого сражения, а с момента начала ее. В работах Жозефа де Местра подчеркнута гениальность полководца Кутузова, проявившаяся в сражениях, предшествовавших Аустерлицкому, что замалчивалось в русских источниках.⁴

¹ См. Б. М. Эйхенбаум, указ. соч., стр. 385; С. П. Бычков, «Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», М. 1949, стр. 7, а также другие работы, указанные выше, стр. 23, прим. 1. Совершенно справедливо предположение М. А. Цявловского, что запись в Дневнике говорит «о самостоятельном замысле написать сравнительную характеристику этих людей» («Толстой и о Толстом», 3, стр. 141). Об этом ясно свидетельствует последняя фраза дневниковой записи от 19 марта.

² Письмо к С. А. Толстой от 7 декабря 1864 г. — т. 83, стр. 88.

³ Письмо к П. И. Бартеневу от 7 декабря 1864 г. — т. 61, стр. 61.

⁴ В книге, которой пользовался Толстой (см. в списке источников № 67) имеется письмо Ж. де Местра об Аустерлицком сражении, где перечислены «пять замечательных сражений» Кутузова, предшествовавших Аустерлицу.

Еще раз писатель отодвинул действие назад, к самому началу войны, и стал создавать своего рода пролог к описанию Аустерлицкого боя. Работа Толстого над второй частью представлена рукописями №№ 54—84, состоящими из 251 листа автографов и исправленных копий.

В соответствии с заглавиями групп глав первой части: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне» продолжение озаглавлено в рукописи «За границей». После первой части, заканчивающейся отъездом князя Андрея из Лысых Гор на войну, новый набросок — для непрерывности действия — начинается словами: «Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова на польской границе...»¹ Содержание наброска: пребывание князя Андрея в штабе Кутузова в Браунау перед самым началом военных действий; настроение князя Андрея, который в главной квартире чувствовал себя «в том же, столь надоевшем ему петербургском мире интриг, женщин, французских фраз, и пустоты». Штабные офицеры «возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов». Наоборот, находясь в командировках или при Кутузове во время смотров, он испытывал сильно одушевлявшее его, поднимавшее на высокую степень энергии, чувство при виде «симметричныхдвигающихся масс».

Образ князя Андрея на войне был определен в предыдущей рукописи, его подвиг под Аустерлицем уже описан; теперь, отодвинувши действие назад, Толстой показывает героя в предшествующий этому подвигу период. Обстановка главной квартиры в начале войны рисуется сквозь впечатления князя Андрея. Кратко рассказано о «враждебной, но учливой дипломатии австрийских и русских властей», о невыгодном положении Кутузова при австрийском дворе, о начале военных действий в октябре 1805 г. и о прибытии из Вены австрийского генерала с предписанием Кутузову идти на помощь Маку. На этом рукопись обрывается.

Пишется новый вариант.² В отличие от предыдущего наброска в нем нет заглавия. Действие начинается описанием положения войск союзников к началу кампании 1805 г., рассказом о взаимоотношениях Кутузова с командующим австрийскими войсками. Сначала решительно отмечено, что «австрийское правительство негодовало на Кутузова за то, что он не шел на соединение с Маком», но тут же заменено, хотя и менее резким определением, но столь же ясно свидетельствующим не о безволии Кутузова, каким его представляли дворянские и буржуазные историки, а об его определенном стратегическом плане.

С этого наброска снята копия,³ при исправлении которой текст начала был написан заново; опять появилось заглавие «За границей», после заглавия проставлен номер главы: «1». Действие, как и в предыдущем варианте, начинается с описания стоянки Кутузова в Браунау и подготовки пришедшего полка к смотру. Этот вариант, соответствующий по содержанию первой главе второй части окончательного текста, был затем продолжен. На новом листе проставлена цифра 2, видимо обозначающая¹ Опубл. т. 13, стр. 319—320, вар. № 22.

² Опубл. (без окончания) т. 13, стр. 419—421, вар. № 51.

³ Опубл. (без окончания) т. 13, стр. 416—419, вар. № 50.

вторую главу. Созданный вариант содержит рассказ о кутузовском штабе в Браунау и о состоянии русской армии перед началом военных действий.¹ В отличие от законченного текста, князь Андрей встречается в полку с батальонным командиром майором Ахросимовым, с которым он был знаком с детства. (Так наметил было Толстой ввести в роман еще одну семью; в первой части на именинах у Ростовых присутствует М. Д. Ахросимова, с ее дочерью Жюли переписывается княжна Марья; во второй части с ее сыном встречается в армии князь Андрей.) Быть может, майор Ахросимов, близкий знакомый князя Андрея, нужен был здесь для того, чтобы естественнее было князю Андрею высказать свое отношение к вопросам войны и политики. Ведь в беседе князя Андрея с Ахросимовым раскрывается положение русского войска в октябре 1805 г., недовольство Кутузова поведением австрийского командования, причем и Ахросимов и Болконский на стороне Кутузова. В этой же беседе князь Андрей заявляет о своем отношении к военной службе, о своем желании служить «просто», «перейти в простой пехотный полк».

Более рельефно, чем в окончательном тексте, Толстой подчеркивает национальный дух армии, который не могли изменить, подорвать ни тяжелые условия похода, ни чужие страны. Войска проходили польские деревни и города, проходили Богемию и все также «с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками... пронося везде русский дух... и чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот, точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям и чем дальше, тем беззаботнее и веселее, и русее казался этот оторванный кусок России. Всё, что было слабого, ленивого, трусливого, — всё оставалось по гошпиталям сзади».

В законченном виде рукопись содержит текст, соответствующий (по «Русскому вестнику») первым трем главам второй части.² К моменту создания этой рукописи относится запись Толстого в Дневнике 11 марта: «Нынче кончил 3-ью главу. Два раза писал».³ Можно предположить, что именно эти три главы Толстой намеревался объединить заголовком «За границей». Таким образом, завершился круг, включивший описание политической обстановки в стране, отношение различных кругов в тылу и в армии к назревающим политическим событиям, к наступающей войне. «В Петербурге», «В Москве», «В деревне», «За границей» — так создавалась и закрепились композиция произведения, наметившаяся еще в восьмом, наиболее разработанном, варианте начала произведения.

Среди рукописей сохранился маленький, в несколько строк, набросок (рукопись № 54), озаглавленный: «Часть 2. Глава 1. Поход». Он открывается выступлением Павлоградского полка, в котором служил юнкером Николай Ростов.⁴ Быть может, по первоначальному замыслу, рукопись,¹ Опубл. (не полностью) т. 13, стр. 310—315, вар. № 19.

² По наст. изд. т. I, ч. 2, гл. I и II.

³ Т. 48, стр. 59.

⁴ Опубл. т. 13, стр. 293. Набросок, заканчивающийся словами: «...Из ворот деревни вышли и приближались к ним чиновник немец и гусарский юнкер», написан рукой В. В. Нагорновой, очевидно, под диктовку. Весь он зачеркнут, а оставшаяся незаполненной часть листа была позднее использована для продолжения текста другой рукописи. Этот позднейший текст ошибочно опубл. в т. 13 как непосредственное продолжение наброска «Поход».

имеющая заглавие «За границей», заканчивала первую часть, а вторая должна была начинаться военными действиями. В таком случае набросок «Поход» можно считать первым вариантом начала второй части. Замысел, видимо, тотчас же отпал, и вторая часть, получившая позднее общее заглавие «Война», включила в себя как начало рукопись, озаглавленную «За границей».

К работе над началом второй части относятся два плана и один листок с конспективными записями к Шенграбенскому сражению.¹ Планы, а также отдельные записи свидетельствуют о том, что содержание второй части и композиция ее были автору ясны, а дневниковые записи и, главное, самые рукописи подтверждают, что именно по намеченному плану шла работа. 17 марта Толстой отметил в Дневнике: «Нынче писал... Читаю Mémoires Raguse'a.² Очень мне полезно».³ 21 марта — запись о продолжении чтения «с отметками» воспоминаний Raguse'a; в тот же день «вечером писал сцену моста — плохо».⁴ «Сцена моста» — это VII и VIII главы второй части, рассказывающие о переходе русских войск через Энс и о поджоге моста. Между 11 и 21 марта были написаны гл. IV—VIII. Текст их очень близок, а местами совпадает с завершённым. Толстой не был удовлетворен написанной «сценой моста», однако ее первый вариант также весьма близок к окончательной редакции.⁵ После гл. VIII следовала не дошедшая до печати небольшая глава, представляющая интерес для уяснения авторской точки зрения на первый период войны 1805 г. Глава посвящена кратким сообщениям о сражениях при Ламбахе, Амштетене, Мельке и Кремсе.⁶

О продолжении работы имеется ряд записей в Дневнике. «Писал вечером мало, но порядочно. Могу. А то всё это время мысли нового, более важного и недовольство старым. Надо непременно каждый день писать не столько для успеха работы, сколько для того, чтобы не выходить из колеи. Больше пропускать. Завтра попробую характеристику Билибина» — записано 23 марта. На следующий день: «Писал немного Билибина». 25 марта: «Не писал». 27 марта: «Чуть-чуть писал. Не в духе, но держусь». 28 марта: «Пишется плохо. Надо выпускать». И, наконец, следующая запись сделана только 10 апреля: «Три дня писал с большим трудом, но всё подвигаюсь. Брюнн».⁷ Следовательно, к 10 апреля повествование доведено до отступления русских войск к Шенграбену, то есть до гл. XIII (по «Русскому вестнику»)⁸. К этому периоду следует отнести рукописи №№ 75—80. Характеристику Билибина, а также пребывание князя Андрея в Брюнне Толстой перерабатывал несколько раз.⁹

После 10 апреля Дневник прерывается на несколько месяцев, и нет возможности день за днем следить за продолжавшейся работой. 16 мая¹ Оpubл. т. 13, стр. 27—30, №№ 10—12.

² «Mémoires du marechal Marmont, duc de Raguse», тт. I—IX, Paris, 1856—1857 (имеются в яснополянской библиотеке). Толстой читал воспоминания между 17 и 25 марта Заметки, сделанные им при чтении этих книг, см. в т. 48, стр. 60—62. Из этого издания Толстой использовал ряд фактов для «Войны и мира».

³ Т. 48, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ Т. 13, стр. 321—324, вар. № 23.

⁶ Оpubл. т. 13, стр. 439—441, вар. № 57.

⁷ Т. 48, стр. 61—62.

⁸ По наст. изд. т. I, ч. 2, гл. I—XII.

⁹ Оpubл. т. 13, стр. 333—351, вар. №№ 26—30.

Толстой сообщал А. А. Фету: «Я всё пишу понемножку и доволен своей работой»,¹ а 30 июня он высказал предположение, что в сентябре сможет начать печатание второй части.² Однако к сентябрю вторая часть не была закончена. Летом Толстой, видимо, мало работал. 26 июня он с семьей переехал в Никольское. 16 июля к Толстым в Никольское приехали А. А. Фет с женой, и в тот же день Толстой читал им военные сцены.³

Судя по позднейшим дневниковым записям и по другим документам, к этому времени могла быть закончена только первая половина второй части. 26 июля Толстой уехал к П. П. Новосильцеву в его имение Орловской губернии, оставив жене рукопись для копирования. 29 июля С. А. Толстая писала ему: «...я все списывала, но дело идет тихо. Начну списывать, то дети помешают, то мухи кусали ужасно, а то станет интересно, и я читаю дальше, и начинаю думать и судить сама себе о всех лицах и действиях твоего романа. Мне очень Долохов нравится. Но я чувствую себя все-таки действительно пошлой читающей публикой». ⁴ Два дня спустя: «Нынче переписывала и прочла вперед немного, что я еще не видала и не читала, а именно, как жалкий повязанный старичок Мак приехал сам признаться, как его разбили, а кругом его любопытные адъютанты, а он почти рыдает, и его свидание с Кутузовым. Мне ужасно это понравилось, оттого и пишу об этом тебе». ⁵ Приведенные письма С. А. Толстой подтверждают, что работа шла над первой половиной второй части (рукописи №№ 77 и 78).

С 21 по 25 сентября Толстой с семьей провел у Дьяковых в имении Черемошняя, где он читал отрывки из романа. «Их не занимает, — записал Толстой в Дневнике 24 сентября. — Но мне показалось настолько недурно, что не стоит переделывать. Nicolas надо придать любовь к жизни и страх смерти на мосту. А Андрею — воспоминания сраженья в Брюнне». ⁶ В числе прочитанных у Дьяковых отрывков были гл. VIII—X. Конец сентября и весь октябрь были посвящены работе над окончанием второй части и отделке ранее написанного. 15 октября отмечено в Дневнике: «Две главы совсем обдумал. Брыков и Долохов не выходят. Мало работаю». ⁷ Речь идет об описании эпизода из Шенграбенского сражения: героического подвига роты капитана Брыкова, в которой состоял разжалованный Долохов. ⁸ Текст был позднее переработан, и Брыков переименован в Тимохина. 17 октября Толстой записал в Дневнике: «Писать не хотелось очень. А *se battre les flancs* ⁹ ни за что не хочу. Для Долохова видел на охоте местность, и ясно». 20 октября: «Перечитывал, переправлял, идет дело. Долохова сцену набросал». 21 октября: «К вечеру обдумывал Долохова». ¹⁰ Судя по этим записям, ко второй половине октября 1865 г. относятся рукописи, содержащие описание именно Шенграбенского сражения. ¹¹

¹ Т. 61, стр. 82.

² См. письмо к А. Е. и Л. А. Берсам от 30 июня 1865 г. — т. 61, стр. 91.

³ См. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 92.

⁴ С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому 1862—1910». стр. 59.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ Т. 48, стр. 63. Такие же записи сделаны на полях рукописи № 81, что дает основание датировать ее.

⁷ Там же, стр. 65.

⁸ Опубл. т. 13, стр. 397—405, вар. №№ 40—44.

⁹ [Лезть из кожи вон]

¹⁰ Т. 48, стр. 65.

¹¹ Кроме указанных выше вар. №№ 40—44, из этих рукописей опубл. т. 13, стр. 353—361, вар. №№ 32 и 33.

Дальнейших точных сведений ни о работе над рукописями, ни о дате отсылки второй части в набор, ни о правке корректур нет.

Около девяти месяцев Толстой был занят второй частью. Черновые рукописи показывают, что именно потребовало наибольшего труда.¹ Толстой стремился на протяжении всей части показать возможно рельефнее невыгодное положение и серьезные трудности для русского главнокомандующего с самых первых моментов войны, когда «кутузовскому 40-т[ысячному] войску, необутому, плохо кормленному, предстояло не только отступить перед вдвое сильнейшим победителем, хорошо продовольствованным неприятелем, среди чужой, дурно расположенной страны, готовой к предательству как в своих низших, так и высших представителях, но и удерживать этого неприятеля по дороге в Вену уничтожением мостов и арьегардными сражениями, о чем каждый день писал к Кутузову австрийский император». Неоднократно Толстой подчеркивал, что, сохраняя вид подчинения главному командованию, Кутузов старался даже в тех сложных условиях действовать по своему обдуманному плану (пути отступления от Кремса, Кремское сражение и т. д.).

Много внимания уделил автор характеристике австрийских военных сфер и австрийского придворного круга. Для обличительной характеристики этого общества, а также русских дипломатов (кружок Билибина) использован приезд князя Андрея в Брюнн с донесением о победе под Кремсом.² Общее настроение австрийского двора показывало, говорит Толстой, что «войною, собственно, мало занимались в Брюнне. Жизнь с придворной обстановкой, щегольством, праздниками и женщинами шла так же, как будто не было никогда в государстве ни гошпиталей с тяжелым запахом, наполненных стонущими, бледными ранеными, ни выжженных и покинутых деревень, ни Вены, в которой уже командовал Мюрат». Почти сатирически изображены «низшие придворные лица», старавшиеся вступить в разговор с князем Андреем после аудиенции у императора. Толстой сравнил их с «алчущими животными у колодца», которые, «ежели не могут достигнуть до самого источника драгоценной влаги, то жадно рвутся высосать ту влагу, которая выливается на доступное им корыто». Соответственно представлено состояние в этот момент князя Андрея, который «почувствовал себя этой бадьей, выходящей из колодца, перед столпившимся стадом, когда он вышел из двери кабинета императора».

Работая над образом князя Андрея в создаваемой второй части произведения, Толстой как бы подготавливал своего героя к подвигу под Аустерлицем, уже описанным в ранее законченной части. Он постепенно сталкивал князя Андрея с различными кругами людей, создавал вокруг него такую обстановку, вследствие которой взгляды князя Андрея на войну, на военное дело, высказанные им в первой части романа, постепенно изменялись. Причем среда, в которую попал князь Андрей, и события, в которых ему пришлось участвовать (штаб Кутузова, сражение под Кремсом, встреча с обозом русских раненых по дороге в Брюнн, прием у австрийского императора, лагерные сцены в Грунте, Тушин и, наконец,¹ Почти все черновые рукописи, относящиеся ко второй части первого тома, опубл. т. 13, стр. 293—472, вар. №№ 16—63.

² Оpubл. т. 13, вар. №№ 26—30, 36, 37, 58.

Шенграбенское сражение) обрисованы в черновых редакциях с большими деталями, местами более подробно, а порою более резко. В черновых вариантах, в отличие от журнального текста и особенно от завершенной редакции, вместо художественных сцен значительно больше повествования от лица автора, слишком явно выступает авторская оценка событий и лиц. К преодолению описательности были направлены усилия автора.

Много раз перерабатывались главы, посвященные князю Андрею и Тушину перед Шенграбенским сражением. Вместо краткого разговора в балагане, вернее лишь отрывочных фраз о страхе смерти (гл. XVI окончательного текста), услышанных князем Андреем, в черновых вариантах большое место отведено сценам в шалаше и пространным беседам, особенно на темы о бессмертии, в которых принимал участие сам князь Андрей.¹ Подробнее рассказано, как в результате впечатлений на войне изменялось отношение князя Андрея к солдатам. «Несмотря на свое философское воспитание конца 18-го века и несмотря на свою любовь к военному делу, князь Андрей никогда не думал, что в военном деле что-нибудь значат люди, как солдаты и мелкие офицеры, никогда не думал, что от них зависит что-нибудь в военном деле». Такова первоначальная позиция князя Андрея. После Брюнна, вернувшись в армию и объезжая позиции перед Шенграбенским сражением, князь Андрей уже иначе относился к войску, причем особенно сильное впечатление произвел на него разговор с капитаном Тушиным,² к мыслям которого о войне и военном деле приблизится постепенно князь Андрей. К этому вел автор своего героя.

Пространнее и с сохранением большего количества деталей и фактических данных изображены канун Шенграбенского сражения и самое сражение. В описании Аустерлицкого сражения упоминался эпизод с батареей Тушина. Теперь же, создав вторую часть и тесно связав капитана Тушина с князем Андреем, Толстой ввел, как один из центральных эпизодов Шенграбенского сражения, батарею Тушина и затем заступничество князя Андрея за Тушина. И в черновом варианте последней главы, закончившемся пока только конспектом, уже содержатся мысли князя Андрея после Шенграбенского сражения: «Я всё могу. Могу найти смысл в этих толпах и мысль» и далее: «Князь Андрей в избе записывает, ему мелькает мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом обнять всё».

Дальнейший текст: атака, в которой участвовал и был ранен Николай Ростов, и все окончание второй части — написан почти сразу.

Вторая часть сдана в переписку, и с первых чисел ноября появляются свидетельства Толстого о работе над продолжением романа — над отделкой написанной ранее третьей части. «Весь день хорошо обдумывал много, писал мало», — отметил он в Дневнике 3 ноября.³ А в письме к А. Е. Берсу, отправленном в те же дни, сообщал: «Я свеж, весел, голова ясна, я работаю — пишу»¹ Оpubл. т. 13, вар. №№ 35, 43, 45, 46, 59.

² Имена Тушина и Тимохина определились не сразу. Первоначально были Ананьев и Брыков; затем Ананьев заменен Тушиным, а Брыков — Тимохиным, Ананьевым и впоследствии опять Тимохиным. При публикации отрывков в т. 13 в некоторых случаях смешаны слои рукописи, и создалась из-за этого путаница имен (см. вар. №№ 45 и 59).

³ Т. 48, стр. 66.

по 5 и 6 часов в день... Дописываю теперь, т. е. переделываю и опять, и опять переделываю свою 3-ю часть. Эта последняя работа отделки очень трудна и требует большого напряжения; но я по прежнему опыту знаю, что в этой работе есть своего рода вершина, которой достигнув с трудом, уже нельзя остановиться и, не останавливаясь, катишься до конца дела. Я теперь достиг этой вершины и знаю, что теперь хорошо ли, дурно ли, но скоро кончу эту 3-ю часть».¹

Исходя из авторской даты второй части: «21 декабря 1865 г.» (она помещена в конце последней главы в апрельской книжке «Русского вестника» за 1866 г.), исследователи полагали, что в ноябре 1865 г. Толстой называл вторую часть «третьей», якобы разумея под «первой» то, что было напечатано в январской книжке «Русского вестника» за 1865 г., то есть главы I—XXVIII первой части, а под «второй» — напечатанное в февральской книжке, то есть главы XXIX—XXXVIII.²

Вышеприведенные документы с абсолютной точностью доказывают, что все опубликованное в двух книжках «Русского вестника» Толстой считал первой частью. Важным дополнительным свидетельством тому служит листок, на котором Толстой собственноручно наметил распределение текста романа по частям:

«1 ч. что напечатано.

2 ч. до Аустерлица включительно.

3 ч. до Тильзита включительно.

4 ч. Петербург до объяснения А[ндрея] с Н[аташей] включительно.

5 ч. до эпизода Н[аташи] с А[натодем] и объяснения А[ндрея] с Р[иерг'ом] включительно.

6 ч. до Смоленска.

7 ч. до Москвы.

8 — Москва.

9 — Тамбов.

10 — ».³

Когда Толстой намечал деление, была напечатана, как и отмечено, только первая часть. Следовательно, распределение частей составлялось до начала печатания второй части, то есть до февраля 1866 г. Этот набросок свидетельствует о том, что Толстой решил объединить во второй части и Шенграбенское, и написанное ранее Аустерлицкое сражения,⁴ а в третью включить все после Аустерлицкого сражения «до Тильзита включительно», то есть большую часть рукописи, созданной год назад (рукопись № 85). Содержание остальных шести частей (4—9), еще не написанных, было пока только намечено в конспектах (рукописи №№ 8 и 12).⁵ Нет сомнений, что, закончив описание Шенграбенского сражения, Толстой приступил не к писанию, а, по его собственному выражению, к «дописыванию» и «переделыванию», то есть к переработке рукописи № 85,¹ Т. 61, стр. 111

²См. «Толстой и о Толстом», 3, М. 1927, стр. 145; Б. М. Эйхенбаум, «Лев Толстой», кн. вторая, стр. 271; т. 48 наст. изд., стр. 480 — 481; т. 61, стр. 112.

³На этом запись обрывается. Оpubл. т. 13, стр. 37, № 20.

⁴В первом отдельном издании романа описание Шенграбенского сражения входит в первую часть, Аустерлицкого — во вторую.

⁵Оpubл. т. 13, стр. 25 — 26, № 9, и стр. 30, № 13.

заканчивающейся Тильзитским миром.¹ Ее-то он и называл в письмах и дневниковых записях в ноябре 1865 г. «третьей» частью.

«Писал много, всё неудачно. Но идет вперед», — записал Толстой в Дневнике 6—7 ноября.² «Вчера избыток и сила мысли. Написал предшествующее сражению и уяснил всё будущее», — отмечено 9 ноября. Очевидно, в этот день была закончена переработка первых тринадцати глав третьей части, предшествующих Аустерлицу.³ Из Дневника известно также, что 9 ноября Толстой «взял важное решение не печатать до окончания всего романа»⁴. Вот почему из обещанной в «Русский вестник» второй части была послана только первая половина ее с описанием Шенграбенского сражения.

12 ноября Толстой записал в Дневнике: «Кончаю 3-ю часть. Много уясняется хорошо».⁵ Этой записью от 12 ноября 1865 г. прервался Дневник Толстого почти на тринадцать лет, до 17 апреля 1878 г. Для хронологизации дальнейшего процесса работы, датировки и документации имеются письма Толстого, свидетельства близких ему лиц и, главное, самые рукописи.

14 ноября писатель сообщал А. А. Толстой: «Романа моего написана только 3-я часть, которую я не буду печатать до тех пор, пока не напишу еще 6 частей, и тогда — лет через пять — издам всё отдельным сочинением».⁶ Сопоставление этого письма с приведенным выше авторским распределением всего романа на части убеждает, что именно в ноябре 1865 г. составлялось дошедшее до нас первое распределение, в котором как раз и намечены были следующие шесть частей после заканчиваемой третьей (доведенной «до Тильзита включительно»).

Итак, первая половина ноября ушла на исправление рукописи, созданной год назад. В соответствии с вновь написанной второй частью, посвященной началу войны и особенно Шенграбенскому сражению, пришлось в старой рукописи вычеркнуть ранее созданные разговоры о Шенграбене и, главное, исключить эпизод с батареей Тушина. После авторской правки текст, «до Аустерлица включительно», приблизился к законченной редакции.

В том же направлении, приближающем содержание к законченной редакции, шла правка дальнейшего текста от окончания первой войны с Наполеоном до свидания в Эрфурте двух императоров.⁷ Вписаны отсутствующие¹ свидетельством того, что к моменту приведенного выше распределения материала по частям Толстой работал именно над третьей частью «до Тильзита», служит помета на том же листке: «104 псалом». В рукописи № 85, в главах с описанием родов маленькой княгини, имеется текст о княжне Марье, которая сидела в своей комнате и, раскрыв псалтырь, «стала читать 104 псалом». После этой фразы в рукописи имеется строка точек, означающая, что сюда должен быть вписан переписчиком текст псалма. Исправляя рукопись, то есть «переделывая» «третью» часть, Толстой и сделал для памяти отметку, чтобы найти и вставить на место текст псалма. На том же листке есть еще одна запись, связанная с «третьей» частью: «Вольные хлебопашцы?». Толстому нужно было выяснить этот вопрос в связи с попытками Пьера улучшить положение своих крестьян, что входило в эту же «третью» часть романа, а также для описания мероприятий князя Андрея в Богучарове, с чего началась следующая, четвертая, часть (рукопись № 89).

² Т. 48, стр. 66.

³ В комментариях к Дневнику (см. т. 48, стр. 480) ошибочно указано, что запись 9 ноября относится ко второй части, к главам, предшествующим Шенграбенскому сражению.

⁴ Т. 48, стр. 66.

⁵ Там же.

⁶ Т. 61, стр. 115.

⁷ В наст. изд. т. II, ч. 1 и 2.

в первой редакции главы о приезде Николая Ростова вместе с Денисовым в отпуск (в первой редакции лишь кратко сообщалось об этом), о бале у Иогеля, об увлечении Денисова Наташей. Переработано описание встречи Пьера с масоном, но и в исправленном виде оно еще значительно отличается от законченной редакции и не содержит описания церемонии вступления Пьера в масонскую ложу. Переработана сцена вечера у Анны Павловны Шерер; созданы отсутствующие в первой редакции главы о поездке Пьера в свои имения «с целью весьма ясно определенной: облагодетельствовать своих двадцать тысяч душ крестьян». Написаны заново главы о приезде Пьера в Богучарово к князю Андрею, об их совместной поездке в Лысые Горы, о задушевной беседе друзей «про жизнь, про назначение человека», про масонство. На настоятельное требование Пьера ввести князя Андрея в масонскую ложу князь Андрей ответил: «Отчего же, ça ma couste si peu et ça vous fera tant de plaisir».¹ Намерение Толстого провести и князя Андрея через масонство отражено не только в анализируемой рукописи, но также в конспектах (рукописи №№ 5 и 7)² и в черновых вариантах следующей части.³

Рукопись № 85 в переработанном виде была очень близка к завершённой редакции третьей части первого и двух первых частей второго тома (по наст. изд.).⁴ На этом этапе рукопись еще заканчивалась описанием жизни в Лысых Горах; позднее последние листы этой рукописи будут перенесены в следующую часть, составившую впоследствии третью часть второго тома.

На полях одного из листов рукописи № 85, работа над которой закончилась в конце 1865 или в самом начале 1866 г., Толстой отметил объем готового текста в листах:

В Петербурге	} 9 л.	} 28	В Москве	} 3
В Москве			В Петербурге	
В деревне			и деревне	
За границей	7 л.		Тильзит	5
В Петербурге	} 4		Письмо	} 5
В деревне			В Петербурге	
В Москве			В деревне	} 3
Аустерлиц	5		В Тур[ции]	
В Москве	} 3			
В деревне				

Этот набросок очень важен, во-первых, потому, что дает самое точное представление об объеме написанной к тому времени части романа, и, во-вторых, показывает, что тогда уже окончательно сложилась композиция произведения. Скобки, проставленные справа, объединяют в самостоятельные группы события «мира», то есть события жизни «в Петербурге», «в Москве» и «в деревне», равномерно перемежающиеся темой войны: ¹ [мне это нетрудно, а вам это доставит столько удовольствия.]

² Оpubл. т. 13, стр. 23 и 24, №№ 6 и 8.

³ См. ниже стр. 78.

⁴ Большая часть рукописи № 85 в переработанном виде опубл. т. 13, стр. 472—643, вар. №№ 64—88.

«За границей», «Аустерлиц», «Тильзит». К тому же «мир» и «война» во всех разделах почти равны по объему.

Одновременно с исправлением третьей части шла переписка второй. «Уж у меня рука не ходит писать, я целыми днями переписываю Левочке», — сообщала С. А. Толстая сестре 16 ноября 1865 г. Готовилась наборная рукопись для «Русского вестника» (несохранившаяся). Перед сдачей в типографию Толстой, конечно, просмотрел рукопись и, вернее всего, тогда проставил дату: 21 декабря 1865 г. С этой датой вторая часть была опубликована.

В январе 1866 г. Толстой со всей семьей приехал в Москву, где прожил, — до начала марта. Он привез с собою рукопись в восемь печатных листов. Конечно, это была наборная рукопись законченной 21 декабря второй части, которая начала печататься в «Русском вестнике». За время пребывания в Москве Толстой, вероятно, правил корректуры второй части, опубликованной под заголовком «Война». 11 марта 1866 г. вышел «Русский вестник» № 2, в котором напечатаны первые девять глав этой части; 14 апреля вышла следующая книжка (№ 3), в которой напечатаны главы X—XIV, и 20 мая вышла апрельская книжка (№ 4) с последними главами XV—XXIV. На этом печатание романа в «Русском вестнике» прекратилось.

VIII

Перед отъездом в Москву Толстой писал А. А. Фету: «...я довольно много написал нынешнюю осень своего романа». Действительно, Толстой испытывал в конце 1865 г. состояние большого творческого подъема. Надолго исчезают из его писем сетования на то, что работа не идет. «Ars longa, vita brevis,¹ думаю я всякий день, — писал он в том же письме к Фету. — Коли бы можно бы было успеть $\frac{1}{100}$ долю исполнить, того, что понимаешь, но выходит только $\frac{1}{10000}$ часть. Все-таки это сознание, что *могу*, составляет счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынешний год с особенной силой его испытываю».² В феврале 1866 г. Толстой писал двоюродной тетке, что главная цель поездки семьи в Москву — показать детей родителям Софьи Андреевны, а сам он воспользовался этим случаем, чтобы оживить в себе воспоминание о свете и о людях, которое становилось в нем «слишком отвлеченным». «А мне нужно, — писал Толстой, — уметь более или менее верно судить людей, потому что я их стараюсь описывать».³ Конкретных данных о писании романа за время пребывания в Москве нет. Только по воспоминаниям Т. А. Кузминской известно, что Толстой много занимался в библиотеках. В кругу близких людей он читал отрывок романа, вернее всего главы из привезенной для сдачи в печать второй части или Аустерлицкое сражение. По свидетельству Д. Д. Оболенского, на чтении присутствовал генерал С. В. Перфильев, «старик, помнивший хорошо то время и 12 год. Замечаниями его Лев Николаевич очень дорожил. Генерал¹ [Искусство вечно, жизнь коротка,]

² Письмо к А. А. Фету от 15...31 декабря 1865 г. — т. 61, стр. 125.

³ Письмо к А. А. Толстой от 4 февраля 1866 г. — т. 61, стр. 128.

останавливал графа, когда, по его мнению, бывала ошибка в отношении военных того времени».¹

В Москве Толстой встретился с художником М. С. Башиловым, двоюродным дядей С. А. Толстой, и тогда возникла мысль издать роман с иллюстрациями, которые Толстой и заказал М. С. Башилову. Пока художник готовил рисунки для первой части, писатель продолжал свой роман. С этого времени между ними в течение года велась деятельная переписка,² содержащая важные подробности о дальнейшей работе Толстого.

7 марта Толстой вернулся в Ясную Поляну. Софья Андреевна, видимо, не успевала переписывать рукописи, и был приглашен писарь, который жил в Ясной Поляне.

4 апреля 1866 г., в связи с получением первых рисунков от Башилова, Толстой писал ему: «Вы, как видно из присланного вами, в хорошем духе работать. И я тоже не ошибся, говоря вам, что я чувствую себя очень беременным. С тех пор, как я из Москвы, я кончил целую новую часть, равную той, которую я читал вам, т. е. кончил то, что я и намерен был печатать осенью, но дело пошло так хорошо, что я пишу дальше и льщу себя надеждой написать к осени еще такие 3 части, т. е. кончить 12-й год и целый отдел романа».³ Из дальнейшего текста письма явствует, что к концу года Толстой рассчитывал не только закончить, но даже издать весь роман. Спустя месяц Толстой в письме к А. А. Фету подтвердил, что «очень много написал» своего романа, и просил Фета откровенно высказать впечатление от уже напечатанных частей. «Я очень дорожу вашим мнением но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия... так люблю свое писание, особенно будущее — 1812 год, которым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению... Роман свой я надеюсь кончить к 1867 году и напечатать весь отдельно с картинками, которые у меня уж заказаны, частью нарисованы Башиловым (я очень доволен ими) и под заглавием «Всё хорошо, что хорошо кончается». Скажите, пожалуйста, свое мнение о заглавии и о картинках».⁴ Из этих двух писем видно, что весной 1866 г. Толстой работал уже над 1812 годом, что он наметил сверх законченного написать к осени еще три части.

Документы, а главное, самая рукопись продолжения романа подтверждают решение Толстого прекратить печатание, пока не будет кончен роман. Он не задерживается больше на отделке уже написанного. Сдав в переписку исправленную «третью» часть (рукопись № 85), Толстой не позднее января 1866 г. приступил к продолжению романа. Сохранилась большая рукопись-автограф (свыше 300 листов, исписанных с двух сторон), содержащая текст от 1808 г. до окончания Отечественной войны (в наст. изд. соответствует части романа от т. II, ч. 3 до конца романа). Дописав эту рукопись, Толстой заключил ее словом: ¹ Д. Д. Оболенский, «Отрывки из личных впечатлений» — «Международный толстовский альманах», составленный П. Сергеенко, изд. «Книга», М. 1909, стр. 243. См. также неопубликованное письмо Е. С. Горчаковой к Толстому от 18 марта 1866 г. (ГМТ).

² Письма Толстого к М. С. Башилову неоднократно публиковались (в наст. изд. они входят в т. 61).

³ Т. 61, стр. 135.

⁴ Письмо к А. А. Фету от 10...20 мая 1866 г. — т. 61, стр. 138 и 139.

«Конец» (рукопись № 89). Повествование развивалось по ясному для автора плану; он не задерживался в работе, не давал по частям в переписку, не возвращался к правке ранее написанного, а двигался вперед, в процессе писания перерабатывая некоторые главы, делая на полях многочисленные записи как для дополнения уже написанного, так и для будущего, набрасывая кроме того на полях и отдельных листах конспекты дальнейшего текста.¹

В упоминавшемся выше конспекте (рукопись № 8), а также в следующем кратком конспекте (рукопись № 7)² намечены почти все темы новой части после Тильзитского мира. Следуя этим конспектам, Толстой стал описывать события 1808—1810 гг. «Никто уже не поминал о Буонапарте — корсиканском выходце и антихристе: не Буонапарте был, а был великий человек Наполеон. Два года мы были в союзе с этим гением и великим человеком императором Наполеоном. Два года его посланник Коленкур был чествуем в Петербурге и Москве, как ни один из посланников», — так началась новая рукопись, открывшаяся обзором политической обстановки в России в 1808—1809 гг., когда после Тильзитского мира воцарилось преклонение перед всем французским, восхваление Наполеона в придворных кругах, когда главное внимание русского общества было обращено на «внутренние преобразования, которые были производимы в это время императором во всех частях государственного управления», и примерами, к подражанию которым стремились, была «отчасти Англия, отчасти Наполеоновская Франция».

Обрисовав в кратком вступлении политическую обстановку, Толстой перешел к жизни людей, не принимавших в то время непосредственного участия в государственных преобразованиях. Как и в завершенной редакции, повествование началось с князя Андрея, с его «предприятий» в имении Богучарово. Тематически все близко к печатному тексту (т. II, ч. 3, гл. I), однако разночтения довольно существенны. По первоначальному варианту, князь Андрей «был принят в масонство». Живя безвыездно в деревне, он «много читал, много учился, много переписывался с б[ратьями] м[асонами], следил за преобразованиями Сперанского (хотя и не приписывал им никакой важности) и начинал всё более и более тяготиться своей тихой, ровной и плодотворной деятельностью, которая казалась ему бездействием в сравнении с борьбой и ломкой всего старого, которая по его понятиям должна была проходить теперь в Петербурге, центре правительственной власти». В отличие от завершенной редакции эпизод с дубом, символизирующий возрождение у князя Андрея надежд на счастье, приурочен не к поездке в Отрадное, а включен в описание жизни князя Андрея в Богучарове. Подробно описано, как «мысли о дубе составляли сущность вопроса, вырабатывающегося в душе к[нязя] Андрея, и весь интерес его жизни» и как он передумывал «мысли о дубе в связи с Сперанским, с славой, с масонством, с б[удущей?] ж[изнью?]». Описание жизни князя¹ Большая часть рукописи в отрывках опубликована в т. 13, вар. №№ 98—112, 121—128, 131—152, и в т. 14, вар. №№ 160—183.

Вследствие того, что варианты опубликованы там в порядке следования глав окончательного текста, не всегда могла быть соблюдена точная последовательность текста рукописи. Многочисленные записи на полях опубликованы в подстрочных примечаниях.

² Оубл. т. 13, стр. 25 и 26, №№ 8 и 9.

Андрея в Богучарове закончилось кратким указанием на то, что весной 1809 г. он стал кашлять и врач посоветовал «быть осторожнее и не запускать этой болезни». С твердым убеждением, что ему остается недолго жить, князь Андрей поехал к отцу, «и тут, проезжая мимо распутившегося дуба, он окончательно и несомненно решил тот тайный вопрос, который давно занимал его. Да, он не был прав. И счастье, и любовь, и надежда — всё это есть, всё это должно быть, и мне надо употребить на это остаток моей жизни».

Дальше Толстой перешел было к старому князю Болконскому и княжне Марье, перенеся сюда последние листы предыдущей рукописи (№ 85) с описанием жизни в Лысых Горах в 1808 г., но тут же отказался от такого построения, и листы эти были переложены в конец части, как дошло до завершённой редакции. Таким образом, сюжетная линия, связанная с князем Андреем, не была прервана.

Из Богучарова молодой Болконский едет в Петербург. Дальнейшее развитие сюжета композиционно отличается от последней редакции. Первоначально действие развивается так: приезд князя Андрея в Петербург «прямо в дом Безухого», встреча с Пьером, во время которой они говорили «о Сперанском, об указе и избегали говорить о Наташе. Они слишком хорошо знали друг друга и поняли, что для каждого из них она была — лучшая надежда в жизни». После их беседы сделан конспективный набросок вечера у Анны Павловны Шерер, на котором присутствуют князь Андрей и Пьер и где не произошло никаких перемен, «только вместо эмигранта был секретарь французского посольства и похвалы Наполеону раздавались... Pierre держал себя прилично, пока не стали говорить о континентальной системе. Он вдруг напустился на Наполеона с точки зрения республиканца». От Анны Павловны князь Андрей с Пьером поехали к Ростовым и по дороге говорили о представителях высшего общества. Конспект их беседы или, вернее, речи князя Андрея такой: «О них судить нечего. Это — эхо, а голоса нет, и эхо всё перевирает, опаздывая. Они — никогда не в такте. Когда подступает новое, они все верят в старое. Когда новое делается отсталой пошлостью и передние умы уже видят новое, они только разжуют ее. Так теперь с Наполеоном. Ежели бы я мог еще допускать, великих людей, как 4 года тому назад, я бы давно разочаровался в Бонапарте, и я с тобой согласен. Теперь это — ничтожество, пустота, близкая к своей гибели, сама себя заевшая». После этого отсутствующего в завершённой редакции эпизода следовало краткое описание жизни Ростовых в Петербурге, женитьбы Берга на Вере.

Последние главы, начиная с приезда князя Андрея в Петербург, были, тут же, непосредственно в процессе работы, переделаны. В новом варианте, так же как и в предыдущем, в Петербурге князь Андрей заехал к Пьеру. Он застал его за сочинением проекта о преобразовании судов.¹ Тема их беседы: масонство, преобразования в России, Сперанский, Ростовы, личная жизнь Пьера. Дальнейшее содержание варианта: салон ¹ *Рукопись отражает поиски Толстого в выборе темы работы Пьера. Первый набросок: «Я пишу возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его, во времени...» Второй: «Я пишу возражение на проект Сперанского об уничтожении коллегий. Он, хочет переделать учреждения России на образец конституционных государств».*

Элен (с существенными отличиями от законченной версии), князь Андрей на вечере Элен, разговор об эрфуртском свидании, о Наполеоне, восторженное отношение гостей к французам, на следующий день беседа князя Андрея с Пьером, решение князя Андрея остаться жить в Петербурге в связи с полученным от Кочубея предложением «заняться в комиссии составления законов». «И в самом деле, такое время, такие перевороты, так кипит всё, так трещит гнилое, старое, что нельзя удержаться не дать и свой *coup de main*»,¹ — говорит князь Андрей.

Затем переход к Ростовым. Над описанием их жизни в Петербурге и, главным образом, над характеристикой шестнадцатилетней Наташи Толстой много работал.² Дважды передылавшееся начало, где Наташа была особо выделена из семьи, где рассказывалось о том, что Наташа «составила себе обо всем свое определенное и часто противное мнениям своих родных понятие», — было совсем отброшено.

От Ростовых, от описания отношений Наташи с Борисом Друбецким рассказ перешел было к Пьеру, к дневнику, который он вел, но затем план изменился: сначала изображается деятельность князя Андрея в Петербурге (гл. IV—VI, XVIII), Элен и ее салон, а затем Пьер (рассказано и о дневнике, гл. VIII—X), приход Пьера после заседания ложи к князю Андрею, их беседа о масонстве, о преобразованиях, о Сперанском, закончившаяся советом Пьера князю Андрею жениться.³

Следующая группа глав посвящена придворному балу. Для начала описания бала использована рукопись, созданная около трех лет назад, — четвертый вариант начала романа.⁴ Листы старой рукописи после небольших исправлений приложены к создаваемой теперь рукописи, и, таким образом, составилось начало гл. XIV, после чего текст продолжен. Создана картина сборов Ростовых на бал, почти дословно совпадающая с окончательной редакцией (гл. XIV—XV), и самый бал.⁵ Описание бала дано несколько пространнее, среди гостей присутствует Анатолий Курагин, чего нет в печатном тексте.⁶ После бала (гл. XVI и XVII) визит князя Андрея к Ростовым на следующий день (гл. XIX), беседа его с Пьером и признание ему в любви к Наташе (гл. XXII), поездка Пьера к Ростовым, чтобы «высказать свою радость» по поводу отношения князя Андрея к Наташе (эпизод, не вошедший в окончательный текст), ночной разговор Наташи с матерью (гл. XXII), вечер у Бергов (гл. XX), беседа князя Андрея с Пьером и далее до конца части действие развивалось так же, как в законченной редакции. Особенно тщательной переработке подвергся анализ душевного состояния Наташи и князя Андрея с момента их встречи на балу до сцены предложения. Для окончания создаваемой части использованы последние листы рукописи № 85, посвященные Лысым Горам.⁷ Для связи ранее написанного текста о жизни в Лысых¹ [не приложить своей руки,]

² Оpubл. т. 13, стр. 696—704, вар. №№ 102 и 103 (опубл. не первоначальный вариант, а переработанный позднее).

³ Оpubл. т. 13, стр. 706—716, вар. № 105.

⁴ См. выше, стр. 34.

⁵ Оpubл. т. 13, стр. 717—721, вар. № 107.

⁶ Была попытка ввести в эту часть романа до описания бала характеристики Анатолия и Долохова, но главы, написанные первоначально для этой части, были позднее перенесены к тексту, составившему пятую часть второго тома.

⁷ Оpubл. т. 13, стр. 741—745, вар. №№ 112—113.

Горах с только что созданным повествованием о князе Андрее и его намерении жениться, необходимо было в первый вариант глав о Лысых Горах внести ряд исправлений и дополнений. После правки они составили две последние главы повой, в этот период считавшейся четвертой, части.

В письме к Т. А. Ергольской от 4 февраля 1866 г. Толстой просил прислать ему из Ясной Поляны в Москву «пачки писем» М. А. Волковой.¹ Это упоминание важно потому, что в гл. XXV только что законченной части входит письмо княжны Марьи к Жюли, источником которого явилось одно из писем М. А. Волковой к В. И. Ланской. Стало быть, можно предположить, что в начале февраля была закончена четвертая часть романа, как она была намечена в приведенном выше листке с распределением частей. (На полях анализируемой рукописи № 89 также имеется позднейшая помета: «4-я часть».) Тогда же начата «пятая» часть, которая, согласно тому же распределению, должна включать содержание «до эпизода Наташи с Анатолом и объяснения Андрея с Риегг'ом включительно» (по наст. изд. т. II, ч. 4 и 5). Главы о жизни и быте Ростовых в деревне, составившие впоследствии четвертую часть второго тома, сложились сразу и легко. Содержание ранней редакции почти полностью совпадает с окончательным текстом. Как и в последней редакции, часть заканчивается отъездом Николая Ростова в полк и затем поездкой графа Ростова с Наташей и Соней в Москву. Толстой заключил текст двойной чертой вместо обычной одной черты, которой отделял главы. Видимо, это означало конец целого раздела «пятой» части.

На полях последней страницы запись: «Три московские круга: Д[олохов] и А[натолий], Pierre — умники веселые, свет — Жюли и Hélène.<Театр.> Старый князь в Москве, жизнь с Коко». С развития этой конспективной записи Толстой начал новый раздел той же части.

Ни одна из военных сцен, ни одно из рассуждений автора по вопросам истории (кроме эпилога) не потребовали такой сложной, напряженной правки, как текст, составивший впоследствии пятую часть второго тома. Содержание начала новой части определилось сразу: перемены в жизни Пьера, его сомнения в целесообразности масонства, появившиеся, главным образом, как результат того впечатления, какое произвела на него любовь Наташи к князю Андрею, приезд Болконских в Москву, их жизнь, столкновение старого князя Болконского с доктором французом Метивье, политические разговоры за обедом в день именин старого князя, беседа Пьера с княжной Марьей, сватовство Бориса Друбецкого к Жюли Курагиной, приезд в Москву Ильи Андреевича Ростова с Наташей и Соней, — все эти эпизоды близки к окончательному тексту (главы I—V), но нет еще упоминания о смерти Баздеева, сцена разговора старого князя Болконского с доктором Метивье происходит в иной обстановке, описание отношений Бориса Друбецкого с Жюли отличается от окончательной редакции в ряде подробностей.

Доведя рассказ до приезда графа Ростова с Наташей и Соней в Москву, Толстой перенес из предыдущей части листы с характеристиками Долохова¹ Т. 61, стр. 130.

и Анатоля, долго и упорно работая над изображением «общества кутил», «холостого мужского света», в котором первенствовали Долохов и Анатолий Курагин.¹ Вслед за этим шло очень краткое описание встречи Анатоля с Долоховым в театре, а также впечатления, произведенного на Анатоля Наташей, которую он издала увидел. На этом прерывается стройный текст, и окончание пятой части изложено конспективно: встреча Наташи с Анатодем у Жюли Друбецкой, приезд Анатоля по приглашению старого графа в деревню к Ростовым, увлечение Наташи Анатодем, признание Наташи Соне, увещевания Сони, Соня требует объяснения у Анатоля, отъезд Анатоля из деревни Ростовых, письмо Наташи к князю Андрею с отказом, настроение Николая Ростова в момент начала войны 12-го года («Отечество прежде интересов»). Озлобление князя Андрея «на весь мир» после того, как он узнал об измене Наташи.²

После конспекта следует «Шестая часть» (так озаглавил Толстой), открывающаяся не дошедшим до окончательного текста описанием жизни князя Андрея весной 1812 г. в Турции, где он, уклонившись от штабных должностей, которые ему предлагал Кутузов, служил командиром батальона пехотного полка.³ Рассказывается о взаимоотношениях князя Андрея с подчиненными и товарищами, которые «знали, что он человек честный, храбрый, правдивый и чем-то особенный — презирающий всё одинаково... его любили, называли *наш князь*, любили не за то, что он был ровен, заботлив, храбр, но любили, главное, за то, что не стыдно было повиноваться ему. Он — наш князь — так, очевидно, стоял выше всех».⁴ Во время народного праздника в молдаванской деревне князь Андрей, находясь в «состоянии яркого наблюдения, которое было с ним на Аустерлицком поле, у Ростовых», испытывает радостное успокоение, вызванное воспоминанием о Наташе и любовью к ней, решает выйти в отставку, несмотря на представление его в генералы, и пишет письмо к Ростовым с официальной просьбой руки их дочери. Там же получает он письмо (не указано от кого, но по содержанию ясно, что от Пьера): «В милых каракулях этих рассказывалась неосторожно история падения Сперанского и всех планов конституции и писалось о предстоящей войне 1812 года». Князь Андрей взволнован письмом. Первая мысль его — «неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества, и с кем, с этим маленьким поручиком», — так пренебрежительно он называет теперь Наполеона. Заканчивается шестая часть опять конспектом дальнейшего содержания романа: от 1812 года вплоть до эпилога, по которому судьба действующих лиц благополучна и все они счастливы. Заключается эпилог выводами князя Андрея, к которым он пришел в результате только что окончившейся войны и которые он произносит «разгораясь». Основная мысль рассуждений та, «что успех наш — успех солдат, успех мужика — ¹ Т. 13, стр. 812, прим. 1, и вар. №№ 142, 137—139, 143.

² Конспект опубликован т. 13, стр. 823 и 824, окончание вар. № 139. В конце конспекта имеется помета: «Конец 3-й части». Это позволяет выдвинуть предположение, что создание этой части рукописи относится к первой половине 1866 г., когда Толстой уже думал, об отдельном издании романа, и помету о «конце 3-й части» следует рассматривать как намечавшееся деление на томы.

³ Опубликован т. 13, вар. № 135.

⁴ Характеристика взаимоотношений князя Андрея с подчиненными войдет потом в главы, изображающие князя Андрея перед Бородинским боем.

народа».¹ Почти точно по этому конспекту, за исключением некоторых эпизодов, развивалось содержание романа.

Толстой, повидимому, не сразу стал продолжать эту рукопись. Он задержался на неудавшейся истории Наташи с Анатолом, для чего вернулся к только что созданному, но еще не доработанному тексту предыдущих листов, заново написал и вновь переработал главы о Наташе в театре,² которые после исправлений во многих чертах уже приблизились к окончательному тексту. Много исправлял характеристику Анатоля и очень подробно анализировал впечатление, произведенное им на Наташу, и ее девичью неосознанную тревогу. После сцены в театре следовал рассказ о содействии Элен брату, просившему ее пригласить к себе Ростовых, описание встречи Наташи с Анатолом на вечере у Элен, и далее тематически близко к окончательному тексту, но значительно короче и с существенными разночтениями описаны поцелуй Анатоля, растерянность Наташи, решение ее «в самой себе», что она не любила князя Андрея, письмо от Анатоля, попытка писать отказ князю Андрею, волнение Сони, случайно прочитавшей письмо Анатоля. Несколько раз писался рассказ об участии Сони. По первоначальному замыслу, во время разговора Наташи с Соней Анатолий был у Ростовых, после разговора с Наташей Соня убеждает Анатоля оставить Наташу, и он подчиняется ей. Была попытка ввести в действие Пьера. Старый граф Ростов, оскорбленный за дочь, решает вызвать Анатоля на дуэль и с этой целью едет к Безухову; от графа Ростова Пьер и узнает о случившемся. Этот замысел сменяется другими: сначала Соня пишет письмо Анатолю, затем она пишет письма Анатолю и Пьеру, наконец она пишет письмо только Пьеру и умоляет помочь. Дважды перedelывалось описание поведения Пьера после того, как он получил письма Сони.³ Сцены объяснения его с Наташей и особенно объяснения с Анатолом сильно отличаются от окончательного текста, так же как и поведение Анатоля.⁴ Глав с описанием подготовки похищения еще нет.

Закончив историю Анатоля с Наташей отъездом Анатоля по требованию Пьера в Петербург, Толстой присоединил готовую, помеченную как «шестую», часть о пребывании князя Андрея в Турции, зачеркнул конспект, которым рукопись заканчивалась, и изменил окончание текста: вместо письма от Пьера с новостями о надвигающейся войне, князь Андрей получает письмо от Наташи с отказом. «Всю ночь он ходил по двору, глядя на комету, которая как будто разметалась и уперлась на одном месте, подняв кверху хвост. Князь Андрей с Аустерлицкого поля выучился смотреть на далекое небо, понимать его и находить в нем успокоение. «Да, и это было заблуждение, — думал он, — как и прежние. Но что же правда, где же то, чего нужно моей душе, то, про что говорят мне эти звезды и эта остановившаяся, влипавшая комета?»»

От душевного состояния князя Андрея — естественный переход к душевному состоянию Наташи в тот же период. Первоначально повествование развивалось отлично от печатного текста: болезнь Наташи, ее увлечение¹ Конспект опубл. т. 13, стр. 35 и 36, № 19.

² Опубл. т. 13, вар. 140 и 141.

³ Опубл. т. 13, вар. №№ 146, 149, 150, 152.

⁴ Опубл. т. 13, вар. №№ 147 и 152.

религией, гонение, отношение к Пьеру (только в его присутствии она оживлялась), написанное перед причастием письмо к князю Андрею с просьбой простить ее, впечатление, произведенное им на князя Андрея, который «в первый раз в жизни вышел из себя и с трясущимися губами» просил Пьера, передавшего ему письмо, не упоминать о ней, и успокоение Наташи после причастия, «но уже никогда к ней не возвращалась прежняя живость и веселость».¹

Описание болезни и Наташиного увлечения религией было позднее перенесено в следующую часть, а эта закончилась рассказом об отношении Пьера к Наташе после ее истории с Анатолем, разговором с ней об Анатоле и князе Андрее, приездом князя Андрея, беседой его с Пьером о Наташе, возвращением через Пьера писем и портрета Наташи, описанием волнения князя Андрея, неудачных попыток Пьера убедить князя Андрея простить Наташу, кратким упоминанием о Ростовых, оставшихся весною в Москве, и о Пьере, который ежедневно бывал у Ростовых.

Так закончилась в ранней редакции первая половина романа, доведенная до весны 1812 г.

IX

Дальнейшее повествование началось с обзора политических событий, предшествовавших войне 1812 г., и развивалось по составленному плану. Основные разделы, намеченные в конспектах, служили вехами при создании ранней редакции и не претерпели, кроме окончания романа, коренных перестроек. Отступления философского и исторического характера, которые появляются в романе с первых же набросков (особенно в четвертом и седьмом вариантах начала), по мере включения в роман крупнейших исторических событий стали занимать в новых частях все большее и большее место. Композиционно текст до приезда Кутузова в Царево-Займище почти полностью совпадает с завершенной редакцией.²

Перейдя к 1812 г., Толстой начал новую часть полным текстом двух писем, которыми обменялись Александр I и Наполеон весною 1812 г.³ Как бы в противопоставление содержанию писем двух императоров, Толстой изложил свои мысли о фатализме и роли личности в истории и пришел к следующему выводу: «то, что имело совершиться, должно было совершиться». Авторские рассуждения по содержанию, а частично и текстуально совпадают с началом третьего тома (по наст. изд.) в его окончательной редакции. После вступления автор переходит к рассказу о событии, происшедшем в то самое время, когда писались приведенные письма императоров, Александр I находился в Вильно, где он с военным двором жил около месяца. В обличительном тоне нарисовав придворное общество, Толстой описал гулянье в Вильно утром 11 июня 1812 г., то есть накануне перехода Наполеоном русской границы. В этой картине гулянья центральное место¹ Оpubл. т. 14, вар. №№ 166 и 167.

² По наст. изд. т. III, ч. 1 полностью, ч. 2, гл. I—XVI.

³ Толстой вписал в рукопись только начала обоих писем и последнюю фразу письма Александра I (см. т. 14, вар. № 160). Копируя автограф, С. А. Толстая по указанию Толстого переписала полный текст писем из книги М. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года...», Спб. 1859, т. 1, стр. 449, 464 и 465.

занимают Элен и Борис Друбецкой, типичные представители придворного общества. Из их разговора становится известным о предстоящем вечером бале, который придворные затеяли дать Александру. Толстой намеревался от сцены гулянья перейти непосредственно к описанию бала, но, не докончив фразы, изменил план и обратился к событиям, происходившим в то самое утро на Немане. Гулянье и предстоящий придворный бал — с одной стороны, и начинающаяся война — с другой. Однако такое начало не закрепилось.

Дважды исправлявшийся набросок был зачеркнут, и началом действия выбран момент приезда Наполеона 11 июня вместе с Бертье к Неману. В отличие от законченной редакции, где коротко сообщается о решении Наполеона перейти Неман, в ранней редакции подробно описывается настроение Наполеона и его поступки в историческое утро. Весь рассказ проникнут резко отрицательным отношением автора к Наполеону. Затем повествование переносится к русскому императору, к балу, на который «государь изъявил согласие». Не было еще краткого вступления о том, что в России «ничего не было готово для войны, которой все ожидали». Дальнейший текст, вплоть до описания обеда у Наполеона в присутствии Балашова, близок к окончательной редакции и, судя по внешнему виду рукописи, написан легко, без большой правки в процессе создания данной редакции. Встреча Балашова с Мюратом, характеристика Даву, прием Балашова у Даву — все почти дословно совпадает с законченной редакцией. Сцена приема Наполеоном Балашова не содержит принципиальных отличий от канонического текста, но в ней нет еще внешнего портрета Наполеона, больше внимания уделено показу его внутреннего раздраженного состояния, которое Балашову «приятно было видеть».

После разделительной черты, заключившей военную тему, Толстой перешел к князю Андрею, рассказ о котором составил впоследствии следующие четыре главы. К этому рассказу Толстой приступал трижды, всякий раз по-иному раскрывая душевное состояние князя Андрея после измены Наташи (то безнадежность, то холодное разочарование). Три варианта начала отброшены, создан четвертый, который после двукратной правки удовлетворил автора.¹ Рассказ о пребывании князя Андрея в Лысых Горах перед отъездом в армию отличается от окончательного текста лишь в некоторых деталях; больше авторского повествования о душевном состоянии всех героев; о трудном положении княжны Марьи в доме князь Андрей узнает от камердинера, а об ее религиозности, о встречах с странниками-монахами говорит с гувернером сына. (Позднее тема о религиозности княжны Марьи будет перенесена к моменту приезда в Лысье Горы Пьера.) Основная же часть повествования, вплоть до отъезда князя Андрея в армию, существенных отличий от печатного текста не содержит.

На полях листа рукописи² с началом текста о князе Андрее намечен такой план дальнейшего повествования:

1) <Дрисса>.

2) Р[остов], к удивлению, храбр в Остр[овне].

3) Д[олохов?] зажигает Смоленск. — Божия мать.

¹ Оpubл. т. 14, стр. 33—34, вар. № 164, включая прим. 5 на стр. 34.

² Рукопись № 89, л. 510 об. (авторская пагинация).

- 4) } Н[аташа] молитва [?] Ахрас[имова].
Дворянское собрание.
Крикун Глинка фальш[ивый?] патриот.

5) Ст[арый] кн[язь] умирает. К[няжна] М[арья] вооружает.

6) Бородино.

К[нязь] А[ндрей] Наташа [?] отъезд.

7) <Pierre в Москве> N[aroleon]. P[астопчин].¹ Княжна.

8) Pierre в Москве».

План четко определяет основные этапы дальнейшего развития сюжета. Первый раздел плана, «Дрисса», был тут же реализован. Из Лысых Гор князь Андрей едет в главную квартиру армии, находившуюся на реке Дриссе, «в укрепленном лагере по плану Пфуля». Давая краткий обзор состояния войны в данный момент в том объеме, в каком он мог быть известен князю Андрею, Толстой отмечает, что он знал также, что «главным распорядителем был пруссак Пфуль» и что при армии находилось «огромное количество иностранцев и сложный механизм штабных должностей». Личные впечатления князя Андрея о командовании, «подразделения направлений и партий» в армии, планы кампании, характеристика Пфуля, описание военного совета и, наконец, как результат всего увиденного, решение князя Андрея не оставаться при штабе, а служить в полку, — всё это написано единым порывом почти без поправок² и чрезвычайно близко к окончательному тексту (гл. IX—XI).³ Глубокий смысл решения князя Андрея не оставаться в штабе, а служить в полку раскрываются пометой, сделанной тут же на полях: «Роль полководца — завидная [?], солдата — благородная».

От главной квартиры действие переносится к «так называемой глубокой армии». Описана жизнь Павлоградского полка, в котором служил Николай Ростов, только что вернувшийся в полк после отпуска. Новая группа глав, в сюжете которых ведущим персонажем является Николай Ростов, начинается с рассказа о переменах, происшедших в Николае Ростове за время пребывания его в Отрадном. Дважды перерабатывалась характеристика Ростова, описание же армейского быта, сцена в корчме и главное, сражение при Островне написано сразу и в дальнейшем не подвергалось сколько-нибудь существенной правке.⁴

Опять на полях рукописи появляются записи, раскрывающие дальнейший творческий замысел:

«Н[аташа] хочет приподняться и не может, как птица.

В Москве получен манифест.

Оболенский, ему 15 лет — поступил».⁵

Записи переносят мысль к Ростовым. Первая говорит о душевном состоянии Наташи после пережитого ею потрясения, то есть, о том самом, на чем в предыдущей части прервался рассказ о Наташе. Началась новая группа глав, в которых действие происходит в Москве. В процессе¹ В т. 14, стр. 33, прим. 7, последние два слова раскрыты: N[icolâs] P[остов]. Вряд ли это правильно, так как в главах о Москве после Бородина Николай Ростов не участвует.

² Рукопись N 89, лл. 514—525 (авторская пагинация).

³ Оpubл. т. 14, вар. № 164.

⁴ Оpubл. т. 14, вар. № 165..

⁵ Рукопись № 89, л. 532 (авторская пагинация).

создания этих глав Толстой много работал над изображением душевного состояния Наташи, стремился показать раскрывшиеся патриотические чувства ее, рассказал, как после перемены, происшедшей с Наташей в результате эпизода с Анатолем и разрыва с князем Андреем, «жизнь ее наполнили два чувства: религия и возмущение против Наполеона, осмелившегося презирать Россию и державшего завоевать ее». Во время обедни слова молитвы Наташа связывала с волновавшими ее событиями, и, прослушав молитву о спасении России от вражеского нашествия, Наташа «в первый раз сознала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к франц[узам] за своих, за русских, за дядюшку, за папеньку, чувство, которым, — подчеркивает Толстой, — она давно уже жила, сама не зная этого». Текст о Наташе тут же был изменен и в исправленном виде он почти совпадает с окончательным.

Затем рассказ перешел к Пьеру; по содержанию он близок к окончательной редакции, но композиционно построен иначе и содержит отсутствующие в окончательном тексте интересные для характеристики образа Наташи и Пьера факты: оживление Наташи в то время, когда Пьер рассказывает ей о военных событиях, уверенность Пьера в том, что он не пойдет на войну, и мысли Наташи, которая мучается из-за происходящей войны и убеждена, что не покорится Наполеону, и удивление Сони, «как Наташа думает о войне, что ей за дело». Когда Пьер рассказывал о предсказании апокалипсиса и делал апокалипсические вычисления, «Наташа долго, с горячно-устраемленными глазами, смотрела на эти цифры» и была «так взволнована, что Риеге раскаивался даже в том, что сказал ей это». В отличие от завершеного текста раздел о Наташе и Пьере заканчивается не решением Пьера, вследствие сильного чувства к Наташе, перестать бывать у Ростовых, а указанием на сильную привязанность Пьера к семье Ростовых, «которая бы, он желал, была его».¹

Далее, приезд в Москву Александра I, восторг Пети Ростова, сцены на Красной площади, обед в Кремле, прием дворян и купцов в Слободском дворце, показ дворянского патриотизма, настроение Пьера после собрания дворян — все почти дословно совпадает с завершенным текстом.

Так закончился раздел, составлявший по первой редакции; шестую часть романа.² Седьмая началась с рассуждений автора о роли исторических лиц, главным образом военных деятелей. Толстой стремится доказать, что «военное дело более всего подлежит муравейным неизбежным законам». Этой мыслью пронизан обзор событий первого периода войны, до занятия французами Смоленска, по содержанию уже близкий к окончательному тексту. Показав обстановку и условия, создавшиеся в первый период, во время которого неприятель проник в глубь России, Толстой заключил свое изложение выводом: «Так надо было... Это надо было для того, чтобы поднялся народ».

Ознакомив с исторической, военной обстановкой, Толстой вернулся к своим «полувымышленным» персонажам, чтобы показать, как все они жили в это время. Как и в завершенной редакции, действие переносится в Лысые Горы, но в иной последовательности построен рассказ; кроме ¹ Опубл. т. 14, вар. №№ 166—168.

² По наст. изданию т. III, ч. 1.

того, и в содержании его имеются отличия от окончательной редакции. Начинается он отъездом Алпатыча из Лысых Гор в Смоленск, затем идет описание приезда его к Ферапонтову, бомбардировки Смоленска, встречи с князем Андреем, который, отступая позади своего полка, оказался свидетелем того, как жители, оставляя город, уничтожали свое имущество. Не было еще в первой редакции живой художественной картины бомбардировки города, а был как бы авторский пересказ впечатлений Алпатыча; окончание изложено почти конспективно, но все элементы, из которых создавалась позднее волнующая картина народного гнева в момент сдачи Смоленска, здесь уже налицо. Интересен в описании Смоленска не дошедший до окончательного текста эпизод встречи в Смоленске Алпатыча «с знакомым городничим Тушиным с оторванной рукой», случайно в этот день приехавшим в Смоленск. «Он ходил под ядрами с своей трубочкой и завидуя раненым; запах пороха возбуждал в нем тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались».

Вслед за оставлением Смоленска идет рассказ о состоянии старого князя после отъезда сына в армию; описана сцена отдачи приказаний и поручений Алпатычу перед его отъездом в Смоленск, возбужденное состояние старого князя после возвращения Алпатыча из Смоленска, его распоряжения об отъезде княжны Марьи с Николушкой в Москву и решение самому оставаться в Лысых Горах — по содержанию все это близко к окончательному тексту. В отличие от него смерть старого князя Болконского от удара произошла в Лысых Горах, после чего княжна Марья с племянником и гробом отца уезжает в Богучарово. На похоронах князя присутствует Тушин, «к которому потом княжне Марье естественно было обращаться за советом и помощью». В описании событий в Богучарове, когда княжна Марья, разгневанная письмом французского полковника и его советами остаться, решает «умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться», опять участвует Тушин. Описан совет между Тушиным, Алпатычем и Дроном, сходка богучаровских крестьян, которые «уже были готовы принять Наполеона, освобождавшего их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но, когда услышали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе ловко и удобно сумел выразить, что они — куда княжна, туда и они».

Первоначально непосредственно после сходки в Богучарове следовали близкие к окончательному тексту описание движения французов к Москве, эпизод Наполеона с Лаврушкой, показ Петербурга, придворных сфер, передача толков в салоне Анны Павловны Шерер.¹ Но в процессе работы над анализируемой рукописью Толстой переработал и перестроил текст о Болконских, вписал главу о приезде князя Андрея в Лысые Горы,² сделал большую вставку, содержащую новый текст о богучаровской сходке, и рассказ о случайном заезде в Богучарово Николая Ростова, оказавшего помощь княжне Марье.³ В результате такой переработки текст сильно приблизился к его окончательной редакции по содержанию, по композиции, а во многом и текстуально.

¹ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. VI и VII.

² По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. V.

³ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. VIII—XIV.

Сразу удалась Толстому глава о Наполеоне и его разговоре с Лаврушкой; заканчивалась она не дошедшим до печатного текста объяснением автора, почему он для описания действий людей, признанных великими, подбирает «пошлые» подробности, «как этот казак, Аркольский мост и т. п. Ежели бы не было описаний, старающихся выказать великими самые пошлые подробности, не было бы и моего описания», — заявляет автор. Это отступление лишний раз свидетельствует о неизменно отрицательном отношении Толстого не только к «величию» Наполеона, но и к тенденциозным историческим сочинениям того времени.

Легко, без существенной правки черновика, созданы описание петербургского придворного общества и толки в салонах о назначении Кутузова главнокомандующим. Многочисленные заметки на полях и наброски конспектов, предшествовавшие созданию глав о Петербурге, а также содержание самой рукописи свидетельствуют об оставшихся на протяжении всей работы непоколебимыми позициях автора в отношении высших придворных кругов.

Отмечая в одном из конспектов салонные разговоры о Кутузове, Толстой записал: «Кутузов делает свое дело и едет». Приездом Кутузова в Царево Займище начинается следующий раздел, в котором действие вновь перенесено на военные позиции.¹ Первый набросок о Кутузове, тут же зачеркнутый, был написан как рассказ от лица автора. Существенным отличием от окончательной редакции является указание на то, что, приехав в армию, Кутузов отправил в Петербург всех флигель-адъютантов для «объявления, что будет дано генеральное сражение». И когда он приехал, вся армия приветствовала его, а Кутузов «благодарил, обещал сражение и победу». В первом наброске уже отразилось появившееся у князя Андрея после свидания с Кутузовым чувство успокоения «на счет общего хода дел и на счет того, кому оно вверено было». Этот набросок содержит также весьма интересные факты, относящиеся к образу князя Андрея: его раздумье, как поступить, все бросить и поехать на помощь сестре и сыну, оставшимся после смерти отца «без покровительства» — таково было его первое чувство, «но потом ему живо представился общий характер мрачного величия, в котором он находился, и он решил, подчиняясь этому характеру, остаться», «в темных рядах войска искать смерти, исполняя долг и защищая отечество». Первый вариант был тут же переработан. В новом — встреча Кутузова войсками, впечатление князя Андрея и его мысли о Кутузове, приезд Денисова со своим планом партизанской войны очень близки к последней редакции.

Итак, первая редакция текста, соответствующего т. III, ч. 2, гл. I—XVI, композиционно не отличается от законченной, дальнейший же текст до конца части, содержа все основные вехи повествования, построен совершенно иначе. Если перевести на главы наст. изд., получится следующая схема: гл. XVI, XXVI, XIX (начало), XVII, XVIII, XX, XXI, XXIII, XXII, XXIV, XXV, XXX—XXXII, XXXVI, XXXVII. При этом соблюдена определенная стройность повествования. От Кутузова — переход, к Наполеону перед Бородинским сражением. Точно указан дом, в котором

¹ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. XV—XVI.

была ставка Наполеона, более резкими штрихами, нежели в окончательном тексте, написана сцена туалета и почти карикатурно представлена внешность Наполеона. Сцена с портретом сына, привезенным де Боссе, и описание поездки Наполеона на Бородинское поле почти совпадают с их окончательной редакцией. После этого введен не дошедший до печати эпизод атаки Шевардинского редута. Рассказ ведется в совершенно спокойном тоне, соответствующем хорошему настроению в это утро Наполеона, сквозь призму которого показано сражение, предшествующее великому Бородинскому бою. Не показано само сражение, нет ни намек на волнение участников его. Легко дал Наполеон распоряжение об атаке Шевардинского редута, «слез с лошади, чтобы спокойнее любоваться зрелищем», и после того, как было «убито и ранено около 10 тысяч человек с обеих сторон», Наполеону подали лошадь и он «шагом поехал ужинать».

За этим, внешне спокойным, изображением атаки следуют рассуждения по поводу Шевардинского и Бородинского сражений. В основе их лежит фаталистическая уверенность автора в том, что нельзя «разумно объяснить то, что делается неразумно». Толстой создал один за другим два варианта этого отрывка. В первом, убежденно доказывая свою мысль, автор резко полемизирует с историками, стремящимися объяснять «мировые события волей одного человека, которого для того, чтобы он играл эту роль, называют гением». Толстой заявляет: «Вот единственные книги, написанные в этом тоне, — все истории, которые я бы жег и казнил авторов». Рассмотренный вариант был тут же зачеркнут и вместо него написан новый — о роли личности в историческом процессе. Он заканчивается хотя и не столь резкой, но столь же отрицательной оценкой существующих исторических исследований.

Второй вариант авторских рассуждений о Шевардинском и Бородинском сражениях довольно близок к окончательной редакции (начало гл. XIX). На очереди описание Бородинской битвы. Сюжет подведен к центральному событию войны 1812 г. Показан Петербург, придворные круги и светские салоны с их пересудами о войне и о Кутузове, рассказано о жизни в Лысых Горах с начала войны до взятия Смоленска и об истинном патриотизме Болконских, показан патриотический подъем народа в Смоленске, обрисована штабная военщина. На этом фоне раскрыты переживания князя Андрея, приведшие его к решению служить в армии, представлен достаточно развенчанный автором Наполеон накануне Бородина и поднят на должную высоту главнокомандующий Кутузов, который был именно тем, кто был нужен, кто сделает «всё, что нужно для общего дела». Так думал о нем князь Андрей. «На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова в главнокомандующие».

Нет пока рассказа о московском обществе в эту пору, о Ростовых и о Пьере. После авторского рассуждения о Бородинском сражении повествование перешло к Москве. «24 августа 1812 года вечером узналось в Москве, что французы в 60 верстах по Смоленской дороге и сражаются с русскими. В Москве уже всё волновалось, каждый день выходили растопчинские афишки, иностранцы все были высланы, скоро должен был быть готов шар, 90

который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову». С такой общей характеристики начат первый набросок. Он краток, местами конспективен. Заканчивается приходом Пьера к Ростовым в тот момент, когда они собирались уезжать в Тамбов. Пьер сказал, что он едет в армию. Услыхав это, «Наташа изменилась и не спускала с него глаз». Первый вариант тут же зачеркнут, создан новый, который по основным контурам очень близок к окончательной редакции (гл. XVII).

Описывая московское дворянское общество, Толстой показывает, как «и опасность от врага, и патриотическое чувство, и сожаление о убитых и раненых, и пожертвования, и страх приближающегося врага — всё в обыденной общественной жизни теряло свое строгое и серьезное значение и получало в разговорах за бостонным столом или в кругу дам, беленькими руками щипавшими корпию, характер ничтожности и часто было предметом споров, шуток или тщеславия». Как бы в противовес истинному патриотическому подъему жителей Смоленска, без жалости уничтожавших свое имущество, чтобы оно не досталось врагу, рисует Толстой тех представителей дворянства, которые, «покряхтывая, делали распоряжения о выдаче ратников и рекрутов и о исправлении брешей, которые эти жертвования делали в их хозяйстве».

Среди московского дворянства выделяется Пьер. Он «испытывал радостное беспокойное чувство, что изменяется, наконец, этот ложный, но всемогущий быт, который заковал его», и давно уже «волновался мыслью о том, чтобы поехать к армии и своими глазами увидеть, что такое война». Увиденная Пьером сцена экзекуции французского повара укрепила это решение, и наутро 25 августа он выехал из Москвы.

Дважды Толстой описывал поездку Пьера на Бородино. В первом варианте автор стремился раскрыть, что именно интересовало Пьера в предстоящем сражении: «Во-первых, как управляют все эти массы и подчиняются одной воле?... 2) каким духом руководятся все эти массы? 3) и самый главный вопрос для невоенного, — что был бы я трус или нет». Примечательно, что включены именно те вопросы, разрешению которых посвящены авторские рассуждения на протяжении всего романа. Затем описана самая поездка Пьера в Татариново и его первые впечатления. Вариант зачеркнут, заменен новым, в котором нет изолированного перечисления вопросов, за разрешением которых, главным образом, поехал Пьер в Бородино, но они не пропали, а включены в ткань самого повествования. Довольно близко к завершённой редакции изложены пребывание Пьера на Бородине, проезд к Кутузову, объезд вместе с Беннигсеном позиций накануне боя.¹ В отличие от печатного текста Пьер в главной квартире встречается не с Кайсаровым, а с Кутайсовым. Осмотрев позиции, Пьер поехал к князю Андрею. Описание их встречи, их разговора о войне (в одной из записей на полях Толстой определил содержание этого разговора как «философию Пьера и Андрея») подвергалось большой правке. Мысли Толстого о войне, высказанные в исторических рассуждениях, почти дословно повторял князь Андрей, который¹ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. XX, XXI, XXII, XXIII.

накануне боя был «раздражен». «Ему хотелось думать, он чувствовал, что находится в одной из тех минут, когда ум так пронизателен, что, откидывая всё ненужное, запутывающее, проникает в самую сущность вещи». Перерабатывая этот текст,¹ Толстой менял форму выражения мыслей князя Андрея о войне, военной истории, о славе, о «неизменных» законах, по которым «всё делается», о ничтожности штабной верхушки, где думают, что решают судьбы России, — но суть размышлений Болконского оставалась неизменной. Он сказал себе, что «война понятна и достойна только в рядах солдат, без ожидания наград и славы».

Как в ранний вариант разговора князя Андрея с Пьером перед его отъездом на войну 1805 г. Толстой пытался включить высказывание князя Андрея о Суворове,² так и здесь он вводит оценку князем Андреем полководческого таланта Суворова. «Ах, у нас был человек — Суворов, которого мы еще не скоро поймем. У него были две мысли: простота — постное масло, отсутствие всякого штаба. Это первое. Когда эти подлецы и трутни пьют шампанское, а мы без сапог, мы не верим друг другу; и другое — это атака, и всегда атака вперед. Он понимал, что всё дело в том, чтоб пугать и не давать разбежаться, и для этого всегда заставлял бежать вперед». В высказываниях князя Андрея о Суворове отразился интерес самого Толстого к великому полководцу.

В конце беседы с Пьером князь Андрей, остановив на нем «странно блестящие, восторженные глаза, смотревшие куда-то», заговорил об отличии нынешней войны от прежних войн. «Теперь, когда дело дошло до Москвы, до детей, до отцов, — мы все от меня и до Тимохина, — мы готовы», — убежденно заявил он.

Наутро после беседы князя Андрея с Пьером произошло Бородинское сражение. Нет в ранней редакции ни подробного описания расположения войск, ни плана Бородинского сражения,³ ни развернутой картины боя в самый разгар его, ни Кутузова, ни Наполеона во время сражения.⁴ Самое сражение изображено через впечатления и переживания Пьера. В первом варианте все, что видел Пьер, — «гул орудий, торопливые движенья лошади, теснота полка, в который он заехал, и, главное, все эти лица, строгие, задумчивые, — всё слилось для него в одно общее впечатление поспешности и страха». В разные моменты выступают овладевавшие Пьером беспокойство и сбивчивость впечатлений. Текст был тут же изменен: первое впечатление Пьера уже не «поспешность и страх», теперь он вслушивался в звук выстрелов, и ему показалось, что они раздались «близко и торжественно»; вместо страха, он видел на лицах людей «отпечаток озабоченности» — они были заняты «каким-то невидимым, но важным делом». В переработанном варианте Пьер присутствует на Бородинском поле не только как человек, который, казалось, «заехал сюда без дела», но он и принимает некоторое участие в общем деле: выполняет поручение Багратиона, едет отыскивать перевязочный пункт, а возвращаясь к месту битвы, встречает¹ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. XXIV, XXV.

² См. выше стр. 54.

³ По наст. изд. т. III, ч. 2, вторая половина гл. XIX.

⁴ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. XXXIII—XXXV.

полк князя Андрея. В первом наброске князь Андрей «бледный с блестящими глазами ехал сбоку». Встретившись с Пьером, он «усмехнулся на минуту, и опять рот его тонко, твердо сложился, и он всё смотрел вперед, далеко вперед своими блестящими из бледно-желтого лица лучистыми глазами». В тут же исправленном варианте князь Андрей «впереди скакал». Так создал Толстой переход действия от Пьера к князю Андрею. Значительно короче, чем в печатном тексте, и в иной форме описан князь Андрей на Бородине. Картина представлена сквозь призму переживаний князя Андрея, полк которого был в резерве и который «устал от волнения опасности в бездействии, и теперь он задыхался от волнения и радости, двигаясь вперед». Первый набросок тогда же был заменен новым, в котором форма осталась прежняя, но только в более повышенном и бодром тоне представлены душевное состояние князя Андрея и тесная связь его с солдатами своего полка. Князь Андрей «чувствовал себя ожившим, счастливым, гордым и довольным теперь, когда чаще и чаще слышались свисты пуль и ядер, когда оглядывался на своих солдат, видел их веселые глаза, устремленные на него, и слышал удары снарядов, вырывавших его людей, и чувствовал, что эти звуки, эти крики только больше выпрямляют ему спину и выше поднимают голову и придают непонятную радость его движению». В это время он «почувствовал удар выше соска». (В первом варианте: «почувствовал удар в живот и — упал».) В обоих вариантах эпизод заканчивается мыслями князя Андрея после ранения: «А жалко, что теперь. Еще что-то, еще что-то было хорошего. Досадно, — подумал он». И в последний момент, когда солдаты подхватили его, он попытался распорядиться: «Бросьте, ребята. Не выходи из рядов», — сказал он, сам не зная, зачем он говорил это». Сцена в перевязочном пункте и начало операции Андрея Болконского в ранней редакции близки к окончательной.

На этом прерывается рукопись; следующие двенадцать страниц автографа отсутствуют. По копии частично удастся восстановить утраченный текст. Окончание сцены на перевязочном пункте отличается от завершенной редакции лишь в деталях. После операции князя Андрея на пункт приносят раненого осколком в колено Анатоля Курагина. Ему отняли правую ногу. Переживания и мысли князя Андрея после операции и после того, как он увидел Анатоля Курагина и услышал его рыдания, — всё это дословно совпадает с завершенной редакцией.¹

В дальнейшем тексте содержатся существенные отличия от законченной редакции. Окончание Бородинского сражения показано так же, как и начало его, через впечатления Пьера, который «устал, устал физически и нравственно», и он не мог «ни двигаться, ни думать, ни соображать. На всех лицах, которые он видел, одинаково на тех, которые шли туда и которые возвращались, была видна такая же усталость, упадок сил и сомнение в том, что они делали». Рассказ о Пьере прерывается авторским отступлением, основная мысль которого сохранилась и в окончательной редакции: «Русские отступали с половины позиции, но стояли так же твердо и стреляли остающимися зарядами». Далее эта мысль вновь¹ По наст. изд. т. III, ч. 2, окончание гл. XXXVII.

повторена. После того как Наполеон «с покрасневшим от насморка носом выехал за Шевардинский редут» и, глядя на «густые колонны русских», распорядился продолжать бой, «350 орудий продолжали бить, отрывать руки и ноги, и головы у столпившихся и неподвижных русских». Так закончилась глава о Бородинском сражении в первой редакции романа. Роль русского войска, как героя в войне 1812 г., определена, таким образом, с первой редакции романа.

После авторского отступления рассказ возвратился к Пьеру, который продолжал сидеть на брошенной оси; «скулы его прыгали, и он смотрел на людей, не узнавая их. Он слышал, что Кутайсов убит, Багратион убит, Болконский убит. Он хотел заговорить с знакомым адъютантом, проехавшим мимо, и слезы помешали ему говорить. Берейтор нашел его ввечеру, прислоненного к дереву с устремленными вперед глазами». Приездом Пьера из Бородина в Можайск, где в то же время находился раненый князь Андрей, вероятно, заканчивалась седьмая часть первой редакции романа.

Далее по копии можно восстановить еще отрывок, но нет уверенности, следовал ли он непосредственно после картины Бородинского сражения, или была еще промежуточная глава. Отрывок начинается с событий, наступивших после Бородинского сражения: «Истина о том, что Москва будет оставлена неприятелю, мгновенно стала известна». Прежде чем продолжить действие романа, Толстой дает в кратком отступлении анализ происходящего. «Тот общий ход дел, — пишет Толстой, — состоящий в том, во-первых, что в Бородинском сражении, несмотря на самопожертвование войска, ставшего поперек дороги, не мог быть удержан, во-вторых, что во всё время отступления до Москвы происходило колебание в вопросе о том, дать или не дать еще сражение, и, в-третьих наконец, что решено было отдать Москву — этот ход дел без всяких непосредственных сообщений от главнокомандующего совершенно верно отразился в сознании народа Москвы. Всё, что совершилось, вытекало из сущности самого дела, сознание которого лежит в массах». Это краткое отступление можно рассматривать как зародыш будущих рассуждений автора о движущих силах истории. Высказав свою точку зрения, Толстой продолжил действие, описав очень коротко, местами конспективно, выезд жителей из Москвы, сборы Ростовых, довольно подробно и по содержанию близко к окончательной редакции сцену прибытия раненых во двор дома Ростовых и участие Наташи: «...как только Наташа с охотником взялась переносить раненых в дом, кормить, поить их», так из всех домов и от толпы «высыпались люди и последовали ее примеру». И этот поступок Наташи так взволновал ее родителей, что граф Ростов закричал «громко, весело: «Швыряй, к чорту, с подвод, накладывай раненых». Особо остановился Толстой на Соне, которая была счастлива. «Ей ни раненые, ни Москва, ни отечество не нужны были ни на грош. Ей нужно было счастье семьи, дома, в котором она жила». На следующий день к Ростовым привезли еще раненых, и среди них были князь Андрей и Тимохин. Князь Андрей лежал без памяти, а Наташа «не знала, кто лежит, умирая, около нее». В этот же день Пьер, твердо решивший остаться в Москве и убить Наполеона, «виновника всех 94

злодеяний», поехал к Растопчину узнать «об общем ходе дел». Дальнейший текст установить не удастся, но по последующей рукописи можно предположить, что, проезжая мимо дома Ростовых, Пьер зашел к ним.

Сохранившееся продолжение автографа¹ начинается с того момента, когда Пьер сидит у Ростовых. Теперь, когда «все на краю гроба», Пьер решил признаться Наташе в своей сильной любви к ней, и «не успела еще Наташа ответить ему, как он уже убежал». После этого последовал задушевный разговор Наташи с Соней, признание Наташи, что она никогда не любила князя Андрея «всей душой, всей внутренностью», Курагина «совсем не любила» и что чувство вины перед князем Андреем и то, что она не знает, счастлив ли он, омрачает ее жизнь. На этом заканчивается рассказ о Москве перед занятием ее французами.

Дальше в первой редакции становится меньше законченных художественных картин, повествовательная форма чаще сменяется конспективным изложением. Толстой как будто торопится довести до конца остов произведения, чтобы затем приступить к переработке и отделке. На полях чаще появляются краткие записи, конспекты, намечающие содержание дальнейшей работы.

Вслед за описанием Москвы, закончившимся разговором Наташи с Соней в доме, «набитом ранеными», сюжет развивается так: Наполеон на Поклонной горе в ожидании делегации «бояр»; войска «бросились» через Дорогомиловскую заставу. В это время Пьер шел по пустынному Девичьему полю, ощупывая пистолет под полою и «намереваясь тотчас же выстрелить в Наполеона». Уличные сцены в Москве, выход русских войск из Москвы, Растопчин. Он «много и сердито» говорил Кутузову, который, бросив в ответ: «Мне некогда, граф», отъехал и, «став на дрожках, облокотя стар[ческую?] голову на руку, молча пропускал войска». Выезд жителей из Москвы, длинный цуг тянувшихся по Тамбовской дороге экипажей, среди них обоз Ростовых и подводы раненых с ними. В пути Наташа узнала, что в одной из подвод лежит князь Андрей; ночью на постоялом дворе она неслышно босиком пробралась в комнату, где лежали раненые. Коротенькая сцена их встречи — князь Андрей прощает Наташу. Таким образом, намечены все темы, которые составят содержание гл. XIX, XXXIII, XXI, XVII, XXXI, XXXII третьей части третьего тома.

После свидания князя Андрея с Наташей действие переносится в опустевшую Москву, к оставшемуся там Пьеру. На полях рукописи конспект,² в соответствии с которым развивается повествование, доведенное до взятия Пьера в плен. Основная тема, а также отдельные факты и детали дойдут до окончательного текста, одни в точном, другие в несколько измененном виде. Наряду с этим в первую редакцию вошли некоторые довольно детально разработанные эпизоды, которые в процессе дальнейшей обработки текста исчезнут. Таковы, например, посещение Пьером «старой-старой москвички» княжны Чиргазовой, которая не выезжала из Москвы. «Она или не понимала еще, или не хотела понимать. Но, странно, ее уверенность была так сильна, что Pierre, глядя на нее, убеждался, что действительно¹ Полностью опубл. т. 14, вар. № 183.

² Оpubл. т. 14, стр. 132, прим. 2.

ничего нельзя ей сделать»; встреча Пьера с Долоховым, который также остался в Москве, чтобы мстить врагу, и с которым Пьер встретился так, «как будто они всегда были друзьями»; встреча Пьера с остановившимся в пустом доме Ростовых французским офицером, которому он рассказал «свое положение и свою любовь».

Не удавалось Толстому сразу создать картину жизни Москвы в этот период и представить Пьера в той роли, которая на него возложена. Он пока только делал эскизы, искал правдивую ситуацию. Именно главы, повествующие о Пьере в разоренной Москве, будут подвергнуты многократной правке вплоть до корректур. Пока же, не останавливаясь на них, Толстой перешел к дальнейшему, к жизни Петербурга. Светская петербургская жизнь, «из-за хода» которой «надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасное и трудное положение государства», — описана сразу, и первая редакция ее без существенных исправлений дошла до печати.¹ Нет только в первой редакции самих текстов донесения графа Ростопчина и рескрипта Александра I Кутузову, которыми заканчивается в романе вторая глава.

Приезд полковника Мишо к Александру I и «знаменитый разговор», который Александр I имел с ним (тема гл. III), лишь бегло намечены. Следующие пять глав (IV—VIII), повествующие о пребывании Николая Ростова в Воронеже, о встрече его с княжной Марьей, об их взаимоотношениях, а также о жизни Ростовых в Троицкой лавре, вовсе не отражены в первой редакции. Непосредственно после Петербурга — резко контрастный переход к находящемуся в плену Пьеру.

Надолго задерживается внимание автора на жизни Пьера в плену, на его преображенном состоянии. Неизвестно еще ничего о людях, окружавших его в плену; лишь упомянуты старик-чиновник, пятилетний мальчик, спасенный Пьером, и «солдат-сосед», научивший его завязывать веревочкой па щиколотках «серые чужие панталоны». (Позднее пленный солдат преобразуется в Платона Каратаева.) Подробно описан приход к Пьеру его «тайного друга» Пончини, того самого, кому он поведал свою любовь к Наташе; изложена их беседа, после которой Пьер «еще долго думал о Наташе, о том, как в будущем он посвятит всю жизнь свою ей, как он будет счастлив ее присутствием и как мало он умел ценить жизнь прежде». Такова канва будущих IX—XI глав и частично главы XIII, повествующей о выходе пленных из Москвы.

От Пьера в плену и его дум о Наташе рассказ возвращается к Ростовым, живущим вместе с выздоравливающим князем Андреем в Тамбове. Описываются приезд к ним княжны Марьи с Ницолушкой, ее рассказы князю Андрею о смерти отца, о спасшем ее Николае Ростове, тревога Сони по поводу его отношений с княжной Марьей и письмо Сони Николаю Ростову, освобождающее его от обещания жениться на пей, известие о том, что «оба молодые Ростовы целы: старший в полку, меньшей в партизанском отряде Денисова», разговор князя Андрея, Сони и Наташи о Пьере, вести о котором были получены от Пончини, привезенном в числе других пленных в Тамбов, рассказ Пончини князю Андрею о признании Пьера¹ По наст. изд. т. IV, ч. 1, гл. I и II.

в сильной любви к Наташе. Старый граф был не радостен, он чувствовал, что «отжил свою жизнь» и что он не нужен.

Дальнейшая сюжетная канва определяла следующее содержание: рассуждение автора о фланговом марше и описание хода войны после оставления французами Москвы, тарутинский лагерь, невероятный беспорядок и растерянность во французской армии после Тарутинского сражения, чувство уверенности в победе у Кутузова, подтвердившееся приездом к нему Лористона с письмом от Наполеона, партизанские отряды, Петя Ростов в отряде Денисова, отряд Долохова, Тихон Шестипалый, русские пленные на походе, среди них Пьер и старый солдат, который ослабел, отстал и был пристрелен, отряд Долохова, захвативший депо Бланкара и освободивший партию пленных, в числе которых находился Пьер, приезд Пьера в Тамбов в то время, как князь Андрей, поправившись от ранения, вернулся в армию, встреча князя Андрея с Николаем и Петей Ростовыми в Вильно, где стояла армия, смотр войск, на котором присутствуют князь Андрей и оба Ростова, прощание Кутузова с войсками, его благодарность армии и поздравление с победой. Заканчивается первая редакция романа конспектом эпилога, намечающим две свадьбы: Пьера с Наташей и Николая Ростова с княжной Марьей; отъезд Николая Ростова в полк, с которым он вошел в Париж, «где он вновь сошелся с Андреем». Вся семья Ростовых, Пьер с Наташей и графиня (теперь) Марья с племянником прожили лето и зиму в Отрадном, дожидаясь возвращения Николая Ростова и князя Андрея.

Словом «Конец» заключена рукопись № 89, начатая не позднее декабря 1865 г. — января 1866 г. Внешний вид рукописи свидетельствует о том, что она создавалась без перерыва. Последующие документы позволяют предположить, что закончена она к осени 1866 г.

Две части, опубликованные в «Русском вестнике», рукопись № 85, созданная в ноябре—декабре 1864 г. и исправленная в ноябре 1865 г., и только что проанализированная рукопись № 89 составляют первую законченную редакцию романа. Именно эту редакцию Толстой намеревался озаглавить «Всё хорошо, что хорошо кончается» и советовался по поводу заглавия с А.А. Фетом.¹

Х

В июне 1866 г. вышел отдельный оттиск двух первых частей, напечатанных в «Русском вестнике». Книга появилась под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» Графа Л. Н. Толстого. В университетской типографии. М. 1866. Каждая часть содержала отдельную пагинацию: первая — 167 стр., вторая — 130 стр. Цензурное разрешение первой — 11 июня

1866 г., второй — 12 марта 1866 г. Узнав о выходе в свет этой книги, Толстой просил М. С. Башилова справиться, «сколько напечатано экземпляров — и всего ли, или только того, что было напечатано в 1865 году». Далее Толстой сообщал: «Письменного условия не было, и сколько мне помнится, я словесно дал право напечатать только 500 экземпляров¹ См. письмо к А. А. Фету от 10...20 мая 1866 г. — т. 61, стр. 139.

того, что было напечатано в 1865 году. Интересно бы знать, так ли я помню».¹

Тогда же у Толстого возникла мысль начать печатание романа отдельным изданием. 7 августа он сообщил М. С. Башилову: «Мое писанье опять стало подвигаться, и ежели буду жив и здоров, то в сентябре кончу

1-ю часть всего романа и привезу в Москву и отдам печатать. А вторую кончу до нового года».² Спустя три месяца Толстой писал А. А. Фету о поездке «на днях... на короткое время» в Москву «для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа».³ С этой целью приступил он к исправлению напечатанных в «Русском вестнике» первых двух частей. Во время пребывания в Москве с 11 по 18 ноября Толстой вел переговоры с М. Н. Катковым об издании и с М. С. Башиловым об иллюстрациях, которые были заказаны ему весной этого года, в предыдущий приезд Толстого в Москву. Обо всех делах Толстой подробно сообщал жене.

На следующий день после приезда в Москву Толстой побывал у М. С. Башилова и выяснил, что «картинок он сделал всего только 13. Некоторые, как смерть Безухова и поцелуй, необыкновенно хороши; но вся часть, напечатанная в прошлом году [т.е. первая часть], еще не рисована, а Рихау⁴ отстал еще больше в работе, так что нет возможности кончить картинки к новому году». И Толстой решил «в нынешнем году картинок вовсе не печатать».⁵ В тот же день он пошел в типографию. «Там мне дали счет всего печатания в 1200 рублей, — писал Толстой, — вперед денег я дам только 300 рублей. Завтра получу от них решительный ответ. Экземпляров 3600».⁶

Однако на следующий день ответ получен не был.⁷ День спустя Толстой сообщил о согласии типографии на его условия, а 16 ноября он «наконец получил» ответ. «Всё уладилось, — писал Толстой жене. — Катков просит напечатать 4 листа с тем, чтобы деньги эти пошли в счет печатания. Я этому даже рад».⁸ Вопрос об издании был решен, и в связи с этим Толстой даже на день отложил возвращение в Ясную Поляну. Ему необходимо было еще раз переговорить с М. С. Башиловым о «картинках» и, кроме того, «поправить начало печатного и рукописи, чтобы оставить в типографии».⁹

Очевидно, приехав 11 ноября в Москву с намерением приступить к печатанию, Толстой привез с собой первые две части, о которых он упоминал в приведенных выше письмах к М. С. Башилову и А. А. Фету, то есть весь печатный текст «Русского вестника» и в рукописи продолжение романа до Аустерлица включительно; повидимому, четыре листа рукописи, продолжающей содержание уже напечатанного в апрельской книжке¹ Письмо к М. С. Башилову от 28 июня 1866 г. — т. 61, стр. 144. См. также письмо к С. А. Толстой от 11 декабря 1865 г. — т. 83, стр. 92 и 93.

² Т. 61, стр. 147.

³ Письмо к А. А. Фету от 7 ноября 1866 г. — т. 61, стр. 149. Нет точных данных для определения, что именно разумел Толстой в это время под первой и второй частями. Вернее всего, речь шла о первом томе первого отдельного издания, содержащем текст до Аустерлица включительно и разделенном на две части.

⁴ Гравер Даниэль Карл Рихау.

⁵ Письмо к С. А. Толстой от 12 ноября 1866 г. — т. 83, стр. 120.

⁶ Там же.

⁷ Письмо к С. А. Толстой от 14 ноября 1866 г. — т. 83, стр. 123.

⁸ Письмо к С. А. Толстой от 16 ноября 1866 г. — т. 83, стр. 130.

⁹ Там же, стр. 131.

«Русского вестника» за 1866 г., М. Н. Катков предложил напечатать в журнале¹ независимо от печатания романа отдельным изданием.

«Переговорить с Башиловым» в этот день Толстой не успел, в типографии никакой рукописи не оставил, да и от намерения приступить к печатанию отдельного издания пока отказался.

Ведя в Москве переговоры о задуманном (неосуществившемся) в 1866 г. отдельном издании, Толстой в то же время продолжал работать над романом. 15 ноября с утра до трех часов он читал в Румянцевском музее масонские рукописи, «очень интересные». «И не могу тебе описать, почему чтение нагнало на меня тоску, от которой не мог избавиться весь день, — писал он жене. — Грустно то, что все эти масоны были дураки».² На следующий день Толстой вновь писал о работе в Румянцевском музее, сообщая, что то, что он нашел там, «чрезвычайно интересно» и что второй день он не замечает, как «проходят там три, четыре часа».³ К этому времени следует отнести три листа (рукописи №№ 6, 7 и 15)⁴ с записями о масонстве и интересе Пьера Безухова к масонству. Изучение и собирание в конце 1866 г. материалов по масонству, а также встречающееся среди записей о масонах упоминание о дневнике Пьера говорят о том, что в эту пору Толстой занимался исправлением по рукописи № 89 глав о масонстве Пьера, которые впоследствии вошли во вторую часть второго и первую часть третьего томов первого издания. наброски к роману, сделанные в Записной книжке 25 декабря 1866 г.⁵, подтверждают то, что в конце года Толстой был занят переработкой текста, составившего впоследствии эти томы первого издания.

За промежуток времени между 19 ноября и 8 декабря 1866 г. нет документов, рассказывающих о ходе работы над романом. Очевидно, она шла успешно, так как 8 декабря Толстой высказал уверенность в том, что «весь роман будет кончен к будущей осени», причем под словами «будет кончен» Толстой разумел не только окончание авторской работы, но и выход издания в свет. В связи с этим он писал М. С. Башилову: «...вы знаете, что успех распродажи зависит от того, чтобы он вышел к началу зимы, т. е. в ноябре — *au plus tard*».⁶ В том же письме он предупреждал М. С. Башилова, что всего должно быть не менее 65 рисунков. Мысль об издании всего романа к осени 1867 г. повторяется и позднее,⁷ но она не была осуществлена: переработка первой черновой редакции потребовала от Толстого еще почти трех лет напряженного труда.

8 января 1867 г. Толстой писал М. С. Башилову: «Мое дело хорошо и довольно быстро подвигается вперед — так быстро, что у меня кончены¹ Вряд ли можно согласиться с предположением, что в этот приезд в Москву Толстой намеревался лишь издать отдельной книжкой следующие девятнадцать глав, продолжающих напечатанное в «Русском вестнике» в 1865 и 1866 гг. (см. «Толстой и о Толстом», 3, стр. 150 и 151). Упоминаемые в письмах к М. С. Башилову и А. А. Фету первая и вторая части романа, забота об иллюстрациях именно к этим частям, в которые входит уже напечатанное, а также намерение перед отъездом исправить «начало печатного и рукописи» — все это дает больше оснований предположить, что Толстой задумал начать печатание всего романа отдельным изданием с иллюстрациями.

² Письмо к С. А. Толстой от 15 ноября 1866 г. — т. 83, стр. 129.

³ Письмо к С. А. Толстой от 16 ноября 1866 г. — т. 83, стр. 130.

⁴ Оpubл. т. 13, стр. 23 и 24, №№ 7 и 8, стр. 32—34, № 16.

⁵ См. т. 48, стр. 86.

⁶ [не позднее.] Письмо к М. С. Башилову от 8 декабря 1866 г. — т. 61, стр. 152.

⁷ См. письмо к М. С. Башилову от 30 января 1867 г. — т. 61, стр. 159.

(начерно) 3 части (одна напечатана, та, к которой вы делаете картинки, и две в рукописи) и начата 4-я и последняя. Ежели какое-нибудь неожиданное несчастье не помешает мне, то я буду готов к осени со всем романом». В том же письме Толстой выражал беспокойство, будут ли к этому времени готовы рисунки, и просил Башилова ответить ему «обстоятельно», что сделано, как подвигается работа, и, главное, надеется ли он «за себя и граверов кончить всё к осени. Всё — значит картинок 70». Толстой объяснял Башилову: «Я спрашиваю и беспокоюсь об этом и потому, что меня, как автора, ужасно волнует и радует успех вашего дела, а во-вторых, интересуется денежной стороны. Ежели печатать роман в 67, то надо печатать его не позже осени, иначе придется отложить до 68 года. Ежели начаты картинки, то надо печатать со всеми картинками. Ежели к осени все картинки не будут готовы, то все расходы и труды для рисования и гравирования их пропадут даром». Толстой просил Башилова, если возможно, выполнить в указанный срок все рисунки, прислать ему скорее готовые и требовать у него «новых сюжетов», которые он обещал доставлять художнику «или посредством присылки частями рукописи, или просто в письме описанием сюжета». В заключение Толстой писал: «Размер всего сочинения и его частей, который может быть нужен вам для соображения количества рисунков, следующий:

1-я часть — то, что напечатано.....	18
листов	
2-я часть — около.....	16
листов	
3-я часть — около	14
листов	
4-я часть — около	18
листов	

Итого 66 листов». ¹

Здесь под «частями» понимаются томы отдельного издания. При исправлении текста первой редакции, составившего в первом издании третий том, Толстой наметил содержание частей. Очень вероятно, что набросок этот также относится к началу января 1867 г. Распределение частей таково:

«1-я часть. Петербург. Москва. Деревня.

За границей, Петербург, Москва, Аустерлиц.

2-я часть. <Обед в клубе и Тильзит> Смерть.

Сватовство заочное Nicolas. Юродство к[няжны] М[арьи] и говенье Наташи. Старик желает смерти — так уж всё неясно стало». ²

Намеченные две части соответствуют по окончательному делению первому и второму томам и частично содержат материал к третьему тому. Над отделкой конца первого и всего второго тома Толстой работал в начале 1867 г.

Обеспокоенный тем, что для выполнения всех рисунков к осени нужна большая поспешность, а «при поспешности всегда дело выходит хуже, чем могло бы быть», Толстой предложил Башилову, не торопясь, готовить иллюстрации к следующему изданию, и подтвердил свое решение «непременно» издать к осени «весь роман *без иллюстраций* ³ или с иллюстрациями». Тогда же Толстой писал Башилову, что рукопись он сможет присылать ¹ Т. 61, стр. 155 и 156

² Т. 13, стр. 824.

³ Подчеркнуто Толстым

ему «не раньше как с марта (и то конца)».¹ А через месяц, сообщая Башилову отзывы о рисунках ко второй части, Толстой уведомил художника, что для него переписывается «часть, равная почти той, которая напечатана».² Переписывалась в это время исправленная рукопись, составившая (в первом издании) окончание первого тома и весь второй, объемом около 15 печатных листов, что почти равнялось всему напечатанному в «Русском вестнике». Рукопись переписывалась дважды. Одна копия была сделана неизвестным переписчиком, очевидно, для Башилова; вторую копию снимала С. А. Толстая, о чем она писала мужу 21 марта: «Только когда сижу и переписываю, то невольно перехожу в мир твоих Денисовых и Nicolas».³ В содержание переписываемой рукописи входят главы о жизни Николая Ростова в полку, инцидент с Денисовым, отбившем силой провиант, назначенный для пехотного полка, поездка Ростова к Денисову в лазарет и т. д.⁴ Эти главы, очевидно, имела в виду С. А. Толстая.

С 19 по 25 марта Толстой пробыл в Москве, и, видимо, там был составлен проект договора с М. Н. Катковым на печатание романа с иллюстрациями. По этому проекту «типография должна начать печатание с пятнадцатого мая тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года и окончить в декабре месяце сего же года». Текст проекта написан рукой неизвестного, и в дате в конце его не указано число, а проставлено лишь: «Марта... дня 1867».⁵ Написанное в проекте заглавие «Тысяча восемьсот пятый год» зачеркнуто Толстым, и его рукой вписано: «Война и мир». В приведенном документе впервые появляется заглавие «Война и мир», причём это единственный раз, когда оно написано собственноручно. Нельзя не обратить внимания на то, что, вписывая в проект договора заглавие, Толстой слово «мир» написал через *i*, то есть «*міръ*».⁶ Это позволяет предположить, что Толстой вводил в заглавие не слово «мир», как понятие, противоположное войне, а слово «*міръ*», как понятие — все люди,⁷ весь народ, то есть то понятие слова, какое содержится в выписанной им пословице: «*Міръ жнет, а рать кормится*».⁸ В связи с заглавием следует также учесть текст из ранней редакции романа: в главе о преобразованиях Сперанского сказано, что этой деятельностью увлекся даже князь Андрей, «живший долго в деревне, видевший и *войну и мір* в самой действительности».⁹ Однако при жизни Толстого роман печатался под заглавием «Война и мир», и ¹ Письмо к М. С. Башилову от 30 января 1867 г. — т. 61, стр. 159.

² Письмо к М. С. Башилову от 28 февраля 1867 г. — т. 61, стр. 162.

³ С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», стр. 72.

⁴ Соответствует последним семи главам второй части второго тома.

⁵ См. письмо к М. Н. Лаврову от 24...25 марта 1867 г. — т. 61, стр. 163—164.

⁶ На написание слова мое внимание обратила Н. Н. Наумова (Рабкина), работавшая в Рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого над диссертацией о «Войне и мире».

⁷ См. «Толковый словарь русского языка» В. Даля.

⁸ См. т. 13, стр. 45. См. также т. 11, стр. 73 и ср. в черновой редакции этой главы: Наташа «любила слушать «*міром* господу помолимся», думая, как и она соединяет себя в одно с *міром* курьеров и прачек»; «*Міром* значит наравне со всеми, со всем *міром*» (рук. № 89, л. 533 об., л. 190 арх.). Здесь и далее курсив наш. — Э. З.

⁹ Вряд ли можно объяснить это случайностью написания. В тех случаях, когда слово «мир» приведено в смысле противопоставления войне, Толстой обычно писал не «*i*», а «*и*», например: «С утра разнеслось известие, что *миръ* заключен» (рук. № 85, л. 311 об. арх. пагин.); «...кончившаяся Тильзитским *миром*» (там же, л. 179); «Император Александр желает мира» (рук. № 89, л. 503 об.); «Я желаю *мира* не менее императора Александра» (там же, л. 504).

лишь один раз появилось заглавие в первоначальном написании Толстого — в 1913 г., в издании под редакцией П. И. Бирюкова.

Как возникло заглавие романа, установить трудно. В этом направлении строились различные догадки.¹ В книге С. Глинки «Записки о 1812 годе», которой пользовался Толстой, встречается такое выражение: «мир и война шли рядом» (стр. 15). Высказывалось предположение, что оно подсказало Толстому заглавие. Другое предположение связывает заглавие романа Толстого с исследованием Прудона «О принципе и содержании международного права», русский перевод которого вышел в 1864 г. под заглавием «Война и мир». Ни одна из догадок документально не подтверждается. Известно лишь признание Толстого, высказанное им по другому поводу: «Названий вообще я никогда не умею придумывать и приискиваю большей частью, когда всё написано».² Так было и с романом «Война и мир».

ХІ

Работа над романом поглощала все время. Толстой писал брату Сергею Николаевичу 31? марта 1867 г.: «Я много пишу, оканчивая, и голова всё болит, но я не боюсь теперь этой боли».³ К этому времени относится правка второй половины рукописи № 89. Толстой, видимо, торопился в связи с решением в мае начать печатание. «У меня голова кругом идет от затеянного мною печатания», — писал он 31 мая М. С. Башилову и сообщал, что, не получая из катковской типографии ответа по поводу предоставления ему кредита, он думал печатать в Туле «без картин первое издание, но и тут неудобства — надо в цензуру отдавать, а это страшно и долго».⁴ 16 июня Толстой выехал в Москву. Продолжались переговоры с М. Н. Катковым, и одновременно велись переговоры с П. И. Бартеневым, который, как сообщал Толстому Башилов, «сам назывался взять на себя» издание романа. «Завтра его увижу, — писал Толстой жене, — и очень рад буду, ежели обойдусь без Каткова и сойду с ним. О картинках на первое издание и думать нечего, так сказал Башилов».⁵ Спустя два дня Толстой выяснил в типографии Каткова, что к 1 декабря роман возможно напечатать и что издание без иллюстраций будет стоить около четырех тысяч. Условие, однако, еще не было заключено, так как Бартенев не дал пока ответа. Толстой решил на завтра заключить «контракт с тем или другим, — с тем, где дешевле», и задержаться в Москве на два дня для того, чтобы поправить первый том, который он обещал сдать в набор.⁶

21 июня 1867 г. с П. И. Бартеневым был окончательно решен вопрос о печатании романа, и на следующий день подписан договор с владельцем типографии Ф. Ф. Рисом.⁷ В письме к жене Толстой подробно изложил ¹См. статью Н. Н. Апостолова «Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого» — «Печать и революция», 1924, кн. 4, стр. 99; книгу Б. М. Эйхенбаума «Лев Толстой», кн. первая, Л. 1928, стр. 385.

² Письмо к Н.Н. Страхову от 25 ноября 1870 г. — т. 61, стр. 242.

³ Т. 61, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 170.

⁵ Письмо к С. А. Толстой от 18 июня 1867 г. — т. 83, стр. 139.

⁶ Письмо к С. А. Толстой от 20 июня 1867 г. — т. 83, стр. 143 и 144.

⁷ Бывшая типография Лазаревского института восточных языков (находилась у Мясницких ворот).

условия этого договора: «...приехал Рис, типографщик, и с ним подписал условие и дал ему 500 рублей задатка. Рис этот молодчина, практический и аккуратный немец. Бартенев, которому я даю 10% за публикации, продажу и склад книг, тоже аккуратнейший человек и знающий дело, так что, мне кажется, лучше нельзя было устроить издание, всё будет стоить около 4500 руб.; окончено будет в 1-х числа ноября, корректуры буду держать я сам и потом Бартенев в смысле исправности и даже правильности языка, который я ему смело разрешил поправлять. Экземпляров напечатается 4800 и продаваться будут по 8 р. за экземпляр, из этого 30% отдадутся: 10 — Бартеневу и 20 книгопродавцам. Против прежнего проекта я даю лишних 5% Бартеневу за свое спокойствие».¹

Тогда же, будучи в Москве, Толстой должен был сдать в типографию «поправленную всю 1-ю часть и некоторую долю 2-ой», а для этого, как он писал жене, «нужно часов шесть здорового и спокойного времени».² Всего намеченного сдать в типографию в эти дни не удалось. Была сдана первая половина первого тома, то есть исправленный текст напечатанного в «Русском вестнике» в 1865 г., что подтверждается пометкой Ф. Ф. Риса на первом листе: «erhalten [получено] 18 24/6 67» (см. описание рукописи № 1, стр. 197 и 108) и начало второго тома, то есть первые 29 листов рукописи, о чем свидетельствует также пометка Ф. Ф. Риса на первом листе наборной рукописи: «erhalten 18 23/6 67» (см. описание рукописи № 3, стр. 198).

Толстой вернулся в Ясную Поляну 25 июня и по приезде сообщил Фету: «...готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и должен так день за день под страхом штрафа и несвоевременного выхода. Это и приятно и тяжело».³ 30 июня Толстой выслал в адрес П. И. Бартенева продолжение второго тома, то есть листы 30—148 наборной рукописи; о получении их 3 июля имеется пометка на листе 30; вторую половину первого тома, то есть исправленный текст напечатанного в «Русском вестнике» в 1866 г. и продолжение до Аустерлица включительно⁴ обещал выслать 1 июля.⁵ Посылая в набор последнюю часть первого тома, Толстой дал указание, чтобы «слова Pierre, Lise и Hélène везде набирать Пьер, Элен и Лиз», что и было выполнено.

Итак, первый том, содержащий события 1805 г. и заканчивающийся ранением князя Андрея под Аустерлицем, был сдан в печать к началу июля 1867 г., и Толстой продолжал исправлять и перерабатывать дальнейшие томы. «Работа моя идет успешно, — писал он П. И. Бартеневу 30 июня, — и я уверен, что с своей стороны не задержу печатания и не буду платить штрафа, только бы пересылка шла правильно».⁶ В июле Толстому стали высылать корректурные гранки первого тома; между ¹ Письмо к С. А. Толстой от 22 июня 1867 г. — т. 83, стр. 147. См. также письмо к ней от 21 июня — там же, стр. 146.

² Письмо к С. А. Толстой от 22 июня 1867 г. — т. 83, стр. 148.

³ Письмо к А. А. Фету от 28 июня 1867 г. — т. 61, стр. 172.

⁴ По наст. изд. т. I, части 2 и 3.

⁵ Т. 61, стр. 173.

⁶ Там же.

6 и 14 июля он получил 5 пакетов, заключавших более восьми печатных листов корректур.¹

30 июля Толстой приехал в Москву и привез продолжение наборной рукописи второго тома. Второй том первого издания начинается приездом Николая Ростова в отпуск в начале 1806 г. и заканчивается Тильзитским миром.² В процессе подготовки тома к печати наиболее существенные исправления внесены в главы о дуэли Пьера с Долоховым, о Долохове после дуэли и о дружбе Николая Ростова с ним; вписана глава о детском бале у Иогеля и о предложении Денисова Наташе.

Много Толстой работал над началом второй части второго тома, посвященным описанию встречи Пьера с масоном, приема его в масонскую ложу и всего масонского ритуала.³ Затем он переделал последние главы о посещении Николаем Ростовым Денисова в лазарете, ввел текст о «перевороте суждений относительно Наполеона», происшедшем «1807 года июня 13-го дня в высших сферах русской армии», и переработал описание приезда Николая Ростова в Тильзит.⁴ По всему тексту второй части сделаны также многочисленные отдельные исправления, сильно приблизившие его к последней редакции.

В день приезда в Москву Толстой сообщил жене, что «завтра» принесут из типографии новые корректуры и возьмут от него рукопись продолжения. В Москве Толстой намеревался просмотреть первые корректуры, которые по условию должен был после автора держать П. И. Бартенев, с тем чтобы решить, «годится ли» этот помощник. Работа Бартенева удовлетворила Толстого, и Бартенев почти до конца издания помогал в чтении корректур.

В Москве Толстой пробыл недолго и сдал в печать второй том. Вернувшись в Ясную Поляну, он писал П. И. Бартевеву: «Я очень много сдал рукописи и корректур, так что дело никак не за мной, а за ними. Пожалуйста, погоняйте их. Во многих местах я ставлю черточки — без № главы, пожалуйста, оставляйте их и корректорам в типографии велите на них обратить внимание. Так как по новому распределению 1-й том. в особенности первая часть его будет очень велика, то в этой части постарайтесь как можно более сжимать и избегать *абзацев*, и, напротив, как можно более их делать во второй части и вообще во всем 2-м томе, который будет мал. Из первой (напечатанной) части я велел присылать к себе корректуры всего, исключая тех листов, которые я означаю черточкой».⁵

Все лето шла напряженная работа над корректурами первого и второго томов и над подготовкой к печати продолжения романа. 10 августа Толстой отменил свое распоряжение о присылке ему не всех корректур первой части, просил присылать все корректуры и сообщал, что много сокращает в первой части, «отчего выигрывает сочинение во всех отношениях».⁶

¹ См. письма А. Е. Берса к Толстому от 12 и 15 июля 1867 г., опубл. в сборнике «Толстой и о Толстом», 3, стр. 155 и 156.

² По наст. изд. т. II, ч. 1 и 2.

³ Опубл. т. 13, стр. 643—655, 665—667, вар. №№ 89, 92—94.

⁴ Опубл. т. 13, стр. 655—664, вар. №№ 90 и 91.

⁵ Письмо к П. И. Бартевеву от 7—8 августа 1867 г. — т. 61, стр. 174.

⁶ Письмо к П. И. Бартевеву от 10 августа 1867 г. — т. 61, стр. 175.

Исправленный Толстым печатный текст «Русского вестника», служивший наборной рукописью первой части первого тома, сохранился далеко не полностью, корректуры этого тома вовсе не сохранились, поэтому нельзя точно определить, какие исправления сделаны до сдачи в печать, какие в корректурах.¹

Еще осенью 1866 г., приступив к правке печатного текста, Толстой писал А. А. Фету о том, что согласен с его осуждением² образа князя Андрея в первых частях, и вывел для себя из этого осуждения «поучительное». «Он однообразен, скучен и только un homme comme il faut во всей 1-й части. Это правда, но виноват в этом не он, а я, — писал Толстой. — Кроме замысла характеров и движения их, кроме замысла столкновений характеров, есть у меня еще замысел исторический, который чрезвычайно усложняет мою работу и с которым я не справляюсь, как кажется. И от этого в 1-й части я занялся исторической стороной, а характер стоит и не движется. И это недостаток, который я ясно понял вследствие вашего письма и надеюсь, что исправил».³

Характеристика князя Андрея претерпела наибольшие изменения, но кроме того в первую часть внесено много и других исправлений. Главные из них: для характеристики Пьера при его первом появлении в салоне Анны Павловны Шерер использовано не столько его поведение, сколько отношение к нему хозяйки; переработан и сокращен спор Пьера с виконтом; сокращено описание внешности Ипполита Курагина; рассказ виконта об убийстве герцога Энгиенского, который занимал в «Русском вестнике», всю гл. IV и начало гл. VI, заменен кратким изложением; значительно сокращена беседа Пьера с князем Андреем о Наполеоне и наступившей войне, на которую Болконский решил идти; выпал во время сокращения отзыв князя Андрея о Кутузове как о «правой руке Суворова», как о «лучшем русском генерале».

Сильно сокращены описание кутежа у Анатоля Курагина, сцена в гостиной у Ростовых утром в день именин, сцена в детской с венчанием куклы и разговор Николая с Борисом. В описании именинного обеда сделано много сокращений, касающихся, главным образом, впечатления, произведенного Наташей на Пьера; сокращена сцена пения молодежи после именинного обеда. Наконец, полностью исключена глава, содержащая пространное описание инцидента, происшедшего среди молодежи из-за стихов «Прощание гусара», написанных Николаем Ростовым для Сони.⁴

Сокращения коснулись также описания кутузовского штаба, причем и здесь они, главным образом, относились к характеристике князя Андрея, сокращены главы о Николае Ростове и Василии Денисове в Павлоградском полку, о пребывании князя Андрея у Билибина, о впечатлении князя Андрея от приема его у австрийского императора. Внесены сокращения¹ Все разночтения между текстом «Русского вестника» и последующими изданиями приведены в т. 9 наст. изд., в разделе «Печатные варианты».

² Письмо А. А. Фета к Толстому опубликовано в книге Б. М. Эйхенбаума «Лев Толстой», кн. вторая, стр. 277—279.

³ Письмо к А. А. Фету от 7 ноября 1866 г. — т. 61, стр. 149.

⁴ По «Русскому вестнику», 1865, № 1, стр. 109—112, гл. XXVIII.

в описания лагерных сцен в деревне Грунт, в последние главы, посвященные Шенграбенскому сражению.¹

В ответ на полученные от Толстого при письме от 10 августа исправленные корректуры первого и начала второго тома П. И. Бартенев упрекал Толстого: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания. Сошлюсь на кого хотите, большая половина вашего перемарывания вовсе не нужна, а между тем от него цена типографская страшно возрастает. Я велел написать в типографии вам счет за корректуры. Вы убедитесь, что вам выгоднее нанять самого лучшего министерского переписчика и прислать ко мне уже совсем готовую рукопись, чем приплачивать по несколько рублей за каждый лист».² Толстого не встревожили опасения и упреки Бартенева. «Не марасть так, как я мараю, я не могу, — отвечал он, — и твердо знаю, что мارانье это идет в великую пользу. И не боюсь потому счетов типографии, которые, надеюсь, не будут уж очень придирчивы. То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз пять перемарано».³ До конца печатания романа работа над корректурами была огромной. Последние отправленные в августе корректуры «о приеме Пьера в масонскую ложу» Толстой просил прислать ему еще раз после исправлений. Гранки, о которых пишет Толстой, сохранились (см. описание рукописи № 2, стр. 203); текст их был настолько переработан, что С. А. Толстой пришлось заново переписать их, и копии эти приложены к корректуре.⁴ На одной из гранок Толстой сделал надпись с просьбой внимательнее просмотреть их и то же самое повторил в письме к Бартеневу. Дальнейшие корректуры этого тома не сохранились. Но из следующего письма к Бартеневу видно, что автор еще раз правил корректуры второго тома «и в одном месте много перемарал... Особенно измараны прием в масонство и французское письмо Билибина».⁵ Толстой просил Бартенева, если что-либо неясно, прислать ему гранки еще раз.⁶

В связи с тем, что третий том закончен и Толстой намерен был в сентябре только сдать его в печать, четвертый же еще требовал переработок и дополнений, Толстой писал Бартеневу: «Теперь самое важное. Я полагаю, что выпустить два первые тома в сентябре будет невыгодно для всего издания. Надо выпустить всё вместе. Кроме того, при выпуске двух томов я теряю запас времени, который мне дает первая часть, не поправляемая мною. Запас этот мне нужен особенно для 4-го тома, на котором я боюсь задержать печатание, так как он не вполне готов». И далее Толстой просит поторопить печатание второго тома, а первый «приберегать» на то время, когда произойдет задержка рукописи дальнейшего текста.

¹ В статье С. П. Бычкова «Война и мир» — народно-героическая эпопея» ошибочно указано, будто в результате переработки текста первой части для отдельного издания было «выброшено двенадцать глав» (см. сборник «Творчество Л. Н. Толстого», Изд. АН СССР, М. 1954, стр. 135). В действительности же целиком исключены названные выше две главы, ряд сокращений сделан в других главах, кроме того произведено менее дробное деление на главы: в «Русском вестнике» 38 глав, в издании 1868 г. и сл. — 25 глав.

² Письмо П. И. Бартенева к Толстому от 12 августа 1867 г. — т. 61, стр. 175.

³ Письмо к П. И. Бартеневу от 16—18? августа 1867 г. — т. 61, стр. 176.

⁴ Отрывок опубл. т. 13, стр. 668—671, вар. № 97.

⁵ По наст. изд. т. II, ч. 2, гл. III, IV, IX.

⁶ Письмо к П. И. Бартеневу от 19—20 сентября 1867 г. — т. 61, стр. 177.

ХII

Основой для работы над продолжением романа служила копия рукописи № 89. Вся рукопись полностью была скопирована С. А. Толстой, и лишь в процессе обработки ее Толстой определял содержание каждого следующего тома и, отделив соответствующую часть этой большой рукописи, приступал к подготовке очередного тома к печати.

Третий том содержал текст от Тильзитского мира до начала войны 1812г. и состоял из трех частей.¹ Наибольшей правке в процессе подготовки тома к печати подверглись первые главы, посвященные деятельности князя Андрея в Богучарове, поездке его по делам рязанского имения к уездному предводителю графу Ростову, описанию первого впечатления Болконского от Наташи и повороту в его настроении (сцена с дубом); исправления внесены также в описание впечатления, произведенного на Пьера признанием князя Андрея в его любви к Наташе, в главу, посвященную решению князя Андрея сделать предложение Наташе, и в самую сцену приезда его к Ростовым с этой целью.²

Наборная рукопись первой и начала второй части третьего тома была послана в печать во второй половине сентября 1867 г., и в письме от 19—20 сентября Толстой просил П. И. Бартенева регулярно пересылать корректуры в Ясную Поляну. Окончание же тома, содержащее историю увлечения Наташи Ростовой Анатодем, еще оставалось у автора. Видимо, он отложил окончательную доработку этой части и приступил к переработке следующего, четвертого, тома, посвященного войне 1812 г. до Бородинского сражения включительно. Текст, предшествующий Бородинскому бою, после правки первой редакции значительно приблизился к окончательному. Описание же самой битвы не удовлетворяло Толстого. Ему необходимо было для создания живой картины сражения видеть место исторической битвы. Он решил поехать на Бородинское поле.

22 сентября Толстой выехал из Ясной Поляны и в письме к жене из Москвы от 23 сентября сообщал, что «завтра» примется «за отыскивание товарища» для поездки на Бородино и за переговоры по дальнейшему печатанию.³ 25 сентября в 5 часов вечера Толстой вместе с двенадцатилетним братом С. А. Толстой Степаном Андреевичем Берсом выехал в Бородино, где пробыл до 27-го.

Отправляясь в Бородино, Толстой запасся письмами своей троюродной тетки О. Д. Аникиевой к управляющему ее имением (находившемся в 10 верстах от Бородина) и к игуменье монастыря близ деревни Семеновское, основанного вдовой генерала Н. А. Тучкова, погибшего в Бородинском сражении. Некоторые подробности поездки имеются в воспоминаниях С. А. Берса, но поездка ошибочно отнесена им к 1866 г.⁴ В одной из Записных книжек Толстого перечислены почтовые станции па пути из Москвы в Бородино и указаны расстояния между ними.⁵ ¹ По наст. изд. т. II, ч. 3—5.

² Оpubл. т. 13, стр. 745—767, вар. №№ 114—120.

³ Т. 83 стр. 151.

⁴ С. А. Берс, «Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом», Смоленск, 1894, стр. 49 и 50.

⁵ См. т. 48, стр. 165.

Записи сделаны Толстым по дороге в Бородино. Три из отмеченных названий были включены в текст при описании поездки Пьера в Бородино и его возвращения после битвы в Можайск. Больше же всего о пребывании Толстого на Бородинском поле рассказывает сохранившийся среди рукописей романа лист (рукопись № 21), содержащий конспективные записи и схематический рисунок-чертеж местности, сделанный самим Толстым.¹ На первый взгляд кажется, что нарисован бугор, а на самом деле — чертеж части поля. Толстой наметил линию горизонта с лесами, местоположение деревень Горки, Бородино, Семеновское, Татариново и Псареве, русла рек Кдлочи и Войны и движение солнца во время боя. Он даже пометил для себя, что «даль видна на 25 верст», что на восходе солнца от лесов, строений и курганов ложатся черные тени и что «солнце встает влево, назад», то есть назад русских войск, а «французам в глаза солнце». Все это Толстой использовал при создании последней редакции описания Бородинского боя. Перед отъездом Толстой «встал на заре, объехал еще раз поле»,² чтобы ясно видеть всю местность именно в тот час, когда началось сражение.

Вернувшись в Москву, Толстой писал жене: «Сейчас приехал из Бородина. Я очень доволен, очень, — своей поездкой и даже тем, как я перенес ее, несмотря на отсутствие сна и еды порядочной. Только бы дал бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было... В Бородине мне было приятно, и было сознание того, что я делаю дело».³

В Ясную Поляну Толстой приехал, вероятно, 30 сентября, и дома продолжалась его напряженная работа над романом. В течение октября Толстой правил корректуры второго и начала третьего томов, и готовил к сдаче в набор окончание третьего тома и весь четвертый том. Первый и второй томы были напечатаны, и Толстой считал, «как ни несоразмерны» они, «надо их оставить так, как они есть».

1 ноября отослана в Москву корректура третьего тома, кроме окончания, рукопись которого отправлена в набор лишь на следующий день. Толстой писал по этому поводу: «Рукопись третьего тома готова, наконец. Я говорю наконец, потому что конец третьего тома было самое трудное место и узел всего романа».⁴ Как и при создании первой редакции, текст последней части третьего тома⁵ потребовал напряженного труда, и при дальнейшей работе над этой частью Толстой не прекращал исправлений, дополнений и перестройки сюжета. Значительной переделке подверглась первая глава. Существенные изменения внесены в третью: сначала, сохранив, как было в первой редакции, сцену разговора старого князя Болконского с доктором Метивье в кабинете, Толстой исправил текст его, затем почти все зачеркнул и вписал на полях и между строк новый вариант, почти совпадающий с окончательным. Много исправлений внесено в политический разговор за обедом у старого князя Болконского,¹ Оубл. т. 13, стр. 39 и 40, № 24. Там же факсимильно воспроизведена нижняя половина этого листа.

² Письмо к С. А. Толстой от 27 сентября 1867 г. — т. 83, стр. 153.

³ Там же, стр. 152 и 153.

⁴ Письмо к П. И. Бартеневу от 1 ноября 1867 г. — т. 61, стр. 180.

⁵ По наст. изд. т. II, ч. 5.

в описание отношений Бориса с Жюли, пребывания Ильи Андреевича с Наташей и Соней в Москве у М. Д. Ахросимовой, и сцену визита Наташи к Болконским. Наибольшей правке подверглись последние главы, которые Толстой считал «узлом» романа: сцена в театре, характеристики Долохова и Анатоля и история отношений Наташи с Анатодем. Толстой пристально работал над отрывком об участии Элен в истории Анатоля с Наташей и настойчивых ухаживаниях Анатоля за Наташей на вечере у Элен, несколько раз переделывая его и уточняя анализ душевного состояния Наташи, над которой с «угрожающей силой» висел «неразрешенный вопрос» о том, кого она любит, Анатоля или князя Андрея.¹ Сцена с письмом Анатоля, обнаруженным Соней в руках спящей Наташи, волнение Сони, разговор ее с Наташей переделаны в сторону значительного приближения к окончательной редакции. Вписаны были две новые главы, — о плане увоза Наташи и неудавшейся попытке его осуществления. Эти главы были предметом углубленного внимания автора, неоднократно перестраивавшего композицию и создававшего иные ситуации.² Только при исправлении наборной рукописи текст этих глав был почти завершен; в той же наборной рукописи на полях вписана глава, содержащая объяснение Марьи Дмитриевны Ахросимовой с Наташей.

Глава, в которой рассказывается о вмешательстве Пьера в историю Наташи с Анатодем, дважды переделывалась, а в наборной рукописи она заново написана довольно близко к законченной редакции, хотя содержала еще немало отличий; главные из них: в первый же приезд Пьера по вызову Марьи Дмитриевны Наташа просит его сказать князю Андрею, чтобы он простил ее (потом это будет перенесено в последнюю главу), и, говоря это, она «по-детски зарыдала». В этот момент душу Пьера переполнило не только «чувство жалости» (как в окончательном тексте), но «чувство жалости, нежности и любви к ней», и «он слышал, что слезы текли у него под очками, и надеялся, что их не заметят». Так в черновых редакциях, начиная с первого тома и особенно в данном, третьем, томе, более отчетливо показано зарождение любви Пьера к Наташе.

Три раза переправлялось Толстым резкое объяснение Пьера с Анатодем (разговор происходил на французском языке) и дважды — беседа Пьера с князем Андреем. В результате переработки эти главы стали очень близки к окончательному тексту. Прощанием князя Андрея с Пьером заканчивалась наборная рукопись третьего тома первого издания.

Вслед за отправкой последних корректур третьего тома Толстой писал Бартеневу: «В одном месте рассуждений Пьера о лжи он говорит: «Императоры <заманивали> спорят о том, кто предложит Наполеону свою дочь в незаконные <дочери> жены». Ежели это опасно, то замените: «Имп[ератор] Австр[ийский] считает себя счастливым, что успел прежде других предложить свою дочь в незаконную жену». В окончательном тексте это место читается в результате автоцензуры и самостоятельной правки¹ Оубл. т. 13, стр. 872—875, вар. №№ 154—156.

² Оубл. т. 13, стр. 875—880, вар. №№ 157—159.

Бартенева так: «Император Франц добивается предложить ему свою дочь в незаконные супруги».¹

Из писем к Бартеневу от 25, 26 и 27 ноября известно, что Толстой напряженно работал над корректурами последней части третьего тома, рукопись которой была отправлена 2 ноября. Корректуры, правкой которых Толстой был занят четыре дня, «не разгибаясь», чувствуя уже «в голове страшный дурман», относились, главным образом, к тем же последним главам последней части, посвященным истории Анатоля с Наташей. Толстой вновь писал Бартеневу: «Эти все гранки самое важное место романа — узел. Ради бога, просмотрите повнимательнее и при малейшем сомнении пришлите мне другой раз».² К корректуре была приложена рукопись последней главы третьего тома, в которой описывалась установившаяся дружба Наташи с Пьером и говорилось о комете 1812 г., которую Пьер увидел, возвращаясь от Ростовых.

ХIII

Одновременно с правкой корректур третьего тома Толстой заканчивал работу над четвертым. Еще 1 ноября 1867 г., отсылая корректуры начала и рукопись окончания третьего тома, Толстой сообщил П. И. Бартеневу, что в ноябре же будет доставлен в типографию четвертый том. Работа над четвертым томом находилась уже в таком состоянии, что Толстой был уверен, что этот том «не может задержать», и предлагал начать продажу выходящих трех томов «с подпиской на печатающийся четвертый».³

17 декабря в «Московских ведомостях» № 276 появилось объявление о выходе в свет «Войны и мира»: «Война и мир». Сочинение графа Льва Николаевича Толстого. Четыре тома (до 80 листов). Цена 7 руб.; пересылка за 5 фунтов. Первые три тома выдаются с билетом на четвертый у П. И. Бартенева».

Том четвертый первого издания состоит из двух частей.⁴ Первая часть, легко сложившаяся в первой редакции, не потребовала много времени и больших трудов. Правя копию первой редакции, Толстой вписал на первом листе заголовок: «Т. IV, часть первая, 1». Основные исправления первой части четвертого тома свелись к следующему. Два раза Толстой перерабатывал начало гл. I, развивая свои мысли о причинах движения европейских народов в 1812 г. с запада на восток; дважды переделывал текст о решении Наполеона перейти Неман. Заключительная фраза гл. II «Quos vult perdere — dementat» вписана только в наборной рукописи. Портрет Наполеона (в главе с описанием приема Балашова) перерабатывался и во второй и в третьей редакциях. Почти полностью переработана, вернее заново написана глава о болезни Наташи (гл. XVI и XVII). Сюда перенесен из последней части предыдущего тома текст о говении Наташи, причем созданный в первой ¹Т. II, ч.5, гл. I (т.10, стр. 296). В примечании к письму Толстого к П. И. Бартеневу (т. 61, стр. 182) ошибочно указано, что из окончательного текста это место исключено.

² Т. 61, стр. 184.

³ Письмо к П. И. Бартеневу от 1 ноября 1867 г. — т. 61, стр. 180.

⁴ По наст. изд. т. III, ч. 1 и 2.

редакции краткий отрывок настолько переделан, что занял отдельную главу XVIII; первая половина гл. XIX почти вся заново написана при правке второй редакции первой части, и, в отличие от окончательного текста, в ней точно перечислено, в чем видел Пьер признаки наступающей катастрофы, которая должна была изменить его жизнь. Он видел эти признаки «и в приближающемся к Москве нашествии, и в более и более тревожном чувстве, которое овладевало им в присутствии Наташи, и в том странном предсказании Апокалипсиса, открытом ему одним масоном».

Окончания гл. XIX о встрече Пьера с Растопчиным, о воззвании царя и о «растопчинских афишках», а также о том, что приехавший из армии курьер привез письмо Николая Ростова к родителям и приказ о его награждении, нет в рукописях. Это вставлено в корректуре.

В гл. XX внесены значительные исправления, приблизившие ее к окончательной редакции, но, в отличие от нее, нет описанной в начале главы встречи Пьера с Наташей и откровенного разговора между ними, а перерабатывавшаяся три раза беседа с Пьером (в конце главы) более пространна, чем в окончательном тексте. Из других разночтений наиболее интересно восклицание Наташи, вызванное замечанием Пьера о возможности прихода Наполеона в Москву. «Наполеон в Москве, — вскрикнула почти Наташа. — У меня вся кровь поворачивается при мысли, чтобы француз Наполеон мог командовать папилькой или вами или братом».¹ Последние три главы, уже в первой редакции близкие к окончательной версии, после немногочисленных исправлений почти совпали с ней.

В письме от 14 ноября Толстой обещал Бартеневу прислать на следующей неделе первые листы четвертого тома. И действительно, после 18 ноября было послано «листов на пять рукописи 4-го тома». При отправке ее Толстой писал: «Кое-что не переведено в 4-м томе, письмо Александра, между прочим, — переведите, пожалуйста».² Толстой обещал далее, что задержки с продолжением рукописи не произойдет, так как он будет каждый день высылать.³ 26 ноября он сообщал, что «четвертый том пойдет легко» и что завтра будет послано продолжение, а в письмах от 27 ноября, 4 и 8 декабря известил об отправке продолжения рукописи четвертого тома. Работа шла так, что Толстой, по его словам, до конца декабря не мог потерять ни одного дня.⁴ 27 ноября он писал по поводу отправленного начала четвертого тома: «В IV томе, после описания поездки Балашова к Наполеону и до приезда князя Андрея в армию, есть сцена князя Андрея в деревне и описание его состояния. Это место не велеть набирать и возвратить мне, потому что по нем будет много помарок».⁵ Речь идет о гл. VIII первой части четвертого тома.⁶ В процессе создания первой редакции романа Толстой много трудился над этим местом,⁷ а в наборной рукописи почти весь текст был заново переработан. Видимо, Бартенев вернул затребованные листы рукописи Толстому, и только ¹ Оубл. т. 14. вар. №№ 222 и 223.

² Об этом же сделана помета на полях листа 17 наборной рукописи против текста французского письма Александра I к Наполеону.

³ Письмо к П. И. Бартеневу от 18...22 ноября 1867 г. — т. 61, стр. 182 и 183.

⁴ Письмо к С. Н. Толстому от 5...7 декабря 1867 г. — т. 61, стр. 188.

⁵ Письмо к П. И. Бартеневу от 27 ноября 1867 г. — т. 61, стр. 184.

⁶ По наст. изд. т. III, ч. 1, гл. VIII.

⁷ См. т. 14, вар. № 164.

после исправления набиралась эта глава; в корректуре (сохранилась не полностью) эта сцена вновь подверглась большой правке.

4 декабря Толстой вернул «две пачки гранок» четвертого тома, «остальные четыре» обещал послать «завтра» вместе с продолжением рукописи.¹ 6 декабря Толстой отправил все присланные ему гранки четвертого тома. Судя по замечаниям в сопроводительном письме, корректуры содержали почти всю первую часть.

В письмах к П. И. Бартеневу Толстой указывал отдельные места, на которые просил обратить внимание при печатании, а также просил переводить встречающиеся иностранные тексты,² а главное, обращал внимание Бартенева на места, опасные в цензурном отношении. «В IV т. говорится много о государе и великом князе. Есть там место о том: Наполеон говорит Балашову: «Бенигсен должен бы возбуждать в имп[ераторе] Ал[ександре] ужасные воспоминания». Это и тому подобные места вымарывайте, ежели вы найдете их опасными в цензурном отношении. Даю вам *carte blanche* вымарывать всё, что покажется опасным. Вы лучше меня знаете, что можно и нельзя».³ Через день было послано в набор продолжение рукописи четвертого тома, вторая часть его, но еще не до конца. «Она писана разными руками, и в ней много есть французского (которое надо перевести), и потому, пожалуйста, скажите в типографии, чтобы получше корректировали»,⁴ — писал Толстой П. И. Бартеневу 8 декабря, прося сообщить, когда будет набрано и сколько составит листов. Толстому это нужно было «для соображения» — очевидно, для соображения того, как распределить по частям дальнейший материал. Ту же просьбу он повторил в письме от 23 декабря.⁵

В середине января 1868 г. было послано в набор окончание четвертого тома. Вторая часть четвертого тома, над подготовкой к печати которого Толстой работал с конца 1867 г., включает Бородинское сражение — кульминацию романа, и переработка ее была сложной и значительной по содержанию. Материалом для работы в это время, так же как и для предыдущего тома и первой части этого тома, служила соответствующая часть копии первой редакции (то есть копия рукописи № 89), в которой многое уже было решено, но не было самого главного — живой картины Бородинского сражения. Теперь, побывав на Бородинском поле, Толстой внутренне был готов к созданию величественной картины сражения. Но предстояло еще многое исправить в тексте, предшествующем самому сражению. Работа над подготовкой второй части к печати в основном свелась к следующему. В гл. I несколько переработано авторское рассуждение о роли личности в истории, причем с большей четкостью, чем в ранней редакции, высказан фаталистический взгляд Толстого на исторический процесс. Заново написанная II и исправленная III главы почти совпадают с окончательным текстом, отличаясь лишь многочисленными отдельными штрихами, характеризующими болезненное состояние старого князя Болконского. В гл. IV существенно переделано описание приезда¹ Письмо к П. И. Бартеневу от 4 декабря 1867 г. — т. 61, стр. 186 и 187.

² См. письмо к П. И. Бартеневу от 6 декабря 1867 г. — т. 61, стр. 188.

³ Там же, стр. 188 и 189.

⁴ Письмо к П. И. Бартеневу от 8 декабря 1867 г. — т. 61, стр. 189.

⁵ См. письмо к П. И. Бартеневу от 23 декабря 1867 г. — т. 61, стр. 190.

Алпатыча в Смоленск.¹ Дойдя до чтения Алпатычем полученной от смоленского губернатора Аша копии письма Баркляя де Толли к Ашу, Толстой сделал помету: «(из Бог[дановича], стр. 530—13», то есть дал указание списать текст письма из упоминавшейся выше книги М. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года», т. 1, где на стр. 530 в примечании 13 приведен отрывок из письма Баркляя де Толли; он полностью был скопирован.² Совершенно переработано описание бомбардировки Смоленска, приезд князя Андрея в опустевшие Лысье Горы.³ Большой правке подверглись описание удара у старого князя Болконского (гл. VIII), разговор княжны Марьи с m-ле Бурьен и возмущение княжны предложением Бурьен остаться с французами (последний эпизод исправлялся пять раз), сходка крестьян в Богучарове (гл. IX—XI исправлялась пять раз).⁴ Дальнейший текст — случайный приезд в Богучарово Николая Ростова (гл. XIII и XIV), князь Андрей в Царево-Займище, приезд Кутузова к войскам, план партизанской войны, предложенный Денисовым (первая редакция которого близка к окончательной) — был немного исправлен, и значительная часть листов переработанной первой копии перешла в наборную рукопись.

Предметом напряженнейшей работы была вторая половина второй части, содержащая рассуждения автора об атаке Шевардинского редута и о Бородинском сражении, анализ душевного состояния Кутузова и Наполеона, а также «полувымышленных» героев — князя Андрея и Пьера перед сражением и, главное, описание народа на войне, самой битвы и поведения всех ее участников.

Не сразу создалась композиция этой части. При работе над второй редакцией ее (рукопись № 92) сохранялось построение ранней редакции. После глав о Царево-Займище действие переходило к Наполеону (гл. XXVI—XXIX). Переделана сцена утреннего туалета Наполеона, заново написана сцена поездки Наполеона на Бородинское поле.⁵ Эта новая сцена исправлялась еще дважды; в наборной рукописи сделаны пометы, свидетельствующие о том, что приказ Наполеона и диспозиция боя взяты Толстым из той же книги Богдановича. Передавая разговор Наполеона с префектом Боссе, Толстой использовал «Воспоминания на острове св. Елены» Ласказа.⁶

Следуемые за этими сценами авторские отступления с рассуждениями о Бородинском и предшествовавшем ему Шевардинском сражениях развиты, дополнены, и содержание их подготавливает читателя к тому, что самый бой будет описан совсем не так, как он изображается в книгах, в которых «герои» составляют весь интерес истории. Позднее текст их еще исправлялся.⁷ Свои рассуждения Толстой заключил им самим начерченными планами предполагаемого и действительного расположения русских и французских войск во время сражения, а также анализом этих планов.¹ Оpubл. т. 14, вар. № 224 по наборной рукописи, то есть по третьей редакции, а не по второй.

² См. также наст. изд., т. 11, стр. 113 и 114.

³ Оpubл. т. 14, вар. № 225.

⁴ Оpubл. по наборной рукописи, т. 14, вар. № 226.

⁵ Оpubл. т. 14., вар. № 199.

⁶ См. ниже список книг, которыми пользовался Л. Н. Толстой во время писания «Войны и мира».

⁷ Оpubл. т. 14, вар. №№ 185, 194, 244.

Как и в первой редакции, далее следует описание Москвы перед Бородином и отъезда Пьера в Татариново, ближайшее к Бородину селение (гл. XVII и XVIII). Непосредственно после текста о решении Пьера ехать в Бородино был вписан эпизод поездки Пьера к Растопчину «с тем, чтобы сдать свою должность по комитету»; адъютант Растопчина дал Пьеру афишку, «имеющую выйти завтра». Эпизод поездки Пьера к Растопчину перешел впоследствии в следующий том,¹ а в данной рукописи Толстой перестроил текст так, как он известен по окончательной редакции.²

Поездка Пьера в Татариново, пребывание среди войска, объезд позиции накануне боя, свидание с князем Андреем и разговор с ним о войне, имевшиеся в первой редакции, неоднократно правились, к ним были сделаны большие вставки,³ и вторая редакция этих глав⁴ с небольшими изменениями дошла до наборной рукописи. Переработав главы о Пьере, о князе Андрее, о войске и ополченцах перед боем, Толстой перенес сюда материал о Наполеоне (гл. XXVI—XXIX), после чего создал дальнейший рассказ до конца второй части. Для этого рассказа лишь в небольшой мере была использована копия первой редакции; почти все описание боя, наблюдений Пьера, колебаний Наполеона, уверенности в победе Кутузова и рассуждения автора о значении Бородинского сражения, которое «осталось навеки... лучшим военным беспримерным в истории подвигом», — все это почти целиком написано заново.⁵ План описания Бородинского сражения намечен был на полях одного из листов этой же рукописи. Пафос Бородинского боя и роль Кутузова выражены четко в этом плане: «Всё ждет, что скажут: устали и что на волоске. И вот все стоят». И под конец: «Устали. Только Кутузов не устал. Он осаживает н[емца] В[ольцогена]. Но все позади устали».⁶

Во второй редакции описания Бородинского сражения уже нет принципиальных отличий от окончательной, но нет еще пока и той величественной панорамы, которая захватила Пьера, когда он взшел на курган в момент начала боя. Эта картина появилась при создании третьей редакции. Тогда же были переработаны отдельные места последних девяти глав этой части⁷ и тогда же было установлено окончательное расположение глав.

Наборная рукопись отправлялась в типографию частями в декабре 1867г.⁸ При отправке в набор рукописи второй части четвертого тома Толстой опять предупредил Бартенева, что там тоже есть «опасные места в цензурном отношении». Он просил: «Пожалуйста, руководствуйтесь тем, что я писал вам в последнем письме, т. е. вымарывайте всё, что сочтете опасным. Теперь, когда дело приближается к концу, на меня находит страх, как бы цензура или типография не сделала какой-нибудь гадости. В обоих случаях одна надежда на вас».⁹ Имеется еще одно свидетельство о работе в¹ По наст. изд. т. III, ч. 3, гл. X.

² По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. XVII—XIX.

³ Оpubл. т. 14, вар. №№ 195—198, 227.

⁴ По наст. изд. т. III, ч. 2, гл. XX—XXV.

⁵ Оpubл. т. 14, вар. №№ 181—190.

⁶ Оpubл. т. 14, стр. 213, прим. 2.

⁷ См. т. 14, вар. №№ 197—204.

⁸ Отрывки из наборной рукописи опубл. т. 14, вар. №№ 225—229.

⁹ Письмо к П. И. Бартеневу от 8 декабря 1867 г. — т. 61, стр. 189.

декабре — письмо от 23 декабря, из которого узнаем, что в ночь на 23-е Толстой закончил правку гранок двух последних глав первой части четвертого тома. «Я очень торопился их отправить и боюсь, чтобы не переврали, пожалуйста, *повнимательнее* просмотрите их и, ежели вам покажется неясно или очень нескладен слог, пришлите мне их другой раз. Они так перемараны, что я не могу судить. А я очень дорожу — *собратьем в Слободском дворце*».¹

Закончился 1867 г., пятый год работы Толстого над романом. Три тома вышли в свет, четвертый том печатался, и автор напряженно работал над корректурами, писал предисловие, которое «немножко задержало» Толстого в работе над четвертым томом; в это же время он готовил к печати пятый том. 16—19 января 1868 г. Толстой провел в Москве и, очевидно, там правил корректуры второй части четвертого тома. Тогда же он через П. И. Бартенева просил художника М. С. Башилова перерисовать с рукописи план Бородинского сражения и заказать Рихау гравировку его.²

Вернувшись в Ясную Поляну, Толстой немедленно послал дополнительные замечания относительно только что исправленных им корректур и просил перевести французский текст в беседе Наполеона с Лаврушкой, заимствованный из книги Тьера «История консульства и империи» (т. X).³ В это же время Толстой продолжал работать над предисловием, которое еще 6 декабря обещал прислать «в ближайшие дни», а в середине января оно лишь было «почти готово».⁴

Правка корректур четвертого тома продолжалась в январе — феврале 1868 г., и всякий раз вслед за отправленными переработанными гранками и версткой посылались письма с дополнительной правкой.⁵

В последний раз Толстой правил корректуры четвертого тома, на этот раз уже сверстанные листы, в начале марта, когда был в Москве. 15 марта в «Московских ведомостях», № 57, было напечатано объявление: «Война и мир». Сочинение графа Л. Н. Толстого. Цена за 5 томов 8 руб. Первые 4 тома выдаются с билетом на 5-й. По выходе всего сочинения цена увеличится. Лица, купившие сочинение до выхода в свет 4-го тома, получают том 5-й бесплатно».

В это же время вышла из печати мартовская книжка «Русского архива» за 1868 г., в которой напечатана статья Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Очевидно, как было обещано в цитированном выше письме к П. И. Бартеневу от середины января, Толстой привез с собой в феврале 1868 г. «предисловие». Ни законченная рукопись, ни корректура этой статьи не сохранились. Имеются лишь черновой набросок предисловия,⁶ который, по-видимому, и превратился в статью, называемую автором «объяснением на книгу «Война и мир»».⁷

¹ По наст. изд. т. III, ч. 1, гл. XXII и XXIII. Цитируемое письмо к П. И. Бартеневу от 23 декабря 1867 г. см. т. 61, стр. 190.

² См. записку П. И. Бартенева к М. С. Башилову от 20 января 1868 г. — т. 61, стр. 192.

³ См. ниже список книг, которыми пользовался Л. Н. Толстой во время писания «Войны и мира».

⁴ См. письма к П. И. Бартеневу от 6 декабря 1867 г. и 20—21 января 1868 г. — т. 61, стр. 188 и 192.

⁵ См. письма к П. И. Бартеневу от 20—21? января, 22 января, начала февраля 1868 г. — т. 61, стр. 192—194. Три отрывка из корректур опубл. т. 14, вар. №№ 244—246.

⁶ Опубл. т. 13, стр. 56 и 57, вар. № 4.

⁷ См. письмо Толстого к П. И. Бартеневу от 6 февраля 1869 г. — т. 61, стр. 212.

XIV

Одновременно с правкой корректур четвертого тома продолжалась работа над подготовкой к печати пятого, содержание которого охватывает события, происшедшие в период после Бородинского сражения до отступления Наполеона из Москвы на Смоленскую дорогу.¹ Впервые пятый том упоминается в письме к П. И. Бартеневу в середине января 1868 г., где сказано, что рукопись этого тома «будет в порядке... очень скоро».² Следовательно, работа над ним началась много раньше этого письма.

В первой законченной редакции события, происшедшие после Бородинского сражения, изложены значительно короче и по-иному, нежели в окончательной редакции, а многого в первой редакции и вовсе нет. Соответствующая часть копии первой редакции уже не могла служить основой для дальнейшей работы, как это было при подготовке к печати предыдущих томов, и, закончив четвертый том, Толстой фактически начал почти заново писать продолжение романа.

С 14 февраля по 10 мая Толстой жил с семьей в Москве; ввиду этого прекратились важные для изучения процесса создания «Войны и мира» письма Толстого к П. И. Бартеневу, по которым с полной ясностью и достоверностью восстанавливалась до сего времени не только хронологическая канва работы над романом, но и многие моменты, раскрывающие творческий процесс создания последних его частей. Теперь единственным источником остаются только рукописи и немногочисленные упоминания в письмах к разным лицам.

Новая рукопись, озаглавленная: «Том V. Часть 1», началась с развития той же мысли, какой закончился четвертый том, — с доказательства, что Бородинское сражение есть победа, что «в Бородине русское войско, как стрелок, выждавший минуту, нанесло смертельный удар врагу... Нравственное сознание превосходства — главная артерия успеха войны — была перебита. Под влиянием силы импета разъяренный бык, не чувствуя еще смертельности удара, докатился до Москвы и там, <истекая кровью,> почувствовал свою погибель. В день Бородинского сражения мы знали, что мы победили, — утверждает Толстой. — Это знали все русские: ни донесение Кутузова, писанное вечером, ни приказание на завтрашний бой — не были обманом или средством возбуждения духа. Победа нравственная была несомненна». Первый набросок был тут же зачеркнут и заменен новым. «Бородинское сражение выиграно», — так начался новый вариант, в котором развивалась в иной редакции, но все та же мысль. Содержание второго варианта начала пятого тома: рассуждение о создавшейся для победившего русского войска необходимости отступить после Бородинского сражения «на один переход», анализ действий Кутузова, решившего отступить без сражения, и в этом была, по убеждению автора, «великая заслуга Кутузова — и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу»; далее совсем кратко изложено описание совета в Филях. Так был написан вариант гл. II—IV.³

¹ По наст. изд. т. III, ч. 3; т. IV, ч. 1 и 2.

² Т. 61, стр. 192.

³ Оpubл. т. 14, вар. № 205.

Композиция дальнейшего текста первой части пятого тома сложилась не сразу. По сохранившимся рукописям, листы которых неоднократно переносились в разные места по мере перестройки содержания, трудно с абсолютной точностью определить последовательность композиционных перемещений, но некоторые соображения можно высказать.¹ Первоначально вслед за кратким сообщением о совете в Филях шел рассказ о Пьере, возвращавшемся после Бородинского сражения. В деревне под Можайском Пьер встретился с стариком и старухой, в доме которых он остановился. Эти старики являются как бы предшественниками Платона Каратаева. «Это был не старик, искусственный старик, каких мы видим в сословиях, не работавших физически, а это было олицетворение старости, спокойствия, отрешения от земной жизни, равнодушия. Взгляд его, звук и смысл его речей — всё говорило это, и Пьер в восторженном созерцании стоял перед ним». Во время дальнейшего пути от Можайска до Москвы Пьер узнал, что князь Андрей смертельно ранен и везут его позади, что «потери ужасны, что будет еще сражение перед Москвой, что в Филях собран огромный совет для решения участи Москвы». Но теперь «ничто из этого мира общих вопросов и в особенности войны не интересовало его». Пьер был спокоен, молчалив, напряженно думал. «Основанием его мысли были покойно умиравшие солдаты на батарее и старик, оставшийся в деревне».

Далее действие развивалось так: приезд Пьера в Москву, посещение им Растопчина, затем описание жизни Элен в Петербурге (в отличной от законченного текста редакции), Наполеон на Поклонной горе, сборы в доме Ростовых. Потом текст был переработан и перестроен. После краткого описания совета в Филях, закончившегося утверждением автора, что решение Кутузова отступить за Москву было именно то, «что должно было быть», Толстой перешел к следующим главам: оставление Москвы. Правильным действиям Кутузова он противопоставил неверное поведение Растопчина в эти дни и показал жителей, которые, невзирая на воззвания Растопчина, выезжали, потому что «под управлением французов нельзя было быть». С первого же варианта эта глава создавалась близко к завершённой редакции. «Всё, что совершилось, вытекало из сущности самого дела, сознание которого лежит в массах» — такой вывод сделал Толстой из своих размышлений об оставлении Москвы и перешел к продолжению действия романа. Следующие главы: привоз раненых в Москву, сборы в доме Ростовых, поездка Ильи Андреича к Растопчину с тем, чтобы узнать, «в каком положении находится дело Москвы», раненые в доме Ростовых, привоз к ним в последнюю ночь перед отъездом раненого князя Андрея, Ростовы в день отъезда, эпизод с Бергом, устройство раненых на подводы Ростовых, участие Наташи, выезд Ростовых (то есть гл. XII—XVII) — все довольно близко к завершённому тексту. Существенным отличием является лишь описание поездки графа Ростова к Растопчину, не дошедшее до печатного текста, и сцена у Сухаревой башни, проезжая мимо которой Наташа увидела Пьера в кучерском кафтане, идущего рядом с женщиной. Женщина эта, заметив высунувшееся лицо из кареты,¹ Наиболее отличающиеся от окончательного текста отрывки из черновых рукописей первой части пятого тома опубл. т. 14, вар. №№ 205—220.

сказала Пьеру, но он, погруженный в свои мысли, не сразу понял, что она ему говорила, а когда он посмотрел по ее указанию, «Ростовы были уже далеко, он не узнал их и не ответил на поклоны и крики Наташи из кареты». Непосредственно после отъезда Ростовых шли главы о Наполеоне на Поклонной горе, сравнение Москвы с опустевшим ульем (гл. XIX и XX), близкие к завершенной редакции.

И затем сюда была перенесена рукопись, содержащая рассказ о Пьере после Бородина и далее до посещения им Раstopчина (гл. VIII—XI), рассказ о жизни Элен в Петербурге (гл. VI и VII), о Пьере в Москве — все это еще сильно отличалось от законченной редакции. Особенно много раз перерабатывалась глава о Пьере, составившая впоследствии гл. VIII.¹ Затем были написаны сцены на улицах опустевшей Москвы, главы о Раstopчине, об убийстве Верещагина (гл. XXI—XXV), очень кратко рассказано о входе французских войск в Москву и затем о Пьере на улицах Москвы. Для продолжения имелся материал в первой законченной редакции. Главы о посещении Пьером княжны Чиргазовой, о встрече с Долоховым, возвращении Пьера домой к Аксинье Ларивоновне, где он «ушел за свою перегородку, лег на постель и заплакал слезами злобы и унижения», и, наконец, описание встречи Пьера с французским офицером Пончини и его откровенный разговор с ним о себе и о своей любви к Наташе — всё это исправленная копия первой редакции.

В таком виде первая часть дошла до наборной рукописи; и, лишь правя ее, Толстой дописал еще три главы, посвященные Ростовым в Мытищах и свиданию князя Андрея с Наташей (близко к законченной редакции). Заключением первой части к моменту сдачи ее в набор служило краткое сообщение о Ростовых, которые не думали в то время о личном, об установившихся отношениях князя Андрея с Наташей, потому что «нерешенный, висящий вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над всей Россией заслонял все другие предположения». Наборная рукопись первой части пятого тома была сдана в типографию в конце февраля или в начале марта 1868 г.²

Вторая часть начиналась с Пьера: Пьер бродил по улицам Москвы с намерением убить Наполеона; далее — сцены грабежа французскими войсками оставшихся жителей, вмешательство Пьера, спасение им ребенка, взятие Пьера в плен. Но тут же план изменен. Рукопись с рассказом о Пьере, закончившаяся взятием его в плен, была послана в набор дополнительно, как окончание первой части, которая теперь целиком содержала описание жизни Москвы с 26 августа по 3 сентября 1812 г.

Вторая часть пятого тома началась с жизни Петербурга в эти же дни, т. е. после Бородинского сражения. Нельзя установить точно, что именно из второй и третьей частей пятого тома было написано весной 1868 г. Ясно, однако, что продолжение этого тома уже было в рукописи, а первая часть печаталась. В письме от 21—23? марта, отвечая М. П. Погодину на его просьбу дать прочесть рукопись пятого тома, Толстой¹ Оpubл. т. 14, вар. №№ 207—211.

² Отрывки из наборной рукописи опубл. т. 14, вар. №№ 230—242.

писал: «Пятая часть в корректурах есть начало, и она к вашим услугам, а рукопись моя невозможна для чтения».¹

Толстой продолжал напряженно трудиться над окончанием романа. «Я по уши в работе»,² — писал он в то время. «Я спокоен и счастлив, как только можно, и внешними условиями жизни, и своим трудом, и, главное, семьей».³ К концу апреля 1868 г. начало первой части было сверстано, и до 9 мая Толстой правил корректуры дальнейших глав первой части.

Вернувшись 10 мая в Ясную Поляну, Толстой проболел четыре дня, был «не в силах приняться за работу» и поэтому не мог послать продолжения рукописи, однако сообщил П. И. Бартеневу: «Я очень скоро буду совсем готов».⁴ В том же письме Толстой послал дополнения к только что исправленным в Москве корректурам первой части пятого тома: к главам о возвращении Пьера из Можайска в Москву (гл. VIII), о жизни Элен в Петербурге (гл. VII), о Наполеоне на Поклонной горе (гл. XIX).⁵ Из этих поправок явствует, какая часть текста уже печаталась.

Следует отметить первую из посланных поправок, так как она проливает свет на то, в каком состоянии находилось продолжение тома. Толстой просил «выпустить всю историю Пьера в деревне с стариком и юродивым и отнятием лошади». Речь идет о дважды перерабатывавшейся в рукописи сцене встречи Пьера в деревне под Можайском со стариком; в третий раз *этот* текст исправлялся в корректуре.⁶ Можно предположить, что решение исключить этот эпизод было вызвано тем, что в процессе работы над следующей частью, куда входило описание жизни Пьера в плену, возник замысел о Платоне Каратаеве,⁷ на которого возлагалась роль, раньше предназначенная старику в деревне.

Кроме поручения внести поправки в корректуру, Толстой в том же письме к Бартеневу обращался еще с одной просьбой: «Я просил князя Одоевского и Соболевского дать мне выписку из Данта о несчастной любви. Соболевскому мне не хочется писать, и я боюсь, что он мне не ответит, а кн[язя] Одоевского я забыл, как зовут. Ежели вы увидите того или другого, передайте им мою просьбу и пришлите мне, если они дадут вам». Это поручение позволяет уточнить, какая часть корректур первой части еще оставалась в руках автора. В варианте будущей гл. XXIX французский офицер Пончини, рассказывая Пьеру о своей любви, произносит *стих* Данте.⁸ Текста стиха ни в рукописи, ни в корректуре нет, и о нем заботился Толстой, желая вставить цитату в текст признания Пончини. Следовательно, над последними главами первой части пятого тома Толстой еще работал. Первые листы первой части пятого тома были к началу июля отпечатаны, а корректуры второй половины этой части оставались еще не исправленными.

Летом 1868 г. работа прервалась. 6 июля Толстой известил П. И. Бартенева: «Я нынче же пишу Рису с тем, чтобы он меня оставил в покое»¹ Т. 61, стр. 195.

² Письмо к Т. А. Кузминской от второй половины апреля 1868 г. — т. 61, стр. 200.

³ Письмо к А. А. Толстой от 16 апреля 1868 г. — т. 61, стр. 199.

⁴ Письмо к П. И. Бартеневу от 14 мая 1868 г. — т. 61, стр. 201.

⁵ См. там же, стр. 201—202.

⁶ Оpubл. т. 14, вар. №№ 232, 233, 249.

⁷ См. ниже, стр. 122.

⁸ Вариант из наборной рукописи опубл. т. 14, вар. № 241.

на несколько времени. Я решительно *не могу* ничего делать, и мои попытки работать в это время довели меня только до тяжелого желчного состояния, в котором я и теперь нахожусь».¹ 31 июля С. А. Толстая записала в дневнике, что Толстой уехал с П. А. Берсом на охоту. «Летом ему не пишется», — отметила она.² В первой половине августа Толстой сообщил П. И. Бартеневу, что не поедет в Москву «без окончания корректур», «а всё не могу»,³ — добавил Толстой, то есть он не мог еще возобновить работу. Вскоре Толстой приехал в Москву, очевидно, привез оставшиеся у него последние корректуры первой части пятого тома, и просмотрел там отпечатанные шесть первых листов, содержащих текст первой части до сцены с полицмейстером на улице опустевшей Москвы.⁴ Под впечатлением просмотра Толстой, вернувшись из Москвы, писал: «А критическое чутье осеннее ужасается на то, что я пропустил и напечатал весной. Ужасно плохи эти первые 6 листов».⁵ Как ни недоволен остался Толстой, а исправлять нельзя было, так как листы были уже отпечатаны.

Толстой стал готовить к печати продолжение пятого тома. «Пятый том начал понемногу подвигаться»,⁶ — писал Толстой П. И. Бартеневу 20 августа 1868 г. И с этого дня до 7 ноября, за период в два с половиной месяца, не сохранилось никаких свидетельств о работе над пятым томом. Работа же шла. И, наконец, из письма к М. П. Погодину от 7 ноября 1868 г. узнаем, что Толстой «не свободен» и находится «всё еще в рабстве своего начатого и неоконченного (последнее время близко подвинувшегося к концу) труда» и что пятый том «быстро подвигается», но Толстой не смеет думать «об окончании его ранее месяца», а до того времени ни о чем другом не смеет думать.⁷ В это время дописывались вторая и третья части пятого тома, продолжалось печатание его и шла правка корректур.

Начало, содержащее показ сложной борьбы партий в высших кругах, а также описание вечера у Анны Павловны Шерер в день Бородинского сражения сразу и легко были созданы еще в первой редакции, — так что исправленная копия ее явилась наборной рукописью первых двух глав. Для третьей главы, посвященной приезду к Александру I Мишо, присланного Кутузовым с известием об оставлении Москвы, в первой редакции имелась лишь канва, но при работе над второй редакцией этого текста вся глава стала близкой к законченной версии. После этого Толстой вписал главы с рассказом о Николае Ростове и княжне Марье в Воронеже и о Ростовых в Троицкой лавре (гл. IV—VIII). Хотя в основном текст сложился без большого труда, близко к завершённой редакции, однако ряд эпизодов (разговор губернаторши с Николаем Ростовым на бале, приход Ростова к княжне Марье, письмо Сони к Николаю и особенно объяснение больного князя Андрея с Наташей) подвергались затем большим изменениям.⁸ Заканчивалась группа глав о Ростовых ¹ Т. 61, стр. 203.

² «Дневники С. А. Толстой». 1861—1891», стр. 100.

³ Т. 61, стр. 204.

⁴ По наст. изд. т. III ч. 3, гл. I—XXIII.

⁵ Письмо к П. И. Бартеневу от 20 августа 1868 г. — т. 61. стр. 205.

⁶ Т. 61, стр. 205.

⁷ Там же, стр. 207 и 208.

⁸ Оpubл. т. 15, вар. №№ 252—254.

и Болконских возвращением Николая Ростова из Воронежа к своему полку, находившемуся уже в тарутинском лагере.

После вставки новых пяти глав продолжалась отделка имевшихся в первой редакции глав о жизни Пьера в плену. Переработав текст до сцены расстрела «поджигателей» (гл. IX—XI), Толстой стал заново писать следующую главу, повествующую о внутренних переменах Пьера (то, что составило впоследствии содержание гл. XII следующей части), а затем о впечатлении, произведенном на Пьера расстрелом «поджигателей». «Пьер почувствовал в первый раз, что все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных привычек, которые до тех пор отчуждали его от товарищей, — были уничтожены. Пьер с этого дня сблизился с своими товарищами — солдатами, крепостными и колодниками. И в этом сближении нашел новые, еще не испытанные им интерес, спокойствие и наслаждение».¹ Платона Каратаева в этом варианте все еще нет. Описание глубоких перемен, происшедших в Пьере за время пребывания его в плену, было предметом напряженнейшей работы. Рукописи красноречиво свидетельствуют об этом: Толстой писал, исправлял, зачеркивал и вновь отбрасывал написанное. В третьей редакции появился Платон Каратаев. Образ его создался легко, и с момента возникновения этого образа он был неотделим от Пьера. Имя и фамилия определились сразу, а для его военного звания и условий, при которых он попал в плен, Толстой подбирал определения: то «раненый унтер-офицер», то «унтер-офицер Томского полка, взятый французами на пожаре Гостиного двора», то «унтер-офицер Томского полка, взятый французами в гошпитале». Внешний облик Каратаева и его первая беседа с Пьером почти совпадают с окончательным текстом. Поля листов рукописи с первым вариантом характеристики Платона Каратаева, а также следующей рукописи, с исправленной копией этих же глав, заполнены пословицами, выписанными из книги «Пословицы русского народа» В. И. Даля. К этому же времени следует отнести отдельный листок (рукопись № 29), вдоль и поперек исписанный пословицами из того же сборника. Это заготовки для речи Платона Каратаева.²

В отличие от окончательной редакции все главы о Пьере в плену вплоть до выхода пленных из Москвы шли последовательно, не перебиваясь другим текстом.³ Только в корректуре установилась композиция второй и третьей частей пятого тома. Работа над этими главами была очень сложной, требовала многократной переработки, и всего вероятнее, что она задерживала окончание всего тома в намеченный срок летом 1868 г. В процессе обработки Толстой стремился к более детальному показу окружавшей Пьера обстановки и много работал над описанием душевного состояния Пьера в новых условиях, в которых, как и во время Бородинского сражения, Пьер получил много до того ему неизвестных впечатлений, способствовавших его духовному перерождению.

В одном из дальнейших вариантов дана подробная характеристика ¹ Опубл. т. 15, вар. № 255.

² Опубл. т. 13, стр. 45—47 №№ 32 и 33. См. также сборник «Лев Николаевич Толстой», Изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 569—571.

³ То есть по наст. изд. т. IV, ч. 1, гл. IX—XIII, и ч. 2, гл. XI—XIII шли подряд.

всех пленных балагана, в котором был Пьер. Рассказано, как в замкнутой жизни этого небольшого «общества» «сложились так же резко и определенно все те формы жизни, в которых всегда и везде выражается человечество». Показана дифференциация: «сделалось само собой разделение труда... Образовались классы высших (майор, чиновник и Пьер), средних... и низших — солдат». Отделился разряд людей «художников, поэтов, мыслителей (сказочник, шутник-солдат, Пьер, Каратаев), разряд людей, доставлявших духовную пищу». Дан анализ того, как проявились свойства человеческой природы: тщеславие, чувство собственности, стремление занять высшее положение. «То, что совершается и во всяком другом обществе, в каждом государстве, — совершалось здесь, только гораздо очевиднее, — совершалось то непостижимое сближение людей вследствие близости друг к другу». В заключение сделан важный для характеристики Пьера вывод: «После недели пребывания Пьер почувствовал, что это все свои — совершенно свои».¹ В следующих рукописях не один еще раз перерабатывался рассказ о пребывании Пьера в плену. Окончание же второй части пятого тома не потребовало такого большого труда. Оно сразу точно наметилось. На одном из листов рукописи, содержащем описание встречи Николая Ростова с княжной Марьей в Воронеже, Толстой записал: «Приезд княжны Марьи. Смерть князя Андрея». Этой записью определилось новое окончание романа, в отличие от первой редакции, по которой князь Андрей выздоравливает. Вслед за рассказом о Пьере и происшедших в нем внутренних переменах за время плена теперь написаны, в развитие приведенной заметки на полях, последние главы второй части: приезд княжны Марьи с Ницолушкой в Ярославль, прием ее Ростовыми и далее до смерти князя Андрея.

Третья часть пятого тома содержит обзор действий русских и французских войск после выхода русской армии из Москвы до отступления Наполеона на Смоленскую дорогу. В первой редакции романа для этого раздела были только конспективно изложенные мысли о фланговом марше, о состоянии русской и французской армий после Тарутинского сражения и совсем кратко сказано о роли Кутузова. Вся третья часть писалась заново, и только в самой незначительной мере были использованы листы из копии первой редакции. Первоначально вся часть посвящена была только исторической теме. В первом варианте третья часть открывается описанием состояния русской и французской армий после взятия французами Москвы. Результатом происшедших военных перемен было то, что «соответственно увеличению и уменьшению, поднимался дух одной и падал дух другой армии, т. е. люди армии смутно сознавали то, что по неизвестным им, но существующим законам войны перевес должен быть отныне на стороне русских».

Доказывая, что все это произошло по естественным причинам, Толстой вступил в полемику с историками (Тьер, Fain), полагающими, что весь интерес события сосредоточивался в особе Наполеона. Толстой показал, что в описанной историками деятельности Наполеона не было ничего такого, «что бы клонилось к той цели спасения армии, которую предписывал»¹ Оpubл. т. 15, вар. № 259.

здравый смысл».¹ Исправив копию первого варианта начала, Толстой написал сразу первую половину всей части, содержащую анализ деятельности Кутузова, Тарутинское сражение и анализ деятельности Наполеона за этот же период.²

Прежде чем перейти к описанию Тарутинского сражения, Толстой указал, что благодаря «случайному обилию и скрещиванию материалов» он увидел Тарутинское сражение и приготовления к нему совсем в другом свете, нежели представляют его историки в своих исследованиях. При этом Толстой подчеркнул, что для того, чтобы правдиво излагать исторические события, следует руководствоваться мыслью, что «одна низкая истина нам дороже тьмы возвышающих обманов».³

Далее идет описание приготовлений к Тарутинскому сражению и самого сражения, а затем дана оценка этому сражению. Все эти главы достаточно близки к окончательному тексту.

Показав укрепившееся положение русских войск под руководством Кутузова, автор приступил к анализу действий Наполеона.⁴ В отличие от окончательного текста непосредственно после глав, посвященных действиям Наполеона в Москве, были не главы о пленных и выходе их из Москвы (все это на данном этапе входило в предыдущую часть), а описание «кутузовского» войска, которое «стояло спокойно на Тарутинском лагере», в то время, как «растерянное» французское войско двигалось, «само не зная куда и зачем».

Короче и в ином варианте изложены все те события, которые составили в окончательной редакции содержание глав XV—XIX: действия партизанского отряда Дорохова в Фоминском против дивизии Брусье, донесение Кутузову о выходе всей французской армии из Москвы, характеристики П. П. Коновницына и Дохтурова, деятельность которых являет «тихое, незаметное, мужественное исполнение своего дела». Сцена приезда Болховитинова в штаб с донесением очень близка к окончательной редакции (гл. XVI). Довольно близко к ней описание душевного состояния и тревог Кутузова перед получением донесения от Дохтурова, но в отличие от окончательного текста, по которому над Кутузовым висел «неразрешенный вопрос о том, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная в Бородине», в первом варианте этой главы показана уверенность Кутузова: он знал, что «Наполеон погиб, и чем больше шло время, тем с большим нетерпением ждал выражения этой гибели». Сцена получения Кутузовым известия о выходе французов из Москвы, волнения, охватившего его, почти дословно совпадает с окончательной редакцией (гл. XVII). Описание гибельного движения Наполеона и его армии по Смоленской дороге также близко к последней редакции, но содержит не дошедшее до печати сопоставление действительного состояния бежавшей французской армии и ее вождя, который «достал шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив умирать своих товарищей», с тем, как¹ Оpubл. т. 15, вар. № 262. В окончательном тексте эти рассуждения частично входят в гл. VIII и X.

² По наст. изд. т. IV, ч. 2, гл. I—X.

³ Эта страница была при копировании рукописи, очевидно ошибочно, пропущена переписчиком и при дальнейшей работе выпала из поля зрения автора. Вар. опубл. т. 15, № 263.

⁴ Оpubл. т. 15, вар. № 263.

представляется этот маневр историками. Историки описывают «величие духа маршалов и Наполеона во время отступления и, наконец, последний отъезд великого императора от своей геройской армии. Даже этот последний поступок бегства, на языке человеческого называемый последней степенью подлости... на языке истории получает оправдание». Позднее эти рассуждения, а также следующая глава о начале партизанской войны перешли в шестой том.

В двадцатых числах января 1869 г. хлопоты, вызванные болезнью дочери, затрудняли работу Толстого, и он писал П. И. Бартеневу: «Я посылаю в типографию 40 листов, которые готовы, и не велю их другой раз посылать ко мне, а верстать и печатать. Если успею и буду в состоянии работать, то пришлю остальное. Но во всяком случае прошу вас внимательно прочесть корректуры и, если только что-нибудь очень безобразное, воротить мне, а то печатать и кончать 5-й том — сколько там ни выйдет листов. Вы не можете себе представить, как мучительно это сознание неоконченной работы теперь и как хочется свободы».¹ Через несколько дней Толстой просил прислать ему еще раз корректуры второй части «в исправленном виде»² и опять сетовал, что из-за болезни детей он, «несмотря на все усилия», не может «ни на шаг подвинуть вперед работу — что досаднее всего — почти конченную». Он писал: «Досаднее всего то, что мне нужно два часа хорошего расположения для того, чтобы поправить одно место, и тогда более 22-х листов готовы на 5 том, но этих двух часов нет, а закончить 5-й том тем, что я вам послал, кажется, не годится».³ Ясно, что у Толстого находились гранки последней части пятого тома. Одним местом, для исправления которого необходимо было «два часа хорошего расположения», вернее всего, были главы о Пьере в плену. Толстой, как выше отмечено, много перерабатывал и не раз перестраивал это место в рукописи, и теперь в корректуре он вновь задержался на нем.

Видимо, исправляя гранки третьей части, Толстой решил композиционно перестроить печатающийся том: объединить в последней части рассказ о последних днях пребывания пленных в Москве, выход из Москвы пленных, среди которых был Пьер и Платон Каратаев (гл. XI—XIII), с главами о выходе французского войска из Москвы. С этой целью он просил вернуть ему корректуры второй части. Сохранившиеся гранки пятого тома рассказывают весь процесс этой перестройки: гранки разрезаны, переклеены, снабжены вводящими их в контекст связками. Таким образом, создалась окончательная композиция второй и третьей. частей пятого тома.

6 февраля были отправлены корректуры пятого тома. «Это последние и последний раз, — писал Толстой П. И. Бартеневу. — Ради бога не покидайте меня и просмотрите эти листы так же, как вы просмотрели»¹ Письмо к П. И. Бартеневу от 22...24 января 1869 г. — т. 61, стр. 209—210. Речь идет о сорока гранках, а не о печатных листах, так как весь том составляют только 20 печатных листов. По объему сорок гранок могли содержать вторую и начало третьей части пятого тома (по наст. изд. т. IV, ч. 1 и 2).

² По поводу этой просьбы И. И. Орлов, через которого было передано письмо Толстого, писал П. И. Бартеневу: «Рис недоумеваает, сколько листов последней корректуры требует Лев Николаевич. Вы это лучше знаете и дайте знать Рису об этом сегодня же» Льву Николаевичу это очень нужно и обещает возвратить через 2 дня» (т. 61, стр. 211).

³ Письмо П. И. Бартеневу от 29...31 января 1869 г. — т. 61, стр. 211.

предпоследние, и поторопите Рису набирать, печатать и выпускать книжку. Эти листы по содержанию лучше мною проверены, чем прежние, только корректуры и рукопись очень измараны, и местах в двух не сделаны переводы... В случае, если бы все-таки нашлось что-нибудь очень безобразное, пришлите мне всё через Рису с нарочным. Но я этого не желаю»,¹ то есть Толстой «не желал» более править текст.

Сохранилось еще одно черновое неотправленное письмо к П. И. Бартеневу, написанное вслед за отправкой последних корректур. Толстой посылал еще несколько поправок к главе о пленных в Москве.² 22 февраля И. П. Борисов сообщил А. А. Фету, что пятый том «Войны и мира» уже сшивают и что П. И. Бартенев обещал 26 февраля «вручить» его.

28 февраля 1869 г. в № 47 «Московских ведомостей» было напечатано объявление книжного магазина И. Г. Соловьева о поступлении в продажу пятого тома «Войны и мира», а 4 марта в «Московских ведомостях» (№ 48) появилось следующее объявление: «От гр. Л. Н. Толстого сим объявляется, что V том «Войны и мира» бесплатно раздается имеющим первые четыре, по предъявлении билетов. Иногородним высылают в места, откуда они выписывали, и пересылочные за три фунта, смотря по расстоянию».

XV

21 января 1869 г. И. П. Борисов, непосредственно после встречи с Толстым в Москве, писал А. А. Фету, что пятый том «Войны и мира» — не последний и что «Лев Николаевич надеется еще на пять, а можно — так и далее... Написалось много, много, но все это не V-му, а вперед». Следовательно, с конца 1868 г. создавался шестой и последний том. Он начинается авторскими рассуждениями о партизанской войне и заканчивается эпилогом.³

Во время пребывания в Москве с 17 по 19 января Толстой много времени уделял беседам с разными лицами о своих исторических воззрениях. 17-го «проговорил все утро» с С. С. Урусовым; вечер провел у С. С. Урусова, где присутствовали С. А. Юрьев и Ю. Ф. Самарин, и «вчетвером договорили до 3-го часа. Исторические мысли мои поразили очень Юрьева и Урусова и очень оценены ими», — писал Толстой жене на следующий день. С Самариным, «вовлекшись в другой философский спор», Толстой не успел поговорить об этом и, так как был уставшим, «не хотел кое-как высказать» то, что было ему нужно. Беседу с Самариным Толстой решил отложить. Тогда же он писал жене: «...ты не можешь себе представить, как мало времени, когда есть дела, как мои, такие, как переговоры с Самариным, с Юркевичем — дела, которые требуют сосредоточенного внимания».⁴ Неизвестно, состоялась ли беседа с Самариным, но с философом П. Д. Юркевичем Толстой не только беседовал, но и читал ему какую-то свою рукопись.⁵ На этом основании можно предположить,¹ Т. 61, стр. 212.

² Письмо к П. И. Бартеневу от 7...20 февраля 1869 г. — т. 61, стр. 213.

³ По наст. изд. т. IV, ч. 3 и 4 и эпилог.

⁴ Письмо к С. А. Толстой от 18 января 1869 г. — т. 83, стр. 160 и 161.

⁵ См. письмо к А. А. Фету от 10 мая 1869 г. — т. 61, стр. 216 и 217.

что к январю 1869 г. из шестого тома уже были написаны не только обе части, но в каком-то виде и эпилог. Исторические взгляды автора, изложенные в первых главах эпилога, и были, возможно, темой бесед с разными лицами в январе 1869 г. в Москве.

Работа над шестым томом, как и над предыдущими, началась с переработки по копии окончания первой редакции. Но если первая законченная редакция служила существенной основой при создании первых четырех томов и отчасти пятого, то для последнего тома она давала материал лишь к его первой части и конспективные наброски для окончания.

Хотя тема партизанской войны отражена в первой редакции, но развернутых рассуждений автора о народном характере такого рода войны еще не было. Закончив предыдущий том утверждением правильности действий Кутузова в отличие от ложных стремлений других «влиятельных» лиц армии, которые «срамили старого фельдмаршала за его бездеятельность», Толстой, сохраняя композицию первой редакции, от оценки деятельности Кутузова перешел к характеристике первых партизанских отрядов. Текст этой пока еще новой главы (а не части) Толстой несколько раз исправлял и переделывал, используя для описания деятельности партизан ранний конспект, то есть копию соответствующего места первой законченной редакции.¹ Только уже готовя к сдаче в набор рукопись предыдущего тома, Толстой изменил окончание его и довел текст до отступления Наполеона на Смоленскую дорогу. Тогда началом партизанской войны он решил открыть новый том и в виде вступления к нему изложил свои мысли об особенностях такой войны (гл. I—II). Основная мысль первоначально была выражена здесь так: «Партизанская война всегда приносила огромные результаты, потому что она начиналась тогда, когда дух войска находился на высшей степени напряжения. Для войны за границей, за прусского короля, как говорят французы, необходимы массы, сдерживающие своей притягательной силой войска, для войны у себя дома сила отпора лежит одинаково в каждом отдельном человеке». В первом же варианте появилось определение партизанской войны как дубины народной войны.²

Высказав в начале части свое убеждение в том, что партизанские войны, противоречащие всем существующим военным правилам и нормам, бывают всегда успешны потому, что они наступают именно тогда, когда подымается на огромную высоту дух войска, то есть то главное, от чего зависит «не только успех сражения или войны, но все распоряжения в военное время», Толстой перешел к описанию партизанской войны 1812 г. Сюда Толстой перенес исправленные листы первой редакции о партизанских отрядах, которые входили первоначально в пятый том. Так составил текст, соответствующий гл. III—IX, но в иной редакции. Глав с рассказом о нападении отряда Денисова на транспорт и гибели Пети Ростова (то есть гл. X и XI) еще не было. Заканчивался текст сообщением о том, что партизанский отряд Долохова захватил депо Бланкара.³

¹ Оpubл. т. 15, вар. №№ 275—277.

² Оpubл. т. 15, вар. № 274.

³ Оpubл. т. 15, вар. № 277.

Продолжая правку копии окончания первой редакции, Толстой сделал большую вставку на трех листах, посвященную описанию партии пленных, в которой шел Пьер, беспорядку среди отступающих французских войск, состоянию ослабевшего Платона Каратаева, которого, согласно приказу убивать отстающих, пристрелили на походе. Вставка во многом близка к гл. XII—XIV; существенным отличием является отсутствие сцены на ночном привале и рассказа Платона Каратаева о купце, невинно попавшем на каторгу. Еще два раза перерабатывались главы о партизанских отрядах, о поступлении Пети Ростова в отряд Денисова, вписан отсутствующий ранее рассказ о нападении отряда Денисова на транспорт французов и о смерти Пети Ростова.¹

Рукописи, отражающие дальнейшую работу над последними главами первой части шестого тома, сохранились не полностью. Имеется только одна рукопись, содержащая исправленную копию глав с описанием партии пленных на походе, а также отрывки к другим главам. Из наборной же рукописи сохранились лишь гл. I—XII. По корректурным гранкам видно, что вся первая часть шестого тома набиралась одновременно и что в корректуре продолжалась чрезвычайно напряженная работа над ней. Первоначально в первую часть входили не только те девятнадцать глав, которые составляют ее в завершенной редакции, но еще восемь глав, посвященных Кутузову, оценке его исторической роли в войне 1812 г., его речи к войскам под Красным, описанию переправы через Березину, показу штабных и придворных интриг против Кутузова, и заканчивалась первая часть рассуждениями автора о причинах несоответствия народного полководца Кутузова новым задачам европейской войны, и, наконец, смертью Кутузова.² Таким образом, первая часть была почти целиком посвящена военно-исторической теме. Так она и была послана в набор не позднее начала апреля.³ Работая над гранками, Толстой изменил композицию первой части, вставив в тему «войны» несколько глав из «мира». После общего анализа действий русских и французов в последний период войны Толстой перешел теперь не к Кутузову, а к Ростовым.

На последних листах копии первой редакции, которая заканчивалась благополучно для Болконских и Ростовых, сохранился написанный Толстым конспект нового окончания.⁴ Начинается конспект с характеристики состояния Наташи и княжны Марьи после смерти князя Андрея. «Как. это утихло горе — неизвестно, но оно утихло. Наташа и княжна Марья, напротив, никогда не говорят про князя Андрея». С развития этой мысли началась глава о Ростовых, которая первоначально намечалась как двадцатая глава в первую часть шестого тома. Первые два наброска новой главы были тут же отброшены. Хотя по содержанию оба они соответствовали замыслу писателя, но Толстой добивался лучшей формы для изображения душевных переживаний Наташи и княжны Марьи, стремился правдивее показать тот период в их жизни, когда «они обе чувствовали одинаково, что над ними после того, что они пережили»,¹ Оубл. т. 15, вар. №№ 278 и 279.

² По наст. изд. т. IV, ч. 4, гл. IV—XI.

³ Основанием датировки служат типографские пометы на корректурах.

⁴ Оубл. т. 13, стр. 51, вар. № 43.

остановилось и нависло грозное облако смерти», когда они, «сжавшись и согнувшись от жизни, избегали ее, ходили в ней так, чтобы грозная нависшая туча не задевала их», и они жили только тогда, когда были вдвоем. «Это сближение между ними породило в них взаимное чувство, сильнейшее, чем дружба». В результате тесной дружбы Наташа, слушая рассказы княжны Марьи, «поняла непонятные ей прежде прелесть и высоту покорности и самоотвержения», а «для княжны Марьи, слушавшей рассказы детства Наташи, тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждение жизни».

Текст, доведенный до момента, когда в Ярославле было получено известие о гибели Пети Ростова, вновь зачеркнут¹ и начат в третий раз. Без особых усилий создан третий вариант глав — о сближении Наташи с княжной Марьей, известии о смерти Пети, горе старой графини и возрождении к жизни Наташи. Правя копию этой рукописи, Толстой решил с нее начать вторую часть; зачеркнув номер гл. XX, вписал: «Часть вторая» и присоединил к только что созданной рукописи гранки, содержащие восемь глав о Кутузове. Так определилось окончание первой части и создано начало второй части шестого тома.

Началась работа над продолжением второй части. Вслед за главами о Кутузове написана почти без поправок небольшая глава о восстановлении Москвы после бегства французов. Закончив на этом историческую тему, Толстой вернулся к Пьеру, Ростовым, Болконским, особенно много работая над характеристикой Пьера, жившего после освобождения из плена в Орле². Наиболее существенным отличием от окончательной редакции является имеющийся в первом варианте рассказ о том, как Пьер расспрашивал старшую княжну про свою мать. Хотя княжна и ненавидела ее, она «пожалела сына и рассказала в мягких чертах историю его матери, которую в первый раз понял Пьер». В следующей рукописи исправлено: «Он расспрашивал ее про ее молодость, про сестер, про отношения к старому графу, про свою мать». Так сохранилось в наборной рукописи и только в корректуре исключен разговор Пьера с княжной. Окончание второй части шестого тома, начиная с приезда Пьера в Москву и встречи у княжны Марьи с Наташей³ сложилось легко, только два места подверглись существенной правке: начало рассказа Наташи Пьеру о последних днях князя Андрея⁴ и описание душевного состояния Пьера после встречи с Наташей. По раннему варианту, на следующий день после встречи Пьер почувствовал, что «та свобода, которой он так дорожил, которую он так лелеял, которой он так радовался в себе, не существовала более. — Все, раскиданные прежде в разных сторонах центры жизни, все вдруг слились к одному центру, и центр этот была Наташа». Пьер «написал письмо в Кострому к графу, прося у него руки его дочери». Последняя глава, рассказывающая о перемене, происшедшей в Наташе после встречи с Пьером, появилась позднее, лишь в корректуре.

¹ Оpubл. т. 15, вар. № 283.

² Оpubл. т. 15, вар. № 288.

³ По наст. изд. гл. XVI—XIX.

⁴ Оpubл. т. 15, вар. № 289.

В апреле, мае и июне 1869 г. шло печатание первой и второй частей шестого тома. Судя по типографским пометам, корректуры первой части посылались в Ясную Поляну семь раз, и неизменно Толстой вносил все новые и новые исправления и дополнения. Корректуры второй части посылались автору восемь раз, причем наибольшей переделке подвергались гл. IV—XI, посвященные Кутузову. В последней корректуре была вписана двадцатая глава, заключившая вторую часть.

В июне Толстой, очевидно, закончил правку корректур второй части шестого тома. Оставался еще не вполне готовым эпилог, хотя работа над ним началась не позднее января этого года. В январе какую-то часть эпилога Толстой читал П. Д. Юркевичу, а в мае, в ответ на несохранившееся письмо, Толстой писал А. А. Фету: «Участие ваше к моему эпилогу меня тронуло. Юркевичу я читал, и он на мои речи ничего не сказал мне, кроме отрывка из своей лекции. Главное же, почему я не бо[юсь?], потому что то, что я написал, особенно в эпилоге, не выдуманно мной, а выворочено с болью из моей утробы».¹ Такое признание не оставляет сомнений, что к этому времени были изложены в каком-то виде мысли Толстого, составившие по окончательному тексту начало первой и всю вторую часть эпилога. Затянувшаяся еще на четыре месяца работа над эпилогом задерживала весь том. Единственными свидетельствами о ходе работы над эпилогом являются самые рукописи. Они весьма наглядно раскрывают процесс авторской работы (рук. №№ 99—104).

Первоначальный вариант эпилога содержал изложение мыслей об историческом процессе, полемику с историками и затем повествование о судьбе «полувымышленных» героев романа. Время, к которому относится эпилог, сразу определилось. «Прошло 7 лет» — так начался эпилог. «Зимой 1820 года Наташа, жена Пьера Безухого, гостила со всем семейством в имении своего брата» — так начались главы о личной судьбе героев (рукопись № 100). Рассказ о судьбе основных персонажей романа написан без большого напряжения; в процессе дальнейшей работы над ним значительным изменениям подверглись лишь две первые главы.² В остальном этот раздел эпилога после небольшой правки уже явился окончательной редакцией. Но часть рукописи, содержащая описание личной судьбы героев, пока отложена.

Перерабатывая копию первой редакции эпилога, Толстой сосредоточил свое внимание исключительно на начале, содержащем исторические рассуждения. Рукопись даже внешним своим видом говорит о предельно напряженной работе автора, искавшего наиболее точной формы для изложения своих мыслей, утверждения своих взглядов на историю, на действующие в истории силы, на роль исторических лиц и на роль народов.

В указанном выше конспекте, написанном на последнем листе копий первой редакции, имеется запись: «К эпилогу. Франция еще раз, старая, должна была содрогнуться, и явился Наполеон самым необычайным образом». Один из ранних вариантов эпилога начинался с этой мысли (рукопись № 102).³ Много раз Толстой писал, переделывал, вновь ¹ Письмо к А. А. Фету от 10 мая 1869 г. — т. 61, стр. 216—217. Эта мысль развита Толстым в черновых набросках окончания эпилога (см. т. 15, стр. 238 и 242).

² Оpubл. т. 15, вар. № 348. По наст. изд. эпилог, ч. 1, гл. V и VI.

³ Оpubл. т. 15, вар. № 329.

искал начало эпилога. После большой работы был создан текст, довольно близкий к завершённой редакции первых четырёх глав. Начало это пошло в набор. Быть может, именно это начало обсуждал Толстой с историками в январе 1869 г. в Москве. Правя корректуры начала, Толстой перед заголовком «Эпилог» вписал: «Часть III» (то есть третья часть шестого тома), и продолжил изложение своих взглядов на вопросы истории, своих убеждений о силах, движущих народы, — стал создавать текст, явившийся впоследствии второй частью эпилога.¹ Созданная в результате этой работы рукопись, соответствующая всей второй части эпилога, стала непосредственным продолжением уже набранных четырёх глав. В таком виде эпилог печатался. Исторические рассуждения² составили первую часть эпилога, а раздел о судьбе героев романа³ явился второй частью. Так сохранялось в корректурах. Очевидно, в последней, утраченной, корректуре Толстой, следуя установившемуся во всем романе чередованию тем «войны» и «мира», перестроил в этом направлении и эпилог.

30 августа 1869 г. Толстой писал А. А. Фету: «6-й том, который я думал кончить четыре месяца тому назад, до сих пор, хотя весь давно набран, — не кончен».⁴ 1 сентября по дороге из Ясной Поляны в Пензенскую губернию, где он намеревался купить имение, Толстой остановился в Москве и рассчитывал получить там и взять с собой корректуры, но оказалось, что у Риса ничего еще не было готово и Толстой «не видал своих корректур».⁵ Он сообщал жене, что продажа пятого тома шла не так быстро, что у книгопродавца И. Г. Соловьева денег за продажу было «только рублей 500» и что «идет туго и потому, что лето, и потому, что ждут 6-й том».⁶ Однако спустя три дня он писал жене: «Одно хорошо, что мыслей о романе и философии совсем нет».⁷

Из поездки Толстой вернулся в Ясную Поляну 14 сентября, и работа над последними корректурами шестого тома проходила, очевидно, между 14 сентября и серединой октября. 19—20 октября Толстой приехал в Москву, там «окончательно отдал» шестой том и рассчитывал, что к 1 ноября он выйдет.⁸ Однако выход шестого тома несколько задержался. В «Московских ведомостях», № 270 от 12 декабря, появилось объявление: «В кн. маг. И. Г. Соловьева на Страстном б. в д. Алексеева поступил в продажу только что отпечатанный т. VI «Война и мир». Соч. гр. Л. Н. Толстого. М. 1869. Цена 2 р., с пер. 2 р. 30 к. Там же продается «Война и мир». Соч. гр. Л. Н. Толстого. 2-е изд. М. 1868—1869. Цена за все шесть томов 10 руб. сер. и с пересылкою».

Второе издание «Войны и мира», указанное в приведенном объявлении, начало печататься летом 1868 г. Первое упоминание о нем встречается в письме к Бартеневу от 20 августа 1868 г.:⁹ Толстой сообщал, «Почти все черновые варианты, относящиеся к эпилогу, кроме отрывков, совпадающих с окончательным текстом, опубликованы в т. 15, вар. №№ 305—362.

² По наст. изд. эпилог, ч. 1, гл. I—IV и вся ч. 2.

³ По наст. изд. эпилог, ч. 1, гл. V—XVI.

⁴ Т. 61, стр. 219.

⁵ См. письмо к С. А. Толстой от 1 сентября 1869 г. — т. 83, стр. 163.

⁶ Там же.

⁷ Письмо к С. А. Толстой от 4 сентября 1869 г. — т. 83, стр. 168.

⁸ См. письмо к А. А. Фету от 21 октября 1869 г. — т. 61, стр. 220.

⁹ Т. 61, стр. 205.

что четвертый том, вероятно с целью ускорить выход издания, он решил сдать в типографию Л. И. Мамонтова. Первые три тома печатались в типографии Ф. Ф. Риса. Все четыре тома вышли вторым изданием в начале октября 1868 г., о чем было объявлено 10 октября в «Московских ведомостях», № 218.

Разночтения между первым и вторым изданием первых четырех томов незначительны. Они оговорены в печатных вариантах к тт. 9—12 настоящего издания. Наиболее существенным отличием является иное деление первого тома на части. Во втором издании первый том разделен на три части, вместо двух в первом издании. Пятый и шестой томы печатались одновременно, с одного набора, и никаких отличий между первым и вторым изданиями в них нет.

XVI

Закончено произведение, над которым, по словам Толстого, он «работал в продолжение семи лет» с «мучительным и радостным упорством и волнением» и в котором он «старался писать историю народа». ¹ Критические отзывы, которые стали появляться сразу после того, как началось печатание романа в журнале «Русский вестник», с выходом каждого тома отдельного издания «Войны и мира» увеличивались. Толстой не был безразличен к ним. По его собственному признанию, издавая ¹ «Войну и мир», он знал, «что она исполнена недостатков, но знал, что она будет иметь тот самый успех, какой она имела». ² Однако такая уверенность автора длилась недолго. 13 сентября 1871 г. он признавался, что похвалы действуют на него вредно, что он «слишком склонен верить справедливости их» и что он «с великим трудом только недавно успел искоренить в себе ту дурь», которую произвел в нем успех книги. ³ А еще через полтора года в ответ на отзывы близких о «Войне и мире» Толстой писал: «...не думайте, чтоб я неискренно говорил, — мне Война и Мир теперь отвратительна вся! Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и не могу вам выразить чувство раскаянья, стыда, которое я испытал, переглядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. — Одно утешает меня, что я увлекался этой оргией от всей души, и думал, что кроме этого нет ничего». ⁴

В начале 1873 г. готовилось к печати третье издание «Сочинений Л. Н. Толстого» в восьми томах, в котором последние четыре тома отведены роману «Война и мир». Для нового издания возобновилась творческая работа Толстого. В связи с этим интересно вспомнить, как в старости Толстой говорил, что он не перечитывает своих напечатанных произведений, а если попадается случайно какая-нибудь страница, ему всегда кажется: «это всё надо переделать». ⁵ Так произошло с «Войной и миром». ¹ См. т. 15, стр. 241 и 242.

² Письмо к Н. Н. Страхову от 1 октября 1872 г. — т. 61, стр. 324.

³ Письмо к Н. Н. Страхову от 13 сентября 1871 г. — т. 61, стр. 261.

⁴ Письмо к А. А. Толстой, января конец — февраля начало 1873 г. — т. 62, стр. 8 и 9.

⁵ А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», I, стр. 20.

Занявшись подготовкой романа к новому изданию. Толстой решил заново критически перечитать его «и вымарывать лишнее, — что надо совсем вымарать, что надо вынести, напечатать отдельно». Тогда он писал Н. Н. Страхову: «Дайте мне совет, если вам будет время проглядеть три последние тома. Да если вы помните, что нехорошо, напомните. Я боюсь трогать потому, что столько нехорошего на мои глаза, что хочется как будто вновь писать по этой подмалевке. Если бы, вспомнив то, что надо изменить, и, поглядев последние три тома рассуждения, написали бы мне: это и это надо изменить и рассуждения с страницы такой-то по страницу такую-то выкинуть, вы бы очень, очень обязали меня».¹

Письмо к Н. Н. Страхову не было отправлено, и в марте 1873 г. Толстой сам начал работу, ведя ее одновременно с созданием романа «Анна Каренина». В середине мая Толстой послал Страхову новое письмо с просьбой о помощи. Он писал ему о своей работе: «Исключаю все рассуждения и французское и ужасно желал бы вашего совета. Можно ли прислать вам на просмотр, когда я кончу?»² Н. Н. Страхов с радостью принял предложение Толстого,³ но до конца июня Толстой еще сам продолжал работать, лишь уведомляя Н.Н. Стрхова о характере исправлений. «Я начал просматривать, — писал он 31 мая, — и сделал главное, т. е. выкинул некоторые рассуждения совсем, а некоторые, как, например, о Бородинском сражении, о пожаре Москвы, рассуждение эпилога и др. вынес отдельно и хочу напечатать в виде отдельных статей. Другое, что я сделал, — переводил *всё* французское по-русски; но еще не кончил 4, 5 и 6 томы и кое-где выкидывал плохое».

2 июня Толстой уехал в самарское имение, где продолжал работать.

22 июня он послал оттуда Н.Н. Стрхову исправленные шесть томов первого издания на просмотр. «Посылаю вам... — писал Толстой, — не знаю, исправленный ли, но наверно испачканный и изорванный экземпляр «Войны и мира», и умоляю вас... просмотреть мои поправки и сказать ваше мнение — хорошо ли, дурно ли (если вы найдете, что дурно, даю вам право уничтожить поправку и поправить то, что вам известно и заметно за дурное). Уничтожение французского иногда мне было жалко, но в общем, мне кажется, лучше без французского. Рассуждения военные, исторические и философские, мне кажется, вынесенные из романа, облегчили его и не лишены интереса отдельно. Впрочем, если вы какие из них найдете излишними, выкиньте».⁴

Кроме исправлений текста, Толстой изменил распределение по томам. Вместо шести томов первого и второго изданий 1868—1869 гг., «Война и мир» разделена была для нового издания на четыре тома. По этому поводу Толстой писал Страхову, что он находится «в нерешительности» насчет того, что «соединил 6 частей в 4», и просил Стрхова «решить, как лучше: с старым разделением или по-новому». Неизвестно, что посоветовал Страхов, но роман печатался в новом издании в четырех томах. «Боюсь, что каллиграфическая сторона плоха и невозможна для типографии»,¹ Письмо к Н. Стрхову от 25 марта 1873 г. — т. 62, стр. 17.

² Письмо к Н. Н. Страхову от 11 мая 1873 г. — т. 62, стр. 25.

³ См. письмо Н.Н. Стрхова к Л. Н. Толстому от 17 мая 1873 г. — «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н Стрховым, 1870—1894», Спб. 1914, стр. 32.

⁴ Т 62, стр. 34.

— я не мог с мухами самарскими и жарой сделать лучше», — писал Толстой в том же письме и просил, если нужно, дать в переписку или перенести поправки на чистый экземпляр. Он сообщал, что оригинал нужен в типографию не позже конца июля, и выражал надежду, что Страхов просмотрит и отправит его. «Чувствую всю бессовестность моей просьбы к вам, — писал Толстой в заключение, — но и надеюсь на вашу приязнь ко мне и пристрастие к «Войне и мир», которая мне очень редко нравилась, когда я перечитывал ее, а большей частью возбуждала досаду и стыд».¹

Еще весной, приняв предложение Толстого, Н. Н. Страхов писал ему по поводу предстоящей работы: «Да притом я Вам не доверяю в высочайшей степени; Вы непременно наделаете недосмотров; я гораздо аккуратнее Вас». Речь, конечно, идет о мелких опечатках и описках. Получив книгу в конце июня, Н. Н. Страхов около двух месяцев работал над романом, и, как узнал Толстой в Москве, возвращаясь из Самары, всё, кроме четвертого тома, было сдано в типографию к 22 августа.² О характере своей работы Н. Н. Страхов уведомил Толстого в конце августа, что, сколько он «ни думал и ни перечитывал», он не «решился почти ничего вычеркнуть», и, «сделавши множество мелких исправлений», особенно в последнем, четвертом, томе, он «вычеркнул всего в двух местах по две, по три строчки — там, где надобность была совершенно очевидна».

Н. Н. Страхов предлагал еще вычеркнуть во второй части эпилога, которая в издании 1873 г. озаглавлена «Вопросы истории», «последний параграф, XII, где находится сравнение переворота в истории с переворотом в астрономии, произведенным системою Коперника», а также указывал на то, что в начале этой же части «рассуждение о власти чрезвычайно растянуто и не совсем точно».³

Хотя Толстой не раз в то время говорил, что «Война и мир» ему теперь мало нравится, и давал Страхову право делать, что он найдет нужным «в смысле уничтожения всего», что ему покажется «лишним, противуречивым, неясным», однако, узнав о сокращениях, пожалел, что они сделаны. «Мне кажется (я, наверно, заблуждаюсь), что там нет ничего лишнего, — отвечал Толстой Н. Н. Страхову. — Мне много стоило труда, поэтому я и жалею».⁴ С предложенными Н. Н. Страховым исправлениями во второй части эпилога («Вопросы истории») Толстой согласился и высказывал сожаление, что он не выкинул и не сократил того, что Н. Н. Страхов «совершенно справедливо» нашел «растянутым и неточным — о власти. Я помню, что это место было длинно и нескладно», — писал Толстой. Он согласен был также «выкинуть» «XII параграф».⁵ Однако эти изменения не были внесены.

В конце августа все было сдано в типографию, и между 11 и 17 ноября 1873 г. вышло в свет третье издание «Сочинений Л. Н. Толстого». В новом издании «Война и мир» разделена на четыре тома, причем внутри каждого тома дано сплошное деление на главы, без того подразделения на¹ Т. 62, стр. 34.

² См. письмо к Н. Н. Страхову от 24 августа 1873 г. — т. 62, стр. 45.

³ «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», стр. 33 и 34.

⁴ Письмо к Н. Н. Страхову от 3—4? сентября 1873 г. — т. 62, стр. 46.

⁵ Письмо к Н. Н. Страхову от 23—24? сентября 1873 г. — т. 62, стр. 49.

части, какое было в первом и втором изданиях. В качестве эпилога оставлены только гл. V—XVI первой части эпилога, получившие теперь нумерацию I—XII.

Многие историко-философские рассуждения, являвшиеся своего рода вступлениями к отдельным частям романа, исключены.¹ Военно-исторические и историко-философские рассуждения, начиная с т. IV первого издания (с т. III наст. изд.), а также первые четыре главы первой части эпилога и вся вторая часть эпилога вынесены в приложение, где объединены под общим заглавием «Статьи о кампании 1812 года», и каждая глава или группа глав получила свое заглавие и самостоятельную нумерацию глав.

По настоящему изданию	По изданию 1873 г. «Статьи о кампании 1812 года»
Т. III, ч. 2, гл. I	I. План кампании 1812 года.
» » гл. XIX	II. Как действительно произошло Бородинское сражение.
» » гл. XXVII	III. Распоряжения Наполеона для Бородинского сражения.
» » гл. XXVIII	IV. Об участии воли Наполеона в Бородинском сражении.
» ч. 3, гл. II	V. Об отступлении до Филей.
» » гл. V	VI. Оставление Москвы жителями.
» » гл. XXV	VII. О пожаре Москвы.
Т. IV, ч. 2, гл. I и II	VIII. Фланговый марш.
» » гл. III, IV, VII	IX. Тарутинское сражение.
» » гл. VIII—X	X. Деятельность Наполеона в Москве.
» » гл. XVIII—XIX	XI. Отступление французов из Москвы.
» ч. 3, гл. I	XII. Победы и их последствия.
» » гл. II	XIII. Дух войска и партизанская война.
» » гл. XVI—XVIII	XIV. Бегство Наполеона.
» » гл. XIX	XV. Преследование французов русскими.
» ч. 4, гл. IV—V	XVI. Кутузов.
» » гл. X	XVII. Березинская переправа.
Эпилог, ч. 1, гл. I—IV	XVIII. О значении Александра и Наполеона.
» ч. 2	XIX. Вопросы истории.

Кроме изменений в композиции романа, Толстой внес в новое издание стилистические и смысловые исправления и, главное, по всему роману французский текст заменил русским. Быть может, эти изменения Толстой¹ Перечислены в указанной книге Б. М. Эйхенбаума, стр. 397—399.

внес, учитывая замечания критиков о слишком большом количестве французских текстов и о перегрузке произведения философскими рассуждениями. Экземпляр издания 1868—1869 гг., собственноручно исправленный Толстым для издания 1873 г., не дошел до нас, сохранились только два последних тома, пятый и шестой.¹

Принимал ли Толстой какое-либо участие в изданиях «Войны и мира» после 1873 г., неизвестно.

В четвертом издании «Сочинений Л. Н. Толстого», вышедшем в 1880 г., «Война и мир» печаталась по изданию 1873 г. В 1886 г. вышло два издания «Сочинений Л. Н. Толстого», пятое и шестое.

При подготовке к печати этих изданий С. А. Толстая, возможно, не без ведома Толстого, вернулась к тексту первого издания 1868—1869 г., сохранив лишь по изданию 1873 г. распределение на четыре тома (вместо шести томов изданий 1868—1869 гг.), но восстановив деление на части внутри томов. В пятом издании точно воспроизведен текст первого издания, т. е. возвращены на прежние места историко-философские рассуждения и восстановлен французский текст. В шестом издании, в отличие от пятого издания, французский текст не восстановлен и, кроме того, в нескольких случаях внесены по изданию 1873 г. стилистические исправления.

В дальнейшем «Война и мир» печаталась: в седьмом (1887 г.), восьмом (1889 г.) и десятом (1897 г.) изданиях — по шестому изданию 1886 г.; в девятом (1893 г.) и одиннадцатом (1903 г.) — по пятому изданию 1886 г.

В настоящем издании в основу положено второе издание 1868—1869 гг.² с учетом внесенных Толстым стилистических исправлений в третье издание 1873 г.³

XVII

В заключение осталось кратко коснуться прототипов действующих лиц, а также исторических источников романа.

В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» Толстой, в связи с именами действующих лиц, писал: «Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или другое действительное лицо; в особенности потому, что та литературная деятельность, которая состоит в описывании действительно существующих или существовавших лиц, не имеет ничего общего с тою, которою я занимался».

Вопрос о прототипах героев «Войны и мира», а также об исторических источниках неоднократно освещался в литературе. Впервые сведения о некоторых прототипах появились в печати в 1906 г. в составленной П. И. Бирюковым биографии Л. Н. Толстого. Позднее материал о прототипах был расширен в работах К. В. Покровского, Н. Н. Гусева, С. Л. Толстого, Н. Н. Апостолова, В. И. Срезневского,¹ Авторские исправления, внесенные в эти томы, опубликованы в «Летописях Государственного литературного музея», кн. 12 («Л. Н. Толстой», том II), М. 1948, стр. 193—199.

² В первом тираже тт. 9—12 наст. изд. при выпуске их в 1930—1933 гг. в основу было ошибочно положено издание 1886 г. См. предисловие к т. 9, изданному в 1937 г.

³ В тт. 9—12 наст. изд. в разделе «Печатные варианты» указаны все разночтения между изданиями 1868—1869 гг. и 1873 г.

Б. М. Эйхенбаума,¹ и материалы этих работ повторялись другими авторами.

С наибольшей долей вероятности можно говорить, что ближайшие предки Толстого, жившие в эпоху 1805—1812 гг., подсказали образы Болконских и стариков Ростовых. Характерные черты деда Толстого по матери, Николая Сергеевича Волконского (1753—1821), «умного, гордого и даровитого человека»,² и многие детали его жизни использованы для старого князя Болконского. Мать Толстого, Марья Николаевна Волконская (1790—1830), оставшаяся двух лет после смерти своей матери и жившая частью в Москве, частью в деревне с отцом, который занимался ее воспитанием, дала жизненный материал для образа княжны Марьи. В наброске начала «Три поры» Толстой указал даже точный ее возраст в 1811 г. — 21 год. Взаимоотношения с отцом, уклад их жизни также отразились в «Войне и мире». Частично в облик княжны Марьи внесены отдельные черты характера, главным образом религиозность, тетки Толстого Александры Ильиничны Остен-Сакен (1797—1841), характеристика которой имеется в тех же «Воспоминаниях» Толстого. В образе компаньонки княжны Марьи m-lle Bourienne выведена компаньонка матери Толстого француженка Louise Henissienne, с которой М. Н. Волконская была дружна. Для описания быта Болконских Толстой воспользовался, как свидетельствует старший сын его С. Л. Толстой, рассказами В. А. Волконской, двоюродной сестры его матери, племянницы князя Н. С. Волконского.

В образе старого графа Ростова Толстой воплотил некоторые черты своего деда по отцу. Граф Илья Андреевич Толстой (1757—1820), человек, по описанию Толстого, «ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное доверчивый», — это, пожалуй точный прототип старого графа Ростова. Жена его, бабка Толстого, Пелагея Николаевна Толстая (1762—1838), «недалекая, малообразованная, очень избалованная», отражена в образе графини Ростовской. По свидетельству Т. А. Кузминской, некоторыми чертами графиня Ростова напоминала Л. А. Берс, мать Софьи Андреевны Толстой. Отдельные черты отца Толстого, Николая Ильича Толстого (1795—1837), участника Отечественной войны 1812 г., отражены в образе Николая Ростова.

¹ П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», изд. «Посредник», М. 1906 (последнее издание: П. И. Бирюков, «Биография Льва Николаевича Толстого», т. 2, Гиз, М.—П. 1923); К. В. Покровский, «Источники романа «Война и мир», в кн.: «Война и мир», сборник под ред. В. П. Обнинского и Т. И. Полнера, «Задруга», М. 1912, стр. 113—128; Н. Н. Апостолов, «Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого» — «Печать и революция», 1924, кн. 4, стр. 96—98; Н. Н. Апостолов, «Лев Толстой над страницами истории», М. 1928; С. Л. Толстой, «Мать и дед Л. Н. Толстого», «Федерация», М. 1928, стр. 29—31, 43, 64, 65; Н. Н. Гусев, «Толстой в расцвете художественного гения», М. 1928, стр. 49—50;

В. И. Срезневский, Комментарии к роману «Война и мир», в кн.: Л. Н. Толстой, «Полное собрание художественных произведений», т. VII, Госиздат, М.—Л. 1930, стр. 376—380; Б. М. Эйхенбаум, «Лев Толстой». Книга вторая. Шестидесятые годы, Л.—М. 1931, стр. 262—266; Н. Н. Гусев, «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год», Изд. АН СССР, М. 1954, главы 1, 2 и др. Некоторый дополнительный материал к освещению вопроса содержится в воспоминаниях Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. 3, изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1926, стр. 24, 25, 39—41.

² Л. Н. Толстой, «Воспоминания» — т. 34, стр. 351. Цитируемые здесь и далее «Воспоминания» Толстого содержат характеристики его предков и являются основным материалом, подтверждающим достоверность прообразов Болконских и Ростовых.

В отличие от названных персонажей прототипами дочерей графа Ростова, Наташи и Веры, послужили не люди, жившие в эпоху войны 1812 г., а современники Толстого, его помощники в переписке «Войны и мира», — сестры Софьи Андреевны, да и она сама. 11 ноября 1862 г. С. А. Толстая писала сестрам: «Девы, скажу вам по секрету, прошу не говорить, Левочка, может быть, нас опишет, когда ему будет 50 лет». Вряд ли это сообщение можно в какой-нибудь мере связать именно с замыслом «Войны и мира», но оно свидетельствует о том, что в сестрах Берс Толстой чувствовал нужный ему материал для художественного претворения и что, начав вскоре большое произведение, он воспользовался им.

Относительно образа Наташи Ростовской Толстой говорил: «Я взял Таню, перетолок ее с Соней, и вышла Наташа».¹ Однако черты характера Наташи значительно больше, нежели с С. А. Толстой, сближают ее с Т. А. Берс. В Дневнике Толстой записал 15 января 1863 г.: «Таня — прелесть наивности, эгоизма и чутья».² Позднее он писал о ней же, как о «милой, беснующейся, энергической»³ натуре. Эти определения совпадают с намеченной в первоначальном конспекте характеристикой Наташи.⁴ Внешность Наташи, в представлении Толстого, также совпадала с внешностью Т. А. Берс. Об этом он писал М. С. Башилову в связи с рисунком к первой части романа. «В поцелуе — нельзя ли Наташе придать тип Танички Берс? Ее есть 13-летний портрет... Я чувствую, что бессовестно говорить вам теперь о типе Наташи, когда у вас уже сделан прелестный рисунок; но само собой разумеется, что вы можете оставить мои слова без внимания. Но я уверен, что вы, как художник, посмотрев Танин дагерротип 12-ти лет, потом ее карточку в белой рубашке 16-ти лет и потом ее большой портрет прошлого года, не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящими к моему типу».⁵ Для описания Наташи-матери в эпилоге романа послужила Толстому его молодая жена, к моменту окончания романа — мать нескольких детей.

В образе Веры Ростовской имеются сходные черты с Елизаветой Андреевной Берс, причем в конспекте Вера даже названа Лизой. Некоторые внешние черты (но не духовный облик) и отчасти судьба воспитательницы Толстого Татьяны Александровны Ергольской (1792—1874) использованы в образе Сони; отношения Т. А. Ергольской с отцом Толстого частично отражены в отношениях Сони с Николаем Ростовым. Для образа Бориса Друбецкого использованы некоторые черты М. Д. Поливанова, товарища Александра Андреевича Берса, брата С. А. Толстой, а также черты ее двоюродного брата А. М. Кузминского, за которого впоследствии вышла замуж Т. А. Берс. Эпизод Наташи с Анатолом построен на действительном случае из жизни Т. А. Берс и Анатолия Львовича Шостак; об этом подробно рассказывает Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях.

Марья Дмитриевна Ахросимова как по внешнему облику, так и по манерам и многим деталям жизни сильно сближается с Анастасией Дмитриевной Офросимовой (1753—1826), описанной в «Дневнике студента»¹ П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. II, М. 1908, стр. 32.

² Т. 48, стр. 50.

³ Письмо к Т. А. Берс от 1—3 января 1864 г. — т. 61, стр. 31.

⁴ См. т. 13, стр. 13, 18 и 19.

⁵ Письмо к М. С. Башилову от 8 декабря 1866 г. — т. 61, стр. 152 и 153.

С. П. Жихарева,¹ служившем Толстому источником романа. Надо учесть также письмо Т. А. Берс к М. А. Поливанову, написанное в 1865 г., непосредственно после чтения первой части романа у Перфильевых. Там имеется свидетельство, что М. Д. Ахросимова напомнила слушателям Анастасию Сергеевну Перфильеву и Марию Аполлоновну Волкову (1786—1859).² В образе Денисова отражены некоторые черты Д. В. Давыдова. Для образа Долохова использованы черты партизана Отечественной войны 1812 г. А. С. Фигнера, а также двоюродного дяди Толстого гр. Федора Ивановича Толстого, характеристика которого содержится в упомянутых «Воспоминаниях» Толстого. Как свидетельствует автор статьи о «Войне и мире» в «Русском инвалиде» (1902, № 1), в образе капитана Гушина выведен штабс-капитан Яков Иванович Судаков, «состоящий в списках пятой батареи 10-й артиллерийской бригады, именованной в 1805 г. легкой ротой вакантной четвертого артиллерийского полка».

При создании образа «маленькой княгини» Лизы Болконской использованы черты княгини Луизы Ивановны Волконской, рожд. Трузсон (1825—1890), жены троюродного брата Толстого. После опубликования в «Русском вестнике» первой части романа Л. И. Волконская обратилась к Толстому с вопросом, кто послужил прототипом князя Андрея.³ Толстой ответил ей 3 мая 1865 г. Прежде чем рассказать о том, как в процессе работы над произведением создавался образ князя Андрея, Толстой писал: «...спешу сделать для вас невозможное, т. е. ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить».⁴ Это же повторил Толстой в беседе с Г. А. Русановым много лет спустя.

Итак, многие из «полувымышленных» действующих лиц романа имеют реальную основу. Одни больше, другие меньше напоминают свой прообраз, в некоторых объединены черты нескольких людей. Прототипы, конечно, не связывали художественной фантазии писателя, он был совершенно свободен как в комбинации основных черт, так и в описании жизни, действий и поступков своих героев.

Создавая образы исторических деятелей, Толстой стремился «представить историческое лицо во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни», так как считал, что «художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом». Толстой писал, что «для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди».⁵

Так Толстой определил различие задачи историка и художника, а также неизбежность разногласий между ними в описании исторических событий и лиц. В то же время, по мнению Толстого, при различии целей, художник обязан следовать правде истории, «художник не должен забывать, что представление об исторических лицах и событиях, составившееся в народе,¹ См. ниже, стр. 142, а также последнее издание: С. П. Жихарев, «Записки современника», «Academia», М. — Л. 1934, т. I, стр. 92, 187, 451 и 452.

² См. указанные воспоминания Т. А. Кузминской, ч. 3, стр. 25.

³ Письмо кн. Л. И. Волконской к Толстому не сохранилось.

⁴ Т. 61, стр. 80.

⁵ Т. 16, стр. 9 и 10.

основано не на фантазии, а на исторических документах, насколько могли их сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и события, художник должен руководствоваться, как и историк, историческими материалами. *Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг*.¹ Такова программа, по которой работал Толстой над описанием исторических лиц и событий.

Само собой разумеется, что не фотографически воссоздавал Толстой исторических деятелей. Он отбирал исторически верные характерные черты как внешнего облика, так и личности во всех ее многообразных проявлениях, и, строго сохраняя точность этих черт, создавал образы исторических деятелей под определенным углом зрения, и в этом отразилось отношение автора к выведенным им лицам.

Тем же методом Толстой пользовался при описании исторических событий. Он заимствовал из исторических источников не только основные факты, но места и даты действия, сведения о количестве войск, планы расположения войск, точные названия полков, участвовавших в сражениях, распоряжения военачальников, приказы главнокомандующих, диспозиции боев, документы — во всем этом Толстой совершенно точен и верен действительности. Но точка зрения на исторические события, оценка исторических деятелей принадлежат лично Толстому.

Из русских работ в распоряжении Толстого были исторические сочинения о наполеоновских войнах, главным образом историков дворянско-буржуазного направления, таких, как, в первую очередь, М. Богданович. Этот историк, пользуясь в основном иностранными источниками, подражая им в оценке всех исторических событий и, главное, в оценке роли Кутузова, извратил и принизил роль гениального русского народного полководца. Толстому с самого начала была ясна порочность работы Богдановича и других историков. Из иностранных источников основным было многотомное исследование Тьера, написанное в духе крайнего прославления Наполеона, а также работы других иностранных авторов, которые усматривали причину поражения Наполеона в 1812 г. не в храбрости и героизме русского народа и войска, отстаивавших свою независимость, а в таких «факторах», как холод или московский пожар. Эту точку зрения отстаивали и некоторые официальные русские историографы.

Резко критическое отношение Толстого к подобного рода историческим книгам проявилось с первых же шагов в его работе над романом. Начиная с первых набросков романа и кончая второй частью эпилога, на протяжении всего многолетнего труда Толстой страстно полемизировал с историками, книги которых он в ту пору пристально изучал, из которых заимствовал фактические сведения. Наибольшей критике подверглись исследования Богдановича и Тьера, затем Бернгарди и др. В черновых вариантах романа прямой полемики автора с историками значительно больше и сама полемика острее и резче, нежели в законченной редакции, где она отчасти завуалирована, отчасти вложена в уста и мысли действующих лиц.

¹ Т. 16, стр. 13.

В яснополянской библиотеке сохранилось 46 названий книг и журналов, которыми пользовался Толстой на протяжении всей семилетней работы. Большая часть из них содержит многочисленные пометы и записи Толстого. В конспективных записях к эпилогу Толстой назвал ряд исторических источников романа, дав им краткую оценку. Названы: Михайловский-Данилевский, Тьер и Бернгарди, Богданович, о котором «нечего говорить», и Давыдов, который «первый дал тон правды».¹ Перечислены в этом наброске не все книги, использованные в романе. В черновых рукописях романа содержатся многочисленные пометы, указывающие переписчику источник, из которого надлежало переписать те или иные фактические цифры, даты, места действия, слова кого-либо из исторических лиц, чаще всего текст документа (письма, приказы, распоряжения и т. п.). Эти пометы являются самыми точными свидетельствами того, какие книги и что именно из этих книг действительно использовано Толстым. Сопоставлением помет в рукописях с пометами в книгах, хранящихся в яснополянской библиотеке, безошибочно устанавливаются основные исторические источники, из которых Толстой черпал фактический материал. Наибольшее количество ссылок в рукописях относится к работам Михайловского-Данилевского, Тьера, Богдановича (главным образом, к примечаниям, в которых Богданович приводил много документов) и Ласказе. Имеются ссылки на работы Ланжерона и Жозефа де Мэстра. Кроме помет на рукописях, большим подспорьем для установления действительных источников являются дневники и письма Толстого, в которых он по разным поводам называл использованные им материалы, иногда указывая, что именно заимствовано из той или иной книги.² Изучая время действия романа, Толстой читал газеты и журналы того времени и черпал из них материал не только для описания исторических событий, но и для характеристики людей того времени и их интересов. Быть может, напечатанная в журнале «Вестник Европы» за 1804 г. (июль, № 14) статья: «Гердер. Человек сотворен для ожидания бессмертия» подсказала Толстому мысль ввести в роман накануне Шенграбенского сражения беседу офицеров Тушина, Белкина и князя Андрея о бессмертии, и именно об этой прочитанной в прошлогоднем номере журнала статье. В той же беседе Белкин упоминает Дюшессу д'Озамбри и кавалера Фериоль, а это действующие лица повести Жанлис «Добродушный», напечатанной в том же журнале (1804, февраль и март). Журнал, который читали офицеры, назван в романе «Европейский вестник».³

Большое место среди источников романа занимали еще не опубликованные к тому времени документы, которые Толстой получал от частных лиц и из архивов. Это упоминавшиеся выше письма М. А. Волковой к В. И. Ланской, письма генерала Ф. П. Уварова, а также различные документы из архива дворцового ведомства и собрания рукописей Румянцевского музея, в которых Толстой работал, собирая материалы к роману.

¹ См. т. 15, стр. 240.

² См. т. 61, письма №№ 42, 44, 65, 85, 151, 171, 222, 244, 251, 252, 268, 278, 280

³ См. т. 13, стр. 366—369, вар. № 35; стр. 408—409, вар. № 45.

Не раз упоминаются Толстым его беседы с людьми, помнящими эпоху 1805—1812 гг. Рассказы участников и современников бесспорно служили немалым источником романа. Любопытен такой случай, записанный в воспоминаниях Н. П. Петерсона. Толстой заказал в Чертковской библиотеке печатные материалы о казни Верещагина, а затем отказался от них, так как встретил какого-то старика, очевидца этого события, и тот ему рассказал, как это происходило.¹

Анализ различных приемов использования Толстым исторического материала требует самостоятельного исследования и не входит в задачу настоящей статьи.

Э. Е. Зайденшнур
СПИСОК КНИГ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ Л. Н. ТОЛСТОЙ ВО
ВРЕМЯ ПИСАНИЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

Звездочкой (*) отмечены книги, содержащие пометки Толстого, книги, упомянутые в тексте романа, его черновых вариантах, письмах и дневниках Толстого, а также перечисленные в списке книг, приобретенных Толстым (см. ниже, стр. 153 и 154). Буквами «Я. П.» отмечены книги, сохранившиеся в яснополянской библиотеке.

*1. Бантыш-Каменский Д., «Словарь достопамятных людей Русской земли», тт. 1—3. Спб. 1847. (Я. П.)

*2. Богданович М., «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Составлена по высочайшему повелению», тт. I—III, Спб. 1859—1860. (Я. П.)

*3. Глинка Сергей, «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения», Спб. 1836. (Я. П.)

*4. Давыдов Денис, «Разбор трех статей, помещенных в «Записках Наполеона», М. 1825. (Я. П.)

*5. Давыдов Д. В., «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. 4-е, исправл. и дополн. по рукописям автора», М. 1860, части I—III.

6. Даль В., «Пословицы русского народа», М. 1862.

*7. [Дурова Н. А.] «Кавалерист-девица. Происшествие в России», ч. 1 и 2. Издал Иван Бутовский. Спб. 1836.

*8. «Духовный путеуказатель, служащий к отвлечению души от чувственных вещей и к приведению ее внутренним путем к совершенному созерцанию и ко внутреннему миру», 3 части. Тип. Лопухина, 1784.

*9. Ермолов А. П., «Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями», М. 1865. (Я. П.)

*10. Загоскин М., «Рославлев, или Русские в 1812 году», изд. 3-е, ч. 1—4, М. 1851.

*11. Жихарев С., «Записки современника с 1805 по 1819 год. Часть I. Дневник студента», Спб. 1859. (Я. П.)

12. «Записки одного путешественника или любопытное собрание известий, касающихся до жизни, занятий и жилища Бонапарте на острове св. Елены. С описанием сего острова, также известия о главных жителях онога». Перев. с франц. Алексей Некрасов. М. 1820. (Я. П.)

*13. Зотов Р., «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона», изд. 2-е, исправл. и дополн. одною главою (последнею в IV части), тт. I—IV, Спб. 1840. (Я. П.)

¹ См. «Международный толстовский альманах», «О Толстом», М. 1909, стр. 261—262.

- *14. «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению», ч. 1—2, Спб. 1841. (Я. П.)
15. «Избранные черты и анекдоты государя императора Александра I, избавителя и миротворца Европы», М. 1826. (Я. П.)
16. «Исповедь Наполеона Бонапарта аббату Мори и проч. и проч.», перев. с франц., ч. I, Спб. 1813. (Я. П.)
17. Ковалевский Е., «Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I)», Спб. 1866. (Я. П.)
18. Корбелецкий Ф., «Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной. Описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования», Спб. 1813.
- *19. Корф М. А., «Жизнь графа Сперанского». Спб. 1861, тт. I—II.
20. Краснокутский А., «Взгляд русского офицера на Париж во время вступления государя императора и союзных войск в 1814 году, изданный А. Краснокутским, сочинителем ежедневных записок поездки своей в Константинополь», Спб. 1819. (Я. П.)
21. «Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней войны». Перев. с немецк. Александр Шишков, Спб. 1814. (Я. П.)
- *22. Лажечников И., «Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым», М. 1836.
- *23. Липранди И. П., «Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня?» Извлечено исключительно из иноземных писателей, М. 1867. (Я. П.)
- *24. Лобзейх фон Плуменек, Карл Губерт, «Влияние истинного свободного каменщичества во всеобщее благо государств, обнаруженное и доказанное из истинной цели первоначального его установления (основания). Писано в конце XVIII столетия в опровержение сочинения Як. Мозера «О терпимости св. каменщических сообществ, особенно в отношении к Вестфальскому миру». Перев. со 2-го изд. на немецком языке, печатанного в Амстердаме 1779 года, М. 1816. (Я. П.)
25. Лопухин Н. В., «Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора Н. В. Лопухина, сочиненные им самим», М. 1860. (Я. П.)
26. Михайловский-Данилевский А., «Записки 1814 и 1815 годов», изд. 3-е, Спб. 1836. (Я. П.)
- *27. Михайловский-Данилевский А. И., «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению сочиненное». С 9 планами и картами, Спб. 1844. (Я. П.)
- *28. Михайловский-Данилевский А. И., «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806—1807 годах, по высочайшему повелению сочиненное». С 23 планами и картами, Спб. 1846. (Я. П.)
- *29. Михайловский-Данилевский А. И., «Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное», тт. I—IV, Спб. 1839.

30. Михайловский-Данилевский А. И., «Описание похода во Франции в 1814 году». С 23 планами и картами, изд. 3-е, Спб. 1845. (Я. П.)

*31. Михайловский-Данилевский А. И., «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца», тт. 1—5, Спб. 1845—1849.

*32. «Образ жития Енохова, или Род и способ хождения с богом». Соч. аглинского богослова Иосифа, М. 1784.

*33. Погодин М., «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным», М. 1864.

*34. «Примечания о французской армии последних времен с 1792 по 1807 год», перев. с франц., Спб. 1808. (Я. П.)

*35. Р[адожицкий] И., «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И. Р.», тт. I—IV, М. 1835. (Я. П.)

*36. Растопчин Ф. В., «Сочинения графа Федора Васильевича Растопчина», Спб. 1853.

*37. Сен-Мартен, «О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания», перев. с франц. П. И. Страхова, тип. Лопухина, М. 1785.

38. Скобелев И., «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году», изданная «Русским инвалидом», Спб, 1833. (Я. П.)

39. Сперанский М. М., «Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г., с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости», Спб. 1862. (Я. П.)

*40. де Сталь А.-Л.-Ж., «Дельфина», тт. 1—5, М. 1803—1804. (Я. П.)

*41. «Устав конного полка». Печатано в Санктпетербурге 1797 г. (Я. П.)

*42. Шаликов П. И., «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года», М. 1813.

*43. Шишков А., «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну», изд. 2-е, Спб. 1832. (Я. П.)

44. Штейнгель В., «Записки, касательно составления и самого похода санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий во время бедствия и спасения нашего отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига», ч. I—II, Спб. 1814—1815. (Я. П.)

45. Щербинин М. П., «Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова», Спб. 1858. (Я. П.)

*46. «Вестник Европы» за 1803 г. (Я. П.)

*47. «Вестник Европы» за 1804 г. (Я. П.)

*48. «Московские ведомости» за 1803 г. (Я. П.)

*49. «Русский архив» за 1865—1869 гг. (Я. П.)

*50. «Сын отечества» за 1812 г., I—XI. (Я. П.)

*51. «Сын отечества» за 1813 г., XXXIII—XLV. (Я. П.)

*52. «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

(В «Русском архиве» и «Чтениях» опубликовано много материалов из эпохи 1805—1812 гг.)

53. de Beausset L.-F.-J., «Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du Palais et sur quelques evenemens de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1-er Mai 1814 pour servir à l'histoire de Napoléon», par L.-F.-J. de Beausset, ancien préfet du palais imperial, tt. I—IV, Paris, 1827—1829.

*54. Bemhardi Theodor, von, «Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll», tt. I—IV, Verl. von O. Wigand, Leipzig, 1856—1858. (*Я. II. Томы III—IV не разрезаны.*)

55. de Chambray, «Histoire de l'expédition de Russie», avec un atlas et trois vignettes. Par le M. de Chambray, colonel d'artillerie, 2-ème édit., t. I, Paris, 1925.

56. Dumas A., «Napoléon». Avec douze portraits en pied. Delloye, édit., Paris, 1840. (*Я. II.*)

57. «L'Empire ou dix ans sous Napoléon par un ancien chambellan», tt. I—III, Ch. Allardine, libr., Paris, 1836. (*Я. II.*)

58. Erckmann-Chatrion, «Le conscrit de 1813. - Waterloo. - Madame Thérèse ou les volontaires de 92», Paris, 1865. (*Я. II.*)

59. Erckmann-Chatrion, «Histoire d'un conscrit de 1813», J. Hetzel, Paris, s. a. (*Я. II.*)

*60. Fain, le baron, «Manuscrit de mil huit cent douze, contenant le précis des evenemens de cette année, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon», tt. 1—2, Delaunay, libr., Paris, 1827.

61. Foy, le général, «Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire des puissances belligérants», t. II—IV, Bruxelles, chez J. B. de Kock, libr. (*Я. II.*)

62. Gourgaud, le général, «Napoléon et la Grande-Armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur», chez les frères Franckh, libr., Stuttgart, 1827.

63. Labaume, Eugène, «Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812, ornée des plans de la bataille de la Moskwa, du combat de Malojaroslavetz et d'un état sommaire des forces de l'armée française pendant cette campagne», 3-ème édit., C. L. F. Panckoucke, édit., Paris, 1814.

*64. Lanfrey P., «Histoire de Napoléon I-er», 4-ème édit., tt. 1—3, Charpentier, libr.-édit., Paris, 1867—1869. (*Я. II.*)

65. de Las Cases, comte, «Mémorial de Sainte-Hélène». Illustré de 120 nouveau dessins par Janet-Lange et Gustave Janet. Publié avec le concours de M. Emmanuel de Las Cases, page de l'Empereur à Sainte-Hélène, parties I—II. Gustave Barbe, libr.-édit., Paris, s. a. (*Я. II.*)

*66. de Maistre Joseph, «Correspondance diplomatique 1811—1817». Recueillie et publiée par Albert Blanc, tt. 1—2, Michel Lévy frères, libr.-édit., Paris, 1860—1861. (*Я. II.*)

*67. de Maistre Joseph, «Mémoires politiques et correspondance diplomatique», 2-ème édit., Paris, 1859.

68. de Méneval, le baron, «Napoléon et Marie-Louise». Souvenirs historiques de M. le baron de Meneval, ancien secrétaire du portefeuille de Napoléon premier consul et empereur, ancien secrétaire des commandements 144

de l'impératrice régente, tt. I—IV, G. Muquardt, Bruxelles et Leipzig, 1843. (*Я. II.*)

*69. Raguse, duc de, «Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832». Imprimés sur le manuscrit original de l'auteur, tt. I—IX, Paris, 1857.

70. Rapp, «Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon, écrits par lui-même et publiés par sa famille». Edition originale, Paris, 1823.

71. de Ségur, le comte, «Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812», livres I—VII, chez les frères Franckh, libr.-édit., Stuttgart, 1826; livres VIII—XII, chez Charles Holfmann, libr., 1828.

72. de Ségur, le comte, «Histoire universelle ancienne et moderne», tt. 5—15, Arnold Lacrosse, imp.-libr., Bruxelles, 1822. (*Я. II.*)

*73. Thiers A., «Histoire du consulat et de l'Empire», Bruxelles, 1846.

*74. Thiers A., «Histoire de l'Empire», nouvelle édition illustrée, Lheureux et Cie, édit., Paris, s. a. (*Я. II.*)

Н. С. Родионов
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И КОРРЕКТУР, ОТНОСЯЩИХСЯ К
«ВОЙНЕ И МИРУ»

Рукописный фонд, относящийся к «Войне и миру», хранится в рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва). В состав его входит 5131 лист. В том числе: а) рукописей-автографов и копий — 3804 листа; б) корректур (гранки и сверстанные листы первого изд. «Войны и мира» 1868—1869 гг.) вместе с дополнительными к ним вставками (автографы и копии) на отдельных листах — 1022 листа и в) книга «Война и мир». Сочинение графа Л. Н. Толстого, томы пятый и шестой, Москва, типография А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7, 1868, с собственноручной правкой Л. Н. Толстого в 1873 г. — 305 листов (по 2 страницы).

В описании распределение рукописей по томам, частям и главам дается в соответствии с настоящим изданием «Войны и мира» (см. т. 9, изд. 1937, стр. XII и XIII), а не по первому изданию романа, где текст делился на шесть томов.

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ
(Т. 13, стр. 13—52)

1. Автограф на 2 лл. F^o.

Начало: «Борис — Наталья. Имуществ[енное]». *Конец:* «(18) Толстая 17».

Рукопись представляет собою конспективные предварительные наброски кратких характеристик будущих действующих лиц задуманного романа, имена которых еще не определились.

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 2, стр. 13—21. Впервые было опубликовано А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир», 1925, 6, стр. 20—28.

Описываемая рукопись — одна из самых ранних из дошедших до нас рукописей «Войны и мира». Время ее написания относится к февралю — октябрю 1863 г. Каких-либо прямых указаний, позволяющих уточнить эту широкую датировку, в материалах не имеется.

2. Автограф на 2 лл. в 4°. Первая страница написана карандашом, далее чернилами.

Начало: «1) Наполеон откупщик». *Конец:* «Il faut faire une position à sa femme».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 3, стр. 21—22.

Содержание рукописи — конспективные характеристики действующих лиц, занумерованные цифрами 1—17. В конце — краткое содержание начала первой главы романа.

Время написания данной рукописи: ноябрь 1863 г. (На л. 2 — датированная ноябрем 1863 г. записка С. А. Толстой — см. т. 83, стр. 23).

3. Автограф на 1 л. в 4° на тонкой бумаге. Исписана лишь одна сторона.

Начало: «Свет Московский и Петер[бургский]». *Конец:* «и дома поссорились».

Конспективный набросок, напечатанный в т. 13, вар. № 4, стр. 22—23.

Время написания рукописи: декабрь 1863 г. В середине текста рукой Л. Н. Толстого написано обращение: «Тетинька, как ваше здоровье? Нарочно спокойно 4 декабря 1863 г.».

4. Автограф на половине листа бумаги почтового формата в клетку. На обороте от слов: «Высшая мудрость» и до конца написано карандашом.

Начало: «Борис и Nicolas два типа». *Конец:* «наблюдает, как им говорят».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 5, стр. 23.

По характеру записей рукопись близка к предыдущей (№ 3), и по аналогии с нею можно предположительно ее датировать тоже декабрем 1863 г.

5. Автограф на одной странице листа F°, сложенного по вертикали.

Начало: «Борис влюблен». *Конец:* «Он библейскому обществу принадлежит».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 6, стр. 23.

Судя по содержанию рукописи, время ее написания относится к концу 1865 — началу 1866 г.

6. Автограф на 1 л. в 8°, вырванном из конторской книги.

Начало: «Pierre приходит к Паздееву». *Конец:* «tase ou Tase».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 7, стр. 23 — 24.

Содержание рукописи относится к первым главам ч. 2, т. II.

Вверху рукописи записан адрес рукой учителя яснополянской школы А. К. Томашевского, с которым Толстой виделся в Москве 14 ноября 1866 г. (т. 83, стр. 123). 15 и 16 ноября 1866 г. Толстой работал в Румянцевском музее над масонскими рукописями. Эти данные позволяют датировать рукопись 15 — 16 ноября 1866 г.

7. Автограф на 1 л. в 4°. Исписана лишь верхняя часть лицевой стороны.

Занумерован карандашом рукой Толстого цифрой 371.

Начало: «К[нязь] А[ндрей] в Петербурге». *Конец:* «прочел свою речь и прои[звел] скандал».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 8, стр. 24.

Рукопись представляет собою конспективный набросок, относящийся к гл. IV—VII, ч. 3, т. II. Время написания рукописи — вероятно, конец 1866 г.

8. Автограф на 1 л. F°, исписанном отдельными абзацами, большая часть которых обведена кружками, видимо по мере использования записей для основной рукописи.

Начало: «К[нязь] А[ндрей] раненный». *Конец:* «третьи служаки иллюминаты».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 9, стр. 25—26, но ошибочно вторая часть рукописи — вначале (на стр. 25), а первая — на стр. 26. Следует наоборот.

Содержание рукописи — конспективные наброски разных частей романа, намечены также основные события из жизни персонажей с 1810 по 1812 г. Во время работы над ч. 3—5, т. II Толстой, видимо, пользовался этой рукописью как основным планом-конспектом продолжения романа. Время написания данной рукописи следует отнести к лету 1866 г., когда уже был полностью напечатан в «Русском вестнике» «Тысяча восемьсот пятый год» и когда Толстой продолжал роман, предполагая назвать его «Всё хорошо, что хорошо кончается».

9. Автограф на 1 л. F°. Записи лишь на первой странице. На обороте неизвестной рукой написаны месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и ряд цифр.

Начало: «Глава 1-я. 1) Смотр. Полковник Долохов». *Конец:* «(12) Привал».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 10, стр. 27.

По содержанию конспект относится к ч. 2, т. I, работа над которой началась в марте—апреле 1865 г.

10. Автограф на 1 л. F°. Записи на обеих сторонах листа. Низ листа подклеен. Написан на такой же бумаге, что и предыдущая рукопись (№ 9).

Начало: «(1) <Князь> А[ндрей] объезжает полки». *Конец:* «Свидание с Пьером за границей».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 11, стр. 27—29.

Содержание рукописи — план ч. 2 и 3, т. I, ч. 1 и 5, т. II. Время написания относится к началу 1865 г.

11. Автограф на 1 л. в 4°. Записи только на лицевой стороне; нижний край оборван; последние четыре абзаца обведены кружками.

Начало: «К[нязь] Багратион в картузе с смушками». *Конец:* «едят все и знамя».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 12, стр. 29—30.

Содержание — отдельные записи к Шенграбенскому сражению, над которым Толстой работал, судя по Записной книжке (т. 48, стр. 63—66) осенью 1865 г.

12. Автограф на 1 л. в 4° тонкой бумаги.

Начало: «N[icolas] и Наташа в деревне — охота». *Конец:* «Тарутинский лагерь».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 13, стр. 30.

Содержание — конспективные записи к развертыванию дальнейших событий романа после 1810 г., начиная с ч. 4, т. II, и кончая ч. 2, т. IV.

13. Автограф на одной стороне обрезка в 8°.

Начало: «В Смол[енске] пыль, жара». *Конец:* «Н[аполеон] — холодность итальянца-певца».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 14, стр. 31.

Содержание — конспективный набросок, относящийся, главным образом, к ч. 2, т. III.

14. Автограф на 1 л. Лицевая сторона листа, кроме двух начальных строк и четырех последних, написана карандашом.

Начало: «Зажжение Смоленска Долоховым». *Конец:* «Католи[ческие] государи царствуют дольше».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 15, стр. 31—32.

Заметки к описанию событий 1812 г., развитые в третьем томе «Войны и мира».

15. Автограф на 1 л. F°, написанный с обеих сторон.

Начало: «Солнце есть действующая сила». *Конец:* «наука, стр[ах] б[ожий] и любовь».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 16, стр. 32—34.

Содержание — главным образом, выписки из масонских книг, которыми Толстой занимался в Румянцевском музее 15—16 ноября 1866 г.

16. Автограф на свободной (неисписанной) странице листа в 4°, на котором рукою Т. А. Берс написан текст романа «Волшебница, скажи, какая сила». Четыре строки его включены в окончательный текст гл. XV, ч. 1, т. II. См. рук. № 85, вар. № 88, т. 13, стр. 629, где этот роман приведен полностью.

Начало: «Старый граф вызывает А[натоля] на дуэль». *Конец:* «кутилы и старички».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 17, стр. 34.

Содержание рукописи относится к черновику-автографу гл. XIX—XXII, ч. 5, т. II окончательного текста. См. рук. № 89, вар. № 146, т. 13, стр. 855—857.

17. Автограф на половине листа почтовой бумаги голубого цвета.

Начало: «Вопросы. Вольные хлебопашцы?» *Конец:* «9 — Тамбов.
10 — »

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 20, стр. 37.

Содержание — перечисление частей романа: напечатанной первой части, написанных или задуманных следующих.

18. Автограф на части листа толстой бумаги.

Начало: «Голос героя звучит столь[ко], сколько голос труса». *Конец:* «Лганье Муция Сцеволы до сих пор не обличено».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 21, стр. 37.

Краткие записи, относящиеся к работе Толстого во второй половине

1867 г. над началом т. III. См. ч. 1, гл. XI—XII, и вар. № 165 в т. 14, стр. 42.

19. Автограф на 1 л. почтовой бумаги в клетку.

Начало: «У к[нязя] Андрея дядька — Артём». *Конец:* «mais admirateur avoué du beau sexe».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 22, стр. 37—38.

Содержание — записи отдельных эпизодов к продолжению «Войны и мира», начиная с т. III, развитые в процессе дальнейшей работы. См. варианты в т. 14. Предположительно датируется концом 1867 — началом 1868 г.

20. Автограф на 2 лл. в 4°. Написано в два столбца на одной странице.

Начало: «Р[иетге] видит, что чудот[ворная] с[моленская]». *Конец:* «И патриотизм оказ[ывается] не годится».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 23, стр. 38—39.

Содержание рукописи — наброски сцен, которые были разработаны в первой черновой редакции продолжения и конца «Войны и мира» — см. рук. № 89, вар. № 183, т. 14, стр. 127—164.

В рукописи две ссылки на источник, которым пользовался Толстой в работах над т. III: М. Богданович, «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам», тт. I, II и III, Спб. 1859—1860.

21. Записи на 1 л. F°. Правый край оборван. Записи 1—8 сделаны рукой шурина Толстого С. А. Берса, сопровождавшего его в поездке 25—27 сентября 1867 г. на место Бородинского сражения; написаны, видимо, под диктовку Толстого. После них — рукой Толстого и с его рисунком карандашом схема Бородинского сражения с названием деревень, чертеж части поля, с восходящим и заходящим солнцем.

Начало: «С приездом Кутузова свет увидали». *Конец:* «Кн[язь] Андрей приказывает Алпатычу уехать».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 24, стр. 39—40. Там же факсимиле части рукописи (т. 13, между стр. 40 и 41). Три строчки записей Толстого в конце рукописи: «У Хлебникова... у Пок[ровских] казарм» носят, видимо, случайный характер, не имеющий отношения к «Войне и миру».

22. Автограф на 1 л. в 4°. Написано вкось на оборотной (неисписанной) стороне копии решения мирового судьи В. Плещеева о «взыскании с графа Толстого на удовлетворение Заломова... на основании 156 ст. Уст. гражд. судопроиз.»

Начало: «Вольцоген говорит Кут[узову]». *Конец:* «внутреннее устройство дает силу».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 25, стр. 40—41.

Содержание — конспект описания Бородинского сражения, вероятно набросанный Толстым во время пребывания в Бородине. См. рук. № 91, т. 14, вар. № 188, и основной текст — т. III, ч. 3, гл. XXIV—XXXV.

23. Автограф на обороте листа в 8°. На лицевой стороне — список поручений С. А. Толстой при поездке Толстого в Москву 17—19 января 1869 г. с его собственноручными приписками.

Начало: «Пьер оживленный болтун». *Конец:* «я всё сделаю. Вы»

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 26, стр. 41.

Содержание — записи, относящиеся к пребыванию Пьера в Москве во время пожара и к последним дням князя Андрея (т. III, ч. 3, гл. XXXIII—XXIV, и т. IV, ч. 1, гл. XV—XVI).

24. Автограф на 1 л. в 4°. Исписан мелким почерком в разных направлениях, занумерован группами. Левый нижний угол оборван. На обороте неизвестной рукой написаны имена исторических лиц.

Начало: «Ключ[арев]. Расто[пчин]». *Конец:* «никогда не любил ее».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 27, стр. 41—43.

Рукопись содержит новое распределение материала по частям и разметку порядка следования эпизодов, начиная с т. III и кончая эпилогом.

Время написания рукописи, по-видимому, относится к концу работы над рукописями в 1868—1869 гг.

25. Автограф на обрывке листа. Записи с одной стороны.

Начало: «К партиз[анам]». *Конец:* «чтоб он их мирил шампанским».

Напечатано полностью в т. 13, вар. 28, стр. 43.

Заметки к описанию партизан и другим эпизодам т. IV. По времени написания относятся к 1868 г.

26. Автограф на свободной (неисписанной) части листа в 8° со списком покупок С. А. Толстой.

Начало: «Как в тумане вечером суета». *Конец:* «И со двора бегут».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 29, стр. 44.

Записи относятся к описанию партизанского отряда Денисова и к освобождению русских пленных (см. т. IV, ч. 3, гл. X—XI). Время написания — 1868 г.

27. Автограф на 1 л. в 4°, написано лишь на лицевой стороне, частично карандашом.

Начало: «Совет. Пилница[?]». *Конец:* «Так просто понимать глобус».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 30, стр. 44.

Содержание рукописи — рабочие заметки и вопросы к т. IV.

Рукопись следует отнести к 1868 г.

28. Автограф на четвертушке листа голубой почтовой бумаги в клетку.

Начало: «Из пушки выстрелили». *Конец:* «Мортъе по Арбату».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 31, стр. 45.

Заметка к описанию вступления французов в Москву (т. III, ч. 3, гл. XXVI). Написана в 1868 г.

29. Автограф на 2 лл. в 4°. На обороте первого листа написано только несколько строк, наискось; оборот второго листа не заполнен.

Начало: «как в тумане всё». *Конец:* «15 л[етний] бараб[анщик]».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 32, стр. 45—46.

Содержание — русские пословицы и поговорки (отмечены значками ×, ○, □, ⊗); конспективные записи к т. IV (V в первом издании). Ссылки на источник: М. Богданович, «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам», в трех томах, Спб. 1859 и 1860, с указанием страниц; установление порядка следования сюжета.

Рукопись относится к 1868—1869 гг.

30. Автограф в девять строк на одном узеньком листе в 8°. На обороте детский рисунок с надписью по-английски печатными буквами: «FOR PAPA» («Для папа»), вероятно рукой старшего сына Толстого Сергея Львовича, которому в 1869 г. было 6 лет.

Начало: «Кар[атаев] здоров». *Конец:* «(Platoche)».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 34, стр. 47.

31. Автограф на части листа. Начало текста рукописи не сохранилось. На оставшемся краю листка — концы слова другим почерком: «Рису».

Начало: «узнал, что ничего не нужно человеку». *Конец:* «Жюно».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 35, стр. 47.

Содержание — краткие заметки к описанию выступления французов и русских пленных из Москвы (см. т. IV, ч. 2, гл. XIII, и рук. № 96, т. 15, вар. № 266).

32. Автограф на 1 л. в 4°, исписан с обеих сторон. Половина автографа зачеркнута.

Начало: «<Александр и Наполеон». *Конец:* «вопрос свободы в истории».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 36, стр. 48.

Конспективные записи мыслей о значении личности в истории и значении масс в историческом процессе, о свободе воли, подробно развитые в ч. 2 эпилога. См. т. 15, вар. №№ 309 и 310.

Рукопись относится, вероятно, к 1869 г., когда Толстой работал над эпилогом.

33. Автограф на 1 л. почтовой бумаги в клетку.

Начало: «Сердце царево в руце божией». *Конец:* «ядро пролет[ело] мимо Нап[олеона]».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 37, стр. 49.

Запись мыслей о случайности и фатализме в истории. Ссылка на слова Вольтера о Варфоломеевской ночи приведена в гл. XVIII, ч. 2, т. III окончательного текста (см. т. II, стр. 221).

34. Автограф на 2 лл. в 4°. На обороте второго листа рукой неизвестного написан отрывок о французском офицере — приятеле Пьера.

Начало: «Ежели многие». *Конец:* «параллелограмма сил».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 38, стр. 49.

Запись мысли о направлении движения.

35. Отрывок автографа на обороте письма нотариуса без начала и конца. В начале листа цифры (арифметическое деление). Далее рукой Толстого: «90 д[есятин?]. Выкуп. 6 том. 5 т[ом]».

Начало: «[боль]шего или меньшего желания драться». *Конец:* «имеет влияние на...»

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 39, стр. 49.

Содержание отрывка — заметки о значении в сражениях духа войск, развитые в гл. II, ч. 3, т. IV. Рукопись относится к 1869 г.

36. Автограф на 1 л. в 4°. Написано только на первой странице. На обороте крупным почерком написано: «Важное к 5-му тому».

Начало: «Пьер ехал до Москвы». *Конец:* «Андрей завещал, чтобы не стеснялись».

Напечатано в т. 13, вар. № 40, стр. 49—50.

Рукопись относится к 1868—1869 гг.

37. Автограф на одной стороне узкой полосы бумаги.

Начало: «Приехал. Одна свеча». *Конец:* «покупает конфеты, и всё это радостно».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 41, стр. 50.

Содержание — конспективные записи к концу ч. 4, т. IV, начиная с гл. XV. Рукопись относится к 1869 г.

38. Автограф на 1 л. в 8°. Написано лишь 8 строк. Сбоку ряд цифр рукой С. А. Толстой.

Начало: «Наташа требует». *Конец:* «благообра[зие] душевн[ое]»

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 42, стр. 51.

Записи к ч. 1 эпилога, гл. XVI.

38 а. Автограф на 2 лл. 4° на счете книжного магазина.

Начало: «Наташа смотрит туда». *Конец:* «Денег просит офицер — не дает».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 44, стр. 52.

Содержание — краткий конспект, относящийся к гл. I—III, ч. 4, т. IV. Время написания — 1869 г.

Счет, на котором написан конспект, является списком исторических книг, которыми Толстой пользовался при работе над «Войною и миром». Книги были куплены и взяты для просмотра в период времени с 15 августа 1863 г. по 19 апреля 1865 г.

Приводим этот список, обозначенный в счете:

«Его сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому.

<u>Число</u>		<u>Руб. Коп.</u>
1863 года Августа		
15	1 экз. Московские ведомости 1803 г.	3
	1 — Записки Сергея Глинки	3
	1 — Записки Шишкова	1 50
	1 — Записки Артиллериста 4 т.	4
	1 — Сочинения Карамзина 3 т.	3
		<hr/>
		14 50
	Получено 10 рублей Затем остается 4 р.	
	50 к. Вновь взято:	
	1. Словарь достопамят. людей Бантыш-Каменского 3 части	п-5
	1. Донесение следственной комиссии СП	3
	1. — Тож Варшавской	1
	1. Верховно-уголовный суд	2
	1. История Консульства Тьера т. 7	3
	1. История 1812 г. Михайловского 3 ч.	4
	1. — 1813 г. Его же	2 50
	1. — 1814 г. Его же	2 50
	1. — 1805 г. Его же в переплете	2 50
1863 г. Ноябрь 24	1. Дельфины роман	2
1864 г. Март 19-го	1. Вестник Европы 1803 г.	2 50
	1. Тож 1804 г.	2 50
	1. Кавалерист девица I	2 50
	1. Записки студента	1 25
	<hr/>	
	Итого	8 75

1864 г. Мая 9	Получено через человека сереб.	20
	Затем остается	20 75
	Следующие книги взяты Вами для просмотра, но не возвращены	
	1. О заблуждении и истине	
	1. Духовный путеводитель	
	1. Жизнь Еноха.	

1865 г. Апреля 19-го Устав конного полка».

ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛА
(Т. 13, стр. 53—197)

39. Автограф на 2 лл. в 4°, исписанных с двух сторон.

Начало: «<Представляя на суд публики начало неоконченного сочинения». *Конец:* «понятна, интересна и мила».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 2, стр. 54—55.

Рукопись впервые была опубликована А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир», 1925, 6, стр. 30—32. Она представляет собою первый черновой набросок того предисловия, которое Толстой в подготовительной стадии работ к напечатанию романа «Тысяча восемьсот пятый год» в сентябре 1864 г. (см. т. 48, стр. 58) собирался предпослать тексту романа.

В рукописи (л. 1) конец первого абзаца и начало второго *от слов:* «Для того, чтобы объяснить читателю», *кончая словами:* «эпохе заблуждений и несчастий моего героя» были вписаны на полях и зачеркнуты, что не обозначено при публикации рукописи в т. 13, стр. 54.

40. Автограф на 1 л. в 4°.

Начало: «Печатаю одну часть сочинения». *Конец:* «очень можно будет <прочсть> не читать второй».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 3, стр. 55—56.

Рукопись представляет собою второй, сильно измененный, вариант предполагавшегося предисловия вместо отброшенного первого (рук. № 39).

41. Автограф на 1 л. в 4°. К нему приложена копия этого автографа, переписанная рукой С. А. Толстой на 2 лл. в 4°.

Начало: «Изучая историю 12-го [года]». *Конец:* «не должно быть героев, а должны быть люди».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 4, стр. 56—57.

Впервые этот вариант (без первого абзаца) был напечатан А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир», 1925, 6, стр. 29—30.

Описываемую рукопись вряд ли можно отнести к вариантам предисловия к «Тысяча восемьсот пятому году», скорее она может быть отнесена к черновикам статьи «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», написанной в конце 1867 — начале 1868 г. и напечатанной в мартовской книжке журнала «Русский архив» за 1868 г.

Косвенно подтверждает это предположение и то обстоятельство, что автограф ее хранился вместе с рукописями, относящимися к тт. III и IV «Войны и мира».

42. Автограф на 2 лл. в 4°, исписанных с обеих сторон.

Начало: «I. В 1811-м году, в то самое время». *Конец:* «обращали на себя внимание тогдашнего света».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 6, стр. 68—70.

В рукописи нехватает одного листа — см. т. 13, стр. 69.

Судя по содержанию, почерку и бумаге, этот автограф представляет собою одно из самых ранних начал «Войны и мира» (конец 1863 — начало 1864 г.), когда имена, фамилии и характеры будущих действующих лиц романа еще не определились.

43. Автограф на 3 лл. F°, исписанных с двух сторон, и на листе в 4°.

Начало — заглавие отрывка: «Три поры. Часть 1-я. 1812-й год. Глава 1-я. Генерал-Аншеф». *Конец:* «Князь переносит твердо и всё приводит в порядок».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 10, стр. 77—85. Там же между стр. 78 и 79 — факсимиле первой страницы рукописи.

Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир», 1925, 6, стр. 32—38.

Многие эпизоды этой рукописи, как, например, эпизод разговора с Яковом об отправке ребенка князя и его любовницы Александры в воспитательный дом, при первом же просмотре были выпущены совершенно и не нашли себе места в окончательном тексте (см. рук. № 44.)

Данная рукопись является, так же как и предыдущая (№ 42), одним из ранних начал «Войны и мира». Время ее написания надо отнести к концу 1863 — началу 1864 г., то есть к тому периоду работ над «Войной и миром», когда автор предполагал начать свое новое произведение с событий 1812 г., от них перейти к событиям 1825 г. и далее к событиям 1856 г. (см. т. 13, вар. № 2, стр. 54—55).

Из анализа данной рукописи видно, что Толстой не раз возвращался в ней, пересматривая, исправляя и пополняя ее новыми вставками в тексте.

44. Копия части предыдущей рукописи, написанная рукой С. А. Толстой на 5 лл. в 4°, почти сплошь зачеркнутая. Вместо текста копии, рукой Толстого, видимо через некоторое время, при ее просмотре, были написаны, главным образом на полях, новые тексты.

Начало копии: «музыкантов и пюпитры». *Конец:* «держась за спинку стульев» (см. т. 13, вар. № 10, стр. 80, строка 33 св., и стр. 84, строка 21 св.).

Начало заменивших эту копию автографов: «Княжна ничего не сказала, вздохнула и сошла вниз». *Конец:* «поглядывая на дверь, ведущую в кабинет».

Из текста листов с данными автографами напечатаны два вар. №№ 11 и 11-а, т. 13, стр. 85—90.

Содержание рукописи то же, что и предшествующей (№ 43). В процессе дальнейшей работы в 1864 г. содержание подвергалось значительным 155

изменениям, сокращениям и переделкам и в конце концов нашло себе место в гл. XII, ч. 1, т. I окончательного текста. Дальнейшую переработку рукописи см. в рук. № 49, вар. № 6, т. 13, стр. 252—254.

45. Автограф на 5 лл. в 4°, исписанных с двух сторон, кроме последнего, оборот которого чистый.

Начало автографа не сохранилось. *Сохранившаяся часть начинается с конца фразы: «<с утра>. Кончается: «<победы и славы>».*

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 12, стр. 90—95.

Содержание рукописи после дальнейших переработок нашло отражение в трех последних главах ч. 1, т. I и отчасти было перенесено в гл. III—V, ч. 3, т. I.

46. Рукопись в 20 лл. F° на ветхой бумаге, исписана с двух сторон за исключением третьего листа, где вверху страницы написан рукой Толстого и потом зачеркнут другой текст. См. т. 13, стр. 103, сноска 3.

Вся рукопись — автограф Толстого, за исключением л. 12, нижней части л. 15 и его оборота, которые написаны рукой С. А. Толстой, вероятно под диктовку Толстого. На полях л. 6 — две заметки карандашом (см. т. 13, стр. 104, сн. 5).

Начало рукописи: «<12 Ноября 1805 года русские войска>. Конец: «Князь Андрей. Что я такое?»

Рукопись напечатана в т. 13 полностью в пяти вариантах №№ 13, 14, 15, 16 и 17, стр. 95—149.

Часть рукописи впервые была опубликована А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир», 1925, 6, стр. 48—58, под заглавием «Канун Ольмюцкого сражения».

Рукопись испещрена поправками и вставками, в большей своей части сделанными после написания.

Первый вариант, № 13, написан на двух страницах первого листа и зачеркнут. Вместо него, вероятно позднее, тут же на полях написан второй вар. № 14, законченный на обороте л. 11. Вар. № 15 написан на четырех страницах лл. 12—13. Вар. № 16 — на лл. 14—19; вар. № 17 — на л. 20.

Описываемая рукопись свидетельствует о попытке Толстого начать роман военными событиями под Ольмюцем и Аустерлицем. Но при дальнейшей работе эти события были передвинуты в ч. 2 и 3, т. I.

Время написания основной части рукописи должно быть отнесено к началу 1864 г., время дополнительного просмотра, поправок и вставок — к осени 1864 г.

Существенно отметить, что имена, фамилии и характеры персонажей будущего романа в этой рукописи еще далеко не определились. Например, молодой гусар — будущий Николай Ростов — называется то графом Федором Простым, то Толстым, то Nicolas Ростовым. Описание его наружности и характера больше соответствует будущему Долохову, чем Н. Ростову: «с голубыми глазами и курчавой головой» (т. 13, стр. 96, сн. 3), глаза «слишком смелые, почти наглые», «в выражении сжатых губ, которые в углах всегда оставляли складку, черта насмешливости» и т. д. (там же, сн. 12 и 13); Андрей Болконский называется Волконским или Волхонским, в характере его оттенены лишь черты надменности и аристократизма; в вар. № 15 действующее лицо — штабс-капитан А. З. Голопузов, 156

видимо будущий капитан Тимохин. Тут же и в следующем варианте он называется то Шишкиным, то А. В., то И. З. или А. З. и т. д.

47. Рукопись в 18 лл., исписанных с двух сторон; из них лл. 1—9, 12—18 в 4°, лл. 10 и 11 F°. Вся рукопись — автограф Толстого за исключением лл. 8—9 об., написанных, вероятно, под диктовку Толстого.

На полях л. 1 — рисунок Толстого пунктиром, изображающий фортуны.

Начало: «День в Москве. <Имянины в Москве 1808 года>. *Конец:* «разгорался всё более и более» (см. т. 13, стр. 172).

Варианты, извлеченные из описываемой рукописи, напечатаны в т. 13 в трех разделах: а) вар. № 1, текст которого написан на л. 16, — в разделе «Планы и заметки к «Войне и миру», стр. 13; б) вар. № 1, текст которого написан на обороте того же листа — во втором разделе «Вступления, предисловия и варианты начал «Войны и мира» — стр. 53. В том же разделе, на стр. 150—173, напечатан вар. № 19, текст которого написан на лл. 1—15, 17—18.

Варианты № 1 первого раздела и № 1 второго раздела впервые были опубликованы А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир», 1925, 6, стр. 20 и 29.

Содержание текстов рук. № 47, в частности ее листы с текстами двух вариантов, носящими характер конспектов и набросков предисловия, дают основание считать, что рук. № 47 была написана раньше, чем рук. № 46. Видимо, она была написана приблизительно тогда же, когда и рукопись № 43 («Три поры»), то есть в конце 1863 — начале 1864 г. То обстоятельство, что вся рукопись носит еще более черновой характер, чем рук. № 46, и что имена и фамилии основных действующих лиц еще неопределенны, подтверждает предположение о более раннем ее написании. Так, например, в описываемой рукописи старый Ростов носит фамилию Плохов (исправлено на Простой) — сн. 2 на стр. 150, фамилия кн. Василия еще не Курагин, а Прозоровский, Бориса — Щетинин, Пьер называется то Аркадием, то Леон и т. д. В конспекте же, напечатанном в т. 13 на стр. 13 (вар. № 1), совсем другие имена и их характеристики.

48. Рукопись состоит из 22 лл. в 4°. Из них: 14 лл. — автографы Толстого и 8 лл. — копии С. А. Толстой.

Начало: «<Летом 1805 года в то самое время>. *Конец:* «сказал <князь и в потухших глазах его, взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом> он».

Из рукописи извлечены пять вариантов: №№ 20, 21, 22, 23 и 24 — т. 13, стр. 174—197.

Вар. №№ 20, 21 и 24 впервые были опубликованы с некоторыми пропусками (как один вариант) А. Е. Грузинским в «Новом мире», 1925, 7, стр. 3—14, под заглавием «Обед у молодых Волконских». Во второй публикации в изд. «Библиотека «Огонька», М. 1926, № 111, пропуски первой публикации частично были восстановлены.

Вар. № 20 был написан на л. 1 и зачеркнут. Вместо него, повидимому тотчас же, на полях был начат следующий вариант, № 21, и продолжен на л. 2 и его обороте. Вар. №№ 22 и 23 — копия рукой 157

С. А. Толстой на лл. 3—11 со многими авторскими исправлениями и добавлениями.

Вар. № 24 озаглавлен в рукописи-автографе: «С 1805 по 1814 год. Роман графа Л. Н. Толстого. 1805-й год. Часть 1-я» (см. стр. 184—197).

48 а. Копия рукой С. А. Толстой на 1 л. в 4°, исписанном с двух сторон, без поправок Толстого.

Начало: «Не обращая никакого внимания на строгие замечания, которые делал господин Дубриль Наполеону». *Конец:* «и видимо затевали что-то решительное и важное».

Рукопись представляет собою копию начала части рук. № 48, текст которой напечатан в т. 13, вар. № 23, стр. 181—182.

ЧЕРНОВЫЕ РУКОПИСИ (АВТОГРАФЫ И КОПИИ) I—IV ТОМОВ

(Т. 13, стр. 198—880; т. 14, стр. 11—312; т. 15, стр. 9—164; 185—303, 333—335)

К сохранившемуся рукописному материалу ч. 1, т. I «Войны и мира» относятся: а) рукописи 49, 50 и 52; они представляют собою черновые автографы Толстого и листы, написанные под его диктовку. (Начальные, первые слоги этих рукописей можно считать первой черновой редакцией ч. 1, т. I); б) копии, переписанные С. А. Толстой с этих черновиков, составляющие рук. №№ 51 и 53.

Время написания этих рукописей — 1864 г.

Наборной рукописи ч. 1 журнального текста «Русского вестника» не сохранилось.

49. Рукопись на 92 лл., из которых 90 л. в 4° и 2 л. F°.

Вся рукопись — автограф Толстого, за исключением 31/2 листов, написанных рукой С. А. Толстой и племянницы Толстого В. В. Толстой (видимо, тогда Толстой из-за сломанной руки сам не мог писать).

Рукопись является первым черновиком, относящимся ко всей ч. 1, т. I, гл. I—XXV современных изданий и гл. I—XXXVIII первого издания «Тысяча восемьсот пятого года» в «Русском вестнике».

Начало: «<Май> В то время, когда после неслыханного». *Конец:* «и мягким спокойным голосом продолжал толкование».

6 лл. имеют первичную, рабочую нумерацию цифрами: 3, 22, 68—71.

Архивная нумерация ЛБ всех листов рукописи: 21—24, 2—3, 27—29, 34—35, 30—33, 36—46, 25—26, 47—66, 69—70, 88—93, 87, 94—103, 83—86, 104—109, 6—9, 110, 114—115, 20—21, 112—113, 23—24, 118—119 и 116—117.

Из описываемой рукописи напечатано в т. 13 десять вариантов. Два из них в разделе «Вступления, предисловия и начала «Войны и мира»: №№ 7 (стр. 70—75) и 18 (стр. 149), восемь вариантов в разделе «Варианты к первому тому «Войны и мира»: №№ 1—8 (стр. 198—259) и один вариант — в т. 15, в разделе «Добавления», № 1.

Тексты вар. №№ 7 и 18, относящиеся к разделу «Вступления, предисловия и начала», были написаны в первые месяцы 1864 г. При этом текст вар. № 18 написан частично рукой Толстого, частично под его диктовку рукой С. А. Толстой на 2-х лл. F°. Вар. № 7 написан на лл. 20 и 21.

Варианты, относящиеся к первой части первого тома, написаны на лл. 27—119 (архивной нумерации ЛБ).

На лл. 51 об. — 65 об. (по архивной нумерации) рукой Толстого проставлены главы: 26—315. См. вар. № 2, т. 13, стр. 221—238.

На обороте л. 50 в конце страницы рукой Толстого нарисованы цветы, на полях л. 52 об. нарисованы четыре головы и между ними два кубка, в левом верхнем углу л. 109 — еще рисунок, а ниже — текст телеграммы А. А. Берсу, опубликованной в т. 61, стр. 65.

В т. 13, на стр. 201 напечатано, что после л. 29 нехватает одного листа. В действительности дальнейший текст был написан на нескольких листах, два из которых переложены впоследствии в рукопись № 51. Текст этих сохранившихся листов автографа напечатан в т. 15, в разделе «Добавления», под № 1. Как видно по второй копии ч. 1, т. I (рук. № 53) и по тексту «Русского вестника», в недостающих листах содержалось описание манеры и тона речи кн. Василия, противоположных восторженному тону речей Annete Д. После радикальных дальнейших переработок это место в окончательном тексте вылилось в одну короткую фразу: «Князь Василий говорил всегда лениво, как актер говорит роль старой пьесы» (т. I, ч. 1, гл. I — см. т. 9, стр. 5).

Напечатанный в т. 13, на стр. 205, текст после черты *от слов*: «Вслед за князем и княгинями Волконскими», *кончая*: «к маленькой старушке в высоких бантах» отсутствует в рук. № 49. Для связи этот текст взят из копии (рук. № 51, л. 23 пагинации Толстого). Последние три абзаца, напечатанные в вар. № 8, т. 13, стр. 259, представляют собой не продолжение варианта, а лишь конспект дальнейшего текста, написанный в рукописи отдельно на развернутом 119 л. F°.

50. Рукопись на 6 лл. F°. Из них первая страница — автограф Толстого, далее, кончая оборотом л. 5, написано под его диктовку В. В. Толстой, далее опять автограф Толстого дрожащим почерком и крайне неразборчиво.

Начало: « — Ah, chère ami, — отвечала княжна Марья». *Конец*: «Наполеона не убили на Аркольском мосту».

Текст рукописи напечатан полностью в т. 13, вар. № 9, стр. 259—265.

51. Копия, переписанная рукой С. А. Толстой с черновых автографов, 108 лл. в 4°, с обильной авторской правкой и вставками. Нумерация листов рукой Толстого и С. А. Толстой цифрами: 4—77, 80—103, 110—111, 128—129, 164—171. Сюда же был перенесен автограф на 2 лл. в 4° (лл. 9 и 10), см. рук. № 49.

Архивная нумерация листов (ЛБ): 1—5, 11—74, 8—13, 75—108.

Недостающие в рукописи листы, возможно, были переложены в несохранившуюся наборную рукопись журнального текста «Русского вестника».

Тексты первых 9 лл. разбиты на главы, занумерованные рукой Толстого: 1—36.

Начало: «<Они видят сор, который выбрасывает река на берег и отмель, а вечно изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны>». (Текст этот — копия л. 5 об. рук. № 49, см. последний абзац на стр. 73, т. 13). *Конец*: «(pour affaire que vous savez)».

На полях л. 59 (нумерации Толстого) — рисунок, изображающий собаку, на полях л. 55 об. — два рисунка, изображающие петуха и собаку.

В т. 13 из описываемой рукописи в извлечениях напечатано шесть вариантов: а) в разделе «Вступления, предисловия и начала «Войны и мира» — два варианта, №№ 8 и 9; б) в разделе «Варианты к первому тому «Войны и мира» — четыре варианта, №№ 10—13.

Вар. № 8 (стр. 75—77) — черновик одного из предполагавшихся предисловий, написанный на л. 4 (первичной нумерации) вслед за зачеркнутым началом рукописи.

Вар. № 9 (стр. 77) — черновик зачеркнутого начала романа, написанный на л. 8 (первичной нумерации).¹

Вар. № 10 (т. 13, стр. 265—267) написан на лл. 71 об. — 74 (первичной нумерации).

Вар. № 11 (стр. 268—270) — автографы на полях лл. 75—77 (первичной нумерации).

Вар. № 12 (стр. 270—271) — зачеркнутый автограф на полях лл. 84—85 (первичной нумерации).

Вар. № 13 (стр. 271—277) — копия на лл. 164—171 об. (первичной нумерации) с обильными авторскими исправлениями и вставками-автографами на полях.

52. Автограф на 12 лл. F°. Частично написан под диктовку Толстого рукой С. А. Толстой. Почерк Толстого нетвердый, вероятно из-за болезни руки. На л. 14 с текстом рукой С. А. Толстой оборвана половина нижней части. Нумерация глав рукой Толстого: 30—34.

Архивная нумерация листов ЛБ: 5—16.

Начало: «в то время как <так хорошо у Ростовых танцевали». *Конец:* «спал на диване».

Из рукописи в извлечении в т. 13 напечатан вар. № 14 (стр. 277—292).

53. Вторая копия рукой С. А. Толстой на 10 лл. в 4°, с поправками Толстого, вероятно написанная в процессе исправления основной копии <рук. № 51>.

Начало: «Между тем в Павловске недалеко от дворца и[мператрицы] М[арии] Ф[едоровны] в кавалерском доме вечер». *На полях:* «старый дом». *Далее следует начало гл. I, ч. I, т. I. Конец:* «<...как вы можете быть дурным отцом>».

Текст копии близок к журнальному тексту «Русского вестника». В этой рукописи хозяйка петербургского придворного салона Annete Д. окончательно переименована в Анну Павловну Шерер.

К сохранившемуся рукописному материалу ч. 2, т. I относятся:

а) Рук. №№ 54—80 — первые черновые автографы Толстого и листы или части листов, написанные под его диктовку.

б) Рук. №№ 81—84 а — копии, переписанные с черновых автографов.

Наборной рукописи журнального текста ч. 2, т. I, так же как и ч. 1, не сохранилось.

Время написания этих рукописей — конец 1864—1865 г.

¹ В т. 13 вар. № 9 помечен ошибочно как взятый из рукописи № 52. В действительности он взят из рукописи № 51.

54. Рукопись на 3 лл. F^o, частично автограф, написанный нетвердым, дрожащим почерком, частично под диктовку рукой В. В. Нагорновой.

Начало: «Часть 2. Глава I. Поход. <Около 10 сентября> <Nicolas Ростов>. *Конец:* «о переводе его в другую дивизию».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 16, стр. 293—302.

Рукопись представляет собою первый черновик начала ч. 2, т. I, по своему содержанию значительно отличающийся от окончательного текста. Фамилии некоторых действующих лиц в этой рукописи еще не установились и отличаются от окончательного текста; так, например, старший товарищ Ростова, гусарский офицер, носит здесь фамилию не Денисова, а Гордона. Среди действующих лиц есть гусарский офицер Васька, но фамилия его тоже не Денисов, а Топоров. Офицер-вор не Телянин, а Телянов. Пехотный офицер, командир роты, где служил Долохов, называется не Тимохиным, а Иваном Захаровичем.

Значительная часть черновика зачеркнута. Как видно, первоначально Толстой намеревался начать ч. 2 с описания Николая Ростова в гусарском полку и с эпизода кражи кошелька Теляниным, но потом передвинул эти эпизоды в гл. IV—V, ч. 2.

55. Автограф на 3 лл. F^o (нумерация листов ЛБ: 43, 34 и 35).

Начало: «Войска шли сначала в большом порядке». *Конец:* «взял с него слово не подавать жалобы».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 17, стр. 303—309.

На л. 43, с которого начинается рукопись, исписана лицевая сторона и половина листа оборота. В конце стоит знак переноса после слов: «и уставился на него» (см. т. 13, стр. 305), но, как сказано в сн. 5 на той же странице, листа с продолжением текста не сохранилось. Текст переходит на л. 34 и на половину л. 35, вторая половина которого вдоль оборвана. На том же л. 34 после слов: «Кто это? — спросил он» (т. 13, стр. 306) также знак переноса, повидимому отсылающий к несохранившемуся листу.

56. Автограф на 1 л. в 4°. Не сохранилось начала и конца рукописи.

Начало с полслова: «[оза]бочены исключительно вопросами о рационах».

Конец: «который не должен бы».

Печатается в т. 13, вар. № 18, стр. 309.

57. Рукопись на 5 лл. в 4°. Нумерация ЛБ: 121, 124—127. Вся рукопись — автограф, за исключением последних 1 1/2 страниц, написанных рукою С. А. Толстой.

Начало: «2. 11 октября 1805 года». *Конец:* «был в прекрасном состоянии срав[нительно]».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 19, стр. 310—315.

Рукопись обрывается на полуслове. В автографе (рук. № 58) фраза заканчивалась следующими словами: «сравнительно с другими, приходившими в Браунау».

После слов, вписанных Толстым на полях последнего листа: «Извольте переодеться, прошу вас» (т. 13, стр. 314, строка 23 св.) поставлен отсылочный знак (звездочка) к тексту рук. № 59, где поставлен похожий знак.

В данной рукописи фамилия командира роты капитана еще не Тимохин, а Брыков.

58. Автограф на 2 лл. F^o.

Начало: «на одного из солдат, у которого виднелись пальцы». *Конец:* «он имел теперь такие блестящие надежды».

Содержание рукописи — описание смотра полка у Браунау. Видимо, эта рукопись — первый черновик, который во время работы Толстой отдал переписать и отбросил, а дальнейшую правку текста уже производил по рук. № 57.

59. Автограф на 1 л. в 4°. Лицевая сторона исписана полностью, на обороте написано только 7 строк.

Начало: «весело и счастливо. Ведь не забудьте, князь, день не ели, продрогли, у половины пальцы из сапог торчат». *Конец:* «Гм, промышчал князь Андрей». После этих слов поставлен соединительный знак х, видимо с рукописью № 57.

Содержание рукописи — разговор во время смотра полка под Браунау кн. Андрея с сыном Марьи Дмитриевны Ахросимовой, проделавшим поход из России. Рукопись является черновиком этого, не вошедшего в окончательный текст, эпизода (см. т. 13, вар. № 19, стр. 313, сн. 7, и вар. № 50, стр. 418—419).

60. Рукопись на 3 лл. F^o. Три страницы написаны рукой Е. А. Берс, видимо под диктовку Толстого, последняя страница — автограф Толстого.

Начало: «<и аристократическом обществе, как понял князь Андрей». *Конец:* «вырвал тарелку и тотчас быстро наклонившись над ней».

Из рукописи в т. 13 напечатан вар. № 20, стр. 315—317. Содержание всей рукописи — первый черновик гл. III, ч. 2, т. I: кн. Андрей в штабе Кутузова, письмо эрцгерцога Фердинанда, приезд Мака и сцена с Жирковым.

61. Автограф на 1 л. в 4°.

Начало: «<Гусарский Павлоградский полк, в котором служил Н. Ростов». *Конец:* «N[icolas] покраснел, как сукно. Он знал».

Напечатано в извлечении в т. 13, вар. № 21, стр. 317—318.

По рукописи видно, что она является продолжением работы над рукописью № 54.

62. Автограф на 2 лл. в 4°. Исписаны л. 1 и полстраницы лицевой стороны л. 2.

Начало: «<За границей. Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова». *Конец:* «и слышал весь разговор его с Кутузовым»».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 22, стр. 319—320.

Данный отрывок несомненно является продолжением работы Толстого над рук. № 60. Это видно из того, что слова: «un archiduc vaut l'autre», написанные в рук. № 60 как заметка на полях, в рук. № 62 введены в текст (см. т. 13, стр. 320).

63. Автограф в 12 строк на первой странице листа в 4°, исписанного детскими каракулями, вероятно рукой С. Л. Толстого. В отрывке — продолжение работы по исправлению эпизода с Теляниным: приход Ростова в квартиру к Телянину (см. рук. №№ 50 и 61). Содержание приближается к окончательному тексту (т. I, ч. 1, гл. V).

Приводим этот отрывок здесь полностью:

Ростов, едва удерживаясь, чтобы не бежать <по улицам деревни>, направился к квартире Телянина.

— Барина дома нет, — сказал ему денщик Телянина. — Или что случилось? — прибавил денщик, удивляясь на расстроенное лицо юнкера.

— Нет, ничего.

— Да вон они к маркитанту пошли, — и денщик указал на конец переулка на мелькнувшую фигуру Телянина.

Ростов, запыхавшись, вошел под навес маркитанта и действительно нашел тут Телянина.

64. Автограф на 2 лл. F°. В левом верхнем углу отсылочный знак.

Начало: «и двигающиеся русские и вдали французские войска». *Конец:*

«Пехотный офицер тоже не спуская глаз».

Начала и конца рукописи не сохранилось.

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 23, стр. 321—324.

Некоторые места из этого отрывка при дальнейшей работе перенесены в главы с описанием Шенграбенского сражения.

65. Автограф на 2 лл. F°.

Начало: «Когда Багратион вернулся к авангарду». *Конец:* «Награды. Д[олохов] офицер».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 24, стр. 324—329.

Рукопись является первым черновиком Шенграбенского сражения. Вторая часть ее (т. 13, стр. 328—329) — конспективные записи, потом развитые и постепенно доведенные до окончательного текста (см. рук. №№ 70, 70а, 71).

В описываемой, самой ранней, рукописи Шенграбенского сражения среди его участников упоминаются: полковник Ахросимо — сын Марьи Дмитриевны, ротный командир Белкин, батальонный командир Экономов, которых нет в окончательном тексте. Жерков назван Жемчужиним.

66. Автограф на 3 лл. в 4°. Первый лист исчерчен детскими каракулями. Нумерация ЛБ: 135—137.

Начало: «приятным и интересным». *Конец:* «Несвитской, застегивая мундир, выбежал за Жеребцовым».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 25, стр. 329—333.

Рукопись является дальнейшей разработкой рук. №№ 60 и 62, относящихся к гл. III, ч. 2, т. I, в которых описывается пребывание кн. Андрея в штабе Кутузова и приезд к Кутузову австрийского генерала Мака.

В этой рукописи уже появляются адъютанты Кутузова Несвитской и Козловский, которых нет в предыдущих рукописях. Однако фамилия ординарца Кутузова еще не Жерков, как в окончательном тексте, а Жеребцов.

67. Автограф на 2 лл. F°.

Начало: «<Les russes fuient encore». *Конец:* « — Был бы» (рукопись на этом обрывается).

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 26, стр. 333—339.

Из дневниковых записей 21, 23—24 марта и 10 апреля 1865 г. видно, что работа над этой рукописью и двумя следующими шла сейчас же после 163

работы над рук. № 64, именно в конце марта — начале апреля 1865 г. (см. т. 48, стр. 61—62).

68. Автограф на 3 лл. в 4° (лл. 57—59).

Начало: «У многих людей бывает». *Конец:* «Через час Болконский ехал <по дороге> к армии <Болконский спокойно писал>».

Ив рукописи в т. 13 напечатаны два варианта: № 27, стр. 339—343, и № 28, стр. 343—347.

Вар. № 28 — ранее написанный и зачеркнутый текст на л. 58 после слов Билибина: « — Я от посланника, — сказал он, — он посылал за мной» (см. т. 13, стр. 341). Вместо зачеркнутого написан новый текст, напечатанный в т. 13, вар. № 27, стр. 341—342, который в свою очередь тоже зачеркнут.

69. Автограф на 5 лл. в 4°. Архивная нумерация листов: 178, 170, 172 и 174.

Начало рукописи не сохранилось. Сохранившаяся часть *начинается окончанием фразы:* «чтоб воспользоваться всем». *Конец:* «Князь Андрей имел один из тех умов».

Из рукописи в т. 13 напечатаны два варианта: № 29 (стр. 344—347) и № 30 (стр. 347—351).

Из текста вар. № 30 видно, что сначала описание взятия французами моста в Вене (т. I, ч. 2, гл. XII) носило характер письма на французском языке, которое было написано «очевидно французом, жившим в Вене» (т. 13, стр. 347, сн. 1), но тут же на полях Толстой пометил: «по-русски» (стр. 348, сн. 1), как и напечатано это описание в окончательном тексте (гл. XII), но уже как рассказ Билибина кн. Андрею.

70. Автограф на 1 л. в 4°.

Начало: «В то время, как, давя друг друга, бежали обозы». *Конец:* «серыми шинелями и нечистотами».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 70, стр. 352.

Этот автограф является одним из первых черновиков, относящихся к описанию положения багратионовского отряда перед Шенграбенским сражением. Продолжая работу, Толстой написал следующий отрывок (рук. № 70а).

70а. Автограф на 1 л. в 4°.

Начало: «В то время, как по Цнаймской дороге, давя друг друга, бежали обозы и <колонны войск> <вся масса армии> вся кутузовская армия». *Конец:* «когда что-нибудь наводило его на мысль о будущем. <Только некоторые>».

Отрывок этот, печатающийся почти полностью в разделе «Добавления» в т. 15, под № 2, является, повидимому, продолжением работы Толстого над описанием кануна Шенграбенского сражения. Отрывок подвергся вновь большой авторской правке и почти полностью был отброшен. По содержанию он значительно отличается от окончательного текста и рук. №№ 70 и 71, являясь между ними промежуточным.

71. Автограф на 9 лл. в 4°. На последнем листе написано только одиннадцать зачеркнутых строк.

Архивная нумерация листов ЛБ: 204—206, 213—214, 219—222. На полях первого листа — рисунки Толстого, вероятно изображавшие схему расположений войск.

Начало: «В то время, как по Цнаймской дороге, давя друг друга, бежали обозы армии». *Конец:* «Вопрос о военной службе».

Из рукописи в т. 13 напечатаны два вар.: № 32, стр. 353—359, и № 33, стр. 359—361.

Рукопись представляет собою переработку всех предыдущих, относящихся к Шенграбенскому сражению — рук. №№ 65, 70 и 70а. Вместо них написан новый текст. При этом первые четыре абзаца — переработка рук. №№ 70 и 70а — вновь зачеркнуты (см. т. 13, стр. 353). В основу работ над следующими вариантами положена рук. № 65 — развитие намеченного там конспекта.

72. Автограф на 2 лл. F°. Нумерация ЛБ: 44, 45.

Начало: «<В 5-й роте пили водку, которая была не у всех>». *Конец:* «Еще не успел Багратион сесть на лошадь, как ординарец пришел».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 34, стр. 361—366. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», № 35-36, стр. 290—295. Там же напечатано факсимиле двух первых страниц рукописи.

Содержание рукописи значительно отличается от окончательного текста как по действующим лицам, так и по эпизодам.

73. Автограф на 2 лл. в 4°.

Начало: «<В шалаше сидел хозяин, артиллерийский офицер, называемый в отряде няня, и ротный командир>». *Конец:* «французы атаковали отряд Багратиона».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 35, стр. 366—369. Впервые опубликовано в «Литературной газете», 1935, № 64 от 20 октября, вторично в «Литературном наследстве», № 35-36, стр. 296—298.

Весь эпизод беседы капитана Тушина с командиром 5-й роты Белкиным в окончательном тексте выпущен. Мысли, высказанные в этой беседе, отчасти были перенесены автором в гл. XII, ч. 2, т. II — разговор Пьера с кн. Андреем.

74. Автограф на 2 лл. плотной бумаги в 4°.

Начало: «к[отор]ые он дал читать Белкину, не столь по свойственной арт[иллеристам] охоте к умств[енной] работе, скорее по своей склонности много читать».

— Что, читали?

— Читал, — смеясь, сказал Б[елкин]». *Конец:* «достигают состояния новой и полнейшей жизни».

По содержанию рукопись примыкает к предыдущей, № 73. Начала ее не сохранилось.

75. Автограф на 43 лл. в 4°. Некоторые листы занумерованы рукой Толстого цифрами: 64—69, 72, 74—86, 89. Промежуточные листы отсутствуют, вследствие чего получаются перерывы текста. Архивная нумерация листов: 162—169, 171, 175—177, 183—202, 215—218, 230, 234, 241—244.

Начало: «Преследуемая <под> 100-тысячной французской армией под начальством Бонапарта». *Конец:* «А вы велите».

Из рукописи в извлечениях в т. 13 напечатано семь вариантов: №№ 36—42, стр. 369—403.

Рукопись по своему содержанию вместе с последующими рукописями, кончая № 80, представляет собою новые переработанные автографы, начиная с гл. IX до конца ч. 2.

Текст вар. № 36 (т. 13, стр. 369—371) начинается на обороте л. 63 и заканчивается на полях л. 64 (ЛБ).

Текст вар. № 37 (стр. 371—372) написан на л. 171 (ЛБ). В опубликованном тексте дается лишь первый слой его, без дополнительной, более поздней, правки.

Текст вар. № 38 (стр. 372—393) начат на полях л. 64 (нумерация Толстого) и закончен на обороте л. 87 (лл. 185—201 ЛБ).

В рукописи недостает четырех листов: 6, 68, 70 и 72, что отмечено в т. 13, стр. 376 и 377.

В напечатанном варианте рукописи в конце стр. 377 приводится зачеркнутый на обороте л. 234 текст после слов: «Это вот хорошо, это так, сказал Белкин». Тексту этому в рукописи предшествует вариант, написанный на лицевой стороне того же листа, который был сначала зачеркнут, но тут же восстановлен с пометою Толстого: «Надо». Этот пропущенный текст в процессе дальнейшей работы был исправлен, вошел в текст копии — см. рук. № 82. Содержание пропущенного текста: разговор Тушина с Белкиным о бессмертии и перевоплощении — см. т. 13, вар. № 59, стр. 455—456, начиная от слов: « — Он говорит, что трава перейдет в животное».

Текст зачеркнутого вар. № 39 (стр. 393—397) написан на лл. 74—77 (по нумерации Толстого).

Текст вар. № 40 (стр. 397—402) — на лл. 241—245 об. (ЛБ).

Тексты вар. №№ 41 и 42 (стр. 402—403) — на л. 242 об. (ЛБ).

Как видно по рукописи, отдельные листы ее передавались в переписку, и дальнейшая работа шла уже по копии (рук. № 82).

76. Автограф на 1 л. в 4°, исписанном с одной стороны.

Начало: «болезненный щедущный». *Конец:* «— Да, вам хорошо».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 43, стр. 403—404.

Данный отрывок по своему содержанию примыкает к последнему абзацу вар. № 32, где зачеркнут текст, описывающий появление капитана Тушина (см. т. 13, стр. 359), и к вар. № 35, где описываются Тушин и Белкин.

77. Автограф на 2 лл. в 4°.

Начало: «П.К—ы съехались с учтивыми поклонами, речами и улыбками на устах и с скрытой злобой в сердце». *Конец:* «ни в чем незамеченному, заслуженному офицеру».

Автограф является черновиком, близким к окончательному тексту гл. XIX, ч. 2, где рассказывается о стычке полковника, командира Павлоградского гусарского полка, с пехотным генералом.

78. Автограф на 1 л. в 4°, исписана одна сторона.

Начало: «От дыма он не видел ничего». *Конец:* «пробивался на штык[ах]».

Напечатано в т. 13, вар. № 44, стр. 404—405.

Рукопись почти вся зачеркнута, в переписанном и сокращенном виде ее содержание вошло в рук. № 82, см. конец вар. № 60 (т. 13, стр. 466).

79. Автограф на 1 л. в 4°. Левый край листа с начальными буквами оборван. На обороте листа написаны только две строки.

Начало: «<В то время, как Ростов, дрожа от страха...>» *Конец:* «<Ростов, дрожа от боли и страха, холода, с лихорадочным блеском, остановив глаза на огне, сидел против костра>».

По содержанию рукопись относится к началу гл. XXI, ч. 2.

80. Автограф на 14 лл. в 4°. Половина листа б исписана с двух сторон.

Начало: «<Достигнув своей цели». *Конец:* «и велит благодарить Т[ушина]».

Из рукописи в т. 13 в извлечениях напечатано пять вариантов: №№ 45—49, стр. 405—416.

Содержание текстов рукописи — черновики к гл. XVI—XVIII, ч. 2.

В этой рукописи фамилия капитана Ананьева окончательно заменена фамилией Тушина.

Данной рукописью заканчивается первая черновая редакция ч. 2, т. I «Войны и мира».

81. Копия на 57 лл. в 4° и 2 лл. F° (автографы), всего в рукописи 59 лл.

Первичная рабочая нумерация листов: 1—30, 32—35, 37—46, 51, 53—60. Архивная нумерация ЛБ листов: 28 (F°), 120—123, 133—145, 33 (F°), 133, 146—150, 138—140, 142, 151—152, 143, 153—154, 146—157, 160—161, 158—159, 155—159, 179, 160—162.

Начало: «За границей. 1. Кутузов с главной квартирой стоял на восточной границе». *Конец:* «Grand nouvelle, mon cher».

Из рукописи в т. 13 напечатано девять вариантов: №№ 50—58, на стр. 416—448.

Листы занумерованы рукой Толстого цифрами: 1—45, 48—60.

В тексте дополнительных листов (автографов) говорится о дальнейшей переправе через Энский мост и о переживаниях Н. Ростова. Возможно, что они были написаны позже, при просмотре рукописи в конце сентября 1865 г. в связи с записью Толстого в Дневнике от 24 сентября 1865 г.: «Nicolas надо придать любовь к жизни и страх смерти на мосту, Андрею воспоминания сражения в Брюнне» (т. 48, стр. 63).

Текст автографа на л. 28 (ЛБ) оборван.

Содержание рукописи относится к гл. I—XII, ч. 2, т. I. Описываемая рукопись — первая копия ч. 2-й, в свою очередь сильно переработанная.

Вар. № 50 — автограф Толстого на лл. 1—3 об. (первичн. нумерации).

Вар. № 51 — автограф вместо зачеркнутого текста предыдущего варианта (№ 50) от слов: «— А этого-то и не угодно князю» и до конца варианта (т. 13, стр. 418—419). Он написан на дополнительном листе-вставке (л. 28) и продолжен на обороте л. 3 (первичн. нумерации).

Вар. № 52 — зачеркнутая копия на лл. 7—9 (первичн. нумерации).

Вар. № 53 — зачеркнутый автограф вместо текста предыдущего варианта на полях л. 7 (первичн. нумерации).

Вар. № 54 — копия и автограф на лл. 16—31 об. (первичн. нумерации).

Вар. № 55 — зачеркнутый автограф на л. 34 (первичн. нумерации).

Вар. № 56 — зачеркнутый автограф на полях л. 46 об. (первичн. нумерации).

Вар. № 57 — зачеркнутый автограф на л. 46 об. (первичн. нумерации).

Вар. № 58 — зачеркнутый автограф на лл. 51—57 об. (первичн. нумерации).

82. Копия С. А. Толстой на 63 лл. в 4°, с большой авторской правкой и вставками-автографами. На листах рукописи много заметок на полях и поперек текста, написанных чернилами и карандашом. Архивная нумерация ЛБ: 128—129, 109—120, 166—174, 176—181, 175, 182—214. Рукою Толстого проставлены номера глав: 1—5, 17, 19—22, 25—28.

Несколько листов нехватает.

Данная рукопись — вторая, вновь переработанная, копия ч. 2, т. I, предшествующая несохранившейся наборной рукописи «Русского вестника». Вероятно, недостающие листы и были переложены в наборную. Гл. I—V этой рукописи соответствуют главам журнального текста «Русского вестника».

Начало: «<В октябре 1805 года <война уже началась> началась первая Наполеоновская война>». *Конец:* «<Что же, капитан, отправьте меня, — просил>».

Содержание рукописи — Шенграбенское сражение.

В т. 13 в извлечениях из рукописи напечатано пять вариантов: №№ 59—63, стр. 448—472.

Вар. № 59 написан на лл. 183 об. — 202 об.. Первый абзац написан карандашом на полях. Отрывок из этой части рукописи был опубликован в журнале «Огонек», 1944, № 38 (405).

Вар. № 60 — на лл. 206—209 об. Один отрывок был опубликован там же.

Вар. № 61 написан на л. 207 вместо зачеркнутого текста вар. № 60 после гл. 26 (см. т. 13, стр. 463—466) и тоже зачеркнут.

Вар. № 62 — зачеркнутый отрывок, написанный в тексте и на полях л. 211.

Вар. № 63, занумерованный в рукописи как глава 28, написан на лл. 211—213 об.

83. Описываемая рукопись и последующие за ней две рукописи, №№ 84 и 84а, являются копиями отдельных мест текста ч. 2, т. I. Видимо, переписаны они были в процессе работы Толстого над текстом ч. 2 до написания основных, наиболее полных, копий, №№ 81 и 82.

Рук. № 83 — копия С. А. Толстой на 8 лл. в 4°, являющаяся переработкой текста рук. № 81, относящегося к гл. III—IV. См. т. 13, вар. № 54, стр. 433 (строка 22) — 437 (до конца варианта).

Архивная нумерация листов ЛБ: 122—128.

Начало: «<его, не было. По коридору послышались шаги,>». *Конец:* «Кошелек не было. — Уж не забыл ли я?»

Содержание: Жеребцов поздравляет австрийского генерала. Утро в Павлоградском полку. Пропажа кошелька Денисова.

В вариантах т. 13 тексты из этой рукописи не приведены.

84. Копия С. А. Толстой на 3 лл. в 4° с авторскими исправлениями. Первые два слова — рукой Толстого.

Начало на полях: «Тушин трус». *Далее текст:* «Во рту его была закушена курящаяся, коротенькая трубочка с солдатским табаком». *Конец:* «Тушин, махая маленькой ручкой, пошел к себе».

Рукопись является переработкой автографа, рук. «№ 75, см. т. 13, вар. № 38, стр. 376, строка 12.

84а. Копия С. А. Толстой на 3 лл. в 4° с авторскими исправлениями.

Начало: «В октябре месяце 1805 года эрцгерцог Фердинанд и начальник его штаба Мак». *Конец:* «Главнокомандующий может остаться недоволен». На полях заметка Толстого, относящаяся к ходу его дальнейшей работы над описанием смотра полка под Браунау, имеющим большое количество вариантов.

Данная рукопись — копия автографа, включенного в рук. № 81 и напечатанного в т. 13, вар. № 51, стр. 419—421.

Дальнейшие рукописи, №№ 85—89, составляют первую черновую редакцию романа, начиная от ч. 3, т. I и кончая эпилогом.

85. Рукопись на 263 лл. в 4°, состоящая из 62 лл. — автографов Толстого и 201 лл., написанных: 4 лл. рукой С. А. Толстой, остальные листы — Е. А. и Т. А. Берс, а также другими переписчиками.

Описываемую рукопись можно считать черновой редакцией: а) всей ч. 3, т. I; б) гл. I, II, V—XIV, ч. 1, т. II; в) гл. I, II, V—IX, XV—XXI, ч. 2, т. II, и г) гл. XXV, XXVI, ч. 3, т. II.

Начало: «<Князь Василий был огорчен своей неудачей в деле наследства князя Безухова». *Конец:* «<...мы не знаем и не хотим знать ни государств, [н]и народностей>».

Первичная рабочая нумерация листов рукописи: 1—13, <14—15> 26—27, 16—26, 24, 35, 28—38, <39—48> 57—66, 50—52, <55> 71, 61—112, <113—118> 119—208, 54, 310—315, 237—240, 209—230, 241—250.

Архивная нумерация листов ЛБ: 1—10, 26, 27, 11—45, 56—65, 217—261, 105—115, 262—266, 46, 116—163, 50—67, 68—71, 271—283, 60—63, 284—287, 64, 66—76, 65, 101—104, 288—309, 100—105, 310—313, 314—323, 315.

На обороте двух листов рукой Толстого по тексту рисунок мальчика, разговаривающего с женщиной, держащей другого ребенка на руках.

Из описываемой рукописи в т. 13 в извлечениях напечатано двадцать три варианта. Из них пятнадцать вариантов: №№ 64—78 — к ч. 3, т. I; три варианта: №№ 81, 82 и 84 — к ч. 1, т. II; три варианта: №№ 86—88 — к ч. 2, т. II; два варианта: №№ 112 и 113 — к ч. 3, т. II.

Вар. № 64 (стр. 472—478) печатается по автографу на лл. 1, 2, 24—28 (ЛБ). Два отрывка с небольшими переделками вошли в окончательный текст гл. I.

Вар. № 65 (стр. 478—484) — автограф на лл. 2—7 (ЛБ). Текст подвергся большой авторской переработке. Около половины его зачеркнуто. В тексте варианта дается первый слой без последующих поправок.

Вар. № 66 (стр. 484—485) — зачеркнутый автограф на лл. 6 об. — 7 об. Содержание относится к гл. II.¹

Вар. № 67 (стр. 485—488). Начало — автограф на 3 лл. (10 об. — 12). Далее текст переходит на листы, написанные переписчиками и подвергшиеся¹ в т. 13 опечатка: *напечатано:* гл. VII *вместо:* гл. II.

сильной авторской переработке. Содержание относится к гл. III — приезд Курагиных в Лысье Горы.¹

Два отрывка вошли с небольшими переделками в окончательный текст.

Вар. № 68 (стр. 488—489) — зачеркнутый автограф на лл. 16 об. — 17 об.

Вар. № 69 (стр. 489—504) относится к гл. IV—VIII, а не к гл. III, IV, как ошибочно напечатано в т. 13. Текст его написан рукой Толстого (лл. 15—23, 35—42), далее, кончая л. 59 об., — переписчиком.

Значительные по размерам части вошли с небольшими исправлениями в гл. IV—VI окончательного текста.

Отрывок из этого варианта, напечатанный в т. 13 на стр. 496—499, *от слов:* «<В эту-то ночь> Nicolas Ростов, получив от Бориса записку», *кончая:* «ехал к Борису», был опубликован в 1939 г. в «Литературном наследстве», № 35-36, стр. 306—308. Там же — факсимиле отрывка «Сон», который не вошел в окончательный текст.

Текст вар. № 69 с небольшими изменениями вошел в окончательный текст гл. IV—VII.

Вар. № 70 (стр. 504) написан рукой переписчика на л. 71. Последних трех слов напечатанного варианта в данной рукописи нет, они взяты для связи из последующих копий.

Вар. №№ 71 и 72 (стр. 504—507) — зачеркнутые тексты, написанные переписчиком на лл. 71 об. — 73.

Вар. № 73 (стр. 507—523) написан рукой переписчика на лл. 67—109. На л. 108 об. (ЛБ) текст *от слов:* «те огни и крики», *кончая:* «Приказ на 102 и 103 л.» написан карандашом. Восемь отрывков рукописи с небольшими исправлениями вошли в окончательный текст соответствующих глав.

Вар. № 74 (стр. 523—525) — зачеркнутый текст на лл. 113 об. — 115 об. (ЛБ) со вставками и дополнениями Толстого при последующем просмотре этих листов. Последующая редакция этого отрывка была напечатана в «Литературном наследстве», № 35-36, стр. 310—311.

Вар. № 75 (стр. 525—528) — зачеркнутый текст, написанный рукой переписчика на лл. 262—266 (ЛБ), конец — на л. 116 (ЛБ).

Вар. № 76 (стр. 528—529) — автограф, написанный при последующем просмотре рукописи на одном листе, исписанном с двух сторон — доп. л. 46 (ЛБ). Текст написан вместо зачеркнутых двух последних абзацев вар. № 75 (см. т. 13, стр. 528).

Текст вар. № 77 (стр. 529—539) написан рукой переписчика с последующими исправлениями Толстого на лл. 116—138 (ЛБ).

Вар. № 78 (стр. 539—540) зачеркнут; текст на лл. 133—134 об. рукой переписчика.

На полях л. 116 (ЛБ) заметка карандашом: «Был 9-й час утра, туман молочным морем расстилался по низам, скрывая отступавшие их войска». На полях л. 140 заметка карандашом: «А мы подались на 1-ю линию». На полях л. 148 заметка карандашом: «Тут ген[ерал] убит с страш. Так потонул. Долохов.¹ В т. 13 опечатка: *напечатано:* гл. VII *вместо:* гл. III.

Наступление лесом». На полях л. 149 заметка карандашом: «Болконский лежит и слышит. С этого начать». На полях л. 151 заметка карандашом: «Он видел высокое, безучастное небо и строй мыслей б[ыл] сообразен небу. Наполеон казался маленьким». На полях л. 155 заметка карандашом: «Личная только правда».

Вар. № 81 (стр. 542—545) — текст рукой переписчика на лл. 158—166, большая часть которого зачеркнута.

Вар. № 82 (стр. 545—550) — автограф на лл. 68—71 об.

Вар. № 84 (стр. 576—583) — лл. 179—189 написаны рукой переписчика (ЛБ).

Вар. № 86 (стр. 589—614) — текст рукой переписчика и автограф на листах архивной нумерации: 278—283 об., 58—63, 284—287 об., 64, далее автограф-вставка на листах 66—76 об. *от слов*: «И с этими словами, кивнув Рьеру» (т. 13, стр. 602) и до конца варианта текст *этих* листов рукописи — первая черновая редакция гл. I, II, III, VI, VII, XI, XII, ч. 2, т. II, значительно отличающаяся от окончательного текста, например: знакомство Пьера со стариком-масоном происходит не в Торжке, а в Петербурге, на квартире Пьера; в рукописи появляется новое лицо — «хитрый, подбострастный делец», бывший семинарист Захар Никодимыч Благовещенский. С ним Пьер видался у себя дома в первые дни по приезде в Петербург. Но вместе с тем ряд мест из этой части рукописи перешел с некоторыми изменениями в гл. V, XI и XII окончательного текста.

Вар. № 87 (стр. 614—615) — текст рукой переписчика на лл. 285—287 (ЛБ); текст сплошь зачеркнут, кроме последней фразы. Поперек всего текста сделана Толстым помета об изменении содержания: «Встреча с Борисом. Он курьером прислан» (см. т. 13, сн. 3 на стр. 615).

Вар. № 88 (стр. 616—643). Начало варианта написано рукой переписчика на лл. 64 об. — 65 об., являющееся продолжением текста предыдущего варианта после вставки и знака переноса. Далее продолжение текста, как указано в сн. 8 на стр. 616, ввиду перерыва в рукописи, взято из рук. № 86, являющейся копией с данной рукописи. Текст варианта *от слов*: «Старый князь только что приехал», *кончая*: «Мою дуру, княжну Марью полюби» (т. 13, стр. 617—618) — автограф-вставка (лл. 101 об. — 102). Вслед за этими словами в т. 13 на последней строке стр. 618 напечатана ошибочная заметка: [*«Далее в рукописи недостает трех листов»*]. В действительности после цитированных выше слов текст варианта продолжается на л. 102 пропущенного в т. 13 автографа *от слов*: «Князь Андрей повел Пьера к княжне Марье», *кончая*: «было послано прошение об отпуске богучаровских крестьян на волю». Этот текст близок к окончательному тексту гл. XIII и XIV, хотя в окончательном тексте переставлен порядок действия: по черновику-автографу Пьер сейчас же по приезде с кн. Андреем в Лысые Горы знакомится со старым князем и после его, приведенных выше, слов о кн. Марье отправляется на ее половину и беседует со странниками. После текста этого автографа действительно недостает двух листов, 207 и 208 (первичной нумерации), которые должны предшествовать тексту варианта на лл. 288—291, напечатанному в т. 13 на стр. 619—620 (до отделительной черты). Следующий же текст (конец стр. 171

620—621 до последнего абзаца) — автограф-вставка на лл. 291—292 об., после чего — вновь текст рукой переписчика.

Последний отрывок рукописи был опубликован впервые в «Литературной газете» от 20 ноября 1935 г. и второй раз в 1939 г. в № 35-36 «Литературного наследства», стр. 328—334.

Дальнейший текст варианта *от слов*: «князь Андрей не остался гостить», *кончая*: «Молодец» (т. 13, стр. 627—628), был написан первоначально на полях л. 299 и далее продолжен на пяти листах вставки-автографа (лл. 299 об. — 304 об.), кончая словами: «— Я был при N» (стр. 639). Далее опять рука переписчика, кончая словами на лл. 304—309: «Офицеры разошлись» (стр. 642). Далее — автограф до конца варианта (лл. 309—313).

При дальнейшей разработке варианта пребывание князя Андрея Болконского в Отрадном у Ростовых было передвинуто из ч. 2 в гл. I—III ч. 3. См. конец вар. № 115, т. 13, стр. 754—759.

Вар. № 112 (т. 13, стр. 741—744) — рукой переписчика с большими исправлениями (значительные куски текста были зачеркнуты и заменены новыми вставками на полях лл. 314—321 об.).

Вар. № 113 (т. 13, стр. 744—745) — текст, написанный рукой переписчика, начинается с середины фразы на л. 315—315 об. Большая часть текста зачеркнута.

86. Рукопись на 256 лл. в 4°, состоящая из 242 лл. копий и 14 лл. автографов. 149 лл. копий написаны рукой С. А. Толстой и имеют первичную перебивающуюся нумерацию: 1, 2, 135—354 (многих листов нет). 43 лл. написаны рукой других переписчиков и также имеют первичную перебивающуюся нумерацию рукой Толстого (ряд листов имеет двойную нумерацию) — лл.: 93, 94, <95> 97, 98—103, 101—106, <107> 113 — <108> 114, 114—117, <118> 115—116, <120> 117—122, <119> 120—122, 126—129, <130> 126—<133> 129, 130, 156—167. Кроме того, все листы имеют нумерацию ЛБ, также перебивающуюся. Автографы: 47—49, 72—78, 94—95, 107—108; копии: 1—2, 34—57, 84—96, 91, 90—93, 79—83, 96—99, 101—105, 116—117, 109—122, 118—125, 129—132, 124—158, 165—177, 177—250, 267—270, 324—353. Листы копий, имеющие нумерацию ЛБ: 97, 101—105, 116—125, 129—132 (всего 20 лл.) переложены в состав этой рукописи из наборной.

Содержание рукописи относится: а) ко всей ч. 3, т. I; б) ко всей ч. 1, т. II; в) к гл. I—II, V—XIV, ч. 2, т. II, и г) к гл. I, III, IV, XXV и XXVI, ч. 3, т. II.

Начало: «<Вейротер — австрийский генерал был главной пружиной деятельности>». *Конец*: «в самой глубине его души».

Из рукописи в т. 13 в извлечениях напечатаны четыре варианта. Из них: один вар., № 80 — к ч. 3, т. I, два вар., №№ 83 и 85 — к ч. 1, т. II, один вар., № 114 — к ч. 3, т. II. Вар. № 79, напечатанный в т. 13 на стр. 540—541, ошибочно обозначен как взятый из рук. № 86, в действительности он напечатан по наборной рукописи.

Вар. № 80 (стр. 541) — зачеркнутая копия на лл. 270—118 ЛБ.

Вар. № 83 (стр. 550—575) — копия на лл. 211—248. Первую редакцию — см. в рук. № 85, вар. №№ 81 и 82.

Вар. № 85 (стр. 583—589) — 7 лл. автографов и 5 лл. копий. Вторая редакция гл. X—XVI, ч. 1, т. II, более приближающаяся к окончательному тексту (ср. вар. №№ 82, 84).

Вар. № 114 (стр. 745—751) — копия рукой С. А. Толстой на лл. 141 и 150. Одна из ранних редакций гл. I и II, ч. 3, т. II, переписанных с несохранившихся автографов.

86а. Автограф на 4 лл. в 4° (97—100 об.), по содержанию относится к гл. IX, ч. 2, т. II.

Начало: «Depuis nos beaux succès». *Конец:* «какой-то странный зверек».

86б. Автограф на 2 лл. (105—106 об.) в 4°, относится к гл. I и III, ч. 3, т. III.

Начало: «К[нязь] А[ндрей] сказал отцу». *Конец:* «Сущность всей его жизни».

Видимо, оба автографа (рук. №№ 86а и 86б) были написаны во время работы Толстого над рук. № 86, но в состав ее не вошли.

87. Копия рукой неизвестного на 102 лл. в 4°, являющаяся третьей редакцией всей ч. 3, т. I, предшествующая наборной рукописи.

Занумерованы (рукой Толстого) листы: 1—64, 71—87, 93—98 и тринадцать листов остались занумерованными. Первичная нумерация лл. 88 и 89 исправлена на лл. 93 и 94. Авторские поправки — только на этих двух листах. Нумерация листов ЛБ: 3—104. Два листа, 1 и 2 (ЛБ), были переложены в рук. № 86; двадцать восемь листов: 65—70 (первичной нумерации) и 22 лл. без первичной нумерации переложены в наборную, получив там нумерацию: 68—73, 110—112, 130—148.

Начало: «Часть 2-я. Князь Василий не обдумывал своих планов». *Конец:* «Ребята! крикнул громким самоуверенным голосом Милорадович» (см. т. I, ч. 3, гл. V).

В т. 13 варианты из рук. № 87 не приведены.

88. Рукопись на 216 лл., из которых 211 лл. в 4° и 5 лл. обрезков разной величины. Копии, с новыми авторскими переработками, ч. 2, 3, 4 и 5, т. II, и отдельных кусков текста, входящего в эти части. В состав рукописи входит 63 лл. копий, сделанных С. А. Толстой, 122 лл. копий — рукой других переписчиков, 31 лл. дополнительных вставок-автографов Толстого.

Часть листов копий имеет первичную рабочую нумерацию: 73—78, <85> 84—103, 117—120, 135—137, 146—155, 8—16, 21—25, 23, 1—3, 6, 2, <3> 2, 1—4. Автографы: 1—3, 16—18, 52—53, 69—71, 105, 110.

Архивная нумерация ЛБ: 1—33, 77—86, 313—314, 167—168, 175—189, 171—174, 107—109, 170, 190—236, 133, 134, 277—312, 148, 150, 158—159, 162—165, 170—174, 237—245, 252—276, 246—250, 141—143, 162—166, 169.

На полях л. 306 (ЛБ) — рисунок Толстого мужской головы чернилами.

Начало: «После своего объяснения с женой Риегге приехал в Петербург». *Конец* — автограф на обрезке: «Конец III ч. III тома».

Из рукописи напечатано в т. 13 в извлечениях семнадцать вариантов:

а) четыре варианта, №№ 89—91 и 94, относятся к ч. 2;

б) пять вариантов, №№ 115—118 и 120 — к ч. 3;

- в) два варианта, №№ 129—130 — к ч. 4;
г) шесть вариантов, №№ 153, 154, 156—159 — к ч. 5.

В тексты некоторых вариантов входит часть листов, которые были переложены в наборную рукопись.

Вар. № 89 (стр. 643—655) — копия и автограф на лл. <85> 84—95 (первичной нумерации), последние три листа — автограф. Остальные листы копии рукой переписчика, переработанные Толстым. Вторая редакция гл. III—IV, ч. 2, т. II. Первую редакцию см. в рук. № 85, вар № 86.

Вар. № 90 (стр. 655—663) — копия рукой С. А. Толстой на лл. 147 (первичной нумерации), 155 и 158, который переложен в наборную (*от слов*: «храброму офицеру», стр. 662, строка 22 св.).

В тексте этой рукописи кавалерийский генерал, которому Ростов передал заявление Денисова, — Багратион. В окончательном тексте фамилия генерала не названа.

Вар. № 91 (стр. 663—664) — автограф на полях л. 148 об. вместо зачеркнутой (на стр. 655—657) части предыдущего варианта.

Вар. № 94 (стр. 666—667). Начало его — копия рукой неизвестного, лл. 77 об. — 78 (первичной нумерации), *далее от слов*: «вывод одной единственной науки — натуры» (стр. 667) печатается по тексту л. 79, переложённому в наборную рукопись.

Вар. № 115 (стр. 751—759) — копия рукой С. А. Толстой на 6 лл. Конец варианта *от слов*: «как преступление» (стр. 758, последняя строка) печатается по тексту л. 11 наборной рукописи.

Текст варианта *от слов*: «Граф Илья Андреевич в 1809 году жил в Отрадном», *кончая*: «дуб так странно и памятно поразил его» (стр. 756—757), представляет собой вставку-автограф Толстого на полях, где впервые написан эпизод с Наташей в лунную ночь. Гл. II этой части рукописи представляет вторую редакцию текста (см. рук. № 85, вар. № 88, стр. 627—628).

Вар. № 116 (стр. 759) — зачеркнутый автограф, начатый на об. л. 199 (ЛБ) и продолженный на л. 61 наборной рукописи, начиная *от слов*: «к клавикордам».

Вар. № 117 (стр. 760—763). Начало — автограф, *кончая словами*: «ехать вместе к Ростовым, тем более, что» (стр. 760), далее копия рукой переписчика.

Вар. № 118 (стр. 763), начиная со второго абзаца — автограф на полях л. 220 об. (ЛБ), почти полностью зачеркнут.

Вар. № 120 (стр. 764—767) — автограф на полях лл. 229—236 (ЛБ), между ними копия с обильными авторскими исправлениями.

Вар. № 129 (стр. 798) — зачеркнутый автограф на полях л. 248 (ЛБ), продолженный на отдельном л. 141 (ЛБ).

Вар. № 130 (стр. 798) — текст на лл. 142—143, лежащих в наборной рукописи после л. 42.

Вар. № 153 (стр. 871—872) — зачеркнутая копия, написанная рукой С. А. Толстой, с авторскими поправками. *От слов*: «Кому говорю всё это?» и до конца варианта — новый автограф на лл. 259 об. — 260 (ЛБ).

Вар. № 154 (стр. 872) — копия рукой переписчика на л. 265 (ЛБ), почти вся зачеркнутая и вновь написанная.

Вар. № 156 (стр. 874—875) — автограф на 3 лл., написан с одной стороны на лл. 148—150. В т. 13, на стр. 874, ошибочно помечен как относящийся к рук. № 91.

Вар. № 157 (стр. 875—878) — автограф на четырех лл. 162—165 (ЛБ), исписанных с двух сторон.

Вар. № 158 (т. 13, стр. 878—879) — копия рукой С. Л. Толстой, совершенно переработанная Толстым, на лл. 303 об. — 304. *От слов:* «Анатоль уже второй день жил у Долохова» — новый автограф.

Вар. № 159 (т. 13, стр. 879—880) — зачеркнутый автограф на полях копии л. 303 об. (ЛБ).

88а. Копия на 6 лл. в 4°. Листы занумерованы рукой Толстого цифрами: 23—26, 41—43; архивная нумерация тех же листов: 253—258. Рукопись, повидимому, является черновиком к наборной, написанной перед нею, но после рук. № 88.

Содержание относится частично к гл. V—VI и X, ч. 1, т. II — дуэль Пьера с Долоховым.

Начало: «На другой день в (Сокольниках) 8 часов утра Pierre». *Конец:* «Она настаивала, что он злой».

89. Автограф на 333 лл., из которых 331 лл. в 4° и 2 лл. на голубой почтовой бумаге. Имеют первичную рабочую нумерацию 224 лл. цифрами: 355—360, 362, 364—365, 369—370, 372—380, <367—368> <381—382> 381—450, 452—472, 475—479, 480—510, 512—532, 536—581, 589, 597—626. В листах рукописи есть перерывы, нехватает 24 лл. с первичной нумерацией цифрами: 361, 363, 366, 371, 451, 473—474, 511, 533—534, 582—588, 590—596.

Кроме перечисленных листов, в состав рукописи входят еще 109 лл. дополнительных автографов, не имеющих первичной рабочей нумерации. Видимо, они были написаны позже.

Все листы, входящие в рукопись, имеют архивную нумерацию ЛБ следующими цифрами: 1—5, 113, 6—11, 12—19, 21—25, 30—31, 130, 26—29, 110—128, 32—56, 135, 57—61, 136—140, 62—112, 146—147, 152—153, 114—117, 151, 118—124, 154, 125—131, 155—156, 160—161, 168, 132—136, 166—167, 132—139, 140—141, 152—156, 142—147, 175—176, 172—191, 182—184, 148—151, 157—171, 179—181, 192—195, 189—203, 204—207, 234—239, 240—241, 210—211, 230—236, 242—244, 218—225, 214—217, 226—233, 218, 208—217, 198, 245—274.

Начало: «<Прошло два года.) Никто уже не поминал о Буонапарте». *Конец:* «дождались возвращения Nicolas, Андрея. Конец».

Описываемая рукопись является основной рукописью-автографом Толстого, которая находилась в работе на всем протяжении окончания романа. Новая рукопись включила события, начиная с ч. 3, т. II (в наст. изд.) и кончая эпилогом.

Следовательно, основную часть рукописи можно считать первой редакцией продолжения и окончания романа (с некоторым перерывом текста) под предполагавшимся тогда заглавием: «Всё хорошо, что хорошо кончается».

Так как исправления и всякого рода дополнения в рукопись вносились в значительной части не в момент написания, а при последующих просмотрах 175

рукописи почти до самого конца работы, то первой редакцией можно бы было считать текст первого написания (первый слой), если бы его в точности можно было отделить от последующих исправлений, что далеко не всегда возможно.

Время написания рукописи можно установить довольно точно. Начата она была в конце 1865 г. или в январе 1866 г. и закончена не позднее осени 1866 г.

Всего из рукописи № 89 в тт. 13 и 14 напечатано семьдесят вариантов: в т. 13 — сорок шесть вариантов, в т. 14 — двадцать четыре варианта. Из 333 лл., составляющих рукопись, в вариантах обоих томов напечатаны тексты с 311 лл., то есть 90 процентов всей рукописи. Приблизительно 10 процентов (22 лл.) составляют тексты, близкие к окончательному и потому в вариантах не напечатанные.

В разделе «Планы и заметки к «Войне и миру» напечатан один вар. № 19 (т. 13, стр. 35—36). Текст его в рукописи написан на лл. 480—481 (первичной нумерации). На обороте л. 481 написаны заметки к дальнейшему развитию романа, оставшиеся не напечатанными в т. 13:

Comte Pierre de Besuchoff.

P[ierre] 666. L'empereur Napoleon 42.

Комета к[няз]ю Андрею.

29 мая Растопчин назначен.

9 апреля госуд[арь] выехал из Пет[ербурга].

4 мая Кут[узов] подписал мир с Турцией.

Далее следует зачеркнутый текст вар. № 166 (см. т. 14, стр. 46).

Ряд эпизодов, намеченных в этом конспекте, совсем не получил развития в тексте романа, например: Долохов, после Бородинского сражения убивающий Анатоля Курагина, жена Пьера Элен, захваченная и убитая французами, и ряд других эпизодов. В конце конспекта содержится разговор князя Андрея с Н. Ростовым о народном характере войны 1812 г. Конспект этот был написан осенью 1865 г. Таким образом, народный характер Отечественной войны 1812 г. в сознании автора определился почти с самого начала работы над романом, во всяком случае уже в 1865 г., то есть за четыре года до окончания романа. Об этом же свидетельствуют и записи в конспекте о партизанах. Между прочим, по первоначальному замыслу, начальником Денисова, партизанским генералом, должен был быть Берг (т. 13, стр. 36).

В разделе «Вступления, предисловия и варианты начал «Войны и мира» напечатан вар. № 5 (т. 13, стр. 58—68). Текст варианта начат на л. 382 (первичной нумерации) и продолжен на лл. 383—388 (первичной нумерации). После текста — рисунок пером. В тексте варианта № 5 приводится только первый, основной, слой рукописи, без последующих авторских поправок. Зачеркнутый автограф на листе 382 (т. 13, стр. 58) был отброшен в самом начале, а описание нарышкинского бала (т. 13, стр. 59—68) использовано при дальнейшей работе над рук. № 89.

Впервые был опубликован А. Е. Грузинским в журнале «Новый мир» 1925, 6, стр. 38—48, под заглавием «Бал у Нарышкиных 1811 г. (Одно из предполагаемых начал романа)». Редакция этой первой публикации 176

несколько иная, так как в ее текст введены последующие авторские исправления.

В числе 44 вариантов, относящихся к т. II «Войны и мира», в т. 13 напечатаны в извлечениях из описываемой рукописи: 14 вариантов к ч. 3 (№№ 98—111); 8 — к ч. 4 (№№ 121—128); 22 — к ч. 5 (№№ 131—152).

Вар. № 98 (стр. 671—673) относится к вводной части гл. I — дружба императоров Александра и Наполеона в 1809 г.; внутренние преобразования этого периода в России. В окончательном тексте эта часть гл. I значительно сокращена. Вариант написан позднее, при последующем просмотре рукописи, на отдельном листке (34 ЛБ), без первичной нумерации.

В вар. № 99 (стр. 673—679) приводится лишь первый слой рукописи, без дальнейших исправлений. Большая часть текста зачеркнута (см. вар. № 142). На полях л. 5 (ЛБ) поперек текста во время работы набросаны заметки для памяти о дальнейшем развитии романа. Напечатаны в т. 13, в сн. 2 на стр. 679.

Вар. № 100 (стр. 679—693) — второй слой той же рукописи, написанный вместо зачеркнутого текста вар. № 99.

Вар. № 101 (стр. 693—696) написан на лл. 12—13 (ЛБ).

Вар. № 102 (стр. 696—697) — зачеркнутый автограф на лл. 12—13 (ЛБ), первый набросок к гл. XI—XIII.

Вар. № 103 (стр. 697—705) — написан на лл. 21—28 (ЛБ). Два отрывка с небольшими изменениями вошли в гл. XIII и X окончательного текста.

Вар. № 104 (стр. 705—706) — зачеркнутый автограф на л. 28 об. — 29 (ЛБ).

Вар. № 105 (стр. 706—716) — начало варианта на л. 29 (ЛБ), на обороте его — заметка: Писать и пи[сать]. Далее текст переходит на лл. 110—128 (ЛБ).

Вар. № 106 (стр. 716) — зачеркнутый автограф на л. 39 — конспективные записи к гл. XVI.

Вар. № 107 (стр. 717—721) написан на лл. 41—45 (ЛБ).

Вар. № 108 (стр. 721—731). Начало его на лл. 46—56. Приводится лишь первый слой, без дальнейших поправок. Окончание варианта *от слов*: «Выйдя от Бергов, князь Андрей» (стр. 730) — позднейшая вставка-автограф на л. 135 (ЛБ), вместо зачеркнутого текста на л. 56 (ЛБ), т. 13, сн. 7 на стр. 729—730.

Вар. № 109 (стр. 731—732) — зачеркнутый и отброшенный автограф на л. 57 (ЛБ).

Вар. № 110 (стр. 732—734) — автограф на лл. 60—61, в большей своей части зачеркнутый. Приводится лишь первый слой текста.

Вар. № 111 (стр. 734—741). Новый автограф вместо зачеркнутого предыдущего, с большими вставками на полях и на отдельных листах. Текст написан на лл. 57—61 (ЛБ), далее вставка на двух листах (на втором написано только 9 строк) — 136—137 (ЛБ). *После слов*: «<Наташа была спокойна и счастлива>» (стр. 738, сн. 4), *кончая словами*: «прожившие эту зиму в Москве» (стр. 739, в конце), — новая вставка на четырех листах.

На этом кончаются варианты рук. № 89, напечатанные в т. 13, относящиеся к ч. 3, т. II. Продолжение рукописи, начиная с л. 405 первичной нумерации (л. 62 ЛБ), относится к ч. 4 того же тома.

В т. 13 под № 121 (стр. 767) напечатан вариант, относящийся к другому месту рукописи, ее продолжению (лл. 461—461 об.). Он представляет собою краткий конспект к чч. 4 и 5 «Войны и мира», а последние две записи: «Общий ход дел — народная война» и «Старик Болконский умирает и княжна Марья, Bourienne» — относятся уже к т. III «Войны и мира». Конспект этот в рукописи зачеркнут.

Вар. № 122 (стр. 767—768) — зачеркнутый автограф на лл. 62—63.

Вар. № 123 (стр. 768—772) — автограф, начатый на тех же листах, что и предыдущий, написанный вместо него. Текст рукописи приближается к окончательному, начало и еще три отрывка отличаются от нее лишь небольшими стилистическими разночтениями.

Вар. № 124 (стр. 772) — зачеркнутое продолжение текста предыдущего варианта.

Вар. № 125 (стр. 773—786) — текст, написанный на лл. 69—87 об. (ЛБ), является первым черновым автографом гл. III—VIII—охота, вечер у дядюшки. Черновик весьма близок к окончательному тексту, отличаясь от него лишь большими подробностями. Исправлений сравнительно мало.

Вар. № 126 (стр. 786—787) — зачеркнутый автограф на лл. 87—88 об. В черновике говорится о письме кн. Андрея к старой графине, написанном из Тирасполя, чего совсем нет в окончательном тексте.

Вар. № 127 (стр. 787—788) — автограф на обороте того же листа, очевидно написанный вместо отброшенного предыдущего.

Вар. № 128 (стр. 788—798). Текст написан на лл. 89—100 (ЛБ) с двумя вставками на отдельных листах. Четыре отрывка (три — к гл. X и один — к гл. XII—XIII) с небольшими редакционными исправлениями вошли в окончательный текст.

В этом первом черновике есть одна деталь, отброшенная в самом начале: богатая невеста Жюли, на которой старая графиня хотела женить Николая Ростова, была единственной дочерью М. Д. Ахросимовой.

Далее в рукописи следует текст, относящийся к пятой и последней части т. II.

Вар. № 131 (стр. 799—800) — зачеркнутое продолжение текста предыдущего варианта. Далее — текст, относящийся к гл. I, ч. 5. На том же листе написан новый вариант, № 132, который был опять зачеркнут (стр. 800). К нему присоединен черновик продолжения, относящийся к гл. II — приезд старого Болконского с дочерью и Бурьен в Москву.

Вар. № 133 (стр. 801) — зачеркнутый текст. Написан на тех же листах, что и предыдущие два варианта.

Вместо зачеркнутых текстов вариантов №№ 131—133 был написан новый вариант, № 134 (стр. 801—811), включающий в себя переработанное содержание отброшенных вариантов.

В рукописи нехватает одного листа, 451-го (первичной нумерации), но копия его сохранилась.

Вар. № 135 (стр. 812—815), написанный на двух листах, представляет собою текст, описывающий поездку кн. Андрея не за границу, а на Дунай, 178

не нашедший отражения в окончательном тексте. К разработке этого варианта Толстой не возвращался. Краткий конспект этого варианта был намечен на полях вар. № 100 (см. т. 13, стр. 679, сн. 2).

Вар. № 136 (стр. 815—818) — позднейший автограф па двух листах.

Вар. № 137 (стр. 819—820) — зачеркнутый автограф на лл. 459—460 (первичной нумерации).

Вар. № 138 (стр. 820—821) — также зачеркнутый автограф. Как и предшествующий отрывок, может быть отнесен к гл. XI, хотя при дальнейшей разработке текста он, видимо, не принимался во внимание.

Вар. № 139 (стр. 821—824). Начало его — зачеркнутый автограф на л. 462 (первичной нумерации). На полях оборота этого листа поперек текста написано: Анатолий был добрый славный малый и карандашом по написанному тексту: Наташа пишет Андрею, что она любит — готова и ждать не может.

Вслед за текстами, которые относятся к гл. IX, следуют краткие конспективные записи содержания, относящиеся к концу т. II и следующего тома, посвященного 1812 году.

Вар. № 140 (стр. 824—835) — на лл. 463—472 об. (первичной нумерации). Ряд мест зачеркнут. Приводится лишь первый слой.

Вар. № 141 (стр. 835—838) — второй слой текста предыдущего варианта. *От слов:* «В одну из самых тихих минут» (т. 13, стр. 836, строка 27 св.) — вставка-автограф на л. 154 (ЛБ).

Вар. № 142 (стр. 838—839) — написан сразу после текста вар. № 99.

Вар. № 143 (стр. 839—844) — разработка текста предыдущего варианта.

Вар. № 144 (стр. 844—846) — зачеркнутый дополнительный автограф, содержащий разработку того же эпизода — о романе Анатолия и Наташи.

Вар. № 145 (стр. 846—854), с таким же содержанием, уже приближается к окончательному тексту гл. XII—XV.

Вар. № 146 (стр. 855—857) — зачеркнутый автограф на об. л. 161 (ЛБ).

Вар. № 147 (стр. 857) — зачеркнутый автограф, написанный вместо предыдущего на об. лл. 161—162 (ЛБ).

Вар. № 148 (стр. 857—858) — новый (третий) вариант встречи Пьера с Анатолием.

Вар. № 149 (стр. 859—860) — четвертый вариант встречи Пьера с Анатолием — на квартире Долохова. Начало, *до слов:* «Долохов с своим уменьем всё устроил», зачеркнуто. Продолжение — на отдельном листе.

Вар. № 150 (стр. 860) — зачеркнутый автограф на дополнительном листе — пятый вариант той же встречи.

Вар. № 151 (стр. 860—861) — зачеркнутый вариант того же эпизода, написанный в первом черновике на двух листах.

Вар. № 152 (стр. 861—871) — последний вариант данной рукописи — по наст. изд. конец т. II, ч. 5, гл. XX—XXII.

Вар. №№ 160—183 из рук. № 89, относящиеся к т. III (по наст. изд.), напечатанные в т. 14, извлекаются из второй половины рукописи. лл. 480—626 первичной нумерации, они же — лл. 140—274 архивной нумерации (ЛБ), и дополнительные к ним автографы.

Вар. № 160 (т. 14, стр. 11—15) к гл. I—III, ч. 1, т. III, написан на лл. 147 об. — 149 (ЛБ).

Вар. № 161 (стр. 15—18) — автограф на лл. 149 об. — 151 об. Первый черновик гл. II, ч. 1.

Текст варианта впервые был опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 581—584.

Вар. № 162 (стр. 18—19) — зачеркнутый автограф на лл. 149—149 об.

Вар. № 163 (стр. 19—33). Текст написан на лл. 159—170. Отдельные места этой части рукописи с небольшими исправлениями вошли в гл. V—VII, ч. 1 окончательного текста.

Вар. № 164 (стр. 33—41). Текст, написанный на лл. 170—176, относится к гл. VIII—IX, ч. 1. Конспект, написанный на полях л. 176 (см. т. 14, стр. 41, сн. 5), был тут же детально разработан на лл. 176—182, и с небольшими изменениями текст его составил конец гл. IX окончательного текста.

Три отрывка из этой части рукописи были опубликованы в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 584—589.

Вар. № 165 (стр. 42—46) — первый черновик, без последующих поправок (первый слой). Большая часть текста первого черновика зачеркнута, переработана и близко подведена к окончательному тексту гл. XII—XV, ч. 1.

Впервые опубликовано в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 589—594.

Вар. № 166 (стр. 46) — зачеркнутый и отброшенный в дальнейшей работе отрывок. Начало его написано на обороте л. 141, далее *после слов*: «она не хотела переменять» (строка 19 сн.) текст перешел на л. 152.

На лл. 140—141 написан текст варианта, напечатанного в т. 13 под № 19 (стр. 35—36) в разделе «Планы и заметки к «Войне и миру».

Вар. № 167 (стр. 47—50) — написан на лл. 152—154 вместо зачеркнутого текста вар. № 166.

Вар. № 168 (стр. 50—56) — написан на лл. 192—196, начало зачеркнуто. Конец данной части рукописи с небольшими исправлениями вошел в гл. XXI—XXIII окончательного текста.

Вар. № 169 (стр. 56—58) — разработка части текста предшествующего варианта на лл. 192 об. — 195.

Два отрывка из варианта впервые были опубликованы в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 594—597.

Вар. № 170 (стр. 58—59) — дополнительный автограф, написанный позднее на обороте л. 195.

Один отрывок варианта был опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 597.

Данным вариантом заканчиваются извлеченные из рук. № 89 варианты к ч. 1, т. III. Далее, кончая вар. № 182, в т. 14 печатаются варианты к ч. 2, т. III.

Вар. № 171 (стр. 59—79), текст его — на лл. 208—225, со многими вставками на полях и на отдельных листах, написанными при дальнейшей работе.

Один отрывок из этого варианта был опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 599—603.

Отдельные, сильно исправленные листы этой части рукописи выделены в два последующие варианта, №№ 172 и 173.

Вар. № 172 (стр. 80—81) — зачеркнутый автограф на лл. 215—216. Отрывок самой первой черновой редакции гл. IV, ч. 2. Печатается только первый слой рукописи, без дальнейших исправлений. Переработанный же текст — на стр. 72—75, вар. № 171.

Текст варианта опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 598—599.

Вар. № 173 (стр. 81—84) — зачеркнутый автограф на лл. 221—223.

Вместо этого чернового варианта, намечающего лишь последовательность событий после отъезда в Смоленск Алпатыча, при следующем просмотре рукописи, был написан новый текст, напечатанный в конце вар. № 171, стр. 78—79.

Далее на л. 223 — конспект на полях, напечатанный в сн. 1 на стр. 84, намечающий дальнейшее развитие сюжета романа.

Большая часть варианта опубликована в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 603—605.

Вар. № 174 (стр. 84) — вставка-автограф на полях л. 225 с переносным знаком к лл. 223—225 (563—565 первичной нумерации) и надписью: «Петербург, стр. 565», на которых написан конспект, напечатанный в сн. 3 на стр. 84.

Дальнейший текст на лл. 226—227 близок к тексту гл. VI—VII окончательного текста.

Вар. № 175 (стр. 84—87) — первый слой рукописи на лл. 228—229 об., почти весь зачеркнутый при вторичном просмотре. На полях вместо зачеркнутого текста написан новый, приближающийся к окончательному.

Конец варианта опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 606—607.

Вар. № 176 (стр. 87—91) — продолжение текста л. 229 об., кончая л. 233 об. Напечатанный текст варианта является первой редакцией (первый слой) гл. XXVI — XXVIII, ч. 2. Конец варианта *от слов*: «Результатом ближайшим этого убийства...» (стр. 91) до конца варианта — дополнительный автограф, написанный позднее на л. 218.

Два отрывка этой части рукописи после некоторых стилистических исправлений вошли в гл. XXVI и XIX окончательного текста.

Вар. № 177 (стр. 91) — автограф на полях лл. 231 об. — 232 об., написанный вместо зачеркнутого текста первой редакции (см. т. 14, стр. 89, начиная с третьего абзаца).

Вар. № 178 (стр. 92—97) написан на лл. 234—235 об. и вставке на одном листе. Первый черновик гл. XVII, XVIII, XX и XXI, ч. 2. Все листы рукописи с большим количеством исправлений и перестановок, которые отмечены в сносках под строкою текста в т. 14.

Два отрывка этого варианта впервые были опубликованы: 1) в «Записках отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», Соцэкгиз, 1939, стр. 8—9; 2) в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академия наук СССР, М. 1951, стр. 607—608.

Дальнейшую разработку этого варианта см. в рук. № 91, вар. № 186.

Вар. № 179 (стр. 97—102) — продолжение текста вар. № 178 на листе, занумерованном цифрою 238, на котором написано зачеркнутое начало варианта, кончая словами: «с адъютантом Гучковым и поехал» (стр. 97).

Отрывок был опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 607—608. Другой отрывок, как продолжение предыдущего (№ 178), был опубликован в «Записках отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», стр. 10—11.

Вар. № 180 (стр. 102—123) — первый черновик беседы Пьера с кн. Андреем перед Бородинским сражением (гл. XXIV—XXV окончательного текста). Набросок описания начала Бородинского сражения, ранения кн. Андрея. Впоследствии было развито в ч. 1, т. III.

Первый черновик написан на лл. 239 об. — 241 об., вставка — на лл. 230—236 и дальнейший текст — на лл. 242—244.

Вставка на лл. 230—236 *начинается* от слов в зач. тексте (стр. 107, сн. 12): «завязался разговор» и *кончается* словами: «куда-то и найти себе дело» (конец стр. 118). Большая часть текста после исправлений подверглась новой переработке. Часть листов этого нового автографа настолько испорчена, что невозможно их прочесть. Для связи с текстом эти места рукописи печатаются по копии.

Вар. № 181 (стр. 123—126) и вар. № 182 (стр. 126—127) — автографы, написанные на лл. 204—207 (ЛБ) (лл. 545—548 первичной нумерации) в разбивку и в два столбца. Возможно, судя по положению листов в рукописи, что они были написаны в виде варианта, с которого должна была начаться ч. 2, т. III, но потом, после переработки, весь текст был перенесен в гл. XXVIII той же части т. III. В т. 14 оба варианта отнесены условно к гл. XXVIII.

Вар. № 183 (стр. 127—164) — автограф на лл. 597—626 об. первичной нумерации. В рукописи после л. 590 первичной нумерации не хватает шести листов. Следующий лист был занумерован цифрой 596 и затем цифрой 626.

Эта последняя часть рук. № 89 начинается с продолжения фразы словами: «Соня прак[тичная]». Дальнейший текст рукописи представляет собою первый черновик-автограф продолжения и окончания всего романа, начиная с середины ч. 3, т. III и кончая ч. 1 эпилога.

90. Автограф на одной стороне листа F^o, к нему пришта часть листа.

Начало: «По воскресеньям Марья Дмитриевна ездила в остроги и тюрьмы». *Конец*: «Ну, да и это ничего, только бы он скорее приехал».

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 154, стр. 872—874.

В окончательный текст отрывок не вошел, хотя и был написан, судя по его внешнему виду, как вставка в корректуру.

91. 39 лл. в 4° с новыми автографами Толстого (взамен отброшенных в процессе переработки рук. № 89) и 6 лл. копий рукой С. А. Толстой, всего 45 лл.

Рукопись условно разделяется на две части: 1) 21 лл. автографов, из которых только 9 лл. имеют первичную постраничную нумерацию (начиная с пятого по счету): 1—9, нумерация ЛБ тех же листов: 199—211, 219—221, 225—228; 2) 18 лл. новых автографов, первичная нумерация которых, 182

начиная со второго по счету: 67—77 и 81, нумерация ЛБ тех же листов: 241—258; кроме того, 6 лл. копий, в которых первичная нумерация имеется лишь на двух лл.: 79—80, нумерация ЛБ этих листов: 116—121.

Начало рукописи: «От Смоленска войска продолжали отступать». *Конец:* «беспримерным в истории подвигом».

Время написания *первой части* рукописи можно определить между концом 1866 г. и ближайшими днями после поездки в Бородино (25—27 сентября 1867 г.).

Процесс работы Толстого над этой рукописью, видимо, шел следующим порядком: сначала были написаны новые автографы на 21 лл., составляющие первую часть рукописи, потом, после возвращения из поездки в Бородино, Толстой написал заново остальные 18 лл. и переработал 6 лл. прежних копий. Из этого получилось новое описание Бородинского сражения.

Из первой части рукописи в т. 14 напечатаны четыре варианта, №№ 184—187.

В варианты не включены тексты двух первых листов рукописи, близкие к гл. V окончательного текста — встреча в Смоленске кн. Андрея с Алпатычем.

Далее не сохранился один лист с текстом, оканчивающимся в начале следующего листа и относящимся к гл. VII — встреча и разговор Наполеона с Лаврушкой.

Приводим сохранившийся конец этого текста: L'oiseau qu'en rendit aux champs qui l'on vu paître поскакал влево, выехал к казакам, расспросил, где был Павлоградский полк, состоявший в отряде Платова, и к вечеру же нашел своего барина Nicolas Ростова <в Богучарове>, стоявшего в Янкове и только что севшего верхом, чтобы с Ильиным сделать прогулку до Богучарова. Он дал другую лошадь Лаврушке и взял его с собой.

Вар. № 184 (стр. 165—185) на лл. 201—209 об. — вставка в первую редакцию (рук. № 89), после слов вар. № 171: «она едет с отцом и племянником в Москву» (стр. 79). Здесь впервые появляется староста Дрон и рассказывается более подробно, чем в окончательном тексте, его биография. Впервые описывается сходка крестьян, кн. Марья на сходке и освобождение ее Николаем Ростовым.

Вар. № 185 (стр. 185—186) — предварительные заметки к новому описанию Бородинского сражения (после поездки Толстого в Бородино). На двух половинках лл. 220 и 221 (ЛБ) находятся два рисунка расположения войск перед Бородинским сражением, потом включенные в гл. XIX окончательного текста.

Видимо, эти листы рукописи тесно связаны с теми заметками, которые Толстой сделал в Бородине (напечатаны в т. 13, в разделе «Планы и заметки», на стр. 39—40, вар. № 24).

Вар. № 186 (стр. 186—190) — новый автограф (на 9 лл.), вместо отброшенного текста рук. № 89 (см. вар. № 178, стр. 96—97).

Текст вар. № 187 (стр. 190—192) — автограф на одном листе, представляющий собою также предварительные заметки к новому описанию Бородинского сражения.

Вторая часть рукописи — 18 лл. автографов и 6 лл. переработанных копий с рук. № 89. Тексты этих листов — то новое описание Бородинского сражения, про которое Толстой по приезде из Бородина в Москву писал 27 сентября 1867 г. С. А. Толстой: «...Я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было».¹

Работа над этой частью рукописи проходила, видимо, в следующем порядке: 1) Сразу же был написан основной текст, возможно в один присест (судя по почерку и чернилам) и со сравнительно малым количеством исправлений, которые делались во время писания. Текст этих 12 лл. напечатан полностью в вар. № 188 (т. 14, стр. 192—212), за исключением двух мест, весьма близких к окончательному тексту гл. XXX—XXXII.

После написания новых 12 лл. Толстой перерабатывает 6 лл. копии первого черновика (рук. № 89), в результате чего получается текст вар. № 189 (т. 14, стр. 212—217).

Далее Толстой зачеркивает листы копии и на последнем листе пишет новый текст, продолжая его на пяти дополнительных листах. Эта часть работы, относящаяся к гл. XXXV—XXXIX, напечатана в вар. № 190 (стр. 217—224). В дальнейшем, уже в позднейшей стадии работ над корректурами, этот вариант был отброшен.

Вариант впервые опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 613—614.

92. Копия рук. №№ 89 и 91 с текстами к ч. 1 и 2, т. III. После перехода ряда листов в наборную в рукописи осталось 148 лл., состоящих из 132 лл. копий рукой С. А. Толстой и других переписчиков и новых автографов Толстого на 16 отдельных листах. Все листы рукописи обычного размера — в 4°, за исключением одного, написанного на почтовой бумаге голубого цвета.

Начало: «Более года перед нашествием 12-го года». *Конец:* «сильнейшего духом противника».

Содержание рукописи значительно ближе к окончательному тексту, чем первые рукописи (89 и 91), но вместе с тем во многом и отличается от него. Дальнейшая работа над первыми двумя частями т. III проходила частично в рук. № 93, в наборной и в корректурах.

Работа над рукописью шла после переписки предшествующих первых черновых рукописей ч. 1 и 2, т. III, в конце 1867 г., и продолжалась, видимо, в первые месяцы 1868 г.

К ч. 1, т. III, относятся 39 лл. Листы эти не имеют рабочей авторской нумерации. Архивная нумерация ЛБ — копии: 1—26, 28—36 и четыре дополнительных листа автографов: 27, 37, 177 и 178.

Начало рукописи, написанное на полях, опубликовано в т. 14, вар. № 191 (стр. 224—225).

Следующие 6 лл. копий были переложены в наборную рукопись, где занумерованы цифрами: 6—11.

На л. 8 (ЛБ) — заглавие рукой Толстого: Том IV, часть первая, 1. Далее следует полный французский текст письма Наполеона к Александру I, написанный рукой С. А. Толстой, и на полях текста этого письма помета рукой Толстого: Перевести. В гл. I, ч. 1 окончательного¹ Т. 83, стр. 152 и 153.

текста осталось только начало этого письма: «Monsieur, mon frère, je consens à rendre le duché au duc d'Oldenbourg» [«Государь, брат мой, я соглашаюсь возвратить герцогство Ольденбургское герцогу»].

После текста этого письма в рукописи следует новый автограф на одном листе. После зачеркнутого текста копии на л. 17 (ЛБ) — второй автограф-вставка (л. 178, ЛБ).

После л. 33 (ЛБ) в процессе дальнейшей работы было переложено три листа в наборную рукопись, где они занумерованы цифрами: 90—92.

Из 109 лл., относящихся к ч. 2, некоторые листы имеют первичную авторскую нумерацию: 1—3, дальше постраничная пагинация: 13—19 и опять полистная: 11—16, 19—20, 23—25, 37—42, 84—86, 89—91, 96—102, 104.

Нумерация листов ЛБ с перерывами: 38—82, 84, 103—115, 122—136, 140—168, 170 (он же 134); кроме того — новые автографы, лл. 213, 222, 223, 224, 229. Лл. 51, 59—61, 107 попорчены: пожелтелые от сырости пятна, у л. 80 оборван нижний угол, у л. 150 оборван верхний угол, л. 140 — обрезок, на котором написано лишь две строки, у л. 170, который имеет вторичный номер 134, обрезана верхняя часть.

После л. 158 следует вставка-автограф на 1 л., исписанная с одной стороны. На обороте этого листа — автографы, в значительной части не имеющие отношения к текстам «Войны и мира»: 5 листов 300 р. за текст, 400 р. за печать. Далее арифметические вычисления. За ними — следующий текст: Имя Голи[цына]

От 6 до 9 — 1) азбука (с руководством обучения).

2) русск. 3) фр[анцузск.] 4) английск. 5) сказки.

От 9 до 12 — 1) лошади, 2) Уваров, 3) киргизик, 4) Кутузов, 5) Тихон, 6) История 12 года, Долохов.

От 12 до 15 — 7) Плутарх, 8) <Исаков> Гумбольт, Лютер,

9) Зоология, Кристоф, биографии истории. Польск <повести>

Охоты. Скачки. Силачи стрелки. <Воины> Гурт[?] волки[?] Кишка. Бирюлева.

40 лл. из этой рукописи были в процессе работы переложены в наборную, где они занумерованы цифрами: 24—36, 44, 87—105, 134—139.

Кроме того, переложен в наборную л. 83, где он положен после л. 38.

Из оставшихся, после перехода некоторых листов в наборную, 109 лл., относящихся к ч. 2, т. III, в т. 14 в извлечениях напечатано 14 вариантов, №№ 191—204 (стр. 224—263), к гл. I, VIII—XIV, XIX—XXIII, XXV—XXIX, XXXI, XXXVI и XXXIX. Текстологические комментарии их приведены в т. 14 под строкою в сносках.

Черновики описываемой рукописи по несколько раз подвергались авторской переработке, как видно, не в один прием, вследствие чего имеют несколько слоев исправлений, и не всегда возможно точно и верно разграничить эти слои. Таков, например, вар. № 195 на стр. 241—242, т. 14.

Вместе с тем многие отрывки первоначального текста с небольшими стилистическими поправками были введены в окончательный текст. Места эти отмечены при печатании вариантов в т. 14.

93. Рукопись образовалась из отдельных листов первой основной копии (рук. № 92), переписанных заново после многочисленных исправлений для наборной. Таким образом, данную рукопись следует считать сборной и промежуточной между основной копией (рук. № 92) и наборной. В свою очередь и она подвергалась переработке.

В общей сложности в рук. № 93 входит 17 л. в 4° и один дополнительный автограф-вставка, всего 18 лл.

В первую группу листов, составляющих рукопись, входят 13 лл. копий рукой С. А. Толстой и 1 л. — автограф с пометой Толстого: «к стр. 3» (исписан только с одной стороны).

Нумерация страниц рукой Толстого: 1—4, 13—20, 25—28, далее лист без цифры, верх которого, вероятно с текстом, оборван; далее нумерация идет уже не по страницам, а, как обычно, по листам: 29, 34, 35. Архивная нумерация ЛБ: 85—98. Последующие лл. 36—45 (по авторской нумерации) были переложены в наборную, где занумерованы цифрами 75—85.

Начало первой части рукописи: «(Новая глава). Княжна Марья не была в Москве вне опасности». *Конец:* «в этой любви нет ничего преступного и невозможного». Содержание относится к гл. VIII—XIV, ч. 2.

Вторая группа листов состоит из 4 лл. копий рукой С. А. Толстой, занумерованных рукой Толстого цифрами: 59, 60, 63 и 64 (нумерация тех же листов ЛБ: 99—102).

Начало второй части рукописи: «(Новая глава). После завтрака». *Конец:* «Игра началась».

94. Рукопись состоит из черновиков к ч. 3, т. III. В нее входит (после перехода ряда листов в последующие) 27 лл. в 4°, за исключением одного (л. 191), написанного на почтовой бумаге. Рукопись создавалась последовательно, видимо без перерыва, после работ над ч. 1 и 2 того же тома, то есть в первые месяцы 1868 г.

Рабочей нумерации листов в этой рукописи нет. Архивная нумерация листов (ЛБ): 1—6, 8—16, 191, 22—26, 175—180. Из рукописи в процессе дальнейшей работы шесть листов переложены: л. 7 в наборную, где он стал 31-м, и в корректуры: лл. 17—21.

Начало: «Том V. Часть первая. Бородинское сражение выиграно». *Конец:* «в котором была учреждена гауптвахта».

В т. 14 в извлечениях напечатано восемь вариантов, №№ 205—209, 214, 216 и 217.

Вар. № 205 (стр. 264—267) — автограф начала рукописи на одном листе, продолжение, *от слов:* «слоях ее, которые» (стр. 266, строка 9 св.) — на полях зачеркнутой копии, напечатанной в вар. № 206 (стр. 267—268).

Вариант был опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 617—618.

Вар. № 206 впервые опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 618—619.

Вар. №№ 207—209 (стр. 268—281) представляют собою новые редакции эпизода бегства Пьера из своего дома после возвращения из Можайска в Москву и переселения его *incognito* в дом Аксиньи Ларивоновны.

Вар. № 208 — вторая редакция этого эпизода.

Вар. № 209 — автограф на полях копии предшествующего варианта, продолжение — правленая копия (третья редакция гл. XVIII).

Варианты существенно отличаются по содержанию от окончательного текста гл. XVIII, ч. 3, т. III, к которым их следует отнести.

Содержание вариантов также резко отличается от первого краткого упоминания об этом эпизоде в рук. № 89 (вар. № 183). Там лишь сказано, что Пьер переселяется в семью своего дворецкого, где помогает ему в его делах свояченица дворецкого Мавра Кондратьевна. Здесь и в дальнейших вариантах она получает имя Анисьи Ларивоновны, кратко приводится ее жизнеописание. Пьер поселяется в доме Аксиньи Ларивоновны на Пресне, вводится на сцену ее муж и пр. Пишется новый вариант об извозчике, который везет Пьера по улицам Москвы и ведет с ним разговор. Все эти эпизоды имеют ряд редакций в данной рукописи и в последующих вплоть до наборной, где роль Анисьи Ларивоновны получает слуга масона Баздеева, роль мужа Аксиньи Ларивоновны («Суворова») переходит к брату Баздеева, алкоголику, Макару Алексеевичу. Французский офицер-постоялец сначала носит фамилию Пончини, затем Мельвиль или Мервиль и, наконец, Рамбаль, как в окончательном тексте. При этом в разных вариантах по-разному дается характеристика француза-офицера. Многочисленные редакции этого эпизода показывают, что Толстой настойчиво работал над ним не только в данной рукописи, но и в дальнейших, вплоть до корректур. См. вар. №№ 210, 211, 220, 221, 238, 239, 250, 251.

Вар. №№ 210—213 — см. рук. № 95.

Вар. № 214 (стр. 290—292) — автограф на 2 лл. (15—16), начало которого и конец не сохранились. Вариант этот по своему содержанию является совершенно новым эпизодом, нашедшим лишь слабое отражение в окончательном тексте. В черновике описываются подробно два сумасшедших, выпущенных из желтого дома, причем один из них — знакомый Пьера и Верещагина, приговоренного Растопчиным к смерти, назван Иваном Макарычем. В варианте приводится довольно подробно его биография и описывается наружность. В окончательный текст гл. XXV в описание наружности сумасшедшего, бегущего за дрожками Растопчина после убийства Верещагина, из данного черновика перешла без изменения лишь одна фраза: «Черные, агатовые зрочки его бегали низко и тревожно по шафранно-желтым белкам» (т. 11, стр. 352, строки 6—7 св.). Все остальное в окончательном тексте изменено. Личность Ивана Макарыча, его связь с Верещагиным и знакомство их обоих с Пьером Безуховым опущены совсем.

Вариант впервые опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 620—622.

Варианты №№ 216 и 217 (стр. 293—296) относятся к той же главе, причем первый (№ 216) — это автограф, очевидно после перерыва продолжающий текст предыдущего черновика, второй же (№ 217) копия (л. 191) с несохранившегося автографа той же рукописи.

95. Сборная рукопись ч. 3, т. III, составленная из 23 лл. Из них 10 лл. — автографы на листах F°, 8 лл. — автографы на листах в 4° и 1 л. — автограф на обрезке, 4 лл. копий, из которых 3 лл. в 4° и 1 л. F°.

Часть рукописного материала ч. 3, т. III включается в одну сборную рукопись потому, что трудно точно установить последовательность написания данных листов и безошибочно определить, к какому именно этапу творческой работы над ч. 3 они относятся.

В данную рукопись, наряду с автографами, включены 4 лл. копий, переписанных в отдельности вне связи с другими во время работы Толстого по подготовке наборной рукописи.

Из рукописи в т. 14 напечатано девять вариантов: №№ 210, 211, 212, 213, 215, 218, 219, 220 и 221.

Начало: «Всякий раз, как я вижу движение паровоза». *Конец:* «учреждена гауптвахта».

Текст автографа, с которого начинается рукопись, написан на части листа и состоит из двух абзацев, которые целиком вошли в гл. I, ч. 3 окончательного текста. Возможно, он представляет собою вставку в корректуру, так как копии с него не найдено.

Далее в рукопись включается копия рукой С. А. Толстой на 3 лл. в 4° (лл. 181—183 ЛБ) к гл. XVIII, ч. 3, являющаяся копией автографа на лл. 179—180 рук. № 92.

Переработанный текст копии печатается в вар. № 210 (стр. 281—284).

К черновикам той же гл. XVIII относится автограф на 2 лл. F° (лл. 73 и 74), текст которого печатается полностью в вар. № 211 (стр. 284—288). Вариант этот по содержанию является продолжением вариантов с аналогичным содержанием из рук. №№ 94 и 95. Но здесь по-новому описывается домашний быт Аксиньи Ларивоновны. Интересна конспективно-плановая запись на полях л. 73, относящаяся к развитию сюжета (см. т. 14, стр. 284, строка 9 сн.). Судя по внешнему виду, этот вариант был написан не одновременно с вариантами к той же гл. XVIII из рук. № 94, а несколько позже, но до наборной рукописи, где Аксинья Ларивоновна заменена Герасимом.

Далее следует автограф на одном листе F°, исписанном на одной стороне. Лист поврежден. Внизу — еле заметная карандашная запись Толстого: «к стр....» Текст этого автографа, написанный вместо зачеркнутого текста копии (см. на стр. 289, строка 9 сн.), напечатан полностью в вар. № 212 (стр. 288—289). Непосредственным продолжением автографа является оставшаяся незачеркнутой часть копии С. А. Толстой на одном листе F°, исписанном на одной стороне. К листу пришта нитками часть листа, на которой написано продолжение. Видимо, текст этого листа был переписан отдельно с найденного автографа, и Толстой продолжал работу над гл. XXIII уже на этом переписанном листе. Текст этого листа напечатан полностью в вар. № 213 (стр. 289—290).

Далее следует автограф на 2 лл. F° с обрезанной верхней частью. Текст автографа является черновиком к гл. XXII, XX и XXV. *Начало от слов:* «офицер улыбаясь» относится к концу гл. XXII окончательного текста, а *конец:* «Москва была пуста, как колодка обезматочившего улья. Потеряв всякий смысл жизни, любви и связи, <грабители пчелы> оставшиеся <грабители> пчелы сонно, бессмысленно сновали между ульями». Этот, выделенный двумя чертами, в начале и в конце, текст разработан

в окончательном тексте в отдельную гл. XX, первый абзац которой начинается именно этими словами.

В вар. № 215 (стр. 292—293) печатается лишь зачеркнутая часть на л. 72. Зачеркнутый текст был заново переработан и вошел после этого в гл. XXV окончательного текста.

После зачеркнутого текста написан новый текст и путем знака х перенесен к другой рукописи. С этой новой рукописи текст был переписан в наборную *от слов*: «человечек. Он остановился подле дрожek Растопчина...», *кончая*: «продолжал делать угрожающие жесты уезжающему Растопчину». Опубликовано в конце вар. № 240 (стр. 391—392).

На обороте л. 72 написан автограф Толстого, видимо не относящийся к «Войне и миру»: Тимофею стеречь. Дороги неезжены. Стричь овец[?].

Следующий автограф на одном листе F^o (л. 75) — черновик к той же гл. XXV о Растопчине после ухода из Москвы русских войск. Автограф начинается с окончания слова «ны», видимо начало было написано на другом листе, который не сохранился, или же данный автограф является вставкой в несохранившуюся корректуру. Текст автографа напечатан полностью в вар. № 218 (стр. 296—297).

Далее на одном листе F^o (л. 76) написан новый текст, вошедший с небольшими изменениями в окончательный текст гл. XXIV *от слов*: «насколько она была полезна и отражалась на народе», *кончая*: «должны быть виноватые». Возможно, что этот лист также является вставкой в корректуру, так как копии его нет.

Следующие листы рукописи — автограф на 3 лл. (лл. 68, 69 и 70) — являются черновиками к гл. XXVI и XXVII.

Зачеркнутый текст на л. 68 об., относимый к черновикам гл. XXVI, составляет содержание вар. № 219 (т. 14, стр. 297—298). Впервые опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 623—624.

Зачеркнутый текст автографа на л. 70, относимый к гл. XXVII, судя по содержанию и по именам лиц: Баздеева и его брата Макара Алексеевича, был написан позднее, видимо во время работы над корректурами. Текст его напечатан в вар. № 220 (т. 14, стр. 298—300).

Текст, написанный на обороте того же л. 70 другим пером и более крупным почерком, начинающийся *словами*: «<6-го с ночи> <В ночь с 6-го на 7-е не переставая двигались войска> 7 октября», *кончая*: «через 5 минут двери балагана отворились», в процессе дальнейшей работы был отнесен к гл. XI и XIII, ч. 2, т. IV. См. т. 15, вар. №№ 264 и 265.

Последние листы рукописи — это 8 лл. с автографами Толстого в 4° (лл. 28—35), являющихся черновиками к двум заключительным гл., XXXIII и XXXIV, т. III. Текст их напечатан в вар. №221 (т. 14, стр. 300—312).

95а. Копия на 14 лл. в 4° (лл. 229—242) рукой С. А. Толстой, кроме двух последних листов, переписанных рукой А. М. Кузминского. Она является второй копией с автографа, составляющего текст вар. № 221, который был исправлен Толстым в первой копии. В исправленном виде текст этот был вставлен в корректуру.

956. Автограф Толстого карандашом на стр. 503 т. I книги генерал-майора М. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам», СПб. 1859, хранящейся в яснополянской библиотеке.

Текст автографа: «7 августа кн. Багратион в своей стоянке <Смол.> Михайловке на Смоленской дороге писал следующее. [Далее следует в книге текст письма Багратиона к Аракчееву.] Он писал Аракчееву, но знал, что письмо его будет прочтено государем, и потому, насколько он к этому был способен, он обдумывал каждое свое слово».

Текст этот, написанный на странице книги, без всяких изменений вошел в гл. V, ч. 2, т. III (см. т. 11, стр. 125).

На этом кончаются черновые рукописи к т. III «Войны и мира».

96. Рукопись на 150 лл., из них 147 лл. в 4° и 3 л. F°, состоящая из автографов и копий предыдущих рукописей. Рукопись относится ко всему т. IV, кроме эпилога.

Начало на л. 36; «<Обыкновенно> <большинство молодых людей в то время состояло на службе, и когда читаешь к ним письма, слышишь рассказы того времени, невольно представляется, что все русские люди осенью 1812 года — от мала до велика, были заняты только тем, чтобы жертвовать жизнью, спасти отечество, или плакать над его гибелью, но в то время> В то время, как Россия была завоевана». Конец на л. 152: «и всё это было не выдуманно, а правда».

Рабочая нумерация Толстого имеется не на всех листах и носит случайный характер. Цифры листов следующие: 1—3, 3—6, 7—11, 6, 40—42, 52, 53, 56, 57. По архивной нумерации ЛБ листы, составляющие рукопись, хотя занумерованы все, но сложены не в порядке номеров, и, кроме того, некоторые цифры повторяются дважды. Архивные номера листов следующие: 1—2, 5—6, 28—31, 36—38, 41—56, 51, 58, 60—64, 61, 63—65, 67, 69—75, 77—79, 78, 78—83, 85—90, 86, 101—103, 104, 105, 108—118, 121—152, 249—268, 275—291.

Как видно по листам рукописи, работа шла одновременно и по исправлению некоторых листов копий первого черновика окончания романа (рук. № 89, вар. № 183 в т. 14) и по написанию новых черновых текстов. Кроме того, многие вновь написанные листы тут же отдавались в переписку, в переписанной копии вновь перерабатывались и с новыми исправлениями отдавались на новую переписку. Часто переписанные копии не удовлетворяли автора, и вместо исправления их он писал новые тексты, которые также в свою очередь переписывались и вновь исправлялись. В результате в одной и той же рукописи получалось по два и более вариантов к одному и тому же месту, написанных почти одновременно на разных листах, причем автографы перемежались с копиями. Примером такой работы могут служить варианты с описанием Пьера в плену и партизан.

Работа Толстого шла по всему тексту, кроме эпилога, и уже потом листы разбивались на части и главы. В результате получалось, что черновики, написанные в начале рукописи, нередко передвигались в середину или в конец тома.

Из рук. № 96 в т. 15 в извлечениях напечатано 33 варианта, №№ 252—260, 262—264, 266—269, 271—276, 279, 281—290.

Начальные листы рукописи (автограф Толстого на лл. 36—38) почти совпадают с окончательным текстом гл. I—IV, и варианты с этих листов не приводятся.

Вар. №№ 252—253 (т. 15, стр. 9—13) взяты с лл. 38—38 об. и 41 об. — 42 (автографы).

Вар. № 254 (стр. 13—22) начинается исправлением копии конца предшествующего варианта на одном листе (л. 43) и продолжается на 5 лл. с новыми текстами. Листы занумерованы рукой Толстого через лист цифрами: 40, 41 и 42.

Отрывок (стр. 19—22) был опубликован в «Литературном наследстве», № 35-36, стр. 346—349.

Далее следует копия без поправок на 11 лл. (лл. 249—259), переписанная С. А. Толстой с соответствующих листов первого чернового варианта окончания «Войны и мира» *от слов*: «В половине сентября Ростовы со своим транспортом переехали в Тамбов», *кончая*: «жили под Гарутиным с хорошими поварами и винами, и песенниками, и музыкой, и даже женщинами» (рук. № 89, т. 14, вар. № 183, стр. 148—155).

Начало копии было опубликовано А. Е. Грузинским в «Новом мире», 1925, 7, стр. 27—32.

На полях л. 249 — рабочая помета Толстого к развитию сюжета: Кн. Марья и Nicolas уже тут. Кн. Андрей умирает. На полях л. 250 — арифметические вычисления. Лл. 256—258 копии зачеркнуты, вместо зачеркнутого вписан новый текст, кончающийся на отдельном л. 259. Возможно, что Толстой, просматривая листы копии, начал исправлять их только с л. 256 и, отбросив начало, заново написал новый текст, составивший текст варианта № 254.

Далее следуют 6 лл. копии рук. № 89 (лл. 260—265), относящиеся к пребыванию Пьера в плену, текст копии зачеркнут и вместо него на полях написан новый текст, напечатанный в т. 15, вар. № 255 (стр. 23—26). Переработанное позднее содержание варианта частично было отнесено к гл. IX—XII, ч. 1, частично к гл. XII, ч. 2.

Некоторые куски этого варианта, отмеченные в тексте, с небольшими изменениями вошли в окончательный текст гл. IX—XI, ч. 1.

Конец варианта был опубликован в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, 1951, стр. 624—626.

Вар. № 256 (стр. 26—35) начинается с автографа на отдельных листах, написанных вместо зачеркнутого текста предыдущего варианта *от слов*: «С первого же дня после казни» (см. стр. 25) и продолженного на лл. 51, 265—268 переработанной копии первого черновика (рук. № 89, т. 14).

Последовательность текста данного варианта устанавливается авторскими указаниями — нумерацией листов рукописи цифрами: 3—11.

В написанных заново листах этого варианта (л. 49) впервые появляется Платон Каратаев.

Вар. № 257 (стр. 35—37) напечатан по переработанным вновь двум листам копии начала предыдущего варианта, относящегося к гл. XII, ч. 1, т. IV.

Вар. № 258 (стр. 37) — зачеркнутый автограф на полях копии с частью текста (на л. 288) следующего варианта.

Вар. № 259 (стр. 37—44) начинается на л. 276 копии, сплошь переработанной.

Лист этот находится в крайне ветхом состоянии, он порван и порезан внизу, на полях его — цифра рукой Толстого: 1. Далее текст переходит на 4 лл. такой же переработанной копии текста вар. № 256 и затем на 4 лл. копии (277—280), текст которых близок к окончательному и в вариантах т. 15 не печатается. Л. 278 занумерован рукой Толстого цифрой 2. От л. 279 отрезан кусок текста, написанного сверху, на полях, и занумерован ЛБ цифрой 280. На л. 281 — первичная авторская нумерация цифрой 3.

Вар. № 260 (стр. 44—48) — радикально переработанная копия (на лл. 282—285) предыдущих вариантов. От прежних текстов остались лишь отдельные фразы и слова.

Текст следующих автографов на лл. 51—56 близок к гл. XIV—XVI, ч. 1 окончательного текста и в вариантах т. 15 не приводится.

Вар. № 262 (стр. 49—52) — автограф на 1 л. F° (58), сложенном пополам, представляет собою один из первых черновиков к гл. I—III, VII и X, ч. 2, т. IV «Войны и мира».

Далее в рукописи следуют лл. 60—64, на которых написан текст вар. № 263 (стр. 52—55), являющийся черновиком к гл. IV—X, ч. 2, т. IV.

Значительные куски этого черновика вошли в гл. IV—VII и X окончательного текста. На последующих трех листах (69—71) написаны черновики к гл. XI и XIII, ч. 2 окончательного текста, напечатанные в т. 15 в вар. № 264 (стр. 55—60). В этой рукописи еще фамилия знакомого Пьеру француза Пончини, а не Рамбаль: возможно, что данный черновик мог быть написан ранее, чем была переработана копия лл. 265—268 вар. № 256 (стр. 32—35), где фамилия офицера уже не Пончини, а Рамбаль.

Продолжение рукописи — автографы на 8 лл. (67, 69—75) — напечатано в т. 15, вар. №№ 266—269 (стр. 65—71), а последующие автографы на 6 лл. (78—83) — в т. 15, вар. № 271 (стр. 76—85).

Черновики, относящиеся к гл. XIX, ч. 2, т. IV, кончаются автографами на лл. 85, 88—90, в конце которых написан черновик уже к ч. 3 т. IV. Текст этих листов напечатан в вар. № 272 (стр. 85—89).

Черновики к ч. 3 т. IV начинаются на 2 лл. F° с текстом к гл. I, с многочисленными авторскими исправлениями (верхние концы листов оборваны, на л. 2 написано только 17¹/₂ строк). Текст этих листов напечатан в вар. № 273 (стр. 89—91). Далее следует автограф на 2 лл. (86 и 87) с черновиками к гл. I—II. Текст этих листов напечатан в вар. № 274 (стр. 91—93). Это первый черновик места о «дубине народной войны» (т. IV, ч. 3, гл. I). Текст этот был написан сразу и без переделок вошел в окончательную редакцию, как и следующее за ним начало гл. II.

Далее следуют листы копии первой редакции окончания «Войны и мира» (т. 14, вар. № 183), начало зачеркнуто и написан на полях л. 29 новый текст, напечатанный в вар. № 275 (стр. 94). На следующем л. 30 — продолжение копии первого черновика, где рукой С. А. Толстой выписана цитата из II т. сочинений Тьера, указанная в рукописи № 89 (см. т. 14, вар. № 183, стр. 156), и продолжена копия текста того же варианта, кончая вторым абзацем на стр. 157.

С оборота л. 30 текст переходит на лл. 61, 63, 64, текст которых напечатан в вар. № 276 (стр. 94—101).

Далее текст копии переходит на лл. 76—79, 133—135 со вставкою-автографом на одном листе (л. 104).

На полях л. 77 — автограф Толстого, относящийся совсем к другому месту романа. Вероятно, Толстой сделал заметку для памяти, чтобы включить ее в гл. VI, ч. 1, т. IV. Приводим этот автограф полностью:

Лицо, как вдруг с неожиданной поражающей красотой выступает на <прежде темном бессмысленном> стенках фонаря та сложная, искусная художественная работа, казавшаяся прежде темной и бессмысленной, когда зажигается свет внутри. Так вдруг освещалось лицо кн. Марьи. Вся».

Далее на зачеркнутой копии л. 78 на полях другая заметка для памяти: В Можайске после Бородина.

В конце л. 135 (последний лист копии первого черновика окончания «Войны и мира» — рук. № 89, т. 14, вар. № 183) и на обороте его — автограф Толстого, напечатанный в т. 13 в разделе «Планы и заметки к «Войне и миру», стр. 51, вар. № 43.

Лл. 101—103 — черновик-автограф к гл. XII—XV. Текст черновика напечатан в вар. № 279 (т. 15, стр. 135—139). Два отрывка вошли с небольшими поправками в гл. XII окончательного текста.

Далее в рукопись входит автограф (л. 105), относящийся, видимо, к гл. IX. За ним следует автограф (л. 123), являющийся черновиком к гл. XIX. Текст его печатается в вар. № 281 (стр. 142—143).

С этого листа была снята копия и вновь сильно исправлена на лл. 131 и 132. Текст ее, второй черновик к гл. XIX, печатается в вар. № 282 (стр. 143—144).

На этом кончаются черновики рукописи № 96 к ч. 3, т. IV.

Черновиками к последней, 4-й части, т. IV являются лл. 115—116 (автограф). Текст печатается в вар. № 283 (стр. 145—148).

Вар. № 284 (стр. 148—150) — второй черновой вариант к гл. II—III, автограф на лл. 113—114.

Далее в рукописи следуют лл. 108—110, являющиеся черновиками-автографами к не вошедшему в текст романа эпизоду, в котором говорится о дальнейшей судьбе Рамбалья, после того как он сдался в плен русским, о его встрече в Костроме с княжной Марьей и Наташей. Им Рамбаль рассказал о своем знакомстве с погибшим Пьером Безуховым и о его любви к Наташе. Условно относим этот вар. № 285 (стр. 151—155) к гл. I—III, ч. 4, т. IV.

На следующих листах (121—122) написаны черновики к гл. VI—IX, ч. 4, напечатаны в вар. №№ 286—287 (стр. 155—158).

Далее в рукописи следует 6 лл. автографов (лл. 136—141) к гл. XIII. Извлекается с л. 139 об. вар. № 288 (стр. 158—161). Следующий лист рукописи, занумерованный цифрой 86, относится также к гл. XIII.

И последняя группа листов, относящихся к ч. 4, т. IV, это лл. 143—152. Из этой группы листов извлекаются вар. №№ 289 и 290 (стр. 161—164).

97. Рукопись на 39 лл. в 4°: 34 лл. копий с переработанных листов предыдущей рукописи и 5 лл. дополнительных к ним автографов. Относится к ч. 1—3, т. IV «Войны и мира».

Авторская рабочая нумерация имеется лишь на 15 лл.: 1, 2, 3, 4, 5, снова: 1, 12, 13, 1 (он же 75-й), 2, далее 77—81. Архивная нумерация (ЛБ) листов: 7, 8, 12—17, 32—40, 83, 91, 96—98, 243—248, 269—274, 292—295.

Начало: «III. В то время когда Россия была до половины завоевана». *Конец:* «<Он лег спиной к костру и заснул».

Из рукописи в т. 15 печатаются 5 вариантов: №№ 261, 265, 270, 277 и 280.

Рукопись начинается на лл. 243—248, переписанных с лл. 36—38 рук. № 96. Содержание этих листов относится к гл. I—III, ч. 1. Далее следует копия на лл. 269—274, переписанная с листов: 261 об. — 262, 276—284, 287—288 той же рук. № 96. Нумерация листов рукой Толстого: 1—5. Содержание относится к гл. IX, X, XII и XIII, ч. 1. Тексты всех перечисленных листов в варианты т. 15 не вошли как близкие к окончательному.

Следующие листы рукописи, 7 и 8, занумерованные рукой Толстого цифрами 12 и 13 — копия, переписанная с части рук. № 96. В т. 15 из этой группы листов печатается вар. № 261 (стр. 48—49).

Дальше следуют лл. 12—17 — копия с лл. 69—71 рук. № 96, подвергшихся значительной переработке. Печатается в вар. № 265 (т. 15, стр. 60—64).

Следующий лист рукописи (32-й ЛБ), весь испещренный поправками, относится к гл. II, ч. 3.

На лл. 292—295 — автограф, перемежающийся с копией. Текст их напечатан в вар. № 270 (стр. 71—76).

После него идут два листа новых автографов с архивной нумерацией 83 и 84. Текст их приводится в вар. № 280 (т. 15, стр. 139—141). Листы эти сначала находились в наборной рукописи, но потом из нее были вынуты. Л. 83 занумерован рукой Толстого цифрой 59.

Последняя группа листов, вошедшая в состав описываемой рукописи, — лл. 33—40, 96—98 и 91. Рабочая нумерация Толстого имеется только на первом листе с цифрой 1.

Содержание — новая редакция текста гл. III—XI, XV—партизаны, смерть Пети Ростова, освобождение Пьера. Листы переписаны с предыдущих рукописей и заново переработаны Толстым. Текст их, опубликованный впервые в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии Наук СССР, М. 1951, стр. 626—640, напечатан в вар. № 277 (т. 15, стр. 101—118).

98. Рукопись на 38 лл. в 4°, промежуточная между рук. № 97 и наборной. Состоит из листов, переписанных с первой копии (рук. № 97), заново переработанных, и из одного листа автографа.

Архивная нумерация листов ЛБ: 41—60, 65—75, 92—95, 99—100. Листы сложены не в порядке этих номеров. Рабочая авторская нумерация листов имеется только на 7 лл., цифрами 82—88.

Начало: «III. Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных». *Конец:* «<Он лег спиной к костру> и заснул».

Вся рукопись относится к гл. III—XV, ч. 3, в которых говорится о партизанах и Пьере в лагере пленных на последнем этапе.

Из рукописи извлекаются варианты №№ 278 и 278а (стр. 118—134).

Следующие семь рукописей (№№ 99—105) относятся к эпилогу.

Рукописи эпилога, за исключением первой его части, чрезвычайно сложны. В одной и той же рукописи Толстой, как видно, возвращался к историко-философским рассуждениям на ту или иную тему по нескольку раз, каждый раз внося все новые и новые исправления.

Работа над эпилогом заняла около года напряженного труда, с конца 1868 до октября 1869 г. (см. «Историю писания и печатания «Войны и мира»).

Что касается сюжетной, первой части эпилога, то по рукописям видно, что она была намечена еще в 1866 г., когда автор собирался закончить свой роман, назвав его «Всё хорошо, что хорошо кончается» (см. вар. № 183, т. 14, стр. 163—164).

Во время своих работ над эпилогом, вернее в конце их, в 1869 г., автор развил и заново переработал первый набросок конца романа и включил его в ч. 1 эпилога. Все остальное было написано заново.

99. Автограф, 4 лл., из которых 3 лл. F° и 1 л. в 4°. Эту рукопись следует признать самой ранней из всех, относящихся к эпилогу, когда разделения эпилога на две части еще не было.

Начало: «С древнейших времен история Китая, Иудеи, греков». *Конец:* «что видел его в союзе с Пруссией, говорит Тьер».

Текст рукописи печатается в т. 15 в двух вариантах, 305 и 306.

Вар. № 305 (стр. 185—188) написан на листе большого формата и продолжен на листе в 4°, занумерованном (ДБ) цифрой 181.

Вар. № 306 (стр. 188—193) на 2 лл. F°, занумерованных (ЛБ) цифрами 77 и 78. Из текста этих листов видно, что им предшествовали несохранившиеся один или два листа, в которых были выписаны мнения разных историков о значении личности в истории и причинах исторических событий.

100. Автограф на 20 лл. в 4°. Нумерация листов рукой Толстого через лист: 1—10. Архивная нумерация ЛБ: 153, 154, 161—178.

Начало: «Эпилог. Прошло 7 лет». *Конец:* «И я сделаю, что бы они ни говорили».

Рукопись печатается в вар. № 307 (т. 15, стр. 193—204), за исключением текстов, близких к окончательному, что обозначено в тексте варианта.

Вероятно, данная рукопись была написана в более поздний период — уже тогда, когда подготовлялись к набору все рукописи эпилога с распределением их на две части. На полях рукописи во время ее писания Толстой сделал ряд заметок для памяти, относящихся к развитию содержания ч. 1 эпилога (напечатаны в т. 15 в цифровых сносках к тексту варианта).

101. Автограф на 48 лл. в 4°.

Рукой Толстого занумерованы только 10 лл. цифрами 1—10. Архивная нумерация ЛБ всех листов: 156—158, 173—175, 182—195, 200—227.

Тексты первых 3 лл. отнесены к ч. 1 эпилога, остальные к ч. 2.

Начало: «<Личность эта заключает в себе глубокий интерес...>» *Конец:* «от причин сознания свободы человека».

Из рукописи в т. 15 напечатан двадцать один вариант, №№ 308—328.

Текст первых трех листов (156—158) печатается в вар. № 308 (стр. 204—208).

Тексты дальнейших листов отнесены последовательно к разным главам ч. 2 эпилога.

Тексты лл. 182—183 к гл. I печатаются в вар. № 309 (стр. 208—211).

Судя по копии в рук. № 102, в заголовке которой рукой Толстого написано: «Эпилог I», с содержания именно этих листов первоначально Толстой предполагал начать эпилог и потом уже в процессе дальнейшей работы передвинул их во вторую часть.

Следующая часть рукописи, на лл. 184—191, отнесенная к гл. II—IV, печатается в вар. № 310 (стр. 211—223).

На л. 185 рисунок Толстого пером, изображающий воздушный шар. Правый верхний угол л. 189 (без текста) оборван.

Продолжение рукописи — на лл. 194—195. Текст их близок к окончательной редакции гл. IV, за исключением зачеркнутой части на л. 194—194 об., текст которой печатается в вар. № 311 (стр. 223—224). Текст этот был написан после слов: «Власть есть совокупность воли масс, перенесенная словесным, письменным или молчаливым *согласием* на избранных массами правителей» (см. гл. IV, ч. 2 эпилога, т. 12, стр. 308, строки 6—8 св.).

Следующие листы рукописи, 200—227, являются черновиками к гл. VIII—XIII. Там же два конспекта к ч. 1 и 2. Из этой группы глав извлекаются вар. №№ 312—328 (стр. 224—262).

Текст вар. №№ 316 и 317 на л. 212 об. представляет собой два конспекта к ч. 1 и 2 эпилога. Они были написаны, как видно, одновременно.

Текст вар. № 328 написан на л. 224 как вставка со знаками переноса, но корреспондирующих им переносных знаков в листах рукописи эпилога не найдено. Поэтому текст этого листа печатается отдельным вариантом.

101а. Автограф на одном листе в 4°. Рабочие заметки для памяти об источниках «Войны и мира» и к эпилогу.

Начало: «Источники 3: М[ихайловский]-Д[анилевский]». *Конец:* «Ничего не разберешь».

Печатается в т. 15, вар. № 318а, стр. 240.

101б. Автограф на 2 лл. — черновик заключения к эпилогу «Войны и мира». Первый лист начат на обороте магазинного счета, написанного рукой С. А. Толстой, и ею же проставлена дата под счетом: «3 июня 1869 г.». Стало быть, автограф можно датировать приблизительно летом 1869 г. Второй лист в 4°. Листы исписаны с обеих сторон.

Начало: «<Я знаю> Большинство моих читателей». *Конец:* «будет основано на бессилии».

Печатается в т. 15, вар. № 318б, стр. 240—243.

102. Копия, написанная рукой С. А. Толстой с рукописи № 101, с дополнительными вставками рукой Толстого, на 70 лл. в 4°.

Рабочую первичную нумерацию имеют не все листы, занумерованы лишь: 1—7, 11, 10, вторично — 11, 29—32, 9, снова: 10, 11 и 12. Лл. 6 и 7 надорваны вдоль. Архивная нумерация Л Б всех листов: 87—121, 126—136, 138—142, 149—159, 165—167, 179—180, 196—197.

Первоначально в рукописи находилось на 35 лл. больше; в процессе работы листы были переложены в наборную: 1 л. после 94-го, 15 лл. — после 97-го, 17 лл. — после 100-го. В наборной они занумерованы цифрами 20, 28—42, 43—59, кроме того к наборной же принадлежат лл. 137 и 164, находящиеся в этой рукописи.

Начало: «Эпилог <Прошло 7 лет.> <В 20-м году поверхность исторического моря>». *Конец:* «Философия Канта приводит к».

Из рукописи напечатано в т. 15 тринадцать вариантов, пять из них, №№ 329—333, отнесены к ч. 1 эпилога и восемь, №№ 338—345, к ч. 2.

Все листы копии не один раз исправлялись и перерабатывались Толстым, прежде чем они дошли до наборной рукописи, где продолжалась дальнейшая работа над текстом эпилога, особенно второй его части.

Во время своей работы над первой копией Толстой, как всегда, переработав заново листы, отдельные из них отдавал на новую переписку. Последние, переписанные вторично листы, вместе с новыми автографами (см. рук. №№ 103 и 104) образовали собою промежуточные копии между основной (рук. № 102) и наборной.

103. Рукопись составила из 4 лл. новых дополнительных автографов при исправлении предыдущей рукописи и 5 лл. заново переписанных копий, всего из 9 лл. в 4°. Занумерованы рукой Толстого лишь 3 лл. цифрами 1, 2, 3. Архивная нумерация листов: 122—125 (автографы) и 176—180 (копии).

Начало, после знака переноса X: «Странность и комизм этих ответов истории». *Конец:* «Общие же историки и историки» (рукопись обрывается).

Из рукописи в т. 15 печатаются два вар., №№ 336 и 337 (стр. 270—274).

104. Рукопись составила из 2 лл. дополнительных автографов и 5 лл. новых копий, написанных, видимо, в другой, последующий момент работы. Всего в рукописи 7 лл. в 4°. 5 лл. копий имеют рабочую нумерацию Толстого цифрами 4—8. Архивная нумерация всех листов рукописи: 198—199 (автографы) и 168—172 (копии).

Начало: «Вопрос этот представляется праздным». *Конец:* «меньшую необходимость поступка».

Тексты рукописи печатаются в вар. №№ 346 и 347 (т. 15, стр. 297—303).

105. Рукопись составлена из листов, отброшенных в последний момент перед сдачей ч. 2 эпилога в набор (называем эти листы фрагментами наборной). В рукопись входит 13 лл., из них 2 лл. в 4° и 1 л. — обрывок. Листы рукописи последовательно занумерованы рукой Толстого цифрами 6—16. Архивная нумерация всех листов: 181—182, 40—41, 160—163, 188, 46, 189—191.

НАБОРНЫЕ РУКОПИСИ

(Т. 13, стр. 292, 540—541, 662—663, 664—666, 667—668, 758—759, 763—764, т. 14, стр. 313—408, т. 15, стр. 165—175)

1. Наборная рукопись ч. 1, т. I сохранилась не полностью. Она представляет собою 38 лл. (по 2 стр.) печатного текста журнала «Русский вестник» романа «Тысяча восемьсот пятый год», с многочисленными исправлениями Толстого, 5 лл. дополнительных автографов (листы по нумерации ЛБ: 67, 68, 2, 91) и большими дополнениями, переписанными рукой С. А. Толстой, в большинстве подклеенными к печатным листам.

Все сохранившиеся 40 лл. с добавлениями относятся к гл. I—VIII, ч. 1, т. I. Кроме того, сохранился автограф на одном листе с оборванными краями — вставка к гл. XII.

Таким образом, вся рукопись исчисляется в 43 лл. (не считая подклеек).

Цифры страниц печатного текста: (две без цифр), далее: 7—16, 17—18, 23—26, 41—44, 45—52, 53—54, 55—70, 79—82, 85—90, 93—96 и 99—112.

Начало — титульный лист романа «Тысяча восемьсот пятый год». *Заглавие* зачеркнуто красным карандашом и подписано: «Война и Мир. Часть первая», наверху неразборчивая надпись на немецком языке, готическим шрифтом, вероятно рукой владельца типографии Ф. Ф. Риса, внизу его же рукой: «erhalten 18 24/6 67» [получено 18 24/6 67]. *Конец*: «посмотреть на веселящегося барина».

Из рукописи в т. 13 извлечен один вариант, № 15, на стр. 292, с ошибочной пометой «вставка в корректуру». В действительности это не вставка в корректуру, а зачеркнутая часть добавления к стр. 24 наборной рукописи, написанная рукой С. А. Толстой.

2. Наборная рукопись ч. 2, т. I.

Сохранилось лишь 11 лл. (по 2 стр.) печатного текста «Русского вестника», стр. 21—42, с такими же, как в предыдущей рукописи, дополнениями, переписанными рукой С. А. Толстой, и 1 листом дополнительного автографа-вставки. Всего в рукописи 12 лл. (без подклеек), относящихся к гл. III—VI.

Начало: « — Извините, генерал, — перебил его Кутузов». *Конец*: «Что же вы не едите, господа? — говорил Несвицкой».

3. Наборная рукопись ч. 3, т. I, представляет собою копию в 4°. Всего в рукописи после перемещений некоторых листов в другие рукописи и обратно в нее осталось 119 лл. Лл. 26—27, 56—66, 97, 129—132 перешли в рук. № 87; лл. 68—73, 110—112, 130—148, наоборот, были переложены из рук. № 87 в наборную. Большая правка рукой Толстого и П. И. Бартенева.

Первичная нумерация листов рукой Толстого и других лиц: 1—25, 28—56, 67—68, <69> 71б, <70> 71в, 68—71а, 72—81, <80—81> 82—89, 93, 90, 92, 95—96, 103—112, 125, 130—134, 134 (вторично), 135—148.

Нумерация тех же листов ЛБ: 1—25, 28—45, 164, 46—55, 66—93, вторично 93 исправлено из 97, 94 исправлено из 98, 95, 98—100, 106—115, 126—128 и 133—152.

На поле л. 1 написано карандашом по-немецки рукой Ф. Ф. Риса: «erhalten [получено] 18 23/6 67». Эта рабочая пометка имеет существенное значение для установления даты сдачи в набор первого тома «Войны и мира» для первого издания.

На том же листе рукой Толстого — указание наборщикам: «Слова Pierre, Lise, Hélène везде набирать: Пьер, Элен, Лиз».

Начало: «Часть вторая. I. Князь Василий не обдумывал своих планов». *Конец*: «il n'en rechappera pas».

В т. 13 (стр. 540—541) из данной рукописи напечатан вар. № 79, написанный собственноручно Толстым (и им же зачеркнутый) на об. л. 51, ошибочно помеченный при публикации в т. 13 как извлеченный из рук. № 86.

4. Наборная рукопись ч. 1, т. II — копия па 68 лл. в 4°.

Первичная нумерация листов рукой Толстого и др.: 1—18, 23, 1—23—4, 25—26, 24, 28—45, 48—72. Нумерации тех же листов ЛБ: 1—2, 251—252, 3—67, из них лл. 251 и 252 (но нумерации Толстого: 3 и 4) добавлены из рук. № 86 а.

Начало: «В конце 1806 года Nicolas Ростов вернулся в отпуск». *Конец:* «в конце ноября догнать полк, который уже был в Польше». На обороте л. 67 рукой Толстого написано: «Том II, часть I кончается здесь».

5. Наборная рукопись ч. 2, т. II, 122 л. в 4° и 1 л. обрезок; из них: копий 119 лл. и 4 лл. автографов.

Первичная нумерация Толстого и других лиц: 72 (2)—78 (2), 79—102 (10), 103—112, 113—116, 116 (вторично) — 118 (3), 119—132, 134—139, 133—136, 137 (1), 137 (2), 114—115, 138—141, 142 (1) — 142 (2), 143—146 (1), 147—155, 152 (2), 156—158, 158 (1), 158 (2), 159—163. После л. 112 тетрадка из 7 лл. в 4° с авторской нумерацией листов: 1—7 и надписью С. А. Толстой: «Перевод французского письма в выноску». Л. 155 (2) — обрезанная половинка листа, не имеющая архивной нумерации. Лл. 137а, 156 и 157 — новые автографы. Нумерация ЛБ: 1—74, 74а — 119, 87—89. Последние три листа переложены из рук. № 88.

Начало: «После своего объяснения с женой Pierre поехал в Петербург». *Конец:* «<зашел к Борису, взял чемодан и уехал>».

Из рукописи извлечено шесть вариантов, напечатанных в т. 13, №№ 90, 92—96.

Вар. № 90 (конец), начиная от слов на л. 116: «храброму офицеру. И Ростов рассказал всё дело Денисова» (т. 13, стр. 662).

Вар. № 92 (т. 13, стр. 664—665) начинается на л. 73 и кончается автографом на полях л. 74.

Вар. № 93 (т. 13, стр. 665—666) начинается на обороте л. 75 и кончается автографом на полях л. 77.

Вар. № 94 (конец), начиная от слов: «вывод одной единственной науки — природы» (т. 13, стр. 667, строка 16). Начало варианта напечатано по рук. № 88.

Вар. № 95 (т. 13, стр. 667) — на л. 115 (первичной нумерации), который был переложен из рук. № 88.

Вар. № 96 (т. 13, стр. 668) — зачеркнутый текст на л. 116 (первичной нумерации), также перешедшем из рук. № 88.

6. Наборная рукопись ч. 3, т. II — копия на 126 лл. в 4°.

Нумерация листов ЛБ совпадает с первичной нумерацией 1—126, где часть листов имеет двойную нумерацию.

Начало: «Часть третья. В 1808-м году император Александр». *Конец:* «думала княжна Марья».

Из данной части наборной рукописи в т. 13 напечатаны: конец вар. № 115, начиная от слов: «как преступление» (т. 13, стр. 758), который написан на л. 11, перешедшем сюда из рук. № 88; конец вар. № 116 от слов: «к клавибордам...» (стр. 759) и весь вар. № 119 (стр. 763—764).

7. Наборная рукопись ч. 4 и 5, т. II, на 129 лл. в 4°, из которых 125 лл. копий рукой С. А. Толстой, 41 лл. копий рукой других переписчиков и 4 лл. (119—120, 122—123 ЛБ) автографов Толстого.

Первичная нумерация листов рукой Толстого цифрами: 77—117, 2—9, 22—37, 1—13, 20—58, 61—70. Нумерация листов ЛБ: 1—128.

Начало: «Библейское предание говорит». *Конец:* «(Больше Пьер не видел его)».

Внизу последнего листа карандашом рукой Толстого написано: Конец т. III.

8. Наборная рукопись ч. 1, т. III — копия на 122 л. в 4°.

Первичная рабочая нумерация листов цифрами: 1—67, 1—5, 5 +, 6—13, 1—41.

Архивная нумерация тех же листов: 1—122. Лл. 6—11, 90—92 переложены из рук. № 92, где лл. 6—11 были листами 5—10, а лл. 90—92 лежали после л. 33. Л. 16 весь зачеркнут, за исключением последнего абзаца. Начало его: «Том IV, часть первая. Весной 1812 года император Наполеон писал И[мператору] Александру...» представляет собою отброшенный автором вариант начала т. III (см. рук. № 92, л. 8).

Начало: «Том IV. Часть первая 1. <Более года перед нашествием 12-го года...>».

Конец: «и ждал только приезда Разумовского».

В т. 14 печатается вар. № 222 (стр. 313), извлеченный с лл. 103—103 об., и вар. № 223 (стр. 313—314) — с лл. 106—106 об.

9. Наборная рукопись ч. 2, т. III, на 151 лл. в 4°, из которых 150 копий и 1 л. автограф.

Первичная нумерация лл.: 1—37 (пустой), 1—5, 5—30 (1), 30 (2), 31—36, 36—45, 26, 35—49, (52—50), 53, 51—58, 1—6, 11—12, 15—20, 21—26, 28—29 (раньше были занумерованы: 82—83 и 105—106), 35—36, 40—46, 48—56. Нумерация ЛБ: 1—38, 83, 39—50, 52—85, 86—128, 146—147, 129—134, 169, 135—145. Перешли из рук. № 92 лл.: 17, 24—36, 83, 76—85, 86, 87—105, 146—147, 134—137. Л. 51 переложен из наборной, где он лежал ошибочно, в рук. № 92.

Начало: «<Часть 1. 1> Новая глава <Что должно было совершиться>. Наполеон начал войну с Россией». *Конец:* «смотрел на этого нового раненого».

Из рукописи в т. 14 напечатано шесть вариантов, №№ 224—229, существенно отличающихся от окончательного текста и подвергшихся переработке в последней стадии творческой работы автора — в корректурах. Вар. № 224 (стр. 314—319) печатается с лл. 18—23 об.; вар. № 225 (стр. 319—320) — с лл. 26 об. — 28 об.; вар. № 226 (стр. 320—333) — с лл. 50—75 об.; вар. № 227 (стр. 333—339) — с лл. 86—102 об.; вар. № 228 (стр. 339—341) — с лл. 119—121 об.; вар. № 229 (стр. 341—342) — с лл. 132—132 об.

10. Наборная рукопись ч. 3, т. III, 128 лл. в 4°, из которых 111 лл. копий и 17 лл. автографов. В тексте копии перерывы.

Первичная нумерация чернилами и карандашом цифрами: 1—8, <25>, 21, 26, <12>, 1—5, 13, 16—20, далее нумерация через лист, кончая 5-м, далее: 43—52, 7, 9, 10, 33—42, 59—60, 1—11, 7—13, 1—7, далее опять через лист: 1—10 и 28—33. Нумерация ЛБ: 23, 171, 172, 4—5, 173, 174, 6—41, 31, 42, 43, 44—61, 188—190, 62—71, 89—99, 27, 102—107, 72—83, 225, 84—87, 227—228, 100—101, 108—114, 114 (2), 115—118.

Лл. 171—172, 173—174, 225, 226—228, 188—190 перешли из первой копии (рук. № 92).

Начало: «Том V. Часть 1. Бородинское сражение выиграно». *Конец:* «Пьера под строгим караулом поместили отдельно».

В т. 14 в извлечениях печатается 13 вариантов, №№ 230—242.

Вариант № 230 (стр. 342—346), с которого, как видно, Толстой сначала намеревался начать новый том (по современной нумерации ч. 3, т. III) печатается с лл. 2—5. Вариант этот представляет собою переработку вар. № 205 из рук. № 94.

Вар. № 231 (стр. 346—355) начинается с продолжения фразы, написанной на несохранившемся листе. Порядок текста — согласно проставленным Толстым гл. V и VI.

Два вар., № 232 и № 233 (стр. 356—361), печатаются с лл. 13, 14 и 15. Первый из них — автограф-вставка на 2 лл., опубликован в «Литературном наследстве», № 35-36, стр. 342—345.

Вар. № 234 (стр. 361—370) печатается с лл. 22—30 копии. Начало является новым вариантом вместо соответствующего текста к гл. X, см. вар. № 231.

Вар. № 235 (стр. 370—371) — зачеркнутая копия с поправками Толстого на лл. 5—6. Видимо, Толстой первоначально намеревался начать гл. IV нового тома данным текстом, но затем отказался от этого намерения, текст зачеркнул, его содержание в переработанном виде отнес к гл. XXII—XXIII, а бумагой, на которой написан текст копии, воспользовался для написания нового начала гл. XII, близкого к окончательному тексту.

Вар. № 236 (стр. 371—372) — автограф к наборной рукописи на полях зачеркнутой копии л. 31 об., переложеного из рук. № 94, где этот лист был седьмым.

Вар. № 237 (стр. 372—375) — копия и автограф на лл. 42—43.

Вторая половина варианта от слов: «Наташа находилась в восторженном состоянии» опубликована в сборнике «Лев Николаевич Толстой», изд. Академии наук СССР, М. 1951, стр. 619—620.

Вар. № 238 (стр. 375—376) — копия и автограф на лл. 44—44 об.

Вар. № 239 (стр. 377—382) — переработанная копия рук. № 95 (см. вар. № 211) на лл. 45—54 об. На обороте л. 54 мелко написанный автограф на полях, там же помета рукой Риса на немецком языке, подчеркнутая четыре раза: «nicht zu lesen» [«нельзя прочесть»].

Вар. № 240 (стр. 382—392) — копия на лл. 58—61 об., 188—190, 63—63 об. (лл. 188—190 были переложены из рук. № 95).

Вар. № 241 (стр. 392—404) — копия на лл. 89—99 об. (с лл. 184—186 рук. № 95). Вариант опубликован в журнале «Новый мир», 1925, 7, стр. 14—24.

Вар. № 242 (стр. 405—408) — переработанная копия рук. № 95 (см. вар. № 221) на лл. 114 (2) — 118 последней, XXXIV, главы т. III.

11. Наборная рукопись ч. 1, т. IV, 71 лл. в 4°, из них 69 лл. копий и 2 лл. (6 и 7 ЛБ) — автографы. Первичная авторская нумерация листов цифрами: 6—11, 34—53 (через лист), 1—5, 12—27.

Архивная нумерация тех же листов: 1—49, 50, 52—56, 57—72. Л. 51 был переложен в рук. № 96.

На листах копии обильная авторская правка.

Начало: «<из палок французов. Но на дворе соседнем событие убийства кухарки...> Часть вторая. 1. В Петербурге в это время». *Конец:* «и торжественного таинства смерти, совершившегося перед ним».

12. Наборная рукопись ч. 2, т. IV, 53 лл. в 4°, из них: копий 50¹/₂ лл. и автографов 2¹/₂ лл., исписанных с одной стороны. Первичная, авторская нумерация листов: 28—51, 59, 52, снова 52—54, 58, 60—70, 72—73, 74—75, 71. Архивная нумерация листов ЛБ: 1—3, 80, 4—23, 24—46, 48, 49, 85, 50, 51, 47. Л. 80 был переложен в наборную из предшествующей копии.

Начало: «Часть третья. 1. После Бородинского сражения». *Конец:* «продолжало, равномерно тая, всё тот же свой гибельный путь к Смоленску».

Из рукописи извлекаются два варианта, №№ 291 и 292 (т. 15, стр. 165—173).

13. Наборная рукопись ч. 3, т. IV — копия, 36 лл. в 4°.

Нумерация ЛБ: 1—36, нумерация тех же листов рукой Толстого: 3—38.

Начало: «Представим себе двух людей, вышедших на поединок». *Конец:* «и думал о другом <он не видел и не слышал как>».

14. Наборная рукопись ч. 4, т. IV — копия, 35 лл.

Нумерация ЛБ: 1—38, при этом лл. 9, 20 и 38 не исписаны, нумерация тех же листов, за исключением чистых, рукой Толстого: 1—8, 1—28.

Начало: «<XX> Часть вторая [автограф]. Когда человек видит умирающее животное». *Конец:* «я видел одно дурное, т. е. ничего не видел».

Из рукописи извлекаются два варианта, №№ 293 и 294 (т. 15, стр. 174—175).

НАБОРНЫЕ РУКОПИСИ ЭПИЛОГА

(Т. 15, стр. 304—321)

1. Наборная рукопись ч. 1 эпилога состоит из 62 лл. в 4°, из которых 57 лл. копий С. А. Толстой и 5 лл. автографов.

Первичная рабочая нумерация листов: 1—14, 1—28, 33—37, <38> 40—51.

Нумерация листов ЛБ: 1—60, 159—160.

Начало: «Эпилог. В 1819-м году взволнованное <Европейское> историческое море». *Конец (автограф):* «А отец? Отец, отец! <Это был человек.> Да, я сделаю то, чем бы даже он был доволен. Конец».

В наборную рукопись перешли листы из рук. № 102: 20, 94, 28—42, 42—59.

Из рукописи извлекаются два варианта: № 348, написанный на лл. 15—21 об. (ЛБ), и № 349, написанный на л. 60 (т. 15, стр. 304—311).

2. Наборная рукопись к ч. 2 эпилога состоит из 67 листов в 4°.

Первичная нумерация листов рукой Толстого и С. А. Толстой цифрами: 1—11, 11, 12—45. Нумерация всех лл. (ЛБ) — 1—67.

Начало: «V. Предмет истории есть жизнь народов». *Конец:* «вне времени есть божество».

Лл. 13 и 14 перешли из рук. № 102.

Из рукописи извлечено семь вариантов, №№ 350—356, напечатанных в т. 15, стр. 311—321.

Вар. № 350 написан на л. 2 об., вар. № 351 — на л. 8, вар. № 352 — на л. 14 об., вар. № 353 — там же, вар. № 354 — на л. 25, вар. № 355 — на лл. 26—31 и вар. № 356 — на лл. 60—67.

КОРРЕКТУРЫ

(Т. 13, стр. 668—671, т. 14, стр. 409—446, т. 15, стр. 176—181, 322—332)

Корректуры «Войны и мира» сохранились далеко не все. Отсутствуют совершенно корректуры к ч. 1 и 2, т. I, печатавшимся в журнале «Русский вестник» в 1865—1866 гг. под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год».

Сохранившиеся корректуры относятся к первому изданию «Войны и мира» 1868—1869 гг.

1. К т. I имеется лишь один печатный лист верстки, состоящий из 8 лл. (по 2 страницы) к гл. I и II, ч. 3 современных изданий.

Начало: «Часть вторая. 1. Князь Василий не обдумывал своих намерений». *Конец:* «что бы ни говорили и как бы ни смеялись и шутили».

Поправок Толстого нет. На первом листе — рабочая помета рукой Толстого: Дуэль V глава II части II тома.

2. 10 гранок к гл. I—III, ч. 2, т. II (к ч. 1 т. II корректур не сохранилось).

Начало: «Часть вторая. После своего объяснения с женой Пьер поехал в Петербург». *Конец:* «Пьер, уже понявший мысль, не мог воздержаться, чтоб не <докончить ее>».

На полях гранки рукой Толстого рабочая помета: не пустить ли в 1-ю?

К этой группе гранок приложено добавление, писанное рукой С. А. Толстой на 2 лл. F°, занумерованное рукой Толстого постранично: 1—4.

Напечатано полностью в т. 13, вар. № 97, стр. 668—671.

3. 55 лл. разной величины обрезков гранок (из альбома Исторического музея) гл. I—XXIII, ч. 3, т. II, с большим количеством авторских исправлений.

Начало: «В 1808-м году император Александр ездил». *Конец:* «Зачем вы это говорите, <сказала> Наташа».

4. 23 лл. обрезков гранок разной величины (из альбома Исторического музея) гл. I—XII, ч. 4, т. II.

Начало: «семью против воли отца, что она сама этого хотела». *Конец:* «Николай не мог, как ни казалось».

5. 49 лл. обрезков разной величины гранок (из альбома Исторического музея) гл. I—XXI, ч. 5, т. II.

Начало: «[бол]товни к кутежу и женщинам». *Конец:* «Пьер вышел и пошел к старому князю и княжне Марье».

К этой группе гранок приложено 5 лл. вставок и дополнений, написанных рукой Толстого, имеющих архивную нумерацию ЛБ: 144, 21 (обрезок), 157, 169 и 171. Всего в рукописи 54 лл.

5а. 9 сверстанных листов гл. XIII—XVI, ч. 5, т. II, стр. 241—256 (к стр. 241 и 242 имеется дубликат). К листам приложена вставка к гл. VIII, написанная рукой С. А. Толстой на одном листке в 8°.

Начало: «После первого монолога всё общество встало». *Конец:* «Долохов убрал деньги и, крикнув человека, чтобы ве».

6. 3 лл. верстки — отрывки из гл. VII, VIII и XIV (исправленной рукой Толстого на XIII). Страницы листов: 28, 29, 30, 31, 53 и 54. На последних двух страницах надписаны рукой Толстого карандашом цифры: 50 и 51.

Начало: «И скрывая всегда одинаковое волнение». *Конец:* «ей это показалось скучным».

7. 54 лл. обрезков гранок разной величины (из альбома Исторического музея) к гл. I—XXIII, ч. 1, т. III.

Начало: «Том IV-й. Часть первая. 1. С конца 1811-го года началось усиленное вооружение». *Конец:* «<...и ждал только Разумовского>».

К этой группе листов имеются две вставки — автографы на 4 лл., занумерованные ЛБ цифрами 185—188, с текстом, относящимся к гл. XIX и XX, на полях л. 185 и на обороте л. 188, на лицевой стороне которого написано только две строчки и ряд арифметических вычислений.

Тексты первых двух лл., 185 и 186, напечатаны в т. 14, вар. № 243, стр. 409—411.

8. 80 лл. обрезков гранок разной величины, относящихся к гл. I—XXXIV, ч. 2, т. III.

Начало: «Александр отказался от всех переговоров». *Конец:* «поехал назад к Шевардину».

К этой группе гранок относится автограф-вставка на 2 лл. в 4° с текстом к гл. IV; архивная нумерация ЛБ: 196—197. *Начало:* «Народ <всё также> беспокойно сновал по улицам». *Конец:* «недотканную юбку».

9. 11 лл. обрезков гранок. Текст этих поврежденных гранок относится к гл. XXXIII—XXXV, ч. 2 — описание Бородинского сражения.

Начало: «I. Главное действие Бородинского сражения произошло». *Конец оборван.* Извлекается вар. № 245 (т. 14, стр. 411—413).

10. 1 л. гранки с текстом на нижних концах. К гранке пришиты белыми нитками 2 лл., написанных рукой С. А. Толстой, и еще 2 лл., сшитых вместе, но не прикрепленных к гранке. Текст относится к гл. XXXVI, ч. 2 — ранение кн. Андрея.

11. 6 лл. обрезков гранок разной величины (из альбома Исторического музея), видимо вторые гранки к гл. XXXV—XXXVII.

Начало: «Господин Вольцоген обращался с Светлейшим». *Конец:* «которой меня учили».

Извлекается вар. № 246 (т. 14, стр. 413—415).

12. 7 лл. верстки (из альбома Исторического музея) к гл. XVII—XIX, XXIV и XXXI, ч. 2, страницы полос: 229—230, 237—240, 259—260, 293—294 (на двух начальных листах страницы обрезаны).

Начало: «отчего? сказала Жюли». *Конец:* «мужиков страсть не любят».

Из текста на полосе 239 извлекается вар. № 244 (т. 14, стр. 411).

13. 4 обрезка гранок разной величины, относящихся к главе I, ч. 1, т. III.

Начало: «по которому происходит <этот процесс непрерывного охлаждения>».

Конец: «для того, чтобы найти законы».

13а. Автограф-вставка в корректуру на одном листе в 4°. *Начало:* «Всякий раз, как я вижу движение паровоза». *Конец:* «есть развертывание почки дуба». К гл. I, ч. 3, т. III.

14. 40 обрезков гранок разной величины, относящихся к гл. II, X, XI, XVI, XVII, XIX, XX, XXV—XXIX, XXXIII, XXXIV, ч. 3, т. III.

Начало: «<Бородинское сражение представлялось победой>». *Конец:* «Пьера под строгим караулом поместили отдельно».

Извлекается вар. №№ 247 и 248 (т. 14, стр. 415—418).

На обрезке гранки с архивной нумерацией 113, начинающейся словами: «Часть первая 1» — надпись Толстого: (Набрать мелким шрифтом в сноску то, что замарано и вычеркнуто с того места, где стоит (1).

Исправив, послать к Пет[ру] Ив[ановичу] и верстать.)

К этой группе обрезков — 3 автографа-вставки на отдельных листах разной величины.

15. 14 гранок, относящихся к гл. XI—XXVI, ч. 3, т. III.

Начало: « — Nous y voilà, вдруг нахмурившись и вспыхнув, вскрикнул Растопчин».

Конец: «голос из растворившей калитки».

16. 6 л. автографов в 4°, в которые вклеены обрезки гранок и одна гранка целиком к текстам гл. XXVII—XXIX, ч. 3, т. III.

Начало автографа: «<Вернувшись <домой> <в свой дом> поздно вечером 1-го сентября». *Конец текста гранки:* «и не любя женился на ней».

На 1 л. рукой Толстого поставлено: «№ 7».

Текст этой группы корректур напечатан полностью в т. 14, вар. № 250 (стр. 421—433).

17. Копия рукой С. А. Толстой на 16 лл. в 4°. Архивная нумерация ЛБ: 209—224. Первичная рабочая нумерация листов рукой Толстого через лист не до конца цифрами: 1—6.

Начало: «(Новая глава) Расходившееся звездой по Москве всачивание французов».

Конец: «лег на диван и тотчас же заснул».

Рукопись является копией переработанного текста предыдущего вар. № 250.

Напечатана полностью в т. 14, вар. № 251 (стр. 434—446).

18. Копия рукой С. А. Толстой на 15 лл. в 4°.

Архивная нумерация листов ЛБ: 194—208. Первичная рабочая нумерация листов рукой Толстого через лист: 1—8.

На обороте последнего листа автограф Толстого: (Славная ночь.)<Увидав лошадей [1 неразобр.] Пьер залюбовался. И вдруг, вспомнив, где и что <он>, голова у него пошла кругом. Он ничего не мог понять, почувствовал, что он совсем пал [?]>.

Рукопись является новой копией предыдущей. В свою очередь она подверглась значительной авторской правке и в результате по своему содержанию сделалась близкою к окончательному тексту гл. XXVII—XXIX.

Начало: «(Новая глава). Расходившееся звездой по Москве всачивание французов».

Конец: «лег на диван и тотчас заснул».

19. 88 сверстанных листов (по 2 стр.) к т. III, ч. 3, гл. IV—XXV (по первому изд. 1868—1869 гг. — т. V, ч. 1). Страницы: 17—112. Листы со стр. 97—112 в двух экземплярах. На ряде листов — исправления рукой Толстого.

На л. 2 (стр. 17) надпись карандашом: «За корр. и переверстки 5 листов «Войны и мир» т. V (далее чернилами) с 2—6 = 8 руб. сер. 18 $\frac{4}{V}$ 68».

Начало: «Некоторые из генералов негромким голосом». *Конец:* «(...останови!) отчаянно кричал он и спотыкнувшись упал».

20. 4 лл. сверстанных корректур, стр. 71—76, <113> 77 с авторскими исправлениями. Относятся к гл. XVII—XVIII, ч. 3, т. III.

Начало: «— Ах народ этот, говорил граф». *Конец:* «Так надо. Ты по—»

21. 8 обрезков разной величины гранок к гл. XVII—XX и XXIII, ч. 3, т. III.

Начало: «молчал. — Да, сказал он, нагнув голову». *Конец:* «Он тебе всю дистанцию развяжет».

22. 13 обрезков разной величины гранок к главам I, IV, VI, VII, X, XII, ч. 1, т. IV.

Начало: «кой над своей восторженностью». *Конец:* «<...тот самый принц, который...>».

Извлекаются вар. №№ 296 и 298 (т. 15, стр. 176).

23. Автограф-вставка в корректуру на 2 лл., исписанных только с одной стороны. Листы занумерованы ЛБ цифрами 39 и 40.

Начало: «<То кн. Марья> В те два дня, которые прошли со времени этого известия». *Конец:* «и лучшее, главное, чем он сам».

Текст относится к гл. VI, ч. 1, т. IV.

Извлекается вар. № 297 (т. 15, стр. 176—177).

24. Автограф на одном листе в 4°. Написано только на лицевой стороне. Вставка в несохранившуюся гранку к гл. II, ч. 2, т. IV.

Начало: «Признаками этими были». *Конец:* «и игра курантов».

25. 15 обрезков разной величины гранок и один автограф на узком обрезке гранок, всего 16 обрезков к главам: II, IV, VII, VIII, XI, XIII, XVI, XVII, XVIII и XIX, ч. 2, т. IV.

Начало: «щины. <Пьер близорукими глазами...>» *Конец:* «-порции усиливаясь в толпе».

26. Автограф на одном листе в 4° (59 ЛБ). Вставка в несохранившуюся гранку к гл. VII, ч. 2, т. III.

Начало: «Вот как у нас всегда делается». *Конец:* «не могу не верить, этому».

Извлекается вар. № 299 (т. 15, стр. 178).

27. Автограф на 2 лл. в 4°. Вставка в несохранившиеся гранки к гл. VIII—X, ч. 2, т. IV.

Начало: «Французы вступают в Москву после блестящей победы». *Конец:* «гранка 142х Мих[айловский]-Д[анилевский] стр. <1> 64 Гимн. чрезв... до 65 ругает и беж[ит?] <Все> Богд. 327. Все офицеры... службы гранке <1> 42».

28. Автограф на одном листе в 4° (84 ЛБ). Вставка в несохранившуюся гранку к гл. X, по которой набрана вторая (сохранившаяся) гранка.

Начало: «(№23) <как тогда, когда войска нашествие двигалось...>... Х. Войско это как распущенное стадо». *Конец:* «ему дан в руки для забавы кучер».

29. 6 лл. копии С. А. Толстой и 2 лл. автографов, всего 8 лл. в 4°. Вставки в первые гранки к гл. XI, ч. 2, т. IV.

Начало: «<XII> 6-го октября весь день двигались войска». *Конец:* «Пьер видел, что делать ничего нельзя за другими».

30. Автограф на одном листе в 4°, № 28 (по нумерации Толстого) и № 68 (ЛБ). Вставка в первую гранку к гл. XII, ч. 2, т. IV.

Начало: «<С первого дня> <В первое же утро своего поступления в балаган Пьер>. С первого же утра после казни». *Конец:* «<...Французы звали его Кириль или капитан Кириль>».

31. Копия С. А. Толстой на 5 лл. в 4°. Вставка в корректуру к гл. XIII—XIV, ч. 2, т. IV.

Начало: «39. чем-то. Пьер тоже подвинулся к церкви». *Конец:* «выговорил он строгим голосом».

32. Автограф на 2 лл. в 4°. Вставка в корректуру к гл. XIV, ч. 2, т. IV.

Начало: «<Пьер чувствовал что на>». *Конец:* «спать к своим товарищам».

33. 16 гранок с исправлениями Толстого к гл. XXXI—XXXII, ч. 3, т. III, и к гл. I—III, ч. 1, т. IV.

Левый верхний угол первой гранки с текстом оборван. На обороте гр. 29 (по нумерации Толстого) его надпись: Соня наводит Наташу.

Начало оборвано. Конец: «Государь наклоением головы отпустил Мишо».

34. 20 гранок к гл. I—III, XI—XII, XIV—XVI, ч. 1.

Начало: «Часть вторая. 1. В Петербурге в это время». *Конец:* «и торжество таинства смерти, совершавшегося перед ним».

6 первых гранок без исправлений Толстого, остальные с его поправками. 14 гранок занумерованы чернилами: №№ 1—14. Извлекается вар. № 298 (т. 15, стр. 177—178).

35. 8 листов (по 2 стр.: стр. 225—240) верстки к гл. XI—XIV, ч. 1, т. IV (1 печатный лист, 15-й, ч. 3, т. V по первому изд. 1868—1869 гг.).

На стр. 225, 233, 234, 236 — поправки карандашом неизвестной рукой.

Начало: «понял, что напрасно кричать». *Конец:* «как бы спрашивая у всех, то»

36. 8 лл. (по 2 стр.: 257—272) верстки к гл. I—VI, ч. 2, т. IV (1 печатный лист, 17-й, ч. 3, т. V по первому изд. 1868—1869 гг.), без поправок Толстого.

Начало: «других планет» *Конец:* «решил наступать».

37. 2 обрезка разной величины гранок и 2 лл. вставок на отдельных листах в 4° рукой переписчика к главам XVIII, ч. 1, и VIII—XIV, ч. 2, т. IV.

На гранках и копиях-вставках большая авторская правка.

Начало: «<И Бенигсен совсем рассорился с Кутузовым». *Конец:* «Мы не получаем ответа».

37а. 8 обрезков разной величины с большой правкой Толстого к гл. X—XIII, ч. 1, и гл. XI—XIV, ч. 2.

Начало: «Со всеми товарищами по плену». *Конец:* «так-то, соколик».

Извлекается вар. № 300 (т. 15, стр. 178).

38. 5 гранок с правкой рукой П. И. Бартенева к гл. VIII—X, ч. 2, т. IV (гл. VII—IX, ч. 5, т. V первого изд.).

Начало: «VI. Наполеон вступает в Москву». *Конец:* «и убивали их».

39. 19 гранок и 1 обрезок гранок с правкой рукой П. И. Бартенева к гл. X—XVII, ч. 2, т. IV. На обороте разрезанной гранки № 53 собственноручная надпись Толстого:

Прошу в 31-й (предпоследней гранке) поправить по этому вырезку. Последнюю же гранку 52-ю совсем выпустить, <пер> «Конец 5 тома» поставить в конце 34 гранки
Гр. Л. Толстой.

Извлекаются вар. №№ 301 и 302 (т. 15, стр. 178—180). *Начало:* «В отношении увеселений народа». *Конец:* «Конец пятого тома».

40. 3 гранки с правкой П. И. Бартенева к гл. VI—VII, ч. 2, т. IV.

Начало: «Шопотом прокомандовал он: садись». *Конец:* «наполеоновское войско для начатия бегства».

41. 2 гранки с правкой неизвестной рукой гл. I—II, ч. 3, т. IV, конец второй гранки с текстом оборван.

Начало: «Представим себе двух людей, вышедших на поединок». *Конец оборван.*

42. 16 печатных листов (по 2 стр.: 1—32) желтого цвета — гл. I—IX, ч. 3, т. IV (лл. 1—2, ч. 1, т. VI первого изд.), с четырьмя вложенными и подшитыми обрезками гранок.

На корректурах — правка рукой Толстого.

Начало: «Часть 1. Т. VI. Бородинское сражение с последовавшим за ним занятием Москвы». *Конец:* «Как я вас люблю».

43. 12 гранок к гл. IX—XVI, ч. 3, т. IV.

На гранках правка Толстого.

Начало: «Хорошо, хорошо, сказал Долохов». *Конец:* «побежали дальше».

44. 32 листа верстки желтого цвета (по 2 стр.: 1—64), гл. I—XIX, ч. 3, т. IV (лл. 1—4, ч. 1, т. VI первого изд.).

На листах правка карандашом рукой П. И. Бартенева. На 1 стр. — дата: 18⁶/_v 69. Некоторые страницы с перепутанными цифрами.

Начало: «Часть I. Т. VI. Бородинское сражение с последовавшим за ним занятием Москвы». *Конец:* «изучающим события по письмам государей».

45. Вторичные 32 лл. тех же глав «Войны и мира», что и предыдущая рукопись, с авторской правкой. Цифры страниц в этом экземпляре исправлены.

46. 24 лл. верстки желтого цвета (по 2 стр.), гл. XIII—XIX, ч. 3, и гл. IV — начало XI, ч. 4, т. IV (лл. 4—6, ч. 1 и 2, т. VI первого изд.), с авторской правкой.

Дата на стр. 49: «18¹³/_v 69».

Начало: «эту историю». *Конец:* «при входе Государя в большую».

47. 5 гранок к гл. I—III, ч. 4, т. IV (ч. 2, т. VI первого изд.), с авторской правкой.

Начало: «Часть вторая. 1. Когда человек видит умирающее животное». *Конец:* «с тем, чтобы посоветоваться с докторами».

Handwritten notes in the left margin, including a circled '13' at the top and various annotations in cursive script.

раненный офицер, что то выносили в яркую клетку. Она подошла ближе и с (вольными любознательным) остановилась у крыльца. Три человека выносили какое то безжизненное тело. Как ни страшно было Сони, она не могла не подвинуться, чтобы взглянуть в лицо выносимому человеку. Она увидела мертвое лицо человека с закрытыми глазами, как рыба дышащего, открывающего и закрывающего рот, и человек это был страшно близкий знакомый человек. Она ухватилась за плечо Мавры Кузминичны, стоявшей перед ней и рыдая протворила:

— Кто это?
— Самый наш жених бывший. Князь, вздыхая ответила Мавра Кузминична.
Соня ахнула еще раз в лицо князя Андрея и замерла также как и лицо раненого. Она побжала к графини.

— Мама, сказала она — князь Андрей здесь, раненый! Он идет с нами.
Наташа не выговорила ни слова.

Графиня ничего не отвечала и спуская голову. Что она делала, не знала.
— Это, что не слыхать?
— Да.
Графиня обняла Соню и заплакала.

— Пути Господни неисповедимы, думала она, чувствуя что во всем, что делалось теперь, начинала выступать что-то всемогущее — рука скрывающаяся прежде от взгляда людей.
— Ну, мама, все готово. О чем вы? спросила ее оживленным лицом Наташа вбегая в комнату.
— Ни о чем, сказала графиня. — Готово, так побдем. Графиня вышла и встала с дочерью, которая переступила комнату в образе Соня обняла Наташу и поцеловала ее.

Наташа вопросительно взглянула на нее.
— Что ты? Что такое случилось?
— Ничего... неть...
— Очень дурное для меня?... Что такое?

Соня вздохнула и ничего не отвечала. Граф Пети вошел в комнату и когда графиня встала с замкнутой поклоном, она заплакала и граф...

На крыльце на дворе люди убранные с кинжалами и саблями, которыми их вооружил Пети, прощались с теми, которые оставались.
Повозки с ранеными частями выехали, частые ступени.

Возвратясь в комнату, Наташа рѣдко испытывала столь радостное чувство как то, которое она испытывала теперь, сходя в каретъ подлѣ графини и глядя на медленно проехавшую мимо ее сцены оставляемой, встревоженной Москвы. Она извѣдала высовывалась въ окно кареты и глядя на...

Extensive handwritten notes in the left margin, continuing the text and including a circled '60' at the bottom.

Handwritten notes in the top right margin, including the name 'Блакшанский' and other illegible text.

Handwritten notes in the middle right margin, including the name 'Васильев' and other illegible text.

Handwritten notes in the bottom right margin, including the name 'Тет' and other illegible text.

Large handwritten notes at the bottom of the page, including a circled '60' and dense cursive text.

Одна из гранок с исправлениями Толстого к гл. XVI, ч. 3, т. III
[«Отъезд Ростовых из Москвы»].

48. 16 листов верстки (по 2 стр.) гл. V—IX, ч. 3, и гл. I—IV, ч. 4, т. IV (ч. 1, т. VI первого изд.), без правки.

Начало: «Казак слез с лошади». *Конец:* «была направлена только к тому».

49. 21 гранка к гл. XVI—XIX, ч. 3, и IV—XI, ч. 4, т. IV, с большой авторской правкой. К гранке № 13 пришта длинная полоса размером в 2 л. F° вставки, написанной рукой С. А. Толстой.

Начало: «Все шли, сами не зная куда». *Конец:* «Представителю народной войны ничего не оставалось, и он умер». Извлекается вар. № 303 (т. 15, стр. 180).

50. 1 гранка к гл. XI, ч. 4, т. IV, с авторской правкой.

Начало: «залу велел к ногам Государя». *Конец:* «ничего не оставалось, и он умер».

51. 16 лл. верстки (по 2 стр.: 81—112) желтого цвета, гл. IV—XII, XIV, ч. 4, т. IV (лл. 6 и 7, ч. 1, т. VI первого изд.), с обильной авторской правкой на стр. 81 (л. 6) и 97 (л. 7). Надписи типографии: «VIII кор. 18 $\frac{24}{V}$ 69 и 18 $\frac{27}{V}$ 69».

На стр. 81 (л. 6) надпись Толстого: Немедленно исправив, прислать ко мне почтой. Гр. Л. Толстой. Такая же надпись на стр. 97 (л. 7).

Начало: «чтобы — насколько то было в его власти». *Конец:* «он все-таки выздоровел».

Из этой группы корректур в т. 15 (на стр. 180—181) напечатан вар. № 304, в котором дается первый, в большей своей части зачеркнутый, текст.

52. 16 лл. (по 2 стр.) второй верстки тех же листов (см. № 51), со многими авторскими исправлениями и вставками на 2 лл. в 4° рукой С. А. Толстой к стр. 88 (гл. VI). Текст вставки — копия автографа на полях вместо зачеркнутой части вар. № 304.

На стр. 81 (л. 6) надпись Толстого: Исправив печатать гр. Л. Толстой. Такая же надпись на стр. 97 (л. 7).

53. 16 лл: третьей верстки тех же листов с новыми исправлениями Толстого карандашом. На стр. 81 (л. 6) надпись типографии: «VII корр. 18 $\frac{7}{VI}$ 69».

54. 17 гранок к гл. XII, XIII, XV—XX, ч. 4, т. IV. На гранках много авторских исправлений. Начальная гранка — обрезок.

Начало: «Всё, что было с Пьером со времени освобождения». *Конец:* «я видел одно дурное, т. е. ничего не видел».

На первой гранке (обрезке) надпись Толстого: Все 17 гранок, исправив, верстать и прислать с посланным вместе с <рукопи[сиями]> гранками по рукописи, переданной кн. Урусовым.

55. 17 лл. верстки (по 2 стр.: 113—145) желтого цвета, гл. XII—XIII, XV—XX, ч. 4, т. IV (лл. 8, 9 и одна стр. 10, ч. 1, т. VI первого изд.)' и вставки рукой С. А. Толстой на двух листах в 4° к стр. 144 и 145. Всего 18 лл.

На стр. 133 (л. 8) и 129 (л. 9) надписи типографии: «V корр. 18 $\frac{2}{VI}$ 69».

Начало: «то снежную погоду». *Конец:* «<...т. е. ничего не видел>».

56. 1 гранка (стр. 145) к гл. XX, ч. 4, т. IV.

Начало: «[лю]дях и обстоятельствах за этот период времени». *Конец:* «Да Марьи? Так надо...»

57. 9 гранок, из них 3-я — обрезок к гл. I, III, IV, ч. 1 эпилога, с обильной авторской правкой.

Начало (автограф): «Часть III. Эпилог 1.

В 1819-м году взволнованное историческое море Европы». *Конец:* «думать о своей душе и о боге».

58. 10 гранок — вторые гранки тех же глав, после исправлений Толстого и с его новой правкой. Гранка 3 — обрезок. К гр. 10 подклеен новый автограф.

59. 11 гранок, из них 5 обрезков разной величины — третьи гранки к гл. I—IV, ч. 1 эпилога. К гранкам приложены, частью подклеены 7 лл. разной величины вставок рукой С. А. Толстой и лист автографа. Всего 19 лл.

Текст автографа-вставки опубликован в вар. № 357 (т. 15, стр. 323—325). На гранках и вставках много исправлений Толстого.

60. 1 гранка целиком, почти переработанная Толстым, к гл. V, ч. 1 эпилога.

Начало: «<Часть четвертая>. Эпилог II. 1. Весной 1813 года Наташа вышла замуж за Пьера Безухова». *Конец:* «Ехать в армию, где он был на первой вакансии пол».

К гранке подклеена вставка на двух склеенных в длину листах, являющаяся копией рукой С. А. Толстой исправленной гранки.

61. 3 гранки желтого цвета к гл. V—VI, ч. 1 эпилога. К гранке подклеены вставки на 1 л. рукой С. А. Толстой.

Начало: «Он в душе своей как будто упрекал». *Конец:* «через посредство которого действует и азот».

62. 29 гранок, в том числе два обрезка, к гл. VII—XVI, ч. 1 эпилога, с большой авторской правкой. К гранкам подклеены 2 лл. вставок рукой: С. А. Толстой.

Начало: «и кислород, и назем, и плуг». *Конец:* «Да я сделаю то, чем бы даже он был доволен».

63. 11 гранок (из них одна гранка-обрезок) к гл. I—XII, ч. 2 эпилога. Кроме того, к ним приложены 9 лл. вставок рукой С. А. Толстой. На гранках и вставках — обильная авторская правка.

Начало: «Предмет истории есть жизнь народов и человечества». *Конец:* «<...приказания исторических лиц вызванными только волею лица>».

64. 1 гранка, сплошь переработанная Толстым, к гл. VII, ч. 2 эпилога.

Начало: «прошедшем не есть сознание». *Конец:* «нам представляются произвольными».

65. 7 обрезков разной величины гранок, с многочисленными авторскими исправлениями, к гл. III, VII, VIII, XI—XII.

Начало: «Связь правительственных лиц». *Конец:* «единства своей лично-».

66. 2 гранки к гл. VII, ч. 2 эпилога. Низ первой гранки оборван. *Начало:* «XIII. Когда совершается какое-нибудь событие». *Конец:* «и руководящий движением корабля».

67. 7 гранок без поправок к гл. XXXIII, XXXIV, ч. 3, т. III.

Начало: «X. Пьер проснулся 3-го сентября поздно». *Конец:* Пьера под строгим караулом поместили в отделение».

68. 1 гранка к гл. XX, ч. 2, т. III, без поправок.

Начало: «от выстрелов». *Конец:* «Возчики мужики, крича на».

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

(Составлен З. Н. Ивановой)

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.), заглавия книг, названия статей, произведений слова, музыки. Кроме того, в указатель введены названия журналов и газет, если они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы комментариев.

Августин Блаженный (354—430) — епископ, один из первых христианских теологов — т. 15: 224, 225, 227, 243.

Австрийская императрица. См. Мария-Терезия.

Австрийский император. См. Франц II Иосиф Карл.

Австрийское эрцгерцогство — т. 13: 319, 416, 419.

Австрия — т. 13: 72, 77, 121, 138, 139, 182, 194, 195, 196, 303, 320, 340, 348, 351, 365, 366, 425, 442, 571, 601, 671, 751, 768; т. 14: 116; т. 15: 90, 323, 334; т. 16: || 47, 59.

Адам—т. 13: 33, 593, 666.

Адонирам (иначе: Адорам и Гадорам) — библейский персонаж — т. 13: 704, 725, 800.

Азов — т. 13: 95.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — т. 13: 55.

Александр I Павлович (1777—1825) — т. 13: 19, 21, 22, 28, 31, 32, 35, 36, 38, 39, 46, 48, 56, 58—61, 64—70, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 87, 95, 104, 108, 109, 112, 115, 117—120, 122—124, 126, 130, 132—135, 142, 143, 145, 147—149, 151, 165—167, 177—184, 186, 189, 194, 218, 219, 246, 247, 265, 276, 278, 284—286, 292, 338, 344, 346, 364, 447, 476, 482, 496, 504—517, 519, 524, 525, 530—532, 536, 537, 539, 548, 557, 558, 596, 597, 600—604, 606, 607, 616, 622, 628, 632, 635, 637—643, 658, 660—664, 671, 675, 680, 686, 687, 695, 706, 707, 714, 715, 717—719, 721, 743, 746, 751, 753, 758, 806, 807, 842, 870; т. 14: 11, 12, 14—21, 23—32, 39—41, 46, 51, 53—55, 58—64, 89, 92, 97, 115, 116; 136—140, 155, 169, 186, 224, 225, 265, 343, 354, 390, 410, 430, 431, 442; т. 15: 51, 53, 78, 80, 90, 166, 169—171, 188, 194—196, 205—214, 218, 232, 235—237, 263, 264, 266, 267, 269—271, 275, 276, 281, 283, 284, 303, 311, 316, 323, 324, 334; т. 16: || 29, 31—33, 39—42, 44—47, 55, 65, 66, 74, 78, 84, 85, 87, 96, 101, 111, 112, 120, 152, 176, 177, 184, 185, 190, 199, 200, 203, 204, 207, 208, 209.

Александр II (1818—1881) —т. 13: 144, 184; т. 16: || 44, 134.

Александр Македонский (356—323 до н. э.) — т. 13: 263; т. 14: 17, 128; т. 15: 195, 217; т. 16: || 65.

Алексеева дом — на Страстном бульваре в Москве — т. 16: || 130.

Алексотен — деревня на берегу р. Неман, в герцогстве Варшавском, напротив г. Ковно; здесь Наполеон перешел границу России в 1812 г. — т. 14: 17.

Алкивиад (ок. 451—404 до н. э.) — афинский политический деятель — т. 13: 72.

Альбер — герой романа Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза». См. Руссо Ж. Ж.
Альпы — т. 13: 113, 123.
Амалик-Амалек — библейский персонаж — т. 14: 53.
Амалия — прусская королева. См. Луиза.
Америка — т. 13: 196; т. 15: 142; т. 16: 15.
Америка Южная — т. 15: 315.
Амт Баублен — местечко в Восточной Пруссии; местоположение главной квартиры Александра I в тильзитское свидание — т. 13: 640.
Амштеттен — деревня в Нижней Австрии на большой дороге из Энса в Вену — т. 13: 333, 355, 371, 373, 439, 468; т. 16: || 69.
Амштеттенское сражение — происшедшее 5 ноября 1805 г. у деревни Амштеттен между авангардом французских войск Мюрата и русским отрядом Багратиона — т. 13: 333, 342.
Английская гостиница в Москве — т. 16: || 61.
Английская гостиница в Петербурге — т. 13: 589.
Английская набережная в Петербурге — т. 13: 59, 68, 112; т. 16: || 32.
Английский клуб в Москве — т. 13: 557; т. 16: || 60.
Англия — т. 13: 55, 77, 135, 179, 182, 189, 195, 196, 598, 672; т. 14: 14, 27, 28; т. 15: 190, 209, 217—219, 224, 284, 316, 334; т. 16: || 47, 78.
Андреев — т. 13: 44.
Андрей Первозванный — апостол — т. 13: 33.
Аникеева Ольга Дмитриевна, рожд. Горчакова (1834—1869) — троюродная тетка Л. Н. Толстого — т. 16: || 107.
Аннибал. См. Ганнибал.
Апокалипсис — книга, канонизированная православной церковью — т. 14: 57, 59; т. 15: 26; т. 16: || 87, 111.
Апостолов Николай Николаевич — т. 16: || 102, 135, 136.
— «Лев Толстой над страницами истории» — т. 16: || 136.
— «Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого» — т. 16: || 102, 136.
Апраксины графы — т. 13: 22, 249, 257, 723.
Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — всесильный временщик второй половины царствования Александра I, организатор жестокой системы военных поселений; в 1803—1808 гг. инспектор артиллерии, в 1808—1810 гг. военный министр; в 1812 г. был докладчиком Александра I по военным вопросам и одновременно членом Комитета по делам ополчений — т. 13: 39, 43, 46, 512, 676, 706, 707, 714, 715; т. 14: 20, 24, 39—41, 62; т. 15: 195; т. 16: || 190.
Арбат — улица в Москве — т. 13: 45, 545; т. 14: 129, 135, 297, 301, 304, 392, 393, 396, 422; т. 16: || 151.
Арбатские ворота в Москве — т. 14: 302, 303.
Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ — т. 15: 224, 225, 227, 232, 243.
— «Этика» — т. 15: 227.
Арколе — селение в итальянской провинции Верона (Северная Италия), у которого 15—17 ноября 1796 г. французские войска под начальством Бонапарта одержали победу над австрийцами — т. 14: 200; т. 15: 84.
Аркольский мост — при местечке Арколе (см.) — т. 13: 221, 265, 617, 618; т. 14: 84; т. 16: || 65, 89, 159.
Армафельд Густав Маврикий (Густав Мориц, 1757—1814) — шведский генерал и государственный деятель, с 1811 г. перешедший на русскую государственную

службу— т. 14: 30, 39, 41, 61, 62; т. 15: 188.

Архаровы — богатая дворянская семья в Москве — т. 13: 556, 585.

Архив Дворцового ведомства — т. 16: || 57.

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1820—1879) — реакционный журналист и писатель — т. 13: 240.

Аттила (ум. 453) — вождь племени гуннов в 433—453 гг. — т. 14: 12; т. 15: 229, 291.

Аугест — селение в Моравии, к юго-западу от Аустерлица — т. 13: 520, 541.

Аустерлиц — город в Моравии — т. 13: 31, 32, 103, 108, 116, 131, 133, 138, 139, 145, 146, 522, 536, 555, 557, 583, 598, 614, 618, 619, 628, 643, 663, 686, 688, 758, 801, 813, 815, 824; т. 14: 97, 102, 110, 112, 115, 200, 201, 334, 336, 338; т. 15: 95, 207; т. 16: || 26, 41—43, 59, 60, 65—67, 71, 73—76, 82, 83, 98, 100, 103, 156.

Аустерлицкое сражение («Аустерлиц», «сражение») — происшедшее 20 ноября (2 декабря) 1805 г. под Аустерлицем между французской армией и русско-австрийской, закончившееся победой французов — т. 13: 26, 29, 36, 37, 111, 127, 132, 137—140, 142, 145, 146, 149, 521—523, 525, 529, 532, 533, 534, 536, 539, 558, 560, 568, 569, 575, 614, 625, 628, 707, 742, 801, 812, 842; т. 14: 15, 219; т. 16: || 39—43, 46, 53, 57, 59—61, 63, 65—67, 72—74, 76.

Ауэршперг фон Маутерн Карл (Auersperg, Ауерсперг, Ауерсберг, 1740—1822) — австрийский фельдмаршал — т. 13: 337, 339, 343, 347, 348, 365, 446.

Ауэрштедт (Аурштет) — селение в Прусской Саксонии, у которого 14 октября 1806 г. произошло сражение между прусскими и французскими войсками, закончившееся победой французов — т. 13: 555.

Африка — т. 13: 136; т. 14: 338; т. 15: 323.

«Ах, запропала да ежова голова...». См. «Загуляла тут ежова голова...»

Аш Казимир Иванович — в 1807—1822 гг. смоленский губернатор — т. 14: 76, 79, 82, 315, 316; т. 16: || 113.

Аякс — персонаж из поэмы Гомера «Илиада». См. Гомер.

Бавария — т. 13: 293, 309, 319, 320, 419.

Багговут Карл Федорович (Багавут, 1761—1812) — русский генерал — т. 15: 53.

Багратион Петр Иванович (1765—1812) — русский генерал — т. 13: 26—31, 40, 95, 102, 104—106, 111, 118, 122—124, 131—134, 139, 145, 146, 148, 293, 321, 322, 324—329, 352—354, 356, 360, 364—366, 369, 374, 375, 378—387, 389, 390, 392, 393, 395, 405, 410—416, 449, 456—463, 470, 471, 489, 508, 509, 514, 515, 518—520, 522, 525, 530, 536, 539, 541, 558, 662, 663; т. 14: 40, 41, 62, 63, 110, 117—120, 139, 186, 216, 222, 255, 263, 316, 412; т. 15: 51, 334; т. 16: || 39, 60, 92, 94, 148, 163, 165, 174, 190.

Баденское герцогство — т. 13: 217; т. 14: 124 (Баден).

Базаров. См. Тургенев И. С., «Отцы и дети».

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт — т. 13: 768.

Балага — ямщик — т. 13: 877, 878, 879.

Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — генерал; в 1810—1812 гг. министр полиции; в 1812 г. — член Комитета по делам ополчений — т. 13: 38; т. 14: 19—33, 62; т. 16: || 85, 110, 111, 112.

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850) — историк России и Украины — т. 14: 92; т. 16: || 141, 153.

— «Словарь достопамятных людей русской земли» (1836 и 1847) — т. 14: 92; т. 16: || 141, 153.

Барклай-де-Голли Михаил Богданович (1761—1818) — генерал-фельдмаршал русской армии, шотландец по происхождению — т. 13: 31, 36; т. 14: 30, 33, 34, 39—41, 62—64, 85, 186, 213, 221—224, 262, 266, 315, 316, 335, 336, 344, 411—413; т. 15: 51, 79, 170; т. 16: 113.

Баррас Поль (1755—1829) — реакционный политический деятель периода французской буржуазной революции конца XVIII в. — т. 16: || 65.

Бартенева Петр Иванович (1829—1912) — русский археолог и библиограф, издатель и редактор исторического журнала «Русский архив» — т. 13: 34, 44; т. 14: 415; т. 16: || 66, 102—104, 106—112, 114—116, 119, 120, 124, 125, 130, 198, 205, 208.

Бартенштейн — город в Восточной Пруссии — т. 13: 597, 601, 628, 637, 638; т. 14: 15.

Бауценское сражение 1813 г. («Бауциновский поход») — сражение (8—9 мая) у города Бауцена (Саксония) между русско-прусской союзной армией под командованием 214

- генерала П. Х. Витгенштейна и французской армией — т. 15: 53, 54, 172.
- Бах Иоганн Себастьян (1685—1750) — немецкий композитор — т. 13: 239.
- Башилов Михаил Сергеевич (1821—1870) — русский художник-иллюстратор, дальний родственник С. А. Толстой; в 1866—1867 гг. по просьбе Л. Н. Толстого рисовал иллюстрации к роману «Война и мир» (около тридцати) — т. 16: || 77, 97—102, 115, 137.
- «Бедная Лиза» — повесть Карамзина. См. Карамзин Н. М.
- Белая Церковь, Киевской губ. — т. 14: 371.
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — т. 15: 240.
- Белобородова — жена тульского нотариуса Я. Ф. Белобородова, знакомого Толстого — т. 14: 132.
- Белосток — город, перешедший к России по Тильзитскому миру в 1807 г. от Пруссии — т. 13: 726.
- Бельгия — т. 13: 125, 194.
- Бельяр Огюстен (1769—1832) — французский генерал, один из сподвижников Наполеона I — т. 13: 348, 379, 394; т. 14: 23, 191, 197, 198, 202.
- Бенедек Людвиг Август (1804—1881) — австрийский генерал — т. 15: 92.
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826) — генерал-от-кавалерии русской службы — т. 13: 38, 144, 479, 600, 615, 619, 628, 633, 870; т. 14: 19, 30, 39—41, 62—64, 97—100, 109, 110, 115, 116, 118, 155, 186, 189, 190, 213, 221, 245—249, 262, 265—267, 344, 345, 367; т. 15: 51, 53, 76, 80, 170, 171; т. 16: || 91, 112, 207.
- Березина — река — т. 15: 141, 143, 144, 180; т. 16: || 127, 134.
- Берлин — т. 13: 170, 200, 337, 447, 598; т. 14: 370; т. 15: 334.
- Бернадот Жан Батист Жюль (1763—1844) — французский маршал, с 1818 г. король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Иоанна — т. 13: 139, 339; т. 14: 61; т. 15: 188, 271.
- Бернгарди Теодор фон (Bernhardi, 1802—1887) — немецкий историк и дипломат — т. 15: 86, 87, 88, 240; т. 16: || 139, 140, 144.
- «Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll» — т. 15: 86, 87, 88, 240; т. 16: || 144.
- Беррийская герцогиня (Duchesse de Berry). См. Каролина Фердинанда Луиза.
- Берс Александр Андреевич (1845—1918) — старший брат (С. А. Толстой — т. 16: || 137, 159.
- Берс Андрей Евстафьевич (1808—1868) — отец С. А. Толстой, врач Московской дворцовой конторы — т. 16: || 24, 25, 59, 70, 72, 104.
- Берс Елизавета Андреевна (1843—1919) — старшая сестра С. А. Толстой — т. 16: || 24—26, 56—58, 137, 162, 169.
- Берс Любовь Александровна, рожд. Иславина (1826—1886) — мать С. А. Толстой — т. 16: || 70, 136.
- Берс Петр Андреевич (1849—1910) — брат С. А. Толстой — т. 16: || 120.
- Берс Степан Андреевич (1855—1910) — брат С. А. Толстой — т. 13: || 39, 40; т. 16: || 107, 150.
- «Воспоминания о графе Л. Н. Толстом» — т. 16: || 107.
- Берс Т. А. См. Кузминская Т. А.
- Бертье Луи Александр, принц Невшательский (1753—1815) — французский маршал, начальник главного штаба французской армии — т. 14: 15, 16, 17, 26, 27, 31, 32, 192, 194, 197, 198, 202, 251; т. 15: 139, 141; т. 16: || 85.
- Бессьер Жан Батист, герцог Истрийский (1768—1813) — французский маршал — т. 14: 32.
- Бетховен Людвиг ван (1770—1827) — т. 14: 98.

Библейское общество — т. 13: 23, 32, 687; т. 15: 195; т. 16: || 147.

«Библиотека «Огонька» — т. 16: || 157.

Бирюков Павел Иванович (1860 — 1931) — друг и биограф Толстого — т. 16: || 19, 102, 135—137.

— «Лев Николаевич Толстой. Биография» — т. 16: || 19, 135—137.

Бисмарк-Шёнгаузен Отто Леопольд Эдуард, герцог Лауэнбургский (1815—1898) — германский государственный деятель — т. 14: 12, 13, 126.

Блазовиц — деревня в Моравии близ Аустерлица — т. 13: 538.

Бланкар — французский майор, начальник кавалерийского французского депо в 1812 г. — т. 14: 157—160; т. 15: 96, 98—100; т. 16: || 97, 126.

Блюхер Гебхард Леберехт (1742—1819) — прусский фельдмаршал времен войн с Наполеоном — т. 15: 209.

Богарне Евгений (1781—1824) — французский генерал, в 1805—1814 гг. вице-король Италии — т. 14: 116, 191, 193, 196, 199, 213, 251, 339, 400, 402.

Богарне Жозефина Мария Роза (Beauharnais Joséphine, 1763—1814) — первая жена Наполеона I — т. 13: 262; т. 16: || 65.

Богарне салон — в Париже — т. 13: 340.

Богданович Модест Иванович (1805—1882) — генерал-лейтенант, русский историк и писатель — т. 13: 38, 39, 46; т. 14: 138; т. 15: 142, 180, 240; т. 16: || 84, 113, 139, 140, 141, 150, 151, 190, 206.

— «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам.

Составлена по высочайшему повелению», тт. I—II, СПб. 1859, т. III, СПб. 1860 — т. 13: 38, 39, 46; т. 14: 138; т. 15: 87, 88, 142, 180, 240; т. 16: || 84, 113, 139—141, 150, 151, 190, 206.

Богемия — т. 13: 138, 139, 303, 319, 512; т. 16: || 68.

Богемские горы — т. 13: 134, 139, 523.

Бозениц (у Толстого—Бозевиц) — селение в Моравии близ Аустерлица — т. 16: 116.

Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский либерально-буржуазный историк и социолог-позитивист — т. 13: 48; т. 14: 415; т. 15: 186, 189, 215, 222, 233, 237, 274, 311.

Болговской Дмитрий Николаевич (1775—1852) — офицер русской армии, впоследствии сенатор; в 1812 г. находился при генерале Дохтурове за дежурного штаб-офицера; привез в главный штаб Кутузову донесение Дохтурова от 10 октября 1812 г. об оставлении Наполеоном I Москвы — т. 15: 79, 82, 83.

Болотная площадь в Москве — т. 14, 93.

Большая Дмитровка — улица в Москве — т. 16: || 146.

Бомон де (de Beaumont) — камергер Наполеона I — т. 14: 87, 88.

Бонами Шарль Август (ум. 1830) — французский генерал; взят в плен русскими войсками в сражении при Бородине — т. 14: 199, 211, 213.

Бонапарт. См. Наполеон I.

Бонапарт Жером (Jérome, 1784—1860) — брат Наполеона I, принимавший участие в походе Наполеона I на Россию в 1812 г. — т. 14: 116.

Бонапарт Люсьен (или Люциан, 1775—1840) — брат Наполеона I — т. 13: 73.

Борисов Иван Петрович (ум. 1871) — орловский помещик, близкий знакомый Толстого — т. 16: || 37, 125.

Боровск, Калужской губ. — т. 14: 425; т. 15: 77.

Бородино, Московской губ. — т. 13: 14, 17, 31, 32, 36, 40, 73, 142; т. 14: 87—90, 96—99, 108, 116—119, 155, 157, 187, 188, 191—193, 195, 196, 199, 206, 207, 209, 213—216, 220, 240, 241, 245, 248—250, 255, 261, 264, 268, 342, 343, 348, 411, 418; т. 15: 76, 81, 87, 90, 144, 170, 180; т. 16: || 28, 30, 41, 86, 90—94, 107, 108, 112, 113, 114, 116, 118, 123, 150, 183, 184, 193.

Бородинское сражение («Бородино», «сражение») — т. 13: 14, 16, 25, 30—32, 36, 37, 40; т. 14: 33, 89—91, 116, 118, 119, 121, 137, 185, 187, 190, 192, 193, 196, 201—207, 211, 212, 214, 215—222, 224, 255, 260—266, 268, 276, 297, 298, 340—343, 345, 367, 370, 377, 411, 418, 419, 441, ||213; т. 15: 10, 19, 23, 81, 87, 89, 90, 155, 165, 166, 170, 172, 181,

289, 317; т. 16: 11, || 30, 82, 86, 89, 90, 92—94, 107, 108, 112—118, 120, 121, 123, 132, 134, 150, 176, 182, 183—184, 186, 201, 202, 204, 205, 208.

- Боссе Луи Франсуа Жозеф (de Beausset, 1770—1835) — французский писатель и придворный — т. 14: 88, 192, 194, 197, 200, 250, 251, 252; т. 16: || 90, 113, 144.
- «Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du Palais et sur quelques événements de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1-er Mai 1814 pour servir à l'histoire de Napoléon» — т. 16: || 144.
- Ботнический залив — т. 14: 29.
- Браницкий Владислав Ксаверьевич (1782—1843) — сенатор, в 1812 г. флигель-адъютант Александра I — т. 13: 31; т. 14: 63.
- Браунау — город в Верхней Австрии — т. 13: 27, 99, 106, 310, 315, 317, 319, 320, 328, 416, 419, 424, 428, 429; т. 14: 254; т. 16: || 67, 68, 161, 162, 169.
- «Британиик» («Британикюс») — трагедия Расина, См. Расин Ж. Б.
- Брокер Адам Фомич (1771—1848) — московский полицмейстер — т. 14: 385.
- Брусье Жан Батист (1766—1814) — французский генерал — т. 15: 77, 81; т. 16: || 123.
- Брюнн (Моравия) — т. 13: 27, 95, 133, 138, 139, 294, 301, 334, 335, 345, 365, 369, 371, 373, 380; 382, 395, 439, 440, 441, 475, 522; т. 16: || 39, 69, 70, 71, 72, 167.
- Буало Никола (Voileau, 1636—1711) — французский поэт и теоретик классицизма — т. 13: 75.
- Бубна Литтиц Фердинанд фон (1768—1825) — австрийский генерал и дипломат; после сражения при Аустерлице участвовал в мирных переговорах с Францией — т. 13: 347.
- Будешти («Будшеты») — селение в Валахии — т. 13: 813.
- Буксгевден Федор Федорович (1750—1811) — генерал русской армии — т. 13: 95, 105, 130, 133, 139, 140, 144, 145, 336, 339, 520, 536, 540, 541, 600, 615, 617.
- Булонская экспедиция — подготовлявшаяся Наполеоном в 1801—1805 гг. высадка французских войск на берег Англии — т. 13: 196; т. 15: 217.
- Булонь (Франция) — т. 13: 182, 309, 320; т. 15: 190, 223.
- Бурбоны — французская королевская династия — т. 13: 120, 213, 219, 222; т. 14: 88; т. 15: 188, 193, 210, 213, 214, 218, 276.
- Буридан Иоанн (ум. около 1360) — французский философ-схоластик — т. 15: 227.
- Бухарест — т. 13: 35; т. 14: 34, 110.
- Бычков Сергей Петрович — т. 16: || 23, 66, 106.
- «Война и мир» — народно-героическая эпопея — т. 16: || 23, 106.
- «Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» — т. 16: || 23, 66.
- «Л. Н. Толстой. Очерк творчества» — т. 16: || 23.
- Бюлов Фридрих Вильгельм фон (1755—1816) — прусский генерал-от-инфантерии, в 1805 г. полковник — т. 13: 538.
- Ваграм — селение в Австрии, близ Вены, около которого 5—6 июля 1909 г. французские войска под начальством Наполеона I одержали победу над австрийцами — т. 14: 200.
- Валахия — т. 13: 38; т. 14: 29.
- Вальк-Мюле — деревня в Моравии, в окрестностях Аустерлица — т. 13: 538.
- Варварка — улица в Москве — т. 14: 288.
- Варфоломеевская ночь — с 23 на 24 августа 1572 г., в которую по инициативе Екатерины Медичи и по приказу ее сына — короля Карла IX в Париже было произведено избиение католиками гугенотов — т. 13: 49; т. 14: 124, 202; т. 15: 290; т. 16: || 152.
- Васильчиков Илларион Васильевич (1777—1847) — генерал-от-кавалерии; отличился в сражениях с французами в 1807 г.; был ранен под Бородином — т. 14: 348.
- Васильев Степан — т. 13: 40.

Вейротер Франц фон (1754—1807) — австрийский генерал, начальник штаба австрийской армии; военный теоретик — т. 13: 112, 114, 117, 120, 130, 132—134, 139, 344, 380, 381, 395, 506—508, 511—515, 525; т. 16: || 40, 172.

Великий князь. См. Константин Павлович.

Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — герцог, английский полководец и реакционный государственный деятель — т. 15: 209.

Вена — т. 13: 27, 106, 134, 138, 139, 170, 297, 300, 303, 319—321, 333-339, 342, 345—348, 350, 365, 369—374, 381, 382, 418, 424, 426, 431, 436, 440, 441, 444—446, 472, 476, 482, 524, 540, 601, 602, 604; т. 14: 23, 138, 224, 270, 278, 378, 422, 434; т. 15: 90, 209, 314; т. 16: || 67, 71, 164.

Венгрия — т. 13: 118, 139, 520, 541.

Венский конгресс 1814—1815 гг. — завершивший войны коалиций европейских держав с Наполеоном I — т. 15: 214, 218, 276.

Венский мост. См. Таборский мост.

Вергилий (70—19 до н. э.) — римский поэт — т. 14: 431, 442.

Верещагин Михаил Николаевич (1790—1812) — сын московского купца Н.Г. Верещагина; был обвинен в государственной измене и арестован; в день вступления французов в Москву Ф. В. Ростопчин отдал Верещагина на растерзание солдатам своего конвоя и разъяренной толпе — т. 13: 42; т. 14: 291—294, 296, 349, 385—391; т. 16: || 118, 141, 187.

Верея, Московской губ. — т. 14: 358, 420.

«Вестник Европы» («Европейский вестник») — двухнедельный журнал консервативно-дворянского направления, основанный в 1802 г. Н. М. Карамзиным и издававшийся в Москве до 1830 г. — т. 13: 367, 408 (ошибочно: «Русский вестник»), 409, 454; т. 16: | 143, 153.

«Вестник Европы» — ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления, издававшийся в Петербурге в 1866—1918 гг. (до 1909 г. — под редакцией М. М. Стасюлевича) — т. 16: || 25, 140.

Виктор Эммануил I (1759—1824) — в 1802—1821 гг. король Сардинского королевства (Италия) — т. 13: 178, 181, 506, 598.

Вилье или Виллие Яков Васильевич (1768—1854) — шотландец по происхождению, известный врач; в 1812 г. главный военно-медицинский инспектор русских армий — т. 13: 510, 531, 536, 716.

Вильна (Вильно) — т. 13: 14, 17, 38, 43, 46, 51, 870; т. 14: 15, 18, 20, 26, 27, 39, 40, 46, 53, 61, 65, 163, 164; т. 15: 140, 141; т. 16: || 29, 30, 84, 97.

Вимпфен Макс фон (1770—1854) — австрийский генерал, в 1805 г. прикомандированный к штабу Кутузова — т. 13: 122, 125, 130, 507, 540.

Винес — художник-миниатюрист; в 1812 г. жил в Петербурге — т. 13: 477.

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818) — с 1797 г. генерал русской армии; в октябре 1812 г. был захвачен французами в плен, но отбит отрядом Чернышева — т. 13: 46, 353, 379, 393, 394; т. 14: 30, 63, 155; т. 16: || 47.

Виргилий. См. Вергилий.

Виртембергский принц. См. Вюртембергский Евгений.

Висла, река — т. 14: 29, 225.

Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842) — генерал-фельдмаршал русской армии; кампанию 1805 г. начал в чине генерал-майора; в 1812 г. — генерал-от-кавалерии — т. 14: 34, 138.

Витебск — т. 13: 51; т. 14: 44, 65, 66, 67, 87; т. 15: 140.

Витебская губерния — т. 14: 65.

Вишау — город в Моравии — т. 13: 28, 111, 112, 118, 121—124, 126, 149, 505, 506, 508—511, 514, 557; т. 16: || 63.

Владимир, город — т. 13: 45; т. 15: 166; т. 16: || 25.

Владимирская застава в Москве — т. 14: 130.

Владимирская улица в Петербурге — т. 13: 174, 266, 726.

Влоцкий (или Влодский) — в 1812 г. генерал-адъютант Александра I—т. 13: 31; т. 14: 63.

Воейков Николай Сергеевич (1803—18..) — сын тульского помещика, опустившийся и живший приживальщиком, главным образом у Н. Н. Толстого; часто бывал в Ясной Поляне — т. 13: 22.

Воздвиженка — улица в Москве — т. 14: 303, 376.

- Война — речка близ Бородина — т. 16: || 108.
- «Война и мир» — заглавие русского перевода исследования Прудона «О принципе и содержании международного права», вышедшего в 1864 г. — т. 16: || 102.
- «Война и мир» — сборник под ред. В. П. Обнинского и Т. И. Полнера — т. 16: || 136.
- Волга — т. 13: 294; т. 14: 60.
- Волков Александр Александрович — московский полицмейстер — т. 14: 385, 386.
- Волкова Мария Аполлоновна (1786—1859) — фрейлина императрицы Марии Федоровны — т. 16: || 25, 62, 81, 138, 140.
- Волконская Варвара Александровна (1785—1878) — двоюродная тетка Толстого — т. 16: || 136.
- Волконская Екатерина Дмитриевна, рожд. Трубецкая (1749—1792) — бабка Толстого, жена Н. С. Волконского — т. 16: || 136.
- Волконская Луиза Ивановна, рожд. Грузсон (1825—1890) — жена троюродного брата Толстого Александра Алексеевича Волконского — т. 16: || 39, 43, 138.
- Волконская Мария Николаевна. См. Толстая М. Н.
- Волконский Николай Сергеевич (1753—1821) — дед Толстого по матери — т. 16: || 136.
- Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — генерал-фельдмаршал, министр двора и уделов — т. 13: 43, 46; т. 14: 40, 138, 155; т. 15: 51.
- «Волшебница, скажи, какая сила», стихотворение — т. 13: 587, 589, 629; т. 16: || 149.
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ (Voltaire, 1694—1778) — французский писатель, историк и философ, один из выдающихся деятелей французского просвещения XVIII в. — т. 13: 49, 75, 77, 231, 527; т. 14: 124, 202, 430, 431; т. 15: 186, 187, 224, 226, 233, 243, 279, 297; т. 16: || 152.
- «Альзира или американцы», трагедия (1736) — т. 14: 430 (цит.)
- «Поэма о гибели Лиссабона» — т. 15: 186.
- «Фанатизм, или пророк Магомет», трагедия (1741) — т. 14: 430.
- Вольцоген Людвиг Юстус фон (1774—1845) — прусский генерал, военный теоретик; с 1807 г. на русской службе, состоял при главном штабе — т. 13: 40; т. 14: 41, 89, 213, 221—224, 262, 412, 413; т. 16: || 114, 150, 204.
- Воробьевы горы (Москва) — т. 14: 266, 267, 345; т. 15: 25, 38, 49, 58, 61.
- Воронеж — т. 15: 9, 14, 15, 19, 22, 148, 308; т. 16: || 96, 120, 121, 122.
- Всесвятское, Московской губ. — т. 14: 271.
- Вундт Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий буржуазный психолог и философ-идеалист — т. 15: 233.
- Вюртембергский Александр (Виртембергский, 1771—1833) — принц, брат русской императрицы Марии Федоровны, жены Павла I, генерал русской армии, участник сражения при Бородине — т. 14: 221.
- Вюртембергский Евгений (Виртембергский, 1788—1858) — принц, племянник императрицы Марии Федоровны, жены Павла I, генерал русской службы — т. 13: 41; т. 14: 64, 90, 100, 186, 259; т. 15: 241.
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — русский поэт и критик — т. 13: 811.
- Вяземское сражение 22 октября 1812 г. под Вязьмой между отступавшими из Москвы корпусами французской армии и передовыми русскими частями под начальством Милорадовича и Платова — т. 15: 180.
- Вязмитинов Сергей Козьмич (1749—1819) — генерал; с 1805 г. — главнокомандующий в Петербурге, а в 1812 г. — управляющий министерством полиции — т. 13: 482, 483, 493.

Вязьма, Смоленской губ. — т. 13: 46, 51; т. 14: 154, 170, 173, 185, 321; т. 15: 86, 88, 103, 118, 135, 141.

Газан (Газон) — французский генерал — т. 13: 334.

Гайдн Иосиф (Гейден, 1732—1809) — австрийский композитор — т. 13: 80, 85.

Галиция — т. 13: 303, 319.

- Ганнибал (Аннибал, ок. 247—183 до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец — т. 15: 89.
- Гарденберг Карл Август (1750—1822) — в 1803—1806 гг. прусский министр иностранных дел, с 1810 г. — канцлер — т. 13: 601, 604, 638.
- Гартинг Мартын Николаевич (1785—1824) — генерал русской армии; в 1812 г. подполковник, обер-квартирмейстер 3-го пехотного корпуса — т. 14: 186, 221, 262.
- Гарун-Аль-Рашид (Харун-ар-Рашид, 786—809) — арабский халиф — т. 13: 410.
- Гатчина, С.-Петербургской губ. — т. 13: 842, 843.
- Гаугвиц, или Гаувиц Христиан Август (1752—1831) — прусский министр иностранных дел в 1802 г. — т. 13: 114, 198.
- Гаузер Каспар (1812—1833) известный своей таинственной судьбой баварский найденыш, проведенный 14 лет с рождения в заключении; лишенный человеческого общества, одичал и почти не умел говорить — т. 15: 261, 262.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ-идеалист и диалектик — т. 15: 226.
- Гедеон — библейский персонаж — т. 14: 53, 409.
- Гейден. См. Гайдн.
- Гениссиен Луиза (Hénissienne) — компаньонка матери Толстого — т. 16: || 27, 136.
- Генрих IV (1553—1610) — французский король, первый из династии Бурбонов — т. 13: 39; т. 14: 163; т. 15: 142.
- Генрих IV — герой драмы
В. Шекспира «Король Генрих IV». См. Шекспир В.
- Генуэзская республика — т. 15: 334.
- Генуя (Северная Италия) — т. 13: 75, 351, 598; т. 15: 57.
- Георгий Победоносец — православный святой; его именем назван орден — т. 13: 602.
- Гервинус Георг Готфрид (1805—1871) — немецкий буржуазный историк — т. 13: 48; т. 15: 188, 189, 193, 212, 213, 266, 270—274, 276, 277, 280, 287, 312.
- Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий поэт и философ, видный деятель периода «Sturm und Drang» («Бури и натиска») — т. 13: 26, 367, 391, 408, 409, 454, 455, 456, 462, 559, 602, 612, 616.
— «Человек сотворен для ожидания бессмертия» — т. 13: 408, 455—456 (цит.); т. 16: || 140.
- Геркулес — римское имя одного из самых популярных героев греческой мифологии Геракла, одаренного большой физической и моральной силой, друга угнетенных — т. 15: 281.
- Германия — т. 13: 58, 178, 179, 293, 320, 419, 524, 598; т. 14: 31; т. 15: 187.
- Герострат («Эрострат») — известен поджогом знаменитого храма Артемиды в городе Эфесе в 356 г. до н. э.; свой поступок он объяснил желанием увековечить свое имя — т. 13: 528.
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) — т. 16: || 21.
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — т. 13: 77, 230, 231, 688; т. 14: 98.
— «Gott und die Bajadere» («Бог и баядерка»), баллада — т. 13: 231.
- Гжатск, Смоленской губ. — т. 13: 39; т. 14: 90; т. 15: 113, 122.
- Гжать — старинное название города Гжатска.
- Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский буржуазный историк — т. 15: 186, 311.
- Гидьежиц. См. Годьежиц.
- Гиршковиц — селение в окрестностях Аустерлица — т. 13: 139.
- Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) — русский писатель и журналист; в

1808—1824 гг. издавал журнал «Русский вестник», сыгравший заметную общественную роль, особенно в 1812 г. — т. 14: 33; т. 16: 11, || 24, 86, 102, 141, 153.

— «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения» (1836) — т. 16: || 24, 102, 141, 153.

Глогау — город и крепость в Пруссии — т. 13: 603.

ГМТ. См. Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

Гоббс Томас (1588—1679) — английский философ-материалист, идеолог крупной буржуазии — т. 15: 224, 225, 227, 243.

Гогенлоэ-Нейенштейн-Ингельфинген Фридрих-Людвиг (1746—1818) — генерал прусской армии — т. 13: 122, 130, 507.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — т. 13: 55; т. 16: 7.

Годьежиц («Гидьежиц», «Подыжиц») — селение в Моравии к юго-востоку от Аустерлица — т. 13: 520, 541.

Голенин. См. Голымин.

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — сенатор, в 1810—1817 гг. попечитель московского университета; писатель, реакционер — т. 13: 803.

Голиаф — библейский персонаж — т. 14, 53, 138.

Голицын — т. 16: || 185.

Голицын А. Б. — т. 14:93.

Голицын Борис Владимирович (1769—1813) — генерал-лейтенант; накануне Отечественной войны 1812 г. находился в отставке, с начала войны вновь вступил в армию; участвовал в сражении при Бородине — т. 14: 54.

Голлабрунн — город в Австрии по дороге из Вены в Цнайм — т. 13: 124, 135, 352, 362, 374, 380, 524.

Голландия — т. 13: 194, 198, 506.

Головин. См. Головин В. М.

Головин Василий Михайлович (1776—1831) — выдающийся русский мореплаватель, вице-адмирал — т. 14: 111, 336.

«Голос минувшего» — исторический журнал либерально-буржуазного направления, издававшийся в Москве в 1913—1923 гг.; издателями и редакторами его были В. И. Семеновский и С. П. Мельтунов — т. 16: || 22.

Гольдбах — небольшая речка в Моравии около Аустерлица — т. 13: 138, 142.

Гольденвейзер А. Б., «Вблизи Толстого» — т. 16: || 131.

Голымин («Голенин») — селение в землях Польши, принадлежавших Пруссии, около которого 14 декабря 1806 г. произошло сражение между русским отрядом кн. Голицына и французскими войсками — т. 13: 576.

Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) — легендарный эпический поэт древней Греции — т. 13: 239; т. 14: 60.

— «Илиада» — т. 13: 231; т. 15: 240 (Аякс).

Горки — деревня Московской губ., близ Бородина, один из пунктов Бородинского сражения — т. 13: 39; т. 14: 72, 75, 90, 98, 120, 185, 195, 205—207, 209, 212—214, 216, 221, 222, 246, 248, 262, 339, 411; т. 16: || 108.

Горчаков Андрей Иванович (1779—1855) — русский генерал; в сражении при Бородине находился на левом крыле под командованием Багратиона и был ранен — т. 14: 267, 347.

Горчакова Елена Сергеевна (1824—1897) — начальница 3-й женской гимназии в Москве, знакомая Толстого — т. 16: || 77.

Гостиерадек — селение в Моравии, к юго-западу от Аустерлица — т. 13: 520, 541.

Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ЛБ) — т. 16: || 3, 26, 158, 159, 160, 161, 163—175, 177—180, 182—186, 188, 190, 192, 194—196, 198—200, 202—207.

Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва) (ГМТ) — т. 16: || 3, 101, 146.

Государь. См. Александр I.

Готфрид Бульонский (ок. 1060—1100) — герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого крестового похода 1096—1099 гг. — т. 15: 191, 223.

Гракхи Тиберий (163—132 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.) — политические

деятели древнего Рима — т. 15: 52.

Гренада (Испания) — т. 15: 62.

Греция — т. 15: 52.

«Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской» — т. 16: || 25, 81, 140.

Гриднево — селение Московской губ., близ Бородина, один из пунктов Бородинского сражения т. 13: 39.

Гродно — т. 13: 43; т. 14:61.

- Грузинский Алексей Евгеньевич — т. 16: || 21, 22, 26, 27, 31, 39, 146, 154—157, 176, 191.
- «К новым текстам из романа «Война и мир» — т. 16: || 21, 22, 26, 27, 31, 39.
- «Первый период работ над «Войной и миром» — т. 16: || 22.
- Грузины — район в Москве т. 14: 271, 279.
- Грузия — т. 13: 841.
- Грунт — селение в Австрии, вблизи Шенграбена — т. 13: 326, 327, 352, 353, 356, 357, 358, 360, 374, 375, 380, 383, 395, 401, 402, 448, 449, 451, 460, 536; т. 15: 335; т. 16: || 71, 106.
- Губернатор Смоленска. См. Аш Казимир Иванович.
- Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник; по своим политическим взглядам умеренный либерал — т. 16: || 185.
- Гунтерсдорф — селение в Австрии, вблизи Шенграбена — т. 13: 30.
- Гусев Николай Николаевич — т. 16: || 21, 135, 136.
- «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» — т. 16: || 136.
- «Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877)» — т. 16: || 21, 136.
- Гюнцбург — город в Баварии — т. 13: 317, 429.
- Давид — библейский персонаж — т. 13: 289; т. 14: 53, 409.
- Даву Луи Никола (Prince d'Ekmuhl, 1770—1823) — французский маршал — т. 13: 38, 40; т. 14: 20, 24—26, 89, 136, 142—144, 146, 156, 191—193, 195, 198, 250, 251; т. 15: 33, 94, 136, 139; т. 16: || 85.
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — русский поэт и военный писатель, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., знаменитый партизан — т. 14: 156; т. 15: 88, 93, 101, 240; т. 16: || 138, 140, 141.
- «Разбор трех статей, помещенных в «Записках Наполеона» — т. 16: || 141.
- «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова», изд. 4-е, исправленное и дополненное по рукописям автора, М. 1860, части — III — т. 16: || 141.
- «Да здравствует Генрих IV...» («Vive Henri IV...») — французская песня — т. 13: 39; т. 14: 163; т. 15: 142.
- Даль Владимир Иванович (1801—1872) — русский ученый-диалектолог, этнограф, писатель — т. 16: || 101, 121, 141.
- «Толковый словарь живого великорусского языка» — т. 16: || 101.
- «Пословицы русского народа», сборник — т. 16: || 121, 141.
- Данте Алигьери (1265—1321) — т. 14: 401—404, 431; т. 15: 225; т. 16: || 119.
- Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) — т. 15: 232, 233.
- Дарнстейн. См. Дюренстейн.
- «Дева Дуная» — опера Крейсера. См. Крейслер.
- Девичье поле — район в Москве — т. 13: 42; т. 14: 129, 132, 136, 140, 142; т. 15: 23, 24, 32, 35—38, 44; т. 16: || 95.
- «Дельфина» — роман французской писательницы Сталь. См. Сталь А. Л. Ж.
- Декарт Рене (1596—1650) — французский философ, физик, математик и физиолог — т. 15: 246.
- Декре Дени (Decrès, 1761—1820) — французский морской министр — т. 16: || 65.
- Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — древне-греческий оратор — т. 13: 448.
- Державин Гавриил Романович (1743—1816) — русский поэт — т. 13: 77.
- Диана (греч. Артемида) — богиня луны, охоты и лесов у древних римлян — т. 13: 782.
- Дидро Дени (Дидерот, 1713—1784) — французский писатель-энциклопедист — т.

13: 77.

Дижон (Франция) — т. 14: 29.

Диккенс Чарльз, «Давид Копперфильд» — т. 15: 240 (Копперфильд).

Димлер — пианист, учитель музыки в Москве — т. 13: 241, 788, 791, 795, 796, 798.

Директория — правительство во Франции во время буржуазной революции
XVIII в., 222

установленное конституцией 1795 г. и свергнутое Бонапартом 9 ноября 1799 г. — т. 13: 183, 192, 220; т. 15: 206, 283.

«Дневник студента». См. Жихарев С. П., «Записки современника с 1805 по 1819 г. Часть I. Дневник студента».

Днепр — река — т. 14: 31, 72, 80; т. 15: 141.

Дозамбри. См. д'Озамбри.

Долгоруков Петр Петрович (Долгорукий, 1777—1806) — генерал-адъютант, один из ближайших сотрудников Александра I — т. 13: 28, 112, 115, 117—120, 123—126, 133—135, 149, 182, 504—506, 508, 510—512, 514, 515, 519, 520, 522, 524, («дерзкий посланник»), 525, 526, 539, 637.

Дон Кихот. См. Сервантес де Сааведра Мигель, «Дон Кихот».

Донауверт — город в Баварии — т. 13: 316, 427.

Дорогобуж, Смоленской губ. — т. 14: 82.

Дорогомиловская застава в Москве — т. 13: 45; т. 14: 129, 286, 371; т. 16: || 95.

Дорогомиловский мост в Москве — т. 13: 42; т. 14: 129, 301.

Дорогомиловское предместье (Дорогомилово, Драгомилово) в Москве — т. 14: 133, 266, 267, 269, 304, 344, 345.

Дорохов Иван Семенович (1762—1815) — русский генерал, герой и известный партизан Отечественной войны 1812 г. — т. 15: 76, 77, 81; т. 16: || 123.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — т. 16: 7.

— «Записки из мертвого дома» — т. 16: 7.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756—1816) — генерал русской армии, герой Отечественной войны 1812 г. — т. 13: 28, 41, 131, 133, 134, 140, 141, 144, 145, 146, 148, 334, 369, 520, 537, 540, 541, 633; т. 14: 64, 90, 244; т. 15: 77, 78, 79, 83, 84; т. 16: || 42, 123.

Дочь австрийского императора. См. Мария Луиза.

Дрезден — т. 13: 38; т. 14: 16, 27, 28, 59.

Дрисса — река — т. 14: 39; т. 16: || 86.

Дрисса, Витебской губ. — т. 14: 33, 39, 42, 61; т. 16: || 85, 86.

Д'Убриль. См. Убри П. Я.

Дунай — река — т. 13: 99, 317, 320, 321, 333, 334, 336, 339, 343, 348, 373, 374, 428, 813; т. 14: 29, 65.

Дурнов переулок в Москве — т. 13: 40.

[Дурова Н.А.], «Кавалерист-девица. Происшествие в России» — т. 16: || 141, 153.

«Духовный путеводитель». См. «Духовный путеводитель...»

«Духовный путеводитель, служащий к отвлечению души от чувственных вещей и к приведению ее внутренним путем к совершенному созерцанию и ко внутреннему миру» — т. 16:

|| 141, 154.

Дьяковы — семья тульского помещика Дмитрия Алексеевича Дьякова, близкого друга молодости Толстого — т. 16: || 70.

Дюма Александр, отец (Dumas Al., 1803—1870) — французский писатель — т. 13: 439; т. 16: || 144.

— «Napoléon» — т. 16: || 144.

Дюпон Пьер (1765—1840) — французский генерал, принимавший видное участие в войнах наполеоновской эпохи; в 1815—1830 гг. — реакционный депутат — т. 13: 334.

Дюпор Луи (Dupont, 1782—1853) — парижский балетмейстер, переселившийся в 1803 г. в Петербург — т. 13: 838; т. 14: 57—58.

Дюренштейн (Дарнштейн) — селение в Нижней Австрии, близ которого 30 октября 1805 г. произошло сражение между французским корпусом Мортье и армией Кутузова

— т. 13: 334, 336, 441.

Дюссек Иоганн Ладислас (1761—1812) — чешский пианист и композитор — т. 13: 260.

— «Соната» — т. 13: 260.

Евангелие — т. 13: 645, 646, 649, 654; т. 14: 48, 52, 245; т. 15: 147, 148.

Европа — т. 13: 55, 58, 71, 72, 76, 77, 116, 178—182, 186, 223

192—195, 198, 199, 218, 340, 348, 506, 523, 598, 603, 686, 807; т. 14: 12, 17, 31, 32, 114, 124, 264, 343; т. 15: 90, 142, 187, 206, 208, 209, 211, 216, 236, 264, 266—269, 279, 281, 283, 301, 322; т. 16: 14, || 20, 21, 32, 65, 210.

«Европейский вестник». См. «Вестник Европы».

Египет — т. 13: 170, 220, 688; т. 14: 205; т. 15: 206; т. 16: || 20.

Египетская кампания («экспедиция») — поход Наполеона Бонапарта в 1798—1801 гг. в Египет и Сирию — т. 13: 217; т. 16: || 65.

Екатерина II («императрица», 1729—1796) — т. 13: 75—78, 81, 85, 144, 182—184, 281, 289, 332, 671, 805, 806, 871; т. 14: 29, 78, 229, 326; т. 15: 215, 222, 223, 286.

Елены святой остров — т. 13: 414; т. 14: 204; т. 15: 190, 194, 207, 262; т. 16: || 65.

Елизавета Петровна (1709—1761) — русская императрица — т. 15: 215.

Елисейские поля в Париже — т. 13: 489.

Ельня, Смоленской губ. — т. 13: 40.

Энгиенский герцог. См. Энгиенский герцог.

Ергольская Татьяна Александровна (1792—1874) — троюродная тетка Толстого — т. 16: || 38, 81, 137.

Еренсдорф (Erensdorf). См. Эберсдорф.

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — боевой генерал русской армии; отличился в Бородинской битве — т. 13: 28, 112, 115, 116, 117, 121, 134, 148; т. 14: 41, 115, 130, 155, 186, 211, 213, 217, 247, 265, 266, 344, 345; т. 15: 51, 53, 79, 80, 88, 143, 170; т. 16: || 42, 141.

— «Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями». М. 1865 — т. 16: || 141.

Етенгейм. См. Эттенгейм.

Ешевский Степан Васильевич (1829—1865) — русский буржуазный историк, профессор всеобщей истории Московского университета в 1858—1865 гг. — т. 16: || 57.

Жанлис Стефания Фелисата (de Genlis, 1746—1830) — французская писательница — т. 13: 38, 102, 503; т. 14: 86, 164; т. 16: || 140.

— «Добродушный» — т. 13: 409 (д'Озамбри, Фериоль), 455 (то же); т. 16: || 140 (то же).

Жерар Морис Этьенн (Gérard, 1773—1852) — французский маршал — т. 14: 88.

Жерве Андрей Андреевич (1773—1832) — русский государственный деятель, родственник Сперанского — т. 13: 708.

«Жизнь Еноха». См. «Образ жития Енохова».

Жихарев С. П., «Записки современника с 1805 по 1819 г. Часть 1. Дневник студента» — т. 13: 241, 242, т. 16: || 137—138, 141, 153.

Жозефина. См. Богарне Жозефина.

Жуковский В. А., «Певец во стане русских воинов», стихотворение — т. 15: 52.

Жюно Андох, герцог Д'Абрантес (1771—1813) — французский маршал — т. 13: 40, 47, 51; т. 14: 90; т. 15: 65, 67, 68, 135, 136; т. 16: || 151.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель — т. 16: || 57, 141.

— «Рославлев, или Русские в 1812 году», исторический роман (1831) — т. 16: || 57, 141.

«Загуляла тут ежова голова...» («Ах, запропала да ежова голова») — строки из песни — т. 14: 243.

Заломов — т. 16: || 150.

Замоскворечье — район в Москве — т. 14: 301.

Западная Двина — т. 14: 31, 42.

«Записки артиллериста». См. Р[адожицкий] И.

«Записки одного путешественника или Любопытное собрание известий, касающихся до жизни, занятий и жилища Бонапарте на острове св. Елены. С описанием сего острова, также известия о главных жителях оногo» — т. 16: || 141.
«Записки отдела рукописей Всесоюзной 224

- библиотеки им. В. И. Ленина» (1939) — т. 16: || 181, 182.
- «Записки студента». См. Жихарев С. П., «Записки современника с 1805 по 1819 г. Часть I. Дневник студента».
- Зимний дворец в Петербурге — т. 13: 74, 182.
- Зотов Р., «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона», изд. 2-е, тт. I—IV, СПб. 1840 — т. 16: || 141.
- Зубовский вал — улица в Москве — т. 15: 24.
- Зубцов, Тверской губ. — т. 13: 39.
- Ивашкин Петр Алексеевич (р. 1765) — генерал-майор; с 1808 по 1813 г. московский обер-полицмейстер — т. 14: 385, 386.
- Иена — город в Прусской Саксонии, около которого 14 октября 1806 г. произошло сражение между прусскими и французскими войсками, закончившееся победой французов — т. 13: 576, 598; т. 14: 39, 200; т. 15: 90.
- Иеремия — библейский пророк — т. 15: 225.
- Иерусалим — главный город древней Палестины — т. 13: 33, 764; т. 14: 138, 409; т. 15: 223, 229.
- «Избранные черты и анекдоты государя императора Александра I, избавителя и миротворца Европы», М. 1826 — т. 16: || 142.
- Измаил — турецкая крепость на Дунае, взятая в 1790 г. русскими войсками под командованием Суворова — т. 13: 269, 606, 618; т. 14: 65.
- Иисус Христос — т. 13: 33, 47, 251, 704; т. 14: 48, 138; т. 15: 30, 36, 39, 46, 47, 85, 225.
- «Илиада». См. Гомер.
- Иллер — река в Баварии — т. 13: 316, 426.
- Ильинка — улица в Москве — т. 14: 425.
- Ильинские ворота в Москве — т. 14: 290.
- Ильинский Николай Степанович (1759—1846) — писатель, юрист; при Александре I состоял в Комиссии для составления законов — т. 13: 696, 706.
- Императрица. См. Екатерина II.
- Императрица французская Мария Луиза.
- «Инвалид». См. «Русский инвалид».
- Индия — т. 13: 263.
- Инн — река в Австрии — т. 13: 310, 317, 427, 429.
- Иннокентий — масон, генерал ордена картезианцев — т. 13: 251.
- «Введение в духовную совершенную жизнь. Извлечено из Св. писания, «Вступления к благочестивой жизни св. Франциска Сальского» и «Подражания Христу» — т. 13: 251.
- Иоанн Богослов — апостол — т. 13: 24, 646.
- Иоанн IV Васильевич («Грозный», «Великий», 1530—1584) — т. 13: 673; т. 15: 85, 222, 284, 288.
- Иоанн Креститель — евангельский персонаж — т. 13: 33.
- Иогель — танцмейстер в Москве, устроитель балов, пользовавшихся большой популярностью — т. 13: 585—588, 788; т. 16: || 61, 75, 104.
- Ионических островов республика (Республика семи островов) — образована по инициативе России в 1798—1799 гг. после их освобождения от власти французов объединенной русско-турецкой эскадрой под командованием Ф. Ф. Ушакова; существовала до 1807 г. — т. 13: 180.
- Ирландия — т. 13: 195.
- Исленьев Александр Михайлович (1794—1882) — дед С. А. Толстой — т. 13: 22.
- Испания — т. 13: 805, 871; т. 14: 32, 266, 344; т. 15: 93.

«Исповедь Наполеона Бонапарта аббату Мори и проч. и проч.», перев. с франц., т. I, СПб. 1813 — т. 16: || 142.

Исторический музей в Москве — т. 16: || 203, 204.

«Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению» — т. 16: || 142.

- «История, написанная по высочайшему повелению». См. Богданович М. И., «История Отечественной войны 1812 года».
- Италия — т. 13: 106, 125, 179, 181, 182, 194, 198, 199, 523, 581, 688; т. 14: 205; т. 15: 58, 323.
- Итальянский поход Бонапарта 1796—1797 гг. («Итальянская война») — т. 16: || 65.
- Иудея — т. 15: 185; т. 16: || 195.
- «Кавалерист девица». См. [Дурова Н. А.], «Кавалерист-девица. Происшествие в России».
- Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851) — писатель, масон, приверженец Магницкого — т. 13: 241.
- «На что, с любезной расставаясь», стихотворение — т. 13: 241, 242.
- Кавказ — т. 13: 841; т. 15: 93; т. 16: || 20.
- Кадудаль Жорж (1771—1804) — один из вождей шуанов, боровшихся во Франции с революцией — т. 13: 213.
- Казань — т. 14: 114, 268; т. 15: 222.
- Каин — библейский персонаж — т. 14: 110.
- Кайсаров Паисий Сергеевич (1783—1844) — русский генерал; кампанию 1805 г. начал штабс-ротмистром Изюмского гусарского полка, позднее — адъютант Кутузова; в 1812 г. — полковник — т. 14: 224, 246, 247; т. 16: || 91.
- «Как завтра выпадала» — русская народная песня — т. 13: 786.
- Калуга — т. 13: 45; т. 15: 53, 83, 166; т. 16: || 25.
- Калужская губерния — т. 15: 166.
- Калужская застава в Москве — т. 13: 44, 45; т. 15: 72, 73.
- Калужская улица в Москве — т. 15: 69.
- Кальвин Жан (1509—1564) — крупный деятель Реформации во Франции, основатель кальвинистского вероучения — т. 15: 187, 189.
- Каменка — речка близ Бородина — т. 14: 256, 340.
- Каменка, Московской губ. — т. 13: 879.
- Каменный мост в Москве — т. 13: 42.
- Каменский Михаил Федотович (1738—1809) — генерал-фельдмаршал, участник русско-турецких и наполеоновских войн — т. 13: 556—557, 600, 615, 616, 628, 717.
- Каменский Николай Михайлович (1776—1811) — генерал-от-инфантерии, младший сын фельдмаршала; участвовал в сражениях под Аустерлицем; в 1810 г. был главнокомандующим молдавскую армией, действовавшей против турок — т. 13: 812; т. 14: 85.
- Каменский Сергей Михайлович (1771—1835) — генерал-от-инфантерии, старший сын фельдмаршала; в Аустерлицком сражении командовал бригадой в колонне Ланжерона — т. 13: 141, 539.
- Камер-Коллежский вал — улица в Москве — т. 13: 45.
- Камчатка — т. 13: 840.
- Канмеер. См. Кинмейер.
- Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкого идеализма второй половины XVIII и начала XIX в. — т. 15: 189, 224—227, 231, 232, 243—247, 251; т. 16: || 197.
- «Критика чистого разума» (1781) — т. 15: 245.
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — русский писатель и историк — т. 13: 22, 23, 166, 249, 672—674, 680, 692, 804, 807, 811; т. 16: || 20, 79.
- «Бедная Лиза» — т. 13: 547 (Лиза, Эраст), 548, 811, 872.
- «Записка о древней и новой России» (1811) — т. 13: 672, 674, 680, 682, 692, 807; т. 16: || 79, 153.

— «История Государства Российского» — т. 16: || 20.

— «Сочинения» в трех томах — т. 16: || 153.

Каретный ряд — улица в Москве — т. 14: 135, 301, 396, 446.

Карл I Великий (ок. 742—814) — франкский король — т. 13: 217, 218.

Карл I (1600—1649) — английский король (у Толстого ошибочно: Карл II) — т. 15: 284, 288.

- Карл IX («король», 1550—1574) — французский король — т. 13: 49; т. 14: 124; т. 15: 290.
- Карл XII (1682—1718) — шведский король — т. 14: 33.
- Карл Людвиг Иоанн (1771—1847) — эрцгерцог австрийский, брат императора Франца I, фельдмаршал; в 1805 г. военный министр; в войну с Францией — главнокомандующий австрийской армией в Италии — т. 13: 118, 120, 506.
- Каролина Фердинанда Луиза (1798—1870) — герцогиня Беррийская — т. 13: 75.
- Картуш Луи Доминик (Cartouche, 1693—1721) — французский разбойник, атаман значительной шайки в Париже и его окрестностях — т. 13: 218, 547; т. 16: || 50.
- Каталани Анджелика (1780—1849) — итальянская певица (колоратурное сопрано) — т. 13: 728.
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — русский реакционный публицист, редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» — т. 16: || 55, 56, 62, 63, 98, 99, 101, 102.
- Кёнигрец — город в Богемии — т. 15: 92;
- Кеплер Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном — т. 15: 232, 233, 234.
- Кесарь. См. Юлий Цезарь.
- Киев — т. 13: 668, 769, 842; т. 14: 171.
- Кикин Петр Андреевич (1772—1834) — русский генерал — т. 15: 79, 171.
- Кинмейер Михаэль (1755—1828) — генерал австрийской армии — т. 13: 140, 144, 320, 537.
- Китай — т. 13: 350; т. 15: 90, 185; т. 16: || 195.
- Китай-город — район в Москве — т. 14: 270, 278, 289.
- Клапаред Мишель (1774—1841) — французский генерал — т. 14: 90, 192, 198.
- Клаузевиц Карл фон (1780—1831) — прусский генерал и военный писатель; в 1812—1814 гг. состоял на русской службе — т. 14: 114.
- Клин, Московской губ. — т. 13: 878.
- Клитемнестра — персонаж трагедии Ж. Б. Расина «Ифигения в Авлиде». См. Расин Ж. Б.
- «Ключ» — песня; по преданию, написана Моцартом — т. 13: 241, 242.
- Ключарев — сын московского почт-директора Ф. П. Ключарева (см.) — т. 14: 292, 349.
- Ключарев Федор Петрович (1754—1820-е гг.) — писатель-мистик и масон; московский почт-директор; в 1812 г. отставлен от должности Ростопчиным за заступничество за Верещагина (см.) — т. 13: 41; т. 14: 292; т. 16: || 150.
- «Книга, написанная по высочайшему повелен и ю». См. Богданович М. И., «История Отечественной войны 1812 года».
- Князьково — деревня близ Бородина, один из пунктов Бородинского сражения — т. 14: 94, 95, 102, 202, 213, 419.
- Кобельниц — селение в окрестностях Аустерлица — т. 13: 139, 520, 540, 541.
- Ковалевский Е., «Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I)» — т. 16: || 142.
- Ковно, Виленской губ. — т. 14: 15.
- Козиха — район в Москве — т. 14: 271, 277, 279, 423, 424, 436.
- Козлов, Тамбовской губ. — т. 14: 163.
- Коленкур Арман Огюст (Caulaincourt, 1772—1821) — французский дипломат, в 1807—1811 гг. посол при русском дворе в Петербурге — т. 13: 58, 64, 68, 671, 684, 710, 807; т. 14: 32, 197; т. 16: || 31, 78.
- Колизей (Рим) — т. 13: 243.
- Коловрат Иоганн Карл, граф Краковский (1748—1816) — фельдмаршал

австрийской армии; в 1805 г. генерал-лейтенант — т. 13: 134, 520, 541.

Колоча — река близ Бородина — т. 13: 40; т. 14: 99, 185, 201, 206, 213, 214, 215, 241, 248, 249, 251, 340, 411; т. 16: || 108.

Компан Жан Доминик (1769—1845) — французский генерал — т. 14: 191, 193, 195.

Конвент — национальное собрание, высший представительный 227

орган в период французской буржуазной революции конца XVIII в. — т. 13: 192; т. 15: 283.

Конде (Condé) — фамилия французских принцев, находившихся в родстве с королевской династией Бурбонов — т. 13: 213, 215, 218.

Коновницын Петр Петрович (1764—1822) — русский генерал; в 1812 г. сначала командовал третьей пехотной дивизией, в сражении под Бородином — второй армией; 7 сентября 1812 г. был назначен дежурным генералом при Кутузове — т. 13: 40; т. 14: 155; т. 15: 51, 53, 78—80, 82, 83, 86, 170, 179; т. 16: || 123.

Константин Павлович, вел. князь (1779—1831) — брат Александра I — т. 13: 31, 32, 98, 102, 103, 108, 120, 131, 134, 146, 148, 149, 204, 500, 538, 541, 641; т. 14: 18, 40, 41, 62 (цесаревич), 63, 64, 136 (цесаревич); т. 16: || 112.

Конюшенная улица в Москве — т. 13: 817.

Коперник Николай (1473—1543) — польский астроном — т. 14: 401; т. 16: || 133.

Копперфильд — герой романа Диккенса «Давид Копперфильд». См. Диккенс Ч.

Корбелецкий Ф., «Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной. Описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования» — т. 16: || 142.

Корвизор Жан Никола (1755—1821) — французский врач — т. 14: 252.

Кореджи. См. Корреджо.

Коринна (Corinne) — героиня романа Сталь «Коринна». См. Сталь А. Л. Ж.

Корнель Пьер (Corneille, 1606—1684) — французский драматург — т. 13: 75, 77, 215; т. 14: 431, 442.

«Королева Франции». «См. Мария Антуанетта.

Корреджо (Антонио Аллегри, р. 1489 или 1494—ум. 1534)— итальянский живописец — т. 14: 401.

Корф М. А., «Жизнь графа Сперанского» — т. 16: || 142.

Корчева, Тверской губ. — т. 13: 619, 620, 627; т. 16: || 62.

Кострома — т. 13: 51; т. 15: 151, 152, 162; т. 16: || 128, 193.

Костромская губерния — т. 13: 608.

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — русский дипломат и государственный деятель — т. 13: 24, 182, 674, 688, 693, 694, 710; т. 16: || 80.

Краков — т. 13: 102.

Красная Пахра, Московской губ. — т. 14: 155; т. 15: 165, 170.

Красная площадь в Москве — т. 16: || 87.

Красненские сражения — происходившие 3—6 ноября 1812 г. у г. Красного (см.) между отступавшей французской армией и русскими войсками — т. 15: 155.

Краснокутский А., «Взгляд русского офицера на Париж во время вступления государя императора и союзных войск в 1814 году, изданный А. Краснокутским, сочинителем ежедневных записок поездки своей в Константинополь» — т. 16: || 142.

Красный, Смоленской губ.— т. 13: 25, 36, 46, 51, 142; т. 15: 139—144, 180; т. 16: || 41, 127.

«Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарта помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россией, о истреблении войск его и о важности нынешней войны». Перев. с немецк. Александр Шишков, СПб. 1814 — т. 16: || 142.

Крейслер, «Дева Дуная», опера — т. 13: 793.

Кременчуг, Полтавской губ. — т. 13: 769.

Кремс — город в Нижней Австрии— т. 13: 100, 103, 321, 333, 334, 339, 369, 373, 374, 381, 439, 446; т. 16: || 69, 71.

Кремское сражение — сражение русских войск под начальством Кутузова с французской дивизией Мортье, происшедшее у Кремса (см.) 30 октября 1805 г. — т.

13: 99, 334, 335, 337, 342, 369, 370, 439, 440, 448; т. 16: || 71.

Крженовиц — деревня в Моравии к юго-западу от Аустерлица, 228

где была главная квартира Кутузова перед Аустерлицким сражением. — т. 13: 131, 132.

Кривой переулоч в Москве — т. 14: 271, 279.

Криденер (или Крюднер) Варвара Юлия (1764—1825) — писательница, проповедница мистицизма; имела влияние на Александра I — т. 15: 195.

Крит — остров — т. 15: 217, 218.

Кромвель Оливер (1599—1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII в., руководитель партии индепендентов, представлявшей интересы средней торгово-промышленной буржуазии. После победы во второй гражданской войне (1648) Кромвель под давлением народных масс добился казни короля Карла I и провозглашения Англии республикой — т. 13: 218; т. 15: 187; т. 16: || 50.

Кросар — французский офицер, участник испанского похода Наполеона — т. 14: 266, 344, 345.

Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — во время Крымской войны был начальником штаба артиллерии; после взятия Севастополя поручил Толстому написать общий отчет о действиях русской артиллерии во время последней бомбардировки — т. 16: 12.

Крым — т. 13: 607, 618, 674, 679, 688, 813, 824, 868; т. 14: 78, 229, 326.

Крымская война 1853—1856 гг. (Восточная война) — т. 16: || 19.

Крымский брод — улица в Москве — т. 15: 37.

Кудрино — район в Москве — т. 14: 369, 398.

Кузминская Татьяна Андреевна (1846—1925) — младшая сестра С. А. Толстой — т. 16: || 24, 57, 58, 64, 76, 119, 136—138, 49, 169.

— «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» — т. 16: || 136, 138.

Кузминский Александр Михайлович (1845—1917) — с 1867 г. муж Т. А. Берс — т. 16: || 137, 189.

Кузнецкий мост — улица в Москве — т. 14: 288, 289, 382.

Куксгавен — местечко близ Гамбурга у устья Эльбы — т. 13: 179.

Кукуево, Воронежской губ. (Кукуевка) — т. 15: 110, 111, 115, 116.

Куракин Александр Борисович (1752—1818) — русский дипломат — т. 14: 14, 27, 29.

Курган Раевского — высота у д. Горки, один из главных пунктов Бородинского сражения, иначе называвшаяся Центральной или Курганской высотой — т. 14: 185, 202, 207—208, 210—213, 215, 222, 255, 257, 262, 340.

Кутайсов Александр Иванович (1784—1812) — русский генерал; убит в сражении при Бородине — т. 14: 97, 98, 100, 101, 102, 103, 116, 139, 186, 263; т. 16: || 91, 94.

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович, светлейший князь Смоленский (1745—1813) — русский полководец, генерал-фельдмаршал — т. 13: 27, 28, 31, 32, 35, 36, 38—41, 43, 44, 46, 51, 57, 72, 73, 75, 94, 95, 99, 102, 105, 112, 114, 115, 118, 120—122, 129, 130, 132—134, 142, 143, 145, 147, 148, 151, 174—176, 203, 219, 227, 228, 233, 263—265, 267—269, 293, 302, 310, 311, 313—316, 319, 320, 324, 329—331, 333, 334, 336—339, 341—344, 349, 352, 353, 355, 360, 365, 366, 369, 370, 372—375, 378—383, 393—395, 416—421, 424—427, 429—434, 441, 443, 445, 448, 470, 482, 505—507, 510, 512—515, 525—535, 537, 539, 569, 583, 601, 606, 675, 679, 686, 742, 807, 812, 822, 868; т. 14: 33, 34, 63, 84—87, 89—91, 96, 97, 99—101, 109, 110, 115, 120, 130, 138, 139, 154—156, 164, 185—188, 190, 191, 206, 213, 221—224, 227, 241, 244—247, 249, 254, 262—267, 295, 297, 298, 335, 342—346, 370, 371, 384, 385, 411—413, 418; т. 15: 51—54, 76—83, 85—88, 95, 140, 142, 144, 55—157, 165—167, 169—171, 178—181, 240, 242, 334, || 169; т. 16: 10, 13, || 39—42, 51, 54, 60, 67—68, 70, 71, 82, 84, 89—92, 94—97, 105, 113, 114, 116, 117, 120, 122, 123, 126—129, 134, 139, 150, 162, 163, 167, 176, 185,

198, 204, 207.

Кугузов П. И. См. Голенищев-Кугузов П. И.
229

- Кутузова (Голенищева-Кутузова) Екатерина Ильинична (1743—1824) — жена М. И. Кутузова — т. 13: 38.
- Кучерау — деревня в Моравии к северо-востоку от Аустерлица — т. 13: 126.
- Лавров Михаил Николаевич — профессор химии; служил в типографии М. Н. Каткова — т. 16: || 101.
- Лагарп Фредерик Сезар (1754—1838) — швейцарский политический деятель, поклонник идей «просветителей» XVIII в.; воспитатель Александра I — т. 15: 195.
- Лажечников Иван Иванович (1792—1869) — писатель — т. 16: || 26, 142.
— «Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым» — т. 16: || 26, 142.
- Лазаревский институт восточных языков в Москве — т. 16: || 102.
- Ламбах — местечко в Верхней Австрии — т. 13: 373, 410, 439; т. 16: || 69.
- Ланжерон Александр Федорович (1763—1831) — генерал русской армии, французский эмигрант; участник войн 1805—1812 гг. — т. 13: 28, 122, 125, 127, 128, 130, 132, 133, 134, 140, 141, 142, 144, 145, 507, 515, 520, 537, 539, 541; т. 16: || 140.
- Ланн Жан, герцог де Монтебелло (Lannes, 1769—1809) — французский маршал — т. 13: 139, 145, 328, 333, 334, 347, 348, 374, 439, 523.
- Ланская Варвара Ивановна, рожд. Одоевская (ум. 1845) — т. 16: || 25, 62, 81, 140.
- Ланской Василий Сергеевич (1754—1831) — сенатор, в 1812 г. заведовал интендантским управлением — т. 15: 166.
- Лапин А. М., «Роман Л. Толстого «Война и мир» (Эволюция замысла и образы романа)» — т. 16: || 23.
- Ланфре Пьер (Lanfrey, 1828—1877) — французский публицист и историк; умеренный республиканец — т. 13: 48; т. 15: 187, 188, 190, 211, 215, 266, 269—272, 274—276, 312; т. 16: || 144.
— «Histoire de Napoléon I-er», 4-ème édit., tt. 1—3, Charpentier, libr.-édit., Paris, 1867—1869 — т. 16: || 144.
- Ласказ Эммануэль Огюст Дьедонне (Las Cases, 1766—1842) — французский государственный деятель и писатель; камергер Наполеона I, последовавший за ним на остров св. Елены, где Наполеон диктовал ему свои мемуары. Ласказ напечатал их по возвращении во Францию после смерти Наполеона I («Mémorial de Sainte Hélène») — т. 16: || 32, 113, 140, 144.
— «Mémorial de Sainte Hélène» («Дневник на острове св. Елены») — т. 14: 204; т. 15: 230; т. 16: || 32, 33, 113, 144.
- Латейн — селение в Моравии к северо-западу от Аустерлица — т. 13: 520, 541.
- Л Б. См. Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
- «Лев Николаевич Толстой. Сборник статей и материалов», изд. АН СССР, М. 1951 — т. 16: || 23, 121, 180, 181, 182, 184, 186, 187, 189, 191, 194, 201.
- Лемарруа Жан Леонар Франсуа (Lemarquois, 1776—1836) — французский генерал, адъютант Наполеона I — т. 13: 352, 357, 358, 380.
- Леобен — город в австрийской провинции Штирии — т. 13: 334.
- Леонтьевский переулок в Москве — т. 13: 879.
- Лермонтов М. Ю., «Герой нашего времени» — т. 15: 240 (Печорин).
- Леташевка — селение Боровского уезда Калужской губ., в котором после оставления Москвы находился главный штаб русской армии — т. 15: 77.
- «Летописи Государственного литературного музея» — т. 16: || 135.
- Леушева С. И., «Война и мир» Л. Н. Толстого» — т. 16: || 23.
- Лех — река, правый приток Дуная — т. 13: 316, 317, 427, 428.
- Лиза. См. Берс Е. А.
- Лиза — героиня повести Карамзина «Бедная Лиза». См. Карамзин Н. М.

- Линц — главный город Верхней Австрии — т. 13: 96.
- Липранди Иван Петрович (1790—1880) — русский генерал, военный историк — т. 15: 240; т. 16: || 142.
- «Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня?» — т. 16: || 142.
- Литава — река в Моравии — т. 13: 540.
- Литейная улица в Петербурге — т. 13: 185, 643.
- «Литературная газета» — т. 16: || 22, 165, 172.
- «Литературная учеба», журнал — т. 16: || 23.
- «Литературное наследство», сборник — т. 16: || 3, 22, 23, 42, 165, 170, 172, 191, 201.
- Литтре Эмиль (1801—1881) — французский буржуазный философ, сторонник позитивизма О. Конта — т. 15: 243.
- Лихтенфельс граф — т. 13: 341, 344, 345, 442, 443, 445, 446, 447.
- Лихтенштейн Иоганн Иосиф (Lichtenstein, 1760—1836) — австрийский фельдмаршал — т. 13: 122, 130, 442—445, 507, 520, 538, 541.
- Лобрейх фон Плуменек Карл Губерт, «Влияние истинного свободного каменщичества во всеобщее благо государств, обнаруженное и доказанное из истинной цели первоначального его установления (основания). Писано в конце XVIII столетия в опровержение сочинения Як. Мозера «О терпимости св. каменщических сообществ, особенно в отношении к Вестфальскому миру» — т. 16: || 142.
- Лоди — город в Италии, около которого 10 мая 1796 г. французские войска под начальством Бонапарта одержали победу над австрийцами — т. 14: 200.
- Локк Джон (1632—1704) — английский философ-материалист (непоследовательный); защитник классовых интересов английской буржуазии — т. 15, 246.
- Ломитен («Миштен») — селение в Восточной Пруссии, близ которого 24 мая 1807 г. произошло сражение между двумя русскими дивизиями под командованием генерала Дохтурова и французским корпусом под командованием маршала Сульта — т. 13: 632.
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — т. 13: 77.
- Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — русский библиограф и историк литературы — т. 16: || 26.
- Лондон — т. 13: 195; т. 14: 370.
- Лопухин Н. В., «Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора Н. В. Лопухина, сочиненные им самим» — т. 16: || 142.
- Лористон Александр Жак Бернар (Lauriston, 1768—1828) — маршал Франции; в октябре 1812 г. по поручению Наполеона передал Кутузову предложение начать переговоры о мире — т. 13: 43, 58, 59, 64, 65, 68, 606, 807; т. 14: 16, 155; т. 15: 94, 169; т. 16: || 31, 97.
- Лот — библейский персонаж — т. 13: 300 («Лотова жена»).
- Лубянка — улица в Москве — т. 14: 382, 384.
- Лубянская площадь в Москве — т. 14: 289, 290, 348.
- Лувр — королевский дворец в Париже — т. 13: 217, 218.
- Лудовик Филипп. См. Луи-Филипп.
- Луи-Филипп (1773—1850) — французский король — т. 15: 288.
- Луиза (Августа Вильгельмина Амалия, 1776—1810) — прусская королева, жена Фридриха Вильгельма III — т. 13: 639, 641.
- Льюис Джордж Генри (1817—1878) — английский буржуазный философ-позитивист и физиолог-дарвинист — т. 15: 243.

Льюс. См. Льюис.

Любимов Николай Алексеевич (1830—1897) — профессор физики Московского университета, помощник М. Н. Каткова по изданию журнала «Русский вестник» — т. 16: || 56.

Любомирский Константин Ксаверьевич (1786—1870) — в 1812 г. флигель-адъютант Александра I — т. 13: 31; т. 14: 63

Людовик IX Святой (1215—1270) — французский король — т. 15: 191, 223, 229.

- Людовик XI (1423—1483) — французский король — т. 15: 216, 282.
- Людовик XIII (1601—1643) — французский король — т. 14: 202, 203 (упомянут ошибочно вместо Карла IX).
- Людовик XIV (1638—1715) — французский король — т. 14: 182; т. 15: 214, 275, 279, 280, 283, 284, 288.
- Людовик XV (1710—1774) — французский король — т. 15: 222, 283.
- Людовик XVI (1754—1793) — французский король, казненный во время буржуазной революции XVIII в. по приговору Конвента — т. 13: 72, 210, 218, 566; т. 15: 222, 283, 284, 288.
- Людовик XVII (1785—1795) — французский принц Луи Шарль, сын короля Людовика XVI — т. 13: 218.
- Людовик XVIII (1755—1824) — французский король — т. 15: 213; 214.
- Люневильский трактат — договор о мире, заключенный Францией с Австрией в 1801 г. в Люневиле во Франции — т. 13: 178.
- Лютер Мартин (1483—1546) — видный деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии — т. 15: 189, 225, 243, 279; т. 16: || 185.
- Лютценское сражение («Люценский поход») — 20 апреля 1813 г. в районе города Лютцена (Саксония) между русско-прусской союзной армией под командованием русского генерала П. Х. Витгенштейна и французской армией под командованием Наполеона I — т. 15: 53, 54, 172.
- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855) — реакционный государственный деятель царской России; в 1810—1811 гг. был сотрудником М. М. Сперанского по подготовке проектов государственных реформ, позднее — приспешник Аракчеева — т. 13: 706, 708, 761.
- Мадиам — библейский персонаж — т. 14: 53.
- Мадрид — т. 14: 30.
- Маквеличевский рай. См. Макиавелли.
- Македонский Александр. См. Александр Македонский.
- Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский политический деятель и писатель, один из виднейших идеологов буржуазии периода разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений; сторонник политики, направленной на создание диктаторской власти единоличного правителя, беспринципно использующей все средства для достижения своей цели и попирающей интересы общественных масс (макиавеллизм) — т. 13: 345 («маквеличевский рай»).
- Макк Карл (Маск, 1752—1828) — австрийский фельдмаршал, с начала войны с Францией — начальник штаба армии эрцгерцога Фердинанда; в 1805 г. сдался под Ульмом с 20-тысячной армией французам — т. 13: 27, 33, 99, 121, 136, 219, 319, 320, 330, 331, 332, 337, 343, 344, 419, 424, 425, 429, 431—435; т. 16: || 67, 70, 162, 163.
- Малоярославец («Малый Ярославец»), Калужской губ.; 12 октября 1812 г. в городе произошло сражение между отступавшими из Москвы французами и русскими войсками — т. 13: 51; т. 14: 156; т. 15: 51, 54, 76, 79, 83—86, 141, 179.
- Маковицкий Д. П., «Яснополянские записки» — т. 16: || 20.
- Мамонтов Александр Иванович — владелец типографии в Москве — т. 16: || 131, 146.
- Мангейм — город в Баденском герцогстве — т. 13: 212.
- Марат Жан Поль (1743—1793) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в. — т. 14: 110; т. 16: || 65.
- Маргоф. См. Мергоф.
- Маренго — селение в Северной Италии, около которого 14 июня 1800 г. французские войска под начальством Бонапарта одержали победу над австрийцами —

т. 14: 200.

Марина. См. Мерейка.

Мария Антуанетта (1755—1793) — королева Франции, жена Людовика XVI, казненная во время французской буржуазной 232

революции XVIII в. — т. 13: 218 («королева»).

Мария Луиза (1791—1847) — дочь австрийского императора Франца I и Марии Терезии, с 1810 г. вторая жена Наполеона I — т. 13: 808; т. 14: 16, 28, 29, 252; т. 15: 206; т. 16: || 109, 110.

Мария Терезия (1717—1780) — австрийская императрица, жена Франца I — т. 14: 28, 29.

Мария Федоровна («императрица-мать», 1759—1828) — русская императрица, мать Александра I — т. 13: 32, 57, 70, 74, 182, 199, 201, 205, 206, 208, 598, 601, 615, 641, 687, 710; т. 14: 53, 136, 396; т. 16: 10, || 46, 48, 160.

Марков. См. Морков А. И.

Мармон Огюст Фредерик Луи де, герцог Рагузский («Raguse», 1774—1852) — французский маршал — т. 16: || 69, 145.

— «Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse» («Воспоминания маршала Мармона, герцога Рагузского») — т. 16: || 69, 145.

Маросейка — улица в Москве — т. 14: 288.

Маттисон Фридрих фон (1761—1831) — немецкий поэт — т. 13: 231.

Маутернский мост — через реку Дунай у города Маутерн (Нижняя Австрия) — т. 13: 334.

«Международный толстовский альманах, составленный П. Сергеевко» — т. 16: || 77, 141.

Мекка — т. 13: 206.

Мекленбург-Шверинский Карл (1783—1833) — принц, генерал русской службы — т. 13: 43; т. 14: 221.

Мексика — т. 15: 229.

Мёльк — местечко в Нижней Австрии — т. 13: 334, 439; т. 16: || 69.

Мемминген — город в Баварии — т. 13: 316, 426.

Мергоф («Маргоф») — селение в Моравии к юго-востоку от Аустерлица — т. 13: 131.

Мерейка («Марина») — река, правый приток Днепра в Смоленской губ. — т. 14: 69, 315.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — русский поэт, критик и переводчик — т. 13: 231.

Мерфельд Максимилиан (1764—1815) — генерал австрийской армии; в 1805 г. фельдмаршал-лейтенант; до прибытия М. И. Кутузова в Браунау командовал частью австрийской кавалерии, позднее — австрийским корпусом; в 1806—1808 гг. австрийский посол в России — т. 13: 321, 333, 425.

Местр Жозеф де (de Maistre Joseph, 1753—1821) — французский государственный деятель, дипломат и политический писатель, один из идеологов феодально-монархической контрреволюции периода французской буржуазной революции конца XVIII в.; с 1803 по 1817 г. жил в Петербурге в качестве полномочного представителя сардинского короля при русском дворе — т. 13: 32, 611, 687, 710; т. 16: || 66, 140, 144.

— «Correspondance diplomatique 1811—1817» — т. 16: || 144.

— «Mémoires politiques et correspondance diplomatique», 2-ème édit., Paris, 1859 — т. 16: || 144.

Меттерних Клеменс (1773—1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, крайний реакционер — т. 14: 225; т. 15: 188, 213, 214, 216, 222, 223, 269, 275, 276, 282.

Мешков Петр Алексеевич (р. 1780) — чиновник в чине губернского секретаря; был замешан в деле М. Н. Верещагина (см.) — т. 14: 385.

Мещанская улица в Москве — т. 14: 370.

Микулино, Калужской губ., близ Тарутина — т. 15: 121, 122, 125.

Милан (Италия) — т. 13: 181, 182, 196.

Миллер 3-й — генерал-майор русской армии; в сражении при Аустерлице был ранен и взят в плен французами — т. 13: 540.

Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский буржуазный философ-позитивист, логик и экономист — т. 15: 243.

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал русской армии, участник Отечественной войны 1812 г. — т. 13: 28, 133, 143, 342, 532, 537; т. 14: 130, 155, 262; т. 15: 79, 88, 233

142, 143, 157, 170, 171, 242; т. 16: || 173.

Министр иностранных дел Франции в 1804 г. См. Талейран.

Минск — т. 13: 25, 257.

Мирабо Оноре Габриэль Рикетти де (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., крупный оратор; вначале представлял интересы либеральных кругов дворянства и буржуазии, позднее стал искать союза с королевской властью — т. 13: 188, 192, 220, 227.

Михаил Павлович, вел. князь (1798—1848) — брат Александра I — т. 13, 538.

Михайловка, Смоленской губ. — т. 16: || 190.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848) — русский военный историк, генерал-лейтенант; участник Отечественной войны 1812 г. (в должности адъютанта М. И. Кутузова) — т. 13: 26, 125, 126; т. 14: 52; т. 15: 53, 54, 78, 86, 88, 141, 240; т. 16: 11, 12, || 20, 24, 40, 140, 142, 143, 153, 196, 206.

— «Записки 1814 и 1815 годов», изд. 3-е, СПб. 1836 — т. 16: || 142.

— «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах.

Военная галерея Зимнего дворца» — т. 16: || 66, 143.

— «Описание войны 1813 года» — т. 16: || 20, 24, 153.

— «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806—1807 годах, по высочайшему повелению сочиненное» — т. 16: || 142.

— «Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное», тт. I—IV — т. 14: 52; т. 15: 53, 54, 78, 86, 88, 141, 240; т. 16: || 20, 24, 142, 153, 206.

— «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению сочиненное» — т. 13: 26, 125, 126; т. 16: || 20, 24, 40, 142, 153.

— «Описание похода во Франции в 1814 году», изд. 3-е, СПб. 1845 — т. 16: || 143, 153.

Мишо-де-Боретур Александр Францевич (1771—1841) — в 1812 г. полковник, перешедший в 1805 г. на русскую службу из сардинских войск; был послан М. И. Кутузовым к Александру I с вестью о сдаче Москвы, а потом с донесением о победе при Тарутине — т. 13: 39; т. 14: 139; т. 16: || 96, 120, 207.

Миштен. См. Ломитен.

Можайск, Московской губ. — т. 14: 208, 241, 243, 248, 263, 267, 276, 347, 367, 413, 419, 435; т. 15: 54; т. 16: || 94, 108, 117, 119, 186, 193.

Мойка — один из рукавов Невы в Петербурге — т. 13: 673, 679.

Молдавия — т. 13: 36, 38; т. 14: 29.

Мольер Ж. Б., «Дон Жуан, или Каменный гость» (1682) — т. 13: 348 (Станарель).

Моисей — библейский патриарх — т. 13: 53, 386 (Моисеев закон), 409; т. 15: 185.

Монморанси (Montmorency) — старинный французский дворянский род — т. 13: 200.

Монтескье Шарль Луи (Montesquieu, 1689—1755) — французский писатель, один из просветителей XVIII в., идеолог либеральной буржуазии — т. 13: 590, 610, 674, 692, 746, 753.

— «L'ésprit des lois» («Дух законов») — т. 13: 590.

Моравия — т. 13: 121, 123, 138, 145, 294, 319.

Морков Аркадий Иванович (Марков, 1747—1827) — русский дипломат — т. 14: 32.

Моро Жан Виктор (1763—1813) — французский полководец — т. 13: 196.

Морская улица в Петербурге — т. 14: 18.

Мортье Эдуард Адольф Казимир (Mortier, 1768—1835) — герцог Тревизский, французский маршал — т. 13: 45, 99, 149, 334, 439; т. 14: 393, 394; т. 16: || 151.

Москва — т. 13: 14, 15, 17, 20, 21, 25, 26, 29—31, 34—39, 41, 42, 45, 47, 49, 58, 70,

71, 73—76, 78—80, 82, 101, 131, 149—151, 156, 159, 160, 162, 166, 169, 171, 177, 183—
185, 187, 238, 240, 242, 243, 247—249, 257, 264, 277, 278, 282, 473, 475, 479, 485, 493,
500, 545, 547, 556, 557, 559, 563, 565, 567, 571, 575, 576, 579, 583, 584, 587, 588, 602, 606,
607, 609, 622, 627, 234

629, 632, 665, 671, 677, 678, 691, 698, 699, 701, 709—712, 724, 730, 731, 739—744, 747, 767, 788, 789, 798—805, 809, 812, 815, 819—825, 830, 832, 834, 835, 838—841, 843—845, 847, 854, 855, 858, 859, 861, 864, 865, 867, 868, 871, 877, 878; т. 14: 15, 17, 28, 29, 32—34, 46, 49, 50, 53, 54, 56—58, 61, 62, 75, 77, 79, 82, 84, 87—89, 91, 92, 94, 95, 100, 105, 107, 108, 115, 117, 128, 130, 133, 134, 136, 138, 139, 141, 148, 152, 154, 155, 157, 160, 164, 165, 169, 176, 181, 186, 187, 190, 220, 225—227, 231, 243, 246, 247, 251, 261, 264—274, 276, 278, 279, 286, 292, 293, 295—298, 300, 301, 305, 312, 314, 319, 339, 342—348, 351, 355, 361—364, 366, 367, 369—371, 373—375, 377—379, 383—389, 392—394, 400—402, 405, 410, 411, 418, 421, 422, 424, 429, 430, 432—436, 440, 441, 443, 444, 446; т. 15: 10—13, 15—17, 19, 23, 24, 26, 30—32, 36, 39, 43, 45, 48—51, 53, 54, 58, 63, 65, 70, 72, 74—77, 79, 81, 83, 89—91, 94, 100, 102, 110, 113, 118, 120, 135, 136, 139—141, 144, 148, 151, 152, 154, 155, 157—159, 161, 162, 164, 165, 167—169, 171, 172, 178, 194—197, 206, 219—221, 230, 237, 241, 264, 265, 269, 277, 306, 307, 316, 317; т. 16: || 25—32, 34, 35, 38, 45, 47, 52—62, 64, 66—68, 73, 75—78, 81, 84, 86—88, 90—92, 94—104, 107—109, 111, 114—126, 128, 130, 132—134, 136, 146, 147, 150, 151, 152, 157, 177, 178, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 194, 205, 206, 208.

Москва-река — т. 14: 88, 246, 251, 301, 305, 383; т. 15: 55.

«Московские ведомости» — газета, выходившая в 1756—1917 гг. и с начала 60-х годов выражавшая взгляды реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 г. — орган черносотенцев; в 1863—1887 гг. редактором и издателем ее был М. Н. Катков — т. 16: || 110, 115, 125, 130, 131, 143, 153.

Моховая улица в Москве — т. 14: 301.

Муравьев Николай Николаевич (Карский, 1794—1866) — военный деятель, генерал, участник Отечественной войны 1812 г.; в 1854—1855 гг. был наместником Кавказа и главнокомандующим кавказских войск — т. 16: 11.

Мутон-Дюверне Режи Бартеlemi (1779—1816) — французский генерал — т. 15: 84, 85.

Муций Сцевола Гай — легендарный герой римлян; при угрозах пытками и смертью со стороны этрусского царя в знак неустрашимости положил руку в огонь на жертвенник и дал ей сгореть — т. 13: 37; т. 14: 42; т. 16: || 149.

Мытищи — село под Москвой — т. 13: 42, 50; т. 14: 270, 279; т. 16: || 118.

Мышковская Л. М., «Герои «Войны и мира» — т. 16: || 23.

Мюльдорф — местечко в Баварии к востоку от Мюнхена — т. 13: 317, 429.

Мюрат Иоахим (1771—1815) — французский маршал, в 1810—1815 гг. неаполитанский король — т. 13: 27, 38, 40, 75, 95, 110, 333, 347, 348, 352, 357, 358, 363, 365, 366, 374, 375, 378, 379, 380, 394, 395, 441, 446, 510, 523; т. 14: 20, 22, 23, 24, 64, 98, 120, 155, 156, 195, 197, 222, 248, 339, 393, 411; т. 15: 57, 62, 78, 94, 135, 139, 171, 221; т. 16: || 39, 71, 85.

Мюрат Каролина (1782—1839) — младшая сестра Наполеона I, с 1800 г. жена Иоахима Мюрата — т. 14: 23.

Мясницкая улица в Москве — т. 14: 390.

Мясницкие ворота в Москве — т. 16: || 102.

Нагорнова Варвара Валериановна, рожд. Толстая (1850—1922) — племянница Толстого, дочь М. Н. Толстой — т. 16: || 55, 63, 68, 158, 159.

Наполеон I (1769—1821) — т. 13: 14—17, 19, 21, 23, 25, 26, 28, 31, 32, 34—40, 42, 43, 48, 49, 51, 56, 58, 59, 64, 68, 70—73, 75—77, 84, 94, 95, 99, 103, 104, 106, 109, 114, 115, 118—121, 123—127, 129, 130, 132—139, 142, 145—147, 149—151, 163, 165, 167—172, 174, 181—183, 190, 195—201, 210, 213—220, 222, 227, 228, 231, 257, 262, 263, 265, 268, 269, 303, 309, 316, 320, 32, 334, 336, 338—342, 344, 345, 347—352, 357, 369 (petit caporal), 372, 374, 375, 379, 380, 394, 395, 235

404, 410, 414, 425, 427, 435, 439, 445, 446, 475, 482, 483, 505—508, 511, 512, 516, 519—526, 536, 537, 559, 560, 576, 583, 598, 601—603, 615, 617—619, 633, 638—643, 659—662, 671, 675, 676, 682, 685—688, 690, 710, 742, 751, 752, 802, 805, 807, 808, 870, 871, 872; т. 14: 11—18, 20—32, 39, 41, 45, 46, 52, 53, 54, 57, 59—62, 64, 65, 73, 80, 83, 84, 87—91, 98, 101, 105, 107, 109—111, 113, 116, 126, 128, 129, 133—135, 147, 154—158, 161, 163, 164, 179, 185, 190—205, 207, 209, 211—213, 216, 219, 220, 224, 225, 233, 240, 248, 250—254, 261—264, 269, 270, 273, 278, 286—288, 300, 301, 304, 314, 329, 335, 338, 339, 341, 342, 353, 370, 374, 375, 378, 381, 389, 393, 394, 395, 397, 403, 410, 418, 422—425, 431—435, 442—444; т. 15: 25, 34, 36, 50, 52—55, 57, 62, 65, 68, 73, 76, 79, 81, 83—85, 87, 88, 90, 94, 95, 98, 125, 138—142, 144, 155, 165—169, 171—173, 178—180, 187—191, 193—195, 205—223, 229—231, 235—237, 241, 242, 250, 261—264, 266—273, 275—277, 279—286, 288—291, 301, 303, 311—314, 316, 317, 319, 322—325, 334, || 169; т. 16: 8, 9, 12, 13, 14, || 28—41, 43—45, 47, 50, 51, 53, 55, 60, 61, 65, 66, 74, 78—80, 82, 84—90, 92, 94, 95, 97, 104, 105, 109—119, 122—124, 126, 129, 134, 139, 146, 148, 152, 158, 159, 165, 171, 175, 176, 177, 183, 184, 200, 208.

Наполеон II (Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт, 1811—1832)— сын Наполеона I; при рождении получил титул «короля Римского» («le roi de Rome») — т. 13: 31; т. 14: 84, 88, 250; т. 16: || 90.

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873) — французский император в 1852—1870 гг., племянник Наполеона I — т. 15: 229, 288.

Нарбонн-Лара Луи де (Louis de Narbonne-Lara, 1755—1813) — французский политический деятель и дипломат; в 1812 г. был адъютантом Наполеона I и выполнял ряд его дипломатических поручений — т. 14: 11.

Нарышкина Мария Антоновна (1779—1854) — жена Д. Л. Нарышкина, любовница Александра I — т. 13: 710, 718, 719; т. 16: || 65.

Нарышкины — русский дворянский род — т. 13: 787, 799, 815, 826, 834, 838; т. 16: || 177.

Наумова Н.Н. (Рабкина) — т. 16: || 101.

«На что, с любезной расставаясь» — стихотворение Д. А. Кавелина. См. Кавелин Д. А.

«Неаполитанский король» («Le roi de Naples»). См. Мюрат.

«Неаполитанское величество». См. Фердинанд I (IV).

Неаполитанское королевство («Королевство Обеих Сицилий») — т. 13: 178, 180; т. 14: 22.

Неаполь — т. 14: 23.

Неверовский Дмитрий Петрович (1771—1813) — русский генерал, участник Отечественной войны 1812 г. — т. 14: 64, 70, 314, 410.

Невиль лорд. См. Нельвиль.

Невский проспект — улица в Петербурге — т. 13: 69, 99, 112, 185, 723; т. 14: 18.

Неглинная улица в Москве — т. 14: 288.

Неглинный бульвар» в Москве — т. 14: 382.

Ней Мишель, герцог Эльхингенский, князь Московский (1769—1815) — французский маршал — т. 13: 40, 51; т. 14: 192, 197—199, 213; т. 15: 54, 135, 141, 210.

Нельвиль, лорд — герой романа Сталь «Коринна». См. Сталь А. Л. Ж.

Неман — река — т. 13: 35, 38, 638, 642, 660, 870; т. 14: 11, 15—18, 20, 27, 28, 39, 59, 199, 225, 253, 264, 418; т. 15: 50, 140, 168, 220; т. 16: 14, || 29, 85, 110.

Немецкое море. См. Северное море.

Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император — т. 13: 218; т. 15: 282.

Нижний Новгород — т. 13: 14, 43; т. 14: 92; т. 15: 53, 166; т. 16 || 30, 91.

Никитская улица в Москве — т. 14: 369.

Никитские ворота в Москве — т. 14: 303.
Никитский бульвар в Москве — т. 14: 302.

Никольские ворота в Смоленске — т. 14: 80.
Никольское-Вяземское, Тульской губ. — т. 16: || 70.
Новгород — т. 13: 256.
Ногаришки («Ногарлиски») — селение в герцогстве Варшавском, куда была переведена 11 июня 1812 г. главная квартира Наполеона I — т. 14: 17, 18.
Новосильцев Петр Петрович (1797—1869) — орловский помещик, тайный советник; был знаком со многими литераторами (в том числе и с Л. Н. Толстым) и вращался в их кругу — т. 16: || 70.
Новосильцов Николай Николаевич (Novosilzoff, 1761—1836) — государственный деятель — т. 13: 77, 182; т. 15: 334; т. 16: || 47.
«Новый мир», журнал — т. 16: || 21, 22, 26, 27, 39, 146, 154—157, 176, 191, 201.
Ностиц-Ринек Иоганн (1768—1840) — австрийский генерал; в 1807 г. вступил в русскую службу генерал-адъютантом — т. 13: 109, 320, 364—366, 379, 425.
Ньютон Исаак (1642—1727) — т. 14: 60, 84; т. 15: 233, 295.
Ньюком — герой романа Теккерея «Ньюкомы». См. Теккерей У. М.
Обер-Мамельшен-Круг («Обер-Маменшек-Крук») — корчма в Восточной Пруссии на берегу реки Немана на дороге из Тильзита в Амт-Баублен. Здесь Александр I со своей свитой ожидал свидания с Наполеоном I — т. 13: 639.
Обер-Шальме — модная портниха в Москве в начале XIX в. т. 13: 874, 875.
Оболенская Елизавета Валериановна, рожд. Толстая (1852—1935) — племянница Толстого, дочь М. Н. Толстой — т. 16: || 63.
Оболенский Дмитрий Дмитриевич (р. 1844) — тульский помещик, знакомый Толстого — т. 16: || 76, 77.
— «Отрывки из личных впечатлений» — т. 16: || 77.
«Образ жития Енохова, или Род и способ хождения с богом». Сочинение аглинского богослова Иосифа. М. 1784 — т. 16: || 143, 154.
«Огонек» — журнал — т. 16: || 168.
Одер — река — т. 14: 29.
Одесса — т. 13, 668.
Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель и музыкальный деятель — т. 16: || 119.
д'Озамбри («Дозамбри») — героиня повести французской писательницы Жанлис «Добродушный». См. Жанлис С. Ф.
«О заблуждении и истине». См. Сен-Мартен.
Ока — т. 13: 294; т. 15: 166.
Олтеница — селение в Валахии — т. 13: 813.
Ольденбургский герцог Петр Фридрих Людвиг (ум. 1829) — т. 13: 32, 58, 807, 808; т. 14: 14, 31; т. 15: 316; т. 16: || 185.
Ольденбургское герцогство — т. 13: 806; т. 14: 225; т. 16: || 185.
Ольмюц — город и крепость в Моравии — т. 13: 95, 97, 98, 108, 112, 113, 120, 122, 138, 139, 143, 372, 373, 393, 446, 493, 496, 497, 504, 506, 507, 518, 540, 638; т. 16: || 23, 39, 40, 58, 59, 62, 63, 156.
Онегин. См. Пушкин А. С., «Евгений Онегин».
Орел — город — т. 13: 46; т. 14: 268; т. 15: 159—161; т. 16: || 128.
Оренбург — т. 14: 202.
Орлов Иван Иванович — один из учителей Яснополянской школы; в 1863—1890 гг. управляющий имением Толстых Никольское-Вяземское — т. 16: || 124.
Орловская губерния — т. 16: || 70.
Орша, Могилевской губ. — т. 15: 140.
Освальд — герой романа Сталь «Коринна». См. Сталь А. Л. Ж.

Остен-Сакен Александра Ильинична (1797—1841) — тетка Толстого — т. 16: || 136.
Остерман-Толстой Александр Иванович (1770—1857) — генерал русской армии —
т. 13: 40, 109; т. 14: 43, 44, 45.

Остралицы — местечко в Моравии к юго-западу от Аустерлица — т. 13: 514.

Остров Святой Елены. См. Елены святой остров.

Островна — местечко Могилевской губ., у которого 13 июля 1812 г. произошло сражение между русскими и французскими войсками — т. 13: 38; т. 14: 33, 43, 45, 65; т. 16: || 85, 86.

Оттоманская Порта. См. Турция.

Офросимова Анастасия Дмитриевна (1753—1826) — т. 16: || 137.

Охотный ряд — улица в Москве — т. 14: 134, 395.

Очаков — турецкая крепость при устье Днепра, взятая в 1788 г. русскими войсками под командованием Суворова — т. 13: 78, 262, 606; т. 14: 68, 71, 317.

Павел I (1754—1801) — т. 13: 72, 74, 76, 77, 78, 166, 183, 184, 203, 247, 870; т. 14: 170; т. 15: 195; т. 16: || 65.

Павловск (Павловское), С.-Петербургской губ. — т. 13: 182; т. 14: 351; т. 16: || 160.

Па-де-Кале, — пролив — т. 13: 196.

Панургово стадо (*les moutons de Panurge*) — выражение для обозначения толпы, безрассудно идущей за своим вожаком (по имени Панурга, героя романа Ф. Рабле «Пантагрюель») — т. 13: 714.

Папа римский. См. Пий VII.

Папская область (или Церковная область) — государство в средней Италии, существовавшее с 756 по 1870 г. — т. 13: 73.

Париж — т. 13: 60, 77, 131, 167, 177, 180—182, 212—215, 217—220, 289, 303, 490, 598, 808; т. 14: 14, 30, 87, 164, 192, 204, 224, 252, 370, 426; т. 15: 50, 171, 178, 197, 206—210, 218, 264, 269, 305, 334; т. 16: || 47, 97.

Парис — легендарный древнегреческий герой, троянский царевич — т. 14: 17.

Патриаршие пруды в Москве — т. 14: 277, 279, 280, 378, 379, 398.

Паулуччи Филипп Осипович (1779—1849) — генерал-адъютант; служил сначала во французской армии, в 1807 г. перешел на русскую службу с чином полковника — т. 14: 39, 41.

Пахра — река — т. 13: 42; т. 14: 154.

Паэзиелло Джованни (*Paesiello*, 1740—1816) — итальянский композитор; в 1776—1783 гг. жил и работал в России — т. 13: 231.

«Певец во стане русских воинов» — стихотворение Жуковского. См. Жуковский В. А.

Пенелопа (миф.) — жена Одиссея; во время его странствований, будучи невестой, хитростью избавлялась от навязчивых женихов: она заявила, что не выйдет замуж до тех пор, пока не соткет хитон своему отцу; но ночью распускала все сотканное за день и так работала до возвращения Одиссея («Пенелопова работа») — т. 15: 226.

Пензенская губерния — т. 13: 811; т. 14: 125; т. 16: || 130.

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894» — т. 16: || 132, 133.

Перигор Луи — французский капитан, адъютант маршала Бертье, посланный Наполеоном I в главную квартиру Беннигсена для начала тильзитских переговоров — т. 13: 633, 634, 635, 637, 642, 643.

Персия — т. 13: 815.

Перфильев Степан Васильевич (1796—1878) — жандармский генерал, знакомый Толстого — т. 13: 44; т. 16: || 57, 76.

Перфильева Анастасия Сергеевна (ум. 1891) — вторая жена С. В. Перфильева — т. 16: || 25, 138.

Перфильевы — т. 16: || 138.

Петербург (Санкт-Петербург) — т. 13: 15, 18, 21, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 34, 37, 39, 42, 45, 58, 59, 60, 65, 68, 70, 75, 77, 112, 149, 153, 158, 159, 161, 162, 163, 166, 170, 172, 174, 175, 176, 183, 186, 191, 193, 195, 199, 208, 224, 227, 228, 229, 249, 251, 255, 256, 261, 263, 267, 269, 278, 291, 338, 350, 351, 447, 473, 475, 476, 480; 545, 559, 563, 565,

566, 568, 583, 589, 597, 600, 605, 606, 607, 609, 613, 619, 628, 638, 643, 646, 655, 667,
671, 673, 674, 676, 677, 679, 682, 683, 685, 686, 688—693, 696—702, 706, 707, 709, 711,
712, 724, 727, 731, 739—743, 745, 746, 747, 752, 238

753, 754, 758, 759, 763, 799, 802, 807, 809, 820, 821, 823, 824, 830, 842, 843, 846, 859, 864, 866, 868, 870, 880; т. 14: 18, 29, 63, 64, 79, 84, 136, 138 (Петрополь), 147, 154, 155, 224, 276, 352, 370; т. 15: 31, 48, 50, 51, 53, 65, 78, 81, 86, 144, 158, 161, 163, 166, 167, 170, 171, 175, 178, 180, 200, 203; т. 16: || 29, 31, 34, 37, 44, 47, 52, 53, 58, 59, 61, 64, 67, 68, 73, 75, 78, 79, 80, 83, 88, 89, 90, 96, 100, 117, 118, 119, 147, 171, 173, 176, 181, 199, 202, 203, 207.

Петербургское предместье в Смоленске — т. 14: 81.

Петергоф, С.-Петербургской губ. — т. 13: 706; т. 14: 351.

Петерсон Николай Павлович (1844—1919) — учитель школы Толстого 1860-х гг.; в 1867—1869 гг. библиотекарь Чертковской библиотеки в Москве — т. 16: || 141.

Петр I Великий (1672—1725) — т. 13: 32, 146, 808; т. 15: 215.

Петр Пустынник (Амьенский, около 1050—1115) — аскет-отшельник, руководитель ополчения в первом крестовом походе — т. 15: 191, 223.

Петровка — улица в Москве — т. 14: 289, 302, 398, 404, 446.

Петрополь — старинное название Петербурга. См. Петербург.

«Печать и революция» — журнал — т. 16: || 102, 136.

Печорин. См. Лермонтов М. Ю., «Герой нашего времени».

Пий VII (1742—1823) — в 1800—1823 гг. папа римский — т. 13: 179, 181, 182, 490, 808; т. 14: 352, 353, 355; т. 15: 206.

Пилад — персонаж из древнегреческой мифологии; образ Пилада и его друга Ореста вошли в литературу как образец верной и преданной дружбы — т. 13: 599; т. 14: 146; т. 15: 33.

«Письма М. А. Волковой к В. И. Ланской». См. «Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской».

Питт Вильям Младший (1759—1806) — английский государственный деятель, выступавший сначала противником французской революции, а с 1804 г. и противником Наполеона I — т. 13: 213.

Платов Матвей Иванович (1751—1818) — генерал, атаман Донского казачьего войска, видный участник Отечественной войны 1812 г. — т. 14: 69, 179, 186, 315, 348; т. 15: 79, 88; т. 16: || 183.

Платон (Левшин Петр Георгиевич, 1737—1812) — московский митрополит — т. 13: 38; т. 14: 137 («преосвященный»), 138.

Плещеев В. — мировой судья — т. 16: || 150.

Плутарх (ок. 46—120 до н. э.) — греческий писатель и философ-моралист, автор «Жизнеописаний знаменитых людей» — т. 14: 156; т. 16: || 185.

Поварская улица в Москве — т. 13: 550; т. 14: 54, 291, 301, 304, 306, 308, 361, 363, 371, 374, 375, 405; т. 15: 304.

Поговский — польский полковник — т. 14: 15, 17.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — писатель, публицист, и историк славянофильского направления — т. 16: || 26, 118, 120, 143.

— Дневник — т. 16: || 26.

— «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным» — т. 16: || 143.

Подновинское — место народных гуляний в Москве — т. 13: 585; т. 14: 136, 369.

Подольск, Московской губ. т. 13: 257.

«Подражание Христу» (ок. 1427) — религиозное сочинение средневекового философа-мистика Фомы Кемпийского (1379—1471). См. Фома Кемпийский.

Подыжиц. См. Годьежиц.

Позоржиц — деревня в Моравии к северу от Аустерлица — т. 13: 515, 520, 541.

Поклонная гора под Москвой — т. 13: 35; т. 14: 128, 266, 297, 345, 370; т. 16: || 95,

117—119.

Покровка — улица в Москве — т. 14: 135, 301.

Покровский К. В.— т. 16: || 135, 136.

— «Источники романа «Война и мир» — т. 16: || 136.

Покровское, Смоленской губ. — т. 14: 158; т. 15: 98, 113.

239

- Покровское, Московской губ. (ныне часть г. Москвы) — т. 14: 271.
- Поливанов Митрофан Андреевич (1842—1913) — знакомый семьи Берсов — т. 16: || 137, 138.
- Полотняные Заводы — село Калужской губ. — т. 15: 86.
- Полтава — т. 14: 33.
- Полтавское сражение («Полтавская победа») — т. 14: 418.
- Польша — т. 13: 194, 309, 329, 589, 633, 697; т. 14: 31, 32, 43, 53; т. 16: || 199.
- Померания — т. 14: 17, 27, 28, 113, 338.
- Понятовский Иосиф Антон (1762—1813) — польский генерал, участвовал в походе Наполеона I на Россию в 1812 г., командуя польским корпусом — т. 13: 40; т. 14: 190, 192, 251.
- Попов Василий Степанович (1745—1822) — в 1807—1809 гг. управляющий комиссариатским и провиантским департаментами — т. 13: 628.
- Попов П. С., «Толстой и о Толстом. Обзор литературы за 1935—1939 гг.» — т. 16: || 23.
- Порта Оттоманская. См. Турция.
- Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — государственный деятель и полководец, один из фаворитов Екатерины II — т. 13: 32, 75, 76, 77, 805, 806, 871.
- Потсдамский дворец — так называемый дворец Сан-Суси в Потсдаме — т. 13: 603, 615.
- Прага — т. 13: 269.
- Працен — селение близ Аустерлица — т. 13: 28, 134, 139, 528, 529, 532, 539; т. 14: 219.
- Праценские высоты — возвышенность на запад от Аустерлица — т. 13: 28, 139, 142, 145, 520, 523, 525, 531, 536, 537, 539, 541; т. 14: 201.
- Прейсиш-Анспах — город в Пруссии — т. 13: 316, 427.
- Прейсиш-Эйлау — город в Восточной Пруссии, у которого 26—27 января 1807 г. произошло сражение между русскими и французскими войсками — т. 13: 576, 628, 634.
- Пресбургский мир — договор о мире, заключенный 26 декабря 1805 г. между Францией и Австрией — т. 16: || 65.
- Пресненская застава в Москве — т. 14: 286, 364.
- Пресня — район в Москве — т. 13: 42; т. 14: 273, 274, 275, 284, 287, 301, 369, 398; т. 16: || 187.
- Пржибышевский Игнатий Яковлевич (р. 1755) — генерал русской армии, участник войны 1805 г.—т. 13: 26, 28, 122, 133, 134, 142, 144, 145, 507, 520, 537, 540, 541.
- «Примечания о французской армии последних времен с 1792 по 1807 год», перев. с франц., СПб. 1808 — т. 16: || 143.
- Пристли Джозеф (1733—1804) — выдающийся английский естествоиспытатель, философ-материалист — т. 15: 224, 226, 243, 297.
- Прозоровский Александр Александрович (1732—1809) — генерал-фельдмаршал — т. 13: 601, 742, 812.
- Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, один из основателей анархизма — т. 16: || 102.
- «О принципе и содержании международного права» (русский перевод вышел в 1864 г. под заглавием «Война и мир») — т. 16: || 102.
- Пруссия — т. 13: 77, 109, 114, 120, 181, 182, 194, 195, 196, 601, 616, 764; т. 14: 14, 31; т. 15: 90, 142, 193, 323; т. 16: || 40, 47, 195.
- Прусская королева. См. Луиза.
- Прусская королева. См. Фридрих Вильгельм III.
- «Пряди, моя пряха» — цыганская песня — т. 13: 858.

Псалтырь — книга библии — т. 13: 37, 571, 572, 575; т. 14: 172, 235; т. 16: || 74.

Псарево, Московской губ., близ Бородина — т. 14: 213, 333; т. 16: || 108.

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1730—1775) — т. 13: 218; т. 14: 110, 202; т. 15: 282;
т. 16: || 50.

Пултуск — город в землях Польши, принадлежавших Пруссии, около которого 14 декабря 1806 г. произошло сражение между 240

русским корпусом Беннигсена и французскими войсками под начальством Ланна — т. 13: 576, 619, 628, 634.

Пунтовиц — селение в окрестностях Аустерлица — т. 13: 139.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — т. 13: 239; т. 16: 7.

— «Герой», стихотворение (1830) — т. 15: 52 (цит.).

— «Евгений Онегин» — т. 15: 240 (Онегин).

Пушкин Василий Львович (1767—1830) — поэт, дядя А. С. Пушкина — т. 13: 803, 811.

Пфуль Карл Людвиг Август (1757—1826) — прусский генерал, военный теоретик; с 1806 г. на русской службе — т. 14: 30, 39, 41, 61, 62; т. 16: || 86.

Пьемонт (северо-западная Италия) — т. 13: 125, 178.

Радзивиллов, Волынской губ. — т. 13: 99, 263.

Радклиф Анна (Redcliff, 1764—1823) — английская писательница — т. 13: 75, 230, 590.

Р[адожицкий] И., «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И. Р.» — т. 16: || 143, 153.

Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — сын известного генерала 1812 г. Н. Н. Раевского (см.) — т. 13: 37; т. 14: 42, 169.

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — сын известного генерала 1812 г. Н. Н. Раевского (см.) — т. 13: 37; т. 14: 42, 169.

Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — генерал русской армии, герой Отечественной войны 1812 г. — т. 13: 37, 73; т. 14: 42, 64, 70, 71, 93, 97, 98, 99, 116, 121, 169, 185, 206, 207, 208, 211, 213, 215, 216, 223, 224, 249, 254, 255, 262, 315, 340, 419; т. 15: 79.

Разумовский Андрей Кириллович (1752—1836) — русский дипломат, посланник в Вене в 1790—1799 и 1801—1807 гг. — т. 13: 23, 601, 674, 742; т. 16: || 200, 204.

Рамбулье салон (Hôtel de Rambouillet) — знаменитый литературный салон в Париже в XVII в., хозяйкой которого была Катрин де Вивон-Пизани, маркиза Рамбулье (1588—1665) — т. 13: 210.

Рамо — французский генерал — т. 14: 168, 173, 238

Рапп Жан (1772—1821) — французский генерал — т. 14: 191, 192, 194, 195, 196, 252, 253, 254; т. 16: || 145.

— «Mémoires» — т. 16: || 145.

Расин Жан Батист (Racine, 1639—1699) — французский поэт эпохи классицизма — т. 13: 75, 77, 215, 231, 686; т. 14: 431, 442.

— «Британник» («Britannicus») — трагедия (1699) — т. 13: 218.

— «Ифигения в Авлиде» («Iphigénie en Aulide»), трагедия (1674) — т. 13: 215 (Клитемнестра).

— «Федра» («Phèdre»), трагедия (1677) — т. 13: 708 (Федра), 848 (то же).

Растопчин Ф. В. См. Ростопчин Ф. В.

Раузниц — селение в Моравии к северу от Аустерлица — т. 13: 103, 108, 116, 508.

Рафаэль Санти (1483—1520) — т. 13: 239; т. 14: 401.

Редут Раевского — центральное укрепление русских позиций в Бородинском сражении, называвшееся иначе Центральной или Курганной батареей — т. 14: 97—99, 121, 122, 192, 196, 202, 207—208, 210—211, 213, 215—216, 220, 249, 255—258, 340.

Рейнский союз — федерация «Рейнских союзных государств», куда входили почти все немецкие государства, созданный 12 июля 1806 г. под протекторатом Наполеона I — т. 13: 182; т. 15: 283.

Ренан Эрнест (1823—1892) — французский буржуазный историк религии и философ, один из наиболее типичных выразителей упадочнической идеологии

французской буржуазии конца прошлого века — т. 15: 243.

Репнин Николай Григорьевич (1778—1833) — Генерал-адъютант — т. 13: 26; т. 15: 95.

Республика семи островов. См. Ионических островов республика.

«Рефераты научно-исследовательских работ 241

за 1945 г. отделения литературы и языка», Академия наук СССР, М. — Л. 1947 — т. 16: || 22.

Риволи — селение в Италии, при котором 14—15 января 1797 г. Наполеон I разбил австрийскую армию — т. 16: || 65.

Рим — т. 13: 73, 181, 182, 198, 490; т. 14: 33.

Рим (Римская империя) — т. 13: 748; т. 14: 93; т. 15: 89, 185, 187, 210, 214; т. 16: 13, || 20.

Римский король (*Le roi de Rome*). См. Наполеон II

Рис Федор Федорович — книгоиздатель, владелец типографии в Москве — т. 14: || 381; т. 16: || 102, 103, 119, 124, 125, 130, 131, 151, 198, 201.

Рихау Даниэль Карл (1827—1883) — гравер — т. 16: || 98, 115.

Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — кардинал, герцог; французский государственный деятель, с 1624 г. ставший во главе правительства, проводя неуклонно политику абсолютизма — т. 14: 67.

Робеспьер Максимилиан Мари Исидор (1758—1794) — один из выдающихся деятелей французской буржуазной революции XVIII в., вождь партии монтаньяров — т. 13: 566; т. 14: 110; т. 15: 280.

Роган — камергер Наполеона I — т. 14: 29.

Роганы (*Rohans*) — старинный французский аристократический род — т. 13: 200; т. 14: 352.

Розенкамф Густав Андреевич (1762—1832) — русский юрист, бывший в 1803—1822 гг. членом комиссии составления законов — т. 13: 24, 695, 706, 708, 761.

Романцово, Московской губ., близ Бородина — т. 13: 40.

Ромул — легендарный основатель Рима и первый его царь — т. 15: 185.

Россини Джоакино Антонио (1792—1868) — итальянский композитор — т. 16: || 57. — «Моисей» («Зора»), опера — т. 16: || 57.

Россия — т. 13: 15, 45, 54, 56, 58, 60, 61, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 93, 95, 102, 125, 138, 144, 174, 177—183, 187, 193, 194, 195, 199, 218, 248, 263, 277, 292, 303, 352, 373, 376, 420, 426, 496, 500, 501, 506, 516, 576, 596, 598, 603, 621, 628, 629, 633, 635, 638, 642, 672, 673, 680, 687, 692, 695, 732, 740, 745, 752, 758, 802, 805, 807, 820, 824, 833, 841, 854, 871; т. 14: 12, 14, 27—34, 52, 57, 59, 60, 61, 73, 86, 103, 113, 124, 154, 163, 166, 225, 233, 234, 239, 266, 267, 295, 299, 318, 319, 335, 342, 344, 345, 352, 402, 403, 409, 410, 424, 425, 432, 433, 444; т. 15: 25, 43, 65, 83; 87, 90, 93, 151, 165, 169, 194, 196, 209, 218, 219, 220, 229, 230, 269, 270, 275, 283, 301, 314, 316, 317, 319, 322, 323, 325, 334; т. 16: 14, || 19, 20, 21, 25, 30—33, 38, 39, 43, 44, 50, 53, 58, 68, 78, 79, 85, 87, 92, 116, 118, 162, 177, 190, 194, 200.

Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826) — русский государственный деятель, военный губернатор в Москве во время Отечественной войны 1812 г. — т. 13: 32, 39, 41, 42, 57, 804, 806—808, 812; т. 14: 46, 51, 53, 54, 57, 89, 92—94, 130, 266, 268, 276, 290—297, 344, 347—350, 361, 363—365, 371, 374, 375, 377, 382—392, 409; т. 15: 50, 94, 158, 164, 171, 241, 242; т. 16: 9, 10, || 86, 95, 96, 111, 114, 117, 118, 143, 150, 176, 187, 189, 205.

— «Сочинения графа Федора Васильевича Ростопчина», СПб. 1853 — т. 16: || 143.

Румянцев Николай Петрович (1754—1826) — дипломат и государственный деятель — т. 13: 35, 710, 741; т. 14: 39, 136, 225.

Румянцевский музей — в Москве — т. 16: || 99, 140, 147, 149.

Русанов Гавриил Андреевич. (1844—1907) — помещик Воронежской губ., близкий знакомый Толстого — т. 16: || 138.

«Русский архив» — исторический журнал, издававшийся с 1863 по 1917 г. в Москве; до 1912 г. выходил под редакцией П. И. Бартенева — т. 16: || 3, 25, 66, 115,

143, 154.

«Русский вестник» — политический и литературный журнал, издававшийся с 1856 г. М. Н. Катковым; в начале 60-х гг. журнал придерживался умеренно-либерального

242

направления, с 1862 г. — орган крайних реакционеров, выражавший помещичье-крепостническую идеологию — т. 13: || 217; т. 15: 240; т. 16: || 23, 47, 48, 49, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 68, 69, 73, 74, 76, 97, 98, 99, 101, 103, 105, 106, 131, 138, 148, 158—160, 168, 197, 198, 203.

«Русский инвалид» («Инвалид») — военная газета, основанная в 1813 г. в Петербурге П. П. Пезаровиусом; выходила до 1917 г. — т. 13: 127; т. 16: || 138.

«Русский язык в нерусской школе. Методический сборник» — т. 16: || 23.

Руссо Жан Жак (Rousseau, 1712—1778) — т. 13: 75, 77, 231, 527, 590; т. 15: 187, 189.

— «Contrat social» («Общественный договор», 1762) — т. 13: 15, 231; т. 15: 214, 277.

— «Correspondance» («Переписка») — т. 13: 590.

— «Nouvelle Héloïse» («Новая Элоиза»), роман (1761) — т. 13: 230, 231, 790, 867 (Альбер, Héloïse).

Рустан (Roustan, 1780—1845) — телохранитель Наполеона I — т. 13: 213—217; т. 14: 26, 196, 203.

Руцук — турецкая крепость в Болгарии, на правом берегу Дуная — т. 13: 807.

Рязанская губерния — т. 14: 250.

Савари Анн Жан Мари Рене, герцог Ровиго де (Savary, 1774—1833) — французский генерал, в 1802 — 1805 гг. начальник тайной полиции — т. 13: 112, 115, 125, 504—506, 511.

Савойя — т. 13: 125.

Садовая улица в Москве — т. 14: 369.

Саксония — т. 13: 172; т. 14: 113; т. 15: 90.

Саламанка (Испания) — т. 14: 88.

Саламанкское сражение («битва при Саламанке») — происшедшее 22 июля 1812 г. в окрестностях г. Саламанки между англо-испанскими войсками Веллингтона и французами под начальством Мармона, окончившееся поражением французов — т. 14: 88.

Салтановка, Могилевской губ. — т. 13: 37; т. 14: 42.

Салтановское сражение — происшедшие 11 июля 1812 г. у деревни Салтановки между русскими войсками под начальством Раевского и французскими под начальством Даву — т. 13: 37; т. 14: 42.

Салтыков Николай Иванович (1736—1816) — генерал-фельдмаршал; в 1812 г. председатель государственного совета и комитета министров — т. 13: 287; т. 14: 411.

Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801) — помещица, известная под именем «Салтычихи» и «людоедки», отличавшаяся жестоким отношением к крепостным крестьянам — т. 13: 57; т. 16: 8.

Салтычиха. См. Салтыкова Д. Н.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — общественный деятель и писатель славянофильского направления, самарский помещик — т. 16: || 125.

Сарагосса (Испания) — известна своей геройской обороной против французов во время испано-португальской войны 1808—1809 гг. — т. 14: 132, 393.

Сардинский король. См. Виктор-Эммануил I.

Саул — библейский персонаж — т. 15: 185, 187.

Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский натуралист, впоследствии теософ и мистик — т. 15: 195.

Свенцяны, Виленской губ. — т. 13: 868; т. 14: 21.

Сганарель — действующее лицо из многих комедий Мольера. В данном случае имеется в виду комедия «Дон-Жуан, или Каменный гость». См. Мольер.

Севастополь — т. 16: 12, || 19.

Северное море (Немецкое море) — т. 13: 58.

Севинье Мария (de Sévigné, 1626—1696) — французская писательница — т. 13: 202.

Селехов — в 1805 г. генерал-майор; в сражении при Аустерлице был взят в плен французами — т. 13: 540.

Семенова Нимфодора Семеновна (1787—1876) — русская оперная 243

певица (1809—1831) — т. 13: 824, 844.

Семеновская высота — возвышенность у деревни Семеновской, один из пунктов Бородинского сражения — т. 13: 39.

Семеновский лейб-гвардии полк — в 1820 г. был раскассирован по приказу Александра I в связи с тем, что солдаты выразили возмущение жестокостью полкового командира Шварца и отказались повиноваться — т. 15: 195.

Семеновское, Московской губ., близ Бородина — один из пунктов Бородинского сражения — т. 13: 40; т. 14: 98, 185, 192, 195, 197, 199, 213, 216, 220, 249, 250, 260, 262; т. 16: || 107, 108.

Сен-Клу (Saint-Cloud, Франция) — т. 13: 179.

Сен-Мартен, «О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания» — т. 16: || 143, 154.

Сервантес С. М. де, «Дон Кихот» — т. 15: 240.

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) — знаменитый физиолог, ученый естествоиспытатель — т. 15: 232, 233.

Сибирь — т. 13: 184, 310, 418, 804, 807; т. 15: 222; т. 16: || 44.

Сивцев Вражек — улица в Москве — т. 13: 801.

Синяя борода — герой французской сказки — т. 14: 36.

Сицилийский король. См. Фердинанд I (IV).

Скифия — т. 14: 17, 29.

Скифская война — т. 14: 401, 429.

Скобелев И., «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная «Русским инвалидом» — т. 16: || 143.

Слободской дворец в Москве (в Лефортове) — т. 14: 186, 435; т. 16: || 87, 115.

Слоним, Гродненской губ. — т. 14: 61.

Смоленск — т. 13: 30, 31, 32, 35, 37, 51, 824; т. 14: 33, 61—64, 67, 69, 70, 75, 76, 77, 79, 87, 105, 112, 157, 168, 218, 225, 226, 227, 235, 244, 253, 314, 315, 316, 335, 338, 428, 439; т. 15: 88, 89, 101, 102, 103, 106, 135, 139, 140, 141; т. 16: || 73, 85, 87, 88, 90, 91, 113, 148, 149, 181, 183, 202.

Смоленская губерния — т. 14: 107, 316.

Смоленский рынок в Москве — т. 14: 392.

Собачья площадка в Москве — т. 14: 301.

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиограф, друг Пушкина — т. 16: || 119.

Сокольники (Москва) — т. 13: 560; т. 14: 295, 296, 348, 390; т. 15: 67, 73; т. 16: || 175.

Сокольниц — селение в окрестностях Аустерлица — т. 13: 139, 141, 146, 520, 540, 541.

Сокольничье поле в Москве — т. 14: 390.

Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист — т. 13: 638; т. 14: 60.

Соловьев Иван Григорьевич (1819—1881) — московский книготорговец, с 1867 г. комиссионер Толстого по продаже романа «Война и мир» — т. 16: || 125, 130.

Соломон — библейский персонаж — т. 13: 33, 593, 615, 649, 666, 670; т. 14: 13.

Софийка — улица в Москве — т. 14: 289.

Спасские ворота в Московском кремле — т. 14: 55.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — видный государственный деятель в царствование Александра I — т. 13: 23, 24, 25, 165, 166, 176, 182, 186, 188, 606, 671, 673—676, 679, 680, 682, 683, 686, 687, 689, 690, 692—696, 706, 708, 709, 710, 714, 715, 723, 726, 727, 731, 732, 751, 759, 761, 768, 804, 805, 806, 815, 821, 833, 870; т.

14: 299; т. 16: || 36, 38, 44, 65, 78—80, 82, 101, 143.

— «Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости», СПб. 1862 — т. 16: || 143.

Спиноза Барух (1632—1677) философ-материалист — т. 15: 224, 225, 226, 227, 243, 246.

Спиридоньевка — улица в Москве — т. 14: 304, 305, 308, 425.

- Средиземное море — т. 13: 58, 805.
- Срезневский Всеволод Измайлович — т. 16: || 22, 135, 136.
- Сталь Анна Луиза Жермена (de Staël-Holstein, 1766—1817) — французская писательница — т. 13: 15, 77, 117, 243, 566, 675; т. 14: 54; т. 15: 179, 222, 271, 276; т. 16: || 143, 153.
- «Corinne ou l'Italie» («Коринна»), роман (1807) — т. 13: 187, 243 (Коринна), 790; т. 14: 97, 149 (Коринна, лорд Освальд Нельвиль), 150 (то же).
- «Delphine» («Дельфина»), роман (1802) — т. 16: || 143, 153.
- Старая Конюшенная улица в Москве — т. 14: 134.
- Старица, Тверской губ. — т. 13: 39.
- Стахович Софья Александровна (1862—1942) — дочь старинных знакомых Толстого А. А. и О. П. Стаховичей — т. 13: || 7.
- Стерн Лоуренс (1713—1768) — английский писатель — т. 13: 22.
- Страсбург — т. 13: 212.
- Страстной бульвар в Москве — т. 16: || 130.
- Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — литературный критик и философ-идеалист, близкий знакомый Толстого — т. 16: || 46, 102, 131—133.
- «Студент, покушавшийся на жизнь Наполеона I». См. Штапс Фридрих.
- Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — т. 13: 29, 75, 120, 121, 146, 219, 257, 263, 265, 269, 315, 320, 332, 512, 514, 516; т. 14: 114, 115, 398; т. 16: || 54, 92, 105.
- Судаков Яков Иванович — штабс-капитан, участник войны 1805 г. — т. 16: || 138.
- Суза Аделаида Мария Эмилия (Souza, 1761—1836) — французская писательница — т. 13: 75, 77, 231, 590.
- «Adèle de Sénange», роман (1794) — т. 13: 230.
- Сульт Никола Жан де Дье, герцог Далматский (1769—1851) — маршал Франции — т. 13: 139, 326, 379, 392, 462, 523.
- Сухарева башня в Москве — т. 14: 369, 378, 381, 445; т. 16: || 117.
- Сухоржевский — польский майор — т. 14: 15, 16, 17.
- Сухотин Сергей Михайлович (1818—1886) — тульский помещик, знакомый Толстых — т. 13: 38.
- «Сын отечества» — исторический и политический еженедельный журнал; издавался в Петербурге с 1812 по 1852 г. — т. 16: || 143.
- Таборский мост (Венский мост), — мост через Дунай в Вене — т. 13: 338, 339, 342, 343, 345—348, 365, 373, 374, 378, 379, 445, 601; т. 14: 22, 23; т. 16: || 164.
- Талейран (Перигор) Шарль Морис (1754—1838) — выдающийся французский дипломат, беспринципный политик; был министром иностранных дел Франции при Наполеоне и при Бурбонах — т. 13: 72, 177, 181, 218; т. 14: 225; т. 15: 188, 208, 209, 213, 214, 276.
- Тальма Франсуа Жозеф (Talma, 1763—1826) — французский трагический актер — т. 13: 151, 686.
- Тамбов — т. 13: 30, 36, 37, 39, 251; т. 14: 92, 93, 148, 152, 153, 163, 268; т. 16: || 73, 91, 96, 97, 149, 191.
- Тарпейская скала — южный крутой срез Капитолийского холма в древнем Риме, с которого сбрасывали государственных преступников — т. 13: 748.
- Тарутино — село Калужской губ., около которого в 1812 г. с 20 сентября по 6 октября стояла лагерем отступившая из Москвы русская армия — т. 13: 30, 38; т. 14: 155; т. 15: 22, 52, 53, 76, 77, 79, 84, 91, 103, 155, 158, 165, 166, 167, 169, 172, 179; т. 16: || 97, 121, 123, 148, 191.
- Тарутинское сражение — происшедшее 6 октября 1812 г. между русской армией и авангардом французских войск под начальством Мюрата около села Тарутина — т. 14:

156; т. 15: 52, 53, 54, 77, 80, 82, 170, 178, 179, 180; т. 16: || 97, 122, 123, 134.

Тассо Торквато (Tasso, 1544—1595) — итальянский поэт — т. 14: 401, 402, 431.

245

Татариново — деревня близ Бородина, один из пунктов Бородинского сражения — т. 13: 39; т. 14: 94, 96, 97, 99, 120, 188, 189, 241, 244, 245; т. 16: || 91, 108, 114.

Тацит Корнелии (ок. 55—117) — римский историк эпохи Ранней империи — т. 13: 121.

Тверская застава в Москве — т. 13: 45; т. 14: 269, 277, 279, 286.

Тверская улица в Москве — т. 14: 270, 278, 279, 286, 300, 301.

Тверские ворота в Москве — т. 14: 302.

Тверской бульвар в Москве — т. 14: 287, 302, 303, 422.

Тверь — т. 13: 45, 256, 257, 556, 583, 808, 876, 878.

«Творчество Л. Н. Толстого», сборник, изд. АН СССР, М. 1954 — т. 16: || 23, 106.

Теккерей У. М., «Ньюкомы» — т. 15: 240 (Ньюком).

Тельниц — селение в окрестностях Аустерлица — т. 13: 139, 140, 144, 145, 146, 520, 537, 541.

Тешен — город в Австрийской Силезии — т. 13: 293, 304, 423.

Тильзит — город в Восточной Пруссии; в июне 1807 г. здесь происходило свидание Александра I с Наполеоном I — т. 13: 26, 31, 37, 38, 583, 627, 633, 635, 637—642, 659—662, 676, 688, 752, 767, 824; т. 14: 11, 28, 29, 115, 225; т. 15: 10, 13, 206, 207; т. 16: || 32, 65, 73—76, 100, 104.

Тильзитский мир — мирный договор, заключенный между Россией и Францией 25 июня (7 июля) 1807 г. в г. Тильзите — т. 13: 48, 58, 170, 172, 576, 642, 660, 662, 697, 732; т. 14: 17; т. 16: || 32, 34, 37, 57, 62, 74, 78, 101, 104, 107.

Тирасполь, Херсонской губ. — т. 13: 786; т. 16: || 178.

Тироль — т. 13: 316, 320, 426, 427.

Толстая Александра Андреевна (1817—1904) — двоюродная тетка Толстого — т. 16: || 25, 64, 74, 76, 119, 131.

Толстая В. В. См. Нагорнова В. В.

Толстая Е. В. См. Оболенская Е. В.

Толстая Мария Николаевна, рожд. Волконская (1790—1830) — мать Толстого — т. 16: || 27, 136.

Толстая Мария Николаевна (1830—1912) — сестра Толстого — т. 16: || 26, 37.

Толстая Пелагея Николаевна, рожд. Горчакова (1762—1838) — бабка Толстого — т. 16: || 136.

Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс (1844—1919) — жена Толстого — т. 13: || 273; т. 15: || 53, 54, 287; т. 16: || 24, 25, 37, 45, 48, 55, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 66, 70, 76, 77, 84, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 120, 125, 130, 135, 137, 147, 150—152, 154—160, 161, 168, 169, 172, 173, 174, 175, 182, 184, 186, 188, 189, 191, 192, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 204, 205, 207, 209, 210.

— «Дневники С. А. Толстой 1860—1891» — т. 16: || 19, 25, 70, 120.

— «Письма к Л. Н. Толстому 1862—1910» — т. 16: || 56, 70, 101.

«Толстой и о Толстом», сборник — т. 16: || 21, 66, 73, 99, 104.

Толстой Илья Андреевич (1757—1820) — дед Толстого по отцу — т. 16: || 136.

Толстой Л. Н.

— «Анна Каренина» — т. 16: || 132.

— «Воспоминания» — т. 16: || 136, 138.

— «Декабристы» («роман о декабристе») — т. 16: || 21, 24, 27, 44.

— Дневники и Записные книжки — т. 16: || 20, 21, 24, 32, 46, 55, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 72, 74, 99, 107, 137, 148, 167.

— «Кзаки» — т. 16: || 24.

— «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?» — т. 16: || 49.

— «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» — т. 16: || 3, 19, 115, 135, 154.

Письма:

Баргенову П. И. — т. 16: || 66, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116,
119, 120, 124, 125, 130.

246

- Башилову М. С. — т. 16: || 77, 98, 99, 100, 101, 102, 137.
Берсу А. Е. — т. 16: || 72—73.
Берс Е. А. — т. 16: || 24
Берсам А. Е. и Л. А. — т. 16: || 70
Борисову И. П. — т. 16: || 37.
Волконской Л. И. — т. 16: || 39, 43, 138.
Герцену А. И. — т. 16: || 21.
Ергольской Т. А. — т. 16: || 38, 81.
Каткову М. Н. — т. 16: || 55, 62, 63.
Кузминской Т. А. — т. 16: || 119, 137.
Лаврову М. Н. — т. 16: || 101.
Лонгинову М. Н. — т. 16: || 26.
Погодину М. П. — т. 16: || 118—119, 120.
Страхову Н. Н. — т. 16: || 46, 102, 131, 132, 133.
Толстой А. А. — т. 16: || 25, 64, 74, 76, 119, 131.
Толстой М. Н. — т. 16: || 26, 37.
Толстой С. А. — т. 16: || 45, 56, 57, 62, 66, 98, 99, 102, 103, 104, 107, 108, 125, 130,
184.
Толстому С. Н. — т. 16: || 102, 111.
Фету А. А. — т. 16: || 64, 70, 76, 77, 97, 98, 103, 105, 125, 129, 130.
Эртелю А. И. — т. 16: || 33.
— «Поликушка» — т. 16: || 24.
— Полное собрание сочинений. Юбилейное издание:
т. 7 — т. 16: || 59.
т. 8. — т. 16: || 21, 49.
тт. 9—12 — т. 16: || 135.
т. 9 — т. 16: || 105, 135, 146.
т. 11 — т. 16: || 113, 152, 187, 190.
т. 12 — т. 16: || 196.
т. 13 — т. 14: || 5; т. 15: || 5, 333, т. 16: || 26, 27, 29, 31—33, 35, 36, 38, 39, 43, 44, 46,
48, 49, 51, 53—55, 57—60, 63, 67—73, 75, 78, 80, 82, 83, 99—101, 104, 106—109, 115,
121, 127, 137, 140, 146—180, 182—183, 193, 197, 198, 199, 203.
т. 14 — т. 15: || 5; т. 16: || 78, 84—87, 95, 111, 113—119, 149, 150, 158, 176, 179,
181—186, 188—193, 195, 197, 200, 201, 203—205.
т. 15 — т. 14: || 5, 6; т. 16: || 120—123, 126—131, 140, 152, 158—160, 164, 189—197,
202, 203, 206—210.
т. 17 — т. 16: || 21.
т. 34 — т. 16: || 136.
т. 46 — т. 16: || 20.
т. 47 — т. 16: || 32.
т. 48 — т. 16: || 24, 64, 65, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 99, 107, 137, 148, 154, 164, 167.
т. 60 — т. 16: || 21, 24.
т. 61 — т. 16: || 25, 26, 37, 46, 55, 59, 63, 64, 66, 70, 73, 74, 76, 77, 81, 97—106, 108,
110, 111, 112, 114, 115, 116, 119, 120, 124, 125, 129, 130, 131, 137, 138, 140, 159.
т. 62 — т. 16: || 131, 132, 133.
т. 65 — т. 16: || 33.
т. 83 — т. 16: || 56, 57, 59, 62, 83, 98, 99, 102, 103, 107, 108, 125, 130, 147, 184.
т. 84 — т. 16: || 45.
— «Полное собрание художественных произведений», т. VII, М. — Л. 1930 — т. 16:
|| 22, 136.

— «Собрание сочинений Л. Н. Толстого» в 14 томах, Гослитиздат, М. 1951 — т. 16: || 23.

— «Сон» — т. 16: || 59, 170.

— «Сочинения Л. Н. Толстого в восьми томах», изд. 3-е, 1873 — т. 16: || 131.

— «Сочинения Л. Н. Толстого» изд. 4-е, 1880, изд. 5-е, 1886, изд. 6-е, 1886 — т. 16: || 135.

— «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — т. 16: || 21.

Толстой Николай Александрович (1765—1816) — обер-гоф-маршал при Александре I — т. 13: 46, 513.

Толстой Николай Ильич (1795—1837) — отец Толстого — т. 16: || 136.

Толстой Сергей Львович (1863—1947) — старший сын Толстого — т. 16: || 135, 136, 151, 162.

— «Мать и дед Л. Н. Толстого» — т. 16: || 136.

Толстой Сергей Николаевич (1826—1904) — брат Толстого — т. 16: || 102, 111.

Толстой Федор Иванович (1782—1846), по прозвищу «Американец» — двоюродный дядя Л. Н. Толстого — т. 16: || 138.

Толь Карл Федорович (1777—1842) — генерал русской армии, участник Отечественной войны 1812 г. — т. 13: 41, 134, 149, 515; т. 14: 86, 90, 101, 116, 120, 155, 186, 221, 222, 247, 412; т. 15: 51, 53, 80, 82, 83, 142, 165, 170, 179, 271.

Томашевский Анатолий Константинович (1841—1907) — студент Московского университета, работавший сначала учителем в одной из школ, организованных Толстым, а затем управляющим Ясной Поляной; в 1865 г. вернулся в университет — т. 16: || 147.

Торжок, Тверской губ. — т. 14: 379; т. 16: || 171.

Тормасов Александр Петрович (1752—1819) — генерал, участник Отечественной войны 1812 г. — т. 14: 62; т. 15: 143, 144.

Три горы, или Трехгорная застава — район в Москве — т. 14: 363, 364, 371, 434; т. 15: 26.

Троице-Сергиева лавра (Троица) — монастырь под Москвой — т. 14: 375, 379, 425; т. 15: 16, 17, 19, 20, 162; т. 16: || 96, 120.

Троицкие ворота в Московском Кремле — т. 14: 55.

Троппау — город в Австрийской Силезии — т. 13: 44.

Трубная площадь в Москве — т. 14: 385.

Тула — т. 13: 42, 45, 825; т. 16: || 25, 40, 102.

Тулон (Франция) — в июле 1793 г. в Тулоне произошло контрреволюционное восстание против Конвента; осажденный в октябре войсками Конвента, он был взят 19 декабря; при этой осаде отличился до того времени неизвестный артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт, положив этим начало своей известности и возвышению — т. 13: 263, 340, 341, 342, 348, 373, 383; т. 15: 62.

Тульская губерния — т. 14: 125; т. 15: 166.

Турас (Тюрас) — селение в Моравии к западу от Аустерлица — т. 13: 134.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — т. 13: 55; т. 16: || 64.

— «Отцы и дети» — т. 15: 240 (Базаров).

Турция (Оттоманская Порта) — т. 13: 14, 17, 25, 26, 36, 60, 63, 64, 142, 178, 180, 332, 583, 606, 618, 675, 742, 812, 854, 868; т. 14: 34, 39, 73, 109, 113, 116; т. 16: || 41, 75, 82, 83, 176.

Туголмин Иван Васильевич (1751—1815) — генерал-майор; в 1812 г. был директором Московского воспитательного дома — т. 15: 50, 94, 171.

Тучков Николай Алексеевич (1761—1812) — генерал; в Бородинском сражении был смертельно ранен — т. 13: 73; т. 14: 97—100, 110, 139, 186, 192, 246, 248, 249; т. 16: || 107.

Тучкова — вдова генерала И. А. Тучкова — т. 16: || 107.

Тьер Луи Адольф (Thiers, 1797—1877) — французский буржуазный историк и реакционный государственный деятель, снискавший позорную славу «палача Парижской коммуны» — т. 13: 48, 125, 413, 439; т. 14: 84, 156; т. 15: 50, 54, 86, 88, 142, 169, 172, 187, 188, 190, 193, 211—212, 240, 266, 269—272, 274—276, 312; т. 16: 12, || 24, 115, 122, 139, 140, 145, 153, 192, 195.

— «Histoire du consulat et de l'Empire» — («История консульства и империи») — т. 13: 125, 413—414 (цит.), 439; т. 14: 84, 156; т. 15: 50, 54, 86, 88, 142, 169, 172, 211—212, 240, 266, 269—272, 312; т. 16: 12—13 (цит.), || 24, 115, 145, 153.

— «Histoire de l'Empire», nouvelle édition illustrée, L'heureux et Cie, édit., Paris, s. a. — т. 16: || 145.

«Тьмы низких истин нам дороже...» — цитата из стихотворения Пушкина «Герой» (1830). См. Пушкин А. С.

Тюильри (Tuileries) — дворец в Париже, бывшая резиденция французских королей — т. 13: 77, 178, 179, 489.

Тюмери де (de Thumery), маркиз — т. 13: 212.

Тюрас. См. Турас.

Убри Петр Яковлевич («Д'Убри», «Д'Убриль», 1774—1847) — русский дипломат, в

1804 г. поверенный в делах России при тюильрийском дворе в Париже — т. 13: 77, 177, 181; т. 16: || 158.

Уваров Алексей Сергеевич (1828—1884) — археолог, председатель Московского археологического общества — т. 16: || 66.

Уваров Федор Петрович (1773—1824) — генерал, участник войн 1805 и 1812 гг. — т. 13: 134, 248

- 520, 541; т. 14: 192, 219; т. 16: || 66, 140, 185.
- Украина — т. 13: 31; т. 14: 63.
- Ульм — город и крепость в Баварии — т. 13: 300, 310, 317, 320, 331, 343, 344, 349, 374, 419, 424, 426, 428, 431, 432, 433, 445, 446, 524, 598.
- Урусов Сергей Семенович (1827—1897) — генерал в отставке, сослуживец Толстого по Севастопольской кампании — т. 13: 44; т. 15: 240; т. 16: || 125, 209.
— «Обзор кампаний 1812 и 1813 гг.» — т. 15: 240.
«Устав конного полка. Печатано в Санктпетербурге 1797 г.» — т. 16: || 143, 154.
- Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — историк, представитель «официального направления» исторической науки, академик — т. 16: || 20.
— «Русская история» (1837—1841) — т. 16: || 20.
- Утица, Московской губ., близ Бородина — один из пунктов Бородинского сражения — т. 13: 40; т. 14: 185, 192, 249.
- Фабвье (Fabvier) — французский полковник, привезший в Бородино Наполеону I известие о поражении французских войск в Испании у Саламанки — т. 14: 88, 250.
- Фальстаф — персонаж драмы Шекспира «Король Генрих IV». См. Шекспир В.
- Федра — героиня трагедии Расина «Федра». См. Расин Ж. Б.
- Фердинанд (IV неаполитанский) I (1751—1825) — король неаполитанский («король Обеих Сицилии») — т. 13: 178, 181.
- Фердинанд Карл Иосиф (1781—1850) — эрцгерцог австрийский, фельдмаршал; в 1805 г. главнокомандующий австрийскими войсками, действовавшими в Германии и Австрии — т. 13: 316, 317, 319, 320, 337, 419, 425, 426, 429, 431—433; т. 16: || 162, 169.
- Фериоль — герой повести французской писательницы Жанлис «Добродушный». См. Жанлис С. Ф.
- Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт-лирик — т. 16: || 64, 70, 76, 77, 97—99, 103, 105, 125, 129, 130.
- Фет Марин Петровна (1828—1894) — жена А. А. Фета — т. 16: || 70
- Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) штабс-капитан артиллерии, известный партизан Отечественной войны 1812 г. — т. 13: 40; т. 15: 139; т. 10: || 138.
- Фили — деревня под Москвой — т. 13: 32; т. 14: 200, 345, 347, 371, 384; т. 15: 155, 100, 170; т. 10: || 116, 117, 134.
- Филиппов Адриан — т. 13: 40.
- Финляндия — т. 13: 729, 820, 839, 840, 844, 845; т. 14: 29.
- Финляндская война — России со Швецией в 1808—1809 гг. — за обладание Финляндией — т. 13: 707.
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ-идеалист — т. 15: 226.
- Фогт Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, один из представителей вульгарного материализма — т. 15: 232, 243.
- Фома Кемпийский, «Подражание Христу» — т. 13: 251.
- Фоминское, Калужской губ., близ Тарутина — т. 15: 77, 79; т. 16: || 123.
- Фонтанка — левый рукав реки Невы в Петербурге — т. 13: 226, 732.
- Франц II Иосиф Карл (1768—1835) — германский император, в 1806 г. сложивший с себя немецкую корону и объявивший себя австрийским императором под именем Франца I — т. 13: 28, 38, 95, 108, 109, 115, 120, 130, 132, 133, 142, 143, 145, 147, 218, 219, 309, 320, 333, 334, 335, 340, 341, 369, 424, 425, 439, 440, 442, 476, 496, 504, 508, 512, 513, 531, 532, 536, 537, 603, 671, 751; т. 14: 21; т. 15: 209, 275; т. 16: || 39, 40, 42, 71, 105, 109, 110.
- Франция — т. 13: 51, 54, 70, 73, 75, 77, 120, 125, 135, 172, 177—182, 189, 191—194, 200, 213, 214, 216—219, 340, 506, 638, 672, 805, 806; т. 14: 17, 30, 34, 202, 296, 433, 444;

т. 15: 35, 187, 205—210, 214, 222, 224, 262, 263, 269, 272, 277, 279, 281, 287, 322, 323,
334; т. 16: || 31—33, 37, 58, 78, 129.

- Фриан Луи (1758—1829) — французский генерал — т. 13: 144, 145, 537; т. 14: 90, 192, 198.
- Фридланд — город в Восточной Пруссии — т. 13: 23, 172, 628, 632, 636, 641, 642; т. 14: 200, 267, 345.
- Фридландское сражение — происшедшее 2 июня 1807 г. у г. Фридланда между русскими войсками под командованием Беннигсена и французскими под командованием Наполеона, в котором русские потерпели поражение — т. 13: 23, 576, 632, 633, 636, 638, 641, 642, 658, 660, 661, 767; т. 14: 42, 219.
- Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король — т. 13: 75, 76, 81, 248, 505, 598, 603, 615; т. 14: 111, 113, 338, 430; т. 15: 90, 187, 215.
- Фридрих Вильгельм III (1770—1840) — прусский король — т. 13: 172, 476, 603, 615, 637, 638, 639, 640, 641; т. 14: 30.
- Фуше Жозеф (1759—1820) — французский политический деятель, глава полицейского шпионажа и политической интриги — т. 15: 213.
- Хлебников — т. 13: 40; т. 16: || 150.
- Ходыньское поле в Москве — т. 13: 311.
- Царево Займище — село Смоленской губ., в котором в 1812 г. Кутузов принял командование над русскими войсками — т. 13: 39; т. 14: 84; т. 16: || 84, 89, 113.
- Царицын луг, или Марсово поле — площадь в Петербурге — т. 13: 143, 311; т. 14: 129; т. 16: || 41.
- Царское Село, С.-Петербургской губ. — т. 14: 351.
- Цесаревич. См. Константин Павлович, вел. князь.
- Цизальпинская республика — основанная в 1797 г. в Италии; в 1802 г. была переименована в Итальянскую республику; в 1805 г. в Итальянское королевство (во главе с Наполеоном I); просуществовала до 1814 г. — т. 13: 196.
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э) — римский оратор и философ — т. 15: 227, 243.
- «De fato» («О судьбе») — т. 15: 227.
- Цнайм, или Знайм — город в Моравии — т. 13: 343, 373, 374, 379, 380, 394, 395, 446.
- Цявловский Мстислав Александрович — т. 16: || 21, 22, 66.
- «Как писался и печатался роман «Война и мир» — т. 16: || 21, 66.
- «История писания и печатания романа «Война и мир» — т. 16: || 22.
- Чарторыйский Адам Георг (Чарторижский, 1770—1861) — польский и русский государственный деятель, боровшийся за независимость Польши; в 1803—1812 гг. близкий советник Александра I в деле проведения реформ — т. 13: 46, 112, 115, 118, 119, 182, 186, 194, 512, 710; т. 14: 103; т. 15: 195.
- Черемошня, Тульской губ. — т. 16: || 70.
- Черное море — т. 13: 183, 805, 871.
- Чернышев Александр Иванович (1786—1857) — генерал-адъютант, военный министр; участник войн с Наполеоном; в 1805 г. — поручик кавалергардского полка — т. 15: 51.
- Чертковская библиотека в Москве — т. 16: || 66, 141.
- Чичагов Павел Васильевич (1765—1849) — адмирал, в 1807 г. — морской министр, в 1812 г. — командующий молдавской армией — т. 14: 62; т. 15: 78, 143, 144, 180.
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист и философ-идеалист, старый знакомый Толстого — т. 13: 32; т. 15: 240.
- «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» — т. 16: || 26 143.
- Шаликов Петр Иванович (1768—1852) — поэт, редактор «Московских ведомостей»

— т. 16: || 26, 143.

— «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» — т. 16: || 26, 143.

250

- Шальме. См. Обер-Шальме.
- Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848) — французский писатель, основоположник дворянского реакционного романтизма — т. 15: 213, 214.
- Швабия — т. 13: 316, 427.
- Швейцария — т. 13: 161, 760, 855; т. 14: 34, 129, 403.
- Швеция — т. 14: 30.
- Шевардино, Московской губ., близ Бородина — т. 14: 84, 87, 88, 202, 203, 211, 240, 250, 254; т. 16: || 204.
- Шевардинский редут — на Шевардинском кургане, у села Шевардина — т. 14: 88, 89, 90, 91, 98, 185, 186, 191, 192, 193, 209, 211, 213, 216, 240, 241, 248, 250, 263, 416; т. 16: || 90, 94, 113.
- Шевардинское сражение — происшедшее 24 августа 1812 г. у села Шевардина — т. 16: || 90, 113.
- Шелковка — почтовая станция близ Можайска, по дороге к Москве — т. 14: 267, 347, 361.
- Шенбрунн — императорский дворец в Вене; в 1805 и 1809 гг. главная квартира Наполеона I — т. 13: 347, 394.
- Шенграбен — селение в Австрии на дороге из Вены в Цнайм — т. 13: 37, 99, 100, 103, 324, 326, 352, 353, 364, 374, 380, 383, 384, 387, 450, 456, 460, 493, 514, 524, 525, 530, 536, 539, 546, 657; т. 14: 112, 113, 116, 337; т. 15: 334, 335; т. 16: || 69, 74.
- Шенграбенское сражение — происшедшее у деревни Шенграбен 4 ноября 1805 г. между русским отрядом Багратиона и французскими войсками под командованием Мюрата — т. 13: 493, 514, 524, 530, 657; т. 14: 42; т. 16: 11, || 57, 60, 63, 66, 69, 70, 72, 73, 74, 106, 140, 148, 163, 164, 168.
- Шепелевский дворец — часть Зимнего дворца в Петербурге, построенного при Елизавете Петровне, названная по имени Д. А. Шепелева — заведующего строительством дворца — т. 13: 696.
- Шварценберг Карл Филипп (1771—1820) — австрийский фельдмаршал, в 1812 г. командующий австрийским вспомогательным корпусом против России; в 1813 г. — генералиссимус союзных войск против Наполеона — т. 13: 506, 511, 604.
- Шекспир Вильям (1564—1616) — т. 13: 231.
- «Король Генрих IV» — т. 13: 774 (Генрих IV, сэр Джон Фальстаф); т. 15: 240 (Фальстаф).
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф (1775—1854) — немецкий философ-идеалист — т. 15: 224, 226, 227.
- Шершенев Василий Васильевич — т. 13: || 7.
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — т. 13: 230, 231, 559, 813.
- «Разбойники» («Die Räuber») — т. 13: 230.
- Шишков Александр Семенович (1754—1841) — государственный деятель и писатель; реакционер и обскурант — т. 13: 692; т. 14: 20, 62; т. 16: || 143, 153.
- «Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну», изд. 2-е, СПб. 1832 — т. 16: || 143, 153.
- Шлоссер Фридрих Кристоф (Schlosser, 1776—1861) — немецкий буржуазный историк — т. 13: 48; т. 15: 189, 212, 266, 270—273, 274, 312.
- Шмитт Генрих (Smitt, 1743—1805) — фельдмаршал-лейтенант австрийской армии; в октябре 1805 г. прислан к Кутузову в качестве генерал-квартирмейстера; убит в сражении при Кремсе 30 октября 1805 г. — т. 13: 334, 337, 340, 344, 369, 371, 380, 395, 439.

Шнейдер — полковник, в 1812 г. адъютант Кутузова — т. 14: 267, 346.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-идеалист, идеолог прусского юнкерства — т. 15: 224, 225, 226, 227, 243, 244, 245, 246, 247, 297.

— «Preischrift über die Freiheit des Willen» («Сочинение о свободе воли») — т. 15: 245, 246.

— «Die Welt als Wille und Vorstellung» («Мир как воля и представление») — т. 15: 245, 246.

- «Grundprobleme der Ethik» («Основные проблемы этики») — т. 15: 246.
- Шостак Анатолий Львович — троюродный брат Т. А. Кузминской — т. 16: || 137.
- Шотландия — т. 13: 764.
- Штапс Фридрих (1792—1809) — немецкий студент, покушавшийся 12 октября 1809 г. в Вене на жизнь Наполеона I — т. 14: 270, 278, 286, 378, 422, 434.
- Штейн Генрих Фридрих Карл (Stein, 1757—1831) — прусский государственный деятель; в 1808 г. был изгнан из Германии Наполеоном I; в 1809—1812 гг. жил в России — т. 14: 30, 39, 41, 61; т. 15: 188, 189, 208, 271, 276.
- Штейнгель В., «Записки, касательно составления и самого похода санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига» — т. 16: || 143,
- Штейр — город в Верхней Австрии — т. 13: 321, 333.
- Шторх — австрийский генерал — т. 13: 332, 333.
- Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий историк религии — т. 15: 243.
- Штраух (ум. 1836) — австрийский генерал, в 1805 г. состоявший при Кутузове — т. 13: 426, 427, 428.
- Штрик Федор Борисович (ум. 1808) — генерал-майор русской армии, в сражении при Аустерлице был взят в плен французами — т. 13: 540.
- Щербинин Александр Андреевич (1791—1876) — в 1812 г. прапорщик, адъютант К. Ф. Толя; в сентябре 1812 г. назначен в секретную канцелярию Кутузова в распоряжение дежурного генерала П. П. Коновницына — т. 15: 78, 79.
- Щербинин М. П., «Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова» — т. 16: || 143.
- Эберсдорф («Egensdorf»; у Толстого — Ebernsdorf) — селение в Австрии к юго-востоку от Вены — т. 13: 446.
- Эйхенбаум Б. М., «Лев Толстой». Книги первая и вторая — т. 16: || 23, 25, 58, 66, 73, 102, 105, 134, 136.
- Эккартсгаузен Карл (1752—1803) — немецкий писатель-мистик — т. 15: 195.
- Экмюльский принц (Prince d'Ekmuhl). См. Даву.
- Эльба — остров в Средиземном море, место первой ссылки Наполеона I (с 3 мая 1814 г. по 26 февраля 1815 г.) — т. 15: 208, 209, 262.
- Энгиенский герцог Луи Антуан Анри (1772—1804) — французский принц — т. 13: 72, 75, 76, 103, 170, 177, 181, 200, 206, 210, 212—218, 220, 659; т. 15: 322; т. 16: || 46, 49, 50, 105.
- Эне — берейтор Александра I — т. 13: 532, 536, 663.
- Энс — город в Верхней Австрии — т. 13: 100, 103, 333.
- Энс — река в Австрии — т. 13: 322, 333; т. 16: || 69.
- Эраст — герой повести Карамзина «Бедная Лиза». См. Карамзин Н. М.
- Эрострат. См. Герострат.
- Эртель Александр Иванович (1855—1908) — русский писатель — т. 16: || 33.
- Эрфурт — город в Прусской Саксонии, в 1808—1814 гг. принадлежавший Франции; 27 сентября — 14 октября 1808 г. в Эрфурте происходило свидание Александра I и Фридриха Вильгельма III с Наполеоном I — т. 13: 26, 38, 151, 163, 168, 172, 671, 673, 679, 683, 686, 688, 711, 751; т. 14: 11, 28, 29, 225; т. 15: 207; т. 16: || 37, 62, 65, 74, 80.
- Эссен Иван Иванович (Эссен 1-й, 1759—1813) — русский генерал, в 1805 — командир корпуса, расположенного у Гродно и Брест-Литовска — т. 13: 106, 109; т. 16: || 40.

Эттенгейм («Етенгейм») — город в Баденском герцогстве — т. 13: 72, 76, 200, 212, 213.

Эфес — древнегреческий город в Малой Азии, знаменитый своим храмом Артемиды, сожженным, по сказанию, Геростратом (см.) — т. 13: 528.

Эцельсдорф — деревня в Австрии, близ Шенграбена — т. 13: 380, 395; т. 15: 335.

Юлий Гай Цезарь (100—44 гг. до н. э.) — государственный деятель древнего Рима, полководец и писатель — т. 13: 226, 227, 315, 342; т. 15: 230.

— «Commentarii» («Записки») — т. 13: 226, 227; т. 15: 230.

Юльнер — французский полковник, командовавший цепью передовых постов наполеоновских войск, вторгшихся в Россию в 1812 г.; встретил первый А. Д. Балашова, ехавшего к Наполеону I с письмом от Александра I — т. 14: 22.

Юм Давид (1711—1776) — буржуазный историк, экономист и философ (субъективный идеалист) — т. 15: 224, 226, 243, 297.

Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих (Jung-Stilling, 1740—1817) — немецкий мистик — т. 13: 601, 687.

Юпитер — верховный бог в римской мифологии — т. 16: || 65.

Юрбург («Юнсбург») — местечко Виленской губ., в 10 км. от прусской границы — т. 13: 638, 641.

Юркевич Памфил Данилович (1827—1874) — профессор Московского университета, философ-идеалист — т. 16: || 125, 129.

Юрковский — русский генерал, участник войн с Наполеоном I; в 1806—1807 гг. — полковник — т. 13: 32.

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) — литературный и театральный деятель, писатель, переводчик; основатель журнала «Русская мысль» — т. 16: || 125.

Юсупова дом в Москве, в Харитоньевском пер. — т. 14: 372.

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846) — отец А. И. Герцена — т. 15: 50, 94, 171.

ЯП. См. Ясная Поляна.

Япония — т. 14: 111, 336.

Яр — ресторан в Москве — т. 13: 579, 588.

Ярославль — т. 13: 42, 43; т. 14: 286, 376, 382; т. 15: 17, 21, 145, 148, 151, 162, 197, т. 16: || 122, 128.

Ясная Поляна (ЯП) — т. 16: || 3, 25, 58, 62, 77, 81, 98, 103, 104, 107, 108, 115, 119, 129, 130, 141—145.

«Ясная Поляна» — книжки, приложение к журналу «Ясная Поляна» — т. 16: || 21.

Яуза — река — т. 14: 292, 390.

«Adèle de Sénange» — роман французской писательницы Суза, См. Суза А. М. Э. Baroche Jaquelin — т. 13: 217.

Beauharnais Joséphine. См. Богарне Жозефина.

Beausset. См. Боссе Л. Ф. Ж.

Bernhardi T. См. Бернгарди Т.

Boileau. См. Буало Н.

Cartouche. См. Картуш.

de Chambray, «Histoire de l'ex pédition de Russie» — т. 16: || 144.

Chevreuse — т. 13: 217.

Choiseul — т. 13: 217.

Condé. См. Конде.

«Contrat social» («Общественный договор») — сочинение Руссо. См. Руссо Ж. Ж.

«Corinne» («Коринна») — роман французской писательницы Сталь. См. Сталь А. Л. Ж.

Corneille. См. Корнель П.

Dumas Al. См. Дюма А.

Duport. См. Дюпор Л.

Elisabeth (Елизавета Филиппина Мария Елена, 1764—1794) — сестра французского короля Людовика XVI, казненная во время французской буржуазной революции XVIII в. — т. 13: 218.

«L'Empire ou dix ans sous Napoléon par un ancien chambellan», tt. I—III, Ch. Allardine, libr., Paris, 1836 — т. 16: || 144.

Erckmann-Chatrian, «Le conscrit de 1813. — Waterloo. — Madame Thérèse ou les volontaires de 92» — т. 16: || 144.

— «Histoire d'un conscrit de 1813» — т. 16: || 144.

Erendorf. См. Эберсдорф.

Fain (Фен Агатон Жан Франсуа, 1778—1837) — секретарь и историк Наполеона I — т. 15: 50, 169; т. 16: || 122, 144.

— «Manuscrit de mil huit cent douze, contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon» — т. 16: || 144.

Faubourg St. Germain (Сен-Жерменское предместье) — аристократический квартал в Париже, на левом берегу Сены — т. 13: 215, 220.

- Foy, le général, «Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire des puissances belligérantes» — т. 16: || 144.
- Genlis de. См. Жанлис С. Ф.
- Georges (Жорж Маргерит Жозефин) — сценическое имя французской актрисы Веймер (1787—1867) — т. 13: 210, 212—216, 736, 843, 844, 847, 848.
- «Gott und die Bajadere» («Бог и баядерка») — баллада Гёте. См. Гёте И. В.
- Gourgaud, le général, «Napoléon et la Grande-Armée en Roussie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur» — т. 16: || 144.
- Héloïse (Элоиза) — героиня романа Руссо «Nouvelle Héloïse» («Новая Элоиза»). См. Руссо Ж. Ж.
- Hénissienne Louise. См. Гениссиен, Л.
- «Ich weiss nicht was mir fehlet, Ich sterb aus Ungeduld» («Не знаю, что мне нужно, я умираю от нетерпенья») — немецкая песенка — т. 13: 496.
- Jerome. См. Бонапарт Жером.
- «Joconde» — комическая опера французского композитора Луи Эммануила Жадена (1768—1853) — т. 13: 173, 240, 297, 318.
- Labaume, Eugène, «Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812, ornée des plans de la bataille de la Moskwa, du combat de Malojaroslavetz et d'un état sommaire des forces de l'armée française pendant cette campagne», 3-ème édit., Paris, 1814 — т. 16: || 144.
- Lanfrey. См. Ланфре Пьер.
- Las Cases. См. Ласказ.
- Legrand — т. 14: 88.
- Lemarrois. См. Лемарруа Ж. Л. Ф.
- Le roi de Naples. См. Мюрат.
- Le roi de Rome. См. Наполеон II.
- Maistre Joseph. См. Местр Жозеф де.
- «Mémorial de Sainte Hélène» («Дневник на острове св. Елены»). См. Ласказ.
- de Méneval le baron, «Napoléon et Marie Louise» — т. 16: || 144.
- Montesquieu. См. Монтескье.
- Napoléon. См. Наполеон I.
- «Nouvelle Héloïse» («Новая Элоиза») — роман Руссо. См. Руссо Ж. Ж.
- Novosilzoff. См. Новосильцов Н. Н.
- O'Meara, «Napoléon in exile or a voice from St. Hélène», London, 1822 (О'Меара, «Наполеон в изгнании, или голос со св. Елены») — т. 16: || 33.
- Paesiello. См. Паэзиелло Д.
- Prince d'Ekmuhl. См. Даву.
- Raguse. См. Мармон.
- Rambouillet. См. Рамбулье.
- Racine. См. Расин Ж. Б.
- Rapp. См. Рапп Ж.
- Redcliff. См. Радклиф А.
- «Revue des deux Mondes» — французский журнал (основан в 1829 г.) — т. 13: 44.
- Rohan Rochefort Charlotte de — французская принцесса — т. 13: 213.
- Rousseau. См. Руссо Ж. Ж.
- Roustan. См. Рустан.
- de Ségur le comte, «Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812» — т. 16: || 145.
- «Histoire universelle ancienne et moderne» — т. 16: || 145.
- Smitt. См. Шмит Г.
- Souza de. См. Суза А. М. Э.

Staël de. См. Сталь А. Л. Ж.

Talma. См. Тальма.

Thiers. См. Тьер Л. А.

Voltaire. См. Вольтер Ф. М. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ

В тринадцатый том настоящего издания входят планы и заметки, вступления, предисловия, начала, черновые редакции и варианты, относящиеся к первым двум томам основного текста «Войны и мира».

Несмотря на то, что рукописи романа сохранились неполностью, они настолько обильны вариантами, что в силу необходимости их приходится помещать в двух томах: к I и II томам «Войны и мира» — в тринадцатом томе, к III и IV томам в следующем — четырнадцатом томе настоящего издания. В четырнадцатом же томе будет помещена статья „История писания и печатания «Войны и мира»“, подробно освещающая все идейные и творческие проблемы, связанные с созданием «Войны и мира», а также статья „Описание рукописей «Войны и мира»“ и аннотированный указатель собственных имен, встречающихся в тринадцатом и четырнадцатом томах.

При отборе вариантов редакторы стремились по возможности дать полную картину творческой работы Толстого над романом. Поэтому наряду с совершенно новыми вариантами в отдельных случаях помещаются варианты, с первого взгляда кажущиеся как будто близкими к печатному тексту, но на самом деле отличающиеся от него рядом интересных творческих деталей.

Размеры «Войны и мира», сложность замысла и содержания и длительность работы Толстого (семь лет) определили характер творческой работы писателя над романом. Рукописи «Войны и мира» не имеют в себе полных редакций всего романа в целом и даже отдельных его частей. В них есть главы, которые Толстой 5

переделывал более десяти раз, и есть главы, написанные почти сразу, с незначительной их последующей обработкой. Обычно в начале работы Толстого над тем или другим эпизодом имелось несколько редакций, но под конец работы эти отдельные редакции в большинстве случаев постепенно сливались в одну редакцию. Нередки и такие случаи, когда несколько редакций в процессе исправления оказывались настолько слитыми между собою, что выделить какую-нибудь одну из них, не нарушая связного чтения, представлялось совершенно невозможным.

Однако в работе Толстого над «Войной и миром» отчетливо можно проследить четыре основных этапа.

Первый — это работа над черновыми рукописями романа с их последующей, иногда многократной, переработкой.

Второй этап — это работа над копией, снимавшейся с черновых рукописей романа и почти полностью подвергавшейся исправлениям и переработке Толстого.

Третий — это просмотр автором и переработка отдельных мест второй копии, являвшейся наборной рукописью.

И, наконец, четвертый этап — это работа над корректурами: гранками и версткой.

Эти этапы в основном соответствуют хронологическому порядку, в котором писался роман «Война и мир».

В соответствии с этим варианты располагаются в следующем порядке: в пределах каждой части романа первоначально помещаются варианты из черновых рукописей, начиная с вариантов к первой главе и к следующим главам до конца части, вслед за ними — варианты из копий, наборной рукописи и корректур.

Более обильны вариантами черновые рукописи. Много вариантов имеется в копиях. Значительно меньше извлечено вариантов из наборной рукописи и корректур.

Располагая варианты по рукописям и по ходу романа, редакторы все же по возможности стремились в пределах рукописи сохранять в вариантах последовательность редакций, давая одну основную редакцию того или другого варианта, не дробя на мелкие отрывки. Иногда же приходилось давать контаминированные варианты и помещать зачеркнутые места в тексте в ломаных скобках.

Значительные по размерам отрывки, зачеркнутые Толстым в процессе переработки текста, выделены в самостоятельные варианты.

Планы, заметки и варианты начал «Войны и мира» выделены в самостоятельные группы вариантов и помещаются в начале тома.

Значительную помощь в переписке рукописей «Войны и мира» оказали редакторам С. А. Стахович и В. В. Шершенев. Кроме того, С. А. Стахович принимала участие в переводах иностранных текстов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ

Тексты Толстого, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (сватьба, цаловать, фелдвებель и др.).

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила.

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

Неполно написанные конечные буквы (как напр, «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-рый» вместо «который» и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 *неразобр.*] или: [2 *неразобр.*] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слов, неудобных в печати, ставятся их начальные буквы и число точек, равное числу выпускаемых букв.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест на крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других самых редких случаях — с оговоркой в сноске: *Абзац редактора.*

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте при номерах вариантов означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Толстого.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ЧЕТЫРНАДЦАТОМУ ТОМУ

В том 14 входят 92 варианта к третьему тому «Войны и мира». Из них 62 печатаются по черновым автографам Толстого и по переработанным им копиям, 21 — по наборной рукописи и 9 — по корректурам.

Варианты к первым двум томам «Войны и мира» опубликованы в томе 13 настоящего издания, варианты к четвертому тому будут опубликованы в томах 15—16. Нумерация вариантов — сплошная по всем томам.

В томах 13—16 печатаются только те варианты, которые существенно отличаются от окончательного текста или между собою.

Система расположения вариантов по ходу романа (в порядке глав окончательного текста), принятая в томе 13, в основном сохраняется и в данном томе. Отступления делаются в тех случаях, когда разбивка по частям и главам одной и той же рукописи нарушает представление об общем ходе творческого процесса. В таких случаях рукопись печатается полностью, без дробления ее на части и главы (см., например, вариант № 183).

В томах 14—16, как общее правило, сохраняется принятый в томе 13 порядок расположения вариантов: сначала печатаются первые черновые автографы и переработанные копии, со всеми добавлениями, написанными Толстым над строкою, на полях копии и на отдельных листах; затем — варианты, извлеченные из наборных рукописей, и, наконец, из корректур.

В текстологических примечаниях, публикуемых петитом под строкой:

1) печатаются зачеркнутые слова (или только начала слов), законченные предложения, а иногда и целые отрывки;

2) по вариантам, воспроизводящим автографы, оговариваются исправления Толстого, произведенные им спустя некоторое время, при вторичном просмотре рукописи;

3) по вариантам, воспроизводящим копии и корректуры, оговариваются наиболее существенные собственноручные исправления Толстого;

4) приводятся конспективные записи, сделанные Толстым на полях, не относящиеся к данному месту рукописи, но отмеченные во время писания лишь попутно, для памяти;

5) указываются переходы Толстого во время работы над одной и той же рукописью от автографа к копии и обратно.

Комментарии к вариантам, более подробно поясняющие отношение вариантов к той или иной рукописи, общая характеристика их, описание рукописей и их хронологизация (в тех случаях, где это возможно) печатаются в статье «Описание рукописей «Войны и мира» в томах 15—16 настоящего издания.

Тексты Толстого, публикуемые в настоящем томе, печатаются по современной орфографии, но с сохранением характерных особенностей правописания автора.

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила:

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямые скобки [], без всякой оговорки.

Условные сокращения типа «к-рый» вместо «который», «б» вместо «был» и т. д., а также слова, написанные неполностью, и начальные буквы, как, например: «N.» вместо «Nicolas», «P.» вместо «Piege», «К. М.» вместо «Княжна Марья» и др., — воспроизводятся полностью. Прямые скобки в подобных словах ставятся лишь в тех случаях, когда возникает сомнение в раскрытии их.

После слов, написанных в рукописи недостаточно разборчиво, так что возникает сомнение в их прочтении, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

В ломаные скобки < > ставятся зачеркнутые Толстым тексты или отдельные слова.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое печатается курсивом. Редакторский текст, прерывающий в некоторых случаях текст Толстого и заключенный в прямые скобки, а также редакторский текст в сносках печатается курсивом.

Воспроизводится авторская пунктуация, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым правилам.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому (переводы были сделаны Толстым в печатном тексте «Войны и мира» для издания 1873 г. и даются в томах 9—12 настоящего издания под строкой), печатаются в сносках без скобок; принадлежащие редактору — в прямых скобках.

Знак * перед номером варианта означает, что вариант полностью публикуется впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТНАДЦАТОМУ ТОМУ

В томе 15 публикуется 113 рукописных вариантов к четвертому тому «Войны и мира». Из них 84 варианта печатаются по черновым автографам Л. Н. Толстого и по переработанным им копиям, 14 — по наборным рукописям и 15 — по корректурам. В разделе «Дополнения» напечатаны по автографам два варианта, относящиеся к первому тому «Войны и мира».

Всего в томах 13, 14 и 15 опубликовано 432 рукописных варианта.

Редакционные пояснения, касающиеся порядка публикуемого текста и правил его воспроизведения, остаются в данном томе те же, что и в предшествующем (см. т. 14, стр. 5—7).

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ШЕСТНАДЦАТОМУ ТОМУ

В томе 16 печатается статья Л. Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», написанная в конце 1867-начале 1868 г. и впервые опубликованная в № 3 журнала «Русский архив» за 1868 г.

В томе помещены также все комментарии к «Войне и миру» (томы 9—16): статья «История писания и печатания», «Описание рукописей», аннотированный указатель собственных имен, встречающихся в томах 13—16.

В комментариях приняты следующие сокращения:

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

ЛБ — Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

«Литературное наследство», № 35-36 — «Литературное наследство», № 35-36, «Л. Н. Толстой», I, изд. Академии наук СССР, М. 1939.

ЯП — Ясная Поляна.

Иллюстрации

Автотипия записи Толстого во время его поездки на поле Бородинского сражения — том 13, между 40 и 41 стр.

Автотипия одной из гранок с исправлениями Толстого к гл. XVI, ч. 3, т. III («Отъезд Ростовых из Москвы») — том 16, между 208 и 209 стр. (см. т. 14, стр. 374).